

ПОСОЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
ФОНД «ЕВРАЗИЙЦЫ – НОВАЯ ВОЛНА»
МИА «РОССИЯ СЕГОДНЯ»

Культура периодики и Периодика культуры

Международная медиаконференция
«Современные медиа: новые вызовы и риски»
25 ноября 2014 года

МОСКВА-БИШКЕК 2015

УДК
К

Авторы-составители: докт.филол. наук, профессор А. С. Кацев,
канд. филол. наук, доцент Н. Л. Слободянюк
Подбор материалов: доцент Н. Л. Слободянюк

Рецензенты: канд. филол. наук доцент Б. Т. Койчуев,
канд. филол. наук доцент А. Т. Омурканова

Рекомендовано к изданию
Кафедрой международной журналистики КРСУ,
Ученым советом ФМО КРСУ

К Культура периодики и периодика культуры. Хрестоматия-учебник.
/Сост. А. С. Кацев, Н. Л. Слободянюк; авт. пред. А. С. Кацев –
Бишкек: КРСУ, 2015

Предложенная вниманию читателя хрестоматия представляет собой результат долгой кропотливой работы по отбору российских, русских и русскоязычных периодических изданий от времени зарождения российской журналистики до наших дней. В центре внимания оказались общественно-политические и литературно-художественные издания, а также издания, близкие им по тематике. Каждый журнал – мазок в содании картины российской действительности. «Лица» журналов открывают нам лики, лица и физиономии российской истории, журналистики, российской действительности.

Хрестоматия адресована читателю интересующемуся историей общественной мысли, а также преподавателям и студентам – журналистам, культурологам, историкам и др.

©Составители А. С. Кацев,
Н. Л. Слободянюк, 2015

Содержание

Предисловие

Российские периодические издания до Октябрьской революции

Юрнал или поденная записка

Об издании

Из «Юрнала о атаке города Риги с цитаделем» 1709-1710 гг.

Юрналы 1706-го года

Юрнал 1726 года

Ведомости

Об издании

Д. Рохленко, историк-архивист. Первая русская печатная газета.

Реляция о случившейся морской баталии между российскою авангардией и шведскою эскадрою

Всякая всячина

Об издании

Письмо к господину живописцу

Были и небылицы

К былям и небылицам примечания немаловажные

К издателю или издательнице «Былей и небылиц»

Господину Петру Угадаеву всенижайший отфет

Вопросы и ответы

Объявление

Собеседник любителей русского слова

Об издании

Екатерина Дашкова. Общество должно делать благополучие своих членов

Екатерина Дашкова. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям

Екатерина Дашкова. О смысле слова "воспитание"

Екатерина Дашкова. О истинном благополучии

Екатерина Дашкова. Искреннее сожаление об участии господ издателей Собеседника

Трутень

Об издании

Николай Новиков. Обращение к читателю

Николай Новиков. Каковы мои читатели

Трутень. Лист 9. Июня 23 дня. Ведомости в Санктпетербурге

Трудолюбивая пчела

Об издании

А. П. Сумароков. Справка

А. П. Сумароков. Море и вечность

А. П. Сумароков. Слава

А. П. Сумароков. Дифирамв

А. П. Сумароков. Эпиграммы

А. П. Сумароков. Безногий солдат

А. П. Сумароков. К неправедным судьям

А. П. Сумароков. Ода о добродетели

Вестник Европы (1802 - 1830)

Об издании

Из «Указателя к Вестнику Европы». М. П. Полуденский. 1861 год.

Письмо к издателю

О кофе

Выписка из лондонских ведомостей

Князь мира

Нового рода самоубийство в Англии

Современник

Об издании

А. Пушкин. Об издании журнала «Современник»

В. Г. Белинский. Несколько слов о "Современнике"

И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин. Очерки

Сын отечества

Об издании

Николай Греч. К читателям Сына Отечества

Николай Греч. Современная русская библиография

Пчела

Об издании

К. Станюкевич. Ужасная болезнь

Глеб Иванович Успенский. За малым дело

Вестник Европы (1866 - 1911)

Об издании

М. Н. Катков. Программа либеральной партии

П. А. Плетнев. В редакцию "Вестника Европы"

Полярная звезда (1823-1825)

Об издании

- А.А. Бестужев (Бестужев-Марлинский). Взгляд на старую и новую словесность в России
- Русский инвалид**
Об издании
- Литературная газета, издаваемая бароном Дельвигом**
Об издании
Николай Полевой. История русского народа
Убранство знатной еврейки
Биография славного английского актера Кина
- Литературная газета. "Вестник науки, искусств, литературы, новостей, театров и мод"**
Об издании
- Северная пчела**
Об издании
Внутренние известия
Моды
Зрелища
Воздушный шар Архипа Фаддеевича, или утешение в горестях
Беседы у больного литератора
- Московский телеграф**
Об издании
Н. А. Полевой. О новейших критических замечаниях на "Историю государства Российского", сочиненную Карамзиным
Н. А. Полевой. Вольный мученик
Николай Полевой. "Рука Всевышнего Отечество спасла"
- Московские ведомости**
Об издании
М.Н. Катков. Из передовых статей "Московских ведомостей"
К.Д. Кавелин «Записка об освобождении крестьян в России»
- Телескоп**
Об издании
Василий Логинов. История закрытия журнала «Телескоп»
Письмо от издателя
Петр Чаадаев. Философические письма к госпоже ***. Письмо первое
- Отечественные записки**
Об издании
В. Г. Белинский. Педант. *Литературный тип*
М.Н. Катков. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами
- Голос**
Об издании
- Русский вестник**
Об издании
М. Н. Катков. Кое-что о прогрессе
Василий Карелин. О разных родах газоосвещения и о пригодности их для Москвы
- Нива**
Об издании
К 50-летию кончины Гоголя
Заем свободы, 1917
Между небом и землей
Женский батальон смерти
- Весы**
Об издании

Николай Гумилев. Жизнь стиха

В. Я. Брюсов. Священная жертва

Аполлон

Об издании

Михаил Кузьмин. Заметки о русской беллетристике

Золотое руно

Об издании

Ида Гофман. «Золотое Руно» 1906–1909. У истоков русского авангарда

В. Я. Брюсов. Карл V. Диалог о реализме в искусстве

Александр Блок. Литературные итоги 1907 года

Искра (журнал)

Об издании

И. Г. Ямпольский. Поэты "Искры"

Василий Курочкин. Критик, романтик и лирик

Василий Курочкин. Эмансипированная чиновница

Карикатуры

Русская мысль

Об издании

Д. С. Мережковский. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества

Глеб Успенский. Выпрямила

Гудок (журнал)

Об издании

Русское богатство

Об издании

В. Г. Короленко. Не страшное

М. Горький. Извозчик. *Святочный рассказ*

Жизнь

Об издании

Вл. Ильин (Ленин). Капитализм в сельском хозяйстве

Константин Бальмонт. Путь правды

Будильник

Об издании

Иллюстрации в журнале «Будильник»

Антон Чехов. Идеальный экзамен

Антон Чехов. Кавардак в Риме

Провинциальный калейдоскоп

Осколки

Об издании

Весенняя выставка в залах Императорской Академии Художеств 1911 года

Осколки современной жизни

Объяснил

К. Михайлов. Провинциальные гетеры

Новое время

Об издании

Как возникла газета «Новое время»

Антон Чехов. Хорошая новость

Антон Чехов. Речь министра

Искры (журнал)

Об издании

В. Гиляровский. Памяти Н. В. Гоголя

Сатирикон и Новый сатирикон

Об издании

Исидор Гуревич. Вольтерьянец
Старинный юмор
Н. Агнивцев. Прекрасная дама
Б. Гейер. Униженным и оскорбленным
Кризис «Сатирикона». «Новый Сатирикон»
Саша Черный. Заметки из «Новый Сатирикон»
    Первый грех
    Об Аркадии Аверченко
Лидия Лесная. Жемчуг
Записки театральной крысы
Товарищи-беллетрисчики

Былое

Об издании
«Дело о распространении малороссийской пропаганды»
П. Гуревич. Дело о распространении малороссийской пропаганды
Убийство Императора Павла. Неизданная страничка из записок Рунича
Стрельниковский процесс 1883 года в Одессе. Отрывок из воспоминаний
государственного преступника.

Советские и современные российские периодические издания

Вокруг света

Об издании
Обитатели Мадагаскара
«Праздник платья» в Сиаме
Отдельная автомобильная дорога
В. Поздняков. Девочки в розовых платьицах

Природа и люди

Об издании
О журнале «Природа и люди»
Со всех концов света
    Древнейшая библиотека в мире
    После нас хоть потоп
    Съеденные людоедами
Могильщик
Враги телеграфа

Вестник знания

Об издании
Л.С. Эратов. Научная организация быта трудящиеся
В. Сиповский. Что такое поэзия
Н. Смирнов. Пионеры органической жизни

Прожектор

Об издании
А. Дейнека. Иллюстрации из журнала «Прожектор»
В. Федорович. Волчата. Очерк
А. Зорич. С натуры
Фото-репортаж. Современная Москва

ЛЕФ

Об издании
Сергей Эйзенштейн. Монтаж аттракционов
Владимир Маяковский. Статьи из ЛЕФа и о ЛЕФе
    Можно ли стать сатириком

Революционный плакат
Собирайте историю
С неба на землю
За что борется ЛЕФ?
В кого вгрызается ЛЕФ?
Кого предостерегает ЛЕФ?

Красная Нива

Об издании

А. А. Дейнека. Иллюстрации в журнале «Красная Нива»
Агамали Оглы. Новый тюркский алфавит
А. Аграновский. Паранджа

Красная новь

Об издании

Я. Шафир. Экономическая политика белых. (Крымский "опыт")
А. Воронский. Литературные силуэты. Всеволод Иванов

Гудок

Об издании

Лев Славин. Одесские гасконцы
Уродливые гримасы режима экономии
Американские хищники никого не обманут. Прикрыть разбой ложью не удастся
Лариса Рейснер. Казань -- Сарапул

Русский современник

Об издании

Г. Лелевич. Несовременный "Современник"
Е. И. Замятин. Паноптикум
Содержание номеров «Русского современника»

Театр и искусство

Об издании

Федор Сологуб. Эстетика мечты
Осип Дымов. Богоискатель

Коммунист

Об издании

В. Корионов. Социальные контрасты
А. Е. Бовин. Творческое развитие марксизма в СССР и журнал «Коммунист»

Блокнот агитатора

Об издании

Л. Алексеева. Летние моды в 1957 году
Незабываемая страница истории (к 55-летию разгрома Колчака)
Опыт массово-политической работы. Политическая учеба и рост активности

коммунистов

Правда

Об издании

Н. Ленин. Советы постороннего
М. Горький. Если враг не сдается – его уничтожают

Петроград

Об издании

Тынянов Ю. Н. «Петроград»
А. А. Гизетти. Поэт мировой дисгармонии
Евгений Замятин. Детская

Ленинград

Об издании

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах "Звезда" и "Ленинград" 14 августа 1946 г.

М. Зощенко. Происшествие на Олимпе
Иллюстрации в журнале «Ленинград»

Знамя

Об издании

Этапы развития журнала «Знамя»

Приговор Народа

Булат Окуджава. Искусство кройки и житья

С. Чупринин. «Бумажное бытие ежемесячного журнала очень привлекательно»

Джордж Сорос. Концепция Горбачева

Коммунистический интернационал

Об издании

«Все другие знамена разъединяют народы, лишь красное знамя объединяет рабочих всех стран и народов»

Л. Троцкий. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира

Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников

Содержание журнала «Коммунистический интернационал» за 1937 год (№№1-12)

Смена

Об издании

В. Муралевич. Необычайные отцы

Р. Роман. Мода. Руководство для Дэнди комсомольского возраста

Л. В. Братя во Христе

Лев Александров. Страна-гарнизон. Культ насилия и жестокости

Трезвость и культура

Об издании

Ленинский завет

Э. Дейчман. Факты и цифры об алкоголизме в нашей стране

И. Страшун. Какой нам нужен противоалкогольный декрет

Новый мир

Об издании

Владимир Ошеров. В нравственном тупике

Звезда

Об издании

Письмо А.В. Луначарского в редакцию журнала «Звезда». 9 сентября 1924 г.

А. Луначарский. Пути современной литературы.

Александр Генис. Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин

Дружба народов

Об издании

ЛЕТОПИСЬ- АЛЬМАНАХ (1939—1954)

1939-1951

БЕСЕДА С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ АЛЬМАНАХА «ДРУЖБА НАРОДОВ» В. ГОЛЬЦЕВЫМ

РОЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА (1955—1961)

«БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ НОВОГО ЖУРНАЛА. ПО СТРАНИЦАМ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

О. МИХАЙЛОВ. ТРИБУНА БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР
ЖУРНАЛ, ПОХОЖИЙ НА АЛЬМАНАХ (1962—1965)

ЖУРНАЛ, ПОХОЖИЙ НА ЖУРНАЛ (1966—1973)

ИЗ ЛЕТОПИСИ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

В ПЕРВОМ РЯДУ (1975—1984)
МАРИЭТТА ШАГИНЯН. ПОЧЕТНОЕ СОРОКАЛЕТИЕ
ЭПОХА ПЕРЕСТРОЙКИ (1985, 1986, 1987, 1988...)
ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ РАСТРЯСЛИ МИР "Дружба народов" 1989 – 1999

Иностранная литература

Об издании

Литературная газета

Об издании

Борис ДАНИЛОВ. БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

Виктория Пешкова Без царя в голове. Первая полоса. АРТОБСТРЕЛ

Крокодил

Об издании

О публикации в журнале «Крокодил» фельетона «Без царя в голове» о СОЛЖЕНИЦЫНЕ

Илья Ильф. Я вообще не писатель

Илья Ильф. Хотелось поболтать

Михаил Кольцов. К вопросу о тупоумии

Огонек

Об издании

Леонид МАКСИМЕНКОВ. «Мне строго наказали — делать его хорошо и интересно»

Дик Читашвили. Мои друзья - волшебники

Юность

Об издании

Даниил Каплан. Валентин Катаев и Журнал Юность

Лариса Латынина. Спортивное обозрение

Леонид Лхоеев. Возвращение д'АРТАНЬЯНА

Нева

Об издании

Журналу «Нева» 55 лет. Интервью с гл. редактором Натальей Гранцевой

Моисей Лесман. Тайна трех архивов

Биография В.В. Ерофеева в литературном журнале "Нева"

Илья Утехин. Мелочи жизни

Периодические издания русского зарубежья

Колокол

Об издании

Что сделано для освобождения крепостных людей?

Августейшие путешественники. Вдовствующая императрица

Продается

Полярная звезда

Об издании

А. Герцен. Письмо к императору Александру II. (по поводу книги барона Корфа)

Голоса из России

Об издании

Л. Мей. Вечевой колокол

Смена вех

Об издании

"Третий путь" сменовеховства. (обзор парижского еженедельника "Смена Вех" за 1921-22гг.)

А. Луначарский. СМЕНА ВЕХ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Юрий Ключников. На великом историческом перепутье

Сатирикон

Об издании

Карикатуры «Сатирикона»

Д. А. Переоценка ценностей

К. Страшноватенко. Колониальный манифест

Саша Черный. Кому в эмиграции жить хорошо

Русская мысль, газета

Об издании

"ЭТА ЧАСТЬ МИРА ПРЕВРАТИЛАСЬ В СУЩИЙ АД". Интервью с Каролиной

Кокс

Ирина Кривова. «Русская мысль» живет в Париже

Грани

Об издании

Письмо Советскому Правительству Михаила Афанасьевича Булгакова

Григорий Померанц. Человек ниоткуда

Посев

Об издании

Михаил Назаров. Русский колокол. Журнал волевой идеи

А. Ермолаев. "Ложь и правда" социалистического самиздата

Новый американец

Об издании

Александр Генис. «Новый американец»

Сергей Довлатов. Блеск и нищета русской литературы

Сергей Довлатов. Эмигрантская пресса

Сергей Довлатов. Колонка редактора

С детства нам твердили...

Сравнительно молодое издание...

В редакцию зашел журналист...

Когда-то я работал на заводе...

Есть в советской пропаганде...

На родине государством управляли...

Как-то беседовал я с приятелем...

В детстве я был...

Писать о космосе трудно...

С каждым годом...

Был у меня в Ленинграде...

Я часто слышу...

Это произошло в лагере...

В Нью-Йорке этим летом

Слово – Word

Об издании

Сергей Довлатов. Писатель в эмиграции

Сергей Батоврин. Император печатного слова

Олег Сидор-Гибелинда. Утро Андерграунда

Владимир Соловьев. О первых журналах нашей эмиграции

Континент

Об издании

Борис Колымагин. Журнал "Континент" уходит в историю

Александр Солженицын. Слово к журналу "Континент"

Н. Дюжева. Свободным от лжи языком

Лидия Чуковская. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
"КОНТИНЕНТ"

Ответ на письмо Л. Чуковской
Российская диаспора в США

Новое русское слово

Об издании

«Новое русское слово»- конец легенды

Новый журнал

Об издании

Марк Алданов. Уинстон Черчелль.

Марк Алданов. Астролог

Генрих Иоффе. Царица Евдокия Лопухина

Иерусалимский журнал

Об издании

Леонид Кацис. Начало Пути

Григорий Канович. ДЫМОК "НОБЛЕСА"

Иллюстрированная Россия

Об издании

З. Н. Гиппиус. Поэт и Тарпейская скала

Заметки репортера

Парижские моды

Д-р Н. Хмелевский Прогрессивный паралич

Новый год. Комикс

22

Об издании

Александр Якимович. Школа щадящего самобичевания. О некоторых тайнах Востока в связи с Западом

Владимир Мироненко. РЕ: Кусать или лизать

Евгений Беркович. Смятение умов

Алеф

Об издании

Лариса Токарь о журнале «Алеф»

Владимир Нузов. На коленях у Молотова

Лев Авенайс. Время по Екклесиасту и по существу

Мария Обельченко. Роман «Анна Каренина» — как удар по голове

Синтаксис

Об издании

«Синтаксис», Москва, 1959-1960

Михаил Эпштейн. Синявский как мыслитель.

М. Розанова. В Кривом зеркале

Время и мы

Об издании

Наум Коржавин. Поэма существования

Борис Орлов. Не те вы учили алфавиты

Ами

Об издании

Владимир Фромер. ИЕРУСАЛИМ – «МОСКВА-ПЕТУШКИ»

Приложение. Лицо журнала – лицо эпохи: Обложки журналов конца XIX – первой четверти XX века

Полезные ссылки...

...и нужные книги

Предисловие

Культура семейного чтения сформировалась в России под воздействием «толстых» журналов, конечно «пришедших» с Запада, но приобретших неповторимый вид. Огромные территории империи, длительная зима и, соответственно, долгие зимние вечера, в разной социальной среде выработали традиции общесемейного чтения, которое стало своеобразным ритуалом. Вот несколько примеров. В многочисленных рассказах о В.И. Ленине советского времени повторялась история о том, что после ужина вся семья усаживалась за стол и слушала чтение вслух новых произведений писателей, болеющих за народ, в недавно полученном очередном номере журнала.

Из воспоминаний Ивана Твардовского, младшего брата поэта, узнаем, что в их крестьянской семье была традиция долгими зимними вечерами семейно читать очередной номер доставленного почтой журнала.

В каждом из этих рассказов упоминался ножичек (как правило костяной, для разрезания бумаги), которым освобождались страница за страницей, читаемые в данный момент. Не было традиции разрезать страницы того или иного издания перед чтением, только во время, поэтому можно было легко определить сколько и кто из авторов был прочитан. (к 100-летию В.И. Ленина Институт марксизма-ленинизма издал каталог книг личной библиотеки вождя с указанием до какого места разрезаны страницы).

Была выработана привычка «чтения с продолжением», сопровождаемая ожиданием очередного номера журнала. Только в России, а позже в Советском Союзе, романы известных литераторов сначала публиковались в журнальном варианте с продолжением, а лишь затем печатались отдельной книгой.

Эта традиция даже вошла строчкой в одну из массовых песен « я роман с продолжением пишу».

Сложилось правило для популярной журнальной периодики: подписавшийся на год, получал бесплатно на выбор собрания сочинений русских и зарубежных писателей. Это дореволюционное правило было продолжено в советское время. Например, в двадцатые годы анонсировалось, что подписчик журнала «Красная новь» может по желанию получить или полное собрание сочинений М. Горького, или мемуары участников гражданской войны (белогвардейцев). Известны популярные серийные приложения (уже платные) к журналам «Дружба народов» и «Огонек» - книжные собрания сочинений и библиотечка «Огонька», имевшая свою многолетнюю историю (в начале, в 20-е гг., библиотека «Огонька» единым потоком издавала отечественных и зарубежных, а позже разделились книги - собрания сочинений в твердых переплетах и брошюры различных популярных авторов). Газета железнодорожников «Гудок» имела многочисленные журнальные приложения, как например, «Смехач», «30 дней», «Красный журнал» и др.

Несомненно, журналы формировали не только культуру семейного чтения, но и культуру в целом.

Эта массовая индустрия чтения способствовала художественному вкусу, эстетическим приоритетам, издательскому делу.

Журналы не только позже специализируются по областям знания, политическим и творческим взглядам, но и по возрастам читателей, регионам и пр.

Их тиражи свидетельствовали в различные эпохи о тяге к чтению (или наоборот), о возможностях бюджета семьи, месте периодики в воздействии на общественное сознание, когда автор художественного или публицистического слова мог восприниматься властью «бунтовщиком, хуже Пугачева» - от Александра Радищева до Александра Солженицына. Даже в СЛОНе (Соловетском лагере особого назначения «здесь власть не советская, здесь власть соловецкая») выходил свой журнал, в котором участвовал будущий академик, собиравший материал для статьи об «арго», Дм. Лихачев.

Значение журналов трудно переоценить: они непрерываемый диалог автора с читателем, каждый из которых декларирует свое понимание основ бытия, в прямой и опосредованной форме утверждает приоритеты современности.

А.С. Кацев

Российские периодические издания до Октябрьской революции

Юрнал или поденная записка

Первый «Юрнал» появляется в 1695, который стал вести дневник под названием «Журнал или подённая записка», отражавший ход военных действий в Азовских походах 1695-96 и в Северной войне 1700-21. После Петра I появился собственно К.-ф. ж., основное содержание которого составляли описания придворных церемоний, быта царской семьи. 27 дек. 1702 года, вышел второй номер «Ведомостей», имевший особое название «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году.» Текст его содержал описание осады Нотебурга.

На рисунке изображен план полтавского сражения и "Юрнал" с подробным описанием о происшедшем сражении 1709 г.¹

После смерти царя Алексея Михайловича (1676 г.) Приказ тайных дел был ликвидирован, а его дела еще при Петре I были переданы в другие приказы и государственные учреждения. Не исключено, что и в последующие годы дворцовая стража Кремля продолжала «Дневальные записки» или вела близкий по типу дневник жизни в Кремле с заметками о погоде. Предположение о том, что нить визуальных наблюдений не прерывалась, может найти подтверждение в «Походных журналах Петра Великого», которые были изданы в середине прошлого века, и в придворных журналах 40-х гг. XVIII в., хранящихся в ЦГАДА (Фонд морских дел, ф. 21, д. 39, ч. I, л. 204—224, 252—255). По своему содержанию, характеру и стилю они весьма напоминают «Дневальные записки Приказа тайных дел». Например, отмечается, что 5 октября 1723 г. «с перемешкою было солнечное сияние и дождичек... Ветр был немалой, а ночью еще более прибавлялся» (III, 25).

Любопытно, что первые известные нам «Походные журналы» велись при бомбардирской роте Преображенского полка, на которой, как и на караулах Приказа тайных дел, лежали обязанности по охране царя. Как видно из архивных материалов, Петр I еще в ранней юности (в 15-летнем возрасте) познакомился с дневниковыми записями времен своего отца и, вероятно, распорядился вести поденные записи. Во всяком случае уже в 1695 г., когда Петру было немногим более 20 лет, при походе на Азов велся обстоятельный журнал, состоявший в значительной части из записей о погоде¹. Важно также отметить, что именно во второй половине XVII в. в Россию были привезены из-за границы метеорологические приборы и астрономические инструменты и, что еще важнее, были созданы предпосылки для дальнейшего развития наук.

Развитие регулярных метеорологических наблюдений в третьей четверти XVII в. связано с усилением Русского государства и расширением деятельности, способствовавшей познанию не только окраинных земель России, но и сопредельных с ней государств. Многочисленные посольства и поездки русских людей в Среднюю Азию, Индию, Монголию, Китай, Персию, Турцию и ряд европейских стран давали науке новые сведения по географии и климату Евразийского континента, включая всю Сибирь.

¹ <http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/poltava/7.shtml>

До нашего времени дошла рукопись «Изображения и объяснения знаков, являвшихся на небе в Венгерской земле в 1672 году, разных гадов и червей, явившихся с выпавшим в большом количестве снегом в той же стране». Эта рукопись была составлена «ректором Киевской братии Варламом Ясинским, который был в этом звании в 1665—1673 годах» (ЦГАДА, ф. 27 Госархива, д. 312, л. 1—4).

Русское правительство, интересовавшееся во второй половине XVII в. торговыми путями на Восток, приказало составить «Описание пути для проезда из России в Индию». Одновременно было сделано «Описание о невозможности проехать морем из Архангельска в Китай и о приключениях двух голландских кораблей, плававших около Новой Земли в 1597 году», на полях которого имеются заметки царя Алексея Михайловича (там же. д. 333).

Известно также, что Алексей Михайлович поручал приглашать на русскую службу иностранных «мастеров золотых и серебряных руд», инженеров и ученых «для развития в России промышленности и искусств» и доставлять из-за границы оружие, «разный скот, пшеницу, деревья и семена» (там же, д. 118, 559).

В конце XVII в. в Москве открылись первые гимназии. Киево-Могиланская коллегия была преобразована в Академию, действовала Славяно-греко-латинская академия, где первоначальное образование получили два великих русских ученых — М. В. Ломоносов и С. П. Крашенинников.

Изучение некоторых исторических источников, относящихся к Петровской эпохе, позволило выявить обширную группу документов, содержащих важную информацию о необычайных природных явлениях за 1695—1725 гг. Основное место среди них занимают так называемые «Походные журналы Петра Великого».

В значительной части они содержат визуальные метеорологические наблюдения, которые велись во многих районах России и Европы в первую очередь офицерами, сопровождавшими Петра I в его военных походах, поездках по России и европейским государствам и оставившими интересные журналы.

«Журнал (поденная записка) 1695 г.» (ЦГАДА, ф. 6, оп. 6, д. 102, л. 1—23) содержит подробности Первого Азовского похода. Журнал был начат 6 мая 1696 г., когда флотилия во главе с Петром I миновала Переяславль-Рязанский (ныне Рязань), и закончен 29 октября, когда войска после неудачного штурма Азова находились в Воронежской губернии.

Как в первой, так и в последней записи содержатся данные о визуальных наблюдениях за погодой. Собственно журнал включает в себе перечисление пройденных городов, сел, деревень, монастырей, рек и общую характеристику метеорологических условий похода. Иногда записи о погоде занимают наибольшее место, особенно в тех случаях, когда погода отличалась необычным характером. Экстремальные природные явления отмечаются и в последующие годы.

Из «Походного журнала» за 1710 г. стало известно, что в тот год в Финском заливе впервые была осуществлена разведка льдов. В журнале отмечается, что в 6 часов вечера 29 апреля «сквозь небольшой лед» флот прошел к Кроншлоту, и Крюйс выслал к Березовым островам на разведку неприятельских сил шнявы «Дегас» и «Феникс», которым также было поручено изведать, «есть ли к тем островам безопасный ото льду проход».

В журнале описано состояние льдов в восточной части Финского залива, зафиксированы изменения в направлении ветра, который отнес в море провиантские суда и галеры, где они были окружены поясом льдов. Для спасения провиантских судов и галер Петр I приказал двум фрегатам пробиваться к ним сквозь лед. 8 мая Петру I сообщили, что «галеры, бригантины, также и прочие суда с артиллериею, провиантом от льду, чрез помянутые посланные к ним на сикурс два фрегата высвободились». В этот день весь флот подошел к району Выборга, где его ожидали сухопутные войска, у которых провианта оставалось всего на два дня.

Камер-фурьерский журнал сборник кратких записей, которые велись ежедневно при рус. царском и императорском дворах придворными — камер-фурьерами (с 1734). Начало К.-ф. ж. было положено Петром I в 1695, который стал вести дневник под названием «Журнал или подённая записка», отражавший ход военных действий в Азовских походах 1695—96 (См. Азовские походы 1695-96) и в Северной войне 1700—21 (См. Северная война 1700-21). После Петра I появился собственно К.-ф. ж., основное содержание которого составляли описания придворных церемоний, быта царской семьи. Последние записи относятся к февралю 1917, в них сообщается о революционном движении в войсках, расквартированных в Царском Селе. По Камер-фурьерскому журналу возможно обнаружить побудительные мотивы свершившихся событий, тайные причины заключения секретных соглашений, выявить замыслы монархов при назначении на высокие государственные посты и придворные должности.

Камер-фурьеру не всегда удавалось находиться вблизи царственных персон. Некоторые сведения приходилось черпать из расспросов очевидцев, некоторые получать из третьих рук. Все записи непременно просматривались сувереном или особо доверенным лицом. Ряд важнейших событий, происходивших вблизи трона и даже в отдалении от него, умышленно не отображены на страницах Журнала. Бесплезно искать в нем упоминания о Великой французской революции и угрозах монархиям других стран, любых покушениях на суверенов, дворцовых переворотах, даже бескровных.

Нередко камер-фурьеров умышленно вводили в заблуждение, передавая им неверные сведения. К примеру, так поступал Александр I, отправляясь к возлюбленной.

Придя к власти, некоторые суверены подправляли записи своих предшественников. Елизавета Петровна повелела уничтожить любые упоминания об Иване Антоновиче.

После монаршего одобрения текста изготавливались писарские копии. Проверенные и подписанные камер-фурьерами, они с черновыми записями три раза в год передавались в Придворную канцелярию. Там двойные листы писарских копий сшивались в тетради и одевались в кожаные переплеты. Писарские копии и черновые записи (оригиналы) из Придворной канцелярии поступали на хранение в различные архивы Петербурга и Москвы.

Журнал публиковался вплоть до Февральской революции, в печати вышла большая часть объема — с 6 мая 1695 года до конца 1818 года. Тираж издания составлял 102 экземпляра, затем увеличился до 200, в начале XX века часть первых книг дореиздавали.

По мере выхода журнала отдельные выпуски в издательских обложках раздавались или рассылались членам императорской фамилии, дарились наиболее близким к трону лицам. Поэтому встречаются книги журнала в исключительной красоты кожаных владельческих переплетах с тиснением и суперэкслибрисами.

Собрание камер-фурьерских журналов сегодня включает походные и путевые, церемониальные, банкетные журналы российских суверенов. Кроме самих журналов выходили «Дополнения...», «Приложения...», описания коронаций императрицы Анны Иоановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, «Алфавитный указатель к камер-фурьерским, походным, банкетным и церемониальным журналам 1695—1774 гг.», погодные указатели за 1775—1818 годы. В разное время собрание готовили к выпуску А. Ф. Бычков, Б. М. Федоров, редактировали Г. В. Есипов, А. В. Половцев, К. Я. Грот.

Собрание состоит из приблизительно 170 томов и трех альбомов гравюр большого формата. Часть экземпляров оказалась вне России, часть тиража истребили революция и войны.

Предположительно сохранилось не более пяти исчерпывающе полных комплектов Камер-фурьерского журнала. Государственный Эрмитаж располагает экземпляром из царской библиотеки, Публичная библиотека получала обязательный

экземпляр, Библиотека Академии наук имеет книги, принадлежавшие великому князю Николаю Михайловичу и принцессе Елене Георгиевне Саксен-Альтенбургской.

За 1727—1729, 1731—1733, 1735, 1740, 1741 и 1747 годы оригиналы не сохранились.

До начала XXI в. содержание Камер-фурьерского журнала не подвергалось анализу, не сравнивались оригиналы, писарские копии и печатные тексты, нет даже описания рукописей, хранящихся в архивах, и корпуса печатных текстов, почти нет о нем публикаций и сведений в энциклопедиях.

Масштабная работа по публикации всех существующих «поденных записок» началась в 1853 г. под наблюдением графа Д. Н. Блудова. Журнал выпускался вплоть до февральской революции, вышла большая часть его объема — с 6 мая 1695 г. до конца 1818 г. За пределами издания остались записи, сделанные с 1819 г. по 1917 г.; они существуют только в рукописном виде.

Из «Юрнала о атаке города Риги с цитаделем» 1709-1710 гг.

По щастливой от войск его царского величества при Полтаве, июня 27го дня, над войсками короля шведского победе (которой тогда своею особою в малом числе своих людей в турецкую область в город Ачаков принужден уйтить) и по окончании тамо дел, и по посылке в города российские взятых от армии шведской генерала фелт маршала графа Рейншелта и генералитета с прочими (как о том из прежней реляции о полтавской главной баталии явно изволил) его царское величество от армии своей, бывшей при Полтаве, обратить для помянутого города Риги, под командою господина фелт маршала Шереметева, пехотных 3 дивизии, в которых содержалось 24 полка, а порознь, дивизии светлейшего князя генерала фелт маршала Меншикова, которыми тогда командовал генерал-лейтенант Ренцель, 7. Генерала князя Репнина 9. Генерала барон фон-Галарта 7. Да кавалерии 8 полков, которыми командовал генерал-порутчик Боур, и того конных и пехотных 32 полка. Сверх того донских казаков 2100 человек.

И от Полтавы по назначенным трактам помянутые дивизии марш к Риге восприняли, в июле месяце...

Октября в 5-й день, генерал фелт маршал прибыл в местность Рукшту, куды приезжал генерал-порутчик Боур. И по вышереченному совету с генералом князем Репниным, он, Боур, от Диноборка за реку Двину с драгунскими 4-мя полками, а имянно: Новотроицким, Киевским, Ямбургским, Каргопольским, отправлен, которому генералу-порутчику Боуру, пока войска соединятся, с прибытием своего, велено у неприятеля пасы (торные тропы, лазы. *Ред. vetrogon.ru*) заступать и чинить поиск. И по тому указу, он, Боур, прибыл октября 27-го дня, и полки поставил от Риги, передние в 3-х, последние в 4-х милях, и начал посылать под Ригу партии. И когда первая партия отправилась к неприятельскому форпосту, где было неприятелей 300 человек, тогда оных с того места сбил, из которых побито 34, в полон взято 4 человека.

В 26-й день послана от него, генерал-порутчика, другая партия, которая щастливо на пост шведской, стоящей во 100 человеках кавалерии, от Риги в 2-х милях напала, от которой получено в полон прапорщик 1, да 10 человек драгун; побито 80, достальные ушли в Ригу, за которыми та партия следовала до самого города.

И когда невозможно стало больше неприятелю действовать, то от тоя конфузии форштат рижский неприятель зажег, а наша партия щастливо возвратилась к своим полкам...

ЮРНАЛЫ² 1706-го года

Г³.

1706 годъ.

Съ Москвы въ Смоленскъ Его Царское Величество изволилъ прибыть *Генваря въ 33-й день*, и жили тутъ сутки; и оттоль путь Свой изволилъ взять въ Польшу. И отъѣхавъ 90 верстъ до Дубровны, и тутъ встрѣтился съ Его Величествомъ Св Свѣтлѣйшій Князь Меншиковъ, которой тогда ѣхалъ отъ Гродни, и объявилъ, что туда къ нашей армеѣ проѣхать невозможно, для того, что въ тѣ числа Гродню (гдѣ была Російская армия подъ командою господина Фелтъмаршалка-Лейтенанта Агильвія) непріятель сильно обшелъ и намѣренъ Гроденской транжаментъ (гдѣ была наша пѣхота) доставать; чего для и Его Королевское Величество Польской, увѣдавъ о томъ, заранѣе изъ Гродни выѣхалъ въ Саксонію и взялъ съ собою въ канвоѣ изъ нашихъ 4 полка драгунскихъ лутчихъ. Правда, что тогда немалая опасность была, ибо войска Російскія, будучія въ Гроднѣ, имѣли тогда зѣло мало при себѣправіанту; къ тому жъ всѣ были войска врозни, а имянно тутъ были только одни пѣхотные полки, и то не всѣ; а конные полки тогда были съ Генераломъ Реномъ отъ Гродни миляхъ въ 10-ти и въ 12-ти, а иные и далѣе, и тѣ такожь не всѣ (ибо лутчіе 4 полка взяли съ собою Король для канвою; да съ Генераломъ-Маеоромъ Боуромъ въ Курляндіи было 6 полковъ), и собирались уже спустя послѣ приходу непріятельскаго къ Гроднѣ, ибо непріятель ихъ маршемъ своимъ предварилъ и со всѣмъ своимъ корпусомъ, какъ съ конницею, такъ и съ пѣхотою, вдругъ нечаянно пришелъ и камуникацію къ Гроднѣ, какъ отъ Рена, такъ и отовсюду, отнялъ. И того для принуждены были тогда нѣсколько дней жить въ Дубровнѣ для воинскихъ совѣтовъ.

И потомъ паки въ Смоленскъ Его Царское Величество изволилъ прибыть *въ 29-й день Генваря* и жили тутъ до *2-го числа Феврала*, и оттоль паки путь Свой изволилъ воспріять въ Польшу.

Феврала въ 4-й день Его Величество изволилъ прибыть въ Оршу. И жили недѣлю, гдѣ собрали нѣсколько войска, а имянно: пришелъ тогда Преображенской баталіонъ (которой былъ на Москвѣ), и протчихъ нѣсколько сотъ старыхъ салдатъ камондрованныхъ разныхъ полковъ, да новыхъ драгунъ и рекрутъ, которыхъ было приведено съ Москвы, полкъ Низовой, что былъ Алексѣя Головина, и другихъ рекрутъ съ 4000 человекъ; а съ Преображенскими и другими старыми салдатами было съ 5000 человекъ. И пошли съ тѣми со всѣми до Минска; а въ Оршѣ оставили командиромъ Порутчика отъ Гвардіи Норова, и съ вимъ⁴ старыхъ салдатъ человекъ съ тридцать и нѣсколько десятковъ рекрутъ, и велѣли въ Оршѣ готовить ему магазейнъ.

Отъ Смоленска до Орши, чрезъ Дубровну, считаютъ нашихъ верстъ 115, а отъ Орши до Минска 300.

И хотя между тѣмъ (съ самага того времени какъ Его Свѣтлость Князь Меншиковъ въ Дубровну пріѣхалъ) и часто въ Гродню къ Фелтъмаршалу Агильвію отъ Его Царскаго Величества указы были посылаемы, дабы онъ изъ Гродни съ войсками ретировался къ своимъ краемъ; однако жъ тѣ указы сперва, когда непріятель не отступилъ

---

2 http://memoirs.ru/texts/POHOD_Z_1706_1854.htm

3 Сей «Юрналъ» 1706 года находится въ рукописи Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ (N 96), на л. 50—63.

4 Въ рукописи; «съ ними»

еще отъ Гродни, не доходили, для того что куріерамъ проѣхать было не мочно, а какъ уже отъ Гродни немного отступилъ, тогда первой съ указомъ туда проѣхалъ Маеоръ Петръ Яковлевъ тайнымъ образомъ, нарядясь въ Польское мужичье платье; потомъ и другіе, одинъ или двое, проѣхали. И конечно было непріятель намѣренъ былъ Гроденской транжаментъ доставать, къ чему было и фашины начали они готовить, во потомъ раздумали, знатно что за морозами, и отступили. Въ тѣ числа, а имянно *Февраля съ 15-го Марта до 13-го числа*, Его Царское Величество изволилъ быть въ Минску, гдѣ больше собрали пѣхоты, а имянно салдатъ старыхъ разныхъ полковъ къ прежнимъ прибавилось три баталіона да полкъ новонаборной господина Графа Головкина, въ которомъ старыхъ салдатъ также было съ половиною. И потомъ, когда уже вѣдомости, мало по малу, стали быть лутче и что непріятель сталъ отступать, вруча въ Минску команду Его Свѣтлости Князю Меншикову, Его Царское Величество изъ Минска путь Свой изволилъ взять назадъ чрезъ Смоленскъ и Торопецъ.

И въ Торопцѣ взяли день тезоименитства Государя Царевича, то есть *17-го дня Марта*.

И пріѣхали въ Нарву *въ 20-й день Марта*; и взявъ тутъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, то есть *24-го Марта*, и потомъ на той же недѣлѣ въ Пятницу, *29-го числа*, въ ночь пріѣхали въ Питербурхъ (и были въ Питербурхѣ *до 1-го дня Юня*).

Мая въ 3-й день заложили въ Питербурхѣ болворокъ Князь Александра Даниловича камнемъ; и былъ того дня банкетъ въ домѣ Его Величества.

Между тѣмъ же временемъ получена была изъ Польши отъ Свѣтлѣйшаго Князя Меншикова вѣдомость, что войска Російскія, по отступленіи оттолъ войскъ непріятельскихъ, счастливо къ своимъ границамъ ретировались, а имянно на Украину къ мѣстечку Гомлю и Чернигову; а непріятель Король Швецкой съ войсками своими тогда маршъ свой взялъ къ Волыни.

Того дня, по тѣмъ вѣдомостямъ, Его Царское Величество изволилъ путь Свой взять на Украину, къ Чернигову. И поѣхали изъ Питербурха *въ 1-й день Юня* во флотъ къ Кроноиоту и были тутъ двои сутки. И потомъ, то есть числа, на шнавѣ Мункеръ отъ флота отошли и пристали къ берегу къ Копорской сторонѣ у Гаривалдай, отъ Копорья за 40 верстъ; и переѣхавъ до Копорья сухимъ путемъ, и тутъ ночевали.

Въ 5-й день пріѣхалъ въ Нарву и изволилъ тутъ быть до 9-го дня. *Въ 9-й день* изъ Нарвы поѣхали до Гдова сухимъ, а отъ Гдова до Пскова водянымъ путемъ на шкутахъ. И пришли во Псковъ *противъ 11-го дня*, способнымъ вѣтромъ, и ночевали на шкутѣ въ устьѣ рѣки Великой, не доѣзжая Пскова за 10 верстъ.

И на завтрее, то есть *12-го дня*, пришли рѣкою Великою къ самому городу; и тогда съ города палили изъ 27 пушекъ, поздравляли флагу, для того что на той шкутѣ флагъ былъ распущенъ; и потомъ послѣ насъ, противъ палили съ той шкуты изъ 5 пушекъ. И были въ городѣ у господина Оберъ-Каменданта Нарышкина, гдѣ изволилъ обѣдать, и ночевалъ на Своемъ дворѣ, который за Великою рѣкою.

Изо Пскова поѣхали *въ 13-й день*; на Луки Великія пріѣхали *въ 14-й день*, въ Смоленскъ *въ 16-й день*. Тогда пріѣхалъ въ Смоленскъ и Князь Меншиковъ.

Изъ Смоленска поѣхали *въ 19-й день* водою, внизъ Днѣпромъ, и пріѣхали до Орши *въ 21-й день*; и изволилъ смотрѣть салдатъ, которые тутъ были, Преображенскаго баталіону и протчихъ; и бывъ на квартирѣ Преображенскаго полку у Подполковника Керхина, паки въ ночь поѣхали.

И пріѣхали въ Могилевъ *въ 22-й день*, гдѣ осматривали драгунскіе полки, которые прибыли изъ Курляндіи съ Генераломъ-Порутчикомъ Боуромъ; и обѣдали у него Боура. И потомъ водою жъ поѣхали *въ 23-й день* къ Быхову, гдѣ былъ тогда Генераль-Порутчикъ Литовскихъ регулярныхъ войскъ Синицкой и звалъ къ себѣ въ городъ, но быть не изволилъ; того дня оной Синицкой потчивалъ на берегу. И оттолъ поѣхалъ до Гомля сухимъ путемъ, гдѣ взяли праздникъ Святыхъ Апостоль Петра и Павла. А напередъ того

часть пѣхоты (въ которой были и гранодеры всѣ) отпущены къ Кіеву, подъ командою Генерала-Порутчика Чамберса да Генерала-Маеора Голицына.

Июня 30-го дня Его Царское Величество поѣхалъ изъ Гомля, сухимъ путемъ, до Чернигова. Того жъ дня и Генераль Репнинъ съ достальною пѣхотою къ Кіеву пошелъ. Въ Черниговъ изволилъ Его Царское Величество пріѣхать *Июля въ 4-й день*; и ночевавъ тутъ, паки поѣхалъ водою, Десною рѣкою, къ Кіеву.

Въ Кіевъ пріѣхали *въ 4-й день Июля*. А полки первые, которые отправлены напередъ съ Чамберсомъ и Голицынымъ, были уже тамъ; а изъ командировъ главныхъ Фельдмаршалъ Агильвій, Генераль Алардъ были тогда въ Кіевѣ жъ. Генераль Репнинъ съ достальною пѣхотою пришелъ *въ 8-й день*.

И были въ Кіевѣ *Июля съ 8-го по 20-е число Августа*. И между тѣмъ Его Царское Величество изволилъ быть съ недѣлю или больши въ Печерскомъ мѣастырѣ и смотрѣлъ тамо крѣпости, которая была древняго зданія, которую Самъ изволилъ съизнова фортефиковать. И праздникъ Успенія Богородицы взяли въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Тогда былъ тамъ Стефанъ, Митрополитъ Резанской, и Министры, а имянно: господинъ Стрѣшневъ, Автамонъ Ивановъ и протчіе. И того дня крѣпость Печерскую заложили и молебень пѣли. Оной крѣпости фундатаремъ или инженеромъ былъ Самъ Его Величество. Между тѣмъ же временемъ о непріятелѣ получена вѣдомость, что оной съ войсками своими съ Волыни пошелъ въ Саксонію. И тогда изъ Кіева посланъ былъ указъ въ Питербурхъ къ Генералу-Маеору Брюсу, дабы онъ артилерію и протчую препорачію къ Выборскому походу готовилъ.

И потомъ *Августа съ 20-го числа* поѣхалъ и Самъ Его Царское Величество въ Питербурхъ; и ѣхали на Стародубъ, на Почепъ, на Смоленскъ, на Луки Великія и на Псковъ, а ото Пскова до Нарвы водою. И пріѣхали въ Нарву *Сентября въ 4-й день*.

Изъ Нарвы во флотъ прибылъ *въ 7-мъ числѣ*, въ Питербурхъ *въ 8-мъ*. И когда изволилъ быть во флотѣ и на Котлиномъ острову, тогда уже крѣпость на Котлинѣ острову Святаго Адевсандра быда сдѣлана⁵.

Между тѣмъ же была съ моря великая погода, а имянно *Сентября въ 9-й день*, которою набило съ моря великую воду.

Флотъ съ моря пришелъ *Октября 4-го дня*.

И тако Его Царское Величество *Сентября съ 8-го Октября по 5-е число*, то есть по самое то время, какъ пошли въ Выборгу, изволилъ быть въ Санктпитербурхѣ.

Между тѣмъ временемъ о непріятелѣ подлинную имѣли вѣдомость, что оной съ войсками своими въ Саксонію уже вступилъ и сталъ тамъ выбирать кантрибуцію и разорять.

Октября въ 4-й день конные и пѣхотные полки переправились чрезъ Неву и отошли съ 20 верстъ, до урочища Осиновыхъ Рощъ.

А *въ 5-й день* Его Царское Величество, Своєю особою, и за нимъ господинъ Генераль-Маеоръ Брюсъ послѣдовалъ; и доѣхали до Осиновыхъ Рощъ, гдѣ стояли полки.

Октября 6-го и 7-го чиселъ такожь были въ маршу и пришли того жъ 7-го числа въ вечеру къ Сестрѣ рѣкѣ; и переправася, стояли, для собранія и отдыха войскъ, *до 9-го числа Октября*.

Въ 9-й день господинъ Подполковникъ Путятинъ отправленъ былъ въ подѣздъ съ партією къ городку⁶, которой отъ Выборха въ 7-ми миляхъ (гдѣ было непріятельской конницы челоуѣкъ съ 100, которые, провѣдавъ о томъ подѣздѣ, ночью *противъ 10-го числа*, зажегши городокъ, ушли). За тою партією немедленно отъ Сестры рѣки послѣдовало и главное войско въ походъ и пришло ночевать къ тому городку, къ которому

---

5 Въ рукописи: «сдѣлано».

6 Это былъ устроенный Шведами шанецъ или редутъ».

посыланъ Путятинъ, откуда по утру рано, то есть *въ 10-й день*, Брегадиръ Шомбурхъ пошелъ со всею конницею напередъ (за которою и пѣхота поспѣшала). И въ вечеру того жъ числа, за милю отъ города Выборга, встрѣтилъ непріятель тогда наши передовыя конныя войска на жестокой переправѣ, гдѣ сдѣланы были у нихъ 2 шанца, въ которыхъ было непріятелей съ 400 человекъ и 2 пушки; и тутъ наши конные, спѣшась и взявъ съ собою такожъ 2 пушки, къ тѣмъ шанцамъ приступали и, по довольномъ стрѣляннн изъ пушекъ, оныхъ непріятелей одними шпагами изъ шанцовъ выбили и пушки ихъ взяли; при которомъ бою нашихъ побито 5 человекъ да нѣсколько ранено. По томъ бою, на тѣхъ переправахъ занялъ постъ и тутъ ночевалъ. Подполковникъ Яковъ Шамординъ съ драгуны; такожъ и прочіе всѣ драгунскіе полки близко той переправы ночевали.

По утру рано, *Октября въ 11-й день*, Брегадиръ Шомбурхъ съ драгунскими полками и съ выборными дворянскими ротами пришелъ къ Выборгу; а пѣхотные полки пришли того жъ числа въ вечеру, а иные въ 12-й день по утру рано.

Октября 12-го жъ дня отправленъ былъ господинъ Щепотевъ съ Автономомъ Дубасовымъ на малыхъ 5-ти лодкахъ, съ 48 человекъ командированныхъ салдатъ, къ торговымъ Швецикамъ кораблямъ, которые стояли близко города въ проливѣ морской, гдѣ былъ бой, на которомъ господинъ Щепотевъ вмѣстѣ и съ Дубасовымъ убиты, также и салдаты многіе побиты, отъ которыхъ малое число живыхъ осталось, а имянно и съ ранеными осталось нашихъ 18 человекъ. Которые по ономъ бою чрезвычайно, за темнотою ночью, наѣхали мимо торговыхъ кораблей на непріятельскую воинскую съ 4-мя пушками шкуту, зовомую Эспернъ, и напередъ пушками ихъ на той шкутѣ овладѣли и стали наши изъ оныхъ по нихъ стрѣлять; и хотя на оной было довольно число людей, а имянно нѣсколько персонъ офицеровъ и 103 человекъ салдатъ, однако жъ отъ темноты пришли въ великую комфузію и чаяли нашихъ было много, и отъ того стали бросаться въ низъ подъ палубу; тогда наши, какъ ихъ пушками, такъ и ручными гранатами, зѣло мужественно ихъ побили, а имянно офицеровъ: 2 Капитана, 2 Порутчика, 1 Прапорщикъ, да салдатъ, которыхъ перечтено тѣлами, 73 человекъ, да живыхъ взято въ полонъ 23 человекъ салдатъ и трое дѣвокъ. И тако оныя наши оставшіе непріятеля сильныхъ себя людьми въ пятеро больши взяли и тѣмъ судномъ совсѣмъ овладѣли, что зѣло удивительно.

Съ вышепомянутаго *Октября 12-го дня* даже до *27-го дня* того жъ мѣсяца дѣйствія никакого не было, понеже артилерія еще изъ Питербурха не была привезена; токмо между тѣмъ изъ города были въ разныя числа три вылазки на ближнихъ нашихъ людей, которые ближе подъ городомъ стояли; однако удачи имъ не было, но больше сами съ немалымъ урономъ назадъ отходили и во всю атаку не получили себѣ ни одного изъ нашихъ языка.

Съ 22-го дня, когда пришла артилерія наша, тогда сію крѣпость жестоко бомбандировали 4 дня и 4 ночи сряду, отъ котораго бомбандированья 5 пожаровъ въ городѣ было. И потомъ, поздаго ради времени, для того что застигла глубокая осень, не имѣя лошадямъ фуражу, также и за недовольствомъ правіанта, отступили, ибо завести правіанту сухимъ путемъ, за поздымъ самымъ временемъ глубокой осени, было тогда невозможно. И оттоль въ Питербурхъ Его Величество изволилъ приттить *Ноября 4-го дня*. А флотъ съ моря пришелъ въ гавань: *Октября 25-го дня* корабли, а шнавы *Ноября въ 5-й день*.

Ноября въ 10-й день спущена одна новаго маниру брегантина; и на другой день ходили на оной для пробы на море.

Въ 15-й день Ноября пріѣхалъ изъ Польши куріеромъ Петръ Яковлевъ съ добрыми вѣдомостями, что Князь Меншиковъ подъ Калишемъ Генерала Швецака Мардофельта въ 10000 человекъ регулярнаго ихъ войска, да Поляковъ противной стороны было съ 15000, разбили, а Шведовъ имянно съ 8000 на мѣстѣ побили и Генераловъ и офицеровъ всѣхъ взяли въ полонъ; о чемъ пространнѣ повѣствуетъ реляція, о томъ учиненная.

Декабря въ 6-й день заложено еще новаго маниру 2 брегантиры.

Декабря въ 10-й день Его Величество изволилъ иттить изъ Питербурха въ Нарву, а оттоль Его Величество намѣренъ былъ иттить къ Москвѣ; и тогда получена вѣдомость,

через куріера Свѣчина, которой присланъ отъ Князя Меншикова, что Король Польской Августъ уѣхалъ къ Швецкому Королю въ Саксонію, и Его Величество изволилъ притти того жъ мѣсяца въ Нарву.

Въ 15-й день Декабря изъ Нарвы Его Величество изволилъ итти прямо чрезъ Луки Великія на Смоленскъ и на Кіевъ въ Польшу (а къ Москвѣ за тою вѣдомостью уже не изволилъ поѣхать).

Въ Кіевъ Его Величество изволилъ притти *Декабря 24-го дня*, наканунѣ праздника Рождества Христова, и ночевалъ въ Печерскомъ монастырѣ. Отслушавъ всенощное и обѣдню и откушавъ у Каменданта Кіевскаго Гульца, изволилъ въ ночь путь Свой взять къ Острогу.

Въ Острогъ (отъ Кіева до Острога 80 миль) Его Величество изволилъ притти *Декабря противъ 27-го дня*, гдѣ тогда главную квартиру имѣло пѣхотное войско и стоялъ тутъ господинъ Фельтмаршалъ Шереметевъ и Генераль-Маеоръ фанъ Швейдинъ (однако жъ въ то время Фельтмаршалъ былъ въ Жолквѣ, а въ Острогѣ его не было); и откушавъ у Генерала-Маеора Фанъ Швейдина, Его Величество изволилъ итти до Дубны, гдѣ имѣлъ квартиру господинъ Генераль Репнинъ съ своею дивизією.

Въ Дубну (отъ Острога⁷ до Дубны 7 миль) изволилъ пріѣхать того жъ числа ночью; и немного помѣшкавъ, поѣхалъ до Жолквы.

Въ Жолкву (отъ Дубны до Жолквы 18 миль) изволилъ пріѣхать *въ 28-й день*, въ Воскресенье, къ Князю Меншикову, гдѣ онъ имѣлъ тогда квартиру; и тутъ у него изволилъ кушать.

П⁸.

1706 годъ.

Апрѣль.

1706 году, Апрѣля въ⁹ первыхъ числахъ, Господинъ Капитанъ¹⁰ пришелъ въ Санктпитебургъ.

Іюнь.

Іюня въ 1-й день Господинъ Капитанъ отсель пошелъ въ Кроншлотъ и оттоль, *въ 3-й день*, пошелъ сухимъ путемъ¹¹.

Въ 5-й день яхты Воронежская да Галанская назадъ пришли.

Въ 9-й день, то есть въ Недѣлю, господинъ Адмираль¹² изо флоту пріѣхалъ.

---

7 Въ рукописи: «отъ Острова».

8 Сей «Юрналъ» находится въ рукописи, хранящейся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (№ 25), на л. 103-106.

9 Въ рукописи предлога «въ» нѣтъ.

10 Т. е. Государь.

11 Къ войску, находившемуся въ Украинѣ

12 Т. е. Графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ.

Въ 13-й день, то есть въ Четвертокъ, господинъ Адмираль отсель поѣхалъ на брегантирахъ.

Въ 16-й день было освященіе церкви и веселились довольно на Котлиномъ островѣ.

Іюль.

Іюля въ 14-й день отсель пошелъ флетъ, именуемый Велкомъ, на Олонецкую верфь, на которомъ Порутчикъ Питеръ Мееръ, и противъ Канецъ поставилъ на мель и стоялъ до 18-го числа у Канецъ.

Въ 18-й день, во Вторникъ, въ Санктпитебурхѣ въ городѣ былъ немалой пожаръ, и много снаряду пропало и пороху 7 бочекъ взорвало, также и людей сгорѣло. Начался тотъ пожаръ пополудни въ¹³ Ю-ть часовъ и было того пожару 4 часа.

Противъ 25-го числа была въ городѣ тревога, изъ пушекъ 3-хъ лозонгъ¹⁴ палилъ, и чрезъ Неву рѣку перешли Шведы; наши полки ходили и, не дошедъ до Словянки, назадъ поворотились.

Въ 28-й день, то есть въ Недѣлю, наши драгуны Ингермоланскаго полку Маеоръ Дедютъ у Канецъ побили Шведовъ и въ полонъ взято 22 человекъ, въ томъ числѣ Капитанъ да Порутчикъ.

Въ 30-й день по вѣдомости, что Шведы пришли въ Кипенскую мызу.

Августъ.

Августа въ 1-й день, въ Четвертокъ, по вѣдомости, что непріятель назадъ чрезъ Неву рѣку перешелъ на Шведскую сторону.

Въ 17-й день по вѣдомости съ Москвы, что господина Адмирала не стало Ѳедора Алексѣевича Головина Іюля 30-го числа, болѣзнь его была огневицею, въ городѣ въ Глуховѣ.

Въ 29-й день по вѣдомости, которые припасы посланы изъ Нарвы на судахъ въ Питербурхъ и тѣ назадъ пошли, и тѣ суды у Кроншлота Шведы взяли порозжіе, а люди вышли всѣ на берегъ; а было ихъ 9 кораблей.

Въ 29-й день, то есть въ Недѣлю, изъ флоту вице-адмиральской корабль пришелъ въ гавань. Сего жъ числа полки наши выходили изъ города, перебирались на другую сторону.

Октябрь.

Октября въ 3-й день изъ флоту Вице-Адмираль пріѣхалъ. Въ ночи *противъ 4-го числа* господинъ Ѳедоръ Матвѣевичъ¹⁵ пріѣхалъ.

Въ 17-й день по вѣдомости, что у Выборга побиты Михайло Щепотевъ¹⁶, Автомонъ Дубасовъ¹⁷; побиты они 12-го числа Октября.

Въ 20-й день привезены тѣла ихъ въ Санктпитебурхъ.

Въ 21-й день, то есть въ Понедѣльникъ, было погребеніе съ пушечною стрѣльбою и мелкимъ ружьемъ¹⁸.

---

13 Предлога «въ» въ рукописи нѣтъ.

14 Въ рукописи: «лозолъ».

15 Т. е. Апраксинъ.

16 Преображенскаго полка сержантъ.

17 Преображенскаго полка бомбардиръ.

18 Слѣдуетъ читать: «и изъ мелкаго ружья».

Въ 26-й день, то есть въ Субботу, Господинъ Полковникъ¹⁹ и Ѳедоръ Матвѣевичъ прїѣхали изъ полковъ отъ Выборга.

Въ 28-й день спустили судно, которое строилъ Ѳедосѣй Складевъ, именуемое Надежда.

Въ 29-й день то судно оснащивали.

Въ 30-й день на томъ суднѣ Господинъ Полковникъ и Ѳедоръ Матвѣевичъ поѣхали въ Кроншлотъ; и въ вечеру были въ Кроншлотѣ.

Въ 31-й день были на косѣ²⁰.

Ноябрь.

Ноября въ 1-й день, то есть въ Пятокъ, отсель поѣхали и ночевали на Кабачкѣ.

Во 2-й день были въ Стрѣлиной мызѣ и въ вечеру прїѣхали въ Питербурхъ.

Въ 15-й день рѣка Нева стала и чрезъ нее²¹ ходили. Сего жъ числа по вѣдомости, что въ Польшѣ²² Шведовъ побили и Генерала²³ со всею арміею взяли; съ тою вѣдомостию прїѣхалъ Петръ Яковлевъ. И за такую викторию былъ благодарный молебень, и около города изъ пушекъ и съ кораблей 7 кратно палили и веселились по 3 дни. Шведовъ побито съ 9000 человекъ.

Въ 24-й день, то есть въ Недѣлю, празновали тезоименитство господина Губернатора и былъ фейерверкъ и по улицамъ горѣли проблемы²⁴.

Декабрь.

Декабря въ 1-й день, то есть въ Недѣлю, празновали Святому Андрею Первозванному и веселились во остерии.

Юрнал 1726 года²⁵

ГЕНВАРЬ

В 1 день его светлость изволил встать в 7-м часу пополуночи и одевся в Передспальне, поехал к государыне императрице в 8-м часу и быв у Ея величества, вышел в столовую и объявил господам генералитету и штапом повышении их рангов, которых именам имеется особливая роспись, и потом поехал к королевскому высочеству, а оттуду

---

19 Т. е. Петръ Великій.

20 Оконечность острова Котлина, вдающаяся узкою полосою въ море.

21 Въ рукописи нѣтъ мѣстоименія: «нее».

22 Сраженіе происходило подъ Калишемъ.

23 Т. е. Мардофельда.

24 Слово «проблемы» употреблено здѣсь вмѣсто «эмблемы»

25 **Юрнал 1726 году** // Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716—1720, 1726—1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. — М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, **2000**. — С. 384—499. — (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] X).

прибыл в дом свой в 9-м часу. У Его светлости были помянутые генералитет и штап-офицеры, которые сей день переменены чинами и Его светлости благодарствовали. Его светлость сел кушать во 2-м часу; при столе кушали господа министры: Лихарев, Шувалов, Воейков, бригадиры: Вяземской, Сухотин, Фаминцын, Фермор, полковник князь Алексей Шаховской, Юрья Нилединской. Откушали в 5-м часу, а в 6-м часу Его светлость поехал во дворец, и был у Ея величества в покоях, а оттуда вышед, взяв у Михаила Аврамова чертежи фerverку и пошед в сад, где был публичной стол, раздавал оные королевскому высочеству, господам министром и Синоду и прочим; потом посидев немного за столом, паки пошел к государыне императрице, а оттуда вышед в Столовую и приказал генералу-адъютанту господину Нарышкину, чтобы велел всех людей от палат отослать, потом выходил и сам, и как оных отослали, тогда Ее величества и государыня царевна Анна Петровна изволили выйтти во оную Столовую палату в 9-м часу пополудни, и в то время зажгли стоящий на реке ферверк и пирамиды, и бросали ракиты и бонбы, против того же Ея величества дому горели люминации между которыми означена была персона Ея императорского величества, у которой вверху написано тако: «управи стопы моя», а на ферверке надпись сия: «свет твои во спасение». Которая потеха зело была приизрядная, а как она окончилась, тогда вошли в Переднюю господа: адмирал Апраксин, канцлер граф Головкин, князь Ромодановский; и чрез доклад его светлости к Ея величеству вошли в Столовую, которых Ея величество изволила пожаловать по рюмке вина, и притом пожаловала Андрея Апраксина сына в камер-юнкоры. Потом же вошли государыня цесаревна Елисавет Петровна и царевны, и прочия дамы, которые восприяв от Ея величества прощение, розъехались, а потом вошли Его королевское высочество и господа здешние, и иностранные министры и генералитет, и штап-офицеры, которые отправлены таким же образом, как выше означено. Потом Ея величество изволила итти в свои покои, а помянутые господа разъехались в дома свои, и Его светлость прибыл в дом свой в 11-м часу, и в спальне раздевся, сел кушать своею фамилиею; притом изволил приказать писать в Военную коллегию, что Ея императорское Величество пожаловала бригадира Ивана Измайлова, которой у города Архангельскаго, чином генерала-маеора, а жалованье ему получать прежнее. Потом откушав, в 12-м часу пошел опочивать.

Портрет Петра I

Из рукописи Ф. Соймонова «Экстракт журналов описания Каспийского моря». 1728 г.

Во 2 день Его светлость изволил встать пополудни в 9-м часу в последней четверти и слушал дел по Походной канцелярии, потом были у его светлости поутру в 10-м часу в Предспальной палате граф Матвеев, князь Григорей Юсупов, господин генерал Башевич, генерал Лесий, Наум Синявин, а потом приехал господин Остерман, и Его светлость изволил с ним разговаривать тихо, и что говорили, не слышал; с ним же разговор имел о ново пожалованных рангах, кто в какой чин и из каких чинов пожалованы; пополудни в 1-м часу Его светлость изволил сесть кушать, а при столе были господин Остерман, вице-адмирал Сиверс, господин Макаров, Вяземской, Синявин, Волков, Неронов, Степан Лопухин. Откушали в 3-м часу, в вечеру изволил играть с полковником Колтовским в шахматы;

в 9-м часу пополудни изволил сесть с своею фамилиею кушать; откушав в 9-м часу, изволил пойти опочивать.

В сей день был мороз и снег.

Во 3 день Его светлость встал в 6-м часу пополудни и слушал дел по Походной канцелярии; потом одевся, вышел в Плитковую в 8-м часу, в то время прибыл грузинский принц и, быв с четверть часа, поехал. В то же время были вице-адмирал Сиверс и объявлял его светлости чертежи и его светлость с ним изволил разговаривать тихо, потом пошел в Ореховую з генералом-порутчиком Минихом и, быв тамо, поехал в 9-м часу в начале во дворец, и был у государыни императрицы, и объявлял оные чертежи, а и з

дворца поехал к адмиралу в 10-м часу в исходе; прибыл в дом свой в 12-м часу, кушать сел в 1-м часу, откушал в 3-м, и изволил веселиться в шахматы, потом разговаривал с бригадиром Шуваловым тихо. В 5-м часу поехал во дворец, и при столе Ея величества, при ее особе кушал; притом были токмо придворные кавалеры и довольно изволили веселиться; откушав, прибыл в дом свой в 11-м часу, и раздевся пошел опочивать в 12-м часу.

В сей день был мороз и ветер от оста и малой снег.

Того же числа *ПРИКАЗ ЕГО СВЕТЛОСТИ*:

1. Ея императорское величество указала Невской слюз строить и для того на работу к предбудущему году учинить наряд.

2. В день Богоявления Господня поставить пред Преображенской полк полковых 15 пушек и по окончании церемонии ис тех 15 пушек стрелять пушка за пушкою, а потом из мелкого ружья беглым огнем; по окончании стрельбы ис ружья и в другой раз стрелять ис тех же пушек пушка за пушкою, а потом беглым огнем из мелкого ружья таким же образом и в 3-й раз.

А по окончании 3-х раз стрелять з города из скольких пушек определено. Григорья Писарева спросить, сколько полковых пушек имеется. Да Балцер приказом объявил:

Писать к генералу Бутурлину и к обер-коменданту Фаминцину, чтоб в день Богоявления Господня, после окончания церемонии, купаться никого не пушали.

В 4 день Его светлость изволил встать пополуночи в 7-м часу в начале и слушал дел по Походной канцелярии, а потом одевся в 9-м часу со двора съехал, и был во дворце с час, а из дворца изволил ехать в город и слушал панафиду, а отслушав паки был во дворце, в которое время изволил приказывать Михаилу Яковлевичу Волкову, чтоб во время Богоявленьева дни для стужи на солдат принять ис Камор-коллегии вина на каждого человека по три чарки, и когда в строй станут на реке Неве дать по чарке, а когда будут распускаться по две чарки. Григорью Скорнякову-Писареву, чтоб для церемонии в то ж время перед полками и поставил 15 пушек; кушать изволил при столе Ея императорского величества, и королевское высочество изволил кушать, и был во дворце пополудни до 5 часа. А из дворца выехал, был у государыни царевны Анны Ивановны полтора часа, прибыл в дом свой в 6-м часу, в то ж время в вечеру были господа генерал-маеор Волков, Шафиров, Юрья Нелединской, Воейков, Лихарев, в 8-м часу изволил кушать, а откушав в 9-м часу, пошел опочивать.

Сей день был мороз и малой снег.

Его светлость изволил приказать о пуговицах напаметовать.

387

В 5 день его светлость изволил быть весь день в спальне, токмо приезжал генерал Лесий в 4-м часу пополудни, тогда его светлость вышел и немного побыв с ним, паки пошел в спальню.

В сей день был мороз.

В 6 день его светлость изволил встать в 6-м часу пополуночи, поутру в Предспальной палате были для поздравления з праздником господа: Башевич, вице-адмирал Сиверс, генерал-маеор Дивиер, генерал-маеор Лихарев, Шувалов, господин кабинет-секретарь Макаров. Его светлость изволил с ним разговаривать тихо, а потом изволил с ним же пойтить в спальню и был тамо с полчаса; генерал-провиантмейстер Сукин, Шафиров, генерал-лейтенант Чекин, Вяземской, Бестужев, Петр Воейков, Петр Мошков, которому его светлость изволил отдать кавалерию ордена святого Александра Невского, а кому, о том изволил ему, Мошкову, приказывать тихо. Князь Гесенгомбургской секретарю Ижорину объявил Ея императорского величества указ, чтоб ему быть в Военной коллегии обер-секретарем; князь Василей Долгорукой, Неронов, Нелединской, князь Алексей Шаховской, Мишуков, капитану Сатину Его светлость приказал, чтоб съездил в город к коменданту Фаминцину, и приказал з города палить после, когда в строю беглым огнем выпалят. Живописцу французу Караваку изволил

приказать, чтоб нарисовал штандарт для показания Ея императорскому величеству. В 1-м часу пополудни изволил сесть кушать в Плитковой, а после Его светлости кушали господа: Шувалов, Вяземской, Шаховской и офицеры Ингермоланскаго полку. В вечеру в 8-м часу кушал в Предспальной; откушав в 9-м часу, пошел опочивать.

Сей день был мороз.

В 7 день Его светлость встал в 8-м часу пополуночи и слушал дел по Походной канцелярии; в то время приехали князь Алексей Шаховской, Алексей Волков, и Его светлость Волкову приказывал — в Военной коллегии справиться о присланном в оную коллегию из Москвы мундире и о седлах кавалергардии, каким образом оные отданы Мошкову; потом приехал граф Брюс, меньшей Остерман, имели с Его светлостью разговор и, немного побыв, разъехались. После были вице-канцлер Остерман, Антон Дивизер, и по разговорам смотрели чертежа, которой подал присланой из Низаваго корпуса Архангелогородскаго полку капитан Павлов, генералы-маэоры Волков, Лихарев, Воейков. Его светлость сел кушать в 1-м часу пополудни, при столе кушали оные Лихарев, Воейков, Дивизер, Алексей Волков, Пашков, Степан Лопухин; откушал во 2-м часу и забавлялся в карты, в 4-м часу был Мардефелт, а после того генерал-порутчик Миних, граф Матфеев, вице-адмирал Сиверс, и немного побыв, разъехались. Его светлость пошел опочивать в 8-м часу.

В сей день был ветер и снежная метелица.

В 8 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи и слушал дел по Походной канцелярии, в то время был обор-шталмейстер господин Кошелев, с которым Его светлость имел разговор, потом были господин генерал крикс-цалмейстер Бестужев, генерал-лейтенант Чекин, Алексей Волков, князь Александр Черкасской, Петр Воейков, в 11-м часу был господин шведской посол амбоседер, пополудни в 1-м часу кушать сел, а при столе Его светлости были господин генерал-маеор Волков, Мамонов, Шувалов, Неронов, князь Шаховской, полковник Колтовской, маеор Хрущов; откушал во 2-м часу, в вечеру был господин Башевич, потом изволил сесть кушать, в 9 часу пошел опочивать.

Сей день был снег.

В 9 день Его светлость встал в 6-м часу и слушал заутреню, и в то время был вице-адмирал Сиверс, и Его светлость с ним смотрел чертежа Невскому слюзу и разговаривал о Ладожском канале, потом обер-камендант Фаминцын докладывал Его светлости, чтоб на гарнизонных солдат делать башмаки своими сапожниками, которые будут крепче и дешевле подрядных и Его светлость сказал, как крепче, так и делать надобно. Потом приехали генерал-маеоры Лихарев, Воейков, Солтыков, Юсупов, генерал-порутчик Штаф, Петр Шафиров, контр-адмирал Синявин, гвардии маэор Измайлов, Петр Бестужев, обер-секретарь Маслов, котрому Его светлость приказывал, чтоб велели имянной указ, каков Его светлости дан о сложении с него счетов, напечатать и разослать в коллегии и канцелярии и во все города. Потом объявляли Его светлости полковник Козлов да живописец Каравак рисунки. В 1 часу пополудни прибыла герцогиня Курлянская и сели кушать в Передспальне, откушали в 3-м часу, и паки в 4-м часу сели за стол в Ореховой, где были поставлены конфекты, и немного посидев, она герцогиня изволила пойтить х княгинам, и оттуду поехала, а после того Его светлость забавлялся в карты и в шахматы, и потом сел кушать в 7-м, откушал в 8-м часу и пошел опочивать.

В сей день был немалой снег.

В 10 день Его светлость встал в 7-м часу пополуночи и слушал дела; пополуночи в 3-м часу был пожар на Галерном дворе и згорел сухарный анбар, которой пожар продолжился от 3 даже до пятого часа. В 9-м часу был генерал Бутурлин, Его светлость имел с ним разговор о гвардии, каков на них зделан мундир и епанчи, а потом о брегадире Леонтьеве. Генерал-маеор Дивизер, Его светлость изволил с ним разговаривать, в то время прибыл господин Башевич, Его светлость изволил выслать из Передспальной всех вон, только остались при нем Башевич, да генерал-маеор Дивизер. Кушать сел своею фамилию в 1-м часу пополудни, откушал в 2-м часу, в вечеру были господин Остерман. Его светлость

изволил с ним разговор иметь, потом изволил быть с ним в спальне часа з два, польской посланник Лефорт, господин Макаров, Фаминцын, прокурор Пашков, полковник Маврин, князь Василей Долгорукой, генерал-маеор Волков, архиерей Белгородцкой, Лихарев. Его светлость в карты сел играть, с ним сели Лихарев, Шувалов, Колтовской; кушать сели в 9-м, откушав, пошел опочивать в 10-м часу.

Сей день был пасмурной.

В 11 день Его светлость изволил встать пополуночи в 7-м часу и слушал дел, потом были у Его светлости господин Юсупов, Лихарев, с которыми Его светлость изволил смотреть пуговицы, что подрядили несколько дюжин делать на всю гвардию, князь Алексей Черкасской, Петр Воейков, генерал-цалмейстер Безстужев, генерал-маеор Волков, Нелединской, фон Башевич, кушать сел в 1-м часу пополудни, а при столе Его светлости были господин Кошелев, Неронов, Алексей Волков, князь Шаховской, полковник Бахметев; откушал во 2-м часу и забавлялся в карты и в шахматы, в вечеру сел кушать в 8-м часу, откушал в 9-м и пошел опочивать.

Сей день был снег.

В 12 день Его светлость встал в 6-м часу в начале и слушал дел, потом были в Передспальной палате господин барон Петр Шафиров, Лихарев, генерал-маеор Волков, генерал-привиантмейстер Сукин, Алексей Волков, князь Шаховской, бригадир Вельяминов, в 11-м часу прибыл господин пруской посланник Мардофелт, Его светлость имел с ним разговор, а потом всех выслал ис Передспальной вон, притом же был господин кабинет-секретарь Макаров; в 12-м часу

389

паки розъехались, Его светлость изволил приказать секретарю Андрею Яковлевичю Яковлеву послать в город к обор-каменданту Фаминцыну, чтобы Григорья Герца ис-под караула освободить, а быть при нем, Герце, одному человеку из солдат безотлучно. Кушать сел пополудни в 1-м с фамилиею своею, откушал в 2-м часу и изволил в шахматы забавляться, в 9-м часу пошел опочивать.

Сей день был пасмурной.

В 13 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи и слушал дел; приехал Алексей Волков и имел Его светлость с ним разговор о даче гвардии штапом жалованья по вышним их рангам. При том же приказывал в Колегии записать, чтоб требовать от князя Ромодановского за взятые под мундир на гвардию подкладки денег; потом приехали генералы-маэоры Волков, Воейков, бригадир Вяземской, Вельяминов, полковник Маврин, архиатор Блюментрост, Гесенгомбурхской князь, генерал-крикс-цалмейстер Бестужев, князь Алексей Черкасской. Сели кушать в 1-м часу, откушал во 2-м часу. И немного повеселясь в карты, пошел опочивать, встал в 4-м часу, в то время прибыли генералы-маэоры Лихарев, Шувалов, Пашков, Фаминцын, Алексей Макаров. И с ним изволил разговаривать в спальне, потом веселились в карты, сели кушать в 9-м, откушав в 10-м часу, пошел опочивать.

В сей день поутру был мокрой снег и тепло.

В 14 день Его светлость встал в 7-м часу, слушал дела по Походной канцелярии, притом был князь Алексей Шаховской, прибыли генерал-маеор Дивиер. Его светлость имел с ним разговор, потом выслал всех вон и поехал, бригадир Вельяминов, паки прибыл генерал-маеор Дивиер, его светлость изволил с ним разговаривать же, господин кабинет-секретарь Макаров, его светлость изволил с ним разговаривать, и по разговорам немедленно поехал господин генерал-цалмейстер Безстужев, полковник Маврин, князь Вяземской, прибыли господа сенаторы, в 12-м часу генерал-адмирал граф Петр Андреевич Толстой и разговаривали с Его светлостью, а по разговорам выслали всех вон ис Передспальной. А потом вышел в Плитковую палату, сели в 1-м часу пополудни кушать, откушали во 2-м часу и розъехались. Его светлость забавлялся в шахматы, был господин Алексей Петрович Салтыков и поехал, а потом сели в карты играть. Граф Бондий был, барон Петр Шафиров: изволил с ним, Шафировым, разговаривать. Его светлость приказал

писать к бригадиру Стрекалову, чтоб был в Санктпитебурх, также чтоб написать дубликат, каково писано к бригадиру Измайлову и отослать к Петру Шафирову, в 9-м часу пошел опочивать.

Сей день был пасмурной.

В 15 день Его светлость встал в 6-м часу и слушал дел, потом прибыли генерал Лесий, генерал-маеор Лихарев, Алексей Волков и докладывал Его светлости по делам Военной коллегии, полковник Сухотин. Потом Его светлость пошел в мыльню, вышед из мыльни в 12-м часу и был у княжон, в 1-м часу пополудни сел кушать, при столе были Лихарев, Шувалов, Вяземской, Алексей Волков. Откушали в 3-м часу и веселились в шахматы, приехал генерал-маеор Волков, барон Остерман, с которым Его светлость разговаривал в спальне, генерал-крикс-цалмейстер Бестужев и розъехались; Его светлость сел кушать в 8-м, откушал в 10-м и пошел опочивать.

В сей день поутру был снег, днем тепло.

В 16 день Его светлость встал в 6 часу, слушал дела по Походной канцелярии, потом завтрению изволил слушать, а отслушав, в 9-м часу изволил з двора своего съехать, и был у Ея императорского величества, и будучи во дворце объявил

390

Ея императорскаго величества указ полковнику Бахметеву, чтоб ему быть полковником в Астраханском полку, и прибыл в дом свой в 11-м часу. Его светлость слушал литоргию на Васильевском острове у церкви Воскресения Христова, кушать сели в 1-м часу пополудни; при столе были князь Гесенгомбургской, генерал-маеор Петр Воейков, Блеклой, полковник Бахметев, князь Вяземской, князь Шаховской, Мишуков, откушали в 3-м часу, изволил сесть забавляться в шахмоты, а потом в карты; в 9-м часу сел кушать, при столе были господа: бригадир Леонтьев, князь Вяземской, Фаминцын, полковник Тараканов, Зыбин, полковник Бахметев, князь Шаховской, в 10 часу пошел опочивать.

В 17-й день Его светлость встал в 6-м часу пополудни и слушал дел, а потому вышел в Ореховую, в которое время прибыли генерал Лесий, г<осподин> м<инистр> Долгорукой, Алексей Волков и докладывали Его светлости по делам Военной коллегии; генерал-маеор Девизэр, Сукин, Дебриний, бригадиры Блеклой, Вяземской, Петр Бестужев, генерал-маеор Волков и розъехались. В 1-м часу пополудни Его светлость сел кушать, откушав в 3-м, пошел опочивать, встал в 4-м. В 5-м был Башевич, генерал-маеор Лихарев, генерал-порутчик Штаф, полковник Сухатин, и розъехались. Его светлость откушав в 9-м часу, пошел опочивать.

Сей день был пасмурной.

В 18-й день Его светлость встал пополудни в 6-м часу, вышед в Передспальню, слушал дел по Походной канцелярии, а потом Военной коллегии, советник Алексей Волков докладывал по делам Военной коллегии. После того были генерал-цалмейстер Бестужев, князь Шаховской, полковник Козлов объявлял Его светлости чертежи Летнему дому о штукоторной работы, генерал-маеор Волков, генерал-маеор Воейков, бригадир Вельяминов, полковник Тараканов, князь Вяземской, полковник Капенгаузен, Шафиров. Его светлость изволил кушать у генерала-маеора Лихарева в 12-м часу, тут же кушали генерал-адмирал, граф Петр Матвеевич, Александр Львович Нарышкин, а по кушанье прибыли посол швецкой, Павел Иванович Ягушинской и объявлял Его светлости, чтоб завтершняго числа съезались все сенаторы в Иностранную коллегию в 8-м часу пополудни, а потом забавлялись в карты, в 9-м часу розъехались, и прибыл в дом свой, сел кушать, откушав, пошел опочивать.

Сей день был мороз и сияние.

В 19-й день Его светлость встал в 6-м часу пополудни, и слушал дел, в 8-м одевся, поехал в Военную коллегию и изволил выходить в Советную и разговаривал с Остерманом, в 9-м пошел в Иностранную коллегию, где были господа сенаторы, и сидели до 12 часу и розъехались, Его светлость кушал у государыни и объявлял Ея величеству образцовые

фузеи. Прибыл в дом свой в исходе 3-го часа пополудни, в 6-м прибыли к Его светлости князь Дмитрий Голицын, граф Матвеев и имели с Его светлостью разговор; в 8-м прибыл Остерман и тако ж с Его светлостью разговаривал; и оные господа Голицын и Матвеев поехали в 8-м, а Остерман в 9-м часу, потом приехал Алексей Волков; его светлость пошел опочивать в 10-м часу.

В сей день был мороз и сияние.

В 20 день Его светлость встал в 7-м часу, изволил выйтить в Передспальню и слушал дела по Походной канцелярии; были у Его светлости господин генерал-маеор Салтыков, генерал-маеор Воейков, бригадир Фаминцын, полковник Маврин. Его светлость изволил смотреть фузею прускую, против которой приказал послать в Дубки, чтоб для образца сделать две фузеи з бегинетами; генерал-маеор

Волков, ему приказал табель о гвардии, что офицером и рядовым жалованья, также и аммуниции росписать порознь, потом Его светлость изволил приказать записать, в Рыбиском стоят ли полки, а Невского драгунского полку подполковник Бой его светлости сказал, что полк их стоит в Ызюме, а на половину полка получают жалованье из Рыбного, и чтоб в Военную коллегия послать для известия к обер-секретарю Ижорину записку, также Его светлость изволил приказать послать в Военную коллегия секретарю Андрею Яковлеву, чтоб из Военной коллегии послали указы по всем полкам и велели обучать салдат, а больше как рекрут, ружье чистить, замки и пружины смазывать, также как разобрать, так и собрать, и чтоб всегда в чистоте было, смотреть того накрепко командирам, того ж числа в Военную коллегия и послана записка. Кушать сели в 1-м часу пополудни, откушав сели в карты забавляться и в шахматы; в вечеру были генерал-маеор Ушаков, генерал-маеор Лихарев, господин Макаров, Василий Пospelов, Михайло Ширяев, сели кушать в 9-м часу, откушал в 10-м часу и пошел опочивать.

Сей день был мороз небольшой и снег.

В 21 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи и слушал дел, в 9-м часу прибыли Петр Шафиров, генерал-провиантмейстер Сукин, а Его светлость, одевся, поехал в Сенат, в 1-м часу пополудни из Сената вышел, кушал у государыни, против дому Ея величества; на льду реки Невы построен был в парад Преображенский полк, а как Ея величество изволила откушать в 3-м часу, тогда оной полк начал учить маеор Ушаков, которой полк действовал артикул весь приемами, потом палили залпом три раза, и полутонгами, и строили баталион декаре. Ея величество оног изволила смотреть из Столовой палаты, в 4-м часу оное учение окончилось, а Его светлость прибыл в дом свой и забавлялся в карты и в шахматы; в 6-м часу приехал генерал-маеор Волков, генерал крикс-цалмейстер Бестужев, и откушав в 9-м часу, Его светлость пошел опочивать.

Сей день был пасмурной.

В 22 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи, слушал дела, потом был генерал Лесий и докладывал по делам Военной коллегии; на что Его светлость изволил ему приказать, чтоб по вся дни присылать из Военной коллегии к Его светлости экстракты о делах вершенных и о неверших для памяти на полулистках, князь Шаховской, бригадир Фаминцын, генерал-цалмейстер Бестужев, бригадир Блеклой, бригадир Вяземской, полковник Тараканов, флигель-адъютант Алексей Жеребцов Его светлости приказ сказал писать к генералу Бутурлину, чтоб в Астраханской полк предложил ордером о репортовании полковника Бахметева, которой из гвардии пожалован ис капитанов на место Блеклого, а о выключении его ис Преображенского полку учинить против его братии, кои пожалованы в полковники. Генерал-маеор Мамонов, бригадир Вяльяминов. Кушать сели в 12-м часу, откушав, пошел опочивать, встал в 3-м пополудни и забавлялся в карты, в вечеру был господин Остерман, а потом сел кушать, откушав, пошел в 9-м часу опочивать.

Сей день было сияние и мороз.

В 23-и день Его светлость встал в 6-м часу и слушал заутреню, потом дел по Походной и Домовой канцелярии; в 8-м часу были Алексей Волков, Антон Девизер и имели

с Его светлостью разговор, бригадир Фаминцын, бригадир Вяземской, полковник Тараканов, Корчмин, Шувалов, Ушаков, Волков, генерал-провиантмейстер Сукин, бригадир Вельяминов, полковник Сухотин, полковник Маврин, Петр Шафиров, Петр Бестужев. Его светлость сел кушать в 1-м часу, откушал во 2-м и забавлялся в

392

карты и в шахматы, потом изволил быть в покоях у светлейших княжон, оттуда пришед паки забавлялся в шахматы, сел кушать в 8-м, откушав в 9-м, пошел опочивать.

В сей день было сияние и хладно.

В 24-и день Его светлость встал в 7-м часу слушал дела, потом прибыли генерал-цалмейстер Бестужев, бригадир Вяземской, бригадир Блеклой, генерал-маеор Дивизэр с Его светлостью имел разговор, генерал-маеор Волков, полковник Тараканов, кушать сели в 12-м часу, при столе Его светлости кушали бригадир Блеклой, князь Шаховской, бригадир Вяземской, подполковник Бой, полковник Колтовской; откушав в 2-м, пошел опочивать, встал в 3-м, прибыли бригадир Фаминцын, генерал-маеор Шувалов, польской посланник Лефорт; изволил забавляться в карты, в 9-м часу сел кушать, откушав, пошел опочивать.

Сей день было пасмурно и хладно.

В 25 день Его светлость встал в начале в 7-м часу и слушал дел, в 8-м был Антон Девизэр, потом Петр Шафиров, князь Алексей Черкасской, полковники Кампенгаузен, Маврин, князь Алексей Шаховской. В 10-м Его светлость был в покоях у молодого светлейшего князя, сел кушать пополудни в 1-м, откушав во 2-м и пошел опочивать, встал в 5-м и забавлялся в карты, и потом откушав, в 9-м часу пошел опочивать.

В сей день был снег.

В 26 день Его светлость встал в 5-м часу и слушал дела Походной канцелярии, в то время был господин Алексей Волков, обер-секретарь Ижорин и докладывали по делам Военной коллегии, а потом завтренью слушал, прибыл господин генерал-маеор Волков, бригадир Вельяминов, князь Алексей Черкасской, полковник Сухотин, Тараканов, Маврин, бригадир Фаминцын, князь Шаховской, Мишуков; кушать сели в 1-м часу пополудни, кушали с Его светлостью архиерей Новгородской, Белгородской, архимандриты Невской, Симоновской, генерал Лесий, шаутбенахт Синявин, Блеклой, Вяземской, князь Алексей Долгорукой, Сухотин, Тараканов, Бахметев, генерал-маеор Шувалов; откушали в 3-м, а потом сел забавляться в карты, потом был у светлейших княжон, паки пришел в свои покои, в 9-м часу пошел опочивать.

Сей день было пасмурно и снег.

В 27 день Его светлость встал в 7-м часу и слушал дел и заутреню, одевся в 9-м часу, поехал к государыне императрице и слушал обедню; по окончании оной поехал к королевскому высочеству, отуду прибыл в дом свой в 11-м часу, сел кушать в 1-м пополудни; при столе были генералы-маеоры Волков, Лихарев, Синявин, полковники Шаховской, Тараканов, прокурор Ржевской. Откушал во 2-м, пошел опочивать в 3-м, встал в 4-м и был в покоях у светлейших княжон; в 5-м часу был князь Дмитрий Голицын, потом шведской посол и имели с Его светлостью разговор, генерал-маеор Шувалов, потом Его светлость был в покоях у светлейшаго князя молодого, и пришед оттуда, сел кушать в 8-м, откушав в 9-м, пошел опочивать.

В сей день была метелица и великой ветр теплой.

В 28 день Его светлость встал в 6-м часу полночи, в то время прислан был из дворца от государыни императрицы гоф-юнкор Алексей Татищев, а потом были господин кабинет-секретарь Макаров, Алексей Волков. В 9-м часу одевся, поехал в дворец и слушал в дворце литоргию, а потом Ея императорское величество изволила шествовать в крепость в карете: а за Ея императорским величеством ехали Его королевское высочество и государыни цесаревны, и герцогини, и все министры, и генералитет до 6 класса; а когда Ея величество изволила прибыть в крепость, стали салдаты во фронт и отдали всем фронтом честь, и били в барабан поход. А как Ея величество изволила ис кареты выходить, в то время Его светлость принял Ея величество и вел до церкви Петра и Павла, а за Ея

величеством шли Его королевское высочество и государыни цесаревны, и все министры; слушали понахиду и литоргию, а по литоргии сказывал Гавриил архимандрит Троицкой предика, которая продолжалась пополудни до 2 часа. Отслушав, Ея императорское величество и королевское высочество, и государыни цесаревни, и все министры таким же образом шествовали во дворец к Ея величеству и выкушали по чарке водки и розъехались, а потом прибыли все архиереи и архимандриты, архиереи и Его светлость кушали при столе Ея величества, а протчие архимандриты кушали вверху, для которых убраны были перед салом столы и, откушав в 4-м, прибыл в дом свой и немного Царевна Елизавета Петровна Художник И. Никитин 394 побыв, изволил поехать з двора к барону Остерману, и был до 7; прибыл в дом свой и забавлялся в карты, в 9-м пошел опочивать. Сей день было пасмурно, снег, тепло, к вечеру дождь. В 29 день Его светлость встал в 6 часу, с 9-го у Его светлости были генерал Лесий, генерал кригс-камисар Адмиралтейства Головин, брегадир: Вяземской, Фаминцын, полковник Маврин, граф Матвеев, Петр Бестужев, князь Михайло меньшой, Голицын, Ульян Синявин. Его светлость сел кушать в 1-м пополудни, при столе были оной Матвеев, Юрья Нелединской, полковник Бахметев, князь Алексей Шаховской, откушал во 2-м и пошел опочивать, встал в 3-м в ыходе; в 6-м изволил быть Его королевское высочество, потом Алексей Макаров, вице-президент Берг-колегии Зыбин, Его светлость сел кушать в 8-м, откушав, в 9-м пошел опочивать. В сей день был поутру мокрый снег, днем тепло. В 30 день Его светлость встал в 6-м часу пополудни, слушал заутреню и по слушании одевся в 9-м, поехал во дворец, где объявлял Ея императорскому величеству чертежи, как в предбудущей 1727 год делать иордань и места Ея императорскому величеству и государыням царевнам; и побыв во дворце з 2 часа, поехал к князю Дмитрею Голицыну, а от Голицына поехал к барону Остерману, прибыл паки во дворец, и слушал при Ея императорском величестве литоргию, в которое время были государыни цесаревны и все министры; а отслушав Ея императорское величество изволили в Столовой палате сесть кушать; при столе Ея величества кушали государыни цесаревны и все министры; покушав розъехались, а Его светлость был до 5 часа у государыни, а потом был у государыни царевны Анны Ивановны Курлянской часа с пол-2, прибыл в дом свой в 7-м, кушать сел в 8-м, пошел опочивать в 9-м часу. Сей день было пасмурно, а к вечеру сияние. В 31 день Его светлость встал в 6-м часу и слушал дел. У его светлости были генерал-маеор Лихарев, Алексей Волков, брегадир Вельяминов, полковник Капенгаузен, Стрекалов. Его светлость поехал в 8-м часу в Сенат, вышли в 12 часу и кушал у государыни, по кушанье крестили 12 младенцев разных персон, у которых Ея величество изволила быть восприемницею. Прибыл в дом свой в 4-м часу, в 6-м поехал морскаго флота к капитану Василью Лодыженскому, где изволила быть герцогиня Курлянская, в 8-м прибыл в дом свой и сел кушать, откушав, в 9-м пошел опочивать. В сей день был легкой мраз. ФЕВРАЛЬ В 1 день Его светлость встал в 5-м часу, слушал дел по Походной канцелярии, потом Алексей Волков докладывал по делам Военной коллегии; в 7-м часу одевся поехал в Сенат и был в Сенате до 12, прибыл в дом свой, сел кушать, а откушав в 1-м часу пополудни, пошел опочивать, встал в 3-м, были у Его светлости генарал-лейтент Миних, брегадир Фаминцын; вышел в Плитковую палату, разговаривал, а потом в той же палате изволил забавляться в шахматы. В 8-м сел кушать, при столе Его светлости кушали генерал-маеор Синявин, бригадир Вяземской, Петр Шафиров, полковник Тараканов, Зыбин, Алексей Волков, полковник Колтовский; в 9-м часу пошел опочивать. Сей день было пасмурно и небольшой мороз. 395 В 2 день Его светлость встал в 6-м часу и слушал дел и заутреню; у Его светлости были генерал Лесий, генерал-маеор Долгорукой, Волков, князь Юрья Трубецкой, Антон Девизер, Алексей Волков, Юсупов, генерал-провиантмейстер Сукин, Петр Шафиров, брегадир Вельяминов, полковник князь Гесенгомбургской, Петр Бестужев, генерал-поруччик Гинтер. В 9-м Его светлость поехал во дворец и слушал литоргию, отслушав, прибыл в дом свой, в 1-м часу сел кушать, откушав во 2-м, пошел опочивать; встал в 4-м и забавлялся в шахматы, в 6-м был князь Василей Володимирович Долгорукой, пошел опочивать в 10-м часу. В сей день был легкий

мраз и ветер. В 3 день, то есть в четверг, Его светлость встал в 5-м часу пополуночи, слушал дел и завтраю; у Его светлости были генерал-маеор Волков, генерал Лесий, генерал-цалмейстер князь Василий Долгорукой, Алексей Волков. В 8-м одевся, поехал к герцогине Курлянской, после того был у государыни цесаревны Анне Петровне, а потом был у Ея императорского величества, при Его светлости был светлейший князь Александр Александрович, прибыл в дом свой в 10-м часу, сел кушать в 12-м своею фамилиею, пошел опочивать в 1-м часу пополудни, в 3-м встал, в 4-м поехал к Его королевскому высочеству со всею своею фамилиею, где Ея императорское величество изволила прибыть, и государыня цесаревна Елисавета Петровна, великий князь и великие княжны, и грузинский царь³⁰⁷, и чужестранные, и российские министры, а когда Ея величество изволила прибыть, отдали честь и били в барабан поход, в то время зажгли люминации и фонари, которыми палаты все убраны были. Его светлость прибыл со всею своею фамилиею в дом свой в 7-м, сел кушать в 8-м, пошел опочивать в 9-м часу. Сей день было пасмурно и снег. В 4 день Его светлость встал в 5-м часу пополуночи и слушал дел, поутру был Алексей Волков и имел с Его светлостию разговор, потом были князь Василей Долгорукой, князь Юрья Трубецкой, генерал-лейтенат Миних, в 11-м часу Его светлость поехал к Захару Мишукову и кушал, в 5-м пополудни прибыл в дом свой и забавлялся в шахматы, сел кушать в 8-м; при столе кушали Алексей Макаров, Алексей Зыбин, брегадир Фаминцын, откушав в 9-м пошел опочивать. В сей день было пасмурно и снег. В 5 день, то есть в субботу, Его светлость встал в 6-м часу пополуночи и слушал дел; у Его светлости были господин обер-прокурор Бибииков, генерал Лесий, граф Матвеев, Гинтер, генерал-маеор Волков, генерал-маеор Лихарев, брегадир Вельяминов, Петр Шафиров; в 1-м часу пополудни сел кушать, при столе Его светлости кушали полковник Бахметев, Алексей Волков, князь Алексей Шаховской, Егор Пашков, князь Алексей Долгорукой; во 2-м откушали, и забавлялся в шахматы, в 3-м часу пошел опочивать, встал в 4-м часу, кушать сел в 7-м часу, пошел опочивать в 8-м. Сей день было сияние и легкой мороз. В 6 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи и слушал заутреню; у Его светлости были генерал Лесий, князь Василей Долгорукой, Алексей Волков, обер-штер-крикс-комисар Кропотов и слушали дел в Ореховой, генералы-маэоры Салтыков, Волков, Шувалов, Ушаков, обер-прокурор Бибииков, Сухотин, брегадир Вяземской, полковник Маврин, Петр Шафиров, генерал-провиантмейстер Сукин, в 9-м часу Его светлость поехал во дворец и слушал литоргию, прибыв в дом свой в 12-м часу, сел кушать, откушав с Ульяном Синявиным в 1-м пополудни поехал к Василью ³⁹⁶ Павлову, которому изволил объявить, что Ея императорское величество пожаловала его в штатския действительныя советники, и, побыв немного, поехал к Остерману, оттуда прибыл в дом свой в 3-м часу. В 6-м приехал князь Дмитрий Голицын и имел с Его светлостию разговор, в 8-м поехал в дом свой, а Его светлость сел кушать, при столе кушал Антон Девизер, откушав в 9-м часу, пошел опочивать. Сей день был ветер и снег. В 7 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи, то есть в понедельник, и слушал дел, в 8-м одевся, поехал в Сенат и был в Сенате до 12 часа, прибыл в дом свой в 1-м часу пополудни, сел кушать; при столе Его светлости были князь Василей Вяземской, Алексей Волков, полковник Колтовский. Откушав, пошел опочивать, встал в 3-м часу и забавлялся в карты; потом был брегадир Фаминцын, кушать сел в 8-м, откушав, пошел опочивать. Сей день было пасмурно и тепло. В 8 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи и слушал дел, поутру у Его светлости были полковник князь Гесенгомбургской, брегадир Вельяминов, генералы-маэоры Волков, Трезин. В 8-м часу Его светлость поехал и был в Кабинете, в Сенате и в Вышнем суде, потом у государыни императрицы; прибыл в дом свой в 10-м часу, сел кушать в 12-м, откушав в 1-м пополудни, пошел опочивать, встал в 3-м и пошел в покой к светлейшим князьям, оттуда поехал во дворец, где были господа сенаторы в Столовой палате, и в присутствии Ея императорского величества имели консилиум. В 7-м часу Его светлость прибыл в дом свой; сей день морского флота порутчик Алексей Косенков совокупился законным браком на Темкиной, которые по церковной церемонии отправлялись из дому

Его Светлости, и прибыв из церкви в дом же Его Светлости, сели за стол, где изволил присутствовать и Его светлость со всею своею фамилиею; притом же были гости генералы-маёры Антон Девизёр, Семен Салтыков, Ульян Синявин, Алексей Волков, бригадир Вельяминов, князь Алексей Шаховской, полковник Тараканов, Егор Пашков, капитан Вильбоу и прочие; откушав в 9-м Его светлость пошел опочивать, а оных новосовокупленных отправили в дом их. Сей день было пасмурно, а к вечеру сияние и хладно. В 9 день Его светлость встал в 6-м часу пополуночи, то есть в среду, и слушал дел по Походной канцелярии, в которое время был Алексей Волков и докладывал по делам Военной коллегии; потом были поутру у Его светлости князь Василей Долгоруков, полковник Маврин, господин Макаров. В 8-м одевся поехал во дворец и был у Ея императорского величества часа з два, а из дворца поехал к Остерману, и был в Синоде, прибыл в дом свой в 11-м, кушать сел в 12-м часу, откушав в 1-м пошел опочивать, встал в 3-м часу пополудни и поехал во дворец, объявлял Ея императорскому величеству нарисованные знамены; потом крестили младенцев, а имянно у Мячкова, лейб-гвардии у капитана Танеева, лейб-гвардии ж подпоручика Плишкина, у Хованского; приемницами были: Ея императорское величество, государыни цесаревны; приемниками — светлейший князь, граф Петр Андреевич Толстой, генерал-лейтенант Ягушинской, а из дворца поехал к герцогине Курлянской, где изволил и кушать со всею своею фамилиею, прибыл в дом свой в 12-м часу и пошел опочивать. Сей день было мороз с ветром и великой снег. В 10 день Его светлость изволил встать в 6-м часу пополуночи, в которое время приехал Алексей Макаров и имел с его светлостью разговор, в 8-м поехал в 397 Военную коллегию и быв до 10, пошел в Иностранную коллегию, где были господа сенаторы, в 12-м паки пошел в Военную коллегию, в 1-м пополудни поехал к швецкому послу, у которого Его королевские высочество и все господа ордена святого апостола Андрея кавалеры кушали, понеже он торжествовал день, в которой он пожаловал оною кавалерию, в 6-м его светлость поехал во дворец, в 7-м в ысходе прибыл в дом свой, в 9-м сел кушать, откушав в 10-м, пошел опочивать. В сей день был мороз и метелица. ЕГО СВЕТОСТЬ ИЗВОЛИЛ ПРИКАЗАТЬ, будучи у швецкого посла, флигель-адъютанту Ливену, чтоб по прошению королевского высочества послать в Военную коллегию указ, что Ея величество пожаловала от кавалерии Роппова полку поручика Алтенбурга в тот же полк в капитаны, и сей приказ в Военной походной канцелярии секретарю объявил помянутой Ливен. В 11 день его светлость встал в 5-м часу пополуночи, то есть в пяток, и слушал дела; у его светлости поутру были генерал-маеор Волков, бригадиры Вяземской, Вельяминов, в 9-м одевся, поехал к Башевичу, потом поехал в Иностранную коллегию и был пополудни до 2 часа, прибыл в дом свой в том же часу, сел кушать; при столе его светлости кушали генерал Лесий, генералы-маёры князь Юрья Трубецкой, князь Василей Долгорукой, Ульян Синявин, Алексей Волков, бригадир Фаминцын, князь Алексей Долгорукой, полковник Тараканов, откушал в 3-м, пошел опочивать, встал в 5-м. Были у его светлости в вечеру французской посланник, граф Матвеев, генерал-лейтенант Миних, генерал-маеор Волков, генерал-цалмейстер Бестужев, рекетмейстер Павлов, полковник Бахметев; пошел опочивать в 10-м часу. Сей день было мороз и метелица. В 12 день его светлость встал в 7-м часу пополуночи и имел разговор с Алексеем Волковым, в 8-м поехал во дворец, в 10-м из дворца к адмиралу, от адмирала в 11 к Петру Апраксину и кушал в 4-м пополудни, оттуду к камер-юкору князь Василью Хованскому, у которого изволил быть Его королевское высочество с своею высокою фамилиею и герцогиня Курлянская, в 7-м оттуду Его светлость поехал во дворец, в которое время Ея императорское величество изволила быть в церкви и слушать вечерню, и притом изволила иметь с его светлостью разговор, по слушании оной вечерни Ея величество прибыв в покои, изволила пожаловать его светлость и прочех, кто при том были, по рюмке вина. И его светлость паки поехал к Хованскому и сел при столе кушать, в 9-м часу, прибыв в дом свой, пошел опочивать. В сей день был мороз и ветр. В 13 день его светлость встал в 6-м часу пополуночи, то есть в неделю, слушал дела, а потом и завтрению; в 8-м часу одевся,

поехал во дворец, в которое время были все министры и докладывали Ея императорскому величеству по делам. Её императорское величество пожаловала генерала-маёра князь Василья Долгорукого в генералы и быть ему в Персии на место генерала и кавалера Бона, прибыл в дом свой в 10-м, слушал литоргию на Васильевском острове у церкви Воскресения Христова, где его светлость объявил ему, генерал-маёру князь Василью Долгорукову, Ея императорского величества указ о новопожалованном ево ранге и поздравлял ему с милостию Ея императорского величества. Отслушав, прибыл в дом свой, сел кушать, откушав в 12-м часу, поехал к Троице, где изволила быть Ея императорское величество, слушала литоргию; сей день Ея величества гоф-юнкор князь Иван Васильев сын Одоевской совокупился законным браком на внуке³⁰⁸ графа Петра Андреевича Толстого, которые к церковной церемонии отправились из дворца. 398 Посожеными отцами были: королевское высочество герцок Голштейнской, светлейший князь, матерями: герцогиня Голштейнская цесаревна Анна Петровна, герцогиня Курлянская цесаревна Анна Ивановна, маршалком генерал-лейтенант Павел Иванович Ягушинской, шафорами камор-юнкоры и гоф-юнкоры; ехали от Троицы до двора графа Толстого, шафоры верхами, а министры российские в коретах, где были грузинской царь и швецкой посол и прочие чужестранные ми<ни>стры; и кушали до 8 часов, в 9-м поехали цесаревна Анна Петровна, герцогиня Курлянская, светлейшая княгиня для провожания князю Одоевскому и были с час, разъехались. Прибыл в дом свой в 10-м, сел кушать, откушав, пошел опочивать. Сей день был мороз и сияние. В 14-и день его светлость встал в 7-м часу пополуночи и слушал дел; поутру были генерал Лесий, прокурор Бибилов, генерал-маёры Волков, Ульян Синявин, Алексей Волков, брегадиры: Вяземской, Вельяминов, Петр Бестужев, в 8-м его светлость поехал в Иностранную коллегию и сидели до 12, а в 12-м пошел в Военную коллегию, в 1-м пополудни, приехав в дом свой, сел кушать, откушав, во 2-м пошел опочивать, встал в 4-м, в 6-м поехал к Петру Андреевичю Толстому, где изволил быть Его королевское высочество и государыня цесаревна Анна Петровна и герцогиня Курлянская; притом же министры иностранные и здешние, которых было довольно. Его светлость, прибыв в дом свой, в 10-м часу пошел опочивать. В сей день было сияние и мраз. В 15 день его светлость встал в 6-м часу пополуночи, то есть во вторник, слушал дел по Походной канцелярии, в 7-м одевся, поехал в Иностранную коллегию и был до 12 часа, пошел в коллегию и немного побыв, прибыл в дом свой, в 12-м часу сел кушать; при столе его светлости кушали генералы-маёры Иван Дмитриев-Мамонов, Шувалов, князь Шаховской, полковник Тараканов, прокурор Пашков, Нелединской, Василей Арсеньев, синодский прокурор Баскаков, советник Фик. Откушав в 1-м пополудни, пошел опочивать, встал в 4-м часу, были у его светлости швецкой посланник, генерал-маёор Волков, брегадир Вяземской, брегадир Фаминцын, граф Матвеев. Потом прибыли швецкой посол амбоседер, господин Башевич, разъехались в 5-м. Его светлость был у Захария Мишукова, а от Мишукова был у иноземца Мариотова прикащика крестили младенца, восприемницею изволила быть государыня цесаревна Анна Петровна, восприемником был светлейший князь. В 9-м прибыл в дом свой, сел кушать, откушав, пошел опочивать. В сей день было мороз с ветром, поутру пасмурно, к полудню сиение, а к вечеру малой снег. В 16 день его светлость встал в 5-м часу пополуночи и слушал дел, у его светлости были Наум Синявин, генерал-маёор Волков, Порошин, Алексей Волков, Шафиров, брегадир Вельяминов, генерал-провиантмейстер Сукин. В 8-м его светлость поехал во дворец, в 12 к швецкому посланнику и кушал, где изволил быть и Его королевское высочество, и ордена святого Александра кавалеры, в 6-м пополудни прибыл в дом свой, в 7-м был князь Дмитрий Голицын, князь Алексей Долгорукой, в 8-м в ысходе его светлость пошел опочивать. В сей день был ветер и мороз. В 17 день его светлость встал в 6-м часу пополуночи, то есть в четверток, у его светлости были генерал-маёор Антон Дивьер, генерал-лейтенант Миних, генерал-маёор Порошин, князь Алексей Шаховской, Алексей Волков, в 8-м часу одевся, поехал к Остерману, потом был на портикулярной верфи, смотрел баржи, прибыл в 399 дом свой в 11-м часу, были у

его светлости генерал-маеор Ушаков, брегидир Вяземской, в 12-м поехал кушать к графу Матвееву, потом изволил быть у Болкши, прибыл в дом свой пополудни в 4-м часу, пошел опочивать, встал в 5-м и забавлялся в шахматы, в 10-м часу сел кушать, откушав в 11-м часу пошел опочивать. Сей день было мороз и пасмурно. ПРИКАЗ ЕГО СВЕТЛОСТИ. На Ладожской канал драгун Ярославского полку 500 человек. Да Московской гварнизонной полк, которой в прошлом году был у той работы, комплектовав, выслать на тое работу. И дать им на 10 человек по подводе. А вместо тех, которые возмутся из других гварнизонных полков в комплекте, те полки комплектовать рекрутами. А пока оные полки не придут, до тех мест оставить при той работе от 20 полков по 50 человек. В Военную коллегию и к Миниху писать, чтоб делать канал против модели. В 18 день его светлость встал в 6-м часу и слушал дел, поутру были генералы-маэоры Волков, Порошин, Алексей Волков, в 7 его светлость поехал в Военную коллегию, в 8-м пошел в Верховной тайной совет309, которой был в Ыностранной коллегии, в 11-м поехал во дворец, в 1-м пополудни х королевскому высочеству, во 2-м прибыл в дом свой и сел кушать, отушав в 3, пошел опочивать, встал в начале в 5, в 6 поехал во дворец, прибыл в дом свой в 7-м часу и пошел с камисаром Крекшиным в нижние покои под мыльню, и изволил делать пробу серебру. И быв до 11, пришед в свои покои, сел кушать, откушав в 12 пошел опочивать. В сей день был ветер и метелица. В 19 день его светлость встал в 8-м часу пополудни, то есть в субботу, и слушал дел по Походной канцелярии; поутру у его светлости были генерал-маеор и генерал-полицмейстер Дивиер, господин Макаров, генерал-маеор Волков, князь Дмитрий Голицын, генерал-лейтенант Гинтер, генерал-маеор Юсупов, генерал-провиантмейстер Сукин. Сел кушать в 12-м, откушал во 2-м, в 3-м прибыла государыня царевна герцогиня Курлянская Анна Ивановна, в 4-м часу его светлость изволил быть у князь Ивана Федоровича Ромодановского, потом был у Алексея Васильевича Макарова; сей день господа Сапеги прибыли в Санктпитебурх пополудни в 5-м. Его светлость изволил быть в покоях у господ Сапегов в 9-м часу, потом прибыл в дом свой в 10-м, у его светлости господин Сапега староста Здитовский; пошел опочивать в 11-м часу. В сей день было поутру мороз, а к вечеру мателица и великой ветер. В 20 день его светлость встал в 5-м часу и слушал заутреню, в 7-м поехал в Верховной тайной совет, в 9-м прибыл в дом свой; у его светлости были генералы Лесий, Долгорукой, генералы-маэоры Юсупов, Алексей Волков. Его светлость пошел к господину Сапеге и с ним поехал к Государыне императрице, а оттуда х королевскому высочеству, паки прибыли в дом свой в 11, и его светлость пошел в церковь к литоргии, отслушав, пришед в дом свой, сел кушать в сале в 1-м пополудни; при столе кушали господа Сапеги, генерал Лесий, Сукин, князь Алексей Долгорукой, Алексей Волков, брегидир Вельяминов, Урбанович. Откушали в 4-м и веселились, в 5 пошли в покои к светлейшим княжнам, оттуду пришед в свои покои, забавлялся в карты. В 8 сел кушать, при столе кушал граф Матвеев, откушав в 9, пошел опочивать. В сей день было сияние и тепло. 400 Сего же числа в 9 часу пополудни горел дом каменной графа Петра Апраксина, что на Васильевском острову. В 21 день его светлость встал в 8-м часу пополудни, то есть в понедельник, слушал дел по Походной канцелярии, у его светлости поутру были граф Бондия, генерал-цалмейстер Безстужев, в 9-м одевся, поехал в Верховной тайный совет, которой обретается в Ыностранной коллегии, где изволил быть королевское высочество герцог Голштейнской и российские министры, и сидели до 1 часа пополудни; потом изволил быть у королевского высочества и кушали, а откушав розъехались. Его светлость прибыл в дом свой в 3-м часу и пошел опочивать, встал в 5-м, пошел в мыльню, из мыльни вышед в 10-м часу пошел опочивать. Сей день было пасмурно и тепло. В 22 день его светлость встал в 6-м и слушал дел, в 8 поехал во дворец и был у Ея величества, в 10-м поехал к генералу Бутурлину, в 11-м прибыл в дом свой и изволил быть в Ореховой с Алексеем Макаровым, в 3 пополудни сел кушать, в 4-м поехал во дворец, в 6 прибыл в дом свой, во 2-м пополудни пошел опочивать. Сей день был пасмурной. В 23 день его светлость встал в 6-м пополудни, то есть в среду, и слушал дел по Походной канцелярии, у его светлости поутру были Алексей Волков, генерал-маеор

Волков, господин Макаров, бригадир Фаминцын, граф Петр Андреевич Толстой, в 11-м часу, одевся, поехал в город, и был пополудни до 2, прибыл в дом свой, в 3-м часу сел кушать, откушав, пошел опочивать, встал в 5-м. В 7-м часу были у его светлости швецкой посол барон амбоседер, генерал-цалмейстер Безтужев, господин Макаров, Алексей Волков, в 10-м пошел опочивать. Сей день был пасмурной и снег. В 24 день его светлость встал в 7 часу пополудни и слушал дел, поутру был Антон Дивиер, генерал-порутчик Гинтер, Петр Шафиров, генерал-маэор Лихарев. В 8-м его светлость поехал во дворец, в 10-м к герцогине Курлянской, в 11 прибыл в дом свой; в тоже время к его светлости прибыл князь Дмитрий Голицын, Петр Бестужев. Его светлость кушал у Сапеги, во 2-м пополудни прибыл в дом свой и пошел опочивать, встал в 4-м, в 5 поехал к Остерману, в которое время прибыл к его светлости в дом королевское высочество. Его светлость прибыл в дом свой в 6 часу и имели разговор в Ореховой, в 7-м пошли к Сапеге, в 8 Его высочество поехал, а Его светлость прибыл в дом свой и, позабавясь в шахматы, в 10 часу пошел опочивать. В сей день поутру был туман и мороз, потом изрядное солнечное сияние. В 25 день Его светлость встал в 6-м часу пополудни, то есть в пяток, и слушал дел; поутру были у его светлости генерал князь Василей Долгорукой, генерал-маеор Волков, Алексей Волков. В 8-м часу одевся, поехал во дворец, побыв немного, пошел в Верховный тайный совет и сидели до 12 часа, потом слушал во дворце литоргию, где изволила быть Ея императорское величество и государыни цесаревны. Отслушав литоргию, разъехались. В 1-м часу пополудни прибыл в дом свой, сел кушать в 3-м, откушав, пошел опочивать, встал в 5-м, были у его светлости генерал-маеор Дивиер, Петр Бестужев, прокурор Бибииков. Его светлость поехал к барону Остерману, прибыл в дом свой в 8-м, пошел опочивать в 10-м часу. Сей день был мороз легкой и солнечное сияние. В 26 день его светлость встал в 7-м часу и слушал дел, потом были бригадир Фаминцын, Алексей Волков, в 1-м пополудни кушал с своею фамилию в Передспальне, откушав во 2, лег опочивать, встал в 4 часу, а потом был генерал-адмирал 401 граф Апраксин, генерал-маэор Шувалов и, немного побыв, поехали. А его светлость пошел в мыльню, из мыльни вышел, был у светлейших княжон, пришел в свои покои в 9 часу лег опочивать. Сей день был теплой и пасмурной. В 27 день, то есть в неделю, его светлость встал в 7-м часу пополудни, слушал завтрению и дел; в то время были у его светлости генерал Лесий, генералы-маеоры князь Юсупов, Антон Дивиер, Иван Лихарев, бригадир Вельяминов, бригадир Фаминцын, князь Шаховской, генерал-маеор Волков, Алексей Волков, граф Сапега староста Здитовской, генерал-цалмейстер Бестужев, кушать сел в 1-м часу пополудни, откушав, пошел опочивать, встал в 4-м, потом был у его светлости, в 5-м его светлость пошел в покои к светлейшим княжнам с господами графами Сапегами, в которое время изволила прибыть государыня царевна Анна Ивановна Курлянская, кушать сел в 9-м, пошел опочивать в 10-м часу. В сей день было великой ветр и мороз. В 28 день его светлость встал в 5-м часу пополудни и по довольном слушании дел одевся в 7-м часу, поехал во дворец, в 9 в ыходе к Басевичю, в 11-м прибыл в дом свой и изволил объявить, что Ея императорское величество указала лейб-гвардии фендрика графа Матвеева да подпорутчика князя Петра Оболенского, взяв реверзы, по указам отпустить в дома, а имянно Матвеева на год, Оболенского на три месяца. В 1-м пополудни сел кушать, откушав, во 2 лег опочивать, встал в 4, в 5 поехал во дворец, оттуда к герцогу, прибыл в дом свой в 6 часу, сел кушать в 9, откушав в 10 лег опочивать. Сей день было поутру мороз, потом изрядное сияние. МАРТ В 1 <день>, то есть во вторник, его светлость встал в 7-м часу пополудни, слушал завтрению; поутру были у его светлости генерал Лесий, генерал князь Василий Долгорукой, генерал-маеоры Антон Дивиер, Волков, Порошин, генерал-крикс-камисар Головин, генерал-лейтенант Ягушинской, гвардии маеоры все, генерал-адмирал граф Апраксин, граф Петр Матвеевич, господа Сапеги, прибыл в 12-м королевское высочество, сей день у его светлости кушали Его королевское высочество, чужестранные и росийские министры, и весь генералитет, и господа графы Сапеги, розъехались пополудни в 5-м часу, его светлость пошел опочивать в 9. В сей день было

поутру сияние, к вечеру пасмурно. Во 2-и день его светлость встал в 7 часу пополуночи и слушал дел, одевся, в 8 поехал во дворец, и слушал заутреню, отслушав, пошел в Верховной тайной совет³¹⁰, где присудствовали Его королевское высочество и учрежденные сенаторы. Вышли в 1-м пополудни, его светлость кушал у государыни, в 4 прибыл в дом свой и забавлялся в шахматы, в вечеру у его светлости были генерал-маэор Волков, Порошин, брегадир Фаминцын, Тараканов. В 8 его светлость лег опочивать. Сей день было сияние и тепло. В 3 день, то есть в четверток, его светлость встал в 7-м часу пополуночи, слушал дел, в которое время были у его светлости генерал Лесий, генерал-лейтенант Дупрей, генерал-цалмейстер Бестужев, Семен Григорьевич Нарышкин. В 8-м одевся, поехал в Верховный тайный совет и были до 12-го часа, а потом пошел к Ея императорскому величеству, где изволил кушать его королевское высочество 402 герцог Голштейнской, и господа графы Сапеги, и российские министры. Откушав, розъехались. Его светлость прибыл в дом свой в 3-м часу пополудни и забавлялся в карты, в то время его светлость приказал Ингермоланскаго полку капрала Доменика Шишку, которой стоит на карауле у шведского посла, написать в тот же полк сержантом. В 4-м часу пополудни были у его светлости господа графы Сапеги, кушать сел в 8, откушав, пошел опочивать в 9-м. Сей день было поутру <...>, потом сияние, в полдни великой ветр и снег мокрой с перемешкою, паки сияние, а к вечеру мороз. В 4 день его светлость встал в 7-м часу пополуночи и по довольном слушании дел и по разговорах з господином Дивизэром и с Алексеем Волковым одевся, вышел в Плитковую и прибывшим господам, которые ожидали тут его светлость, а имянно: генерал Лесий, генерал-маэор Юсупов, Ульян Синявин, Порошин, генерал-провиантмейстер Сукин, брегадир Вельяминов, Петр Бестужев, а не по многих с ними разговорах отъехал во дворец в 8-м часу, и был у Ея величества в 9-м в ыходе х королевскому высочеству и к государыне цесаревне; в 11 прибыл в дом свой, во 2-м пополудни сел кушать, в 3-м, откушав, лег опочивать, в 5 встал; в том же прибыла герцогиня Курлянская, в 7 отъехала, а его светлость, роздевся, забавлялся в карты, в 10-м лег опочивать. Сей день было морозно, ветрено и немалой снег. В 5 день, то есть в субботу, его светлость встал в 7-м часу пополуночи и слушал дел; в которое время были у его светлости граф Петр Матвеевич Апраксин, генерал Лесий, генерал князь Долгорукой. В 9-м часу одевся, поехал во дворец, потом пошел в Верховный тайный совет³¹¹, где изволил быть его королевское высочество, и были до первого часа пополудни, потом паки пошел к государыни и объявил Ея императорскому величеству фузею обрасцовую, которая зделана для обрасца на Сестрорецких заводах³¹² на гвардию; кушал при столе Ея величества, откушав в 3-м, поехал <к> государыне царевне Анне Ивановне, герцогине Курлянской, побыв немного, поехал в город и был в арантерее, смотрел сибирских соболей и мехов, паки поехал к государыне царевне Анне Ивановне, прибыл в дом свой в 6-м. Были у его светлости в вечеру князь Дмитрий Голицын, генерал-маэор Лихарев, пошел опочивать в 9-м часу. Сей день было сияние, и мятелица, и мороз. В 6 день его светлость встал в 7-м часу пополуночи и слушал дел, потом заутреню; у его светлости были генерал князь Василей Долгорукой, генерал-порутчик Гинтер, Наум Синявин, генерал-провиантмейстер Сукин, генералы-маэоры Михайло Волков, Лихарев, Порошин, Ульян Синявин, князь Юсупов, Шувалов, Ушаков, князь Алексей Черкасской, Петр Шафиров, Василей Павлов, полковник Тараканов, брегадир Фаминцын, Вельяминов; и по разговорах с ними его светлость в 8-м часу отъехал к Остерману и, быв до 12 часу, поехал в церковь Живоначальныя Троицы и слушал литоргию, где изволила быть и Ея величество; отслушав литоргию, во 2-м пополудни прибыл х королевскому высочеству и кушал купно с господами Сапегами, в 6 прибыл в дом свой и забавлялся в карты с старостою Бобруйским, в 8 сел кушать, откушав в 10-м, пошел опочивать. Сей день было мороз и сияние. В 7 день, то есть в понедельник, его светлость встал в 6-м часу пополуночи; у его светлости были Алексей Васильевич Макаров, генерал-цалмейстер Бестужев. Кушать сел в 1-м часу пополудни. При столе его светлости кушали генерал 403 Лесий, генерал-маэор Трубецкой, Алексей Волков, Егор Пашков. Откушав, пошел

опочивать. Встал в 4-м. В вечеру у его светлости были Его королевское высочество и господа Сапеги, генерал князь Василей Долгорукой. Розъехались в 7-м часу. А его светлость пошел опочивать в 9-м часу. Царевна Анна Петровна Художник Л. Каравак. 1720-е гг. Сей день был мороз и сияние. В 8 день его светлость встал в 7-м часу пополуночи и слушал дел, потом были граф Матвеев, Петр Бестужев, генерал-провиантмейстер Сукин; в 9 его светлость поехал во дворец и был у государыни императрицы; в 11-м х королевскому высочеству, прибыл в дом свой в 12, сел кушать в 1 пополуночи, откушав во 2, лег опочивать, встал в 4 и забавлялся в шахматы, при том же были брегадир Корчмин, Фаминцын, Вяземской, Василей Павлов. В 9 сел кушать, в 10 откушав, лег опочивать. Сего же числа герцогиня Курлянская восприяла путь свой в Курляндию. Сей день был великий мороз и сияние. 404 В 9 день, то есть в среду, его светлость встал в 7-м часу пополуночи и слушал дел; поутру у его светлости были господин Макаров, генерал-маеор Дивьер, в 9-м часу поехал в Кабинет, потом пошел в Верховный тайный совет³¹³ и был до 1-го часа пополуночи, литоргию слушал во дворце, кушал при столе Ея императорского величества. Откушав в 3-м, прибыл в дом свой, пошел опочивать, в 5-м встал, потом были у его светлости господин Башевич, генерал-лейтенант Дупрей, генерал-маеор Юсупов, в 7-м часу были господа графы Сапеги, господин Макаров, в 10-м часу пошел опочивать. Сей день был мороз и пасмурно, и снег, а к вечеру сияние. В 10 день его светлость встал в 7 часу пополуночи и по довольном слушании дел, одевся, в 9-м часу поехал во дворец и был у государыни, в 11 поехал в крепость*, куда и Ея величество изволила прибыть и слушали литоргию, отслушав, в 3-м часу прибыв в дом свой, сел кушать, откушав, в 4-м лег опочивать, встал в 5 и забавлялся в шахматы, в вечеру у его светлости были господа Сапеги, генералы-маеоры Юсупов, Лиха

Ведомости

Ведомости. При Петре 1 стала выходить печатная газета «Ведомости», официальный правительственный орган. До появления петровских «Ведомостей» Моск. гос-во газет не знало. При царском дворе сущ. обычай переводить и переписывать новости из заграничных газет. Сохранились рукописные известия с 1621г. и позже. В них говорилось о сражениях, взятии городов, о приемах послов, о гос.договорах, о прибытии кораблей с товарами, появлении комет... Петр 1 же желал с помощью печатного слова пропагандировать свои военные и хозяйственные начинания, придавать им популярность. С этой целью 15 дек. 1702г. он подписал указ о печатании «Ведомостей». Уже 17 дек. Появился первый номер Ведомостей. Через 10 дней, 27 дек., вышел следующий номер, имевший особое название «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году» Текст его содержал описание осады Нотебурга. Номер от 2 янв. 1703г. дошел до нас.

Первое сообщение в нем гласило: «На Москве вновь ныне пушек медных гоубиц и мартиров вылито 400. те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов...А меди ныне на Пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд лежит». Начальные строки обнародовали сведения, составляющие гос.тайну – в них названо кол-во изготовленных артиллерийских орудий и указаны запасы металла, предназначенного для литья. Петр сознавал секретность этих сведений, но... Дело в том, что в неудачном бою под Нарвой рус.армия потеряла всю артиллерию. Моральные последствия. Необходимо было вдохнуть бодрость в людей. На Пушечный двор свозились церковные колокола. Эта крайняя мера нуждалась в публичном оправдании, и оно появилось в газете.

Также в этом номере сообщается, что «повелением его величества школы уничтожаются, и 45 чел. слушают философию и уже диалектику окончили. В математической и штурманской школе более 300 чел. учатся и добре науку приемлют...» С 24 нояб. По 24 дек. Родилось 386 чел. Из Персии пишут, что индийский царь послал рос. Слона и иных вещей немало. Из Казани пишут, что на реке Соку нашли много нефти и медной руды... Короче развивается Россия. Гл. темой петровских ведомостей становится Северная

война. Описание Полтавской битвы, напеч. В №11 за 1709г., принадлежит Петру. Петр торопится отметить храбрость солдат, позволившую разгромить врага (27 июня).

Заграничная жизнь освещалась по донесениям послов (Шафиров, Бестужев, Долгорукий). Петр принимал непосредственное участие в выпуске Ведомостей. Ясность текста. Федор Поликарпов – первый редактор Ведомостей, директор Печ. Двора. Когда Ведомости переехали в Питер, ими стал заниматься директор столичной типографии Михаил Абрамов. В 1719 Коллегия иностр.дел. назначила ответственным за Ведомости переводчика Бориса Волкова. Он привлек к сотрудничеству Якова Синявича (его можно считать первым русским репортером). Петровские Ведомости не имели еще постоянного названия. Отдельные номера получали разные заглавия: «Ведомости московского гос-ва», «Ведомости московские», Российские В. Тираж газеты испытывал большие колебания – от нескольких десятков до нескольких тысяч. Стоила газета тоже неодинаково – от одной до четырех денег. (деньга - полкопейки). До 1715 года В. Печатались в Москве на печатном дворе. С 11 мая того же года выходит также и в Питере. Лишь к 1719 переходят окончательно в Питер, и в Москве печатаются отдельные номера газеты. Различная периодичность.

Д. РОХЛЕНКО, историк-архивист. Первая русская печатная газета.

Первая печатная петровская газета "Ведомости" (поначалу Петр I называл ее курантами) сегодня представляет огромный интерес не только как своеобразное зеркало давно ушедшей жизни страны, источник сведений об исторических событиях, экономике, культуре, быте и языке начала XVIII века. газета оставила свой след и в русском обществе, формировавшемся в ходе Петровских реформ. Как отмечал Н. А. Добролюбов, на страницах "Ведомостей" "в первый раз русские увидели всенародное объявление событий военных и политических".

В бурную эпоху, когда "Россия молодая мужала с гением Петра", одним из многочисленных нововведений царя-реформатора стало издание первой русской печатной газеты. 16 декабря 1702 года Петр I подписал указ, вместивший всего две, но весомые фразы: "Великий государь указал: по ведомостям о военных и всяких делах, которые надлежат для объявления Московскаго и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов ведомости, в которых приказах, о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ без мотчания (не мешкая, без промедления. - Прим. Д. Р.), а из Монастырскаго приказа те ведомости отсылать на Печатный двор. И о том во все приказы послать из Монастырскаго приказа памяти". (Здесь и далее указы и другие документы, в том числе и отрывки из газеты "Ведомости", цитируются с сохранением грамматических и иных особенностей оригиналов.)

Из указа следует, что сбор исходных материалов для газеты возлагается на органы центрального управления России - приказы. Но возникает закономерный вопрос: почему в указе говорится о печатании неких курантов, а не газеты? Объяснение простое: слово "газета" появилось в русском языке много позже. В 1809 году стала издаваться "Северная почта" - официальный орган почтового департамента Министерства внутренних дел, в подзаголовке которого впервые стояло слово "газета".

В Московской Руси еще до Петра I, в Посольском приказе составлялись рукописные ведомости - их чаще тогда называли "Куранты". Чиновники Посольского приказа включали в них переводы отдельных статей из иностранных газет, сведения, получаемые из донесений содержащихся за границей информаторов (своеобразных "специальных корреспондентов"), а также из перлюстрированной частной переписки проживающих в Москве иностранцев со своими родственниками и друзьями. По существу, куранты выполняли роль дипломатических конфиденциальных документов и предназначались только для узкого круга читателей - царя и его приближенных. Правда, читателями их можно было назвать лишь условно: рукописный текст им читали вслух чтецы - из дьяков "государевой думы".

Это название, "куранты", Петр и использовал для обозначения нового печатного издания. Однако от номера к номеру название первой газеты менялось, наряду с "Ведомостями Московского государства" использовались и иные: "Ведомости московские", "Российские ведомости", "Реляции", "Эссенция из французских печатных газетов" и другие. К комплекту "Ведомостей" за 1704 год был приложен общий титул, наиболее полно отражавший их содержание: "Ведомости о военных и иных делах, достойных знаний и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах".

Первые номера газеты появились 16 и 17 декабря 1702 года, однако они сохранились лишь в виде рукописных копий. Наиболее полный комплект "Ведомостей", изданный в 1903 году к 200-летию газеты, начинается с номера от 2 января 1703 года. Эту дату (13 января по новому стилю) с 1992 года отмечают как День российской печати.

Указ об издании газеты датируется 1702-м годом неслучайно. Северная война началась для России неудачно. Потерпев поражение под Нарвой, русская армия потеряла всю артиллерию. И вот теперь, когда Россия напрягала все силы, чтобы дать отпор войскам Карла XII, необходимо было убедить народ в необходимости продолжать войну со шведами, объяснить значение некоторых мер правительства, например конфискации колоколов у церквей для переливки их на пушки. Наконец, надо было сообщить населению страны, что заводы наращивают выпуск оружия и боеприпасов, что у царя помимо русских войск имеется поддержка со стороны народов России...

Очень характерно в этом отношении содержание номера от 17 декабря 1702 года. Прежде всего, в нем сообщается о торжественном, после успешных боевых операций, въезде Петра I в Москву, о том, что царь "завоеванная шведская артиллерия многое число привез, которую взял в Мариенбурге и Слюсенбурге". Далее речь идет об обещании "великаго владельца Аюки-Паши" доставить 20 тысяч своих вооруженных воинов, об открытии месторождений железной руды, серы, селитры, то есть материалов, необходимых для дальнейшего ведения войны со шведами.

В том же духе выдержан и следующий номер (от 2 января 1703 года). Он информирует читателей: "На Москве вновь ныне пушек медных, гаубиц и мортиров вылито 400... А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, 40 000 пудов". Далее куранты сообщают о разработке природных богатств, "от чего чают немалую прибыль Московскому государству".

Любому делу, которое Петр начинал, он отдавал весь пыл своей души. Вот и новое детище - газету называл "любезнейшим органом". Царь отбирал для нее поступающий материал, помечал карандашом места для перевода из статей иностранных газет и, как видно из сохранившихся рукописных оригиналов, нередко собственноручно правил текст. Петр не только редактор, но и один из наиболее деятельных сотрудников газеты: он передавал для публикации известия о военных действиях, письма в Сенат, царевичу Алексею, императрице Екатерине и многое другое.

Трудно даже представить повседневную занятость Петра множеством государственных дел, и все же он находил время не только прочитывать "Ведомости", но и отмечать упущения редакции. Об этом узнаем, например, из письма графа Н. А. Мусина-Пушкина, начальника Монастырского приказа (а именно в его ведении находились "Ведомости"), директору Московской типографии Федору Поликарпову. Письмо было отправлено 4 марта 1709 года из Воронежа, где Петр в это время следил за ходом строительства боевых кораблей. "Присланные от тебя куранты неуютны, - пишет Мусин-Пушкин. - Изволил Великий Государь говорить, не надобно писать "Реляция", но "Ведомости", писать из которого места присланы. И ты, исправя, печатай и передавай в народ... А в конце надо писать: печатано в Москве 1709 лета марта... а не так, как у вас напечатано".

Вначале "Ведомости" печатали лишь в Москве на Печатном дворе, а с 1711 года - в Москве и Петербурге. В 1722 году издание газеты вновь переводится в Москву. Здесь ее редактировал Федор Поликарпов, а петербургскую с 1711 года - директор Петербургской типографии Михаил Аврамов; в 1719 году его сменил сотрудник Коллегии иностранных дел Борис Волков. В ту пору редакторы газеты (как, впрочем, и сегодня) занимались не только творчеством, но и массой организационных дел. Тому свидетельство - переписка Б. Волкова с типографией. Любопытно письмо, в котором он требует ускорить выпуск очередного номера, поскольку запоздавший номер читатели "не почтут за новости, но за какой-либо меморий для гисториков". Звучит вполне современно. Среди аргументов, с помощью коих Волков пытался воздействовать на типографию, была и ссылка на мнение государя о "Ведомостях": "Сии куранты нравны его императорскому величеству, который сам соизволит их прочитывать и погодно собирать, яко всекуриозный в литературе монарх". (В XVIII веке слово "куриозный" использовалось не только в значениях "примечательный", "интересный", "редкий", но и "любопытный".)

Вплоть до 1710 года "Ведомости" набирались церковным шрифтом. И вдруг 29 января 1710 года появляется указ об утверждении гражданского алфавита. В его разработке участвовал сам Петр - об этом говорят его собственноручные исправления на первых оттисках гражданской азбуки.

Первый комплект нового шрифта был отлит в Голландии, отчего его иногда называли "Амстердамский". В гражданский шрифт не вошли некоторые греческие буквы, ненужные для передачи русской речи. Начертание букв упростилось, благодаря чему стало проще набирать текст, а главное, читать его. Первый номер "Ведомостей", напечатанный гражданским шрифтом, вышел уже 1 февраля 1710 года. Однако и после того, думая о малограмотном читателе, обучавшемся по часослову и Псалтыри, наиболее важные номера иной раз печатали как гражданскими, так и церковными литерами.

Как выглядела первая русская газета? Формат на протяжении всего издания был одинаков - в двенадцатую долю печатного листа с очень узкими полями (площадь такой газетной страницы примерно на одну треть больше страницы журнала "Наука и жизнь"). Оформление "Ведомостей" постепенно улучшалось. В зависимости от места издания заглавные листы украшали гравюры, изображавшие либо Москву, либо Петербург. Появились виньетки, в некоторых номерах первые абзацы наиболее важных сообщений печатали кинварью.

Газета выходила нерегулярно. Например, в 1703 и 1704 годах было выпущено по 39 номеров, в 1705 году - 46, в последующие годы количество номеров сокращалось иногда до нескольких в год. Тираж также колебался: рекордным стал выпуск 4000 экземпляров (когда Екатерина родила Петру наследника), чаще же он составлял 100-200 экземпляров. Подписки на "Ведомости" не было. Газету продавали обычно по цене 1-2 деньги, иногда 3-4 деньги (монета достоинством в полкопейки). Но надо было как-то приобщить простой люд к чтению газеты. И тогда, по распоряжению Петра, в трактиры стали передавать номера бесплатно, а в порядке поощрения первых читателей угощали там чаем.

Последовательно просматривая годовые комплекты "Ведомостей", видишь, как постепенно меняется состав публикуемых материалов, они становятся разнообразнее. В начальный период основу курантов составляли переводы из иностранных газет, главным образом немецких и голландских. При этом из поступающих в редакцию переводов в "Ведомости" не включалась информация, которая могла бы нанести какой-либо ущерб достоинству России, ее армии и союзников. Об этом говорят пометки на сохранившихся оригиналах "Ведомостей": "Сей статьи в народ не пускать". Первая газета и первая цензура!

Постепенно растет доля оригинальных материалов. Правда, в большинстве случаев они публиковались анонимно, хотя известно, что среди авторов "Ведомостей" были сподвижники Петра I, видные государственные деятели и дипломаты: Федор

Апраксин, Гавриил Головкин, Василий и Григорий Долгорукие, Борис Куракин, Петр Толстой, Петр Шафиров. Наряду с краткими сообщениями публиковались и сравнительно крупные статьи, до 300 строк. Использовались различные литературные жанры - информация, обзоры, фельетоны и памфлеты.

О чем писали "Ведомости"? В газете не было тематических рубрик, поэтому многие номера представляют собой пеструю смесь самых разнообразных сведений - от описания морского сражения до рекламы целебных свойств олонецких вод, "которые чрез многих болящих освидетельствованы...". И тем не менее в этом информационном калейдоскопе можно выделить главные темы публикуемых материалов. На протяжении почти двадцати лет в центре внимания курантов находились события Северной войны. Газета сообщала о победах русской армии и флота, о боевых действиях союзников. Чтобы подчеркнуть важность события, использовали появившиеся возможности тогдашней полиграфии. Так, первый абзац сообщения о разгроме шведов под Полтавой был выделен - напечатан кинovarью.

Хотя Петр и пытался иногда скрыть военные неудачи, однако "Ведомости" постоянно приводили данные о потерях русских войск. Вот лишь один из примеров. В реляции о победе в морском сражении у полуострова Гангут 25-27 июля 1714 года наряду с реестром захваченных шведских кораблей и сообщением о количестве взятых в плен офицеров, матросов и солдат противника указывается: "Наших на том бою побито всего офицеров, также ундер офицеров сухопутных и морских и рядовых солдат и матросов 124, ранено 342".

Но вот Северная война завершилась, подписан Ништадтский мирный договор, и "Ведомости" в номере от 12 сентября 1721 года сообщают читателям главный итог войны: "Корона шведская вечно уступает нам Лифляндию, Эстляндию, Ингерию и значительную часть Карелии, с городами Ригию, Ревелем, Нарвою, Перновом, Выборхом и Кексхольмом".

Первая русская газета широко освещала дела развивающейся промышленности и торговли. В ней можно найти и общую оценку экономической ситуации в стране: "Купеческие, мануфактурные и всякие рукодельные дела зело успевают". И тут же конкретные факты, говорящие о росте производства и освоении новых технологий: "в Адмиралтействе на стапелях 11 кораблей, в том числе один чайот нынешнюю осень спустить". "Ведомости" сообщали, что на литейном дворе в Петербурге вылиты пушки "на новый манер разных калибров 20 штук"; что "в добром порядке" развиваются шелковые, шерстяные и чулочные мануфактуры, а "в государстве обретающиеся материалы и минералы весьма изрядно выходят". Читатели могли узнать, что в Москве 200 человек учатся мануфактурному делу, и "простой народ к сим наукам особливую охоту показывает", а на реке Ахтубе, в Казанской губернии, построен селитровый завод. Газета сообщала о завершении строительства Вышневолоцкого канала, связавшего Волгу с Балтийским морем, о том, что "морской флот в 30 больших купецких кораблей счастливо на Темзу реку пришел", и т. п.

На своих страницах "Ведомости" писали о глубоких изменениях, происходивших в области просвещения и распространения гражданской литературы, например, о том, что по приказу царя расширяется сеть школ, в том числе и специальных, что в Москве "в математической штурманской школе учатся более 300 человек и добре науку приемлют". В 12-м номере за 1710 год впервые публикуется библиографический обзор - "Реестр новым книгам гражданским, которые по указу Царского Величества напечатаны новоизобретенною Амстердамскою азбукою".

"Ведомости", несомненно, расширяли кругозор читателей, знакомя их с жизнью европейских стран, популяризируя географические знания, систематически разъясняя географические термины и т. п.

После смерти Петра I его "любезнейший орган" просуществовал менее двух лет. Постепенно сужалась тематика публикуемых материалов, она все более ограничивалась

описанием официальных торжеств. Газета выходила очень редко: в 1727 году появилось всего четыре номера. В том же году газету передали в ведение Академии наук, и с 1728 по 1914 год она уже выходит под названием "Санкт-Петербургские ведомости".²⁶

Напечатанный киноварью первый абзац сообщения о победе русской армии под Полтавой.

Реляция о случившейся морской баталии между российской авангардией и шведскою эскадрою

ГАНГУТСКОЕ СРАЖЕНИЕ

07.08.1714 год (27.07.1714 г.)

<...> В 27 день (июля 1714 года) по утру господин наш адмирал со всем при нем будущим флотом, с полуночи пошел, и тогож утра приблизяся к неприятелю и указ дал пробиватца сквозь оног не огребая кругом, что с помощью божиею и учинено. И так безвредно, что толко одна скампавея стала на мель, которую неприятель взял, а протчие все как суды, так и люди без вреда прошли, хотя со всего флота (шведского) стреляли по наших над меру жестоко, от которой стрелбы у одного капитана толко ногу отбили. Когда адмирал прошел, тогда репортовал ево капитан камевдор Змабвич, что он блокивал (блокировал. - Ред.) неприятеля. По том, когда господин адмирал в то место прибыл, и учредя флот к бою послал генерала адъютанта Ягушинского к командующему тою шведскою эскадрою Эрншелту, чтобы оной отдался б). На что оной сказал, что того учинить не может. Тогда, ввдя их упорство, господин адмирал дал сигнал авангардии 1) нашей оног отаковать, которая атака началась в третьем часу по полудни и продолжалась даже до пятого часа. И хотя неприятель несравненно артиллерию имел пред нашими, однакож по зело жестоком супро-тивлении перво галеры одна по другой, а потом и фрегат флаги опустит. Однакож так крепко оборонялись, что ниединое судно без обордирования от наших неотдалось.

Шаудбейнахт (Эреншилд), спустя флаг, скочил в шлюпку с своими грано-деры, и хотел уйтить, но от наших пойман, а именно Ингермолавдского полку капитана Бакеева с гранодеры. Сею атакою камаццовали господин шаудбейнахт карабелного флоту и генерал господин Вевд. Воистинну нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, а что взято от неприятеля людей, судов и артиллерии, також столко побито и ранено, тому при сем реестр 11.²⁷

---

26 «Наука и жизнь», Первая русская газета. - <http://www.nkj.ru/archive/articles/9324/>

27 *Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. С. 200-207. 251-254.-*
<http://hrono.info/dokum/1700dok/1714gangut.php>

Всякая всячина

Первый русский сатирический журнал, выходивший в СПб., в 1769 г., еженедельно по пятницам, полулистами, по 4 стр. in 8°. Первый выпуск состоял из 6 стр. и имел следующее заглавие: "В. Всячина. Симлистом бью челом, а следующие впредь изволь покупать". Все издание за 1769 г. составляет книгу в 408 стр.; каждая статья имеет особый №, всего №№ 150. В 1770 г. издан "Барышек В. В."

(см.), продолжавший нумерацию страниц "В. Всячины" (411-552) и статей (№ 151 — № 176). Издателем журнала, как теперь доказано, была императрица Екатерина, равно как и главным редактором и сотрудником; ближайшим помощником ее состоял Г. В. Козицкий. Цель издания объясняется в журнале таким образом: "Я хотел показать, первое — что люди иногда могут быть приведены к тому, чтобы смяться самим себе; второе, открыть дорогу тем, кои умнее меня, давать людям наставления, забавляя их, и третье — говорить русским по-русски и не представлять им умоначертаний, кои оные не знают". За образец был принят журнал Аддисона "Spectator" ("Зритель"), выходивший в Лондоне в 1711-12 гг., причем "В. Всячина" широко заимствовала из него и форму, и характер сатиры и да же прямо пользовалась его статьями, сокращая или дополняя их и приближая к русской жизни. Заимствования производились из французской редакции Аддисоновского журнала. Форма сатирических статей "Всякой Всячины"

— большей частью писем постороннего лица в редакцию, аллегория, восточная повесть, сон, случайно найденные записки и т. д. Характер сатиры "В. Всячины" был самый безобидный, потому что она поставила себе правилом "не целить на особ, а единственно на пороки". Даже и эта скромная цель суживалась тем, что журнал предполагал "изредка касаться пороков, чтобы тем под примером каким не оскорблять человечества". Таким образом "В. Всячина" обращала главное внимание на смешные, мимолетные явления жизни, а из общественных зол она коснулась только взяточничества, и то лишь по отношению к "подьячим". "В. Всячина" породила целый ряд сатирических журналов: "И то, и сё", "Ни то, ни сё", "Полезное с приятным", "Смесь", "Трутень", "Адская Почта". Эти журналы смотрели на "В. Всячину", как на свою "бабушку", а себя называли "внучатами". Эти родственные отношения скоро испортились вследствие полемики. Большинство народившихся журналов, особенно "Трутень" и "Смесь", отнюдь не смотрели так же невинно на сатиру и хотели придать ей обличительное направление. Вопрос об исправлении пороков также решался различно: "внучата" полагали, что воспитания мало для искоренения их, а необходимы также социальные реформы. Poleмика дошла до того, что "Смесь" замечала, яко бы бабушка "изображает слабость своего разума", не сходясь с внучатами, которые могли ее спросить: "почто же называться роднёю? Или она уже выжила из ума?" Заключая поприщесвоей деятельности, издатель высказался в следующих словах: "прощайте, господа, я с великим терпением слушал ваши осуждения и смеялся от чистого сердца всему тому, за что другой бы сердился, и не перестал писать, пока мне самому не вздумалось окончить В. Всячину; и сие оканчивая, объявляю вам, что я прилеблю другое ремесло, где достанутся от меня многим щедрые милости". Последние слова служат одним из опорных пунктов доказательства, что издателем была Екатерина II. Из сотрудников "В. Всячины" могут быть указаны: А. В. Храповицкий, Аф. Лобысевич, А. О. Аблесимов, П. Ф. Богданович (или П. Ф. Берг); предполагают еще И. П. Елагина.

В 1892 г. журнал "Будильник" дает перепечатку "В. Всячины" на страницах своего издания и отдельно.

Горечь и разочарование Екатерины в деятельности Уложенной комиссии проявились весьма необычно. В январе 1769 г., то есть всего через месяц после роспуска комиссии, в свет вышел первый номер сатирического журнала «Всякая всячина», редактором которого был статс-секретарь императрицы Г.В. Козицкий, в свое время помогавший ей в работе над «Наказом». При этом все понимали, что в действительности редактором и издателем журнала была сама Екатерина. Ей нужно было высказать свою точку зрения на происшедшее и заручиться поддержкой общества. Поэтому уже в первом номере журнала было сказано о поощрении аналогичных изданий и был сделан намек на необходимость обсуждения назревших проблем. Показательно, однако, что вопрос об открытом обсуждении политических проблем даже не возникал – подобное для русского общества того времени было совершенно неприемлемо. Высказать свое мнение можно было лишь в форме иносказательной.

Именно так поступила и сама Екатерина. Во «Всякой всячине» она опубликовала несколько своих сочинений, в которых ясно показала свой взгляд на причины неудачи Уложенной комиссии. Так, например, в ее «Сказке о мужичке» рассказывается о том, как портные (депутаты) шили мужичку (народу) новый кафтан (уложение). И хотя у них был даже образец такого кафтана («Наказ»), дело им не давалось. Тут «вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и холода помирали» (Лифляндия, Эстляндия, Украина и Смоленская губерния), которые, хоть и были грамотны, помогать портным не пожелали, а, напротив, стали требовать, чтоб им отдали те кафтаны, которые они носили в детстве (старинные привилегии). В итоге мужичок так и остался без кафтана.

В другом сочинении – «Дядюшка мой человек разумный есть» – рассказывалось о человеке, никак не могущем привести в порядок свое хозяйство из-за того, что его домашние пекутся только о своих личных выгодах. «Вообще все заражено двумя пороками, – писала императрица, – первый – корысть, другой – дух властвования. Наравне быть не умеют, и от того уже родиться может зависть, ненависть, злость, угнетение, когда есть возможность, несправедливости всякие, насильствие и, наконец, мучительства».

Призыв «Всякой всячины» был услышан, и уже в том же 1769 г. в России издавалось восемь сатирических ежемесячников. Однако надежды Екатерины на широкое обсуждение политических проблем и тут не оправдались, и вместо этого она была втянута Н.И. Новиковым, начавшим издавать журнал «Трутень», в полемику о характере сатиры, направленности ее против абстрактных пороков или их конкретных носителей. На страницах своих журналов оппоненты обменивались весьма язвительными замечаниями в адрес друг друга, благо все публикации печатались без подписи автора и по-прежнему носили иносказательный характер. Но Екатерине это вскоре надоело, ведь она затеяла издание журнала вовсе не для упражнения в остроумии. В 1770–1771 гг. она занялась писанием комедий.

II. ПИСЬМО КЪ ГОСПОДИНУ ЖИВОПИСЦУ *).

*) Въ "Живописцѣ" Новикова, посвятившаго свой журналъ "неизвѣстному сочинителю комедіи "О время". (См. статью о лит. дѣят. Екатерины II).

Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія "О время!" таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете, а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести,

которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листковъ мнѣ сдѣлали. Комедію мою сочинилъ я живучи въ уединеніи, во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи; слѣдовательно, не выходя изъ дому своего нашель въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни желаній не имѣю; пишу я для собственной своей забавы, и если малыя сочиненія мои приобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавида праздность, отъ писанія и не воздержуся, однако-жъ выдавати ихъ болѣе не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедій, что для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ томъ никому нѣтъ, Карпомъ ли, или Сидоромъ меня зовутъ. Итакъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную "Именины госпожи Ворчалкиной". Дошло до меня, что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что господинъ Фирлюфюшковъ за безстыдное словонесдержаніе наказанъ палкою. Говорятъ они, что -- "какъ, дескать, дворянина за безчестное дѣло бить палкою!" Я не стану приводить здѣсь, бывало-ли таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе, или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ господина Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются.

Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу просьбу. Вы хотите, чтобы я прислалъ къ вамъ какія-нибудь моя сочиненія; сіе съ охотою впредь я исполню, я сожалею о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось, ибо я цѣлыя пять мѣсяцевъ занялъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на театръ, а прочія туда же въ походъ собираются... Я впрочемъ есть, государь мой, вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи "О время!"

III. БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ

и связанныя съ ними полемическія замѣтки *).

*) Въ журн. "Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова", 1788, кн. II--VIII.

Предисловіе (къ "Былямъ и Небылицамъ").

Великое благополучіе! Открывается поле для меня и моихъ товарищей, зараженныхъ болячкою бумагу марать перомъ, обмокнутымъ въ чернила. Печатается "Собесѣдникъ" -- лишь пиши, да пошли, -- напечатано будетъ. Отъ сердца я тому радъ. Увѣряю, что хотя ни одинаго языка я правильно не знаю, грамматикъ и никакой наукѣ не учился, но не пропущу сего удобнаго случая издать "Были и Небылицы"; хочу имѣть удовольствіе видѣть ихъ напечатанными.

Начало "Былей и Небылицъ".

Опытъ самолюбія.

Да будетъ свѣту извѣстно, что я зналъ человѣка, который имѣлъ домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, половина вросшій въ землю, а другая съ наклономъ къ паденію; внутри весьма посредственно убранный. Но ему казался тотъ домъ великолѣпный, понеже былъ его; той же причины ради, хотя жена его отъ утра до вечера брюзжала и слыла глуповатой, дѣти же были сущіе шалуны, но онъ имъ цѣны не ставилъ и приписывалъ имъ душевныя и тѣлесныя безсчетныя дарованія. У него была лошадь

рыжая, съ бѣльмомъ на глазу, другая вороная, короткошея, кургузая, которыхъ зимою впрягалъ онъ въ сани, а лѣтомъ, попеременно, въ одноколку, и тѣмъ красоту и добродѣтели приписывалъ. Однимъ словомъ: все, что ему принадлежало: мамы, няни, бани, вѣники, собаки, огородъ, пиво, полпиво, поварь, -- все ему казалось отменными качествами снабдено, для того только, что ему принадлежало, и любилъ онъ себя и никого иного.

* *

Есть у меня сосѣдь, который въ младенчествѣ слылъ умницею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать; въ совершеннѣйствіи каковъ? -- увидите изъ слѣдующаго. Онъ ходитъ бодро; но когда два шага сдѣлаетъ направо, то, одумавшись, пойдетъ налѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его идти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы его и мысли. Сосѣдь мой отъ роду своего не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единого шагу безъ раскаянія потомъ объ ономъ. Поутру вспомнить, что у васъ столъ хорошъ; отъ утра до обѣда мучится нерѣшимостью: ѣхать ли, или не ѣхать къ вамъ? рѣшится, къ обѣду къ вамъ поѣдетъ, сядетъ съ вами за столъ; тутъ вдругъ нападаетъ на него воздержаніе отъ пищи: сколько ни будутъ потчивать, не станетъ ѣсть, подъ отговоркою, что желудокъ или животъ болитъ, и отъ того сдѣлается уторможеннымъ; къ концу стола опомнится, когда кушанье начнутъ прибирать: начнетъ тогда съ застылыхъ блюдей что-нибудь хватать, и окончаетъ обѣдъ закусками, позабывъ, что животомъ жаловался за полчаса предъ тѣмъ. Мой сосѣдь двадцатью въ день скупъ и мотъ, богатъ и бѣденъ, хорошъ и дурень, доволенъ и недоволенъ, и все что изволишь; только счастливъ не бываетъ, для того что слѣдуетъ всею своимъ мыслямъ на часъ, и не имѣетъ ни единой, которая бы не перебита была другою.

Когда я гляжу на него, тогда онъ, утупя глаза въ полъ, передо мною важничаетъ, труся, однако, мнѣ мысленно. Часто я смѣюсь надъ нимъ; говоря съ нимъ дружески, привожу его въ чувство; но тѣмъ не поправляется его состояніе; лишь ропщетъ противу меня заочно, а въ глазахъ мнѣ льститъ. Бывъ съ нимъ въ размолвкѣ на Святой недѣлѣ, встрѣтилъ я его нечаянно на улицѣ, спросилъ: куда идетъ? "къ вечернѣ", отвѣтствовалъ онъ; но вмѣсто того, нѣсколько минутъ только спустя, завелъ меня къ танцовщицѣ; сія, стоя предъ зеркаломъ, пляску твердила; тутъ сосѣдь мой тотчасъ вздумалъ поволочиться, началъ нравоучительныя проповѣди; пока говорилъ, пляска продолжалась передъ зеркаломъ непрерывно; въ отвѣтъ же ему сказано было: "куда, мой свѣтъ, ты скучень!" Съ тѣмъ мы и вышли.

* *

На сихъ дняхъ ѣздилъ я въ деревню посѣтить дѣдушку (1) своего; онъ человѣкъ глубокомыслящій и словоохотный. При первомъ свиданіи рассказывалъ онъ мнѣ много случившагося съ нимъ, и что онъ въ свѣтѣ живучи видѣлъ. Я же спѣшу мнѣ сказанное сообщить для внесенія въ "Были и Небылицы".

Во-первыхъ, сказалъ онъ мнѣ, что знавалъ онъ человѣка страннаго, котораго нравъ склонялъ его сердиться въ такихъ случаяхъ, которые другихъ людей приводили къ жалости и сожалѣнію; что тотъ же человѣкъ любилъ лгать и что произносимыя имъ лжи онъ такъ часто повторялъ, что, затвердивъ оныя, самъ вѣрилъ онымъ какъ истинѣ; лыгалъ же нерѣдко самому себѣ въ поношеніе смѣло и не краснѣя. Дѣдъ (2) мой приписывалъ сіе робкому нраву и живому воображенію того человѣка, который давно уже умеръ.

NB. Сіе прибавлено мною, дабы читатель не имѣлъ труда искать его между живыми.

Братъ двоюродный мой человѣкъ веселый я проказливый; онъ былъ бы мотъ, еслибъ жена его отъ того не удерживала; она бережлива до того, что и должникамъ не платитъ. Съѣстные припасы въ долгъ забираетъ, мужнины векселя, когда до ея рукъ дойдутъ, въ

лоскутки издираеть и чрезъ то долгъ безъ платежа уничтожить стараеться. Дѣдушка (3) дивиться, коей ради причины купцы ни мужу, ни женѣ не вѣрятъ, хотя они очень достаточны.

Примѣчаніе. Дѣдушка (4) мой обыкновенно чрезвычайно остеръ и уменъ, а иногда непонятно какъ недогадливъ.

NB. Вышеписанное примѣчаніе не къ слѣдующему приключенію относится.

Дѣдушкѣ (5) моему случилось нѣкогда имѣть довѣренность мужа и и жены, кои были въ ссорѣ отъ того, что смертельно ревновали другъ къ другу; и не безъ причины то было, ибо у мужа была любовница, а у жены хахаль; оба они любили на тотъ часъ дѣдушку (6), какъ лучшаго ихъ друга, и у обоихъ онъ вторую ролю игралъ; показывали ему получаемя письма, не скрывали отъ него, гдѣ свиданія бывали, какъ другъ другъ обманывали и кто повѣренные у нихъ были; все шло изрядно для дѣдушки (7), которому по мѣсту своему искать въ нихъ нужда была; но сего онъ не выговаривалъ. Нечаянно мужъ занемогъ; жена сидѣла у кровати. Дѣдушка (8), вошедъ въ комнату, нашель, что они бранятся; мужъ выпѣваетъ женѣ ея невѣрности, сказываетъ ей, гдѣ она свиданія съ любовникомъ имѣеть, ссылаясь въ томъ на дѣдушку (9), какъ на человѣка о томъ свѣдущаго; жена же оправдываетъ свой поступокъ невѣрностью мужа и ссылалась равномѣрно на дѣдушку (10). Онъ одинъ былъ ни въ чемъ неповиненъ, и, сохраняя совершенно обоюдную тайну, краснѣеть, молчить, прерваннымъ голосомъ и словами мнется, и мучимъ мыслию, чтобъ каждый изъ супруговъ не подумалъ, что онъ пересказчикъ. Дѣдушка (11) мой разныя имѣлъ причины блюстись, чтобъ ни того, ни другого не раздражить, и весьма опасался, чтобъ громъ не оборвался на него; по счастью, прискакалъ за нимъ отъ одного генерала ординарецъ. Дѣдушка (12) сѣлъ въ карету и ускакалъ; мужъ потомъ скоро умеръ, а жена вышла вторично замужъ. И такъ, дѣдушка (13) унырнулъ отъ грозящей ему напасти.

Онъ же сказывалъ, что у него была кума, которую онъ весьма любилъ. Кума была высока и толста; отецъ ея у города Архангельскаго производилъ торговлю и разные промыслы: онъ терся около голландскихъ купцовъ; потрушивалъ то тому, то другому; всѣмъ кланялся рукою до земли и цѣловалъ въ полы. Наживъ нарочитый достатокъ, вздумалъ дочь воспитать на иностранный образецъ, для чего и отдалъ ее въ какой-то пансіонъ, гдѣ обертки съ двѣ ума она получила; оттуда вышедъ, была выдана замужъ за отставного дворянина. Кума, бывъ дородна, скрывала тягость притворнымъ проворствомъ и легкостью, однакожь не летающихъ. Предпріятію сему противоборствовала толщина ногъ ея, которыя въ лучшихъ дѣйствіяхъ подвергивались, отчего нерѣдко аки свинецъ на землю падывала. Сему причиною дѣдушка (14) сказываетъ то, что кума пальцы ногъ своихъ вершка по 2 стѣсняла узкими башмаками; а какъ за тѣмъ оставалась еще отъ ногъ четверть аршина безъ обуви, то ножки, вертясь туда и сюда, на высокихъ и тонкихъ, какъ на куликовой шейкѣ, каблучкахъ, не сносили безъ наклоненія наставленнаго на нихъ вѣса. Дѣдушка (15) говоритъ, что кума его была щеголиха, любила по модѣ одѣваться, другимъ женщинамъ завидовала, хорошихъ не хвалила, красавицъ не любила, съ мужемъ была брюзглива, съ людьми нравна и скупа; въ красотѣ, въ умѣ и знаніи мѣры себѣ не ставила, во всѣ разговоры вступалась, все знала лучше прочихъ людей, за все принималась; но рѣдко что ей удавалось. Дѣдушка (16) говоритъ, что она пріятности не имѣла. Онъ ей мѣры не ставятъ за то, что мужа любила, хотя исподлобья на другихъ изрѣдка глазѣла не весьма таясь. Дѣдушка (17) говоритъ, что инымъ удастся, поступая такъ, оберегать столицу добродѣтели. Я на сихъ дняхъ спрошу у него, что онъ подъ тою рѣчью разумѣлъ; неужели это какое ни на есть масонское слово, незамыкающее въ себѣ никакого смысла, а выдуманно только для закрытія?

NB. Дѣдушка (18) меня жестоко бранилъ, что я записываю его рассказы; что-то мнѣ за то будетъ, какъ онъ ихъ увидитъ въ печати? Я думаю изъ его экземпляра "Собесѣдника" выдрать листь; авось-либо онъ не узнаеть.

Онъ же говоритъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ кого смѣшить; что онъ въ томъ однакожь находить разныя затрудненія, не для того, чтобъ онъ не говорилъ смѣшного; но

для того, что не всякій въ смѣшномъ расположеніи. Дѣдушка (19) говоритъ, что когда онъ въ своемъ намѣреніи не успѣваетъ, и тотъ не смѣется, кого онъ смѣшить хочетъ, тогда онъ тотчасъ оборотитъ рѣчь на что-нибудь для того человѣка пріятное, чрезъ что, не могши принудить къ смѣху, производитъ легкую улыбку, подобно какъ искусный врачъ производитъ испарину, и на тотъ часъ тѣмъ удовольствуется. Дѣдъ (20) мой искусный человѣкъ. Я часто его нахожу, что онъ, сидя одинъ, смѣется; не всегда онъ сказываетъ чему; но я иногда догадываюсь, не отъ хорошей ли погоды онъ бываетъ въ улыбательномъ духѣ.

НВ. Мнѣ добрый человѣкъ говорилъ, чтобъ я не такъ часто упоминалъ о дѣдушкѣ, опасаясь, что частыя повторенія одного слова ушамъ непріятны будутъ. Сіе принудило меня перечестъ, въ угожденіе ему, много ли разъ упомянуто о прародителѣ; я нашель не болѣе, какъ десятка два слишкомъ; я уже нѣсколько вычернилъ, а прочихъ по совѣсти выкинуть не могу; но только номера поставилъ, дабы во второмъ тисненіи можно было исправить то, что спѣшу отдать въ печать, дабы радоваться печатанному.

* *

Дѣдушка мой говоритъ, будто въ молодости его люди лучше знали цѣну вещамъ и людямъ, нежели нынѣ знаютъ, и будто въ то время болѣе умными разговорами занимались и веселонравнѣе были. Въ третій день пріѣзда моего къ нему, онъ насъ, внучатъ своихъ (числомъ 15 человѣкъ), собралъ, и часа съ три о семь вель рѣчь. По счастью, мы всѣ предъ нимъ (за неимѣніемъ въ той горницѣ стульевъ) стояли; сему только и приписываю, что мы отъ сей проповѣди не задремали, однакожь глаза протирать часто нужду имѣли; зѣваль ли же кто, я точно не примѣтилъ; но всѣ, шляпой, картузомъ, или колпакомъ, у кого что въ рукахъ случилось, уста своя нерѣдко закрывали. Кончилъ дѣдушка разговоръ свой сравненіемъ, который, сокративъ для памяти, я записалъ: "Когда мы молоды были", говорилъ онъ, "тогда праздность, въ конюховой одеждѣ закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почитали безчинствомъ. Сонъ нашъ продолжался до полудня; оставшую часть дня провождали, сидя у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и долѣе; должность, къ которой неволью наряжены бывали, немного съ лѣнцою отправляли; но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сія вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ, ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется". Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому, что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, "будто мысли и умы, долго бывъ угнетенны подъ тягостью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ dna, онаго не откроетъ". Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную, взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ кресель своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: "припомните моя слова: всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега своя, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе". Проговоря сіе съ жаромъ, онъ паки сѣлъ, какъ будто отдыхать хотѣлъ, и углубился въ задумчивость. Мы думали, что онъ кончилъ рѣчь свою, и хотѣли откланяться, но онъ, не примѣтя того и бывъ въ восхищеніи (Богъ вѣсть отъ чего), паки началъ говорить, но съ вельми степеннымъ видомъ и голосомъ, тому виду приличнымъ: "Ни чему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному

разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ о общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больного."

Примѣчаніе. Дѣдушка, посредствомъ Совѣстнаго Суда въ семи намѣстничествахъ, помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе тридцати.

Въ Смоленскѣ имѣлъ онъ распри по наслѣдству.

Въ Великихъ Лукахъ ябедою продолжившееся дѣло.

Въ Ингерманландіи вексельный искъ.

Въ Курскѣ споръ по стариннымъ отказнымъ книгамъ.

Въ Москвѣ судное по крѣпости дѣло.

Въ Нижегородской губерніи хлопоты по рыбнымъ ловлямъ.

Въ Новѣгородѣ прадѣдовскіе поемные луга, кои у него отнять хотѣли.

* *

Зналъ я одну женщину, которая слыла разумною, ученою и благонравною. Читатели сами опредѣляютъ, сколь справедливо она названія сіи заслуживала. Правда, что имѣла она природную остроту, но не имѣла столько разсудка, чтобъ восчувствовать, что безпрестанное ея во всемъ притворство наконецъ откроется, и что она часто онымъ осмѣянію подвергается; учености жъ, не вопреки будь сказано болтливой богинѣ Славѣ, много имѣтъ она не могла: училъ ее Гасконецъ одинъ по-французски; въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ стала она учиться пѣть, на клавикордахъ играть и по-итальянски говорить; чтеніе романовъ и французскихъ театральныхъ сочиненій потомъ довершило всю глубину премудрости, въ кою она когда-либо снисходила. Добродѣтель же ея состояла въ щедро изливаемыхъ слезахъ, коими она изобильно во всякомъ случаѣ наградить была готова, и кошелекъ друзей своихъ часто для бѣдныхъ раскрывала; но щедрость относилась всегда на свой счетъ. Благонравіе же ея состояло въ томъ, что она оказывала горячую любовь ко всѣмъ, считала до двухъ сотъ друзей, до четырехъ сотъ пріятелей и пріятельницъ. Переписку вела съ 60 человекъ; съ людьми же, не очень съ нею короткими, она на все соглашалась; напротивъ, съ любезными ей друзьями обо всемъ спорила, и съ равнымъ жаромъ и рвеніемъ легкаго своего не щадила (ибо голосъ свой при такихъ случаяхъ октавою цѣлою возвышала): о туфляхъ, о собакѣ, о дорогѣ, или о цвѣтѣ волосъ бороды армянскаго архимандрита она оспаривала любезныхъ друзей мнѣніе. Дѣвушкамъ ея и друзьямъ ея принадлежащимъ, кучеру, лакею, дворецкому, равно какъ и любезному мужу, доставалось слышать громогласныя ея поученія, кои бывали непріятными нарѣчіями, бранными словами и угрозами наполнены. Ничто ей не было нравно, и чѣмъ болѣе тотъ другъ, у кого она за столомъ находилась, желалъ, чтобъ она кушала, и выхвалялъ которое ей блюдо, тѣмъ крѣпче предавалась она воздержанію, и не только отказывала все, но иногда благосклонно соглашалась отвѣдать съ иного блюда, для того только, чтобъ имѣть удовольствіе -- взятое на тарелку выплюнуть. Къ умиленію склонный ея нравъ наклонялъ ее къ снисхожденію -- споры и противорѣчія свои смягчать нѣжными приговорами, какъ на примѣръ: "душа моя, ты не понимаешь; ты, любезный другъ, говоришь неправду; я все для тебя потеряла, и я бы знатнѣе и счастливѣе была за другимъ, когда бы чортъ меня съ тобою не снесъ; меня всѣ, душа моя, обожаютъ за то, что я не такого дурнова нрава, какъ ты". Ъхавъ въ дальнюю свою деревню, проѣзжалъ я черезъ одну изъ губерній обширной нашей имперіи, гдѣ мужъ ея начальствовалъ; онъ былъ въ отлучкѣ, и она объ отсутствіи его была въ безпрестанныхъ слезахъ. Я не вытерпѣлъ ей старинную пословицу напомнить: "розно, такъ тошно, а вмѣстѣ, такъ тѣсно".-- О, дивное благонравіе!

* *

Дѣла тяжёбныя, кои, за грѣхи мои, родственникъ со мною завелъ, принудили меня, перенеся оныя на апелляцію, ѣхать въ Петербургъ. Тамъ, по обыкновенію, старался я

найти покровителя, и успѣвъ въ ономъ, къ благосклонному мнѣ вельможѣ нерѣдко ѣздилъ. Я встрѣчался часто съ чужестранными и съ большими нашими боярами; и какъ въ домѣ моего благодѣтеля между иностранными я примѣтилъ одну особу отмѣннаго нрава и заботливости, я тогда же у себя не карандашемъ, но перомъ его портретъ написавъ, нынѣ здѣсь сообщаю. Онъ всегда чувствовалъ и скрывать не могъ нетерпѣнія своего, когда кто тихо говорилъ съ кѣмъ-нибудь, для того что онъ все знать и слышать желалъ. Изъ дома въ домъ переѣзжалъ для того только, чтобъ слышать новости, а услышавъ оныя, давалъ имъ смыслъ собственной своей выдумки, прибавляя къ нимъ важность, которой онъ никакъ въ себѣ не содержали, и выводилъ изъ оныхъ заключенія, кои одна его заботливая голова или старая сплетница дѣлать можетъ. Безпокоился также очень, когда куды-нибудь товарищей его созовутъ обѣдать или ужинать, а его не пригласятъ. Себя и санъ свой ставилъ онъ очень высоко, отчего часто былъ недоволенъ, думая, что не все ему должное почтеніе воздается; выдумывалъ басни, и потомъ, съ важнымъ видомъ и будто по отличной довѣренности, ихъ рассказывалъ за слышанную имъ быль. Самыя бездѣлицы вывѣдывать желалъ такъ охотно, что наконецъ не только остерегъ всѣхъ противъ себя, но проницательность и мелкости, кои въ его нравѣ такъ видимы были, содѣлывали его не только неприятнымъ, но и возбуждали противъ его отвращеніе.

Къ "Былямъ и Небылицамъ" примѣчанія не маловажныя.

Я того мнѣнія, что воздушныя происшествія болѣе надъ нами дѣйствуютъ, нежели обыкновенно думаютъ.

Напримѣръ. Когда я грущу безъ дѣла, или слишкомъ печаленъ, не имѣя на то причины, тогда вѣрно знаю, что будетъ переменная погода.

Когда любовница моя бранить меня безъ основательной причины или ревнуетъ попустому, то я безошибочно знаю, что назавтра ненастье будетъ.

Когда жена разворчитъ и брюзжитъ, то навѣрное ожидать можно бурной погоды.

Во время жъ сильнаго вѣтра отлично во мнѣ дѣйствуетъ воображеніе.

Продолженіе (1-е) "Былей и Небылицъ".

Изъ града Святаго Петра, іюня 30 дня 1783 года.

Отъ самага дня изданія "Собесѣдника", примѣчена повсюду великая переменна и поправление во нравахъ; да какъ тому и быть иначе? Прибавилось въ рукахъ покупающихъ рубли на полтора шутки, проповѣди, нравоученія. Будучи занятъ сею мыслию, вставъ на сихъ дняхъ рано, пошелъ я прохаживаться по улицамъ; вѣтрено было, несло по городу пыль, щепки, известь, перья, мочалки и, между прочимъ, упала къ ногамъ, обернуся нѣсколько разъ около башмаковъ моихъ, печатная бумажка. Я великій охотникъ читать, и обыкновенно не пропускаю ни единой вывѣски, ни прибитаго листа къ дому о наймѣ или продажѣ, ни мастероваго щита, чтобы не прочесть оныхъ; давно бы я всѣ наизусть сказать могъ, буде бы не переменняли ежедневно своего пребыванія. Наклонясь, я поднялъ для прочтенія печатную бумажку, которую вѣтеръ повергнулъ къ стопамъ моимъ. При первомъ взглядѣ не вѣрилъ я глазамъ своимъ, когда увидѣлъ, что та бумажка не что иное было, какъ папилютъ, сдѣланный изъ листа "Собесѣдника"; съ ужасомъ читалъ я точныя слова "Были и Небылицы"; прочее передрано и припекальными щипцами сожжено было! Я остолбенѣлъ на улицѣ и, стоя, впалъ въ размышленіе, какъ бы то случиться могло? Въ самое то время мимо меня прошелъ разнощикъ съ лоткомъ апельсиновъ и сушеныхъ французскихъ лакомствъ; взглянувъ на оныя, усмотрѣлъ я паки обертки печатныя. Любопытство принудило меня, подошедъ къ разнощику, притвориться, будто бы покупать хочу; разглядя поближе, получилъ я полное свѣдѣніе обширнаго употребленія той драгоценной книги, которая издается для исправленія нравовъ, очищенія языка и пользы общества: что не только апельсины и сушеные фрукты были листьями оной обернуты, но

онье служили имъ еще сверхъ моха, листа въ три толщины, постилкою. Не утерпя, спросилъ я, откуда взялись сіи листы, и разнощикъ, улыбаясь, сказалъ, что нашель онъ ихъ на крыльцѣ, между соромъ, въ одномъ знатномъ домѣ, куда ходилъ онъ, дня два тому назадъ, для требованія долгу съ барыни, которая ему три года четыре рубли пятьдесятъ коп. не платитъ за апельсины; но онъ не могъ ея видѣть инако, какъ сквозь двери передней, которыя часто растворялъ слуга ея, бѣгая взадъ и впередъ съ горячими щипцами, кои спѣша пробовать, припекалъ къ печатнымъ тѣмъ листамъ, понеже барыня тогда завивала волосы. Соображая сіе съ летавшимъ по вѣтру папилютомъ, несомнѣнно почитаю, что онье одному принадлежали хозяину. Я, свѣдавъ сіе, тотчасъ пошелъ домой, и, написавъ такое достойное примѣчанія происшествіе, спѣшу отдать оное въ печать, дабы доброе употребленіе книгъ извѣстно быть могло. Я же тѣмъ удовольствіемъ заплаченъ, что изданіе мое прочту къ печатной книгѣ, а тамъ желаю ему счастливый путь, и да употребить его красавица какъ ей самой угодно.

* *

Проснулся я поутру рано, повернулся съ боку на бокъ, колпакъ съ меня упалъ; мнѣ до него дѣла нѣтъ. Не могши заснуть, сѣлъ я на постелѣ, правую ногу спустя на землю, надѣлъ туфлю на босую ногу. Лѣвою ногою насилу отыскалъ другую туфлю (засунулась подъ кровать), всталъ одесную, зѣвнулъ протяжно, такъ что слезы изъ глазъ покатались; чихнулъ трожды.

NB. Сіе значитъ сырую погоду. Взялъ чистый бумажный платокъ.

NB. Сей кладется обыкновенно возлѣ кровати моей, когда я тутъ ночую, а не индѣ; развернулъ его и утерся.

Собака моя, отродія лягавыхъ, видя, что приуготовляюсь къ походу, спрыгнула съ кожаного канапе, гдѣ всегдашній ея ночлегъ, пошла лѣнливимъ шагомъ къ дверямъ, лапою толкнула въ дверь.

NB. Замокъ съ годъ какъ шатается; починить его трудно, понеже мѣсто, гдѣ онъ прежде привинченъ былъ, а нынѣ гвоздями прибитъ, въ щепы крошится.

Дверь отворилась, собака вышла; сквозной вѣтеръ, задувъ изъ переходовъ въ сѣни, затворилъ паки дверь, чрезъ что избавился я отъ сего труда. Того ради пошелъ я налѣво за отгородку, гдѣ пишу, сидя на черномъ волосяномъ треножномъ креслѣ, подлѣ окна, откуда теперь вижу пестраго пѣтуха, который, бодро и отмѣнно высоко подымая ноги и разиня ротъ, поетъ кукуреку. Сіе привело мнѣ на память желаніе дѣдушки моего, чтобъ кто ни на есть, и чистосердечно, написалъ одинъ день, съ утра до вечера, свои мнѣнія и поступки; онъ надѣется отъ того нѣкотораго исправленія нравовъ, какъ-то: убавленія высокоумѣрія высокоумѣрныхъ, гордости гордыхъ, и проч., и проч., и проч. Я сѣлъ и взялъ листъ полубѣлой бумаги, положилъ передъ собою и, обмакнувъ перо въ желтобурыя чернила, написалъ сіе, выполняя чрезъ то часть желанія прародителя. Часы адмиралтейскіе бьютъ (слава Богу, что въ послѣдній пожаръ не сгорѣли; если бы сгорѣли, сей строкъ не быть бы написанной), часы бьютъ семь часовъ. Что бишь вчерась я думалъ написать? Нѣчто хорошо было. Не знаю, въ которомъ ящикѣ памяти моей отыскать теперь; вотъ уже критики скажутъ, что у памяти ящичковъ нѣтъ. Чего не критикуютъ! И пѣтухъ мой пестрый, и кукуреку его не уйдетъ отъ нихъ. Пусть его критикуютъ; онъ для того тутъ и приведенъ, чтобы его ощипали. Скучны только грамматическіе критики на И, на Ы, на Я, на Е, на ОЙ, наипаче намъ, неграмотнымъ людямъ. Сомнительно, сомнительно, чтобъ многіе такія критики читали. Признаюсь, что, раскрывъ вторую часть "Собесѣдника" и отыскавъ "Были и Небылицы", оныя прочелъ въ угодность самолюбію, какъ водится, хотя почти оныя наизусть знаю, а грамматикальныя поправки я не читалъ, и отнюдь ими не исправленъ. Надѣяться можно, что наши грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ. Дѣдушка мой говоритъ, будто бы онъ во всякомъ писаніи ищетъ не И, не Ы, не Я, не Е, не ЪЙ, и не ОЙ, но полномыслія и густомыслія, которыхъ онъ болѣе любитъ, нежели

плодородіе словъ безъ полномыслія и густомыслія. Что онъ называетъ полномысліемъ и густомысліемъ, я позабылъ у него спросить, но при первомъ свиданіи не пропушу о томъ освѣдомиться. Вообще дѣдушка мой имѣеть и употребляетъ израженія, кои трудно разумѣть. Вопросы же не всегда за благо приѣмлетъ, и отвѣтствуетъ коротко: "Я самъ себя разумѣю, а вы старайтесь понимать, что я говорю."

* *

Пока моего пестраго пѣтуха щиплють, я впалъ въ глубокія размышленія и говорилъ самъ себѣ: "Свѣтъ мой! (такъ я всегда себя называю, когда самъ съ собою говорю, а къ тому имѣю я нѣкоторыя сокровенныя причины, кои со временемъ, можетъ быть, изъясню) пишешь ты много, не учась ничего, и не зная ниже правилъ грамматики; страницъ двадцать твоего сочиненія уже напечатано въ "Собесѣдникѣ", исключая то, что не тобою прибавлено". Сіи слова были увѣщательныя, я ихъ принялъ съ терпѣніемъ. За симъ слѣдовали вопросныя пункты, кои очиститъ слѣдовало. Первый былъ: для чего ты такъ трудишься? Тутъ отвѣтъ на начальныя слова опоздалъ, а отвѣтъ на послѣднее слово поспѣлъ прежде. Я молвилъ сквозь зубы, съ малымъ наклоненіемъ головы: труда нѣтъ. А какъ дошло до *для чего?* тогда во мнѣ разныя чувства стали тѣсниться, какъ будто у воротъ; ни одно изъ нихъ не упреждало другое, построились фрунтомъ, и нѣкто изъ нихъ, какъ молнія, проскакалъ мимо всѣхъ, дабы рядовые не выпучились, и волненія нигдѣ непримѣтно было. Между тѣмъ остался вопросъ: для чего?-- безъ отвѣта; авось либо объяснится лучше впредь, и для того поступилъ я съ собою до второго отвѣта, спрося не строго: чего ты ожидаешь отъ того, свѣтъ мой? По совѣсти сказать, барыша я не ожидаю и за барышемъ не гоняюсь. Поправленія чего-нибудь? Охъ, нѣтъ! все пойдетъ по старому. Не моему перу перемѣнять что ни на есть въ естествѣ. Для чего же ты пишешь? Въ забаву себѣ, что ли? Такъ, такъ, сударь, такъ, такъ. Симъ "такомъ" не трусишь ли? Нѣтъ, сударь. Кто же тѣ, кои при первомъ вопросѣ тѣснились у воротъ? Кто проскакалъ мимо фрунта, чтобы рядовые не выдались? Какъ ихъ зовутъ? Всякая вещь имѣеть свое названіе. Охъ сударь! какъ четыре вопроса разомъ очиститъ! У воротъ тѣснился цѣлый полкъ разныхъ движеній; напимѣрь: я не могу видѣть чистаго пера, чтобъ не пришла мнѣ охота обмакнуть онаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ. Начавъ же, не знаю я никогда что напишу, а какъ рукою поведу я по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка; но какъ пряжа не всегда ровна, то попадается и потолще, и потонѣе, а иногда и узелокъ, или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и къ клубку, но совсѣмъ постороннее и къ другимъ вещамъ слѣдующее. Вы сами, сударь, видите, сколько времени и бумаги занимаетъ подобное описаніе; неужели еще цѣлый полкъ движеній поимянно описывать?-- Хорошо; а кто проскакалъ? ну, сударь, ну, ну! всѣмъ знакомый, большимъ, среднимъ, меньшимъ, толстымъ, тонкимъ, имущимъ, неимущимъ, счастливымъ, несчастливымъ, однимъ словомъ, тотъ, безъ кого никто не живетъ. Кто же таковъ?-- Маіоръ. -- Какъ его зовутъ?-- Прозваніе его С:М:Л:Б:Е.

НВ. Для закрытія выпущены буквы: одинъ А, одинъ О, одно Ю и одно І. Тотъ, кому сей болѣе знакомъ, безъ труда и скоро узнаеть.

Продолженіе, можетъ быть, впредь будетъ.

* *

Перушко, забава моя! позабавь меня чѣмъ ни на есть сегодня; не смотри на то, что другъ мой И. И. И., который болѣе плачетъ, нежели смѣется, мнѣ недавно говорилъ, будто не должно издавать въ печать, кромѣ достойнаго изданія; отчего, правду сказать, ты былъ нѣсколько дней отторгнутъ отъ бумаги, подобно какъ дитя, отнятое отъ кормилицы; но сіе воздержаніе никому добра не принесло, ни другу моему И. И. И., который попрежнему

плачеть и груститъ о "Быляхъ и Небылицахъ", ни перу моему, которое отъ того разохлось, ни мнѣ, ибо между тѣмъ отъ стекающихся мыслей, кои повадились свободно выходить, удушье мнѣ было сдѣлалось. Во время сей болѣзни посѣтилъ меня пріятель мой А. А. А.; сей много меня утѣшилъ, твердя передо мной лишь: "пиши да пошли", чрезъ что онъ развязалъ узелъ, которымъ И. И. И. опуталъ было мое перо. Совершенною жъ свободу отъ припадка своего я получилъ посредствомъ одной боярыни, которой я за то много обязанъ. Она на сихъ дняхъ изволила у меня спросить, съ убѣдительною улыбкою, и ей одной свойственнымъ умнымъ и быстрымъ взглядомъ: какой ради причины, говоря я самъ съ собою, себя называю: "мой свѣтъ"? Ободренъ будучи симъ вопросомъ, не смотря на И. И. И. (который очутиться возможесть посреди КР Т К такъ, какъ А А А, съ своимъ веселымъ свойственникомъ Х Х Х), начну удовлетворять любопытныхъ и нелюбопытныхъ. Но всякій разъ. что я самъ у себя требую отчета въ томъ или семъ, я примѣтилъ, что дѣло идетъ весьма туго, и что истина скорѣе въ ясность приводится околичностями, нежели прямымъ трактомъ... Сіи строки написаны были мною съ недѣлю назадъ; тогда я въ духѣ былъ обнародовать, чего ради самъ себя называю: "мой свѣтъ"; но между тѣмъ приключились нѣкоторыя замѣшательства, кои не допустили желаемаго окончить. Въ недѣлю столь много мыслей чрезъ голову проходить (какъ то всякому извѣстно), сколь каплей водяныхъ мимо невскихъ береговъ протекаетъ; се же и буря была на то время. Воистину, воистину не могу связать оторванныхъ концовъ того глубокомысленнаго испытанія. Но между тѣмъ видѣлся я съ дѣдушкой; онъ ѣхать хотѣлъ въ уѣздный городъ на ярмарку. Насъ, внучатъ своихъ, числомъ троихъ, съ собою взять хотѣлъ; на ту бѣду мы были неготовы; вошедъ къ намъ въ горницу, дѣдушка сказалъ намъ: "кубари! долго ли вамъ кубарить?" Тутъ я осмѣлился спросить: почему мы кубари? На что, на сей разъ, получилъ благосклонный сей отвѣтъ: что всѣ тѣ, кои мѣшкаютъ на одномъ мѣстѣ, не дѣлая ничего, или то, въ чемъ нужда не настоять, тогда, когда предпріяли или опредѣлили дѣлать что-нибудь иное, какъ-то: ѣхать, идти, спать, писать, кушать, или чтобъ то ни было такое, а вмѣсто того сидятъ, говорятъ, изъ комнаты въ комнату бродятъ или съ лѣстницы на лѣстницу входятъ безъ дѣла,-- всѣ тѣ люди поступкомъ своимъ походятъ на кубаря; кубарь же кубарить. Сіе новое сравненіе и изысканіе показалось мнѣ столь рѣдко, и такой для свѣта важности и пользы, что, не мѣшкавъ ни мало, спѣшу сообщить оному, бывъ увѣренъ, впрочемъ, что между соотчичами моими нѣту кубаря и мало кто кубарить.

* *

Къ издателю или издательницѣ "Былей и Небылицъ".

Господинъ, или госпожа издательница "Былей и Небылицъ"! напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми. Я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы; да и не мы одни столько догадливы, знакомые намъ тоже угадываютъ. Я сіе вамъ сообщаю для осторожности вашей, ибо на васъ многіе сердятся; пребывая вамъ

всепокорнѣйшій слуга

Петръ Угадаевъ.

* *

Господину Петру Угадаеву всенижайшій отвѣтъ.

Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ "Быляхъ и Небылицахъ", то сіе доказываетъ, что "Были и Небылицы" вытаснены изъ обширнаго моря ЕСТЕСТВА. Хотя не имѣю чести знать ни васъ, ни семьи, ниже знакомцевъ вашихъ, но какъ они, равномерно какъ и всѣ, плаваютъ въ той же стихіи, то, статья можетъ, что попались нѣкоторые изъ васъ ненарокомъ въ рукавъ. "Были и Небылицы" наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Буде же

Карпъ или Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы: слово отъ слова внесемъ въ "Были и Небылицы" съ прописаніемъ имени, полуимени, три четверти имени, или съ начальною только буквою, или и безъ имени, какъ кто пожелаетъ; пребывая, и проч.

Вопросы*) и отвѣты.

*) Фонвизина, приславшаго ихъ въ редакцію "Собесѣдника" для напечатанія. Помимо "отвѣтовъ", въ слѣдующихъ продолженіяхъ "Былей к Небылицъ" императрица нерѣдко обращается къ нимъ съ намеками и сатирическими стрѣлами. (См. ст. о лит. дѣят. Екатерины II).

1. Отчего у насъ спорять сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?

На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій спорить о томъ, что ему не нравится или непонятно.

2. Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?

На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.

3. Отчего всѣ въ долгахъ?

На 3. Оттого въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина, отчего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?

На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

5. Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній Правительства.

На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

6. Отчего, не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелись общества между благородными?

На 6. Отъ размножившихся клубовъ.

7. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами?

На 7. Одно легче другого.

8. Отчего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Оттого, что говорятъ небылицу.

9. Отчего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Оттого, что на судѣ не изобличены.

10. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Оттого, что всякій любить и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упавшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердець нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титуло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка, и проч. то уже оказываетъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ, удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время. родъ человѣческой совершеннымъ не родится.

14) Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?

На 14) Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начали бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ.

15. Отчего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками; и наобороты отчего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

На 15. Оттого, что вкусы разные, и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

16. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ, или въ головѣ?

На 16. Тамо же, гдѣ нерѣшимость.

17. Отчего въ Европѣ, весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное, и отчего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?

На 17. Оттого, что тамо, учась слогу, одинако пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои, не учась, на бумагу кладеть.

18. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

На 18. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

19. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо: второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

На 19. Временемъ и знаніемъ.

20. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 20. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

Продолженіе (2-е) "Былей и Небылиць".

Изъ слѣдующаго письма читатель увидить, что есть человѣкъ, который сомнѣвается, чтобъ я имѣлъ прародителя.

Письмо.

Господинъ писатель "Былей и Небылиць"! Когда вы пишете, что дѣдушка говоритъ, тогда кажется, какъ будто вы чувствуете великое облегченіе. Неспорно, легче писать свои мысли въ третьемъ лицѣ; но позвольте напомнить, говоря съ вами между четырехъ глазъ, что частыя повторенія сего оборота показаться могутъ читателю менѣ забавны, нежели писателю; къ тому же никто не вѣритъ, чтобы у васъ былъ дѣдушка.

Отвѣтъ.

Господинъ родственникъ мой отъ Адама въ прямой линіи! Происхожденія сего, я надѣюсь, оспаривать не будете касательно обоихъ насъ равномѣрно. И для того объявляю

вамъ, что дѣдушка мой говорить, будто, не смотря на рожденіе, на происхожденіе, чины, достоинства, качества, количества, пріобрѣтенія, преимущества, прибыли, убыли, знаніе, вѣжество, невѣжество, и проч., и проч., и проч., всякій человекъ имѣетъ преимущественную склонность, которая его принуждаетъ быть плотникомъ, кузнецомъ, псаремъ, картежникомъ, политикомъ, стихотворцемъ, хлѣбникомъ, рыбакомъ, конюхомъ, математикомъ, хвастуномъ, лгуномъ, садовникомъ, хлѣбопашцемъ, воиномъ, скакуномъ, пустомелей, и проч., и проч., и проч. Склонность дѣла моего заключается въ глубокомыслии и краткословіи; моя же влечетъ меня къ бумагомаранію. Къ сему все хорошо: и свои мысли и чужія служить могутъ, лишь бы не вовсе похоже было на ежедневныя вывѣски, кои я всѣ наизусть знаю, читая ихъ ежедневно и безпрестанно. Кто же умнѣе, тому съ радостью отдаю перо въ руки; и для того всякъ посѣщающій меня по строкѣ обыкновенно прибавляетъ къ начатой мною бумагѣ. Переписывая ее самъ, или же посѣщеніемъ, рождаются у меня отъ того новыя мысли, кои тотчасъ въ строку вписываю. Изъ сего вы видите истинную основу и утокъ "Были и Небылицы", пущенной по бѣлу свѣту.

* *

Получа первую и вторую часть "Собесѣдника", дѣдушка мой говорилъ, что, по его великой охотѣ къ чтенію, онъ бы всѣ книги прочелъ, если бы не опасался иногда наитить въ нихъ что-либо скучное; что смолоду онъ всякую книгу, хорошо переплетенную, встрѣчалъ съ радостью; но, читая, часто приходило ему на мысль выдирать изъ книгъ скучныя, по мнѣнію его, листы, отъ чего бы родилася у него предорогая лоскутная Вивліюевика, которую раздѣлить онъ намѣренъ былъ на двѣ части, съ надписью на первой: "Нескучное", на другой: "Скучное". Любопытенъ я знать, въ которомъ изъ сихъ двухъ отдѣленій "Были и Небылицы" удостоились бы помѣщены быть? Буде дѣдушка, прочтя, зѣвнетъ, или глаза потретъ, то судьба моя рѣшена, хотя онѣ находятся напечатаны посреди стихотворенія подъ номеромъ 20, только девятью номерами ниже "Записокъ касательно россійской исторіи". Дѣдушка мой такой человекъ, что на то не посмотритъ; онъ говоритъ, что прекрасно писанное, полезное, нравоучительное, однимъ словомъ: преумное, теряетъ цѣну, буде лишено пріятства. Онъ требуетъ, чтобы у понятія во всякомъ сочиненіи украдено было все то, что ему скуку приключить можетъ, а прибавлено бы было всего того, что оную можетъ убавить. Я прямо не знаю, чего онъ хочетъ, а подозреваю, что онъ и самъ не знаетъ; отъ меня же, чаятельно, некто не потребуетъ, чтобы я извинялъ чужое чувствованіе; буде же кто подобное желаніе и покажетъ, то прошу быть увѣрену, что я всепокорный его слуга, и, сказавъ сіе, возвращаюсь въ свою нору.

* *

Объявленіе.

"Были и Небылицы" писать я не подрядился, ни съ кѣмъ переторжки въ томъ не имѣлъ, и когда началъ писать, право не зналъ, что-то будутъ слыть "Были и Небылицы". Но вотъ какъ рѣдкое сіе твореніе свѣту извѣстно сдѣлалось: написавъ нѣсколько страницъ, началъ я придумывать заглавіе, или, лучше сказать, какъ всякая вещь имѣетъ свое имя, то какъ назвать и новорожденное дитя. Тутъ, какъ молнія, выскочило изъ моего пера громкое названіе: "Были и Небылицы". Съ симъ вымысломъ я самъ себя не одиножды поздравлялъ, и могу увѣрить, что весьма покойно, легко и забавно писать подъ заглавіемъ "Были и Небылицы" все, что въ голову придетъ. Каково читать, до того (какъ воякъ разсудить можетъ) мнѣ дѣла нѣтъ, но дѣло единственно читателя; пусть читаетъ, буде хочетъ, или не читаетъ, буде не хочетъ, я ни о чемъ не спорю, а между тѣмъ "Собесѣдникъ" наполняется.

Изъ вышеписаннаго ясно видно происхождение "Былей и Небылицъ"; но дабы яснѣе было, за благо разсудилъ я, а не кто иной, здѣсь приписать родословіе "Былей и Небылицъ":

Собесѣдникъ любителей русскаго слова

Особое место среди периодическихъ изданій последней четверти XVIII в. занималъ журналъ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова, содержащій разные сочиненія въ прозѣ и стихахъ некоторыхъ русскаго писателей». Этотъ журналъ являлся печатнымъ органомъ созданной въ 1783 г. Россійской Академіи, которую возглавила княгиня Е.Р. Дашкова, руководившая одновременно и Академіей наукъ. Дашкова стала и официальнымъ редакторомъ «Собесѣдника...», пользуясь при этомъ постоянной поддержкой Екатерины II, активно участвовавшей въ выпуске номеровъ журнала и поставившей туда свои матеріалы.

С внешней стороны конечной целью задуманнаго изданія было всемерно способствовать выполнению главной задачи Россійской Академіи — созданію Академическаго словаря русскаго языка. Об этомъ можно судить исходя изъ письма издателей, опубликованнаго въ концѣ I части журнала, где читателямъ предлагалось присылать свою критику «на какое-либо сочиненіе, находящееся въ семъ собраніи», прямо въ журналъ съ обещаніемъ ее обязательно напечатать. По мнѣнію издателей, такое сотрудничество читателей съ журналомъ должно было способствовать тому, «чтобъ Русское слово вычищалось, процветало и сколь возможно служило къ удовольствію и пользе всей публики...» Но за стилистическимъ аспектомъ интересовъ издателей скрывалась и другая цель: держать подъ контролемъ мнѣніе читателей журнала, поскольку въ немъ публиковались, хотя и анонимно, матеріалы, принадлежавшіе императрицѣ. Это придавало «Собесѣднику...» характеръ официального изданія.

Журналъ выходилъ въ Петербургѣ съ іюня 1783 по сентябрь 1784 г. очень регулярно. Всего было выпущено 16 частей при тиражѣ около 1800 экземпляровъ ежемесячно. Для Екатерины II журналъ былъ важенъ, поскольку съ его помощью она вновь попыталась установить контактъ съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ это было въ 1769 г., когда она издавала «Всякую всячину». Теперь она прибѣгла къ публицистикѣ и исторіи. Практически въ каждой части журнала печатались ея сочиненія. Активно участвовала въ журналѣ и княгиня Е.Р. Дашкова. Ея правой рукой въ редактированіи матеріаловъ и въ налаживаніи контактовъ съ потенциальными участниками изданія былъ О.Козодавлевъ, также помещавшій на страницахъ «Собесѣдника...» свои стихотворенія. Почти все крупнѣйшіе авторы тѣхъ летъ были представлены въ журналѣ: Г.Р. Державинъ (его одой «Фелица» открывалась I часть изданія), Д.И. Фонвизинъ, Я.Б. Княжнинъ, В.В. Капнистъ, И.Ф. Богдановичъ, М.М. Херасковъ, М.Н. Муравьевъ, Ю. Нелединскій-Мелецкій, И.И. Дмитріевъ, Ф. Козельскій, Е.И. Костровъ и др. Кроме того, въ полемикѣ, развернувшейся на страницахъ «Собесѣдника...», приняли участіе историкъ графъ С.П. Румянцевъ, П.С. Батуричъ и еще многие авторы, имена которыхъ до сихъ поръ не установлены.

Помимо «Фелицы» Г.Р. Державинъ поместилъ на страницахъ «Собесѣдника...» свое знаменитое посланіе С.В. Перфильеву «На смерть князя А.И. Мещерскаго», «Стихи на рожденіе въ Северѣ порфиророднаго отрока», «Благодарность Фелицѣ», «Оду Великому Боярину и Воеводѣ Решемыслу», оду «Богъ» и другіе стихотворенія. Въ V части журнала

была перепечатана в измененном виде нашумевшая «Сатира» В.В. Капниста, а в XI части издатели поместили «Стихи, сочиненные по дороге в Петергоф» покойного М.В. Ломоносова (1751). Вообще стихотворный состав материалов, опубликованных в «Собеседнике...», был представлен очень разнообразно, как в жанровом отношении, так и по подбору имен поэтов, поставлявших свои сочинения на суд читателей.

Примечательной особенностью содержания «Собеседника...» было то, что в нем не было опубликовано ни одного иностранного сочинения, ни одного перевода. Это было принципиальной установкой издателей, о чем было прямо заявлено, исходя из главных целей издания.

Самое большое место в журнале занимали сочинения Екатерины II. Почти в каждом номере она помещала свои нравоучительные, полусатирические заметки «Были и небылицы», плоды каждодневных наблюдений, исполненные скрытых намеков и неясных подишучиваний. Все это напоминало повествовательную манеру английского писателя Л. Стерна, произведением которого «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» императрица как раз увлекалась. Но это не была безобидная болтовня. За пересудами о светских сплетнях и старческим ворчанием по поводу непостоянства и умничанья придворных скрывалась вполне определенная тенденция — показать, что ее не устраивало в поведении ближайшего окружения, в чем она видела угрозу для общественного порядка и стабильности в государстве.

Политически тенденциозными были и ее «Записки касательно российской истории», также печатавшиеся в каждом номере журнала. Для занятия этим трудом Екатерина II привлекла целый штат сотрудников. Решение заняться историей императрица приняла после того, как она ознакомилась с вышедшими во Франции в начале 1780-х годов капитальными трудами по истории России, принадлежавшими Н. Левеку и П.-Ш. Леклерку. Книги изобиловали серьезными ошибками и явной предвзятостью по отношению к русской истории. Однако за полемикой с французскими историками скрывалась и определенная политическая подоплека труда. Историческая концепция, заключенная в «Записках...» Екатерины II, призвана была подтвердить идею благодетельности для России самодержавной формы государственной власти, исконность ее на Руси. Под этим углом зрения трактовались нравы и образ мышления далеких предков россиян, а отношения правителей и народа изображались в идеальном, приукрашенном виде.

Заметно было участие в журнале Д.И. Фонвизина, который опубликовал в «Собеседнике...» ряд своих сатирических произведений, в частности, «Повествование мнимого глухого и немого» и великолепное по стилистической выдержанности «Поучение, говоренное в Духов день цереем Василием в селе П***». В нескольких номерах журнала, начиная с первого, Фонвизин печатает оригинальный по замыслу «Опыт российского сословника». Принцип толкового словаря в нем сочетается с искусно замаскированной сатирой. Внешне Фонвизин ориентировался на традиции французских толковых словарей, но именно внутренний смысл, остро обличительный подтекст предлагаемых толкований придавал этому произведению особую, чисто фонвизинскую неподражаемость. Вот как, например, иллюстрирует сатирик определения значений слов синонимического ряда запомнить, забыть, предать забвению: «можно запомнить имя судьбы, который грабит, но трудно забыть, что он грабитель, и само правосудие обязано преступление не предавать забвению».

Но особенно острыми были материалы, принадлежащие Фонвизину и помещенные в III части «Собеседника...», где они были напечатаны под названием «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание». Вопросы были посланы в журнал анонимно. Обращенные к правительству, а в ряде случаев непосредственно к императрице, вопросы затрагивали коренные проблемы положения русского дворянства, отношения его к государственной службе, проблему

соотносительности ценностей европейской культуры с отечественными традициями. Екатерине II пришлось лично отвечать на все эти вопросы. В некоторых случаях она уходила от ответов по существу, отделяясь отговорками. Иногда ее ответы содержали в себе угрозу в адрес слишком смелого автора. Так, в ответ на вопрос: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?» — императрица ответила уклончиво: «Предки наши не все грамоте умели». Но тут же реплика сопровождалась угрожающим примечанием: «N.B. Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то начли бы на нынешнего одного десять прежде бывших». Фонвизину стало известно о раздражении Екатерины II, и в одном из следующих номеров журнала он помещает письмо «К г. сочинителю "Былей и небылиц" от сочинителя вопросов», где попытался объяснить свою позицию. Императрица, однако, не простила писателю его дерзости, наложив полуофициальный запрет на публикацию его сочинений. В VIII части «Собеседника...» были опубликованы заключительные разделы «Былей и небылиц», в X части — окончание «Опыта российского сословника», завершившегося толкованием слов «Мир», «Тишина», «Покой». Начиная с XI части основное содержание журнала будет занимать публикация «Записок касательно российской истории» и утопических нравоописательных зарисовок В. Левшина «Новейшее путешествие».

Екатерина Дашкова. Общество должно делать благополучие своих членов

Общежитие тогда только полезно человеку, когда оно ему доставляет наслаждение тех благ, коих естество человеку желать велит. Чем более общество их утвердит ему, тем более оно совершенно, тем более оно ему драгоценно будет и тем более ему нужно. Любя своих сотоварищей, он себя в них любит; вспооществуя им, он сам себе помогает; принесением им каких-либо жертв своему собственному благополучию он жертвует: одним словом, рассудительная или, так сказать, просвещенная любовь самого себя есть основание общественных добродетелей и подвиг всего того, что человек делает для своих собратий. Добродетель не что иное, как польза людей, живущих в сообществе. Быть добродетельным -- это быть хорошим сочленом, вспооществовать распространению блага тех, с коими судьба твою жизнь сопрягла, и наконец, примером поощрить оных к тому же возмездию и против себя.

Если сообщество или те, кои его движениями управляют, не доставляют членам его наслаждения благ, им естественно свойственных, но паче стремятся их оных лишить; если их принуждают к бесполезным, горестным и тягостным жертвам; если препятствуют их работам или промыслам; если не утверждают ни счастье, ни их надежность, тогда человек не находит уж полезности в общежитии. Он тогда от общества отделяется столько, сколько ему возможно; любовь его к оному умалается; он не может любить общество, как поелику оно способствующее орудие его благополучию; и наконец, он будет его ненавидеть, будет и вредить оному, если оно не станет его ограждать от опасностей и от внешнего и внутреннего насилия.

Из сего заключить должно, что порочность в обществе, или порок в правлении, делает сочленов развратными. Естество не сделало их ни добрыми, ни худыми: оно только вложило в них любовь к себе самому, желание сохранить себя и волю быть счастливым. Сии чувствования законны и делаются добродетелями, когда они достигают до своего предмета путями, полезными ближнему; напротив, они делаются пороками, когда стремление оных основывается на вредности своих сотоварищей. Добродетель есть полезность, а порок -- ущерб благосостояния рода человеческого. И то и другое суть действия воли или их выгод, худо или хорошо понимаемых. "Когда народ или те, кои им управляют, неправосудны или нерачительно долг свой исполняют, они тем послабляют или разрывают связь общества. Тогда человек от него отторгается, становится

неприятелем одного, старается снискать свое благополучие вредными его сотоварищам средствами. Видя, что общество ему бесполезно, тягостно или вредно, он заключает, что он ему ничем не должен. Узы, соединяющие сообщество, ослабевают или рвутся по мере умножающегося числа членов, отделяющих от одного свои выгоды. Тогда-то каждый становится порочным и преступником. Дела его управляемы тогда только ослепленным и особенным прибытком; любовь к самому себе принимает уставы только от развратного воображения, от страсти, от заблуждения. Всякий нарушает законы, когда находит их не огражденными от сего насилия, или употребляет хитрость для сокровенного избежания исполнения оных. В худо управляемом сообществе почти все члены бывают наконец взаимными врагами. Каждый живет лишь для самого себя, не принимая участия в своих сотоварищах; всякий естественно следует своим страстям, мыслит только о собственной корысти, не имеющей никакой связи с общею пользою: тогда-то человек делается зверем против подобного себе, и общественное положение приносит тогда более злополучия, нежели состояние дикого человека, в глубину лесов скрывающегося".

Сии правила подадут нам сведение о истинных основаниях, какие должно полагать любви к Отечеству и всем добродетелям, служащим точно к сохранению политических сообществ; они послужат нам к показанию источников, из коих истекает сие опасное равнодушие, объемлющее обыкновенно большую часть членов худо управляемых народов; они дадут нам чувствовать необходимо действующую силу правительства над нравами.

Екатерина Дашкова. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям

С. Т. 5 мая.

Ты желал, любезный друг, иметь список с дневных записок моего путешествия: и все, что я ни представляла тебе о малом достоинстве оных, быв тщетно, я наконец решилась исполнить твою волю; но в сем случае, так как и в других, узнаешь своего друга. Я списала ныне только ту часть, которая для меня более нравится: и как те записки, приехав на квартиру иногда уставши и обессилев от дороги, просто писаны были, так ныне без всяких не только украшений, но и переправок тебе их посылаю. Ты знаешь, что я оные записки хотела только для памяти собственно для себя делать: но некоторые мои приятели, при отъезде моем из Отечества, просили, чтобы я писала к ним и делила бы с ними то, что я вне одного увижу и делать буду. Ты легко оное заметишь по мелкостям, собственно до меня принадлежащим, кои я, по данному слову (чтоб все то писать, что я видеть и делать буду) внесла: почему за лишнее и считаю делать отговорки или уверения, что не амбиция быть писателем побудила меня к писанию сего журнала. Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады -- все заимствует от устройства первого и превосходит усиленные опыты других народов в подобных предприятиях. Любовь англичан к русским также должна была меня к ним привлечь. Я бы желала только, чтоб краткое сие (некоторой части сего государства) описание было изображено достойною кистью, которая бы как основание, так и отделенные части, их между собою сношение, различные тени, наконец, и источник, весь союз соделавший, изобразить умела. Их сады одни уже достойны эпическим писателем быть описаны. Ты конечно не ждешь того от моего пера; довольно, что твой друг то чувствовать умеет, что пиит иногда в насильном или мнимом восторге пишет. Может быть, чувства дружбы в сердце моем превосходят замыслы их воображения, когда они о сем освященнейшем союзе говорят. Но как измерять чувствования не можно, то я удовольствуюсь тем, что ты будешь знать и верить, что я горячий друг своим друзьям и что таковою для тебя по смерти пребудет.

К. Д.

14 числа октября в девятом часу поутру приехал ко мне славный Паолий,¹ который и в приватной жизни достоин любопытства: он конечно разумом своим и в простой жизни и обращении отличится; потом господин Фицджеральд, который член Вольного общества художеств, хлебопашества и торговли. Оных членов до двух тысяч человек, кои собираются в особый дом, ими купленный, и где они раздают преисы² из собственной своей суммы за вымышление новых машин или орудий, способствующих к рукоделию и хлебопашеству. Он нас возил в оный дом, где мы нашли великое множество разных машин и орудий, для пользы рода человеческого вымышленных, за кои великими деньгами награждены их сочинители. Рассматривая все оное, я некоторый род почтения в себе чувствовала к сему месту, из которого истекает такая польза и облегчение сему счастливому и просвещенному народу. Пробыв там до трех часов и завезя госпожу Жонес и ее тетку, которые с нами же были, проехала к госпоже Ноелль, где посидев с полчаса, потом была у госпожи Собар, но, не застав ее дома, поехала к Пушкину,³ где отобедав, ездила с визитом к миледи Спенсер, откуда опять к Пушкину возвратясь, до одиннадцати часов у них просидела и простилась с ним в том намерении, чтоб на другой день рано начать нам свое путешествие.

15 числа в полосу часа, севши в карету с П. Ф. К.⁴ с братом И. А. В.⁵ с дочерью и с одною камер-юнкерою,⁶ выехали из Лондона по большой Бадской дороге. В 17 милях остановились мы в местечке, называемом Клермон. Тут загородный дом славного милорда Клейва, который недавно такие большие завоевания Индейской их компании приобрел и тем же случаем так разбогател, что он теперь из первых богачей аглинских. Он купил сей дом у герцога Нейкастельского и, не удовольствуясь его палатами, которые были преогромные, их сломал и теперь строит вновь превеликий дом, который еще не окончен; почему мы пошли смотреть сад, который чрезвычайно хорош и окружен превеликим зверинцем. Посредине сада прекрутая гора, на коей построен домик весь открытый, куда мы взойдя, не только все окружные места, но и город, как на ландкарте, видели. Отъехав оттуда еще три мили, остановились в доме господина Гамилтона, называемом Кобгам. Сад его со всем отменным вкусом отделан: положение оного на горе, под которою течет речка, из коей все то сделано, что только придумать можно; она введена в сад, где, извиваясь на разные части, делает несколько островов, которые все насажены разными деревьями; у некоторых отделаны берега диким камнем так живо, как будто бы то естество произвело. Один из сих островов представляет совсем дикий остров, на котором никакого нет строения и ничего, кроме деревьев, которые без всякого геометрического порядка насажены; в конце оного увидели камни, кучами наложенные, представляющие во всей точности каменную гору; сквозь оную оставлен ход, куда мы пройдя, к большему своему удивлению, очутились на крутом берегу, состоящем из таких же камней, но на которых по приличности насажены деревья и цветы; тут мост такой же каменный, сообщающий оный остров с другим близ того лежащим. Сошед вниз к самому мосту, нашли расселину в горе, куда войдя, немало удивились, нашед пространную пещеру, отделанную всю сверху донизу разными хрустальными, которые наподобие ледяных сосулек вмазаны в стенах и в своде. Оная пещера простирается очень далеко разными закоулками, которые все в такой же точности отделаны. В конце же пещера сия составляет превеликую гроту, отделанную также натурально штуфами хрустальными. Солнце, проходя сквозь расселины, нарочно для того оставленные, так они отвращают, что глаза насилу могут терпеть оный блеск. Все стены покрыты или, лучше сказать, составлены из драгоценных хрусталей и разных окаменелостей, как-то кораллы всякого рода, аметисты, топазы и янтари, которые все вместе так кстати собраны, что самую натуру бы обмануть могли. В углах на таковых же камнях бьют каскады, которые, собираясь в разные бассейны, стекают потом в реку, к коей тут сделан сход несколькими ступеньками. Отдохнув немного в сем прекрасном месте, вышли сквозь узкий проход наверх, где не меньше удивились, увидя себя на пустом

берегу, где только изредка набросаны большие камни, которые так обросли травой, что, казалось, от создания света тут пребывают. Напротив одного вдали на горе видна палатка, возле которой пасется стадо: и хотя только одна река нас разделяла, однако мы еще версты три прежде обойти должны были (и почти на каждых десяти шагах новые картины видели). Пришед к палатке (которая не что иное, как галерея, отделенная на то подобие), увидели вдруг большую часть сада и почти все разные домики, которые в нем по местам построены. Остановясь тут несколько, прошли еще с версту столь же прекрасными местами. Дорожки или проходы в аглинских садах тем более приятны, что единственности геометрических фигур не подвержены и что новые картины, расположенные по приличеству, беспрестанно твой взор прельщают. Тень разной зелени деревьев, тень от густоты или редкости деревьев, высота или низкость их, воды, проведенные с таким искусством, чтоб казалось единственно им тут быть, различные строения -- все сие у них с великим рачением и искусством употребляется; но искусство так скрыто, что сады их кажутся выбранные хорошие натуральные места. И хотя по их стилю уже конец октября, однако зелень такова, как у нас среди лета никогда не бывает. Первая причина тому -- способность их климата, второе -- их собственная прилежность; их луга, или, так как они называют, зеленые ковры, гораздо дороже им становятся всякого регулярного сада, потому что они не только что каждую неделю траву подкашивают самыми тонкими косами, но сверх того укатывают оные превеликими дощатыми валами, от чего трава так чиста и так гладка, как настоящий ковер. Для содержания сего много работников имеют, однако не то число, какое чрез *много* у нас разумеется: ибо как содержание человека в Англии очень дорого, зато один более трех наших ленивцев сделает; сверх того многие машины употребляются, коими облегчается работа. Влажность же натуральная их земли содержит оные в беспрестанной зелени до самого генваря; почему озимый их сев так поздно бывает, что насилу только начинали тут приуготовлять к тому пашню. Потом, проехав город Гильфорд (в 30 милях от Лондона), остановились в местечке Годлемер в четырех милях от одного, где, отужинав, ночевать остались.

16 числа поутру, отъехав 20 миль, обедали в городе, называемом Петерфидд; потом, отъехав восемь миль, переломилось у кареты нашей дышло; почему мы, часа полтора промешкав, поехали далее, и хотя уже смеркалось, однако мы еще шесть миль отъехали, остановясь у прекрутой горы, где к колесам привязали спуски. Вдруг к нам прискакал человек верхом так запыхавшись, что насилу мог говорить, и лошадь под ним с устали тряслась; он нам сказал, что он морской офицер, едущий из Портсмута (от которого мы были в шести милях), и что за две мили пред нами прискакал к нему разбойник верхом и долго за ним гнался, крича, чтоб он остановился, или он его застрелит; однако он столько был счастлив, что от него ускакал. В Англии других разбойников не бывает; они обыкновенно поодиночке ездят, и если у кареты не случится верховых, то они, проскакав с заряженным пистолетом, просят кошелька, который неспорно им отдают; после чего они, поклонясь, поедут очень спокойно и никем не остановлены. Мы, приказав своим двум верховым, которые имели заряженные пистолеты, ехать по сторонам кареты нашей, отправились далее; однако предосторожность наша была излишняя, никто на нас не напал, и мы благополучно в 7 часов приехали в Портсмут без всяких худых встреч. Между тем как мы ужинали, пришел к нам офицер русский Назимов, который тут от нашего флота оставлен с 20 матросами больными, коего, оставя у себя, расспрашивала я о своих земляках и с ним остатки вечера проводила.

17 числа после завтрака, взявши фьякр,⁷ поехали с братом И. А. В. и Назимовым на берег моря, где видели на рейде многочисленные стоячие их военные корабли; потом поехали к пристани и, вышед из кареты, гуляли тут пешком. Видели артиллерийский двор; в адмиралтейство ж не ходили, потому что после пожара наистрожайше запрещено впускать не только чужестранных, но ниже своих агличан без билета адмиралтейского; почему мы, возвратясь домой, в пять часов отобедали, потом остатки вечера читали.

18 числа в полосьма часа поутру выехали мы и, отъехав 6 миль, своротили с большой дороги и поехали проселочными дорогами до самого Сутгамптона, который в 26 милях от Портсмута. Город сей хотя невелик, но очень весел, построен на самом взморье; тут сделаны холодные бани, для которых в некоторые месяцы съезжается великое множество людей; для чего построены прекрасные две залы, где бывають преогромные балы и собрания. Мы ходили смотреть оные бани и в залы заходили; оттуда же, обойдя весь город, гуляя по некоторым улицам, кои чрезмерно чисто содержатся, возвратились на квартиру свою и тут уже остались ночевать.

19 числа, поутру выехав в пять часов и сделав 22 мили в полдесята часа, приехали в Салисбури; и покуда кормили лошадей, мы, взяв наемную карету, ездили в соборную церковь, которая построена более 500 лет назад. Хотя здание сие преогромное готической архитектуры, однако отменно примечательного ничего не имеет, кроме древности своей и живописи в сводах, где альфреско греческим письмом написаны разные образа, в которых так краски живо сохранились, как будто теперь писаны. Есть еще некоторые любопытные монументы и надгробные надписи, но всего чуднее мысль строителя оного храма, в коем столько приделов, сколько в году месяцев; столько дверей, сколько недель; столько окошек, сколько дней; и столько столбов, сколько в году часов (столбы сии превеликую красоту делают, составляя в три ряда галереи во всю длину оного здания). Мы застали их службу, которая с великим благочестием отправлялась при игрании органов и петья двух крылосов; оттуда поехали на фабрику слесарную; потом ходили по лавкам, и хотя город сей не из больших, однако лавки оного наполнены всякими товарами. (Генерально во всех и маленьких городах в Англии все сыскать можно.) В двенадцать часов выехав и сделав три мили, остановились в местечке, называемом Вильтон. Тут загородный дом милорда Пенброка, который как вкусом, так и убором превосходит все то, что мы прежде видели. В нем 18 комнат наполнены картинами лучших мастеров, древних и новейших, как италианских, так и прочих школ; одна галерея превеликая вся работы славного Вандек,⁸ которая конечно теперь бесценная; статуи древние и новые мраморные и других разных каменьев, не только во всех покоях с верхнего и до последнего этажа, но и во всех сенях и кругом всех палат в нишах наставлены, и на дворе, и в саду во всех домиках и галереях; столы же яшмовые, агатовые и всяких драгоценных мраморов и гранат; одним словом, тут такие сокровища, что почти счислить не можно. В саду течет река, на которой стоят разные суда, в конце саду оная река гораздо шире становится наподобие полумесяца, и во всю ширину оного сделан спуск, вышиною на несколько аршин, что составляет наипрекраснейшую каскаду. Проходя тут целые четыре часа, пошли на ковровую фабрику, которая из первых в оном роде считается. Оттуда, севши в карету, поехали дале и, свернув две мили в сторону, заехали смотреть остатки древнего храма друидов (известно, что в Англии до проповедания Евангелия, то есть до 177 году, было идолопоклонничество. Жрецы их, называемые друиды, сказывают, иногда и людей в жертву идолам своим приносили), называемого Стонгинхес. Здание сие конечно было пречудой архитектуры, наподобие превеликой залы, которая составлена из диких камней такой ужасной величины, что все удивляются, каким способом они тут могли быть привезены и поставлены. Вся вышина теперь видимых остатков из одного камня состоит, из чего рассудить можно, сколько он длинен. Обойдя его вокруг, поехали далее, и как уже темно становилось, то хотя столбы и на каждой миле по всем дорогам поставлены во всей Англии, но, не могши читать, кучер наш сбился на другую дорогу, так что мы, не доехав до определенного ночлега, ночевать принуждены были в маленькой деревеньке, называемой Чил-Трек в 14 милях только от Салисбури. Мы долго проплутали и в десятом часу насилу, скакав очень резво, доехали.

20 числа, в семь часов поутру выехав, в местечке Вармистр, в 8 милях расстоянием, завтракали; потом, отъехав еще пять миль, в доме милорда Веймут, называемом Лонглет, остановились. Дом сей построен в 1566 году весь из тесаного белого камня с великолепною отделкою, и через толь долгое время так невредим, что кажется вновь

построен. Расположение внутреннее покоев точно в нынешнем вкусе; в одной галерее нам показывали канапе, кресла и стулья черные гебеновые, вместе с домом сделанные, а так чисты, как новые. Обои во многих более ста лет во всей целости: хотя хозяева почти весь круглый год живут и мебели употребляются. Пробыв там два часа и погуляв в саду, поехали далее. В пяти милях в городе Фроме (в котором лучшие суконные их фабрики) кормили лошадей; после чего, переехав еще десять миль, прибыли благополучно в Бат и стали в оберже⁹ Лурс, куда к нам пришел бывший наш советник посольства Людрас.¹⁰ Во время ужина услышали превеликий звон в колокола: мы думали, что у них назавтра праздник; однако нам сказали, что звон сей для нашего приезда и что всякий, приезжающий в Бат, тем встречен. Потом пришли к нам господин Жонес с дочерью, и остатки вечера с ними просидели.

21 числа в девять часов поутру пришел к нам Людрас с дочерью и девица Жонес, и все вместе пошли в залу, в коей фонтаны теплых вод; тут нашли такое множество людей всякого звания, что насилу продраться могли до помпы, и, выпив по стакану сей воды (вкус оной хотя и отзывается несколько серою, но не так противен, как акейские воды), пошли смотреть бани, которые возле самой залы, так что из окошек оной купающиеся люди видны. Тут женщины и мужчины все вместе, одеты в желтых фланелевых шлафроках, на головах клеенчатые шляпы, и по горло будучи в воде, все вокруг друг за другом ходят, и только головы одни их видны. Есть такие бани, в которых, так как и в Акене, особливо ходить можно; но как оные дале от ключа, следовательно, и не так действительны, то для здоровья больные в большие бани ходят. Обходя все прочие одинокие бани, где все в великой чистоте и приборе нашли, пошли на планаду, где построено в двух квадратах множество разных домов, но все под одной крышкою и одинаковой архитектуры, что составляет великую огромность. (Тем больше, что они построены все из белого тесаного камня, так как и весь город, к чему много способствует кряж оной земли, который не только вокруг Бата, но и во всей провинции Сомерсет и далее одинаков простирается, то есть состоит весь из мягкого белого камня, который, наподобие нашего мячковского, от времени крепчает, но сначала в деле так мягок, что их резчики все из него делать могут с такою легкостью, как из гипсу, чрез что великую красоту делают их домам, которые как снаружи, так и внутри по приличности разных родов архитектуры резьбою отделаны.) Тут по сторонам оных квадратов два гулянья: одно называется Сут-Парад, которое, будучи положением на полдне, употребляется для зимней прогулки; другое Норт-Парад, где для тени летом прогуливаются после вод. Походя в обоих сих местах, прошли в залу завтракать; тут хотя более 200 человек за столами сидели, однако с таким порядком, что ни крику, ни шуму не слышно было. Завтрак сей был не обыкновенный; он дается только подважды в неделю для содержания двух госпиталей (в которых принимаются все бедные люди, прихожие из других провинций для лечения; их тут одевают, кормят и лечат безденежно). На завтраке сем каждый с персоны платит пять шиллингов, что сделает на наши деньги рубль с четвертью, за что тут подают чай, кофе, шоколад, масло и хлеб, сколько кто изволит: однако со всем тем столько от оногo денег очищается, что с великим изобилием оные бедные содержатся. После завтрака гуляли еще по городу, который хотя не велик, но отменен от всех городов, которые мы до того видели, тем особенно, что ни одного кирпича нигде не видно и строение регулярное в четыре и пять этажей. Площадь, называемая Серкль,¹¹ составляет наипрекраснейшее место: она обстроена вокруг домами, которые, будучи под одной крышкою, делают наиогромнейшее здание, которого все четыре этажа разного рода архитектуры. К ней площади ведут три широкие улицы, также вновь построенные; одна из сих сообщает ее с другою площадью, называемою crescent, {полумесяц (англ.).} которая также полумесяцем обстроена домами ионической архитектуры, составляющая одну громаду под одной крышкою. Все сии здания строятся партикулярными людьми, которые не жалеют употреблять великие на то капиталы, получая верные потом с домов доходы: потому что город сей наполнен целые девять месяцев в году бесчисленным множеством людей всякого звания, которые тут из

всех сторон Англии съезжаются, малое число для лечения, а прочие все для веселья и прожитку; почему эти дома все строятся для найму и никогда пусты не бывают. Оттуда прошли в новую залу, которая для балов строится (хотя их и так уже три преогромные). Она одна будет стоить пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, из чего можно заключить, каких денег стоит весь сей город. Возвратясь домой и отобедав с девицею Жонес, пришли к нам Кембел, Людрас с дочерью, бишев¹² Петербору¹³ с женою, господин Дешер с женою; нас всех вместе в портшезах понесли в залу концертную, где было 500 человек; пела, между прочим, новая их певица агличанка, которую они все с восхищением слушали, но мы того восторга с ними не разделяли; господин Фишер, славный гобоист, за то и нас прельстил своим игранием. После концерта миледи Кери и милорд, которые у нас поутру были, потчевали нас тут чаем, после чего, возвратясь домой, я ходила в теплую баню.

22 числа поутру был у нас церемониймейстер или учредитель всех веселостей в Бате. Он выбирается всем обществом по большинству голосов и такую власть во всех собраниях имеет, что ему никто в том не противоречит. Он старается всех уместить и всякого удовлетворить, за что он получает около 15 тысяч рублей в год. Потом славный их лекарь Листер, господин Камбель и Людрас с дочерью к нам пришли и севши все в кареты поехали к миледи Кери в загородный дом, который верстах в двух от Бата в наипрекраснейшем положении. Весь город из окон кажется так как десертная штука, нарочно для него поставленная. Тут нам дан был преогромный завтрак, где были званы все лучшие люди; после завтрака ходили смотреть покоев сего дома, который очень велик; между тем подвезли фаэтоны и одноколки, в которые дамы и кавалеры севши поехали все гулять около зверинца и около всей дачи, принадлежащей сему дому, где построены разные домики в приличных местах или для виду, или для отдохновения. Тут нам попадалось великое множество гуляющих в каретах, одноколках и верхами. Проездя до второго часа и возвратясь назад к миледи Кери, потом все по домам разъехались. На дороге заехали мы к резчику, который чрезвычайно хорошо все камни вырезывает; потом проехали к бишеву Петербору; от него прошли уже пешком к одному жителю батскому господину Лий, который имеет собрание прекрасных картин разных школ; после обеда были у нас герцогиня Портланд, герцог Нортумберланд и еще великое множество людей; потом с девицею Жонес пошли все на бал, где больше этикетов, нежели у нас при дворе, как в нарядах, кои церемониймейстер накрепчайше наблюдает, так и в танцах; он же каждую пару выводит, однако со всем тем тут было человек шестьсот. Все генерально большие ласки и учтивости нам оказывали. Пробыв там до 8 часов, возвратились домой.

23 числа поутру пришел к нам бишев Петербору и девица Жонес, с которыми, севши в две кареты, поехали в город Бристоль, который в 12 милях от Бата. Город сей хотя из первых торговых в Англии, но как строение, так и улицы претесные и темные; тут отзавтракав, поехали в загородный дом господина Сотвелль, в шести милях от Бристоля. Положение сего места столь прекрасно, что нам выехать оттуда не хотелось. Он построен на высокой горе близ самого заливу морского (называемого Бристольский канал), который тут весь открыт, так что и княжество Вальское, зачинающееся на другом берегу, все видно; оттуда поехали в загородный дом господина Голдинг, называемый Кливдон.

Положение оного также прекрасное на берегу реки Авана, которая от Бристоля тут протекает. Сад хотя регулярный и с фонтанами, однако в аглинском вкусе. Таковых домов тут великое множество, которые простираются даже до самого города и составляют прекрасное селение вокруг того места, где фонтана, знаемая во всей Европе под именем вод бристольских. Тут также великий съезд бывает в четыре летние месяца; для чего построены, так как и в Бате, разные залы для танцев и собраний, и все сии строения в короткое время окупаются. Мы, подъехав к той зале, где приведен фонтан, вышедши выпили оной воды с приятностию по стакану. Она несколько тепловата, так почти, как парное молоко, и если пить зажмуря глаза, то можно ошибиться, думая, что пьешь молоко. Оттуда поехали в город прекрасной улицею, которую тут составляют нарочно построенные для найму загородные дома, отделанные с отменным вкусом. Въехав в

город, были в соборной церкви, которая, кроме древности строения, ничего примечания достойного не имеет; потом заехали на биржу и, обойдя ее вокруг, проехали в другую церковь, которая также древняя, в ней хранятся три великие картины славного Гогарта.¹⁴ Возвратясь в обержу и отобедав, поехали обратно в Бат, куда мы в семь часов приехали. Товарищ бишев Петербору человек разумный и ученый, почему мы очень весело все это время проводили и весьма благодарны были за учтивость, побудившую его с нами съездить. Тотчас по приезде нашем пришли к нам миледи Болбей с мужем, оба люди прелюбезные, Кембель и Людас с дочерью, с которыми остатки вечера вместе проводили.

24 числа поутру с госпожою Гиншлеф, женою бишева Петербору и девицею Жонес пошли в соборную церковь, где бишев сказывал проповедь, увещевая к подаянию милости, которая, по окончании оной, собиралась у дверей церковных милордом Кери для тех же прежде помянутых госпиталей, и как его красноречие, так и скромность и прилежность слушателей почтение мое извлекло. Вышед из церкви, пошли со всею своею компаниею в лавку, где по улицам сходятся завтракать и есть суп и пирожки; отсюда зашли к одной женщине, которая так живо делает цветы, что собрание землепашества и рукоделия дало ей прейс за один цветок, сочтя его натуральным. Пришедши домой, куда нас все наши приятели проводили, и простясь с ними, выехали из Бата во втором часу и, проехав Пети-Франс и Дидмартон, ночевали в Тетбури, в двадцати трех милях от Бата.

25 числа, выехав поутру в семь часов и проехав Циренчестр и Биберти, завтракали в 27 милях в местечке, называемом Бурфорт; потом, отъехав еще 15 миль, ночевали в местечке Вутсток. В сей день ничего знаменитого не видали, и осталось бы только описывать чистоту и хорошее услужение, коим в аглинских трактирах проезжающий пользуется, если бы то уже не было известно.

26 числа, вставши поутру, пошли на фабрики слесарные, где с превеликим искусством всякие вещи отделяваются. Оттуда поехали в дом загородный герцога Мальборука,¹⁵ который пожалован в 1708 году славному герцогу Иону Мальборуку королевою Анною¹⁶ и Парламентом за знатные его Отечеству услуги, а особливо за баталию Блейгеймскую, по которой и дом сей назван Блейгейм. Он построен на народные деньги с таким великолепием, что конечно достойный сего могущего народа подарок. Палаты преогромные из тесаного белого камня; архитектура оного коринтического ордена; внутренние уборы чрезвычайно хорошего вкуса и великолепны; панели, коробки у окошек и дверей все мраморные, так как и каминны во всех комнатах (коих более 50) прекрасной работы; обои готлисовые, тканые нарочно в Брюксели, на коих победы того герцога представлены; библиотека поставлена в галерее на 183 фута длиною, в которой не только, как и во всех прочих комнатах, вместо столярной работы, белым мрамором отделано, но и все колонны, поддерживающие своды, из лучшего мрамора. Тут поставлена статуя королевы Анны, которую в благодарность наследник первого герцога в 1735 году сделал лучшим тогдашним мастером; на пьедестале подписано, что сей монумент воздвигнут благодарными наследниками герцога Ионы великой королеве Анне; тут считают до 30 000 книг. Дом сей наполнен наипрекраснейшими картинами лучших италийских и прочих славнейших мастеров. Одним словом, весь дом подобен дворцу великолепного государя. Сад и парк (на несколько миль окружности) наполнен всякими дикими зверьями, которые, однако, так привычны, что стадами перед нашею каретою бегали, когда мы в нем ездили; тут введена река, на которой сделаны два каменные прекрасные мосты; она протекает чрез весь парк, составляя в нескольких местах вечные каскады. В середине ж парка поставлен монумент, во 130 футов вышиною, на котором поставлена медная герцогова статуя, пьедестал из прекрасного белого мрамора, на коем черными словами вырезана вся жизнь славного сего человека и описаны все его победы и услуги к Отечеству, за что оное воздвигло ему сей монумент благодарности, прибавя к тому ежегодной доход, который наследники его вечно получать будут на содержание оного места от Парламента; и чтоб еще больше отличить сию фамилию, то сделано установление, чтоб всякий год в июне

месяце герцог Малбрук привозил новое знамя, наподобие французского, с гербом французским, во дворец Виндзорский, в память его победы; что и по сих пор ежегодно делается. Пробыв там до одиннадцати часов, возвратясь в обержу и отзавтракав, отправились в Оксфорд, который оттуда расстоянием в 8 милях, куда мы чрез два часа приехали. Русский наш студент Никитин,¹⁷ который с шестью студентами нашими в Оксфордском университете, тотчас пришел к нам, а потом начальник, или, так как они называют, дойен¹⁸ коллегии Крейст Чурч, господин Виллиам Маркгам, с которым вместе поехали в ту коллегию, в которой он нам показывал все достойные примечания вещи. Здание сие преогромное, некоторая часть построена с 900 лет назад готическою архитектурю; но прочее строение все новое и архитектуры италийской. Семь дворов сию громаду составляют, в которых живут студенты и учителя со всем покоем, так как и восемь каноников, которые собор сей составляют. Они каждый, так как и дойен, имеют особливые огромные дома; в тех же связях тут четыре комнаты картинные лучших мастеров древних и новейших, как-то: Рафаила,¹⁹ Павла Веронезия,²⁰ Буржиньона,²¹ Салвато Розы,²² Титияна,²³ Михель Анжела,²⁴ Анибаль Карача,²⁵ Вандека, Рюбенса²⁶ и многих древних мастеров. Осмотря оные, прошли в библиотеку, которая в превеликом порядке и по классам расставлена; потом в кабинет медалей, где великое собрание как греческих и римских, так и их древних ирландских, шотландских и аглинских медалей и монет; потом прошли в их церковь, которая во времена древних Саксонов построена; тут сверх архитектуры примечания достойны два окошка, на которых прекрасная живопись; пробыв там целые пять часов, возвратились домой, куда к нам приехал господин Маркгам с женою, и с ними господин Норт, брат первого министра в Англии, кои у нас до десяти часов просидели.

27 числа в семь часов поутру с Маркгамом и Фицджеральдом поехали в разные коллегии; были в С. Жонес коллегии, потом в Тринити коллегии, Нев коллегии, Алль Сулс коллегии, Университе коллегии, Кеенс коллегии, Магдален коллегии. Все сии здания преогромные, в которых церкви, так как и все строение, великолепною архитектурю и пространством примечания достойны. Каждая из оных имеет своего начальника, которые в иных называются президент, в некоторых мастер, провост варденс, принципал и ректор; и хотя названия сии разные, однако они все одно значат. Все коллегии не зависимы одна от другой, и доходы каждая имеет особливые, установленные вечно разными частными людьми; при каждой из оных несколько профессоров и чиновных людей и не менее ста студентов. Таковых коллегий девятнадцать да шесть школ, кои также имеют, как и в коллегиях, своих собственных начальников и особливые доходы. Они все вместе составляют славный университет Оксфордский (который, как сказывают, гораздо ныне упадает перед прежним), над которым начальником один канцлер (который обыкновенно живет в Лондоне, будучи член Парламента), и один вице-канцлер, выбирающийся из начальников коллежских. Сей последний должен всегда быть в Оксфорде; он присутствует во всех собраниях для произвождения студентов, для чего все члены коллежские должны собираться и без чего никогда градуса студент получить не может. Объездя оные коллегии, проехали в публичные здания, которые все в одном месте построены. Театр, где собирается университет в некоторые дни и где говорят речи на знатные случаи; архитектура оного коринтического ордена. Огромное сие здание построено полуциркулем в 1669 году архитектором Врен; внутреннее расположение галерей, всю залу окружающих, так хорошо, что тут вмещается три тысячи человек во время их церемоний. Возле того театра Музеум Ашмолеан, названный так по имени своего фундатора Елиас Ашмоле, который в 1682 году оный построил (архитектором Вреном); фронтиспис и портик оного чрезвычайной красоты, коринтического ордена; тут собрания для исследования натуральной истории, всякие окаменелости, руды, всякие животные, как в спиртах, так и в чучелах; тут также собрания медалей, несколько картин и статуй; притом в трех комнатах библиотека, которая, так как и все сие строение, всегда для всех отворена, однако со всякого человека за вход по 4 наших русских копейки собирается на содержание оных

вещей. Возле оного университетская типография, называемая Кларандон Принтинг Гузе, потому что милорд Кларандон писал историю их бунтов, сын его подарил копию оной университету, которую они напечатав и по продаже оные, на полученные за то деньги в 1711 году оное огромное здание построили длиною на 115 футах. Порттик прекрасной дорической архитектуры с осмью колоннами, над которым в фронтисписе поставлена статуя мраморная милорда Кларандона прельщает взор. Тут возле находится здание, определенное для публичных школ; оно построено квадратом, в середине которого двор, сообщающий все оное строение. В двух флигелях распределены все классы, каждый имея свою собственную школу, из которых только хороша Богословская школа (а прочие все не только без всякого прибора, но и совсем внутри опущены), в верхнем этаже во всю длину оных флигелей поставлены на стенах как портреты разных вкладчиков, так и многие хорошие картины. Третий флигель содержит библиотеку публичную, которая (так как и все сие здание) построена в 1440 году Гомфреем, герцогом Глочестерским, и им зачата наполняться книгами; но потом в 1612 году не только вновь отделана и большею частью книгами наполнена, но и доходы большие вечно к тому определены Томасом Бодлеем;²⁷ почему с тех пор и названа Бодлеанская библиотека. Потом уже были многие знатные вкладчики, которые ее наполнили не только печатными книгами, но и манускриптами, на всех языках как древних, так и новейших; в том числе есть некоторые и русские манускрипты, которые нам попались в руки, были: Словарь русский с греческим с истолкованием и правилами грамматическими; другой Аристотелевы поучения. Оная библиотека, после Ватиканской в Риме, считается теперь первая в свете; в ней полагают 300 000 книг; она во весь круглый год для всех отворена каждый день пять часов; тут также в нескольких шкафах собрание редких медалей и антиков. Четвертый флигель, составляющий фронтиспис всему зданию, ста семидесяти пяти футов вышиною (архитектура оного пяти орденов нижний тосканский, над тем дорический, потом ионический, коринтский и композит), верх самый составляет обсерваторию; внизу же поставлены древние статуи и сосуды мраморные, которых 135 штук, очень драгоценных, данные университету графинею Помфрет, но и по сих пор так в темноте и без всякого порядка поставлены. Возле самого того строения поставлено ныне вновь огромное здание для библиотеки университетской. Оно совсем круглое ордена коринтского, и снаружи вся пропорция наблюдается; но внутренняя колоннада под куполом вокруг аркады не так пропорциональна, ибо она разделена на два этажа, в которых для помещения книг стоят шкапы, а перед ними столы и стулья для охотников поставлены: над первыми дверьми статуя фундатора доктора Радилф (по имени которого здание сие названо Радифская библиотека); над другими дверьми бюст архитектора оного господина Жибес. Оная библиотека окончена в 1749 году, и тогда же в некоторые шкапы внесено несколько книг, и поставлены с великою церемонию, но с тех пор не прибавляют, и так почти стоит пустая. Проходя во всех сих местах до трех часов пополудни, проехали в Ботанический сад, который сделал в 1763 году милорд Денби, для учения студентов, и им же на содержание оного определена сумма. Сад оный окружен великолепною оградой; ворота (которые архитектуры дорического ордена, работы славного архитектора Инегажонес, который лучшие строения в Англии построил) коронованы фронтисписом, в коем статуя мраморная фундатора милорда Денби; а по сторонам бюсты королей Карла I²⁸ и Карла II²⁹ поставлены. (При последнем почти все публичные здания в Оксфорде обновлены, почему везде его бюсты и портреты поставлены.) Сад оный наполнен всякими травами и цветами редкими, из всех разных земель и климатов свезенными; он всегда всем отворяется. Доктор Шерард, ревнуя столь нужному установлению, подарил великое собрание ботанических книг, прибавя к тому капитал трех тысяч фунтов стерлингов для содержания профессора ботаники, которому тут и дом от университета построен. Все сии строения и установления содержатся не королем, не Парламентом, не партикулярными дателями; но земли и доходы вечные оным коллегиям отданы, кои прежде были монастыри, а в нынешнем их законе обращены в светские училища. В четыре часа

приехали к дойену коллегии Крейст Чурч; покои, в которых он живет, великолепные. Во время гонения Карла I он тут жил, и ныне, когда королю случается приезжать в Оксфорд, он тут же становится. Отобедав у него и просидя до осьми часов, возвратились домой, где остатки вечера проболтали с Никитиным, расспрашивая о тамошних их поведеньях. Но усталъ, которую мы чувствовать после такой ходьбы должны были, скоро нас в объятия Морфея возвратила.

28 числа поутру пришли к нам наши русские студенты; потом приехал вице-канцлер университетский с жезлом своим и в мантии и во всем церемониальном виде, который именем своим и всего университета поднес мне книгу с эстампами всех у них хранящихся статуй и барельефов древних, которую честь, сказывают, редким проезжающим делают; отпустя его в девять часов, отправились в путь свой и, переехав 42 мили, ночевали в Виндзоре.

29 числа, вставши в семь часов поутру, пошли в соборную церковь, которая сверх древности примечательна тем, что в ней собираются кавалеры Подвязки, которые тут должны собраться, когда сей орден кому дается. Каждый кавалер имеет тут свое знамя или герб, поставленный по старшинству получения оного ордена. Оттуда пришли во дворец, который преогромный и по древности убран великолепно; по большей части стены тканями обоями обиты; наддверные картины лучших мастеров, так как и прочие картины, коих великое множество по стенам и над каминами, одна особливо в церкви шириною и вышиною во всю поперечную стену, представляющая вечера тайные, Рюбенсовой работы бесценная. Напротиву оной в конце галереи написан альфреско на стене Карл II, сидящий в креслах на троне мраморном так, что, стоя возле оной, глаза обманываются. Оная картина писана италианцем, называемым Верно, так как и вся та галерея и генерально все плафоны во всем доме, который оный государь весь возобновил, почему и статуя его бронзовая в середине двора поставлена. Обходя все покои вокруг, пошли на башню, называемую Круглая башня, в этой маленькой крепостце сделаны прекрасные покои, чтоб в случае нужды королю можно там спастись. Вид с нее прекрасный, на все стороны ничем не закрыт, так что в одном месте 14 графств вдруг видеть можно. Потом сошли вниз на террасу, которая весь дворец окружает, откуда как все фасады оного, так и весь город Виндзор виден, украшенный рекою Темзою, коя вокруг его несколько раз извивается. И так в полодиннадцата часа севши в карету и отъехав 14 миль, в двенадцать часов приехали в Гамптон Кур, где также дворец, построенный королем Вилгелмом III;³⁰ оный дворец совсем уже в нынешнем вкусе отделан; здание сие (на берегу реки Темзы) архитектуры коринтического ордена. Внутри комнаты превысокие, и все почти деревом убранные чрезвычайно хорошо; плафоны писаны тем же италианцем Верно. Обойдя все комнаты, в коих много хороших картин, сошли в сад, который очень невелик, но весьма весел и хорош, будучи украшен Темзою и еще несколькими прудами, из коих беспрестанно бьют множество фонтанов. Возвратясь в обержу и отобедав, сели в четыре часа в карету и отправились в Лондон, который только в 14 милях от Гамптонкура. Дорога сия вся сплошь загородными дворами окружена, что почти мы во всех провинциях видели. Кряж земли приметить могли, что от самого Дувра до Лондона весь меловой; от Лондона до Портсмута все таков же простирается; отсюда до Салисбури мел, а иногда камень мелкий, с песком смешанный; от Салисбури до Бата и Бристоля весь каменный, что почти до самого Оксфорда простирается; а оттуда опять или мел, или камень весь грунт земли до самого Лондона составляет таким образом, что земли на поверхности на аршин не будет, но со всем тем во всех сих разных провинциях, которыми проехали, эта же земля так убрана и так прибрана, что смотреть весело; чему много помогает их скот, который бесчисленными стадами почти весь круглый год в поле питается (и который также отменен величиною и красотою своею), почему как сия земля ни многолюдна, однако им не только своего хлеба становится для себя, но еще много оного выпускают в Ирландию и Шотландию. В Лондоне в полседма часа возвратились мы и кончили сие маленькое по Англии путешествие.

Екатерина Дашкова. О смысле слова "воспитание"

Прадеды наши называли *воспитанием* то, когда они выучат детей своих псалтыри¹ и считать по счетам; после чего просвещенному своему сыну в награждение дарили киевского тиснения часовник;² но учили притом к царю верности, к закону повиновению, твердого наблюдения данного слова или обещания; а как сами других областей не знали, так и деток своих из Отечества, кое они ценили выше других государств, не пускали.

Сие *воспитание* едва воспитанием назваться может, ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно. Они без зазору еще могли пребывать суровыми мужьями и отцами, немилосердыми господами, и отличные природные дарования невидимы исчезали; они и нужны не были, ибо без просвещения к исполнению только того, что от них требовалось, малейшее количество ума достаточно было. Но в оном воспитании незнание, а не развращение видимо было; что, по моему мнению, предпочтительно или по крайней мере не столь бедственно: ибо неуча научить можно скорее, нежели развратного исправить. Путешествие же по чужим государствам невежде, не приуготовленному к тому воспитанием и не имеющему в сердце своем вкорененной к Отечеству и родителям любви, только к пагубе послужить удобно. Напротив того, путешествия с намерением просвещаться, перенимать хорошее, а убежать порицательного, с приуготовленными уже к тому знаниями молодому человеку конечно весьма полезны быть могут.

Деды наши *воспитание* понимали уже несколько иначе. Ябеда³ их поощрила детей своих учить уложению.⁴ Скоро потом артикул⁵ со сказкою Бовы королевича⁶ читался. Наконец, и арифметикою не все пренебрегали.

Но и сие воспитание конечно не выполняет смысла, который слово *воспитание* в себе содержит. Однако воспитанники тогдашние не стыдились еще быть русскими.

Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез *воспитание* наше мы не походили на россиян. В их век просвещение, дошедшее к нам от французов, казалось им, так изобильно водворилось в Отечестве нашем, что знатный один господин в тысяча семьсот пятьдесят не помню котором году, с восторгом говоря приехавшему вновь сюда, доказывал ему о просвещении тогдашнем тем, что завелись уже в России *marchandes de mode*, {продавцы модных товаров (фр.).} французские обойщики, швейцары, и наконец, о дивное дело! что установлена и лотерея; хотя барыш, с оной получаемый, не в помощь бедных, больных или престарелых употребляем был. Тогда танцмейстеры, французские учителя или *мадамы*, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в Отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большей части бывали.

Нередко случалось слышать, особливо в замоскворецких съездах или беседах, как-то на родинах, именинах или крестинах: *Что ты, матушка, своей манзели даешь?-- Дарага, праклятая, дарага! да что делать; хочется воспитать своих детей благородно: сто восемьдесят рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на месяц ей даю.-- И матушка! я так своей больше плачу: двести пятьдесят рублей на год, да домашних всяких припасов даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моет кружево мое и чепчики мне шьет; да и Танюшу выучила чепчики делать. Нынче, матушка, уж и замуж: дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умеет; а постричь ее ведь нельзя же. Как быть! да я и сама таки люблю французское благородство и надеюсь, что дочь моя в грязь лицом не ударит. Учителями же бывали не только парижские лакеи, но и таковые, которые уже и в России ливрею носили.*

Воспитание сие не только не полезным, но и вредным назваться может: ибо лучше бы было Танюше не уметь чепчиков шить, кружева мыть и по-французски болтать, да не иметь и тех гнусных в голове и сердце чувствований, кои подлая и часто развратная

французская девка ей впечатлевает. Она бы могла быть лучшею женою, матерью и госпожою, если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была, и если бы она имела любовь к Отечеству вместо пренебрежения, кое мамзельюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветренность и небрежение в себе показывала: тогда бы можно было заключить, что родители ее правильнее о слове *воспитание* понятие имели, нежели Танюшино поведение подает повод думать.

Воспитание, которое мы детям своим даем, еще более разнствует с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали. Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове *воспитание*, прибавя к разврату, который учителя и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, кроме веселия, без рассудка, без нужного примечания, и погружая себя в Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом, с истощенным смыслом и кошельком домой беспоправочно возвращаются. А как пребывание в Париже, по их мнению, им дает поверхность над теми, кои в нем не были, и как притом число не бывших в Париже почти можно считать как 1 противу 1000, то по мере сей пропорции и высокомерятся, во всяком случае отличаются такую надменностию, что и в собраниях, для коих они только себя и прочили, несносными себя делают. Не в поле, не в совете или служении Отечеству они себя отличить и посвятить хотят: танцы, клавикорды или скрипка, разговоры о театрах и действующих на оных -- вот благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться желают. Наглость и надменность, обыкновенные спутники незнания, и в сообществах быть вождельными им препятствуют; ибо они так надоедают, перебивая у всех речь, говоря о всем решительным образом, пренебрегая все то, что здесь видят, а решения свои свыше всякой апелляции считая, для того, что они были в Париже, почему, обнажив наконец свою ветренность и ничтожество, перестают скоро быть зваными или желаемыми и в самых тех собраниях, где, кажется, другого намерения нету, как только время проводить или, лучше сказать, потерять оное. Дочери наши стараются мотовством своим прославиться. *Petite santé* и *vareurs* {слабое здоровье и недомогание (*фр.*)} есть щит и шлем, коими они защищаются или под коим они укрываются, когда им родители или рассудительный муж представлять станут что-либо вопреки того, что, они думают, французская *manière de vivre* {образ жизни (*фр.*)} узаконяет. Романы читать, на клавикордах и арфе бренчать есть главное их упражнение. Родители хороших правил детям своим не вперяют, к размышлению их не приучают; чему же дивиться, когда так мало браков совершаются или что совершившиеся скоро разрываются. *Основательно мыслящий молодой человек* для того жениться опасается, чтоб с женою он не получил и долгов, на оплату коих имения его недостаточно быть может; *легкомысленный парижский россиянин* не женится для того, что *c'est du bon ton* {хороший тон (*фр.*)} быть холостым, и для того, что не хочет умножить трудностей, коими он уже обременяется, увертывался и обманывая своих кредиторов. И наконец, для того, чтобы не терять на воспитание детей и домостроительство своего времени, которое он на театральные действия употребляет; оно бы недоставало ему для учения роли, кои он в комедии или драме с такою славою и с собственным удовольствием представляет, если б он должность мужа женатого на себя предпринял.

Но сколь ни велико усердие мое, чтоб слову *воспитание* прямой смысл здесь вывести, а чрез то самое внимание родителей к полезному воспитанию детей обратить: как издатель Собеседника не мог я себе позволить дальнейшего здесь распространения, чтоб чрез то не исключить из сей книги другого роду сочинений, кои, может быть, некоторым читателям приятнее покажутся; почему, сократив сие, прибавлю здесь только некоторые аксиомы, коих, по мнению моему, всякому родителю, или вождю юношества, знать надлежит.

Воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается.

Воспитание ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают.

Воспитание не в одних внешних талантах состоит: украшенная наружность вкусом или действиями, кои от танцмейстера, от фехтмейстера и прочее получают, без приобретения красот ума и сердца есть только кукольство, кое становится с летами ненужным и конечно мужу зрелого ума не иначе как для редкого употребления в сообществе пригодным.

Воспитание состоит не в приобретении только чужих языков, ниже в науках одних; ибо и ремесленный человек, определяя сына своего к какому-нибудь также ремеслу, если только что оному его выучит, а не даст ему чрез воспитание крепости и силы, могущей переносить труды телесные, и не вперит ему как поучениями, так и примером своим любви к трудам, к трезвости, верности и порядку; он не может надеяться зреть его благополучным: ибо он не влиял в сердце сына своего того основания, на коем единственно благосостояние созидаться может, и не доставил ему также той бодрости тела, которая для трудов весьма нужна. Кольми паче возвышенное состояние, которое с собою приносит власть и способы добродетельствовать, и силу делать притеснение и обиды зависимым и подчиненным, требует такового *воспитания*, в коем бы человеколюбие, справедливость и добродетель твердое основание имели, а здоровье, утвержденное благоразумным физическим воспитанием, соделывало питомца храбрым, к войне и трудам способным и во нраве своем благоприятным и равным.

Почему заключить можно, что слово *воспитание* прямого, к несчастью нашему, определенного смысла у нас еще не имеет. Разум оного обширен, пространен и содержит в себе три главные части, которых союз выполняет его существо; то есть совершенное *воспитание* состоит из *физического воспитания*, из *нравственного* и, наконец, из *школьного* или *классического*. Первые две части всякому человеку необходимо нужны, третья же некоторого звания людям нужна и прилична, но притом не лишняя никому и украшает и самую высшую степень знатности, в коей таковые приобретенные красоты ума с большим блеском оказываются и сияют. Просвещение в вельможе несчетную пользу обществу приносит, поелику подчиненные ему будут им отличаемы не за подлые от них к нему услуги или *таканье*, но за достоинства и за исправность в возложенном на них служении.

Особенное изъяснение каждой части, коих союз выполняет совершенное воспитание.

Физическое воспитание выполняется, когда детям чрез простую пищу, чрез простое и покойное платье, чрез движение, привычку к воздуху и трудам подадут силы и сделают их телом крепкими и здоровыми. Польза оного ощутительна не только относительно долголетию, но и способствию, коим таковое воспитание служит соделывать так вскормленных людей способными к большим предприятиям, геройским подвигам и к непоколебимой твердости в предпринятом; ибо трудно себя ласкать надеждою от истощенного и слабого тела увидеть действия великого духа, кои всегда с трудами, а нередко и с опасностью соединены бывают.

Нравственное воспитание выполняется, когда детей к терпению, к благосклонности и к благоразумному повиновению приучишь, когда вперешь им, что *правила чести* есть закон, коему подчиняются все степени и состояния; когда, не обременяя их память излишними предписаниями, впечатляешь в нежные сердца их любовь к правде и к Отечеству, почтение к законам церковным и гражданским, почтение и доверенность к родителям, омерзение к эгоизму, по коему все относится только к себе, и кое, отторгая члена от общества, прерывает ту цепь, которая общество с ним соединяла; и наконец, когда уверишь их о святой сей истине, что благополучным быть невозможно, когда не исполнишь долгу звания своего, что никакое богатство, знанье или могущество неудобны доставить внутреннее спокойствие (кое всему в жизни нашей предпочтительнее), если пред Отечеством или пред благодетелем совесть тебя нарицает виновным, также что *справедливость*, коею, как разумом одаренная тварь, человек обязан противу всех собратий своих, *есть основание*, на коем все добродетели устраиваются.

Школьное или классическое воспитание выполняется совершенным познанием природного языка, также латинского и греческого, коим учат для почерпания в зрелых летах красот и высоких мыслей, которых бы мы на нашем языке не имели, если б из древних латинских и греческих классиков оных не заняли и, следовательно б, не знали; для сообщения же с иностранцами немецкий, аглинский или французский язык. Арифметика, как одно из начальных учений, необходимо нужна каждому человеку. В университетах аглинских, а особливо в Эдинбургском университете, в коем гораздо строже прочих экзаменуют, для получения степени *Magister artium* {магистр искусств (*лат.*).} должно знать следующие науки так твердо, чтоб при публичном экзамене не только на вопросы профессоров, но и предстоящей публики (ибо тогда всякий имеет право кандидату задачи предлагать) быть в состоянии удовлетворить ответом своим; а именно: логику {Профессор логики Г. Брюс очистил оную совсем от школьного педанства и преподает ее так ясно, что в его классе логика подлинно есть наука ясно мыслить и изъясняться вразумительно.}, риторику, историю, географию, высшую математику, нравственную философию, юриспруденцию, философию естественную, которую преподавать начали несколько лет тому в Эдинбурге основанную на математике; почему когда случится, что эксперимент по какой-нибудь физической причине, на то время препятствующей, и не удастся, то уверенность, кою чрез математику о том имеешь, не оставляет сомнения: почему экспериментальная физика там основательнее других мест поучается; и наконец, химию и многие другие науки, кои по званию, на себя принимаемому, и разнятся. От некоторых же наук, можно сказать, еще отрасли есть, кои для одного звания людей надобны, для других же не полезны или излишними почитаться могут. {Да не возмутятся читатели мои затруднениями, встречающимися им во множестве показанных наук; пример может их удостоверить о возможности сего: некоторый молодой соотечественник наш, быв уже довольно приуготовлен ко вступлению в классическое поучение, в три года пребывания своего в некотором университете окончил классическое свое воспитание с удивительным успехом, коему вся публика несколько раз свидетельницею и судьей вместе с профессорами была.}

Оканчивает же воспитание светское обращение; испытание нас сильнее убеждает, нежели какие предписания или книги нас уверить удобны. А как при таковом здесь изображенном воспитании полагается, что юноши к развратным сообществам вкорененное омерзение иметь будут, то обхождение с благородными и умными людьми выполняет то, чему книги и наставники основание положили.

Екатерина Дашкова. О истинном благополучии

Благополучие есть общая цель всех человеков, на которую они сильным побуждением природы все свои деяния согласно устремляют и в том совершенно между собою сходятся; но разность тут, во-первых, есть та, что по различию страстей представляют они себе благополучие под разными видами; а во-вторых, пути, коими надеются достигнуть до желаемых концов, не бывают одинаковы.

Люди обыкновенно заключают благополучие в богатстве, чинах и могуществе, в роскоши, сладострастии и в прочем, что относится к удовольствию чувств. Все сии предметы, входя в естественное человеков составление, должны потребовать необходимо привлекать их к себе желания, а потому и безрассудно полагать те строгие правила, коими требуют, чтоб человек не желал того, чего не желать ему невозможно, и чтоб отрекся он, так сказать, сам от себя. Оставим человека быть человеком, но только рассмотрим богатство, власть, чины и все другое могут ли составить для него истинное и с существом его согласное благополучие.

Те люди, кои богатство почитают благополучием, столько же ошибаются, как если бы они лекарство почитали здравием; лекарство не есть здравие, но при пристойном

употреблении служит способом к оному; равным образом и богатство само по себе не есть благополучие, но средство к умножению его. Оно полезно или вредно по тому, как людьми употребляемо; иных оно украшает, служа к добру орудием, других же портит, губит и развращает. *Крез*,¹ сей знаменитый древних времен богач, не мог сокровищами своими быть спасен от злключения и при наступающей гибели своей раскаялся, что не внимал словам мудрого *Солона*,² который некогда, зря его, богатством гордящегося, между прочим, сказал ему: "Жизнь человеческая подвержена бесконечному множеству перемен, а потому и не должны ни сами мы величаться сокровищами, коими наслаждаемся, ни удивляться в других такому благополучию, которое преходчиво и непостоянно". Итак, когда богатство есть вещь не только непостоянная, но часто и ко вреду служащая, то несправедливо будет заключать в нем истинное человеческое благополучие.

Чины и могущество суть предметы, к коим самолюбие и любочестие влекут людей непобедимо. Естественное желание распространить благосостояние свое заставляет их искать ведущих к тому способов, а оные способы обыкновенно в чинах и власти находят они уповают и в том не ошибаются, когда расположения их бывают праведны и клонятся к прямой пользе; в противном же случае власть и чины приключают им либо гибель, либо стыд и поношение. Не можно представить себе равного могущества тому, каковое имел *Сеган*, римского кесаря *Тиберия*³ любимец. Важнейшие чины были на него возложены; власть имел он беспредельную; судьбина всех римских граждан зависела от его произволения. В таком положении, казалось, долженствовал бы он сделаться благополучнейшим из смертных; но вместо того гнусными своими деяниями сделался извергом человечества. Постыдная его смерть и страшное падение, предавшее память его вечному поношению, служат великим доказательством, что чины и власть не могут составлять человеческого благополучия и что они равно, как и богатство, могут только служить способом к оному.

Если бы люди одарены были не одними только телесными очами, коими объемлется единая вещей наружность, но и душевными, коими б, вовнутрь сердец человеческих проникая, можно было видеть количество их удовольствий и печалей, какое бы тогда странное представилось позорище! Увидели бы, может быть, что хлебопашец, покоящийся на мураве, благополучнее царя на престоле; ремесленник в убогой хижине спокойнее вельможи в богатых чертогах. Тогда-то б люди познали прямую цену всему тому, чем столь много пленяются и чему столь несправедливо завидуют.

Сладострастие и роскошь, обманчивыми своими прелестями услаждая чувства, владывают над людьми неумеренно; но происходящие от них удовольствия сколь восхитительны, столь скоро и преходчивы. Неосторожное их употребление, истощая тело и расслабляя душу, влечет обыкновенно за собою болезни и позднее раскаяние. Сии страсти не только пагубны частным людям, но приключали падение великим государствам: следовательно, как же можно поставлять их целью благополучия?

Но когда ни богатство, ни могущество, ни чины, ниже роскошь и сладострастие не могут составить человеческого благополучия, то где же искать его должно? В добродетели. Вот единственный источник не только благополучия всякого человека, но и народного блаженства. Вот та прекрасная и редкая роза без шипов, которая не колется! Правила ее состоят не в истреблении естественных человеческих желаний, но в научении употреблять получаемое добро согласно с рассуждением в пользу себе и обществу. Она не воспрещает желать богатства, чинов, власти и прочего; но воспрещает только делать из них злоупотребление. А дабы яснее показать, что без добродетели нет истинного благополучия, посмотрим, что такое добродетель? Добродетель вообще есть то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям полезным нам самим, ближним нашим и обществу. По сему изъяснению усматриваем, что добродетель не что иное, как истинный долг доброго гражданина, который не только для общей, но и для собственной своей пользы всеми силами обязан спешествовать частному и общему добру. Итак, не исполняя сего долга, можно ль быть совершенно благополучну!

Многие почитают добродетель строгою и к слабостям человеческим неснисходительно. Правда, для людей порочных добродетель несносна, а потому и не могут они никогда быть счастливы; для тех же, кои умеют мыслить и чувствовать, ничего нет приятнее, как она. Какая тут строгость и какая невозможность, когда требуется, чтоб человек был справедлив, честен, человеколюбив, благоразумен, великодушен, смирен, благодетелен, умерен, кроток, терпелив и снисходителен. Сии особенные добродетели рождают благодетельное, которое стесняет и утверждает общественный союз и без которого народы благоденствовать не могут. Они нужны всякому состоянию; богач, следуя им, делается полезным гражданином, научается не гордиться такою вещью, которая не есть достоинство; удерживается от излишеств, кои могли бы развратить его и сделать презрительным; роскошный и сладострастный человек их содействием не будет допущен насыщать неумеренно свои желания, а чрез то тело его сохранится от болезней, а душа -- от расслабления; знатный и сильный вельможа, любя добродетель, найдет в благодеянии сладчайшую пищу душе своей и будет утешаться, зря себя окруженною любовью и благодарностию. Человеколюбие, справедливость, честность, великодушие, кротость, снисхождение и прочие добродетели сделают его прямо великим и любезным человеком. Следовательно, исполнение добродетелей составляет вкуже и общественную пользу, и истинное всякого состояния людей благополучие, которое не в рухлых и преходчивых состоит наслаждениях, но в том положении, в котором человек при спокойной совести, озирая свои похвальные деяния и находя себя добрым гражданином, нелицемерным другом, нежным отцом и верным супругом, наслаждается постоянным, никогда не прменяющимся духом спокойствием, которое никто у него похитить не может. Прошедшее его не беспокоит, о настоящем печется он без вреда ближнему. Богатство полагает не в том, чтоб иметь всяких сокровищ много, но в том, чтоб уметь быть довольным тем, что имеешь. Знатность, могущество и чины желательны для него только потому, что дают способ благодетельствовать человечеству, защищать притесненные, отирать слезы вдов и сирот и распространять усердие свое к Отечеству. Будущим утешается он, воображая, что, может быть, предстанут ему случаи принести обществу пользу или сделать какое-либо добро своему ближнему. Вот истинное человеческое благополучие, которое единою только добродетелью сооружено быть может и которое люди, не познавая прямо своей пользы, редко снискивают.

Добродетель хотя и прелестна, но имеет мало обожателей. Пороки и предубереждения отвлекают человека от сей истинной их благодетельницы. Эпиктет,⁴ один из греческих мудрецов, видя распутного и непотребного человека, рассуждающего о учении и любомудрии, воскликнул: "О безумный! что ты делаешь? Осмотрел ли ты чистоту твоего сосуда, прежде нежели влить в него что-нибудь? Без сего все то, что ты в него ни вольешь, обратится в дурное и неприятное". Сие самое можно отнести к добродетели и сказать: человек! добродетель для благополучия твоего необходимо тебе нужна; если ты желаешь, чтобы она в тебе обитала, то прежде очисти себя от пороков, кои безобразят ее и оскверняют.

Не довольно, говорит Конфуций,⁵ знать добродетель; надобно ее любить, а любя надобно ею обладать. Сие священное правило, для всех состояний полезное, долженствует паче впечатленно быть в сердцах великих вельмож.

О вы, кои верховною властью возводите на вышние чинов степени и коим вверяется жребий человек; обращая мысленные взоры ваши на важность вашего долга, любите добродетель; с сею любовью сопрягается любовь к Отечеству вашему; с сею любовью сопряжено точное исполнение вашей к обществу обязанности. Добродетельные деяния ваши, украшая вас самих, послужат для других подражанием. Взгляните на порядок природы, которая являет вам ежедневно пример долгу вашего: с каким намерением облака благотворительным светилем из недр земных на высоту поднимаются? -- с тем, чтоб, преобразясь в дождь, орошали и оживляли землю. Равным образом и вы, с каким намерением из недр общества подымаетесь властью государей на высокие степени? -- с

тем, чтоб изливать на человека правосудие, милость и благодеяние. Вот истинный долг ваш, без исполнения которого совершенно благополучны быть вы не можете.

Екатерина Дашкова. Искреннее сожаление об участи господ издателей Собеседника

Странно покажется, что, вместо поздравления с успехом книги вашей, господа издатели, приношу вам мое искреннее сожаление об участи вашей. Мне кажется, что вы слишком дорого платите за удовольствие других. Мне кажется, что труды, скука и досада весьма помрачают в вас то приятное чувство, которое при добром деле человек обыкновенно ощущает. Правда, что публика отдает вам всю справедливость. Она чувствует, что вы открыли хранилище для всех тех произведений разума, кои, не составляя целой книги, исчезали для того, что не было ни одного периодического издания, куда бы могли они быть помещены. Сограждане ваши с радостью видят, что в Собеседнике даете вы убежище истине, гонимой злонравными людьми. История и басня, нравоучение и шутка, были и небылицы -- все у вас или просвещает, или исправляет, или забавляет: но, посмотря с другой стороны, чего вам стоит удовольствие быть полезными, не могу о вас не пожалеть. Первое обязательство ваше состоит в том, чтоб читать с начала до конца огромные кучи разнообразного вранья, присылаемого к вам с легкою и тяжелою почтою из всех концов России. Для людей вашего разума сия работа должна быть так мучительна, что по неких летах можете сподобиться за нее венца мученического. Прочитав же всякий раз вздор и дело, надобно делать выбор. Мудрено, господа издатели, мудрено угодить всем и каждому. Иной не любит стихов; иной не терпит прозы. Третьего же рода писания нет на свете. Одному нравоучение кажется скучно, другой от критики зевает; большая же часть читателей заражена несчастною охотою отгадывать. Всякая толстая баба на тонких каблучках сердится, думая, что наверное она архангелогородская кума. Один Дедушка¹ скольким повернул головы! С какою хитростью доискиваются, кто муж и жена, которым Дедушка был друг! Одна знакомая мне дама теперь уже третью неделю ни о чем больше не думает, как о том, чей ординарец приезжал за Дедушкою? Клир² -- существо конечно воображенное и которого никто с разумом на свой счет не возьмет, Клир встретил сам ревностных защитников. По газетам вижу, что вы, господа издатели, получили уже защищение Клировых мыслей,³ которое обещаете и напечатать, чаятельно не ради пользы человеческого рода: но да сбудется писание великого пииты:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire. {*}

{* Глупый всегда находит более глупого, который им восхищается (*фр.*).}

Вот, господа издатели, как ваша участь неприятна. Вы имеете противу себя всю чернь авторов и читателей. Первые гnevаются, для чего не печатаете того, что всех дремать заставляет. Вторые -- для чего печатаете то, что души от дремоты пробуждает. Вас не любят те, которые не умеют писать. Вас не любят и те, которые не умеют читать. Чрез не умеющих писать разумею я не тех, кои литер ставить не знают, но тех прескучных Любословов,⁴ кои слова без вещей писать любят: чрез не умеющих читать не разумею я тех, кои не смыслят прочесть по толком; но тех, кои не умеют читать с толком. Все невежды обоего пола суть лютейшие ваши неприятели. Танюша с матушкой, двоюродный брат с женою,⁵ маминька с супругом, все такальщики, все жены, которым с мужьями *розно так тошно, а вместе так тесно*; словом, вся смешная, следственно, большая половина человеческого рода в Великой, Малой и Белой России против вас взволновалась. Все они бросились под покров безграмотных писателей; но как невежество обыкновенно весьма невежливо, то и неудивительно, что достойные их защитники на ваше осмеяние пороков отвечают одною презрительною грубостью. Самое участие, которое приемлет в

Собеседнике знатная и почтенная особа,⁶ не скрывающая имени своего, не спасает вас от дерзости людей невоспитанных. И то правда, что глубочайшее ваше презрение к их образу мыслей не может быть доказано сильнее, как помещением в Собеседнике вашем бедных их творений.

Все сие, однако же, для вас нимало не утешно. Невежды хотя и многословны, но был бы для вас грех, показывая над ними свое великодушие, отягощать делом рук их просвещенную публику. Надобно наполнять Собеседника творениями, достойными его. Но где ж их взять? Присылаемые к вам разношерстные пакеты, запечатанные то полушкою, то пуговкой, правда, наполнены стихотворениями; но по скольку добрых стихов на сто худых? Я уверен, что не находите вы тут ниже по шести на сто указных процентов. Помещать же всякую прозу, которая до рук ваших доходит, было бы не что иное, как издавать книгу, которую никто читать не захочет.

Чтоб искреннее мое сожаление об участи вашей, господа издатели, было не бесплодно, позвольте сказать вам с равною же искренностию мнение мое о том, чем можете пособить себе в вашем положении. Способы наполнять достойным образом Собеседника от вас самих зависят. Старайтесь как возможно доставать от сочинителя "Записок касательно Российской истории"⁷ все дальнейшие по сей материи сведения, служащие к просвещению народа, как видно, весьма ему любимого. Не прерывайте знакомства вашего с звенигородским корреспондентом,⁸ который для приобретения истинных понятий о воспитании ездил, кажется, гораздо подале Звенигорода. Продолжайте ободрять искусное и приятное перо арабского переводчика. Собеседник ваш да будет навсегда прекрасною галереєю картин, изображающих живо человеческие страсти. Наполняйте ее портретами выработанными веселою кистью автора "Былей и Небылиц".⁹ Держитесь принятого вами единожды навсегда правила: не воспрещать честным людям свободно изъясняться. Вам нет причины страшиться гонения за истину под державою монархини.

Qui pense en grand homme, et qui permet qu'on pense.

Epître de Voltaire à CATHERINE II. {*}

{* Кто мыслит воистину как великий человек и кто не препятствует, чтобы и другие мыслили. Из стихотворного послания Вольтера Екатерине II (фр.). Oeuvres complètes de Voltaire. Paris, 1785. Т. 13. Р. 230 (примеч. ред.).}

Трутень

«Трутень» — первый журнал Новикова — начал выходить 1 мая 1769 г., и вплоть до 27 апреля 1770 г. петербургские читатели могли каждую неделю получать листы этого журнала. Печатался «Трутень» в типографии Академии наук, и на первых порах, в 1769 г., тираж его превышал 1200 экземпляров. В 1770 г. тираж несколько снизился — до 750 экземпляров. И тем не менее журнал пользовался огромным успехом у читателей. Не случайно позднее лучшие статьи «Трутня» Новиков включил в третье и четвертое издания другого своего журнала — «Живописец» (1775 и 1781 гг.).

Новикову удалось объединить на страницах «Трутня» известных в то время русских писателей. В числе его сотрудников были Д.И. Фонвизин, Ф.А. Эмин, А.О. Аблесимов, М.И. Попов, В.И. Майков, А.Л. Леонтьев, возможно, М.В. Храповицкая-Сушкова и др. Есть серьезные основания утверждать об участии в журнале А.П. Сумарокова, имя которого становится своего рода идейным знаменем нового издания. Эпиграфами для первых номеров «Трутня» на каждый год Новиков избирает цитаты из притч Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите...» (из притчи «Жуки и пчелы») и «Опасно наставленье строго, Где зверства и безумства много» (финал притчи «Сатир и гнусные люди»). На пример Сумарокова, в частности на его комедию «Лихоимец», ссылается Новиков,

отстаивая свою позицию в споре со «Всякой всячиной» о предназначении сатиры и о допустимости «критики, писанной на лицо». Имя Сумарокова фигурирует в материалах «Трутня», посвященных вопросам литературной борьбы тех лет. «Славной российской стихотворец», «сравнившийся в баснях с Лафонтеном, в эклогах с Вергилием, в трагедиях с Расином и Вольтером» — подобными эпитетами сопровождается всякий раз упоминание имени Сумарокова в журнале.

Другой писатель, чьи сочинения с похвалой отмечаются в «Трутне» и чье участие в издании журнала не подлежит сомнению, — это Д.И. Фонвизин. Так, в двух номерах журнала им были опубликованы два письма некоего дяди к племяннику. В обоих письмах нажившийся на взятках на воеводстве дядя уговаривает своего племянника Ивана покинуть деревню и вступить в приказную службу, красочно описывая те блага, которые может принести ему «судейская наука». Он готов помочь молодому человеку в овладении необходимыми навыками. В контексте сатирической прозы Фонвизина самоуверенные рассуждения дяди по-своему предвосхищают блестящие откровения другого дяди — Ермолая Трифоновича из цикла писем родных к Фалалею, опубликованных позднее в журнале «Живописец».

Но основной вклад в наполнение журнала сатирическими материалами принадлежит самому Новикову. «Трутенъ» отличается от других журналов необычайным многообразием представленных в нем жанров прозаической сатиры. Помимо нравоописательных очерков и форм сатирической эпистолярной Новиков почти в каждом номере журнала помещает рубрику пародийных «Ведомостей», печатает острые сатирические «рецепты», в которых дает портреты господ-самодуров или тщеславных пустоголовых щеголей и кокеток. Здесь он продолжает традиции пародийных курантов и юмористических лечебников XVII в. Параллельно к этим материалам в новиковском журнале публикуются мастерские мистификации, поразительные по своей жизненной достоверности и художественной выразительности, создающие ощущение подлинных документов. Таковы, например, «Копии с отписок крестьян к своему помещику» и ответная «Копия помещичьего указа крестьянам».

Из номера в номер в «Трутне» ведется раздел «Ведомости», содержащий известия, якобы поступившие из разных городов России, а также различного рода объявления вроде сообщений о подрядах, купле и продаже, приезжающих и отъезжающих и т.п. Вот образец подобного рода материалов:

«Из Кронштата. На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur из Руана в 18 дней; Vettilles из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненные и нечиненные, булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары, а из петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотна и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы».

Беспристрастный тон сообщения, имитирующего газетную информацию, придает сообщаемому факту видимость серьезности. Но уже французские названия кораблей, (Trompeur — «обманик», Vettilles — «безделицы, побрякушки») служат первым сигналом, указывающим на пародийную установку сообщения. Полная скрытой иронии заключительная фраза не оставляет сомнений в позиции автора. Это едкая сатира на порядок ведения торговых дел, когда богатства страны, созданные трудом народа, обмениваются на модные безделушки, служащие удовлетворению прихоти пресыщенных бездельников и щеголей благородного сословия. А вот пример пародийного объявления о «подрядах»: «В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оногo подрядиться могут явиться в оном месте».

Если обратиться к другой форме сатирических обличений, используемой Новиковым в «Трутне», — форме рецептов пародийного лечебника, то здесь демократизм позиции автора имеет прямую полемическую направленность против методов сатиры, насаждавшихся «Всякой всячиной». Журнал Екатерины тоже занимался выдачей рецептов своим читателям, рекомендуя либо лекарство от бессонницы — читать «Тилемахиду» Тредиаковского, либо средство от неверности жены — изменять самому. Демократизм Новикова питается горячим сочувствием к судьбам труженников, оказывающихся жертвами прихотей и своеволия господ. В «рецептах» «Трутня» раскрывается страшный облик закоснелых в своей бесчеловечности крепостников, таких, например, как Безрассуд, который «болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о том знает он только потому, что они крепостные его рабы». Рецепт, выдаваемый Безрассуду, таков: «Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до сих пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином».

Галерею «больных» дополняет его превосходительство г. Недоум — вельможа, который «ежедневную имеет горячку величаться своею породою... Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен ...» Вот рецепт, который издатель «Трутня» дает кичливому Недоуму: «Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям... Мнится, что похвальнее бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливреям».

Поразительны по силе обличительного пафоса «письма», печатавшиеся на страницах «Трутня», и материалы, имитировавшие подлинные документы. Таковы упоминавшиеся выше «Копии с отписок крестьян своему помещику» и «Копия помещичьего указа крестьянам», содержание которых было посвящено теме отношений помещиков с крестьянами. Смелость и новаторство Новикова проявились в том, что это был первый случай, когда голос угнетенного крестьянства зазвучал на страницах периодического печатного органа в такой, например, форме: «...да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек, а большие собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да Бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру».

Из приведенного отрывка вырисовывается картина бедственного положения крестьян. И полным контрастом звучат слова помещичьего указа: «Человеку нашему Семену Григорьевичу. Ехать тебе в **** наши деревни, и по приезде исправить следующее: 1. Проезд отсюда до деревень наших и обратно иметь на щет старосты Андрея Лазарева. 2. Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то что он за крестьянами имел худое смотрение и запуская оброк в недоимку, и после из старост его сменить, а сверх того взыскать с него штрафа сто рублей...» Язык господского указа имитировал стиль официальных постановлений, что придавало частному факту помещичьего произвола широкий обобщающий смысл. Подобная сатира граничила по своим художественным приемам с публицистическим документальным жанром. Не случайно Н.А. Добролюбов в статье «Русская сатира екатерининского времени» сопроводил анализ «отписок» следующим замечанием: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это».

Таковы основные, наиболее яркие и новаторские формы журнальной прозаической сатиры, использованные Новиковым на страницах «Трутня» хотя ими далеко не исчерпывается все богатое содержание журнала. «Трутень» продолжал выходить до апреля 1770 г. Прекращение издания произошло, по-видимому, не без административного

*воздействия. О препятствиях, которые чинили «Трутню», можно судить по характерному объявлению, помещенному в сатирических «Ведомостях» листа XVIII от 25 августа: «Издателю Трутня для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен: ибо из присылаемых к нему сатирических и критических писес многие не печатают; а напечатанные без всякого стыда многие принимают на свой счет, и его злословят за то повсеместно».*²⁸

Николай Новиков. Обращение к читателю

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож верно не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам вам о том не скажу. В протчем, это и не тайна.

Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайтеж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность питается не из последних пороков; знаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей частной; что если человек, обладаемой сим пороком, недостоин соболезнования: но со всем тем, никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела, и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить за поклон почитается за необходимость: ибо те, которые сие исполняют. Находят свое щастие гораздо скорее, но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным, но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно, но лень препятствует. Словом, я зделался вечным невольником, презрения достойной лености и могу во оной равняться с наиленивейшими Гишпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки за тем, что лень не допускает.

От лености никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба не склонна с моею склонностию.

Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество: она нужна, и без нее никак не можно обойтись; она почтенна; но она не по моим склонностям.

Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправое решение. Надлежит знать все пронырствы, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануту, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: "Дай за работу"; а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однакож, она не по моим склонностям.

Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно; а сей беспрестанно то же делает; а того-то я и не могу терпеть.

Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостью. Всех обнадеживает, и тогда же позабывает; всем обещает, и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов; а сам также льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастья; а иногда,

---

28 «История русской журналистики XVIII-XIX веков». / Громова Л.П., Ковалева М.М., Станько А.И., Стенник Ю.В. и др. Под ред. Громовой Л.П. – СПб.: Издательство С-Петербур. ун-та, 2003 г.

полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания; а часто и противу здравого рассудка.

Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы или леность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать: но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать.

К чему потребен я в обществе?

Без пользы в свете жить – тягчить лишь только землю. Сказал славной российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству.

Думал иногда услужить какимнибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам.

И так вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием Трутня, что согласно с моим пороком и намерением, ибо сам я кроме сего предисловия писать буду мало, а буду издавать все присылаемые ко мне письма и сочинения и переводы, в прозе и в стихах, а особливо сатирические, критические и протчия ко исправлению нравов служащая: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу, а сие то и есть мое намерение.

Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможение присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут в моих листках.

Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какуюнибудь пользу и увеселение принесло читателям. Притчина сему изданию леность. Дай Бог, чтобы они хоть одиножды принесла пользу. Прощайте Г. читатели, я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

Из "Трутня" от мая 5 дня²⁹

Николай Новиков. КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ³⁰

Славен под бременем к бессмертию ведущих дел пребывает неутомим, изливает бесчисленные благодеяния на всех, ему подчиненных; взирает не на состояние людей, но на заслуги: ему те любезны, кои других добродетельнее. Истина, добродетель и милосердие пребывают с ним неразлучны. Мыслит как философ и хочет, чтобы подвластные ему люди наслаждались блаженством златого века: словом, он хочет, чтобы сии твари были человеки. Делах его удивляется весь свет, затем что другой, малейшее из многочисленных его великих дел соделав, почел бы себя достойным бессмертия: но он думает, что еще мало сделал для пользы человеков. Редкий дар делать бессмертные дела и думать, что еще мало сделал! Славен кротостию и милосердием все покорил себе сердца: ему надобно только желать, они все сделают, чтоб только ему угодить. Славен между важными делами читает и мои листы, но я не ведаю, что он о них думает: малейшую его похвалу почел бы я стократно больше похвал многих тысяч людей!

Зрелум хвалит хорошие сочинения, но оным не удивляется: ибо дуракам одним свойственно дивиться, а просвещенному Зрелуму и подобным ему разумным людям ничто

---

29 ТРУТЕНЬ. ЛИСТЬ I . МАЙ 1769 ГОДА. - <http://www.agitclub.ru/museum/satira/trut/truten02.htm>

30 Трутень. ЛИСТЬ XXVI . ДЕКАБРЯ 22 ДНЯ. -<http://www.agitclub.ru/museum/satira/trut/truten07.htm>

удивительно быть не может; следовательно, их похвала лестнее всех похвал несмысленных читателей.

Несмысл хвалит Трутня для того, что слышал, как его хвалили в двух или трех домах.

Завистлив хулит мой журнал; сие и не удивительно: ибо он все хулит, кроме своих сочинений.

Безрассуд поносит меня за то, что в моих листах изображено состояние крестьян; ему и хвалить меня нельзя для того, что строгостию своею, или, лучше сказать, зверством, больше других утесняет ему подчиненных рабов.

Нарцис бранит меня за то, что я написал его портрет, и говорит: "Я бы, может быть, его похвалил, если бы он отдал мне ту справедливость, которую я сам себе отдаю".

Зараза разумна, хороша, жива и весела; она читает мои листы и танцует.

Миловида, при пленяющей всех красоте, одарена острым разумом. Она часто смеется описанным в Трутне портретам, и ей он нравится.

Прелесте мои листы нравятся; а особливо те места, кои осмеивают женщин: сие доказывает, что она не делает того, что подвержено критике. Сия похвала лестна.

Перекраса говорит, что Трутень был бы несравненный журнал, если бы не трогал женщин: ибо, говорит она, женские слабости всегда извинительны.

Нелена хвалит Трутня, а всего ей приятнее то, что он печатан со украшением.

Разумная **Постана**, читая мои листы, рассуждает здраво и беспристрастно судит; она хвалит то только, что заслуживает похвалу; и я сим доволен.

Роза читает листок Трутня и говорит с своим любовником: следовательно, читает и не понимает. Ей ни хвалить, ни хулить невозможно.

Нарциса читает мои листы, но рассуждать о них не имеет времени: ибо все ее мысли наполнены только ее красотою.

Ветрен хулит мой журнал затем, что все описания волокит и ветреных любовников берет на свой счет; а женские портреты ставит на счет своих любовниц.

Влюбчив хулит Трутня и говорит, что сей журнал самый, вздорный и не достойный чтения. Он и действительно его не читает; а хулит для того только, что две его любовницы бранят сие издание.

Худой судья многое в Трутне хвалит: но не хвалит того, что написано на худых судьей.

Силен сказывают, рассуждает здраво, когда не пьян; но как всякий день винные пары отягчают его голову и затмевают рассудок, то ни хулы, ни похвалы от него вовеки не дождуся.

Чужемысл хвалит и хулит всегда по чужому мнению: со всеми соглашается; а противуречит только тем, о коих несправедливости его другие сильнее уверят. Он часто при чтении восхищается и тотчас, когда другие станут хулить, соглашается, что то худо; следовательно, он сам не чувствует. Ему все люди и все в свете вещи попеременно кажутся и добрыми и злыми. Чужемысл достоин сожаления потому, что лишен рассуждения. Но что ж делать? родитель, его воспитывая, не положил в него ни малого основания к рассуждениям, и он так возрос.

Своенрав иногда меня хвалит, а чаще бранит, затем что некоторые листы ему не нравятся: одни, говорит он, писаны очень вольно, а другие очень воздержно: словом, он почти всегда находит написанное не так, как бы ему хотелось. Виноват ли я, когда не так, как Своенрав, думаю? ему не одни мои листы не нравятся: он иногда входит в политические дела и их критикует для того только, что не он их учредил. Своенраву многое не нравится, и он сам также многим не нравится.

Самолюб не дальнего разума, следовательно, и писать хорошо не может. Я ему читал свой журнал, он слушал, и лишь только я окончал, то начал мне рассказывать о своем сочинении: он наполнен о самом себе хорошими мыслями; следовательно, о других ему некогда и думать.

Высокопар наполнен воображением о своей превыспренней учености. Взирает с презрением на всех писателей; по его мнению, он только один достоин всеобщей похвалы,

и что он давно уже заслужил бессмертную славу. Сие утверждают и все преданные ему животные, давшие клятвенное обещание превозносить до небес его пухлые сочинения. Высокопар хулит Трутня, не бравши в руки ни одного листа. Он со многими сочинениями так поступает: но что о нем и говорить? его невозможно исправить и вывести из заблуждений. Он вовеки будет думать, что во всем пространном свете он один здраво рассуждает, имеет высокие мысли и пишет разумно и прекрасно.

Суевер златой век, в коем позволено всем мыслить, называет железным веком и утверждает, что сие означает скорое преставление света.

Лицемер много в моих листах находит хорошего, но жалеет, что напечатаны некоторые сочинения, по его мнению, противу закона и что тем только Трутень и обезображен.

Николай Новиков. КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ ³¹

(* - продолжение)

Вертопрах читает мои листы сидя перед туалетом. Он все книги почитает безделицами, не стоящими его внимания, как же ожидать мне, чтобы Трутень казался ему полезною книгою? однакож Трутень иногда заставлял его смеяться. Он его почитает забавною книгою и для того его и покупает. Вертопрах, повертевши листки в руках, и которые заслужат его благоволение, те кладет он на туалет, а прочие употребляет на завивание волос. Если ж в котором покажется ему описан знакомого человека портрет, то такие листочки возит он с собою и рассказывает, что это на такого-то написано. Вертопрах сие делает для того, что любит насчет других посмеяться, и для того только и приклепывает; а издатель за сие страдает.

Жидомор утверждает, что Трутень очень хорош и что сия книга самая преползная: но жалеет о том, что дорого продается. Жидомор хочет подавать представление, чтобы для пользы народной Трутня раздавали безденежно. Он бы и сам не покупал моих листов, как они ему ни нравятся, если бы не нашел способа весь год читать только за четыре копейки. Жидомор сделал сие таким образом: первый лист купил и заплатил деньги, а в другую неделю, прочитав первый лист, принес к переплетчику тот лист назад и уверил его, что он ошибкою дал ему тот лист вместо второго, и так далее; сим способом читает все листы и денег не платит.

Злорад читая мои листы, всегда меня ругает за то, что будто я одиножды списал его портрет и напечатал. Злорад сей, человек весьма злобный, не знает человечества, груб, жесток, горд пред своими подчиненными и низок до подлости пред начальниками своими. Он на всех злостию дышит и называет скотами помещиков, кои слуг своих и крестьян не считают скотами, но поступают с ними со всяким милосердием и кротостию; а я назову тех скотами, которые Злорада назовут человеком: ибо между им и скотом гораздо более сходства, нежели между скотом и крестьянином. По его мнению, и скоты и крестьяне равно сотворены для удовольствования наших страстей. Злорад и теперь еще меня бранить начинает: но пусть он бранит, меня это не трогает; я похвалы его не требую.

Скудоум читает мои листы с великою жадностию и удивляется остроте моего разума. Но что ж ему нравится? то, чего он не понимает или что и мне самому не нравится. Его похвалу я почитаю хулою. Господа читатели, вы знаете, много ли у нас таких благосклонных, как Скудоум, читателей.

Я бы мог еще десять листов наполнить описанием моих читателей, но сие оставляю; а скажу только то, сколько у меня читателей, столько и разных мнений о моем издании. И так может ли многим людям, разные вкусы имеющим, угодить один человек? сие оставляю на ваше решение; в дополнение к сему скажу, что целые восемь месяцев слушал

---

31 ТРУТЕНЬ. ЛИСТЬ XXXVI. ДЕКАБРЯ 29 ДНЯ. - <http://www.agitclub.ru/museum/satira/trut/truten07.htm>

я похвалу и хулу весьма беспристрастно. Намерение мое при издании сего журнала было то, чтобы угодить вам, любезные читатели, сколько возможно. Если я всем успел и сделал хотя некоторому из вас числу угодность, то довольно награжденным себя почту за труд мой. Мое самолюбие не так велико, чтобы сими безделками льстился заслужить бессмертную славу. Нет, я уверен, что сие оставлено к чести нашего века прославившимся в России писателям, г. Сумарокову и по нем г. Ломоносову: их сочинениям потомки наши удивляться будут. Притчи г. Сумарокова как ныне беспримерны, так и у потомков наших останутся неподражаемыми; а Трутень и прочие подобные же ему безделки ныне есть и впредь останутся безделками ж.

ТРУТЕНЬ
ЛИСТЬ IX . ИЮНЯ 23 ДНЯ
ВЕДОМОСТИ

В Санктпетербурге:

С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Злонрава, в превеликой грусти и слезах препроводила целой год, ожидая возвращения своего супруга; наконец ко утешению ее скорби он возвратился. Друзья его обрадовавшись его возвращение все к нему съехались. Злонрава от радости была почти без ума но час спустя муж ей в чем-то попротивуречил; она разсердилась, проклинала день своего рождения и час ее с ним брака, и чтобы в другой переродиться раз, то посылала она любезного своего супруга к чорту. Супруг не успел еще от прежнего в дороге оправиться безпокойства, и для того в такой дальний ехать путь не осмелился, хотя жена и поминутно его туда отправляла. Друзья его удивясь такой перемене, спрашивали ее: для чего она в отсутствие мужа своего всегда о нем плакала, а по презде его так скоро с ним поссорилась? Она отвечала: о том-то я и плакала, что не с кем было мне браниться.

ИЗЪ ОФИЦЕРСКОЙ УЛИЦЫ.

Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна увидела разнощика с апельсинами, и приказала его кликнуть. Разнощик пришел. Боярыня десяток апельсинов за полтину сторговала, и начала чистить; а между тем, желая над ним пошутить, стала у него спрашивать: женат ли ты? — Женат, сударыня, и троих уже имею детей. Боярыня спросила: бывают ли между крестьянами мужья рогоносцы? — А между господами бывают ли, сударыня? — Как не быть, сказала госпожа, и у меня есть муж. Так как же, сударыня, быть тому меж крестьянами, что делают господа, отвечал крестьянин. Нас прикащик за это бы разсек, ежели бы мы что стали у господ перенимать: нам только велят работать. Да вить за женою усмотреть мужу никак не возможно, сказала боярыня, если она что захочет делать. Ваше дело господское, вы это по себе, больше нашева знаете, сударыня, отвечал разнощик почесавшись. А где живет ваш муж? — На своей половине, отвечала госпожа; а я здесь на своей. — Да разве вам в одной-то половине тесно, сударыня? — Не очень бы было тесно: но это по моде. — Чему ж дивиться, сударыня, что ваш муж за вами усмотреть не может, когда вы так от него далеко живете. — Дурак, перехватила смеючись госпожа, вить я это не про своего говорила мужа. Так виноват, сударыня, сказал крестьянин также усмехнувшись; я не растолковал, и думал что вы говорите про своего мужа. Боярыня разнощику пожаловала два рубли и отпустила.

Из Твери

Недавно пред сим через наш город проехал молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам. Он о том городе рассказывал нам чудеса. Мещанин наш Чистосердов спрашивал у него о нравах того народа, о узаконениях, о обрядах их ярмонок и о проч.; но он ни на что не мог порядочно дать ответа. Мещанин потом спросил его, чему он там обучался? Дворянин ответствовал: философии.

- «А что такое философия?»
  - «Философия не что иное есть, как дурачество, - отвечивал ученик славного университета, - а совершенный философ есть совершенный дурак».
  - «О! так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом, - сказал мещанин, - ибо я нахожу вас совершенным философом».
- Дворянин, усмехнувшись, отвечал:
 «Сократ, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак; а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не Сократ».
- «Об вас это другие скажут».
  - «А знаете ли вы, - спросил дворянин, какая розница между ученым дураком и неученым?»
  - «Все конечно знаю, - сказал мещанин, - розница между ними та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству».
- И разошлись; дворянин, поехал в путь, а мещанин нам сказал: «Видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают».³²

Трудолюбивая пчела

В конце января 1759 г. в Петербурге тиражом 1200 экземпляров вышел первый номер ежемесячного журнала «Трудолюбивая пчела», издателем которого был А. П. Сумароков, известный литератор, автор многих трагедий и комедий, десятков стихотворений и песен.

В журнале Сумарокова, кроме него, принимали участие А. Аблесимов, И. Дмитриевский, Г. Козицкий, А. Нартов, братья Нарышкины, Е. Сумарокова, В. Тредиаковский и др. Многие из них позже стали печататься в журналах, выходивших при Московском университете.

«Трудолюбивая пчела» открылась посвящением жене наследника престола Петра Федоровича – Екатерине Алексеевне, будущей императрице. Сумароков называл ее «Минервой» и просил покровительства. Он явно ориентировался на «малый двор» великого князя, а не на царицу Елизавету Петровну и ее вельмож. Сама по себе эта ориентация выглядела достаточно смело: Екатерина находилась в опале, подозреваемая, и вполне справедливо, в политических интригах и тайных сношениях с иностранными дипломатами. Оппозиционное направление журнала усиливали резкие нападки Сумарокова на представителей государственного аппарата, достигавшие подчас большой остроты.

Несмотря на то что в «Трудолюбивой пчеле» печатался ряд современных авторов, журнал все же оставался изданием одного лица – именно Сумарокова и хранит ясный след его сильной и незаурядной личности.

Не ставя перед собой далеко идущих художественных задач, как он делал это в поэзии и драматургии, Сумароков развивает жанр сатирического очерка и фельетона, обнаруживая оригинальность мысли и тонкую наблюдательность. Заметки его – отрывки горячего монолога писателя, озабоченного судьбами русской литературы, театра, России в целом.

Сумароков был убежденным монархистом, осуждал только злоупотребления властью, считал крепостное право явлением естественным и необходимым. Однако он яростно протестовал против рабства крестьян, отданных в бесконтрольное владение неразумным и злым помещикам. «Продавать людей как скотину не должно», – утверждал Сумароков в своих замечаниях на «Наказ» Екатерины II. Крестьяне – необходимый элемент государства, они должны работать на земле. Дело дворян –

³² <http://www.agitclub.ru/museum/satira/trut/truten04.htm>

руководить страной, управлять крестьянским трудом. Сумароков предъявлял большие требования к дворянству, стремясь очистить этот класс от присущих ему пороков, приблизить к идеалу. Он не жалел сатирической соли, высмеивая недостатки дворянства и отдельных его представителей, боролся с рабовладением, но так как рабовладельцами были почти все дворяне, удары Сумарокова обращались на крепостническую систему в целом. Только личные достоинства дворянина могут дать ему право занимать видные должности в государстве. «Порода», происхождение, знатность семьи не могут играть никакой роли. «Честь наша не в тиглах состоит, – писал Сумароков, – тот сиятельный, кто сердцем и разумом сияет, тот превосходительный, который других людей достоинством превосходит, и тот боярин, который болеет об отечестве». Эту мысль он повторял и в своих стихах.

В письме «О достоинстве» (1759, май) Сумароков утверждает что чины, богатство и знатность не составляют еще достоинств человека: «Справедливо ли говорится вместо «человек, имеющий великий чин» и вместо «человек знатного рода» – честный человек? Из сего следует, что все крестьяне бесчестные люди, а это неправда; земледелие не воровство, не грабительство, но почтенное упражнение».

Свою положительную программу, весьма неясную и сбивчивую Сумароков излагает в утопии «Сон. Счастливое общество», помещенной в декабрьской книжке «Трудолюбивой пчелы». Автор говорит о том, что он был «в мечтательной стране», которой правит «великий государь», являющийся в то же время «великим человеком». Свои милости он дарует только достойным людям и сурово преследует нарушителей закона. Далее Сумароков рисует положение духовного и военного сословия, подробно описывает судебный и чиновничий аппарат, лишенный всех обычных для него в России недостатков. Утопические мечтания писателя об идеальном дворянском государстве подчеркивали его критическое отношение к окружающей действительности. Сложившиеся у него представления о том, каким должно быть дворянство, непритворное осуждение зла крепостного права и эксплуатации крестьян, обличение чиновников и откупщиков делали Сумарокова неприемлемым для правительства литератором, несмотря на его желание служить монархии так, как он это понимал. На двенадцатой книжке 1759 г. журнал «Трудолюбивая пчела» закрылся по причинам отчасти материального, а главным образом общественного порядка; слишком резкий тон приняли нападки Сумарокова на правящий класс.³³

Среди всех разновидностей литературных периодических изданий, а именно: литературно-художественные, историко-литературные, юмористические, литературно-политические и пр. именно последние получили самое большое развитие в России в 19-20 в. В то время литература больше выполняла роль «общественной трибуны», поэтому она была в тесной взаимосвязи с политикой страны.

Первый русский журнал под названием «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» начал выпускаться Российской Академией Наук в 1755 году. Однако это издание не было всецело посвящено литературе: здесь лишь изредка публиковывались стихотворения отечественных и иностранных авторов, а основной упор редакторы делали на академические отчёты, политические и научно-исследовательские статьи.

Первый чисто литературный журнал, первый выпуск которого вышел в 1759 году, был частным изданием и назывался «Трудолюбивая пчела». Однако разместить стихи в нём мог далеко не каждый, ведь большинство материалов издания представляли труды его создателя А.П.Сумарокова.

Последователи и ученики Сумарокова – выпускники и преподавательский состав Сухопутного шляхетского корпуса в Санкт-Петербурге, с 1759 года выпускают свой

---

33 А.В. Западова. История русской журналистики XVIII–XIX веков, 1973

литературный журнал «Праздное время, в пользу употребленное». Печатались начинающие литераторы и в изданиях при Московском университете: «Свободные часы» и «Полезное увеселение» под редакторством М.М.Хераскова, «Доброе намерение» В.Д. Санковского и др.

«Трудолюбивая пчела» была первым журналом в России, издававшимся одним лицом. Начавшее выходить одновременно с нею «Праздное время в пользу употребленное» было также частным изданием, хотя и печаталось при кадетском корпусе, но издавалось оно группой литераторов.

«Трудолюбивая пчела» была также первым журналом в России, целиком посвященным литературе. С точки зрения идеологической, политической и чисто литературной, журнал Сумарокова представлял картину единства направления, также еще неизвестную до него русской молодой журналистике XVIII в. С самого начала издания Сумароков заявил о своей политической ориентации, посвятив «Трудолюбивую пчелу» жене наследника престола Екатерине Алексеевне; дело в том, что Екатерина была в это время в опале, находилась на подозрении у Елизаветы Петровны и вокруг нее собирались все фрондирующие, оппозиционные по отношению к деспотии и даже либеральные интеллигенты из столичных дворян. С первых же номеров журнала Сумарокова выясняются его лицо и программа: острая, смелая борьба против «подьячих», против придворно-правительственной верхушки, против откупщиков. Сумароков не только поучал «вообще», но бил в определенные цели, нападал на определенных лиц. Его острые, ядовитые и необычайно живые статьи в журнале начинали собою традицию русской сатирической публицистики, достигшей столь славных побед в творчестве Крылова, Пушкина, Щедрина. Сумароков заполнял свой журнал в значительной степени своими собственными произведениями. Он развил огромную энергию и дал своим врагам генеральное сражение. Попутно он разъяснял принципы своих стилистических требований, бранил неугодных ему писателей, поучал своих сторонников, говорил о языке, страстно и резко браня иностранщину, порываясь к неким филологическим исканиям, поучая правильности и чистоте русской речи. И тут же он обучал дворян культурному быту, человеческим нравам, — а там опять выпады политического свойства и т. д.

А. П. Сумароков. Справка

Запрос

Потребна в протокол порядочная справка,

Имеет в оном быть казенный интерес,

Понеже выпала казенная булавка;

Какой по описи булавки оной вес,

Железо или медь в булавке той пропала,

В котором именно году она упала,

В котором месяце, которого числа.

Которым и часом, которою минутой,

Казенный был ущерб булавки помянутой?

Ответ

Я знаю только то, что ты глупая осла.³⁴

А. П. Сумароков. Море и вечность

Впадете вскоре,

О невские струи, в пространное вы море,

---

34 «Трудолюбивая пчела». 1759год, май

Пройдете навсегда,
Не возвратитесь из моря никогда, --
Так наши к вечности судьбина дни преводит,
И так оттоле жизнь обратно не приходит.³⁵

А. П. Сумароков. Слава

Вспоминай, о человек,
Что твой недолог век
Минется честь, богатство и забава,
Останется одна твоя на свете слава.³⁶

А. П. Сумароков. Дифирамв

Позволь, великий Бахус, нын
Направить гремещу лиру
И во священном мне восторге
Тебе воспеть похвальну песнь!

Внемли, вселенная, мой глас,
Леса, дубровы, горы, реки,
Луга, и степь, я тучны нивы,
И ты, пространный океан!

Тобой стал новый я Орфей!
Сбегайтесь на глас мой, звери,
Слетайтесь ко гласу, птицы,
Сплывайтесь, рыбы, к верху вод!

Крепчайших вин горю в жару,
Во исступлении пылаю:
В лучах мой ум блистает солнца,
Усугубляя силу их.

Прекрасное светило дня
От огненных колесницы
В Рифейски горы мещет искры,

И растопляется металл.

Трепещет яростный Плутон,
Главу во мраке сокрывает:
Из ада серебро лиется,
И золото оттоль течет.

Уже стал таять вечный лед,
Судам дорогу отверзая:
На севере я вижу полдень,
У Колы -- Флору на лугах.

Богини, кою Актеон
Узрел, несчастливый, нагую,
Любезный брат! о сын Латоны!
Любовник Дафны! жги эфир!

А ты, о Семелеин сын,
Помчи меня к Каспийску морю!
Я Волгу обращу к вершине
И, утомленный, лягу спать!

А. П. Сумароков. Эпиграммы

Нетрудно в мудреца безумца претворить,
Он вдруг начнет о всем разумно говорить:
Премудрость высшая в великом только чине.
Нося его овца, овца в золотой овчине,
Когда воздастся честь Златого ей руна,
Тогда в премудрости прославится она.

---

35 «Трудолюбивая пчела». 1759год, август

36 Трудолюбивая пчела». 1759год, август

<1759>

Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку,
Рассказывая ей про свадебну науку.
Твердила: "Вытерпи, что ночь ни приключит.
Тебя опричь меня, мою любезну внуку,
При случае таком никто не поучит".
А внучка мыслила, целуя бабку в руку:
"Уж эту, бабушка, я вытерпела муку!"

<1759>

Судьи приказных дел у нас не помечали,
Дьяки сей дар писать и взятки брать нашли,
Писать и брать они дворянство обучали,
Но мы учителей далеко превзошли!

<1759>

Кто в чем когда-нибудь молвою возвышен,
Достоинством прямым нимало украшен.
Не дивно: похвала и похуленье в воле,
А разум не у всех, -- глупцов на свете боле.

<1759>

Пожалуй, не зови меня безверным боле
За то, что к вере я не причитаю врак;
Я верю божеству, покорен вышней воле
И верю я еще тому, что ты дурак.

<1759>

Котора лучше жизнь: в золотой ли птичке клетке,
Иль на зеленой ветке?
Которые стихи приятнее текут?
Не те ль, которые приятностью влекут
И, шествуя в свободе,
В прекрасной простоте,
А не в сияющей притворной красоте,
Последуя природе,
Без бремени одежд, в прелестной нагоде,
Не зная ни пустого звука,
Ни несогласна стука?
А к этому большой потребен смысл и труд.
Иль те, которые хоть разуму и дивны,
Но естеству противны?
Пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут.

<1759>

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.

Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

<1759>

Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор:
Когда подьячему в казну исправно с году
Сто тысячей рублей собирается доходу,
Честной ли человек подьячий тот иль вор?

<1759>

А. П. Сумароков. Безногий солдат

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его.
А служки были строги
Для бедного сего.
Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад,
Оставил монастырь безногий сей солдат.
Ног нет; пополз, и стал он по миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел,
Весь мозг, колико я его имею в теле,
Был в этом деле,
И голова была пуста.
Солдат, ползя с пустым лукошком,
Ворчал перед окошком:
"Дай милостынку кто мне, для ради Христа,
Подайте ради бога;
Я целый день не ел, и наступает ночь".
Я злился и кричал: "Ползи, негодный, прочь,
Куда лежит тебе дорога:
Давно тебе пора, безногий, умирать,
Ползи, и не мешай мне в шахматы играть".
Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
Перед купеческой ворчал солдат женою.
Я выглянул в окно,
Мне стало то смешно,
За что я сперва злился,
И на безногого я, смотря, веселился:
Идти ко всеобщей была тогда пора;
Купецкая жена была уже стара
И очень богомольна;
Была вдова и деньгами довольна:
Она с покойником в подрядах клад нашла;
Молиться пеша шла;
Но не от бедности; да что колико можно,
Жила она набожно:
Все дни ей пятница была и среда,
И мяса в десять лет не ела никогда,
Дни с три уже она не напивалась водки,
А сверх того всегда
Перебирала четки.

Солдат и ей о пище докучал,
И то ж ворчал.
Зашекотило ей его ворчанье в ухе,
И жалок был солдат набожной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала.
Заплакала вдова и в церковь побрела.
Работник целый день копал из ряды
На огороде гряды
И, встретившись несчастному сему,
Что выработал он, всё отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель,
В каком презрении прямая добродетель.³⁷

А. П. Сумароков. К неправедным судьям

О вы, хранители уставов и суда,
Для отвращения от общества вреда
Которы силою и должностию власти
Удобны отвращать и приключать напасти
И не жалеете невинных поражать!
Случалось ли себе вам то воображать,
Колико тягостно вам кланяться напрасно,
Молитвы принося, как богу, повсечасно,
Против вас яростью по правости кипеть
И в сердце то скрывать, сердиться и терпеть?
Иль вы не помните, в ожесточеньи тверды,
Что вышний справедлив, а вы немилосерды?
Иль вы не верите, что бог неправду мстит
И вам стенание невинных отплатит?
Иль вы забыли то, что время скоротечно
И что и на земли нам счастье не вечно?
Неправду видит бог и внемлет бедных стон;
Что вы ни мыслите, о всем известен он,
А что творите вы, так то и люди знают,
Которые от вас отчаянно стоняют.³⁸

А. П. Сумароков. Ода о добродетели

Всё в пустом лишь только цвете,
Что ни видим, -- суета.
Добродетель, ты на свете
Нам едина красота!
Кто страстям себя вверяет,
Только время он теряет
И ругательство влечет;
В той бесчестие забаве,
Кая непричастна славе;

---

37 «Грудолобивая пчела», 1759, июль

38 «Грудолобивая пчела», 1759, май

Счастье с славою течет.

Чувствуют сердца то наши,
Что природа нам дала;
Строги стойки! Не ваши
Проповедую дела.
Я забав не отметаю,
Выше смертных не взлетаю,
Беззакония бегу
И, когда его где вижу,
Паче смерти ненавижу
И молчати не могу.

Смертным слабости природны,
Трудно сердцу повелеть,
И старания бесплодны
Всю природу одолеть,
А неправда с перва века
Никогда для человека
От судьбины не дана;
Если честность мы имеем,
Побеждать ее умеем,
Не вселится в нас она.

Не с пристрастием, но здраво
Рассуждайте обо всем;
Предпишите Оно право,
Утверждайтесь на нем:
Не желай другому доли
Никакой, противу воли,
Тако, будто бы себе.
Беспорочна добродетель,
Совести твоей свидетель,
Правда -- судия тебе.

Не люби злодейства, лести,
Сребролюбие гони;
Жертвуй всем и жизнью -- чести,
Посвящая все ей дни:
К вечности наш век дорога;
Помни ты себя и бога,
Гласу истины внимли:
Дух не будет вечно в теле;
Возвратимся все отселе
Скоро в недра мы земли.³⁹

Вестник Европы (1802 - 1830)

Из «Указателя к Вестнику Европы». М. П. Полуденский. 1861 год.⁴⁰

Первая мысль об издании «Вестника Европы» принадлежит Карамзину; он положил основание журналу, который существовал двадцать девять лет, и в котором А. С. Пушкин поместил свое первое стихотворение.

16-го ноября, 1801 года, в №92 «Московских ведомостей» было напечатано объявление о новом издании: «С будущего января, 1802 года», говорит Карамзин в этом объявлении, «намерен я издавать журнал под именем «Вестника Европы», который будет извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов. Литература и политика составят две главные части его. Первая часть украсится всеми цветами новых произведений ума и чувства в Европе. Извлечения из книг, повести, любопытные анекдоты, разные открытия в искусствах и науках входят в план сего отделения. Политические известия будут сообщаемы в некотором систематическом порядке и как можно скорее. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья», и пр.

В субботу, 4-го января, 1802 года, вышел первый номер «Вестника Европы», который начинается с письма к издателю. Это письмо едва ли не писано самим Карамзиным; в нем высказано отчасти направление журнала, цель и польза его: неизвестный сочинитель письма к издателю радуется его намерению издавать журнал для России «в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который, по всем вероятностям, будет тверд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе еще более успехов; когда таланты в свободной тишине и на досуге могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположению умов, более нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье». «Уже прошли те блаженные и вечной памяти достойные времена, когда чтение книг было исключительным правом некоторых людей; уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях чувствует нужду в познаниях и требует новых, лучших идей. Уже все монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения. Министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещенных людей. Придворный хочет слыть любителем литературы. Судья читает и стыдится прежнего непонятого языка Фемиды и т. д.» Далее он говорит, что в России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: «чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит. Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей!» «Сочинять журнал одному трудно и невозможно; достоинство его состоит в разнообразии, которого один талант (не исключая даже и Вольтерова) никогда не имел. Хороший выбор иностранных сочинений требует еще и хорошего перевода.»

Неизвестный автор письма, говоря о критике, советует издателю «быть не столько осторожным, сколько человеколюбивым. Точно ли критика научает писать? Не гораздо ли сильнее действуют образцы и примеры? И не везде ли таланты

40 <http://eurovestnik.ru/node/173>

предшествовали ученому, строгому суду? Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги! Глупая книга есть небольшое зло в свете. У нас же так мало авторов, что не стоит труда и пугать их. Но если выйдет нечто изрядное, для чего не похвалить? ... Таковы мои правила!»

Письмо оканчивается мнением автора о политике, которая, он надеется, ко счастью Европы будет не весьма богата и любопытна, потому что гибель и бедствия государств то же для политики, что буря для Вернетовой кисти.

Журнал выходил постоянно два раза в месяц; об успехе его можно судить по тому, что в том же году первая книжка была напечатана вторым изданием.

В течение года Карамзин наполнил журнал большей частью своими произведениями, некоторыми баснями И. И. Дмитриева, В. Л. Пушкина, одним стихотворением Державина и первым переводом «Сельского кладбища» В. Жуковского, который с большими изменениями был перепечатан в собрании его сочинений (издан. 1849 года). Намередаясь продолжать издание и в 1803 году, Карамзин напечатал статью «К читателям Вестника» (1802 г., №23, стр. 227), в которой развил первоначальное объявление об издании журнала; он высказал в ней свое желание, чтобы русские сочинения в стихах и прозе, помещаемые в Вестнике, могли бы без стыда для нашей литературы мешаться с произведениями иностранных авторов. «Мы не аристократы в литературе, смотрим не на имена, а на произведения. Что принадлежит до критики русских книг, то мы не считаем ее истинною потребностью нашей литературы, (не говоря уже о неприятности иметь дело с беспокойным самолюбием людей). В авторстве полезнее быть судимым, чем судить. Хорошая критика - есть роскошь литературы; она рождается от великого богатства, а мы еще не Крезы.» Статья оканчивается так: «Наконец скажем, что мы издаем журнал для всей русской публики и хотим не учить, а единственно занимать ее приятным образом, не оскорбляя вкуса ни грубым невежеством, ни варварским слогом. Честолюбие наше не простирается далее.»

В 1803 году «Вестник Европы» издавался по прежнему. Статьи Карамзина занимали большую часть журнала; Державин, И. И. Дмитриев, В. Л. Пушкин принимали в нем участие; и в этом же году в нем была напечатана повесть В. А. Жуковского «Вадим Новгородский», не перепечатанная в издании его сочинений 1849 года.

В продолжение двух лет, что Карамзин издавал «Вестник Европы», кроме статей: Смерть Шелехова; портрет любезной женщины; мысли о русских комедиях; прогулка молодой россиянки; сказка г. Измайлова; храм Световида; объявление о путешествии в Малороссию князя Ш.; письмо о законодательстве в отношении к России; письмо г. Фон-Визина к г. Н. Н. о сочинении Русского лексикона; речь г. Каразина; разные известия о великодушных делах; описание Геттингенского университета и повесть Вадим, все остальное в прозе писано издателем.

Последняя книжка «Вестника Европы» 1803 года оканчивается обращением Карамзина к читателям Вестника, в котором объяснена причина, принудившая его прекратить издание. «Сею книжкою», говорит он, «заключается «Вестник Европы», которого я был издателем. В продолжении его не буду иметь никакого участия.

Изъявляю публике мою признательность. Я работал охотно, видя число пренумерантов. Вестник имел счастье заслужить лестные отзывы самых иностранных литераторов; многие русские сочинения переведены из него на немецкий и французский и помещены в журналах, издаваемых на сих языках. Милость нашего императора доставляет мне способ отныне совершенно посвятить себя делу важному и без сомнения трудному; время покажет, мог ли я без дерзости на то отважиться. Между тем с сожалением удаляюсь от публики, которая обязывала меня своим лестным вниманием и благорасположением. Одна мысль утешает меня, та, что я долговременной работой могу, (если имею какой-нибудь талант) оправдать доброе мнение сограждан о моем усердии к славе отечества и благодению великодушного монарха.» В именном его

императорского величества указе, данном Кабинету от 31 октября, 1803 года, сказано: «Как известный писатель, Московского университета почетный член, Николай Карамзин изъявил нам желание посвятить труды свои сочинению полной истории отечества нашего, то мы, желая ободрить его в толь похвальном предприятии, всемилоостивейше повелеваем производить ему в качестве историографа, по 2000 руб. ежегодного пенсиона из Кабинета нашего.»

С 1804 по 1807 год включительно, «Вестник Европы» издавал М. Каченовский; он держался программы, назначенной для этого журнала Карамзиным. В 1805 году (№16, стр. 321) Каченовский напечатал объявление об издании «Вестника Европы» в 1806 году; в этом он говорит, что в вышедших 16 книжках Вестника 1805 года, все в прозе писано им самим, кроме статей: Рюрик; о музее г. Дубровского; о красноречии Бридена; письмо о языке древних сарматов; два письма из Грузии и статья о благости владетелей. На 1808 год Каченовский передал редакцию журнала В. А. Жуковскому, чтобы: «вновь выступить на оставляемое им поприще, когда исполнит некоторые обязанности по части учебной при Московском университете и гимназии.» Жуковский издавал «Вестник Европы» один с 1808 года по №20, 1809 года; с №21 по 1811 год он издавал его вместе с Каченовским. 1808 год начинается с письма из уезда к издателю, написанного самим Жуковским; в этом письме он говорит об обязанностях журналиста, о любви к чтению и выборе его в России. Вот несколько отрывков из этого письма:

«Русские, говоря о тех, которые не знают иностранных языков и ограничиваются одной отечественной литературой, любят читать; но судя по выбору чтения и книгам, которые предпочтительно печатаются перед другими, читают единственно для рассеяния... Покуда чтение будет казаться одним посторонним делом, которое позволено пренебрегать; пока не будем уверены, что оно принадлежит к одним из важнейших и самых привлекательных обязанностей образованного человека, до тех пор не можем ожидать от него никакой существенной пользы, а романы, самые нелепые, будут стоять на первой полке в библиотеке русского читателя. Пускай воспитание переменит понятия о чтении! Пускай оно скажет просвещенному юноше: «Обращение с книгою prepares к обращению с людьми. И то, и другое равно необходимы.»

В России, при сильной охоте читать и таком нестрогом выборе чтения, хороший журнал мог бы иметь самые благодетельные действия; к услугам журналиста богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки, единственное условие - разборчивость. Политика в такой земле, где общее мнение покорно деятельной власти правительства, не может иметь особенной привлекательности для умов беззаботных и миролюбивых.»

О критике Жуковский разделяет мнение Карамзина и даже повторяет его слова, сказанные в 1802 году: «Какую пользу может приносить в России критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственных романов? Критика и роскошь - дочери богатства, а мы еще не Крезы в литературе.» Несмотря на это, в объявлении об издании «Вестника Европы» в 1810 году был помещен особенный отдел критики; это вызвало письмо к издателям Вестника: О критике (1809 г. №21, стр. 33), подписанное В. (Жуковский?). Тут высказано мнение, что разуметь под критикой и каковою она должна быть.

В объявлении об издании «Вестника Европы» на 1810 год сказано, что расположение книжек по новому плану должно быть следующее.

I. Словесность, проза: повести, речи, разговоры и пр.; стихотворения: оды, басни, песни, послания, эпиграммы и пр.

II. Науки и искусства: отрывки из путешествий; рассуждения о предметах философических, о предметах принадлежащих к изящным искусствам и вообще к наукам.

III. Критика: разбор книг российских и иностранных; критические рассуждения.

IV. Смесь.

V. Обзорение происшествий.

С 1811 по 1813 год включительно «Вестник Европы» издавал М. Каченовский один, следуя прежнему плану издания; болезнь принудила его отказаться от обязанности журналиста, и на 1814 года редакция «Вестника Европы» перешла к В. Измайлову, которому посчастливилось напечатать на страницах издаваемого им журнала первые стихотворения А. С. Пушкина.

Измайлов начал журнал со статьи: «К читателям Вестника от издателя», в которой изложил краткое обозрение направления и порядка издаваемого им журнала; он говорит, что «в народах европейских свирепствует безначалие. Сильнейшему достаются в добычу обширные пределы света и слабые стада народов, свободу умов стесняет ревнивая недоверчивость насильственной власти; мудрые лишаются священного права говорить истину, кроме того война разливает пламя свое из одной страны в другую... Русские воины да ограждают мечами кровы и земли отеческие от набега новых варваров; писатели же силою убеждения да остерегают умы и сердца сограждан своих от заблуждения, легкомыслия и того беспокойного духа, который неминуемо влечет за собой порабощение народов.» О плане издания он говорит, что «журнал будет вестником любопытных происшествий в Европе и всех новых явлений, как в ученом, так и в политическом мире. В рассуждении литературных мнений, мы возлагаем на себя долг справедливости строгой, но суда осторожного. Что касается собственно до критики новых книг, то мы желали бы угодить ей не тем, которые любят критику в журналах, как древние римляне сражения зверей в амфитеатре, но тем, которые с благородными намерениями ожидают от нее пользы для словесности и просвещения.»

Кроме стихотворений Пушкина, Жуковского, в «Вестнике Европы» 1814 года помещены две статьи Грибоедова.

С 1815 по 1828 включительно, «Вестник Европы» издавался от Московского университета под редакцией Каченовского, а последние два года (1829 - 1830) Каченовский издавал этот журнал от себя. 1815-й год начинается следующим объявлением редактора: «Я не ожидал и даже вовсе не думал, что «Вестник Европы», университетской типографией издаваемый, будет снова препоручен моему распоряжению, и т. д. Благоклонное внимание начальства ускорило медленный ход моего выздоровления. Принимая на себя труд составлять журнал, коего бытие обеспечено уважением публики, я не имею надобности подкреплять его несбыточными обещаниями.»

В объявлении об издании этого журнала на 1816 год, редактор говорит, что «между прочим внимание его будет устремлено на историю отечественного и родственных ему языков, на деяния и обычаи народов славянского происхождения и на изящные искусства древних веков и новых». Внешнее расположение журнала состояло из: I. Изящной словесности. II. Изящных искусств, наук и литературы. III. Современной истории и политики и IV. Смеси. Издатель следовал этой программе до конца.

С 1820 года начинаются нападения «Вестника Европы» на А. С. Пушкина. Отрывок из его поэмы «Руслан и Людмила» был напечатан в том году в «Сыне отечества», и «Вестник Европы» поместил у себя разбор этого отрывка. Критик, житель Бутырской слободы, восстал против содержания этой поэмы: «Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание «Еруслану Лазаревичу»? Неизвестный Пиит выставляет в №15 и 16 «Сына отечества» отрывок из поэмы своей «Людмила и Руслан» (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма, но образчик хоть кого выведет из терпения.» За этим описывается сцена Руслана с головой и критик оканчивает так: «Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами? Шутка грубая, неободряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а ни мало не смешна и не забавна. Dixi.» Эта статья вызвала в №31 «Сына отечества» резкую

антикритику Г...ева, на которую житель Бутырской слободы отвечал в «Вестнике Европы» 1820 года, №16, стр. 283. «Кавказский пленник» Пушкина был принят «Вестником Европы» иначе, чем «Руслан и Людмила». Г-н М. П. (М. Погодин?) напечатал в «Вестнике Европы» 1823 года, №1, стр. 35, статью, в которой он говорит, что «в «Кавказском пленнике», вместе с юным, крепким воображением, видно искусство и зрелый плод труда; соображение обширнее, план правильнее». Автор статьи был очарован прелестными стихами и картинами, и предлагает ход действия повести словами сочинителя.

В 1824 году в «Вестнике Европы» была напечатана статья, возбудившая полемику, в которой принял участие и Пушкин. К. Вяземский, при издании «Бахчисарайского фонтана», поместил вместо предисловия «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или Васильевского острова», в котором он высказал свой взгляд на романтизм. По поводу этого разговора «Вестник Европы» напечатал второй разговор между классиком и издателем «Бахчисарайского фонтана», где опровергал мнение к. Вяземского, последний отвечал в «Дамском журнале» на эту статью; вообще в «Вестнике Европы» 1824 года помещены четыре статьи по поводу этого разговора, из них три принадлежат М. А. Дмитриеву. Наконец Пушкин принял участие в споре и напечатал в «Сыне отечества» (1824 г., №18) письмо, которое перепечатано г. Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (стр. 108).

Не одни сочинения Пушкина встречал неблагоприятно «Вестник Европы». Некто, скрывший свое имя под псевдонимом Пилада Белугина, порицал в комедии Грибоедова «Горе от ума» план, слог и цель.

Мнение «Вестника Европы» об этой комедии возбудило также полемику с «Московским телеграфом», который, вместе с «Сыном отечества», отдавал должные похвалы комедии Грибоедова.

Последние два года (1829 - 1830), что издавался «Вестник Европы», суждения этого журнала о сочинениях Пушкина были еще строже и резче. Критик с Патриарших прудов (Н. Надеждин?) поместил в журнале Каченовского разборы «Графа Нулина», «Полтавы» и VII главы «Евгения Онегина». Некоторые подробности этих разборов помещены в «Материалах для биографии А. С. Пушкина», собранных г. Анненковым. На все эти нападения Пушкин отвечал эпиграммами.

Известна его эпиграмма «Собрание насекомых», направленная на издателя «Вестника Европы» и его сотрудников. Эта эпиграмма была напечатана в 1830 году, в альманахе «Подснежник». «Вестник Европы», при обозрении этой книги, перепечатал эпиграмму Пушкина, объясняя следующим образом замененные звездочками имена.

Полтава - Божия коровка,
Кавказский пленник - злой паук,
Вот Годунов - российской жук,
Онегин - тощая пиявка,
Граф Нулин - мелкая козявка.

С №5, 1822 года, «Вестник Европы» выходил с следующим эпиграфом на каждой части из Теренция:

- - - *Id arbitror*

adprime in vita esse utile, ne quid nimis.

Эпиграф этот продолжался до 1829 года; с 167 части он был заменен другим:

Tu ne cede malis, sed contra audentior ito.

С 1830 года латинский эпиграф сменил стих Державина.

«Стоять и правду говорить».

Последняя часть явилась со стихом Горация.

Solve senescentem.

Вот окончание двадцатилетнего журнала.

Последние слова.

В изнеможении от долготы дней, при конце бытия своего, но еще вполне владея способностями рассудка и памяти, завещаю современникам последние слова старческой опытности.

Умираю смертью обыкновенною, по чину естества неизбежною для всех органических созданий. Необыкновенно лишь то, что избытком жизни, двумя с половиною месяцами прибавочного существования, обязан я (кто бы подумал?) безжалостной, опустошительной холере, столь гибельной не только для читателей, но и для самых журналов. Благодарить ли виновницу общего бедствия за ее дар злополучный? Увы! Подобно Карлу V, заживо отплетому услужливым братством, я, находясь еще в сонме живых, должен был слышать не погребальные песни, не мольбы о грехах моих, а неистовое глумление и скоморошеское кощунство от некоторых из нового поколения журналов, незрелых смыслом, дерзких волею, велеречивых, бранчивых, хвастливых. Утешительно умирать с тою мыслью, что я воздвиг врагов незлопамятных и ни мало не опасных попечительному своему издателю, который делал для меня все, что мог при других занятиях своих, но который неспособен и невластен был запятнать мои страницы ни постыдною угодливостью, ни коварною лестью, всегда готовую изгибаться, принимать на себя всякие личины, являясь во всяких видах, готовю, смотря по обстоятельствам, превратиться из кроткого агнца в рыкающее плотоядное чудовище. Сему так и быть надлежало! Не столько жалею, что не сохранил меня от свар и хлопот полемических, сколько благодарю его, что соблюл непорочность мою непричастною журнальному дружеству, ветропленному, ничтожному и своею пустотой и своим непостоянством.

*Но что бы ни было бы, я все предаю забвению; сам у всех прощения прошу и в винах своих и в тщетных обетах. Великодушные читатели да отпустят грехи всяческие! ... Безграмотная наглость и зазорное корыстолюбие - *avri sacra fames* - отныне, да не бесславят русской журналистики!... Да восторжествует ученая благонамеренность!... Молю сострадательную руку подписать мое имя под страницей... Бьет последний час... умираю*

Вестник Европы.

Письмо к издателю⁴¹

Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который, по всем вероятностям, будет тверд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе еще более успехов; когда таланты в свободной тишине и на досуге могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположению умов, более нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье.

Уже прошли те блаженные и вечной памяти достойные времена, когда чтение книг было исключительным правом некоторых людей; уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях чувствует нужду в познаниях и требует новых, лучших идей. Уже все монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения. Министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещенных людей. Придворный хочет слыть любителем литературы; судья читает и стыдится прежнего непонятного языка Фемиды; молодой светский человек желает иметь знания, чтобы говорить с приятностью в обществе и даже при случае философствовать. Нежное сердце милых красавиц находит

---

41 «Вестник Европы», 1802 год, №1. - <http://eurovestnik.ru/node/4>

в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях; матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой — и семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа. Одним словом, если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь общая и главная в Европе.

Чтобы увериться в этой истине, надобно только счесть типографии и книжные лавки в Европе. Отечество наше не будет исключением. Спроси у московских книгопродавцев — и ты узнаешь, что с некоторого времени торговля их беспрестанно возрастает и что хорошее сочинение кажется им теперь золотом. Я живу на границе Азии, за степями отдаленными, и почти всякий месяц угощаю у себя новых рапсодов, которые ездят по свету с драгоценностями русской литературы и продают множество книг сельским нашим дворянам. Доказательство, что и в России охота к чтению распространяется и что люди узнали эту новую потребность души, прежде неизвестную. Жаль только, что недостает таланта и вкуса в артистах нашей словесности, которых перо по большей части весьма незаманчиво и которые нередко во зло употребляют любопытство читателей! А в России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит. Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей! Итак, я воображаю себе великий предмет для словесности, один достойный талантов.

Сколько раз, читая любопытные европейские журналы, в которых теперь, так сказать, все лучшие авторские умы на сцене, желал я внутренно, чтобы какой-нибудь русский писатель вздумал и мог выбирать приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную! Сочинять журнал одному трудно и невозможно; достоинство его состоит в разнообразии, которого один талант (не исключая даже и Вольтерова) никогда не имел. Но разнообразие приятно хорошим выбором; а хороший выбор иностранных сочинений требует еще хорошего перевода. Надобно, чтобы пересаженный цветок не лишился красоты и свежести своей.

Ты как будто бы угадал мое желание и как будто бы нарочно для меня взялся исполнить его. Следственно, я должен быть благодарен и не могу уже с циническою грубостию спросить: «Господин журналист! Можешь ли ты удовлетворить всем требованиям вкуса?» Но между тем благодарность не мешает мне подать тебе дружеский совет в рассуждении обещаемой тобою критики.

А именно: советую тебе быть не столько осторожным, сколько человеколюбивым. Для истинной пользы искусства артист может презирать некоторые личные неприятности, которые бывают для него следствием искреннего суждения и оскорбленного самолюбия людей; но точно ли критика научает писать? Не гораздо ли сильнее действуют образцы и примеры? И не везде ли таланты предшествовали ученому, строгому суду? *La critique est aisée, et l'art est difficile!* Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги! — С другой стороны, вообрази бедного автора, может быть добродушного и чувствительного, которого новый Фрерон убивает одним словом! Вообрази тоску его самолюбия, бессонные ночи, бледное лицо!.. Не знаю, как другие думают; а мне не хотелось бы огорчить человека даже и за «Милорда Георга» (*), пять или шесть раз напечатанного. Глупая книга есть небольшое зло в свете. У нас же так мало авторов, что не стоит труда и пугать их. — Но если выйдет нечто изрядное, для чего не похвалить? Самая умеренная похвала бывает часто великим ободрением для юного таланта. — Таковы мои правила!

Поздравляю тебя с новым титулом политика; надеюсь только, что эта часть журнала, ко счастью Европы, будет не весьма богата и любопытна. Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств. Народ бежит слушать его, когда он, сидя на

своем трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помирится и все затихнет; тогда народ, сказав: «Finita è la commedia!», идет домой, и журналист остается один с листами своими!

(*) Может быть, глупейший из русских романов.

О кофе⁴²

(Перевод из нового восточного путешествия.)

Только на горах Еменских растет так называемый *мокский* кофе, и в трех местах: в Санаа, Голани и Беттельфаги. Последнее место находится в 35 фран. милях от Моки.

Кофейное дерево бывает вышиной в 12 футов, а толщиной в 15 дюймов. Чем оно старше, тем нижние ветви его кривее, и, расширяясь, образуют круглый щит. Кора беловата и жестка. Листья похожи на лимонные, только гораздо тоньше. Кофейное дерево цветет и приносит плоды во всякое время года. Белый цвет его сходен с жасминным, имеет ароматический запах, но вкусом горек. Он бывает под листьями на ветви, и когда спадет, то на его месте показываются зеленые ягоды, которые в зрелости своей краснеют, имеют величину крупной вишни, вкусны и питательны. В середине ягоды, вместо вишневой косточки, находится боб, называемый *кофе*, покрытый тонкой кожицей и твердеющий от солнца по мере того, как засыхает ягода, которая обращается в кофейную скорлупу. Арабы из сей внешней скорлупы делают лучший кофе свой, называемый султанским.

Зрелая ягода бывает семенем дерева. Оно требует густой тени и влажного места. Вокруг его роют обыкновенно каналы и наполняют их водой для частого поливания. На открытых, южных местах сажают кофе под ветвями больших тополей.

Три раза в год собирают кофейные ягоды, а всего более в мае; под деревьями расстилают полотно, и трясут их; сушат ягоды на солнце, сбивают палкой или камнем скорлупу, разделяют боб на две части, снова сушат их и просеивают в больших решетках. Галан, бывший профессором арабского языка в Париже и в 1690 году выдавший книгу о кофе, говорит, что должно назвать его *кафе*: слово турецкое, происшедшее от *кугофа* — что значит: *не иметь аппетита*. Так арабы называют вино и всякое питье, которое своей излишностью обременяет желудок. Кофейный боб называют они *буун*, а деревобуунным растением.

Абдалькадер, мединский уроженец, Гамбаловой секты, и еще древнейший автор Бен Абдальгастер, живший в Счастливой Аравии, пишут о начале употребления кофе следующее: аденский муфти, слабый здоровьем, вспомнил, что он в Персии видал людей, которые пили кофе; вообразил, что он поможет ему; начал его пить, и в самом деле нашел, что кофе облегчает головную боль, веселит душу и прогоняет сон. Муфти воспользовался сим открытием и приучил своих дервишей пить кофе, чтобы они по ночам не дремали на молитве. Это случилось в девятом столетии Эгиры или в 15 веке. Пример муфти ввел кофе в общее употребление, сперва в Счастливой Аравии, а после в Каире и во всем Египте. Но в Эфиопии еще гораздо прежде начали употреблять его.

Лет через 100 после того два турка, именем Легем и Гекем, завели общенародные кофейные дома в Константинополе, где царствовал тогда Солиман Великий. В них скоро начали собираться все празднолюбцы, к досаде иманов и дервишей, которые видели, что храмы пусты, а кофейные дома полны. Они представили великому муфти, что жженный

---

42 «Вестник Европы», 1803 год, №4. - <http://eurovestnik.ru/node/380>

кофе есть уголь, а Магомет запретил есть угли. Он согласился с ними и не велел пить его; но преемник сего муфти объявил, что кофе не есть уголь, и тем разрешил сомнение набожных людей и законников, которым он весьма полюбился.

Во время Кандийской войны визирь Купрули велел затворить все кофейные дома, чтобы праздные люди не собирались в них рассказывать и слушать вести; но тогда уже все богатые и бедные пили кофе в Константинополе. Мужья обязаны были поить им жен своих и в случае забвения сей должности жена имела право требовать развода. В Турции есть особенные кофейные чиновники, называемые *кафенги*: их несколько в серале, и каждый имеет под своим начальством 20 или 30 служителей, которые занимаются только варением кофе.

Солиман Ага, турецкий посол во Франции в 1669 году, первый ввел там в употребление кофе.

Выписка из лондонских ведомостей⁴³

Реформы, сделанные консулом в армиях, возбуждают негодование старых офицеров. Бонапарте уничтожил или соединил с другими многие полки, объявив, что они слишком малочисленны. Желая убавить жалованье, он явно предпочитает богатых офицеров бедным, и достойные, заслуженные люди уступают первенство молодым, имеющим одну выгоду богатства. Сверх того нынешнее французское правительство требует от генералов знаком хорошего воспитания и светского тона; а многие из них, умев сражаться и побеждать, не умеют ни приятно кланяться, ни говорить вежливо. Можно ли таких людей терпеть при дворе блестящем, который непременно хочет казаться опытным в царской пышности?

Уже несколько месяцев носят в Париже шпаги. Сей предмет возбудил внимание консула. Он намерен отличить шпагой привилегированные классы людей: офицеров, членов правительства, кандидатов или граждан избирательных; а другие не будут иметь права носить ее.

Недавно консул, будучи у госпожи Бонапарте, в присутствии многих людей сказал: «Госпожа Сталь новым романом своим довершила зло, которое по воле судьбы ее фамилия должна была сделать Франции. Слог ее портит вкус, а мораль отвращает от добродетели». Госпожа Бонапарте, слушая его, не могла скрыть своего удовольствия: ибо она думает, что гж. Сталь, с великим жаром доказывая необходимость развода, тайно хотела развести ее с консулом.

Вот трогательное письмо Наполеона к сестре его, жене умершего в Америке генерала Леклера: «вверяя генералу Леклеру сен-домингскую экспедицию, я предвидел для него опасности и славу. Супруг твой оставил по себе великое имя, которое оправдывает мой выбор. Ты разделяла с ним опасности, не оставляла его до последней минуты, исполнила должность верной супруги, и своей добродетелью утешаешь меня в нашей общей горести. Я не только доволен, но и славлюсь твоим поступком: можешь ли после того сомневаться в нежных утешениях дружбы, которые здесь ожидают тебя? Мы должны всем жертвовать отечеству. Взяв на себя правление, я обязался в случае нужды принести ему в жертву жизнь свою и моих близких. Супруг твой исполнил часть сего обязательства. Имя его включится в список великодушных, а твое украсит список любезных Франции вдов, для которых великий народ обещался быть покровителем. Отечество усыновляет твоего младенца. Не забывай, что оно со временем потребует от тебя отчета в его воспитании».

---

43 «Вестник Европы», 1803 год, №4. - <http://eurovestnik.ru/node/392>

Когда брат марграфа баденского изъявил консулу благодарность за вознаграждения, полученные сим принцем, Бонапарте отвечал: «Народ французский один великодушен; он поручил мне наградить князей, достойных его благоденствия. Умножив владения его светлости, я умножил число благополучных людей. Счастливы повелители народов, когда они могут таким образом служить человечеству!» Консул ушел, не дождавшись ответа. Он всякий раз исчезает как молния, когда скажет фразу красивую и наперед заготовленную.

Генерал Журдан возвратился из Пьемонта в Париж. Слышно, что он бывал нескромен в разговорах о Бонапарте, и часто твердил: «Этот человек забыл, что он всем обязан генералам. Я согласился служить ему для того, что он предложил мне на выбор: соединить судьбу мою с его жребием или быть жертвой моего упрямства и его власти». — Абдала Мену, славный трус, француз душой, а турок верой, отправлен консулом в Пьемонт на место Журдана.

Французский сенат, законодательный корпус и трибунал напоминают совет персидских генералов, которых собрал Ксеркс, предпринимая воевать с греками, и которым он сказал: «Люди не должны говорить, что я ни с кем не хотел советоваться — и для того вы сюда призваны; но знайте, что ваше дело повиноваться, а не советовать».

Недавно у генерала Моро обедали многие генералы, которые служили под его командой. За десертом гости призвали повара и единодушно определили наградить его *почетной каструлей*. Они заказали ее одному из славнейших мастеров парижских и велели изобразить на ней разные смешные аллегории.

Князь мира⁴⁴

Известно, что князь мира есть первый человек в Испании. Он и верховный адмирал, и генералиссимус, и министр финансов, следственно обладает могуществом неограниченным. Какие же имеет он дарования? Какими средствами достигнул до такого величия? — Надеемся, что многим ответ на сии вопросы покажется любопытным, особливо в нынешнее время, когда неизвестно еще, какое направление и какие следствия будет иметь война испанцев с англичанами. Всякий, прочитав следующие известия, присланные из Мадрида в Лондон одним беспристрастным англичанином¹, легко усмотрит, чего, касательно настоящей войны, можем надеяться от правителя Испании.

Дон Мануэль Гадои де Алварец Principe de la Paz, т. е. князь мира (теперь не старше 39 лет), родился в Бадахосе, главном городе Эстремадуры, от бедных и незнатных родителей, которые, не в состоянии будучи содержать детей своих в звании армейских кадетов, записали Мануэля, вместе со старшим братом его Людовиком, в королевскую гвардию. Здесь Мануэль очень долго — до самой ссылки Людовика — оставался в неизвестности совершенной. Ссылка сия последовала по доносу, которым известили покойного короля о тесной связи одной высокой особы двора испанского с дон Людовиком. Карл III, испуганный и оскорбленный, повелел, чтобы Людовик не позже, как через два часа, выехал из Мадрида и безвозвратно, с строжайшим предписанием жить не ближе, как в двадцати пяти милях от места пребывания королевской фамилии. Несмотря на то, получил он в Бадахосе, месте своего рождения, начальство над батальоном земского войска и орден Алькантары. В это самое время дон Мануэль, брат его, представлен был принцессе астурийской, нынешней королеве, герцогинею Альба, как превосходный певец и музыкант. Мануэль действительно играл на гитаре весьма искусно и пел *con grazio*, как говорят испанцы, с приятностью. Изгнание Людовика продолжалось до самой смерти Карла III, то есть до 13-го декабря 1788 года. Нарочный, привезший в Бадахос известие о

44 «Вестник Европы», 1808 год, №5. - <http://eurovestnik.ru/node/1674>

кончине короля, объявил Людовику, что он прощен, что новый государь наименовал его полковником гвардии, и что ему приказано немедленно возвратиться в Мадрид.

Людовик явился у двора, и Мануэль возвысился. Нарочно для него изобрели новую, прежде неизвестную должность генерал-адъютанта гвардии, с чином генерал-майора, которую занимал он весьма недолго. Скоро произвели его в генерал поручики, наградили достоинством гранда первой степени, Алкудскими королевскими поместьями и первым военным орденом, приносящим весьма важные доходы. Сила его расширилась до такой степени, что самые знатные вельможи, для получения малейшей милости от двора, должны были искать покровительства у Мануэля. При нем и сам великий совет кастильский с добродетельным своим председателем, графом Арандою, мужем достойно славным, теряли силу и голос. Перед открытием последней войны с республиканским правительством Франции, мнение кастильского совета было: сначала действовать оборонительно, запереть сильною армиею Пиренейские проходы, умножить количество земских ратников и потом уже думать о введении армии в подвластные французам пределы: но герцог Алкудский мыслил иначе, и воля его признана была законом. Кастильский совет за упорное противоречие распущен, а граф Аранда сослан в Сарагосу — там кончил он дни свои; но прежде смерти имел несчастье видеть погибельные следствия распоряжений Мануэля, и успел еще оплакать постыдное унижение своих единоземцев.

Наконец критические обстоятельства Испании (1795) принудили герцога Алкудского переменить безрассудный план своих действий и думать о том, как бы загладить стыд, причиненный ошибками его Испании. Единым миром воображал он, каким бы то ни было, и самым невыгодным и самым унижительным, могут исцелиться народные раны.

Итак, заключил он мир, но мир весьма вредный, которым владения Испании умалены, многие источники ее благоденствия иссушены, сила военная ослаблена, деятельность и мужество ее обитателей почти уничтожены; со всем тем благодарность народная была неопишима, и счастливый миротворец по воле короля наименован *князем мира*.

Несогласия с Португалией открыли сему князю мира дорогу к блистательной славе полководца. При самом начале военных действий он принял на себя титул генералиссимуса и предводительство армии, не имев ни малейшего понятия о военном искусстве, даже не видав никогда сражения и никогда не встречавшись с неприятелем.

Едва ли в верховных советах владетелей европейских найдем человека столь ограниченного в уме и сведениях, как Мануэль, князь мира. Умные испанцы смеются ничтожным талантам, которые открыли ему дорогу к фортуне; характер и образ мыслей его в совершенном презрении у древних и благородных дворян Испании.

Желая унижить сие дворянство и положить границы его высокомерию, он перемешал его с состоянием разночинцев, но со всем тем, в кругу людей, пользующихся его покровительством, не найдется ни один с познаниями или талантом; он окружен низкими творениями, которых сам исторгнул из праха.

В попечениях о фортуне родни своей похож он на всех так называемых счастливцев (*parvenus*). Всякий с именем родственника имеет свободный до него доступ, может требовать выгодного места, и верно получит его, какие бы впрочем ни имел способности: родственники Мануэля занимают важнейшие государственные достоинства. Например, отцу его, весьма несведущему человеку, дано самое значащее и прибыльное во всей Испании место, а младший брат его Диего, сушая невежда, в пространном значении сего слова, есть генерал-капитан земского войска² и получает богатое жалованье.

Ненависть к французам есть самая заметная черта в характере князя мира; неосторожные министры Британии оскорбили некогда гордость его, которая неограниченна, и гордость самих испанцев, которая давно уже вошла в пословицу; без того не была бы Испания в настоящую войну союзницей Франции!

С немецкого **.

1 Издатель Северного архива (журнала, выходящего в Риге) выписал их из Лондонского периодического сочинения: the Star. Смотри декабрь месяц 1806 года.

2 Испанский генерал-капитан отвечает нашему генерал-фельдмаршалу.

Нового рода самоубийство в Англии⁴⁵

Письмо к издателям парижского журнала.

Мне рассказывали верный анекдот, довольно любопытный, но только не хотели наименовать людей. В Девонширском графстве один богатый человек, двадцати девяти лет отроду, застрелился через два дня после женитьбы своей, написав к брату чудное письмо, которое я перевел для вашего журнала. Вот оно:

«Когда ты, любезный брат, получишь это письмо, тогда важная загадка вечности уже не будет для меня загадкой. Умираю для того, чтобы не видеть завтра уменьшения в моем благополучии; умираю блаженным, и милой Клементине оставляю память наших восторгов или пример мой, которому она может следовать.

Ты назовешь меня безумцем, эгоистом, неблагодарным; но я не заслуживаю ни одного из сих гнусных имен. Если бы убийства не считались мерзостным злодеянием и не бесславили фамилии, то мне хотелось бы взять с собою тебя, друга и брата, двух любезных сестер и жену мою, украшение, пример женщин, которая столь же добродетельна, сколь прекрасна, и которая два дни принадлежит мне совершенно.

Осыпанные дарами фортуны, пользуясь честью и добрым именем, наслаждаясь цветущим здоровьем и всеми удовольствиями, соединенный с ангелом, давно милым сердцу моему, любимый тобою и двумя нежными сестрами, без угрызения совести и без всякого страха прибегаю к верному способу отвратить все возможные и необходимые горести.

Буду ли счастливым отцом? Не затмятся ли небесные прелести милой Клементины? Ее чистая и нежная душа не заразится ли дыханием порока? Не сделаюсь ли виновным или несчастным супругом? О друг мой! Одна, одна слеза, которая выкатилась бы из глаз моих, отравила бы ядом всю мою жизнь – и будучи теперь добродетелен в сердце, я мог бы со временем быть ужасным преступником.

Жалею о Клементине, о тебе, о Фани, Элизе, добрых и верных слугах моих, о том, который ходил за мною в детстве... Ах! Сколько раз хотелось мне зажечь дом мой, жилище радости, удовольствий и любви, в самое то время, когда все сердца вокруг меня радовались и были счастливы моим блаженством!

Не заставляю тебя следовать моему примеру. Не многие так боятся, так ужасаются первой необходимой горести. Однако же подумай, друг и брат, что печаль и болезни ожидают тебя, и что медленная смерть во сто раз ненавистнее минутной, которую избираю хладнокровно.

Страдание есть не главное бедствие человечества. Лишиться друга, детей, жены; видеть их болезнь, изнеможение, тоску; истощать силы свои горестью и ни мало не облегчать тем муки любезных; терзаться и скрывать терзание; быть уверенным в их неминуемой кончине и подавать им надежду...нет! Это ужасно, и для меня несносно!

Быть вдовцом или мужем обманутым, оставленным, томиться в одиночестве, есть доля бесчисленных супругов, есть опасность жизни моей. Чрезмерное блаженство может ли так ослепить человека, чтобы он не страшился конца или перемены его? Радость прошедшего дня бывает иногда грозным фантомом настоящего.

---

45 «Вестник Европы», 1802 год, №8. - <http://eurovestnik.ru/node/124>

Прости, любезный друг! Утешай прекрасную, чувствительную Клементину. Говори ей о любовнике, о супруге, которому легче было умереть, нежели думать, что он со временем может потерять ее сердце; скажи, что если я заблуждаюсь, то одна моя чрезмерная к ней любовь приводит меня в заблуждение... О Клементина! Когда, будучи совершенно моею, ты показала бы мне хотя одну тень холодности; когда бы чувствительность твоя к моим восторгам уменьшилась, и ты хотя один раз вырвалась из моих объятий: тогда бы я застрелился в глазах твоих и был несчастлив секунду!»

Современник

Журнал с таким названием издавался в России трижды.

Первый «Современник» был основан Пушкиным в 1836 году. После смерти поэта журнал издавала группа писателей во главе с П. А. Вяземским (1837), затем П. А. Плетнёв (1837—1846). Журнал пришёл в упадок. П. А. Плетнёв в сентябре 1846 продал его Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву.

«Современник» Некрасова и Панаева объёмом 40 п.л. выходил с 1 января 1847. В 1847—1848 официальным редактором был А. В. Никитенко. Программу журнала определяли статьи его идейного руководителя В. Г. Белинского. Руководителем журнала с 1853 стал, наряду с Некрасовым, Н. Г. Чернышевский и с 1856 — Н. А. Добролюбов. С 1858 журнал вёл резкую полемику с либеральной и консервативной журналистикой, стал идейным центром и трибуной революционно-демократического направления русской общественной мысли. Это повело к расколу в редакции: её покинули Толстой, Тургенев, Д. В. Григорович. В июне 1862 журнал был приостановлен на 8 месяцев. В редакцию возобновленного Некрасовым в начале 1863 журнала вошли М. Е. Салтыков-Щедрин (до 1864), М. А. Антонович, Г. З. Елисеев, А. Н. Пыпин. В журнале печатались произведения Салтыкова-Щедрина, В. А. Слепцова, Ф. М. Решетникова, Г. И. Успенского. В июне 1866 журнал закрыт.

Ещё один «Современник» — ежемесячный журнал «литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни», издававшийся в 1911—1915 годах в Санкт-Петербурге. С 1914 года выходил 2 раза в месяц. Фактическим редактором был А. В. Амфитеатров, с 1913 — Н. Суханов (Н. Н. Гиммер).

1847 году Некрасов, Панаев и Белинский возродили журнал Современник, основанный Пушкиным. Под их руководством журнал возглавил передовую литературу и демократическое общественное движение. После смерти Белинского, в годы реакции -мрачного семилетия (1848- 1855), Некрасов в неустанной борьбе с цензурой сберег журнал, находившийся под вечной угрозой закрытия. В Современнике сотрудничали писатели, которые вскоре стали гордостью русской литературы: Тургенев, Гончаров, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Островский, Л. Толстой. В этом сказались и проницательность Некрасова как редактора, и стремление молодых писателей печататься в журнале, который хранил лучшие традиции Пушкина и Белинского. В Современнике были опубликованы Рудин и Дворянское гнездо Тургенева, Детство, Отрочество и Юность Л. Толстого, статьи Чернышевского и Добролюбова, пьесы Островского, стихи Некрасова, Тютчева и многие другие произведения, навсегда вошедшие в историю русской литературы.

В период революционной ситуации 1859-1861 годов обнаружили расхождения в лагере Современника. Толстой и Тургенев понимали необходимость общественного переустройства и глубоко сочувствовали народу. Но они не могли согласиться с призывами к крестьянскому восстанию, которые раздавались со страниц журнала в статьях Чернышевского и Добролюбова, в стихах Некрасова.

Добролюбов в статье Когда же придет настоящий день дал сочувственный и убедительный анализ романа Тургенева Накануне и особенностей творчества писателя.

Приветствуя героя тургеневского романа Дмитрия Инсарова, посвятившего жизнь освобождению родной Болгарии от владычества турок, Добролюбов говорил о неизбежности скорого появления русских Инсаровых.

Вывод Добролюбова вполне соответствовал духу тургеневского романа. Но сам писатель не мог идти так далеко вместе с Добролюбовым. Тургенев писал редактору Современника: Убедительно прошу тебя, милый Некрасов, не печатать этой статьи. Она несправедлива и резка. Я не буду знать, куда бежать, если она напечатается... связи с обострением общественной борьбы накануне крестьянской реформы нарастали несогласия во взглядах писателей и среди литераторов, объединенных вокруг Современника, произошел раскол. Это было тяжелым событием и для журнала, и для сотрудников, порвавших с ним. Это было и личной драмой для Некрасова и Тургенева. Рвались старые дружеские связи. Толстой Григорович Гончаров тургенев дружитни островский фото

Из писателей, не стоявших на революционных позициях, в Современнике остался лишь А. Н. Островский, который глубоко симпатизировал революционерам-демократам. Вот как объяснялись причины разрыва с Тургеневым, Толстым и другими писателями на страницах журнала: Сожалея об утрате их сотрудничества, редакция, однако, не хотела... пожертвовать основными идеями издания, которые кажутся ей справедливыми и честными и служение которым привлекает и будет привлекать к ней новых, свежих деятелей...

Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Салтыков-Щедрин, возглавлявшие Современник, сделали журнал боевым органом сторонников крестьянской революции. О целях его Добролюбов говорил: Надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями... преследовать, мучить, не давать отдыху,- до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскочил с азартом и вымолвил: Да что же, дескать, это, наконец, за каторга? Лучшие уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше. Вот чего надо добиться и вот чем объясняется и тон критик моих, и политические статьи Современника, и Свисток.

Журнал учил русское общество бесстрашно исследовать жизнь, искореняя не только рабью привычку молчать, но и рабью привычку не думать. Только доведенная до героизма мысль может породить героизм в действии, - говорил Салтыков-Щедрин. Пронимаясь сквозь чащу цензурных запретов, рискуя судьбой своего любимого детища и своей личной судьбой, вожди Современника несли русским людям свою великую правду.

Журнал находил способы говорить читателям все, что он хотел им сказать. На реформу 1861 года Современник ответил презрительным молчанием. Оно было особенно демонстративным на фоне тех восторгов, которыми захлебывались прочие журналы и газеты.

Редакция напечатала во Внутреннем обозрении такое обращение: Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналы и газеты, т. е. о дарованной крестьянам свободе. Напрасно. Вы ошибаетесь в ваших ожиданиях. Мне даже обидно, что вы так обо мне думаете...

В том же номере Современника, конечно не случайно, публикуются Песни о неграх Лонгфелло в переводе М. Михайлова, где речь идет о рабовладении в Америке, и статья В. Обручева Невольничество в Северной Америке, утверждающая необходимость революционного освобождения народа.

Так умел Современник проповедовать великие идеи, несмотря на жестокий цензурный гнет. ...Даже в крепостной России, - писал В. И. Ленин,- Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду, то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов...

Нельзя не преклоняться перед мужеством и духовной силой издателей Современника, и в первую очередь перед Некрасовым. Трудно представить себе, чего ему стоило издание смелого и честного журнала.

Один знакомый Некрасова рассказывал: как-то раз поэт со страшной вспыльчивостью заговорил о том, что он вытерпел и вынес от цензуры... Такого выражения у него в глазах я никогда не видывал после. Охотники видят это выражение в глазах у смертельно раненного медведя, когда подходят к нему и он смотрит на них....

Сотрудник журнала, публицист и критик Н. К. Михайловский сравнивал редактора Современника с кормчим, которому невероятных усилий стоит проводить свой корабль среди бесчисленных подводных и надводных скал... И Некрасов вел его, провозя на нем груз высокохудожественных произведений, составляющих ныне общепризнанную гордость литературы, и светлых мыслей, постепенно ставших общим достоянием и частью вошедших в самую жизнь.

1859 году руководители Современника решили издавать сатирический журнал Свисток, но правительство запретило издание. И все-таки Свисток стал выходить как отдел Современника. Добролюбов, редактор этого отдела, так определял цели Свистка: ...мы свистим не по злобе или негодованию, а единственно от избытка чувств; от сознания красоты и благоустройства всего существующего, от совершеннейшего довольствия всем на свете. Иронию этих строк мог не почувствовать разве что городской.

Статьи, сатирические стихи, пародии Добролюбова, Некрасова, Чернышевского, В. Курочкина и других писателей, публиковавшиеся в Свистке, были направлены в первую очередь против либерально-обличительной литературы. Эта литература необычайно расцвела в годы подготовки крестьянской реформы. Либералы-обличители писали о чиновниках-взяточниках, тупых полицейских, казнокрадах-администраторов, но эта критика касалась лишь отдельных частных пороков, не тскрывая причин общественных язв. Обличительство, таким образом, уводило в сторону от истинных средств переустройства России.

Издываясь над горе-обличителями, Добролюбов от имени одного из них писал в стихотворении Чувство законности: От извозчиков зло и опасности... На протяжении 12 четверостиший рассказывалось о том, как Ванька просил у поэта за поездку три гривенника, а поэт дал два и еще требовал пятак сдачи. Ванька пятака не отдал и с обидой уехал... Поэт мечет громы и молнии:

Я ограблен канальей безгестною...

Но не это меня сокрушало:

Горько было, что ложью бесчестною

Эта шельма закон искажала...

ступая против мелкого обличительства, Свисток сам обличал злоупотребления, но он доходил при этом до корня общественных бедствий. Потрясающее впечатление на читателей произвела статья Добролюбова о строительстве Волжско-Донской железной дороги - Опыт отучения людей от пицци. Читатель не только возмущался подрядчиками, но чьей вине голодали, болели, гибли, строители, но и понимал, кто стоит за спиной безжалостных хапуг и обеспечивает их безнаказанность. Добролюбов писал, например, что охотно уступил бы этот материал уголовному суду, но, к сожалению, при настоящих наших обстоятельствах такое желание было бы легкомысленным.

На страницах Современника и Свистка появились и произведения знаменитого Козьмы Пруткова-Козьмы Пруткова.

Имя славное Пруткова, Имя громкое Козьмы широко известно. Афоризмы Пруткова превратились в поговорки. Так, мы говорим: Нельзя объять необъятное!; Если на клетке слона прочтешь надпись: буйвол-не верь глазам своим; Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе; Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя; Не все стрижи, что растут; Если хочешь быть счастливым - будь им...

Кто же такой Козьма Прутков?

Он живет в нашем сознании как вполне реальное лицо. А между тем такого поэта никогда не было. Образ его, стихотворения, афоризмы, пьесы, биографию создала группа талантливых и остроумных молодых людей: Алексей Толстой, Алексей и Владимир Жемчужниковы. Взгляды этого придуманного поэта наиболее полно выражены в сатирическом памфлете Проект о введении единомыслия в России. Пагубная склонность человеческого разума обсуждать все происходящее на земном круге должна быть обуздана, считает Козьма Прутков. Истинный патриот должен быть враг всех так называемых вопросов!

И вот действительный статский советник и разных орденов кавалер Козьма Прутков пишет якобы далекие от политических бурь и всяческих вопросов лирические стихи.

Прочитаем одно из них -Перед морем житейским:

Все стою на камне;
Дай-ка брошусь в море...
Что сулит судьба мне:
Радость или горе?
Может, озадачит...
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда - не видит.

Здесь налицо признаки фетовской лирики: смутная печаль, сравнение, взятое из мира природы. Но вызывает улыбку и этот кузнечик, которого автор по недоразумению считает слепым, и легкомысленно выраженное желание покончить с собой: Дай-ка брошусь в море... И совсем смешно выглядит примечание к стихотворению: оказывается, оно написано Козьмою Прутковым в момент отчаяния и смущения его по поводу готовившихся правительственных реформ.

Замечательно, что А. К. Толстой, считавший себя поэтом чистого искусства, является одним из создателей сатирического образа чиновного бюрократа и политического мракобеса, который в часы досуга занимался... чистой поэзией.

Это еще одно свидетельство остроты и сложности общественной борьбы во второй половине XIX века и вместе с тем свидетельство прогрессивности всего истинно талантливого в литературе. В борьбе против бездельности, пошлости, чиновничьего чванства и невежества Козьма Прутков участвует и сегодня.

Ободолубие и критический дух журнала вызывали злобу и раздражение правительства. Вот как оценивалась деятельность Современника: ...статьи его по-прежнему в религиозном отношении лишены всякого христианского значения... в философском - полны глубокого материализма в политическом - одобряют революцию, в социальном - представляют презрение к высшим классам общества... и крайнюю привязанность к низшему классу народа.

Цензурный комитет приходил к такому заключению: Предосудительность общего направления и духа Современника не подлежит сомнению. И цензоры трудились в поте лица. Были годы, когда цензура изымала из журнала ежемесячно около 150 страниц!

Растет не только число друзей, но и число врагов Современника, среди которых первое место принадлежит Русскому вестнику.

Реакционные журналы яростно нападают на орган революционной демократии, печатают статьи, по своему характеру напоминающие политические доносы. В полицию поступают и прямые доносы, смысл которых сводится к призыву: Чернышевского с братнею и с Современником уничтожьте!

В 1862 году издание Современника было приостановлено. Добролюбова в это время уже не было в живых, Чернышевский находился в Петропавловской крепости. Но после того как издание было вновь разрешено (через 8 месяцев), Некрасов, Салтыков-Щедрин и

их сподвижники, невзирая на неоднократные правительственные предупреждения, повели журнал по прежнему пути.

В 1866 году в связи с покушением на Александра II правительство обрушилось жесточайшими репрессиями I на передовых общественных деятелей. Современник был закрыт. Это явилось тяжким ударом для честных людей России. Я не помню давно, - отметил в дневнике один из цензоров, - чтобы правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее недовольство... Тургенев писал, что известие о запрещении Современника заставило дрогнуть его старое сердце литератора.⁴⁶

А. Пушкин. Об издании журнала «Современник»

Журнал под названием Современник выходит каждые три месяца по одному тому.

В нем будут помещаться стихотворения всякого рода, повести, статьи о нравах и тому подобное; (оригинальные и переводные) критики замечательных книг русских и иностранных; наконец, статьи, касающиеся вообще искусств и наук.

Цена за годовое издание 25 р. асс., с пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкин.

В. Г. Белинский. Несколько слов о "Современнике"

Давно уже было всем известно, что знаменитый поэт наш Александр Сергеевич Пушкин вознамерился издавать журнал; наконец первая книжка этого журнала уже и вышла, многие даже прочли ее, но, несмотря на то, у нас, в Москве, этот журнал есть истинная новость, новость дня, новость животрепещущая, и в этом смысле то, что хотим мы сказать о нем, будет настоящим известием. Дело в том, что у нас в Москве очень трудно достать "Современника" за какие бы то ни было деньги; несмотря на многие требования и нетерпение публики, в Москву прислано его очень небольшое число экземпляров. Странное дело! с некоторого времени это почти всегдашняя история со всеми петербургскими книгами, не издаваемыми, хотя и продаваемыми г. Смирдиным, и не сочиняемыми или не покровительствуемыми гг. Гречем и Булгариным. Эта же история случилась и с новым произведением г. Гоголя "Ревизор": судя по нетерпению публики читать его, казалось бы, что в Москве в один день могла бы разойтись его целая тысяча экземпляров... Наконец и мы прочли "Современника" и спешим отдать в нем отчет публике.

"Современник" есть явление важное и любопытное сколько по знаменитости имени его издателя, столько и от надежд, возлагаемых на него одною частию публики, и страха, ощущаемого от него другою частию публики. Г. Сенковский, редактор "Библиотеки для чтения", аристарх и законодатель этой последней части публики, до того испугался предприятия Пушкина, что, забыв обычное свое благоразумие, имел неосторожность сказать, что он "отдал бы все на свете, лишь бы только Пушкин не сдержал своей программы". Подлинно, что у страха глаза велики, и справедливо, что устрешенный человек, вместо того чтоб бить по призраку, напугавшему его, колотит иногда самого себя...

Мы не будем входить в исследование вопроса: имеет ли право Пушкин издавать журнал; мы даже не почитаем себя вправе предложить такой вопрос и, как люди не испуганные и, следовательно, сохранившие присутствие духа и владычество рассудка, предоставляем другим подобные разбирательства: ученому и книги в руки, говорит пословица. Мы же с

---

46 По материалам сайта: <http://russkay-literatura.ru/zhurnalistika-xix-veka/68-zapreshhenie-sovremennika-1866.html>

своей стороны прямо и искренно выскажем наше мнение о "Современнике", сколько позволяет это сделать первая вышедшая книга.

Признаемся, мы не думаем, чтобы "Современник" мог иметь большой успех; под словом "успех" мы разумеем не число подписчиков, а нравственное влияние на публику. По нашему мнению, да и по мнению самого "Современника", журнал должен быть чем-то живым и деятельным; а может ли быть особенная живость в журнале, состоящем из четырех книжек, а не книжищ, и появляющемся чрез три месяца? Такой журнал, при всем своем внутреннем достоинстве, будет походить на альманах, в котором, между прочим, есть и критика. Что альманах не журнал и что он не может иметь живого и сильного влияния на нашу публику, об этом нечего и говорить 208. "Библиотека для чтения" особенно одолжена своим успехом тому, что продолжительность периодов выхода своих книжек заменила необыкновенною толстотою их. Какая тут живость, какая современность, когда вы будете говорить о книге через три или через шесть месяцев после ее выхода? А разве вы не знаете, как неживуци, как недолговечны наши книги? Им не помогут и ваши звездочки, потому что они рождаются, по большей части, под несчастною звездою. Вот что мы находим главным недостатком в "Современнике".

Главное же достоинство его, если только это может почтяться каким-нибудь достоинством, состоит в том, что в нем все статьи оригинальные, кроме, разумеется, стихотворений. Каковы же эти статьи? А вот об этом-то мы и хотим поговорить.

"Современник" состоит из пяти стихотворений и одиннадцати прозаических статей. Стихотворения вообще все не без достоинства, кроме "Розы и кипариса". "Пир Петра Великого" отличается бойкостью стиха и оригинальностью выражения. "Скупой рыцарь", отрывок из Ченстонновой траги-комедии, переведен хорошо, хотя как отрывок и ничего не представляет для суждения о себе. Но "Ночной смотр" Жуковского есть одно из тех стихотворений, которых у нас теперь в целый год является не больше одного или двух... Это истинное перло поэзии как по глубокой поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высоте выражения. Мы очень жалеем, что право собственности и величина пьесы не позволяют нам выписать его. Из прозаических статей прежде всего должно говорить о двух статьях г. Гоголя. Первая "Коляска" есть не что иное как шутка, хотя и мастерская в высочайшей степени. В ней выразилось все умение г. Гоголя схватывать эти резкие черты общества и уловлять эти оттенки, которые всякий видит каждую минуту около себя и которые доступны только для одного г. Гоголя. Но пьеса все-таки не больше, как шутка, и, по нашему мнению, не может заменить собою отсутствия повести, которая почитается у нас необходимым украшением всякой книжки журнала, особливо первой. Вторая статья г. Гоголя "Утро делового человека", говорят, есть отрывок из его комедии. Во всяком случае, она представляет собою нечто целое, отличающееся необыкновенною оригинальностью и удивительною верностью. Если вся комедия такова, то одна она могла бы составить эпоху в истории нашего театра и нашей литературы, а г. Гоголь одну уже напечатал и еще, говорят, готовит две... Эта пьеска есть отрывок из которой-то из них, как мы слышали. "Путешествие в Арзрум" самого издателя есть одна из тех статей, которые хороши не по своему содержанию, а по имени, которое под ними подписано. В самом деле, если есть на свете такие люди, которые за что бы ни принялись, все портят, которые ничего не умеют порядочно сделать, то есть и такие, которые ничего не умеют сделать дурно. Статья Пушкина не заключает в себе ничего такого, что бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что бы вас особенно поразило, но ее нельзя читать без увлечения, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать {Кроме того, в этой статье есть превосходные стихи, которыми переведено одно турецкое стихотворение.}. "Разбор сочинений Георгия Конисского" хорош в том смысле, что дает ясное понятие о разбираемой книге и возбуждает желание прочесть самую книгу. Суждение о Георгии Конисском, как об историке и историческом лице, нам кажется справедливым, но чтобы он был хорошим проповедником, с этим мы не согласны: его красноречие - схоластическое и тяжелое. Самые дурные статьи, это - "О рифме" барона Розена и "Париж" , этот род

записки, писанной к приятелю на разных лоскутках, без всякой связи и занимательности, дурным языком. "Долина Ажитугай" примечательно как произведение Черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов.

Но самые интересные статьи - это "О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг." и "Новые книги": в них видны дух и направление нового журнала. "Журнальная литература, эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература также Необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли". Так начинается первая статья, и мы выписали ее катало для того, чтобы показать, что "Современник" имеет настоящий взгляд на журнал. В самом деле, смешно было бы думать в наше время, чтобы журнал был энциклопедией) наук, из которой можно бы было черпать полную горстью знания, посредством которой можно было сделаться ученым. Только одни невежды и верхогляды могут так думать в наше время. Журнал есть не наука и не ученость, но, так сказать, фактор науки и учености, посредник между наукою и учеными. Как бы ни велика была журнальная статья, но она никогда не изложит полной системы какого-нибудь знания: она может представить только результаты этой системы, чтобы обратить на нее внимание ученых, как скорое известие, и публики, как рапорт о случившемся. Вот почему такое важное место, такое необходимое условие достоинства и существования журнала составляет критика и библиография, ученая и литературная. Главное содержание разбираемой нами статьи состоит в суждении о литературных периодических изданиях в России за 1834 и 1835 год. Мы почитаем за долг сказать, что все эти суждения не только изложены резко, остро и ловко, но даже беспристрастно и благородно; автор статьи не исключает из своей опалы ни одного журнала, и хотя его суждение и о нашем издании совсем не лестно для нас, но мы не видим в нем ни злонамеренности, ни зависти, ни даже несправедливости. О "Библиотеке для чтения" высказаны истины резкие и горькие для нее, но уже известные и многими еще прежде сказанные. Одно только показалось нам и новым и крайне удивительным: мы не знали до сих пор, что паяснические повести и гаерские фанфаронады в критиках и рецензиях "Библиотеки" принадлежат почтенному профессору О. И. Сенковскому, что Барон Брамбеус и татарский критик Тютюнджи-оглу, тоже не кто другой как тот же г. Сенковский. О "Наблюдателе" сказана сущая истина, почти то же самое, что было сказано и в нашем журнале, только немного поносительнее. Вообще "Современник" при всей своей благородной и твердой откровенности обнаруживает какую-то симпатию к "Наблюдателю". Например, сказавши, что это журнал безжизненный, чуждый резкого и постоянного мнения, он чрез несколько страниц приходит в восторг от критик г. Шевырева; потом намекает о каких-то перлах русской поэзии, будто бы находящихся в "Наблюдателе", а этот намек довольно ясно намекает о знаменитых друзьях, так по крайней мере нам показалось... В суждении о "Наблюдателе", к слову о его редакторе, высказана очень дельная мысль в том смысле, что обнаруживает верный взгляд на то, чем должен быть журнал: "Редактор всегда должен быть видным лицом. На нем, на оригинальности его слога, на общепонятности и занимательности языка его, на постоянной свежей деятельности его основывается весь кредит журнала". Вслед за тем, очень верно и очень остроумно замечено, что "Наблюдатель" похож на те ученые общества, где члены ничего не делают и даже не бывают в присутствии, между тем как президент является каждый день, садится в свои кресла и велит записывать протокол своего уединенного заседания".

Превосходно также характеризована "С. пчела": она просто названа афишкою, в которой помещаются объявления о книгах вместе с критиками на помадные и табачные лавочки, пишущиеся какими-то "ловкими и хорошо воспитанными людьми, без сомнения, имевшими причины быть довольными фабрикантами". Очень остроумно также замечено о редакторстве г. Греча в "Библиотеке для чтения": "Имя г. Греча выставлено было только для формы, по крайней мере никакого содействия не было замечено с его стороны. Г. Греч

давно уже сделался почетным и необходимым редактором всякого предпринимаемого периодического издания: так обыкновенно пожилого человека приглашают в посаженные отцы на все свадьбы".

Нас очень изумило в этой статье упоминание о литературных сплетнях и клеветах, издаваемых под именем "Литературных прибавлений к Инвалиду": неужели почтенный издатель читал эти листки и нашел свободное время говорить о них?.. Впрочем, одумавшись, мы перестали удивляться: в Москве очень недавно один журнал с каким-то особенным удовольствием объявил, что он живет в мире с "Литературными прибавлениями к Инвалиду" - да продлит бог эту дружбу на бесконечное время для доказательства, что и в наше время могут быть Оресты и Пилады!..

Окончание статьи состоит в упреках нашим журналам, по большей части очень основательных и справедливых, в том, что они не замечали истинно важных явлений умственного мира, а занимались одними мелочами. К числу важных явлений умственного мира отнесена смерть Вальтера Скотта, одного из величайших, мировых гениев искусства, требовавшая оценки его произведений, о которых, однакож, наши журналы не почли за нужное сказать что-нибудь. Потом новое направление европейских литератур, о котором вопреки "Современнику" скажем, было очень много говорено нашими журналами. К замечательным явлениям нашей литературы, незамеченным нашими журналами, отнесено особенно появление изданий русских старинных писателей; но, спрашиваем мы почтенного издателя "Современника", что бы он сам сказал об этих писателях? - Мы подождем его мнения о них, а после и сами выскажем свое, чтобы заглазить перед ним нашу вину в преступном молчании на их счет.. Станным показалось нам мнение, что Жуковский, Крылов и кн. Вяземский будто бы потому не высказывали своих мнений, что считали для себя унижительным спуститься в журнальную сферу... Это что такое?.. Кто ж виноват в том, что эти писатели так горды? Притом же, что они за критики? - Крылов, превосходный и даже гениальный баснописец, никогда не был и не будет никаким критиком; Жуковский написал, кажется, две критические статьи: "О сатирах Кантемира" и "О басне и баснях Крылова", и при всем нашем уважении к знаменитому поэту мы скажем, что именно эти-то две его статьи и показывают, что он не рожден быть критиком. Что же касается до кн. Вяземского, то избавь нас боже от его критик так же, как и от его стихов...

Мы не согласны еще с тем, что будто бы жалкое состояние нашей журнальной литературы доказывается особенно тяжёлым делом о местоимениях сии и оный. Во-первых, этой тяжбы никогда не было; редактор "Библиотеки" шутил при всяком случае над этими подъяческими словцами, но статей о них не писал, а если и написал одну, то в виде шутки и поместил ее перед отделением "Смеси". Мы, напротив, осмеливаемся думать, что жалкое состояние нашей литературы и вообще нашей умственной деятельности гораздо более доказывается защищением и употреблением сих и оных, нежели нападками на сии и оные... Спрашиваем почтенного издателя "Современника", почему он, употребляя сии и оные, не употребляет сирень, понеже, поелику, аще, еще?.. Он, верно, сказал бы, потому что эти слова вышли из употребления, что они не употребляются в разговоре?.. Но чем же счастливее их сии и оные, которые тоже вышли из употребления и не употребляются в разговоре?.. Воля ваша, а, право, в нашей умственной деятельности, как и в нашей общественной Жизни, очень мало видно владычества здравого смысла, даже в мелочах; у нас всякий сам хочет давать законы, забывая, что если что-нибудь найдено или замечено справедливо другим, о том уже нечего говорить. Посмотрите на одно правописание или на наши правописания, потому что у нас их почти столько же, сколько книг и журналов: мы еще изъясняем наше детское уважение большими буквами и поэту и поэзии, и литератору и литературе, и журналу и журналисту - все это у нас, на Руси, состоит в классе и потому требует поклона ...

Вообще эта статья содержит в себе много справедливых замечаний, высказанных умно, остро, благородно и прямо и потому подающих надежду, что "Современник" будет

журналом с мнением, с характером и деятельностью. Мы не почитаем резкости пороком, мы, напротив, почитаем ее за достоинство, только думаем, что кто резко высказывает свои мнения о чужих действиях, тот обязывает этим и самого себя действовать лучше других 215. Что же касается до статьи "Новые книги", то она состоит больше в обещаниях, нежели в исполнении, и не представляет ничего решительного и замечательного 216. Но подождем второго номера: он нам даст средство высказать наше мнение о "Современнике" яснее и определеннее, а между тем останемся при желании, чтобы новый журнал совершенно выполнил те надежды и ожидания, которые подает имя его издателя и резкая определенность его мнений о деятельности своих собратий по ремеслу.

И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин. Очерки

Иван Савич сидел после обеда в вольтеровских креслах и курил сигару. Ему, по-видимому, было очень скучно. Он не знал, что делать. Для препровождения времени он то подождет ноги под себя, то вытянет их во всю длину по ковру, то зевнет, то потянется, или стряхнет в чашку кофе пепел с сигары и слушает, как он зашипит; словом, он не знал, что делать со скуки.

Ехать в театр еще рано, в гостях он быть не любил. В передней храпел слуга, у ног спала собака. Всё сердило Ивана Савича, и эта досада простиралась и на лакея и на собаку. Иван Савич уже попотчевал двумя пинками Диану, которая сунулась было лизать ему руку. Она, свернувшись, легла на ковер и чуть-чуть дрожала, только по временам открывала один глаз и искоса поглядывала на своего господина.

- Авдей! - закричал он.

- Че-о изволит... - вприсонках пробормотал тот.

- Не храпи! Эх ты храпишь: за две комнаты слышно. Храпенье прекратилось; место его заступила продолжительная, энергическая зевота с прибавочными звуками: ге! ге! ге!

- Не зевай или зевай как следует, про себя! - закричал Иван Савич.

Воцарилось молчание, но ненадолго. Поднялся сухой, продолжительный кашель. Приятель мой пожал плечами.

- Вот, кашлять стал! Не можешь посидеть смирно? А отчего кашель? оттого, что всё по сеням да по двору таскаешься в одном жилете. Говорил тебе: нет, не слушаешься. Ну смотри у меня и спи на дворе, а здесь я кашлять тебе не позволю.

После этого увещания оба замолчали, и Иван Савич опять принялся за свои занятия: за вытягивание и поджимание ног, за стряхивание пепла и проч.

Вдруг в зале послышались шаги Авдея. Он явился в кабинет и стал у дверей. То был низенький, плешивый, пожилой человек. Волосы у него на затылке были с проседью.

- Что тебе надо? - спросил Иван Савич.

- Я забыл вам сказать: дворник давеча говорил, что на вас хотят жаловаться...

- Кто? кому? - с испугом спросил Иван Савич.

- Хозяину жильцы.

- Жильцы? хозяину? - Да-с: слышь, женскому полу проходу не даем...

- Цс! что ты, дурак, орешь!

- Да-с. Вон этот чиновник, что против нас живет, - продолжал Авдей, - очень недоволен. Дворник говорит: как, говорит, твой барин со двора, так и жена эвтого чиновника на рынок-с с девкой идет. На что это, говорит, похоже? Муж-то, говорит, раз и пошел следом за вами и видел, говорит, как вы, вишь, вышли из переулка да с ней рядом и пошли, и был, говорит, очень, очень недоволен: ворчал целый день и только к вечеру утомился, и то оттого, что выпил.

- Гм! какой варвар! - сказал Иван Савич, покачав головой, - ну?

- Еще, слышь, булочник жаловался...

- А этот на что?

- Всё, вишь, дочь его мимо наших окошек шмыгает да в кухню к нам часто заглядывает.

- В самом деле? На кого ж булочник жаловался: на меня или на дочь?

- Не могу знать.

- Так знаешь что? - сказал Иван Савич.

- Не могу знать.

- Ищи поскорей другую квартиру.

- Опять! - горестно сказал Авдей, - давно ли переменили.

- Давно ли! что ж делать: ты сам видишь, что нам житья здесь нет: притесняют. Долго ли до беды? Ищи!

- Этакую квартиру менять! - сказал Авдей, - и сарай, и ледничек особый...

- Вот еще! зачем нам ледничек! Мы дома не стряпаем, впрок ничего не запасаем.

- Как зачем-с? неровно пригодится. Вот раз дыню на лед клали... Мало ли зачем?

- Нет, ищи! Да мне эта квартира и надоела. Я уж всех здесь знаю; все наскучили. Не с кем пожуировать жизнью.

- А Марья Михайловна?..

- Ну уж дрянь-то! Ищи!

- Побойтесь Бога, Иван Савич, - сказал Авдей, - грешно, право, грешно.

- Полно! - с досадой возразил Иван Савич. - По-твоему, не пожуируй!

Сиди вот этак с тобой да с Дианкой дома: не с кем слова сказать. Да еще пожалуются - беда выйдет, пристанут! Ищи. Да смотри, чтоб окна выходили на улицу и на двор. А если где заметишь в доме... понимаешь?.. того... так хоть на улицу и не будет окошек, нужды нет.

Ежедневный образ жизни Ивана Савича, как нынешние драмы, разделялся на три картины. Утро в должности. Это он называл серьезными занятиями, хотя иногда сидел там, ничего не делая. Обед в трактире, часто с приятелями. Тогда обедали шумно и напивались обыкновенно пьяны. Это называлось кутить и считалось делом большой важности. Вечер или в театре, или в обществе какой-нибудь соседки. Последнее значило у Ивана Савича и подобных ему жуировать жизнью. Выше и лучше этого он ничего не знал. Родители оставили ему небольшое состояние и познакомили его с порядочными людьми. Но он нашел, что знакомство с ними - сухая материя, и мало-помалу оставил их. Книг он не читал, хотя учился в каком-то учебном заведении. Но дух науки пронесся над его головой, не осенив ее крылом своим и не пробудив в нем любознательности. Каким он вступил в учебное заведение, таким и вышел, хотя, по заведенному в этом заведении похвальному обычаю, получил при выходе похвальный лист за прилежание, успехи и благонравное поведение.

На другой день Авдей доложил Ивану Савичу, что на трех воротах видел объявления и осмотрел две квартиры: обе казались хороши. Иван Савич оделся и отправился вместе с ним. Они пришли к большому четырехэтажному дому. У ворот сидел мужик в тулупе.

- Не дворник ли ты? - спросил его Иван Савич ласково.

Мужик зевнул и молча стал смотреть в другую сторону.

- Где здесь дворник? - спросил Авдей.

- Мужик молчал.

- Дома дворник? - спросил опять Иван Савич. Мужик посмотрел на них обоих и молчал.

- Да что ж ты, глух, что ли? говори!

- Я не здешний! - лениво отвечал мужик, запахивая тулуп.

- Так бы и говорил, чухна проклятая, - сказал Авдей, - а то молчит!

Они вошли на двор. Им навстречу попался еще мужик.

- Дворник? - спросил Иван Савич.

- Никак нет-с, - проворно отвечал мужик, приподняв шляпу, - вон где дворник живет. Извольте позвонить; кажись, дома. - Позвони, Авдей!

Авдей позвонил. В дворнической никто не пошевелился. Иван Савич позвонил сам сильнее: нет ответа. Авдей спустился со ступенек к засаленной двери и постучал кулаком. Молчание. И Иван Савич постучал посильнее. То же.

- А вы бы покрепче! - сказал тот же мужик, который, указав им конуру дворника, всё вертелся поодаль от них у ворот.

Иван Савич постучал очень крепко.

- А вы изо всей мочи! - сказал мужик.

- У меня уж нет больше мочи. Поди-ка ты, Авдей!

Всё безуспешно.

- Пожалуйте-ка, я, - сказал мужик и застучал так, что стекла задребезжали.

Никто не откликнулся.

- Ну, видно, дома нет, - говорил мужик. - Я думал, не заснул ли он.

Лют спать-то: нескоро добудишься. Нет ли разве на другом дворе?

Барин и слуга отправились на другой двор; за ними в качестве наблюдателя поплелся и мужик. Там бродили два гуся да пяток кур. В одном углу баба мыла кадку, в другом кучер рубил дрова.

- Не знаешь ли, тетка, - спросил Авдей, - где дворник? Нет ли его здесь?

- Нет, батюшка, не видать. Он должен быть на том дворе.

Они пошли опять на первый двор и прошли было уж ворота.

- Кого вам, господа, - закричал кучер, - дворника, что ли, надо?

И с этими словами вонзил топор в бревно, обернул его, поднял над головой и хлопнул оземь. Бревно разлетелось надвое; одна половинка ударила по коленке Авдея.

- Вишь тебя, леший... - сказал Авдей, прыгнув.

Кучер опустил топор к полу.

- Да, да, любезный, дворника. Где он? - спросил Иван Савич.

- Да, где он? - примолвил, почесывая коленку, Авдей.

Кучер поглядел на них, потом поплевал на ладони, взял топор и опять занес его над головой.

- Не знаю, не видал! - отвечал он, потряхнув головой, и вонзил топор в другое бревно.

- Зачем же ты ворочаешь по-пустому? - сказал Авдей. - Этакой народец!

И пошли прочь. Они уже решились идти на другую квартиру. Между тем Иван Савич глазел на окна всех этажей, и вдруг глаза его заблистали: в окне третьего этажа мелькнуло белое платье, потом показалось и тотчас спряталось кругленькое женское личико, осененное длинными черными локонами. Из-за него выглянуло другое, старое и некрасивое, женское лицо.

- Ну вот: тебя очень нужно! - проворчал Иван Савич, относя это ко второму явлению.

Когда они проходили мимо дворнической, из глубины ее, как из могилы, выдвинулась сонная фигура самого дворника, в рубашке, с самоваром в руках.

- Ты дворник? - спросил Авдей.

- Я-с. Что вашей милости угодно?

- Что! где ты прячешься! барин спрашивает тебя.

- Какой барин? - говорил дворник, поглядывая с любопытством на Ивана Савича.

- Мы тебя целый час ищем, - сказал Иван Савич.

- А вы бы позвонили.

- Мы даже трезвонили; руки отколотили, стуча в дверь.

- Не слышал. Признаться, соснул маненько, - сказал дворник.

- Так не мы тебя разбудили? - спросил Иван Савич.

- Нет-с, я сам проснулся: диво, как я не слышал. Мне только чуть дотронься до скобки, я и услышу.

- В третьем этаже здесь отдаются три комнаты и кухня? - спросил Иван Савич. - Покажи-ка нам.

- Сейчас-с. Вот ключи только возьму. Пожалуйста-с.

Он поставил самовар на землю и повел было их на лестницу, но вдруг заметил того мужика, который помогал Ивану Савичу и Авдею стучать в дверь, и воротился. И они воротились.

- А! ты здесь! - начал он кричать. - Зачем пожаловал? Послушай! Толком тебе говорю: убирайся и не показывайся сюда, а не то, брат, худо будет. Хозяин велел тебя взашей вытолкать. Слыхал ты это?

Мужик спрятался за ворота.

- То-то же; будешь у меня прятаться, - примолвил дворник. - Пожалуйста-с!

Они пошли на лестницу. Дошедши до первого этажа, дворник бросился к окну в сенях посмотреть, ушел ли мужик. Но он оказался опять на дворе.

- Аль тебе мало слов? - кричал дворник, грозя из окна ключами, - ну так я кликну городского: он с тобой разделается; уходи, говорят, уходи, покуда цел. Пожалуйста-с.

И Иван Савич с Авдеем смотрели в окно и видели, как мужик опять спрятался. Пошли выше.

- А ведь, чай, не ушел, проклятый, - сказал дворник, всходя на площадку второго этажа. - Хоть побиться!

Наконец пришли в третий этаж к дверям. Дворник прежде всего подошел к окну.

- Не видать! - говорил он сам с собой. - Поди, чай, врет: не ушел!

Этакая должность проклятая! Усмотри за ними! Пожалуйста-с.

Он стал отпирать двери. В это самое время из дверей противоположной квартиры выглянула та же самая хорошенькая головка, что смотрела из окна, и тотчас спряталась.

- Я думаю, я найму эту квартиру, - сказал Иван Савич и толкнул локтем Авдея.

Авдей отвортился.

- А? как ты думаешь, Авдей?

- Что вы, сударь, торопитесь, - отвечал он. - Может, еще не хороша.

- Как понравится, - примолвил дворник.

- Прехорошенькая, - заметил Иван Савич.

- Да ведь вы еще не видали ее; а может быть, она и холодна, - сказал Авдей.

- Холодна! как можно, холодна! - ворчал Иван Савич.

- Будьте покойны, - говорил дворник, махнув ключом и тряхнув головой, - такая жара, словно в печке: одни жильцы даже съехали оттого, что больно тепло.

- Как так?

- Четыре печки, сами посудите. В кухне русская, да и солнышко греет прямо в окошки. Жили иностранцы какие-то, и не понравилось; а нам, русским, пар костей не ломит. Довольны будете.

- Видишь, Авдей, кроме передней какая у тебя еще славная комната! - сказал Иван Савич.

- Что мне видеть-то! - проворчал Авдей, взяв картуз из одной руки в другую.

- Экой дурак! а ты отвечай по-человечески! - сердито заметил Иван Савич.

- Я и то по-человечески говорю; вестимо, человек: по-барски не умею, - сострил Авдей.

Квартира оказалась годною. Зала окнами выходила в переулок, а кабинет и спальня на двор. Всё, как хотелось Ивану Савичу.

- А что это за пятно на потолке, как будто мокрое? - спросил Авдей.

- Да, в самом деле, что это за пятно, и еще в спальне? - спросил и Иван Савич. - Кажется, течет сверху?

- Точно так-с, - отвечал дворник, наклонив немного голову в знак согласия, - протекает маленько. Ино бывает наверху ушат с водой прольют, оно и каплет в щель.

Иван Савич покачал головой.

- Не извольте сумлеваться, - поспешил примолвить дворник, - будете довольны. А это пятно - так ничего! не смотрите на него - оно дрянь!

- Вижу, что дрянь. Но ведь этак, любезный, пожалуй, штукатурка отвалится да на нос упадет.

- И, нет-с, штукатурка крепка, не отмокнет: другой год каплет. Вы только, как станет капать, ведро извольте подставить.

- А как не доглядишь, - сказал он, - да вода-то твоя на мебель или на платье потечет?

- Нет-с, услышите: ведь оно закаплет, словно дождь пойдет: так и забарабанит.

"Дождь в комнате! - думал Иван Савич, - лишнее совершенно лишнее!"

- Зачем же не замажут? - спросил он.

- Все тоже спрашивают, - отвечал дворник, - я сказывал хозяину, да он говорит, что уж он замазывал в ту пору еще, когда вот эти жильцы нанимали, что съехали. "Неужто, - говорит, - для каждого жильца стану замазывать!" - да еще ругнул меня.

Иван Савич задумался было, но вспомнил о соседке и махнул рукой.

- Что ж! ванны не нужно, - прибавил он, обращаясь к Авдею. - Стал под это пятно да попросил там вверху пролить ушат с водой, вот тебе и душ.

Он дал задаток.

- Позвольте, сударь, позвольте! - сказал торопливо Авдей и вырвал у дворника ассигнацию, - надо всё с толком делать: а есть ли сарай для дров?

- Есть: сажень на пять.

- Ну а ледничек особый?

- Ледника нет. Да на что вам ледник? У вас ведь нет хозяйства; али барин женат?

- Нет, мы холостые. Да как не нужно ледника? Случится поставить что...

- Да что вам ставить?

- Как что? дыню иной раз...

- Ты всё вздор говоришь, Авдей; отдай задаток! - сказал Иван Савич.

- Вздор! - повторил тихонько Авдей. - Сам вздор делает: дрова, вишь, у него вздор и ледник вздор, а глазеть куда не надо - не вздор!

- Можно на хозяйский ледник поставить, коли что понадобится, - сказал дворник.

Авдей отдал задаток назад.

Пока слуга торговался, Иван Савич отворил ногой дверь из передней в сени и поглядывал в лорнет в полуотворенную дверь противоположной квартиры. Оттуда изредка выглядывали попеременно то молодое, то старое женское лицо.

- Ах, как мила! - бормотал Иван Савич, отворяя побольше дверь. - Черные глазки, свеженькая: можно пожуировать. Экое чучело! - говорил он потом, вдруг захлопывая дверь. - Какая беленькая шейка! О, да она много обещает! Никогда не видывал гаже хари! Что это она так часто выглядывает?

Вдруг в голове у него мелькнуло сомнение насчет соседки, и он тоже схватил ассигнацию из шапки дворника. Дворник потянулся было проворно прикрыть ее рукой, но не застал уж ее в шляпе и прикрыл пустое место. Он, разиня рот, смотрел, куда спрячет Иван Савич деньги. Но тот держал их в руке. Они вышли в сени.

- Кто тут живет напротив? - спросил Иван Савич.

- Тут-с... мужние жены, - отвечал дворник.

У Ивана Савича отлегло от сердца.

- Ну вот, слава Богу, что порядочное соседство: честные женщины, а то ведь иногда... попадешь так, что и жить нельзя!

И он бросил ассигнацию опять в шапку. Дворник сжал ее в кулак с ключом, а шапку надел.

- А тут кто?

- Тут-с барышня, дочь умершего чиновника.

- Слышишь, Авдей, барышня.
- Что мне слышать-то! - сказал Авдей.
- А вон там повыше кто? - спросил Иван Савич.
- Это-то?
- Да.
- Женатый чиновник.
- А внизу?
- Чиновник вдовец.

Иван Савич стал морщиться.

- А с другой стороны? - спросил он.
- Чиновник-с.

- Что за черт! А там? - говорил Иван Савич, указывая на самый верх, и, не дожидаясь ответа, сам кивнул головой, как будто догадываясь кто. И дворник кивнул.

- Тоже?

- Тоже.

- Хм! - с досадой сделал Иван Савич. - Женатый?

- Никак нет-с... у него экономка, Фекла Ондревна, всем распоряжается.

Хорошая женщина, такая набожная: ни обедни, ни заутрени не пропустит. А про вашу милость, коли спросит хозяин, как прикажете доложить? Кто вы?

- Кто я? - с важностию произнес Иван Савич, подступая к дворнику.

Дворник попятился и снял шапку.

- Кто я? - повторил Иван Савич. - Я холостой... чиновник!

Дворник надел шапку, тряхнул головой и только что не сказал: "Что за чудо! напугал понапрасну. Нам они не в диковинку".

Он запер дверь и тотчас посмотрел в окно из сеней.

- Нет, нету! - сказал он сам себе, - уж не пробрался ли на другой двор? чего доброго от такого анафемского мужика ждать: он, пожалуй, и на другой двор пойдет, да даром: пусть пойдет, Фомка-то без сапог сидит.

Иван Савич с Авдеем стали сходить с лестницы. Им встретилась баба с корытом. Они слышали, как она остановилась с дворником.

- Здравствуйте, Савелий Микитич! - сказала она.

- Наше вам, Степанида Игнатьевна!

- Что это, никак вам Бог жильцов дает?

- Да, наняли.

- Кто такие?

- Вестимо, кто: чиновники. Я рад-радехонек. Теперь по этой черной лестнице у нас всё чиновники живут. А то уж как я боялся, чтоб не нанял какой мастеровой.

Дня через два на новую квартиру явился Авдей... За ним въехали на двор три воза с мебелью и другими домашними принадлежностями. Получше мебель и разные мелкие вещи несли солдаты на руках. Сам Авдей нагружен был мелочами, как верблюд. Одной рукой он обнял стенные часы; гири болтались и били его по животу. Между пальцами торчал маятник. В другой руке была лампа. Сзади из карманов сюртука выглядывали два бронзовые подсвечника. В зубах он держал кисет с табаком.

- Постой, постой! эх ты ломишь! - кричал он направо и налево. - Не ставь зеркала на грязь-то. Погоди носить: надо посмотреть, пройдет ли. Где дворник? да что ж он не отпирает? Господи воля Твоя! это суцая каторга. Нет, чтоб самому хоть немножко присмотреть.

- Да где барин-то твой? - спросил подошедший в это время дворник.

- Где! черт его знает, прости Господи, где! Любит на готовое приехать.

Переезжай, говорит, Авдей, а я уже к вечеру буду, да и был таков. Вот ты тут и переезжай как хочешь. Того и гляди, всё мое доброе растащат; а у меня одного платья рублей на семьдесят будет.

Долго еще раздавалась по двору команда Авдея. Он, как гончая собака, раз сто взбежал и сбежал по лестнице. Там поддержит уголок дивана или шкапа, там даст полезный совет, как обернуть мебель, верхом или низом.

- Вот так, вот так, - слышалось беспрестанно, - нет, нет, повыше, повыше, еще, пониже, пониже: так, так; ну, слава Богу, прошло!

Из окон глядели любопытные. Иные не отходили от окна во всё время перевозки: часа этак четыре. Всё по разным причинам. Один любит знать, какая у кого мебель, кто на чем спит, ест, - словом, любит соваться в чужие дела. Другому, видно, наскучили свои - и он зевает по целым часам на чужое добро. Третий любит замечать какие-нибудь особенности и судить о них по человеку. Четвертый - смотреть на разные мелкие вещицы.

- Вот шкаф несут, - говорил один соседу.

- Теперь, чай, возьмут комод, - отвечал тот.

- Эх, картину-то как он взял, дурачина: того и гляди, заденет за перила! - и тут же не вытерпит и закричит из окна: - Смотри, картину-то, картину попортишь!

Экономка чиновника, Фекла Андревна, набожная женщина, оставалась у окна до тех пор, пока Авдей внес последнюю утварь - кадочку с песком, корзинку с пустыми бутылками, две сапожные щетки и кирпич. Она пересказала всё своему чиновнику.

- Новый жилец переехал, Семен Семеныч, - сказала она.

Семен Семеныч понюхал табаку, поправил крест в петлице и молчал.

- Богатый должен быть, - начала она опять, - нанял ту квартиру, что на нашу и на парадную лестницу выходит. Зало-то окнами на улицу: восемьдесят рублей в месяц ходит.

Тот всё молчит.

- Шандалы, я думаю, одни рублей сто заплачены; а столы, стулья какие! диваны красные и зеленые, да премягкие: я на один присела, пока он стоял в коридоре, так и ушла вот до этих пор, инда испужалась.

- До каких пор? - спросил Семен Семеныч флегматически.

- Вот до сих, - она показала рукой.

- А где он служит?

- Не успела спросить у человека: вот ужо разве.

- Добро, давайте-ка обедать, - сказал Семен Семеныч, - нечего растабарывать.

И хорошенькая соседка вертелась всё на пороге. Она прыгала и резвилась, как котенок, даже поговорила с Авдеем.

- А кто твой барин? - спросила она.

- Он-с, барин, сударыня.

- Знаю, да кто?

- Не могу знать, майор ли, советник ли какой: должен быть полковник.

- Где ж он?

- Кушать где-нибудь изволит.

- А разве он не дома кушает? А богат он?

И засыпала вопросами.

- Пусти меня заглянуть к вам, пока нет барина.

- Извольте, сударыня, да ведь у нас еще не убрато. Она вбежала, всё пересмотрела, посидела на всех диванах, креслах и выпорхнула как птичка.

- Вот погоди ты, егоза! - ворчал Авдей, разбираясь на новой квартире, - ужо он тебе всё сам расскажет, усадит тебя, уймешься, перестанешь прыгать-то!

Хлопоты Авдея заключились тем, что он побранился с верхней бабой, Степанидой Игнатьевной, знакомой дворника.

- Что ты, тетка, оставила ушат на дороге? убери! - сказал он.

- Ну, погоди, уберу.

- Чего годить! Вот барин приедет ужо, даст тебе.

- Боюсь я твоего барина! что он мне даст? Эка невидаль! мы сами чиновники.

- Убери, говорят тебе, старая ведьма!

- Еще ругается! как я скажу своему хозяину, так он тебе скорее даст. Будешь помнить, как ругаться, окаянный, каторжник, чтоб тебе ни дна ни покрышки...

Она еще звонко кричала, но Авдей захлопнул дверь.

- Ух! - сказал он, отирая пот с лица, - умаялся! С утра маковой росинки во рту не было. Хоть бы закусить чего-нибудь. Боюсь в лавочку сходить: неравно приедет. Да, чай, уж и заперто - поздно. Нешто выпить?

Он отворил маленький шкаф, достал узенькую четырехугольную бутылку светло-зеленого стекла в плетенке, потом запер на крюк дверь, налил рюмку - и поставил ее на стол. Он оглядывал ее со всех сторон.

- Какая бутылка! - рассуждал он, смеючись, - словно наша косушка, а ликёра прозывается! Три целковых за этакую бутылочку - а? Ну, стоит ли? Вот деньги-то сорят! Как у них горло не прожжет? - ворчал он - и отхлебнул.

- Какая мерзость! - говорил он с гримасой, - а поди ж ты! И выпил всю рюмку.

- Право, мерзость!

Между тем Иван Савич возвращался в это время домой. Пошел дождь, один из тех петербургских дождей, которым нельзя предвидеть конца.

Иван Савич позвонил у ворот - никто не показывался. Он другой раз - тоже никого. Наконец после третьего звонка послышались шаги дворника.

- Господи Боже мой! - ворчал он, идучи к воротам. - Что это такое? совсем покою нет: только заснул маленько, а тут черт какой-то и звонит...

Кто тут?

- Я.

- Да кто ты?

- Новый жилец.

- Какой жилец?

- Что сегодня переехал.

- Что те надо?

- Как что: пусти поскорее, ты видишь, я под дождем.

- Ну вот погоди: я за ключом схожу.

Дворник ушел и пропал, а дождь лил как из ведра.

Иван Савич принялся опять звонить что есть мочи. После третьего звонка послышались шаги дворника и ворчанье.

- Что это такое, Господи, покою совсем нет. Должность проклятая... не дадут заснуть! Кто тут?

- Да я же, тебе говорят!

- Да кто ты?

- Новый жилец.

- Ты еще всё тут? не ушел? что те надо?

- Как что? ах ты разбойник! пустишь ли ты меня? я до костей промок.

- Ну вот погоди: ключ возьму.

Он пошел и, к удовольствию Ивана Савича, возвратился тотчас и начал вкладывать ключ в замок.

- Ну, скорее же! - сказал Иван Савич.

- Вот стой, что-то ключ не входит. Что это, Господи, за должность за проклятая, совсем покою нет! так и есть... не тот ключ взял: это от сарая.

- Отпирай же! - кричал Иван Савич, - не то...

- Да ты бы где-нибудь заснул: вишь ты, ключа-то долго теперь искать.

- Куда я пойду? Пусти сейчас.

- Ну вот погоди, принесу ключ.

Наконец через добрых полчаса Иван Савич попал к себе, а Авдей только что было собрался пить третью рюмку, как вдруг сильно застучали в дверь.

Авдей проворно спрятал бутылку с рюмкой в шкаф, обтер наскоро губы и отпер.

Вошел Иван Савич.

- Что, Авдей, совсем убрался? э! да ты еще ничего не расставил.

- Я один, - отвечал Авдей, - у меня две руки-то.

- Оттого-то и надо было убрать, что две. Вот ежели б одна была - другое дело.

Авдей, не ожидавший этой реплики, поглядел ему вслед и покачал головой.

- Ведь скажет, словно... э! ну вас совсем! - бормотал он, - отойди от зла и сотвори благо!

- А что соседка? - спросил Иван Савич.

- Не могу знать, - отвечал Авдей.

- Разве ты не видал ее, не говорил с ней?

- Нет-с. Что мне с ней говорить?

- Ну как что... А чей это платок?

Авдей молчал.

- Чей платок? - повторил Иван Савич.

- Не могу знать.

- Как не могу знать? Здесь был кто-нибудь?

- Нет, это, верно, как диван стоял в сенях, так кто-нибудь положил. Пожалуйте, я завтра спрошу.

- Вот славный случай: ты завтра спроси у соседки, не ее ли, и между тем порадей в мою пользу.

- Как-с порадей?

- Скажи, что я и добрый, и... ну будто тебе в первый раз.

- А зачем это, сударь?

- Как зачем... познакомимся, а там... пожуируем.

- Да неужели вы и здесь станете разводить такую же материю? экой стыд! там только что ушли от беды, теперь опять захотели нажить другую! Уж попадетесь, Иван Савич, ей-богу, попадетесь.

- Э! - сказал Иван Савич, - еще скоро ли попадусь, а между тем мы с тобой пожуируем.

- Нет уж, журируйте одни... да и вам нехорошо: бросьте, сударь!

- А! а! а! - начал зевать Иван Савич, - покойной ночи, Авдей, завтра разбуди в девять часов.

Утром, когда Авдей стал подавать чай, первый вопрос Ивана Савича был:

- Ну что соседка?

Авдей молчал.

- А?

- Ничего, отдал платок.

- Так он ее был? ну а порадел ли ты мне?

- Говорил.

- Что ж она?

- Говорит, рада доброму соседу. Коли, говорит, случится надобность в чем, так не откажите, и мы вам тоже постараемся, чем можем. Не понадобится ли, говорит, барину когда пирожок испечь: я, мол, мастерица.

Иван Савич вытаращил глаза.

- Как пирожок?

- Пирожок-с, с рыбой или с говядиной... с чем, говорит, угодно. Еще говорит, не нужно ли вам рубашек шить?... я, говорит, могу...

Иван Савич вскочил с постели.

- Как рубашек?

- Еще... - начал Авдей.

- Стой! ни слова больше! ищи сейчас квартиру... Куда я попал? вон, вон отсюда!

- Что вы, опомнитесь, сударь: что вам за дело? Нам же лучше.

- Такая хорошенькая - и печет пироги! - говорил сам с собой Иван Савич, -ужас! ну, с чем это...

- С рыбой и с говядиной, - подхватил Авдей.

- Э! молчи, дуралей! тебя не спрашивают.

- Ведь она не больно хороша, - заметил Авдей, - глаза-то словно плоски, да и зубы не все.

- Да, ты много смыслишь! - отвечал Иван Савич, стараясь попасть ногой в туфлю, - такая молоденькая - и шьет рубашки! а?

- Что за молоденькая, сударь: уж ей за пятьдесят, - сказал Авдей.

- Как за пятьдесят! да ты с которой говорил?

- Ну, с той, что квартиру нанимает, - с самой хозяйкой.

- Со старухой? что ж ты мне не скажешь давно? Кто просил тебя радеть мне у этой старой ведьмы?

- Ведь вы сами вчера приказывали.

- Я сам приказывал! - передразнил его Иван Савич. - Я толком тебе говорил - жуировать: можно ли с таким страшилищем жуировать? разве тебе самому охота? вечно только подгадишь мне! Впрочем... нет... ничего, больше доверенности! пусть пироги печет. Я ей, пожалуй, и рубашки закажу. Ну а молодая кто?

- Жилица у ней, - нанимает две комнаты.

Иван Савич не ходил в тот день на службу, под предлогом переезда на новую квартиру. Авдей возился, уставлял, а он надел красивый шлафрок, отворил вполтину дверь и глядел к соседкам: это он называл жуировать.

- Разве не пойдете в должность? - спросил Авдей. - Пора бы одеваться -одиннадцатый час...

- Нет, не пойду, что должность?.. сухая материя! надо жуировать жизнью. Жизнь коротка, сказал не помню какой-то философ.

Там, в комнатах, видел он, то мелькнет что-то легкое, воздушное, белое, кисейное, то протащится неуклюжее, полосатое. Иногда в узком промежутке неплотно затворенной двери светился хорошенький черный глаз с длинными ресницами, потом хлопал глаз без бровей, как будто филин. Вскоре послышались звуки фортепиано. Играли из "Роберта".

"Кто же это играет? - думал Иван Савич. - Уж конечно она, молоденькая. Где той... месить пироги и играть на фортепиано?"

Он взял скрипку и тоже заиграл. Там перестали играть.

"Вот и видно, что она женщина строгой нравственности! - подумал Иван Савич. - Иная бы пуще заиграла". - Он посмотрелся в зеркало и причесал бакенбарды.

Вскоре дверь там отворилась побольше и наконец почти совсем.

- У нас труба дымит, - сказала старуха Авдею. - Летом всё отворяем дверь. Вот другой год твердим хозяину, чтобы переделал... нет! их дело только деньги брать.

Прошло дня два. Иногда соседка не очень быстро мелькала сквозь двери. Она приостанавливалась и как будто улыбалась, потом вдруг пряталась. На третий день дворник принес паспорт из части.

- Что это, любезный, - спросил Иван Савич, - у соседок-то не видать мужей: где ж они?

- В командировке-с, где-то далече.

- А! - сказал Иван Савич, - тем лучше. А кто еще в доме у вас живет? там, по парадной лестнице, в больших квартирах?

Дворник назвал несколько известных фамилий.

- А вон там, во втором этаже, где еще такие славные занавесы в окнах?

- Там-с одна знатная барыня, иностранка Цейх.

- Знатная! - говорил Иван Савич Авдею, - что это у него значит?.. Она может быть знатная потому, что в самом деле знатная, и потому, что, может быть, дает ему знатно на водку, или знатная собой?..

- Не могу знать, - отвечал Авдей.

- Посмотрим, посмотрим: может быть, и ее увидим, - примолвил Иван Савич и погладил бакенбарды.

Он продолжал переглядываться с соседкой. Однажды у ней на пороге появилась девочка лет шести.

- Уж не дочь ли это ее, Авдей?

- Не могу знать, - отвечал Авдей.

- Ты никогда ничего не знаешь: что ни спросишь о деле. За что ты хлеб ешь?.. Да нет, быть не может: это не дочь ее. Она слишком молода: верно, старуха испекла этот пирог. Но та кажется уж слишком стара для этого.

Он узнал, что девочка - племянница соседки, звал малютку к себе, дал ей конфет и таким образом завязал сношения. Они взаимно присылали друг другу поклоны. Однажды малютка принесла розан.

- Хотите, я вам подарю? - сказала она.

- Подари. А кто тебе дал?

- Хорошая тетенька.

- Что она сказала тебе?

- Она сказала, поди подари цветок вон тому дяденьке. Скажи, что ты даришь от себя, да смотри не говори, что я велела, а то в угол поставлю.

- Вот тебе, душенька, конфет, а эту пряжечку отнеси к тетеньке и подари ей да скажи, что я подарил тебе, а ты даришь ей; слышишь?

- Слышу.

- Ну, как ты скажешь?

- Скажу: дяденька подарил тебе и велел сказать, чтоб ты подарила мне.

Вдруг в комнату вбежал какой-то юноша.

- Здравствуй, Ваня, - сказал он, - насилиу сыскал тебя. Ба! что это значит, Ваня? - вдруг спросил он, поглядывая на розу, на девочку и на брошку.

- Ничего, Вася, так... - хвастливо, с улыбкой говорил Иван Савич, - поди, душенька, домой.

Девочка побежала и отворила дверь. В это время мелькнула головка соседки.

- Э! э! приятель! так-то ты скрываешься! - заговорил Вася, - хорошо же! давно ли? да какая хорошенькая! ах ты, злодей! ах, варвар! ну-ка, ну-ка, покажи!

Он пошел к дверям.

- Нет, mon cher, стой! нехорошо! не гляди! - говорил Иван Савич, загораживая дорогу. - Ну что она подумает? это совсем не из таких... После я всё расскажу.

- Нет, нет, пусти... не верю!

- Нет, братец, нельзя! пожалуйста, не ходи.

- Ну, познакомь меня. Вот тебе честное слово, не стану отбивать. То-то ты у меня! а я за тобой.

- Что такое?

- Мы впятером обедаем на Васильевском острове, в новой гостинице: говорят, телячьи ножки готовят божественно! проздравим! проздравим! А оттуда на Крестовский... покутим.

- Мне нельзя вечером.

- Отчего?

- Так! - значительно, с улыбкой сказал Иван Савич.

- А! понимаю! счастливцев! Ну, завтра мы в театре? Асенкова в трех пьесах играет. Смотри, mon cher, нельзя не быть: что скажут наши? манкировать не должно, а то подумают, что ты хочешь отшатнуться. И то три офицера да вон тот статский, знаешь,

что еще полы сюртука всё сзади расходятся, собрали, говорят, партию перехлопать нас, говорят, и в раек людей своих посадят; да где им! слушать любо, как наш угол захлопает: я однажды из коридора послушал - чудо! сначала мелкой дробью - па-па-па, - точно ружейный огонь, а там и пошло, и пошло, так по коридорам гул и ходит... Даже капельдинер плюнул и отошел от дверей, а я не вытерпел да и сам давай - браво, браво, наши! Квартальный сердито поглядывал на меня... да пусть!.. Так едем? потом поужинаем, кутнем, а?

- Не знаю, mon cher!

- Чего не знаешь! на первых порах в полночь тебя не примут. Решено: завтра с нами. Ты не знаешь, ведь Шушин награду получил – полугодовой оклад; он обещал полдюжины, да ты на радостях столько же - вот и будет с нас! Смотри же, ждем.

И ушел. А Иван Савич уселся с книгой в руках на маленьком диванчике, как раз против дверей соседки, в живописном положении. Но если бы кто заглянул в книгу, то увидел бы, что он держал ее вверх ногами. Прошло недели три. Они уже кланялись друг другу и даже, стоя каждый в своих дверях, разговаривали. Когда в это время кто-нибудь шел, сверху или снизу, они поспешно прятались. Вдруг соседки не стало видно, и даже дверь была затворена. Иван Савич встревожился.

- Авдей! отчего у соседки затворена дверь?

- Не могу знать.

- Не уехала ли она куда-нибудь?

- Не могу знать.

- Никогда ничего не знает! Я не Суворов, а досадно! Так поди узнай: спроси, здоровы ли? что, мол, вас давно не видать?

Авдей принес ответ, что Анна Павловна нездоровы и приказали просить к себе: "Колиде вам не скучно будет посидеть с больной".

- К себе! - воскликнул Иван Савич, вздрогнув от восторга, - ужели? а! наконец! Авдей! скорей бриться, одеваться!

Он второпях обрехал в двух местах бороду и щеку и залепил царапины английским пластырем, полагая, что так он интереснее, нежели с царапинами или даже нежели просто без царапин: это очень обыкновенно, она уж его так видала. Он не пожалел на голову пятирублевой помады. Бакенбарды смочил квасом и минут на пять крепко перевязал платком, чтоб придать им лоск и заставить лежать смирно. В носовой платок налил лучших духов. На шею небрежно повязал голубую косынку и выпустил воротнички рубашки. К довершению всего, надел лакированные сапоги и, таким образом, блестя, лоснясь и благоухая, предстал пред соседкой. Она сидела на софе, поджав ноги, окутанная в большую шаль, с подвязанным горлом.

Квартира Анны Павловны была убрана, как убирают почти все квартиры о двух комнатах, с передней и кухней. Диван красного дерева, обитый полинялой шерстяной материей с пятнами, другой клеенчатый диван, полдюжины стульев под красное дерево, старый комод, а на нем туалет, который, в случае нужды, легко можно переносить с места на место. На окнах несколько горшков гераниума и две клетки с канарейками.

У Ивана Савича на подобные визиты давно обдуман был и поклон, и приветствие, и даже мина.

Вошедши, он остановился в некотором расстоянии наклонил немного голову и слегка улыбнулся.

- Наконец я у вас! - сказал он, оглядываясь кругом. - Ужели это правда? не во сне ли я?

- Может быть, этот сон не нравится вам? Бывают сны скучные и тяжелые, - отвечала она с томной улыбкой, - проснитесь... это легко!

- Боже меня сохрани! Пусть этот сон будет непробудным! Она опять улыбнулась.

- Садитесь, - сказала она, - благодарю вас за участие; как это вы вспомнили, и еще через два дня?

- Я не вспомнил: вспоминают о том, что было забыто; я вас не забывал. Но что с вами? Она поглядела на него довольно нежно и потупила глаза.
- Немного простудилась, - отвечала она, - я думаю... оттого... что бываю иногда... у дверей. Люди обречены на страдание.
- Она вздохнула.
- Тут Иван Савич посмотрел на нее нежно, а она покраснела. Они молчали несколько времени.
- Вы редко бываете дома? - потом спросила она.
- Нет-с... да-с... смотря по...
- У вас часто бывают гости?
- Да-с... бывают иногда, - отвечал он.
- Кто это... рыжий молодой человек? такой противный: всякий раз заглядывает в дверь.
- Это... "постой-ка, я тону задам!" - подумал он, - это граф Коркин, славный молодой человек, первый жуир в Петербурге.
- А другой, в очках?
- Барон Кизель. Отлично играет на бильярде.
- Как они у вас шумят! что вы делаете?
- "Расскажу ей, как мы кутим... Это нравится женщинам", - подумал Иван Савич.
- Кутим-с. Вот иногда они соберутся ко мне, и пойдет вавилонское столпотворение, особенно когда бывает князь Дудкин: карты, шампанское, устрицы, пари... знаете, как бывает между молодыми людьми хорошего тону.
- И вам не жаль тратить денег на шампанское?
- Что жалеть денег? деньги ничтожный, презренный металл. Жизнь коротка, сказал один философ: надо жуировать ею.
- О, да вот вы какие!
- Да-с! - сказал он и вытащил из кармана платок. Запах распространился по всей комнате, так что даже из-за дверей выглянула старуха.
- Где вы покупаете духи? Какие славные! - сказала Анна Павловна, вдыхая носом запах. - Это блаженство - утопаешь в неге!
- В английском магазине.
- А что стоят?
- Десять рублей, то есть три целковых по-нынешнему.
- Стало быть, десять с полтиной? - примолвила она, - как дороги здесь мире все удовольствия!
- Зато прекрепкие: вымоют платок, всё еще пахнет. Позвольте прислать на пробу скляночку?
- Помилуйте... я так спросила... из любопытства... не подумайте...
- Ничего-с! я вам завтра пришлю. Вы меня обидите, если откажетесь принять такую безделицу.
- Ах да! - сказала она, - вы подарили моей племяннице брошку; я ношу ее, видите?
- Очень приятно, - только мне совестно: это слишком недостойно украшать такую грудь... Если б я знал...
- Чем же вы еще занимаетесь?
- Бываю в театре.
- В театре? Ах, счастливые! что может быть отраднее театра? блаженство! в театре забываешь всякое горе. Читаете, конечно?
- Да-с, да... разумеется.
- Что же, Пушкина? Ах, Пушкин! "Братья разбойники"! "Кавказский пленник"! бедная Зарема, как она страдала! а Гирей - какой изверг!
- Нет-с, я читаю больше философические книги.
- А! какие же? одолжите мне: я никогда не видала философических книг.

- Сочинения Гомера, Ломоносова, "Энциклопедический лексикон"... - сказал он, - вы не станете читать... вам покажется скучно...

- Это, верно, кто-нибудь из них сказал, что жизнь коротка?

- Да-с.

- Прекрасно сказано!

От этого ученого разговора они перешли к предметам более нежным: заговорили о дружбе, о любви.

- Что может быть утешительнее дружбы! - сказала она, подняв глаза кверху.

- Что может быть сладостнее любви? - примолвил Иван Савич, взглянув на нее нежно.

- Это, так сказать, жизненный бальзам!

- Что любовь! - заметила она, - это пагубное чувство; мужчины все такие обманщики...

Она вздохнула, а он сел рядом с ней.

- Что вы? - спросила она.

- Ничего-с. Я так счастлив, что сижу подле вас, дышу с вами одним воздухом... Поверьте, что я совсем не похож на других мужчин... о, вы меня не знаете! женщина для меня - это священное создание... я ничего не пожалею...

- В самом деле? - задумчиво спросила она.

- Ей-богу.

Они долго говорили, наконец стали шептать. От нее разливалась такая жаркая атмосфера, около него такая благоуханная. Они должны были непременно слиться и слились. Она уронила платок; Иван Савич бросился его поднять, и она тоже; лица их сошлись, - раздался поцелуй.

- Ах! - тихо вскрикнула она.

- О! - произнес он восторженно, - какая минута!

- Давно ли, - говорила она, закрыв лицо руками, - мы знакомы... и уж...

- Разве нужно для этого время? - начал торжественно Иван Савич, - довольно одной искры, чтобы прожечь сердце, одной минуты, чтоб напечатлеть милый образ здесь навсегда.

Еще поцелуй, еще и еще.

- Вот что значит жуировать жизнью, клянусь Богом! - сказал серьезно Иван Савич. - Всё прочее там, чины, слава...

Вдруг кто-то чихнул в соседней комнате.

- Кто тут? - спросил, побледнев, Иван Савич.

- Это моя хозяйка, ничего: она мне предана.

- Ах! да... - сказал вдруг он, - дворник мне говорил, что у вас есть муж... в командировке?

Анна Павловна встрепенулась и покраснела как маков цвет.

- Да... - бормотала она, - его послали... ничего... он долго не будет.

И замяла разговор.

- Как же вы живете одни, без покровителя, без...

Анна Павловна еще больше покраснела.

- У меня есть дядя, он и опекун...

- Он бывает у вас?

- Да, раз в неделю.

- Ну, если он меня увидит здесь?

- Нехорошо, - сказала она, встревожась, - очень плохо, остерегайтесь, не показывайтесь при нем. Мы будем с вами читать, заниматься музыкой, гулять вместе. Да, не правда ли? - говорила она.

- О, конечно!

- Вы повезете меня в театр, да?

- Непременно.

- Ах, какое блаженство!

Иван Савич воротился домой вне себя от радости.

- Как я счастлив, Авдей! - твердил он, - а! вот что значит жуировать! Это не то, что Амалия Николавна или Александра Максимовна: те перед нею - просто стыд сказать. К этой так нельзя приступить. Завтра к Васе - и вспрыски! нечего делать. Ну уж стоило же мне хлопот: не всякому бы удалось! а? как ты думаешь?

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

С тех пор Иван Савич только и делал, что жуировал. То он у нее, то она у него. В должности он бывал реже. Его видали под руку с дамой прогуливающимся в отдаленных улицах. В театре он прятался в ложе третьего яруса за какими-то двумя женщинами, из которых одна была похожа на ворону в павлиньих перьях. Это была хозяйка и дуэнья Анны Павловны. Дома они были неразлучны. Она чаще бывала у него: обедала, завтракала - словом, как говорят, живмя жила.

- У тебя такие мягкие диваны, - говорила она вскоре после знакомства, - так славно сидеть, нежиться. Я лучше люблю быть здесь. Ах! Какая прелесть! жизнь так хороша! это блаженство!

- Знаешь что, мой ангел: возьми пока к себе один диван, вот этот, зеленый, - отвечал Иван Савич. - У меня их два да еще кушетка.

- Зачем... - нерешительно говорила Анна Павловна. - К такому дивану нужен и ковер, а у меня нет... не всем рок судил счастье...

- Возьми один ковер: у меня два.

- Ну уж если ты так добр, так дай на поддержание и зеркало, чтобы хоть на время забыть удары судьбы.

- Изволь, изволь, мой ангел! Ах ты, моя кошечка, птичка, цветочек... не правда ли, Авдей, цветочек?

- Не могу знать, - отвечал Авдей, проходя через комнату.

- Да, цветочек! - начала она полугневно, - я так люблю цветы... а ты мне всё еще не собрался купить...

- Завтра же, завтра, дружок, усыплю путь твоей жизни цветами.

- И хорошеньких горшечков от Поскочина, - сказала она, взяв его руками за обе щеки. - Это чистейшее наслаждение: оно не влечет за собой ни раскаяния, ни слез, ни вздохов...

- Непременно, только не растрепли бакенбард: мне в департамент идти; надо же когда-нибудь сходить. Как жаль, что тебя, Анета, нельзя брать туда: я бы каждый день ходил. Ты бы подшивала бумаги в дела, я бы писал... чудо!.. А то начальник отделения, столоначальник... да всё чиновничьи лица... фи!.. Если и придет иногда просительница, так такая... уф!.. К нам всё мещанки да солдатки ходят... ни одной нет порядочной: рожа на роже! пожуировать не думай. Ох, служба, служба, - прибавил он, натягивая вицмундир, - губи свою молодость в мертвых занятиях!

- Долго ты там пробудешь, mon ami?

- Часов до четырех, я думаю... Если можно будет надуть начальника отделения, так удеру около трех.

- Ах, Боже мой! У меня нет часов: я не буду знать, когда ты придешь. Часы мне покажутся веками, а в жизни и так немного радости.

- И, мой друг, - сказал Иван Савич, - помни, что жизнь коротка, по словам философа, и не грусти, а жуируй. Да возьми-ка мои часы столовые: они верны, - сказал Иван Савич.

- Да! а на что я их поставлю? У меня нет такого столика. Не всякому дано...

- Ты и со столиком возьми. Авдей! отнеси!

Прошло месяца два - Иван Савич всё жуировал, Анна Павловна всё вздыхала да распоряжалась свободно им и его добром. Как же иначе? И он распоряжался ею и ее добром: играл локонами, как будто своими, целовал глазки, носик и проч. Наконец

продолжительные свидания начали утомлять их: то он, то она зевнет; иногда просидят с час, не говоря ни слова. Иван Савич стал зевать по окнам других квартир.

- Авдей! чей это такой славный экипаж? - спросил он однажды, глядя из своего окна на двор.

- Не могу знать.

- Узнай.

Авдей доложил через пять минут, что экипаж принадлежал знатной барыне, что во втором этаже живет.

- Какие славные лошади, как хорошо одеты люди! Она должна быть богата, Авдей?

- Не могу знать.

В другой раз он увидел, что на дворе выбивают пыль из роскошных ковров, и на вопрос, чьи они, получил в ответ от Авдея сначала - не могу знать, потом, что и ковры принадлежали знатной барыне.

- А вон эта собака? - спросил Иван Савич.

- Ее же. Чуть было давеча за ногу не укусила, проклятая!

- Вот бы туда-то попасть! - сказал Иван Савич.

Иван Савич и Анна Павловна всё дружно жили между собой и видались почти так же часто. Только изредка, как сказано, зевали, иногда даже дремали. Дремала и любовь. Горе, когда она дремлет! От дремоты недалеко до вечного сна, если не пронесется, как игривый ветерок, ревность, подозрение, препятствие и не освежит чувства, покоящегося на взаимной доверенности и безмятежном согласии любящейся четы. Впрочем, кажется, ни Иван Савич, ни Анна Павловна не заботились о том. Они смело дремали, сидя на разных концах дивана, иногда переглядывались, перекидывались словом, менялись поцелуем - и вновь молчали. Она задумывалась или работала, он дремал. Однажды дремота его превратилась в настоящий, основательный сон: голова опрокинулась почти совсем на задок дивана. Он даже открыл немного рот, разумеется неумышленно, поднял кверху нос, в руке крепко держал один угол подушки и спал. Вдруг ему послышалось восклицание "ах!", потом сильный говор подле него. Он не обратил на это внимания, но говор всё продолжался. Через минуту он открыл глаза. Что же? Перед ним стоит низенький, чрезвычайно толстый пожилой человек, с усами, в венгерке, и грозно вращает очами, устремив их прямо на него. Иван Савич тотчас опять закрыл глаза.

- Какой скверный сон! - сказал он, - приснится же этакая гадость!

И плюнул прямо на призрак.

- Иван Савич! что вы, что вы! - перебила его испуганным голосом Анна Павловна.

- Ничего, мой ангел! Не мешай мне спать. Если б ты видела, какой уродище сейчас приснился мне: наяву такого быть не может.

Анна Павловна упала в обморок и склонила бледную голову на подушку.

- Милостивый государь! - вдруг загредел кто-то басом над самым ухом Ивана Савича.

Он вскочил как бешеный - и что же? Урод, которого он принял за создание воображения, стоит перед ним, сложив руки крестом, как Наполеон.

- Что-с... я-с... извините... я думал... что вы - сон, - бормотал, трясясь от страха, Иван Савич.

- Кто вы? зачем вы здесь? а? по какому случаю? - говорил толстяк, подступая к Ивану Савичу.

- Я-с? я... помилуйте, - говорил тот, пятясь к дверям, - я чиновник, служу в министерстве... Что вы?

- Я с вами разделаюсь, - говорил толстяк, - разделаюсь непременно, - погодите!

Иван Савич ушел в переднюю, оттуда в сени, всё задом. В сенях он остановился и поглядел в дверь. К нему выбежала Анна Павловна, бледная и расстроенная.

- Это мой опекун... и... и... дядя! - сказала она.

- Опекун! - говорил Иван Савич, заглядывая в дверь на толстяка, - у вас огромная опека, Анна Павловна!

- И вы можете шутить? Подите к себе и не приходите, пока не позову... О, Боже мой! Чем это кончится? Вот какая туча разразилась над нами: заря нашего блаженства затмилась. Я не ждала его так рано из командировки.

- Так у вас и дядя был в командировке? Я не знал.

- Прощайте, прощайте, - сказала она, - может быть, навсегда.

- И пора, - бормотал Иван Савич, - надоела мне: всё хнычет, а ест, ест так, что Боже упаси!

Иван Савич пришел домой и растянулся в спальне на кушетке досыпать прерванный сон. Через час он услышал над собой опять: "Милостивый государь!", открыл глаза - и тот же толстяк стоит над ним.

- Опять тот же гадкий сон! - сказал он и вскочил с кушетки. - А, это вы! - примолвил он. - Позвольте узнать, с кем я имею честь...

- Я отставной майор Стрекоза, - сказал толстяк, - к вашим услугам.

И сел без церемонии на кресла против кушетки.

"Стрекоза! - думал Иван Савич, - хороша стрекоза! кажется, вовсе не попрыгунья. Мог бы из Крылова же басен заимствовать себе название поприличнее".

- Давно ли вы знакомы с Анной Павловной? - грозно спросил майор.

- Да месяца три будет, а что-с?

- Не вам следует спрашивать, а мне: вы извольте отвечать.

Иван Савич хотел было сказать ему что-то колкое, да с языка не сошло.

- Каким образом вы познакомились?

- Через двери, господин... госпожа... господин Стрекоза.

- Знаю, что не чрез окно, но как?

- Да так-с: по соседству. Я ей скажу: "Здравствуйте, Анна Павловна, здоровы ли вы?" Она отвечает: "Здравствуйте, Иван Савич, покорно вас благодарю"... Так и познакомились.

- Но этим, кажется, ваши сношения не ограничивались?... а?..

- Помилуйте, господин Стрекоза, - начал вкрадчиво Иван Савич. - Неужели вы можете думать, чтобы я, чтобы она, чтобы мы... что-нибудь такое... Да я так скромн, так невинен... могу даже сказать, что ненависть моя к женщинам известна здесь всем в городе... я мизантроп! право-с! Граф Коркин, барон Кизель могут подтвердить, и притом Анна Павловна так любит своего мужа...

- Мужа? - спросил майор.

- Да-с, что в командировке. Только о нем и говорит; скоро ли, говорит, он приедет. Мне, говорит, так скучно без него... я не живу. Помилуйте, господин Стрекоза, вы нас обижаете...

Майор задумался и, по-видимому, смягчился.

- Но что значит сцена, которую я застал? - сказал он, - вы спали, называли ее "мой ангел"! Как могли вы дойти до такой степени короткости? а? Я с вами, милостивый государь, разделаюсь!

- И, господин майор! если б вы знали, как я прост душой, вы бы ничего не заключили дурного из этого. В один день я сойду с человеком - и как будто двадцать лет жил вместе. Ты да ты. За что вы нападаете понапрасну на мою простоту и добродетель? обижаете и свою племянницу... ведь вы дяденька ей?

- Да, я опекун ее и... дядя.

- Как лестно носить титул этот при такой прекрасной особе, и кому же вверить это сокровище... как не...

- Я не комплименты пришел сюда слушать, - грубо перервал майор, - а разделаться! Я вам дам! Как вы, милостивый государь, смели, - спрашиваю я вас?

"Медведь! - подумал Иван Савич. - Никакой образованности, никакого тону!"

- Послушайте, милостивый государь, - сказал майор, - вы должны мне дать удовлетворение, или...

- Как удовлетворение? какое?

- Разумеется, как благородный человек.

Майор указал на пистолеты, висевшие на стене.

- Вон у вас, я вижу, есть и средства к тому, - прибавил он.

- Э! нет-с. Это подарил мне один знакомый, ни он, ни я не знаем для чего: черт знает, зачем они тут висят. Это дурак Авдей развесил.

Он снял их и проворно спрятал под кровать.

- Вот теперь, может быть, узнаете, - сказал майор с выразительным жестом.

Иван Савич покачал головой.

- Ни за что-с! - сказал он решительно. - У меня правило – не стреляться, особенно за женщин. Этак мне пришлось бы убить человек пятьдесят или давно самому быть убитым... так, за недоразумения, вот как теперь. Притом же я и не умею...

- В таком случае вы должны отказаться от знакомства с Анной Павловной... я как опекун... и... и... и дядя ее... требую этого.

- Отказаться! Как же жить в соседстве и не быть знакомым? Придется встретиться как-нибудь, согласитесь сами...

- Ни-ни-ни! не придется, если не будете стараться: я ее увезу на другую квартиру...

- Давно бы вы сказали! - воскликнул Иван Савич. - Ух! гора с плеч долой! Знайте, господин Стрекоза, что у меня правило - не переносить знакомства на другую квартиру.

- Э! - сказал, улыбнувшись, майор, - да у вас славные правила! Ну так и дело с концом: мир. Нечего об этом и говорить.

- Не прикажете ли чаю?

- Очень хорошо. Нет ли с ромцом?

- Есть коньяк.

- Ну всё равно.

- Не угодно ли сигары?

- Пожалуйста.

И они стали друзьями.

- Какая у вас славная квартира! - сказал майор, оглядываясь кругом, - со всеми удобствами... Что это, мне как будто вдруг что-то на нос капнуло?..

- Ах-с! это вон оттуда, - сказал Иван Савич, указывая вверх. - Это ничего, так, дрянь, пройдет. Майор поднял голову и посмотрел на пятно. Вдруг оттуда полился проливной дождь прямо ему в лицо.

- Милостивый государь! - закричал он, вскочив с места, - что это значит? Я с вами разделаюсь...

- Я не виноват-с: право! Это иногда течет: видно, сверху пролили ушат с водой... Эй, Авдей! Авдей! подставь скорей ведерко...

- Прощайте, - сказал майор, - у вас небезопасно; пойду укрыться... к племяннице от дождя. Странные у вас правила, право, странные: не стреляетесь, не переносите знакомства на другую квартиру, дождь терпите в комнатах... гм!

Он ушел. На другой день, рано утром, от Анны Павловны, от майора и от старухи не осталось никаких следов. В доме и духу их не стало.

Авдей торжественно вышел на середину комнаты.

- Как же, батюшка Иван Савич, - сказал он, - они увезли у нас диван, стол, часы, зеркало, ковер, две вазы, ведро совсем новешенькое да молоток. Не прикажете ли сходить за ними?

- И, нет, не надо! Еще, пожалуй, привяжется Стрекоза: по какому, дескать, поводу эти вещи были там? ну их совсем. Избавились от беды: это главное.

- Ведь говорил я вам, нехорошо будет: шутка ли, чего стало!

- Зато пожуировали! - сказал Иван Савич.

В тот же день Иван Савич кутил с друзьями. Он рассказал им свое приключение.

- За здоровье сироты! - провозгласили друзья.

- Да, друзья мои, лишился, потерял ее! если б вы знали, как она любила меня! Подумайте, всем мне жертвовала: спокойствием, сердцем. Она была... как бы это выразить?... милым видением, так сказать, мечтой... разнообразила этак тоску мертвой жизни...

- Да, братец, жаль, - сказал, вздохнув и покрутив усы, офицер, - как это ты выпустил из рук такую птичку?... Ты бы проведаль!

- Нельзя, mon cher: честное слово дал! Дядя, опекун: подумай, вышла бы история... повредила бы мне по службе.

- Ты бы мне сказал, - продолжал офицер, - я бы разделался с ним. Я бы показал, что значит обидеть моего приятеля! А ты! вот что значит не военный человек!

- Я, mon cher, и сам намекал ему на пистолеты, даже снял со стены и показал... да он искусно замял речь.

- Подлец! трус! - примолвил офицер, притопывая то той, то другой ногой...

- Какие всё ему достаются: барыни, да еще замужние! - заметил другой.

- И не показал, не познакомил, злодей! - сказал Вася. - Нет, я так в горничных счастлив. Какая у меня теперь... а!!

И он рассказал им какая.

- Славно мы живем! - примолвил один из молодых людей, - право, славно: кутим, жуируем! вот жизнь так жизнь! завтра, послезавтра, всякий день. Вон Губкин: ну что его за жизнь! Утро в департаменте мечется как угорелый, да еще после обеда пишет, книги сочиняет; просто смерть!.. чудак!

Иван Савич опять не знал, куда девать свое время, опять зевал, потягивался, бил собаку, бранил Авдея. Однажды он пришел в комнату Авдея и посмотрел в окно. Вдруг лицо его оживилось.

- Голубчик Авдей! - сказал он, - посмотри-ка, какая хорошенькая девушка там, в окне, и как близко: можно разговаривать!

- Не о чем разговаривать-то, - сказал Авдей.

- Какие глазки! - продолжал Иван Савич, - ротик! только нос нехорош. А беленькая, свеженькая - прелесть! Ты ничего мне и не скажешь! Узнай, чья она.

Авдей доложил, что она служит у знатной барыни.

- И девушка-то знатная! - сказал Иван Савич, - право! а?

- Не могу знать! - отвечал Авдей, - известно: девчонка!

- Послушай, порадей-ка мне у ней: поди скажи, что я и добрый, и...

- Полно вам, батюшка Иван Савич, Бога вы не боитесь... - заговорил он с убедительным жестом, - и я-то с вами сколько греха на душу взял.

- Ну! - сказал Иван Савич, - по-твоему, не пожуируй! Поди, поди, говорят тебе.

- Воля ваша, Иван Савич, гневайтесь не гневайтесь, а я больше не намерен.

- Что ж ты пыль не обтираешь нигде, дурак этакой! - сердито закричал Иван Савич, - это что? это что? а? У меня там везде паутина! Давеча паук на нос сел! Ничего не делаешь! А еще метелку купил! К сапожнику опять забыл сходить? Да ты мне изволь новые чашки на свои деньги купить: я тебе дам бить посуду! Что это за скверный народ такой, ленивый... никуда не годится!

Дня через два Ивану Савичу принесли новое платье. Он примерил и велел спрятать. Вдруг Авдей вышел на середину.

- А что, батюшка Иван Савич, - сказал он, - не будет ли вашей барской милости... то есть теперь у вас три сюртука... один-то уж старенький... Не пожалуете ли мне?

Он низко поклонился.

- Не намерен, - сказал Иван Савич сухо.

Авдей крякнул и пошел в переднюю...

На другой день он надел на себя серебряные часы, повесил бисерный снурок по всей груди и животу, взял в руки картуз с кисточкой и отправился радеть своему барину.

- Говорил, - сказал он через полчаса, вышедши на середину.

- Что ж ты говорил? - спросил Иван Савич.

- Что, мол, барин у меня и добрый, и хорошенький такой...

- Вот, хорошенький! Зачем же ты врешь?

- Что за вру! вы ведь хорошенькие!..

Оба молчали. Иван Савич гладил бакенбарды.

- Что ж ты не в моем сюртуке ходил к ней? оно бы лучше! - сказал Иван Савич.

- Да как я смею барский сюртук надеть?

- Ты возьми его себе совсем, тот, что просил у меня.

Авдей подбежал, согнувшись, и поцеловал у барина ручку.

- Что ж ты ей еще сказал?

- Что барин мой, мол, молодец: где ни завидит женщину, - тотчас влюбится! У него, мол, немало их было...

- Да кто ж тебя просил об этом говорить? Ну пойдет ли она теперь? Есть ли у тебя рассудок? а? Вечно, вечно подгадишь мне! Что ж она сказала?

- Что мне, говорит, до твоего барина за дело? Он, говорит, мне не ровня: что мне с ним знакомиться? Поди, говорит, отваливай.

- Вот еще! - ворчал Иван Савич, - не ровня. Как же бы это устроить? Ах, славно! выдумал! Часто ли она бывает тут у окна?

- Да целое утро всякий день вертится.

- Там она теперь?

- Там-с.

- Дай-ка мне свой серый сюртук.

- На что это вам?

- Дай, дай, я знаю на что. Ну что, впору ли? - спросил Иван Савич, надев сюртук.

- Коротенек. Да что вы хотите делать?

- А вот что: ты скажи ей, что у нас два человека. Ведь она меня не видала?

- Нет-с.

- Ну, я утром буду приходить на полчаса к тебе в комнату, будто убирать что-нибудь. Вот и теперь пойду. Дай мне сапог и щетку.

Иван Савич поместился у самого окна и стал чистить сапог. Авдей спрятался в простенок и прикрыл рот рукой, чтоб не засмеяться вслух, и качал головой.

- Вишь ведь лукавый догадал - чего не выдумает! - бормотал он. - Не так, не так, Иван Савич, на что подошву-то намазали ваксой? И сапога-то не умеет вычистить, а еще барин!

- Здравствуйте! - сказал Иван Савич девушке в окно.

- Здравствуйте! - сказала она и продолжала гладить, не поднимая глаз.

- Какие вы хорошенькие!

- Да не про вас!

- Как не про меня-с? Будто мы уж никуда не годимся? - сказал он. - Чем я хуже моего барина? Он такой худой!

- Всё ж он барин, какой бы ни был! да мне и до него дела нет, - отвечала она и посмотрела на него.

Он послал ей поцелуй. Она улыбнулась и показала ему утюг.

- Как же! не хотите ли вот этого? - сказала она, - как раз обожгу.

- Да вы уж и так обожгли меня глазками.

- Этак она догадается, - шептал Авдей, увлекшийся невольно на этот раз интересами своего барина, которым в другое время противился, - вы больно мудроно говорите-то.

- Можно мне к вам в гости прийти? - спросил Иван Савич.

- Зачем? У нас есть свои.

- Да есть ли такие, как я?

Иван Савич указал на бакенбарды.

- Может, и получше есть.

- Ну, вы пожалуйста ко мне.

- Вот еще! С чего вы это взяли? - сказала обиженным тоном девушка. - Прощайте: некогда мне с вами из пустого в порожнее переливать. Барыня ждет: она у меня там без юбки сидит!

- А кто ваша барыня?

- Известно, баронесса.

Она схватила юбку и понесла было.

- Да постойте же! куда вы? - сказал Иван Савич.

- Нечего стоять; и вы-то чистите не чистите сапог. Смотрите, выйдет барин: он вас за ушко да на солнышко. Так-то!

- Вы будете завтра тут? - спросил Иван Савич.

- А вам что за дело?

- Так; я бы покуражился с вами.

- Буду так буду, не буду так не буду: сами увидите! - сказала она скороговоркой и, как мышонок, побежала по лестнице, почти не дотрогиваясь до ступеней.

- Милашка! у! - нежно крикнул ей вслед Иван Савич. - Авдей! а?

- Не могу знать!

Авдей тряхнул головой.

- Пожалуйста-ка, добро, сапоги-то, - сказал он, - вишь, всю подошву вымазали, да и окно-то у меня перепачкали. Ну вас тут совсем!

В следующие дни, в условленный час, оба бывали на своих местах. Иван Савич всё мазал подошву сапога, к великому соблазну Авдея, который нарочно для этого давал ему постоянно один старый и худой сапог. Маша тоже гладила долго одну и ту же юбку. Так продолжалось с неделю. Однажды вечером, когда баронесса уехала в театр, а, по словам Ивана Савича, барина его не было дома, Маша тронулась его нежностями и как тень, в платочке а la Fanchon, мелькнула по двору и явилась в комнате Авдея.

- Наконец ты у меня в гостях! - начал Иван Савич свою обычную фразу, с некоторыми вариантами, - ужели это правда? не во сне ли я вижу?

Она с трудом согласилась пойти в другие комнаты и при малейшем шуме трепетала как лист, опасаясь приезда барина.

- Как я счастлива! как я счастлива! - твердила Маша, - вы такие... такие... вы сами словно как барин! Какой у вас славный жилет! уж не барский ли?

- Да, барин подарил. Авдей! - закричал он, забывшись, - подай чаю!..

- Что вы это? как вы на него кричите! - сказала Маша.

- Авдей Михайлыч, - сказал Иван Савич, спохватившись, - уважь нас: чайку поскорее. Ведь я барский камердинер, - примолвил он, обращаясь к Маше, - ну так Авдей и угождает мне. В другой раз замолвлю за него доброе словцо.

- А! вы камердинер! - значительно сказала Маша, - вот как!

Уже прошло недели три, как Маша частенько прокрадывалась к своему возлюбленному. Иван Савич лежал обыкновенно на барской кушетке, как он говорил Маше, а она сидела подле него в креслах и болтала без умолку или жевала что-нибудь. Горничные вечно что-нибудь жуют или грызут. В карманах их передника всегда найдете орехи, изюм, или половинку сухаря, оставшегося от барынина завтрака, или бисквиту, вафлю, залог нежности какого-нибудь повара. Иван Савич не находил более предмета для разговора с ней. Он уж пересказал ей все анекдоты, которые рассказываются только мужчинами друг другу за бутылкой вина или горничным, и говорить больше было нечего.

- Ну скажи что-нибудь еще, - говорила однажды Маша. - Ты так смешно рассказываешь.

Иван Савич зевнул.

- И нынче конфеты да сливы: я лучше люблю яблоки, - продолжала Маша болтать, доедая сливу. - А это ведь, чай, дорого: неужели тебе барин столько денег дает? Это съешь, словно как ничего - и не попахнет, а после яблоков долго помнишь, что ела. Я могу целый десяток яблоков съесть, право!

Иван Савич всё молчал.

- Вчера мы с Настасьей, с нянькой от верхних жильцов, два десятка съели, инда насилу опомнились, даже тошно сделалось: ейный сын принес ей целый узел яблоков, пряников, орехов, да не одних простых, а разных. Он в мелочной лавке приказчиком. Ты вот мне никогда орехов не купишь.

Иван Савич закурил сигару.

- Что ты заплатил за сигарки? - спросила Маша.

- Это барские, - сказал Иван Савич.

- Ну как он узнает?

- Нет, у него много.

- И то сказать, правда: что жалеть господского? Я вот, как живу на свете, не знаю, что такое покупать помаду, духи, булавки, мыло: всё у барыни беру. Раз она и узнала по запаху: "Ты, говорит, никак моей помадой изволишь мазаться?" Вот я ей говорю... так и говорю, право, я ведь ей не уступлю... она слово, а я два... "кроме вашей помады нешто и на свете нет!"

- "А где ж ты взяла?" - говорит она. - "Где? подарили", - а сама прячусь, чтоб она не разнюхала. "А кто, говорит, подарил?" - "А вам, мол, зачем?" - "Дружок, верно!" - говорит. Что ж! ведь я соврала - сказала: дружок. А какой к черту дружок! У меня после Алексея Захарыча до тебя никого и не было. Она и пошла допытываться кто, да тут приехали гости, я и ушла.

Оба замолчали.

- Ах, Иван! - начала опять Маша, - какое платье купила себе Лизавета, наша бывшая девушка,- креп-паше, чудо! Когда я соберусь сделать себе этакое?

Она вздохнула.

- А тебе хочется? - спросил Иван Савич.

- Еще бы не хотелось! уж я давно думала, да куда! оно двадцать восемь рублей стоит.

Иван Савич вынул из бумажника пятидесятирублевую ассигнацию и дал ей.

- Ах! неужели? - сказала она с радостным изумлением. - Это мне? Сколько же у тебя денег-то? ведь у меня сдачи нет.

- Ты всё себе возьми.

- Как всё?

Она повертывала в руках ассигнацию и смотрела то на нее, то на Ивана Савича и почти одурела совсем.

- Послушай, где ты берешь деньги? - спросила она вдруг боязливо.

- В барском бумажнике.

- Нет, неправда! ты бы так не говорил, - сказала она, бережно завязывая деньги в узелок, - как же я за это крепко поцелую тебя... у!.. в знак памяти сошью тебе манишку.

От радости она сделалась еще болтливее.

- Что, бишь, я хотела сказать такое? а?

- Не знаю, - сказал Иван Савич.

- Эх, досадно; что-то хотела сказать тебе... ах да! как давеча графский кучер бил какого-то мужика: тот в гости к нему пришел, а он и давай его бить; инда страсть, так прибил, что тот даже не знает, что и сказать ему. Да что ж ты всё молчишь? - сказала она после множества вопросов, на которые не получила ответа.

- Уж всё переговорили, - отвечал Иван Савич.

- Всё? как не всё! Нет, уж нынче ты не такой. Бывало, всё говоришь, что любишь меня, да спрашиваешь, люблю ли я тебя, а нынче вот пятый день не спрашиваешь: видно,

уж не любишь. А я тебя всё так же люблю, еще больше, ей-богу! вот побожиться не грех!
- примолвила она простодушно.

Опять молчание.

- Сколько у вас книг-то! всё толстые: чай, во всю жизнь не прочитаешь? - сказала она опять, - какие это книжки, Иван?

- Философические! - сказал Иван Савич.

- Какие же это? смешные или страшные? почитай мне когда-нибудь в книжку: я люблю смешные книжки. И у вас хорошо, - продолжала Маша, оглядываясь кругом, - а у нас еще лучше. Какие занавесы, какие ковры! решетки с плющами; какие корзинки для цветов! даже уму непостижимо. Вчера принесли маленький диванчик в спальню: какая материя! так глаза и разбегаются: четыреста рублей стоит. Как подумаешь, сколько эти господа денег сорят, так страшно станет. Хоть бы половину мне дали того, что иной раз в неделю истратят, так мне было бы на всю жизнь.

- Так очень хороша твоя барыня? - спросил Иван Савич.

- Ах! прехорошенькая! особенно утром, как с постели встает.

- Как же бы с ней познакомиться?

- Кому?

- Разумеется, моему барину. Уж он говорил: похлопочи-ка, говорит, Иван!

- Нет ли у него приятеля, знакомого с нашей барыней? - сказала Маша, - пусть тот и приведет его; а не то, пусть он выдумает, будто нужно спросить что-нибудь, да и придет: может, и познакомится. Славно бы! тогда бы я чаще к тебе бегала, будто к барину от барыни или попросить что-нибудь. Уж когда господа знакомы, так и люди знакомы. Это так водится. Что бы выдумать? а! да вот что: барыня продает одну лошадь: не надо ли вам? пусть бы и барин пришел, будто поторговаться.

- И прекрасно, - сказал Иван Савич, вскочив с кушетки, я и пойду.

- Ты? - спросила Маша.

- И познакомлюсь, - продолжал Иван Савич, не замечая ошибки.

- Что ты, что ты! опомнись, мой батюшка, заврался!

- Ах да! что я вру: барин, барин.

- То-то же.

- Ну, ты теперь поди домой, - сказал Иван Савич.

- Вот уж и гонишь, экой какой! ну, прощай. спасибо за подареньице, - сказала Маша, неохотно вставая с кресел.

На другой день, Иван Савич, идучи в должность, встретил на лестнице знатную барыню и остановился, пораженный ее красотой. Она приветливо взглянула на него, как будто в благодарность за это удивление. После того он старался ежедневно сойтись с ней на лестнице. Это было легко, потому что из его окон видно было, как ей подавали карету. Наконец он осмелился сделать ей робкий и почтительный поклон. Ему ласково кивнули головой, и Иван Савич был вне себя о радости.

- Авдей, - сказал он, - знаешь что? знатная барыня поклонилась мне сегодня; она всякий раз ласково смотрит на меня; значит, я ей нравлюсь. Как ты думаешь? а?

- Не могу знать.

И Маша подтвердила ему, что у ее барыни только и разговора, что об его барине.

- Всё меня спрашивает о нем, - сказала она, - богат ли он, есть ли у него экипаж, сколько людей? а я почему знаю... знаю, мол, только, что у него двое людей - Авдей да Иван - вот и всё. Какая, право, чудная! я ведь по парадной лестнице не хожу: где ж мне его видеть? Да что ж, в самом деле, твой барин нейдет покупать лошадь? коли хочет, вот бы и познакомился.

Иван Савич, пока Маша говорила это, гладил бакенбарды.

Утром он посмотрел лошадь. Она была стара и разбита ногами. Он поторговался с кучером, но не согласился в цене и вечером послал Авдея просить у знатной барыни

позволения видетсья с ней, в твердом намерении не покупать лошади, а только завязать знакомство.

Сильно билось его сердце, когда он подошел к ее двери. "Страшно как-то с знатными! - думал он, осматриваясь и поправляясь, - что-нибудь не так сделаешь, беда, засмеют!.." Он позвонил чуть-чуть слышно. Человек доложил и потом, откинув занавес у дверей, впустил его в залу. Зала была обита белыми обоями с светло-дикими арабесками. Ничего лишнего. По стенам дюжины две легких, грациозной формы стульев белого дерева. Два огромных зеркала, у окон - те прекрасные корзины на тумбах, о которых говорила Маша, да великолепные драпри, которые он сам видел с улицы. В гостиной было всё богаче, роскошнее. Темная резная мебель. На столе бронза, часы на мраморном пьедестале, несколько картин, два или три бюста, вазы.

Иван Савич прошел гостиную и остановился в нерешимости, идти или нет далее. Всё было тихо. В следующей комнате чуть-чуть виден был свет от лампы.

"Как я войду? - думал он, - ну, как она там... того... что-нибудь такое... почивает?"

Вдруг послышался шорох, будто шелкового платья. Кто-то пошевелился, и опять всё замолкло. Иван Савич сделал два раза "хм! хм!" и кашлянул. Вдруг там позвонили... Он обрадовался и вошел. Долго он искал глазами обитательницы этого будуара и не находил, пока наконец явившийся по звонку человек не навел его на путь.

- Не надо. Поди! - послышалось из-за зелени.

Человек ушел.

Иван Савич прошел до камина и там, на полукруглом диване, обставленном трельяжем, отыскал невидимку. Она была, по-видимому, лет двадцати. Густые, темно-каштановые волосы спускались по вискам до половины щеки и прикрывали уши. Голубые глаза, маленький нос и еще меньше рот, свежесть лица - всё это ослепило Ивана Савича. Он уж не мог разобрать, в чем она была и как она сидела, - ничего.

Он почтительно поклонился.

- Наконец я у вас... - начал он робко, - неужели это правда? я как будто во сне.

Ему молча показали другой конец дивана.

"Вот как обрезала! - подумал Иван Савич, - ни слова! не то что Анна Павловна: та сейчас стала кокетничать и заговорила. А эта... о, да тут надо осторожно".

Она продолжала молчать. Иван Савич должен был опять заговорить. Он потерялся.

- Я насчет лошадки... - начал он чуть слышно, - пришел справиться... извините, что я... беспокою...

Больше у него не шло с языка, как он ни старался, точно как будто ему зашили рот.

- Да, мне человек сказывал, - отвечала она небрежно, - что вы хотите купить лошадь. Она не подходит под масть прочим моим лошадям, оттого я и велела ее продать.

- Кучер ваш говорит, что вы просите семьсот рублей... это очень...

- Дешево, хотите вы сказать? - перебила она еще небрежнее, - что ж делать! лошадь не стоит больше. Может быть, вам надо дороже и лучше... вы не церемоньтесь. Мне стоит сказать одно слово своим знакомым: графу Петушевскому, князю Поскокину, они бы сейчас избавили меня от этой лошади, лишь бы сделать мне удовольствие.

Иван Савич струсил.

- Точно-с, - начал он, - вы изволите правду говорить... Я не имею чести быть вашим знакомым; но, чтоб сделать вам удовольствие...

У него занялся дух; он на минуту остановился собраться с силами. Она выразительно посмотрела на него.

- Но, чтоб сделать вам удовольствие, - повторил он, - я... я... готов...

Она кивнула слегка головой и улыбнулась.

- Вы очень любезны! - сказала она.

Иван Савич ободрился. "Каково же, - подумал он, - ай да Ваничка! ловко, брат! Что скажет Вася? как же ей деньги отдать? ведь, чай, самой нехорошо. О! выдумал, выдумал еще ловчее!"

- Кому прикажете деньги отдать? - спросил он уже довольно твердым голосом.
- Если они с вами, то потрудитесь бросить их вон в ту рабочую корзинку; а если нет, то пришлите.

Иван Савич положил деньги в корзинку и стал раскланиваться.

- Куда же вы? - спросила она, - вы были так любезны. Я еще не успела поблагодарить вас; останьтесь пить чай со мной. Я вас не пущу.

Она взяла у него шляпу из рук и поставила с другой стороны подле себя. Она сделалась разговорчива и оставила небрежный тон.

- Садитесь поближе. Расскажите мне, давно ли вы здесь живете, чем вы занимаетесь?

- Я живу здесь четыре месяца, бываю в театре-с, читаю-с.

- Что вы читаете?

- Всё философические книги.

- А!

"Говорить ли ей, что мы кутим? - подумал Иван Савич, - нет! что я! Боже сохрани! ведь это не Анна Павловна".

- Вы изволите тоже читать книги? - спросил он, глядя на этажерку, уставленную книгами.

- Да, как же.

- Какие-с, позвольте спросить?

- Больше французские: теперь читаю "La duchesse de Chvteauroux".1} Вчера мне подарили прекрасный кипсек. Достаньте вон ту книгу.

Он проворно вскочил, взял книгу и подал ей. Она подвинулась к столику и открыла книгу.

- Посмотрите, какие гравюры. Да сядьте со мной рядом, поближе... еще...

Иван Савич сел, как она желала, - и смутился.

"Вот как вольно знатные обходятся, - думал он, - как принято у них; а мы чинимся между собой. Прямые мещане! Завтра за обедом расскажу нашим. Что скажет Вася? Чай, удивится, не поверит! "Эк куда, скажет, залез!" Надо осмотреть хорошенько, как убрано, чтобы пересказать нашим".

- Где же еще другая книга? - сказала знатная дама и позвонила. - Вели Маше, - сказала она вошедшему лакею, - принести из спальни книгу: она там на столике лежит.

При слове "Маша" у Ивана Савича забилося сердце. Вскоре послышались ее шаги. Она вошла, взглянула - и побледнела. Книга выпала у ней из рук.

- Что ты валяешь книгу? - сказала барыня. - Испортишь переплет. Да что ж ты стала? Подойди сюда! разве ты не видала у меня людей?

Маша тихо подошла и, склонив голову, еще тише пошла назад.

А Иван Савич забыл и Анну Павловну, и Машу, и всех на свете. Знатная дама с минуты на минуту делалась всё любезнее и любезнее. Время незаметно прошло до одиннадцати часов. Он стал прощаться.

- Приходите ко мне, как только будет у вас свободное время, - сказала она, - я всегда дома. Когда мы покороче познакомимся, то придумаем, как проводить вечера.

Тут человек пришел с докладом, что граф Лужин приехал.

- Проси. Прощайте, до свидания, - сказала она с дружеской улыбкой, подавая Ивану Савичу руку.

В зале он столкнулся с адъютантом, который опрометью вбежал в будуар. Иван Савич услышал звонкий поцелуй.

"Вот как знатные целуются! - сказал он сам себе. - А как поздно у них приезжают гости: у нас так спать ложатся. Мещане!"

У своих дверей Иван Савич услышал, что кто-то будто плачет. Он посмотрел - и что же? в темном углу, опершись на перила, горько рыдала Маша.

- Что ты? что с тобой? - спросил он.

- Что с тобой!.. - всхлипывая, говорила она, - еще спрашиваете: что с тобой? Не грех ли вам так обижать бедную девушку?

- Как обижать?

- Обманывать! Сказали, что вы камердинер, что любите меня, а сами барин!

- Так что же?

- Как что! Сами к барыне пришли. Известно, барин не станет любить простую девушку...

- Ведь это не мешает тебе бывать у меня.

- Не мешает! Рассказывайте! Я видела, как вы близко с ней рядом сидели да шептались...

Она зарыдала. Иван Савич махнул рукой и пошел прочь.

- Пойдите, - сказала она, - возьмите ваши деньги: я от барина не хочу! Вот сорок пять рублей: пять рублей я истратила.

Она вынула из кармана ассигнации, бросила их на лестницу и исчезла.

Иван Савич так был поглощен впечатлением от свидания с знатною барыней, что тотчас же забыл о Маше. Он машинально поднял ассигнации и пошел.

- Ну, брат, Авдей, вот прелесть, вот дама, так могу сказать!

- Неужли-то, сударь, у вас и с ней уж дошло до чего-нибудь эдакого?

- Тс! тише, тише! - с испугом сказал Иван Савич. - Ты с ума сошел! ведь это не Анна Павловна. Ты эдаких и не видывал. Ах, если бы... да нет!

- Что ж лошадь-то, сударь?

- Купил!

- Неужли? - сказал Авдей, - такого одра! Да что вам в нем? Вот деньги-то сорите! А что дали?

- Семьсот рублей.

- Господи, воля Твоя: да за нее двести рублей нельзя дать; а за семьсот рублей вы бы пару знатных лошадей купили.

- Зато не познакомился бы с знатной барыней! - сказал Иван Савич. - Звала к себе как можно чаще.

- Экая лихая болеть, прости Господи, знатная барыня! Знатно же она вас поддела! Семьсот рублей: шутка!

- Оно обошлось дешевле, - сказал Иван Савич, - вот Маша отдала назад сорок пять рублей - стало быть, в шестьсот пятьдесят пять рублей. Ну, не хочет так как хочет!

Иван Савич явился в собрание своих друзей с торжественным лицом. Его походка, все движения были величавы. Он тихо вошел, молча отвечал на их приветствия и молча сел за свой прибор, ожидая вопросов.

- Что это у тебя такая физиономия сегодня? - спросил офицер.

- Да, в самом деле: ты как будто награду получил, - заметил чиновник. - И в белых перчатках!

- Нет, так, ничего! - небрежно отвечал Иван Савич. - Сейчас был с визитом.

- У кого это, позволь спросить?

- Помните, я вам говорил, - начал Иван Савич, сморщив лоб, - о той знатной даме... что живет у нас во втором этаже?..

- Неужли у нее? - спросил Вася.

Иван Савич молча кивнул головой.

- Каков! а! Ах, черт его возьми! и туда забрался! тьфу! Он плюнул.

- В самом деле, ты не врешь? - спросил офицер.

- Послушай! - сказал Вася, подсев к нему, - уж если ты меня тут не познакомишь, мы, брат, после этого больше не друзья!

- Нельзя ли местечка через нее выхлопотать? Вот бы вспрыски-то были!

- Ах ты, жуир, - начал другой, - а! мало тебе! Ты и знати спуска не даешь: баронесса! каково!

- Поздравим, поздравим! - закричал офицер. - Чего спросить, креман или клико? Надо, братец, вспрыснуть, воля твоя: баронесса!

- Те! господа, господа! - заговорил серьезно, с испугом Иван Савич, - если вы станете кричать, я сейчас уйду. Ведь это не какая-нибудь Анна Павловна. Кругом нас множество народу, а вы кричите. Может быть, тут кто-нибудь из знатных есть; а у ней что ни вечер, то князь, то граф! услышат - и мне и вам достанется! Я вам по-дружески сказал, а вы и пошли... Надо, господа, знать тон, приличия, как с кем обращаться!

Все струсили и начали говорить шепотом.

- Ну а Маша что? Изменил, злодей! - сказал Вася.

- Фи! Неужли ты думаешь, что я к Маше питал что-нибудь такое?.. Да и что вы рано принялись поздравлять: ничего нет, а может быть, и не будет. Мне и подумать-то страшно об этом. Это так, лестное знакомство: я там, может быть, сойду с хорошими людьми: выиграю по службе, а не то чтобы... А вы уж сейчас и на-поди!..

- Да, да, толкуй! знаем мы тебя! - сказал офицер. - Нет уж, брат, если ты куда забрался, так будет твое. Ловок, злодей: да как это ты?..

- Как же... ловок... - говорил Иван Савич с улыбкой. - Куда мне!.. Эй! человек! четыре бутылки клико сюда!

Иван Савич продолжал являться к баронессе церемонно, во фраке, отодвигался почтительно, когда она слишком близко садилась или подходила к нему, вскакивал с места, когда она вставала, и едва осмеливался дотронуться до ее руки, когда она ему ее подавала.

Он кое-как успокоил и Машу, сказав ей, что она в этом знакомстве не должна опасаться ничего, что он ходит к баронессе затем, чтоб только посидеть, поговорить, провести вечер. Маша покачала головой и не сказала ни слова, только вздохнула. Он отдал ей назад пятьдесят рублей и прибавил еще столько же.

- Вот лошадь-то опять обошлась не в семьсот, а в восемьсот рублей! - заметил Авдей.

Лошадь кое-как сбыли за двести рублей извозчику.

Уж с месяц посещал Иван Савич баронессу, но не позволял себе ни малейшего намека на любовь, или, как он говорил, на что-нибудь такое. А между тем она ему очень нравилась. Он у ней иногда сиживал по целому дню, обедал, даже ужинал. Сервировали прекрасно, стол был отличный, вино чудесное. Иногда там бывала сестра баронессы, такая же хорошенькая, как она сама, и две-три приятельницы, еще лучше ее... По вечерам бывали мужчины, принадлежащие к порядочному кругу. Приезжали они очень поздно, сидели долго. Иван Савич редко видел их, потому что он в это время уходил, когда они являлись.

Однажды он сидел у баронессы один.

- Послушайте, - сказала она тем же небрежным тоном, каким говорила в первом свидании, - дайте мне две тысячи рублей, я вам возвращу дня через три.

Иван Савич смутился. Ему совестно было признаться, что у него нет дома такой суммы.

- Я получу пять тысяч не прежде, как недели через три, - сказал он, - а теперь... у меня... нет... дома.

- Верно, вы можете у кого-нибудь занять... - продолжала баронесса, - мне надо завтра утром эту сумму. Если б можно было ждать до вечера, я взяла бы у графа Судкова. Но, зная вашу любезность, я обращаюсь к вам.

- Конечно-с, - сказал Иван Савич, - я постараюсь завтра утром... даже теперь... но оставить вас...

- Подите... подите... я вас не держу. Если достанете сегодня, будем вместе ужинать.

Иван Савич занял у приятеля на честное слово и привез. Его поблагодарили продолжительным нежным пожатием руки и влажным взглядом... Между тем срок

платежа пришел и прошел, но денег не отдавали. Иван Савич стал беспокоиться, но напомнить не смел. Ему прислали деньги от родных, и он заплатил долг.

Один раз он хотел было напомнить, и, только заикнулся, ему зажали рот хорошенькой ручкой. Он нежно поцеловал ее и затрепетал от радости.

Раз вечером он был в театре. По возвращении домой Авдей сказал ему, что Маша два раза приходила с запиской от баронессы. Явилась сама Маша. Она подала маленькую записочку и стала у дверей. Баронесса звала его ужинать, говоря, что у нее собрались граф Лужин, князь Поскокин, еще секретарь иностранного посольства, ее сестра и две приятельницы.

- Авдей! бриться! мыться! одеваться! скорей приготовь фрак да синий бархатный жилет с золотыми узорами! - закричал Иван Савич.

- Вы пойдете? - робко спросила Маша.

- Разумеется, а что?

- Не ходите, - сказала она печально.

- Это что за новости? Отчего так?

- Мне что-то сердце недоброе вещает. Вы там что-нибудь... вы оставите меня.

- Какие пустяки! Авдей, одеваться!

- Я без вас жить не могу... - сказала встревоженная Маша, взяв его за руку, - не ходите!

- А я без тебя могу! - сердито закричал Иван Савич, отдернув свою руку. - Вот еще!

- Я вас так люблю... - сказала она робко, почти шепотом.

- Это очень глупо - любить! - говорил Иван Савич, намазывая голову помадой.

- Что ж мне делать, я не виновата!

- И я не виноват, что не люблю тебя.

- Что вы обижаете девчонку-то? - сказал Авдей, - ведь и она человек: любит тоже.

- Любит! - сказал еще сердитее Иван Савич, завязывая платком бакенбарды. - Всякая тварь туда же лезет любить! Как она смеет любить? Вот я барыне скажу. Зачем она любит?

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

Иван Савич оделся и ушел. Маша села на кресла и долго смотрела кругом, потом горько заплакала.

Авдей вынул зелененькую четырехугольную бутылочку в плетенке, подошел к свечке, налил рюмку и поглядел на свет.

- Эти господа думают, что у них у одних только есть сердце, - сказал он, отпивая из рюмки, - по той причине, что они пьют ликёру! А что в ней? дрянь, ей-богу, дрянь! и горько и сладко; тем только и хорошо, что скоро разбирает! Не хочешь ли маленько испить? авось пройдет!

Маша потрясла головой.

- Напрасно! - сказал Авдей, выпив всю рюмку и подошедши к ней. - Полно тебе, глупенькая: есть о чем плакать! разве не видишь, какой он пустоголовый? Вишь ведь как разбросал всё тут! Плюнула бы на него, право! Эй! перестань, говорю.

Он жесткой рукой отер ей слезы и погладил по голове.

- Ну Бог с ним! - сказала уныло Маша и задумчиво побрела домой.

Маленькая столовая баронессы была ярко освещена огромным канделябром. Там был буфет красного дерева, горка с фарфором и хрусталем, раздвижной стол и больше ничего. Когда Иван Савич подходил к дверям, из столовой слышались пение, крик, смех; говорило несколько голосов. Вдруг человек поспешно пронес мимо его бутылки. "Эге! да здесь никак кутят! - подумал Иван Савич, - а говорят, знатные не кутят!" Он отворил двери и остановился. За столом, прямо против дверей, сидела сама баронесса. Она была удивительно хороша. Глаза блистали огнем, какого он не замечал прежде, румянец пылал ярче, на губах блуждала улыбка и, казалось, обещала долго блуждать. Шея и плечи были обнажены, грудь сильно поднималась и опускалась. Лицо, костюм,

движения, громкий, одушевленный разговор - всё показывало, что она была достойною председательницею пира. Подле баронессы был пустой стул. Далее сидела ее сестра. Подле нее, облокотясь рукой на спинку ее стула, почти лежал граф Лужин с бокалом в руке. Он ей говорил что-то тихонько. Она хохотала... Напротив их, отворотясь к столу боком, сидел князь Поскокин, высокий мужчина с черными бакенбардами. По левую ее сторону секретарь посольства что-то живо бормотал другой приятельнице баронессы, интересно бледной и задумчивой женщине.

- А! - сказала баронесса, увидев Ивана Савича. - Где вы пропадаете? Мы не хотели садиться без вас за стол; да вот князь уверил, что вы уж не будете...

- Виноват! - примолвил князь. - Я знал, что мы просидим долго и что вы во всяком случае подоспеете.

- Помилуйте, ваше сиятельство, ничего! - отвечал Иван Савич, раскланиваясь почтительно на все стороны.

- Садитесь скорее, полноте раскланиваться! - нетерпеливо закричала баронесса. - Я вам берегла место подле себя. Целуйте же ручку! да будьте живее. Ах, Боже мой! вы ни на что не похожи. Будьте как дома, без церемонии.

- Я и так... - сказал Иван Савич и, не кончив фразы, сел на стул.

- Messieurs, - сказала баронесса гостям, - рекомендую вам monsieur Поджабрина, отличного молодого человека.

- Очень рад! - сказал князь, не поворачивая головы.

Граф молча кивнул ему и шепнул что-то на ухо своей соседке. Та захохотала, а Иван Савич покраснел. Дипломат, открыв немного рот, смотрел с любопытством, как Иван Савич кланялся, говорил и как сел.

- Где же ваше вино? Monsieur... monsieur... - сказал граф.

- Меня зовут Иван Савич. Про какое вино, ваше сиятельство, изволите спрашивать?

- Нет, не нужно! - перебила баронесса. - Эти господа, - сказала она Ивану Савичу, - сделали мне своим посещением приятный сюрприз, и всякий привез свое вино. Они думали, что и вы знаете...

- Позвольте-с... я сейчас... - сказал Иван Савич и с салфеткой побежал в переднюю, чтобы послать за вином.

- Ваше здоровье, милая Амалия! - закричал через стол князь и выпил бокал.

- Merci, - отвечала соседка графа. - И я пью ваше.

И выпила свой бокал одним духом.

- Ради Бога, не пейте за мое: я и так не знаю, что со своим здоровьем делать! - сказал князь. - Ничто не помогает убавить этой массы. - Он указал на свое тучное тело. - Да, я предвижу, - продолжал князь, - что мое здоровье убьет меня.

- Побольше вот этих подвигов, - сказал граф, указывая на бутылку, - и ты убьешь его.

- Le comte vient de dire quelque chose de drôle? n'est-ce pas? } - сказал дипломат своей соседке.

- И! для меня это ни больше ни меньше как гимнастическое упражнение, как моцион, - отвечал князь, - я знаю, что нынешний вечер прибавит мне два года жизни.

- Счастливец! а я как выпью лишний бокал, на другой день голова трещит, - заметил граф, - никак не могу пить.

И выпил. И все выпили.

- Еще вина! - сказал князь человеку, отдавая бутылку.

- А вы что ж не пьете? monsieur... monsieur... - говорил князь, обращаясь к Ивану Савичу.

- Monsieur Поджабрин, - подсказала баронесса.

- Как? - спросил князь.

- Поджабрин.

Князь взглянул на графа, тот в ответ чуть-чуть пожал плечами.

- Меня зовут Иван Савич! - отвечал Поджабрин.

- Да! Иван Савич, в самом деле, что ж вы не пьете? у вас всё тот же бокал! - заметил резко граф, - если это так продолжится, вы – mille pardons 3} - будете здесь лишний.

Иван Савич смутился, не успел проглотить куска дичи, залпом выпил бокал и закашлялся.

- Я, ваше сиятельство, не прочь! - сказал он, - я буду пить-с, я тоже люблю жуировать. Жизнь коротка, сказал один философ.

- Qu'est-ce qu'il dit? 4} - спросил дипломат у соседки.

- Стыдитесь, monsieur... monsieur... - начал князь.

- Иван Савич, - подсказал Поджабрин.

- Стыдитесь, Иван Савич! дамы выпили по пяти бокалов, а вы еще один.

- Он догонит! - закричала баронесса. - Извольте, милый сосед, пить сряду пять бокалов. Я буду вашей Гебой.

Она схватила бутылку и стала лить...

.....
- Monsieur... Шене! - сказала баронесса через минуту, - вы обещали нам спеть куплеты Беранже. Прошу не забывать.

- Mais il n'y a pas de piano ici, 5} - отвечал дипломат.

- Оно в соседней комнате: мы велим отворить двери и придвинуть его поближе сюда. Отворили двери и придвинули фортепиано. Француз запел...

Князь повторил refrain. 6}

- Bravo, bravo, Шене! - закричал он. - Что за дьявол этот Беранже! пожил и других учит жить: да чего больше? пить, любить, обманывать друг друга: тут вся история и философия рода человеческого.

- Как ты глуп сегодня, князь, со своим Беранже, - заметил адъютант. - Посмотри, соседка твоя дремлет...

- Если она заснет, - заметил граф, - ты, князь, отвечаешь за нее: откуда хочешь возьми женщину, а то кадриль не полна - хоть сам надевай юбку.

- C'est joli, 7} - сказал дипломат, - ah! se comte! 8}

- Славная идея! нарядить князя дамой! - решила баронесса.

- Право, так! - закричал граф.

- Весело! ей-богу, весело! - громко сказал опьяневший Иван Савич. - Вот кутят так кутят!

- Que veut dire 9} кутят? - спросил дипломат.

- Что? - спросил граф.

Иван Савич струсил.

- Весело, ваше сиятельство, говорю я, - отвечал он.

- Его бы тоже не мешало нарядить дамой, - сказал князь, указывая на пустой стул, но желая указать на Ивана Савича. - Он будет похож на твою тетушку, граф, на Настасью Федоровну. Согласны, monsieur... monsieur... monsieur...

- Иван Савич! - подсказал он. - Очень хорошо, ваше сиятельство, почему не согласиться. Кутить так кутить!

Принесли ночные чепцы, кофты, скинули фраки, жилеты и нарядились.

- Bravo, bravo! - кричали все, хлопая в ладоши.

- Если бы бакенбарды долой, - сказал граф, - ты, князь, был бы совершенной женщиной, только не княгиней, а пуассардкой. А вы, Иван... Иван...

- Иван Савич, - договорил Поджабрин.

- Иван Савич, вы... ах, знаешь, князь, он точно очень похож на мою тетушку! ха! ха! ха! право, она!

И оба с князем, указывая на Ивана Савича, хохотали и кричали: она! она!

- Да, в самом деле! - сказал князь, - ну, ты, граф, не будешь теперь так повесничать перед ее подобием.

- Жизнь коротка! надо жуировать! - неистово закричал Иван Савич в кофте и в юбке.

Никто ничего не понимал, и постороннему нельзя бы было разобрать ничего. Все хохотали, глядя друг на друга.

На другой день было прекрасное осеннее утро. Иван Савич проснулся, хотел открыть глаза и не мог. Голова была налита как будто свинцом. Наконец мало-помалу он поднял веки... Пробыло двенадцать часов. Иван Савич тихонько встал, подошел к зеркалу - и отскочил: на нем кофта, ночной чепец...

- Ого! как кутнули! - сказал он. - С нашими так никогда не удавалось; этакой рожи у меня еще не бывало!!.

Он покачал головой.

- Что скажут наши? Лучше не говорить им... Он провел рукой по волосам, надел свой фрак и пошел...

Идучи по лестнице, он встретил какую-то женщину под вуалью. Она с девкой шла вверх. Девка сказала барыне какое-то замечание на его счет...

- Кто это? - спросила барыня.

- А жилец, что под нами живет, - отвечала девка. - На них и праздника нет. У баронессы, слышь, целую ночь такой пир был...

- Под праздник-то!

В это время дверь захлопнулась.

- Авдей! - сказал Иван Савич, - дай мне рюмку ликеру да разбуди меня к обеду.

- Ликёры нет, вся вышла! - отвечал Авдей.

- Как вышел! еще третьего дня там оставалось.

- Вы выкушали последнюю рюмку.

- Когда?

- В последний раз.

- Смотри: уж не ты ли, друг?

- Стану я этукую дрянь пить! - сказал Авдей и плюнул. - Я еще отроду никакого вина не пивал.

- Кто это над нами живет? - спросил Иван Савич.

- Не могу знать!

- Узнай!

Иван Савич долго не являлся к баронессе. Наконец через неделю он отправился к ней. Там он застал ее сестру и Жозефину.

- А! сосед! - сказала баронесса, - что это вас так давно не видать? Я хотела посылать за вами...

- Я, баронесса, теперь в нужде, - перебил ее Иван Савич, - и пришел просить вас: не возвратите ли вы мне мои деньги?..

- Деньги?..

Она с изумлением посмотрела на него.

- Да, две тысячи рублей, что вы у меня заняли.

- Я заняла! Опомнитесь! неужели вы еще не протрезвились? Напротив, я хотела спросить вас, скоро ли вы мне отдадите семьсот рублей за лошадь?

Иван Савич остолбенел.

- За лошадь? - повторил он.

- Да, за лошадь.

- Я не шучу, баронесса! - сказал он.

- И я нет, - отвечала она.

Он посмотрел на нее серьезно, она на него тоже. Он пошел вон. Сзади его раздался дружный предательский хохот трех красавиц.

- Неблагодарный! каков! - послышалось вслед за тем.

Иван Савич хлопнул дверью и пошел к себе.

- Не поискать ли нам другой квартиры, Авдей? - спросил он.

Авдей перепугался.

- Помилуйте, сударь! - воскликнул он, - еще полугода нет, как здесь живем. Где сыщешь такую квартиру? Удобство всякое: и сарай особый, и ледничек от хозяина дают, и соседи хорошие, а уж соседки - и говорить нечего...

- Да... нечего и говорить!.. - повторил, пожимаясь, Иван Савич.

Через несколько дней он опять на лестнице встретил ту же женщину под вуалью.

- Кто это там вверху живет? узнал ли ты? - спросил он Авдея.

- Барышня живет какая-то. Такая смиренная, словно никого нет: ни стукнет, ни брякнет.

- Так она барышня? Узнай хорошенько, кто она.

Авдей узнал и сказал, что барышня живет с девушкой и с кухаркой, тихо, скромно, что ее не слышать, что в гостях у ней бывают все женщины и т. п.

- Как бы побывать у нее?

- Не могу знать.

- Не могу знать! Это немудрено. А ты моги... Послушай-ка! не пахнет ли здесь как будто дымом?

- Нет-с! - сказал Авдей, поворачивая нос во все стороны, - не пахнет.

- Ну как не пахнет? слышишь?

- Нет-с, не слышу - не пахнет.

- Наладил одно: не пахнет! Если я говорю пахнет, так, стало быть, пахнет.

- Не пахнет... - сказал Авдей, нюхнув еще.

- Да именно пахнет: это, должно быть, сверху прошло! Узнай-ка поди. Долго ли до пожара? Да нет, стой! я сам узнаю.

Он отправился вверх.

- Ну, пошел! - ворчал Авдей, - уродится же этакой!..

И махнул рукой.

Иван Савич вошел в переднюю верхней жилицы. Там никого не было. Налево был маленький коридор, который вел, по-видимому, в кухню. Иван Савич остановился. Оттуда раздавался довольно приятный голосок.

- Не надо мне петуха! - говорил голосок. - Зачем ты петуха купила? Я тебе велела курицу купить; а это, видишь, петух! всё по-своему делаешь!

- Да мужик-то знакомый, матушка, - отвечал другой голос, - наш ярославский. Пристал: купи да купи; петушок, говорит, славный.

- Не хочу я петуха: петухи жестки!

- И нет, матушка, этот еще молоденький, словно цыпленочек.

Иван Савич решил проникнуть дальше. Появление его произвело значительный эффект.

- Ах! - закричала барышня, закутываясь одной рукой в большой желтый платок, а другой держа петуха. - Что вам угодно? кто вы таковы?

- Я-с... мое почтение... я живу здесь под вами...

- Что ж вы, милостивый государь, ходите по чужим квартирам? - начала она, пряча под платок руку с петухом. - Вы думаете, что я беззащитная девушка, без покровителя, что меня можно всякому обидеть? Извините, вы ошибаетесь! Позвольте вам сказать: у меня есть кому вступить, и я не позволю... За кого вы меня принимаете? с какими намерениями?

Иван Савич перепугался. Он забыл, зачем пришел.

- Извините-с... - начал он, -я... только пришел спросить... вот извольте видеть... мне... того-с...

- Что того-с? На, Устинья, курицу... Что ж ты не возьмешь?

- Ведь это петушок-с? - робко спросил Иван Савич.

- А вам что за дело? вы почему знаете?

- Я слышал от человека, что ваша кухарка ошибкой купила петушка... не угодно ли поменяться на курочку?

- Какая дерзость! - воскликнула барышня, пожимая плечами, - Боже мой! до чего я дожила за мои грехи! За что Ты меня так караешь? Как вы осмеливаетесь говорить мне такие речи? Вы пришли обижать меня? Что ж это такое...

Она начала плакать.

- Позвольте, сударыня, - сказала кухарка, - они за делом пришли: может, у них в самом деле куплена курица, - вот бы и поменялись! А почему изволили платить?

- Нет-с... позвольте... я объясню вам настоящую причину, - сказал Иван Савич. - Я пришел спросить... У меня, извольте видеть, вдруг запахло дымом... Так столбом и ходит по комнатам. Я думал, не от вас ли...

Барышня и кухарка подняли носы кверху и стали нюхать во все стороны. С ними для компании нюхал и Иван Савич.

- В самом деле пахнет! - сказала встревоженная барышня, - уж не пожар ли? поди-ка сбегай к верхним жильцам.

- Ах, мои матушки! так глаза и ест! Чего доброго: долго ли до греха? - сказала Устинья и побежала.

- Постой, постой! Что ж ты нас оставляешь одних? - закричала барышня в испуге. - Что скажут? Ах, Боже мой! Уйдите!..

- И, матушка! ничего! барин хороший, - сказала Устинья и ушла.

- Помилуйте... - начал Иван Савич.

Он не знал, что сказать, и стал застегивать сюртук; а она перебирала бахрому своего платка.

- Давно здесь изволите жить? - спросил он потом.

- Давно. Я еще с покойным папенькой жила здесь. Слава Богу! про нас никто не может недоброго слова сказать. Вот сегодня в первый раз незнакомый мужчина пришел без позволения...

- Если б я знал, каким образом достигнуть этого драгоценного позволения, - начал Иван Савич, смиренно опустив глаза в землю, - я бы ничего не пощадил...

- Я никого почти у себя не принимаю, - сухо сказала она, - кроме сестры с мужем, крестного и его племянников...

- О, я уверен!.. Я пришел единственно насчет дыму... Но, признаюсь, поговоривши с вами несколько минут... невольно хочешь видеть вас чаще... - У вас и без меня есть знакомство... я видела однажды, как вы вышли от баронессы, - сказала она колко и с достоинством.

- Баронесса! О! - с жаром начал Иван Савич, - я давно с ней не знаком. Если б вы знали, как я был обманут наружным блеском...

Он стал ей рассказывать, что с ним случилось. Она презрительно качала головой. Когда он хотел описывать пир, она замахала рукой.

- Ради Бога, перестаньте! перестаньте! - закричала она, обидевшись, - что вы? Помните, с кем говорите! За кого вы меня принимаете? Я вас не понимаю...

Иван Савич замолчал.

- Так две тысячи рублей и пропали? - спросила она потом с любопытством.

- Пропали-с.

- И еще семьсот рублей?

- Да-с... нет-с, пятьсот рублей только: ведь я лошадь продал за двести рублей.

- Какая жалость! Какая мерзавка! - сказала она, - как терпят таких тварей? И вот необходимость принуждает и честную девушку жить под одной кровлей с такой бесстыдницей!

Она концом платка отерла глаза.

- Так вы больше с ней не знакомы?

- Нет-с. Да если б и был еще знаком, то довольно услышать от вас одно слово, чтоб прекратить...

- Благодарю вас за комплименты, - перебила барышня сухо, - только я их никогда не слушаю. Стало быть, у вас большое жалованье, - спросила она, помолчав, - что вы можете по две тысячи рублей бросать?

- Жалованье? У меня нет жалованья-с.

- Как нет?

- Так-с. Мне не дают.

- Не дают! Как же смеют не давать?

- Так-с. Я не получаю.

- Стало быть, сами не хотите?

- Нет-с, я бы, пожалуй... да не положено...

- Для чего же вы служите?

- Из чести-с.

- Чем же вы живете?

- Своим доходом, - сказал он.

- А! у вас есть свои доходы! - примолвила она. - Как это приятно!

Тут Устинья пришла сверху и сказала, что дыму нигде не оказалось.

Иван Савич стал раскланиваться.

- Извините, что потревожил вас... - сказал он. - Если б я имел надежду на позволение видеть иногда вас... я бы почел себя счастливым...

- Это позволение зависит от моего крестного папеньки, - сказала она, - если им угодно будет позволить принимать вас по четвергам, когда у меня собираются родные, тогда они дадут вам знать; а без того я не могу... И притом вы должны обещать, что никогда, ни словом, ни нескромным взглядом, не нарушите приличий... Обо мне, слава Богу, никто не может дурного слова сказать...

- О, клянусь! - сказал Иван Савич и ушел.

- Авдей! ведь верхняя-то жилица недурна, - сказал он, воротясь к себе, - только немного толстовата или не то что толстовата, а у ней, должно быть, кость широка! Не первой молодости. Как ты думаешь?

- Не могу знать!

- А какая неприступная! просто медведь.

Прошла неделя. От крестного папеньки не приходило никакого известия. Ивана Савича так и подмывало увидеться с жилицей. Но как?

- Как бы это сделать, Авдей? - спросил он.

- Не могу знать... Да позвольте, сударь, - сказал он, желая угодить барину, - никак дымом пахнет... - И нюхнул.

- Э! стара штука! ты выдумай что-нибудь поновее. А! я выдумал. Постой-ка, я пойду, - сказал Иван Савич и отправился вверх.

Он тихонько отворил дверь.

- Кто там? - слышалось из комнаты.

Он молчал.

- Кто там? - раздалось громче.

- Это я-с, - сказал он тихо.

- Да кто я-с? разносчик, что ли? Ах! не нищий ли уж?

В зале слышалось движение, и барышня выбежала в переднюю.

- Ах, это опять вы? - сказала она.

- Я самый-с.

Она была уже не в утреннем капоте и не в папильотках, как в первый раз, а в черном шелковом платье, со взбитыми локонами. В одной руке держала не петуха, а маленькую собачку, в другой - книжку. Собачонка так и заливалась-лаяла на Ивана Савича.

- Что вам угодно? - сказала она. - Помилуйте! Молчи, Жужу! Как вы со мной поступаете? За кого вы принимаете меня? Молчи же: ты выговорить слова не дашь!

Этого еще не бывало, чтобы чужой мужчина осмелился... в другой раз... а? На что это похоже? С этой собачонкой из терпенья выйдешь. Средства нет никакого!

Она пустила ее в комнату.

- Я только пришел спросить... - начал Иван Савич.

- Что спросить? Помилуйте! со мной никто так не поступал...

- Я только хотел узнать, не колете ли вы здесь дрова...

- Я колю дрова! а! каково это? Вы хотите обижать меня, бедную девушку: думаете, что меня некому защитить. Я крестному папеньке скажу. Он коллежский советник: он защитит меня! Я колю дрова!..

- То есть не колют ли у вас? - перебил Иван Савич, - у меня раздается так, что стены трясутся; того и гляди, штукатурка отвалится... задавит...

- Мне дрова рубит дворник в сарае, - отвечала она. - Я плачу ему два рубля в месяц - вот что. А это, верно, у соседей...

- Ах, так виноват! - сказал Иван Савич, раскланиваясь, и остановился. - Позвольте спросить, что это за книжечка? - спросил он нежно.

- Это "Поучительные размышления"... Мне папенька крестный на прошлой неделе в именины подарил.

- А какой святой праздновали на прошедшей неделе, позвольте спросить?

- Прасковьи, двадцать восьмого октября. Меня ведь зовут Прасковьей Михайловной.

- Вот вы нравоучительные книги изволите читать, Прасковья Михайловна, а я так всё философические...

- Уж хороши эти философические книги! я знаю! Мне крестный сказывал, что философы в Бога не веруют. Вот пусти вас к себе: вон вы что читаете!

И она отступила.

Иван Савич сделал шаг вперед. Она отступила еще. Он за нею – и очутился в комнате.

- Наконец я у вас... - сказал он торжественно, - ужели это правда?.. я как будто во сне...

- Ах! - сказала она, - вы уж и вошли! Каковы мужчины! Вы, вероятно, думаете, что я рада, что хотела этого? Не воображайте!

- Помилуйте... осмелюсь ли я? Я только умоляю: не лишите меня счастья...

- Как это можно! Ах, Господи! - начала она, садясь на диван. – Что скажут? про меня никто никогда не слыхал дурного слова, а тут этакой срам: чужой мужчина в другой раз...

- Скажут-с... что я приходил узнать насчет дров: ведь всякий дорожит своим спокойствием... согласитесь сами, Прасковья Михайловна... - убедительно прибавил Иван Савич и сел.

- Оно, конечно... - начала она, - позвольте узнать, как вас по имени и отчеству? Ах! да уж вы и сели?

- Меня зовут Иван Савич, - сказал он.

- Оно, конечно... Иван Савич. Но посудите сами: ведь я девушка, мне двадцать второй год, я дочь честных родителей, живу одна, и обо мне никто дурного слова не слыхал. Что могут подумать?..

- Так-с, так-с! Боже меня сохрани спорить... но я человек смирный, живу тоже один... Почему ж мне, как соседу, не позволить иногда прийти время разделить. Особенно же теперь наступает зима... вечера длинные...

- Неужели вы думаете, - сказала она, - что я позволю вам сидеть у себя по вечерам одним? Вы ошибаетесь!.. За кого вы меня принимаете? Другое дело по четвергам, если крестный позволит.

- Что же вам по вечерам делать одним? Всё читать да читать - надоест. Разве вы бываете в театре?

- Очень редко: на масленице крестный берет ложу, если пьеса, знаете, такая, где нет ничего... Ведь нынче женщине и в театр, не знавши, нельзя пойти... Бог знает что представляют...

- Да-с, - перебил Иван Савич, - это правда: вот я был в тот вечер, как мы кутили у баронессы...

- Ах! вы мне опять про этот гадкий вечер, опять про баронессу: я и знать и слышать не хочу... увольте...

- Виноват-с: я хотел сказать, какую ужасную пьесу давали: поверите ли? я едва высидел.

- Вы не высидели! - сказала Прасковья Михайловна, - можно вам поверить!

- Уверяю вас! Вы не знаете меня. Я краснею от всякого нескромного слова... Так в этой пьесе, говорю, один объясняется в любви...

- Ах, Боже мой! - закричала Прасковья Михайловна, вскочив с дивана, - что вы, что вы? Опомнитесь! кому вы говорите?.. Что это за ужась такая! Вот пусти вас... все мужчины одинаковы. Вы думаете, что я живу одна, так меня можно обижать?..

"У! какая добродетель! - подумал Иван Савич, - вот бы счастье понравиться этакой!.."

- Помилуйте! - сказал он, - я? обижать? О, вы меня не знаете: обидеть женщину не только делом, даже нескромным словом так низко, так гнусно... что я слова не найду: вот мои правила! Поверьте, мне всегда возмущает душу, когда я слышу, что какой-нибудь развратный человек...

- Ах, Боже мой, что вы? опять! - закричала Прасковья Михайловна, зажимая уши, так, однако, что оставила маленькую лазейку.

- Я хочу сказать, - торопливо прибавил Иван Савич, - когда развратный человек воспользуется слабостью неопытной девушки! Вот мои правила!

- Замолчите! замолчите! о чем вы мне говорите? я и слышать не хочу о ваших правилах. Вспомните, что я девушка: я не должна понимать и не понимаю ваших слов.

- Но согласитесь, Прасковья Михайловна, - начал Иван Савич тоном убеждения, - что если девушка не хочет слышать, какого рода опасность

угрожает ее добродетели, то ведь она легко может...

- Ах, какой ужас вы говорите! Девушка не может подвергнуться опасности, когда не хочет даже слышать о ней... а не то чтобы...

- Что-с: не то чтобы?..

- Ну, то есть... ах, да вот и крестный! Здравствуйте, крестный!

В комнату вошел дородный человек лет пятидесяти, седой, с анненским крестом на шее.

- А, да у тебя гости? - сказал он и боком поклонился Ивану Савичу, поглядывая на него исподлобья.

- Это сосед, что подо мной живет, - отвечала Прасковья Михайловна.

- Ась?

- Сосед, Иван Савич, пришел узнать, не колют ли здесь дрова: он желает познакомиться со мной. Я без вас не смела, крестный. Кажется, хороший человек! - шепнула она.

- Где изволите служить? - спросил крестный.

Иван Савич сначала замялся, наконец пробормотал название своего департамента.

- А! - сказал чиновник, - у вас начальник отличный человек! Умная голова! и барин, настоящий барин! Вот бы послужить при этакое! Да позвольте-ка: никак вчера... нет, третьего дня... или вчера?.. что это я забыл! Да, точно вчера: от вас получено к нам отношение. Кто это писал его у вас? Ну, пройдоха, нечего сказать: этакой крючок загнул! Вот, изволите видеть: по нашему ведомству один чиновник попал под суд. Он прежде служил у вас и там был под следствием. В аттестате-то глухо насчет этого

сказано. Вот мы и обратились к вам с просьбою о доставлении ближайших сведений по сему делу. Ну и получили же от вас бумагу! Ах ты, Господи! есть же ведь люди - как пишут! Написан лист кругом, а точнейших сведений нет никаких. Я нарочно списал себе эту бумагу...фу-ты, как славно написана! Дай-ка, Параша, водочки. Не прикажете ли?

- Нет-с, покорно благодарю.

- Ась?

- Покорно благодарю. Я не пью, - сказал Иван Савич.

- А кто у вас начальник отделения? - спросил чиновник.

- Стуколкин, - отвечал Иван Савич.

- Матвей Лукич! - с удивлением подхватил крестный, - ба-ба-ба! Да неужели уж он начальник отделения? Давно ли? Скажите, ради Бога! Как судьба-то иной раз... Ну что это такое! Вообрази, Параша: Матвей Лукич, два года тому назад, был у нас столоначальником, и еще не из самых бойких, а так себе! а теперь, а? Да, душенька, я забыл сказать... Петр Прокофьевич звал нас с тобой завтра на вечеринку. Там потанцуют; а у нас добрый вистик составлен: три начальника отделений, только я один чиновник особых поручений попался! А в четверг они у нас.

- Ах, крестный, как это весело, как весело! - заговорила, припрыгивая, с детскою радостью Прасковья Михайловна, что было ей немного не под лета. Но ей хотелось покочетничать перед Иваном Савичем.

- Вот и вы, милостивый государь, пожаловали бы к нам в четверг, - сказал он, обращаясь к Ивану Савичу, - если вам не скучно будет.

- Помилуйте! скучно! можно ли?.. за счастье почту...

- Ась?

- Непременно, мол, воспользуюсь... - сказал Иван Савич, раскланиваясь и уходя.

- Авдей! кажется, я пожуирую... - говорил он, возвратясь домой.

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

- Только это, брат, совсем не то... тут будет что-то чистое, возвышенное, так сказать, любовь лаконическая...

- Э! ну вас тут, раздуло бы горой... - ворчал про себя Авдей.

- Как же ты с знатной барыней кончил? - спросил Вася, когда Иван Савич рассказал ему о новой соседке.

- Что, братец, знатные барыни! Это утомило меня. Вечно приличия, этикет, знаешь, всегда навтыяжку... Графы да князья... большой свет... не хочу! Бог с ними! я люблю свободу... так и отстал.

- Напрасно! - сказал Вася, - ты бы мог познакомить меня; там бы ты много выиграл... Эх, не умел: как же и выходят в люди?.. Э-э!

- Конечно! - сказал Иван Савич, - оно бы можно было: у ней иногда бывают из дипломатического корпуса. Вот в последний раз я ужинал вместе с секретарем посольства... что за здоровяк такой! вот жуир-то! звал в Париж.

В четверг, в восемь часов вечера, Иван Савич явился к соседке. Там всё имело вид торжественного собрания. Стеариновые свечи, не зажигаемые по другим дням и скромно стоящие на столике у зеркала, разливали яркий свет по комнате. Чехлы с дивана и четырех кресел были сняты. В гостиной, на столике, горела крашенная жестяная лампа и стояли две тарелки с вареньем. Там был диван, обитый зеленым полумериносом, и двое таких же кресел. Наружный вид их манил к спокойствию и неге. Казалось, как опустишься, так утонешь там и не встанешь. Кто быстро опускался на диван с этою мыслию, тот вскакивал еще быстрее, думая, что он сел на камень: так хорошо сделаны были пружины, которые торговцы Апраксина двора величают аглицкими. В гостиной могло поместиться счетом пять человек, ни больше ни меньше. Далее была еще комната... Потом ширмы, а из-за них выглядывал уголок белой как снег подушки: то было девственное ложе Прасковьи Михайловны. Она смело могла бы надписать девизом:

К моей постели одинокой
Не крался в темноте ночной...

В зале крестный папенька Прасковьи Михайловны играл в одном углу в вист с мужем сестры хозяйки и еще двумя чиновниками, которые были с ним очень почтительны. В другом углу девушка разливала чай. Дамское общество было в гостиной. На диване сидела старшая сестра Прасковьи Михайловны, женщина высокого роста, прямая, как вежа, потом хозяйка и еще две какие-то девицы. Около них любезничали два племянника крестного папеньки – один студент, другой юнкер. Дамы сидели, мужчины стояли, потому что негде было сесть. Играли в фанты.

- Вы, конечно, с нами останетесь, с молодыми людьми? - сказала Прасковья Михайловна Ивану Савичу с детской резвостью, - что вам там делать со стариками? Не прикажете ли варенья? Молчи, Жужу! ах, скверная собачонка! Вы погладите ее только один раз, а там уж она привыкнет к вам. Вот так.

- Ах! да она кусается! - сказал Иван Савич, отдернув руку.

- Нет-с, никогда.

- Помилуйте! вот, посмотрите, до крови.

- Ах ты дрянь! вот я тебе уже розгу дам! - сказала Прасковья Михайловна. - Не угодно ли с нами в фанты? Вы будете, хоть... что бы? Мы играем в туалет - все вещи разобраны... ну, будьте гребень.

- Да это я взяла! - пропищала одна маленькая девочка.

- Ты, ma chere, гребеночка, а они будут частый гребень. Так вы частый гребень.

- Очень хорошо-с, - сказал Иван Савич.

Принесли еще два стула, поставили у дверей и стали играть. При словах: барыня спрашивает весь туалет, все бросились менять места. Ивану Савичу не раз доставалось бросаться со всего размаху на диван с камнем внутри. Он быстро вскакивал, а другой или другая, зная хорошо это седалище, проворно, но осторожно садились на его место, а он оставался.

Иван Савич познакомился со всеми. Чиновникам он рассказал про свой образ жизни, и те немало завидовали ему.

- Утром я встаю в десятом часу, - говорил он хвастливо, - иногда хожу в должность, иногда нет, как случится... потом-с часа в три иду гулять на Невский проспект. Там, знаете, весь beau monde 10} гуляет тогда, встречаешь множество знакомых, с тем слово, с другим два. Зайдешь к Беранже иностранные газеты прочитать: об испанских делах, о французском министерстве... Так время неприметно и пройдет до обеда.

- А позвольте спросить, кто теперь министром у французов? – спросил крестный.

"Министром? А черт его знает!" - подумал Иван Савич. - Теперь-с... - начал он и остановился.

- Ась? - спросил крестный.

- Теперь... министерство распущено, - вдруг сказал Иван Савич, как будто по вдохновению, - никого нет.

- Стало быть, товарищи управляют, - примолвил тот.

- Там ведь одно министерство, - сказал Иван Савич. - Как, неужели? И один министр?

- Нет-с, много.

- Много! какая диковинка...

И пошли толки о том, как это должно быть неудобно.

- Потом, - продолжал Иван Савич, - иду обедать к Леграну или к Дюме. Тут соберутся приятели, покутим, вечер в театре: так и жуируем жизнью...

- Вот живут-то! э! - сказал с завистью один чиновник, - пожил бы так! а то в восемь часов иди в должность да и корпи до пяти! Заживо умрешь.

- Что должность: сухая материя! - примолвил Иван Савич. – Жизнь коротка, сказал один философ: надо жуировать ею.

Иван Савич признан был всем обществом за любезного, фешенебельного и вообще достойного молодого человека. Крестный особенно был ласков с ним.

Иван Савич благодарил его за дозволение бывать у его крестницы по четвергам.

- Сам я не надеялся получить это позволение, - начал Иван Савич, - Прасковья Михайловна так боязливы...

- Ась?

- Прасковья Михайловна так боязливы...

- Оно не то что боязлива, извольте видеть... - отвечал крестный, - а того... получила от отца фундаментальное воспитание. Мать была, правда, баловница, - не тем будь помянута, - да умерла рано; а покойник-то отец, мой сослуживец, уж коллежский советник, - вот он был строг, не любил баловать. Он ее и приучил к аккуратности и воздержанию. Не будь его, смоталась бы, чисто смоталась бы девка. Да он, - царство ему небесное, - был с правилами человек и ей внушил. А то она...

- Что такое? - спросил Иван Савич.

После этого вечера Иван Савич решил прийти и не в четверг. Его встретили градом упреков и в то же время сняли со стула шаль и ридикюль, чтобы очистить ему место. Он повторял эти визиты в неделю раз, потом чаще и чаще. Прием всегда был одинаковый. Наконец однажды он решил приступить к объяснению. Был зимний вечер. Всё было тихо кругом. Кухарка спала у себя в кухне. Горничная ушла к соседям в гости. Сама Прасковья Михайловна сидела на диване и шила в пальцах. Иван Савич сначала сидел напротив ее, потом у него в голове мелькнули какие-то соображения, и он сел рядом с ней на диване, так что ему был виден затылок и вся спина соседки. Он открыл, что косыночка не доходила вплоть до платья и часть плеча оставалась обнаженной. Он уж был откровенен с Прасковьей Михайловной, говорил ей о дружбе, о любви, - не к ней, а вообще. Она сначала зажимала уши, кричала, потом не зажимала ушей и не кричала, но зато ничего не отвечала, так что Ивана Савича брало зло. Он решил заговорить о любви к ней. Для этого-то он и пересел рядом, чтобы, в случае неблагоприятного приема своих объяснений, избежать грозных взоров оскорбленной добродетели.

- Прасковья Михайловна! - сказал он.

- Чего изволите?

- Вы... бывали влюблены?

- Что вы это? опомнитесь: ведь я девушка.

- Так что же? разве девушки не влюбляются?

- Не должны! - сказала она строго, - пока ни за кого не помолвлены.

А сама так и сновала иглой, то вверх, то вниз.

- Да ведь любовь иногда не ждет помолвки.

- Об этом и думать не должно! - сказала она.

- Ну да неужели вам никто не нравился?

Молчание.

- Прасковья Михайловна!

- Чего изволите?

- Неужели вы не любили никогда?

Молчание.

"Экая дубина! - подумал Иван Савич, - хоть бы что-нибудь... хотя бы плюнула. Брякнуть ей о писаре разве? да нет, подожду, еще что будет".

- А я думал... - начал он, - я надеялся, что, может быть... я удостоюсь... что постоянная моя внимательность будет награждена...

- Что это сегодня как будто на вас нашло? - сказала она. - Бог знает что вы говорите! Не пора ли вам домой? десятый час.

- Зачем мне домой! что я там стану делать?

- Заниматься науками.

- Нет-с, я не уйду, пока не выскажу... всего... я... вы... мы... знаете, Прасковья Михайловна, любовь двух душ есть такая симпатия... это, так сказать, жизненный бальзам. Почему бы? скажите, - о, скажите хоть одно слово!

Она молчала.

"Ну видано ли это такое дерево?" - думал он. - Вы камень, вы лед... почему бы вам не разделить с человеком счастья? почему не пожуировать? Жизнь коротка, сказал один философ...

- Ах, что вы? - вскричала она, закрыв лицо руками. - Боже мой! если б увидели...

- О, разделите это чувство, несравненная Прасковья Михайловна! - кричал Иван Савич, - которое бушует в моей груди... вы не знаете, как я страдаю... одна мысль быть подле вас, жить вечно с вами приводит меня... О! вы не понимаете...

- Не говорите, не говорите! - кричала она, зажимая уши. - Боже мой! что вы, что вы? Вечером, я одна... Что подумают?

- Но скажите одно слово, одно, дайте ответ! - говорил Иван Савич, - и я готов ждать хоть до утра...

- Я! ответ! чтоб я теперь дала ответ! Вы не щадите моей скромности! Боже мой! Теперь, вечером, с такими объяснениями... Ответ! Нет, нет, лучше подождите хоть до завтра. Или нет, в среду утром, в двенадцать часов, вы получите ответ...

Иван Савич пришел в восторг.

- Несравненная Прасковья Михайловна! - сказал он, - как благодарить вас?.. о! счастье! Вот что значит жуировать жизнью! Это истинное, высокое, так сказать, сладостное...

Он не вытерпел и поцеловал ее руку.

- Ах! - воскликнула Прасковья Михайловна, и иголка выпала из ее рук. - Что вы сделали? Вы, вы опозорили меня... Как! так рано, прежде моего ответа! Это ужасно! Приходите в среду, я вас жду, а теперь уйдите, уйдите!

Она убежала в спальню и заперлась.

"В среду так в среду, - подумал Иван Савич. - Да что ж она испугалась так? не всё ли равно, что сегодня, что через три дня..."

На третий день после того Авдей доложил Ивану Савичу, когда этот воротился из должности, что дворник зачем-то пришел.

- Что ты, любезный? - спросил Иван Савич, вышедши в переднюю.

Дворник глупо улыбался, кланялся, держа обеими руками шапку, но ничего не говорил.

- Что тебе надо?

- Проздравить вашу милость пришел.

- С чем? - спросил с удивлением Иван Савич.

Дворник опять начал кланяться, улыбаться.

- Авдей! с чем это он меня поздравляет?

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

- С добрым делом: с скорым вступлением в законный брак, батюшка!

- Что-о?

- В законный брак...

- Как? с кем? что ты? с ума, что ли, сошел?

- Никак нет, батюшка. Слышь, с верхней нашей жиличкой, Прасковьей Михайловной...

- Как!

Иван Савич остолбенел.

- Кто ж тебе сказывал? - спросил он.

- Соседка Прасковьи Михайловны давеча встретила меня. "Что, говорит, у вас скоро свадьба?" - да и рассказала... слышь, завтра помолвка будет... Еще приказчик от меховщика, что напротив нас, сказывал: вишь, сегодня сама Прасковья Михайловна была там. Они давно торговали у них мех, да всё не решались, а тут, слышь, сама сказала,

что не завтра, так послезавтра возьмет: к свадьбе, говорит, надо, чтоб поспело; мясоеду немного остается. А давеча и сама кухарка говорила, что к завтраму кулебяку пекут: слышь, утром помолвка... Да что греха таить! приходил какой-то барин с крестом, спрашивал: и как вы живете и всё этакое...

Дворник поклонился и опять стал улыбаться.

- Чай, квартирку-то другую возьмете? - примолвил он. - У нас скоро очистится вон там; выгоняем жильца: в срок не платит; славно бы...

- Стой! стой! - закричал Иван Савич и, взяв дворника за плечи, оборотил спиной и вытолкнул вон.

Потом обратился к Авдею:

- А! что ты скажешь, Авдей?

- Не могу знать!

- Только и слышишь от тебя: не могу знать! Сделай милость, моги хоть раз: ну?

- Не могу... - начал Авдей.

Иван Савич и его, точно так же как дворника, вытолкнул вон. Он долго ходил по комнатам взад и вперед и по временам к чему-то прислушивался.

- Да, да, точно, - ворчал он, - наверху скребут пол, чистят - так! дворник не соврал! Да и вон кухарка пронесла огромную чашку муки, множество яиц: кулебяка будет! Вон и сама Прасковья Михайловна; о коварная змея! С девкой идет. Девка несет кулек: оттуда торчит телячья нога, зелень. Сама несет узел с чем-то... провизии множество... Кому это всё съесть? Ясно, что пир будет. А! так вот она что затевает! Она ошиблась... она думала, что я сделал ей предложение... жениться! То-то она и отложила до послезавтра.

Какова! о змея, змея! на-ка поди, что выдумала!

Иван Савич терялся в этих мыслях и час от часу всё более тревожился.

- Что делать? как быть? как же объяснить ей? Ох, неловко: Господи, помоги!

Он бил себя кулаком по лбу, метался во все углы, как бы отвратить бурю. Он уже принял два содовых порошка - не помогло! выпил две рюмки мараскину - легче стало. Выпил еще рюмку - и вдруг лицо его прояснело.

- Авдей! Авдей! - закричал он, - поди, поди сюда... Знаешь что?

- Не могу знать!

- Фу-ты, Боже мой! да как ты не догадался, что надо делать? неужели не догадываешься?

- Не могу... - начал Авдей.

Иван Савич махнул рукой.

- Слушай! - сказал он. - Так отказаться неловко. Понимаешь? Пойти да объясниться, что я, дескать, не о женитьбе говорил, а так только... не годится. Спросят, что же я предлагал? как я скажу? Выйдет история... И тут она захныкала, что я опозорил ее: поцеловал руку. Великая важность! Так мы, знаешь что? неужели не догадался?

- Не могу знать!

- Мы съедем на другую квартиру.

Авдей встрепенулся.

- Помилуйте, - начал он, - Господи, Создатель! этакую квартиру оставлять! удобство всякое: и сарай особый, и ледничек от хозяина дают. Воля ваша: пожалуйста мне расчет...

- А! тебе хочется, чтоб я в историю попал! лень постараться вывести из беды!

- Помилуйте...

- Нет тебе денег, пока не отыщешь квартиры.

- Да где ее найдешь?

- Где хочешь. Видишь, житья нет: притесняют. Ищи! завтра же утром чтоб нас не было здесь. И подальше, в другой конец, в Коломну.

- Да хоть денька три подождите.

- Денька три! чтоб нас насильно женили! Слышишь, мех покупают, кулебяку пекут, долбня ты этакая! Съедем, пока не куплен мех, а купят, тогда не отвяжемся... Да постой: мне Бурмин говорил, что у них в доме есть квартира; сходи сейчас же, и, если не занята, завтра же утром и переезжать.

- Знаю, сударь, я эту квартиру: ледника-то нет...

Иван Савич махнул рукой и пошел прочь.

Утром Авдей доложил, что та квартира не занята. Иван Савич опять велел ему переезжать, а сам уехал, сказавши, что он будет к вечеру прямо на новую квартиру. На крыльце он столкнулся с крестным папенькой. Крестный был в белом галстуке, в белом жилете... Он остановил Ивана Савича.

- Крестница сообщила мне радостное известие о вашем предложении и просила моего посредства, - сказал он. - Сегодня она повестила родных: вас ожидают. Священник благословит. Я искренно рад: по собрании ближайших сведений о вас, они оказываются удовлетворительными, и я, не находя никакого с своей стороны препятствия, честь имею... поздравить... а она... будет послушной женой. Отец ей не оставил богатства, но дал, что называется, фундаментальное воспитание и внушил правила...

- Извините... - сказал Иван Савич.

- Ась?

- Извините... я спешу...

- Известное дело: случай такой. Много хлопот... Мое почтение.

Иван Савич бежал без оглядки.

Опять Авдей нагрузил три воза и нагрузился сам вещами своего барина и побрел с лестницы. Вверху думали, что Иван Савич затевает перемену мебели в своей квартире, по случаю предстоящей свадьбы, и были покойны. Но когда Авдей понес с лестницы часы, подсвечники и прочее, там стали подозревать что-то недоброе.

Крестный папенька Прасковья Михайловны, сестра ее и все остальные гурьбой вышли на лестницу и окружили Авдея.

- Где же барин? - спрашивали они.

- Не могу знать! - отвечал Авдей.

- Скоро ли он воротится?

- Не могу знать!

- Будет ли к нам?

- Не могу знать!

- Будет ли на помолвку?

- Не могу знать!

- Женится ли он? слышно ли? говорил ли кому-нибудь?

- Не могу знать!

- Не для свадьбы ли он нанял новую квартиру?

- Не могу знать! не могу знать! не могу знать! - закричал Авдей, вырвался из круга вопрошателей и опрометью бросился со двора, отдав дворнику ключ.

Все остались на лестнице с разинутыми ртами, глядя ему вслед.

- Что же это такое? - сказала Прасковья Михайловна.

Когда дворник рассказал, как Иван Савич принял его поздравление, Прасковья Михайловна упала в обморок.

- Что теперь скажут про меня? - промолвила она, очнувшись. - Крестный, заступитесь за меня: я умру.

- А вот мы отношением обратимся к его начальству, - сказал негодующий крестный. - Да нет, - прибавил он потом горестно, - вывернутся, ей-богу, вывернутся: опять такую же бумагу напишут с крючком. Есть же там этакой! Он докажет про Ивана Савича, что такого лица и на свете нет. Это ему плевое дело. Ах, как пишет! Что же, батюшка! милости просим: не пропадать же кулебяке!

И они сели за стол.

- 1} "Герцогиня Шатору" (фр.)
- 2} - Граф сказал сейчас что-то смешное? не правда ли? (фр.)
- 3} тысячу извинений (фр.)
- 4} - Что он говорит? (фр.)
- 5} - Но здесь нет фортепьяно (фр.)
- 6} припев (фр.)
- 7} - Это мило (фр.)
- 8} ах! этот граф! (фр.)
- 9} - Что значит (фр.)
- 10} высший свет (фр.)

Сын отечества

«Сын отечества» — русский журнал XIX века; выходил в Санкт-Петербурге с 1812 года до 1852 года и оказал влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России. С тем же названием выходил журнал с 1856 года по 1861 год и газета с 1862 года по 1901 год.

Журнал Греча. «Сын отечества», 1815 год, обложка.

Журнал выходил еженедельно. Редактором-издателем был преподаватель словесности петербургской гимназии и секретарь цензурного комитета Н. И. Греч. Первоначально «Сын отечества» был журналом историческим и политическим, однако в нём помещались и художественные произведения, преимущественно стихотворные и главным образом на актуальные политические и военные темы. Новшеством были иллюстрации, в основном карикатуры. В 1814 появился постоянный литературный отдел, включивший художественные произведения, критику, библиографию.

В журнале печатались солдатские и народные песни, басни И. А. Крылов «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица», статьи А. П. Куницына, И. К. Кайданова. В начальный период в журнале принимали участие А. Ф. Воейков, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, Г. Р. Державин.

В 1816—1825 в «Сыне отечества» участвовали декабристы и близкие к ним по общественным и литературным взглядам авторы. В журнале помещались стихотворения В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, П. А. Плетнёва, М. В. Милонова, А. А. Бестужева, а также Ф. Н. Глинки, А. С. Пушкина, П. А. Катенина, В. К. Кюхельбекера, статьи П. А. Вяземского, А. С. Грибоедова, О. М. Сомова, К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, Н. И. Кутузова.

Опубликованной в 1815 в «Сыне отечества» статьёй «Обозрение русской литературы 1814 г.» Греч впервые ввёл в русской журналистике и литературной критике жанр годового обозрения; аналогичные обозрения впоследствии писали А. А. Бестужев, Н. А. Полевой, В. Г. Белинский и другие русские критики. Широкий резонанс имела полемика 1816 года между Гнедичем и Грибоедовым о творчестве Жуковского и национальной самобытности русской литературы, вызванная публикацией баллады Катенина «Ольга».

До 1825 журнал был одним из наиболее влиятельных и популярных русских журналов; тираж достигал 1200—1800 экземпляров.

К. П. Масальский публиковал в «Сыне отечества» свои собственные произведения различных жанров и переводы. Он привлёк к сотрудничеству в журнале В. Г.

Бенедиктова, В. И. Даля, Н. В. Кукольника, Е. Ф. Розена, П. Р. Фурмана, а также Иакинфа Бичурина, М. Н. Загоскина, Ф. Л. Морошкина, П. С. Савельева. А. Ф. Писемский поместил в «Сыне отечества» повесть «Нина». В журнале печатались переводы из Байрона, Дюма-отца, А. Карра, Ф. Купера, научно-популярные статьи Н. В. Шелгунова. В журнале были напечатаны отрывки о походах Сигизмунда III и Владислава IV в России из главного труда польского историка XVII века Станислава Кобежицкого „*Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis, ejus natales, infantiam, electionem usque ad excessum Sigismundi III*“ в переводе И. Боричевского.

Во второй половине 1844 года Масальский был вынужден прекратить издание журнала; издание было продолжено с 1847 года. Оставаясь лишь номинальным редактором, Масальский в 1849 году передал журнал барону Е. Ф. Розену, затем весной 1852 года — писателю и журналисту П. Р. Фурману. В конце того же 1852 года журнал был закрыт.

В 1856 «Сын отечества» был возобновлён А. В. Старчевским. Возобновлённый журнал выходил в Санкт-Петербурге в 1856—1861 как политический, научный и литературный еженедельник. Позже с 1862 Старчевский издавал и редактировал ежедневную политическую, литературную и политическую газету либерального направления с тем же названием. Газета, сменяя издателей и редакторов выходила до 1901 г.⁴⁷

Николай Греч. Къ Читателямъ Сына Отечества.

Получивъ первыя деньги подъ именемъ *бостонной подати*, для раздачи бѣднымъ, не могъ я вообразить, что подобныя взносы увеличатся до значительныхъ суммъ. Съ 16 Февраля по 1 Апрѣля получено мною до *тысячи шести сотъ* рублей сихъ денегъ. Часть оныхъ препровождена въ С. П.-б. женское патріотическое Общество, а остальныя употреблены на вспоможеніе истинно убогимъ, добрымъ и безпорочнымъ людямъ. Сія довѣренность почтенныхъ соотечественниковъ побуждала меня принять надлежащія мѣры къ успѣшнѣйшему и лучшему распоряженію суммами, которыя впредь будутъ ко мнѣ доставляемы. Сія мѣры состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Для записки денегъ, вступающихъ на вспоможеніе бѣднымъ заведена шнуровая книга за подписью и печатію Начальства С. П. б. учебнаго округа. {Въ вѣденіи котораго издается сей Журналь.} Въ ней означаются: время полученія денегъ, номеръ, подъ которымъ публика извѣщена о томъ чрезъ С. О., откуда и отъ кого именно онѣ присланы, сколько, на какое употребленіе и наконецъ собственноручная расписка получившаго оныя. Сія книга предъявляется *всякому*, кто пожелаетъ ее видѣть.

2) Присылающимъ таковыя деньги даются печатныя расписки въ полученіи. Иногородные благотворители также будутъ получать оныя, естли только благоволятъ увѣдомить о своемъ мѣстопробываніи и адресѣ.

3) Деньги, получаемыя на вспоможеніе нещастнымъ, будутъ всѣ сполна употребляемы для сей цѣли, безъ всякаго вычета за пересылку, печатаніе расписокъ, бумагъ и т. п. Сіи издержки съ удовольствіемъ принимаю на свой щеть.

47 http://www.taktfuld.ru/m/s/syin_otechestva_-_jurnal_starchevskogo

4) Деньги сіи (если при доставленіи не сказано *именно*, какъ должно употребить оныя) будутъ препровождены въ благотворительное С. П. б. женское патриотическое Общество или раздаваемы истинно бѣднымъ, больнымъ, дряхлымъ, пострадавшимъ отъ войны или другаго незаслуженнаго бѣдствія, и обремененнымъ семействами, людямъ честнаго и безпорочнаго поведенія. Въ удостовѣреніе сего, сверхъ личнаго осмотра, должны быть предъявляемы свидѣтельства священниковъ прихода, въ которомъ они живутъ и другихъ почтенныхъ и достовѣрныхъ особъ. Въ С. О. будетъ означено имя получившаго вспоможеніе по крайней мѣрѣ начальными буквами, и притомъ упоминаемо будетъ мѣсто его жительства, чтобъ всякъ имѣлъ средства удостовѣриться въ справедливости показаній. Въ упомянутой же книгѣ все будетъ изложено подробно.

5) О полученіи суммъ и употребленіи оныхъ будетъ публика извѣщаема еженедѣльно чрезъ С. О., а въ концѣ каждаго полугодія представляемо будетъ обзоръ всѣхъ благотвореній, совершенныхъ посредствомъ сего Журнала.

Представляя на благоусмотрѣніе почтенныхъ моихъ *вѣрителей* сіи правила, прошу я ихъ и впредь удостоивать меня своими лестными порученіями. Занятія мои при изданіи *Сына Отечества* довольно велики, но для того, чтобъ быть посредникомъ въ благотворительности согражданъ своихъ, всегда можно найти время. Это не трудъ, а сладчайшее отдохновеніе!

Начавъ въ 1812 году издавать сей Журналъ, былъ я увѣренъ, что неизвѣстное имя мое не придастъ ему ни какой цѣны, и надѣялся на вспоможеніе многихъ почтенныхъ особъ (въ чемъ я не ошибся) а потому не означилъ на заглавіи своего имени, и говорилъ всегда отъ лица *Издателей*. Сіе будетъ наблюдаемо и впредь; только въ статьѣ о благотвореніяхъ, въ разсужденіи которыхъ относятся не къ Литератору, а къ члену Общества и повѣренному согражданъ своихъ, считаю обязанностію писать и дѣйствовать не *анонимомъ*.

Николай Гречъ.

Секретарь С. П. б. Цензурнаго Комитета, старшій учитель С. П. б. Гимназіи, Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ.⁴⁸

(4 Апрѣля)

Николай Гречъ. Современная русская библиография Новые книги. 1817. История государства Российскаго

<...>

Наконецъ удовлетворены нетерпеливое ожидание и любопытство российской публики: *Исторія г. Карамзина* у ней в руках! Никогда еще не извѣщали мы нашихъ читателей о выходе в свет новаго творения с такимъ удовольствіемъ, какъ нынѣ. Самые красноречивыя похвалы, самые громкіе *прокламаціи* журналистовъ не возвеличатъ достоинства сей книги и не дадутъ о ней точнаго понятія. Мы ограничимся *библиографіею*, т. е. *описаніемъ Исторіи Российскаго государства*, предоставляя сужденіе об оной другимъ, искуснейшимъ и опытнейшимъ по сей части писателямъ.

Закрывающаяся въ сихъ осьми томахъ *Исторія* доведена до кончины *царицы Анастасіи Романовны*, супруги *царя Иоанна Васильевича Грознаго*, т. е. до 1560 года. В первомъ томѣ, после предисловія и по исчисленіи источниковъ российской исторіи, помещены десять главъ, въ которыхъ заключаются: древнейшія известія о

---

48 "*Сынъ Отечества*", ч. 13, 1814

нынешней *России* и народах, в ней обитавших/происхождение и разделение *славян*; явление *Козар, Варягов* и *Руси*; нравы, обычаи, правление, язык и вера древних *славян*; призвание *князей варяжских*; правление *Рюрика; Олег; Игорь; Ольга; Святослав; Ярополк; Владимир*. Сия часть оканчивается изображением древней *России* в политическом, гражданском и нравственном отношениях. Во втором томе описаны происшествия *России* с кончины *Владимира Великого* до взятия и падения *Киева* в 1169 году; в третьем: до вторичного нашествия татар. В сем же томе заключается обозрение состояния *России* с времени кончины *Владимира* до вторжения татар (1224). Четвертый том содержит в себе *Историю России* с 1258 по 1362 год, то есть до вступления на престол великого князя *Димитрия Иоанновича*. В пятом помещена история сего великого князя и преемников его, *Василия Димитриевича* и *Василия Васильевича Темного*. Сей том заключается обозрением состояния *России* во время татарского владычества. Государствование *Иоанна Васильевича III* занимает весь шестой том. В седьмом помещено государствование *Василия Иоанновича* и обозрение тогдашнего состояния *России*. В осьмом царствование *Иоанна Васильевича IV Грозного* до 1560 г.

Смело можно сказать, что собственная *Русская История* донныне не существовала. Сочинители истории, как известно, разделяются на три разряда: на *летописцев*, описывающих современные им происшествия или сообщающих потомству на письме то, что до них дошло изустным преданием; на *исторических критиков*, объясняющих сии предания древности, исправляющих вкравшиеся в них ошибки, соглашающих разные в оных противоречия и пр., и наконец на собственных *историков*, которые из материалов, сообщенных им летописцами, поясненных и очищенных критиками, *творяют* историю -- "священную книгу народов, главную, необходимую; зеркало их бытия и деятельности; скрижали откровения и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. -- Древность русская богата источниками для ее истории: временники *Нестора* и его продолжателей, дошедшие до нас в разных списках; степенные книги, хронографы, грамоты, государственные бумаги иностранных архивов и пр. представляют историку драгоценные и разнообразные материалы; но они до 18 века почти вовсе были неизвестны ученому свету. Трудолюбивый *Татищев*¹ собрал выписки из оных, но по тогдашним обстоятельствам не мог их напечатать. Ученые иностранцы, *Байер*², *Миллер*³, *Шлецер*⁴, узнав о богатстве русских летописей, начали трудиться над русскою историею, и особенно последний, доказывая важность наших временников, советовал заняться критическим изданием оных. Возрастающая величию, могуществом и славою *Россия* требовала *Истории*. Иностранцы *Левек*⁵ и *Леклерк*⁶ и россиянин князь *Щербатов*⁷ вознамерились удовлетворить сему желанию; но одного *желания и трудолюбия* было недостаточно. *Болтин*⁸, *Шлецер* и другие критики обнаружили заблуждения и ошибки сих историков и показали, *каким образом* должно приняться за русскую историю. -- Веку Александра предоставлено было в сем, как и во многих других отношениях, превзойти времена минувшие. Узнав о желании знаменитого писателя, творца русской прозы, заняться сочинением русской истории, великодушный монарх поощрил его к сему великому труду назначением пенсии, званием историографа российского и повелением даровать ему все способы и средства для успешного совершения преднамереваемого. Г. *Карамзин* оставил все занятия, за которые публика отечественная платила ему благодарностию и уважением, посвятил все свое время великому делу и через двенадцать лет представил монарху и отечеству плоды неусыпных своих упражнений. Труд, предлежавший ему, был велик, но не превосходил его сил и способностей: ему надлежало, во-первых, заняться *критическим рассмотрением и очищением материалов*; причем он не всегда или весьма редко мог пользоваться трудами своих предшественников, а во-вторых: *сочинением из сих материалов истории русской*, в котором он вовсе не имел образцов на русском языке. По сей причине *История Российского государства* в каждом томе разделяется на два отделения: в первом помещено

собственное повествование, а во втором примечания, ссылки, пояснения, доказательства и пр. (числом с лишком 3700 статей). О том, каким образом автор пользовался сими источниками, говорит он сам в красноречивом предисловии своем: "Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражение в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях, желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей -- успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиономией. Прилежно *истоцая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии. Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно -- мимо всего близкого, ясного -- к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?"

Читатель заметит, что описываю деяния не *врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый -- на свойство и связь деяний; может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место. Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение -- тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено -- надобно вооружиться терпением. В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям".

Лишнее будет говорить о слоге сей Истории. Проза г. Карамзина составила эпоху в русской словесности. Мы осмелились украсить журнал наш отрывком из осьмого тома: он лучше всяких рассуждений и толкований покажет чистоту, ясность, силу, благородство и красоту слога, которыми написана *История государства Российского*.

Творение г. *Карамзина* принесет отечеству неисчислимыя плоды: познакомит всех, ученых и неученых, светских людей и женщин, иностранцев и русских с историею нашею; возбудит в соотечественниках благородную гордость, в иноземцах же справедливое уважение к стране могущества и славы; подаст пример искусства исторического и языка сильного, благородного, великолепного современным и будущим русским писателям; без сомнения, будет причиною появления разных критик и суждений, но вообще распространит просвещение в отечестве нашем, подвигнет литературу российскую на несколько лет вперед и (изъяснимся словами венценосного покровителя дарований) предаст имя творца своего, вместе со славными подвигами предков, потомству!⁴⁹

---

49 Сын Отечества. 1818. No 6. С. 251--256. Печатается по первой публикации.

Пчела

«ПЧЕЛА́» — рус. еженедельный журнал по вопросам иск-ва, лит-ры, политики и обществ. жизни, изд. в Петербурге в 1875—78. Редактор — М. И. Ходоровский, с № 43 1876 — редактор-издатель художник М. О. Микешин. В журнале сотрудничали В. В. Стасов, В. Д. Поленов, В. Г. Перов. Лит. отдел редактировал Я. П. Полонский. В «П.» печатались проза, стихи, этнографич. очерки, путешествия. Оpubл. роман А. Ф. Писемского «Мещане», фельетоны К. М. Станюковича (под псевд. К. Наташин), И. А. Куцевского, очерки Г. И. Успенского, Н. Н. Златовратского, стихи Д. Д. Минаева, А. Н. Плещеева, В. С. Курочкина, Д. Цертелева, Я. П. Полонского. В отделе рецензий и лит. фельетонов — разборы соч. И. С. Тургенева, А. Н. Островского, А. К. Толстого и др. Иностран. лит-ра представлена переводами из А. Додэ, Э. Золя, Ш. Нодье, Ф. Брет-Гарта. Преобразован с 1875 г. из журнала "Сияние" (см.); выходил в Петербурге в 1875—1878 гг.; его издателями были А. Ф. Базунов и А. С. Иероглифов, редактором М. И. Ходоровский (1875—76); с № 43 1876 г. издатель-редактор М. О. Микешин. Издание прекратилось в 1878 г. В П. принимали участие многие выдающиеся литераторы и художники.

К. Станюкевич. Ужасная болезнь

I

Трудно с точностью определить начало болезни, сгубившей моего бедного приятеля Ивана Ракушкина. Он уже был юноша семнадцати лет, с еле пробивавшимся пушком на бледном лице, с большими голубыми глазами, болезненно-самолюбивый, застенчивый малый, добрый товарищ, кончавший вместе со мною курс в одном специальном заведении, когда однажды, поздно ночью, проснувшись от жестокой зубной боли, я увидел следующее: Ракушкин приподнялся на кровати, внимательно озираясь, потом тихо встал, подошел к лампе, уменьшил в ней огонь, оделся и, осторожно крадучись, словно боясь, чтобы кто-нибудь не проснулся, прошел в залу и скрылся в темноте. Через несколько времени, сквозь стеклянные двери спальни, видно было, как в зале засветился слабый огонек.

«Верно пошел приготовляться к экзамену!» — подумал я, несколько изумленный таинственностью, с которою он совершал свое путешествие по спальне. Мне долго не спалось. Я хорошо слышал, как часы медленно пробили два, три, четыре... Огонек все еще мерцал в зале... Наконец послышались те же осторожные шаги, и я увидел Ракушкина, с теми же предосторожностями возвращавшегося назад. Я кашлянул. Он вдруг замер на месте, обратил свое лицо в мою сторону и еще тише прокрался далее, разделся и лег в постель.

Меня это заинтересовало. Наутро я подошел к Ракушкину и неожиданно спросил его:

— Куда это ты ходил ночью?

Он весь вспыхнул до корней волос и, заикаясь, ответил:

— Ночью?.. Я никуда не ходил!.. Да... ходил воду пить... Ужасная была жажда!

Я было хотел наотрез сказать ему, что он врет, что в течение трех часов воды не пьют, но, когда взглянул на его смущенное лицо, на его большие голубые глаза, растерянно глядевшие куда-то вкось, мне стало жаль Ракушкина, и я больше ни о чем его не расспрашивал.

Через несколько дней я встал в четыре часа утра, чтобы позаняться перед экзаменом. Смотрю: кровать Ракушкина пуста. Я вышел в залу. В самом конце ее, при свете мерцающего огарка, я увидел знакомую фигуру товарища. Я подошел ближе... Ракушкин спал, склонившись над столом. Перед ним лежала большая толстая тетрадь, а сбоку руководство астрономии, раскрытое на предисловии автора. Ясно было, что он не

астрономией занимался. Я заглянул в тетрадь: на открытой странице были написаны стихи; перевернул страницу, другую, третью, — везде стихи и стихи, редко попадалась, впрочем, и проза...

Я прочел еще не совсем засохшую страницу стихов, но каких стихов! Ужасных! Я и теперь хорошо помню следующее двестишое, блестящее свежими чернилами, написанное в честь Петра Великого. Оно врезалось в мою память, и никогда ничем не выбьешь его оттуда:

О, Петр, Петр, ты великий гений,
Мы о тебе хороших мнений!

Я понял все. И таинственные ночные экскурсии, и крайнюю скрытность приятеля. Тогда же припомнилось мне, как год или два тому назад, однажды в классе, когда не было преподавателя, сосед Ракушкина вырвал у него листок бумаги и, несмотря на протесты Ракушкина, громко прочитал перед классом стихотворение, начинавшееся, сколько помнится, так:

Вчера во сне свою Гликерию я видел,
Полураздетую, с распушенной косой...

Я позабыл дальнейшие строки, но помню, что в конце концов Гликерия звала поэта следующими стихами:

Идем... Идем!.. Сокроемся под кипарисной тенью
И предадимся там любви и наслажденью!

Общий взрыв хохота двадцати трех молодых саврасов приветствовал эти строки. Все безжалостно гоготали, нисколько не заботясь о том, что в это время делалось с бедным Ракушкиным. Я взглянул на него. Он был смертельно бледен. Его странные голубые глаза с какою-то мольбой глядели перед собою. Губы дрожали... Весь он как-то съежился... Вдруг из глаз его брызнули слезы. Он закрыл лицо руками и бросился вон из класса, под звуки оглушительного хохота.

— Господа!.. — заговорил один товарищ, которого все звали «математиком», презиравший литературу и называвший «бабой» или «литератором» всякого, кто выказывал трусость, слабость характера, или не понимал поэзии аналитики. — Господа! Это подло! За что мы обидели Ракушкина?..

Резкие эти слова подействовали на класс. Все затихли и решили извиниться перед Ракушкиным. Послали за ним двух депутатов, и, когда Ракушкин пришел красный, как пион, класс торжественно извинился, и дело было кончено.

С тех пор я никогда не видал, чтобы Ракушкин писал стихи, никто его не дразнил, и все забыли об его стихах... Он сделался еще скрытнее, всегда аккуратно запирает ключом свою конторку в зале и часто удалялся от товарищей, просиживая где-нибудь в сторонке за чтением какого-нибудь романа или стихотворения.

Оказывалось, что он писал стихи по ночам, тайно от всех, выбирая такое время, когда никто не занимается.

Я хотел было отойти, как вдруг Ракушкин проснулся, посмотрел на меня сонным взглядом, потом быстро вскочил, взглянул на тетрадь и, схватывая мою руку, спросил:

— Ты читал?

— Читал...

— Не говори им... пожалуйста... Не говори! — сказал он умоляющим голосом.

Я обещал никому не говорить.

— Ты сам пишешь стихи, — продолжал он застенчиво, — и поймешь, что смеяться над этим глупо... Я тебе правду скажу... Помнишь, третьего дня, ночью, ты кашлянул, а потом утром спросил меня, куда я ходил?.. Я ходил сюда... Я каждую ночь сюда хожу... Я много

написал... Ты не выдашь меня?.. Нет?.. Вот сколько я написал! — быстро, словно захлебываясь, проговорил он с скрытым торжеством в голосе.

И он показал мне, кроме толстой тетради, лежавшей на столе, еще две таких же толстых тетради.

— Все стихи?

— О, нет!.. У меня есть тут и повести, и рассказы... есть даже один роман. Хочешь, я тебе прочту? Только не здесь... Здесь нас могут увидеть. Приходи как-нибудь в воскресенье ко мне домой.

Я обещал прийти. С этого времени мы сблизились с Иваном Ракушкиным. Он, бывало, часто декламировал мне свои стихи, говорил о своих задуманных поэмах и спрашивал, как передать их в редакцию так, чтобы никто не узнал имени автора.

В одно из воскресений я целый день слушал роман Ивана Ракушкина. Роман был ужасный. Ни проблеска дарования, ни одного сколько-нибудь правдивого положения, ни фантазии, ни здравого смысла, так что я удивлялся, как мог неглупый Ракушкин сочинить такую непроходимую глупость.

— Ну, что? — спросил он меня, когда кончил, и вдруг побледнел.

— Я, брат, плохой судья...

— Ты не решаешься сказать?..

— По моему мнению... нехорошо.

Он опустил голову.

— Но ведь это твой первый роман? — поспешил я утешить Ракушкина.

— Первый...

— Сокрушаться нечего... Может быть, второй будет лучше.

Он вдруг повеселел и торжественно сказал:

— Я тебе прочту повесть! Увидишь, какая это повесть!

Повесть была не лучше романа, и я высказал ему откровенное мнение. Ракушкин переменял разговор, и мы возвратились вместе в заведение, не проронив ни слова во всю дорогу. На следующий день он подал мне следующую записку:

«Не сердись, если я тебе выскажу правду. Ты сам пишешь; мне показалась в твоём отзыве завистливая нотка. Я понимаю это чувство в писателе и не сержусь на него, но проверь себя... так ли это?»

Я был просто сконфужен. Я сам тогда марал бумагу и, быть может, отнесся к Ракушкину строже, чем бы следовало... «А что, если в самом деле зависть?» — подумал я и тотчас же ответил ему:

«Ты прав, Ракушкин. Я, быть может, отнесся несправедливо. Я не уверен, но мне кажется, что не следует авторам читать свои произведения друг другу».

После этого мы пожали друг другу руки. Вскоре Иван Ракушкин, выдержавший отлично выпускные экзамены, объявил, что выходит из заведения.

— Что же ты думаешь с собой делать?

— И ты еще спрашиваешь? Я буду писать. Бабушка даст мне триста рублей в год, с меня этого довольно... Я во что бы то ни стало напишу достойную меня вещь!

— Да, кстати... — спросил я. — Ты посылал что-нибудь в редакцию?

— Посылал, — грустно ответил Ракушкин. — Ответили, что слабо... Это меня сперва огорчило, но потом... Ты ведь знаешь, что истинные таланты долго не признаются! — торжественно заключил он и с гордым видом прибавил. — Прощай! Ты еще услышишь об Иване Ракушкине!

Мы дружно простились с ним и обещали писать друг другу. Я скоро уехал из Петербурга.

Прошло четыре года, в течение которых я ничего не слышал об Иване Ракушкине и не встречал его имени ни в одном из журналов. Я снова вернулся в Петербург, вспомнил о старом товарище и разыскал его. Он жил в маленькой комнатке очень бедно и по-прежнему писал ужасное количество романов. Мы обрадовались друг другу.

Он похудел, побледнел, редко обедал, но не унывал и бранил все редакции. Оказалось, что не было редакции, где бы не находилось его рукописи, так что под конец во всех редакциях боялись, как огня, имени Ивана Ракушкина.

Его дьявольское упрямство и уверенность крайне изумляли меня. Самолюбие и обидчивость его сделались несравненно щекотливее, чем были прежде, так что с ним трудно было говорить о предметах, касающихся литературы. Мы часто с ним виделись и нередко проводили время вместе с третьим товарищем, молодым актером, недавно поступившим на сцену. Разумеется, при Иване Ракушкине мы избегали говорить об его произведениях, да и вообще о литературе. Он сам тоже редко начинал. Но, помню, раз кто-то из нас заметил, что Бальзак, прежде чем стал знаменитым романистом, написал несколько плохих романов. Вдруг Иван Ракушкин весь просиял и, краснея, проговорил:

— Великие писатели всегда так начинали!

Было ясно, что он думал о себе и не терял надежды.

Однажды Ракушкин принес к нам (я жил вместе с актером) толстую рукопись и просил прочесть. На рукописи стояли роковые слова: «возв...»

— Я носил ее в три редакции, но там не приняли... Верно, и не читали! Известно, как относятся редакции к молодым писателям! Прочтите, господа, и скажите ваше мнение... Я в самом деле начинаю думать: не бросить ли мне писать!

На другой день мы стали читать рукопись. Этот роман был черт знает что такое.

Через несколько дней является Иван Ракушкин.

— Прочли?

— Прочли.

— Ну что же?

— Брось, Иван, писать! — заметил актер. — Право, брось лучше!

— А ты что скажешь?

— Я подпишусь под его словами!

— Ну, брат, тебе нельзя в этом случае доверять... Ты тоже литератор! — заметил, хитро улыбаясь, Иван Ракушкин. — Да и он относится с предубеждением...

Мы стали его серьезно убеждать бросить писание и предложили следующее: мы свезем рукопись к одному известному критику, пользовавшемуся общим уважением, и пусть он скажет свое мнение.

Ракушкин согласился.

— Тогда ты бросишь писать, если он скажет, что роман твой плох? — спросил актер.

— Брошу! — сумрачно ответил Иван Ракушкин, уходя вон.

Мы поехали к известному критику и рассказали, в чем дело. Критик был так любезен, что охотно согласился внимательно прочитать рукопись и дать через неделю ответ.

— Только напрасно вы думаете излечить его от этой болезни. Это болезнь ужасная! — прибавил, улыбаясь, критик.

Через неделю мы получили обратно рукопись с замечаниями. В них, в крайне деликатной форме, был выражен совет автору никогда не писать беллетристических вещей.

На другой день Ракушкин пришел к нам. Он был взволнован. Голубые его глаза блестели... Лицо то и дело вспыхивало.

Он, как и все очень самолюбивые люди, не сразу повел разговор о том, что его занимало больше всего, а заговорил о каких-то пустяках... Только через полчаса он, как бы нечаянно, обронил:

— Ну что, X* прочел рукопись?

— Прочел... Вот и ответ.

Он стал читать. По лицу его пробежала горькая усмешка: не то тяжелое сознание, что критик прав, не то высокомерная уверенность непризнанного гения... Когда Ракушкин дочитал до конца, он взял рукопись и, уходя, сказал:

— Теперь шабаш... Больше писать не буду!

— Слава богу! — заметил актер. — Бедный Иван излечился!

— Едва ли он сдержит слово. Ты видел, как он усмеялся? — заметил я.

И я был прав. Не прошло и двух месяцев, как Ракушкин снова написал два романа, но уже под псевдонимом Ракитина. Ни одна редакция его романов не приняла, и он продал их одному рыночному книжному торговцу за пятьдесят рублей. Очень уж громкие были заглавия!

Оба романа были жестоко обруганы, но Иван Ракушкин равнодушно-презрительно отнесся к статьям и сказал:

— Много они понимают!.. Везде зависть и кумовство!

Ракушкин был неисправим.

III

Прошло еще несколько лет, и Ракушкин куда-то исчез из Петербурга.

Однажды я получаю по городской почте письмо с знакомым почерком. Письмо было от Ивана: «Приходи, пожалуйста, ко мне, — писал он, — я болен, лежу в Мариинской больнице».

Я тотчас же поехал к нему и застал его за работой. Он писал новый роман. Увидав меня, он горько-горько улыбнулся и сказал:

— Я, как видишь, неисправим.

Он был совсем худ, изнурен и истомлен, в последнем градусе чахотки. В эти годы он бедствовал по разным местам России, но нигде не устраивался, отдавая большую часть своего времени писанью... Жизнь его была настоящим бедованием; бабушка давно умерла, и он перебивался кое-как. От мест он отказывался.

— Видишь ли, на местах надо тратить много времени на скучную работу, и мне не было бы времени писать...

Я долго просидел около него. Он с лихорадочной поспешностью говорил о своих новых работах, о своих мечтах...

— Я верю, что могу создать большое произведение... Ты читал, как сперва Золя не признавали?.. И однако же в конце концов...

От долгого разговора он ослабел и склонился на подушку...

— Послушай... — тихо проговорил он спустя несколько времени, — если я умру... снеси мои произведения к N (он назвал имя одного известного писателя) и попроси его прочесть.

Я обещал.

— А пока прочти вот эту вещь и приходи сказать мне... какова она?.. Ты только, смотри, не церемонься... не жалея больного... говори правду!

Он протянул руку, взял со столика рукопись и передал мне.

Я взял тетрадь и скоро простился с ним.

В тот же вечер я принялся за рукопись. Меня поразило, что она была написана не рукой Ивана, а чьей-то другой рукой... Я стал читать и пришел в восторг... Это была замечательно талантливая вещь. Я был обрадован за моего приятеля и рано утром спешил к нему.

— Поздравляю... поздравляю тебя! Ты наконец написал прелестную вещь!

Ракушкин весь просиял. Глаза радостно блеснули... Румянец покрыл его бледное, исхудалое лицо.

Я подал ему рукопись. Он взглянул на нее и вдруг печально поник, точно ему объявили смертный приговор...

— Это не моя рукопись... Это рукопись одного молодого человека здесь в больнице... Я дал тебе ее по ошибке, — глухо прошептал он.

Я молча сидел, точно виноватый.

Наконец он несколько оправился и тихо сказал:

— Молодой человек читал мне свою повесть. Я удивляюсь, что ты в ней нашел особенно хорошего!..

Я ничего не ответил.

Через несколько времени бедный мой приятель стал бредить и в бреду рядом с именами Бальзака, Тургенева и Толстого повторял имя Ивана Ракушкина.

Когда на другой день я пришел в больницу, моего приятеля уже не было на свете. Он умер в ту же ночь и перед смертью говорил своему соседу, что придет время, когда Россия оценит произведения Ивана Ракушкина.⁵⁰

Глеб Иванович Успенский. За малым дело

I

Начали говорить о народном невежестве, и почти у всякого из представителей уездной интеллигенции, которая от нечего делать "забрела" "поболтать" к добрейшему Федору Петровичу, нашлось какое-нибудь собственное мнение по этому важному вопросу. Радушие "добрейшего" Федора Петровича, не забывавшего обновлять столики своего кабинета постоянно полными бутылками кахетинского, было, как и всегда, причиною того, что разговор шел без малейшего стеснения; можно было говорить, не обращая внимания на слова собеседника, и собеседник мог не слушать того, что ему говорят. В этой свободе суждений и заключалось для уездной интеллигенции удовольствие вечерами посещать Федора Петровича.

Но, к сожалению, слабые силы рассказчика об этих вечерах вообще, и о том из них, о котором идет речь, - решительно не дают возможности более или менее удобопонятно передать читателям все разнообразие этих оживленных разговоров. В данном случае рассказчик не знал бы даже, как и начать свой рассказ, если бы сам Федор Петрович не нашел нужным произнести и своего слова о важном предмете разговора и тем на некоторое время значительно убавил царивший в кабинете шум и говор.

- Вы говорите - народ!.. - сказал он не спеша и "глубокомысленно". И, сказав это, по обыкновению замолк, потер свой нос шелковым платком, положил платок в задний карман сюртука и, подумав тоже весьма глубокомысленно, продолжал:

- Или также утверждают - просвещение!

После этого он кашлянул, понюхал табак, хлопнул крышкой табакерки и решительно произнес:

- А между тем... А в то же самое время...

И, оглядев всю публику, сел в кресло и уже замолк окончательно, хотя лицо его и выражало крайнее волнение. Замолкла и вся компания, так как ей было весьма хорошо известно, что Федор Петрович каждый раз вынужден был делать то же самое, как только пожелает что-нибудь высказать. Всякий раз он начинает речь как бы обобщением, ко на словах "а между тем" или "а в то же самое время" - всегда замолкает и не обобщит ничего. Все это знали, но знали также и способ, которым надобно было разрешать

---

50 В журнале «Пчела», 1878, № 3

затруднительное положение Федора Петровича. Все знали, что добрейший Федор Петрович, много живший на свете, много видевший на своем веку, благодаря служебным перемещениям, всякого рода людей, переживший множество всяких порядков и веяний, будучи самым приятным собеседником и самым неистощимым рассказчиком, вероятно потому замолкал всякий раз, когда ему приходилось делать из своих наблюдений вывод, что в жизни Федора Петровича, как и вообще в нашей жизни, умозаключения и выводы никогда ей самой не приличествуют, но всегда являются в жизнь большею частью в запечатанных конвертах и большею частью не имеют с фактами жизни ничего общего.

Все добрые приятели Федора Петровича, зная результаты его житейского опыта и видя его затруднительное положение, всякий раз, когда ему приходилось делать какие бы то ни было обобщения, старались вывести его на ту дорогу разговора, где он мог чувствовать себя без малейшего стеснения.

- Да ты вот что, Федор Петрович, - говорил обыкновенно в такую минуту кто-нибудь из слушателей, - ты расскажи просто, в чем дело, все и будет ясно!

- И отлично! - говорил на это Федор Петрович.

И затем уже следовал простой рассказ.

Так было и в описываемый вечер. Выведенный добрым приятелем на торную дорогу свободной речи, Федор Петрович еще раз понюхал табак и сказал:

- Действительно, лучше я расскажу просто так, как было.

И затем, побряхтев немного, стал рассказывать.

II

- Сестра моя с давних пор живет замужем в одном уездном городке под Москвой. Иногда, намучившись на службе, я ездил к ней отдохнуть, отдышаться, побыть в теплой семейной среде после холостой, одинокой квартиры.

В самом деле, иногда холодно, очень холодно холостому человеку. Так вот я ездил отогреться, оттаять. А начнет забирать скука - марш назад, и так опять на несколько лет.

"Вот таким-то родом заехал я к ней лет двадцать тому назад, в самые любопытные времена: тут и освобождение, и земство, и новый суд - словом, кипучее время. Пожил я у сестры, поел, попил, позевал вволю, наслушался всякой всячины, - наконец надо и назад ехать. Настал день отъезда; привели мне из пригородной слободки извозчика. Вышел я с ним поговорить и тут же сразу чрезвычайно им заинтересовался; сразу мне мелькнуло: "талант!". Мальчишка лет пятнадцати, а красив, шельмец, боек, смел, даже дерзок. Стал я с ним торговаться. И что же? - на каждом слове дерзость, нахрап, без малейшей церемонии. И помину нет, чтобы снять шапку и дожидаться, пока скажешь: "надень". Словом, ни тени рабского или униженного! Это-то меня и обрадовало и заинтересовало в нем, дерзость-то эта.

"Вот они новые-то времена!" И какой прелестный, смелый крестьянский юноша! Не стал я поэтому ни в чем ему поперечить и цену дал, какую он пожелал, даже когда он попросил тотчас же прибавить, прибавил ему без слова; просто победил он меня вообще с художественной стороны. Типичная, яркая фигурка, смелая юношеская душа, - и в ком? - в мужичонке! Люблю я это! Это паше, чисто русское, родное!"

Федор Петрович с удовольствием выпил стакан кахетинского (причем компания, конечно, последовала его примеру) и продолжал:

- Ну, вы знаете, что в былые времена отъезд от родных был делом далеко не простым. Теперь вот машина ходит по часам, - не попал к поезду, сиди лишние сутки.

А тогда можно было заставить ямщика прождать целый день, давши, конечно, ему на водку. Вот в таком роде пошли было и мои проводы на этот раз. Сели закусить часов в десять, а в двенадцать стало уж казаться, что дай бог только к четырем часам переговорить обо всем, о чем нахлынуло в голову. Перед отъездом всегда так бывает. Однако же вышло не так. Перевалило немного за двенадцать, слышу - прислуга говорит: "Извозчик спрашивает!" - "Пусть, отвечаю конечно, подождет!" Прошло еще полчаса, прислуга опять является, говорит: "Извозчик бранится, сладу нет!" Иду к нему, и опять меня в нем восхищает эта дерзновенность.

" - Что же ты, - говорю, - братец, бунтуешь тут, не даешь мне как следует проститься?

"И что же? Даже этих-то слов не успел я проговорить, как мальчонка, не слушая меня, сам начал читать мне нравоучение, да каким голосом, да с какими жестами!

" - Вам, господам, - говорит, - время завсегда дорого, а нашему брату, мужику, нет? Извольте поторапливаться или пожалуйте деньги, и я уеду. Без вторых денег ждать не буду, а эти взыщу!

" - Ну, можете себе представить, что это было за великолепие! Ну, положительно очаровал меня мальчишка.

Обругал я его, конечно, также и с своей стороны, но что прикажете делать? Покорился ему! Пришлось дать прибавку, и все-таки нельзя было не поторапливаться. И, наконец, кой-как я собрался, простился и поехал".

Федор Петрович не спеша выпил полстакана кахетинского (конечно, и компания) и сказал:

- Великолепный мальчишка!

Затем допил другую половину стакана и продолжал:

- Мальчишка стал интересоваться меня буквально каждую минуту: сидит на козлах мрачный, угрюмый и, очевидно, о чем-то крепко думает.

Заинтересовало меня - почему он все оглядывается по сторонам: не то боится, не то желает встретить кого-то?

- Что ты вертишься? - говорю. - Что ты оглядываешься?

- У всякого свои дела есть! - отвечает, и это таким тоном, как будто хотел сказать: "отстань!", даже просто:

"убирайся!" И едва он так грубо оборвал меня дерзким словом, гляжу, он, как будто в испуге, круто и сразу свернул с большой дороги и погнал лошадей по каким-то переулкам и закоулкам того подгородного села, откуда был взят сам. в чем не было ни малейшей надобности.

- Зачем ты с дороги свернул? - говорю. - Чем тебе там не дорога? Ведь все-таки на ту же большую дорогу выедешь?

- Доставить к месту - мы тебя доставим, - отвечает, - а разговоров твоих нам не требуется. Хоть бы я тебя по крышам вез, так и то тебе не о чем болтать попусту!

Наконец это уж и меня затронуло несколько.

- Ах ты, - говорю, - каналья этакая? Какое же ты имеешь право так мне отвечать?

- А у тебя, - говорит, - какие такие есть права?

Но не успел я еще как должно осердиться, потому что действительно никаких, собственно говоря, прав-то нет, - как мальчишка, гнавший лошадей что есть мочи, вдруг поднялся в телеге и, махая вожжами, обратился ко мне, весь бледный, взволнованный и чем-то чрезвычайно пораженный.

- Не давай ему! Не давай! - кричал он, обращаясь ко мне. - Ишь, притаился, старый хрен!., догнать хочет.

Не давай, барин! А то отыму из рук! Не догонит!..

- Кому не давать? Что ты болтаешь? - также закричал я мальчишке.

- Отцу! Родителю не давай! Ишь насторожился!

Притаился, чтобы броситься догнать! Не давай!

От плетня отделился полупьяный и мозглявый человек, и когда мы поровнялись с ним, он ухватился за задок телеги обеими руками так, что уже я закричал, чтоб мальчишка не смел гнать, даже схватил его за шиворот и осадил. Но лошади все-таки бежали. А мозглявый человек, шлепая сзади

телеги и задыхаясь, еле хрипел:

- Руб... хошь... черт!

- Не давай, барин! - неистово кричал мальчишка, выбиваясь из моих рук и не останавливая лошадей. - Пропьет! Матери отдай! Она будет тут сейчас!..

- Проклян! Егорка! Проклян! - едва дыша, хрипел старик, уже цепляясь за задок телеги.

- Стой! - сказал я. - Стой наконец! Я свои ему дам.

Что это такое ты делаешь с отцом?

И, не доверяя мальчишке, сам схватился за вожжи и остановил телегу.

- Кровопивец, змей! - задыхаясь, с величайшим раздражением хрипел отец, пока я рылся в кармане, доставая кошелек. - Отца родного, мошенник, не жалеешь!

- Ты-то нас не жалеешь, а тебя-то нам за что же жалеть? - не меньше раздраженный, чем отец, криком отвечал ему мальчишка.

- Разбойник! - хрипел отец, потрясая кулаком. - Кровопивец! Я тебя... постой!.. Поговоришь ты у меня...

Попадись только!

Рублевая бумажка, которую я протянул старику, заставила его прекратить эту брань и обратиться с благодарностью ко мне, но едва он успел снять шапку, как мальчишка уже стегнул лошадей, и мы помчались опять.

Старик, оставшись позади нас, продолжал грозить кулаком и что-то кричал, но нам уже не было ничего слышно.

В то кипучее время, кстати сказать, во всех сословиях было ужасно много таких, обреченных на гибель отцов: еще недавно было у них всего много, благодаря плотно еложившимся несправедливым порядкам, в которых одна нечистая рука мыла другую нечистую руку. Новые порядки разрушили эти гнезда, разросшиеся до огромных размеров благодаря беззаконию, глубоко пустившему корни в глубине русского общества. Беззаконная жизнь во всех отношениях, жизнь грубая, жирная, неряшливая, нецеремонная, - а главное, непременно "дармоедная", - вся она от одного дуновения той неотразимой правды, сознание которой пришло вместе с освобождением крестьян, разложилась, и еще недавно торжествующий, авторитетный, властный, крепко державшийся на ногах человек превратился в совершенное ничтожество, в нищего и подсудимого одновременно. ("Эге! Федор Петрович! как ты ловко словоизвержению-то обучился... Сущий адвокат!") Именно к числу таких-то обреченных на гибель людей и принадлежал отец мальчика, когда-то богатый дворник, монополист извоза и всяких казенных субсидий по этому делу в целом уезде. Рухнули его несправедливые доходы, рухнула и несправедливая жизнь с непрерывным обжорным праздником.

И вот он "допивает" остатки своего благосостояния, отнимая у детей и семьи, уже знающей, что ей надобно теперь полагаться только на свой неусыпный труд, по возможности большую часть заработка на пропой. По лицу его, коегде носившему следы

царапин и синяков, видно было, что старик распился, ослаб, размяк и вообще держится на свете только выпивкой.

- Как же это ты с отцом-то так жестоко поступаешь? - сказал я мальчишке с укоризной. - А?

- Не безобразничай!

- Но ведь все-таки, - говорю, - он ведь отец тебе?

- Отец, - а безобразничать не дозволим. Мы и так все, вся семья из-за него почитай что раздеты, разуты, а гоняем день и ночь, скоро скотина без ног останется. Как же он может наши трудовые деньги пропивать? Вот и получи!

- Кто это ему глаз-то разбил?

- Да он сам разбил-то! Мы только, всем семейством, связали его...

- Это отца-то? Всей семьей?

- А чего ж? Почитай бога! Держи себя аккуратно!

- Ну, - говорю, - брат, кажется, что БЫ поступаете вполне бессовестно!

Как же так не уладить с отцом какнибудь пс-дрзтому? Что же это такое? Ведь он отец!

И, признаюсь, я неожиданно впал в нравоучительный тон и стал развивать мальчишке самые гуманные теории.

Говорили и о Христе, и о терпении, и о преклонной старости, которую надобно чтить, уважать, к которой надобно снисходить. Говорил, что вообще необходимо любить ближнего своего, яко сам себя... И так далее. Он слушал меня чрезвычайно внимательно, ехал тихо, и вдруг я услышал, что он плачет, просто "ревнем ревет", как говорят о таких слезах.

- Что это ты? - спрашиваю. - Что с тобой?

- Ты думаешь, мне сладко этак-то делать? Нешто бы я посмел, ежели бы всех не жалел?.. Погляди-кось, какое семейство-то, всем пить-есть надо...

Маменька и совсем, того гляди, исчахнет; а он сам ее еще бьет.

И рыдает-рыдает.

- У меня вся душа изныла от тоски... Жаль мне и братьев и сестер... А иной раз совсем осатанеешь... Знаю я грех-то мой!

Он был в таком отчаянии, что я решительно растерялся и не знал, что сказать ему в утешение.

- Отдай деньги-то маменьке! - всхлипывая, прошептал он и остановил лошадей.

Около разоренного большого двора с развалившимися воротами стояла сгорбленная старушка, в глазах которой можно было все-таки видеть, что и она на своем веку попила-поела всласть! Отдав ей деньги ("Уж все, батюшка, полностью, все!"), мы поехали своей дорогой, и мальчишка продолжал тосковать.

"Не думайте, что я какой-нибудь особенный любитель непочтения к родителям, - но мальчишка был для меня крайне симпатичен: как хотите, а какой-то голоногий мальчишка, отстаивающий какие-то права, обороняющий мать, как обиженную и терпящую неправду, и во имя справедливости не сомневающийся идти против отца... Все это весьма привлекательно! Очевидно, и сердце есть в мальчонке, и энергия, и чувство справедливости, и просто чувство и впечатлительность - плачет ведь! и сознает - "нехорошо, несправедливо, а нельзя!"

- Умеешь грамоте-то?

- Ничего не умею... Один острожный сидел за подделку чего-то в остроге; когда выпустили, пожил у нас. Ну, поучил меня по словечку... Я было и понимать стал, да острожный-то ушел, я и стал забывать. Хороший человек был острожный-то! добрый!

- А хочешь учиться-то?

- Я страсть какой охотник до ученья!

- Так чего же ты в какую-нибудь школу не ходишь?

- Да нешто при нашем деле можно? Теперь вот доставлю вас на станцию, - лошадей надо покормить, попоить. Приедем по ночи. Потом в оборотку конец сделал, а домой приехал - опять заказ готов, - опять гнать. Да ежели бы и свободное время вышло, так и то не на ученье оно, - какая жизнь-то у нас идет! Глаза бы не глядели. Только что маменьку жалко покинуть...

Грустно, ужасно грустно стало мне за мальчишку.

Сколько на Руси погибает таких талантливых головок, думал я Кто поможет им? Не буду ли и я святотатцем, если попусти пропасть и сгинуть этому хорошему сердцу и хоть юному, но, быть может, большому, потому что искреннему, уму?

Я сказал ему:

- Знаешь, где живет моя сестра? откуда мы ехали?

- Как не знать.

- Ну, так через месяц заходи к ней, - я пришлю тебе книг, ты учишь.

Денег она тебе тоже даст немного, - учишь, если возможно, - а потом как-нибудь справимся...

- Да, кабы родитель помер. Так у нас бы был порядок... А то нешто можно!..

- Ну, уж смерти родителя ты не дожидайся... Это будет, как угодно богу!

- Само собой... Ишь он пьет-пьет, все не напьется...

- Ну, уж это делать нечего. Надо терпеть. Ты, вместо того чтобы вотсмерти ждать родителя да синяки ему ставить, ушел бы на чердак или куда-нибудь... и учишь...

Ну, словом, о просвещении... в самых по возможности очаровывающих этих чертах, В заключение обещал давать три целковых в месяц.

Задумался мальчишка... Долго думал, потом весело тряхнул волосами и весело произнес:

- Кабы грамоте-то научиться, пуще всего в писаря, ежели.. Выгодное дело...

Признаюсь, покорило меня это слово. И уже тогда я подумал не в хорошую сторону о просвещении-то вообще.

Не утерпел и сказал ему:

- Ну, уж этого я, друг любезный, не ожидал от тебя...

Ты знаешь, отчего писарь-то богат?

- Известно знаю, - доход.

- А справедливо это простой бедный народ-то обманывать? А ты еще о справедливости-то толковал!

И тут я опять - и в этом направлении стал внушать ему и сказал, что просвещение нужно вовсе не для дохода, а для того, чтобы делать ближним добро. Словом, поддерживал в нем уважение к книге, потому что не знал, что придумать для малого в практическом отношении. Думал я было перетащить его в Москву, в ремесленное училище, да кз знал еще, будут ли средства. Все-таки, приехав на станцию, я вновь повторил ему, что книги ему пришлю и по три рубля давать буду; адрес его записал и тайне решился сделать для него все, что только возможно".

Едва Федор Петрович договорил последнее слово, как лицо его, в первый раз за весь вечер, омрачилось какою-то тяжелой думой. Он как бы растерялся, но, помедля и посообразив, вдруг как-то подбодрился и со взглядом, которого тоже никто из знакомых Федора Петровича прежде не замечал, потому что никогда никто не видывал в его глазах той черты хитрости, которая промелькнула именно только в этот вечер, довольно бодро сказал:

- Вот в этом-то и заключается самая суть!

Слушатели почувствовали, что Федор Петрович опять стремится запутаться в обобщении, так как он начал уже пускать в ход все те жесты и приспособления, к которым прибегал в минуту невозможности разобраться с своими мыслями.

- Именно, - на эту-то суть и следует обратить внимание. Утверждают - "просвещение"? Но вот мы видим талантливого мальчика, крестьянина, у которого есть и ум, и сердце, и чувствительность, и прямота, и бойкость - все дары природы, - но вместе с тем заметили ли вы, как он, когда шла речь о грамоте, вдруг произнес: "в писаря бы"...

Следовательно, в мальчонке, наряду с его прекрасными качествами, были и дурные задатки... Это уж среда! И таким образом будет легко понять, почему талантливый мальчик в настоящее время превратился в совершеннейшего кулака и первейшего местного воротилу!

- И это благодаря твоему просвещенному содействию?..

Федор Петрович, несомненно, был испуган этим вопросом до последней степени, но хитрость, уж однажды мелькнувшая в его глазах, на этот раз с полною ясностью обнаружилась не только в глазах, но и во всем его существе. Он так искусно притворился, будто не слышал испугавшего его вопроса, и с явным желанием зажать рот вопрошателей немедленно же приступил к изображению талантливого мальчика в его настоящем виде:

- Теперь его все знают и в городе и в деревнях. Исправник говорит: "Вот истинно народный ум!" Протопоп говорит: "Истинное чадо церкви!" Хвалят почмейстер и даже воинский начальник. Таким образом, когда я, года два назад, опять заехал к сестре и пожелал его видеть, так мне показал дорогу к нему первый встречный.

Егор Иванович предстал передо мной в новенькой русской чуйке, в скрипучих сапогах, посреди нового двухэтажного постоялого двора, нижний этаж которого занимали новенькие лавки. Взгляд его был так же быстр, но уже холоден, хотя в улыбке было еще что-то мягкое. Он говорил не так, как говорит грубый кулак-хозяин, любящий выйти на крыльцо и орать на весь двор, утешаясь тем, что "все мне подвержено", - а вежливо, прилично, но с непоколебимой уверенностью. Все у него в доме ходило по струне. Это я заметил с одного взгляда.

Конечно, он не узнал меня, но когда я припомнил ему подробности нашей встречи, он искренно обрадовался... Повторяю - "искренно", так же точно искренно, как и все, что потом он говорил.

Первым делом я расспросил о причинах его превращения. Егор Иваныч с благоговейным выражением лица рассказал мне следующее. Перескажу в коротких словах.

- Сами знаете, какой я был? Теперь я считаю, что был я, прямо, зверь! Отца не щадил! Это вы тогда верно говорили! Опосле того перенес свое свирепство и на общество. Например, толкуют в волостной, чтобы мост там-то мостить... По глупости моей мне и представляется, что делать этого незачем, мост не наш, мы по нем не ездим, - следовательно, и мостить его не надо... Ору!.. Зеваю, смущаю людей, - и те начинают петь заодно со мной!.. Или идет речь, чтоб на губернскую больницу вносить, - опять поднимаю бунтовство: "мы, мол, там не лежим! нам нужна больница здесь, в наших местах!.." или в эвтом смысле. Все мне представлялось, что со мной в нашей деревне неправильно поступают, а того, свинья этакая (так Егор Иваныч себя обозвал), не знал, что деревня есть ничтожная единица супротив...

Тут он кашлянул... "Ничтожная единица! - подумал я. - Это его кто-то научил!"

Кашлянул Егор Иваныч и так же искренно проговорил:

- Но, должно быть, перст господень руководит нами... И указывает... Считаю так в том смысле, что сделался из бунтовщика человеком общепольным, следовательно, для

польсы прочих... полезных сочленов... Очевидно, его кто-то научил всему этому!" - с кажлск микутой убеждался я все более и Солее и продолжал слушать Егора со вниманием.

- Домотавшись Таким манерсм до тюрьмы, - следовательно, по случаю сопротивления властям (это и Сыло дело моих рук), встретил я там почтеннейшего и многоуважаемого господина Кузнецова. Видя во мне таланты, господин Кузнецов, по выходе моем из тюремного заключения, взял меня в кучера, и здесь, частью от собственного ышмания к его разговорам, частью чрез его наставления, я много и скоро все явственню понял... Просвещать "невсжлу" тем и полезно, что просвещение смиряет человека в его буйком невежестве... На меня вон кричат: "разбойник", - но за что? За то вот, что, состоя членом ссудного товарищества, отказываю несостоятельным; но кто понимает существо, - тот будет знать, что банковые операции связаны с общим порядком всей экономики отечества... И ежели рв. давать деньги, принадлежащие начальству, без отдачи, - то через это поколеблется всякое устроение, и все пойдет к дефициту! "Чем ты отдашь?" спрашиваю. "Мне отдать нечем". - "Ну, и ступай с богом". Не так ли?

- Так! - сказал я машинально.

- Говорят - разбойник! Ежели они бы понимали систему, тогда бы они поняли и должны бы знать, что...

Тут Егор Иваныч почему-то приостановился. Я помог ему выйти из затруднения и сказал:

- Если бы знали, что деньги без отдачи не даются.

- Да-с! Верно!

- Ну, - сказал я, - будьте здоровы, Егор Иванович, слава богу, что ваши дела идут хорошо.

- Благодарим покорно!

Так мы расстались, и больше я его не видал, Так вот, - проговорил Федор Петрович, с величайшей торопливостью собирая пустые бутылки и на минуту останавливаясь с ними в дверях передней, откуда он постоянно извлекал новые. - Так вот что такое просвещение!.. Просвещение, просвещение... А между тем..."

И он исчез в переднюю.

Но хотя он и возвратился оттуда с двойным, против взятых пустых, количеством новых бутылок, - ему, однако ж, не удалось вторично отвлечь этими бутылками внимание слушателей от вопроса о сущности такого переворота в мирозерцании одного и того же человеческого существа. Он не успел еще расставить всех бутылок, как его стали донимать самими, по-видимому, жгучими для него вопросами:

- Да ты посылал ли ему книги-то?

- Каким образом могло случиться, что твои книги дали ему такое направление?

- Вот уж именно "чудеса в решете"!

Федор Петрович и при этих настойчивых вопросах пытался было как-нибудь отвильнуть от прямого ответа, - но, наконец, видимо изнемог. Он глубоко вздохнул, беспомощно опустил голову и, с выражением той же беспомощности расставив руки, произнес почти шепотом:

- Шер-ше ля-фам!

Это совершенно неожиданное вторжение в разговор об известном предмете ни в чем ему не соответствующего сообщения - прежде всего ошеломило всех собеседников; затем, когда они начали мало-помалу приходить в себя, то разговор их уже не подлежал пониманию не только постороннего наблюдателя, но и их самих, совершенно сбитых с толку.

- Так вот в чем дело-то!.. Стало быть, ты ничего не исполнил? Ни книжек, ни...

- Какие тут книжки! - беспомощно хватаясь за голову, стонал Федор Петрович. - Какой тут народ!.. "Женись! Женись!" Двадцать раз я видел у нее в руках револьвер!.. Какие тут заботы о мальчишке, когда каждую минуту грозила смерть?.. И как это удивительно случилось! Встретился я со старым приятелем на одной станции... Облобызались... Не раздеваясь, пили на радостях два дня... Потом очутился я в каких-то дебрях... Помещичий дом.. Очаровательная особа... пение... признание ..

И затем... Что я перенес! Что я вытерпел!..

Отчаяние Федора Петровича, в которое он сумел внести частицу комического элемента, - решительно возобладало над упреками Федору Петровичу за его негуманный поступок с мальчиком и выразилось в шумных спорах о женщинах вообще. Женолюбцы и женоненавистники окончательно завладели разговором, и народ и просвещение - все это исчезло в шуме и гаме общего галдения о женщинах. - Федор Петрович хотя и не переставал взывать:

"Что я испытал! Что я пережил!" - но уж совершенно ясно сознавал, что он выскользнул из затруднительного положения, в которое попал с своим рассказом о народных дарованиях, и твердо знал по личному опыту, что теперь о мальчике не будет и помину...

Но он ошибся. Два молодых человека, также из служащих (по межевой части), проскучав весь вечер и постоянно чувствуя себя совершенно посторонними среди гостей Федора Петровича, - возвращались домой в глубоком раздумье. Дело в том, что даже среди такой уездной интеллигенции (полагающейся быть таковою по штату), какая собиралась к Федору Петровичу с единственною целью поболтать без всякого стеснения, - всякий более или менее пожилой человек почитал почему-то своим правом относиться к новому, молодому поколению если не с явным сожалением об его участи, то уж непременно с прискорбием и снисхождением. Так повелось на Руси с давних пор: в старину живали деды во всех отношениях лучше своих внучат. - Не тот был размах. Чего стоит горсть, одна только горсть таких людей. Указать на эту горсть всегда почиталось людьми отживающими свой век весьма достаточным для того, чтобы обаяние горсти отборных людей перенести и на самих себя и, вследствие этого, ощущать собственное свое достоинство и преимущество пред пр-пскорбным положением нового, молодого поколения. Не раз это молодое поколение слышало о себе и о своей жизни прискорбные сожаления и нерадостные сомнения, выражаемые людьми якобы широкого размаха, а так как и сама молодость всегда исполнена сомнениями о самой себе, о своем деле, о целях своей жизни, то неудивительно, что двое молодых людей, о которых идет речь, попытались поближе ознакомиться с людьми широкого размаха, - вот почему они и решились посетить один из вечеров Федора Петровича... Сами они, при узкой служебной специальности, - летом межевать, а зимой чертить планы, - глубоко скорбели, что им почти нет возможности быть полезными народу. То, что они каждое воскресенье ходили заниматься в воскресную школу, на одну большую фабрику, отстоявшую верст на пять от города, а также и то, что при межевании они всегда старались соблюсти народный интерес, не продавали свою цепь в пользу тех, кому нужно крестьянское безземелье, - все это они считали ничтожным сравнительно с тем, что они хотели бы сделать. Не считали они за что-нибудь существенное и то, что отдавали последнее средства на устройство народной библиотеки, где бы можно было читать всякому грамотному человеку за пять копеек в месяц. Все это было для них мало и мелко сравнительно с широким "размахом", о котором они слышали от людей иного поколения. Вот эти-то молодые люди, побывав у Федора Петровича и ознакомившись с людьми высшего полета, - они-то и не могли оставить рассказа о талантливом крестьянском мальчике "без помину", как полагал Федор Петрович.

- Так-то вот на Руси и гибнет народ-то!
- И дарования есть и таланты - светлые головки - все есть! да за малым дело стало
- ничего существенного не делать, а только скорбеть о том, что мы-то мало делаем...
- Не пойду больше! - решил один из них и даже плюнул, очевидно испытывая на душе неприятное ощущение от болтовни доживающих свой век пустомелей.⁵¹

Вестник Европы (1866 - 1911)

Второй «Вестник Европы» Михаила Матвеевича Стасюлевича издавался с 1866 года - года столетия Карамзина. Идея взять название карамзинского издания для нового либерального «профессорского» журнала принадлежала историку Николаю Ивановичу Костомарову. М.М. Стасюлевич вел «Вестник Европы» больше полувека, до 1911 г. Это был самый популярный, самый последовательный и серьезный журнал русской либеральной интеллигенции. Он был закрыт большевиками в 1918 году, успев высказаться и об октябрьском перевороте, о разгоне учредительного собрания, и даже о позорном Брестском мире. Одним из главных авторов журнала в 80-90 годы был Владимир Сергеевич Соловьев. Активно печатались в журнале адвокат А.Ф. Кони, А.Н. Пыпин, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.Н. Милюков, М.М. Ковалевский... Из писателей - И.А. Гончаров, опубликовавший в журнале роман «Обрыв», М.Е. Салтыков, Н.А. Островский... После смерти Стасюлевича журнал издавал Максим Максимович Ковалевский, известный социолог, масон, политик. Константин Константинович Арсеньев сотрудничал с журналом с 1866 года, возглавил журнал после кончины Ковалевского.

Вторая половина XIX века явилась сложной переходной эпохой, страна проходила через непростые испытания либеральных реформ Александра II, развивались капиталистические отношения в экономике, росло освободительное движение, менялись общественные идеалы, резко возросла потребность в чтении, литературного общения, обсуждения насущных общественных проблем.

«Вестник Европы» издавался с марта 1866 г. и постепенно стал трибуной российского либерализма, центром научной и общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Ощущая непосредственную причастность к европейской истории и культуре, журнал подчеркивал сходный в целом характер российского и западноевропейского путей общественного развития. На страницах данного издания исследовались важнейшие проблемы истории, политики и литературы. Издавался «Вестник Европы» в С.-Петербурге с 1866 по 1918 гг. (в 1866 – 1908 гг. журнал издавал и редактировал М.М. Стасюлевич - яркий представитель либеральной интеллигенции, передовой ученый, публицист, активный земский деятель; в 1908 – 1916 гг. – издатель М.М. Ковалевский, главный редактор К.К. Арсеньев). Редакция «Вестника Европы» использовала печатное слово как главное оружие в борьбе за преобразование Отечества; в выпуске журнала видела, прежде всего, цивилизованный способ осмысления и пропаганды либеральных принципов, средство давления на самодержавие и выражения общественного мнения.

Преобразования Александра II М.М. Стасюлевич и другие члены редакции журнала рассматривали как важную попытку модернизации «сверху» общественно-политической и экономической жизни страны, приветствовали исходящую от верховной власти

---

51 Впервые произведение под названием "Грамотный" .напечатано в журнале "Пчела" в 1877 году

инициативу реформ, предпринятых «для блага самого населения России и для обновления ее политического могущества». «Великие реформы» дали большой импульс общественному развитию, приблизили Россию к уровню передовых стран Европы. Глубоко и всесторонне исследуя процесс реформирования общественной жизни России второй половины XIX в., отмечая успехи и, особенно, критикуя недостатки, «Вестник Европы» стремился содействовать правительству в сложной преобразовательной работе. Стасюлевич принимал непосредственное участие в ходе подготовки и проведения реформы народного образования, выработке нового законодательства о печати, последовательно выступал за общедоступность образования, свободу печати.

Изучая политическую жизнь и государственное устройство стран Западной Европы, либеральные публицисты исследовали пути мирного постепенного перерождения самодержавия в конституционную монархию, абсолютистского и бюрократического полицейского государства в правовое капиталистическое государство, размышляли над необходимостью утверждения в России принципа самоуправления общества, предоставления последнему большей свободы действий в помощь центральному правительству. В спорах о судьбах России журнал Стасюлевича противостоял всем консервативным и реакционным силам.

Журнал был основан группой либерально настроенных профессоров (в основном историков) С.-Петербургского университета, покинувших свои кафедры в знак протеста против политики правительства в системе высшего образования (М.М. Стасюлевич, К.Д. Кавелин, В.Д. Спасович, Б.И. Утин, А.Н. Пытин). В журнале активно сотрудничали многие ведущие публицисты и общественные деятели либерального направления: К.К. Арсеньев, Л.З. Слонимский, А.Ф. Кони, Вл.С. Соловьев, В.А. Арцимович, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Воропонов, В.Ф. Корш и др.

«Вестник Европы» объединил передовую либеральную интеллигенцию (учёных, историков, литераторов, земских деятелей), все прогрессивные круги общественности. Хотя большинство авторов публикаций являлись умеренными либералами, на страницах издания имели возможность высказаться представителям разных политических направлений (консервативно-либерального, демократического, анархического, западнической и славянофильской ориентации, за исключением реакционеров и ярых консерваторов). Это была творческая лаборатория, где царил взаимное уважение взглядов собеседника. Редакция журнала предоставляла читателю возможность, выслушав различные точки зрения, самому сделать вывод, не навязывая своих идей. Ал.К. Толстой писал Стасюлевичу: «Вы даёте место в Вашем журнале всем мнениям, и предоставляете читателю выбирать, что есть некоторым образом комплимент для читателя...».

Редакция «Вестника Европы» считала возможным добиться осуществления своих политических идеалов, воздействуя путем убеждения на правительство и образованные слои населения. Постоянными читателями журнала стали представители чиновничьей и профессорской среды, зачастую занимающие высокое положение в административно-управленческой иерархии России. Немалый интерес к политическим публикациям в журнале проявляли и российские самодержцы второй половины XIX в., особенно вследствие доносов цензурного ведомства. М.М. Стасюлевич вел оживленную переписку с двумя министрами – П.А. Валевым и А.В. Головинным; общался по важнейшим проблемам реформирования страны с М.Т. Лорис-Меликовым, Н.Х. Бунге и др.

Для расширения читательской аудитории (привлечения не только учёных, историков) М.М. Стасюлевич преобразовывает в 1868 г. «Вестник Европы» из строго исторического в историко-политический и литературный журнал и открывает в нём отделы Внутреннего обозрения и Общественной хроники. С этого времени в журнале наметились постоянные отделы беллетристики и хроники. Расширение программы издания привлекло в журнал крупных учёных, публицистов и литераторов России и Европы. Из научных трудов в «Вестнике Европы» выделялись статьи Н.И. Костомарова,

В.В. Стасова, И.И. Мечникова, И.Е. Забелина, В.И. Семевского и др. В разное время в журнале сотрудничали И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.К. Толстой, Н.В. Успенский, А.И. Эртель, Я.П. Полонский, А.М. Жемчужников, Э. Золя, А.А. Фет, А.Н. Плещеев, И.А. Бунин и др.

«Вестник Европы» в течение первых двух лет выходил в свет четыре раза в год, с 1868 г. в связи с расширением программы и увеличением отделов стал ежемесячным научно-политическим литературным журналом. Он представлял собой тип «толстого журнала», в котором совмещены литературно-художественный сборник, политическая газета и своеобразная научная энциклопедия. Каждый его номер выходил в твёрдой обложке в виде книги объёмом 300-500 страниц. Из «толстых» литературных журналов по числу подписчиков «Вестник Европы» уступал только «Отечественным запискам» Н.А. Некрасова. К середине 1870-х годов тираж «Вестника Европы» достигал внушительной по тем временам цифры – 8 тыс. экземпляров.

Редакция «Вестника Европы» стремилась учесть повышенный интерес читателей прежде всего к литературным художественным произведениям (помещала в начале журнала лучшие произведения отечественной и западноевропейской литературы), вместе с тем привлекала читателей (основная масса которых была ещё политически инертна) к обсуждению актуальных общественно-политических проблем России (разделы «Внутреннее обозрение», «Из общественной хроники») и стран Западной Европы («Иностранное обозрение», «Корреспонденции»), знакомила с научной жизнью, новыми книгами в определённых отраслях знания («Библиографический листок» - помещался в конце журнала). Таким образом, «Вестник Европы» вёл читателя от простого развлечения, отдыха к более серьёзному, обстоятельному размышлению над судьбами общества, своей страны, европейского сообщества в целом.

Журнал стремился удовлетворять острую (особенно в провинции) потребность читателей следить за умственной жизнью всего человечества. «В России с её огромными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг именно журнал становился единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки...». Постепенно «Вестник Европы» всё более проникает в различные провинции России, в земские органы, городские общественные библиотеки. Писательница и известная общественная деятельница М.К. Цебрикова писала М. Стасюлевичу: «Экземпляр «Вестника Европы», получаемый мною так аккуратно, благодаря Вашему вниманию, служит здесь хорошую службу в кругу народных учителей. Особенно читается Внутреннее обозрение, а также и статьи о русской литературе А.Н. Пыпина...». Из Западной Европы также шли письма соотечественников с просьбой выслать журнал. Авторитет издания рос с каждым годом.

«Вестник Европы» ориентировался на нового читателя пореформенной России; надеялся, что раскрепощение, освобождение личности позволит активнее участвовать гражданам в общественно-политической жизни страны, признавал своей важнейшей задачей политическое, нравственное развитие личности, защиту её свобод, прав и интересов. Своими основными читателями редакция журнала видела, прежде всего, интеллигенцию (учёных, историков, литераторов, искусствоведов, учителей). В издании указывалось, что «интеллигенция везде и всегда опережает сознательную мысль народа..», но интеллигенция не оторвана от народа, она впереди общественных сил, призвана помочь народу (а журнал - читателю) разобраться в сложных проблемах научной и общественно-политической жизни. Редакция журнала стремилась вести диалог с читателем доступным языком, не снижая при этом научной глубины статей.

В ходе полемики с реакционными и консервативными органами печати («Русь», «Московские Ведомости», «Новое Время» и др.), обвинявшими «Вестник Европы» в оторванности от народа, журнал с достоинством отвечал, что признаёт приоритетной заботу о народном благе (систематически в журнале анализировался ход

крестьянской реформы, поднимался рабочий вопрос). Либеральный «Вестник Европы» не был дворянским, узкобуржуазным, сословным печатным органом. В центре его внимания постоянно оказывались проблемы, затрагивающие интересы всех слоёв русского общества, ему импонировали многие демократические идеи.

Публикации «Вестника Европы» были востребованы российскими читателями, имели значительное влияние на интеллектуальный климат в стране, отвечали потребностям русской общественной жизни. Журнал приглашал всю мыслящую часть российского общества к совместному обсуждению актуальных общественно-политических проблем, способствовал формированию правовой, нравственной культуры российских граждан. А.Ф. Кони вспоминал: «Вестник Европы» был старым, привычным, надёжным и верным своему слову другом читателя, приходившим ... в начале каждого месяца, чтобы беседовать в разных формах, начиная с художественной и научной и кончая критической, о пёстрых явлениях общественной жизни, чтобы удерживать от погружения в тину эгоизма и апатии и, среди ослепительных озлоблений, изрекать спокойное слово, призывающее уважать человеческую личность, быть широко терпимым к священным вопросам человеческого духа и служить законной свободе, во всех её видах». «Вестник Европы» по праву заслужил уважение современников. Оставленное им грядущим поколениям богатейшее наследие идей и опыта борьбы за культурный прогресс России не утратило ценности и по сей день.

М. Н. Катков. Программа либеральной партии

Нам указали в апрельской книжке журнала г. Стасюлевича страницы внутреннего обозрения, которым по замыслу приписывалось, по-видимому, особо важное значение, но которые как-то прошли незамеченные. Дело идет об "откровенном" изложении "программы русских либералов", имеющем погрешить скорее "избытком ясности", чем недомолвкой. Составители программы оговариваются, что ведут речь только от своей фракции русского либерализма, но замечают в то же время, что выражаемые ими "пожелания и взгляды" общи всем русским либералам. Итак, пред нами манифест *партии*, не без успеха стремящейся овладеть положением, выраженный в тоне ее умеренного отдела. К чему же сводятся эти пожелания, что написано на знамени этих "русских либералов"? Написаны, оказывается, весьма прельстительные вещи, долженствующие приятно шевельнуть каждое умеренно либеральное сердце и посрамить противников. Не без торжества дается понять, что быть противником "пожеланий" сей фракции значит объявить себя гасильником свободной мысли, другом инквизиторского обращения с совестью ближнего, защитником бесправия и деспотизма. Пожелания выражены мягко и прельстительно. Они сводятся к следующим приятным предметам: свобода печати, свобода совести, ограждение личности, укрепление местного самоуправления, широкое распространение образования и, наконец, знаменитый правовой порядок. Целая гамма! К сожалению, слова суть условные обозначения вещей, буквальный смысл которых не всегда соответствует содержанию, и подчас мягкое слово может скрывать под собой весьма жесткую вещь. В эпоху Галилея в инквизиторских протоколах писалось: *строгое расследование, exatèr rigorosum*, а понимать надо было попросту пытку; под именем же дружественного увещания разумелась последняя угроза, обращенная к связанному еретика пред тем, как его пытать. Надлежит потому испытывать истинный смысл слов. Спрашивается, так ли привлекательны вещи, предлагаемые в откровенном манифесте "русских либералов", как приятны слова, их обозначающие.

На первом плане стоит свобода печати. Но чего, собственно, требует "программа либералов" под именованьем свободы печати? Дело, конечно, не в декламациях о пользе нестесненного суждения и о добывании истины путем столкновения мнений с

твердым упованием на торжество правды. Вопрос, очевидно, идет не об отвлеченных формулах, не о том, как устроить печать на острове Баратарии, а о чем-либо практическом, о мерах, применимых к наличной действительности и ею требуемых. Органы печати, стоящие под знаменем "программы либералов", признают, что было время, когда их пожелание относительно свободы печати имело некоторое удовлетворение. Это время диктатуры сердца, которое даже нечистоплотный сатирик "Отечественных Записок" чувствительно живописует как эпоху, когда какие-то "все порядочные люди" предавались "иллюзиям", - не находя для времени, последовавшего за диктатурой сердца, других красок, кроме изображения тех же порядочных людей, заеденными вшюю и пребывающими в ретираде. Нет, значит, надобности входить в отвлеченные прения. О практическом смысле первого пожелания можно судить на основании опыта. Время "диктатуры" считается эпохой, когда была "фактически допущена" свобода *прессы*, по выражению одного из ее органов. Если дело идет, однако, о терпимости, то справедливо ли такое решительное противопоставление диктатуры последовавшему за нею времени? Тот же орган прессы заявляет, что никогда "либеральная" журналистика не говорила с такою открытою резкостью, как ныне. Фактическая свобода, значит, не уменьшилась, а скорее увеличилась, да еще как! Никогда еще то, что принято называть крамолой, не восхвалялось так восторженно, как ныне. Деятели ее прямо приравниваются к мученикам первых веков христианства; целые книжки толстых журналов состоят из статей, прямо или косвенно прославляющих деятелей той же крамолы. Чем же, собственно, эпоха диктатуры сердца удовлетворяла первому пожеланию "либералов" более, чем нынешняя, не сердитая, диктатура? Ясно, что не о свободе в обыкновенном смысле идет дело, а о том, чтоб известного ценза печать, именующая себя "либеральною прессой", чувствовала себя силою, с которою надо считаться. "Пресса" предлагает популярность, а правительственные лица за то должны угождать ей и помогать ее пропаганде. Громкие сетования, якобы вырывающиеся от переполнения сердца, которое ищет излиться и не может, представляют собою, между прочим, маневр, основанный на расчете довольно оскорбительного для правительственных лиц свойства. Шумные возгласы порицаний, как это обыкновенно бывает, вызываются именно нетвердым образом действий правительственных лиц, дающим надежду, что шумом можно достигнуть цели. Считается даже возможным устыдить правительственные лица и заставить их действовать вопреки здравому смыслу, поставляя им на вид, что удовлетворение требованиям оного будет совпадением с "Московскими Ведомостями" и осуществлением катковских проектов. Словом, под именем свободы печати требуется, чтобы правительство запряглось в колесницу "прессы" и повезло на себе г. Стасюлевича со всею веселою компаниею. Правительство должно чувствовать священный страх пред упреком, что то или другое мероприятие не либерально, и допускать, чтобы на его глазах обрабатывалось общественное мнение, развращалось молодое поколение. Как бы явственно ни работала интрига, правительство обязано пребывать официально в глухоте и слепоте. Тогда будет свобода печати. Не точнее ли было бы сказать: свобода обмана? Никогда наша печать не обращалась в такой мере в орудие интриги, как теперь; чем же г. Стасюлевич недоволен? Обман, настойчиво повторяемый, разносимый каждодневно во все углы страны, твердимый в уши сотням тысяч людей, до которых так или иначе доходит печатное слово, не мог не оказывать сильнейшего действия. Выдуманное в столице разносилось по провинциям и, отражаясь, возвращалось к центру в виде якобы мнения страны. Фальшивое движение чрез пассивное и отчасти даже благосклонное отношение к нему правительства обращалось будто бы в неудержимый поток, силе которого остается только уступить. Кто желает правды, которая есть цель свободы слова, тот первым пожеланием на либеральном знамени поместил бы твердость правительственной власти. Даже "Голос" перестал бы лгать, если бы не

было выгоды в смуте и обмане. Старые и молодые развратители устыдились бы толкать молодежь в банды, если бы исчезла надежда на успех "движения".

На знамени "русских либералов" после свободы *прессы* значится, по свидетельству программы, свобода совести. Что же? Есть разве какие-либо утеснения совести? Мешают разве друзьям г. Стасюлевича в их молитвенных упражнениях? Ничего подобного, кажется, не заметно. Почему же вопрос о свободе совести выдвинут на передний план? Без сомнения, в законодательстве и по этой части найдутся недостатки, требующие устранения, но почему же именно они должны сделаться заботой дня при массе других неотложных вопросов? Оказывается, что "либералы" тут хлопочут не о себе и даже не об иноверцах, не имеющих никакой причины жаловаться. Специальную заботу "либералов" составляют, как оказывается, раскольники. В известной компании еще со времени Герцена чувствуется удивительная нежность к раскольникам, несмотря на то что старообрядец и наш якобы "либерал" находятся на противоположных полюсах мировоззрения, или "миросозерцания", по терминологии наших журналов. Дело в том, что в расколе кроме элемента противуцерковного предполагается отчасти элемент противугосударственный. Отсюда и нежность и забота о расколе в "либеральной программе". Требуется, чтобы элемент этот получил возможно сильное развитие, чтобы возникла смута, обнаружилось бы враждебное разделение в народной массе, поднялись бы вновь вопросы, отошедшие, казалось, в вечность. Вот для чего требуется то, что на знамени означено внушительным словом "свобода совести".

Требуется обеспечение "личности" от произвола администрации. Выступая в умеренно-либеральном тоне, составители программы только скользят по этому вопросу и сговариваются, что имеют в виду не административные высылки, не "поднадзорных"; речь-де идет не о мерах, вызываемых чрезвычайными обстоятельствами. Но о чем идет речь, это остается во мраке неизвестности. Повидимому, не о невероятных по возмутительности своей явлениях судебного произвола, от которого нет защиты. Судебным устройством друзья г. Стасюлевича довольны. Речь идет только об "администрации". Но что собственно требуется, то все-таки остается без разъяснения. Составители программы ограничиваются намеком на какой-то случай высылки за речь в земском собрании, не имевшую "ничего общего с политическим преступлением", и указанием зависимости от усмотрения администрации "участи лица, служащего по найму в земских или городских учреждениях". Заявляется только, что "неприкосновенность личных прав настоятельно нуждается у нас в защите, и разговор о ней нельзя откладывать до другой, более спокойной минуты". Но "разговор" о столь интересном предмете на двадцати строках так и прерывается. Почему же это? Можно подумать, что с устранением вопроса о правах "поднадзорных" и "нелегальных" тема так и иссякла. На то и умеренно-либеральный тон.

Следует "широкое развитие" образования. Это значит: допущение реалистов в университет (о самих университетах в программе благоразумно умалчивается) и предоставление обществу свободы действия по отношению к народной школе. "Пятнадцать лет (оказывается) печать боролась против стеснений, замедлявших и затруднявших поступательное движение народной школы", то есть именно в продолжение того времени, когда правительством в ведомстве министерства просвещения созданы в значительном числе народные школы, каких прежде вовсе не было. Зачем же было бороться, вместо того чтобы помогать этому делу? Нетрудно припомнить, что "борьба" велась не против небывалых стеснений к распространению образования, а против стеснений революционной пропаганды в народе.

Всякий знает, что наша эпоха знаменуется чрезвычайным ослаблением власти, ее шатанием, неверием в нее самих облеченных в нее лиц. Что же требуется "программу либералов"? Нетрудно догадаться, что требуется двинуться еще вперед

на пути безвластия. Это называется "правильным устройством местного управления и самоуправления". Программа предостерегает от "мелкой административной единицы, во главе которой стояли бы под новым именем, но с тою же или еще более широкою властью прежние мировые посредники". Уж одно это показывает вам, какая это партия вынесла свою программу. Мировые посредники оказались полезным учреждением, которое, может быть, и теперь было бы хорошо в системе местного управления. Но что было бы полезно, то, к сожалению, выходит не либерально и того г. Стасюлевич с своею компаниею не хочет.

Умеренная программа переходит, наконец, к вопросу, составляющему-де "главный предмет разногласия между либералами и нелибералами", - к вопросу "о так называемом правовом порядке". Хотя программа и оговаривается относительно трудности "откровенной речи" по этому предмету, высказывает, однако, с совершенно достаточною ясностью. Требуется последовать движению, "которым была ознаменована последняя сессия губернских земских собраний и самым ярким выражением которого служит ходатайство двенадцати губернских земств. Центр тяжести этих ходатайств заключается вовсе не в расширении принадлежащих губернским или вообще земским собраниям *настоящего состава*, а в *избрании* уполномоченных от *всех* земств Империи для обсуждения *всех* (все курсивы в подлиннике) важнейших вопросов внутреннего управления". Итак, требуется созвать палату народных представителей. Для чего, спрашивается, и что должно последовать далее? Достоин замечания, что по этому важнейшему пункту программы вожделья "либералов" отличаются самую курьезною подражательностью, хотя и дается обещание, что чаемое преобразование государственного строя будет либералами сделано в оригинальном стиле. Предлагаемый путь до наивности напоминает тот, каким совершилось революционное крушение Франции в конце прошлого века. Будут собраны выборные представители от всех земств (читай *assemblies provinciales* [собрание представителей провинции (фр.)]), вероятно, по несколько от каждого земского собрания, что имеет составить весьма внушительное собрание. Дабы перескочить через фазу сословных столкновений, какую началось собрание французских государственных чинов, наше собрание явится *всесловным* в самом начале своем. "Через избрание уполномоченных свершится, - поясняет составитель программы, - первый шаг, решительный и важный". Что последует за ним? Последует *сочинительство*. Что значит сочинительство, в статье объясняется с достаточною подробностью. Его надлежит понимать "в смысле приискания новых форм для нового содержания, новых средств для новых задач". Это в программе именуется также "снятием уз как с общества, так и с народа". По всей форме *Constituante*, то есть национальное собрание, имеющее задачу *сочинить конституцию* страны!

П. А. Плетнев. В редакцию "Вестника Европы"

"Прочь авторитеты!" -- повторял несколько раз в статьях своих один писатель, принимавшийся, подобно вам, за издание нового журнала. Авторитет представлялся ему в виде обидного для всех кумира, поставленного на подножие, с которого пришло время сбросить его¹.

Вы думаете иначе. В объявлении о своем "Вестнике Европы" вы сказали: "Прежде всего, мы желали *самым* выбором такого названия почтить память нашего достойнейшего отечественного историка в тот год, когда время открытия нового исторического журнала совпадает с первым столетним юбилеем рождения Карамзина". Такое воспоминание достойно его... Мне даже показалось, что и само число выпусков, ежегодно вами назначаемых, указывает на другой авторитет, который вы мысленно почтили: так являются трехмесячные обозрения тех светлых и высших британских умов, которых последователем был и Пушкин при основании своего "Современника"².

Итак, не все и не всегда смотрели враждебно на авторитеты, которых отличительный характер состоит именно в том, что они, не изменяя внутреннего своего достоинства, оставляют каждому свободный путь труда. Не их вина, если писатель иногда рабски тянется в каждой черте по чужим следам, не чувствуя, что он не только не воссоздает ничего творческого, но и разрушает его в основании.

Авторитет, какого бы он ни был времени, в отношении к нам то же, что природа. Она животворит нас и вдохновляет, не связывая наших сил и не налагая на них обязанности бездушного повторения. Истинное создание во всех проявлениях своих свободно. Тем не менее, оно не в противоречии с прекрасным, до него явившимся и всеми сознаваемым, будет ли оно в природе или в искусстве. Это отношение внушает нам только естественное сочувствие к авторитету.

Карамзин бесспорно замечательный литератор в лучшем и высшем значении этого слова. Чем ни занимался он в нашей литературе, на всем оставлялся след обновления и совершенствования. Его воображение, видимо, с полным успехом работало над каждой стороною избранного им предмета. Начиная с языка, важнейшей принадлежности в литературе, он дал образцы вкуса и заставил уважать высшие требования искусства, о которых до него никто и не думал. Но при всем том, эти улучшения, эти богатства, внесенные Карамзиным в общую сокровищницу литературы нашей, как и все, пережившее свой век, не могут быть снова принимаемы для поддержания достоинства и блеска современных трудов. На этом же поприще необходимо полное обновление. Жизнь и мысль народа не могут останавливаться. Как самое время, они беспрерывно мчатся вперед. Окружаемые при этом движением всем новым, мы прошлому отводим место в истории, подчиняясь в настоящем властительству новых сил.

По закону общего и неизменного преемничества, язык обогащается более точными выражениями, более приятными оборотами и более удобными формами сочинений. В описаниях и повествованиях являются иные краски, которые живее и соответственнее представляемым предметам. Пути направления мыслей разветвляются и расширяются. Источники новых исследований и воззрений безостановочно открываются и заставляют перерабатывать часто вековые идеи. Вот сколько побуждений, на основании которых вы должны были предварительно объявить (как это и исполнено вами), что в журнале своем вы не иначе намерены обрабатывать каждый отдел, как по требованиям ныне господствующего направления. Этим вы поставили себя вне всякой зависимости от Карамзина.

Между тем в этом же авторитете еще сколько остается сокровищ, которых благотворного влияния еще надо пожелать всякому. Карамзин любил неизменно и с преданностью свое поприще мысли, науки и вкуса. На нем он трудился не урывками, не для отдохновения и не по суетному внушению честолюбивых видов. Он вполне сознавал, что это его призвание на всю жизнь. Скромно посвятив всего себя столь благородному занятию, он в нем нашел всю прелесть жизни, удовлетворение лучшим потребностям души, оправдание в исполнении обязанностей гражданина и отрадную мысль о сочувствии к нему мыслящих людей.

Поразительнее всего неутомимость, настойчивость и добросовестность его в составлении "Истории Российского Государства". Труды предшественников его не представляли ему пособий ни в каком отношении. В нашей литературе не только не было перед ним ни одного образца, но и самые необходимые источники не были приведены в порядок и оставались по большей части в неизвестности. Сколько труда и терпения требовала одна тяжелая предварительная работа. И что же мы увидели? Какие только можно было, в тогдашнее время, отыскать материалы, привести их в порядок и извлечь из них все существенное, все необходимое, они явились проверенными, стройными и привлекательными в его создании. Карамзин провел целые годы посреди хаоса, чтобы выработать из него артистическое целое. Теперь нам легко выходить за ним на ту же работу, обозревать возделанное поле, измерять, расширять или уменьшать его части по

усмотрению, отыскивать другие точки для новых воззрений, словом: свободно и безотчетно пользоваться неисчислимыми сокровищами, в наследство нам перешедшими от Карамзина.

Когда, таким образом, сообщено было литературе полное и правильное движение, Карамзин, еще при жизни своей, был награжден новыми успехами вкуса и мысли, развившимися в его же сфере. Одна после другой, две новые школы не могли остаться незамеченными. Их основатели, как ни тесно соединены были с Карамзиным, но талант каждого выбрал себе независимую дорогу. Они подчинили себя учителю только в стремлении к совершенствованию искусства и в расширении области его. Известно, что Жуковский впервые опыты свои обрабатывал перед глазами основателя "Вестника Европы" {В. А. Жуковский начал публиковаться в журнале "Вестник Европы" в 1802 г. ("Сельское кладбище")}. В это же время мы начинаем чувствовать, что слог ученика представляет более силы и выразительности, что картины его ярче и полнее, что в основание произведений его положен религиозный элемент, согретый истинным и глубоким чувством. За ним является Пушкин, самообытный и совершеннейший художник. Он тем не менее сам торжественно называл себя учеником Карамзина и Жуковского. С появления произведений его все почувствовали, какое могущество представляет язык, сколько богатств хранит в себе мысль и какое духовное наслаждение в проявлении творчества.

Как ни разнообразны были эти писатели во всех отношениях к литературе, ни один, однако же, из них не отделился от другого, увлекаемый каким-нибудь эгоистическим чувством. Им казалось совершенно естественным и даже как бы законом справедливости чувствовать авторитет. Они сознавали в душе, что область искусства безгранична, что в ней каждый раз совершенство красоты найдет принадлежащее ему место и что все они идут к одной цели.

Благодушные Карамзина и его сочувствие ко всякому честному труду ума и вкуса распространились не на одних близких ему людей. Он готов был делиться опытностью своею и теплым участием в общем деле образования с каждым лицом, которое бы пожелало слышать его мнение о своих убеждениях. Поэтому, постепенно, все шире и шире становился круг желавших войти с ним в непосредственные отношения. Дом его наконец составлял как бы определенное место, где назидательный разговор и свободный обмен даже противоположных мыслей воспитывали и укрепляли лучшие стремления на пользу общества. Это был центр, откуда являлись уже выработанными основные идеи того времени.

Мы, в наше время, ничего подобного не видим, по крайней мере в литературе. Вам оставлю решить, к лучшему это, или напротив.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые: Вестник Европы. 1866. Т. 1. № 3. С. XI--XV. Печатается по: Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма / Сост., вступ. статья и прим. А. А. Шелаевой. М., 1988. С. 356--359.

Плетнев Петр Александрович (1791--1866) -- критик, поэт, журналист, издатель, педагог. Литературную деятельность Плетнев начинал как воспитанник карамзинской школы, встречался с Карамзиным на литературных вечерах. Плетнев воспринял карамзинскую веру в нравственное совершенствование человека, силу разума, в литературный прогресс и усвоил навсегда карамзинское правило критической оценки: "более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно" (*Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 230). Особое отношение к Карамзину Плетнев сохранял и в последующие годы.

В 1866 г. было предпринято издание журнала под карамзинским названием "Вестник Европы". На объявление об этом начинании откликнулся П. А. Плетнев. За 5 дней до смерти по просьбе М. М. Стасюлевича он написал письмо для первого номера журнала о высокой культурно-исторической миссии Карамзина, его плодотворных усилиях примирить различные культурные и общественные русские течения, сохраняя при этом способность к обновлению и развитию. Приветствуя издателей за желание "почтить память нашего достойнейшего отечественного историка" в год его столетнего юбилея и отвергая лозунг "Прочь авторитеты!", П. А. Плетнев определяет место Карамзина в истории русской литературы. "Карамзин бесспорно замечательный литератор в лучшем и высшем значении этого слова. Чем ни занимался он в нашей литературе, на всем оставался след обновления и совершенствования". Далее автор письма в редакцию

"Вестника Европы" высказывает вполне справедливую мысль о том, что все "эти улучшения, эти богатства, внесенные Карамзиным в общую сокровищницу литературы нашей, как и все пережившее свой век, не могут быть снова принимаемы для поддержания достоинства и блеска современных трудов. На этом поприще необходимо полное обновление". П. А. Плетнев солидарен с издателями журнала в том, что каждый его отдел должно обрабатывать не по старинке, а "по требованиям ныне господствующего направления", и именно этим издатели ставят себя "вне всякой зависимости от Карамзина".

Следующая мысль письма глубока и плодотворна: "Между тем в этом же авторитете еще столько остается сокровищ, которых благотворного влияния еще надо пожелать всякому". Но затем (и именно здесь проявляется парадокс тогдашнего отношения к Карамзину) П. А. Плетнев (продолжая уже сложившуюся традицию) начинает говорить не о литераторе, писателе, художнике слова, а о человеке и, пожалуй, об историке.

Отдавая дань искреннего уважения личности Карамзина, Плетнев называет его замечательнейшие качества: преданность своему поприщу, трудолюбие, отсутствие честолюбия, "неутомимость, настойчивость и добросовестность его в составлении "Истории Российского Государства"".

Высочайшая оценка карамзинского наследия отнесена именно к "Истории...". П. А. Плетнев развивает далее эту мысль. "Две новые школы" в русской литературе появились, утверждает он, в "сфере" Карамзина, хотя их представители выбрали себе "независимую дорогу"

Но заканчивается письмо снова обращением к личности Карамзина, упоминается его благодушие, его "сочувствие ко всякому честному труду ума и вкуса", его "тепло и участие" к близким и дальним, ко всем, кто пожелал бы слышать его "мнение о своих убеждениях".

Письмо стало литературным завещанием самого Плетнева.

¹ Речь, по-видимому, идет о Н. А. Полевом и его статье "История государства Российского Карамзина", опубликованной в "Московском телеграфе" (1829. Ч. 27. № 12. С. 487--500).

² Журнал был задуман как подобие английских трехмесячных "Review" (обозрений).

«Полярная звезда»

альманах

Альманах†«Полярная звезда. Карманная книжка для любителей и любителей русской словесности» издавался А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым в Петербурге. Вышло в свет три книжки — на 1823, 1824 и 1825 гг. На титульном листе — гравированная виньетка; кроме того, в «Полярной звезде» со второго выпуска помещались иллюстрации к некоторым произведениям, входящим в альманах.

Целью «Полярной звезды», по словам Бестужева, было «ознакомить публику с русской стариною, с родною словесностью, с своими писателями» (Ответ на критику «Полярной звезды», помещенную в 4, 5, 6 и 7 номерах «Русского инвалида» // СО. 1823. № 4. С. 174—175); отсюда, между прочим, апелляция к «любительницам словесности» — к образованным женщинам столичного общества, которым издатели стремились представить образцы новой, романтической литературы (см. также с. 422 наст. изд.). В замысел издателей входило и стремление освободить литературу от зависимости от меценатов и от диктата книгопродавцев; впервые в России они ввели авторский гонорар и способствовали профессионализации писательского труда. Декабрист Е. П. Оболенский в своих воспоминаниях отмечает, что Бестужев и Рылеев намеревались «дать вознаграждение труду литературному, более существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившие себя занятиям умственным. Часто их единственная награда состояла в том, что они видели свое имя, напечатанное в издаваемом журнале; сами же они, приобретая славу и известность, терпели голод и холод и существовали или от получаемого жалования, или от собственных доходов с имений и капиталов. Предприятие удалось. Все литераторы того времени согласились получить вознаграждение за статьи, отданные в альманах: в том числе находился и Александр Сергеевич Пушкин. "Полярная звезда" имела огромный успех и вознаградила издателей не только за первоначальные издержки, но и доставила им чистой прибыли от 1500 до 2000 рублей» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 102).

В «Полярной звезде» печатались самые видные в то время литераторы (Пушкин, Жуковский, Д. Давыдов, Крылов, Баратынский, Вяземский, Грибоедов, Дельвиг, Гнедич, Глинка, Бутарин, Плетнев, Греч, Сомов, Воейков, Корнилович, Сенковский, Батюшков, Кюхельбекер и др., в том числе и оба издателя), большая часть из которых входили в Вольное общество любителей российской словесности. Общество «соревнователей» и оказалось, таким образом, литературной средой, из которой вышла «Полярная звезда»; авторы ее были одновременно и вкладчиками «Соревнователя». Вместе с тем, альманах был детищем создавшейся в обществе более узкой литературной группы, объединявшей будущих участников Северного общества декабристов. Отдельные произведения, вошедшие в «Полярную звезду» на 1823 г., рассматривались на официальных заседаниях, что зарегистрировано в протоколах «ученых упражнений» Вольного общества (подробнее о зависимости первого выпуска альманаха от Вольного общества см.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подгот. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 816—818).

Собирать материал для альманаха издатели начали в 1822 г. (см. наиболее раннее упоминание в письме Д. В. Давыдова Бестужеву от 24 апреля 1822 г.: РС. 1888. № 10—12. С. 166). Альманах включал произведения различных жанров: стихотворения, отрывки из поэм, эпиграммы, повести, очерки, письма и пр. Материал не был четко разграничен по рубрикам.

Особое место в каждой книжке занимали критические обзоры Бестужева. В них выражалась литературная программа «Полярной звезды», и сопоставление трех этих обзоров обнаруживает определенные изменения в литературно-эстетической позиции альманаха в целом: от обзора к обзору все отчетливее становится требование «самобытности», «народности», а также требование гражданственности в поэзии, обращения к высоким, общественно значимым темам; все резче критикуется «подражательность»; все явственнее осознается зависимость состояния литературы от современных общественных и политических обстоятельств.

Альманах имел большой успех. Как сообщал Булгарин в «Литературных листках», «...в три недели раскуплено оной <"Полярной звезды". — Ред©> 1500 экземпляров: единственный пример в русской литературе, ибо, исключая "Историю государства Российского" г. Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не имели подобного успеха» (ЛЛ. 1824. Ч. 1. № 2. С. 64—65).

В ноябре 1825 г. Рылеев писал Пушкину: «Мы опять собираемся с Полярною. Она будет последняя, так по крайней мере мы решились» (XIII, 241). К этому времени, оба издателя были полностью поглощены непосредственной политической деятельностью. По воспоминаниям М. А. Бестужева, «...около декабря 1825 года дела тайного общества усложнились сношением с Южным обществом, когда остающееся от служебных обязанностей время было посвящено более священной деятельности, — брат Александр и Рылеев решились издать уже собранный материал в небольшом альманахе под названием "Звездочка"...» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1931. С. 124). «Звездочка» готовилась к новому году. До 14 декабря в типографии Главного штаба было отпечатано 80 страниц альманаха. По приказу Следственного комитета сразу же после восстания отпечатанные листы были конфискованы и 36 лет пролежали в кладовых бывшей военной типографии. В 1861 г. они были сожжены. Но все же два экземпляра «Звездочки» дошли до нашего времени. Один оказался в руках А. Н. Креницына, друга Бестужева, другой — у известного библиофила и издателя П. А. Ефремова (см.: Альманах «Звездочка» / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. М., 1981. С. 30—66).

Существуют свидетельства о намерении издателей «Полярной звезды» превратить альманах в журнал. 18 ноября 1825 г. Вяземский писал Бестужеву: «Мне сказали, что вы свой альманах обращаете в журнал, и я порадовался. Кто о чем, а я все время брежу о хорошем журнале» (РС. 1889. № 2. С. 321). Журнальная форма издания открывала гораздо большие возможности для пропаганды литературных, эстетических

и общественных программ, непосредственной реакции на явления современной литературной и социальной жизни, для полемики и т. д. «Полярная звезда» уже имела сложившуюся читательскую репутацию, программу и едва ли не лучший в России контингент участников и могла бы перерасти в периодическое издание, однако ситуация осени 1825 г. вряд ли оставляла Бестужева и Рылееву достаточно возможностей для осуществления такого плана, даже если они и вынашивали эти намерения. «Полярная звезда» положила начало «альманашному периоду русской словесности». Вслед за ней стали появляться новые альманахи: «Мнемозина» (1824—1825 гг.), «Северные цветы» (с 1825 г.), «Невский альманах» (с 1825 г.) и др. В «Полярной звезде» напечатаны следующие произведения Пушкина: В 1823 г. — «К Овидию», «Гречанке», «Увы, зачем она блистает...», «Война» (под названием «Мечта воина»).

В 1824 г. — «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»), «Нереида», «Адели» (под названием «В альбом малютке»), «К Морфею», «Редает облаков летучая гряда...», «Отрывок из послания В. Л. Пушкину» («Что восхитительней, живеи...»), «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Домовому», «К портрету Вяземского» (под названием «Надпись к портрету»).

В 1825 г. — отрывок из поэмы «Цыганы», «Послание к А<лексееву>» («Мой милый, как несправедливы...»), отрывок из поэмы «Братья разбойники».

В «Звездочку» Пушкин отдал отрывок из III главы «Евгения Онегина» («Ночной разговор Татьяны с ее няней»).

А.А. Бестужев (Бестужев-Марлинский)

Взгляд на старую и новую словесность в России

Гений красноречия и поэзии, гражданин всех стран, ровесник всех возрастов народов не был чужд и предкам нашим. Чувства и страсти свойственны каждому; но страсть к славе в народе воинственном необходимо требует одушевляющих песней, и славяне, на берегах Дуная, Днепра и Волхова, оглашали дебри гимнами победными. До XII века, однако же, мы не находим письменных памятников русской поэзии: все прочее сокрывается в тумане преданий и гаданий. Бытописания нашего языка еще невнятнее народных: вероятно, что варяго-россы (норманны, пришлецы скандинавские) слили воедино с родом славянским язык и племена свои, и от сего-то смешения произошел язык собственно русский; но когда и каким образом отделился он от своего родоначальника, никто определить не может. С Библиею (в X веке), написанною на болгаро-сербском наречии, славянизм наследовал от греков красоты, прихоти, обороты, словосложность и словосочинение эллинские, переводчики священных книг и последующие летописцы, люди духовного звания, желая возвыситься слогами, писали или думали писать языком церковным - и от того испестрили славянский отечественными и местными выражениями и формами, вовсе ему несвойственными. Между тем язык русский обживался в обществе и постепенно терял свою первобытную дикость, хотя редко был письменным и никогда книжным. Владычество татар впечатлело в нем едва заметные следы, но духовные писатели XVI и XVII столетий, воспитанные в пределах Польши, немало исказили русское слово испорченными славено-польскими выражениями. От времен Петра Великого, с учеными терминами, вкралась к нам страсть к германизму и латинизму. Век галлицизмов настал в царствование Елисаветы, и теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чуждых ему наречий. Нынешнее состояние одного увидим мы впоследствии; теперь мысленно пробежим политические препоны, замедлявшие ход просвещения и успехи словесности в России.

Новообращенные россияне, истребляя все носившее на себе отпечаток язычества, нанесли первый удар древней словесности. Скоро минул для поэзии красный век Владимиров, и на его могиле возникли междоусобия: Русь не могла отдохнуть под кроткою властью Ярослава и Мономаха, ибо удельные князья непрестанно ковали

крамолы друг на друга, накликали половцев, угров, черных клобуков и воевали с ними против братии своих. Разоренное отечество вековало на бранях противу домашних врагов или на страже от набегов соседних; наконец гроза разразилась над ним, и гордый могол, на пепелище русской свободы, разбил странственную свою палатку. Все, что может истребить огонь, меч и невежество, гибло. Как враны, воцарилось племя Батыево над пустынями и кладбищами. Варварство заградило страхом свет с Запада и Востока. В монастырях только и в вольном Новгороде тлелись искры просвещения; зато лишь нищета и невежество ручались за безопасность прочих. Мало-помалу оправлялась Россия от бед, опершись на меч Невского и Донского; оживала в княжении Калиты и Василия (Димитриевича); но иноземное просвещение упало вместе с Новгородом и его торговлею. Иоанн Грозный призвал на Русь науки и искусства; мудрый и несчастный Годунов ревностно им покровительствовал; но ужасы междоусобицы, злодеяния самозванцев, вероломство Польши и расхищения от шведов задушили семена, посеянные его рукою. Алексей образовал искусство ратное и политическими сношениями несколько приготовил россиян к важной перемене; но до благотворного царствования Петра науки были только делом, а не системою. Итак, подивимся ли, что хладный климат России произвел немногие цветы словесности! Пожары, войны и время истребили остальное. Небрежение русских о всем отечественном немало тому способствовало.

В летописях, до нас дошедших, первое место занимает Несторова. Они писаны хронически, слогом простым, не кудрявым, но более или менее ознаменованным славянизмом. В летописях Псковской и Новгородской встречаются места трогательные, исполненные рассуждений справедливых, а не одни случаи. В Несторовой видны искренность и здравомыслие. Русская правда - слепок с судебных законов скандинавских - и еще немногие грамоты и заветания княжеские писаны языком грубым, но кратким и сильным. Народные песни изменены преданием и едва ли древнее трехсот лет. Русский поет за трудом и на досуге, в печали и в радости, и многие песни его отличаются свежестию чувств, сердечною теплотою, нежностью оборотов; но беды отечества и туманное его небо проливают на них какое-то уныние, и вообще в них редко встречаются пылкие страсти и обилие мыслей.

Возвышенные песнопения старины русской исчезли, как звук разбитой лиры; одно имя соловья Бояна отгрянуло в потомстве, но его творения канули в бездну веков, и от всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев. Там находим мы незаимствованные красоты, иную природу, отменный круг действия. Безыменный певец вдохнул русскую боевую душу в язык юный, но и самую странностию привлекательный; он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, славолюбивый дух народа дышит в каждой строке. Драгоценная поэма сия, принадлежащая к XII веку, писана мерною прозою и языком, вероятно, южнорусским. Кажется, время сохранило ее, чтобы сильнее дать почувствовать потерю остального! В песне о битве Донской (XV века) нет того огня, той силы в очертании лиц, той самородной прелести, которые отличают песнь о походе Игоря. Впрочем, рассказ оной плавлен и затейлив, и ее должно читать наравне со всеми древностями нашего слова, дабы в них найти черты русского народа и тем дать настоящую физиогномию языку.

Одним шагом переступаем расстояние пяти столетий: новая эпоха в красноречии настает от Феофана, в стихотворстве от Кантемира. Первый (род. 1681, ум. 1736 г.), одаренный умом обширным, утонченным, двигал политические пружины государства, сердцами слушателей и читателей. Красноречие его убедительно: он говорит чувствам и от чувства; но язык Феофана неправилен, изломан, испещрен польским и славянским. Остроумный Кантемир (род. 1708, ум. 1744 г.), хотя неуспешно ввел французский, вялый силлабический размер, хотя писал слогом неровным, жестким,

хотя дружил нас с европейскими мыслями на языке народном, еще не обработанном, - но как философ, как верный живописец нравов и обычаев века будет жить славою в дальнем потомстве!

Подобно северному сиянию с берегов Ледовитого моря гений Ломоносова (род. 1711, ум. 1765 г.) озарил полночь. Он пробился сквозь препоны обстоятельств, учился и научал, собирал, отыскивал в прахе старины материалы для русского слова, созидал, творил - и целым веком двинул вперед словесность нашу. Русский язык обязан ему правилами, стихотворство и красноречие - формами, тот и другие - образцами. Дряхлевший слог наш оюнел под пером Ломоносова. Правда, он занял у своих учителей, немцев, какое-то единообразие в расположении и обилие в рассказе; но величие мыслей и роскошь картин искупают сии малые пятна в таланте поэта, создавшего язык лирический.

В то время как юный Ломоносов парил лебедем, бездарный Тредьяковский (род. 1703, ум. 1769 г.) пресмыкался, как муравей, разгадывал механизм, приличный русскому стопосложению, и оставил в себе пример трудолюбия и безвкусыя. Смехотворными стихами своими, в отрицательном смысле, он преподавал важный урок последующим писателям. Сумароков, современник и соперник Ломоносова, был отцом нашего театра. Он писал во всех родах; но теперь прежние венки его вянут и облетают: неумолимое потомство отказывает ему в славе образцового писателя.

В русских трагедиях подражание французским, совершенное отсутствие местности, бесхарактерность лиц, холодность страстей и сложность плана - суть всегдашние его пороки. Простота его басен, идиллий надута, веселость комедий принужденна, и вообще, редкие черты чувств и красоты воображения скрыты в тяжком, терновом слоге (род. 1718, ум. 1777 г.). Поповский, первый после Ломоносова, писал чистою прозою. Перевод "Опыта о человеке" Попа заслуживает внимания (род. 1730, ум. 1760 г.).

Медленною стопою двигалась вперед словесность: учреждение семинарий, Московского университета (1755), кадетских корпусов (1732, 1762), призвание иноземных ученых разливали просвещение; но им занят был один только ум: воображение еще дремало. Писатели, даже самые посредственные, были редки. Критика и соперничество не очищали языка, не придавали ему блеску и живости. С Петра III слог деловой стал очищаться от латинской примеси. Наконец настало золотое время для словесности и ученых. Великая Екатерина II словом и делом ободряла просвещение: размножила училища, основала Академию Российскую (1783) и тем же пером, коим решала судьбы государств, писала русские стихи, собственным примером вливая жар соревнования в подданных. Заслуги Екатерины для просвещения отечества неисчислимы. Все лучшие наши писатели возникли или образовались под ее владычеством.

Лирик Петров исполнен ярких мыслей, пламенных, смелых оборотов, быстро набросанных картин; но у него поэзия мыслей, а не стихов. Язык его разрывчат, шероховат и не всегда справедлив (род. 1736, ум. 1799 г.). Херасков, стихотворец эпический, по своему времени писал плавными стихами, хотя кудряво и пространно. Многие отрывки из поэм "Владимира" и "Россияды" картинны, великолепны, изобилуют местностями; из "Искателей счастья" обрисованы с приятным разнообразием. Никто из русских писателей не произвел более Хераскова во всех родах. Жаль только, что ему недоставало краткости и оригинальности (род. 1733, ум. 1807 г.). Богданович, поэт милый и добродушный, первый написал у нас стихотворную сказку, слогом легким, сердечным, замысловатым. Рассказ в его "Душеньке" прелестен и достоин предмета столь нежного; изображения живы, природны. Он разнообразен, подобно Протею, но в некоторых местах его стихосложение падает в прозаизм (род. 1743, ум. 1802 г.). Басни Хемницера не писаны, а рассказаны с непритворным добродушием, и сия-то гениальная небрежность составляет прелесть, которой нельзя

подражать и которой не должно в нем исправлять (род. 1744, ум. 1784 г.). Фонвизин в комедиях своих "Бригадире" и "Недоросле" в высочайшей степени умел схватить черты народности и, подобно Сервантесу, привести в игру мелкие страсти деревенского дворянства. Его критические творения будут драгоценными для потомства, как съёмки (facsimile) нравов того времени (род. 1745, ум. 1792 г.). В. Капнист известен колкою сатирою, комедию "Ябеды", оды его дышат благородством мыслей. Легкие стихотворения достойны древней антологии. Проза Кострова в переводе Оссиана и донныне может служить образцом благозвучия, возвышенности. Его стихи оригинальны. Перевод осьми песней "Илиады" не всегда равно выдержан, но силен, важен и цветист (род....ум. 1796г.). Трагик Княжнин известен на драматическом поприще "Дидоною" и "Вадимом", из комедий его имеют большое достоинство "Хвастун" и "Чудаки", из водевилей "Сбитеньщик"; прочие же театральные произведения суть рабские слепки с французских пьес. В Княжнине видно чувство. Язык его не совсем верен, но легок (род. 1742, ум. 1791 г.). Наконец, к славе народа и века, явился Державин, поэт вдохновенный, неподражаемый, и отважно ринулся на высоты, ни прежде, ни после него не достигаемые. Лирик-философ, он нашел искусство с улыбкою говорить царям истину, открыл тайну возвышать души, пленять сердца и увлекать их то порывами чувств, то смелостью выражений, то великолепием описаний. Его слог неуловим, как молния, роскошен, как природа. Но часто восторг его упреждал в полете правила языка, и с красотою вырывались ошибки. На закате жизни Державин написал несколько пьес слабых, но и в тех мелькают искры гения, и современники и потомки с изумлением взирают на огромный талант русского Пиндара, певца Водопада, Фелицы и Бога. Так драгоценный алмаз долго еще горит во тьме, будучи напоен лучом солнечным; так курится под снежною корою трехклиматный Везувий после извержения, и путник в густом дыме его видит предтечу новой бури! (род. 1743, ум. 1816 г.).

Рядом с ним, в роде легкой поэзии, возник Дмитриев и обратил на себя внимание всех. Игривым слогом, острою ума и чистотою отделки он снискал себе имя образцового поэта и заохотил русских к отечественному стихотворству. Милая, разборчивая муза его, изъясняясь языком лучших обществ, нашла друзей даже в кругу светских женщин и своим влиянием на все сословия принесла важную пользу словесности. Летучий рассказ его повестей пленителен, утонченность насмешки в сатирах примерна; равно как поэт и баснописец Дмитриев украсился венком Лафонтена и первый у нас создал легкий разговор басенный. Оригинальный переводчик с французского, он передал нашему главному языку всю заманчивость, всю игру, все виды первого (род. 1760 г.).

Между тем как Державин изумлял своими одами, как Дмитриев привлекал живым чувством в песнях, картинностью в оригинальных произведениях - блеснул Карамзин на горизонте прозы, подобно радуге после потопа. Он преобразовал книжный язык русский, звучный, богатый, сильный в сущности, но уже отягчальный в руках бесталантных писателей и невежд-переводчиков. Он двинул счастливою новизною ржавые колеса его механизма, отбросил чуждую пестроту в словах, в словосочинении и дал ему народное лицо. Время рассудит Карамзина как историка; но долг правды и благодарности современников венчает сего красноречивого писателя, который своим прелестным, цветущим слогом сделал решительный переворот в русском языке на лучшее. Легкие стихотворения Карамзина ознаменованы чувством: они извлекают невольный вздох из сердца девственного и слезу из тех, которые все испытали (род. 1765 г.).

В шутовском роде (burlesque) известны у нас Майков и Осипов. Первый (род. 1725, ум. 1778 г.) оскорбил образованный вкус своею поэмою "Елисей". Второй, в "Энеиде" наизнанку, довольно забавен и оригинален. Ее же на малороссийское наречие с большою удачею переложил Котляревский. Нелединский-Мелецкий познакомил нежными своими песнями прекрасных наших соотечественниц с родным языком,

который так нежно ласкает слух и так сладостно проникает сердце (род. 1751 г.). Ему удачно последовал граф Салтыков. Бобров изобилен сильными мыслями и резкими изображениями. В "Херсониде" встречаются оригинальные красоты, но слог его нередко напыщен и падение стоп тяжело (ум. 1810 г.). Князь Долгорукий отличен свободным рассказом и непринужденною веселостию. Несмотря на частые стихотворные вольности, его "Авось", "Камни", "К соседу" и "Завещание" всегда будут читаемы за русское их выражение (род. 1764 г.). Граф Хвостов, трудолюбивый стихотворец наш, писал в различных родах, и в нем нередко встречаются новые мысли. Одами своими заслужил он недвусмысленную славу, и публика уже оценила все пиитические его произведения (род. 1757 г.). Муравьев (род. 1757, ум. 1807 г.) писал мужественною, чистою, Подшивалов (род. 1765, ум. 1813 г.) безыскусственною прозою. Слог обоих имеет тем большее достоинство, что они, писав в одно время с Карамзиным, соучаствовали в преобразовании слога. Макаров острыми критиками своими оказал значительную услугу словесности (род. 1765, ум. 1804 г.). Востоков первый показал опыт над гибкостию русского языка для всех стихотворных размеров. Унылая поэзия его дышит философиею и глубоким чувством (род. 1781 г.). Марин славен острыми сатирами и забавными пародиями (ум. 1813 г.). Князь Горчаков превзошел его колкостию, правдою и народностию своих сатир; к сожалению, их не много (род. 1762 г.). Пнин с дарованием соединял высокие чувства поэта. Слог его особенно чист (род. 1733, ум. 1805 г.). М. Кайсаров сделал себе имя переводом Стерна, Мартынов (род. 1771 г.) переводил Дюпати, Руссо и некоторых греческих классиков - труд немаловажный с нашим упрямым языком для прозы общежительной. Князь Шаликов писал нежною прозою. Он обилен мелкими стихотворными сочинениями. Его муза игрива, но нарумянена. Панкратий Сумароков отличен развязною шутивостию в стихах своих, не всегда гладких, но всегда замысловатых. "Слепой Эрот" доказывает, что сибирские морозы не охладили забавного его воображения. Баснописец Александр Измайлов рисует природу, как Теньер. Рассказ его плавлен, естествен; подробности оного заставляют смеяться самому действию. Он избрал для предмета сказок низший класс общества и со временем будет иметь в своем роде большую цену, как верный историк сего класса народа (род. 1779 г.). Беницкий написал только три сказки, зато образцовою прозою. Из них "На другой день, или Завтра", - будет на всех языках оригинальною, ибо кипит мыслями. Смерть рано похитила его у русской словесности! (род. 1780, ум. 1809 г.). Шишков - писатель прозаический. Начатки его ознаменованы легкостию слога. Безделки, написанные им для детей, могут служить образцами в сем роде. Впоследствии, когда слезливые полурусские иеремиады наводнили нашу словесность, он сильно и справедливо восстал противу сей новизны в полемической книге "О старом и новом слоге". Теперь он тщательно занимается родословною русских наречий и речений и доводами о превосходстве языка славянского над нынешним русским (род. 1754г.). Стихи Шатрова полны резких мыслей и чувств, но слог псалмов его устарел. Князь Шихматов имеет созерцательный дух и плавность в элегических стихотворениях. Впрочем, его поэзия сумрачна. Судовщиков с большою легкостию и правдою обрисовал свою комедию в стихах "Неслыханное диво, или Честный секретарь". Ефимьев довольно удачно изобразил в стихотворной же комедии преступника от игры (ум. 1804 г.). Аблесимов известен своим старинным национальным водевилем "Мельник" (ум. 1784 г.). Крюковской написал трагедию "Пожарской", в которой более патриотизма, нежели истины. В ней, однако же, есть возвышенные места в отношении к чувствам и характерам (род. 1781, ум. 1811 г.). Наконец, на поприще трагическом, Озеров далеко оставил за собою своих предшественников. Им обладали чувства глубокие и воображение пламенное - творцы великих людей или могущих поэтов. Из пяти трагедий, им написанных, "Эдип" берет безусловное первенство над прочими истинною выразительностию характеров и благородством разговора. "Фингал"

одушевлен оссиановскою поэзию; "Донской" изобилует счастливыми стихами, игрою страстей, народностию и картинами; но характер героя пьесы унижен. Прозаизмы редки в Озерове, и александрийские его стихи звучны и важны (род. 1770, ум. 1816 г.). ...Теперь приступаю к характеристике особ, прославившихся или появившихся в течение последнего пятнадцатилетия. В ней найдут мои читатели и поэтов, составляющих созвездие Северной Лиры, и писателей, кои, сверкнув, исчезали подобно кометам, даже и тех, которых имена мелькают воздушными огнями в эфемерных журналах. Тесные рамы сего обзора не позволяют мне упомянуть о писателях, занимающихся предметами учеными и потому не прямо действующих на словесность.

И. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравоучению. В каждом его стихе виден русский здравый ум. Он похож природою описаний на Лафонтена, но имеет свой особый характер: его каждая басня - сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия. Читая стихи его, не замечаешь даже, что они стопованы, - и это-то есть верх искусства. Жаль, что Крылов подарил театр только тремя комедиям. По своему знанию языка и нравов русских, по неистощимой своей веселости и остроумию он мог бы дать ей черты народные (род. 1768 г.).

С Жуковского и Батюшкова начинается новая школа нашей поэзии. Оба они постигли тайну величественного, гармонического языка русского; оба покинули старинное право ломать смысл, рубить слова для меры и низать полубогатые рифмы. Кто не увлекался мечтательною поэзию Жуковского, чарующего столь сладостными звуками? Есть время в жизни, в которое избыток неизъяснимых чувств волнует грудь нашу; душа жаждет излиться и не находит вещественных знаков для выражения: в стихах Жуковского, будто сквозь сон, мы как знакомцев встречаем олицетворенными свои призраки, воскресшим былое. Намагниченное железо клонится к безвестному полюсу, - его воображение - к таинственному идеалу чего-то прекрасного, но неосязаемого, и сия отвлеченность проливает на все его произведения особенную привлекательность. Душа читателя потрясается чувством унылым, но невыразимо приятным. Так долетают до сердца неясные звуки Эоловой арфы, колеблемой вздохами ветра.

Многие переводы Жуковского лучше своих подлинников, ибо в них благозвучие и гибкость языка украшают верность выражения. Никто лучше его не мог облечь в одежду светлого, чистого языка разноплеменных писателей; он передает все черты их со всею свежестию красок портрета, не только с бесцветной точностью силуэтною. Он изобилует, разнообразен, неподражаем в описаниях. У него природа видна не в картине, а в зеркале. Можно заметить только, что он дал многим из своих творений германский колорит, сходящий иногда в мистику, и вообще наклонность к чудесному; но что значат сии бездельные недостатки во вдохновенном певце 1812 года, который дышит огнем боев, в певце Луны, Людмилы и прелестной, как радость, Светланы? Переводная проза Жуковского примерна. Оригинальная повесть его "Марьяна роша" стоит наряду с "Марфою Посадницею" Карамзина (род. 1783 г.).

Поэзия Батюшкова подобна резвому водомету, который то ниспадает мерно, то плещется с ветерком. Как в брызгах оно переломляются лучи солнца, так сверкают в ней мысли новые, разнообразные. Соперник Анакреона и Парни, он славит наслаждения жизни. Томная нега и страстное упоение любви попеременно одушевляют его и, как электричество, сообщаются душе читателя. Неодолимое волшебство гармонии, игривость слога и выбор счастливых выражений довершают его победу. Сами грации натирали краски, эстетический вкус водил пером его; одним словом, Батюшков остался бы образцовым поэтом без укора, если б даже написал одного "Умирающего Тасса" (род. 1787 г.). Александр Пушкин вместе с двумя

предыдущими составляет наш поэтический триумвират. Еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога, и в первой юности дался ему клад русского языка, открылись чары поэзии. Новый Прометей, он похитил небесный огонь и, обладая оным, своенравно играет сердцами. Каждая пьеса его ознаменована оригинальностью; после чтения каждой остается что-нибудь в памяти или в чувстве. Мысли Пушкина остры, смелы, огнисты; язык светел и правилен. Не говорю уже о благозвучии стихов - это музыка; не упоминаю о плавности их - по русскому выражению, они катятся по бархату жемчугом! Две поэмы сего юного поэта, "Руслан и Людмила" и "Кавказский пленник", исполнены чудесных, девственных красот: особенно последняя, писанная в виду седовласого Кавказа и на могиле Овидиевой, блистает роскошью воображения и всею жизнью местных красот природы. Неровность некоторых характеров и погрешности в плане суть его недостатки - общие всем пылким поэтам, увлекаемым порывами воображения (род. 1799 г.).

Остроумный князь Вяземский щедро сыплет сравнения и насмешки. Почти каждый стих его может служить половицею, ибо каждый заключает в себе мысль. Он творит новые, облагораживает народные слова и любит блистать неожиданностью выражений. Имея взгляд беглый и соображательный, он верно ценит произведения разума, научает шутками и одевает свои суждения приманчивою светскостию и блесками ума просвещенного. Многие из мелких его сочинений сверкают чувством, все скреплены печатью таланта, несмотря на неровное инде падение звуков и длину периодов в прозе. Его упрекают в расточительности острот, не оставляющих даже теней в картине, но это происходит не от желания блистать умом, но от избытка оногo (род. 1792 г.).

В Гнедиче виден дух творческий и душа воспламеняемая, доступная всему высокому. Напитанный древними классиками, он сообщил слогу своему ненапыщенную важность. Поэма его "Рождение Гомера" цветет красотою неба Эллады. В его элегиях отзывается чувство необыкновенно глубокое, и самый язык в оных отработан с большею тщательностию. Ему обязаны мы счастливым появлением народной идиллии. Он усыновляет греческий гекзаметр русскому вселичному языку, и Гомер является у нас в собственной одежде, а не в путах тесного утомительного александрийского размера (род. 1784 г.).

В сочинениях Ф. Глинки отсвечивается ясная его душа. Стихи сего поэта благоухают нравственностию; что-то невещественно-прекрасное чудится сквозь полупрозрачный покров его поэзии и, сливаясь с собственной нашею мечтою, невольно к себе привлекает. Он владеет языком чувств, как Вяземский языком мыслей. Проза его проста, благозвучна и округленна, хотя несколько плодовита. "Письма русского офицера" написаны пером патриота-воина. Стихотворения Глинки видимо усовершенствуются в отношении к механизму и обдуманности. В заключение скажем, что он принадлежит к числу писателей, которых биография служила бы лучшим предисловием и комментарием для их творений (род. 1787 г.).

Амазонская муза Давыдова говорит откровенным наречием воинов, любит беседы вокруг пламени бивуака и с улыбкою рыщет по полю смерти. Слог партизана-поэта быстр, картинен, внезапен. Пламень любви рыцарской и прямодушная веселость попеременно оживляют оный. Иногда он бывает нерадив к отделке; но время ли наезднику заниматься убором? В нежном роде - "Договор с невестою" и несколько элегий; в гусарском - залетные послания и зачашные песни его останутся навсегда образцами (род. 1784 г.).

Баратынский по гармонии стихов и меткому употреблению языка может стать наряду с Пушкиным. Он нравится новостью оборотов; его мысли не величественны, но очень милы. "Пиры" Баратынского игривы и забавны. Во многих безделках виден развивающийся дар; некоторые из них похищены, кажется, из альбома Граций. Милонов, поэт сильный в сатирах и чувствительный в элегиях. В его стихах слышится

голос тоски неизлечимой. Слог Милонова неуклончив, сжат и решителен; но стихосложение иногда отрывисто (род. 1792, ум. 1821 г.). Воейков прелестен в своих сатирических посланиях, нередко живописен в "Садах" Делиля, силен в некоторых эпизодах поэмы "Искусства и науки". Впрочем, он поэт, вдохновенный умом, а не воображением. Язык его не довольно высок для предмета, и течение стихов временем бывает затруднено длинными речениями (род. 1783 г.).

Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, просил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков. Долг скромности заставляет меня умолчать о достоинстве его произведений (род. 1795 г.). Притчи Остолопова оригинальны резкостью и правдою нравоучений; сатиры его едки и портретны. Он оказал большую услугу словесности изданием словаря поэзии (род. 1782 г.). Родзянка, беспечный певец красоты и забавы: он пишет не много, но легко и приятно.

Мерзляков подарил публику занимательными разборами и характеристикою наших лучших писателей. В оных, без сухости, без педанства, показав твердое знание языка, умел он оттенить каждого с верностью и разновидностью. Песни Мерзлякова дышат чувством: переводы "Науки о стихотворстве", Virgiliевых "Эклог" и еще некоторые примеры. Но должно признаться, что его стихосложение небрежно и утонченный вкус не всегда водил пером автора (род. 1778 г.). В. Пушкин отличен вежливым, тонким вкусом, рассказом природным и плавностию, которые украшают мелкие его произведения (род. 1770 г.). Плетнев удачно пошел по следам Мерзлякова в характеристике поэтов. В мечтательной поэзии он подражатель Жуковского. Знание родного языка и особенная гладкость стихов составляют отличительные его достоинства; неопределенность цели и бледность колорита - недостатки. Его стихотворения можно уподобить гармонике. В частности, у Плетнева встречаются пьесы - игрушки стихотворства, украшенные всеми цветами фантазии. В романтическом роде лучшее его произведение - элегия "Миних".

Дельвиг - одарен талантом вымысла; но, пристрастясь к германскому эмпиризму и древним формам, нередко вдается в отвлеченность. В безделках его видна ненарушенная природа. Идиллии Панаева довольно естественны, очень милостивы; но они прививной плод в России. Рассказ его нежен, плавлен, но язык не всегда правилен (род. 1792 г.). Александр Крылов имеет редкое достоинство переливать иноземные красоты в русские, не изменяя мыслям подлинника. Муза его подражательная, но стихи очаровывают своею звучностию. Полуразвернувшиеся розы стихотворений Михаила Дмитриева обещают в нем образованного поэта, с душою огненною. Переводы Раича Virgiliевых "Георгик" достойны венка хвалы за близость к оригиналу и за верный, звонкий язык. Один удачно перевел некоторые горацянские оды. В его элегиях есть истина и новые мысли. Филимонов вложил много ума и чувствительности в свои произведения: он успешно переводил Горация. Межаков в безделках своих разбросал цветки светской философии с стихотворною легкостию. Козлов, поэт-слепец, пишет мило и трогательно. Иванчин-Писарев обилён картинами и словами. Сверх означенных здесь можно с похвалою упомянуть об Александре Писареве, Маздорфе, Норове и Нечаеве.

В стихотворениях Анны Буниной и Анны Волковой - двух женщин-поэтов - рассеяно много чувствительности и меланхолии, но механизм оных недовольно легок. Однако же "Падение фаэтона" первой из них разнообразно красотою вымысла. Еще некоторые из соотечественниц наших бросали иногда блестящие поэзии в разных журналах, и хотя пол авторов можно было угадать без подписи их имен, но мы должны быть признательны за подобное снисхождение, мы должны радоваться, что наши красавицы занимаются языком русским, который в их устах получает новую жизнь, новую прелесть. Они одни умеют избрать средину между школьным и слишком обыкновенным тоном, смягчить и одушевить каждое выражение. Тогда появится у нас

слог разговорный, слог благородной комедии, чего до сих пор не было на сцене, ибо он не слышен в гостиных.

Для трагедии ни один из живых европейских языков не может быть склоннее русского: отсутствие членов и умолчание глаголов вспомогательных творят его плавным, разнообразным и вместе сжатым. Высокость речений славянских, важность и богатство звуков придают ему все мужество, необходимое для выражения страстей нежных или суровых. Со всем тем у нас не существует народной трагедии и, кроме Озерова, не было трагиков; но и тот, покорствуя временности, заковал своего гения в академические формы и в рифмованные стихи. Князь Шаховской заслуживает благодарность публики, ибо один поддерживает клонящуюся к разрушению сцену - то переводными, то передельными драмами и водевилями. Он сочинил трагедию "Дебору", переложил "Абуфара", но настоящее дело его есть комедия. В ней видны легкость и острота, но мало оригинального. Поспешность, с которою пишет он для сцены, оиереживает отделку стихов и правила языка. Из фарсов лучшие суть "Два соседа" и "Полубарские затеи", ибо в них схвачены черты народные; из комедий благородных "Своя семья" и "Какаду". Разговорный язык его развязен, текущ, но недовольно высок для хорошего общества, и нередко поблеклая мишура заемных острот портит слог его. Кокошкин прелестно и верно перевел "Мизантропа"; Грибоедов весьма удачно переделал с французского комедию "Молодые супруги" (*Le secret du mariage*); стихи его живы; хороший их тон ручается за вкус его, и вообще, в нем видно большое дарование для театра. Лобанов передал Расинову "Ифигению" с неотступною верностию и чувством оригинала. Он скоро подарит публике "Федрую". Любители театра желают для обогащения оного иноземными классическими произведениями, чтобы у нас было более подобных ему переводчиков. Тщательная его отделка - заметим мимоходом - иногда замедляет порывы страстей пылких. Висковатов написал трагедию "Ксения и Темир", которой ход довольно правдоподобен, ибо основан на вымысле. Страсти высказаны стихами звучными, но они многоречивы, и действие связно. "Гамлет" явился на русской сцене его старанием. В комедиях Загоскина разговор естествен, некоторые лица и многие мысли оригинальны, но планы их не новы. Хмельницкому обязаны мы самыми беглыми стихами в роде комическом. Как нельзя лучше перепел он "Говоруна" Буасси; переделал "Воздушные замки" Колен д'Арлевиля и передал нам несколько водевилей. В нем мало своего; зато в подражании нет надутости. Жандр, с товарищами, перевел с французского несколько трагедий и одну комедию, от чего многоручные переводы сии получили пестроту в слоге; трагические стихи его гладки, нередко сильны и часто заржавлены старинными выражениями. Катенин, переводчик "Сида", "Эсфири", Грессетовой комедии "*Le marchand*" ("Злоязычный" (фр.)) и двух четвертых действий в трагедиях "Гораций" и "Медея"; сочинитель баллад, критик и антикритик и лирических стихов. Борис Федоров писал много для сцены, но мало по вкусу публики. Однако ж в отрывках его "Юлия Цезаря" виден дар к трагедии. Имена прочих авторов и переводчиков пьес случайных известны только по бенефисным афишам и, вероятно, не переживут их в потомстве!

Оставив за собою бесплодное поле русского театра, бросим взор на степь русской прозы. Назвав Жуковского и Батюшкова, которые писали столь же мало, сколь прелестно, невольно останавливаешься, дивясь безлюдью сей стороны, - что доказывает младенчество просвещения. Гремущка занимает детей прежде циркуля: стихи, как лесть слуху, сносны даже самые посредственные; но слог прозы требует не только знания грамматики языка, но и грамматики разума, разнообразия в падении, в округлении периодов, и не терпит повторений. От сего-то у нас такое множество стихотворцев (не говорю, поэтов) и почти вовсе нет прозаиков, и как первых можно укорить бледностию мыслей, так последних погрешностями противу языка. К сему присоединилась еще односторонность, происшедшая от употребления одного

французского и переводов с сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото одного на блестящие заморские безделки.

Обратимся к прозаикам. Резким пером Каченовского владеет язык чистый и важный. Редко кто знает правила одного основательнее сего писателя. Исторические и критические статьи его дельны, умны и замысловаты. Слог переводов Вл. Измайлова цветист и правилен, подобно переводному слогу Каченовского. Оба они утвердили своими игривыми переводами знакомство публики нашей с иноземными писателями. Броневский, автор записок морского офицера, изобразил, будто в панораме, берега Средиземного моря. Он привлекает внимание разнообразием предметов, слогом цветущим, быстротою рассказа о водных и земных сражениях и пылкостью, с которой передает нам геройские подвиги неприятелей, друзей и сынов России. Он счастливо избег недостатка многого множества путешественников, утомляющих подробностями. Он занимателен всем и нигде не скучен: жаль только, что язык его неправилен.

Греч соединяет в себе острогу и тонкость разума с отличным знанием языка. На пламени его критической лампы не один литературный трутень опалил свои крылья. Русское слово обязано ему новыми грамматическими началами, которые скрывались доселе в хаосе прежних грамматик, и он первый проложил дорогу будущим историкам отечественной словесности, издав опыт истории одной. Греч не много писал собственно для литературы, но в письмах его "Путешествия по Франции и Германии" заметны наблюдательный взор и едкость сатирическая, но в рассказе пробивается нетерпенье. Булгарин, литератор польский, пишет на языке нашем с особенною занимательностию. Он смотрит на предметы с совершенно новой стороны, излагает мысли свои с какою-то военною искренностию и правдою, без пестроты, без игры слов. Обладая вкусом разборчивым и оригинальным, который не увлекается даже пылкою молодостью чувств, поражая незаимствованными формами слога, он, конечно, станет в ряд светских наших писателей. Его "Записки об Испании" и другие журнальные статьи будут всегда с удовольствием читаться не только русскими, но и всеми европейцами. Головин описал свое пребывание в плену японском так искренно, так естественно, что ему нельзя не верить. Прямой, неровный слог его - отличительная черта мореходцев - имеет большое достоинство и в своем кругу занимает первое место после слога Пл. Гамалеи, который самые сухие науки оживляет своим красноречием. Свиньин, сочинитель живописного "Путешествия по Америке" и многих журнальных статей, пишет обо всем русском, достойном внимания патриотов. Его слог небрежен, но выразителен. В "Письмах схимника", сочинении Ф. Львова, нередко вспыхивают сердечные чувства с искрами поэзии; там много речений, но мало новости в слоге. В статьях Н. Кутузова видны цель и дух благородной души; но слог несколько пышен для избранных им предметов. Критики Сомова колки и не всегда справедливы. П. Яковлев обещает многое в роде Жуй; слог его оригинален, отрывист; приношения остры и забавны. Кюхельбекер одарен летучим воображением и мечтательностию. В "Европейских письмах" его встречаются картины удачные и новые. Нарезный в "Славянских вечерах" своих разбросал дикие цветы северной поэзии. Впрочем, проза его слишком мерна и однозвучна. Он написал два романа, где много портретов и новых мыслей. Дм. Княжевич пишет мило, умно и правильно - три вещи, довольно редкие на Руси: его отечественные синонимы очень занимательны. Меньпенина перевод "Писем о химии" заслуживает внимания равно в прозаическом, как и в стихотворном отношении; он светел, игрив, верен оригиналу и правилам нашего слова.

Сим заключаю ряд прозаиков; ибо другие безыменные или ожидающие имен писатели, по малости или по бесхарактерности их творений, не произвели никакого влияния на словесность.

В сей картине, мною начертанной, читатели увидят, в каком бедном отношении

находится число оригинальных писателей к числу пишущих, а число дельных произведений к количеству оных. Рассмотрим тому причины.

Во-первых: необъятность империи, препятствуя сосредоточению мнений, замедляет образование вкуса публики. Университеты, гимназии, лицеи, институты и училища, умноженные благотворным монархом и поддерживаемые щедротами короны, разливают свет наук, но составляют самую малую часть в отношении к многолюдству России. Недостаток хороших учителей, дороговизна выписных и вдвое того отечественных книг и малое число журналов, сих призм литературы, не позволяют проникать просвещению в уезды, а в столицах содержать детей не каждый в состоянии. Феодальная умонаклонность многих дворян усугубляет сии препоны. Одни рубят гордые узел наук мечом презрения, другие не хотят учением мучить детей своих и для сего оставляют невозделанными их умы, как нередко поля из пристрастия к псовой охоте. В столицах рассеяние и страсть к мелочам занимают юношей; никто не посвящает себя безвыгодному и бессребренному ремеслу писателя, и если пишут, то пишут не по занятию, а шутя; и к чести военного звания - должно сказать, что молодые офицеры наиболее, в сравнении с другими, основательно учатся. Впрочем, у нас нет европейского класса ученых (*lettres, savants*); ибо одно счастье дает законы обществу, а наши богачи не слишком учены, а ученые вовсе не богаты. В отношении к писателям я замечу, что многие из них сотворили себе школы, коих упрямство препятствует усовершенствованию слова; другие не дорожат общим мнением и на похвалах своих приятелей засыпают беспробудным сном золотой посредственности.

Человек есть существо более тщеславное, чем славлюбивое. Поэт, романтик, ученый работает в тиши кабинета, чтобы собрать дань похвалы в людях; но когда он видит труды свои гибнущими в книжной лавке и безмолвие, встречающее его в обществе, где даже никто не подозревает в нем таланта; когда, вместо награды, он слышит одни насмешки, - променяет ли он маки настоящего на неверный лавр отдаленного будущего?

Наконец, главнейшая причина есть изгнание родного языка из обществ и равнодушие прекрасного пола ко всему, на оном писанному! Чего нельзя совершить, дабы заслужить благосклонный взор красавицы? В какое прозаическое сердце не вдохнет он поэзии? Одна улыбка женщины милой и просвещенной награждает все труды и жертвы! У нас почти не существует сего очарования, и вам, прелестные мои соотечественницы, жалуются музы на вас самих!

Но утешимся! Вкус публики, как подземный ключ, стремится к вышине. Новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его.

Время невидимо сеет просвещение, и туман, лежащий теперь на поле русской словесности, хотя мешает побегу, но дает большую твердость колосьям и обещает богатую жатву.⁵²

Русский инвалид

*«Русский инвалид» - военная благотворительная газета
Петербург, Надеждинская улица, дом Трута (ныне Маяковская, 42).*

Газета «Русский инвалид» была основана в благотворительных целях сбора средств на помощь пострадавшим войнам. Создателем и первым редактором ее был П. П. Пеаровиус. В 1814 г. издание перешло в ведение Александровского комитета о раненых и стало, таким образом, официальным органом печати. С 1862 г. газету издает

⁵² Впервые опубликовано: "Полярная звезда". СПб., 1823.

военное министерство. За почти сто лет существования «Русский инвалид» поменял более десятка редакторов. В их числе был А. А. Краевский, впоследствии основавший крупную газету «Голос», Н. Г. Писаревский, сумевший придать официальной военной газете либеральную окраску и др.

Первые годы (во время войны с наполеоновской Францией) основным содержанием газеты были вести о действиях русских войск за границей. Затем издатель стал помещать статьи о науках и искусствах, театральную критику и проч. После перехода «Русского инвалида» в лагерь правительственных изданий газета стала публиковать главным образом официальную информацию (другие издания не могли ее печатать), неофициальный отдел сильно уменьшился.

В 1813 г. «Русский инвалид» выходил один раз в неделю, спустя год – два раза в неделю, спустя еще два года Пезаровиус сделал издание ежедневным (кроме понедельников). Самый высокий тираж был у газеты в 1814 г. – 8 тыс. экземпляров. В дальнейшем таких показателей «Русский инвалид» уже не достигнет – средние его тиражи будут держаться на уровне 3-4 тыс. экземпляров.⁵³

Литературная газета издаваемая бароном Дельвигом

"Литературная газета" - русская газета, выходившая в Петербурге раз в 5 дней, с 1 января 1830 по 30 июня 1831 г. Редактор-издатель по ноябрь 1830 г. (№ 1-64) - А.А. Дельвиг, далее (№№ 65-72 1830 г., №№ 1-37 1831 г.) - О.М. Сомов. "Литературная газета" была организована кружком литераторов, объединившихся вокруг альманаха барона Дельвига "Северные цветы" при самом деятельном участии А.С. Пушкина и кн. Вяземского. Согласно условиям разрешения к изданию, газета носила чисто литературный характер, политический отдел не был дозволен. А.С. Пушкин, стремившийся добиться издания независимого во всех отношениях, ходатайствовал о расширении программы, но безрезультатно. Однако, газета с самых первых выпусков приобрела политически оппозиционный характер. Так, в период Турецкой кампании многие строки стихов, путевых записок Пушкина звучали как напоминание о жестокостях войны, шедшее вразрез с официально-патриотическими одами царю со стороны "Северной пчелы" Ф. Булгарина и "Московского телеграфа" Н.А. Полевого. В августе 1830 г. Дельвиг получил выговор за фразу "аристократов к фонарю", взятую из

53 <http://www.peterburg-gazeta.ru/glavnoe4>

французской революционной песни. В октябре за цитирование стихотворения К. Делавиня, написанного для предполагавшегося в Париже памятника жертвам Июльской революции 1830 г. А.А. Дельви́г был отстранен от редактирования газеты, которое с № 65 перешло к Сомову.

Особый интерес "Литературная газета" представляет в связи с издательской, редакторской и публицистической деятельностью в ней А.С. Пушкина. Официальный редактор газеты А.А. Дельви́г подготовил первые два номера и, выехав временно из Петербурга, поручил газету Пушкину, который и стал фактическим редактором первых 13 номеров.

Литературный отдел газеты определяли публикации выдающихся русских и зарубежных авторов. В отделе прозы впервые выступил с печати Н.В. Гоголь. Были напечатаны переводы из В. Скотта, Э.Т. Гофмана, Л. Тика, В. Гюго и др. В отделе поэзии публиковались стихи Вяземского, Дельви́га, Е.А. Баратынского, Ф.Н. Глинки, А.З. Кольцова и (анонимно) сосланных декабристов А.А. Бестужева и В.К. Кюхельбекера. На страницах газеты впервые увидели свет отрывки из "Евгения Онегина", "Арап Петра Великого" и другие произведения Пушкина.

Заметное место занимала в газете литературная критика: рецензии, заметки, разборы П.А. Катенина, Вяземского, А.С. Пушкина. Первый год существования "Литературная газета" вела резкую полемику с журналом Н.А. Полевого "Московский телеграф" и газетой Ф.В. Булгарина "Северная пчела". Poleмика с последним стала для "Литературной газеты" и ее первого редактора роковой. Обиженный критическим замечанием в адрес собственного творчества, прозвучавшим в одной из критических статей Пушкина, Ф. Булгарин начал кампанию против газеты. Указания на "неблагонадежность" авторов газеты прямо появлялись в полемических статьях Булгарина, одновременно с его тайными доносами лично цензору Бенкендорфу. Пушкин отвечал эпиграммами и памфлетами, в герое которых, французском сыщике Видоке, легко угадывался "шпион" Булгарин. В результате действий Булгарина "Литературная газета" была взята под наблюдение III Отделением. После публикации четверостишия Делавиня Бенкендорф в гневе выгнал Дельви́га, угрожая Сибирью всему кругу авторов газеты. Дельви́г, потрясенный случившимся, вскоре заболел и 14 января 1831 года скончался.

Н.Л.Шилова

История русского народа⁵⁴

Сочинение Николая Полевого. Том I. — М. в типогр. Августа Семена, 1829 (LXXXII—368 стран. в 8-ю д. л.). В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год.*

Статья I.

Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг, о коих обязываемся отдавать отчет публике; но перед нами первый том *Истории русского народа*, соч. г. Полевым, и поневоле должны мы остановиться на первой строке посвящения: *Г-ну Нибуру, первому историку нашего века*. Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в первые историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней

54 Литературная газета, 1830 год. Января 16го, №4- <http://litgazeta1830.ru/node/88>

самонадеянности? Зачем с первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недоверчивого к выходкам авторского самолюбия и предубежденного против нескромности? Самое посвящение, вероятно, не помирит его с г. Полевым. В нем господствует единая мысль, единое слово: Я, еще более неловкое, чем ненавистное Я. Послушаем г. Полевого: „В то время, когда образованность и просвещение соединяют все народы союзом дружбы, основанной на высшем созерцании жребия человечества, когда высокие помышления, плоды философских наблюдений, и великие истины Прошедшего и Настоящего составляют общее наследие различных народов и быстро разделяются между обитателями отдаленных одна от другой стран; ...“ тогда — что б вы думали? „Я осмеливаюсь поднести вам мою *Историю русского народа*“.

Belle conclusion et digne de l'exorde!

Далее: „Я не поколебался писать историю России после Карамзина; утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России; я знал подробности событий, я чувствовал их, как русский; я был беспристрастен, как гражданин мира“... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачем терять хоть единый голос в собственную пользу? Но есть мера всему. Далее: „Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношение мое покажет вам, что в России столько же умеют ценить и почитать вас, как и в других просвещенных странах мира“. Опять! как можно самому себя выдавать за представителя всей России? За посвящением следует предисловие. Вступление в оное писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в *Московском телеграфе* и разобранную с такой оригинальной веселостию в *Славянине*.

Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере неискусно, напав на *Историю государства российского* в то самое время, как начинал печатать *Историю русского народа*. Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдал бы от себя нареkania, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно.

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апоффегами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. „Заметим, что сии апоффегмы“, говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, „бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров“. Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой никакого: *вольному воля*, как говорили наши предки.

Г. Полевой замечает, что 5-я глава XII-го тома была еще недописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: „Когда же думал историк?“

На сие отвечаем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль... Г-н Полевой, немного подумав, конечно сам удивится своему легкомысленному вопросу.

Р.

Убранство знатной еврейки⁵⁵

Прислужницы долгое время старательно и затейливо собирали мелкие складочки на переди этого легкого платья. Потом они поставили перед Рахилью несколько пар сандалий, кои все были сходны между собою покроем и все отличались друг от друга прикрасами и цветом. Ремешки и тесьмы, которыми они завязывались, были то красные, то желтые, то синие, иногда даже разноцветные, теньевые. Одни из сандалий прикреплялись к ноге металлическими цепочками, другие золотыми и серебряными пряжечками, сделанными наподобие орлиного носа или ястребиных когтей. Рахиль выбрала пару сандалий, в коих искусная рука ухитрилась сделать перевив, представлявший решетку пурпурового цвета, и которые, охватывая ступень и подъем ноги, не закрывали оных, а только оттеняли белизну тела; осыпанная дорогими камнями пряжка препятствовала им спадать с ноги. Рахиль, немного пройдясь по своей уборной комнате, весьма хвалила искусство тирских художников, которые делали столь прекрасные вещицы.

Вторая туника, гораздо длиннее первой, но не столь высоко захватывающая около шеи, так, что из-под нее выказывалось шитье сорочки, принесена была после. Ярко-алые цветы рассеяны были на ней по белому полю: рукава очень широки, и одежда сия составляла множество складок вокруг тела прелестной израильтянки. Края рукавов низаны были дорогими камнями, злым шитьем и маленькими серебряными звездочками, вокруг же обложены были весьма широкою пурпуровою бахромою и нашитыми по местам перлами и самоцветными камнями. На хвосте сей влачащейся одежды нашито было несколько рядов или кругов из ковального и полированного металла, препятствовавших ему развеяться по ветру; под сим украшением, придуманным с полезною целью, шитье золотом и жемчугом, представляющее лик луны и солнце, служило накладкой и бахромою сему великолепному одеянию, коего просторность придавала Рахили тот вид величия и пышной осанливости, каковыми Иеремия столь часто укорял горделивых дочерей Иудиных.

Нужен был еще пояс, чтобы сдерживать складки на платье и обрисовывать стройный стан Рахили. Никакая вещь из убранства знатных жен еврейских не была столь богато изукрашена, как сия. Прекрасная израильтянка велела подать себе ларчик, заключающий в себе все разнообразие сих украшений: в нем находились пояса всякого размера и всех цветов, от двух до пяти дюймов шириною и от 30 до 40 футов длиною. Хитростию искусства, которую переняли или, может быть, вновь изобрели новейшие, сии украшения были приновлены таким образом, что, опоясываясь несколько раз около тела, на многочисленных кругах своих являли они взору рисунки мест, людей и эмблематические изображения, которые тогда только получали правильный вид, когда пояс был на своем месте и когда хитрою рукою подобраны все составляющие оной части. По сему-то образцу придуманы опахала наших дам; и мы видывали также небольшие картинки, нарисованные на обрезе некоторых книг, переменяющие вид и производящие различное действие на зрение наше, по мере того, когда закрывают или открывают книгу, сжимают ее или распускают веером. Пояс, выбранный Рахилью по кратковременной нерешимости, был алый, одного оттенка с цветами, рассеянными по ее платью; ткань его, из тонко

---

55 Литературная газета, 1830 год, №11, Убранство знатной еврейки. - <http://litgazeta1830.ru/node/139>

выпряденной бумаги, замечательная своею шириною, украшена была плетеницами восточных цветов, искусно вышитых серебром. Когда сей пояс *, надетый весьма низко, обхватил гибкий и прелестный стан юной иудейки и когда застегнули под грудью концы его, обложенные бахромою, которая, рассыпаясь по сторонам, мешалась с последними складками одежды,— тогда можно было подумать, что то была богиня сирийская, которой красота привлекла ей служение евреев отступников и заняла место подле самой Киприды в очаровательных баснях Греции.

Между тем часы утекали, и звук псалтирей и кимвалов отозвался в слухе Рахили, которая боится опоздать во храм святой, куда уже стекался народ и где должны отличаться блеском ее соперницы. Она хочет, чтобы прислужницы ее спешили еще более. Ей приносят великолепный головной убор, который она впервые наденет. Видом похож он на шлем; сзади длинный сну рок из синего шелку с золотом упадет на плеча; спереди, на том месте чела, где начинаются волосы, многие нитки шелку, завязывающиеся на затылке, поддерживают горизонтально три полукруглые витка из льняной ткани, столь же тонкой и белой, как кисея. Пурпуровая лента перевивается по пространству между сими витками, красиво расположенными, и пролегает по разным округлостям головного убора; наконец, другая пурпуровая ткань, не столь яркого цвета, положенная с противной стороны, пересекает под прямым углом перевивы ленты и дополняет сей пышный убор *, поверх коего блестит медный шлем, и перо, от которого распушенные складки ткани развеваются дуновением ветра по воздуху.

К сему наряду, который с прелестью, с роскошью азийскою соединяет в себе некое чудное, мечтательное величие и какую-то воинственную сановитость, присовокупляется другой убор, как бы напоминающий духовный и горделивый характер, коим запечатлено было все племя иудейское. То был золотой венец, тонкий и блестящий обод, в котором вставленные перлы изображали письма священные и который, окружая, но не закрывая чело Рахили над самыми бровями, скрывался под шлемом; на висках к этой повязке ** прикреплены две цепочки из кораллов, кои спускаются по очертанию ланит и соединяются у подбородка. Это украшение народное и отличительная черта жен иудейских. Лица их, обыкновенно продолговатые и сильно выразительные, вставлялись (если смею употребить это слово) в сии рамы перл, кораллов и золота с особенною прелестью. И если мы не присоветуем сего украшения женщинам круглолицким, коих лица ничего бы от этого не выиграло, то думаем, что сия двойная коралловая цепочка, упавшая по обе стороны лица, весьма бы пристала тем, у коих лица продолговатые, ибо лицо от сего казалось бы круглее и скрадывалось бы излишне остроконечное очертание оною снизу.

Думаешь ли ты, читатель, и в особенности вы, кои по своему полу еще более подстрекаемы любопытством проникнуть в священные и глубокие таинства нарядов, существовавших за двадцать три века пред сим, думаете ли вы, что убранство Рахили совсем уже кончено? Вы весьма ошибаетесь. Мы видели только первое действие сей драмы, толико важной в жизни женщин всех веков и всех народов. Рахиль принадлежит к одной из тех благородных фамилий, которые пользуются всеми благами земными и, в силу наследственного права, видят прочих людей, ползающих по земле на необъятном расстоянии от них. Роскошь, великолепие сродны Рахили с юных ее лет; сия дочь знаменитого рода не постигает, как можно ходить не в украшенных золотом сандалиях или пить из глиняного сосуда? Посему не должно удивляться медлительным и расточительным ее заседаниям в уборной. Прошло то время, когда девы иудейские засыпали в кочевом шатре, закутанные в широкую епанчу, без всяких других украшений, кроме природной красоты своей и, может быть, легкого пояса, обвязанного вокруг их тела. Колена Иудово не кочует более: пустыня престала уже расстилаться под утомленными стопами сынов его: вся пышность монархий Ассирийской и Вавилонской передана Иерусалиму. “Бог скоро казнит его,— восклицает Иезекииль,— за высокомерие дочерей его и за сладострастную роскошь их одежды”.

Но возвратимся к нашей израильтянке. Последние заботы ее о нарядах составляли украшения самые приманчивые и пышные. Она разложила перед собою и сравнивала одни с другими разные дорогие вещицы, которые удивляли взор своим числом и разнообразием. Между ними были кольца, вдеваемые в уши, равно как и другие Украшения, к тому назначенные, большого размера и разделенные на две части, из коих одна серебряная, продолговато-круглая и плоская, другая золотая, поддерживаемая первою и сделанная наподобие малой чары или урны *; такова была пара серег, выбранная прекрасною иудейкой. Прислужницы ее, продев сии серьги в скважины, для них назначенные и где дотоле место их занято было небольшими круглячками из черного дерева, дабы тело не срасталось, вдели в уши Рахилины и еще несколько серебряных колец поменьше, и не только в нижней оконечности ушей, но и вокруг верхней оных части, в которой, по странному обычаю, сохранившемуся в Азии, проколото было по несколько маленьких скважин.

Если это необыкновенное украшение вас удивляет, то скоро удивление ваше еще увеличится. Не в одном хряще уха, но и в хряще носа, более нежном и гибком, привешиваются золотые кольца руками женщин Рахилиных. Одно из сих колец столь велико, что обхватывает нижнюю и верхнюю губы, оставляя, однако ж, устам свободу движений. Когда Рахиль идет, то все сии вещицы сотрясаются и звенят; такой звук и доньше нравится женщинам Востока, и им вторятся, как известно, мерные пляски баядерок *.

Засим надевала Рахиль многие запястья, сделанные из тонкого золота и серебра, с пряжками из дорогих камней. Запястья сии покрывали всю руку от кисти до самого локтя. Рахиль надела их таким образом, что самые узкие из них постепенно отдалялись от кисти. Нитка мелкого жемчугу, перенизанного с крохотными серебряными колокольчиками, прицеплена была к пряжке самого крайнего запястья, и Талмуд **, коего достойному уважению свидетельству не станем мы противоречить, возвещает, что звон сих колокольчиков, потрясаемых руками красавиц израильтянских, часто бывал знаком любви и призывом к наслаждению.

К сим характеристическим украшениям должно причислить и несколько обручей из полированного серебра, надевавшихся на ноги повыше застежек, коими заснурованы были сандалии. С привешенными к ним медными цепочками, бьющимися об металл, у коего они находятся, сии ножные запястья манят к себе взор, когда складки одежды приподымаются во время шествия, и с каждым шагом носящей их красавицы поражают слух чудным дребезжаньем.

Широкое ожерелье, состоящее из многих ниток жемчугу, перенизанного с золотыми, внутри пустыми шариками, изображающими разные зерна, надето на шею Рахили и ниспадает на грудь ее между хитоном и полураспахнутой одеждой, из-под которой видно богатое его шитье. Ожерелье сие описывало неравные круги. Первая нитка обвивалась около шеи Рахилиной, а последняя спускалась до самого пояса. Маленькая серебряная луна и золотая вещица, представляющая солнце *, оканчивали последнюю нитку сего ожерелья, коему служили они замочком **. Наконец видны были на многих местах других ниток золотые змеи, повешенные на шелковинах сего ожерелья, а маленькая фиола из оникса ослепительной белизны, прикрепленная цепочкой к замку, о коем сказано было выше, дополняла сие многоценное украшение, с коим реки алмазов, носимые женщинами наших стран и нашего времени, едва ли сравнятся великолепием. В сем-то блестящем, праздничном убранстве Рахиль под длинным, до половины приподнятым покрывалом явилась во храме. При выходе ее из дома прислужницы накинули ей на плеча симлах, или четверугольную епанчу фиолетового цвета, соответствовавшую нынешним шалиям, которые, как известно всякому, вывезены в Европу из Азии. Симлах был без всяких украшений и назначался для того, чтобы составлять противоположность с пышностью прочих нарядов, вокруг коих обвивался он в приятных для глаз складках. Пряжка, застегивающаяся на правом плече, сдерживала сей род мантии.

Если б я был охотник до ученых изысканий, то мог бы за каждую частицей убранства Рахили присовокуплять весьма остроумный комментарий, который заключал бы в себе полную историю всего упомянутого здесь. С некоторыми повторениями и с легким пособием отступлений и вставок я мог бы, по образцу ученого г. Гартманна Лейденского, втиснуть все сие учение об иудейской уборной комнате в три тома *in-octavo*, содержащие в себе тысячу восемьсот девяносто три страницы, с оглавлениями, с таблицами, ссылками и дополнениями, но меня не стали бы читать. Я рассказал на нескольких страницах именно все то, что заключают в себе его три тома. Дамы наши, которых напугала бы его ужасная ученость, узнают от меня, как наряжена была Эсфирь и какое оружие присовокупила Юдифь к смертоносному своему кинжалу. Не отчаиваюсь в первом публичном маскараде встретить какую-либо из моих соотечественниц в костюме Далилы, с кимвалами в руках и так, как я описал свою героиню: тогда я увижу, что я способствовал общественному удовольствию, и возгоржусь моим влиянием на век мой.

(Из *Blackwood's Magazine*.)

* Исайа, 3, 21.

* Талмуд, 6, 39.

** Талмуд, 6, 39.

* Талмуд, 6, 43.

* См. путешествия по Индии сэра Дж. Малькольма и т. п.

** Талмуд, 8, 5.

* Тертулиан.

** Талмуд, 5, 42.

Биография славного английского актера Кина⁵⁶

Behold! the prince, the slave, the monk, the jew, change but the garment.
Crabbe.

Смотрите! он и царь, и раб, и монах, и жид; перемените на нем только платье.

Я видел Кина в Отелло, но подожду, чтобы говорить о нем, пока увижу нынешним вечером Отелло на театре Ковент-Гарденском. На этот раз перескажу тебе несколько анекдотов, собранных мной об актере театра Дрюри-Ленского.

Эдмонд Кин (*Kean*) родился 4-го ноября 1787 года; отец его был лондонский портной, а дядя Моисей Кин, мим и чревовещатель (*ventriloque*) довольно известный. Родители его не могли по бедности сами пропитать своего сына, и для того отдали его на Дрюри-Ленский театр, как скоро начал он ходить, чтоб он мог являться в пантомимах. Он начал там свое театральное воспитание под руководством одного славного балетмейстера. Сей учитель так ломал и коверкал юные его суставы, что они получили от того необыкновенную гибкость, которая доставила бы Англии Пульчинелла, могшего состязаться с парижским Мазюрье, когда бы бесчеловечное воспитание не расстроило в скором времени здоровья мальчика, которого кости так были вывихнуты, что он сделался почти уродцем. Над ним сжалились и по совету врачей спешили употребить все пособия *ортопедии* (2): ноги его опутали металлическими бинтами. Дотоле он представлял Купидона в Гарриковом *Кимоне*; директор театра дал ему потом роль более сообразную с его наружностью: роль чертена, в которой ему нужно было только закрыть свое лицо, одаренное от природы самым счастливым выражением. Мальчик выдержал это превращение и насмешки, кои навлекало ему несчастное сложение его тела, гораздо с большею философией и веселостью, нежели должно было ожидать.

---

56 Литературная газета, 1830 год, июля 30го, №43. - <http://litgazeta1830.ru/node/365>

Он от ранних лет понял, что ему должно было надеяться только на самого себя, и плодами его небрежного воспитания были по крайней мере бесстрашие характера и великая независимость ума. Ему едва исполнилось пять лет, когда он был прогнан с театра за шалость, возбудившую в Джоне Кембле неумолимую досаду. Сей великий трагический актер, быв тогда директором театра, вздумал весьма некстати прибавить целую сцену заклинаний к трагедии *Макбет*, и попытался произвести эффект с помощью небывалой дотоле пышности представления. Он набрал многочисленную толпу детей, назначенных представлять чертенков всякого рода и цвета и плясать вокруг котла, в коем три вещи сестры готовят чары, долженствующие погубить хищника-цареубийцу. Маленький Кин, привычный к этим фантастическим игрищам на сцене, должен был по наряду находиться в сем адском хороводе; но в ту минуту, когда Макбет вступал в пещеру, Кин умышленно упал на мальчика, стоявшего подле него, тот на другого и все, как бы от электрического удара, мигом повалились. Кембль, расстроенный сим смехотворным случаем, и крайне ревностный к приличиям своего театра, распустил всю труппу и прежде всех выгнал того, который был первою виною сего оскорбления законов изящного. Кин почел обидными для своего звания слишком строгие выговоры директора театра, и рад был тому, чтобы пожить на свободе у матери; но его отдали в училище, коего правила, хотя и очень не тягостные, казались однако ж ему нестерпимыми, и он вообразил, что гораздо счастливее будет на корабле, отплывавшем к острову Мадере. Он записался в юнги, и, как всякий отгадает, скоро наскучил новым своим званием и подчиненностью, каковой оно требовало. Но на сей раз побег был невозможен, и ему оставалась одна только надежда на то, что его сошлют с корабля. Ему ничего бы не стоило провиниться против службы; но в таком случае должно было подвергнуться строгому и самовольному наказанию, а это казалось ему опасным и ненадежным. Притвориться больным была первая мысль, представившаяся в его лета; но, несмотря на сильную простуду, причиненную ему переменой воздуха, желудок его пуще всего боялся диеты. Из всех болезней, между коими он колебался, одна только глухота казалась ему совместною с требованиями его желудка. Он и в самом деле притворился глухим, и так хорошо, что капитан велел его свезти на берег в больницу, где он целые два месяца обманывал лекаря, который наконец объявил, что только воздух родной стороны может возвратить больному слух. Кин отправился обратно на том же корабле, и должен был выдержать последнее испытание, которое служит свидетельством геройской твердости его характера. С первого вечера густые тучи собрались над морем и страшная буря целую ночь бушевала. Смерть казалась неизбежною всем морякам. Вокруг юного Кина всяк суетился и старался выдерживать отчаянную борьбу с неизбежным почти кораблекрушением. Посреди рева валов и воплей ужаса, мальчик оставался глухим, бесстрастным и верным принятой им на себя роли (3).

Прибыв в Лондон без денег, он отыскал дядю своего чревовещателя, который, быв страстен к театру, желал, чтобы племянник его предназначил себя для трагедии. Но Кин думал, что его назначение только пантомима, и мастерство скакунов на веревке казалось ему высшим усилием гения. Однако уже после смерти своего дяди и покровителя вступил он в труппу сих скакунов. Он *дебютировал* на ярмарке св. Варфоломея, в виде обезьяны, и превзошел всех маргышек, известных подлинно волшебною гибкостью своих членов. Для него не было трудных прыжков, и, к великому удивлению любопытных, он, казалось, менял свой вид, как истинный Протей, принимал даже вид змеи, подобно жезлу Ааронову.

Жизнь бродящая и переменная крайне нравилась независимому характеру Кина, и потому он не мог надолго привязаться к одному чему-нибудь. Может быть также с летами он постиг, что ему позволительно честолюбие, более благородное, и он не отказывался долее от чести быть истолкователем поэтов драматических, не вовсе однако ж отказавшись и от славы фокусника. Он сделался бродящим актером, и вытерпел все превратности сего ремесла.

Бранчивые критики часто делали против него выходки. Рассерженный несправедливыми порицателями и не хотевший из гордости покориться дурному провинциальному вкусу, он осмелился однажды пойти на зло свистков в одно представление Ричарда, и наложить молчание на раек, обратясь к нему и сказав значительным голосом сей стих трагедии.

... Unmannered dogs, stand ye where I command.

Псы-неучи, молчать, когда я велю!

Джон Буль не всегда оказывает уважение королям, не только на театре, но и на троне. Шум на время утих только в надежде оправдания; но Кин пренебрег мнение черни и сказал ей, что она оказала один только признак человеческого смысла в том, что приняла на свой счет значение стиха, взбесившего ее. Дело сие, окончившееся изгнанием актера, сблизило его с Лондоном. В Дорчестере был он замечен в 1813 году режиссером Дрюри-Ленского театра, разъезжавшим по тамошней провинции для набора актёров, способных приманить снова толпу в помянутый театр. Этот режиссер убедил его подписаться под условием, и Кин дебютировал в январе 1814 года ролею жиды Шейлока (4). Дебют его наделал шуму; но Кин был узан директором одного из театров низшего разряда, заключившим прежде с ним условие и требовавшим его для буфонских ролей в его балагане. Трагедия и фарса оспаривали несколько времени Кина одна у другой, хотя и не в таком приятном виде, как в аллегорической картине Рейнольдса, где Гаррик колеблется между улыбками Мельпомены и ласковым стихом Талии (5): на сей раз трагедия одержала победу. Дрюри-Ленский театр узан всю цену своего нового приобретения только тогда, когда Кин явился в роли дюка Глостерского. Восторг, возбужденный им, был причиной, что с ним заключили новое условие, в силу которого он получал уже не по два, а во двадцати фунтов стерлингов в неделю; и это не слишком еще много было для актера, который доставлял по меньшей мере пятнадцать раз на месяц по семи сот гиней сбора. Самые лестные приглашения отвсюду посылались к бывшему ярмарочному Арлекину, который, сказывают, любит предпочтительно вольность низших обществ, а особливо пьяные пирушки. Подарки банкиров и вельмож доказали ему, что он заслужил полное одобрение не одного только райка: собрана была многочисленная подписка для поднесения ему золотого кубка, и в числе подписчиков находился лорд Байрон.

Знаменитый Шеридан, оскорбленный комитетом Дрюри-Ленским, поклялся, что никогда нога его не будет в этом театре, которого сам он был когда-то директором. Молва о славе Киновой возбудила однако ж его любопытство; но, упорствуя в своей злопамятности, он не решался видеть ни Ричарда, ни Отелло, ни Шейлока, и удовольствовался тем, чтобы посмотреть Кина не на сцене. Он уговорил общего их знакомого пригласить Кина к обеду, и целые шесть часов всматривался в его взоры и приемы, вслушивался в его голос так внимательно, что позабыл наливать себе вино и не выпил ни одной рюмки.

Кин, может быть, единственный человек, могущий похвалиться, что заставил Шеридана изменить бутылке. Когда же актер принужден был идти к своей должности, то Шеридан так был заманен всем тем, что угадывал об его таланте, что не в силах был уже противиться искушению, и пошел присовокупить свои рукоплескания к одобрениям многочисленных зрителей, собравшихся в тот вечер смотреть *Новый способ платить старые долги* (6).

Я также видел Кина в этой романтической комедии, замечательной по глубокой роли сира Джейльса Овреча.

Сир Джейльс - человек, деятельным корыстолюбием своим скопивший столько богатства, что, не видя за ним ничего более на свете, он обращает взоры на самого себя: дивится уму своему, и созидает себе кумир из своего эгоизма. Себя же самого любит он и в своей дочери, которую рядит в свои драгоценности и хочет выдать замуж за лорда, чтобы доставить ей знатность и чины. Эти знатность и чины презирает он в других, как вещи ничтожные; но по противоречию, свойственному нашей природе, ему кажется, что в его

доме будут они истинными почестями. Сир Джейльс - человек злой и порочный, которого поэт наделил душою сильною и способною к самым пылким страстям. Чтобы достигнуть цели новых своих честолюбивых видов, сир Джейльс являет тот характер, ту твердость духа и ту изобретательную настойчивость, кои принадлежат к числу свойств гения.

Кин оригинально выражает эгоизм, гордость и зверское бесчеловечие сего драматического лица. Герой сей, по духу роли, почти мещанин; и легко понять, что Кин охотнее с ним осваивается, нежели с героями венчанными. При всем том, с незаметным искусством приготовляет он нас к драматическому эффекту последнего действия, когда сир Джейльс, приведенный, пойманный в собственные свои сети, обманутый во всех своих планах, с насилием разрывает последние узы, связывавшие его с обществом, и выказывает все бешенство дикого зверя. Я не видывал ничего ужаснее сего поступления страсти, сего отчаяния обманутой мести, сей неистовой злобы, пожирающей самую себя. Шеридан верно не раскаялся в том, что позабыл для такого зрелища обиды и притеснения театрального комитета.

С франц.

(1) Из книги *Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse, par Amedée Pichot (Историческое и литературное путешествие по Англии и Шотландии, Амедея Пашо. Париж, 1825, 3 т. в 8-ю д. л.)*. Переводчик Байрона и Вальтера Скотта, г. Пишо, рассказывает в письмах к друзьям и знакомым своим любопытные подробности о разных предметах, виденных им в этом путешествии. Особенно замечательны собранные им сведения о современных английских писателях, о театре, драматическом искусстве, актерах и т. п.

(2) Искусство выправлять уродливое тело человека.

(3) Здесь, кажется, у места привести известные стихи Горация:

... Si fractus illabatur orbis,
Impravidum ferient ruinæ.

(4) В Шекспировой комедии *Венецианский купец* (The Merchant of Venice).

(5) Картина сия есть подражание другой: *Геркулесу между добродетелью и удовольствием*.

(6) A new way to pay old debts, комедия Месинджера.

Литературная газета

"Вестник науки, искусств, литературы, новостей, театров и мод"

Газета издавалась в Санкт-Петербурге с 1831 по 1839 г. Выходила сначала два раза в неделю, а с 1837 г. – один раз. Газета состояла из следующих отделов: пересмешиник, словесность, критика, смесь и моды. В 1840–1849 гг. из «Литературных прибавлений» была образована новая «Литературная газета».

Краевский Андрей Александрович [1810–1889] — редактор-издатель журнала "Отечественные записки" [1839–1867] (см.), газеты "Голос" [1863–1883] и руководитель ряда др. изданий: "Лит-ая газета", "Русский инвалид", "СПБ. ведомости". К. — один из виднейших деятелей русской журналистики XIX в., энергичный "предприниматель" чисто капиталистического типа. Учитывая общественно-литературные настроения 40-х гг. против "коммерческой лит-ры" Греча, Булгарина и Сенковского, К. приглашает в свой журнал Белинского [1839], которого и подвергает в продолжение ряда лет жестокой эксплуатации. Возобновляя "Отечественные записки", К., по свидетельству Панаева, еще сам не представлял себе характера журнала. Редакторская работа самого К. в отношении напр. "ходких" статей Белинского сводилась гл. обр. к стилистическим поправкам и внесению всевозможных "дипломатических оговорок". Вскоре после ухода Белинского и его кружка в "Современник" [1848] Краевский написал патриотическую статью "Россия и Западная Европа" [1848], к-рой "Отечественные записки" способствовали развитию идей славянофильского "Москвитянина". С этого времени успех и влияние "Отечественных

записок" начинают неуклонно падать. В 1867 К. передает редактирование журнала Некрасову, сосредоточив свою работу в основанном им "Голосе". Эта влиятельная и широко распространенная газета в руках К. превратилась в "барометр общественного мнения" умеренно-либеральной буржуазии.

Северная пчела

Северная Пчела — газета политическая и литературная, выходившая с 1825 по 1864 г., сначала три раза в неделю, с 1831 г. ежедневно. Редакторы-издатели: Ф. В. Булгарин, с 1831 г. — Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, с 1860 г. — П. С. Усов. Имя Булгарина и Греча достаточно определяет общий облик газеты. С чисто технической стороны газета поражает бедностью содержания. Передовых статей совсем не было; политические известия сообщались в крайне урезанном, а иногда и прямо в искаженном виде, без всяких комментариев, исключительно с фактической стороны. Вопросы внутренней жизни совершенно игнорировались, правительственные распоряжения сообщались без всяких пояснений, отделы провинциальной и городской хроники состояли из сообщений о разных случайных и мелких фактах, вроде пожаров, курьезов всякого рода и т. п. Фельетон посвящался вопросам театра и музыки, библиографии и беззастенчивым рекламам о разных изобретениях и промышленных предприятиях. Отчасти это обуславливалось общим положением печати того времени, когда правительственные действия воспрещалось не только осуждать, но даже и восхвалять: они должны были стоять вне обсуждения. «О чем же писать?» — спросил однажды Булгарин начальника III отд. ген. Дубельта. «Театр, выставка, гостиный двор, толкучка, трактиры, кондитерские... — отвечал Дубельт, — вот твоя область, и дальше ее не моги ни шагу». Главным сотрудником «С. пчелы» был сам Булгарин, который в течение нескольких десятилетий вел фельетон под заглавием «Всякая всячина» и «Выписки и корреспонденции Ф. Б.». С уходом Булгарина характер газеты совершенно изменился; в 1861—62 гг. она была органом друга Герцена, Артура Бенни, но успеха все-таки не имела и должна была прекратиться по недостатку подписчиков. «Северная пчела» — полуофициальная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1825—1864 гг. (до 1831 г. — три раза в неделю, затем ежедневно). Издатели-редакторы — Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, с 1860 г. — П. С. Усов. Издавать газету совместно с Булгариным Греч решил в 1824 г., видя, что издание «Сына отечества» не приносит прежних результатов. Таким образом, с 1825 г. параллельно издавались «Северная пчела», «Северный архив» и «Сын отечества» (подробнее об истории возникновения газеты см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 364, 385, 575—591). Газета была задумана и издавалась с широкой программой. В ней имелся отдел внутренних известий, заграничных новостей — им отводились первая и вторая полосы газеты; третья и четвертая заполнялись критикой, там же печатались фельетоны, рассказы, стихи, новости моды и т. п. Почти во всех отделах — «Новые книги», «Словесность», «Всякая всячина», «Нравы», «О театре» — писал сам Булгарин. Греч выступал главным образом по вопросам грамматики и с новостями из-за рубежа. Критические статьи и рецензии публиковали также О. М. Сомов, М. А. Бестужев-Рюмин и др.

«Северная пчела» отличалась от других газет тем, что сообщала более свежие новости, нежели, например, «Санкт-петербургские ведомости» или «Московские ведомости», обладая монополией на известия политического характера о жизни России и Европы. Ср. известное высказывание Пушкина: «Неужто, кроме "Северной пчелы", ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября?» (из письма к Вяземскому от 2 мая 1830 г.; XIV, 87). Пользуясь покровительством III Отделения, газета сумела стать одной из самых распространенных в России, ее тираж в разные годы достигал 4, 5—10 тыс. экземпляров. Привилегии имели, однако, и оборотную сторону — строжайший цензурный

контроль, которому подвергалась газета, получая иногда выговоры за «вольномыслие». Но в целом направление газеты всегда считалось в правящих кругах «похвальным». «С 1825 года Булгарин издает "Северную пчелу", литературную и политическую газету, коей главнейшая цель состоит в утверждении верноподданнических чувствований и в направлении к истинной цели, то есть преданности к престолу и чистоте нравов», — писал Бенкендорф в своей записке о Булгарине (см.: Пятковский А. П. Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1888. Т. 2. С. 245).

Некоторое время тем не менее газета стояла на либеральных позициях. Там печатались Ф. И. Глинка, К. Ф. Рылеев, А. С. Пушкин, Н. М. Языков. Критическое направление «Северной пчелы» представляется во многом следствием увлеченности Ф. В. Булгарина романтической эстетикой, которую он активно пропагандировал, хотя это направление и не было органичным для него самого: он оставался дидактическим и нравственно-сатирическим писателем, считавшим своим учителем Фонвизина, а любимым современным автором — Грибоедова. В своей деятельности Булгарин сознательно ориентировался на «средний класс» — в противовес дворянской элите. Такая программа (по существу буржуазная) и обеспечила огромный, массовый успех «Северной пчелы».

Уже в первые годы своего существования газета вела энергичную полемику, ревниво следя за чужими успехами. Самой острой и подчас грубой была словесная борьба с А. Ф. Воейковым, издателем «Русского инвалида» и «Новостей литературы» и с «Московским телеграфом» Н. А. Полевого (см. об этом: Каллаш В. Пушкин, Н. Полевой и Булгарин: Из журнальной полемики конца 20-х годов XIX века // П. и совр. Вып. 2. СПб., 1904. С. 33, 38; Полевой. С. 168).

С 1824 г. Пушкин состоит в переписке с Булгариным. До конца 1820-х гг. их отношения сохраняют лояльный характер (еще в письме от 22 ноября 1827 г. Вяземский стыдил поэта за участие в обеде у Булгарина; (XIII, 348; см. также: Нечаева В. Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича // ЛН. Т. 58. С. 256). «Северная пчела» в эти годы внимательно следит за творчеством Пушкина, оценивая его неизменно положительно. Резкий разрыв литературных отношений наступает в самом конце 1820-х — начале 1830-х гг., с началом полемик вокруг романов Булгарина и выходом «Литературной газеты» (1830—1831); в это время Булгарин — едва ли не основной литературно-общественный противник Пушкина, что непосредственно сказывается и на отзывах «Северной пчелы» о пушкинских произведениях.

Идея выпуска газеты пришла Николаю Гречу весной 1824 года, когда он находился в тяжелой финансовой ситуации. Лето и осень он и Фаддей (Тадеуш) Булгарин потратили на предварительные сметы и подготовку. Разрешение на издательство «Северной пчелы» было получено без проблем, пользуясь знакомством Булгарина с министром просвещения Шишковым. Вероятно, что название «Северная пчела» было выбрано не без знаний Булгарина о польских изданиях: «Краковская пчелка» и «Польская пчела».

Газета с самого начала выпускалась как коммерческое издание и ориентировалась на вкусы читателей. Также не брезговали издатели и скрытой рекламой.

Структурно газета состояла из таких разделов: внутренние известия, новости заграничные, новые книги, моды, театральная афиша. Периодически появлялись сообщения о словесности, археологии, корреспонденции.

Внутренние известия были небольшого размера, особенно по сравнению с новостями заграничными. Как правило состояли из происшествий, некрологов, различного рода новостей при минимуме политики.

Новости заграничные наоборот состояли по большей части из политических новостей.

«Северная пчела» довольно полно освещала литературную жизнь сообщениями о выходе новых журналов, книг и рецензиями на произведения. Также изредка печатались фельетоны, басни, стихотворения, заметки.

Регулярно публиковались новости моды в Санкт-Петербурге и Париже.

Благодаря сотрудничеству Булгарина с III отделением и его шефом Бенкендорфом «Северная пчела» получала преференции перед другими изданиями.

Так газета имела монополию на публикацию политических известий.

В ноябре 1826 года Булгарину удалось добиться замены цензора «Северной пчелы»: вместо А. И. Красовского (одного из авторов «чугунного устава») им стал К. С. Сербинович.

В 1828 году издание получило официальное разрешение на публикацию театральных рецензий. Так как театры в Петербурге и Москве были казенными, а актеры считались государственными служащими, власти строго относились к намерениям обсуждать театральные представления, к так называемой театральной критике. Булгарину удалось убедить правительство, что посредством публикации театральных рецензий можно влиять на формирование общественного мнения.

Начало XIX века — время интенсивного развития русской культуры и литературы: взойшедший на престол Александр I снял запрет на ввоз книг из-за границы, а вскоре вновь открылись и частные типографии[1]. Результатом этих реформ стал расцвет отечественной журналистики: только в период с 1801 по 1831 годы в России был организован выпуск около двухсот новых периодических изданий[2]. Цензурой, которая до 1812 года носила довольно либеральный характер, стало заведовать Главное правление училищ, находившееся в составе Министерства народного просвещения. Однако несколько лет спустя правительством было учреждено Министерство полиции — заведовать цензурой предстояло теперь ему, равно как и контролировать издания, которые цензуру прошли, но характер при этом носили весьма спорный. Вступивший на престол Николай I утвердил цензурный устав, который современники называли «чугунным» (и по поводу которого было сказано, что наступила «полная свобода... молчания»[3]). Новый документ был строг до абсурда: к примеру, запрещались места в сочинениях и переводах, «имеющие двоякий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам»[4] — цензор сам мог решать, каким образом интерпретировать мысли автора. Наличие двоякого толкования печатной информации, таким образом, исключалось полностью; к тому же на публикацию материалов, посвященных внутренней политике страны, был наложен строжайший запрет. Это право получила в 1825 году одна-единственная газета — «Северная пчела».

Это периодическое издание просуществовало чуть менее 40 лет — «Северная пчела» издавалась в период с 1825 по 1864 год и сначала выпускалась три раза в неделю, а с 1831 года перешла на ежедневный режим. Газета ориентировалась на среднее сословие: читателями «Северной пчелы» были купцы, мещане, провинциальные помещики, чиновники — и выходила довольно значительным для того времени тиражом (по данным некоторых источников, количество экземпляров доходило до пяти, а то и до десяти тысяч).

Основателем «Северной пчелы», а также ее первым редактором и издателем стал Фаддей Венедиктович Булгарин, кавалер Ордена Почетного Легиона Франции, действительный статский советник, критик, журналист и писатель, автор военных рассказов, статей о польской истории и литературе, сказок, а также создатель первого в истории русской литературы фантастического романа «Правдоподобные небылицы, или Странствования по свету в двадцать девятом веке». Соиздателем Булгарина был Николай Иванович Греч, филолог и журналист, обладавший богатым опытом издательской и редакторской деятельности («Сын Отечества», «Северный архив»). Сама же мысль об учреждении «Северной пчелы» зародилась в 1824 году (Николай

Иванович в этот период находился в довольно тяжелом финансовом положении), и все второе полугодие Греч и Булгарин занимались подготовкой и разработкой смет.

Знакомство Фаддея Венедиктовича с Александром Семеновичем Шишовым, занимавшим на тот момент должность министра народного просвещения, позволило получить разрешение на организацию частного печатного вестника. Более того, именно «Северная пчела» стала первым и единственным изданием, которому дозволялось публиковать информацию политического характера — частным издателям это строжайше запрещалось.

«Северная пчела» издавалась на четырех листах. Первые две полосы газеты занимали новостные обзоры, касающиеся происшествий как российских, так и зарубежных: эти рубрики назывались, соответственно, «Внутренние известия» и «Новости заграничные». Особенно разнообразным был второй раздел: здесь публиковались свежие известия из Франции, Англии, Америки, Испании и других стран: в одном из номеров, к примеру, печаталось о прибытии во Францию колонии голландских военнопленных и тут же — об оправдании судом некоей девицы Дюгиньи; рядом находилось сообщение о том, что французский король посетил Лилль, новости политики и даже описание случившегося в Лейпциге землетрясения[5]. Другие рубрики были еще интереснее: на третьей и четвертой полосах «Северной пчелы» размещались «Смесь», «Новые книги», «Моды», а также новости неполитического характера. Здесь публиковались критические статьи, заметки о недавно вышедших книгах, сказки, художественные произведения; было место и для записок на самые разные темы: изящные искусства, археология, медицинские и физические любопытные наблюдения. К примеру, «Северной пчеле» №6, вышедшей в середине января 1825 года, есть заметка «О кошачьем электричестве», а в №7 того же года выпуска приводится выдержка из наблюдений французского доктора Моро де Жонеса, который несколько лет провел в Восточной Индии и наблюдал за этиологией моровой язвы. Что касается литературной критики, то справедливо будет заметить, что никакой эстетической концепции «Северная пчела» особо не придерживалась.

До восстания декабристов газета придерживалась либеральных взглядов: на ее страницах печатались произведения А.С. Пушкина, стихотворения К.Ф. Рыльева, публиковались работы Ф.Н. Глинки. В 30-е годы газета опубликовала новость о выходе «Евгения Онегина», а творчество самого поэта первоначально оценивалось только положительно. Когда в свет вышел перевод «Бахчисарайского Фонтана» на французский язык, «Северная Пчела» поспешила перевести и напечатать отзыв о переводе поэмы Пушкина из «Revue Encyclopédique»: «Молодой лирический поэт есть драгоценнейшая надежда Российского Парнаса, который смело может поставить его (т. е. Пушкина) наряду с отличнейшими новейшими стихотворцами других европейских народов»[6]. П. Столянский в статье «Пушкин и “Северная пчела”» утверждает, что на основании отзывов, публикуемых в «Северной пчеле» до 1830 года, можно было смело утверждать одно: отношение газеты к поэту на тот момент есть «сплошной панегирик»[7]. Поэма К.Ф. Рыльева «Войнаровский» была охарактеризована Булгариным как «истинно национальная»[8], а читателям сообщалось, что в поэме «так много прекрасного, что автору право не должно раскаиваться в своем деле»[9]. Завершался хвалебный отзыв патетическим восклицанием: «Творение достойно хвалы, поэт — уважения и благодарности!»[10]

Однако после декабрьских событий 1825 года газета стала консервативным изданием, которое курировал Александр Христофорович Бенкендорф, стремившийся контролировать словесность и литературу и заставить их служить государству; с этой целью на страницах печатных изданий — в том числе и «Северной пчелы» — организовывалась травля вольномыслящих деятелей российской литературы (того же А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, П.Я. Чаадаева и прочих). Именно «Северная пчела» опубликовала поименный список приговоренных к смертной казни декабристов с

обвинительным заключением: «Имел умысел на Цареубийство, изыскивал к тому средства; избирал и назначал лица к совершению оногo...»[11] Более того, историки подтверждают, что «Северная пчела» и «Tygodnik» («Официальная газета Царства Польского») являлись «собственной литературой»[12] графа Бенкендорфа, который Булгарина «употреблял по своему усмотрению по письменной части на пользу службы»[13]. Газета всеми возможными способами критиковала вольнодумцев и парламентских ораторов, способствуя всеми силами укреплению в сознании своей аудитории монархических ценностей и установок: в одном из ранних выпусках «Северной пчелы» в статье «Просвещение и образованность» одним из качеств, определяющих образованного человека, помимо знания истории и философии, является умение «читать Государя своим отцом и выше всех начальником»[14]. Бенкендорф о «Северной пчеле» в записке о Булгарине писал, что газета служит главной цели — «утверждению верноподданнических чувствований и в направлении к истинной цели, то есть преданности к престолу и чистоте нравов»[15].

Как уже было сказано ранее, изначально «Северная пчела» положительно отзывалась о творчестве А.С. Пушкина; известно, что Булгарин и Пушкин состояли в переписке, отношения между ними были лояльными. По данным историков, в «Северной пчеле» в период с 1825 по 1837 год было опубликовано 265 статей и заметок, которые имели какое-либо отношение к Пушкину[16]. Однако в конце 20-х — начале 30-х годов ситуация резко изменяется: споры вокруг романа Ф.В. Булгарина и основание «Литературной газеты», с которой полемизировала «Северная пчела», спровоцировали разрыв отношений литераторов, и Булгарин превратился в одного из главных противников Пушкина. В ход шли все доступные средства: фельетоны и памфлеты, намекающие на неподобающее поведение, увлечения карточной игрой, застолья и прочие прегрешения. В одном из таких памфлетов («Анекдот») Булгарин противопоставил двух литераторов: в положительном, наделенном всевозможными достоинствами и добродетелями, он изобразил себя, второй же, порочный и недостойный, предстал перед читающей публикой вместилищем всех грехов и пороков[17]. Обмануться было нельзя: фельетон был написан по адресу великого русского поэта. Позже был опубликован еще более неприличный опус, в котором Булгарин намекнул, что Ганнибал (прародитель А.С. Пушкина) был продан шкиперу за бутылку рома[18]: «Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрону, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратушах города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что купил негра за бутылку рома. Думали ли тогда, что к этому негру природнится стихотворец. Vanitas vanitatum»[19]

Такая травля Пушкина на страницах «Северной пчелы» продолжалась довольно долго; между литераторами развернулась полемика, подпитываемая взаимной неприязнью; Александр Сергеевич в письме к Петру Андреевичу Вяземскому как-то сообщил: «Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно — но распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет кроме гр. Панина»[20]. Ответом на выпады Булгарина послужила появившаяся в «Литературной газете» остроумнейшая рецензия на «Записки» некоего Видока Фиглярина, начальника сыскной полиции Парижа, под которым подразумевался сам Фаддей Венедиктович, а на фельетон о проданном за бутылку рома Ганнибале поэт ответил следующими строками: «Видок Фиглярин, сидя дома, // Решил, что дед мой Ганибал // Был куплен за бутылку рома // И в руки шкиперу попал...»[21]

«Северную пчелу» также неоднократно упрекали в том, что сведения, публикуемые в ней, были чрезвычайно скупы и однообразны; здесь, однако, следует вспомнить о разговоре Булгарина с Леонтием Васильевичем Дубельтом, начальником III

отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. «О чем же писать?» — спросил как-то Фаддей Венедиктович Дубельта, на что получил исчерпывающий ответ: «Театр, выставка, гостинный двор, толкучка, трактиры, кондитерские... Вот твоя область, и дальше ее не моги ни шагу»[22]. Известно, что в письмах Булгарин называл Дубельта «отцом и командиром»[23], поэтому указ Леонтия Васильевича исполнялся в точности; лишь один-единственный раз редактор и издатель «Северной пчелы» попал в крайне неприятное положение. Случилось это в 1847 году, когда цензура обратила внимание на напечатанную еще в № 284 (середина 1846 г.) балладу графини Раstopчиной «Насильный брак». Правительство усмотрело в этой балладе скрытую критику на политику Российского государства по отношению к Польше, после чего разразился настоящий скандал. Булгарина вызвали к Орлову, занявшего пост главы III отделения после смерти графа Бенкендорфа; Фаддей Венедиктович пытался оправдаться тем, что недосмотр произошел по причине огромного количества срочной работы, но Орлов был неумолим: если верить некоторым источникам, он взял пожилого Булгарина за ухо, точно провинившегося школьника, и поставил у печки на колени, и лишь по истечении 2 часов Фаддею Венедиктовичу было разрешено подняться[24].

Однако публике «Северная пчела» пришлось по нраву, отрицать это — вспоминая объемы печатного тиража — было бы неверно. И такое большое количество подписчиков объясняется достаточно просто: Булгарин делал все, чтобы угодить своей аудитории, предоставив ей легкое, развлекательное чтение; он сделал издание массовым и доступным для понимания публики, не отличавшейся особо взыскательным и утонченным вкусом. Сам он о том, какой должна быть подаваемая в «Северной пчеле» информация, говорил так: «публика наша только тогда любит политику, когда в политике таскают друг друга за волосы и бьют по рылу, поэтому лучше писать, что немецкий сапожник расквасил себе рыло, чем догадки и рассуждения о судьбах царств»[25].

Достаточно полную и емкую характеристику роли, которую «Северная пчела» играла в области культуры и просвещения, дал Николай Васильевич Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»: «Редактор г-н Греч довел ее до строгой исправности: она всегда выходила в положенное время; но в литературном смысле она не имела никакого определенного тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ее мнения. Она была какая-то корзина, в которую сбрасывал всякой все, что ему хотелось. Разборы книг, всегда почти благосклонные, писались приятелями, а иногда самими авторами. В «Северной пчеле» пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшиеся под разными буквами, без сомнения, люди молодые, потому что в статьях выказывалось довольно удалства. Они нападали разве уже на самого беззащитного и круглого сироту. Насчет неопрятных изданий являлись остроумные колкости, несколько похожие одна на другую. Сущность рецензий состояла в том, чтобы расхвалить книгу и при конце сложить с себя весь грех такую оговоркою: «Впрочем желательнее, чтобы почтенный автор исправил небольшие погрешности относительно языка и слога», или: «Хорошая книга требует хорошего издания», и тому подобное, за что автор разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастие рецензента. Книги часто были разбираемы теми же самыми рецензентами, которые писали известия о новых табачных фабриках, открывавшихся в столице, о помаде и проч.; сии известия иногда довольно остроумны и в шутках своих показывали ловких, и хорошо воспитанных людей, без сомнения, имевших основательные причины быть довольными фабрикантами. Впрочем от Сев<ерной> пчелы больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, ее делом было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публике»[26].

О «Северной пчеле» весьма насмешливо отзывался крупнейший литературный деятель Виссарион Григорьевич Белинский. В рецензии на сочинения Гоголя он замечает, что «Северная пчела» в одном из номеров ставит автора «Мертвых душ» в один ряд с

Поль де Коком и Пиго-Лебреном, при этом назвав последних «писателями талантливыми, но не имевшими претензий на поэзию и философию»[27]. Белинский пишет, что газета, не имеющая притязаний «ни на талант, ни на поэзию»[28], тем не менее обнаруживает в себе смелость посмеиваться и трунить над стихом из «Фауса» Гете; Виссарион Григорьевич заключает: «Ну, уж конечно, если эта газета может в «Фаусте» Гете находить бессмыслицы и нелепицы, то что же для нее произведения Гоголя, что его поэзия и философия: довольно с него и того, если эта газета поставит его на одну доску с Поль де Коком и Пиго-Лебреном. Жаль, что Гоголь никогда не узнает об этом «производстве» и потому не будет иметь возможности поблагодарить «Северную пчелу»... свойственным ему образом...»[29] Впрочем, никаких оскорбительных в адрес газеты слов Виссарион Белинский, разумеется, не стал отпускать и свой приговор «Северной пчеле» — мимоходом — вынес в весьма деликатной форме: «Но пора отвернуться хоть на время от шумного рынка этой литературы»[30].

Стоит, однако, сказать, что «Северная пчела» привнесла в область русской журналистики ряд новшеств, касающихся как оформления публикуемой информации, так и манеры ее подачи — это была первая частная русская газета, настоящее коммерческое издание, где позволялось публиковать информацию политического содержания, а также размещать объявления (приносившие, к слову сказать, немалый доход); здесь же печатались и статьи, содержавшие скрытую рекламу товаров, — разумеется, тоже за деньги[31]. «Северная пчела» была действительно новостной газетой, схожей с европейскими периодическими изданиями, которая ввела еще одну тенденцию в области периодической печати: расположение текстов не в одну, а в три и четыре колонки. Здесь же впервые появился так называемый «подвал» — расположение оригинальной статьи в нижней части полосы разделенным на колонки блоком»[32].

Самой большой популярностью газета пользовалась в начале 30-х годов, однако через некоторое время число подписчиков сократилось; вернуть утраченные позиции «Северной пчеле» удастся только во времена Крымской войны. После того, как умер Булгарин, к сотрудничеству были приглашены писатели-демократы: Ф.М. Решетников, А.И. Левитов и другие[33]; на страницах газеты появились лояльные отзывы о творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, но былой популярности изданию это не принесло. В 1860 году газета перешла в собственность Павла Степановича Усова, трудившегося в «Северной пчеле» с 1849 года — сначала он числился постоянным сотрудником издания, а через некоторое время стал помощником редактора; однако его задумка переориентировать газету по образцу иностранных изданий не увенчалась успехом — число подписчиков, вопреки ожиданиям, не возросло, и через 4 года выпуск издания прекратился. Попытку возродить «Северную пчелу» в 1869 году предпринял русский журналист Альберт Викентьевич Старчевский, однако и эта затея не удалась, после чего существование газеты прекратилось навсегда.

Хелена Ренар. (специально для sevrpchela.ru).

[1] Мордовченко Н.И. / Журналистика начала XIX века. / Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа к странице: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il5/il520422.htm>

[2] См.: там же.

[3] Троицкий Н. Николаевская Россия: «Апогей самодержавия». / Научно-просветительский журнал «Скепсис» / — Режим доступа к странице: http://scepsis.net/library/id_1447.html

[4] Г.В. Жирков. Уставы николаевской эпохи: становление цензурного аппарата. / История цензуры в России XIX — XX вв., 2001 г. — Режим доступа к странице: http://pravo.so/istoriya-jurnalistiki_852/ustavyi-nikolaevskoy-epohi-stanovlenie.html

[5] «Северная пчела», №14. 18 января 1833 год.

[6] Столянский П. Пушкин и «Северная пчела». Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа к странице: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psk/psk3117-.htm>

[7] См.: там же.

- [8] «Северная пчела», №32. 14 марта 1825 год.
- [9] См.: там же.
- [10] См.: там же.
- [11] «Северная пчела». / Страница из материалов суда над декабристами. — Режим доступа к странице: <http://book.libtorrent.com/pictures/84c884a7c14487c38696a6dc79b98782.jpg>
- [12] Бенкендорф Александр Христофорович. / Хронос. — Режим доступа к странице: http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/benkendorf.php
- [13] Литературная энциклопедия: Алфавитная часть. / Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа к странице: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/lea/lea-5962.htm>
- [14] «Северная пчела», №17. 18 февраля 1826 год.
- [15] Пятковский А. П. Из истории нашего литературного и общественного развития. С.-Петербург, 1888. Т. 2. С. 245
- [16] Столянский П. Пушкин и «Северная пчела». Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа к странице: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psk/psk3117-.htm>
- [17] См. об этом подробнее: Видок Фиглярин. / Н. М. Фортунатов. // «Эффект Болдинской осени». — Режим доступа к странице: <http://www.unn.ru/rus/f9/k1/effect/page10.htm>
- [18] См.: там же.
- [19] Столянский П. Пушкин и «Северная пчела». Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа к странице: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psk/psk3117-.htm>
- [20] РВБ: А.С.Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. — Режим доступа к странице: <http://rvb.ru/pushkin/02cont/0560.htm>
- [21] Столянский П. Пушкин и «Северная пчела». Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа к странице: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psk/psk3117-.htm>
- [22] См.: Северная Пчела, с.-петербургская газета (1825—1864 гг.). / Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — Режим доступа к странице: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/091/91956.shtml>
- [23] См.: Рейфман П. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. — Режим доступа к странице: http://textfighter.org/raznoe/History/reifm/ballada_napisana_v_duhe_legkoi_propolskoi_oppozitsii_portret_russkoi.php
- [24] См.: там же.
- [25] ГАЛЕРЕЯ ОСНОВАТЕЛЕЙ / БУЛГАРИН. / Адреса Петербурга №21/33. — Режим доступа к странице: http://adresaspb.ru/arch/adresa_21/21_001/21_1.htm
- [26] Гоголь Н.В. «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». / Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа к странице: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-156-.htm>
- [27] Белинский В.Г. Сочинения Николая Гоголя (рецензия). / Литература и жизнь. — Режим доступа к странице: http://dugward.ru/library/gogol/belinsky_soch_gogol-1842.html
- [28] См.: там же.
- [29] См.: там же.
- [30] См.: там же.
- [31] См. об этом подробнее: Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации. Учебное пособие. Ульяновск, 2000 г. — Режим доступа к странице: http://www.textfighter.org/text3/09_izdanie_byilo_gazeta_5.php
- [32] См. об этом подробнее: Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации. Учебное пособие. Ульяновск, 2000 г. — Режим доступа к странице: http://www.textfighter.org/text3/09_izdanie_byilo_gazeta_5.php
- [33] Социология журналистики: Учебное пособие. — М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2005. — 119 с. — Режим доступа к странице: <http://referat.znate.ru/text/index-38224.html?page=6>

Внутренние известия⁵⁷

Ново-Архангельский порт (на острове Ситхе) 12 Мая 1824. Могу уведомить вас, что в главной колонии, равно как и во всех прочих Российско-Американских колониях, все состоит в добром порядке и благоустройстве. Русские, Креолы, Алеуты наслаждаются желаемым здоровьем; больных мало, а особенных болезней, благодарению Богу, нет и не было. С окружающими нас дикими народами настает мир и тишина, а связи с Калифорниєю, откуда мы получаем разные нужные для нас товары, более и более укрепляются. В Январе месяце нынешнего года возвратился оттуда на брике Рюрик Правитель Ново-Архангельской колонии К. Т. Хлебников, а в Марте на брике Головнине штурман Этолин. Действия обоих, в коммерческом отношении, были весьма успешны. Последний был и на Сандвичевых островах, и приобрел там куплею у одного Американца прочный и большой корабль, который приведен уже в Ситху, и переименован Байкалом. Вообще мореходная часть находится у нас, по печениями Главного Правителя колоний, Флота Капитана М. И. Муравьева, в самом лучшем положении.

В прошлом году доставлена из Охотска в Ситху материя коровьей оспы, и счастливо привита всем находящимся здесь Креолам и Алеутам. По распоряжению начальства, послана таковая материя и во все прочие колонии и с тем вместе отправлены люди, обученные прививанию, с предписанием непременно привить оспу всем без исключения Креолам и Алеутам, в ведомстве Российской Американской Компании состоящим. Сверх того, по распоряжению Г. Главного Правителя, оспенная материя доставлена из колоний наших, на казенном шлюпе Аполлоне, в Калифорнию, и там, по желанию начальства и жителей, благодетельное и неоцененное для того края прививание коровьей оспы введено Русскими. Г. Штаб-лекарь Новицкий привил оную сперва детям некоторых простых людей, а в последствии, когда оказалось хорошее ее действие, и самому Монтерейскому Губернатору Г. Мариано, его жене и детям.

Рига. С 1го на 2е число Декабря свирепствовала здесь буря, от которой в 5 ч. утра поднялась вода в Двине, в низких местах на 5 и 6 сажен, а в высоких на 7 и до 12 футов. В 7 часов была она у Московского съезжего двора на 3 фута выше берегу, а далее от 4 до 5 футов. В сие время ветер поворотился, и вода сбыла к 12ти часам. Во многих местах промыло берег и снесло плотины; намосты по берегу (болверки) повреждены; многие низкие мосты снесены; также попорчены заборы, службы и фундаменты некоторых домов. Пустые барки и множество дров унесены.

- Корабль Луиза Генриетта, под управлением Капитана Гая, отправился 23 Ноября из Болдер-Аа в Любек, но (6го Декабря) принужден был воротиться, потерял великую часть своего такелажа, и получил течь. Капитан поднял флаг, требуя лоцмана, но никто не являлся. Он должен был на удачу пойти в гавань посреди частых льдин; но вскоре был брошен на мель. По полудни в 1 часу явились лоцмана для спасения людей. Капитан просил их подождать, и принять средства для спасения груза, но они, видя угрожающую опасность, на то не решились, и отправились, взяв с собою двух матросов и двух пассажиров. Капитан, штурман и третий матрос не хотели оставить корабля. Но буря не утихала, лед начал разбивать корабль, и в нем оказалась вода. Надлежало помышлять о спасении жизни. Подняли флаг, что терпят бедствие; но никто не являлся. В три часа все трое бросились в ялик, и лед унес их в море. В 4 часа подъехал к ним Рижский корабельщик Генрих Сатов с несколькими лоцманами, и после усиленной борьбы с волнами и льдом, привез их в 9 часов в Болдер-Аа. Спасение корабля было невозможно. 10 числа нашли, что он раздроблен на две части, и с трудом успели свезти якорь, часть каната и большой парус.

- 9-го Декабря в 3 часа по полудни, при жестокой буре, вода выступала из берегов в Болдер-Аа. На многих домах подняты были флаги, для испрошения помощи. Один домик сорвало и понесло вверх по реке. Никто не смел подать помощи бедствующим. И в сем случае великодушный Сатов решился жертвовать собою для спасения ближних; выпросил шлюпку у гавен-мейстера, и взяв с собою пятерых молодых лоцманов, спас жизнь

двадцати пяти человек. В том числе были дети, почти нагая. Сатов, к счастью, запасся соломою: он положил бедняжек в солому, и накрыл снятою с себя одеждою. – Рижское купечество отпредило поднести ему подарок в тысячу рублей, а остальные по подписке деньги, отдать спасенным семействам.

(*R. St. Bl.*)

Моды⁵⁸

Гульбища. Невский проспект, по красоте зданий, по богатству лавок и магазинов, по прекрасному широкому тротуару, а более потому, что левая его сторона подвержена благотворному влиянию солнца, по видимому, навсегда останется любимым местом для прогулки пешком. Сюда стекаются люди обоого пола лучшего общества и среднего состояния, между 1 и 4 часами, в щегольских и модных нарядах, для прогулки и свидания с знакомыми. В санях прогуливаются более по Невскому же проспекту, по набережным Невы и Фонтанки.

Петербургские дамские моды. На прогулках видны более черные и цветные бархатные капоты с отлогими воротниками, гладкими спинками, гладкими рукавами со сборками на плечах; они опушаются плюшем или соболями. Талии вообще длинные. Некоторые дамы носят шали, другие меховые пелеринки. Шляпки атласные или гродетуровые кажутся с первого взгляда совсем круглыми: оне не закрывают лица с боков. Атласные, по большей части, убираются большими узлами или кокардами с примесью бархату другого цвета, нежели шляпка. Гродетуровые с примесью разноцветного атласа. Бархатные украшаются бантами того же цвета и материи, и часто перьями марабу.

Мужские моды. Недавно еще носили в Петербург высокие шляпы с короткими полями: теперь в Париже носят шляпы низкие с широкими полями, и мы уже приметили здесь несколько в подобном роде. Входят в моду короткие сертуки с висячими, как у шинелей, воротниками, горохового цвета, с круглыми полями и тесьмами на бортах для застегивания. Тесемки сии расположены в виде двух 8 накрест сложенных. На утренних прогулках большая часть мужчин появляется в черных галстуках.

ЗРЕЛИЩА

Во Четверток, Января 1.

На Большом Театре: Dle Befanntdjuft auf bem breiten Gteine, Juffr. И Волшебная Флейта, Бал. После спектакля Маскарад.

На Малом Театре: Меропа, Тр.; Какаду, Ком.

На Новом Театре (у Чернышева моста): Водовоз, Оп.

В Пятницу, Января 2.

На Бол. Театре: Т. Пурсоньяк – Фалалей, Вод.; Кора и Алонзо, Бал. (бенефис Г. Антонена).

На Мал. Т. Leonide, vaud.; le Precepteur dans l'embarras, vand.

На Нов. Т. Gargines, Dr.; Die Grbfdjuft, Gdjfr. (бенефис Г-жи Шлессер.)

Янв. 1. Гимнастические представления Турьера, в доме Козулина между Кран. И Полиц. мостами.

Воздушный шар Архипа Фаддеевича, или утешение в горестях⁵⁹

---

58 «Северная пчела», 1825 год, 1 января, №1. - <http://sevpchela.ru/node/59>

59 «Северная пчела», 1825 год, июля 2го, №79. - <http://sevpchela.ru/node/491>

(Письмо в Москву к пустыннику Сергиевской улицы).

Наскучив суетами мира сего, наконец и вы, по примеру многих, запели: «я в пустыню удалюсь!» ? Извините, я вообще не верю городским пустынникам. Поселяясь в городе, вы напрасно будете искать того душевного спокойствия, которым наслаждаются в уединении, и всегда будете развлекаться в самых своих наблюдениях. В обществе людей мы невольно принимаем на себя различные виды, по мере получаемых нами впечатлений: замечая, наблюдая, вы невольно должны смеяться, сердиться, молчать и говорить где бы не следовало; вы должны соблюдать все светские приличия, чтоб быть допущенным в общество. ? Итак, где же ваша пустыня, и какой вы будете пустынник, когда подвергаете себя всем неприятностям, всем принуждениям, сопряженным со светской жизнью? ? Я испытал это и удостоверился, что светскому человеку невозможно сложить с себя цепей приличия и предрассудков, он сам замешан в толпе действующих лиц. Я выдумал другое средство для доставления себе уединения в большом свете, а именно: сделал себе *воздушный шар* или *эростат*, и странствую на нем над землей, во всякое время, когда мне заблагорассудится. Шар мой, с покойной лодочкой, не занимает много места; он помещается в моем воображении, чувство возносит его, а небольшой мой умишка управляет его полетом ? и с тех пор я счастлив!

Судьба поставила меня в такое положение, что по долгу чести и природы я должен ходатайствовать. Приближаюсь к великолепному дому богача. Через открытые окна, сквозь тонкую пелену индийских тканей, при блеске бронзы и позолоты, я вижу, как он прохаживается среди покорной толпы, изгибающейся при каждом его слове, взгляде, движении. Позлащенные слуги не удостаивают меня взглядом; толстый швейцар утешается своей фигурой, глядясь в блестящий набалдашник своей палки, и только огромный пес почтил меня своим лаем, как будто желая обратить на меня внимание. «Подождите в передней!», ? говорят мне. Но я не люблю атмосферы передних, она для меня удушлива ? сажусь на мой воздушный шар и улетаю (разумеется, в воображении) поверх земли. Огромные палаты богача кажутся мне сверху тесной клеткой. Взор мой гуляет по обширным полям, открывает толпы трудолюбивых поселян, которые, подобно муравьям, работают для общего благосостояния. Легкие корабли, оживленные промышленностью, как пчелы увиваются пред моими глазами. Природа красуется в лучах солнечных и представляет мне тысячи разнообразных картин. В сладостном забвении я провожу время, пока меня не позовут на землю: спускаюсь, и терпеливо переношу несколько неприятных минут, за столько наслаждений. Надменный богач не в состоянии лишить меня моего воздушного шара, следовательно, не может лишить меня моего счастья.

Бог благословил посильные труды моего друга: начинания его увенчались успехом; благородные, великодушные люди наделили его данью хвалы и признательности. Зашипела зависть, клевета заскрежетала зубами, злоба излила свой яд. Где укрыться от этих непримиримых врагов всякого достоинства? Напрасно друг мой говорит им: «Исследуйте жизнь мою, взвесьте дела мои – они отголосок сердца и тайных моих помышлений». ? Но злоба деятельна: она заглушает голос невинности, заграждает путь истины. Уже друг мой готов упасть духом и сделаться жертвой клеветы и зависти ? я беру его с собой на воздушный шар, быстро уношу от земли и душа его проясняется. ? Враги его с высоты кажутся пресмыкающимися бессильными: вопли злобы не доходят до нашего слуха. Движущиеся толпы народные кажутся нам морскими волнами, исчезающими одна за другой и ведущими за собой потомство, справедливое и благодарное. Физическая жизнь призывает нас на землю ? но воздушный шар остается в распоряжении моего друга и он становится спокойнее и счастливее.

Волшебница Цирцея манит меня к себе восхитительной улыбкой. Она хочет приковать меня к своей торжественной колеснице. О, как сладостна лесть в устах прелестной женщины! Какую гармонию имеют нежные ее слова! Ты обещаешь быть моим другом... Не верю!.. Однажды нарушенная клятва не возбуждает во мне доверенности.

Возьми мое золото и отпусти меня свободным. Если б у меня не было воздушного шара, я сделался бы жертвой коварства: надземные пространства рассеяли мою слабость.

Вот храм правосудия. Здесь клянутся соблюдать закон и правду, судить, невзирая на лицо, защищать невинность, карать притеснителя и не руководствоваться никакими посторонними обстоятельствами, покровительством, страхом или надеждой. Какая священная обязанность! Какого уважения достоин праведный судья! ? Он почетнейший гражданин в обществе: ему вверен закон, эгида гражданского спокойствия. ? Но если судья увлекается страстями, корыстью, лестью, если он... Нет! Не хочу смущать себя горестными мыслями. Скорее, скорее на воздушный шар, и лечу мимо, закрыв глаза, заткнув уши. Мимо! Мимо!..

Зачем я поехал на бал? Танцевать не могу, в карты играть не умею, готовых фраз говорить не люблю, а разговаривать там некогда. Хозяин хотел мне сделать *честь* приглашением; я приехал из *благодарности* за *уважение* ко мне. Какая странная пародия благороднейших чувствований! Какой варварский язык приличий! ? Модные девицы заняты *собой* и *своими* нарядами, чтобы привлечь взоры и внимание богатых юношей. Молодые люди заняты *своей* ловкостью, красотой и *своим будущим* величием. Они ищут зеркала, а не взглядов прелестных. Танцуют будто по наряду, шаркая по полу и лениво передвигая ноги. Хозяйка хочет блеснуть *своей* любезностью, хозяин *своим* великолепием. Люди собираются не для веселья, а для блеска: каждый хочет выказать *себя*, одного *себя*. А мне что делать! Я не богат ни родней, ни золотом, следовательно, не занимателен в большом свете. Я воссел на мой воздушный шар и пустился странствовать. Сверху огромная зала с танцорами показалась мне кукольной комедией ? но вдруг восковая свеча капнула мне на голову и вывела меня из сладостного мечтания ? било 12 часов ночи, пора спать.

Если б не было так поздно, я бы описал вам множество случаев, в которых мой воздушный шар служит мне большим утешением, вознося меня выше земли и представляя все светское в самом мелком виде. Но довольно, что я открыл вам мои средства: остальное вы можете дополнить своим воображением. Я не люблю все высказывать, предоставляя всегда моим читателям довершать картину, чтобы дать работу их уму, или, так сказать, чтобы вместе трудиться. При первой неприятности в жизни, попробуйте полетать, любезный пустынный! Вознеситесь духом на моем воздушном шаре: вы увидите, что все земные козни исчезнут перед вами.

Архип Фаддеевич.

Беседы у больного литератора⁶⁰

Вечер второй.

(Продолжение).

Друзья мои просили меня рассказать что-нибудь из моих походов. Надлежало повиноваться.

В биографии покойного полковника А. И. Лорера (в 5 книжке Литературных листков 1824 г.) я упомянул вкратце о необыкновенном подвиге мужества, которому я был свидетелем. Теперь расскажу вам это подробнее.

В 1807 году, 1 июня, накануне большого сражения под Фридландом, уланский его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Константина Павловича полк (*), составлял авангард небольшого кавалерийского отряда, посланного для разведывания о неприятеле, который, как известно, после Гейльсбергского сражения, маневрировал на наших флангах для перемены операционной линии. От солнечного восхода мы шли почти не останавливаясь: жар был несносный; жажда и сон морили нас;

---

60 «Северная пчела», 1825 год, июля 18го, №86. - <http://sevpchela.ru/node/531>

лошади, повеся головы, медленно передвигали ноги. Мы надеялись отдохнуть и подкрепить наши силы в городе Фридланде, куда надлежало нам прийти часа в четыре пополудни. Наконец показались шпицы церквей: вскоре открылся город, и мы ожили будущим весельем. Мы знали, что там расположены наши обозы, и потому не предполагали никакого препятствия для входа в город. Но лишь только наши передовые фланкеры повертели на большую дорогу, ведущую к мосту на реке Алле, текущей под самым городом, как вдруг приметили ужасную пыль по той стороне реки, с левой стороны города, и вскоре увидели бегущих к нам фурлейтов, маркитантов и других обозных служителей. От них узнали мы, что неприятельская кавалерия заняла город. Пока орденский кирасирский полк вытягивался на линию, уланский е. в. цесаревича полк пошел на рысях вперед. Трудно себе представить, какими чувствами одушевлены были не только офицеры, но даже солдаты этого полка. Мы искали случаев оправдать перед армейскими полками честь, которою пользовался наш полк, называясь именем брата государева, сподвижника Суворова. Поспешая вперед, мы завистливо оглядывались назад, чтоб кто-нибудь не лишил нас славы первым броситься на неприятеля. Забыты труды и усталость: кони запрыгали на укороченных поводьях. Приближаясь к реке, эскадронные командиры наперерыв друг перед другом просили у полкового командира, полковника Чаликова, позволения первому устремиться в город. Никто не думал осведомляться о числе неприятеля, каждый хотел только как можно скорее с ним встретиться. ? Наконец, ротмистр Владимирова удостоился чести первенства. Стрелюю понесся его эскадрон к реке, и лишь только передние вскочили на мост, пули посыпались градом с противоположного берега, и наши уланы с досадою увидели, что мост разобран в середине. Сделалось общее смятение, и некоторые уже начали поворачивать коней, но мужество и присутствие духа ротмистра Владимирова дали другое направление всему делу. «Ребята! С коней, поправьте раскинутые доски!» закричал он. Между тем пули сыпались. Несколько улан поспешили исполнить приказание ротмистра, но прежде нежели он изъяснился, та же самая мысль уже производилась в действо поручиком Старжинским. Прискакав первый к разобранному мосту (и приметив, что французы перетащили часть досок на свою сторону, а часть положили по сторонам перил, чтобы, в случае нужды, тотчас устроить переправу), Старжинский бросается с коня, хватает доску, кладет ее в длину чрез отверстие, перебегает под пулями к куче досок, и подзывает к себе трубача, который также спешил и начинает с ним вместе укладывать доски по своим местам. Подивитесь, друзья мои, слепому счастью! Все выстрелы устремлены были в поручика Старжинского; в него именно целили спешившиеся французские гусары, и ни одна пуля не попала в него, переранив несколько человек кругом его, и даже в отдалении. Пример поручика, хладнокровие ротмистра сильно подействовали на всех. Чрез несколько минут мост был починен, и наши уланы, как отчаянные, бросились в город. Спешившиеся гусары стреляли в наших улан из заборов и домов. Саксонские кирасиры, на отличных лошадях, хотели густою колонною удержать стремительное нападение. Тщетные усилия! В одно мгновение все было сбито, опрокинуто; неприятель изгнан из города на чистое поле, где несколько удачных, отчаянных, стремительных атак заставили его отступить к лесу. Поле сражения осталось в нашей власти: оно было усыпано телами неприятельскими во всем направлении их ретирады. Мы не имели приказания преследовать неприятеля за лес; к тому ж это отчасти было невозможно, потому что он превосходил нас числом, и соединился с своим авангардом. Уланский е. в. цесаревича полк занял аван-посты под лесом, и провел ночь на биваках, между тем, как российская армия еще с вечера пришла к Фридланду, и, переходя реку, до другого утра продолжала занимать позицию, на которой на другой день, 2 июля, было дано известное генеральное сражение. Ночь прошла в разговорах и приготовлениях к делу: мы сидели кругом огня на трупах неприятельских, не из фанфаронады, но по нужде, потому что земля от росы была сыра, а у нас не было ни лишнего клочка сена, ни соломы, ни даже полена дров. Юнкер Иосилиян, родом из грузин, человек гигантского роста, геркулесовской силы и храбрости, также чрезвычайно

отличился в день 1-го июня. Преследуя неприятеля, он врезался в их середину, свалил несколько с коней сабельными ударами и, не взирая на то, что был ранен, продолжал рубить во все стороны, пока неприятели не рассеялись от него, как робкое стадо от хищного волка.

Вот вам господа происшествие истинное, которого я был свидетелем.

«Спасибо, любезный!» сказали мои друзья, «честь и слава Владимирову, Старжинскому и Иосилияну! ? Пусть имена их будут известны всем русским воинам: в последователях у нас ну будет недостатка».

(Продолжение впродь).

(*) Из которого, после того сформированы лейб-гвардии уланский и лейб-гвардии драгунский полки. Соч.

Московский телеграф

«Московский телеграф» издавался Н. А. Полевым в Москве в 1825—1834 гг. В год — 24 номера (четыре номера, объединенных в часть). В 1825 г. с подзаголовком «Журнал литературы, критики, наук и художеств»; в 1826—1827 гг. каждый номер делился на 2 отдела: I (1. Науки и искусства. 2. Критика. 3. Библиография. 4. Современные летописи), II (1. Изящная словесность. 2. Смесь). Журнал нового, энциклопедического, типа, отличался широтой диапазона (словесность, философия, история, статистика, политическая экономия и т. д.). Обязательными были разделы библиографии и критики. Николай Алексеевич Полевой (1796—1846) — беллетрист, историк, критик и журналист. Полевой, купец по происхождению, последовательно отстаивал идею неразрывной связи дальнейшего буржуазного развития России и культурного подъема в стране. Особенное значение он придавал распространению просвещения среди третьего сословия, и его журнал стал в первую очередь выразителем интересов «средних классов» русского общества. «Московский телеграф» ориентировался на возможно более широкую аудиторию и на протяжении всех лет издания оставался самым читаемым русским журналом.

В первые годы существования «Московского телеграфа» (1825—1827) его социально-политическая и эстетическая программы находились еще в стадии формирования. Литературная позиция самого Полевого как критика также еще не определилась. Его критические взгляды сложились в целостную систему лишь ко второй половине 1820-х гг. До конца 1820-х гг. в журнале сотрудничали писатели пушкинского круга — Вяземский, Жуковский, Баратынский, А. И. Тургенев, Дашков и др. Вяземский в 1825—1827 гг. был тесно связан с редакцией; он выступил посредником между «Московским телеграфом» и Пушкиным. Вяземский просил Пушкина участвовать в готовящемся издании (XIII, 118). Посланное Пушкиным при ответном письме (XIII, 126) стихотворение «Телега жизни» напечатано в № 1 «Московского телеграфа» (с. 49; с измен, 2-й строфы). Здесь же (с. 39) Вяземский цитирует неопубликованное стихотворение «К морю». Пушкин получал журнал в Михайловском. Первое время он отзывался о нем одобрительно и соглашался его «поддержать» (XIII, 158, 160). Но на протяжении 1825 г. растет неудовлетворенность Пушкина журналом. Он неоднократно

указывает Вяземскому на поверхностные суждения, дилетантизм, «невежество» и «педантизм» Полевого и отказывается числиться постоянным сотрудником «Телеграфа» (XIII, 184, 185, 227, 304—305). В 1825 г. в «Московском телеграфе» было опубликовано 7 произведений Пушкина, в том числе его первые появившиеся в печати критические статьи — «О г-же Сталь и г. А. М-ве» (Ч. 3. № 12. С. 255—259) и «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (Ч. 5. № 17. С. 40—46). Также; «Прятелям» (под загл. «Журнальным приятелям»; Ч. 1. № 3. С. 215), «Ex ungue leonem» (Ч. 4, № 13. С. 43), «Стихи в альбом» («Если жизнь тебя обманет...») (Ч. 5. № 17. С. 37), «Цыганская песня» («Старый муж, грозный муж!..») (из поэмы «Цыганы»; Ч. 6. № 21. С. 69). В 1826 г. в «Московском телеграфе» появилось только стихотворение «Элегия» («Люблю ваш сумрак неизвестный...») (Ч. 7. № 1. Отд. 2. С. 5—6). На этом непосредственное участие Пушкина в журнале кончилось. Личное знакомство Пушкина с Н. А. Полевым осенью 1826 г. в Москве подтвердило их расхождение. В последующие годы в «Телеграфе» были напечатаны лишь три эпиграммы Пушкина на М. Т. Каченовского; «Журналами обиженный жестоко...», «Там, где древний Кочерговский» и «Как сатирой безымянной...» (1829. Ч. 26. № 7. С. 257; № 8. С. 408; Ч. 29. № 18. С. 194). О сотрудничестве Пушкина в «Московском телеграфе» см. также в «Записках» Кс. А. Полевого (Полевой. С. 172—174, 223—236; то же в кн.: Пушкин в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 48—60).

«Московский телеграф» последовательно защищал и пропагандировал романтическое направление в литературе. В первые годы издания творчество Пушкина неизменно вызывало восторженные отклики на страницах «Телеграфа». Эстетические взгляды Н. А. и Кс. А. Полевых и впоследствии определяли их отношение к Пушкину как к писателю-романтику, самому яркому представителю романтического периода русской литературы.

К концу 1820-х гг. «Московский телеграф» становится на позиции резкого противостояния дворянской литературе. В 1829 г., после публикации статьи Н. А. Полевого о Н. М. Карамзине (Ч. 27. № 12) и последовавшего за ней разрыва с журналом писателей пушкинского круга, «Московский телеграф» начинает полемику о так называемой «литературной аристократии». Пушкин выступал в этой полемике против «Московского телеграфа» на страницах «Литературной газеты». С конца 1820-х гг. в журнале все чаще начинают появляться отрицательные отзывы о произведениях Пушкина. В то же время «Телеграф» продолжает следить за выходом его новых произведений, переводом их на иностранные языки, отзывами о поэте в зарубежной печати, выступать против подражателей Пушкина.

Журнал "Московский телеграф", издававшийся в 1825--1834 гг. Николаем Алексеевичем Полевым (1796--1846), привлекал читателя разнообразием материалов и удачным их изложением.

С 1829 по 1832 г. при "Московском телеграфе" издавалось сатирическое приложение "Новый живописец общества и литературы". Название приложения и его программа указывают, что Полевой стремился возродить сатирические традиции журнала Н. И. Новикова "Живописец". Он писал: "На чело знатного мерзавца, на пороки, губительные счастью и благу общественному своею обольстительною наружностью, на разврат, покрытый золотою маскою, на повальные слабости своего народа и своего времени -- вот куда устремляться стрелам сатиры!". Сатирические письма, рассказы, сказки, пародии, стихи, заметки, фельетоны "Нового живописца" были направлены на разоблачение тунеядства и паразитизма дворянства и чиновничества. Так, в фельетоне Полевого "Делать карьер" публицистические заметки автора о взглядах крупных и мелких чиновников на службу сопровождаются сатирическими зарисовками сцен из жизни чиновничества.

Материалы "Нового живописца" пользовались очень большой популярностью среди читателей. В 1832 г. Полевой переиздал их в пяти книгах, причем цензура запретила перепечатку некоторых произведений.

Общее оппозиционное направление журнала не раз вызывало недовольство правительства. Резкая рецензия Н. А. Полевого на официозную драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834. Ч. 4. № 3) послужила поводом к запрещению журнала в 1834 г. после № 5.

Н. А. Полевой. О новейших критических замечаниях на "Историю государства Российского", сочиненную Карамзиным⁶¹

Статья 1

Долго ожидали мы Истории отечественной, сочиняемой Карамзиным, долго занимался сей почтенный муж важным творением, которому суждено было первое место в российской литературе. И вот уже совершилось восемь лет, как сей памятник ума и познаний историографа представлен суду ученого света!

Русская литература не составляет, подобно другим европейским литературам, одного общего поприща: донныне мы отделены от Европы. Язык богатый, но малоизвестный и трудный к изучению, препятствует европейским ученым освещать нашу литературу светильником критики. По переводам, не дающим понятия о силе, важности и степени достоинства наших творений, иностранцы не могут судить о нас. Но в истории русской они могли бы заняться отдельно, не литературою, но историческою критикою? И здесь важные препятствия!

Если бы русская история составляла одно общее с европейскою историею, она подошла бы под размер критики общей; но с самого начала отделенная от Европы, не имевшая непосредственной связи с другими странами, Россия до XVIII века составляла особый мир. Польша, Венгрия и Турция, всегда замешанные в выгоды и невыгоды европейской политики, составляли, так сказать, оплот, чрез который другие европейцы проходили иногда посмотреть на Русь и рассказать потом землякам своим о диковинках, там виденных. К такому отделению России от Европы приучились и историки европейские.

В наше время надобно бы с высшей точки зрения смотреть на всеобщую историю; но, к сожалению, донныне не было еще такого историка, который, описывая историю Европы и Азии, дал бы надлежащее место России в своем творении.

История русская донныне составляет у европейцев отдельный предмет внимания некоторых ученых людей; но число их, и было и есть, небольшое.

Сии люди могли бы дать надлежащую цену творению Карамзина, но они не имеют потребных пособий. Это и отдельность истории нашей от истории европейской произвели то, что европейские ученые ограничились поверхностным взглядом на труд историографа, согласно сказали, что до сего времени они не знали творения, столь хорошо изображающего историю русскую -- и тем кончилось!

Но сказать, что одна книга лучше другой, не значит еще определить существенное ее достоинство. Здесь требуется, чтобы важность творения показана была не относительным, но положительным образом. Европейцы не могли этого сделать; надобно было заняться подобным показанием русскому критику.

Творение, выходящее из круга обыкновенных новостей литературных, может служить мерою народной литературы. Когда Робертсон¹ издал свою Историю Карла V, современные литераторы показали, что в общем объеме они не отстали от Робертсона. История Карамзина показала пример противного.

Правда, творение Карамзина, блистая яркими самоцветными красками, обратило на себя внимание соотечественников: но это не было внимание просвещенного, опытного

⁶¹ Московский телеграф. 1825. Ч. IV. С. 234--243

любопытства, но удивление детей на диковинку невиданную. Прежде всего раздался голос литературных простолюдинов. Журналисты в обыкновенных выражениях возвестили появление Истории; критики, изумленные явлением новым в нашей литературе, с удивлением передавали друг другу неопределенные похвалы. Мнение, что История государства Российского творение превосходное и прекрасное, составилось; но как апофеоз римлян не давал человеку, принятому в число полубогов, прав на имя великого человека -- так и творение Карамзина, хвалимое безусловно и безотчетно, не получало чрез то прав на славу. Голос толпы дает известность: слава есть приговор немногих избранных судей, и их утверждение решает достоинство писателя.

И в Европе, так же, как у нас, творение замечательное прежде всего получает известность от общего приговора, но вслед за сим слышан бывает приговор знатоков, критиков избранных, и писатель, выдержав их строгий суд, уверяется уже в достоинстве своего творения. Часто оба приговора разнятся между собою: последний всегда делает решительный перевес.

У нас *общий* приговор был произнесен, но мы не слышали приговора опытной, строгой, ученой *критики*.

Оценить творение великое может только тот, кто обладает способностью к великому. И сколь многим надобно обладать, кроме того, человеку, который возьмется судить творение, объясняющее важный предмет человеческих знаний! Сколько пособий и вспомогательного изучения потребно для изречения приговора!

Впрочем, критика на Историю Гос<ударства> Российского могла б быть производима в различных направлениях. Можно бы рассматривать сие творение в рассуждении географии, языкознания, исторической достоверности и точности происшествий; разумеется, что важнее других взгляд философический: общее, все части сии объемлющее обозрение смело можно уравнивать с важнейшими учеными подвигами.

Но критики русские, кажется, не постигли еще хорошо той науки, жрецами которой себя называют. Ограниченные недалеким обзором, тревожимые духом партий, приученные к мелочному мелочными предметами, многие из них не понимают той великой истины, что уразуметь и оценить красоты и достоинства гораздо труднее, нежели выискать ошибки, неисправности, неточности в творении огромном, разнообразном и многосложном. Критика наука: в ней постоянные правила, есть условия; но все это доньше тайна для многих наших критиков!

Критик, решившийся рассмотреть важное творение и дать отчет о нем, должен быть совершенно чужд мелочного расчета ловителей ошибок, должен возвыситься до той степени величия, на которой стоит творение, им рассматриваемое. Объемля вполне важность сочинения, он обязан сочинителю и публике беспристрастием, должен говорить языком, достойным предмета, и мне кажется (пусть назовут это парадоксом!), что публика и сочинитель должны знать: *кто берет на себя важную обязанность судии? на чем основаны права его?* Никому не запрещено поступать вопреки сим правилам, но следствие бывает равно причине.

Я сказал, что кто не чувствует в себе сил обнять предмет со всех сторон, тот может заняться им в одном каком-нибудь отношении: в Европе видим этому примеры. Но верный признак, что критика не достигла зрелого возраста, если критикующие, как пигмеи, окружают великое творение и, в полном смысле, закрытые неизвестностью, начнут нападать из-за углов, ловить на выдержку слова и торжествовать победы маленького, довольного собою честолюбия. Если весь круг действий ограничивается сими нападками, смело можете сказать, что творение, подверженное им, превышает понятия и способности критикующих!

Надобно признаться: взгляд на замечания русских критиков Истории гос<ударства> Российского неутешителен.

Никто доньше не явился у нас не только с критикою, вполне объемлющею Историю госуд<арства> Российского, никто не предстал даже с критикою отдельно по какой-нибудь

части оной. Историограф, с благодарностию принимая замечания некоторых почтенных особ, доказал, что критика не оскорбляет его. Дельный, ученый разбор, мы уверены, никогда не оскорбит писателя, надежного на свои силы. Зато он имеет полное право пренебрегать мелочными и несправедливыми притязаниями.

Я полагаю, что изобличение подобных покушений есть долг и обязанность журналиста. Это заставляет меня обозреть некоторые новейшие критические замечания на Историю государства Российского. Сначала исчислим главнейшие донныне известные критики.

Прежде всех показались критические замечания какого-то Киевского жителя² в "Вестнике Европы" 1818--1819 года. Ни одна критика не отличалась таким грубым слогом и такую сбивчивостью суждений. Обещав сначала разбор Истории, критик ограничился разбором одного предисловия. Каким же образом составил он этот разбор? Выхватив несколько фраз, соображая ошибки французских переводчиков, толкуя о предметах, мимоходом обозначенных историографом, и -- кончив ничем! Вот уже скоро пять лет, но не видно никакого продолжения. Потом появились в Казанском Вестнике замечания г. Арцыбашева. Они были лучше замечаний Киевского жителя, но поверхностны, односторонни и кончились началом. Об отдельных критических пьесах того же автора, относящихся к IX-му тому И<стории> Г<осударства> Р<оссийского>, не скажем ни слова.

В 1822 г. началось печатание критики г. Лелевеля, в "Северном Архиве". Начало обещало нам нечто систематическое, но последствия доказали, что критик имел в виду не разбор Истории гос<ударства> Росс<ийского>, но изложение мнений своих о разных исторических предметах. Продолжения не видно, и судя по обширному расположению, г. Лелевель, вероятно, напишет несколько томов. Будем судить, когда он кончит.

В нынешнем году явились на сцену два критика. Один, издатель "Сев. Архива" г. Булгарин, объявил, что он разберет 10 и 11 томы Истории; другой, скрывший свое имя под буквами Д. З.³, явился в "Вестнике Европы", с статьею: *Исторические справки*.

Обзор русских критик на Историю г<осударства> Р<оссийского> вообще доказывает неприятную истину. Если статьи почитателей Карамзина отзываются безотчетным восторгом, зато критики на его творение, кажется, пишут под диктатурою какого-то неприязненного чувства. Кроме критики г. Лелевеля, все другие подвержены сему недостатку. Предоставляя себе впоследствии разбор замечаний г. Булгарина, я обращаюсь теперь к Историческим справкам г-на Д. З.

Решительно признаю неприличным образ критикованья, какой донныне употребляли все критиковавшие Историю гос<ударства> Российского.

Творение обширное, в котором все части соединены неразрывным союзом и, следовательно, в котором подробности часто зависят одна от другой, не может быть разбираемо клочками, отрывками. Можно обратить внимание на одно какое-нибудь отдельное описание и доказывать свое мнение касательно сего предмета; но никак не позволяется вырывать несколько строчек из одиннадцати томов и не соображая ни предыдущего, ни последующего, толковать их по своему произволу.

Г-н Д. З. под именем исторических справок наполнил более 30 страниц следующим порядком. Без означения места, он выписывает одну, две, три строчки, дает им какой угодно смысл, критикует и доказывает, что в этом месте Историограф ошибся, не понял, что он противоречит сам себе. Позволительно ли это? Так ли должно писать критику на творение обширное и важное?

Неблагоденность критики г-на Д. З. всего заметнее в том, что он даже позволяет себе неверно и неправильно выписывать слова историографа и на неверно выписанных словах основывать свои суждения. Такое дело совершенно непростительно в литературе! На с. 213 "Вест<ника> Европы" вот как начинает г. Д. З.:

"Нам говорят, что "господство монголов не оставило никаких следов в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян"", -- г-н Д. З. без дальнейших объяснений доказывает несправедливость этого, исчисляя следы сии,

оставшиеся в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке русском.

Хорошо зная Историю гос<ударства> Российского, я удивился, где нашел это г-н Д. З. Прочитываю снова 4 главу V тома -- одно из лучших мест в творении Карамзина -- вижу превосходно изложенную картину состояния России от нашествия татар до Иоанна III. Историограф, изложив следствия татарского ига на нравственность народа и властителей, на гражданское законоположение, на власть князей, на возвышение Москвы и утверждение самодержавия, продолжает (Т. V, с. 384): "*Таким образом, имев вредные следствия для нравственности россиян, но благоприятствовал власти государей и выгодам духовенства, господство монголов оставило ли какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян? Слабые обыкновенно заимствуют от сильных*". За сим *вопросом* идут доказательства, что следы сии весьма невелики и что "россияне вышли из-под ига, более с европейским, нежели азиатским характером". Историограф расположил слова в вопросительном порядке; г-н Д. З. заставляет историографа говорить *утвердительно* и следственно -- умыслом переменяет и неправильно приводит слова его!

Признаюсь, что сообразив одно подобное покушение, я не решился бы никогда опровергать замечаний г-на Д. З.; но, к сожалению, увидел, что г-н Д. З. находит себе защитников не только в некоторых немногих читателях, не соображающих, что они читают, но даже в литераторах. Издатель "Сев. Архива", г-н Булгарин, торжественно объявляет читателям, что в г-не Д. З. "признает необыкновенную начитанность, проницательность, глубокие сведения в истории своего отечества и всеобщей и в науках политических", что сам он, делая замечания на его статью, имеет более в предмете научиться "нежели учить" и "желает побудить ученого сочинителя к дальнейшим историческим изысканиям". Такое соединенное устремление на историю гос<ударства> Российского заставляет меня отразить нападения гг. критиков, положить литературной самоуверенности их надлежащие границы, сказать им: non plus ultra {и не далее, дальше нельзя (*лат.*).} -- и тем доказать, что г-н Д. З. не должен браться за подвиг не по силам, не должен стараться унижать творение, первое в нашей литературе, ничтожными нападениями, а г. Булгарин, по неизвестным мне причинам, поддерживает мнение своего сподвижника на одинаковом пути.

Н. А. Полевой. Вольный мученик

"Да из чего же вы беснуетесь столько?"

Грибоедов

Кто это скачет на паре вятских, бойких лошадок, в легком, уютном экипаже? Как ни скоро катится экипаж, но для седока в нем находящегося, по-видимому, он едет слишком тихо. Седок этот встает беспрестанно, приподымается, смотрит вперед, машет палкою со всеми признаками нетерпения. А! это Увар Сарвилович Прибыльский! Неужели вы его не знаете? Разве вы недавно здесь? Его целый город знает. Нет бала в знатном доме, где бы Увар Сарвилович не торчал по шести часов за вистом; нет прогулки за город, катанья на горах, гулянья на масленице, в *коробе* или в *ящике*, предоставленного только большому свету, где бы его не было; нет гулянья кругом.., под...м, вь...х, где бы его не мочило дождем, не забрасывало грязью с колес или не задушало облаками пыли -- обыкновенные наслаждения наших гуляньев! Он тут, в своей карете, плетется между князем А. *** и графом Б. ***, кланяется барону В. *** и переклинивается во все горло с глухим генералом Г. ****, едущим в своей старомодной карете в другой цепи экипажей. Неужели вы не замечали всегда его коляски у всех знатных людей в праздники, именины, родины, крестины, похороны? Он *неизбежен*, он тут, с лицом радостным или печальным, улыбающимся или кислым, смотря по обстоятельствам, но всегда заботливым, всегда занятым, всегда беспокойным. Какой бес его мучит? Что за загадка этот Увар Сарвилович?

Он получил от отца в наследство 3 000 душ, никогда не мотал и -- крестьяне его разорены; он никогда не служил, всегда жил в нашем городе, всегда шил хорошо, весело и -- морщины глубокие на лице его, следы печалей и беспокойств на его огромной лысине; он был некогда влюблен в девушку, прелестную, богатую, был любим взаимно, мог жениться на ней и -- предпочел княжну Пузыревскую, длинную, сухую, подслеповатую фигуру, деву зрелую, похожую на кривой шпиц старой башни и к тому презлую, превздорную, с которою живет и мучится; он не занят собственно никаким делом -- и вечно занят или вечно вне дома, и ему некогда даже взглянуть на счет дворецкого, съездить в деревню, посмотреть на свое хозяйство. Какой бес мучит Увара Сарвиловича?

Увар Сарвилович есть доказательство одной философской мысли. Не знаю, как бы мне объяснить ее, *не раздражив гусей...*

Мысль эта состоит в том, что как в мире вещественном предмет или вещь, какая бы она ни была, если она остается в одном, непрерывно покойном, одинаковом положении, без движения внешнего и внутреннего, без прибавления новой жизни, то она портится, делается хуже, стремится к разрушению или вырождается. Истина неоспоримая. Опытном убедиться в ней можете весьма легко. Возьмите лучший дамасский булатный кинжал, которым мокрую тряпицу можно разрубить, как соломинку, оставьте этот кинжал без употребления, не чистите его -- он станет ржаветь, портиться и через несколько лет будет хуже косаря, которым щепает деревенская баба лучину. Возьмите лучшее вино, дайте ему стоять -- пробка рассохнется, вино выдохнется, окиснет и превратится в уксус.

Обратимся к царству растений. Прекрасное, здоровое дерево, если его не чистить, не ходить за ним, искривится, испортится и засохнет или делается уродом.

Перейдем к миру нравственному. История скажет вам, что славнейшие народы, когда у них не было соперников, не было деятельности гражданской, извне и снутри, слабели, ржавели, вырождались или дряхлели и разрушались. Вспомните персов, греков, римлян.

Теперь, кажется, не за что будет сердиться, если, ссылаясь на всеобщий закон природы, вещественной и нравственной, мы скажем, что и в знатных родах, в поколениях, потомках, происшедших от людей знаменитых, великих, этот закон непреложен. Если потомство великого человека не обновляется испытаниями, если оно не стремится само к тому, чем был его предок, если оно коснеет только в неге и довольстве, которые труды и заслуги предка ему доставили, то через несколько поколений представляет собою жалкий, бедный пример телесного и душевного одряхления, вырождения. Оно делается смешно, забавно, походит на карлу, который влез в сапог своего предка-великана и из исполинского меча его устроил себе скамеечку, где помещается весь, с душевным и телесным своим богатством. Все это уже тысячу раз было представляемо писателями всех наций, начиная с Ювенала ¹⁾ до нашего Крылова, который вырождков от великих праотцев уподобил, так мило и так забавно, *гусям* и ввел это название в пословицу. Обратимся ли к мудрым законодателям России, мы найдем, что основанием государственного благосостояния они поставили не род, не знатное происхождение, но личные заслуги. Будь потомок хоть Еруслана Лазаревича, будь все твои отцы генералы и все матушки -- княгини *фон* и *де* и *фан*, -- сын крестьянина украшается перед тобою звездами и лентами, предводит полки, заседает в Государевом Совете, правит областями, а ты, потомок Еруслана,

От корня доброго гнилой сучок, негодный {*}.

{* Воейкова, подражание Ювеналовой сатире о благородстве ("Вестник Европы", т. XXIX, стр. 195--201).}

Знай, что местничества в России нет; сиди в своей конуре, дуйся, как лягушка езопова ²⁾ и хлопай длинными ослиными ушами!

Негодование, насмешка, сатира всегда проследовали и преследуют вырождков знатных и великих отцов. Тут есть причина. Надобно знать, что ничего в мире нет смешнее, жалчее, презреннее таких вырождков. Это происходит именно от сравнения с тем, от чего явились

эти вырождаки, и от того, что, потеряв все истинные качества величия, славы, доблести, вырождаки сии горделиво сохраняют, однако ж, все наружное великолепие, знаменитость, гордость своих предков. Но что в предках было необходимое следствие сознания внутренней силы, душевного могущества и дел знаменитых, то у выроodka их ходули, самые забавные. Предок просто стоял на ногах в толпе народа и превышал всех других целою головою; выродок, худой, слабый, тощий, тянется на цыпочки, чтобы также превышать других, и делается явлением самым комическим.

Если бы по крайней мере оставались у вырождков вещественные отличия предков, то все еще они не были бы так забавны. Но закон природы велит, чтобы приобретенное величием духа ему только и принадлежало. Звезды и ленты пронесут за гробом предка, и потомок приобрети их сам, если они ему нравятся; ум без собственного старания об усовершенствовании его походит на заржавелый булат и сбивается в мелочи, в пустяки. Остаются у выроodka портреты предков и древние грамоты; но без подкрепления потомства портреты -- крашеная холстина, а грамоты -- гнилая бумага! А имение, богатство? Вот тут-то и главнейшая трудность. Есть пословица: легче *нажить*, нежели *не прожить*. Много есть примеров, что люди наживали, но не прожить нажитого не умели. Наживет и дурак -- будь только случай: шел да нашел; но не прожить надобен ум, и людей вообще надобно бы учить не тому, как *наживать*, но как *не проживать*. Выродки обыкновенно не умеют сохранить нажитых предками имений, разоряются, должают и беднеют. Достанется им легко, даром; цены деньгам они не знают; тратят беспутно, и большое диво, если через три поколения вырождков потомок знатного предка не остается только с тою душою, которая в нем (если только есть она в нем), с тою землею, которая у него в горшках с цветами (как говорит Шеридан ³)), и с теми деньгами, которые выручит он за продажу портретов на рынок и грамот своих в архив археолога и генеалого, которому надобно по кружкам родословной поверить: точно ли в таком-то году за спор о местах такого-то боярина выдали головою такому-то.

Но, кажется, что мы далеко уехали от любезного Увара Сарвиловича? Напротив, мы подъехали к нему вплоть. Я сказал, что ничего не может быть смешнее и забавнее выроodka знаменитых отцов; объяснил и причины, почему так бывает. С этого списаны были донные тысячи карикатур, как я сказал уже, но возможно ли истощить мир действительного бытия? После Данте, Шекспира, Гете, Байрона сколько еще остается непочатых углов человеческого сердца и природы! А думается, читая этих великих людей, что они исчерпали весь океан души человека и что природа сквозилась для них, как решето! Так и в мире вырождков: ни Гогарт ⁴), ни Мольер, ни Ювенал, ни Кантемир, ни Крылов, ни тысячи других живописцев карикатур и сочинителей комедий, сатир и басен не скажут, что в этом мире все пожато. Не колосья, но целые поля смешного остаются еще и ждут делателей.

Людей, подобных Увару Сарвиловичу, кажется, никто донные не представлял еще в печатном портрете. Он явление, которое было бы непонятно без теории, нами изложенной. Можно ли исчислить все уклонения природы от строгого порядка в делах и вещах? Мы видели двух людей, вместе сросшихся, людей без ног, без рук, льва, живущего в одной клетке с собачкою, и проч. и проч.-- Увар Сарвилович, принадлежа собственно к числу вырождков знатного предка, в то же время есть уродливость, особенность в мире вырождков. Он такая же странность, как любовь какого-то человека к лягушечьим глазам. Но такая любовь была же в мире, и Увар Сарвилович существует в мире!

Он принадлежит в *роде* (genus) вырождков собственно к *виду* (species) вырождков, не залетающих вдаль с своими требованиями. Многие из них корчат вельмож, великих людей: Увар Сарвилович и лицом, и поступью, и жизнью похож на разбогатевшего и попавшего в большой свет мещанина. В чем же его странность? В чем загадка его бытия?

Он уверяет, что предок его был славянский князь Прибыслав; что он был родной племянник князю литовскому, Кернусу Куносовичу; что внук Прибыслава был низвержен князем Монвиллом Гимбутовичем; что под именем *Прибыльских* потомки Прибыслава выехали потом в Россию. Древность рода своего в России Увар Сарвилович утверждает

тем, что в разрядах 7090 года записано: "А как Кузька Федоткин Прибыльский, за воровские свои дела и измену с Крымскими людьми был пойман и в воровстве повинился, то по вине и сослан был в дальние города северные и там умре". Как не поверить после сего, что Увар Сарвилович потомок знатного рода! Дедушка оказал, однако ж, Увару Сарвиловичу услугу едва ли не поважнее предка его Прибыслава. Он был шутком у князя П, отличался тем, что съедал целого теленка; под веселый час выпросил он у мощного вельможи какой-то подряд, нажил деньги, перестал шутить, вошел в другие подряды и оставил сыну 6000 душ крестьян, из коих, съевши 3000, сынок передал внуку остальные 3000 душ. Этот-то внучек есть наш милый Увар Сарвилович.

Посмотрите, как перерождалось поколение Прибыльских. Предок был славянский князь; прапрадед входил в политические связи с крымским ханом; дед, презирая пустяки, был сильным любимцем сильного вельможи, и хотя был он шут, но в передней его часто ставили вовсе не шуты, а люди *пресерьезные*; отец не умел поддержать славы Прибыльских, но по крайней мере втирался в службу, хотел отличиться на поле ратном, в судах. Охота у него была смертная, средств только не было. К несчастью, при первом пушечном огне слабые нервы его била лихорадка, и, когда нашли его однажды после сражения в сухарной фуре, он должен был оставить военную службу. В гражданской службе -- другая беда: он был близорук и не мог читать приказных бумаг, даже не мог подписать своего имени, хотя бойко читал Фоблаза⁵) и писывал милые *billets doux* {Любовные записки (*фр.*)-- *Ред.*}. Но Увар Сарвилович не близорук, лихорадке не бывал подвержен, честолюбием обладает непомерным, а нигде, никогда не служил и охоты к этому не имел; или, лучше сказать, мучимый бесом *знатнолюбия*, не имел времени. С детства в большом свете, с детства в кругу знатных, он не думал никогда сам быть *знатным человеком*, но только желал дышать тем воздухом, которым знатные дышат, делать то, что они делают, и вот уже слишком сорок лет он в большом свете, посвятил ему все: имение, детей, жизнь свою. Я уверен, что он завидует собаке, имеющей право лежать в кабинете знатного барина. Все радости, все счастье Увара Сарвиловича погибли в жертву его идолу!

Эту страсть, этого беса я назвал *знатнолюбием* и иначе не умел назвать. Это не честолюбие, не желание счастья. Быть с знатным, говорить с вельможею, играть в вист с князем, обедать у генерала, угощать у себя сиятельных и превосходительных -- вот все, чего ищет Увар Сарвилович. Увидев незнакомого, он спрашивает чин его и звание; сердце его -- истинный термометр знатности и чиновности. Со всем тем, что не коллежский советник, он сух и холодей. Коллежский советник видит уже в нем признаки жизни; статский советник получает уже его улыбку; действительный статский -- пожимание руки; тайный -- низкие поклоны: действительный тайный может заставить его, как богдыхан китайского мандарина, кланяться трижды по трижды!

Не думайте, чтобы знатные люди уважали, любили Увара Сарвиловича. Они *привыкли* видеть его рожу, он допущен всюду, принят, его приглашают везде -- точно так же как стелют ковер на паркете: он удобство какое-то. Можете дать ему карты -- он играет; пригласить его на пикник -- он платит свою долю; дать ему 50 билетов на лотерею для бедного семейства, которое надоело вам, -- он берет. У него получают первые устрицы; у него пекутся блины на масленице лучшие; у него знатный повеса может свободно прыгать и дурачиться, старик -- быть *без принуждения*, графиня -- заказать ему достать что-нибудь и забыть заплатить безделку, чего стоил заказ. Увар Сарвилович вечно в хлопотах, занят, бегаёт, ездит, пляшет, поёт, играет, печалится по желанию других и вечно не знает покоя. Он женился для того, что пятьдесят тетушек жены его сделали его *своим человеком* в пятидесяти домах; он разоряется и, вероятно, наконец разорится от желания быть всегда в большом свете, быть всегда между знатью. Почтения он не требует, за право *быть* платя всем: деньгами и счастьем. Может статься, он заплатит и жизнью за это когда-нибудь; он вытерпел уже горячку с пятнами, забывши день рождения графа

Пустозвонова; его ударил уже паралич однажды, когда он забыл пригласить к себе на обед тетушку, по бабушке кумы своей, княжну Тугоуховскую.

Скажите: не правда ли, что потомок князя Прибыслава есть *вольный мученик*? Он мог служить, мог отличиться службою, ибо довольно богат и был смолоду довольно умен; но воспитание его прошло в детских праздниках и сюрпризах; в юности он не мог оторваться от тысячи пустых связей своих с большим светом; женитьба доконала его. Теперь он и стар, и глух, и глуп; вертясь в одном кругу, терзаемый мелкими заботами, он сжался душою, телом, имением. Но только смерть кончит муку Увара Сарвиловича!

Дети его доказывают, что им не кончилось еще вырождение потомков князя Прибыслава. Увар Сарвилович по крайней мере жил и умрет в *большом свете*, по крайней мере он счастлив *близ знатных*. Дети его потеряли и это последнее чувство, последнюю память знатного своего рода: они гордятся какими-то плебейскими страстями и склонностями. Дочь Увара Сарвиловича позволила себя увезти с великолепного бала какому-то гувернеру; сын Увара Сарвиловича, промотавши много денег в гусарском полку, сослан отцом в деревню, и там за сивухую, в кругу барских барынь и отцовских лакеев считает себя счастливейшим из смертных, оставляя отца питаться чадом большого света. Шанфор ⁶⁾ или Буффлер ⁷⁾ сказал, что знатные люди для того проматывают свои имения, чтобы дети их, не имея опоры в богатстве, старались отличиться только знатностью рода и оправдывали имена предков только собою. Не для этого ли и Увар Сарвилович решился *не оставить детям ничего*? Но почему же он сам сделался вольным мучеником? Непонятная уродливость нравственного мира, странное отступление от законов природы, которая самосохранение и наслаждение жизнью поставила одним из основных законов нашего бытия!

Николай Полевой. "Рука Всевышнего Отечество спасла".

Драма из отечественной истории, в 5-ти актах, в стихах. Соч. Н. Кукольника⁶². СПб., 1834⁶³

Братья Полевые -- выходцы из среды купечества. В период после разгрома декабристов продолжали в критике идеи прогрессивного романтизма. Белинский ценил стремление братьев Полевых придать своему журналу "Московский телеграф" (1825--1834) ярко выраженное идейное направление.

Помещаемые здесь статьи К. Полевого "О направлениях и партиях в литературе" (1833) и Н. Полевого о пьесе Кукольника "Рука всевышнего отечество спасла" (1834), которая послужила поводом для закрытия журнала, достаточно ярко показывают приверженность к романтизму обоих авторов, раскрывают их прогрессивные убеждения.

Братья Полевые боролись за строгий романтический кодекс творчества, выступали против поверхностного, анархического использования отдельных романтических приемов, были противниками приспособления романтизма к реакционной политике "официальной народности".

<...> Скажем, что <...> новая драма г-на Кукольника весьма печалит нас. Никак не ожидали мы, чтобы поэт, написавший в 1830 г. "Тасса", в 1832 году позволил себе написать -- но, этого мало: в 1834 г. *издать* такую драму, какова новая драма г-на

62 Кукольник Н. В. (1809--1868) -- плодовитый реакционный писатель, драматург охранительной ориентации. "Тассо" ("Торквато Тассо" 1833) -- его драматическая фантазия, имевшая успех, но вещь слабая и напыщенная.}

63 "Московский телеграф", 1833, ч. 51, N 12, с. 594-611; 1834, ч. 56, N 3, с. 498-506.

Кукольника: "Рука Всевышнего Отечество спасла"! Как можно столь мало щадить себя, столь мало думать о собственном своем достоинстве! *От великого до смешного один шаг.* Это сказал человек, весьма опытный в славе. <...>

Мы уже говорили когда-то в "Телеграфе" о том, что, по нашему мнению, из освобождения Москвы Мининым и Пожарским невозможно создать драмы, ибо тут не было драмы в действительности {В отзыве Н. А. Полевого на "Бориса Годунова" Пушкина в "Московском телеграфе" (1833, ч. 49, N 2, с. 280--327).}. Роман и драма заключались в событиях до 1612 года. Минин и 1612 год -- это *гимн, ода*, пропетые экспромтом русскою душою, в несколько месяцев. Один умный иностранец, разговаривая о русской истории, сказал: "У вас была своя "Орлеанская Дева", это ваш Минин". Сказано остроумно, и, всего более, справедливо. Ряд великих событий, от появления Самозванца до падения Шуйского, совершился; дела были доведены до последних крайностей. На пепле Москвы надобно было сойтись в последний бой России и Польше. Толпа изменников и ничтожных вождей стояла близ Московского Кремля. Мужественный Хоткевич с последними силами шел к Москве. Кому пасть: России? Польше? -- Польше! изрек всемогущий, и -- дух божий вдохновляет мещанина Минина, как некогда вдохновил крестьянку Иоанну д'Арк. По гласу Минина сошлась нестройная толпа мужиков, и -- ведомая верою в лице Аврамия Палицына и русским духом в лице Козьмы Минина -- пришла к Москве. Хоткевич разбит и Русь спасена. Опять начинается после сего ряд новых событий, совершенно чуждых подвигу Минина. Минин мгновенно сходит с своего поприща; и не только он, но и Палицын, и Пожарский, и Трубецкой. В 1618 году поляки снова стоят под Москвою, и, как событий с 1612 года, так и самого избрания Михаила на царство, нисколько не должно сливать с историею о подвиге Минина и Пожарского.

Великое зрелище сего подвига издавна воспламеняло воображение наших писателей. Херасков, Крюковский, Глинка {Имеются в виду: драма М. М. Хераскова "Освобожденная Москва" (1798), трагедия М. В. Крюковского "Пожарский" (1807), историческая пьеса С. Н. Глинки "Минин" (1809).} сочиняли из него драмы. Озеров также принимался за сей предмет {В бумагах В. А. Озерова было найдено начало трагедии "Пожарский".-- *Прим. автора.*}. "Может быть, великое дарование и придумало бы завязку и развязку для драмы о Минине",-- скажут нам. "Ведь Шиллер сочинил же "Орлеанскую Деву"? -- Но замечаете ли вы, в чем состоит шиллерово сочинение? В нем подвиг Иоанны составляет только эпизод: вымышленная любовь Иоанны к Лионелю, Король, Агнесса Сорель, герцог Филипп и Королева-мать составляют, собственно, всю сущность. Оттого многие находят, и весьма справедливо, что, написав прекрасную драму, Шиллер, собственно, унизил Орлеанскую Деву. Так можете вы создать драму о Минине, прибавив в нее небывалого и сосредоточив главный интерес не на освобождении Москвы, а на любви или на чем угодно другом. Необходимость этого видели Херасков, Глинка и Крюковский. Торжественные сцены на площади Нижегородской, в селе Пожарах, в Ярославле, на Волкуше, на Девичьем поле и за Москвою-рекою, картина битвы, картина избрания Михаила -- все сии сцены величественны; но это *мгновения*, и если драматический писатель решится только из них составить свое сочинение, то он непременно впадет в театральную декламацию и удалится от истины. Это необходимо. Великие картины, виденные нами в событиях нашего времени, и новейшие понятия об истории, доказали нам, что *исторические торжественные мгновения* приготавливаются издалека, и в этих-то приготовлениях заключена жизнь истории и жизнь поэзии, а не в окончательных картинах, где люди большею частию молчат, образуя собою только великолепное зрелище, подобно группам балетным. Заставив их разглагольствовать, вы погубите величие и простоту истины. Неужели вы думаете, что Минину стоило только *кликнуть клич* на Нижегородской площади и потом подраться с Хоткевичем под Москвою? Страшная ошибка! Минин, бесспорно, велик и в этих случаях; но если хотите понять все величие его подвига, то сообразите первую тайную его думу при тогдашнем отчаянном положении России, его скрытые переговоры с Пожарским и заботы его, чтобы нестройные толпы свои и

храброго, но беспечного Пожарского, довести до Москвы, прокормить их, наградить жалованием, непрерывно между тем поборая крамолы. Обставьте все это Авраимом, Трубецким, изображением Польши и Хоткевича -- вот где вы узнаете Минина и правду событий! Но все это невозможно для сцены и едва ли годится для романа. И так, если нет основания для драмы, ни в этом, ни в торжественных сценах освобождения Москвы в 1612 году не должно *переделявать* в драму, ибо вы должны будете или декламаторствовать, или изображать что-нибудь постороннее, какую-нибудь любовь и т. п.

Трагедия Хераскова держалась таким образом вся на нелепой, вымышленной любви сестры Пожарского к сыну польского гетмана. Минин, Пожарский, Трубецкой являлись только говорить монологи; другия лица приходили толковать без толку; народ собирался кричать: "*Ура*" и петь хор при конце трагедии.-- Крюковский основал свою трагедию на умысле Заруцкого, который захватывает жену и сына Пожарского. Борьба героя с самим собою, борьба, состоящая в том чем пожертвовать -- отечеством или женою и сыном? вот все, в чем заключалась драма Крюковского. Остальное состоит в ней из громких монологов, пальбы, сражения и ненужных вставок. Глинка взял предметом своей драмы сборы Минина в Нижнем Новгороде, но ввел в это любовь сына его к дочери Заруцкого.

Г-н К. нисколько не подвинулся далее трех предшественников в сей драме. Вся разница в том, что, по вольности романтизма, он переносит действие повсюду, и что в его драме собрано вдруг десять действий, когда нет притом ни одного основного, на чем держалось бы единство драмы. Против *исторической истины* бесспорно позволяются поэтам отступления, даже и такие, какие позволил себе г-н К.; но поэт должен выкупить у нас эту свободу тем, чтобы употребить уступки истории в пользу поэзии.

Отступления от истории в драме г-на К. безмерны и несообразны ни с чем: он позволяет себе представить Заруцкого и Марину под Москву в сношениях с Пожарским: Трубецкого делает горячим, ревностным сыном отечества, жертвующим ему своею гордостью; сближает в одно время смерть патриарха Ермогена и прибытие Пожарского под Москву; Марину сводит с ума и для эффекта сцены заставляя ее бродить по русскому стану в виде какой-то леди Макбет! Пожарский представляется притом главным орудием всех действий; народ избирает его в цари. Словом: мы не постигаем, для чего драма г-на К. названа заимствованною *из отечественной истории*? Тут *нисколько и ничего нет исторического* -- ни в событиях, ни в характерах.

К чему же послужили г-ну К. романтическая свобода и такие страшные изменения истории? К тому, чтобы изобразить *несколько театральных сцен*. В этом нельзя отказать г-ну Кукольнику: такие сцены у него есть; но это самое последнее достоинство драмы, и подобные *эффекты* найдете в каждой мелодраме. Не того требуем мы от истинного поэта: требуем поэтического создания, истинной драмы.

Мы слышали, что сочинение г-на К. заслужило в Петербурге много рукоплесканий на сцене {Сам царь Николай I был доволен этой премьерой.}. Но рукоплескания зрителей не должны приводить в заблуждение автора. Каждое слово, близкое русской душе, каждая картина, хоть немного напоминающая родное, могут возбуждать громкие плески. "Димитрий Донской" Озерова {Трагедия "Димитрий Донской" написана В. А. Озеровым в 1807 г.} -- эта решительная ошибка дарования сильного; "Пожарский" Крюковского -- где нет и тени драмы -- обе сии пьесы в свой черед заставляли зрителей рукоплескать. И как часто, даже ныне, сильный стих Озерова или Крюковского:

Кто слову изменит, тому да будет стыдно;

или --

В отечестве драгом, в родимой стороне,
Как мило сердцу все, как все любезно мне --

заставляют зрителей хлопать. Я помню представления "Димитрия Донского" и "Пожарского" в Москве в 1812 году. Надобно было слышать, какой страшный гром рукоплесканий раздавался тогда при стихе:

И гордый, как скала кремнистая, падет!

Когда Пожарский произносил:

Россия не в Москве, среди сынов она,
Которых верна грудь любовью к ней полна!

"Ура!" сливалось тогда с оглушающим криком: "Charmant!", "Браво!" Многие из зрителей плакали от умиления. Тогда же играли драму Глинки "Минин" -- и стены театра дрожали от плеска и крика при словах Минина:

Бог сил! предшествуй нам, правь нашими рядами,
Дай всем нам умереть отечества сынами!

Наши старики рассказывают, что также некогда встречали они рукоплесканиями трагедию Хераскова. -- Счастливых, сильных стихов в драме г-на К. довольно, хотя вообще стихосложение в ней очень неровно. Мы думаем, это происходит от того, что драма в сущности своей не выдерживает никакой критики. Подробности являются из основания, а стихи из подробностей, и если основание плохо, то и все бывает неловко, несвязно и натянуто.

Почитаем не нужным излагать и разбирать подробно новую драму г-на К. О ней довольно писали в петербургских журналах, уверяя, что г-н К. "первый представил нам драму истинно народную, русскую, дюжую, плечистую" {Такой отзыв дала "Северная пчела" Булгарина (1834, N 1).}.-- Преувеличенная и притом такая странная похвала, что недоверчивому писателю всего легче почесть ее за тонкую насмешку! Вероятно, дюжую, плечистую драму г-на Кукольника не замедлят дать на московском театре, и, вероятно, она пойдет после того за уряд с "Пожарским" Крюковского, хотя по времени и по отношениям Крюковскому надобно отдать преимущество перед его последователем и соперником.

Московские ведомости

Реакционная газета, основанная в 1756 г. С 1855 г. по 1860 г. и с 1863 по 1887 г. редактировалась Катковым. От других реакционных газет отличалась большей решительностью и последовательностью. Ее лозунгами были - православие, самодержавие, народность. С 1905 г. становится - под редакцией Грингмута - официальным органом монархической партии и ведет систематическую травлю революционных рабочих, интеллигенции и евреев, открыто призывая к погромам.

Число периодических изданий в России в первой четверти XIX в. ежегодно колебалось между 10 и 20. Резкий подъем наблюдался в 1830-е годы, когда количество журналов и газет увеличилось до 50 и потом практически не менялось до середины века. Газет выходило относительно немного. В Москве в первой половине XIX в. выходило более 60 журналов научных, литературных, смешанных, для любителей театра, для любителей мод, постоянно издавалась газета «Московские ведомости».

Первый номер газеты вышел в 1756 г., последний в 1917-м. С момента основания и всю первую половину XIX в. издателем ее был Московский университет. Тиражи у газеты были немалые: в 1789 г. — 4 тыс., в 1802 г. — 6 тыс., в 1815 г. — 8 тыс. экз. В дальнейшем тираж несколько падал, потом опять увеличивался примерно до 9 тыс. экз.

По своей структуре «Московские ведомости» делились на две части: на политические ведомости и объявления. Издателем политических ведомостей до 1809 г. был В. П. Иванов, в 1810 г. его сменил В. И. Долгоруков, фактическим редактором газеты в этот период был его помощник Ильинский. Дольше всех редактором был П. И. Шаликов. В 1817 г. он был определен помощником и с 1824 по 1841 г. — редактором. Сменил его на этом посту Е. Ф. Кори.

В политических ведомостях публиковались правительственные указы, на печатание которых университет получил привилегию в 1810 г., и сведения из русских и зарубежных повременных изданий.

Помимо сообщений о событиях в стране и за рубежом в газете помещались известия о новом театральном сезоне, о различных московских происшествиях. Широко отражалась жизнь университета. Ученые на страницах газеты публиковали сообщения о своих наблюдениях, открытиях, печатали лекции. Объявлялось о начале лекций для студентов.

Приглашались желающие на публичные лекции, регулярно помещались отчеты научных обществ. Например, в первом номере за 1820 г. напечатан отчет о заседании Московского общества испытателей природы 15 декабря 1819 г., на котором обсуждались инструкции для отправлявшихся в Китай с целью изучения его природы и читались доклады о путешествиях по Сибири, Молдавии, Украине.

Газета имела около 40 страниц, выходила размером в четвертую долю листа большого формата, текст печатался в две колонки. С 1820 г. часть тиража (1 тыс экз.) стала печататься на белой бумаге вместо обычной серой. Подписка на газету шла в Университетской типографии, Через Почтамты Московский, Малороссийский и Казанский. В 1816 г. соответственно подписалось читателей в Университетской типографии около 35 %, через Московский почтамт — около 45, через Малороссийский — около 19 и Казанский — менее 1%.

В одном из своих отчетов Шаликов писал, что подписка на газету в Москве составляла «менее четвертой части противу иногородних подписчиков», видел ее недостаток в том, что она вторична, не оригинальна, что она не может печатать отечественные сведения и собирать их «помимо начальства». Достоинством газеты он считал то, что «из иностранных газет и журналов относительно науки переводится все, что любопытно».

«Положение о типографии» 1851 г. Закрепляло за газетой право помещать «любопытные и занимательные, оригинальные и переводные статьи». Газета не подвергалась общей цензуре, за нее несло ответственность университетское начальство.

В Москве делались попытки издавать и другие газеты, на некоторые из них были получены разрешения, но удержался лишь «Утренний листок», начавший выходить в 1830 г. В нем помещались в основном объявления.

М.Н. Катков. Из передовых статей "Московских ведомостей"

Москва, 12 апреля. Мы называем себя верноподданными. Мы воздаем должный почет Царю как верховному лицу, от которого все зависит и все исходит. Но не в эти ли минуты понимаем мы все значение Царя в народной жизни? Не чувствуем ли мы теперь с полным убеждением и ясностью зиждательную силу этого начала, не чувствуем ли, в какой глубине оно коренится, и как им держится, как замыкается им вся сила народного единства? Кому не ясно теперь, как дорого это начало для всякого гражданина, любящего свое отечество? В ком живо сказалось единство отечества, в том с равною живостью и силою сказалась идея Царя; всякий почувствовал, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила.

Есть в России одна господствующая народность, один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество племен,

говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свои обычаи; есть целые страны, с своим особенным характером и преданиями. Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти, -- в Царе, в живом всеповершающем олицетворении этого единства. В России есть господствующая церковь, но в ней же есть множество всяких исключаящих друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти. Все разнородное в общем составе России, все, что может быть исключает друг друга и враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству, Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли. Никакие изменения в нашем политическом быте не могут умалить или ослабить значение этой идеи. Все преобразования, какие совершаются и будут совершаться у нас, могут послужить только к ее возвышению и усилению...

Москва, 22 апреля. Нельзя сказать, чтобы Россия до сих пор поступала слишком стремительно и слишком увлекалась патриотическим пылом своих обитателей. Никак нельзя сказать, чтобы до сих пор наша печать обнаружила чрезмерную раздражительность народного чувства под влиянием тех угроз и оскорблений, которые сыпались на наше общество со всех сторон, в то время когда оно менее, чем когда-либо заслуживало подобного обращения. Увы! напротив, наше равнодушие, наше молчание, наше непоколебимое спокойствие, удивило иностранцев и послужило для них признаком (к счастью обманчивым) нашего полного нравственного упадка.

И в печати, и в законодательных собраниях одним из самых сильных аргументов против нас было то, что Россия будто бы находится теперь в совершенном разложении, что целые классы народонаселения исполнены революционных элементов, что внутри Империи готово вспыхнуть повсеместное восстание, что целые области ежеминутно готовы отложиться, и что при малейшем толчке все это громадное тело рассыплется в прах.

К стыду нашему, иностранцы на этот раз не из ничего сочиняли свои взгляды на Россию: кроме обильного материала, доставлявшегося им польскими агитаторами, иностранцы могли черпать данные для своих заключений и в русских источниках. Никогда, нигде умственный разврат не доходил до такого безобразия, как в некоторых явлениях русского происхождения. Для иностранцев довольно было иметь хотя поверхностное понятие о том, что печаталось по-русски, например, в Лондоне, и знать при том, что весь этот отвратительный сумбур, невозможный ни в какой литературе, пользовался в России большим кредитом, что русские люди разных сословий пилигримствовали к этим вольноотпущенным сумасшедшего дома, питались их мудростью и возлагали на них надежды в деле обновления своего отечества. До иностранцев доходили слухи о не менее диких явлениях во внутренней русской литературе, развивающейся под благословением цензуры, о состоянии наших учебных заведений, об удивительных проектах перестройки всех существующих отношений, о процветании всевозможных бредней, какие когда-либо и где-либо приходили в голову эксцентрическим и больным умам, и о том, что все эти нелепости не встречали себе сильного противодействия в общественной среде, -- и иностранцы заключали, что в этой среде нет ни духа, ни силы, что наш народ вырожден, что он лишен всякой будущности. Стоило любому иностранному наблюдателю, -- а таких не могло не быть в канцеляриях разных европейских посольств, -- стоило немного прислушаться к тому, что серьезно говорилось в Петербурге, присмотреться к тому, что там делалось вокруг, чтобы вынести полное убеждение в совершенном разложении нашего общественного организма. Мог ли

иностранный обозреватель подозревать, что атмосфера, в которой он производил свои наблюдения, есть атмосфера фальшивая? Мог ли он думать, что все это не более как кошмар, сон дурной ночи, причиненный неумеренным употреблением гашиша? Прежде Россия была для иностранного наблюдателя страной загадок, -- и действительно ни об одной стране не было столько мифических сказаний, как о России. Но в последнее время наблюдатель считал себя вправе думать, что слово загадки найдено, и что таинственная страна стала ему ясна во всей своей безнадежности. Иностранный наблюдатель крепко уверился, что Россия есть призрак, и должна исчезнуть как призрак. Если же в нем оставалось какое-нибудь сомнение в этом, то оно должно было уступить заявлениям русских агитаторов. Наши агитаторы сначала выставляли себя только ожесточенными противниками правительства и пламенными друзьями народа, и обещали ему фантастические благополучия, подобно революционерам всех стран и народов. Иностранный наблюдатель видел в этом явлении более или менее ему знакомое, и не объясняя себе причин, удивлялся только тому, что весь этот вздор в русской цивилизации пользуется кредитом. Но вот теперь дело становится ему яснее и убедительнее. Наши революционеры обнажили перед ним все красоты свои, и он отступает перед этою картиной, со стыдом и омерзением. Он видит перед собою нечто небывалое и неслыханное. В иностранных газетах приводятся избранные красоты из русско-лондонских изданий, в которых еще так недавно, к стыду нашему, многие русские люди слышали призывный голос обновляющейся России, и иностранные публицисты вчуже приходят в негодование, цитируя места из "Колокола", и вчуже до некоторой степени отстаивают, если не нынешнее, то по крайней мере прошлое значение русского народа от нареканий со стороны его собственных вырожденцев. Мало того, что эти вырожденцы перешли открыто в лагерь врагов России, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому восстанию и осыпают циническими ругательствами русских, выразивших за границей робкое сочувствие русскому делу подпискою в пользу раненых русских воинов, -- они ругаются над русским народом вообще...

Катков М.Н.⁶⁴

К.Д. Кавелин «Записка об освобождении крестьян в России» - Московские ведомости - 1885год

Телескоп

Телескоп московский журнал — журнал, издававшийся Н. Надеждиным в Москве с 1831 по 1836 г. Выходил 24 книжками в год; приложением к нему служил листок "Молва". "Т." был выразителем тех общественных течений, в которых заключались зачатки как западничества, так и славянофильства. Надеждина иногда называют шеллингианцем. Несомненно, что он изучал Шеллинга, как и многих других мыслителей, но сам скорее всего был эклектиком со значительной долей скептицизма. Эклектизм Надеждина выразился и в физиономии журнала, соединявшего еще не особенно ярко выразившиеся противоположности. Погодин и Шевырев уживались в журнале Надеждина рядом с Белинским и Огаревым. Вообще "Т." собрал вокруг себя целый ряд блестящих литературных имен. В нем участвовали Пушкин, Жуковский, Загоскин, Максимович, М. Павлов, Хомяков, Языков, Калайдович, Востоков, Перевоицков, Венелин, Станкевич, Красов, К. Аксаков. Передовые статьи составляли значительную часть журнала.

64 Собр. передовых статей "Московских ведомостей". 1863 год. М., 1897.

Встречались также переводы из немецких, французских, английских, итальянских и польских изданий — биографии писателей, статьи научного, философского, экономического характера. Из оригинальных статей наибольший интерес представляют, кроме статей Пушкина (писавшего в "Т." под псевдон. Ф. Косичкина) и Белинского, статьи самого редактора: "Отчет о русской литературе за 1831 г.", "Европеизм и народность", "Здравый смысл и барон Брамбеус", статья о переводе "Всеобщего начертания теории искусств" и т. д. Интересны также статьи Павлова по физике, проникнутые шеллингианской натурфилософией ("Свет и тяжесть", "Теория вещества", "Общий очерк природы" и т. д.). Венелин поместил в "Т." запоздалый ответ на разбор его книги, напечатанный Калайдовичем в "Моск. вестнике" 1829 г.; Калайдович поместил разбор грамматики Востокова, Востоков — ответ на этот разбор; Морошкин знакомил читателей с новейшими работами Савиньи по римскому праву; Перевоицков напечатал "Рассмотрение рассуждения Ломоносова о явлениях воздушных" и т. д. Оригинальная изящная литература, если не считать стихотворений, не блистала в "Т." талантливостью да и в количественном отношении была очень слабо представлена. Живым интересом отличался отдел "Современная летопись", представлявший собою отголоски, главным образом западноевропейской жизни. Отдел критики приобрел значение с тех пор, как перешел в руки Белинского. Белинский начал работать в "Т." с 1833 г., сначала как переводчик, с 1834 г. как критик. Первая крупная критическая статья Белинского, "Литературные мечтания", появилась не в "Т.", а в "Молве". Более крупные из статей Белинского, напечатанных в "Т.": "О русской повести и повестях Гоголя", "О стихотворениях Баратынского", "Стихотворения Бенедиктова", "Стихотворения Кольцова", "Ничто о ничем" и "О критике и литературных мнениях Московского Наблюдателя". Причиной закрытия "Т." послужило напечатание "Философического письма" Чаадаева (см.). Статья Чаадаева, пропущенная цензором Болдыревым, вызвала донос Вигеля, последствием которого было закрытие "Т.", устранение цензора и ссылка Надеждина в Усть-Сысольск (см. Надеждин). "Т." не имел большого успеха, но сослужил значительную службу русскому обществу как распространением философских идей, так и тем, что послужил школой для ряда талантов, начиная с Белинского.⁶⁵

Василий Логинов. История закрытия журнала «Телескоп»

"Телескоп" до середины 1836 года. В октябре 1830 года Надеждин помещает в "Вестнике Европы" и "Московском Вестнике" объявление об издании нового журнала под названием "Телескоп. Журнал современного просвещения". В нем предполагалось открыть следующие отделы: Современные летописи, Изящная словесность, Критика, Науки и искусства, Нравы и Смесь. Надеждин намеревался выпускать по две книжки ежемесячно, но в 1834 году номера выходили даже еженедельно, причем только в этом году все они появились в срок. В другие года журнал сильно запаздывал. Поскольку ко времени основания "Телескопа" в Москве закрылись или готовились к закрытию "Вестник Европы", "Московский вестник", "Атеней" и "Галатеея", журнал должен был привлечь внимание читателей.

"Издатель, желая сделать свой журнал указателем современного Просвещения, будет стараться доставить в нем образованной публике вместе и приятное чтение. <...> Сей важной тайне - соединять полезное с приятным - будет он учиться у лучших европейских журналов, преимущественно французских и английских" (А15:315). Как и было заявлено, главными источниками и образцами для нового журнала стали французские издания "Revue de Paris" и "Revue de Deux Mondes". Переводы из этих и некоторых других зарубежных журналов исправно обеспечивали разнообразие

материалов "Телескопа". Так, с 1832 по 1836 год опубликовано 96 статей только из этих двух упомянутых выше французских изданий (БЗ:12). Однако, "Телескоп должен быть журналом собственно русским" (А15:315), поэтому Надеждин постоянно привлекал к сотрудничеству выдающихся соотечественников-литераторов, критиков и ученых. В разное время в "Телескопе" участвовали Пушкин, Погодин, Шевырев, И. Киреевский, Хомяков, Раич, Загоскин, Лажечников, Станкевич, К. Аксаков, М. Павлов, М. Максимович. Именно с "Телескопом" связан дебют Белинского как литературного критика, а с середины до конца 1835 года он являлся издателем журнала, замещая путешествовавшего по Европе Надеждина.

"Дабы летучие новости, занимательные для образованной публики, не теряли своей свежести, при Телескопе еженедельно будет выходить в виде особого прибавления: Журнал мод и новостей МОЛВА" (А15:316). Это приложение Надеждин хотел издавать раз в неделю, но в 1832 "Молва" выходила два раза в неделю, а в 1833 даже три, вернувшись затем к заявленному графику. Содержание ее делилось на две части: моды (описание модной одежды, мебели, украшений с одной цветной иллюстрацией в номере) и московские вести (забавные истории, анекдоты, описания московской литературной и внелитературной жизни). Со временем "Молва" почти превратилась в критико-библиографический отдел журнала. Во всех текстах выдерживался иронический тон, призванный сохранять "легкий" характер издания.

Цензурная история "Телескопа" достаточно интересна. До второго номера за 1832 год материалы проверял С. Т. Аксаков, который относился к журналу "доброжелательно" (БЗ:7). Затем, до сентября 1833 года, книжки подписывали Л. Цветаев и Н. В. Лазарев, которые строго проверяли каждую статью и пользовались своими полномочиями в полной мере. Летом 1833 года журнал переходил из рук в руки, пока осенью постоянным цензором не стал Алексей Васильевич Болдырев. С 1832 года он являлся ректором Московского университета и был не только знаком, но и в некотором роде дружен с Надеждиным, они жили в одном доме. Именно это доверие стало причиной печального конца карьеры Болдырева.

Статья издателя "Современное направление просвещения", помещенная в первой книжке, может раскрыть взгляды "Телескопа" на историю человечества и его состояние в то время. "Мы имеем ... полное право сказать о себе, что живем во времена новые, " - говорит Надеждин (А18:5), выводя из этого тезиса дальнейшие положения своей статьи. В человеческой природе есть два враждебные начала - вещество и дух. Следовательно, и жизнь человеческая имеет две фазы, в которых преобладают эти два начала. Но, поскольку жизнь человека можно наложить на историю человечества, обе фазы обнаруживаются и в развитии цивилизации. Первый период, когда вещество преобладало над духом, - древнее время, характеристической чертой которого было "доверчивое простодушие". Напротив, средние века, где дух победил вещество, характеризует "необузданная мечтательность" (А18:8). Но "настоящей нашей жизни, очевидно, и то и другое направление чуждо", поэтому наше время отличает "стремление к уравниванию обоих противоположных начал нашего бытия, к соединению обоих полярных направлений нашей жизни". Надеждин достаточно мрачно отзывается о прошлом России, поскольку европейскому просвещению "еще некогда было ... разрастись и вызреть" в нашем Отечестве, но зато "будущность для нас более чем утешительна" (А18:40). Даже в таком кратком изложении теория Надеждина и, соответственно, направление журнала вполне нейтральны в политическом и религиозном плане.

В той же редакторской статье можно найти объяснение названия журнала, не лишенное поэтической образности: "Тучи бродят над Европой: но на чистом небе русском загораются там и здесь мирные звезды, утешительные вестницы утра. Всегда ль должно будет их разглядывать в телескоп? Придет время, когда они сольются в яркую пучину света!.." (А18:46). Этими словами Надеждин намекает на посредничество своего

журнала между Просвещением и широким читателем. Действительно, "Телескоп" мог в некоторой мере служить "указателем современного просвещения".

Едва ли можно назвать "Телескоп" "мало популярным" (Б15:Н1:113). Первые номера были даже перепечатаны во второй раз, и общий их тираж достиг 2000 экземпляров. В первый год выхода у "Телескопа" нашлось около 700 подписчиков. Но, хотя тираж все-таки с годами падал, журнал имел определенное влияние на московскую публику. И, конечно, публикация философического письма Чаадаева не могла остаться незамеченной.

Философические письма. Начало работы над первым "Философическим письмом" относится к 1828 году. Цикл был закончен в 1831 году, и тогда же Чаадаев попытался сделать его известным публике. Письма читались в салонах и распространялись в списках, кроме того, автор очень хотел увидеть письма опубликованными. Весной 1831 года Чаадаев передает рукопись VI и VII писем Пушкину, который пробует напечатать ее по-французски в Санкт-Петербурге у книгоиздателя Беллизара. Этот план не удается, и весной 1832 года автор предпринимает попытку опубликовать только отрывки из этих писем уже в Москве у А. Семена. Но духовная цензура решением от 31 января 1833 года запрещает это. Благодаря А. И. Тургеневу около 1835 содержание первого письма становится известным в Париже, однако напечатаны там они также не были (Б5:133-135; Б14:570). Наконец, в начале 1836 года VI и VII письма переданы Чаадаевым в "Московский Наблюдатель" Андросову, который, по словам Надеждина, "не решился поместить их и тем крайне огорчил г. Чаадаева" (Б11:428). Приведенные факты красноречиво доказывают, что Чаадаев действительно хотел предать свои сочинения, возможно и не все, известности.

Заочное знакомство Чаадаева с Надеждиным произошло в 1832 году, когда в N II "Телескопа" появились отрывки из произведений Чаадаева. Надеждину они чрезвычайно понравились. Позднее в этом же году они встретились лично в Английском клубе, и Чаадаев предложил свои услуги в качестве сотрудника "Телескопа". "Я нашел в нем очень тяжелого и сухого человека, - говорил потом Надеждин, вспоминая о следующей встрече, произошедшей у Чаадаева дома, - так что не только не напомнил ему о его предложении, но и не стал к нему больше ездить. Тогда я имел много сотрудников по журналу" (Б11:397-398). Их отношения действительно не отличались теплотой, поэтому их показаниям друг против друга едва ли можно полностью доверять.

Надеждин при публикации письма поместил следующее примечание: "Письма эти писаны одним из наших соотечественников. Ряд их составляет целое, проникнутое одним духом, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядов, строгая последовательность выводов и энергическая искренность выражения дают им особое право на внимание мыслящих читателей. В подлиннике они писаны на французском языке. Предлагаемый перевод не имеет всех достоинств оригинала относительно наружной отделки. Мы с удовольствием извещаем читателей, что имеем дозволение украсить наш журнал и другими из этого ряда писем". Надеждин написал его для помещения перед VII письмом, которое было ему более знакомо, и с которого он хотел начать публикацию писем. Это письмо не носило в себе тех "возмутительных" выводов, которые заключены в первом. Напечатанное без изменений, примечание усугубило вину издателя в глазах следственной комиссии.

Многие тогда недоумевали, как письмо миновало цензуру. Чтение корректурных листов происходило за картами, в гостях. Болдырев, уже довольно пожилой человек, доверился Надеждину, который сам зачитывал письмо, опуская наиболее опасные места. Прослушав в пол-уха это уже "цензурированное" сочинение, 29 сентября ректор выдал разрешение печатать пятнадцатый номер (Б1:т.4:387). Надеждин фактически обманул Болдырева, поскольку не мог не предполагать, что пропущенная статья такого рода немедленно вызовет реакцию в Главном цензурном управлении.

Поскольку первоначально письма были написаны по-французски, не последним действующим лицом в истории закрытия "Телескопа" является переводчик. Но имя его до сих пор вызывает споры. Сейчас уже однозначно не принимается предположение об авторстве Белинского. Скорее всего, перевод был выполнен А. С. Норовым, приятелем Чаадаева, а затем исправлен Н. Х. Кетчером и, возможно, Надеждиным (во всяком случае, сам текст подвергся стилистической правке последнего). Переводчик не привлекался по делу, поскольку издатель взял вину на себя, кроме того, письмо доставлено было Надеждину уже в переводе, поэтому он объективно мог не знать имени того, кто его перевел. Таким образом, пройдя столь сложный путь от рукописи по-французски до корректурных листов, письмо несколько преобразилось, и не в лучшую сторону. Но и такого текста, появившегося в пятнадцатой, предпоследней книжке "Телескопа" в начале октября, было достаточно, чтобы возмутить умы читателей.

Впечатления публики от Первого письма. 19 октября Пушкин пишет Чаадаеву: "Я боюсь, что мнения ваши об истории вам повредят" (А9:457). Действительно, эта публикация не могла остаться незамеченной. По свидетельству М. И. Жихарева, племянника Чаадаева, "около месяца среди целой Москвы почти не было дома, в котором не говорили бы про "чаадаевскую статью" и "чаадаевскую историю"; даже люди, никогда не занимавшиеся никаким литературным делом; круглые неучи; барыни, по степени интеллектуального развития мало чем разнившиеся от своих кухарок и прихвостниц; подьячие и чиновники, увязавшие и потонувшие в казнокрадстве и взяточничестве; тупоумные, невежественные и полупомешанные святоши, изуверы и ханжи, поседевшие и одичавшие в пьянстве, распутстве и суеверии; молодые отчизнолюбцы и старые патриоты - все соединилось в одном общем вопле проклятия и презрения человеку, дерзнувшему оскорбить Россию" (А6:31-32). Несмотря на то, что статья не была подписана, все знали, кто ее автор, передавали имя из уст в уста, перевирали его, додумывали различные и иногда абсурдные подробности. "Подозревают, что статью напечатали с намерением и именно для того, чтобы журнал был запрещен и чтобы это подняло шум. <...> Думают, что это дело тайной партии" (А4:545). Многие немедленно принимаются писать опровержения, в том числе и "Чаадаев сам против себя пишет и отвечает себе языком и мнениями Орлова" (А8:336), в гостиных не смолкают споры о судьбах России. "Безусловно сочувствующих и совершенно согласных не было ни одного человека" (А6:31). Ф. Ф. Вигель, управляющий департаментом духовных дел иностранных исповеданий, давний неприятель Чаадаева, уже 21 октября пишет митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Серафиму, что "статья содержит в себе такие изречения, которые одно только безумство себе позволить может". Патетически восклицая "О Боже! до чего мы дожили" (А12:164), Вигель призывает митрополита принять меры, что тот и делает, отправив 27 октября письмо, указывающее на святотатственную статью, Бенкендорфу (А11:292). Однако, уже 11 ноября А. И. Гурженев пишет Вяземскому из Москвы: "Здесь толки о Чаадаеве умолкают..." (А8:357). Таким образом, взбудоражившая всех статья не смогла долго оставаться предметом обсуждения. Возможно, причина этого в том, что смысл статьи был понят крайне односторонне, целиком историософскую позицию Чаадаева не воспринял тогда никто (Б5:144).

15 октября Чаадаев пишет княгине Мещерской: "Говорят, что шум идет большой; я этому несколько не удивляюсь. <...> Вы... конечно, не сомневаетесь, что весь этот гвалт занимает меня весьма мало. <...> По счастью, наше правительство всегда благоразумнее публики; стало быть, я в доброй надежде, что не шумливые крики сволочи укажут ему его поведение" (А19:389). Надежда его не оправдалась, и вскоре началось следствие.

Расследование по Делу "О журнале Телескоп..." Журнал Надеждина попадает в поле пристального внимания Уварова еще в 1834 году. Во время своего визита в Москву он вызвал к себе Надеждина и Полевого для беседы. "Тому и другому из сих журналистов

изъяснил я, что пора прекратить им не только дерзкое суждение о предметах, лежащих вне их круга, но также и облагородить их издания, положив конец ругательным критикам и дерзким личностям" (Б1:т.4:99). Особенно Уваров указал на это Надеждину, который к тому времени был уже профессором Университета. 3 апреля 1834 года был запрещен "Московский телеграф", что, видимо, должно было послужить предупреждением "Телескопу". Само "Дело" началось именно в этом году по ничтожному поводу (Б11:398), но до пятнадцатой книжки за 1836 год журнал выходил без особенных проблем.

Следствием занимались шесть инстанций: Третье отделение во главе с Бенкендорфом, Министерство народного просвещения и министр Уваров, Канцелярия московского военного генерал-губернатора Голицына, московская полиция и обер-полицмейстер Цынский, московская жандармерия во главе с генералом Перфильевым, а также Главное цензурное управление. Собственно следственная комиссия составила из Бенкендорфа, Уварова, обер-прокурора Священного Синода Протасова и Мордвинова. 20 октября Уваров направил ко всем председателям цензурных комитетов циркуляры, где предписывал им не позволять в периодических изданиях ничего, относящегося к статье: ни похвал, ни критик, ни опровержений (Б17:583).

22 октября Николай I, прочитав письмо, ставит следующую резолюцию: "Прочитав статью, нахожу, что содержание оной есть смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного: это мы узнаем непременно, но не извинительны ни редактор журнала, ни цензор. Велите сейчас журнал запретить, обоих виновных отрешить от должности и вытребовать сюда к ответу" (Б11:413). Далее события развивались следующим образом.

23 октября - Бенкендорф во исполнение императорской воли пишет Голицыну, что Чаадаев страдает расстройством ума, и следует поручить его лечение искусному медику. Также предписывается запретить журнал и отправить Надеждина и Болдырева в Санкт-Петербург для дознания.

27 октября - Бенкендорф предписывает Голицыну, чтобы он поручил Перфильеву "взять у сочинителя... все его бумаги без исключения" и доставить в Санкт-Петербург (А3:Н1:143).

28 октября - Голицын приказывает Цынскому назначить при Чаадаеве штаб-лекаря для лечения, о ходе которого необходимо сообщать Голицыну ежемесячно. Позднее Жихарев написал, что мера, примененная к "басманному философу", "не только не превзошла ожиданий и гнева большинства публики, но и не совсем им удовлетворила" (А6:33). Сам Чаадаев тяжело переживал это наказание. В письмах к Вяземскому Тургенев свидетельствует: "Теперь он жалок, но сохраняет довольно *sang-froid* и принял объявленное ему решение о его помешательстве с чувством признательности и растроган" (1 ноября); "Доктор ежедневно навещает Чаадаева. Он никуда из дома не выходит. Боюсь, чтобы он и в самом деле не помешался" (7 ноября); "Посещение доктора очень больно ему" (12 ноября) (А8:345,352,359).

29 октября - бумаги Чаадаева опечатаны и доставлены к Перфильеву для пересылки в Санкт-Петербург.

30 октября - Надеждин и Болдырев отправляются в столицу.

31 октября - Бенкендорф требует, чтобы бумаги Надеждина были "немедленно захвачены" и доставлены к нему.

2 ноября - первый допрос Чаадаева. Поскольку точный текст его показаний не доступен, приходится основываться на рапорте Цынского Голицыну. Он сообщает, что сочинитель считает наказание "весьма справедливым", что "образ его мыслей теперь изменился", кроме того, он "никогда не имел намерения печатать сих писем". Обер-полицмейстеру вторит Тургенев: "Он уже давно своих мнений сам не имеет и изменил их существенно" (9 ноября) (А8:354). Этим свидетельствам можно поверить, если не забывать о времени написания Первого письма. Однако не стоит лишать Чаадаева простой человеческой способности желать меньшего наказания.

5 ноября - Надеждин и Болдырев прибывают в Санкт-Петербург. Начинаются допросы и проверка показаний. Отвечая на вопрос, почему была напечатана эта статья и как от издателя укрылось ее вредное содержание, Надеждин указал на три причины. Во-первых, "совершенное доверие, которое сочинитель статьи умел внушить" ему "относительно чистоты и благонамеренности своего образа мыслей", во-вторых, убеждение, что "необходимо противодействовать гордости в собственном смысле народной" (то есть, в некотором роде статья оказалась в русле проводимых журналом идей) и, в-третьих, ожидание опровержений (БП:430-437). "Внешних побуждений к напечатанию статьи я не имел никаких других, кроме желания заинтересовать внимание публики и тем дать ход журналу" (БП:440). Надеждин всячески подчеркивал, что эта статья, с одной стороны, оторванная от других, и, с другой стороны, без опровержений, без заключения "осталась отвратительным чудовищем, которого я сам содрогаюсь" (БП:438).

6 ноября - обыск на квартире Белинского, где хранились бумаги Надеждина. Все документы изъяты.

9 ноября - Бенкендорф настаивает на повторном допросе Чаадаева, поскольку показания последнего и Надеждина противоречат друг другу. Главный шеф жандармов составляет вопросы, сформулированные в записке, которая сопровождала письмо к Голицыну. Основным пунктом расхождения была история передачи писем в журнал. Надеждин настаивал на том, что "сам никогда не просил статей у Чаадаева и ездил к нему в первый раз уже благодарить за их присылку". Чаадаев же заявил: "Никто, конечно, более меня не сожалеет о том, что эта статья напечатана, и никто менее меня не желал видеть ее напечатанной" (А13:330). Исключив довольно абсурдное предположение о том, что публикация произошла по воле переводчика, с большой степенью вероятности можно указать на Чаадаева как на инициатора напечатания статьи.

11 ноября - бумаги Надеждина отправлены в Санкт-Петербург.

15 ноября - документы получены.

19 ноября - Цынский сообщает Голицыну о повторном "отобрании показаний" у Чаадаева. Уваров завершает работу по собиранию выписок из "Телескопа" за 1834-1836 г. и заключает, что "дух сего издания был всегда дурен, а редактор всегда подозрителен" (БП:443).

26 ноября - Голицын сообщает ответы Чаадаева Бенкендорфу.

28 ноября - Комиссия сводит результаты следствия и собственные выводы в доклад и представляет его Государю. Касательно Болдырева было сказано, что он "оказал столь мало проницательности и такой недостаток в самостоятельном соображении предметов, что не трудно было нам убедиться, как легко он действительно мог сделаться жертвою своей беспечности и неограниченного доверия к Надеждину, которого и называет виновником своего несчастья" (БП:444). Комиссия предлагала отстранить его от службы, но с сохранением пенсии (Николай I отказал ему в этом). В показаниях издателя "Телескопа" усмотрели "умышленно-преувеличенный монархический образ мыслей" и "притворное простодушие", а в ответах Чаадаева обнаружили "старание сложить на Надеждина вину в издании известной статьи". В конце концов, было установлено, что "мысль перевести и напечатать на русском языке статью Чаадаева принадлежит равно сочинителю и журналисту" (БП:444-445). Надеждина признали главным виновником всего дела и рекомендовали отправить на жительство в один из губернских городов под надзор полиции с воспрещением выезда в столицу. Кроме того, комиссия постановила вызнать, почему Селивановский, в чьей типографии печатался пятнадцатый номер, начал выпускать книжки еще до получения билета из Цензурного комитета. 17 декабря у печатника взяты объяснения, но Уваров не захотел дать делу дальнейший ход, ограничившись лишь строгим предупреждением.

30 ноября - Николай ставит на этом докладе резолюцию: "Чаадаева продолжать считать умалишенным и как за таковым иметь медико-полицейский надзор, Надеждина выслать на житие в Усть-Сысольск под присмотр полиции, а Болдырева отставить за нерадение от службы; в прочем согласен с мнениями комиссии" (Б11:447).

7 декабря - Бенкендорф сообщает о решении Государя Голицыну.

Заключение. "Сумасшествие" Чаадаева длилось еще больше года. Голицын, получавший от Цынского ежемесячные рапорты о состоянии "умалишенного", в которых кроме даты не менялось ни одно слово, сообщал Николаю I свои собственные наблюдения. В них прослеживалось медленное выздоровление Чаадаева и постепенное освобождение от заблуждения, "которое его завлекло к изложению ложных понятий" (А3:Н2:102). Наконец, 5 ноября 1837 года Государь повелевает освободить его от "учрежденного за ним медицинского надзора под условием не сметь ничего писать" (А3:Н2:108). Такую подписку Чаадаев выдал через десять дней.

Болдырев, благодаря стараниям Строганова, все же получил заслуженную пенсию. Произошло это в 1840 году, а через два года он умер в возрасте шестидесяти двух лет. 5 февраля 1837 года Надеждин выехал из Москвы в Усть-Сысольск. Воля императора оказалась менее благосклонна, чем предложение комиссии - это был не губернский город. Его название появилось в пятой книжке "Телескопа" за 1836 год. Вспоминая о встреченном в путешествии юноше, который ненавидел провинцию и стремился в Париж из Бельфора, Надеждин писал: "Бельфор городок прекрасный... не больше как в трехстах верстах от Парижа, следовательно не какой-нибудь наши Устьсысольск или Стерлитамак" (А2:85). Едва ли Николай намеренно сослал автора именно туда (Б16). Скорее всего, это была "неожиданная усмешка самой жизни" (Б12:37). После закрытия "Телескопа" Надеждин не возвращался к литературной деятельности.

Письмо "От издателя."

Издатель глубоко чувствует свою вину, замедлив так долго выдачей "Телескопа" за прошлый год. Но он позволяет себе ласкаться надеждою, что публика будет иметь благосклонную, снисходительную внимательность к тем обстоятельствам, которые были причиною этой медленности. За отъездом его в чужие края, в начале прошлаго года, последовала непредвиденная остановка, совершенно не зависевшая от редакции, которой вверено было продолжение журнала. Эта остановка разстроила так ход дел, что по возвращении своем, к началу нынешняго года, он нашел изданными только половину книжек. Между-тем начался новый год; и издатель увидел себя принужденным делать двойное дело. Но у него не было двойнаго времени; он мог только удвоить свои труды; и конечно никто не упрекнет его в недостатке деятельности... Теперь совесть его очищена. Публика, хотя поздно (напечатанно именно так - прим.) получает сполна все, что ей следовало. Годовое издание совершенно выполняет все матерьяльныя условия программы. Относительно выбора содержания, смело можно сказать, что он делан был с усердием. Сверх-того, время еще впереди. Посвятив себя труду, издатель надеется загладить прошедшее будущею неутомимою деятельностью.

Man tann, mas man will!
20 октября 1836. Москва. Надеждин."

Философические письма к госпоже ***. Письмо первое.⁶⁶

Adveniat regnum tuum
Да приидет царствие твое

Сударыня.

Прямодушие и искренность именно те черты, которые я в вас более всего люблю и ценю. Судите же сами, как меня должно было поразить ваше письмо. Эти самые любезные свойства ваши и очаровали меня при нашем знакомстве, они-то и побудили меня заговорить с вами о религии. Все вокруг вас призывало меня к молчанию. Повторяю, посудите каково же было мое удивление при получении вашего письма. Вот все, что я имею вам сказать, сударыня, по поводу выраженных там предположений об оценке мною вашего характера. Не будем говорить более об этом и прямо перейдем к существенной части вашего письма.

И, прежде всего, откуда в вашем уме берется это смятение, до того вас волнующее и утомляющее, что оно, по вашим словам, отражается и на здоровье? Неужели это печальное следствие наших бесед? Вместо успокоения и мира, которое должно было бы внести пробужденное в сердце чувство, оно вызвало тревогу, сомнения, чуть ли не угрызения совести. Впрочем, чему удивляться? Это естественное следствие того печального положения вещей, которому подчинены у нас все сердца и все умы. Вы просто поддались действию сил, которые приводят у нас в движение все, начиная с самых высот общества и кончая рабом, существующим лишь для утехи своего владыки.

Да и как могли бы вы этому противиться? Те самые свойства, которыми вы выделяетесь из толпы, должны сделать вас тем более подверженной вредному воздействию воздуха, которым вы дышите. Среди всего окружающего вас, могло ли сообщить устойчивость вашим идеям то небольшое, что мне было позволено вам поведать? Мог ли я очистить атмосферу, в которой мы живем? Последствия я должен был предвидеть, да я их и предвидел. Отсюда частые умолчания, мешавшие убеждениям проникнуть вам в душу и вводившие вас, естественно, в заблуждение. И если бы только я не был уверен, что религиозное чувство, пробужденное хотя бы частично в чьем-либо сердце, какие бы оно ни причиняло ему муки, все же лучше полного его усыпления, мне бы пришлось раскаиваться в своем усердии. Тем не менее, я надеюсь, что облака, омрачающие сейчас ваше небо, однажды превратятся в благодатную росу и она оплодотворит семя, брошенное в ваше сердце; и произведенное на вас действие нескольких ничего не стоящих слов служит мне верной порукой более значительных результатов, их непременно вызовет в будущем работа вашего собственного сознания. Смело ввертесь, сударыня, волнениям, вызываемым в вас мыслями о религии: из этого чистого источника могут вытекать только чистые чувства.

По отношению к внешним условиям вам пока достаточно знать, что учение, основанное на высшем начале единства и непосредственной передачи истины в непрерывном преемстве ее служителей, только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил – в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое иное учение, вследствие одного уже отпадения от учения первоначального, далеко отталкивает от себя возвышенное обращение Спасителя: «Молю тебя, Отче, да будут они одно, как мы одно» и не желает водворения царства божьего на земле. Но отсюда совсем еще не следует, что вы обязаны провозглашать во всеуслышание эту истину перед лицом земли: конечно, не таково ваше призвание. То самое начало, из которого эта истина исходит, обязывает вас, напротив, при вашем положении в свете, видеть в ней только внутренний светоч вашей веры – и ничего более. Я почитаю за счастье, что способствовал обращению ваших мыслей к религии, но я почувствовал бы себя очень несчастным, сударыня, если бы вместе с тем вызвал замешательство в вашем сознании, которое, со временем, не могло бы не охладить вашей веры.

Я вам, кажется, как-то сказал, что лучшее средство сохранить религиозное чувство – это придерживаться всех обычаев, предписанных церковью. Такое упражнение в покорности важнее, чем обыкновенно думают; и то, что его налагали на себя продуманно и сознательно величайшие умы, является настоящим служением Богу. Ничто так не

укрепляет разум в его верованиях, как строгое выполнение всех относящихся к ним обязанностей. Впрочем, большинство обрядов христианской религии, проистекающее из высшего разума, является действенной силой для каждого, способного проникнуться выраженными в них истинами. Есть только одно исключение из этого правила, имеющего безусловный характер, – а именно, когда обретаешь в себе верования более высокого порядка, нежели те, которые исповедуют массы, верования, возносящие душу к тому самому источнику, из коего проистекают все убеждения, причем верования эти нисколько не противоречат народным, а, напротив, их подтверждает; в таком случае, но единственно в этом, позволительно пренебречь внешней обрядностью, чтобы свободнее посвятить себя более важным трудам. Но горе тому, кто принял бы иллюзии своего тщеславия или заблуждения своего разума за необычайное озарение, освобождающее от общего закона. А вы, сударыня, не всего ли лучше облечься в одежды смирения, столь приличные вашему полу? Поверьте, это лучше всего сможет успокоить смущение вашего духа и внести мир в ваше существование.

Да даже и с точки зрения светских взглядов, скажите, что может быть естественнее для женщины, развитый ум которой умеет находить прелесть в научных занятиях и серьезных размышлениях, чем сосредоточенная жизнь, посвященная главным образом религиозным помыслам и упражнениям? Вы говорите, что при чтении книг ничто так не действует на ваше воображение, как картины мирных и вдумчивых существований, которые подобно прекрасной сельской местности на закате дня вносят мир в душу и вырывают нас на мгновение из тягостной или бесцветной действительности. Но ведь это вовсе не фантастические картины: только от вас зависит осуществление одного из этих пленительных вымыслов. Вы имеете все необходимое для этого. Как видите, я вовсе не проповедую вам мораль слишком строгую: в ваших же вкусах, в самых приятных грезах вашего воображения я ищу то, что может внести мир в вашу душу.

В жизни есть обстоятельства, относящиеся не к физическому, а к духовному бытию; пренебрегать ими не следует; есть режим для души, как есть режим и для тела: надо уметь ему подчиниться. Я знаю, что это старая истина, но у нас она, кажется, имеет всю ценность новизны. Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение. И, к примеру сказать, вы, сударыня, столь счастливо одаренная для восприятия всего доброго и истинного на свете, вы, как бы созданная для испытания всех самых сладостных и чистых душевных наслаждений, чего вы, спрашивается, достигли при всех этих преимуществах? Вам все еще приходится разыскивать, чем бы наполнить даже не жизнь, а только текущий день. Впрочем, вы совсем лишены того, что создает необходимые рамки жизни, естественно вмещающие в себя повседневные события, а без них так же невозможно здоровое нравственное существование, как без свежего воздуха невозможно здоровое состояние физическое. Вы понимаете, дело пока еще не идет ни о нравственных принципах, ни о философских положениях, а просто о благоустроенной жизни, об этих привычках, об этих навыках сознания, которые придают уют уму и душе, непринужденность, размеренное движение.

Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении. Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что

пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам. И не подумайте, что это пустяки. Бедные наши души! Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложного представления о самих себе, не будем стремиться жить жизнью чисто духовной, научимся благоразумно жить в данной действительности. Но поговорим сначала еще немного о нашей стране, при этом мы не отклонимся от нашей темы. Без этого предисловия вы не сможете понять, что я хочу Вам сказать.

У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманного намерения. Люди в такое время скитаются по свету и дух их блуждает. Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов. Они тогда неистовствуют без ясного повода, но не без пользы для грядущих поколений. Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы полюбить, к чему пристраститься, они были бы привязаны лишь к праху земли своей. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста. Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

Настоящее развитие человеческого существа в обществе еще не началось для народа, пока жизнь не стала в нем более упорядоченной, более легкой, более приятной, чем в неопределенности первой поры. Пока общества еще колеблются без убеждений и без правил даже и в повседневных делах и жизнь еще совершенно не упорядочена, как можно ожидать созревания в них зачатков добра? Пока это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты в ее теперешнем виде. Мы до сих пор еще в таком положении.

Первые наши годы, протекшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода. А между тем именно на них основана жизнь народов; именно из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим подобно другим цивилизованным народам иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого мы имеем историю народов и перед нами итоги движения веков. Без сомнения,

эта задача трудна и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета; однако, прежде всего надо понять в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место.

Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от прошедших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства. То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы.

Народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают вена, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. Конечно, не пройдет без следа и то наставление, которое нам суждено дать, но кто знает день, когда мы вновь обретем себя среди человечества и сколько бед испытаем мы до свершения наших судеб?

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа носила название Христианского мира и слово это значилось в публичном праве. Помимо общего всем характера, каждый из народов этих имеет свой особый характер, но все это только история и традиция. Они составляют идейное наследие этих народов. А каждый отдельный человек обладает своей долей общего наследства, без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими. Проведите параллель с тем, что делается у нас, и судите сами, какие элементарные идеи мы можем почерпнуть в повседневном обиходе, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни? И заметьте, что речь идет здесь не об учености, не о чтении, не о чем-то литературном или научном, а просто о соприкосновении сознаний, о мыслях, которые охватывают ребенка в колыбели, окружают его среди игр, которые нашептывает, лаская, его мать, о тех, которые в форме различных чувств проникают до мозга его костей вместе с воздухом, которым он дышит, и которые образуют его нравственную природу ранее выхода в свет и появления в обществе. Хотите знать, что это за мысли? Это мысли о долге, справедливости, праве, порядке. Они происходят от тех самых событий, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека. А что вы видите у нас?

Не знаю, можно ли вывести из сказанного сейчас что-либо вполне бесспорное и построить на этом непреложное положение; но очевидно, что на душу каждой отдельной личности из народа должно сильно влиять столь странное положение, когда парод этот не в силах сосредоточить своей мысли на каком ряде идей, которые постепенно развертывались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие и общем движении человеческого разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам. Вот почему, как Вы можете заметить, всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком. В лучших головах наших есть нечто, еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу. В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность; не руководимый ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире. Такие растерянные существа встречаются во всех странах; у нас это общее свойство. Тут вовсе не то легкомыслие, в котором когда-то упрекали французов и которое, впрочем, было не чем иным, как легким способом постигать вещи, что не исключало ни глубины, ни широты ума, вносило столько прелести и обаяния в обращение; тут беспечность жизни без опыта и предвидения, не имеющая отношения ни к чему, кроме призрачного существования личности, оторванной от своей среды, не считающейся ни с честью, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов, ни даже с родовым наследием данной семьи и со всеми предписаниями и перспективами, которые определяют и общественную и частную жизнь в строе, основанном на памяти о прошлом и на тревоге за будущее. В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно. Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы. В чужих краях, особенно на Юге, где люди так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица своих земляков с лицами местных жителей и бывал поражен этой немотой наших лиц.

Иностранцы ставили нам в заслугу своего рода беспечную отвагу, особенно замечательную в низших классах народа; но имея возможность наблюдать лишь отдельные черты народного характера, они не могли судить о нем в целом. Они не заметили, что то самое начало, которое делает нас подчас столь отважными, постоянно лишает нас глубины и настойчивости; они не заметили, что свойство, делающее нас столь безразличными к превратностям жизни, вызывает в нас также равнодушие к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи, и что именно это и лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют нас на путях к совершенствованию; они не заметили, что именно вследствие такой ленивой отваги, даже и высшие классы, как ни прискорбно, не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам самым низшим; они, наконец, не заметили, что если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и отставших от цивилизации, то мы не имеем ни одного, отличающего народы зрелые и высококультурные. Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, избави Бог. Но я говорю, что для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера.

Массы подчиняются известным силам, стоящим у вершин общества. Непосредственно они не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок коллективному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли; исключения составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только

внешний облик. Первобытные народы Европы, кельты, скандинавы, германцы, имели своих друидов, своих скальдов, своих бардов, которые на свой лад были сильными мыслителями. Взгляните на народы северной Америки, которых искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь, я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение. Напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем благодетельном воздействии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не пожелало ни в чем вмешиваться в наши дела, не пожелало ни чему нас научить. Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Удивительное дело! Даже в области той науки, которая все охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает. Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и губительные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека. В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке. Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба. Но есть здесь еще, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всем, что происходит в нравственном мире. Спросим снова историю: именно она объясняет народы.

В то время, когда среди борьбы между исполненной силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов. Только что перед тем эту семью похитил у вселенского братства один честолюбивый ум[1]; и мы восприняли идею в столь искаженном людской страстью виде. В Европе все тогда было одушевлено животворным началом единства. Все там из него происходило, все к нему сходилось. Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и любое побуждение исходило из

властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному началу, мы стали жертвой завоевания. И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжкому, и притом освященному самим фактом нашего освобождения.

Сколько ярких лучей тогда уже вспыхнуло среди кажущегося мрака, покрывающего Европу. Большинство знаний, которыми ныне гордится человеческий ум, уже угадывалось в умах; характер нового общества уже определился и, обращаясь назад к языческой древности, мир христианский снова обрел формат прекрасного, которых ему еще недоставало. До нас же, замкнувшихся в нашем расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило. Нам не было никакого дела до великой всемирной работы. Выдающиеся качества, которыми религия одарила современные народы и которые в глазах здравого смысла ставят их настолько выше древних, насколько последние выше готтентотов или лопарей; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые под влиянием подчинения безоружной власти стали столь же мягкими, как ранее они были жестоки, – все это прошло мимо нас. Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не созидалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода не для нас свершались. Хотя мы и христиане, не для нас созревали плоды христианства.

Я вас спрашиваю: не нелепость ли господствующее у нас предположение, будто этот прогресс народов Европы, столь медленно совершившийся и притом под прямым и явным воздействием одной нравственной силы, мы можем себе сразу усвоить, даже не потрудившись узнать, как он совершился?

Ничего не понимают в христианстве те, которые не замечают в его чисто исторической стороне, составляющей столь существенную часть вероучения, что в ней до некоторой степени заключается вся философия христианства, так как именно здесь обнаруживается, что оно сделало для людей и что ему предстоит сделать для них в будущем. В этом смысле христианская религия раскрывается не только как система нравственности, воспринятая в преходящих формах человеческого разума, но еще как божественная вечная сила, действующая всеобщим образом в духовном мире, так что ее видимое проявление должно служить нам постоянным поучением. В этом и заключается собственный смысл догмата, выраженного в символе веры единой вселенской церкви.

В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле. В противном случае дела опровергли бы слова Спасителя. Он бы не был среди своей церкви до скончания веков. Новый строй – царство Божье, который должен наступить благодаря искуплению, – не отличался бы от старого строя, – от царства зла, – который должен быть искуплением искоренен, и мы снова остались бы с этим воображаемым свойством неперменного совершенствования, о котором мечтает философия и которое опровергается на каждой странице истории: это пустое возбуждение ума, которое удовлетворяет лишь потребностям материального бытия и которое, если и поднимает человека на некоторую высоту, то всегда лишь с тем, чтобы низвергнуть его в еще более глубокую пропасть.

Но разве мы не христиане, скажете вы, и разве нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу? Да, мы без всякого сомнения христиане, но не христиане ли и абиссинцы? И можно быть, конечно, цивилизованным иначе, чем в Европе; разве не цивилизована Япония, да еще и в большей степени, чем Россия, если верить одному из наших соотечественников[15]? Но разве вы думаете, что в христианстве абиссинцев и в цивилизации японцев осуществлен тот порядок вещей, о котором я только что говорил и

который составляет конечное назначение человеческого рода? Неужели вы думаете, что эти нелепые отступления от божеских и человеческих истин низведут небо на землю?

Христианство обладает двумя легко различимыми функциями. Во-первых, действием на индивидуальное, во-вторых, действием на общее сознание. В верховном разуме то и другое естественно сливается и приводит к одной и той же цели. Но наш ограниченный взгляд не в силах охватить все время, в которое осуществляются вечные предначертания божественной мудрости. Нам необходимо различать божественное действие, проявляющееся в данное время в жизни человека, от того действия, которое проявляется лишь в бесконечности. В день окончательного завершения дела искупления все сердца и все умы составят лишь одно чувство и лишь одну мысль, и падут все стены, разделяющие народы и вероисповедания. Но в настоящее время каждому важно знать свое место в общем строе призвания христиан, т.е. знать, каковы те средства, которые он находит в себе и вокруг себя, для того, чтобы сотрудничать в достижении цели, стоящей перед всем человеческим обществом в целом.

Непременно должен быть, следовательно, особенный круг идей, в пределах которого идет брожение умов в том обществе, где цель эта должна осуществиться, т.е. там, где идея откровения должна созреть и достигнуть всей своей полноты. Этот круг идей, эта нравственная сфера неизбежно обуславливают особый образ жизни и особую точку зрения, которые, хотя могут и не совпадать у разных народов, однако по отношению к нам, как и по отношению ко всем неевропейским народам, создают одну и ту же особенность и поведение, как следствие той огромной духовной работы в течение восемнадцати веков, в которой участвовали все страсти, все интересы, все страдания, все воображения, все усилия разума.

Все народы Европы, подвигаясь из века в век, шли рука об руку. Что бы они сейчас ни делали, каждый по-своему, они все же постоянно сходятся на одном и том же пути. Чтобы понять семейное сходство в развитии этих народов, не надо даже изучать историю: читайте только Тасса[16] и вы увидите все народы распростертыми у подножия стен Иерусалима. Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был только один язык при обращении к Богу, только один нравственный авторитет, только одно убеждение; вспомните, что в течение пятнадцати веков в один и тот же год, в один и тот же день, в один и тот же час, в одних и тех же выражениях они возносили свой голос к Верховному Существо, прославляя его в величайшем из его благодеяний: дивное созвучие, в тысячу раз более величественное, чем все гармонии физического мира. После этого ясно, что если та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести род человеческий к его конечному назначению, есть результат влияния, произведенного на них религией, и ясно, что если слабость наших верований или несовершенство нашего вероучения удерживали нас вне этого всеобщего движения, в котором социальная идея христианства развилась и получила определенное выражение, а мы были отнесены к числу народов, которым суждено использовать воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием, то необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение, ибо ведь там все совершило христианство. Так вот что я имел в виду, говоря о необходимости снова начать у нас воспитание человеческого рода.

Вся история нового общества происходит на почве убеждений. Значит, это настоящее воспитание. Утвержденное с самого начала на этой основе, новое общество двигалось вперед лишь под влиянием мысли. Интересы в нем всегда следовали за идеями и никогда им не предшествовали. В этом обществе постоянно из убеждений создавались интересы, никогда интересы не вызывали убеждений. Все политические революции были там по сути революциями нравственными. Искали истину и нашли свободу и благоденствие. Только так объясняется исключительное явление нового общества и его цивилизации; иначе в нем ничего нельзя было бы понять.

Религиозные гонения, мученичества, распространение христианства, ереси, соборы: вот

события, заполняющие первые века. Все достижения данной эпохи, не исключая и вторжения варваров, целиком связываются с младенческими усилиями нового духа. Образование иерархии, сосредоточение духовной власти и продолжение распространения религии в странах севера – вот чем была наполнена следующая эпоха. Наступает затем высший восторженный подъем религиозного чувства и упрочение духовной власти. Философское и литературное развитие сознания и улучшение нравов под влиянием религии заканчивают эту историю, которую можно назвать священной, подобно истории древнего избранного народа. Наконец, и нынешнее состояние обществ определяется религиозной реакцией, новым толчком, сообщенным человеческому духу религией. Итак, главный, можно сказать единственный интерес у новых народов заключался лишь в убеждении. Все интересы – материальные, положительные, личные – поглощались этим интересом.

Я знаю, вместо преклонения перед таким чудесным порывом человеческой природы к возможному совершенству, его называли фанатизмом и суеверием. Но что бы там ни говорили, судите сами, какое глубокое впечатление должно было оставить на характере этих народов социальное развитие, целиком вызванное, как в добре, так и во зле, одним чувством. Пускай поверхностная философия сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью; что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже и представить, а не то что перенестись туда телом и душой, как мы на это притязаем.

Повторю еще раз: разумеется, в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии, совсем нет. Но все там таинственно подчинено силе, безраздельно царившей на протяжении столетий; все является результатом того продолжительного сцепления актов и идей, которым создано теперешнее состояние общества, и вот, между прочим, тому пример. Народ, личность которого ярче всех обозначилась, учреждения которого всегда более отражают новый дух, – англичане, – собственно говоря, не имеют истории, помимо церковной. Последняя их революция, которой они обязаны своей свободой и процветанием, а также и вся последовательность событий, приведших к этой революции, начиная с Генриха VIII, не что иное как религиозное развитие. Во всем этом периоде интересы собственно политические проявлялись лишь в качестве второстепенных побуждений, а подчас они совершенно исчезали или же приносились в жертву убеждениям. И когда я пишу эти строки, опять-таки религиозный вопрос волнует эту избранную страну. Да и вообще, какой из народов Европы не нашел бы в своем национальном самосознании, если бы удосужился поискать, этой особой черты, которая, как святой завет, была постоянным животворным началом, душой его социального бытия во все продолжение его существования.

Действие христианства отнюдь не ограничивается его немедленным и прямым влиянием на душу людей. Сильнейшее воздействие, которое оно призвано оказать, осуществляется в множестве нравственных, умственных и социальных комбинаций, где полная свобода человеческого духа должна непременно найти неограниченный простор. Итак, понятно, что все совершившееся с первого дня нашей эры или, вернее, с того момента, как Спаситель мира сказал своим ученикам: «Идите, проповедуйте Евангелие всякой твари»[19], заключается целиком, со всеми нападками на христианство в том числе, и общей идее его влияния. Чтобы убедиться в исполнении пророчества Христа, достаточно наблюдать повсеместное водворение владычества его в сердцах, будь то с сознанием или бессознательно, добровольно или против воли. И поэтому, невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено, потому, что общество это содержит в себе начало бесконечного прогресса и обладает в зародыше и в элементах всем необходимым для его окончательного водворения в будущем на земле.

Прежде чем заключить, сударыня, эти размышления о том воздействии, которое религия оказала на общество, я повторю здесь то, что сказал об этом когда-то в одном сочинении, вам неизвестном.

«Несомненно, – писал я, – что пока не замечаешь влияния христианства везде, где человеческая мысль с ним как бы то ни было сталкивается, хотя бы только с целью борьбы, не имеешь о нем ясного представления. Всюду, где произнесено имя Христа, оно само по себе неотразимо увлекает людей, что бы они ни делали. Ничто не обнаруживает вернее божественного происхождения этой религии, чем свойственная ей черта абсолютной всеобщности, вследствие которой она внедряется в душах всевозможными способами, овладевает без их ведома умами, господствует над ними, подчиняет их даже и тогда, когда они как будто сильнее всего сопротивляются, внося при этом в сознание чуждые ему до сих пор истины, заставляя сердце переживать неиспытанные им ранее впечатления, внушая нам чувства, которые незаметно вынуждают нас занять место в общем строе. Этим она определяет действие всякой индивидуальности и все направляет к одной цели. При таком взгляде на христианство всякое изречение Христа становится осязаемой истиной. И тогда явственно различаешь действие всех рычагов, которые пускает в ход его всемогущая десница, чтобы направить человека к его назначению, не посягая на его свободу, не сковывая ни одной из его природных сил, а, напротив, вызывая их высшее напряжение и возбуждая до бесконечности всю, сколько в нем ни есть, его собственную мощь. Тогда бросается в глаза, что в новом распорядке ни один нравственный элемент не остается без действия, что все находит в нем место и применение, самые деятельные дарования ума, равно как и горячие излияния чувства, героизм сильной души, как и преданность покорного духа. Доступная всякому сознательному созданию, сочетаясь со всяким движением сердца, из-за чего оно бы ни билось, мысль откровения захватывает все, растет и крепнет даже и вследствие препятствий на своем пути. С гением она возвышается до высот, недоступных прочим смертным, с робким духом она пробирается, припав к земле и подвигаясь шаг за шагом; в сосредоточенном уме она независима и глубока, в душе, поддающейся воображению, она витает в эфире и полна образов; в нежном и любящем сердце она исходит милосердием и любовью; она всегда идет наравне со всяким вверившимся ей сознанием, заполняя его жаром, силой и светом. Взгляните, какое разнообразие свойств, какое множество сил она приводит в движение, сколько различных способностей сливает воедино, сколько несходных сердец заставляет биться из-за одной и той же идеи! Но еще поразительнее действие христианства на общество в целом. Окиньте взглядом всю картину развития нового общества и вы увидите, что христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменял везде материальную потребность потребностью нравственной, возбуждая в области мысли великие прения, какие история не наблюдала ни в одной другой эпохе и ни в одном другом обществе, вызывая жестокую борьбу между убеждениями, так что жизнь народов превращалась в великую идею и во всеобъемлющее чувство; вы увидите, что в христианстве, и только в нем, разрешалось все: жизнь частная и жизнь общественная, семья и родина, наука и поэзия, разум и воображение, воспоминания и надежды, радости и горести. Благо тем, кто в великом движении, возбужденном в мире самим Богом, носят в сердце внутреннее сознание производимого ими действия; но не все в этом движении орудия деятельные, не все работают сознательно; массы по необходимости движутся слепо, как неодушевленные атомы, косные громады, не знающие тех сил, которые приводят их в движение, не различая той цели, к которой они влекутся».

Пора обратиться снова к вам, сударыня. Мне, признаться, трудно оторваться от этих широких горизонтов. С этой высоты открывается перед моими глазами картина, в которой почерпаю я все свои утешения; в сладостном чаянии грядущего блаженства людей мое прибежище, когда под гнетом обступающей меня печальной действительности я чувствую потребность подышать более чистым воздухом, взглянуть на более ясное небо. Я, впрочем, не думаю, что злоупотребил вашим временем. Надо было выяснить вам точку зрения, с

которой следует смотреть на мир христианский и на то, что в этом мире делаем мы. Я должен был показаться вам желчным в отзывах о родине: однако же я сказал только правду и даже еще не всю правду. Притом, христианское сознание не терпит никакого ослепления, и менее всех других предрассудка национального, так как он более всего разделяет людей.

Письмо мое слишком затянулось, сударыня. Полагаю что нам обоим следует передохнуть. Вначале мне казалось, что я смогу в немногих словах передать вам заду манное. Поразмыслив, нахожу, что здесь имеется материала на целый том. Устраивает ли это вас, сударыня? Вы мне это скажете. Во всяком случае вам не миновать второго письма, ибо мы только что приступили к существу дела. Между тем, я буду вам очень признателен, если вы сочтете растянутость первого письма возмещением за время вашего вынужденного ожидания. Я взялся за перо в самый день получения письма. Печальные и утомительные заботы меня тогда всецело поглощали: надо было от них отделаться прежде, чем начать беседу о столь важных предметах; затем пришлось переписать мое маранье, совершенно неудобочитаемое. На этот раз ожидать вам придется недолго: завтра же я снова берусь за перо.

Некрополис[21], 1829, 1 декабря[22].

Отечественные записки

Ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1839–84 гг. Выходил с подзаголовком «учено-литературный (а с 1859 – „и политический“) журнал». До 1867 г. издавался А. А. Краевским; в 1840-е гг. – один из ведущих русских журналов. В нем печатались М. Ю. Лермонтов («Дума», главы «Героя нашего времени», посмертные публикации), В. Ф. Одоевский, А. Ф. Вельтман, Н. Ф. Павлов, В. А. Соллогуб, А. В. Кольцов, позже И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин и др. Ведущим критиком «Отечественных записок» был В. Г. Белинский, опубликовавший в этом журнале большинство своих статей (статьи об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе, обозрения 1840–45, «Речь о критике» и др.). Критические статьи в «Отечественные записки» также писали П. В. Анненков, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. Таким образом, журнал обладал смешанной идеологией: либеральное западничество сочеталось в нем с революционно-демократической критикой. В эстетике журнал придерживался взглядов натуральной школы, разработанных В. Г. Белинским: искусство как носитель общественной функции, преобразователь общества, преимущество метода критического реализма. После ухода Белинского (апрель 1846) критика в «Отечественных записках» стала более академической, на страницах журнала печатались ученые-литературоведы А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. Д. Галахов. В 1860-х гг. журнал участвует в полемике против «Современника» и «Русского слова», защищая буржуазные ценности, выступая за водворение закона. В это же время в отделе художественной литературы начинают печататься писатели, придерживающиеся революционно-демократической идеологии (Н. А. Некрасов, Н. В. Успенский, Ф. М. Решетников).

В 1868 г. издание «Отечественных записок» переходит в руки Некрасова. Журнал выходит под коллективной редакцией Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрин и Г. З. Елисеева (с 1877 – Н. К. Михайловского). Новые «Отечественные записки» фактически являются преемником «Современника» и становятся наиболее влиятельным органом

демократической интеллигенции 1870–80-х гг. В журнале печатаются А. Н. Островский, Г. И. Успенский, А. Н. Плещеев, А. И. Левитов, В. М. Гаршин, Ф. М. Достоевский («Подросток»), Д. Н. Мамин-Сибиряк, С. Я. Надсон, П. Ф. Якубович и др. Критикой руководят А. М. Скабичевский, Н. К. Михайловский, которые в своих статьях пропагандируют демократическую литературу и выступают против «чистого искусства». Художественные произведения, печатавшиеся в «Отечественных записках», были публицистичны, часто посвящались социальным проблемам, тяготели к жанру очерка. Журнал вел полемику со многими правительственными журналами, постоянно подвергался преследованиям и в 1884 г. был закрыт.

Издатель-редактор журнала Краевский преобразовал «Отечественные записки» в ежемесячный журнал учёно-литературный и политический большого объёма (до 40 печатных листов). Каждый номер содержал разделы «Современная хроника России», «Науки», «Словесность», «Художества», «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще», «Критика», «Современная библиографическая хроника», «Смесь».

К участию в журнале были привлечены литераторы разных направлений и поколений — В. А. Жуковский, В. Ф. Одоевский, Д. В. Давыдов, историки М. П. Погодин и С. П. Шевырев, М. А. Дмитриев, профессор латинской словесности и философии И. И. Давыдов, известный впоследствии славянофил А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков, Лермонтов, В. А. Соллогуб, И. И. Панаев и другие. Критическим отделом руководил сначала В. С. Межевич, с осени 1839 до весны 1846 — В. Г. Белинский, затем Валериан Майков (утонувший летом 1847), позднее С. С. Дудышкин.

Белинский привлёк к участию своих друзей и единомышленников В. П. Боткина, Бакунина, Т. Н. Грановского, Кетчера, П. Н. Кудрявцева, позднее в «Отечественных записках» приняли участи Н. П. Огарёв, А. И. Герцен, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев. Журнал постепенно покинули Жуковский, Вяземский, Плетнёв, Бенедиктов, Межевич, Хомяков, Аксаков, также будущие сотрудники журнала «Москвитянин».

Журнал вёл борьбу с «Северной пчелой» Булгарина и Греча и «Библиотекой для чтения» Сенковского, «Москвитянином» Погодина и Шевырёва и славянофилами. По причинам материально-бытового (Краевский низко оплачивал работу Белинского, одновременно требуя обильно писать на самые разнообразные темы) и идейного характера Белинский с апреля 1846 прекратил работать в журнале и с января 1847 стал критиком журнала «Современник» Некрасова и Панаева. В «Современник» перешёл также Герцен. Уход части сотрудников сказался на позиции и репутации журнала, остававшегося изданием либерально-западнической ориентации, но постепенно терявшего свою популярность. Издателем-редактором журнала в 1860—1866 совместно с Краевским был С. С. Дудышкин.

В 1868 Краевский передал журнал Н. А. Некрасову.

По договору с Краевским он оставался официальным редактором журнала и сохранял некоторые имущественные права, но фактическим руководителем с 1868 стал Н. А. Некрасов. К руководству журналом Некрасов, оставив за собой общее руководство журналом и отдел поэзии, привлёк М. Е. Салтыкову-Щедрину (беллетристика) и Г. З. Елисеева (публицистика). После смерти Некрасова руководителем «Отечественных записок» стал Салтыков-Щедрин, соредактором — Н. К. Михайловский. Журнал, отчасти продолжая революционно-демократическую линию «Современника», носил народнический характер.

К участию были привлечены прогрессивные силы литературы, критики, публицистики — Г. И. Успенский, Н. А. Демерт, Ф. М. Решетников, А. Н. Островский, Д. И. Писарев, А. П. Щапов. Тираж журнала вырос с двух до шести-восьми тысяч экземпляров и вновь обрёл влияние. В апреле 1884 журнал был закрыт по распоряжению властей.

«Отечественные записки» в 1840-е помещали произведения таких писателей, как Д. В. Григорович, В. Ф. Одоевский, В. И. Даль, В. А. Соллогуб, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, И. И. Панаев, Н. П. Огарёв, Е. П. Гребёнка, А. Д. Галахов, Аполлон Майкова, А. А. Фета и другие.

В журнале впервые опубликованы наиболее выдающиеся произведения русской литературы 1840-х годов — стихотворения и повести Лермонтова, стихотворения Кольцова, статьи, «Записки молодого человека», первая часть романа «Кто виноват?» Герцена, стихотворения, пьесы «Неосторожность» и «Безденежье», рассказы «Андрей Колосов» и другие Тургенева, рассказы и стихотворения Некрасова, «Двойник», «Господин Прохарчин», «Белые ночи», «Неточка Незванова» и другие рассказы и повести Достоевского, повести «Противоречие» и «Запутанное дело» Салтыкова-Щедрина.

Взлет журнала «Отечественные записки» — самая известная заслуга Андрея Краевского. Он решился реализовать идею, владевшую многими: создать журнал, пользующийся популярностью и при этом доносящий до читателя действительно качественную литературу. В эпоху, когда Булгарин и Греч топтали конкурентов всеми доступными способами, когда император Николай ставил на прошениях об издании новых журналов категоричное «и без того много», Краевский придумал удачный ход. Он выкупил право на издание захиревшего журнала «Отечественные записки» у вполне благонамеренного, умеренно-патриотичного издателя Павла Свинына и избежал волокиты с получением разрешения на новый журнал.

Летом 1838 года Краевский написал критику и публицисту Василию Межевичу: «Составляется уже компания денежная для издания журнала под моею редакциею¹ Это последняя надежда честной стороны нашей литературы; если «Отечественные записки» не будут поддержаны, то владычество Сенковского, Булгарина, Полевого и прочей сволочи утвердится незыблемо, и тогда горе, горе, горе!» Основные цели и задачи журнала подробно изложены в письме Краевского писателю Григорию Квитко-Основьяненко: «Назначение «Отечественных записок», цель их совершенно особенная от других, книгопродавских журналов. Это издание, которое восстановило бы в отечественной литературе права здравого вкуса, уничтожило бы это убийственное пренебрежение ко всему, что только есть высокого в искусстве и в науке, и останавливало бы низкие попытки литературных промышленников обманывать публику взаимным восхвалением своих жалких талантиков».

В Москве даже литераторы консервативно-славянофильского толка восприняли программу «Отечественных записок» как «немножко слишком благонамеренную». Но в этом и проявился Краевский-дипломат. Он играл с бюрократической машиной по правилам николаевской эпохи: главное — запустить журнал, и тогда останавливать его будет непросто. Действительно, журнал пережил немало цензурных бурь и был потоплен охранителями только в 1884 году.

Выход первого номера «Отечественных записок» 1 января 1839 года напоминал первый выход хорошо оснащенного и вооруженного корабля: это была «книжица» вдвое толще самой популярной тогда «Библиотеки для чтения» Осипа Сенковского; соучредитель Иван Панаев по этому поводу приводил строку из пушкинской «Осени»: «Громада двинулась и рассекает волны...»

Сильная сторона «Отечественных записок» заключалась в том, что литераторы разных поколений сумели создать более разнообразное содержание журнала по сравнению с главным конкурентом — «Библиотекой для чтения», имевшей не менее пяти тысяч подписчиков. (Успех Сенковского во многом был связан с новым для того времени и не устаревшим до сих пор приемом: он активно пользовался стилем глумления, восторженно принимавшимся большинством публики.) «В возобновленных «Отечественных записках», — писал Панаев, — допевали свои лебединые песни лучшие из наших беллетристов и блистательно начали свои дебюты молодые люди, только что

вступившие на литературное поприще». В 1839 году, например, в журнале печатались произведения Лермонтова, Одоевского, Соллогуба, Даля, Кольцова, Вяземского, Баратынского. Потом будут Достоевский, Писемский, Грановский, Герцен, Катков¹ Краевский сумел привлечь в возрожденный «толстый» журнал лучших авторов – от авторитетнейшего Жуковского до подающей надежды молодежи из круга московских западников, в том числе Белинского.

Отношение Краевского к сотрудникам как к «пролетариям умственного труда», обязанным в известный срок по точно данным указаниям поставить известное количество качественной работы, не всем было по вкусу. Тем не менее именно такое отношение формировало дисциплину интеллектуальной деятельности и создавало журналистов-профессионалов, уважающих и себя, и читателей. «Брось он журнал, – признавался Белинский, – и у него будет прекрасное место, деньги, чины... Но его бог наказал страстью к журналистике... Это человек, который из всех русских литераторов один способен крепко работать и поставить в срок огромную книжку, способен один талантливо отвалить Греча, Булгарина или Полевого¹ Наконец, это честный и благородный человек, которому можно подать руку, не боясь запачкать ее».

Конкуренты не раз пытались применить против Краевского испытанное и нержавеющее оружие – доносы (мол, хитрец Краевский – «умнее Марата и Робеспьера» и прячет в толще своих изданий «идеи коммунизма, социализма и пантеизма»¹). Но издатель «Отечественных записок» хорошо изучил противника и заранее подготовился к такому повороту событий. В числе соучредителей, то есть пайщиков журнала, были старший чиновник III Отделения Враский и литератор Владиславлев, «по совместительству» адъютант шефа жандармов Дубельта. Это оказалось надежным защитительным ходом: в самых напряженных случаях Дубельт мог вызвать Краевского и «намылить голову за либерализм», но в итоге объявить, что «ничего из этого не будет»¹ Позже Булгарин сменил тактику: он предложил Краевскому просто «присоединиться к союзу журнальных магнатов и сообща с ними управлять делами литературы». Краевский, как тогда говорили, «устранил предложение».

Борьба с «торговым направлением» в журналистике, не стесняющимся писать на конкурента доносы в III Отделение, приносила, как ни странно, доход. Краевский, сочетая привлекательность материалов для читателей с их высоким уровнем, добился цифры в 8000 подписчиков: числа громадного для России того времени. И тогда он принялся за работу с газетами. В результате – всплеск успеха «Русского инвалида» в 1843–1852 годах, а затем превращение «Санкт-Петербургских ведомостей» из вялого академического листка в прекрасную газету, к тому же приносящую официальному издателю, Академии наук, 50 тыс. руб. годового дохода. Число подписчиков выросло до небывалого уровня – 12 тыс. (сверхпопулярный «Колокол» имел в лучшие годы 3 тыс.). Небывалое процветание газеты академические мужи отнесли исключительно к достоинствам самой Академии и по истечении срока договора с Краевским в 1862 году поспешили подыскать нового арендатора, даже не выслушав новых предложений прежнего. Краевский же пришел к идее об издании частной общественно-политической газеты: идее, немислимой в предшествующую николаевскую эпоху и весьма непростой по исполнению в эпоху «гласности».

Позднее в журнале печатались «Тысяча душ» (1858) Писемского, «Обломов» (1859) Гончарова, повести «Овцебык» (1863), «Обойдённые» (1865), «Островитяне» (1866) Н. С. Лескова.

Кроме Белинского, с литературной критикой и рецензиями в «Отечественных записках» 1840-х—1850-х выступали В. П. Боткин, А. Д. Галахов, М. Н. Катков, Н. А. Некрасов.

В журнале Некрасова и Салтыкова-Щедрина сотрудничали Успенский, Островский, Решетников, В. А. Слепцов, В. М. Гаршин, дебютировавший в

журнале рассказом «Чупринский мир» ещё в 1866 Н. Н. Златовратский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Е. Каронин-Петропавловский, А. Н. Осипович-Новодворский, поэты А. Н. Плещеев, С. Я. Надсон, П. Ф. Якубович и другие.

Беллетристика в 1870-е носила ярко выраженный народнический крестьянский характер.

В журнале участвовали опытные переводчики Н. Х. Кетчер, А. И. Кронеберг, А. Н. Струговицков. Помимо переводов из Гёте и Шекспира, «Отечественные записки» помещали переводы современных зарубежных авторов Жорж Санд, Чарльза Диккенса, Фенимора Купера, Г. Гейне, Александра Дюма-отца. Печатались обзоры иностранных литератур и переводные статьи об отдельных авторах. Позднее, при Некрасове и Салтыкове-Щедрине, публиковались переводы из В. Гюго, А. Доде, Э. Золя.

В. Г. Белинский. Педант. Литературный тип⁶⁷

Всем ученым и образованным людям ведомо, что словесность, то есть литература, должна иметь целию -- *поучать, услаждая*¹. Покойный Мерзляков, великий знаток и учитель по части изящного, даже перевел (и прекрасно), кажется, из Тасса, чудесные стихи на этот счет;

Так врач болящего младенца ко устам
Несет фиал, сладкими упитан по краям:
Счастливцев обольщен, пьет горькое целенье,
Обман ему дал жизнь, обман ему спасенье!²

Другими словами: литература есть искусство "золотить пилюли". Мораль -- дело хорошее, спору нет, но и скучное, горькое -- против чего опять никто спорить не будет; следовательно, надо же ее подслащать, *рассычать*, чтоб она достигала своей цели, то есть исправляла нравы, делала дурака умным, пьяницу трезвым, взяточника и . казнокрада -- бескорыстным, бездарного писаку отучала от пера, ябедника и клеветника от ложных доносов...

Далее, всей просвещенной Европе известно, что "идеал есть не что иное, как собрание в одну фигуру разных черт, разбросанных в природе и действительности, -- а отнюдь не сама действительность в возможности. Творчества тут не нужно: хотите изобразить красавицу -- приглядывайтесь ко всем красавицам, которых имеете случай видеть; у одной срисуйте нос, у другой глаза, у третьей губы и т. д. -- таким образом вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти определения -- "литературы" и "идеала" -- чрезвычайно основательными и верю им безусловно. Особенно хороши они тем, что, во-первых, избавляют автора от необходимости иметь талант и фантазию, а во-вторых, уничтожают возможность писать такие изображения, в которых всякий, кто б ни был, мог узнать себя и вследствие этого жаловаться на личности...

Само собою разумеется, что этот взгляд на "литературу" и "идеалы" особенно удобен для "типов" вроде тех, которые теперь известны под именем "Наших"³. Гоголь сказал великую правду, что "у нас если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет" {"Современник" 1836 года, т. III, стр. 60.}⁴. Поэтому я нахожу гораздо приличнее и удобнее изображать такие типы, которых совсем нет в действительности, но которые были бы очень смешны: чрез это автор достигнет двух целей разом -- доставит удовольствие своим читателям и никого не обидит.

67 "Отечественные записки", 1842, т. XXI, No 3, отд. VII "Смесь", с. 39-45 (ц. р. 28 февраля; вып. в свет 1 марта). Подпись: Петр Бульдогов

Вот причины, которые заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сделать очерк одного из таких *педантов*, которых нет и быть не может, но которые могут существовать в праздном воображении человека, подобно мне имеющего свободное время для бумагомарания. Если мой педант не рассмешит вас и не доставит вам удовольствия -- это обнаружит только мое неумение и мою бесталантность. Я нарочно взял предмет для типа из такой сферы, которая у нас не представляет собою ни сословия, ни касты. Все эти мои оговорки проистекают из рокового предчувствия, что мой тип, вместо улыбки, возбудит в вас зевоту, вместо того чтоб рассмешить, усыпит вас; ибо -- признаюсь вам -- я не слишком-то полагаюсь на свой талант по части типов... "Так зачем же беретесь?" -- скажете вы. Во-первых, хочется попробовать -- "авось-либо" -- великое слово для русского человека, который многое делает на "авось"; потом, неотвязчивые просьбы приятелей: "Вы-де знаете педантов и можете их изобразить; теперь-де типы в моде, *наши* в ходу; да кто вам сказал, что вы не можете? вы человек с дарованием"... Что будешь делать! Вы не знаете, что это за народ -- мои приятели! Как пристанут -- непременно уговорят; станут вам доказывать, что вы человек с дарованием, -- право, сочините роман, хотя бы всю жизнь занимались математикой или сельским хозяйством... Ну, что ни будет -- начинаю и, для успокоения крепко бьющегося сердца, прошу вас еще заметить, что это не тип собственно, а скорее очерк или проект для типа...

Не воображайте себе моего педанта человеком старым, седым, беззубым, добрым и глупым, обожателем Хераскова, поклонником Сумарокова, последователем философии Баумейстера, пиитики Аполлоса и реторике г. Толмачева.⁵ то педант доброго старого времени, педант-покойник, -- мир праху его! Нет, я хочу вырезать вам силуэт педанта новейших времен, педанта-романтика, который так молод, что еще и не родился на свет; так вам знаком, что вы не поверите мне, чтоб его можно было найти и на луне, не только на земле. Но если уж болтать, то надо болтать обстоятельно, делая вид, что говоришь правду: в этом-то и все смешное моего типа... Мой педант -- сын бедных, но благородных родителей. Не претендуя на богатство, он претендует на знатность рода⁶. Зовут моего педанта: *Лиодор Инполитович Картофелин*⁷. Росту он весьма небольшого; в молодости был сухошав и тщедушен, а теперь довольно осанист и имеет брюшко, несколько четверугольное и похожее на фолиант. Если б не досада на успехи других и на свои собственные неудачи уверить свет в своей гениальности, мой педант был бы так толст, что, при малости роста, походил бы на огромное *in quarto* {книга в четвертую долю листа (лат.). -- Ред.}. Глаза у него серые, а волосы средние между русыми и рыжеватыми; на правой щеке бородавка с довольно длинною косичкою. Не помню, когда он родился; знаю, что в двадцатых годах текущего столетия, когда все журналы наши превратились в толки о классицизме и романтизме, Картофелин воспитывался в единственном пансионе губернского города⁸, в котором родился. Пансион содержался обрусевшим немцем -- назовем его хоть Гофратом (я слышал, что все немцы -- гофраты). Картофелин обнаруживал блестящие способности и был первым учеником по всем предметам, особенно по части российской словесности. Прилежание его было примерно; поведение соответствовало прилежанию. На торжественных актах он всегда говорил перед публикою речи и стихи⁹, в низших классах -- сочинения своих учителей, а в высших -- собственного изделия. Он первый подбил товарищей издавать журнал, разумеется, писанный, и каждую неделю по рукам мальчиков ходила чисто и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, под названием "Северная Флора", Но такой-то. Тетрадка почти вся состояла из сочинений Картофелина, или *Безбрежина*, как он называл себя на романтическом языке: тут были стихи, повести, критика и смесь¹⁰. Стихи и критика всегда были сочинения Лиодора Безбрежина: он объявил себя монополистом этих двух отделений. Г-н Гофрат чуть не плакал от умиления при виде успехов и всеобъемлющей деятельности светила своего пансиона: после каждого нового романтического стихотворения он брал Картофелина за уши, слегка приподнимал и нежно целовал в голову. Все ученики смотрели на него, как на гения; а учитель словесности, учившийся некогда по Бургию¹¹ и,

следовательно, классик поневоле, даже побаивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелин, сей внук (увы, *не последний!*) Василия Кирилловича Третьяковского¹², приехал в одну из столиц наших, -- положим, в Москву. Не помню, что он делал несколько лет; но вот он является учителем "русской словесности"... Да, я непременно хочу сделать моего педанта учителем словесности: знаменитый дед всех педантов, Василий Кириллович Третьяковский, был "профессором элоквенции, а паче всего хитростей пиитических": одной этой причины уже слишком достаточно, чтоб я сделал моего педанта учителем "русской словесности"; сверх того, я убежден от всей души, что никакое звание так не идет к педанту, как звание учителя "русской словесности". Да, эта "русская словесность" преимущественно сподручна для шарлатанов и педантов: в нее можно класть, что угодно, и оттуда можно вынимать какие угодно теории, без опасения заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этим сказать, чтоб всякий учитель словесности был педант, -- смешно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошие и достойные люди есть везде. Я хочу только сказать, что педант непременно должен быть учителем русской словесности.

Но мой педант не ограничился одним учительством: он, как и следовало ожидать, пустился в литературу. Все альманахи и журналы были наполнены его стихами¹³. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей, -- но эти мысли отзывались чем-то напряженным, изысканным и диким, так что снутри походило на совершенную бессмыслицу -- не только бессмыслицу, а снаружи казались чрезвычайно глубокими и возвышенными¹⁴. Хотя толпа более видит снаружи, чем снутри, однако она не читала стихов Картофелина и осталась при одном уважении к ним. В то время один ловкий промышленник основал журнал, который, по его плану, должен был отличаться добросовестностью, ученостию и бескорыстием. Последняя статья касалась исключительно одних *сотрудников*; издатель же имел о ней свое понятие, которое не почитал нужным объяснять во всеуслышание¹⁵. Хитрый антрепренер тотчас смекнул, что за птица Картофелин. Он понял, что этот чернильный витязь готов трудиться до кровавого поту из одной "славы", из одного удовольствия каждый день пересчитывать, сколько новых строк прибавилось у него к числу уже написанных: чистое и благородное удовольствие всех педантов! О, педант похож в этом отношении на скрягу, который, отходя ко сну, пересчитывает, сколько рублей и копеек прибыло у него с утра... Журналист не ошибся: Картофелин оказался для него золотым человеком: он взвалил на себя всю работу, а разживу предоставил хозяину, который, впрочем, почел нужным, из приличия, уверить его, что небольшие выгоды от журнала он употребляет на издание полезных книг и вспомоществование бедным людям¹⁶, а сам питается бескорыстною любовью к науке и высокими мыслями. Добродушный педант поверил: он был столько же бескорыстен, честен и доверчив, сколько и опрометчив... И это несколько не удивительно: ограниченность так часто соединяется с добродушною честностью -- по крайней мере до тех пор, пока не раздражат, умышленно или неумышленно, ее мелкого самолюбия...

Но вот что многим может показаться невероятным: прозаическими статьями своими Картофелин обратил на себя общее внимание, как человек со вкусом, умом и дарованием¹⁷, -- и я должен сознаться, что такое мнение о Картофелине было только преувеличено, но в основании не совсем несправедливо. Мой педант -- извольте видеть -- действительно не без ума и не без способностей; он только ограничен, но не глуп, только мелочно самолюбив, но не бездарен; последние достоинства он, в качестве педанта, должен приобрести впоследствии, когда мелкое самолюбие его, в союзе с годами, задавит в нем то немногое, что дала ему природа. Притом же обстоятельства времени много способствовали Картофелину прослыть даже гением -- по крайней мере в кругу своих приятелей и товарищей по пансиону -- сотрудников рукописной "Северной флоры": педанты прежних времен тащились по избитой колее Баттё и Лагарпов, а мой Картофелин принялся за немчину. Малой он был работающий, прилежный; память у него была здоровая; немецкому языку он был выучен еще в детстве. Я уверен, что по инстинкту он

выбрал бы своими героями Клопштока и Николаи, но слава Гете и Шиллера тогда была уже во всем своем колоссальном величии, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми: -- так ему, знаете, при готовых понятиях, чужим умом и при фразистом языке нетрудно было показаться не тем, что он есть...¹⁸ Притом же в молодости всякий человек живее, а следственно, и умнее, чем в старости, и по инстинкту отстаивает новое против старого... Впрочем, и тогда уже многие замечали в слогe Картофелина что-то пухлое, дряблoе, какую-то искусственную простоту и натянутую оригинальность, что-то отзывающееся солодковым корнем и сытою... И эти люди не ошиблись, как увидим ниже.

Вот поехал мой педант за границу -- вы думаете, в Германию? -- Я сам то же думал сперва, но моя фантазия велит мне послать его в страну *филологов* и *комментаторов*, где на каждый стих великого поэта написано по сту тысяч томов объяснений и примечаний. Не знаю, что он там делал целые семь лет, но знаю, что присылал оттуда предикие стихотворения¹⁹.

Наконец, мой Картофелин возвращается в любезное отечество... Боже мой, как он переменился!²⁰ Поехал молодым литератором, которого настоящую цену немногие понимали, а воротился педантом, которого значение уже всем ясно... Семена принесли плоды, и натура сказалась... Начнем с того, что он приехал с брюшком -- доказательство, что он страдал о судьбе человечества в своих стишонках... Натянутая важность лица, при смешной фигуре и круглом брюшке, сделала его похожим на лягушку, которая, в басне Езопа, хочет раздуться в вола²¹. Самолюбие его действительно раздулось, как прыщ: страшно и гадко прикоснуться к нему. Общество педант стал принимать за свое училище, салон за аудиторию, светских людей -- за школьников: говорит все свысока, словно лекцию читает, и если кто не слушает его с благоговением, на тех смотрит он презрительно, и если кто заговорит, хотя бы на противоположном конце залы, он посмотрит на того, как Юпитер олимпийский, -- с гневом и помаванием бровей... Любимый рассказ его -- о том, как он ходил в Париже на поклонение к великому романисту²². В Германии педант был проездом; она ему не понравилась. "Немцы, -- говорил он, -- раздружились в своей отвлеченности с жизнью; они презирают величайшую из наук -- филологию; они предпочитают ей философию, это буйное обожествление разума... Я был, в Берлине, -- и мой бедный череп трещал от мудреных вещей, которые слышал я в тамошнем университете... Немцы забыли великого Бахмана и предпочитают ему сухого, отвлеченного, схоластического Гегеля, этого Андрамелеха новейшей философии"...²³ Педант мой говорит голосом важным, протяжным и тихим, несколько переходящим в фистулу, как будто от изнурительной полноты ощущений в пустой груди, как будто бы от изнеможения вследствие частой декламации *ex-officio* {по служебной обязанности (лат.). -- Ред.}. В школу он приносит с собою графин сахарной воды, которою запивает почти каждую свою фразу... И вот, в порыве моего *типического* вдохновения, мне кажется, что я вижу его на учительском стуле, восседающего с приличною важностию, слышу его чахоточный голос, беспрестанно прерывающийся от полноты педантического самодовольствия и хлебков сахарной воды: "Милостивые государи! я был там и там, а вы не были; но это ничего: после того, что я расскажу вам о тех странах, -- вам покажется, что вы сами там были... Немцы вздумали мирить философию с жизнью -- они воображают, что можно эту цветущую жизнь сделать содержанием бездушных логических формул... Немцы не любят буквы... а я, господа, я -- признаюсь -- люблю букву... Вот я было вздумал прочесть эстетику Гегеля, но принужден был бросить ее под стол: помилуйте, господа, ведь книги пишутся для удовольствия, а не для ломания головы..."²⁴ Литературы педант, конечно, не оставил; но его деятельность уже изменилась: о немцах и немецком он уже -- ни слова... Слог его стал дик до последней степени. Желая поднять до седьмого неба повести своего приятеля, он говорит, что его приятель выдвинул все ящики в многосложном бюро человеческого сердца... Начиная восхищаться родиною, он делает вопросы, вроде следующих: что, если бы наша Волга, забрав с собою Оку и Каму да соединившись с Леною, Енисеем, Обью и Днепром, взлезла на Альпы, да оттуда -- у-у-у-

у! на все концы Европы; куда бы девались все эти французишки, немчура?..²⁵ Не правда ли, подобные вопросы приличны только или педанту, или крестьянскому мальчику, который говорит: "А что, тятя, коли б наш чалый мерин-то сделался бурюю коровою, -- ведь мама молочка еще бы дала мне?"... Вы смеетесь, читатели? моя выходка вам кажется фарсом, плоскою шуткою? Смейтесь, а н стою на том, что педант еще и не то в состоянии написать. Ведь я вас предупредил, что пишу выдумку, игру моей досужей фантазии, а не списываю рабски с действительности: так не мешайте же мне выдумывать. Итак, я уверен, что мой педант слова не скажет в простоте -- все с ужимкой: например, вместо того, чтоб сказать, что Петербург построен на ровном месте, он скажет, что ровная гладь подкатилась под огромные дома града Петрова... и пр. и пр..²⁶

Воротившись из-за границы, мой педант переменялся и в другом отношении: бывало, он вздыхал в стишонках о луне и деве, горевал о какой-то разрозненной с ним волне; а теперь очень прозаически, но зато выгодно и тепло пристроился и зажил филистером. Уж не знаю, от этого ли, или от долговременного пребывания за границею, только мой педант, воротившись, сделался ужасным витязем желтых перчаток и прекрасного пола: в каждой статье своей он твердил по сту раз, что он даже дома ходит в желтых перчатках; при выходе всякой плохой книжки, но лишь бы написанной женскою рукою, он, бывало, так и кричит: *place aux dames* {место дамам! (франц.). -- Ред.}²⁷. С особенною ревностью писал он статьи о балах и маскарадах; в этих статьях видно было утомление от танцев, ибо за каждую фразу следовало по крайней мере три точки..²⁸ Это так понравилось педанту, что он без точек после каждой своей фразы уж ничего не мог писать.

Много прошло времени, многое изменилось с тех пор, а мой педант не должен изменяться: любовь его к букве должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращение ко всему живому и разумному -- также. Слова "идея" он не должен слышать без ужаса и без точек... По моему мнению, он даже должен сделаться лицемерным моралистом и ханжою, потому что, всегда думая давать тон и направление времени, он всегда был и всегда должен быть рабом времени и выдавать за новость то, что уже давно сказано другими, более его сметливыми людьми. Итак, мой педант принимает под свое критическое покровительство все бездарное и ложно моральное и наповал бранит все, в чем есть жизнь, душа, талант... Он беспристрастен и, зажмурив глаза, колотит направо и налево, и чужих и своих, если последние, будучи ему чужими по таланту, бывают своими по отношениям... Да, он верен своему правилу...

Несмотря на то, что мой педант должен быть от природы довольно добрым и честным человеком, -- нет существа более его способного быть злым и низким. Дело в том, что он не что иное, как раздутое самолюбие: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами, -- он добр, весел, любезен по-своему, он готов сделать вам все хорошее, что только в его возможности; но беда ваша, если вы не сумеете или не захотите скрыть от него, что вы и умнее и талантливее его, что у него самолюбие съело небольшую долю ума, вкуса и способности, данных ему природою... О, тогда он готов на все злое и глупое -- берегитесь его!.. Рецензия его тогда превращается в площадную брань, критика становится похожа на позыв к ответу за делание фальшивой монеты... Тогда вы у него -- кондотьери, бандит!..²⁹ Да, педант все простит вам, кроме невыносимой для него обиды -- быть умнее и талантливее его... Но во всяком случае, это существо более смешное и забавное, чем опасное: ибо против его "позывов" есть правосудие, а против тупых зубов его есть литературные дантисты, которые шутя выдергивают их...

И, несмотря на все это, еще многое бы можно было порассказать о педанте; но не все же вдруг, надо что-нибудь поберечь и на будущее время. Притом же я еще не знаю, понравится ли вам, читатели, и то, что я написал. Если же понравится, то ждите от меня тип *литературного циника*: это человек, который, век свой живя в бочке, нажил себе домы и деревни; человек, который, век свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, старого железа и кирпича, успел уверить всех, что

он -- и ученый и литератор; человек, который, век свой будучи спекулянтом, уверил всех, что он -- идеал честности, бескорыстия и добросовестности; человек, который сам ничего не сделал, кроме неопрятных изданий, дурных переводов, а всем твердит с циническою короткостью: "надо делать, надо удовлетворять текущей потребности"; человек, который если и издал несколько плохих книг, то чужими руками состряпанных, а прославился деятельным; человек, которых! одолжит вас при нужде безделкою да заставит вас перевести книгу, выгоду от которой честно разделит с вами так: вам словесную благодарность, а себе деньги...³⁰ Да, мало ли еще можно написать таких типов? А газетеры, журналисты, фельетонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другие "исты"?.. Вот где заключаются неисчерпаемые сокровища для "Наших"...

Примечания

¹ Перефразированная сентенция Булгарина: "поучать -- забавляя", которой -- в предисловии к роману "Мазепа" (1834) -- определялась задача писателя. Это высказывание представляет приспособленный для нужд "нравственно-сатирического" направления канон поэтики классицизма (см.: "Наука поэзии" -- Гор аций. Полн. собр. соч. М., "Academia", 1936, с. 350).

² В отдельном издании "Освобожденного Иерусалима" в переводе А. Ф. Мерзлякова (1828) соответствующие строки читаются иначе:

Так врач болящего младенца пред устами
Склоняет, по краям налитый сладостями,
Фиал, где горький сок; обманутый пиет,
И жизнь ему обман невинный сей дает!

³ Имеется в виду альманах А. П. Башуцкого "Наши, списанные с натуры русскими" (1841-1842), пять первых выпусков которого критик отрецензировал в предыдущем номере "Отечественных записок" (см.: наст. т., с. 501-503; см. также преамбулу к этой рецензии). Подзаголовок "Педанта" указывает на то, что Белинский, предлагавший редактору альманаха изображать литературные типы, сам реализовал это пожелание.

⁴ Цитата из повести Н. В. Гоголя "Нос" (1836).

⁵ Философия Ф.-Х. Баумейстера, "Правила пиитические..." А. Д. Байбакова (Аполлоса), "Правила словесности..." Я. В. Толмачева в 40-е гг. XIX в. воспринимались как явный анахронизм.

⁶ Боярская фамилия Шевыревых была известна уже в XVI в. В связи с этим А. И. Герцен в "Былом и думах" иронически писал об увлечении Шевырева "своим предком, который середь пыток и мучений, во времена Ивана Грозного, пел псалмы и чуть не молился о продолжении дней свирепого старика" (Герцен, т. IX, с. 164).

⁷ Фамилией Картофелин была подписана пародия Н. А. Полевого "Рим" ("Московский телеграф", 1832, No 7, "Камер-обскура", с. 129-130) на стихотворение Шевырева "Стансы Риму" ("Телескоп", 1831, ч. 2, с. 179-180). Как следует из письма Белинского Боткину от 14 марта 1842 г., эта пародия цитировалась в данной статье, но была исключена цензурой.

Как тень седого великана,
В могильном саване, как дым
Под ледяной корой волкана,
Так ты, великий, дивный Рим,
Времен минувших оклик дикий,
Костью бессмертных помощен,
Как твой пустынный Пантеон,
Стоишь в развалинах великий!

Не говори, не повторяй
Твоих советов и преданий,
Не возбуждай воспоминаний,
Души поэта не смущай!
Пускай бессмертного могила
Не произносит мелких слов,
Пока тебе язык богов,
Моей угрюмой Музы сила,
Упрямых, северных стихов
В завет потомку не дарила!
Молчи, красноречивый Рим...

.....
Твои развалины святые,
Твои остатки гробовые
Я оживлю моим стихом!
Как бы на Пифии треножник,
С поникшим сяду я челом
На те места, где Скиф-безбожник
С огнем являлся и с мечом:
Стадами думы зароятся
В душе поэта: смело он
Глядит на мир, когда теснятся
К нему стихи со всех сторон!
Он обнят выпревшим пожаром,
Он презирает вкус и ум.
Воспламененный чудным даром,
Он дик, он смел, как бури шум!
Себе единому понятен,
Для черни смысл он потерял
И черни глас ему невнятен,
И ей не знать, что он писал.

О пародии Полевого см. комментарии С. А. Рейсера в кн.: "Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв.". М., "Academia", 1931, с. 429.

⁸ Шевырев воспитывался в Московском университетском благородном пансионе (1818-1823 гг.). Слова об "обрусевшем немце", содержателе пансиона, возможно, содержат намек на ориентацию руководителей этого учебного заведения в духе немецкой идеалистической философии. Шевырев вспоминал о "периоде влияния немецкой философии, всего более Шеллинга, которого учение вводили профессора Павлов и Давыдов" (Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион... М., 1858, Приложение, с. 75).

⁹ Об ученических успехах Шевырева свидетельствует тот факт, что его речь на выпускном акте была опубликована в "Вестнике Европы" (1823, No 8, с. 245-263).

¹⁰ Имеется в виду участие Шевырева в альманахе "Каллиопа. Труды благородных воспитанников университетского пансиона", издаваемом под редакцией И. И. Давыдова. Но Шевырев не мог быть инициатором этого издания, так как первый номер "Каллиопы" вышел в 1815 г., то есть за три года до его поступления в пансион. Участие Шевырева в альманахе выразилось в публикации стихотворения "К друзьям" ("Каллиопа", ч. 1. М., 1820, с. 231-236).

¹¹ Курс красноречия и поэзии в период обучения Шевырева вели А. Ф. Мерзляков, приверженец классицизма, и И. И. Давыдов, отличавшийся эклектизмом своих

литературных и философских воззрений (резко отрицательное отношение к нему у критика сложилось еще в 30-е гг.).

¹² Недооценка В. К. Тредиаковского была свойственна почти всем современникам критика.

¹³ По выходе из пансиона (до основания "Московского вестника") Шевырев печатался сравнительно мало; его стихи публиковались в альманахах "Уrania" и "Северные цветы", в журнале "Вестник Европы" и в "Трудах общества любителей российской словесности".

¹⁴ В 20-30-е гг. Шевырев выступил поборником такой поэзии, которая, отвергнув "рифменный перезвон" и живописную пластичность, устремилась бы к идейной насыщенности. Обращаясь к Пушкину, он восклицал:

Вменяешь в грех ты мне мой темный стих,
Прозрачных мне не надобно твоих...

С необходимостью привнесения в поэзию философского содержания Шевырев связывал и ее языковое обновление, вернее, ее возвращение к архаичной лексике и синтаксису. О месте поэтических опытов Шевырева в истории русской литературы см.: М. Аронсон. Поэзия С. П. Шевырева. -- В кн.: С. П. Шевырев. Стихотворения. Л., "Советский писатель", 1939, с. V-XXXII; Е. А. Маймин. Стихотворение С. П. Шевырева "Послание к А. С. Пушкину". -- В сб.: "Проблемы пушкиноведения". Л., 1975, с. 159-168.

¹⁵ Имеется в виду основание журнала "Московский вестник" (1827-1830 гг.), издателем которого был М. П. Погодин. Шевырев был среди "главных сотрудников". Осенью 1827 г. Погодин отказал Шевыреву в соредакторстве, на чем настаивали остальные сотрудники журнала (в частности, В. Ф. Одоевский и В. П. Титов); между ними стали происходить размолвки (см.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II. СПб., 1889, с. 130-134). Распространялись также слухи, что властолюбивый редактор "Московского вестника" бывал нечистоплотен в финансовых взаимоотношениях, однако достоверных сведений об этом нет.

¹⁶ М. П. Погодин действительно покровительствовал некоторым молодым и нуждающимся ученым; так, в 1829 г. он на свои средства издал исследование историка Ю. И. Венелина "Древние и нынешние болгары", т. I. М., 1829.

¹⁷ О деятельности Шевырева-критика и теоретика в 20-30-е гг. см.: Ю. В. Манн. Русская философская эстетика. 1820-1830-е годы. М., "Искусство", 1969, с. 149-190.

¹⁸ Интерес к немецкому романтизму Шевырев вынес, вероятно, еще из стен пансиона (см. примеч. 10). В 1826 г. он вместе с В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым перевел трактат В.-Г. Ваккенродера "Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного". Позднее, на страницах "Московского вестника", помимо переводов немецких поэтов, он опубликовал "Разговор об истине и правдоподобию", и отрывок из "Вильгельма Мейстера" Гете; влияние этого писателя ощущается и в стихотворном диалоге Шевырева "Журналист и злой дух". Что касается шевыревского разбора "Междудействия к "Фаусту", то эта работа, ставшая известной Гете, удостоилась его одобрительного отзыва: "Разрешение проблем или, точнее сказать, узла проблем, предложенных в моей Елене, разрешение столь же удовлетворительное, проницательное, сколько простосердечное -- не могло не удивить меня..." ("Московский вестник", 1828, № 11, с. 329).

¹⁹ Имеются в виду две заграничные поездки Шевырева (1829-1832, 1838-1840 гг.), во время которых он побывал в Италии ("великий поэт" -- Данте). Там он задумал реформировать русское стихотворение введением в него итальянской октавы (см. его трактат на эту тему: "Телескоп", 1831, ч. 3, с. 263-299; 466-497). В статье "О критике и литературных мнениях "Московского наблюдателя"" (1836; см.: наст. изд., т. 1) Белинский высказал свое резко негативное отношение к опытам Шевырева; однако в пушкинском

кругу эти опыты вызвали большой интерес. А. В. Веневитинов писал Шевыреву 14 августа 1831 г.: "...здешние литераторы много толкуют о твоих октавах. Весь же круг этих... в великом граде Царском селе состоит из Жуковского и Пушкина... Последний тебе много кланяется и благодарит за твое... к нему послание, на которое он тебе непременно будет отвечать... В рассуждении же октав он уверяет, что эта статья (имеется в виду трактат в "Телескопе". -- Ред.) возбудила в нем тьму новых мыслей и желаний; но что, несмотря на то, он непременно войдет в некоторое состязание с тобою и тебе же самому предложит свои возражения" (цит. по: М. Аронсон. Поэзия С. П. Шевырева, с. XXIX). По возвращении Шевырева из Италии его суждения о русском стихе были оспорены Пушкиным (см. письмо Шевырева к С. А. Соболевскому от 6 октября 1832 г. -- ЛН, т. 16-18, с. 750), однако последний постоянно подчеркивал свое уважение к эрудиции пропагандиста русской октавы (отзывы Пушкина кратко суммированы в кн.: Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., "Наука", 1975, с. 469-471).

"Предикими" Белинский назвал переводы Шевырева из Т. Тассо, которыми тот сопроводил свой трактат "О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение" (1831).

²⁰ Идеологическая переориентация Шевырева началась действительно в Италии. В письме Погодину 1831 г. он писал: "Я вообще насчет всех мнений нахожусь в состоянии брожения: у меня все как-то перерождается и выходит новое, от своего, русского корня" (цит. по: М. Аронсон. Поэзия С. П. Шевырева, с. IX).

²¹ В. П. Боткин писал Белинскому 23 марта 1842 г.: "На этой неделе видел 2 раза Шевырева в концертах. Святители! Как это заочно ты мог так разительно верно схватить всю его личность! "Натянутая важность лица, при смешной фигуре и брюшке" и проч. -- живой Шевырка!"

²² Имеется в виду свидание с Бальзаком в Париже, описанное Шевыревым в "Парижских эскизах. Визит Бальзаку" ("Москвитянин", 1841, No 2, с. 357-383).

²³ Пародийный пересказ соответствующих мест статьи Шевырева "Взгляд русского на современное образование Европы" ("Москвитянин", 1841, No 1, с. 219-296). Шевырев пытался дискредитировать философию Гегеля, считая ее несовместимой с "христианской религией". Адрамелех (Андремелех) -- бог, которому приносили жертвы жители ассирийского города Сепарваима (IV Книга Царств, гл. 17, ст. 31).

²⁴ Подразумевается комплиментарный оборот из рецензии Шевырева на "Три повести Н. Ф. Павлова" ("Московский наблюдатель", 1835, ч. I, с. 122).

²⁵ Пародийный пересказ положения из программного выступления Шевырева "Взгляд на современное направление русской литературы. Статья первая. Сторона черная": "Разгульно текут многоводные наши реки; неволью подумаешь: что, если бы Волгу, Днепр да Урал скатить в три потока с Альпов на Италию, -- куда бы делись от них итальянцы? разве спаслись бы на высотах Апеннинских" ("Москвитянин", 1842, No 1, с. I).

²⁶ У Шевырева есть случаи употребления слова "Петроград" вместо общепринятого "Петербург". См., например, его стихотворение "Петроград" (1830), послужившее одним из источников пушкинского "Медного всадника" (см.: М. Аронсон. К истории "Медного всадника". -- В кн.: "Пушкин. Временник пушкинской комиссии", т. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 221-226).

²⁷ Намек на статью Шевырева "Библиографический перечень "Наблюдателя" ("Московский наблюдатель", 1836, ч. VI, с. 81). В этой статье автор писал об "особенном органе светского осязания", присущем женщинам, благодаря которому они могут успешно выступать в жанре светского романа (см.: там же, с. 84). Упоминание о пребывании "педанта" за границей в этом контексте, очевидно, намекает на то, что в 1829 г. он отправился в Италию в качестве домашнего учителя сына княгини З. А. Волконской.

²⁸ В "Воспоминании о московских балах" ("Московский наблюдатель", 1835, ч. I, с. 200-204; без подписи) Шевырев злоупотреблял многоточиями, что вообще характеризовало его стиль 30-х гг.

²⁹ В статье "Взгляд на современное направление русской литературы..." Шевырев сравнивал некоторые столичные журналы (имея в виду прежде всего "Отечественные записки") с "феодальными замками итальянских кондотьеры" ("Москвитянин", 1842, No 1, с. XXI). Термин "журнальный кондотьеры" Шевырев широко применял в характеристике некоего "рыцаря без имени", на котором "литая броня наглости" прикрывает "самое невинное невежество" (там же, с. XXVIII). Эта тирада направлена непосредственно против Белинского.

³⁰ Литературный циник -- М. П. Погодин (см. примеч. 15). В письме М. С. Щепкину от 14 апреля 1842 г. Белинский писал: "Эх, если б судьба да позволила напечатать "Циника-литератора"! Подай, боже!" Это намерение не осуществилось. В общей характеристике Погодина в данном абзаце критик оставляет в стороне позитивные стороны деятельности Погодина.

М.Н. Катков. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами

Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!

Еще задолго до вооруженного восстания в Польше эта интрига начала свои действия. Все, что в нашем обществе, до сих пор еще не признанном как следует и существующем как будто втайне, -- все, что завелось в нем нечистого, гнилого, сумасбродного, она сумела прибрать к рукам и организовать для своих целей. Наши жалкие революционеры сознательно или бессознательно стали ее орудиями. Наш нелепый материализм, атеизм, всякого рода эмансипации, и смешные и возмутительные, нашли в ней деятельную себе поддержку. Она с радостью покровительствовала всему этому разврату и распространяла его всеми способами. Она умела вызывать некоторые выгодные ей административные распоряжения; она отлично умела пользоваться крайней анархией в системе нашего народного просвещения; она садилась на школьную скамью, она влезала на учительскую кафедру, и, без сомнения, нередко случалось, что иной либерал-наставник, еще менее зрелый умом, чем его двенадцатилетний воспитанник, проповедуя космополитизм, или безверие, служил чрез десятые руки органом иезуитской интриги и очень определенной национальности, рывшейся под землей и во мраке подкапывавшейся под все корни русской общественной жизни.

Эта интрига, разумеется, не упустила воспользоваться и украинофильскими тенденциями, на которые наше общественное мнение еще не обратило должного внимания, потому что общественного мнения у нас не существовало, потому что общественное мнение было у нас случайным сбродом всяких элементов, преданных на жертву всякому влиянию и всякой интриге. Дело вот в чем.

Русская народность несравненно менее, чем какая-либо другая великая народность в Европе, включает в себе резких оттенков. В Германии, в Италии, даже во Франции, несмотря на сильную централизацию этой последней страны, -- везде есть резкие особенности и местные наречия, до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров. Если бы не было одного итальянского языка, то жителю Милана почти так же трудно было бы понимать неаполитанца, как и испанца или даже как своих вечных врагов -- тедесков. В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в ином местном говоре. Во Франции то же самое, и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности и резкие местные наречия, которые гораздо более разнятся между

собой, чем даже языки русский и польский. В России несравненно менее розни в языке, чем где-нибудь, и менее чем где-нибудь рознь эта значительна. Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий. Наиболее резкую особенность встретите вы в малороссийском и белорусском говоре. Но почему это? Заселены ли эти места какими-либо особыми народностями, случайно присоединившимися к русской и вошедшими в состав его государства? Нет, здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась русская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы. Южное и северное, западное и восточное народонаселения России с самого начала сознавали себя как один народ; да и нет ни одного признака в истории, чтобы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-нибудь племенной антагонизм. Но монголы и литва разрознили на некоторое время русские народонаселения, и юго-западная часть нашего народа, подпавшая под польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью. И хотя она отстояла себя, но тем не менее время разъединения с Россией внесло в южнорусскую речь несколько польских элементов и вообще несколько обособило ее, более, чем разнятся между собой другие местные говоры в России.

Как есть везде, так, естественно, были и у нас любители местных наречий. Делались попытки писать стихи и рассказы с подделкой под малороссийский говор, но делались без всякой цели, ради курьеза или для местного колорита, и в видах чисто литературных, подобно тому как во Франции сочиняются стихи на местных жаргонах, подобно тому как немецкий поэт Гебель' писал свои идиллии на аллеманском наречии. У писавших не было и тени замысла создать из местного наречия особый язык и возвести его в символ особенной народности. Если же и встречались некоторые позывы сепаратизма, если и зарождалась иногда темная мысль о разъединении единой и нераздельной народности, то эта мысль оставалась безвредной по своей несостоятельности; она не могла действовать в жизни и была только фальшивым литературным направлением. Положительно вредной она могла стать только как примесь к чему-нибудь другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое орудие для какой-нибудь более серьезной пропаганды.

Года два или три тому назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса. Польские публицисты с бесстыдной наглостью начали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что Юго-Западная Русь не имеет ничего общего с остальным народом русским и что она по своим племенным особенностям гораздо более тяготеет к Польше. На это грубейшее искажение истории наша литература, к стыду своему, отозвалась тем же учением о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. Возмутительный и нелепый софизм! Как будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка! И вот мало-помалу из ничего образовалась целая литературная украинофильская партия, вербуя себе приверженцев в нашей беззащитной молодежи. Истощались все прельщения, чтобы связать с этой новой неожиданной пропагандой разные великодушные порывы, разные смутно понимаемые тенденции, разные сердечные чувствования. Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пуф какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и заводить малороссийские школы, в противность усилиям

местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных "просветителей". Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек.

Мы далеки от мысли бросать тень подозрения на намерения наших украинофилов. Мы вполне понимаем, что большинство этих людей не отдают себе отчета в своих стремлениях. Мы отдаем должную дань и легковерию, и легкомыслию, и умственной незрелости, и бесхарактерности. Но не пора ли, по крайней мере в настоящую минуту, подумать о том, что мы делаем? Не пора ли этим украинофилам понять, что они делают нечистое дело, что они служат орудием самой враждебной и темной интриги, что их обманывают, что их дурачат? Из разных мест Малороссии получаем мы вопиющие письма об этом зловредном явлении, которое тревожит и возмущает там мыслящих и серьезных людей. Нити интриги обнаруживаются все яснее и яснее, и нет никакого сомнения, что украинофилы находятся в руках интриганов; нет никакого сомнения, что украинофилы служат покорным орудием заклятых врагов своей Украины. Нашим украинофилам пора одуматься и понять, в какую бездну хотят их ввергнуть. Мы знаем, что самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства, что они радуются этому движению и поддерживают его всеми способами -- разумеется, прикрывая себя разными масками.

В самом деле, ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики, как не разложения в собственных недрах русского народа? Они не прочь и сами прикинуться завзятыми украинофилами; имея на мысли великий идеал в лице Конрада Вилленрода, они великодушно отрекутся от собственной народности в пользу украинской, и отрекутся тем охотнее, что украинской народности не существует, а существует только возможность произвести в русском народе брожение, которое всего действительнее может послужить целям врагов России, поднимающим вопрос о самом существовании ее.

Польские повстанцы, которые дерутся и гибнут в лесах, знают, по крайней мере, чего они хотят. Польская народность жила когда-то особым государством и имела самостоятельное историческое существование; польский язык есть язык существующий, язык обработанный, имеющий литературу. Польские повстанцы знают, чего они хотят, и желания их, при всей своей безнадежности, имеют смысл, и с ними можно считаться. Но чего хотят наши украинофилы? Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем, что он есть. Несчастные исторические обстоятельства, оторвав Украину от русского корня, насильственно соединили ее на время с Польшей; но Украина не хотела и не могла быть частью Польши, и из временного соединения с ней вместе с полонизмами своей местной молвы вынесла вечную, неугасимую национальную ненависть к польскому имени. Нигде в России, даже теперь, поляки не возбуждают против себя собственно национальной ненависти; а в Украине кипит непримиримая национальная ненависть к полякам. Малороссийского языка никогда не было и, несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует. Во множестве особенных говоров Юго-Западного края есть общие оттенки, из которых искусственным образом можно, конечно, сочинить особый язык, как можно сочинить особый язык, пожалуй, даже из костромского или рязанского говора. Но, спрашивается, из каких побуждений может возникнуть желание сочинить такой особый язык, как будто недостаточно уже существующего русского языка, принадлежащего не какой-либо отдельной местности, но целому народу, нераздельному и единому, при всех местных особенностях и местных наречиях, впрочем, несравненно менее резких, чем во всякой другой европейской стране? Откуда у нас в России могло бы взяться такое побуждение устраивать школы для преподавания на

местном наречии и для возбуждения антагонизма между им и общепринятым государственным и литературным языком? Кто, кроме мономанов, мог бы прийти к такой мысли во Франции, Германии и Англии и какое общество допустило бы эту мысль до осуществления в размерах сколько-нибудь значительных? Общепринятый русский язык не есть какой-нибудь местный, или, как говорят, великороссийский, язык. Можно с полной очевидностью доказать, что это язык не племенной, а исторический и что в его образовании столько же участвовала Северная Русь, сколько и Южная, и последняя даже более. Всякое усилие поднять и развить местное наречие в ущерб существующему общенародному историческому языку не может иметь другой логической цели, кроме расторжения народного единства.

В письмах, которые мы получаем с Украины, нам сообщают о решительном противодействии крестьян всем этим попыткам. В живом народе крепко сказывается инстинкт самосохранения. Но интриганы прибегают к разным хитростям. Дерзость свою они простирают до того, что выдают себя за агентов правительства, отправленных будто бы с целью расшевелить крестьян и допытываться, не пожелают ли они, чтобы детей их в школах учили малороссийской грамоте. Сельский люд Малороссии отличается особенным доверием к правительству, и, не разобрав, в чем дело, крестьяне могут попадаться на эту удочку и заявлять такие желания, которых они не имеют и которые противоречат их действительным желаниям и самым существенным интересам.

В деле народности и языка само общество должно быть на страже. Все, что есть серьезного, зрелого, мыслящего на Украине, особенно духовенство, должно энергически противодействовать интриге и изобличать интриганов. Мыслящие люди должны ограждать сельский люд от происков, объяснять ему, в чем заключается их смысл и куда они клонятся, раскрывать обман и растолковывать ему, что правительство никак не может заводить школы для развития местного наречия в ущерб государственному языку; не может употреблять народные деньги на такое дело, которое явно клонится к ослаблению и расторжению народного единства. Всякий сколько-нибудь мыслящий человек, всякий способный принять к сердцу общее дело и серьезно подумать об интересах Отечества должен понять, что нет ничего пагубнее, как систематическими усилиями поднимать местное наречие на степень языка, заводить для него школы, сочинять для него литературу, что никакая другая рознь не может произвести таких пагубных последствий и что одна и та же интрига, которая старалась ополячить народ в Белоруссии, старается создать призрак особой народности на Украине, и последнее еще горше первого.

В Галиции, несмотря на давнее отделение этого края от родной России, писали языком, подходящим к типу общепринятого русского языка, и только в последнее время, благодаря усилиям наших украинофилов и настойчивым требованиям поляков, львовская газета "Слово" начала отдаляться от этого типа; она представляет теперь самый уродливый маккаронизм. Но в Угорской Руси (в Венгрии), куда польское влияние не простирается, сохраняется и блюдет в возможной чистоте русский язык, так что все, что там писалось, и все, что оттуда пишется в львовском "Слове", кроме некоторых неловкостей в оборотах речи, почти не разнится от обыкновенного русского языка. Зато теперь австрийское правительство запретило журнал, выходивший в Угорской Руси; оно требовало, чтобы наши родичи отказались от настоящего русского языка и писали той же уродливой речью, какой пишут львовские литераторы, под фирмой русского языка; но угорские русины объявили, что они другого русского языка не знают, кроме существующего, и предпочли замолкнуть.

Какой же смысл может иметь в самой России это так называемое украинофильское направление? Грустная судьба постигает эти украинофильские стремления! Они точь-в-точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства.

Неужели наши украинофилы, бессознательно завлеченные в интригу, будут работать на нее даже и теперь, когда народ на Украине так энергически доказал свою преданность общему отечеству и когда по селам Русского Царства у всех в устах и на сердце имя Киева, златоверхого Киева, -- имя, производящее могущественное действие на всякого русского человека, какой бы он ни был уроженец, имя, в котором, быть может, еще более единящей силы, чем в имени самой Москвы? Наши украинофилы должны пристальнее взглянуть в лицо софизмам, которыми их обольщают. Если Русская земля должна быть одна и русский народ должен быть один, то не может быть двух русских народностей, двух русских языков -- это очевиднее, чем дважды два четыре. А если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу и устроить дело так, чтобы уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского и чтобы они должны были прибегать к посредству чужого языка, для того чтобы объясняться между собой? Какой же смысл искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разрознивать их силы, между тем как только из взаимодействия их сил может развиваться жизнь целого, благотворная для всех его частей?

Давно уже замечали мы признаки этого фальшивого направления в нашей литературе и неоднократно изъявляли сожаление о том, что люди тратят свои силы на дело, от которого ни в каком случае добра ожидать не должно. Мы в "Русском вестнике" и "Современной летописи" обращались к здравому смыслу господ, подвизавшихся на этом поприще, но не могли удержаться от негодования, когда некоторые из этих господ вздумали было действовать посредством литературного застрашивания, которое было у нас в большом ходу в последнее время и которое состояло в том, чтобы забрасывать грязью всякого, кто решался поднять независимый голос. Мы были очень рады, когда спустя некоторое время несколько киевских украинофилов прислали для напечатания свою исповедь, в которой свидетельствовали о своем патриотизме и чистоте своих намерений. Мы напечатали их исповедь; нам приятно было верить чистоте их намерений, и мы не сочли нужным пускаться с ними в толки о бесплодии их украинофильских стремлений, тем более что в это время начинали уже разыгрываться польские смуты. Но за это посыпались на нас сильные укоры из Малороссии, и нас обвиняли в послаблении. Каемся в грехе и постараемся загладить его.

Кстати, мы считаем своим долгом объявить г-ну Костомарову, чтобы он не трудился присылать в редакцию нашей газеты объявления о пожертвованиях, собираемых им в пользу издания малороссийских книг. Таких объявлений мы печатать не будем и каемся, что в начале этого года по случайной оплошности эти объявления раза два появлялись в "Московских ведомостях". Мы искренно сожалеем, что г-н Костомаров ссудил свое имя на это дело, и позволяем себе надеяться, что он оценит наши побуждения и, размыслив, быть может, и сам согласится с нами. Мы думаем, что общественный сбор на такой предмет по своим последствиям, если не по намерениям производящих его лиц, гораздо хуже, чем сбор на Руси добродетельных подаяний в пользу польского мятежа. Взамен того мы охотно вызываемся печатать объявления г-на Костомарова, если он будет собирать пожертвования на развитие провансальского жаргона во Франции или нор-томберландского в Англии. Или пусть эти суммы передает он в кассу немецкого национального фрейера на постройку германского флота. Лучше бросить эти деньги... Бог с ними! Они жгутся.

Голос

Андрей Краевский хотел назвать новую газету «Голос народа» – и хотя такое название не разрешили, но выраженная в нем идея издания не изменилась. «Нужно знать, что думает Россия о своих общественных интересах, что ей нравится, что не нравится, что ею отвергается, – писал Краевский. – Мне кажется, что настала пора проявления

своих нужд и стремлений, своего горя и радости, а гласным органом служит пока только журналистика».

Выходу газеты способствовали связи Краевского в высших слоях петербургской либеральной бюрократии. Издатель понимал, что высшие чиновники, константиновцы (то есть приверженцы лидера либерального лагеря – великого князя Константина Николаевича), сменившие николаевцев на самых ответственных постах, должны искать способы влияния на общественное мнение через прессу, и был готов к сотрудничеству с либералами в правительстве.

«Насколько сил хватит у русского печатного органа, – писал Краевский своему старому другу князю Одоевскому, – он должен поддерживать всякую прогрессивную меру правительства, выражая собой одобрение лучшей, образованнейшей части общества, и побивать всеми своими кулаками всякое поползновение к ретроградности».

В итоге идею Краевского об издании ежедневной либеральной газеты поддержали министр внутренних дел Валуев, министр финансов Рейтерн и особенно министр народного просвещения Головнин. Но редактор, конечно же, не был марионеткой высшей либеральной бюрократии. Он умело находил сторонников на самом вершине пирамиды власти и не мешал им думать, что они направляют политику газеты. И именно министр Валуев, отчаявшись в установлении полного контроля над Краевским, добился полного прекращения государственной поддержки «Голоса» после 1865 года.

В том же 1865 году Краевский был «удостоен чести» получить одно из первых цензурных предостережений согласно новым правилам о печати. Через год статский советник Краевский попал под «строгий домашний арест» за публикацию статей о положении раскольников. (Всего за время выхода газеты Краевский получил более 60 цензурных взысканий.) Однако к этому времени Краевский достиг устойчивого финансового положения и создал корреспондентскую сеть не только в столицах, но и в провинции, и за рубежом. Он же стоял у истоков первого информационного агентства печати в России – РТА (Русского телеграфного агентства), созданного в 1866 году. Многие материалы изданий Краевского начинаются признанием в особой осведомленности: «мы слышали», «нам говорят»¹

В «Голосе» сотрудничали самые именитые авторы. «В доме на Литейном, – вспоминает очевидец, – в этой редакции можно было встретить не только одних генералов литературных, но и настоящих генералов». В «Голосе» печатались даже министры (настоящие и будущие) – Валуев, Милютин, Головнин, Тимашев¹

Осведомленность «Голоса» иногда приводила к курьезам. Например, в начале 1873 года газета объявила о готовящейся реорганизации Министерства государственных имуществ, Министерства внутренних дел и III Отделения. Министр внутренних дел узнал об этом только из «Голоса», связался с министром государственных имуществ и выяснил, что тот вообще ничего не знает. Министры настояли на публикации официального опровержения сведений – и тут об упоминавшейся реорганизации открыто заговорили император и шеф жандармов.

За рубежом «Голос» Краевского считали официозом русского Министерства иностранных дел, причем в конце 1870-х именно в этом качестве министр Горчаков и Александр II рекомендовали газету Бисмарку.

Связи Краевского в бюрократических верхах и корреспонденты по всей России позволили газете вырасти в авторитетное издание сторонников реформ «без скачков и бесполезной ломки». «Прошу писать так, как будто цензура не существовала, мне нужно знать дело так, как оно происходило в действительности», – обращался Краевский к авторам и корреспондентам. «Продолжайте писать в этом направлении, хотя бы это стоило мне тысячи подписчиков», – это было сказано в 1876 году, в дни патриотического восторга, связанного с грядущим победным «переигрыванием» на Балканах Крымской войны. Краевский был против вовлечения России в войну, поскольку предвидел, что

внешний успех будет куплен ценой больших потерь, внутреннего экономического и политического кризиса, дипломатических поражений от европейских конкурентов.

Сотрудниками «Голоса» были А.Н. Плещеев, П.Д. Боборыкин, В.П. Безобразов, В.В. Чуйко, Г.А. Ларош, В.Р. Зотов. В 1860-х годах «Голос» имел охранительное направление, в 1870-х годах был умеренно оппозиционен. В 1881-1882 годах газета получила несколько предостережений, в феврале 1883 года издание было приостановлено «за вредное направление»; дозволялось возобновить его под предварительной цензурой, но Краевский предпочел закрыть газету.

Опасения Краевского сбылись: Россия на рубеже 1870–1880-х годов испытала тяжёлые потрясения, названные много позже «второй революционной ситуацией». В эти трудные годы Краевский и «Голос» выступили на стороне «диктатуры сердца» Михаила Лорис-Меликова, поддержали политику министра и повели осторожную пропаганду «модернизации государственного строя путем привлечения к законодательству выборных представителей». Чаения первых представителей российского самоуправления Краевский знал и передавал не понаслышке, а как гласный Петербургской городской Думы (с 1879 года).

Русский вестник

Русский Вестник, журнал литературный и политический. Основан в 1856 г. М. Н. Катковым (при содействии П. М. Леонтьева), в Москве, и выходил под его редакцией сперва два раза в месяц, а с 1861 г. — ежемесячно. После смерти М. Н. Каткова издание продолжалось вдовой его, С. П. Катковой, под редакцией князя Д. Н. Цертелева. С № 11 1887 г. издание было приобретено Ф. Н. Бергом и товариществом "Общественная польза", перешло в С.-Петербург и выходило под редакцией Ф. Н. Берга. С № 4 1896 г. редактором "Р. Вестника" делается Д. И. Стахеев. В том же году с № 10 издание переходит в собственность М. Н. Каткова и выходит под его редакцией, а с № 11 переносится обратно в Москву, где и выходит до настоящего времени.

История "Р. Вестника" теснейшим образом связана с публицистической деятельностью М. Н. Каткова. В 50-х годах это был не только "передовой", но едва ли не самый отзывчивый на потребности минуты журнал. Другой первенствующий журнал того времени, "Современник", до известной степени насмешливо относился к элементарным требованиям тогдашнего "прогресса" и недоверчиво — к продолжительности нового настроения руководящих сфер. "Р. Вестник", наоборот, относился к новым веяниям общественно-политической атмосферы с увлечением и полным доверием. Он энергично взялся как за критику старых порядков, так и за указание путей созидания новых условий общественной жизни. "Обличительная" беллетристика была особенно сильно представлена в "Р. Вестнике". Здесь появились положившие начало "обличительной" литературе "Губернские очерки" Щедрина, за которыми последовали в том же стиле написанные повести Мельникова-Печерского и др. В отделе научно-публицистическом статьи Бунге, Головачева, Молилари, Унковского, М. Зарудного, Лохвицкого, Б. И. Утина, Безобразова, К. П. Победоносцева и др. говорили о необходимости реформ в области судебной, о вреде сословных преимуществ, об основах будущей крестьянской реформы, о благодетельности самоуправления. Чрезвычайную сенсацию произвели обличительные статьи С. Громеки о полиции, ее взятках и вымогательствах. Особенно ярко сказывалось направление журнала в "Современной летописи" (с 1861 г. она была выделена в особое приложение, а в 1863—71 г. составляла воскресное прибавление к "Московским Ведомостям"). Главным сотрудником "Современной Летописи" был сам Катков, впервые здесь развернувший свой блестящий публицистический талант. Он выступил убежденным англоманом, конституционалистом, с несколько аристократическим оттенком, и горячо

проповедовал необходимость пересадить в Россию установившуюся в Англии непоколебимую законность, свободу личности и общественной инициативы. С жадностью ловила "Современная Летопись" всякий признак пробуждения общественного самосознания. Цензуровал "Р. Вестник" крайне благожелательно Н. Ф. Крузе (см.), потерпевший даже по службе за чрезмерную, по тому времени, снисходительность к журналу. В чисто литературном отношении "Р. Вестник" был поставлен превосходно. С конца 50-х годов Тургенев помещает в "Р. Вестнике" "Накануне", "Отцов и детей", позднее "Дым". Постоянным сотрудником "Р. Вестника" с конца 50-х гг. был и Лев Толстой, поместивший здесь "Семейное счастье", "Козаков", "Поликушку", позднее начало "Войны и Мира" и "Анну Каренину". Принимали участие в журнале еще Евгения Тур, Кохановская, Лажечников, Плещеев, А. Потехин, Фет, Щербина, Майков, Я. Полонский, Островский, граф Алексей Толстой, М. Л. Михайлов, Жадовская, Григорович, Жемчужников, Марко Вовчок и многие др. Статьи серьезного содержания, кроме вышеозначенных, помещали Соловьев, Кудрявцев, Вызинский, Щебальский, Лонгинов, Устрялов, Феоктистов, Семеvский, Берг, Березин, Стоюнин, Дружинин, Забелин, Есипов, Буслаев, Ешевский, Афанасьев, Иловайский, Богданович, Капустин, Грот, Благовещенский (Н. М.), Лешков, Н. А. Попов, Тихонравов, Чичерин, Бабст, Юркевич, А. Н. Бекетов, С. А. Рачинский, Щуровский, Тернер, Стасов, Анненков, Ахшарумов, К. Арсеньев и др. Статьи эти часто касались лиц и явлений, обсуждение которых в дореформенную эпоху подвергалось крайним стеснениям.

Около 1862 г. физиономия "Р. Вестника" начинает изменяться. К этому времени медовый месяц российского прогресса прошел; молодое поколение, нетерпеливо рвавшееся вперед и резко обрывавшее все связи со старыми традициями, начало насмешливо глядеть на людей сороковых годов. "Современник" и "Русское Слово" стали на стороне молодого поколения; против него ополчился "Р. Вестник". Он выступил, между прочим, с резкой полемикой против Герцена, обаяние которого в то время было еще весьма велико во всех слоях общества. Наступил 1863 г. — и "Р. Вестник", в унисон с перешедшими в этом году к Каткову "Московским Ведомостям", становится во главе все крепнущей реакции. Все произведения, рисующие в неблагоприятном виде молодое поколение, находят в "Р. Вестнике" гостеприимный приют. За "Взбаламученным морем" Писемского и "Маревом" Клюшникова, отнoсившимся к движению сравнительно мягко, следуют романы Лескова и Всеволода Крестовского, где молодое поколение прямо выставляется скопищем воров, убийц, поджигателей, закладчиков и, в лучшем случае, дурачков. В начале семидесятых годов в "Р. Вестнике" все сводится к проповеди репрессии, сильной власти и ослаблению совершенных реформ. Достоевский, начавший в 1866 г. свое сотрудничество в "Р. Вестнике" "Преступлением и Наказанием", в 1871—72 гг. помещает здесь "Бесы" — роман, в котором молодое поколение представлено в лице сумасшедших или извергов. Около середины 70-х гг. в "Р. Вестнике" выдвигается новая "плеяда" писателей — Болеслав Маркевич, Д. В. Аверкиев, В. Г. Авсеенко и др., рядом с изблнчением нигилизма пытающиеся создать положительных героев, из среды представителей большого света и древнерусской жизни. Один из представителей "плеяды" В. Г. Авсеенко, выступил (под инициалом Д.) в систематический поход против "петербургской" журналистики. Из других облнчителей "петербургского" образа мыслей обращали на себя внимание Н. А. Любимов (особенно нападениями на университетский устав 1863 г.), Стадлин, Щербина, Бланк, Цион, Де-Пуле и др. Рядом с произведениями "плеяды", в "Р. Вестнике" 70-х гг. напечатаны "В лесах" и "На горах" Печерского и "Анна Каренина". На литературную судьбу последнего романа соседство с "плеядой" оказало значительное влияние. Роман был совершенно превратно истолкован: появление его в органе, где так тенденциозно ставилась на пьедестал великосветская жизнь, ввело в заблуждение критику и публику, усмотревшую в нем апофеоз великосветских амуров. С конца 70-х гг. литературный интерес "Р. Вестника" значительно слабеет: прекратились даже и потерявшие пикантность нападки на все "петербургское", и журнал наполнялся произведениями

второстепенными. После смерти Каткова журнал мало занимал публику и критику, хотя в петербургский период его издания в нем появилось немало интересных произведений К. Н. Бестужева-Рюмина, П. П. Гнедича, графа А. А. Голенищева-Кутузова, Д. В. Григоровича, М. В. Крестовской, Л. Н. Майкова, Е. Л. Маркова, К. Ф. Ордовского-Головина, В. В. Розанова, С. С. Татищева (политическое обозрение) и др.

М. Н. Катков. Кое-что о прогрессе

Наши свистуны очень обиделись, когда мы назвали их гнилью; им, напротив, было бы приятнее слыть силами жизни, кипящей обновлением и прогрессом. Они обиделись и гневно честят нас (от них, действительно, это немалая честь) людьми отсталыми. Один журнал заметил даже, что мы оправдали наконец его всегдашнее мнение о нас и очутились на *торной* и *безопасной* дорожке, давая тем разуместь, что сам он пробирается непроходимыми трущобами и борется с великими опасностями. Не то нам обидно, что эти витязи отделяют нас от себя, а то было бы обидно, если б они сопричисляли нас к своему лику. Мы никогда не шли одною с ними дорогой, а потому не могли и отстать от них; напротив, мы поздравляли бы каждого из них, кто отстал бы от своих товарищей.

И за что они обиделись? Мы сказали только то, в чем сами они видят свое значение. Добрые люди, они, как Мольеров мещанин, не знали до сих пор, что говорят прозой. Им показалось и странным, и обидным, что их назвали гнилью, а между тем они сами иначе не понимают себя как людьми чистого отрицания. Они всегда славились и гордились этим призванием. Еще недавно читали мы в одном журнале в статье, которая потому только разве не могла удивить никого, что появилась в современной петербургской журналистике, о демоническом хохоте, о беззаветном отрицании, о бессмысленных бреднях как выражении прогресса, юности и жизни. Мы читали там, как юный свистун полагает все призвание людей прогресса в том только, чтоб бить направо и налево, не разбирая, что хорошо, что дурно: "...вот, - говорит он, - ultimatum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть". Разумеется, вреда не будет и не может быть; но этот передовой юноша, конечно, не подозревал, как обидно отозвался он о себе и о своем лагере. Какое порицание сильнее постыдного смысла этой похвальбы? Считать себя дубиной, которая бьет направо и налево, не зная, что и за что, не значит ли ставить себя ниже всякого обидного слова?

Мы заявляли факт, и не могли не назвать того гниением, что действительно представляет все признаки этого процесса. Повторяем, за что же им обижаться, когда они сами громко провозглашают себя героями этого процесса? Не в одном физическом, а также и в нравственном мире бывает этот процесс; как ни печальны его явления, а делать нечего, и они в общей сложности необходимы. Можно пожалеть о тех поколениях, которым достается в удел быть и орудием, и продуктом этого процесса, и мы искренно пожалели бы и о наших, без всякого неприязненного чувства. Но чувство это возникает само собою, когда видишь, как эти жалкие явления гордятся и любуются своим нигилизмом и в то же время выдают себя и хотят, чтобы все признавали их за людей прогресса, творческого движения вперед. Это бессмысленное самоуслаждение и противоречие себе, вот что подлежит нравственному вменению, - а не то, что судьба судила им служить элементами того обратного процесса, которому подвергается все лишившееся духа и жизни и который называется разложением.

Силою жизни, орудием успеха отрицание бывает лишь тогда, когда неразрывно связано с чем-нибудь положительным. Чем богаче наше стремление элементами положительными, тем плодотворнее движение и тем успешнее устраняется и падает все, что становится ему задержкой или препятствием. Лишь тогда отрицание бывает делом жизни, когда служит, и только служит, положительным целям. Но отрицание ради отрицания, - разрушение и разложение, - это дело смерти, а не жизни. Это также движение, но не движение вперед, а тот обратный ход, которому подвергается все покинутое жизнью. Движение вперед может

совершаться только на твердой почве и лишь в той мере, в какой почва тверда. "Вперед" значит к лучшему, к высшему, к совершеннейшему, или "вперед" есть пустое, бессмысленное слово.

Наши так называемые прогрессисты воображают, что чем больше будет поломано, побито и уничтожено, тем больше окажется и прогресса. Увы, они ошибаются! В разрушении ищите чего хотите, только не прогресса. Успех только там, где с приобретением нового не теряется прежде бывшее и вся сила прошедшего сохраняется в настоящем. Это равно относится и к отдельному человеку, и к народной жизни. Далеко ли уйдет развитие человека, если с каждым новым опытом он будет позабывать то, что узнал прежде, если с каждым новым фактом в его жизни будет разрушаться без следа, что сложилось в нем прежде? Станете ли вы богаче, если с каждым новым приобретением будете выбрасывать за окно, что добыли прежде? Представьте себе человека, одержимого страстью обогатиться; что бы вы подумали, если б он с каждым новым приобретением рассуждал таким образом: "Обладая этою маленькою суммой, я жалкий бедняк, а потому я брошу эти деньги, сожгу их и постараюсь добыть себе такой капитал, который даст мне полное право называться богатым". Вы назовете этого чудака или помешанным, или идиотом, - и, однако, в обычных толках о прогрессе повторяется та же бессмыслица, и тут она сходит с рук как нечто очень умное, пожалуй, даже гениальное. Где совершается правильное и действительно прогрессивное развитие, там жизнь не теряет ни одного из своих существенных элементов. Разумное воспитание не умерщвляет в душе человеческой даже тех сил, которые приняли решительно дурное направление; оно сберегает всякую силу и только старается дать ей другой оборот; оно уничтожает дурное не умерщвлением тех элементов, которые составляют его силу, а приведением их в лучшее сочетание или усилением благороднейших склонностей, которые, стесняя развитие того, что приняло дурной характер, и подчиняя его себе, пересоздают его и дают ему доброе направление. Сила всякой страсти есть дело темное, вредное, пагубное, если она развивается, не подчиняясь ничему разумному; но эта же самая сила принимает иной характер, коль скоро что-нибудь лучшее берет верх над нею, не уничтожая, а только подчиняя ее себе.

Народная жизнь тем прогрессивнее и тем богаче, чем менее совершалось в ней успешных насилий, чем менее происходило в ней действительных разрушений, чем менее, наконец, забывала она свое прошедшее. Всякое разрушение есть прямой вычет из ее прогресса. Если жизнь приобретет что-нибудь или что-нибудь потеряет, то она приобретет только то, что останется за вычетом, а за вычетом может остаться только нуль или даже минус.

Историческая жизнь, переходя из одного положения в другое, часто изменяется неузнаваемо; но если в ней совершается успех, а не падение, то она не изменяет своей сущности, не теряет своих сил и берет с собою все, что было в ней прежде. Историческая жизнь переходит из одного положения в другое; но эти переходы совершаются в тысячах и миллионах умов. Каждый момент в этом движении находит себе особую среду и особых представителей; что обновляется и преобразуется в одних, то предается тлению в других. Одни падают жертвою движения, в других совершаются его цели. В новой системе приняты все элементы из старой, но они приведены в новые сочетания; между ними открываются новые пути и отношения; разрозненное сближается, слабое зреет, темное приобретает ясность, немислимое становится понятным. Пока совершается это дело жизни, смерть делает свое, и бывают эпохи, бывают поколения и люди, которым выпадает на долю служить для ней раздольным поприщем. Система, оставленная жизнью, потерявшая смысл и силу, разрушается в этих умах, жертвах перехода; но в них гибнет не то, чему суждено развитие и будущность, а гибнут их собственные понятия, гибнут они сами. В них разрушается ложно понятый мир, ложно понятый человек, ложно понятое божество, и вся деятельность этих умов идет на расторжение сочетаний, потерявших всякий смысл, и лишь в этом находит она себе удовлетворение. Нравственное достоинство этих отрицательных явлений состоит только в том, чтоб они сами сознавали свое

положение. В этом самосознании - единственная связь их с обновляющейся жизнью. Это самосознание не утеха, не радость, и лучшие натуры, которым достается жить в подобной среде или в подобную эпоху, вовсе не отличаются возвышенным настроением духа. Чувством унижения сопровождается каждый оборот их мысли, грусть слышится в их насмешке, скорбью отзывается их сарказм. Но что сказать об этих ничтожествах, которые с скаканием и песнями величаются тем, что в них все разрушается и гниет, и именно за то самое, что в них все гниет, претендуют на звание обновителей жизни и героев прогресса?

Прогресс возможен только там, где есть положительное начало, и чем крепче убеждение в нем, тем вернее совершается дело прогресса. Если было бы несправедливо предавать решительному осуждению те умы, которые не находят в окружающей среде никаких положительных идеалов и неспособны ни к какой другой деятельности, кроме отрицательной, то, с другой стороны, было бы нелепо думать, что в этой среде или в этих умах совершается дело жизни. Эти явления показывают только, где остановилась жизнь, куда не пошла она и куда идти не хочет и не может.

Мы убеждены в жизненных силах нашего народа, мы верим в его историческое призвание, мы верим, что темные моменты в его истории объяснятся и оправдаются в будущем; но мы не можем с радостным чувством смотреть на теперешнее умственное состояние наше. Дело не в этих жалких явлениях нашей литературы, не в этой пошлости и ничтожестве, которые в ней так обильно высказываются; пошлость и ничтожество бывают везде; но грустно видеть эту пассивную среду, в которой так мало силы нравственного отпора. Покатите по этой безграничной равнине, на которой ничто не выдается, какую хотите нелепую мысль, умственного отпора встретит она мало. Эту податливость обыкновенно объясняют незрелостью, но такое объяснение ничего не объясняет; оно только заменяет одно слово другим, подобозначащим.

Отчего наша умственная среда так безжизненна? Отчего она до сих пор не представляет таких зачатков, которые имели бы всеобщее значение? Отчего наш прогресс так мелок и так неплодотворен? Не оттого ли, что наше общество не чувствует под собою твердой почвы, и все, что оно видит и понимает вокруг себя и в своей истории, носит на себе признаки ломки и следы разрушения? Если в понятиях нашего образованного общества преобладает направление более отрицательное, нежели положительное, если эти понятия податливо расступаются перед всем, если их ничто не затрудняет, если они готовы на всевозможные фантастические скачки, то не представляет ли нам аналогических явлений и самая история наша, из которой выработалось наше общество, из которого вышло наше общественное сознание? Из этой истории, совершавшейся в облаках, из этой фантазмагии призрачных построек и из этой ломки, к сожалению слишком действительной, из этой школы теоретических распоряжений действительностью и неуважения к существующему могло ли общественное сознание вынести другой строй, кроме отрицательного, могла ли выработаться в нем какая-нибудь энергия, мог ли составиться сколько-нибудь значительный запас сил, годных к положительному делу и способных к отпору? Мы надеемся, что эти печальные последствия не проникают далеко вглубь, мы надеемся, что при перемене обстоятельств выйдут наружу свежие и лучшие силы; но для этого должны перемениться обстоятельства, действительность должна вступить в свои права, и должно прекратиться теоретическое притязание распоряжаться ее интересами и судьбами.

Неуважение к существующему, легкость, с которою относятся у нас ко всякому факту, - вот причина той слабости, которою страдает у нас и общественное мнение, и понятия образованных людей. В наших понятиях и мнениях не могло не развиться это свойство, когда беспрерывно осуществлялось на самом деле это пренебрежение к существующему. Нарушение существующего не отзывается в нашем общественном сознании никаким заметным движением; мы хватаемся только за *резоны*, сколько-нибудь оправдывающие это нарушение, и почти не чувствуем силы того, что нарушено. В нас поднимается голос только тогда, когда мы корыстно заинтересованы нарушенным правом или когда

нарушение касается чего-либо, нам приятно; но слишком мало заявляет себя самое чувство правды. Движение жизни изменяет существующие отношения, перестанавливает существующие условия, вводит в силу новые начала; но в тех случаях, где это движение совершается правильным ходом, оно не убивает существующего, а как бы склоняет его к уступке в его же собственном, лучше понятом интересе; оно разбирает и оценивает удельный вес каждого права и, принося в жертву тот или другой интерес, чувствует силу жертвы; оно радуется не тому, что вот можно разбить существующий интерес, а, напротив, тому, что можно умиротворить неизбежное нарушение, что можно искупить нарушенное право. Так бывает при нормальном ходе; но в общественных понятиях у нас, сложившихся под влиянием иного хода дел, делается обыкновенно такое рассуждение: стоит ли обращать внимание на оскорбление какого-нибудь частного права, когда через это достигается общая польза? Стоит ли признавать правом, что хотя и установилось в жизни, но не удовлетворяет высшим требованиям разума? Стоит ли задумываться о нарушении законных интересов одной какой-нибудь личности, когда мы заняты видами общественной пользы? Требования разума, идеи высшей справедливости, виды общественной пользы, - все это прекрасно, но все это только тогда не мертвая фраза, когда выходит из действительного сравнения прав и интересов, в котором все достаточно оценено и взвешено, все в своей силе почувствовано и признано. У нас думают, что нет никакого ущерба для высших начал справедливости и разума от нарушения каких-нибудь мелких прав. Но общее начало живет не какую-нибудь отдельною жизнью; оно живет в этом бесчисленном множестве действительно существующих, мелких и не мелких прав и отношений. Нарушая право в мелком случае, мы нарушаем его в самом принципе и ослабляем то, что хотим превознести. Оскорбляя человека в одном каком-нибудь лице, хотя бы и самом мелком, мы оскорбляем вообще человека. Не уважив существующего интереса в каком бы то ни было случае, обойдя пренебрежительно законно развившиеся требования и ожидания в каком бы то ни было смертном, великом или малом, мы не усилим, а, напротив, ослабим наши высшие требования, наши разумные идеи справедливости и нашу способность к прогрессу. Всякое подобное нарушение остается не без следа; оно действует и мстит за себя. Общество мало-помалу теряет всякую энергию в сознании права и в оценке действительности. По-видимому, что значит, например, один человек в сравнении с миллионами людей, и можно ли с общей точки зрения заботиться об участи отдельного человека, когда речь идет о благе миллионов? Но миллионы состоят из отдельных людей, и наши понятия о благе миллионов не будут отличаться особенною энергией или годностью к делу, улетучившись в отвлеченность. Если мы неспособны уважать *каждого*, то как же будем уважать *всех*? Какое значение может иметь сумма нулей, как бы много их ни было?

Мы недавно прочли прекрасную книгу барона М.А. Корфа о Сперанском. Библиографический отчет об этой книге читатели найдут выше в этом самом номере нашего журнала. Такие книги - редкость в нашей литературе, и мы еще находимся под ее впечатлением. Биография Сперанского должна послужить введением к предполагаемому изданию его писем, завещанных недавно умершею дочерью его Императорской публичной библиотеке. Образ этого необыкновенного человека, оставшийся до последнего времени в совершенном тумане, проясняется теперь благодаря труду его биографа и прояснится еще более, когда выйдет в свет эта переписка, так всеми ожидаемая. Нельзя не удивляться гениальным способностям этого человека, нельзя не удивляться его судьбе, которая из бедной избы сельского священника быстрыми переходами возвела его на высшую государственную чреду и дала ему в руки громадную силу разрушать и созидать; нельзя не следить с глубоким интересом за превращениями его судьбы и за его внутренним развитием. Пример Сперанского показывает, какие сильные люди могут являться у нас неожиданно-негаданно из самых темных захолустий, и мы уверены, что за людьми у нас дело не станет, когда окажется в них надобность. Но какими воздушными метеорами пролетали у нас до сих пор подобные явления! Каким воздушным метеором был у нас и

этот необыкновенный человек! Только силою своих великих способностей, только своею несокрушимую энергией, своим неутомимым трудом достиг этот человек страшного могущества - и что же? Соответствуют ли результаты его деятельности тем силам, которые были на них потрачены? Вышедши из недр народа, произвел ли он в эпоху своего могущества что-нибудь действительно великое? При жизни, и то в первую блестящую пору своего поприща, был он предметом горячих толков и страшных осуждений; но потом он вошел в ряд обыкновенных светил, и вскоре после его смерти о нем заглохла в обществе всякая память. Нет сомнения, что в продолжение своего поприща он бросил не одно доброе семя; нет сомнения, что не даром являются на свет люди, подобные Сперанскому, и что если, как надобно думать, ничья жизнь не проходит совсем без следа, то не могла не оставить значительных следов жизнь такого человека; и следов этих окажется, может быть, более на других путях, чем на той триумфальной дороге преобразователя, по которой пронесся он с громом. Но мы повторяем вопрос: соответствуют ли те силы, которые были в этом человеке и которые положил он на задуманные им блестящие реформы, - соответствуют ли они действительным результатам? И совершенно ли он прав в своей тяжбе с современным ему обществом? Вовсе ль лишены основания и правды те ожесточенные приговоры и даже вопли, которые раздавались вокруг государственного секретаря, совершавшего в своем кабинете чудеса для преобразования России?

Как видим, семинария не заглушила в Сперанском его блестящих способностей. Напротив, замечательно, что из русской семинарии, о которой не говорят теперь иначе наши прогрессисты, как отплевываясь, - из семинарии провинциальной в прошлом столетии могли выходить даже такие люди, как Сперанский.

Но выйдя из школы, где вдруг очутился он? Он перебрался из Владимира в Петербург, из семинарии перешел в Александро-Невскую Академию, поучился и поучительствовал там и тотчас потом очутился в атмосфере канцелярий. В канцеляриях началась его публичная деятельность, в канцеляриях она продолжалась и прямо привела его ко двору. Школа, затем канцелярия с своим бюрократическим механизмом и, наконец, прямой доступ к источнику всякой силы - вот поприще Сперанского. Он воспользовался всем, что могли ему дать школа и канцелярия; но этого было, конечно, очень мало для того, чтоб явиться государственным преобразователем; этого было мало, чтоб управлять делами целого народа. Он не мог знать этой жизни; ему негде было изведать на деле разнообразие ее интересов; ему негде было приготовиться к делу управления и законодательства; ему неоткуда было услышать голос самой жизни и дознаться от ней, чего она сама хотела. Но он чувствовал в себе великие силы; он с изумительною быстротой приобретал разнообразные сведения; он разом становился и юристом, когда нужно было сочинять уложение, финансистом, когда приходилось изменять налоги, политическим организатором, когда, увлекаясь идеями времени, он в своих беседах с императором замыслил пересоздать государственные учреждения. Он, конечно, не был верхоглядом; в этом служат порукою его действительно необыкновенные способности и его умственная зрелость. Не было области, совершенно для него чуждой, и ему не нужно было больших пособий для того, чтобы прочным образом овладеть всяким знанием. Его финансовые воззрения, по тому времени, основательны и блестящи; его работы над Сводом в позднейшую эпоху его жизни положили у нас начало истинно научному юридическому образованию; он воспитал у нас первых русских юристов, и самые университеты много обязаны ему в этом отношении. Словом, во всем, чего он ни касался, становился он мастером. И, однако, что же мы видим? Мы видим блестящие постройки в кабинете по самым симметрическим планам и ломку жизни, как только проникало в нее что-нибудь из этих кабинетных замыслов. Все рассчитывалось на благосостояние и благоустройство, и все между тем вызывало лишь ропот или вопли; все клонилось к тому, чтобы положить начало твердому порядку и законности, и все, напротив, только расшатывало то, что еще оставалось твердым, и все нарушало интересы вполне законные.

Наши финансы требовали серьезных мер, и Сперанский очень хорошо понимал, каким бременем была для страны масса ассигнаций; он первый, к изумлению окружающих, назвал их прямо государственным долгом; теоретические соображения его были правильны, но чтобы найти средство к изъятию ассигнаций из обращения, он вдруг, без всякой пощады, возвысил налоги. Он объявлял несколько раз от имени правительства, что эта надбавка временная, вводимая лишь на один год, а между тем на следующий год приходилось опять прибегать к надбавке, и наконец она превратилась в постоянный налог. Подати возросли неимоверно, и несмотря на то число ассигнаций не только не уменьшалось, а даже увеличивалось. Публика имела полное основание винить его в том, что он внушил правительству решимость возвысить налоги, а исправить денежную систему все-таки не успел.

Экзамены на государственную службу для получения права на чин коллежского асессора, сообщавший в то время потомственное дворянство, были весьма рационально мерой; они подняли значение университетов и заставили учиться. Но каким бедствием постигла эта мера множество ни в чем не повинных людей! Вот разительный пример, как бережно и внимательно должно обращаться с жизнью. В этом законодательном кабинете, так высоко вознесшемся над землею, задавался ли вопрос (задается ли он и вообще в подобных случаях?), за что должен пострадать весь этот люд, который поступил на службу, жил и служил, нимало не подозревая, что явится законодатель, который остановит его на пути и отнимет у него то, в чем эти люди видели свое бесспорное право? Эти люди не совершили никакой вины; они шли по следам своих предшественников, служили точно так же, как и те; они поступили на службу по заведенному порядку, который не требовал от них аттестата в науке; они расположили свою жизнь согласно с этим порядком и в полном доверии к нему. За что же лучшие и худшие между этими людьми подверглись равной части, отнявшей у них право, которое в глазах их не могло не иметь громадной цены и которое было, может быть, главным жизненным интересом для многих? Какой-нибудь великодушный прогрессист скажет, пожалуй, что интерес этот мелок, что этим людям не следовало домогаться привилегий, сопряженных с чином коллежского асессора, что чины пустяки, что привилегия потомственного дворянства также пустяки, что с высшей точки зрения все это исчезает. Но часто так называемые высшие точки зрения - не точки зрения, а точки, которые ничего для зрения не представляют. Часто это только точки пустословия и фразерства, когда речь идет об исторических суждениях и об оценке действительных интересов. С такой высшей точки зрения ограбить человека или убить его тоже покажется делом ничтожным. Пусть перед разумом чины - пустяки, и в будущем прогрессе исчезнут привилегии; но в настоящей действительности права, которых незаслуженно лишились чиновники, застигнутые указом об экзаменах, были живым интересом, и отнятие его поразило жизнь людей, ни в чем не виноватых; оно покарало их почти как преступников. Не было ли это таким же роковым бедствием для них, как землетрясение или наводнение?

Но мера была полезна; она требовалась обстоятельствами; она послужила орудием общественного прогресса: что же делать, если исполнение ее было сопряжено с пожертвованием некоторых частных интересов? Так обыкновенно судят, не разбирая ни свойства этих некоторых частных интересов, ни того, действительно ли принесение их в жертву было необходимостью. Интерес, о котором здесь идет речь, не нарушал ничьих прав, не стеснял ничьих интересов, он не был общественным злом; он был делом вполне законным. Нарушение его вовсе не было необходимостью, и он не был бы нарушен, если б уму законодателя представлялась не отвлеченная канцелярская схема, а живая действительность. Полезная мера могла быть принята очень успешно, и даже успешнее, без всякого нарушения справедливости. Стоит только понять в истинное силе то правило, что закон не должен иметь обратного действия, - и законодательство может еще с большею решимостью и в больших размерах принимать полезные меры, не расшатывая своих оснований, - не нарушая законности. Закон Сперанского об экзаменах, возбудивший в

обществе столько раздражения, столько ненависти, к сожалению, совершенно справедливой, обошел бы вред и принес бы больше пользы, если б ему дана была сила лишь на тех людей, которые поступали бы на службу после его издания. Благодаря такому простому соображению в обществе не произошло бы смуты, и не была бы нарушена справедливость; между людьми не было бы брошено столько семян ненависти и злобы, и не потребовалось бы столько напрасных жертв. К тому же новые чиновники, которые, по силе новых законов, выдерживали экзамен, не были на первых порах очень достойнее и очень выше тех, кому они сели на голову. Эти первые аттестованные наукой чиновники еще не много могли внести с собою в государственную службу лучших элементов. Не было никакой надобности вызывать их благим матом, как спасителей отечества, для немедленной замены прежних. Напротив, во многих случаях новые были менее надежны, чем старые. Поверхностные сведения, состоявшие больше в словах, чем в деле, экзамены, которые в то время отнюдь не представляли полных обеспечений в своей удовлетворительности и справедливости, все это не было еще великим приобретением, особенно когда с другой стороны было то, чего там не было, - была ничем не заменимая практическая опытность и навык в делах. Несколько лет отсрочки для полного действия нового закона не только не уменьшили бы, а, напротив, возвысили бы его пользу. Мы распространялись об этом предмете для того, чтобы показать в живом примере то, что выше было сказано вообще, и еще потому, что такие случаи сплошь и рядом встречаются в истории законодательств, которые пренебрежительно относятся к жизни, не хотят знать ее и не имеют для нее органа.

Да и сам в себе закон этот был более плодом отвлеченных соображений. При первом применении оказались в нем многие несообразности; не одна чистая польза проистекла от него для общего дела, но и много вреда, потому что распоряжения, содержащиеся в нем, были выдуманы, а не выведены из действительных условий тогдашней жизни. Они произвели много замешательства, фальшивых положений и подали повод к разным злоупотреблениям и по необходимости подверглись многим исключениям и изъятиям. Произведя ломку в жизни, закон Сперанского сам подвергся ломке. "Общая в нем ломка, - говорит барон Корф, - началась тотчас же по низвержении Сперанского". Закон, не соображенный с действительно существовавшими условиями и начавший свое действие ломкой и нарушением законности, сам тотчас подвергся ломке и испытал на себе, что значит отсутствие твердой законности в жизни общества.

В книге барона Корфа рассказывается, как в начале царствования Александра I понадобилось составить новое уложение законов для Российской империи. "Надо было, - говорит автор, - приискать настоящего деятеля с ученым юридическим образованием, который бы посвятил себя этому делу исключительно. Русских ученых-юристов тогда еще не было, вследствие чего выбор пал на бывшего студента Лейпцигского университета барона Густава Андреевича Розенкампа, родом из Лифляндии". Розенкамп обладал и умом, и сведениями; но будущему законодателю Российской империи не доставало бездельицы: "знания его в русском языке, - говорит барон Корф, - были крайне скудны, а о России еще скуднее". То был теоретик, "совершенно незнакомый с нашим действующим правом, а тем более с его источниками". Он наполнил комиссию немцами и французами, в особенности же переводчиками, необходимыми ему по незнанию языка. "Переходя от одного опыта к другому, - то бросаясь в историческую школу, то составляя к новому уложению оглавления и примечания (маргиналы), почерпнутые из одной теории, то погружаясь опять в сличение законодательств иностранных, - он, в сущности, ничего не производил, а только все переделывал сызнова".

Итак, составитель уложения для Российской империи, без знания русского языка и русского права, копался, копался, делал и переделывал сызнова, и дело подвигалось медленно. А надобно было, чтоб оно закипело и чтобы новое уложение, под которым должны были жить десятки миллионов людей исторического народа, явилось как можно скорее на свет. Что у Розенкампа дело не клеилось - это делает ему честь, и за это ему

спасибо. При всех сказанных условиях он мог только копаться, делать и переделывать, не производя ничего. Дело было бы плохо, если бы он что-нибудь произвел. Но создать новое уложение было надобно, - и вот явился Сперанский. Он был посажен на голову Розенкампу, - и Розенкампф был глубоко оскорблен. Он был оскорблен и тем, что должен был уступить первое место другому, и еще тем, что по делу законодательства подчинили его человеку, не имевшему никакого юридического образования. Барон Корф привел несколько мест из записок Розенкампа, где этот последний характеризует своего нового начальника, свои отношения к нему и свойство работ над гражданским уложением.

"Уже прежде приверженный от души, - говорит Розенкампф, - к французской системе централизации и усердный почитатель Наполеоновского кодекса, он (Сперанский), с тех пор как побыл вблизи самого источника (то есть в Эрфурте, где происходило знаменитое свидание с Наполеоном), вполне уверился, что подобное чудо можно и должно сотворить и у нас. Дело же было и не слишком мудреное: французский кодекс состоит всего-навсего из 1800 параграфов, и передать их в прекрасных русских фразах можно без большого труда в какой-нибудь год. При первом свидании он объявил мне только, что комиссии непременно нужно дать другое устройство, другой план, другие формы, чем он и займется неотложно. Я хотел было войти в некоторые объяснения; но начальник мой так был занят, так поглощен делами, визитами и аудиенциями, что мне не удалось промолвить ни одного слова... Против прежнего, - продолжает Розенкампф, говоря о преобразовании комиссии, - в *сущности* переменено было очень мало; в *именах* и *формах* почти все... Меня сравнивали с прочими начальниками отделений и в этом звании поручили мне составлять гражданское уложение по данному плану, содержащему в себе одни заголовки, почти те же, что и в Наполеоновском кодексе... Вдруг однажды, в конце февраля 1809 года, он (Сперанский) сам ко мне зашел с огромною кипой бумаг и объявил, что это - готовый проект гражданского уложения. Пока я собирался поздравить его, что дело устроилось без моей помощи и так скоро, он стал изливаться в горьких жалобах на тех людей, которым, в секрете от меня, доверил составление проекта; говорил, что никак не может внести уродливую их работу в совет комиссии, предназначавшейся к открытию 1-го мая, и просил меня немедленно заняться изложением вновь первой части, то есть *права* лиц... Я обещал исполнить все, что в моих силах, повторяя, однако, сомнение, чтобы через два месяца можно было предложить совету такой кодекс, которого не написано еще и первой строки. Он, с своей стороны, отвечал, что с помощью моих приговорительных работ и при известном моем таланте проект верно будет готов. Словом, вся важность для него состояла только в том, чтобы дело хоть как-нибудь да поспело... 1 мая явились в комиссию члены нового ее совета. Им дали понять, что предлагаемая на рассмотрение глава проекта уже прочитана предварительно государем. Новосильцев, Чарторижский и Потоцкий предъявили несколько основательных замечаний, которые, однако, все, частью тут же, частью в следующее заседание, были отвергнуты или обойдены. Князь Лопухин молчал и только поглядывал на меня. Алексеев согласился с общим одобрительным заключением, но заметил, что статьи проекта, хотя к ним и подведены ссылки на русские указы, отзываются чем-то чужеземным, затрудняющим ясное уразумение их для русского законника. Я тогда еще не знал Алексеева, человека очень опытного и умного, Сперанский же уверял меня, что это - невежественный подьячий, которого назначили в комиссию только потому, что он пользуется некоторою известностью между русскими правоведами и давно сидит в сенате. Между тем неделя шла за неделей, протокол и главы подписывались, и в октябре *право лиц* было кончено и отдано в печать. Сперанский, держа сам корректуру, позволял себе при ней немало новых поправок и перемен. Были, впрочем, и вне комиссии люди, понимавшие дело лучше, чем казалось на вид. Так, однажды у старика графа Строганова (Александра Сергеевича) на даче его на Малой Невке был, как и часто осенью, фейерверк. Я находился тоже в числе гостей. "Voila, mon cher [Вот, мой дорогой], - сказал он мне, намекая явно на Сперанского, - cотте nous lancons nos fusees, chacun a sa maniere;

mais vous voyez que l'obscurite y succede immediatement [как мы запускаем ракеты, каждый по-своему; но вы видите, что темнота наступает там немедленно (фр.)]".

Биограф, приводя отрывок из записок Розенкампа, замечает, что в них господствует чувство неприязни к Сперанскому. Почтенный биограф, очевидно, берет сторону Сперанского; он при всяком случае отзывается о Розенкампе как о человеке, который во вражде своей с Сперанским увлекался не совсем похвальными мотивами, чувством личного оскорбления и тщеславия. Что чувство личного оскорбления было в Розенкампе, в этом нет никакого сомнения, да этого и сам он не скрывает. Он называет Сперанского верхоглядом, человеком поверхностным; он радуется его падению, он боится его возвращения. Итак, без сомнения, в чувстве своем Розенкампф не был дружелюбно расположен к Сперанскому; он, конечно, не вышел бы на арену защитником его даже в том случае, если бы сам вполне был убежден в нелепости клевет, к которым Сперанский впоследствии подал повод; он был не прочь повторять все дурное, что о нем говорилось. Но надобно быть справедливым и к ученому автору исследования о Кормчей Книге. Вышеприведенные характеристические места из его записок сильно отзываются правдой. Биограф, укоряя Розенкампа в неприязненном духе записок его относительно Сперанского, обращается к другим источникам для того, чтобы характеризовать деятельность Сперанского по законодательным работам. "Обратимся теперь, - говорит он, - к другим источникам". Что же выходит из других источников? Послушаем.

Он (Сперанский) поступил, - говорит биограф, - в комиссию законов без всякого юридического приготовления... Незнакомый почти ни с чем, кроме французского кодекса и энциклопедического сочинения о французских законах Флорижона, - автора, теперь совсем забытого, а тогда составлявшего его настольную книгу, напитанный наполеоновскими идеями, он не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию.

Что же сказано у Розенкампа резче и неблагоприятнее этой характеристики, взятой из других источников, чистых от неприязненной примеси? У Розенкампа сказано именно то же самое, но только в чертах менее резких, несмотря на неприязненное чувство.

Странная судьба уложения русских гражданских законов! Сначала поручается оно немецкому ученому, не знающему русского языка, который, пользуясь случаем, работает усердно над изучением источников русского права, но не производит ожидаемого уложения; затем оно переходит в руки человека, еще менее знакомого с источниками русского права и даже не желающего с ними познакомиться.

К каким пособиям прибег новый сочинитель русских законов?

Проект уложения, - пишет его биограф, - он предполагал составлять при содействии иностранных, и в особенности французских, ученых-законоведцев. Для работ собственно по частному или гражданскому праву Наполеон еще в Эрфурте сам рекомендовал славившихся в то время французских законоведов, которые были вследствие того назначены корреспондентами нашей комиссии. О выборе такого же корреспондента для права публичного (для части уголовной, судоустройства и разных предметов государственного хозяйства) Сперанский, по приказанию государя, писал к Талейрану, который в пространном ответе, весьма лестном для нашего статс-секретаря, указал на Бюффона.

Наконец, "манифест 1 января 1810 года в словах, исполненных надежд, объявил России, что первая часть гражданского уложения уже окончена и что другие постепенно и непрерывно за нею последуют". По мере того как рассматривалась эта первая часть комиссией, готовились и следующие части. Любопытно посмотреть, как шли эти важные работы. Вот как описываются они в книге барона Корфа: "Розенкампф еще употреблялся к составлению предварительных проектов, но участие его в том оставалось уже без всяких результатов для дела. Все, что он писал, было беспощадно мараемо Сперанским и большею частью переделываемо совсем заново. Занятиям этим директор

комиссии посвящал исключительно утро понедельника, перед заседанием совета. В 6 часов являлся к нему старший письмоводитель комиссии Федор Павлович Вронченко с русским переводом тех тетрадей, которые вносились от Розенкампа по-французски. Сперанский, прочитывая работу, перечеркивал большую ее часть, исправленное им Вронченко приводил в порядок, а четыре писца переписывали, и к началу заседания поспевало несколько стройных глав, стройных, конечно, более только по внешней форме, чем по внутреннему содержанию и особенно по единству целого, которых, при *таком* способе работы, трудно было и ожидать".

Так шли работы, так составлялось уложение русских гражданских законов. Директор перемарывал, что приносилось ему из комиссии, выплаживал, переделывал, и все это переписывалось и выходило на бумаге блестящими, стройными периодами. Если б это было только ученою работою, только упражнением в юридической науке и в деле составления кодексов, то нечего было бы и говорить. Но таким способом составлялись законы для огромной страны, для исторического народа. Что произошло бы, если бы это уложение было действительно брошено в жизнь? Какое страшное брожение произвело бы оно в ней! Скольких бедствий стало бы оно виной! Кто способен дать себе ясный отчет в тех потрясениях, смутах и даже несчастиях, которым подвергается множество людей от одной какой-нибудь неудачной перемены в законодательстве, под которым они живут, тот может представить себе, что произошло бы, если бы вдруг страна была постигнута целым новым уложением, составленным при таких условиях. От одного того, что рука директора не домарала чего-нибудь в трудах комиссии или что-нибудь с излишком перемарала, или что-нибудь приписала для красоты слога, для полноты периода, тысячи людей совершенно неожиданно пострадали бы, может быть, в самых существенных своих интересах. Можно ли представить себе что-нибудь ужаснее этой канцелярской лаборатории законов?! Сперанский сам очень хорошо сознавал это впоследствии; но, живя в этом особом, отрешенном от жизни, канцелярском мире, он не мог действовать иначе; он повиновался возбуждениям этой атмосферы, он работал неумоимо, старался делать как можно лучше, хлопотал, чтобы дело шло быстро и успешно, - и дело кипело. Одна за другою поспевали части работы, поступали куда следует, и автор мог чувствовать полное удовлетворение, видя, как спорилось дело. Задача состояла только в том, чтобы составить уложение, а не в том, чтоб оно соответствовало жизни, для которой предназначалось.

Сперанский был пленен современными ему идеями. В эту первую, блестящую пору его государственной деятельности он был, конечно, прогрессист, как сказали бы теперь у нас, и даже крайний прогрессист. Перед тем временем совершилась Французская революция, возник Наполеон, Франция разом и совершенно оторвалась от своего прошедшего, разом кинула все свои исторические предания и, по-видимому, создала новый мир на новых основаниях. Весь материк Европы подчинился ее влиянию, везде господствовали наполеоновские идеи. Эти учреждения, покрытые блестящим лаком, геометрически правильные, свободные от истории и от жизни, которая своим прикосновением могла бы испортить правильную строгость их линий, не могли не овладеть умом наших передовых людей того времени. Они были под наитием тех идей, которые сопровождали катастрофу, оторвавшую Францию от ее исторической жизни. Замышляя преобразования в нашем устройстве, в нашем быте, они старались воспользоваться этими современными идеями. Безо всякого сомнения, эти преобразования замышлялись с целью двинуть Россию далеко по пути прогресса. Мы знаем, что преобразованиям этим не суждено было сбыться; но нет сомнения, что если б они сбылись в то время, то они были бы чем угодно, только не прогрессом.

Мы видели, как составлялось уложение наших гражданских законов. В том же духе и при тех же условиях совершались, конечно, и другие организационные работы, которые должны были поставить Россию на путь *безостановочного прогресса*. А между тем, если бы наши прогрессисты того времени не столько предавались созерцанию наполеоновских идей, которые казались тогда выражением величайшего прогресса, если бы наши

прогрессисты того времени вместо этих отвлеченных созерцаний обратились бы к преданиям исторической жизни своего народа, то они иначе принялись бы за уложение русских гражданских законов. При царе Алексее Михайловиче тоже составлялось уложение для Русской земли; но тогда это дело поручалось не немецкому теоретику, не знавшему русского языка, хотя бы и очень умному, и очень ученому, не ловкому канцелярскому чиновнику, хотя бы и очень гениальному, но не знавшему ни русских законов, ни потребностей русской жизни. Тогда созывался земский собор, и уложение царя Алексея Михайловича, которое и теперь еще не потеряло своей силы, есть дело земского собора. После Петра Великого снова явилась потребность заняться уложением русских законов. Предание еще не умерло. Правительство неоднократно пытается созвать собор для этой цели. Дело сначала не ладилось; однако при Екатерине II оно удалось. В этом же самом номере нашего журнала в статье С.М. Соловьева "Рассказы из русской истории XVIII века" сообщаются интересные сведения, совершенно новые для публики, о комиссии уложения законов, созданной при Екатерине II. Мы видим, какое это было великое земское дело и какое значение придавала ему сама Екатерина, вопреки презрительным оценкам последующего времени. Идеи выборных людей того времени не были, конечно, очень широки; господствовало во всей силе крепостное право, был сословный антагонизм; представительство не могло иметь вполне земский характер. Но тем не менее какой великий факт эта комиссия и сама по себе, и еще более по тому, что могла бы выработать из него история. Каков бы ни был состав екатерининской комиссии, она не могла стеснять разум и волю законодателя в добрых начинаниях и благотворных реформах; но она могла вразумлять его, она давала самый богатый материал для его соображений, она представляла собою не канцелярию, а интересы самой жизни. Вот что сказала об этой комиссии сама Екатерина: "Комиссия уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно".

Прошло менее полувека, и это важное предание исторической жизни народа совершенно заглохло. Не только исчезли из памяти земские соборы давних времен, но и екатерининская комиссия превратилась в какой-то миф, о котором люди серьезные перестали и думать. Прошло несколько десятков лет, возник снова вопрос об уложении, - и что же, как принимаются за это дело? Розенкампф, начинающий впервые учиться русскому языку, молодой Сперанский, вовсе не желающий познакомиться с варварскими законами своей страны, - немцы и французы, посаженные за выделку русских законов, - Наполеон и Талейран, подающие руку помощи нашему законодательству, - вот что представляется нам по прошествии нескольких десятков лет после земского собора, который созывала еще Екатерина для того, чтоб узнать о потребностях и интересах Русской земли от ее представителей! Пусть кто-либо скажет нам, были ли эти протекшие годы годами прогресса в этом отношении? И комиссия Розенкампфа или комиссия Сперанского с своими переводчиками, с своими немцами и французами, с своим Наполеоновским кодексом и с своими учеными корреспондентами в Париже, - прогресс ли это в сравнении с екатерининскою комиссией?

Мы обыкновенно разделяем нашу историю на древнейшую до Петра и новейшую после Петра. Мы привыкли за уряд говорить об этих полутора столетиях нашей новейшей истории, начатой Петром. Но мы забываем, что и этот период не есть нечто сплошное, нечто безразличное само по себе. В прошлом столетии, несмотря на насильственное преобразование, произведенное Петром, историческая связь между старою и новою Русью не совершенно прерывалась. Связь эта не прерывалась, несмотря на сильный наплыв немецких элементов. Историческая жизнь не утратила еще своей силы. При грубости тогдашних нравов (не в одной, впрочем, России), при хаотическом брожении разнородных элементов в жизни вырабатывалось что-то, - медленно и туго, но вырабатывалось, - по крайней мере, заготавливалась почва для будущего развития, в котором русское и европейское, народное и всеобщее, историческое и рациональное могли бы совместиться органически и способствовать одно другому. До конца прошлого столетия незаметно еще

явственных признаков окончательного разрыва между жизнью и мыслью; еще не возобладал этот дух отвлеченных построек и канцелярского прогресса. В конце прошлого столетия совершилась Французская революция, которой последствия продолжаются еще и теперь в целой Европе и не могли не отозваться также и в России, уже примкнувшей тогда к Европе. Что событие это было неизбежно, что значение его было громадно, - в этом, конечно, нет сомнения. Оно положило решительную грань между прежним порядком и новым, который должен начаться; но само оно еще не было началом этого нового мира, оно было только гибелью старого. Лишь накануне этого громадного события, - великое, вечно памятное мгновение! - невыразимый энтузиазм, овладевший умами, еще стоявшими на исторической почве, сказал им, будто в волшебном видении, осуществление благороднейших идеалов человеческой жизни, но это видение быстро исчезло, уступив место ужасной действительности. Когда закрылась эта бездна, в которую обрушились развалины, обгаренные кровью, - тогда поверх всего появились пышным цветом наполеоновские идеи. Франция еще до сих пор не может найти потерянную почву, до сих пор еще над нею носятся эти идеи.

Только после этой европейской катастрофы в верхних сферах нашего общества окончательно порвалась связь с прошедшим; все инстинкты, завещанные историей, замолкли и потеряли смысл все предания. Вот почему, когда явился у нас человек с призванием преобразователя, он, ничтоже сумняшеся, начал свои операции над жизнью, которая была ему мало известна и в которую он не считал нужным вникнуть, довольствуясь убеждением в правильности и благообразии задуманных созиданий. Наши преобразователи были очарованы планировкой наполеоновского вертограда, симметрическою правильностью министерств и их канцелярий, точностью и ясностью кодекса, в котором все приведено к самым простым и вразумительным элементам; наши преобразователи пленялись, без сомнения, и законодательными собраниями французскими, и генеральными советами, и всеми орнаментами благоустроенной государственной машины. В пылу великодушных увлечений они были рады наделить свою страну всеми этими благами прогрессивного правительства, всеми этими установлениями, которые являлись им с печатью величия и славы, с знаменем высших идей, являлись как произведение духа нового времени, порвавшего всякую связь с историческим старьем. Преобразователи были, без сомнения, одушевлены самыми благими помыслами; они были убеждены в либеральности своих стремлений. Но они хотели осыпать благодеяниями жизнь, не обращая на нее никакого внимания, не видя ее и не стараясь увидеть; внимание их было поглощено созерцанием административного благолепия, изяществом государственного механизма, симметрическою планировкой, всеми этими уже готовыми формами, которые носились перед их умом. Им не удалось привести в исполнение своих планов; но зато они надолго утвердили свое пребывание на той заоблачной высоте, откуда разнообразие жизни, ее потребности и ее инстинкты не видны и не слышны.

А между тем, при искреннем желании общего блага, одушевлявшего наших преобразователей, произошло бы несравненно более действительного блага и менее всякого зла, если б они были поставлены судьбою в лучшие отношения к жизни. Но всякий знает, как бесплодно и бессмысленно говорить о том, что было бы, если бы было то, а не было этого. С отвлеченной точки зрения все можно придумать, все можно прикинуть и так, и иначе; но в действительности достаточно слова: так есть или так было. Если что-нибудь идет в ту, а не в эту сторону, значит, таковы внешние или внутренние условия движения. Напрасно было бы желать, чтобы направление изменилось, если условия остаются все те же. Вместо напрасных желаний и бесплодных осуждений лучше заботиться об изменении внешних или внутренних условий, определяющих направление силы. Наше общественное развитие будет и плодотворнее, и охранительнее вместе в той мере, в какой мы будем сознавать, что прогресс совершается в жизни и для жизни, не в облаках, а на земле, не в воздушных постройках, а в данных действительного опыта. Чем

более будем мы сознавать это, тем менее будем мы напрягать наше зрение в пустую даль, ничего не видя или видя одни фантазмагии; тем более будем мы вникать в окружающую среду, сближать нашу мысль с действительностью и делать ее органом жизни и истинного движения вперед. Справедливо говорят, что не следует увлекаться аналогиями органических царств природы и применять их прямо к развитию человеческих обществ. Совершенно справедливо, что история человеческих обществ не есть одно и то же с бессознательным и невольным процессом органического роста и органической жизни. Люди, любящие указывать на ошибочность подобных аналогий, представляют на вид могущество разума и воли человеческой, которые служат двигателями прогресса. Это также очень верно и не требует доказательств; но иногда под этими указаниями скрывается мысль, что можно и должно, пользуясь силою, направлять историю по своей воле или по своему разуму, распорядиться ею, не спросив у ней и образуя свои понятия не из ней самой, а принося их к ней совсем готовыми. Вот это уже неверно. Во всем человеческом участвуют воля и разум; но воля и разум могут быть и причиною расстройств, и орудием успеха. Чем более разум и воля преобразователя будут разумом и волей самой жизни, тем более будет успешно сделанного дела и тем менее будет повода к разрушениям и насилиям, тем более будет прогресса и тем более будет уважения к существующему и к человеческой личности. То, что мы с таким напряжением высматриваем по сторонам или сочиняем в своем уме, окажется в живых начатках у нас под рукою, если мы только захотим сосредоточить наши понятия на данных самой жизни. Перестав заниматься воздушными постройками и ища элементов прогресса в самой действительности, мы дадим смысл нашей жизни и жизнь нашим понятиям.⁶⁸

Василий Карелин. О разных родах газоосвещения и о пригодности их для Москвы⁶⁹

В течете двадцати пяти лет, имея практическую опытность во всех родах искусственного освещения, от электрического света до светящего газа, получаемого из ореховой скорлупы, я полагаю, что следующие замечания будут не бесполезны для господ московских фабрикантов и заводчиков.

Можно утвердительно сказать, что из всех, в наше время довольно многообразных материалов, из коих извлекается светонесущий газ, каменный уголь, столь употребительный в западной Европе и в Северо-Американских Штатах, для Москвы и бесчисленных ее фабрик и заводов, есть вещество самое непригодное. Даже и в тех местах, где каменный уголь наилучшего качества и в изобилии, а сало, добываемый из него стеарин и растительные масла имеют цену высокую (в Москве все это наоборот), употребление каменноугольного света выгодно бывает не иначе как при добывании его в самых огромных размерах, то есть с положением на это дело нескольких миллионов рублей.

Стоимость первоначального заведения, то есть строений, чугунных устройств, газометров, дорогой ремонт и надзор, равно как и огромная ценность нескольких десятков верст подземных газопроводных труб таковы, что в самом Петербурге, несмотря на то, что каменный уголь там бывает не дороже лондонского, что число бывших в полном употреблении газовых рожков доходило до пятнадцати тысяч, газовый свет в денежном

---

68 "Русский Вестник". 1861. Т. 35. Октябрь. Отдел "Литературное обозрение и заметки". С. 107 - 127.

69 "Русский Вестник". 1856 год, №1

отношении не доставляет никаких выгод сравнительно с освещением посредством обыкновенных ламп.

Следующие простые соображения лучше всего сделают очевидным для всякого, до какой степени каменноугольное газоосвещение в Москве невыгодно.

1) Годный для сего уголь, в самых благоприятных обстоятельствах с доставкой в Москву никак не может стоить менее тридцати пяти и даже сорока копеек серебром за пуд.

2) Пуд такого угля, по очищении за вычетом неизбежных потерь, дает сто сорок кубических футов светоносного газа.

3) Половина кубического фута, сгорая в час, дает точно такой же свет, как хорошая сальная свечка, по пяти на фунт, и так как такая свечка горит по крайней мере восемь часов, то надобно сжечь четыре кубических фута газа, чтобы заменить одну такую сальную свечу, и следовательно восемьсот кубических футов, чтобы заменить один пуд сальных свеч.

4) А как на получение восьмисот футов газа надобно переработать без малого шесть пудов каменного угля, стоящих два рубля сорок копеек серебром, и притом при наилучшем устройстве всех приборов, то мы видим, что при настоящей в Москве цене сальных свеч (три рубля сорок копеек за пуд), одна стоимость сырого материала простирается до семидесяти процентов стоимости заменяемых им сальных свеч, не считая ни процентов с капитала, употребленного на первоначальное заведение каменноугольного газоосвещения, ни издержек на ремонт, прислугу и на самую выработку газа.

Как же велики эти последствия, можно судить из того, что, например в Петербурге, где сырой материал стоит втрое менее московского, и где следовательно восемьсот кубических футов угольного газа, равных силой освещения пуду сальных свечей, в сыром материале стоят только восемьдесят копеек серебром, общество петербургского газоосвещения никак не может продавать их менее восьми рублей серебром, то есть вдесятеро дороже.

Наконец, весьма существенный недостаток каменноугольного газоосвещения состоит в том, что доселе, если не совсем неизвестно, то по крайней мере не введено в общее употребление никакого практического средства получать угольный газ в совершенно чистом и безвредном состоянии. Доселе, войдя в комнату, можно с завязанными глазами узнать, что она освещается каменноугольным газом. По желанию покойного английского короля Георга IV, дяди теперь царствующей королевы Виктории, после бесчисленных попыток и издержек для введения этого газа во внутренние дворцовые покои, вынуждены были остаться при освещении восковыми свечами.

Все вышеизложенное достаточно объясняет, почему в западной Европе многие первоклассные города, например Франкфурт-на-Майне, особенно же Антверпен, главный порт Бельгии, состоящий в ежедневном сообщении с Англией, и где наилучший каменный уголь стоит дешевле, чем в Лондоне, освещены не каменноугольным, но смоляным газом, или лучше сказать газом, получаемым из гарпиуса, или, по-московски, канифоли.

О подробностях этого последнего газоосвещения будет изложено сейчас, теперь должно говорить о масляном газе, самом выгоднейшем и пригодном для наибольшей части московских фабрик и заводов, кроме суконных, шерстяных вообще и ситцевых, о коих говорено будет ниже.

Газ, извлекаемый из конопляного и других растительных масел, очень скоро после введения каменноугольного газоосвещения, привлек на себя внимание строителей, и хотя давно уже был вводим во многих местах, дешевизной не мог соперничать с угольным, но по причинам, в Москве вовсе не имеющим места.

Великое превосходство масляного газоосвещения пред каменноугольным, состоит, во-первых, в простоте устройства потребного для сего прибора и в легкости самого добывания, доступного для всякого черноработного. Пишущий эти строки говорит по собственному опыту. Первое газоосвещение в Москве было устроено им в 1835 году. Оно было масляное, и как все устройство, так и производство работы были так несложны и нехитры, что деревенский паренъ, нанятый сначала для верчения в токарной махового

колеса, в одну неделю совершенно узнал все дело, и после управлял им без всякого дальнейшего моего руководства.

Второе и весьма важное преимущество масляного газа есть полное отсутствие в нем тех посторонних и зловредных частей, от коих совершенно освободить каменноугольный газ и теперь еще не успевают.

Третье его качество есть гораздо большая сила освещения: один кубический фут масляного газа даст столько же света, сколько два с половиною фута газу каменноугольного.

Эти-то два последние качества, то есть ненужность хлопотливого очищения газа и превосходная сила доставляемого им света, делают, что как прибор, так и газопроводные трубы для масляного газа бывают и меньше величиной и проще устройством, следовательно и гораздо дешевле, и что все дело добывания и употребления газа делается доступно для всякого.

Как же для Москвы велика разница в денежном отношении, можно судить из следующего:

Пуд очень годного для выделки газа конопляного масла, можно иметь в Москве за два рубля с полтиной серебром.

Из одного пуда выходит четыреста кубических футов светящего газа.

А так как сила освещения масляного газа в два с половиною раза превосходит силу газа каменноугольного, то следует, что пуд масла заменяет тысячу кубических футов сего последнего.

Вспомнив выше показанное, что пуд сальных свечей, в сыром материале, заменяется каменным углем с издержкой двух рублей сорока копеек, находим, что маслом заменится он за два рубля.

Это только в сыром материале: и если бы разница ограничивалась одним этим, то она, конечно, была бы мало важна. Но мы видели, что расходы, сопряженные с самой переработкой и употреблением каменноугольного газа, удешевят стоимость сырого материала, тогда как для частных фабрик и заводов издержки переработки в газ масла едва ли дойдут до двадцати пяти процентов его цены.

Отсюда мы, очевидно, приходим к заключению, что масляное газоосвещение в Москве обойдется по крайней мере втрое дешевле каменноугольного, и даже в сравнении с сальными свечами доставит значительную денежную выгоду.

Не должно, однако ж, упускать из виду, что выгоды газоосвещения далеко не ограничиваются одним сбережением денежных издержек.

Чистота и постоянный, неизменный блеск света, ненужность поправки свечных или ламповых светил, невозможность искр и отека, отсутствие неприятного запаха и наконец совершенное устранение необходимости чистки и присмотра, сопряженной со свечами и лампами, суть выгоды столь существенные, что введение газового света есть истинное улучшение благоустройства всякого промышленного заведения, даже и в тех случаях, где денежных выгод от него и нет вовсе.

Смоляное, или лучше канифольное газоосвещение, весьма употребительное и в западной Европе и в Америке, для Москвы невыгодно по причине непомерной дороговизны канифоли и слабой освещающей силы канифольного газа. С первого взгляда может показаться невероятным, что несмотря на изобилие хвойных лесов в России, та же канифоль, которую в Москве нельзя теперь купить дешевле рубля сорока копеек за пуд, в Северо-Американских Штатах стоит тридцать копеек и даже менее. Но должно вспомнить, что канифоль есть едкий остаток от перегонки терпентина, что дремучие наши хвойные леса весной и ранним летом, то есть в самое благоприятное для собирания терпентина время, от снегов и разлившимся вод недоступны, что в северной нашей лесной полосе рабочих рук мало, и что употребление скипидара в России почти ничтожно в сравнении с употреблением его в Северной Америке, где, в виде камфина, он есть повсеместный и наилучший материал для дешевых и блестящих ламп.

Пуд канифоли, переработанной в газ, дает его почти столько же, сколько и пуд конопляного масла, но светящая сила канифольного газа в два с половиною раза слабее газа масляного. Это обстоятельство вместе с большой сложностью прибора работы добывания делают, что в Москве канифольное газоосвещение обойдется втрое дороже масляного.

Упомянув о камфине, нельзя не сказать несколько слов о газе, из него получаемом, которым и в Англии и в Америке бывают освещены некоторые отдаленные от больших городов станции железных дорог. Из всех родов газоосвещения, это самый удивительный, и свет камфинового газа есть тоже в сравнении со светом наилучшего масляного, что электрический свет в сравнении с самыми совершенными маслами. Ослепительный блеск его изумляет всякого, кто видит его в первый раз, нужный бриллиантовый отлив его ни с чем сравним быть не может, и кто для небольшого заведения, не пожалев издержек, впрочем отнюдь не чрезмерных, захочет ввести этого рода газоосвещение, тот конечно будет иметь самый совершенный, воистину удивительный свет, когда либо искусством человеческим произведенный.

Есть особенный род газоосвещения, на который мы усердно желаем обратить серьезное внимание господ фабрикантов суконных, шерстяных вообще, ситце-печатных и всех, кто при выработке своих изделий употребляет мыло, масло или жир. Помои, которые они теперь выбрасывают как бесполезный сор, заключают в себе прекрасный газ, легко добываемый и могущий сберечь им почти все издержки теперешнего их освещения свечами или лампами. Это даже и не новость: помойное газоосвещение существует на иностранных фабриках уже многие годы.

Сведения, которые сочинитель сих замечаний может им сообщить из собственного практического опыта, будут для них как нельзя более полезны в том отношении, что они предохранят их от излишней доверчивости к предложениям иностранцев, с давнего времени так часто являющихся в Россию с великолепными обещаниями блестящих и выгодных нововведений.

Из таковых новостей первое место, бесспорно, принадлежит электрическому свету. Та же таинственная; в теперешнем состоянии наших знаний совершенно непостижимая для нас сила, которая посредством нескольких кусков угля, цинка, песка и окисленной серной кислотной воды (единственные действующие материалы нынешних электрических телеграфов), по тонкой железной проволоке передает мысли человеческие на несколько сотен верст в секунду, и одинаково верно по суше и по дну морскому, та же сила, между двумя близко расположенными остриями чистого угля, производит свет, которого изумительный блеск никакими словами достойно описан быть не может.

И это-то ни с чем несравненное сияние есть электрическое освещение, самое блестящее, самое удивительное и на деле самое пустое и для практического употребления негодное.

Положим, что стоимость этого освещения, хитрость и хлопотливость его устройства, перерывы света теперь неизбежные, в последствие времени успехами наук и искусством будут устранены, но коренной, существенный его недостаток, основанный на неизменном природном законе распространения света, никогда и никаким искусством обойден быть не может.

Этот закон природы и этот недостаток электрического света состоит в том, что сила свита ослабевает, по мере как квадрат расстояния от светящего пункта увеличивается. Это значит, что если блеск электрического сияния на расстоянии одного аршина невыносим для глаз, и равняется совокупному свету двух тысяч свечей, то на расстоянии десяти аршин он ослабеет в сто раз и будет равен только свету двадцати свечей горящих разом, то есть что на таком расстоянии хорошая карсельская столовая лампа будет светом сильнее. А на расстоянии десяти сажень или тридцати аршин, электрический свет будет уже в девятьсот (квадрат тридцати) раз слабее, то есть заменит с небольшим две свечи.

Другое, далеко не столь блестящее, но гораздо более надежды на полный успех подающее новое освещение производится чистым водородным газом, которого зажженная струя накаляет до яркого сияния спираль, сделанную из тонкой платиновой проволоки.

Здесь для произведения света употребляется только вода, древесный уголь и известь. Чугунная, вертикально стоящая реторта наполняется некрупными кусками древесного угля и накаляется до ярко-красного цвета. Тогда внутрь реторты пускается струя водяного пара. Вода разлагается: кислород ее соединяется с углем и истребляет его, водородный же газ с частью углекислого, проходя сквозь известь, оставляет в ней всю углекислоту и собирается в плавающий на воде колпак, откуда по трубам разводится повсюду, где помещены платиновые спирали. Зажженный чистый водородный газ не имеет никакого света, но очень сильный жар, и этот-то жар, накаляя платину, производит освещение.

Новое это дело имеет пред всеми другими родами газоосвещения самые существенные выгоды, кроме того что обходится дешевле каменноугольного газоосвещения; но оно еще не окончено, и некоторые его подробности требуют перемен и улучшений, хотя сделанное доселе подает основательные надежды на полный успех.

Впрочем, чтобы всякий мог сам судить о достоинстве этой особенного внимания заслуживающей новости, вот некоторым о ней подробности:

1) Чтобы получить пятьдесят кубических футов водяного газа, надобно один фунт древесного угля.

2) На освобождение от углекислого газа, вместе с водородным поднимающегося из реторты, надобно на каждые четырнадцать футов дельного газа один фунт гашеной извести; но так как одна и та же известь, через обжигание ее в самом газовом приборе и тем же жаром, каким производится работа, может служить много раз, то издержка на нее так ничтожна, что и считать ее не стоит.

3) На приобретение семнадцати тысяч кубических футов чистого водородного газа надобно топлива столько, сколько нужно, чтобы выпарить двадцать кубических футов воды, то есть около восьми пудов сухих дров.

Кроме дешевизны этого освещения, оно имеет отменные качества. Свет его самый чистый, самый блестящий, самый постоянный, без малейшего дрожания столь утомительного для глаз, и что всего важнее, произведения его горения, кроме весьма малого количества угольной окиси, не заключают ничего вредного для благоустройства воздуха освещаемых комнат.

Вот хорошая сторона освещения водой, а вот его и дурная: тонкость и легкость чистого водородного газа таковы, что его очень трудно удержать в длинных, множество смычек имеющих газопроводных трубках, в очень значительная потеря его течью чрез смычки почти неизбежна.

Теперь, при каменноугольном газе, самом легком из всех доселе употребительных для освещения, при всем совершенстве, как в отливке проводных труб, так и в смычках их, хлопот и издержек стоящих, течь эта такова, что газовые компании рассчитывают на непременною потерю одной шестой части из всего выработанного в приборах газа. Чего же должно ожидать от газа водородного, имеющего в пять раз большую тонкость и легкость?

Второе неудобство может с первого взгляда показаться странным, но оно в самом деле существенно и важно: именно то, что чистый водородный газ не имеет вовсе никакого запаха, так что течь его никоим образом заблаговременно приметить невозможно.

Вышеупомянутое неудобство, проистекающее от потери газа чрез смычки, как бы эта потеря ни была значительна, ничто в сравнении с опасностью истинно грозной, с которой сопряжено последнее обстоятельство.

Надобно знать, что водородный газ сам собой, и без прикосновения к нему атмосферного воздуха, гореть не может, точно так же как и сей последний; но если их

смешать в известной пропорций, например одну часть первого с семью частями последнего, то эта смесь образует истинную громоносную тучу, которая от малейшего сообщения с огнем мгновенно вся воспламеняется, производя взрыв страшный и разрушительный.

Теперь пусть в комнате, освещенной этим газом, при погашении рожков хотя один кран или вовсе позабыли закрыть или закрыли только до половины. Газ, уже не сгорающий, станет входить и комнату, по легкости своей подыматься под потолок и там, не находя нигде выхода, скопляться в смешении с воздухом. По прошествии нескольких дней, стоит только за какой-нибудь надобностью подняться выше окон со свечей — взрыв будете мгновенный.

Такие более или менее разрушительные взрывы, и от этой именно причины, произошли в Петербурге, в здании Главного штаба, на Александровской мануфактуре и в доме Дворянского собрания.

Всякий светоносный газ в смешении с атмосферным воздухом составляет гремучий состав, так же как и газ чистый водородный; но свойственный всем другим сильный запах заблаговременно дает знать о приближении опасности, тогда как при водородном этого не бывает.

Древесное газоосвещение, о котором мы постараемся передать в подробности все существенные, действительным четырехлетним опытом вполне подтвержденные сведения, заслуживает особенного внимания наших соотечественников. Кроме того, что это наш родимый материал, в котором отечество ваше никогда нуждаться не будет, освещение доставляемое газом из соснового и елового дерева, в том виде, в каком оно, после давних малоуспешных попыток, в наше время находится, имеет превосходные качества и выгоды, с которыми ни один род искусственного освещения не может войти ни в какое сравнение. Вот верное изложение его, с хорошей и с дурной стороны.

Во-первых, и это покажется странно, в какой бы цене ни стояли сосновые и еловые дрова, для произведения светящего газа, они не стоят ровно ничего, потому что по извлечении из дерева сего последнего, остающиеся угли, деготь и кислая жидкость по крайней мере вполне покрывают стоимость дров.

По многократным и самым рачительным исследованиям, во всех местах и всеми лицами найдено, что три пуда сухих сосновых дров дают:

Светящего газа 700 кубическ. футов.

Древесного угля полпуда и более.

Дегтя до 8 фунтов.

В 1850 году градоначальство Регенсбурга, в Баварии, поручало г-ну Брейзаху подробное испытание тогда только что появившегося древесного газоосвещения. Он официально донес, что из трех пудов сухого соснового дерева получено:

Очищенного к употреблению газа 759 кубич. футов

Древесного угля 20 фунтов.

При этом из обыкновенной величины реторты дистилляция продолжалась 65 минут.

На всю переработку под ретортой сожжено 74 фунта торфа.

И наконец, светящая сила газа почти на 20 процентов превосходила силу освещения газа каменноугольного.

Вообще найдено, что четыре кубических фута английской меры древесного газа дают в час, по крайней мере, столько же света, сколько тринадцать свеч (по пяти на фунт), горящих разом, тогда как то же количество каменноугольного газа заменяет с небольшим десять свеч и никак не более одиннадцати.

Уже и из этих, совершенно благонадежных, данных, мы видим великое достоинство древесного газоосвещения, и особенно важные его преимущества пред добываемым из каменного угля.

Во-первых, известно, что чугунная реторта, вмещающая три пуда тонких сосновых дров, никак не может в один час дать более ста восьмидесяти кубических футов каменноугольного газа. Древесного, мы видим, она дает более чем вдвое, а силой света почти в два раза с половиной. Следовательно, на одно и то же освещение, в последнем случае надобно во столько же менее реторт, печей, при них принадлежностей и топлива. Надобно знать, чего стоит первоначальное устройство всего этого, и как хлопотливы и начетисты ежегодный ремонт и возобновление, чтобы достойно оценить это качество древесного освещения.

Во-вторых, дистилляция каменного угля вместе с газом и остающимся в реторте обожженным углем, дает еще шестнадцать процентов смолы и пропасть вонючей аммиачной воды. Газовая смола сходить с рук туго, а из аммиачной воды, хотя и пробовали многие извлекать нашатырь, но, по крайней мере в Петербурге, все бросили. Обожженный же каменный уголь, или кок (coke), бывает всегда самого дурного качества и идет большей частью в самых заведениях на нагревание реторты.

Дистилляция дерева дает превосходнейший древесный уголь и самой высокой доброты деготь; и то и другое по хорошим ценам раскупается нарасхват. Остающаяся же кислая жидкость, заключающая в себе уксусную кислоту, во всяком отношении имеет большую ценность, нежели угольная аммиачная вода.

Но выгода древесного газоосвещения далеко всем этим не ограничивается.

Вместе с дешевизной, оно имеет качество, которого одного достаточно, чтобы дать ему решительный перевес пред всеми другими родами освещения, кроме газа масляного, именно то, что сам собой древесный газ вовсе не воняет и вовсе не заключает в себе ни аммиака, ни сероводорода, ни углеводорода, тогда как против последнего, неразлучного с каменноугольным газом, еще и по эту пору никаких противодействующих средств не найдено, и это злое вещество по сию пору при горении каменноугольного газа освобождает сернистую кислоту, пагубную особенно для растений и цветных шелковых тканей, равно как и для всякой позолоты.

Горение древесного газа, производя только воду и углекислый газ, легко поглощаемый известью, сквозь которую газ пропускается, прежде нежели доходит в газохранильный колпак, или газометр, по справедливости может назваться совершенно чистым и безвредным.

Другое важное, древесному газу свойственное, достоинство состоит в том, что он нисколько не теряет своей светящей силы даже и после многих недель хранения его в газометре, и даже в случаи замерзания под ним воды остается неизменным. С каменноугольным газом бывает и в том и в другом случае напротив.

Наконец, в довершение всех вышеизложенных, истинно важных достоинств древесного газоосвещения, оно имеет еще и то, что повсеместное его введение, в каких бы огромных размерах ни было, никак и нигде не может возвысить цену дерева и чрез то распространение его положит преграду. Причина этому очевидна: извлекая из дерева газ, мы только обращаем в практическую пользу то, что при обыкновенном пережигании дерева на уголь, улетает и пропадает даром. Тот же уголь, и еще в большем количестве и лучшего качества, для добывания которого везде необходимо истреблять дерево, остается и от выработки газа. Сверх сего легкий деготь и уксусная кислота — сущий барыш, деньги из дыма. Вся разница в том, что теперь уголь добывается грубым образом в ямах, а с повсеместным введением древесного газа он будет добываться в чугунных ретортах. Потребление дерева всегда останется то же, а польза его для общества удесятится.

Однако же это новое и так много отечеству нашему обещающее дело имеет, как все на свете, и свою дурную сторону, которую мы непременно долгом считаем выставить в настоящем ее виде.

Первоначальное устройство древесного газоосвещения отнюдь не просто и отнюдь не дешево; оно, кроме вышеупомянутого уменьшения числа печей и реторт — то же самое, что и устройство каменноугольного газа.

Выработка газа из дерева требует особенного внимания и ухода, которого нельзя ожидать от всякого работника. При малом недосмотре освещение выходит совсем не то, какое при надлежащем производстве дела.

Оба эти обстоятельства так много значат, что в ожидании дальнейших усовершенствований, для малых фабрик и заводов, и для частных домов вообще, масляное газоосвещение, несмотря на большую стоимость его света, удерживает решительное преимущество.

Но, как ни пригодны для Москвы газы древесный и масляный, природа одарила нашу царственную столицу материалом, который обещает ей самое блестящее и самое выгодное освещение из всех доселе введенных.

Этот материал есть торф, необозримыми полями окружающий Москву на больших или меньших расстояниях. Что некоторые роды торфа дают прекрасный светonosный газ, известно и на деле испытано давно, хотя для практического повсеместного употребления безуспешно, точно так же как и с древесным газом еще с 1799 года деланы были неудачные попытки. Только с исполинскими успехами искусства в последние шесть лет разработка торфа принимает совсем другой вид, и полученные уже результаты суть самые неожиданные и важные.

Истинный русский боярин, сын незабвенного и славного родителя, деятельно занят теперь в своих имениях присвоением своему отечеству сего дела. Мы не имеем права преждевременно говорить о полезных трудах его; можем только сказать, что дознанные и неподверженные никакому сомнению плоды сих трудов суть следующие:

- 1) Пуд выработанного из торфа материала, который, считая все издержки, как выделки на месте, так и доставки в Москву, на умеренное расстояние, обойдется никак не дороже десяти копеек серебром, доставляет в виде газа свет, равный свету полупуда сальных свечей. При теперешней разработке торфа, ценность его в виде топлива, никогда не выше четырех копеек серебром; следовательно, в новом виде, заменяя полпуда свеч, он имеет почти в сорок пять раз большую ценность.
- 2) Новый род торфяного газоосвещения имеет все качества и преимущества, исключительно принадлежащие газам древесному и масляному, но дешевле от десяти до двадцати раз.
- 3) По совершенной безвредности и отсутствию при добывании нового торфяного газа всяких смрадных испарений, он может быть вводим во всяком частном доме, и с одинаковой выгодой как в самых больших, так и в самых малых размерах.
- 4) Стоимость первоначальная устройства сея газоосвещения со всеми принадлежностями такая же умеренная, как и стоимость масляная.

В ожидании окончательного водворения новой разработки торфа, теперь, из всего вышеизложенного, мы приходим к следующему заключению:

Для небольших фабрик и жилых зданий масляное газоосвещение есть в Москве самое выгодное.

Каменноугольный газ непригоден для Москвы вовсе.

Кто, несмотря на издержки, хочет иметь самое блестящее и изящное газоосвещение, должен употребить газ камфиновый, который, однако же, хотя и гораздо дороже всякого другого, стоит дешевле восковых свечей.

Для больших заведений и для освещения города вообще, древесный газ для Москвы есть без всякого сравнения самый совершенный и выгодный.

Ежели употребление газа, извлекаемого из переработанного торфа, упрочится, то есть со временем не окажется каких-нибудь неудобств или затруднений, которых в таком новом деле предвидеть невозможно, то торфяное газоосвещение делается единственным и повсеместным для России и будет истинным для нее благодеянием в государственном отношении, как потому, что огромные количества сала и масла, замененные торфом, останутся для заграничной продажи, так и потому, что оно доставит земледельческому классу полезное и нетрудное занятие в наши долгие зимние месяцы, в то же время

превращая мало по малу мокрые и бесплодные торфяные поля в плодоносные луга и пашни.

Сочинитель сих замечаний готов всячески содействовать своим соотечественникам по части введения всякого рода газоосвещения.

Василий Карелин.

Нива⁷⁰

«Нива» — популярный русский еженедельный журнал середины XIX — начала XX века с приложениями.

Печатался в Петербурге (с августа 1914 — Петрограде) 48 лет, с 1869 по сентябрь 1918 года в издательстве А. Ф. Маркса.

Носил подзаголовок «Журнал литературы, политики и современной жизни».

Позиционировался как иллюстрированный журнал для семейного чтения и был ориентирован, главным образом, на буржуазного и мещанского читателя. В журнале публиковались литературные произведения, исторические, научно-популярные и различные юбилейные очерки, репродукции и гравюры картин современных художников. Материалы политического и общественного содержания давались в «благонамеренном» духе и сопровождались многочисленными иллюстрациями — до начала XX века обычно гравюрами, затем фотографическими обзорами.

Страницы изданий «Нивы», включая журнал и приложения, имели сквозную нумерацию страниц для последующей брошюровки годовых комплектов, обложки к которым рассылались редакцией. Таким образом, журнал номер один имел страницу 1, а журнал номер 51 или 52 (последний в году) — страницу 1200.

Начиная с 1891 года в качестве бесплатного приложения к журналу издавались собрания сочинений известных русских и иностранных авторов (обычно классиков, 12 книг литературных приложений в год в хорошем оформлении), а также 12 книг «Сборника Нивы» в год, олеографий, модные выкройки (журнал-приложение «Парижские моды», 12 номеров в год), календари и художественные альбомы. Благодаря высокому уровню печатавшихся произведений и низкой цене на подписку (по состоянию на 1903 год один номер — 25 копеек без доставки, 30 — с доставкой), журнал обрёл популярность и самый высокий тираж среди всех журналов России.

Годовая подписка в 1900-х годах на журнал, со всеми приложениями, стоила неправдоподобно дешево для печатных изданий: в Санкт-Петербурге — 5,50 в год, в Москве — 6,25, в Одессе — 6,50, по России 7 рублей и за границу — 10 рублей.

С первых лет своего существования «Нива» была самым распространённым иллюстрированным изданием. Так уже в 1870 году тираж «Нивы» составлял 9 тыс. экземпляров, что в два раза больше, чем тираж любого популярного «толстого» ежемесячника с солидным опытом издания, будь то «Отечественные записки», «Русский вестник» или «Вестник Европы». Но это — издания заведомо дорогие. У «Нивы» иной читатель, и она опережает по количеству подписчиков даже ежедневную прессу. Так в 1875 году распродано 18 тысяч экземпляров, в 1877 — 30 тысяч, в 1878 — 43 тысячи, в 1882 — 70 тысяч, в 1884 — 90 тысяч, в 1886 — 102 тысяч, в 1891 — 115 тысяч, в 1893 — 120 тысяч, а в 1894 тираж достигал уже 170 тысяч экземпляров — в этот год бесплатным приложением к «Ниве» шло Собрание сочинений Достоевского.

Для России, где вплоть до конца XIX века 1 тысяча подписчиков — обычное дело, это был неслыханный успех. Апофеоз «Нивы» — публикация романа Льва Толстого «Воскресение». Для издателя неважно, что подоплёка публикации Львом Толстым, до этого отказывавшим почти всем журналам в праве печатать свои произведения, в коммерческой заинтересованности Толстого: доход от издания предназначался для

---

⁷⁰<http://elib.tomsk.ru/>

передачи канадским духоборам. В этом (1899) году тираж журнала перевалил за 200 000 экз. Удивительно, что многочисленные иллюстрированные журналы, пытавшиеся повторить коммерческий успех «Нивы», не выдерживали конкуренции. Такова участь «Всемирной иллюстрации», «Огонька», «Живописного обозрения», «Севера», «Родины», «Нови», «Всемирной панорамы» и т. д.

Своеобразный рекорд дореволюционной России одержала «Нива» в 1904 году: в последний год жизни своего основателя А. Ф. Маркса она набрала 275 тысяч подписчиков — этот показатель был удивительным для той полуграмотной страны, которой была Россия в начале XX века. Абсолютный рекорд популярности так и не удалось превзойти ни одному изданию прежней России: наивысший тираж журнала «Gartenlaube» в 400 000 экз. пришёлся на 1875 году; в 1904 году по числу подписчиков «Нива» уступала только «Illustrated London News» (бывш. «Penny Magazine»). До этого такой успех знали лишь единичные иллюстрированные журналы Англии, Германии, Франции и США.

Годы революции внесли коррективы в читательские пристрастия, но «Нива» по-прежнему оставалась в своём сегменте самой популярной «иллюстрацией» вплоть до своего закрытия новой властью в сентябре 1918 года. «Нива» — своеобразная примета провинциальной России, едва ли не синоним косности и захолустья: во множестве домов России стены украшали цветные репродукции из журнала и для политиканствующих и снобистски настроенных жителей обеих столиц «Нива» была неиссякаемым поводом для иронии и шуток. Однако даже неполный перечень авторов «Нивы» не даёт повода к такой оценке.

В журнале печатались такие авторы как: А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, П. А. Вяземский, Д. В. Григорович, К. К. Случевский, Н. В. Успенский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Г. П. Данилевский, А. А. Фет, А. Н. Майков, А. П. Чехов, Яков Полонский, Владимир Соловьёв, К. М. Станюкович, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Мирра Лохвицкая, А. А. Блок, С. А. Есенин, Л. Н. Андреев, Максим Горький, Корней Чуковский, Анна Ахматова, Иван Бунин, Александр Куприн, Осип Манделштам, Пётр Боборыкин, Валерий Брюсов, Дмитрий Мережковский, Георгий Иванов, Сергей Городецкий, Георгий Чулков, Константин Бальмонт, Константин Фофанов, Михаил Кузмин, Николай Минский, Николай Клюев, Борис Садовской, Фёдор Сологуб, Тэффи, Александр Грин, Борис Савинков (В. Ропшин), Николай Гумилёв, Илья Эренбург, С. Н. Сергеев-Ценский, Алексей Ремизов, А. С. Серафимович, Николай Рерих, И. Е. Ретин, Игорь Грабарь, А. Ф. Кони, В. Р. Щиглев.

Но названными авторами круг писателей «Нивы» не исчерпывался. Основными авторами журнала были всё же писатели, не имевшие громких имён, но весьма популярные в специфическом кругу читателей «Нивы»: Вас. Немирович-Данченко, В. Г. Авсеенко, Ф. Н. Берг, М. Н. Волконский, П. П. Гнедич, В. П. Клюшников, Н. Н. Каразин, В. В. Крестовский, Всеволод Соловьёв, Е. А. Салиас, Д. И. Стахеев, И. Н. Потапенко, И. И. Ясинский, В. А. Тихонов, А. А. Тихонов, В. Я. Светлов.

Редакторами «Нивы» были В. П. Клюшников, Ф. Н. Берг, М. Н. Волконский, Д. И. Стахеев, А. А. Тихонов, Р. И. Сементковский, В. Я. Светлов.

Среди художников журнала наибольшей популярностью пользовались Н. Н. Каразин, Е. М. Бём, С. С. Соломко, И. С. Ижакевич, В. А. Табурин, Е. П. Самокиш-Судковская, Н. С. Самокиш, И. Н. Павлов, И. Э. Грабарь, Л. О. Пастернак и др.

Журнал «Нива» был любимым детищем А. Ф. Маркса, возглавлявшего своё издательство вплоть до своей смерти в 1904 г. Всего за 48 лет существования журнала было издано 2500 номеров и более 50 миллионов экземпляров бесплатных приложений. Во многом благодаря «Ниве» сочинения многих современных авторов добрались до самых отдалённых областей России. «Нива» — один из наиболее распространённых журналов дореволюционной эпохи, по нему можно составить картину её быта, нравов и традиций. Следует отметить, что современники весьма неоднозначно оценивали журнал. Так поэт

Иннокентий Анненский в письме Н. П. Бегичевой жаловался на банальность романсов, «похожих друг на друга как красавицы из Нивы».

После смерти А. Ф. Маркса «Нива» не осталась неизменной. На долгие годы редактором её становится писатель-балетоман, близкий к кругу С. П. Дягилева Валериан Яковлевич Ивченко, литературный псевдоним В. Я. Светлов. Возможно, благодаря ему на страницах журнала так или иначе представлены все крупные литературные силы «серебряного века». Журнал регулярно знакомит читателя с последними художественными выставками. Даже традиционное для «Нивы» шахматное обозрение ведёт в эти годы такая значительная фигура «серебряного века», как Е. А. Зноско-Боровский, весьма ценимый В. В. Набоковым. Таким образом, журнал, третируемый литературной «аристократией» в 70-80 годы XIX века за свою обывательскую, буржуазную аудиторию (например, М. Е. Салтыковым-Щедриным и кругом «Отечественных записок»), становится достаточно «элитным» изданием и безусловно выделяется из множества массовых невзыскательных тонких журналов, рассчитанных на «пёстрого» читателя, того читателя, который мог читать его и в библиотеке, и в вагоне поезда.

Переплёт собрания сочинений в 16 томах А. Чехова, 1903. Тома высылались подписчикам в мягких обложках, а после выхода можно было заказать в издательстве отдельно переплёты

В середине 1960-х гг. была попытка восстановить выпуск журнала с таким же названием и концепцией, но просуществовал он недолго.

Весы

научно-литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал, выходивший в Москве в книгоиздательстве «Скорпион» с января 1904 по декабрь 1909 включительно. Основной орган русского символизма. «История «Весов» может быть признана историей русского символизма в его главном русле», — писал Н. Гумилев. Шесть лет подряд — с 1904 по 1909 — выходил в Москве ежемесячник, идейным вдохновителем которого до конца 1908 года был В. Брюсов. Журнал получил название по имени зодиакального знака, ближайшего к созвездию Скорпиона, которым было наречено символистское книгоиздательство. И «Скорпион», и «Весы» финансировал математик и переводчик С. Поляков.

Русский символизм, в середине 1890-х делавший первые робкие шаги, в 1902-1903 годах превратился из маленького ручейка в полноводную реку. Новое течение уже не было в читательском сознании связано только с именами Брюсова, З. Гиппиус, Ф. Сологуба и К. Бальмонта. Заявили о себе Андрей Белый, Вяч. Иванов и А. Блок. Но Брюсов по-прежнему претендовал определять сегодняшний и завтрашний день словесности, и новый журнал первоначально был призван сплотить писателей вокруг одного из родоначальников символизма.

В первые пять лет существования «Весов» Брюсов осуществлял, можно сказать, абсолютное руководство всей их деятельностью: он не только писал программные статьи, отбирал публикации, формировал состав номеров, но даже регулярно вникал в частности и нюансы повседневного редактирования.

В 1904-1905 годах журнал старался выдержать облик исключительно критико-библиографического ежемесячника, хотя в заданные рамки с трудом вписывались эссеистские работы Вяч. Иванова, Белого, Бальмонта.

«Весы», при видимом идейном плюрализме своего руководителя, были едва ли не первым периодическим изданием в России, полностью исключившим печатание художественных произведений чуждых литературных направлений и, как это ни парадоксально, изданием, стремившимся к тому, чтобы авторы даже по частным вопросам высказывали мнения, созвучные Брюсовскому.

В январе 1906 года у «Весов» появился конкурент в лице журнала «Золотое руно», главным идеологом которого стал Вяч. Иванов. «Руно», ставшее в 1907 году откровенной оппозицией «Весам», с первых номеров печатало стихи и художественную прозу. С 1906 года и в «Весках» появились все жанры художественной литературы: стихотворения, драмы, рассказы, повести и даже романы.

В 1909 году, когда Брюсов отошел от руководства журналом и фактическое кураторство над «Весами» осуществлял секретарь редакции М. Ликиардопуло, журнал стал придерживаться взглядов, позволяющих его авторам высказывать на страницах издания мнения, не совпадающие с точкой зрения редакции. Но многие авторы и участники издания «Весов» отделились от журнала. Главной же причиной закрытия журнала была организация осенью 1909 года в Петербурге нового журнала «Аполлон», полного свежих, молодых сил.

В своем предпоследнем номере «Весы» (№ 10-11, 1909) прощались с читателями поэтическим «парадом» из произведений К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, А. Блока, В. Брюсова, Андрея Белого, М. Волошина, З. Гиппиус, М. Кузмина, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба и других известных поэтов, большинство из которых и раньше печатали свои произведения на страницах журнала.

На протяжении всех лет существования журнала его оформлению уделялось особое значение. У каждого номера была своя индивидуальная обложка, в большинстве выпусков помещались заставки, виньетки, репродукции картин известных русских и иностранных художников-модернистов — Л. Бакста, К. Сомова, Н. Феофилактова, Н. Сапунова, С. Судейкина, Е. Кругликовой и др.

Журнал «Весы», по собственному признанию Брюсова, был назван так потому, что это ближайшее к Скорпиону зодиакальное созвездие («Весы», 1904, № 1).

Первоначально в программу журнала не входила публикация литературных произведений. В противовес альманаху «Северные цветы», издававшемуся «Скорпионом» с 1901 по 1905 и печатавшим символистские стихи и рассказы, «Весы» создавались как «тонкий» журнал для критического и теоретического освещения литературы символизма в России и за рубежом. Предполагалось публиковать в нем рецензии, философские и эстетические статьи и дискуссии на тему «нового искусства», как в то время называли символизм, способствуя таким образом его утверждению и популяризации. Кроме того, журнал должен был поддерживать молодых авторов, не только отмечая их произведения, но и привлекая к совместной работе. Именно в «Весках» появились такие программные символистские статьи, как Ключи тайн (1904, № 1) и Священная жертва (1904, № 1) Валерия Брюсова, Апокалипсис в русской поэзии (1905, № 4) и Символизм (1908, № 12) Андрея Белого.

Однако уже в середине 1905 Брюсов принял решение опубликовать в журнале свои переводы произведений бельгийского поэта и драматурга Мориса Метерлинка, и с этого момента в «Весках» стали появляться стихотворные и прозаические произведения. Так, в специальных №№ 11 и 12 за 1906 был напечатан роман Михаила Кузмина Крылья. В 1907 по частям выходил роман Брюсова Огненный ангел, а в 1908–1909 – первый роман Андрея Белого Серебряный голубь. Журнал публиковал поэзию и прозу З. Гиппиус, Ф. Сологуба, С. Городецкого, Н. Гумилева.

«Весы» поддерживали творческие связи со многими странами Европы и были рассчитаны не только на русских, но и на иностранных читателей. Достаточно сказать, что оглавление давалось на русском и французском языках. Новости о литературной жизни Англии доставляли журналу Бальмонт и Балтрушайтис, в 1904–1909 часто и подолгу бывавшие в этой стране. Берлинским корреспондентом «Весов» был Максимилиан Шик, писавший статьи о немецких символистах Георге, Рильке, Гофманстале, а также о деятельности Сецессиона. Джованни Попини, Дж.Амендола и Дж.Ванникола связывали «Весы» с Италией; Балтрушайтис, Поляков и Семенов – со Скандинавией и Польшей. Особым вниманием «Весов» (и прежде всего их идейного организатора Валерия Брюсова) пользовалась литературная ситуация Франции, родины символизма. Максимилиан Волошин, долгое время живший во французской столице, писал открытые Письма из Парижа, публиковавшиеся из номера в номер. Он способствовал тому, что «Весы» стали оформляться работами художников группы наби (группа художников, существовавшая в Париже на рубеже веков. Полное название – Братство наби, пророки евангелия Животисы). Волошин привлек к сотрудничеству в журнале французского поэта Рене Гилья, предложившего написать для русских читателей серию статей об истории французского символизма раньше, чем такая история появится у самих французов. Рене Гилья стал постоянным автором «Весов» и опубликовал в общей сложности в журнале около сорока статей.

Начиная с 1906 «Весы» вели резкую полемику с вновь образованным «Золотым руном», конкурирующим символистским журналом (см, например, критический обзор «Золотого руна», подписанный Зинаидой Гиппиус, № 11, 1906).

В начале 1909 Брюсов отошел от редактирования «Весов», переживавших кризис. Основную часть работы взял на себя Андрей Белый. Брюсов все меньше писал для созданного им журнала, отдавая предпочтение «Русской мысли» (в 1909 он опубликовал в «Весках» только 12 статей, тогда как в 1904 – 81).

В конце 1909 журнал «Весы» перестал выходить. Большинство его сотрудников сгруппировались вокруг вновь организованного журнала «Аполлон».

Николай Гумилев. Жизнь стиха

I

Крестьянин пашет, каменщик строит, священник молится, и судит судья. Что же делает поэт? Почему легко запоминаемыми стихами не изложит он условий произрастания различных злаков, почему отказывается сочинить новую «Дубинушку» или обсахаривать горькое лекарство религиозных тезисов? Почему только в минуты малодушия соглашается признать, что чувства добрые он лирой пробуждал? Разве нет места у поэта, все равно, в обществе ли буржуазном, социал-демократическом или общине религиозной? Пусть замолчит Иоанн Дамаскин!

Так говорят поборники тезиса «Искусство для жизни». Отсюда — Франсуа Коппэ, Сюлли-Прюдом, Некрасов и во многом Андрей Белый.

Им возражают защитники «Искусства для искусства»: «Подите прочь, какое дело поэту мирному до вас... душе противны вы, как гробы, для вашей глупости и злобы имели вы до сей поры бичи, темницы, топоры, довольно с вас, рабов безумных»... Для нас, принцев Песни, властителей замков грезы, жизнь только средство для полета: чем сильнее танцующий ударяет ногами землю, тем выше он поднимается. Чеканим ли мы свои стихи, как кубки, или пишем неясные, словно пьяные, песенки, мы всегда и прежде всего свободны и вовсе не желаем быть полезными».

Отсюда — Эредиа, Верлен, у нас — Майков.

Этот спор длится уже много веков, не приводя ни к каким результатам, и не удивительно: ведь от всякого отношения к чему либо, к людям ли, к вещам или к мыслям, мы требуем прежде всего, чтобы оно было целомудренным. Под этим я подразумеваю

право каждого явления быть самоценным, не нуждаться в оправдании своего бытия, и другое право, более высокое, — служить другим.

Гомер оттачивал свои гекзаметры, не заботясь ни о чем, кроме гласных звуков и согласных, цезур и спондеев, и к ним принаравливал содержание. Однако, он считал бы себя плохим работником, если бы, слушая его песни, юноши не стремились к военной славе, если бы затуманенные взоры девушек не увеличивали красоту мира.

Нецеломудренность отношения есть и в тезисе «Искусство для жизни», и в тезисе «Искусство для искусства».

В первом случае искусство низводят до степени проститутки или солдата. Его существование имеет ценность лишь постольку, поскольку оно служит чуждым ему целям. Неудивительно, если у кротких муз глаза становятся мутными, и они приобретают дурные манеры.

Во втором — искусство изнеживается, становится мучительно-лунным, к нему применимы слова Малларме, вложенные в уста его Иродиады:

...J'aime l'horreur d'etre vierge et je veux
Vivre parmi l'effroi que me font mes cheveux...

(Я люблю позор быть девственной и хочу жить среди ужаса, рождаемого моими волосами...).

Чистота — это подавленная чувственность, и она прекрасна, отсутствие же чувственности пугает, как новая неслыханная форма разврата.

Нет! возникает эра эстетического пуританизма, великих требований к поэту, как творцу, к мысли или слову — как материалу искусства. Поэт должен возложить на себя вериги трудных форм (вспомним гекзаметры Гомера, терцины и сонеты Данте, старошотландские строфы поэм Байрона) или форм обычных, но доведенных в своем развитии до пределов возможного (ямбы Пушкина), должен, но только во славу своего Бога, которого он обязан иметь. Иначе он будет простым гимнастом.

Все же, если выбирать из двух вышеприведенных тезисов, я сказал бы, что в первом больше уважения к искусству и понимания его сущности. На него накладывается новая цепь, указывается новое применение кипящим в нем силам, пусть недостойное, низкое — это не важно: разве очищение Авгиевых конюшен не упоминается наравне с другими великими подвигами Геракла? В старинных балладах рассказывается, что Роланд тосковал, когда против него выходил десяток врагов. Красиво и достойно он мог биться только против сотни. Однако, не надо забывать, что и Роланд мог быть побежден...

Сейчас я буду говорить только о стихах, помня слова Оскара Уайльда, приводящие в ужас слабых и вселяющие бодрость в сильных: «Материал, употребляемый музыкантом или живописцем, беден по сравнению со словом. У слова есть не только музыка, нежная, как музыка альта или лютни, не только — краски, живые и роскошные, как те, что пленяют нас на полотнах венециан и испанцев; не только пластичные формы, не менее асвые и четкие, чем те, что открываются нам в мраморе или бронзе — у них есть и мысль, и страсть, и одухотворенность. Все это есть у одних слов».

А что стих есть высшая форма речи, знает всякий, кто, внимательно оттачивая кусок прозы, употреблял усилия, чтобы Сдержат рождающийся ритм.

II

Происхождение отдельных стихотворений таинственно схоже с происхождением живых организмов. Дума поэта получает толчок из внешнего мира, иногда в незабываемый миг, иногда смутно, как зачатие во сне, и долго приходится вынашивать зародыш будущего творения, прислушиваясь к робким движениям еще неокрепшей новой жизни. Все действует на ход ее развития — и косой луч луны, и внезапно услышанная мелодия, и прочитанная книга, и запах цветка. Все определяет ее будущую судьбу. Древние уважали молчащего поэта, как уважают женщину, готовящуюся стать матерью.

Наконец, в муках, схожих с муками деторождения (об этом говорит и Тургенев), появляется стихотворение. Благо ему, если в момент его появления поэт не был увлечен какими-нибудь посторонними искусствами, если кроткий, как голубь, он стремился передать уже выношенное, готовое и, мудрый как змей старался заключить все это в наиболее совершенную форму.

Такое стихотворение может жить века, переходя от временного забвения к новой славе, и даже умерев, подобно царю Соломону, долго еще будет внушать священный трепет людям. Такова Илиада...

Но есть стихотворения невыношенные, в которых вокруг первоначального впечатления не успели наслоиться другие, есть и такие, в которых, наоборот, подробности затемняют основную тему; они — калеки в мире образов, и совершенство отдельных их частей не радует, а скорее печалит, как прекрасные глаза горбунов. Мы многим обязаны горбунам, они рассказывают нам удивительные вещи, но иногда с такой тоской меч таешь о стройных юношах Спарты, что не жалеешь их слабых братьев и сестер, осужденных суровым законом. Этого хочет Аполлон, немного страшный, жестокий, но безумно красивый бог.

Что же надо, чтобы стихотворение жило, и не в банке со спиртом, как любопытный уродец, не полужизнью больного в креслах, во жизнью полной и могучей, — чтобы оно возбуждало любовь и ненависть, заставляло мир считаться с фактом своего существования? Каким требованиям должно оно удовлетворять?

Я ответил бы коротко: *всем*.

В самом деле, оно должно иметь; мысль и чувство — без первой самое лирическое стихотворение будет мертво, а без второго даже эпическая баллада покажется скучной выдумкой (Пушкин в своей лирике и Шиллер в своих балладах знали это), — мягкость очертаний Юного тела, где ничто не выделяется, ничто не пропадает, и четкость статуи, освещенной солнцем; простоту — для нее одной открыто будущее, и — утонченность, лак живое призвание преемственности от всех радостей и печалей прошлых веков; и еще превыше этого — стиль и жест.

В стиле Бог показывается из своего творения, поэт дает самого себя, но тайного, неизвестного ему самому, позволяет догадаться о цвете своих глаз, о форме своих рук. А это так важно. Ведь Данте Алигьери — мальчика, влюбившегося в бледность лица Беатриче, неистового гибеллина и веронского изгнанника — мы любим не меньше, чем его «Божественную Комедию» ... Под жестом в стихотворении я подразумеваю такую расстановку слов, подбор гласных и согласных звуков, ускорений и замедлений ритма, что читающий стихотворение невольно становится в позу его героя, перенимает его мимику и телодвижения и, благодаря внушению своего тела, испытывает то же, что сам поэт, так что мысль изреченная становится уже не ложью, а правдой. Жалобы поэтов на тот факт, что публика не сочувствует их страданиям, упиваясь музыкой стиха, основаны на недоразумении. И радость, и грусть, и отчаяние читатель почувствует только *свои*. А чтобы возбуждать сочувствие, надо говорить о себе суконным языком, как это делал Надсон.

Возвращаясь к предыдущему: чтобы быть достойным своего имени, стихотворение, обладающее перечисленными качествами, должно сохранить между ними полную гармонию и, что всего важнее, быть вызванным к жизни не «пленной мысли раздражением», а внутренней необходимостью, которая дает ему душу живую — темперамент. Кроме того, оно должно быть безукоризненно даже до неправильности. Потому что индивидуальность стихотворению придают только сознательные отступления от общепринятого правила, причем они любят ридиться в бессознательные. Так, Charles Asselineau рассказывает о «распутном сонете», где автор, сознательно нарушая правила, притворяется, что делает это в порыве поэтического вдохновения или увлечения страстью. И Ронсар, и Мейнар и Малерб писали такие сонеты. Эти неправильности играют роль родинки, по ним легче всего восстановить в памяти облик целого.

Одним словом, стихотворение должно являться слепком прекрасного человеческого тела, этой высшей ступени представляемого совершенства: недаром же люди даже Господа Бога создали по своему образу и подобию. Такое стихотворение самоценно, оно имеет право существовать во что бы то ни стало. Так для спасения одного человека снаряжаются экспедиции, в которых гибнут десятки других людей. Но, однако, раз он спасен, он должен, как и все, перед самим собой оправдывать свое существование.

III

Действительно, мир образов находится в тесной связи с миром людей, но не так, как это думают обыкновенно. Не будучи аналогией жизни, искусство не имеет бытия вполне подобного нашему, не может нам доставить чувственного общения с иными реальностями. Стихи, написанные даже истинными визионерами в момент транса, имеют значение лишь постольку, поскольку они хороши. Думать иначе — значит повторять знаменитую ошибку воробьев, желавших склевать нарисованные плоды.

Но прекрасные стихотворения, как живые существа, входят в круг нашей жизни; они то учат, то зовут, то благословляют; среди них есть ангелы-хранители, мудрые вожди, искуители-демоны и милые друзья. Под их влиянием люди любят, враждуют и умирают. Для многих отношений они являются высшими судьями, вроде тотемов североамериканских дикарей. Пример — тургеневское «Затишье», где стихотворение «Анчар» своей силой и далекостью ускоряет развязку одной, по русскому тяжелой, любви; или — «Идиот» Достоевского, когда «Бедный рыцарь» звучит, как заклинание, на устах Аглаи, безумной от жажды полюбить героя; или — «Ночные пляски» Сологуба с их поэтом, зачаровывающим капризных царевен дивной музыкой лермонтовских строф.

В современной русской поэзии, как на пример таких «живых» стихотворений, я укажу всего на несколько, стремясь единственно к тому, чтобы иллюстрировать вышесказанное, и оставляя в стороне многое важное и характерное. Вот хотя бы стихотворение Валерия Брюсова «В склепе»:

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на твоём лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.
В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой у изголовья венчик влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,
Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что ты видишь, что ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные все ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад.
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне не долго быть вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты — недвижна, ты — прекрасна, в миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоём лице!

Здесь, в этом стихотворении, брюсовская страстность, позволяющая ему невнимательно отнестись даже к высшему ужасу смерти, исчезновения, и брюсовская

нежность, нежность почти девическая, которую все радуется, все томит, и лунный луч, и жемчуг, и розы, — эти две самые характерные особенности его творчества помогают ему создать образ, слепок, быть может, мгновения встречи безвозвратно разлученных и навсегда отравленных этой разлукой, влюбленных.

В стихотворении «Гелиады» («Прозрачность», стр. 124) Вячеслав Иванов, поэт, своей солнечностью и чисто-мужской силой столь отличный от лунной женственности Брюсова, дает образ Фаэтона. Светлую древнюю «сказку он превращает в вечно юную правду. Всегда были люди, обреченные на гибель самой природой их дерзаний. Но не всегда знали, что поражение может быть плодотворнее победы.

Он был прекрасен, отрок гордый,
Сын Солнца, юный Солнцебог,
Когда схватил рукою твердой
Величья роковой залог, —

Когда бразды своей державы
Восхитил у зардевших Ор, —
А кони бились о заставы,
Почуя пламенный простор!

И, пущены, взнеслись, заржали,
Покинув алую тюрьму,
И с медным топотом бежали,
Послушны легкому ярму... и т. д.

Отрок гордый» не появляется в самом стихотворении, но мы видим его в словах и песнях трех девушек Гелиад, влюбленных в него, толкнувших его на погибель и оплакивающих его «над зеленым Эриданом». И мучительно-завидна судьба того, о ком девушки поют такие песни!

И. Анненский тоже могуч, но мощью не столько Мужской, сколько Человеческой. У него не чувство рождает мысль, как это вообще бывает у поэтов, а сама мысль крепнет настолько, что становится чувством, живым до боли даже. Он любит исключительно «сегодня» и исключительно «здесь», и эта любовь приводит его к преследованию не только декораций, но и декоративности. От этого его стихи мучат, они наносят душе неисцелимые раны, и против них надо бороться заклинаниями времен и пространств.

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых?
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: — ты та ли, та ли?
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластьясь, трепетали.

Неправда ль? Больше никогда
Мы не расстанемся — довольно?

И скрипка отвечала: «да»,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось,
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... и струны пели,
Лишь утро их нашло без сил
На черном бархате постели.

С кем не случалось этого? Кому не приходилось склоняться над своей мечтой, чувствуя, что возможность осуществить ее потеряна безвозвратно? И тот, кто, прочитав это стихотворение, забудет о вечной, девственной свежести мира, поверит, что есть только мука, пусть кажущаяся музыкой, тот погиб, тот отравлен. Но разве не чарует мысль о гибели от такой певучей стрелы?

Затем, минуя «Незнакомку» Блока, — о ней столько писалось, — я скажу еще б «Курантах любви» Кузмина. Одновременно с ними автором писалась к ним и музыка, и это положило на них отпечаток какого-то особого торжества и нарядности, доступной только чистым звукам. Стих льется, как струя густого, душистого и сладкого меда, веришь, что только он — естественная форма человеческой речи, и разговор или прозаический отрывок после кажутся чем-то страшным, как шепот в тютчевскую ночь, как нечистое заклинание* Эта поэма составлена из ряда лирических отрывков, гимнов любви и о любви. Ее слова можно повторять каждый день, как повторяешь молитву, вдыхаешь запах духов, смотришь на цветы. Я приведу из нее один отрывок, который совершенно зачаровывает наше представление о завтрашнем дне, делает его рогом изобилия:

Любовь расставляет сети
Из крепких шелков;
Любовники, как дети,
Ищут оков.

Вчера ты любви не знаешь,
Сегодня весь в огне.
Вчера меня отвергаешь,
Сегодня клянешься мне.

Завтра полюбит любивший
И не любивший вчера,
Придет к тебе не бывший
Другие вечера.

Полюбит, кто полюбит,
Когда настанет срок,
И, будет то, что будет,
Что приготовил нам рок.

Мы, как малые дети,
Ищем оков,
И слепо падаем в сети

Из крепких шелков.

Так искусство, родившись от жизни, снова идет к ней, но не как грошовый поденщик, не как сварливый брюзга, а как равный к равному.

IV

На днях прекратил свое существование журнал «Весы», главная цитадель русского символизма. Вот несколько характерных фраз из заключительного манифеста редакции, напечатанного в № 12:

«*Весы* были шлюзой, которая была необходима до тех пор, пока не слились два идейных уровня эпохи, и она становится бесполезной, когда это достигнуто, наконец, ее же действием. Вместе с победой идеи символизма в той форме, в какой они исповедывались и должны были исповедываться *Весами*, ненужным становится и сам журнал. Цель достигнута, и eo ipso средство бесцельно! Растут иные цели!

Мы не хотим сказать этим, что символическое движение умерло, что символизм перестал играть роль идейного лозунга нашей эпохи... Но завтра то же слово станет иным лозунгом, загорится иным пламенем, и оно уже горит по иному над нами».

Со всем этим нельзя не согласиться, особенно если дело коснется поэзии. Русский символизм, представленный полнее всего «*Весами*», независимо от того, что он явился неизбежным моментом в истории человеческого духа, имел еще назначение быть бойцом за культурные ценности, с которыми от Писарева до Горького у нас обращались очень бесцеремонно. Это назначение он выполнил блестяще и внушил дикарям русской печати, если не уважение к великим именам и идеям, то, по крайней мере, страх перед ними. Но вопрос, надо ли ему еще существовать, как литературной школе, сейчас имеет слишком мало надежд быть вполне разрешенным, потому что символизм создан не могучей волей одного лица, как «Парнас» волей Леконта де Лиль, и не был результатом, общественных переворотов, как романтизм, но явился следствием зрелости человеческого духа, провозгласившего, что мир есть наше представление. Так что устаревшим он окажется только тогда, когда человечество откажется от этого тезиса — и откажется не только на бумаге, но всем своим существом. Когда это случится, предоставляю судить философам. Теперь же мы не можем не быть символистами. Это не призыв, не пожелание, это только удостоверяемый мною факт.

В. Я. Брюсов. Священная жертва

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен.
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Пушкин

Пушкин, когда прочитал стихи Державина "За слова меня пусть гложет, за дела сатирик читит", сказал так: "Державин не совсем прав: слова поэта суть уже дела его". Это рассказывает Гоголь, прибавляя: "Пушкин прав". Во времена Державина "слова" поэта, его творчество казались *воспеванием* дел, чем-то сопутствующим жизни, украшающим ее. "Ты славою, твоим я эхом буду жить", говорит Державин Фелице. Пушкин поставил "слова" поэта не только наравне с "делом", но даже выше: поэт должен благоговейно приносить свою "священную жертву", а в другие часы он может быть "всех ничтожней", не унижая

своего высокого призвания. От этого утверждения лишь один шаг до признания искусства чем-то более важным и более реальным, чем жизнь, до теории, с грубой прямой формулированной Теофилом Готье:

Tout passe. - L'Art robuste
Seul a l'eternite.

[*Все преходяще. Лишь мощное искусство
Вечно (фр.)*].

В стихах Пушкина уже звучит крик одного из предсмертных писем гр. Алексея Толстого: "Нет другой такой вещи, ради которой стоило бы жить, кроме искусства!"

У Пушкина, который так часто чутким слухом предугадывал будущую дрожь нашей современной души, - мало произведений, которые до такой степени были бы чужды, странны нам, как эти стихи о поэте!

Возвеличивая "слова" поэта, как Державин унижал их, Пушкин сходится с ним в уверенности, что это две области раздельные. Искусство не есть жизнь, а что-то иное. Поэт - двойственное существо, амфибия. То "меж детей ничтожных мира" он "вершит дела суеты" - играет ли в банк, как "повеса вечно праздный", Пушкин, служит ли министром, как наперсник царей, Державин, - то вдруг, по божественному глаголу, он преображается, душа его встревенулась, "как пробудившийся орел", и он предстоит, как жрец, пред алтарем. В жизни Пушкина эта разделенность доходила до внешнего разграничивания способов жизни. "Почуяв рифмы", он "убегал в деревню" (выражения самого Пушкина из письма), буквально "на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы". И вся пушкинская школа смотрела на поэтическое творчество теми же глазами, как на что-то отличное от жизни. Раздвоенность шла даже до убеждений, до мирозерцания. Казалось вполне естественным, что поэт в стихах держится одних взглядов на мир, а в жизни иных. Можно с уверенностью сказать, что Лермонтов, написавший поэму о демоне, не верил в реальное существование демонов: демон для него был сказкой, символом, образом. Лишь очень немногие из поэтов того времени сумели сохранить цельность своей личности и в жизни и в искусстве. Таков был Тютчев: то мирозерцание, которое другие признавали лишь для творчества, было в самом деле его верой. Таков был Баратынский: он посмел перенести в поэзию свое повседневное, житейское понимание мира.

Дорога, по которой идет художник, отделивший творчество от жизни, приходит прямо на бесплодные вершины "Парнаса". "Парнасцы" - это именно те, кто смело провозгласили крайние выводы пушкинского поэта, соглашавшегося быть "всех ничтожней", пока его "не требует" глагол Аполлона, - выводы, которые, конечно, ужаснули бы Пушкина. Тот же Теофиль Готье, сложивший формулу о бессмертии искусства, этот последний романтик во Франции и первый парнасец, оставил и свое определение поэта.

"Поэт, пишет он, прежде всего рабочий. Совершенно бессмысленно старание поставить его на идеальный пьедестал. Он должен иметь ровно настолько ума, как и всякий рабочий, и обязан знать свой труд. Иначе - он дурной поденщик". А труд поэта - это шлифование слов и вставливание их в оправу стихов, как дело ювелира - обработка драгоценных камней... И, верные такому завету, парнасцы работали над своими стихами, как математики над своими задачами, быть может не без вдохновения ("вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии", - слова Пушкина), но прежде того со вниманием и уже во всяком случае без волнения. Юный Верлен, бывший первоначально всецело под влиянием Парнаса, со свойственной ему необузданностью, заявил напрямик: "Мы оттачиваем слова, как чаши, и совершенно холодно пишем страстные стихи. Искусстве не в том состоит, чтобы расточать свою душу. Разве не из мрамора Милосская Венера?"

...nous, qui ciselons les mots comme des coupes
Et qui faisons des vers emus tres froidement...
Pauvres gens! L'Art n'est pas d'eparpiller son ame:
Est-elle en marbre, ou non, la Venus de Milo?

Но современное искусство, то, которое называют "символизмом" и "декадентством", шло не этой опустошенной дорогой. На стебле романтизма развернулось два цветка: рядом с парнасством - реализм. Первый из них, хотя, может быть, поныне "золотом вечным горит в песнопеньи", но бесспорно "иссох и свалился", второй же дал семя и свежие ростки. И все то новое, что возникло в европейском искусстве последней четверти XIX века, выросло из этих семян. Бодлер и Ропс, еще чуждые нам по своей форме, но родные по своим порывам и переживаниям, истинные предшественники "нового искусства", - явились именно в эпоху, когда господствовал реализм: и они были бы невозможны без Бальзака и Гаварни. Декаденты начинали в рядах парнасцев, но у них декаденты взяли лишь понимание формы, ее значения. Оставив парнасцев собирать свои Trophées [Трофеи (фр.)], "декаденты" ушли от них во все буйства, во все величия и низости жизни, ушли от мечтаний о пышной Индии радж и вечно красивой Перикловой Элладе к огням и молотам фабрик, к грохоту поездов (Верхарн, Арно Гольц), к привычной обстановке современных комнат (Роденбах, Рембо), ко всем мучительным противоречиям современной души (Гофмансталь, Метерлинк), к той современности, воплотить которую надеялись и реалисты. Не случайно Город наших дней, впервые вошедший в искусство в реалистическом романе, нашел своих лучших певцов именно среди декадентов.

Романтизм сорвал с души поэта веревки, которыми опутывал ее лжеклассицизм, но не освободил окончательно. Художник-романтик все еще был убежден, что искусство должно изображать одно прекрасное и высокое, что есть многое, что не подлежит искусству, о чем оно должно молчать ("Лишь юности и красоты поклонником быть должен гений", - писал Пушкин). Только реализм вернул искусству весь мир, во всех его проявлениях, великих и малых, прекрасных и безобразных. В реализме совершилось освобождение искусства от замкнутых, очертанных пределов. После этого достаточно было, чтобы в сознание проникла глубоко мысль, что *весь мир во мне*, - и уже возникало современное, наше понимание искусства. Подобно реалистам, мы признаем единственно подлежащим воплощению в искусстве: жизнь, - но тогда как они искали ее вне себя, мы обращаем взор внутрь. Каждый человек может сказать о себе с таким же правом, с каким утверждают все методологические условности: "есмь только я". Выразить свои переживания, которые и суть единственная реальность, доступная нашему сознанию, - вот что стало задачей художника. И уже эта задача определила особенности формы, - столь характерная для "нового" искусства. Когда художники верили, что цель их передать внешнее, они старались подражать внешним, видимым образам, повторять их. Сознав, что предмет искусства - в глубинах чувства, в духе, пришлось изменить и метод творчества. Вот путь, приведший искусство к символу. Новое, символическое творчество было естественным следствием реалистической школы, новой, дальнейшей, неизбежной ступенью в развитии искусства.

Золя собирал "человеческие документы". Писание романа он превращал в сложную систему изучения, сходную с работой судебного следователя. Еще много раньше наш Гоголь усердно наполнял свои записные книжки материалами для будущих своих произведений, записывал разговоры, удачные словца, "зарисовывал" виденные типы. Но роковым образом художник может дать только то, что - в нем. Поэту дано пересказать лишь свою душу, все равно - в форме ли лирического непосредственного признания, или населяя вселенную, как Шекспир, толпами вечно живых, сотворенных им видений. Художнику должно заполнять не свои записные книжки, а свою душу. Вместо того, чтобы накапливать груды заметок и вырезок, ему надо бросить самого себя в жизнь, во все ее вихри. Пропать между "словами" и "делами" художника исчезла для нас, когда оказалось,

что творчество лишь отражение жизни, и ничего более. Поль Верлен, стоящий на пороге нового искусства, уже воплотил в себе тип художника, не знающего, где кончается жизнь, где начинается искусство. Этот покаянный пьяница, слагавший в кабаках гимны телу, а в больницах - Деве Марии, не отрекался сам от себя, принося свою "священную жертву", и не презирал себя - прошлого, заслышав "божественный глагол". Кто принимает стихи Вердена, должен принять и его жизнь; кто отвергает его, как человека, пусть отречется и от его поэзии; она нераздельна с его личностью.

Конечно, Пушкин в значительной степени только прикрывался формулой "пока не требует поэта"... Она была ему нужна, как ответ врагам, злобно передававшим друг другу на ухо о его "разврате", о его страсти к картам. Несмотря на собственное признание Пушкина, что он "ничтожней всех", нам его образ и в жизни представляется гораздо более высоким, чем хотя бы Языкова, поставившего поэту совсем противоположный идеал ("В мире будь величествен и свят"). Но неоспоримо, что, как романтик (в широком смысле термина), Пушкин далеко не всем сторонам своей души давал доступ в свое творчество. В иные мгновения жизни *он сам* не считал себя достойным предстать перед алтарем своего божества для "священной жертвы". Подобно Баратынскому, Пушкин делил свои переживания на "откровенья преисподней" и на "небесные мечты". Лишь в таких случайных для Пушкина созданиях, как "Гимн в честь Чумы", "Египетские ночи", "В начале жизни школу помню я", сохранены нам намеки на ночную сторону его души. Те бури страстей, которые он переживал в Одессе или во дни, приведшие его к трагической дуэли, - Пушкин скрыл от людей, не только с гордостью человека, не желающего выставлять своих страданий "на диво черни простодушной", но и со стыдливостью художника, отделяющего жизнь от искусства. Какие откровения погибли для нас в этом принудительном молчании! Пушкину казалось, что эти признания унижат его творчество, хотя они не унижали его жизни. Насильственно отрывал он себя - поэта от себя - человека, заставлял себя писать "Анжело" и все мечтал о побеге "в обитель чистую трудов и мирных нег", думая, что там найдет он второе Болдино. Но ведь в Болдине была не "обитель нег и трудов", а дни мучительной разлуки с невестой, встающие в одиночестве кошмары его "преступной юности", угроза близкой смерти!

Мы, которым Эдгар По открыл весь соблазн своего "демона извращенности", мы, для которых Ницше переоценил старые ценности, не можем идти за Пушкиным на этот путь молчания. Мы знаем только один завет к художнику: искренность, крайнюю, последнюю. Нет особых миггов, когда поэт становится поэтом: он или всегда поэт, или никогда. И душа не должна ждать Божественного глагола, чтобы встрепенуться, "как пробудившийся орел". Этот орел должен смотреть на мир вечно бессонными глазами. Если не настало время, когда для него в этом прозрении - блаженство, мы готовы заставить его бодрствовать во что бы то ни стало, ценой страданий. Мы требуем от поэта, чтобы он неустанно приносил свои "священные жертвы" не только стихами, но каждым часом своей жизни, каждым чувством, - своей любовью, своей ненавистью, достижениями и падениями. Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь. Пусть хранит он алтарный пламень неугасимым, как огонь Весты, пусть разожжет его в великий костер, не боясь, что на нем сторит и его жизнь. На алтарь нашего божества мы бросаем самих себя. Только жреческий нож; рассекающий грудь, дает право на имя поэта.⁷¹

1905

Аполлон

---

71 "Весы", 1905, N 1.

русский иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы; изд. в 1909≈17 в Петербурге (в 1909≈10 ≈ ежемесячно, с 1911 ≈ десять раз в год; в 1909≈10 выпускал в виде приложения «Литературный альманах», в 1911≈12 ≈ 2 раза в месяц приложение «Русская художественная летопись», ставшее с 1913 частью отдела хроники журнала); редактор-издатель С. К. Маковский. «А.» публиковал материалы по истории классического и современного русского и зарубежного искусства, обзоры выставок, театральной и музыкальной жизни в России и других странах; освещал проблемы изучения и охраны памятников русского искусства. Позиции журнала определялись идеалистическими взглядами и изоцирненными вкусами литературно-художественной элиты, видевшей в революции угрозу культуре, иллюзиями о преображении мира искусством с его духовными ценностями и совершенством формы. «А.» проявлял враждебное отношение и к передвижничеству, и к официально-государственному направлению. В «А.» выступали представители различных течений в русском искусстве начала 20 в.; печатались сочинения И. Ф. Анненского, В. Я. Брюсова, М. А. Кузмина, Н. С. Гумилева, художественно-критические статьи В. А. Дмитриева, А. А. Ростиславова, Н. Н. Лунина, Я. А. Тугендхольда. В 1918 в связи с публикацией ряда антисоветских статей «А.» был закрыт. Последний истинно масштабный модернистский журнал серебряного века "Аполлон" помещался в Петербурге на Мойке, в доме ? 24. Инициатива создания "Аполлона" (рассматривалось также название "Акрополь")

исходила от Сергея Маковского. Художественный критик и поэт, он обладал журнальным опытом, будучи с 1907 года одним из редакторов журнала "Старые годы". На художественной выставке "Салон 1909 года", открывшейся в январе 1909 года в Петербурге он познакомился с молодым и мало еще кому известным поэтом Н. Гумилевым, недавно вернувшимся из Парижа. Молодые люди разговорились, и речь зашла о том, что неплохо было бы учредить новое периодическое издание, которое заменило бы "Золотое руно" и "Весы", но не было бы заражено фракционностью, так сильно портившей эти журналы. Образцом мог бы служить эклектичный "Мир искусства".

Журнал с самого начала замыслился как издание, уделявшее равное внимание изобразительному искусству и литературе. Маковский нашел мецената, вызвавшегося быть патроном нового журнала, любителя изящных искусств купца М. Ушакова. Гумилев привлек для работы над созданием журнала И. Анненского. В качестве теоретиков предполагались также фигуры Вяч. Иванова и А. Волынского. Первый номер "Аполлона" вышел 24-25 октября 1909 года. Открытие его было приурочено к выставке картин очень своеобразного художника Г. Лукомского, произведения которого позднее репродуцировались в специальном номере журнала. Оба события были отмечены сначала в редакции "Аполлона" куда собрался весь петербургский бомонд, а затем в ресторане Кюба "Pirato". Появление "Аполлона", по замыслу его основателей, должно было ознаменовать новый этап в развитии русской культуры, и первые номера предполагались сделать программными, определяющими позицию журнала. Сама атмосфера и дух журнала, эстетическая и несколько фривольная обстановка редакции привлекала к нему молодых поэтов и художников. С "Аполлоном" сотрудничали и печатали там свои произведения М. Кузмин (был ведущим рубрики "Заметки о русской беллетристике"), С. Ауслендер (вел рубрику "Петербургские театры"), С. Городецкий, Н. Гумилев (вел регулярный раздел "Письма о русской поэзии"), О. Мандельштам, М. Волошин, А. Толстой, И. фон Гюнтер, Е. Дмитриева, К. Сомов, Г. Иванов, Л. Бакст и др. С "Аполлоном" связана история появления Черубины де Габриак. "Аполлон" не принадлежал ни к одному из поэтических течений того времени и был ареной для выражения самых различных идей. В нем печатались произведения и

символистов, и акмеистов, а также происходившие между ними дискуссии. Издавался до 1918 года.

Михаил Кузьмин. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ⁷²

В. Башкинъ. Разказы т. I, СПБ. Изд. "Обществ. Польза".1909, ц. 1 р. Т. II. изд. "Звено" 1910, ц. 1 р.

А. Ѳедоровъ. Мщенъе, драма въ 1 д., въ Стихахъ. Изд. Аверьянова. 1910, ц. 40 к.
Друкаръ. Литер. сборникъ. Изд. Вспомог. кассы типографовъ. Москва. 1910, ц. 1 р. 60 к.

Мстиславлевъ. Не для толпы. СПБ. 1910, Ц. 1 р.

Намъ бы не хотѣлось говорить дурно о недавно скончавшемся Башкинѣ, но о его читателяхъ и почитателяхъ сказать можно и должно. Перелистывая внимательно книги Башкина, напрягаешь напрасно свое воображеніе, чтобы представить себѣ людей, которые зачитывались бы этими разказами. Такъ, просматривая корреспонденціи изъ какой-нибудь Вятки, гдѣ разказывается о томъ, что тамъ въ настоящее время, 1-го февраля 1910 г., совершенно въ глухой деревнѣ жертвоприношеніе идоламъ, говоришь себѣ не можетъ быть, не вѣрю!

Неужели такъ цѣпки, неизмѣнны, почти атавистичны вкусы непробудныхъ "массъ", что для собственнаго удовольствія влечетъ ихъ къ чтенію, услаждавшему еще нашихъ дѣдовъ? и притомъ -- когда дѣло идетъ не о произведеніяхъ неувядающихъ геніевъ, а о рядовомъ, злободневномъ чтеніи! Неужели Ив. Ив. "все такъ же играетъ на скрипкѣ?"

Намъ безконечно дорогъ нѣжный и меланхолическій талантъ Ант. Чехова, но отъ такъ называемой "чеховской школы" упаси насъ, Боже! Чеховскаго въ ней только то, что такъ писать могли бы чеховскіе герои для соотвѣтствующихъ читателей, но хотѣлось бы думать, что за эти 30 лѣтъ даже земскіе врачи и акушерки какъ-нибудь измѣнились. Или же чтеніе книгъ, подобныхъ разказамъ Башкина, есть своего рода аскетическая дисциплина интеллигентскаго фанатизма, какой-то гипнозъ? Во всякомъ случаѣ, въ этомъ, право, есть что-то глубоко непонятное. Самъ Башкинъ тутъ не причемъ, разумѣется, какъ не виноватъ деревянный кереметь, которому теперь стали бы приносить жертвы... Можетъ быть, этотъ сонъ стряхнется самими "эпигонами Чехова"? Такъ, безтактный и развязный некрологъ г. Арцыбашева въ "Нов. Ж. для всѣхъ" нѣсколько иначе освѣщаетъ творчество ушедшаго товарища. Кстати, для самого г-на Арцыбашева мы бы не пожелали подобнаго некролога...

Въ сборникѣ "Друкаръ", изданномъ подъ редакціей г. Телешова, мы находимъ цѣлую божницу кереметей, и имена Б. Зайцева и И. Бунина какъ-то растворяются, пропадаютъ въ общей массѣ Скитальцевъ, Вересаевыхъ, Серафимовичей, Чириковыхъ, Телешевыхъ и др. Съ историко-литературной точки зрѣнія наиболѣе интересны "Воспоминанія" Н. Златовратскаго. Не такъ плоха и пьеса Н. Крашенинникова -- "Плачь Рахили", достаточно простая и выразительная. Очерки Иудеи И. Бунина не достигаютъ описаній не только Лоти, но даже Евг. Маркова и подходятъ скорѣе къ стилю Мордовцева или даже Немировича-Данченко. Въ стихахъ И. Бунина Стремится къ очень умѣренному парнассизму Фр. Коппэ.

Къ манерѣ этого же французскаго поэта стремится, повидимому, и г. Ѳедоровъ въ своемъ эпизодѣ изъ жизни Бенвенуто Челлини "Мщеніе". Но если пьесы Коппэ намъ

---

72 "Аполлонъ", No 5, 1909

кажутся холодными и недостаточно мастерскими, чтобы этот холод был оправдан, то русской подражатель Коппэ имѣетъ еще менѣе правъ на снисхожденіе. По замыслу пьеса напоминаетъ "Флорентинскую трагедію", по формѣ -- Коппэ, стихъ тяжелъ и непріятенъ, мѣстами комично неуклюжъ:

"Ну, мы теперь одни. Что скажешь, Катерина? Ты -- геній! ты -- герой! ты -- истинный мужчина!" Намъ кажется, что между г. Федоровымъ и публикой такого діалога не могло бы быть.

Признаться, мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ прочитали заглавіе книги г. Мстиславлева "Не для толпы". Не потому мы сомнѣвались, что книги "для толпы" особенно цѣнили бы, а потому, что подобныя заявленія всегда соединены съ извѣстной претензіей. Но прочитавъ нѣсколько страницъ, мы тотчасъ же убѣдились, что эта книга дѣйствительно -- не для толпы, что ея рыцарски-монархическій духъ не позволитъ ей сдѣлаться популярной во многихъ кругахъ и что нужно извѣстное гражданское мужество, чтобы написать такія сцены изъ французской революціи, какъ пьеса "За старые завѣты". Намъ пріятно удивила точность, сдержанность, даже нѣкоторая сухость языка, расцвѣтающаго только тамъ, гдѣ, по ходу дѣйствія, стиль приближается къ ораторскому. Но и въ этихъ случаяхъ языкъ г. Мстиславлева не теряетъ своей чистоты и трезвости. Вообще пьеса "За старые завѣты" намъ кажется заслуживающей вниманія и внушаетъ надежды. Разказы изъ современности значительно слабѣе, такъ какъ тотъ же рыцарски-романтическій духъ, перенесенный въ наши дни, кажется неправдоподобнымъ и нѣсколько фальшивымъ. Притомъ въ описаніяхъ природы и психологіи дѣйствующихъ лицъ не избѣгнуты извѣстныя клише, хотя языкъ продолжаетъ оставаться простымъ и не лишеннымъ суховатаго изящества.

М. Кузминъ.

Иннокентий Анненский

Что такое поэзия?

Серия "Литературные памятники" Иннокентий Ф. Анненский, М., "Наука", 1979
OCR Бычков М.Н.

Этого я не знаю. Но если бы я и знал, что такое поэзия (ты простишь мне, неясная тень, этот плагиат!), то не сумел бы выразить своего знания или, наконец, даже подобрав и сложив подходящие слова, все равно никем бы не был понят. Вообще есть реальности, которые, по-видимому, лучше вовсе не определять. Разве есть покроем одежды, достойный Милосской богини?

Из бесчисленных определений поэзии, которые я когда-то находил в книгах и придумывал сам (ничего не может быть проще и бесполезней этого занятия), в настоящую минуту мне вспоминаются два.

Кажется, в "Солнце мертвых"¹ я читал чьи-то прекрасные слова, что последним из поэтов был Орфей, а один очень ученый гибрид сказал, что "поэзия есть пережиток мифологии"². Этот несчастный уже умер... Да и разве можно было жить с таким сознанием? Два уцелевших в моей памяти определения, несмотря на их разноречивость, построены, в сущности, на одном и том же постулате "золотого века в прошлом". Эстетик считал, что этот век отмечен творчеством богов, а для мифолога в золотой век люди сами творили богов. Я бы не назвал этого различия особенно интересным, но эстетически перед нами: с одной стороны -- сумеречная красота Данте, с другой -- высокие фабричные трубы и туман, насыщенный копотью.

Кажется, нет предмета в мире, о котором бы сказано было с такой претенциозностью и столько банальных гипербола, как о поэзии.

Один перечень метафор, которыми люди думали подойти к этому явлению, столь для них близкому и столь загадочному, можно бы было принять за документ человеческого безумия.

Идеальный поэт поочередно, если не одновременно, являлся и пророком (я уже не говорю о богах), и кузнецом, и гладиатором, и Буддой, и пахарем, и демоном, и еще кем-то, помимо множества стихийных и вещественных уподоблений. Целые века поэт только и делал, что пировал и непременно в розовом венке, зато иногда его ставили и на поклоны, притом чуть ли не в веригах.

По капризу своих собратьев, он то бессменно брэнчал на лире, то непрестанно истекал кровью, вынося при этом такие пытки, которые не снились, может быть, даже директору музея восковых фигур.

Этот пасынок человечества вместе с Жераром де Нерваль отрастил себе было волосы Меровинга и, закинув за левое плечо синий бархатный плащ, находил о чем по целым часам беседовать с луною, немного позже его видели в фойе Французской комедии, и на нем был красный жилет, потом он образумился, говорят, даже остригся, надел гуттаперчевую куртку (бедный, как он страдал от ее запаха!) и стал тачать сапоги в общественной мастерской, в промежутках позируя для Курбе и штудируя книгу Прудона об искусстве. Но из этого ничего не вышло, и беднягу заперли-таки в сумасшедший дом³. Кто-кто не указывал поэту целей и не рядил его в собственные обноски? Коллекция идеальных поэтов все растет, и я нисколько не удивлюсь, если представители различных видов спорта, демонизма, и даже профессий (не исключая и воровской) обогатят ее когда-нибудь в свою очередь.

Хотя я и написал в заголовке: *Что такое поэзия?* -- но вовсе не намерен ни множить, ни разбирать определений этого искусства. К тому же мне решительно нечему учить, так как в сфере поэтики у меня есть только наблюдения, желания или сомнения. Конечно, мысль, этот прилежный чертежник, вечно строит какие-нибудь схемы, но, к счастью, она тут же и стирает их без особого сожаления.

Прежде всего -- о метафоре "поэтический образ".

Если не говорить о чисто психических актах, то эту метафору надо прилагать к поэтическим явлениям с большими оговорками.

Хотя Гораций и сказал *Ut pictura poesis* {Поэзия как живопись⁵ (лат.)}, но образ есть неотъемлемая и неизбежная (кажется) принадлежность живописи; он предполагает нечто конкретное и ограниченное, *обрезанное*. В известной мере всякий образ безусловен, самостоятелен и имеет самостоятельную ценность.

Откроем наудачу Пушкина:

Вокруг лилейного чела,
Как туча, локоны чернеют,
Звездой горят ее глаза,
Ее уста, как роза, рдеют⁴.

Здесь целый букет, целый мелодический дождь символов, но причем же тут живопись?

Вообще поэзии приходится говорить словами, т. е. символами психических актов, а между теми и другими может быть установлено лишь весьма приблизительное и притом чисто условное отношение. Откуда же возьмется в поэзии, как языке по преимуществу, живописная определенность? Сами по себе создания поэзии не только не соизмеримы с так называемым реальным миром, но даже с логическими, моральными и эстетическими отношениями в мире идеальном. По-моему, вся их сила, ценность и красота лежит вне их, она заключается в поэтическом гипнозе. Причем гипноз этот, в отличие от медицинского, оставляет свободной мысль человека и даже усиливает в ней ее творческий момент.

Поэзия приятна нам тем, что заставляет нас тоже быть немножко поэтами и тем разнообразить наше существование.

Музыка стиха, или прозы, или той новой формы творчества, которая в наши дни (Метерлинк⁶, Клодель⁷) рождается от таинственного союза стиха с прозой, не идет далее аккомпанемента к полету тех мистически окрашенных и тающих облаков, которые проносятся в нашей душе под наплывом поэтических звукосочетаний. В этих облаках есть, пожалуй, и слезы наших воспоминаний, и лучи наших грез, иногда в них мелькают даже силуэты милых нам лиц, но было бы непростительной грубостью принимать эти мистические испарения за сознательные или даже ясные отображения тех явлений, которые носят с ними одинаковые имена.

Открываю наудачу книгу поэта, стоящего на грани двух миров, -- романтики и символизма, -- Бодлера.

Вот 77-й цветок из его "мучительного букета":

Pluvieuse, irrite centre la vie entiere
De son urne a grands flots verse un froid tenebreux
Aux pales habitants du voisin cimetiere
Et la mortalite sur faubourgs brumeux.

Mon chat sur le carreau cherchant une litiere
Agile sans repos son corps maigre et galeux.
L'ame d'un vieux poete erre dans la gouttiere
Avec la triste voix d'un fantome frileux.

Le bourdon se lamente et la buche enfumee
Accompagne en fausset la pendule enrhumee,
Cependant qu'en un jeu plein de sales parfums,

Heritage fatal d'une vieille hydropique,
Le beau valet de coeur et la dame de pique
Causent sinistrement de leurs amours defunts {8}.

Если вы захотите видеть в этом сонете галерею "образов", то из поэтического перла он обратится в какую-то лавку au bric-a-brac {Старьевщика (фр.)}.

Месяц дождей, злой на все живое, бросает с неба воду целыми шайками: до бледных обитателей кладбища достигает только черный холод, но в тумане предместья уже гнездятся эпидемии. На моем окне кошка ищет улечься поудобнее и без отдыха движет своим худым и паршивым телом.

Душа старого поэта блуждает в водосточной трубе, и у нее грустный голос зябкого привидения. Жалобно стонет колокол, а в камине головешка подпевает фальцетом стенным часам, у которых насморк. Между тем в колоде карт, среди ароматов грязи -- покойница страдала водянкой -- красавец валет червей и дама пик зловещим шепотом перебирают эпизоды из своего погребенного романа.

Я не знаю, о чем думаете вы, читатель, перечитывая этот сонет. Для меня он подслушан поэтом в осенней капели. Достоевский тоже слушал эту капель и не раз: "Целые часы, -- говорит он, -- проходили таким образом, дремотные, ленивые, сонливые, скучные, *словно вода, стекавшая звучно и мерно* в кухне с залавка в лохань" ("Господин Прохарчин". Соч. Дост. 1, 174, изд. 1886 г.).

Сонет Бодлера есть отзвук души поэта на ту печаль бытия, которая открывает в капели другую, созвучную себе мистическую печаль. Символы четырнадцати строк

Бодлера -- это как бы маски или наскоро наброшенные одежды, под которыми мелькает тоскующая душа поэта, и желая, и боясь быть разгаданной, ища единения со всем миром и вместе с тем невольно тоскуя о своем потревоженном одиночестве. Но, может быть, вы найдете мой пример мало характерным. Хотите, возьмем кого-нибудь постарше... Может быть, Гомера. Один старый немецкий ученый просил, чтобы его последние минуты были скрашены чтением "Илиады", хотя бы каталога кораблей⁹. Этот свод легенд о дружинниках Агамемнона, иногда просто их перечень, кажется нам теперь довольно скучным; я не знаю, что любил в нем почтенный гелертер -- свои мысли и труды или, может быть, романтизм своей строгой молодости, первую любовь, геттингенскую луну и каштановые деревья? Но я вполне понимаю, что и каталог кораблей был настоящей поэзией, пока он *внушал*. Имена навархов, пливших под Илион¹⁰, теперь уже ничего не говорящие, самые звуки этих имен, навсегда умолкшие и погибшие, в торжественном кадансе строк, тоже более для нас не понятном, влекли за собою в воспоминаниях древнего Эллина живые цепи цветущих легенд, которые в наши дни стали поблекшим достоянием синих словарей, напечатанных в Лейпциге¹¹. Что же мудреного, если некогда даже *символы имен* под музыку стиха вызывали у слушателей целый мир ощущений и воспоминаний, где клики битвы мешались со звоном славы, а блеск золотых доспехов и пурпуровых парусов с шумом темных эгейских волн?

Удивление перед героическими силуэтами Одиссеев и Ахиллов еще связывает нас кое-как с древними почитателями Гомера, но было бы просто смешно сводить живую поэзию с ее блеском и ароматом на академические линии во вкусе Корнелиуса¹² и Овербека¹³.

Итак, значит, символы, т. е. истинная поэзия Гомера, погибли? О нет, это значит только, что мы читаем в старых строчках нового Гомера, и "нового", может быть, в смысле разновидности "вечного".

Когда люди перестали различать за невнятным шорохом гекзаметра плеск воды об ахейские весла, дыхание гребцов, злобу наступающего и трепет наступаемого, они стали искать у Гомера новых символов, вкладывать в его произведения новое психическое содержание. "Одиссея" в переводе Фосса¹⁴ тоже прекрасна, только античность точно преломилась у немецкого переводчика в призме немецкой пасторали. Среди гекзаметров, говорящих о семье Алкиноя, нет-нет да и послышатся гулкие звонки темно-красных коров с черными глазами, пахнет парным молоком, мелькнут зеленые шнуровки, большие красные руки, честный Ганс на его деревянных подошвах; вот медленно раскуривается чья-то трубка, а вот и пастор в черной шляпе и с палкой, сгорбившись, проходит около церковной ограды.

Но тревожной душе человека XX столетия добродетель пасторали едва ли ближе бранной славы эпоса, и символы Гомера возбуждают в нас уже совсем другие эстетические эмоции. Ахилл дразнит нашу фантазию своей таинственной и трагической красотой. Волшебница Кирка рисуется нам с кошачьей спиной, как у Берн-Джонса¹⁵, а на Елену мы уже не можем смотреть иначе, как сквозь призму Гете или Леконта де Лиля¹⁶.

Ни одно великое произведение поэзии не остается досказанным при жизни поэта, но зато в его символах надолго остаются как бы вопросы, влекущие к себе человеческую мысль. Не только поэт, критик или артист, но даже зритель и читатель вечно творят Гамлета.

Поэт не создает образов, но он бросает веками *проблемы*. Между дантовской Беатриче и "Мадонной звезды" Фра Беато¹⁷, несмотря на родственность концепций, лежит целая пропасть. Задумывались ли вы когда-нибудь над безнадежностью иллюстраций поэзии? Конечно, карандашные рисунки Боттичелли¹⁸ безмерно интереснее банальной роскоши Доре¹⁹ и его вечного грозного фона. Но даже в усиленно строгих штрихах нежного кватрочентиста мы видим не столько Данте, сколько любовь Боттичелли к Данте. И если бы даже сам Данте Габриэль Россетти²⁰ попробовал кистью передать нам Офелию, то неужто, бессильно подпадая ее очарованию, вы бы ни на минуту не оскорбились за ту

вечную Офелию, которая может существовать только символически, в бессмертной иллюзии слов?

Создания поэзии проектируются в бесконечном. Души проникают в них отовсюду, причудливо пролагая по этим облачным дворцам вечно новые галереи, и они могут блуждать там веками, встречаясь только случайно.

Но вернемся к первому из определений поэзии, о которых я говорил выше. *Последним из поэтов был Орфей*. Отчего же был? Разве черное весло Орфея красивее в золотистом тумане утра, чем в алых сумерках? Золотой век поэзии в прошлом -- это постулат, но даже не Евклидов. Я вовсе не думаю вас уверять, что Ренье²¹ более поэт, чем Гюго, но зачем же закрывать глаза на эволюцию, которая и в поэзии совершается столь же неизменным образом, как во всех других областях человеческого духа?

Наследие поэтического стиля кажется нам все более и более громоздким. Хочется уйти куда-нибудь от этих банальных метафор, наивных гипербол и отделаться, наконец, от этих метких общих мест.

Грубый факт, все, что не успело стать свободной мыслью, частью моего я, мало-помалу теряет власть над поэзией. Факт диккенсовского героя напрасно надевал маски то археологии, то медицины, то этнографии, то психологии, то истории -- в нем не становилось от этого больше *силы внушения*. Куда, в самом деле, девалась пресловутая фотография действительности и где все эти протоколы, собственные имена, подобранные из газетных хроник и т. д.? Красота свободной человеческой мысли в ее торжестве над словом, чуткая боязнь грубого плана банальности, бесстрашие анализа, мистическая музыка недосказанного и фиксирование мимолетного -- вот арсенал новой поэзии.

С каждым днем в искусстве слова все тоньше и все беспощадно-правдивее раскрывается индивидуальность с ее капризными контурами, болезненными возвратами, с ее тайной и трагическим сознанием нашего безнадежного одиночества и эфемерности. Но целая бездна отделяет индивидуализм новой поэзии от лиризма Байрона и *романтизм от эгоизма*²².

С одной стороны -- я, как герой на скале, как Манфред, демон; я политического борца; а другой я, т. е. каждый, я ученого, я, как луч в макрокосме; я Гюи де Мопассана и человеческое я, которое не ищет одиночества, а напротив, боится его; я, вечно ткущее свою паутину, чтобы эта паутина коснулась хоть краем своей радужной сети другой, столь же безнадежно одинокой и дрожащей в пустоте паутины; не то я, которое противопоставляло себя целому миру, будто бы его не понявшему, а то я, которое жадно ищет впитать в себя этот мир и стать им, делая его собою.

Вместо скучных гипербол, которыми в старой поэзии условно передавались сложные и нередко выдуманные чувства, новая поэзия ищет точных символов для *ощущений*, т. е. реального субстрата жизни и для *настроений*, т. е. той формы душевной жизни, которая более всего роднит людей между собой, входя в психологию толпы с таким же правом, как в индивидуальную психологию.

Стихи и проза вступают в таинственный союз.

Символика звуков и музыка фразы занимают не одних техников поэзии. Синкретизм ощущений, проектируясь в поэзии затейливыми арабесками, создает для нее проблему не менее заманчивую, чем для науки, и, может быть, более назревшую. Не думаю, чтобы кого-нибудь еще дурачили "фолады" Макса Нордау²³ или обижал его жирный смех.

Растет словарь. Слова получают новые оттенки, и в этом отношении погоня за новым и необычным часто приносит добрые плоды. Создаются новые слова и уже не сложением, а взаимопроникновением старых.

Вспомните хотя бы слово Лафорга²⁴ *violupte* (из *violer* {Нарушать, преступать, осквернять (фр.)} и *volupte* {Сладострастие, наслаждение, нега (фр.)} -- нечто вроде "карамазовщины").

Поэт вслед за живописцем входит в новое, чисто *эстетическое* общение с природой (за Тернером²⁵, Берн-Джонсом, Рескиным {26}) -- Леконт де Лиль, Лоти²⁷, Поль Клодель -- уже не дети счастливых Афин и не обитатели "индийской хижины"²⁸, и они идут не по стопам божественного Гете.

Наконец, строгая богиня красоты уже не боится наклонять свой розовый факел над уродством и разложением.

Мир, освещаемый правдивым и тонким самоанализом поэта, не может не быть страшен, но он не будет мне отвратителен, потому что он-я.

Я не пишу панегирика поэзии, которая делается в наши дни, и знаю, что ей недостает многого . . . . .

Она -- дитя смерти и отчаяния, потому что хотя Полифем уже давно слеп, но его вкусы не изменились, а у его эфемерных гостей болят зубы от одной мысли о том камне, которым он задвигается на ночь . . . . .⁷³

¹ "Солнце мертвых" -- роман французского писателя-символиста Камиля Моклера (1872-1945). См.; C. Maclair. Le soleil des morts, roman contemporain. Paris, Paul Ollendorff, 1898.

² ...а один очень ученый гибрид сказал, что "поэзия есть пережиток мифологии". -- Такая точка зрения была весьма распространенной, а потому не представляется возможным указать, кого именно из ученых имел в виду Анненский.

³ Этот пасынок человечества... и беднягу заперли-таки в сумасшедший дом. -- Здесь дан собирательный образ поэта вообще, в котором угадываются черты нескольких реальных поэтов; Теофиля Готье (1811-1872) -- "немного позже его видели в фойе Французской комедии, и на нем был красный жилет"; Шарля Бодлера (1821-1867) -- "в промежутках позируя для Курбе" -- известен портрет Бодлера работы Г. Курбе (1848); в лечебнице для душевнобольных умер Жерар де Нерваль (1808-1855), как и Ш. Бодлер. Меровинги -- династия франкских королей (конец V-середина VIII в.). Вероятно, имеется в виду Карл Великий. Прудон Пьер Жозеф (1809-1865) -- французский публицист, экономист. Речь идет о трактате Прудона "Искусство, его основания и общественное назначение" (1865).

⁴ Вокруг лилейного чела... -- Неточная цитата из "Полтавы" Пушкина; первая строка соединена с близкой из "Бахчисарайского фонтана" -- ср.: "Вокруг высокого чела, / Как тучи, локоны чернеют. / Звездой блещат ее глаза, / Ее уста, как роза, рдеют" ("Полтава") и: "Вокруг лилейного чела / Ты косу дважды обвила..." ("Бахчисарайский фонтан").

⁵ Поэзия как живопись -- См. "Искусство поэзии", 361.

⁶ Метерлинк Морис -- См. прим. 8, с. 587.

⁷ Клодель Поль Луи Шарль (1868-1955) -- французский писатель-символист. В статье "Античный миф в современной французской поэзии" Анненский писал о нем: "Клодель это сноб и вместе с тем экзотист -- это оптик самого страстного воображения" ("Гермес", 1908, No 8, с. 210).

⁸ Бодлер Шарль (1821-1867) -- французский поэт-символист. "Вот 77-ой цветок из его "мучительного букета": "Pluviose, irrite centre, la vie entiere..." -- Анненский приводит здесь сонет "Сплин", который входит в сборник "Цветы зла". См.: Charles Baudelaire. Les fleurs du mal. Precedees d'une notice par Theophile Gautier. Paris, Calmann Levy, editeur, 1901, p. 198. В современных изданиях эта пьеса печатается под э СХХV. Подстрочный прозаический перевод сонета "Сплин", который следует далее, принадлежит Анненскому.

⁹ Один старый немецкий ученый просил, чтобы его последние минуты были скрашены чтением "Илиады", хотя бы каталога кораблей. -- О ком здесь идет речь, не установлено.

¹⁰ Навархи, плившие под Илион... -- наварх -- предводитель флота и главнокомандующий боевых сил у спартанцев (с 480 г. до н. э.). Применение этого понятия к "Илиаде" -- анахронизм.

¹¹ ...синих словарей, напечатанных в Лейпциге. -- Имеются в виду скорее всего следующие известные издания немецких словарей: Brockhaus Konversations-Lexikon. Bd 1-16. Leipzig, L. A. Brockhaus, 1882-1887; Meyers Konversations-Lexikon. Bd 1-21. Leipzig und Wien, 1896-1901.

¹² Корнелиус Петер (1783-1865) -- немецкий художник. Им была выполнена серия рисунков к "Фаусту" Гете.

¹³ Овербек Иоганн Фридрих (1789-1869) -- немецкий живописец романтического направления, был дружен с Корнелиусом.

¹⁴ Фосс Иоганн-Фридрих (1751-1826) -- немецкий поэт и переводчик. Его переводы Гомера -- "Одиссея" (1781) и "Илиада" (1793) были широко известны в Германии.

¹⁵ Берн-Джонс Эдуард Коли (1833-1898) -- английский художник, принадлежал к младшему поколению прерафаэлитов. Картины Берн-Джонса на лирические и легендарные темы носят символический характер. Испытал влияние Россетти. См. прим. 20.

¹⁶ ...а на Елену мы уже не можем смотреть иначе, как сквозь призму Гете или Леконта де Лиля. -- Речь идет о воплощениях образа Елены в "Фаусте" Гете и поэме Леконта де Лиля "Елена" ("Helene"), которая вошла в его сборник "Античные стихотворения" ("Poemes antiques"), Леконт де Лиль Шарль (1818-1894) -- французский поэт, глава парнасской школы. Анненский перевел Л. де Лиля и неоднократно писал о нем в своих статьях. См. о нем также прим. 6, с. 665 и статью "Леконт де Лиль и его "Эриннии"".

¹⁷ Фра Беато -- см. прим. 2, с. 580.

¹⁸ Боттичелли Сандро (1445-1510) -- итальянский живописец флорентийской школы. Им были выполнены рисунки к "Божественной комедии" Данте (1492-1497).

¹⁹ Доре Гюстав (1832-1883) -- французский график, прославившийся иллюстрациями произведений мировой классики и Библии. Здесь речь идет об иллюстрациях Доре к "Божественной комедии" Данте.

²⁰ Россетти Данте Габриэль (1828-1882) -- английский художник и поэт, один из основателей "братства" прерафаэлитов; один из основоположников символизма и декадентства в английском искусстве.

²¹ Ренье Анри Франсуа Жозеф де (1864-1936) -- французский писатель и поэт; символист.

²² Эгоизм -- термин М. Нордау (см. след. прим.), который он применяет для определения творчества современных писателей, упрекая их в чрезмерном индивидуализме и эстетизме, в непонимании интересов среднего нормального человека, в эгоистической удаленности от толпы.

²³ Нордау (Зидфельд) Макс (1849-1923) -- немецкий писатель. Известен своими книгами "Условная ложь", "Парадоксы" (1885), а также сб. "Вырождение" (1892-1893), где он критикует современную европейскую литературу с точки зрения медицины. В этой книге он развенчивает символистов, прерафаэлитов, весь европейский декаданс, рассматривая всех выдающихся его представителей как пациентов психиатрической клиники.

²⁴ Лафорг Жюль (1860-1887) -- французский поэт-символист. В каком именно произведении Ж. Лафорга встречается этот неологизм, не установлено.

²⁵ Тернер Джозеф Мэллорд Уильям (1775-1851) -- английский живописец. В своих пейзажах, а также в произведениях на библейские и мифологические сюжеты обнаруживал склонность к романтической фантастике, к передаче редких световых эффектов.

²⁶ Рескин Джон (1819-1900) -- английский теоретик искусства, художественный критик, историк, публицист.

²⁷ Лоти Пьер (1850-1923) -- французский писатель.

²⁸ ...обитатели "индийской хижины"... -- Имеется в виду роман Ж. А. Бернардена де Сен-Пьера (1737-1814) "Индийская хижина" (1791), в котором религиозная нетерпимость и схоластика противопоставлены простоте и мудрости человека природы.

Золотое руно

История московского журнала «Золотое руно» — это история амбициозных проектов и неустанной борьбы и ожесточенной полемики с «Весами» и московским крылом русского символизма.

Редактором-издателем «Золотого руна» был дилетантски занимавшийся искусством богач Николай Павлович Рябушинский (1876-1951). Редакция журнала располагалась сначала на Новинском бульваре, затем на Садовой-Кудринской, а в 1909 г. — в Петровском парке в собственной вилле Рябушинского «Черный лебедь».

Формат журнала составлял 30,5 см x 34 см (1906-1907 гг. издания) и 30,5 см x 24 см (1908-1909). Количество страниц менялось от 70 до 185.

Всего из печати вышло 34 номера журнала. Редакции было важно осуществить выход на европейский рынок, поэтому подписка принималась за пределами России: в Париже, Берлине, Лейпциге, Лондоне, Вене, Риме, Мадриде, Копенгагене, Константинополе, Нью-Йорке. Стоимость журнала менялась — от 1 руб. 70 коп. до 5 руб. 10 коп. — в зависимости от количества страниц и условий выпуска.

Первые два года журнал был изданием широкоформатным и тяжеловесным. В последующие — 1908 и 1909 гг. — роскоши в оформлении «Золотого руна» стало меньше, уменьшился и формат издания. В журнале содержалось огромное количество иллюстративного материала: цветные снимки с портретов, пейзажей, виньетки и разного рода украшения обложек, страниц, выполненные крупнейшими отечественными и зарубежными художниками. Редакция много внимания уделяла представлению

текстового материала, также заботясь о размещении портретов своих авторов; по заказу «Золотого руна» писались портреты А. Блока, Андрея Белого, Вяч. Иванова, К. Бальмонта и других поэтов и прозаиков, в той или иной степени связанных с русским символизмом.

В первом номере, вышедшем в 1906 г., был опубликован манифест редакционной коллегии (написанный, по-видимому, С. А. Соколовым), эстетическая и общественная программа журнала: «Мы сочувствуем всем, кто работает для обновления жизни, мы не отрицаем ни одной из задач современности, но мы твердо верим, что жить без Красоты нельзя <...> И во имя <...> новой грядущей жизни мы, искатели золотого руна, развертываем наше знамя:

Искусство — вечно, ибо основано на непреходящем, на том, что отринуть — нельзя.

Искусство — едино, ибо единый его источник — душа.

Искусство — символично, ибо носит в себе символ, — отражение Вечного во временном.

Искусство — свободно, ибо создается свободным творческим порывом.»

Широта заявленных принципов, опиравшихся на большие деньги Рябушинского (доходы журнала по итогам 1906 г. составили 12 тысяч рублей, а расходы — около 84 тысяч), позволила на первых порах привлечь в «Золотое руно» почти всех крупнейших символистов: в 1906 г. в журнале печатались Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, Андрей Белый, М. Волошин, З. Гиппиус, В. Иванов, Д. Мережковский, Ф. Сологуб, а также — многие менее известные, от М. Кузмина до начинающих С. Городецкого и В. Ходасевича. В журнале также сотрудничали Л. Андреев, И. Бунин, Б. Зайцев. Наибольшую критику со стороны даже дружественных изданий вызывала излишняя роскошь (в том числе даже параллельные переводы на французский язык, для чего из Франции был специально приглашен поэт Эсмер-Вальдор) «Золотого руна», переходившая в безвкусицу.

Журнал быстро приобрел популярность. Но при видимом успехе издания и шумной славе «Золотое руно» неоднократно сталкивалось с проблемами выпуска. Известно, что трудности издания журнала были вызваны не только производственными, социально-экономическими проблемами, но и настроениями в самой редакции, особенностями поведения издателя Н. Рябушинского.

В середине 1906 г. отказался участвовать в редакционной работе фактический руководитель журнала С. Соколов, поссорившийся с Рябушинским, и его место занял друживший с Брюсовым А. Курсинский. В это время Брюсов и другие сотрудники «Весов» активно сотрудничают с «Золотым руном». Но весной 1907 г. вследствие конфликта с Рябушинским Курсинский ушел из редакции и на некоторое время журнал остался без руководителя, поскольку сам Рябушинский его функции выполнять явно не мог. Лишь после того, как место секретаря занял Г.Э. Тастевен, «Золотое руно» определило свои литературные принципы. Вследствие сперва отхода, а затем вообще выхода из числа сотрудников ведущих авторов «Весов», «Золотое руно» стало ориентироваться на «петербуржцев», симпатизировавших мистическому анархизму. С середины 1907 г. роль ведущих теоретиков журнала переходит к В. Иванову, Г. Чулкову, отчасти С. Городецкому и Тастевену, критические обзоры регулярно печатает А. Блок, в литературном отделе ведущие позиции занимают (помимо названных) Кузмин, Сологуб, Волошин, С. Ауслендер. Противостояние «Весов» и «Золотого руна» достигает такой степени, что Брюсов начинает прямо требовать от своих приверженцев отказа от участия в «Золотом руне». И при этом, если полемика «Весов» была более подчинена задачами сиюминутным, то ряд статей «Золотого руна» (прежде всего «Россия и интеллигенция» Блока, «Ты еси», «Две стихии в современном символизме», «О русской идее» и «Древний ужас» В. Иванова), стимулом к созданию которых стала борьба двух изданий, относятся к числу наиболее принципиальных для всего символизма. Таким образом, если в литературной борьбе победителем чаще оказывались «Весы», более

строгие и убедительные в спорах, то для теории символизма статьи, публиковавшиеся в «Золотом руно», были несомненно значительнее.

К неординарным начинаниям «Золотого руна» относятся художественные выставки «Голубая роза» (1907) и «Салон Золотое руно» (1908), организация конкурса литературных и художественных произведений на тему «Дьявол». Об этом конкурсе, проводимом редакцией журнала «Золотое руно», было объявлено в № 5 за 1906 г. Произведения участников конкурса публиковались в литературном и художественном отделах журнала. В № 1 (1907 г.) был представлен Отчет жюри о проведении конкурса — «художественной, поэтической и религиозно-философской концепции» — на тему «Дьявол». Примечательно, что в жюри как по Литературному отделу (А. Блок, В. Брюсов, Вяч. Иванов, А. Курсинский), так и по Художественному отделу (М. Добужинский, П. Кузнецов, В. Милиоти, В. Серов) входил сам Н. Рябушинский. Первой премией были отмечены рассказы М. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» и А. Ремизова «Чертик». Вторая премия вручена П. Потемкину и А. Кондратьеву за стихи.

В 1909 г. издание фактически прекратилось, последние номера «Золотого руна» дорепечатывались в 1910 г. Основной причиной закрытия журнала стало ухудшившееся финансовое положение Рябушинского, но также давала себя знать и исчерпанность основных не слишком богатых журнальных идей.

Ида Гофман. «Золотое Руно» 1906–1909. У истоков русского авангарда⁷⁴

В истории европейской культуры был краткий период, когда художественный журнал стал по своему значению и роли больше, чем просто печатное издание, а превратился в яркое культурное явление, определявшее эпоху и формировавшее ее художественное сознание, ее эстетический идеал. Таким периодом был рубеж XIX–XX веков. Начиная с середины 1890-х годов подобные журналы один за другим появлялись в Париже, Лондоне, Берлине, Мюнхене. Они способствовали созданию определенной эмоциональной атмосферы времени. Мюнхенский «Югенд» даже дал название художественному направлению в европейской культуре той поры — югендиштиллю.

В России к таким явлениям можно отнести журналы «Мир искусства» и «Золотое Руно». Последний был неразрывно связан с историей сообщества молодых московских художников-символистов, возглавлявшегося П. Кузнецовым. Журнал стал материальной базой этой группы, получившей с его помощью полную свободу действий, явился печатным органом и идеологическим центром, объединившим и сплотившим содружество и способствовавшим утверждению эстетических принципов символизма. Именно «Золотое Руно» было в 1907 году организатором знаменитой московской выставки «Голубая Роза», давшей имя русскому символизму в изобразительном искусстве 1900-х годов. «Голуборозовство» стараниями «Золотого Руна» превратилось в эпохальное художественное явление, задававшее тон и определявшее стилистику времени.

Следом за «Голубой Розой», в качестве продолжения ее деятельности, журнал организовал совместные выступления русских и французских художников новых и новейших течений — в Москве в 1908–1909 годах состоялись три уникальные по масштабу и составу участники выставки под названием «Золотое Руно», сыгравшие судьбоносную роль в истории русского искусства XX столетия и давшие мощный импульс развитию русского авангардного движения.

---

74 <http://nasledie-rus.ru/podshivka/8711.php>

Однако «Золотое Руно» не только не получило должной оценки в советском искусствознании, но как и все, что связано с символизмом вообще и «Голубой Розой», в частности, было заклеено как вредное и чуждое новой идеологии явление. Журнал объявили «буржуазным», декадентским, в силу чего он оказался на «свалке истории» и был отнесен к числу запрещенных в советские годы изданий.

Сегодня уже ни у кого нет сомнений в исторической закономерности этого явления, в важности и значительности его роли в русской культуре XX столетия, и, естественно, возникла необходимость его изучения и исследования. В 2007 году вышла в свет первая посвященная данной теме большая монография (см.: Гофман И. Золотое Руно. Журнал. Выставки 1906–1909. М., 2007).

Организованная Третьяковской галереей весной 2008 года выставка, приуроченная к 100-летию первой совместной русско-французской экспозиции «Салон Золотого Руна», впервые представила это явление в многообразном его проявлении широкому зрителю.

Журнал «Золотое Руно» начал выходить в Москве с января 1906 года. Редактором-издателем его был Николай Рябушинский. Новое издание мыслилось и формировалось как продолжение петербургского «Мира искусства», в 1904 году уже закончившего свою деятельность. Потребность в художественном журнале, который взял бы на себя роль идеологического центра в борьбе бурно нарождавшегося нового с еще крепко отстаивающей свои позиции косностью, была в тот момент особенно острой. Москва тогда активно начала выдвигаться в качестве художественного центра русского искусства.

Не в пример Петербургской Академии художеств, превратившейся к тому времени в затхлое консервативное учреждение, Московское училище живописи, ваяния и зодчества, куда в качестве руководителя натурного класса в 1897 году пришел Валентин Серов, а вслед за ним Исаак Левитан, Константин Коровин, Паоло Трубецкой, переживало подлинное обновление. Воспитываемый здесь дух свободы способствовал активизации творческих сил московских художников, смелого их новаторства при сохранении у москвичей обостренного чувства «почвенности», глубинной внутренней связи с национальными традициями.

Проектируя новый журнал, Рябушинский ориентировался на деятельность Сергея Дягилева и те задачи, который тот ставил при организации «Мира искусства», сформулированные им в письме 1897 года к А.Бенуа. Дягилев писал: «...проектирую журнал, — в котором думаю объединить всю нашу художественную жизнь, т.е. в иллюстрациях помещать истинную живопись, в статьях говорить откровенно, что думаю, затем от имени журнала устраивать серию ежегодных выставок...» (Бенуа А. Возникновение «Мира искусства». Л., 1928. С.27). «Мир искусства» начал выходить с 1899 года. В статье «Сложные вопросы», предварявшей первые две книжки журнала, излагались новые эстетические принципы. В них провозглашались автономность искусства и свобода творчества, утверждался приоритет личности творца. Назначение художественной критики формулировалось как «воспевание» всякого нового проявления таланта. Одной из важнейших задач журнала объявлялось воспитание широкого знания.

«Золотое Руно» выступило на арену борьбы за новые эстетические принципы спустя семь лет после выхода первых номеров «Мира искусства». Это был пик русской революции. Прямо перед появлением журнала в Москве, в декабре 1905 года, власти жестоко подавили Московское вооруженное восстание. Свои принципы «Золотое Руно», в отличие от «Мира искусства», излагало в духе революционного времени — в форме манифеста, напечатанного золотыми буквами на страницах первого номера. В нем говорилось: «В грозное время мы выступаем в путь. Кругом кипит бешеным водоворотом обновляющаяся жизнь <...> Мы сочувствуем всем, кто работает для обновления жизни, мы не отрицаем ни одной из задач современности, но мы твердо верим, что жить без Красоты нельзя, вместе с свободными учреждениями, надо завоевать для наших потомков свободное, яркое, озаренное солнцем творчество <...> И во имя той же новой

грядущей жизни мы, искатели золотого руна, разворачиваем наше знамя: Искусство — вечно <...>, Искусство — едино <...>, Искусство — символично <...>, Искусство — свободно <...>».

Название нового журнала было выбрано со смыслом. Идея его незадолго до того была изложена молодым тогда поэтом и теоретиком символизма Андреем Белым в его рассказе «Аргонавты», где нашли выражение неопределенные в духе символистской образности поиски свободы молодых русских идеалистов. Белый призывал Человечество, «свободу любя», покинуть ставшую невыносимой для свободных людей Землю и улететь «в эфир голубой», к Солнцу. В рассказе содержался даже конкретный план отлета. Главный герой рассказа — «великий писатель, отправлявшийся за Солнцем, как аргонавт за руном», говорит: «Буду издавать журнал “Золотое руно”. Сотрудниками моими будут аргонавты, а знаменем — Солнце. Популярным изложением основ солнчности зажгу я сердца. На весь мир наведу позолоту. Захлебнемся в жидком солнце» (Белый А. Аргонавты // Белый А. Симфонии. Л., 1991. С. 450-455).

Мечта о создании такого журнала-светоча была заманчива и красива. Но издатель реально возникшего нового журнала Николай Рябушинский оказался не «великим писателем», а происходил из богатого московского купечества. Он был сыном известного миллионера Павла Михайловича Рябушинского, среди тринадцати детей которого оказалось немало ярких личностей, причастных русской культуре и науке. Молодой Николай считался среди них самым непутевым и бесшабашным. Не чувствуя склонности к торгово-промышленному делу, он, получив свою долю наследства, ушел с головой в искусство. Систематического художественного и никакого другого образования Николай не имел, но активно и небезуспешно самообразовывался — занимался рисованием и живописью, писал стихи, повести и статьи по искусству, путешествовал по разным экзотическим странам, коллекционировал произведения искусства. Отношение к нему в среде русских интеллектуалов было весьма скептическим. Его личность не вселяла уверенности в том, что он берется за свое дело и будет способен претворить возвышенную символистскую мечту в жизнь. Данное обстоятельство сообщало ситуации вокруг «Золотого Руна» остроту и напряженность.

Решение еще совсем молодого, тогда 29-летнего, Рябушинского стать редактором-издателем серьезного и столь необходимого в ту пору русской культуре издания воспринималось многими как очередная блажь богатенького купчика, «золотого мешка», сорящего деньгами, которому захотелось еще и лавров Сергея Дягилева. Вокруг него и его деятельности в журнале царило настроение полного недоверия. Художник И.Остроухов сообщал в январе 1906 года в письме дочери П.М.Третьякова А.П.Боткиной в Петербург: «У нас народился новый журнал — “Золотое Руно” — все сколки с “Мира искусства”. Думаю, что ничего путного не выйдет...» (ОР ГТГ. Ф. 48/441. Л.1об.).

Появление первых номеров «Золотого Руна» сопровождалось критическими выпадами, ироническими репликами, подтруниванием, а иногда и грубой бранью. Такого рода статьи за подписью «Товарищ Герман» были опубликованы во втором и пятом номерах «Весов» за 1906 год. Вокруг нового журнала создавалась поистине «душиная» атмосфера, причем людьми из самого ближайшего окружения, самими участниками нового издания.

Сейчас даже трудно представить себе, как же вопреки всему этому удалось создать «Золотое Руно» и сделать журнал тем, чем он стал, по полной программе, превратив его в яркое явление русской культуры. Такое могло быть под силу только крупной личности, обладавшей многими положительными качествами — организаторским и дипломатическим даром, сильной волей, пониманием задач, а, главное, знанием дела и уверенностью в важности предпринятого начинания для судеб отечественной культуры.

Рябушинский вполне осознанно пошел на этот патриотический шаг — полученные результаты позволяют сделать такое заключение. Он, несомненно, был незаурядным

человеком, быть может, сложным, путаным, но при всем том отмеченным Богом. Это понимали даже недоброжелатели, которые среди длинного ряда его отрицательных качеств нет-нет да и находили в нем нечто достойное и поминали его добрым словом.

Так, поэт Владислав Ходасевич, не пожалевший для характеристики Николая Рябушинского нелестных слов, все же отмечал, что он «был далеко не глуп» и «привлекал к себе какой-то природной одаренностью» (Ходасевич В.Ф. О меценатах // Ходасевич В.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. С.330). А другой известный современник, князь Сергей Щербатов убежденно заявлял, что в Рябушинском была заложена «какая-то сумбурная, но несомненная талантливость» (Щербатов С. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк, 1955. С.41).

Судя по всему Николай действительно был сумбурен и не лишен присущих русскому купечеству замашек, столь шокировавших интеллектуалов. Однако, к счастью для русской культуры, энергия «шалого» Рябушинского была во время направлена в нужное русло. В 1906 году он примкнул к группе новаторской молодежи и стал членом творческого содружества московских художников-символистов, возглавлявшегося Павлом Кузнецовым, к группе, к тому времени уже вполне сложившейся творчески и крайне нуждавшейся в материальной и идеологической поддержке. И она явилась вместе с Рябушинским. Не явись он в тот момент, наверное, не состоялась бы ни «Голубой Розе», ни тому, что последовало в русском искусстве вслед за тем.

Вышедший в свет в январе 1906 года первый номер «Золотого Руна», большой, красивый, сияющий золотом, словно наполненный солнечным светом, должен был поразить, обрадовать, поднять дух, вселить надежду. Рождение журнала под флагом Солнца символизировало Восход новой Жизни. Солнце вставало, чтобы рассеять сумрак Ночи, в которую была ввергнута тогда Россия. Новое издание имело целью объединить на своих страницах всю художественную жизнь, сделав акценты на самых ярких и достойных внимания явлениях, и соответственно идее А.Белого, «популярным изложением основ солнчности», что означало идею символизма как нового и самого передового направления в культуре XX столетия «зажечь сердца» читателей.

Жизнь «Золотого Руна» началась с представления основоположника русского художественного символизма Михаила Врубеля. Показом его произведений открывался первый январский номер 1906 года. Художник долгое время оставался не понятным своими современниками. Но для молодых московских символистов он был кумиром, их эпохой, воплощением самой символистской идеи, неким духовным ориентиром. Врубель стал своеобразным камертоном «Золотого Руна», той высокой нотой, на которую журнал себя настраивал. Личность этого художника-небожителя определяла взятый «Золотым Руном» курс и осеняла его весь последующий путь до самого конца.

В каждом номере журнал знакомил читателей с самыми значительными в его представлении явлениями современной художественной жизни страны, часто еще не понятными и не оцененными до той поры по достоинству. Так, третий номер был посвящен Виктору Борисову-Мусатову, другому, наряду с Врубелем, основоположнику русского живописного символизма, который был для московских новаторов не только путеводной звездой, прекрасной, но далекой, как Врубель, но живой реальностью — их другом, наставником, Учителем. Эта публикация «Золотого Руна» сыграла важнейшую роль в формировании правильной исторической оценки творческой личности Борисова-Мусатова и в понимании его роли в истории искусства XX века.

Возможность персонального показа на страницах «Золотого Руна» была предоставлена и многим ведущим мастерам «Мира искусства» — К.Сомову, Л.Баксту, А.Бенуа, Е.Лансере. Здесь публиковалось большое число их произведений и помещались специально заказанные Рябушинским для журнала их портреты и автопортреты — так возникла большая портретная галерея «Золотого Руна». Показу сопутствовали статьи о художнике или посвящения ему. Так же достойно и с таким же пиететом представлены

в «Золотом Руне» М.Нестеров, Н.Рерих, К.Богаевский. Из молодых московских новаторов такого внимания был удостоен только П.Кузнецов.

При этом журнал стремился не только к развитию в читателе широкого знания, но ставил перед собой задачу воспитания художественного вкуса в широкой среде читающей публики, и не только русской — первые полгода «Золотое Руно» выходило на двух языках — русском и французском, и было ориентировано на одиннадцать крупнейших городов России, Европы и Америки. Важное значение приобретает в новом журнале не только то, что публикуется, но и то, как это делается.

Иллюстрации в «Золотом Руне» по большей части крупноформатные, на всю полосу листа прекрасной по качеству бумаги, не перебиваются текстом и размещаются с определенным смыслом. Так, сопоставление автопортретов Врубеля с ликами его «Пророков», «Серафимов», «Демонов» подчеркивает божественную природу врубелевского дара, его избранность. Листы с изображением произведений Борисова-Мусатова рождают ощущение нежной лирической мелодии. Большую роль в них играют светлые фоны, на которых отчетливо выявляются певучие плавные линии мусатовских композиций и нежные интонации его цветовых созвучий. В материале о Рерихе, наоборот, белое служит тому, чтобы усиливать глубину господствующего во многих работах художника этого времени сумрачных черных тонов.

Журнал направляет внимание читателей на то, что разные виды изобразительного искусства требуют разного подхода к их восприятию и рассмотрению. Например, две скульптурные группы Сомова представлены на страницах «Руна» в четырех и шести проекциях, с разных сторон, на разных фонах. Чувствуется особый интерес журнала к специфике графики, наиболее органичной по своей природе печатному изданию. Блестяще показаны здесь изящество и тонкость линии и красота черного пятна силуэтной сомовской графики; можно по достоинству оценить по воспроизведениям журнала красоту и рациональность рисунков Лансере, классическую ясность графического стиля Бакста или прелесть и свободу его натурных зарисовок. Великолепно декоративное оформление самого журнала — многочисленные заставки, концовки, заглавные листы разделов, выполненные, в основном, крупнейшими мастерами «Мира искусства» и «Голубой Розы».

Новым начинанием «Золотого Руна» стала организация при журнале издательства, которое выпускало книги близких его кругу авторов. Оно появилось в середине 1906 года. Первой ласточкой стал поэтический сборник Бальмонта «Злые чары», который сразу же был запрещен цензурой. За время своего существования издательство «Золотого Руна» выпустило в свет книгу рассказов А.Ремизова, сборники стихов Ф.Сологуба и А.Блока, роман польского писателя С.Пишибышевского, повесть самого редактора-издателя журнала под названием «Исповедь». Но самым значительным и ценным изданием «Золотого Руна» стали иллюстрированные «Очерки по истории русского искусства» профессора А.Успенского. Издательство, несомненно, содействовало расширению круга идеологического воздействия журнала на читающее русское общество. Организация его была хорошо и правильно поставленным делом, придававшим определенный вес деятельности «Золотого Руна».

Новый журнал подхватил и успешно продолжил еще одно очень важное начинание «Мира искусства» — популяризацию национального художественного наследия. Ежегодно он посвящал этому большой строенный номер. Темой первой публикации такого рода стало древнерусское искусство. Публикация эта содержит около 70 иллюстраций, материал сгруппирован в пять разделов, освещающих в разных аспектах разные виды и формы древнерусского искусства. Названия разделов таковы: Иконописание в России до второй половины XVII века; Фрески паперти Благовещенского собора в Москве; Влияние иностранных художников на русское искусство во второй половине XVII века; Живописец Василий Познанский; Русский жанр XVII века. Каждый из

разделов предваряет статья крупнейшего исследователя древнерусского искусства того времени профессора А.И.Успенского.

Это был первый опыт научной популяризации древнерусского искусства. Значение данной публикации трудно переоценить. Впервые широкой читающей массе открывался неизвестный пласт русской художественной культуры, новый мир высокодуховного национального творчества. И, конечно, неоценимо значение этой акции для художественной молодежи рубежа XIX–XX веков. Открытие древнерусского искусства как мощного источника эстетического и духовного воздействия сыграло огромную роль в направлении поисков молодых русских художников и формировании принципов русского авангарда.

В следующем, 1907 году самым значительным по разделу наследия стал материал на тему «А.Г.Венецианов и его школа», в 1908-м — творчество художника Николая Ге как лучшего представителя высоконравственной традиции передвижничества. 100-летие со дня рождения Александра Иванова «Золотое Руно» отметило замечательной публикацией малодоступных для широкой публики рисунков и акварелей художника в сопровождении статьи В.Розанова.

За четыре года деятельности журнал познакомил читателя с массой материалов по разделу наследия. Среди них: коллекция старинной мебели графа А.В.Олсуфьева, экспонаты польского искусства из Виленской коллекции Румянцевского музея в Москве, собрание миниатюр Императорского Эрмитажа; персидская живопись XVI века; коллекция резьбы по кости холмогорской и якутской работы XVIII и XIX веков; материалы Лицевого Апокалипсиса поморского письма XVIII века, творчество художников Федора Толстого, Якова Капкова, А.Монтичелли и других.

Но при всем внимании к искусству прошлого новый журнал был прежде всего нацелен на будущее. Считая себя ответственным за судьбы русской культуры, «Золотое Руно» включилось в борьбу за ее перестройку. На страницах журнала горячо обсуждаются вопросы улучшения художественного образования, государственной организации и руководства искусством, при этом роль художника в жизни обновленного свободного общества рассматривалась в качестве ведущей. Именуемый советской критикой как «аполитичный», журнал при ближайшем рассмотрении оказывается живым воплощением своего времени. Этот роскошный, сияющий золотом журнал, как никакое другое издание позволяет сейчас реально ощутить всю сложность того трагического момента русской истории. На страницах «Золотого Руна» нашли яркое выражение и эмоциональный общественный подъем этих лет, и суровая правда действительности; окрыляющие утопические надежды и тяжелое ощущение безвыходности и полного отчаяния. При этом нельзя не заметить откровенной прореволюционной настроенности журнала.

Со второго года издания, продолжая оставаться литературным и критическим, расширяя музыкальный отдел, «Золотое Руно» все более концентрировало внимание на изобразительном искусстве, определяясь как художественный журнал и всячески содействуя развитию в нем принципов символизма и популяризации этих принципов в качестве самых прогрессивных в широком сознании.

Художественные выставки с самого начала были предметом пристального внимания «Золотого Руна». Обзоры выставочных экспозиций в журнале всегда содержали обширный показ экспонатов и сопровождались обычно серьезным анализом процессов, происходивших в современном искусстве. Так, в нескольких номерах строгому обсуждению была подвергнута организованная Дягилевым выставка «Мира искусства» 1906 года, ставшая по своему значению эпохальной. Она открыто обнажила уже наметившиеся и все более со временем нараставшие противоречия между группой московских символистов и петербургскими ретроспективистами. После этой выставки уже не было сомнений в том, что эти художественные группы отнюдь не попутчики в своих поисках новых путей в искусстве. Собственная выставочная деятельность стала

для «Золотого Руна» просто необходимостью. И она блистательно началась с организации в 1907 году в Москве выставки «Голубая Роза».

Художник Сергей Виноградов вспоминал: «Первая выставка “Голубой Розы” была сенсацией в московском мире искусства. И устроена она была с такой исключительной изысканности красотой, что подобного не видали никогда» (Виноградов С. О выставке «Голубой Розы», таланте Н.П.Рябушинского и «Празднике роз» в его Кучине // Виноградов С. Пржежня Москва. Рига, 2001. С.143).

Представлению «Голубой Розы» и анализу проблем, связанных с ее деятельностью, был посвящен специальный номер «Золотого Руна», оформленный самими участниками экспозиции в свойственной их стилистике манере. Журнал убедительно, серьезно и с большим вкусом преподнес выставку читателям и, что особенно ценно и важно, сумел тогда же в статье Сергея Маковского дать правильную историческую оценку явлению, которое именно с этого момента окончательно обрело свое имя и статус. «Голубая Роза» воплотила и выразила эстетические принципы символизма в изобразительном искусстве. Освобожденное от задач непосредственного отображения окружающего мира, искусство пришло в творчестве этих мастеров к выражению нематериальных категорий — образов подсознания: эмоций, чувств, ощущений — и приблизилось к принципам музыкального творчества. В основе голуборозовской живописи, как в музыке, лежат ритм, эмоциональная выразительность линии, тонкая цветовая интонация. Но, став вершиной русского символизма 1900-х годов, «Голубая Роза» обнажила и большие проблемы, перед которыми оказалось это художественное направление. Дальше следовать по этому пути было некуда, материальное по своей природе пластическое искусство оказалось перед проблемой растворения, исчезновения. Следовало найти средства вернуть ему его природу, не изменяя при этом главным эстетическим принципам символизма. Новые задачи, встававшие перед русским искусством, определенным образом уточняли в связи с этим и новый курс журнала. Направление поисков «Золотого Руна» 1908–1909 годов вполне отчетливо было сформулировано одним из членов голуборозовского содружества художником В.Милиоти и опубликовано в журнале.

«И если русское искусство хочет стать нужным для русской культуры, — говорилось в этой публикации, — оно должно приобщиться той великой душевной глубины, бодрости и веры, которые оставили нам как завет первые учителя передвижничества, и впитывать в себя завоевания великого живописного Запада, ища новых форм для обновленных внутренних переживаний» (Милиоти В. Забытые заветы // Золотое Руно. 1909. №4. С. V).

Задача «впитывать в себя завоевания великого живописного Запада» стала определяющей в деятельности «Золотого Руна» последующих двух лет. Важность творческих контактов современных русских и европейских художников очень хорошо понимал еще Дягилев. Он считал такой контакт залогом успешного развития русского искусства. «Нам надо давать той гигантской мощью, которая так присуща русскому таланту, — говорил он, — <...> надо сделаться не случайными, а постоянными участниками в ходе общечеловеческого искусства. Солидарность эта необходима. Она должна выражаться как в виде активного участия в жизни Европы, так и в виде привлечения к нам этого европейского искусства; без него нам не обойтись — это единственный залог прогресса и единственный отпор рутине, так давно сковывающей нашу живопись» (Дягилев С. Европейские выставки и русские художники // Сергей Дягилев и русское искусство. В 2 т. Т.1. М., 1982. С. 56, 57).

Деятельность Дягилева всегда была для Рябушинского примером, которому он следовал, стараясь претворять в жизнь многие из его планов. Идея русско-французских творческих контактов была в тот момент исторически обусловлена и логична, а для русского искусства просто спасительна. И если Дягилев сделал в данном направлении первый большой шаг, то Рябушинский, помятуя, что это «единственный залог прогресса

и единственный отпор рутине», довел саму дягилевскую идею до логического ее завершения — именно он и «прорубил» для русского изобразительного искусства желанное «окно в Европу».

Журнал планировал организацию в Москве совместного выступления русских и французских современных художников на выставке под названием «Салон Золотого Руна», открытие которой предполагалось приурочить к годовщине «Голубой Розы» — 18 марта 1908 года. По идее, голуборозовцы должны были при этом объединиться с лучшими русскими художниками, в первую очередь с группой мастеров «Мира искусства», чтобы продемонстрировать в сопоставлении с французской достижениями новой русской школы живописи. Цели и задачи замысла были подробно изложены во вступительной статье к каталогу (но уже второй выставки «Золотого Руна», так как из-за организационных неурядиц сделать это вовремя не успели, — каталог первой выставки вышел без вступительной статьи).

«Приглашая французских художников к участию на выставке, — говорится в статье, — группа “Золотого Руна” преследовала двоякую цель: с одной стороны, путем сопоставления русских и западных исканий ярче осветить особенности развития молодой русской живописи и ее новые задачи; с другой — подчеркнуть черты развития, общие русскому и западному искусству, т.к. при всем различии национальных психологий (французы — более сенсуалисты, у русских художников больше одухотворенности), новые искания молодого искусства имеют некоторые общие психологические основы. Здесь — преодоление эстетизма и историзма, там — реакция против неоакадемизма, в который выродился импрессионизм. Если родоначальниками этого движения во Франции были Сезанн, Гоген и Ван Гог, то первый толчок в России был дан Врубелем и Борисовым-Мусатовым» (Каталог выставки картин «Золотое Руно». М., 1909).

В силу негативного отношения в среде русских интеллектуалов к Рябушинскому и к его грандиозным планам выставка оказалась на грани срыва. Однако вопреки всем, казалось бы, неразрешимым и, похоже, хорошо скоординированным препятствиям, ему удалось осуществить свой замысел, правда, несколько позже задуманного срока и не совсем в том виде, как поначалу предполагал. 5 апреля 1908 года в Москве в доме Хлудовых — на углу Рождественки и Театрального проезда — открылась небывалая по своему размаху и значению в истории русского искусства XX столетия выставка «Салон Золотого Руна».

Это был первый за пределами Франции столь представительный показ нового французского искусства, тогда еще не имевшего широкого признания даже в самом Париже, не говоря уже о других городах Европы. Лишь два года спустя выставка французского импрессионизма состоялась в Лондоне. На «Салоне» предполагалось познакомить российского зрителя со всем спектром французских художественных направлений рубежа XIX–XX веков. Свыше пятидесяти крупнейших французских мастеров были представлены на выставке в Москве. Демонстрировалось около 250 произведений живописи, скульптуры и графики. Среди них импрессионисты — Ренуар, Дега, Писсаро, и постимпрессионисты — Сезанн, Гоген, Ван Гог, Тулуз-Лотрек; символисты группы «Наби»: Дени, Боннар, Вюйар, Руссель. Наряду с ними для показа были отобраны также произведения художников самых новейших, только-только еще утверждавших себя во Франции художественных течений, таких как фовизм — Матисс, Дерен, Ван Донген, Марке, Руо; и даже едва зарождавшийся тогда кубизм, одним из ярких представителей которого был Жорж Брак, приславший в Москву пять своих работ. Все это не могло не произвести ошеломляющего впечатления на московскую публику. Выставка имела огромный резонанс.

Журнал организовал полное и всестороннее представление выставки на своих страницах, провел широкую кампанию по популяризации французского искусства, уделив большое внимание анализу общих проблем, встававших тогда перед представителями обеих художественных школ. Обширный изобразительный материал сопровождали три

обстоятельные статьи о французском искусстве: М.Волошина «Устремления новой французской живописи (Сезанн, Ван Гог, Гоген)», Ш.Мориса «Новые тенденции французского искусства» и Г.Тастевена «Импрессионизм и новые искания».

В январе 1909 года открылась вторая выставка, организованная журналом, она называлась «Золотое Руно». Эта выставка продолжила начатую «Салоном» традицию общих с французами творческих встреч и в большой мере восстанавливала престиж русского искусства, как бы доказывая тем самым, что существуют вполне реальные основания для творческого сотрудничества этих двух национальных школ. На второй выставке участвовали 16 (по голуборозовской традиции) русских художников и 10 французов. На этот раз экспозиция и каталог не разделялись по национальным отделам. Думается, этот момент несомненно учитывался. Соотношение экспонатов по количеству также было продумано — русские художники поставили 111 произведений, французы — 44.

В группу «Золотого Руна» входили восемь голуборозовцев — П.Кузнецов, Уткин, Матвеев, В.Милюти, Сарьян, Кнабе, Рябушинский, Фонвизин, а также Н.Гончарова, М.Ларионов, Н.Ульянов и К.Петров-Водкин. Среди французских мастеров на этот раз совсем не были представлены импрессионисты. Предпочтение отдали художникам новейших течений — в выставке принимали участие Ж.Брак, А.Дерен, К. Ван Донген, А.Марке, Г.Матисс, Ж.Руо, М.Вламинк и др.

Выставка имела у коллекционеров, любителей искусства и широкой публики еще больший, чем первая, успех. За более короткий срок — она демонстрировалась всего один месяц, до 15 февраля — ее посетило на две тысячи больше народу. На вернисаже, как сообщалось в журнале, присутствовало около 700 гостей. С выставки куплено 20 произведений русских мастеров и 3 французские работы — две картины Ж.Руо и одна Ван Донгена. Это свидетельствовало о начинавшемся оживлении новой русской живописи, о нарождающемся к ней интересе — непосредственные контакты с французами и активные просветительские действия «Руна» в этом направлении не прошли даром.

Обзору выставки посвящен двоянный номер журнала, в котором публикуются 44 репродукции с картин русских и французских художников и пять снимков выставочных залов.

В сопроводительной статье дается анализ состояния французского и русского искусства на тот момент и выдвигаются первостепенные задачи, которые формулируются так: «в сфере философской — преодоление субъективизма через реалистический символизм; в сфере живописной — синтетический метод <...>» (Эмпирик. Несколько слов о выставке Золотого Руна // 1909. № 2-3. С. 1-111).

Последняя выставка журнала открылась в конце того же 1909 года и продолжалась в течение всего января следующего 1910 года, когда «Золотое Руно» официально уже закончило свою деятельность. В связи с этим она не получила отражения на страницах журнала. По свидетельству современников, третья выставка была вполне успешной и также представляла несомненный интерес. Она уже существенно отличалась от двух первых. На ней участвовали только русские художники. Возможно, причина этого заключалась в материальной стороне. Но и сама надобность в контактах русских мастеров с французами к тому времени в большой мере отпала. Роль «Золотого Руна» по сути была сыграна. Основу третьей выставки, определявшей ее лицо, составляли члены устоявшейся к тому времени группы «Золотого Руна», в которую входили голуборозовцы — П.Кузнецов, Уткин, Кнабе, Сарьян, Рябушинский, а также Ларионов и Гончарова. Почти каждый из них демонстрировал по 10 и более произведений, особенной активностью отличился Ларионов — он поставил 22 работы. Среди экспонентов были также Н. Ульянов, Н.Тархов, А.Карев. Но что особенно важно отметить, в состав золоторунной группы на третьей выставке влились новые молодые авангардисты — Илья Машков, Петр Кончаловский, Александр Куприн, Роберт Фальк.

Вскоре — в конце 1910 года — названные художники совместно с Ларионовым, Гончаровой, Аристархом Ленгуловым, Василием Кандинским, Казимиром Малевичем выступили самостоятельно как новое авангардное объединение, назвавшее себя «Бубновый валет». Эта группа русских живописцев тоже испытала благотворные французские влияния на выставках «Золотого Руна». В отличие от голуборозовцев, их более привлекла мощная «вещность» искусства Сезанна. Зародившись в лоне голуборозовского новаторства, русский авангард с этого времени «оторвался» от «Голубой Розы» и начал свое самостоятельное неудержимое движение вперед. «Голубая Роза» и «Золотое Руно» явились его питательной средой, дали ему импульс, толчок. Но при этом сама «Роза», серьезно перестроившись под воздействием французов, избрала свой особый путь развития, также оказавшийся в творчестве ее выдающихся мастеров вполне современным и художественно убедительным, занявшим свое достойное место рядом с русским авангардным движением.

Журнал завершал свою деятельность, с честью выполнив все поставленные перед собой задачи и став ярким явлением своего времени. Он уходил с достоинством. В прощальном обращении Редакции говорилось: «Расставаясь теперь с читателями, мы вовсе не чувствуем себя утомленными. Ни постоянная борьба, которую мы в продолжение более трех лет ведем за дорогое для нас будущее искусства, ни громадные технические трудности печатания художественного отдела, ни систематическая конфискация наших номеров и изданий цензурой, ни равнодушные и кампании газетной критики не поколебали нашей энергии. Но теперь мы ясно чувствуем, что течения, которые мы отстаивали как в области литературы, так и в области живописи уже достаточно окрепли и выразились, чтобы развиваться самостоятельно, и что “Золотое Руно” в этом отношении уже исполнил свою миссию... Заканчивая нашу четырехлетнюю работу, мы уходим со спокойной уверенностью, что ничто уже не сможет заглушить и уничтожить тех художественных принципов, за которые боролось «Золотое Руно» (От редакции // № 11-12. С. 107).

Право подводить итоги деятельности журнала Редакция оставила нам, потомкам, считая, «что объективная оценка достигнутого и не достигнутого <...> принадлежит только будущему» (Там же). Действительно, в перспективе длиною в сто лет все обретает свою истинную ценность, очищаясь от случайного и мелкого, что в пылу борьбы, подчас, выходило на первый план.

Явление, вошедшее в историю русской культуры XX столетия под названием «Золотое Руно», сыграло в ней поистине судьбоносную роль. В пору, когда русское искусство искало возможности применения могучих сил, бродивших в нем и вот-вот готовых прорваться наружу, «Золотое Руно», став идеологическим центром русского искусства, формировавшим художественное сознание эпохи, исторически точно осмыслив и оценив происходящее, направило эту энергию в нужное русло и оказало активное всестороннее содействие его свободному проявлению. Новое поколение русских художников, обретая уверенность в своих силах, взяв равнение на великих французских новаторов, понеслось по этому пути с такой русской удалью и размахом, что вскоре оказалось впереди тех, кого поначалу догоняло, и, в свою очередь, повлекло их вслед за собой к новым, еще более смелым открытиям. И действительно, ничто уже не смогло затем «заглушить и уничтожить тех художественных принципов, за которые боролось “Золотое Руно”».

Можно только поражаться безошибочно выбранными при этом журналом стратегии и тактике, выявляющих тонкую интуицию и чувство глубокого историзма его Редакции. Сто лет назад «Золотое Руно» содействовало формированию в русской культурной среде такого художественного мышления и понимания исторической ценности важнейших явлений европейского и русского искусства начала XX века, которое, по существу, не изменилось и по сей день. Время рассудило в пользу «Золотого Руна».

Возникнув на основе опыта «Мира искусства», достойно продолжив его культурно-просветительскую миссию, новый журнал сумел подняться на следующую, более высокую ступень художественного воззрения. В отличие от его предшественников, «ретроспективных мечтателей», интересы которых были устремлены к культуре прошлых эпох и которым именно в обращении к прошлому виделось спасение русского искусства от гибели, вся деятельность «Руна» была нацелена на Будущее. Даже вопросы традиции и наследия, также занимавшие много места в «Золотом Руне», осмысливались им в плане важности того или иного художественного явления в прошлом для формирования принципов будущего искусства

Естественно, встает вопрос, кто конкретно определял стратегию и тактику «Золотого Руна», столь точно попадавшую почти всякий раз в самое «яблочко» поставленной задачи? Кто направлял деятельность журнала, разумность которой подтверждена теперь самой историей? Кто принимал решения, одно важнее и рискованнее другого, и доводил их до блистательного результата?

Попытки найти главных «советчиков» Рябушинского делались неоднократно и делаются по сей день, но все они неубедительны и безуспешны. Конечно, планы издателя широко обсуждались, и связанные с «Руном» деятели культуры, несомненно, содействовали осуществлению проектов журнала. Однако нет никакого сомнения в том, что деятельность «Золотого Руна» как ведущего на данном историческом этапе художественного журнала в целом и его действия на этом поприще в каждом отдельном случае определял и осуществлял не кто иной, как сам Николай Рябушинский — он брал все решения на себя. Такова была его натура, таков был масштаб его личности. Сами факты свидетельствуют о том, что это он придумывал, планировал, организовывал, приглашал к участию, ездил повсюду и уговаривал; отбирал на выставки работы великих и малоизвестных, тогда еще не признанных, но перспективных, по его разумению, мастеров; это он заказывал портреты тех деятелей, которых считал наиболее достойными, и, как показало время, ни разу не ошибся в выборе имени; и это он все финансировал, не преследуя никакой для себя материальной выгоды, а имея одни лишь непомерные даже при его богатстве расходы. Это был поистине его патриотический подвиг, и это была его победа.

Рябушинский, как уже отмечалось, строил свою жизнь с Дягилева, начинания которого успешно и достойно продолжил. В нем самом жил сильный и яркий талант творца и организатора. Энергия его также была неумемной. Ему было под силу осуществлять то, что намечал в своей бурной деятельности Дягилев. Благо, он обладал еще и тем, чего часто не хватало Дягилеву для претворения в жизнь его смелых планов — Рябушинский имел еще и средства. И он абсолютно бескорыстно отдал все, чем владел, делу своей жизни — Искусству.

Для характеристики личности Николая Рябушинского нелишне вспомнить и еще об одном грандиозном его проекте. Как сообщалось в разделе «Вести отовсюду» первого номера «Золотого Руна» за 1909 год, по его инициативе начал разрабатываться проект устава акционерного общества с целью постройки в Москве здания, предназначенного для всевозможных выставок, отражающих современное искусство в России. Отмечалось, что «здание будет носить название “Дворец искусств”»; общая стоимость его будет разложена на 500 акций в 1000 рублей каждая, причем Н.П.Рябушинский подписался уже на 25 акций. Разработка проекта здания поручена архитектору В.Адамовичу. При здании Дворца предполагается постоянный публичный музей, обнимающий все отрасли чистого искусства» (№1. С. 110-111). К сожалению, замысел не был осуществлен.

Вперемежку с творческими делами — созданием картин, повестей, стихов, коллекционированием произведений искусства — одновременно с работой над журналом и организацией эпохальных выставок, придумыванием подобных описанному выше планов, Рябушинский не прекращал «проказничать» и «озорничать» — менял женщин, играл в

карты, закатывал умопомрачительные пиры и организовывал фантастические «праздники роз»; шумел, выставлял себя легковесным кутилой, проматывавшим отцовские капиталы, будоражил, дразнил respectable общество и возмущал утонченных интеллектуалов.

Но все это было шелухой. Время показало, что зерно в нем было в высшей степени качественное, что он — настоящий талант, русский самородок и подлинный патриот, типичное порождение своей сложной, исполненной глубокими внутренними противоречиями путаной эпохи, истинный «москвич», достойный представитель того просвещенного купечества, на котором выросла и получила мировое признание русская культура XX столетия.

Он сыграл свою роль в истории и остался в ней яркой звездой. Вклад Николая Рябушинского, и прежде всего это касается судеб русского изобразительного искусства, не менее, если не более значителен, чем вклад Сергея Дягилева. Обе эти фигуры достойны стоять в истории отечественной культуры XX века рядом, хотя судьбы их сложились по-разному. Фортуна Рябушинского оказалась много суровой. Его не поняли и не приняли современники и пока еще не в должной мере оценили потомки. Вернее, ныне уже никто не сомневается в значительности исторической роли явления, именуемого «Золотым Руном», но до сей поры не идентифицируют его с личностью самого Николая Рябушинского. А меж тем «Золотое Руно» является достойным памятником его имени.

И в заключение еще раз о самом журнале. Помимо всего вышесказанного, «Золотое Руно» представляет собой еще и уникальный памятник графического искусства начала XX столетия, объединивший вокруг себя все лучшие силы русской графики того времени. Среди главных его оформителей были мастера «Мира искусства» — Лансере, Добужинский, Бакст, Сомов, Бенуа, и «Голубой Розы» — Кузнецов, Уткин, В.Милиоти, Крымов, Сапунов, Судейкин, Арапов, Дриттенпрейс, Феофилакт. Страницы «Золотого Руна» сохранили для нас в прекрасном по качеству воспроизведении драгоценные графические создания Врубеля, Серова, Борисова-Мусатова и русских мастеров XIX века — А.Иванова, Ф.Толстого, А.Венецианова, Н.Ге, ценнейшие образцы древнерусского искусства и шедевры авангардной французской живописи. Решением создать в журнале галерею графических портретов выдающихся деятелей русской культуры начала XX столетия «Золотое Руно» способствовало блистательному расцвету русской портретной графики.

«Золотым Руном» сформулированы главные принципы «толстого» художественного журнала, основанные, прежде всего, на точном отборе публикуемых материалов и их высоком профессиональном уровне, на логичности и красоте размещения их в журнале и ритмической слаженности составляющих номер компонентов, на удобстве пользования читателем. Здесь найдено гармоничное соотношение текста и иллюстраций, продумано взаимодействие типографского шрифта и живого штриха художественного рисунка. Заставки, концовки, буквы становятся органической частью текста, а текст, в свою очередь, превращается в произведение графического искусства.

Самый облик журнала стал формой воспитания вкуса, культуры глаза, чувства прекрасного в широкой читательской массе. И это, несомненно, сыграло свою благотворную роль в популяризации данного издания сто лет назад и в привлечении глубокого интереса к журналу и к тому эпохальному явлению в целом, которое именуется «Золотым Руном», в наши дни.

В. Я. Брюсов. Карл V. Диалог о реализме в искусстве

Не так давно мне случилось присутствовать в редакции одного декадентского журнала на чтении молодым начинающим автором его трагедии "Карл V". Автор был для нас человеком совершенно чужим, и среди нас лично знал его только один постоянный

сотрудник, представивший его редакции. Кроме этих двух лиц, которых я буду называть *автором* и *критиком*, на чтение собралось еще человек восемь, среди них: *издатель* журнала, известный *поэт* и юный *философ-мистик*. Драма слушателям не понравилась, и они подвергли ее беспощадной критике. Автор защищался смело и, во всяком случае, упорно. Спор, коснувшийся не которых наиболее жгучих вопросов искусства, показался мне достаточно любопытным, чтобы записать его. Разумеется, я не мог восстановить всех подлинных выражений, так как составлял свой отчет по памяти, на другой день после чтения. Во многих случаях мною передан только смысл сказанного, но, где мог, я старался сохранить и манеру речи. Мелкие, незначительные реплики я счел себя вправе опускать совершенно. Поэтому, по моей записи, спор идет только между пятью лицами, тогда как в действительности, время от времени, вмешивались в него и остальные присутствующие.

В. Б.

Разговор начался с мелких замечаний о второстепенных подробностях трагедии. Одни указывали на промахи автора против исторической правды; другие находили непоследовательности в характеристике действующих лиц; третьи критиковали стихи трагедии с точки зрения метрики. Понемногу, однако, перешли к самой концепции драмы, и все единогласно (кроме *критика*) отнеслись к ней неодобрительно.

Издатель. Простите, но я скажу вам прямо: мне ваша драма вовсе не понравилась. Я готов признать, что характеры Карла V, Лютера, Филиппа II, Марии Тюдор у вас очерчены верно, что если и есть в пьесе исторические ошибки, то они незначительны. Но ведь вы написали какой-то научный трактат, имеющий целью ознакомить нас с эпохой, а не художественное произведение! Я предпочту драму, преисполненную каких угодно анахронизмов, в которой исторические деятели будут перелицованы на какой угодно лад, только бы в ней была поэзия. Оставьте историю ученым, а поэтам - творчество!

Критик. Но позвольте, что вы называете творчеством?

Поэт. Не будем поднимать бесконечных вопросов, о которых можно спорить всю жизнь. Это неверно, что в драме нет поэзии, но я понимаю, почему так кажется многим. Дело в том, что времена простого повествования во вкусе Диккенса и Бальзака прошли безвозвратно. Мы не можем более довольствоваться "рассказом для рассказа". Нам мало, если поэт дает нам лишь описание внешних событий, и мы спрашиваем: "а что же за этим?" Короче, мы требуем, чтобы за очевидной красотой художественного создания таилась скрытая отвлеченность.

Автор. А еще проще говоря, вы обвиняете мою драму в том, что она не "символическая"?

Издатель. Если хотите, - да! Символизм - это то последнее, что создано человеческим искусством и через что лежат все пути вперед. Заметьте, что все настоящие современные художники - символисты. Все, что в современной литературе чуждо символизму, - не настоящее! Это не априорные утверждения, это показывает нам опыт. Возьмите современную русскую поэзию. Есть ли хоть один талантливый поэт, который не примкнул к нам? Или вы считаете Аполлона Коринфского, Ратгауза, Ивана Бунина, Скитальца или Тана в самом деле поэтами?

Автор. Этих господ я, подобно вам, истинными поэтами не считаю, но в своем рассуждении вы делаете логическую ошибку. Вы говорите *о новой поэзии, о новом искусстве*, о том благодетельном и живительном движении, которое возникло во Франции в последнюю четверть прошлого века, - а произносите слово "символизм". Это несправедливо. "Символизм" был лишь одной частью этого движения, вернее одной из теорий, выставленных им, не более. Неужели Верлен был из числа символистов? - он смеялся над ними. Неужели наш Бальмонт - символист?

Издатель. Вы хотите узко понять символизм. Я считаю, что символизм неразрывно связан с тем, что называется в литературе декадентством и импрессионизмом. Символизм импрессионизм и декадентство - это, так сказать, психологическая лирика. Эти три

течения то идут параллельно, то расходятся, то сливаются в один поток. Верлен и Бальмонт - бесспорно импрессионисты, художники, передающие намеками свои субъективные переживания, - и потому они "символисты", хотя бы сами отрицали это.

Критик. Мы только запутываем вопрос. Если символизм, импрессионизм и декадентство - три течения одного и того же, то укажите нам то существенное, что их роднит. Иначе сказать, дайте нам определение символизма.

Издатель. Извольте. Символическая поэзия, а вместе с тем импрессионистическая и декадентская, - это такая, в которой сливаются два содержания, сливаются органически, не насильственно: внешнее и внутреннее. За красотой внешних картин и образов, даваемых поэтом, таится более, глубокий смысл, смысл философский, метафизический.

Поэт. Помню, кто-то прекрасно сравнил символическую поэзию с рекой летним утром, когда ее воды гармонически слиты с солнечным светом.

Автор. А на деле всегда выходит, что символизм оказывается просто художественной аллегорией. Таков он в драмах Метерлинка, таков у Верхарна, особенно в сборнике "Les Villages Illusoires", у Малларме, в "Потонувшем Колоколе" Гауптмана, в "Строителе Сольнесе" Ибсена, в "Славе" Аннунцио и везде, во всех прославленных символических произведениях.

Поэт. Нет, между аллегорией и символизмом есть определенная разница. В аллегории художественная сторона, самый рассказ, принесена в жертву основной мысли, идее, и без нее не имеет смысла. В символическом произведении внешнее содержание живет вполне самостоятельной жизнью. Я опять приведу чужие слова, на этот раз Бальмонта: "Аллегория говорит монотонным голосом пастора или шутливо поучительным тоном площадного певца; символика говорит исполненным намеков и недомолвок, нежным голосом сирены или глухим голосом сибиллы, вызывающим предчувствия". В символике оба смысла рождаются в душе поэта одновременно и самопроизвольно, тесно сплетены один с другим, насквозь проникают один другой. В аллегории внешнее содержание насильственно притянута, придумано для выражения какой-нибудь старой моральной истины.

Автор. Так это в плохой аллегории! А вспомните аллегорические группы Микеланжело. Разве в них внешнее выражение притянута, придумано? Разве оно не слито органически с самой идеей?

Поэт. Но они уже символичны!

Автор. В таком случае будем называть аллегорией плохую символику, а символом - хорошую аллерию. Но дело не в словах. Вопрос в том: прибавляет ли что-нибудь второе, внутреннее содержание к художественному значению первого, внешнего содержания? Значительнее ли, прекраснее ли символическое произведение потому, что в нем за внешним рассказом скрыта некая философская, метафизическая мысль?

Поэт. Поэт, просто воспроизводящий действительность, - раб ее; поэт-символист осмысливает действительность. Реалисты не более как наблюдатели, что-то вроде фотографических аппаратов. Символисты - всегда мыслители, истолкователи жизни. Реалисты в своих произведениях оставляют вас, как и в жизни, лицом к лицу с природой. Символисты ставят между вами и природой посредствующее звено: тайну своего творчества.

Автор. Ах, никто не против того, чтобы поэты были и мудрецами, чтобы поэзия не только изображала, но и осмысливала мир. Никакие, самые ярые натуралисты не станут с этим спорить. Но как этого достигнуть? Вы уверяете, что мир осмысливается в символических произведениях. Возьмем "Смерть Тентажиля", драму, конечно, символическую. "Внешнее" ее содержание прекрасно, сильно, истинно художественно. Но каково ее "внутреннее" содержание? Что смерть беспощадна и безжалостна, что все должны умереть? Но чтобы сообщить человечеству такую новую для него истину, право, не стоило писать драму!

Поэт. Вы ошибаетесь. В "Смерти Тентажиля" не только эта мысль, но и целый ряд других. Символика тем и глубока, что допускает не одно, а много толкований. Царица в "Тентажиле" - и Смерть, и Судьба, и Ужас Жизни, и все, чему имя Неизбежность. Точно так же остров Тентажиля - это и наш мир, и наша душа, и области, доступные нашей мысли...

Автор. И все равно, какие ни давайте объяснения, - вы выведете только скудные, давным-давно известные истины. Но возьмем еще пример: "Слепых" того же Метерлинка. Вы хорошо помните драму? Слепых повел на прогулку старый священник - и умер; без проводника они в отчаянье, предвидят свою гибель и зывают ко всякому прохожему о спасении. Аллегория ясна. Остров - это мир; слепые - человечество; их проводник - вера. Вера в людях умерла, и они готовы следовать за любым прохожим, только бы найти руководителя... Что бы вы сказали о публицисте, в статье которого в конце концов сообщалась бы только такая, столь оригинальная мысль?

Поэт. Простите, но вы опошливаете своим истолкованием драмы Метерлинка.

Автор. Вы, может быть, думаете, что я не люблю Метерлинка? Напротив, я очень люблю его драмы, но люблю не за их символичность, а вопреки ей. Для меня совершенно достаточно внешнего содержания этих драм. В царице "Тентажиля" я предпочитаю видеть фантастическую царицу, а не Смерть. В драме Ибсена "Когда мы, мертвые, проснемся" мне кажется достаточно драматичным самый ее сюжет, ее "внешнее" содержание. Рубек встречает ту, которую любил когда-то, но к любви которой в свое время отнесся слишком легкомысленно. Он и теперь ее любит, с тайной, но глубокой тоской о прошлом, уже недоступном. Она - помешанная, но он не замечает этого, не хочет заметить. Она говорит ему безумные слова, он отвечает ей, как сознательной душе. Она зовет его в горы, он покорно следует за ней, и они погибают. Разве это не трагедия? Зачем мне вдумываться в имена Ирены и Майи, зачем мне подставлять под эти образы какое-то второе, скрытое содержание?

Поэт. Вы, как дитя, довольствуетесь внешним в символической поэзии. Что ж, это вполне законно. Символическая поэзия именно такова, что в ней можно наслаждаться и непосредственными впечатлениями. Но кто умеет, тот читает между строк, и ему открывается затаенное там!

Автор. Я вовсе не прочь читать между строк. Но я требую, чтобы затаенное там действительно стоило того, чтобы его прочесть. Сколько я ни знаю символических произведений, в них "между строк" можно вычитать только такие изречения мудрости, как: "Красота оправдывает все", "Истина, не оживленная чувством, бессильна", "Любовь искупает всякий грех и возвращает душе невинность", "Художнику, унизившему свой Божественный дар ради земных выгод, нет другой надежды, кроме нирваны", и т.д. и т.д. Почему подобные афоризмы были бы признаны банальностями в книге философа и почитаются откровениями, когда их надо выудить из драмы? Если уж поэтическому произведению таить в себе второе, тайное содержание, то пусть оно будет на уровне современной мысли, на уровне современной философии и науки!

Поэт. А поэтические места в "Заратустре"?

Автор. Чистая аллегория, по вашему собственному определению! Вспомните юношу, откусывающего голову змее! Разве здесь весь внешний рассказ не явно выдуман, чтобы выразить некую идею? Нет, ваш пример неудачен.

Мистик. Позвольте мне вмешаться в спор. Мне кажется, вы оба слишком поверхностно определяете символ. Во всем временном не может не просвечивать вечное. Зоркий глаз во всем, мелькающем перед нами, усматривает недвижимое, основное. Иначе говоря, через явления мы познаем вечные "идеи". Или, как говорит Гете: все преходящее есть лишь подобие, символ, Gleichniss. Поэт и должен быть тем зорким, который видит вечное во временном. Воспроизводя в своих созданиях явления мира сего, он должен обнаружить через них идеи, должен сделать явления просветом в иной мир, должен помочь более слабым глазам читателей. Вот значение символа в поэзии. Символ, от греческого слова

symballo - связываю, связывает временное с вечным. Вы совершенно напрасно выискивали мысли, скрывающиеся под поэтическими символами. В символах не скрывается никаких мыслей. Смысл символа нельзя передать в форме какой-либо рассудочной истины: этот смысл может быть воплощен лишь в форме своего символа, ни в какой иной. Символика - вне той области, где господствуют рассуждения и доказательства; она действует не на наш ум, она дает непосредственно очевидное для души; она - там, где начинается мудрость.

Автор. Но таким толкованием символа вы совершенно уничтожаете учение о *двух содержаниях* в символическом произведении. Содержание остается одно: внешнее. Ведь ваша "идея" может быть усмотрена "зоркими глазами" в любом жизненном событии, в любом явлении природы, а следовательно и в их реалистическом воспроизведении. По вашему определению, символическая поэзия отличается от несимволической лишь тем, что читателю в ней *легче* от данного внешнего содержания перейти к идее, а никак не тем, что в ней есть *и идея и явление*, тогда как в несимволической одно голое явление.

Мистик. Скажу вам больше. Напротив того: символическая поэзия отличается именно тем, что в ней *один* смысл, одно содержание, тогда как в несимволической часто *два*. Самые последовательные натуралисты не могли довести себя до того, чтобы действительно стать простым фотографическим аппаратом, безвольно отмечать течение действительности. Сам Золя признавал, что последовательный реализм невыносим. Поэт непременно *выбирает* из реальности отдельные моменты и тем самым дает ей свое объяснение. Поэт-реалист подставляет, как объяснение, какую-нибудь мысль, какую-нибудь рассудочную истину, которая и остается, как второе, скрытое содержание, в поэтическом произведении. Так, в "Ругон Маккарах" за внешним рассказом, затаена мысль о наследственности. И вообще все творчество Эмиля Золя вполне подходит под то определение символизма, какое мы здесь слышали. Напротив, истинный поэт-символист чужд всякой предвзятой мысли; он только хочет прозреть в самую глубину явления, хочет выявить в своем создании тайную сущность вещи...

Автор. В таком случае я не понимаю, чем ваш символизм отличается от моего реализма. Выявить сущность вещи - не значит ли это воспроизвести ее особенно правдиво, в высшей степени реально. Ведь сходство достигается не тем, что художник верно передает случайные подробности, но тем, что он верно передает существенные черты. Кто хочет быть истинным реалистом, конечно, должен заглядывать в самую глубину явлений, а не скользить взглядом по их поверхности.

Издатель. Однако гг. реалисты, поборники "правды в искусстве", учили иному и поступали иначе!

Автор. Я думаю, что все истинные художники были поборниками правды в искусстве и что истинное искусство было реалистичным всегда. Поэты никогда не знали другой задачи, кроме воспроизведения правды жизни, - начиная с авторов библейских книг, через Эхила, Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Гюго, до Ибсена и Верхарна. Менялось лишь понятие самой правды. Классики XVIII века, например, были уверены, вместе с догматической философией, что есть одна неизменяемая действительность, общая для всех - и надеялись достичь правды в искусстве, подражая античным ее воспроизведениям. Романтики, последователи Канта и идеалистической философии, поняли, что мир - субъективный феномен, и, тоже желая быть верными действительности, старались точно передавать свои субъективные, личные переживания. Реалисты верили в предпосылки позитивизма и думали, что к правде приводит опыт. Декаденты не знали другой правды, кроме правды мига, и запечатлевали в поэзии миги жизни во всей их непосредственности. Но на всех знаменах искусства стоял один и тот же, единый девиз его: Правда!

Поэт. Вам придется исключить из числа истинных поэтов такие имена, как Эдгар По, Метерлинк, Данте Габриель Россетти, Суинберн, Малларме...

Автор. Нисколько. Я исключу только их толкователей, выставляющих на первое место в их творчестве несущественное. Драмы Метерлинка прекрасны, если не искать в них второго содержания. Рассказы Эдгара По поразительны своей психологией и

гипнотической силой своего языка, а не затаенными в них мыслями сомнительной философской ценности. То же скажу и о других, названных вами.

Издатель. Итак, вы проповедываете возвращение назад: к "рассказам для рассказа", к "удвоению природы искусством"?

Автор. По финскому поверию, назвать предмет его настоящим именем - значит заколдовать его, приобрести над ним полную власть. Задача искусства - искать настоящие имена для предметов и явлений мира. Художник не может сделать большего, как верно воспроизвести действительность, хотя бы и в новых, фантастических сочетаниях ее элементов. Кому не довольно этого, пусть оставит искусство и ищет иного в науке, в философии, в теургии, где хочет. Старайся быть правдивым в своем творчестве - вот вечный и единый завет поэту: правдивым и в замысле своего произведения, и в его отдельных частях, и в каждом образе, и в каждом выражении. Ищи лишь этого, пытай у души своей лишь одного: где правда. А прочее все приложится тебе.

Спор, собственно, этими словами и был закончен. Все, что говорилось после, было лишь повторением уже высказанных доводов. Что же до трагедии "Карл V", то она редакцией журнала принята не была.⁷⁵

1906

А. А. Блок. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИТОГИ 1907 ГОДА

Реакция, которую нам выпало на долю пережить, закрыла от нас лицо жизни, проснувшейся было, на долгие, быть может, годы. Перед нашими глазами -- несколько поколений, отчитывающихся в своих лучших надеждах. Очень редко можно встретить человека, даже среди самых молодых, который не тоскует смертельно или не прикрывает лица своего до тошноты надоевшей гримасой изнеженности, утонченности, исключительного себялюбия. Иначе говоря, почти не видишь вокруг себя настоящих людей, хотя и веришь, что в каждом встречном есть запутанная душа, которая могла бы стать очевидной для всех, если бы захотела. Но люди не хотят быть очевидными и притворяются, что им есть еще что терять. Это так понятно у тех, для кого цели всяких отношений еще не совсем перержавели, чье сознание еще смутно. Но это преступно у тех, кто, родившись в глухую ночь, увидал над собой голубое сияние одной звезды и всю жизнь простирал руки к ней одной: ведь вся жизнь для него, и все ее века, страсти, и пожары, и затишья -- темная музыка, только об одной голубой звезде звучащая. Он -- "идиот" для врагов и досадный "однодум" для друзей. Он должен понять наконец, что он мировое "недоразумение", что он никому в мире не может "угодить", кроме той звезды, которой от века предана его душа. Если он поймет это -- пусть его гонят. Если нет -- он предатель, тайный прелюбодей, создатель своей карьеры, всеобщий примиритель; он убил ту страсть своей души, которая могла стать в одну из темных ночей путеводным заревом для заблудившегося человечества.

Я говорю о писателях, особенно об эстетках, уставших еще до начала своей карьеры, и преимущественно об эстетках самого младшего поколения; о тех, которым неужгодно сознать то, что их жизнь должна быть сплошным мучительством -- тайным или явным, что они должны исколоть руки обо все шипы на стеблях красоты, что им нельзя ни одной минуты отдыхать на розовом ложе, не их руками разостланном. Они должны знать, что они -- ответственные, потому что одарены талантами; что, если они лирики, они должны мучиться тем, что сидят в болоте, освещенном розовой зорькой; если беллетристы -- тем, что никто из них, будь он марксистом или народником, не указал до сих пор даже того, как быть с рабочим и мужиком, который вот сейчас, сию минуту, неотложно спрашивает, как быть; если драматурги -- тем, что ни одна из современных драм не вознесла души из пепла будней и ни один не вспыхнул очистительный костер; если же они -- "представители

---

⁷⁵ "Золотое руно", 1906, N 4.

религиозного сознания", то они должны мучиться больше всех: тем, что они уже несколько лет возвещали какие-то гордые истины с кафедры религиозно-философских собраний, самоуверенно поучали, надменно ехидствовали, сладострастно полемизировали с туполобыми попами, что в этом году они вновь возобновили свою болтовню (и только *болтовню*), зная, что за дверьми стоят нищие духом и что этим нищим нужны дела. Образованные и ехидные интеллигенты, поседевшие в спорах о Христе и Антихристе, дамы, супруги, дочери, свояченицы в приличных кофточках, многодумные философы, попы, лоснящиеся от самодовольного жира, -- вся эта невообразимая и безобразная каша, идиотское мелькание слов. И вот один тоненький, маленький священник в белой ряске выкликает Иисуса -- и всем неловко; один честный с шишковатым лбом социал-демократ злобно бросает десятки вопросов, а лысина, елеем сияющая, отвечает только, что нельзя сразу ответить на столько вопросов. И все это становится модным, уже модным -- доступным для приват-доцентских жен и для благотворительных дам. А на улице -- ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, людей вешают, а в стране -- реакция, а в России -- жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы все эти нововременцы, новопутейцы, болтуны в лоск исхудали от собственных исканий, никому на свете, кроме "утонченных" натур, не нужны, -- ничего в России не убавилось бы и не прибавилось! Что и говорить -- хорошо доказал красный анархист, что нужна вечная революция; хорошо подмигнул масляным глазком молодой поп "интересующимся" дамам (по-"православному" подмигнул), хорошо резюмировал прения остроумный философ. Но ведь они *говорят о Боге*, о том, о чем можно только плакать одному, шептать вдвоем, а они занимаются этим при обилии электрического света; и это -- *тоже* потеря стыда, потеря реальности; лучше бы никогда ничем не интересовались и никакими "религиозными сомнениями" не мучались, если не умеют молчать и так смертельно любят соборно сплетничать о Боге.

Первый опыт показал, что болтовня была ни к селу ни к городу. Чего они достигли? Ничего. Не этим достигнута всесветная известность Мережковского -- слава пришла к нему оттого, что он до последних лет не забывал, что он художник. "Юлиана" и "Леонардо" мы будем перечитывать, а второй "кирпич" "Толстого и Достоевского", думаю, ни у кого духа не хватит перечитать. И не нововременством своим и не "религиозно-философской" деятельностью дорог нам Розанов, а *тайной* своей, однодумьем своим, темными и страстными песнями о любви.

С религиозных собраний уходишь не с чувством неудовлетворенности только: с чувством такой грызущей скуки, озлобления на всю ненужность происшедшего; с чувством оскорбления за красоту, ибо все это так ненужно, безобразно. Между романами Мережковского, книгой Розанова и их же докладами в религиозных собраниях целая пропасть. Слушать же прения столь же тягостно, как, например, читать "Вопросы религии", вторую книгу "Факелов", сочинения Волынского или статьи М. Гофмана о "соборном индивидуализме". Все это -- книги будто бы разнообразные, но для меня, чистосердечно говорю, одинаковые; это -- словесный кафешантан, которому не я один предпочитаю кафешантан обыкновенный, где сквозь скуку прожигает порою усталую душу печать

Буйного веселья,
Страстного похмелья.

Я думаю, что человек естественный, не промозглый, но поставленный в неестественные условия городской жизни непременно отправится в кафешантан прямо с религиозного собрания и в большой компании, чтобы жизнь, прерванная на два-три часа, безболезненно восстановилась, чтобы совершился переход ко сну и чтобы в утренних сумерках не вспомнилось ненароком какое-нибудь духовное лицо. Там будут фонари, шабли и ликер. А на религиозных собраниях шабли не дают.

Ведите, ведите интеллигентную жизнь, просвещайтесь. Только не клюйте носом, не перемалывайте из года в год одну и ту же чепуху и, главное, не думайте, что простой человек придет говорить с вами о Боге. Иначе будет слишком смешно смотреть на вас и на ваши серьезные "искания", и мы, подняв кубок лирики, выплеснем на ваши лысины пенное и опасное вино. Вот и вытирайтесь тогда -- не поможет: все равно захмелеете, да только поздно и неумело: наше легкое вино отяжелит вас только, только свалит с ног. И на здоровье.⁷⁶

Искра

Журнал «Искра»). Близким к Современнику и Отечественным запискам был сатирический журнал Искра, которым руководили талантливый поэт и переводчик В. С. Курочкин и замечательный карикатурист П. А. Степанов. Название Искра напоминало читателям о запретном, ходившем по рукам ответе декабриста А. П. Одоевского на пушкинское послание В Сибирь:

...Из искры возгорится пламя, И просвещенный наш народ Сберегся под святое знамя.

Искра начала выходить в 1859 году, одновременно с появлением Свистка.

Искра так остро и зло обличала коренные пороки самодержавно-крепостнического строя и была настолько популярна, что стала подлинной грозой для царской администрации. По свидетельству современника, попасть в Искру, упечь в Искру были обыденными выражениями в 60-х годах.

Кроме профессиональных писателей, в журнале сотрудничали и друзья-читатели. Почтовый ящик Искры - отдел Нам пишут - наполнялся многочисленными корреспонденциями со всех концов России. Лица низших сословий могли в письмах, адресованных журналу, излить свое негодование, рассказать о злоупотреблениях, издевательствах, лихоимстве. Отдел Нам пишут правительство много раз закрывало, но он возрождался под другими названиями.

Как и все подцензурные издания, Искра в совершенстве владела эзоповым языком.

Царский манифест 19 февраля 1861 года, который либеральная печать приветствовала слезливыми восторгами, Искра встретила

внтерльно критикой. В ряде номеров журнала появилась серия ппкатур, заметок, стихотворений, разоблачавших истинный смысл реформы. Нарисован, например, мужчина в фуражке с высоким околышем, с бакенбардами и опущенными усами - похожий на Дтександра II. Он ведет крестьянина со связанными руками и, слегка распуская веревку, спрашивает его:

- По крайней мере теперь вы чувствуете себя свободнее?

—Нет, родимый, не чувствую.

—Ну, уж это прихоть - привычка всегда быть недовольным.

Или приводится выдержка из Дневника отставного штаб-офицера: Аристотель утверждал, что природа производит одних людей для господства, других для рабства, следовательно, бумажными постановлениями рабства не уничтожишь. Пусть и не будет имени рабства, если этого требует приличие, но можно ведь умненькими мерами и свободный народ прикрутить так, что он все-таки будет выполнять свое природное назначение.

Волна арестов, прокатившаяся в 1862 году, вызвала протест на страницах Искры. Здесь публиковались, например, невинные картинки с такого рода подписями: Напрасно вы назвали своего сына Пиладом. Надо было Арестом. Аресты нынче в моде.

---

76 "Золотое руно", 1907, No 11--12

Искра пропагандировала революционный роман *Что делать?*, автор которого (Н. Г. Чернышевский) находился в Петропавловской крепости. Нападки реакционных писак на Чернышевского *Искра* встретила убийственным афоризмом: *Храбр и мужествен бывает осел, когда он лягает связанного льва.*

Правительство преследовало *Искру* с той же яростью, с какой оно преследовало и *Современник*. Многие материалы погибали в цензуре. В. С. Курочкин был отстранен от редактирования, затем журналу запретили печатать карикатуры. И все-таки *Искра* (до закрытия в 1873 году) оставалась одним из самых боевых и популярных русских журналов.

И. Г. Ямпольский. Поэты "Искры"

1

Одним из своеобразных фактов литературной жизни конца 50-х и 60-х годов прошлого столетия является расцвет сатирической и юмористической журналистики. Именно тогда возник в России самый тип еженедельного журнала с карикатурами -- плод тесного сотрудничества писателя и художника. Наиболее ярким и значительным из сатирических журналов этого периода была "Искра". {Подробной истории "Искры" посвящена моя книга "Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры "Искра"" (М., 1964).}

Мысль об издании журнала родилась у художника-карикатуриста Н. А. Степанова и поэта В. С. Курочкина, который к тому времени стал уже известен в литературных кругах как переводчик Беранже, еще в 1857 году. Они получили разрешение, но "Искра" начала выходить по причинам материального характера лишь в 1859 году. Потребность в хорошем сатирическом журнале была в те годы очень велика -- недаром в поданной в цензурный комитет программе Курочкин и Степанов указывали на успех, которым пользуются в России западноевропейские сатирические журналы. Бессодержательный, пустой "Весельчак" и в изобилии появлявшиеся в 1858 году уличные юмористические листки не могли, естественно, удовлетворить эту потребность. Характерно, что одновременно с "Искрой" начал свое существование и знаменитый "Свисток", сатирическое приложение к "Современнику", редактировавшееся Н. А. Добролюбовым.

"Искра" сразу обратила на себя внимание читающей публики и вскоре приобрела огромную популярность. "В настоящее время нельзя себе и представить,-- писал через сорок лет один из ее активных сотрудников,-- как жадно набрасывалась... публика на каждый номер "Искры", какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах... с какую юношеской горячностью, наконец, относились к своему делу и мы сами". {Вейнберг П. Безобразный поступок "Века" // "Историч. вестник". 1900, N 5. С. 476.}

К сотрудничеству в журнале удалось постепенно привлечь целый ряд талантливых поэтов, беллетристов и публицистов демократического лагеря или близких в то время к этому лагерю. В "Искре" в разные годы принимали участие поэты Д. Д. Минаев, П. И. Вейнберг, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, Г. Н. Жулев, Н. Л. Ломан, А. П. Сниткин, В. П. Буренин, Л. И. Пальмин, П. В. Шумахер, прозаики Н. В. и Г. И. Успенские, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, П. И. Якушкин, Н. Н. Златовратский, Н. И. Наумов, С. Н. Федоров, публицисты Г. З. Елисеев, М. М. Стопановский, Н. А. Демерт, И. И. Дмитриев и многие другие. По одному-два произведения напечатали в "Искре" Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Герцен и Некрасов.

Однако журнал держался не только профессиональными писателями, но и безыменными сотрудниками и пропагандистами; его окружала атмосфера сочувствия и доброжелательства. У "Искры" мало-помалу образовалась целая сеть корреспондентов. В каждом городе были друзья-читатели, которые нередко становились сотрудниками и начинали информировать журнал о всевозможных злоупотреблениях и безобразиях.

Редакция обрабатывала сообщенные ими факты, подчас снабжала их карикатурами и пускала в печать, а "пострадавшие" недоумевали, откуда сделалось известным то, что так тщательно скрывалось.

"Искра" выходила пятнадцать лет -- с 1859-го до 1873-го. Она принадлежала к числу тех немногих периодических изданий, которые неустанно боролись с полицейским государством и эксплуататорским строем и отстаивали интересы широких народных масс. Из журналов этого времени ей был наиболее близок "Современник" (и друзья и враги считали "Искру", так сказать, филиалом, спутником "Современника"), а затем, после прекращения "Современника", -- "Отечественные записки", перешедшие в руки Некрасова.

Главным оружием "Искры" был смех. Этот смех внушал страх и трепет как людям, уже попавшим на ее страницы, так и тем, кто имел основание бояться этого. ""Искра" сделалась грозою для всех, у кого была нечиста совесть,-- свидетельствует помнивший эти годы А. М. Скабичевский,-- и "попасть в "Искру"", упечь в "Искру" были самыми обыденными выражениями в жизни шестидесятых годов. Не было ни одного крупного или мелкого безобразия общественной или литературной жизни, которое не имело бы места на страницах "Искры" или в игривых, полных необузданного остроумия куплетах, пародиях, или в прозе, исполненной убийственных сарказмов". {Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. Спб., 1891. С. 492.} "Попасть в "Искру",-- писал он в другом месте,-- было так же страшно, как и в "Колокол". {Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 276.} О "Колоколе" упоминает в связи с "Искрой" и П. Д. Боборыкин. По его словам, она играла в Петербурге как бы роль "Колокола". {Боборыкин П. Д. Воспоминания. 1965. Т. 1. С. 191--192. О точках соприкосновения "Искры" с "Колоколом" см. мою статью ""Искра" В. Курочкина и Герцен" ("Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та" сер. филологич. наук. 1948. Вып. 13).} А Н. К. Михайловский назвал В. Курочкина-редактора "как бы председателем суда общественного мнения". {Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. 2-е изд. Спб., 1905. Т. 1. С. 34.} И действительно, обличения "Искры" затрагивали все сферы русской жизни, в том числе всю бюрократическую лестницу вплоть до правительственных верхов.

Немудрено, что многочисленные враги были у "Искры" среди министров, начальников департаментов, губернаторов, предводителей дворянства, действительных статских и тайных советников, крупных капиталистов, заправил акционерных обществ, откупщиков и т. д., т. е. в тех слоях, которые были объектом ее обличительных выступлений. Они часто жаловались на "Искру" в соответствующие инстанции, а враждебные "Искре" журналы и газеты постоянно преследовали ее, причем некоторые статьи и заметки немногим отличались от доносов. Наконец, с первого же дня искровцам приходилось работать в обстановке непрекращавшихся цензурных репрессий. Запрещения, изъятия и пр. следовали одно за другим. И сами искровцы поневоле должны были принуждать себя к сдержанности. "Иногда,-- читаем в фельетоне Н. Курочкина,-- когда мне хочется довести мое соображение до его последних (а по-моему, и логических) результатов, я обмакиваю перо... но останавливаюсь; над ухом моим как будто слышится: э! братец! как ты хватил! А в сущности, я очень хорошо знаю, что не только не перехватил, а весьма значительно недохватил, а все-таки остановишься и не напишешь". {Преображенский Пр. Житейские выводы и измышления // "Искра". 1864, N 6. С. 96.}

Злободневность является неотъемлемым качеством искровской сатиры. Она откликалась на все как значительные, так и относительно мелкие, но почему-либо интересные, типичные факты общественной и литературной жизни. Она не выжидала, пока те или иные явления отстоятся и примут более определенные формы, и немедленно реагировала на них. Поэтому сатира "Искры" имела свои особенности, о которых редакция считала нужным предупредить читателей, только еще приступая к изданию журнала. В объявлении о подписке говорилось, что рядом с "сатирой строго художественною" читатели будут постоянно встречать на его страницах "вседневную практическую сатиру", которая,

"уступая первой в глубине содержания и красоте формы, достигает одних с нею результатов всем доступною меткостью выражения и упорством в непрерывно продолжающемся преследовании общественных аномалий". Любая заметка, фельетон, стихотворение, карикатура, хотя бы и на незначительную тему, воспринималась не изолированно, а в журнальном контексте, в связи с общей идейной позицией "Искры". Понимание внутреннего смысла отдельных фактов и тем самым превращение их в характерные явления, в детали общей картины русской жизни облегчалось высказываниями и оценками, которые находились рядом -- в других статьях, стихах, карикатурах. Иначе говоря, "Искра" представляет собой своеобразную сатирическую летопись русской жизни, фиксируя, по выражению Салтыкова-Щедрина в "Дневнике провинциала в Петербурге", "положение минуты", {Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1970. Т. 10. С. 531.} то есть общественно-политическую атмосферу данного момента истории.

Поэзия не была в "Искре" одним из второстепенных отделов, как во многих других толстых и тонких журналах, а занимала в ней большое место. Весьма показательны, что основными ее сотрудниками были преимущественно именно поэты: В. и Н. Курочкины, Минаев, Богданов, Вейнберг и др. Правда, все они писали в "Искре" не только стихи, а также фельетоны и статьи, но все же главным их делом была, конечно, поэзия.

Публицистика и поэзия представляли собою в "Искре" некое единство. Оно выражалось не только в том внешнем факте, что очень многие стихотворения (в том числе и целый ряд включенных в настоящий сборник) являлись первоначально частью фельетонов и статей, органически входили в прозаический контекст. Это факт существенный, но не решающий. Гораздо важнее, что тематика и идейные тенденции статей и стихотворений -- как входивших в публицистические произведения, так и тех, которые с самого начала печатались отдельно, -- были общие. Разумеется, стихи не являются простым изложением тех же идей, но одни и те же идейные стимулы определяли творчество поэтов и публицистов. Следует также отметить сходство некоторых художественных приемов в сатирических стихах и публицистике.

Поэты, которым отведено настоящее издание "Библиотеки поэта", печатались не в одной "Искре", а и в других периодических изданиях своего времени. Но именно "Искра" была той, так сказать, поэтической лабораторией, где оформились или окрепли их идейное направление и литературная манера. Л. И. Пальмин, творчество которого будет представлено в другом сборнике, с горечью отмечая упадок поэзии и журналистики 1880-х годов, писал Н. А. Лейкину: "Я -- старый сотрудник незабвенной "Искры" и один из коренных бойцов под ее знаменем". {"Встречи с прошлым". Вып. 5. М., 1984. С. 75.}

2

В русской поэзии середины XIX века отчетливо обозначились два явных течения: одно из них -- демократическая и реалистическая школа Некрасова, пафосом которой было все более тесное сближение литературы с действительностью, другое -- так называемая "чистая поэзия", к которой современники относили Фета, Майкова, Алексея Толстого и других.

Теоретики "чистой поэзии", "искусства для искусства", считали, что подлинное искусство не подчинено "никаким временным, преходящим целям" и служит "само себе целью", что "мир поэзии и мир гражданской деятельности вполне независимы друг от друга" (А. В. Дружинин), {Дружинин А. В. Собр. соч. Спб., 1865. Т. 7. С. 510, 214, 472.} что область поэзии -- "вечные свойства души человеческой" (В. П. Боткин). {Боткин В. П. Соч. Спб., 1891. Т. 2. С. 367.} Они ратовали за "созерцательное направление" литературы (слова Боткина) {Письмо Боткина к Фету и его жене, сестре Боткина, от 31 июля 1860 г. // Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 379.} и утверждали, что необходимо

положить "естественный предел сатире" и создавать ценности, которые могут быть "противовесием реализму в искусстве". {Дружинин А. В. Т. 7. С. 477, 444.}

По представлениям же Некрасова и поэтов его школы, между искусством и жизнью, поэтической мечтой и повседневной действительностью нет никакого средостения, все многообразие жизни является предметом искусства, художник -- человек своего времени и его не могут не волновать большие вопросы и тревоги современности. Еще в начале 1850-х годов Некрасов "незловобому поэту", чуждому житейских треволнений, противопоставил другого поэта, который, "уста вооружив сатирой", "проповедует любовь Враждебным словом отрицанья".

Разумеется, и представители "чистой поэзии" откликались на политическую злобу дня; борясь с тенденциозностью и политикой в искусстве, сами писали тенденциозные стихи. С другой стороны, Некрасов и его последователи (особенно Некрасов), думавшие прежде всего о переустройстве жизни на более разумных основаниях, не чуждались личных душевных переживаний. Речь шла, таким образом, о преобладающем интересе к той или иной сфере человеческого существования и разном характере их изображения.

Искровцы -- одна из ветвей некрасовской школы. Кстати сказать, самое понятие "некрасовская школа" относится еще к 1860-м годам. Мне удалось в свое время обнаружить его в отзыве об одном из искровцев -- Д. Д. Минаеве. {"Литературное обозрение" // "Иллюстрация". 1863, N 268. С. 274--275.} Характерным признаком этого крыла некрасовской школы было преимущественное (хотя и не исключительное) тяготение к сатире, к тем "низким" жанрам, к которым пренебрежительно относились (во всяком случае, в теории) сторонники "искусства для искусства",-- сатирическому фельетону, пародии, эпиграмме и т. п. Искровцы решительно отвергали эту теорию.

Ну да, мы на смех стихотворцы!
Да, мы смешим, затем что грех,
Не вызывая общий смех,
Смотреть, как вы, искусствоборцы,
Надеть на русские умы
Хотите, растлевая чувства,
Халат "искусства для искусства"
Из расписной тармаламы,--

заявляет В. Курочкин в стихотворении "Возрожденный Панглосс".

Поэт для него -- прежде всего гражданин, человек, тесно связанный со своим народом, болеющий его страданиями, прославляющий "блеск его великих дел", борющийся за его благо. В таком поэте народ видит своего "учителя" и потерю его переживает как великое горе: "Угас поэт -- народ осиротел" (стихотворение на смерть Беранже).

Другой поэт, А. Сниткин, в ответ на программное стихотворение Я. П. Полонского "Для немногих" пишет стихотворение под полемическим заглавием "Для многих". Полонский признается в этом стихотворении, что бог не дал ему "бича сатиры" и что не дело поэта писать о "мире сует", "качать обиды, грехи народов и судей", что его призвание совсем иное. К нему прилетают видения, звезды шлют ему немой привет, но немногие внимают ему, и он -- поэт для немногих. Отклоняя такой взгляд на поэзию, Сниткин выдвигает диаметрально противоположную точку зрения. Для него на первом плане -- обличительная общественная сила поэзии, защита "безгласных, маленьких людей", и он готов отказаться для этого от воспевания "сонных листьев трепетанья" и "сонма созвездий в небесах". Формуле "И для немногих я поэт" Сниткин противопоставляет другую, выражающую его демократические убеждения: "Я для публики поэт".

Резко оценивая литературную деятельность П. А. Вяземского и исходя при этом из его идейной позиции в 1860-е годы, В. Курочкин упрекает бывшего друга Пушкина в том, что он "не знал поэзии в свободе", "не понимал ее в борьбе" ("Стансы на будущий юбилей

Бавия"), тем самым подчеркивая признаки подлинного поэта. В одном из своих "Реальных сонетов" Курочкин дает портрет поэта-сатирика:

Он видит, как в будничной мгле
Об воздухе, свете, тепле
Идет окаянная битва --
И в бой с торжествующим злом
Кидает сатиру, как гром...

Но безобидный смех, лишенный "гражданской цели", никого, по существу, не затрагивающий, вызывает у искровцев решительное осуждение (см., например, "Юмористам" Минаева).

В своих полемических оценках и характеристиках (в первую очередь это касается оценок литературных) "Искра" допускала явные преувеличения, естественные в напряженной обстановке 1860-х годов. Некоторые ее суждения ошибочны и несправедливы, но нельзя забывать вместе с тем об их общей направленности, о том, что эти ошибочные суждения высказывались в борьбе за новые социальные идеалы, новую демократическую культуру и литературу. В этой связи уместно вспомнить слова Н. П. Огарева, сказанные по другому поводу -- о декабристах: "Мы не можем ценить их действий с точки зрения нам современного опыта; нравственная оценка людей того времени, как и вообще исторических людей, не может быть основана на истинности современных им понятий, а только на чистоте их побуждений". {"Разбор книги Корфа" // Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. (М.), 1952. Т. 1. С. 220.}

Публицисты и поэты "Искры" были последовательными и непримиримыми демократами. В одном из первых ее номеров мы находим следующее ироническое разъяснение понятий "труд" и "собственность": "Труд. По мнению политико-экономов, капитал; но, по мнению людей практических, неизбежное следствие отсутствия капитала, с которым бы можно было жить без всякого труда... Собственность. Для большей части пользование тем, что не стоило никакого труда". {"Выдержки из практического словаря, приготовляемого к печати одним из сотрудников "Искры"" // "Искра". 1859, N 8. С. 84.} Обличение социального неравенства, противопоставление бедности одних роскоши, в которой живут другие, является одной из основных ее тем. Чувство величайшего уважения к труду, сознание, что труд -- основной критерий ценности человека и что, несмотря на это, именно люди, живущие трудом, подвержены всем превратностям судьбы, терпят нужду, голод и холод, -- проходят через всю поэзию искровцев:

Мой сын, твоя опора -- труд,
Твое всё счастье в нем,
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.
(*"Завещание" В. Курочкина*)

Повседневные заботы труженика, его право на любовь, отдых, его неверные мечты о счастье и, несмотря на это, жизненный оптимизм, плебейская гордость, ирония по поводу "хозяев жизни" -- вот мотивы многих стихотворений. Напомним такие, например, вещи, как "Только!" и "Погребальные дроги" В. Курочкина, "Беседа с музою" Богданова, "Товарищу" Жулева и др.

Если в первые годы, думая о сытых и голодных, "Искра" имела в виду главным образом интересы городской демократической интеллигенции, интересы разночинцев, то вскоре горизонты ее идеологии значительно расширились, и наряду с разночинцем, раздавленным

социально-экономическим укладом 1860-х годов, вырастает фигура русского крестьянина. Особенно отчетливо это проявилось в поэзии Богданова, начиная с его "Дубинушки".

Искровцы знали подлинную цену реформ 1860-х годов. Признавая их относительно прогрессивную роль, они вместе с тем видели, что эти реформы неспособны устранить основные противоречия русской жизни.

Искровцы ненавидели фразу, словесную мишуру:

... "На трескучие речи
Знаменитые вы мастера,
А взвали-ка вам дело на плечи --
Мишура, мишура, мишура!"
(*"Мишура" Вейнберга*)

В стихотворении "Раздумье" В. Курочкин говорит о "злобе святой, возвышающей нас", которая "смело Прямо из сердца бросается в дело". Речь идет, конечно, о злобе против социального угнетения и социальной несправедливости. {Интересно, что слова "святая злоба" с тем же семантическим ореолом откликнулись через полвека в "Двенадцати" Блока.} "Святая злоба" и развенчание фразы лежат в основе всего творчества поэтов "Искры".

Они высмеивали и лицемерное, чисто словесное сочувствие "мужичкам" со стороны усвоившего либеральную фразеологию общества ("Семейная встреча 1862 года" В. Курочкина), и крепостников, очень скоро после 1861 года снова поднявших голову ("Мирмидоны -- Куролесовы" В. Курочкина, "Свой идеал" и "Мы -- особь статья!" Богданова, "В ресторане" Н. Курочкина). От имени одного из таких приверженцев освященных веками порядков Буренин в поэме "Прерванные главы" пишет:

Что касается лично меня, я вполне
Благодетелям верю и внемлю
С восхищеньем их мудрым советам: отнять
У крестьянина право на землю.

Разумеется, землю господь сотворил
Лишь для избранных лиц, как трудиться
Предоставил на ней он одним, а другим
Есть плоды их трудов и лениться.

Неужели в народ добровольно вносить
Тунеядство должны мы? Ах, верьте,
Что мужик оттого на работу идет,
Что боится голодной он смерти!

Благодетельный стимул такой отстранять
Неразумно из жизни народной;
Крепостным вечно впроголодь жил "мужичок",
Пусть он так же живет и свободный!

Развенчивая идиллические представления о примирении классовых интересов, о народе, который "в любви и примерном согласьи живет Под эгидою мудрых законов" ("Благонамеренная поэма" Буренина), искровцы рисовали подлинную картину русской действительности, в центре которой -- задавленный крепостной неволей, а затем попавший в пореформенную кабалу крестьянин. Наиболее ярко показано тяжелое положение русского крестьянства в сатире В. Курочкина на царскую Россию "Принц

Лутоня" (переделанная применительно к русской жизни пьеса М. Монье), обличительная сила которой была так велика, что она и в предреволюционные годы вызывала еще цензурные преследования.

Уже самое заглавие заключает в себе характеристику основного персонажа. В "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля читаем: "*Лутоха, лутошка* -- липка, с которой снята кора, содрано лыко... Гол как лутошка, бос как гусь. Была липка, а стала лутоха". Лутоня противостоит в пьесе всем силам полицейского государства: и верховной власти (принц Слоняй), и духовенству (Первый старец, в одном месте названный патриархом), и высшей бюрократии, придворной знати (Ясам), и военщине (Отец-командир, которому подчинены все войска), и представителям официозной, рептильной печати, "подпольных смут разведчикам", основным видом деятельности которых является донос (Публицисты). Все они обрисованы густыми сатирическими красками. Всех их, как тунеядцев, живущих за счет изнемогающего от непосильного труда мужика, презирает Лутоня.

Отец-командир, который, по словам одного из публицистов, в мирное время еще более страшен, чем в дни войны, "пятнадцать тысяч душ крестьян Положил костями, своей рукою" (явный намек на крестьянские восстания). Он заявляет, что с народом нужно быть беспощадным.

Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.
Пусть режут сироты, старцы, вдовы --
Были б только спасены основы,--

то есть основы самодержавного строя. В ответ на это Лутоня язвительно говорит, что Отец-командир не понимает, что является подлинной основой жизни:

Командир, неверен твой расчет:
Чай, лежит в основе-то народ,
А как всех заколешь да зарубишь --
Так основу, значит, и загубишь.

Последний монолог принца Слоняка, после того, как, поменявшись с Лутоней местами, он сразу начал стремиться обратно во дворец и врывается туда с бандой сообщников, хорошо характеризует сущность самодержавия:

Ты прочти историю Нерона,
Так поймешь всё обаянье трона.
Нет, уж в лес вперед не побегу,
Захочу -- все города сожгу.
Захочу -- так с нынешним прогрессом
Сделаю всё царство темным лесом.
Лес ко мне -- не я к нему приду.
Захочу при жизни быть в аду --
Сделаю из царства ад крошечный...

Известно, что конец "Принца Лутони" был по цензурным соображениям смягчен и не гармонирует со всем духом пьесы, с образом не только бедствующего и бесправного, но и бунтующего мужика. Этот мотив изредка появляется и в других произведениях искровцев.

...берегитесь, чтобы в нем
Негодование не проснулось,
Глаза не вспыхнули огнем...--

читаем в стихотворении Минаева "Пробуждение:".

Сатира искровцев в равной степени направлена как против крепостнических порядков, так и против нарождавшейся буржуазной России. Беспощадная эксплуатация трудового люда, произвол и взяточничество, преследование малейших проявлений свободной мысли и полицейская слежка, темные дела промышленных и финансовых воротил, мир рыцарей наживы, спекулянтов и аферистов, продажная пресса, дворянская спесь, чиновничество, лакейство и т. д.-- вот темы многих произведений искровцев.

Следует при этом отметить, что обращение к крепостническим порядкам в пореформенные годы было столь же актуальным, как и прежде: пережитки крепостнической эпохи не только надолго сохранились в русской жизни, но даже во многом определяли ее устои. Иногда, впрочем, относя обличаемые явления к "былым временам", сатирики делали это для отвода глаз цензуры и имели в виду совсем не прошлое, а сегодняшний день.

Постоянным объектом искровской сатиры являются либералы, которые, по словам В. И. Ленина, "так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, *о полном свержении* этой власти". {Ленин В. И. ""Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция" // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.} Либерализм показан искровцами в его разнообразных обличиях и проявлениях -- в политической жизни, в литературе, в повседневном быту. Скептическое отношение ко всему внешнему, показному, фальшивому особенно ярко выразилось именно в развенчании либерализма. Выспренние фразы о великих реформах, о гласности, о "меньшом брате" и вместе с тем нежелание или неспособность предпринять реальные шаги для существенного изменения положения народных масс, склонность к компромиссам и сервизм, "умеренность", которую они неизменно противопоставляли "крайностям" революционных течений, "поспешности юного племени" -- неоднократно фигурировали на страницах журнала. В качестве примеров можно указать стихотворения В. Курочкина "Сон на Новый год" и "Благоразумная точка зрения", Минаева -- "Свой своему вовсе не брат" и ряд других.

Интересно в этом отношении стихотворение Минаева "Насущный вопрос", написанное в форме диалога "гражданина" и "толпы". Либеральный болтун -- "гражданин" возмущен ропотом "толпы", нарушающим покой "граждан". Он и ему подобные ведут "толпу" к истине и науке, озаряют ее житейскую тропу блеском знания, проливают слезы за бедных братьев и глубоко сочувствуют им, дорога Ломоносова открыта каждому "мужичку",-- чем же они недовольны?

Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?
Чего же вам недостает?
Чего ж хотите?..

Толпа

Хлеба! Хлеба!..

В ряде стихотворений речь идет об эволюции русского либерализма конца 1850-х -- начала 1860-х годов и его переходе на путь открытого сотрудничества с самодержавием ("Ты помнишь ли, читатель благосклонный..." и "Молитвой нашей бог смягчился..." В. Курочкина). В стихотворении Минаева "Ренегат" дан сатирический портрет либерала,

"крикуна сороковых годов", забывшего о своих былых увлечениях и симпатиях и превратившегося в злобного ненавистника всего нового и молодого.

Всякого рода примиренческое отношение к современной им социальной действительности, всякого рода идиллические настроения в обстановке наступавшей либо уже наступившей реакции вызывают у искровцев решительный отпор.

Безмятежны, как младенцы,
Выбрав гладкую дорожку,
Мы когда-нибудь до цели
Доплетемся понемножку.

Только дайте до второго
Нам дожить тысячелетья --
Оперимся мы отлично
В эти новые столетья,--

иронизирует Вейнберг в стихотворении "Утешение" над публицистом, подобострастно оценивавшим правительственные реформы.

Когда в журнале Достоевского "Эпоха" стали настойчиво звучать чрезмерно оптимистические нотки, В. Курочкин выступил со стихотворением "Предвещения на 1865 год". Он писал:

Не нынче -- с будущего года
Наступит наконец для всех
Всегда хорошая погода,
Всего хорошего успех.
Уж это время близко... близко...
Уж всё идет на новый лад...

Искровцы не оставляли без внимания и тех представителей радикальных кругов, которые под влиянием спада общественного движения переходили на либеральные позиции. Стихотворение В. Курочкина, насмешливо озаглавленное "Нового счастья читателю и новых богатств!", является откликом на программу журнала "Современное обозрение", в составлении которой принимали участие А. Н. Пыпин и Ю. Г. Жуковский. Это был отход от революционных и социалистических устремлений "Современника" в сторону приспособления к существующему строю. "Общим политическим вопросам" противопоставлялись в качестве основных задач журнала "распространение серьезных положительных знаний и самовоспитание человека, как индивидуальное, так и общественное", а идея перераспределения старых богатств -- накопление новых. Это, по выражению Г. З. Елисеева, "salto mortale от распределения к накоплению", {Шестидесятые годы. Антонович М. А. Воспоминания, Елисеев Г. З. Воспоминания. <М.>, 1933. С. 357.} знаменовавшее собой отказ от былых идеалов, и вызвало сатиру Курочкина.

Сатира искровцев бьет также по мещанам и обывателям, ничего не видящим за пределами собственного благополучия. В некоторых стихотворениях пошлость, мелочность интересов характеризуют интеллектуальный уровень господствующих классов, в других поэты подчеркивают, что обывательщина, искусственно прививаемая обществу, является оплотом реакции. Последний мотив лежит в основе стихотворения В. Курочкина "Дама приятная во всех отношениях". Эта дама, олицетворение пошлости, обращается к собравшейся встречать Новый год компании, беседующей о "благих людях" и запивающей эти речи изысканными винами, со следующими словами:

В юношах пылких, для битвы со злом

Смело готовых идти напролом,
Кровь охлаждаю я видами
Близкой карьеры и дальних степей
Или волну гораздо сильнеей
Минами, Бертами, Идами.

Смотришь: из мальчиков, преданных мне,
Мужи солидные выйдут вполне
С знанием, с апломбом, с патентами;
Ну, а мужей, и особенно жен,
Я утешаю с различных сторон --
Бантами, кантами, лентами...

Нередко откликались искровцы и на события западноевропейской жизни. Особенно много таких откликов у Богданова. Он вел в "Искре" обозрение "Заметки со всех концов света", в текст которых вкраплялись стихотворные фрагменты, отличавшиеся политической остротой и поэтическим лаконизмом. Здесь мы встречаем и язвительные характеристики ряда политических деятелей (Тьера, Шнейдера и др.), и насмешки над милитаризмом, колониальной политикой, угнетателями рабочего класса, клерикализмом и пр. Вот образец такого фрагмента:

Орел французский встарь вносил
Свободу, братство и равенство,
И вдруг теперь он поступил
В распоряжение духовенства.
Он защищает мрак и гнет,
Он с иезуитом, он с прелатом...
Не прав ли тот, кто назовет
Орла французов -- ренегатом? {*}

{* См. примечание к этому стихотворению: т. 2, N 350.}

Поэты и публицисты "Искры" не раз издевались над тем, как русская консервативная и либеральная пресса изображала "ужасы французской революции", "чудовищ и крокодилов Марата и Робеспьера". {Толерансов Тарах (Курочкин В. С.). Табунное ржание // "Искра". 1862, N 17. С. 243--244; "Искорки" // 1862, N 26. С. 359.} А Н. Курочкин в "Оде на современное состояние Франции" с большой симпатией вспоминает о ее революционном прошлом, о "неотразимом образе Марата" и о "страстном крике черни", раздававшемся на баррикадах в 1830 и 1848 годах. В стихотворении на новый, 1871 год, в связи с франко-прусской войной, В. Курочкин с ненавистью говорит о культе насилия и солдатчины, о "союзе штыков" "в Германии единой" и поднимает бокал за равенство, свет которого впервые блеснул "во Франции восемнадцатого века"; он провозглашает лозунг "мира в мире целом" и прославляет борющийся за свою независимость французский народ, преданный собственным правительством:

Естественной к своей земле любовью
В сознании оправдана война,
Народный меч святым стал, если кровью
Родных детей земля окроплена.
(*"За которую из двух?"*)

Особенно интересно отношение искровцев к Парижской коммуне. В ряде статей, фельетонов, стихотворений ход событий изложен таким образом, что сама собою становится очевидной правота восставших коммунаров.

Искровцы были по преимуществу сатириками. Но за их сатирическим отрицанием стояли положительные идеалы. Для них не было ничего более отвратительного, чем самодержавие, но и господствовавшие на Западе формы буржуазного парламентаризма не могли их удовлетворить. Они систематически развенчивались в "Искре". Положительным

политическим идеалом искровцев была последовательная демократия -- "правительство, свободно вышедшее из народа и возвращающееся в него же по миновании своих полномочий, правительство, чуждое бюрократизма и узких кастовых целей". Это -- цитата из статьи "Журнальные заметки", {"Искра". 1873, N 38. С. 7.} за которую, как за заключающую в себе "превратное и совершенно неуместное суждение о правительственной власти", {"Правительственный вестник". 1873, 28 июня.} "Искра" была приостановлена на четыре месяца и фактически закрыта.

"Искра" не была, разумеется, монолитна. Радикализм некоторых ее сотрудников оказался поверхностным и недолговечным. Так, Вейнберг скоро превратился в прекрасного либерала, а Буренин, пройдя через либерализм, стал впоследствии махровым реакционером. Но левое крыло искровцев, наиболее последовательные из них были тесно связаны с революционной мыслью 1860-х годов, а иные принимали непосредственное участие в революционном движении. В свержении самодержавия они видели единственный надежный путь к торжеству социальной справедливости и своей литературной деятельностью стремились подготовить и ускорить его. Уверенность в обреченности старого мира, вера в лучшее будущее отчетливо проявились в таких вещах, как "Химеры" и "Erreg si muove!" Богданова, "Принц Лутоня" и "Тик-так! Тик-так!" В. Курочкина:

Мы слышим в звуках всем понятных

Закон явлений мировых:

В природе нет шагов попятных,

Нет остановок никаких!

Мужайся, молодое племя!

В сияньи дня исчезнет мрак.

Тебе подсказывает время:

Тик-так! Тик-так! {*}

{* Даже весьма грустное в целом стихотворение Н. Курочкина "Дурные вести" кончается строками:

Что ж?... покоряясь бесстрастной судьбе,

Тихо угаснем в неравной борьбе...

С верой, что вызовут наши гробы

Новое племя для новой борьбы.}

3

Главным оружием поэзии искровцев, как и всего журнала, был смех в его разнообразных проявлениях -- от шутки и легкой иронии до уничтожающего сарказма.

Иронические заглавия и подзаголовки, обозначающие жанровую принадлежность стихотворения и резко контрастирующие с его содержанием ("Человек с душой. Идиллия" и "1861 год. Элегия" В. Курочкина, "Две смерти (Баллада)" Минаева, "Беседа с музой (в чисто классическом роде)" Богданова, "Взгляд на природу (Русская мелодия)" Вейнберга и др.); ироническое использование цитат путем включения их в другой контекст; иронический комментарий к приведенным мнениям; высказывание, внутренний смысл которого диаметрально противоположен выраженному в словах; насмешка под видом утрированной похвалы и почтительности и сочувственное отношение под видом осуждения -- этот перечень можно значительно продолжить.

В одних стихотворениях иронический тон относится к отдельным деталям (например, набранные курсивом слова "по злобному навету" в "Старой песне" В. Курочкина, которые передают как бы версию самого чиновника-взяточника и в то же время подчеркивают обоснованность слухов о происхождении его богатства), в других ("Великие истины" В. Курочкина) распространяется на весь текст. В стихотворении В. Курочкина "На масленице" высмеиваются высокие слова о прогрессе и народе, лишённые в устах поэта-

обывателя какого-либо конкретного содержания; ирония сосредоточена в рефрене "Нет, господа, давайте есть блины", но окрашивает вместе с тем весь предшествующий ему куплет.

Значительная часть поэтического наследия искровцев представляет собою сатирические отклики на факты и явления текущей действительности. Оперативность, быстрота реакции являются отличительной чертой этих откликов. Только назначили слывшего либералом А. В. Головнина министром народного просвещения (декабрь 1861 г.), а в стихотворении В. Курочкина "Над цензурой, друзья..." уже фигурирует его имя и говорится о тщетности надежд на какой-либо поворот в цензурном ведомстве: "Не пропустит Головнин То, что вычеркнул Путятин". Через две недели после полемики между Катковым и Н. Ф. Павловым о монопольном праве "Московских ведомостей" печатать казенные объявления, полемики, в которой достаточно ярко сказались нравы реакционной журналистики (октябрь 1862 г.), печатается "трагическая сцена" Курочкина "Лорд и маркиз, или Жертва казенных объявлений". В ответ на статьи Фета "Из деревни" (1863), в которых он жаловался на грубость и леность крестьян, протестовал против "засилия" крестьянской темы в литературе, сочувственного изображения "Оксан и Ванек" и обличения помещиков, Минаев печатает цикл пародий "Лирические песни с гражданским отливом". В связи с пребыванием в Петербурге японского посольства он пишет политически очень острое стихотворение "Сказка о восточных послых" (1862). Немедленно откликается на судебную реформу Н. Курочкин ("Утешение в разлуке"), на Нечаевский процесс -- Буренин ("Общественное мнение"), на растраты и мошенничества в акционерных обществах -- Вейнберг и т. д. При этом политическое чутье редко изменяло искровцам; они верно избирали объект сатиры и без промаха попадали в цель.

Конечно, большое количество их сатирических произведений отжило свой век, как, впрочем, безнадежно устарели и справедливо забыты многие произведения, вышедшие из лагеря "чистого искусства" и написанные на "вечные" темы. Но лучшие образцы их сатиры убедительно говорят о том, что тесно связанное с большими и актуальными проблемами современности, злободневное в глубоком смысле этого слова сохраняет свое значение и после того, как вызвавшие его явления ушли в прошлое. Обращаясь к злободневным темам, поэты интересовались не каждым отдельным фактом самим по себе, а понимали и оценивали его как известный симптом, как проявление политической атмосферы эпохи, как типическую черту, характеризующую социальное поведение или человеческий, нравственный облик господствующих классов. Так же как и Щедрина, их интересовал преимущественно не человек вообще, а человек определенного класса, и не частная, а социальная жизнь стояла в их сатире на первом плане. Но даже обращаясь иногда к частной жизни, искровцы показывали, что она определяется теми же социальными законами. В основе стихотворения В. Курочкина "Явление гласности" лежат некоторые факты биографии публициста С. С. Громеки, но в нем вместе с тем разоблачается типичная эволюция либерала, прельстившегося разными "соблазнами". В "Бедовом критике" Курочкин имел в виду Кс. Полевого и дал ему беспощадную характеристику, но это в то же время обобщенный портрет мракобеса, преследующего все великое и передовое в культуре человечества. Нечто аналогичное можно сказать и о "Литературных староверах" Жулева, "Колыбельной песне" Вейнберга, "Песне о Педефиле и Педемахе" Буренина.

Без учета этой злободневности, этой близости к политической и литературной жизни тех лет многое останется непонятным в творчестве поэтов "Искры". Для понимания социально-исторического содержания их поэзии и их художественного метода необходимо расшифровать многие намеки, знать иногда очень мелкие, но характерные факты, вспомнить давно забытых людей, вообще воспроизвести ту социальную атмосферу, в которой воспринимали их стихотворения современники.

Чаще всего искровцы высказывали свои взгляды, выражали свое отношение к окружающей действительности в полемике с враждебными им журналами и газетами.

Естественно желание показать читателям истинное лицо своих идейных врагов, но самое обилие полемики в их стихах определялось еще одним обстоятельством. Возможность откровенно говорить непосредственно о явлениях действительности была обратно пропорциональна значительности этих явлений. Литературно-журнальная борьба была в глазах властей предрешающая все же менее опасной и предосудительной. В 1862 г. В. Курочкин жаловался, что цензура запрещает решительно все -- "приходится, скрепя сердце, по-прежнему ограничиваться областью журналистики". {Письмо к цензору Ф. Ф. Веселаго // "Поэты "Искры"", Л., 1933. С. 42--43 (Б-ка поэта. БС).}

Искровцы были мастерами такой журнальной полемики. Асоченский и Юркевич, Катков и Скарятин, Н. Ф. Павлов и Чичерин, Краевский и Громека, Соллогуб, Вяземский и многие другие реакционные и либеральные публицисты и писатели являлись постоянными персонажами "Искры". И в стихах и в прозе высмеивались их социально-политические, философские и литературные воззрения, демонстрировалась их враждебность народным интересам, давался отпор их нападкам на вождей революционной демократии Чернышевского и Добролюбова.

Искровцев неоднократно упрекали в личностном характере их сатиры, в том, что они оскорбляют, например, уважаемых, но не пользующихся почему-либо их симпатиями писателей. Но подобно тому, как "помпадур" разных рангов, о которых они писали, интересовали их не как частные лица, а как представители определенного порядка вещей, определенного социального строя, {Недаром одной из опасных особенностей "Искры" цензура считала "генерализацию отдельных случаев каких бы то ни было злоупотреблений" (Дело Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, 1864, N 12. Л. 26, 83 // Центр. гос. исторический архив СССР в Ленинграде (далее: ЦГИА), ф. 774.} точно так же публицисты, с которыми "Искре" приходилось бороться, были для нее конкретными представителями "известного порядка идей" {"Литературные размышления" // "Искра". 1868. N 29. С. 348.} -- того порядка идей, который стремился в той или иной мере оправдать и сохранить отжившие общественные устои.

Жестоким цензурным режимом, непрерывные преследования свободной мысли способствовали выработке у многих революционных или оппозиционно настроенных писателей, преимущественно у сатириков, особых методов изображения действительности и выражения своего отношения к ней, особой поэтики. Постоянно пользовались приемами эзопова языка и искровцы. Они должны были зашифровывать свои взгляды, а зачастую и объекты своих нападок. Разумеется, нужно было делать это так, чтобы цензор не догадался или, во всяком случае, не имел оснований для придиорок, а читатели понимали, в чем дело.

Но многое из того, что было понятно людям середины XIX века, пропадало для читателей последующих поколений. Скользя взглядом по тому или иному стихотворению, они часто даже не подозревали, что в совершенно невинных на первый взгляд словах заключено что-либо, кроме того, о чем прямо говорится. Да и мы без соответствующих разъяснений не видим их скрытого, иногда очень острого политического смысла.

В стихотворении Н. Курочкина "Ода на современное состояние Франции" есть строка: "Горят огнем широкие бульвары". Слово "широкие" напечатано курсивом. Это не случайная типографская ошибка. Курсив имеет определенный смысл, он намекает на следующий факт. При Наполеоне III была произведена перепланировка Парижа -- многие улицы были расширены, были разбиты новые бульвары и сады, причем одной из главных причин этой перепланировки было стремление правительства, напуганного событиями 1848 года, сделать более затруднительными сооружение баррикад и ведение уличных боев. Как видим, намек этот весьма существен в общем контексте стихотворения, в связи с обращением поэта к революционному прошлому Франции и словами о превращении Парижа в "клубничный Вавилон".

В стихотворении В. Курочкина "Благоразумная точка зрения" есть строка: "С соблюдением *мер и границ*". Читатель не обратит на нее особого внимания, если не знает,

что "Меры и границы" -- заглавие статьи Б. Н. Чичерина. {"Наше время". 1862, 3 янв.} Это -- первая из цикла его статей, проникнутых охранительными тенденциями и ненавистью к революционной мысли 1860-х годов и наделавших в свое время много шума. Еще пример. В. Курочкин перевел стихотворение Беранже "Навуходоносор". В России перевод не мог быть напечатан и распространялся в списках. В переводе упоминается между прочим "Северная пчела" Булгарина, которой нет, конечно, в оригинале:

В тогдашней "Северной пчеле"
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной...

Этой деталью -- упоминанием "Северной пчелы" -- действие сразу же переносится в Россию. Но еще более примечательны строки: "Был съеден *незабвенный* царь" и "Как в бозе сгнил последний царь", тоже якобы переведенные из Беранже. "Незабвенным нашим родителем" был назван Николай I в манифесте Александра II по поводу его смерти и своего вступления на престол. Это выражение не раз служило предметом насмешек. Иронически называли Николая "незабвенным" Герцен и Огарев, и по их почину насмешливое словечко, содержащее оценку всего николаевского царствования, вошло в обиход, получило широкое распространение. "В бозе сгнил" -- пародия на слова о смерти особы царствующего дома: "в бозе почил". Таким образом, "Навуходоносор" в переводе Курочкина сливается с Николаем I, как и сам Беранже имел в виду в своем стихотворении нравы и порядки двора Людовика XVIII. {Следует отметить, что сопоставление Николая с Навуходоносором было, по-видимому, в ходу. Так, в стихотворении А. С. Хомякова "Навуходоносор", написанном за несколько лет до этого, в 1849 году, содержится, по свидетельству П. И. Бартенева, явный намек на Николая I (Хомяков А. С. Стихотворения. М., 1910. С. 155--156). Ср. также слова Каткова, сказанные им после смерти Николая I, в пору своего либерализма: "Если б император Николай восторжествовал, то трудно и представить себе, что сделалось бы с ним; он уподобился бы Навуходоносору -- вышел бы в Летний сад и стал бы щипать траву" (Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 90).}

Много подобных намеков и у Минаева. Так, юмористические куплеты "Роковое число" {"Искра". 1871, N 11. Стб. 324. Библиографические сведения даны в статье лишь для стихотворений, не вошедших в настоящее издание; сведения об остальных приведены в примечаниях.} кончаются строками:

Чтоб горя в жизни не иметь им,
Во избежанье всяких бед,
Шепнул бы я еще о *третьем*...
Да, жалко, времени мне нет.

Без сомнения, речь идет здесь о III Отделении.

В большинстве случаев намек содержится в одной или нескольких деталях, но иногда он является ключом к общему замыслу произведения. Своеобразная игра намеками лежит в основе стихотворения Минаева "Современные стансы", {Минаев Д. Д. Всем сестрам по серьгам. Спб., 1881. С. 5--6.} где в конце каждой строфы повторяется:

Нужна нам кон...
Нужна нам кон...

Но предполагаемое и ожидаемое слово "конституция" ни разу так и не произносится: читателю все время дается иная, цензурная и, разумеется, мнимая разгадка ("концессия

другая, третья", "консервативная газета", "кончина бабушки богатой", "конно-железная дорога" и пр.). Однако эти мнимые разгадки не только не устраняют из его сознания подлинной разгадки, а еще сильнее влекут его мысль к подразумеваемому, хотя и не произнесенному слову.

Широкое использование намеков было вызвано цензурными условиями, невозможностью говорить о многих вопросах прямо и открыто. Но не всегда, конечно, это явление связано непосредственно с цензурой. Нередко на недосказанности и иносказании, рассчитанных на догадливость читателя, построен комический эффект произведения. Намек, недосказанность иногда служат своеобразным художественным средством, возбуждающим активный интерес читателя к факту или явлению, о котором пишет поэт. Герцен отметил специфическое отношение между писателем и читателем, возникающее при этом. "Иносказательная речь,-- читаем в его сочинении "О развитии революционных идей в России",-- хранит следы волнения, борьбы; в ней больше страсти, чем в простом изложении... Говорить так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для нее находил сам читатель,-- лучший способ убеждать... Читатель, знающий, насколько писатель должен быть осторожен, читает его внимательно; между ним и автором устанавливается тайная связь: один скрывает то, что он пишет, а другой то, что понимает". {Герцен А. И. Собр. соч. М.; 1956. Т. 7. С. 217.}

Среди разнообразных сатирических приемов, которыми пользовались искровцы, следует остановиться подробнее на одном, к которому они прибегали особенно часто. Это прием "маски", повествования от имени подставного лица, которое не только не тождественно с авторским, но служит основным объектом сатирического разоблачения. Таким образом мы как бы присутствуем при самораскрытии и саморазоблачении героя. Общий смысл такого построения заключается в том, что враждебный поэту образ мыслей доводится до логического конца и вместе с тем до предельной уродливости и развенчивается как бы изнутри. Иногда, впрочем, маска просто создавала позицию, с которой было легче говорить на запретные темы. Так обстоит дело в "Письме из России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию" В. Курочкина.

Маска благонамеренного человека имеет весьма давнюю историю, но в русской сатире середины прошлого века, главным образом в революционной сатире, она встречается особенно часто. Добролюбов писал С. Т. Славутинскому в 1860 году в связи с его "Внутренним обозрением", что из цензурных соображений "необходимо говорить фактами и цифрами, не только не называя вещей по именам, но даже иногда называя их именами, противоположными их существенному характеру". {Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 415.} Называние вещей "противоположными" именами нередко встречается у Добролюбова. Вспомним хотя бы в статье "Когда же придет настоящий день?" иронические размышления о том, что в России нет никакой почвы для борьбы, которой воодушевлен Инсаров, что Россия -- "государство благоустроенное: в ней существуют мудрые законы, охраняющие права граждан и определяющие их обязанности, в ней царствует правосудие" и т. д. {Там же. Т. 6. С. 124.} Много аналогичных мест в статьях Чернышевского. Но в публицистике этот иронический тон появляется лишь местами и не перерастает в законченную маску, как в целом ряде произведений Щедрина, в поэзии Добролюбова и искровцев.

В стихах и фельетонах искровцев мы сталкиваемся с этим приемом буквально на каждом шагу. Такого рода маски у них весьма разнообразны. Это и представитель благородного дворянского сословия, мечтающий о возвращении к блаженным временам крепостного права ("Мы -- особь статья!" Богданова), и провинциальный помещик-зубр ("Провинциальным Фамусовым" Минаева), и либерал ("Сон на Новый год" и "Чистосердечное признание" В. Курочкина, "Проселком" Минаева), и мракобес-ханжа ("Полезное чтение" В. Курочкина), и чиновник, не гнушающийся взятками и гнувший спину перед начальством ("Жалоба чиновника" В. Курочкина, "Негордый человек" Вейнберга), и обобраный законами акционерных обществ рядовой акционер ("Песни

сумасшедшего акционера" Вейнберга), и славянофил ("Я трепетал..." Минаева), и обыватель, и многие другие. В подобной сатире нередко элементы пародии. В монологе, вложенном в уста объекта сатиры, поэт имитирует подчас его литературную манеру, фразеологию, использует отдельные его выражения.

Чаще всего эти маски, по самому характеру поэтического творчества искровцев, конструировались ими на каждый данный случай, в связи с сатирическими откликами на то или иное явление общественной или литературной жизни. Но были у них и более или менее устойчивые маски, вроде Козьмы Пруткова и вымышленных Добролюбовым поэтов Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама и Аполлона Капелькина. Именно с Козьмой Прутковым связан в первую очередь отставной майор Михаил Бурбонов. Это не только один из многочисленных псевдонимов Минаева, а созданный им образ, от имени которого он написал множество стихотворений и прозаических фельетонов и даже издал целую книгу "Здравия желаю! Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова" (1867). В писаниях Бурбонова воспроизводятся и самый тон, и взгляды на жизнь и искусство солдафона с их прямолинейностью, тупостью и грубостью -- воспроизводятся и, конечно, высмеиваются. Но и независимо от этого сквозь маску Бурбонова высмеиваются конкретные литературные (Фет, Розенгейм и др.) и социальные явления, находящиеся за пределами данного образа.

Остановимся еще на одном интересном и выразительном приеме. В нескольких стихотворениях В. Курочкина мы встречаемся с героями литературы предшествующих десятилетий: персонажи Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, С. Т. Аксакова, Сухова-Кобылина продолжают жить на их страницах. Так, например, в "Семейной встрече 1862 года" действуют Простакова, Митрофан и Скотинин, Ноздрев, Чичиков, Манилов и Хлестаков, Фамусов, Молчалин, Скалозуб и Загорецкий и другие. Все они, оказывается, еще живут и совсем не плохо себя чувствуют. При помощи этого сатирического приема, получившего впоследствии широкое применение в творчестве Щедрина, Курочкин возбуждает у читателей не только смех. Полемизируя с разглагольствованиями о великих реформах, якобы покончивших со всеми основами крепостнического строя, Курочкин показывает живучесть этих основ и то, что, несколько изменив свою форму, приспособившись к новым условиям, они продолжают благополучно существовать. Поэтому и порожденные крепостнической действительностью Скотинины и Скалозубы благоденствуют в пореформенной России. В сценах "Два скандала" высмеяны реакционные и либеральные публицисты, травившие Чернышевского, выступавшие против передового общественного движения и передовой мысли 1860-х годов. И сами эти публицисты, и их идеологическая среда персонифицированы Курочкиным в образах героев "Горя от ума". Удачно использованы им также сюжетные ситуации и отдельные выражения комедии Грибоедова. Такова же сценка Минаева "Москвичи на лекции по философии". В ней поклонники философа-идеалиста П. Д. Юркевича и посетители его публичных лекций, в которых он ополчался на материалистическую философию, тоже изображены в виде персонажей комедии Грибоедова, доживших до 1860-х годов. Интересно, что при первоначальной публикации сценка так и была озаглавлена: "Старые знакомые, или Лекции по философии в Москве".

4

С общим характером поэзии искровцев, с их пониманием социальной роли искусства связаны особенности их поэтического языка. Б. Н. Алмазов писал: "Стих г. Курочкина, хотя не вышел из школы Пушкина и не имеет ничего общего со стихом гг. Мея, Полонского, Майкова и Щербины, но по-своему очень хорош. Это стих рукописных комических стихотворений, стих г. Некрасова, стих лучших пародий Нового поэта (т. е. И. И. Панаева.-- *И. Я*) -- бесцеремонный, но сильный, бойкий и отличающийся затейливыми и звучными рифмами. На Руси существует целая школа такого рода поэзии; отличительная черта поэтов этой школы -- уметь укладывать в стих обыкновенную разговорную речь". {"Взгляд на русскую литературу в 1858 году" // Алмазов Б. Н. Соч. М., 1892. Т. 3. С. 364--

365.} Представление Алмазова о школе Пушкина тенденциозно и антиисторично, но в этом полупохвальном, полуснисходительном отзыве отмечены некоторые существенные черты поэзии не только Курочкина, но и всех искровцев.

Преодоление разрыва между "высокими" и "низкими" предметами, не достойными якобы отражения в искусстве, нарушение запрета для целых областей жизни и обращение к действительности во всем ее многообразии привели к принципиальным изменениям языка поэтов некрасовской школы. Новый быт, новые социальные явления, новые герои, оказавшиеся в центре внимания, а не в качестве слегка намеченного контрастирующего фона, потребовали новой лексики. Противопоставление языка поэзии и практического языка как двух самостоятельных, замкнутых систем было отвергнуто. Демократизация языка, сближение стихотворной речи с разговорной, с языком передовой публицистики, науки, использование профессиональной лексики, простонародных слов и выражений были в середине XIX века одним из существенных признаков реализма в поэзии и шли в русле общего развития русского литературного языка. О "простом языке, свойственном поэзии нашего времени", писал в рецензии на стихотворения Щербины Чернышевский, отмечая, что Щербина "не решается сойти с треножника пифии" и заговорить этим языком. {Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 531.}

Искровцам, как и другим поэтам некрасовской школы, была чужда условная поэтическая речь; они не считали нужным говорить о взволновавших их фактах и явлениях, о своих чувствах и переживаниях необычными, "красивыми" словами, тем самым как бы возводя их в ранг "поэтического". Напротив, сугубо "поэтические" слова и словосочетания, получившие права гражданства в "чистой поэзии" и превратившиеся в штампы у второстепенных ее представителей и эпигонов, поэтические слова и словосочетания, благодаря которым конкретные черты реальной действительности опосредствуются традиционными литературными связями и ассоциациями, часто употреблялись ими в пародийном и ироническом контексте. С другой стороны, так называемые прозаизмы не ощущались ими как нарушение каких-то незыблемых законов искусства; самое понятие прозаизма для них, собственно, не существовало: оно возникло на основе совершенно иных эстетических воззрений.

Изысканным метафорам и их прихотливому сочетанию, преобладанию субъективной эмоциональной окраски слова над его логическим смыслом искровцы противопоставляли предметность слова. Им нужны были такие слова, которые помогают раскрыть и обнажить сущность изображаемых явлений, повернуть эти явления к читателю с новой стороны, показать в новом свете. "Музыкальности", нередко заглушавшей смысловое наполнение стиха, равно как и "гладкому", а у многих к тому времени уже застывшему, окаменевшему стиху, они предпочитали, с одной стороны, свободные разговорные интонации сатирического фельетона, а с другой -- пафос и эмоциональную насыщенность публицистической лирики.

В. Курочкин и его соратники стояли за предельную простоту формы. Однако свое стремление к простоте и доходчивости они решительно отделяли от намеренного упрощения, от пошлой и примитивной лженародности. "Стремление выразить идеи в доступной каждому форме,-- читаем в статье И. И. Дмитриева "Расшаркивающееся искусство",-- не должно переходить в ту оскорбительную, барскую замашку *снисходить* до мужицкого мирозерцания, с каким многие часто адресуются к народу. Так, многие имеют пошлую привычку, разговаривая с детьми, коверкать по-детски слова и картавить. Ясности это не только не помогает, а даже вредит". {"Искра". 1863, N 38. С. 527.} Лженародность и сюсюканье, равно как и либерально-обличительная поэзия, наиболее типичным представителем которой был М. П. Розенгейм, поэзия с обнаженной и крайне куцей тенденцией и лишенная каких бы то ни было художественных достоинств, вызывали у искровцев не меньший отпор, чем "искусство для искусства". Та простота, та заостренность и целенаправленность стиха, которой нередко добивались искровцы,

являлась итогом серьезной работы над словом, серьезных исканий в области поэтической формы.

Критика враждебного лагеря неоднократно утверждала, что у них есть бойкие куплеты на злобу дня, но эти куплеты не имеют-де ничего общего с подлинным искусством. Искровцы, действительно, очень часто пользовались куплетами и довели технику куплета с рефреном до большого мастерства. Такое отношение к куплету как к очень доходчивой и выразительной форме вполне естественно у поэтов, ориентировавшихся на широкую демократическую аудиторию.

Обратившись к куплету с рефреном, искровцы не могли не учитывать поэтического опыта французских песенников, в первую очередь Беранже, с которым у них были и существенные идейные связи. В процессе выработки своей поэтической техники -- прежде всего это относится к сатире -- они (а до них и Некрасов) использовали также некоторые особенности русского водевиля 1830--1840-х годов. Стихотворения, написанные от имени разоблачаемого сатириком лица, часто напоминают монолог, как бы извлеченный из водевиля. За это сходство с водевилем Курочкина и других искровцев, как, впрочем, и Некрасова, не раз упрекали неприязненно относившиеся к ним литераторы. Ап. Григорьев, в целом высоко ценивший талант Некрасова, вместе с тем пренебрежительно отзывался о "водевильности тона" многих его произведений, "водевильно-александринских пошлостях". {"Стихотворения Н. Некрасова" // Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 460, 479.} Вслед за ним и Н. Н. Страхов писал о Некрасове: "Стихи его по тону и манере очень часто сбиваются на водевильные куплеты того особого рода, который некогда процветал в нашей "Александринке"". {"Некрасов и Полонский" // Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд. Киев, 1897. С. 135.} Аналогичный отзыв об искровцах встречаем в статье критика В. К. Иванова, {См. его статью о пьесе А. Н. Островского "Козьма Захарьич Минин, Сухорук" ("Отеч. зап.". 1862, N 8. С. 214--215).} а за несколько лет до этого А. Н. Майков писал Я. П. Полонскому по поводу курочкинских переводов из Беранже: "Три-четыре пьески хороши, прочее -- куплеты Александринки". {Рукоп. отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, арх. Я. П. Полонского.} Но все они умалчивали о том, что, заимствуя из водевиля легкость, бойкость, доходчивость стиха, технику каламбура и т. д., Некрасов и поэты "Искры" поставили их на службу передовым идеям своего времени, и представляли дело таким образом, что те механически возрождают и повторяют потерявшие всякое значение пустые, бессодержательные водевильные куплеты.

Важным оружием в руках сатириков была и пародия, отмеченная большими успехами в эти годы. К лучшим пародистам своего времени, наряду с Добролюбовым, принадлежали и искровцы Минаев, Ломан (Н. Л. Гнут) и Сниткин (Амос Шишкин). В своих пародиях они брали под обстрел и идейную сущность, и эстетические принципы, и литературную манеру, стилистику чуждых им литературных явлений. Они боролись с пережитками романтических представлений об исконном антагонизме между художником и "толпой" (см., например, "Монолог художника..." Минаева), с основным литературным врагом демократического лагеря -- "артистической теорией" или теорией "искусства для искусства", с узостью тематики и замкнутостью в пределах индивидуалистической лирики, с казенно-патриотической и либерально-обличительной поэзией. Лирика мимолетных и нарочито неясных настроений, установка на иррациональность человеческих переживаний, мистические мотивы, облеченная в поэтические одежды эротика, романтическая лексика и романтический пейзаж (в частности, перенесение человеческих чувств на явления природы), внешняя красивость и экзотика -- таков широкий диапазон пародийного творчества искровцев. Так, влечение к таинственному, загадочному, необъяснимому высмеяно в остроумной пародии Ломана на Случевского "Давно любовь в обоих нас остыла,..". Обращаясь к произведениям, в которых уход от противоречий современной действительности проявляется в форме увлечения экзотикой далеких стран и эпох, Ломан в пародии на того же Случевского снижает "высокий" сюжет

и противопоставляет экзотической обстановке и образам неприглядный серенький быт, показывая, с чем же мы сталкиваемся в самом деле ("Коварство и любовь"). Многие пародии искровцев направлены против отдельных стихотворений Фета, Полонского, Майкова, Тютчева, Мея, Щербины, Крестовского, Бенедиктова и других поэтов. Но есть у них и пародии, так сказать, синтетические, высмеивающие те или иные общие тенденции, жанры современной поэзии, например, антологические и идиллические мотивы переводчиков и подражателей Гейне, усвоивших лишь внешние признаки и искажавших подлинную сущность его поэзии, и т. п. Пародисты используют при этом разные приемы, иногда присоединяя к пародируемому стихотворению лишь одну какую-нибудь дополнительную черточку и тем самым дискредитируя в глазах читателей его эмоциональный смысл. Кое в чем пародисты "Искры" перекликались, естественно, со своими современниками и предшественниками -- названным выше Добролюбовым, а также Козьмой Прутковым и Новым поэтом -- И. И. Панаевым.

Не следует, однако, принимать за пародию обычное в сатирах искровцев и очень характерное для их поэтики использование отдельных строк, строения строфы, сюжетной схемы, персонажей из многих произведений предшествующих десятилетий. Иначе "Явление гласности" В. Курочкина -- сатиру на либерального публициста Громеку -- пришлось бы признать пародией на "Истину" Баратынского, его эпиграмму на Б. Н. Чичерина "Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи..." -- пародией на двустипхию Пушкина "Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...", "Молитву" Минаева, направленную против "Отцов и детей" Тургенева, -- пародией на "Молитву" Лермонтова, сцены В. Курочкина "Два скандала" и Минаева "Москвичи на лекции по философии" -- пародиями на "Горе от ума" Грибоедова, "Ах, где та сторона..." Минаева -- пародией на известную агитационную песню Рылеева и Бестужева-Марлинского "Ах, где те острова...", наконец, его разговор трех теней о сатирической поэзии -- пародией на соответствующую сцену из "Макбета" Шекспира и т. д. и т. д. Между тем ни о какой пародии здесь не может быть и речи. Пародия всегда связана с дискредитацией идейного смысла произведения или поэтической системы писателя, а в перечисленных и многих других случаях этого нет. В отличие от пародии это явление можно условно назвать "перепевом" -- разумеется, не в обычном значении подражания. Таких "перепевов" у искровцев очень много, и они имеют разнообразный характер: одни охватывают все стихотворение, другие -- одну или несколько строк; в одних случаях поэт использует строение строфы, в других -- сюжетную ситуацию и т. п. В "перепевах" могут быть элементы пародии, но основная их направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу, и неожиданность такого применения, разрушающая круг привычных ассоциаций, создает комический эффект. Непременным условием комического эффекта является, как указано выше, достаточно широкая известность используемого источника. Но смех направлен не против литературного источника "перпева", а против объекта сатиры.

Большое значение в поэзии искровцев имеют острога и каламбур. То естественно вырастая из общего иронического тона повествования, то возникая совершенно, казалось бы, неожиданно, они усиливают сатирическое жало произведения, способствуют посрамлению высмеиваемого человека, его взглядов, сочинений. Особенно важную роль играет каламбур в эпиграмме. Эпиграммы писали многие искровцы, но особенно много писал их Минаев, один из лучших мастеров этого жанра. На эпиграммах Минаева следует остановиться несколько подробнее.

Игра на двойном значении слова "донесет", разоблачающая публицистическую деятельность Б. М. Маркевича ("Б. М<аркеви>чу"), ироническое согласие с поэтом, который сравнивает себя с Байроном: "Поэт Британии был хром, А ты -- в стихах своих хромаешь" ("Аналогия стихотворца"), характеристика "текущей журналистики": "Она

поистине "текущая", Но только вспять" ("Необходимая оговорка") -- таких примеров можно было бы привести немало.

Наряду с двойным значением слов Минаев использует также звуковую близость далеких по своему смыслу понятий: пьеса сыграна "с шиком, с шиком: громко шикали" ("После бенефиса"). Иногда каламбур строится на том, что читатель в сочетании более или менее "невинных" слов разгадывает другие, звучащие почти так же, но имеющие острый политический смысл. Примером могут служить строки из стихотворения (не эпиграммы) "Кумушки", связанного со студенческими волнениями 1861 года: "Лупят под лопатку ли" ("Лупят подло Паткули") и "Гнать, и гнать, и гнать его" ("Гнать и гнать Игнатьева").

Не всегда, впрочем, стержнем эпиграммы Минаева является каламбур. Многие неожиданные и остроумные концовки не связаны с игрой слов. Таково упоминание о "всеобщем знакомце" Хлестакове в последней строке превосходной эпиграммы "Вопрос", собирающее в одном фокусе перечисленные факты:

Послушать вас -- вам все сродни на свете.
Заговорят случайно о Гамбетте --
Окажется Гамбетта ваш confrere;
Рошфор -- ваш кум, граф Бисмарк -- друг завзятый,
Гюго -- земляк и однокашник -- Тьер,
И, кажется, сродни немножко Пий IX.
Везде у вас друзья -- их сорок сороков --
В Париже, в Лондоне, в Берлине и в Мадриде,
И вертится вопрос у ваших земляков:
Как вам приходится, пожалуйста, скажите,
Знакомец наш всеобщий -- Хлестаков?

Иногда в качестве концовки использована пословица: эпиграмма на кн. В. П. Мещерского завершается строкой "В семье не без урода". Есть у Минаева эпиграммы, построенные в виде характеристики ("История одного романиста", "Вестнику Европы", "Вопрос"), в форме диалога ("Печальный выигрыш", "После бенефиса") и др.

Сжатость и отточенность, блестящая изобретательность, разнообразие приемов отличают его эпиграммы. В одной из них речь идет о двух авторах, которые "на удивленье многим Являются *одним* четвероногим" ("При чтении романа "При Петре I..."); в другой говорится о "сумасшедшей задаче", возникшей под впечатлением картины Лемана "Дама под вуалью" -- "картину написать на тему "Дама, Из комнаты ушедшая""; в третьей воздается похвала художнику, нарисовавшему картину "Сапожник":

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом --
ТЬфу! -- кистью -- я хотел сказать.

К остроте и каламбуру, наиболее ярко ощутимым в небольшой эпиграмме, Минаев прибегает и в сатирическом фельетоне и в сатирической поэме. При этом необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев они не могут быть расценены как простые словесные вычурсы, а являются одним из компонентов социальной или художественной оценки.

5

Уже из сказанного выше ясно, что искровцы были не только сатириками, хотя сатира и преобладала в их творчестве. Они писали также лирические стихотворения и несатирические поэмы (из-за недостатка места образцы последних не включены в сборник). Лирика искровцев в значительной своей части не отличалась самостоятельностью -- и все же необходимо сделать о ней несколько дополнительных замечаний.

Прежде всего нужно отметить, что между лирикой и сатирой не было у них резкой границы. Конечно, были у них и чисто лирические и чисто сатирические произведения, но во многих случаях невозможно с определенностью отнести их к той или иной группе. Эта черта характерна для всей некрасовской школы и для самого Некрасова. Такой специфически некрасовский сплав сатиры и лирики мы находим, например, в стихотворении Минаева "1-е января".

Иногда в пределах одного стихотворения поэтическое "я" вдруг меняется и от лирического тона поэт переходит к злой иронии, подставляя вместо себя уже другое, ему совершенно чуждое "я". Такова "Ода на современное состояние Франции" Н. Курочкина. Прославление революционного прошлого Франции и ненависть к режиму Наполеона III облечены в своеобразную форму: авторское "я" и "я" сатирическое, интонации гневной сатиры и юмористического фельетона соседствуют, причем их смена отражает сюжетное движение стихотворения. Начиная со строки "И сладко мне! я вижу, победил", перед нами новое "я" -- собирательное "я" буржуа-обывателя, на которого был обращен гнев поэта в первой части стихотворения.

То лирическое "я", которое объединяет в нашем сознании творчество поэта, не является тождественным у всех поэтов демократического лагеря. Этот образ поэта имеет у каждого из них свои особенности, свою, так сказать, биографию, но в очень существенном они все же близки. Для поэтов некрасовской школы главным, основополагающим являются соотношения этого лирического "я" не с природой, с космосом (как у Фета и Тютчева), а с другими людьми, с обществом, и характер этих взаимоотношений определяет весь тон и колорит, всю проблематику их творчества.

Говоря о том, что "разлад человека со всем окружающим" издавна является объектом литературного изображения, но что его причины искали "то в таинственных силах природы, то в дуалистическом понимании человеческого существа", Добролюбов в 1860 году в рецензии на сборник стихотворений Никитина заметил, что теперь утверждается "более простой взгляд... обращено внимание на распределение благ природы между людьми, на организацию общественных отношений". Роман, по его словам, "прямо вытек из нового взгляда на устройство общественных отношений как на причину всеобщего разлада, которая тревожит теперь всякого человека, задумавшегося хоть раз о смысле своего существования". Серьезные изменения претерпела в связи с этим и драма. "В лирике нашей мы видели до сих пор только начатки и попытки в этом роде, но отсюда вовсе не следует, что новое содержание поэзии было недоступно для лирики или несовместно с нею". {Добролюбов Н. А. Т. 6. С. 176--177.} Отчетливо характеризуя этот переворот в литературном сознании, Добролюбов явно преуменьшал его отражение в русской поэзии середины XIX века. Достаточно вспомнить о Некрасове. Разумеется, по своему таланту искровцы несоизмеримы с ним, но их поэзия развивалась в том же направлении, шла теми же путями.

Проблема личного и общего (точнее -- общественного) стояла в центре лирики демократического лагеря. При этом личное начало в ней неразрывными нитями связано с социальным. Противоречия между личностью и обществом не были для Некрасова и поэтов его школы некими исконными и вечными противоречиями. Это были противоречия передового сознания с отжившей и враждебной народу социально-политической системой, с несознательностью самого народа. Народное счастье и благополучие было для них не абстрактным идеалом, а существеннейшим вопросом их внутреннего мира.

Лирика поэтов-демократов, в том числе поэтов "Искры", имеет свою специфическую окраску. Бытовая обстановка, обрамляющая рассказанное, вводит читателя в совсем особую атмосферу -- атмосферу горя, неудач, бедности и притеснений. Иногда лирическое "я" представляет рядового труженика, "бедного человека" большого столичного города, где остро ощущаются социальные противоречия; иногда это интеллигент-демократ, но в обоих случаях это страдающий от социального неустройства, недовольный жизнью, часто раздраженный человек. Однако эта раздражительность, недовольство собой и другими не

являются только личными психологическими свойствами поэта или его героя. Он зол на социальные условия, калечащие человека, и с желчью говорит об этом. Это те именно недовольство и злость, о которых писал Некрасов Л. Н. Толстому в ответ на его нападки на Чернышевского: "Вам теперь хорошо в деревне, и Вы не понимаете, зачем злиться. Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости -- у нас ли мало к ней поводов?" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 10. С. 284.}

Особое место занимает в поэзии искровцев городской пейзаж, картины городской жизни. В большинстве случаев это столица, Петербург, но не Петербург величественный, торжественный, Петербург блестящих архитектурных созданий, а Петербург как вместилище социального зла, Петербург будничный, такой неуютный для бедняков, неприветливый и жестокий к ним. Стихотворения искровцев о городе -- это, на первый взгляд, беглые, несвязные зарисовки, сделанные проходящим по городским улицам человеком, простая регистрация того, что бросилось ему в глаза и что он, не мудрствуя лукаво, перенес на бумагу. См., например, начало стихотворения Вейнберга "Двое похорон": "Шел я по Литейной..." и дальше: "Я пошел за ними..." {"Искра". 1862, N 39. С. 516.} Но из городского пейзажа, из бытовой сценки естественно возникает нечто большее; сквозь разрозненные впечатления проступает трагическая сторона повседневной действительности. Таковы некоторые стихотворения Вейнберга, Минаева, Богданова.

Характерна в этом отношении поэма Минаева "Та или эта?". {"Рус. слово". 1861, N 11.} Передавая тягостные впечатления, тоску, охватившую его в темном квартале, где его застала зимняя ночь, поэт пишет, что по случайным уличным впечатлениям, мелькнувшему в окне профилю усталого человека и т. п. он воссоздает "незримые драмы" (о "незримых драмах" Минаев упоминает и в стихотворении "Осенний день"). {"Искра". 1860, N 43. С. 463.} Это типично некрасовское восприятие города. Вспомним признание Некрасова: "Мерещится мне всюду драма", являющееся заключительным аккордом его цикла "На улице" (1850) и своеобразным смысловым ключом ко всем его произведениям о городе. Нужно, впрочем, оговориться, что подобное восприятие характерно не для одного Некрасова и его поэтического направления, но и для всей демократической линии русской литературы, возникшей на почве "натуральной школы".

Весьма интересны с этой точки зрения размышления Герцена в его "Капризах и раздумье", появившихся за несколько лет до цикла Некрасова. Герцен обронил здесь мысль о необходимости ввести употребление микроскопа при изучении нравственного мира: "Надобно рассмотреть нить за нитью паутину ежедневных отношений, которая опутывает самые сильные характеры, самые огненные энергии"; нужно подумать "об ежедневных, будничных отношениях, обо всех мелочах, к которым принадлежат семейные тайны, хозяйственные дела, отношения к родным, близким, присным, слугам". И дальше Герцен с большой лирической силой пишет: "Когда я хожу по улицам, особенно поздно вечером, когда все тихо, мрачно и только кое-где светится ночник, тухнувшая лампа, догорающая свеча,-- на меня находит ужас: за каждой стеной мне мерещится драма, за каждой стеной виднеются горячие слезы -- слезы, о которых никто не сведает, слезы обманутых надежд,-- слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь". {Герцен А. И. Т. 2. С. 77, 80--81.} Совершенно очевидно, что словесное совпадение ("за каждой стеной мне мерещится драма", "мерещится мне всюду драма", "и я вижу незримые драмы") не случайно. Речь идет не о нейтральной детали, нейтральном, хотя бы и ярком, образе, а о словах, выражающих общий строй чувств и переживаний, концентрирующих особый тип восприятия большого города, в "мелочах" и повседневных проявлениях которого просвечивают острые конфликты и противоречия современной жизни.

Большое место в литературном наследии искровцев занимают переводы. Они переводили Данте и Шекспира, Байрона, Шелли, Гуда и Лонгфелло, Гёте, Шиллера и Гейне, Мольера, Беранже, Барбье, Мюссе, Виньи и Гюго, Джусти, Мицкевича, Шевченко, Гавличка и многих, многих других. Искровцы впервые перевели на русский язык немало произведений европейской классической поэзии. Значительная часть их переводов несовершенна, не отвечает современным требованиям, но их общекультурная роль была очень велика. Широкие круги русской читающей публики знакомилась по ним с зарубежными классиками. Вот как характеризует, например, известный фельетонист В. М. Дорошевич значение переводческой деятельности Вейнберга: "Я обязан вам многими часами восторга, как обязано все поколение, к которому я принадлежу. Вы осветили нашу молодость -- и каким светом! Вы были пророком, который принес нам откровение литературных богов!" {"Мое первое знакомство с П. И. Вейнбергом" // Дорошевич В. М. Собр. соч. М., 1905. Т. 10. С. 87.} Но кроме общекультурного значения нужно отметить, что переводы таких поэтов, как Беранже и Гейне, пользовавшихся большой популярностью в демократических кругах русского общества, как и оригинальное творчество искровцев, способствовали революционизированию общественного сознания.

Вершиной переводческой деятельности искровцев являются песни Беранже в переводе В. Курочкина. Они представляют особый интерес заслуживают специального рассмотрения.

Беранже знали в России еще в начале XIX века, но только в 1850--1860-е годы он приобрел (в большой степени благодаря Курочкину) широкую читательскую аудиторию. Однако оценки творчества Беранже резко расходились. Одни считали его "апостолом безнравственности" (А. К. Толстой) {Письмо к жене от 3 июля 1855 г. // Толстой А. К. Собр. соч. М., 1964. Т. 4. С. 78.} и "певцом анакреонтических предметов, достойных самой ветреной юности" (Дружинин), {"Повести и рассказы И. С. Тургенева" // Дружинин А. В. Т. 7. С. 346.} а другие подчеркивали глубоко народный характер его поэзии; по их словам, это был человек, стремившийся "к достижению блага народного" (Добролюбов), {Рецензия на "Песни Беранже" // Добролюбов Н. А. Т. 3. С. 441.} писатель, произведения которого "внушены идеями гуманности и улучшения человеческой участи" (Чернышевский). {"Очерки гоголевского периода русской литературы" // Чернышевский Н. Г. Т. 3. С. 302.} Именно так смотрел на Беранже и Курочкин, давший русскому читателю подлинно демократического поэта. Недаром в качестве вступительной статьи к последнему, шестому, изданию своих переводов он перепечатал часть рецензии Добролюбова.

Каковы же те принципы, которые характеризуют Курочкина -- переводчика Беранже?

В них есть немало пропусков и изменений, вызванных цензурными условиями того времени. Так, он систематически исключал нелестные и кощунственные упоминания о монархах, скипетре, короне, боге и пр. ("Падающие звезды", "Старый капрал", "Кукольная комедия", "Сон бедняка" и др.). Но наряду с этими вынужденными смягчениями оригинала Курочкин нередко вносил в песни Беранже отдельные изменения и совершенно независимо от цензуры. В предисловии к первому изданию своих переводов он сам характеризовал их как отчасти переводы, отчасти "переделки", в которых он, впрочем, тоже стремился "не изменять духу подлинника".

Характеры, бытовые черты, общественно-политические отношения, обрисованные в переводных произведениях, русские читатели издавна привыкли применять к аналогичным явлениям окружающей их социальной действительности. Подобным образом воспринимались, конечно, и песни Беранже. Одной из существенных особенностей переводов Курочкина было то, что он активно содействовал такому восприятию.

Поэт прибегал при этом к разнообразным приемам. Французские имена он часто заменял русскими или, во всяком случае, более привычными для русского уха либо вовсе опускал их. В ряде переводов не воспроизведены географические названия, что создавало

возможность расширительно толковать сюжет и отдельные образы стихотворения и облегчало читателям перенесение места действия в Россию. "L'aveugle de Bagnolet" озаглавлен Курочкиным "Слепой нищий"; нет упоминаний о Bagnolet и в тексте перевода. В "Соловьях" речь идет опять-таки не о Париже, как у Беранже, а вообще о "столице веселья и слез"; благодаря этому все, о чем говорится в стихотворении, могло быть в равной степени применено и к русской столице.

Лексика переводов Курочкина действовала на восприятие читателей в том же направлении. Поэт вводил иногда такие слова, которые придавали содержанию песен Беранже русский колорит. Он сознательно употреблял кое-где разговорные и идиоматические выражения, диалектизмы и пр. Таковы "налей-ка мне по рубчик" в "Расчете с Лизой", "детина" в "Будущности Франции", "стоит двух, кто не был бит" в "Уроке", "служивые" в "Песни труда", "парень не один" (вместо "sujets" -- подданные) в "Царе Додоне". В "Уроке" вместо "А, В, С" в рефрене каждый раз повторяется "Буки-аз, буки-аз", а в переводе строк "n'as tu pas du honte De prendre un *n* pour un *u*?" ("не стыдно ли тебе принимать "n" за "u"?) появляется "Это *иже*, а не *наш*". Не то важно, конечно, что французское "u" заменено русским "и"; это совершенно естественно, поскольку речь идет о смешении букв, имеющих сходное начертание; более существенно, что все буквы носят у Курочкина старинные русские названия. Вместе с именем "Митя", выражением "стоит двух, кто не был бит" они сразу переносят нас в русскую обстановку.

Повторяю, мы имеем дело не с бессознательным приспособлением переводимых произведений к своей собственной стилистической системе, свойственным в той или иной мере большинству переводчиков, а с вполне осознанными и последовательно проводившимися переводческими принципами. В ряде переводов специфически французские бытовые явления и понятия опять-таки заменены русскими. Вместо "petits Jesuits billeux" (маленькие желчные иезуиты) мы находим у Курочкина: "Мелки шпиончики, но чутки; В крючках чиновнички ловки" ("Будущность Франции"). В стихотворении "Кукольная комедия" ("Les negres et les marionnettes") говорится об английском капитане, который вез негров "из Африки далекой" в Америку. Негры мрут как мухи; капитан, чтобы поднять их настроение, показывает им театр марионеток. И вот Курочкин заменил Полишенеля Петрушкой, а "monsieur le commissaire" (господина комиссара) будочником, то есть натолкнул читателя на то, чтобы видеть в неграх не только негров, но и русских крепостных, а в работорговце, везущем их на невольничий рынок, -- отечественное "благородное сословие". Недаром этот перевод, как особенно вредный с точки зрения цензурного ведомства, был в 1866 году вырезан из "Собрания стихотворений" Курочкина. В "Сне бедняка" исчезло решительно все, что прикрепляет действие к Франции. В рефрене вместо "Void venir l'huissier du roi" (Вот идет королевский судебный пристав) все время повторяется "Подать в селе собирают с утра", а вместо имени крестьянина "Jacques" -- "кормилец"; заглавие тоже вместо "Jacques" -- "Сон бедняка".

Таким образом, этот разоряемый непосильными налогами крестьянин в переводе Курочкина столько же русский, сколько француз, и, пожалуй, даже скорее русский: в стихотворении несколько раз повторяется специфически русское слово "кормилец", а в одном месте даже "вечор" ("Боже! недаром стонал он вечор"). В "Доброй фее" появляется "зерцало", отсутствующее, конечно, у Беранже ("Перед зеркалом глядела Фея в судейский устав").

Но дело не ограничивается подобными заменами. Иногда поэт вводил в текст Беранже прямые указания на факты русской политической и общественной жизни. Один из ярких примеров ("Навуходоносор") был в иной связи приведен выше. В стихотворении "Над цензурою, друзья..." это сказалось еще более резко. Курочкин перевел только рефрен из "La censure" Беранже, а остальные два четверостишия -- о министрах Головнине и Путятине, о реформах, о Герцене -- полностью принадлежат, разумеется, ему самому. В "Господине Искарियोте", самое заглавие которого является замечательной находкой, прекрасно переданы общий замысел и построение "Monsieur Judas", но отдельные детали

тоже почти все приближены к русской обстановке 1860-х годов. У Беранже нет строк о "гласности", о "всеобщем зле от взяток" и пр. Как видно из черновых набросков на полях принадлежавшего ему экземпляра песен Беранже, Курочкин, приступая к переводу этого стихотворения, сразу решил заменить ряд мотивов оригинала другими: возле второй строфы он написал "гласность", возле третьей -- "взятки". {Этот экземпляр ("Oeuvres completes", Paris, 1836) хранится в Гос. литературном музее в Москве.}

Эта черта переводов Курочкина особенно беспокоила правительственные круги. Самый выбор песен Беранже для переводов был во многих случаях тесно связан с фактами русской политической жизни. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел граф П. И. Капнист писал о Курочкине в "Очерке направления русской лирической поэзии с 1854 по 1864 г.", составленном по поручению министра внутренних дел П. А. Валуева: "Обладая гибким и звучным стихом, г. Курочкин посвятил себя преимущественно не переводам, а перделке на русский лад песен Беранже. Сохраняя часто дух подлинника, он очень ловко умеет применять разные куплеты Беранже к нашим современным обстоятельствам, так что, в сущности, Беранже является только слепым орудием, и под прикрытием его имени г. Курочкин преследует свои цели, например: известно, как в последнее время пристрастно смотрит периодическая литература наша на отношения нашего дворянского сословия к народу: г. Курочкин, принадлежа к гонителям высших слоев нашего общества, переводит известную пиесу Беранже "Маркиз де Караба", где между прочим находятся подобные стихи:

...Слушать, поселяне!

К вам, невеждам, дряни,

Сам держу я речь.

Я -- опора трона

и т. д. {*}

{* "Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.". Спб., 1865. С. 104.}

Нечто аналогичное можно сказать о возникновении ряда других переводов. Когда в связи с ростом революционного движения шпион, агент тайной полиции становится бытовым явлением русской жизни, Курочкин переводит "Господина Искарриотова". В связи с революционной ситуацией и надеждами демократических кругов на то, что в ближайшее время в России произойдет переворот, Курочкин переводит стихотворение "Птицы". Беранже написал его на прощание своему другу поэту Арно, изгнанному из Франции в 1816 году. Курочкин же, по свидетельству современников, переводя "Птиц", имел в виду Герцена и Огарева. {Пятковский А. Две встречи с А. И. Герценом // "Наблюдатель". 1900, N 2. С. 289--290; "Русская муза" / сост. П. Я<кубович>. 3-е изд. Спб., 1914. С. 269. Намекает на это и чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Ю. М. Богушевич в своем донесении о журнале "Век": ""Птицы" Курочкина -- аллегорическое воззвание к каким-то вольным птицам и голосам, улетевшим от нас и долженствующим скоро возвратиться" (Дело Особ. Канцелярии министра нар. просвещения, 1862, N 94. Л. 36 об. // ЦГИА, ф. 773.) Это к ним относятся прочувствованные строки рефрена:

Зима их выгнала, но к нам

Они воротятся весной.

Отметим и такой факт приближения Беранже к современности. В перевод стихотворения "Les infiniment petits ou la gerontocratie", напечатанный под заглавием "Будущность Франции" летом 1871 года, Курочкин ввел строку "Париж войсками осажден", которая, без сомнения, напоминала читателям о недавних событиях франко-прусской войны и Парижской коммуны.

Историческое значение и идейное содержание переводов Курочкина, их большая роль в политической борьбе своего времени метко охарактеризованы в стихотворении Демьяна Бедного "Знаменательные поминки". Демьян Бедный говорит здесь о том, "как

трогательны были усилия Курочкина Василия, Прикрывая усмешкой язвительность, Балансируя на цензурном ноже, Разъедать крепостную действительность Мотивами Беранже". {"Лит. газета". 1932, 17 июля, N 32. Те же переводческие принципы лежат в основе некоторых других произведений Курочкина, в первую очередь -- "Принца Лутони". Недаром в предисловии к "Принцу Лутоне" он называет себя "автором-переводчиком". Но есть у Курочкина и переводы иного типа -- например, переводы Барбье, Мюссе, Виньи.}

Разумеется, не все переводы Курочкина равноценны: в некоторых из них имеются невыразительные места, не переданы существенные детали. Курочкин не всегда сохранял неизменным количество строк в строфе, ее ритмический рисунок, расположение рифм, менял, как мы видели, отдельные мотивы. Вообще он не стремился к буквальной точности перевода, но в большинстве случаев великолепно передал и идейный смысл и общие художественные принципы оригинала и в то же время сделал Беранже, по выражению одного критика, "как бы русским народным поэтом". {Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. С. 491.} Нередко в переводах Курочкина хорошо передана интонационная основа стиха Беранже. По словам К. И. Чуковского, "отчетливость синтаксиса, выразительность и блеск интонаций" являются главным достоинством и Василия Курочкина и другого замечательного переводчика этой эпохи -- М. Л. Михайлова. {Чуковский К. Искусство перевода. М.; Л., 1936. С. 153. Высокую оценку переводов Курочкина из Беранже дал также Н. М. Любимов; см. его книгу "Несгораемые слова" (М., 1983. С. 88, 255).} Очень удавались Курочкину рефрены песен Беранже, бывшие камнем преткновения для ряда переводчиков. Многие он перевел совершенно точно, другие -- близко к оригиналу, а некоторые заменил своими, для них оригинал послужил лишь исходным пунктом. Так, например, не Беранже, а Курочкину принадлежат широко известные и близкие к духу поэзии Беранже рефрены "Слава святому труду" из "Песни труда" ("Les gueux") и "Какое счастье! Честь какая! Ведь я червяк в сравнении с ним!" и т. д. из "Знатного приятеля" ("Le senateur").

Переводы Курочкина из Беранже -- одно из значительных явлений литературы середины XIX века. Они принадлежат к числу тех творческих переводов, вернее -- пересозданий, которые органически входят в русскую литературу и воспринимаются как оригинальные произведения.

У каждого из поэтов "Искры" были свои особенности, свои пристрастия, свой поэтический голос. Они были людьми разной степени таланта. Но вся их поэтическая и журналистская деятельность вливалась как составная часть в мощное демократическое литературно-общественное движение середины XIX века; они примыкали к тому поэтическому направлению, во главе которого стоял Некрасов.

В своих лучших образцах поэзия искровцев вошла в сознание демократической интеллигенции не только 1860-х годов, но и последующих десятилетий. Об этом говорят многочисленные сочувственные упоминания о В. Курочкине и "Искре" М. Горького в его статьях, письмах и художественных произведениях. Н. К. Крупская не раз вспоминала о том, какой популярностью пользовались поэты "Искры" у людей ее поколения, в семье Ульяновых, как много стихотворений искровцев знали и Ленин и она. В своей статье по поводу первого издания сборника "Поэты "Искры"" она писала: "Поэты "Искры", их сатира имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, "все недостойное, подлое, злое", они учили разбираться в людях... Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты "Искры"". {"Лит. газета", 1934, 10 авг.}

Искровцы оказали несомненное воздействие на дальнейшее развитие русской демократической поэзии, в первую очередь сатирической и юмористической. В связи с этим уместно вспомнить о поэзии "Сатириконе", и прежде всего Сашу Черного. Уже в наши дни политическая острота и злободневность поэзии искровцев, ее техническая оснащенность были восприняты Маяковским и Демьяном Бедным и целым рядом других советских поэтов, сыграв известную роль в выработке их поэтического стиля.

Василий Курочкин. Критик, романтик и лирик

Снилось некогда некоему вечному и последнему романтику, "что явился поэт давно жданный, давно желанный, -- и поэт был на какой-то высокой башне, в странной фантастической одежде, и что подходил он к нему уже не как к простому смертному и смотрел на него не как на простого смертного. И полились, рассказывал он (последний романтик), звуки, -- какие, он не знает, но звуки, звуки то восторгающие, то томящие, то пылающие..."

Сон этот последний романтик рассказал своему приятелю критику, и приятель слушал, не прерывая, эту маниловщину. Оба они не воображали тогда, что в 1860 году явится именно такой поэт, какой пригрезился во сне последнему романтику. "Является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт!" -- воскликнул уже наяву последний романтик. "Сила идет, новая, молодая сила! -- воскликнул вслед за романтиком критик. -- Силе же и подобающий почет, потому что она божье дело, а не человеческое".

Кто же этот романтик, которому снятся такие удивительные пророческие сны? Кто этот критик, водящий знакомство с таким романтиком, и кто, наконец, этот великий, *давно жданный, давно желанный и ни на кого не похожий поэт*?

Критик этот -- А. А. Григорьев, перенесший свою критическую деятельность в "Сын отечества", в котором помещаются его "Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах".

Этот романтик -- Иван Иванович, вымышленное лицо в беседах г-на Григорьева. Этот поэт -- г-н Случевский, молодой человек, напечатавший в январской книжке "Современника" шесть стихотворений, из которых некоторые недурны, некоторые... но об этих некоторых после.

Теперь несколько слов об этих трех персонажах нашей литературной комедии.

Г-н Григорьев и его критическая деятельность, с ее дельными и забавными сторонами, известны читателям еще со времен "Москвитянина".

Ивана Ивановича постараемся определить словами самого автора. Пусть на автора же и пеняют читатели, если определение будет несколько темно. Иван Иванович -- "вечный и последний романтик" и в То же время "человек жизни", понимающий под словом *жизнь* "не слепое веяние минуты, а великую, неистощающуюся, всегда единую тайну". Иван Иванович вообще "странный и оригинальный субъект, оригинальный, впрочем, *как хаос*, а не как стройное явление". Вследствие этой оригинальности Иван Иванович нравственность называет *индравственностью*, угрызения совести *хандрою*, живет в злоуханных нумерах, где-то в Гончарной улице, потому что ему, вследствие все той же оригинальности, кажется, будто Гончарная ближе к Москве, чем Знаменская или Невский проспект; в этих нумерах играет на гитаре и предается постоянным и неутомимым *загулам*, {Загулы -- несколько дней продолжающийся кутеж, нечто вроде хронического пьянства, то же, что в просторечье запой. *Примеч.* для *читательниц, незнакомых с ученою терминологиею г-на Григорьева.*} а в свободное от загулов время пишет стихи, но какие стихи! -- *кочки живого мяса, вырванного прямо с кровью из живого тела*, так по крайней мере определяет автор стихи Ивана Ивановича. "Иван Иванович, -- говорит автор далее, -- может с таким же правом сказать: "я люблю безобразие, господи!", как Тарас Скотинин говорил: "я люблю свиней, сестрица!"

"Некоторого рода *трансцендентализм*, -- продолжает автор, -- роднит нас с Иваном Ивановичем, хотя я никогда не могу идти *так смело и так последовательно* по пути этого трансцендентализма, как мой приятель... ни в жизни, ни в мысли, когда дело дойдет до приложений мысли к явлениям -- каким бы то ни было -- хотя бы даже литературным". Ясное дело! Как эстетический, тонко развитый критик, г-н Григорьев, при всем его трансцендентализме, не поселится в злоуханных, *дышащих безобразием* нумерах в

Гончарной, не назовет нравственность индравственностью, а живое, хотя бы человеческое, мясо стихами, не доведет свои оригинальные убеждения до индравственного хаоса, а угрызения совести до романтической хандры и ультрапрозаического запоя и никак уж не уподобится знаменитому любителю свиней Тарасу Скотинину. Как хотите, а идти *смело и последовательно* по пути *этого* трансцендентализма очень опасно; того и гляди, что с московской дороги угодишь прямо на петергофскую.

Впрочем, дело не в этом. Иван Иванович так уж создан и как художественное лицо, созданное автором, не подлежит исправлению. Одно показалось нам странным в рассказе г-на Григорьева. Получив записку о доставлении в срок литературных бесед от редактора "Сына отечества", благодушно положившегося на испытанный критический такт своего нового сотрудника, г-н Григорьев, вместо того чтобы хоть поверхностно просмотреть новые журналы, вдруг, после многого множества написанных им журнальных статей, почувствовал страх, *нечто похожее на раскаяние и угрызения совести*, и в таком тревожном состоянии духа отправился... куда бы вы думали? поближе к Москве, в Гончарную, к своему безобразному приятелю.

Безобразного своего приятеля он застал, как и ожидать следовало, между двумя загулами, с книжкою в руках, впрочем. Здесь г-н Григорьев рисует с любовью и -- надобно ему отдать справедливость -- с удивительным знанием дела картину безобразной жизни Ивана Ивановича. Красные глаза содержателя нумеров, пение пошлых куплетцев, царапание большим пальцем по струнам семиструнной гитары и, наконец, смакование и бурчание во рту водки -- изображены здесь художественно. Затем Иван Иванович читает г-ну Григорьеву стихи г-на Случевского и до такой степени увлекается, что "мурашки бегают у него от затылка вдоль по спинному хребту от множества отдельных стихов -- и в жар бросает от целого". Жар этот очень легко объяснить приливами крови к голове и тоскливым настроением Ивана Ивановича после загула; этим же настроением объясняется очень удовлетворительно, почему он, помимо помещенных в январской книжке "Современника" действительно замечательных статей Костомарова, Тургенева, Щедрина и др., устремил все свое внимание на стихи г-на Случевского: во-первых, чтение стихов, не требуя от романтиков умственного напряжения, дает им возможность ораторствовать и горячиться, а во-вторых, может быть, Иван Иванович и почуял в стихах г-на Случевского родственный его произведениям запах живого мяса.

Теперь, когда читатели несколько ознакомились с двумя лицами нашей комедии, остается познакомить их с третьим и -- главнейшим,

Г-н Случевский, поэт., г-н Случевский замечательн... нет! г-н Случевский даровит... нет! Определения решительно не вяжутся. В статье "Литературные вариации" г-н Гнут определяет лучше нашего особенности г-на Случевского. Здесь приведем только два стихотворения "*долгожданного поэта*"; пусть читатели сами назначат ему приличное место в вертограде отечественных муз.

НА КЛАДБИЩЕ

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стукаясь, жуки,

Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой
Кто-то ежится, ворочает землей;
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
-- Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни цепкие, да гниль, да мокрота;
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня:
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стучал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летали, лбами стучаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

* * *

Ходит ветер, избочась,
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белокурые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы сует,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
Воет жалким воем

На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в столах ваших,
Сказок Муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер, избочась,
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

* * *

Обыкновенные читатели, вероятно, споткнутся на первых же стихах этих стихотворений. Им покажется очень странным обыкновение г-на Случевского отдыхать на кладбище; *ветер, стелющий снегом калачи кривобокой бабы*, покажется им просто бессмыслицей; но, господа, не забывайте, что вы -- обыкновенные читатели, вы -- толпа и ничего больше; в кривобокой бабе сокрыт "*глубокий юмор*", и все это стихотворение -- *шалость*, но "смелая, свободная и размашистая по приему -- и глубокая по цельному чувству шалость! так шалют только люди с *огромными силами*..."

Понимаете ли вы, "что струею свежего, совершенно свежего воздуха брызнули эти стихи" на приятеля г-на Григорьева; знаете ли вы, что все это "свежо, оригинально и обаятельно", что это "могучие, стальные стихи" -- "блестящие, как сталь, гибкие, как сталь, с лезвием (!!!), как сталь". "Тут размах силы таков, -- что из его, вследствие случайных обстоятельств, или ровно ничего не будет, или уж если будет, то что-нибудь большое будет. Да-с! Это не просто высокодаровитый лирик, как Фег, *Полонский, Майков, Мей*, -- это даже не великий, но замкнутый в своем одиноком религиозном миросозерцании поэт, как *Тютчев*..." Эти стихи даже не клочки живого мяса из внутренностей Ивана Ивановича, это, как уже сказано выше, -- сталь, чистейшая, дамасская сталь, первого сорта. Тут нечто "*фетовское*" сливается с чем-то "*тютчевским*" и образует нечто совершенно особое. "Это сила, сударь мой, это сила идет, новая, молодая сила. Она может разлететься прахом или создать *новый мир* (!), *прекрасный мир* (!!), *самобытный мир* (!!!), что-нибудь из двух -- среднего быть не может". "Тут сразу является-- поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт; а коли уж на кого похожий--так на Лермонтова".

Так заключил свою речь приятель г-на Григорьева. Г-н Григорьев "смотрел во все глаза на Ивана Ивановича. Он был *совершенно в здравом уме* (?) и твердой памяти, -- *нонервы* на его висках *напряглись*, глаза сверкали, движения были судорожны..."

Ух! До каких ужасов доводит чтение стихов г-на Случевского. К довершению ужаса, в это время "раздался звонок, и вслед за ним в комнату ввалилось трое господ, из которых двое *вели одного под руки*. Я (г-н Григорьев) схватился поскорее за шапку, наскоро простился и пустился домой, оставив Ивана Ивановича в *жертву вечернюю* -- постоянным и неутомимым товарищам его загулов". Очень жаль, г-н Григорьев, что вы оставили вашего друга в такую критическую минуту. Хорошо еще, если он во хмелю смирен и забавен, а то ведь трансцендентальная критика, с упоением вином и стихами, может бог знает до чего довести господина с напряженными нервами и судорожными движениями.

Но мы увлеклись жалким Иваном Ивановичем и как будто забыли о главном лице нашей дидактической комедии -- о г-не Случевском. Впрочем, мы не рецензию пишем на его стихотворения, мы пишем по поводу "Бесед" г-на Григорьева. Если бы мы писали

исключительно о нем, мы бы долгом почли прямо, без шуток и предисловий, сказать ему следующее:

Г-н Случевский! Ваши стихи брызнули струею свежего, совсем свежего воздуха на какого-то Ивана Ивановича; не забудьте, что Иван Иванович сказал это в коротенький промежуток между двумя загулами, в душной атмосфере злоуханных номеров Гончарной улицы; там поневоле все покажется свежим и совсем свежим.

Ваши стихи гибки, как сталь, с лезвием, как сталь, и от них мурашки по спинному хребту бегают; вспомните, что это говорит тот же Иван Иванович, который не находит поэзии в стихах Некрасова (см. ниже) и за стихи принимает, в своем помешательстве, клочки живого мяса, с кровью вырванные из живого тела.

"Вы или разлетитесь прахом, или создадите новый, *прекрасный* мир", -- говорит все тот же Иван Иванович, но его понятия о прекрасном очень туманны и трансцендентальны, но он, по словам г-на Григорьева, безобразие любит, как Тарас Скотинин свиней, и своим нравственным безобразием превосходит Тараса Скотинина.

Г-н Григорьев говорит, что в одном из стихотворений ваших *нечто* фетовское слилось с *чем-то* тютчевским и из этого образовалось нечто совершенно особое (мы говорим: *г-н Григорьев*, потому что Иван Иванович тут поставлен, очевидно, в видах увеселения читателей и высказываемые Иваном Ивановичем мнения суть личные мнения г-на Григорьева, иначе г-н Старчевский, отличающийся строгим выбором статей в свой журнал, не поместил бы в нем этой статьи; мало ли какую дребедень могут говорить о литературе разные Иваны Ивановичи -- печатать всего нельзя); не верьте г-ну Григорьеву: тут нет ничего *особого*, и слилось в ваших стихах, вообще очень миленьких, не только фетовское и тютчевское, но и некрасовское, и майковское, и меевское, и полонсковское, даже отчасти минаевское, {См. "Русский мир" и "Светоч".} крестовское, {См. "Сын отечества", "Русское слово", "Светоч" и "Отечественные записки".} зернинское, {См. "Библиотеку для чтения".} пилянкевичевское {См. "Атеней".} и николаевское, {См. книжку *Стихотворения Николаевского*, 1859.} наконец, даже татаринское, ананьевское, аксеновское и овчинниковское {Татарин, Ананьевский, Аксеновский, Овчинников -- достаточно известные своими произведениями. Прилагательные от фамилий, кончающихся на *ский*, произведены здесь в виде опыта.}, -- ибо и сим последним, при внимательном и гуманном рассмотрении их стихотворений, нельзя отказать в доле здравого смысла, которого местами не хватает и в ваших стихах.

За шесть только что недурных стихотворений г-н Григорьев ставит вас выше Фета, Полонского, Майкова, Мея и Тютчева; Некрасова он даже не сравнивает с вами, потому что в ваших стихах есть, по его мнению, какое-то "могучее своевольство", а "стихотворения Некрасова не поэзия, и в них носится, видимо, какая-то сила, но сила эта извращена и напряжена..."; о Бенедиктове, гр. Толстом, Хомякове, Щербине и других современных поэтах он будто не смеет даже говорить в вашем присутствии; не верьте ему. Не ищите *глубокого юмора* в вашей несчастной *кривококой бабе* -- предоставьте это романтикам, оригинальным *как хаос*; но если хотите определить ваши силы, сравнительно с названными выше поэтами, перечтите внимательно их, определите особенности каждого из них, помимо их недостатков, подумайте, сколько времени и труда положили они и сколько, может быть, захватили горя, прежде чем создали несколько песен, на которые и вы, как молодая и впечатлительная натура, откликнулись подражаниями, -- и потом перечтите еще раз хвалебную статейку г-на Григорьева, но перечтите один, без свидетелей, потому что, если в вас есть талант, вы от нее покраснеете.

Г-н Григорьев говорит... Но мало ли что говорит г-н Григорьев! Вот он ставит вас наравне с Лермонтовым... Многое и мы могли бы сказать по этому поводу, но станет ли слушать нас г-н Случевский, когда услужливый критик "Сына отечества" отуманил его глаза таким *упоительным куревом*.⁷⁷

---

77 Критик, романтик и лирик. Впервые -- в "Искре", 1860, № 8, стр. 86--91, подпись: Пр. Знаменский. В первой половине 1860 г. стихотворения К. К. Случевского, до этого мало кому известного поэта, были

Василий Курочкин. Эмансипированная чиновница
(Театральное представление в эпической форме, с прологом)

Цель жизни для мужчины -- в пользу, которую он приносит; для женщины -- в счастье, которым она дарит.
Гр. Соллогуб ("Чиновник").

Надимов крикнул на всю Россию, что пришла пора искоренить зло с корнями, -- выкрикнул себе руку и сердце богатей графини, женился на ней, пробовал было еще раз крикнуть, но легкие ему изменили -- он надорвался и умер. Мир твоему праху, бедный, т. е. богатый чиновник! Жизнь твоя протекла не бесплодно: от горячих слов твоих бьются сладким трепетом сердца добродушных посетителей Александрийского театра, и восторженные твои идеи разнеслись по лицу обожаемой тобою России.

I
ПРОЛОГ

Передадим безыскусственным слогом трогательную повесть бедной Оли, сестры этого юного энтузиаста.

Весь пыл его благородного сердца зажегся чистым огнем в девственном сердце молодой девушки. Глубоко уразумев его мысль: цель женщины -- счастье, которым она дарит, Оленька вышла замуж за старого, очень старого и богатого, очень богатого графа. Она недолго дарила его счастьем, потому что он умер, не прожив с нею года, но зато долго пользовалась богатством, им подаренным. Как женщина, она не могла любить только Россию; как графиня, не могла полюбить кого-нибудь. А между тем голос сознанный ею призвания шептал ей, что она обязана *дарить счастье*. Душа ее требовала сочувствия и жила, как говорил некогда ее брат про себя (см. "Чиновник". "Библиотека для чтения", 1856 г., март, стр. 34), "в каком-то несбыточном упоении, посреди забот и дразгов самой прозаической действительности". Надо заметить, что она жила в Австрии.

Кому подарить счастье? Не материальное, разумеется, потому что материальное она могла возратить работавшим на нее крестьянам большого села Надимовки, но могла ли она думать о них, когда душа ее жила в "несбыточном упоении"? Кому подарить счастье?

К счастью, у нее нашлась в Вене подруга. Эта подруга была влюблена в молодого человека. Этот молодой человек бросил ее и уехал в Париж. Сестра Надимова крикнула на всю Австрию, что это подло, и поехала, чтобы вернуть молодого человека к стопам влюбленной девицы и тем доказать ей дружбу.

II
САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

напечатаны в нескольких номерах "Современника" (куда попали через Тургенева) и "Отечественных записок". Эти стихотворения, свидетельствовавшие о поэтическом даровании их автора, вместе с тем характеризовали его как безусловного приверженца "чистой поэзии". Естественно, что они не могли не вызвать противодействия у сторонников реалистического, социально направленного искусства. Оно еще более усилилось в связи с восторженной статьей консервативного критика А. А. Григорьева, который поставил Случевского выше всех современных русских поэтов ("Сын отечества", 1860, No 6). В "Искре" и "Современнике", благодаря которому стихи Случевского стали широко известны читающей публике, появился целый ряд насмешливых откликов, В пародиях Н. Л. Ломана (под псевдонимом: Гнут) и Добролюбова были зло высмеяны основные черты его поэзии, неприемлемые для демократического лагеря.

По дороге в Париж, между пассажирами вагона, Оленька высмотрела одного старичка и выбрала его руководителем. К счастью, этот старичок, французский дворянин, де Кебриан по фамилии, оказался чистейшим, застарелым Надимовым по натуре. К счастью, он еще, кроме этого, оказался дядею ветреного молодого человека.

"В Париже несколько Парижей, -- сказал он, -- каждый выбирает себе тот, который ближе к его идеалу", и повел Оленьку в наилучший Париж -- в модный магазин, в котором камелии разоряют своих любовников, заставляя их платить за наряды и потом перепродавая эти же наряды в этом же самом магазине.

В магазин влетает молодая дама, нарядно одетая, и приказывает положить в свою коляску материю, стоящую так дорого, что Оленька, при всем своем богатстве, не решилась купить ее,

-- Кто эта дама? -- спрашивает Оленька у Надимова. -- Она, должно быть, принцесса?

-- Нет, -- отвечает Надимов, -- за нее платит мой племянник.

-- Стало быть, ваш племянник женат на ней?

-- Нет, -- отвечает Надимов.

-- Стало быть, она его любит?

-- Нет, -- отвечает Надимов.

-- А! -- восклицает Оленька, -- понимаю; стало быть, она... *магнолия?*..

-- Камелия, -- поправляет ее Надимов.

-- Я спасу вашего племянника, -- говорит Оленька, и глаза ее разгораются тем же пламенем, каким разгорелись у ее брата, когда Дробинкин предложил ему взятку. -- Где можно видеть вашего племянника? -- спрашивает Оленька.

-- Он нигде не бывает, кроме публичных балов, куда порядочные женщины не ездят.

-- Я поеду на *bal Mabilite!!!* -- восклицает Оленька.

Всякий, на месте руководителя, доказал бы всю нелепость подобной выходки, но Надимова прельщает грандиозность самопожертвования и окончательно побеждают последние слова Оленьки:

-- Нужно крикнуть на весь Париж, что мы, честные женщины, виноваты в том, что *магнолии* губят молодых людей хороших фамилий!

III

КАРТЕЛЬ

Перенесись, читатель, в *bal Mabilite*. *Bal Mabilite* -- место, посещаемое праздною парижскою молодежью, гризетками и лоретками всякого рода и Надимовыми мужского и женского пола.

К счастью, Оленька не одна: ее сопровождает старый Надимов де Кебриан и старуха Надимова, притворяющаяся ее бывшею гувернанткой. Старички толкуют о нравственности среди цветущих и отцветших камелий: какое обширное поле для всякого рода комических приключений!

Начинается водевиль, самый неестественнейший из водевилей, который может разыгрываться только между Надимовыми.

Старый Надимов, вместо того чтобы следить за Оленькою, пускается в мораль и уверяет, что любовница его племянника требует у встречного и поперечного ожерелье в 10 000 франков. Только Надимовым могут приходиться в голову подобные несообразности. Бедные парижские камелии, неужели вы так грубо-нахальны? Нет, тысячу раз нет. "Это не камелия, -- говорит Жюль Жанен, -- это воровка с большой дороги".

Молодая Надимова встречает предмет своих поисков, сама говорит ему, после нескольких пошленьких фраз, что приехала на бал *для него*, и потом обижается, когда он предлагает ей браслет и зовет с собой ужинать.

-- Ах, оставьте, пожалуйста, с вашим рукам, я не из таких... -- сказала она ему по-русски; по-французски, как истая Надимова, чистой крови, она ему говорит очень скучно и долго о молитве, воле и любви.

-- Но я устал, отцвел, я разочарован, *я ни к чему неспособен!*

-- Займитесь наукою или искусством, -- серьезно отвечает Надимова.

-- Но я люблю вас!..

-- Любите мою подругу.

Молодой человек в отчаянии. Как говорить с Надимовыми! Что бы вы им ни говорили, они вас не слушают и на все декламируют свои вызубренные фразы!

Влетает воровка-камелия и, условившись с претендентом на руку Оленьки, каким-то бароном, нанести ей оскорбление, подымает скандал.

Претендент вызывает молодого человека на дуэль.

Между тем старуха Надимова, притворяющаяся гувернанткой, теряет последний смысл: связывается с каким-то магазинным комми, кричит на весь бал о своей девической скромности и подымает еще пущий скандал, неприличный даже на бале Mabilie!

Следует суматоха, чепуха, и площадной фарс, влетая с бубенчиками и погремушками, совершенно вытесняет неудавшийся водевиль.

IV

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ДРУЖБЫ

Переходим в обитель старухи Надимовой, притворяющейся гувернанткою. В этой-то скромной обители и разыгрывается фарс. С этой целью в бедной комнатке гувернантки понаделано великое множество дверей.

К горничной входит комми из магазина: горничная его прячет за одной дверью.

Неожиданно входит Оленька, вероятно, потому что вслед за нею *неожиданно* должен войти влюбленный молодой человек, и влюбленного молодого человека прячут за другой дверью.

Необходимый свидетель всевозможных скандалов, старый Надимов де Кебриан является вслед за ним, и его прячут за третьей дверью.

Докладывают о бароне, и Оленька прячется за четвертую дверь.

Докладывают о какой-то подруге гувернантки, и гувернантка вталкивает барона в пятую дверь.

Виноваты -- в первую, за которою спрятан комми.

Это необходимо для того, чтоб комми узнал барона и рассказал об его уговоре с воровкой-камелией; чтобы Оленька с презрением отвернулась от барона и отдала руку и сердце молодому человеку, которого хотела женить на своей подруге, -- и для того, чтобы раз навсегда кончились эти комедии, водевили и фарсы между Надимовыми.

Вот как доказывают свою дружбу женщины Надимовы! Вот как ведут себя за границею старики и старухи Надимовы!

Мы пересказали, содержание французской комедии графа Соллогуба: "Une preuve d'amitié". Мы старались рельефнее выразить основную мысль остроумного автора, карающего беспощадной сатирой всякую фальшь, под какой бы обманчивой формой она ни являлась. По-русски оно вышло грубее, но самая мысль ничего не потеряла от этого.

Что ж делать? Гордый наш язык

К французским фарсам не привык.

Как, например, передать все остроумие, всю игривость прелестного французского стихотворения графа Соллогуба, украсившего страницы 38 No "Театрального и музыкального вестника".

Вот начало этого стихотворения:

Connaissez vous à Bade
La joyeuse cité,
Près de la promenade
Un arbre redouté?
A l'ombre de cet arbre,
Jamais ne sont admis,
Ni les filles de marbre,
Ni les messieurs mal mis и пр.

Какая грация и какое уважение к светским приличиям, доходящее до поэзии, или какая поэзия, доходящая до обожания светских приличий!

По-русски это выйдет неуклюже, топорно, банально, тривиально, вьюльгарно...
Однако попробуем.

ДРЕВО

(Из графа Соллогуба)

Проезжая город Баден-Баден,
Чающий движения воды,
Там в саду (там сад весьма изряден)
Древо зрел и зрел на нем плоды.
Но в тени помянутого древа
Не случилось так, чтоб, например,
Отдыхала мраморная дева
И одетый дурно кавалер.

Борис Фаддеев (тот самый, который навязал нам стихотворное предложение знаменитой были г-на Миллера-Красовского) претендует даже, что в русском стихотворении необходима мысль, аллегория, антитеза или вообще что-нибудь подобное.

Вот какое окончание приделал он к нашему неоконченному переводу.

До плодов искусства всякий жаден;
Но для многих зелены плоды.
И Парнас есть тот же Баден-Баден:
В нем свои и воды и сады,
И свое есть древо на Парнасе:
Уж под ним не сядет ни один
В парике маркиза славянин
Или галл в московском тарантасе.

Кому не понравится это окончание, пусть винит г-на Фаддеева. Неизвестно, зачем он приплел тут парик и потом тарантас. По-нашему, это чистая риторика. Мы и сами находим, что он человек отсталой, но печатали и впредь будем печатать его стихи, желая давать в "Искре" высказываться различным мнениям, как это принято в наше время, когда и пр.⁷⁸

1859

Карикатуры

---

78 Эмансипированная чиновница. Впервые -- в "Искре", 1859, No 39, стр. 388--391, без подписи.

Русская мысль

научный, литературный и политический журнал, издававшийся ежемесячно в Москве в 1880—1918. Издатель В. М. Лавров. Редакторы (с 1885) В. А. Гольцев и М. Н. Ремезов. Умеренно либеральное издание, сочувственно относившееся к народничеству. После закрытия «Отечественных записок» (1884) в журнале начали печататься В. Г. Короленко, В. М. Гаршин, А. Н. Плещеев, Н. Е. Каронин-Петропавловский. После Революции 1905—07 «Русская мысль» стала органом кадетской партии (редакторы П. Б. Струве и А. А. Кизеветтер). Октябрьскую революцию 1917 журнал встретил враждебно и был закрыт Советским правительством.

Создателем журнала был известный журналист, издатель и переводчик Вукол Михайлович Лавров. Журнал имел два предостережения: первое было дано за «Петербургские письма» в декабрьской книжке 1883 г., второе — за статью В. А. Гольцева «Социология на экономической основе» в ноябрьской книжке 1893 г.

«Русская мысль» придерживалась умеренного конституционализма, что подготовило идейно и организационно создание партии кадетов (конституционных демократов).

После 1905 журнал стал органом правого крыла партии кадетов и проводил идеи великодержавности и поддержки власти. Непримируемые позиции в отношении революционной мысли занимали в журнале веховцы.

Октябрьскую революцию журнал не принял и был настроен к большевикам враждебно, в связи с чем правительство большевиков закрыло его. После этого П. Б. Струве ещё несколько лет издавал «Русскую мысль» в эмиграции; в этот период в журнале правые кадеты объединились с монархистами.

Особенностью журнала был «Библиографический отдел», который выходил в виде отдельного приложения к журналу и заключал в себе систематический отчет о всех главных новинках русской книжной и журнальной литературы (изредка — и о новых произведениях европейской научной литературы).

Кроме внутреннего и иностранного, «Русская мысль» давала ещё «Научное обозрение», в котором помещались обзоры по разным отделам науки, написанные известными специалистами, а под заглавием «Современное искусство» — отчеты о новинках театральных и художественных (большой частью московских).

Внутреннее обозрение вели В. А. Гольцев, С. А. Приклонский, А. А. Головачев, Л. А. Полонский и др. К этому же отделу можно отнести «Очерки русской жизни», которые с огромным успехом помещал в «Русской мысли» в последние годы жизни Н. В. Шелгунов. Сюда же примыкают «Очерки провинциальной жизни» И. Иванюкова.

Иностранное обозрение более 10 лет вел В. А. Гольцев.

За десять лет издания журнала (1880—1889) был составлен алфавитный указатель (помещенный в декабрьской книжке за 1889 г.).

Не изменяя однажды принятому направлению, «Русская мысль» вместе с тем выделялась известным эклектизмом; на страницах ее появлялись произведения писателей, в других органах того же направления крайне редко или совсем не участвовавших.

Так, в «Русской мысли» помещались произведения Н. С. Лескова, К. К. Случевского, А. Н. Апухтина, графа А. А. Голенищева-Кутузова, Г. П. Данилевского. «Русская мысль» с одинаковой готовностью предоставляла свои страницы как защитникам «марксизма» и «экономического материализма», так и «народникам», а также писателям, старающимся примирить эти оба направления.

Из беллетристов и поэтов в «Русской мысли» помещали свои произведения М. Н. Альбов, Н. М. Астырев, К. С. Баранцевич, П. Д. Боборыкин, Н. П. Вагнер, В. М. Гаршин, Максим Горький, Д. В. Григорович, А. М. Жемчужников, Н. Н. Златовратский, С. Каронин (Н. Е. Петропавловский), В. Г. Короленко (дебютировал здесь перед большой публикой «Сном Макара»), А. А. Луговой (А. А. Тихонов), Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. А. Мачтет, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, А. К. Михайлов-Шеллер, С. Я. Надсон, В. И. Немирович-Данченко, В. И. Немирович-Данченко, Ф. Д. Нефедов, Я. П. Полонский, И. Н. Потапенко, И. А. Салов, Н. Северин (Н. И. Мердер), К. М. Станюкович, Глеб Успенский, С. Г. Фруг, Антон Чехов, А. И. Эртель и многие другие.

Из критиков и историков литературы в «Русской мысли» писали М. С. Громека (известные статьи о Толстом, ознакомившие публику с недоступной для печати «Исповедью» Толстого), И. И. Иванов, А. И. Кирпичников, Орест Миллер, Н. К. Михайловский, Н. Николаев (обзор журналистики в «Библиографическом отделе»), В. П. Острогорский, М. А. Протопопов, А. М. Скабичевский, В. Д. Спасович, Н. И. Стороженко, Е. А. Щепотьева (обзор журналистики в «Библиографическом отделе») и другие.

Научные и публицистические статьи в «Русской мысли» помещали антрополог, географ, этнограф и археолог Д. Н. Анучин, М. А. Антонович, В. В. (В. П. Воронцов), критик и историк литературы С. А. Венгеров, историк П. Г. Виноградов, историк Р. Ю. Виппер, климатолог и географ А. И. Воейков, М. Я. Герценштейн, историк В. И. Герье, А. А. Головачев, В. П. Григорьев, историк Г. А. Джанишиев, историк права и государствовед И. И. Дитятин, Б. Д. Бруцкус, А. Я. Ефименко, историк и экономист И. И. Иванюков, экономист, статистик и социолог А. А. Исаев, экономист Л. С. Зак, земский статистик и экономист Н. А. Каблуков, юрист граф Л. А. Камаровский, историк Е. П. Карнович, историк Н. И. Кареев, экономист С. Я. Капустин, историк всеобщей и русской литератур А. И. Кирпичников, историк В. О. Ключевский, историк, юрист, социолог М. М. Ковалевский, Н. П. Колюпанов, историк М. С. Корелин, педагог барон Н. А. Корф, историк Н. И. Костомаров, философ и социолог В. В. Лесевич, зоолог М. А. Мензбир, историк П. Н. Милюков (обширный очерк русской историографии), В. Ф. Миллер (ряд статей о народном эпосе), филологи Ф. Г. Миценко и В. И. Модестов, юрист С. А. Муромцев, Е. С. Некрасова, Л. Е. Оболенский, юрист П. Н. Обнинский, М. Л. Песковский, А. В. Погожев, врач В. О. Португалов, А. С. Пругавин (статьи о сектантах, в полубеллетристической форме), П. А. Ровинский, Г. П. Сазонов (статьи об артелях), В. И. Семевский (история крестьянского вопроса), В. Ю. Скалон, В. С. Соловьев, естествоиспытатель К. А. Тимирязев, статистик и экономико-географ А. Ф. Фортунатов, экономист и статистик Л. В. Ходский, Н. Г. Чернышевский (под псевдонимом Андреев помещавший в «Русской мысли» и стихотворения), С. А. Щепотьев, земский статистик Ф. А. Щербина, С. Н. Южаков и другие. Среди сотрудников «Русской мысли» выделялись А. Эртель, П. Боборыкин, А. Чехов, В. Короленко, Г. Успенский, Ф. Нефедов, М. Протопопов, А. Скабичевский, И. И. Иванюков, С. Приклонский, Н. Минский, Н. Лесков, Вл. Соловьев и др.

Виднейшие сотрудники последних лет «Русской мысли» — С. Булгаков, А. С. Изгоев, С. Франк, Л. Шестов, М. Гершензон, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Я. Брюсов — редактор беллетристического отдела журнала и др. В философском отношении «Русская мысль» этих лет культивировала идеализм и мистику.

Д. С. Мережковский. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества

I

Почему приблизился к нам Лермонтов? Почему *вдруг* захотелось о нем говорить?

Рассказывают, будто бы у Лермонтова был такой "тяжелый взгляд", что на кого он смотрел пристально, тот невольно оборачивался¹. Не так ли мы сейчас к нему обернулись невольно?

Стихи его для нас, как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла.

Помню, когда мне было лет 7--8, я учил наизусть "Ангела" из старенькой хрестоматии с истрепанным зеленым корешком. Я твердил: "По небу полуночи", не понимая, что "полуночи" родительный падеж от "полночь"; мне казалось, что это два слова: "по" и "луночь". Я видел картинку, изображавшую ангела, который летит по темно-синему, лунному небу: это и была для меня "луночь". Потом узнал, в чем дело; но до сих пор читаю: "по небу, по луночи", бессмысленно, как детскую молитву.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них².

Я также узнал, что нельзя сказать: "Из пламя и света"³, а надо: из пламени. Но мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова.

Потом, в 12--13 лет, я уже для собственного удовольствия учил его наизусть. Переписывал "Мцыри" тщательно, в золотообрезную тетрадку, и мне казалось, что эти стихи я сам сочинил.

Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой же ребенок, как я.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог⁴.

Вот чего Пушкин не сказал бы ни за что. Взор его был слишком трезв, точен и верен действительности. Он говорит просто:

Последняя туча рассеянной бури,
Одна ты несешься по ясной лазури⁵.

Но эта пушкинская "ясная лазурь" по сравнению с бездонно-глубоким лермонтовским небом казалась мне плоской, как голубая эмаль.

С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик, больше, чем Лермонтов. Пушкин оттеснил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова: так иногда взрослые нечаянно обижают детей. Но где-то в самой глубине души остался уголок, не утолненный Пушкиным.

Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придет смерть, боюсь, что это примирение:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять⁸, --

покажется мне холодным, жестоким, ничего не примиряющим, -- и я вспомню тогда детские молитвы, вспомню Лермонтова.

Не потому ли уже и теперь сквозь вечеряющий пушкинский день таинственно мерцает Лермонтов, как первая звезда.

Пушкин -- дневное, Лермонтов -- ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами -- созерцанием и действием.

Голос Божий пророку:
Глаголом жги сердца людей⁷ --

услыхал Пушкин, но не последовал ему, не сделался пророком, идущим к людям, а предпочел остаться жрецом, от людей уходящим:

Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?⁸

Поэт -- жрец, а жертва Богу -- жизнь людей. Толпа не зажигается огнем пророка, а "плюет на алтарь", где горит огонь жреца.

В жизни Пушкин весь на людях, но в творчестве один.

Ты -- царь; живи один⁹.

Лермонтов обратно: в жизни один, в творчестве идет к людям; пусть не доходит, но идет; пусть ненавидит, но не бесстрастен.

...не для битв

Мы рождены...¹⁰ --

говорит Пушкин.

Бывало, мерный звук твоих могучих слов

Воспламенял бойца *для битвы*, --

говорит Лермонтов. Поэт -- кинжал, "спутник героя".

Не по одной груди провел он страшный след

И не одну порвал кольчугу.

Созерцание, отречение от действия для Пушкина -- спасение, для Лермонтова -- гибель поэта, ржавчина клинка.

Игрушкой золотой он блещет на стене,

Увы, бесславный и безвредный --

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк,

Иль никогда на голос мщенья

Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,

Покрытый ржавчиной презренья?¹¹

У Пушкина жизнь стремится к поэзии, действие -- к созерцанию; у Лермонтова поэзия стремится к жизни, созерцание -- к действию.

На первый взгляд может казаться, что русская литература пошла не за Пушкиным, а за Лермонтовым, захотела быть не только эстетическим созерцанием, но и пророческим действием -- "глаголом жечь сердца людей".

Стоит, однако, взглянуть пристальнее, чтобы увидеть, как пушкинская чара усыпляет буйную стихию Лермонтова.

И на бунтующие волны

Льет усмирительный елей¹².

В начале -- буря, а в конце тишь да гладь. Тишь да гладь -- в созерцательном аскетизме Гоголя, в созерцательном эстетизме Тургенева, в православной реакции Достоевского, в буддийском неделанье Л. Толстого. Лермонтовская действенность вечно борется с пушкинской созерцательностью, вечно ею побеждается и сейчас побеждена как будто окончательно, раздавлена.

Вот одна из причин того, что о Пушкине говорили много и кое-что сказали, о Лермонтове говорили мало и ничего не сказали; одна из причин того, что пушкинское влияние в русской литературе кажется почти всем, лермонтовское -- почти ничем.

Другая причина того же указана в статье Вл. Соловьева о Лермонтове, недаром предсмертной -- как бы духовном завещании учителя ученикам.

II

"Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того направления чувств и мыслей, а отчасти и *действий* (тут упоминание о действенности чрезвычайно важно), которое для краткости можно назвать "нищестанством". -- Глубочайший смысл деятельности Лермонтова освещается писаниями его ближайшего преемника Ницше".

Сверхчеловечество, по мнению Вл. Соловьева, есть не что иное, как ложно понятое, превратное богочеловечество. Лермонтов не понял своего призвания "быть могучим вождем людей на пути к сверхчеловечеству" истинному, т. е. к богочеловечеству, к христианству, и потому погиб. Христианства же не понял, потому что не захотел смириться. А "кто не может подняться и не хочет смириться, то сам себя обрекает на неизбежную гибель".

В 1840 году в черновом отпуске полковой канцелярии при штабе генерал-адъютанта Граббе¹³, отправленном в Петербург, на запрос военного министра о поручике Лермонтове сказано: "Служит исправно, ведет жизнь трезвую и ни в каких злокачественных поступках не замечен"¹⁴.

Полковой писарь оказался милосерднее христианского философа. В посмертном отпуске Вл. Соловьева вся жизнь Лермонтова -- непрерывная цепь "злокачественных поступков".

"С детства обнаружили в нем черты злобы прямо демонической. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, осыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивал с ног бедную курицу. Взрослый Лермонтов совершенно так же вел себя относительно человеческого существования, особенно женского. И это демоническое сладострастие не оставляло его до горького конца. Но с годами демон кровожадности слабеет, отдавая большую часть своей силы своему брату, демону нечистоты", -- того, что Вл. Соловьев называет "свинством". Эротическую музу Пушкина сравнивает он с ласточкой, которая, пролетая над грязною лужей, не задевает ее крылом и "щебечет что-то невинное"; "порнографическую" музу Лермонтова -- с "лягушкою, прочно засевшею в тине". -- Здесь любопытно это общепринятое побивание Лермонтова Пушкиным: одному все прощается, другому каждое лыко в строку.

Наконец, к первым двум демонам присоединился главнейший и сильнейший демон гордости, так что в душе его "завелось целое демоническое хозяйство". Все доброе, но слишком слабое, что у него еще было -- несколько "субъективных усилий" в борьбе с демонизмом, -- заглохло окончательно, и он безвозвратно устремился к гибели.

Дуэль с Мартыновым -- "этот безумный вызов высшим силам" -- была последним и самым "злокачественным поступком" Лермонтова. "Бравый майор Мартынов", как называет его Вл. Соловьев, или попросту "Мартышка"¹⁵, как называл его Лермонтов (это, в самом деле, "мартышка", обезьяна Лермонтова, то же для него, что Грушницкий для Печорина, Смердяков для Ив. Карамазова), оказался орудием небесной кары за бесовскую

"кровожадность", бесовское "сладострастие" и бесовскую "гордыню" Лермонтова. И небесное знамение подтвердило праведную месть: "В страшную грозу, при блеске молнии и раскатах грома перешла эта бурная душа в иную область бытия".

Конец Лермонтова у Вл. Соловьева напоминает конец Фауста. Потомок шотландского чернокнижника Фомы Лермонта и предок немецкого антихриста Ницше не мог иметь иного конца.

"Конец Лермонтова и им самим и нами называется *гибелью*, -- заключает Вл. Соловьев. -- Выражаясь так, мы не представляем себе, конечно, театрального провала в какую-то преисподнюю, где пляшут красные черти". Оговорка дела не меняет: какого бы цвета ни были черти, нет сомнения, что Вл. Соловьев Лермонтова отправил к чертям. Он дает понять, что конец его не только временная, но и *вечная гибель*.

Над поэтом произносится такой же беспощадный приговор, как над человеком.

"Осталось от Лермонтова несколько истинных жемчужин поэзии", затерянных в навозной куче "свинства", в "обуявшей соли демонизма, данной на поправление людям, по слову Евангелия; могут и должны люди попирать эту обуявшую соль с презрением и враждою, конечно, не к погибшему гению, а к погубившему его началу человекоубийственной лжи".

Спасти Лермонтова от вечной гибели нельзя; но, чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить ужас, на который он обречен и который неизмеримо ужаснее "пляшущих красных чертей", мы должны "обличать ложь воспетого им демонизма", т. е. ложь всей лермонтовской поэзии, чья сущность, по мнению Вл. Соловьева, и есть не что иное, как демонизм, превратное сверхчеловечество.

О. Матвей советовал Гоголю сжечь свои писания¹⁶; Вл. Соловьев почти то же советует нам сделать с писаниями Лермонтова.

В этом приговоре нашла себе последнее выражение та глухая ненависть, которая преследовала его всю жизнь.

Добрейший старичок Плетнев, друг Пушкина, называл Лермонтова "фокусником, который своими гримасами напоминал толпе Пушкина и Байрона"¹⁷. Современный присяжный поверенный Спасович утверждает, что Лермонтову "можно удивляться, но *любить* его нельзя"¹⁸. Достоевский, так много сказавший о Пушкине, ни слова не говорит о Лермонтове, которому в мистике своей обязан едва ли не более, чем Пушкину, а единственный раз, когда вспомнил о Лермонтове, сравнил его с "бесноватым" Ставрогиным, по силе "демонической злобы": "В злобе выходил прогресс *даже* против Лермонтова"¹⁹. Пятигорские враги поэта, натравливая на него Мартынова, говорили, что пора "проучить ядовитую гадину"²⁰. Одна "высокопоставленная особа", едва ли не император Николай I, узнав о смерти Лермонтова, вздохнула будто бы с облегчением и заметила: "Туда ему и дорога!"²¹ -- а по другому, не психологически, а лишь исторически недостоверному преданию, воскликнула: "Собаке собачья смерть!"²².

Таким образом, Вл. Соловьев нанес Лермонтову только последний, так называемый "милосердный удар", *coup de grâse*. Мартынов начал, Вл. Соловьев кончил; один казнил временной, другой -- вечною казнью, которую предчувствовал Лермонтов:

И как преступник перед казнью,

Ищу кругом души родной²³.

Казнь совершилась, раздавлена "ядовитая гадина" -- лучезарному Аполлону-Пушкину принесен в жертву дионисовский черный козел²⁴ -- козел отпущения всей русской литературы -- Лермонтов.

Откуда же такая ненависть?

III

"Смирись, гордый человек!" -- воскликнул Достоевский в своей пушкинской речи. Но с полною ясностью не сумел определить, чем истинное Христово смирение сынов Божьих отличается от мнимохристианского рабьего смирения. Кажется, чего другого, а смирения, всяческого -- и доброго и злого, -- в России довольно.

Смирению учила нас русская природа -- холод и голод, -- русская история: византийские монахи и татарские ханы, московские цари и петербургские императоры. Смирял нас Петр, смирял Бирон²⁵, смирял Аракчеев²⁶, смирял Николай I; ныне смиряют карательные экспедиции и ежедневные смертные казни. Смиряет вся русская литература.

Если кто-нибудь из русских писателей начинал бунтовать, то разве только для того, чтобы тотчас же покаяться и еще глубже смириться. Забунтовал Пушкин, написал оду Вольности²⁷ и смирился -- написал оду Николаю I, благословил казнь своих друзей, декабристов:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни²⁸.

Забунтовал Гоголь -- написал первую часть "Мертвых душ" и смирился -- сжег вторую, благословил крепостное право²⁹. Забунтовал Достоевский, пошел на каторгу -- и вернулся проповедником смирения. Забунтовал Л. Толстой, начал с анархической синицы, собиравшейся море зажечь, и смирился -- кончил непротивлением злу, проклятием русской революции.

Где же, где, наконец, в России тот "гордый человек", которому надо смириться? Хочется иногда ответить на этот вечный призыв к смирению: докуда же еще смиряться?

И вот один-единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся, -- Лермонтов.

Потому ли, что не успел смириться? -- Едва ли.

Источник лермонтовского бунта -- не эмпирический, а метафизический. Если бы продолжить этот бунт в бесконечность, он, может быть, привел бы к иному, более глубокому, истинному смирению, но, во всяком случае, не к тому, которого требовал Достоевский и которое смешивает свободу сынов Божьих с человеческим рабством. Ведь уже из того, как Лермонтов начал свой бунт, видно, что есть в нем какая-то религиозная святость, от которой не отречется бунтующий, даже под угрозой вечной гибели, той "преисподней, где пляшут красные черти".

Этой-то метафизически и религиозно утверждающей себя несмирности, несмиримости и не могла простить Лермонтову русская литература. Все простила бы, только не это -- не "хулу на Духа", на своего смиренного духа.

Смотрите: вот пример для вас!

Он горд был, не ужился с нами.

Глупец! хотел уверить нас,

Что Бог гласит его устами.

Смотрите ж, дети, на него,
Как он угрюм, и худ, и бледен,
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!³⁰

Вот за что обречен был Лермонтов на страшную казнь в сем веке и будущем.

Вл. Соловьев уверяет, будто бы любит Лермонтова. -- "Вы мне поверите, что, прежде чем говорить о Лермонтове, я подумал, чего требует от меня *любовь к умершему*". -- Но уж если любовь такова, что вбивает, так сказать, осиноый кол в горло покойнику, то какова же ненависть?

Любовь или ненависть, во всяком случае такая страсть в этой борьбе, которая возможна только тогда, когда враг врагу чересчур близок. Вл. Соловьев и Лермонтов -- родные братья, Авель и Каин русской литературы; но здесь совершается обратное убийство: Авель убивает Каина.

Борьба многих смиренных с одним "гордым человеком" происходила до сих пор в темноте, как бы ощупью: слышно было только, что кого-то ловили, давили, душили и

никак не могли задушить окончательно. Но кого именно, не было видно. Никто не смел заглянуть в лицо избиваемой нечисти, словно упырю или оборотню. Вл. Соловьев первый осмелился, не опустил глаз перед невыносимо тяжелым взглядом Лермонтова и, глядя ему прямо в глаза, произнес: "сверхчеловек". И слово это, как свеча, вдруг поднесенная к лицу оборотня, осветило его. Верно это или неверно, во всяком случае, дело тут идет именно *об этом*.

Борьба сверхчеловечества с богочеловечеством для нас не только настоящее, но будущее, наша вечная злоба дня. Вот почему мы должны были обернуться в ту сторону, откуда уставились на нас эти тяжелые глаза; вот почему незапамятно-давний, почти забытый, детский Лермонтов так внезапно вырос и так неотступно приблизился к нам.

IV

"Подходя к дверям поручика Синицына, я почти столкнулся с быстро сбегавшим с лестницы и гремевшим шпорами молоденьким гусарским офицером. Он имел очень веселый вид человека, который сию минуту слышал или сделал что-то пресмешное. Он слегка задел меня капюшоном своей распахнувшейся шинели и, засмеявшись звонко на всю лестницу, сказал:

-- Извините мою гусарскую шинель, что она лезет без спроса целоваться с вашим гражданским хитоном.

Лицо у него было бледное, несколько скуластое, как у татар, с крохотными тоненькими усиками и с коротким, чуть-чуть приподнятым носом, именно таким, какой французы называют *nez à la cousine* {вздернутым носом (фр.). -- *Сост.*}. -- Развеселый этот офицерик не произвел на меня никакого особенного впечатления, кроме только того, что взгляд его мне показался каким-то тяжелым, сосредоточенным"...³¹

А вот отзыв самого благонаправленного поручика Синицына:

"Я, вы знаете, люблю, чтобы у меня все было в порядке... А тут вдруг, откуда ни возьмись, влетает к вам товарищ по школе, курит, сыпет пепел везде, где попало, тогда как я ему указываю на пепельницу, и вдовавок швыряет окурки своих проклятых пахитос в мои цветочные горшки и, при всем этом, без милосердия болтает, лепечет, рассказывает всякие грязные истории о петербургских продажных красавицах, декламирует самые скверные французские стишонки... Небось, не допросишься, чтоб что-нибудь свое прочел! Ленив, пострел, ленив страшно, и что ни напишет, все или прячет куда-то, или жжет на раскурку трубок своих же сорви-голов-гусаров"...³²

Таково первое впечатление от Лермонтова: самый обыкновенный гусарский офицерик.

Однажды с пьяной компанией на тройках, в два часа ночи, въезжая в Петербург, на заставе у шлагбаума, где требовали расписки от въезжающих, Лермонтов расписался: "российский дворянин Скот Чурбанов"³³.

Я никогда не забуду, как в 80-х годах, во время моего собственного юношеского увлечения Лермонтовым, отец мой передал мне отзыв о нем гр. Адлерберга, министра двора при Александре II³⁴, старика, который лично был знаком с Лермонтовым: "Вы представить себе не можете, какой это был грязный человек!" -- Для гр. Адлерберга Лермонтов был именно "Скот Чурбанов".

Вл. Соловьев не преувеличил, а скорее преуменьшил пошлость, "свинство" Лермонтова.

Чтобы в этом убедиться, стоит прочесть "Записки" Екатерины Александровны Хвостовой³⁵.

Лермонтов ухаживал за ней долго и упорно, довел ее до признания в любви, произнося кощунственно такие слова:

-- Полюби меня, и я буду верить в Бога... Ты одна можешь спасти мою душу...

"Он поработил меня совершенно, -- признается Катенька. -- Мне стало страшно за себя. Я как будто чувствовала бездну под своими ногами.

Он уговаривал меня на побег и тайный брак". Когда же убедился, что она готова на все, написал ей анонимное письмо, в котором говорил о себе самом: "Поверьте, *он*недостоин

вас. Для него нет ничего святого, он никого не любит. -- Я ничего не имею против него, кроме презрения, которое он вполне заслуживает".

Письмо перехватили родственники. В доме наступил ад. -- "Удивительно, как в ту ночь я не выплакала все сердце и осталась в своем уме, -- пишет Хвостова. -- Он убил во мне душу". -- Но разлюбить его она не могла. -- "Куда девалась моя гордость!.. Я готова была стать перед ним на колени, лишь бы он ласково взглянул на меня".

Они встречались на балах. -- "Он все не смотрел на меня; не было возможности заговорить с ним. Наконец я спросила его:

-- Ради Бога, скажите, за что вы сердитесь?

-- Я вас больше не люблю, да кажется, и никогда не любил", -- ответил Лермонтов.

"Теперь я не пишу романов -- я их переживаю"³⁶, -- записал он в дневнике. -- "Я на деле заготавливаю материалы для моих сочинений", -- сказал он однажды самой жертве.

Есть человеческие мерзости, которых нельзя простить ни за какое величие. Читая признания бедной Катеньки, хочется иногда воскликнуть: подлец, вовсе не какой-нибудь великий злодей, а средней руки подлец, настоящий хулиган!

"Какой великий и могучий дух!" -- воскликнул Белинский после долгой беседы наедине с Лермонтовым. Белинский³⁷ редко ошибался в людях. Да и было же что-то в Лермонтове, из чего родилась его поэзия -- эти единственные на земле "звуки небес", что и Вл. Соловьева заставило увидеть в нем призвание "быть могучим вождем людей на пути <к> сверхчеловечеству".

Как же это соединялось с пошлостью? Скот Чурбанов с "великим и могучим духом"? Хулиган с ангелом?

"В Лермонтове было два человека", -- говорит близко знавшее его лицо³⁸. -- "Во мне два человека, -- говорит Печорин. -- Я сделался нравственным калекою: одна половина души моей высохла, умерла, я ее отрезал и бросил; тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины".

Главная ошибка, кажется, впрочем, не самого Лермонтова, а Печорина, заключается в том, что он считает отрезанную половину окончательно погибшею, тогда как обе половины одинаково живы метафизически, и лишь эмпирически одна половина подавила другую.

Откуда же это раздвоение?

V

"Произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против Дракона; и Дракон и ангелы его воевали против них; но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон"³⁹.

Существует древняя, вероятно гностического происхождения, легенда, упоминаемая Данте в "Божественной комедии"⁴⁰, об отношении земного мира к этой небесной войне. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения; но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмою, благодать Божья посылает в мир, чтобы могли они сделать во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы -- души людей рождающихся⁴¹. Та же благодать скрывает от них прошлую вечность, для того чтобы раздвоение, колебание воли в вечности прошлой не предreshало того уклона воли во времени, от которого зависит спасенье или гибель их в вечности будущей. Вот почему так естественно мы думаем о том, что будет с нами после смерти, и не умеем, не можем, не хотим думать о том, что было до рождения. Нам дано забыть, откуда -- для того, чтобы яснее помнить, куда.

Таков общий закон мистического опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну премирную. Одна из таких душ -- Лермонтов.

"Я счет своих лет потерял"⁴², -- говорит пятнадцатилетний мальчик. Это можно бы принять за шутку, если бы это сказал кто-нибудь другой. Но Лермонтов никогда не шутит в признаниях о себе самом.

Чувство незапамятной давности, древности -- "веков бесплодных ряд унылый"⁴³ -- воспоминание земного прошлого сливается у него с воспоминанием прошлой вечности, таинственные сумерки детства с еще более таинственным всполохом иного бытия, того, что было до рождения.

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю.
Как я сердце унести бы им дал,
Как бы *вечность* им бросил мою!

Так же просто, как другие люди говорят: моя жизнь, -- Лермонтов говорит: моя вечность.

Воспоминание, забвение -- таковы две главные стихии в творчестве Лермонтова.

О, когда б я мог
Забывать, что незабвенно!..⁴⁴ --

говорит пятнадцатилетний мальчик и впоследствии повторяет почти теми же словами от лица Демона:

Забывать? Забвенья не дал Бог,
Да он и не взял бы забвенья⁴⁵.

На дне всех эмпирических мук его -- эта метафизическая мука -- неутолимая жажда забвенья:

Спастись от думы неизбежной
И незабвенное забыть!..⁴⁶

"Незабвенное" -- прошлое -- вечное.

Печорин признается: "Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною. Всякое напоминание -- болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... *Я ничего не забываю, ничего*".

К тому, что было до рождения, дети ближе, чем взрослые. Вот почему обладает Лермонтов никогда не изменяющей ему способностью возвращаться в детство, т. е. в какую-то прошлую вечную правду.

Накануне смерти, со смертью в душе, он "предается таким шалостям, которые могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему мальчику"⁴⁷. -- "Бегали в горелки, играли в кошку-мышку, в серсо", -- рассказывает Эмилия Александровна, та самая барышня, из-за которой Лермонтов был убит Мартыновым⁴⁸.

"Тяжелый взор странно не согласовался с выражением *детски нежных* и выдававшихся губ", -- вспоминает о нем И. С. Тургенев⁴⁹. -- "В его улыбке было что-то *детское*", -- говорит Лермонтов о Печорине. -- Детское и женское. -- "Он очень походил на мать свою, -- сказал однажды Краевский, указывая на ее портрет, -- если вы к этому лицу приделаете усы, измените прическу да накинете гусарский ментик -- так вот вам Лермонтов"⁵⁰.

"Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал; ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать"⁵¹. -- Песня матери -- песня ангела:

И голос той песни в душе молодой
Остался без слов, но живой...

Вся поэзия Лермонтова -- воспоминание об этой песне, услышанной в прошлой вечности.

Постоянно и упорно, безотвязно, почти до скуки, повторяются одни и те же образы в одних и тех же сочетаниях слов, как будто хочет он припомнить что-то и не может, и опять припоминает все яснее, яснее, пока не вспомнит окончательно, неотразимо, "незабвенно". Ничего не творит, не сочиняет нового, будущего, а только повторяет, *вспоминает* прошлое,

вечное. Другие художники, глядя на свое создание, чувствуют: это прекрасно, потому что этого еще никогда не было. -- Лермонтов чувствует: это прекрасно, потому что это всегда было.

Весь жизненный опыт ничтожен перед опытом вечности. По сравнению с блаженством --

Тех дней, когда в жилищах света
Блистал он, чистый херувим, --
все земные радости -- "скучные песни":
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Маленький мальчик, который вчера играл в лошадки или солдатики, сегодня решает:
Пора уснуть последним сном:
Довольно в мире пожил я,
Обманут в жизни был во всем
И ненавдя, и любя⁵².

Едва взглянув на мир, произносит свой безгневный и беспощадный приговор: "*жалок мир*".

Тут, конечно, и отзвук Байрона; но Байрон только вскрывает в нем то, что всегда было как данное, вечное.

Что говорит ребенок, -- повторяет взрослый:

...жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка.

Никаких особенных разочарований или утрат не произошло в жизни его между тем первым ребяческим лепетом и этим последним воплем отчаяния, в котором как бы зияет уже "тьма кромешная"; ничего нового не узнал, только *вспомнил* старое.

...Им в жизни нет уроков,
Их чувствам повторяться не дано⁵³, --
говорит он о себе подобных.
Знает все, что будет во времени, потому что знает все, что было в вечности.

...Много было взору моему
Доступно и понятно потому,
Что узами земными я не связан
И вечностью и знанием *наказан*⁵⁴.

"Наказан" в жизни за преступление до жизни.

Как другие вспоминают прошлое, так он предчувствует или, вернее, тоже *вспоминает будущее* -- словно снимает с него покровы, один за другим, -- и оно просвечивает сквозь них, как пламя сквозь ткань. Кажется, во всемирной поэзии нечто единственное -- это воспоминание будущего.

На шестнадцатом году жизни -- первое видение смерти:

На месте казни, гордый, хоть презренный,
Я кончу жизнь мою⁵⁵.

Через год:

Я предузнал мой жребий, мой конец:
Кровавая меня могила ждет⁵⁶.

Через шесть лет:

Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет⁵⁷.

И наконец, в 1841 году, в самый год смерти -- "Сон" -- видение такой ужасающей ясности, что секундант Лермонтова, кн. Васильчиков, описывая дуэль через 30 лет,

употребляет те же слова, как Лермонтов. -- "В правом боку дымилась рана, а в левом сочилась кровь", -- говорит кн. Васильчиков⁵⁸.

Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочилась моя, --
говорит Лермонтов.

Это "воспоминание будущего", воспоминание прошлой вечности кидает на всю его жизнь чудесный и страшный отблеск: так иногда последний луч заката из-под нависших туч освещает вдруг небо и землю неестественным заревом.

VI

Христианское "не от мира сего" хотя и подобно, но лишь в противоположности своей подобно лермонтовскому --

Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них⁵⁹.

В христианстве -- движение от "сего мира" к тому, *отсюда туда*; у Лермонтова обратное движение -- *оттуда сюда*.

Это сказывается не только во внутреннем духовном существе, но и во внешнем телесном облике.

"В наружности Лермонтова, -- вспоминает И. С. Тургенев, -- было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых плечах, возбуждала ощущение неприятное"⁶⁰. -- "Почему-то внимание каждого и не знавшего его невольно на нем останавливалось"⁶¹. -- "Все от него отшатнулись, -- рассказывает университетский товарищ Лермонтова, -- а между тем что-то непонятное, таинственное влекло к нему"⁶². -- "Разговор его похож на то, как будто кто-нибудь скребет по стеклу"⁶³.

"-- Позвольте спросить вас, Лермонтов, какую эту книгу вы читаете?"

Он оторвался от чтения; как удар молнии, сверкнули его глаза -- трудно было выдержать этот насквозь пронизывающий взгляд.

-- Для чего вам знать?.. Содержание книги вас не может интересовать.

Как бы ужаленный, я бросился от него"⁶⁴.

Одна светская женщина уверяет, что глаза Лермонтова "имели магнетическое влияние"⁶⁵. Иногда те, на кого он смотрел пристально, должны были выходить в другую комнату, не будучи в состоянии вынести этот взгляд.

Если бы довести до конца это первое бессознательное впечатление, то пришлось бы его выразить так: в человеческом облике *не совсем человек*; существо иного порядка, иного измерения; точно метеор, заброшен к нам из каких-то неведомых пространств.

Как метеор, игрой судьбы случайной,

Он пролетел грозюю между нас⁶⁶.

Кажется, он сам если не сознавал ясно, то более или менее смутно чувствовал в себе это "не совсем человеческое", чудесное или чудовищное, что надо скрывать от людей, потому что *этого* люди никогда не прощают.

Отсюда -- бесконечная замкнутость, отчужденность от людей, то, что кажется "гордыней" и "злобою". Он мстит миру за то, что сам не от мира сего; мстит людям за то, что сам "не совсем человек". -- "И никого-то он не любит", -- жаловались на него бабушке⁶⁷. -- Бесконечная сила отталкивания: "как бы ужаленный, я бросился от него". Точно заряженная лейденская банка: кто ни прикоснется, отскакивает.

Отсюда и то, что кажется "лживостью". -- "Лермонтов всегда и со всеми лжет"⁶⁸. -- Лжет, чтобы не узнали о нем страшную истину.

Звери слышат человеческий запах. Так люди слышат в Лермонтове запах *иной породы*. Одни, особенно женщины, по первобытному греху любопытства, влекутся к нему, видят в нем "демона", как тогда говорили или, как теперь говорят, "сверхчеловека"; другие

отходят от него с отвращением и ужасом: "ядовитая гадина", "антихрист"; или накидываются с яростью, чтобы загрызть, как собаки загрызают волка за то, что от него несобачий запах.

Отсюда наконец и то, что кажется в нем "пошлостью". Обыкновенного тщеславия, желания быть не как все у Лермонтова не было, потому что в этом смысле ему и желать было нечего; скорее могло у него быть обратное тщеславие -- желание *быть как все*.

"Ведь я страдаю от фантастического, а потому и люблю ваш земной реализм, -- говорит черт Ивану Карамазову. -- Тут у вас все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все какие-то неопределенные уравнения... Я здесь все ваши привычки принимаю: я в баню торговую полюбил ходить... люблю с попами и купцами париться... Моя мечта -- это воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху".

Все пошлости Лермонтова -- разврат "Маёшки"⁶⁹ в школе гвардейских подпрапорщиков, "свинство", хулиганство с женщинами -- не что иное, как безумное бегство от "фантастического", от "неопределенных уравнений", безумное желание "воплотиться окончательно в семипудовую купчиху".

И когда люди наконец решают: "Да это вовсе не великий, а самый обыкновенный человек", -- он рад, этого-то ему и нужно: слава Богу, поверили, что как все, точь-в-точь как все! Удалось-таки втиснуть четвертое измерение в третье, "забыть незабвенное", "попариться" и согреться хоть чуточку в "торговой бане" от ледящего холода междупланетных пространств!

Это извращение, может быть, гораздо худшее зло, чем обыкновенная человеческая пошлость; но не надо забывать, что зло это иного порядка, -- не следует смешивать эти два порядка, как делает Вл. Соловьев в своем суде над Лермонтовым.

До какой степени "пошлость" его -- только болезненный выверт, безумный надрыв, видно из того, с какою легкостью он сбрасывает ее, когда хочет.

Кажется, пропал человек, залез по уши в грязь, засел в ней "прочно, как лягушка в тине", так что и не выбраться. Но вот, после двух лет разврата и пошлости, стоило только приехать близкому человеку, другу любимой женщины, -- и "двух страшных лет как не бывало"⁷⁰.

С души как бремя скатится,
Сомненья далеко,
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Такое же мгновенное освобождение от пошлости происходит с ним после дуэли Пушкина. У Лермонтова явилась мысль вызвать убийцу. Когда лучший друг Лермонтова, Столыпин, заметил, шутя, что у него "слишком раздражены нервы", Лермонтов набросился на Столыпина чуть не с кулаками и закричал, чтоб он сию же минуту убирался, иначе он за себя не отвечает. -- "Mais il est fou à lier!" {Но ведь он просто бешеный! (*фр.*). -- *Сост.*} -- воскликнул, уходя, Столыпин⁷¹.

Стихотворение "На смерть Пушкина" признано было в придворных кругах за "воззвание к революции"⁷². Это, конечно, вздор: далеко было Лермонтову до революции. Но недаром сравнивает его Достоевский с декабристом Мих. Луниным⁷³: при других обстоятельствах и Лермонтов мог бы кончить так же, как Лунин.

В детстве он напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда вели кого-нибудь наказывать, и бросался на отдавших приказание с палкою, с ножом, -- что под руку попало⁷⁴.

Однажды в Пятигорске, незадолго до смерти, обидел неосторожным словом жену какого-то маленького чиновника и потом бегал к ней, извинялся перед мужем, так что эти люди не только простили его, но и полюбили, как родного⁷⁵.

Бабушка Лермонтова, после смерти внука, оплакивала его так, что веки на глазах ослабели, и она не могла их поднять⁷⁶. Кое-что знала она о "ядовитой гадине", чего не знали Вл. Соловьев и Достоевский.

Однажды, после долгих лет разлуки с любимой женщиной, которая вышла замуж за другого, увидел он дочь ее, маленькую девочку. Долго ласкал ребенка, наконец горько заплакал и вышел в другую комнату. Тогда же написал стихотворение "Ребенку"⁷⁷:

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю.
О, если б знало ты, как я тебя люблю!..

Должно быть, в эту минуту лицо его было особенно похоже на лицо его матери: исчез разлад между слишком умным, тяжелым взором и "детски неясным выражением губ"; в глазах была небесная мудрость, а в губах земная скорбь любви. И если бы тогда увидели его Вл. Соловьев и Достоевский, то, может быть, поняли бы, что не разгадали чего-то самого главного в этой "душе печальной, незнакомой счастьем, но нежной, как любовь"⁷⁸.

"Какая нежная душа в нем!" -- воскликнул Белинский⁷⁹. И тот же университетский товарищ, который, заговорив с Лермонтовым, отскочил, "как ужаленный", заключает свой рассказ: "Он имел душу добрую, я в этом убежден". -- "Недоброю силою веяло от него", -- говорит Тургенев.

Что же, наконец, добрый или недобрый?

И то, и другое. Ни то, ни другое.

Самое тяжелое, "роковое" в судьбе Лермонтова -- не окончательное торжество зла над добром, как думает Вл. Соловьев, а бесконечное раздвоение, колебание воли, *смешение* добра и зла, света и тьмы.

Он был похож на вечер ясный,

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет⁸⁰.

Это и есть премирное состояние человеческих душ, тех нерешительных ангелов, которые в борьбе Бога с дьяволом не примкнули ни к той, ни к другой стороне. Для того чтобы преодолеть ложь раздвоения, надо смотреть не назад, в прошлую вечность, где борьба эта началась, а вперед, в будущую, где она окончится с участием нашей собственной воли. Лермонтов слишком ясно видел прошлую и недостаточно ясно будущую вечность: вот почему так трудно, почти невозможно ему было преодолеть ложь раздвоения.

"Верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные", -- говорит Печорин. Но это -- "необъятная сила" в пустоте, сила метеора, неуправляемо летящего, чтобы разбиться о землю. Воля без действия, потому что без точки опоры. Все может и ничего не хочет. Помнит, *откуда*, но забыл, *куда*.

"Зачем я жил? -- спрашивает себя Печорин, -- для какой *цели* я родился?". -- Категория цели, свободы открывается в будущей вечности; категория причины, необходимости -- в прошлой.

Вот почему у Лермонтова так поразительно сильно чувство вечной необходимости, чувство рока -- "фатализм". Все, что будет во времени, было в вечности; нет опасного, потому что нет случайного.

Кто близ небес, тот не сражен земным⁸¹.

Отсюда -- бесстрашие Лермонтова, игра его со смертью.

"Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, -- сказано в донесении одного кавказского генерала, -- во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике имел поручение наблюдать за действием передовой штурмовой колонны, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот исполнил возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы"⁸².

За экспедицию в Большую Чечню представили его к золотой сабле⁸³.

Игра со смертью для него почти то же, что в юнкерской школе игра с железными шомполами, которые он гнул в руках и вязал в узлы, как веревки.

"Никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице его перед дулом пистолета, уже направленного на него", -- рассказывает кн. Васильчиков о последних минутах Лермонтова⁸⁴.

Не совсем человек -- это сказывается и в его отношении к смерти. Положительного религиозного смысла, может быть, и не имеет его бесстрашие, но оно все-таки кладет на личность его неизгладимую печать подлинности: хорош или дурен, он, во всяком случае, не казался, а был тем, чем был. Никто не смотрел в глаза смерти так прямо, потому что никто не чувствовал так ясно, что смерти нет.

Кто близ небес, тот не сражен земным.

Когда я сомневаюсь, есть ли что-нибудь кроме здешней жизни, мне стоит вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть. Иначе в жизни и в творчестве его все непонятно -- почему, зачем, куда, откуда, -- главное, куда?

VII

Лермонтов первый в русской литературе поднял религиозный вопрос о зле.

Пушкин почти не касался этого вопроса. Трагедия разрешалась для него примирением эстетическим. Когда же случилось ему однажды откликнуться и на вопрос о зле, как на все откликнулся он, подобно "эхо" --

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты нам дана?⁸⁵ --

то, вместо религиозного ответа, удовольствовался он плоскими стихами известного сочинителя православного катехизиса, митрополита Филарета⁸⁶, которому написал свое знаменитое послание:

И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

А. И. Тургенев описывает, минута за минутой, предсмертные страдания Пушкина: "Ночью он кричал ужасно, почти упал на пол в конвульсии страдания. -- Теперь (в полдень) я опять входил к нему; он страдает, повторяя: *"Боже мой, Боже мой! что это?"* И сжимает кулаки в конвульсии"⁸⁷.

Вот в эти-то страшные минуты не утетило бы Пушкина примирение эстетическое; православная же казенщина митрополита Филарета показалась бы ему не "арфой серафима", а шарманкою, вдруг заигравшею под окном во время агонии.

"Боже мой, Боже мой! что это?" -- с этим вопросом, который явился у Пушкина только в минуту смерти, Лермонтов прожил всю жизнь.

Почему, зачем, откуда зло? Если есть Бог, то как может быть зло? Если есть зло, то как может быть Бог?

Вопрос о зле связан с глубочайшим вопросом теодицеи, оправдания Бога человеком, состязания человека с Богом.

"О, если б человек мог иметь состязание с Богом, как сын человеческий с ближним своим! Скажу Богу: не обвиняй меня; объяви мне, за что Ты со мною борешься?"⁸⁸

Богоборчество Иова повторяется в том, что Вл. Соловьев справедливо называет у Лермонтова "тяжбою с Богом": "Лермонтов, -- замечает Вл. Соловьев, -- говорит о Высшей воле с какою-то *личною обидою*".

Эту человеческую обиженность, оскорбленность Богом выразил один из современных русских поэтов:

Я -- это Ты, о Неведомый,
Ты, в моем сердце обиженный⁸⁹.

Никто никогда не говорил о Боге с такою личною обидою, как Лермонтов:

Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей?⁹⁰

Никто никогда не обращался к Богу с таким спокойным вызовом:

И пусть меня накажет Тот,
Кто изобрел мои мученья⁹¹.

Никто никогда не благодарил Бога с такою горькою усмешкою:

Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил⁹².

Вл. Соловьев осудил Лермонтова за богоборчество. Но кто знает, не скажет ли Бог судьям Лермонтова, как друзьям Иова: "Горит гнев Мой за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов"⁹³ -- раб Мой Лермонтов.

В книге Бытия говорится о борьбе Иакова с Богом:

"И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари. И увидел, что не одолевает его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. -- И сказал ему: отпусти Меня, ибо взошла заря. -- Иаков сказал: не отпущу Тебя, доколе не благословишь меня"⁹⁴.

Вот что окончательно забыто в христианстве -- святое богоборчество. Бог не говорит Иакову: "Смирись, гордый человек!" -- а радуется буйной силе его, любит и благословляет за то, что не смирился он до конца, до того, что говорит Богу: "Не отпущу Тебя". -- Нашему христианскому смирению это кажется пределом кощунства. Но это святое кощунство, святое богоборчество положено в основу Первого Завета, так же как борение Сына до кровавого пота -- в основу Второго Завета: "Тосковал и был в борении до кровавого пота", -- сказано о Сыне Человеческом⁹⁵.

Я -- это Ты, о Неведомый,

Ты, в моем сердце обиженный.

Тут какая-то страшная тайна, какой-то "секрет", как выражается черт Ивана Карамазова, -- секрет, который нам "не хотят открыть, потому что тогда исчезнет необходимый минус и наступит конец всему". Мы только знаем, что от богоборчества есть два пути одинаково возможные -- *к богоотступничеству и к богосыновству*.

Нет никакого сомнения в том, что Лермонтов идет от богоборчества, но куда -- к богоотступничеству или богосыновству -- вот вопрос.

Вл. Соловьев не только не ответил, но и не понял, что тут вообще есть вопрос. А между тем ответом на него решается все в религиозных судьбах Лермонтова.

Как царь немой и гордый, он сиял

Такой волшебной-сладкой красотою,

Что было страшно⁹⁶, --

говорит Лермонтов о своем Демоне.

"Он не сатана, он просто черт, -- говорит Ив. Карамазов о своем черте, -- раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки".

Вся русская литература есть, до некоторой степени, борьба с демоническим соблазном, попытка раздеть лермонтовского Демона и отыскать у него "длинный, гладкий хвост, как у датской собаки". Никто, однако, не полюбопытствовал, действительно ли Демон есть дьявол, непримиримый враг Божий.

Хочу я с небом примириться,

Хочу любить, хочу молиться,

Хочу я веровать добру.

Никто этому не поверил; но что это не ложь или, по крайней мере, не совсем ложь, видно из того, что Демон вообще лгать не умеет: он лишен этого главного свойства дьявола, "отца лжи", так же как и другого -- смеха. Никогда не лжет, никогда не смеется. И в этой правдивой важности есть что-то детское, невинное. Кажется иногда, что у него, так же как у самого Лермонтова, "тяжелый взор странно <не> согласуется с выражением почти детски-нежных губ".

Сам поэт знает, что Демон его не дьявол или, по крайней мере, не только дьявол:

То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик, о нет!
Он был похож на вечер ясный,
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.
Почти то же говорит Лермонтов о себе самом:
Я к состоянью этому привык:
Но ясно б выразить его не мог
Ни демонский, ни ангельский язык⁹⁷.

Но если Демон не демон и не ангел, то кто же? Не одно ли из тех двойственных существ, которые в борьбе дьявола с Богом не примкнули ни к той, ни к другой стороне? -- не душа ли человеческая до рождения? -- не душа ли самого Лермонтова в той прошлой вечности, которую он так ясно чувствовал?

Если так, то трагедия Демона есть исполинская проекция в вечность жизненной трагедии самого поэта, и признание Демона:

Хочу я с небом примириться, --
есть признание самого Лермонтова, первый намек на богосыновство в богоборчестве.
"В конце концов я помирюсь", -- говорит черт Ивану Карамазову.

Ориген утверждал, что в конце концов дьявол примирится с Богом. Христианством отвергнуто Оригеново учение, действительно выходящее за пределы христианства. Тут какое-то новое, пока еще едва мерцающее откровение, которое соединяет прошлую вечность с будущей: в прошлой -- завязалась, в будущей -- разрешится трагедия зла.

Но кто же примирит Бога с дьяволом? На этот вопрос и отвечает лермонтовский демон: любовь как влюбленность, Вечная Женственность:

Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом.

И этот ответ -- не отвлеченная метафизика, а реальное, личное переживание самого Лермонтова: он это не выдумал, а выстрадал.

VIII

"Кто мне поверит, что я знал любовь, имея 10 лет от роду? К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет... Один раз я вбежал в комнату. Она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть сильная, хотя и ребяческая; это была истинная любовь; с тех пор я еще не любил так... Надо мной смеялись и дразнили... Я плакал потихоньку, без причины; желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату; я не хотел говорить о ней и убегал, слыша ее названье (теперь я забыл его), как бы страшась, чтобы биение сердца и дрожащий голос не объяснили другим тайну, непонятную для меня самого. *Я не знаю, кто была она, откуда.* И поныне мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или подумают, что брежу, *не поверят в ее существование* -- это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность -- нет, с тех пор я ничего подобного не видал, *или это мне кажется*, потому что я никогда так не любил, как в тот раз... И так рано, в 10 лет. О, эта загадка, этот потерянный рай до могилы будут терзать мой ум!.." ⁹⁸

Десятилетний мальчик Лермонтов мог бы сказать своей девятилетней возлюбленной, как Демон Тамаре:

В душе моей с начала мира
Твой образ был напечатлен.

Это -- воспоминание о том, что было до рождения, видение прошлой вечности --

Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим...
Всю жизнь преследует его это видение --
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

"1830. Мне 15 лет. -- Я однажды, три года назад, украл у одной девушки, которой было 17 лет и потому безнадежно любимой мною, бисерный синий шнурок. Он и теперь у меня хранится. -- Как я был глуп!"⁹⁹

Наконец, в последний раз мечта воплотилась или только забрезжила сквозь плоть.

"Будучи студентом, -- рассказывает очевидец, -- Лермонтов был страстно влюблен в Варвару Александровну Лопухину. Как сейчас помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку; ей было 15--16 лет, мы же были дети и сильно дразнили ее; у нее на лбу над бровью чернелось маленькое родимое пятнышко; и мы всегда приставали к ней, повторяя: "У Вареньки родинка, Варенька уродинка!" Но она, добрейшее создание, никогда не сердилась. -- Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей"¹⁰⁰.

Родные выдали Вареньку за богатого и ничтожного человека, Бахметева¹⁰¹. Может быть, она любила мужа, была верною женою, доброю матерью, но никогда не могла забыть Лермонтова и втайне страдала, так же как он, хотя, по всей вероятности, не сознавала ясно, отчего страдает.

Они любили друг друга так долго и нежно...

Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты иль хладны их краткие речи.

Он пишет ей через много лет разлуки:

Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души¹⁰².

И вот сквозь тысячи измен, сквозь неимоверную пошлость, "свинство", хулиганство с женщинами -- он верен ей одной, любит ее одну:

И я твержу один, один

Люблю, люблю одну...¹⁰³

Говорит ей просто:

...вас

Забывать мне было невозможно.

И к этой мысли я привык;

Мой *крест* несу я без роптанья¹⁰⁴.

Любовь -- "крест", великий и смиренный подвиг. Тут конец бунта, начало смирения, хотя, может быть, и не того, которого требует Вл. Соловьев.

"От нее осталось мне только одно имя, которое в минуты тоски привык я произносить, как молитву"¹⁰⁵.

Не кончив молитвы,

На звук тот отвечу;

И брошусь из битвы

Ему я навстречу¹⁰⁶.

Святая любовь, но святая не христианскою святостью; во всяком случае, не бесплотная и бескровная любовь "бедного рыцаря" к Прекрасной Даме¹⁰⁷ -- *Lumen Coeli, Sancta Rosa* {Свет Небес, Святая Роза (*лат.*). -- *Сост.*}.

Там, в христианской святости -- движение от земли к небу, отсюда туда; здесь, у Лермонтова, -- от неба к земле, оттуда сюда.

...Небо не сравняю

Я с этою землей, где жизнь влачу мою:

Пускай на ней блаженства я не знаю, --

По крайней мере, я люблю¹⁰⁸.

"Я страдаю от фантастического, а потому и люблю ваш земной реализм". -- Видение бедного рыцаря -- тоже "фантастическое", тоже "неопределенное уравнение". Но вот пляска Тамары -- тут все определено, "все очерчено -- тут формула, тут геометрия". -- И вот еще родимое пятнышко над бровью Вареньки. "Душою мы друг другу чужды" -- но родинка роднее души.

Чудесные рассказываю тайны...¹⁰⁹

"А Варвара Александровна будет зевать за пальцами и наконец уснет от моего рассказа"¹¹⁰, -- пишет Лермонтов.

Зевающая Беатриче немислима. А вот зевающая Варенька -- ничего, и даже лучше, что она так просто зевает. Чем более она простая, земная, реальная, тем более страсть его становится нездешнею.

Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты, --
Всем упоением, всею властью
Бессмертной мысли и мечты¹¹¹.

Для христианства "нездешнее" значит "бесстрастное", "бесплотное"; для Лермонтова наоборот: самое нездешнее -- самое страстное; огненный предел земной страсти, огненный источник плоти и крови -- не *здесь*, а *там*.

Я перенес земные страсти
*Туда с собой*¹¹².

И любовь его -- оттуда сюда. Не жертвенный огонь, а молния.

Посылая Вареньке список "Демона", Лермонтов в посвящении поэмы с негодованием несколько раз перечеркнул букву Б. -- Бахметевой и поставил Л. -- Лопухиной¹¹³. С негодованием зачеркнул христианский брак: лучше бы она вышла на улицу и продала себя первому встречному, чем это прелюбодеяние, прикрытое христианским таинством.

Но почему же Лермонтов не женился на Вареньке?

Моя воля надеждам противна моим:
Я люблю и страшусь быть взаимно любим¹¹⁴.

"Как бы страстно я ни любил женщину, -- говорит Печорин, -- если она даст мне только почувствовать, что я должен на ней жениться -- прости любовь! Мое сердце превращается в камень... Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь мою, даже честь поставлю на карту, но свободы моей не продам. Этой какой-то врожденный страх -- необъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей".

В этом омерзении к христианскому браку, разумеется, преувеличение -- та мстительная злоба, с которою перечеркнул он букву Б. в посвящении "Демона". Но тут есть и более глубокое, метафизическое отвращение, отталкивание одного порядка от другого: ведь предельная святость христианская вовсе не брак, а безбрачие, бесстрастие; предельная святость у Лермонтова -- "нездешняя страсть" и, может быть, какой-то иной, нездешний, брак. Вот почему любовь его в христианский брак не вмещается, как четвертое измерение в третье. Христианский брак -- эту сомнительную сделку с недостижимой святостью безбрачия -- можно сравнить с Евклидовой геометрией трех измерений, а любовь Лермонтова с геометрией Лобачевского, "геометрией четвертого измерения".

Превращение Вареньки в законную супругу Лермонтова -- все равно что превращение Тамары в "семипудовую купчиху", о которой может мечтать не демон, а только черт с "хвостом датской собаки".

Тамару от Демона отделяет стена монастырская, в сущности та же стена христианства, которая отделила Вареньку от Лермонтова. Когда после смерти Тамары Демон требует ее души у Ангела, тот отвечает:

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви.

Но если рай открылся для нее, то почему же и не для Демона? Он ведь так же любил, так же страдал. Вся разница в том, что Демон останется верен, а Тамара изменит любви своей. В метафизике ангельской явный подлог: не любовь, а измена любви, ложь любви награждаются христианским раем.

Этой-то измены и не хочет Лермонтов и потому не принимает христианского рая.

Я видел прелесть *бестелесных*

И тосковал,

Что образ твой в чертах небесных

Не узнавал¹¹⁵.

Не узнавал маленького родимого пятнышка над бровью Вареньки.

Христианской "бестелесности", бесплотности не принимает потому, что предчувствует какую-то высшую святую плоти.

"Я, может быть, скоро умру и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни -- я думаю только о тебе", -- пишет Вера-Варенька Печорину-Лермонтову¹¹⁶. И он отвечает ей из того мира в этот, оттуда сюда:

Любви безумного томленья,

Жилец могил,

В стране покоя и забвенья

Я не забыл.

Есть ужас, который для него ужаснее христианского ада:

...смерть пришла, наступило за гробом свиданье,

Но в мире новом друг друга они не узнали.

Вот чего он не может простить христианству.

Покоя, мира и забвенья

Не надо мне!

Не надо будущей вечности без прошлой, правды небесной без правды земной.

Что мне сиянье Божьей власти

И рай святой!

Я перенес *земные страсти*

Туда с собой.

Смутно, но неотразимо чувствует он, что в его непокорности, бунте против Бога есть какой-то божественный смысл.

Когда б в покорности незнания

Нас жить Создатель осудил,

Неисполнимые желанья

Он в нашу душу б не вложил.

Он не позволил бы стремиться

К тому, что не должно свершиться¹¹⁷.

Должно свершиться соединение правды небесной с правдой земной, и, может быть, в этом соединении окажется, что есть другой, настоящий, рай, --

На небе иль в *другой* пустыне

Такое место, где любовь

Предстанет нам, как ангел нежный,

И где тоски ее мятежной

Душа узнать не может вновь.

Недаром же и в самом христианстве некогда был не только небесный идеализм, но и земной реализм, не только умерщвление, но и воскресение плоти.

Ежели плоть Христа воскресшего -- иная, "прославленная" и вместе с тем точно такая же, как при жизни, -- даже до крестных язв, по которым узнали Его ученики, то, может быть, и Варенька воскреснет иною, более прекрасною и вместе с тем точно такую же, даже до маленького родимого пятнышка над бровью, по которому ее узнает Лермонтов. Может быть, и *там*, как *здесь*, какие-то веселые дети будут играть с нею и петь: "У

Вареньки родинка, Варенька уродинка!" И со "звуками небес" сольются эти не "скучные песни земли". И может быть, Лермонтов примет этот настоящий рай. -- А если примет, то конец бунту в любви, конец богоборчеству в богосыновстве.

Но для того чтобы этого достигнуть, надо принять, исполнить до конца и преодолеть христианство. Трагедия Лермонтова в том, что он христианства преодолеть не мог, потому что не принял и не исполнил его до конца.

Он борется с христианством не только в любви к женщинам, но и в любви к природе, и в этой последней борьбе трагедия личная расширяется до вселенской, из глубины сердечной восходит до звездных глубин.

IX

"Когда я его видел в Сулаке, -- рассказывает один из кавказских товарищей Лермонтова, -- он был мне противен необычайною своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука. Гарцевал на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. -- Собрал какую-то шайку грязных головорезов. Совершенно входя в их образ жизни, спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода"¹¹⁸.

"Я находился в непрерывном странствии, -- пишет Лермонтов Раевскому. -- Одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское... Для меня горный воздух -- бальзам: хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит, ничего не надо в эту минуту"¹¹⁹.

Опущением Лермонтова предсказано опущение Л. Толстого, солдатскую рубаху Лермонтова -- мужичий полушубок Л. Толстого; на Кавказе Лермонтов кончил, Л. Толстой начал.

Как из лермонтовского демонизма, богоборчества вышел Достоевский -- христианский бунт Ив. Карамазова, так из лермонтовской природы вышел Л. Толстой -- языческое смирение дяди Ерошки¹²⁰. Можно бы проследить глубокое, хотя скрытое, влияние Лермонтова на Л. Толстого -- в гораздо большей степени, чем Пушкина.

"Валерик" -- первое во всемирной литературе явление того особенного русского взгляда на войну, который так бесконечно углубил Л. Толстой. Из этого горчичного зерна выросло исполинское дерево "Войны и мира".

Я думал: жалкий человек! Чего он хочет? Небо ясно,
Под небом места много всем;
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он. -- Зачем?

Противоположение культурного и естественного состояния как "войны и мира" -- вот метафизическая ось, на которой вращается вся звездная система толстовского творчества.

"Удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, -- говорит Лермонтов -- мы невольно становимся *детьми*: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, какой *была* некогда и, верно, *будет* когда-нибудь опять"¹²¹.

Была и будет. Была в прошлой -- будет в будущей вечности.

...верь мне: помощи людской

Я не желал, я был чужой
Для них навек, как зверь степной.

Дядя Ерошка мог бы повторить это признание Мцыри.

Мцыри значит "монастырский послушник". Та же стена монастырская, стена христианства отделяет его от природы, как Лермонтова от Вареньки, Демона от Тамары.

И вспомнил я ваш темный храм
И вдоль по треснувшим стенам
Изображения святых...

...как взоры их
Следили медленно за мной

С угрозой мрачной и немой...

Христианская святость -- неземная угроза, неземная ненависть; -- а у Мцыри неземная любовь к земле. Вот почему не принимает и он, как Демон, как сам Лермонтов, христианского рая:

...за несколько минут

Между крутых и диких скал,

Где я в ребячестве играл,

Я б рай и вечность променял!

И здесь, в любви к природе, как там, в любви к женщине, -- то же кощунство, за которым, может быть, начало какой-то новой святыни.

И с этой мыслью я засну

И никого не прокляну.

Неземная любовь к земле -- особенность Лермонтова, едва ли не единственная во всемирной поэзии.

Если умершие продолжают любить землю, то они, должно быть, любят ее именно с таким чувством невозвратимой утраты, как он. Это -- обратная христианской земной тоске по небесной родине -- небесная тоска по родине земной.

Кажется иногда, что и он, подобно своему шотландскому предку колдуну Лермонту, "похищен был в царство фей" и побывал у родников созданья¹²².

"Где был ты, когда Я полагал основания земли?"¹²³ -- на этот вопрос никто из людей с таким правом, как Лермонтов, не мог бы ответить Богу: я был с Тобою.

Вот почему природа у него кажется первозданною, только что вышедшей из рук Творца, пустынною, как рай до Адама.

И все природы голоса

Сливались тут; не раздался

В торжественный хваленья час

Лишь человека гордый глас¹²⁴.

Никто так не чувствует, как Лермонтов, человеческого отпадения от божеского единства природы:

Тем я несчастлив, добрые люди,

Что звезды и небо -- звезды и небо,

А я -- человек...¹²⁵

Никто так не завидует холоду вольных стихий:

Вечно холодные, вечно свободные,

Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Он больше чем любит, он влюблен в природу, как десятилетний мальчик в девятилетнюю девочку "с глазами, полными лазурного огня". -- "Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде голубого неба"¹²⁶.

Для того чтобы почувствовать чужое тело как продолжение своего, надо быть влюбленным. Лермонтов чувствует природу, как тело возлюбленной.

Ему больно за камни:

И железная лопата

В каменную грудь,

Добывая медь и золото,

Врежет страшный путь.

Больно за растения:

Изрублены были тела их потом

И медленно жгли их до утра огнем.

Больно за воду -- Морскую Царевну:

Очи одела смертельная мгла...

Бледные руки хватают песок,

Шепчут уста непонятный упрек --

упрек всех невинных стихий человеку, своему убийце и осквернителю.

Последняя тайна природы -- тайна влюбленности.

Влюбленный утес-великан плачет о тучке золотой. Одинокая сосна грустит о прекрасной пальме. И разделенные потоком скалы хотят обнять друг друга:

Но дни бегут, бегут года --

Им не сойтися никогда¹²⁷.

И волны речные -- русалки -- поют:

Расчесывать кольца шелковых кудрей

Мы любим во мраке ночей,

И в чело, и в уста мы красавца не раз

Целовали в полуденный час¹²⁸.

И желание смерти -- желание любви:

Чтоб весь день, всю ночь мой слух лелея,

Про любовь мне сладкий голос пел.

В предсмертном бреду Мцыри песня маленькой рыбки-русалочки --

О милый мой! не утаю,

Что я тебя люблю,

Люблю, как вольную струю,

Люблю, как жизнь мою, --

эта песня возлюбленной напоминает песню матери: "Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал. -- Ее певала мне покойная мать"¹²⁹.

Вечное Материнство и Вечная Женственность, то, что было до рождения, и то, что будет после смерти, сливаются в одно.

"В Столярном переулке у Кокушкина моста, дом титулярного советника Штосса, квартира номер 27..."

Сырое ноябрьское утро лежало над Петербургом. Мокрый снег падал хлопьями; дома казались грязны и темны; лица прохожих были зелены; туман придавал отдаленным предметам какой-то серо-лиловый цвет... Вдруг на дворе заиграла шарманка; она играла какой-то старинный немецкий вальс: Лугин слушал, слушал; ему стало ужасно грустно"¹³⁰.

Это начало неоконченной повести Лермонтова -- тоже предсмертного бреда -- есть начало всего Достоевского с его Петербургом, "самым фантастическим и будничным из всех городов"¹³¹. Тут все знакомое: и мокрый, как будто "теплый" снег, и "шарманка, играющая немецкий вальс", от которого и Раскольникову, как Лугину, станет "ужасно грустно"¹³² и полусумасшедший герой из "подполья"¹³³, и, наконец, это привидение, "самое обыкновенное привидение", как выражается Свидригайлов¹³⁴.

"Показалась фигура в полосатом халате и туфлях: то был седой сгорбленный старичок.

-- Не угодно ли я вам промечу штосс?"

Кто этот старичок? Он вышел из поясного портрета, изображающего человека лет сорока, у которого "в линии рта был какой-то неуловимый изгиб, придававший лицу выражение насмешливое, грустное, злое и ласковое попеременно".

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет...

Я к состоянью этому привык,

Хоть ясно б выразить его не мог

Ни демонский, ни ангельский язык¹³⁵.

Да уж полно, не старый ли это наш знакомец? Не тот ли, который некогда "сиял такой волшебной-сладкой красотой"? Не Демон ли?

Но если это он, то как постарел, одряхлел он, съежился, сморщился, сделался пустым, прозрачным и призрачным, словно старая кожа змеи, из которой она выползла. Оказался самым обыкновенным чертом с "хвостом датской собаки".

Любил и я в былые годы
В невинности души моей
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык¹³⁶.

Наскучил "демонизм". Печорин-Демон все время зевает от скуки. "Печорин принадлежал к толпе", -- говорит Лермонтов: к толпе, т. е. к пошлости. -- "Это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения... Болезнь указана", -- заключает Лермонтов. -- "Я иногда себя презираю", -- признается сам Печорин. -- "Жальче его никто никогда не был", -- замечает Максим Максимыч.

В Демоне был еще остаток дьявола. Его-то Лермонтов и преодолевает, от него-то и освобождается, как змея от старой кожи. А Вл. Соловьев эту пустую кожу принял за змею.

Так вот кто старичок-привидение: воплощение древнего хаоса в серенькой петербургской слякоти, воплощение природы как бездушной механики, бездушной материи, у которой в плену душа вселенной, Вечная Женственность. Для того чтобы освободить ее из плена, человек собственную душу свою ставит на карту.

"-- У меня в банке вот это, -- говорит старичок.

-- Это? Что это?

Лугин обернул голову... минутного взгляда было бы довольно, чтобы проиграть душу. То было чудное и божественное видение".

Видение Вечной Женственности.

"С этой минуты Лугин решил играть, пока не выиграт; эта цель сделалась целью его жизни... Она -- не знаю как назвать ее -- она, казалось, принимала трепетное участие в игре; казалось, она ждала с нетерпением минуты, когда освободится от ига несносного старика, и, всякий раз когда карта Лугина была убита, она с грустным взором оборачивала к нему глаза".-- Как та девятилетняя девочка -- "с глазами полными лазурного огня".

"Глаза говорили: подожди, я буду твоею -- я тебя люблю".

"То было одно из тех божественных созданий молодой души, когда она в избытке сил творит для себя *новую природу*, лучше и полнее той, к которой она прикована", -- заключает Лермонтов.

Знайте же, вечная женственность ныне

В теле нетленном на землю идет...

Все, чем красна Афродита мирская,

Радость домов, и лесов, и морей, --

Все совместит красота неземная,

Чище, сильней, и живей, и *полней*¹³⁷, --

говорит Вл. Соловьев. "Новая природа -- *полнее* той, к которой душа прикована", -- говорит Лермонтов.

Тут вечные враги -- Каин и Авель русской литературы -- неожиданно встретились и обнялись, как братья-близнецы.

Но недаром близнецы враждуют. У Вл. Соловьева Вечная Женственность хотя и "сходит на землю", но сомнительно, чтобы дошла до земли: она все еще слишком неземная, потому что слишком христианская; у Лермонтова она столь же земная, как и небесная, может быть, даже более земная, чем небесная; она и Варенька с родимым пятнышком, и девочка, играющая в куклы, и покойная мать, напевающая колыбельную песню, и "мать сыра земля", та самая, на которую Мцыри, беглец из христианства, упал --

И в иступленье зарыдал...
И слезы, слезы потекли
В нее горячею росой.

"Мать сыра земля" -- "земля Божья" -- Матерь Божья.

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного,
Но поручить хочу душу невинную
Теплой Заступнице мира холодного.

В записной книжке Лермонтова найдены выписки из Посланий Апостольских. Тут же заметка кн. А. Одоевского: "Эти выписки имели отношение к религиозным спорам между мною и Лермонтовым"¹³⁸.

Замечательно, что во всей его поэзии, которая есть не что иное, как вечный спор с христианством, нет вовсе имени Христа.

От матери он принял "образок святой":

Дам тебе я на дорогу
Образок святой¹³⁹.

Но этот образок -- не Сына, а Матери. К Матери пришел он помимо Сына. Не покорный Сыну, покорился Матери.

И вот кажется, если суд "мира холодного", суд Вл. Соловьева над Лермонтовым исполнится, если отвергнет его Сын, то не отвергнет Мать.

Религия Вечной Женственности, Вечного Материнства уходит корнями своими в "мать сырую землю" -- в стихию народную.

Что такое Матерь Божья в народном всемирном христианстве? Не предчувствие ли в нем того, что за ним?

Христианство отделило прошлую вечность Отца от будущей вечности Сына, правду земную от правды небесной. Не соединит ли их то, что за христианством, откровение Духа -- Вечной Женственности, Вечного Материнства? Отца и Сына не примирит ли Мать?

Всего этого Лермонтов, конечно, не видел в себе, но мы это видим в нем. Тут не только приближается, подходит он к нам, но и входит в нас.

Это, впрочем, наше неизмеримо далекое будущее, а Лермонтов входит и в наше настоящее, в нашу сегодняшнюю злобу дня: ведь спор с христианством -- наш сегодняшний неоконченный спор.

Х

"Смирись, гордый человек!" -- Ну, вот и смирились. Во внешней политике -- до Цусимы, а во внутренней -- до того, о чем и говорить непристойно, до Ната Пинкертона. Начать Пушкиным и кончить Натом Пинкертоном¹⁴⁰, -- что бы сказал Достоевский о таком смирении?

Нельзя, конечно, обвинять ни Пушкина, ни Достоевского за то, что сейчас происходит в русской литературе и в русской действительности. Но должна же существовать какая-нибудь связь между последним полвеком нашей литературы и нашей действительности, между величием нашего созерцания и ничтожеством нашего действия. Кажется иногда, что русская литература истощила до конца русскую действительность: как исполинский единственный цветок *Victoria Regia*¹⁴¹, русская действительность дала русскую литературу

и ничего уже больше дать не может. Во сне мы были как боги, а наяву людьми еще не стали.

Однажды было спящий великан проснулся, рванулся к действию, но и действие оказалось продолжением сна -- и снова рухнул великан на свой тысячелетний одр.

Что если он уже больше никогда не проснется, если это последний смертный сон?

И баюкает его колыбельная песня всей русской литературы:

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв, --
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв¹⁴².

Правда, в последнее время эти "сладкие звуки" перешли как-то незаметно в уныло-веселую песенку чеховского героя, в "та-ра-ра-бумбию"¹⁴³. Но глубочайшая метафизическая сущность русской литературы, русской действительности и в этой песенке -- все та же: созерцательная бездейственность, "беспорывность нашей природы"¹⁴⁴, которую прославил в Пушкине сначала Гоголь, а затем Достоевский: "Смирись, гордый человек"!

Это пушкинское начало, кажется, именно сейчас достигло своего предела, победило окончательно и, победив, изнемогло. Пушкинское солнце закатилось в кровавую бурю. Когда же и буря прошла, наступила слякоть, серые петербургские сумерки --

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

И рыщет в этих сумерках единственный деятель среди всеобщего созерцания -- Нат Пинкертон, вечный Провокатор, "самый обыкновенный черт с хвостом датской собаки".

Как лунатики, мы шли во сне и очнулись на краю бездны.

Что же привело нас к ней?

Созерцание без действия, молитва без подвига, великая литература без великой истории -- это никакому народу не прощается -- не простилось и нам.

На этой-то страшной мертвой точке, на которой мы сейчас находимся, не пора ли вспомнить, что в русской литературе, русской действительности, кроме услышанного призыва: смирись, гордый человек, -- есть и другой, неслышанный: восстань, униженный человек, -- кроме последнего смирения есть и последний бунт, кроме Пушкина есть и Лермонтов?

Противоположение пушкинского созерцательного и лермонтовского действенного начала -- не эмпирическое, а метафизическое. Никакого действия нет и у Лермонтова, так же как у Пушкина: вся разница в том, что один спасается, другой погибает в бездействии.

Пушкин кажется более народным, чем Лермонтов. Но если русскому народу религиозная стихия -- родная, то Лермонтов не менее, а может быть, и более народен, чем Пушкин.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой,
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой.

Не от "благословенного" Пушкина, а от "проклятого" Лермонтова мы получили этот "образок святой" -- завет матери, завет родины. От народа к нам идет Пушкин; от нас -- к народу Лермонтов; пусть не дошел, он все-таки шел к нему. И если мы когда-нибудь дойдем до народа в предстоящем религиозном движении от небесного идеализма к земному реализму, от старого неба к новой земле -- "Земле Божьей", "Матери Божьей", то не от Пушкина, а от Лермонтова начнется это будущее *религиозное народничество*.

Скрытую борьбу с Лермонтовым была доньше вся русская литература -- не предстоит ли нам борьба с Пушкиным?

С вечною истиной бороться нельзя. Пушкин -- такая же вечная истина, как Лермонтов, или, вернее, одна из двух половин этой истины. Нельзя бороться с Пушкиным как с одним из двух, но можно как с единственным.

Вопрос не в том, как Пушкина победить Лермонтовым, -- вопрос, от которого зависит наше спасение или гибель: как соединить себя с народом, наше созерцание с нашим действием, Пушкина с Лермонтовым?⁷⁹

Примечания

¹ П. А. Висковатый приводит рассказ графини С. М. Соллогуб (урожд. Виельгорская; 1820--1878) о том, что глаза Лермонтова имели такое магнетическое влияние, что "невольнo приходилось обращаться в ту сторону, откуда глядели они на вас" (*Висковатый*. С. 326--327).

² Из стихотворения "Молитва" ("В минуту жизни трудную...", 1839).

³ Из стихотворения "Есть речи -- значенье..." (1839). Грамматическая неточность была отмечена А. А. Краевским, редактором "Отечественных записок", где было напечатано стихотворение. И. И. Панаев вспоминал, что Лермонтов пытался исправить строку, но решил печатать "как есть" (Л. в восп. С. 307--308).

⁴ Из поэмы "Мцыри" (строфа 11).

⁵ Из стихотворения Пушкина "Туча" (1835).

⁶ Из стихотворения Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных, " (1829).

⁷ Из стихотворения Пушкина "Пророк" (1836).

⁸ Из стихотворения Пушкина "Поэт и толпа" (1828).

⁹ Из стихотворения Пушкина "Поэту" ("Поэт! не дорожи любовью народной...", 1830).

¹⁰ Из стихотворения Пушкина "Поэт и толпа".

¹¹ Из стихотворения Лермонтова "Поэт" ("Отделкой золотой блистает мой кинжал...", 1838).

¹² Неточная цитата из стихотворения Тютчева "Поэзия" (1850).

¹³ Павел Христофорович Граббе (1789--1875) -- генерал-адъютант, с 1838 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье. Принимал самое деятельное участие в судьбе сосланного на Кавказ Лермонтова.

¹⁴ Сведения восходят к воспоминаниям Я. И. Костенецкого, бывшего в 1840 г. старшим адъютантом П. Х. Граббе (*Висковатый*. С. 354--355; ср.: Л. в восп. С. 340).

¹⁶ См.: *Висковатый*. С. 387--388. "Мартышкой" дразнили Мартынова многие (*Висковатый*. С. 193).

¹⁶ Об отношениях Гоголя с ржевским протоиереем отцом Матвеем (Константиновским) Мережковский подробно писал в своей книге о Гоголе, вышедшей в 1909 г. третьим изданием (*Мережковский Д. С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия*. СПб., 1909).

¹⁷ Вольный пересказ фрагмента письма П. А. Плетнева к Д. И. Коптеву (РА. 1877. No 12. С. 165; см.: *Висковатый*. С. 361).

¹⁸ Цитата из статьи известного адвоката, публициста и литературоведа Владимира Даниловича Спасовича (1829--1906) "Байронизм у Пушкина и Лермонтова" (ВЕ. 1888. No 4. С. 500--548).

¹⁹ Неточная цитата из романа "Бесы" (ч. I, гл. 5). У Достоевского: "В злобе, разумеется, выходил прогресс против Л--на, даже против Лермонтова" (*Достоевский*. Т. 10. С. 165). Под "Л--ным" имеется в виду декабрист Михаил Сергеевич Лунин (1787/1788--1845).

²⁰ См.: *Висковатый*. С. 408.

²¹ См. примеч. 42 к статье Михайловского.

²² Первое печатное упоминание о том, что Николай I, узнав о смерти Лермонтова, сказал: "Собаке -- собачья смерть", содержится в анонимном предисловии к первому полному переводу "Героя нашего времени" на английский язык (London, 1854). В 1887 г. эту фразу привел в своих воспоминаниях П. П. Вяземский, сославшийся на сообщение флигель-адъютанта, полковника И. Д. Лужина (Л. в восп. С. 342). А. П. Шан-Гирей и некоторые другие современники выступили с опровержениями этих слухов (см.: *Висковатый*. С. 443; Л. в восп. С. 276), однако их достоверность подкрепляется рассказом М. В. Столыпина, опубликованным П. И. Бартеневым в 1911 г. в "Русском архиве" (см.: Л. в восп. С. 589). В современном лермонтоведении степень достоверности указанных свидетельств оценивается по-разному (ср.: ЛЭ. С. 472 (статья Л. И. Кузьминой); Л. в восп. С. 589 (примеч. М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер); *Висковатый*. Прилож. С. 193 (примеч. В. А. Захарова и Л. Н. Назаровой)).

²³ Из стихотворения "Гляжу на будущность с боязнью...".

²⁴ Противопоставление "аполлонического" начала "дионисийскому" восходит к книге Ф. Ницше "Рождение трагедии из духа музыки" (1872).

²⁵ *Граф Эрнст Иоганн Бирон* (1690--1772) -- фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский. Время фактического правления Бирона (1730--1740) связано с атмосферой всеобщей подозрительности, шпионажем, доносами, преследованием недовольных.

²⁶ *Граф Алексей Андреевич Аракчеев* (1769--1834) -- военный министр при Александре I (с 1808 г.), председатель военного департамента Государственного совета (с 1810 г.). Проводил политику жестокого подавления общественного недовольства.

²⁷ Имеется в виду ода "Вольность" (1817 или 1819).

²⁸ Из стихотворения "Стансы" (1826).

²⁹ Так оценили "Выбранные места из переписки с друзьями" многие современники Гоголя, и прежде всего Белинский в письме к Гоголю из Зальцбрунна от 15 июля 1847 г.

³⁰ Из стихотворения "Пророк" (1841).

³¹ Цитируются воспоминания В. П. Бурнашева (Л. в восп. С. 208--209). Упомянутый Афанасий Иванович Сеницын (ум. 1848) -- соученик Лермонтова по юнкерской школе.

³² Там же. С. 209--210.

³³ См. примеч. 23 к статье Михайловского.

³⁴ *Владимир Федорович Адлерберг* (1791--1884), граф -- государственный деятель, в 1852--1870 гг. министр императорского двора и уделов.

³⁵ См. примеч. 33 к статье Михайловского.

³⁶ Из письма к А. М. Верещагиной, датированного мартом-апрелем 1835 г. Более точный перевод: "Теперь я не пишу романов, -- я их делаю" (VI, 720). История отношений с Сушковой была воспроизведена Лермонтовым в романе "Княгиня Лиговская".

³⁷ Неточная цитата из письма Белинского к В. П. Боткину от 16--21 апреля 1840 г. (*Белинский*. Т. 11. С. 508).

³⁸ Этот отзыв принадлежит А. И. Васильчикову (см.: Л. в восп. С. 468).

³⁹ Цитата из Апокалипсиса (Откр. 12 : 7--9).

⁴⁰ См. песнь III "Ада" (ст. 31--42). Участь нерешительных ангелов, представленная у Данте, имеет мало общего с легендой, которую далее излагает Мережковский.

⁴¹ Эту легенду приводил в своем сочинении "О началах" (кн. 1, гл. 6, § 2) христианский богослов Ориген (ок. 185--253/254), объявленный в 543 г. еретиком (*Ориген*. О началах. Новосибирск, 1993. С. 89).

⁴² Из стихотворения "Поцелуями прежде считал..." (1832).

⁴³ Из поэмы "Демон" (ч. 1, I).

⁴⁴ Из стихотворения "1831-го июня 11 дня".

⁴⁵ Из поэмы "Демон" (ч. 1, IX).

⁴⁶ Из поэмы "Демон" (ч. 2, IX).

⁴⁷ Цитируются воспоминания А. И. Васильчикова (*Висковатый*. С. 405; Л. в восп. С. 468).

⁴⁸ Воспоминания Э. А. Шан-Гирей цитируются по книге Висковатого (С. 397). О слухах, будто Э. А. Шан-Гирей явилась причиной дуэли Лермонтова с Мартыновым, упоминается там же (*Висковатый*. С. 430; в более категоричной форме эта версия была высказана А. Н. Пыпиным в биографическом очерке о Лермонтове в изд.: *Лермонтов М. Ю. Сочинения* / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1873. Т. 1. С. LVIII). С опровержений этого совершенно "ложного обвинения" начинается свой рассказ о знакомстве с Лермонтовым сама Шан-Гирей (РА. 1889. No 6. С. 315; Л. в восп. С. 430).

⁴⁹ Цитата из 3-го очерка "Литературных и житейских воспоминаний" И. С. Тургенева (1869) (см.: Л. в восп. С. 296).

⁵⁰ См.: *Висковатый*. С. 454.

⁵¹ Из автобиографической заметки Лермонтова 1830 г. (VI, 386).

⁵² Полностью приводится четверостишие, датированное 1831 г.

⁵³ Из поэмы "Сказка для детей" (строфа 21).

⁵⁴ Там же (строфа 9).

⁵⁵ Из стихотворения "Настанет день -- и миром осужденный..." (1831).

⁵⁶ Из стихотворения "1831-го июня 11 дня".

⁵⁷ Из стихотворения "Не смейся над моей пророческой тоскою..." (1837?).

⁵⁸ Рассказ А. И. Васильчикова в пересказе Висковатого (см.: *Висковатый*. С. 425).

⁵⁹ Из поэмы "Демон" (ч. 2, XV).

⁶⁰ См. примеч. 49 к наст. статье.

⁶¹ Вольный пересказ воспоминаний П. Ф. Вистенгофа (см.: *Висковатый*. С. 113--114).

⁶² Из воспоминаний Вистенгофа (*Висковатый*. С. 121).

⁶³ Из воспоминаний Ф. Боденштедта (*Висковатый*. С. 381; Л. в восп. С. 368).

⁶⁴ Из воспоминаний Вистенгофа (*Висковатый*. С. 114--115; Л. в восп. С. 139).

⁶⁵ См. примеч. 1 к наст. статье.

⁶⁶ Из ранней редакции стихотворения "Св. Елена" (1831).

⁶⁷ А. А. Лопухин писал Лермонтову 7 января 1833 г. о том, как был воспринят в Москве его переход из университета в Школу юнкеров: "А уж почтенные-то расходились! Твердят: "Вот чем кончил!.. И никого-то он не любит! Бедная Елизавета Алексеевна!..." (*Висковатый*. С. 140).

- ⁶⁸ Эту фразу П. П. Вяземский приписал французской поэтессе Адель Омер де Гелль (*Вяземский П. П. Лермонтов и г-жа Гоммер де Гелль // РА. 1887. No 9*).
- ⁶⁹ См. примеч. 9 к статье Михайловского.
- ⁷⁰ Из письма к М. А. Лопухиной от 23 декабря 1834 (VI, 428). В письме речь идет о приезде А. А. Лопухина -- брата В. А. Лопухиной.
- ⁷¹ Пересказ воспоминаний В. П. Бурнашева (Л. в восп. С. 223). Собеседником Лермонтова был не Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго), а его брат Николай Аркадьевич (1814--1884), камер-юнкер, чиновник Министерства иностранных дел.
- ⁷² См. примеч. 5 к статье Адамовича.
- ⁷³ См. примеч. 19 к наст. статье.
- ⁷⁴ См.: *Висковатый*. С. 159.
- ⁷⁵ Там же. С. 405.
- ⁷⁶ Там же. С. 73.
- ⁷⁷ Мережковский повторяет высказанную Висковатовым (С. 291--292) версию о том, что стихотворение "Ребенку" (1840) обращено к дочери В. А. Бахметевой (Лопухиной).
- ⁷⁸ Из стихотворения "Сентября 28" (1831).
- ⁷⁹ Цитируются воспоминания И. И. Панаева (Л. в восп. С. 310).
- ⁸⁰ Из поэмы "Демон" (ч. 1, XVI).
- ⁸¹ Из стихотворения "1831-го июня 11 дня".
- ⁸² Донесение генерал-лейтенанта А. В. Галафеева цитируется с небольшими неточностями по книге Висковатого (с. 349--350).
- ⁸³ 24 декабря 1840 г. генерал В. С. Голицын представил Лермонтова к награде золотой саблей "За храбрость".
- ⁸⁴ См.: Л. в восп. С. 471.
- ⁸⁵ Неточная цитата из стихотворения Пушкина "Дар напрасный, дар случайный..." (1828).
- ⁸⁶ *Митрополит Филарет* (в миру -- Василий Михайлович Дроздов; 1782--1867) -- митрополит московский и коломенский (с 1826 г.). Прочитав стихи "Дар напрасный, дар случайный...", Филарет сочинил на них поэтическое возражение ("Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана..."), которое стало известно Пушкину и вызвало его стихотворный же ответ ("В часы забав иль праздной скуки...", 1830).
- ⁸⁷ Из письма А. И. Тургенева неизвестному от 29 января 1837 г. (Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. VI. С. 54; ср.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 208).
- ⁸⁸ Цитата из Библии (Иов 9 : 32; 10 : 2).
- ⁸⁹ Из стихотворения З. Н. Гиппиус "Молитва" (1897).
- ⁹⁰ Из стихотворения "Гляжу на будущность с боязнью..." (1837--1838).
- ⁹¹ Из стихотворения "Я не хочу, чтоб свет узнал..." (1837).
- ⁹² Из стихотворения "Благодарность" (1840).
- ⁹³ Книга Иова 42 : 7.
- ⁹⁴ Цитата из Библии (Быт. 32 : 24).
- ⁹⁵ Из Евангелия (Лук. 22 : 44).
- ⁹⁶ Из поэмы "Сказка для детей" (строфа 6).
- ⁹⁷ Из стихотворения "1831-го июня 11 дня".
- ⁹⁸ Цитируется автобиографическая "Записка 1830 года, 8 июля. Ночь" (VI, 385--386).
- ⁹⁹ Из автобиографической заметки (VI, 386--387).
- ¹⁰⁰ Неточно цитируются воспоминания А. П. Шан-Гирея (*Висковатый*. С. 273--274; Л. в восп. С. 37--38).
- ¹⁰¹ *Николай Федорович Бахметев* (1798--1884) -- муж В. А. Лопухиной (подробнее об истории ее замужества см.: *Висковатый*. С. 278--289).
- ¹⁰² Из стихотворения "Валерик".
- ¹⁰³ Из стихотворения "К Л." ("У ног других не забывал...", 1831).
- ¹⁰⁴ Из стихотворения "Вал ерик".
- ¹⁰⁵ Реплика Юрия Радина из драмы "Два брата" (1834--1836) (д. II).
- ¹⁰⁶ Из стихотворения "Есть речи -- значенье...".
- ¹⁰⁷ Отсылка к стихотворению Пушкина "Жил на свете рыцарь бедный..." (1829) и книге "Стихи о Прекрасной Даме" А. Блока.
- ¹⁰⁸ Из стихотворения "Ужасная судьба отца и сына..." (1831).
- ¹⁰⁹ Из поэмы "Сказка для детей" (строфа 9).
- ¹¹⁰ Из письма А. А. Лопухину от 16--26 октября 1840 г. (VI, 457).
- ¹¹¹ Из поэмы "Демон" (ч. 2, X).
- ¹¹² Из стихотворения "Любовь мертвеца" (1841).
- ¹¹³ *Висковатый*. С. 286--287.
- ¹¹⁴ Из стихотворения "Стансы" ("Мне любить до могилы творцом суждено...", 1830--1831).
- ¹¹⁵ Из стихотворения "Любовь мертвеца".
- ¹¹⁶ Реплика не из письма, а из из разговора Веры с Печориным ("Княжна Мери", запись "23-го мая").
- ¹¹⁷ Из стихотворения "Когда б в покорности незнания..." (1831).

- ¹¹⁸ Вольно цитируется рассказ барона Льва Васильевича Россильона (1803--1882), записанный Висковатым (С. 343--344).
- ¹¹⁹ Из письма С. А. Раевскому от второй половины ноября -- начала декабря 1837 г. (VI, 440--441).
- ¹²⁰ *Дядя Ерощка* -- персонаж повести Л. Толстого "Казаки" (1863). Ср.: *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский*. М., 2000. С. 109.
- ¹²¹ Из романа "Герой нашего времени" ("Бэла").
- ¹²² О легендарном предке Лермонтовых, шотландском барде Томасе Рифмаче (Фоме Рифмаче) см.: *Висковатый*. С. 75--80.
- ¹²³ Цитата из Библии (Иов 38 : 4).
- ¹²⁴ Из поэмы "Мцыри" (строфа 11).
- ¹²⁵ Из стихотворения "Небо и звезды" (1831).
- ¹²⁶ Из романа "Герой нашего времени" ("Княжна Мери", запись "16 мая").
- ¹²⁷ Из поэмы "Мцыри" (строфа 6).
- ¹²⁸ Из стихотворения "Русалка" (1832).
- ¹²⁹ См. примеч. 51 к наст. статье.
- ¹³⁰ Из повести "Штосс" (гл. 1 и 2).
- ¹³¹ Неточная цитата из 8-й главы 1-й части романа Достоевского "Подросток".
- ¹³² Эпизод из романа "Преступление и наказание" (ч. II, гл. 6).
- ¹³³ Герой повести Достоевского "Записки из подполья" (1864).
- ¹³⁴ Слова Свидригайлова из "Преступления и наказания" (ч. IV, гл. 1).
- ¹³⁵ Из стихотворения 41831-го июня 11 дня".
- ¹³⁶ "Из альбома С. Н. Карамзиной" (1839--1841?).
- ¹³⁷ Из стихотворения Вл. С. Соловьева "Das Ewig-Weibliche" (1898).
- ¹³⁸ Ошибка Мережковского. Выписки из Священного Писания и заметка на полях были сделаны не декабристом Александром Ивановичем Одоевским, а его двоюродным братом, писателем Владимиром Федоровичем Одоевским, в записной книжке, подаренной им Лермонтову.
- ¹³⁹ Из стихотворения "Казачья колыбельная песня" (1838).
- ¹⁴⁰ *Нам Пинкертон* -- сыщик, герой массовой литературы.
- ¹⁴¹ *Victoria Regia (Victoria Amazonica)* -- гигантский цветок семейства кувшинковых. Его огромные цветы распускаются лишь раз в год и не более, чем на две ночи.
- ¹⁴² Из стихотворения Пушкина "Поэт и толпа".
- ¹⁴³ Имеется в виду реплика Чебутыкина в финале драмы Чехова "Три сестры" (1900).
- ¹⁴⁴ Из статьи Гоголя "Несколько слов о Пушкине" (1835).

Глеб Успенский. Выпрямила

(Отрывок из записок Тяпушкина)

I

...Кажется, в "Дыме" устами Потугина И. С. Тургенев сказал такие слова: "Венера Милосская *несомненнее* принципов восемьдесят девятого года". Что же значит это загадочное слово *несомненнее*? Венера Милосская несомненна, а принципы сомненны? И есть ли, наконец, что-нибудь общего между этими двумя сомненными и несомненными явлениями?

Не знаю, как понимают дело "знатоки", но мне кажется, что не только "принципы" стоят на той самой линии, которая заканчивается "несомненным", но что даже я, Тяпушкин, ныне сельский учитель, даже я, ничтожное земское существо, также нахожусь на той самой линии, где и принципы, где и другие удивительные проявления жаждущей совершенства человеческой души, на той линии, в конце которой, по нынешним временам, я, Тяпушкин, вполне согласен поставить фигуру Венеры Милосской. Да, мы все на одной линии, и если я, Тяпушкин, стою, быть может, на самом отдаленнейшем конце этой линии, если я совершенно неприметен по своим размерам, то это вовсе не значит, чтобы я был сомненнее "принципов" или чтобы принципы были сомненнее Венеры Милосской; все мы -- я, Тяпушкин, принципы и Венера -- все мы одинаково *несомненны*, то есть моя, тяпушкинская, душа, проявляя себя в настоящее время в утомительной школьной работе, в массе ничтожнейших, хотя и ежедневных, волнений и терзаний, наносимых на меня народною жизнью, действует и живет в том же самом несомненном направлении и смысле, которые лежат и в несомненных принципах и широко выражаются в несомненности Венеры Милосской.

А то, скажите, пожалуйста, что выдумали: Венера Милосская несомненна, "принципы" уже сомненны, а я, Тяпушкин, сидящий почему-то в глуши деревни, измученный ее настоящим, опечаленный и поглощенный ее будущим, -- человек, толкующий о лаптях, деревенских кулаках и т. д., -- я-то будто бы уж до того ничтожен, что и места на свете мне нет!

Напрасно! Именно потому-то, что я вот в ту самую минуту, когда пишу это, сижу в холодной, по всем углам промерзшей избенке, что у меня благодаря негодяю старосте развалившаяся печка набита сырыми, шипящими и распространяющими угар дровами, что я сплю на голых досках под рваным полушубком, что меня хотят "поедом съесть" чуть не каждый день, -- именно потому-то я и не могу, да и не желаю устранить себя с той самой *линии*, которая и через принципы и через сотни других великих явлений, благодаря которым вырастал человек, приведет его, быть может, к тому совершенству, которое дает возможность чутя Венера Милосская. А то, извольте видеть: "там, мол, красота и правда, а тут, у вас, *только* мужицкие лапти, рваные полушубки да блохи!" Извините!..

Все это я пишу по следующему, весьма неожиданному для меня обстоятельству: был я вчера благодаря масленице в губернском городе, частью по делам, частью за книжками, частью посмотреть, что там делается вообще. И за исключением нескольких дельно занятых минут, проведенных в лаборатории учителя гимназии, -- минут, посвященных науке, разговору "не от мира сего", напоминавшему монашеский разговор в монашеской келье, -- все, что я видел за пределами этой кельи, поистине меня растерзало; я никого не осуждаю, не порицаю, не могу даже выражать согласия или несогласия с убеждениями тех лиц "губернии", губернской интеллигенции, которую я видел, нет! Я изныл душой в каких-нибудь пять, шесть часов пребывания среди губернского общества именно потому, что не видел и признаков этих убеждений, что вместо них есть какая-то печальная, плачевная необходимость уверять себя, всех и каждого в невозможности быть сознающим себя человеком, в необходимости делать огромные усилия ума и совести, чтобы построить свою жизнь на явной лжи, фальши и риторике.

Я уехал из города, ощущая огромный кусок льду в моей груди; ничего не нужно было сердцу, и ум отказывался от всякой работы. И в такую-то мертвую минуту я был неожиданно взволнован следующей сценой:

-- Поезд стоит две минуты! -- второпях пробегая по вагонам, возвестил кондуктор.

Скоро я узнал, отчего кондуктор должен был так поспешно пробежать по вагонам, как он пробежал: оказалось, что в эти две минуты нужно было посадить в вагоны третьего класса огромную толпу новобранцев последнего призыва из нескольких волостей.

Поезд остановился; был пятый час вечера; сумрак уже густыми тенями лег на землю; снег большими хлопьями падал с темного неба на огромную массу народа, наполнявшую платформу: тут были жены, матери, отцы, невесты, сыновья, братья, дядя -- словом, масса народа. Все это плакало, было пьяно, рыдало, кричало, прощалось. Какие-то энергические кулаки, какие-то поднятые локти, жесты пихающих рук, дружно направленные на массу и среди массы, сделали то, что народ валил на вагоны, как испуганное стадо, валился между буферами, бормоча пьяные слова, валялся на платформе, на тормозе вагона, лез и падал, и плакал, и кричал. Послышался треск стекол, разбиваемых в вагонах, битком набитых народом; в разбитые окна высунулись головы, растрепанные, разрезанные стеклом, пьяные, заплаканные, хриплыми голосами кричавшие что-то, вопившие о чем-то.

Поезд умчался.

Все это продолжалось буквально две-три минуты; и это потрясающее "мгновение" воистину потрясло меня; точно огромный пласт сырой земли был отодран неведомою силой, оторван каким-то гигантским плугом от своего исконного места, оторван так, что затрещали и оборвались живые корни, которыми этот пласт земли прирос к почве, оторван и унесен неведомо куда... Тысячи изб, семей представились мне как бы ранеными, с оторванными членами, предоставленными собственными средствами залечивать эти раны, "справляться", заращивать раненые места.

Умышленное "заговаривание" хорошими словами душевной неправды, умышленное стремление не жить, а только соблюсти обличье жизни, -- впечатление, привезенное мною из города, -- слившись с этой "сущей правдой" деревенской жизни, мелькнувшей мне в двухминутной сцене, отразились во мне ощущением какого-то беспредельного несчастья, ощущением, не поддающимся описанию.

Воротившись в свой угол, неприветливый, холодный, с промерзлыми подоконниками, с холодной печью, я был так подавлен сознанием этого несчастья вообще, что невольно и сам почувствовал себя самым несчастнейшим из несчастнейших существ. "Вот что вышло!" -- подумалось мне, и, припомнив как-то сразу всю мою жизнь, я невольно глубоко закручинился над нею: вся она представилась мне как ряд неприветливейших впечатлений, тяжелых сердечных ощущений, беспрестанных терзаний, без просвета, без малейшей тени тепла, холодная, истомленная, а сию минуту не дающая возможности видеть и впереди ровно ничего ласкового.

Затопив печку сырыми дровами, я закутался в рваный полушубок и улегся на самодельную деревянную кровать, лицом в набитую соломой подушку. Я заснул, но спал, чувствуя каждую минуту, что "несчастье" сверлит мой мозг, что горе моей жизни точит меня всего каждую секунду. Мне ничего неприятного не снилось, но что-то заставляло глубоко вздыхать во сне, непрестанно угнетало мой мозг и сердце. И вдруг, во сне же, я почувствовал что-то другое; это другое было так непохоже на то, что я чувствовал до сих пор, что я хотя и спал, а понял, что со мной происходит что-то хорошее; еще секунда -- и в сердце у меня шевельнулась какая-то горячая капля, еще секунда -- что-то горячее вспыхнуло таким сильным и радостным пламенем, что я вздрогнул всем телом, как вздрагивают дети, когда они растут, и открыл глаза.

Сознания несчастья как не бывало; я чувствовал себя свежо и возбужденно, и все мои мысли тотчас же, как только я вздрогнул и открыл глаза, сосредоточились на одном вопросе:

-- Что *это* такое? Откуда *это* счастье? Что именно мне вспомнилось? Чему я так обрадовался?

Я так был несчастлив вообще и так был несчастен в последние часы, что мне непременно нужно было восстановить это воспоминание, обрадовавшее меня во сне, мне стало страшно даже думать, что я не вспомню, что для меня опять останется все только то, что было вчера и сегодня, включительно до этого полушубка, холодной печки, неудобной комнаты и этой буквально "мертвой тишины" деревенской ночи.

Не замечая ни холода моей комнаты, ни ее неприветливости, я курил папиросу за папиросой, широко открытыми глазами всматриваясь в тьму и вызывая в моей памяти все, что в моей жизни было в *этом* роде.

Первое, что припомнилось мне и что чуть-чуть подходило к *тому* впечатлению, от которого я вздрогнул и проснулся, -- странное дело! -- была самая ничтожная деревенская картинка. Не ведаю почему, припомнилось мне, как я однажды, проезжая мимо сенокоса в жаркий летний день, засмотрелся на одну деревенскую бабу, которая ворошила сено; вся она, вся ее фигура с подобранной юбкой, голыми ногами, красным повойником на маковке, с этими граблями в руках, которыми она перебрасывала сухое сено справа налево, была так легка, изящна, так "жила", *а не работала*, жила в полной гармонии с природой, с солнцем, ветерком, с этим сеном, со всем ландшафтом, с которым были слиты и ее тело и ее душа (как я думал), что я долго-долго смотрел на нее, думал и чувствовал только одно: "как хорошо!"

Напряженная память работала неустанно: образ бабы, отчетливый до мельчайших подробностей, мелькнул и исчез, дав дорогу другому воспоминанию и образу: нет уж ни солнца, ни света, ни аромата полей, а что-то серое, темное, и на этом фоне -- фигура девушки строгого, почти монашеского типа. И эту девушку я видел также со стороны, но она оставила во мне также светлое, "радостное" впечатление потому, что та глубокая печаль -- печаль *о не своем горе*, которая была начертана на этом лице, на каждом ее

малейшем движении, была так гармонически слита с ее личной, собственной ее печалью, до такой степени эти две печали, сливаясь, делали ее *одну*, не давая ни малейшей возможности проникнуть в ее сердце, в ее душу, в ее мысль, даже в сон ее чему-нибудь такому, что бы могло "не подойти", нарушить гармонию самопожертвования, которое она олицетворяла,-- что при одном взгляде на нее всякое "страдание" теряло свои пугающие стороны, делалось делом простым, легким, успокаивающим и, главное, *живым*, что вместо слов: "как страшно!" заставляло сказать: "как хорошо! как славно!"

Но и этот образ ушел куда-то, и долго-долго моя напряженная память ничего не могла извлечь из бесконечного сумрака моих жизненных впечатлений; но она напряженно и непрестанно работала, она металась, словно искала кого-то или что-то по каким-то темным закоулкам и переулкам, и я почувствовал, наконец, что вот-вот она куда-то приведет меня, что... вот уж близко... где-то здесь... еще немножко... Что это?

Хотите -- верьте, хотите -- нет, но я вдруг, не успев опомниться и сообразить, очутился не в своей берлоге с полуразрушенною печью и промерзлыми углами, а ни много ни мало -- в Лувре, в той самой комнате, где стоит она, Венера Милосская... Да, вот она теперь совершенно ясно стоит передо мною, точь-в-точь такая, какую ей быть надлежит, и я теперь ясно вижу, что вот это самое и есть *то*, от чего я проснулся; и тогда, много лет тому назад, я также проснулся перед ней, также "хрустнул" всем своим существом, как бывает, "когда человек растет", как было и в нынешнюю ночь.

Я успокоился: больше не было в моей жизни ничего *такого*; ненормальное напряжение памяти прекратилось, и я спокойно стал вспоминать, как было дело.

II

...Как давно это было! Не меньше как двенадцать лет тому назад довелось быть мне в Париже. В то время я давал уроки у Ивана Ивановича Полумракова. Летом семьдесят второго года Иван Иванович вместе с женой и детьми, а также и сестра жены Ивана Ивановича с супругом и детьми, собрались за границу. Предполагалось так, что я буду находиться при детях, а они, Полумраковы и Чистоплюевы, будут "отдыхать". Я считался у них диким нигилистом; но они охотно держали меня при детях, полагая, что нигилисты, хотя и вредные люди и притом весьма ограниченного миросозерцания, тупые и узколобые, но во всяком случае "не врут", а Полумраковы и Чистоплюевы и тогда уже чувствовали, что они по отношению к наивным и простым детским вопросам поставлены в положение довольно неловкое: "врать совестно", а "правду сказать" страшно, и принуждены были поэтому на самые жгучие и важные вопросы детей отвечать какими-то фразами среднего смысла, вроде того, что "тебе это рано знать", "ты этого не поймешь", а иногда, когда уже было особенно трудно, то просто говорили: "Ах, какой ты мальчик! Ты видишь, папа занят".

Так вот и предполагалось, что я, нигилист, буду делать ихним детям "определенное", хотя и ограниченное, узколобое миросозерцание, а они, родители, будут гулять по Парижу. Но решительно не знаю, благодаря какой комбинации случилось так, что дамы и дети в сопровождении компаньонки и какого-то старого генерала очутились где-то на морском берегу, а мужья и я остались в Париже "на несколько дней". Замечательно при этом, что и дамы, уезжая, были очень со мною любезны, говорили даже, что оставляют мужей "на мое попечение". Теперь я догадываюсь, что, кажется, и у дам были относительно меня те же взгляды и те же расчеты, которые вообще исповедовали все они относительно нигилистов, то есть, что хотя и туп, и дик, и ограничен, и окурки кладу чуть не в стакан с чаем, но что все-таки мое "ограниченное" миросозерцание заставит как Ивана Ивановича, так и Николая Николаевича вести себя в моем присутствии не так уж развязно, как это, вероятно, было бы, если бы они за отъездом жен остались в Париже одни с своим широким миросозерцанием. "Все-таки они посоветятся *его!*" -- вот, кажется, что именно думали дамы, любезно оставляя меня в Париже с своими мужьями.

Времени, отпущенного нам для отдыха, было чрезвычайно мало, а Париж так велик, огромен, разнообразен, что надобно было дорожить каждой минутой. Помню поэтому

какую-то спешную ходьбу по ресторанам, по пассажам, по бульварам, театрам, загородным местам. Некоторое время -- куча впечатлений, без всяких выводов, хотя на каждом шагу кто-нибудь из нас непременно произносил фразу: "А у нас, в России..." А за этой фразой следовало всегда что-нибудь ироническое или даже нелепое, но заимствованное прямо из русской жизни.

Сравнения всегда были не в пользу отечества.

Такая невозможность разобраться в массе впечатлений осложнялась еще тем обстоятельством, что в 1872 г. Париж уже не был исключительно тем разнохарактерным "тру-ля-ля", каким привык его представлять себе русский досужий человек. Только что кончились война и коммуна, и еще действовали военные версальские суды; за решеткой Вандомской колонны еще валялась груда мусора и камней, напоминая о ее недавнем разрушении; в зеркальных стеклах ресторанов виднелись звездообразные трещины коммунальных пуль; те же следы пуль -- маленькие беленькие кружочки с ободком черной копоти -- массами пестрили фасады величественных храмов, законодательного собрания, общественных зданий; вот у статуи богини "Правосудие" неведомо куда отскочил нос, да и у "Справедливости" не совсем хорошо на правом виске, и среди всего этого -- мрачные развалины Тюльери с высывающимися рыжими от огня железными жердями, стропилами. Вообще на каждом шагу видно было, что какая-то грубая, жестокая, незнакомая с перчаткою рука нанесла всему этому недавно еще раззолоченному "тру-ля-ля" оглушительную пощечину. Таким образом, хотя Париж "тру-ля-ля" и действовал уже попржнему, как ни в чем не бывало, но в этом действовании нельзя было не заметить какого-то усилия; пощечина ярко горела на физиономии, старавшейся быть веселой и беспечной, и сочетание разухабистых звуков возродившейся из пепла шансонетки с звуками "рррран...", раздававшимися в саторийском лагере и свидетельствовавшими о том, что там кого-то убивают, невольно примешивало к разнообразию впечатлений парижского дня неприятное, мешающее свободному их восприятию чувство стыда, даже как бы позора. Вот почему, между прочим, нам и было весьма трудно разобраться в наших впечатлениях: набегаем за день, наглядимся, наедемся, насмотримся, наслушаемся, еще раз и два наедемся и напьемся, а воротимся в свою гостиницу -- и можем только бормотать что-то очень неопределенное, хотя и разнообразное, и даже бесконечно разнообразное.

Решительно не могу припомнить, каким образом удалось нам, наконец, уловить одну черту, показавшуюся нам весьма существенною, отличающую "нас" от "них", и мы крепко за нее ухватились, как за путеводную нить.

Подал нам, например, слуга завтрак в загородном ресторанчике, а сам тут же, неподалеку от нас, сел читать газету, и мы, руководимые уловленною нами нитью, уже не преминем по окончании завтрака рассуждать об этом обстоятельстве таким образом:

-- Да, личность-то человеческая здесь цела и сохранна! Вот он -- лакей, слуга, тарелки подает, служит из-за куска хлеба, но он -- человек! Это не то что наш лакей, который даже бесплатно будет перед вами холопствовать; мало того, что будет тарелки подавать, задыхнувшись от благоговения, что "едят хорошие господа", но и лицо-то сделает холопское, и будет не ходить, а бросаться с тарелками, вспотеет весь от умиления. А это далеко не то! Он человек, его все интересуется; он берет себе пять процентов с истраченного вами франка -- и конец. Нет, это не лакей!

Кокотки, бульварные дамы также оказались все до единой не только кокотками, но и человеками.

-- Это не то что у нас по Невскому несется в участок на извозчике какая-нибудь трагедия с подбитым глазом или совершенно спокойно, как мужик, во все горло выкрикивающий "сбитень хорош!", приглашает среди белого дня пойти с ней погулять, полагая, что это гулянье нечто вроде должности -- недаром начальство выдало ей документ. Нет, тут не то! Тут хоть она и занимается "этими делами", но в ней жив человек; она и этими делами займется и книжку почитает. Что ж делать? Это уж такой строй, ничего не поделаешь! Я как-то совершенно случайно (Иван Иванович сказал эти слова как-то в сторону, да и

Николай Николаевич также при этих словах как будто бы покосился куда-то вниз и вбок) разговорился вот тут на бульваре с одной... -- не помню уж, мороженое, что ли, ел -- так ведь это, батюшка, ум! Ведь это живая, блестящая беседа! "Этими делами!" Эти дела -- сами собой, а человек-то сознает свое человеческое достоинство! Вот в чем штука-то!

Попали мы в версальские военные суды, где в то время "разделялись с коммунарами". Разделялись с ними без всякого милосердия. В полтора часа разбиралось по пятнадцати дел, причем, что бы ни лепетал в свое оправдание подсудимый, большею частью несчастнейшего вида портной, сапожник, подмастерье, господ судьи, обнажив свои головы перед великими словами: "au nom du peuple franГais", упекали его в Кайену, Нумею... Камер для этих судов было настряпано пропасть; простыми досками были разгорожены огромные казарменные комнаты на четыре, на шесть клетушек, и в каждой клетушке упекали людей.

-- Так ведь что ж, батюшка? Тут ведь борьба! Два порядка, два мирозерцания стоят друг против друга. Какие же тут послабления, снисхождения?... Чья возьмет! Это не то что у нас -- упекут в Сибирь бабу, которая, не помня себя, родила и задушила ребенка, а потом сами же упекатели и собирают ей на дорогу. И несправедливо и глупо. Нет, здесь открыто, ясно, просто -- кто кого! Здесь люди, батюшка, люди, каждый шаг свой на земле отстаивающие с борьбой и кровью... Тут нет гуманной болтовни, от которой тошнит, как у нас, и которая вовсе не обеспечивает нас от того, что гуманно болтающий человек не упечет вас к чорту на рога по личной злобе, ради мелкой зависти... Нет! здесь люди -- "человеки", живут и делают без фальши, а только по-человечески... Ну а уж что делать, если человек вообще плох!

Заглянули в парламент, помещавшийся тогда там же, в Версали. И здесь все оказалось вполне по-человечески.

-- Это, батюшка, не то что у нас какой-нибудь чинодрал или чиновер, безжизненнейшая, мертвая душа, строчит какие-то бессмысленнейшие бумаги и не задумается рассказать всякого, кто усомнится в живом значении исписанного бумажного листа. У нас бумага, чернила, сушь, а жизнь -- что твой свиной хлев. Здесь совсем не то; здесь везде жизнь -- и на улице, и в парламенте. Какова есть, такой ее и получите. Вон, посмотрите-ка направо-то: поел, позавтракал -- брюхо-то тянет на покой. А Гамбетта, поглядите-ка, по животу-то себе гладит, тоже перекусил парнишка, должно быть, плотно! Что ж? Ничего!.. Три часа -- брюхо давно уж разговаривает... Отчего ж не перекусить? А галдят-то! Да все они немножечко подгуляли за завтраком... коньячишко еще не прошел... Право, ничего! Не беспокойтесь! То, что нужно для живого дела, сделают! Живое дело не велико, просто! Это у нас только "не пимши, не емши" убиваются по целым годам, стулья кожаные просиживают до дыр, издыхают, что называется, за строченьем бумаг, а все толку нет! Нет, здесь жизнь, здесь люди, человеки; здесь, батюшка, все по-человечески! без прикрас, без фраз!

А когда мы на денек, на два попали в Лондон, так уж тут "правда" осадила нас со всех сторон, на каждом шагу, во всех видах и во всех смыслах.

В каком-то "настоящем" английском ресторане, за пять шиллингов, вместо разнообразного пятифранкового парижского обеда нам *три раза* кряду дали одно и то же блюдо, три раза мы могли потребовать и съесть по хорошему куску мяса какого-то дикого животного, которое в жареном виде разъезжало в каком-то экипаже на колесах по ресторану (где все посетители хранили мертвое молчание), останавливаясь там, где заметна была пустая тарелка.

-- Так, именно так! -- сказал восторженно Иван Иванович, когда мы действительно наелись до отвала этим блюдом и вышли на улицу. -- Раз, -- продолжал он, -- жизнь правдива, без фальши, она должна быть правдива во всем. Человек бегаёт, трудится, работает настоящим образом от зари до зари, ему нужна настоящая пища, его незачем надувать ордеврами и разносолами. Есть, так уж есть как следует, и вот вам за пять шиллингов одно блюдо! Это великолепно!

Английская "правда" оказывалась гораздо уж выше французской, в чем мы скоро убедились самым неотразимым фактом. Надоумил нас кто-то (кажется г-н Бедкер) съездить в Гринвич и съесть там знаменитый парламентский обед -- "маленькую рыбку". Обед этот ни по своей цене, ни по своей "знаменитости", очевидно, не мог быть тем деловым обедом делового человека, который так нас восхитил своей "правдой". Это уж должно было быть что-то особенно изысканное. Каково же было наше удивление, когда и этот знаменитый обед еще раз убедил нас в том, что там, где в основании жизни лежит "правда", там для лжи, для притворства, для выдумки нет места даже в самых мельчайших проявлениях жизненного обихода. Обед состоял из множества рыбных блюд; маленькая рыбка, гужон, пескарь, фигурировала на первом плане, и блюда с маленькой рыбкой только изредка перемежались блюдом лососины или какой-нибудь другой рыбы. Но ни маленькая рыбка, ни лососина, никакая другая из числа рыб, появившихся за этим обедом, не была подана в каком-нибудь таком "притворном" и неправдивом виде, чтобы, съев ее, можно было по совести сказать: "как вкусно!" Лососина пахла лососиной, лучше сказать, тем рыбным запахом, которым пахнет бумага или рука, прикоснувшаяся к рыбе. Правдивая английская фантазия не могла сфальшивить так, как сфальшивила бы французская. Точно таким же натуральным, правдиво-рыбным запахом отдавали и все прочие посторонние кусочки посторонних рыб, появившиеся за обедом.

Что же касается героя обеда, "пескаря", то безукоризненно правдивая английская мысль и тут не могла подняться до шарлатанства и выдумки, и единственно на что у нее хватило смелости, так это только на то, чтобы дать одному блюду маленькой рыбки хоть какое-нибудь отличие от другого. Это отличие и было сделано помощью перца: то рыбка является обжаренною в простом перце, то в кайенском, то в легкой пропорции, то посильнее, то еще полегче, или еще позабористее, причем рыбка сама собой сохранила свой натуральный рыбий запах и непременно пахла чорт знает чем. После десятка таких тонких блюд, когда уже и усы, и салфетки, и платки, и руки -- словом, все, что на вас и около вас, стало пахнуть рыбой и речной водой, появился последний, заключительный экземпляр маленькой рыбки, который, как оказалось впоследствии, достойно увенчал здание правдивого обеда. Эта последняя рыбка, чрезвычайно маленькая, лежала на большой белой тарелке без всяких украшений и аксессуаров, как-то одиноко и загадочно: ее маленькое тело было искривлено как бы предсмертной конвульсией, да и одиночество ее на белой тарелке было также несколько таинственно; всматриваясь в этот венец здания, я, однако, не нашел ничего особенно таинственного, за исключением каких-то крошечных красненьких пылинок, которые усеивали все ее тщедушное тело. Но когда, взяв ее за хвост, все мы открыли рты и, думая проглотить это ничтожество, беспечно понесли его куда следовало, то рты наши уж не могли закрыться; маленькая тварь вонзилась в горло, как раскаленная игла, жгла рот, гортань и, после страшных усилий проскользнув далее, обожгла все горло и, как миноноска, зашмыгала в желудке, пытаясь взорвать его в двадцати местах.

Минуты две мы отпивались от этого "кушанья" сельтерской, содовой водой и вином и, только почувствовавшись, наконец могли издавать членораздельные звуки.

-- Да! -- сказал Иван Иванович довольно загадочно и вновь припал к содовой воде.

-- Вот чорт-то! -- сказал Николай Николаевич, который почему-то начал чихать и, отчихавшись, прибавил: -- это уж не перец... а это что-то... бенгальский огонь какой-то... дьявол его возьми!

-- Но не правда ли, до какой степени они глубоко правдивы? -- сказал, наконец, Иван Иванович. -- Ведь из этакого обеда чего бы только ни натворил француз? Ведь это было бы вавилонское столпотворение! А эти -- нет! Нехватает на выдумку, на притворство... Дело, дело, дело! Реальная деловая мысль работает упорно, безостановочно, по вершочку идет вперед и вперед... а вот на соус, на куплет, на курбет неспособна! Правда! правда! вот где корень всей этой жизни!

И затем по пословице: "на ловца и зверь бежит", все; что мы ни видели в Лондоне, все поражало нас со стороны неподдельной правды и полной безыскусственности.

Если попадалась нищета, так уж это была такая голь, такой ужас, такая грязь, что можно было только остановиться, остолбенеть и глядеть в истинном ужасе на безукоризненно ясное явление жизни; даже той приличной внешности, которую французская парижская нищета может прикрывать себя, покупая за три-четыре франка рубашку, блузу, шапку и туфли, и той здесь нет и помину; целые гирлянды нищих детей, целые кучи их, кучи какой-то рвани, грязи лепешками на больных лицах, грязи в лысых местах больной головы, -- копошатся по нищенским переулкам. Да, это уж точно нищета! Неприкрытая! Гляди -- и всю жизнь не забудешь этой "правды" теперешнего человеческого общества.

Но зато уж и богатство, так тоже настоящее богатство!

Посмотрите-ка вот на этого белотелого истукана с сигарою в углу рта, пробирающегося, вероятно, в парк на каком-то необыкновенном инструменте (нельзя сказать: "экипаже"). Истукан сидит на каком-то крошечном сиденьце, из-под которого в разные стороны вылезают какие-то стальные нити, как огромные ноги паука. Он весь на воздухе, высоко над толпой, а под ним как будто ничего нет, только блистают на солнце какие-то стальные иглы, а что это -- колеса или ноги стального паука -- не разберешь. Поглядите на него, и один вид, одна "порода", которая видна в нем, скажет вам, что он органически *не может* понять, что такое за существа копошатся у колес его паукообразного инструмента. Он органически безжалостен к нищете, к этим маленьким заморенным, почерневшим от каменноугольного дыма человечкам.

Словом, из Лондона мы вывезли довольно ценное впечатление: "Вот она, жизнь, в основе которой лежит неприкрашенная правда человеческая! Гляди и учись!"

III

Однако, несмотря на обилие материала, почерпнутого нами в эти дни беготни и касавшегося правды человеческих отношений, до которых успело дожить человечество, по возвращении в Париж нам стало почему-то скучно. В один серенький день, продолжая "досматривать" недосмотренное, мы лазили без малейшего удовольствия в парижских катакомбах, где множество боковых галерей было еще охраняемо стражей или загорожено цепями; это делалось для того, чтобы иностранец не наткнулся в этих запутанных галереях на трупы коммунаров, которые, говорят, бросились в катакомбы спасаться от версальцев, заблудились там и погибли в большом количестве. Видели также и в тот же день знаменитый морг с массою трупов, положенных перед глазами зрителей весьма прилично и невозмутительно; только вот тряпье, рвань, снятая с этих мертвецов, утонувших, угоревших, застрелившихся, отравившихся, -- рвань, развешанная тут же около трупов на веревочках, для того чтобы можно было узнать погибшего по платью, если нельзя было узнать по лицу, -- этот хлам говорил о горькой безысходной бедности. У одной молодой женщины подошвы ног, обращенные к публике, были сплошной мозолью -- поработала бедняга на своем веку! Хотели было идти в знаменитые клоаки, но путеводитель так расписал их, что просто дух захватило: можете представить, что одних (прошу извинить за неэстетическую картину) выкидышей человеческих, которые плавают там, в этих смрадных водах (извините, сделайте милость), он считал десятками тысяч.

Иван Иванович уж не говорил, что "а все-таки неприкрытая правда -- гляди, страдай и учись"; напротив, он предложил рассеяться от этих впечатлений дня -- всё трупы! В одних катакомбах три миллиона скелетов, в морге с десятков "свежих" покойников да в клоаках сушили тысячи мертвецов. Следовало немножко и отдохнуть от всего этого, "человеческого", на чем-нибудь не столь мрачном. Но когда вечером мы уселись на железных стульях какого-то кафе-концерта в Елисейских полях, и когда перед нами началось веселое кривлянье (повторяю, не утратившее еще следа недавнего удара), и когда вспомнилось, что, может быть, тут же, в клоаке, проходящей под Елисейскими полями, плывут тысячи неродившихся, когда вспомнилось, что в Версали раздается еще "рррран..." -- когда вспомнилось все это, так и совсем стало скучно.

На следующее утро я ушел из гостиницы, не дожидаясь, когда проснутся мои патроны; мне было чрезвычайно тяжело, тяжко, одиноко до последней степени, и весь я ощущал, что в результате всей виденной мною "правды" получилось ощущение какой-то холодной, облипающей тело, промозглой дряни. Что-то горькое, что-то страшное и в то же время несомненно подлое угнетало мою душу; без цели и без малейшего определенного желания идти по той или другой улице я исходил по Парижу десятки верст, нося в своей душе этот груз горького, подлого и страшного, и совершенно неожиданно доплелся до Лувра; без малейшей нравственной потребности вошел я в сени музея; войдя в музей, я машинально ходил туда и сюда, машинально смотрел на античную скульптуру, в которой, разумеется, по моему, тяпушкинскому, положению ровно ничего не понимал, а чувствовал только усталость, шум в ушах и колотье в висках; -- и вдруг, в полном недоумении, сам не зная почему, пораженный чем-то необычайным, непостижимым, остановился перед Венерой Милосской в той большой комнате, которую всякий, бывший в Лувре, знает и, наверное, помнит во всех подробностях.

Я стоял перед ней, смотрел на нее и непрестанно спрашивал самого себя: "что такое со мной случилось?" Я спрашивал себя об этом с первого момента, как только увидел статую, потому что с этого же момента я почувствовал, что со мною случилась большая радость... До сих пор я был похож (я так ощутил вдруг) вот на эту скомканную в руке перчатку. Похожа ли она видом на руку человеческую? Нет, это просто какой-то кожаный комок. Но вот я дунул в нее, и она стала похожа на человеческую руку. Что-то, чего я понять не мог, дунуло в глубину моего скомканного, искалеченного, измученного существа и выпрямило меня, мурашками оживающего тела пробежало там, где уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего "хрустнуть" именно так, когда человек растет, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросший организм свежестью и светом.

Я в оба глаза глядел на эту каменную загадку, допытываясь, отчего это так вышло? Что это такое? Где и в чем тайна этого твердого, покойного, радостного состояния всего моего существа, неведомо как влившегося в меня? И решительно не мог ответить себе ни на один вопрос; я чувствовал, что нет на человеческом языке такого слова, которое могло бы определить животворящую тайну этого каменного *существа*. Но я ни минуты не сомневался в том, что сторож, толкователь луврских чудес, говорит сущую правду, утверждая, что вот на этом узеньком диванчике, обитом красным бархатом, приходил сидеть Гейне, что здесь он сидел по целым часам и плакал: это непременно должно было быть; точно так же я понял, что администрация Лувра сделала великое для всего мира дело, спрятав эту каменную загадку во время франко-прусской войны в деревянный дубовый ящик и схоронив этот ящик в глубине непроницаемых для прусских бомб подвалов; представить себе, что какой-то кусок чугуна, пущенный дураком, наевшимся гороховой колбасы, мог бы раздробить *это* в мелкие дребезги, мне казалось в эту минуту таким злодейством, за которое нельзя отомстить всеми жестокостями, изобретенными на свете. Разбить это! Да ведь это все равно что лишить мир солнца; тогда жить не стоит, если нельзя будет хоть раз в жизни не ощущать *этого*! Какие подлецы! Еле-еле домучаются до гороховой колбасы и смеют! Нет, ее нужно беречь как зеницу ока, нужно хранить каждую пылинку этого пророчества. Я не знал "почему", но я знал, что в этих витринах, хранящих обломки рук, лежат действительные сокровища; что надо во что бы то ни стало найти эти руки, что тогда будет еще лучше жить на свете, что вот тогда-то уж будет радость настоящая.

Долго ли я недоумевал над выяснением причин, так неожиданно расширивших, выпрямивших, свежестью и спокойствием наполнивших мою душу, я не помню. Появление какого-то россиянина, вся фигура которого говорила, что он уже вполне разлакомлен бульварными прелестями, а развязный взгляд этого человека, очевидно только что позавтракавшего, стал так бесцеремонно "обшаривать" мою загадку, не находя, повидимому, ничего особенного по своей части (такие ли он уж видал виды!), заставило

меня уйти из этой комнаты. Я мог оскорбиться на этого развязного человека, а мне *невозможно* было даже мысли допустить, чтобы в эту минуту я мог даже подумать жить чем-нибудь таким, что составляло простую житейскую необходимость *той поры*, то есть того времени, когда я был скомканной перчаткой. Опять позволить скомкать себя так, как это было час тому назад и всю жизнь до этого часа? Нет, нет! Я не мог даже есть, пить в этот день, до такой степени мне казалось это ненужным и обидным для того нового, которое я в себе самом бережно принес в мою комнату.

С этого дня я почувствовал не то что потребность, а прямо необходимость, неизбежность самого, так сказать, безукоризненного поведения: сказать что-нибудь не то, что должно, хотя бы даже для того, чтобы не обидеть человека, смолчать о чем-нибудь нехорошем, затаив его в себе, сказать пустую, ничего не значащую фразу, единственно из приличия, делать какое-нибудь дело, которое могло бы отозваться в моей душе малейшим стеснением или, напротив, могло малейшим образом стеснить чужую душу, -- теперь, с этого памятного дня, сделалось немыслимым; это значило потерять счастье ощущать себя человеком, которое мне стало знакомо и которое я не смел желать убавить даже на волосок. Дорожа моей душевной радостью, я не решался часто ходить в Лувр и шел туда только в таком случае, если чувствовал, что могу "с чистой совестью" принять в себя животворную тайну. Обыкновенно я в такие дни просыпался рано, уходил из дому без разговоров с кем бы то ни было и входил в Лувр первым, когда еще никого там не было. И тогда я так боялся потерять вследствие какой-нибудь случайности способность во всей полноте ощущать то, что я ощутил здесь, что я при малейшей душевной нескладице не решался подходить к статуе близко, а придешь, заглянешь издали, увидишь, что она тут, та же самая, скажешь сам себе: "ну, слава богу, еще можно жить на белом свете!" -- и уйдешь.

И все-таки я бы не мог определить, в чем заключается тайна этого художественного произведения и что именно, какие черты, какие линии животворят, "выпрямляют" и расширяют скомканную человеческую душу. Я постоянно думал об этом и все-таки ничего не мог бы передать и высказать определенного. Не знаю, долго ли бы я протомился так, если бы одно совершенно случайное обстоятельство не вывело меня, как мне кажется, на настоящую дорогу и не дало мне, наконец-таки, возможности ответить себе на неразрешимый для меня вопрос: в чем тут дело, в чем тайна?

Совершенно случайно припомнилось мне старинное стихотворение в "Современнике" 55--56 годов; стихотворение носило название "Венера Милосская" и, кажется, принадлежит г-ну А. Фету. Когда-то я знал это стихотворение наизусть, но теперь не мог припомнить всего и вспомнил только несколько строк, не имеющих никакой друг с другом связи. Мне вспомнились такие стихи: "До чресл сияя наготой, цветет смеющееся тело неувядаемой красой..." С словом *красой* рифмовала совершенно одиноко возникающая в моей памяти строчка: "И млея пеною морской" или "млея негою одной". Наконец, припомнилась и еще строчка: "И вся кипя (а может быть, и не так) пафосской (и это, может быть, неверно) страстью..." Вот и все, что мне припомнилось; но то, что рисовали эти строчки -- "кипя страстью... смеющееся тело... млея пеною морской" или "негою одной", "цветет неувядаемой красой", -- все это до такой степени было *не то* сравнительно с моим ощущением, что мне даже стало смешно.

В самом деле, всякий раз, когда я чувствовал неодолимую потребность "выпрямить" мою душу и идти в Лувр взглянуть, "все ли там благополучно", я никогда так ясно не понимал, как худо, плохо и горько жить человеку на белом свете сию минуту. Никакая умная книга, живописующая современное человеческое общество, не дает мне возможности так сильно, так сжато и притом совершенно ясно понять "горе" человеческой души, "горе" всего человеческого общества, всех человеческих порядков, как один только взгляд на эту каменную загадку. Правда, я еще не могу найти связи между этой загадкой, выпрямляющей мою душу, и мыслью о том, как худо жить человеку, являющейся непосредственно вслед за ощущением, даваемым загадкой, но я положительно знаю собственным своим опытом, что в то же мгновение, когда я почувствую себя

"выпрямленным", я немедленно же почему-то начинаю думать о том, как несчастлив человек, представляю себе все несчастье этой шумящей за стенами Лувра улицы, и невольно, в смысле этого "человеческого горя", начинаю группировать все мною пережитое, виденное, слышанное до последней минуты сегодняшнего дня включительно, но я не ощущаю ни малейшей возможности сосредоточиться хотя на одну минуту на каких-нибудь частностях собственно *женской* красоты видимой мною загадки.

Просто в голову даже не приходит думать, что перед тобой что-то "по части" тела, а напротив, непостижимо, почему думаешь, например, о том, что Иван Иванович Полумраков, сказавши, что вот этот лакей, несмотря на свое лакейство, все-таки сохранил в себе человека, решительно не понимал, какую огромную подлость лепетали его уста. Как! человек -- и лакей? Человек -- и принужден подавать тарелки? Это *человек-то* должен безмолвно исполнять ваши прихоти, чтобы получить три су на пропитание? Вот как, вдруг, переиначивалась во мне фраза Ивана Ивановича "о человеческом достоинстве", переиначивалась мгновенно, от одного только взгляда на загадку, заставлявшую ощутить радость сознания себя человеком.

Вчера я, может быть, еще мог бы радоваться вместе с Иваном Ивановичем, что вот эта уличная женщина сохраняет свое "человеческое достоинство", но *сейчас* я понять не могу, каким образом можно было допустить, чтобы человеческое достоинство, чтобы человек был так глубоко оскорблен. Человека, и сметь так осрамить! Человека-то сделать таким несчастным, так его всего скомкать, испачкать грязью!..

Нет, не "правда человеческая" рисуется передо мною теперь, не "правда", до которой, по словам Ивана Ивановича, дожило человечество, а самая страшная *неправда*, и никогда мне так не ясна она, эта неправда, как сейчас. Униженным, осрамленным представляется мне этот человек и в виде того лондонского богача, один вид которого дал Ивану Ивановичу возможность сказать, что во всей его породе и природе нет фальши: теперь этот породистый тип казался мне унижением человека; как можно было довести человека до такого типа, до такого душевного состояния, которое даже органически не может понимать, что такое за мразь человеческая копошится у колес его экипажа? Как можно было довести человека до типа этой мрази, этого ничтожества, обрекающего себя на каторжный труд, на голод, на грязь, на безграничное душевное отчаяние? Все это ужасная неправда для *человека*; во всех этих неподходящих друг к другу положениях видно только, что "человек" скомкан, изуродован, "осрамлен" в своих человеческих побуждениях; изуродован необходимостью унижать себя до раба, до торговли своим телом, до желания наложить на себя руки, до потребности прекратить чужую жизнь, убив такого же, как и сам, человека, до потребности ограбить человека, до потребности, наконец, щеголять чрезвычайной добротой. Во всем этом, то есть во всем, что только ни видит ваш глаз, все одно унижение, все поправление в человеке человека... И страшно становилось за душевную участь теперешнего *человека*, за искалеченное, а потому постоянно опечаленное существо его души... И обо всем этом думалось благодаря "каменной загадке"; она "выпрямляла" во мне скомканную теперешнюю жизнь душу человеческую, знакомила, неведомо как и в чем, с радостью и широтой этого ощущения.

Не "смеющееся тело", и не "пена", и не "кипя", и не "сияя", -- очевидно, не они выпрямляли и выпрямляют в этом художественном произведении душу человеческую; очевидно, что автор стихотворения не только не овладел всей огромностью впечатления, но даже к краешку его не прицепился, а, соблазненный, так сказать, "званием" Венеры, как бы уже не мог не воспрославить *женской* красоты и без малейшего основания заставил смеяться несмеющееся, млеть немлеющее и кипеть не кипящее. И в самом деле, как же изобразить очарование женской красоты (ведь это Венера!), если не воспеть тела, если не разнежить им зрителя, заставив это тело млеть, заставив его волноваться страстью? Какими же чертами, какими красками описывать женскую, божественную красоту? И г-н Фет все это так точно и воспел, и все это совершенно несправедливо, то есть на воспевание только *этого* он не имел никакого права.

В самом деле, если говорить о женской красоте, о красоте женского тела, "неувядаемой" прелести, так ведь уж одно то, что Венера Милосская -- калека безрукая, не позволяет поэту млеть и раскисать; тут же в коридоре, ведущем к Венере Милосской, вот близ тех, других "Венер", которых там так много, зритель, точно, может размышлять по части наготы тела; там женские черты выделены с большою тщательностью и лезут в глаза прежде всего; вот этим (также знаменитым) Венерам действительно под стать и млеть, и кипеть, и щеголять смеющимся телом, и глазками, и ручками, "этаким вот" пафосским манером изображающими жесты стыдливости... Там, "у тех Венер", любитель "женской прелести" найдет на что посмотреть и пред чем помлеть, а здесь? Да посмотрите, пожалуйста, на это лицо! Такие ли, по части красоты женского лица, сейчас, сию минуту, тут же рядом, в Елисейских полях, можно получить живые экземпляры? Вот тут, в Елисейских-то полях, действительно могут встретиться такие смеющиеся тела, женственность которых чувствуется зевакой даже издали, несмотря на то, что и наготы-то никакой не видно, вся она закрыта самым тщательным образом. Здесь, в парижских-то Венерах, эта часть разработана необычайно, а у этой? Посмотрите, повторяю, на этот нос, на этот лоб, на эти... право, сказать совестно, почти мужицкие завитки волос по углам лба... Положительно сейчас, сию минуту в Париже найдутся тысячи тысяч дам, которые за пояс заткнут Венеру Милосскую по части смеющегося естества.

Мало-помалу я окончательно уверил себя, что г-н Фет без всяких резонов, а единственно только под впечатлением слова "Венера", обязывающего воспевать женскую прелесть, воспел то, что не составляет в Венере Милосской даже маленького краешка в общей огромности впечатления, которое она производит. В самом деле, если художник хотел поразить нас красотой женского тела (которая, по словам г-на Фета, и млеет, и цветет, и смеется, и кипит страстью), зачем он завязал это тело "до чресл"? Уж коли тело, так давай его все, целиком; тут уж и пятка какая-нибудь, сияющая "неувядаемой красотой", должна потрясти простых смертных. Вот новые французские скульпторы, так те не то что "красоту", а "истину", "милосердие", "отчаяние" -- все изображают в самом голом виде, без прикрышки. Прочтешь в каталоге: "Истина", а глаза-то смотрят совсем не туда... "Отчаяние"... подойдешь, поглядишь и думаешь вовсе не об "отчаянии", а о том, что "эко, мол, баба-то... растянулась -- словно белуга".

А тут, задавши себе задачу ослепить нас неувядаемой красотой женского тела, смеющегося, кипящего, млеющего, взять да и закутать ее чуть не всю, до самых чресл! Что же это такое? Что руководило художником? Но это еще не все: закутав тело своего создания "до чресл", что он дал по части женской красоты -- лицу, лбу, носу, выражению глаз?

И как бы вы тщательно ни разбирали этого великого создания с точки зрения "женской прелести", вы на каждом шагу будете убеждаться, что творец этого художественного произведения имел какую-то другую, высшую цель.

Да, он потому (так стало казаться мне) и закрыл свое создание до чресл, чтобы не дать зрителю права проявить привычные шаблонные мысли, ограниченные пределами шаблонных представлений о женской красоте.

Ему нужно было и людям своего времени, и всем векам, и всем народам вековечно и нерушимо запечатлеть в сердцах и умах огромную красоту *человеческого* существа, ознакомить человека -- мужчину, женщину, ребенка, старика -- с ощущением счастья быть *человеком*, показать всем нам и обрадовать нас видимой для всех нас возможностью быть прекрасными -- вот какая огромная цель владела его душой и руководила рукой.

Он брал то, что для него было нужно, и в мужской красоте и в женской, не думая о поле, а, пожалуй, даже и о возрасте, и ловя во всем этом только человеческое; из этого многообразного материала он создавал то истинное в человеке, что составляет смысл всей его работы, то, чего сейчас, сию минуту *нет* ни в ком, ни в чем и нигде, но что *есть* в то же время в *каждом* человеческом существе, в настоящее время похожем на скомканную перчатку, а не на распрямленную.

И мысль о том, когда, как, каким образом человеческое существо будет распрямлено до тех пределов, которые сулит каменная загадка, не разрешая вопроса, тем не менее рисует в вашем воображении бесконечные перспективы человеческого совершенствования, человеческой будущности и зарождает в сердце живую скорбь о несовершенстве теперешнего человека.

Художник создал вам образчик такого человеческого существа, которое вы, считающий себя человеком и живя в теперешнем человеческом обществе, решительно не можете себе представить способным принять малейшее участие в том порядке жизни, до которого вы дожили. Ваше воображение отказывается представить себе это человеческое существо в каком бы то ни было из теперешних человеческих положений, не нарушая его красоты. Но так как нарушить эту красоту, скомкать ее, искалечить ее в теперешний человеческий тип -- дело немыслимое, невозможное, то мысль ваша, печалась о бесконечной "юдоли" настоящего, не может не уноситься мечтою в какое-то бесконечно светлое будущее. И желание выпрямить, высвободить искалеченного теперешнего человека для этого светлого будущего, даже и очертаний уже определенных не имеющего, радостно возникает в душе.

IV

Вот, стало быть, и я, Тяпушкин, всю мою жизнь обреченный на то, чтобы не жить личною жизнью, а исчезнуть, пропасть в каком-то не моем, но трудном деле ближнего, -- был глубоко рад, что великое художественное произведение укрепляет меня в моем тогдашнем желании идти в темную массу народа. Теперь благодаря всему, чему великое художественное произведение научило меня, я знаю, что мне по моим силам и можно и должно "идти туда".

-- Я пойду туда и буду стремиться к тому, чтобы начинающий жить человек-народ не позволил себя унижить до размеров той "сущей правды", которая так обрадовала Ивана Ивановича в Европе! Есть из-за чего, в самом деле, мучиться, чтобы не то что сохранить свое человеческое достоинство, будучи лакеем, банкиром, нищим, кокоткой, а чтобы унижить себя до необходимости переносить все эти уродства!

...Года через четыре я опять был в Париже и опять "жаждал" ощутить "радость" существования, посетить Лувр, но, увы, не мог этого сделать: я уже опять был скомкан, скомкан крепкой, сильной, неумолимой рукой действительности и чувствовал, что теперь меня уж не выпрямишь... Попробовал было я пойти в Лувр, подошел даже к самым воротам, но просто совестно стало идти: "что ж я пойду *понапрасну* беспокоить ее? Все равно ничего не выйдет, а *ее* только сконфузишь!.." Постоял и пошел в русскую библиотеку упиваться газетными известиями о градобитиях и неурожаях.

А теперь вот опять -- да где? в глухой, занесенной снегом деревушке, в скверной, неприветливой избе, в темноте и тоске безмолвной томительной зимней ночи -- вспомнилась радостная минута и оживила. Бывают же случаи, когда оживают члены, разбитые параличом. Теперь я употреблю все старания, чтобы мне не утратить проснувшегося ощущения как можно дольше; я куплю себе фотографию, повешу ее тут на стене, и когда меня задавит, обессилит тяжкая деревенская жизнь, взгляну на нее, вспомню все, ободрюсь и... такую сделаю "овацию" волостному старшине Полуптичкину, что он у меня обеими руками начнет строчить донесения!..⁸⁰

Гудок (журнал)

с.-петербургский журнал (1859 г.)— юмористическо-сатирический журнал Канибакса; выходил еженедельно в СПб. в 1859 г.; издатель-редактор Г. К. Блок; журнал прекратился по недостатку подписчиков и неспособности сотрудников на 22-м №. И еженедельный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге с 1862 по 1863 год.

---

80 Очерк был напечатан впервые в "Русской мысли", 1885, V, в цикле "Через пень-колоду".

Сатирический листок с карикатурами «Гудок» выходил в Санкт-Петербурге как приложение к газете «Русский мир» и самостоятельно.

Издатель — Ф. Т. Стелловский, редактор — Д. Д. Минаев. С № 6 журнал выходил без подписи (редактировался А. С. Гиероглифовым).

Имел до 4000 подписчиков.

В объявлении о подписке редакция заявляла: «Мы верим в смех и в сатиру не во имя „искусства для искусства“, но во имя жизни и нашего общего развития — одним словом, мы верим в смех как в гражданскую силу».

Заглавная виньетка работы А. Богданова изображала Герцена под знаменем, на котором были написаны слова: «Уничтожение крепостного права». Его окружает группа крестьян. Некоторые из них внимательно вслушиваются в слова Герцена, другие читают журнал «Гудок», третьи гудят в сторону группы помещиков и чиновников. Здесь же изображен помещик, размахивающий плетью, и чиновник, пускающий мыльные пузыри. После выхода № 4 виньетка была снята по личному распоряжению Александра II.

«Гудок» вел борьбу с различными проявлениями наступавшей реакции, особенно в области печати, осмеивал пережитки крепостничества, правительственную администрацию, полицию и цензуру. Хотя журнал значительно уступал «Искре» в широте и глубине сатирического обличения, он занимал заметное место в рядах радикальной прессы 60-х годов.

После перехода редакции «Гудка» к Гиероглифову журнал утратил свои демократические тенденции и скатился к заурядному либерализму. В журнале сотрудничали П. И. Вейнберг (под псевдонимом Дон-Алонзо), Г. С. Дестунис, Н. В. Иевлев, А. А. Козлов, В. В. Крестовский, Н. С. Курочкин, Д. П. Ломачевский, Д. Д. Минаев (под псевдонимами Гудошник, Дон-Кихот Петербургский, Обличительный поэт, Темный человек), М. М. Стопановский, С. Н. Терпигорев и другие.

Русское богатство

"Русское богатство" (в ноябре 1914 - марте 1917 **"Русские записки"**), журнал. Выходил в 1876-1918 (первоначально - "журнал торговли, промышленности, земледелия и естествознания", в 1883-95 "ежемесячный литературный журнал", с 1906 "ежемесячный литературный, научный и политический журнал"). В 1879-81 издавался артелью писателей (Н. Н. Златовратский, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин и др.). В 1892 во главе журнала встали Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко, которые придали ему последовательно народническую ориентацию.

В беллетристическом отделе публиковались произведения Г. И. Успенского, П. Ф. Якубовича, Н. Г. Гарина-Михайловского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича, А. И. Куприна, М. Горького, В. В. Вересаева и др. В публицистическом отделе печатались Н. Ф. Анненский, В. П. Воронцов (В. В.), С. Н. Кривенко, В. А. Мякотин, А. Б. Петрицев, А. В. Пешехонов, Н. С. Русанов, В. М. Чернов, С. Н. Южачков и др. Журнал неоднократно подвергался преследованиям цензуры. С 1906 фактически являлся органом Партии социалистов-революционеров.

В. Г. Короленко. Не страшное (Из записок репортера. Этюд)

"Двадцатому будьте в N-ске. Сессия окружного суда. Подробности письмом. Редакция".

Я посмотрел на часы, потом справился в путеводителе. У меня была надежда, что я уже не попаду к ночному поезду на станцию железной дороги, расположенную верстах в десяти от города, где я только что закончил другое редакционное поручение. В уме

мелькал лаконически-деловой ответ: "телеграмма запоздала, двадцатому не могу". К сожалению, однако, путеводитель и часы говорили другое: у меня было три часа на сборы и на путь до станции. Этого было достаточно.

Около одиннадцати часов теплого летнего вечера извозчик доставил меня к загородному вокзалу, светившему издалека своими огнями. Я приехал как раз во-время: поезд стоял у платформы.

Прямо против входа оказался вагон с открытыми окнами. В нем было довольно просторно, и какие-то господа интеллигентного вида играли в карты. Я догадался, что это члены суда, едущие на сессию, и решил искать место в другом вагоне. Это оказалось нелегко, но, наконец, место нашлось. Поезд уже трогался, когда я с легким багажом в руках вошел в купе 2 то класса, занятое тремя пассажирами.

Я уселся у окна, в которое веяло свежестью лунной ночи, и скоро мимо меня понеслись концы шпал, откосы, гудящие мостки, будки, луга, залитые белым светом луны, -- точно уносимые назад быстрым потоком. Я чувствовал усталость и печаль. Думалось, что вот так же быстро бежит моя жизнь от мостка к мостку, от станции к станции, от города к городу, от пожара к выездной сессии... И что об этом никоим образом нельзя написать в газетном отчете, которого ждет от меня редакция... А то, что я напишу завтра, будет сухо и едва ли кому интересно.

Мысли были невеселые. Я отряхнулся от них и стал слушать разговор соседей.

II

Ближайший мой сосед беззаботно спал, предоставив мне устраиваться, как знаю, у него в ногах. Напротив один пассажир тоже лежал, другой сидел у окна... Они продолжали разговор, начатый ранее...

-- Положим, -- говорил лежащий, -- я тоже человек без суеверий... Однако все-таки... (он сладко и протяжно зевнул) нельзя отрицать, что есть еще много, так сказать... ну одним словом -- непознанного, что ли... Ну, положим, мужики... деревенское невежество и суеверие. Но ведь вот -- газета...

-- Ну, что ж, газета. То суеверие мужицкое, а это газетное... Мужичу, по простоте, является примитивный чорт, с рогами там, огонь из пасти. И он дрожит... Для газетчика это уже фигура из балета...

Господин, допускаящий, что есть "много непознанного", опять зевнул.

-- Да, -- сказал он несколько докторально, -- это правда: страхи исчезают с развитием культуры и образованности...

Его собеседник помолчал и потом сказал задумчиво:

-- Исчезают?... А помните у Толстого: Анне Карениной и Вронскому снится один и тот же сон: мужик, обыкновенный мастеровой человек, "работает в железе" и говорит по-французски... И оба просыпаются в ужасе... Что тут страшного? Конечно, немного странно, что мужик говорит по-французски. Однако допустимо... И все-таки в данной-то комбинации житейских обстоятельств от этой ничем не угрожающей картины веет ужасом... Или вот еще у Достоевского в братьях Карамазовых... там есть наш городской чорт... Помните, конечно...

-- Н-нет, не помню... Я ведь, Павел Семенович, преподаватель математики...

-- А, да... Извините... я думал... Ну, я напомним: это, говорит, был какой-то господин или, лучше сказать, известного сорта русский джентльмен лет уже не молодых, с проседью там, что ли, в волосах и в стриженной бороде клином... Белье, длинный галстук, в виде шарфа, все, говорит, было так, как у всех шикаватых джентльменов, но только белье грязновато, а галстук потерянный. Словом -- "вид порядочности при весьма слабых карманных средствах".

-- Ну, какой же это чорт? Просто проходимец, каких много, -- сказал математик.

-- То-то вот и есть, что много... Это и страшно... И именно потому страшно, что так обыкновенно: и галстучек, и манишка, и сюртучок... Только что потертые, а то бы совсем, как и мы с вами...

-- Ну, это что-то, Павел Семеныч... это, извините, какая-то у вас странная философия...

Математик слегка как будто обиделся. Павел Семенович повернулся к свету, и мне стало ясно видно его широкое лицо с прямыми бровями и серыми задумчивыми глазами под крутым лбом.

Оба помолчали. Некоторое время слышался торопливый стук поезда. Но затем Павел Семенович заговорил опять своим ровным голосом.

-- На N-ской станции подошел я, знаете, к локомотиву. Машинист человек отчасти знакомый... Хронически сонный субъект, даже глаза опухшие.

-- Да? -- спросил собеседник равнодушно и не скрывая этого равнодушия.

-- Положительно... Явление, конечно, естественное. Тридцать шесть часов не спал.

-- М-м-да-а... Это много...

-- Я вот и думаю: мы заснем... Поезд летит на всех парах... А правит им человек некоторым образом совершенно осовелый...

Собеседник слегка завозился на своем месте...

-- Да, вы вот с какой стороны!.. Действительно, чорт возьми... Вы бы заявили начальнику станции...

-- Что тут заявлять... Засмеется! Дело самое обыкновенное, даже можно сказать -- система. В Петербурге в каком-нибудь управлении сидит господин... И перед ним таблицы, в таблицах -- цифры. Приход... Расход... И в одной графе расхода есть машинисты. Жалованье -- столько-то. Поверстных столько-то. Поверстные, -- это пробег поездов, -- цифра полезная, доходная, твердая, подлежащая увеличению. А вот жалованье людям -- это уже минус... Вот этот человек и ломает голову: взять меньше машинистов, а пробег оставить тот же... Если даже немного увеличить... Происходит, так сказать, стихийная игра цифр... И занимается ею самый обыкновенный господин... И сюртучок на нем, и галстучек, и вид полной порядочности... Товарищ хороший, семьянин прекрасный... Деточек любит, жене к празднику сувенирчики дарит... И дело его самое безобидное: простейшие задачи решает. А в результате сон у людей убывает... И по полям и равнинам нашего любезного отечества в этикие вот лунные ночи мчатся вот этикие же поезда, и с локомотива глядят вперед полусонные, запухшие глаза человека, ответственного за сотни жизней... Минута дремоты...

Ноги математика, одетые в клетчатые брюки, зашевелились; он поднялся с своего места в тени и сел на скамейке... Его полное маловыразительное лицо с толстыми подстриженными усами было встревожено.

-- Ну вас, ей-богу, с вашим карканьем, -- сказал он с неудовольствием... -- И как это у вас, чорт возьми, ощутительно выходит... Только что хотел заснуть...

Павел Семенович с удивлением посмотрел на него.

-- Да нет, что вы это? -- сказал он... -- Бог с вами!.. Доедем, бог даст, благополучно. Я ведь только к тому, что вот как оно перемешано: страшное и обычное... Экономия -- обыкновеннейшее житейское дело... А около нее где-то смерть... И даже подлежит учету по теории вероятностей...

Математик, все еще огорченный, вынул портсигар и сказал, закуривая:

-- Нет, это вы верно: действительно, чорт его знает: заснет, каналья, и как раз... Скоты эти железнодорожники... Однако, давайте о чем-нибудь другом. К чорту все эти страхи... Итак, вы все еще процветаете в Тиходоле?.. Давно что-то застряли...

-- Да, -- ответил немного сконфуженный Павел Семенович... -- Такой уж, знаете, город несчастный... Точно в яму какую проваливаешься. Учитель, судебный следователь, акцизный... Как попал сюда, так будто и забыли про тебя и из списков живущих вычеркнули...

-- Да, да... Действительно город, чорт его знает. Глухой какой-то... Даже клуба нет. И грязь невылазная.

-- Клуб теперь, положим, есть... И мостовые кое-где завелись... Освещение тоже, особенно в центре... Я, положим, живу на окраине, так мало этими удобствами пользуюсь...

-- А вы где, собственно, живете?

-- В доме Будникова, на слободке...

-- Будников? Семен Николаевич? Представьте, ведь и я жил в этих же местах: у отца Полидорова... С Будниковым. встречался, как же! Прекрасный господин, с образованием и, кажется, немного даже того... с идеями?..

-- Да, с некоторыми странностями...

-- Нет, что же?.. Я говорю, с идеями. А странности... Какие же? Кажется, ничего особенного.

-- Вот именно: особенного ничего, а все-таки... Ценные бумаги, например, хранил в туфяке...

-- Ну, я этого не знал. А так, при встречах производил отличное впечатление. Свежее такое, оригинальное... Домовладелец и вдруг -- сам живет в двух комнатках, без прислуги. Впрочем... постойте... Было, помнится, что-то вроде дворника...

-- Это, верно, Гаврило...

-- Именно, именно Гаврило. Низкорослый такой, белобрысый? Да? Ну, вот... Помню,-- приятно было смотреть на его рожу: добродушнейшее этакое мурло... Бывало думаю: в хозяина и работник... Ну, что он? Все такой же?

Павел Семенович некоторое время молчал. Потом посмотрел на собеседника каким-то помутневшим взглядом и сказал:

-- Д-да... Вы правы... И это было действительно так... И Семен Николаевич... И Гаврило... И оба они вместе...

-- Ну, да! Я ведь помню...

-- Именно свежий был человек для нашего города... Образованный, независимый, с идеями... Был в университете, только не кончил из-за какой-то истории... Сам он мне говорил, будто влюбился несчастливо. "Сердце, говорит, у меня разбито". С другой стороны, мне известно, что он переписывался с каким-то приятелем в местах весьма отдаленных. Значит, было назади что-то такое... Отец у него, говорили, ростовщичеством занимался, хотя не особенно злостно. Так с сыном у него из-за этого ссора некоторая вышла. Молодой студент не одобрял и не прикасался к его деньгам, перебиваясь грошовыми уроками... Ну, когда отец умер -- Семен Николаевич приехал, вступил во владение наследством. Говорил кое-кому: "Не для себя... Считаю это долгом всему обществу"... Потом... дела-то оказались запутанными... Дома там, земля, долгосрочные контракты, тяжба какая-то... Разбирался он во всем этом год, другой, третий, а там и втянулся. Многие еще помнили, как он говорил: "Только бы тяжбу закончить с этими подлецами, да дела устроить... Дня в этой проклятой трущобе не останусь..." Ну, одним словом, -- история обычная... Учитель у нас один, зоолог, поступая к нам в гимназию, так прямо и говорил: только бы, говорит, диссертацию написать, и вон из этого болота!

-- А, это Каллистов! Ну, что же? -- спросил живо математик.

Рассказчик только махнул рукой.

-- До сих пор все пишет. Женился. Третьим бог благословляет... Ну, вот так же и Семен Николаевич Будников -- все свою, так сказать, жизненную диссертацию писал. Началось, кажется, с того, что увлекся тяжбой. Отзывы эти, протесты, кассации, вся эта игра... И все сам писал, почти не советуясь с адвокатами. Потом, -- пока что -- новый дом стал строить. Когда я с ним познакомился, он был уже благополучным среднего возраста холостяком, с румяным лицом и приятной этакой, спокойной, солидной и сочной речью. И уже тогда были маленькие странности. Приходил иногда ко мне, главным образом в сроки уплаты за квартиру... Мы эти сроки пригнали к двадцатому. Ну, значит, двадцатого он и приходил в

восемь часов вечера и выпивал у меня два стакана чаю с ромом. Не больше, но и не меньше! На каждый стакан по две ложечки рому и по сухарю. Я привык смотреть на это, как бы на некоторую приставку к квартирной плате. И у других квартирантов бывало то же, -- у кого с ромом, у кого без рому. Сроки найма были все различные, квартир в четырех его домах (один в городе довольно большой) было около двадцати... Итого сорок стаканов чаю... Впоследствии оказалось, что это входило в его бюджет и вписывалось в книги... Иной раз так и стояло: "Не застал такого-то, деньги он принес сам на следующий день. В расход сверх сметы два стакана чаю"...

-- Неужели? -- засмеялся Петр Петрович. -- Вот не думал никак! Откуда же вы узнали?

-- Пришлось по одному случаю. Да, это, конечно, черта тоже неожиданная, и, вероятно, в ваше время ее еще не было. Ну, а позже стало заметно. Даже обыватели стали поговаривать: дескать, г. Будников человек с расчетцем. Говорилось это благодушно, даже с одобрением. Это как будто родило Будникова со средой... Понимаете? Явилась в непонятном человеке какая-то ниточка своя, бытовая, так сказать, понятная... Ну, и стала эта черта все более обозначаться. Считалось, например, что г. Будников не держит почти прислуги: Гаврило был дворником того дома, где была и моя квартира; чистил некоторым жильцам платье, ставил самовары, бегал на побегушках. И бывало так, что хозяин и работник сидят рядышком и чистят сапоги: дворник жильцам, Будников себе... Но потом г. Будников завел лошадь. Без особенной нужды. Маленькая роскошь: ездил он раза два в неделю на загородный хутор. Остальное время лошадь была свободна. У Гаврилы тоже не все время было занято... Ну, и вышло естественным образом, что лошадь перешла на попечение Гаврилы, и он с нею стал выезжать на биржу. Гаврило против этой комбинации, повидимому, ничего не имел, так как неустанный труд считал своим приятным назначением. Есть, знаете, своего рода талантливость на все, и я думал иной раз, что Гаврило своего рода гений в области мускульного труда... В движениях легкость, беструдность какая-то неутомимая... Иной раз даже ночью... не спится бывало. Взглянешь, в окно: метет мой Гаврило улицу или там канавки подчищает. Это значит -- лег спать и вдруг вспомнил: не успел за другими делами мостки дочистить... Идет и чистит. И была в этом положительно какая-то своя красота...

-- Да, да! -- сказал математик. -- Вы очень верно изобразили этого человека. Вспоминаю именно, что на него вообще было приятно смотреть, благообразие какое-то.

-- Душевное равновесие всегда красиво, а он исполнял свое назначение, не углубляясь в характер своих отношений к хозяину... И это тоже было приятное зрелище, то есть их взаимные отношения. Один красиво играет мускулами. Другой придает этой игре смысл и разумную целесообразность... Увидел, что время не заполнено, -- и нашел новое применение... Своего рода гармония интересов, почти идиллия... Чуть свет -- Гаврило уж на работе. Г-н Будников вставал тоже рано. Они здоровались с очевидным взаимным расположением. Потом г. Будников или работал в саду, или обходил свое "хозяйство", разбросанное в городе: беднота-то поднимается рано, он и заходил утром в квартирки, занятые беднотой... Потом возвращался и говорил:

-- Ну, ты теперь, Гаврилушко, запрягай, пожалуй, а я за тебя тут дочищу... Как раз чиновники в канцелярии идут. Может, кто и попадется...

Себя он считал в то время не то толстовцем, не то... опростившимся, что ли... Часто заговаривал о ненормальности нашей жизни, о необходимости отдать долг трудящемуся народу, о пользе физического труда. -- "Работаю вот, -- говорил он, когда кто-нибудь заставал его за топором или лопатой. -- Помогаю ближнему дворнику трудом своим". И трудно было разобрать в его тоне: ирония это или серьезно... В середине дня Гаврило возвращался и ставил лошадь в конюшню, а г. Будников опять отправлялся по хозяйству, делал жильцам вежливые замечания за изломанный палисадник или обитую детскими мячами штукатурку... Возвращался он порой с каким-нибудь нищим, а то и двумя. Они, значит, попросили на, улице милостыню, а он предложил "трудовую помощь"... Ну, конечно, попрошайки обращались в постыдное бегство; а г. Будников с особенным

удовольствием продолжал работать один или с Гаврилой. Вскоре его узнали все нищие в городе и только кланялись с добродушной улыбкой, а денег не просили.-- "Как это вы, друзья мои, не понимаете своей пользы",-- назидательно говорил г. Будников. И надо сказать, что этот "трудовой" образ жизни ему лично приносил очевидную пользу: румянец у него был прямо завидный, ровный этакий, с здоровым загаром. Выражение лица всегда спокойное, уравновешенное, почти как у Гаврилы... И вот тоже... ничего ведь в этом не было ни зловещего, ни странного.

-- Ну, -- вы опять свернули на прежнее! -- сказал математик, подымаясь и похлопывая собеседника по плечу... -- Конечно, ничего страшного... А между прочим, я выйду на этой станции... Восемь минут.

Поезд замедлил ход, потом остановился.

III

Павел Семенович, оставшийся вдруг без слушателя, оглянулся несколько растерянно... Через некоторое время взгляд его серых глаз встретился с моим. В глубине этого взгляда светилась какая-то упорная мысль, точно у маниака...

-- Вы... понимаете? -- спросил он просто, не смущаясь тем, что говорит с незнакомым человеком...

-- Кажется, понимаю, -- ответил я.

-- Ну, вот-вот, -- сказал он с удовлетворением, потом стал продолжать просто, как будто не замечая смены слушателя...

-- Был у меня, знаете, товарищ школьный... Некто Калугин, Василий Петрович. Был он захвачен тогдашними течениями в молодости... а человек был своеобразный. Говорил мало. Больше слушал, что говорили другие, и наблюдал, как они суетились, пытались, как говорится, повернуть колесо истории. Но в самом молчании чувствовалось восхищение и преданность... И пришел он к заключению: "Все это хорошо и чрезвычайно, благородно, но нет рычага. А рычаг -- деньги. За эти дела, говорит, нечего и приниматься без ста тысяч". И успел, знаете, убедить в этом еще несколько товарищей, которые и составили маленький кружок, накопителей, что ли... Ну, из кружка, положим, ничего не вышло: кто просто отстал, кого судьба зашвырнула далеко от источников добывания. А он, Василий Петрович, -- выдержал и достиг. Человек был без блеска, но с большим характером, такие в деловых сферах очень ценятся. Поступил для начала в одно учреждение на Волге. Не то, знаете ли, банк, не то касса ссуд. Для великой цели не пренебрег он и этим учреждением, и сразу, как говорится, вдохнул в него новую жизнь. Года через три получал уже тысяч что-то около шести... Тогда он поставил задачу в таком виде: пятью двадцать -- сто! На себя, значит, и на прочее -- тысяча в год. Пять тысяч на великое дело. "Через двадцать лет -- рычаг готов"... И что вы думаете: достиг. Правда, нужен был характер -- прямо самоотверженный. И система!.. Во-первых, во избежание всяких глупых случайностей, -- "на время" отошел от прежних товарищей... тех, которые голыми руками за колеса истории хватаются. "У меня, дескать, своя задача... Неблагонадежность там... случайное письмецо... сделайте одолжение, не надо"... И это тоже выдержал. Вообще всю жизнь приспособил, все подробности рассчитал. Ничего -- кроме накопления! Вставал ежедневно не то что в семь часов, как Будников, а в семь часов без тринадцати минут. Секунда в секунду! От личной жизни отказался... Было у него до того времени увлечение одно: сошелся с одной девушкой и тоже на свободных началах. Дали взаимно слово "не связывать друг друга". Ну, да ведь это глупые фразы; ребеночек-то никому слова не давал... Явился на свет и потребовал свое... Она и рада... А он насупился. Так как, говорит, эта неприятная случайность может повториться, и принимая, говорит, в соображение мою великую цель, то я, говорит, намерен воспользоваться свободой. На ребеночка я, говорит, хотя и в ущерб великой цели... такую-то сумму... Женщина была тоже с характером: денег не взяла ни копейки, захватила ребеночка -- и прощайте -- навсегда... Как он чувствовал

себя после этого -- неизвестно, но накоплению отдался без помехи... И вот, после разных удач и неудач, через двадцать лет, проснувшись по обыкновению в семь часов без тринадцати минут, -- он поздравил себя с успехом: сто тысяч собраны. На службу явился в обычное время, вошел в кабинет своих принципалов и говорит: "Через два месяца я ухожу". Те и рот разинули. "Да что вы, бог с вами! Может быть, прибавить жалованье? Или процент с дохода?" Нет! Сказал, как отрезал, и через два месяца был в Москве на прежней жизненной точке... И в кармане сто тысяч.

-- О-го! -- сказал Петр Петрович, вернувшийся в эту минуту из буфета... -- Это у Будникова, что ли?..

-- Нет, -- ответил Павел Семенович.-- Это я о другом...

-- А! О другом? Ну, все равно... Продолжайте о ста тысячах... Это уже, надеюсь, не страшно?..

В его голосе звучала легкая насмешка. Павел Семенович посмотрел на него с наивным удивлением и повернулся ко мне.

-- Да, так вот... Приехал он в Москву, то есть, понимаете: к своему прошлому... Думал -- жизнь будет его ждать, пока он выполнит великую задачу накопления... И явится он в тот же Газетный переулок, и там застанет те же споры и тех же людей, и так же будут они хвататься голыми руками за колеса истории... Тут он им свой рычаг... "Извольте! У вас великие идеи... А вот мой вклад для осуществления"... Глядь, а предлагать-то уже и некому: в Газетном переулке другие люди, и говорят по-другому. Прежние или погибли под колесами истории, или отстали... Жизнь -- это ведь поезд... Отлучился со станции на время, глядь -- поезда уже и не видно... А порой не застанешь и станции... Понимаете вы, милостивый государь, какая это трагедия?

-- Ну, сделайте одолжение,-- сказал Петр Петрович.-- Сто тысяч! Свободен!.. Многие согласятся на этакую трагедию...

-- Да?.. Но ведь человек-то, я вам говорю, был искренний.

-- Ну, и что же?

-- Да вот... Бродил он среди старых и новых знакомых, все своего поезда разыскивал. Тоску на всех навел... То, для чего отдал жизнь и свою, и чужую, -- уже непонятно: кажется, что там одна пальба идет... а для чего -- неизвестно. А то, что понятий, -- разные почтенные дела, вроде "народного дома", или газеты, или "идейное книгоиздательство" его, семидесятника, не удовлетворяет... На это он готов, пожалуй, отдать... проценты с капитала...

-- Ну, что ж, -- шесть процентов, при скромных потребностях... Жить можно! И даже можно часть отдать на доброе дело...

-- Да... конечно... Но если взять исходную точку... Ведь это был подвиг... Люди отдавали жизни, и он жизнь отдал... И не только свою... Неужели это можно сделать для одних процентов... А на подвиг-то уже не хватает стимула... Одним словом, в один прекрасный день нашли его в одиноком номере гостиницы -- с пулей во лбу... И деньги рассовал кое-как, наскоро и невнимательно... Накануне еще я его видел в одном обществе.. Никто в нем ничего особенного не замечал. Здоровались и проходили мимо, почтенный, дескать, человек. С характером, и намерения наилучшие. Скучный только необыкновенно!

-- Гм, да! -- сказал математик,-- бывают и такие чудачки. -- И он стал укладываться. Лицо его с толстыми подстриженными усами опять потонуло в тени, а наружи были видны ноги в клетчатых брюках... -- По-моему,-- сказал он из своего угла,-- уж Будников интереснее... Вы про него не досказали...

-- Да... я ведь... извините,-- к тому и случай этот привел... Сидел я как-то недавно всю ночь... Переписку Будникова с его этим "отдаленным" приятелем читал. Поверите: оторваться не мог.. и представить невозможно, что это писал тот же Семен Николаевич Будников, который у меня чай с ромом пил, Гаврилу на биржу посылал и душа которого незаметным образом, почти на моих глазах, в этом вот нашем дворике выдохлась и опустела... И осталась без всякой, так сказать... ну, одним словом, без всякой святыни...

Он остановился и посмотрел на меня застенчивым и вопросительным взглядом, почувствовав как будто, что у него вырвалось слово, не совсем обычное для вагонного разговора. И он почти вздрогнул, когда математик, выпустив из своего темного угла густой клуб дыма, -- сказал:

-- А вы, Павел Семеныч,-- я вижу, такой же чудаки, право!.. Удивительно! У одного -- сто тысяч... Стреляться! Другой живет себе на всей, как говорится, своей воле: здоров, румян... Спокоен духом... Обеспечен... Вам и это странно?.. Ей-богу, это невозможно... Ну, спокойной ночи... Пора спать. Ничего, ничего!.. Вы мне разговором не мешаете... Я не стану слушать...

Он повернулся к стенке.

Павел Семенович стыдливо и вопросительно взглянул на меня наивными серыми глазами и заговорил тише...

-- Есть в Тиходоле улица, называется Болотная. Уже при мне на ней построили дом... Новый, из свежего леса... В первый год так и сверкал он, даже глаз резал этой своей свежестью. Потом очень быстро стал покрываться этим особенным бытовым налетом, этими мхами да лишаями и так слился с общим тоном старых сараев и заборов -- не отличить. А теперь уже говорят, что там завелись привидения... Так вот и о г. Будникове вдруг стали говорить, что он ограбил одну женщину...

-- Ну, это, как хотите, глупости! -- отозвался математик,-- Никогда не поверю, чтобы Будников был грабитель... Пустили какую-нибудь глупую сплетню.

Павел Семенович улыбнулся грустной и немного растерянной улыбкой:

-- Вот именно. Какой грабитель!.. Грабитель -- слово такое... определенное! А тут вышла просто некоторая житейская... запутанность, что ли, с расплывчатыми очертаниями... Видите... Должен сказать, что уже после вас в последние годы поселились во дворе мать с дочерью... Женщины были простые, очень бедные, и господин Будников относился к ним покровительственно и великодушно: задолжали они что-то много, и он,-- очень аккуратный насчет платы, -- тут терпел и даже иной раз помогал деньгами. На доктора там, улучшенное питание для больной. Потом старушка умерла, и осталась эта Елена круглой сиротой... Господин Будников и тут оказал большое участие: отвел ей уютный уголок, хлопотал насчет работы: шила она,-- кое-как перебивалась... Потом стала вроде экономки у г-на Будникова, а там... начали поговаривать, что отношения их стали гораздо ближе...

-- А-а...-- произнес математик.-- Это уж действительно без меня... И красивая?

-- Да, пожалуй, красивая, полная, с плавными этакими движениями и покорными глазами. Говорили, что глупа. Но если и так, то ведь глупость женская бывает порой особенная... Тут и наивность, и какая-то дремлющая невинность души. Положение свое она чувствовала очень сильно. Как это говорится у Успенского, кажется,-- вся была во стыду... Пробовал г. Будников учить ее, подымать, так сказать, до своего уровня. Она оказалась неспособна. Сидит, бывало, над книжкой, водит по-детски указкой, и лицо по-детски напряженное. А при Будникове вся как-то сожмется и оглупеет. Охладел он к этим занятиям, а потом и к Елене, тем более, что возникли некоторые другие виды. А было, должно быть, время, когда он ее начинал любить. Были, вероятно, и обещания какие-нибудь. Одним словом,-- доставался ему этот разрыв не так уж легко,-- совесть, что ли, была задета... только он старался смягчить разрыв. И между прочим вздумал ей подарить билет внутреннего займа... Призвал ее однажды, вынул три билета, разложил на столе, разгладил рукой и говорит:

-- Смотри, Елена. Вот на каждую эту бумажку можно выиграть двести тысяч. Понимаешь?

Она, конечно, понимает плохо. Воображения не хватает на такую сумму. А он продолжает:

-- Ну, вот, говорит,-- одну я дарю тебе. Сама бумажка стоит, говорит, 365 рублей, но ты ее не продавай... Ну, возьми своей рукой на счастье...

Она не берет, жметя, точно боится.-- Ну, хорошо,-- говорит г-н Будников.-- Дай сюда руку. Вот, пусть эта будет твоя бумага...-- Взял один из этих билетов и провел ее рукой две черты карандашом, резко этак, с нажимом. Видно, что намерение было у человека твердое... Отдал бесповоротно, со всеми, так сказать, последствиями.-- "Видишь,-- говорит,-- это на твое счастье, и если выиграешь 200 тысяч,-- тоже твои будут..." И положил опять в стол. А у нее из-за пазухи вынул ладонку и положил туда бумажку с номером билета.

-- Ну, и что же? -- спросил математик...

-- Ну, и вот... Нужно же было случиться, что... работает там эта машина в Петербурге, выкидывает, знаете, номер за номером. Берут их, кажется, детскими руками... И один из этих билетов выигрывает...

-- Двести тысяч? -- живо спросил математик, очевидно, забывший о сне.

-- Двести не двести, а семьдесят пять... Смотрит г. Будников в марте месяце тиражную таблицу и видит: стоит крупный выигрыш против его номера. Нуль, опять нуль... триста восемнадцать и 32. И вдруг вспоминает, что один билет подарил Елене... Он хорошо помнит, что две черты поставил на первом. У него три подряд: 317, 318 и 319. Значит, триста семнадцатый... Достает билеты, смотрит: две черты стоят на триста восемнадцатом. Выиграла-то Елена...

-- Ах, чорт возьми,-- воскликнул математик и слегка приподнялся.-- Вот это штука!

-- Да, именно штука, и даже довольно глупая. Черты попали на этот номер, когда он думал, что дарит другой... Ошибка, механический промах руки, пустая случайность... И из-за этой случайности Елена, глупая женщина, которая ничего не понимает и не сумеет даже распорядиться деньгами, возьмет у него... именно у него, у г-на Будникова, отымет, так сказать, крупную сумму! Ведь это нелепость, не правда ли? У него и образование, и цели, или там были когда-то цели... Ну, и опять могут быть. Он эти деньги, может быть, на добрые дела назначит. Опять напишет своему этому приятелю, попросит у него совета... А она -- что такое? Животное с округленными формами и красивыми глазами, в которых даже и не разберешь хорошенько, что в них: глупость теленка или невинность младенца, еще, так сказать, не проснувшегося к сознательной жизни... Вы понимаете?.. Ведь это так натурально... Каждый на месте Будникова... вы... я... вот Петр Петрович почувствовал бы приблизительно то же...

Со стороны Петра Петровича послышался какой-то не совсем внятный звук, который можно было истолковать различно.

-- Нет? -- сказал Павел Семеныч.-- Ну, извините... Говорю, о себе... Мысли или, вернее, поползновения, что ли, такие у меня были бы, может быть, где-то там, в подсознательной, как говорится, сфере... Потому что... сознание и все эти сдерживающие силы, это ведь как земная кора: тонкая пленка, под которой ходят и переливаются чисто эгоистические первобытные, животные побуждения... Найдут место послабее и...

-- Ну, хорошо, хорошо,-- с снисходительной усмешкой сказал Петр Петрович, и мне показалось, что он подмигнул мне из своего темного угла...-- Вернемся к Будникову. Что, же он? Отдал,-- и кончено?..

-- Да, повидимому, так он и хотел разрешить этот вопрос, и так как, кажется, боялся немного себя, то в тот же день призвал к себе Елену и поздравил ее с выигрышем. И тут же, при сем случае, желая воспользоваться, так сказать, благоприятными условиями, намекнул: вот, дескать, когда мы разойдемся, ты обеспечена. И при этом все время сердился...

-- За что же сердился?

-- Я думаю, за то и сердился, что вот ты какая дура. Если бы тогда сама выбрала,-- наверное, взяла бы не тот номер. А теперь из-за твоей глупости какая история вышла. Порядочный и умный человек какой суммы лишается. Так я, по крайней мере, представляю себе по рассказу Елены... "Все, говорит, бегали из угла в угол и сердились на меня"...

-- Ну, а она что же? Обрадовалась, конечно?

-- Н-нет... Спужалась, говорит, очень, и ударила из нее слеза. Он сердится, а она плачет, и от этого он еще больше сердится.

-- Действительно, дура!..

-- Д-да. Я уже докладывал: умной ее не считаю, но в слезах этих... Нет, это была не глупость... И когда мне после рассказывала... дошла до этого места, взглянула на меня своими чистыми, птичьими глазами и вся всколыхнулась от плача... И вот теперь я не могу забыть этих глаз... Глупость-то, может быть, и глупость. То есть нет ни ясности сознания, ни отчета в положении вещей. Но было что-то в этих голубых глазах, особенно в самой глубине... точно мерцал в них какой-то правильный инстинкт... Эти ее глупые слезы были, может быть, единственным правильным, настоящим, пожалуй... позволю себе сказать,-- самым умным во всей этой запутанной истории... Где-то тут недалеко скрывался выход, точно потайная дверка...

-- Ну, хорошо, хорошо... Дальше-то что же?

-- А дальше... Господин Будников посмотрел на глупую женщину долго и внимательно, потом подсел к ней, потом обнял, а потом... в первый раз после значительного охлаждения приказал ей не уходить к себе, а остаться ночевать у него...

И пошло это так на некоторое время. Елена расцвела... Любовь ее тоже была "глупая", то есть очень непосредственная. Сначала,-- сама мне говорила,-- г-н Будников был ей противен. Потом, когда уже взял ее,-- точно, говорит, присушил. У таких непосредственных женских натур нет разделения, так сказать, чувства и факта. С какого конца ни затронь,-- весь этот комплекс действует нераздельно... Опять вернулся к ней, значит, опять полюбил... Две недели она так сияла радостью и красотой, что все, кто в это время смотрел на нее,-- тоже заражались безотчетной радостью... Только недели через две господин Будников опять охладел... И потянулась у нас на дворе слякоть какая-то... У Елены глаза наплаканы... Соседки судачат, жалеют, г. Будников сумрачен... Две-то черты эти прошли глубоко по душе обоих. А тут еще и третий под них подвернулся... Дворник Гаврило...

-- Гм!.. Целая история,-- сказал Петр Петрович, опять подымаясь с места и садясь рядом с Павлом Семенычем.-- Он-то при чем?.. Тоже узнал о выигрыше?

-- Ничего он не знал. Я о нем уже говорил. Существо, бесхитростнее которого трудно представить,-- прямо райская непосредственность... Иной раз он представлялся мне даже не человеком, а... как бы сказать... простым собранием мускулов, отчасти сознающих свое бытие. Все в нем было слажено хорошо, гармонично, правильно, и все в постоянном действии. И при этом два добрых человеческих глаза смотрели на весь мир с точки зрения своего физического и морального, так сказать, равновесия. Порой в этих глазах светилось, пожалуй, любопытство и... такое бессознательное превосходство, что прямо бывало завидно. Порой мне даже казалось, что если не сам Гаврило, то что-то в нем отлично понимает и г-на Будникова, и меня, и Елену... Понимает и улыбается именно потому, что понимает...

И вдруг этот человек тоже помутился... Началось это с той поры, как Будников сошелся с Еленой вторично и опять бросил... Для него она стала брошенная "барская барыня", существо, особого почтения не внушающее, и очень вероятно, что первые его авансы выразились как-нибудь просто, по-деревенски. Но она встретила эти авансы с глубокой враждой и гневом. Тогда Гаврило "задумался", то есть стал плохо есть, уставать за работой, похудел, вообще стал сохнуть...

Так это тянулось осень и зиму. Будников окончательно охладел к Елене; она чувствовала себя оскорбленной и считала, что он над ней "надсмеялся"... У Гаврилы несколько испортился характер, и во взаимных отношениях его и Будникова исчезла прежняя гармония... А билет с двумя чертами лежал в столе, и, казалось, все о нем забыли...

Подошла среди такой ситуации и весна... На время я потерял из виду всю эту маленькую драму, которая разыгрывалась у меня на глазах... Подошли у меня и экзамены, уставал я сильно, даже сон потерял. Чуть задремлешь,-- вдруг будто толкнет кто-то,-- сна как не бывало. Зажжешь свечу,-- на столе тетрадки лежат,-- и станешь править... А там и солнце исходит... Выйдешь на крылечко, смотришь на спящую улицу, на деревья в саду... По улице сонный извозчик проедет, в саду деревья чуть трепыхаются, будто вздрагивают от утреннего озноба... Позавидуешь извозчику, позавидуешь даже деревьям... Покоя хочется и этой сосредоточенной бессознательной жизни... Потом пойдешь в сад... Сядешь на скамейку и, случится,-- задремлешь, пока солнце в глаза не ударит. Скамейка такая была у стенки конюшни в укромном уголке. Солнце как раз в семь часов на нее светило,-- проснешься, чаю наскоро выпьешь -- и в класс.

Вот однажды вышел я на заре и задремал на этой скамейке. Проснулся вдруг, точно кто разбудил. Солнце недавно поднялось, и на скамейке еще тень. Что такое, думаю... Отчего бы мне так внезапно проснуться? И вдруг слышу у Гаврилы в конюшне голос Елены. Хотел я встать и уйти: подслушивать я не охотник, да и неприятно показалось столь простое разрешение Елениной драмы. Но пока спросонок-то собрался встать -- разговор продолжался, а затем уж я и не ушел... Прямо заслушался.

-- Ну, вот и пришла,-- сказала Елена.-- Что вам?

И потом вдруг, с глубокой такой, ну, просто захватывающей тоской прибавила:

-- Измучил ты меня...

И так она это сказала... с таким искренним душевным стоном. И на ты... Прежде всегда, да и после -- все вы ему говорила, а тут... вся изболевшая стыдом и любовью женская душа зазвучала -- просто, без условностей, беззаветно...

-- И вы меня, Елена Петровна, измучили,-- ответил Гаврило.-- Мочи моей нет. Сохну. Не работается, куска, говорит, не съем...

-- Что ж теперь,-- говорит Елена,-- будет?

-- Да, что! -- говорит,-- жениться на тебе видно.

На некоторое время оба замолчали. Елена, кажется, тихонько плакала. И все в этом молчании было удивительно ясно, просто, без всяких недомолвок. Вот, дескать, какое положение: ты мне, конечно, не пара. Я вот поработал бы тут на Будникова, сколько полагается для моих целей, и пошел в деревню, поставил бы хозяйство, женился, взял бы честную девушку... И все это теперь пошло прахом: приходится поневоле брать тебя, какая есть...

-- Потерянная я...-- сказала Елена тихо...

-- Что ж, Елена Петровна,-- ответил Гаврило с какой-то угрюмой лаской.-- Не посмотрю я на это, что вы сами себя потеряли... Все одно... Не житье мне... Постыло все... Кусок в рот не идет... Силы нет...

Елена заплакала сильнее... Плач был хороший. Мне казалось -- болящий, но исцеляющий. Гаврило сказал строго:

-- Ну, что уж... будет... Пойдешь, что ли?..

Елена, видимо, сделала усилие, сдержала слезы и, на повторенный вопрос, ответила:

-- А бога вы, Гаврило Степаныч, побоитесь?

-- Чего это? -- говорит Гаврило.

-- Попрекать не станете?

-- Нет,-- говорит.-- Попрекать не стану. И другим в обиду не дам. А ты вот сама побожись, что баловство бросишь... Навсегда... Я тебе поверю...

Стало тихо. Я не слышал, что ответила Елена, представляю себе только, что она, должно быть, повернулась на восток, а может, и иконка в каморке была... И перекрестилась...

После этого она вдруг обхватила его голову руками, и я услышал поцелуй. И тотчас же Елена выбежала из каморки, метнулась было к дому, но потом вдруг остановилась, открыла калитку и вошла в сад...

И тут увидела меня... Но это ее несколько не смутило. Она подошла, остановилась, посмотрела на меня счастливыми глазами и сказала:

-- А ты все гуляешь по зорям... Эх-ты, сердешный...

И вдруг, переполненная вся этим своим чувством, подошла ко мне, взяла руками за плечи, бесцеремонно встряхнула меня, посмотрела в глаза и засмеялась... И так это просто вышло. Она поняла, что я все слышал, и ничего в этом не видела дурного... Только когда Гаврило вышел с метлой и тоже направился в сад, она вдруг вся зарделась и быстро пробежала мимо него. Гаврило посмотрел ей вслед с спокойной радостью, потом его взгляд упал на меня. Он поклонился с прежней стихийной благосклонностью и принялся мести дорожку. И опять была в нем та же красивая и беструдная игра мукулов, здоровых и свободных... И помню: как раз в эту минуту в монастыре ударили к ранней заутрене,-- дело было в воскресенье. Гаврило остановился в широком просвете аллеи, снял шапку и, придерживая метлу на левой руке, правой стал креститься. И показалось мне это необыкновенно светло и красиво. Стоит человек в центре своего светлого мира, где все у него устроено хорошо, то есть все эти отношения -- и с землей, и с небом... Одним словом, такое это было успокоительное зрелище, что я пришел к себе в комнату и в первый раз после многих беспокойных ночей -- заснул, как убитый... Есть что-то в хорошем человеческом счастье исцеляющее И выпрямляющее душу. И мне, знаете, приходит иной раз в голову, что, собственно говоря, все мы обязаны быть здоровыми и счастливыми, потому что... видите ли... счастье -- это высшая степень душевного здоровья. А здоровье заразительно, как и болезнь... Мы, так сказать, открыты со всех сторон: и солнцу, и ветру, и чужим настроениям. В нас входят другие, и мы входим в других, сами этого не замечая... И вот почему... Павел Семенович вдруг остановился, почувствовав на себе пристально насмешливый взгляд Петра Петровича.

-- Да, да!.. Извините,-- сказал он,-- у меня это действительно несколько туманно...

-- Есть немножко... Лучше уж рассказывайте дальше. Без философии...

-- ...Разбудил меня уже г-н Будников. Это было как раз двадцатое. Пришел он, как всегда, и, как всегда, выпил два стакана чаю с ромом, но я видел, что г. Будников сильно не в духе и даже нервничает... И я невольно поставил это в связь с утренним эпизодом.

И некоторое время он все был не в духе. Все во дворе замечали, что между хозяином и работником идет что-то неладное и... непростое. Гаврило хотел уходить. Будников не отпускал, хотя при этом часто говорил мне, что в Гавриле он разочаровался. Однажды я шел по дорожке сада и увидел, как они оба стояли у калитки и разговаривали о чем-то. Будников был возбужден, Гаврило спокоен. Он стоял в свободной позе, глядя на свою лопату, которой постукивал в землю. Было видно, что он твердо стоит на чем-то, а г-на Будникова это выводит из себя... И еще мне показалось, что предмет разговора устанавливает между ними какое-то странное равенство...

-- Это, голубчик, дело, конечно, ваше,-- говорил г-н Будников. Он заметил меня, но не счел нужным прекратить разговор. Говорил язвительно и с горечью...-- Да-с... Вы человек свободный... Но только, имейте в виду, Гаврило Степаныч... ежели у вас есть какие-нибудь утилитарные виды... Я с своей стороны, конечно, очень скромную сумму...

Г-н Будников не умел говорить просто и иностранные слова употреблял даже в разговоре с Гаврилой... Гаврило посмотрел на него спокойно и ответил:

-- Ничего нам не надо... Нам хватит своего.

Г-н Будников кинул на него настороженный взгляд и сказал:

-- Ну, хорошо. Помните! А затем... вот я уеду в Петербург по делу... Делайте, как хотите.

Гаврило поклонился и сказал:

-- Покорно благодарим...

-- Извините-с...-- с оттенком иронической меланхолии сказал г-н Будников.-- Я на благодарность не рассчитываю.

И вышел из сада, хлопнув калиткой.

Во дворе он остановился, подождал меня и, взяв под руку, пошел к нашему крыльцу. По дороге и сидя у меня на крылечке, говорил что-то запутанное и невнятное. Он не скрывает, что питал некоторое чувство к некоторой женщине. И это чувство, может быть, "живо под пеплом"... С другой стороны, мечтал о слиянии и возможности дружбы с меньшим братом. И хотя то и другое чувства послужили источником разочарования, но он с своей стороны что-то докажет, и все что-то увидят.. Но, вообще говоря, великодушие, как и тонкие чувства, свойственны только высококультурным людям...

Он нервничал, и под несколько деланным пафосом мне слышались ноты искреннего огорчения и волнения.

Впоследствии я имел случай ознакомиться с его дневником. Там были отдельные странички в форме как бы писем к этому его отдаленному другу... Писем он, кажется, давно не посылал, но эти странички были точно просветы среди сумеречной обыденщины. И под тем приблизительно числом, когда происходил разговор с Гаврилой, стояло горячее излияние. Он сообщал всю эту историю с Еленой и писал, что ошибся, что любит ее и теперь... И что сделает еще один опыт... И кончалось это внезапным лирическим порывом: ты, дескать, далекий друг, не сомневаешься, конечно, что я выполню то, что считаю долгом великодушия...

И вот однажды, отправив Гаврилу с лошадью за город, г. Будников подошел к флигельку, где попрежнему жила Елена.

-- Елена! Вы бы пришли ко мне. Убрать кое-что надо...

Несколько дней перед этим он был особенно задумчив и торжествен, а теперь оделся попараднее, подошел к флигелю и вошел в комнату Елены, не стесняясь любопытными взглядами.

Никто тогда не знал, что происходило в ее комнате, но через полчаса г. Будников вышел оттуда прямой, чопорный и как будто растерянный. И все стали говорить, что г-н Будников делал Елене форменное предложение и -- Елена отвергла...

После этого он уехал в Петербург, где у него была тяжба в сенате. Он ее проиграл, и когда вернулся, то Гаврило и Елена были уже обвенчаны...

V

Впечатление все это произвело на него сильное, как будто совершился некоторый душевный переворот. Особенно поразило его одно на вид незначительное обстоятельство. Прежде каждую весну в палисадничке у окон г-на Будникова цвели цветы. Это было у них с Еленой, общее и составляло признанную статью расхода: семена, лейка, кузнецу за ремонт лопаты... С ранней весны Елена возится, бывало, в этом цветнике, радостная и оживленная, и г-н Будников тоже радостный принимал в этом участие. Теперь флигелек опустел, цветник заглох, окна г-на Будникова как будто ослепли... А у другого флигелька, где жил теперь Гаврило с женой, все зацвело и распустилось. Точно символ. Когда г-н Будников вернулся с вокзала и кинул взгляд на этот неожиданный контраст,-- лицо его передернулось, и на некоторое время он потерял свой обычный величавый вид. И мне вдруг стало его жалко. Я вышел и пригласил его к себе. Он долго сидел у меня, рассказывая свои столичные впечатления,-- фразисто, пространно и неискренно. И все время чувствовалось, что в душе г-на Будникова происходит что-то далекое от столичных впечатлений.

Потом понемногу все как будто вошло в колею. Г-н Будников так же ездил два раза в неделю на загородный хутор, ходил в определенные дни по квартирантам, готовил себе обед на керосинке. Только в дневнике стало больше разных пустяков: например, он стал

записывать, сколько шагов он делает ежедневно и, кажется, высчитывал по этим записям выносливость и стоимость подметок.

А еще через некоторое время последовала новая перемена: г-н Будников почувствовал склонность к религии.

Помню, как-то был осенний вечер... Из тех тихих вечеров, когда природа особенно внятно трогает душу. На небе звезды будто шевелятся этак и шепчутся, а на земле свет и тени... Городок у нас, знаете сами,-- тихий и весь в зелени. Выйдешь, бывало, вечером и сядешь на крылечке у себя. И у других домов, вдоль улицы, кто на скамеечке у ворот, кто на завалинке, кто просто на травке... Шепчутся где-то люди о своем, деревья о своем -- и стоит какой-то невнятный шорох. Ну и в душе тоже шепчет что-то... Перебираешь невольно всю свою жизнь. Что было и что осталось, куда пришел и что еще будет дальше? И зачем все... и какой, знаете ли, смысл твоей жизни в общей, так сказать, экономии природы, где эти звезды утопают, без числа, без предела... Горят и светятся... и говорят что-то душе. Иной раз и грустно, и глубоко, и тихо... Кажется, как будто не туда направляешься, куда надо. И начинаешь угадывать что-то там, высоко... И хочешь убежать от этой укоряющей красоты, от этого великого покоя со своим смятением и хочешь слиться с ними... А уйти некуда... Войдешь в кабинет, посмотришь при лампе на эту свою обстановку... учебники... тетрадки с ученическими письменными ответами... И спрашиваешь: где тут живое-то?

Петр Петрович пробормотал что-то, и рассказчик опять спохватился.

-- Так вот... В этакое состояние сажу на крылечке и думаю: вот люди от вечерни идут... Что же? Находят они в этом свое отношение к бесконечному?.. Или только привычка, пустой автоматизм? И так хочется, чтобы это было настоящее. И вдруг вижу: отделяется от идущих одна тень и подходит ко мне. Оказывается -- это г-н Будников. Тоже от вечерни. И садится рядом.

И я чувствую, что г-н Будников ждет: дескать -- спроси меня -- зачем я стал посещать церковь. Все не бывал и к религии относился иронически, а теперь вдруг стал посещать богослужения. И меня это действительно интересовало, да и так, откровенность под влиянием этого вечера нашла... Отчего, думаю, не сказать, что вот, дескать, у меня на душе сумрак какой...

-- Вот, говорю, Семен Николаевич... Смотрю я на небе и вот что думаю...

Покачал он головой и говорит:

-- Мучился и я этим... и страдал. И вот, как вы же -- не видел выхода. А выход -- вот он, под руками...

И жестом указывает в сторону, где белеется за деревьями церковь...

-- Нас, говорит, интеллигентных людей, пугает, что это так сказать, дорога избитая, банальность... А между тем,-- стоит отбросить гордость и слиться... или, как это Толстой когда-то выразился,-- прикоснуться к общей чаше, растворить свои искания в смиренной общей вере... перестать осуждать основы жизни... Как Антей, так сказать, прикоснуться и общей матери...

И так он это сказал как-то вкусно. Голос такой сочный журчащий, точно басок в архиерейском хоре. Говорю вам искренно: я даже позавидовал. Ведь действительно: кругом тишина и благодать... Стоит, как говорит г. Будников, слиться, а у меня тоже все эти трещинки в душе затынет, как маслом. И сразу найдется потерянный смысл. Я вот спрашиваю себя: зачем тетрадки? А зачем все это вот, вся эта тихая жизнь?.. Почему вот тот сапожник идет такой торжественный и довольный?.. Или вон Михайло не ищет никакого особенного смысла, а плывет в общем потоке жизни, то есть в ее общем значении я общем смысле. Придут люди раз в неделю в это беленькое здание, так приветливо выглядывающее из зелени, побудут некоторое время в общении с какой-то тайной,-- и, смотришь, запасаются на всю неделю ощущением смысла... А ведь для многих жизнь гораздо тяжелее моей...

И вот теперь г-н Будников... Неужели и он нашел для себя это и разрешил свои смятения... Хотел было спросить, но тут мимо прошел сначала наш священник. Г-н Будников с ним раскланялся, и он ответил приветливо. И на меня посмотрел тоже с вопросительной благосклонностью... Будников вот обратился, может быть, дескать, и еще одного заблудшего приведет.. Я тоже ответил на поклон особенно как-то тепло и благодарно и опять хотел спросить у г-на Будникова, но тут появилось еще новое лицо, уже совершенно другого настроения...

VI

Павел Семенович несколько задумался и потом спросил у Петра Петровича:

-- Учился при вас некто Рогов?

-- Рогов... Не припомню... Столько их училось...

-- Этот был заметный, и об нем приходилось часто разговаривать в совете... Судьба его была особенная... Видите ли. Отец этого мальчика был злодей старого закала, ябедник, пьяница и сутяга, гонимый новыми временами, как волк охотниками. Тип, так сказать, запоздалый. Способности недюжинные, а не приспособился к новым порядкам. И коротал он свои последние дни среди невзгод, нищеты и пьянства. И все ему казалось, что судьба к нему несправедлива: люди умеют устроиться отлично, а он при том же, по его мнению, образе действий -- грязен, голоден и гоним... И представьте, что у этого человека -- семья... Жена и сынишка...

Жена -- существо безответное, уничтоженное им в полном смысле слова, за исключением одного угла души. Когда дело касалось сына,-- в этой, как будто совсем опустошенной, душе открывалась какая-то дверка, точно не сдавшаяся цитадель в занятом неприятелями городе, и оттуда выступало вдруг столько женского героизма, что порой старый буян и пьяница поджимал хвост. Таким образом, бог уже ее знает какой ценой, но ей удалось все-таки дать сыну образование. Поступив в Тиходол учителем, я застал этого юношу в последних классах. Мальчик был застенчивый, скромный на вид, поведения тихого. Только в глазах было что-то такое, странно-сдержанное, возбуждавшее, пожалуй, некоторую тревогу: какой-то особенный огонек, точно блеск, беспокойное внутреннее горение. Худощавый, тонкое лицо всегда бледно, и копна буйных волос над крутым лбом. Учился отлично, с товарищами знался мало, отца, кажется, ненавидел, мать обожал почти болезненно...

Теперь... извините... Придется мне несколько слов сказать о себе... Иначе -- останется многое непонятно в дальнейшем... Я тогда учительствовал еще первые годы и переживал особенное настроение... На призвание свое смотрел возвышенно и, так сказать, идеально. Товарищи представлялись мне какой-то священной ратью, ну, там... гимназия эта -- чуть не храм... Молодежь это чувствует и ценит... И бежит на этот огонек со всей непосредственностью и со всеми своими запросами... А ведь это и есть живая душа нашего дела... Что толку, если он придет к тебе, застегнувши вместе с мундиром на все пуговицы и свою юную душонку. С своими вопросами и заблуждениями он мне, учителю, нужнее... Да и я ему нужнее, пока сам ищущий и учусь... При некоторой искренности бери их прямо руками...

Рассказчик помолчал и продолжал тихо:

-- И было это у меня когда-то... Сблизился я тогда крепко с несколькими мальчиками своих классов, в том числе и с Роговым... Книжки свои давал, сходились ко мне. Ну, там, за самоварчиком, запросто, задушевно, понимаете... Вспоминаю об этом, как о празднике жизни... Журнал иной раз свежий откроешь, толки, рассуждения, споры. Слушаю,-- не вмешиваюсь сначала, как они колобродят тут, путаются, потом разъяснишь -- осторожно, но с увлечением... А там, глядишь, иной раз родилась мысленка, другая, иной раз -- ан уж тебя самого, царапнет, довольно остро... И чувствуешь: надо держаться начеку, надо самому думать и учиться. И растешь вместе с ними. И живешь...

Недолго только шло это у нас. Как-то раз призывает меня директор для конфиденциальной беседы... Ну, вы знаете сами... Теперь эти "внеклассные" влияния руководителей юношества покровительством не пользуются. А уж журналы!.. Директор, вы его знаете,-- Николай Платонович Попов,-- деликатный человек... Он только намекнул и затем сделал вид, что ему, в сущности, ничего неизвестно... Я было погорячился, сначала даже отказался подчиниться, апеллируя к высшему пониманию своих обязанностей. А потом... вижу, что ничего не поделаешь. Главное -- не обо мне одном и речь-то идет: на мальчиках отражается... Трудно было и тяжело, а главное -- стыдно, вот что всего хуже. Что я мог сказать своим молодым собеседникам? Чем объяснить? Исполняю приказание, явно бессмысленное и оскорбительное, и только! Это был для меня первый удар жизни, и я тогда не заметил, что удар-то, пожалуй, был смертельный...

Подчинился я и прекратил свои вечерние беседы. По совести скажу, что думал больше о них. Ну, молодежь-то, знаете, не так легко подчиняется в этих случаях и не все в них понимает. Однажды вечером -- шашь ко мне этот Рогов с товарищем... Тайным образом. Лица возбужденные, глаза горят и глядят как-то этак особенно... Ну, я этот способ сношений отклонил.-- "Нет, говорю, господа, лучше это оставить". Вижу, что мальчишки вспыхнули оба... Рогов этот заговорил что-то, да только спазма схватила горло, а глаза стали вдруг злые... Но я нашел себе оправдание: за них я, особенно за Рогова и за мать его, боялся... Ведь если бы открылись наши конспирации, пожалуй, вся его карьера и весь материнский героизм -- пошли бы насмарку. Так я и отступил тогда... в первый раз.

Старался зато уроки сделать как можно интереснее. Вечера у меня остались свободные... Скучно. Привыкать ведь уже начал к своему молодому кружку. А тут -- пусто. Ну, я за книги. Работал, как вол, и все, бывало, прикидываешь в воображении: вот это должно их заинтересовать, вот это будет ново, а это ответит на такие-то запросы... Читаю, роюсь в книгах, коллекционирую все интересное, оживляющее, раздвигающее казенные стены и казенную сушь учебников... И все с живой мыслью о недавних собеседниках... И кажется -- выходило что-то... Помню, что класс весь иной раз замирал, умы вспыхивали... Но тут вдруг стал директор ходить на уроки. Придет, сядет, слушает, молчит... Знаете сами, как это делается. Как будто и ничего, а ведь и класс, и сам я чувствую, что это уже не урок, а своего рода дознание... Потом на стороне -- деликатные вопросы: вот это, собственно, вы, позвольте узнать, откуда почерпнули? Из какого утвержденного учебника? И в какой мере, по вашему мнению, это соответствует программе?

...Ну, не стану распространяться... Так, одним словом, огонь этот понемногу во мне угасал... Класс стал именно классом: живые лица стали отдаляться все больше, отошли в туман какой-то... прикосновение умственное утратилось. Отметки... планы... перечисление стилистических красот живого произведения. В данном произведении двенадцать красот. Красота первая, красота вторая... Ну, и так далее... Соответственно требованиям программы... То есть, понимаете: и не заметил, как пошла и у меня та же будниковская бухгалтерия.

Как бы там ни было, кончил этот юноша курс гимназии и уехал в столицу... Однако, в университет поступить сразу не удалось. Это было уже время этих секретных аттестаций... Может, и мои чтения тут были в игре. Одним словом -- год у него пропал. Матери-то он написал, что поступил и даже -- что получает стипендию, а в действительности перебивался кое-как, бедствовал и, вероятно, озлоблялся. Потом как-то все-таки стал выбиваться на дорогу... Но тут вдруг и настигни его горе: мать умерла, не дождавшись. С тех пор, как сын уехал, таяла все... Исчезла, так сказать, с горизонта путеводная звезда всей ее жизни -- ну, и сила сопротивления тоже исчезла. Исчахла, знаете ли, как-то быстро, даже как будто с удовольствием. "Я, говорит, Ване теперь уже не нужна... На дорогу, слава тебе, господи, вывела. Теперь и сам пойдет". Сказала: "Ныне отпускаеши..." -- и умерла. А вскоре после этого и почтенного родителя в канаве нашли... И остался мой Рогов круглым сиротой...

Однако старушка-то, видно, поторопилась: теперь-то она, может, всего нужнее была сыну. Учился он, правда, хорошо и даже как-то страстно, так сказать, без оглядки, будто торопился к чему-то. А как получил известие о смерти матери,-- в душе-то, видно, оборвалось что-то... Очевидно, и она для него, в свою очередь, была единственной мечтой в жизни. Вот, дескать, кончу, стану на ноги и восстановлю нарушенную справедливость: мать, наконец, хоть на закате узнает, что есть еще благодать господня и любовь, и благодарность... Хоть на год, хоть на месяц, хоть на неделю... Пусть хоть на миг один, да чтоб сердце радостью вспыхнуло и оттаяло. И вдруг -- вместо всего могила... Обрыв -- и кончено! И никакой уже благодарности не надо, и ничего уже ни вернуть, ни исправить нельзя... Да, чтоб выдержать такое испытание без надлома, нужна сила... нужна вера в общий смысл жизни... Чтобы и это казалось не одной глупой случайностью...

Ну, он и не выдержал. Опоры не было... Оступился, закрутил и стал вином заливать ядовитое чувство оскорбления и несправедливости судьбы... А там и пошло. Экзамены бросил,-- дескать, теперь не для кого дипломы добывать... И понесло его случайными течениями, как лодку, брошенную на реке... Заявился опять в нашем городе... Может быть, думал зачалиться как-нибудь за материнскую могилку... Да ведь что тут могила поможет... Если бы в ней отыскался смысл какой-нибудь, тогда, конечно, другое дело... А так... взял в суде свидетельство "на право хождения" по делам и вступил на отцовскую дорожку. Жизнь повел беспутную, время проводил в кабаках, с голытьбой, и брал дела самого рискованного свойства. Год такой жизни,-- и выработался в пьяного и дерзкого буяна, анфан-терибля всего нашего мирного городка, грозу мирных граждан. И откуда-то, чорт его знает, в этом застенчивом юноше объявилась вдруг наглость, а с нею и остроумие просто дьявольское: все в городе его боялись... Замечательно, что редкий городок на Руси обходится без своего Рогова. Своего рода должность, полагающаяся по штату. Тихо это всюду, мирная дремота, идиллическое спокойствие, г. Будников по улицам ходит, прямой, величавый, собственные шаги считает... По вечерам -- особенно в праздники, шорохи эти поэтические, а тут где-нибудь ухаёт кабак вроде нашего "на Ярах", и бурлит какая-нибудь безобразная, изболевшая и одичавшая душа... А около нее, конечно, сателлиты. Это уже, так сказать, в порядке вещей, необходимый аксессуар глухих провинциальных углов...

Первое время после своего появления Рогов иногда встречался со мною... Робко поклонится и отойдет к стороне, особенно когда пьян. Раз, встретившись, я заговорил с ним и пригласил его к себе. Пришел... трезвый, серьезный, даже застенчивый... по старой памяти, что ли... Только -- как-то у нас не склеилось. Встало между нами -- воспоминание: я -- молодой учитель со свежей верой в свое призвание, с живым чувством и словом. Он -- юноша, еще чистый, благоговейный перед моим нравственным авторитетом... Теперь он -- Ванька Рогов, тиходольский дебошир и ходатай по сомнительным делам... А я... Ну, одним словом -- точно стена какая-то стоит между нами и разъединяет: о главном, о том, что всего важнее,-- не говорим. Чувствую, что надо бы разрушить какую-то перегородку, сказать ему что-то такое, что проникло бы в эту душу и взяло бы ее, как когда-то... И он, вижу, сам ждет как будто со страхом: вдруг ты за это, за самое больное-то все-таки схватишь... В глазах и боль, и ожидание... А у меня силы для этого нет. Оборвалась... еще, кажется, тогда, давно, когда в первый раз со стыдом пришлось отступить...

Так мне и пришлось наблюдать, в качестве, так сказать, сочувствующего свидетеля, как опускался этот юноша на глазах, пошел, спивался, грязнел... Обнаглел, стыд стал терять, потом слышу: Рогов вымогает и попрошайничает по мелочам. Дела берет плохие: ходит по самой, так сказать, границе между просто предосудительным и уголовным. Да ходит ловко, как акробат, и над всеми смеется. Года в два-три уже совершенно определился. Фигура мрачная, грязноватая и чрезвычайно неприятная.

Ко мне иной раз стал уже заходить пьяный... И странно: в этом виде мне с ним стало как будто легче... Задача, что ли, упростилась, стала очевидна его вина, и мораль давалась легче. Помню, как-то после одной его выходки, до очевидности скверной, говорю я ему:

-- Так и так, Рогов, нехорошо.

Он сначала сжался было, глаза отвел, как бы боясь нравственного удара, а после тряхнул лохмами и посмотрел мне прямо в глаза, видимо, призывая на помощь свою наглость.

-- Почему бы, говорит, Павел Семенович, нехорошо?

-- Нечестно, говорю.

-- Ну, знаете ли, говорит, это ведь только замена одного спорного термина другим, не менее спорным. То было нехорошо, а теперь стало нечестно. А у меня, говорит, на этот счет своя теория выработалась. Честность и другое тому подобное есть не что иное, как десерт. Десерт же, как известно, подается после обеда. А если нет обеда,-- какая же, говорит, надобность в десерте?..

-- Но припомните, говорю, Рогов, отчего у вас нет обеда... Учились вы хорошо, были уже на дороге и вдруг уклонились с пути...

Самому мне в эту минуту показалось это соображение не только убедительным, но даже неопровержимым. А он посмотрел на меня, засмеялся и говорит:

-- Вы, говорит, в последнее время, кажется, на биллиарде стали иногда вечерами поигрывать?

-- Ну, что ж, говорю, играю... для отдыха.

-- Клапштос, говорит, знаете?

-- И клапштос знаю.-- А клапштос, как вам известно, удар такой особенный, парадоксальный. От этого удара шар сначала идет вперед, а потом вдруг как бы произвольно откатывается назад... На первый взгляд непонятно и как бы противно законам движения, но в сущности просто.

-- Ну, так вот, по-вашему, говорит, это что же: шар свою волю обнаруживает? Нет?.. Просто борются два различных движения... Одно действует сначала, другое берет верх после... Ну, так видите ли, говорит,-- мамаша моя шла всю жизнь прямым путем, а папаша, как вам хорошо известно, вертелся волчком. Вот и я сначала шел прямо, пока хватало мамашиных импульсов... А потом, знаете, и сам хорошенько оглянуться не успел, как уж меня завертело по-отцовскому... Вот вам и вся моя биография...

И так это он сказал искренно как-то и безнадежно. Опустил голову, закрыл лицо кудрями, потом посмотрел на меня, и опять мне стало жутко. Боль в глазах. Видали вы когда-нибудь у животных, когда им очень больно?.. Собака,-- на что ласковая тварь,-- а и та в это время хозяина укусить готова.

-- Что же, говорит... Кто тут, по-вашему, виноват?

-- Не знаю, говорю, Рогов. Я вам, конечно, не судья... Да и не в виновности дело.

-- Не в виновности, так в чем же? По-моему, тот виноват, кто меня клапштосом в жизнь пустил... Значит, судить некому. Вот я и двигаюсь клапштосом по жизненному полю... Исполняю волю пославшего... Так-то вот, говорит, голубчик Павел Семенович... Не найдется ли у вас около двугривенного этак серебром?.. Тоска палит, залить надо...

В первый раз он у меня тогда двугривенный попросил, и я сразу почувствовал, что бывшая между нами преграда разрушена. Что он и меня теперь может оскорбить, как и всех...

И мне захотелось защититься.

-- Нет, говорю, Рогов. Двугривенного я вам не дам... Так,-- хотите приходить,-- приходите. Я рад... А этого не нужно.

Опустил он свою лохматую голову, посидел и говорит глухо:

-- Да, Павел Семенович. Простите меня. Я и без двугривенного стану приходить. Все-таки посидишь с вами, как будто легче и точно минус какой из обычного угара...

Посидел опять. Помолчали мы оба тяжело и напряженно. Потом он опять говорит:

-- Было время... надеялся я много от вас получить... Вы сами не знаете, что вы для меня значили. Вот и теперь иной раз тянет к вам. Ждешь чего-то. Да нет... бесполезно... Клапштос,-- и кончено.

-- Извините, говорю, Рогов. Но вы положительно злоупотребляете этим биллиардным сравнением. Ведь вы не костяной шар, а живой человек.

-- И поэтому, говорит, чувствую... Шар-то,-- куда его ни загони,-- в лузу ли, в лужу ли, ему, костяному дураку, все равно... А человеку, почтеннейший Павел Семенович, в луже тяжело... Вы думаете, кто-нибудь сознательно и по доброй воле откажется от десерта?..-- Не отказался бы и я... Человек я, как говорится, с рефлексом. Вижу и обсуждаю свою траекторию до конца... Скоро ведь стану свинья свиньей и уже беспросветно. Вот порой и думается: а ведь, может быть... как-нибудь... где-нибудь... какая-нибудь... точка опоры, что ли... ведь вот порой задевает еще что-то... настоящее... И есть оно где-то, наверное... настоящее-то?.. Есть ведь, Павел Семенович?

-- Есть, говорю, конечно, есть.

-- Ну, вот, говорит, как вы это искренно сказали. Да, должно быть, действительно есть... Так где же оно? Ну, извините, я вам не хочу ловушки ставить... Не знаете вы этого и сами. Искали когда-то, да бросили... Вот поэтому-то я только двугривенный у вас и прошу. Да еще иногда, спасибо, посижу, будто у огонька... Человек вы все-таки с душой... Иной, может быть, сумел бы и больше взять у вас...

-- Так что же, послушайте, говорю я ему. Придумайте: не могу ли быть вам, действительно, полезен.-- И чувствую: подается в нем что-то... растроганность какая-то почувствовалась, наглости нет... Задумался, опустил голову.

-- Нет, говорит, не выйдет. И не вы, голубчик, виноваты. А потому, что... я да все мы такие... очень требовательны. Сами, как свиньи, в грязи валяемся, а с других требуем, чтобы те, кто руку протянуть хочет, сами были чище снега... Много, голубчик, силы надо. Не хватит ее у вас... Буря нужна, понимаете ли... Чтобы дохнуло огнем... Ну, тогда и чудеса бывают... А вы... Вы на меня не сердитесь?..

-- Что ж, говорю, на что сердиться?

Замолчали мы оба тогда. Я не нашел, что сказать ему, а он опять стал ходить, но понемногу опять стал возвращаться к прежнему тону. Придет, сядет, и перегаром от него несет. В следующую субботу пришел таким же образом и сел рядом на крыльце... Как раз опять к вечерне ударили. И через короткое время выходит из ворот г. Будников. Щеголеватый, прямой, как всегда, и во всей фигуре довольство... Так от него и разит сознанием исполняемого долга.

Помню, что и на меня тогда его появление подействовало неприятно, а у Рогова даже лицо вдруг изменилось... Схватился с места, стал в театральную позу, шляпу с головы снял и говорит:

-- Господину Будникову, Семену Николаевичу, к вечерне шествующу -- от Ваньки Рогова нижайшее почтение.

И потом отвел шляпу широким этаким жестом и запел из известного романса:

Сам не в си-лах я боль-ше моли-и-иться...

Пам-мались, милый друг, за м-миня...

Передернуло меня это гаерство... Чувствую, что и мне Будников неприятен, но все-таки... Оскорбляет человека в таком чувстве, которое во всяком случае и со всякой точки зрения заслуживает полного уважения. А тут вскоре из калитки вышла и Елена и тоже в церковь идет. Он и к ней:

Офелия! О, нимфа! Помяни

Меня в твоих святых молитвах.

Это меня уже окончательно рассердило. Елена сжалась вся под наглым взглядом и наглými, хоть и не понятными ей словами, опустила голову и скоро-скоро пошла к церкви.

-- Послушайте, говорю, Рогов. Как вам не стыдно! И притом должен вам сказать... если хотите ко мне ходить, то попрошу вас покорно вести себя приличнее...

Повернулся он ко мне... и вижу, в глазах особенное выражение -- злой боли: укусить собирается...

Захотелось мне несколько смягчить эту свою резкость. И говорю:

-- Ведь вот вы, Рогов, не знаете ни этих людей, ни их отношений, а позволяете себе оскорблять...

Он посмотрел на меня насмешливо и говорит:

-- Это вы не насчет ли идиллии? Добродетельный г-н Будников устроил счастье двух сердец. А вот, кстати, и Гаврюшенька.

И действительно, Гаврило как раз вышел из ворот. Рогов как-то противно подмигнул ему.

-- Поздравляю, говорит, Гаврюшенька... с барскими !!!!!ото-почками... Умница! Узнал, видно, где раки зимуют?.. В случае надобности, говорит,-- можешь рассчитывать на мои юридические познания...

Да, удивительное дело, как эти циники узнают иные вещи. Повидимому, Рогов тогда уже знал все и, вероятно, заподозрил Гаврилу в корыстных видах...

Подошел к нему и хлопнул по плечу... Тот озлился вдруг и сильно оттолкнул Рогова. Рогов чуть не упал, засмеялся и с преувеличенной развязностью пошел по панели. Поровнявшись со мной, он остановился и говорит:

-- Вот что, почтеннейший Павел Семенович... Давно хотел у вас спросить: не читали ли вы... есть у Ксенофонта... разговор Алкивиада с Периклом... Если не читали,-- положительно рекомендую. Хоть и на мертвом языке, а поучительно.

И пошел, напевая скверную песенку. А я через некоторое время разыскал этот диалог. Что, думаю, он хотел сказать...

Тяжелая, знаете ли, штука, но сильная. Дело, собственно, приблизительно вот в чем. Приходит как-то к Периклу юный Алкивиад... Перикл, представьте себе, к этому времени, уже почтенный человек, окруженный общим почетом, ну, там... прошлые заслуги и некоторый ореол добродетели... И, вероятно, уже брюшко и прочее. Ну, а Алкивиад -- повеса, безобразник, кутила, с девочками афинскими скандалы всякие устраивает, собакам, как известно, хвосты рубил... И насчет добродетели человек мало сведущий. Ну, так вот приходит к Периклу этот порочный молодой человек и говорит:-- Послушай, Перикл. Вот ты человек полный, можно сказать, добродетели до самых макушек. А я вот путаюсь без дороги и от безделья даже вот столбы выворачиваю. Сограждане недовольны. Научи ты меня добродетели и разреши сомнения. Я буду спрашивать, а ты мне, говорит, разъясняй все по порядку.-- Ну, Перикл, разумеется, согласен, даже, пожалуй, рад: отчего не разъяснить молодому человеку? Может быть, и остепенится.-- Хорошо, говорит, спрашивай.-- Тот и спрашивает: что такое добродетель? И как ей научиться? Перикл, конечно, только усмехнулся: чти, говорит, богов, исполняй законы и вся недолга. Законы соблюдать есть первейшая обязанность гражданина и человека.-- Ну, вот, отлично, отвечает ему юноша. Теперь скажи, пожалуйста, какие законы я должен исполнять: дурные или хорошие? -- Тот немного даже обиделся. Да ведь закон,-- значит, дескать, хорош. Что же тут толковать? -- Нет, говорит Алкивиад, постой, не сердись... А уж у них, знаете ли, в это время в Афинах все эти, так сказать, основначала замутились несколько... партии, борьба, одни других грабят, остракизмы эти, своего рода ссылка административным порядком... узурпаторы пошли; временщики там... чуть замешательство,-- уж он выскочил и свой закон написал, для собственного употребления или там для кумовей и приятелей. Боги старые сконфузились, оракулы бормочут нивесть что, совсем не к делу. Одним словом, ясное-то в жизни стало уже неясно: равновесия нет, всеми признанная правда затерялась... Обновление нужно. Тучи кругом заволкли небо, и путеводные звезды, бог их знает, где они?.. Так вот Алкивиад и спрашивает: какие же, говорит, законы надо исполнять: которые предписывают хорошее или дурное? -- Конечно, говорит, хорошее.-- Ну, а почему же мне, говорит, узнать, какие хорошие? По какому, так сказать, признаку?-- А ты, говорит, исполняй всякие; закон, говорит, на то и пишется...-- Значит, и те, какие введены насилем тиранов? -- Ну, этих, пожалуй, и не надо... Только,

говорит, законные, так сказать, законы,-- Ну, хорошо. Если, например, меньшинство насилует большинство в свою явную пользу, таких законов не надо? -- Пожалуй, не надо.-- А если большинство явно насилует меньшинство, противно всякой правде?.. Видите, куда этот юноша гнет: внешних признаков ему не надо, а покажи так, чтобы душой почувствовать общественную правду, высшую, так сказать, правду жизни, святыню... Ну, а Перикл-то, понимаете, уж и не того... И не то что Перикл,-- весь строй жизни стоит на рабстве, на признанной неправде... религия выдохлась, недавняя святыня, освящавшая каждый шаг, каждое движение, весь строй, все людские отношения -- уж ее люди не чувствуют... Ну, Перикл туда-сюда... самому-то перед собой не хочется признать, что уже ихние законные законы выдохлись... Он этак снисходительно потрепал беспутного юношу по плечу и говорит:-- Да, да! -- говорит, ты, конечно... мальчик с головой... Мы, говорит, и сами в прежнее время такие же трудные вопросы разрешали... Ну, Алкивиад видит, что уж Перикл -- так сказать, признанный авторитет -- одними пустяками отделяется, живого-то в нем эти противоречия не задевают,-- и махнул рукой.-- Жалко, говорит, почтенный человек, что я с тобой не был знаком в то время... А теперь пойду от скуки опять столбы выворачивать...

Вот этот анекдот Рогов и поднес мне, своему бывшему учителю...

.....

VII

Рассказчик остановился. Поезд замедлял ход, подходя к какой-то станции. Петр Петрович протянул руку и, сняв с крючка синюю фуражку с кокардой, сказал:

-- Пойти опять в буфет... Признаться, почтеннейший Павел Семенович, не понимаю я, к чему все это клонит... Это, извините, даже и не философия, а бог знает к чему. Начали про Будникова. Ну, это пожалуй: человек все-таки знакомый... Потом этот, чорт его знает, Рогов, прохвост какой-то отпетый, а тут уже, не угодно ли, и Ксенофонт, и Алкивиад... хвосты собакам рубит... Чорт знает что: какое мне, позвольте спросить, до всего этого дело?.. Нет, как хотите... Лучше пойду вторично водку пить...

Он надел фуражку и, придерживаясь за стенки от толчков останавливающегося поезда, вышел из вагона. Но в это время на другой верхней скамейке зашевелился четвертый пассажир. Он лежал в тени, по временам курил и проявлял признаки внимания к рассказу. Теперь он сошел с своей скамьи и, сев рядом с нами, сказал:

-- Извините, не имею чести быть знакомым, но... я слышал поневоле ваш рассказ, и мне было бы интересно... Так что, если вы ничего не имеете против...

Павел Семенович посмотрел в лицо нового собеседника. Это был культурный человек, одетый аккуратно, с умными глазами, твердо глядевшими из-под золотых очков, которые он прилаживал обеими руками...

-- Да? -- сказал Павел Семенович...-- Вы, значит, тоже слышали...

-- Да, слышал. И меня интересует... ваша точка зрения, которая, признаюсь, мне не вполне ясна...

-- Да?.. Действительно, может быть, я не вполне ясно это... Я хотел сказать... что в сущности все так связано... И эта взаимная связь...

-- Налагает общую ответственность?

В лице Павла Семеновича блеснуло радостное оживление.

-- Вот! Вы, значит, поняли? Именно -- общую... Не перед Иваном или Петром... Все, так сказать, переплетается... Один по неаккуратности бросит апельсинную корку... другой споткнулся и, глядишь,-- сломал ногу.

Новый собеседник слушал с спокойным вниманием. Но в это время в вагон вошел опять Петр Петрович, который ошибся станцией, и, окинув обоих несколько ироническим взглядом, сказал, вешая на крючок фуражку:

-- Ну, вот, теперь,-- не угодно ли -- корка!

-- Нет, Петр Петрович,-- сказал Павел Семенович серьезно.-- Вы это напрасно так... Тут, конечно, вопрос, так сказать...

-- У вас, я знаю, все вопросы, в самых простых вещах...-- сказал Петр Петрович.-- Не стесняйтесь, пожалуйста. У вас есть достаточно слушателей.

-- Да, пожалуйста,-- подтвердил господин в золотых очках.

-- Извольте... Я охотно, тем более, что все это мне, все равно, не дает покоя... Я остановился на...?

-- Вы остановились,-- насмешливо помог ему Петр Петрович,-- на Алкивиаде... История, так сказать, древняя. Теперь последуют средние века...

Павел Семенович не обратил внимания на соль этой остроты и обратился к новому собеседнику:

-- Да, так видите ли. Дело находится в таком положении: Гаврило женился, живет себе... В столе у г-на Будникова лежит билет с двумя чертами... ходят об этом нехорошие слухи и, как всегда, в преувеличенном виде. И не знает об них один только Гаврило,-- работает себе попрежнему, лезет, так сказать, из кожи, старается... Мускульная эта симфония в полном ходу, глаза так и лучатся общим довольством и благорасположением...

И вдруг, однажды, натывается на него в этакую минуту Рогов. Шел по панели мимо двора, остановился, подумал о чем-то и подозвал Гаврилу.

Ну, тот русский человек, добродушный... Не так давно толкался, а тут забыл. "Чего, говорит, тебе?" -- Поди сюда, дело до тебя. Спасибо скажешь.

Признаться, что-то толкнуло меня. Хотел позвать к себе этого Рогова и, чувствуя, что затевает он скверность, -- остановить его. Но это было уже после Алкивиада... вообще, не надеялся я уже на себя. Так и остался у окна. Гляжу,-- оставил Гаврило лопату, подошел и стал слушать. Сначала в лице его видно было только недоумение, отчасти даже пренебрежение. Но потом все с тем же видом колебания он отвязал фартук, пошел к себе во флигелек, надел картуз и вышел к Рогову... И потом они вместе пошли по улице и свернули к береговому откосу... А через минуту вышла к воротам Елена, стала у калитки и долго смотрела вслед двум удалявшимся фигурам... И в глазах у нее были печаль и испуг...

И действительно, с этого самого дня характер у Гаврилы круто как-то изменился. Вернулся он несколько, как будто, пьяный... Может быть, от водки, а может быть, и от огромности непосильного бремени, которое вдруг навалил на него Рогов... Во-первых, и сумма совершенно подавляющая: гора денег, превышающая самую его способность счета. И потом -- источник этого богатства, возвращающий невольно мысли к прошлому Елены. Наконец, недоумение, почему Елена ему ничего об этом не сказала, и отсюда, может быть, нехорошие подозрения... В общем, разумеется, полный душевный сумбур... Две черточки, которые г-н Будников провел на билетах,-- по душе Гаврилы прошли, очевидно, всего глубже и больнее... Ну, соскочил простодушный человек со своего центра. Вся эта симфония непосредственности и труда внезапно оборвалась... Заметался мой Гаврило беспорядочно, как отравленный...

И начало его ломать... Сначала все ходил угрюмый, с каким-то потемневшим лицом. Работа у него стала валиться из рук: то топор швырнет, то лопату сломает... Совершенно как хорошо пущенная машина, в которую вдруг сунули бревно... Когда же Будников удивленно и кротко стал делать ему вполне резонные замечания, что ведь вот лопата стоит денег и что он вынужден будет вычесть у Гаврилы из жалованья,-- то этот кроткий прежде человек отвечал невнятными и нерезонными грубостями... А у Елены глаза все заплаканные...

Потом Гаврило уже формально запил, стал пропадать, и преимущественным местопребыванием его стал довольно грязный вертеп "Яры" на берегу, на песках, недалеко от пристани... Домишко этакой небольшой, деревянный, с мезонином, темный, покосившийся в одну сторону и подпертый бревнами. С берегового откоса можно было видеть его: все, бывало, по вечерам два оконца и дверь открытая светятся, какой-то бубен ухал, и пиликало что-то для увеселения публики... А по временам неслись смешанные

крики -- не то песни, не то драка и караул. Вообще -- вечное беспокойство и как будто угроза. Антитеза дремлющей обывательской жизни... Бурлаки с нашей скромной и по большей части бездействующей пристани, рабочие с кирпичных заводов, как кроты копавшиеся в мокрой глине, профессиональные нищие... одним словом, народ бездомный, несчастный, беспутный и злой. Даже и пролетариат-то попорядочнее избегал этого кабака. И вот, в него-то именно и втянул Рогов Гаврилу. А за Гаврилой узнала дорогу в "Яры" и Елена, собственно для того, чтобы мужа оттуда вытаскивать...

Делала она это как-то удивительно покорно, безропотной, право, даже красиво. Раз иду с уроков, вхожу в калитку, глядь, Елена вбежит навстречу, наскоро платок на голове повязывает.

-- Куда вы, говорю, Елена?

Застыдилась немного.

-- Не видали вы,-- спрашивает,-- Гаврило Степаныч в ту сторону прошли?..

-- Кажется, говорю, пошел... Да вам-то бы, Елена, туда, пожалуй, и не дорога.

Хотел даже удержать ее... Но она сердито метнулась мимо и, кажется, с некоторою гордостью кинула на ходу, что, дескать, Гаврило Степаныч -- ей муж, а она ему жена законная... А через полчаса гляжу,-- ведет Гаврилу Степаныча под руку. Тот упирается, но идет и только смотрит перед собой тусклым, оловянным и непонимающим взглядом. И все-таки идет. У самой калитки уперся вдруг ногами, оттолкнул ее руку и уставился в нее... Лицо темное, и в оловянных глазах злая решимость...

-- Ты, говорит, кто?.. Говори: кто ты?.. А?

Она стоит, опустивши руки, убитая какая-то. Вспомнилось мне то весеннее утро и их взаимные клятвы: "А вы, Гаврило Степаныч, бога не забудете?.." И стало мне страшно: забудет, думаю, и именно вот сейчас... сию минуту и забудет... Но вдруг луч некоторого сознания мелькнул в бессмысленном лице, и он как будто проглотил что-то. Не сказал ни слова и молча пошел к себе... И она пошла за ним, испуганная, почтительная и покорная...

И все так пошло: мигнет Рогов Гавриле, он исчезнет со двора и забурлит. Власть какую-то приобрел этот человек над Гаврилой, а Елена ее оспаривала... покорно, почтительно, робко, но настойчиво. Вероятно, считала всю эту историю наказанием, посланным ей для искупления "греха". Осунулась, приятная полнота исчезла, глаза впали... Но зато, глядя на них, я бы теперь никак не решился назвать их глупыми. Страдание всегда удивительно умно, даже у птицы... В вертепы является, мужа пьяного выводит, смеются над ней на улице, грубо задевают...-- у нее за себя стыда ни капли... Только иной раз скажет шепотком: "Не хорошо, Гаврило Степаныч, люди на вас смотрят"...

Однажды, при таком же вот случае, когда она привела его из "Яров", он вырвался из ее рук, кинулся к дверям Будникова и стал бешено колотить в них ногой. Елена как-то вся помертвела и, будто не в силах подойти к нему, глядела только, как человек в кошмаре, когда к нему приближается что-то давно ожидаемое и страшное, против чего нельзя уже бороться... Но тут вдруг дверь открылась, и на пороге появился г-н Будников... Спокойный, даже величавый, с чувством полного превосходства. Я даже, правду сказать, несколько удивился... Как бы ни было, все-таки положение щекотливое. Подробности я еще тогда не знал, но все-таки чувствовалась некоторая нечистота и неаккуратность... И вдруг ясность взгляда, спокойствие, достоинство. И не то чтобы притворство. Нет,-- заметно это было бы... Просто -- полная невозмутимость.

-- Что, говорит, тебе, Гаврило, нужно? Зачем стучишь ногой? Не знаешь, как надо позвонить... Вот, видишь: звонок...

И показывает ручку звонка. Гаврило посмотрел на ручку и растерялся... Действительно, дескать, ручка и, значит, ногой совершенно-таки незачем... А г-н Будников с верхней ступеньки продолжает:

-- И вообще, говорит, что ты о себе думаешь и что тебе, потерянному человеку, от меня нужно? Что, обидел я тебя, поступал с тобой неправильно, жалованье хоть на день один задержал? Ну, вот ты стучал ногой... Хорошо. Вот я к тебе вышел... Что же тебе надо?

Гаврило -- ни слова...

-- Ну, так вот, говорит, я тебе скажу с своей стороны: лопата опять сломана, панель не подметена, лошадь не напоена, до сих пор... Лошадь бессловесная, ничего сказать не может... но, при всем том, она живая и чувствует... слышишь, ржет вот...

Этот аргумент подавил Гаврилу до такой степени, что он, побежденный совершенно и окончательно, повернулся и... отправился прямо в конюшню: и через минуту, даже как будто не пьяный, повел в поводу лошадь к водопою... А г-н Будников спокойно запер ключом свою дверь и пошел со двора. Проходя мимо моего палисадника и догадываясь, что я все видел, он остановился и, грустно покачав головой, сказал:

-- Да вот, толкуют: народ, народ... не угодно ли полюбоваться...

VIII

Скандалы эти стали уже обращать внимание. Заговорили в городе. Судили, конечно, разное. Одни стояли за Будникова. Стоит ли верить слухам? Да и ничего ведь, в сущности, неизвестно. Какие-то, с одной стороны, глухие толки, а с другой -- явные скандалы и безобразное нарушение общественной тишины... Но было и другое мнение. Люди низшего звания сочувствовали Гавриле. Должно быть, представлялось им, что г-н Будников, умный и сильный, похитил у Гаврилы какое-то право вроде талисмана, что ли, и теперь колдует каким-то образом, чтобы этот талисман потерял свою силу... И вот десятки глаз поворачиваются к окнам г-на Будникова и смотрят на него, когда он проходит, прямой и спокойный, как будто не замечая, что за ним тянется это облако недоумения, подозрения, осуждения, вопроса... вообще, греха. И в каждом взгляде отражается нехорошая мысль, и в каждом сердце шевельнется нехорошее чувство... Это ведь своего рода темная туча... Сотни одинаковых душевных движений, спутанных, неясных, но злых... И все направляются к одному центру...

А Будников, надо заметить, был до известной степени популярный и прежде пользовался общей благосклонностью... Даже Рогов, когда случалось ему проходить мимо нашего двора, завидя г-на Будникова с лопатой или граблями, прежде остановится, бывало, и скажет:

-- Господин Будников, Семен Николаевич, труждается... Трудивыйся да яст.

Или:

-- Господин Будников помогает ближнему дворнику трудами рук своих. Похвально!

И пройдет дальше, как мимо явления безразличного или даже приятно развлекающего...

А тут все это окрасилось иначе... У меня даже физическое ощущение какое-то являлось... вроде кошмара. Как будто эти две черты... или что-то в личности г-на Будникова пропитали собою всю атмосферу... Даже, представьте, почти до галлюцинации... Идешь в гимназию или из гимназии... Высчитываешь в уме отметки... И покажется вдруг, что это господин Будников идет за тебя этим размеренным шагом, довольный от сознания исполненного долга... Или задаешь урок, или читаешь необходимую нотацию и слышишь, ну вот просто-таки слышишь эти будниковские нотки в своем голосе... когда он нищим внушает трудовые правила, или читает Гавриле мораль по поводу сломанной лопаты, или мне самому советует "отбросить гордыню и смириться"...

Да, есть в этом обыденном, в этой смиренной и спокойной на вид жизни благодатных уголков свой ужас... специфический, так сказать, не сразу заметный, серый... Где тут, собственно, злодеи, где жертвы, где правая сторона, где неправая?.. И так хочется, чтобы проник в этот туман хоть луч правды живой, безотносительной, не на чертах карандашом основанной, действительно разрешающей всю эту путаницу... настоящей, о которой догадывается даже Рогов... Вы меня понимаете?

-- Кажется, понимаю,-- серьезно сказал господин в очках.

-- Г-н Будников тоже, кажется, начал ощущать, что около него неладно что-то. И заметался, но, как это часто бывает, метнулся не туда, где настоящий выход... Пришел раз

ко мне в обычный срок, двадцатого. Ну, разумеется, я, как всегда, угощаю чаем... Выпил, как обыкновенно, только вид не совсем обыкновенный. Не то грустный, не то торжественней. Кончил деловой визит, деньги тщательно уложил в книжечку, отметил... и все не уходит... Начал говорить обиняками... вообще о ненормальности жизни, в частности о своем одиночестве, о какой-то ошибке, происшедшей от предрассудка и гордости... Потом свел на Елену и Гаврилу. Гаврила оказался полным негодяем, а Елена ошиблась и теперь глубоко несчастна... И он чувствует себя виновным, что выдал ее, но исправить это нелегко... И деньгами исправить всего труднее. Что значат деньги в руках пьяницы?.. И так далее, все обиняками, из которых, однако, под конец мне стало ясно, что г-н Будников желает повернуть всю эту запутанность к исходному, так сказать, пункту, то есть развести Елену с Гаврилой и жениться на ней самому... Тогда, значит, две черты сами собой уничтожаются и исчезают... Повидимому, он уже успел посоветоваться об этом кое с кем и в том числе с о. Николаем... Теперь решил посоветоваться еще со мною...

-- А что же,-- говорю,-- Елену вы об этом спросили?

-- Нет, говорит, не спрашивал еще... Я к ней... может быть, вы изволили заметить, даже не подхожу, чтобы не было никаких поводов... Но я знаю, что ей нужно... И не имею оснований сомневаться...

Попробовал я представить с своей стороны некоторые соображения, но г-н Будников не стал слушать... Быстро попрощался и ушел... Как будто опасаясь за цельность этой своей системы действий...

А через некоторое время начали, в отсутствие Гаврилы, шастать к Елене какие-то старушки с погоста, а к Будникову какие-то консistorские субъекты. Раза два, под вечер, гляжу: идет от Будникова и Рогов... Вот оно, думаю, что; молодой-то мой человек дошел уже до своего предела, и теперь понятно, зачем он спаивает Гаврилу, подготавливает нужную для г-на Будникова бракоразводную обстановочку...

И показалось мне все это, в целом, до такой степени безобразным и безвыходным, что я задумал переменить квартиру, чтобы просто-напросто уйти от этого всего... Бессонница замучила... Опять по саду шатаюсь. И однажды застаю в нем Елену. Лежит на той самой скамейке, где я сидел в то утро, весной... А теперь осень... Умирает это все, обнажается... Осень ведь большой циник... Ветер треплет опавшие листья, смеется... Лежат они на грязной, мокрой земле. А на мокрой скамейке лежит женщина лицом книзу и плачет... так и бьет всю ее плачем... Впоследствии я узнал: комбинация г-на Будникова, разумеется, была совершенно неосуществима. Услышав об этом предположении, она только всплеснула руками: "Пусть, говорит, подо мной земля провалится, пусть высохну, как щепка..." Ну, и так далее... "Лучше заройте меня живую в землю вместе с Гаврилом Степановичем"... А Гаврило Степаныч и дома уж не ночует. И угасает недавнее чистое счастье, а она и понять не может, в чем дело, и не умеет себя отстоять. Билет... две черты... кумушки с паперти, Будников, Рогов. А она глупа и покорна, и боится, что над ней сделают что-то без ее воли...

Подошел было я к ней... хотел как-нибудь утешить. Но когда дотронулся до нее и под рукой затрепетало это бабье тело... таким оно мне показалось тогда глупым, что я даже содрогнулся, точно от бессильной жалости...

И ушел... Забыл все, и захотелось мне все бросить и отгородиться от всего. Идет мимо господин Будников... Пусть идет... Рогов делает гадости... Пусть делает! Глупая Елена пьяного мужа ведет... Пусть ведет... какое мне дело? И кому попадет билет с двумя чертами, и кому эти глупые черты дадут умное право... не все ли равно?.. Все разрознено, все случайно, все бессвязно, бессмысленно и гнусно...

IX

Павел Семенович остановился и стал глядеть в окно, как будто забыл о рассказе...

-- Ну, что же, чем же все-таки кончилось? -- осторожно спросил новый слушатель.

-- Кончилось?..-- очнулся рассказчик.-- Конечно, все на свете чем-нибудь кончается. И это кончилось глупо и просто. Однажды ночью... звонок ко мне. Резкий, тревожный, нервный... Вскочил я в испуге, туфли надел... выхожу на крыльцо... никого. Только показалось мне, что Рогов за углом мелькнул. Ну, думаю: шел мимо пьяный и злой и захотел лишний раз досадить мне... Напомнить, что вот я сплю, а он, Ванечка Рогов, любимый ученик, на улице дебоширит и хочет об этом довести до моего сведения. Запер я дверь, лег опять, засыпать начал. Вдруг -- опять звонок. Я не встаю. Пускай, думаю... Только опять звонок, и в другой раз, в третий... Нет, думаю, тут, видно, что-то другое. Накинул опять пальто... Отворяю дверь. Стоит ночной сторож. Борода в инее. "Пожалуйста", говорит.

-- Куда, говорю, что ты, братец?

-- К Семену Николаевичу, говорит, к господину Будникову... У них... неприятность...

Я как-то так, не понимая ничего, машинально оделся, иду. Ночь светлая, холодно, поздно... У господина Будникова в окнах огни, на улице где-то свистки... ночное движение... Подымаюсь по лесенке, вхожу. И первое, что мне кинулось в глаза,-- было лицо Семена Николаевича, господина Будникова... Только не прежнего, а совсем нового. Лежит на подушке и смотрит куда-то, в какое-то пространство неведомое... Странно так... Остановился я на пороге и подумал: "Как же это? Такой был знакомый человек и вдруг... совсем другой..." Совсем не тот, который приходил раз в месяц и выпивал два стакана чаю. И не тот, который хлопотал о разводе Елены, а некто, занятый другими мыслями. Лежит неподвижно, важный, и на нас ни на кого не глядит и видит, как будто, совсем другое... И никого не боится, и всех судит: и себя, то есть прежнего Семена Николаевича, и Гаврилу, и Елену, и Рогова, и... ну, и меня тоже... И так это, понимаете, стало мне ясно...

А затем я увидел Гаврилу. Стоит у окна, в углу, жалкий, но спокойный. И так как я многое в ту минуту понимал как-то сразу, то я подошел к нему и говорю:

-- Ты это сделал? ...

-- Так точно, говорит, Павел Семеныч. Я-с.

-- Как же ты решился?

-- Не знаю, Павел Семеныч...

Потом я уже заметил доктора, который сказал мне, что всякая помощь бесполезна... Потом приходили, приезжали, входили, сидели и писали протоколы... И так мне показалось тогда странно, что молодой следователь, такой аккуратный человек и такой уверенный, распорядился не отпускать Гаврилу и Елену и производит какие-то розыски... И помню, как он усмехнулся, когда я спросил: зачем это?.. Вопрос, конечно, странный, но тогда мне казалось, что все это не нужно... И когда стали уводить Гаврилу и Елену, я как-то невольно поднялся с своего места и спрашиваю: "И меня тоже?" После явились слухи, будто у меня не все в порядке. Но это неверно. Никогда так ясно не было в голове... Следователь удивился. "Если смею, говорит, посоветовать, то -- вам надо воды выпить и успокоиться". -- "А Елена, спрашиваю, зачем?" -- "Будем, говорит, надеяться, что все разъяснится в благоприятном для нее смысле, но теперь... при первоначальном дознании... печальная обязанность"... А мне все кажется, что делает он не то...

Увели их, а я пошел к себе и сел на крыльце. Было холодно... Ночь была ясная, осенняя, спокойная, с белым и чистым инеем. В небе звезды мерцают и шепчут. И так много во всем какого-то особенного смысла... Вот прямо слышишь таинственный шопот, только разобрать не можешь... Не то какая-то далекая тревога, не то спокойное и близкое участие.

Я как-то вовсе не удивился, когда, ко мне тихонько подошел Рогов и робко сел на крыльце рядом. И долго сидел молча... И я даже не помню, говорил ли он что-нибудь, но я знал все... Он не думал об убийстве. Он хотел по-своему "выиграть у г-на Будникова дело Елены", Для этого нужно было овладеть билетом, на котором, как он полагал, была передаточная надпись... И ему нравилась эта остроумная комбинация: овладеть незаконными путями доказательством законного права. Видел в этом нечто даже

юмористическое... Незаконное овладение законными доказательствами в виде предполагаемой передаточной надписи... Для этого он и втерся к Будникову в доверенность по бракоразводному делу... Разведаль все в квартире и послал одного из своих послушных клиентов из "Яров" с приказом захватить намеченную шкатулку. А Гаврило должен был открыть дверь г-на Будникова вторым ключом, которого, по странной оплошности, Будников у него не отнял. Но Гаврило, вместо того, чтобы остаться у дверей, пошел сразу наверх. И мне казалось, что я сам видел, как он шел тяжелой походкой, с омраченной головой, с темною враждой в душе... И как он встал на пороге, и как г-н Будников проснулся и, должно быть, даже не испугался, а все вдруг понял...

А у меня в голове все стоял тот момент из прошлого, когда в мою квартиру такой же светлой ночью прибежали два гимназиста, а я стоял перед ними, охваченный стыдом и бессилием... И как у одного впервые вспыхнул в глазах огонь... злой и насмешливый...

И показалось мне, что я сейчас разгадаю что-то такое, что должно объединить все это: и эти высокие мерцающие звезды, и этот живой шорох ветра в ветвях, и мои воспоминания, и то, что случилось... В юности это ощущение бывало у меня часто... Когда свежий ум искал разгадки всех вопросов и большой правды. И когда казалось иной раз, что вот-вот уже стоишь у порога и что все становится ясно... А потом все исчезает.

Сидели мы долго. Потом Рогов встал.

-- Что же вы теперь?-- спросил я.

-- Не знаю,-- ответил он,-- что тут нужно... Но пока, кажется мне, надо идти туда, где теперь Гаврило и Елена...

А сам стоит... Так как многое понимал я тогда яснее, чем обыкновенно, то и тут понял, что он ждет, чтобы я протянул ему руку. Я протянул, и он вдруг припал к ней, страстно и долго...

А потом оторвался и пошел... прямо по улице. А я смотрел ему вслед, пока была видна тонкая фигура моего бывшего ученика.

.....

Некоторое время в купе стояло молчание, нарушаемое только клочкотанием поезда, сквозь которое доносился протяжный свисток. Хлопнула дверь, по коридору прошел кондуктор, объявляя на ходу:

-- Станция Н-ск. Десять минут.

Павел Семенович торопливо встал, взял в руки небольшой чемоданчик и, кивнув с какою-то грустною лаской своим собеседникам,-- вышел из вагона на площадку. Я тоже стал собирать свой багаж, так же как и господин в золотых очках. Петр Петрович оставался один в купе. Посмотрев вслед Павлу Семеновичу, когда за ним закрылась дверь, он улыбнулся господину в золотых очках, покачал головой и, помотав пальцем около своего лба, сказал:

-- Всегда был чудак... А теперь, кажется, не все дома. Слышал я, что службу он бросил. Бегаёт по частным урокам...

Господин в золотых очках пристально посмотрел на него, но ничего не сказал.

Мы вышли.

Дело с точки зрения репортажа оказалось мало интересным. Присяжные оправдали Гаврилу (Елену не судили), а Рогова признали виновным в подстрекательстве, но заслуживающим снисхождения. Председателю много раз пришлось останавливать свидетеля Павла Семеновича Падорина, бывшего учителя, то и дело уклонявшегося от фактических показаний в сторону отвлеченных и не идущих к делу рассуждений...⁸¹

⁸¹ Рассказ был начат писателем в феврале 1901 года. Опубликован впервые в 1903 году в февральской книжке "Русского богатства". В письме Ф. Д. Батюшкову 10 марта 1901 года, говоря о своей работе над рассказом, Короленко писал: "Не страшно" -- это то обыкновенное, повседневное, к чему мы все присмотрелись и притерпелись и в чем разве какая-нибудь кричащая случайность вскрывает для нас трагическую и действительно "страшную" сущность". Через два года, 5 февраля 1903 года, уже заканчивая

М. Горький. Извозчик
Святочный рассказ

Предпраздничная сутолока, дни всеобщей чистки, мытья и расходов -- масса мелких расходов к сочельнику, почти дочиста опустошающих карман человека, живущего на жалованье,-- эти два-три дня сильно расстроили и без того не особенно крепкие нервы Павла Николаевича. Проснувшись утром в сочельник, он чувствовал себя совсем больным и полным острого раздражения против всех этих условностей жизни, превращающих праздник, время отдыха, в какую-то бестолковую суету, против жены, придававшей этой суете значение чего-то необыкновенно важного, против детей, отчаянно шумевших без призора над ними, прислуги, утомленной, озабоченной и ничего не делавшей так, как бы следовало.

Он хотел бы стоять вне всей этой "идиотской толкотни", но такая характеристика времени вызвала ссору с женой, и, чтобы успокоить ее и себя, он принужден был вмешаться в события: его откомандировали в магазин, потом на базар за елкой для детей, потом в оранжерею за цветами для стола, и наконец, к пяти часам вечера, сильно утомленный, плохо пообедавший, с тупой тоской на душе, он получил возможность отдохнуть. Плотнo затворив за собой двери, он забрался в спальню, лег там на кровать жены и, закинув руки за голову, стал пристально, ни о чем не думая, смотреть в потолок.

В чистенькой и уютной спальне царил мягкий сумрак от зажженной пред образом лампы, на пол и стены падали мягкие тени, падали и колебались. С улицы доносился шум полозьев по снегу, какие-то крики, стуки, но всё это звучало мягко, убаюкивающе.

-- Ах, Коля! Отстань ради Бога!

"Это жена кричит на сынишку, он, наверное, ни в чём не виноват, но она устала, и он платится за это. Воспитание детей! Глупо говорить о воспитании детей, если мы сами еще не воспитаны",-- подумал Павел Николаевич,

"Я давеча тоже накричал на нее... Свинство! Впрочем, она поймет, что это болезненное раздражение, не больше. Она мирится с тем, что я нервничаю. Вполне естественно нервничать, когда положение так незавидно. Жить, вечно работая для того, чтобы достать в месяц сотню рублей, оставляющих неудовлетворенными более сотни твоих потребностей, да еще уметь быть здоровым при такой жизни,-- это не по силам современному человеку. Терпение хорошо, когда есть надежды на лучшее будущее. И как всё это глупо, мелко, пошло! А между тем вся жизнь в этих мелочах. Работаешь для того, чтобы есть, и ешь для того, чтобы завтра снова работать. Семья. Кто-то предлагал законодательным путем запретить жениться беднякам. Несомненно, что это был сострадательный человек. Что я, с моим заработком, могу дать семье? Ни сноской в смысле удобств жизни жене, ни достаточно хорошего воспитания детям. Глупо всё! И непоправимо глупо, ибо сумма потребностей человека переросла сумму его сил. Это не исправить распределением богатства без того, чтобы не выбросить из жизни нашего брата неврастеника. Зачем это я философствую? Вот тоже милая культурная привычка, что-то вроде пьянства по ее воздействию на организм!.."

рассказ, Короленко писал П. С. Ивановской: "Рассказ странный, не в обычном моем роде, но захватил меня сильно, и работаю я над ним долго, потому что не хочется вставлять ни одной строчки "от себя". Ведется он (наполовину) от лица некоторого чудака, который меня интересует не меньше, чем то, о чем он рассказывает... Не знаю, что из этого у меня вышло, знаю только, что это, быть может, самое задушевное, что я писал до сих пор..." Однако, напечатанный в журнале, рассказ писателя не удовлетворил, и для дальнейших изданий Короленко его значительно переработал.

Он повернулся на бок, поправил подушку под головой и, крест-накрест положив ладони рук на плечи, закрыл глаза.

Ему вспомнился разговор с извозчиком, который вез его давеча с базара. Это был обтерханный, хлипкий мужичонка, какой-то несчастный, унылый, разбитый.

-- Али я такой мизгирь был год-другой тому назад? Эх ты! Куда те! Я в дворниках в ту пору жил у одной купчихи, у Заметовой. Слыхали? У нее, значит. Житье было очень даже приятное. Подручный был, работы мало. Ну, я у безделья и задумался... Над чем? А так, вопче... надо всем... Рази, ежели правильным-то глазом посмотреть на жизнь,-- не задумаешься? Дьявол, первое дело. Чуть ли что -- а он тебя своим духом и опажнул. Ну, ты сейчас, первое дело, точку свою и потеряешь, с линии, значит, сшибешься, и пошел колобродить. Будто чего ищешь; а чего искать? Первое дело -- себя самого надо найти, свое, значит, приспособление к жизни. Нашел ты это -- ну и здравствуй. Так-то.

-- Купчиха эта, верно, скупущая. Но и деньжищев у нес -- страхи! Ужаси! Накопила, дьявол. Капитолина Петровна звать-то ее. А куда вот накопила? Спросите ее -- не скажет. Не знат, ей-ей, не знат! Умрет ведь, как все люди: уж это первое дело! А рази для смерти-то деньжищи требуются? Очень даже маленько для смерти человеческой нужно! Так-то, сударь мой?

-- Чево-с? Так точно... Сродников у ней нет. Одна как перст. Как сова в дупле, в своем-то дому. Прислуга вся у нее -- трое. Кучер да я, дворник, значит, да Маришка такая есть; злющая стерва -- в кухарках... Только всего! Гостят там и разные монашки, странницы и прочие эдакие народы. И как только они ее не придушат однажды -- Богу известно. А надо бы ее придушить,-- потому как она совсем бесполезная тварь для господ. Но его воля, и ему это знат. Мы не судьи. А что сохранно живет, это даже очень удивительно. Одна ведь, судите сами! Хлясть ее по чувствительному месту разок и -- твои капиталы. Надо думать, кто-нибудь догадается про это. Счастлив будет, коли умно сделает! Ну, но, ты, трясогузица!

Извозчик болтал, чмокал на лошадь, ерзал по облучку и то и дело оборачивал к Павлу Николаевичу свое маленькое, опухшее от пьянства лицо. Глаза у него были серенькие, живые, с красными воспаленными веками, нос, как луковица, и на обеих щеках сине-багровые пятна от мороза.

-- Здорово я пил водку! -- восхищенно восклицал он и улыбался во всю рожу от сознания своего удалства.

Павлу Николаевичу казалось, что этот мозглявый философ, мужичонка, где-то тут близко от него, и он ощутил беспокойство от сознания этой близости. Извозчик как бы мешал чему-то. Но это беспокойство, смутное и неопределенное, заставило его только глубже сунуть голову в подушку и поежиться.

-- Баба старая уж, много ли ей надо? Долбануть ее разик -- она и готова! -- говорил извозчик.

-- Ну вот, возьми и долбани! Убирайся! -- сказал Павел Николаевич, раздражаясь.

-- Я не могу. А ты сам -- вот это так! Ты барин умный, значит, тебе это сручей.

-- Пошел вон! Чего ты прилез и мелешь ерунду? Я ведь заплатил! -- крикнул Павел Николаевич.

-- Точно что,-- спокойно сказал извозчик.-- Я уйду, не сердись. Я для тебя ведь больше. Дело очень даже простое и совсем уж верное. Ты это обмозгуй. Куда она? Подумай... Совсем ни к чему она. А ты человек живой. Средствов у тебя нет. А тут сразу ее!

-- Хорошо, ступай! Я усну вот немного,-- сказал Павел Николаевич просто и спокойно.

-- Ну, ну, усни, отдохни. Это хорошо. Прощай.

И извозчик исчез.

-- Он не глуп,-- сказал Павел Николаевич, садясь на постель.-- Да, он прав. Я не Раскольников, не идеалист. Дело верное. Ставка рискованная, но выигрыш велик. О, если бы мне даже десять тысяч... Я сумел бы на них жить! Независимость -- вот что такое деньги. Свобода-а! Разве я не хочу свободы? А удовольствия? Это ведь иллюзия того, что

зовут счастьем и что незнакомо никому. И всё это я беру одним ударом. Моя ставка -- жизнь плохая, серая, скучная, выигрыш -- жизнь независимая, богатая, полная всего, чем я захочу ее наполнить. Мучения совести? Это пустяки, это фантазия. Совесть -- это едва ли ощутимо, едва ли есть. Да что мне думать об этом, раз я решил, как поступить.

Когда он решил, он не заметил этого, это вышло как-то между дум, но он всем своим существом чувствовал, что уже решил, и бесповоротно.

-- Как мне это сделать? -- задал он себе вопрос. И тотчас же оттолкнул его прочь от себя.

-- Нет, не надо обдумывать, ничего не надо. Пусть это удастся сразу или не удастся совсем. Сразу, без думы -- это лучше. Сейчас же начинать!

Он ощутил в себе страшный прилив энергии, энергии спокойной, уверенной в успехе предприятия, готовой на борьбу со всевозможными препятствиями. И, готовый к делу, он встал с постели, потянулся, напрягая мускулы рук, и озабоченно посмотрел вокруг себя.

-- Однако чем бы мне ее убить? Тем топориком, которым колют сахар? Легко. Утюгом? Завернутым в полотенце утюгом! Да, да, это очень удобно. Я читал где-то. Прекрасный способ. Мне нужно выйти так, чтоб меня не заметили. Утюг я возьму на окне в прихожей. Еще нужен ридикюль или какой-нибудь мешочек для денег. Это есть у жены. Она наверное стала бы отговаривать меня, знай она, что я решил. Гм... Это так. Но общепринятые точки зрения не могут удержать меня, человека, с такой энергией и с таким светлым духом берущегося за дело, с этих точек зрения -- преступное. Человек -- мера всему; первый раз я сознал это и сознал так ясно. Из всех философов только софисты назвались мудрецами, и одни они имели на это право. Да, человек -- мера всему. Законы во мне, а не вне меня. Я не колеблюсь -- значит, я прав. Иду. Это любопытно, помимо всего прочего. Но что так переродило меня? Поистине, никто из нас не знает, что будет с ним в следующую за этой минутой жизни!

Перед дверью купчихи Заметовой Павел Николаевич остановился и пристально посмотрел на фасад дома. Двухэтажный, старый, с облезшей штукатуркой, дом равнодушно смотрел своими четырьмя окнами на улицу и на человека перед ним. А человек стоял и думал:

"Как всё это будет -- ужасно любопытно. Меня могут схватить, и тогда всё будет так глупо и так жалко. В сущности, я на пороге к новой жизни. Кто мне отперет дверь, что мне делать с ним? Ага, конечно. Это будет пробой, первым уроком".

И он сильно дернул ручку звонка, после чего его сердце как бы перестало биться в ожидании будущей минуты. Минут прошло много, пока за дверью не послышались шаги и звонкий голос спросил:

-- Кто там?

"Это кухарка Маришка",-- сообразил Павел Николаевич и ощупал под полкой своего пальто оружие.

-- Сосипатра Андреевна дома?

-- Дома. А вы кто?

-- Скажите... из... от Бирюкова,-- вспомнил Павел Николаевич фамилию хозяина лучшего гастрономического магазина в городе.

Щелкнул ключ, дверь отворилась, и перед Павлом Николаевичем встала молоденькая девушка с черненькими живыми глазками. Это его обескуражило.

-- А разве Марины нет дома? -- спросил он, не переступая порога.

-- Она в баню пошла. Проходи,-- сказала девушка, еще шире растворяя дверь и доверчиво рассматривая лицо гостя.

-- А! -- задумчиво сказал Павел Николаевич, покусывая свою бороду,-- знаете, это очень жаль. Вы такая молодая и... пожалуй, я ворочусь!

-- Да господи! Разве не всё равно? -- воскликнула девушка, широко открывая глаза.

-- Всё равно, вы говорите? Гм! А, пожалуй, вы правы. Хорошо, я иду дальше. Заприте дверь.

-- Сейчас запру; не так же оставлю,-- усмехнулась она, и снова щелкнул ключ и загремел какой-то железный крюк.

Девушка наклонилась к ногам Павла Николаевича, желая помочь ему снять калоши, и в этот момент он, высоко взмахнув утюгом, с силой опустил его на ее затылок. Удар был верен и прозвучал так тупо. Девушка глубоко вздохнула, ткнулась лицом в пол и вытянулась на нем. Павел Николаевич слышал, как что-то треснуло и потом еще что-то металлическое покатилося по полу.

"Это, должно быть, у нее пуговица от корсажа оторвалась,-- подумал он, глядя на стройное тело, лежавшее у его ног в складках розового ситца.-- Однако я ведь убил человека. Это не трудно и не страшно. А говорят и пишут, что убить... Ха-ха-ха! Сколько лишнего на свете, сколько лжи! И для чего лгут, говоря о благородстве человека? Для того, чтобы сделать его благородным посредством этой лжи".

-- Аннушка, кто пришел? -- раздался сверху женский голос, сухой и твердый.

-- Это я! -- быстро ответил Павел Николаевич и пошел вверх, шагая по две ступеньки.

-- Что вам угодно, бабушка?

Наверху лестницы стояла высокая и худая старуха в темном платье, с длинным костлявым лицом и длинной же шеей. Она несколько наклонилась вперед, пытливо всматриваясь в идущего к ней человека.

"А утюг-то я оставил внизу!" -- и на мгновение Павел Николаевич замер на месте. Это не укрылось от взгляда Заметовой.

-- Что вам угодно? -- громче, чем в первый раз, спросила она и отступила шага два назад. Сзади нее было зеркало, и Павел Николаевич видел шею Заметовой сзади.

-- Я от Бирюкова! -- сказал он, усмехаясь чему-то и идя на старуху.

-- Постой, постой! -- произнесла она, простирая обе свои руки.

Павел Николаевич развел их так, что они охватили его бока, и быстро схватил старуху за горло.

-- От Бирюкова! -- повторил он, глубоко втискивая в ее шею свои пальцы и нащупывая под кожей позвонки. Старуха хрипела и цапалась за его пиджак то на груди, то с боков. Лицо у нее посинело и вздулось, изо рта вываливался смешно болтавшийся язык. Своими локтями он сжал ей плечи, и она не могла достать костлявыми пальцами до его головы и лица, но пыталась сделать это. Ей удалось наконец схватить его за ворот -- из рубашки у него вылетел запонки и покатилося по лестнице.

"Улика,-- мелькнуло у него в голове,-- надо найти". Старуха уже шаталась, но всё еще боролась, толкая его своими коленями и разрывая на нем платье.

-- Перестаньте! -- вскричал он повелительно и громко, чувствуя ее ногти на коже своей груди, и, крикнув, он сильно стиснул руками ее горло. Она зашаталась и рухнула на пол, увлекая за собой и его. Он свалился на нее и чувствовал предсмертный трепет старческого тела. Затем, когда ему показалось, что она мертва, он разжал свои руки, освободил ее шею и, отирая с лица пот, сел на полу рядом с нею. Он чувствовал себя усталым и раздраженным чем-то -- не злым, не зверем, но именно раздраженным и только. Старуха не двигалась, лежа в изломанной позе, Павел Николаевич смотрел на нее и не чувствовал ничего: ни жалости, ни боязни, ни омерзения к трупу. Он был совершенно равнодушен. Он сидел и думал:

"Однако как легко люди умирают, и как им мало для этого надо. Удар куском железа, и человека нет. Всё -- смысл, слово, движение -- исчезает от грубо ясной причины -- и всё это само по себе так неясно. Скверно умирать. И стоит ли жить для того, чтобы умереть в конце концов; стоит для этого делать что-либо -- убивать, например? Глупо и пошло! Ну, зачем я всё это сделал? Я уйду, чёрт с ними, с деньгами! Это всё проклятый извозчик".

-- А! Ты здесь?

Он действительно был тут; он сидел на перилах лестницы, побалтывая в воздухе ногами и с любопытством смотрел на Павла Николаевича. В одной руке у него был кнут, другой он держался за перила.

-- Мы давно здесь!-- сказал он спокойно.-- Управился с делами-то?

-- Скотина ты, зверь! Спрашиваешь ты о чем... Ведь я людей убил! Хочешь -- я и тебя убью? Ты хоть заслуживаешь этого, зверь! -- возмутился Павел Николаевич.

-- Что ты убил людей -- это верно. Но сердиться на меня за это не надо. Ведь тебе их не жалко?

-- Нет, но все-таки.

-- Коли тебе их не жалко -- так и говорить не о чем. Да потом, чего жалеть мертвых? Живых бы -- другое дело. Живой человек достоин жалости. Это так.

-- Ну, ты не философствуй! -- сурово сказал Павел Николаевич.-- Ты уходи, и я уйду. Глупо всё это.

-- А деньги-то? Деньги возьми! Возьми, попробуй. Может, ты с деньгами-то и счастье найдешь свое. Деньги надо взять, за этим ты и пришел сюда.

-- Да-а! Это верно. Я возьму.

Павел Николаевич, сидя на полу, схватил голову руками и покачнулся. Одна мысль поразила его,

-- Как же это я так равнодушен, я -- убийца? Ведь я убил сейчас людей -- лишил их жизни? Как же это? Где же мои чувства? Совесть? Разве во мне нет закона? Никакого внутреннего закона? Что же это такое? Извозчик, что ты со мной сделал? Ведь я совершенно равнодушен, а? Пойми же, я -- равнодушен!

Извозчик хладнокровно сплюнул в сторону и ударил себя кнутовищем по колену. Потом он посвистал, пристально оглядев Павла Николаевича. Он тоже был совершенно равнодушен. И еще лежал на полу труп задушенной старухи. Павел Николаевич почувствовал не ужас от присутствия смерти около себя и от мертвого равнодушия извозчика и от того, что все чувства в нем самом тоже замерли,-- нет, его охватила тупая леденящая душу тоска, только тоска! Ему захотелось закрыть глаза и вытянуться на полу так же, как мертвая женщина. Она хотя и была задушена им, но он чувствовал ее как бы сильнее себя. И он никак не мог взглянуть в лицо извозчика, который всё что-то насвистывал такое грустное и в то же время насмешливое. Вот он перестал свистать и заговорил.

-- Это ты напрасно жалобные-то слова говоришь. Я в них не верю... Да, брат. А что ты равнодушен, это я знаю. Чего тебе беспокоиться чувствами? Причины нет к тому. Убил ты, это точно. Так ведь сразу убил. И это хорошо по нынешним временам. Без терзаний разных, ахнул -- и готово. Медленно, с прохладцей убивать -- это действительно подлость, ежели по совести говорить. А сразу -- ничего! Кабы человек говорить мог после смерти, он тебе спасибо бы за это сказал. Потому все-таки облегчение ты ему сделал, сразу угомонил. А ты бы об живых подумал. Сколько народу через тебя, через каждого из нас медленными муками умирают? Жены наши... Али мы их не мучим? Друзья... Али мы их не терзаем? Всякие разные люди, которые около нас толкаются... Али они от нас мук не принимают? И всё ты это видишь, и всему этому ты препон не кладешь. Ну и загрубел ты в этой жизни, оравнодушел. Это я понимаю.

-- Что ты такое говоришь? -- тихо спросил Павел Николаевич, перебивая странную речь извозчика.

-- Дело говорю. Посмотри чистым глазом на жизнь-то. Какой в ней есть порядок? Никакого уважения у человека к человеку нет. Жалости друг к другу тоже нет. Никто никому не споможет жить-то. Свалка идет за кусок, и все мы грыземся. Дележу правильного нет, любви нет. Ты -- человек, а прочие все до тебя не относятся? Ну и что? Вокруг-от нас с тобой сотни и тысячи гибелью гибнут... И все мы это видим, и все мы это за порядок принимаем. Чего же? Коли это возможно,-- и убивать возможно, была бы сила в руке. Конечно, опасно убивать, потому судят за это, но ежели бы не судили, то мы очень даже свободно стали бы друг друга убивать. Потому, хоть спинжаки на нас и модные, но все мы притворяемся больше хорошими людьми, а сердца-то у нас каменные. И никакого у нас закона нет. Поодаль нас законы-то, а в сердцах мы их не носим. Чего же ты захилел?

Переступил ты закон, смог это -- значит, ты себе верен. Ум у тебя есть, суда -- ты убежишь, изловчишься скрыться от него. А людей ты и раньше не жалел. Потому, если бы ты их жалел, рази бы они так трудно жили? Она! Чай, ты облегчал им судьбу-то из жалости. А не облегчаешь, так вот прекращаешь ее. Нет в себе самом никакого запрету -- и нечего толковать. Пустые слова одни. Снаружи тебя ничем не свяжешь, коли в нутре у тебя разнузданность. Перед самим собой не умеешь стыдиться; люди тебе нипочем. Так-то. Ну и действуй как хошь.

-- Ты осуждаешь меня? -- спросил Павел Николаевич.

-- Мне что! Али это мое дело? Я ведь тоже человек, как и ты. Чего я тебя буду осуждать, коли и во мне закону нет.

-- Что же мне теперь делать? -- задумчиво спросил Павел Николаевич.

-- Додельвай уж, что начал, -- всё равно!

И вдруг извозчик исчез куда-то.

Павел Николаевич глубоко вздохнул и поглядел вокруг себя. Рядом с ним лежал труп старухи, внизу лестницы труп девочки.

По лестнице был разостлан красный ковер с черными каймами. Где-то далеко, во внутренних комнатах, звенела канарейка. Павел Николаевич встал с пола и громко спросил:

-- Это сон?

По комнатам прокатился гул, но никто ничего не ответил ему. Он пошел вперед по коридору и в дверь одной комнаты увидал кровать.

-- Это спальня старухи. Здесь деньги. Возьму деньги. Всё равно! -- вслух сказал он.

Под кроватью стояла старинная низенькая укладка. Павел Николаевич, как вошел в комнату, тотчас же увидал угол укладки, высовывавшийся из-под простыни. Он наклонился, выдвинул ее,-- она была заперта, но ключ был тут же. Павел Николаевич отпер ее, причем замок звучно зазвенел.

Укладка была до верха полна денег, и Павел Николаевич стал их аккуратно перекаладывать в свой ридикюль. Потом он насовал их себе в карманы. Они были такие тяжелые, эти пачки кредитных бумажек. Он долго рылся в них, и их много осталось в укладке, но он без малейшего сожаления закрыл ее крышку.

Потом он вышел из комнаты, спустился с лестницы, равнодушно пройдя мимо двух трупов, и вышел на улицу.

Улица была пуста, шел снег, и дул сильный ветер, Но Павел Николаевич не чувствовал холода, медленно шел и всё думал -- почему это он так много пережил и ничего не чувствовал?

...Восемь лет прошло со дня поступка Павла Николаевича.

Его старшему сыну Коле уже минуло девятнадцать лет, одна дочь была невестой, другая обещала через год стать ею, жена Павла Николаевича превратилась из нервной женщины, вечно обремененной заботами о хозяйстве и детях, в солидную даму-филантропку, а сам Павел Николаевич пользовался общим почетом в городе и был первым кандидатом в городские головы.

Деньги старухи пошли ему впрок -- он умно распорядился ими. Не боясь ничего, жил покойно, почетно, много работал. Но его характер, простой и общительный,-- стал портиться, по общему замечанию знакомых: Павел Николаевич перерождался из нервного, искреннего человека -- в человека необщительного, задумчивого, вечно занятого какой-то одной мыслью.

Не угрызения совести терзали его душу, нет, он никогда не давал себе отчета в том, что сделал,-- но его со дня убийства старухи подавлял вопрос:

"Есть во мне внутренний закон или нет?"

Чем более удачно укладывалась его жизнь, тем более сильно давил его душу этот вопрос. В день Рождества Христова, восемь лет тому назад, весь город говорил о

таинственном убийстве старухи и дочери, и Павел Николаевич, оживленно вступая со всеми в разговоры по этому поводу, зорко следил за собой, ожидая, что вот-вот в нем шевельнется страх или раскаяние. Но таких чувств не зарождалось в его душе, я тогда он спрашивал себя:

-- Да неужели же во мне <нет> закона, который принудил бы меня почувствовать себя преступником?

Очевидно, что такого закона не было в его душе. Но он не мог забыть о том, что человеку свойственны такие ощущения, как угрызения совести, раскаяние, сознание своей преступности, и всё искал их в себе,-- искал, не находил и холодно удивлялся сам себе.

"Куда же всё это исчезло из меня?.."

И жизнь казалась ему странной -- не то бредом, не то фантастической жизнью человека, у которого умерло сердце.

Однажды, когда он задал себе вопрос о том, куда исчезли из него человеческие чувства,-- пред ним внезапно появился извозчик.

Он был всё такой же замухрышка, как и раньше, и такой же равнодушный философ; время не действовало на его обтерханную фигуру, не положило заплат на его рваный азым и не увеличило количество дыр на этом азыме. Он появился в кабинете Павла Николаевича, сел на ручку кресла, сдвинул концом кнутовища шапку набок и, поглядев на своего седока, вздохнул.

-- Это откуда? -- усмехнулся Павел Николаевич. Ему казалось только забавным это неожиданное и таинственное появление извозчика. Этонисколько не смущало и не пугало его.

-- Я-то? Я из разных мест...-- равнодушно ответил извозчик.-- Живешь?

-- Живу, как видишь. А ты кто, чёрт или Агасфер? -- снова усмехнулся Павел Николаевич.

-- Зачем? Так я, просто себе... творение. Ну, как -- закону-то не нашел в себе? Ищешь всё?

-- Ищу,-- уже вздохнув, ответил Павел Николаевич.-- Ищу, брат, но не нахожу... Странно это, да?

-- Очень даже просто,-- сказал извозчик.-- И не ищи -- не найдешь. Изжил ты законы-то.

-- Да почему? -- воскликнул Павел Николаевич.

-- А потому, что не применял. Не пускал его в ход, в дело. Всё больше рассуждал -- какой закон лучше, да так ни одного себе в сердце-то и не вкоренил. Ну, а жизнь-то тебя давила и всё из тебя выдавила. И вот ты дошел до того, что не только равнодушно смотришь на смерть вокруг тебя, но и сам спокойно убил и спокойно рассуждаешь, зачем убил. Видишь ты вокруг себя одну мерзость, и скверну, и тьму, а в самом тебе никакого свету не возжег Господь. То есть Господь-то возжег, да ты его погасил, мудрствуя лукаво. Ну, и отсохло у тебя сердце и все лучшие чувства с ним. И стал ты как дерево.

-- Стой, ты врешь! Я действую. Я трушусь...

-- А для че? Можешь и бросить всё да так столбом и стоять в жизни-то. Тебе ведь всё равно. Разве твоя работа -- истинно есть работа? Поди ты! Ты не от сердца делаешь свои дела, а с точки зрения всё.

-- Как это с точки зрения? -- изумился Павел Николаевич.

-- Как? Не понимаешь ты будто! У вас тут есть разные точки зрения -- на этом месте одна, на этом другая. Вот коли ты городским головой будешь, для этого места есть своя точка зрения, а полицеймейстером сделаешься -- другая... Тебе главное, чтобы почет был, чтобы отвечать той точке зрения, с которой на тебя товарищи привыкли смотреть. А огнем ты никаким не пылаешь -- делаешь свои дела по мерке да по обязанности. Так ли?

-- Пожалуй... Но почему это я такой?

-- А ты подумай...

-- Ведь я -- как мертвый, поистине говоря.

-- А то как же? И в самом деле -- мертвый.

-- Что же со мной будет?
-- Умрешь, время придет.
-- Это и все другие сделают.
-- Еще бы не сделали! Само собой -- сделают.
-- А при жизни-то что со мной будет?
-- Не зна-аю! -- протянул извозчик, покачав головой.-- Скверная твоя жизнь, без чувств-то, а? Не говори -- знаю, скверная. Жалко тебя, паря. Да я сам тоже равнодушен к жизни-то.
-- Что же делать? -- задумчиво спросил Павел Николаевич.
-- А я почему знаю? Кричи всем, что в тебе закону нету, авось люди услышат...
-- Ну, так что?
-- Ничего. Услышат -- посмотрят в самих себя, может, увидят, что и в них тоже закона нет, и они все, как ты сам, такие же пустые и равнодушные к жизни. Им это на пользу.
-- А я?
-- А ты жертвой будешь. Это хорошо, жертвой-то быть, за это, слышь, грехи отпускаются...

И он исчез так же странно, как явился. Вдруг исчез. Но и это не поразило Павла Николаевича, как не поразило его появление извозчика. Он слишком был поглощен вопросом о том, почему этот разговор не наполнил его ничем, ни одной думы не зародил в его душе. Он слышал слова, отвечал словами -- и звуки не возбуждали в нем чувств. Много в жизни вокруг него раздаётся разговора о жизни, о смерти, о судьбах всего живущего, о будущем и настоящем -- во всех этих разговорах он сам принимает участие, но молчит его душа, отсутствует его сердце. Его не пугала, впрочем, и эта внутренняя пустота; но все-таки странно было ощущать ее в себе.

И он думал, усмехаясь:

"Бедные люди! Как они плохо знакомы друг с другом и как мало проницательны. Вот я убийца, но никто не догадывается об этом, и я пользуюсь даже почетом среди людей".

И глядя на своих семейных, любивших его, он тоже думал:

"Жалкие люди... если б вы знали!"

Но никто ничего не знал, и человек без чувств всё жил и поступал так, как будто бы у него были в груди чувства.

Так и текла его жизнь изо дня в день. Он становился всё более внутренне равнодушен к жизни, но продолжал действовать по примеру, по привычке, по обязанности. Мертвый духовно, он творил мертвые дела и знал, что они безжизненны. У него не было души, и он не мог вложить в жизнь душу. А пустота в нем всё росла и развивалась -- и это становилось мучительно неловко.

С внешней стороны ему не на что было жаловаться. Его почитали и уважали, считая честным, деятельным человеком. Но это не удовлетворяло его. Все ощущения гнили в нем, как маленькие камешки, брошенные в бездонную пропасть,-- прозвучат и исчезают бесследно.

-- Неужели нет во мне закона? -- всё чаще и чаще спрашивал он себя.

Приближался день его выборов в городские головы. Он не радовался, хотя знал, что его выберут. Откуда-то текли к нему деньги, и слава о нем, как о человеке почтенном, достигала его ушей. Но это не приносило ему с собой ничего. Ему нечем было чувствовать, нечем радоваться, нечем плакать. Люди, у которых жизнь высушила сердце, знают цену такого существования.

Не чувствовать в себе желаний -- значит не жить. И Павел Николаевич иногда говорил себе:

-- Хорошо бы иметь какое-нибудь желание!

Но некуда было вместить его -- у человека отсохло сердце оттого, что он увлекся возможностью быть равнодушным к жизни и был равнодушен к ней, сначала не замечая

этого за собой, а потом потому, что умертвил свое сердце равнодушием ко всему, кроме себя.

И вот наступил день итога; от него никогда и никуда не уйдет человек. Это был день выборов в головы, когда Павла Николаевича уже выбрали и толпа знакомых горожан собралась к нему с поздравлениями и на обед. Сели за стол, и ели, и говорили похвальные речи. Было шумно и весело, как всегда бывает в таких случаях.

Павел Николаевич принимал поздравления и тосты и презрительно думал о людях, собравшихся вокруг него.

Все слепые, жалкие, все живут вне действительной жизни -- жизни сердца. Ни у кого нет чутья -- того чутья, которое издали отличает хорошее от дурного. Но есть ли хорошее и дурное?

Как шумят все эти люди! Зачем?

И вдруг в голове его вспыхнула острая мысль, наполнившая сразу всё существо его безумным желанием испугать, изумить, раздавить этих людей... Он взял в руки бокал вина, встал и, когда все замолчали, ожидая, что он скажет, он сказал:

-- Господа! Мне глубоко лестно, меня глубоко трогает ваше внимание -- так обыкновенно начинаются речи людей в моем положении. Я не могу так начать свою речь, не могу. Я полон других чувств... Господа! Меня глубоко изумляет и страшно возмущает всё то, что вы тут говорите. Глупо всё это и неуместно, совершенно неуместно. Вы меня не знаете... Положим, я тоже не знаю о вас ничего, кроме того, что все вы духовно слепы и жалки; поэтому жалки вы мне. Слышите? Знаете ли вы, кто я? Я, уважаемый всеми вами, как вы говорите, я -- убийца! Это я восемь лет тому назад убил девочку и старуху Заметову... Я... Что? Ха-ха-ха! Это я, я! А вы целовали меня, преклонялись предо мной, сначала как богачом, потом как общественным деятелем... А разбогател-то я с денег старухи... Вы меня не считаете сумасшедшим, нет ведь?

Все чувствовали себя страшно оскорбленными его речью и поэтому не сочли его помешанным, каким наверное сочли бы, если б он покаялся пред ними смиренно и тихо. Но он оскорблял, издевался, и глаза его блестели огнем внутренней силы, а не безумия. Сильные всегда возбуждают ненависть у слабых.

Все заволновались, затолпились.

-- Полицию! -- крикнул кто-то, и явилась полиция. Опыренный своим подвигом, Павел Николаевич всё говорил, решительно и громко:

-- Во мне закона нет, и сердце мое умерло! Храните сердца ваши от разрушения -- вкорените в них закон. Не будьте равнодушны, ибо равнодушие смертоносно для души человека!

Но он был преступник... Как могли видеть в нем пророка? На него смотрели со злобой и ненавистью, а он отвечал всем презрением и сарказмом сильного.

-- Вот это так! -- сказал извозчик, вдруг появляясь перед ним с улыбкой восхищения на своем маленьком морщинистом лице.

-- Вот это так, это дело! Так и надо было давно бы еще. Теперь ты будешь страдать. И страдай -- это хорошо! Теперь у тебя есть крест. Всегда надо иметь крест на вые своей. Это -- первое дело для жизни! Страдай, неся его, и воспитаешь душу свою чисту... Без креста невозможно. А с ним всегда в жизни точку найдешь, твердую точку. Теперь ты оживишься страданием-то твоим. И путь есть у тебя: к Богу ты придешь... Убил? Ничего! Разбойника помнишь? Прощен был, а всего восемью словами Господу помолился. Теперь ты, брат, осмыслился. Иди себе, страдай. Про людей не забудь. Не многим они лучше тебя...

Всё стало как-то линять вокруг Павла Николаевича: всё исчезало куда-то, и появлялся свет, красный, дрожащий, -- свет, от которого глазам было больно.

Земля сотрясалась...

Перед Павлом Николаевичем, когда он открыл глаза, явилась фигура жены в ночном дезабилье, с утомленным лицом и нервно дрожащей верхней губой; в одной руке она держала лампу под розовым абажуром, другой трясла мужа за плечо.

-- Павел!пусти меня... Иди к себе... и разденься. Как это удобно спать столько времени одетым!

-- Подожди...

-- Пожалуйста, нечего... Пойми, что я утомлена.

-- Юля! Что я пережил!

-- Переспал.

-- А? Да... Верно. Это сон -- и прекрасно. И знаешь ли ты...

-- Я хочу лечь...

-- Нет, послушай... Как фантастично! Этот извозчик, пойми -- извозчик! Почему именно извозчик?

-- Потому, что ты не выспался и бредишь. Уходя же!

-- Но, Юленька, я расскажу всё...

-- Завтра...

-- Ну, хорошо. Чёрт знает что иногда снится! Но знаешь -- во всем этом есть смысл. Мы действительно слишком равнодушны и слишком легко поддаемся жизни.

-- Дай мне заснуть и философствуй потом. Только нельзя ли про себя? Ты не хочешь понять, что я встала сегодня в восемь утра, а теперь третий час ночи.

-- Голубонька! Не стану... Молчу...

Он перебрался на свою кровать, и чуть только голова его коснулась подушки, как уже почувствовал сладкое предчувствие обнимающей его дремы.

-- Сон, ей-Богу, интересный... И с моралью. Послушай же, Юля... А то я забуду всё.

Жена не отвечала ему. Огонь лампы подпрыгнул, тени на стенах дрогнули, и комната наполнилась тьмой.

-- Осмыслиться. Да, осмыслился...-- шептал про себя Павел Николаевич, засыпая.

С улицы в комнату глухо доносилось медное пение праздничных колоколов и порой стук ночного караульщика.⁸²

1895

Жизнь

Литературно-политический журнал. Выходил с 1897 г. в СПб. сначала тремя книжками в месяц, а с марта 1899 г. ежемесячно. Ответственным редактором-издателем был сначала С. В. Воейков, затем Д. М. Остафьев и М. С. Ермолаев. С конца 1898 г. фактическим редактором журнала был В. А. Поссе, при котором "Жизнь" стала главным органом марксизма и новых литературных сил, не чуждаясь при этом символизма и ищущего искусства. Здесь были напечатаны: "Фома Гордеев" Горького, ряд повестей Вересаева, Чирикова, Федорова, Леонида Андреева, "В овраге" Чехова, стихотворения Тана, Бальмонта и др. В научно-общественном отделе

---

82 В рассказе М. Горького (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова; 1868--1936) отразилось реальное дело об убийстве, слушавшееся в сентябре 1895 г. в Пензенском окружном суде. Горький узнал о нем из отчетов о процессе в "Самарской газете". Здесь также пародируются мотивы романа Ф. Достоевского "Преступление и наказание". По мнению литературоведа Л. А. Евстигнеевой, финал "Извозчика" предвосхищает концовку романов "Фома Гордеев" и "Трое".

появлялись статьи П. Б. Струве, Нежданова, В. Ильина, П. Маслова, Каутского, Вандервельде, Зомбарта и др. Главным критиком журнала был Андреевич (Евг. Соловьев). Ж. имел особый художественный отдел под ред. П. Н. Ге и давала снимки с картин и портреты. Очень малораспространенный вначале, журнал с оживлением редакции быстро достиг большого успеха и имел до 15000 подписчиков. В мае 1901 г. и ответственный, и фактический редактор были арестованы, а внутренний обозреватель А. А. Никонов выслан из СПб. То, что Ж. особенно читалась молодежью и интеллигентными рабочими, было поставлено журналу в вину, хотя все статьи его проходили через предварительную цензуру. В июне 1901 г. Ж., по постановлению 4 министров, была закрыта навсегда за "вредное" направление. Позднее Ж. выходила некоторое время за границей, являясь органом русской социал-демократии.

Вл. Ильин (Ленин). Капитализм в сельском хозяйстве. (О книге каутского и о статье г. Булгакова)⁸³

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

В номере 1—2 "Начала" (отд. II, стр. 1—21) помещена статья г. С. Булгакова "К вопросу о капиталистической эволюции земледелия", посвященная критике сочинения Каутского об аграрном вопросе. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит, что "книга Каутского представляет собою целое мирозерцание", что она имеет крупное и теоретическое, и практическое значение. Это — едва ли не первое систематичное и научное исследование вопроса, который вызывал и продолжает вызывать горячие споры во всех странах даже между писателями, солидарными в общих воззрениях и признающими себя марксистами. Г-н Булгаков "ограничивается негативной критикой", критикой "отдельных положений книги Каутского" (которую он "кратко" — мы увидим, что слишком кратко и очень неточно излагает для читателей "Начала"). "Со временем" г. Булгаков надеется "дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции сельского хозяйства" и таким образом противопоставить Каутскому "также целое мирозерцание".

Мы не сомневаемся, что и в России книга Каутского вызовет не мало споров между марксистами, что и в России одни из них будут против Каутского, другие за него. По крайней мере, пишущий эти строки самым решительным образом расходится с мнением г. Булгакова, с его оценкой книги Каутского. Оценка эта, — несмотря на то, что г. Булгаков признает "Die Agrarfrage" ("Аграрный вопрос". Ред.) "замечательным произведением", — поражает своей резкостью и необычным в полемике между близкими по направлению писателями тоном. Вот образчики выражений г. Булгакова: "чрезвычайно поверхностно" ... "одинаково мало и настоящей агрономии, и настоящей экономии" ... "серьезные научные проблемы Каутский обходит фразой (курсив г. Булгакова!!) и т. д., и т. д. Присмотримся же хорошенько к выражениям строгого критика, знакомя вместе с тем читателя с книгой Каутского.

Еще прежде, чем г. Булгаков добрался до Каутского, от него достается мимоходом Марксу. Само собой разумеется, что г. Булгаков подчеркивает громадные заслуги великого экономиста, но замечает, что у Маркса "частью" попадают даже "ошибочные

⁸³ Написано между 4 (16) апреля и 9 (21) мая 1899 г. Напечатано в январе — феврале 1900 г. в журнале "Жизнь" Подпись: Вл. Ильин и Влад. Ильин

представления... уже достаточно опровергнутые историей”. “К числу таких представлений принадлежит, например, то, по которому в земледелии переменный капитал так же убывает относительно постоянного, как в обрабатывающей промышленности, так что органический состав земледельческого капитала все повышается”. Кто ошибается здесь, Маркс или г. Булгаков? Г-н Булгаков имеет в виду тот факт, что в земледелии прогресс техники и увеличение интенсивности хозяйства ведет часто к *увеличению* количества труда, необходимого для обработки данной площади. Это бесспорно, но отсюда еще далеко до отрицания теории об уменьшении переменного капитала *относительно* постоянного, в *пропорции* к постоянному. Теория Маркса утверждает лишь, что отношение v/c (v = переменный капитал, c = постоянный капитал) имеет в общем тенденцию уменьшаться, хотя бы даже v возросло на единицу площади, — разве это опровергает теорию Маркса, если при этом c возрастает еще быстрее? По отношению к сельскому хозяйству капиталистических стран, взятому в общем и целом, мы видим уменьшение v и увеличение c . Сельское население и число сельских рабочих убывает и в Германии, и во Франции, и в Англии, между тем как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, растет. В Германии, например, сельское население с 1882 по 1895 г. убыло с 19,2 млн. до 18,5 (число сельских наемных рабочих с 5,9 млн. до 5,6), тогда как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, возросло с 458 369 до 913 391 (* Сосчитаны вместе различные машины. Все цифры, когда нет особых указаний, взяты из книги Каутского.) ; число паровых машин, употребляемых в сельском хозяйстве, поднялось с 2731 (1879) до 12 856 (1897); причем число паровых лошадиных сил увеличилось еще больше. Количество рогатого скота поднялось с 15,8 млн. до 17,5, а свиней с 9,2 до 12,2 (1883 и 1892 гг.). Во Франции сельское население уменьшилось с 6,9 млн. чел. (“самостоятельных”) в 1882 г. до 6,6 млн. в 1892 г., а число сельскохозяйственных машин росло так: в 1862 г. — 132 784; в 1882 — 278 896; в 1892 — 355 795; число рогатого скота: 12,0—13,0—13,7 млн., лошадей — 2,91—2,84—2,79 млн. (уменьшение числа лошадей за 1882—1892 гг. менее значительно, чем уменьшение сельского населения). Итак, в общем и целом по отношению к современным капиталистическим странам история *подтвердила* применимость закона Маркса к земледелию, а отнюдь не опровергла его. Ошибка г. Булгакова состоит в том, что он слишком поспешно возвел отдельные агрономические факты, не всмотревшись в их значение, на степень *общих* экономических законов. Мы подчеркиваем “общих”, потому что ни Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев. Даже по отношению к промышленности сам Маркс указал, что периоды технических преобразований (когда отношение v/c уменьшается) сменяются периодами прогресса на данном техническом основании (когда отношение - неизменно, а в отдельных случаях может и увеличиваться). Мы знаем в промышленной истории капиталистических стран такие случаи, когда по отношению к целым отраслям промышленности этот закон нарушается. Например, когда крупные капиталистические мастерские (неточно называемые фабриками) разлагаются, чтобы уступить место капиталистической работе на дому. Относительно же земледелия не подлежит никакому сомнению, что процесс развития капитализма в нем неизмеримо сложнее и принимает несравненно более разнообразные формы.

Перейдем к Каутскому. Очерк сельского хозяйства в феодальную эпоху, с которого начинает Каутский, оказывается будто бы “очень поверхностно составленным и излишним”. Трудно понять мотивы такого вердикта. Мы уверены, что если г. Булгакову удастся осуществить свой план и дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции земледелия, то ему необходимо придется обрисовать основные черты *докапиталистической* экономики сельского хозяйства. Иначе нельзя понять и характера *капиталистической* экономики и тех переходных форм, которые связывают ее с феодальной. Сам же г. Булгаков признает громадное значение “той формы,

которую земледелие имело *начале* (курсив г. Булгакова) своего капиталистического бега”. Каутский именно с “начала капиталистического бега” европейского земледелия и начинается. Очерк феодального земледелия составлен у Каутского, по нашему мнению, превосходно: с той замечательной отчетливостью, с тем умением выбрать главное и существенное, не теряясь во второстепенных деталях, которые свойственны вообще этому писателю. Каутский прежде всего дает в введении в высшей степени точную и правильную постановку вопроса. Он самым решительным образом заявляет: “Не подлежит никакому сомнению, — мы готовы принять это a priori (von vornherein) доказанным, — что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как и индустрия: оно подчиняется особым законам”. Задача состоит в том, чтобы “исследовать, овладевает ли капитал сельским хозяйством и как именно овладевает он им, как он преобразует его, как именно делает он несостоятельными старые формы производства и формы собственности и создает необходимость новых форм» (S. 6). Такая и только такая постановка вопроса и может привести к удовлетворительному выяснению «развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (заглавие первого, теоретического, отдела книги Каутского).

В начале “капиталистического бега” земледелие было в руках *крестьянина*, подчиненного, по общему правилу, феодальному режиму общественного хозяйства. И Каутский характеризует прежде всего *строй* крестьянского хозяйства, соединение земледелия с домашней промышленностью, затем элементы разложения этого парадиза мелкобуржуазных и консервативных писателей (a la Сисмонди), значение ростовщичества, постепенное “проникновение в деревню, в недра самого крестьянского хозяйства, классового антагонизма, разрушающего старинную гармонию и общность интересов” (S. 13). Этот процесс начался еще в средние века и не завершился окончательно еще и в настоящее время. Мы подчеркиваем это заявление, потому что оно сразу показывает всю неправильность утверждения г. Булгакова, будто Каутский даже не ставил вопроса о том, кто был носителем технического прогресса в земледелии. Каутский совершенно определенно поставил и выяснил этот вопрос, и всякий, внимательно прочитавший его книгу, усвоит ту (часто забываемую народниками, агрономами и многими другими) истину, что носителем технического прогресса в современном земледелии является сельская *буржуазия*, как мелкая, так и крупная, причем крупная (как показал Каутский) играет в этом отношении более важную роль, чем мелкая.

Обрисовав затем (в III главе) основные черты феодального земледелия, — господство трехполья, этой консервативнейшей системы земледелия; угнетение и экспроприацию крестьянства крупным поместным дворянством; организацию этим последним феодально-капиталистического хозяйства; превращение крестьянина в голодающего нищего (Hungerleider) в течение XVII и XVIII веков; развитие буржуазного крестьянства (Großbauern, не обходящихся без найма батраков и поденщиков), для которого не годились старые формы сельских отношений и поземельной собственности; ниспровержение этих форм, расчистку пути для «капиталистического, интенсивного сельского хозяйства» (S. 26) силами развившегося в недрах индустрии и городов класса буржуазии, — обрисовав это, Каутский переходит к характеристике «современного (moderne) сельского хозяйства» (IV глава).

Эта глава дает замечательно точный, сжатый и ясный очерк той гигантской революции, которую произвел в земледелии капитализм, превратив рутинное ремесло забитых нуждой и задавленных темнотой крестьян в научное применение агрономии, нарушив вековой застой сельского хозяйства, дав (и продолжая давать) толчок быстрому развитию производительных сил общественного труда. Трехполье заменилось плодопеременной системой, улучшилось содержание скота и обработка почвы, повысились урожаи, сильно развилась специализация земледелия, разделение труда между отдельными хозяйствами. Докапиталистическое однообразие сменилось все усиливающимся разнообразием, сопровождающимся техническим прогрессом всех отраслей сельского хозяйства.

Создалось и стало быстро расти применение машин к сельскому хозяйству, применение пара; начинается применение электричества, которому, — как указывают специалисты, — суждено сыграть еще более крупную роль в этой отрасли производства, чем пару. Развилось применение подъездных дорог, мелиорации, употребление искусственных удобрений, сообразно с данными физиологии растений; стала применяться к сельскому хозяйству бактериология. Мнение г. Булгакова, будто Каутский “не сопровождает эти сведения (Все эти сведения, — полагает г. Булгаков, — можно почерпнуть из всякого (sic!) (так! *Ред.*) руководства по экономии сельского хозяйства”. Мы не разделяем этого розового взгляда г. Булгакова на “руководства”. Возьмем из числа “всяких” русские книги гг. Скворцова (“Паровой транспорт”) и Н. Каблукова (“Лекции”, наполовину перепечатанные в “новой” книге “Об условиях развития крестьянского хозяйства в России”). Ни у того, ни у другого читатель не мог бы почерпнуть картины того переворота, который произвел *капитализм* в земледелии, потому что ни один из них не задается даже целью представить общую картину перехода от феодального к капиталистическому хозяйству). *Экономическим анализом*”, — совершенно неосновательно. Каутский точно указывает связь этого переворота с ростом *рынка* (в частности с ростом городов), с подчинением сельского хозяйства *конкуренции*, *вынудившей* преобразование земледелия и специализацию его. “Этот переворот, исходящий от городского капитала, усиливает зависимость сельского хозяина от рынка и, кроме того, постоянно изменяет существенные для него рыночные условия. Та отрасль производства, которая была доходна до тех пор, пока ближайший рынок соединялся с мировым рынком лишь шоссейной дорогой, становится бездоходной и необходимо должна быть заменена другой отраслью производства, когда местность прорезывается железной дорогой. Если, например, железная дорога подвозит более дешевый зерновой хлеб, производство зерна становится безвыгодным, но в то же время создается возможность сбыта для молока. Рост товарного обращения дает возможность переносить в страну новые, улучшенные сорта растений” и т. д. (S. 37—38). “В феодальную эпоху, — говорит Каутский, — не было иного земледелия, кроме мелкого, ибо помещик обрабатывал свои поля тем же крестьянским инвентарем. Капитализм впервые создал возможность крупного производства в земледелии, технически более рационального, чем мелкое”. Говоря о сельскохозяйственных машинах, Каутский (мимоходом сказать, точно указавший особенности земледелия в этом отношении) выясняет *капиталистический* характер их употребления, влияние их на рабочих, значение машин, как фактора прогресса, “реакционную утопичность” проектов об ограничении употребления сельскохозяйственных машин. “Сельскохозяйственные машины будут продолжать свою преобразовательную деятельность: они будут выгонять сельских рабочих”.

В V главе (“Капиталистический характер современного сельского хозяйства”) Каутский излагает теорию стоимости, прибыли и ренты Маркса. “Без денег современное сельскохозяйственное производство невозможно, — говорит Каутский, — или, что то же, оно невозможно *без капитала*. В самом деле, при современном способе производства всякая денежная сумма, не служащая целям личного потребления, может превратиться в капитал, т. е. в стоимость, порождающую прибавочную стоимость, и по общему правилу действительно превращается в капитал. Современное сельскохозяйственное производство представляет из себя, следовательно, капиталистическое производство” (S. 56). Это место дает нам, между прочим, возможность оценить следующее заявление г. Булгакова: “Я употребляю этот термин (капиталистическое земледелие) в обычном смысле (в том же смысле употребляет его и Каутский), т. е. в смысле крупного хозяйства в земледелии. На самом же деле (sic!) при капиталистической организации *всего* народного хозяйства вообще нет некапиталистического земледелия, которое *все* определяется общими условиями организации производства, и лишь в пределах его следует различать крупное, предпринимательское, и мелкое земледелие. Для ясности и здесь нужен новый термин”. Выходит ведь, что г. Булгаков *поправил* Каутского... “На самом же деле”, как видит

читатель, Каутский *вовсе не употребляет* термин “капиталистическое земледелие” в том “обычном”, неточном смысле, в котором употребляет его г. Булгаков. Каутский прекрасно понимает и очень точно и ясно говорит, что при капиталистическом способе производства всякое сельскохозяйственное производство является «по общему правилу» капиталистическим. В основание этого мнения приводится тот простой факт, что для современного земледелия необходимы деньги, а деньги, не идущие на личное потребление, становятся в современном обществе капиталом. Нам представляется, что это немного пояснее «поправки» г. Булгакова и что Каутский вполне показал возможность обойтись и без «нового термина». В V главе своей книги Каутский утверждает, между прочим, что и арендная система, которая так полно развилась в Англии, и ипотечная система, которая с поразительной быстротой развивается в континентальной Европе, выражает собою в сущности один и тот же процесс, а именно: *процесс отделения сельского хозяина от земли* (В третьем томе “Капитала” Маркс указал на этот процесс (не разбирая его различных *форм* в разных странах) и отметил, что это “отделение земли, как условия производства, от землевладения и от землевладельца” есть “одни из великих результатов капиталистического способа производства” (III, 2, 156—157. Русский перевод, 509—510).). В капиталистической системе фермерства это отделение ясно как день. В ипотечной системе оно “менее ясно, и дело обстоит не так просто, но в сущности сводится к тому же” (S. 86). Очевидно, в самом деле, что залог земли есть залог или продажа поземельной ренты. Следовательно, и при ипотечной системе, как и при арендной системе, получатели ренты (= землевладельцы) отделяются от получателей предпринимательской прибыли (= сельских хозяев, сельских предпринимателей). Г-ну Булгакову “вообще неясно значение этого утверждения Каутского”. “Едва ли можно считать доказанным, чтобы ипотека выражала собой отделение земли от сельского хозяина”. “Во-1-х, нельзя доказать, чтобы задолженность поглощала собой *всю* ренту, это возможно лишь как исключение...” Мы отвечаем на это: нет никакой надобности доказывать, что проценты по ипотечным долгам поглощают *всю* ренту, точно так же, как нет надобности доказывать, что *действительная* арендная плата совпадает с рентой. Достаточно доказать, что ипотечная задолженность растет с гигантской быстротой, что землевладельцы стараются заложить всю свою землю, стремятся продать всю ренту. В наличности этой тенденции — теоретический экономический анализ может вообще иметь дело только с тенденциями — нельзя сомневаться. Следовательно, несомненно и процесс отделения земли от сельского хозяина. Соединение в одном лице получателя ренты и получателя предпринимательской прибыли есть, “с исторической точки зрения, исключение” (*ist historisch eine Ausnahme*, S. 91)... “Во-2-х, нужно проанализировать в каждом данном случае причины и источники задолженности, чтобы понять ее значение”. Это, вероятно, либо опечатка, либо обмолвка. Г-н Булгаков не может требовать, чтобы экономист (трактующий притом о “развитии сельского хозяйства в капиталистическом обществе” вообще) должен был или хотя бы мог исследовать причины задолженности “в каждом данном случае”. Если г. Булгаков хотел сказать о необходимости анализировать причины задолженности в разных странах в разные периоды, то мы не можем согласиться с ним. Каутский совершенно прав, что монографий по аграрному вопросу накопилось слишком много, что насущная задача современной теории — вовсе не добавление новых монографий, а “исследование основных тенденций капиталистической эволюции сельского хозяйства в ее целом” (*Vorrede*, S. VI). К числу этих основных тенденций, несомненно, принадлежит и отделение земли от сельского хозяина в форме роста ипотечной задолженности. Каутский точно и ясно определил настоящее значение ипотек, их прогрессивный исторический характер (отделение земли от сельского хозяина есть одно из условий обобществления сельского хозяйства, S. 88), их необходимую роль в капиталистической эволюции земледелия (Увеличение ипотечной задолженности отнюдь не всегда указывает на угнетенное состояние сельского хозяйства... Прогресс и процветание сельского хозяйства равным образом (как и его упадок) “должны выразаться

в росте ипотечных долгов — во-1-х, вследствие растущей потребности прогрессирующего сельского хозяйства в капитале; во-2-х, вследствие роста поземельной ренты, дающего возможность расширить сельскохозяйственный кредит” (S. 87). Все рассуждения Каутского по этому вопросу чрезвычайно ценны теоретически и дают сильное оружие против столь распространенных (особенно во «всяких руководствах по экономии сельского хозяйства») буржуазных разглагольствований о «бедствиях» задолженности и о «мерах помощи»... «В-3-х, — заключает г. Булгаков, — сдаваемая в аренду земля может быть, в свою очередь, заложена и в этом смысле стать в положение земли не арендуемой». Станный довод! Пусть укажет г. Булгаков хоть одно экономическое явление, хоть одну экономическую категорию, которые бы не переплетались с другими. Случаи совмещения аренды с ипотекой не опровергают и даже не ослабляют того положения теории, что процесс отделения земли от сельского хозяина выражается в двух формах: в арендной системе и в ипотечной задолженности.

“Еще более неожиданным” и “вполне неверным” объявляет также г. Булгаков положение Каутского, что “страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения” (S. 88). Каутский говорит здесь о концентрации землевладения (при арендной системе) и концентрации ипотек (при системе собственного хозяйства землевладельцев), как об условии, облегчающем уничтожение частной поземельной собственности. По вопросу о концентрации землевладения, — продолжает Каутский, — нет такой статистики, “которая бы позволяла проследить соединение нескольких владений в одних руках”, но “в общем можно принять”, что увеличение числа аренды и площади арендованной земли идет рядом с концентрацией землевладения. “Страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения”. Ясно, что все это рассуждение Каутского только и относится к странам развитой арендной системы, а г. Булгаков ссылается на Восточную Пруссию, где он “надеется показать” рост аренды наряду с раздроблением крупного землевладения, и хочет этим отдельным примером опровергнуть Каутского! Концентрацию землевладения в странах ипотечной задолженности Каутский доказывает концентрацией ипотечных учреждений. Г-н Булгаков это находит недоказательным. “Легко может быть, — по его мнению, — что происходит деконцентрация капитала (путем акций) наряду с концентрацией кредитных учреждений”. Ну, по этому вопросу мы уже не станем спорить с г. Булгаковым.

Например, Каутский замечает очень метко, что на границе между крестьянским и маленьким помещичьим имением происходит «превращение количества в качество»: крупное крестьянское хозяйство может быть «если не технически, то экономически выше» мелкого помещичьего. Содержание научно-образованного управляющего (одно из важных преимуществ крупного производства) чересчур обременительно для мелкого поместья, а собственное заведование самого хозяина бывает часто лишь «юнкерским», но вовсе не научным. Во-вторых, превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного предела. Каутский подробно исследует эти пределы в дальнейшем изложении. Само собой разумеется также, что эти пределы не одинаковы для различных отраслей сельского хозяйства и при различных общественно-экономических условиях. В-третьих, Каутский нисколько не игнорирует того, что «пока» есть и такие отрасли сельского хозяйства, в которых мелкое производство специалисты признают способным к конкуренции, например, огородничество, виноградарство, культура торговых растений и т. п. (S. 115). Но такие культуры имеют совершенно подчиненное значение по отношению к главным (*entscheidenden*) отраслям сельского хозяйства: производству зернового хлеба и скотоводству. Кроме того, «и в области огородной культуры и культуры винограда имеются уже достаточно успешные крупные производства» (S. 115). Поэтому «если говорить о сельском хозяйстве в общем и целом (*im allgemeinen*), то те отрасли его, в которых мелкое производство имеет превосходство над крупным, не приходится брать в расчет, и вполне можно сказать, что крупное производство имеет решительное превосходство над мелким» (S. 116).

Доказав техническое превосходство крупного производства в земледелии (более подробно аргументы Каутского мы изложим ниже, разбирая возражения г. Булгакова), Каутский задается вопросом: “что может противопоставить мелкое производство преимуществам крупного?” и отвечает: “бóльшее прилежание и бóльшую заботливость работника, который, в отличие от наемника, работает на себя самого, а затем такой низкий уровень потребностей мелкого самостоятельного земледельца, который оказывается даже ниже уровня сельского рабочего” (S. 106), — и целым рядом рельефных данных о положении крестьян во Франции, Англии и Германии Каутский ставит вне всякого сомнения факт “чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве”. Наконец, Каутский указывает на то, что превосходство крупного производства выражается также в стремлении сельских хозяев устраивать товарищества: “товарищеское производство есть крупное производство”. Известно, как носятся с товариществами мелких земледельцев идеологи мещанства вообще и российские народники в частности (назовем хоть цитированную выше книгу г. Каблукова). Тем более значения приобретает поэтому превосходный анализ роли товариществ, данный Каутским. Товарищества мелких сельских хозяев являются, конечно, звеном экономического прогресса, но выражают они переход к капитализму (*Fortschritt zum Kapitalismus*), а вовсе не к коллективизму, как часто думают и утверждают (S. 118). Товарищества не ослабляют, а усиливают превосходство (*Vorsprung*) крупного производства в сельском хозяйстве над мелким, потому что крупные хозяева имеют больше возможности устраивать товарищества и больше пользуются этой возможностью. Что общинное, коллективистическое крупное производство выше капиталистического крупного производства, это Каутский признает — само собой разумеется — с полной решительностью. Он останавливается на опытах коллективного ведения земледелия, которые делались в Англии последователями Оуэна, на аналогичных общинах в Северо-Американских Соединенных Штатах. Все эти эксперименты, — говорит Каутский, — неопровержимо доказывают, что коллективное ведение работниками крупного современного земледелия вполне возможно, но, чтобы эта возможность перешла в действительность, для этого необходим “целый ряд известных экономических, политических и интеллектуальных условий”. Мелкому производителю (и ремесленнику, и крестьянину) мешает перейти к коллективному производству крайне слабое развитие солидарности, дисциплины, их изолированность, их “фанатизм собственников”, констатируемый не только среди западноевропейских крестьян, но, — добавим от себя, — и среди русских “общинных” крестьян (вспомните А. Н. Энгельгардта и Гл. Успенского). “Нелепо ждать, — категорически заявляет Каутский, — чтобы крестьянин в современном обществе перешел к общинному производству” (S. 129).

Таково чрезвычайно богатое содержание VI главы книги Каутского. Г-н Булгаков особенно недоволен этой главой. Каутский, — говорят нам, — повинен в “основном грехе” смешения различных понятий, “технические преимущества смешиваются с экономическими”. Каутский “исходит из неверного предположения, будто более совершенный технически способ производства является более совершенным, т. е. более жизнеспособным и экономически”. Это решительное суждение г-на Булгакова совершенно неосновательно, как, мы надеемся, убедился уже читатель из нашего изложения хода рассуждений Каутского. Нисколько не смешивая техники и экономики, Каутский поступает совершенно правильно, исследуя вопрос о соотношении крупного и мелкого производства в земледелии при прочих равных условиях в обстановке капиталистического хозяйства. В первой же фразе первого параграфа VI главы Каутский точно указывает эту связь между высотой развития капитализма и степенью общеприменимости закона о превосходстве крупного земледелия: “Чем более капиталистическим становится сельское хозяйство, тем в больших размерах развивает оно качественную разницу между техникой мелкого и крупного производства” (S. 92). В докапиталистическом земледелии этой качественной разницы не было. Что же сказать о строгом назидании г-на Булгакова Каутскому: “На самом деле, вопрос должен быть поставлен так: какое значение в

конкуренции крупного и мелкого производства, при данных социально-экономических условиях, могут иметь те или иные особенности каждой из этих форм производства?”. Это — “поправка” совершенно такого же свойства, как и рассмотренная нами выше.

Посмотрим теперь, как опровергает г. Булгаков аргументы Каутского в пользу технического превосходства крупного производства в земледелии. Каутский говорит: “Одно из важнейших отличий сельского хозяйства от индустрии состоит в том, что производство в собственном смысле слова (*Wirtschaftsbetrieb*, хозяйственное предприятие) обыкновенно связано здесь с домашним хозяйством (*Haushalt*), чего в индустрии нет”. А что более крупное домашнее хозяйство имеет преимущество над мелким по сбережению труда и материала, это вряд ли требует доказательств... Первое покупает (это заметьте! В. И.) “керосин, цикорий, маргарин — оптом, второе — в розницу, и пр.” (S. 93). Г-н Булгаков “поправляет”: “Каутский хотел сказать не то, что это технически выгодней, а что это стоит меньше”!.. Не ясно ли, что и в этом случае (как и во всех остальных) попытка г. Булгакова “поправлять” Каутского более, чем неудачна? “Этот аргумент, — продолжает строгий критик, — сам по себе тоже очень сомнителен, потому что в ценность продукта, при известных условиях, ценность разрозненных изб может вовсе не входить, а ценность общей избы войдет, да еще с процентом. Это тоже зависит от социально-экономических условий, которые — а не мнимо-технические преимущества крупного производства над мелким — следовало бы исследовать...” Во-1-х, г. Булгаков забывает ту мелочь, что Каутский, исследуя сначала сравнительное значение крупного и мелкого производства при прочих равных условиях, в дальнейшем изложении подробно разбирает и эти условия. Г-н Булгаков хочет, следовательно, смешать в одну кучу различные вопросы. Во-2-х. Каким образом ценность крестьянских изб может не входить в ценность продукта? Только в силу того, что крестьянин “не считает” ценности своего леса или своего труда по постройке и ремонту избы. Поскольку крестьянин ведет еще натуральное хозяйство, он, конечно, может “не считать” своего труда, — и г. Булгаков напрасно забывает сказать читателю, что Каутский с полной ясностью и точностью указывает это на стр. 165—167 своей книги (гл. VIII, “Пролетаризация крестьянина”). Но ведь теперь речь идет о “социально-экономических условиях” капитализма, а не натурального и не простого товарного хозяйства. А в капиталистической общественной обстановке “не считать” своего труда — значит отдавать даром свой труд (купцу или другому капиталисту), значит работать за неполную оплату рабочей силы, значит понижать уровень потребностей ниже нормы. Это отличие мелкого производства Каутский, как мы видели, вполне признал и верно оценил. Г-н Булгаков в своем возражении Каутскому повторяет обычный прием и обычную ошибку буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. Эти экономисты прожужжали все уши, воспевая “жизнеспособность” мелкого крестьянина, который-де может не считать своего труда, не гнаться за прибылью и рентой и пр. Эти добрые люди забывали только, что подобное рассуждение смешивает “социально-экономические условия” натурального хозяйства, простого товарного производства и капитализма. Каутский превосходно разъясняет все эти ошибки, строго различая тот или иной строй общественно-экономических отношений. “Если сельскохозяйственное производство мелкого крестьянина, — говорит он, — не вовлечено в область товарного производства, если оно составляет лишь часть домашнего хозяйства, тогда оно остается также вне области централизирующих тенденций современного способа производства. Как бы нерационально ни было его парцелльное хозяйство, к какой бы растрате сил оно ни вело, он держится за него прочно, — точно так же, как его жена держится за ее убогое домашнее хозяйство, которое точно так же дает при громадной затрате рабочей силы бесконечно жалкие результаты, но которое представляет из себя единственную область, где она не подчинена чужой воле и свободна от эксплуатации” (S. 165). Дело меняется, когда натуральное хозяйство вытесняется товарным. Крестьянину приходится продавать продукты, покупать орудия, покупать землю. Покуда крестьянин остается простым товаропроизводителем, он может довольствоваться жизненным уровнем наемного

рабочего; ему не нужны прибыль и рента, он может заплатить за землю более высокую плату, чем та, которую мог бы дать капиталист-предприниматель (S. 166). Но простое товарное производство вытесняется капиталистическим производством. Если, например, крестьянин заложил свою землю, он должен уже добывать и ренту, которая продана кредитору. На этой ступени развития только формально можно считать крестьянина простым товаропроизводителем. De facto он имеет уже обыкновенно дело с капиталистом — кредитором, купцом, промышленным предпринимателем, у которого он вынужден искать “подсобных занятий”, т. е. продавать ему свою рабочую силу. На этой стадии, — а Каутский, повторяем, сопоставляет крупное и мелкое земледелие в капиталистическом обществе, — возможность “не считать своего труда” означает для крестьянина лишь одно: надрываться над работой и бесконечно суживать свои потребности.

Так же несостоятельны и другие возражения г. Булгакова. Мелкое производство допускает в более узких пределах употребление машин; мелкому хозяину труднее и дороже достается кредит, — говорит Каутский. Г-н Булгаков находит, что эти аргументы неверны, и ссылается на... крестьянские товарищества! Полным молчанием обходятся при этом доказательства Каутского, давшего приведенную нами выше оценку этих товариществ и их значения. По вопросу о машинах г. Булгаков опять делает выговор Каутскому, что он не поставил “более общего экономического вопроса: какова вообще экономическая роль машин в сельском хозяйстве” (г. Булгаков забыл уже о IV главе книги Каутского!) “и является ли она в нем таким же неизбежным орудием, как в обрабатывающей промышленности?”. Каутский ясно указал капиталистический характер употребления машин в современном сельском хозяйстве (S. 39, 40 и следующие), отметил особенности земледелия, создающие “технические и экономические затруднения” применению машин в земледелии (S. 38 и следующие), привел данные о растущем употреблении машин (40), об их техническом значении (42 и следующие), о роли пара и электричества. Каутский указал, какие размеры хозяйств необходимы по данным агрономии для полного использования разных машин (94), указал, что по данным германской переписи 1895 года процент хозяйств, употребляющих машины, правильно и быстро повышается от мелких хозяйств к крупным (2% в хозяйствах до 2 гектаров; 13,8% в хоз. 2—5 г.; 45,8% в хоз. 5—20 г.; 78,8% в хоз. 20—100 г.; 94,2% в хоз. 100 и более гектаров). Г-н Булгаков желал бы вместо этих данных видеть “общие” рассуждения о “непобедимости” или победимости машин!..

“Указание на то, что при мелком производстве приходится большее количество рабочего скота на гектар... неубедительно... ввиду того, что при этом не исследуется... степень скотоинтенсивности хозяйства”, — говорит г. Булгаков. Открываем ту страницу книги Каутского, где делается это указание, и читаем:

“...Большое число коров в мелком хозяйстве” (по расчету на 1000 гектаров) “в незначительной степени зависит также и от того, что крестьянин более занимается скотоводством и менее производством хлебов, чем крупный хозяин; но различие в содержании лошадей не может быть объяснено этим” (стр. 96, где приведены данные о Саксонии 1860 г., о всей Германии 1883 г. и Англии 1880 года). Напомним, что и в России земская статистика обнаружила тот же закон, выражающий превосходство крупного земледелия над мелким: крупные крестьянские хозяйства обходятся меньшим, на единицу площади, количеством скота и инвентаря .

Изложение аргументов Каутского о превосходстве крупного производства над мелким в капиталистическом сельском хозяйстве дано г. Булгаковым далеко не полное. Превосходство крупного земледелия состоит не только в меньшей потере культурной площади, в сбережениях на живом и мертвом инвентаре, в более полном использовании инвентаря, в более широкой возможности применять машины, в большей доступности кредита, но также и в коммерческом превосходстве крупного хозяйства, в употреблении этим последним научно-образованных руководителей хозяйства (Kautsky, S. 104). Крупное земледелие в больших размерах пользуется кооперацией рабочих и разделением труда.

Особенно важное значение приписывает Каутский научному агрономическому образованию сельского хозяина. “Вполне научно-образованного сельского хозяина может содержать лишь такое производство, которое достаточно велико, чтобы труд руководства и надзора за хозяйством вполне занял рабочую силу лица” (S. 98: “эта величина хозяйства изменяется вместе с видом производства” от 3 гектаров при культуре винограда до 500 гектаров при экстенсивном хозяйстве). Каутский отмечает при этом тот интересный и крайне характерный факт, что распространение низших и средних сельскохозяйственных школ приносит пользу не крестьянину, а крупному хозяину, доставляя ему служащих (то же наблюдается и в России). «То высшее образование, которое необходимо для вполне рационального производства, трудно совместимо с современными условиями существования крестьян. Это означает осуждение, разумеется, не высшего образования, а условий жизни крестьян. Это означает лишь то, что крестьянское производство держится наряду с крупным производством не благодаря более высокой производительности, а благодаря более низким потребностям» (99). Крупное производство должно содержать не одни только крестьянские рабочие силы, но и городские рабочие силы, по уровню потребностей стоящие несравненно выше.

Те в высшей степени интересные и важные данные, которые приводит Каутский в доказательство “чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве”, г. Булгаков называет “несколькими (!) случайными (??) цитатами”. Г-н Булгаков “берется” привести такое же количество “цитат противоположного характера”. Он забывает только сказать, не берется ли он также выставить противоположное утверждение, которое он стал бы доказывать “цитатами противоположного характера”. В этом ведь вся суть дела! Не берется ли г. Булгаков утверждать, что крупное производство в капиталистическом обществе отличается от крестьянского чрезмерной работой и пониженным потреблением работника? Г-н Булгаков достаточно осторожен, чтобы выставлять такое комичное утверждение. Факт чрезмерной работы и понижения потребностей крестьян он считает возможным обойти замечанием, что “в одних местах крестьяне живут зажиточно, в других бедно!”. Что сказали бы вы об экономисте, который вместо обобщения данных о положении мелкого и крупного производства принялся бы исследовать разницу в “зажиточности” населения тех или других “мест”? Что сказали бы вы об экономисте, который обошел бы факт чрезмерной работы и пониженного потребления кустарей по сравнению с фабричными рабочими замечанием, что “в одних местах кустари живут зажиточно, в других бедно”? Кстати, о кустарях. “По-видимому, — пишет г. Булгаков, — Каутскому мысленно предносилась параллель Hausindustrie, где перерабатыванье не имеет технических границ” (как в земледелии), “но эта параллель сюда не годится”. По-видимому, — ответим мы на это, — г. Булгаков поразительно невнимательно отнесся к критикуемой им книге, потому что параллель с Hausindustrie не “мысленно предносилась Каутскому”, а прямо и точно указана им на первой же странице того параграфа, который посвящен вопросу о перерабатыванье (гл. VI, b, S. 106): “Как и в кустарной промышленности (Hausindustrie), семейная работа детей в мелком крестьянском хозяйстве действует еще губительнее, чем работа по найму у чужих лиц”. Как ни решительно декретирует г. Булгаков, что эта параллель сюда не годится, тем не менее его мнение совершенно ошибочно. В промышленности перерабатыванье не имеет технических границ, а для крестьянина “ограничено техническими условиями земледелия”, — рассуждает г. Булгаков. Спрашивается, кто же на самом деле смешивает технику и экономику: Каутский или г. Булгаков? При чем же тут техника земледелия или кустарной промышленности, когда факты говорят, что мелкий производитель и в земледелии, и в промышленности гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет “бережливее”, урезывает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется, как настоящий “варвар” (выражение Маркса)? Неужели можно отрицать экономическую однородность подобных явлений в земледелии и в промышленности на том основании, что земледелие имеет массу

особенностей (которых Каутский нисколько не забывает). “Мелкий крестьянин, даже при желании, не может работать больше, чем того требует его поле”, — говорит г. Булгаков. Но мелкий крестьянин может работать и работает по 14, а не по 12 часов; может работать и работает с той сверхнормальной напряженностью, которая изматывает его нервы и мускулы гораздо быстрее нормального. И потом, какая это неверная и утрированная абстракция — сводить все работы крестьянина к одному полю! У Каутского вы не найдете ничего подобного. Каутский прекрасно знает, что крестьянин работает также и в домашнем хозяйстве, работает над постройкой и ремонтом избы, хлева, орудий и пр., “не считая” всего этого добавочного труда, за который наемный рабочий в крупном хозяйстве потребует обычной платы. Не ясно ли для всякого непредубежденного человека, что перерабатыванье для крестьянина — мелкого земледельца — поставлено в несравненно более широкие пределы, чем для мелкого промышленника, если он только промышленник? Перерабатыванье мелкого земледельца, как всеобщий факт, наглядно доказывается тем, что все буржуазные писатели единогласно свидетельствуют о “прилежании” и “бережливости” крестьянина, обвиняя рабочих в “лености” и “мотовстве”.

Мелкие крестьяне, — говорит цитируемый Каутским исследователь быта сельского населения в Вестфалии, — непомерно заваливают своих детей работой, так что их физическое развитие задерживается; таких дурных сторон не имеет работа по найму. Парламентской комиссии, исследовавшей аграрный быт Англии (1897), один мелкий крестьянин из Линкольна заявлял: “Я воспитал целую семью и до полусмерти замучил ее работой”. Другой говорит: “Мы работаем с детьми по 18 часов, в среднем 10—12 часов”. Третий: “Мы работаем тяжелее, чем поденщики, мы работаем как рабы”. Г-н Рид (Read) следующим образом характеризует перед той же комиссией положение мелких крестьян в тех местностях, в которых преобладает земледелие в тесном смысле: “Единственное средство для него удержаться, это работать за двоих поденщиков, а расходовать столько же, сколько один поденщик. Его дети более замучены работой и хуже воспитаны, чем дети поденщиков” (“Royal Commission on Agriculture final report”, p. 34, 358. Цитир. у Каутского, S. 109). Не берется ли г. Булгаков утверждать, что не менее часто поденщики работают за двоих крестьян. Но особенно характерен следующий, приводимый Каутским, факт, показывающий, как “крестьянское искусство голодать (Hungerkunst) может вести к экономическому превосходству мелкого производства”: сравнение доходности двух крестьянских хозяйств в Бадене показывает в одном, крупном, дефицит в 933 марки, в другом, вдвое более мелком, избыток в 191 марку. Но первое хозяйство, которое велось исключительно наемными рабочими, должно было, как следует, кормить их, расходуя почти по 1 марке в день на человека (около 45 коп.), тогда как в мелком хозяйстве работали исключительно члены семьи (жена и 6 взрослых детей), содержание которых было вдвое более скудным: 48 пфеннигов в день на человека. Если бы семья мелкого крестьянина кормилась так же хорошо, как наемные рабочие крупного хозяина, мелкий получил бы дефицит в 1250 марок! “Его избыток происходил по из полных закромов, а из пустого желудка”. Какая масса подобных примеров была бы открыта, если бы сравнения “доходности” крупных и мелких хозяйств в земледелии сопровождалось учетом потребления и работы крестьян и наемных рабочих. Вот другой расчет более высокой доходности мелкого хозяйства (4,6 гект.) по сравнению с крупным (26,5 гект.), расчет, делаемый в одном из специальных журналов. Но как получается высший доход? — спрашивает Каутский. Оказывается, мелкому земледельцу помогают дети, помогают с того возраста, как только начинают ходить, крупному же приходится расходоваться на детей (школа, гимназия). В мелком и старики, имеющие более 70 лет, “замещают еще полную рабочую силу”. “Обыкновенный поденщик, особенно в крупном производстве, работает и думает: когда же это придет вечерний отдых; а мелкий крестьянин, по крайней мере при всех спешных работах, думает: ах, если бы день был хоть часика на два подольше”. Мелкие производители, — поучает нас все тот же автор статьи в агрономическом журнале,

— лучше используют время при спешных работах: “раньше встают, позже ложатся, быстрее работают, тогда как у крупного хозяина рабочие не хотят вставать раньше, ложиться позже, работать напряженнее, чем в другие дни”. Крестьянин умеет получать чистый доход благодаря своей “простой” жизни: живет в мазанке, построенной главным образом трудом семьи; жена замужем 17 лет и сносила всего одну пару ботинок, больше ходит босиком или в деревянных башмаках, семью она сама же и обшивает. Пища — картофель, молоко, изредка — селедка. Муж только по воскресеньям курит трубку табаку. “Эти люди не сознавали, что они живут особенно просто, и не выражали недовольства своим положением... При таком простом образе жизни они получали почти каждый год маленький избыток от своего хозяйства”.

Закончив анализ взаимоотношения крупного и мелкого производства в капиталистическом сельском хозяйстве, Каутский переходит к специальному выяснению “границ капиталистического сельского хозяйства” (гл. VII). Против теории превосходства крупного земледелия, — говорит Каутский, — восстают главным образом “друзья человечества” (мы чуть не сказали — друзья народа...) в рядах буржуазии, фритредеры чистого типа, аграрии. В последнее время многие экономисты выступают за мелкое земледелие. Ссылаются обыкновенно на статистику, которая показывает, что вытеснения мелких хозяйств крупными не происходит. И Каутский приводит данные статистики: в Германии с 1882 по 1895 г. всего больше возросла площадь средних хозяйств; во Франции с 1882 по 1892 г. — самых мелких и самых крупных; площадь средних уменьшилась. В Англии с 1885 по 1895 г. уменьшилась площадь самых мелких и самых крупных хозяйств; всего больше увеличилась площадь хозяйств в 40—120 ha (100—300 акров), т. е. хозяйств, которых нельзя отнести к мелким. В Америке средняя величина фермы понижается: 1850 — 203 акра; 1860 — 199; 1870 — 153; 1880 — 134; 1890 — 137. Каутский рассматривает ближе данные американской статистики, и его анализ, вопреки мнению г. Булгакова, имеет важное принципиальное значение. Главная причина уменьшения среднего размера ферм — раздробление крупных плантаций юга после освобождения негров; в южных штатах средний размер ферм понизился более чем вдвое. “Победы мелкого производства над современным” (= капиталистическим) “крупным производством не усмотрит в этих цифрах ни один понимающий дело человек”. Вообще разбор данных американской статистики по отдельным районам показывает много разнообразных отношений. В северо-центральной полосе, в главных “пшеничных штатах”, средняя величина фермы повысилась с 122 до 133 акров. “Лишь там мелкое производство получает преобладание, где сельское хозяйство находится в упадке или где докапиталистическое крупное производство вступает в конкуренцию с крестьянским производством” (135). Этот вывод Каутского очень важен, потому что он показывает те условия, без которых употребление статистики может быть лишь зло-употребительным: необходимо отличать капиталистическое крупное производство от докапиталистического. Необходимо детализировать исследование по отдельным районам, которые отличаются существенными особенностями в формах земледелия и в исторических условиях его развития. Говорят: “цифры доказывают”! Но надо же разобрать, что именно доказывают цифры. Они доказывают только то, что они прямо говорят. Прямо говорят цифры не о размерах производства, а о площади хозяйств. Между тем, возможно, и на деле так бывает, что “маленькое имение при интенсивном хозяйстве может быть более крупным производством, чем большое при экстенсивном хозяйстве”. “Статистика, дающая нам сведения только о площади хозяйства, не говорит ровно ничего по вопросу о том, основывается ли уменьшение площади хозяйства на действительном уменьшении размеров хозяйства или же на интенсификации хозяйства” (146). Лесное и выгонное хозяйство, эти первые формы капиталистического крупного хозяйства, допускают наибольшую площадь имений. Полеводство требует уже меньшей площади хозяйства. Разные системы полеводства опять-таки различны в этом отношении: хищническая, экстенсивная система хозяйства (которая преобладала в Америке до сих пор) допускает

громадные фермы (до 10 000 гектаров, как *bonanza farms* Дальримпля, Гленна и др. И в наших степях крестьянские посеы, а тем более купеческие, достигают таких размеров). Переход к удобрению и пр. необходимо ведет к уменьшению площади хозяйств, которые, например, в Европе мельче, чем в Америке. Переход от полеводственной системы хозяйства к скотоводственной опять-таки требует уменьшения площади хозяйства: в Англии в 1880 г. средний размер скотоводственных хозяйств был 52,3 акра, а полеводственных, зерновых хозяйств 74,2 акра. Поэтому совершающийся в Англии переход от земледелия к скотоводству должен порождать тенденцию к уменьшению площади хозяйства. “Но это значило бы судить очень поверхностно, если бы отсюда стали заключать об упадке производства” (149). В Ост-Эльбии (исследованием которой г. Булгаков надеется со временем опровергнуть Каутского) происходит именно переход к интенсивному хозяйству: крупные земледельцы, — говорит цитируемый Каутским Зеринг, — усиливают производительность своей почвы, продавая или сдавая в аренду крестьянам отдаленные части имения, потому что при интенсивном хозяйничанье эти отдаленные части трудно утилизировать. “Таким образом, крупные имения в Ост-Эльбии уменьшаются, рядом с ними создаются мелкие крестьянские хозяйства, и это не потому, что мелкое производство выше крупного, а потому, что прежние размеры имений были приспособлены к нуждам экстенсивного хозяйства” (150). Уменьшение площади хозяйства во всех этих случаях ведет обыкновенно к увеличению (с единицы земли) количества продукта, часто к увеличению числа занятых рабочих, т. е. к фактическому увеличению размеров производства.

Понятно из этого, как мало доказательны огульные данные сельскохозяйственной статистики о площадях хозяйств и с какой осторожностью следует пользоваться ими. Ведь в промышленной статистике мы имеем дело с прямыми показателями размеров производства (количество товара, сумма производства, число рабочих) и притом легко можем выделить отдельные производства. Этим необходимым условиям доказательности сельскохозяйственная статистика очень редко удовлетворяет.

Затем монополия земельной собственности полагает пределы земледельческому капитализму: в промышленности капитал растет накоплением, обращением сверхстоимости в капитал; централизация, т. е. соединение нескольких мелких капиталов в крупный, играет меньшую роль. Иначе в земледелии. Земля вся занята (в цивилизованных странах), а расширить площадь хозяйства можно только централизацией нескольких участков, притом так, чтобы они составляли общую площадь. Понятно, что расширение имения скупкой окрестных участков — вещь очень трудная, особенно ввиду того, что мелкие участки отчасти заняты сельскими рабочими (необходимыми для крупного хозяина), отчасти мелкими крестьянами, обладающими искусством держаться путем безмерного и невероятного понижения потребностей. Это констатирование простого и ясного, как день, факта, указывающего пределы сельскохозяйственного капитализма, почему-то показалось г. Булгакову “фразой” (?!!) и дало повод для самых неосновательных ликований: “Итак (!), превосходство крупного производства разбивается (!) перед первым препятствием”. Г-н Булгаков сначала неверно понял закон превосходства крупного производства, приписав ему непомерную абстрактность, от которой очень далек Каутский, а теперь обращает свое непонимание в довод против Каутского! В высшей степени странно мнение г. Булгакова, будто он может опровергнуть Каутского ссылкой на Ирландию (крупное землевладение, но без крупного производства). Из того, что крупное землевладение есть одно из условий крупного производства, никак не следует, чтобы оно было достаточным условием. Рассматривать же исторические и другие причины особенностей Ирландии или другой страны, конечно, не мог Каутский в сочинении о капитализме в сельском хозяйстве вообще. Ведь никто не вздумал бы требовать от Маркса, чтобы он, анализируя общие законы капитализма в промышленности, разъяснял, почему во Франции дольше держится мелкая промышленность, почему в Италии промышленность развивается слабо и т. п. Точно так же несостоятельно указание г.

Булгакова на то, что концентрация «могла бы» идти постепенно: расширить имение покупкой участков соседей далеко не так просто, как пристроить новые помещения к фабрике для добавочного числа станков и т. п.

Ссылаясь на эту чисто фиктивную возможность постепенной концентрации или аренды для образования крупных хозяйств, г. Булгаков обратил мало внимания на действительную особенность земледелия в процессе концентрации, — особенность, указанную Каутским. Это латифундии, скопление нескольких имений в одних руках. Статистика считает обыкновенно только отдельные имения и не дает никаких сведений о процессе концентрации разных имений в руках крупных землевладельцев. Каутский сообщает относительно Германии и Австрии весьма рельефные примеры такой концентрации, приводящей к особой, высшей форме крупного капиталистического земледелия, когда несколько крупных имений соединяются в одно хозяйственное целое, управляемое одним центральным органом. Такое гигантское сельскохозяйственное предприятие дает возможность соединять самые различные отрасли сельского хозяйства и в наибольших размерах пользоваться выгодами крупного производства.

Читатель видит, как далек Каутский от абстрактности и шаблонности понимания “теории Маркса”, которой он остается верным. Предостерегая от этой шаблонности понимания, Каутский вставил в рассматриваемую главу даже особый параграф о гибели мелкого производства в промышленности. Он очень верно указывает, что победа крупного производства и в промышленности вовсе не так проста и идет не в таких однообразных формах, как привыкли думать люди, говорящие о неприменимости теории Маркса к земледелию. Достаточно указать на капиталистическую домашнюю работу, достаточно напомнить сделанное уже Марксом замечание о чрезвычайной пестроте переходных и смешанных форм, затемняющих победу фабричной системы. Во сколько раз сложнее обстоит дело в сельском хозяйстве! Развитие богатства и роскоши ведет, например, к тому, что миллионеры скупают громадные поместья, обращают их под леса для своей забавы. В Австрии, в Зальцбурге, количество рогатого скота уменьшается с 1869 г. Причина — продажа Альпов богачам-любителям охоты. Очень метко говорит Каутский, что, если брать данные сельскохозяйственной статистики огульно и без критики, тогда ничего не стоит открыть тенденцию капиталистического способа производства к превращению современных народов в охотничьи племена!

Наконец, в числе условий, ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих — вследствие ухода населения из деревень — заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землей, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам. Совершенно неимущий сельский рабочий — редкость, потому что в земледелии сельское хозяйство, в строгом смысле, связано с домашним хозяйством. Целые категории сельскохозяйственных наемных рабочих владеют или пользуются землей. Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется, — крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли. “Во всех европейских странах, — говорит цитируемый Каутским Зеринг, — замечается в последнее время движение... сделать сельских рабочих оседлыми посредством наделения их землей”. Таким образом, в пределах капиталистического способа производства невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии, ибо сами капиталисты и аграрии стремятся возродить его, когда разорение крестьянства зашло чересчур далеко. Маркс еще в 1850 г. указал, в “*Neue Rheinische Zeitung*”, на этот круговорот концентрации и раздробления земли в капиталистическом обществе.

Г-н Булгаков находит, что в этих рассуждениях Каутского “есть доля истины, а еще больше заблуждений”. Подобно всем остальным приговорам г. Булгакова, и этот мотивирован крайне слабо и крайне туманно. Г-н Булгаков находит, что Каутский “конструировал теорию пролетарского - мелкого производства”, что эта теория верна для очень ограниченного района. Мы держимся другого мнения. Сельскохозяйственная наемная

работа мелких земледельцев (или, что то же, тип батрака и поденщика с наделом) есть явление, свойственное, в той или другой степени, всем капиталистическим странам. Ни один писатель, желающий изобразить капитализм в земледелии, не в состоянии будет, не погрешая против истины, оставить в тени это явление. Что в частности в Германии пролетарское мелкое производство есть всеобщий факт, — это обстоятельно доказал Каутский в VIII главе своей книги: “Пролетаризация крестьянина”. Указание г. Булгакова на то, что о “недостатке рабочих” говорили и другие писатели, в числе их г. Каблуков, оставляет в тени самое главное: громадную принципиальную разницу между теорией г. Каблукова и теорией Каутского. Г-н Каблуков, вследствие свойственной ему Kleinbürger'ской (*мелкобуржуазной. *Red*). точки зрения, “конструирует” из недостатка рабочих несостоятельность крупного производства и жизнеспособность мелкого. Каутский точно характеризует факты и указывает их настоящее значение в современном классовом обществе: классовые интересы землевладельцев заставляют их стремиться к наделению земель рабочих. Классовое положение сельскохозяйственных наемных рабочих с наделом ставит их между мелкой буржуазией и пролетариатом, но ближе к последнему. Другими словами: г. Каблуков возводит одну сторону сложного процесса в теорию несостоятельности крупного производства, Каутский же анализирует те особые формы общественно-экономических отношений, которые создаются интересами крупного производства на известной стадии его развития и при известной исторической обстановке.

Теоретическое обоснование фритредерство получило в трудах А. Смита и Д. Рикардо.

В России фритредерские взгляды получили распространение главным образом среди той части помещиков, которая была заинтересована в свободном сбыте хлеба на мировом рынке.

Классовая сущность фритредерства была вскрыта К. Марксом в “Речи о свободе торговли” (1848) и других работах. Не отрицая прогрессивности требования свободы торговли, поскольку она ускоряет развитие капитализма и обостряет классовые противоречия, Маркс показал, что лозунг свободной торговли буржуазия использует в целях социальной демагогии и обмана народных масс, прикрывая им свое стремление к неограниченной эксплуатации пролетариата, экономическому закабалению слаборазвитых стран и колониальной экспансии.

Характеристику фритредерства см. в работе В. И. Ленина “К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты” (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 248—262).

Переходим к следующей главе книги Каутского, название которой мы сейчас привели. Каутский исследует здесь, во-первых, “тенденцию к раздроблению земли”, во-вторых, “формы крестьянских подсобных промыслов”. Таким образом, здесь обрисовываются те в высшей степени важные тенденции сельскохозяйственного капитализма, которые свойственны громадному большинству капиталистических стран. Раздробление земли ведет, — говорит Каутский, — к усиленному спросу на мелкие участки со стороны мелких крестьян, которые платят за землю дороже, чем крупные хозяева. Этот последний факт был приводим некоторыми писателями в подтверждение того, что мелкое земледелие выше крупного. Каутский очень метко отвечает на это сравнением цен на землю с ценами на квартиры: известно, что маленькие и дешевые квартиры обходятся дороже, по расчету на единицу объема (1 куб. сажень и т. п.), чем большие и дорогие квартиры. Высшая цена мелких участков объясняется не превосходством мелкого земледелия, а особенно угнетенным положением крестьянина. Какую массу карликовых хозяйств вызвал на свет капитализм, это видно из таких цифр: в Германии (1895) из 5½ млн. сельскохозяйственных предприятий 4¼ млн., т. е. более ¾, имеют площадь менее 5 гектаров (58% менее 2 гект.). В Бельгии 78% (7091/2 тыс. из 909) менее 2 гект. В Англии (1895) 118 тыс. из 520 тыс. менее 2 гект. Во Франции (1892) 2,2 млн. (из 5,7 млн.) менее 1 гект.; 4 млн. — менее 5 гект. Г-н Булгаков думает опровергнуть утверждение Каутского о крайней нерациональности

этих карликовых хозяйств (недостаток скота, инвентаря, денег, рабочих сил, отвлекаемых сторонними заработками) ссылкой на то, что земля “очень часто” (??) возделывается лопатой “с невероятной степенью интенсивности”, хотя... при “крайне нерациональной затрате рабочих сил”. Само собой разумеется, что это возражение совершенно несостоятельно, что отдельные примеры превосходной обработки земли мелким крестьянином так же мало способны опровергнуть общую характеристику этого типа хозяйств, данную Каутским, как вышеприведенный пример большей доходности мелкого хозяйства не опровергает положения о превосходстве крупного производства. Что Каутский вполне прав, относя эти хозяйства в общем и целом к пролетарским, это ясно видно из того, обнаруженного германской переписью 1895 г., факта, что масса мелких хозяйств не обходится без стороннего заработка. Из всего числа 4,7 млн. лиц, самостоятельно живущих сельским хозяйством, 2,7 млн. или 57% имеют еще сторонние заработки. Из 3,2 млн. хозяйств, имеющих менее 2 гектаров земли, только 0,4 млн. или 13% не имеют стороннего заработка! Во всей Германии из 5½ млн. сельских хозяйств 1½ миллиона принадлежат сельскохозяйственным и промышленным наемным рабочим (+ 704 тыс. ремесленникам). И после этого г. Булгаков решается утверждать, что теория пролетарского мелкого землевладения “конструирована” Каутским!* Формы пролетаризации крестьянства (формы крестьянских подсобных промыслов) исследованы Каутским в высшей степени обстоятельно (S. 174—193). К сожалению, место не позволяет нам подробно остановиться на характеристике этих форм (сельскохозяйственная работа по найму, кустарная промышленность — Hausindustrie — “гнуснейшая система капиталистической эксплуатации”; работа на фабриках и рудниках и т. п.). Отметим только, что оценку отхожих промыслов Каутский дает именно такую, какую дают и русские ученые. Отхожие рабочие, более неразвитые и имеющие более низкие потребности, чем городские рабочие, нередко оказывают вредное действие на условия жизни этих последних. «Но для тех мест, откуда они выходят и куда они возвращаются, они являются пионерами прогресса... Они перенимают новые потребности, новые идеи» (S. 192), они будят сознание и чувство человеческого достоинства, будят веру в свои силы среди захолустного крестьянства.

В заключение остановимся на последнем, особенно резком нападении г-на Булгакова на Каутского. Каутский говорит, что в Германии с 1882 по 1895 г. всего сильнее возросли в числе самые мелкие (по площади) и самые крупные хозяйства (так что парцелляция земли идет на счет средних хозяйств). И действительно, хозяйства до 1 га увеличились в числе на 8,8%; хозяйства от 5 до 20 га — на 7,8%, а хозяйства выше 1000 га — на 11% (промежуточные разряды почти не изменились, а все число сельских хозяйств возросло на 5,3%). Г-н Булгаков глубоко возмущается тем, что берутся процентные отношения о крупнейших хозяйствах, число которых ничтожно (515 и 572 за указанные годы). Возмущение г-на Булгакова совершенно неосновательно. Он забывает, что эти ничтожные по числу предприятия — самые крупные, что они занимают почти столько же земли, сколько и 2,3—2,5 млн. карликовых хозяйств (до 1 га). Если я скажу, что число крупнейших фабрик, имеющих 1000 и более рабочих, возросло в стране, скажем, с 51 до 57, на 11,0%, тогда как все число фабрик возросло на 5,3%, — разве это не будет показывать роста крупного производства, несмотря на то, что число крупнейших фабрик может быть ничтожно сравнительно со всем числом фабрик? Тот факт, что по доле занимаемой площади всего больше возросли хозяйства крестьянские, от 5 до 20 га (г. Булгаков, стр. 18), Каутский прекрасно знает и рассматривает его в следующей главе. Каутский берет далее изменения в количестве площади у разных разрядов в 1882 и 1895 гг. Оказывается, наибольшее увеличение (+ 563 477 га) у крестьянских хозяйств в 5—20 га, затем у крупнейших, более 1000 га (+94014), — тогда как площадь хозяйств в 20—1000 га уменьшилась на 86 809 га. Хозяйства до 1 га увеличили свою площадь на 32 683 га, а хозяйства в 1—5 га на 45 604 га.

И Каутский заключает: уменьшение площади хозяйств от 20 до 1000 гектаров (более чем уравновешиваемое увеличением площади хозяйств в 1000 и более гектаров) зависит не от упадка крупного производства, а от интенсификации его. Мы уже видели, что эта интенсификация идет вперед в Германии и что она требует часто уменьшения площади хозяйства. Что происходит интенсификация крупного производства, это видно из растущего употребления паровых машин, а также из громадного роста числа сельскохозяйственных служащих, которые употребляются в Германии только крупным производством. Число управляющих имениями (инспекторов), надсмотрщиков, бухгалтеров и пр. возросло с 1882 по 1895 г. с 47 465 до 76 978, на 62%; процент женщин среди этих служащих возрос с 12% до 23,4%.

“Все это ясно показывает, насколько более интенсивным и более капиталистическим сделалось крупное сельскохозяйственное производство с начала 80-х годов. Объяснение того, почему наряду с этим так сильно увеличили свою площадь именно среднекрестьянские хозяйства, мы увидим в следующей главе” (S. 174).

Г-н Булгаков усматривает в этом изображении “вопиющее противоречие с действительностью”, но его доводы и на этот раз несколько не оправдывают такого решительного и смелого вердикта и ни на йоту не колеблют заключения Каутского. “Прежде всего, интенсификация хозяйства, если бы она произошла, не объясняет еще собою и относительного, и абсолютного уменьшения пашни, уменьшения всего удельного веса группы хозяйств в 20—1000 ha. Размеры пашни могли бы увеличиться одновременно с увеличением числа хозяйств; последнее должно бы лишь (sic!) увеличиться несколько быстрее, так что размеры площади каждого данного хозяйства стали бы менее”.

Мы нарочно выписали целиком это рассуждение, из которого г. Булгаков выводит, будто “уменьшение размеров предприятия под влиянием роста интенсивности есть чистая фантазия” (sic!), потому что это рассуждение рельефно показывает нам ту самую ошибку злоупотребления “данными статистики”, от которой так убедительно предостерегал Каутский. Г-н Булгаков предъявляет к статистике площадей хозяйств требования, до смешного строгие, придает этой статистике такое значение, которого она никогда не может иметь. Почему, в самом деле, площадь пашни должна была “несколько” увеличиться? Почему интенсификация хозяйства (ведущая иногда, как мы видели, к продаже и сдаче в аренду крестьянам удаленных от центра кусков имения) не “должна” была передвинуть известное число хозяйств из высшего разряда в низший? почему она не “должна” была уменьшить площадь пашни хозяйств в 20—1000 гектаров? В промышленной статистике уменьшение суммы производства крупнейших фабрик говорило бы об упадке крупного производства. Уменьшение же площади, крупных имений на 1,2% ровно ничего не говорит и не может говорить о размерах производства, нередко растущих с уменьшением площади хозяйства. Мы знаем, что в Европе вообще происходит то вытеснение зерновых хозяйств скотоводственными, которое особенно сильно в Англии. Мы знаем, что этот переход требует иногда уменьшения площади хозяйств, но не странно ли было бы выводить из уменьшения площади хозяйств упадок крупного производства? Поэтому, между прочим, “красноречивая таблица”, приводимая г. Булгаковым на стр. 20-й и показывающая уменьшение числа крупных и мелких, увеличение.

Чтобы закончить изложение VIII главы книги Каутского о пролетаризации крестьян, необходимо привести следующее место: “Что нас интересует здесь,— говорит Каутский вслед за цитированным нами выше и приведенным у г. Булгакова местом, — это тот факт, что пролетаризация сельского населения идет вперед в Германии, как и в других местах, несмотря на то, что тенденция к парцеллированию средних имений перестала действовать в Германии. С 1882 по 1895 г. число

---

* Действительно, курьезно замечание г. Булгакова, что рост числа служащих свидетельствует, может быть, о росте сельскохозяйственной промышленности, но только не (!) о растущей интенсивности крупного производства. Мы думали до сих пор, что

одной из важнейших форм роста интенсивности является рост сельскохозяйственных технических производств (подробно описанный и оцененный Каутским в X главе).

** Kärger, цитир. у Каутского, S. 45 (Кергер, цитир. у Каутского, стр. 45. *Ред.*).

всех сельских хозяйств возросло на 281 000. Из этого числа громадное большинство падает на увеличение пролетарских хозяйств до 1 гектара. Эти хозяйства увеличились на 206 000.

“Как мы видим, движение сельского хозяйства — совсем особое, совершенно отличное от движения промышленного и торгового капитала. В предыдущей главе мы указали на то, что в сельском хозяйстве тенденция к централизации хозяйств не ведет к полному уничтожению мелкого производства. Когда эта тенденция заходит слишком далеко, она порождает противоположную тенденцию, так что тенденция к централизации и тенденция к парцелляции взаимно сменяют друг друга. Теперь мы видим, что обе тенденции могут действовать также рядом. Растет число сельских хозяйств, владельцы которых выступают на товарном рынке в качестве пролетариев, продавцов рабочей силы... У этих мелких сельских хозяев, как продавцов товара— рабочая сила, все существенные интересы общи с интересами промышленного пролетариата, а их землевладение не порождает у них антагонизма к этому последнему. Своя земля эмансипирует более или менее парцелльного крестьянина от торговца съестными припасами, но она не эмансипирует его от эксплуатации капиталистическим предпринимателем, все равно — промышленным или сельскохозяйственным” (S. 174).

В следующей статье мы изложим остальную часть книги Каутского и дадим общую оценку ее, рассматривая попутно те возражения, которые делает г. Булгаков в своей дальнейшей статье.

Константин Бальмонт. Путь правды

Сонет

Пять чувств - дорога лжи. Но есть восторг экстаза,
Когда нам истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющего глаза
Горит узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрешенность сна,
Из угля черного - рождение алмаза.
Нам правда каждый раз - сверхчувственно дана,
Когда мы вступим в луч священного экстаза.

В душе у каждого есть мир незримых чар,
Как в каждом дереве зеленом есть пожар,
Еще не вспыхнувший, но ждущий пробужденья.

Коснись до тайных сил, шатни тот мир, что спит,
И, дрогнув радостно от счастья возрожденья,
Тебя неожиданное так ярко ослепит.

Будильник

«Будильник» — сатирический еженедельный журнал с карикатурами, издававшийся в 1865—1871 в Петербурге, в 1873—1917 — в Москве.

Основателем и редактором «Будильника» до 1877 был Н. А. Степанов — карикатурист демократического направления. В дальнейшем журнал редактировали Н. Кугель, Н. П. Кичеев, Е. Арнольд, В. Д. Левинский и другие.

В 1860-х годах в «Будильнике» печатались поэты-сатирики Г. Н. Жулев, Д. Д. Минаев, Л. И. Пальмин, писатель А. И. Левитов, карикатурист А. Лебедев и другие. Начиная с 1864 с журналом сотрудничал К. М. Станюкович. В 1866—1867 литературным отделом журнала заведовал П. И. Вейнберг.

В 1870-х годах сатира и юмор становятся менее острыми. В начале 1880-х годов в «Будильнике» под псевдонимами А. Чехонте, Брат моего брата и др. печатался А. П. Чехов. В 1881—1891 в журнале сотрудничал юморист Е. Ф. Кони, сын Ф. А. Кони, брат Анатолия Кони. В 1880-х в журнале публиковались произведения А. В. Амфитеатрова, А. В. Арсеньева, Л. Г. Граве. В «Будильнике» неоднократно печатался российский юморист В. Р. Щиглев.

В «Будильнике» работали известный впоследствии под псевдонимом Моор график Дмитрий Орлов, знаменитый архитектор Фёдор Шехтель (под псевдонимами Ф. Ш. и Финь-Шампань), писатель В. А. Гиляровский.

Марс XIX века.

Марс: - За свой век со всеми нациями хорошо "поработал", только с этими двумя не окончил "работы". Ну что же, понесу их "на чаёк" новому веку.

Примечание Собралио: В левой руке Марс держит человечка с надписью "Китаец", а в правой с надписью "Бур".

Перед Вами первая страница последнего номера за 1900 год и соответственно за девятнадцатый век российского юмористического журнала Будильник.

Выставка Будильника редкостей и изобретений XIX века.

Подписи под рисунками:

Творец современных иероглифов.

Точный копиист человеческой болтовни.

Говорящий автомат.

Ценная игрушка для богатых.

Бутафорская Луна для влюблённых; удобство: часто гаснет.

Пишущий автомат.

Паровая костодробилка.

Магниты XIX века, которых на воде всегда притягивает друг к другу.

Городское самоуправление.

Перед Вами девятая страница последнего номера за 1900 год и соответственно за девятнадцатый век российского юмористического журнала Будильник.⁸⁴

⁸⁴ <http://sobralio.net/humor/?q=node/20>

Антон Чехов. Идеальный экзамен

(КРАТКИЙ ОТВЕТ НА ВСЕ ДЛИННЫЕ ВОПРОСЫ)

Conditio sine qua non: {Непременное условие (лат.).} очень умный учитель и очень умный ученик. Первый ехиден и настойчив, второй неуязвим. Как идеальная пожарная команда приезжает за полчаса до пожара, так у идеального ученика готовы ответы за полчаса до вопроса. Для краткости и во избежании большого гонорара [Не понимаю, что в нем хорошего!? Автор.], излагаю суть в драматической форме.

Учитель. Вы сейчас сказали, что земля представляет собой шар. Но вы забываете, что на ней есть высокие горы, глубокие овраги, московские мостовые, которые мешают ей быть круглой!

Ученик. Они мешают ей быть круглой столько же, сколько ямочки на апельсине или прыщи на физиономии.

Учитель. А что значит физиономия?

Ученик. Физиономия есть зеркало души, которое так же легко разбивается, как и всякое другое зеркало.

Учитель. А что значит зеркало?

Ученик. Зеркало есть прибор, на котором женщина десять раз в день взвешивает свое оружие. Зеркало -- это пробирная палатка для женщины.

Учитель (*ехидственно*). Боже мой, как вы умны! (*Подумав.*) Сейчас я задам вам один вопрос... (*Быстро.*) Что такое жизнь?

Ученик. Жизнь есть гонорар, получаемый не авторами, а их произведениями.

Учитель. А как велик этот гонорар?

Ученик. Он равен тому гонорару, который платят плохие редакции за очень плохие переводы.

Учитель. Так-с... А не можете ли вы сказать нам чего-нибудь о железных дорогах?

Ученик (*быстро и отчетливо*). Железной дорогой, в обширном значении этого слова, называется инструмент, служащий для транспортирования кладей, кровопускания и доставления неимущим людям сильных ощущений. Она состоит собственно из дороги и из железнодорожных правил. Последние суть следующие. Железнодорожные вокзалы подлежат санитарному надзору наравне с бойнями, железнодорожный же путь -- наравне с кладбищами: в видах сохранения чистоты воздуха как те, так и другой должны находиться на приличном расстоянии от населенных мест. Особь, транспортируемая по железной дороге, именуется пассажиром, прибыв же к месту своего назначения, переименовывается в покойника. Человек, едущий к тетке в Тамбов или к кухне в Саратов, в случае нежелания своего попасть волею судеб *ad patres*, {к праотцам (лат.).} должен заявить о своем нежелании, но не позже шести месяцев после крушения. Желаящие писать завещания получают чернила и перья у обер-кондуктора за установленную плату. При столкновении поездов, схождении с рельсов и проч. пассажиры обязуются соблюдать тишину и держаться за землю. При столкновении двух поездов третий мешаться не должен...

Учитель. Довольно, постойте... Ну, а что такое справедливость?

Ученик. Справедливость есть железнодорожная такса, вывешенная на внутренней стене каждого вагона: за разбитое стекло 2 руб., за разорванную занавеску 3 руб., за оборванную обивку дивана 5 руб., за поломку же собственной персоны в случае крушения пассажир ничего не платит.

Учитель. Кто поливает московские улицы?

Ученик. Дождь.

Учитель. А кто получает за это деньги?

Ученик. (Имя рек).

Учитель. Ну-с... А что вы можете сказать о конно-железной дороге?

Ученик. Конно-железная, или попросту называемая конно-лошадиная дорога состоит из нутра, верхотуры и конно-железных правил. Нутро стоит пять копеек, верхотура три

копейки, конно-железные же правила ничего. Первое дано человечеству для удобнейшего созерцания кондукторских нравов, вторая -- для засматривания по утрам в декольтированные окна вторых этажей, третья же для их исполнения. Правила эти суть следующие. Не конка для публики, а публика для конки. При входе кондуктора в вагон публика должна приятно улыбаться. Движение вперед, движение назад и абсолютный покой суть синонимы. Скорость равна отрицательной величине, изредка нулю и по большим праздникам двум вершкам в час. За сходжение вагона с рельсов пассажир ничего не платит.

Учитель. Скажите, пожалуйста, для чего это два вагона при встрече друг с другом звонят в колокола и для чего это контролеры отрывают уголки у билетов?

Ученик. То и другое составляет секрет изобретателей.

Учитель. Какой писатель вам больше всех нравится?

Ученик. Тот, который умеет вовремя поставить точку.

Учитель. Резонно... А не знаете ли вы, кто учинил бесчинство, мозолящее в настоящую минуту глаза читателя?

Ученик. Это составляет секрет редакции... Впрочем, для вас я, пожалуй... Я, если хотите, открою вам этот секрет... (*шепотом*). Бесчинство учинил на старости лет⁸⁵

А. Чехонте.

Антон Чехов. Кавардак в Риме

КОМИЧЕСКАЯ СТРАННОСТЬ В 3-х ДЕЙСТВИЯХ, 5-ти КАРТИНАХ, С ПРОЛОГОМ И ДВУМЯ ПРОВАЛАМИ

Действующие лица:

Граф Фалькони, очень толстый человек.

Графиня, его неверная жена.

Луна, приятная во всех отношениях планета.

Артур, художник-чревовещатель, поющий чревом.

Гессе, художник. Просят не смешивать со спичечным фабрикантом и коробочным сатириком Гессе.

Сиротка, в красных чулочках. Невинна и добродетельна, но не настолько, чтобы стесняться в выборе мужского костюма.

Лентовский, с ножницами. Разочарован.

Касса, старая дева.

Большой Сбор, Маленький Сбор, ее дети.

Барабанщики, факиры, монахини, лягушки, бык из папье-маше, один лишний художник, тысяча надежд, злые гении и проч.

ПРОЛОГ

Начинается апофеозом по рисунку Шехтеля: *Касса*, бледная, тощая, держит на руках голодного сына своего, *Маленького Сбора*, и с мольбою глядит на публику. *Лентовский* заносит кинжал, стараясь убить *Маленького Сбора*, но это ему не удается, так как кинжал туп. Картина. Бенгальские огни, стоны... Через сцену пролетает вампир.

Лентовский. Убью тебя, о, ненавистный ребенок! Иван, подай мне сюда другой нож! (*Иван, похожий на Андраши, подает ему нож, но в это время спускается Злой гений.*)

Злой гений (*шепчет Лентовскому*). Поставь "Кавардак в Риме" -- и дело в шляпе: *Маленький Сбор* погибнет.

---

⁸⁵ Будильник", 1884, N 23 (ценз. разр. 16 июня), стр. 277-280.

Лентовский (*хлопает себя по лбу*). И как это я раньше не догадался! Григорий Александрович, ставьте "Кавардак в Риме"! (*Слышен голос Арбенина: "Шикарно!"*) С Процессией, черт возьми! (*Засыпает в сладких надеждах.*)

ДЕЙСТВИЕ I

Сиротка (*сидит на камушке*). Я влюблена в Артура... Больше я вам ничего не могу сказать. Сама я маленькая, голос у меня маленький, роль маленькая, а если я говорю большие длинноты, так на то у вас уши и терпение есть. Я-то еще ничего, а вот подождите-ка, какой длиннотой угостит вас сейчас Тамарин! Еще и не так поморщитесь! (*Киснет.*)

Луна. Гм! (*Зекает и хмурится.*)

Рафаэли-Тамарин (*входит*). Я сейчас вам расскажу... Дело, видите ли, вот в чем... (*набирает в себя воздух и начинает длиннейший монолог. Два раза он садится, пять раз утирает пот, в конце концов хрипнет и, чувствуя в горле предсмертную агонию, умоляюще смотрит на Лентовского.*)

Лентовский (*звякая ножницами*). Ужо надо будет урезать.

Луна (*хмурясь*). Не удрать ли? Судя по первому действию, из оперетки одна только грусть выйдет.

Рафаэли (*покупает у Сиротки картину Артура за тысячу рублей*). Выдам за свою картину.

Фалькони (*входит с графиней*). В первом действии не нужны ни я, ни моя супруга, но тем не менее волею автора позвольте представиться... Моя супруга, изменщица. Прошу любить и жаловать... Если не смешно, то извините.

Графиня (*изменяет мужу*). Беда быть женою ревнивого мужа! (*Изменяет мужу.*)

Гессе. Я лишний на сцене, а между тем стою здесь... Куда деть руки? (*Не зная, куда деть руки, ходит.*)

Сиротка (*взяв от Рафаэли деньги, едет в Рим к Артуру, в которого влюблена. Для неизвестной цели переодевается в мужское платье. За ней едут в Рим все*).

Луна. Какая смертоносная скучища... Не затмится ли мне? (*Начинается затмение луны.*)

ДЕЙСТВИЯ II и III

Графиня (*изменяет мужу*). Артур душка...

Сиротка. Поступлю к Артуру в ученики. (*Поступает и киснет. Ей подносят венок honoris causa*).

Артур. Я влюблен в графиню, но мне нужна не такая любовь... Я хочу любить тихо, платонически...

Графиня (*изменяет мужу*). Какой хороший мальчишка (*заглядывается на Сиротку*). Дай-ка я с ним поцелуюсь! (*Изменяет мужу и Артуру.*)

Артур. Я возмущен!

Сиротка (*переодевается в женское платье*). Я женщина! (*Выходит за внезапно полюбившего ее Артура.*)

Публика. Это и все? Гм...

Процессия: толпа людей, одетых лягушками, песет бумажного быка и две бочки.

Оперетка (*проваливаясь*). Уж сколько на этом самом месте разных разностей проваливалось!

Лентовский (*хватая проваливающуюся Оперетку за шиворот*). Нет, стой! (*Начинает урезать ее ножницами.*) Стой, матушка... Мы тебя еще починим... (*Урезав, пристально смотрит.*) Только испортил, черт возьми.

Оперетка. Уж чему быть, тому не миновать. (*Проваливается.*)

ЭПИЛОГ

Апофеоз. Лентовский на коленях. Добрый гений, защищая Кассу с ребенком, стоит перед ним в позе проповедника... В перспективе стоят новые оперетки и Большой Сбор.

Провинциальный калейдоскоп⁸⁶

Осколки

«Осколки» — юмористический литературно-художественный еженедельный журнал. Издавался в Петербурге с 1881 по 1916 год.

В первый год существования журнала его редактором был Роман Романович Голике, ранее издававший художественный еженедельник «Собрание картин». С 1882 по 1906 годы издатель и редактор журнала — популярный писатель Николай Александрович Лейкин. С 1906 по 1908 годы редакцию возглавляет писатель-юморист Виктор Викторович Билибин под псевдонимом И. Грэк.

В 80-х годах XIX века «Осколки» — самый либеральный из российских юмористических журналов. В нем активно сотрудничает в ранние годы своего творчества А. П. Чехов. В 1882—1887 годах в «Осколках» было опубликовано более 270 произведений Чехова, в том числе его первый сборник рассказов «Сказки Мельпомены» (1884).

В первый год существования журнала его редактором был Роман Романович Голике, ранее издававший художественный еженедельник «Собрание картин». С 1882 по 1906 годы издатель и редактор журнала — популярный писатель Н. А. Лейкин. С 1906 по 1908 годы редакцию возглавляет писатель-юморист Виктор Викторович Билибин под псевдонимом И. Грэк.

Весенняя выставка в залах Императорской Академии Художеств 1911 года

Вещилов. Татарская потеха - мясной рынок человеческих туш. Рекламное пано для базара Мясоедов. Кентавромяхия. В русском переводе: Взбесившаяся ломовая лошадь в женской бане. Удивительная фантазия

Ианов. Огонек догорает. Но зачем бедная старушка проткнула себе щеку жердиной?

Баклунд. Близнецы. Видим

Лаховский. Портрет артистки m-lle Сухачевой, нарядившейся на святках в медвежью шкуру

Дженеев. Монна Ванна - цапля с человеческой головой, стоящая на одной ноге

Шмаров. Портрет А. С. Суворина, сидящего перед весами, на которых он собирается взвешивать свои грехи. Минута покаяния

---

⁸⁶ Журнал Будильник № 1 за 1901 год - <http://sobralio.net/humor/?q=node/32>

Дроздов. Портрет госпожи Н. - Ай! Я ужасно боюсь щекотки!

Бродский. Швейцар из отставных унтеров, выдавший себя художнику за Максима Горького

Шмаров. На купальном курорте семейство партерных акробатов занимается гимнастической репетицией

Баклунд. Чтение. Молодая самоубийца, удавившая себя в кресле, по которой ее подруга читает отходную

Шмаров. Троицын день. Деревенская девушка из голодающей (!) губернии собирается впервые искупаться

Светлицкий. Дачницы, вздумавшие бодаться на полотне железной дороги⁸⁷

Осколки современной жизни

Рассказы про любовь

Под влиянием одной истории у нас родился любопытный вопрос. Недавно некто М., прожив несколько лет со своей женой, сделавшеюся уже особой бальзаковского возраста, влюбился в другую, молоденькую, которую взял из монастырского уединения.

Молоденькая девица П. тоже полюбила его, несмотря на значительный его возраст, отдалась ему и они зажили вместе.

Тогда покинутая жена прибегла к модному, но безумному способу: обезобразила лицо молоденькой соперницы кислотой.

Начался суд, во время которого М. женился на пострадавшей. Между тем судьи оправдали жестокую мстительницу.

Но что же произошло через несколько времени? Виновник всей этой драмы... бросил обезображенную, хотя и молоденькую вторую жену и снова сошелся с первой женой, хотя и бальзаковской, но не обезображенной.

С точки зрения собственных выгод - герой этой печальной истории был, конечно, прав: он выбрал то, что было лучше.

Поступил он очень негуманно; но о гуманности мы тут и не говорим. Мы намерены заняться другим вопросом, который сам собою возникает здесь. А именно вопрос о том, что лучше для мужчины: молодое ли тело женщины при обезображенном лице, или тело женщины пожилой, но при лице, сохранившем красоту, хотя уже и несколько увядшую?

Если бы этот вопрос задать художнику, то последний, конечно, выбрал бы женщину первую из поименованных потому, что имея ее как натурщицу, он мог бы писать с ее молодого тела прекрасные картины, как-нибудь искусно закрывая, или скрывая обезображенное лицо этой женщины.

А со стороны тела - писать хороших картин нельзя.

Но - то художник. Обыкновенный же мужчина - совсем дело другое. Обыкновенный мужчина, несомненно, недовольствуется одним только красивым телом. Ласкать зрение молодым телом можно только изредка, а лицо женщины - оно сопровождает взор мужчины всегда, целыми днями.

И какую из двух, вышеупомянутых женщин, предпочтет обыкновенный мужчина? На этот вопрос ответил своим, хотя и не гуманным, поступком герой рассказанной истории.

Таким образом бальзаковские женщины, утратившие свежесть тела, но с красивым лицом, могут гордиться перед молодыми женщинами со свежим телом, но безобразными лицами.⁸⁸

---

87 Осколки. № 10 за 12 марта 1911 г.

88 Осколки. № 10 за 12 марта 1911 г.

Объяснил

Дворник, служащий при кафе-шантанном театре, повел своего земляка за кулисы посмотреть представление.

Взирая на танцующую шансонетницу, которая высоко задирает юбки, открывая все ноги, затянутые в трико, деревенский земляк тихо замечает дворнику:

- Да она голая?

- Дурень! Какая же голая? Это у ней такая тонкая искусственная шкура на теле натянута! Голой так плясать нельзя!

- Почему нельзя?

- Нехорошо... А может она там обмаралась малость...⁸⁹

Аргус

Провинциальные гетеры

1. Тщеславный эстет и его женщина

Разноцветкин, приехав в провинциальный город Мухин, встретил там местную гетеру Марусю, женщину уже не юную, но за недостатком женщин легкого поведения в маленьком городке, все еще пользующуюся успехом у мужчин.

Но надо правду сказать, что внешность ее была не лишена некоторой интересности и задора. Довольно правильный ее овал лица, темные глаза, пушистая челка пепельных волос и тонкий нос с тонкими сжатыми губами производили всегда довольно сильное впечатление на мужчин.

При этом надо прибавить то, что Маруся, хотя и не отличалась полнотой, но сложение ее было очень очень недурным и бедра весьма округленно выступали из-под стянутого на талии корсета, да и грудь возвышалась весьма заметно и довольно соблазнительно.

Увидя эту провинциальную гетеру; кроме того не дурно игравшую на гитаре, Разноцветкин влюбился в нее настолько сильно, что очень скоро сделал ее своей гражданской женой.

Как отставной военный Разноцветкин был большой поклонник эстетики, а в особенности женской, находился в большом очаровании от своей Маруси, и часто любовался пластикой. Но Маруся, как истинная простолюдинка, стыдливо возражала всегда:

- Ах, перестаньте Вы! Какой бесстыдник! Ну, разве это хорошо? Однако Разноцветкин находил, что это хорошо и убеждал свою Марусю философскими сентенциями:

- Верх глупости, невежества и лицемерия - есть стыд естества женского и источников жизни человеческой! Истинно умные, просвещенные, нелюбопытные и непорочные люди подобны детям: они свободны от стыда наготы тела - этого самого прекрасного творения матери природы... *Naturalia non sunt turpia!* заключал он латинской пословицей... Так как Разноцветкин был неизмеримо выше по своему умственному развитию, чем простолюдинка Маруся, то она невольно поддавалась его влиянию. Поэтому она довольно скоро согласилась позировать Разноцветкину в весьма откровенном костюме перед фотографическим аппаратом. Снимок этот был по-видимому довольно эффектный, потому, что Разноцветкин, наивно

---

89 Осколки. № 10 за 12 марта 1911 г.

послав в один из столичных журналов письмо, предлагал там напечатать этот снимок. В письме его говорилось, между прочим, следующее:

... исходя из мудрых изречений и будучи скромным, но страстным эстетиком, увековечил я ныне красоту обожаемой мною женщины, так как она обладает телом с размерами одинаковыми с размерами Венеры Медицейской. Портрет ее изображен на платиновой бумаге, в 6 вершков во весь рост, *in puris naturalibus*, в корсете, чулках, туфлях, но без остальных принадлежностей туалета, с поднятыми к голове руками и держащими позади головы распахнутый веер.

Этот, оправленный в золоченую раму портрет, по мнению знатоков достоин всемирной выставки и красуется ныне в моей квартире.

Вследствие этого у меня возникло честолюбивое желание узреть его в Вашем журнале, причем я, беря во внимание предубеждение цензуры, мог бы прислать этот портрет в копии, но с добавлением фигового листка.

Поэтому, если моя платоническая затея придется Вам по вкусу, то благоволите почтить меня обстоятельным письмом, в противном же случае прошу не конфузить ни меня, ни мою Еву-Адонис, как я называю вышеописанную Марусю. Вообще же мое заключение о красоте женщин таково, что нельзя называть женщину красавицей только на основании одного ее лица. Красивая головка на безобразно полном, или худом теле похожа на розу, посаженную на чурбан или жердь. И что если бы был где-нибудь объявлен конкурс красоты при соблюдении таких условий - чтобы карточки женщин были сняты во весь рост в costume Венеры Афродиты, то многие женщины приняли бы эти требования. Будьте уверены, что красавицы, падкие до нарядов, безмерно более жаждут славы красоты общей, ибо что значат тленные тряпки в сравнении с значением божественной наготы...

Таково было это письмо... Редакция, конечно, не оконфузила своего пылкого корреспондента, но не могла принять и его предложения.

Однако, тщеславие этого покровителя провинциальной гетеры не прошло ему даром.

Вскоре после этого письма в город Мухин приехал временно один художник, с которым Разноцветкин, как горячий эстет, не замедлил познакомиться и привести его к себе. Конечно, первым проявлением его тщеславия было показать находившийся у него вышеописанный портрет своей Евы, который был по мнению знатоков достоин всемирной выставки.

- Это очаровательно! заметил художник. - Но только зачем корсет. Разве женщина родится в корсете?

- Вы совершенно правы! Но ведь женская талия уже испорчена корсетом и потому даже без корсета, современная женщина не может походить на Венеру! Так уж лучше пусть будет в корсете...

Художник стал бывать у Разноцветкина довольно часто и преимущественно старался приходить, когда дома находилась одна его сожительница. Раз художник сказал ей:

- Господин Разноцветкин прав, давши Вам должную оценку! В провинции так часто гибнут и пропадают дарования всякого рода: пропало бы и Ваше, если б не он. Однако же, сделавши все, что было в его силах, он не может сделать большего, чего Вы достойны!

- А чего же такого? - удивилась Маруся.

- Вы можете быть великолепною натурщицей не для мертвой фотографии, а для живого вдохновения художника... Если бы Вы поехали в Петербург, Вы там не только вдохновили бы многих художников, но даже заработали бы хорошие деньги... Вы обеспечили бы себя на всю жизнь, оставаясь в полной независимости...

- Ах, что Вы! Перед чужими мужчинами? Впрочем, сам господин Разноцветкин говорил мне постоянно, что скрывать свою красоту грешно и стыдиться этого - лицемерие; но все-таки мне как-то неловко...

- Если Вы в провинции не постеснялись идти против этих предрассудков, то в столице будете уже не одна... Там сотни натурщиц, не стесняющихся экспонировать свою красоту...

В видах большей убедительности художник показал взятые с собою многочисленные снимки с натурщиц, издаваемые во Франции. Десятки женщин во всевозможных позах, поразили Марусю и вселили в нее зависть.

- Конечно, это все француженки, заключил художник, русских гораздо меньше, но меньше потому, что русские сами зарывают себя в землю и я не хотел бы, чтобы и Вы были такою.

Кончилось все это тем, что Маруся сбежала от Разноцветкина с художником в Петербург.

Приятель по этому случаю немножко смеялся над Разноцветкиным, но он не унывал:

- Как истинный эстет, я даже горжусь этим! Я открыл ее красоту и это утешает меня! Я никогда не был эгоистом... Я предлагал напечатать Марусю в журнал, но там не приняли... Теперь она получит лучшую участь: с нее напишут настоящее художественное произведение, а не глупую фотографию; и тогда она уже может появиться в журналах... Следите за журналами и вы скоро увидите мою Марусю в образе какой-нибудь Вакханки или Невольницы! - заключил он.

II Жажущие женских ласк

(Из рассказов провинциалки)

Банковский служащий по фамилии Когортов, лет сорока, но называющий себя еще молодым человеком при своем холостом положении, часто нуждался в нежных ласках женщины.

Для подобных легкомысленных, как принято говорить, мужчин в каждом городе, даже маленьком провинциальном, есть соответствующий сорт таких же легкомысленных женщин: спрос всюду вызывает предложение.

Сейчас Когортов пробирается по одной из отдаленных улиц матери русских городов, к деревянному домишке к знакомой, не запирающейся всю ночь калитке, где обреталась известная ему и многим другим обывателям местная гетера Маруся (ее звали по-настоящему, может быть и иначе, но имя Маруся излюбленное у многих такого рода женщин).

Через неосвященный двор Когортов знакомо прошел наобум, через весь этот двор, к покосившемуся деревянному крыльцу.

Был восьмой час вечера, время для столицы раннее, но для провинции уже довольно позднее. Когортов посмотрел вверх: первое окошечко в мезонине светилось довольно ярко.

- Ожидания не обманули меня, - подумал Когортов, - Милая распивочная дома.

Распивочной он называл почему-то саму гетеру Марусю. Взбираясь по дрянной деревянной лестнице, но с таким приятным чувством, точно он поднимался по лестнице в рай, Когортов полушепотом декламировал, как ему казалось, приличествующие случаю, стихи:

Облегчи поскорей этот тягостный гнет...

С декламацией он добрался наконец до заветной двери и ухватившись за ручку, потянул было дверь. Но не тут-то было: к его удивлению дверь не поддавалась, так как по-видимому была заперта на крюк изнутри.

Хотя еще и смутно, но чувствуя здесь присутствие кого-то третьего, Когортов нагнулся к замочной скважине и стал смотреть: тут он уже окончательно убедился, что в комнате Маруси кто-то есть.

- Что-то белое повешено, - решил он про себя. Вероятно, полотенце, предусмотрительно приткнутое к замочной скважине, чтобы через нее не было ничего видно, что делается в комнате.

Этот маревр Когортов знал великолепно по собственному опыту: Маруся всегда занавешивала замочную скважину, когда была не одна.

Однако, желание видеть Марусю в сей час было у нашего героя так велико, что он решил быть настойчивым и не доверять собственным глазам:

- А может быть она занавесила скважину еще раньше, когда у нее кто-нибудь был; а теперь, когда этот человек уже ушел, она просто забыла снять полотенце, подумал он и стал посильнее дергать ручку и слегка трясти дверь.

Но он тотчас же почувствовал за дверью присутствие чутко и тревожно прислушивающейся Маруси.

- Кто там? - нарушила наконец Маруся гробовое молчание.

- Отворите на одну секунду, мне надо Вам кое-что передать, произнес Когортов. Маруся слегка приотворила дверь, держа ее однако очень крепко рукою за скобку, чтобы неизвестный не вздумал насильно внедриться в ее обиталище, бывшее таким заманчивым для многих мужчин вроде Когортова, жаждущих снисходительных ласк Маруси.

Когортов моментально бросил свой взгляд поверх оголенных плеч Маруси внутрь комнаты так хорошо ему знакомой, и увидел чью-то ногу из сосновой шерсти, затем черную с сильной проседью бороду и по петушинуому испуганные в золотых очках чьи-то гляделки.

Егеровщина, - мысленно произнес Когортов по поводу ног из сосновой шерсти и сам тотчас же захлопнул дверь, удовлетворив свое любопытство. Маруся в свою очередь, захлопнутую Когортовым дверь поспешно защелкнула на замок. Когортов вышел на двор и снова взглянул на окошко Маруси: Маруся теперь только исполнила обычную, но уже запоздалую предосторожность: потушила лампу и ее окошко черным пятном смотрело в такую же черную ночную мглу.

Обескураженный и естественно огорченный от лишения желанного удовольствия приближался Когортов, по двору обратно к калитке, как не дойдя до нее, заметил нового посетителя, который согнувшись и высоко подбирая ноги, грузно перешагивал заветный порог калитки: это был старик подполковник сильно близорукий в синеватых очках. Когортов спрятался, чтобы дать возможность подполковнику тоже пройти к марусиной двери и поцеловать пробой. Он остался ждать возвращения подполковника там же, где и притаился.

Но каково же было его удивление, когда спустя несколько минут по двору шел из марусиной комнаты уже не подполковник, а другой человек, именно тот, которого он видел с ногами из сосновой шерсти в комнате Маруси. А подполковник, успевший придти к тому времени, когда человек в сосновой шерсти уже окончил свое свидание с Марусей, остался у Маруси на освободившейся вакансии.

- Проклятие! Анафемские силы! - ругался Когортов, огорченный таким неожиданным казусом. Я пришел раньше этой развалины подполковника, по праву должна была следовать моя очередь, а между тем, он занял мое место: теперь не ждать же мне эту старую рожу... Ах, если бы я знал, что проклятая сосновая шерсть так скоро уйдет и я с удовольствием бы подождал, где-нибудь под лестницей... Когда сосновая шерсть вывалилась за калитку, то и Когортов последовал за ним, все еще продолжая злиться и даже проникаясь ненавистью к самой Марусе, которая казалась ему теперь уже не такою соблазнительною, а наоборот: веяло чем-то несимпатичным, грязным и он повторял в состоянии раздражения:

- Помойная яма, помойная яма...

- Но это презрительное отношение к Марусе продолжалось только в течении одного этого вечера. На следующий день Когортов несколько успокоился и Маруся стала казаться ему опять и интересно и соблазнительною.

Вы, дорогие читатели, конечно хотите узнать какова была из себя эта Маруся, получившая от раздраженного Когортова столь нелестное определение со стороны Когортова вчера.

Удовлетворяя любопытство читателей мы должны сказать, что Маруся была маленькая, пухленькая, шаловливого вида блондинка польского типа с синеватыми глазками, подчас детски-невинными и прекрасными, напоминавшими васильковое поле. Она сама называла себя Старческим Утешением и Бурною Радостью Поручика и умела удивительно разнообразить свои знакомства.

Впрочем, это удивление являлось только у наивных людей; люди, знающие жизнь ничего удивительного не видели в женщине, которая специализировалась на том, чтобы продавать свое тело мужчинам.

С совершенно одинаковою шаблонною нежностью она шла под руку по улице и со стариком и с молодым: дряхлые старцы с пожелтевшими бородами, дюжие железнодорожные агенты, безусые юнцы, brave поручики и т. д. и т. д., все находили место упокоения в мезонине марусиной квартиры.

Всех вела туда охотно Маруся, скромно потупя взор и крепко держа под руку свою добычу: от этого немного страдали только рукава ее модных саков, которые всегда очень скоро оказывались вытершимися в том месте, где находилась рука марусиных кавалеров, бравших ее под руку с таким самодовольствием, точно это была самая прекрасная и честная женщина во всем городе.

Будучи из числа таких же неизбалованных женскими ласками мужчин и Когортов, на следующий уже день, но на этот раз пораньше, в сумерки пробрался в заветный мезонин той самой Маруси, которую он еще вчера называл помойною ямой. И Маруся, с самым невинным видом, впустила к себе постучавшегося Когортова, точно у нее вчера и не было этих двоих мужчин, которых видел Когортов, и точно у нее с ними и не было ничего такого интимного, интимнее чего и быть не может. С каким-то особенным удовольствием Когортов сегодня, находясь у Маруси, думал: - Ну уж если к ней придет кто-нибудь теперь, то я в свою очередь помучаю же его: я не уйду до тех пор, пока все живое не уляжется на покой в городе... Пусть кто-нибудь постучится, как стучался вчера я: я выдержу самую жестокую и продолжительную осаду...

И действительно, когда Когортов лежал, растянувшись на спине в марусиной комнате, когда он болтал с веселою Марусей, тоже лежавшей на спине, вытянув свою стройные ножки рядом с ногами Когортова, - те самые свои ножки, которые видели на своем веку соседства бесчисленного количества всевозможных ног, начиная с самых тонких и кончая самыми толстыми и падагрическими, - в это время в двери марусиной комнаты раздался осторожный стук.

- Ага, - произнес со злорадством Когортов, - ну пусть же тот, кто пришел сюда, уйдет и подождет до завтра, как пришлось ждать вчера мне самому... Это будет реваншем, не правда ли, Маруся?

Маруся ничего не отвечала, так как была не очень довольна такою мстительностью Когортова и находила, что ему можно было бы и уйти, но ничего не сказала только потому, что хотела быть любезною хозяйкой.

Однако, ее заинтересовало, кто именно приходил и кто этот человек, лишившийся ее приятного общества из-за мстительности Когортова. С этою целью она прильнула к темному окну и смотря на темный двор, по которому удалялась темная фигура, своими острыми и привычными глазами разглядела этого неудачника. Но, видимо, она не очень ценила того, кто теперь уходил, потому что, отойдя от окна, довольно равнодушно сказала:

- Это учитель гимназии!⁹⁰

---

90 Осколки. № 10 за 12 марта 1911 г.

Новое время

«Новое время» — русская газета. Издавалась в 1868—1917 в Петербурге.

До 234-го номера в 1869 выходила 5 раз в неделю, затем ежедневно. С 1881 выходило 2 издания — утреннее и вечернее. С 1891 года издавалось еженедельное иллюстрированное приложение.

1916 год. Группа сотрудников газеты А. К. Киркор и Н. Н. Юматов (1868—1872), Ф. Н. Устрялов (1872—1873), О. К. Нотович (1873—1874), К. В. Трубников (1874—1876), А. С. Суворин (1876—1912)

При Устрялове в либеральной газете «Новое время» была напечатана передовица, посвящённая выходу на русском языке первого тома «Капитала» Маркса (21 апреля 1872 по ст.ст.).

При Суворине «Новое время» имело противоречивую репутацию: с одной стороны, это была большая газета «европейского типа», в ней печатались наиболее подробные зарубежные новости, объявления крупнейших компаний, подробная хроника, некрологи известных деятелей. Дружеские связи с редакцией газеты и с Сувориным лично поддерживал Антон Чехов. С другой стороны, чем дальше, тем больше в русском либеральном обществе складывалась репутация «Нового времени» как сервильной, реакционной и беспринципной газеты, а слово «нововременец» становилось нарицательным (во многом это было связано с журналистской деятельностью В. П. Буренина, с антисемитскими выступлениями на страницах газеты в связи с делом Дрейфуса) и т. п. Отрицательно воспринимали газету и сравнительно аполитичные русские модернисты 1900—1910-х (из-за литературной позиции Буренина), что не помешало многим из них (Фёдор Сологуб, Михаил Кузмин, Георгий Иванов) в 1914—1915 сотрудничать в издававшемся при «Новом времени» высокогонорарном журнале «Лукоморье».

Если бы Трансвааль был рыбой... Карикатура из газеты, 1899

В 1901—1917 годы одним из ведущих публицистов газеты был Михаил Меньшиков.

Газета была закрыта большевиками на другой день после Октябрьской революции, 26 октября (8 ноября) 1917.

В 1920—1930-е годы сын Суворина Михаил Алексеевич издавал одноименную газету в Белграде.

Как возникла газета «Новое время»⁹¹

(Страничка из истории публицистики).

«Новое время» — столь распространенная среди публики газета, что название ее постоянно на устах многочисленных ее читателей. А читали сегодня «Новое время»? Я вычитал в «Новом времени». Ну, в «Новом времени» это наверно подхватят. Любопытно, что об этом появится в «Новом времени», но «Новому времени» умер. Куда несешь объявление? Известно, в «Новое время»! Такие и им подобные выражения ежедневно слышатся в департаментах, ресторанах, частных квартирах и даже на улицах, но никто почти не знает, когда и почему возникло «Новое время», кем оно издавалось, кто были эти люди, и по каким причинам оно достигло настоящего своего

---

91 Вестник всемирно истории: Ежемесячный журнал исторической литературы и науки. 1899 год, №1

положения. Ответом на все это служит нижеследующий поучительный исторический очерк.

I.

Литовско-польский ученый и литератор Ад. Карл. Киркор [1] последовательно напечатал (с 1840-х г.) множество монографий по литовским и белорусским археологии, этнографии, истории и статистике, служил консерватором Виленского музея древностей и с 1860 по 1866 г. был редактором «Виленского вестника». Вот он-то и был основателем «Нового времени». Получив 21 октября 1867 г. разрешение на издание под этим названием в Петербурге газеты — он начал выпускать ее в свет с 1 января 1868 г. совместно с Н. Н. Юматовым (перед тем разошелся с В. Д. Скарятиным по издательству газеты «Весть»). Формально «Новое время» имело программу лишь политической и литературной газеты (выходила 5 раз в неделю), и в первых ее номерах ровно ничего не говорилось о том, каких именно идей она будет держаться, но, в действительности, живо распространилось, что Киркор предпринял газету для поддержки сородичей, подвергшихся, после мятежа 1868—1864 г., различным стеснениям, а равно для умаления господствовавшего внутри России, предубеждения против поляков, почему газету прозвали органом польских помещиков.

Сначала Киркор и Юматов оба назвались редакторами-издателями, потом подписи их под газетою многократно менялись; напр. с № 105 (31 мая) редактором подписывался один Киркор, а издателями — оба; с № 144 (24 июля) оба печатались издателями, а редактором — один Юматов; с № 336 (2 декабря) остались: Киркор — издателем, а Юматов — редактором и т. д. Для чего производились эти перестановки подписей — никто, разумеется, не вникал и не разбирал, но что интересы поляков составляли первенствующую задачу газеты — это все поняли по помещавшимся в ней статьям; напр. «Обозрению событий в Царстве Польском» (№ 19), «Письмам из Вильно» (№ 25) и т. п. Впрочем, в редактировании газеты г. Юматов, как многим было известно, значения не проявлял; все, сотрудничавшие в газете постоянно обращались исключительно к Киркору, а он распоряжался во всем совершенно самостоятельно. Он был уже очень пожилой человек, среднего роста, гладко выбритый, в очках, говорил сдержанно, плавно и с достоинством, но манерами и фигурою сильно походил на ксендза. Несмотря, однако, на его ученость и популярность среди поляков и опытность в издательстве, — старания его по газете не увенчивались успехом: направление ее не привлекало значительного контингента подписчиков.

Тем не менее Киркор, будучи человеком твердых убеждений, — смело продолжал свою деятельность в предположенном направлении, причем почти год умудрялся вести газету так политично, что не подвергался никаким нареканиям со стороны цензуры, благодаря, преимущественно, предшествовавшим своим занятиям по «Виленскому вестнику», который составлял полуофициальный орган, а потому от его редактора требовалось умение ладить со всеми властями, но к концу года, именно 27 ноября 1868 г. — он получил уже, за резкую передовую статью в № 210, — первое предостережение. Пред подпискою оно, казалось, должно было увеличить число приверженцев газеты в среде тех, которых она защищала, но далеко не то обнаружилось на самом деле: обеднение ли поляков от восстания и сопровождавших его конфискаций и секвестрами имений — одних, обложение ли обременительным сбором — других, или начинание Киркора не удовлетворяло ожиданиям — третьих, либо все, в совокупности, поляки, по свойственной им подозрительности, — считали Киркора отщепенцем от отчизны, но фактически они выказывали ему слабую поддержку. Обстоятельство это побудило его слегка умерить свои порывы по отношению к соплеменникам, а расширять пределы общерусских задач газеты, но за это он подвергался особенным еще нападкам со стороны крайних журнальных, как русских, так и польских партий.

Все это, надо отдать справедливость Киркору, не смущало его, и он настойчиво выбивался, при чем иногда помещал непозволительные статьи и за одну из них (фельетон

в № 46 1869 г.) его покарали, а 14 марта 1869 г., вторым предостережением. К 1870 г. Юматов совсем отстал от Киркора, а он завел, для извлечения выгоды, свою типографию, но она, по недостатку у него времени на тщательное наблюдение за нею, — еще более втягивала его в долги, а в дополнение не благоприятствовавших ему обстоятельств, — 30 декабря 1870 г., запретили розничную продажу газеты.

Тогда Киркор сделал последнюю попытку поправиться, — с 1 января 1871 г. стал выпускать «Новое время» вместо 5 раз в неделю — ежедневно и в увеличенном формате листа, да ввел в газету: библиографический листок, недельное обозрение газет и провинциальную жизнь, за прежнюю же цену: городским — 10 р., а иногородним подписчикам — 12 рублей в год. Оповещая обо всем этом читателей и оговариваясь, что делает это «невзирая на материальные затруднения, какие ему встречались», — он предвещал их, что «по содержанию газеты не отступится от усвоенных им взглядов», ибо «положив в основу программы: полное сочувствие ко всему, действительно прогрессивному, гуманному, толерацию религий, отстаивание равноправности всех граждан, независимо от происхождения, признание за женщинами и низшими слоями всех прав, соответственно духу времени, протеста против невежества и произвола» — и дальше будет руководствоваться теми же принципами.

Затем, переходя к обнародованному 31 декабря 1870 г. высочайшему указу об уменьшении на половину процентного сбора с поляков-землевладельцев северо-западных и белорусских губерний, — Киркор изложил, что «польское население западного края, в течение 3 лет ощущавшее лишь гнет карающей руки, встретит указ с чувством признательности», что «в преданности поляков не может быть сомнения, но никто не может отрицать, что в виду политических событий Европы, преданность эта должна быть основана на более прочных началах, в которых должно выразиться стремление правительства к справедливости и правде», да доказывал разорительность, для польских помещиков, обязательной продажи своих имений и опасность в создании этим способом политического пролетариата (4 января 1871 г.).

Приведенная нами прочувствованная тирада Киркора была уже лебединою его песнею: 25 января того же года постигло его за передовые статьи в 18, 22, 23 и 25 третье предостережение, с остановкою газеты на шесть месяцев. Таким образом, убедившись в невозможности далее издавать газету, вследствие строгости закона, равнодушия к газете той самой публики, ради которой он столь энергично и тщетно трудился, и в конечном истощении всяких средств к дальнейшему ее существованию, — он выпустил, 28 января 1871 г., последний № 27, а, освободившись от тяжелой работы, принялся за ликвидацию своего дела, ликвидацию, повлекшую за собою объявление его несостоятельным должником...

Покончив печальное свое петербургское журнальное поприще, он, в 1872 г., с грустью удалился в Галицию, а там предался покинутому им тихому занятию археологиею и за ним скончался...

[1] Родился в Могилевской губернии в 1812 г., окончил курс в Виленском дворянском институте, а умер в 1886 г.

[2] Сын профессора, академика, автора «История Петра Великого», кончил курс в С.-Петербургском университете; с 1857 г. по 1867 г. служил в казанской оценочной комиссии для уравнивания денежных сборов с государственных крестьян, столоначальником и редактором статистики департамента сельского хозяйства, чиновником особых поручений главного интендантского управления; с 1869 г. по 1872 г. включительно петербургским участковым мировым судьей; в железнодорожной известной комиссии графа Э. Т. Баранова и в Петербургской земской управе с 1875 г. по 1879 г., а умер 22 января 1885 г.

Антон Чехов. Хорошая новость

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, то есть искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим или же говорим вяло, беззвучно, тускло, "уткнув брады", не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ -- десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект -- *non multum sed multa* {немного (по количеству), но многое (по содержанию) (*лат.*)}. У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессий должно бы предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются "говорильнями", потому что в них по обязанностям службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слышать. На кафедрах у нас сидят заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним, на литературных вечерах допускается читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому, и когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирався прочесть длинную речь, но выговорил "будь здоров!", крикнул -- и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую; постоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые "изводили" своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому нисколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царят риторика, *ханжесство* слова или пошлое краснобайство. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время и увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. "Цветами" красноречия был усыпан путь ко всякой карьере, и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они "не умеют" говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания -- обучение красноречию следовало бы считать неизбежным. В этом отношении почин Московского университета является серьезным шагом вперед.⁹²

Антон Чехов. Речь министра

---

92 Впервые -- "Новое время", 1893, No 6073, 24 января, стр. 2. Без подписи.

Речь, с которой г. министр народного просвещения обратился 23-го января к студентам Московского университета, производит отрадное и освежающее впечатление. Когда изо дня в день говорят нам только о практичности молодежи, пугают ее меркантильным направлением, холодностью, сухостью, безыдейностью и т. п., когда входит в моду, непременно с потугой на современность, изображать в повестях и романах студента в мундире с белой подкладкой, наглого, говорящего одни только банальные пошлости и мечтающего о чинах и повышении по службе, когда, наконец, отцам и матерям душно и жутко делается от этого унылого стенания по адресу подрастающего поколения, становится весело и с души сваливается тяжесть, когда слышишь целый ряд громких и авторитетных подтверждений, что наши студенты в последнюю холерную эпидемию заявили себя благородными, самоотверженными, великодушными и притом в высшей степени скромными людьми, работавшими не ради славы и наград, а из чувства долга. Читатели уже знают, что государь император изволил отозваться о деятельности молодежи в самых сочувственных выражениях. Г. министр с радостью упоминает об этом еще раз. Он говорит об отзыве С. Ю. Витте, который, объезжая во время холеры многие губернии, получал с разных сторон сведения о том, что студенты-медики относились к своим обязанностям с *необыкновенною* самоотверженностью. Во всеподданнейших отчетах губернаторов деятельность студентов характеризовалась самым лестным образом. Что еще, каких еще заявлений нужно, чтобы утереть слезы тем кабинетным устрицам, которые, наблюдая молодежь сквозь скорлупу, видят одну только белую подкладку и слышат разговоры только о рублях и чине титулярного советника?⁹³

Искры

Иллюстрированный художественно-литературный и юмористический журнал с карикатурами.

Выходит еженедельно при газете «Русское Слово».

Журнал имел формат и объем восьмиполосной газеты. Содержал богатейший иллюстративный материал (в основном фотографии), посвященный актуальным современным событиям. Публиковал множество портретов и некрологов, а также документальных свидетельств торжеств, военных сражений, светских происшествий. В издание включены самые примечательные материалы сатирико-юмористического журнала Искры за 1901 год, уникальный фото и иллюстрационный материал, редкие открытки с видами Москвы начала XX века. Читатель вовлекается в атмосферу Москвы начала XX века, ему предлагается удивительная возможность - посмотреть на XX, даже XXI столетие глазами наших предшественников. В колком сатирическом свете читатель увидит истоки сегодняшних проблем в экономике, развитии жилищно-коммунального хозяйства и культурной среде Москвы и страны в целом. В 1901 году крупнейший российский издатель Иван Дмитриевич Сытин выпустил в свет приложение к газете Русское слово - новый юмористический журнал Искры. В журнале публиковались новости и репортажи, светская хроника и обзоры моды, стихи и фельетоны. Тематика юмористических материалов была широка - от шуток про супружескую неверность до экономических и социальных проблем России и Москвы. Рисунки в Искрах характерны для журнальной графики тех лет - выразительные бытовые зарисовки. Злободневные и острые карикатуры печатались как в цвете, так и черно-белые. С Искрами - знаменитым в начале XX века журналом - связаны А.П. Чехов, В.А. Гиляровский, В.М. Дорошевич, а также художники - М. Мухин, И. Кланг, О. Ренар. Новое издание Искры 1901. Из истории периодической печати включает лучшие материалы из полной подшивки первого года выпуска журнала, а также фотографии с видами Москвы начала

прошлого века и рисованные открытки, выпущенные Товариществом Эйнем в серии Москва будущего.

Сатирикон и Новый сатирикон

"Сатирикон", еженедельный сатирический журнал. Издавался в 1908-1914 годах. Редакция – на Невском проспекте, 9. Являлся продолжением журнала "Стрекоза". Издатель М.Г. Корнфельд, редакторы (в разное время): А.А. Радаков, А.Т. Аверченко, П.П. Потемкин, М.Г. Корнфельд. В 1931 была предпринята попытка возобновить издание "Сатирикона" в Париже. Вышло несколько номеров при участии И.А. Бунина, А.И.Куприна, В.Ф. Ходасевича, Дон-Аминадо и Саши Черного, после чего издание было прекращено. (Энциклопедия Санкт-Петербурга)

Одним из самых любимых в Петербурге журналов начала XX века был "Сатирикон". Зародился он в недрах редакции старого юмористического журнала "Стрекоза", в свое время тоже любимого читателями, но к 1905 году уже порядком надоевшего. На редакционное совещание "Стрекозы" был приглашен молодой сатирик Аркадий Тимофеевич Аверченко, выпускавший в Харькове журнал "Бич" и переехавший в Петербург. Его появление сначала вызвало всеобщее недовольство и ворчание – зачем приглашать постороннего на обсуждение внутриведомственных дел? Но уже через неделю Аверченко, предложивший несколько острых и смешных тем для карикатур, сделался незаменимым и начал работать секретарем редакции.

В то время со "Стрекозой" сотрудничал ряд талантливых молодых художников: Реми (Н.В.Ремизов-Васильев), А.Радаков, А.Яковлев, Мисс (А.В.Ремизова), поэт Красный (К.М.Антипов). Под влиянием Аверченко в редакции было принято решение издавать новый журнал "Сатирикон". Название это предложил Радаков – по аналогии с известным романом античного писателя Гая Петрония Арбитра "Сатирикон". Направление нового

журнала предполагалось иронически-ядовитым, но ирония должна была быть изящной и спокойной, без гнева и ярости – как в вышеупомянутом романе.

"Сатирикон" начал выходить с апреля 1908 года. В июне обе редакции – "Стрекоза" и "Сатирикон" – объединились под новым названием. К работе в "Сатириконе" привлечены были, кроме названных художников и поэтов "Стрекозы", лучшие сатирики и юмористы столицы – Петр Бакст Л.С. Обложка первого номера журнала, 1908 г. Потемкин, Саша Черный, Тэффи.

Новый журнал возник в сложных условиях, когда уныние и упадок все усиливались, а смех из обличительного и дерзкого превращался в средство забвения, отвлечения от бед и боли. Сами сатириконовцы это чувствовали. Недаром Саша Черный, один из самых ярких поэтов журнала, писал:

*И смех, волшебный алкоголь,
Наперекор земному яду,
Звеня, укачивает боль,
Как волны мертвую наяду.*

Но "Сатирикон" каким-то чудом долгое время оставался острым и язвительным; позже сатириконовцы начали умело применять эзопов язык.

В первом номере журнала редакция обращалась к читателям: "Мы будем хлестко и безжалостно бичевать все беззакония, ложь и пошлость, которые царят в нашей политической и общественной жизни. Смех, ужасный, ядовитый смех, подобный жалам скорпионов, будет нашим оружием." "Сатирикон" был своего рода аномалией и позволял себе довольно смелые выходки. Объектами его сатиры становились Государственная Дума, отдельные ее депутаты и партии, правительство и власти на местах, включая генерал-губернаторов, реакционные журналисты.

В нем появлялись, например, карикатуры с подписями такого рода:

Счастливцев: Извините, я без галстука.

– Ну, и благодарите Создателя.

Это был прозрачный намек на "столыпинские галстуки" – так иронически называли в то время петли виселиц – столь распространенный в эпоху премьерства Столыпина вид казни.

Другая подпись под карикатурой пародировала известный разговор Чичикова с мужиками о местонахождении деревни Заманиловки:

– А где тут, братцы, у вас конституция?..

– Не конституция, а экзекуция?

– Нет, конституция.

– Экзекуция, это будет тебе налево, а конституции – никакой нет! Она зовется так, то есть ее прозвание экзекуция, а конституции тут вовсе нет.

Методы работы друга и сотрудника А.С.Суворина беспринципного журналиста В.П.Буренина высмеивались в стихах П.Потемкина:

*Едет чижик в лодочке
В адмиральском чине,
Не выпить ли водочки
По этой причине?
Водочка откупрена,
Плещется в графине...
Не ругнуть ли Куприна
По этой причине?*

Высказывание Столыпина: "Правительство и государство неуклонно будут стоять на страже народного представительства, защищая Думу от бессильных покушений черного воронья" – сопровождалось карикатурой: черный двуглавый орел когтит Думу.

Сатириконцы были очень дружны между собой: их объединяли молодость, талантливость, общие сатирические цели, умение смеяться. "Сотрудники "Сатирикона", – вспоминал Чуковский, – молодого журнала, одно время были неразлучны друг с другом и всюду ходили гурьбой. Завидев одного, можно было заранее сказать, что сейчас увидишь остальных. Впереди выступал круглолицый Аркадий Аверченко, дородный мужчина, очень плодовитый писатель, заполнявший своей юмористикой чуть ли не половину журнала. Рядом шагал Радаков, художник, хохотун и богема, живописно лохматый..."

Но времена становились все суровее. Приходилось все чаще печатать сатиры "на турецкого султана", вводить рубрику "Дела персидские". Журнал все чаще начинал выходить с "белыми пятнами" и объявлениями редакции об изъятых из номера цензурой материалах. Сатира мельчала, обращала свое острие на обывателя и его пороки. В "Сатириконе" смех становился горьким, в нем звучали трагические, безысходные нотки.

В 1913 году был введен новый закон о печати, на который журнал отозвался карикатурой Ре-Ми "Печальная нота" с подписью: "Редактор (стоя над черным гробом). Я, конечно, знал, что законопроект о печати будет отложен в долгий ящик, но я не думал, что этот ящик будет такой формы". Тут же сообщалось о смерти Фомы Отискина – это был псевдоним Аверченко, стоявший под наиболее острыми материалами. В этом же году произошел окончательный раскол в редакции "Сатирикона": группа сотрудников во главе с Аверченко начала издавать "Новый Сатирикон", который продержался до начала 1918 года.

Русские эмигранты в 30-е годы попытались возродить "Сатирикон". В 1931 году М. Корнфельд в Париже собрал группу сатириконцев и снова начал издавать журнал. Первый номер возрожденного «Сатирикона» вышел в апреле 1931 года. В нем приняли участие В.Азов, И.Бунин, В.Горянский, С.Горный, Дон-Аминадо (А.П. Шполянский), Б.Зайцев, А.Куприн, Lolo (Муништейн), С.Литовцев, А.Ремизов, Саша Черный, С. Яблоновский. Художественный отдел составляли А. Бенуа, И. Билибин, А. Гросс, М. Добужинский, К. Коровин и другие. Особого успеха возрожденный «Сатирикон» не имел (вышло всего около 20 номеров). Отсутствие связей с родиной вредило ему гораздо больше, чем отсутствие средств.

Саша Черный в 1931 году в память о дорогом его сердцу журнале сочинил такие ностальгические стихи:

*Над Фонтанкой сизо-серой
В старом добром Петербурге
В низких комнатках уютных
Расцветал "Сатирикон".
За окном пестрели барки
С белоствольными дровами,
А напротив Двор Апраксин
Впился охрой в небосклон.*

*В низких комнатках уютных
Было шумно и привольно...
Сумасбродные рисунки
Разлеглись по всем столам...*

Исидор Гуревич. Вольтерьянец

... Когда все приглашенные оказались налицо, хозяин дома, старый холостяк барон Станислав Леопольдович Арольд, обратился к ним со следующей речью:

- Дорогие гости! Вас, без сомнения, удивила та настойчивость, с которой я приглашал вас приехать ко мне, для встречи Нового Года, не позже половины одиннадцатого вечера. Позвольте же мне теперь дать вам объяснения. Итак, с вашего согласия, я начинаю.

Мое внимание уже несколько лет привлекает одно, правда старое, но характерное явление. Мы, в канун Нового Года, с приближением часовой стрелки к 12 часов пополуночи, как-то лихорадочно спешим, словно, действительно, та минута, которая притягивает к себе наши взоры, не есть такая же частица времени, как предыдущая или последующая. Неужели – задавал я себе вопрос – можно той или иной частице времени, частице Вечности, придавать какое-то особое значение, – выделять ее? И если мы так делаем, то разве мы, тем самым, не выдаем себе свидетельства нашей умственной бедности, нашей приверженности к рутине, к дедовским обычаям?!

И я сказал себе: «Долой рутину!» Я сказал себе: «ты будешь встречать Новый Год не когда часы пробьют 12 ударов, а тогда, когда 11 ударов! Свободомыслящие из твоих друзей, без сомнения, присоединятся к твоей идее.» Господа, порвем же с этой пошлой, глупой силой привычки и докажем, что наш разум победил ее!

- Bravo! Bravo!! – раздалось одновременно с жидкими аплодисментами.

- Пгекгасная идея! – прокартавил Коко Вальдшлехсен.

- Это очень, очень мило придумано! – устремляя на барона полный ласки взгляд, сказала мадам Алехина.

- О, вы настоящий вольтерьянец! – пошутил сенатор Фокин.

- Оригинальная идея!

- И придет же человеку в голову!

- «Порвем же с этой пошлой, глупой привычкой»... Очень образно и сильно сказано!

- Charmant! Charmant! – растерянно шептала старая графиня Тугоуховская, втайне злясь на «нелепую и позорную затею» барона.

- Очень глупо! Даже на конкурс глупости ничего глупее не придумать! – ворчал правовед Шикознов.

- Какое счастье, что я на всякий случай заказал у «Медведя» столик! – тихо и радостно говорил гвардейский поручик Борский своей соседке.

- Он, может быть, шутит?

- О, нет, я хорошо знаю барона!

- Я знал еще старика барона... он высоко держал...

- ... Уважал традиции...

- Такая глупая идея могла родиться разве у приват-доцента из этих... красных!

- Неловко сейчас же испариться...

- Господа, прошу к столу! – пригласил хозяин дома, – сейчас пробьет 11!

Нехотя последовали гости приглашению, и, нехотя, иные с иронической, иные со злобной усмешкой на устах, следили за часовой стрелкой.

Старинные часы медленно и веско пробили 11 ударов.

- С Новым Годом! Ура! – первым крикнул барон, поднимая бокал шампанского.

С Новым Годом, с новым счастьем» – нестройно перекликались гости, вяло чокаясь бокалами.

Благородный напиток оживил немного общество, но истинного веселья не было, не было настроения. Многие поминутно поднимали взоры к старинным часам или тихи шелкали крышкой карманных, украдкой поглядывая на циферблат.

В четверть двенадцатого решительно поднялся гвардейский поручик...

В пол-часа двенадцатого в квартире барона оставалось еще несколько гостей.

В три четверти двенадцатого он провожал последнего.

У подъезда швейцар едва успевал выкрикивать:

- Карету поручика Борского!
- Карету сенатора Фокина!
- Сани господина Шикознова!
- К «Медведю»! – отрывисто сказал поручик, садясь в карету.
- В «Аквариум» – торопливо бросил сенатор.
- На «Крестовский» – уже через окно кареты крикнул правовед

Проводив последнего гостя, барон отдал приказание гасить огни и направился в спальню.

- И прекрасно! – вслух проговорил барон, отвечая на какую-то свою мысль, и снял фрак.

Но едва он освободился от воротничка, им овладело непреодолимое желание уйти из дому. Он мысленно старался пристыдить себя, но руки почти автоматически пристегнули воротничок на прежнее место.

- Поеду немножко прокатиться, подышу свежем воздухом, – мысленно пытался обмануть себя барон.

- К чему врать? – громко сказал он через минуту молчания, – ты хочешь последовать примеру своих гостей...

- Ну, да, что ж из того? Что в этом преступного? «Порвем же с этой глупой, старой привычкой»... – вдруг молнией пронеслось в его памяти. – Нет, не поезду, неловко с ними встретиться...

Несколько минут барон ходил по комнате.

- Без трех минут двенадцать, – посмотрев на карманные часы, шепчет он, и поспешно облачившись во фрак, нажимает пуговку электрического звонка.

- Осветите, Степан, столовую и приготовьте два бокала шампанского... Только живей! – отдает он приказание явившемуся на звонок лакею.

Лакей исчезает. За ним вслед, торопливой походкой идет и барон Арольд.

Старинные часы медленно и веско пробили 12 ударов.

- С Новым Годом, с Новым счастьем, Степан! – подымая бокал, восклицает оживленный барон.

- Честь имею! – кланяется Степан и, кланяясь, расплескивает от волнения вино...⁹⁴

Исидор Гуревич

Старинный юмор

Анекдоты примечательные из времен, в даль отошедших.
О кавалере придворном и сердца одного возлюбленной.

Рисунок Л. Оссовского

Как единожды некий придворный кавалер, с манерами весьма благопристойными, Амурной стрелой пронзенный, у страсти своей предмета, девки преизрядной сидючи, столь чувствительно и многократно вздохи испуская, что оная девка вздохи те приметивши и оными наскучивши.

- Присутствие Ваше, государь мой, - молвила, в великую меня опасность повергает, ибо вздыхания Ваши столь сильные ветры производят, что ежечасно простуды опасаясь!

На что кавалер оный, в отповедях не безыскусный, немедля возразить нашелся:

- Ветры сии, сударыня, не суть опасны, поскольку оные сердцем и питающей сердце любовью производятся. Сии ветры благодны, ароматны и амурным пламенем

согреты суть. Сколь опаснее ветры, чревоугодием производимые, не единого от оных качеств не имеющие, напротив, сладость воздушную в отраву обращающие.

Сим ответом осталась та девка предовольна и, сколь знаем, пламень разумника вознаградить не замедлила.⁹⁵

Б. Т.

Н. Агнивцев. Прекрасная дама

Приказчик в суконной панаме,
На Стрелке бродя по часам, -
Мечтает о некоей даме,
О даме – прекрасней всех дам.
На старой коробке Конради
Он видел запрошлой зимой,
Ту даму в прозрачном наряде,
С шипящей у сердца змеей.
Ах, этой прекрасною дамой –
Навеки приказчик пленен
И, скоро два года, - упрямо –
Все ищет красавицу он.

- Сожгите мечты и посыпьте

Тем пеплом вы сердце сполна!

- Жила эта дама в Египте,

Была там царицей она.

И встретиться с ней вам едва ли

Удастся когда-нибудь тут..

Ее Клеопатрою звали,

Теперь же – никак не зовут!⁹⁶

Б. Гейер. Униженным и оскорбленным

Каждый раз, когда я читаю в журналах так называемый «почтовый ящик», у меня сердце сжимается. Господи, помилуй, что это за жестокий народ эти господа редактора.

Написал человек стихотворение, работал, трудился, вздыхал и выматывал из себя рифму за рифмой, а редактор придрался к двум строкам:

Я тебя страсть как любил

И, можно сказать, всю свою жизнь за это самое загубил,

напечатал их (все-таки напечатал!!), а от себя добавил: «загубили, это верно. Но не губите нас и больше не присылайте».

Это почему же, позвольте спросить?! Ни тебе толкового указания, ни тебе ласкового слова!

Стихотворение еще что! А то, неудобно ли, рукопись – повесть в печатный лист, одной бумаги полтора фунта, четыре дня переписки и вдруг лаконический ответ:

«Ваша повесть «Кузина» в корзине»

Ему хорошо, черкнул два слова и из головы вон. А автору, помощнику старшего телеграфиста на станции Развалдаевка, это работа на месяц.

---

95 Сатирикон № 28, за 12 июля 1913. - <http://sobralio.net/humor/?q=node/571>

96 Там же

Почему «Кузина» в корзине? Заглавие не понравилось? Интрига, что ли, не правильно развивается? Или яти не на месте? Так, ведь, на это корректора имеются.

И когда помощник старшего телеграфиста на станции Развалдаевка, после третьей бутылки пива рассказывает своему закадычному другу о постигшей его неприятности и сочно произносит по адресу журнала:

- Подлецы!

то я с удовольствием присоединяюсь. Зря деньги получают в этих редакциях! Ну, ответь обстоятельно письмом (семикопеечная марка была ведь приложена! Зажилили?), объясни правила стихосложения, или, там, набросай план повести, подправь, но не очень уж, чтобы авторское самолюбие не задеть, а то на те: «Кузина в корзине» и баста. И я хочу придти на помощь господам начинающим авторам, исправить эту вопиющую несправедливость и, насколько хватит моих скромных сил и знаний, дать несколько указаний общего характера, что нужно писать и как пристраивать написанное в редакциях. Пишу на основании опыта, горького, как горчайшая французская горчица.

Во-первых, если пишете сатирический рассказ, то не начинайте с мучительной смерти молодой роженицы, или чего-нибудь игривого в том же духе. Дальше вы найдете несколько свежих и оригинальных тем. Я их вам дарю в полную собственность и клянусь никогда ими не воспользоваться.

Во-вторых, посылайте сразу пять-шесть рассказов. Получив такой «букет», редактор широко улыбается, его добродушное лицо становится приветливым, он вспоминает вашу машу, кулаки невольно сжимают.. то есть, виноват, рука делает широкий пригласительный жест и он сразу видит, что вы не новичок, это не первое ваше произведение и становится снисходительным и добрым до чрезвычайности.

Если у вас зычный голос, внушительное телосложение и основательная мускулатура, то приносите рукописи лично. Энергично отстранив юркого и вертлявого секретаря, добивайтесь разговора с редактором, во время которого старайтесь выставить в выгодном свете ваше физическое превосходство над хилым редактором.

Категорически требуйте аванс, и если при этом вы выразительно поиграете перед носом редактора увесистым, якобы по рассеянности взятым со стола, пресс-папье, то за успех по крайней мере, аванса можно ручаться головой.

Написав рассказ или стихотворение, старайтесь определить их направление и род. В толстом радикальном журнале никогда не пройдет ваше прекрасное стихотворение:

«Ах попалась, птичка, стой,

Не уйдешь из сети.

Будем мы кормить халвой...»

и т. д. Там не поймут!

Чудный же ваш рассказ о переживаниях умирающего с голода крестьянина, приготавливающего себе пеньковую петлю, отнюдь не следует нести в юмористический журнал. Обязательно получите неприятность.

Так как поиски темы составляют самую неприятную сторону дела (никогда нет темы, когда писать хочется!), то я могу предложить несколько разного рода.

С гражданской скорбью: Высланный по политическому делу бедный студент. Встреча с сельской учительницей: белая кофточка, черные глаза, наполненные слезами, небрежная прическа. Свидание, разговоры о земле и рабочем вопросе (требуется знание Маркса). Обыск. Два грубых жандарма и урядник ужасной нравственности. Выстрел за честь девушки. Арест, кандалы, голуби за решеткой тюремного окна.

Лирические: Сладкий запах сирени, прозрачный туман, луна, соловей, полулежащая красавица, барон X с душистыми ушами, долгое молчание, вздохи и незаметные прикосновения рук, от которых пробегает электрический ток. Заканчивать неопределенно, вроде: «А там, вдали...» и многоточие, или «А наверху пели ласточки. О чем они пели, о чем?...» и опять, многоточие.

Сатирические и юмористические: Пуришкевич, Государственная Дума, сварливая теща, дачный муж, которому изменяет жена, болван гимназист-футболист, дачный пшют Тросточкин. Недоразумение и путаница поздно возвратившегося мужа в чужой даче. Пара пощечин и катание с лестницы.

Я мог бы привести еще сотни примеров, но пока достаточно и этого. Так вот, что мне хотелось давно написать. Вместо лаконизма в «почтовом ящике», надо послать кому грамматику Кирпичникова и Гилярова, кому законы стихосложения, кому географию. Жалуются на оскудение русской литературы, а сами палец о палец не ударяют.

И я глубоко уверен, что, проводя упорно мою систему, мир обогатится новыми шедеврами и редакционные корзины будут сданы навеки в архив за ненадобностью.⁹⁷

КРИЗИС «САТИРИКОНА». «НОВЫЙ САТИРИКОН»

12 августа 1911 г. Л. Андреев писал Горькому: «Подлинная реакция, та, что живет в усталом сердце, уже кончилась; пред нами далеко уже маячит гребень той волны, на которую снова и снова предстоит нам взбираться. Вид России печален, дела ее ничтожны и скверны, а где-то уже родится веселый зов к новой, тяжелой революционной работе» *.

* «Литературное наследство», т. 72. М., «Наука», 1965, стр. 314.

Период столыпинской реакции дал беспримерные образцы ренегатства, вызвал разгул черносотенства, правительственные репрессии и т.п. Но в то же самое время, казавшееся глубоко спокойным и даже мертвым, шла идеологическая подготовка нового революционного взлета. «Мы живем в эпоху внутреннего переворота, в революционную эпоху, хотя у нас внешне царит покой кладбища, — писал В. Воровский в 1912 г. — Идет большая ломка, тем более болезненная и тем сильнее уродующая лики общества, чем упорнее темные силы противятся и препятствуют родам нового» *.

* В. Воровский. Литературно-критические статьи, стр. 359.

В 1912 г. застой сменился подъемом, обнаружился крах столыпинской политики. Усталость в массах стала проходить, с новой силой вспыхнуло стачечное движение. Подтверждалось предвидение большевиков о неизбежности нового подъема борьбы. Джон Рид, который впервые посетил Россию в это время, чутко подметил главную черту, определяющую лицо страны, — революционность народа. Повсюду он сталкивался с проявлением огромной скрытой энергии, которая вот-вот вырвется на поверхность. В очерке «Лицо России» он писал, что главный вопрос, волнующий теперь русское общество, это «горит ли в недрах России могущественное и разрушительное пламя или оно затушено» *.

* И. Крамов. Литературные портреты. М., 1962, стр. 113.

Как показывали события, революция, казавшаяся окончательно разбитой, вновь оживала. «В широких кругах демократии, — писал В.И. Ленин, — и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления» *. После Пражской

конференции большевикам удалось, вопреки ликвидаторам, возродить партию и ее ЦК. Вышел первый номер большевистской «Правды», широкой волной прокатились по всей стране массовые стачки, вызванные Ленским расстрелом. В 1903 г., по официальным сведениям, бастовало уже 1272 тысячи рабочих. «Революция — это болезнь», — признался капиталист Лианозов. И эта «болезнь» удивительно быстро прогрессировала. «Мы идем прямой дорогой к революции», — заметил полковник М.Н. Суворов, офицер Генерального штаба **. А. Блок записал в дневнике: «Да, мы накануне «великого бунта». Мы — накануне событий, и то, что не удалось один, другой и третий раз, — удастся в четвертый» ***.

* В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 126.

** А.И. Верховский. На трудном перевале. М., 1959, стр. 98

*** А. Блок. Собр. соч., т. 5. М. — Л., 1962, стр. 25.

«Сатирикона», его направления и облика, новый общественный подъем по существу не затронул. Более того, как раз в это время обозначилось падение журнала. Здесь нет ничего удивительного. «Сатирикон» не только был далек от рабочего движения, но и в лучшие времена не шел дальше узкополитического радикализма. Его критика, какой бы острой и злой она ни была, никогда не касалась социально-экономических основ самодержавного строя, не шла дальше обличения деспотизма и отдельных его слуг.

История развития «Сатирикона» в 1912 — 1913 гг. наглядно свидетельствует об этом. Правда, в 1912 г. журнал еще пытался удержаться на прежнем уровне. Он затрагивает важные общественные темы, но звучат они значительно более приглушенно. Сатириконцы все старательнее маскируют злободневные намеки. Так, обзор русской жизни за 1911 год дан на рисунке В. Лебедева в виде полуночного неба, полного созвездий *. Во внутренней политике у нас по-прежнему июнь, — уверяет художник. Читатель должен был припомнить, что июньское созвездие — Рак, и, пользуясь сатириконской системой символов, догадаться, что в государстве по-прежнему бесчинствуют черносотенцы. Символ народного просвещения — созвездие Скорпион — намек на реакционную политику нового министра просвещения — Кассо.

* «Сатирикон», 1912, № 1, стр. 8-9.

«Сатирикон» по-прежнему бичует крайних правых, требующих от премьер-министра Коковцева установления «твердой власти». В «Волчьих ягодах» (№ 4) журнал рассказывает о тверском губернаторе Бюнтинге, который «разнес» редактора местной газеты. Губернатор был недоволен пренебрежением газеты к твердому знаку, уверяя, что этот знак символизирует твердую власть. «Привет вам от «Сатирикона», господин Бюнтингъьььььь... Успокоились?» — ехидничает журнал.

В № 18 «Сатирикон» поместил серию карикатур А. Радакова «Как мы могли откликнуться на Ленские события». Совершенно невинные, не связанные друг с другом рисунки (ананас, курица, сосна, сифон с сельтерской водой) на последней странице журнала были тенденциозно скомбинированы; под ними появились следующие пояснения:

Сосна — «Одна из сосен, мимо которых проходили рабочие».

Щегольски одетый джентльмен — «Тип забойщика».

Сифон — «Сельтерская вода; она очень охотно пьется после тухлой конины».

Ананас и курица — «Фрукты, которые не растут в шахтах, когда в них на аршин воды».

Все это вместе взятое намекало на кровавую трагедию, разыгравшуюся в Сибири.

Аверченко откликнулся на Ленские события рассказом «Грозное местоимение». Ему предпослан эпиграф: «Экс-министр торговли и промышленности Тимирязев объяснил стрельбу в рабочих на Ленских приисках тем, что рабочие предъявили политические требования, — например, чтобы их называли на «вы»». В.И. Тимирязев был одним из заправил акционерного общества «Лена-Голдфилдз» и, несомненно, нес ответственность за те ужасающие условия, в которых жили рабочие на Ленских приисках.

Поводом для начала забастовки послужила, как известно выдача несъедобного конского мяса. Забастовка проходила под широкими лозунгами, где были требования об улучшении условий труда и в том числе пункт о «вежливом обращении с рабочими». Это требование особенно возмутило Тимирязева. Аверченко изобразил этого сановного душителя в своем рассказе. «Его превосходительство» требует, чтобы «грозное» местоимение «вы» изъяли из русского языка. Оно напоминает ему события на Лене. На гугернантку, оскорбленную его грубостью, министр возмущенно кричит:

«- Революционерка!.. Забастовка. Предъявила политическое требование и забастовала.

- Что за вздор? Какое требование?

- Говорит: называйте меня на вы!»

Его превосходительство торжествует, называя выдру — тыдрой, выезд — тыездом, выхухоль — тыхухолью. Ему кажется, что с крамолы навсегда покончено.

«Прогуливаясь по стрелке и греясь на солнышке, его превосходительство думало: «Скоро тыборы в Думу. Кого-то они тыберут? Во что тыльется народная воля?.. Уты, прежние времена прошли, — когда можно было тыдрать мужика и тыбить у него из головы эту самую «народную волю»». Увлеченное этими невеселыми мыслями, его превосходительство не заметило, как толкнуло какого-то прохожего и наступило ему на ногу.

- Ой! Послушайте, нельзя ли поосторожнее...

- Извини, голубчик, сказала его превосходительство. — Я не заметил твоей ноги.

- Прошу вас, — раздражительно воскликнул незнакомец, — называть меня на «вы»!

- Шито-с? Предъявление требований?! Политических?! Забастовка? Баррикады?

- Его превосходительство выхватило револьвер и скомандовало: Пли!» *

* Фома Опискин. Сорные травы. СПб., 1914, стр. 43-44.

Так «Сатирикон» разоблачал правительственный курс «твердой власти», доказывая, что перед лицом нарастающей народной бури, самые безобидные требования рабочих кажутся правительству ужасным политическим преступлением.

В этот период сатириконицы выпускают специальный «полицейский» номер. Даже далекий от политики П. Потемкин напечатал в нем стихотворение «Идиллия» об околоточном Иванове, который отправляется на «ловлю» крамолы со словарем запрещенных слов, составленным сынишкой-гимназистом.

*Так и сделали. Сынишка написал
Сорок с лишним измов, уций, аций,
Бибель, Каутский и Бокль и «Капитал» -
Все сюда попали, даже сам Гораций.*

Только Маркса околочный изъял,
Вычеркнув из списка и испортив строчку:
Карла Маркса знал он *, ибо получал
«Ниву» с приложеньями, семь лет в рассрочку.

* Имеется в виду буржуазный книгоиздатель А.Ф. Маркс, выпускавший мещанскую «Ниву» и приложения к ней.

«Полицейский» номер не оправдал тех надежд, которые возлагали на него сатириконцы. Он оказался гораздо ограниченнее прежних специальных выпусков журнала. Особенно это заметно в том небольшом предисловии, которое редакция была вынуждена напечатать в начале номера. «Русская полиция, - говорилось там, — находится в уродливых, ненормальных условиях и отсюда проистекают все те дефекты и злоупотребления, которые возведены в пословицу, в анекдот».

Все яснее становится, что характер «Сатирикона» меняется: он явно мельчает. Центр внимания в журнале передвигается от значительного к занимательному, глубина охвата жизни подменяется сенсационностью. Критика октябристов, союзников и Думы стала звучать теперь как надоевшая пластинка.

На смену политическим «дежурным» темам пришли литературные. Центральное место в журнале заняли шаржи на модных литераторов и артистов. В «Сатириконе» появилась специальная рубрика «Русская грядка на Парнасе», а поэтическими лидерами в журнале стали авторы стилизованных пародий П. Потемкин и С. Горный.

Характерен № 3 «Сатирикона» за 1913 год, посвященный памяти «незабвенного Козьмы Пруткова». Отмечая 50-летний «юбилей» своего предшественника, сатириконцы изоцряются в остроумных пародиях, но их общественное звучание невелико. Взвинченная парадоксальность и сентиментальная интимность все больше начинают подменять социально-значимую сатиру. На страницах журнала мелькают обнаженные женские тела, рассказы о «художнике-безбожнике» и модистке, которую он обольстил, пасхальные, масляничные, рождественские безделушки. Для «Сатирикона» этих лет характерны ноты пессимизма и разочарования. В «Письме к редактору» А. Бухов пишет:

Мучительно наше сегодня,
Где все — наболевший вопрос;
Редактор, не будьте же сводней
Сатиры и искренних слез.
Смеяться не трудно, но верьте,
Что жизнь — не пустой балаган,
И в жуткой процессии смерти
Противно пускаться в канкан...

Свирепеющая реакция постепенно вытравляла из «Сатирикона» мотивы того широко распространившегося радикализма, о котором говорилось выше. «Межпартийность», «многобожие» обернулись отчаянным аполитизмом, а порой и просто реакционностью. Неопределенный социальный скепсис породил вспышки отчаяния.

Сатириконцы пытались как-то выйти из положения, обращаясь к иностранному юмору. В журнале постоянно появлялись, перепечатки из «Симплициссимус», «Югенд» и других зарубежных изданий. Но тщетно. Смех «Сатирикона», как заметила большевистская «Правда», стал «сытым». «Вот уже два года, — писала газета, — потешают здесь русскую публику смехом самых различных сортов и фирм — смехом французским, смехом английским и смехом русским, только настоящего здорового смеха там нет» *. Действительно, острие сатиры в журнале притупилось.

* «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». Гослитиздат, 1937, стр.

Непреодолимой трудностью, которая стояла перед сатириконцами, была цензура. Войну с ней журнал вел давно, начиная со своих первых номеров. Вспоминая об условиях существования русской сатиры в 1906-1908 гг., В. Боцяновский писал: «Подготавливая номер, редактор всегда должен был иметь в запасе двойное количество рисунков и готовых клише, потому что никогда, ни в одном случае не было уверенности, что пронизательная цензура не усмотрит чего-нибудь «ошибочного» или преступного в любом из рисунков» *.

* В. Боцяновский и Э. Голлербах. Русская сатира первой революции. Л., 1925, стр. 124.

В том, что сатира политическая превращалась в сатиру на нравы, в значительной мере был виноват цензурный террор. «Благородную сатиру ветер северный унес», — сокрушался Саша Черный. Действительно, положение сатирика в те годы было довольно печальным. Даже после указа о снятии предварительной цензуры, сатирические издания все равно должны были посылать материалы в цензуру: на них указ не распространялся.

Ах, и спел бы я, братцы, вам песенку
Обо всем, что на сердце скрывается, -
Спел бы я! Да не всякая песенка
До конца допевается!

- писал Демьян Бедный. В конце 1908 г. Совет министров установил уголовную ответственность за «восхваление преступных деяний в речи или печати» *. Штрафы, наложенные на различные издания в 1909 г., дошли до 102 тысяч рублей, между тем как в 1906 г. они не превышали 15 тысяч. По неполным официальным данным, за период с 1906 по 1910 г. было приостановлено свыше 2500 периодических изданий. Все это создавало паническое настроение у буржуазно-либеральных сатириков. В. Князев писал «в годы лихолетья»:

Ведь наша рать и так уж поредела,
А впереди все тот же черный мрак.
Скрывай до времени, что в сердце наболело -
Всесилен враг!

«В годы лихолетья»

В 1907 г. были введены новые правила о повременной печати. «Министру внутренних дел, — гласили они, — предоставляется, в видах ограждения общественного порядка и спокойствия, в случае надобности, представлять Правительственному Сенату о прекращении повременного издания, подлежащего предварительной цензуре или изъятого от нее, хотя бы ему не было сделано ни одного предостережения, одновременно с предоставлением приостанавливать издание собственной властью впредь до воследования решения Сената» **. Насколько хрупким было существование газеты или журнала в те годы, видно хотя бы по тому, что даже суворинское «Новое время» было приостановлено после того, как в подвальном этаже дома, где помещалась редакция, «отыскали не то заговор, не то бомбы» ***. Министерство внутренних дел никак не хотело верить Суворину, что газета здесь ни при чем.

* ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 15, № 21.

** «Русский -календарь» на 1907 г. А. Суворина. СПб., 1907, стр. 337.

*** «Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову». СПб., 1913, стр. 12.

К 1908 г. в местах гражданского заключения было немало редакторов и издателей, не сумевших внести непомерно большие штрафы или приговоренных к

тюремному заключению. Издеваясь над политикой обуздания печати с помощью силы, Е. Венский писал в стихотворении «Кругом шестнадцать»:

Так как пресса не прогресса,
А крамолы проводница,
А крамоле быть на воле
Тем уж боле не годится,
Значит нужно для прогресса,
Чтоб была под прессом пресса.

Так как нужно казначейство
Для российского прогресса,
Деньги ж вносит за «злодеяствия»
Оштрафованная пресса -
Значит нужно для прогресса,
Чтоб была крамольной пресса...

Но... раз «пресса не прогресса,
А крамолы проводница,
А крамоле быть на воле...».

«Новый Сатирикон», 1913, № 9, стр. 5

Продолжалась сказочка про белого бычка: «Значит нужно для прогресса, чтоб была под прессом пресса». Столыпин предложил штрафовать газеты через градоначальников, что повлекло за собой незиданный произвол таких царских самодуров, как Думбадзе, Рейнбот и им подобные. Не случайно Саша Черный писал:

Благодарю тебя, создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель
И не сижу еще в тюрьме.

«Молитва»

В «Цензурной сатире», написанной в эти годы, Саша Черный издевался над жестокими постановлениями о печати:

Я видел в карете монаха,
Сверкнула на рясе звезда...
Но что я при этом подумал -
Я вам не скажу никогда.

С ним перекликался Красный в стихотворении «Песенка некоей птички»:

А попробуй, звуки вверх я
Зову сердца своего -
Обкарнают живо перья,
Да и голову... того.

Оттого-то мощным клювом
Осторожно я стучу:
Про пустяк всегда спою вам,

А о важном — промолчу.

В. Дорошевич в сатире-фантазии «Премьер» приводил слова Столыпина, лицемерно уверявшего русское общество, что введенные им законы о печати — «самые либеральные во всей Европе». Дорошевич иронически комментировал слова Столыпина: «Да газеты-то, как мухи... выздоравливают» *. В архивах Санкт-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати хранится много дел, свидетельствующих о преследованиях русских сатириков той поры. Был арестован сборник ранних стихов Гликберга (Саши Черного) «Разные мотивы», в котором усмотрели «все признаки преступления» **. Автор избежал ареста только потому, что вовремя уехал за границу — в Германию.

В 1907 г. было начато дело против виновных в напечатании сказки Басова-Верхоянцева «Конек-скакунок». Цензор Петербургского комитета по делам печати Федоров, излагая содержание сказки, доносил, что автор имел намерение «представить в извращенном и искаженном виде политические события, имевшие место в России в 1905-1906 гг. Вместе с тем в изображении царя Берендея, его жены и матери с очевидностью выразилось оскорбительное отношение автора к государю императору, государыне императрице и вдовствующей императрице... Принимая затем во внимание, что, по мысли автора, единственным выходом для крестьян и рабочих из их тяжелого современного положения является вооруженное восстание и низвержение царской власти, следует прийти к выводу, что в рассматриваемой брошюре заключаются также признаки преступления, предусмотренного п. 1, ст. 129 Уголовного уложения» ***. «Конек-скакунок» был уничтожен вместе со стереотипами и прочими принадлежностями для печатания.

* В.М. Дорошевич. Премьер. Завтрашняя быль (фантазия). М., 1907, стр. 23.

** ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 11, № 141.

*** ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 10, № 57.

В 1909 г. судебному преследованию подвергся сатириконец Д. Цензор за книгу стихов «Крылья Икара». Сборник Цензора был посвящен революционным борцам 1905-1906 гг. Поясняя заглавие, он писал в предисловии: «Эта книга посвящается тому времени, когда мы, окрыленные, устремились к солнцу. Теперь мы разбиты. Сломаны крылья. Вот мои песни, вот мои крылья» *.

* ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 15, № 21.

Цензурный террор явился одной из сторон общего наступления царизма на передовую Россию. Он создавал крайне неблагоприятные условия для существования и развития сатиры. «Свободой от печати» — назвал такую политику О.Л. д'Ор, «свободой пишати» — Т. Ардов. Начиная с 1908 г. «Сатирикон» постоянно подвергался цензурным гонениям. Редакция то и дело сообщала, что самые лучшие произведения не допущены к печати или безжалостно изуродованы. Вот перечень тех номеров журнала, которые вызвали нарекания цензуры в одном только 1911 году:

№ 2 — «Слепцы» А. Аверченко;

№ 4 — «Когда студенту не спится» Саши Черного;

№ — «В карцере» Саши Черного;

№ 7 — «Дисциплина» А. Дмитриева; «Как я помог в запутанном деле с Иллиодором» А. Аверченко:

№ 14 — раздел «Волчьи ягоды»;

№ 16 — «Репка» А. Измайлова;

№ 17 — «Оттенки» (Как П. А. Столыпин говорил по телефону) А. Аверченко;

№ 18 — «Весна на заводе» Красного;

№ 24 — «Волчьи ягоды» (раздел) и «Язык» А. Аверченко;

№ 26 — «Депутат и мирная идиллия» Красного;

№ 28 — «Колыбельная (юго-западная)» автор не установлен;

№ 34 — «Заказ профессоров» Красного;

№ 38 — «По шерсти кличка» А. Аверченко;

№ 45 — «Веселая жизнь» Князева, «О двух провокаторских письмах» А. Аверченко, «На перекрестках» Князева, «Охраняют» Высоцкого;

№ 50 — раздел «Волчьи ягоды» *.

* ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, № 506.

Даже дешевая библиотечка, издававшаяся «Сатириконом», тщательно просматривалась в цензуре. В частности, был запрещен № 21 этой серии с юмористическими рассказами Куприна. Подверглась аресту и знаменитая «Русская история, обработанная «Сатириконом».

Часто журнал выходил с белыми пятнами на месте «зарезанных» цензурой произведений или рисунков. Сатириконцы умело пользовались этим, чтобы создать оригинальную систему недомолвок, своего рода перестрелку с чиновниками цензурного ведомства. Так, в № 18 «Сатирикона» за 1913 г. были помещены два рисунка под общей шапкой «Идиотизмы русского языка». Точнее, рисунок был помещен один, на месте другого красовалось белое пятно и пояснение: «снят по независящим от редакции обстоятельствам». Однако смысл рисунков оставался для читателя совершенно ясен. Дело в том, что под первым, изображавшим жалкую нищенку, была подпись: «Милостивая государыня». Следовательно, другим «идиотизмом русского языка» должен был быть «милостивый государь» — кровавый душитель Николай II.

По свидетельству В. Боцяновского, «было бы совершенно невыносимо работать, если бы не установившееся между читателем и сатириком то особое понимание, та особенная способность чтения между строк, понимание с полуслова, которое в эти годы развилось с особой силой. С этим не могла ничего поделать самая строгая цензура» *.

Революционно настроенный читатель порой оказывался дальновиднее не только цензуры, но и самой редакции. Этим отчасти объясняется огромный успех «Сатирикона» — читатель домысливал и делал выводы сам — редакции оставалось лишь умело направлять его. Порой происходили курьезы, как например, история с рисунком «Женщины с моря». Однажды для журнала, сильно пострадавшего в цензуре, срочно понадобилась карикатура. У редактора про запас был безобидный рисунок из французского еженедельника, изображающий двух дам на берегу моря. Времени придумать какую-то оригинальную подпись уже не было: номер шел в набор, и редактор скрепя сердце написал: «Женщины с моря». Каково же было изумление редакции, когда читатели увидели в журнале скрытый намек на двух «заморских» императриц И немедленно раскупили весь тираж «Сатирикона» **

* В. Боцяновский и Э. Голлербах. Русская сатира первой революции, стр. 125.

** Там же, стр. 126.

Другой пример оригинальной «перестрелки» с чиновниками из цензуры — репродукция с картины Семирадского «Ваза или женщина». В 80-х годах XIX в. она была запрещена в журнале «Звезда». Узнав об этом, «Сатирикон» торжественно перепечатал репродукцию, да еще снабдил ее карикатурой А. Радакова, поясняющей, «Кто что видит в картине». Карикатура, как и все в «Сатириконе», имела двойной смысл: помимо прямого обличения «критиков» Семирадского, она метила в цензуру 10-х годов XX в., уверяя ее, что она ничем не отличается от реакционной цензуры прошлого века.

Так, собственно говоря, и было. В 1913 г. «Сатирикон» (№ 48) привлекли к ответственности за стихотворение Петра Клейнера, повествующее о том, как поэт ждет свидания с милой.

Вместо образа повешу

Твой, любимая, портрет.

Пусть горит пред ним лампада,

- говорится в стихотворении. Цензор возмутился:

«Ввиду изложенного и принимая во внимание:

*1) что образа и лампы (!) суть предметы религиозного почитания верующих и
2) возжигание лампад перед каким-либо изображением, кроме святой иконы, согласно заключению представителя духовного ведомства, является деянием кощунственным,*

номер «Сатирикона» арестовать и привлечь к уголовной ответственности поэта и редактора по 74 статье Уголовного Уложения» *.

Комментируя это постановление, Вл. Боцяновский воскликнул: «Разве от этого запрещения не пахнет временами цензора Красовского, когда возлюбленный не смел назвать глаза возлюбленной «небесными»? Царствовал Николай II, но по духу это было царствование Николая I» *. Не случайно на одной из обложек «Сатирикона» художник П.Н. Трояновский изобразил Новый Год солдатом в форме времен Николая I, а уходящий — в виде николаевского солдата своего времени.

* Там же, стр. 134.

В 1913 г. первый номер «Сатирикона» был конфискован, та же участь постигла номер тринадцатый.

Постоянным героем журнала становится цензор. Его маленькая тщедушная фигурка, вооруженная огромным красным карандашом, кочует из одного номера «Сатирикона» в другой. Цензуре и русской прессе посвящен «специальный» (II) номер журнала за 1913 год. На его обложке — торжествующий Цензор, мастерски нарисованный Ре-Ми.

«Цензор: Если наш плюгашка чуть ли не 500 тысяч штрафов заплатил — изображаю, сколько с этих заграничных гигантов можно было бы получить».

Речь идет о зарубежных сатирических изданиях, в первую очередь о «Симплициссимус», у которого «Сатирикон» многому учился.

Нет ничего удивительного, что стиснутый цензурными рогатками «Сатирикон» мельчал день ото дня. В 1913 г. Аверченко писал: «Не надо забывать, что мы не купаемся в теплой ласкающей тело водице, а варимся в крутом кипятке». И пояснял:

«Перечислю только то, чего нам категорически запрещено касаться.

- 1. Военных (даже бытовые рисунки);*
- 2. Голодающих крестьян;*
- 3. Монахов (даже самых скверных);*
- 4. Министров (даже самых бездарных).*

А в последнем номере не пропущена даже карикатура, осмеивающая «Новое время». Читатель! Обнажи благоговейно голову перед этим фактом» *.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 28, стр. 7.

Была изобретена такая сложная система «принудительного молчания», что А. Бенуа только удивлялся, глядя, как сатириконцы изворачиваются, чтобы «дать волю своему смеху и своей злобе». «Если бы знать еще точно, что можно и что нельзя, - писал он, - тогда было бы полбеды. Но ведь именно этого-то у нас никто и не знает. С одной стороны, как будто и все дозволено, а с другой, как будто все и запрещено» *.

В ответ на систему «принудительного молчания» сатириконцы изобретали сложную систему недомолвок и оговорок, зашифровывая свои выступления. «На нашей прессе — семьдесят семь одежек и все без застежек, как на капусте, — писал Н. Шебуев. — Семьдесят семь ишурок-цензурок! Кочерыжка — истина запрятана основательно» **. Однако не всегда та истина, которую тщательно прятали в ишурки-цензурки либеральные сатирики, заслуживала того, чтобы ее скрывать.

* «Речь», 1909, 19 декабря, № 348.

** «Журнал журналов», 1915, №19, стр. 20.

Цензурные гонения на «Сатирикон», а впоследствии и «Новый Сатирикон» покажутся не столь уж значительными, если вспомнить, что в то же самое время основные силы цензуры были брошены на борьбу с рабочими органами печати — «Звездой», «Правдой», подпольными социал-демократическими изданиями. Это сознавали и сами сотрудники либеральных изданий. Когда в 1915 г. в Думе был поднят вопрос об упразднении цензуры, «Журнал журналов» писал:

«Скатертью, конечно, дорога... Да будет ей земля пухом... Но, право, если у Пешехонова или у Накатова цензор выбросит десяток-другой строк или даже целых статей, то — зачем обманываться? — Ни современность, ни тем паче грядущие поколения не испытают великих потрясений и не понесут незаменимых утрат... Мы выросли из цензуры — это правда. Но в этом именно — наша печаль. Потому что — страшно подумать — свобода слова нам ни к чему. Мы выросли... карликами» *.

* «Журнал журналов», 1915, № 20, стр. 4.

Сатириконцы тоже понимали ущербность своей «правды». К 1912 г. внутри редакции начались разногласия, приведшие вскоре к расколу. О спорах и идейных расхождениях сатириконцев можно догадываться, начиная с 1909 года. В новогоднем номере журнала, рисуя торжественный парад сотрудников, А. Радаков в сторонке изобразил Сашу Черного, «бросающегося иногда даже на своих». В 1911 г. Саша Черный порвал с журналом, публично заявив, что не разделяет его направления.

С уходом Саши Черного противоречия еще больше обострились. Придавленный тяжестью цензурных репрессии, обессилевший и порядком изверившийся, «Сатирикон» в 1913 г. потускнел и отцвел, как и русские «свободы». Характерно, что его увядание совпало с ярким расцветом знаменитого «литературного» ресторана «Вена», где каждый вечер собирались сатириконцы *. В сборнике «Десятилетие ресторана «Вена» (СПб. 1913) изображение «шумной ватаги» сатириконцев, возглавляемой «батшкой» Аверченко, занимает одно из центральных мест **.

* Один из ведущих сатирических поэтов, Е.Ф. Пяткин, даже взял себе себе псевдоним Венский — по имени ресторана.

** «Тут поэт людского безобразия, человеческой пошлости и пакости -высокий, тонкий, сдержанный Ре-Ми; шумный, гремящий «коновод» «Галчонка» Радаков; вечно веселый, всегда остроумный, всегда жизнерадостный, скромный, молчаливый Юнгер; экспансивный Яковлев; встрепанный, словно только что сброшенный с постели, с ядовитым лицом В.В. Воинов; худой, тонкий, язвительный П.П. Потемкин; В.В. Князев; изящный, умный, шаловливый К.М. Ант<ипов> (Красный), флегматичный Г.А. Ландау; Е. Венский»; Е. Хохлов».

Сатирическая компания сразу занимает три-четыре столика и немедленно начинается несмолкаемый «дебаш». Остроты, эпиграммы, каламбуры сыпятся как из громадного мешка. Одно пустячное замечание, движение рукой, поза, — все дает тему для остроумия — легкого, свободного, не натянутого.

Стихами сатириконцы говорят, как прозой. Кто-то уронил часы под стол, поднял их и стал рассматривать. Красный серьезно дает рифмованный совет:

Теперь излишни «ох» и «ах».

Но и дурак ведь каждый ведает:

Стоять возможно на часах,

Но наступать на них не следует.

Князев сообщает, что на-днях у него выходит книга о народной поэзии — частушке. Батшка благодушно поощряет:

Твое творенье, милый друг,

Достойно всяких восхищений,

Недаром все кричат вокруг,

Что это целый воз хищений.

Шум вокруг столика стоит невообразимый. Голос Радакова слышен чуть не до выхода. Художники между тем в балагурстве и празднословии обсуждают темы и рисунки для следующего номера, поэты и прозаики выслушивают «проказы» батьки... Совершенно незаметно, шутя составляется помер. Каждый знает, что ему нужно приготовить к четвергу» («Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник.). СПб., 1913, стр. 41).

Писательница Тэффи тоже вспоминает о свите, которой постоянно был окружен А. Аверченко. Она пишет:

«В свите Аверченко были друзья, резавшие правду-матку и бравшие взаймы деньги, были шуты, как при средневековом дворе, были и просто идиоты. И вся эта компания, как стая обезьян, говорила его тоном, с его жестами и не переставая остряла... Свита сыграла дурную роль в жизни Аверченко. Она льстила, восхищаясь тем, чем восхищаться не следовало, портила его вкус, направляя в сторону дешевой рекламы, успеха дурного вкуса» *.

* Цит. по кн.: А. Аверченко. Юмористические рассказы. М., 1964, стр. 11.

Богемная атмосфера творчества, погоня за дешевым успехом сыграли роковую роль не только для Аверченко, но и для всего «Сатирикона». На его страницы прокрадывается, должно быть, незаметно для редакции, та самая Мать-Пошлость, которой он раньше старательно избегал. Сатириконский юмор вырождается в безобидное и порой беспричинное зубоскальство.

Между тем либеральные критики восторженно приветствовали поворот «Сатирикона» к юмору. По их мнению, главная заслуга журнала заключалась в том, что он смог развлечь русское общество, приунывшее после 1905 г., бездумным легкомысленным смехом. Так, П. Рысс писал:

«В революционные годы смеялись кровавыми слезами. Была сатира, но не было смеха. Появление «Сатирикона» означало рождение смеха. Наряду с сатирой политической, там были прелестные произведения, созданные гением безобидного смеха. Блеск, талант, остроумие, подлинное воображение, неожиданность выводов рассеяны были по номерам журнала» *.

* П. Рысс. О смехе. — «День», 22 февраля 1914 г., № 51.

Для такой характеристики, несомненно, были основания. Идеальный вдохновитель журнала А. Аверченко в шутку и всерьез проповедовал мысль о «лечебных» свойствах жизнерадостного юмора. Один из сборников своих рассказов он так и назвал: «Рассказы для выздоравливающих».

В предисловии Аверченко писал, что хорошо понимает желание выздоравливающего «много есть, много пить, слушать много музыки и много смеяться. Рожденный снова на свет со свежими обостренными чувствами, он жадно и весело впитывает в себя, как губка, все, что окружает его». И если он захочет читать, то в книге он тоже ищет «много шуму, веселья, беззаботности, бодрости и молодой дерзновенной силы» *.

* А. Аверченко. Рассказы для выздоравливающих. СПб., 1907, стр. 3-4.

По мнению Аверченко, «Сатирикон» должен был угодить той части русского общества, которая почувствовала необходимость стряхнуть с души давящий кошмар столыпинщины, свободно вздохнуть, весело засмеяться. Журнал предлагал смех как спасительное средство от тоски и уныния.

«Круги по воде» — так называется другой сборник рассказов Аверченко. Автор уверяет, что юмористические рассказы должны быть для всякого тем спасительным кругом, за который он обязательно должен ухватиться. Новую функцию сатиры тех лет он видит в том, чтобы спасти интеллигента, утопающего в пессимизме, и помочь «выздоровливающей» части России как следует повеселиться. Установка на «безобидность», которая вольно или невольно навязывалась «Сатирикону», вызывала недовольство наиболее глубоких и чутких его сотрудников.

В 1913 г. в редакции журнала произошел раскол, в результате которого образовался «Новый Сатирикон». Непосредственной причиной раскола были денежные недоразумения и ссора между главными пайщиками журнала: издателем М.Г. Корнфельдом, с одной стороны, и Аверченко, Радаковым и Ремизовым, — с другой. По заключенному между издателем и сотрудниками договору, Аверченко, Радаков и Ремизов имели право контролировать хозяйственную часть журнала, а Корнфельд обязался не повышать подписной и розничной платы за журнал.

Однако с 1 января 1912 г. Корнфельд самовольно повысил розничную плату, что вызвало в дальнейшем падение тиража. Аверченко, Радаков и Ремизов обвинили Корнфельда в том, что он перестал допускать их к контролю хозяйственных книг, самовольно расходовал принадлежащие журналу суммы, начал задерживать уплату гонорара сотрудникам. Корнфельд в свою очередь, жаловался на отчаянное финансовое положение журнала, вынуждающее его вести дела по-новому.

В результате ссоры группа сотрудников решила уйти из журнала и основала новый — на кооперативных началах. 19 мая 1913 г. «Русская молва» напечатала заявление Аверченко с отказом от редактирования «Сатирикона». Аверченко объяснил свой уход так:

«Ввиду слухов, распространяемых в литературных кругах г. М.Г. Корнфельдом, что причиной моего ухода из «Сатирикона» являются материальные несогласия и расчеты с издательством — настоящим категорически заявляю, что уход мой из журнала вызван, главным образом, теми невозможными условиями работы, в которые я и мои товарищи были поставлены г. Корнфельдом, а также — целым рядом нарушений элементарной литературно-издательской этики» *.

* «Русская молва», 19 мая 1913 г., №155.

В ответ М.Г. Корнфельд напечатал «воззвание», уговаривая сотрудников остаться:

«Так труден и чреват материальными, не говоря уже об иных, бедами путь прогрессивного художественного журнала в России, и так трудно, почти безнадежно создание нового литературно-художественного органа, что ломать умышленно и безжалостно это служившее долго и успешно оружие против тьмы, застоя и насилия — прямое преступление против литературы, против общества», — писал он *.

* «Новый Сатирикон», 1913, №1, стр. 13.

Но игнорируя это «воззвание», группа сатириконцев объединилась в литературное товарищество и выпустила первый номер «Нового Сатирикона». На его обложке значилось, что журнал выходит под редакцией А. Аверченко, при ближайшем участии А. Радакова, Ре-Ми, А. Яковлева и А. Юнгера, а также «всего состава прежних сотрудников».

Действительно, вместе с Аверченко, Радаковым и Ремизовым из редакции ушло большинство ведущих сотрудников: Потемкин, Тэффи, Азов, О.Л. д'Ор, Г. Ландау, А. Бенуа, М. Добужинский, К. Антипов, А. Яковлев, В. Воинов и др. Впоследствии к ним присоединился Бухов. В старом «Сатириконе» остались: В. Князев, Б. Гейер, В. Тихонов, а также молодые поэты В. Горянский, С.Я. Маршак (д-р Фрикен), В. Винкерт, Н. Агнивцев, Д. Актиль и другие. Художественное оформление взял на себя художник Дени (В. Денисов), а после его болезни — М. Кузмин и Б. Григорьев.

Корнфельд предпринимал лихорадочные попытки спасти «Сатирикон». Он выходил до конца 1913 г., была объявлена подписка на 1914 год. Облик журнала в этот период был очень пестрым. Поэтическим лидером стал В. Князев, поместивший в № 41 резкую политическую сатиру о деле Бейлиса («Бейлисиада»), а также стихотворения, посвященные разоблачению русского либерального интеллигента («Нищий», «Мы и они», «Со сторожевой вышки», «Родные мотивы», «Итоги»). Пытаясь возродить традиции добролюбовского «Свистка», он бичевал «природных лакеев» — почтенных октябристов, высмеивал ослепшего, нищего духом интеллигента. В «Сатириконе» 1913 г. появились

«Волчьи песни» Князева и нашумевшее стихотворение «Аркадий Лейкин», в котором он изобразил Аркадия Аверченко.

Обвиняя Аверченко в безыдейности и пошлости, Князев вынес приговор всему «Сатирикону». Он описывает блестящее появление «короля смеха» в мрачную годину реакции:

Явился он, с могучим словом «Аве»

И развенчал всех наших королей.

Но...

Шли дни. Король шалил. Талантливо, блестяще,

Лишь над поверхностью сырых болот скользя,

Он их не осушал. И в гиблой дикой чаще

Не вешал вывески: «Друзья, так больше жить нельзя».

Упрекая Аверченко в легкомыслии и поверхностности, Князев сравнивал его с Лейкиным и утверждал, что смех Аве стал полностью напоминать юмористическую болтовню конца прошлого века.

Однако «Сатирикон» Корнфельда грешил теми же недостатками. Из-за нехватки материала беспринципный редактор давал место в журнале различным литературным поденщикам и бульварным писателям, начавшим травлю рабочих газет «Правда» и «Луч». К ним присоединился И.И. Ясинский, поместив в № 28 «Сатирикона» стихотворение «На полемику «Правды» с «Лучом»». Отвечая ему, «Рабочая правда» напечатала 16 июля 1913 г. статью «О плясунах», где говорилось:

«Корнфельдовские молодцы и старики, оставшиеся у него на службе после темной пятаковой истории с Аверченко, должны были бы сообразить, что для их аудитории ругань по адресу рабочей газеты совсем уж не так щекотна...

Идеологам купального костюма, жидких поцелуев улицы и свободолобивого будуара кокетки следовало бы знать хотя бы одну границу, через которую нельзя перешагнуть:

Границу недоступной им рабочей газеты» *.

* «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе», стр. 99.

Банкротство старого «Сатирикона» стало особенно ощутимым в конце 1913 года. Лучшим его номером был 34-й, посвященный осмеянию российского обывателя Ивана Ивановича Иванова, но и он — несравненно мельче памятного всем специального номера «О пошлости», выпущенного в 1910 году, «Сатирикон» прекратил свое существование на 16 номере в 1914 году. Популярность у него перехватил «Новый Сатирикон», уверивший читателя, что журнал, «который неустанно старался очищать и развивать вкус среднего русского читателя, привыкшего к полуграмотным распивочным листкам, — этот «Сатирикон» не может и не должен погибнуть» *.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 1, стр. 2.

«Новый Сатирикон» был продолжением старого. «Итак, - сообщила редакция 6 июня 1913 г., — «Новый Сатирикон» — это старый «Сатирикон», а старый «Сатирикон» — это фактически новый «Сатирикон», начавший свою жизнь всего две-три недели тому назад и пока заявивший себя только почтительным подражанием прежнему «Сатирикону» *.

* Там же.

Переезжая на «новую квартиру», сатириконцы забрали с собой лучшие силы и сохранили те отделы журнала, которыми они особенно дорожили: «Волчьи ягоды» (сатира на злобу дня), «Перья из хвоста» (еженедельная полемика с публицистами иного направления) и свой почтовый ящик. Состав сотрудников почти не изменился. Правда, место секретаря редакции Потемкина занял Ефим Зозуля, начавший сотрудничать еще в журнале Корнфельда. На страницах журнала появились новые имена (О. Мандельштам, В. Липецкий и др.), но его облик остался прежним. Об этом свидетельствует хотя бы

письмо Е. Зозули к И. Ясинскому: «Ваши стихотворения (присланные) слишком лиричны, нежны и в лучшем смысле слова безоблачно поэтичны, — пишет Зозуля, возвращая рукопись Ясинскому. — Между тем сатириконские традиции требуют от стихотворений, как и от прозы, сатиризма или юмора, или же по крайней мере резкости, во всяком случае какой-нибудь кривизны» *.

* Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Архив И. Ясинского.

Редакция «Нового Сатирикона» считала своим долгом сохранить традиции старого. Но уже в третьем номере журнала А. Радаков пожаловался, что сатириконцам приходится мучительно «ломать голову», чтобы придумать интересную и политически цензурную карикатуру. В № 11 не был пропущен рисунок, и редакция напечатала на последней странице разговор сотрудников с «Сатириконом» — «самым большим, самым толстым и самым неисправимым оптимистом».

«Когда мы приходим к нему, повесив голову, он уже знает, в чем дело, и ласково ободряет нас:

- Опять, дети, неприятность?

- Опять, отец.

- Цензура?

- А то кто же...

- А много рисунков погибло?

- Три.

- Конечно, лучшие?

- Можете ли вы думать иначе!

- Хе-хе. Ничего. Видите ли, все у вас шиворот навыворот... У обыкновенных родителей не живут хилые, плохие дети, а у вас — самые сильные, здоровые...

- И самое ужасное, что читатель не знает об этом, — вздыхает редактор.

- А ты, сынок, напиши. Не в тексте, а так где-нибудь, в объявлениях о подписке напиши. Как будто, мол, вскользь... Тяжко, мол.

Редактору что... Он и написал» *.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 11, стр. 12.

Пытаясь хоть как-то высказаться, сатириконцы пускаются в 1913 г. на всякие хитрости. Они прячут в разделе «Иностранный юмор» следующую реплику редакции:

«Часто по независящим от редакции обстоятельствам многие вопросы общественной жизни остаются для нас закрытыми. Время от времени «Новый Сатирикон» будет помещать страницу иностранного юмора, посвященную какому-либо одному вопросу — рабочему, военному, судебному... На этой странице мы помещаем рисунки о рабочих французского рисовальщика Вильета и немецкого — Арнольдо».

Под одним рисунком — разговор рабочих, озаглавленный очень выразительно: «Два фронта»:

» — Что же хозяин не доканчивает новое помещение около фабрики?

- Ждет... Он не знает, забастуем ли мы, так как нам прибавили очень мало, или останемся довольны. Не знает — вешать ли вывески и надписи: «дешевая продажа пива» и позвать толстую кельнершу, или вставить в окна решетки и позвать шуцмана» *.

* «Новый Сатирикон ?», 1913, № 20, стр. 11

Так журнал смог откликнуться на многочисленные забастовки рабочих, прокатившиеся по всей России после ленского расстрела. Обычно подписи под такими «иностранными» рисунками делались самими сатириконцами. Пример другого завуалированного отклика на события дня — «Иностранный юмор» в № 21 за тот же год. Здесь изображен террорист, у ног которого лежит распиленная царская корона. Рисунок назван «Жертва времени», а подпись под ним подробно повествует, как совершенствуют террористы свою «технику» (сначала орудовали ломом, теперь

овладели химией и теорией взрывчатых веществ). «Сатирикон» иронически комментирует: «Правительство хитро проводит свой план обязательного обучения народа» *. Эта «иностранный» страничка звучит очень уж по-русски.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 21, стр. 15.

Подобные странички и раньше печатались в «Сатириконе», но теперь иностранные темы становятся преимущественно средством маскировки «крамольных» мыслей. Журнал печатает «персидскую» сказку Полярного «О насмешинике», в которой автор «сочувствует» бедному приставу: «Пристав, ты мой бедный персидский пристав! Приставили тебя, горький ты мой, к участку глотку драть! И вот хочешь — не хочешь — кричи... И голосовые связки давно уже ты надорвал... Жалко мне тебя, пристав, ах как жалко!» *

* «Новый Сатирикон», 1913, № 8, стр. 6.

Эта сказочка помещена неподалеку от ядовитой карикатуры Ре-Ми, изображающей эволюцию русской «свободы» за 1907-1913 гг. Как уверяет художник, в 1913 г. от гения Свободы, которого «персидские приставы» усердно поливали из «огнетушителя», остался только скелет на костылях.

Специальный номер «Нового Сатирикона» в 1913 г. посвящен делу Бейлиса *. Как известно, дело было сфабриковано правительством, чтобы предотвратить нарастание оппозиционных настроений в стране. Приказчика киевского кирпичного завода еврея Бейлиса обвинили в ритуальном убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского. В действительности, Ющинского убила воровская шайка Веры Чеберяк из боязни доноса. Суд, происходивший в сентябре — октябре 1913 г., был инсценирован киевскими черносотенцами при содействии министра внутренних дел Маклакова и министра юстиции Щегловитова. Неприглядную роль в подготовке процесса играл департамент полиции. Впоследствии стало известно, что в составе суда присяжных было пятеро членов черносотенных союзов.

* Номер был арестован цензурой.

Правительство всеми силами стремилось обвинить Бейлиса: с помощью этого процесса можно было вновь вызвать волну еврейских погромов и тем самым отвлечь массы от революции. Главными свидетелями обвинения были киевские взломщики и воры из притона Веры Чеберяк — истинные убойцы Ющинского.

Присяжные заседатели (в основном крестьяне) вынесли Бейлису оправдательный приговор, возмущенно принятый правыми кругами общества. Особенно неистовствовали черносотенные издания — «Земщина» и др., а также официозное «Новое время». Эту компанию изобразил Ре-Ми на обложке № 23 «Нового Сатирикона». «Земщина», «Новое время» и К^о упрекают присяжного заседателя, символизирующего весь русский народ: «Ах, мужичок, мужичок! Что ты сделал! Неужели же ты не хотел, чтобы наша дорогая родина помолодела на пять столетий».

С убийственным сарказмом здесь высмеивается лживая фразеология реакционных изданий, щеголявших своей любовью к родине и одновременно оправдывающих изуверства, достойные средневековья. «Средневековье» — так и назван рассказ Аверченко о «ритуальных» убийствах, которые всюду мерещатся черносотенцам. Другой отклик «Нового Сатирикона» на дело Бейлиса — «Полный словарь слов» Фомы Опискина. Вот несколько выдержек из него:

«А — Абвинительный приговор — слово, которое с особенным смаком писалось не совсем грамотными правыми газетами. Как известно, аждания их не аправдались».

«У. — Убийцы — люди, присутствовавшие на свидетельской скамье. О них на суде не говорили как об убийцах, потому что о присутствующих вообще не принято говорить».

«Ф — Фемида — Женица, все время придерживающая рукой повязку на глазах, чтобы компания Веры Чеберяк не украли ее» *.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 23, стр. 2-3

Конец дела Бейлиса и заметное оживление общественной борьбы на время порождают у некоторых сатириконцев светлые надежды. В. Воинов пишет стихотворение «У разбитого корыта»:

*И только тот — боец, кто гордый ясным духом,
Свой вызов понесет и в мертвую лазурь,
Кто и в немой тиши слышит жадным ухом
И голос вещих труб, и радость новых бурь.*

С ним перекликается А. Будищев:

*И опять я спросил: «Если ж снова
Всем наденут повязки на рот,
Кто добудет свободное слово?
И услышал я гордо: «Народ!».*

Но такое настроение характерно только для Воинова, Будищева, да еще, пожалуй, Антипова. Остальные сатириконцы по-прежнему не видят пути вперед. Как лирическая исповедь, звучит стихотворение Бухова «Теперь»:

*Каждый день, как ошалевший пьяный,
Бредит сном ужасной пустоты.
Все безмолвно, даже балаганы,
Где когда-то прыгали шуты.
Позабыться? Многие б хотели,
Да куда, куда же им идти?
Так в глуши упрямые метели
Заматают наглухо пути...*

Основанием для подобных настроений отчасти послужил новый законопроект о печати, принятый в 1913 г. Ре-Ми выразительно охарактеризовал его сущность в карикатуре «Печальная нота»: Редактор уныло стоит над черным гробом.

«Редактор: Я конечно, знал, что законопроект о печати будет отложен в долгий ящик... но я не думал, что этот ящик будет такой формы» *.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 26, обложка.

В том же номере «Новый Сатирикон» с грустью сообщил о смерти Фомы Опискина. Этим псевдонимом Аверченко подписывал в журнале наиболее злые отклики на события российской жизни. «Смерть» Фомы означала отказ главного редактора (а фактически и всего «Нового Сатирикона») от политической сатиры, ставшей немислимой в свете новых правил о печати.

Последней политической «шпилькой» в «Новом Сатириконе» 1913 г. является выпад против министра торговли и промышленности С.И.Тимашева, отмечавшего 35-летний юбилей своей деятельности. Журнал «поздравил» сановного министра, изобразив его в семейном кругу, примеряющим новый парадный мундир (рис. Ре-Ми).

«Жена: Ах, дружок, какая прекрасная форма!

Муж: Э, что там форма! А ты подумай, — какое содержание!» *.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 27, обложка.

Художник иронизировал: «Содержание важнее формы», намекая на министерский оклад и доходы Тимашева от Государственного банка. Но такие выпады встречаются в «Сатириконе» все реже. Аверченко с мрачной иронией пророчил себе судьбу редактора газеты города Свинопрогалинска: замученный цензурой и административными репрессиями, он отравился на глазах городского головы. Финал рассказа таков:

«Свинопрогалинцы читают теперь только то, что написано на заборах. Есть там часть официальная, есть и неофициальная, — которую исправничий рассыльный Харитошка усердно затирает тряпкой» *

* «Новый Сатирикон», 1913, № 25, стр. 3.

С чувством грусти и тревоги за судьбу журнала сатириконцы праздновали свой пятилетний юбилей. В статье «Юбиляр» редакция попыталась подвести итоги своей деятельности, выяснить направление и облик журнала.

«Ему, этому «Сатирикону», пять лет, — писала она. — Пять лет мы воспитывали его, как нам подсказывал наш ум и совесть. Иногда мальчик оступался, иногда плакал, иногда бывал груб, — пусть простит нам это друг читатель! Воспитание ребенка в стране, где так много людей, воспитанных по «Домострою», очень трудно.

Иногда бич сатиры и юмора в его руках по многим причинам, от нас зависящим и от нас не зависящим, наказывал провинившихся недостаточно сильно, иногда юбиляр по молодости лет и по резвости характера забывал, что в его руках бич Сатиры и гонял им кубарики... да, это было, но никогда не было, чтобы бич Сатиры в его руках превращался в изящный хлыст, угодливо погоняющий лошадей его сиятельства к «парадному подъезду».

Были за эти годы дни больших радостей, разочарований, печали и даже отчаяния одинокого человека, не верящего в нужность того, что он делает, и почти всегда в эти трудные минуты ты приходил к нам на помощь, друг-читатель, за что мы тебе приносим нашу великую благодарность» *

* «Новый Сатирикон», 1913, № 28, стр. 9.

Многое в этой исповеди сатириконцев искренне и справедливо. «Сатирикон», действительно, часто грешил легкомыслием, порой — грубостью, но никогда не заискивал перед царской властью. Он самоотверженно старался развить вкус среднего читателя, привыкшего к полуграмотным юмористическим изданиям. Именно «Сатирикон» познакомил его с произведениями многих зарубежных юмористов. Сатириконские художники осваивали творческую манеру Домье, Каран д'Аша (Э. Пуаре) и Т. Гейне, подражали Р. Вильке, О. Гульбрансону и др. Литераторы тяготели к Р. Демелю, Ф. Ведекнду, К. Лилиенкрану, Р. Рильке. Даже с Марком Твенем Россия по-настоящему познакомилась благодаря усилиям «Сатирикона», широко пропагандировавшего его творчество.

Парадоксально сочетая романтическую чувствительность и скептическую усмешку, опереточную легкость и гротескное обличение, сатириконцы отразили карикатурные стороны тогдашней действительности.

Без преувеличения можно сказать, что в свои лучшие годы «Сатирикон» был самым популярным сатирическим журналом в России. Его цитировали депутаты с трибуны Государственной Думы, министры и сенаторы — с трибуны Государственного Совета. Это свидетельствовало о том, что журнал «сыграл в русском обществе неожиданную для сатирического издания роль» *. В залах Дворянского собрания устраивались балы «Сатирикона», а в помещении «Аполлона» — художественные выставки **.

* «Новый Сатирикон», 1913, № 1, стр. 2.

** Вот что вспоминает художник С. Маковский о выставке 1910 г.: «...Одним из видных экспонатов на ней оказался злостный шарж Ремизова на меня самого — устроителя выставки. Шарж безжалостный, язвительней не придумать, да еще чуть ли не трех аршин в высоту!» («Возрождение», 1931, № 2133).

Разумеется, творчество сатириконцев было ограниченным. Можно спорить о значении их критики, но нельзя отрицать тот факт, что журнал наглядно продемонстрировал потрясающую духовную нищету русского либерализма и высмеял многих «столпов» царского самодержавия, доживающего свои последние дни.

Творческая манера сатириконцев сильно отличалась от смеха Салтыкова-Щедрина или Некрасова. Обращаясь к «рыцарю скорби и гнева», В. Воинов пытался доказать, что смех сатириконцев был единственно возможной формой сатиры в те суровые годы:

*Мы — дети шутки, дети смеха,
Наивны наши голоса,
Как перепев лесного эха,
Легко плывущий в небеса...*

*.....
Мы вам споем и про наяду,
И про кипучие ключи,
Но в наших песнях много яду,
Но в наших красках есть бичи!*

Упрекнув «рыцаря скорби и гнева» в непонимании существа сатириконской поэзии, В. Воинов закончил так:

*Не нападай на нас, дружище!
Раскинь, миляга головой:
Что хуже: «смех ли на кладбище»
Иль над «живым» надгробный вой?*

«Рыцарю скорби и гнева»

Грустная ирония и ядовитый сарказм «Сатирикона» были порождены тем бесчеловечным режимом, в котором задыхалась Россия после разгрома первой революции. И, конечно, немалой заслугой журнала было то, что он смог коснуться хотя бы некоторых больных мест российского бытия.

Критическое отношение к самодержавному строю после 1905 г. у большинства сатириконских писателей быстро переросло в чувство скептицизма. Такое мироощущение предельно обострило у них восприимчивость к малейшей дисгармонии, ко всякого рода искажениям и уродствам в человеческих отношениях, в поведении и психологии людей. Вот почему бичи «Сатирикона» очень часто поражали действительно болезненные явления русской жизни, служившие опорой реакции и тормозом общественного прогресса.

Вспоминая в день юбилея «жертвы» «Сатирикона», его сотрудники называли имена реакционных церковников и царских министров, кровавых «усмирителей», черносотенцев и лидеров правых партий, консервативных журналистов. Но теперь, в 1913 г., сатириконцы все время чувствуют непрочность своего положения. «Кто знает, будет ли у нас 10-летний юбилей?» — сокрушается Аверченко *.

* Новый Сатирикон», 1913, № 28, стр. 7.

Неуверенность в завтрашнем дне сатириконцы непременно связывали со своей зависимостью от цензуры. Но причины ее гораздо глубже. Оказавшись в идейном тупике, «Новый Сатирикон» стал суетливо метаться, чтобы угодить на все вкусы. Об этом откровенно рассказал А. Радаков в юбилейном обращении к Другу-Читателю *.

«неужели же люди этой страны разучились улыбаться?

- Я хочу видеть их улыбку, больше мне ничего не надо.

- Смеяться надо умеючи — сказал прохожий, — пойдем, я тебя познакомлю со знающим человеком».

«Знающий человек» заявил, что России нужен «смех ради смеха», т.к. она давно ждет «немножко Линдера» *. «Сатирикон» послушался его совета, но обыватель не смеялся.

* Макс Линдер — комический киноактер.

Другой «знающий человек» рекомендовал сделать журнал веселым и фривольным, чтобы он прививал толпе тонкие эстетические вкусы. «Сатирикон» исполнил и это, но обыватель не смеялся.

Третий заявил, что России, как и прежде, нужна муза мести и печали. «Сатирикон» пригласил ее на свои страницы, но обыватель все-таки не смеялся. Тогда «Сатирикон» разделся и с горя пошел топиться. Вот тут-то обыватель засмеялся. Так иронизировал Радаков над эволюцией собственного журнала.

Однако узнав вкусы обывателя, «Новый Сатирикон» так и не пожелал одеться. Раньше он «раздевал» ренегатствующего интеллигента, обнажая перед читателем его мерзкую душу, теперь оказался «голым» сам. Успех его испортил: он начал щеголять своим цинизмом. В момент нового общественного подъема у «Нового Сатирикона» не оказалось достойной идейной одежды, чтобы выразить веяние времени. Былой радикализм сатириконцев сменился бесформенным и хаотичным мироощущением без какого-либо политического стержня.

Одна из сильных сторон сатириконцев состояла в отрицании обывательщины, понимаемой очень широко. Но лукавый бес мещанства постепенно затягивал их в свои силки и в конце концов победил. «Сатирикон» начал сдаваться, от обличения мещанства временами переходя к его апологии. Восставая против мещанской морали, журнал ориентировался на мелкобуржуазную, мещанскую же среду. Поэтому его выступления были обречены на неудачу.

Дух социального протеста и просто резкая критика постепенно исчезли в «Новом Сатириконе». На смену пришли утонченное версификаторство, взвинченная парадоксальность и эротизм. Эволюционируя, «Новый Сатирикон» все больше становился похожим на рядовое буржуазное издание, что особенно заметно сказалось в годы первой мировой войны.

В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ»

«По улицам тянутся патриотические демонстрации к Зимнему дворцу. Высоко подняты над толпой портреты «обожяемого монарха». Трехцветные национальные флаги хлебут воздух. И тут уже не переодетые городовые, идет подлинная «святая русская интеллигенция», от кадетов до меньшевиков. Идут демонстрировать перед величайшим в мире туницей, перед Николаем Вторым, свои верноподданнические чувства» — так описывал сатириконец О.Л. д'Ор поведение буржуазно-дворянской интеллигенции при известии о начале первой мировой войны *.

* Старый журналист (О.Л. д'Ор). Литературный путь дореволюционного журналиста, стр. 131-132.

Многие писатели наперебой торопились высказать свою поддержку империалистическому правительству. Даже те из них, кто до войны сотрудничал в прогрессивных органах печати, теперь перешли в другой лагерь. В суворинском «Лукоморье» стали помещать свои произведения Д. Цензор, С. Городецкий, А. Ремизов, М. Кузмин, сотрудниками кадетской «Русской воли» сделались И. Бунин, А. Куприн, Ф. Сологуб, А. Амфитеатров и др. В.И. Ленин говорил, что в годы войны русский либерализм «состязается в «патриотизме» с черной сотней» *.

В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 330.

Жизнь «Нового Сатирикона» в годы войны значительно усложнилась, прежде всего потому, что усилился и без того невыносимый цензурный гнет. Специально образованная военная цензура стремилась чисто административными мерами добиться

того, чтобы все выходящие в России издания откликались на военные события в желательном духе. 20 июля 1914 г. было принято «Временное положение о Военной цензуре». Последовали карательные меры против газет и журналов, занимающихся антимилиитаристской пропагандой. Виновных заключали в тюрьму «от двух до восьми месяцев» за «возбуждение к прекращению войны».

В первый же день войны была закрыта кадетская «Речь». Однако ее издатели обратились к императору с верноподданническим письмом, в котором обещали «содействовать печатным словом объединению всего русского общества, без различия направлений, в общем чувстве беззаветной готовности защищать родину и оберегать ее честь» *. После этого было дано разрешение возобновить выпуск газеты.

* О. Цехновицер. Литература и мировая война. М., 1938, стр. 253-354.

Легальная рабочая пресса прекратила свое существование в первые же дни войны. Сатириконцы острили: «Хлеб-соль ешь, а «Правду» режь». Репрессии были таковы, что не удалось спасти даже журнал «Вопросы страхования». В одной из рабочих листовок, вышедших в эти годы, говорилось: «Рабочая печать задушена, и нет ее слова, так необходимого сейчас рабочему классу, и некому бросить в лицо палачам русского народа — русскому правительству, — что не им, угнетателям и убийцам рабочих и крестьян, выступать от имени народа» *. Большевики продолжали работу в подполье.

* Там же. стр. 362.

Относительно русской сатиры военная цензура приняла специальное постановление. «Статей и рассказов, — гласило оно, — заключающих в себе осмеяние лиц командного состава нашей армии, к печати не дозволять» *. Сатира была не в почете. Ни в газете, ни в толстом журнале для нее невозможно было найти место.

* ЦГИАЛ, ф. 778, оп. 1, № 2, л. 94.

О, дайте тему для сатиры
Цензурной, новой и смешной,

- грустил Саша Черный. В. Князев писал, обращаясь к другу-сатирику, покончившему жизнь самоубийством:

С тех пор, как ты ушел от боли
И спишь в могиле без креста,
Мне все стыдней в позорной роли
Богopodobного шута.

«Право жительства» было предоставлено только пошлому смехачеству.

О чем писать?

А тем так много!

Живых и благодарных тем!

Но между тем -

Не трогай их, не трогай ради бога!

«В годы лихолетья»

- восклицал В. Князев. Сатириконцы уподобились литературному Одиссею, о котором писал тогда Красный. Лавируя между военной и гражданской цензурой, они горестно вспоминали Сциллу и Харибду:

Рад-радешенек, конечно,
Коль протащишь мимо них,
Между этих чудиц злых,
Обесцененный, увечный,
Ампутированный стих...

Порой происходили курьезные случаи. Так, например, цензор вычеркнул в одном из военных рассказов фразу: «Небо было синее». По его мнению, это могло навести врага на мысль, что действие происходит на юге, а следовательно раскроется тайна

расположения русских войск. В другом номере не были пропущены два циркуляра министров, перепечатанные из газет без всяких комментариев. По словам Аверченко, цензор упрямо требовал, чтобы редакция поместила циркуляры не рядом, а в разных местах *. Иногда цензор проявлял чрезмерное рвение, пытался найти «крамолу» на самых безобидных страницах «Нового Сатирикона».

* А. Аверченко. О бывшей цензуре. — «Новый Сатирикон», 1917, № 12, стр. 3.

Так, в одном из военных номеров был запрещен рисунок О. Шалермана из античной жизни: римский воин с копьем, у ног его сложены отрубленные головы врагов. Рисунок сопровождало стихотворение Потемкина, прославляющее войну. Тем не менее цензор заупрямился: не понравились отрубленные головы. Никакие уговоры Аверченко не помогли, у него была своя точка зрения:

- «Хорошо-с. Одна, скажем, Абдул-Гамида, другая — Мануэля Португальского, третья — персидского шаха... Так-с... (Значительно и тихо, приблизив свое лицо к моему лицу). А четвертая голова — чья?».

Осторожность цензора понятна. «Новый Сатирикон» так часто водил его за нос, сатирически перетолковывая международные события, что и здесь ему почудился намек на Николая II.

Не менее курьезен случай с рекламой нового детского журнала «Галченок». Приветствуя его появление, «Новый Сатирикон» напечатал большую букву Г, собираясь на следующих страницах раскрыть «тайну» — имя нового журнала. Но цензор сразу же насторожился. В безобидной букве, отдаленно напоминающей ногу, он почему-то увидел кощунственный намек на большую ногу наследника Алексея. После этого Аверченко, доведенный до бешенства придирками цензуры, составил себе совершенно определенное мнение об умственных способностях членов Петроградского цензурного комитета. «Какое-то сплошное безысходное царство свинцовых голов, медных лбов и чугунных мозгов. Расцвет русской металлургии», — писал он.

Стоило сатириконцам написать в журнале слово «дурак», как бдительная цензура тут же «расшифровывала»: «Если дурак, так знаем кто» — министр Протопопов — и вычеркивала слово. В одном из номеров «Нового Сатирикона» был снят даже портрет Милюкова, помещенный без всякой подписи. Естественно, что острота и злободневность журнала в таких условиях снизились. Сатириконское зубоскальство трагически подчеркивало бессилие либеральной прессы.

В «Новом Сатириконе» этих лет господствует тема войны. «Теперь война, как соль не во все кладут», — иронизировал В. Дорошевич. Это полностью относилось к журналу. На его страницах печатались бесцветные стихотворения Воинова «Письмо», «Деничик», «Полковой священник» и др. Он же писал патетические гимны донским казакам и кавалерам георгиевского креста. Остальные сатириконцы неохотно брались за военные темы. Тэффи смешно рассказывала, как они приходили в ужас, когда нужно было объяснить, что такое фугас или гаубица. О том же писал Е. Венский в стихотворении «Графить надо»:

Друзе, сделайте услугу -
Я пишу «Войну и мир» -
Растолкуйте мне, как другу,
Что такое «канонир»?
- Уж полсотне беллетристов
Объяснял я сотни раз:
Так в среде кавалеристов
Называется «фугас».
- Ой-ой-ой, пред целым миром
Осрамился б, остолоп:
Я ведь назвал канониром
Блиндированный окоп.

Пустьяки, — одна нелепость, -
Все читатели съедят...
А скажите, слово «крепость»
Это то же, что «снаряд»?...

Так или иначе сатириконицы писали фальшивые военные «сказки», трафаретные «пруссские картинки», бытовые рассказы с военными заглавиями. Их уровень был удручающе низким: враги выглядели лубочными дурачками, «немцем-перцем-колбасой», а русские — сказочными чудо-богатырями. Словом, военные номера журнала ничем не отличались от потока «патриотических» изданий, наводнивших в те годы русский литературный рынок. Сатириконицы сами издевались над собой за господство штампа в военных описаниях (см. например, рассказ Аверченко «Елка в окопе»).

Вскоре после объявления войны «Новый Сатирикон» опубликовал манифест, в котором обещал «запечатлеть на своих страницах наших врагов и друзей, героизм, страдание и ужас, печаль, коварство и мерзость войны» *. Но даже эта задача оказалась для журнала непосильной. По словам «Русской мысли», журнал предоставил свои страницы под рисунки фронтовой и тыловой военной жизни, «однако лицо врага совершенно заслонило для него другое, более страшное лицо самой войны, отбросившей тень на всю Европу» **.

* «Русская мысль», 1916, № 6, стр. 29.

** Там же.

Пытаясь расширить круг тем, «Новый Сатирикон» разоблачал купцов, взвинтивших цены на товары, и синдикат спекулянтов. Постоянной мишенью в журнале стали петербургский Мясник и Интендант-взяточник. В изображении А. Радакова со страниц «Нового Сатирикона» встает другой «герой» — кошмарная фигура «Жирного». Переключаясь с В. Маяковским, Радаков пишет о ненавистном буржуа:

Эх! Натопить бы из этих дядь сала,
Да сделать свечу до небес высотой,
Чтоб она ночью ярким маяком сияла
Над нашей мирно спящей землею.

Радакову принадлежит карикатурная галерея мещан в «Новом Сатириконе» 1915 г.: фармацевт, семьянин, пессимист. Как и прежде, сатириконицы охотно писали шаржи на литературных и театральных деятелей (цикл «Русская грядка на Парнасе»). Большое место отводится стилизации русского или восточного фольклора (газеллы Г. Иванова и П. Потемкина, народные песни Горянского, раешники Князева и Венского).

Часто сатирическим объектом в журнале были футуристы, а в живописи — кубисты. Вообще в спорах о новом искусстве «Сатирикон» неизменно занимал активную воинствующую позицию. Об этом свидетельствуют рассказы Аверченко — «Крыса на подносе», «Французская борьба»; Саши Черного — «На выставке «Четырехугольника»», «Рождение футуризма», злые и меткие пародии Бухова, Венского, шаржи Ре-Ми. Вот, например, его шарж на Игоря Северянина:

«О нем говорят: в нем что-то есть. Но то же самое можно сказать о человеке, в котором сидит солитер. К нему не зарастет народная тропа. Но только потому, что никто ее и не протапывал. Его читают больше, чем Пушкина. Но это потому, что в России желудей съедается больше, чем ананасов» *.

* «Новый Сатирикон», 1916, № 6, стр. 4

Тем не менее, критика «модных» течений в литературе, которой сатириконицы уделяли много сил, была поверхностной. Она не затрагивала основ модернистского искусства, ограничиваясь осмеянием комичной внешности явлений. Да и вообще в литературно-художественной полемике яснее всего сказывалась беспринципность «Нового Сатирикона». Так, в журнале был опубликован рассказ Г. Адамова «Умученный цензор», в котором автор высмеивал трагедию «Владимир Маяковский», а вскоре в нем

стал сотрудничать сам Маяковский. Саркастические выпады Бухова против футуризма зачастую печатались рядом со стихами футуристов. Отсутствие твердого направления губило журнал.

В эти годы в поэтическом отделе «Нового Сатирикона» первенствовал В. Горянский. По своему миросозерцанию он примыкал к той части интеллигенции, которая пыталась найти какую-то вечную правду в народе, в русском фольклоре. Ему принадлежит цикл народных сказок («Паранька Щербатая», «По сугробам», «Сказка о домовом») и песен, поэтизирующих крестьянский быт. Отталкиваясь от уродств цивилизации, от ужасов капиталистического города, Горянский находит истинную красоту в природе, в простой деревенской жизни.

Другим опорным пунктом философии Горянского был воскрешенный в начале XX в. культ «малых» дел и незаметных людей. В стихотворении «Подвиг жизни», полемизируя с «Легендой о Марко» Горького, Горянский воспевал скромную учительницу музыки, всю жизнь игравшую романсы богатым купчихам. Ее он считает настоящей героиней в противоположность горьковским Марко и Соколу.

Алексей Максимович! В ваше пророчество
Не верю так же, как в жестокость вашу.
Елена Михайловна — вот имя и отчество
Той, чью память поэмой украшу.

Воспевая недуги и слабости родной страны, сатириконицы уходили от активной борьбы за ее счастье.

В «Новом Сатириконе» 1914-1915 гг. можно найти и другие настроения, явно перекликающиеся с апологией будничного, обыденного. Это призыв к опрощению и примитивизму. Заявляя о кризисе культуры, С. Горный (А.А. Оцуп) писал в стихотворении «Надоели все тонкости, яркости меткости»:

Попрошу вас, mesdames, отойдите в сторонку,
 Я в отчаянии страшен, мои мысли свирепы...
 Закричу я, mesdames, вам, голодный, вдогонку:
 Подавайте мне репы, захряпанной репы.
 Пусть я буду, пусть буду, пусть буду я тощий,
 Без рокфора, без умных, без тонких наитий.
 Я хочу жить попроще, попроще, попроще,
 Не хочу я сучить светозарные нити.
 Я с какой-нибудь Феклой уеду на Волгу,
 Фекла нитей не знает, Фекла просто кухарка.
 Целовать ее молодость буду я долго
 И, поверьте, так жарко, упоительно жарко.

«Опрощение», таким образом, понималось как возврат к мещанству. Не найдя выхода в жизнь, либеральная интеллигенция капитулировала перед ним и даже попыталась его воспеть. Здесь особенно ясно видна эволюция журнала. Напомним, как в 1909 г. на страницах «Сатирикона» Саша Черный издевался над «нищим духом» интеллигентом, пытающимся «на диване» понять народную душу:

Квартирант и Фекла на диване.
 О, какой торжественный момент!
 «Ты — народ, а я — интеллигент, -
 Говорит он ей среди лобзаний. -
 Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
 Я тебя, а ты меня — пойдем...»

«Крейцера соната»

В 1915 г. «Новый Сатириконтон» уже сочувствует интеллигенту, которому «надоели все тонкости». Горный описывает своего героя с искренней симпатией, вполне разделяя его воззрения. А вот признание другого сатириконтонца — А. Вознесенского:

Как я надоел себе самому
Со своими цепкими думами,
Со своим изворотом!
В леса бы неведомые никому,
С болотами зелено-угрюмыми,
И сделаться бегемотом.

Опять вспоминается стихотворение Саши Черного «Все в штанах, скроенных одинаково», герой которого истерично кричит:

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелок! Растерзаю пиджак!!
Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу, как последний дурак...

Саши Черный высмеивал в нем повальное увлечение русской интеллигенции индивидуалистической философией Кнута Гамсуна, к которой он сам относился отрицательно. Вознесенский же разделяет ее, он искренне совет читателя «опроститься» и «найти ненайденное слово для понедельничьих молитв». Сатириконтонцами все больше овладевал «социальный дальтонизм» разлагающейся общественной группы. Определяющее настроение в «Новом Сатириконтоне» 1915-1916 гг. — скептицизм и безверие. В «Стансах из дневника» Д. Цензор сетует:

Когда-то шел я к радостной Голгофе,
Но к ней пути заплеваны толпой.
Поэт везде видит засилье пошлости, и, обличая героев безвременья, пишет:
И лучше стану площадным шутком,
И буду хищник, пьяница, изменник,
Пойду, кривясь, нелепо стан горбя, -
Чтоб показать, ничтожный современник,
Как презираю пламенно тебя.

Шутовство подменяет в «Новом Сатириконтоне» социально значимую сатиру. Далекий от реальных сил, готовящих революцию, он мелькает день ото дня все больше. Теперь «Новый Сатириконтон» воспекает будни реакции, которые раньше яростно высмеивал. Характерно стихотворение А. Липецкого «Гимн будням», где говорится, что «светлое бытие» может быть лишь за пределами человеческой жизни. Таков и «Единственный выход», который предлагает читателям Горянский — «взять и повеситься».

Посмотрите, соседей дома нет ли,
Снимите пиджак с заплатою,
Устройте для практики четыре петли
И набросьте на горло пятую.

Звучат в унисон даже заглавия сатириконтонских произведений: «Потерянный рай», «Канун безумия», «Лучше не называть», «Мрак» и т.д. Журнал блуждает в потемках, не видит силы, способной покончить со злом. «Если кто знает, когда кончится вечная масленица для одних, вечный пост для других, — протелефонируйте в редакцию «Нового Сатириконтонца». Очень просим!», — читаем мы в «масленичном номере» за 1916 год. А вот откровенное признание «неврастеника», в котором слышится искренний вопль самих сатириконтонцев:

Кто укажет честно, где мои пророки,
Которые повели бы к светлому «могу»?

Скажите, умные, — что если пропущены все сроки?...

И прав только кричащий — цыц, ни гу-гу!

К 1917 г. в журнале катастрофически нарастают ноты пессимизма. Революция не кажется сатириконцам близкой. Мрачно пророчество Е. Венского в стихотворении «У разбитого корыта». Революции не будет, — уверяет он. Русская интеллигенция осталась у разбитого корыта, потому что, как пушкинская бабка в сказке, слишком многого требовала. Нужно было удовлетвориться хотя бы «куцой» конституцией и не ждать большего.

Любопытны «предсказания» Исидора Гуревича на новый 1917 г., помещенные в первом номере журнала. Заглядывая вперед, он пытается представить, что будет, например, в феврале:

«Торговцы маслом пожиреют. Сыру не будет ни со слезою, ни без слезы. Блины будут со слезой. В новом кабинете появится министр, который через 24 часа станет старым».

И только.

Еще лаконичнее «предсказание» Гуревича на октябрь — ноябрь 1917 г. «Все по-старому».

Накануне Февральской революции в «Новом Сатириконе» до бесконечности варьируются успешные всем надоевшие темы: дороговизна, купцы-мародеры, трамвайные аварии, адюльтер. Пытаясь проследить эволюцию журнала за последние годы, Е. Венский пришел к такому неутешительному выводу: «Теперь, пигмеем жалимы, пигмейски измельчали мы». Вот как он изображал прежних врагов «Сатирикона» в раешнике «От Святослава до нас»:

«С союзником неистовым, шпиком и вкупе с приставом боролись мы с крамолою, с Леонтьевскою школою, с осколками татарщины, с кошмаром канцелярицы и с прочими кошмарами — не меньше, чем с пожарами... Где ты, борьба суровая... Царит эпоха новая, не грозная — железная, не шумно марсельезная... Зрят глазки впереди мои горя непроходимые... Ой, люди вы могучие, тягучие, дремучие, кого теперь вы сможете? На чьем вы поле ляжете? Во чье во имя-звание начнете строить здание?» *

* «Новый Сатирикон», 1916, №8, стр. 5.

Еще более сурово оценил положение «Нового Сатирикона» в 1917 г. В. Воинов. В стихотворении «На грани» он описал историю рождения «Сатирикона». «Три грациозных кавалера» — Аверченко, Радаков и Ремизов — были крестными отцами нового журнала. Радостные, они пошли с ним «по дорогам», но «ребенок» осчастливил мир «тупым и старым анекдотом». Даже когда не стало цензуры и ничто уже не мешало критике, журнал не смог стать на уровне своего времени. Вокруг раздавались призывы:

На бой! В народ! Твори! Гори!

И зрит большой великий «кто-то»

Хотевший смеха средь могил,

Тупую морду идиота...

Так вот все то, что я любил!

«На грани» «Красный смех», 1917, № 1, стр. 4.

К 1917 г. «Новый Сатирикон» окончательно потерял популярность. Если в первые годы существования он, по словам Венского, храбро вступал в бой с «конем и всадником» (иначе говоря с русским царизмом!), а несколько лет спустя расправился с «Саниным», Вербицкой, покончил «с кубистами, стрекули-футуристами и школой акмеической под хохот гомерический», то в 1917 г. врагами журнала стали не политические деятели, не провокаторы и урядники и даже не «гниль аполлоновская». Одно только перечисление сатириконских тем показывает, как измельчал журнал: он борется «со складами коньячными, с местами многозначными, с кондуктором-грубятиной, с кусакою-телятиной, с управскою разрухою, с извозчиком Ванюхою и с недругом отечества — сословием купечества, и с дворником Митрошкою, и с халтуристом — мошкою...» *

* «Новый Сатирикон», 1916, № 8, стр. 5.

Творчество сатириконцев было ограниченным: они не создавали, «во чье имя-звание» нужно строить новое здание. Политическая индифферентность, «многобожие» пагубно отразилось на жизни журнала в решающие дни 1917 года.

Февральские события «Новый Сатирикон» восторженно приветствовал. На его обложке появился новый девиз: «Да здравствует республика!».

Первый номер «Нового Сатирикона», вышедший после Февральской революции, делался на квартире у М. Горького. Сатириконцы выпустили боевое приложение — «Эшафот», орган памфлетов, появляющийся «в дни именин Глупости и Бесчестия» *.

* Вышло всего 3 номера. В них участвовали Куприн, Д. Айзман, А. Грин, П. Пильский, В.И. Немирович-Данченко и др.

В первом номере «Эшафота» редакция заявила:

«Здесь будут гильотинированы политические шулеры и проходимцы, и еще те олухи, которые из всех частей человеческой и грамматической речи знают только «притяжательное»... «мое»...

Мы свободны!

И мы не хотим ни иронии, ни лукавства, — ибо мы не забавляемся, а враждуем.

Так будем же до конца искренни, но до конца беспощадны!» *

* «Эшафот», 1917, № 1, стр. 2.

Освобожденные от цензуры, сатириконцы вновь возрождают политическую сатиру. Журнал на какой-то период приобретает давно утраченную им боевитость. В «Новом Сатириконе» появляются шаржированные портреты царя и царицы, Григория Распутина, министров — Сухомлинова Протопопова и др.

Наиболее интересен портрет Николая II:

«Кlaus II Голишин-Готорпский. Достаточно взглянуть на умное, интеллигентное лицо этого знатного иностранца, чтобы волна стремления к возврату монархизма затопила сердце нашего читателя. Важнейшие этапы царствования этого гениального монарха: Ходынка, Порт-Артур, Цусима, 9 января и др. По собственному признанию, «любит цветочки», хотя вместо цветочков любил срывать головы своих «верноподанных». В отличие от обыкновенных людей ушиблен не мамкой, когда был маленьким, а японцем в Отсу, когда уже вырос. Это — сказалось. Молчалив, не без основания. Теперь — ведет замкнутый образ жизни»

* «Новый Сатирикон», 1917, №12, стр. 9.

Аверченко высмеял Николая II в рассказе «Новый Нестор-летописец». Темой рассказа послужило газетное сообщение о том, что царь в заточении пишет воспоминания. «Помогая» ему, Аверченко описывает первые дни Февральской революции. По его словам, после отречения Николая II «народ и армия, конечно, впали в уныние: в знак траура надели красные повязки и играли похоронный марш, «Марсельезу»» *.

* «Новый Сатирикон», 1917, № 13, стр. 4.

Примечательна карикатура А. Радакова «Конец древа Романовых». Николай II сокрушенно наблюдает, как рушится вековое генеалогическое древо Романовых. Оно не выдержало тяжести, так как на всех ветвях дерева — повешенные. Под рисунком подпись:

«Александр III: Эх, Коля, Коля! Брал бы ты с меня пример: я понемногу вешал, а ты вот навесил сразу, дерево и не выдержало» *.

* «Новый Сатирикон», 1917, № 16, стр. 12.

«Нагайкой» смеха «Новый Сатирикон» бичует старую власть, но делает это... задним числом. Его «беспощадность» далека от настоящей смелости. Больше всего сатириконцев пугает «диктатура народа», которую они, по своей политической близорукости, полностью отождествляют с анархией.

Правда, в первых мартовских номерах 1917 г. это еще не так заметно. Упоенный победой революции, журнал славит величество Народ». Красный пишет в стихотворении «К родной Руси»:

Свалилась власть, гнила и ржавая,
При ликованье веших струй...
Гордись, мужицкая держава,
И никого не коронуй!

Забрось подальше трон и бармы,
Дубинку плохо не клади, -
Не то охранки и жандармы
Опять повиснут на груди.
И пусть с семнадцатого года
В веках царят из рода в род
Ее Величество Свобода,
Его Величество Народ!

Сатириконцы торжествуют, освободившись от цензуры, но торжество их какое-то неуверенное. Кажется, что они не рады своей свободе. Аверченко пишет:

«Какое смешное ощущение: будто были мы, сатириконцы, волжскими бурлаками, еженедельно тащившими своими натруженными лямкой плечами и грудью тяжелую цензурную барку... Тащили, кряхтя и надрываясь, с проклятием внутри и деланно веселой улыбкой на губах.

И вот — в тот момент, когда мы особенно напряжались, почти совсем пригибаясь к земле, кто-то одним молниеносным взмахом острого ножа разрезал бичеву, и, мы, освобожденные, чуть не ткнулись с размаху носом в землю» *.

* «Новый Сатирикон», 1917, №12, стр. 3.

Писатели и поэты на радостях отбросили прочь сатирические перья и принялись писать восторженные дифирамбы. Но тут же почувствовали, что им нечего сказать. Характерно стихотворение Красного «К музе»:

Ты обезумела от счастья:
Народ мечту твою свершил,
И треск твердыни самовластья
Тебя, как громом оглушил.

Взгляни: народ, ликуя, плачет,
Остался деспот без венца,
И знамя красное маячит
На вышке Зимнего дворца.

О, Муза яда и печали.
Ты пела, цепи волоча,
Чего же песни отзвучали,
Когда не стало палача?

Восторженные ноты в журнале вскоре сменились озлобленными. В мае «Новый Сатирикон» уточнил свой девиз: «Да здравствует демократическая республика!», а в 1918 г. поместил новый: «Отечество в опасности!»

Начиная с № 21 «Новый Сатирикон» начал активную антибольшевистскую кампанию, заявил о наступлении «лихолетья» и пришествии Хама. Теперь он заговорил другим голосом. Обращаясь к России, поэт А. Рославлев уверял:

Тебе пристал ошейник узкий

*И на задворках конура.
Стыжусь сказать теперь: «Я русский»,
И жаль, что русским был вчера.*

Октябрьскую революцию журнал встретил в штыки. Он объявил ее торжеством «массократии», разнузданной девки-улицы, которая скрыла за своей «измызганной спиной где-то восходящее и робко приостановившееся солнце» *.

* «Новый Сатирикон», 1918, № 3, стр. 7.

Первые послеоктябрьские номера журнала полны издевательскими выпадами против народных борцов, неумной клеветой на большевиков. «Новый Сатирикон» усердно перепевает тему о «раздетых людях и раздеваемой государственности», приравнивая большевиков к уличным грабителям, и даже начинает тосковать о твердой власти. Аверченко пишет рассказы о левых эсерах («Кнут без лошади»), о том, что такое профсоюз («Тонкая политика»), и, наконец, ироническое послание к Ленину («Моя симпатия и мое сочувствие Ленину»).

Это послание — своеобразная декларация сатириконцев. В нем Аверченко демонстративно бахвалится своим аполитизмом. «Не стоит мне на партийной платформе, хоть кол на голове теши», — заявляет он. И неоднократно возвращается к этой мысли: «А я безо всякой платформы, ей Богу... я по человечеству: беспартийно и совершенно внефракционно» *. В рассказе «Человек, бутылку сельтерской!» Аверченко уверяет, что вся Россия теперь в пьяном угаре, в чаду, который скоро развеется. Проснется русский человек, как после запоя, пророчит Аверченко, и не поверит, что спяну таких дел натворил: революцию сделал. А ему и счет принесут — расплачивайся за все совершенное.

В ожидании этого выдуманного «счета» «Новый Сатирикон» предается беспросветному «кладбищенству». Россия погибла, Россия у разбитого корыта, ветер смерти гуляет по ее полям — вот тема, которая постоянно присутствует теперь на страницах журнала.

*Хороню великие надежды,
Хороню одну за другой,
- объясняет А. Радаков причину той гримасы, которая появилась теперь на лице «Нового Сатирикона». Он же пишет в стихотворении «Ночь»:*

*Благодаря какой-то оказии
Пожили мы со светлой Европой.
Ну и будет, а теперь на задворки Азии,
Словом, что дадут, то и лопай.*

В 1917 г. в «Новом Сатириконе» опять появляется «теща», но на сей раз ее ведет за руку Пролетарий. Октябрьский номер журнала редакция «с глубокой злобой посвящает большевикам и интернационалистам». Один за другим выходят специальные выпуски «Нового Сатирикона»: «траурный», «исторический», «пролеткультовский», «марксистский» и т.д. Все они злобно-тенденциозны. Так, в центре «голового» номера — кощунственное стихотворение Рославлева о России:

*Похабно развеселая,
Нечесана, грязна,
Стоит «Рассея» голая
У самого «окна».
«Голая»*

«Новый Сатирикон», 1918, № 4, стр. 3.

Имеется в виду «окно» в Европу.

В этот период сатириконцы обращаются к не раз испытанному средству: проповеди беззлобия и примитивизма, апологии беспартийности и примиренчества. В. Горянский слащаво пророчествует, что рано или поздно спустится с неба «голубь

розовый» и затеплятся «голубые свечи». Ведь люди — всего лишь неразумные дети, им надо дать в руки мячи, а не бомбы:

Пуускай играли бы в свадьбы,
В дни воскресные
Ловили бы солнечные лучи.

Героя Горянского не интересуют исторические события. Он спрятался в скорлупу маленького мещанского мира. В то самое время, когда писалась «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», Горянский обращается к русскому народу:

«Граждане? Давайте забудем распри и переедем в сказочный город зеленых крыши. Будем рождаться и венчаться, будем влюбляться в невинных Марусь и варить варенье в саду на радость Олек соседних и Ленок».

А какое мне дело знать подробно,
Как удушили Павла первого -
Это даже, простите, неудобно,
Особенно если слабый нерв у кого.

Герой Горянского, как и прежде, — провинциальный обыватель. Но теперь автор явно сочувствует ему. Вымышленный город Зеленых крыши мил самому поэту. Он с удовольствием убежал бы в него, не пытаясь разобраться в хаосе русской жизни. Беззлобие и аполитизм никогда не были чужды Горянскому. Но теперь проповедь их стала не такой уж безобидной. В те годы, когда страна напрягала все силы, чтобы отбиться от многочисленных внешних и внутренних врагов, эта проповедь разоружала. «Новый Сатирикон» всеми силами — исподтишка и открыто — старался дискредитировать Советскую власть. Один из последних номеров журнала — традиционный «купальный». Теперь и он звучит тенденциозно: Россия тонет, захлебывается, спасти ее уже нельзя.

Для большинства сатириконцев Октябрьская революция была именно «хаосом», непонятным и неведомо откуда налетевшим смерчем, перевернувшим их существование. Не сочувствуя новому строю, они либо злобно ругались, либо пытались пересидеть неприятное для них время. Мироощущение сатириконцев довольно точно выразил А. Бухов, сравнив себя с Ионой, которого проглотит кит:

«Вот уже несколько месяцев я чувствую себя в стенках какого-то гигантского пустого желудка, наполненного только запасами воды через глотку кита, неизвестно куда плывущего. Меня уже начало переваривать, покрывать желудочной слизью и всего противнее думать, что самый лучший конец — это если меня выплюнет социальный желудок нового строя, как нечто непереваримое. Я в темноте. У меня отняли все, чем был окрашен грубый остов жизни. У меня отняли книгу, выпуская ее раз в два месяца, у меня отняли мою и других людей улыбки» *.

* «Новый Сатирикон», 1918, № 7.

Народную власть сатириконцы не признали и всячески старались подорвать ее. «Я саботирую» — красовалось на страницах одного из номеров «Нового Сатирикона». Естественно, что в 1918 г. по постановлению Советского правительства журнал был закрыт на восемнадцатом номере. «Если мы идем к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи», — писал В.И. Ленин, требуя запрещения целого ряда буржуазных изданий *.

* В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 54.

Судьбы сатириконцев оказались разными. Аверченко, Саша Черный, Потемкин, Горянский, Бухов, Тэффи, Горный эмигрировали. Антипов, О.Л. д'Ор, Князев, Воинов, Венский, Цензор, Гуревич, Ландау остались в России и стали сотрудничать в большевистской прессе. А. Бухов впоследствии вернулся в Советский Союз и долгое время работал в редакции «Крокодила».

Что же касается «Сатирикона», то русские эмигранты в 30-е годы попытались возродить его. В 1931 г. М. Корнфельд в Париже собрал группу сатириконцев и снова

начал издавать журнал. Первый номер возрожденного «Сатирикона» вышел в апреле 1931 г. В нем приняли участие В. Азов, И. Бунин, В. Горянский, С. Горный, Дон-Аминадо (А.П. Шполянский), Б. Зайцев, А. Куприн, Lolo (Муништейн), С. Литовцев, А. Ремизов, Саша Черный, С. Яблоновский. Художественный отдел составляли А. Бенуа, И. Билибин, А. Гросс, М. Добужинский, К. Коровин и др.

Особого успеха возрожденный «Сатирикон» не имел (вышло всего около 20 номеров). Отсутствие связей с родиной вредило ему гораздо больше, чем отсутствие средств. Новый отдел «Актюалите» никак не мог сравниться с прежними «Волчьими ягодами» или «Перьями из хвоста».

Самым примечательным событием для французского «Сатирикона» стала перепечатка романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

Так жизнь завершила процесс идейного размежевания сатириконцев, начавшийся задолго до революции. Недавние друзья постепенно превратились в ярых идейных противников.

Саша Черный. Заметки из «Новый Сатирикон»

Первый грех

На каком языке говорили в раю? Ты, верно, думаешь, что на русском... Я тоже так думал, когда был маленьким. Маленький француз, если спросишь его об этом, вынет палец изо рта и ответит: "Конечно, в раю говорили только по-французски!" Маленький немец не задумается: "По-немецки, как же иначе"... Но все это не так.

В раю говорили на райском языке. Люди его сейчас позабыли, а звери, может быть, помнят, да и то не все. Чудесный это был язык: в нем совсем не было ни бранных, ни злых слов. Понимали его не только Адам и Ева и жившие с ними в раю крылатые духи, но и звери, и птицы, и бессловесные рыбы (даже рыбы!), и пчелы, вечно перелетавшие с цветка на цветок, и качающиеся травы, и любая скромная ромашка, расцветавшая в тени райской ограды.

Вечерами травы шептали на лужайке под темнеющими пальмами:

-- Тишина... Засыпаем...

-- И мы... -- отвечали, кивая тяжелыми гроздьями, бананы.

-- Спать! Спать! -- гудели в воздухе райские золотые шмели, слетаясь на ночлег в дупло трехобхватного дуба, что рос у ручья возле тропинки к водопою.

-- А где тут трава помягче? -- бурчал неизменно каждый вечер грузный носорог, укладываясь среди колючего тростника на покой. Он тростник называл травой, и казался он ему мягче пуховой постели.

Звери даже во сне разговаривали. Мартышки визжали и хихикали -- они видели только смешные сны; сонная рысь, облизывая свесившуюся с дерева лапу, тихонько урчала: "Ах, какой большой сладкий финик"... А бегемоты, выставив из тины похожие на чемоданы морды, зевали, смотрели спросонья на встающую малиновую луну и фыркали:

-- Фу, какое сегодня мутное солнце.

И хорошие все были -- удивительно. Комары никого не кусали, -- что они ели, я не знаю, но ни Адама, ни Еву, которые ходили без всякой одежды, ни один комар ни разу не укусил. Гиены не грызлись между собой, никого не задирали, сидели часами скромно под бананами и ждали, пока ветер не сбросит им тяжелую душистую вязку с плодами. Львы облизывали всех, кто к ним ни подходил, даже скверно пахнущих шакалов, -- ели траву, и так как наестся травой дело было не простое, то они, как быки и лошади, по целым дням не подымали морды от сочных стеблей, -- а проворные белки, которым и минуту трудно усидеть на месте, играя друг с другом, бегали взапуски по львиным спинам, как по мягким диванам.

Однажды на лужайке перед закатом звери вздумали играть в свою любимую игру: в лестницу. В гимназии мы тоже играли когда-то в такую игру и называли ее "пирамидой", но звери такого мудреного слова не знали.

Первым стал слон, скосил умные маленькие глаза в сторону и сказал в нос: "А ну-ка!"

Потом растопырил ноги, опустил голову, покачался и утвердился посреди лужайки тверже скалы. На слона взобрался, отдуваясь от одышки и осторожно выпуская когти (чтоб слону не было больно), толстый тигр, на тигра взлезла горилла, на гориллу медведь, на медведя пантера, на пантеру рысь, на рысь мартышка, на мартышку белка, на белку крыса, а на крысу -- мышь...

Играли в лестницу, как видишь, только такие звери, которые умели лазить. Остальные расселись вокруг всей лужайки, смотрели и веселились.

И вот слон осторожно поднял одну ногу, переставил, -- потом другую и пошел вдоль всей лужайки, солидно и тихо, словно кадку с мороженым нес на голове. Горилла редела, рысь весело мяукала, крыса, задрав хвост, пицала, как вырвавшийся из хлева поросенок, -- и только мышонок на самом вершине лестницы дрожал и крепко прижимался животом к крысе: у него кружилась голова.

Из зарослей кактусов на веселую игру смотрели кролики. Среди них один белый, любимый кролик Евы, -- а рядом, вытянув плоскую голову, притаилась огромная, жирная гадина-змея. Как она попала в рай? Переползла через ограду по крепкому плющу, или добрый архангел Михаил, стороживший райские врата, сделал вид, что не заметил ее, когда хитрая тварь проскользнула мимо него на заре, сверкая и блестя чешуей?.. Не знаю. Она одна никогда ни с кем не играла, таилась от всех и молча проползала в кустах, зловеще поглядывая на зверей, -- глаза у нее были желтые, цвета мутного студня, с черной поперечной ниточкой в зрачках.

Белый кролик, круглый и пухлый, как муфта, не успел оглянуться, как все его кроличьи друзья ускакали куда-то за рощу, чтоб посмотреть на "лестницу" с другой стороны лужайки.

Задремал он, что ли, или надоело прыгать, -- он остался на месте, разлегся, поднял нос и беспечно дышал. И вдруг рядом из-под папоротника поднялась тяжелая змеиная голова, раскрыла медленно пасть и, не мигая, уставилась на него круглыми желтыми глазами. В первый раз в жизни стало бедному кролику страшно: сердце забилося, как муха в стакане, под ложечкой затошнило, лапки к земле приросли, -- голова с желтыми глазами все ближе и ближе, все страшней и огромней, -- и жало, словно вьон, так и мелькает вверх и вниз, вправо и влево.

Крикнуть? Позвать других зверей? Но бедный кролик вдруг все райские слова позабыл, даже пискнуть не мог, только задними лапами со страха два раза в землю ударил и...

Первые переполошились райские птицы. С деревьев сверху им все видно было: смотрят, лежит змея под папоротниками в тени, хвостом чуть-чуть шевелит, а в пасти у нее белая кроличья спина и задние лапы дергаются и с каждым мигом все глубже и глубже в змею влезает. Встрепенулись и, словно разноцветные цветы, с криком полетели на лужайку к зверям. Мигом рассыпалась "лестница"! Прибежал грузный слон, и тигр, и мартышки, и мышь, все, все, -- окружили гадину, ничего понять не могут.

-- Отдай кролика! -- загудел слон.

-- Отдай! -- пискнула мышь.

-- Отдай, отдай! -- заворчал медведь.

-- Сейчас же отдай! -- заревел тигр...

Отдай да отдай... Так она и отдаст. Слюной его, бедняжку, всего облюнула и все глубже и глубже в пасть засасывает.

Что делать зверям? Браниться не умеют, отнимать силой -- не догадались, никогда у них таких историй не было. И вот рысь спохватилась первая: где Ева? Она для них как добрая мать была, -- ее любимого кролика змея глотает, -- надо за Евой бежать.

* * *

Ева сидела над райским прудом под пальмой, склонилась к воде, заплетала и расплетала светлые волосы -- был ей пруд яснее всякого зеркала. Не поняла она сначала торопливых слов задыхающейся рыси: кролик -- змея -- глотает -- не отдает! Поняла только, что с ее любимым белым кроликом какая-то беда стряслась. В раю, ты знаешь, не было ни детей, ни ягнят, ни щенят, ни котят, никто их никогда и в глаза не видал, но Ева почему-то больше всего любила таких зверей, которых можно, как младенца, на руки взять. Слон велик, белка на руках не усидит, а белый кролик -- такой ленивый, и теплый, и пушистый -- был ей всех милее..

Встала Ева и пошла быстрыми легкими шагами, едва касаясь травы, к зверям. За ней вприпрыжку, высунув язык, рысь.

Пришла и -- видит: звери перед змеей в кучу сбились, и Адам тут. Да и он не в помощь. Стал перед зверями и, как попугай, повторяет за другими: "Отдай кролика!" А у кролика только розовые пятки из пасти дрыгают.

Всплеснула Ева руками, соленые капли так из глаз и брызнули (никогда она раньше не плакала), и скорее-скорей через колючие кактусы, сквозь заросли шершавых кустов побежала к райским вратам, -- и все кактусы и папоротники расступились перед ней и шумели ей вслед: скорей! скорей!

Архангел Михаил стоял у широко открытых врат и смотрел вдаль на обступившие райский сад румяные от заката горы. Каждый вечер смотрел -- и не мог насмотреться.

-- Что с тобой, Ева? -- спросил он удивленно, обернувшись на быстрые шаги.

-- Змея! Кролика!

-- Так я и знал... -- нахмурился Михаил и, подняв перед собой огненный меч, освещавший, словно факел, темнеющую землю, пошел за Евой.

Веером расступились звери перед архангелом. Опустил он пламенем книзу струистый меч, облокотился на золотую рукоять, и закорчилась, как на копье, под взглядом его лучисто-синих глаз змея...

-- Ты! -- топнул ногой крылатый страж. -- Злая и низкая тварь! Ты прокралась сюда тайком. Я не выгнал тебя, живи, -- в раю для всех есть место. Но если ты не хочешь жить по-Божьему, я заставлю тебя, как прикованную, не двигаться с места! Вон там, видишь, -- Михаил взмахнул багровым мечом, -- там, куда никому доступа нет, посреди рая стоит яблоня...

-- Древо познания добра и зла? -- быстро спросила любопытная Ева, с трудом выговаривая странное слово "зло".

-- Да, добра и зла, -- строго ответил архангел. -- Ни днем, ни ночью, -- наклонился он к змее, -- не смеешь ты сползать со ствола: лежи и сторожи... Ступай!

Змея покорно шевельнулась и медленно поползла.

-- А кролик, а кролик! -- закричала взволнованная Ева.

-- Отдай кролика, -- тихо сказал архангел. Змея поползла дальше.

-- Отдай кролика! -- верхушки пальм вздрогнули, так крикнул архангел.

Понатужилась змея и, сверкая желтыми глазами, как резиновый мячик выбросила из толстой пасти чуть живой комочек к ногам Евы.

Бедный кролик! Он едва дышал, чихал и дрожал и был весь мокрый, словно новорожденный котенок. Только на руках у Евы стал он приходить в себя и дышать ровнее...

Ушел архангел к вратам. Разбрелись на ночлег удивленные звери. И, шумя потемневшей травой, проползая мимо ног испуганной Евы к заповедному дереву, злобно прошипела, блестя тусклой чешуею, змея:

-- Жа-ло-вать-ся! Ну погоди же, я тебе отомщу...

.....

Как она отомстила, ты, верно, уже знаешь -- прочел в школе. А не прочел, так узнаешь в свое время.

1922

Об Аркадии Аверченко

Неожиданная кончина широко популярного писателя-юмориста, так преждевременно ушедшего из жизни, еще теснее смыкает круг русской писательской семьи. Кто бы ни ушел из тех, немногих, кто привлекал к себе внимание за последние десятилетия, -- поэт ли, прозаик, драматург, -- смены нет и не видно.

Первые литературные шаги А. Т. Аверченко еще на памяти читателя связаны с основанием им в конце девяностых годов в содружестве с несколькими литераторами и художниками "Сатирикона", близкого по облику мюнхенскому "Simplicissimus"у. Никому не ведомый харьковский провинциал приехал в Петербург и на страницах нового журнала, столь непохожего на прежние кустарно-юмористические еженедельники, сразу выдвинулся своим сочным, здоровым юмором, своеобразным талантом рассказчика-весельчака, сумевшего расшевелить самого серьезного и хмурого российского читателя.

Чуждый надрыва, далекий от всех интеллигентских "проклятых" вопросов, Аверченко сделал своим героем мелочи быта, а острая наблюдательность, четкое знание русской провинции, особое чувство смешного, -- связанное, быть может, с его хохлацким происхождением, порой доходили до виртуозной игры в его коротеньких рассказах-анекдотах. Автор, чуть ли не единственный в прозе представитель беспечной русской богемы, сталкивал лбами неожиданные положения, развивал до гротеска какую-либо уродливую, подмеченную им в толпе черту и, не глумясь, не уничтожая своего случайного героя, весело над ним потешался и отпускал его с миром. Таков был далекий предшественник Аверченко, популярный в свое время немецкий юморист Сафир, современник Гейне.

Длинный хвост подражателей, все эти Гуревичи, Оль Д'Оры и Ландау, упражнявшиеся на задворках "Сатирикона" и окружавшие блеклым гарниром имя своего учителя, ни в малой мере не усвоили своеобразных черт его письма: меткого и короткого диалога, нарастания внешнего комизма, неожиданного фейерверка развязки.

Аверченко создал стиль и моду, а бойкая юмористическая артель торговала шипучкой, разливая ее в бутылки из-под чужого шампанского.

Среди тяжелодумов той поры, мрачно копавшихся в вопросах пола, неуклюже флиртовавших то с мистическим анархизмом, то с проблемой смерти, свежий заразительный юмор Аверченко был, несомненно, оздоровляюще полезен и сыграл свою общественную роль помимо направленного безразличия автора.

Быть может, длительная фельетонная работа, срочная, связывающая размером и зачастую комкающая темы, помешала покойному юмористу развернуть свое дарование в более широкие бытовые полотна, помешала ему стать тем, чем был Федотов в живописи. Но, увы, счастливая возможность выдерживать свои рукописи в ящике письменного стола, возможность неторопливого и независимого от злобы дня творчества была неосуществима для тех, кто, подобно покойному, жил исключительно еженедельно-журнальным и газетным трудом, не дающим ни передышки, ни места для широких замыслов. А альманахи и толстые журналы с упорством староверов чурались юмора, предпочитали ему любую муйжелевскую мочалку, тянущуюся с января по декабрь.

* * *

В эмиграции, вне окружения старого многоцветного и сочного русского быта, добродушный юмор Аверченко резко надломился. С непоколебимым упорством вгрызался он в безрадостную и бездарную тему: "большевизм". Сатира сменила юмор. Ненависть к поработителям быта заслонила веселую усмешку обывателя над забавными нравами своей родной улицы, беспечно шумящей за его окном ("обывательское" отношение для нас сегодня отнюдь не жупел, а напротив -- во многом здоровое, утверждающее национальный быт начало).

В последние годы Аверченко неутомимо бил своей легкой скрипкой по чугунным красным головам, и это невеселое, новое для него занятие является большой и доблестной заслугой покойного писателя. Разумеется, за вывернутой наизнанку сумасшедшей большевистской жизнью никому не угнаться. Любая вырезка из советской хроники фантастичнее любого гротеска самого Щедрина, но в мире все растущего эмигрантского безразличия и усталости дорого каждое слово протеста и непримиримого отрицания красной свистопляски. Были "сменившие вехи", были и полусменившие, а вот веселый и беспечный юморист оказался одним из самых стойких и непримиримых.

* * *

Мы надеемся, что в эмиграции найдется русское издательство, которое догадается выпустить в свет "Избранные рассказы Аверченко". Покойный автор отличался одним редким качеством: он почти никогда не был скучен. А избранные его рассказы, собранные внимательной рукой и связанные вместе, не залежатся на книжных складах и будут лучшей данью памяти жизнерадостного писателя и человека, который вне всяких теорий словесности простаком-самоучкой пришел в литературу и всем нам подарил немало веселых минут.

18 марта 1925

Лидия Лесная. Жемчуг

Полоски серого бисера
От неба к земле.
Небо белое — изсера,
И в этой жемчужной мгле
Ваши губы, моя дорогая,
Так строги, так холодны -
И вы такая чужая...
Меня пугает
Этот бисерный день.
Чьим-то слезам подражая,
Слезы дождя вас просят о счастье.
Но вы — вы не здесь, вы — в отлете;
Вы — будто корабль, чьи снасти
Готовы отдаться бурям;
Вы несете
В душу жажду победы над силой,
Как узник, узнавший решетки тюрем.
И я, приникая к руке,
Которая никогда ни о чем не просила,
Которая в одной короткой строке

Умеет сказать все поэмы,
Забываю о том, кто мы, где мы -
И знаю одно: я люблю вас.
Пусть по серебряным лужам
Скачут горсти жемчужин,
Пусть день осенний не весел,
Пусть бисерный полог солнце навек занавесил,
Что мне солнце? И кто в мире мне нужен?
Я люблю вас. Я люблю вас, царица жемчужин.⁹⁸

Записки театральной крысы

«Театр и искусство» приводит пятигорскую программу оперы М.М. Валентинова:
«В среду 13 июля представлено будет: Евгений Онегин, лирич. сцена в 3 д. и 7 к.,
пер. Сагайдачного. Муз П. Чайковского».

Что такое за «пер. Сагайдачного»? Перевозка Сагайдачного, переплет Сагайдачного или переписка Сагайдачного? Ведь нельзя же предположить, что это — перевод Сагайдачного? Опера пелась по-русски — с какого же языка переводить Сагайдачного?

Эх, Сагайдачный, Сагайдачный! Добрый ты був казак, доки не свыхнувся.

***

В прошлом № Нового Сатирикона мы пародировали манеру газет давать интервью по поводу Шаляпина с кем попало.

Как будто в подтверждение этого одна столичная газета приводит беседу по поводу нечаянного убийства Шаляпиным бродяги — как вы думаете с кем?

С шофером певца!

- Я прекрасно помню, — рассказывает последний, — что у Шаляпина был только один револьвер, который он поручил другому шоферу отвезти в Петроград.

Этот револьвер сейчас находится здесь при нашем шофере.

Решительно не понимаю, поэтому, где Шаляпин мог добыть второй револьвер?

Действительно, загадочно. Во всем свете имеется всего один револьвер, да и тот был в кармане умного шаляпинского шофера...⁹⁹

Т.К.

Товарищи-беллетрисчики

(Почти стенографическое.)

Как всякая счастливая мысль, и эта мысль зародилась одновременно у многих.

- Помилуйте! Устраивают социалисты конференции в Швейцарии? Устраивают, и ничего! Чем же мы хуже?.. Нам тоже нужна конференция... У нас свои профессиональные интересы... Нужды всякие... Нам необходимо собраться...

Думали, спорили, уславливались, и, наконец, в нейтральной Швейцарии, в нейтральном Берне, в нейтральной гостинице «Четыре Медведя» состоялось первое заседание «Международного конгресса военных беллетристов».

***

Зал заседания был богато декорирован зеленью и цветами, играл оркестр духовой музыки, и суетились сбившиеся с ног фотографы. Председателем конгресса было избрано лицо нейтральное. Оно зазвонило в звонок, — и начались прения.

---

98 Новый Сатирикон № 41 за 1916 год.

99 Новый Сатирикон № 41 за 1916 год.

Первым выступил немецкий оратор.

- Господа, единение прежде всего! Наша профессия безусловно требует полного единения. У нас общие цели, общие задачи, и всё различие между нами заключается только в системе. Немецкая система, — друзья мои, мне не приходится хвалить качество немецких товаров, — сводится к двум принципам: дешево и элегантно. Так хочет клиент, а воля клиента, как и воля кайзера — высший закон. Мы, немецкие военные беллетристы...

Председатель прервал оратора и предложил ему держаться исключительно в рамках экономических вопросов.

Следующим оратором выступил представитель Австрии, его речь была выслушена со вниманием

- Товарищи, и в литературе и в военной беллетристике необходим футуризм. Я футурист! Я плюю в глаза северу и югу и требую, чтобы вы отказались от старых, ветхих предрассудков. Вы хотите описывать победы? Мы, австрийцы, будем прославлять поражения. Вы воспеваете геройство, мы — трусость. Что может быть прекраснее и величественнее картины многочисленной армии, сдающейся в плен в полном уме и твёрдой памяти! Мы откалываемся от вас, вы — большевики, мы — меньшевики. Впрочем, если вы будете на нас нападать, то мы, конечно сдадимся и подыдем руки вверх!

Русский военный беллетрист занял кафедру бодро и уверенно. Попил воды, откашлялся, добросовестно высморкался и начал:

- Ваши превосходительства, ваши преосвященства, милостивые государыни и милостивые государи! Десять лет тому назад, помню, явились как-то в редакцию «Вестника полтавской федеративной республики» какие-то субъекты и заявили: «Мы банщики нижегородских бань»... Так вот я и говорю теперь: — Мы, русские военные беллетристы, много поработали за 2 года войны. Мы провели повышение заработной платы, мы повысили оплату женского и детского труда, и даже поставили на очередь вопрос об обязательном страховании членов нашей корпорации. На своих национальных конференциях, состоявшихся в редакциях еженедельных журналов, мы выработали основные принципы военной беллетристики, единство сюжетов, — ничто не действует так губительно на фабричную трудоспособность, как разнообразный труд, мы добились постановления, которым военные беллетристы лишены права жительства на фронте, мы...

Речь оратора была прервана возгласом с французских скамей.

- Виноват, дорогой коллега и союзник, вы забыли об одном очень важном обстоятельстве. В окопах необходима любовь. Такая милая, чувственная любовь, с красивым, мобилизационным адюльтером...

Краткую, но содержательную речь произнес представитель Греции.

- В Греции всё есть. И губки, и маслины и мрамор, и военные рассказы. Мы — нация нейтральная. У нас всё есть.

Представители Англии вошли с протестом, обвиняя своих русских товарищей в том, что русские беллетристы, описывая английский флот, заставляют понапрасну гибнуть доблестных английских моряков, принуждая их раскуривать трубки в подводных лодках, и тем самым обрекая на верную гибель весь экипаж вышеупомянутых судов.

Также был заявлен протест против румынских авторов, печатающих таблицы биржевых цен на хлеб под заголовком «военные рассказы».

После перерыва португальский депутат пытался прочитать большой роман, описывающий подвиги португальских войск. Но большинством голосов чтение было отклонено, ввиду полного незнакомства собрания с данным вопросом. Португалец бил себя в грудь и рвал галстук:

- Почему им можно, а мне нельзя? У нас тоже война, у нас тоже военные рассказы...

Делегат Турции прочитал с большим подъёмом стихотворение Гейне «Два гренадёра». Председатель, как личность нейтральная, указал ему на неуместность плагиата.

- Ми иначе не можем. У нас всё германское: и пушки и солдаты, и дэнги и писатэли. Магомет по-немецки, Гэине по-турецки...

Между болгарским и немецким депутатами произошла крупная ссора; болгарин, воспользовавшись пятиминутным отсутствием своего союзника, выкрал у него рукопись и успел снести её в ломбард.

Наибольшее впечатление произвело выступление военного беллетриста из Одессы.

- Слушайте! У нас в маме-Одессе говорят «товарищи-переплётчики». Так я таки сказал у Фанкони — «товарищи-беллетристчики». Плюньте мне в борщ, если лучшие военные рассказы не из Одессы! У нас есть в Одессе один редактор, который всех бьёт, а другой редактор, которого все бьют. Нет, скажите мне господа, разве это не война?

... Прения затянулись до поздней ночи.

***

Префект бернской полиции получил тревожное известие. Его агенты донесли, что на территории Швейцарии готовится крупный террористический акт: несколько доведенных до отчаяния читателей, различного возраста, пола и вероисповедания, намереваются взорвать адской машиной конгресс военных беллетристов.

Были приняты меры, полиция арестовала злоумышленников, а члены конгресса, благодаря тактичности префекта, даже не узнали о грозившей им опасности, которую они счастливо избегли.

«Счастливы владеющие» — говорили римляне. В переводе эта мудрая фраза гласит: «дуракам счастье».¹⁰⁰

Советские и современные российские периодические издания

Вокруг света

«Вокруг Света. Журнал землевладения, естественных наук, изобретений и наблюдений» появился в книжных магазинах Петербурга в декабре 1860 года с датой – «январь, 1861». 1825-1915. Первым редактором журнала стал Павел Матвеевич Ольхин. Владея в совершенстве французским и немецким языками, практически все материалы для журнала и начавшего выходить в 1862 году приложения «Природа и Землеведение», он переводил сам. И, чтобы максимально достоверно и оперативно информировать читателя на основании материалов европейских изданий, переехал в Баварский Нюрнберг вместе со своей женой, которую обучил всем известным ему методам перевода. Богатые библиотеки, Национальный музей и архивы способствовали совершенствованию Павла Матвеевича как переводчика и автора журнала. Редактор сформировал основной принцип нового журнала — показывать жизнь на планете глазами очевидца. Этому принципу «Вокруг Света» верен по сей день.

Возобновление выпуска издания в 1885 году. Возможно, сведений о существовании журнала «Вокруг Света» сегодня не было, если бы братья Михаил и Евгений Вернеры не взялись за возобновление выпуска издания в 1885 году. Журнал стал выходить в Москве под названием: «Вокруг Света. Журнал путешествий и приключений на суше и на море». Образование братья получили за границей, что повлияло на их видение концепции журнала в целом, а в частности на его оформление – желание соответствовать европейским стандартам выразилось в стремлении придать изданию необычный вид.

С 1895 года четко прослеживается научность журнала, помимо рассказов, романов и путешествий много внимания стало уделяться флоре и фауне. Появляются рубрики, сменяющие друг друга: «Из области естествознания», «Из жизни растений», «География и этнография», «Астрономия и космография». Неизменной остаётся актуальность журнала – печатаются материалы на самые острые и интересные темы.

Например, журнал подробно освещает начавшееся освоение небесного пространства – на его страницах появляются материалы о новейшем изобретении – летательных аппаратах. Богатые библиотеки, Национальный музей и архивы способствовали совершенствованию Павла Матвеевича как переводчика и автора журнала. Редактор сформировал основной принцип нового журнала — показывать жизнь на планете глазами очевидца. Этому принципу «Вокруг Света» верен по сей день.

И вот в 1927 году появилось сразу два издания. Одно выходило в Москве – «Вокруг Света. Путешествия, приключения на суше, на море и в воздухе», в качестве бесплатного приложения к «Всемирному следопыту»; выпускало его государственное акционерное издательское общество «Земля и фабрика». Другое - «Журнал сюжетной литературы, революционной романтики, научной фантастики, приключений, путешествий и открытий» - в Ленинграде, в издательстве «Красная газета».

Другое - «Журнал сюжетной литературы, революционной романтики, научной фантастики, приключений, путешествий и открытий» - в Ленинграде, в издательстве «Красная газета».

После начала Великой Отечественной Войны журнал не издавался 4 года и только в 1946 году издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» возобновило выход журнала под названием «Ежемесячный географический научно-популярный и литературно-художественный журнал «Вокруг Света».

Множество материалов было посвящено родной земле, а так же зарубежным странам. Не обходилась стороной и тема минувшей войны и её последствий.

На страницах журнала публикуются поздравления не только от постоянных читателей и верных соратников журнала, но и от вышестоящих инстанций, где сформулирована главная задача издания, по мнению главы ЦК Н.С.Хрущёва (1894 -1971): продвижение идей коммунизма в сознание советского народа и народов других государств.

В связи с чем все экспедиции и путешествия стали проводиться под эгидой распространения идеологии коммунизма. Результатом данной деятельности является награждение журнала в 1982 году Орденом Дружбы народов «За многолетнюю плодотворную работу по воспитанию у молодежи чувства любви к Родине и пропаганду идей социалистического интернационализма».

2001 - права на использование товарного знака приобретает предприниматель С. А. Васильев.

Этот период - переломный момент в современной истории журнала. Работа над изданием началась практически с нуля. В свет начал выходить обновленный журнал «Вокруг Света». Новый коллектив, создающий современный, яркий контент, глянцева обложка, высокое качество издания.

В этот же период на Российском телевидении появилась еженедельная одноименная программа «Вокруг Света».

Сегодня журнал «Вокруг Света» впечатляет разнообразием рубрик и является несомненным лидером в своем тематическом классе. Издается ежемесячно тиражом 180 000 экземпляров. Количество полос от 192 до 216. С 2005 г. журнал выходит по лицензии в Украине, с 2008 г. в Республике Казахстан.

С 2009 года редакцию издательства возглавляет Сергей Борисович Пархоменко.

руппу компаний «Вокруг Света» по праву можно назвать хранителем и продолжателем уникальной традиции журнального дела, остававшейся неразрывной на протяжении 150 лет.¹⁰¹

Обитатели Мадагаскара

Обитатели Мадагаскара разделяются на многие племена, которые отличаются и языком и обычаями. Все они происходят вероятно от малаев и негров, а самый язык их малайского происхождения, как это особенно заметно у овов, самого могущественного племени на Мадагаскаре. Овы или амболамбо обитали первоначально внутреннюю часть острова, но распространили свои завоевания до восточного и западного берегов и предпринимают походы на север и юг против других племен, у которых отнимают все дорогое и уводят пленников в рабство. Они далеко опередили в просвещении другие темнокожие племена этой области, потому что умеют выделывать порох, а в новейшее время даже завели несколько типографий, где печатают книги на туземном языке.

Всего более успехов сделали овы при умершем короле Радаме, который любил белых и миссионеров и позволял им распространять христианство по всему своему государству. Он даже сам крестился и его примеру последовали очень многие подданные. Миссионеры имели свободный доступ в главный город царства. Один английский капрал обучал у овов первое правильное войско, которое позднее обратилось в порядочную армию. Радама умел повсюду приобрести любовь и уважение и значительно увеличил свои владения. Но это хорошее направление в народе совершенно изменилось после его смерти, когда на престол вступила нынешняя королева, жена Радама, которую на туземном языке называют Ранавало-ампансака (королева Ранавало). Эта государыня вовсе не походит на своего супруга, потому что непосредственно после своего вступления на престол она назначила смертную казнь за обращение в христианство и все крещеные ею поданные должны были или снова поклоняться идолам или погибнуть мучительной смертью. Многие тысячи казнили, другие отказались от христианства, а некоторые в тайне покинули остров, чтобы не изменить своей клятве и избавиться от преследований Ранавало. Всем белым запрещено вступать во внутренность государства и потому в новейшее время не многим удалось проникнуть до столицы Тананариво, в середине острова. Такое управление совершенно остановило торговлю Мадагаскара и теперь дозволено вывозить оттого только немногие предметы. Острова Бурбон и Маврикия, которые получают весь скот и другие потребности с Мадагаскара, только за очень большую плату имеют позволение брать с Мадагаскара быков и вести на этом острове обширную торговлю копалом, кожами, черным деревом и сандалом. Оттого возникла почти монополия, и в торговом городе Таматаве, который прежде находился в цветущем состоянии, европейцы решительно не могут торговать, не смотря на обилие различных произведений страны. При всем своем фанатизме королева не могла предотвратить крещения своего сына Раминитока (Рамонья), наследника престола, на которого овы полагают всю свою надежду. Раминиток имеет прекрасный, ласковый характер и не боится сопротивляться жестоким распоряжениям своей матери, потому что имеет многих приверженцев. Старая королева боится своего сына, и многие тайные христиане остаются при жизни, только благодаря решительности Раминитока. Должно полагать, что он скоро вступит на престол, потому что королева стара и слаба и давно уже безвыездно остается в своей столице.

---

101 <http://150.vokrugsveta.ru/history>

От севера к югу тянется горная цепь, но берега низменны и большею частью болотисты, почему на них белые не могут жить, а большею частью гибнуть от вредного влияния климата. На середине острова жить здорово, и там вовсе не так жарко, как можно было бы полагать по географическому положению местности. Это зависит от пассатных ветров, охлаждающих воздух. На холмистой возвышенности, в середине острова, расположена столица Тананариво (это значит тысяча городов, от слова танана — город и ариво—тысяча). Этот город должен быть очень обширен. По рассказам одного образованного ора, дворец королевы довольно велик и в нем находится тронная комната, выложенная вся серебрянными бляхами. В этой комнате стоит богато украшенный трон, и в него имеют доступ только немногие избранные. Дворец окружен обширным двором, вокруг которого обведена большая стена, так что подданные вовсе не видят жилища правительницы.

Овы разделяются на 13 степеней или классов и ни один подданный не имеет права перейти в другой класс без особенного приказания правительства. Король и королева принадлежать всегда к высшему, т. е. 13-му классу, а члены их семейства составляют 12-й класс. Другие родственники, министры, генералы и жрецы, принадлежащие к 9, 10, и 11 классам, имеют доступ ко двору. Судьи и ближайшие офицеры при генералах, до капитана, имеют 7 и 8 класс. Эти лица имеют право вступать только во внутренний двор жилища короля, но не в самый дворец. 4, 5 и 6 классы составляет среднее сословие, к которому принадлежат купцы, ремесленники и т. д. Эти люди никогда не могут стать выше 8 класса и смеют входить только в двор короля. Низшие 3 класса составляют крестьяне, солдаты и рабы, которые всегда остаются на той же степени, как их родители. Эти люди не смеют подходить даже к стенам дворца. Последние три класса составляют наибольшую часть народонаселения и доставляют армию, которая от времени до времени проходит по острову, чтобы снова наполнить сокровищницу правителей. Солдаты обучены довольно хорошо и порядочно умеют употреблять ружье и штык. Многие из них носят форму собственного изделия, но большею частью они не хлопчат много о своей одежде, а довольствуются общеупотребительным ассимбо или большим платком; напротив того у офицеров заметна любовь к нарядам, свойственная всем цветным племенам. Они обвешивают себя самыми блестящими и яркоцветными вещами. Чем больше офицер имеет золота и галунов, тем более он гордится своею одеждою. Настоящей формы в мадагаскарском войске нет. Оттого в маленьких прибрежных крепостях нередко видишь адъютанта губернатора в трехугольной шляпе с перьями и большими эполетами и в простой солдатской куртке, между тем как бедра обвиты платком, заменяющим панталоны, а ноги босы. Другие являются в морском мундире, богато обшитом галунами, с высокими ботфортами и в красном ночном колпаке, постоянно запутываясь ногами в огромном кирасирском палаше, который при каждом шаге проскользает между ногами воина или зацепляется за шпоры.

Большею частью офицеры не носят сорочек, потому что считают эту часть одежды совершенно излишнею. Впрочем губернаторы и высшие чиновники одеваются порядочно и опрятно и очень ласковы и образованы. Овасские офицеры соблюдают военный этикет и являются к начальникам и приезжим всегда в полной форме. Губернаторы обыкновенно задают почетным приезжим пиры, на которых бывают разные вина и шампанское. При таких торжествах присутствуют также офицеры и жалко смотреть на этих несчастных, которые совершенно прямо сидят с плотно застегнутым мундиром со стоячим воротником в комнатах, где и в тени не менее 20°. Эти бедняки или слишком боязливы, чтобы стереть с себя льющий с них пот, или не могут сделать этого, по тесноте платья. На таких собраниях видно, что овы люди порядочные и просвещенные, но все таки иногда у них еще проглядывает замашка негров. Впрочем в разговорах и обхождении они стараются подражать европейцам, чего однако им не удается достигнуть вполне. Таким образом странно смотреть, как неловко они пытаются есть ножами и вилками. В высших сословиях у всякаго заведены столовые приборы, но они более кладутся на показ, нежели

для действительного употребления. При разговоре у них видно много естественного остроумия, почему это племя должно считать способным к высшему развитию. Все порядочные туземцы, живущие по берегам Мадагаскара, несколько говорят по английски или по французски, а многие выучивают эти языки даже очень хорошо.

Вот как провел один путешественник время в обществе образованных овов в гавани Мацангхаи или, как ее обыкновенно называют, Маюнга. "Когда мы стали на якорь, говорить он, в крепости раздалось в нашу честь несколько выстрелов. От берега отчалила лодка с людьми в ярком пестром платье. Лодка скоро подъехала к нашему кораблю и из нея выскочил красивый молодой человек, странная одежда которого невольно заставила нас улыбнуться. На голове у него была слишком большая шляпа с огромным пером. Чтобы придать шляпе надлежащее положение, он засунул под нее платки. Но это не помогало, потому что шляпа все соскользала на нос. За тем он был наряжен в старомодный синий фрак, с множеством галунов, который не был ему впору. Белые панталоны на босых ногах довершали туалет. С левой стороны у него висела театральная шпага, украшенная перломутром. Молодой человек рекомендовал себя адъютантом его превосходительства, губернатора Мацангхаи, который послал его на корабль, чтобы пригласить приезжих на другой день к обеду. Приглашение было принято очень ласково, офицеру подали стакан вина и после этого учтиво раскланялись.

"На другое утро в 12 часов к нам снова явился офицер в большой шляпе, чтобы отвести на берег, но в этот раз он был хотя босой и в исполинской шляпе, но в довольно порядочном форменном платье. Мы уселись в лодку, вышли на берег и стали взбираться по следам адъютанта на крутой холм, на котором построена крепость. Мы шли по единственной узкой извилистой дороге, стоявшей под пушками. С другой стороны холма к крепости не было никакого доступа. При страшном полуденном зное, мы с трудом всходили по тропинке, находившейся совершенно на солнце. Наконец мы достигли до первых крепостных ворот. Здесь преградили нам путь двое часовых, скрестив ружья. Офицера сказал пароль и оба солдата разошлись. Раздался барабанный бой, при котором мы прошли сквозь ворота. Та же самая церемония повторилась во вторых и третьих воротах. Наконец мы дошли до внутреннего двора.

"Губернатор был пожилой человек в изящной европейской одежде, в модных лакированных сапогах и с толстою золотою цепочкою на жилетке, белой как снег. Он принял нас очень учтиво в комнате, меблированной с большим вкусом, и пригласил сесть на диван. Подали полынную водку и до наступления времени обеда завязался интересный разговор. Во время нашей беседы мы намекнули о возможности покорения Мадагаскара французами и я удивлялся, как здраво и ясно губернатор излагал невозможность или по крайней мере трудность этого предприятия. Он объяснил, каким образом в таком случае поступит его народ. При этом он упомянул, что у них существует могущественный и смертельный враг европейцев, на которого можно вполне положиться, именно мадагаскарская болотная лихорадка. Эта страшная болезнь может уничтожить целую армию, завлеченную в заразительную местность. Для примера он упомянул нам о Носибэ, французском владении на северо-западном берегу, которое даже не находится в прямой связи с Мадагаскаром, но расположено на особом острове. Я сам был в Носибэ и потому знал, что лихорадка появляется там очень часто внезапно и обыкновенно оканчивается смертью. Мне случалось видеть, что из сотни солдат, привезенных с острова Бурбона, уже через неделю ни один не мог, по болезни, исполнять свои обязанности, а человек 30 даже умерли. При всем этом губернатор уверял нас, что климат в Носибэ несравненно лучше, чем во многих местностях Мадагаскара. Восточный берег этого острова он считал здоровее западного и утверждал, что там лихорадки излечиваются гораздо легче. Человек, пораженный болотною лихорадкою, не выздоравливает вполне. Эта болезнь до того ослабляет тело, что вскоре после первых приступов страждущий ничего не может делать. Подобные приступы повторяются часто и нередко даже в течении многих лет. Единственное надежное средство против этой болезни составляет перемена климата; но

даже в умеренном поясе медленно исчезают следы болезни и силы восстанавливаются вполне только через многие годы.

«Кушанье к столу подали очень вкусное и в чрезвычайном обилии. Нам положили ножи и вилки, которые были также у приборов губернатора и его свиты. Но несчастные ховы тщетно пытались пользоваться ими, и потому с отчаянием положили их на стол и стали есть, по своему обыкновению, просто пальцами. Вин было много и в том числе очень хороших. Наконец подали и шампанское, до которого мадагаскарцы большие охотники. После обеда поднесли к столу кофе вместе с ромом, коньяком и женеvским вином. В приятных разговорах, то на английском, то на французском языке, время прошло до заката солнца. Тогда губернатор учтиво заметил, что служебная обязанность не позволяет ему удерживать в крепости чужеземцев после заката солнца. Потому мы распростились, удивляясь чрезвычайной учтивости африканцев. Офицер с большою шляпою проводил нас до лодки, довез до корабля и при прощании пожелал хорошего пищеварения. На другой день мы хотели отвечать на учтивость губернатора и просили его адъютанта передать наше приглашение. Этот офицер однако извинился и объяснил нам, что по приказанию Ранавало ни один губернатор не смеет ни под каким предлогом входить на какой либо корабль и вообще покидать порученную ему крепость. Оттого мы ограничились приглашением адъютанта и офицеров, которых угостили на нашем судне.»

Кроме овов на Мадагаскаре существуют многия племена, которыя отличаются и языкомъ и обычаями. Всего значительнее между ними сакалавы, бетсумцарки и батцанимены, которые все обитают западную и северную часть острова. Эти племена вытеснены из первоначального места их жительства овами, которые сильнее и образованнее этих народов. Из них сакалавы, обитающие северо-западную часть Мадагаскара, от мыса Амбера до Менабе, под 19° южной широты, самое дикое и непокорное племя малаев. Они заклятые враги овов и белых колонистов, почему маленькая колотя Носибе постоянно должна опасаться внезапнаго их нападения. Еще очень недавно 16 или 20 тысяч этих разбойников подъехали на лодке к слегка укрепленному городку на Носибе и вероятно перебили бы всех колонистов, числом около 160, если бы последние не имели несколько пушек и достаточно пороха и ядр. Подобное же нападение было в 1845 году. Тогда европейцы отделались от голых дикарей только тремя маленькими гаубицами, стреляя из них картечью. Нападение длилось тогда семь суток и европейцы, истощенные продолжительною осадой, считали себя уже погибшими, когда в гавань въехало французское военное судно, после чего сакалавы поспешно отправились на Мадагаскар. Даже в настоящее время белые редко решаются выходить около Носибе на Мадагаскар в малом числе, хотя это очень соблазнительно, потому что там много дичи. Даже многочисленное общество не может слишком удаляться от своих лодок. Несколько французов поселилось не подалеку от Носибе в маленькой, но очень надежной бухте Баватуби, где находится богатая каменноугольная копь близ самой поверхности земли. Они построили себе здесь небольшую деревянную крепость. Но через несколько времени сакалавы напали на них вне укрепления и перебили. Свирепость туземцев таким образом мешает европейцам воспользоваться богатствами этой части Мадагаскара.

Маленький, но красивый городок, который заложили французы на Носибе, называется Гельвиль. Он с трех сторон укреплен, а на восточной стороне около него тянутся глубокия болота, которыя делают эту страну очень опасною. На другой стороне косы, на которой стоит Гельвиль, расположен арабский город Амбануру, где производится довольно значительная торговля рисом, мехами и т. д. На разстоянии несколько далее пушечнаго выстрела от Носибе, лежит небольшая деревня дружественных сакалавов. Почва в Носибе вулканическая, на возвышенностях сухая и бесплодная, а в более глубоких местах очень плодородна и влажна. Французские колонисты возделывают сахарный тростник, индиго, рис и т. д. Особенно хорошо растет тростник и в новейшее время здесь заведено несколько сахарных мельниц, приводимых в движение паром.

Впрочем эти плантации не имеют большой важности, потому что туземцы очень плохие и ненадежные работники. Гельвильская гавань превосходна и может укрывать самый большой флот во всякое время года. Съестных припасов здесь всегда вдоволь и они дешевы, но вода не совсем хороша и даже в Гельвиле ее нет в достаточном количестве. С того времени, как построили казарму из обсеченной плиты, здоровье гельвильского войска значительно улучшилось. Госпиталь также очень хорош.

Кроме Носибе французы имеют еще маленькую колонию Святой Марии на северо-восточном берегу Мадагаскара. Эта колония расположена также на отдельном острове и ведет значительную торговлю скотом, который отсылают на острова Бурбон и Маврикия.¹⁰²

«Праздник платья» в Сиаме

Лодка со статуей Будды

В юго-восточной части Индии приютилась маленькая страна, о которой до нас лишь изредка доходят смутные слухи, скорее похожие на сказки. В самом деле, про Сиам мы знаем только, что там водятся белые слоны, и что самцы почитают их священными. А между тем эта страна, с 12-миллионным населением, за последние десятки лет настолько далеко шагнула вперед по пути развитая, что заслуживает самого серьезного внимания.

Мы никак не можем собраться воспользоваться силой наших Днепровских порогов, а на Иматре, развивающей десятки тысяч лошадиных сил, построена жалкая электрическая станция, освещающая гостиницу при водопаде. В Сиаме один из притоков реки Менам образует ряд стремнин, и на них уже поставлены могучие машины, которые снабжают электрической энергией несколько городов. Мы до сих пор заказываем большие пароходы за границей, а в Сиаме уже есть 12 верфей, на которых строят океанские пароходы...

Словом, маленький Сиам, еще недавно населенный полудикарями, на наших глазах повторяет историю Японии, которая сумела в 50 лет не только догнать, но и далеко перегнать нас в культурном развитии.

В настоящее время самский король Параминдр Маха Хулалонгкорн путешествует по Европе, и если бы его не выдавали черты и цвет лица, то его можно было бы принять за хорошо образованного европейца, тем более, что он отлично говорить по-французски и по-английски. Короля в путешествии сопровождает один англичанин, друг его детства, и этот англичанин рассказывает много интересного о Сиаме. В одном английском журнале, например, появилось описание любопытного праздника, уцелевшего от глубокой древности, когда сиамцы были полудикарями. Это праздник платья. Празднуется он в октябре, после второго сбора риса, и является своего рода ежегодным подтверждением дружбы между королем и народом. Праздник платья (по-сиамски: «Тот-Катин»), судя по описаниям, должен представлять собою волшебное зрелище, какую-то сказку из «1001 ночи». Но прежде чем перейти к описанию праздника, скажем несколько слов о его значении и происхождении.

---

102 «Вокруг света», 1861, № 9

Сиамцы почти все исповедуют буддизм. С незапамятных времен у них установлен обычай, по которому жрецам дарят одежды.

Буддийские жрецы во время богослужения носят широкие халаты ярко-желтого цвета. Этот цвет напоминает о самом Будде и о его первых учениках. Сказание о жизни Будды передает, что он носил желтые одежды для того, чтобы унижить себя в глазах людей, потому что тогда желтый цвет считался позорным и его носили только преступники. Буддийские жрецы отличаются своей суровой, строгой жизнью. Денег они не берут, а потому прежде им приходилось выпрашивать себе одежды в виду; подаяния, пока, наконец, не установился обычай дарить им одежды в определенный день. Позднее этот день стал праздником, а потом с ним слилась особая церемония «присяги» короля, о которой мы будем говорить ниже.

Королевская лодка (слева)

В городе Бангкок, столице (Лама, есть более сотни буддийских храмов, и их жрецы получают одежды от самого короля. Так как Бангкок стоит на воде, на берегах реки Менам, то главная часть церемонии, по крайней мере, её показная сторона, совершается на лодках. Сам король посещает около десяти главных храмов.

Уже ранним утром река и примыкающее к ней каналы покрываются тысячами самых разнообразных лодок. Берега, балконы и крыши домов усеяны любопытными. Около полудня со стороны дворца раздастся пушечный выстрел. Это значит, что король вошел на свою лодку. Впрочем, это уже не лодка, а целая барка. Вот как ее описывает английский журнал: лодка в длину имеет около 28 сажень (60 метров), а в ширину 11/2 сажени. Ея нос и корма кончаются остриями, высоко загнутыми кверху. На носу и на корме развеваются золотые королевские знамена, а около них длинный кисти, сплетённые из белой козьей шерсти. Среди лодки стоит роскошный балдахин, увешанный тяжелой золотой парчой. Под балдахином находится трон, богато украшенный драгоценными камнями. Снаружи борта лодки покрыты резьбой, изображающей чешую дракона, выложены перламутром, позолотой и даже драгоценными камнями. Поднятый нос лодки имеет форму головы сказочного дракона, а корма вырезана в виде загнутого кверху чешуйчатого хвоста чудовища.

Король, одетый в золотые ткани, неподвижно сидит на троне окруженный блестящей свитой, и пестрая, переливающая всеми цветами радуги, лодка плавно скользит по водной глади, под ровными, тихими ударами 70—80 весел.

Гребцы для такой парадной лодки учатся гребти за 1 1/2— 2 месяца до праздника. Они упражняются каждый день и, наконец, достигают такого совершенства, что все весла опускаются поднимаются одновременно, как будто их двигает машина. Не слышно ни малейшего всплеска воды, и лодка идет вперед без толчков, положительно «летит». За королевской лодкой следуют 12 лодок принцев. Эти лодки разукрашены так же, как королевская, но сами они меньше ее, и, кроме того, балдахины на них покрыты не парчой, а пурпуровыми и белыми тканями. На них тоже развеваются золотые знамена. Каждая лодка имеет свое особое отличие. На одной стоит битый балдахин, а гребцы одеты в синие куртки. На другой балдахин красный, а гребцы зеленые и т. д. Среди лодок принцев плывет большая лодка с остроконечным балдахином, под которым возвышается золотая статуя Будды. Эта лодка королевского храма, и в ней, кроме гребцов, сидят верховные жрецы. Наконец блестящая процессия замыкается сотнями лодок с знатными сиамцами, придворными, офицерами, вообще лицами, имеющими доступ во дворец. На многих лодках играют оркестры. Все весело, оживлено, красиво и нарядно.

Сиамский король на прогулке

Но вот лодка короля причаливает к широкой лестнице около храма. От берега к дверям храма выстроена почетная стража с оркестром, путь устлан коврами; когда король

сходит с лодки, раздаются звуки сиамского гимна. Король идет к храму, а за ним на носилках несут груды священных одежд.

Король берет одну из одежд, сам вносит ее в храм и кладет на особый столик, где стоят пять золотых ваз для цветов, пять золотых чаш с поджаренным рисом и пять золотых подсвечников с благовонными свечами. Король сам зажигает эти свечи, читает перед статуей Будды установленные молитвы и потом, положив обе руки на священную книгу, которую перед ним держит верховный жрец, произносит клятву, состоящую из пяти главных буддийских заповедей. Король торжественно обещает:

- 1) Не отнимать жизнь ни у человека ни вообще у какого-либо живого существа;
- 2) не притеснять и не обижать людей;
- 3) быть целомудренным;
- 4) не лгать, не сквернословить и быть справедливым ко всем людям;
- 5) не пить возбуждающих напитков.

Если за истекший год король нарушил одно из этих обещаний, то он громко сознается в этом перед жрецом, который обыкновенно объявляет ему от имени Будды прощение.

Разумеется, это — формальность, но можно с уверенностью сказать, что много дурного люди не сделали бы, если бы они знали, что им придется каяться громко, почти всенародно.

Буддийские жрецы пользуются полной свободой и огромным влиянием. Им ничего нельзя «приказать». Они признают лишь один законы заповеди Будды. Поэтому случается, что жрец сам напоминает королю о каком-нибудь поступке, давно забытом, но нарушившем заповедь. И король смиренно кается перед Буддой и своим народом. Это действительно трогательный момент единения короля с народом, — момент, который наглядно показывает, что король не перестал быть человеком и что для него, как для всех его подданных, святы и дороги великие заповеди Будды.

После этой церемонии, за которой присутствующие следят, затаив дыхание, верховный жрец благословляет короля, благодарит его за подарки, и король с прежней торжественностью идет к своей лодке, чтобы плыть к другому храму.

Этим торжеством многие пользуются, чтобы лично обратиться к королю с какой-либо просьбой, хотя сиамский король вообще очень доступен для каждого, и принимает в своем дворце всех, имеющих до него надобность. Но в храме, после покаяния и повторения заповедей, король часто соглашается на милости, далеко выходящими за обычные пределы, и это все хорошо знают. В каждый храм, который посещает король, свободно впускают столько народа, сколько может поместиться в один ряд вдоль стен. И находятся люди, которые занимают такое место за несколько дней до «праздника платья» и не сходят с него до появления короля. На несколько часов для отдыха их сменяют родственники или друзья.

В один день король не успевает объехать все главные храмы, тем более, что ему в них иногда приходится выслушивать десятки просителей, и поэтому торжество длится дня 3—4. Все это время Бангкок имеет ликующий вид. Всюду развеваются флаги, гремит музыка...

«Праздник платья» в Сиаме является действительно народным праздником, когда народ сливается со своим повелителем в одно целое. Не это ли трогательное единение так быстро вывело маленькую страну из мрака невежества на широкий простор культуры и мирного развития?¹⁰³

Отдельная автомобильная дорога

Каждый год в Соединенных Штатах составляется выдающимися американскими архитекторами множество проектов, которые имеют в виду, с одной стороны, упорядочить уличное движение, а с другой — увеличить его быстроту. Правда, с каждым же годом число разнообразных автомобильных катастроф в Америке растет неуклонно, но американцы продолжают все же и дальше стремиться к увеличению скорости пассажирского и грузового передвижения в своих городах.

Наш рисунок передает, напр., один из проектов построить в Чикаго особую автодорогу, которая должна проходить над линией городской железной дороги. Словом, здесь не удовлетворяются уже наличием различных надземных и подземных путей сообщения, но хотят еще провести по городу железную дорогу, а над ней воздвигнуть отдельный автотрассу, на которой легковые и грузовые машины будут подниматься и спускаться по особым откосам.

Осуществление такого проекта обойдется, по предварительным подсчетам, не менее 500 миллионов рублей, но зато обеспечит возможность развивать автомобилям вдвое или даже втрое большую скорость.

В. Поздняко. Девочки в розовых платяцах

— Папочка, в этом чемодане теплое белье, в том, красном — аптечка...

— Папочка, обязательно не забудь дать телеграмму из Марселя, как доехал.

— Папочка, а где твои перчатки? Опять ты с голыми руками!

Папочка не может сразу отвечать на все вопросы и указания. Он стоит, немного смущенный, и растерянно улыбается, Публика с любопытством смотрит на высокого, полного мужчину, лет пятидесяти, окруженного тремя девочками в розовых платяцах. Девочки очень взволнованы и собираются плакать. Старшей лет пятнадцать, младшей десять. Средняя, двенадцатилетняя, расстроена больше всех — она уже плачет, уткнувшись лицом в грудь отца, плечи ее вздрагивают.

— Девочки, девочки, не надо, — говорит отец, — я вернусь к октябрю... Это уж не такой срок... А там совсем не страшно... М-сье Грохотов пишет, что там совсем наоборот — тепло, уютно, светло. Мсье Грохотов не станет лгать, девочки...

Раздастся второй звонок — и публика бросается к вагонам. Мужчина целует — бесчисленно, короткими, клюющими поцелуями, — младшую, среднюю, старшую, затем отрывает от себя вцепившиеся детские руки, всхлипывает, улыбается, опять всхлипывает, машет рукой и лезет в вагон.

Девочки идут, затем бегут рядом с поездом, кричат что-то. По выражению лица старшей мужчина догадывается, что она хочет сказать что-то чрезвычайно важное. Он берется за оконные ремни и тянет к низу — рама не поддается. На лице старшей отчаяние... Мужчина колеблется секунду, потом кулак ударяет по стеклу — и оно звенящими осколками летит на платформу.

— Папочка! — кричит старшая. — Мы забыли положить ящик с сигарами — купи в Марселе!

Поезд набирает скорость — розовые платяца отходят назад, и он выносятся из-под грохочущего навеса, стрекоча на сплетениях рельс.

— Вопрос решен по-военному, — слышит мужчина около себя низкий бас, — дзинь и готово!

Он оборачивается от окна и видит широкоплечего усача, сидящего напротив на диване.

— Вы порезали себе руку, мсье, — продолжает усач, с восхищением смотря на соседа.

«Папочка» глядит на руки и видит на тыльной ее части красные струйки.

— Позвольте представиться, — говорит усач, привставая с полупоклоном, — полковник 15-й танковой бригады, Жан-Жак Шеба. Еду, как и вы, в Марсель.

— Журбо, Леон Журбо, — отвечает папочка, — астроном парижской обсерватории... Рука, действительно, немного пострадала. Ну, да это пустяки...

Он вынимает платок и перевязывает руку. Смотрит в окно и пугается.

— Ради всего святого, простите, мсье... мсье...

— Шеба, — подсказывает военный.

— Простите, м-сье Шеба — ведь я могу вас простудить! Мы будем вынуждены ехать без стекла!

Полковник смеется.

— Я военный, м-сье Журбо, — говорит он, — и мне вскоре предстоит такие солидные развлечения, что смешно и думать о простуде. Что же касается стекла, то это тоже пустяк по сравнению с теми осколками, которые скоро засвистят по всему миру.

— Да, да, — печально отвечает Журбо. — Я хотя и далек от политики, но слышал, что международное положение очень серьезно.

— Оно безнадежно, мсье, — отвечает полковник. — Я сейчас вызван из отпуска к своей части... Отпуска военным прекращены во всей Франции. Война—дело ближайшего будущего, мосье...

— К счастью, — вздохнул Журбо, — у меня нет сыновей. У меня только три дочери... Вы их видели, они провожали меня.

— Прелестные девочки... Осмелюсь спросить, а вы едете только до Марселя, или дальше?

— О, значительно дальше... На Эверест.

Полковник оживает.

— На Эверест? На недавно выстроенную обсерваторию? О, как я завидую вам! Пожалуй, это единственное место на земном шаре, за исключением, разве, полюсов, куда не долетит грохот войны. Расскажите мне, мсье, об обсерватории, я знаю о ней не больше, чем полагается каждому обывателю, т. е. очень немного.

Журбо начинает рассказывать.

На высоте 8.840 метров на уровне моря, там, где разреженный воздух хрустально чист и прозрачен, Международная Астрономическая Ассоциация выстроила обсерваторию. Сотни аэропланов и дирижаблей, специально приспособленных для этой цели, заносили на вершину горы, на небольшую площадку, окруженную со всех сторон головокругительным обрывом, части будущей обсерватории. Рабочие, сменяемые каждые два часа, в костюмах и шлемах, защищающих их от разреженного воздуха, собирали эти части. И выстроили обсерваторию, которая, как муха на стоге сена, видна в сильные трубы с подножия Эвереста — черная точка на снежной вершине.

Руководил постройкой инженер-механик Грохотов, человек больших знаний и выдающейся энергии. Обсерватория оборудована великолепными инструментами, ставящими наблюдения в совершенно исключительные условия:

— Ну, а как же, — спросил полковник, — поддерживается сообщение с обсерваторией? Ведь нужны припасы, вода... Чем обеспечено поддержание необходимого воздушного давления в помещениях, нормальной температуры?

— Международная Ассоциация заладила регулярное аэропланное сообщение между Лукновым индийским городом, и обсерваторией. Кроме того, на ней установлен радиотелеграф. В Гайбуке, специально выстроенном поселке у южной подошвы Гималаев, оборудована электростанция, подающая ток на вершину. Насосы для сгущения воздуха, термоэлементы, нагревающие. Механизмы астрономических инструментов приводятся в действие этим током. Бронированный кабель лежит из Гайбука по горе вверх, в обсерваторию.

— Да, это замечательное сооружение, — сказал Шеба, — Вы не боитесь, что в связи с надвигающейся войной, возможно прекращение деятельности обсерватории? Ведь

Международная Астрономическая Ассоциация включает, я думаю, в число своих членов, представителей и тех государств, которые будут, несомненно, в состоянии войны между собой.

Журбо выпрямляется.

— Мсье, — гордо говорит он, — люди науки но воюют друг с другом.

П. 8,840 метров.

Грохотов взглянул на часы. Без четверти пять. Через десять минут на юго-западе должна показаться хорошо знакомая точка аэроплана.

— Мсье Либетраут! — сказал он, приотворяя дверь в соседнее помещение, — через десять минут мосье Журбо будет здесь!

Грохотов заметно волнуется, хотя и старается скрыть это. Маленький, энергичный, крепко владеющий собою старик, он сейчас не находит себе места — три месяца ждал он этого мгновения, как же тут не волноваться!

— Либетраут не отвечает. Грохотов смотрит в соседнюю комнату и видит, что она пуста. Поделиться не с кем... Десять минут — вечность! Наконец, появляется и долгожданная точка. Грохотов бежит к камере воздушного шлюза и открывает штору.

Точка вырастает в аэроплан. Две-три минуты, и пятисотсильный красавец, с могучими, рассчитанными на десятикилометровый потолок крыльями, садится напротив шторы шлюза.

Из каюты выходит высокое, закутанное в меха существо, в маске, глазастой и большеносой. Когда оно входит в шлюз, Грохотов изнутри, передаточным механизмом, опускает штору и, повернув кран воздушного насоса, пускает в камеру воздух. Когда стрелка манометра, вздрагивая, останавливается на 760, он открывает внутреннюю штору и пропускает в комнату гостя.

— Раздевайтесь, раздевайтесь, коллега, — торопит Грохотов прибывшего, помогая ему освобождаться от мехов.

— Дорогой мой, — продолжает Грохотов. Если бы вы знали, как я рад вашему приезду! Не меньше, чем Робинзон,ждавший Пятницы, — честное слово!

Они целуются, для чего Журбо необходимо сильно нагнуться.

— Идемте, идемте, тянет Грохотов прибывшего за рукав. — Во-первых — есть, есть и есть! Но взыщите за наше меню, это консервы во всех видах.

— А где же мсье Либетраут? — спрашивает Журбо, — вы писали, что он тоже на Эвересте.

На лицо Грохотова ложится печать досады. Он пожимает плечами.

— Мсье Либетраут с утра заперся в фотолаборатории. Он, как заведенный механизм, делает каждый день одно и то же, распределяя время по минутам. Это, конечно, очень почтенно, но... невыразимо скучно. Как видите, он и для вас не пожелал изменить своего режима.

— О, я не в претензии, — живо возражает Журбо. Грохотов внимательно смотрит ему в глаза. Тот не выдерживает взгляда и отводит глаза в сторону.

— Предположим — усмехается Грохотов. — Ну-с, а все же идемте кушать.

За ужином Грохотов спрашивает Журбо обо всех европейских новостях. Собственно говоря, новость одна — это призрак надвигающейся войны. По и она для Грохотова не является новостью — в обсерватории установлен радиотелеграф.

— У Либетраута два сына в армии, — говорит Грохотов. — Они аккуратно пишут ему раз в неделю.

— Ну, а как сам он относится к войне? — спрашивает Журбо»

— Его не понять. Он так мало говорит, что вообще не знаешь, какие мысли у него в голове. Даже писем сыновей он не читает сразу по получении — для того отведено полчаса перед сном.

Затем Грохотов рассказывает о жизни в обсерватории. За месяц до приезда Журбо на Эверест прибыл астроном Мадридской обсерватории Хаэн. Но не прожил и недели —

впечатлительный и нервный, он не выдержал окружающего безмолвия, мороза и всей необычности обстановки, захандрил и ночью, когда его товарищи по работе спали, вызвал по радио аэроплан. Несмотря на уговоры Грохотова и презрительное молчание Либетраута, он сел в машину и улетел, страшно сконфуженный, но непреклонный.

— Как видите, дорогой мсье Журбо, — заключил Грохотов, — у нас далеко не весело. Однообразие пищи, мороз, безмолвие, закупоренность и невозможность выйти на воздух страшно действуют на нервы. Становишься раздражительным и нетерпимым к каждой мелочи. Только в работе забываешься, а ее тут сколько угодно.

После ужина Грохотов повел Журбо осматривать обсерваторию. В плане она представляла треугольник, в каждой вершине которого было по куполу, для экваториала, меридианного круга и астрографа с двумя фотокамерами. Купола сообщались коридорами с жилой и служебной частью, последняя же состояла из фотолаборатории, машинной, вмещавшей в себе машины для сгущения воздуха, аппараты для распределения нагревательной сети и прочие приборы. Жилая часть делилась на три комнаты для высшего персонала обсерватории, общую и помещение для низших служащих, в числе которых был один телеграфист и два сторожа. В подвале находились астрономические часы—сердце обсерватории.

При проектировании сооружения Грохотовым, главным, автором проекта, были приняты все меры, обеспечивающие здание от утечки воздуха помещений в разреженную наружную атмосферу. У выходов коридоров в помещения инструментов были примонтированы небольшие кабинки, едва вмещавшие двух человек. Кабинки эти с другой стороны были присоединены к окулярам инструментов. Когда наблюдатель входил в кабинку, то опускал за собою штору, разъединял кабинку от коридора, изолируя последний от разреженного воздуха купольного помещения путем опускания второй шторы— и кабинка совершала путешествие вместе с инструментом.

— Вот здесь, — сказал Грохотов, входя с Журбо в кабинку гигантского, около 30 метров в длину, экваториала, и нажатием кнопки разъединяя ее от коридора, — помещается все управление инструментом. Единственное движение, необходимое тут, это нажатие пальцем. Вот ряд кнопок, приводящих в движение, посредством электромоторов, различные части телескопа. Часовой круг, круг склонения, позиционный круг, кольцо для движения окуляра, лампы, шторы купола, кабинки—одним словом все управляется отсюда посредством кнопочной клавиатуры. Ваша другая рука совершенно свободна. Вот смотрите.

Грохотов нажал кнопку. Экваториал, увлекая за собою кабинку, стал поворачиваться вокруг круга склонения, с тяжелой грацией гиганта.

— Вы совершаете путешествие вместе с инструментом, спокойно, как в люльке, — с гордостью удачливого родителя сказал Грохотов.

Показав затем Журбо в других, таких же обширных помещениях меридианный круг, грузно покоившийся на своих цапфах, астрограф и остальные, более мелкие инструменты, Грохотов вместе с ним вернулся в жилую часть обсерватории.

— Я совершенно не вижу радиаторов, обогревающих помещение, — сказал Журбо. Грохотов хитро улыбнулся.

— Ваш покорный слуга ввел теоретически разработанную раньше, но практически совершенно новую систему отопления. На стены здания, склепанного из стальных листов, могущих, конечно, свободно выдержать давление воздуха изнутри, натянут изолирующий материал, вроде войлока, но значительно менее теплопроводный, а по нему ткань, основа которой состоит из металлической сетки, нагреваемой током до 40°. Нет неприятного движения нагретого воздуха, сопровождающего обычное центральное отопление, нет неравномерности температуры. Эта ткань обтягивает все стены, полы и потолки—одним словом все, за исключением окон, что соприкасается с наружным воздухом. Приложите руки к стене.

Журбо повиновался—и ладонь его восприняла то ощущение, которое появляется при Прикосновении ко лбу больного,—ощущение слабо нагретой поверхности.

Да, много, много усилий было потрачено на осуществление всего этого,— задумчиво сказал Грохотов, сидя вместе с Журбо после обхода в общей комнате.— Я вижу на вашем лице выражение восхищения всем виденным—и это вполне вознаграждает меня за долгие годы труда. На лице этого сухаря Либетраута я такого выражения не видел. Только им, правоверным немцам, полагается обезьян выдумывать...

— Разрешите войти,—услышали собеседники голос из-за двери.

—Легко на помине,—шепнул Грохотов,—пожалуйста, пожалуйста.

Либетраут, высокий, худой, горбоносый, с зачесанными кверху усами вошел в комнату.

—Я должен извиниться перед мсье Журбо,— сказал он, — что не был в состоянии его встретить. Накопилось много астрограмм, которые необходимо было проявить.

Журбо почему — то сконфузился. Уверенный тон Либетраута, скрытая подчеркнутость того, что никакое, самое исключительное событие не может повлиять на его интересы, создавали ощущение какой — то виновности.

—Конечно, конечно, — заторопился Журбо,—я нисколько не в претензии...

—И, кажется, даже готов извиниться перед вами,— досадливо усмехнулся Грохотов,— что прибыл в часы ваших занятий.

—Извиниться должен я, — не понимая, или делая вид, что не понимает едкой шутки Грохотова, упрямо повторил Либетраут.

Журбо поспешил переменить тему разговора.

—Великолепное здание, не правда ли? — обратился он к Либетрауту.—Сколько ума, творческой о перги и труда вложено в него. Как тут не гордиться человеком и его достижениями!

—Ну, насчет гордости вы оставьте, дорогой мой,— попыхивая трубкой, возразил Грохотов.—Не пройдет, думаю, и недели, как вся ваша хваленая творческая энергия начнет стрелять из пушек, отравит воздух и людей всякими люизитами, горчичными газами и прочей мерзостью...

—Да, это ужасно, — сказал Журбо. — И мы, как люди науки, не можем не чувствовать особенно остро всей глубины падения человечества. Я во время пути видел всюду лихорадочные приготовления к войне.

В Марселе спешно грузится углем французская эскадра, город наводнен войсками, в Суэце, Адене и Бомбее стоят на парах английские суда, около острова Сокитра мы встретили направляющуюся на запад немецкую эскадру.

Немецкую? — переспросил Либетраут.

—Да...- Опять десятки государств будут втянуты в войну только потому, что Франция и Германия что-то не поделили между собой.

—Когда вас хватают за горло, как схватила Франция Германию,— жестко ответил Либетраут, — то это называется не дележом, а грабежом.

Грохотов свистнул.

—Ого! — протянул он, — да никак уважаемый мсье Либетраут не только человек науки, но немного и патриот!

Либетраут передал Журбо негатив.

III. Кратер Коперника.

—Вот это астрограммы туманности Андромеды, это луны. Меня заинтересовал проход терминатора у Mare Umbrium. На этом снимке вы можете удивиться в замечательной ясности и резкости изображений, даваемых астрографом.

И Либетраут передал Журбо негатив.

—Последняя четверть, — сказал тот, рассматривая изображение. — Действительно, замечательная резкость... Терминатор проходит через Тарунций, Море Спокойствия,

Гигинус, между Гейн-гольдом и Коперником. Пойдите, пойдите и — вдруг вскрикнул Журбо, поднося негатив почти к самым глазам и внезапно замолкая.

—Что такое? — заинтересовался Либетраут, придвигаясь к Журбо и нагибаясь над пластинкой.

Журбо молчал, как-будто в нерешительности.

Потом неуверенным тоном проговорил:

—Не то повторяется, ошибка Пульфриха, который принял за обвал просто дефект фотографической пластинки, не то действительно астрограмма зафиксировала нечто для меня сейчас не совсем понятное.

—В чем же дело? — с легким оттенком нетерпения спросил Либетраут.

—В кратере Коперника заметно какое-то помутнение — одну секундочку.

Журбо вынул из жилетного кармана лупу и навел ее на указанную точку. Навел — и опустил на стул грузно, внезапно размякший, с бешено бьющимся сердцем. Потом опять поднес пластинку к глазам.

—Нет, это не дефект, мсье Либетраут. Это, это... даже язык не поворачивается высказать догадку... Неужели это следы атмосферы — на мертвой, безжизненной лупе? Ранее никогда ничего подобного не замечалось, если не считать сомнительных наблюдений Пикеринга... Одним словом, коллега, я ничего не понимаю...

Либетраут вынул пластинку из рук Журбо и стал ее внимательно рассматривать.

—Да, действительно, — констатировал он, — помутнение на лицо. Я это не дефект. Пластинки, отправляемые на Эверест, вне всяких подозрений.

Когда вы делали снимок, мосье Либетраут? — спросил Журбо.

Восемнадцатого числа...

—Восемнадцатого... м... — задумчиво повторил Журбо.

—Сегодня седьмое... Девятнадцать дней... Кратер Коперника уже вышел из тени и теперь виден... Сегодня вечером мы у экваториала, коллега.

Когда стемнело, — почти внезапной, бессумеречной тропической темнотой, и лупа озарила снежные вершины гималайского хребта своим безжизненным сиянием, — Журбо и Либетраут заперлись в кабинке экваториала.

Нажатие двух, трех кнопок — и величественно поплыл объектив телескопа по почти черному небу, огненным дождем пересекая звезды, планеты, туманности. Наконец в его центре появилась огромная, блистающая луна, на три четверти залитая солнечным светом.

Жадно приник Журбо к окуляру... Сомнений не было! Пятно, запечатленное пластинкой, увеличилось почти вдвое, вытянулось к середине кратера, к горам в его центре.

Журбо убедился, что оно замечательно похоже на остатки тумана в горах, на легкие облака влаги, ночующие в складках гор, тающие от первого луча утреннего солнца.

—Разрешите мне, — услышал Журбо над своим ухом голос Либетраута и почувствовал, как на его плечо легла тяжелая рука.

„Ого, не стесняется"... подумал он, но тут в своей душе и извинил и понял его нетерпение — явление было действительно исключительное.

А когда Либетраут сел у окуляра, он стоял около и думал о том, что за всю историю астрономии небо ни разу не посылало такой загадочной картины... а разгадки все еще не было.

Через пять часов наблюдения, уже на рассвете, взглянув в последний раз в телескоп, Журбо мог с определенностью сказать, что и за это, сравнительно короткое время пятно увеличилось, вытянувшись к центру кратера километров на тридцать,

„Если так будет продолжаться", думал он, — то при диаметре кратера в девяносто километров он завтра весь затянется облаком...

Усталые, разбитые, с воспаленными от долгого наблюдения глазами, вернулись они в общую жилую комнату.

—Ну-с, дорогой коллега, — спросил Журбо Либетраута, — что вы обо всем этом думаете?

Тот молчал. Заложив руки за спину, ходил по комнате. Наконец, сделав несколько концов, остановился перед Журбо.

—Я очень осторожен в выводах, мсье Журбо, — сказал он. — Явление настолько необычно, что может дать пищу тому совершенно неприемлемому для меня, как ученого, занятию, имя которому — научная фантазия. Подождем...

„Да, он скорее удавится, чем разрешит себе это удовольствие”, с досадой подумал Журбо. — Я несколько не согласен с вами, коллега, — продолжал он, — научная фантазия — великий двигатель, потому что порождает любовь к той же науке у тысяч людей.

—Наука вовсе и не нуждается в любви к ней, — сухо ответил Либетраут, — да, вряд ли, она и нужна этим тысячам.

—А для чего мы работаем?! — вскопчил Журбо, чувствуя, что к его горлу подступает тот нервный клубок, который, независимо от его воли, все чаще и чаще давал себя знать при его разговоре с Либетраутом. — Для чего сидим тут отшельниками, лишённые свободы, людей, нормальных условий существования?

Грохотов, вошедший в этот момент в комнату, остановился в дверях и прислушался.

—Для чего сидит тут мсье Грохотов, еще более пожилой человек, чем мы с вами? Ведь у него семья, ведь для него еще более, чем для меня и вас, вовсе было бы не лишнее отдохнуть, пожить среди любящих людей, да просто полежать на траве и послушать пение птиц!..

— Мы немного уклоняемся в сторону, — ответил Либетраут, — это все имеет мало отношения к первоначально заданному вами вопросу об явлениях в кратере. Мы можем только констатировать какой-то процесс, причины и сущности которого не знаем и, может быть, не узнаем никогда. Повторяю, я враг догадок, а кроме того ужасно устал. Покойной ночи.

И он ушел в свою комнату.

Грохотов подсел к Журбо.

—Это какая-то схема, а не человек, — пожаловался Журбо. — Знаете, в медицине есть выразительный термин—идиосинкразия... Это когда человеческий организм не воспринимает чего-нибудь такого, что по своей сущности совершенно безвредно... Земляники, например. Моя младшая дочь, здоровый во всех отношениях ребенок, ее совершенно не выносит. Съест одну ягодку, — и все тело покрывается какой-то сыпью... Так и я с Либетраутом. Чувствую, что во мне поднимается чисто физическое отвращение к нему, хотя он, может быть, вовсе не плохой человек и мне ничего худого не сделал.

И, махнув рукой, Журбо начал рассказывать Грохотову о всем виденном в экваториал.

—Это замечательно, дорогой мсье Журбо, — выслушав его и тяжело вздыхая, ответил старик, — и я от всей души поздравляю вас, потому что вы, несомненно, накануне какого-то изумительного открытия, но... — и он вытащил из кармана узенькую, как серпантин, ленту радиограммы.

— Я тоже целую ночь не спал, чтобы прочесть вам эту отбитую в 11 часов вечера ленту. Вот, слушайте — радиограмма Лукновской коротковолновой станции: „Германия отклонила ультиматум Франции о разоружении. Война объявлена”, а в половине первого телеграфист приносит мне вот эту ленту: „Началась бомбардировка Берлина газовыми снарядами. Весь юго-западный район города окутан облаками ядовитого газа. Шарлоттенбург, Груиевальд, Шмагендорф, Лихтсрфельде тонут в облаках светло-лилового, имеющего сильный лимонный запах, газа... В Потсдаме вымерло все население... Батарей, установленной в Кепенике, сбито три французских аэроплана-бомбомета... Вода в Фарландерзее и Гафеле, отравленная газами, превращается в какой-то, имеющий все тот же лимонный запах, студень...” Газ движется к северу, к

Вильмерсдорфу и Шенебергу”... О, чорт! — выругался Грохотов, разрывая ленточный клубок,—я не хочу читать дальше о всей этой мерзости!!!¹⁰⁴

Природа и люди

еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения. Выходил в Петербурге с ноября 1889 по апрель 1918, с 1906 имел подзаголовок «Иллюстрированный журнал науки, искусства и литературы». Издатель П. П. Сойкин, редактор С. С. Груздев, с № 1 (ноябрь) 1905— П. П. Сойкин, с № 5 (февраль) 1918 — Я. И. Перельман. Один из наиболее распространённых научно-популярных еженедельников. Публиковал биографии деятелей науки и культуры, заметки путешественников и изобретателей, приключенческие, фантастические романы, повести, рассказы, очерки по всем отраслям естествознания. С 1890 ежемесячными приложениями издавались научно-популярные сочинения по различным отраслям знания. В качестве приложений выходили также журналы: «Современная жизнь» (1903—05), «Мир приключений» (1910—17), «Знание для всех» (1913—17), серии: Библиотека романов «Приключения на суше и на море» (1902—15), «Библиотека знания» (1913—14), собрания сочинений и отдельные произведения русских и зарубежных писателей (1903—16).

О журнале «Природа и люди»

В пестром калейдоскопе прессы начала 20 века еженедельник «Природа и люди» занимает особое место. Несмотря на скромный подзаголовок - «для семейного чтения», это был полноценный научно-популярный журнал с авторитетной редколлекцией и внушительным списком затрагиваемых тем. Достаточно сказать, что подшивки за отдельные годы до сих пор хранятся в домашних библиотеках по всей стране.

Как это нередко бывает с нужными обществу и далекими от коммерческой выгоды делами, начинался журнал на голом энтузиазме. В 1885 году издатель самоучка, даже не имевший высшего образования, Петр Петрович Сойкин, вложил все сбережения в маленькую типографию с допотопными станками и тридцатью пудами шрифта. Четыре года спустя, при содействии одного лишь сотрудника, студента-медика Груздева, он начал главное в своей жизни предприятие – издание еженедельного научно-популярного журнала. Проблем было много, начиная с подбора материала, и заканчивая техническим воплощением задуманного на старинном оборудовании. Но энтузиазм издателя превозмог трудности. Довольно скоро вокруг журнала сформировался обширный круг ученых-популяризаторов науки, а высокий спрос на журнал (первый номер разошелся тройным тиражом) позволил быстро окупить затраты на типографию.

Со временем сформировалась структура издания, состоящая из пяти разделов – историко-биографического, географо-этнографического, научного, художественной литературы и текущих событий.

В историко-биографическом разделе публиковались биографические очерки о деятелях науки, знаменитых путешественниках и изобретателях.

«Ряд таких жизнеописательных рассказов мы начали жизнеописанием знаменитого Галилея, – сообщал своим читателям Сойкин, – В следующих номерах мы поместим подобные же рассказы о жизни Линнея - отца ботаники, Лавуазье - отца химии, изобретателя пароходов Фультона и изобретателя паровозов Стефенсона, знаменитых мореплавателей Колумба, Кука, Франклина и многих других. Особенно постараемся мы познакомить читателей с теми великими представителями науки,

которых один французский писатель так удачно назвал „мучениками науки“, которые жизнью заплатили за свою преданность истине».

В географо-этнографическом разделе редакция размещала «занимательные статьи по всем отраслям географии и этнографии, рассказы о путешествиях по суше и морю, описание землетрясений, ураганов и вулканических извержений, этнографические очерки, рисующие быт, нравы и обычаи различных народов».

Научный раздел знакомил читателей с «краткими популярными очерками по всем отраслям естествознания: физике, химии, ботанике, зоологии, минералогии, геологии, астрономии, космографии и метеорологии».

Читающая публика конца XIX века не мыслила журнал без художественного чтения, поэтому значительную часть страниц Сойки и Груздев отдали под научно-фантастические романы в духе Жюль Верна и приключенческие повести на исторической основе. Так был составлен раздел художественной литературы.

И наконец, в разделе текущих известий редакция сообщала читателям «сведения о новейших путешествиях, приключениях и открытиях, об успехах естествознания и о новейших изобретениях».

Издания подобного формата были для России в диковинку. Как и сегодня, публика гораздо охотнее воспринимала легковесные фельетоны и скабрзные подробности из жизни знаменитостей. Поэтому выпуск «Природы и людей» был в известной степени рискованым мероприятием. Однако, вопреки ожиданиям, первые номера журнала, разошлись столь быстро, что пришлось напечатать второй и третий тиражи. Русское общество прошло эту проверку на отлично. В нем уже сформировался спрос не только на развлекательное чтение, но и на интеллектуальное. Почти в каждой образованной семье свежего выпуска «Природы и людей» ждали с нетерпением. Всего, за 28 лет жизни журнала было напечатано 1470 номеров!

Разумеется, деятельность Петра Сойки не ограничивалась одним лишь журналом. Едва поставив свое первое детище на ноги, он принялся за целый ряд изданий, наиболее замечательными из которых были альманах «Мир приключений» и журнал для самообразования «Знание для всех».

Со всех концов света Древнейшая библиотека в мире

Когда английский посланник в Константинополе, сэр Аустин Лайард исследовал в 1850 г. развалины в Ниневии, то открыл между прочим обширную залу в 12 саж. длины и в 3 саж. шириной, которая на высоту 1,5 фут. была загромождена каменными плитами, покрытыми древними надписями. Самые большие из них имели около 9 дюймов в длину и около 5 в ширину. Плиты эти имели различную окраску: черную, зеленую, фиолетовую и т. д. Шрифт на многих из плит был настолько мелкий, что без увеличительного стекла его невозможно было разобрать. Это обстоятельство наводит на предположение, что вавилонянам должно было быть известно увеличивающее действие стеклянных шаров, наполненных водой. Некоторые специалисты принимали находку сэра Лайарда за ассирийский государственный архив и за глиняную библиотеку Ассурбанипала (Сарданапала), царствовавшего от 660 до 649 г. до Р. Х. Общее число таблиц, найденных рабочими Лайарда, равно около 10 тысячам; содержание надписей самое разнообразное: тут и грамматика, история и право, мифология, естественная история и астрономия, астрология. Каждая таблица представляет страницу книги, состоящую из нагромождения целого ряда таких плит, лежавших в определенном отделении библиотеки. Все эти

таблицы были перевезены в Лондон и установлены в Британском музее; только несколько штук, похищенных рабочими, очутились впоследствии в различных публичных и частных библиотеках Европы. Особенно интересна одна, состоящая из 12 таблиц книга, содержание которой удалось выяснить известному археологу Смигу. В ней находится описание потопа в форме подробного рассказа о жизни и приключениях какого-то человека, имя которого до сих пор не удалось выяснить, так как оно написано идеографическими письменными знаками, произношение которых до сих пор составляет тайну. Исследования показали, что таблицы эти, хранящиеся в настоящее время в Британском музее в Лондоне, были переписаны с самого древнего экземпляра по приказанию Ассурбанипала, в 7 веке до Р. Х. Древний экземпляр этот хранился в Эрехе греческих географов; этот Эрах был «городом книг», городом, в котором халдейские цари основали обширную библиотеку. Есть основание думать, что оригинал, хранившийся в Эрехе, существовал уже на малой мере 17 веков до нашей эры, поэтому библиотека в Эрехе, как существовавшая еще до Моисея, является древнейшей библиотекой в мире.

После нас хоть потоп
От редакции портала РГО

Остин Лайард

Когда археолог Остин Лайард привез из Ниневии 25 тысяч табличек с клинописью, проку от них было немного – шумерское наречие никто из жителей Лондона не разумел. Пролить свет на содержание глиняных книг удалось британскому дипломату и разведчику Генри Роллинсу. Рискуя жизнью, он несколько раз взбирался на Бехистунскую скалу в Иране и скопировал древние надписи на ней. Письмена были на старо-персидском, эламском и вавилонском языках, что позволило восстановить значение шумерских символов. В 1872 году ассистент Роллинса Джордж Смит выступил с докладом в британском Обществе библейской археологии, в котором сообщил, что ветхозаветный миф о потопе подтверждается древними шумерскими источниками. Речь шла о найденной в Остином Лайардом в Ниневии 11-й табличке, содержащей «Эпос о Гильгамеше».

Съеденные людоедами

Казалось бы, что при современном развитии путей сообщения, когда на земном шаре не осталось неисследованного уголка земли, кроме, разве, полюсов, - все дикие, бесчеловечные обычаи, против которых справедливо возмущается нравственное чувство, должны исчезнуть бесследно, например, ужасный обычай людоедства. Однако недавняя история одной экспедиции показывает, что даже европейцы, при всем их вооружении, не гарантированы от опасности попасть на вертел к дикарям. Так в августе настоящего года на одном из Соломоновых островов истреблена дикарями и съедена целая экспедиция австрийцев. Газеты сообщают следующие подробности об этом печальном событии. «Альбатрос», канонерская лодка с четырьмя пушками, вышла в октябре прошлого года в трехлетнее кругосветное плавание через Красное море на Цейлон, оттуда через Малаккский пролив в Австралию и острова Тихого океана. «Альбатрос» пристал 10 августа текущего года к одному из Соломоновых островов, Гвадалканару, и на берег были высажены для научных исследований геолог Генрих Фуллон, морской кадет Арман де-Бюфори несколько матросов. На них-то и напала толпа туземцев. Фуллон, Бюфор и два матроса убиты, четверо тяжело и двое легко ранены. Канонерка подошла на помощь, выстрелами с нее масса туземцев истреблена, остальные разбежались, но тела убитых не удалось вырвать из рук туземцев, которые, вероятно, съели их, так как на Соломоновых островах процветает каннибализм.

Соломоновы острова находятся в сфере влияния частью Англии, частью Германии; Гвадалканар относится к первой. Поэтому из Саднея была отправлена на остров экспедиция для требования обратно тел убитых, но требование не было исполнено,

и на Гвадалканар отправляется для наказания виновников английский крейсер. Убитый геолог Фуллон наиболее известен своими исследованиями металла никеля. Этот металл представляет для геологов особенный интерес потому, что он входит в состав метеоритов, а также и потому, что, как показали это новейшие исследования, он играет значительную роль в соединениях во внутренности земли. Фуллон, участвуя в последней экспедиции, был не в первый раз на Соломоновых островах: два года тому назад он участвовал в такой же экспедиции, и когда их судно подошло к острову Маланту, раздался вдруг боевой клич туземцев, масса их высыпала на берег и враждебными действиями помешала высадке. Это было единственное столкновение с туземцами за все путешествие Фуллона.¹⁰⁵

Могильщик

Несмотря на превосходство, которое человек приписывает себе в сравнении с прочими живыми существами, населяющими землю, весьма нередки случаи, когда даже ничтожные насекомые превышают его силою своей энергии, а подчас даже и умом. Пусть, например, кто-нибудь из нас попробует без инструментов, голыми руками зарыть в землю труп слона или носорога. Наверное, можно сказать, что он убьет на эту работу массу времени и все-таки ничего не достигнет. Его силы окончательно истощатся, прежде чем он успеет вырыть достаточной величины яму, а попытки перетащить в нее огромную ношу будут и совсем бесплодны. Между тем насекомое может выполнить этот геркулесовский подвиг всего в несколько часов.

В самом деле, выбросьте в поле труп мертвого крота, мыши и т.п., - и вы увидите, что на это место скоро явится небольшой пестрый жучок, черный с оранжевыми пятнами, который в три-четыре часа совершенно закопает труп, хотя величина последнего будет превышать его собственную величину никак не меньше того, насколько размеры слона превышают размеры человека.

Сделаем более: пусть взявшийся выполнить предложенную нами задачу запасется киркой, лопатой, тачкой, - и все-таки ему потребуются целые дни и недели для выполнения работы, на которую могильщику, - так называют пестраго жучка, - нужно едва несколько часов.

Заинтересованный читатель наверняка спросит нас какою же целью руководится могильщик, так прилежно посвящая себя столь странному занятию? Мотив, побуждающий насекомое зарывать трупы, есть родительская любовь. Могильщику нужен труп, чтобы отложить в нем свои яички и чтобы вышедшее из последних потомство могло без труда достать себе пищу. А так как труп, оставаясь на поверхности почвы, успел бы десять раз сгнить, прежде чем выйдут личинки, то предусмотрительное насекомое и закапывает его в землю, где труп сохраняется гораздо дольше.

В высшей степени замечательно при этом то обстоятельство, что могильщик для своей цели избирает лишь трупы известных животных. Попробуйте, например, выбросить в поле убитую лягушку, - и можно наверное сказать, что ни один могильщик не станет ее зарывать. Но замените труп лягушки трупом мыши и через некоторое время вы наверное найдете возле него работающего могильщика, хотя бы в данной местности они вам прежде и не встречались.

Любопытен и самый способ работы этого насекомого. Когда могильщик хлопочет над трупом, его совсем не видно: он забрался вниз и там незаметно трудится над выполнением своей задачи, так что наблюдателю кажется, будто труп сам собою опускается в землю, словно тонет мало-помалу в какой-нибудь вязкой жидкости.

Долгое время даже ученые сомневались в достоверности описываемого нами факта зарывания могильщиком трупов, - до того необыкновенным он казался. Но теперь это факт, установленный целым рядом точных наблюдений. Наши читатели, пользуясь летним временем, могут сами воочию убедиться, что это не вымысел, не фантазия, а безусловная истина.

От редакции портала РГО

Сегодня известно, что закапыванием умершего животного жук-могильщик занимается в партнерстве со своей самкой. Как только дело окончено, самка убивает самца и продолжает работать в одиночку. Она проделывает под трупом животного сеть ходов и откладывает в них яйца. В течение нескольких дней она прочищает ходы, максимально упрощая потомству доступ к пище. При этом она как бы «разговаривает» со своими будущими детьми - останавливается возле них и подолгу стрекочет. Как только появляются личинки, самка кормит их «с ложечки», растворяя пищеварительными ферме.¹⁰⁶

Враги телеграфа

Телеграфные провода весьма часто подвержены всевозможным вредным случайностям, что, конечно, влечет за собою неисправную передачу телеграфной корреспонденции. Нередко приходится получать телеграмму с пометкой: «Запоздала по причине повреждения линии». Такая пометка делается только в том случае, когда между подачею телеграммы и снятием ее с аппарата прошло довольно значительное время. При чтении подобной запоздавшей телеграммы никому и в голову не придет, сколько трудностей пришлось преодолеть и сколько окольных путей совершить, чтобы все-таки доставить все, по возможности своевременно, адресату.

Так как повреждения телеграфных проводов, равно как и обуславливающие их причины весьма различны, то лишь специалист этого дела знает, сколько путаницы они могут наделать. Между тем, в виду широкого развития телеграфного дела, и для специалиста не только важно, но и интересно знать, в чем, собственно, заключаются эти повреждения, и чем они вызываются.

Совершим же с вами, любезный читатель, прогулку вдоль линии телеграфных столбов, соединенных между собою многочисленными проволоками,— и вы увидите, какая бесконечно малая причина в состоянии задержать передачу телеграммы.

Вот мы видим, что между натянутыми проволоками запутался хвост бумажного змея. Небо безоблачно, и телеграфное сообщение между ближайшими станциями совершается беспрепятственно. Но вдруг небо заволакивается тучами, полил дождь,— и сообщение нарушено довольно своеобразно: телеграфные аппараты начинают работать на тех станциях, куда телеграмма вовсе не была направлена. Причиной этому служит хвост нашего бумажного змея. До тех пор, пока он был сух, он не представлял собою никакой опасности для провода, но, как только дождь смочил его, он сделался прекрасным проводником электрических токов и таким образом перепутал их обычное направление; вследствие этого работа на аппаратах сильно затруднилась, и чтобы иметь возможность пользоваться хоть некоторыми проводами, необходимо изолировать остальные. Но стоит только устранить причину,— и все провода снова возвращаются в их прежнее нормальное состояние.

На небесном своде показалось пламя, доходящее до земли; появились огненные, кровяно-красные столбы, от которых идут во все стороны красные, белые и зеленые лучи, распространяя дневной свет.

Мы идем с вами дальше, читатель. Там, видим мы, паук выстроил себе жилище между проволоками и снабдил его всеми удобствами. Кто бы мог подумать, что эта паутина, как только будет смочена дождем, вызовет точно такие же расстройства в передаче телеграфной корреспонденции, какие мы видели в предыдущем случае! А на самом деле это именно так. В другом месте, где телеграфная линия проходит вблизи деревьев, мы видим, что ветви последних иногда соприкасаются с телеграфными проволоками. Хозяева этих деревьев и не думают наносить какой-либо ущерб общественному благу, да им и в голову не приходит, что ветви могут принести какой-нибудь вред телеграфному сообщению. Между тем вред приносится, и весьма существенный: как только ветви смочены дождем, они образуют удобный мост для электрических токов, которые кратчайшим путем уходят через стволы деревьев в землю. Благодаря этому, на станции назначения попадает уже не весь ток, а лишь часть его, и притом столь слабая, что получаются трудно читаемые знаки.

Здесь же, кстати, упомянем еще об одном интересном нарушении работы телеграфных проводов, которое встречается, впрочем, не особенно часто. Оно основывается на известном законе физики, по которому все металлы от холода сжимаются, а от тепла расширяются. В теплые летние дни проволоки, расширившись, часто свисают длинными дугами, и, когда сильный ветер приводит их в колебательное движение, они соприкасаются между собою. И вот в моменты соприкосновения проводов, на промежуточных телеграфных станциях получают знаки, перескочившие с одной проволоки на другую, так что нельзя разобрать слов на телеграфной бумажной ленте. Еще более неприятно, если проволоки запутаются, образовав петли. Раз это случилось, пострадавшие провода уже более не годятся для передачи корреспонденции, и их необходимо изолировать на станции.

Все эти опасности, впрочем, могут считаться непродолжительными, скоропреходящими, потому что с устранением причины они исчезают. Иначе обстоит дело, когда в стране свирепствуют сильные бури: тогда телеграфные линии оказываются уничтоженными на значительном протяжении, и сообщение надолго прерывается...

Совершим же с вами, любезный читатель, прогулку вдоль линии телеграфных столбов, соединенных между собою многочисленными проволоками,— и вы увидите, какая бесконечно малая причина в состоянии задержать передачу телеграммы.

Однако продолжим нашу прогулку. Вот город. Здесь находится большая станция, куда стекаются многочисленные проволоки. Нам необходимо зайти в аппаратную комнату, чтобы иметь возможность познакомиться с внутренним устройством станции. Мы видим, как быстро и искусно опытные руки получают и передают телеграммы. Нас окружает безмолвная тишина, прерываемая лишь тихим постукиванием. Но вот раздается голос: «У меня на линии гроза!» Мы невольно смотрим на горизонт: солнце ясно освещает город и окрестности. Мы подходим к пораженному аппарату. Вдруг в нем раздается слабый удар и показывается искра: конечно, это молния! Но откуда явилось это электрическое разряжение? Вот другая станция сообщает, что и там гроза; за нею еще и еще станции присылают тая же сообщения. Удары в аппараты становятся резче, и аппарат начинает писать неправильно...

Но вот гроза приближается и к нам, потому что удары следуют один за другим чрез короткие промежутки, а вслед за ними и искры; уже становится опасным стоять вблизи аппарата, а между тем телеграфистам хочется закончить начатые телеграммы, и они продолжают работать. Вдруг сверкает молния, гремит гром! Настал решительный момент. В одно мгновение рука телеграфиста хватается за громоотвод и втыкает в него металлическую затычку. Теперь аппарат обесточен, потому что каждый удар молнии, попадающий снаружи в провод, уходит через громоотвод в землю; за то работу приходится прекратить вплоть до того времени, пока гроза минует.

Как видит читатель, следствием грозы оказывается замедление в передаче телеграфной корреспонденции. Еще более сильные изменения в работе телеграфа

вызываются северным сиянием. Атмосферное электричество разряжается, в виде грозы лишь на отдельных участках, между тем как другие остаются нетронутыми; северное же сияние оказывает влияние на телеграфное сообщение на громадных протяжениях. Редко, правда, случается, чтобы действие северного сияния простиралось до наших широт, но, раз это случилось, телеграфное сообщение нарушается на несколько часов, или даже вовсе прерывается. При работе на аппаратах тогда совершается нечто ужасное: пишущие рычаги притягиваются магнитами посреди работы и затем отталкиваются. Не проходит минуты, как та же игра снова повторяется, но теперь они уже плотно пристаю к бумаге, так что необходимо применить значительную силу, чтобы оторвать их от нее. Магнитные иглы отклоняются и описывают круги вокруг своей оси. Телеграфисты вынуждены приостановить работы, потому что они видят, с каким врагом имеют дело: те самые силы, которые человек покорил себе, с помощью которых он быстро извещает находящихся вдали от него людей о радостях и печалях, открыто восстали против него, отказались служить ему...

Нас могут спросить, какая же причина лежит в основе этой приостановки работы? Мы не намерены вдаваться здесь в специальные ученые рассуждения, а ограничимся «картинным описанием».

Вдруг сверкает молния, гремит гром! Настал решительный момент. В одно мгновение рука телеграфиста хватается за громоотвод и втыкает в него металлическую затычку.

На дальнем севере, где все живущее окружено вечным льдом и снегом, вдруг проявилась жизнь. На небесном своде показалось пламя, доходящее до земли; появились огненные, кроваво-красные столбы, от которых идут во все стороны красные, белые и зеленые лучи, распространяя дневной свет. В то же время в земле, в том большом резервуаре, который называется «магнетизмом», замечается своеобразное движение. Это движение отражается и на телеграфных проводах до тех пор, пока у полюса горит и светит зарево. Дело в том, что каждый телеграфный перевод сообщается с землей посредством проволоки; это необходимо для того, чтобы земля заменила собою вторую проволоку, и таким образом мог образоваться правильный круговорот токов. Земля, если смотреть на нее, как на вторую проволоку, выполняет свои обязанности без сопротивления; но при северном сиянии положение дел совершенно меняется: земной магнетизм с которым мы имеем дело при явлениях северного сияния, стремится возвратиться через телеграфные провода в землю. Этим объясняется постоянный ток, проходящий все время северного сияния через аппараты и делающее невозможным какие-либо работы на них.

Если пребывание вблизи телеграфных аппаратов во время грозы наводит страх на обыкновенного смертного, за то северное сияние по своему характеру представляет собою успокаивающее явление, которое не наводит никакого страха на зрителя. Для телеграфного же сообщения северное сияние гораздо опаснее грозы, так как оно дольше продолжается.

Из всего сказанного можно видеть, с каким значительным контингентом врагов приходится считаться телеграфу, и какие меры предосторожности необходимо принимать, чтобы сохранить телеграфное сообщение в определенных путях и предотвратить всякие перерывы и замедления.

От редакции портала РГО

Современная сотовая связь во многом избавилась от проблем телеграфа – воздушные змеи, паучьи гнезда и перепады температур больше не могут повлиять на качество соединения. Однако, несмотря на очевидный прогресс, вместо знакомого и столь нужного голоса, мы нередко слышим в трубке предательское: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети...»

Попробуем выделить факторы, мешающие бесперебойной работе сотовой связи:

1. Качество связи внутри сети оператора.

Чтобы поддерживать его на должном уровне, операторы сотовой связи вынуждены расширять сеть базовых станций, модернизировать оборудование и обновлять программное обеспечение. Для примера: от базовых станций, установленных в Москве лишь несколько лет назад, из «родных» элементов остались только корпуса.

2. Электро-магнитные помехи

Любой мегаполис – это гигантская паутина из всевозможных радио-электронных сигналов. Беспроводные телефоны, средства навигации, различные подавители сигналов – все это может создавать «помехи на линии».

3. Естественно-природные и механические препятствия.

На качество соединения могут влиять и механические преграды – слишком толстые железобетонные стены, естественный рельеф местности.¹⁰⁷

Вестник знания

В период Российской империи журнал «Вестник знания» выходил в Санкт-Петербурге с 1903 по 1918 годы. Редактором-издателем его был В. В. Битнер, создавший в 1902 году одноименное издательство. 14 января 1902 года штабс-капитан запаса артиллерии В. В. Битнер обратился в Главное управление по делам печати с прошением об издании в Санкт-Петербурге периодического органа «Народный университет». В повторном прошении от 28 марта «ежемесячный научно-литературный журнал для самообразования» был переименован в «Вестник знания»; из программы были вычеркнуты не одобренные ранее цензурой пункты: «ежемесячное обозрение выдающихся событий в современной общественной государственной и литературной жизни», «мелочи и злобы дня», «заметки и сообщения из провинции». 22 мая 1902 года журнал был утверждён по реестру, однако спустя неделю ему было отказано в праве выпускать «Вестник знания», поскольку обнаружилось участие Битнера в студенческой демонстрации. Не получив отрицательного отзыва о его личности из Главного артиллерийского управления, 3 августа 1902 года Главное управление по делам печати вызвало Битнера для объяснений, после которых журнал был разрешен и 16 августа программа «Вестника знания» была утверждена министром внутренних дел В. К. Плеве.

В первом номере было заявлено, что редакция ставила своей целью распространять знания как главный залог прогресса и благосостояния народа. Первоначально журнал имел 900 подписчиков, к концу года их число увеличилось до 3000, однако вследствие коммерческой неопытности В. В. Битнер понес 70 тыс. рублей убытка.

Несмотря на чисто просветительскую программу, журнал объективно вскрывал тяжёлое материальное положение народных масс. Так, например, статистический материал, приведенный в статье «О государственной росписи на 1903 год» (1903, № 1) показывал, как под бременем налогов разоряется крестьянство. Журнал отвергал расистские теории о неполноценных нациях, объясняя низкий уровень культуры тех или иных народов условиями их жизни.

В журнале помещались популярные статьи на научные темы, научная хроника, был обширный отдел библиографии. Двухнедельный иллюстрированный научно-популярный журнал «Вестник знания» был возобновлён в 1922 году. Редакторами были: академик В. М. Бехтерев до своей смерти в 1928 году, академик С. Ф. Платонов до ареста в 1930 году. Содержание журнала популярное — краткие эссе в самых разных областях знания от литературы до современной физики.

---

107 Выпуск №45 от 5 сентября 1891 года - http://old.rgo.ru/people_and_nature/priroda-i-lyudi-n45/vragi-telegrafa/

Л.С. Эратов. Научная организация быта трудящиеся

Научная организация быта рабочих и крестьян не представляет собой чего-нибудь нового, неожиданного.

Вернее будет сказать, что быт рабочих и крестьян-сознаем мы это или нет- неизбежно строится на научной основе. Ведь не найти такого захолустья, где бы никакого представления не имели о том или ином, хотя бы малейшем достижении культуры. Весь вопрос лишь в том, чтобы эти полезные для трудового человека д о - с т и жения ку л ь т у р ы стали сознательным достоянием каждого.

Движение но Научной Организации Быта очень определенно, конкретно подходит к этому вопросу. Оно прежде всего выясняет: Что такое быт?

— Наше питание, наш отдых, наши взаимоотношения с другими людьми, — словом, вся наша жизнь, вне того времени, когда рабочий занят в предприятии, вье того времени, когда крестьянин занят непосредственно своим сельским трудом, а рабочий на производстве, это и есть б ы т.

Здесь человек — кусочек общего целого, п о л ь з у ю щ е г о с я жизнью. Там-во время работы-человек кусочек целого, производящего ценности-материальные основы жизни.

Конечно, на деле пет таких двух рубрик. Но все же четкое разделение возможно. Можно даже сказать так: есть быт производственный и непроизводственный. Последний и есть — «собственно» быт. Организация первого производственного быта входит в круг задач государства и его органов (Наркомтруд и, в известной мере, Профсоюзы). Организацией второго заняты отчасти профсоюзы (клубы и пр.), политпросветы (для организованного населения); большая ее часть моментов собственно быта остается без организации т. е. гражданин предоставлен самому себе.

Вот тут и рождается общественное точение: разумно организовать быт человека.

Как это сделать?

— Разумно организовать свой быт, ясить разумно, чтобы быть здоровым, чтобы жилось легко-к этому стремится всякий человек.

Стремится всякий, но, может быть, Знает, как лучше этого достичь,-далеко не каждый.

Общество Н о б имеет своей задачей везде, где только это возможно, объединить, с одной стороны, людей науки и опыта, которые могут дать правильный и хороши! совет в этом деле, а с другой-объединить людей, которые собственными усилиями ищут и добиваются Этого знания.

Например, в Москве — Замоскворецким рабочим клубом намечена организация столовой на сотню, другую посетителей. Московские работники Ноб охотно идут навстречу и могут дать совет и указания, как лучше, по последнему слову науки, это сделать. Рука об руку с Профсоюзом, с обществом «Нарпит» и др. аналогичными организациями, работники Ноб привнесут то новое и лучшее, что им удалось почерпнуть из последних, проверенных данных науки.

Каждый член клуба или всякое другое лицо, кто в этой столовой будет питаться, обязательно втягивается в научный подход к делу, в научный подход к самому себе, к организации своего быта, а тем самым и общественного.

Кроме вопроса о рациональной организации питания, молено привести и еще ряд важных вопросов, затрагивающих частные моменты нашей жизни, из которых слагается понятие быт. Возьмем хотя бы жилище. Можно даже не касаться вопроса о строительстве новых жилищ (это статья особая, Ноб в этом «опросе чрезвычайно необходим). Даже при современных трудно устранимых пока условиях той скученности, в которой мы в большинстве случаев живем (посмотреть хотя бы Донбасс), как много полезных указаний

о рациональной организации жилищных условий быта может дать наука! Здесь на первом месте мы должны поставить указания ее относительно чистоты? аккуратности, правильности освещения, достаточности воздуха, утепления помещения. Это привнесение разумного, научного начала в организацию нашего быта дает к тому же, в качестве естественного последствия, и улете в л е и и е ж и з н и.

На первый взгляд, одно с другим как будто не вяжется. Не дав себе труда продумать вопрос, сначала невольно отмахнешься рукой: кажется как будто, что нам, при нашей бедности, не приходится мечтать о том, чтобы строить жизнь по указаниям науки. А между тем, именно в рамках этой самой бедности разумное, взвешенное и правильно проведенное в жизнь научное начало дает в итоге значительную экономию, «удешевляет» жизнь.

В какой мере, это видно из одного доклада (в Совнарком, 1922 г.), в котором было подсчитано, что рационализация массового питания населения СССР даст прямую экономию в сумме, равной одной трети всего Государственного бюджета.

Особой статьей стоят вопросы оздоровления, увеличения работоспособности и длительности продуктивной жизни населения.

Вопросы здравоохранения, хотя бы малейшие знания в этой области-кому они лишни?-Они необходимы каждому. А многие ли этими знаниями обладают?

Как предохранить себя от заболеваний, от заразы в случае эпидемий? Многие ли могут ответить на этот насущный вопрос жизни?

Вот какую меру предохранения рекомендует авторитетный орган-VIII (восьмой — до войны) гигиенический конгресс

Холодное обтирания шеи, уход за кожей и избегание царапин. Чего проще?

И таких совершенно простых мер, которые, однако, имеют благодетельнейшее значение много. Их надо знать и, зная, осуществлять, равно как необходимо знать и обратное: чего нельзя делать.

Все сказанное, конечно, относится, в равной мере как к городскому, так и к деревенскому жителю. Но среди крестьян имеет, можно сказать, даже более широкое поле работы: в самом деле, город так или иначе построен на науке, а в деревне нетронутости и первобытности-хоть отбавляй.

Для крестьянства быт производственный в большей мере сплетается с непроизводственным, чем для рабочих.

Вспомним, к примеру, статью нашего журналиста т. Зорича (в «Правде» «Шприцво Племя»). Простой крестьянин предоставляет свою лошадь для искусственного оплодотворения на пункт: шприц, лошадь, и-в конечном результате-приплод: жеребенок.

Все село высыпало к Сельсовету посмотреть на чудо. Вот картина теснейшего сплетения сельскохозяйственного производственного быта и непроизводственного с потрясением всех основ, затемненного религией и невежеством, быта.

Или другой пример-статья т. (Сосновского: «Лабкоры»)-корреспонденты лабораторий. Простые крестьяне, применяющие сперва в виде опытов выводы точной науки об ((искусственном» увеличении урожайности улучшением качества семян.

И производственный, и непроизводственный быт понемногу «ионизируется».

Ию надо сознательно, широко, во все норы жизни вносить идею Но б а.

В сущности говоря, любое общественно© течение есть Но б.

Даже более того — общественное течение постольку жизненно и прогрессивно, поскольку в нем налицо элементы Ноб. т. е. научной, разумной, более высокой организации быта.

По каждое течение имеет свои специальные главные моменты.

Течение Но б этим моментом имеет специальную задачу сближения науки с жизнью, приближение науки к жизни, внедрение науки в жизнь, оздоровление жизни «витаминами» научной мысли.¹⁰⁸

В. Сиповский. Что такое поэзия

Платон в своей "Республике" сказал, что "поэзия — есть ложь".

"Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман" восклицает Пушкин, отчасти повторяя Платона...

О какой лжи, о каком обмане идет речь? Платон, называя поэзию "ложью", очевидно, противопоставляет ей научное познание жизни, — Пушкин говорит, что поэтическая идеализация жизни выше реальной действительности.

И обоим кажется, что поэзия находится с научной истиной, с действительностью жизни в непримиримом разладе, и что поэзия одинаково далека и от знания, добываемого трудом ученого, и от "тьмы низких истин", добытых рядовыми добросовестными наблюдателями будничной жизни.

Но это только так кажется! Мировая жизнь — хаос, сложное и запутанное соединение тьмы и света, гармонии и дисгармонии, случайности и закономерности. В этом хаосе вся сила жизни, ее нетронутая первичная энергия. Человек стремится победить хаос внесением порядка, формы, понятий, законов, с помощью разума и чувства. Наука действует первым оружием, искусство — вторым. Поэзия, как и музыка, определяет ритм жизни и находит для стихийных страстей музыкальную словесную форму.

Значение искусства в жизни и для жизни — громадно. "Искусство", по словам Ницше, быть может, даже значительнее и влиятельнее философских отвлеченных рассуждений и ученых приближений к точному, непогрешимому знанию тех "низких" истин, которым дарит нас трезвое, спокойное наблюдение действительности.

Разгадка тайны поэтических влияний на человека кроется в признании, что определение поэзии, как "лжи" не только не точно, но, по существу, и неправильно, если это понятие принимают без всяких оговорок и положений.

Поэзия, чрез посредство поэта-художника, подобно науке, служит великому делу познания жизни, но только — а) природа того знания, которое открывает она, совершенно своеобразна и б) пути к открытию этого знания отличны от тех, по которым идет ищущая мысль философа и ученого. Анри Бергсон, в сочинении "Творческая Эволюция", указывает, что мы познаем мир при помощи инстинкта (интуиции) и разума. Поэзия и дает человеку те знания, которые добываются при помощи, главным образом, интуиции. Человек стремится познать мир всеми силами своей души, настойчиво выискивая всякие к тому способы и пути.

У культурного человека разум и чувство размежевались, у ребенка же, у первобытного человека и у дикаря этого размежевания нет. И вот, именно в эти периоды познавательная ценность искусств особенно ясна: ребенок верит сказке, простолюдин верит в силу заговора — в героев эпоса. У них поэзия и наука еще не дифференцировались, не поделились на самостоятельные области, находятся в слитом состоянии. И потому для них — сказка, заговор, эпическая песня — единственные способы познания жизни.

Поэзия, как и наука — говорит Потебня, — есть один из способов познания жизни. Но, в отличие от научного (логического) и чувственного (эмоционального) поэтическое познание есть эмоционально-эстетическое. Своим содержанием поэзия выясняет жизнь и влияет на фантазию, чувство, ум, а часто и на волю читателя или слушателя. Своей "формальной стороной" она влияет прежде всего на чувство.

Истинное искусство не копирует действительности, а воссоздает ее, черпая материал из жизни. Воспроизвести жизнь во всех ее деталях невозможно: всякое явление имеет много сторон, более или менее существенных: один наблюдатель видит одно, — другой — иное. Кто из сложных и запутанных явлений сумеет извлечь многое и

существенное ("типичное", "характерное", и "общечеловеческое") — тот расширяет наше сознание, обостряет наши чувства и способствует обогащению нашего познания. В этом приближении к типичному, характерному или "общечеловеческому" и выражается "жизненная правда" настоящего искусства.

Нетрудно отсюда заключить, что искусство раскрывает правду жизни в извлечении, отбрасывая несущественное. Андрей Белый называет художественный образ (в отличие от образа, данного извне, от природы) — символом. Такой "символ" является результатом преобразования природы: "символ, говорит А. Белый, есть образ, соединяющий в себе переживания художника и черты, взятые из природы".

Вот этот то "отбор", с точки зрения "типичного", "характерного", "общечеловеческого" — и есть то, что называется "идеализацией" жизни.

Поэт может видоизменять жизнь по своему, не уклоняясь от правды, но и не дорожа действительностью. Поэт "свободнее" ученого, и потому, в некоторых отношениях, познавательная способность поэзии выше познавательной способности науки.

Дильтей сказал, что в произведениях поэтов содержится такое понимание человека, до которого далеко всей объясняющей психологии. Искусство выражает яснее идею жизни, нежели данные нам формы жизни — оно творит ценности... "Логическое" восприятие жизни часто приводит ученого к признанию невозможности понять то или иное явление жизни. Поэт этой невозможности не знает — он пополняет наше знание представлениями, которые действуют на наши чувства, и потому он отважно берется за выявление сущности того, что наукой часто не может быть определено. Многие "божественные тайны", говорит Майков — "нельзя разгадать "по книгам мудрецов". Но поэт раскрывает эти тайны. Это подтверждает и Пушкин: "Явилась муза — и прояснился темный ум".

Потому и Ницше сказал: "Быть может есть царство мудрости, откуда изгнана логика... Быть может, искусство есть даже необходимый коррелятив в дополнение науки". "Поэзия" — говорит Потебня, — "указывает цель науке, всегда находится впереди ее и не заменима ею во-веки". "Человеческое", "сверхчеловеческое" и "подчеловеческое" существования имеют особенности, которые разум наш не может уловить (Эльстер) — интуиция поэта-художника раскрывает сущность этих тайн, отважно меряет высоты и бездны жизни, недостижимые для ума.

О положительном значении поэзии, как способа познания, говорил еще Аристотель (впрочем, он говорит, собственно, не о "познании", а об "узнании" в подражании). В средние века Августин определил поэзию, как своеобразный подступ к "мудрости", ведущий из мрака к желанному свету познания истины. Для Лейбница поэзия есть "чувственное" познание. Баумгартен определил эстетическое созерцание, как "смутное познание"; Кант видел смысл и значение поэзии в раскрытии "эстетической идеи". Для него "идеи разума" достигаются "чистым разумом", — эстетические идеи — "практическим разумом". Шеллинг в природе усмотрел воплощение идей. Художник познает их и воплощает в творчестве. Для Гегеля "Абсолютный Дух" — осуществленная в мире идея, — через нас она может показать себя, становясь предметом созерцания религиозного, философского и эстетического. Эстетика, как созерцание, как чувственное познание, поставлена им в ряд с религией и философией. Красота, по Гегелю, есть "воспринимаемая чувством видимость идеи". Для Шопенгауэра красота — тоже "идея в соответственном образе"; открыть эту идею — задача художника... Цель искусства — это облегчение познания идей мира.

Еще решительнее познавательное значение поэзии утверждали позитивисты. Для Чернышевского искусство — "лишь способ познания". Неоднократно развивали эту мысль Добролюбов и Писарев. Для Гюйо цель искусства — жизнь, ее познание, расширение и дополнение. Коган говорит, что искусство — это "особое познание жизни образами". Зола в своем рассуждении "Экспериментальный роман" определенно говорит, что для него слова: — "врач" и "романист" — почти синонимы. Цель его творчества — "познание

жизни, страстей и интеллекта. Вопрос только в степени на одном и том же пути от химии к физиологии, от физиологии к антропологии и социологии".

Декадент, а впоследствии символист Брюсов говорит о поэзии то же самое: "Вообще можно и должно проводить полную параллель между наукой и искусством. Цели и задачи у них одни и те же, — различны лишь методы" (Дали, 192).

Наконец, то же самое говорят социологи-марксисты : различие между искусством и наукой замечается только в том, что художник передает существенное в чувственно-воспринимаемых образах и достигает желаемого эффекта, — тогда как мыслитель изображает существенные черты данного явления в форме понятий, абстракций. (К. Каутский: Происхождение христианства, 14).

Мы привели мнения людей разных эпох, разных стран, наций и направлений. Все они сходятся в одном. Поэзия является одним из видов познания.¹⁰⁹

Н. Смирнов. Пионеры органической жизни

Каждый видел мох, но многие-ли знают «Мхи»? Не один только натуралист может заметить моховой ковер, покрывающий сырые луга и болота, старые деревья в лесу, ветхие деревянные крыши сараев и домов, берега ручьев и т. под. места. Каждый отличает это растение от множества других. Но только немногие знают ближе мхи, их удивительное разнообразие форм, их строение и образ жизни. Вряд-ли читатели подозревают, что в одной Ленинградской губернии насчитывается более 200 видов этих растений, в Европе свыше 1.600 видов, а на всем земном шаре не менее 18.000.

Красота форм печеночных мхов (по Геккелю).

А узнать их поближе стоит уже по одному тому, что значение их в круговороте природы очень большое. Целые геологические формации образуются деятельностью этих мало-заметных, в большинстве случаев очень мелких растений, а именно — мощные залежи торфа, которые на севере России занимают сотни тысяч десятин, мощностью от нескольких дюймов до 3—4 сажень, залежи, представляющие громадные запасы горючего материала и усердно в настоящее время разрабатываемые.

Мхи способны погубить вековые леса, заполнить целые озера, превратить их сначала в топкое болото, а затем и в настоящую сушу. Они являются, с другой стороны, пионерами растительности на голых скалах, валунах, песчаных обрывах, где начинают расти и размножаться, когда другие растения еще не в состоянии пустить корней и найти достаточное для жизни количество питательных веществ.

Познакомимся-же с этими скромными, но могучими деятелями поближе. Прежде всего нас поразит замечательное разнообразие их форм.

Мхи-торфообразователи рода Sphagnum.

Все мхи распадаются на две большие группы — мхи пластинчатые или «печеночницы» и мхи листо-стебельные. Они отличаются между собою не менее, чем лягушка и соловей между позвоночными. Для примера сравните мхи, изображенные на рисунках.

У нас на болотах главную массу растений составляют мхи-торфообразователи из рода Sphagnum, которых насчитывают вообще до 250 видов. Эти мхи, напр. Sphagnum squarrosum (рис. 2) или S. medium, по мере того, как растут вверх, снизу постепенно отмирают, и этот процесс может продолжаться неопределенное число лет. Нет ничего невозможного, что где нибудь на торфянике, начавшем существовать 2—3 тысячи лет тому назад, имеются экземпляры мхов такого-же почтенного возраста, народившиеся во

времена финикийян, бывшие свидетелями походов Юлия Цезаря и великого переселения народов.

В некоторых торфяниках Германии найдены погребенными в толще моховых остатков древнеримские дороги и оружие галлов. Нижние части такого мха-старца лежат давно отмершими в толще торфа на глубине 2—3 сажен, а верхние все еще живут и дают начало все новым побегам. Этим мхам не страшна засуха — они высохнут, отдадут воздуху заключавшуюся в них воду и примут вид совершенно безжизненных трупов. Но стоит пойти дождю — клеточки жадно впитают громадное количество влаги, увеличатся в объеме в несколько десятков раз — и жизнь снова пробудится в высохшей мумии. Этим свойством они обязаны особому устройству своих клеток.

Неустанно, непрерывно эти торфообразователи совершают свою невидную работу, а в результате дюйм за дюймом отлагаются запасы топлива для наших будущих поколений.

Если взять среднюю цифру из многих наблюдений, то можно принять прирост торфа в столетие равным слою в 11 футов, иногда больше, иногда значительно меньше. И горе тем растительным сообществам, где начнут развитие эти "бессмертные". Если сфагнум засядет в лесу, гибель самых могучих лесных великанов — только вопрос времени. Мох, покрыв своим мягким ковром почву, делает эту почву все более влажною, так-как жадно впитывает воду и очень мало ее испаряет. Этот влажный ковер становится год за годом все толще, а слои почвы, где развиваются корни деревьев, оказываются все больше отрезанными от воздуха, который для корней так-же необходим, как и для листьев. Корни начинают задыхаться, плохо питают дерево, оно чахнет и мало-по-малу совершенно гибнет. Жалкое зрелище представляет такой "заболоченный" лес. Кое-где еще стоят кривые, наполовину засохшие стволы сосен; бывшие здесь могучие деревья уже свалились и погребены под слоем торфа, где через сотни лет их найдет, быть может, будущий натуралист почти неразложившимися: торф является отличным противогнилостным средством, которым пользуются для выработки, напр., материалов для хирургических перевязок.

Различные формы органов плодоношения у мхов.

Но мхи успешно захватывают себе место не только среди леса. Они способны заполнить продуктами своих отложений также целые озера. Во многих местах Финляндии, Ленинградской и Новгородской губ. и вообще в области, бывшей прежде под ледником, можно наблюдать борьбу между моховым болотом и озером. Мох, развиваясь на берегу озера, шаг за шагом заполняет водный бассейн, и в результате через сотни лет на месте светлого, чистого озера, свидетеля ледникового периода, оказывается сплошной моховой ковер; и только иногда еще "окно" — небольшой, но очень глубокий бассейн воды среди такого болота, указывает, что здесь не всегда было так уныло, как в настоящее время.

Заращение озер мхом происходит на глазах человека. В 1667 году шведами была составлена подробная карта местности, занимаемой теперь Ленинградской губернией. На этой карте во многих местах указаны озера там, где сейчас тянутся сплошные "мшары" с клюквой, гоноболою и багулом.

Многие мхи, как мы выше сказали, играют роль пионеров органической жизни. Они все вообще для своего развития довольствуются самым ничтожным количеством питательных веществ. Когда, вследствие каких-либо геологических процессов обнажаются так-наз. материковые породы — камни, пески и др., совершенно еще лишенные почвенного слоя, на таких поверхностях никакое высокоорганизованное существо обосноваться не может: растению негде укорениться, животному нечем питаться.

Красота форм микроскопического строения мхов (по Геккелю).

Но вот откуда-то, из-за сотен верст на крыльях ветра прилетели споры мхов из рода *Mnium*, *Politrvchum*, *Seligeria* и др. Им для прорастания достаточно капель дождя, для

питания — того ничтожного количества солей, которые растворены в этих каплях. Через несколько времени на бесплодной гранитной скале или на кусках застывшей лавы появляется зеленая или коричневая подушечка из нежных моховых стебельков. Она прицепилась своими ризомами (органы, соответствующие корням высших растений, но имеющие гораздо более простое строение) за невидные для глаза неровности почвы и мало-по-малу увеличивается, растет, плодоносит. Между стебельками мха скопляются разные продукты разложения, которые дают возможность прорасти уже какой-нибудь маленькой камнеломке, нетребовательному злаку, найти пищу мелкому насекомому. Постепенно образуется настоящая питательная почва... И вот, через несколько десятков лет на недавно голый скале уже растет сосна, кедр, распускает свои прекрасные белые цветы эдельвейс, прибегает пастись горный баран...

А если-бы мох не начал своей скромной работы (вместе со своим близким сотоварищем — лишайником), высокоорганизованные существа никогда-бы не смогли здесь найти необходимых для их жизни условий.

Подобное-же значение имеют мхи в полярных странах, являясь представителями жизни в таких местах, где не могут существовать никакие другие растения, кроме простейших водорослей и лишайников.

Таким образом знакомство с строением и социальными условиями жизни этих маленьких работников открывает нам глубоко-поучительную и красивую страницу из великой книги природы.¹¹⁰

Прожектор

советский иллюстрированный литературно-художественный и сатирический журнал. Выходил в Москве как приложение к газете «Правда» в 1923—1935 годах. В то время единственный в СССР многокрасочный журнал.

В состав редколлегии входили Н. Бухарин (1923—1931), А. Воронский (1923—1927), К. Левин (секретарь редакции в 1926—1929), Л. Шмидт (заместитель редактора с 1928), Е. Зозуля. В 1931 году состав редакции был изменён, в неё вошли В. Васильевский (редактор), С. Воронин, В. Ставский, А. Федотов.

«Прожектор» был тесно связан с журналом «Красная новь» (оба выходили под редакцией Воронского). Многие вещи, напечатанные в «Красной нови», появлялись предварительно в отрывках в «Прожекторе».

Печатались хроника, очерки (С. Третьяков, А. Габор), фельетоны (А. Зорич), рассказы, стихи, литературно-критические статьи.

Постоянным художником журнала был К. Ротов, часто публиковались рисунки К. Елисеева, А. Дейнеки, Б. Ефимова.

В начале 1930-х журнал столкнулся с трудностями из-за дефицита бумаги. С 1930 стал выходить один раз в 10 дней, с 1932 дважды в месяц, с 1933 (№ 9) раз в месяц. В 1935 закрыт.

. Издавался в Москве в 1923—1935 гг. газетой «Правда». Печатался на 32 стр., с иллюстрациями и фотографиями. Тираж доходил до 70 тыс. экз. Первый номер вышел 15 февраля 1923 г. В 1923—1927 гг. выходил как двухнедельник, в 1928 и 1929 гг.— еженедельно, в 1930—1931 гг.— по 36 номеров в год; в 1932 г.— 24 номера, в 1933 — 16, в 1934 — 12, в 1935 г.— 10 номеров. В августе 1935 г. прекратил свое существование.

Специально сатирическим изданием не являлся. Преобладающее место занимали литературно-художественные произведения разных жанров. Первый номер открывался отрывками из автобиографических повестей Горького. В дальнейшем печатались буквально все сколько-нибудь видные советские писатели, поэты и карикатуристы 20—30-х годов.

Подзаголовок «Иллюстрированный литературно-художественный и сатирический журнал» сохранялся в течение первых 3 лет издания. В эти годы на его страницах особенно часто публиковались сатирические и юмористические произведения. Подбором иллюстративного и сатирического материала в «Прожекторе» ведал писатель Ефим Зозуля. Фактическим редактором являлся правдист Л. Ю. Шмидт — бессменный заместитель редактора журнала.

С сатирическими и юмористическими рассказами часто выступали Л. Гумилевский, И. Доронин, Е. Зозуля, М. Зоценко, А. Колосов, Г. Лелевич, Л. Митницкий, А. Неверов, Н. Никитин, Л. Никулин, Я. Окунев, С. Подъячев, П. Романов, М. Слонимский, В. Шишков, М. Шолохов и др. С сатирическими стихами, баснями, эпиграммами выступали Н. Асеев, Д. Бедный, А. Безыменский, В. Инбер, В. Маяковский, И. Молчанов, С. Обрадович, М. Светлов, А. Соболев, Н. Тихонов, и др. Острые, злободневные фельетоны для журнала писал М. Кольцов. Все эти произведения иллюстрировали художники: В. Дени, К. Елисеев, Б. Ефимов, В. Козлинский, Кукры-никсы, Д. Моор и др.

В юмористических рассказах преобладающее место занимали темы крестьянского и рабочего быта. В фельетонах, баснях, сатирических стихах осмеивались недостатки отдельных предприятий и учреждений, разоблачались всевозможные преступные элементы, орудующие внутри страны. Журнал резко выступал против недостатков в работе некоторых партийных организаций, против коммунистов, порочивших своим поведением звание члена партии.

Находила отражение также антирелигиозная тема. Часто печатались фельетоны, сатирические стихи, басни, карикатуры на международные темы. (Материалы, бичующие русскую эмиграцию, претендентов на русский престол, клеветников и злопыхателей, ведущих из-за рубежа бешеную кампанию лжи и клеветы по случаю каждого нового успеха СССР в хозяйственном строительстве, в упрочении международных связей и т. п.)

Под рубрикой «Дружеские шаржи» публиковались шуточные портретные зарисовки руководителей партии и правительства, литераторов, художников, журналистов, деятелей искусства.

Карикатуры на внутренние темы давались под рубриками «Из быта» и «Гримасы быта». Широко практиковались карикатурные «политические обозрения», состоящие из серии рисунков с небольшой текстовкой на злободневные темы международной жизни. С подобными обозрениями выступали Б. Ефимов, Ю. Ганф и др.

А. Дейнека. Иллюстрации из журнала «Прожектор»

Тоска по изящной жизни. Рисунок для журнала «Прожектор»

1927 год

Англичане интервенты. Иллюстрация из журнала «Прожектор» (1928. № 2)

Бега. Журнал Прожектор, 1928, N 42

Весь мир слышит в эти дни тяжелую поступь пролетариата. Иллюстрация из журнала «Прожектор» (1928. № 45)

За город, на воздух. Иллюстрация из журнала «Прожектор» (1928. № 23)

Золотая молодежь. Рисунок для журнала «Прожектор»

1928 год

Рыбачки. Иллюстрация из журнала «Прожектор» (1929. № 29)

1929 год

Из цикла «Современная женщина». Рисунок для журнала «Прожектор»

1929 год

У станка. Рисунок для журнала «Прожектор»

1931 год

В. Федорович. Волчата. Очерк¹¹¹

---

¹¹¹ Журнал "Прожектор", 1924 год.

А. Зорич. С натуры

Слева от меня обычно лежит на пляже с женой Манюсей и сыном Мариком бухгалтер воронежского финотдела Пестряков. Они всегда выходят раньше всех, чтобы занять лучшее место на пригорке, за кустами пыльных ослиных колючек; как утверждают курортные врачи, на пригорок попадает больше ультрафиолетовых лучей.

Бухгалтер сверхъестественно худ и похож на Пата; жиденькие, чахлые его усики обвисают вокруг рта, как приклеенная мочала, на бритой голове видны следы чернильного карандаша, который он по канцелярской привычке закладывает за ухо. Жена, Манюся, сварливая и злющая баба с пятнами засохшего кармина на тонких губах, третирует его и упрекает, что он сгубил ее молодость. На шее, на цепочке, она носит серебряный жетон, якобы выданный ей как приз за красоту на благотворительном вечере в воронежской прогимназии в тысяча восемьсот девяносто шестом году. Если в словах ее нет преувеличений, то приходится только удивляться разрушительной работе времени.

Они выходят, и бухгалтер, прежде чем раскинуть простыню, долго ползает, кряхтя, по холмику и выбирает камни из песка.

-- Мерзавцы! -- говорит он при этом неизменно.-- Курортный сбор дерут, а пляжа не чистят. Вот напишу в "Известия".

-- Писатель! -- язвительно фыркает жена.-- Чириков, Боборькин.

-- А вот и напишу. Чего бояться? Конечно, без фамилии, дипломатично.

-- Дипломат! Чемберлен! Пуанкаре!

Раздевшись, она мажется, чтобы лучше загорать, какой-то вонючей смесью, подозрительно оглядываясь по сторонам. Ей мерещатся нескромные мужские взгляды.

-- Посмотри-ка направо! -- говорит она, растирая ладонями обвисший живот.-- Опять улегся какой-то с биноклем. Это невозможно, прямо прохода не дают! Наводит, наводит! Какие наглецы мужчины!

Бухгалтер смотрит нехотя, прикрывая от солнца глаза ладонью.

-- Ничего он не наводит. Это не бинокль. Это он кефир пьет из бутылки.

-- Знаем мы этот кефир. Зачем же он сюда повернулся? И вон рядом какой-то брюнет с усиками. Нахал!

-- Не вижу никаких усиков! -- лениво говорит, отворачиваясь, бухгалтер.

-- Это забавно! Его жену весь пляж лорнирует, а ему и дела нет! Не видишь отсюда, так сбегай посмотри! Тюлень!

-- Ты бы, матушка, меня еще в Севастополь послала проехаться посмотреть, не разглядывает ли кто тебя оттуда в подзорную трубу.

Они ссорятся. Она говорит, попрекая его, что могла бы, если бы не он, выйти за корнета или за какого-то провизора Ключенау и найти свое настоящее счастье; он же напоминает, что из семи подушек, обещанных в приданое, до настоящего времени получил только три.

-- Но я отдала тебе любовь!

-- Любовь, матушка, сама по себе, а лебязий пух тоже восемнадцать рублей кило стоит.

За завтраком они мирятся и, рассевшись на простыне, долго жуют бутерброды с брынзой и обсуждают, перебирая десятки имен, кандидатуру нового заведующего финотделом, которого должны застать по приезду в Воронеж, и способы, какими возможно получить сахар без карточек в дачном кооперативе. Сын, восьмилетний Марик, получив бутерброд, жует булку, а брынзой залепляет себе, чтобы удобнее было нырять, нос и уши.

-- Марик! Дрянь! -- визгливо кричит мать.

-- Марик! Выдеру!-- говорит, не двигаясь с места, отец.-- Где ремень?

-- На ремне висит окорок в погребе,-- злорадно отвечает Марик, дитя своего века, и бормочет, надувшись: -- Какие нервные! Нечего было и рожать, если такие нервные!

Уходя, бухгалтер вырывает на холмике, чтобы там не ложились другие, две аккуратных ямки, насыпает туда колючек и, слегка забрасывая их сверху песком, довольно говорит;

-- Забронировано! Как говорится, голым профилем не сядешь!

И все-таки однажды, когда они вышли, как всегда, ровно в семь, их место оказалось занятым. На пригорке лежал, подложив под голову свернутые штаны, какой-то тучный и необычайно белый, видимо только накануне приехавший, человек. Он ворочался и чертыхался, вытаскивая колючки, поминутно вонзавшиеся в тело.

-- Это место занято, гражданин! -- подойдя, сказал бухгалтер Пестряков.

Тучный человек, добродушно улыбаясь, приподнялся на локте.

-- Тут же места не плацкартные. Кто первым вышел... Ой, ч-черт! Хотел бы я знать, какой идиот насыпал здесь колючек!

Вперед выступила, поджав губы, жена Манюся.

-- Оригинально! -- сказала она.-- Мы здесь лежим уже девятнадцать дней.

-- Так ложитесь и на двадцатый,-- добродушно сказал тучный человек.-- Песка на всех хватит. Господи!

-- Я не могу лежать рядом с чужим женщиной.

Тучный человек вздохнул, почесал в затылке, подобрал свой узелок, покорно отполз на четвереньках в сторону и лег на живот.

-- Что я, кусаюсь, что ли? Гав! Гав!

-- Как глупо! Не кусаетесь, но я порядочная женщина и мать, а не финтифлюшка, чтобы меня разглядывали.

-- Да чего мне вас разглядывать? Цирцея какая, подумаешь!

-- Нахал! Грубиян! Толстяк!

-- Вы не выражайтесь, уважаемый! -- строго сказал бухгалтер и угрожающе выкатил выпалую грудь.-- За Цирцею в милицию можно. За такие слова по портрету бьют.

Тучный человек воинственно засопел было и приподнялся, но тотчас же опять лег на живот и добродушно сказал:

-- Ну, чего ссориться? Посмотрите, благодать какая? Море, солнышко, парусок! Грешно тут ругаться, ей-богу. И я ничего такого не сказал.

-- Все ж таки надо поосторожнее. Она семейная женщина, а не Цирцея.

-- Ну ладно, ладно. Извиняюсь, если вам угодно. Отворачиваюсь, закрываюсь, зажмурился, ослеп и не буду смущать добродетелей вашей Пенелопы.

-- Ермолай, он опять!

-- Уважаемый! -- сказал бухгалтер, вставая и подтягивая трусики.-- Вы что же? В протокол желаете попасть?

Тучный человек махнул рукой, молча повернулся на бок и лег к ним спиной.

-- Дурак! -- злобно сказала Манюся, начиная раздеваться.-- Связываться только не хочется, а то бы показала я тебе Пенелопу! Урод!

Некоторое время все лежали молча, потом тучный человек, обуреваемый, видимо, желанием высказаться, сказал, приподнявшись и ни к кому, в частности, не обращаясь:

-- Хорошо, конечно, но чертовски в горле пересохло. Ни одной будки с квасом! И ракушки, проклятые, жалят. Как клопы впиваются. Что ни говорите, а на речке, по-моему, лучше. Ляжешь, этак, растянешься, песок как бархат, ветерок, осока шуршит, утки крикают. И напиток можно, не то что из этого, черт его подери, моря. И уху сваришь, и стаканчик опрокинешь от сырости.

-- Пошло! -- сказала Манюся, фыркнув и вздернув костлявым плечом.-- Только о водке и думают. Все мужчины одинаковы.

-- Вот приеду в Воронеж,-- не отвечая, продолжал тучный человек,-- посмотрю себе местечко на речке, только меня и видели по воскресеньям. Речонка там хоть и паршивая, говорят, но заводи есть.

-- А вы что, там проживаете? -- насторожившись, спросил бухгалтер.

-- Буду жить. Я туда назначен заведовать финотделом. Прямо из отпуска и покачу.

С минуту бухгалтер лежал неподвижно, бессмысленно и растерянно хлопал глазами; потом он вскочил вдруг, бестолково засуетился.

-- Да, река, река! Великое дело река, совершенно верно изволили заметить. Мы с женой на реке и днюем, можно сказать, и ночуем. Ветерок, камыши, утки крикают...

-- И напиться можно! -- жалобно сказал человек.

-- Совершенно справедливо. Не то что из этого, черт его действительно побери, моря. Но у нас есть кипяченая вода в бутылке. Осмелюсь ли предложить? Манюся!

Манюся, которой бухгалтер делал знаки глазами, поспешно натягивала за холмиком капот. Лицо у нее стало жалкое и растерянное. Застегиваясь на ходу, она подала бутылку.

-- А я вас не обожду? -- облизнувшись, спросил тучный человек.

-- Что вы, что вы! Как можно! Такое приятное знакомство! Сами не допьем, а уж вас напоим!

Тучный человек, запрокинув голову, жадно припал к бутылке, Марик посмотрел на него с беспокойством, захныкал и сказал:

-- Он все вылакает, не для него несли!

-- Молчать, негодяй! -- свирепо зашипел, сделав страшные глаза, бухгалтер.-- Где ремень? Выдеру! Современные, знаете ли, дети! Пейте, пейте, не стесняйтесь! Если не хватит, я сбегая в лавочку, возьму сифон.

-- Что вы! -- смутился тучный человек.-- Я и сам могу в случае чего.

-- Нет уж, зачем же, позвольте уж мне, если понадобится. Да вы что же, прямо на песке лежите! Ведь так и чирей схватить можно! Манюся, простыню!

-- Не надо, не надо! -- растерянно сказал тучный человек и замахал руками.-- Как же вы-то сами?

-- Нет, уж разрешите. Все поместимся. На простыне, да не в обиде, хе-хе. На коммунальных началах, так сказать. Я хоть и беспартийный, но глубоко сочувствую. Манюся, подложи им чего-нибудь под голову. Вы уж ее извините, если что лишнее сказала: женщина, знаете, нервы. Разрешите представить -- жена моя, Марья Павловна.

-- Очень приятно! -- жеманно сказала Манюся.-- Вы любите природу? Мы с мужем обожаем природу!

-- А я сразу, как вас увидел,-- говорил, суетливо расстилая простыню, бухгалтер,-- как увидел, так и решил познакомиться. Такое, вижу, симпатичное, открытое лицо, дай, думаю, разговорюсь. Очень, очень приятно. Головку вам не напечет? Вот, разрешите косыночку. Скоро собираетесь в Воронеж?

-- В Тамбов, вы думаете?

-- К-как в Тамбов?

-- А разве я сказал в Воронеж? Оговорился, значит. В Тамбов, милейший, в Тамбов. Недельки две попекусь, а там и двину. Не засидишься, дела ждут. Извините, мне, право, совестно, но не разрешите ли еще глоточек?

Но бухгалтер отодвинул бутылку и сухо сказал:

-- Что ж вы голову-то морочите? Сначала Воронеж, а потом, оказывается, Тамбов?

-- Ну, оговорился, в чем дело?

-- А вот в том дело, что отдай простыню! -- визгливо крикнула вдруг Манюся.-- Самозванец! Хлестаков! Гришка Отрепьев!

Она рванула из-под него простыню; тучный человек перевернулся и вывалился на песок.

-- Позвольте, что же это? -- сказал он, вставая.-- Я не понимаю! Вы с ума сошли!

-- Не понимаешь? А чужую воду хлестать понимаешь? Разлежся, как барин, на всей простыне, а ребенок должен калечить себе ягодицы? Выпил всю воду, а дитя должно мучиться от жажды, как в пустыне? Ермолай, возьми от него косынку, может, у него голова паршивая. Как не стыдно приставать к посторонним людям! Нахал! Ещё глоточек? А этого не видал?

Она сложила и сунула ему под нос кукиш; розовые ногти были отполированы и блестели на солнце...

ЛЕФ

В начале 1923 Маяковский подает в агитотдел ЦК РКП(б) докладную записку с просьбой разрешить выпускать журнал. В ней подробно излагаются цели задуманного издания: «а) способствовать нахождению коммунистического пути для всех родов искусства; б) пересмотреть идеологию и практику так называемого левого искусства, отбросив от него индивидуальное кривляние и развивая его ценные коммунистические стороны... в) бороться всяческим образом с соглашателями в области искусства, подменяющими коммунистическую идеологию в области искусства старыми, затрепанными фразами об абсолютных ценностях и вечных красотах».

План журнала Левого фронта искусств – «Лефа» – был принят Госиздатом. В марте 1923 вышел первый номер. В редакционную коллегию вошли: Асеев, Арватов, Брик, Кушнер, Маяковский (ответственный редактор), Третьяков, Чужак. Все, кроме

---

112 "Прожектор" за 1923 год.

Арватова, – бывшие футуристы, сотрудники и авторы футуристических изданий – газеты «Искусство коммуны» и журнала «Творчество».

«Леф» состоял из пяти разделов: 1) Программа. 2) Практика. 3) Теория. 4) Книга. 5) Факты.

Основным и ведущим отделом был, несомненно, отдел «Теория». Кроме многочисленных статей по общим проблемам искусства, работ, посвященных вопросам литературы и языка, «Леф», считая себя объединением всех левых сил, уделял много внимания и вопросам живописи, кино, театра.

Наиболее активными авторами этого раздела были Чужак, Арватов, Третьяков, Брик. Из авторов, не входивших в редколлегия, чаще других печатались М.Левидов и Шкловский. Журнал публиковал работы и других «опоязовцев» (Б.Эйхенбаума, Ю.Тынянова, Б.Томашевского, Л.Якубинского), а также лингвиста Г.Винокура, близкого к ОПОЯзу.

Журнал предоставлял свои страницы «левым» режиссерам, художникам и т.д. Так, в разделе «Теория» была напечатана декларация Д.Вертова о перспективах развития киноискусства, статья С.Эйзенштейна *Монтаж аттракционов* и т.д.

Теоретический отдел был «площадкой», на которой «обкатывались» все теории левого фронта, начиная с «искусства-жизнестроения» и кончалось обсуждением приемов «делания искусства».

Отдел «программа» обычно состоял из 2–3 декларативных статей. Передовые, написанные чаще всего Маяковским, кратко и броско формулировали то, что подробно и обстоятельно излагалось в отделе «теория». Они должны были «вгрызаться» в сознание, отсюда – парадоксальность построений и лихость стиля.

Принципы лефовской критики (отдел «Книга») излагаются в статье Асеева, открывающей этот раздел в первом номере журнала: «Нам абсолютно чуждо беспристрастие в оценке литературных явлений». Статья состоит из трех частей: первая – «мы рекламируем», вторая – «мы поощряем», третья – «мы гильотинируем». Все литературные явления с легкостью разносятся автором по этим трем рубрикам. Рецензии на книги по теории литературы и эстетики в лефовском «книгозоре» явно преобладают над рецензиями на беллетристику.

В отделе «Факты» помещались сообщения почти исключительно о фактах художественной жизни. Как правило, это факты «левого» искусства (юбилей В.Мейерхольда, положение во ВХУТЕМАСе и т.д.). Беспристрастие чуждо и этому разделу. Даже стилистически материалы резко отличались от справочно-информационного тона, принятого в новостных сообщениях. Отдел регулярно освещал устные выступления лефовцев, диспуты о «левом» искусстве, здесь публиковались заметки о работе провинциальных группировок Лефа, а также о положении левого искусства за рубежом.

В отделе «Практика» заметно явное (количественное и качественное) преобладание стихов над прозой. Почти в каждом номере выступают Маяковский (*Про это*, *Юбилейное*, *Рабочим Курска*, *добывшим первую руду*, *начало поэмы В.И.Ленин* и др.); Асеев (*поэма Лирическое отступление* и множество стихов); А.Крученых и В.Каменский – с «заумью». Печатается в журнале и Пастернак. Значительное место в «Практике» журнала занимает публикация наследия В.Хлебникова, некоторые произведения которого впервые увидели свет именно на страницах «Лефа».

Проза «Лефа», как правило, «сделана» в соответствии с теориями «левого фронта», и потому мало художественна, мало интересна и ныне прочно и справедливо забыта. (Например, *Непопутчица Брика*, *Незатухающие колебания Кушнера* и пр.).

То же самое можно сказать и о драматургии. Пьесы Третьякова, иллюстрация лефовских теорий, звучат (вернее, звучали бы, если б кому-то пришла в голову идея их переиздать или поставить) как смешная абракадабра.

Однако ни проза, ни драматургия журнала не исчерпывались произведениями самих лефовцев. Здесь были напечатаны многие рассказы Бабеля, отрывки из романов Веселого, публиковались пьесы и рассказы зарубежных авторов.

Большое место в «Практике» занимали очерки. Они-то зачастую и были самой интересной прозой номера.

Художественные произведения нередко предварялись теоретическим комментарием. Так, стихотворение Крученых *Мороженица* боговпредлагалось понимать как «опыт использования жаргонной фонетики для оформления антирелигиозных и политических тем», а поэму Маяковского *Про это* как «опыт полифонического ритма». Натянутость такого комментария подчас ощущалась и самими сотрудниками журнала. Так, в номере, следующим за тем, где была опубликована поэма *Про это*, Чужак ругает ее за несоответствие теоретическим принципам «левого фронта». В истории журнала это отнюдь не единственный случай расхождения теории с практикой. Критики журнала замечали гораздо больше подобных неувязок, чем сами лефовцы.

«Практика» журнала не ограничивалась произведениями литературы. В этом отделе регулярно помещались фотографии работ художников-конструктивистов, архитекторов, прикладников. Все это также сопровождалось комментариями, в которых теоретики Лефа подчеркивали, что придают такой «практике» первостепенное значение.

Все обложки журнала выполнены А.Родченко в соответствии с лефовскими представлениями об оформлении книг. Фотомонтаж, индустриальные снимки – все это как бы предупреждало читателя о «производственном» уклоне лефовского искусства.

«Леф» просуществовал недолго. Последний, седьмой, номер вышел в январе 1925. Будучи задуман как периодическое издание, «Леф» уже с 1924 выходил крайне нерегулярно. Официальная причина закрытия журнала – его нерентабельность. Действительно, тираж падал с каждым номером. Однако «были причины и более глубокие. Журнал все больше внутренне расслаивался», – вспоминал впоследствии Брик. «Леф», по словам В.Маяковского, объединял более двенадцати различных групп: «заумники», производственники, конструктивисты, футуристы, формалисты, группа газетных работников, «драмзики», «теоретики искусства» – и это еще не полный список.

Маяковский, ответственный редактор «Лефа» не хотел рассматривать журнал как некий штаб «левого» искусства, призванный руководить теми, кто считал себя «работником левого фронта». Однако такого принципа придерживались не все сотрудники редакции. Несовместимость основных теоретических положений внутрилефовских группировок, а главное – расхождение лефовских теорий с «практикой» наиболее талантливых авторов – вот главные причины, обусловившие раннюю «смерть» журнала.

Однако журнал «умер» не навсегда. В 1927 появляется «Новый Леф» ежемесячно выходит в течение двух лет. Если «Леф» – «толстый» журнал, то «Новый Леф» по виду напоминает еженедельник (48 страниц). Ответственный редактор, по-прежнему, Маяковский. Состав редакционной коллегии значительно расширился и пополнился такими именами, как С.Курсанов, А.Лавинский, Пастернак, Родченко, В.Степанова, Шкловский, Эйзенштейн. В то же время круг авторов значительно сократился, практически ими были только члены редколлегии.

«Новый Леф» не имел столь четкой организационной структуры, как его предшественник, но по-прежнему оставался журналом по преимуществу теоретическим. Однако круг проблем значительно сузился. «Ближе к факту» – вот по существу вся теория «Нового Лефа». Отсюда и практика: почти исключительно очерки, путевые заметки, «человеческие документы» (письма и т.д.). Стихов немного. А крупных произведений, подобных поэмам *Про это* или *Лирическое отступление*, вовсе нет – только две главы из поэмы *Хорошо!* и небольшой отрывок из

пастернаковского Лейтенанта Шмидта. Несколько раз журнал печатал стихотворения Маяковского, Асеева, П.Незнамова, Кирсанова. Столь характерная для «Лефа» «заумь» ни разу не встречается в «Новом Лефе».

Если «Леф» стремился объединить все «левые» течения, то «Новый Леф» оказался узкогрупповым изданием. На его страницах можно обнаружить и выпады против ранее дружественных группировок. Те, в свою очередь, не приняли «Новый Леф». «Ныне ВАПП – против «Лефа». Конструктивисты – против. Перевальцы – против. «Кузница» – против. Против него настоящий левый фронт», – писал редактор «Красной нови» В.Полонский.

Заглавия статей и рецензий о «Новом Лефе» красноречиво говорят об их содержании – Леф или Блеф, Дело о трупе и пр.

Когда в августе 1928 порывает с Лефом и «Новым Лефом» Маяковский, вместе с ним покидают журнал Асеев, Брик, Кирсанов, Родченко, Жемчужный. «...мелкие литературные группировки изжили себя...», – так объяснил свой поступок сам В.Маяковский.

Несколько месяцев журнал еще выходит под редакцией Третьякова, но хиреет и «умирает» – уже навсегда.

Людмила Поликовская

Сергей Эйзенштейн. МОНТАЖ АТТРАКЦИОНОВ

К постановке "На всякого мудреца довольно простоты" А.Н.Островского в московском пролеткульте.

I. Театральная линия Пролеткульта.

В двух словах. Театральная программа Пролеткульта не в "использовании ценностей прошлого" или "изобретении новых форм театра", а в упразднении самого института театра как такового с заменой его показательной станцией достижений в плане поднятия квалификации бытовой оборудованности масс. Организация мастерских и разработка научной системы для поднятия этой квалификации – прямая задача научного отдела Пролеткульта в области театра.

Остальное делаемое – под знаком "пока"; во удовлетворение привходящих, не основных задач Пролеткульта. Это "пока" – по двум линиям под общим знаком революционного содержания (1).

1. Изобразительно-повествовательный театр (статический, бытовой - правое крыло: "Зори Пролеткульта" (2), "Лена" (3) и ряд недоработанных постановок того же типа, линия бывшего Рабочего театра при ЦК Пролеткульта).

2. Агит/ационно/-аттракционный (динамический и эксцентрический - левое крыло) – линия, принципиально выдвинутая для работы Передвижной труппы московского Пролеткульта мною совместно с Б. Арватовым (4).

В зачатке, но с достаточной определенностью путь этот намечался уже в "Мексиканце" (5) – постановке автора настоящей статьи совместно с В. С. Смышляевым (6) (Первая студия МХТ). Затем полное принципиальное расхождение на следующей же совместной работе ("Над обрывом" (7) В. Плетнева), приведшее к расколу и к дальнейшей сепаратной работе, обозначившейся "Мудрецом" (8) и... "Укрощением строптивой", не говоря уже о "теории построения сценического зрелища" Смышляева, проглядевшего все ценное в достижениях "Мексиканца".

Считаю это отступление необходимым, поскольку любая рецензия на "Мудреца", пытаясь установить общность с какими угодно постановками, абсолютно забывает упомянуть о "Мексиканце" (январь – март 1921 года), между тем как "Мудрец" и вся теория аттракциона являются дальнейшей разработкой и логическим развитием того, что было мною внесено в ту постановку.

3. "Мудрец", начатый в Перетру (9) (и завершённый по объединении обеих трупп), как первая работа в плане агата на основе нового метода построения спектакля.

II. Монтаж аттракционов.

Употребляется впервые. Нуждается в пояснении.

Основным материалом театра выдвигается зритель; оформление зритель в желаемой направленности (настроенности) – задача всякого утилитарного театра (агит, реклам, санпросвет и т. д.). Орудие обработки - все составные части театрального аппарата ("говорок" Остужева (10) не более цвета трико примадонны, удар в литавры столько же, сколько и монолог Ромео, сверчок на печи (11) не менее залпа под местами для зрителей), во всей своей разнородности приведенные к одной единице – их наличие узаконивающей – к их аттракционности.

Аттракцион (в разрезе театра) – всякий агрессивный момент театра, то есть всякий элемент его, подвергающий зрителя чувственному или психологическому воздействию, опытно выверенному и математически рассчитанному на определенные эмоциональные потрясения воспринимающего, в свою очередь в совокупности единственно обуславливающие возможность восприятия идейной стороны демонстрируемого - конечного идеологического вывода. (Путь познания - "через живую игру страстей" - специфический для театра.)

Чувственный и психологический, конечно, в том понимании непосредственной действительности, как ими орудует, например, театр Гиньоль (12): выкалывание глаз или отрезывание рук и ног на сцене, или соучастие действующего на сцене по телефону в кошмарном происшествии за десятки верст, или положение пьяного, чувствующего приближение гибели, и просьбы о защите которого принимаются за бред, а не в плане развертывания психологических проблем, где аттракционом является уже самая тема как таковая, существующая и действующая и вне данного действия при условии достаточной злободневности. (Ошибка, в которую впадает большинство агиттеатров, довольствуясь аттракционностью только такого порядка в своих постановках.)

Аттракцион в формальном плане я устанавливаю как самостоятельный и первичный элемент конструкции спектакля – молекулярную (то есть составную) единицу действенности театра и театра вообще. В полной аналогии - "изобразительная заготовка" Гросса (13) или элементы фотоиллюстраций Родченко (14).

"Составную" – поскольку трудно разграничить, где кончается пленительность благородства героя (момент психологический) и вступает момент его личного обаяния (то есть эротическое воздействие его); лирический эффект ряда сцен Чаплина неотделим от аттракционности специфической механики его движений; так же трудно разграничить, где религиозная патетика уступает место садическому удовлетворению в сценах мученичества мистериального театра, и т.д.

Аттракцион ничего общего с трюком не имеет. Трюк, а вернее, трюк (пора этот слишком во зло употребляемый термин вернуть на должное место) – законченное достижение в плане определенного мастерства (по преимуществу акробатики), лишь один из видов аттракционов в соответствующей подаче (или по-цирковому – "продаже" его) в терминологическом значении является, поскольку обозначает абсолютное и в себе законченное, прямой противоположностью аттракциона, базируемого исключительно на относительном – на реакции зрителя.

Настоящий подход коренным образом меняет возможности в принципах конструкции "воздействующего построения" (спектакль в целом): вместо статического "отражения" данного, по теме потребного события и возможности его разрешения единственно через воздействия, логически с таким событием сопряженные, выдвигается новый прием –

свободный монтаж произвольно выбранных, самостоятельных (также и вне данной композиции и сюжетной сценки действующих) воздействий (аттракционов), но с точной установкой на определенный конечный тематический эффект – монтаж аттракционов.

Путь, совершенно высвобождающий театр из-под гнета до сих пор решающей, неизбежной и единственно возможной "иллюзорной изобразительности" и "представляемости", через переход на монтаж "реальных деланностей", в то же время допуская вплетание в монтаж целых "изобразительных кусков" и связно сюжетную интригу, но уже не как самодовлеющее и всеопределяющее, а как сознательно выбранный для данной целевой установки сильнодействующий аттракцион, поскольку не раскрытие замысла драматурга, правильное истолкование автора, "верное отображение эпохи" и т.п., а только аттракционы и система их являются единственной основой действенности спектакля. Всяким набившим руку режиссером по чутью, интуитивно аттракцион так или иначе использовывался, но, конечно, не в плане монтажа или конструкции, но в "гармонической композиции", во всяком случае (отсюда даже свой жаргон – "эффектный под занавес", "богатый выход", "хороший фортель" и т. п.), но существенно то, что делалось это лишь в рамках логического сюжетного правдоподобия (по пьесе "оправдано"), а главное, бессознательно и в преследовании совершенно иного (чего-либо из перечисленного "вначале"). Остается лишь в плане разработки системы построения спектакля перенести центр внимания на должное, рассматриваемое ранее как привходящее, уснащающее, а фактически являющееся основным проводником постановочных ненормальных намерений, и, не связывая себя логически бытовым и литературно-традиционным пиететом, установить данный подход как постановочный метод (работа с осени 1922 года в мастерских Пролеткульта).

Школой монтажера является кино и главным образом мюзик-холл и цирк, так как, в сущности говоря, сделать хороший (с формальной точки зрения) спектакль - это построить крепкую мюзик-холльную - цирковую программу, исходя от положений взятой в основу пьесы.

Как пример - перечень части номеров эпилога "Мудреца" (15).

1. Экспозитивный монолог героя.
2. Кусок детективной филммы: (пояснение пункта 1 - похищение дневника).
3. Музыкально-эксцентрическое антре: невеста и три отвергнутых жениха (по пьесе одно лицо) в роли шаферов; сцена грусти в виде куплета "Ваши пальцы пахнут ладаном" и "Пускай могила". (В замысле - ксилофон у невесты и игра на шести лентах бубенцов - пуговиц офицеров).
- 4, 5, 6. Три параллельных двухфразных клоунских антре (мотив платежа за организацию свадьбы).
7. Антре этуали (тетки) и трех офицеров (мотив задержки отвергнутых женихов), каламбурный, с переходом через упоминание лошади к номеру тройного вольтажа на неоседланной лошади (за невозможностью ввести ее в зал - традиционно - "лошадь втроем").
8. Хоровые агиткуплеты: "У попа была собака"; под них "каучук" попа - в виде собаки (мотив начала венчания).
9. Разрыв действия (голос газетчика для ухода героя).
10. Явление злодея в маске, кусок комической кинофильмы (резюме пяти актов пьесы, в превращениях Глумова мотив опубликования дневника).
11. Продолжение действия (прерванного) в другой группировке (венчание одновременно с тремя отвергнутыми).
12. Антирелигиозные куплеты "Алла-верды" (каламбурный мотив - необходимость привлечения муллы ввиду большого количества женихов и при одной невесте), хор и новое, только в этом номере занятое лицо - солист в костюме муллы.

13. Общий пляс. Игра с плакатом "религия - опиум для народа".
14. Фарсовая сцена: укладывание в ящик жены и трех мужей, битье горшков об крышку.
15. Бытово-пародийное трио - свадебная: "а кто у нас молод".
16. Обрыв действия, возвращение героя.
17. Полет героя на лонже под купол (мотив самоубийства от отчаяния).
18. Разрыв действия - возвращение злодея, приостановка самоубийства.
19. Бой на эспадронах (мотив вражды).
20. Агит-антре героя и злодея на тему НЭП.
21. Акт на наклонной проволоке: проход злодея с манежа на балкон над головами зрителей (мотив "отъезда в Россию").
22. Клоунское пародирование этого номера героем и каскад с проволоки.
23. Съезд на зубах по той же проволоке с балкона рыжего.
24. Финальное антре двух рыжих с обливанием друг друга водой (традиционно), кончая объявлением "конец".
25. Залп под местами для зрителей как финальный аккорд. Связующие моменты номеров, если нет прямого перехода, используются как легативные (*om legato (итал.) – связанный; в данном случае то же, что и связующие*) элементы – трактуются различной установкой аппаратов, музыкальным перерывом, танцем, пантомимой, выходами у ковра и т. д.¹¹³

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1)...по двум линиям под общим знаком революционного содержания. – В журнале "Рабочий зритель" (1924, № 6) театральный критик С. Левман писал: "Пролеткульт метнулся от одной крайности к другой, отказавшись от жанра переживаний, настроений и натурализма, он ударился в клоунаду, буффонаду, гротеск". Это положение Эйзенштейн раскрывает в своей статье.
- (2) "Зори Пролеткульта" – спектакль театра Пролеткульта, в котором были инсценированы стихи пролетарских поэтов. Он появился как полемический ответ на постановку Мейерхольдом пьесы "Зори" Верхарна.
- (3) "Лена" – пьеса В. Ф. Плетнева (1886-1942) о ленских событиях 1912 г., поставленная к открытию Московского театра Пролеткульта 11 октября 1921 г. Вместе с художником Никитиным Эйзенштейн был автором оформления этого спектакля.
- (4) Арватов Борис Игнатьевич (1896 – 1940) – искусствовед, автор книги "Искусство и классы", изданной в 1923 г., и сборника "Искусство и производство", изд. Московского Пролеткульта, 1926 г., участник группы "ЛЕФ".
- (5) "Мексиканец" - инсценировка рассказа Джека Лондона - первая постановка Эйзенштейна (совместно с В. С. Смышляевым) на сцене театра Пролеткульта в январе – марте 1921 г. Эйзенштейн являлся также автором декораций и костюмов.
- (6) Смышляев Валентин Сергеевич (1891-1936) – актер и режиссер Первой студии МХАТ, ставший в 20-х гг. режиссером Первого рабочего театра Пролеткульта. Ему принадлежит книжка "Техника обработки сценического зрелища", изд. Всероссийского Пролеткульта, 1922.
- (7) "Над обрывом" - пьеса В. Ф. Плетнева, поставленная в театре Пролеткульта в 1922 г.
- (8) "Мудрец" – переделанная С. М. Третьяковым комедия А. Н. Островского "На всякого мудреца довольно простоты".
- (9) *Перетру* – сокращенное название передвижной труппы Московского театра Пролеткульта.
- (10) *Остужев* Александр Алексеевич (1874 – 1953) – народный артист СССР, исполнитель ряда ролей классического репертуара.
- (11) *Сверчок на печи* - имеется в виду программный для Первой студии МХАТ спектакль "Сверчок на печи" Ч. Диккенса, поставленный в 1915 г.
- (12) *Театр Гиньоль*, или Гран-Гиньоль – один из парижских бульварных театров, существующий со второй половины XIX в., создавший особый стиль "театра ужасов", приближающийся по типу воздействия на аудиторию к паноптикуму.
- (13) *Гросс* Георг (1893-1959) - немецкий художник, особенно известный как график и карикатурист, в рисунках которого преобладают элементы острой социальной сатиры.
- (14) *Родченко* Александр Михайлович (1891-1956) - советский художник-график, фотограф, автор декораций

---

¹¹³ Статья опубликована в журнале "Леф", М., 1923, № 3.

к ряду спектаклей Мейерхольда (в частности ко второй части "Клопа" Маяковского в театре Мейерхольда), один из создателей жанра фотомонтажа. Входил в группу "ЛЕФ".

(15) Эпilog "Мудреца" состоял из двадцати пяти "аттракционов", которые и перечисляет Эйзенштейн в своей статье. Ниже приводится примерная режиссерская схема этого эпilога.

1) На сцене (манеже) Глумов, который в ["экспозитивном"] монологе говорит о том, что у него похищен его дневник и что это угрожает ему разоблачением. Глумов решает срочно жениться на Машеньке, для чего вызывает на сцену "Манефу" (клоуна) и предлагает выступить в роли попа.

2) Свет гаснет, на экране - похищение дневника Глумова человеком в черной маске - Голутвиным. Пародия на американский детективный фильм.

3) Свет в зале. Появляется Машенька в костюме спортсмена-автомобилиста, в подвенечной фате, а вслед за ней три отвергнутых ею жениха - офицеры (в пьесе Островского - Курчаев), будущие шаферы на ее свадьбе с Глумовым. Разыгрывается сцена разлуки ("грусти"): Машенька поет "жестокий" романс "Пускай могила меня накажет", офицеры исполняют, пародируя Вергинского, "Ваши пальцы пахнут ладаном". (В первоначальном смысле Эйзенштейна - эта сцена намечалась как эксцентрический музыкальный номер (ксилофон), игра Машеньки на бубенцах, нашитых в виде пуговиц на мундирах офицеров.)

4,5,6) После ухода Машеньки и трех офицеров на сцене снова Глумов. К нему из зрительного зала выбегают один за другим Городулин, Жоффр, Мамилуков - три клоуна, каждый из которых исполняет свой цирковой номер (жонглирование шариками, акробатические прыжки и т. п.), и требуют за это плату. Глумов отказывает им и уходит. ("Двухфразное клоунское антре" - при каждом выходе - две фразы текста: реплики клоуна и Глумова.)

7) Появляются Мамаева, одетая с вызывающей роскошью ("этуаль"), с цирковым хлыстом в руках, и вслед за ней три офицера. Мамаева хочет расстроить свадьбу Глумова, утешает отвергнутых женихов и после их реплики о лошади ("ржет моя знакомая кобыла") щелкает хлыстом - и офицеры разбегаются по манежу. Двое изображают лошадь, третий - всадника.

8) На сцене - поп ("Манефа"), начинается "венчание". Все присутствующие на свадьбе поют: "У попа была собака". "Манефа" исполняет цирковой номер ("каучук"), изображая собаку.

9) В рупоре - крик газетчика. Глумов, бросив венчание, убегает, чтобы узнать, не появился ли его дневник в печати.

10) Появляется похититель дневника - человек в черной маске (Голутвин). Гаснет свет. На киноэкране - дневник Глумова; в фильме рассказывается об его поведении перед высокими покровителями и соответственно об его превращениях в различные условные образы (в осла перед Мамаевым, в танкиста перед Жоффром и т. п.).

11) Венчание возобновляется. Место сбежавшего Глумова занимают отвергнутые женихи - три офицера ("Курчаев").

12) Ввиду того что Машенька венчается сразу с тремя женихами, четыре униформиста выносят на доске из зрительного зала муллу, который продолжает начатое венчание, исполняя пародийные куплеты на злободневные темы - "Алла верды".

13) Закончив свои куплеты, мулла танцует лезгинку, в которой принимают участие все. Мулла поднимает доску, на которой он сидел, на обороте надпись: "Религия - опиум для народа". Мулла уходит, держа эту доску в руках.

14) Машеньку и трех женихов укладывают в ящики (откуда они незаметно для зрителей исчезают). Участники свадебной церемонии бьют глиняные горшки об ящик, пародируя старинный свадебный обряд "при укладывании молодых". 15) Три участника свадебной церемонии (Мамилуков, Мамаев, Городулин) исполняют свадебную песню: "А кто у нас молод, а кто не женат".

16) Свадебную песню прерывает вбегающий Глумов с газетой в руках: "Ура! В газете ничего нет!" Все высмеивают его и оставляют одного.

17) После обнаружения дневника и неудачи со свадьбой Глумов в отчаянии. Он решает покончить жизнь самоубийством, требует от униформиста "веревочку". С потолка ему спускают лонжу. Он прикрепляет к спине "ангельские крылья", и его с зажженной свечой в руках начинают поднимать к потолку. Хор поет "По небу полуночи ангел летел" на мотив "Сердце красавицы". Эта сцена пародирует "вознесение на небо".

18) На сцене появляется Голутвин ("злодей"). Глумов, увидев своего врага, начинает осыпать его ругательствами, спускается на сцену и бросается на "злодея".

19) Глумов и Голутвин бьются на эспадронах. Побеждает Глумов. Голутвин падает, и Глумов срывает с брюка Голутвина большую наклейку, под ней слово "нэп".

20) Голутвин исполняет куплеты о нэпе. Глумов ему подпевает. Оба танцуют. Голутвин приглашает Глумова "идти к нему в подручные", ехать в Россию.

21) Голутвин, балансируя зонтиком, проходит по наклонной проволоке над головами зрителей на балкон - "уезжает в Россию".

22) Глумов решает последовать его примеру, взбирается на проволоку, но срывается (цирковой "каскад") и со словами: "Ох скользко, скользко, я лучше переулочками" следует за Голутвиным "в Россию", по менее опасному пути, через зрительный зал.

23) На сцену выходит "рыжий" (клоун), который плачет, приговаривая: "Уехали, а человека-то забыли". С балкона по проволоке, на зубах спускается другой клоун.

24,25) Между двумя "рыжими" возникает перебранка; один обливает другого водой, тот от неожиданности падает. Один из них объявляет: "конец" и раскланывается с публикой. В этот момент под сидениями в зрительном зале происходит пиротехнический взрыв.

Владимир Маяковский. Статьи из ЛЕФа и о ЛЕФе **МОЖНО ЛИ СТАТЬ САТИРИКОМ?**

В РСФСР появился, появившись -- размножился и в настоящее время усердно и успешно работает целый ряд сатирических журналов: партийные -- "Крокодил", "Красный перец", просто журнал "Мухомор" (Питер). Просто литературные журналы объявляют о сатирических отделах ("Прожектор"), газеты больше чем когда-нибудь печатают сатирические стихи и фельетоны. Редкий номер "Правды" или "Известий" обходится без карикатуры.

Общее впечатление: количество и отчасти уровень сатиры сильно повысились.

Чем объяснить?

Во-первых, конечно, нашей политической победой и рядом наших экономических побед.

Открылась возможность серьезнее почистить советское "нутро".

Если раньше скромная карикатура на редактора какой-нибудь РОСТА вызывала сетование "сановника" на "подрывание основ", то теперь мы видим (напр., в карикатуре "Крокодила" по поводу празднования дня реализации урожая) целую "пляску Наркомов".

Это первое условие -- возможность смеха. Но этого мало. Необходимо **"профессиональное"** поднятие квалификации сатирика.

Вот это -- область, поддающаяся любому обучению.

Тем смешных нет. Каждую тему можно обработать сатирически.

Есть, правда, темы, которые напрашиваются на смех, напр.: соглашатель, эмигрант, саботажник. Эти темы вызовут улыбку даже при минимальной обработке. Но при таковой -- "смешное" быстро истирается, тема становится надоевшей.

Необходима и обработка материала.

Если это литературное произведение, должно быть заострено слово.

Разобрать в маленькой статье много возможностей трудно. Приведу только несколько приемов.

Напр., частушка. Почему запоминается такое четверостишие?

Милкой мне в подарок бурка
И носки подарены --
Мчит Юденич с Петербурга
Как наскипидаренный.

Потому что шаблонная тема о Юдениче заострена этой легкой, но продуманной и необычной рифмой "наскипидаренный". При шаблонности темы -- обработка вызывает все-таки смех.

Например, для прозы. В последнем номере "Крокодила" есть блестящая строка к рисунку на русскую тему:

"Убийцы из-за угла".

В чем сила, в чем сатиричность этой фразы?

В том, что взято обычное выражение "убийцы из-за угла" и изменением одной буквы дан совершенно новый, даже на первый взгляд "страшный" смысл.

Важно, например, для стиха, чтоб он был в "смешном" размере, уже самым ритмом вызывая смех. Например, стих Д. Бедного о Вандервельде:

Посмотрите, Наркомюст, Наркомюст,

Что за ножки, что за бюст,
Да.

Применение к серьезному предмету шансонетки -- смешит. Даже эти беглые примеры показывают, что смех -- в обработке, что обработка эта имеет свои законы, что, следовательно, сатирик не рождается, а учится своему делу, сознательно выработанные приемы дают непроизвольный смех.

Сатира растет -- нужно дать ей высшую квалификацию.

[1923]

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЛАКАТ

Годы войны, годы нашей защиты -- эпоха величайшего напряжения всех сил РСФСР. Труднейшая работа была возложена и на агитискусство.

Время учет и воздаст следуемое каждому усилию.

Наше дело тщательно сохранить все материалы для итогов этой эпохи.

В разгаре агитации меняются лозунги, меняются методы. Мы часто опровергаем вчерашний день и откидываем всё, к нему относящееся. Делу истории революции -- огромный ущерб.

Такая судьба постигла, к сожалению, революционный плакат. Главным образом, плакат ручной.

Война и разруха шли вместе. Печатный станок не справлялся с требованием на плакат. Даже если и справлялся, то безнадежно затягивал, теряя агитационность. Например, был сдан в печать плакат "Последний час" к противопанской войне; за время печатания Польша отошла на второй план: вылез Врангель, пришлось изъять плакат из литографии и приделать баронову голову, и только после разгрома Врангеля висел плакат на питерских стенах. Печатать можно было только пропагандистские плакаты, имеющие длительное значение.

Однодневка-агитка целиком перешла к "кустарям"-ручникам. Эти плакаты имели огромные достоинства.

Вместе с получением телеграмм (для газет, еще не напечатанных) поэт, журналист тут же давал "тему" -- язвительную сатиру, стих. Ночь ерзали по полу над аршинными листами художники, и утром, часто даже до получения газет, плакаты-окна сатиры вывешивались в местах наибольшего людского скопища: агитпункты, вокзалы, рынки и т. д. Так как с машинами считаться не приходилось, плакаты делались огромных размеров, 4х4 арш., многоцветные, всегда останавливающие даже бегущего.

В Харькове, где такие плакаты вывешивались в читальных залах, перед домом всегда стоял хвост.

Организация этой агитации была начата тов. Керженцевым. Началось, естественно, с РОСТА (потом Наркомпрос, Главполитпросвет) -- первого получателя телеграмм. От первого "плакатного отдела" в Москве, худ. Черемных, пошли разветвления в Питер, Харьков, Ростов, Баку и до самых мелких городов. Часто даже получались сведения из деревень об организации отдельчиков. К этому делу пришли лучшие наши художники в Москве: М. М. Черемных, И. А. Малютин (теперешние крокодильцы), Лавинский, Моор, Левин, Нюрнберг, Маяковский имн. др. В Питере -- бывшие сатириконтцы: Лебедев, Козлинский, Бродатый, Радаков.

Вскользь об этих работах упоминает В. Полонский в книге "Революционный плакат". Пара иллюстраций.

Частушки, текст давали Маяковский, Грамен, Шершеневич.

С возрастаньем популярности стали поступать многочисленные требования на московские, считающиеся образцовыми, "окна".

Необходимо было изобретать размножение. Художником мюнхенцем Шиманом был предложен трафаретный способ. После некоторой практики трафаретщики стали давать от 50 до 200 оттисков.

Продукция получалась далеко не шуточная.

Прикиньте: в месяц работали 5 художников, давая по 10 (десяти) плакатных "окон" (всего 500 плакатов), считая в среднем 100 оттисков каждого. Итого -- 50000 ручных плакатов ежемесячно!

К сожалению, сейчас от всего архива этих плакатов остались после всяческих "реорганизаций" и "сливаний" одни лохмотья. А по этим плакатам можно было бы шаг за шагом видеть в рисунке, в карикатуре три года нашей революции, нашей обороны. Работа типографий, ликвидация фронтов -- прекратила год назад эту работу.

Только в нэпских киноафишах, сделанных по трафарету, видишь разлив армии трафаретщиков.

Занятно, что в Париже сейчас художники иллюстрации к книгам, авторисунки и живопись делают часто трафаретным путем. То, что мы делали от машинного голода, Европа делает с жиру -- ведь машины под рукой.

Ниже приводятся текст и плакаты. Несколько из бесчисленного количества, сделанных для Красной Армии.

[1923]

СОБИРАЙТЕ ИСТОРИЮ

Пишущий о российской революции не может часто найти даже печатных вещей, выходящих в наших столицах. А где-нибудь валяется эта самая книжица или газетина.

Нас учит жизнь, работа.

В борьбе мы часто меняем лозунги, методы агитации, к старому относимся враждебно и все, характеризующее вчерашний день, просто забываем и откидываем.

Сейчас, например, в пятилетнюю годовщину Красной Армии, многие вспоминают:

-- Была вот тут одна интересная карточка да еще плакат, а где они -- неизвестно, кажется, селедку завернули.

В первые годы именно нашей революции такая "забывчивость" -- особенно частое явление. Наша революция шла при страшном разгроме техники. Оставшаяся печатная техника разваливалась, не поспевая за бегущей жизнью. Огромное количество нашей агитработы мы вели кустарно, вели вручную.

Вспомним хотя бы "устные газеты", "трафаретные плакаты", "агитпунктные витрины". Первая, например, поездная газета была просто написана мелом на вагонной стенке и, конечно, к "выпуску" следующего номера беспощадно стерлась.

В Московской Центропечати все стены были заклеены плакатами. При первой "реорганизации" стены всю эту редкость просто и мило выкрасили.

Плакатный архив РОСТА был свален в комнату, по нему прошли армии три курьеров и курьерш, а клочки съели мыши.

А ведь по этим клочкам день за днем можно было в стихках и карикатурах проследить всю историю революции.

Если так обращался с историей спокойный сравнительно город, то как издиралось все это в какой-нибудь провинции, которая десятки раз переходила из белых в красные руки.

То, что дошло от этой работы, даже корявое и безграмотное (какие-нибудь солдатские частушки), во много раз интереснее любой напыщенной беллетристики литературных белоручек, пишущих о революции в своих не подлежащих уплотнению кабинетах.

Поэтому не надо брезговать кажущейся незначительностью материала.

Надо хранить каждый клочок.

Пока не всё растеряно.

Провинция: села, города, деревни,-- собирайте всё, имеющее отношение к нашей борьбе, и сдавайте в музеи и прочие учреждения, обязанные следить за историей.

[1923]

С НЕБА НА ЗЕМЛЮ

Еще в восемнадцатом году т. Ленин указывал в "Правде" на необходимость выработки для статей краткого "телеграфного" языка.

В речи т. Калинина на четвертом съезде работников печати -- тоже призыв -- упрощать "стиль" -- внешность, форму наших статей.

Еще бы!

Во всех газетах до сих пор мелькают привычные, но никому не понятные, ничего не выражающие уже фразы: "проходит красной нитью", "достигло апогея", "дошло до кульминационного пункта", "потерпела фиаско" и т. д. и т. д. до бесконечности.

Этими образами пишущий хочет достигнуть высшей образности -- достигается только непонятность.

На одной московской лестнице я видел надпись одного такого писателя:

"Воспрещается не выпускать собак".

Для усиления впечатления "писатель" поставил рядом с "воспрещается" еще и "не выпускать". Получилось не усиление впечатления, а наоборот: по точному смыслу этого приказа каждый должен был бы бешено гнать собак на лестницу.

Точно так же "форма" часто выворачивает "содержание" статей.

Конечно, трудно рабочему, в первый раз берущему в руку перо, думать еще и о своей форме. Он только старается верно описать факт, верно изложить мысль, пользуясь для этого "литературным" языком, т. е. тем словесным материалом, который ему дают сегодняшние публицисты, писатели, поэты.

Один сапожник все время говорил мне про одного хлюста, подозреваемого во всяких темных делишках:

"Товарищ, вы ему не верьте,-- это весьма субъективная личность".

Иностранщина из учебников, безобразная безобразность до сих пор портит язык, которым пишем мы. А в это время поэты и писатели, вместо того чтоб руководить языком, забрались в такие заоблачные выси, что их и за хвост не вытащишь. Открываешь какой-нибудь журнал -- сплошь испещрен стихами: тут и "жемчужные зубки", и "хитоны", и "Парфенон", и "грезы", и чорт его знает, чего тут только нет.

Надо бы попросить господ поэтов слезть с неба на землю.

Ты хвастаешься, что ты хорошо владеешь словом,-- будь добр, напиши образцовое "Постановление месткома об уборке мусора со двора". Не хочешь? Ты говоришь, что у тебя более возвышенный стиль? Тогда напиши образцовую передовицу, обращенную к народам мира,-- разве может быть более возвышенная задача? Только тогда мы поверим, что твои упражнения в области поэзии имеют действительный смысл, что твоя возвышенная работа может быть использована для улучшения жизни людей. Тогда никто не будет возражать и против твоих туманных, непонятных стихов.

А то у нас в области словесного искусства -- одни инженеры и ни одного рабочего, ни одного мастера.

А какой тогда смысл в возвышенных планах?

[1923]

ЗА ЧТО БОРЕТСЯ ЛЕФ?

905-ый год. За ним реакция. Реакция осела самодержавием и удвоенным гнетом купца и заводчика.

Реакция создала искусство, быт -- по своему подобию и вкусу. Искусство символистов (Белый, Бальмонт), мистиков (Чулков, Гиппиус) и половых психопатов (Розанов) -- быт мещан и обывателей.

Революционные партии били по бытию, искусство восстало, чтоб бить по вкусу.

Первая импрессионистическая вспышка -- в 1909 году (сборник "Садок судей").

Вспышку раздували три года.

Раздули в футуризм.

Первая книга объединения футуристов -- "Пощечина общественному вкусу" (1914 г. -- Бурлюк Д., Каменский, Крученых, Маяковский, Хлебников).

Старый строй верно расценивал лабораторную работу завтрашних динамитчиков.

Футуристам отвечали цензурными усекованиями, запрещением выступлений, лаем и воем всей прессы.

Капиталист, конечно, никогда не мценировал наши хлысты-строчки, наши занозы-штрихи.

Окружение епархиальным бытом заставляло футуристов глумиться желтыми кофтами, раскрашиванием.

Эти мало "академические" приемы борьбы, предчувствие дальнейшего размаха -- сразу отвадили примкнувших эстетствующих (Кандинский, Бубновалетчики и пр.).

Зато кому терять было нечего, примкнули к футуризму или же занавесились его именем (Шершеневич, Игорь Северянин, "Ослиный хвост" и др.).

Футуристическое движение, ведомое людьми искусства, мало вникавшими в политику, расцветивалось иногда и цветами анархии.

Рядом с людьми будущего шли и молодящиеся, прикрывающие левым флагом эстетическую гниль.

Война 1914 года была первым испытанием на общественность.

Российские футуристы окончательно разодрали с поэтическим империализмом Маринетти, уже раньше просвистев его в дни посещения им Москвы (1913 год).

Футуристы первые и единственные в российском искусстве, покрывая бряцания войнопевцев (Городецкий, Гумилев и др.), прокляли войну, боролись против нее всеми оружиями искусства ("Война и мир" Маяковского).

Война положила начало футуристической чистке (обломились "Мезонины", пошел на Берлин Северянин).

Война велела видеть завтрашнюю революцию ("Облако в штанах").

Февральская революция углубила чистку, расколола футуризм на "правый" и "левый".

Правые стали отголосками демократических прелестей (фамилии их во "Всей Москве").

Левых, ждущих Октябрь, окрестили "большевиками искусства" (Маяковский, Каменский, Бурлюк, Крученых).

К этой футуристической группе примкнули первые производственники-футуристы (Брик, Арватов) и конструктивисты (Родченко, Лавинский).

Футуристы с первых шагов, еще во дворце Кшесин-ской, пытались договориться с группами рабочих писателей (буд. Пролеткульт), но эти писатели думали (по вещам глядя), что революционность исчерпывается одним агитационным содержанием, и оставались в области оформления полными реакционерами, никак не могущими спаяться.

Октябрь очистил, оформил, реорганизовал. Футуризм стал левым фронтом искусства. Стали "мы".

Октябрь учил работой.

Мы уже 25-го октября стали в работу.

Ясно -- при виде пяток улепетывающей интеллигенции нас не очень спрашивали о наших эстетических верованиях.

Мы создали, революционные тогда, ИЗО, ТЕО, МУЗО; мы повели учащихся на штурм академии.

Рядом с организационной работой мы дали первые **вещи искусства октябрьской** эпохи. (Татлин -- памятник 3-му интернационалу, "Мистерия-буфф" в постановке Мейерхольда, "Стенька Разин" Каменского.)

Мы не эстетствовали, делая вещи для самолюбования. Добытые навыки применяли для агитационно-художественных работ, требуемых революцией (плакаты РОСТА, газетный фельетон и т. п.).

В целях агитации наших идей мы организовали газету "Искусство коммуны" и обход заводов и фабрик с диспутами и чтением вещей.

Наши идеи приобрели рабочую аудиторию. Выборгский район организовал Ком-фут.

Движение нашего искусства выявило нашу силу организацией по всей РСФСР крепостей левого фронта.

Параллельно этому шла работа дальневосточных товарищей (журнал "Творчество"), утверждавших теоретически социальную неизбежность нашего течения, нашу социальную слитность с Октябрем (Чужак, Асеев, Пальмов, Третьяков). "Творчество", подвергавшееся всяческому гонениям, вынесло на себе всю борьбу за новую культуру в пределах ДВР и Сибири.

Постепенно разочаровываясь в двухнедельности существования Советской власти, академики стали в одиночку и кучками стучаться в двери наркоматов.

Не рискуя пользоваться их в ответственной работе, Советская власть предоставила им--вернее, их европейским именам -- культурные и просветительные задворки.

С этих задворок началась травля левого искусства, блестяще завершенная закрытием "Искусства коммуны" и проч.

Власть, занятая фронтами и разрухой, мало вникала в эстетические распри, стараясь только, чтоб тыл не очень шумел, и урезонивала нас из уважения к "именитейшим".

Сейчас -- передышка в войне и голоде. Леф обязан продемонстрировать панораму искусства **РСФСР**, установить перспективу и занять подобающее нам место.

Искусство РСФСР к 1 февраля 1923 г.

I. Пролетискусство. Часть выродилась в казенных писателей, угнетая канцелярским языком и повторением политазов. Другая -- подпала под всё влияние академизма, только названиями организации напоминая об Октябре. Третья, лучшая часть -- переучивается после розовых Белых по нашим вещам и, верим, будет дальше шагать с нами.

II. Официальная литература. В теории искусства у каждого -- личное мнение: Осинский хвалит Ахматову, Бухарин -- Пинкертону. В практике -- журналы просто пестрят всеми тиражными фамилиями.

III. "Новейшая" литература (Серрапионы, Пильняк и т. д.) -- усвоив и разжижив наши приемы, сдабривают их символистами и почтительно и тяжело приноравливают к легкому нэпочтению.

IV. Смена вех. С запада грядет нашествие просветившихся маститых. Алексей Толстой уже начищает белую лошадь полного собрания своих сочинений для победоносного въезда в Москву.

V. И, наконец,-- нарушая благочинную перспективу,-- в разных углах одиночки -- левые. Люди и организации (Инхук, Вхутемас, Гитис Мейерхольда, ОПОЯЗ и др.). Одни героически стараются поднять в одиночку непомерно тяжелую новь, другие еще напильниками строк режут кандалы старья.

Леф должен собрать воедино левые силы. Леф должен осмотреть свои ряды, отбросив прилипшее прошлое. Леф должен объединить фронт для взрыва старья, для драки за охват новой культуры.

Мы будем решать вопросы искусства не большинством голосов мифического, до сих пор только в идее существующего, левого фронта, а делом, энергией нашей инициативной группы, год за годом ведущей работу левых и идейно всегда руководивших ею.

Революция многому выучила нас.

Леф знает:

Леф будет:

В работе над укреплением завоеваний Октябрьской революции, укрепляя левое искусство, **Леф будет агитировать искусство идеями коммуны**, открывая искусству дорогу в завтра.

Леф будет агитировать нашим искусством массы, приобретая в них организованную силу.

Леф будет подтверждать наши теории действенным искусством, подняв его до высшей трудовой квалификации.

Леф будет бороться за искусство-строение жизни.

Мы не претендуем на монополизацию революционности в искусстве. Выясним соревнованием.

Мы верим -- правильностью нашей агитации, силой делаемых вещей мы докажем: **мы на верном пути в грядущее.**

[1923]

В КОГО ВГРЫЗАЕТСЯ ЛЕФ?

Революция переместила театр наших критических действий.

Мы должны пересмотреть нашу тактику.

"Сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с парохода современности"--наш лозунг 1912 года (предисл. "Пощечины Общ. Вк.").

Классики национализировались.

Классики почитались единственным чтивом.

Классики считались незыблемым, абсолютным искусством.

Классики медью памятников, традицией школ -- давили всё новое.

Сейчас для 150 000 000 классик -- обычная учебная книга.

Что ж, мы даже можем теперь эти книги, как книги, не хуже и не лучше других, приветствовать, помогая безграмотным учиться на них; мы лишь должны в наших оценках устанавливать правильную историческую перспективу.

Но **мы** всеми силами нашими **будем бороться против перенесения методов работы мертвых в сегодняшнее искусство.** Мы будем бороться против спекуляции мнимой понятностью, близостью нам маститых, против преподнесения в книжках молоденьких и молодящихся пыльных классических истин.

Раньше мы боролись с хвалой, с хвалой буржуазных эстетов и критиков. "С негодованием отстраняли от нашего чела из банных веников сделанный венок грошовой славы".

Сейчас мы с радостью возьмем далеко не грошовую славу послеоктябрьской современности.

Но **мы будем бить** в оба бока:

тех, кто со злым умыслом идейной реставрации приписывает акстарью действительную роль в сегодня,

тех, кто проповедует внеклассовое, всечеловеческое искусство,

тех, кто подменяет диалектику художественного труда метафизикой пророчества и жречества.

Мы будем бить **в один**, в эстетический бок:

тех, кто по неведению, вследствие специализации только в политике, выдают унаследованные от прабабушек традиции за волю народа,

тех, кто рассматривает труднейшую работу искусства только как свой отпускной отдых,

тех, кто неизбежную диктатуру вкуса заменяет уч-редиловским лозунгом общей элементарной понятности,

тех, кто оставляет лазейку искусства для идеалистических излияний о вечности и душе.

Наш прошлый лозунг: "Стоять на глыбе слова "мы" среди моря свиста и негодования".

Сейчас мы ждем лишь признания верности кашей эстетической работы, чтобы с радостью растворить маленькое "мы" искусства в огромном "мы" коммунизма.

Но мы очистим наше старое "мы":

от всех, **пытающихся революцию искусства** -- часть всей октябрьской воли -- **обратить в оскаруайльдовское самоуслаждение эстетикой ради эстетики**, бунтом ради бунта; от тех, кто берет от эстетической революции только внешность случайных приемов борьбы,

от тех, кто возводит отдельные этапы нашей борьбы в новый канон и трафарет,

от тех, кто, разжижая наши вчерашние лозунги, стараются засахариться блюстителем посевшего новаторства, находя своим успокоенным пегасам уютные кафеинные стойла,

от тех, кто плетется в хвосте, перманентно отстает на пять лет, собирая сушеные ягодки омоложенного академизма с выброшенных нами цветов.

Мы боролись со старым бытом.

Мы будем бороться с остатками этого быта в сегодня.

С теми, кто поэзию собственных домков заменил поэзией собственных домкомов.

Раньше мы боролись с быками буржуазии. Мы эпатировали желтыми кофтами и размалеванными лицами.

Теперь мы боремся с жертвами этих быков в нашем советском строе.

Наше оружие -- пример, агитация, пропаганда.

[1923]

КОГО ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ЛЕФ?

Это нам.

Товарищи по Лефу!

Мы знаем: мы, левые мастера, мы -- лучшие работники искусства современности.

До революции мы накопили вернейшие чертежи, искуснейшие теоремы, хитроумнейшие формулы -- форм нового искусства.

Ясно: скользкое, кругосветное брюхо буржуазии было плохим местом для стройки.

В революцию мы накопили множество правд, мы учились жизни, мы получили задания на реальнейшую стройку в века.

Земля, шатаемая гулом войны и революции, -- трудная почва для грандиозных построек.

Мы временно спрятали в папки формулы, помогая крепиться дням революции.

Теперь глобуса буржуазного пуза нет.

Сметя старье революцией, мы и для строек искусства расчистили поля.

Землетрясения нет.

Кровью цементенная, прочно стоит СССР.

Время взяться за **большое.**

Серьезность нашего отношения к себе -- единственный крепкий фундамент для нашей работы.

Футуристы!

Ваши заслуги в искусстве велики; но не думайте прожить на проценты вчерашней революционности. Работой в сегодня покажите, что ваш взрыв не отчаянный вопль ущемленной интеллигенции, а борьба -- работа плечом к плечу со всеми, с рвущимися к победе коммуны.

Конструктивисты!

Бойтесь стать очередной эстетической школкой. Конструктивизм только искусства -- ноль. Стоит вопрос о самом существовании искусства. Конструктивизм должен стать высшей формальной инженерией всей жизни. Конструктивизм в разыгрывании пастушеских пасторалей -- вздор.

Наши идеи должны развиваться на сегодняшних вещах.

Производственники!

Бойтесь стать прикладниками-кустарями.

Уча рабочих, учитесь у рабочего. Диктуя из комнат эстетические приказы фабрике, вы становитесь просто заказчиками.

Ваша школа -- завод.

Опоязовцы!

Формальный метод -- ключ к изучению искусства. Каждая блоха-рифма должна стать на учет. Но бойтесь ловли блох в безвоздушном пространстве. Только рядом с социологическим изучением искусства ваша работа будет не только интересной, но и нужной.

Ученики!

Бойтесь выдавать случайные искривы недоучек за новаторство, за последний крик искусства. Новаторство Дилетантов -- паровоз на курьих ножках.

Только в мастерстве -- право откинуть старье.

Все вместе!

Переходя от теории к практике, помните о мастерстве, о квалификации.

Халтура молодых, имеющих силы на громадное, еще отвратительнее халтуры слабосильных академиков.

Мастера и ученики Лефа!

Решается вопрос о нашем существовании.

Величайшая идея умрет, если мы не оформим ее искусно.

Искуснейшие формы останутся черными нитками в черной ночи, будут вызывать только досаду, раздражение спотыкающихся, если мы не применим их к формовке нынешнего дня -- дня революции.

Леф на страже.

Леф -- защита всем изобретателям.

Леф на страже.

Леф отбросит всех застывших, всех заэстетившихся, всех приобретателей.

[1923]

Красная Нива

«Красная нива», литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. Выходил в издательстве «Известий ВЦИК» (Москва) в 1923-31 под редакцией А.В.Луначарского, Ю.М.Стеклова и др. В журнале публиковались главным образом небольшие произведения - стихи, рассказы, очерки, отрывки из романов и повестей. На страницах журнала печатались А.Н.Толстой, М.А.Шолохов, Ф.В.Гладков, М.М.Пришвин, В.Я.Шишков, В.В.Иванов, А.Грин, К.А.Федин, М.С.Шагинян, В.В.Маяковский, С.А.Есенин, Э.Г.Багрицкий, М.П.Герасимов, В.Д.Александровский. Помещались переводы: отрывки из романов Р.Роллана, Г.Уэллса, рассказы А.Барбюса, М.Залки и др.

А. А. Дейнека. Иллюстрации в журнале «Красная Нива»

Лыжники. Обложка журнала «Красная нива» (1927. № 3)

1927 год

На отдыхе (Рисунок из окна). Иллюстрация из журнала «Красная нива» (1927. № 32)
1927 г

Футбол. Рисунок для журнала «Красная нива»

1927 год

На финише. Оборот обложки журнала «Красная нива» (1928. № 20)

1928 год

Агамали Оглы. Новый тюркский алфавит

Новый тюркский алфавит – орудие культурной революции на Востоке. Главным тормозом культурного развития тюрко-татарских народностей является трудность мусульманской письменности. Чтобы овладеть простой грамотой, нужно было потратить долгие годы. На общее образование нехватало сил и времени. Советской властью в борьбе за культуру народов Востока постановлено перейти на новый тюркский алфавит (на латинской основе). О значении этой реформы и говорит в своей статье председатель Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита тов. Агамали Оглы.

Понятие «культурная революция» могло возникнуть и определиться только в процессе советского строительства и является его продуктом, ибо потребность в этой революции могла родиться и развиваться только из советской практики. В странах капитализма и империализма нет надобности в культурной революции, которая противоречит буржуазным общественным отношениям.

Восток задыхался в замкнутости. Главной причиной этому был алфавит. Тюрко-татарская молодежь тратила все свои силы на десятилетнее обучение, чтобы овладеть мусульманской письменностью. На общее образование нехватало сил, нехватало времени.

Советский Союз, руководствуясь идеями Ильича пробудить народы Востока от вековой темноты, правильно подошёл к ликвидации главного тормоза культурного развития тюрко-татарских народностей: к упрощению шрифта, которым пользовались восточные народы.

В одной из республик (Азербайджан) уже кончена вся работа по латинизации, вся печать перешла на новый тюркский алфавит.

По старому алфавиту грамотных было 8 проц., среди них рабочих и крестьян самое ничтожное количество. Теперь же по новому алфавиту грамотных 20 проц., и, конечно, главным образом рабочие и крестьяне.

Небезынтересно отметить, что в низах лучше читают по новому алфавиту; и это объясняется тем, что низы не имеют нескольких грамот.

Но так или иначе – перелом совершен.

Среди других республик Узбекистан имеет по приблизительному подсчету грамотных по новому алфавиту 175 тыс. человек. Это за полтора года работы. Узбекистан, вероятно, в недалеком будущем также окончательно проведет у себя латинизацию. Туркменистан также находится в стадии полной реформы алфавита. По старому алфавиту здесь мало грамотных (5 проц.). Это дает большую успешность новому делу: новый алфавит по распространенности здесь перешагнет старый.

Казакстан сильно взялся за работу. Пропаганда и агитация фактически закончены и приступлено к проведению в жизнь латинского шрифта. То же самое наблюдается в Башкирской и Киргизской республиках.

В Татарской республике проделана огромная работа. Есть задание ударно сверх существующих грамотных по новому алфавиту в течение нескольких месяцев ликвидировать неграмотность 50 тыс. человек из рабочих и крестьян. Такое же задание дано и другим республикам.

В республиках Северного Кавказа наблюдается также отрадная картина: три газеты перешли на новый алфавит, а остальные имеют по одной, по две вкладки по новому алфавиту. Есть твердая уверенность, что в скором времени работа по латинизации закончится.

Так или иначе, в нашем Союзе есть предположение закончить переход на новый алфавит в течение двух лет, т. е. к 1 января 1931 года.

Большие затруднения встречаются в техническом оборудовании типографии и приобретении пишущих машин, а также в связи с бумажным голодом. Устранение этих затруднений ускорило бы окончание работы и быстрого охвата масс новым алфавитом. Я думаю, что с этим алфавитом массы очень скоро ликвидируют свою неграмотность, и так называемая пропасть, которая отделяет ее от грамотности, скоро перестанет существовать. Революционное значение нового тюркского алфавита не подлежит никакому сомнению. Со старым алфавитом была связана масса предрассудков, суеверий и вся исламская косность, так как этот алфавит считался произведением бога, а не человека. Это понятие новым алфавитом разрушается в корне.

Самое же главное в том, что грамота, прежде охватывавшая верхи, духовенство, кулаков, купцов, помещиков и исламскую интеллигенцию, перекочевала теперь в широкие трудовые массы. Духовенство лишается авторитета, т. к. оно было знатоком арабской грамоты. Увы, теперь этой грамоты не стало. Изоляция духовенства в новом мире при этой ситуации несомненна.

Революционность нового алфавита заключается еще в том, что люди другого языка легко заучивают этот алфавит, а с его помощью и язык. Между тем, старый алфавит представлял собой китайскую грамоту для взаимного проникновения культуры, так как был доступен только ученым. Конечно, востоковеды должны и будут изучать Восток. Но я говорю не о них, а о массе. Я сейчас вспоминаю встречу с одним профессором, который высказал мысль, что с этим введением нового алфавита Восток теряет свою прелесть и ту самобытность, которую он, профессор, годами изучал, чтобы рассказывать об интересных вещах Востока своим читателям.

Новый алфавит от нас перекинулся в Турцию, и там уже весьма энергично принялись за его проведение. Разница между нами и Турцией заключается в том, что у нас

дело латинизации пошло с низов, а у них сверху. Соппротивление же у нас проявлялось со стороны верхов. Напр., в Казани была подана петиция 85. В эту группу входили почтенные ветераны старой жизни и уходящей культуры, которые первые почувствовали опасность грозящей им новой общестственности. Один из таких ветеранов у нас в Азербайджане с горечью воскликнул:

— Итак, мы стали равными со всем народом, 30 лет был я грамотен и поучал умудразуму других, считался человеком с положением, и все это вдруг изменилось. Это трагично.

Верно, это трагедия, но, проходя мимо таких маленьких трагедий, мы уничтожаем более глубокую и значительную народную трагедию.

Новый алфавит обсуждается также в Персии, где у него много сторонников.

В планы реформ Амануллы входил также и новый алфавит. Но английская политика сумела сорганизовать темные исламские силы и временно ликвидировать в Афганистане все начинания. Со дня первого созыва у нас тюркологического с'езда Англия очень злобно относится к нам и к новому алфавиту, как проводнику культуры. Англичане обиделись на то, что какие-то тюрки, которых не так давно изучали, как остатки древности, доросли до тюркологического с'езда и решились заменить старый алфавит новым. Англичане правильно оценили значение нового алфавита. Они, скрепя сердце, готовы примириться с уничтожением женского затворничества, с отделением мечети от государства и т.п., но новый алфавит – этому они будут препятствовать.

Совсем недавно в органе английского министерства колоний «Нир-ист» была напечатана статья, разносящая Турцию за новшества и, главным образом, за латинский алфавит. В этой статье подчеркивается, что переход с арабского на латинский алфавит роняет значение корана, ниспосланного с неба Магометом.

Словом, орган английского министерства колоний старается играть на самых консервативных, закоснелых струнах религиозного фанатизма и невежества мусульман. «Нир-ист» задает при этом тон наиболее реакционным элементам и муллам восточных стран.

Но раз Англия повела атаку против нового алфавита на Востоке, этим вернее всего доказывается революционное значение нового алфавита. Все это предвидел Ленин еще в 1922 г., когда только начиналось движение в пользу нового алфавита.

Самый сильный удар на Востоке по суевериям и предрассудкам наносит новый «греховный» алфавит. Замечательно то, что в затворнических странах, как, напр., в Средней Азии, в Азербайджане, алфавит облегчает раскрепощение женщин и вызывает при своем возникновении оживленное обсуждение «за» и «против».

В нашем Союзе за алфавитом должна последовать другая революция: раскрепощение женщин. И оно уже идет сильным темпом.

Народы севера не совсем ясно представляют себе ту бурную работу, которая протекает в отсталых национальных республиках, в особенности в затворнических обществах, и это до известной степени тормозит работу, которая признана нашей партией одним из русел великого революционного потока.¹¹⁴

А. Аграновский. Паранджа

«На это заседание съезда совета пришли тысячи женщин и девушек — учащихся города с требованием об издании декрета о снятии паранджи».
(Из самаркандской газеты).

Это была наглая ложь. Я присутствовал на всех заседаниях с момента открытия съезда советов до часа его закрытия, но того, что сообщает газета, не видел. Было другое: в

первый день работы съезда в торжественной части на трибуну поднялась работница-узбечка, приветствовала делегатов, привела несколько горьких примеров тяжелой участи узбекской женщины и высказала пожелание о скорейшем осуществлении лозунга советской власти насчет раскрепощения женщин. Вот все, что было сказано. Никаких «тысяч», никаких требований, да и вообще с каких это пор в Бухаре объявились в учебных заведениях «тысячи женщин и девушек»?

Газетная заметка произвела гнетущее впечатление. Обидно было за газету, за автора. Зачем выдумывать, лгать, зачем срамить себя всенародно?

На смену первому настроению пришло соображение более серьезного порядка. Ведь вот так создается общественное мнение. Сегодня «требуют» декрета о снятии паранджи бухарские «тысячи», завтра потребуют этого ферганские женщины и девушки, — а там пойдут миллионы. Прочтут об этом в Ташкенте, в Москве и впрямь решат, что таково единодушное требование всех женщин Узбекистана. Но так ли это? Действительно ли назрел вопрос о декрете? Действительно ли настал момент, когда правительство должно административным путем объявить паранджу вне закона? Или, быть может, узбекской женщине должна быть оказана совсем иная помощь, и общественное внимание должно быть мобилизовано для осуществления совсем иных чаяний узбекской женщины?

В течение полуторамесячного путешествия по Средней Азии я был неоднократно осаждаем женотделами различных городов, которые настаивали на издании декрета против паранджи. И в Бухаре, и в Фергане, и в Андижане меня засыпали самыми жуткими фактами из области преследования женщин, которые в основном сводились к тому, что будет декрет — будет раскрепощена женщина, не будет декрета — революция в опасности. А между тем все жуткие факты, которые приводились женработниками, меньше всего говорили за спасительный декрет. Но таково единодушное мнение женотделов, «так проходит слава по миру», так создается общественное мнение, и в этом году к годовщине женского дня, наперед можно сказать, опять появятся статьи за декрет, призывы, резолюции «тысяч женщин и девушек», снова будет истерика, и снова общественное внимание будет отвлекаться от истинных, неотложных задач, стоящих на пути действительного раскрепощения женщины Ближнего Востока.

* * *

Ведь вопрос в правильном анализе происходящих сейчас в Узбекистане процессов борьбы за паранджу и против нее.

Когда я узнаю, что в селе Купьяр, Янги-Курганского района, Коримбаев Курсан убил свою жену Адаместан за то, что та отказалась жить с ним и потребовала развода, я говорю: Курсан Коримбаев не против паранджи. Он деспот, и вне зависимости от того, будет ли издан декрет или не будет издан, до тех пор, пока мы не перевоспитаем подобных извергов и деспотов, они будут издеваться над женщиной.

Я открываю сводку андижанского прокурора о движении дел, «связанных с раскрепощением» женщин, и читаю:

«В селении Мундус Ибрагим Умарбеков предложил своей жене Джасибе переехать на новое местожительство. Когда та отказалась, он ударом ножа убил ее».

«Хасанбай Мурзакаримов нанес своей жене Кумрехан четыре ножевые раны за то, что она несвоевременно приготовила ему чай».

Сводка длинная, в ней приводится десятка два аналогичных «дел». Но опять-таки, по мере того, как я вчитываюсь в материал, все яснее и яснее становится, что вопрос не в декрете о снятии паранджи, в приведенных примерах не упомянуто даже слово «паранджа», возможно, что Кумрехан, несвоевременно приготовившая чай Хасанбаю, вполне правоверная мусульманка и активная сторонница паранджи. Почему же эта история попала в сводку прокурора о делах, «связанных с раскрепощением»?

Убийство женщины из-за несвоевременно приготовленного чая и из-за того, что она сняла паранджу, конечно, явления одного порядка. И то и другое говорит за то, что женщина — раба мужчины, что она ни во что не ценится. Но следует ли отсюда, что

декретом можно решить этот вековечный вопрос, что достаточно издание декрета об обязательном снятии паранджи, чтобы женщина сразу воспрянула, муж пал моментально ниц, а женотдел и все мы, вместе взятые, считали бы себя свободными от систематической углубленной работы по перевоспитанию аула и кишлака?

В Бухаре узбек облил себя керосином и сжег себя всенародно из-за того, что обе его жены раскрылись. Вы чувствуете силу протеста? В Андижанском округе в одном селе группа узбеков отрубила голову раскрытой женщине и, как футбольным мячом, играла головой на глазах у односельчан. В третьем месте раскрытая женщина, спасаясь от преследовавшего ее мужа, стучалась во все двери, но ни один сосед не впустил несчастную в дом. Она была зарублена в присутствии десятка мужчин и женщин.

И вот такому варварству, для определения силы которого не подберешь подходящего эпитета, пытаются противопоставить декрет. Женщина вправе де будет заявить мужу: не я сняла паранджу, меня заставил декрет. Ах, декрет? — переспросит муж, тогда прошу извинения. Больше не буду мучить тебя, издеваться и резать.

О, какая наивность!

Сижу на бухарском съезде советов, на том самом, который приветствовали «тысячи женщин и девушек», «требуя» издания декрета, и внимательно вслушиваюсь в речи делегатов. Я не понимаю узбекского языка, но по горячим глазам, по страстной жестикуляции догадываюсь, что товарищи говорят об очень серьезных обидах. С нетерпением жду перевода.

«Обращаю также внимание съезда на то, что у нас совершенно отсутствуют клубы и школы, что в период раскрепощения женщины совершенно недопустимо, ибо она лишена возможности проявить активность».

«В 1926 году была проведена земельная реформа. При разделении земли была также привлечена женщина. Землю ей дали, но кредита и другой соответствующей поддержки не дали, и она вынуждена была отдать свою землю в аренду баям. Из этого видно, что сельское хозяйство, которое поручено было женщине, не может обойтись без государственной помощи».

«Райисполкомы и сельсоветы совершенно не втягивают раскрытых женщин в общественную работу, и женщина стоит в стороне от всякой культурной и общественной жизни».

«Наши женщины из-за недостатка общественной помощи зачастую идут на улицу и развивают проституцию. Наша женщина абсолютно неграмотна, некультурна, и потому снятие паранджи далеко еще не есть раскрепощение женщины».

А в частной беседе одна делегатка-коммунистка, председатель крупного сельсовета (узбечка), сказала еще яснее:

- У нас есть женщины, которые поверили нашему лозунгу, сняли паранджу и... воюют сейчас с мужьями. Были бы они самостоятельны, учились бы ремеслу, грамоте, шли бы к светлomu пути т. Ленина, они бы выиграли борьбу с мужьями. Но, дорогой товарищ, поддержки нет, женщина одинока в борьбе, проходит месяц, другой, от лозунга ничего не остается, и опять приходится одеть паранджу, и только синяков на теле прибавляется новых много-много...

Беру цифру. Из бюджета узбекского Наркомпроса на женское образование отпущено было в прошлом году всего 4 проц. И это при стихийной тяге узбекской женщины к учебе и раскрепощению! Какой декрет о снятии паранджи, архистрого проведенный в жизнь, с самыми тяжкими карательными санкциями за противодействие, сумеет при таком положении удержать раскрывшуюся женщину на ее новых позициях (в борьбе с мужем), если она весь свой век вынуждена прожить в невежестве, если даже грамоту не дают ей изучить!

Советское законодательство в защиту женщин и в частности в защиту восточной женщины — лучшее в мире. Это признано всеми. Никогда в истории человечества женщина не была поставлена на такую высоту перед законом общества, как это нам

удалось осуществить сейчас. Весь вопрос только в умелом и полном применении наших законов на практике, весь вопрос в мобилизации сочувствия к этим законам со стороны широчайших масс трудящихся.

Но вот я узнаю, что ответственный работник и член ЦИК Узбекистана, член партии, некий Касим Хаджаев сам активно агитирует против раскрепощения женщины. Заодно и против латинизации узбекского письма, ибо латинское «t» похоже на крест, а христианство несовместимо с магометанством. Повод присмотреться ближе к вопросу о «сочувствии широчайших масс» более чем подходящий. Изучая проблему, обнаруживаю: Бывший начальник уголовного розыска, работающий сейчас в окружном земотделе в Бухаре, некий Азимов, изнасиловал в 1925 году трех девушек. Судом вынесен приговор, что «в силу малограмотности» обвиняемого наказание выносится ему условно. В 1926 г. Верховный суд отменил приговор, его дело затянулось до 1929 года, а сейчас оно прекращено за давностью.

За 1928 г. по Андижанскому округу не прошло через суд ни одного дела о калыме, о выдаче замуж малолетних, о многоженстве. По Сурхан-Дарьинскому округу из рассмотренных за целый 1928 г. «бытовых» дел (их называют бытовыми, а не мешало бы называть яснее: уголовно-бытовыми) 89 прекращено, а обвиняемые по остальным делам (развращение малолетних, купля женщин), кроме четырех обвиняемых, оправданы.

Обследование загса Старой Бухары показало, что за 1928 год гузарными комиссиями (участковыми сельсоветами) выдано девушкам 169 фиктивных удостоверений о совершеннолетию. Горсовет знал об этом, но не принял мер.

Вот вам и «сочувствие широчайших масс». Обнаружены случаи, когда в загс являлись «невесты» с куклами. Когда такую невесту спрашивали для формы, согласна ли она выйти замуж, ответ раздавался из-под стола, хотя роста невеста была нормального: жених надевал на невесту высокий колпак и всю ее закрывал паранджей.

Значит, дело не только в законе, не только в декретах, а в коренной ломке тысячелетних традиций и варварских обычаев. Дело в перевоспитании хотя бы передовых отрядов, но в том-то вопрос, что даже в среде передовых отрядов далеко не выкорчеваны наследия прошлого.

Директор Ферганского педтехникума (коммунист) за два дня до женитьбы говорил приятелю, что, «кажется», женится на Шакаровой. «Ну, как? — спросил его приятель через несколько дней, — женился?» — «Да, — ответил директор педтехникума, — но не на Шакаровой. Товарищи другую посоветовали».

В Фергане исключили девушку-ученицу из комсомола за то, что она осмелилась взять у другого комсомольца учащегося несколько орехов. Это было расценено как разложение, разврат.

Директорская женитьба и история с орехами — явления одного порядка: узбекская женщина еще не завоевала у мужчины должного к себе отношения. Член партии Тимур-Нажим, сотрудник газеты «Таджик», имея жену европейку и живя с ней вполне «законно», одновременно платил калым гичжуванскому мулле за его дочку. Недавно Тимур-Нажим женился на этой девочке, которой было от роду 13 лет, жене-европейке сказал: «Эта женитьба мне выгодна, так как выплаченный калым составляет большое состояние».

Мне говорили, что один активист-батрак на вопрос, что он сделал бы, если бы он заработал много денег, ответил не задумываясь: «Если бы имел много денег, купил бы красивую жену, сокола и нанял бы малая». Допустим, что это анекдот, но далеко ли ушел приведенный анекдот от жизни, от покупки журналистом-коммунистом 13-летней девочки у мурлы?

Селькор обращается в газету «Кзил Узбекистан» с вопросом: «Старик-отец пришел с топором к заведующему кооперативом отомстить ему за позор дочери, с которой сошелся заведующий кооперативом. Кооператор убил старика выстрелом из револьвера. Кто виноват? Барышня, любовник или отец?» И вот запрос селькора передается газетой для «разрешения»... в коллегии защитников.

Надо ломать быт. Вот единственный вывод, который напрашивается, и конечно, не декретом и не путем издания обязательных постановлений. К сожалению, это не всем ясно. В Янги-Курганском районе сагитированный отряд пионеров напал на арбу, в которой ехало несколько закрытых женщин, и с шумом и гиком сорвал со всех паранджу. В селении Асане женщина-милиционер (узбечка) и зав. женотделом срывают на улице паранджу у проходящих женщин. Куда это годится?

В ряде мест Узбекистана «активная» борьба с паранджей оказалась понятой крайне превратно. Население решило, что речь идет о парандже и чачване, как таковых, и женщины стали заменять паранджу и чачван сатиновыми вуалями «яхтай» и большими платками. Вот как можно извратить идею подлинного раскрепощения!

Проблема разводов — особая тема. В последнее время количество разводов настолько выросло, что превратилось в большое бытовое явление. Но напрасно вы стали бы допытываться у лиц, коим этим ведать надлежит, о причинах этого явления. Никто ничего не знает, никто этим вопросом не интересуется. В лучшем случае представят ничего не говорящие цифры. А между тем правильный анализ причин массовых разводов внес бы большую ясность в методы дальнейшей борьбы за раскрепощенную женщину.

Почему жены стали уходить от мужей? Есть «теория» — ее охотно распространяют, — что разводы происходят на половой почве. Возможно, что в этом есть доля правды? Но неужели этой убогой теорией исчерпывается весь вопрос? А где процессы расслоения семьи на почве политической борьбы, на почве борьбы женщины за самостоятельность, наконец, на почве классовой борьбы (покупка баями бедняцких дочерей)?

Мне известен случай иного развода. Фатима Азимова, женщина преклонных лет, вдруг сбросила паранджу. 40 лет носила паранджу, была правоверной мусульманкой, народила множество детей, ходила дважды с мужем в Мекку и вдруг — или разреши снять паранджу или дай развод.

Фатима Азимова, 40 лет не снимавшая паранджи, оказалась... Ксенией Ивановной Барановской. Дочь сахалинского ссыльного, она 10-летней девочкой была продана за водку нынешнему мужу, отбывавшему там за какое-то преступление наказание. С тех пор прошло много лет. Ксения забыла и родителей, и родину, и язык свой, даже лицом стала узбечкой, и вдруг... Вот это-то «вдруг» остается неизученным нашими женотделами, которые регистрируют разводы, но не пытаются углубиться в их причины.

В Асаке я специально интересовался в загсе вопросом о разводах. Оказалось, что заведующая загсом, активная партийка, когда к ней являются регистрировать развод, считает «невозможным» выяснять причины развода. Это дело частное. Загс не в праве вмешиваться.

- Декрет, декрет! – вопят на собраниях «активистки». — Освободите женщину от конской вуали, раскрепостите женщину-узбечку! А сами не пытаются даже изучить такого простого, но вместе с тем первостепенной важности вопроса, имеющего прямое отношение к декрету, как вопрос о происхождении разводов, вопрос о характере наступившей ломки быта.

* * *

День за днем узбекская женщина отвоевывает все больше и больше прав на участие вместе со всеми в грандиозной перестройке и стройке народного хозяйства своей страны. Мы можем похвастать и без декрета исключительными завоеваниями в этой области. Но все это дается не легко, это стоит многих десятков и сотен женских жизней, это сопряжено с мучительной неравной борьбой, ибо на стороне женщины почти что только «голый» закон, на стороне мужчины — кулак-бай, тысячелетние традиции, темнота, невежество, косность общественности, а иногда прямое сочувствие известной части советского аппарата и даже членов партии средневековым навыкам и взглядам. Значит, вопрос не в декрете.

Когда женщину убивает озверелый муж-собственник, бороться с преступником нетрудно. Наш суд не щадит убийц. Гораздо труднее предупредить убийство, — создать

такое настроение в обществе, при котором невозможны были бы зверские расправы с женщиной. Декрет о парандже не только не явился бы спасительным средством, ибо он вызвал бы еще большую ярость и без того обозленных наших классовых врагов, совершенно правильно расценивающих борьбу с паранджей, как борьбу с ними в первую очередь, но, что особенно важно, он отвлек бы нас от истинных задач, стоящих перед нами в борьбе за раскрепощенную женщину.

Решение вопроса не в декрете, а в вовлечении раскрывшихся уже женщин и тех, которые еще закрыты, в активную общественную жизнь, в классовую борьбу с байством, в учебу. Надо научить женщину грамоте и ремеслам. Решение вопроса не в декларативных законоположениях, а в превращении забытых узбечек в самостоятельных, сознательных и активных участников строительства. («Обращаю внимание съезда, что у нас совершенно отсутствуют клубы и школы!..») А это можно будет провести в жизнь только тогда, когда удар будет перенесен на подлинное перевоспитание масс и на решительную борьбу с теми, кто, сидя в нашем аппарате и прикрываясь советской маской, искажает наше законодательство, искажает установку партии на раскрепощение женщины. Нельзя сколько-нибудь серьезно ставить большой вопрос об объявлении паранджи вне закона, когда в Бухаре на глазах у всех наша советская кооперация закрывает единственную женскую лавку, так как она «невыгодна»: мужчина покупает товар раз-два, а женщина час выбирает. Мы не сумели еще научить женщину в лавку ходить, а мужчин — отпускать им метр бумазеи, где нам до «вопроса в целом»!

И пусть меня простят горячие сторонники немедленного издания декрета, но эта страстная тяга к декрету производит впечатление, что его сторонники хотят прикрыть им свою слабость. Вместо борьбы — настоящей, серьезной, систематической, длительной — за новый быт и коммунистическое общество, вместо вовлечения в эту борьбу широчайших масс трудящихся, и в первую очередь батрачества и бедноты, они хотят одним росчерком пера решить все большие вопросы.

Декрет об обязательном снятии паранджи нужен, но надо подготовить почву для него, чтобы он не превратился в фикцию.¹¹⁵

Красная новь

первый «толстый» литературно-художественный и научно-публицистический журнал пооктябрьского периода. Начал выходить в июне 1921 под редакцией А. К. Воронского. В первый период существования «К. н.» центральное место в ней занимал научно-публицистический отдел, со статьями гл. обр. политического и экономического характера. Участниками этого отдела были Ленин, Степанов-Скворцов, Бухарин, Ларин, Фрунзе, Варга, Радек, Милютин и многие другие. В дальнейшем центр тяжести переместился в сторону художественной литературы и лит-ой критики. В отношении художественной литературы журнал ориентировался преимущественно на писателей-«попутчиков». Эта ориентация нашла свои теоретические предпосылки в тех взглядах на искусство вообще и на русскую литературу революционного периода в частности, которых придерживался А. К. Воронский и к-рые он неоднократно высказывал в ряде своих статей. Несомненны заслуги «К. н.» в деле первоначального собирания попутнических сил, но эта заслуга при неверной литературно-политической позиции редактора (отрицание возможности пролетлитературы) в дальнейшем превратилась в свою противоположность - «К. н.» стала содействовать обособлению попутчиков от развертывавшегося пролетлитературного движения (см. Воронский). Формирование «пролетарского сектора» литературы проходило вне «К. н.» и

почти вне сферы ее воздействия (в «Красную новь» вошло только небольшое число писателей, отколовшихся от МАППа). В критическом отделе «К. н.» помещался ряд статей о современной русской литературе. Большая часть их посвящена творчеству попутчиков. Вначале эти статьи носили боевой публицистический характер и были направлены против ослабления веры в революцию, упадочничества, мистицизма. Впоследствии статьи о художественной литературе утратили этот боевой характер, приняв в значительной мере характер эстетической критики. Весь полемический пыл журнала направился против группы «На посту», боровшейся за литературную гегемонию пролетарских писателей и поведшей кампанию против игнорирования «К. н.» пролетарского крыла литературы, против попустительской политики по отношению к «попутчикам». В результате этой кампании в состав редакции «К. н.» в 1924-1925 дополнительно были введены новые лица (тт. Сорин и Ярославский). В 1927 Воронский был выведен из состава редакции. Но большого и продолжительного эффекта это не дало. Состав сотрудников художественного отдела остался почти тем же. Пролетарская литература продолжала группироваться около «Октября» и «Молодой гвардии». Не улучшилось положение вещей и в последнее время при обновленном составе редакции. Левое крыло литературы продолжает расти вне «К. н.». Большинство же старых участников художественного отдела, в связи с общим поправением буржуазных слоев, помещает в «К. н.» произведения временами реакционные и враждебные революции. Уровень беллетристики снизился и идеологически и художественно. Чрезвычайно оскудел отдел критики. Прежде в нем при всех ошибках и недостатках все же давались продуманные и ценные статьи, позднее он почти сплошь был занят работами поверхностными, импрессионистическими и совершенно непродуманными в отношении метода (обзоры Д. Тальникова). Общее обеднение сказалось и на общественно-политическом отделе. Содержание «К. н.» продолжает вызывать в печати ожесточенные нападки.

Я. Шафир. Экономическая политика белых. (Крымский "опыт")

Представители буржуазии, ее лакеи, когда заходит речь об экономическом развале России, о наших многочисленных разрывах, всегда ссылаются на "коммунистические эксперименты", как на начало всех хозяйственных бед и несчастий. Волей истории юг России, в частности, Крым в течение 1919 - 1920 г.г. стал сферой господства и влияния частной инициативы в области хозяйства. Силой помещичье-буржуазной диктатуры означенный район оказался отрезанным от советской республики. Здесь буржуазия стала "княжить и владеть", проводя свою испытанную веками экономическую политику. Представляется поэтому любопытным обозреть "творческую деятельность" класса, который, по мнению его ученых и идеологов, имеет вековую монополию на руководство экономической жизнью народов.

I. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Предварительно необходимо указать, хотя бы в общих чертах, на положение главных отраслей промышленности в 1919 году, когда правительство генерала Деникина находилось в зените своего могущества, когда белые войска занимали всю Украину, а временами проникали далеко на территорию Великороссии. В первую голову заслуживает внимания состояние Донского бассейна. Добыча угля крайне ничтожна в 1919 году. Угля нехватает даже для снабжения основного потребителя - железных дорог. Ничтожные размеры производства вынудили правительство Деникина, стоявшее в принципе за свободу торговли, прибегнуть к нормированию цен и установлению государственного распределения угля. С этого момента и возникает между правительством белых и торгово-промышленными организациями конфликт, продолжавшийся впоследствии в Крыму. Протсоюз и бюро горно-промышленности юга России требует объявления полной свободы торговли и уничтожения всякой регламентации. Несмотря, однако, на

регламентацию и ничтожность размеров добычи, промышленники ведут переговоры о вывозе угля за границу, где цены на уголь были очень высокие. В последний период хозяйничания белых в Донецком бассейне правительство Деникина санкционирует вывоз за границу 10.000.000 пудов угля через порты Азовского и Черного морей. Вывоз этот не состоялся исключительно по независящим от белых обстоятельствам. Экспорт угля предполагался в Италию и Ближний Восток. Частная инициатива и ее покровители ничего не имели против вывоза, хотя одновременно железные дороги страдали от отсутствия угля, а Новороссийску приходилось снабжаться исключительно английским углем.

Аналогичная политика проводилась и по отношению к нефтяной промышленности в Грозненском и Майкопском районах. Размер добычи означенной промышленности был чрезвычайно ничтожен.

Выплавка металлов за время Деникина совершенно прекратилась. Металлургические заводы пускают в ход не доменные печи, а мартеновские. В связи с расстройством транспорта является мысль об использовании паровозостроительных заводов для ремонта паровозов и использования для технических целей металлургических заводов. Но вопрос о ремонте не нашел своего разрешения во время существования добровольческой армии, и выпуск ремонтируемых паровозов фактически прекращается.

Еще хуже обстоит дело с промышленностью в крымский период. Крым, как местность дачная, всегда обладал ничтожной промышленностью. Правительством белых было сделано все от него зависящее для разрушения и этой промышленности. Данные о состоянии крымской промышленности в 1920 году имеются в архивных материалах Отдела управления торговли и промышленности в виде анкеты по промышленным предприятиям, произведенной в июле. Анкета охватывает всего 32 предприятия, с количеством рабочих в 2.663. Из них:

свыше 100 рабочих 6 предприятий

" 50 " 9 "

" 35 " 5 "

в остальных предприятиях количество рабочих колеблется от 8 - 22. Опросу подвергались, главным образом, табачные фабрики и заводы, вырабатывающие сельскохозяйственные машины и двигатели. Из анкеты видно, что подавляющее большинство предприятий работает либо на оборону, либо на правительственные органы продовольствия. Другие, хотя и работают полностью, но все же производительность их по сравнению с 1919 годом сокращена на 75 - 85%. Причины сокращения производительности сводятся по анкете к следующему: отсутствие топлива, нефти, керосина, дров, сырья, квалифицированных рабочих. Приведем несколько примеров. Владельцы машиностроительного завода Лангемана в Сарабузе в своем ответе пишут, что на заводе работает всего 22 человека. До войны работало 300 человек, во время войны - свыше 500. Владельцы жалуются на отсутствие сортового железа. Владельцы табачной фабрики Месаксуди сообщают, что фабрика вместо обычных 7.000 пудов табаку в месяц вырабатывает 1200 - 1700 пудов. Отсутствует топливо и, главное, листовой табак. Владельцы завода "Крымское машиностроение" в Симферополе пишут, что завод их работает исключительно на оборону. Вырабатывает части танков и ремонтирует броневые автомобили. Производительность крайне низкая по причине отсутствия ломового и сортового железа.

Нельзя не указать при этом, что листовой табак, ломовое и сортовое железо вывозились в больших количествах из Крыма за границу. Об этом красноречиво свидетельствуют данные об экспорте. Ломовое железо находилось в значительных количествах во всех портах Крыма, и правительство Врангеля спекулировало им, приобретая за него валюту.

Некоторые предприятия жалуются на реквизиции. Завод сельскохозяйственных машин и орудий Мильруда в Евпатории реквизирован Донским корпусом для изготовления варочных котлов и походных кухонь. Благодаря ходатайству земства, реквизиция в июне снимается, но заводу все же поставлены условия, что две трети производства должны быть посвящены исполнению военных заказов, изготовлению казацких пик.

Влачила жалкое существование пользовавшаяся особым покровительством кожевенная промышленность. Кожевенных заводов в Крыму в 1920 году насчитывалось 25 - 30, среди них технически хорошо оборудованных немного. Производительность этих предприятий по минимальным расчетам превышает 100 тысяч кож крупного сырья, не считая мелкого. Сырьевых ресурсов для кожевенных заводов в Крыму было вполне достаточно. Правительство генерала Врангеля не поскупились для кожевенников и выдавало им значительные субсидии. На закупку экстракта заводчики получили 120.000.000 рублей, на организацию сбора коры и сумаха - 30.000.000 рублей, на закупку жиров и материалов - 50.000.000 рублей. Несмотря на покровительство, кожевенники вместо предполагавшихся 9.000 кож в месяц давали только 2.000. Не помогли контрольные комиссии, совещания, угрозы. Кожевенная промышленность захирела.

Еще более любопытную картину представляет состояние соляной промышленности за время врангелевщины. При уходе Советской власти из Крыма в 1919 году осталось соли в бургах Евпаторийского района - 18.000.000 пудов.

Добыто в 1919 году 2.000.000 пудов.

" " 1920 " 1.600.000 "

Итого 3.600.000 пудов.

Между тем соляные промыслы Евпаторийского района при самой плохой эксплуатации должны дать урожай минимум в 4.000.000 пудов ежегодно. За два года должно быть добыто при самых тяжелых условиях не менее 8.000.000 пудов. На самом деле добыто меньше половины минимума и то не средствами промышленников.

В 1919 году за время своего краткого существования евпаторийский усовнархоз привел в образцовый порядок почти все промыслы. До ухода Советской власти (июнь 1919 г.) почти все бассейны были подготовлены к выволочке, оставалось согреть рапу солнцем и произвести выволочку. Последнее сделано было промышленниками и то не полностью. Одни испугались дорогих цен на рабочие руки, другие нашли более выгодным заниматься легкой спекуляцией.

Что касается добычи 1920 года, то из 1.600.000 пудов на долю саксонского промысла, перешедшего к новому субарендатору, Днепрсоюзу, приходится 1.000.000 пудов. Остальные арендаторы 30 слишком промыслов выволокли всего 600.000 пудов.

Если что и было сделано в области соляной промышленности белыми, то исключительно в направлении разрушения промысла. Правительством генерала Врангеля были сняты подъездные пути на многих участках для постройки бешуйской линии.

Наш обзор состояния промышленности в Крыму в 1920 году будет неполным, если не указать на расцвет прожекторства в области промышленного строительства. Управление торговли и промышленности генерала Врангеля было засыпано дождем эфемерных проектов создания самых разнообразных промышленных предприятий. Тут и проект создания сахарно-рафинадного завода, суконных фабрик, ряда кожевенных, мыловаренных, салотопенных химических заводов. Все эти проекты преследуют одну и ту же цель - получение субсидий.

авансы получил, но ни одного сколько-нибудь значительного предприятия на территории Крыма не возникало. В эпоху этого бумажного грюндерства с соответствующими проектами выступали и заграничные предприниматели, обычно в компании с русскими промышленниками. Проекты в этих случаях носили еще более дутый характер. К числу таких начинаний нужно отнести выдвинутый некоей русско-американской группой проект осуществления южно-бережной железнодорожной линии, устройства на южном берегу городов, курортов и пр. в том же роде.

II. ТОРГОВЛЯ.

В области торговли за время хозяйничания белых существовало известное оживление. Можно сказать, что капитал весь устремился в торговлю. И существовавшие торгово-

промышленные предприятия, и банки и даже само правительство занимались торговыми операциями.

Необходимо, однако, отметить, что внутренняя торговля в период врангелевщины очень слабо развита. Передвижение товаров внутри Крыма падает до минимума. Причин, обуславливающих данное явление, было много. Тут и расстройство транспорта, и подводная повинность, подорвавшая значительно гужевой транспорт. Большую роль сыграли в этом отношении революционные отряды зеленых, производившие систематические нападения на товарные транспорты и сделавшие не безопасным передвижение не только по шоссе дорогам, но и по железным.

Внутреннюю торговлю парализовала в известной мере противоречивая политика белогвардейского правительства, отсутствие в этом отношении какой-либо твердо продуманной системы. Правительство то объявляло внутреннюю торговлю совершенно свободной, то вводило так называемую разрешительную систему. Вывоз товаров каботажом все время регулировался разрешительной системой.

С другой стороны, агенты власти на местах обнаружили достаточно творчества по части контролирования внутренней торговли. Контроль являлся для них источником дохода, дававший возможность им урвать у спекулянтов солидную часть барышей.

Зато в области внешней торговли замечается большое оживление. В Крыму в 1920 году возникает ряд экспортно-импортных обществ, ставящих своей целью создание тесной связи с европейским рынком в целях налаживания внешнего товарообмена.

Крым располагал определенными запасами доступного к вывозу сырья в виде зерна, соли, вина, табаку, фруктов. С занятием Северной Таврии запас зерна, доступного вывозу, весьма значительно увеличился.

Все экспортеры, равно как и правительство в своих экспортных операциях, преследовали одну цель - получение возможно большего количества иностранной валюты, которая, ввиду обесценения русского рубля, чрезвычайно высоко котировалась в Крыму.

Необходимо указать при этом, что правительство Врангеля не финансировалось союзниками. Для приобретения предметов воинского снаряжения оно нуждалось в значительном валютном фонде. Так как получение валюты могло быть обеспечено исключительно путем вывоза за границу имевшегося в больших количествах сырья, поэтому правительство пришло к мысли об установлении хлебно-вывозной монополии. Монополия эта была установлена в августе. Заключалась она в общих чертах в том, что правительство закупало через частный торговый аппарат хлеб, при чем 80% закупки оно оплачивало по твердой, обусловленной договором цене, остальные 20% скупаемого хлеба оплачивались предпринимателями, на обязанности которых лежало свезти и погрузить все 100% хлеба на судно, фрахтуемое также частными предпринимателями на условиях свободного договора. Правительственная твердая цена включала в себя все расходы по закупке, подвозу и погрузке хлеба на суда. За эти услуги правительство гарантировало предпринимателям оплату им 20% вырученных за все погруженное количество зерно иностранной валютой.

Хлебные ресурсы некоторых районов Крыма, особенно тяготеющих к портам, оказались скоро исчерпанным форсированным экспортом (доклад главного уполномоченного по продовольствию за июль 1920 г.).

Значительный избыток зерна имелся в Северной Таврии благодаря блестящему урожаю 1919 года. Валовой сбор пшеницы и ржи в 1919 году определяется для Северной Таврии в 80 миллионов пудов, ячменя и овса - 60 миллионов пудов.

За вычетом из валового сбора тех расходов по обсеменению полей, продовольствования местного населения и прокорма скота, избыток хлеба от урожая 1919 года исчислялся приблизительно в 50 миллионов пудов и зерно-фуража 60 миллионов.

Эти-то ресурсы хлеба и зерно-фуража и привлекли главное внимание частно-торгового капитала и правительства Врангеля. Производилась закупка хлеба в Северной Таврии в таком порядке: ввиду существования хлебно-вывозной монополии, закупка была поручена

целой серии правительственных органов, которые передали закупку мелким маклерам-спекулянтам, в редких случаях кооперативам.

Так как частный торговый аппарат работал на средства казны, без риска, он совершенно не считался с поднятием цен.

Главная его цель заключалась в быстрейшем выколачивании из деревни хлеба. В рапорте командующему I-й армии штаб-офицера, которому было поручено расследование причин поднятия цен на хлебные продукты в Северной Таврии, положение хлебной торговли обрисовано следующим образом:

"Мелкие агенты, получившие от правительственных организаций и закупочных комиссий доверенность и деньги, кое-что сдают этим организациям, а на остальные деньги спекулируют, не без ведома этих же организаций. При закупке хлебных продуктов были установлены цены: предельные (секретные), твердые и справочные, но эти цены были не для всех обязательны".

"Кроме того разница между предельными и твердыми ценами была очень велика. Ввиду существования конкуренции между скупщиками при покупке ими без риска, разница эта ими уравнивалась очень быстро, зачастую покупка производилась по ценам выше предельных в надежде на скорое их помещение".

Эти агенты, несмотря на существование монополии, сами вывозили за границу хлеб.

Обмен производился на условиях частичного товарообмена, так, например, за пуд хлеба платили в Северной Таврии в сентябре 10 фунтов керосина и 2.000 рублей деньгами. Так как керосин на рынке ценился по 2.000 рублей за фунт, то цена пуда хлеба фактически равнялась 22.000 рублей. Еще в большей мере хлебная вакханалия разыгралась в конце сентября, когда по распоряжению Врангеля контр-агентам Управления торговли было разрешено производить в порядке неограниченного товарообмена без стеснения в ценах закупку хлебных продуктов.

Указывал на разыгравшуюся свистопляску в области торговли хлебом аладинский крестьянский кулацкий союз. На этом докладе барон Врангель наложил следующую резолюцию: "Считаю тон подобных записок неприличным и предлагаю впредь не беспокоить. Врангель".

III. ВЫВОЗ И ВВОЗ В 1920 ГОДУ.

Общая картина вывоза с 1-го февраля по 1-е сентября 1920 г. такова:

ячмень (отчасти овес и пшеница)	около	3.000.000	пуд.
соль.....	"	830.000	"
льняное семя.....	"	110 - 120	тыс. п.
табак.....	"	120.000	пуд.
шерсть.....	"	63.000	"

Вывоз остального сырья был незначителен, что касается картины вывоза по месяцам, то дело обстояло следующим образом:

Вывоз из пределов Крыма с 1-го февраля по 1-е сентября 1920 г.

Наименование	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.
предметов							
вывоза	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.

Ячмень.....	106.092	130.667	18.000	216.542	205.839	864.048	35.645
Овес.....	-	-	-	47.970	11.150	8.000	
Пшеница.....	-	2.945	-	5.000	500	-	4.100
Льнян.семя..	34.326	9.400	-	1.700	65.298	100	3.250
Шерсть.....	16.710	-	1.981	8.237	14.765	15.256	7.011

Табак.....	73.395	6.826	3.214	23.875	-	6.087	5.600
Соль.....	500	103.000	275.503	135.946	157.698	57.937	-

В настоящей таблице не указан вывоз через порты Северной Таврии заготовленного в порядке "нормальных договоров", выразившийся по данным от 11 сентября в 800.000 пудов.

Резкое падение цифр вывоза приходится констатировать в апреле и августе. Объясняется это тем обстоятельством, что в означенные месяцы происходит изменение порядка вывоза. В феврале и отчасти марте замечается ослабление действий экспортных правил и работ так называемых экспортных подкомиссий. В означенные месяцы добровольческая власть подготавливает эвакуацию Крыма и в связи с этим всячески форсирует экспорт. В августе же происходит коренной перелом в условиях вывоза хлеба и фуража благодаря установлению пресловутой хлебно-вывозной монополии. В августе и сентябре происходят крупные заготовки хлеба на местах контр-агентами управления торговли и промышленности. Вывоз вследствие указанной причины естественно упал.

Что касается соли, то вывоз ее совершенно ничтожен по отношению к тем запасам, которые имелись на территории Крыма. Объясняется это установлением 50-сантимной пошлины с пуда вывозимой соли, которая вытеснила крымскую соль совершенно из рынков Ближнего Востока, куда она обыкновенно экспортировалась.

Необходимо указать, что приводимые нами цифры не могут считаться точными ввиду того хаоса, который царил в области экспорта и импорта за 1920 г.

Картину ввоза можно себе уяснить из следующей таблицы статистической части отдела торговли и промышленности. В таблице показано количество грузов, выпущенных таможеней на внутренний рынок с 1 января по 1 сентября 1920 года по данным отдела таможенных сборов управления финансов. (См. стр. 114 и 115.)

IV. СПЕКУЛЯЦИЯ И МНИМАЯ БОРЬБА С НЕЙ.

Непрерывный рост цен, вызванный, главным образом, систематическим падением курса врангелевских рублей, равно как и ограниченность предложений при товарном голоде, создали благоприятную почву для спекуляции. Товары, привезенные из-за границы, переходили из рук в руки одних торговцев к другим. От таможни до потребителя товар переходил через десятки посредников, из которых каждый получал прибыль по указанным выше размерам.

Постоянное повышение цен товаров побуждало торговцев задерживать выпуски их на рынок, дабы получать повышенную прибыль.

Страдали от этого, главным образом, рабочие, городская и деревенская беднота. Временами дело доходило до волнений, в результате которых власть вынуждена была делать вид, что она готова расправиться и с торговцами, и с банками. В наиболее острые моменты, когда цены делали слишком резкие скачки вверх, гражданские и военные власти созывали специальное совещание по борьбе с спекуляцией. Этой же задачей должна была заниматься специально организованная при Врангеле комиссия по выработке мер по борьбе с искусственным взвинчиванием цен, сокрытием товаров и прочими разновидностями спекуляции.

В смысле издания приказов по борьбе с указанным злом и правительства Деникина и правительства Врангеля проявили большое усердие.

4-го ноября 1919 года Деникиным был издан грозный временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию.

Согласно статье 2 этого "закона", виновные в спекуляции предметами продовольствия или иной общей необходимой потребностью, или материалов, служащих для их изготовления, подвергаются: лишению всех прав состояния и смертной казни или ссылке на каторжные работы на время от 4 - 20 лет, и сверх того денежному взысканию в 250.000

рублей. Вместе с тем принадлежащие осужденному товары и материалы, бывшие предметами спекуляции, конфискуются.

Дела указанного характера были изъяты из общей подсудности и переданы военным судам. Закон обещает частным и должностным лицам за обнаружение спекулятивных сделок вознаграждение в размере 5% стоимости конфискованных у осужденных товаров.

К указанной таблице необходимо сделать следующее замечание. В ней отсутствуют грузы, относимые к категории "военных". Они ускользают от учета таможен. По своему количеству военные грузы превышают все остальные. Так, по данным отдела горного и топлива, за отчетный период только им одним ввезено топлива и смазочных масел около 4 1/2 миллионов пудов, т.-е. в семь раз больше, чем всех остальных грузов.

Самую главную роль в импорте 1920 года играют жизненные припасы. За ними следуют растительное и минеральное топливо, третье место - занимают прядильные материалы и изделия из них, четвертое место прочие группы, последнее место в ввозе как будто занимает 7-я группа (кожи и изделия из нее и обувь всякая). На самом деле необходимо иметь в виду, что в Крыму имелась своя довольно солидная.

ВВОЗ ТОВАРОВ В ПОРТЫ КРЫМА И ГЕНИЧЕСК ЗА

Январь. Февраль. Март. Апрель.

I группа. Жизненные

припасы..... 7.534п.35ф. 4.895п.29ф. 9.806п.12ф. 24.416п. 22ф.

II гр. Металлы и

изделия из них..... 10" 09" - 119" 07" 1.062" 37"

III гр. Писчебумажные

товары и произведения

печати ..... 147" 11" -" 09" - 544" 03"

IV гр. Прядильные

материалы и изделия

из них..... 1.966" 35" 23" 34" 281" 31" 1.615" 07"

V гр. Материалы и

продукты химического

производства..... 453" 27" -" 05" - 527" 24"

VI гр. Топливо (раст.

и минеральное)..... 34.813" 27" - 6.223" 24" 72" 29"

VII гр. Кожи, изделия

из них и обувь всякая 1.259" 13" 44" 05" 10" 09" 108" 17"

VIII гр. Прочие

товары, не вошедшие

в пред. группы..... 234" 34" 921" 37" 5" -" 732" 38"

Ввоз мин. топлива и жидкое 89.000" -" - 101.130" 38"

смазочных материалов смазочн. - - -

по данным отдела мат.кам. 72.500" -" - 474.343" -"

горного и топлива... уголь

ВРЕМЯ С 1-го ЯНВАРЯ ПО 1-е СЕНТЯБРЯ 1920 г.

Май	Июнь	Июль	Август	Итого
32.500п.11ф.	85.237п.27ф.	48.537п.22ф.	16.559п.15ф.	229.497п.13ф.
2.539" 28"	2.933" 23"	6.921" 02"	6.817" 26"	20.404" 12"
4.416" 29"	7.000" 28"	7.783" --"	7.214" 20"	27.107" 29"
9.153" 38"	24.886" --"	23.739" 08"	12.486" 20"	74.153" 13"
12.417" 16"	13.105" 23"	10.411" 25"	4.933" 19"	41.849" 19"
5.207" 20"	14.336" 24"	56.058" --"	71.239" 09"	187.951" 13"
554" 16"	3.295" 19"	2.935" 06"	1.137" --"	9.344" 66"
3.711" 08"	12.839" 33"	22.727" 37"	19.768" 35"	66.938" 22"

651.246 п. 07 ф.

33.547" 25" 106.351" 35" 3.189" 18" 30.436" 28"
 10.907" --" 3.341" 30" 1.992" 35" 8.592" 21" }4.480.686" 35"
 852.676" --" 1.056.792"--" 263.051" --" 1.252.835" --"

кожевенная промышленность, а посему ничтожность размеров импорта означенных товаров не играет существенной роли. Последнее место на самом деле занимает ввоз металлов и изделий из них, вторая группа, - другими словами, ввоз орудий производства, необходимых в сельском хозяйстве, единственная отрасль производства, игравшая видную роль в Крыму.

По месяцам ввоз особенно значителен в июне. Это обстоятельство находит себе объяснение в указанной выше причине: канун объявления и момент установления хлебно-вывозной монополии должны были ознаменоваться понижением ввоза и ввиду того, что импортеры не могли рассчитывать на компенсацию.

Как известно, в течение всего 1920 года торговая практика в Крыму выдвигала на роль денег тот или иной товар. Тут роль денег последовательно играли: табак, вино, шерсть и, наконец, ячмень. В последние месяцы хозяйничания Врангеля роль денег играл ячмень. При подобных условиях все выгоды от внешней торговли доставались тем, кто вел ее в натуральной форме.

В начале 1920 года севастопольский градоначальник генерал Турбин объявил, что закон 4-го ноября не достигает цели, и посему издает постановление о наложении наказания на спекулянтов в административном порядке. В целях привлечения населения к участию в этой борьбе, лицам, обнаружившим спекуляцию, обещано вознаграждение в 10% стоимости конфискованных товаров. Впоследствии размер вознаграждения был увеличен до 50%.

Врангель в свою очередь издал ряд аналогичных приказов; кроме того в борьбе со спекуляцией применяют таксирование предметов продовольствия. И все же ничего не помогло, спекуляция процветала вовсю.

Практика знает ряд процессов против спекулянтов мелкого пошиба, против мелюзги.

Приведем несколько примеров:

1-го сентября в симферопольском военно-окружном суде слушалось дело крестьянина по обвинению в том, что он 27-го мая продавал сыр по 700 рублей за фунт тогда, когда цена на рынке была 500 рублей за фунт. Приговор: 4 года каторжных работ и денежное взыскание в 100.000 рублей.

21 августа дело Березина за продажу сахара по разным ценам в один и тот же день по 2.200 и по 2.400 рублей за фунт. Приговор: 2 года 3 месяца каторжных работ и денежное взыскание.

Приведенные дела типичны. Почти все газетные сообщения о судебных процессах, возбужденных против спекулянтов, носят аналогичный характер. Белогвардейское правительство обрушило свой карающе меч на головы несчастной мелюзги, занимавшейся уличной торговлей.

Между тем спекуляция во время врангелевщины носила массовый характер. Спекулировали купцы, банки, офицеры, солдаты, сестры милосердия и фельдшера. Об офицерах и солдатах другой приказ говорит: "Офицеры и солдаты занимаются спекуляцией, перевозя для продажи продовольственные и другие предметы из одного пункта в другой, пользуясь для сего полученными по бесплатным требованиям подводами". Спекулировали и журналисты, и государственные деятели, и даже епархиальное ведомство. Были возбуждены некоторые дела против крупных спекулянтов, но центр прекратил их.

Вот примеры:

Дело представителя общества "Восток" Сироткина, скрывшего в складах Славянского Национального банка, с целью повышения цены, сто мешков сахара, 267 ящиков мыла, 1.200 штук топоров, 1.000 шт. столярных пил и 500 комплектов белья. Дело это было прекращено, хотя товар конфискован.

Ревизия, назначенная кредитной частью управления финансов, установила наличность спекуляции валютой в Русском для внешней торговли банке на огромные суммы. Резолюция начальника кредитной части Сувчинского такова: принимая во внимание наличность спекуляции во всех банках, - делопроизводство прекратить. Бернацкий, министр финансов, санкционировал предложение Сувчинского.

Сам Бернацкий состоял членом франко-русского общества, получившего от правительства генерала Врангеля аванс в 12 миллионов франков. В этом обществе принимали участие столпы российской буржуазии: Каминка, Вышнеградский, Пряткин, Смирнов, Тикстон, Дерюжинский, Третьяков и другие. Означенное общество спекулировало всюду.

Это выяснилось и для правительства генерала Врангеля в конце сентября. Бернацкому в связи с этим делом было предложено подать в отставку.

V. ФИНАНСЫ.

То обстоятельство, что союзники отказались финансировать правительство генерала Врангеля, предопределяло заранее финансовое положение правительства вооруженных сил на юге России. У последнего белогвардейского правительства были весьма ограниченные возможности для получения денег: 1) налоги, 2) печатный станок.

Что касается обложения, то правительство Врангеля, в полном соответствии с своей классовой природой, выдвинуло на первый план косвенное обложение. Обложены были: спиртные напитки, вино, табак, сахар, чай, кофе, безалкогольные напитки. Ставки акцизов были подняты от 300 - 4000 раз против ставок 1917 года.

Прогрессивный подоходный налог взимался в размерах анекдотических.

Таможенные сборы были повышены по отношению к прежним ставкам сперва в отношении 1 к 100, а затем в отношении 1 к 1000. Принесли они правительству Врангеля очень не много: за 1920 год всех таможенных сборов поступило около 550 миллионов, - цифра жалкая и совершенно ничтожная, если принять во внимание курс врангелевского рубля.

Пыталось управление финансов установить монополию на соль, табак, виноградное вино и др. Соляная монополия даже была установлена, но уже перед самой кончиной правительства Врангеля, так что о ней и говорить не приходится.

Почти единственным источником, питавшим при подобных условиях правительство Врангеля, явился печатный станок. Производительность последнего, несомненно, была исключительная.

Относительно количества денег, выпущенных правительством Деникина и Врангеля, мы находим в журнале "Русское Хозяйство" (орган финансов, торговли и промышленности, издавался в Севастополе в сентябре и октябре 1920 года) следующие данные:

Количество денежных знаков, выпущенных добровольческим командованием в 1919 году и Донским правительством.... 3 миллиарда.

Начало 1920 г.....	12 "
Март 1920 г. перед эвакуацией.....	30 "
Май " " "	15 "
Август.....	50 "

К сожалению, мы не располагаем официальными данными относительно работ экспедиции по изготовлению денежных знаков в период деникинщины. Зато у нас имеются точные данные о работе печатного станка за 1920 год, и мы должны констатировать, что цифры, приводимые упомянутым журналом, неверны.

Справка, выданная нам по данному вопросу уфинотделом гор. Феодосии, гласит следующее:

Экспедиция за время ее существования в 1920 году, заготовила с февраля по октябрь включительно:

сторублевых.....	119.600.000
двухсотрублевых.....	233.880.000
двестипятидесятирублевых.....	823.595.000
пятисотрублевых.....	16.216.583.000
тысячных.....	1.748.292.000
пятитысячных.....	19.392.435.000
десятитысячных.....	138.334.910.000

Итого.....176.869.295.000

Приходится сожалеть, что у нас нет более подробных сведений о том, как распределяются означенные цифры по месяцам, и, самое главное, о количестве выпущенных в обращение денежных знаков. Несомненно, известное количество изготовленных денежных знаков представляло собой брак и в обращение не поступало.

Кое-какие сведения относительно последних месяцев найдены нами в остатках архива управления финансов Врангеля. С 1-го июля по 7-е августа экспедицией изготовлено денежных знаков на сумму в 25.013.064.000 руб., с 15 сентября по 15 октября феодосийской экспедиции был дан наряд на изготовление 60 миллиардов, из коих изготовлено было всего 45 миллиардов. С 15 октября по 15 ноября был дан наряд на 150 миллиардов.

Выполнение этого наряда не могло состояться по воле рабоче-крестьянской армии, занявшей Крым в начале ноября.

Вообще, работа экспедиции сильно отставала от предъявляемых к ней требований со стороны правительства Врангеля, что ставило последнее в довольно критическое положение. Так, например, невыполнение полностью сентябрьского наряда, по словам

начальника отделения кредитной части, поставило фронт и тыловые учреждения в критическое положение. "Приостанавливаются срочные заготовки для армии, нарушаются договоры, уплачиваются крупные неустойки и расторгаются заключенные на более или менее выгодных условиях договоры, чинам армии не выплачивается в установленные сроки содержание".

Самое крупное место, как видно из приведенной выше таблицы, занимают десяти тысячные, самое последнее место - сторублевые денежные знаки. В нарядах последнего месяца имеется уже заказ на 25-тысячн. купюры, что находится в связи с систематическим обесценением врангелевских денег.

О количестве денег, бывших фактически в употреблении в период врангелевщины, трудно сказать что-либо определенное. Мы ничего не знаем ни об обязательствах государственного казначейства, выпущенных феодосийской экспедицией, не знаем также количества находящихся в обращении и котировавшихся очень высоко романовских, керенских и проч..

Довольно значительным следует считать количество фальшивых денег, обращавшихся на территории Крыма. Одних фальшивых пятисоток было в обращении, по данным управления финансов от 19 июня, 9 миллиардов.

Трудно себе представить финансовые перспективы, какие имелись у правительства белых. Бернацкий выдвинул проект девальвации. Им были заказаны с этой целью новые денежные знаки на сумму в 22 миллиарда.

Деньги эти были доставлены в Крым. Но проект Бернацкого самым решительным образом был отвергнут финансово-экономическим совещанием, и новые деньги так и не были выпущены в обращение.

Большое оживление царило в обозреваемом году в области банковского грюндерства. Вот неполный список банковских отделений, работавших в различных городах Крыма: в Севастополе - 14; в Феодосии - 17; в Симферополе - 19; в Ялте - 13; в Евпатории - 9; в Кории - 7; итого - 79.

За это же время возникало большое количество так называемых меняльных лавок. Управление финансов, поскольку оно вообще проводило политику, всячески благоволило к частным кредитным учреждениям в противовес таким же учреждениям кооперативного характера. По вопросу о предоставлении кредита, кредитная часть рекомендовала всем отделениям государственного банка руководствоваться такими соображениями: "так как у той части населения, которая объединяет различные кооперативы, наблюдается обилие денежных знаков, которые либо сохраняются населением у себя без всякой пользы для оборота, либо направляются на спекулятивные сделки, поэтому задачей момента является извлечение этих денежных знаков и обращение их на производственные цели".

Зато кредитная часть покровительствовала другой "части населения", не объединяемой кооперативами: банкам и частным предпринимателям; им ссуды выдавались. Покровительство это сказалось не в одном предоставлении кредита: управление финансов укрывало банки, деятельность которых в 1920 году почти исчерпывалась спекуляцией товарами и валютой. Вексельно-учетные операции за весь этот год почти не производились.

В банковских складах, в подвалах спекулянты выдерживали свои товары до желательного им повышения цен. Торговцы часто сдавали банкам товары, которые не должны были быть пущены в немедленное обращение, на хранение, либо получая на них подтоварные ссуды. Операции эти были для банков довольно выгодны.

Банки стали таким образом хранилищем чая, мыла, спичек, шерсти, мануфактуры, рыболовных крючков, коньяку, галантерейных товаров, бумаги, земледельческих орудий и вообще всякого рода товаров и предметов насущного потребления.

Возмущенные спекуляцией, массы настойчиво указывали на роль банков в дороговизне и вообще в совершении спекулятивных сделок.

Покровительствуя банкирам, спекулянтам и прочей капиталистической сволочи, Бернацкий не забывал и "той части населения", т.-е. пролетариат. В архиве управления финансов нами найден очень любопытный доклад о борьбе с профсоюзами ввиду того, что "непрерывное увеличение оплаты труда может привести к полному финансовому краху". Управление финансов предлагает увеличить предложения труда путем привлечения новых рабочих элементов, могущих понизить заработную плату.

Такими новыми элементами должны были явиться артели красноармейцев, уголовных преступников и приглашенные специально артели рабочих из Турции или балканских государств.

Кроме того предлагается "вести планомерную борьбу с профсоюзами постольку, поскольку означенные союзы ставят на первый план благополучие своих членов и стремятся принести в жертву этому материальному или узко-партийному благополучию благо государства и родины. Подобная борьба отнюдь не должна носить грубо-насильственный характер, как-то: разгон профсоюзов, арест председателя и членов правления, отправление на фронт секретарей, а должна протекать в плоскости чисто-экономической борьбы работодателей и рабочих, притом с таким расчетом, чтобы предоставить работодателям возможность накопить достаточное количество материальных средств, главным образом, в виде предметов продовольствия, мануфактуры и пр., которые дадут работодателям вести с профсоюзами борьбу на экономической почве. Кроме того, желательно принять меры к уничтожению монопольного права профсоюзов на целый ряд отраслей труда и дать возможность работать тем, которые не желают вступать в союз".

Проект этот в известной части получил осуществление: артели арестантов и пленных красноармейцев были привлечены к работам, за которые ничего не получали. Артели же рабочих из Турции не были приглашены: сам Бернацкий скоро вместе с своими приятелями и покровителем поехал в Турцию.¹¹⁶

А. Воронский. Литературные силуэты. Всеволод Иванов

I. "Идет с 1917 года одна моя дорога смертная".

Дан ему большой, крепкий, сильный и радостный талант. Он вышел из низовой, безымянной, рабочей, трудовой, беспокойной, взыскующей Руси. Опаленный революционными сполохами, вросший в нынешний складывающийся быт, в смертоносные, гражданские войны, он по новому, по своему рассказывает о революции, о недавно бывшем, - надолго, навсегда врезавшемся в память нам, современникам.

Из молодых беллетристов, выдвинувшихся за последние 1 1/2 - 2 года, Всев. Иванов наиболее решительно и безоговорочно принял Советскую Революционную Россию, и выходит это у него просто, молодо, легко, художественно, правдиво и цельно. Он не осматривается по сторонам прицеливающимся, сомневающимся взглядом, не расходует себя на двусмысленности, недоговоренности, не боится, что его будут считать большевиком в литературе, не играет под сурдинку "на всякий случай" из опасений, что неизвестно, мол, "чем все это кончится". В равной мере далек писатель и от тех безвкусных, добродетельных, выхолощенных агиток, где все хорошо: революция победила по всему фронту, и граждане благоденствуют, славословя предержавшие власти. Таких, не в меру ревнивых, советских суздальских богомазов от литературы у нас не мало, и бывает подчас плохо: читатель либо со скукой отбрасывает напечатанное, либо вопит: обман.

С общего отношения к революции нужно начинать вообще и теперь в особенности, и, в частности, раз речь заходит о поэте, беллетристе, потому, что волей неволей, но каждое их

слово, каждая вещь падает прежде всего на чаши весов революции и контр-революции, что нет никакого искусства вообще, чистого искусства, искусства в себе и для себя, и не может быть, особенно в годы, когда еще недавно звучали только сталь и железо, когда люди вгрызались друг другу в горло, когда все и по сию пору идет под знаком этой войны, - потому, наконец, что в области художественной жизни чрезвычайно сильны предрассудки о всемирном, самоценном искусстве, и встречаются они даже там, где им совсем не место.

* * *

Всеволод Иванов - наглядный аргумент революции. Глубочайший смысл октября - в том, что он выдвинул подлинный демос. В государственные и хозяйственные органы, в Красную армию, во все поры России с октябрём, хлынули сотни тысяч рабочих, крестьян, мелкого служилого люда, подпольной, наиболее демократической и необеспеченной интеллигенции, о ком с яркой ненавистью, как об охлосе, о хамах твердила и твердит буржуа и "большая" интеллигенция, с солидным, в недавнем, положением, интеллигенция хороших гостиных, ресторанов, высоких заработков и гонораров. Красная армия уже показала и доказала этим "бывшим людям" жизненную крепость "охлоса". Гораздо сложнее дело обстоит в области хозяйственной и особенно идеологической, в тесном и узком понимании этого термина. Овладеть наукой, искусством куда трудней, чем взять и держать власть. Кроме того, гражданская война явилась огромной помехой при выработке своей идеологии послеоктябрьским демосом. Только теперь можно наблюдать первые побегии, видеть первые ростки, начатки новой культуры. Это - не пролетарская, не коммунистическая культура. Нам далеко до этого, ибо пролетариат вышел из войны чрезвычайно ослабленным. Но это - и не старая императорская культура, довоенная, разбавленная новой нэпмановской идеологией. Это - советская, промежуточная, переходная культура. В ней больше от крестьянина, от "демократического" интеллигента, чем от рабочего, да, ведь, и рабочий еще только в пути. Она вся неустойчива, расплывчата, обращенная своим лицом к тому, что в будущем явится подлинной культурой пролетариата, - и она органически враждебна, четка и ясна в этой своей враждебности к старой буржуазно-помещичьей культуре.

Всеволод Иванов - один из первых, свежих и крепких ростков послеоктябрьской советской культуры в области художественного слова. Он кровно связан с "охлосом", наполняющим рабфаки, студии, командные курсы, академии, университеты и пр. Он - их по происхождению, по прошлому, участию в революции, по своему психическому складу и облику. Пришел он из тайги, с тундр, со степей, гор и рек сибирских, весь обвеянный ими. Отец был приисковый рабочий, самоучкой сдал экзамен на школьного учителя. "С 14 лет, - рассказывает о себе Иванов, - начал шляться. Был пять лет типографским наборщиком, матросом, клоуном, факиром - "дервиш Бен-Али-Бей" (глотал шпаги, прокалывался булавками, прыгал через ножи и факелы, фокусы показывал); ходил по Томску с шарманкой; актерствовал в ярмарочных балаганах, куплетистом в цирках, даже борцом. С 1917 года участвовал в революции. После взятия чехами Омска (был я тогда в Красной гвардии), когда одношاپочников моих перестреляли и перевешали, - бежал в голодную степь и, после смерти отца, - дальше за Семипалатинск к Монголии. Ловили меня изрядно, потому что приходилось мне участвовать в коммунистических заговорах. Так от Урала до Читы всю колчаковщину и скитался"... (Автобиография). Два раза Иванова собирались расстреливать: один раз партизаны, в другой - новониколаевский че-ка, по недоразумению. Болел тифом. Словом, жизнеописание совершенно определенное. В. Иванов - не старый подпольный революционер, он вообще беспартийный, - революция подняла его на своем могучем гребне вместе с сотнями тысяч другой молодежи, которая до того работала в типографиях, а в периоды безработицы "шлялась", пробиваясь, чем бог пошлет.

Теперь эта молодежь идеологически оформляется, - раньше некогда было - дрались, - и закрепляется на занятых во время революции позициях. Всеволод Иванов наглядный показатель того, как далеко шагнул вперед этот демос, как много творческих, свежих сил

таит он в себе. За ним и с ним - тысячи и десятки тысяч, пишущих стихи, рассказы, драмы (вся Красная армия, - говорят, - пишет теперь), "проглатывающих" учебники и книги. В литературе он тоже не одинок. С ним довольно значительная, с каждым месяцем растущая группа художников слова. Все они - из одного гнезда, от одной матери. Зарубежные витии - Бурцевы, Мережковские, Бунины, Черновы - могут сколько угодно вопить о хамодержавии, сколько угодно могут свистать и заливаться соловьями о западно-европейском парламентаризме и демократизме, не в пример "русской советской азиатчине", - факт тот, что, именно, большевизм и "советизм" расчистили и проторили дорогу подлинной рабоче-крестьянской демократии, - факт тот, что в среде этой демократии выкристаллизовывается новая интеллигенция, со свежей кровью и что она, - интеллигенция эта, - шагает семимильными шагами, завоевывая себе надлежащее, господствующее место "на пиру жизни". Господа Мережковские покинули Россию в мыслях, что она без них пропадом пропадет. - Они только освободили путь свежим и здоровым...

II. "И тому, что жив, - радуюсь"...

Основной темой рассказов и повестей В. Иванова является гражданская война партизан в Сибири с колчаковскими войсками. Тема сама по себе тяжкая, кровавая. Зверски расправлялись колчаковцы с рабочими, крестьянами, красногвардейцами, - и не давали пощады белым отрядам партизаны со своей стороны. В. Иванов - непосредственный участник этой войны, - сумел пронести и сохранить через всю кровавую эпопею большое, любовное, теплое, жизнепринимаящее чувство, радость, опьяненность дарами жизни. Словно после грозы, ливня и бури, когда солнце особенно жгуче, весело и молодо льет свет свой, вещи В. Иванова освещены этим чувством и ощущением теплой, светлой и материнской ласки жизни: тайги, степей, сопок, ветров, партизан. В передаче этого настроения - главная изюминка произведений В. Иванова, основной мотив его творчества, то, с чем остается писатель на всю свою жизнь, что является "душой" произведения, сообщает ему тон и дает окраску. "У всякого человека есть внутри свой соловей", - говорит маслodelный мастер в "Партизанах". Тем более, такой соловей должен быть у писателя "божьей милостью". Замолкает такой соловей, - и писатель становится скучным и серым, перепевает себя и о нем говорят: "исписался", "отпел", "кончился". Таким соловьем у Всева Иванова является глубокая, мягкая и, в то же время, сильная, звериная и непосредственная радость. Ее особенность - в том, что она выношена, а, может быть, и рождена в кровавые, смертоносные дни в мытарствах и скитаниях.

В "Бронепоезде" есть эпизодическая фигура - "солдатик в голубых обмотках и в шинели, похожей на грязный больничный халат". Шляется и присматривается ко всему.

"Солдатик прошел мимо, с любопытством и с скрытой радостью оглядываясь, посмотрел в бочку, наполненную пахнущей, похожей на ржавую медь, водой.

" - Житьишко! - сказал он любовно"...

В. Иванов в своих вещах очень напоминает этого солдатика. Он, как-будто в стороне, ко всему присматривается, но читатель чувствует, что каждой написанной своей страницей автор говорит любовно и с скрытой радостью: житьишко! - идет ли речь о сопках и степях, или партизанах и китайце Син-Бин-У.

И не мешает ему густая, липкая человеческая кровь кругом. Дал автор сцену расстрела начальником партизан Никитиным молодого слесаря, у которого, при пробе бомбы не разорвались, и тут же рядом - лирическая глава, кончающаяся гимном жизни:

" - Эх, земли вы мои, земли тучные!

" - Эх, радость - любовь моя, горная птица над белками!

"Верую! - ". ("Цветные ветра", стр. 72).

Только что он рассказал в "Бронепоезде", как мужики сотнями, "как спелые плоды от ветра падали... и целовали смертельным, последним поцелуем землю", - и новый гимн:

"... - пахнет земля - из-за стали слышно, хоть и двери настежь. Пахнет она травами осенними, тонко, радостно и благословляюще. Леса нежные, ночные, идут к человеку, дрожат и радуются, - он господин.

"Знаю!

"Верю!

"Человек дрожит, - он тоже лист на дереве огромном и прекрасном. Его небо и его земля, и он - небо и земля. Тьма густая и синяя, душа густая и синяя, земля радостная и опьяненная. Хорошо, хорошо - всем верить, все знать и любить!" (стр. 73).

По старым добрым традициям, тут "слезу пустить надо", сделать панихидное лицо, либо нагромоздить всяких настроений, размышлений, стенаний. А тут - гимны! Никакого благообразия литературного нет. Ах, какой примитивизм, какая некультурность и грубость нервов!

Автор настолько переполнен гимнами жизни, что обычные рамки рассказа, повести ему тесны. Он постоянно их раздвигает, вставляя лирические главы, отступления, обращения - целые рапсодии. Подобно скальду Ибсена, он на могилах сынов и братьев своих по борьбе, слагает песни:

Язвы все врачует
Песнь волшебной силы,
Так греми ж сильнее
Над сынов могилой!

В автобиографии (см. "Литер. Записки" N 3) Иванов, между прочим, рассказал, как его два раза расстреливали. Повествование о расстрелах кончается там заявлением, обычным для писателя: "идет с 1917 года одна моя дорога, - смертная. И тому, что жив, - радуюсь".

Знаменательней же всего то, что во всем этом у Всеволода Иванова нет ни тени усталости, разочарования, издерганности, размагничности. Здесь не тяга к обывательской размягченности, к подушкам и перинам, от перенесенных невзгод, что теперь очень часто встречается, не ренегатство и отход, - а действительно глубокая, здоровая радость. Большая она, широкая, всеобъемлющая, всепокоряющая. Велики дары жизни и тонут в них кровавейшие человеческие дела, кажутся отдельными эпизодами, а надо всем "земля радостная и опьяненная", господин ее - человек.

Пришел писатель из степей, гор, лесов, где все напоено могучей первобытной жизненностью, красотой, девственной нетронутостью и цельностью, где и люди, как окружающая их природа, по первобытному сильны и здоровы. Вместе с ними боролся писатель и была эта борьба, по своему содержанию такова, что не обессилила, не измотала, а еще крепче связала его с красотой и зовами жизни, зовами таинственными и прекрасными.

Такова Сибирь у В. Иванова; густой, жирный, теплый, тучный, радостный, медоносный, жизненосный, густо-пахнувший, тугой, крепкий, смоляной, жаркий, красно-оранжевый, синий, упругий, великий, сладостный, острый, стальной, зеленый, бурый, спелый, сладко-пахучий, нежный, тягучий, радужный, кровавый и т. д. Все сильное, пахучее, цветистое, яркое, буйное, крупное. Даже ветра у него цветные, голос - розовый. "Азиат тело любит крашеное", - это он про себя, прежде всего, так написал. Бледных красок на палитре В. Иванова нет. От этого и горы, и степи, и леса, и реки выступают полные цветов, буйной жизни, зовут и манят к себе своей звериной красотой и пестротой красок, как малявинский хоровод, как яркие сарафаны и платки деревенских женщин в праздники.

А партизаны? Все они у него здоровые, свежие, кряжистые, дубовые. Больных, с надрывом у Иванова нет. Он их не изображает, не любит, они - не герои его романа. Дикой, непреодолимой силой и властью земли напоены до краев его мужики-партизанщики, соками жизни, соками густыми и пахучими, как деревья весной. Селезнев: - "у него была широкая, лошадиная спина, с заметным желобком посредине", "ступал грузно".

Соломиных говорит про него: "медвежья душа у человека". Сам Соломиных "походил на выкорчеванный пенёк, - черный, пахнувший землей и какими-то влажными соками". Горбулин: - "широкорожий, скуластый, с тонкими прорезами глаз". Вершинин: - "широкие, с мучной куль, синие плисовые шаровары плотно обтянулись на больших, в конское копыто, коленях... высокий, мясистый, похожий на вздыбленную лошадь... с тяжелыми сапогами, как у идола". Каллистрат Ефимыч: - "тело широкое, тяжелое, и длинная тяжелая в проседь борода... огромные руки". Ему под шестьдесят, сыновья семейные, а он тянется к молодой Настасье, как 17-летний. Все у них нутряное, исподнее, неподдельное и простое. Слова выговариваются с трудом и всегда отвечают внутренним движениям. Так же прямы и непосредственны их действия.

Городские большевики у Иванова тоже полны энергии и движения. Председатель подпольного ревкома Пеклеванов - с впалой грудью, говорит слабым голосом, кожа на щеках у него нездоровая, "но глубоко где-то хлещет радость и толчки ее, как ребенок во чреве роженицы, пятнами румянят щеки". Комиссар Васька Запус: - "волос у него под золото, волной, растрепанной на шапочку. А шапочка - пирожек, без козырька и наверху - алый каемчатый разрубец. На боку, как у казаков, - шашка в чеканном серебре... Слова у Запуса розовые, крепкие, как просмоленные веревки, и теплые... Глядит из-под шапочки - пильменчиком, веселым глазком... маленькие усики над розовой девичьей губой"... - Даже у Никитина, который дает только кровь, внутри спрятаны ласковость и "ухмылка". Матрос из "Бронепоезда", Васька Окорок - тоже веселые, хохочущие люди.

Атмосфера партизанщины бодрая, веселая, уверенная, героическая.

Вот откуда радостность, пронизывающая писания В. Иванова.

Сим победиши!

Если прав Гинденбург, что побеждает тот, у кого крепче нервы, то партизаны и большевики: Никитины, Васьки Запусы, Пеклевановы должны были победить, так как на их стороне была не только крепость нервов, но и сама жизнь, ее стихийная сила, ее радость. Эта сила дала возможность марксистскому большевизму не только разбить Колчака, Врангеля и Деникина, но и разорвать кольцо блокады, но и отбить нападения могущественной Антанты. Большевизм сумел соединить себя с этим могучим и мощным потоком жизни, с этой миллионной первобытностью. И потому он устоял и побеждал. Вещи В. Иванова, в числе прочего - чудесный, художественный документ нашей эпохи, выясняющий с внутренней, психологической стороны, почему мы, большевики, оказались победителями в гражданской войне.

Сейчас за рубежом печатается тьма тьмущая воспоминаний, повествований, мемуаров, фельетонов о недавней гражданской войне в Сибири, в Крыму, на Дону. Все они окрашены, во-первых, воплями, - эти мерзавцы лишили нас сытой жизни, ресторанов, кабаков и автомобилей, во-вторых, - полным неверием в себя и в дело, за которое недавно распинались, - истерикой, и пессимизмом. Очень любопытно сравнить это зарубежное творчество с художественными вещами В. Иванова. Вывод общий один: одни сумели, через всю тяжесть гражданской войны сохранить и даже накопить "элексир жизни", выйти здоровыми духовно и благословляющими жизнь, другие - стекали, как гной, на окраины, все потеряли, во все изверились, оказались внутренне опустошенными. Судите сами, на чьей стороне была правда истории.

Широкая радостность и упоенность жизнью, освещающая творчество молодого писателя, дает ему ключ к действительно художественному подходу и обработке материала. Благодаря наличию этого основного настроения, В. Иванов обнаруживает ту художественную пронизательность, правдивость и нелюбовь, без каковых произведения непременно делаются ходульными, тенденциозными, лишенными плоти и крови.

Верно ли это в отношении к вещам Иванова?

Остановимся подробнее на его мужиках-партизанах.

III. "Заметь, хорошие парни были".

"Нам с этой властью (колчаковской. А. В.) не венчаться. Наша власть советская, крестьянская" (Селезнев)...

"Только я говорю, без большецкого правления, - наша погибель. Давай, мол, из камню большеков к восстанью тащить" (Краснобородый)...

Не сразу, однако, сибирские мужики пришли к мысли, что без "большецкого" правления - погибель их. В "Партизанах" Иванов отмечает, что этих самых "большеков" крестьяне вылавливали и предавали колчаковским отрядам. Понадобился некий поучительный, жизненный опыт, чтобы мужики изменили свое отношение к большекам и пошли к ним с "истомленными, виновными лицами".

В результате этой жизненной практики мужики, прежде всего, убедились, что "Толчак" непременно оставит их без земли.

" - Парней-то призывают к Толчаку этому самому служить, а они не хотят. А ну его к праху, чех, собака, и земли все хочет отбирать.

" - Отберет, - уверенно прогудели мужики" ("Цветные ветра", стр. 62).

Из "Бронепоезда":

"Вершинин, с болью во всем теле, точно его подкидывал на штыки этот бессловный рев, оглушая себя нутряным криком, орал:

" - Не давай землю японсу! Все отыдем! Не давай...

"...Как рыба, попавшая в невод, туго бросается в мотню, так кинулись все на одно слово:

" - Не-е-да-а-вай!!!" (стр. 31 - 32).

Сюжет повести "Цветные ветра" разворачивается из того, что колчаковские офицеры обещают киргизам кабинетские земли, а крестьяне этих земель отдавать не хотят.

В сущности особых, а тем более помещичьих угодий, в Сибири нет и мужики вкладывают в лозунг - землю не отдадим - свою особую мысль, свое понимание.

Партизан Горбулин говорит:

" - Одуреешь без работы-то. Мается, мается народ и сам не знает пошто"... ("Парт.", стр. 80).

В "Бронепоезде" Знобов подтверждает:

" - Народ робить хочет.

" - Ну?

" - А робить не дают. Об'яростил. Гонют" (стр. 26).

Наумыч, мужик, жалуется Каллистрату Ефимычу:

" - Мается люд. Для близиру хоть пруд гонит. Душа мутится с войны... Робить..." ("Цветные ветра", стр. 177).

Робить охота. Держит земля мужика, требует его пашня. А робить не дают: "Толчак", атамановцы, чехи, американцы, японцы, милиционеры. Селезнев - самый "справный" хозяин, богатый, церковный староста, а его вынуждают обстоятельства сделаться начальником партизанского отряда: в праздник приехали милиционеры, "накрыли" Селезнева с самогонкой, разбили самогонный куб и были "случайно" убиты "случайными" плотниками.

"Случайные обстоятельства" то-и-дело врываются в трудовую жизнь сибирского мужика: то парней гонят по мобилизации к Колчаку, то начинают бесчинствовать атамановские банды, то колчаковские офицеры тревожат крестьян обещаниями отдать кабинетские земли киргизам, то беспокоят японцы, чехи, американцы.

"Польские уланы отправляются в "поход".

"Некоторые из улан, проезжая знакомые деревни, раскланивались с крестьянами. Крестьяне молча дивовались на их красные штаны и синие, расшитые белыми шнурками, куртки.

"Но чем дальше от'езжали они от города и углублялись в поля и леса, тем больше и больше менялся их характер. Они с гиканьем проносились по деревне, иногда стреляя в воздух, и им временами казалось, что они в неизвестной, завоеванной стране, - такие были

испуганные лица у крестьян, и так все замирало, когда они приближались" ("Парт.", стр. 58).

Дальше начиналась ловля "большевиков", изнасилования женщин, расстрелы.

Огромное озлобление отмечает у мужиков автор к иноземным войскам.

Партизаны взяли в плен американского солдата, сгрудились вокруг него:

" - Жгут, сволочи!

" - Распоряжаются!

" - Будто у себя!

" - Ишь забрались!

" - Просили их!"

Дальше они убеждают пленного:

" - Ты им там раз'ясни. Подробно. Не хорошо, мол. Зачем нам мешать?"

Вообще крестьяне у В. Иванова с первого взгляда пламенные патриоты. Они за "Рассею", за "хрестьян", за "православных", против иноземцев. Пришедши к Никитину, мужики подозрительно выспрашивают, каких он земель, крещеный ли и т. д. Рассказ "Дите" - один из лучших - целиком посвящен теме, как интернациональная русская революция преломляется в мужицком национализме. Партизаны убили офицера и женщину с ним в степи, нашли в кузове тележки грудного ребенка и решили его выкормить. С этой целью делается набег на киргиз, умыкается молодая киргизка тоже с ребенком; ее заставляют кормить приемыша и, когда партизаны замечают, что она лучше кормит своего, то убивают его: "нельзя хрестьянскому пареньку как животине пропадать".

В национализме мужиков Вс. Иванова есть одна странность: никто из партизан ни разу не обмолвился ни единым словом о войне с немцами. Колчаковцы, как известно, своим главным лозунгом сделали "единую, великую, неделимую Россию". На всех перекрестках они твердили о позоре брестского мира, о предателях родины и т. д. В их распоряжении были газеты, устная агитация и пр. Казалось бы, мужики, настроенные столь "по крещенному", должны были легко поддаваться воздействию колчаковской пропаганды. Между тем об единой, великой, неделимой среди партизан ни звука. Наоборот, именно власть Колчака считали они инородческой, а большевиков - "хрестьянской". В чем дело?

Дело в том, что мужицкий национализм, как и вера - земляные, от власти земли. Корни здесь. Чехи, американцы, японцы не давали "робить". В этом и разгадка и ключ к мужицкому национализму. Большевизм сумел свой интернационализм связать с землей, с основным, исконным требованием мужиков. Свой национализм русские белогвардейцы должны были, наоборот, в силу классовой своей природы, противопоставить этому требованию. Больше того, они связались с чехами, японцами и вместе с ними мешали "робить". Отсюда - равнодушие мужицкого национализма к национализму белогвардейцев и сочувствие интернационализму большевиков, которые дают помощь "чужих земель".

У нас до сих пор, особенно за рубежом, продолжают еще долбить об единой, великой и пр. Следовало бы внимательней присмотреться к партизанам В. Иванова - тут много поучительного, художественного материала и для Милюкова, Бурцева и К°.

Робить не давали.

Разбитые колчаковцами, партизаны отступают в горы.

"Партизаны, как стадо кабанов от лесного пожара, кинув логовище, в смятении и злобе рвались в горы. А родная земля сладостно прижимала своих сынов, итти было тяжело... Вершинину, начальнику отряда, думать было тяжело; хотелось повернуть назад и стрелять в японцев, американцев, атамановцев, в это сытое море, присылающее со всех сторон людей, умеющих только убивать" ("Бронеп.", стр. 14 - 15).

Поднимались тяжело, - все, богатеи, старосты. И воевали. А земля звала к себе. Тосковали мужики. "Мозги, не привыкшие к сторонней, не связанной с хозяйством, мысли, слушались плохо и каждая мысль вытаскивалась наружу с болью, с мясом изнутри, как вытаскивают крючек из глотки попавшейся рыбы". И тут с особой силой говорила о себе земля. Тут впервые многие партизаны испытали жизненную мудрость Кубди: - "Нет,

ты, курва, прожгись через работу-то, да выплачься, - вот и поймешь, на какое место заплатку ставить надо". Поливая обильно своей кровью землю, партизаны с новой, неизведанной силой начинали ощущать ее таинственную, сладкую и мучительную власть над собой. Вершинин, бывший рыбак, не обрабатывавший раньше землю, впервые в партизанщине почувствовал эту власть. С Окоромком, парнем из рабочих, у него происходит такой разговор:

Вершинин: " - Кабы настоящи ключи были. А вдруг, паре, не теми ключьми двери-то открывать надо.

" - Зачем идешь?

" - Землю жалко. Японец отымет.

"Окорок беспутно захохотал:

" - Эх, вы, землехранители, ядрена-зелена!

" - Чего ржешь? - с тугой злостью проговорил Вершинин: - кому море, а кому землю. Земля-то, парень, тверже. Я сам рыбацкого роду...

" - Ну, пророк!

" - Рыбалку брошу теперь.

" - Пошто?

" - Зря я мучился, чтоб опять в море итти. Пахотой займусь. Город-то только оманывает, пузырь мыльный, в карман не сунешь" ("Бронеп.", 33 - 34 стр.).

Каллистрат Ефимыч тоже впервые почувствовал эту тягу к земле в партизанщине и кончил тем, что оставил отряд и ушел в хлебопашество. В. Иванов художественно, верно и точно схватил и передал один из самых характерных и замечательных процессов в деревне, - возросшую после гражданской войны власть земли над мужиками, - вскрыв ее психологические корни. Действительно, деревня уходит теперь в землю с особой силой: земля тянет к себе даже таких, кто недавно к ней был равнодушен. Жажда и жадность земли, стремление "робить" - огромные.

На Каллистрате Ефимыче следует остановиться. Он искатель "праведной земли", настоящей "веры", странник. "По баптистам ходил, всем богам молился... ране-то до войны этой шли селами странники. Рассказывали чудеса все... Пошел. Такая же земля, народ такой же везде злой. Прошел я пешем до Катирибурга почти, может три тысячи верст, плюнул и вернулся... Будто и не был нигде"... Старую веру потерял, новую не нашел. Мужиков не любил. Казалась ему их работа и жизнь с землей пчелиной, бессмысленной. Случайно попал он к партизанам, захватила его борьба и даже 16 волостей поднял на восстание, но и здесь не нашел веры: "За пашню по кишкам рвал... нету покоя, ну?" Спокой он, однако, нашел. Однажды ощутил в себе "силу тугую, неумную", оставил партизан и ушел к пашне.

Каллистрат у Всева Иванова самая интересная и большая фигура. Каллистратом В. Иванов вскрывает прежде всего истинную подоплеку мужицкой веры, мужицких исканий, смутных порывов и алканий. Это - деревня, которая создала сказание о сокровенном граде Китеже, бродила по Руси из края в край в поисках праведной Земли и жизни, - странная, бродячая Русь, снаряжавшая ходоков, выделявшая своеобразных лишних людей. Такие искатели то-и-дело проходят перед читателем у Всева Иванова; таков Ерма в "Синем Зверюшке", об этом же говорится в "Жаровне архангела Гавриила". Во всех этих вещах писатель вскрывает корни мужицкой веры, мужицких упований и исканий. Корни эти в земле. Разные "обстоятельства" мешали мужику вплотную подойти к земле, создавали помехи, рогатки - отсюда искания, Китеж-град, странники, лишние люди. Концом Каллистрата писатель как бы хочет сказать: с революцией эта странная, взыскующая деревня нашла свое место. Китеж-град найден, обретена настоящая вера; конец странниками, искателями Земли праведной. Она найдена. Ее дала русская революция, обильная кровь, коей смочили мужики поля и леса. Пашня освобождена от тех, кто ее не давал мужику, мешал на ней робить, свободно ей распоряжаться. Один на один теперь

свободный мужик со свободной пашней. Кончилась старая деревенская Русь паломников, лишних людей, взыскующих града.

Каллистрат нашел, понял, на какое место следует заплатку ставить. Понял и Вершинин. Об этой заплате в сущности мечтал в партизанах и Селезнев.

Что несет с собой эта новая, деревенская, успокоившаяся, обретшая Русь? Городу, рабочему, социализму?

Об этом не говорит ни автор, молчит Каллистрат.

Голосом низким, протяжным, точно межа, ответил:

" - Микитину-то? Скажи..."

"Отрезал ломоть... Медленно, как лошадь, жуя, проговорил что-то неясное.

"Из мешка густо пахнуло на Павла хлебом"... ("Цветные ветра", стр. 185).

Молчат Каллистраты. Пахнет только от них хлебом, хлебом, хлебом...

Каллистрат - большое художественное обобщение у писателя. О нем серьезно нужно говорить. Каллистрат войдет в русскую литературу как новое значительное художественное слово, на-ряду с Иваном Ермолаичем Г. И. Успенского и "Мужиками" А. П. Чехова. К сожалению, печать некоторой художественной незаконченности, недоработанности лежит на нем. Всев. Иванов поторопился и местами только слегка мазнул там, где требовалась тщательная зарисовка и углубленная работа. Такой незавершенностью страдает одно из главных в повести мест, где Каллистрат почувствовал в руках "силу тугую, неумную". Место как-то смято, есть какая-то недоговоренность. Не всегда "остранение" сюжета приводит к положительным результатам. Здесь этот прием дал у В. Иванова осечку. А жаль. Взята и введена в русскую литературу большая фигура, схвачено очень важное явление и у писателя были все данные справиться с задачей: как-никак Каллистрат врезывается в глаза живо, остро и убедительно.

Вообще мужики у Иванова великолепны и художественно правдивы. Писатель не подслащивает, не подкрашивает их. Там, где следует, они выглядят во всей их зоологической жестокости. Таковы они в рассказе "Дите".

В "Логах" курчавый казак кормит голодных, умирающих киргиз вволю хлебом, чтобы посмотреть, как они умирают. Отвратителен Семен в "Цветных ветрах" в своей жестокой тупости и жадности; беспутен Дмитрий; жадны, ограничены, с куриным кругозором, мужики, пришедшие к Никитину с просьбой стать во главе их. Жутка по своей кровавой развязке их тяжба и вырезывание несчастных, обманутых киргиз, доведенных отчаянием до кражи "русских богов", - свои не помогают. В качестве партизан мужики горами устилают землю в боях с бронепоездом Колчака, но героизм их стадный, сплошной; индивидуально они не герои.

В подходе к мужику у В. Иванова есть много от Горького, Чехова и Бунина. Но не следует слишком увлекаться сопоставлениями в этой области, по той простой причине, что в конце концов у писателя есть своя собственная расценка мужиков. Каким-то особым теплом, человечностью и мягким, ласкающим светом сумел писатель облить корявые, звериные, мужичьи фигуры, - добродушием и юмором. Поэтому и выглядят у него партизаны не зверями, лишенными "образа и подобия божьего", как, например, у Бунина, а подлинными, живыми, страдающими, радующимися, алчущими и жаждущими человеками.

Обо всем следует судить относительно. Теперь вошло в моду, является признаком хорошего литературного тона изображать мужика, как чудище, "обло, озорно, стозевно и лай". Повелось это задолго до революции; с революцией в известных литературных кругах о народе, особенно о мужике, иначе не говорили как о хаме, животном грязном, нечистоплотном и кровавом. Не говорим о таких писателях как Бунин, - даже М. Горький недавно отдал дань этому умонастроению в его статьях "Русская жестокость". За периодом народнической идеализации мужика и обсахаривания его, наступил период развенчания. Прикрывалось это якобы-марксистским подходом к деревне, на деле же это являлось отходом от социализма, от народа и революции широких слоев русской интеллигенции.

Марксизм и большевизм всегда твердо знали, что две души у мужика: одна - от хозяйчика, забира - жадная она, жестокая, тупая; другая - от трудового человека, веками угнетавшегося помещиками, урядниками, становыми и пр.

Все И. Ивановым и его некоторыми молодыми сверстниками в русскую литературу вводится это единственно справедливое, верное отношение к мужику. Получается это потому, что Ивановы сами плоть от плоти этого мужицкого моря. Читатель все время чувствует, что мужики близки писателю, родные ему, что не со стороны он судит о них, а как свой, из их среды вышедший, с ними деливший самые тяжкие, опасные, смертоносные моменты. Мужики Ивановым взяты в восстании, в кровавой борьбе, в их жертвенности, в исканиях свободы и земли, в их высших духовных напряжениях, в страданиях и пафосе партизанщины, т.е. в том состоянии, когда русский крестьянин со всей невиданной силой показал, что он не только собственник, но и трудовой, угнетенный человек, что поэтому он может идти рука об руку с Пеклевановым, Никитиными, с матросами, с рабочими и с Интернационалом, несмотря на свой земляной национализм и земляную веру.

Шли, боролись, умирали, побеждали, верили!

- Заметь, хорошие парни были!..

IV. "Есть у него своя блоха на уме".

"Сказал Каллистрат Ефимыч:

" - Любовь надо к люду. Без любви не проживут.

" - Не надо любви, - отрывисто, точно кидая камни, отозвался Никитин...

" - Вот к тебе спрашивают, приходят, жалуются... ты что им отвечаешь?

" - Знаю, что ответить.

" - Всем? Без любви?

" - Без...

" - Крепкий ты парень, чудно таких-то видеть! Не видал таких-то, не водилось.

" - Есть" ("Цветные ветра").

У большевика Никитина, начальника партизан, все - в одной точке: бей, только. Пришло такое время - нужно бить. И он бьет, без оглядки. Подобно Каллистрату он тоже "скачает". По человеку, а не по вере скакает. По будущему, выпрямленному человеку. Он знает: "мужик - тесто". Нужно его сковать железными обручами дисциплины. И он сковывает, твердо, без послаблений. Он понимает также, что мужик поднялся, хочет бить, убивать. Это - стихия: перечить ей бесполезно и вредно и он дает волю этой стихии: бей! Он расстреливает сына Каллистрата, Дмитрия, невинного, за вину брата Семена, зная, что он неповинен: "Звери все, зверям - крови!" Он не сопротивляется, когда мужики двигаются на киргиз и истребляют их: "я даю кровь".

Великая любовь рождает великую ненависть. У Никитина ненависть поглотила, заглушила любовь. Во имя дальнего, бей ближнего. Он не считается с индивидуальной виной, он знает вину только классов. "Кто-то убил, кого-то надо убить. Убьем!" Никакой справедливости, никаких категорических императивов, все подчинено целесообразности, а она сейчас дает только одну заповедь: убивай!

Ненависть, холодная, сжатая, расчетливая, умная. Через никитинскую ненависть и заповедь: убивай, - напоминают о себе миллионы убитых, искалеченных на войне, во время революции, умученных в тюрьмах, на каторге. В наше российское тесто - это как квашня. Без таких рассыпались бы партизанские отряды, проигрывались бы восстания, сражения, невозможны бы были красный террор, раскрытие заговоров, Красная армия, война с Антантой, штурм Сиваша и Перекопа. Вздыбить трудовую Русь, поднять ее, сосредоточить все помыслы в одном высшем напряжении, иметь силу и смелость дать простор звериному в человеке, где это необходимо, и где необходимо сковать сталью и железом - все это невозможно без Никитиных.

Изверг, красных дел мастер, садист, сухая гильотина?

Есть такой разговор между Каллистратом и Никитиным: "Достал из кармана (Никитин. А. В.) черный камешек. Всплыла неподвижная ухмылка.

" - Пласт горы - нашел. Уголь каменный. Слышал?

" - Баят, жгут. Горюч камень, выходит. Куды его, здесь лес вольный, жги. Угар, баят, с камня-то...

"Дробя камень пальцами, - смывтым, ласковым голосом говорил Никитин:

" - Руды - хребты. Угля - горы. Понимаешь, старик? Заводов-то! Я сейчас мастерскую. Город возьмем..." (стр. 180).

"Я даю кровь", - а где-то глубже запрятаны и ласковость, и "ухмылка". Ибо кровь льется во имя будущего, земли и ее господина - человека. Вот что дает право Никитиным быть гильотиной и кровавым орудием времени. И гильотина - и подвижник со скрытым пламенем внутри.

Мужики-партизаны его уважают, подчиняются ему, но не понимают и смотрят на него с опаской, но чувствуют, что он их не выдаст, что он понял их нутряной, звериный лозунг: бей, и что без него - их погибель...

Председатель подпольного ревкома в городе, Пеклеванов - интеллигент со впалой грудью и в очках. Профессиональный революционер. Весь в деле, в работе, в подготовке восстания. Городской с головы до ног. Суховат. У мужика Знобова, явившемуся к нему от партизан на явку, сначала недоверие и туча сомнений: и начальник-то он, должно, плохой, и еда-то у него "птичья". Однако общий язык находится быстро через водку, разговоры о колбасе, о восстании и т. д. И кончает Знобов тем, что весело обзывает Пеклеванова: "предыдущий ты человек". Пеклеванов тоже восстанщик, из него тоже "хлещет радость" и потому так нетрудно устанавливается контакт у него с мужиками. (Кстати: совсем нет ничего об эс-эрах у Иванова: а они, ведь, трубят до сих пор, что во главе партизан были они, эс-эры).

В романе, еще далеко не законченном, "Голубые пески", дан большевик, комиссар Васья Запус, одна из самых удачных и ярких фигур у Всева Иванова. Хороший комиссар, чудесный. Удачный, беззаботный, беспечный, веселый, смешливый, немного озорной, юный, бабник, задорный, здоровый; какая-то легкость и уверенность в себе и в деле - и дело спорится, делается с шуточками и прибаутками, с коленцем, походя, просто, само собой. Человек, которому везет и в восстании, и в любви. "Серебро - как зубы, зубы - молодость", поет про него киргиз песню. Кругом он, как в кольце, в тупой, зверски и животно злобной обывательщине, готовится контр-революционное восстание, - а он хоть бы что. Посмеивается, бренчит сабелькой. У него все хорошо, все с ним.

" - Здесь, старик, - говорит Кириллу Михеичу, - Монголия. Наша! Туда - Китай - пятьсот миллионов. Ничего не боятся. На смерть наплевать. Для детей - жизнь ценят. Пятьсот миллионов... Дядя, а Туркестан - а, о! Все - наше! Красная Азия! Ветер... Спать хочу! Хоро-о-ошо, дьяволы, ей-богу".

Так и видишь его с серебряной саблей, с девичьей розовой губой, с шапочкой, из-под которой торчит хохолок. Сам повольник и с ним повольница, когда не было Красной армии и приходилось защищать революцию на-скоро, на-спех сколачивать отряды и драться.

И у Никитина, и у Пеклеванова, и у Васьки Запуса среди партизан есть свои особые проводники их идей, через которых они закреплялись и овладевали мужицкой массой. Плотники: Кубдя, Беспалых, Горбулин и др. У всех у них своя, особая блоха на уме.

" - Робите? - полунасмешливо спрашивает их Селезнев.

" - Робим.

" - Так... Али дома места нету? Земля высохла?

"Беспалых стукнул себя кулаком в грудь.

- "Потому мы - странники... Разжевал, Антон Семеныч?" (стр. 44).

Странники. Странствовал Каллистрат, Ерма пытался, рыбак Вершинин странствовал по морям. Кубдя, Беспалых и Горбулин - странники особые. Кубдя объясняет Селезневу по поводу своих странствований:

" - Сам знаешь, с каких доходов на работу идешь... Потому, тоска! Был, я скажу тебе, в германску войну, в Польше был, в Германии был... Посмотрели - во-от народ!.. Живут,

скажу тебе, робют. Чисто, сухо, кругом машины... Недовольны мы, понял?.. Желаем жить - чтобы в одно со всеми, а не у свиньи хвост лизать"...

Вершинин, Селезнев рвутся к земле. Плотник же Беспалых убежден, что бог ее дал в наказание: "трудитесь, мол, мать вашу так"...

Такими "странниками"-помощниками у Никитина являются серб Микеш, австриец Шлоссер. У Пеклеванова - Васька Окорок, веселый человек (у В. Иванова почти все веселые), матрос, который "весь плескался, как море у лодки, рубаха, широчайшие штаны, гибкие рукава". У Васьки Запуса - корабельная повольница. Все они, так называемые, стихийные социалисты, они недовольны, странствуют и взыскуют, чтобы всем в одно жить и с машинами. Упорно, шаг за шагом, в постоянном общении и жизненном обиходе вдалбливают они в тугие мужицкие головы свой стихийный социализм. И через них мужики по своему смутно ощущают трудящихся иных стран и их поддержку. И хотя "корявый мужиченко" и шепчет Вершинину: " - А интернасынал-то? Я ведь знаю - там ничего нету. За таким мудреным словом никогда доброго не найдешь. Слово должно быть простое, скажем - пашня"... но все-таки мужики чувствуют себя уверенней и знают смутно, что им кто-то издалека сочувствует и помогает: " - потому за нас Питер... наци... нал!.. и все чужие земли"...

Особняком нужно упомянуть китайца Син-Бин-У.

В русской литературе это пока единственная фигура, как и шаман Апо. Этого молчаливого, почти неговорящего человека, далекого и загадочного В. Иванов сумел приблизить и сделать понятным, близким и своим. Син-Бин-У люто возненавидел японцев с тех пор, как они разрушили его очаг, убили жену. Тогда он ушел к русским и пошел с ними по дороге Красного Знамени, уверовав, что хороша только русская Красная Сов. Республика. Рассказ о гибели китайца на рельсах, исключителен по своей свежести, простоте и трагичности. На читателя дышит тысячелетняя далекая Азия, страна, где люди привыкли умирать непонятно нам, мудро, просто и обыденно. Собственно положили китайца и заставили его умереть мужики, - огромная, невесомая сила коллектива, тысяча глаз, более принудительная, чем приказы, угрозы, увещания, личные побуждения.

" - Син-Бин-У был один. Плоская изумрудо-глазая, как у кобры, голова пощипала шпалы, оторвалась от них и, качаясь, поднялась над рельсами... Оглянулась.

"Подняли кусты молчаливые мужицкие головы со ждущими голодными глазами.

"Син-Бин-У опять лег.

"И еще потянулась изумрудо-глазая кобра - вверх и еще несколько сот голов зашевелили кустами и взглянули на него.

"Китаец лег опять..." (курсив всюду А. В.).

Так приказал умереть китайцу коллектив - и он умер.

Как хорошо, что нашелся уже талант, который дал Син-Бин-У и его смерть! Это нужно.

Китайские отряды, охраняющие Кремль и умиряющие рабочих и крестьян...

Ах, мерзавцы!..

V. "Стекаем... гной из раны"...

Мужики-партизаны, "странники" и недовольные Кубди, революционеры-большевики лучше всего удаются Всеv. Иванову. Происходит это, видимо, оттого, что этих людей любит писатель, они ему близки, через них он говорит свое "осанна" жизни. Их ощущаешь почти физически, видишь и обоняешь. Своеобразный добродушный юмор писателя, легкий и веселый, еще больше приближает их и роднит с читателем.

Художественно слабей у Иванова выходит другой лагерь, против которого ведут борьбу партизаны. Начальник бронепоезда Незеласов, например, воспринимается ту же, а местами образ расплывается. То же с прапорщиком Обабом. Видно, что душа писателя к ним не лежит: Иванов тяготеет исключительно к людям здоровым и морально крепким. И принадлежит он к таким художникам, для которых стоять в стороне и со стороны зарисовывать хуже. Ему со стороны не видней, он - суб'ективист и непременно вкладывает в изображаемые лица свое, интимное, в очень большей дозе.

Мы не хотим сказать, однако, что Незеласов и Обаб плохи.

Кроме того, они - правдоподобны.

Незеласов говорит о себе и белых:

" - Что ж?.. Стекаем: гной из раны... на окраины... Мы... Все... - и беженцы, и утонувшие в снегу правительства... Родина нас... вышвырнула... Думали все нужны, очень нужны, до зарезу нужны, а вдруг расчет получайте... И не расчет даже, а в шею, в шею! В шею"...

В другом месте:

" - Сталь не лечат, переливать надо... Это ту... движется если... работает... А если заржавела... Я всю жизнь, на всю жизнь убежден был в чем-то, а... ошибка оказывается"...

Никакой веры у Незеласова нет. Он уже знает, что дело проиграно. Бронепоезд его мотается без толку, без толку стреляет, бессмысленно убивает, Незеласов не знает даже, от имени какого правительства он действует.

Обаб с виду крепче. - Не моя обязанность... думать, - бормочет он. Он знает одно: приказано. Но в сущности в нем все подорвано. Только он укрывается от "проклятых вопросов" жратвой, исполнительностью, нежеланием размышлять. Однако, когда Незеласов начинает рассказывать ему о доме, семье, Обаб бесится и теряет равновесие, впадает в истерику, так что Незеласов не без основания говорит ему: - я думал... камень, про вас-то. А тут... леденец... в жару распустился...

Известно, что белые не понимали революции. Но они также не понимали и друг друга. Незеласов и Обаб говорят о разном, как люди с разных планет. Нет у них ничего общего, объединяющего. Даже в смертельном деле они бесконечно далеки и враждебны друг другу. Как русская эмиграция сейчас, они орут друг на друга, ссорятся, обзывают взаимно последними словами. Тут духовная опустошенность и гниение выступают с особой, кричащей отчетливостью. Когда люди, по виду, по форме, призванные творить одно дело, перестают понимать и уважать друг друга, значит - строят они вавилонскую башню. Это последнее - хуже всего.

Одна из последних вещей В. Иванова, роман "Голубые пески" далеко еще не закончен, напечатана из трех частей только первая. Роман несколько растянут, следовало бы сжать. В первой части дана сибирская провинция в революцию - город Павлодар. Помимо прекрасно удавшегося комиссара Васьки Запуса тут есть несколько колоритных персонажей: подрядчик Кирилл Михеич, архитектор Шмуро, протоиерей Смирнов, семья Саженовых. Передана животная тупость, страх и непонимание переживаемого. Октябрь уже прошел, корабельная повольница, комиссар Васька Запус, а Кирилл Михеич высчитывает будущие барыши, намерен строить новые церкви, рассуждает о торговых перспективах, о кирпичах и т. п. И для него, и для Саженовых, и для прочей сибирской окурочки революции - разбой; ждут варфоломеевских ночей, поголовного истребления и т. д. Жена К. М., Фиоза - другая. От побоев в семье, от тупой, жвачной жизни она делается странницей, убегает к Запусу в степь и там записывается в его отряд. С живым интересом читаются страницы, где корабельная вольница и совет взимает контрибуцию с купцов, сильно переданы: захват белыми красного парохода, зверская расправа над вольницей со стороны казаков и обывателей.

В. Иванов этим романом впервые выступает в качестве бытописателя города. До сих пор у него действия развивались в степях, в горах, в лесах.

Начало - удачное. Провинциальная Сибирь, Сибирь подрядчиков, протопопов, церковей и поднявшейся революционной голытьбы даны в истинно художественных зарисовках. И надо всем по обыкновению радостный и добродушный голос писателя. И легкая усмешка.

IV. В заключение.

Утверждают, что Всев. Иванов - бытовик. Конечно, он пишет о том, что было недавно. Но очень ошибается, кто примет за чистый быт то, что дано писателем в его повестях и рассказах. Прежде всего у него очень большая широта художественного обобщения, чего

нет обычно в подлинных бытовых произведениях. Последние ограничены в смысле обобщения; в них, правда, схватывается типичное, но оно всегда очень ограничено временем, обстановкой, всегда протокольно, фактично, фотографично. Фигуры же В. Иванова не просто выхвачены из гущи жизни, а подверглись довольно основательной обобщающей творческой обработке. Каллистрат Ефимыч вобрал в себя сотни и тысячи Каллистратов, у которых искание "веры" и т. д. тоже были в наличности, но в разжиженном, разбавленном виде. Каллистрат Ефимыч такой же тип, как Иван Ермолаевич, т.-е. он создавался тем же, в основном, художественным путем. В Син-Бин-У раскрыта душа китайского красного партизана, а не просто зафиксирован случайно подвернувшийся под руку любопытный индивид, взятый в об'ектив художником. То же с Кубдей, Селезневым, шаманом Апо и другими персонажами В. Иванова.

Далее, автор несомненно "вложил", выражаясь в терминах Маха и Авенариуса, свои собственные настроения в своих персонажей. Он отыскал, усилил, подчеркнул то, что нашел в себе. Большинство его "героев" странствуют, ищут, испытывают духовный голод; Кубдя, Беспалых, Каллистрат Ефимыч, Селезнев, Вершинин, Никитин, Ерма, Син-Бин-У, Олимпиада, - они странники, одержимые, влекомые куда-то; их беспокоит своя блоха на уме. Просмотрите бегло автобиографию В. Иванова и вы убедитесь, откуда это идет - от самого автора, который странствовал и "шлялся" с 14 лет. Тут невольно напрашивается аналогия с Горьким, оказавшем большое духовное влияние на молодого писателя. У того тоже - странники, искатели; тоже насквозь сочинены они им, выдуманы и отражают в первую голову духовный облик самого Алексея Максимыча.

Наконец, как уже отмечалось выше, вещи Иванова неизменно освещены одним ровным светом: радостью жизни, ее самоценностью, лаской ее. Словом, Иванов несомненно субъективен.

Он - лукавый писатель, т.-е. настоящий. Легко можно поддаться одному обману: его герои слишком по бытовому ведут себя и слишком от быта их язык: бяда, понимаешь, колды, хрестьянин, немаканный и т. д. А тут еще прибавляется масса областных наречий, своеобразная обстановка, экзотическая, Майн-Ридовская: Сопки, Монголия, степи, белки и т. д. Все это, однако, только средства, чтобы читатель поверил, что все так было, как написано. Было то оно было, но не совсем, повидимому, так.

То же и с событиями. Был, конечно, бронепоезд, были партизаны и брали его, но, конечно, все это было по иному.

Искусство есть то, что лучше жизни и больше похоже на правду, чем сама жизнь - этому правилу Иванов свято следует, потому что он настоящий талантливый художник "божьей милостью".

Мы не хотим этим сказать, что вещи В. Иванова лишены бытового значения: их бытовая ценность несомненна; мы только хотим отметить, что бытовой материал переработан писателем в соответствии с художественными требованиями.

Еще несколько слов о быте. Из тех литературных кругов, которые создают "Утренники", нередко слышится, что наш быт контр-революционный. Творчество В. Иванова живое тому опровержение. А В. Иванов - не одинок.

Печатью уже отмечалось, что В. Иванов - писатель рисовальщик. Это верно и у него прежде всего цвета, затем запахи. Слабее - слух. Бой мужиков с бронепоездом описан так, что не слышно ни грохота, ни пулеметной, ни ружейной стрельбы. За то сколько эпитетов зрительного и обонятельного порядков! Внешне подходит беллетрист к своим персонажам. Дается представление о фигуре, затем диалоги и действия, поступки. Почти никакого психо-анализа, полный антипсихологизм. Внешность героев дается в такой манере, что, если бы художник-живописец решил бы последовать за автором и дать в рисунках коллекцию ивановских персонажей, получились бы рисунки футуристического характера, вроде тех, что дает Влад. Маяковский в своих талантливых плакатах. Для примера: "голый Незеласов - костляв, похож на смятую жестянку из-под консервов - углы и серая гладкая кожа". Учитель Кобелев-Миклашевский: "у него все было плоское, и лицо,

и грудь, и рваные брюки на выпуск, и голос у него был ровный"... Или: "шел похожий на новое стальное перо, чистенький учитель". (Между прочим - интеллигент у В. Иванова почти все плоские.) Описания наружности партизан даны выше. Всюду одна манера: резкие мазки, выпячивание двух-трех черт, резкое заострение и преувеличение - плакатная манера наших дней.

Антипсихологизм В. Иванова несомненно является в существе своем здоровой реакцией против ковыряки в душе, Пшибышевщины и Андреевщины, заполнивших русскую литературу кануна революции. Кроме того, это вполне соответствует изображению звериных, здоровых духовно и физически людей, данных писателем. Протоколно, просто, прозаически описывает автор самые драматические события, без лишних слов.

Вот картина пробы бомб в мастерской и расстрел.

"Слесарь тонкий, с девичьим розовым лицом, весело улыбаясь, подал бомбу. Царапнул железо капсуль. Кругло метнулась рука и круглые взметнулись слова:

" - Раз-два-три!

"Молчит крапива. Несет из-за бани порохом, землей, Никитин схватил другую бомбу, кинул. Подождали. Уже не порох пахнет; земля густая, по осеннему распухшая.

"Никитин кинул третью бомбу. Ничего.

"Шумно, как стадо коров от волка, колыхнулись и дохнули мужики.

" - Ы-ы-х... ты-ы!..

"Никитин, вытянув руку, взял винтовку. Резко, немного присвистывая в зубах, сказал:

" - Становись!

"Слесарь с девичьими, пухлыми губами мелко закрестился. Подошел к сутункам банной стены. Никитин приподнял фуражку с бровей, приложился и выстрелил" ("Цветные ветра", стр. 71).

По добрым старым временам, сколько бы тут было нагнетено психологии, а тут все внешне, буднично, почти фотографично. По мужицкому. Так же, как у мужика, который докладывал Вершинину: " - всех убили? Усех, Никита Егорыч. Пятеро - царствие небесное!.." - В чем тут дело? В грубости и тупости восприятия? Нет, описание само говорит за себя. Все дело в том, что писатель не чувствует потребности пугать зря читателя и себя: и так страшно. Андреевский прием был бы для него фальшив, ложен, вреден.

Диалог у В. Иванова временами своеобразный. Собеседник часто отвечает не на вопрос, а какому-то своему внутреннему состоянию, словно ведет при помощи другого разговор с собой. Прием этот, заставляя подставлять соответствующие переживания и "вкладывать" их в изображаемое лицо, приводит читателя нередко к тому, что он спотыкается и вынужден разгадывать "загадки". Нужно очень осторожно им пользоваться, что не всегда соблюдает автор.

Немного злоупотребляет автор простонародными словами: колды, усех, здесь и т. д. Едва ли это нужно в таком количестве, как у автора. Много излишних грубостей-излишеств натурализма. Тут следовало бы быть более разборчивым. Впрочем, особенно это не претит: слишком глубоко опускает читателя писатель в гушу мужицкой жизни.

В. Иванов - сюжетен, если так позволительно выразиться. В его вещах есть занимательность фабулы. Отчасти он напоминает Джека Лондона. Приходилось слышать в связи с этим упреки в анекдотичности. Неизвестно, что собственно точно при этом имеется в виду. Анекдотичен бой партизан с бронепоездом, смерть Син-Бин-У, похищение киргизами православных икон, бой "батырей"? Такие "анекдоты" останутся в литературе.

Недостатком следует считать некоторую растянутость. Есть она и в "Партизанах" и в "Бронепоезде" и в "Голубых песках": Рассказы у Иванова в этом отношении строже и выдержанней. В таких вещах как "Дите", "Полая арапия" - нет ничего лишнего.

К острашению сюжета В. Иванов прибегает меньше, чем другие серапионовы братья, - чаще в последних вещах, чем в первых. Пуская в ход такое вуалирование, нужно, однако,

иметь в виду того массового читателя из низов, который является единственно стоящим, ибо за ним будущее. Сдается, что, например, описание смерти капитана Незеласова выиграло бы в глазах этого читателя, если бы была дана более ясно, четко и просто.

Порой у автора чувствуется спешка, незаконченность, некоторая неряшливость, свежая талантливая неотесанность и неприглаженность. Вывозит обычно одаренность. А все-таки... следовало внимательней, тщательней и строже относиться к печатаемым вещам. И надо - учиться, учиться, учиться, обогащать себя всеми приобретениями науки, искусства и культуры, да простит нас за такую дидактику товарищ Иванов!..

Сила и прелесть таланта В. Иванова с особой полнотой звучит в его желтые цыплята, похожие на кусочки масла, выкатились из-под навеса"... сравнениях. Они свежи, сочны, метки и сильны. Берем наудачу: "маленькие "Дни-то какие - насквозь душу просвечивают"... "Емолин опалил постройку взглядом"... "Звенели дрожью, отсвечивая на солнце, большие, похожие на играющих рыб, топоры. Бледножелтые, смолисто-пахнущие щепы летали в воздухе, как птицы"... "Мужики молчали так, словно вели большой и важный разговор"... "с плеском и грохотом скачет вода, вскидываясь, белыми блестящими лапами кверху"... "- Назад! - оглушительно заорал Селезнев. И, как цыплята под наседку, пригибаясь, мужики побежали в тайгу"... "как племя злобных рыб, пойманных в сети, билась в камнях вода"... "Горели медленно розовые, нежные и тягучие, как мед, дни"... "Отвечал Апо: мысли мои засохли как степь летом... сердце у меня бьется как священный бубен"... "Закрыв прозрачные веки шаман и за ними глаз просвечивает, как огонь в золе"... "Не отвечает Каллистрат Ефимыч. А глаз, глубоко как сом в водах, незаметен"... "Глаз у кошки золотой и легкий, как пыль"... "Осанка у всех партизан стала слегка сгорбленная" (это понятно особенно, нам, подпольным революционерам. А. В.)... "Лыс как курган, хитер и слово бережет, словно клады - земля"... "С морды по шерсти текла вода и глаза у скота были тоже как огромные темные капли"... "Звери у меня на душе бегают"... "Бог для ночи нужен. С ним дневать не приходится... Здоровый черт, и есть у него своя блоха на уме"... "Беспалых, словно охмелев от боли, начал заплетаться языком"... "Как лемех в черной земле, блестили у него зубы"... "Заходили проворные, как блохи, глазенки"... "Партизаны, как стадо кабанов от лесного пожара, кинув логовище, в смятении и злобе рвались в горы"... "За озером в высокое, бледное небо с белыми клыками упирались белки"... И наконец: "всех земель усталые пальцы спускаются, а спустятся в море и засыпают. Усталые путники всех земель - дни"...

Усталые путники всех земель - дни! На жизнь это запоминается.

Щедрой рукой, легко, без натуги берет свои чудесные сравнения писатель, собирая их по горам, полям, степям, среди мужиков, народа крепкого и меткого. Можно, конечно, выудить в вещах В. Иванова несколько неудачных сравнений, промахов, но если к этому сводить все дело - значит, либо нужно быть тупым, либо иметь задние мысли. Рассказы и повести В. Иванова прямо перегружены сравнениями; видно, как через край льются они у автора, иногда даже тесно среди них, все кругом заставлено, как цветами в цветнике.

Тридцать лет тому назад в русскую литературу вошел А. М. Горький (Пешков). Он был первым буреви́стником русской революции. Он вышел тоже из низовой, взыскующей града Руси. Он внес в литературу романтику первых дней революции, свежесть поднимающихся низов, их духовную жажду и неудовлетворенность. В. Иванов идет от Горького, он его продолжатель. Его вещи написаны под сильным влиянием Горького. Он так же "шлялся" по Руси, измерил ее, также рассказывает о странниках и скитальцах. Но время другое. "Странники" и скитальцы толкли и ворота отверзлись. Волей истории на Руси они уже выступают не только в качестве ищущих бунтарей, а и строителей, созидателей новой жизни. Всеволодом Ивановым эти строители свидетельствуют воочию,

что не даром рабочие, мужики-партизаны, красноармейцы - кровью поливали землю и целовали ее последними смертельными поцелуями.¹¹⁷

Гудок

газета железнодорожников, бывший орган Министерства путей сообщения СССР и ЦК профсоюза рабочих ж.-д. транспорта. Издаётся в Москве с 10 (23 декабря) 1917 года.

В мае 1920 года, с началом кампании по восстановлению транспорта, была превращена в ежедневную газету с тем же названием.

В 20-е гг. большую известность приобрела т. н. четвёртая полоса «Гудка», носившая сатирический характер. Здесь помещались злободневные фельетоны, в том числе написанные на материале писем рабочих корреспондентов и читателей.

В газете сотрудничали писатели — И. А. Ильф, Е. П. Петров, М. А. Булгаков, В. П. Катаев, Ю. К. Олеша, К. Г. Паустовский, С. С. Смирнов, В. А. Чивилихин, Л. И. Славин, М. М. Зощенко и др. В газете работал поэт-долгожитель Саша Красный (1882—1995).

В 1958 году в связи с выходом 10-тысячного номера газета «Гудок» награждена Орденом Трудового Красного Знамени. Тираж на 1971 год был около 700 тыс. экз.

После упразднения МПС и образования ОАО «РЖД» акции «Гудка» с начала 2004 года находились в распоряжении Росимущества. В соответствии с планом приватизации 2007 года газета «Гудок» была внесена в уставный капитал ОАО «Российские железные дороги» в ходе эмиссии в пользу государства.

С начала сентября 2007 года «Гудок» выходит в полноцветном формате, приближенном к информационному бюллетеню.

21 декабря 2012 года в ЦДКЖ состоялся праздничный вечер по случаю 95-летия газеты. Среди почётных гостей был первый вице-президент ОАО «РЖД» Вадим Морозов.

По состоянию на 2013 год ежедневная транспортная газета «Гудок» на 8 полосах выходит пять раз в неделю (выпуск по пятницам включает в себя также 16-полосную дорожную газету, свою на полигоне каждой из 16 железных дорог России) тиражом 320 тыс. экземпляров. Газета является крупнейшим железнодорожным корпоративным изданием в России, печатается в 25 городах. Учредители: Журналистский коллектив редакции газеты «Гудок», ОАО «РЖД», Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей. Большая часть публикуемых материалов связана с железнодорожным транспортом. Филиал ОАО «Гудок» — газета «Московский железнодорожник».

Главный редактор газеты «Гудок» с 2010 года — Александр Ретюнин.

ейственную помощь дорогам и работникам железнодорожного транспорта в освоении новой техники, изучении передового опыта, совершенствовании технологии производства и подготовке кадров оказывала транспортная печать. Имеются в виду издаваемые книги, отраслевые железнодорожные журналы, газета «Гудок». За рассматриваемый период были изданы тысячи учебников, учебных пособий для студентов вузов и техникумов железнодорожного транспорта и учащихся технических школ, большое количество практических руководств, справочников, научно-технической, производственной и инструктивно-нормативной литературы для железнодорожников и транспортных строителей. Развитию научно-исследовательской деятельности и обмену опытом способствовали ведомственные журналы и сборники научных работ учебных и научных институтов. Старейшим периодическим транспортным изданием был вышедший в Санкт-Петербурге в 1826 г. «Журнал Путей Сообщения», с 1845 г. — «Журнал Главного Управления Путей сообщения и Публичных зданий», а в 1865—1917 гг. — «Журнал Министерства Путей Сообщения». В 1919 г. стал выходить в Петрограде, а с 1920 г. — в Москве журнал «Железнодорожная техника и экономика».

Наименование его еще несколько раз изменялось: «Техника и экономика путей сообщения», «Транспорт и хозяйство», «Социалистический транспорт». С 1941 г. журнал выходит под названием «Железнодорожный транспорт». На его страницах традиционно ставятся и обсуждаются важнейшие проблемы многоотраслевого хозяйства железных дорог, их технической оснащенности и экономики. В 1922 г. возобновился выпуск издававшегося до революции журнала «Вестник Путьей Сообщения». Выходили и специальные журналы, посвященные проблеме подготовки кадров для транспорта: в 1922—1930 гг. — «Просвещение на транспорте» (с 1930 г. — «Кадры на транспорте», с 1933 г. — «Кадры на железнодорожном транспорте»), В течение некоторого времени железнодорожные журналы выпускались и на некоторых дорогах. Например, «Вестник Мурманской железной дороги» (1923), «Транспорт Северного Кавказа» (1923—1930). В годы предвоенных пятилеток помимо общетранспортных издавались производственно-технические журналы по основным отраслям железнодорожного хозяйства: «Паровозник» (1935—1940), «Вагонник» (1936—1940), «Путеец» (1936—1940), «Сигнализация и связь на железнодорожном транспорте» (1932—1935), «Электрификация железнодорожного транспорта» (1932 — 1935), «Эксплуатация железных дорог» (1932—1935), «Станционный работник» (1936—1940) и другие. Кроме того, выпускались журналы строительного профиля. В их числе — «Транспортное строительство» (с 1931), «Строитель железных дорог» (1936—1940), «Метрострой» (1932—1938). Не остались без внимания и профсоюзные организации транспорта: в 1918—1930 гг. издавался журнал «Железнодорожник», в 1923 г. — «Красный транспортник» — орган ЦК Союза транспортных рабочих. С 1942 г. начал выходить «Вестник Всесоюзного научно-исследовательского института НКПС». В журнале публиковались статьи о научных исследованиях, испытаниях железнодорожной техники, проблемах экономики и технологии работы железнодорожного транспорта. С течением времени некоторые журналы укрупнились и получали новые наименования. Особо следует остановиться на газете «Гудок», поскольку на транспорте она была самым массовым изданием, выходила ежедневно и охватывала своим влиянием сотни тысяч железнодорожников и их семей. История газеты первых лет ее выпуска мало известна. Первый номер «Гудка» вышел 17 декабря 1917 г. Он был выпущен временной редакцией в составе Я. Бурова, М. Елизарова, В. Невского и Р. Хаина. «Гудок» всесторонне освещал события, происходящие в стране, труд и быт железнодорожников, призывал их к выполнению стоящих перед ними задач по восстановлению транспорта. Газета пользовалась большой популярностью. В 1925 г. ее тираж составил 305 тыс. экземпляров (4-е место после «Правды», «Известий» и «Рабочей газеты»). «Гудок» стал своеобразной школой, где в разные годы начинали свою творческую деятельность многие литераторы, ставшие позднее известными писателями. В их числе В. Катаев, И. Ильф, Е. Петров, Ю. Олеша, М. Булгаков, Ц. Солодарь, Н. Томан, К. Паустовский, С. С. Смирнов и другие. Постоянными авторами публикаций в газете были С. Есенин, В. Маяковский, М. Шагинян. В конце 20-х годов в «Гудке» начал работать поэт А. Тарковский, автор многих стихотворных фельетонов. Знаменитые писатели и публицисты внесли неоценимый вклад в достижение высокого литературного уровня газеты, заложили замечательные традиции, которым остались верны гудковцы. Бывший помощник машиниста паровоза Северо-Донецкой дороги, позднее сотрудник «Гудка», писатель А. Сахнин, вспоминает: «Работе с рабочими в редакции придавалось огромное значение. Ни одна их заметка не оставалась без внимания... Регулярно собирали совещания рабочих. Всячески поощрялась их работа». Заметки и статьи рабочих корреспондентов печатались очень часто, нередко их материалы занимали целые полосы. В газете работали люди, любящие свое дело, отличавшиеся оперативностью, инициативой, организаторскими способностями. В их числе был главный редактор А. Л. Спиваков-ский и его первый заместитель Д. В. Кузьмич, арестованные по ложному обвинению и расстрелянные в 1938 г. Через много лет они были реабилитированы.

«Гудок» всегда ждали на дорогах. Страницы газеты первых лет ее существования возвращают нас в атмосферу того времени. Много внимания уделялось в газете социальным вопросам, профсоюзной деятельности, жизни рабочих. Об этом свидетельствуют заголовки заметок и статей уже первого номера газеты: «Рабочий класс и текущий момент», «Рабочий контроль», «Наш союз и безработица» («Гудок», 1917. № 1). В годы восстановления железных дорог на страницах газеты помещались материалы об энтузиазме железнодорожников: например, в № 25, 1920 г., опубликованы заметки: «Воскресники молодежи», «На трудовом фронте», «Все для выполнения плана ремонта паровозов». Газета явилась коллективным агитатором и пропагандистом распространения профессионально-технических знаний среди работников транспорта. Этой проблеме посвящались специальные подборки материалов. Например, в 1920 г.: «На фронте просвещения», «Борьба с технической неграмотностью» (№ 48, 7 сентября), «Подготовка ж.-д. рабочих в высшие учебные заведения» (№ 139, 24 мая), «На фронте знаний» (№ 147, 3 ноября) и другие. Отстаивая права железнодорожников, газета критиковала и едко высмеивала тех руководителей предприятий и чиновников, которые бездушно относились к нуждам рядовых работников. В «Гудке» от 14 декабря 1920 г. приводится такой факт. «Комиссар станции Исакогорка Елизаров пришедшей к нему работнице Селяниновой в просимом месте отказал, а на указание работницы, что у нее двое маленьких детей, ответил циничным грязным советом — не рожать детей. Жаль, что таким советом в свое время не воспользовались родители Елизарова. А то родился вот такой чурбан, да вместо акушерки по «секретным советам» попал невзначай в комиссары». Необычной была сила убеждения и доходчивость слов, с которыми «Гудок» обращался к читателям. В номере от 12 июня 1920 г. помещена маленькая заметка «Подумай, железнодорожник!», в которой говорилось: «В 1916 году наши железные дороги перевозили 9700 млн. пудов разных грузов, в 1917 — 5500, в 1918 — 2000, в 1919 — еще того меньше. А ведь едим-то мы все столько же, ведь фабрикам нужно сырьё и топлива не меньше, а больше, чем раньше. Ведь если так дальше пойдет, то будет смерть всему — и свободе, и промышленности, и всем нам... Наляг на работу, спасай себя, спасай свободу, спасай детей, спаси будущее». В 1920 г. «Гудок» был одним из инициаторов оказания помощи шахтерам Донбасса, терпящим голод и разорение. Тяжелые годы войны и разрухи привели к обнищанию и полуголодной жизни людей во многих районах страны. Особенно страдали донецкие шахтеры. Очевидцы сообщали в газету «Гудок», что «положение шахтеров было прямо страшным... без носков, без постелей... 1 фунт хлеба на себя, 1/2 фунта — на едоков... никакой другой пищи... Одевание из мешков... на рабочих больше дыр, чем дерюги. Девочки-подростки закрывают наготу рванью из мешков, придерживая ее рукой. Детей 3—7 лет часто можно было видеть голыми... Три года ничего не получали». Проявляя глубокое сочувствие и сострадание к шахтерам, железнодорожники стремились всячески помочь им, делились последним, «18 июня в Главных мастерских Московско-Курской ж. д. состоялось собрание рабочих мужчин и женщин в количестве 1600 человек... Собрание единогласно постановило отказаться от получения 550 аршин мануфактуры в пользу раздетых донецких рабочих». «Беспартийная конференция 5-го района Николаевской ж. д. единогласно постановила: остаток мануфактуры в количестве 500 аршин отослать раздетым рабочим Донбасса». Коллектив депо Кинешма постановил работать сверхурочно по 2 часа ежедневно и перевести заработанные деньги донецким шахтерам. В годы предвоенных пятилеток «Гудок» многое сделал для распространения на железных дорогах передовых методов труда, совершенствования технологии и технических средств, выполнения планов перевозок и транспортно-го строительства. Газета нацеливала читателей на использование производственных резервов, критиковала недостатки в работе железных дорог и их подразделений, освещала актуальные проблемы деятельности всех отраслей железнодорожного транспорта. Мощно звучал голос «Гудка» в годы Великой Отечественной войны, призывая железнодорожников к

самоотверженному труду во имя победы над врагом. Гудок. 1920. 4 июня. Там же. 1920. 20 июня. Там же. 1920. 29 июня.

Лев Славин. Одесские гасконцы

- Не верьте одесситам, - предупреждали меня сведущие люди, - они легкомысленны, вероломны, хвастливы и двоедушны. Одесса – это советская Гасконь. Первый гасконец, которого я видел в Одессе, был парикмахер. Осведомившись о моем отрицательном отношении к последним завоеваниям парикмахерской техники – прическе «бокс» и помаде «Люсьен Можик пе-де Вале», он обнажил бритву жестом профессионального убийцы.

Как известно, искусство парикмахера со времен Фигаро разделяется на два направления – одни бреют в чистом халате, не хватаясь за нос и молча. Другие, как говорят в Одессе, - совсем наоборот. Мой парикмахер принадлежал к классической школе. Это был старый мастер, Рембранд шампуней, чемпион извозчичьих затылков. В течение 15 минут ему удалось высказать свои сокровенные убеждения о моей профессии, полете «АНТ», хлебозаготовках и борьбе с перхотью. Это занятие нисколько не помешало гасконцу уверенной рукой нанести мне три резаные раны на щеке и одну рваную на подбородке. Когда облитый кровью и недорезанный я встал с кресла, он приветствовал меня придворным поклоном и словами:

- За бритье – 50 копеек!

- А за татуировку? – ехидно осведомился я.

- Бесплатно, - сказал он тоном хлебосольного хозяина и прибавил: - Приходите, я уже привык к вашему лицу. Второй гасконец лежал на улице. Закинув голову на урну и не без комфорта уперев ноги в телеграфный столб, он взирал на мир с видом благожелательного участия. Рядом стоял плакат:

«У.С. С. Р. Внимание! Граждане! Пожертвуйте больному человеку, который болен сонным энцефалитом, так как раньше было чем открывать рот, а теперь вставлен золотой аппарат и рот закрыт. Прошу я жертвовать золотой аппарат на другую сторону челюсти, иначе я пропащий человек, потому что золотой аппарат стоит 120 рублей».

Я попытался выяснить положение:

- Значит, вы не можете открыть рта?

- Совершенно верно, не могу, - весело признался энцефалитный гасконец.

- Но вот же вы открыли! – неблагоприятно настаивал я.

Тут в разговор вступил сосед энцефалитика и, видимо, компаньон в деле. Глаза его были загадочно прикрыты темными очками, на груди висела дощечка:

«Жертва импербойни».

- Не верите? – сказала жертва импербойни, яростно вращая белками.

- Может, не верите, что я слепой? – продолжал он.

- Может, вы думаете, - настаивала жертва, - что, слепой, я вам не могу морду набить?

- Можете, - сказал я с глубокой уверенностью и быстро удалился.

Третьего гасконца я увидел в редакции местной газеты. Это был рабочий час, и мне посчастливилось лицезреть тайны литературного творчества. В одной руке у него были ножницы, в другой – клей. Жестами старшего закройщика бывшей фирмы Альшванг он вырезывал из столичных газет изящные куски и наклеивал их на бумагу. Потом он швырнул нарезанное и наклеенное курьеру, сказавши:

- В набор!

- Странный город, - подумал я, - где парикмахеры работают языком, а журналисты ножницами.

- Гражданин, - сказал я вслух, - вы перепечатывали мои фельетоны в течение 2-х лет. Я хочу получить гонорар. Стоимость клея можете вычесть.

Гасконец посмотрел на меня с почти научным интересом.

- Молодой человек, - сказал он, воинственно лязгая ножницами, - платить не в наших традициях.

Я вскочил со стула и подал гасконцу руку, горячо поздравляя его с верностью старым живописным традициям.

- Газета, - кричал я, - где крепки моральные устои, не пропадет! Работайте! Режьте! Клейте! Блюдайте священные традиции Бени Крика!

Насытившись гасконцами, я обратился к памятникам.

Одесские памятники делятся на до-революционные и по-революционные.

До: герцог Ришелье, стоящий на бульваре в нижнем белье древнеримского образца, и Пушкин, на бронзовом лице которого застыла маска отвращения. Отвращение относится к скульптору, которому удалось сообщить памятнику незабываемое сходство с канцелярской чернильницей.

По: богиня Диана с тремя собачками, воздвигнутая у бульвара на десятом году Октябрьской революции, и каменная львица в городском саду, обращенная мощным задом к кафе «Меркурий», что должно знаменовать собой презрение к частновладельческому капиталу.

Самый большой памятник в Одессе – фельдмаршал Суворов на коне, помещающийся во дворе жилтоварищества №7 по Софиевскому переулку. Гигантский конь скачет, распушив по ветру бронзовый хвост, что представляет немалое удобство для домашних хозяек, просушивающих на хвосте белье. Безумное лицо фельдмаршала задрано к небесам, в огромных глазищах ласточки выют гнезда, древко победоносного знамени украшено отличной (радио) антенной.

Памятник этот был закончен скульптором Эдуардсом 1 марта 1917 года, вследствие внезапного падения популярности фельдмаршала среди трудящихся масс остался здесь во дворе, подле ателье. Он причиняет немало огорчений домоуправлению, ибо не поддается никаким законам об оплате жилплощади, включая сюда целевой сбор и коммунальные услуги. Не платит, да и только. Гасконец!

Уродливые гримасы режима экономии¹¹⁸

Американские хищники никого не обманут. Прикрыть разбой ложью не удастся Документ Келлога - злостная нелепость

Выступая на секретном заседании сенатской комиссии по иностранным делам с объяснениями по поводу вмешательства Соединенных Штатов в Никарагуа, министр иностранных дел Келлог представил комиссии пространный документ, озаглавленный "Цели и политика большевиков в Мексике и Центральной Америке". По окончании заседания председатель комиссии сенатор Бора передал этот документ для опубликования в печати.

В этом документе Келлог заявляет:

"Лидеры большевиков поставили себе основной целью разрушение того, что они называют американским империализмом, считая это необходимым условием успешного развития международного революционного движения в Новом Свете.

Южная Америка и Мексика рассматриваются, как база для деятельности против Соединенных Штатов. Коммунистам Соединенных Штатов неоднократно давались инструкции обратить особое внимание на борьбу против американского империализма".

Далее Келлог заявляет:

"В соответствии с инструкциями из Москвы американские коммунисты в течение последних двух лет уделяли особое внимание деятельности против Соединенных Штатов в Мексике".

В качестве доказательства коммунистической деятельности полпреда СССР в Мексике Келлог приводит заявление мексиканского депутата Тревино в сентябре 1925 года, обвиняющее полпреда в финансировании мексиканских коммунистов для деятельности, направленной против Соединенных Штатов.

Председатель комиссии сенатор Бора заявил, что документ Келлога не содержит ничего нового.

Сенатор Шипстэд (фермерская рабочая партия) заявил, что объяснения Келлога не оправдывают вмешательства в Никарагуа.

Газеты Соединенных Штатов резко осуждают попытку Келлога оправдать вмешательство Соединенных Штатов в Никарагуа ссылкой на резолюцию Коминтерна.

Газета "Нью-Йорк таймс" заявляет, что для правительства Соединенных Штатов унизительно оправдывать свои действия в Никарагуа и Мексике боязнью Советского Союза.

Газета "Ивнинг Пост" пишет:

"Обвинение Москвы в попытке действовать против Соединенных Штатов через Мексику и Центральную Америку неубедительно и свидетельствует, что мы не можем, по существу, оправдать нашу политику".

Газета "Уорлд" обвиняет Келлога в низкопробной пропаганде, рассчитанной на то, чтобы спровоцировать войну с Мексикой.

Газета "Ивнинг Уорлд" пишет:

"Правительство президента Гардинга повело в свое время антибольшевистскую кампанию, чтобы скрыть под шумок злоупотребления своих чиновников. Точно так же Келлог говорит о коммунизме, чтобы прикрыть свои империалистические стремления".

Вчера ряд прогрессивных сенаторов и депутатов выступил против политики Соединенных Штатов в Никарагуа; в частности сенатор Лафолетт доказывал нелепость документа Келлога.¹¹⁹

Лариса Рейснер. Казань -- Сарапул

I

Ночные склянки, отбивающие часы на палубе миноносца, удивительно похожи на куранты Петропавловской крепости.

Но, вместо Невы, величаво отдыхающей, вместо тусклого гранита и золотых спицей отчетливый звон осыпает необитаемые берега, чистые прихотливые воды Камы, островки затерянных деревень.

На мостике темно. Луна едва озаряет узкие, длинные, стремительные тела боевых судов. Поблескивают искры у труб, молочный дым склоняется к воде белесоватой гривой, и сами корабли, с их гордо приподнятым носом, кажутся среди диких просторов не последним словом культуры, но воинственными и неуловимыми морскими конями.

Редкое освещение: отдельные лица видны, и отчетливо видны, как днем. Бесшумны и так же отчетливы позы. Эпические, годами воспитанные и потому непринужденные, как в балете, движения комендора, снимающего тяжелый брезент с орудия одним взмахом, как срывают покрывало с заколдованной и страшной головы.

Пляшущие руки сигнальщика с его красными флажками, красноречивые и лаконические, танцующие в ночном ветре условный, обрядовый танец приказаний и ответов.

И над сдержанной тревогой судов, готовящихся к бою, над отблеском раскаленной топки, спрятавшей свой дым и жар в глубине трюма, - высоко, выше мачты и мостика, среди слабо вздрагивающих рей, восходит зеленая утренняя звезда.

Давно пройден и остался за поворотом реки наш передовой пост, лодка под самым берегом, и командир Смоленского полка, Овчинников, спокойный, всегда неторопливый и твердый, отчетливый и немногословный - один из славной стаи Азинской 28-й дивизии, прошедшей с боем всю Россию, от холодной Камы до испепеленного желтыми ветрами Баку.

Где-то справа мелькнул и исчез лукавый огонек - может быть, белые, а может быть, один из отрядов Кожевникова, шаривший в глубоком тылу у белых и иногда совершенно неожиданно вылезавший навстречу нашей "Межени" из непролазной чащи кустарника, запутавшего обрывистый камский берег.

При первых лучах рассвета необычайна красота этих берегов. Кама возле Сарапуля широкая, глубокая, течет среди желтых глинистых обрывов, двоится между островов, несет на маслянисто-гладкой поверхности отражение пихт - и так она вольна и так спокойна. Бесшумные миноносцы не нарушают заколдованный покой реки.

На мелях сотни лебедей распростирают белые крылья, пронизанные поздним октябрьским солнцем. Мелкой дробной тучкой у самой воды несутся утки, и далеко над белой церковью парит и плавает орел. И хотя противоположный луговой берег занят неприятелем - ни одного выстрела не слышно из мелкорослых кустарников. Очевидно, нас не ждали в этих местах - и не успели приготовиться.

Из машинного люка до пояса выставляется закопченный и бледный моторист и, стирая с лица черноту и пот, с наслаждением вдыхает острый утренний воздух, за одну ночь ставший осенним и северным.

Лоцман на мостике, всклокоченный и крепкий, похожий в своих сединах и овчинном тулупе на лешего, пророчит ранний мороз.

"Снегом пахнет, воздух - снегом пахнет", - и опять молча отыскивает узкую дорогу кораблей среди предательской ряби отмелей, тумана и камней. За эту ночь пройдено больше ста верст, и вот вдаль показался кружевной железнодорожный мост и белые макушки Сарапуля. Команда отдыхает, полощется возле крана, дразнит двух черных щенят, возвращенных с великой любовью среди пушечной пальбы и непрерывных походов.

Резкий крик наблюдателя:

- Люди на левом берегу, - и снова напряженное ожидание. Но те, на берегу, уже разглядели нас, и в воздухе радостно пляшут красные полотнища. И дальше, на берегу, и на мосту, и за песчаным прикрытием вспархивают и трепещут красные флажки. Малые фигуры пехотинцев в серых шинелях бегут по берегу, машут, кричат и перебрасывают на железные палубы миноносцев какие-то благословляющие приветствия.

Прошли мост, повернули левее, а за последним судном, идущим в стройной кильватерной колонне, уже трещит ружейная перестрелка. Это белые обстреливают охрану моста, сбежавшуюся посмотреть на пароход нашей флотилии.

В бинокль ясно видна набережная Сарапуля, занятого дивизией Азина, Сарапуля, со всех сторон обложенного белыми и наконец, благодаря приходу флотилии, соединенного с нижележащими армиями.

Подходим ближе. На крыше поплавок, на перилах, на дороге - красноармейцы, чуйки, платочки и бороды, и все это радостно изумленное, свое, дружеское. Оркестр на

пригорке гремит марсельезу, барабан, заглядевшись на корабли, образует брешь в мелодии, труба несется далеко впереди рассерженного дирижера, радостно играя громовыми переливами и не останавливаясь ни на чем, как конь, сбросивший всадника. Уже приняты концы, борт плавно примкнулся к пристани, матросы высыпали на берег, и пошли разговоры:

- Как же вы прорвались? Побили их корабли?

- И побили, отец, и в реку Белую загнали.

- Врешь.

- Да не вру.

Через толпу пробивается молодая еще женщина, вся в слезах. "Матроска", - говорят окружающие. И начинаются новые причитания. Плач матери и жены, пронзительный однообразный вопль: "Моего увели на барже, на барже стащили. Матросом был, как вы". Платочек мечется от одного моряка к другому, слепнет от слез, гладит шершавые рукава бушлатов, это последнее свое воспоминание. Да, жестокая штука война, гражданская, - ужасна. Сколько сознательного, интеллигентского, холодного зверства успели совершить отступающие враги.

Чистополь, Елабуга, Челны и Сарапуль - все эти местечки залиты кровью, скромные села вписаны в историю революции жгучими знаками. В одном месте сбрасывали в Каму жен и детей красноармейцев, и даже грудных пискунов не пощадили. В другом - на дороге до сих пор алеют запекшиеся лужи, и вокруг них великолепный румянец осенних кленов кажется следом избиения.

Жены и дети этих убитых не бегут за границу, не пишут потом мемуаров о сожжении старинной усадьбы с ее Рембрандтами и книгохранилищами или о неистовствах Чеки. Никто никогда не узнает, никто не раструбит на всю чувствительную Европу о тысячах солдат, расстрелянных на высоком камском берегу, зарытых течением в илистые мели, прибитых к нежилому берегу. Разве был день, - вспомните вы, бывшие на борту "Расторопного", "Прыткого" и "Ретивого", на батарее "Сереза", на "Ване-коммунисте", на всех наших, зашитых в железо, неуклюжих черепахах, - разве был хоть один день, когда мимо вашего борта не проходила эта молчаливая спина в шинели, этот солдатский затылок с такими редкими куцыми волосами (все после тифа) и танцующей по воде рукой, то всплывающей, то опущенной ко дну. Разве было хоть одно местечко на Каме, где бы не выли от боли в час вашего прихода, где бы на берегу, среди счастливых и обезумевших, которые так неумело (рабочие ведь не моряки) принимали ваши "чалки", не было десятка осиротелых баб и грязных, слабых и голодных детей рабочих. Помните этот вой, которого не могло заглушить даже лязганье якорной цепи, даже яростный стук сердца, даже красный от натуги голос предисполкома, который еще издали за полверсты кричал вам, что Самара взята Красной...

Между тем к первой женщине подошла вторая, совсем маленькая и старая. На ее лице те же шрамы горя. "Не плачь, расскажи толком". И мать рассказывает, но слова ее теряются в причитаниях, ничего нельзя понять.

А дело вот в чем: отступая, белые погрузили на баржу шестьсот человек наших и увезли - никто не знает куда, кажется, в Уфу, а может быть, и к Воткинскому заводу.

Через час пронзительная сирена собирает на пристань разошедшихся матросов, и командующий отдает новое приказание: флотилия идет вверх по реке на поиски баржи с заключенными. И, подгоняя команды, как-то особенно отчетливо повторяет: "Шестьсот человек, товарищи".

II

Они нас не ждали: окопы, проволочные заграждения, пикеты - все это оказалось неприкрытым со стороны реки и видно, как на блюдечке. Медленно скользя вдоль берега, миноносцы выбрали удобное место, и комендоры отыскивают цель. В кают-компаниях

полуоткрыт люк в пороховой погреб, и оттуда быстро передают наверх снаряды. Раздается команда:

- Залп. Из дула выплескивается огненная струя, с легким металлическим звоном падает пустая гильза, и через десять - пятнадцать секунд в бегущей цепи неприятеля подымается пепельно-серый и черный дымовой фонтан. Управляющий огнем изменяет прицел:

- Два больше, один лево. Залп.

Вот и на "Ретивом" открыли огонь, и "Прочный" из кормового орудия зажег церковь.

Пользуясь всеобщим смятением, мы засветло будем в Гальянах (тридцать пять верст выше Сарапуля).

Еще один переход в десять верст, и мы у цели. Красные флаги спущены, решено всех взять врасплох, выдавая флотилию за белогвардейскую - адмирала Старка, которую с таким нетерпением до сих пор поджидали себе на помощь ижевцы. Из-за островка и поворота Камы суда полным ходом появляются перед пристанями Гальян, проходят село, расположенное на горе, и выше его делают поворот, разворачиваются - маневр очень трудный на таком узком и мелком месте.

- Без приказаний не открывать огня, - передает сигнальщик с одного миноносца на другой.

Обстановка следующая: в двадцати-тридцати сажнях на берегу, возле церкви, ясно видно тяжелое шестидюймовое орудие. Дальше на пригорке много любопытных крестьян и среди них кучки вооруженных солдат. На колокольне второе орудие; быть может, пулемет. Под левым берегом баржа с десантом белогвардейцев. В кустах мелькают белые палатки лагеря, расстилается дымок походных кухонь, и, отдыхая, солдаты лежат на берегу, с любопытством следя за маневрами миноносцев. Посредине же реки, охраняемая караулом, целая плавающая могила, безмолвная и недвижимая.

Рупор с "Прыткого" вполголоса передает порядок действий на другие суда. "Ретивый" подходит к барже и, не выдавая себя, удостоверяется в присутствии драгоценного живого груза. "Прыткий" наводит орудия на шестидюймовую пушку, с тем чтобы разбить ее в упор при первом движении неприятеля, но одновременно наблюдает за пехотой.

Но как же снять с якоря баржу, как вытащить ее из узкой ловушки, образуемой мелями, островом и перекатом? К счастью, тут же у пристани дымит неприятельский буксир "Рассвет". Наш офицер в блестящей морской фуражке передает его капитану безапелляционное приказание.

- Именем командующего флотилией адмирала Старка приказываю вам подойти к барже с заключенными, взять ее на буксир и следовать за нами через реку Белую на Уфу.

Приученный белыми к беспрекословному повиновению, капитан "Рассвета" немедленно исполняет приказание: подходит к барже и берет ее на буксир. Бесконечно медленно тянутся эти минуты, пока неповоротливый пароход, шумно шлепая колесами-жабрами, подходит к барже, укрепляет тросы, дымит и разводит пары. Команда наша замерла, люди страшно бледны, верят и не смеют поверить этой сказке наяву, этой обреченной барже, такой близкой и еще бесконечно далекой. Шепотом спрашивают друг у друга:

- Ну что, двигается или нет? Да она не двигается.

Но "Рассвет", напуганный строгим окриком капитана, чудесно исполняет свою роль. На барже заметно движение. Сам караульный начальник и его команда, сложив винтовки, помогают выбирать якорь. И понемногу тяжелая громада выходит из равновесия, трудно разворачивается ее нос, натянутые канаты слабеют и снова тянут свою упрямую спутницу. "Прыткий" окончательно успокаивает смущенных тюремщиков.

- Именем командующего приказываю вам сохранять полное спокойствие, мы пойдем впереди и будет вас конвоировать.

- У нас мало дров, - пробуют возражать с "Рассвета".

- Ничего, по дороге погрузите, - отвечает комфлот, и миноносцы, не торопясь, чтобы не вызвать подозрения у наблюдающих с берега белогвардейцев, начинают отходить к Сарапулю.

А там, в трюме баржи, уже началась тревога: "Зачем везут, куда и кто". По отвратительному, грязному полу пробирается на корму один из заключенных, матрос. Там в толстой доске перочинным ножом проверчена дырка, единственный просвет, в который видно кусок неба и реки. Долго и внимательно наблюдает он за таинственными судами и их молчаливой командой. Читая луч надежды на его лице или новое опасение, искаженные лица окружающих кажутся одним общим лицом, неживым и неподвижным.

- Да ведь они все одинаковые, серые, длинные. Белогвардейские или нет? Смотри внимательно, смотри скорее.

- Да нет.

- Что нет, черт тебя дерит? Наблюдатель сваливается с табуретки.

- У них нет таких железных, это наши, это балтийские, на них матросы.

Но несчастные, три недели пробывшие в гнойном подвале, спавшие и евшие на собственных экскрементах, голые и завернутые в одни рогожи, не смеют поверить.

Уже в Сарапуле, когда на пристанях кричал и плакал приветствовавший их народ, когда матросы арестовали белогвардейский караул и, не смея спуститься в отвратительный трюм, вызывали из этой могилы заключенных, еще тогда отвечали проклятиями и стонами. Никто из четырехсот тридцати не верил в возможность спасения. Ведь вчера еще караульные выменивали корку хлеба и чайник на последнюю рубашку. Вчера на рассвете из общей камеры на семи штыках выволокли изорванные тела трех братьев Красноперовых и еще двадцать семь человек. Уже целые сутки в отверстие на потолке никто не бросал кусков хлеба (по ? на человека), единственной пищи, утолявшей голод в течение трех недель.

Перестали кормить, значит, уже не стоит тратить даже объедков на обреченное стадо, значит, ночью или в серый, бескровный, утренний час придет конец для всех - конец еще неведомый, но бесконечно тяжкий. И вдруг привезли, открыли голубую и серебряную дыру в ночное небо и зовут всех наверх странными, страшно взволнованными голосами, и зовут каким именем - запрещенным, изгнанным - "товарищ". Не измена ли, не ловушка ли, новое ухищрение?

И все-таки в слезах, ползком, один за другим, они воскресли из мертвых. Что тут творилось на палубе! Несколько китайцев, у которых никого нет в этой холодной стране, припали к ногам матроса и мычанием и какими-то возгласами на чуждом нам языке воздали почести и безмерную преданность братству людей, умирающих друг за друга.

Утром город и войска встречали заключенных. Тюрьму подвезли к берегу, опустили сходни на "Разина" - огромную железную баржу, вооруженную дальнобойными орудиями, и через живую стену моряков четыреста тридцать два шатающихся, обросших, бледных сошли на берег. Вереница рогож, колпаков, шапок, скрученных из соломы, придавала какой-то фантастический вид процессии выходцев с того света. И в толпе, еще потрясенной этим зрелищем, уже просыпается чудесный юмор.

- Это кто же вас так нарядил, товарищи?

- Смотрите, смотрите, это форма Учредительного собрания, - каждому по рогоже и по веревке на шею.

- Не наступай мне на сапог, видишь - пальцы торчат. - И выставляет вперед ногу, обернутую грязным тряпьем.

Еще приближаясь к берегу, голосами, пролежанными на гнилой соломе, они начали петь марсельезу. И пение это не прекращалось до самой площади. Здесь представитель от заключенных приветствовал моряков Волжской флотилии, ее командующего и власть Советов. Раскольников на руках внесли в столовую, где были приготовлены горячая пища и чай. Неописуемые лица, слова, слезы, когда целая семья,

нашедшая отца, брата или сына, сидит возле него, пока он обедает и рассказывает о плене, и потом, прощаясь, идет к товарищам-морякам благодарить за спасение.

В толпе матросов и солдат мелькают шитые золотом фуражки тех немногих офицеров, которые проделали весь трехмесячный поход от Казани до Сарапуля. Давно, я думаю, их не встречали с таким безграничным уважением, с такой братской любовью, как в этот день. И если есть между интеллигенцией и массами чудесное единство в духе, в подвиге и жертве, оно родилось, когда матери рабочих, их жены и дети благословляли матросов и офицеров за избавление от казни и мук их детей.

Русский современник

«Русский современник» - это единственный независимый российский литературный журнал, издававшийся в России в период нэпа в 1924 г. Журнал привлек всех лучших русских поэтов и прозаиков, как «старых», так и «новых», начавших свой творческий путь во время или после периода революционных катаклизмов. Редакция отбирала для публикации тексты, исходя из их литературных достоинств, а не из их идеологической направленности, как делали прочие советские периодические издания. Кроме того, в журнале прослеживалась попытка примирить, или хотя бы создать возможности для диалога русских в эмиграции и в Советской России. Таким образом, журнал стал самым ярким литературным явлением своего времени.

Ответственным редактором журнала был А.Н.Тихонов. В основной состав сотрудников вошли А.Ахматова, И.Бабель, М.Горький, С.Есенин, Е.Замятин, Н.Клюев, О.Мандельштам, С.Парнок, Б.Пастернак, Б.Пильняк, Ф.Сологуб, А.Толстой, В.Ходасевич, К.Чуковский. К участию в журнале привлекались молодые советские писатели и поэты: Л. Леонов, В.Каверин, К.Федин, Н.Асеев, Н.Тихонов и др. Большое внимание уделяется творчеству А.Блока. В третьей книге были опубликованы два стихотворения М.Цветаевой («Занавес» и «Сахара»), которую советская критика считала «белогвардейской» поэтессой. В последнем выпуске журнал печатает стихи и рассказ Велимира Хлебникова, «Письма» Леонида Андреева. Много места уделялось публикациям архивных материалов (Л.Толстой, Ф.Тютчев, Ф.Достоевский, А.Чехов, А.Блок и др.).

Авторы художественных публикаций обращаются к «вечным» темам любви, смерти, во многих произведениях прямо или косвенно слышно эхо революционного лихолетья. Действительность недавних лет нашла здесь достаточно мрачное и гротескное выражение, авторы не скрывали своего сложного взгляда на советскую действительность (Е.Замятин, «Рассказ о самом главном», «Как был исцелен инок Еразм» и др., А.Толстой, «Ибикус», Н.Клюев, «Песни на крови»). Тяжело и эмоционально переживали большевизм А.Ахматова и С.Парнок, в их поэзии ощущались надрыв и безысходность. В произведениях некоторых авторов открыто выражалось оппозиционное отношение к современности, которое составляло основу их позиций (Е.Замятин, «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева»). В то же время на страницах журнала печатались воспоминания М.Горького о В.И.Ленине и полные народного колорита, отразившие фольклор и настроения русских солдат во время последних двух войн, отрывки из документальных записок С.Федорченко «Народ на войне». Журнал стремился представить произведения современной русской литературы, давая авторам широкую творческую свободу и руководствуясь лишь критерием художественности.

В отделе литературной и искусствоведческой критики публиковались работы столпов русского формализма В.Шкловского, Ю.Тынянова, Б.Эйхенбаума и др. Журнал помещал статьи и обзоры о театре (А.Эфрос, А.Смирнов), о выставках Ассоциации художников революционной России и «Мира искусства» (Н.Пунин, А.Бенуа), о музыке (Е.Браудо, А.Авраамов), о кино (В.Шкловский). Материал И.Грабаря посвящен искусству русской эмиграции.

Чрезвычайный интерес представляет отдел библиографии, в котором представлены рецензии К.Чуковского и других выдающихся критиков на практически все

вновь вышедшие книги, как художественные, так и посвященные литературоведению и искусству, на русском и иностранных языках. Фактически только со страниц этого журнала можно было получить объективную и остроумно изложенную информацию о вновь вышедшей литературе, а в сфере иностранной библиографии журнал представлял во многом эксклюзивную на тот момент информацию.

Журнал не содержал политического отдела, но, несмотря на это, был подвергнут беспрецедентно резкой критике в официальной печати. Его линия характеризовалась как оппозиционная или даже враждебная советской власти. Основной состав писателей-авторов относился партийной критикой в состав «попутчиков», а участие в журнале «пролетарских» авторов признавалось незначительным. После этого, а также после ареста одного из редакторов журнала (А.Тихонова), его издание было прекращено.

Г. Лелевич. Несовременный "Современник"

Еще XI съезд партии отметил, что в условиях нэп'а буржуазия неизбежно будет пытаться использовать в своих интересах такие области, как высшая школа, художественная литература и т. д. До сих пор, однако, художественные идеологи старой и новой буржуазии не выступали в пределах Советского Союза сплоченным отрядом. Они пытались поодиночке просочиться в наши партийно-советские журналы, альманахи и издательства. Они пытались распространять свои мысли и настроения под маркою советских органов. Ныне перед нами -- выступление "буржуазной литературы" уже в открытом виде, без забрала, в качестве организованного отряда. Но 1 журнала "Русский Современник" как раз представляет из себя первое выступление этого отряда.

Сотрудников "Русского Современника" можно разбить на две основных категории: на неприемлющих и "приемлющих" революцию. Это деление проходит красной нитью через все отделы журнала. Остановимся первоначально на первой категории.

Прежде всего бросаются в глаза по обыкновению талантливые, сжатые и энергичные стихи Анны Ахматовой. Гибнет и рушится грешный Содом. Праведник Лот с семьей, не оглядываясь на погрязший в разврате город, идет за посланником бога. Но его жена, слишком сросшаяся с Содомом, не может так легко расстаться с ним. Тревога говорит ей:

*Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.*

Жена Лота, как известно, жестоко поплатилась за эту привязанность к прогнившему миру: она превратилась в соляной столб.

*Кто женщину эту оплакивать будет,
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.*

Можно ли желать более откровенного и недвусмысленного признания в органической связанности с погибшим старым миром? Можно ли желать еще более отчетливого доказательства глубочайшей нутряной антиреволюционности Ахматовой? Ахматова -- несомненная литературная внутренняя эмигрантка. И подумать только, что высокопросвещенному коммюнисту Н. Осинскому два года назад упорно хотелось разглядеть у этой последовательной и последней поэтессы дворянства какие-то проблески революционности! Надеюсь, что после стихов, помещенных в "Русском

Современнике", даже тов. Осинский бросит разговорчики о близости к нам ахматовской поэзии.

Не менее определенен и матерый упадочник Федор Сологуб. Автор "Навях чар" горько сетует на совершающиеся гигантские сдвиги:

*Не слышу слов, но мне понятна
Твоя пророческая речь.
Свершившееся -- невозвратно,
Здесь ничего не убережь!*

Однако для Сологуба не все потеряно. Есть еще надежда, что, несмотря на революцию, в конце концов, все останется по-старому:

*Душа, как птица, мчится мимо
Ночей и дней, вперед всегда,
Но пребывает невредимо
Времен нетленная чреда.
Напрасно бледная Угроза
Вооружилась косой, --
Там расцветает та же роза
Под тою ж свежеею росой.*

Однако, видимо, эта философская надежда мало успокаивает. Эпоха крушения старого мира слишком властно напоминает о себе:

*Безумствует жестокий рок,
Ничья вина не искупима.
Изнемогающий пророк!
Судьба к тебе неумолима.
На склоне утомленных дней
Последнюю познал ты сладость, --
Тебя сжигающих огней
Мучительную, злую радость.
Вся безнадежность так ясна!
Так вся безвыходность знакома!
И в шелестиных голосах
Все то же бормотанье рока,
И в этих бледных небесах
Мерцанье горького упрека.*

Я сделал такие большие выдержки из этих стихов потому, что стихи Сологуба являются чрезвычайно интересными, политическими документами (в художественном отношении они мало ценны и далеко уступают старым стихам хотя бы того же Сологуба). Дело не в том, что Сологуб в этих стихах сознательно проклинает Октябрьскую революцию, Советскую власть и т. д. Может быть, он и имел в виду такие политические цели, а, может быть, он менее всего думал касаться политики. Но как бы там ни было, в этих двух стихотворениях прекрасно передано, как воспринимают нашу эпоху осколки старого барства и связанных с ним слоев интеллигенции.

Не меньшей антиреволюционностью отличается и "Рассказ о самом главном" Евгения Замятина. Судьба червяка, судьба революции и судьба какой-то гибнущей планеты -- все это поставлено в один мистический ряд, тонко подчеркивающий, что наша героическая борьба ни на йоту не значительнее судьбы червяка и что вообще все

наши дела -- ничто перед мистической властью космоса. К этому надо добавить явное обесмысливание конкретных проявлений классовой борьбы, огромную порцию интеллигентской рефлексии и фальшивое изображение коммуниста. Впрочем, чего иного можно ждать от Замятина?

А София Парнок пытается в конце журнала подвести теоретическое обоснование под контрреволюционные писания Ахматовой, Сологуба и Замятина:

"Ну, а что, если вдруг окажется, что такая одинокая, такая "несегодняшняя" Ахматова будет современницей тем, кто придут завтра и послезавтра?"

А что, если взяткой сегодняшнему дню откупаешься от вечности?.. Разве так уж не нужна вам вечность, поэты сегодняшнего дня?"

Эти строки, полемизировать с которыми не стоит труда, доказывают, что появление в журнале контрреволюционных по существу произведений -- отнюдь не случайность. Значительная часть сотрудников "Русского Современника" -- дети старого мира, у которых -- "все в прошлом", которые только и живут мечтами об этом старом мире. Недаром во втором своем стихотворении Ахматова с таким пафосом повествует о фантастической пирушке пяти лежащих в земле джентльменов и лэди. Воистину, стихи Сологуба и Ахматовой и рассказ Замятина -- это заздравные тосты на вечеринке мертвецов:

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
"Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим".

"Русский Современник" менее всего современен. К нему скорее применимо название, данное своим статьям 1917 года одним из ближайших сотрудников нового журнала Максимом Горьким, -- "Несвоевременные мысли".

Но рядом с писателями старого мира, рядом с плакальщиками о дореволюционной России, мы находим в "Русском Современнике" и ряд так называемых попутчиков, т. е. писателей, если и не революционных, то, во всяком случае, "приемлющих" революцию. Тут фигурируют Пильняк, Горький и т. д. Что объединило их с Ахматовой и Сологубом? На это нетрудно ответить. Великоросский национализм -- вот платформа, на которой сошлись и обменялись рукопожатиями Ахматова и Горький, Чуковский и Пильняк. Самое название журнала подчеркивает его националистический уклон. "Русский Современник"! Не говоря уже о термине "пролетарский" (этого никто и не требует), хотя бы поставили "Советский", наконец, "Российский". Нет, именно русский! Где уж тут говорить о Советском, Российском, когда Алексей Вагин печатает в журнале сильное стихотворение, очень напоминающее империалистические песни Редьярда Киплинга, -- целый восторженный гимн завоеванию диких племен новгородскими ушкуйниками, этими пионерами торгового капитала!

Действительно, произведения, "приемлющие" революцию, носят в "Современнике" определенно националистический характер и далеки от подлинной революционности. Борис Пильняк в наброске "Два рассказа" по-прежнему подходит к Октябрьской революции, как к стихийному мужицкому бунту. То, что русская революция победила только благодаря руководству пролетариата, то, что в России совершается "первая в мире машинная революция", все это Пильняк понял (если понял) лишь головой. Творчески он этого не прочувствовал, художественно не воплотил. Слепая стихия, земляная тяга, которой в бытине так и не одолел удалой Вольга Святославович, -- вот что выпирает у Пильняка, вот что заслоняет всю революцию. Такое восприятие революции -- безусловно искаженное восприятие.

Нечего и говорить, что тем же грехом больны и бесконечные перепевы Николая Клюева, безуспешно пытающегося в течение шести лет окулачить и революцию, и Ленина.

Очень удачно сформулировал основы такого подхода к революции пресловутый Корней Чуковский в своей статье об А. Н. Толстом: "Лишь через патриотизм пришел Алексей Толстой к революции, иначе не мог, -- пробовал, но ничего не выходило: старые липы были вырублены таким озорным топором, что от них даже пней не осталось. Алексей Толстой, оглянувшись, увидел, что вокруг одно только Дикое поле. И всей своей очень русской кровью почувствовал, что это Дикое поле родное, что озорная рука, вырубавшая старые липы, тоже не чужая ему. Ощутил это именно кровью, безо всяких теорий -- не умом, а хребтом, и все в русской революции стало ему понятно и близко. Если революция -- Россия, значит, революция прекрасна. Всякий иной подход к революции был бы у Алексея Толстого неискренен. Он любит ее лишь постольку, поскольку видит в ней национальные черты".

Разумеется, было бы совершенно бесполезно искать у Чуковского -- этого фельетонного идеалиста, социологического объяснения своеобразного восприятия революции у Толстого, но самый факт подмечен чрезвычайно верно.

К сожалению, и другой ближайший сотрудник журнала Максим Горький не менее далек от понимания подлинного смысла нашей эпохи. Давно прошли те времена, когда Горький был славным "буревестником" первой революции, когда он пел славу "безумству храбрых", когда он в драме "Враги", в повести "Мать" пытался стать на точку зрения рабочего класса. Ныне -- это размагниченный интеллигент, сердито ворчащий на революцию и не понимающий ее. Статья Горького о Ленине содержит массу ценного фактического материала, но какое непонимание Ленина и ленинского дела обнаруживает в ней Горький! Я не имею здесь достаточно места, чтобы подробно останавливаться на этой любопытнейшей статье, но несколько примеров горьковского подхода к Ленину все-таки надо привести: "Человек изумительно сильной воли, он был, во всем остальном типичным русским интеллигентом. Он в высшей степени обладал качеством, свойственным лучшей русской интеллигенции -- самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л. Андреева: "Люди живут плохо, -- значит, я тоже должен плохо жить"".

Тов. Н. К. Крупская уже достаточно категорически опровергла обывательскую болтовню об аскетизме Ленина, и нет нужды особо возражать Горькому. А чего стоит такая снисходительно-высокомерная тирада по адресу Ильича: "Может быть, Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно, считал ее слишком легко устранимой, -- так же легко, как легко устранима вся внешняя грязь и неряшливость русской жизни".

Неудивительно после этого, что Ильич смотрел на Горького "с явным сожалением", что горьковские ходатайства о людях вызывали у Ленина "жалость" к Горькому, "почти презрение".

Общая физиономия журнала ясна. Он объединяет или писателей, не приемлющих революции и тоскующих по старому миру, или писателей, "приявших" национальную и мужицкую сторону революции. И совершенно непонятно, что здесь делает Бабель, как в эту реакционную компанию затесался действительно революционный поэт Н. Асеев. Сотрудничество последнего (ай да "левый фронт"!) в "Русском Современнике" не может быть оправдано ничем, ибо политически "Русский Современник" означает не что иное, как блок художественных идеологов господствовавших до революции классов с художественными идеологами новой буржуазии, мечтающей об обволакивании и буржуазном "перерождении" Советской власти. И совершенно безразлично, сознают ли Горький, Ахматова, Пильняк и др. свою объективную роль. Это появление на идеологическом фронте открытого литературного отряда буржуазии является фактом большого политического значения, -- фактом, который требует немедленных и серьезных

шагов в целях противопоставления фронту Замятиных, Чуковских, Сологубов, Пильняков, фронта пролетарской и революционной литературы.

В заключение я считаю необходимым кратко остановиться на некоторых моментах, затронутых в статье Б. Эйхенбаума "В ожидании литературы". Эйхенбаум -- один из видных работников "Опояз'а" (общества изучения поэтического языка), один из видных представителей формального метода художественной критики. По авторитетному разъяснению Б. Арватова, Эйхенбаум, вместе с Жирмунским, составляет в Опояз'е "крайнюю правую, стоящую на точке зрения полного обособления поэзии от критики" {Печать и революция. 1923. No 7. С. 59.}. Этот заведомо идеалистический и чуждый вам критик стремится в своей статье доказать, что социологическая критика зашла в тупик, и выход -- только в формальном методе. Между прочим, Эйхенбаум в своей статье касается литературной дискуссии, происходящей сейчас между различными группами писателей-коммунистов. Вот что пишет он о книгах тов. Воронского:

"Воронский начал с очень резких и решительных статей, но постепенно тон его стал смягчаться. Из прокурора или судебного следователя Воронский превратился в своего рода правозащитника современной литературы -- особенно, когда ему пришлось вступить в полемику с "вульгарными марксистами" из журнала "На Посту". Он не хочет и не может рубить с плеча, как делают "напостовцы", потому что видит, что факты противоречат схемам, но выйти из этих схем тоже не может. Тем самым, позиция его становится двойственной, а статьи его -- не столько критическими, сколько просветительными и защитительными. Он прибегает к помощи Белинского и начинает старательно доказывать, что искусство -- познание жизни, что оно дает объективные истины и т. д. Вопросы эти не так просты, чтобы можно было их разрешить ссылками на Белинского. И что же тогда остается от марксизма?"

В борьбе с "напостовцами" Воронский, в конце концов, дошел почти до формализма, от которого был прежде очень далек".

Приведя далее цитату из книги тов. Воронского о недопустимости подмены оценки писателя оценкой идеологии, Эйхенбаум далее пишет:

"Да, нам к этому нечего прибавить, но ведь сам Воронский не так давно (1922 г.) упрекал Зоценко за его идеологическую неопределенность".

Статья Эйхенбаума -- серьезнейшее предостережение некоторым нашим партийным критикам, теряющим отчетливость классово-политической постановки вопроса.

Е. И. Замятин. Паноптикум

Открыт паноптикум печальный.

Ал. Блок

ТЕТРАДЬ ПРИМЕЧАНИЙ И МЫСЛЕЙ ОНУФРИЯ ЗУЕВА

Новое доказательство для неверующих

Сего числа в сочинении "Некрасов по материалам Пушкинского Дома", издание Сабашниковых, на стр. 144-й обнаружил портрет певца народного горя Некрасова -- с подписью: "Некрасов с фотографии 1879 года". И как бы в подтверждение сомневающимся -- на стр. 307-й вновь упомянуто: "Портрет с фотографии 1879 года". По достоверным метрическим сведениям (сообщенным мне протоиереем о. Павлом Щеголевым), певец народного горя Некрасов скончался в 1877 году. Из чего явно, даже

для неверующих наподобие Горького, что загробная жизнь доказана фотографически, т. е. научно.

Нотабене: сообщить куда следует
(что бывший князь укрывается под чужой фамилией).

Открытие о том сделано мною совместно с Максимом Горьким. Вчера в сочинении Максима Горького "Детство" я прочел стихи:

И вечерней, и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа ради на помощь зовет.

Причем Горький сообщает, что означенные стихи писаны (бывшим) князем Вяземским. Однако те же стихи обнаружены мною в книге, называемой "Сочинения И. С. Никитина". Из чего заключаю, что под фамилией Никитина преступно укрылся бывший князь, дабы избежать народного гнева.

Кстати о лошадях

В научно-популярном журнале "Звезда" тоже Никитин сообщает (сочинение "Полет"), что некто Фирсов "про себя невидно, неслышно усмехнулся, этому он научился у лошадей". Эх их! Учителей они каких себе нынче выбирают. А впрочем, лошадь -- животное весьма домашнее и в упряжи хорошо ходит, чему от нее обучиться можно с немалой пользой.

Воспоминание о дяденьке

В романе "Хромой Барин" А. Толстого сказано: "Скотница, сидя на скамейке под коровой, доила парное молоко" (стр. 132). В связи с каковым молоком мне вспомнился мой покойный дяденька. Также соблюдал в выражениях большую точность и, бывало, говаривал: "А ну-ка, принеси мне мокрой воды стаканчик".

Нечто для молодых хозяек

Сочинитель Б. Пильняк сообщает, что проездом на ихнем английском корабле он своеглазно видел, как повар "развешивал по утрам соленую баранину для бекена" (журнал "Красная Новь", № 6, 1923 года, стр. 37). Спрошенный мною протоиерей о. Павел Щеголев разъяснил, что "бекен" по-коломенски, или по-английски "bacon", означает свиное сало. Так что, несомненно, англичане нынче умудряются готовить свиное сало из простейшей баранины.

Открытие в науке геометрии

10-го сего апреля, при чтении вслух о. протоиерею того же сочинения Пильняка, дошел до места: "...корабль валится ко дну по эллипсическим кругам" (стр. 37) -- и говорю: "Как же так, отец Павел? Круг -- он круглый и есть, а какой же такой эллипсический круг? Это даже как-то невообразимо". На что получил ответ: "Дурак ты круглый. Открытия могут быть во всякой науке, в том числе и в геометрии". На что в сердцах возразил: "А если нынче у вас круги эллипсические, то следовательно и дураки не круглые, а эллипсические". На что о. протоиерей промолчал.

Зверство империалистов

Тот же Пильняк сообщает, что у англичан "матросы с кубрика идут спать в трюм". Это уж даже настоящее зверство так называемых просвещенных европейцев: всякому известно, кубрик и есть помещение, где матросы спят, а в трюм грузят товары. А эти акулы-англичане на ночь загоняют свой несчастный пролетариат в трюм, а кубрик у них остается пустой. Спасибо вам, тов. Пильняк, от лица моряков!

Расхищение народных богатств

К таковым по справедливости считаю нужным отнести нашу великую русскую литературу. Но Антанта простирает и сюда свои цепкие лапы. Так, например, А. Толстой написал пьесу "Бунт машин", а ихний какой-то Чапек из нашей, русской, состряпал свою пьесу "Вур" -- и даже спасибо не сказал. Необходимо стать грудью на защиту.

Размышление о прочих планетах

Говорят, что нынче до того додумались, чтоб и на прочие планеты летать. Полагаю, что ложный слух и никаких иных планет, кроме Земли, в природе не имеется. Что доказано в сочинении А. Толстого: "Аэлита". Будто бы он попал на Марс, а оказывается, тамошний житель, взлетев, затем "нырнул и пошел у самой земли" -- "снизился и пробежал по земле", -- "сел на землю". В предупреждение бессмысленных мечтаний считаю сочинение это весьма полезным.

Еще о полетах

В "Красной газете" от 31-го сего марта, под заглавием "Выпуск аэропланов" прочел: "Гидросамолет плавно и медленно скользит по снежной поверхности. Раздаются крики ура и звуки Интернационала. Самолет, не поднимаясь в воздух, делает несколько кругов на своих полозьях по аэродрому и также медленно и благополучно возвращается обратно".

Что благополучно -- не удивляюсь. Но почему ура -- недоумеваю.

Еще для неверующих

Дочитав до конца ту же книгу "Некрасов по материалам Пушкинского Дома", всю ночь не спал. Этого даже и у меня в мыслях не было, что якобы умершие приходят просто так вот обедать к знакомым, как я к о. Павлу. А между тем! На странице 307-й упомянутой книги засвидетельствован печатный факт, что Некрасов в 1886 году, т. е. через 9 лет после своей земной смерти, присутствовал на одном обеде.

Доложил о том отцу П. Щеголеву; он мне только молча раскрывает книгу "Былое" № 20 -- и там на странице 134-й читаю: "28 марта 1881 года он (Александр II, убитый 1-го марта!) записал в своем дневнике...". Действительно, что тут скажешь?

Нечто о размножении человека

А именно, в книге И. Н. Попова "Минувшее и пережитое" о некотором его современнике говорится: "Отца у него не было, а мать, кажется, служила в прислугах". Такой способ размножения с помощью одного женского пола до сих пор известен был лишь в Священном писании. Полагаю, что книга весьма полезна для борьбы с религией.

Последняя новость

В журнале "Хочу все знать" сообщено к сведению, что Казбек и Эльбрус -- действующие вулканы. А ведь сколько годов не действовали! Видимое дело -- это от японского землетрясения. Погодя и до того доживем, что из Воробьевых гор вулкан забьет. Нелегкая наша жизнь!

Старец 119 годов от роду

Отходя ко сну, вычислил, что известному Бальмонту не менее как 119 годов от роду. А именно, в историческом романе Мережковского про декабристов ("25 декабря") Голицын (бывший князь) произносит стихи Бальмонта:

Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить.

В рассуждении, что стало быть означенные стихи написаны до бунта декабристов и что Бальмонту было тогда, ну, скажем, годов не менее 20, получается 119-летний старец. А кто бы подумал!

Нотабене: еще сообщить куда следует

У известного Е. Замятина в испанской пьесе "Огни св. Доминика" (альманах "Литературная мысль", книга 1) обнаружил, что будто бы какая-то испанская девица говорит: "Сеньор алгуасил, вам очень бы пошли капитанские эполеты". Специально справлялся во второй ступени: подтвердили, что в те времена никаких эполет и в заводе не было; из чего полагаю, что про эполеты -- это он нарочно, в пику. Прискорбный факт отрицательной идеологии.

Переворот судьбы 16 мая

Сего числа от самой почты летел домой как бы на крыльях Морфея, под ударом мысли, что я причислен к действительным писателям: сверх всяких опасений, моя критика напечатана полностью в уважаемой редакции "Русского Современника", которой мною послано поздравительное письмо {Письмо О. Зуева не печатается, так как подобные поздравительные письма товарищей О. Зуева по оружию (напр., Г. Лелевича) уже появлялись в других изданиях. (Ред.)}. И сограждане, которые ставили на вид, что я слишком мнимый об себе человек, теперь реально могут увидеть, что там и я, и также М. Горький. Дорогой Алексей Максимович, дай вам Бог!

Ввиду изложенного решил подвергнуть себя коренному внешкольному образованию в смысле литературы, начиная именно с Пушкина, который есть наш великий поэт, и к тому же 125-летний юбилей. (Нотабене: Пушкин также был напечатан в "Современнике"!)

Нечто о пользе Пушкина¹²⁰

Полагаю, как бы судьба сунула в мои руки сочинение Л. Сосновского насчет пользы А. С. Пушкина ("Правда", No 172), после чего решил окончательно. В литературном значении это есть полнейшая поэзия. Так, например, вроде: "Кто, кроме Пушкина, подставит вам крылья и так вольно и легко направит полет ваших мыслей по любимым картинам природы? Никто!"

Прочитав эти строки, почувствовалось в них нечто как бы мое... Приветствую и присоединяюсь! Онуфрий Зуев.

Сведения из быта А. С. Пушкина

Неоднократно доходившие слухи о происшествиях А. С. Пушкина с лицами женского пола -- составляют факт. А именно, приобретены мною сочинения А. С. Пушкина под редакцией В. Брюсова (Москва, Гос. Изд.), где о связи стихотворения "Залог любви" В. Брюсов приводит к сведению мысль Пушкина: "Я принужден сжигать письма

той, кого люблю, вероятно, гр. Воронцовой?" Из чего следует, что их (женского пола) столько было, что Пушкин даже и сам не знал толком, от кого письмо и кого... Впрочем, не буду ставить точку над и, по случаю декрета об і.

Сведения из быта херувимов

Открытие из неизвестного до сих пор быта херувимов произведено также В. Брюсовым при помощи стихотворения А. С. Пушкина "Паж или пятнадцатый год". Под титулом какового стихотворения напечатано изречение по-французски: "C'est l'âge de Chérubin", или же -- благодаря научности В. Брюсова -- то же самое сообщается по-русски в виде: "Это -- возраст херувима". Из чего, без всяких, ясно, что возраст херувима есть именно пятнадцать лет {Остроумная догадка О. Зуева ошибочна: во французском эпиграфе к этому стихотворению Пушкина имеется в виду пятнадцатилетний паж Керубино, влюбленный в "Севильскую графиню" -- у Бомарше. Учитывал ли это В. Брюсов, ни О. Зуеву, ни редакции неизвестно. (Ред.)}.

Рассуждение о науке

Кто, например, сядет на трехногий стул, который может даже подкоситься с опасностью для жизни? Никто! Также, полагаю, и в рассуждении науки: она должна быть не менее как на четырех ногах, вполне непоколебимо. В смысле чего считаю примечания Брюсова примером науки. Так, хотя бы, про Ломоносова и Державина объяснено кратко (стр. 7): "Русские поэты", что вполне научно. Или, например, А. С. Пушкин запутался и не знал, как начать стих: "Блажен кто..." или "Щастлив кто...", а уважаемый В. Брюсов знает, что надо так: "Блажен кто щастлив". И действительно, кто счастлив -- ясно, блажен: ничего не возразишь, т. е. опять вполне научно.

О памяти женского пола

Т. е. что ихняя память короче, как говорят, комариного носа. Если и чему учены, то к сорока годам все как в трубу вылетит. В смысле чего и понимаю примечание В. Брюсова на стр. 170: "Дама лет сорока, но образованная" {Такое истолкование О. Зуевым действительно загадочного "но" Брюсова, разумеется, нельзя отнести к нашему времени, когда доступная для всех без исключения наука воспитывает женский ум. (Ред.)}.

Нотабене: на случай экспромтов

На торжественном 125-летнем рождении А. С. Пушкина я, как писатель то же самое, произнес экспромт в размере четырех стихов. После самообразования полагаю, что это не экспромт: как объяснено В. Брюсовым (на стр. 134-135 и 410), "сомнительные" стихи Пушкина 1817-1819 гг. разделяются на "четверостишия", "экспромты" и "эпиграммы", т. е. всякому ясно, что четверостишие и экспромт -- настоящая разница.

Нечто о молодости

Также, кроме науки, получаю бодрость при чтении. Хотя, например, мне стукнуло 40, но читаю (на стр. 341) примечание В. Брюсова, что ""Опасный сосед" был написан В. Л. Пушкиным в молодости". Если при помощи арифметики, то В. Л. Пушкин родился в 1770 году, а написал "Опасного соседа" в 1811 г., будучи т. е. 41 года, -- стало быть это есть вполне молодость. Нам, русским, эти самые "омоложения" без надобности.

Еще о науке

Произошел научный разговор, будто это у Брюсова неверно сказано, что А. Ширинский-Шихматов -- "плохой драматург", что он будто совсем драматических сочинений никогда и не писал. Возражаю в защиту: потому и не писал, что был плохой драматург, -- не за свое дело не брался, и очень хорошо {Неизвестно, на что намекает О. Зуев своей фразой: "не за свое дало не брался, и очень хорошо" -- но в основном он не

прав. А. Ширинский-Шихматов -- довольно плодовитый стихотворец, автор нескольких поэм, но и драм у него нет и "драматургом" -- ни плохим, ни хорошим его нельзя назвать. (Ред.)}.

Чудо природы

Будто у одной бабы недавно родился черт и на второй день заговорил -- про это серьезно опровергалось, в наших газетах. Однако, вот научный факт, про который подтверждено не кем-нибудь, а двумя гг. профессорами.

Такие есть у Пушкина стихи под названием: "Ответ А. И. Готовцевой", написаны в 1828 году, по причине присланных Пушкину стихов этой самой Готовцевой. И здесь -- удивление. Так как в словаре профессора Венгерова печатно указано, что А. И. Готовцева жила от 1826 по 1828 год, что подтверждено плюс в книге проф. Ю. Верховского "Поэты Пушкинской поры" (на стр. 330). Рассуждаю: если, будучи от роду фактическим младенцем двух лет, она уже писала стихи (и которые даже Пушкин одобрял), то вполне просто, что говорить она стала вроде того, якобы, черта на второй день от рождения.

Еще о черте

Если таковой у кого-либо родится, то как сразу же отличить, что это есть он? К тому вернейший способ сообщается в сочинении М. Гершензона о Пушкине ("Голфстрем"), под видом как результат из стихотворения Пушкина "Ангел". А именно, суть между ангелом и демоном (или равно, чертом) состоит в том, что демон "летает, смотрит и говорит" (нотабене: говорит!), ангел же только "сияет поникшей главой" {Для тех, чья стальная логика идет по рельсам уважаемого О. Зуева, сообщается, что с изложенной теорией Зуева редакция не согласна. (Ред.)}.

Примечание в смысле пушкинского "Пророка"

Про этого "Пророка" сколько разного писали, а никому (кроме меня) и в голову не влетело, что там якобы "серафим", а на самом деле он -- с рожками и с хвостиком, применив способ Гершензона: и летает (не зря же -- шестикрылый), и смотрит, и говорит, и прочее.

Пушкин и наука физика

Читая Пушкина, иногда получается даже самая настоящая наука. А именно, Гершензон ("Гольфстрем", стр. 75), на основании Пушкина, сообщает к сведению, что "душевные процессы облакаются в одну из трех форм вещества -- либо в газообразную, либо в жидкую, либо в твердую". Полагаю, что это справедливо заслуживает напечатать в следующем издании известной физики Краевича, как бы дополнение.

Нотабене: сообщить в уважаемую редакцию "На послу"

Сего числа получил из Москвы от верного человека, что известный Вячеслав Иванов, произвел доклад в Академии Художественных Наук 9 июня сего года, под заглавием: "Пушкин и формальный метод". В каковом докладе объяснил в выражениях: что в стихах Пушкина "спой мне песню, как девица за водой поутру шла" -- вода не простая, а якобы есть "живая вода", а девица -- есть "царь-девица". Это есть несомненное монархическое самодержавие.

Привет профессору Ермакову

Ввиду приобретения трудов профессора Ермакова под именем "Этюды по психологии творчества Пушкина" размышлял, что это удивительно, что я, например, за 1000 верст здесь, а он в Москве, а как бы один и тот же Онуфрий Зуев -- в смысле различных открытий. Так, например, открытие Ермакова, что "александрийский стих -- есть стих Александра", т. е. Пушкина.

Рассуждая в том же смысле, полагаю, что город Александрия -- есть город Александра, т. е. Пушкина, и здесь, вдобавок, египетское пророчество о рождении великого поэта земли русской.

Революция в Пушкине

Т. е. в заключение не открытие, а полнейшая революция! А именно, факт профессора Ермакова, что когда Пушкин сочинял "Домик в Коломне", то даже не знал, что он сам (т. е. Пушкин) -- мужчина или женщина? -- и жениться ли должен или выйти замуж?

В связи чего проект: может быть никакой "А. С. Пушкин" даже и не существовал, а была "А. С. Пушкина"? Вот тебе и юбилей!

Научный вздох

Ох, трудное это дело -- самообразование, сидя как бы в норе за 1000 верст от центров столиц. Хотя бы сего числа -- взял книгу Гроссмана "Семинарий по Достоевскому", напечатано Госиздатом. И на обложке, на 3-ей странице, читаю, какие еще книги там же изданы:

Бетховен -- Опыт характеристики Стрельникова

Евреинов -- Оригиналы о портретистах

Серов -- Опыт характеристики Стрельникова.

Бетховен! Серов! -- не кто-нибудь про этого Стрельникова пишет. А мы! никто вроде даже и не слыхал про эту всемирную величину. Позор!

Нечто об огне

У соседа, Капитона Иваныча, взял для изучения его орган, под названием "Красная Газета" от 8 сентября сего года. И там новость такая, что прямо мозги врозь:

"Большой пожар произошел в д. 10 по каналу Грибоедова. В квартире, где начался пожар, вскрыты полы и потолки. Одна из квартир 2-го этажа подмочена огнем".

Подмочена огнем... извиняюсь, не могу поверить! А и не верить -- не смею: не какая-нибудь "Биржевка", а вечерняя "Красная Газета". Господи, помоги моему неверию!

Нечто о Пушкине

Это из органа тоже "Красной Газеты" от 17 сентября сего года, статья под заглавием "Забытый памятник Пушкина". И неизвестный автор сообщает новость, что в саду лица, который на Каменноостровском, -- "во время перерывов от занятий гулял Пушкин со своими товарищами". В Брокгаузе имеется, что будто в Петербург этот лицей был переведен из Царского Села лет так через десять после кончины Пушкина, однако, полагаю, надо иметь в виду, что Брокгауз есть издание прогнившего старого мира.

По случаю дипломатии

Даже в пот вдарило, потому что это в московских "Известиях" и всемирная величина Стеклов. Статья под именем: "Симптом начала или конца" (№ от 18 ноября сего года) -- про ситуацию акул в Америке. И в статье читаю: "Все это только говорит в пользу того, что Советская дипломатия должна предусмотреть новый поход и быть подкована на все четыре ноги по-летнему и на шипы".

Ну, будь я дипломатия, -- я бы про себя таких слов даром не спустил!

Еще о науке

Книга "Электрификация", Перельман П. Я., инженер. Госиздат. Москва, 1923. И в предисловии, где перечисляются разные вообще науки, упомянуты "Физика и

косметическая физика (включая геофизику)". Если в смысле косметики, так неужели они там до того дошли, что даже морды согласно науке раскрашивают?

Нотабене: подписаться на "Жизнь искусства"

Потому что в этом органе пишут, действительно, научно, хотя в смысле понятия трудно. Так например, изречение: "Глубоко-социальный базис, подведенный под корень художественного оформления талантливого романиста" (заметка "В Секции Драматургов Л. А. П. П.", No 30). Многие выражают, что я пишу хорошо, но признаюсь скромно: куда мне -- не написать так.

Нечто по поводу Кавказа

Это также из органа "Жизнь Искусства". В No 30 напечатано к сведению, что кинематографические постановки И. Перестиани "неожиданно вскрывают специально-кинематографическую ценность грузинского народа и его страны". Действительно, всякий народ хоть чем-нибудь замечателен.

Успех в промышленности

В журнале "Звезда" No 3, в стихотворении С. Родова, под названием "Коммунэра о Предгубчека", прочтено мною нижеследующее;

Из Туркестана привозят хлопок --
Грязный и сбитый ватный комок,
Чтоб после под зубьями сотен машин
Текло полотно к аршину аршин...

Какие-нибудь там англичане старого мира до сих пор полотно из льна делают, а уважаемый товарищ Родов производит полотно из простейшего хлопка, что не в сравнение дешевле. Этого русского самородка необходимо записать на красную доску.

Еще изобретение

Таковое, полагаю, сделано писателем В. Лидиным. В сборнике "К новым берегам" содержится рассказ Лидина, где упомянуто, что "были посланы две радиоантенны". Когда по воздуху слова посылают -- это дело плевое, потому что в слове -- сколько в нем весу? А вот ежели дошли, что посылают уже не слова, а тяжелые подобные предметы вроде антенн, -- вот это я понимаю, это есть также полная победа нашей техники.

Размышление о конской сбруе

Означенное размышление произошло по поводу рассказа Всев. Иванова под названием "Как создаются курганы", где напечатано: "Мой приятель заговорил о скифах, здесь обитавших, о тяжелых бронзовых стременах и удилах их седел". Конечно, Всев. Иванов тут ни при чем, потому как это не он сам, а его приятель заговорил об "удилах седел". Однако из этого получается, какие нынче пошли приятели: только заглядишь -- свинью подложат.

Кстати о Всеволоде Иванове

Про него пишут, будто бы у него вроде пристрастия к разным таким выражениям для некурящих. А по мне -- Всев. Иванов, как он все-таки мужчина, это ничего, а вот если женщина, да еще заграничная, этакое картинки изображает -- это уж даже охально.

Например, Клара Фибих, роман "Совиное гнездо", перевод Острогорской (изд. "Петроград"). И в этом романе на стр. 34 читаю: "Стройная, с выбившимися из-под передника волосами, она возбудила в одном из всадников желание..."

Не знаю, как по-немецки, а по-нашему передник есть фартук, и в заключение выходит нехорошо.

Размышление историческое

Взял у Капитона орган московских "Известий" от 31 мая сего года. И там статья "Подземный кремник. Историческая справка И. Стелецкого", где содержится насчет старинных подземных ходов в Москве и что будто "в этих тайниках в годину бед укрывалась старонэпмановская Москва и ревниво стерегла там свои сокровища". Из чего заключаю, что все на свете коловратно, и например этот самый НЭП был еще во время Грозного.

Привет безбожнику

Действительно, необходимо истребить религиозный опиум. И спасибо тов. Исакову из "Жизни Искусства" за его борьбу. А именно, в No 32 уважаемого журнала, в своей статье он употребляет: "Гораций, ты сердишься, следовательно, ты не прав". Что необходимо приветствовать, принимая, что в прежнем изречении "Юпитер, ты сердишься..." -- есть название бога, хотя бы и не настоящего.

Научное мировоззрение

А именно, в романе писателя А. Грина "Блистающий мир" (стр. 42) прочитал: "Шутки, наблюдения, остроты, гимны -- то легкое, лишь спокойному сердцу внятное давление мужского пара..." Из чего полагаю, что у этого писателя действительно научное мировоззрение, что человек есть вроде паровая машина. Однако, обратный вопрос в науке: какой действует пар в машине -- мужской или женский?

Последняя новость

И опять Капитошка! Такое подсунул, что ум за разум заходит. И откуда, черт рыжий, выкапывает? Принес нынче "Литературную Неделю" No 3 (28) 1923 года, издание петроградской "Правды". На последней странице, в рамочке -- под заглавием "Календарь Рабочего". И напечатано:

"19 февраля поистине несчастный день для буржуазии. В этот день в 1473 году родился великий ученый положительной науки Коперник, который опрокинул туманную надстройку лженаучных буржуазных теорий о вращении земли".

Прочитал я, и Капитошка говорит: ""Понял?" А я боюсь понять -- "что, говорю, понял?" -- А то, говорит, что, стало, быть насчет вращения земли -- это есть гидра, и нынче вращение это отменяется".

Батюшки, неужели не врет?¹²¹

1924

Содержание номеров «Русского современника»

- Русский современник. 1924 г. N 1
Содержание С.3-4
Сологуб Ф. Не слышу слов, но мне понятна.... [Стихотворение] С.7
Сологуб Ф. Я сам закон игры устави́л.... [Стихотворение] С.8
Сологуб Ф. Безумствует жестокий рок.... [Стихотворение] С.9
Сологуб Ф. Ходит трепало.... [Стихотворение] С.10
Замятин Е. Рассказ о самом главном. [Рассказ] С.11-39
Ахматова А. ...И праведник шел за посланником бога.... [Стихотворение] С.40
Ахматова А. И месяц, скучая в облачной мгле.... [Стихотворение] С.41
Горький М. Из воспоминаний. [Воспоминания] С.42-66. Содержание: I. Испытатели. II. Смешное. III. Садовник. IV. Законник. V. А.А. Блок
Клюев Н. Песни на крови. [Стихотворение] С.67-71. Содержание: I. Псалтырь царя Алексея...; II. Поселиться в лесной избушке...; III. Я знаю, родятся песни...
Андреев Л. Конь в сенате: (Водевиль в одном действии из римской истории) / Предисловие редакции. [Пьеса] С.72-88
Асеев Н. Королева экрана. [Стихотворение] С.89-91. Содержание: I. Тайна ночи; II. Рекорд быстроты; III. Механик
Леонов Л. Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гогулеве Андреем Петровичем Ковякиным. [Рассказ] С.92-129. Начало. Окончание: 1924. N 2
Вагин А. Злые, смелые, русые. [Стихотворение] С.130-131
Пильняк Б. Два рассказа. [Рассказ] С.132-150. Содержание: Рассказ первый; Рассказ второй
Бабель И. Иваны: (Из книги "Конармия"). [Рассказ] С.151-156
Толстой Л.Н. О Шекспире / Предисловие и примечания С. Брейтбурда. [Письма] С.157-160
Тютчев Ф. Байрон / Предисловие и послесловие Г. Чулкова. [Стихотворение] С.161-169
Достоевский Ф.М. Письма: [М.М. Достоевскому, В.М. Карелиной, Н.А. Некрасову, С.Д. Яновскому] / Предисловие и примечания Н.Л. Бродского. [Письма] С.170-189
Достоевский Ф.М. Из записной книги [к роману "Бесы"]/ Предисловие и пояснения Н.Л. Бродского. [Роман] С.190-194
Страхов Н.Н. Письма [Ф. Достоевскому] / Предисловие и примечания К.Ч. [К.И. Чуковского]. [Письма] С.195-206
Майков А.Н. Письмо к Ф.М. Достоевскому / Предисловие и примечания К.Ч. [К.И. Чуковского]. [Письма] С.207-211
Кузьма Прутков (А.К. Толстой). Стихи и пародии / Предисловие Л. Модзалевского С.212-226. Содержание: I. Мудрость жизни; II. Отрывок: (Речь идет о бароне Вельо); III. Божия коровка: (На доктора А.И. Кривского). IV. Басня о том, что дискать как один философ остался без огурцов; V. Сонма: (Запятая)
Горький М. Владимир Ленин. [Воспоминания] С.229-244
Шкловский В. О законах кино. [Статья] С.245-252
Чуковский К. Портреты современных писателей: Алексей Толстой. [Статья] С.253-271
Эфрос А. Восстание зрителя. [Статья] С.272-279
Эйхенбаум Б. В ожидании литературы. [Статья] С.280-290
Тынянов Ю. Литературное сегодня. [Статья] С.291-306
Парнок С. Б. Пастернак и другие. [Статья] С.307-311
Пунин Н. Первая выставка "АХРР" в Ленинграде. [Статья] С.312-314
Мокульский С. Первые шаги истории театра. [Статья] С.315-318
Гудзий Н. Пыпина В.А. Любовь в жизни Чернышевского. Петроград. 1923. [Рецензия] С.315-320. Заглавие: Любовь Чернышевского

- Н. Л. Литературные портреты: Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе. Петроград. 1923. [Рецензия] С.321
- Лернер Н. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Петроград. 1924. [Рецензия] С.321
- Томашевский Б. Губер П. Дон-Жуанский список А.С. Пушкина. Петроград. 1923. [Рецензия] С.322-323
- Н. Л. Утевский Л.С. Смерть Тургенева. Петроград. 1923. [Рецензия] С.323
- И. А. Гончаров И.А. Необыкновенная история: (Неизданная рукопись). Петроград. 1924. [Рецензия] С.323-324
- Ю. Т. Райнов Т. Александр Афанасьевич Потемкин. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.324
- В. В. Альбала А. Искусство писателя. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.324-325
- Шкловский В. Миклашевский К. Гипертрофия искусства. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.325
- Б. К. Соловьев В. Письма. Петроград. 1923. [Рецензия] С.325-326
- Г. Б. Райнов Т. Духовный путь Тютчева. Петроград. 1923. [Рецензия] С.327
- Б. К. Овсянко-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Петроград. 1923. [Рецензия] С.327-328
- Кугель А.Р. (Homo Novus). Литературные воспоминания. (1882-1896). Петроград. 1922. [Рецензия] С.328
- Ю. Т. Дневник А.С. Суворина. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.328-330
- В. В. Gide A. Dostoevsky. Paris. 1923. [Рецензия] С.330-331
- Мокульский С.С. Марков П.А. Новейшие театральные течения (1898 - 1923). Москва. 1924. [Рецензия] С.331-332
- М. Гвоздев А.А. Из истории театра и драмы. Петроград. 1923. [Рецензия] С.332
- М. Арена: Альманах. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.332
- М. С. Радлов С. Статьи о театре (1918-1922). Петроград. 1923. [Рецензия] С.332-333
- Мокульский С.С. Теляковский В.А. Воспоминания (1898-1917). Ленинград. 1924. [Рецензия] С.333
- Радлов Н.Э. Русское искусство. 1923 N 1. [Рецензия] С.333-335
- Пунин Н.Н. Тарабукин Н. Опыт теории живописи. Москва. 1923. [Рецензия] С.335
- Пунин Н.Н. Дейблер Т., Глэз А. В борьбе за новое искусство. Петроград. 1923. [Рецензия] С.335-336
- Пунин Н.Н. Марцинский Г. Метод экспрессионизма в живописи. Петроград. 1923. [Рецензия] С.336
- Радлов Н. Митрохин Д.И. Русская графика. Москва, Ленинград. 1922. [Рецензия] С.336-337
- Браудо Е.М. История русской музыки в исследованиях и материалах. Москва. 1924. [Рецензия] С.337-338
- Браудо Е.М. Современная музыка. 1924. N 1-2. [Рецензия] С.338
- Шкловский В.Б. Коллонтай А. Любовь пчел трудовых. Москва, Петроград. 1924. [Рецензия] С.339-340
- И. А. Шагинян М. Приключения дамы из общества. Петроград. 1924. [Рецензия] С.340
- Б. Э. Гирели М. Трагедия конца. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.340
- В. В. Западные сборники. Выпуск 1. 1923. [Рецензия] С.340
- Самсонов Л. Маргерит В. Моника Лертье. Москва. 1924. [Рецензия] С.341
- Л. С. Маргерит В. Товарищ. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.341
- Бергстедт Г. Александерсен. Петроград, Москва. 1923. [Рецензия] С.341-342
- Бергстедт Г. Праздник Иоргена. Москва, Петроград. 1924. [Рецензия] С.341-342
- Н. Л. Уайльд О. В тюрьме и цепях. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.342. Заглавие: "Неизданный" О. Уайльд

[Замятин Е.И.]. Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева. [Рассказ] С.345-349
Книги, поступившие в редакцию. [Библиография] С.350-351

Русский современник. 1924 г. N 2

Содержание С.3-4

Пастернак Б.Л. Отплыть. [Стихотворение] С.7-8

Пастернак Б.Л. Петухи. [Стихотворение] С.9

Пастернак Б.Л. Осень. [Стихотворение] С.9

Пастернак Б.Л. Перелет. [Стихотворение] С.10

Толстой А.Н. Ибикус: (Повесть). [Повесть] С.11-48. Начало. Окончание: 1924. N 4

Есенин С.А. Любовь хулигана. [Стихотворение] С.49-50

Леонов Л.М. Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гоголеве Андреем Петровичем Ковякиным. [Повесть] С.51-81. Окончание. Начало: 1924. N 1

Асеев Н.Н. Бык. [Стихотворение] С.82-84

Пастернак Б.Л. Воздушные пути. [Рассказ] С.85-96

Мандельштам О.Э. 1-ое января 1924 г. [Стихотворение] С.97-99

Каверин В.А. Бочка. [Рассказ] С.100-126

Вейдле В.В. Старик, я тебя жалею, но когда же ты кончишь свои хрип....
[Стихотворение] С.127

Вейдле В.В. Мои сосед за столом сегодня, у тебя брюшко и плешь....
[Стихотворение] С.128

Федорченко С.З. Народ на войне. [Повесть] С.129-140

Парнок С.Я. Ни до кого, никому, никогда.... [Стихотворение] С.141

Парнок С.Я. Кто разлюбливает плоть, хладеет к воплощению.... [Стихотворение]
С.141

Парнок С.Я. Жизнь моя! Ломоть мои пресный.... [Стихотворение] С.142

В. Ж. Воспоминания о Распутине. [Воспоминания] С.143-166

Чехов А. П. Письма. [Письма] С.167-186

Балухатый С.Д. Чехов и драматическая цензура: (По неизданным материалам).
[Статья] С.187-191

Модзалевский Б.Л. Пушкин и Стерн: Неизданные строки. [Статья] С.192-193

Эфрос А.М. Рисунки Пушкина. [Статья] С.194-215

Ходасевич В.Ф. Амур и Гиленей. [Статья] С.216-228

Шкловский В.Б. Андрей Белый. [Статья] С.231-245

Смирнов А.А. Проблема современного театра. [Статья] С.246-257

Бенуа А.Н. О Выставке "Мира Искусств": (Род письма в редакцию). [Статья] С.258-
262

Замятин Е.И. О сегодняшнем и о современном. [Статья] С.263-272

А. Г. Дискуссии о современной литературе. [Статья] С.273-278

Браудо Е.М. Музыкальная Москва. [Статья] С.279-281

Рождественский В. Кузмин М. Новый Гуль. Петроград. 1924. [Рецензия] С.282

В. З. Садофьев И. Огни. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.282-283

Полетика Ю.П. Антология украинской поэзии в русских переводах. Киев. 1924.
[Рецензия] С.283-284

Груздев И.А. Пильняк Б. Английские рассказы. Москва. 1924. [Рецензия] С.284-285

Ю. Т. Сейфуллина Л. Инвалид; Александр Македонский; Четыре главы. Петроград,
Москва. 1924. [Рецензия] С.285-286

Н. К. Доллар Д. [Шагинян М.С.]. Месс Менд или Янки в Петрограде. Без места.
1924. [Рецензия] С.286-287

Замятин Е.И. Никитин Н. Сейчас на Западе. Петроград. 1924. [Рецензия] С.287-288

Рашковская А.Н. Ляшко Н. Искры. Москва. 1924. [Рецензия] С.288-289

- Г. Вершины: Альманах лит<ературной> группы "Твори!". Москва. 1924. [Рецензия] С.289
- Рашковская А.Н. Зилов Л. Ворона в трубе. Москва. 1924. [Рецензия] С.289
- Эйхенбаум Б.М. Литературные манифесты. I. Россия. От символизма до "Октября". Москва. 1924. [Рецензия] С.290
- Груздев И.А. Атений: Ист<орико>-лит<ературный> временник. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.290-292
- А. Г. Редько А.М. Литературно-художественные искания в конце XIX - начале XX вв. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.292
- Винокур Г. Эйхенбаум Б. Сквозь литературу. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.293-294
- Гроссман Л.П. Творческий путь Достоевского: Сборник статей. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.294-295
- Княжнин В. Островский: Новые материалы. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.295-296
- Казанский Б.В. Энгельгардт Б.М. Александр Николаевич Веселовский. Петроград. 1924. [Рецензия] С.296-297
- Томашевский Б.В. Жирмунский В. Байрон и Пушкин. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.297-299
- Княжнин В. Блок Г. Рождение поэта. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.299
- Гизетти А.А. Фатов Н.Н. Молодые годы Леонида Андреева. Москва. 1924. [Рецензия] С.299-300
- Гизетти А.А. Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: Исторический очерк и путеводитель. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.300-301
- А. Г. Пушкин: Очерк жизни и творчества. Ленинград, Москва. 1924. [Рецензия] С.301
- Эйхенбаум Б.М. Григорьев М.С. Введение в поэтику. Часть 1. Москва. 1924. [Рецензия] С.301-302
- В. В. Шпет Г. Эстетические фрагменты. Часть I-III. Петроград. 1922-1923. [Рецензия] С.302
- Вейдле В.В. Задачи и методы изучения искусств. Петроград. 1924. [Рецензия] С.303-304
- Пунин Н.Н. Искусство и промышленность. 1924. N 2. [Рецензия] С.304-305
- Казанский Б.В. Евреинов Н.Н. Азazel и Дионис. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.305-306
- [Замятин Е. И.]. Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева. [Рассказ] С.309-314
- Книги, поступившие в редакцию. [Библиография] С.315-317
- Русский современник. 1924 г. N 3
- Содержание С.3-4
- Тихонов Н.С. Ночь в гостях. [Стихотворение] С.7-8
- Толстой А.Н. Ибикус: Повесть. [Повесть] С.9-42. Продолжение. Начало: 1924. N 2. Окончание: 1924. N 4
- Цветаева М.И. Занавес. [Стихотворение] С.43
- Цветаева М.И. Сахара. [Стихотворение] С.44
- Горький М. Анекдот. [Рассказ] С.45-73
- Есенин С.А. Два стихотворения. [Стихотворение] С.74-75. Содержание: Этой грусти теперь не рассыпать...; Низкий дом с расписными ставнями...
- Пильняк Б.А. Ледоход: Рассказ. [Рассказ] С.76-99
- Пяст В.А. Август. [Стихотворение] С.100
- Чуковский Н.К. Хочешь туда, куда чинным не велен.... [Стихотворение] С.101
- Триоле Э. На Таити. [Повесть] С.102-142
- Блок А.А. Возмездие: (Из черновых набросков поэмы). [Стихотворение] С.143-145
- Блок А.А. Стихи о предметах первой необходимости (Приписываются В. Брюсову). [Стихотворение] С.145-146

- Блок А.А. Предисловие [к сборнику "Стихи о Прекрасной Даме"]; Письмо о театре; Начало лекции; Набросок статьи. [Статья] С.147-152
- Блок А.А. Дионис Гиперборейский. [Пьеса] С.152-157
- Блок А.А. Нелепый человек. [Пьеса] С.157-158
- Блок А.А. Укрощение строптивой. [Пьеса] С.158-163
- Блок А.А. Пьеса из жизни Иисуса. [Пьеса] С.164-165
- Блок А.А. Исторические картины / Предисловие и примечания П. Медведева. [Пьеса] С.165-167
- Блок А.А. Сцена из исторической картины "Всемирная Литература" / Предисловие К. Чуковского. [Пьеса] С.167-171
- Блок Г.П. Герои "Возмездия". [Статья] С.172-186
- Замятин Е.И. Воспоминания о Блоке. [Воспоминания] С.187-194
- Финк В.Г. Новый быт. [Статья] С.197-207
- Смирнов А.А. Новые идеи в шахматах. [Статья] С.208-215
- Авраамов А.М. Проблема Востока в музыкальной науке. [Статья] С.216-227
- Эйхенбаум Б.М. В поисках жанра. [Статья] С.228-231
- Шкловский В.Б. Современники и синхронисты. [Статья] С.232-237
- Грабарь И.Э. Искусство русской эмиграции. [Статья] С.238-247
- Гроссман Л.П. Одна из подруг Достоевского. [Статья] С.248-252
- В. Ш. Тарзан. [Статья] С.253-254
- Груздев И.А. Есенин. Москва кабацкая. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.255
- Авг. Р. Леонов Л. Конец мелкого человека. Москва. 1924. [Рецензия] С.255-256
- Рашковская А.Н. Эрэнбург И. Тринадцать трубок. Москва. 1924. [Рецензия] С.256
- Груздев И.А. Слонимский М. Удар. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.256-257
- Авг. Р. Шишков В. Краля. Москва. 1924. [Рецензия] С.257
- Рашковская А.Н. Никандров Н. Рынок любви. Москва. 1924. [Рецензия] С.257-258
- Полетика Ю.П. Семенов С. Голый человек. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.258
- Рашковская А.Н. Бахметьев В. На земле. Москва. 1924. [Рецензия] С.258-259
- Авг. Р. Неверов А. Серые дни. Москва. 1924. [Рецензия] С.259
- И. Гр. Семенов С. Копейки. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.259
- Груздев И.А. Наль А. Элегии и стансы. Петроград. 1924. [Рецензия] С.260
- Анибал Б. Шервинский С. Лирика. Москва. 1924. [Рецензия] С.260
- Эйхенбаум Б.М. Лесков Н.С. Амур в лапоточках. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.260-261
- Томашевский Б.В. Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. Книга 1. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.262-263
- Винокур Г.О. Очерки по поэтике Пушкина. Берлин. 1923. [Рецензия] С.263-264
- Т. 500 новых острот и каламбуров Пушкина / Собрал А. Крученых. Москва. 1924. [Рецензия] С.264-265
- Э. Пушкин А. Сочинения. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.265
- Томашевский Б.В. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.265-268
- Эйхенбаум Б.М. Гиппиус В. Гоголь. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.268-269
- Гудзий Н.К. Гроссман Л. Театр Тургенева. Петроград, 1924. [Рецензия] С.269-270
- Эфрос А.М. Сухотина-Толстая Т.Л. Друзья и гости Ясной Поляны. Москва. 1923; Толстой Л.Л. Правда о моем отце. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.270-271
- Гизетти А.А. Горнфельд А.Г. Боевые отклики на мирные темы. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.271-272
- Томашевский Б.В. Свиток. Выпуск III. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.272-274

- Груздев И.А. Писатели об искусстве и о себе: Сборник статей. Москва. 1924. [Рецензия] С.274-275
- Михайлов П. Исидор Клейнер. У истоков драматургии. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.275
- Чечулин Н.Д. Екатерина II в борьбе за престол. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.276
[Список рецензируемых изданий после указания страниц]. [Рецензия] С.276.
- Вольценбург О.Э. Общая теория искусства. Выпуск 1; Вольценбург О.Э. Библиография изобразительных искусств. Часть 1. Выпуск 2. Петроград. 1923; Вольценбург О.Э. Общая история искусства. Петроград. 1923; Вольценбург О.Э. Археология искусства. Петроград. 1923
- Пунин Н.Н. Тарабукин Н. От мольберта к машине. Москва. 1923. [Рецензия] С.276-277
- Михайлов П. Роллан Р. Махатма Ганди. Ленинград, Москва. 1924. [Рецензия] С.277
- Ф. В. Старый и новый быт: Сборник статей. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.277-279
- Смирнов А.А. Адес А., Иосиповичи А. Книга о Гоге-Дураке. Ленинград, Москва. 1924. [Рецензия] С.280
- Рождественский В. Синклер А.Э. Артур Стирлинг. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.280-281
- Рождественский В. Келлерман Б. Страна Хризантем. Петроград. 1924. [Рецензия] С.281
- Г. Б. Честертон Г. Жив человек. Петроград. 1924; Честертон Г. Клуб изобретательных людей. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.281-282
- Рашковская А.Н. Эмон Л. Мария Шапделен. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.282
- Авг. Р. Перуц Л. Прыжок в неизвестность. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.282-283
- Полетика Ю.П. Баррес М. Сад на берегу Оронта. Петроград. 1924. [Рецензия] С.283
- Полетика Ю.П. Андерсон Ш. Уайнсбург, Огайо. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.283
- Бюрне Э. Вдали от России. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.284
- Верфель Ф. Не убийца, а убитый виновен. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.284
- Гарнет Д. Женщина-лисица. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.284
- Психари Ж. Отшельник Тихого океана. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.284
- Бурже П., Увиль Ж.Д., Дювернуа А., Бенуа П. Роман четырех. Петроград. 1924. [Рецензия] С.284
- Бронников М.Д. Шатобриан А. Власть земли. Ленинград, Москва. 1924. [Рецензия] С.284-285
- Лернер Н.О. Готье Т. Избранные стихи. Петроград. 1923. [Рецензия] С.285
- Книги, поступившие в редакцию. [Библиография] С.286-287
- Русский современник. 1924 г. N 4
- Содержание С.3-4
- Антокольский П.Г. Запад. [Стихотворение] С.7-10. Содержание: Спят мертвые...; Ты помнишь, Европа...; Не бойся, что в ленте кино...; И столько свинцовым дождем залито...
- Толстой А.Н. Ибикус: (Повесть). [Повесть] С.11-38. Окончание. Начало: 1924. N 2
- Ходасевич В.Ф. An Magieschen. [Стихотворение] С.39-40
- Ходасевич В.Ф. Окна во двор. [Стихотворение] С.41-42
- Замятин Е.И. О блаженном старце Памве, о нарочитой премудрости его, о многих происшедших чудесных знамениях и о том, как исцелен был инок Еразм. [Рассказ] С.43-55
- Герасимов М.П. Березка. [Стихотворение] С.56-57
- Кириллов В.Т. Звездный рейс. [Стихотворение] С.58
- Федин К.А. Тишина: Рассказ. [Рассказ] С.59-73
- Хлебников В. Годы, люди и народы.... [Стихотворение] С.74
- Хлебников В. Воспоминания. [Стихотворение] С.74-75
- Хлебников В. Моих друзей летели сонмы.... [Стихотворение] С.75

- Хлебников В. Суэ. [Стихотворение] С.76
 Хлебников В. Есир: Рассказ. [Рассказ] С.77-90
 Адалис. Смерть. [Стихотворение] С.91-92
 Адалис. Поэт. [Стихотворение] С.92
 Лидин В.Г. Мыс Бык: Рассказ. [Рассказ] С.93-114
 Комиссарова М. Два стихотворения. [Стихотворение] С.115-116. Содержание: В разлуке имя губы берегут...; Скажи слепому спутнику земли...
 Добычин Л.И. Встречи с Лиз: Рассказ. [Рассказ] С.117-121
 Андреев Л.Н. Письма / Предисловие К. Чуковского. [Письма] С.122-164
 Горький М. О С.А. Толстой. [Воспоминания] С.167-177
 Чуковский К.И. Лепые нелепицы. [Статья] С.178-193
 Фролов Ю.П. Метод условных рефлексов. [Статья] С.194-208.
 Тынянов Ю.Н. Промежуток: (О поэзии). [Статья] С.209-221
 Винокур Г.О. Хлебников. [Статья] С.222-226
 Брюсов В.Я. Письма к П.П. Перцову. [Письма] С.227-235
 [Замятин Е.И., Чуковский К.И.]. Перегудам: От редакции "Русского современника". [Статья] С.236-240
 В. К-н. Эренбург И. Любовь Жанны Ней. Москва. 1924. [Рецензия] С.241-242
 Голубь Л.А. Тарасов-Родионов И. Линев. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.242
 Полетика Ю.П. Ропшин В. (Савинков Б.) Конь вороной. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.242-243
 Белинский Н. Слезкин Ю. Шахматный ход. Харьков. 1924. [Рецензия] С.243-244
 Полетика Ю.П. Гумилевский Л. Стальные дни. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.244-245
 Голубь Л. Андреев В. Канун. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.245
 Ю. П. Урманов К. Половодье. Ново-Николаевск. 1924. [Рецензия] С.245
 Б. Б. Козаков М. Попугаево счастье. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.245-246
 Голубь Л. Шагинян М. Перемена. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.246
 Рашковская А.Н. Литературно-художественный альманах для всех. Книга 1. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.246-248
 Ю. П. Стройка: Альманах. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.248
 Рождественский В. Серова М. Новгородские сказки. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.248
 Голубь Л. Гарт: Альманах. Харків. 1924. [Рецензия] С.249
 Полетика Ю.П. Доленго М. Объективна лирика. Харків. 1924; Осьмачка Т. Круча. Київ. 1922; Кулик І.Ю. Зелене сердце. Харків. 1923; Сосюра В. Місто. Харків. 1924; Шкурупій Г. Барабан. Харків. 1924. [Рецензия] С.250-251
 Голубь Л. Украинка Л. В катакомбах. Гомель. 1924. [Рецензия] С.251
 Чуковский К. Ильина И.В. Шоколад. Москва. 1923. [Рецензия] С.252
 Чуковский К. Лебедев Ф. Проказник Пупс. Москва. 1923. [Рецензия] С.252-253
 Чуковский К. Федорченко С. Присказки. Москва. 1924. [Рецензия] С.253-254
 Чуковский К. Самойлова Н. Левино воздушное путешествие. Ленинград. 1924; Самойлова Н. Приключения маленького летчика. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.254
 Чуковский К. Пожарова М. Солнечные зайчики. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.254-256
 Чуковский К. Подвижные игры с песнями в детском саду. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.256-257
 Эйхенбаум Б.М. Сабанеев Л. Музыка речи. Москва. 1923. [Рецензия] С.257-259
 Гинзбург Л.Я. Ермаков И. Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина. Москва. 1923; Ермаков И. Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя. Москва, Петроград. 1924. [Рецензия] С.259-261

- Шимкевич К.А. Эйхенбаум Б. Лермонтов. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.261-263
Гизетти А.А. Письма Леонида Андреева. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.263
И. З. Вермель С.С. В.Г. Короленко и евреи. Москва. 1924. [Рецензия] С.263
Г. К. Евреинов Н. Театр у животных. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.264
Г. К. Вознесенский А. Искусство экрана. Киев. 1924. [Рецензия] С.264-265
С. Г. Преображенский А.В. Культовая музыка в России. Петроград. 1924. [Рецензия] С.265
- Гинзбург С. Сабанеев Л.Л. История русской музыки. Москва. 1924. [Рецензия] С.265-266
- Б. Т. Вольтер. Орлеанская девственница. Москва, Ленинград. 1924. [Рецензия] С.266-267
- Выгодский Д. Аристофан. Богатство (Плутос). Ленинград. 1924. [Рецензия] С.267
Эйхенбаум Б.М. Древняя поэма о шахматной игре. Москва. 1924. [Рецензия] С.268
Рашковская А.Н. Уэллс Г. Мистер Полли. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.268
Ю. П. Лондон Д. Революция. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.269
Голубь Л. Льюис С. Главная улица. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.269
Ю. П. Дюамель Ж. Жизнь мучеников. Москва. 1924. [Рецензия] С.269-270
Полетика Ю.П. Дос Пассос Д. Три солдата. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.270
Л. Г. Бергстрем В. Дом пропащих. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.270-271
Рашковская А.Н. Бенуа П. Владетельница Ливанского замка. Москва. 1924. [Рецензия] С.271
- Рашковская А.Н. Моран П. Левис и Ирен. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.271
Голубь Л. Ринер А. Блаженные. Москва. 1924. [Рецензия] С.271-272
Ю. П. Д'Эм Ж. Красные боги. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.272
Л. Г. Имманн Ж. В охотничьем домике. Ленинград. 1924. [Рецензия] С.272
Рождественский В. Шадурн Л. Где рождаются циклоны. Ленинград, Москва. 1924. [Рецензия] С.272-273
- [Замятин Е. И.]. Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева. [Статья] С.277-280
Ходасевич В., Томашевский Б., Пильняк Б. Письма в редакцию. [Статья] С.281-283
Книги, поступившие в редакцию. [Библиография] С.284-285

Театр и искусство

Совершенно новым, до той поры неизвестным читателю массовым изданием стал журнал А.Р. Кугеля «ТЕАТР И ИСКУССТВО», вышедший в 1897 г. в Петербурге. Журнал очень быстро завоевал популярность и особенно в актерской среде.

А.Р. Кугель (1864–1928) был очень известен среди театральных критиков своего времени. По образованию юрист, он был фельетонистом по призванию. Под псевдонимом Ното Новис он сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», газете А.А. Суворина-сына «Русь» и других изданиях. «Признанный “певец актера”, он не оставил без внимания ни одного сколько-нибудь заметного дарования, интересного явления сцены. Несдержанный в похвалах и порицаниях, он разжигал шумные перепалки и серьезные полемики, множа ряды своих друзей и врагов»[3].

А.Р. Кугель занял особое место в русской театральной критике. Журнал, во главе которого он находился в течение 30 лет, стал главным делом его жизни. Кугель был не только издателем и редактором, но и автором, для собственных материалов он отвел специальный отдел «Угол», вел цикл «Театральные заметки». В журнале сотрудничали все достаточно известные театральные критики: художественный отдел возглавлял А.А. Ростиславов, музыкальный – И.М. Кнорозовский. Секретарями журнала были Ю.Д. Беляев – известный журналист, впоследствии драматург и О. Дымов – фельетонист, писатель, драматург.

В первые годы в «Театре и искусстве», как в любом еженедельнике существовал отдел беллетристики, где публиковались И. Потапенко, В. Дорошевич, О. Дымов, Д. Мамин-Сибиряк. Но с 1903 г. журнал от беллетристики отказался, литературный материал ушел в приложение «Библиотека журнала “Театр и искусство”», где печатались русские и переводные пьесы. В качестве приложения журнал ежегодно издавал пьесы текущего репертуара.

В большом отделе «Хроника» отражалась жизнь театральной провинции.

«Театр и искусство» называли печатным органом «русской артистической громады». Острые статьи, документальные материалы, письма поднимали вопросы не только социальные, но и профессиональные, и материально-бытовые, касавшиеся жизни актеров. Сложные отношения с антрепренерами, тяжелые условия быта провинциальных актеров – все эти «нетеатральные» проблемы находили отклик в журнале Кугеля. «Он захватил актерскую массу своим журналом, который подогревал гражданское и эстетическое самосознание людей театра. Актеры признали «Театр и искусство» и облекли доверием его вдохновителя. Кугель завоевал также и разночинного читателя, что никакому театральному изданию в России надолго не удавалось. Журнал был живым и содержательным. В нем освещалась театральная жизнь столиц и университетских городов и самой заштатной провинции»[4].

Самое главное в деятельности журнала – признание широкой актерской массы, завоевание разночинного читателя и освещение театральной жизни не только в столицах и крупных городах, но и в провинции. Современники отмечали и ненавязчивое просветительство, которым занимался журнал.

Давняя любовь Кугеля – русский актер, главная идея журнала – апология актера. Это и определяло лицо «Театра и искусства». В декларации, открывавшей журнал, говорилось, что его задачи – поддерживать «старые начала» в театре. Одним из этих «старых начал» была традиция относиться с вниманием к актеру, утверждение в качестве первостепенной ценности театра талантливой и самобытной актерской игры. Гений Мочалова, потрясавший еще Белинского, был эталоном актера для Кугеля. Душой

русского театра Кугель считал А.Н. Островского. Установка на самоценность актерской игры приводила издателя «Театра и искусства» к отрицанию режиссерского театра. По его мнению, режиссер – «редактор», поправляющий неточности в актерской игре. Но он отрицал «самовластье» режиссера, считая, что таким образом режиссер подавляет индивидуальность актера, подменяет ее своей. Кугель писал, что режиссеры больше любят работать с неталантливыми актерами, а талантливому режиссеру противопоказана. Отсюда то отрицательное отношение к Московскому Художественному театру, которое испортило «репутацию» критика в послеоктябрьский период, когда театр Станиславского и Немировича-Данченко признавался единственным и непререкаемым авторитетом. А.Р. Кугель возглавил лагерь противников этого театра, которых было не так мало. Статья В.Я. Брюсова «Ненужная правда», опубликованная в 4-м номере «Мира искусства» за 1902 г., получила широкую известность.

Отношение самого Кугеля к МХТ было достаточно сложным, он не отрицал полностью эстетических основ деятельности театра, его журнал публиковал целые циклы положительных статей о спектаклях, поставленных на этой сцене. Но Кугель не принял самого духа нового театра, с МХТ для него были связаны и диктат режиссера, и подавление личности актера, и режиссерские опыты В.Э. Мейерхольда, которого Кугель не признавал, и использование приемов модернистского театра, к которому критик, исповедовавший реализм в литературе и в театре, относился враждебно[5]. В.И. Немирович-Данченко подтвердил определенную правоту критика: «Не было у Московского Художественного театра большего врага, чем Кугель, – писал он, – когда этот театр делал свой упор не на талант актера, а на “вещественное оформление” или на идеологию с уклоном к меццанскому благополучию»[6]. То есть упреки критика шли на пользу МХТ.

Взгляды А.Р. Кугеля не отличались постоянством, менялись его приоритеты, например, от утверждения первичности литературы на сцене он пришел почти что к отрицанию драматургического материала. Но всегда сохранялась живая личностная манера писать свои статьи, иногда пристрастные и несправедливые, но окрашенные огромной любовью к театру.

В 1918 г. журнал был закрыт. В последние годы жизни Кугель писал воспоминания, книги о театре. В них он оставался таким же пристрастным и субъективным. Но если и не точны документально сообщаемые им факты, горячность тона, живость в передаче впечатлений участника описываемых событий подкупают современного читателя и иллюстрируют атмосферу тех лет в журналистике, литературе, театре.¹²²

Федор Сологуб. Эстетика мечты

В СПОРАХ О ТЕАТРЕ и вообще об искусстве очень неубедительно бывает, когда говорят о том, каким искусство вообще, и театральное в частности, будет или каким оно должно быть. Неубедительно всё это потому, что не так уж несомненны законы искусства; те правила, которые выведены из прежде бывших образцов искусства, вовсе не обязательны для будущего; психологические же основы искусства не настолько точно и исследованы, чтобы на них что-нибудь можно было прочно строить.

Гораздо убедительнее звучат речи о том, чего мы хотим от искусства, какой театр хотим иметь. В области искусств особенно несомненно, что отчетливо и сильно захотеть - значит смочь и суметь. Волевой характер человеческой деятельности ни в чём так отчетливо не сказывается, как в сфере искусства. Изю всех же областей

искусства наиболее запечатлено волевым характером творчество театральное. Это уже и потому, что нигде художнику не представляется так много препятствий, и нигде не предстоит такая необходимость в согласованном действии многих лиц, как в деятельности театральной. Больше, чем какое бы то ни было искусство, театр требует проявления и настойчивого напряжения воли, и нигде так не нужен властный характер, как в театре.

Этим волевым характером театра в большой степени заражается и пассивно воспринимающий, зритель. Зритель активнее читателя; он определённое отзывается на зрелище, чем читатель на читаемое, и настойчивее выражает свою волю и своё суждение, - осуждение или похвалу.

Мне кажется, что каждый, говорящий о театре, будет наиболее прав, если будет говорить о том, какого театра он хочет. Вот очень хороший театр, с очень сценичными пьесами, - но я, зритель, его не хочу, и для меня он погиб. Вот театр, которого вы, театральные деятели, властители сцены, не признаёте, и репертуар, который вам кажется несценичным, потому что он талантливо литературен, - но я, зритель, его хочу, и он должен быть. И если его нет, художественная жизнь страны терпит ущерб, потому что вместо театра, которого хочу я, зритель, вы даёте мне театр, которого хотят актёры; хотят потому, что он им удобен и даёт возможность показать свою хорошую игру.

Чего хочу я, зритель, приходящий в театр? Я вхожу в это огромное и прекрасное здание, ярко освещённое и наполненное нарядными и весёлыми людьми, вхожу за тем, чтобы высокое искусство театра очаровало меня. Я хочу, чтобы искусство театра отторгло меня от моей действительности и перенесло меня, восхищённого, к иным мирам. Я хочу восторга.

Но мне говорят:

- Вот ещё одна бытовая пьеса. Очень хорошая, - даже и сам автор её хвалит.

И я знаю, что, когда раздвинется занавес, я увижу всё то, что я уже не однажды видел в жизни, и даже, может быть, не первый раз вижу на этих подмостках. Я уже знаю, что всё написано верно, и поставлено точно так, как бывает в жизни, и актёры как будто не играют, а живут на сцене. Но к чему всё это мне? Правда, я могу любоваться тем, как все это сделано, но разве я пришёл в театр для того, чтобы любоваться? Я благодарен автору, режиссёру, актёрам, директору, бутафору, суфлёру, всем благодарен за доставленное удовольствие. Но, чтобы мне не очень было скучно, я стану приспособлять пьесу к своим повседневным заботам. Дама обратит внимание на туалеты, общественный деятель и читатель газет проследят заложенную в пьесе общественную или политическую тенденцию, светский человек заметит анекдотические сходства, педагог задумается над моралью пьесы, эстет восхитится декорациями и частностями актёрской игры - и никто из зрителей не испытает наваждений, свойственных деянию искусства.

Когда вы сидите в театре, поднимите иногда глаза наверх, туда, где над серединой занавеса висят старые, большие часы. Позолочённые тяжёлые стрелы иногда вдруг становятся лёгкими, как золотые стрелы Аполлона, и укажут вам час золотой мечты. Если вы умеете видеть гения мечты, вы встретите яркий блеск его глаз, увидите его слегка лукавую, слегка нежную улыбку; смотрите, вот он сидит на тяжёлой раме часов, и одежды его легки и белы, и тонкие ноги его скрещены, золотом загорелые, потому что милое тело его озарено вечным солнцем свободного искусства.

Нет? Вы не видите милого гения мечты? Что ж, ему, должно быть, не нравится ваш театр. Зато в антракте вы можете поговорить с театральным критиком: он расскажет вам идею пьесы, разберёт её достоинства и недостатки, оценит игру актёров, и даже скажет, провалилась пьеса или будет иметь успех. После звонка вы пойдёте на своё место, и досмотрите пьесу до конца. Смотрите внимательно, не отводите глаз от сцены: здесь нет ничего, кроме того, что сказано и показано, никаких чар, никакого волшебства.

Театральное волшебство начинается только тогда, когда вы смотрите и не смотрите, слушаете и не слушаете, - когда голоса актёров сливаются с голосом вашей мечты, когда над зрительной залой реют лёгкие крылья златокудрого гения грез, - когда в антракте вы спрашиваете театрального критика о здоровье жены и улыбаетесь, слушая, что у неё инфлюэнца, улыбаетесь тем голосам мечты, которые всё ещё звучат в вашей душе.

Истинное очарование искусства начинается только тогда, когда создание искусства на своё зримое для невнимательного восприятия тело способно навлечь вот это иное, астральное тело, это очарование мечты. Так со всяким искусством, - это не роман, над которым не замечаешься, это не песня, под звуки которой в душе не звучат иные голоса, - и так особенно с искусством театральным. Искусство наиболее волевое, искусство театральное особенно склонно навлекать на себя это, по-видимому, пассивное состояние души, погруженной в мечтательность. Только по-видимому пассивное, ничто так властно не двигает человека вперед, как мечта. И потому никакое другое искусство не бывает столь действенным, как высокое искусство театра, если оно обвеяно трепетным очарованием легкокрылой мечты.

В этом акте мечты воспринимающий зритель, читатель, становится творцом. Всё равно, от чего начинается его мечтательно-творческая деятельность, от впечатления жизни, от очарований искусства, - всегда создания его мечты получают своё отдельное бытие, подчиненное своим законам, составляющим самобытную эстетику мечты.

Люди были бы гораздо счастливее и богаче душой, если бы они знали, что мечтание есть также творческая деятельность, как и всякое другое искусство. Подчиненное законам, объемлющим все искусства, искусство мечтаний имеет и свои законы, ставящие его в исключительное, господствующее положение, то положение, при котором оно становится как бы мерилем всякого иного искусства. Искусство мечтаний ещё в большей степени, чем искусство драматическое, объединяет в себе все искусства, и каждому из них даёт живую прелесть.

Неоценённое преимущество мечты состоит в том, что здесь творящий и воспринимающий совмещаются в одном лице, и в том, что здесь творческий замысел находится в наибольшем соответствии со средствами исполнения. Как и во всяком искусстве, материала мечтания берётся из действительности, - но ни одно искусство не умеет так свободно, легко и действительно комбинировать элементы действительности. Потому создания мечты обладают наибольшей несомненностью и убедительностью, наивысшей художественной ценностью, и наибольшей очищающей силой. Даже и злая мечта низводит в душу человека такое утешение и просветление, которое едва доступно другим искусствам на самых их высоких ступенях.

Область эстетики мечтаний слишком обширна, чтобы о ней можно было говорить сколько-нибудь обстоятельно в пределах журнальной заметки. Скажу только, что образы мечты очень стойки в душе человека, очень настойчивы в своём стремлении воплотиться в жизни, и потому столь значительны, что заслуживают особого и пристального изучения. Заговорил же я об этой эстетике для того, чтобы сказать, что театр, не обвеянный мечтой, и не рождающий в душе зрителя мечтаний, не театр, а только обезьяна театра.¹²³

Осип Дымов. Богоискатель

Появился он в нашем городе случайно и застрял надолго. Кажется, по маршруту он направлялся в Киев, но на вокзале нашего скромного городка его высадили как безбилетного. К этому случаю он относился с философским равнодушием:

— Каждый человек может быть безбилетным. Но, разумеется, надо уважать господина кондуктора.

Потом, когда он с вокзала явился в город и начал устраиваться надолго, ему было предложено “уважать” господина пристава, господина городского и даже госпожу квартирную хозяйку. Последнее обстоятельство его окончательно поставило в тупик. Бедный Либович уныло бродил по городу, и если встречал меня, то говорил, ухватив за пуговицу:

— Госпожа квартирная хозяйка требует с меня три рубля за два месяца, и я поступил с нею по-студенчески.

— То есть?

— Я не заплатил ни гроша. Нет, денег я у вас не возьму, — останавливал он меня, видя, что я тянусь к кошельку.

Бродить по городу у нас нелегко: город такой маленький, что в течение дня его можно обойти несколько раз. Поэтому выходило, что Либович не “бродил”, а как бы гулял по двум-трем улицам взад и вперед. Он всем надоел своим видом и своим рассказом про госпожу квартирную хозяйку. Его стали избегать, вследствие чего в эти дни на улицах было меньше оживления и два совершенно точно условленные свидания были отменены. Вскоре, однако, разнесся слух, что Либович получил место резчика по металлу, и обычное течение нашей провинциальной жизни восстановилось.

Либович брался за любую работу: был резчиком, починял велосипеды, готовил фейерверки, служил в литографии, в меняльной конторе и даже преподавал кому-то “немецкое чистописание”. Что это была за наука — я до сих пор не знаю, но осведомлен, что она очень скудно оплачивается — даже летом, когда жизнь вообще кажется красочнее и ярче.

Мы, молодежь, помогали ему, как могли, но скорее в шутку, полудурачась: за его обычным тоном балагура мы не могли или не хотели расслышать криков голода и жестокой, гордой нужды. Гордость у него была особенная, та, что рядится в бумажное белье, носит сапоги без подметок, и если примет помощь, то не на виду, а где-нибудь в закоулке, в сумерках, на заднем дворе.

Немецкое чистописание, видимо, не примирило его с хозяйкой, потому что однажды на вопрос о том, где он живет, Иосиф Либович отвечал:

— Я космополит и не стою за территориальность.

Время от времени он заходил ко мне, и мы беседовали.

— Я поэт, — говорил Либович, — но из всей природы я больше всего люблю сад с беседкой. Хорошая беседка, где не дует и где есть широкая скамейка — это природа. Я много беседок знаю, но лучше всех та, что у Болковских.

Болковские считались чопорными богатыми людьми, и я удивился, каким образом учитель немецкого чистописания познакомился с их беседкой.

— Это очень хитрые люди, — многозначительно подняв палец, объяснил он, — на прошлой неделе они забыли в своей беседке кусок хлеба и масло; третьего дня забыли яйца и бутылку пива, а вчера — пиджак и пару брюк.

— Откуда вы знаете это? — недоумевал я.

— А как же? Я ночую в этой беседке. Сюртук совсем хорош, а брюки, извините, рваные.

Он, улыбаясь, смотрел на меня, и я понял “забывчивость” Болковских.

— Они, конечно, не знают, что вы там ночуете? — спросил я.

— Конечно, нет, — очень серьезно ответил он, — иначе не стали бы забывать.

Несколько дней я не видел его. Встретил случайно под вечер за городом у строящегося дома. Он внимательно осматривал его.

— Либович, вы собираетесь быть первым жильцом в этом доме? — сказал я ему.
— Вы угадали, — несколько уныло ответил он.
— А Болковские? Их беседка? Бутылка пива и яйца? Он махнул рукой и уставился в землю.

— Они забывают забыть, — сказал он совершенно серьезно, — я теперь помощник землемера. Вы знаете, что такое “остролямбия”? Ага! Спокойной ночи.

Прошло лето — милое лето... Оно покровительствует всем бездомным, странникам и бродягам, которых высаживают на первой попавшейся железнодорожной станции только за то, что у них нет в кармане маленького продолговатого кусочка картона; оно смягчает сердца чванливых и спесивых богачей и заставляет их “забывать” в собственном саду неоткупоренную бутылку пива и износившиеся брюки; бедняков же оно делает землемерами и дает им в руки “остролямбию” — очевидно, вместо астролябии... Оно шутник, это длинное, милое, душное провинциальное лето, давно исчезнувшее вместе с моими беззаботными днями.

Но осень сурова и крайне несправедлива. Как пристрастный судья, она решает дело не в пользу бедняка. Она отбирает у него иглу резчика по металлу, перо учителя немецкого чистописания и, что обиднее всего, “остролямбию”, которая так долго заменяла астролябию. Она дует бедняку в спину и в рукава, она студит все беседки, достраивает дома и сдает квартиры сытым. О осень!..

В дождливый день, который был так пасмурен и уныл, что не веришь ничему светлому, я встретил Иосифа Либовича. Он шагал прямо по лужам — ведь только те, у кого есть резиновые галоши, их обходят, — и прятал за пазухой летнего сюртука какую-то книжку.

— Это все тот же пиджак? — спросил я.

— Да, они его забыли. Угадайте, что у меня за книга?

— Тригонометрия.

Он свистнул.

— Нет. Ни за что не угадаете. — Он поднял палец, который показался мне как бы менее отошавшим, и прибавил несколько тише: — Катехизис.

— Что? — изумился я.

— Я перехожу в православие. Чему удивляетесь? Почему сие важно, в-третьих? Штука в том, что еврейский Бог с большой седой бородой меня уже не удовлетворяет. Я, конечно, его уважаю, но он мне не ретивит сердца.

— Что сердца?

— Не ретивит. Разве не говорят так? Все равно. Почему сие важно, в-четвертых? Я перехожу в православие, и отец Павел велел вызубрить катехизис. Вот! — он хлопнул по книге. — Я хожу к нему, и мы занимаемся. Очень хороший старик, но только...

Либович замялся и не объяснил, что, собственно, он имеет против отца Павла. Дождливая, злая, несправедливая осень продолжалась. Изредка выпадал легкий робкий снег и тонул в грязи. О солнце все давным-давно забыли и не верили, что оно вообще существует.

— Как ваш катехизис? — насмешливо окликнул я однажды Либовича.

— Какой? — спросил он, подавая руку.

Я немного удивился его виду: на нем было приличное рыжее пальто, настоящее ватное пальто с бархатным воротником; впалые щеки, поросшие щетиной, как бы округлились; серые добродушные неглупые глаза смотрели спокойнее.

— Как какой? Православный.

Он долго чесал нос указательным пальцем левой руки и наконец проговорил:

— Я разочаровался в православии. Отец Павел, конечно, очень хороший человек, но слишком торопил события. Разве я могу принять новую веру без того, чтобы окончательно в нее не повериться. Что? Не говорят — повериться? Он хотел окрестить

меня в конце октября. Это слишком малый срок для религиозного чистилища. Что? Нет? Мюллер со мной вполне согласился.

— Какой Мюллер?

— Пастор Мюллер. Прекрасный человек, только немного глухой.

— Какое же отношение вы имеете к Мюллеру?

— Это мне нравится! — ответил Иосиф Либович, напуская беззаботный тон, — ведь я перехожу в лютеранство.

Крайне удивленный, я взглянул на него. Глаза Либовича с горькой насмешливостью смотрели на меня — или, может быть, так только показалось. Долгую минуту мы стояли друг против друга и молчали.

— Ну, вот, — сказал с той же беззаботностью Либович, — я, конечно, в этом профит, но лютеранская религия больше отвечает моей душе.

— Профит? — подивился я, но тотчас же сообразил: профан.

— Пастор Мюллер просил меня обедать у него. Он человек одинокий, и для него это ничего не составляет. Таким образом, мы очень много беседуем о религии.

— Вот как! — сказал я, начиная что-то постигать.

Либович сделал вид, что не слышал моего восклицания; он продолжал:

— Лютеранство отвергает иконы и не признает многих обрядов. Спрашивается: почему нет? Если имею Бога в душе, то...

— А отец Павел не приглашал вас обедать?

Он заморгал маленькими обветренными глазами и преувеличенно-удивленно произнес:

— При чем здесь обедать?

— Но все-таки, — настаивал я.

— Отец Павел?... Конечно, он тоже... Но у него семья.

— Значит, вы у него редко обедали?

— Большая семья. У него жена, четыре дочери и два сына. Но стакан чаю он всегда предлагал, и к чаю тоже что-нибудь. Но я не поверился, потому что необходимо время...

— Да, да, понимаю. Вы уже говорили. А пальто откуда?

Либович оглянулся, как будто я указывал на пальто, которое сзади него висит в воздухе.

— Ваше, ваше пальто?

— Вы материалист, — ответил он, ничуть не сердясь. — Как будто речь идет о пальто! Одним словом, я рассуждаю так: если я имею Бога в душе, то обряды...

— Это пастор Мюллер дал вам пальто? — перебил я.

— С вами просто невозможно разговаривать на религиозные темы, — с некоторой досадой ответил он, — может быть, пастор Мюллер, может быть, нет. Что такое? Это же вполне естественно, что он принимает, так сказать, участие.

Либович ушел. С этих пор он избегал меня. Часто я издали видел его скромную фигуру в рыжем ватном пальто с пасторского плеча. Он спешил незаметно юркнуть мимо и, если было возможно, — перейти на другую сторону. Он давно уже забросил все свои удивительные профессии и, видимо, чувствовал себя недурно на этом свете. По крайней мере, он явственно пополнел, носил свежее белье и бывал чисто выбрит. Зима, — а она в этом году была суровая, — давалась ему легко... Для бедного человека зима, что болезнь: один переносит ее легко, другой трудно. А иной совсем не переносит — мир его праху, о неведомый бедняк!

Рыжее пасторское пальто уже изнашивалось; показалось холодное солнце над милым, заброшенным и сплетничающим городком нашим, падали с крыш сосульки, как бы срезанные теплом. Либович подошел ко мне.

— Скоро опять весна, — проговорил он, — солнце-таки не забыло и вернулось, как перелетная птица.

— Как ваши дела, Либович?

— Мои дела? Мои дела такие, что я уже думаю о беседке.
— О какой беседке, — спросил я.
— Беседка в саду Болковских. Но еще рано. В ней еще можно замерзнуть.
— А ваш пастор?
— Почему мой? В том-то и дело, что он уже не мой. Мюллер мне прямо сказал: или во вторник креститься, или больше не приходить.

— Я ему сказал: почему во вторник? Почему не пятница? В пятницу был распят Иисус Христос. Он сказал: хорошо, пусть пятница. Ну... а сегодня воскресенье.

— Что же?

— Я очень голоден с четверга.

— То есть с пятницы, — поправил я.

— Нет, именно с четверга, — возразил он и поднял палец. — Ведь в пятницу уже нельзя было прийти!

Со смешанным чувством веселости, жалости и щемящей любви смотрел я на его красный худой палец, стынущий в холодном воздухе. Он казался мне таким же одиноким, как и сам Иосиф Либович, не дошедший до истин лютеранства и потому оставшийся без обеда.

— Как же теперь? — проговорил я. — Разве вам не нравится католичество?

Он вздохнул:

— Нельзя. Отец Вильгельм уже слышал про меня. Он сказал Мюллеру: “Зачем вы держите этого дармоеда?”

— Если католичество не нравится...

— Почему? Вы думаете, я против обрядов? Я уже не против обрядов и не против икон. Но только не в этом городе. Здесь уже невозможно быть религиозным человеком. Я уеду в N.

— Как же вы уедете. А деньги?

— А как я приехал? — вполне логично возразил он, — надо только уважать господина кондуктора. — Что же делать? — откровенно усмехнувшись, продолжал Либович и развел рукавом. — Пастор тоже прав. Не может же он меня кормить обедами до второго пришествия, которое непременно будет. Я ему говорю: еще не поверился; он отвечает: потом поверишься. Но потом он скажет: “Ступай работай. Господь наш Иисус Христос тебе поможет”. — “А если работы нет?” — “Ну, если ее нет...” Так как же?

Либович понизил голос:

— Я вам говорю, что без Бога жить невозможно. Но который настоящий — вот вопрос!

И он поднял свой палец, который был голоден с самого четверга.

Коммунист

теоретический и политический журнал ЦК КПСС. Создан решением Оргбюро ЦК РКП (б) от 19 ноября 1923. № 1 вышел 5 апреля 1924. До ноября 1952 назывался «Большевик». «К.» пропагандирует и творчески развивает марксистско-ленинское учение, борется за претворение в жизнь генеральной линии партии, за построение в СССР коммунистического общества; разрабатывая ленинское теоретическое наследие, способствует раскрытию его интернационального характера, всё возрастающего влияния на мировой революционный процесс. За годы издания в «К.» напечатано свыше 100 малоизвестных или не публиковавшихся ранее работ, писем, документов В. И. Ленина, а также много неизвестных и впервые переведенных на русский язык произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Журнал систематически печатает важнейшие документы КПСС и международного коммунистического движения.

«К.» широко освещает вопросы марксистско-ленинской философии, политической экономики, конкретной экономики промышленности и сельского хозяйства, теории и

практики партийного строительства. Ведет теоретическую разработку проблем международного коммунистического и рабочего движения, разоблачает реакционную буржуазную идеологию, «левый» и «правый» оппортунизм, ревизионизм и догматизм. Авторы журнала — руководящие деятели КПСС и братских партий, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники, ученые и производственники, деятели культуры и искусства, писатели, журналисты. Наряду со статьями «К.» печатает критико-библиографические обзоры и рецензии, материалы научных обсуждений, письма читателей.

«К.» рассчитан на партийный, советский и хозяйственный актив, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, на широкие круги советской интеллигенции. Периодичность — 18 номеров в год. Тираж (1973) свыше 900 тыс. экземпляров.

ЦК Коммунистических партий союзных республик издают ежемесячные журналы: «Коммунист», журнал ЦК КП Литвы, издается на литовском языке с 1918 и на русском языке с 1946; «Коммунист», журнал ЦК КП Киргизии, издается на киргизском языке с 1926 и на русском языке с 1957; «Коммунист Азербайджана», журнал ЦК КП Азербайджана, издается на азербайджанском языке с 1939; «Коммунист Белоруссии», журнал ЦК КП Белоруссии, издается на белорусском языке с 1927 и на русском языке с 1949; «Коммунист Грузии», журнал ЦК КП Грузии, издается на грузинском языке с 1930; «Коммунист Казахстана», журнал ЦК КП Казахстана, издается на казахском языке с 1921; «Коммунист Молдавии», журнал ЦК КП Молдавии, издается на молдавском и русском языках с 1956; «Коммунист Советской Латвии», журнал ЦК КП Латвии, издается на латышском и русском языках с 1945; «Коммунист Таджикистана», журнал ЦК КП Таджикистана, издается на таджикском языке с 1936; «Коммунист Туркменистана», журнал ЦК КП Туркменистана, издается на туркменском языке с 1925 и на русском языке с 1953; «Коммунист Узбекистана», журнал ЦК КП Узбекистана, издается на узбекском языке с 1925 и на русском языке с 1960; «Коммунист Украины», журнал ЦК КП Украины, издается на украинском языке с 1925 и на русском языке с 1950; «Коммунист Эстонии», журнал ЦК КП Эстонии, издается с 1945 на эстонском языке и с 1951 на русском языке; журнал ЦК КП Армении называется «По ленинскому пути», издается на армянском языке с 1923.¹²⁴ Всегда украшал рабочие столы крупных начальников.

В. Корионов. Социальные контрасты

Великий Ленин, характеризуя попытки империалистов удушить первое в мире социалистическое государство, писал в одной из своих последних работ «Лучше меньше, да лучше»: «Они не свергли нового строя, созданного революцией, но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития» (Полн. собр. соч., т. 45, стр. 402).

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде ленинской партии отмечал, что «мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это - общество бескризисной, постоянно растущей

экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это - общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это - общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив. Перед ним открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса».

Между этими двумя высказанными положениями прошло 53 года. Но какие победы всемирно-исторического значения достигнуты за этот срок, с какой убедительностью подтвердилось ленинское предвидение о гигантской силе социализма!

Досоциалистическим формациям были присущи низкие темпы общественного развития. Тогда, по выражению В. И. Ленина, «историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью» (Полн. собр. соч., т. 36, стр. 81). Громадное преимущество социализма состоит в том, что он впервые вовлек в самостоятельное историческое творчество гигантские массы трудящихся. Наступило такое ускорение общественного развития, о котором раньше можно было только мечтать.

Миллионы освободившихся от оков капитализма людей стали сознательными творцами новой жизни. На арену истории вышел новый человек, видящий свою задачу в созидании самой передовой - коммунистической - цивилизации, идущей на смену старому миру.

«Прихвостни и прихлебатели буржуазии, - писал Ленин в статье «Как организовать соревнование?», - рисовали социализм как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холопы эксплуататоров, - господа буржуазные интеллигенты «пугали» социализмом народ, именно при капитализме осужденный на каторгу и казарму безмерного, нудного труда, полуголодной жизни, тяжелой нищеты» (Полн. собр. соч., т. 35, стр. 196). В действительности же только в условиях социализма появилась величайшая в истории человечества «смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе...» (там же, стр. 197).

Достигнутые социализмом успехи убедительно доказали, что народ, избавленный от гнета эксплуатации, способен построить общество, не знающее нищеты, безработицы, бесправия людей труда, общество, всем членам которого обеспечен качественно иной, чем при капитализме, образ жизни.

Передав все средства производства народу, социализм заложил надежную материальную основу для того, чтобы по мере совершенствования нового строя все больше развивалась демократия, чтобы все члены общества имели реальные, гарантированные права и свободы в повседневной жизни.

В условиях капитализма об этом не может быть и речи. Там человек социально незащищен. У него нет уверенности в завтрашнем дне. Над ним денно и нощно висит дамоклов меч безработицы. Десятки миллионов людей остаются лишенными самого элементарного права - права на труд. Напомним: только по официальной статистике их число составляет в наши дни 4-5 процентов экономически активного населения стран Западной Европы и до 8 процентов в США. Но дело не сводится лишь к потере заработка. Когда человек не может найти работу, это калечит его морально. На безысходную нужду и отчаяние обрекается не только он, но и его семья. Трагизм положения усугубляется экономическим кризисом, поразившим в последние годы все основные страны капитала.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ФАКТЫ

Исследователь экономической жизни США Ф. Ландберг так, например, трактует эту проблему применительно к тем американцам, которые пока еще не числятся среди наиболее бедствующих: «...Человек, не владеющий достаточно значительной, приносящей доход собственностью, не получающий достаточно большой трудовой доход, чтобы регулярно делать крупные сбережения, или не имеющий высокооплачиваемой и постоянной работы, - человек бедный. Он может быть здоров, красив и вызывать восхищение своих друзей, но он беден. Согласно этому критерию, по крайней мере 70

процентов американцев, безусловно, бедны, хотя отнюдь не все они лишены средств к существованию или пребывают в полной нищете... Даже многие из тех, кто никогда не терял работу, часто обнаруживают, столкнувшись с необходимостью длительного лечения или аналогичными тяжелыми обстоятельствами, что они столь же беспомощны, как и бродячие попрошайки». Не надо обладать большим воображением, чтобы представить себе участь тех миллионов и миллионов людей, которые находятся на «дне» буржуазного общества.

Социализм создает все условия для того, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей, чтобы человек полностью избавился от социальных болезней и пережитков капиталистического прошлого. Атмосфера, в которой живет человек социализма, - это атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченности и братской дружбы. Рабочий, крестьянин, интеллигент в новом мире знает: он никогда не останется один на один с бедой, ему обязательно придут на помощь общество, коллектив, товарищи. И это вдохновляет на самоотверженный труд во имя процветания такого общества.

Коренные перемены в жизни людей в социалистическом обществе стали возможными прежде всего потому, что в условиях социализма производительные силы двигаются вперед поистине богатырскими шагами.

Возьмем пример Советского Союза. К началу десятой пятилетки выпуск промышленной продукции превысил довоенный уровень в 17 раз. Иными словами, за годы послевоенных пятилеток на советской земле как бы было создано еще шестнадцать таких промышленных держав, какой была наша страна в 1940 году. К началу 1976 года советский народ производил в стоимостном исчислении промышленной продукции больше, чем вырабатывалось ее на всем земном шаре накануне второй мировой войны. Такова сила социалистической экономики.

Говоря об этом, нельзя не вспомнить, что принятие первой советской пятилетки совпало с тем периодом, когда на капиталистическом Западе разразилась «великая катастрофа» 1929-1933 годов. С тех пор слова «пятилетка» и «кризис» как бы вмещают в себя суть двух противоположных общественных систем. И сегодня, когда в СССР стартовала десятая пятилетка, капиталистические страны все еще бьются в тисках очередного, самого глубокого и продолжительного с тридцатых годов кризиса.

Социализм уверенно наступает на пятки капитализму в экономическом соревновании двух систем, идет вперед темпами, недостижимыми для старого мира. В девятой пятилетке производство промышленной продукции в СССР увеличивалось в среднем на 7,4 процента в год, а в США и странах «Общего рынка» - лишь на 1,2. Эта тенденция стабильна. Достаточно сказать, что в 1950-1975 годах среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в СССР и других странах социалистического содружества были более чем в 2 раза выше, чем в развитых капиталистических странах (соответственно 9,6 и 4,6 процента).

Еще до девятой пятилетки наша страна производила больше, чем любая другая, чугуна, железной, марганцевой и хромовой руды, угля и кокса, цемента, калийных солей и фосфатного сырья, тракторов, тепловозов и электровозов, хлопка, льна и некоторых иных видов продукции, а в истекшем пятилетии - также стали, нефти, минеральных удобрений. Новые величественные перспективы открыл перед нашей страной XXV съезд КПСС, утвердивший Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976-1980 годы.

Реальные доходы на душу населения в СССР удваиваются примерно каждые 15 лет. Это значит, что на протяжении человеческой жизни социалистическое общество несколько раз переходило к качественно новому уровню потребления. В 1976-1990 годах Советская страна будет располагать примерно вдвое большими материальными и финансовыми ресурсами, чем в истекшем пятилетии.

Или возьмем пример социалистической Чехословакии.

ЧССР занимает неполную десятую часть процента земной суши, что ставит ее по размерам территории на 93-е место в мире. По числу жителей она находится на 38-м месте (0,4 процента населения мира). На базе социализма чехословацкие трудящиеся небывало ускорили индустриальное развитие своей родины. Ее доля в мировом промышленном производстве достигла 1,9, в добыче угля - 2,7, в выплавке стали - 2,1 и в машиностроении - 2 процента.

Столь же внушительные цифры, раскрывающие огромные успехи нового мира, приводились на недавних съездах братских партий стран социалистического содружества. Эти цифры наглядно подтверждают, что социализм намного сокращает путь, который проделали в своем развитии страны капитала, являет собой неоспоримые преимущества перед старым миром.

КРИТЕРИИ ОЦЕНОК

200 лет своего существования отметили в 1976 году Соединенные Штаты Америки. Буржуазная пропаганда не пожалела ни сил, ни средств для того, чтобы представить эту страну в качестве некоей «витрины» капиталистической системы. В действительности же американская «витрина» - лишь олицетворение строя, лишённого будущего.

Выступая в связи с юбилеем перед студентами Туланского университета в Новом Орлеане, тогдашний президент Дж. Форд говорил: «...Мы подошли к торжествам по случаю 200-летия существования Соединенных Штатов, не достигнув человеческого совершенства...». Ясность в этот вопрос внесло президентское послание конгрессу «О положении страны», зачитанное 19 января 1976 года. Вот некоторые выдержки из него: «Лишь очень немногие в нашем обществе могут нести на себе бремя катастрофической болезни»; «Слишком многие из наших программ социального вспомоществования не отличаются достаточной справедливостью и делают возможными злоупотребления»; «...Я предусматриваю строительство четырех новых федеральных мест заключения»...

Не случайно американский публицист Эммет Джон Хьюз, служивший в свое время помощником президента, начал свою книгу «Америка не непобедима» словами: «Мы как народ стоим сейчас перед судом истории. Перед нами снова возникла необходимость правдивым словом и обильными делами дать ответ на вопрос, сможет ли наша страна, являясь такой, какова она есть сейчас, с ее устройством, образом жизни и устремлениями, выдержать любые испытания. Никогда еще с тех незабываемых трагических дней, когда американцы пролили столько своей крови в братоубийственной войне (имеется в виду Гражданская война в США в 1861-1865 годах. -В.К.), проблема самого существования Америки как государства и как носителя определенной идеологии не вызывала таких сомнений». Эти признания - своеобразный итог пути, пройденного за 200 лет страной, символизирующей капиталистический мир.

Вполне был прав Генеральный секретарь Коммунистической партии США товарищ Г. Холл, когда он сказал в своей речи на XXV съезде КПСС: «Все большее понимание массами - а это неотъемлемая черта повседневной действительности - коренной противоположности путей, по которым идут две мировые социально-экономические системы, стало важным фактором политической и идеологической борьбы. Достижения общества развитого социализма во все большей степени рассматриваются массами как мерило, по которому судят о социальном прогрессе или его отсутствии. Именно этим сдвигом в сознании масс объясняется новый взрыв истерии, новая волна низкопробной клеветы на социализм, распространяемой буржуазной пропагандой».

Действительно, по мере развертывания исторического состязания двух общественных систем в сознании миллионов людей в капиталистическом мире возникают новые критерии, с помощью которых они сравнивают эти системы. Конечно, уровень материального достатка при такой оценке по-прежнему играет очень важную роль, но диапазон измерения теперь значительно шире. Он включает весь спектр человеческих ценностей.

Не при капитализме, а только в условиях социализма возможно осуществление самой широкой социальной программы, целью которой является наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей всех членов общества.

Вот некоторые данные. Из года в год растут реальные доходы советских людей. Повышение зарплаты в девятой пятилетке коснулось более 75 миллионов человек. Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, составили в 1975 году 90 миллиардов рублей, что означает рост в расчете на душу населения с 263 рублей в 1970 году до 354. Если в 1975 году заработная плата составила у рабочих и служащих 146 рублей в месяц, то к концу нынешнего пятилетия она увеличится до 170 рублей. В соответствии с недавним постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС в среднем на 18 процентов повышается минимальная зарплата рабочих и служащих с одновременным увеличением ставок и окладов среднеоплачиваемых категорий работников, занятых в непроемких отраслях, - всего 31 миллион человек.

Важный источник повышения уровня жизни советских трудящихся - неуклонно осуществляемый ЦК КПСС и правительством курс на сохранение стабильности цен на основные продовольственные и промышленные товары повседневного спроса. В нашей стране строится больше жилья, чем во Франции, Италии, ФРГ, Великобритании и других странах «Общего рынка», вместе взятых. Квартирная плата в СССР - самая низкая в мире, к тому же она не менялась с 1923 года, хотя оплата труда рабочих и служащих за это время увеличилась в несколько раз, а техническая оснащенность жилья намного возросла. Доля расходов трудящихся на налоги остается неизменной на протяжении многих лет.

Крупнейшее завоевание социализма - бесплатное медицинское обслуживание. В СССР сейчас на каждые десять тысяч жителей приходится свыше 30 врачей. Все граждане пожинают благотворные плоды подлинной культурной революции. Забыта неграмотность, обеспечено полное среднее образование всей молодежи. Ни одно буржуазное государство не может сравниться с нами по масштабам высшего образования. О нашем научном потенциале сам за себя говорит тот факт, что четвертая часть научных работников мира находится в СССР. Наша страна занимает одно из первых мест и по таким показателям, как количество выпускаемых газет, покупаемых и читаемых книг, посещений кино, театров и т. д.

А как обстоит дело с этими сторонами жизни в мире капитала?

В основных капиталистических странах налицо явная тенденция к снижению реальной заработной платы трудящихся. Совокупный реальный доход населения США, Японии, ФРГ, Англии, Франции, Италии, Канады за 1974-1975 годы уменьшился в среднем на 1,3 процента, а у отдельных категорий трудящихся он убавился еще заметнее.

Не в последнюю очередь это связано с ростом налогов. В США, например, индивидуальный подоходный налог только за предыдущие три десятилетия подскочил почти в девяносто раз - до 90 миллиардов долларов. Сегодня, по данным коммунистической печати, более половины зарплаты американских рабочих изымается в виде налогов. Около 30 миллионов человек пребывает в нищете. Общая сумма личного, корпоративного и правительственного долга США уже в начале 70-х годов превышала триллион долларов. Да и трудно ожидать другого, когда колоссальные средства тратятся на гонку вооружений.

У трудящихся капиталистических стран есть еще один беспощадный враг - неудержимо взвинчиваемые цены. В 1963 - 1972 годах это «съело» в Англии 70 процентов прироста номинальной заработной платы, 68 - во Франции, 67 - в Италии, 60 - в США. За 1971-1975 годы жизнь в этих странах подорожала в среднем на 56,3 процента.

Одним из последствий экономического кризиса стал глубокий спад в жилищном строительстве, хотя потребность в нем исключительно велика. В ФРГ оно по сравнению с 1973 годом сократилось на четверть, а в США еще больше - на треть. В то же время плата

за жилье в основных капиталистических странах поднялась за два года на 33 процента. Органы пропаганды США уверяют, что чуть ли не все американцы живут в комфорте. Но они умалчивают о том, что в этой самой богатой стране капиталистического мира имеется более 4 миллионов жилищ без водопровода, 1 миллион - без отопления. Трудобойи множатся. Даже в правительственных кругах считают, что восемь из каждых десяти семей в США испытывают большие трудности с жильем из-за его дороговизны.

Аналогичная картина наблюдается и во Франции. В парижском районе, где проживает около 9 миллионов человек, 64 процента домов не имеет ни ванны, ни душа, а 43 процента - и канализации. Даже в домах, построенных в последнее время, лишь менее половины квартир имеет газ. Из-за недоступной платы пустует 275 тысяч квартир, а 250 тысяч семей остается без должной крыши над головой.

МРАК И СВЕТ

Еще хуже обстоит дело с охраной здоровья. В США, например, из-за колоссального роста стоимости медицинского обслуживания среди населения стало привычным выражение «дешевле умереть, чем заболеть».

Миллионы делаются жертвами образа жизни, порожденного империализмом. Стремясь забыться, уйти от действительности «общества всеобщего благоденствия», люди все чаще прибегают к наркомании. Если в 1950 году в США насчитывалось 55 тысяч наркоманов, а в начале 70-х годов - уже 560 тысяч, то сейчас их еще больше. По данным американской печати, в стране по крайней мере 10 миллионов человек страдает алкоголизмом, резко увеличилось число психических больных - счет теперь идет на миллионы.

«Бедность, болезни, несправедливость, праздность, невежество, человеческое убожество и преступность, - признает бывший министр юстиции США Р. Кларк, - идут рука об руку. Такова правда. Мы всегда ее знали. Мы культивируем преступность, порождаем, питаем ее».

Капитализм растлевает, уродует людей. Американский социолог и психолог Э. Фромм не без основания называет главным признаком образа жизни «общества потребления» пустоту, деградацию человеческой личности. Эту характеристику дополняет известный политический деятель У. Фулбрайт. «В атмосфере любого крупного города, - пишет он, - почти физически ощутимо нечто недоброе, господствующее надо всем настроение недоброжелательности и раздражительности, чувство изоляции в толпе, чувство одиночества при невозможности в то же время побыть одному. Больше всего отдельный человек испытывает чувство потери контроля над вещами, своей поработченности вещами, окружающими его, чувство того, что его нужды не удовлетворяются, а его природная суть разрушается».

Эти черты американской действительности дополняются расизмом, человеконенавистничеством. Известно, что граждане африканского происхождения составляют лишь около 11 процентов всего населения США, но как раз они-то и подвергаются больше других различным репрессиям. В тюрьмах больших городов из каждой сотни заключенных - 70-80 черных. «Не потому, что мы преступнее, чем другие, - писал покойный ныне доктор Уильям Дюбуа, - а потому, что мы беднее, и поэтому нас чаще арестовывают».

Капитализм вышел на политическую арену с лозунгом демократии. Однако буржуазная демократия не есть некий «дар» буржуазии народу. Как справедливо отмечается в новой программе Коммунистической партии США, хотя «каждый правящий класс, вынужденный пойти на проведение реформ, пытается представить их как символ собственного великодушия и благоразумия», в действительности демократия в буржуазном государстве есть результат борьбы народных масс. «...Реформы, - указывается в программе, - это продукты народной борьбы и нажима, но никогда не следствие капиталистического великодушия».

Буржуазная демократия была и остается урезанной, ограниченной. Она и не может быть иной, поскольку направлена на утверждение власти магнатов капитала и удержание народных масс в подчиненном, бесправном положении. Это настолько очевидно, что даже такой далекий от коммунизма публицист, как редактор парижского ежемесячника «Монд дипломатик» Клод Жюльен, в своей книге «Самоубийство демократий» приходит к выводу: «Смешно говорить о демократии, когда деньги открывают двери к власти, которая, в свою очередь, дает шанс делать еще большие деньги».

Подлинная демократия неотделима от социализма, творящего высшие формы человеческого общежития. Буржуазия и ее идеологические прислужники веками внедряли в сознание людей мысль о том, что недоверие и вражда между народами - явление извечное и неискоренимое. Практика социализма опровергла эти утверждения. В СССР построено многонациональное социалистическое государство, покоящееся на принципах равноправия и дружбы народов. Его прочности может позавидовать любое буржуазное государство. И если на смену конфронтации пришла разрядка напряженности, то опять-таки человечество обязано этим социализму, неустанно добивающемуся демократизации всей системы международных отношений.

Естественно, что к социализму тянется все лучшее, что есть в несоциалистической части мира. Как указывалось в Политической декларации конференции коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы, состоявшейся в январе 1974 года в Брюсселе, социализм все больше выступает как объективное требование прогресса во всех областях жизни во имя развития народов, во имя будущности мира. «Именно в этом направлении движется история человечества с тех пор, как Октябрьская революция 1917 года уничтожила абсолютную власть империализма и основала под руководством Ленина и партии большевиков первое в мире социалистическое государство, которое сегодня успешно создает материально-техническую базу коммунизма. Исторический опыт свидетельствует, что только социализм способен дать радикальный ответ на основные вопросы, которые стоят перед народными массами капиталистических стран».

Коммунистические партии стран Латинской Америки и Карибского бассейна на совещании в Гаване в июне 1975 года также подчеркнули: «Социализм - это единственная система, способная гарантировать подлинное развитие Латинской Америки ускоренными темпами, в котором нуждаются наши страны. Куба показала братским народам, что в нашу эпоху можно предпринять строительство социализма на американском континенте, и она добилась поразительных успехов. Социализм - это наша цель, от которой мы не можем отказаться».

«Все более широким слоям общественности, - отметили участники Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы (1976 год), - становится очевидной историческая необходимость смены капиталистического общества социалистическим обществом, создаваемым в соответствии с волей каждого народа».

В том же духе высказываются прогрессивные деятели других континентов. «Самое существование социалистических стран, наличие обширной и свободной зоны человечества и составляет стратегический тыл борьбы народов и угнетенных классов, - заявляет председатель Фронта освобождения Мозамбика, президент НРМ Самора М. Машел. - В этом и заключается основной аспект поддержки социалистических стран. Социалистические страны составляют главную преграду империализму и в международном плане являются решающим фактором, который содействует победе революционной борьбы, победе борьбы рабочих и крестьян в странах, все еще находящихся под угнетением».

В условиях, когда социализм все больше завоевывает умы и сердца людей, империалистическая реакция усиливает свои идеологические диверсии против стран нового мира, против коммунистических партий, против народов, избирающих путь социалистической ориентации.

Любой ценой опорочить реальный социализм в глазах миллионов, ограничить социальные последствия разрядки международной напряженности, отвлечь внимание людей труда от их бедственного положения в буржуазных странах - такие цели ставят перед собой апологеты капитализма. В унисон с ними действуют и разного рода оппортунисты, делающие за врагов социализма самую грязную работу.

Но, как говорил товарищ Фидель Кастро на XXV съезде КПСС, солнце не заслонить ладонью. Социализм уже сегодня оказывает огромное воздействие на мысли и чувства сотен миллионов людей на Земле. Он обеспечивает людям труда свободу, подлинно демократические права, благосостояние, широчайший доступ к знаниям, прочную уверенность в будущем. Он несет мир, уважение суверенитета всех стран и равноправное межгосударственное сотрудничество, служит опорой народам, ведущим борьбу за свою свободу и независимость. А завтрашний день, несомненно, даст новые свидетельства безграничных возможностей социализма, его исторического превосходства над капитализмом.

Вместе с другими братскими партиями КПСС и впредь будет делать все, чтобы пример победившего социализма сиял все ярче и ярче.¹²⁵

А. Е. Бовин Творческое развитие марксизма в СССР и журнал «Коммунист»

«Коммунист» - журнал особый и особенный. «Теоретический и политический орган ЦК КПСС». Главный среди партийных, а значит, и всех остальных журналов. Как и всякий журнал, он даёт читателям некую сумму информации. Но информации особой. Ставятся и обсуждаются проблемы, которые, с точки зрения ЦК и руководства журнала, являются решающими, узловыми, требующими повышенного внимания партийного актива. Причём даётся правильная, единственно возможная интерпретация этой проблемы. Сверхзадача журнала - борьба с ревизионизмом, обеспечение «чистоты» марксизма-ленинизма, решительное пресечение самостоятельных попыток «углубить», «обновить», «модернизировать» марксистско-ленинское учение. «Коммунист» выступал как своего рода камертон для настройки всех идеологических инструментов в Советском Союзе. А учитывая традиции Коминтерна, и во всем международном коммунистическом движении. Существенное уточнение. Необходимость творческого развития марксизма, разумеется, признавалась и приветствовалась. Но только в строго установленном порядке: сверху вниз. Предполагалось, что творческий потенциал прямо пропорционален должностному положению. Соответственно, верховным творцом выступал Генеральный секретарь, за ним шли члены Политбюро и секретари ЦК КПСС. На более низких этажах партийной иерархии, в научных учреждениях полагалось ограничиваться творческими комментариями к руководящим цитатам. XX съезд КПСС поколебал было сложившуюся систему банно-прачечного отношения к марксизму-ленинизму, делающую упор на соблюдение его «чистоты». Пользуясь растерянностью партийных верхов, заговорили «низы». Особенно громко - в братских партиях и странах.¹²⁶

Блокнот агитатора

массовый журнал Главного политического управления Советской Армии и ВМФ, издаётся в помощь армейским и флотским агитаторам. Выходит с августа 1942 два раза в месяц.

125

Журнал "Коммунист" № 1'1977

126

Бовин А.Е., XX век как жизнь. Воспоминания, М., «Захаров», 2003 г., с. 84.

В годы Великой Отечественной войны «Б. а.» издавался на русском, азербайджанском, армянском, грузинском, казахском, узбекском, татарском языках. Публиковал материалы о подвигах советских людей на фронте и в тылу. Основные задачи «Б. а.»: разъяснение политики КПСС и Советского правительства по вопросам строительства Вооруженных Сил, пропаганда революционных, боевых и трудовых традиций советского народа и его Вооруженных Сил, разъяснение требований военной присяги и уставов, обобщение опыта армейских и флотских агитаторов.

Незабываемая страница истории (к 55-летию разгрома Колчака)

15 нынешнем году исполняется 55 лет со времени разгрома колчаковщины и освобождения Сибири от белогвардейцев.

К осени 1919 года гражданская война охватила три четверти территории Советской Республики. Белогвардейские полчища Деникина подходили к Орлу, нависла опасность над Москвой, столицей первого в мире социалистического государства. Одновременно Антанта готовила захват Петрограда.

На востоке страны советские войска освободили Урал и вышли на просторы Западной Сибири. После месячных напряженных боев с превосходящими силами противника в междуречье Тобола и Ишима они вынуждены были отойти на рубеж реки Тобола. К середине октября положение на фронте стабилизировалось.

Колчак продолжал удерживать громадную территорию Сибири и Дальнего Востока с населением свыше 10 миллионов человек. Интервенты и белогвардейцы расхищали богатства края: лес, уголь, хлеб, золото, пушнину, продовольствие...

В то же время Советская страна испытывала острую нужду в продовольствии, населению не хватало товаров первой необходимости. Красной Армии недоставало обмундирования, обуви, патронов, снарядов, многие части не имели нужного количества стрелкового и пулеметного оружия. Оставалась нерешенной проблема с людьми, главным образом военными специалистами.

В период боев в Зауралье командование фронта и армий при активном содействии местных партийных и советских органов провело мобилизацию в прифронтной полосе. Она прошла успешно. В короткий срок 3-я и 5-я Армии получили свыше 44 тысяч пополнений, преимущественно уральцев и сибиряков. Центр страны выделил войскам фронта 8 тысяч винтовок, 100 тысяч пар обуви и 10 тысяч комплектов обмундирования. Политические органы армии проводили большую агитационно-разъяснительную работу среди красноармейцев и гражданского населения на освобожденной территории. Моральное состояние личного состава наших частей было высоким. Они горели желанием скорее покончить с Колчаком и освободить Сибирь от интервентов и белогвардейцев.

Готовились к наступлению и колчаковцы. Происходило своего рода состязание: кто успеет быстрее пополнить поредевшие ряды и первым перейти в наступление, тот и захватит стратегическую инициативу. Советское командование вышло победителем, упредив противника в подготовке войск к наступлению.

Па 14 октября 1919 года части Красной Армии имели 59 тысяч штыков и 7,5 тысячи сабель, 195 орудий, 1153 пулемета, 3 бронепоезда и 19 аэропланов против (51 тысячи штыков и сабель противника. В 3-й и 5-й советских армиях имелось подготовленного пополнения 12 тысяч, у Колчака не более 5 тысяч резерва. К тому же моральное состояние белогвардейцев оставалось крайне низким.

Летом и осенью 1919 года в тылу Колчака всюду полыхало народное восстание. От Семипалатинска до Тобольска оперировали многочисленные отряды красных партизан. На стыке Тарского, Тобольского и Кыштовского уездов партизанские отряды были объединены в армию. Общая численность партизан в этом районе достигала 10 тысяч человек. На всю Сибирь гремела слава о партизанских вожаках Е. М. Мамонтове,

А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкине, Н. А. Ка-ландарашвили, П. И. Журавлеве, омичах А. И. Избышеве, С. В. Абрамове, М. И. Дьякове, Макарове, Коркине, И. И. и В. О. Кабанцевых и других.

Большую роль в развертывании партизанского движения сыграли решения 3-й Сибирской областной подпольной конференции РКП(б), проходившей 20 — 21 марта 1919 года. Партийная конференция поставила перед коммунистами задачу всесторонней поддержки «стихийно начинающихся восстаний крестьянских, рабочих и солдатских масс и введения этих восстаний в организованное русло, с целью возможно большего расширения базы восстания и восстановления в районах Советской власти».

В августе 1919 г. в соответствии с решениями ЦК партии Сиббюро ЦК РКП(б) и командование Восточного фронта установили непосредственную связь с сибирскими партизанами. Так, например, большевики А. И. Чижев и А. А. Карлов возобновили связь с подпольными организациями и оказывали помощь в формировании партизанских отрядов, а Карлов задержался в Тюкалинском уезде и помог местным восставшим крестьянам создать партизанский отряд.

24 октября 1919 г. в речи перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, В. И. Ленин отмечал, что в тылу Колчака «...несомненный развал, а население воюет против него поголовно».

Тыл Колчака трещал по всем швам. Белогвардейскому командованию все время приходилось воевать на два фронта: против наступающих советских войск и отражать удары красных партизан в тылу. Так, для проведения карательных операций против таежных партизан Среднего Прииртышья командующий Омским военным округом генерал Матковский направил около двух тысяч войск с пулеметами и артиллерией, которые ранее предназначались к отправке на передовую. Целые дивизии белогвардейских и интервенционистских войск были скованы боевыми действиями партизан Алтая, Енисейской губернии и других районов.

Советские войска Восточного фронта заканчивали последние приготовления к решающему сра-женито. На рассвете 14 октября 1919 года 5-я Армия под командованием М. Н. Тухачевского начала форсирование реки Тобол. Ожесточенные бои развернулись на фронте свыше 200 километров. С той и другой стороны участвовали артиллерия, бронепоезда, аэропланы и стрелковое оружие.

Спустя пять дней (19 — 20 октября), начала боевые действия 3-я Армия, которой командовал начальник штаба М. И. Алафузо, в последующем крупный советский военачальник. Фронт наступления ее превышал 240 километров. Бои не утихали ни днем, ни ночью. К исходу 16 октября 5-я и 26-я дивизии продвинулись далеко вперед и вышли на оперативный простор. Командарм М. П. Тухачевский вводит в сражение 13-ю кавалерийскую дивизию с целью выйти в тылы противника. Однако конница не сумела быстро преодолеть сопротивление врага и понесла большие потери.

В полосе железной дороги Петропавловск — Омск и Ялуторовск — Ишим — Омск враг продолжал упорно обороняться. С наступлением холодов он стремился удержать населенные пункты. Некоторые села переходили из рук в руки по нескольку раз. «Целую неделю продолжалось жестокое сражение по всему фронту, — писал белогвардейский генерал Сахаров. — Красные лезли в промежутки, шли степями без дорог, выходили в тыл».

22 октября 1919 г. полки 51-й дивизии под командованием В. К. Блюхера освободили город Тобольск.

Напуганный размахом наступления советских войск и отходом белогвардейцев по всему фронту, генерал Дитерихс 24 октября отдал приказ: «принять срочные и энергичные меры по очищению Омского и Куломзинского железнодорожных узлов». Спустя несколько дней, он отдает новую директиву об отводе в район Новониколаевска (Новосибирска) штаба 1-й армии, 13-й Сибирской дивизии и Красноуфимской бригады для доукомплектования и организации обороны на новом рубеже. Опасаясь уничтожения

войск по частям, белое командование суживает фронт и концентрирует войска в полосе железной дороги. Это обстоятельство позволило советским войскам создать сильные ударные группировки на узком фронте и безостановочно преследовать отступающего врага.

27 октября командарм Тухачевский в приказе констатирует: «Под мощным ударом Красной Армии Колчак отброшен к Петропавловску... Красная Армия, победно двигаясь вперед, вносит в ряды противника революционные искры, и силы Колчака рассыпаются. Даже казачество, наиболее удачно спровоцированное буржуазией, поддалось разложению. Ежедневно к нам сотнями бегут от Колчака казаки, и здесь, на Советской земле, встречают братский прием». Через двое суток полки 35-й стрелковой дивизии под командованием К. А. Неймана форсировали реку Ишим и завязали бой за Петропавловск. К исходу 30 октября город был очищен от колчаковцев.

В начале ноября 1919 года войска 3-й и 5-й Армий вступили на омскую землю. Перед 27-й стрелковой дивизией была поставлена задача — не позднее 8 ноября овладеть станцией Исилькуль и не допустить организации обороны противника на этом рубеже. На Исилькуль наступали полки 3-й бригады 27-й дивизии. Руководство операцией осуществлял Р. И. Сокк, человек исключительной храбрости и мужества. Совершив искусный маневр, полки бригады внезапно атаковали противника во фланг. После непродолжительного боя станция Исилькуль была взята.

«Наступательный порыв частей был исключительно высок. Они с ходу отбивали станцию за станцией, деревню за деревней, захватывая пленных, вооружение и боеприпасы», — писал военком 27-й дивизии А. П. Кучкин.

Чтобы обеспечить высокие темпы продвижения войск, М. Н. Тухачевский принимает ряд мер по преодолению водных преград. 9 ноября он шлет директиву: «Ввиду ожидаемой оттепели, видимо, придется форсировать Иртыш до его замерзания. Поэтому начдивам теперь же следует позаботиться о заготовке материалов для наводки плавучего моста не менее 250 сажень и, собрав подводы, вести их за собой».

Спустя трое суток, он дает приказ начальнику 27-й дивизии Й. Ф. Блажевичу «организовать смелый налет бронепоездов, пехоты и кавалерии на железнодорожный мост через реку Иртыш и овладеть им невредимым». Предусмотрительность командарма указывала на его полководческую зрелость. Он глубоко вникал и вдумчиво анализировал каждый бой воинских частей, своевременно нацеливал командиров на более оперативное управление войсками в сложной обстановке.

Одновременно с севера и северо-запада к Омску мощной лавиной наступали полки 51-й и 30-й дивизий. 8 ноября 454-й полк 51-й дивизии вступил в Усть-Ишим, а 16 ноября 455-й Особый и 456-й Рыбинский полки освободили город Тару.

Большую помощь Красной Армии оказывали партизаны. Имея небольшое количество винтовок, берданок и пик, они смело вступили в бой с карательным отрядом численностью около 600 человек при 12 пулеметах и двух орудиях. В ожесточенной схватке каратели понесли большие потери, а их предводитель полковник Франк с остатками головорезов с большим трудом вырвался из окружения.

Объединенные силы партизанских отрядов

С. В. Абрамова (после смерти А. И. Избышева) и Макарова 2 ноября «разбили передовые части отступавшей с фронта Боткинской белой дивизии и 17 ноября 1919 г. соединились в городе Таре с частями Красной Армии и вместе с ними ушли на восток добивать Колчака», — вспоминал С. В. Абрамов.

Одновременно 151-я и 153-я бригады 51-й дивизии в ожесточенном бою у села Абатское Тюменской области разгромили 3-й Добровольческий колчаковский полк и, преследуя его остатки, в течение первой половины ноября освободили Кру-тинку, Тюкалинск, Бекишево, Баженово и ряд других сел и городов.

Успешно продвигались вдоль железной дороги полки 30-й дивизии. В канун второй годовщины Октябрьской революции 262-й Красноуфимский полк в тесном

взаимодействии со 2-м кавалерийским дивизионом К. К. Рокоссовского овладел станцией Мангут. На следующий день кавалеристы совершили марш, скрытно вышли к населенному пункту Караульное и внезапной атакой разгромили штаб колчаковской дивизии. В этом бою Константин Константинович Рокоссовский впервые за все время пребывания в составе Красной Армии был ранен.

Не задерживаясь на ликвидации мелких групп противника, главные силы 30-й дивизии продолжали стремительное наступление. Они освободили Михайловку, Сырьевку, Ереминский, Большую Сафонику, а 12 ноября — город Называевск.

В этот же день 3-я бригада 27-й дивизии овладела станцией Марьяновка, захватив 400 человек пленных, несколько орудий, пулеметов и другую технику. К исходу того же дня командир 1-й бригады Г. Д. Хаханьян доносил, что бригада овладела станцией Драгунская, захватив 500 пленных, штабные канцелярии двух полков, обозы и 6 пулеметов.

Преследуя отступающие части противника, 13 ноября 3-я бригада 27-й дивизии захватила бронепоезд, взяла в плен два батальона пехоты, 8 пулеметов и много другой техники.

Начдив И. Ф. Блажевич приказал срочно выдвинуть в боевую линию 2-ю бригаду во главе с В. И. Рословым. Для более быстрого продвижения бригады собрали крестьянские подводы. Военком бригады В. О. Корницкий вспоминал: «Подвод было немного, поэтому пока одни бойцы ехали на них, другие шли форсированным маршем. Смена производилась через каждый час». За сутки в сильную снежную пургу полки преодолевали более 100 километров.

Медленно наступал рассвет осеннего дня, которому суждено было стать знаменательной датой в истории города Омска и всей области. Разведка, а затем подразделения 27-й дивизии первыми вышли к Иртышу. Река оказалась скованной льдом. Находясь в голове своих полков, командиры В. И. Шрайер (240-й Тверской) и Ф. В. Зубов (238-й Брянский) на легких санках с пулеметами выскочили вперед. За ними, разворачиваясь в цепь, устремились 300 — 400 бойцов. С ходу они ворвались в Омск. В это же время на железнодорожную станцию устремились подразделения 242-го Волжского полка во главе с С. С. Вострецовым. Пути были забиты пассажирскими поездами и товарными эшелонами. Все они готовились к отходу на восток с убегающей буржуазией, армейскими чиновниками и солдатами.

«Мы приступили к обезоруживанию солдат и офицеров, — рассказывал Вострецов. — На станции Омск находилось в эшелонах около 10 тысяч войск Колчака. Задача обезоруживания их облегчилась для нас тем, что солдаты колебались, часть их открыто симпатизировала Красной Армии».

Омские коммунисты-подпольщики Иссиодор Михайлович Скрыбинский (Костя), П. И. Марченко и другие возглавили вооруженные выступления рабочих дружин против колчаковцев в северной части города и на железнодорожной станции. Боевые дружины помогали красноармейцам разоружать солдат противника и указывали дорогу красноармейским подразделениям.

Северную часть города очищали полки 30-й дивизии, Атаманский хутор (Ленинский район) освобождала 35-я дивизия. В районе Ачаир — Усть-Заостровка форсировали Иртыш части 26-й дивизии.

Находясь на станции Марьяновка, М. П. Тухачевский получил долгожданное извещение от начальника 27-й дивизии: «Омск взят!»

Это радостное сообщение летело в штаб фронта в Москву, Ленину. Эта весть быстрее птицы полетела по всей планете. Омская операция, завершившаяся освобождением Омска, имела историческое значение. «Армия Колчака разгромлена, — отмечал в приказе командарм М. Н. Тухачевский. — Жалкие ее остатки бегут в Томском направлении. Омск пал за 4 дня до годовщины объявления Колчака «Верховным правителем». Победа Советской Армии в Омской операции была отмечена

Постановлением Совета обороны от 10 декабря 1919 года, подписанным В. И. Лениным: «Третья и Пятая армии быстрым натиском на Восток завершили Омскую операцию взятием г. Омска и других населенных пунктов»...

В Омской операции проявили блестящие способности командарм М. Н. Тухачевский, начальники дивизий — В. К. Блюхер, Е. Н. Сергеев, И. Ф. Блажевич, К. А. Нейман, Г. Х. Эйхе, командиры бригад И. К. Грязнов, Я. П. Гайлит, В. И. Рослов, командиры полков С. С. Вострецов, В. И. Чуйков, командир кавалерийского дивизиона К. К. Рокоссовский, армейский инженер Д. М. Карбышев и другие. За проявленную отвагу и высокий героизм в Омской операции многие командиры и красноармейцы были удостоены высшей правительственной награды Республики — ордена Красного Знамени: К. К. Рокоссовский, В. И. Чуйков, И. Ф. Блажевич, В. И. Рослов и т. д. Особо отличившаяся в боях за город Омск 27-я стрелковая дивизия была удостоена ВЦИК Почетным Революционным Красным Знаменем, а Реввоенсовет Республики присвоил ей наименование «Омской».

30 ноября в Омске состоялось захоронение жертв белогвардейского террора. Тысячи омичей рыдали над трупами братьев, сестер, отцов и матерей, замученных в колчаковских застенках. На митинге выступили Е. В. Полудов, В. М. Косарев, А. П. Кучкин, несколько красноармейцев. Все они дали клятву: завершить разгром Колчака, изгнать интервентов с территории нашей Родины и бдительно охранять социалистические завоевания.

В 1974 году сибиряки вместе со всем советским народом отмечают 55-летие разгрома армий Колчака и освобождения Сибири от белогвардейцев и интервентов. Сибирские части и соединения внесли достойный вклад в достижение победы над врагами в годы гражданской войны.

Боевые традиции своих дедов, отцов и старших братьев свято чтят и приумножают те, кто пришел на смену им под боевые знамена полков, кораблей, овеванных пороховым дымом. Воспитанные родной Коммунистической партией, воины-сибиряки отдают все свои силы и знания, охраняя рубежи нашей любимой Родины.¹²⁷

И. МОЛОКОВ, кандидат исторических наук

Опыт массово-политической работы. Политическая учеба и рост активности коммунистов

Большой и разносторонний опыт политической работы с людьми имеет старший инженер станции Омск-пассажирская Г. В. Ильина.

Свою пропагандистскую работу она начала в комсомольском политкружке, еще учась в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта. Затем — лектор общества «Знание», а после окончания вечернего университета марксизма-ленинизма в 1964 году — пропагандист системы партийного образования.

Сейчас Г. В. Ильина руководит школой основ марксизма-ленинизма, в которой в истекшем году занималось 15 коммунистов. Дело свое она любит, у слушателей пользуется заслуженным авторитетом. Под ее руководством они изучили историю партии, политическую экономию, диалектический и исторический материализм, основы экономических знаний, основы коммунистической морали.

Большое внимание Галина Валерьяновна уделяет тщательной подготовке к каждому занятию, справедливо считая, что основное условие успешной работы пропагандиста — отличное знание материала.

— Только глубокое знание материала, — говорит она, — дает возможность излагать его свободно, убежденно, вызывать у слушателей интерес к марксистско-ленинской

теории. Необходим также тесный контакт с аудиторией, без него занятия будут формальными и потеряют всякий смысл.

Не менее важным условием, обеспечивающим успех работы, она считает необходимость хорошо знать своих слушателей. И она знает их не только как производителей, но и характер каждого, наклонности, интересы. Вместе с ними участвует в различных тематических вечерах, встречах со знатными людьми. Это позволяет учитывать возможности каждого слушателя при определении практического задания и свою, необходимую именно для этой аудитории, методику занятий.

Основным методом овладения знаниями в этой школе считается самостоятельная работа с политической литературой, а метод проведения занятий — собеседование. Все слушатели неплохо овладели навыками самостоятельной работы с книгой, научились умело конспектировать произведения классиков марксизма-ленинизма.

Большое внимание Галина Валерьяновна уделяет повышению воздействия политической учебы на рост сознательности и активности коммунистов. Она стремится научить своих слушателей полученные знания применять на практике. В этих целях широко использует метод практических заданий. Так, например, при изучении темы «Нормирование труда на предприятии» был проведен хронометраж работы уборщиков вокзала. Это дало возможность разработать нормирование заданий работникам этой профессии. Проведено также фотографирование рабочего дня таксировщиков группы учета и отчетности. Материалы его легли в основу составления сетевого планирования управления.

Итоговое занятие было посвящено вопросу перевода вокзала на хозрасчет. К этому занятию слушатели составили калькуляцию и определили расчетные цены новых показателей работы. Для этого им потребовалось определить динамику роста всех показателей за прошедшие пять лет и сделать анализ эксплуатационных расходов вокзала по элементам затрат с выделением расходов багажного отделения. Эта работа слушателей имеет большую практическую ценность и в настоящее время положена в основу перевода вокзала на хозрасчет.

При изучении основ коммунистической морали, готовясь к собеседованию по теме «Коммунистическое отношение к труду». Забота о сохранении и укреплении общественной собственности — принципы коммунистической морали», слушатели по заданию пропагандиста проверили, как выполняется Постановление ЦК КПСС «О работе партийных организаций Тульской области по воспитанию социалистической дисциплины труда в коллективах промышленных предприятий истроек» на станции Омск-пассажирская. Было проанализировано состояние трудовой дисциплины и политической учебы, проведены социологические исследования по вопросам: чем ценен для Вас труд? В чем, по Вашему мнению, заключен его нравственный смысл?

При обсуждении выполненных практических заданий и исследований были внесены конкретные предложения по улучшению воспитательной, культурно-массовой работы, политической учебы тружеников. На этом занятии присутствовали зам. секретаря первичной партийной организации и член местного комитета с тем, чтобы учесть предложения слушателей при планировании работы партийной и профсоюзной организаций.

По инициативе слушателей школы был подготовлен и проведен вечер передачи трудовой эстафеты по основным профессиям.

При изучении материалов Всемирного конгресса миролюбивых сил слушатели подготовили выступления по всем странам, делегации которых принимали участие в работе Конгресса. После занятий по этой теме слушатели выступили с беседами в своих подразделениях.

Таким образом, практические задания, которые выполняют слушатели, способствуют повышению их производственной и общественно-политической активности. Вот несколько примеров, подтверждающих это. Коммунист Ф. А. Колокольникова начала заниматься в школе 10 лет назад. После окончания техникума работала старшим приемосдатчиком багажа. Сейчас она — заместитель начальника вокзала. В 1973 году рекомендована на учебу в вечерний университет марксизма-ленинизма, весной нынешнего года отлично сдала экзамены за 1 курс. Ее контрольная работа по основам хозрасчета социалистического предприятия на примере вокзала Омск (т. е. то, что она разрабатывала к итоговым занятиям в школе) получила высокую оценку.

С. И. Анферова — дежурный помощник начальника вокзала, хотя и имеет незаконченное среднее образование, за 10 лет прекрасно овладела материалом по основам марксизма-ленинизма. На основании хронометражных наблюдений внедрила новую организацию работы уборщиц. Это дало возможность смене, которую она возглавляет, завоевать в социалистическом соревновании первое место, а ей самой — звание лучшей по профессии. Она ударник коммунистического труда. За самоотверженный труд в годы восьмой пятилетки награждена орденом «Знак Почета».

А. Ф. Маркова — дежурный помощник начальника вокзала, ударник коммунистического труда. По ее инициативе заведен учет и ежемесячный показ выполнения экономических показателей каждым подразделением смены. Опыт обобщен и внедрен в других сменах вокзала. Смена, руководимая А. Ф. Марковой, вышла победителем в социалистическом соревновании за 1 квартал 1974 г., а ей самой присвоено звание лучшей по профессии по Западно-Сибирской железной дороге, ее фотография помещена на Доску почета.

Все слушатели школы — участники социалистического соревнования, активные общественники. Четыре слушателя после завершения полного курса школы основ марксизма-ленинизма в

1973 г. рекомендованы для учебы в вечерний университет марксизма-ленинизма, и весной

1974 г. успешно закончили 1 курс, а В. И. Давыденко, которая в течение 9 лет занималась у Г. В. Ильиной, в прошлом году сама стала пропагандистом и успешно справляется с этим партийным поручением.

Во всем этом значительная доля труда пропагандиста Галины Валерьяновны Ильиной, человека, обладающего чувством высокой ответственности за порученное дело, постоянно совершенствующего свое пропагандистское мастерство.¹²⁸

А. БОГАТЫРЕВА

Правда

«Правда», ежедневная газета, орган ЦК КПСС, выходит в Москве; основана В. И. Лениным в 1912. «П.» — самая массовая и популярная советская газета. Вместе с партией она прошла большой исторический путь в борьбе за победу социалистической революции, за построение социализма. Выполняя роль коллективного агитатора, пропагандиста, организатора трудящихся, «П.» превратилась в общенародную газету, в авторитетнейшую газету современности.

«П.» начала издаваться по решению 6-й Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП (январь 1912) в ответ на желание рабочих иметь свою ежедневную газету. № 1 «П.» вышел в Петербурге 22 апреля (5 мая) 1912, с 22 апреля (5 мая) 1914 этот день отмечался как праздник рабочей печати, а с 1922 ежегодно отмечается как День печати. «П.» явилась массовой, ежедневной, легальной рабочей газетой, фактическим органом большевистской партии (Центральным органом РСДРП была в 1908—17 газета

«Социал-демократ», издававшаяся за границей и распространявшаяся в России нелегально). При создании «П.» партия опиралась на опыт многих нелегальных и легальных газет — «Искра», «Вперёд», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Звезда» и др. (см. Большевистская печать), фактическим редактором и руководителем газеты являлся Ленин. Он определял её направление, заботился о подборе редакционного аппарата и авторского коллектива, разрабатывал структуру газеты. На страницах «П.» только в 1912—14 было опубликовано около 300 работ Ленина. Издателями «П.» и её активными сотрудниками являлись большевики — депутаты 4-й Государственной думы: А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов. В числе организаторов, редакторов, сотрудников «П.» были Н. Н. Батулин, А. С. Бубнов, А. И. Винокуров, С. С. Данилов, М. Е. Егоров, К. С. Еремеев, Б. И. Иванов, М. И. Калинин, Э. И. Квицинг, Н. К. Крупская, Н. В. Крыленко, С. В. Малышев, Л. Р. Менжинская, В. Р. Менжинский, Л. М. Михайлов, В. М. Молотов, С. М. Нахимсон, В. И. Невский, Д. Я. Одинцов, М. С. Ольминский, Н. И. Подвойский, Н. Г. Полетаев, Е. Ф. Розмирович, М. А. Савельев, К. Н. Самойлова, Я. М. Свердлов, Н. А. Скрыпник, И. В. Сталин, П. И. Стучка, А. И. Ульянова-Елизарова, Г. Л. Шидловский, Е. М. Ярославский. Из-за границы регулярно в «П.» писали А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, Ф. А. Артем (Сергеев), Л. Н. Сталь, Ю. М. Стеклов. Бессменным сотрудником «П.», её поэтом был Д. Бедный. Литературным отделом газеты в 1912—14 руководил М. Горький.

«П.» издавалась на средства из добровольных взносов рабочих, многие из которых были её активными сотрудниками, корреспондентами и распространителями. Более 16 тыс. рабочих корреспонденций было опубликовано в «П.» в 1912—14. Газета выходила средним тиражом 40 тыс., а в отдельные месяцы — до 60 тыс. экз. ежедневно.

В 1912—14 «П.» сыграла большую роль в пропаганде большевистских лозунгов и тактики сочетания нелегальной и легальной форм работы партии в массах, в борьбе против меньшевиков-ликвидаторов, троцкистов и др. оппортунистов, в организационном сплочении и политическом воспитании рабочего класса. В «П.» публиковались корреспонденции о ходе пролетарской борьбы в различных городах страны и т. н. фабричные обличения — письма об условиях труда и быта рабочих. Всё это способствовало развитию массового пролетарского движения. «П.» помещала материалы и о жизни деревни, писала о необходимости конфискации всех помещичьих земель в пользу крестьян, звала все слои трудящихся под руководством рабочего класса на борьбу с самодержавием, против социального и национального гнёта.

Царизм постоянно преследовал «П.». Из 645 номеров газеты, вышедших в 1912—14, репрессиям подверглось 190. 8 раз царское правительство закрывало «П.», но газета продолжала выходить под др. названиями: в 1913 — «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», в 1914 — «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда». 8 июля 1914, в канун 1-й мировой войны 1914—18, царское правительство запретило издание газеты, а её сотрудники были арестованы.

После свержения царизма «П.» стала выходить с 5(18) марта 1917 как орган ЦК и Петербургского комитета РСДРП(б). По возвращении из-за границы с 5(18) апреля 1917 в состав редакции вошёл Ленин. В редакцию «П.» в марте — июле 1917 в разное время входили Еремеев, Калинин, Муранов, Ольминский, Сталин и др. Секретарём редакции была М. И. Ульянова. Газета пропагандировала стратегию и тактику большевистской партии, вела большую идейно-воспитательную работу, последовательно раскрывала антинародную сущность буржуазного Временного правительства, разоблачала оппортунизм меньшевиков и эсеров, мобилизовывала массы на подготовку и свершение социалистической революции. «П.» публиковала важнейшие документы и материалы партии, произведения Ленина (с марта по 25 октября 1917 — 207 его работ). Тираж достигал 85—90 тыс. экз. 5 (18) июля 1917 редакция была разгромлена юнкерами, в июле — октябре «П.», преследуемая буржуазным Временным правительством, выходила под названием «Листок «Правды»», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий»,

«Рабочий путь». С 27 октября (9 ноября) 1917 газета вновь стала выходить под названием «П.» как центральный орган ЦК РСДРП (б). С 16 марта 1918 «П.» издаётся в Москве, до 1952 — орган ЦК и МК РКП (б) [с 1925 — ВКП (б)], с октября 1952 — орган ЦК КПСС.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в «П.» публиковались важнейшие решения Коммунистической партии и Советского правительства, доклады и статьи Ленина, определявшие задачи строительства первого в мире социалистического государства [с 25 октября (7 ноября) 1917 до середины января 1923 — 345 ленинских работ].

В период Гражданской войны 1918—20 основной задачей «П.» была мобилизация масс на борьбу с объединёнными силами международной и внутренней контрреволюции, а после завершения войны — на борьбу с хозяйственной разрухой, за восстановление промышленности и сельского хозяйства. На всех этапах развития советского общества «П.» являлась орудием партии в борьбе за осуществление её стратегических, тактических и организационных задач, за чистоту марксистско-ленинского учения, за претворение в жизнь планов хозяйственного строительства, повышение материального и культурного уровня трудящихся.

В годы довоенных пятилеток (1929—40) «П.» вела большую организаторскую работу по развёртыванию социалистического соревнования, пропаганде ударничества, стахановского движения, воспитанию у трудящихся коммунистического отношения к труду. Выездные редакции «П.» работали на крупнейших стройках (Сталинградском тракторном и Горьковском автомобильном заводах, на Днепрогэсе и др.). Выдающийся вклад «П.» внесла в годы коллективизации сельского хозяйства в борьбу за укрепление колхозов, МТС и совхозов. «П.» пропагандировала великие принципы сов. демократии, вовлекая в управление страной всех трудящихся. Значительную роль «П.» сыграла в осуществлении культурной революции в СССР, систематически освещая вопросы развития народного образования, литературы и искусства, публикуя лучшие произведения сов. писателей. На страницах «П.» выступали крупные советские учёные — И. В. Мичурин, С. И. Вавилов, О. Ю. Шмидт, Д. Н. Прянишников, И. М. Губкин, писатели и поэты — М. Горький, В. В. Маяковский, М. А. Шолохов, А. А. Фадеев, А. С. Серафимович, В. В. Вишневский, А. А. Сурков и др., регулярно печатались очерки и фельетоны А. И. Колосова, М. Е. Кольцова, Д. И. Заславского и др. Уделяя главное внимание вопросам хозяйственного строительства, «П.» в то же время призывала к укреплению обороноспособности СССР, воспитывала у сов. людей патриотизм и пролетарский интернационализм, высокую политическую бдительность, разоблачала фашизм, вела борьбу против империалистических поджигателей войны.

Во время Великой Отечественной войны 1941—45 «П.» была пламенным агитатором и организатором всенародной борьбы против фашистских агрессоров. Через «П.» ЦК ВКП(б) обращался к народу и армии, ставя перед ними неотложные задачи, связанные с войной. Газета доводила до сознания масс ленинские идеи о защите социалистического Отечества, лозунги партии, публиковала выступления руководителей партии и Советского правительства, советских военачальников. На страницах «П.» выступали старейшие деятели партии — В. А. Карпинский, Ф. Я. Кон, Г. М. Кржижановский, Д. З. Мануильский, Н. А. Семашко, Е. Д. Стасова, Е. М. Ярославский, видные деятели международного коммунистического и рабочего движения — Г. Димитров, К. Готвальд, Д. Ибаррури, В. Пик, П. Тольятти, М. Торез, В. Ульбрихт и др. В «П.» печатались сводки Совинформбюро, материалы о международных и внутренних событиях, очерки о героизме воинов и партизан, трудовых подвигах рабочих и колхозников, о патриотических поступках советских людей, документы о зверствах гитлеровцев. Тираж «П.» был увеличен в полтора раза; на ряде оборонных заводов работали выездные редакции газеты; десятки её сотрудников находились на фронте в качестве специальных корреспондентов — П. А. Лидов, В. М. Кожевников, Б. Н. Полевой,

С. А. Борзенко и др. С очерками и литературными произведениями в «П.» выступали советские писатели — А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, К. А. Федин, А. А. Фадеев, В. П. Ставский, К. М. Симонов, А. Е. Корнейчук, Б. Л. Горбатов, А. Т. Твардовский, С. Я. Маршак, И. Г. Эренбург и др., с политической карикатурой — Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов), Б. Е. Ефимов и др.

После победы Сов. Союза в Великой Отечественной войне «П.» широко освещала борьбу сов. народа за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства. Большое место в газете отводилось вопросам становления мировой социалистической системы, национально-освободительного движения, миролюбивой внешней политике СССР. На страницах «П.» печатались выступления известных борцов за мир — Ф. Жолио-Кюри, Дж. Бернала, А. Зегерс, П. Робсона, П. Неруды, Н. С. Тихонова и др. Большую работу провела «П.» по пропаганде Программы КПСС, принятой 22-м съездом партии (1961). Почти 16 тыс. читателей газеты участвовали в обсуждении проекта новой Программы и Устава КПСС; ряд специальных номеров «П.» был посвящен раскрытию отдельных положений Программы КПСС.

Ныне «П.» направляет свою деятельность на решение задач создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования социалистических общественных отношений, воспитания нового человека, борется за претворение в жизнь экономической и социальной политики КПСС, за осуществление советской политики мира на международном арене.

Одно из самых важных направлений «П.» — теоретическая и пропагандистская работа. Газета раскрывает научные основы политики партии, возрастание её роли в условиях развитого социалистического общества, проблемы марксистско-ленинской теории, научно-технической революции, актуальные задачи повышения эффективности сов. экономики, совершенствования управления производством, развития социалистической демократии. Широко пропагандирует «П.» материалы партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, сессий Верховного Совета СССР, постановлений ЦК КПСС и Советского правительства, международных Совещаний коммунистических и рабочих партий. Публикуются циклы статей, посвященных знаменательным датам в жизни советского общества, — 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1967), 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (1970), 50-летию образования СССР (1972), 70-летию 2-го съезда партии (1973) и др. «П.» разоблачает попытки буржуазной пропаганды, а также правых и «левых» оппортунистов извратить марксистско-ленинское учение и практику строительства социализма и коммунизма в СССР.

Важное место в «П.» занимают вопросы партийной жизни — анализ опыта деятельности партийных организаций по руководству хозяйственными и культурным строительством, идеологической работой, внутрипартийная тематика (повышение идейной закалки и авангардной роли коммунистов, претворение в жизнь ленинских норм партийной жизни и принципов партийного руководства, совершенствование стиля и методов работы партийного комитетов, развитие критики и самокритики и т.п.). На страницах «П.» проходят обсуждения и дискуссии на теоретические и партийно-организационные темы.

Проблемы экономического строительства, развития промышленности и сельского хозяйства «П.» освещает в тесной связи с анализом практики социалистического соревнования на отдельных предприятиях, в колхозах и совхозах, пропагандой передовых методов труда, хозяйствования и управления, воспитанием у сов. людей сознательного, творческого отношения к делу, высокой ответственности перед обществом. Через «П.» массы трудящихся привлекаются к участию в народном контроле, вскрывая в своих корреспонденциях недостатки на предприятиях и в учреждениях.

В материалах «П.» отражаются экономическая и культурная жизнь всех сов. республик, достижения советской науки, вопросы народного образования и здравоохранения, литературы и искусства, охраны природы, физкультуры и спорта.

В каждом номере «П.» помещается подробная информация о международных событиях. Регулярно публикуются выступления руководителей коммунистических и рабочих партий, прогрессивных зарубежных общественных деятелей. Большое внимание уделяется проблемам дальнейшего укрепления и развития мирового социализма, социалистической экономической интеграции, жизни социалистических стран, осуществлению Программы мира 24-го съезда КПСС. «П.» всесторонне показывает современный мировой революционный процесс, систематически освещает вопросы международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов.

В 1975 «П.» издавалась общим разовым тиражом 10,6 млн. экз., печаталась одновременно в 42 городах с полос, принятых по каналам фототелеграфной связи или с матриц, доставленных самолётами; «П.» выписывали более чем в 120 зарубежных странах.

Коллектив редакции «П.» возглавляет редакционная коллегия, которая утверждается ЦК КПСС. Главными редакторами «П.» в разное время были М. А. Савельев, Л. З. Мехлис, П. Н. Поспелов, М. А. Суслов, Л. Ф. Ильичев и др., с 1965 — М. В. Зимянин. В составе редакции 22 отдела и Пресс-бюро для подготовки материалов в помощь местной печати; 105 постоянных корреспондентов работают внутри страны и за рубежом. В «П.» сотрудничают сотни общественных (внештатных) корреспондентов. Редакция получает ежедневно более 1300 писем (свыше 450 тыс. ежегодно). Письма используются почти в каждом номере — в подборках, обзорах и т.п., служат важнейшим источником информации, одним из средств выражения общественного мнения. Для оказания теоретической и методической помощи активистам и работникам советской прессы «П.» выпускает журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», а совместно с Союзом журналистов СССР — журнал «Журналист». См. также статью об издательстве «Правда».

Награждена 2 орденами Ленина (1945 и 1962), орденом Октябрьской Революции (1972).

Н. Ленин. Советы постороннего

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими «Советами постороннего» на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отречься теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), Поддерживая, во что бы то ни стало, *моральный перевес*.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит; одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,— такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.¹²⁹

Максим Горький. Если враг не сдаётся, -- его уничтожают

Организованная учением Маркса и Ленина энергия передовых отрядов рабочих и крестьян ведёт за собой массу трудового народа Союза Советов к цели, смысл которой выражается в трёх простых словах: создать новый мир. В Союзе Советов даже дети-пионеры понимают, что для создания нового мира, новых условий жизни необходимо:

сделать невозможным скопление в руках и карманах единиц огромных богатств, которые всюду выжимаются и всегда выжимались из крови и пота рабочих, крестьян;

уничтожить деление людей на классы, уничтожить всякую возможность эксплуатации меньшинством трудовой и творческой энергии большинства;

разоблачить ядовитую ложь религиозных и национальных предрассудков, которые разъединяют людей, делая их непонятными, чужими друг другу;

вытравить из жизни трудящихся все воспитанные вековым рабством дикие и грязные бытовые навыки;

уничтожить всё, что, затрудняя в трудовом народе рост сознания единства его жизненных интересов, позволяет капиталистам создавать человеческие бойни, посылая миллионы трудящихся на войну друг против друга, - на войны, основная цель которых всегда одна: укрепление права капиталистов на грабёж, укрепление их бессмысленной жажды наживы, их власти над трудящимися.

В конечном счёте это значит: создать для всех людей и для каждой единицы свободные условия развития своих сил и способностей, создать равную для всех возможность достижения той высоты, до которой поднимаются, излишне затрачивая множество энергии, только исключительные, так называемые "великие люди".

Это -- фантазия, романтика? Нет, это -- реальность. Фантазией, романтикой называют это движение масс к строительству нового мира враги рабочих и крестьян, люди, которые, -- как недавно написала мне "Русская женщина" -- представляют "тонкий слой образованных и европейски мыслящих" и которые, - как пишет она, - убеждены, что:

"Разум - достояние немногих, нельзя искать разума в массах".

"Культура - создание немногих, высокоодарённых людей".

В этих словах "Русская женщина" грубо, но правильно выразила весь смысл и всю нищету буржуазной идеологии, выразила всё, что буржуазная мысль может противопоставить духовному возрождению пролетарских масс. Духовное возрождение пролетариата во всём мире -- неоспоримая действительность. Рабочий класс Союза Советов, идя впереди пролетариев всех стран, прекрасно утверждает эту новую действительность. Он поставил перед собой грандиозную задачу, и его концентрированная энергия успешно разрешает её. Трудности решения -- огромны, но, когда хочешь, -- можешь! Десять лет назад рабочий класс, почти безоружный, разутый, раздетый, голодный, вышвырнул из своей страны богато вооружённые капиталистами Европы белые армии, вышвырнул войска интервентов.

За тринадцать лет, работая над строительством своего государства с небольшим количеством честных, искренно преданных ему специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих товарищей и даже самую науку, работая в атмосфере ненависти мировой буржуазии, в змеином шипении "механических граждан", которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых он сам ещё не имеет ясного представления, -- в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии.

Только героическое мужество рабочих и партии, выражающей его разум -- разум революционной массы, может создавать при всех данных отрицательных условиях такие подвиги, как, например, то, что по плану на 1929--30 годы рабочие должны были поднять промышленность на 22 процента, а подняли на 25, колхозы должны были дать 20 миллионов гектаров, а мы имеем уже 36! Вместе с этим, затрачивая силы свои на строительство индустрии, руководя реорганизацией деревни, рабочий класс и крестьянство непрерывно выделяют из массы своей сотни даровитых выдвиженцев, ударников, рабкоров, писателей, изобретателей и вообще -- новую, свою интеллектуальную силу.

Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, -- против нас всё, что отжило свои сроки, отведённые ему историей, и это даёт нам право считать себя всё ещё в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдаётся, -- его истребляют.

Извне против творческой работы Союза Советов - европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречён на гибель. Но он всё ещё хочет и всё ещё имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника.

Пуанкаре, один из организаторов европейской бойни 1914--18 годов, прозванный "Пуанкаре-война", человек, который едва не погубил игру капиталистов Франции, бывший социалист Бриан, знаменитый алкоголик лорд Биркенхед, недавно умерший, и прочие искренние лакеи капитала готовят благословляемое главой христианской церкви разбойничье нападение на Союз Советов.

Мы живём в условиях непрерывной войны со всей буржуазией мира. Это обязывает рабочий класс деятельно готовиться к самообороне, к защите своей исторической роли, к защите всего, что уже создано им для себя и в поучение пролетариям всех стран в течение тринадцати лет героической, самозабвенной работы строительства нового мира.

Рабочий класс и крестьянство должны вооружаться, помня, что уже один раз могучая сила Красной Армии победоносно выдержала натиск мирового капитализма, будучи безоружной, голодной, разутой, раздетой и руководимой своими товарищами, не очень знакомыми с хитростью военных действий.

Теперь у нас есть Красная Армия, армия бойцов, каждый из которых хорошо знает, за что он будет драться.

И, если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы всё-таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей.¹³⁰

Петроград

Тынянов Ю.Н. «Петроград».

Литературный альманах «Петроград» — вернее «Весь Петроград», если не по количеству, то по случайности собранных имен. Время однотипных сборников и одноцветных альманахов, по-видимому, миновало I.

На «Петрограде» можно изучать in писе (Вкратце (франц.)) как бы «историю литературы за 30 лет».

Литературные революции и смены следуют с такой быстротой, что ни одно литературное поколение нашего времени не умирает естественною смертью 2. Есть поэты, заживо пишущие «посмертные стихи», — но это ясно только современникам. Любителям толковать о «независимом сосуществовании» содержания с формой любопытно будет, может быть, взглянуть, как умирает смысл слов, когда мертвеет форма, когда она примелькалась, и как рождается новый смысл в новой конструкции. Мертвы, хотя и безукоризненны, стихи Сологуба, застыл в «классицизм» символизм Ходасевича, однообразна краснота Кузмина, отвердевают формы Рождественского —

130

Впервые напечатано в газете "Правда", 1930, номер 314, 15 ноября. В тот же день под заглавием "Если враг не сдаётся, - его истребляют" опубликовано в газете "Известия ЦИК СССР и ВЦИК".

В годы ВОВ слова М.Горького "Если враг не сдаётся, - его уничтожают" напомнил народу И.В.Сталин в приказе 55 от 23 февраля 1942 г.: "Война есть война. Красная Армия берёт в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь. Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу Родину. Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: "если враг не сдаётся, - его уничтожают" (И.Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, М. 1950, стр. 86-87).

Под заглавием "Если враг не сдаётся, - его истребляют" статья включалась в первое и второе издания книги М.Горького "Публицистические статьи".

Печатается по тексту газеты "Правда", сверенному с авторизованными печатными текстами (Архив А.М.Горького).

и беднеет «смысл». А рядом стихи Тихонова, где жива форма как взаимодействие, как борьба элементов — и у простых слов особый смысл 3.

Каким трудным делом стали теперь стихи, показывают стихи Нельдихена. Стоит ли поэту доказывать, что «классическим стихом и он владеть умеет», «воздавши должное и Пушкину, и Мею» 4 (на деле же, в напечатанном стихотворении скорее всего Брюсову)? Теперь приходится, по-видимому, доказывать обратное: что умеешь писать вне канонов — «классического», или символического, или футуристического, или даже своего собственного.

Менее интересна проза, хотя тоже дана «широко», от Д. Айзмана до дебютантов. Е. Замятин дал рассказ («Детская») в обычной своей манере «образных пятен».

Рассказ М. Слонимского 5 довольно хорошо (почти просто) написан; мешает только слишком многими использованная фабула; забавен юмористический рассказ В. Азова 6 под О. Генри (по-видимому, вообще скоро оживет замолкшая русская юмористика); рассказ М. Кузмина 7 и «Одинокие мысли» А. Кугеля одинаково бесформенны и нелюбопытны; П. Губер дал бесцельную стилизацию немецкой новеллы 8; рассказ Л. Гессена 9 задуман неплохо, но в итоге получилось неудачное смешение обычного психологического стиля с оригинальными образами.

Любопытнее критика. Здесь тоже — «история за 30 лет». Статья А. Гизетти об И. Анненском носит характерное название: «Поэт мировой дисгармонии». Есть статьи с таким же (или почти таким же) названием о Гейне, Байроне, Мюссе, Бодлере, Надсоне, Апухтине, Голенищеве-Кутузове, будут (или уже есть) о Блоке. Все эти поэты более или менее говорят «о противоречиях, о дисгармонии, о сложных, непримиримых конфликтах, терзающих душу неисцелимыми ранами». Ссылки на «Анатэму» 10 характерны для давности статьи. Неожиданным оказывается настойчивое сопоставление И. Анненского с публицистом Н.Ф. Анненским, на которое критика натолкнули, по-видимому, родственные отношения между этими двумя ничего общего между собой не имеющими писателями 11.

Статья А. Рашковской «Восходящие силы литературы» представляет интересное пародическое поурри, по-видимому, продолжающее не совсем удачные пародии того же автора на современных критиков, помещенные в «Жизни искусства» 12. Удачны строки, пародирующие, по-видимому, Айхенвальда: «Тонкий стеклянный звон старинных 18 века часов — уловил он чутким внимательным ухом в грохотах и шумах революции, и тусклую лампаду у темных икон отметил с нежностью, и очарование прошлого таит для него ладана запах и кипарисового масла» (стр. 149). Остроумно также пародирование критиков-формалистов: «В целях обновления впечатления от речи, задержания внимания на ритме фразы — Пильняк располагает слова в особый ритмический узор <...> Таков, напр., прием постановки сказуемого перед подлежащим: «Был он наг и бос, носил вериги, был иконописец, рыжебород, синеок». «Пахнет июньское сено, в сущности плохими духами» <...> и затем хиастическое повторение тех же слов в обратном порядке (хотя не совсем точно): «в июне ночами горько пахнет березами» (стр. 154). Эффект, впрочем, немного дешев; не все ведь формалисты пишут о постановке сказуемого перед подлежащим и о хиазме — там, где их и не бывало. Некоторые знают русскую грамматику. Еще два замечания: 1) нигде не оговорено, что статья — пародия, и некоторые могут ее принять всерьез; 2) неясно, кого пародирует автор в таких фразах: «Хочу Ивана живого» (стр. 151) или: «Тема «Иван да Марья» — звучание личного женского, с неизменным «половым» вопросом, в огромном оркестре революции» (стр. 150). Не самопародия ли?

Рядом с этой юмористикой — серьезная и живая статья И. Груздева («Утилитарность и самоцель») 13. Наше время выдвигает самые элементарные вопросы, — а элементарные вопросы всегда основные. Таков и недавно вновь поднятый вопрос об «утилитарности» искусства 14. Груздев хорошо вскрывает «самоцель»,

спрятанную в построениях утилитаристов 15 (а в цитируемых на стр. 174—175 строках Б. Арватова и самый подлинный «эстетизм»). Формула Груздева: «самоцель утилитарна» — ответ хотя и элементарный, но, по-видимому, нужный 16. Не нужно только, может быть, смешивать эту общую проблему с частной проблемой о роли «смысла» в поэтическом слове. Вопрос этот сложный и не совпадающий с общим. Удачнее всего конкретный, иллюстрационный материал. Характеристика Маяковского убедительна и нова 17.

Есть в альманахе и «иностранный отдел» — правда, микроскопический — крохотные статейки Т. Манна о Шпенглере, В. Онегина «Литература нью-йоркского гетто», А. Тинякова о Уоте Уитмене и два слабых переводных рассказа Конан-Дойля и Г. Манна 18.

Кстати, каким ветром занесло в альманах глубоко провинциальное стихотворение Г. Лазаревского? 19

Комментарии (М.О. Чудакова)

Впервые — «Книга и революция», 1923, № 4, стр. 70—71. Печатается по тексту журнала.

Рецензия на: «Петроград. Литературный альманах», I. М.—Пг., «Петроград», 1923.

[1] Ср. развитие этой мысли позднее в «Промежутке», завершающееся сходным утверждением: «Объединяются совершенно чужие поэты, рядом стоят далекие имена» (стр. 169 наст. изд.).

[2] Ср. в «Промежутке»: «У нас нет поэтов, которые бы не пережили смены своих течений [...]» (стр. 169 наст. изд.).

[3] О Ходасевиче и Тихонове ср. в «Промежутке».

[4] Перефразировка строки стихотворения С. Нельдихена «О времени моем искусственную повесть...» — «Классическим стихом владеть и я умею»,

[5] «Четвертая ставка».

[6] «Издательство „Шурип“ (Разговор)».

[7] «Голубое ничто».

[8] «Несчастливая любовь. (Нравоучительный рассказ)».

[9] «Восьмерка. (Рассказ с чертежами)».

[10] Драма Л. Андреева (1910).

[11] Н.Ф. Анненский (1848—1912) — старший брат поэта, статистик, член редакции журнала «Русское богатство».

[12] А. Рашиковская неоднократно выступала оппонентом Тынянова и Эйхенбаума. Здесь имеются в виду ее пародии в «Жизни искусства», 1923, № 17 (среди прочих — на Шкловского и Эйхенбаума).

[13] И.А. Груздев (1892—1960) — единственный критик, входивший в группу «Серрапионовы братья», впоследствии — биограф А.М. Горького, в начале 1920-х годов был близок к установкам Опояза и особенно — к проблематике работ Б.М. Эйхенбаума (ср. его статьи, анализирующие явления сказа в современной прозе, — указаны в прим. к рецензии на альманах «Серрапионовы братья»). Суждения автора статьи «Утилитарность и самоцель» о конструкции и конструктивности, о смене канона сходны с рядом теоретических положений Тынянова. Ср. прим. 17.

[14] Полемика была начата статьей Л. Лунца «Почему мы Серрапионовы братья», в которой он выдвинул понятие утилитаризма: «Мы верим, что литературные химеры — особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. [...] Искусство реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать» («Литературные записки», 1922, № 3, стр. 31). Вокруг этого понятия и развернулась дискуссия, в которой принял участие Груздев: В. Полянский. Об идеологии в литературе. — В его кн.: На литературном фронте. «Новая Москва», 1924 (статья датирована октябрём 1922 г.); П.С. Коган. Об искусстве и публицистике. — «Красная газета», 1922, № 274; Л. Лунц. Об идеологии и публицистике. — «Новости», 1922, № 3 (18); Б. Арватов. Серрапионовы братья и утилитарность. — «Новости», 1922, № 5(20); см. еще статью, указ. в прим. 4 к рец. на альм. «Лит. мысль». К полемике примыкает статья Груздева «Искусство без искусства» («Сибирские огни», 1923, кн. 4), содержащая яркие суждения о русском левом искусстве после революции. «Есть все основания думать, — писал Груздев, — что шумным изобретателям будут предпочтены тихие приобретатели (по антитезе Хлебникова). [...] Государство лучше знает, что утилизировать в искусстве, и учить его не следует» (стр. 187); см. также: А. Эфрос. Концы без начал. — «Шиповник», I. 1922. Ср. более позднее выступление Арватова — «Литература и быт» («Звезда», 1925, № 6; там же полемический ответ Е. Мустанговой). Эстетические взгляды Арватова изложены в его книгах «Искусство и классы» (М.—Пг., 1923), «Искусство и производство» (М., 1926), «Об агитационном и производственном искусстве» (М., 1930).

[15] Груздев имел в виду статьи теоретика группы «производственников» Б.А.Арватова «На путях к пролетарскому творчеству» («Печать и революция», 1922, № 1) и «Серпионовцы и утилитарность» (см. прим. 14).

[16] Груздев писал: «Подсластив Писарева, Б. Арватов впадает в тот же ненавистный и презираемый им „эстетизм“: „Вместо каменных коробок-домов,— мечтает он о будущем,— чудеса из стекла и расцветенной стали; вместо серенькой пошлости сюртуков и юбок — сверкающие солнечные материи; вместо невыносимого однообразия стен... — монументальная выразительность окрашенных плоскостей; вместо метафизики роденовских статуй — конструктивно-скульптурные формы мебели” [...]

Но с каких же пор восприятие окрашенных плоскостей и скульптурных форм перестало (или перестанет) быть эстетической функцией?»

Аргументация Лунца и Груздева близка собственным взглядам Тынянова. Ср. в ПСЯ: «Можно ли говорить „жизнь и искусство“, когда искусство есть тоже „жизнь“? Нужно ли искать еще особой утилитарности „искусства“, если мы не ищем утилитарности „жизни“?» (стр. 172). Для Тынянова характерно понимание абсолютной неустранимости искусства: всякое наступление «утилитарности», быта, факта, документа и т.д. на искусство есть лишь некоторый исторически-конкретный момент в истории искусства же. В теоретическом плане это один из модусов динамического соотношения искусства и других областей культурного целого, имеющий своей необходимо обусловленной противоположностью максимальную художественную условность. Взаимное воздействие художественной и внехудожественной сфер культуры не может растворить искусство во внехудожественной действительности, превратив его в элемент «быта», хотя бы и активный, формирующий. На этих предпосылках основана тыняновская концепция литературного факта — см. статью «Литературный факт» и прим. к ней, в частности об отношении Тынянова к Лефу. Теории «производственников», глубоко повлиявших своим творчеством на архитектуру и изобразительное искусство XX в., остались фактами именно истории искусства. См. о них: Л. Жадова. О теории советского дизайна 20-х годов. — В кн.: Вопросы технической эстетики, вып. 1. М., 1968; С.О.Хан-Магомедов. М.Я.Гинзбург. М., 1972; Теоретические концепции творческих течений советской архитектуры (обзор). М., 1974.

[17] «Центральным фактом для его поэзии было введение в поэтический оборот лапидарного жаргона улицы, что неизменно сопровождалось комическим эффектом. Так произошла подмена. Самоценность слова подменялась самоценностью уличной речи. Зато в этой сфере Маяковский был единственным мастером. [...] От культуры самоценного слова до такого обеднения слова, какое мы имеем в сатирах, расстояние как от центра до периферии» («Петроград», стр. 186—187). Ср. оценку сатир Маяковского у Тынянова в «Промежутке».

[18] В журнальном тексте рецензии ошибочно: «Т. Манна».

[19] В альманахе помещено несколько стихотворений, подписанных: Г. Лазаревский.

А. А. Гизетти. Поэт мировой дисгармонии Изн. Фед. Анненский¹³¹

Он внезапно ушел из жизни в глухую осень 1909 г. ... Казалось бы, с тех пор пережиты Россией века, и слова поэта-мечтателя, поэта-одиночки, и при жизни мало кем услышанного, еще меньше кем понятого, ныне зазвучат совсем глухо и чудно, станут интересны лишь для любителей эстетической архаики. Но вот в 1919 г. - в самый разгар бури дней наших -- появляется в изящном издании "Гиперборей" вакхическая драма -- "Фамира-кифаред", в 1921 г., в изд. "Парфенон" старая юбилейная речь 1899 г. -- "Пушкин и Царское Село", в 1922 г. -- исправленное издание стихотворного сборника "Кипарисовый ларец" и наконец "Посмертные стихи", где многое мы слышим впервые¹. И оказывается, что для очень-очень многих слово Иннокентия Анненского звучит полновесно и живо, что оно даже стало теперь живее, ближе и душевно понятнее, чем тогда -- в годы мирные, спокойные. Анненский, как и всякий поэт, говорит о вечном, о большом и глубоком, о том, что таится под бурями жизни, что непрерывно строит нашу душу. Но кроме того, и больше всего, он близок нам, теперешним, тем, что говорит именно о противоречиях, о

дисгармонии, о сложных, непримиримых конфликтах, терзающих душу неисцелимыми ранами. И когда же, как не теперь, -- когда всем нам часто так до боли ясна сложность, иррациональность жизни, и когда мы так жутко опознаем, чего нам не нужно, и лишь смутно, без веры и радости, прозреваем, предчувствуем, что же нам нужно -- можно было бы услышать "о чем это он", понять и полюбить такого поэта...

Вспомните ту сцену в "Анатэме" Леонида Андреева², когда бес-человеколюбец заставляет играть на шарманке бедного горемыку-музыканта на улице приморского городка, густо населенного еврейской беднотой. Вспомните, как вслушивается Анатэма в звуки разбитой шарманки и полупритворно, полуискренно восхищается ее мелодичностью: "Вот это, госпожа Лейзер, называется -- мировая "гармония"". Такую "гармонию", терзающую слух и душу, конечно, правильнее признать чистой дисгармонией, и поэт, который сумел бы через все творчество свое провести это чувство горестного разлада, был бы гениальным певцом мировой дисгармонии. Анненский именно так ощущал жизнь мировую и, с предельной ясностью, выразил эту поэзию дисгармонии. Остережемся говорить о пессимизме Анненского: дело здесь не в выводах и перспективах, а в непосредственном ощущении жизни как она есть, в соединении с глубоким сознанием почти полной невозможности изменить ее основную ноту. Поэтическое творчество свое ощущал Анненский как подлинную, высшую жизнь, но и в этой жизни мука господствовала.

И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось*.

Так говорит поэт о скрипке, а в другом стихотворении и прямо выдвигает образ шарманки, невольно переключаясь с Л. Андреевым.

Лишь шарманку старую знобит,
И она, в закатном мленье Мая
Всё никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.
.....
Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?...**

* Кипар<исовый> ларец. Трилистник соблазна. 2. Смычок и струны.

** Там же. Трилистн. сентиментальный. 3. Старая шарманка.

Нет, конечно, не перестал бы... Песня из муки рождается и с нею сплетена неразрывно. А всё же сама песня -- не только мука; во всяком случае молчание было бы певцу мукою горшею. Анненский запел и осознал в себе поэта, в сущности, уже на склоне своей краткой (53 г.)³, но такой внутренне напряженной, невидимым пламенем сожженной жизни. И, конечно, возможность петь, возможность свободно творить и свои стихи, и лирические трагедии, и глубоко индивидуализованные переводы (из Еврипида и французских символистов), и чудесные статьи -- "отражения" всего, "что мною владело, чему я следовал, чему отдавался, что хотел сбересть в себе, сделать собою" -- была для этого удивительного человека великою духовною радостью. Парадоксально заостряя проблему творчества, Анненский любил его противопоставлять труду:

"Только неразборчивость или бедность нашего языка заставляет нас говорить, что Гёте трудился над Фаустом. Труд как таковой исключает творчество. Творчество может соединяться с известной долей страдания, оно может рождать иногда довольно

неприятные сомнения, ему полезно бывает недовольство художника самим собою, но ни об этом, ни о физических потерях организма, неразрывно связанных с писанием книг или картин, при творчестве не стоит и упоминать, так как все это с избытком искупается той полнотой существования, которой не могло бы и быть без элемента страдания"*.

Здесь не место спорить с пониманием труда Анненским (труд -- болезнь, работа -- рабство). Несомненно, что для него самого часы творчества за любимым письменным столом были глубоко противоположны по духу переживаний часам его "подневольного", служебного труда -- профессии в канцелярии учебного округа или даже в Царскосельской гимназии. Дружеский вопрос-замечание: "А вы опять работаете, Инн. Фед?.." в устах когонибудь из навещавших его в Царском и застававших за письменным столом друзей, раздражал покойного поэта. "Какая это работа, это там, в округе работа", поправлял он обычно, с укором**. И действительно, это была для Иннокентия Федоровича не работа, это была сама жизнь, радость и страдание творчества.

* Книга отражений, ст. "Три социальных драмы". 2. "Власть тьмы" (стр. 123).

** Передано со слов В. И. Кривича, общение с которым много помогло мне, не знавшему Инн. Фед. лично, в процессе уяснения его душевно-творческого облика. Пользуюсь случаем выразить В. И. Анненскому-Кривичу глубокую признательность за содействие.

"Двойное бытие", певцом которого стал Тютчев -- один из мудрых и влиятельных зачинателей русской лирики последнего века -- вообще было характерною чертою в судьбе русских поэтов. Вспомним доселе неразгаданную двойственность помещика Шеншина и поэта Фета, вспомним более уже уяснившуюся, но все еще тревожащую нас борьбу двух начал в душевном строе Некрасова, муку "двух дорог" в лирике Алексея Толстого. Нечего и говорить о второстепенных лириках безвременья -- Апухтине, Случевском, Голенищеве-Кутузове⁴ -- этих мистиках от бюрократии и пессимистах от обывательщины, биографически-психологическое изучение которых представляет очень интересную проблему. Но, конечно, ни в ком эта двойственность быта и духа, внешнего и внутреннего, не выражалась с такой трагической яркостью, как в Иннокентии Анненском. Здесь уместно, пожалуй, говорить даже не о двойственности, а о множественности ликов-личин, резко противоречащих друг другу. В одной из статей-заметок, вызванных в 1909 г. смертью И. Ф. Анненского (Л. Я. Гуревич см. ее сборник "Литература и Эстетика"⁵), уже было отмечено, как трудно усваивалось сознанием литераторов-современников личное тождество разных проявлений Анненского, о которых узнавали урывками. Как? Этот страстный критик-"декадент" и "застегнутый на все пуговицы" директор гимназии одно и то же лицо? И Еврипида переводит он же? И французских символистов еще? И сам пишет стихи, да еще такие странные, то кощунственно-дерзкие, то мистически-нежные, то утонченно-музыкальные, то точно нарочно переполненные прозаизмами! И наконец -- last not least⁶ -- неужели он родной брат Николая Федоровича Анненского из "Русского Богатства", неутомимого общественника и жизнерадостного гуманиста-бойца? Вот и говорите после этого о родственной крови, о родовом типе, ведь тут окажется все противоположно: социальность и индивидуализм, действительность и созерцательность, оптимизм и пессимизм, реализм и мистика -- можно ли придумать пару контрастнее?

В настоящей небольшой статье не место разбирать во всей сложности эту проблему противоречий в личности и судьбе И. Ф. Анненского, это возможно лишь в обстоятельной биографической и критической характеристике*. Здесь я хотел лишь подчеркнуть эту полноту контрастов и противоречий потому, что она нашла себе ясное отражение в поэтическом творчестве Анненского. Тема о столкновении запросов души с внешним укладом человеческой жизни и о внутренних расколах в самой душе -- борьбе ее отдельных сторон и влечений между собою -- одна из центральных тем лирики Анненского. В крайнем углублении она иногда обостряется у него до фаустовской проблемы:

Zwei Seelen wohnen -- ach! -- in meiner Brust!
Ах, две души живут в груди моей!

* Опыт такой характеристики И. Ф. Анненского подготавливается автором этих строк в настоящее время для "Биографической библиотеки" изд. т-ва "Колос".

Контраст мечты и жизни, пестроты мира и душевной сосредоточенности, даже проблема духа и плоти, с уклоном к аскетическому трагизму христианских подвижников (только без их всё разрешавшей веры) -- часто всплывают перед Анненским. Сопоставляя комический "Нос" и трагическую "повесть о глазах" ("Портрет"), как темы творчества Гоголя (Кн<ига> отраж<ений>, ст. "Проблема Гоголевского юмора" стр. 26-27), Анненский задается вопросом о юморе творения, почувствовав "всю невозможность, всю абсурдность существа, которое соединило в себе нос и глаза, тело и душу". То же противопоставление мечты и жизни мы видим в статье о "Белых ночах" Достоевского (2-я кн<ига> отраж<ений> "Мечтатели и избранник", начало). В лирике Анненского иногда это противопоставление сочетается с характерной для него антитезой образов: день и ночь, трезвые будни и красивый бред:

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о, боже,
Какие победы мечты!...
Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное Я!
Там все, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звездами,
Прорвется, как дерзостный смех...

Но наступает утро, зияет "розовая рана рассвета"⁷, открывается "дерзость обмана и сдавшейся мысли позор", и вот, поэт обращается к неведомой силе:

Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты, Я?*

Жизнь внешняя как общение с миром людей, духовно чуждых, тех, что "не пускали совесть на зеркала воцеленных зал", казалась только печальной необходимостью, ярмом судьбы, в котором надо нести свою долю, "чтобы страдание, пав на соседа, не придавило его двойною тяжестью".

Но лжи и лести отдал дань я.
Бьет пять часов -- пора домой;
И наг, и тесен угол мой...
Но до свидания, до свидания!**

* "Который?" Тихие песни, стр. 9-10.

** Посмертные стихи, стр. 57.

Душа Анненского была глубоко утомлена и надломлена этой двойственностью. В сильном и правдивом стихотворении в прозе -- "Моя душа" (Посмертн. стихи, отдел III, стр. 103-107) перед нами проходит ряд образов подневольного труда и испорченных "чуждым насилием" жизней (носильщик-перс, девушка из гавани, мешок со случайным скарбом), с судьбою которых сравнивает поэт свою душу. Она была кем-то осуждена "жить чужими жизнями", "жить и даже не замечать при этом, что ее в то же самое время изнашивает собственная, уже ни с кем не делимая мука". Самое ужасное в этой жизни -- это непрерывная мука чуткой совести, упрекающей не только за трату вечеров у зеленого карточного стола, но главное за то

Какие подлые не пожимал я руки,
Не соглашался с чем?...

Группу стихов своих Анненский хотел объединить заголовком: "Стихи кошмарной совести". "Посмертные стихи" дают нам одно из стихотворений этого цикла: "Старые эстонки". Оно, по-видимому, навеяно прибалтийскими усмирениями 1905 года⁸. Как видный чиновник Министерства народного просвещения, Анненский не мог не встречаться с лицами, косвенно прикосновенными к этим усмирениям, и в кошмарные ночи раздумья его чуткая совесть мучилась вопросом: нет ли и на мне, как на покорном, не протестующем участнике государственной машины, ответственности за эту кровь? Поэту грезятся старые эстонки, мрачно и упорно вяжущие свои серые чулки, с глазами, опухшими от слез. Чего хотят эти "печальные куклы"?

Сыновей ваших?.. Я ж не казнил их!
Я напротив, я очень жалел их,
Прочитав в сердобольных газетах,
Про себя я молился за смелых...

Но эстонки неумолимы:

Ты жалел их? -- На что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки
И ни разу она не сжималась?..
Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовней!
Ты ж, о, нежный, ты кроткий, ты тихий --
В целом мире тебя нет виновней!
Добродетель... Твою добродетель
Мы ослепли, вязавши, а вяжем...
Погоди -- вот накопится петель,
Так словечко придумаем, скажем...

Стихотворения, подобные этим, показывают, как тонко понимал "книжный" филолог-классик -- корни назревавшей на его глазах исторической всероссийской трагедии, как серьезно мучился эстет-индивидуалист тою же, в сущности, социально-этической проблемой, которая определила собою жизненный путь его брата, активного социалиста и народника. Кое-какие намеки на эти темы мы видели и в ранее известных стихотворениях Анненского. Не даром, вспоминая эпоху своей юности в одной из критических статей, он обронил замечание: "это было тогда, когда мы... болели народничеством".

В "Тихих песнях" мы натываемся (стр. 24) на стихотворение "В дороге", где ряд унылых картин русской деревенской природы кончается строками:

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...

То же в стихотворении "Июль, II" (стр. 17).

Каких-то диких сил последнее решенье,
Луча отвесного неслышный людям зов,
И абрис ног худых меж чадного смешенья,
Всклокоченных бород и рваных картузов.
Не страшно ль иногда становится на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Все это были розовые дети.

И даже в "Кипарисовом ларце" мелькает эта тема. Образ девочки на худой клячонке ("и другая в поводу"), девочки, рано узнавшей труды и заботы деревни, внезапно пробуждает дремлющего в дороге поэта к тревожным думам об изнанке жизни:

И щемящей укоризне
Уступило забытье:
"Это -- праздник для нее,
Это -- утро, утро жизни"!*

Все это указывает, что круг вопросов о социальной несправедливости, так волновавших Ник. Фед. Анненского, не был чужд и Инн. Фед. Не даром покойный поэт говорил, что своим "интеллигентным" бытием всецело обязан старшему брату" и жене его, Александре Никитишне Анненской, которой посвящено изящно-трогательное стихотворение "Сестре" (К. л., отдел "Разметанные листы", стр. 122-3 нов. изд.**). Но, конечно, то, что для Инн Фед. Анненского было центром духовных тревог, для младшего брата, принадлежавшего уже к новой, индивидуалистической и философской по преимуществу волне настроений, отошло на периферию. Социальное зло представлялось Инн. Фед. особенно в тяжелых красках именно потому, что было для него лишь отражением зла мирового. За проблемой несправедливости в укладе жизни людской, вставала для него проблема о несправедливости в самом человеке, о его глубокой отравленности и беспомощной покорности пред этим злом. В стих. "Петербург" (Посм. стихи, стр. 46-47) -- самом крайнем и беспощадном осуждении Петрова дела, какое создавала русская литература, ясно виден этот переход. От мысли о "страшных былях", заполнивших прошлое Петербурга, о "пустынях немых площадей, где казнили людей до рассвета", о "проклятой ошибке" царя, который "змеи раздавить не сумел", поэт незаметно переходит к раскрытию душевной опустошенности тех, кому эта змея стала "идолом", чье сердце томит только "отрава бесплодных хотений" в жуткие белые ночи.

* Кипарисовый ларец. Трилистн. Из старой тетради. 2. Картинка.

** См. биографические сведения об И. Ф. Анненском в очерке П. П. Митрофанова (Ист. Русс. литер. XX века под ред. С. А. Венгерова, изд. т-ва "Мир", вып. VI).

Невольно хочется воспользоваться несколько избитым сравнением, чтобы иллюстрировать живее внутреннее соотношение между типами мировосприятия обоих братьев. Они были, как солнце и луна, как дневное и ночное сознание человека.

Действительно, Николай Федорович Анненский был самым "солнечным" из наших общественников последнего поколения. Недаром его связала такая крепкая дружба-единство со светлым духом В. Г. Короленко, столь же свободным от черствого морализма, понимавшим всегда живую жизнь. Но по сравнению с Н. Ф. Анненским, даже Короленко кажется затронутым резиньяцией, скепсисом, тревогой о вечности*. Н. Ф. Анненский -- был весь радость земли, радость живой любви и общения с людьми, он светил им, как веселое солнышко, и одним присутствием своим неизменно "озонировал психическую атмосферу", разгонял тучи и создавал здоровую свежесть кругом. Иннокентий Федорович напротив был весь "лунный", он светил светом бледным и еле уловимым, но пробуждающим в душе новые неясные силы, смутные предчувствия и прекрасные возможности, светом немножко больным, но таким непременно нужным в часы скорбной тревоги и сомнений. Недаром ночь и луна -- излюбленный пейзаж стихотворений Анненского. Резкого, солнечного света он всегда немного боялся. Выше мы уже цитировали его стихи о "розовой ране рассвета"¹⁰, которая жестоко раскрывает обманы ночи. Вот другие о том же:

Неустанно ночи длинной
Сказка длинная лилась,
И багровый над долиной
Загорелся поздно глаз;
Видит: радуг паутина
Почернела, порвалась,
В малахиты только тина
Пышно так разубралась.

* См. мою статью "Вечные и проклятые вопросы в мировоззрении В. Г. Короленко", Петерб. сборник "Короленко" изд. т-ва "Мысль". П., 1922. Там же и о выше затронутом вопросе о "социальном" и "философском" поколениях вообще.

И красные грозди рябины в зареве рассвета кажутся гвоздями кровавого распятия (Тихие песни, стр. 36. "Конец осенней сказки"). "И банальный, за сетью дождя, улыбнуться попробовал День" -- кончается следующее стихотворение ("Утро", там же, стр. 37). Вообще такое распределение эпитетов: день - банальный, ночь -- волшебная, сказочная, является своего рода каноническим в стихах Анненского. На этом пути поэту грозил шаблон сентиментального лжеромантизма, но уберегла его именно беспощадная смелость, последовательность, с которой проводилась эта "обратная" расценка света и тьмы. В основе ее лежал серьезный протест против "круговорота природы", против самого естества стихий.

Не только день чужд и скучен, а порой и страшен Анненскому, чужда ему и весна и вся зиждительно-разрушительная работа весеннего солнца в природе. Ему милы снег и лед -- силы зимы, таяние вызывает в поэте страстную жалость к гибнувшей белизне зимней. Вчитайтесь в изумительные строки "Трилистника ледяного" (Кип. лар., стр. 61-64 нов. изд.).

Пятно жерла стеною огибая,
Минутно лед туманный позлащен...
Мечта весны, когда-то голубая
Твоей тюрмой горячей я смущен!
Истомлена сверканием напрасным,
И плачешь ты, и рвешься, трепеща,
Но для чудес в дыму полудня красном,
У солнца нет победного луча.

Но не желай свидетелем безмолвным
До чар весны сберечь твой синий плен,
Ты не мечта, ты будешь только тлен
Раскованным и громозвучным волнам.
("Ледяная тюрьма").

Поэт любит снег, "то сверкающе белый, то сиреневый", "и особенно талый" --"на томительной грани всеожженья весны" ("Снег" в том же Трилистн). Стих. "Дочь Иаира" (Воскресение), завершающее этот цикл, возводит такие настроения в целую систему религиозно-космического мироощущения.

Картина весны в природе и звон пасхальных колоколов не сливаются для поэта в одну симфонию.

Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить,
Эту алую застылость
Надо было разбудить...
Для чего ж с контуров нежной
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ее цветы?
Для чего так сине пламя,
Раскаленность так бела,
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?

Чудо воскрешения творится в тишине и благодати, мнимое же "воскресение" девы-природы весною есть только подлог, жалкая пародия на это чудо. Весна всегда смерть, разложение, и новая жизнь, рождаемая из этого гниения, заранее носит в себе семя смерти. Стихийная страсть пола, овладевающая весною всем живущим, тоже только личина страха смерти и от нее заранее веет тлением. Поэт говорит о черной, ожившей земле:

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она, --
Только раз напоил ее Март огневой,
Да пьянее вина!

Земля эта вызывает страсть в людях, но страсть жуткую, безотрадную:

Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...
(В марте. Трилистн. соблазна, 3).

Но мечта об иной весне, мечта, воодушевлявшая Алексея Толстого и Вл. Соловьева, еще проникнутых живою верою в чудо Христа, уже не может серьезно покорить поэта скептических годов. Для Инн. Анненского "Лазари забыты в черной яме" (стих. Вербная неделя. Трил. сентиментальн., 3), подлинной веры в воскресение в нем, конечно, уже нет. Есть ли вообще какая-либо вера? Сомнительно и это.

О состоянии полного неверия он, правда, всегда говорит с ужасом. Даже религия Льва Толстого (см. статью "Власть тьмы" в "Книге отраж.") пугает его, как разновидность нигилизма духовного. Анненскому нужно евангелие целиком, с чудесами и без критики,

иначе нет настоящего утешения в вере. Тем более безотрадной представляется ему "скудная и жуткая" вера в человека -- царя природы, вера М. Горького и ему подобных (ст. "Драма на дне", там же). Религиозное отрицание Гейне, для которого мексиканский идол Вицлипуцли и бог испанцев одинаково призрачны, а в пустом небе никого нет, мучает и покоряет Анненского своим сильным духом. Анненский -- духовный современник Ницше и Леонида Андреева: он ясно сознает, что "бог умер", что жизнь мира объективно бессмысленна, но сознает это с ужасом и отчаянием. Назад идти не хочет, но впереди ничего не видит. И все яснее выступает для него единственная несомненная реальность -- смерть.

Смерти Анненский посвятил много строк. Тема об отношении его к смерти заслуживала бы специального обследования. Анненский, несомненно, боялся смерти и не только смерти вообще как темного, таинственного начала, а именно будней индивидуальной смерти: трупа, гроба, разложения. Он боялся и жизни, по крайней мере, жизни обыденной, властно и грубо калечащей людей. Но от лап этой "бабищи" он не мог, подобно Сологубу, искать спасения у смерти, как красивой и нежной избавительницы. Смерть ему представлялась безобразной, и факт смерти "в конце" заранее обессмысливал жизнь. "Тютю после бо-бо", -- вот, что мучительно перерезывает все надежды на совершенствование человека, говорит поэт в гротескном сонете "Человек" (Трилистн. шуточный, 3). Процесс умирания изображает он с изумительным искусством, пользуясь символом детского шара (игрушки).

Между старых желтых стен,
Доживая горький плен,
Содрогается опалый
Шар на нитке темно-алый
Между старых желтых стен...
И бессильный, точно тень,
В этот сумеречный день,
Все еще он тянет нитку,
И никак не кончит пытку
В этот сумеречный день...
(Трилистн. балаганный, 3. Умирание).

Мучения бессонницы, болезни, кошмарных снов ("Снами измучен я", см. Посм. стихи, стр. 20) хорошо знакомы поэту и описаны им с поразительной точностью. Страшны эти часы, а все-таки

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Все простит им... если это
Только это, а не то.
(Трилистн. кошмарный, 3, То и Это).

То -- смерть, черная дыра, перед которой можно только закрыть глаза и стонать в отчаянии. Образ смерти и похорон всегда дается грубыми мазками:

В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?
(Тих. песни. "У гроба", стр. 7).

Гляжу и мыслю: мир ему,
Но нам-то, нам-то, всем,
Иль люк в ту смертную тюрьму
Захлопнулся совсем?

.....
Лишь ужас в белых зеркалах
Здесь молит и поет,
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает.
("Перед панихидой"; Трилистн. траурный, 1).

Мысль о смерти никогда не покидает Анненского, каждый "конец" напоминает ему о ней, все, вплоть до смолкающей в воздухе струны или даже цимбал бродячего музыканта, наигрывавшего веселый кэк-уок (Посм. стихи, стр. 145-6).

Мах да Мах,
Жизни... ах,
Как и не бывало.
(Посм. стихи стр. 146).

Любовь сильнее смерти -- вот, что обычно спасает и утешает. Знает ли Анненский такую любовь? И да, и нет. Мы уже видели, как глубоко чужда ему любовь и страсть. Ближе любовь-сострадание, любовь-гуманность, жалость и скорбь о всем живущем, тленном и умирающем. Этою любовью он, несомненно, жил, и она повышала в поэте интерес к жизни, расширяла диапазон его творчества, которое в противном случае увяло бы, замкнувшись в узкую тему самоистязания страхом смерти и жизни. Но любовь эта слишком грустная и кроткая, ей смерти не победить. Она может только бессильно ласкать, смягчать ужас, облегчить участь "жертвы накануне гильотины", нежным словом и поцелуем.

И прежде всего это в очень малой степени любовь к женщине. Анненский хорошо знает, что у нас, в отличие от греков, где "Фесей дружбою возродил одержимого Геракла", -- "у нас осенять и возрождать призвана Мадонна" (2-ая кн<ига> отраж<ений>, ст. "Искусство мысли"). Но Мадонна-утешительница именно перестает ощущаться, как женщина, она для утешаемого мать или сестра, более чуткий, более счастливо одаренный человек духовно в борьбе с жизнью и -- только.

А любовь мужчины и женщины -- всегда страдание для одного или обоих. Бывают, конечно, дивные минуты, но и их скорее дает созерцание издали:

Узорные ткани так зыбки,
Горячая пыль так бела, --
Не надо ни слов, ни улыбки;
Останься такой, как была.
.....
Минута и ветер, метнувшись,
В узорах развеет листы,
Минута -- и сердце, проснувшись,
Увидит, что это не ты...
(Посм. стихи, стр. 68 "Минута").

Иллюзии любви мимолетно навещают лишь юность. Там, где юноша когда-то надевал "цветистую шляпу" своей милой на ветви засохшей березы, через несколько месяцев зачернелся "мучительно-черный стручок" повесившегося, уж не того же ли юноши?

(Кипар. лар. -- Контрафакции: весна -- осень). Рядом с весенним романсом ("Еще не царствует река"), полным веры в близкое торжество любви, Анненский пишет "Осенний романс" ("Гляжу на тебя равнодушно"), романс о мертвых листьях и забвении былого чувства (см. отдел "Размет. Листы" в "Кип. Ларце"). Конечно, поэт хорошо знает, как много дает любовь. Он тонко умеет изображать и нежную робость той любви, которая хочет только смотреть да радоваться ("Небо звездами в тумане"), и тоску вечно не слиянных душ ("Два паруса лодки одной"), и порыв грешной страсти к "альмес" ("Дальние руки"), и все будничные мелочи краденого счастья "несвободных", городских людей (прерывистые строки "Разлука" -- чрезвычайно интересные и как формальное достижение -- свободный полупрозаический стих). Но в основе поэт знает только "Две любви":

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей -- она дурманит.
Дай ей волю, и ее не станет.
Быть, как дым, но вечно молодым...
Есть любовь, похожая на тень,
Днем у ног лежит -- тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень -- но вместе ночь и день...

Страсть-обман или мечта-тень, и то, и другое -- "не настоящее". Иное озарение очень редко и то или в прошлом "когда-то", или "о, если бы" (см. напр, изумительное по музыкальности Träumerei "Трилистн. лунном").

Итак, любовь к единой избраннице -- лишь форма любви ко всему страдающему. В сущности, Анненскому весь мир родной и всех жаль. Это очень важно понять, иначе мы не разгадаем главной тайны этого индивидуалиста-гуманиста. Анненский сначала кажется холодным, замкнутым, ему будто только до себя и дело. Да нет же: всмотритесь, как он перевоплощается, как мастерски он умеет находить свое: и в природе, и в человеке, и в растении, и в животном, и даже в "бездушном" предмете. Души вещей ему насквозь видны. Вот, например, часы, сколько раз он о них говорит с нежностью и тревогой. О маятнике "бледном сумасшедшем", что ходит целый день, "волоча немую тень", о "стальной цикаде", что "звякнет и запахнется дверью часовщика", и опять о "лире"-маятнике, которую надо из жалости толкнуть пальцем, немножко лишь поддержать, чтобы вернуть ей замирающую жизнь (Посм. стихи, 72), как -- увы -- никто не догадался сделать с надорвавшимся сердцем поэта. Я уже описывал, как Анненский жалел лед. В той же "Ледяной тюрьме" он с грустью рисует возможные, различные, но все одинаково печальные, судьбы льдинки, если она не сбережет "синий плен" до растлевающих огней весны.

И твой конец -- на сердце у больного,
Коль под землей не задохнешься ты.

Стоит вчувствоваться в эти простые слова. Судьба льдинки, тающей в больничном пузыре или задыхающейся в леднике, здесь совершенно очеловечена. Еще изумительнее стихотворение "То и Это", конец которого мы тоже уже приводили в другой связи.

Ночь не тает. Ночь, как камень
Плача тает только лед,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.
И лопочут, даром тая,

Ледышки на голове;
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две.
И что надо лечь в угарный
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора...

Здесь психика больного (счет подушек) слита воедино с воображением краткого жизнесознания льдинок, которым после топора (колют лед, во дворе под фонарем), надо таять на голове больного ("угарный, голубой туман костра"). Если так ожили льдинки, то тем более нежности вложено в описание цветов и вообще растений. "Ель, моя елинка" (Посм. стихи, 61) описывается, как старый друг. В стих<отворении> в прозе "Мысли-иглы" поэт сравнивает самого себя с такой же елкой, а мысли с иглами, падающими в перегной почвы будущего. Какая-нибудь веточка ("Неживая"), на фоне "синей бумаги" неба, кажется символом многих маленьких существ, убитых грубой жизнью. Затаенная мечта измотавшегося "почтового колокольчика": "дома бы день -- день один" образует центральную точку "песни с декорацией" (Посм. стихи, 89), где эти колокольчики живо обсуждают своими голосами печальную "свадебную историю" о Лиде, выданной за "дида с деньгами".

Уже "Кипарисовый ларец" и особенно хоры лирических трагедий Анненского, (о которых два слова еще ниже) достаточно показали, настолько неправильно представлять себе этого поэта как какого-то вычурного софиста насыщающего мыслью гротескно-прозаические стихи. Анненский, конечно, большой мастер поэтической формы, он не только был для молодого поколения "мэтром", -- теоретиком, но и на деле достиг большой тонкости поэтической речи. Но он всегда умел различать словесное ремесло от поэзии и, владея всеми формами, выбирал каждый раз ту, которая соответствовала его душевному порыву. "Посмертные стихи" окончательно раскрывают нам это. Там есть изумительные словесно-музыкальные "трюки" ("Кэк-уок на цимбалах", те же "Колокольчики"), но суть конечно не в них, самих по себе, а в том перебое настроений, которому форма всецело подчиняется.

Живая душа, человек страдающий -- вот главная святыня Анненского. Можно сказать, что для него весь мир -- совокупность страдающих единиц. Я не знаю философско-метафизических симпатий Анненского, но по духу поэзии его, ему должна была бы стать изумительно близка пессимистическая и дисгармоническая "генадология" Юлия Банзена -- этого последовательнейшего индивидуалиста и отрицателя всяких "утешений", принимавшего бесконечность мировой муки раздвоения*. Анненский вряд ли знал Банзена¹¹. Но мы знаем, как дорог был Анненскому Достоевский, дорог конечно больше "вопросами", чем "ответами", больше "горнилом сомнения", чем конечной "Осанной", в которой не обошлось без срыва голоса и фальшивых нот (см., напр., ст. "Искусство мысли" -- о "Преступлении и наказании", 2-ая книга отраж<ений>). Анненский -- родной брат тех "последних людей", которых описывает Версиров в "Подростке", людей, которые, утратив всякую веру в бога и бессмертие, все силы души вложили в трогательную любовь-жалость друг к другу.

* См. мою статью "Забытый мыслитель" (Жизнь и творчество Ю. Банзена). Вопр<осы> филос<офии> и псих<ологии>. 1912 г. Май-июнь.

Умение перевоплощаться в людей другого стиля в душевного типа, которое придает такую силу "Книгам отражений" (см. в особенности ст. "Драма настроений" -- тончайшее вскрытие внутреннего пафоса "Трех сестер" Чехова). Оно же, а не только стремление к внешней стилизации, диктовало Анненскому такие неожиданные на первый взгляд стихотворения, как "Шарики" (клич уличного торговца), "Нервы" (беседа супругов-обывателей о возможном обыске у сына-студента, на фоне дачной улицы), перевод "Мать

говорит", из Ганса Мюллера (мещанское сватовство, Посм. стихи, 126). Да в сущности и в увлечении Анненского французскими "парнасцами и проклятыми", хотя оно органично, и очень важно для понимания его путей, не малую роль сыграло это страстное желание до конца прочувствовать своеобразно-цельный, но кое в чем и чужой (хоть, другими сторонами, очень родной ему) мир. Во всяком случае нельзя всего Анненского вывести из французского символизма, в его поэтическом облике было много элементов чисто-русских и даже враждебных латинской стихии.

Рядом же с этими (русскими и французскими) и гораздо глубже их лежал элемент антично-эллинический. Классическая филология была настоящей и неизменною любовью Анненского. Он классик в принципе, исходя из совершенно иных, идеальных планов и представлений. В его классицизме первое место занимал, конечно, не Рим, а Эллада, в особенности поздние Афины, где проповедовал Сократ и творил вдохновенный Еврипид. Анненскому был близок именно кризис античной культуры, перелом от родовой идеологии к индивидуализму, со всеми его изощренными уклонами.

Но в античности он все же видел и некую гармонию, хотя признавал, что сам, может быть, "бежал бы из общества увенчанных розами собеседников Архелая" и от самого Еврипида. Гармонию он видел в очищающем душу трагизме, в музыкально-словесной форме, "страданием поучающей" и исцеляющей, в самой композиции античной драмы. Работа Анненского над Еврипидом достаточно известна и остается только желать, чтобы мы поскорее дождались полного издания этого труда, с сохранением в неприкосновенности всей основы текста и комментария*. Сам Анненский успел издать лишь I том "Театра Еврипида" (изд. т-ва "Просвещение"). Античность была для Анненского тоже формой духовного перевоплощения, в котором он черпал силы для претерпевания мировой дисгармонии. Оттого он не ограничился переводами, но вступил на путь оригинального неоклассического (и в то же время романтического) творчества в формах античной трагедии. И надо признать, остался победителем на этом пути.

* В "Памятниках мировой литературы" изд. Сабашниковых (Еврипид. Драмы. Т. I-II). перевод И. Ф. Анненского и текст его вступительных статей значительно изменены редактором собрания проф. Ф. Ф. Зелинским в соответствии с его взглядами на задачи переводчика и комментатора, во многом расходящимися с точкой зрения И. Ф. Анненского.

Четыре трагедии Анненского не представляют собою по форме чего-либо им впервые введенного в мировую литературу. Это -- лирические драмы, с хорами подобные тем, какие создавали на Западе Шелли, Суинберн, Выспянский¹². В русской литературе Анненский тут во многом был пионером и надо, признать, остался первым по силе. Хоры его драм поражают богатством ритмов и приемов построения, органически вплетаясь в ход действия. Сплетение античной и современной души очень органично и исключительно драгоценно для нас. Можно сказать, впрочем, что романтическо-символический стиль постепенно вытесняет чисто-эллинический, которого больше всего в "Меланиппе" и меньше всего в "Фамире", совершенно "декадентской" по языку и конструкции. Но для нашей темы всего важнее отметить элемент дерзания и борьбы, проходящий через все драмы, еретический рационализм Меланиппы и ее борьба за материнство, трагически заканчивающаяся темницей и ослеплением, дерзкое и жалостное в своей беспомощности чувственное богоборчество Иксиона, любовь - победительница смерти в "Лаодамии", конфликт искусства и любви в злополучной судьбе Фамиры-кифареда; все эти темы очень тесно связаны с поэзией и критикой Анненского. Издание всех 4-х драм вместе с небольшим комментарием -- безусловно очередная задача собирателей духовного наследия Анненского; только тогда более широкие круги узнают и оценят истинную величину этого поэта.

О "Фамире" нужно говорить особо и в несколько другой связи. Эта драма была последним любимым детищем Анненского, в ней наиболее интимно выразилось его мироощущение. Она явилась как бы его поэтическим завещанием. Сопоставляя эту драму

с последней статьей Анненского "О современном лиризме" (в журн. "Аполлон", 1910 г. NN 1-3) и последним стихотворением "Моя тоска", завершающим "Кипарисовый ларец", невольно хочется увидеть в них нечто общее. Думается, такое общее действительно есть: это -- утверждение духовной свободы за автором и читателем. Анненский и раньше не раз говорил: мой путь -- прежде всего мой, другим его не навязывал, и на абсолютное знание, а тем паче на пророческое проповедничество нисколько не претендовал. "Тихие песни" начинаются эпитафией:

Из заветного фиала
В эти песни пролита,
Но -- увы -- не красота
Только -- мука идеала --

и обращением к поэзии, которой автор хочет "молиться, ее не зная", "искать следов ее сандалий между заносами пустынь". А потом опять в 3-м мучительном сонете:

Нет, им не суждены краса и просветленья,
Я повторяю их на память, в полусне.
Они -- минуты праздного томленья
Перегоревшего на медленном огне.
Но я люблю стихи -- и чувства нет святей:
Так любит только мать и лишь больных детей.
(Тих. п. стр. 55).

В "Посмертных стихах" он называет свой стих даже "ничьим":

Видишь -- он уж тает, канув
Из серебрянных лучей
В зыби млечные туманов.
Не тоскуй: он был ничей.
(Посм. стихи, 23).

А в "Моей тоске" (Кип. Лар., последнее стих.) мы читаем:

Пусть травы сменятся над капищем волненья,
И восковой в гробу забудется рука,
Мне кажется, меж вас одно недоуменья
Все будет жить мое, одна моя тоска.

Это странная тоска, неведомая женщина, у которой "маленьких детей перевязали, сломали руки им и ослепили их", и вот она целый день качает пустые зыбки, с порочной улыбкою на устах и образком в углу. Что же это значит? Отрицание любви, извращение психики, культ несчастья и неудачи, как самоцели? О нет, читайте внимательнее.

О, сила любящих и в муке так спокойна,
У женской нежности завидно много сил.
Да и при чем бы здесь недоуменья были --
Любовь ведь светлая, она -- кристалл, эфир...

Любовь ведь светлая и сил много у нее. Пусть "моя тоска" безлюба, пусть ее мир "отравлен". Мой путь не для всех и вовсе он там не избранный какой-нибудь, а просто мой. Кому дано вместить иное, светлое (заметьте не "больше", не "меньше", а просто

"иное") -- пусть вместит и будет счастлив, наверное и на самом деле. Об этом и в "Фамире" мы слышим. Нимфа-мать, одиночество, эгоистический культ музыки -- все эти силы погубили Фамиру, не извне погубили, а по судьбе, поэтому, что вот "такой" вот именно был. Он остался чужд Дионису, но и Аполлону не сумел послужить. Помните, что мэнэды пели его матери:

Боишься -- вуалем
Закройся -- не станем:
Мы слабых не жалим,
Усталых не раним...

Трагедия матери и сына в том, что они, слабые, возомнили себя сильными и изменили своим путем. А вот иные сильные идут и путь находят и правду творят. Что значу я один, что значим мы все для будущего, когда есть живой его росток -- дети.

Вы за мною? я готов;
Нагрешили -- так ответим,
Нам -- острог, но им -- цветов...
Солнца, люди, нашим детям!

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору:
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору...
("Дети" Кип. л. стр. 145).

Вот как говорит отходящий, вот к кому он обращается. Живите, любите, радуйтесь. И в статье "О современном лиризме" с какой любовью, с какою безграничной силой восчувствования старается Анненский понять до конца индивидуальность каждого из молодых поэтов и поэтесс! Как щедро их благословляет и как мягко журит за то, что ему кажется немножко опасным (напр., хоть все за то же обращение поэзии в ремесло "стихodelания"). Приятие мира -- вот последнее слово этого вечного отрицателя и бунтаря.

Что же это значит? Примирился? Покорился? Или просто рисовался раньше? Или так -- да будет противоречие? Тайна в одном -- в признании за каждым личного пути при глубоком сомнении в общих нормах, сочетающемся с тоскою по ним и с верою в путь к ним -- живое вчувствование в реальное многообразие индивидуальностей. И тут свет луны опять сходится со светом солнца, как то бывает на радостной заре утра.

И еще одно имя хочется вспомнить. Имя, начинающее русскую поэзию и вечно к себе возвращающее -- имя Пушкина. Ведь это он в "Вакхической песне" провозгласил мир между Дионисом и Аполлоном.

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь вакхальны припевы!
Те припевы, что властно звучат в "Фамире".
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Да, да здравствуют, "любовь -- ведь светлая". А дальше что: разгул, надрыв? Так нет же!
Да здравствуют Музы, да здравствует Разум!
Ты, солнце святое, гори!

Музам, Разуму, солнцу искусства и мудрости светлой эллинской служил Иннокентий Федорович Анненский. И не побоялся "опошленных" слов, слов духовного освобождения.

Евгений Замятин. Детская

У капитана Круга были брови. То есть брови, конечно, были и у всех тут в клубе: брови были у блестящих, белокипенных моряков-офицеров, брови были -- очень искусные -- у мадемуазель Жорж; очень тоненькие -- у Павлы Петровны; замызганные -- у Семена Семеныча; шерстяные -- на заячьей мордочке китайца из буфета. Но никто не знал, что есть брови у офицеров, у мадемуазель Жорж, у Семена Семеныча, у китайца: знали только, что есть брови у капитана Круга.

Так он был бы, пожалуй, незаметен. Небольшого роста; бритое, медное от морского ветра, вечно запертое на замок лицо. И вдруг -- брови: две резких, прямых, угольно-черных черты -- и лицо запомнилось навеки, из всех.

В руке у капитана Круга -- неизменная сигара. Перед ним -- робкая заячья мордочка. Капитан Круг не отрывает глаз от пепла на кончике сигары.

-- Я тебе сказал -- три бутылки в "детскую" наверх. Готово?

Голос ровный, покрытый очень толстым слоем пепла, и только еле заметно надвинулись брови. Но у китайца моментально вырастает голова в плечи, вздрагивает поднос в руках, бормочет: "Се-минут, се-минут", -- и мчится в буфет, а из буфета по шербатай винтовой лестнице на антресоли: там -- "детская".

Когда перебрались наверх в "детскую", все клубные уставы -- и вообще все уставы -- оставались внизу. Тут играли по рублю фишка; тут устраивали "чайный домик"; тут в белых японских с драконами обоях -- видны черные дыры от револьверных пуль.

Торопливо, задыхаясь в дыму, горят свечи; тучи табачного дыма, и нет потолка, нет стен -- просто пространство. Похоже на тихоокеанский туман, когда нет ничего -- и все есть, как во сне, и как во сне -- все нелепо и все просто.

Давно выпиты три бутылки и еще три. Играть еще не начинали: надо подождать, пока не кончится внизу. Капитан Круг медленно переводит глаза с кончика сигары на кончик туфли мадемуазель Жорж, на тонкий с золотой стрелкой чулок. Эту золотую стрелку знали все, кто видел мадемуазель Жорж на эстраде.

-- Ну что же, мадемуазель, будете сегодня отыгрываться? Не на что? Пустяки! Взаимы -- хотите?

Левая бровь у капитана Круга взведена вверх как курок, -- все ждут: ну, сейчас... Мадемуазель Жорж -- на самом краешке стула, и глаза у ней быстрые, как у птицы: может быть, сейчас клюнет крошку из рук, может быть, встрепыхнется -- и в окно.

-- А хотите так, не взаимы? Легкий птичий кивок.

-- У-гум, прекрасно... (сигара сбросила пепел). Ну что же: четвертной за каждые два вершка до колен, сто -- за каждые два вершка выше.

Щеки у мадемуазель Жорж белые от пудры, и ничего не заметно. Но уши загорелись, и красные пятна на плечах, на шее. Обводит глазами клетку из человечьих лиц -- хватается глазами, но не за что ухватиться.

Мадемуазель Жорж встряхивает локонами, улыбается -- очень весело -- и начинает подымать платье.

Пышнощекий с детскими ямочками мичман восторженно раскрыл рот и не спускает с Круга молитвенных глаз. Вдруг вытаскивает из кармана желтый складной аршинчик:

-- Круг, вот у меня есть, -- позвольте я? Ей-Богу, а? Позвольте!

Круг молча кивнул. Мичман с аршинчиком опускается на колени перед мадемуазель Жорж.

-- Четыре... Шесть... Пол-аршина... Уже белое кружево, и между черным и белым -- розовеет тело.

-- Деньги...-- Голос у мадемуазель Жорж такой, что ясно: кто-то ее схватил, держит за горло.

Капитан Круг медленно перелистывает новенькие хрусткие бумажки и передает их мадемуазель Жорж. И снова мичман с ямочками выкрикивает: "Десять! Двенадцать!"; мадемуазель Жорж улыбается все отчаянней и все отчаянней бьется глазами в клетке из лиц; капитан Круг неспешно расплачивается за каждые два вершка ..

-- Под таба-ак! -- по-волжски кричит мичман, сияя.

Мадемуазель Жорж получила все, что могла. Сунула деньги в карман, выскочила из-за стола, забила в мышиный какой-то уголок, втиснулась в стену.

Мичман с ямочками восторженно, с обожанием глядит на брови капитана Круга.

-- Нет, откуда у вас столько деньжищ, капитан Круг? Нет, ей-Богу, а?

Запертое на замок лицо; пауза. Брови сдвигаются в одну резкую, с размаху зачеркивающую прямую.

-- Откуда? Был пиратом -- стрелял котиков в запрещенном районе. Выгодно, но довольно опасно. А потом поставлял уголь -- вам, на военные корабли. Еще выгодней -- и совершенно безопасно. Вы, моряки -- народ отменно любезный.

Мичман закрыл рот. Беспомощно оглядывается назад, но сзади -- кто обнаружил невидимое пятно на рукаве, кто потерял спички и усиленно ищет по всем карманам.

-- Капитан Круг, вы... Я хочу сказать, что я просто...

-- Да, я слушаю. Итак -- вы просто...

Барометр летит вниз -- на бурю, но, к счастью, в дверях громкое сопенье, и из тумана -- огромная тюленья туша путейца, неизвестно почему известного под названием "Маруся". За ним -- гарнизонный отец Николай и Семен Семеныч с Павлой Петровной. У Семена Семеныча -- один погон, по обыкновению, оторван и шлепает, как туфля. Внизу -- кончилось, расходятся: кто по домам, кто сюда, в "детскую".

Капитан Круг стряхнул пепел с сигары и (пожалуй, это было уже лишнее: пепла уж не было) постучал сигарой о край пепельницы.

-- А Семен Семеныч опять со своим ангелом-хранителем? Ну, что ж, Павла Петровна, высочайше разрешите ему поиграть немного?

Павла Петровна -- как будто и не слышит. Уселась в тот самый мышиный уголок, откуда только что выскочила мадемуазель Жорж -- мадемуазель Жорж торопилась взять карты. Семен Семеныч пододвинул себе стул, вскочил со стула: "Нет, правда же, Павленька, я нынче только на полчаса. Понимаешь, надо же".

Потом торопливо перетащил стул на другой конец стола -- подальше от Круга; потрогал боковой карман; смахнул рукою невидимую пыль с лица.

-- Ну что же -- как вчера: фишка -- рубль? -- спросил Круг свою сигару.

Мичман с ямочками уже снова влюбленно глядел на сигару, на руку, на брови.

-- Ей-Богу, а? По рублю -- давайте, а? Вот это игра!

Путеец Маруся сморщился. Семен Семеныч вскочил, куда-то метнулся: "Ах, да бишь..." -- и опять сел, очень старательно. Это ничего, что по рублю: тем скорее можно отыгратья. Главное, осторожно -- не волнуясь...

Но после третьей талии, как всегда, уж дрожали у Семена Семеныча руки, все чаще смахивал с лица -- и лицо все больше выцветало, все больше становилось похоже на старый дагерротип из альбома.

Альбом -- там, в уголку, на коленях у Павлы Петровны. Не глядя, перелистывает тысячу раз виденные выцветшие лица. Не глядя, видит: вокруг свечей на столе кружатся, обжигаются и опять летят на огонь ночные бабочки-совки, и странное кольцо людей

сумасшедше, лихорадочно, всей силой человеческого духа молит, чтоб вышли десятка и туз -- двадцать одно. Вот опять Семен Семеныч лезет в карман за бумажником -- и видит Павла Петровна заплатку на кармане: вчера пришила заплатку на том месте, где пуговица бумажника проела сатин.

Семен Семеныч встал. Улыбнулся -- так, как улыбаются лица на дагерротипах: указательный палец заложен в золотообрезную книгу -- выдержка десять секунд. Смахнул рукою с лица:

-- У меня тут нету... Я сейчас -- внизу, в шинели...

Нет, не в шинели, а у сонного, сердитого буфетчика. Павле Петровне уже знакомо это. Буфетчик пальцем водит по книге и щелкает на счетах, как будто никакого Семена Семеныча тут вовсе и нет. А Семен Семеныч лепечет -- только чтобы не молчать, и похлопывает буфетчика по плечу с такой осторожностью, что ясно: буфетчик одет не в пиджак, а в мыльный пузырь, и тронуть чуть посильней -- все лопнет, и уйдет Семен Семеныч ни с чем.

А потом -- всё то же, что было вчера, и неделю назад, и месяц. Семен Семеныч войдет в спальню, когда по стене уже поползет бледно отпечатанный переплет окна; притворится, будто не узнает, что Павла Петровна притворяется спящей; прямо в сапогах -- на диван и до первых колес по мостовой будет ворочаться и вздыхать, а днем опять вытащит бульдог из среднего ящика и сунет в шинель, и опять тайком приберет бульдог Павла Петровна.

За столом Круг барабанил пальцами; ждали Семена Семеныча. И неожиданно для себя Павла Петровна сказала вслух то, что не вслух говорила уже целый месяц:

-- Послушайте, Круг, за что вы ненавидите Семена Семеныча?

Капитан Круг сдвинул брови, черная прямая черта резко разделила мир надвое. В нижнем мире -- капитан Круг пожал плечами.

-- Да, вы ненавидите и нарочно взвинчиваете, чтоб он проигрывал. Это подло. И если я раньше хоть не... хоть немного...

Но тут Павла Петровна остановилась: над чертой -- в верхнем мире -- промелькнула легкая дрожь, пробежала по меди до запертых на замок губ. На секунду Павле Петровне все стало ясно, все стало вырезанным из черного молнией -- и тотчас же забылось, как через секунду забывается такой как будто отчетливый сон. И уже не знала Павла Петровна, что стало ясно.

А медь -- снова была медью, и медь смеялась:

-- Вы заметили, господа: когда Семен Семеныч проигрывает, он начинает умываться, вот этак -- вроде как муха лапкой...

И помолчав немножко -- ни к тому ни к сему:

-- А мухи -- чудные очень. Помню, один раз оторвал мухе голову, а она -- ничего, без головы ползает себе -- и умывается. А чего умывать: головы нету.

Путеец Маруся сморщился от безголовой мухи, и стало видно, что он -- правда, Маруся. Отец Николай покачивал лысой, как у Николая Мирликийского, с седым венчиком, головой: может быть, Николай Мирликийский все понимал, или, может быть, Николай Мирликийский был очень пьян.

Павла Петровна через туман шла к дверям, ни на кого не глядя: потому что знала, как она ходит, и знала -- все не спускают с нее глаз.

А затем -- вернулся Семен Семеныч; по плечу шлепал, как туфля, оторванный погон. Сзади шел заячелищный китаец с бутылками.

Все гуще дым, все быстрее голоса, лица, брови, седой венчик, карты, ямочки на щеках. Пол качается, как палуба -- однажды Семен Семеныч ходил на шкуне капитана Круга, и тогда была тоже Павла Петровна, и тогда это началось...

У Семена Семеныча -- третий раз подряд черный, острый, ненавистный туз. Если б девятка -- Боже мой, если б хоть восьмерка... Еще туз: два туза, двадцать два. Всё. Семен Семеныч умывается лапкой, покачивается. Все, что принес с собой, и всё, что было взято у буфетчика...

-- Да вы пересядьте, Семен Семеныч...-- Это, кажется, мичман, кажется, он подмигивает Кругу.-- Вы пересядьте с отцом Николаем -- и вот увидите: повезет! -- Ямочки подмигивают.

Трудно это -- встать со стула. Но встал Семен Семеныч, и медленно плывет перед ним образ Николая Мирликийского в венчике.

-- А, не-ет! С переодеванием. Нельзя, нельзя! Семен Семеныч -- в рясу! А то ишь ты! Не-ет!

Таков игрецкий обычай. И Николай Мирликийский -- в офицерской тужурке с оторванным погоном, а Семен Семеныч в рясе.

-- Не смей смеяться! Молокосос! Убью! -- кричит Семен Семеныч мичману, весь трясется -- а может быть, и не мичману это "убью". Нет, конечно, не мичману -- и целуется с мичманом,-- Господи, какие у него милые ямочки! -- целуется с отцом Николаем.

Отца Николая сморило.

-- Послушай, за-заюшка, ты меня разбуди через полчаса: у меня в четыре заутрени,-- наказывает отец Николай китайцу.-- Меня, по-па, па-ни-маешь?

Заплетается язык -- и, должно быть, заплетаются руки: вместо своего кармана -- Николай Мирликийский сунул под столом бумажки на колени Семену Семенычу. А может быть -- вовсе не спяну это отец Николай, и тут что-то другое.

Забыл Семен Семеныч, что он в рясе: будто не в рясе, а только что выбритый и в снежном, чуть при-крахмаленном кителе, как у мичмана, с ямочками,-- крикнул Семен Семеныч:

-- Карту!

-- Карту? А чем отвечать будете?

Да, на столе перед Семен Семенычем -- пусто. Но он берет с колен мирликийские бумажки и не глядя кидает их тому -- Кругу.

-- Тысяча... тысяча триста -- тысяча триста пятьдесят. А в банке -- девять. Не подойдет.

Семен Семеныч не видит, но слышит отчетливо резкую, черную черту. И уже нет кителя -- снова ряса.

-- У меня -- дома...-- лепечет Семен Семеныч.

-- Дома? Дома у вас только и осталась -- Павла Петровна.

Колода насмешливо щелкает в руках у Круга, на сотую долю секунды перед Семен Семенычем мелькает туз -- сверху колоды, а под тузом, неизвестно почему, но Семен Семеныч знает это, безошибочно чувствует каждым своим волосом, каждым нервом -- под тузом десятка, и, опрокидывая рукавом рясы чей-то стакан, протягивает руку.

-- На Павлу Петровну? Идет. Выиграете -- ваш банк. А нет -- ...

Капитан Круг, конечно, шутит. Всем ясно, что он шутит. И только Семен Семеныч понимает -- еще тогда, на шкуне, он понял -- но тут сверху туз, а под тузом десятка, и сейчас он сгребет всю эту кучу -- и в карманы, и всему конец. Ах, в рясе, кажется, не бывает карманов -- ну все равно...

-- Карту!

Туз. Ага! Еще карту Двойка. Но как же двойка? Ведь Семен Семеныч ясно чувствовал там десятку -- совершенно ясно.

-- Еще одну... Десятка. Ага! Я так и знал -- туз и десятка! -- И Семен Семеныч открывает карты победоносно.

А вокруг него рушится смех, и он, засыпанный обломками, падает обратно на стул, выкарабкивается и, ничего не понимая, умывается, умывается лапкой.

-- Чудак! Да ведь двойка же еще! -- радостно, до слез, захлебывается мичман.-- Туз, да десятка, да двойка -- двадцать три. Ну, давайте по пальцам -- ну?

Все смеются, у всех зубы, одни зубы. И только -- неизвестно отчего -- плачет мадемуазель Жорж. Щеки у нее расписаны грязными ласами -- краска с бровей; на остром кончике птичьего носа -- смешная светлая капля.

И к мадемуазель Жорж, нелепо размахивая крыльями рясы, кинулся Семен Семеныч, заелозил губами па светлой капле:

-- Жоржинька... Жоржинька... Павленька... И зарывается головою все глубже, прячет голову от зубов -- одни зубы.

-- Мы с тобой... Выпей, выпей, голубчик,-- хлюпает мадемуазель Жорж и поит его из своего стакана.

Семен Семеныч плотает соленое и потом из стакана -- коллоче-сладкое. Все чаще в висках; все быстрее языки свечей, заячья мордочка, ямочки, зубы...

И вдруг -- стоп: лист белой бумаги. Краешек стола, сладкое, липкое кольцо -- след от стакана; в кольце -- муха; и рука с сигарой -- пододвигает к мухе лист белой бумаги.

-- Ну-с, пишите: "Мною, нижеподписавшимся, бывшая моя жена Павла Петровна, за сумму девять тысяч пятьсот рублей"... Теперь цифрами: девять тысяч пятьсот...

Семен Семеныч подул на муху: муха зажужжала жалобно, но взлететь не могла. Ну, пусть... Завернул рукав рясы, подписал покорно.

-- Ой, Круг, будет вам! Ой, умру, не могу больше,-- захлебнулся мичман, ямочки трясутся от смеха.

Семен Семеныч смахнул невидимую паутину с лица: Господи, ясно же -- все это шутка, ну, просто -- шутка. Розовеет выцветшая, дагерротипная улыбка, Семен Семеныч поднимает глаза. Мичман -- он совсем еще мальчик, и такие милые ямочки. И Круг... что же -- может быть, даже и Круг... Капитан Круг медленно складывает лист бумаги. Запертое на замок лицо. Резкая, черная черта бровей.

Было так, очень давно, в классе: заделанное в раме классного окна синее небо, на подоконнике -- пронзительные воробьи. И Семен Семеныч написал красное сочинение о весне -- стихами. А потом стоял около кафедры, и гусиное перо -- раз! -- черная черта через весну.

Черная черта бровей зачеркнула Семена Семеныча:

-- Ну вот -- всё в порядке. Завтра же отправлюсь получать по векселю.

Нет, это же все шутка, конечно... Это же -- конечно... Все чаще, все торопливей Семен Семеныч умывается лапкой, и какие-то слова в голове -- липкие, непослушные, непроворотные.

-- Маруся, ну хоть вы... Ведь я же знаю... Ну ради Бога, скажите, не существует же в возможности действительность... я хочу -- в действительности возможность...

-- А-а, ничего не существует! Отстаньте! -- морщится Маруся.

Окно выцветает, бледнеет, виден черный крест рамы: за окном начинается несуществующая действительность -- день, обычный, нелепый, смешной, как все дни.

Откуда-то зайчонок-китаец. Нагнулся над запрокинутым венчиком Николая Мирликийского, трясет за плечо:

-- Четыре часа. Велел будить. Вставай, четыре часа.

Голова в белом венчике покачнулась, прорезались глаза. Мутно обводит круг, потом -- на себя: тужурка, оторванный погон, такой знакомый. Ну да: Семен Семеныч. И сердито зайчонку-китайцу:

-- Ты кого это бу-будишь? Нет, ты кого будишь, а? Я тебе кого велел будить, а? -- Язык непослушный, вязкий.

-- Тебя. Церковь надо.

-- Нет, ты зачем меня будишь? Я тебе велел отца Николая, а ты гляди -- ты кого? А?

"Детская" трясется от смеха. Зайчонок стоит растерянно: запутался. И испуганно, мутно, как дагерротипы в альбоме, глядит Семен Семеныч.

"Кто я? Я не существую. Ничего не существует".

На крышке стола перед ним, в сладком, липком кольце -- муха все еще взвизгивает и тщетно пытается взлететь вверх.¹³³

Ленинград

«Ленинград» — тонкий иллюстрированный литературный журнал, орган ленинградского отделения СП СССР. Выходил 2 раза в месяц с 1940 по 1946 год.

Основан взамен журнала «Резец» (1924—1939), который был больше публицистическим, чем художественным.

Закрит по постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (14 августа 1946). Тираж в 1944 г. - 15 000 экземпляров.

Возрожден по решению Союза Писателей России, отделения Ленинградской области в 2013 году.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах "Звезда" и "Ленинград"

14 августа 1946 г.

ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы "Звезда" и "Ленинград" ведутся совершенно неудовлетворительно. В журнале "Звезда" за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой "Звезды" является предоставление литературной трибуны писателю Зоценко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции "Звезды" известно, что Зоценко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зоценко "Приключения обезьяны" ("Звезда", N 5-6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зоценко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зоценко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами. Предоставление страниц "Звезды" таким пошлякам и подонкам литературы, как Зоценко, тем более недопустимо, что редакции "Звезда" хорошо известна физиономия Зоценко и недостойное поведение его во время войны, когда Зоценко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь как "Перед восходом солнца", оценка которой, как и оценка всего литературного "творчества" Зоценко, была дана на страницах журнала "Большевик".

Журнал "Звезда" всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, "искусстве для искусства", не желающей идти в ногу со своим народом наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе. Предоставление Зоценко и Ахматовой активной

роли в журнале, несомненно, внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среде ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в № 1 за 1946 г. и т.д.). Помещая эти произведения, редакция усугубила свои ошибки и еще более принизила идейный уровень журнала. Допустив проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений, редакция понизила также требовательность к художественным качествам печатаемого литературного материала. Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и рассказами ("Дорога времени" Ягдфельдта, "Лебединое озеро" Штейна и т.д.). Такая неразборчивость в отборе материалов для печатания привела к снижению художественного уровня журнала. ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал "Ленинград", который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зоценко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. Как и редакция "Звезды", редакция журнала "Ленинград" допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Журнал напечатал ряд ошибочных произведений ("Случай над Берлином" Варшавского и Реста, "На заставе" Слонимского). В стихах Хазина "Возвращение Онегина" под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград. В журнале "Ленинград" помещаются преимущественно бессодержательные низкопробные литературные материалы. Как могло случиться, что журналы "Звезда" и "Ленинград", издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности? В чем смысл ошибок редакций "Звезды" и "Ленинграда"? Руководящие работники журналов и, в первую очередь, их редакторы гг. Саянов и Лихарев, забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, - его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности. Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия. Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, "искусства для искусства" чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах. Недостаток идейности у руководящих работников "Звезды" и "Ленинграда" привел также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельских отношений притуплялась критика. Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при

котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что редакции журналов "Звезда" и "Ленинград" не справились с возложенным делом и допустили серьезные политические ошибки в руководстве журналами. ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель т. Тихонов, не приняли никаких мер к улучшению журналов "Звезда" и "Ленинград" и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов. Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Более того, зная отношение партии к Зощенко и его "творчеству", Ленинградский горком (тт. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением горкома от 28.1. с.г. новый состав редколлегии журнала "Звезда", в который был введен и Зощенко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. "Ленинградская правда" допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию Юрия Германа о творчестве Зощенко в номере от 6 июля с.г. Управление пропаганды ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать редакцию журнала "Звезда", Правление Союза советских писателей и Управление пропаганды ЦК ВКП(б) принять меры к безусловному устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных.

2. Ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий, прекратить издание журнала "Ленинград", сосредоточив литературные силы Ленинграда вокруг журнала "Звезда".

3. В целях наведения надлежащего порядка в работе редакции журнала "Звезда" и серьезного улучшения содержания журнала, иметь в журнале главного редактора и при нем редколлегию. Установить, что главный редактор журнала несет полную ответственность за идейно-политическое направление журнала и качество публикуемых в нем произведений.

4. Утвердить главным редактором журнала "Звезда" тов. Еголина А.М. с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

5. Поручить Секретариату ЦК рассмотреть и утвердить состав редакторов отделов и редколлегии.

6. Отменить решение Ленинградского горкома от 26 июня с.г. о редколлегии журнала "Звезда", как политически ошибочное. Объявить выговор второму секретарю горкома тов. Капустину Я.Ф. за принятие этого решения.

7. Снять с работы секретаря по пропаганде и заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома тов. Широкова И.М., отзывав его в распоряжение ЦК ВКП(б).

8. Возложить партруководство журналом "Звезда" на Ленинградский обком. Обязать Ленинградский обком и лично первого секретаря Ленинградского обкома и горкома тов. Попкова принять все необходимые меры по улучшению журнала и по усилению идейно-политической работы среди писателей Ленинграда.

9. За плохое руководство журналом "Ленинград" объявить выговор тов. Лихареву Б.М.

10. Отмечая, что журнал "Звезда" выходит в свет со значительными опозданиями, оформляется крайне небрежно (обложка имеет неприглядный вид, не указывается месяц выхода очередного номера), обязать редакцию "Звезды" обеспечить своевременный выход журнала и улучшить его внешний вид.

11. Возложить на Управление пропаганды ЦК (т. Александрова) контроль за выполнением настоящего постановления.

12. Заслушать на Оргбюро ЦК через 3 месяца отчет главного редактора "Звезды" о выполнении постановления ЦК.

13. Командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б).¹³⁴

М. Зоценко. Происшествие на Олимпе

Начинающий писатель М. написал рассказ под названием «Качает».

Сюжет рассказа не бог весть какой. Служащие столовой везут на пароходе инвентарь своего предприятия, которое эвакуируется. Пароход подрывается на mine и тонет. Однако удается спасти все, вплоть до последней вилки.

Этот свой рассказ М. отдал на рассмотрение в литературную консультацию при Н-ской районной газете.

Рассказ понравился в консультации. Начинающего автора поздравили с успехом и три часа с ним беседовали, поправляя рассказ, с тем, чтобы он достиг, так сказать, своего художественного потолка.

Беседуя с автором, редактор консультации сказал ему:

— Рассказ ваш проникнут оптимизмом и глубокой верой в людей, и поэтому вдвойне досадно, что пароход ваш тонет. Должно быть, хороший пароход, вероятно, не маленький, а он так непростительно у вас тонет. Получается как-то не любовно к предметам и людям.

Потупив очи, писатель сказал:

— Пароход-то у меня совсем небольшой...

— А хоть бы и небольшой, — сказал редактор, — а все-таки это пароход. На него и деньги затрачены, и труд... Нехорошо получается... Может, у вас, чего доброго, и жертвы есть?

— Нет, жертв у меня нет, — сказал писатель. — У меня все спаслись... Если хотите, я могу даже это подчеркнуть.

— Нет, подчеркивать не надо, — сказал редактор. — Именно тогда-то читатель и скажет: «А, подчеркнул, значит, есть жертвы»... Нет, не следует, чтоб пароход тонул...

Начинающий писатель смущенно сказал:

— Но ведь это же только рассказ... Это же не по-настоящему гибнет пароход...

— Что значит «не по-настоящему»? — сказал редактор. — На что же такое произведение, которое не отражает подлинной жизни? Нет, вы пишете так, чтобы жизнь отражалась, как в капле воды. И учтите, что читатель переживает, видя, что водный транспорт теряет, так сказать, одну свою единицу... Нет, уж лучше вы парохода вообще не трогайте. Замените его чем-нибудь...

— Так чем же его заменить? — с беспокойством сказал писатель. — Может быть, баркой?

— Нет, баркой тоже нехорошо, — сказал редактор. — Барки сейчас очень и очень нужны Госречпароходству... Замените чем-нибудь таким, я бы сказал, небольшим...

— Может, буксир взять? — спросил писатель.

Редактор отрицательно покачал головой.

— Буксир — это тот же пароход, — сказал он. — Буксир я вам не советую брать.

Писатель возвел свои очи к потолку, стараясь припомнить самые малые плавающие единицы.

— Катер, может быть, взять, — пробормотал он. — Уж катер-то — это совсем небольшое, едва, так сказать, плавает...

Редактор потер свою переносицу и, обратившись к сотруднице консультации, сказал ей:

— Как ты думаешь, Катя, если он катер себе возьмет?

Пожав плечами, Катя сказала:

— Нет, катер не следует брать. Катер обычно людей спасает, и гибель катера может вызвать плохую реакцию у читателя... Пусть он лодку себе возьмет.

— А в самом деле, — сказал редактор, — возьмите себе обыкновенную лодку и дуйте на ней.

Слегка побледнев от обиды, писатель сказал:

— На что же мне обыкновенная лодка? У меня же народу много. Около тридцати человек. Как я их всех повезу?..

Не глядя на писателя, Катя сказала:

— То есть прямо беда с этими начинающими писателями. Они не соображают, что количество людей зависит от них.

Редактор сказал:

— А верно. Вы же художник и, так сказать, творец. Вы же этим распоряжаетесь. Возьмите себе поменьше народу. Столько, чтобы им в лодку сесть.

— Ну хорошо, допустим, я возьму меньше народу, — неуверенно сказал писатель, — а как же я имущество повезу?

Ведь они же у меня весь инвентарь с собой везут... Одних столов у них штук двадцать.

— Да столов-то вам за каким чертом столько! — раздражаясь, сказал редактор.

— Так ведь они же у меня все оборудование везут, — чуть не плача, пробормотал писатель. — Ведь если взять не все, то не будет такой острой проблемы. Будет самый обыкновенный рассказ.

Катя сказала:

— Да вы возьмите себе большую рыбацкую лодку. И как-нибудь там сложите все ваше имущество.

Редактор сказал:

— Конечно. Вы же художник. И, значит, как-нибудь там и уложитесь.

— А столы?

— Что столы?.. Ах да... Столы еще у вас... — сказал редактор. — Ну а столы... столы пускай... по воде плывут...

— В крайнем случае, — сказала Катя, — вы свяжите их веревкой, и пусть они рядом с лодкой плывут. Пусть кто-нибудь на корме сидит и держит эту веревку.

— Конечно, — сказал редактор. — Пусть они, так сказать, рядом с лодкой... Ведь, надеюсь, у вас деревянные столы... Не каменные, черт бы их драл...

— Ну деревянные, — сказал писатель с дрожью в голосе. — А рояль куда же я дену... Ведь они же еще у меня рояль везут...

— А рояль-то за каким чертом вы с собой берете! — воскликнул редактор, потеряв наконец терпение.

Снова побледнев от обиды, писатель сказал:

— Рояль у меня самое ударное место, поймите... Ведь ради него я и за рассказ взялся...

Катя не без едкости сказала, обращаясь в пространство:

— Да пусть он поступает, как хочет. Наше дело подтолкнуть его творческую мысль... Пусть он хоть на рояле верхом плывет. Все равно ему до Чехова далеко.

Редактор встал и, заканчивая аудиенцию, сказал:

— В общем, поправьте рассказ так, как мы вам посоветовали. И зайдите через недельку. Посмотрим, что у вас получилось.

Через неделю начинающий писатель М. принес свой исправленный рассказ. Редактор сказал:

— Получилось плохо. Нехудожественно. И главное, не правдиво. За каким-то чертом рояль в лодке везут...

Катя сказала:

— Как-то не веришь в ваши столы и в этот ваш рояль...

Взяв рассказ, писатель уходит.

И вот прошло несколько месяцев после этого происшествия.

На днях я получил по почте два варианта рассказа «Качает» и длинное письмо начинающего писателя М.

В своем письме М. пишет:

«Я убедительно прошу вас сличить эти два варианта моего рассказа. И вы увидите, как может плохой и неопытный редактор испортить хорошее произведение. Вот где, по моему, беда нашей литературы. И вот где, быть может, причина отставания нашей литературы от других высоких производств...»

Не без интереса я стал сличать два варианта.

Действительно, второй вариант из рук вон плох. Какая-то жалкая пародия, а не рассказ.

Читаю первый вариант, не тронутый грубой рукой редактора. С удивлением вижу, что и этот вариант никуда не годится. Слабенький, убогий рассказец, который надо было тотчас вернуть автору.

Печальное, я бы сказал, происшествие на нашем литературном Олимпе.

Знамя

российский ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Издаётся с 1931 года. Нынешний главный редактор — С. И. Чупринин.

Первоначально (с января 1931 года) журнал назывался «ЛОКАФ» — издание Литературного объединения Красной армии и флота. Название «Знамя» появилось в 1933 году. С 1934 по 1990 год был органом Союза писателей СССР.

В 1948 году за недостаточное разоблачение космополитизма и публикацию повести Э. Казакевича «Двое в степи» большая часть сотрудников редакции была отстранена от работы.

Сергей Чупринин, разделяя жизнь журнала на два периода (до 1986 года и после), говорит: «...в послевоенные годы мы превратились в ежемесячник официальной культуры. „Знамя“ тогда было самым официальным журналом из всех существовавших. В нём печаталось военное, КГБшное, писательское начальство. Журнал был респектабелен, солиден и, на мой взгляд, неимоверно скучен».

Среди авторов того периода были поэты Анна Ахматова, Александр Твардовский, Александр Межиров, Евгений Евтушенко, Юрий Левитанский, Николай Глазков; прозаики Константин Паустовский, Юрий Тынянов, Вячеслав Кондратьев, Эммануил Казакевич, Юрий Казаков, Юрий Трифонов. Именно в «Знамени» была напечатана повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», давшая название целой эпохе. В «Знамени» в 1954 году был напечатан цикл Бориса Пастернака «Стихи из романа», хотя сам роман «Доктор Живаго» был тогда запрещён. В 1960—1963 годах заведующим отделом поэзии журнала работал Станислав Куняев.

Во время Перестройки «Знамя» стало одним из самых популярных литературных журналов. Сергей Чупринин]: «...в журнал пришёл новый главный редактор Григорий Бакланов — писатель фронтового поколения, который сделал журнал таким, какой он сейчас. Тогда журнал стал, как тогда выражались, „флагманом перестройки“».

На страницах журнала появились произведения Фазизы Искандера, Андрея Битова, Евгения Рейна, Александра Кушнера, Татьяны Толстой, Виктора Пелевина, Тимура Кибирова, Анатолия Жигулина. Были «возвращены» читателю запрещённые или полузапрещённые Андрей Платонов, Михаил Булгаков, Евгений Замятин, Варлам Шаламов, Виктор Левашов. Продолжал публиковаться Юрий Черниченко.

В 1990 году журнал объявил себя независимым. С тех пор учредителем является коллектив редакции, издателем — ООО «Знамя». В 1990-е годы журнал получал грант фонда Сороса.

В 2000-е годы журнал «Знамя», подобно прочим литературным журналам, существует на деньги подписчиков. Часть тиража журнала приобретает Министерство культуры с целью рассылки в российские библиотеки (около трехсот экземпляров). Министерство печати дает журналу дотацию на приобретение бумаги и покрытие типографских расходов.

В 2003 году журнал открыл новую рубрику «Ни дня без книги», в которой Анна Кузнецова ежемесячно дает обзоры 30-31 новой книги (по количеству дней в текущем месяце). Анатолий Кудрявицкий подверг эту рубрику критике за небрежность, погоню за количеством в ущерб качеству и рецензирование книг вслепую, не читая].

Среди авторов последнего времени критик Андрей Немзер выделяет таких как Юрий Давыдов, Георгий Владимов, Юрий Буйда, Эмма Герштейн, Андрей Дмитриев, Марина Вишневецкая, Владимир Маканин, Евгений Попов, Людмила Петрушевская, Михаил Кураев.

В январе 2010 года литературная премия журнала была присуждена Михаилу Ходорковскому, находившемуся в то время в заключении.

Этапы развития журнала «Знамя»

Первое десятилетие (1931-1940)

Журнал был создан как печатный орган Литературного объединения писателей Красной Армии и Флота – ЛОКАФ. Журнал призван «освещать жизнь армии и флота, их героическое прошлое, борьбу за укрепление обороны страны». Первые два года выходил под одноименным названием. В 1933 году журнал «ЛОКАФ» переименован в «Знамя». В состав редколлегии входят Матэ Залка, Владимир Луговской, Степан Щипачев и др. известные писатели и поэты. В 1934 редактором «Знамени» становится Всеволод Вишневский.

30-е годы. Эпоха осознается как предвоенная. Происходят бурные события в Европе: в Испании идет гражданская война, в Германии к власти приходит Гитлер, во Франции – левый Народный фронт. Все это накладывает отпечаток на публикации в «Знамени». Характерные названия произведений тех лет: «Герой», «Комиссар Интернациональной бригады», «Пограничники», «Война 1938 года», «За Сталина, за партию мою!».

Данный период также характерен вниманием журнала к западной литературе. Публикуются переводы произведений: «Возвращение» Э. М. Ремарка; «Прощай, оружие» и «Снега Килиманджаро» Э. Хемингуэя; романы «Успех», «Изгнание», «Москва 1937» Л. Фейхтвангера; стихи Р. Гилля, Р. Киплинга, Г. Гупперта и многое другое.

«Знамя» изобилует очерками на международные темы. Так, здесь впервые опубликована «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова, очерк Э. Триоле «Десять дней в Испании», «Рассказы об Испании» А. Мальро, «Год в Китае» Р. Кармена, «Путешествие в Абиссинию» Б. Цейтлина и т.д.

Новый журнал ориентировался на литературную молодежь, сформировавшуюся при советской власти, и обращался к такому же читателю. Единственное, чем «Знамя» было отчетливо «маркировано - тесная связь с политуправлением Красной Армии.

Великая Отечественная война (1941-1945)

Как ни парадоксально это звучит, но период Великой Отечественной войны был для советской литературы и для «Знамени» благоприятным. Журнал продолжал выходить всю войну и стал едва ли не первым литературным журналом страны. Война меняла приоритеты: коминтерновскую идеологию сменил державный патриотический пафос, открыто прославлялась русская военная история.

Литературе это давало возможность нового языка. В нее вернулись писатели, ранее отлученные от печати и репрессированные. Правящий режим вынужден был считаться с настроениями в обществе, что ослабило политическую цензуру и дало литературе своеобразную «передышку». В военные годы на страницах «Знамени» были опубликованы многие произведения, ставшие этапными и знаковыми для истории советской литературы.

Начинается возрождение эпоса и лирики: в «Знамени» опубликованы главы из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», поэмы П. Антокольского «Сын» и Маргариты Алигер «Зоя». Здесь печатались военные лирические циклы К. Симонова, И. Сельвинского, М. Дудина, М. Луконина, О. Берггольц, подборки стихов Анны Ахматовой, Марии Петровых, переводы М. Цветаевой.

В разделе прозы за эти годы также много громких имен и названий. Опубликованы «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Волоколамское шоссе» А. Бека, «Дни и ночи» К. Симонова, первый вариант «Молодой гвардии» А. Фадеева. Печатаются рассказы и очерки Андрея Платонова, Василия Гроссмана, Евгения Габриловича, Павла Нилина.

В первые же месяцы войны в «Знамени» появляется раздел «С фронта», где печатаются не только очерки профессиональных писателей и журналистов, но и записи непосредственных участников боевых действий. Все это – первый шаг к новому этапу развития военной литературы.

Война была временем относительного раскрепощения литературы, что находило свое отражение на страницах журнала «Знамя».

Закат эпохи сталинизма (1946-1953)

Годы с 1946 по 1953, закат эпохи сталинизма. Это один из самых противоречивых периодов в истории журнала «Знамя». Разгром фашизма породил надежды на либерализацию советского строя, что нашло свое отражение и в литературе.

Но эта первая советская «оттепель» очень быстро закончилась, прокатились новая волна репрессий, началась кампания борьбы с космополитизмом. В Постановлении ЦК ВКП (б) о журнале «Знамя», принятом в 1949 году, говорилось: «В течение 1948 года журнал «Знамя» снизил идейно-художественное качество публикуемых материалов. В журнале напечатан ряд идейно-порочных и неполноценных в художественном отношении произведений».

Репрессии вызвала повесть Э. Казакевича «Двое в степи» (1948, № 5). Что же крамольного было в этом художественно сильном и поэтически рассказанном произведении со счастливым концом? Шел 1948, «расстрельный» год, а героем новой повести оказался молоденький лейтенант Огарков приговоренный к расстрелу. Повествование совершенно необычно для дозволенной литературы. «Расстреливают патриотов, людей, верных Советской России», - вот что сказал в этой повести фронтовой разведчик Казакевич в годы массового террора.

Сталин пришел в ярость. Большая часть сотрудников «Знамени», в том числе и Всеволод Вишневский, были отстранены от работы. Главным редактором становится партийный функционер Вадим Кожевников. В состав редколлегии входит Людмила Скорина – оголтелый критик, набрасывающийся на всякое живое слово. Журнал превращается в «идеологически выдержанный» толстый журнал.

Состав произведений, печатавшихся в «Знамени» в этот период очень противоречив. С одной стороны – «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Звезда» и «Двое в степи» Э. Казакевича, «Дом у дороги» А. Твардовского и «Враги сожгли родную хату» М. Исаковского, а с другой – киноповесть П. Павленко и М. Чиаурели «Падение Берлина» и повесть Георгия Березко «Ночь полководца». Рождается жанр безразмерной советской «эпопеи». Начинается то, что позднее будет названо «секретарской литературой». На страницах одного журнала соседствуют представители как бы разных литератур. То же самое наблюдается и в поэтическом разделе журнала.

«Знамя», выходявшие в период заката эпохи сталинизма, отражало серьезный внутренний конфликт: борьбу живого и мертвого начал в литературе того времени. Время «Оттепели» (1954-1963)

Это десятилетие было самым драматичным в духовной и культурной истории страны и во многом определило последующую историю 2-ой половины XX века. Для «Знамени» оно началось с публикации повести И. Эренбурга «Оттепель» (1954, № 5), давшей, как потом выяснилось, название всему историческому этапу, от смерти Сталина и до смещения Хрущева.

«Оттепель» – повесть не самая лучшая у Эренбурга. Даже его рубленый стиль, основанный на контрастах, здесь вял и бесцветен. Почему же книга, художественно слабая, стала знаменем времени?

«Оттепель» была наиболее значительным художественным произведением о жизни страны после смерти Сталина. Здесь впервые герои могут искренне говорить без страха то, что думают, открыто обсуждать заграничную жизнь. Выбор между правдой и ложью, умение отличить одно от другого – к этому призывает всех героев повести время «оттепели». Оттепели, которая в повести наступила после пронесшейся бури, свергнувшей с пьедестала главного отрицательного героя.

Во время правления Хрущева периоды «уступок» власти, дававшие возможность что-то высказать, напечатать, поставить, сменялись новым яростным «закручиванием гаек», попытками удержать под контролем стремительное культурное развитие страны.

Все это отражалось и в истории «Знамени». Стихи из романа «Доктор Живаго» были впервые напечатаны в апрельском номере 1954 г. Но роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» В. Кожевников передал в КГБ.

В том же году появился в «Знамени» роман Даниила Гранина «Иду на грозу», оказавший огромное влияние на сознание послевоенного поколения. Наиболее значимыми публикациями журнала в те годы были романы К. Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются», Ю. Трифонова «Утоление жажды», повести Г. Бакланова «Мертвые сраму не имут», «Южнее главного удара» и Л. Леонова «Evgenia Ivanovna», рассказы В. Богомолова, Ю. Трифонова, А. Бека, Ю. Нагибина, П. Нилина, В. Солоухина, Г. Семенова, Эм. Казакевича.

В поэтическом разделе были напечатаны стихи и поэмы А. Ахматовой, Г. Поженяна, Л. Мартынова, Б. Окуджавы, П. Антокольского, В. Инбер, В. Шаламова, В. Луговского, И. Абашидзе, К. Ваншенкина, С. Гудзенко, С. Кирсанова, Р. Рождественского, Е. Долматовского, С. Щипачева, Ю. Левитанского, Я. Смелякова, С. Куняева, М. Танка, М. Алигер, Э. Межелайтиса, Н. Грибачева, А. Прокофьева, Р. Гамзатова, Д. Самойлова, Л. Татьяничевой, В. Корнилова.

«Знамя» этого периода – журнал по-прежнему читаемый, занимающих лидирующие позиции в читательских предпочтениях.

Эпоха Брежнева (1964-1985)

«Знамя» эпохи Брежнева – довольно бесцветный журнал, прибежище «секретарской» литературы (творений секретарей Союза Писателей): «Щит и меч» Кожевникова, «Блокада» А. Чаковского.

Тем не менее, на страницах «Знамени» появлялись произведения, сыгравшие заметную роль в истории отечественной литературы – «Отблеск костра» Ю. Трифонова, стихи В. Шаламова, роман А. Бека «На своем веку», «Деревенский детектив» В. Липатова. Печатались также роман К. Симонова «Последнее лето» и повесть «Двадцать дней без войны», романы Ю. Бондарева «Горячий снег», А. Чаковского «Блокада», повести Ю. Нагибина, Ю. Рытхэу, рассказы А. Гладилина, В. Богомолова, С. Баруздина, Д. Гранина, И. Бабеля.

Появляется «деревенская проза», в то же время все явственнее становится доминирование «производственной» темы в литературе, а столетний юбилей Ленина (1970) накладывает существенный отпечаток на жизнь литературы и искусства и в течение ряда последующих лет.

Постоянной рубрикой журнала становится рубрика «Навстречу XXIV (V, VI) съезду КПСС».

В 1973 году публикуется повесть Ирины Велембовской «Сладкая женщина» (1973, № 3), экранизированная в 1976 году. История жизни работницы кондитерской фабрики Ани. Анна выросла в деревне и всегда мечтала о красивой и шикарной жизни.

Переехав в город и работая на кондитерской фабрике, Анна продолжает стремиться к легкому, бездумному счастью. Однако ей не везет. Она оставляет первого мужа, а второй уходит сам. Наконец, она встречает мужчину своей мечты - Тихона. Казалось бы, наконец, Анна будет счастлива. Но до счастья еще очень и очень далеко. Повесть лирична и драматична одновременно. Но и «производственную тему» автор тоже не обходит. Значительное место в жизни главной героини занимает ее работа, и профсоюзная деятельность. Тем не менее, повесть читается легко, с интересом и сопереживанием главной героине.

Несмотря на время «застоя», невиданными были интерес и внимание к литературе. Каждое новое произведение известных писателей встречалось с огромным вниманием, прочитывалось почти сразу же всей страной. Шли бурные дискуссии — «Проза быта и бытие прозы», «Классика и современность». Но, с одной стороны, в литературе находила выход вся общественно-политическая и национально-историческая проблематика, составлявшая идеологическую жизнь страны. С другой стороны, и писателям, и критикам приходилось ограничиваться лишь частью правды... А. Солженицын, И. Бродский, В. Аксенов, В. Войнович оказались за границей, многие другие — в тюрьмах и ссылках, и даже имен их упоминать было нельзя.

«Знамя» в те годы, не принадлежало к числу либеральных изданий, но продолжало публиковать на своих страницах значимые, а иногда и «опасные» произведения.

Перестройка (1985-1992)

Во второй половине 1986 г. главным редактором журнала становится Г. Бакланов — и это было началом качественно новой эпохи в истории «Знамени». С публикации романа Александра Бека «Новое назначение» (№№ 11-12 1986 г.) практически произошло рождение того «Знамени», каким его знают читатели в последние пятнадцать лет. В романе не высказывались диссидентские взгляды, однако, уже будучи объявленным к публикации в журнале «Новый мир», он был снят из номера. Роман был впервые опубликован в ФРГ в 1972, в СССР публикация стала возможна только в 1986.

Чем может быть интересен роман «Новое назначение» для современного читателя? Роман А. Бека «Новое назначение» интересен тем, что в художественной форме показывает нам образ хозяйственного руководителя сталинской эпохи. Главный герой — Александр Леонтьевич Онисимов — председатель Государственного Комитета по делам металлургии и топлива в Совете Министров СССР. Он получает новое назначение послом в одну из стран Европы. Все действие романа — это последние месяцы работы перед переводом на другую работу и начало посольской миссии главного героя. Наряду с вымышленными героями в романе действуют реальные руководители того времени — Орджоникидзе, Сталин и др. Точно и ярко выписан быт руководящей советской элиты. Вдова И. Ф. Тевосяна (прототип главного героя) даже сочла, что в «Новом назначении» раскрывается слишком много подробностей частной жизни ее покойного супруга, что сыграло не последнюю роль в запрещении романа. И благодаря «Новому назначению» мы имеем сегодня прекрасный образ руководителя сталинской эпохи да и самой эпохи тоже.

Сразу же следом были «По праву памяти» А. Твардовского, «Пашков дом» Н. Шмелева, рассказы Ф. Искандера, один из лучших рассказов А. Битова «Фотография Пушкина (1799–2099)», повесть «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина... В общем журнальном буме тех лет «Знамя» занимало лидирующие позиции. На его страницах еще в июне 1986 г. было опубликовано «Ювенильное море» А. Платонова, а уже в

следующем году — «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка и «Собачье сердце» М. Булгакова, рассказы В. Гроссмана, Е. Попова, А. Кима, стихи А. Ахматовой, Б. Ахмадулиной, «Из неопубликованного» О. Берггольц, рассказы и стихи А. Тарковского, роман «Крестный отец» М. Пьюзо. Впервые за многие десятки лет журналы прочитывались практически от первой и до последней страницы, в метро, в электричках, в библиотеках у каждого второго в руках была журнальная книжка, и у многих — именно «Знамя».

90-е годы и современность

90-е годы стали для новой России временем демократических перемен и экономических потрясений, что сказалось и на материальном положении журнала.

Одним из открытий «Знамени» того времени стал Виктор Пелевин, который после публикации романов «Омон Ра» и «Чапаев и пустота» из малоизвестного автора научно-фантастических рассказов превратился в одного из самых популярных русских писателей.

В романе «Омон Ра» (№ 5, 1992) история советской космонавтики представлена как грандиозная и садистская фальсификация. По Пелевину подлинное ее назначение — совершение кровавых жертвоприношений, питающих магическую структуру государства. Курсантам летного училища им. А. Мересьева, например, ампутируют ступни. Но не всем. Главному герою Омону Кривомазову и его другу Митьке повезло: их зачисляют в элитный отряд космонавтов-камикадзе, которым уготована великая миссия — крутить педали в «Луноходе-1» и «Луноходе-2». Естественно, что при таком уровне «высоких технологий», никакие ракеты никуда лететь не собираются. Однако в финале Омон, обреченный на ритуальное заклание, вдруг осознает, что действительность — лишь кошмар, который навязан его воображению. Двойная сущность героя видна в его прозвище: вступив в ряды космонавтов, Омон получает позывной Ра (Бог солнца в древнеегипетской мифологии).

С середины 90-х в журнале руководствуются девизом: «Ни одного номера без нового имени». Читатели «Знамени» первыми познакомились со многими произведениями, получившими затем признание на самых высоких уровнях. Среди них «Взятие Измаила» М. Шишкина (премия «Букер»), «Монументальная пропаганда» В. Войновича (Государственная премия России), стихотворения Б. Рыжего (премия «Незнакомка» — «Антибукер»), «Андеграунд» В. Маканина (Государственная премия России) и др.

«Знамя» — один из немногих «толстых» журналов, регулярно рецензирующий книжные новинки (рубрика «Наблюдатель»). Статьи, помещенные в разделах «Критика», «Публицистика», «Непрошедшее» — это архивы, свидетельства, мемуары.

Начиная с 2000 года журнал открывает новую рубрику «Non fiction». В журнале «Знамя» non fiction трактуется как литература, содержащая в себе все признаки художественности — но только за вычетом вымысла.

В этой рубрике представлены: Михаил Гиголашвили «Дезертиры : повесть в письмах» (№ 10, 2001), Александр Давыдов «49 дней с родными душами : лирические воспоминания» (№ 4, 2003), Инна Лиснянская «Отдельный. Воспоминательная повесть» (№ 1, 2005) и многое другое.

«Знамя» возникший в 1931 году как печатный орган Литературного объединения Красной армии и Флота, пережившее и разделившее вместе со страной все потрясения и перипетии, остается одним из лучших «толстых» журналов современной России. И хочется верить, что у него впереди еще лучшие годы.

Приговор Народа¹³⁵

С напряженным вниманием следила вся страна за процессом антисоветского троцкистского центра. Перед советским судом и всем миром во всей своей гнусной непривлекательности, в крови погибших рабочих и красноармейцев, в нечеловеческой грязи, лжи и подлости предстала троцкистская шайка шпионов и диверсантов Пятакова, Серебрякова, Радека, Сокольников, Муралова и других негодяев.

Перед лицом всего мира гласно, открыто раскрывался на этом процессе клубок чудовищных преступлений, перед которыми бледнеют все известные исторические и литературные образы предательства, измены, морального разложения.

Все предатели, авантюристы, изуверы и палачи, которых знала история — ничто в сравнении с разоблаченными советским судом наемниками и заплечных дел мастерами, сподвижниками своего атамана, заклятого врага народа Иудушки-Троцкого.

Изменники, предатели родины Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков и другие убийцы, представшие перед судом, много лет боролись против тов. Ленина, против тов. Сталина. Начав с антиленинской «теории» о невозможности построения социализма в нашей стране, они докатились до предательства родины, шпионажа, террора, диверсий, интервенций.

Пятаковы, Радеки, Сокольниковы, Серебряковы, вместе со своими хозяевами — немецкими и японскими фашистами, создали чудовищный заговор против нашей Родины, против величайшей страны, которая под руководством ленинской партии и ее гениального вождя товарища Сталина построила замечательное и величавое здание социализма.

Ни одно человеческое воображение не может представить себе, в какой хаос войны могли быть брошены народы мира, если бы этот заговор был успешно осуществлен.

Цель у бандитов была одна — восстановить иго помещиков и банкиров, кулаков и капиталистов, надеть на шею наших народов ярмо капитализма. Троцкистские бандиты выступали как штурмовой отряд капиталистической реставрации.

Предатели уже видели в своих мечтах об'ятую пламенем войны и утопающую в крови Советскую страну. Они стремились ускорить войну германского и японского империализма против СССР, они готовили, как могли и умели, поражение СССР в этой войне, чтобы превратить великую нашу родину в колонию германского и японского империализма.

Перманентный авантюрист, международная собака фашизма, злейший враг народа Троцкий, заключил с этой целью соглашение с заместителем Гитлера Гессом и лизал его сапоги.

Задыхаясь от бешеной ненависти и злобы к рабочим, колхозникам, к самому существованию социалистического государства, он со своими сообщниками за потайными кулисами фашистских охранок и генеральных штабов начал продавать нашу Родину, принялся торговать кровью лучших ее сынов.

Негодяи во главе с Троцким сговаривались и собирались бросить в пасть фашизму Украину, Приморье, Приамурье, нефть, железо, марганец, апатиты, золото, кровь, труд и свободу наших народов.

135

Журнал «Знамя», 1937, январь, книга первая. Номер посвящен столетию со дня смерти А. С. Пушкина. Редакционная статья. Среди членов редакции: Вс. Вишневский, В. Луговской, А. Новиков-Прибой.
-<http://www.liveinternet.ru/users/4538230/post289759796/>

Они подбирались пулей к сердцу великого и мудрого товарища Сталина, беззаветного друга трудящихся всего мира. Но карта бита.

Кровавые замыслы цепного пса Гестапо — Троцкого и преданных ему отребьев — Радеков, Пятаковых, Серебряковых, Сокольниковых, Мураловых — теперь разоблачены и раскрыты. Троцкистские бандиты просчитались.

Просчитался оберпалач Троцкий, которому всю жизнь наяву и во сне грезились лавры Наполеона, что не мешало ему в пароксизме ненависти к нашей партии не однажды иезуитски возводить на нее поклепы в термидорианстве.

Он оправдал гениальный сарказм Маркса «история повторяется один раз, как трагедия, другой раз — как фарс».

Наполеон Бонапарт действительно хотел удержать многие завоевания буржуазной революции, но он не продал себя — на позор и посмешище потомкам — черным обреченным силам феодализма, не стал на колени перед князьями тьмы и средневековья.

А переметный иудушка-наполеончик запродавался и полез в ошейник господина Гесса, нанялся ищейкой реставраторов средневековья в XX веке, стал в ряды душителей мировой культуры, в ряды идеологов рабства и человеконенавистничества в величайшую эпоху, когда на шестой части земли народы СССР пожинают плоды победоносной социалистической революции.

Просчитался и хитрейший из хитрых, подлейший из подлых интриган Радек. Это он лизал грязную лапу своих хозяев-фашистов и одновременно писал оды народам-победителям, славил строителей социализма.

Он же поучал писателей, что художник может как человек хитрить, может подличать, но, берясь за перо, только в том случае создаст произведение искусства, если от подличания и хитрости откажется. Что это как не практика самого низменного и двоедушия и двурушничества?!

Так расшифровывал самого себя этот предатель, на секунду сбросивший парик циркового клоуна, в глубине блудливой души презиравший наш великий народ.

Трудно представить и найти предел, всю глубину морального падения, лжи и изворотливости участников троцкистской банды. Каждый из них как будто стремился превзойти своих партнеров. Только начался зинovieвский процесс, как Пятаков выступил в тоге обличителя, клеймя предателей самыми презренными словами, заявляя, что они пали ниже Азефа, Малиновского, заявляя, что они пали на смрадное дно обмана, лжи и провокации.

Где же еще, в какой книге, в каком документе можно найти более чудовищное лицемерие и подлость?!

Но советские судьи размотали этот клубок хитросплетений.

Страна кипит в негодовании. В едином порыве ненависти к убийцам и интервентам, к шпионам и диверсантам, слились голоса рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции, всех, кто любит и чтит свою родину, ее прекрасное настоящее и еще лучшее будущее, железную партию Ленина — Сталина, великого вождя, бесконечно мудрого Сталина.

От гнева народов Советской страны не ушли предатели Пятаков, Сокольников, Серебряков, Радек, не избегли своей заслуженной участи «солдат» контрреволюции и верный денщик Троцкого — Муралов, уголовный убийца Шестов, палач Дробнис, шпионы-разведчики Князев, Лившиц, Строилов и все остальные, большие и малые их соратники, друзья и помощники...

Советский суд выполнил волю народа. Подлая банда троцкистских вырожденков, бандитов, диверсантов получила по заслугам.

С удовлетворением и единодушием встретил советский народ приговор суда.

Только бдительность ленинской партии и ее великого вождя товарища Сталина предотвратили готовящееся изнутри и извне двойное нападение на завоевания и жизнь советских народов. Народы нашей страны, все передовое и прогрессивное человечество еще раз увидели лицо врага, его звериный хищный оскал. Приоткрыта завеса над подготовкой империалистов к военному нападению на СССР. В этом огромное историческое значение процесса над антисоветским троцкистским центром. Фашистская гадина раздавлена и уничтожена. Но успокаиваться нам нельзя, Товарищ Сталин нас учит, что чем больше успехов в нашей стране, чем стремительней она идет от победы к победе — тем бешенее становятся враги СССР, тем зорче должны быть наши глаза, крепче мышцы и силы.

Еще жив враг народа Троцкий — главный организатор и вдохновитель троцкистских диверсантов, шпионов и убийц. Подлый изверг и бешеный пес фашизма — он будет продолжать свою провокаторскую и шпионскую работу. Еще остались в стране остатки шпионов и разведчиков фашизма. Кто может быть уверен в том, что растленные негодяи и мерзавцы сказали на процессе всю правду? Должна быть расследована до конца преступная деятельность правых отщепенцев — Бухарина, Рыкова, Угланова и других, изобличаемых в контрреволюционной деятельности материалами процесса по делу троцкистского антисоветского центра. Классовая борьба в нашей стране против остатков разгромленных эксплуататорских элементов не исчерпала. Империалисты, опираясь на эти остаточки классового врага, будут продолжать свою подрывную, авантюристскую работу.

Выше революционную бдительность, зорче глаз!

Мы должны быть еще бдительней, научиться распознавать любые приемы вражеской деятельности. В кратчайший срок залечить все раны, нанесенные вредителями, диверсантами и шпионами народному хозяйству. Еще лучше, интенсивней работать на всех участках строительства гигантского здания социализма. Еще крепче сплотиться вокруг великой Коммунистической партии, вокруг Советского правительства, вокруг великого бессмертного нашего вождя товарища Сталина.

Советский писатель — настоящий сын своего народа, гражданин великой страны, живет одной и единой жизнью со своей чудесной родиной, единой жизнью с ней, и как человек и как художник.

Советская литература ответит на происки врагов новыми книгами, которые полнокровно и прозорливо покажут внутреннюю силу, пафос и гений социализма — самую душу нашей свободной страны и ее замечательных людей.

Эти книги будут верным оружием. Они помогут передовому человечеству в решительной и последней схватке, которая навсегда разгромит фашизм и утвердит во всем мире немеркнущий и солнечный, животворящий свет коммунизма.

Булат Окуджава. Искусство кройки и житья

рассказ

В деревне перед началом учебного года у меня была на зиму студенческая куртка из какого-то старорежимного истершегося драпа. В такой куртке можно было зимовать в Тбилиси, да и то с трудом, но калужская зима, которая в октябре уже напоминала о себе, с такой курткой расправилась бы легко — и это ощущалось. Что было делать молодому учителю? Хорошо тем, у которых родители, родственники, щедрые и сердечные. А у меня не было никого. Поэтому я набрал, где только смог, шестьсот рублей (по нынешним временам — шестьдесят) и отправился в Перемышль, наш районный центр. Мне повезло. В магазине продавались зимние пальто, и стоили они всего четыреста пятьдесят. Я взял

пальто на размер больше, вернулся в деревню обладателем собственной зимней шубы, а оставшиеся сто пятьдесят рублей раздал кредиторам. Что же из себя представляло это пальто, эта шуба, это спасительное убранство? Конечно, в природе существовали наряды и получше. Я к ним, бывало, прикасался в трамваях и гардеробах, я ощущал их мягкие теплые волны, их формы, подчеркивающие достоинства и скрывающие недостатки. Их благородные и разнообразные цвета ласкали глаз. Они были легки, как пух, и жарки, подобно раскаленной печке. Мое же пальто было совсем иным. Его материал тоже назывался драпом, но напоминал плохо обработанную листовую фанеру, которую почти невозможно было согнуть и о которую можно было содрать кожу. Этот драп ткали вместе с соломой, веточками и отрубями, и, бывало, просиживая в каких-нибудь приемных или на вокзалах в ожидании поезда, я коротал время, выщипывая из него этот строительный материал, и собирал его в горсть. Горсть по горсти. Кроме того, это пальто было подбито простеганной ватой, напоминая матрац. Изысканно распахнуть его было невозможно. Его можно было только раскрыть, да и то с трудом, словно плохо смазанную двустворчатую дверь, раскрыть, войти в него, просунув в рукава руки, и с треском захлопнуть полы. Каково было мне? Но я, представьте, чувствовал себя счастливым, потому что первые же холода засвидетельствовали отменную непробиваемость драпового панциря. Я был счастлив и потому, что уложился в собственный бюджет, который в те времена составлял шестьсот восемьдесят рублей (шестьдесят восемь по-новому), и потому, что на мне было какое-никакое, а пальто вместо потертой куртки. И это пальто с валенками и шапкой-ушанкой придавало мне устойчивость, солидность и вес.

На фотографии, сохранившейся с тех времен, мы сняты на фоне полуразвалившегося Шамординского собора. Мой новый друг, Сысоев Семен Алексеич, его жена, Марья Петровна, и я. Они сидят на обломках собора, а я стою в своем новом несгибаемом пальто, в валенках и шапке, и на лице моем написано благоговение. Я солиден и значителен.

Ну хорошо, моя радость, что же ты будешь делать с этой солидностью в этом не самом совершенном наряде, раня руки при малейшем прикосновении к драпу, не сгибаясь, едва переставляя деревянные ножки, гудящие под тяжестью ватной брони? А что я должен делать? Мне тепло, непроницаемо, надежно. Конечно, если бы... но тут не до изысков, и если у нас в городе, то есть у вас в городе, некоторые позволяют себе роскошь не походить одеждой на других и приобретают заграничные тряпки, то мне, нам здесь, мы все здесь заняты делом, и, может быть, это и есть та самая духовность, о которой вы там только разглагольствуете, а мы здесь ее выращиваем и тем способствуем...

Теперь о Семене Алексеиче.

Это был еще довольно-таки молодой человек среднего роста, с растопыренными ушами, жилистый, с внезапной непредсказуемой улыбкой на маленьком скуластом лице. Он был бригадиром, обучал трактористов. К нам, учителям средней школы, относился с глубоким почтением, наверное, потому, что Марья Петровна преподавала в нашей школе, и любил говорить: «У нас, значит, в просвещении...». Ну вот, видимо, и моя причастность к просвещению вызывала его симпатию, и я это сразу почувствовал; как человек на тебя смотрит, как с тобой разговаривает — это же всегда чувствуешь. И я к нему потянулся тоже — по сердцу ли, по одиночеству ли, но потянулся. Его очень потешала и трогала моя слабая осведомленность в житейских делах. Покровительствовать было для него удовольствием. Когда я проявлял свою непрактичность, попадал впросак, он звонко заливался и с радостью начинал поучать. Он был человеком хозяйственным, сельским, из этих мест. Он во всем любил добротность, основательность в том смысле, как понимал это сам. Рубля лишнего не потратит, а сам то и дело навязывал взять у него в долг... «Да хоть

на сколько. Ты, главное, не тушуйся, Булат Шалч. Привыкнешь к деревне. Это вам, городским, сначала трудно, а потом обживешься, коровку заведешь...» «Ну да, коровку? — лукавил я. — Вот это да!..» — хотя, признаться по чести, в деревне задерживаться не собирался. Но мне нравилось ему подыгрывать, вот я и лукавил, разыгрывая простачка, такого городского балбеса, чем разжигал его страсти... «А что ж? — заливался он. — И заведешь коровку, попомни мои слова... А иначе как же?.. А откуда молочко, сметанка?.. Маш, гляди на чудака!.. А сливки?» «Ну, разве что сливки, — говорил я, — сливки — это да... Меня, маленького, заставляли пить сливки с миндальным пирожным...» Это его почему-то сердило. «С пирожным, с пирожным», — говорил он обиженно.

Мне, одинокому, было у них хорошо. Это был хлебосольный дом, и, когда меня приглашали, была возможность посидеть в сытном тепле, в комнате, почти городской по виду. Происходило это чаще всего так: вваливался ко мне запорошенный снегом Сысоев, с досадой оглядывал мою дымящую печку, тусклую лампочку под потолком и говорил: «Да ладно книжки читать, всех не перечитаешь, — и похохатывал от собственного остроумия. — Айда к нам — чайку попьем». И мы шли по сугробам.

В его доме тотчас появлялась водка и домашние огурчики со смородиновым листом, и капуста, и помидорчики, и рассыпчатая картошка, и розовое сало, и крутые яички, а иногда и холодец. Мы рассаживались. Сысоев производил все приличествующие моменту движения: потирал руки, передергивал плечами; ухал, ахал, чертыхался, заливался — был счастлив.

Я так до конца и не мог понять, чем я ему мил. Кроме того, что я окончил университет и был учителем, так же, как и его жена, о чем я уже говорил, видимо, и мое грузинское происхождение, экзотика, что ли, все это усугубляло, и усики мои, и еще одно обстоятельство: дело в том, что это был пятидесятый год, а в те времена везде маячили всевозможные изображения моего усатого соплеменника. Не могу сказать, чтобы я был его особенным почитателем, да и родители мои находились в местах отдаленных, но Сысоев перед ним благоговел и, может быть, как-то там в туманном своем сознании связывал воедино мое происхождение со своим кумиром. Не знаю, насколько точны мои наблюдения, но об этом еще предстоит говорить.

И вот мы сидели в самый разгар января, опрокидывая рюмочки и похрустывая огурчиками под аккомпанемент метели. И Сысоев, как обычно, учил меня жить, а я тогда подумал, что, если бы побольше денег, у меня были бы не эти грязно-серые дубовые валенки, которые мне посчастливилось купить на козельской толкучке, а белые чесанки, легкие, теплые и пружинистые, и не солдатская шапка-ушанка украшала бы мою голову, а мохнатое великолепие из выделанной овчины, а может быть, даже и волка. За деньги все можно... Не надо мне вашей коровки и сливок, а если бы купить пять кубометров сухих березовых дров вместо сырой осины, щедро раздаваемой учителям...

— Да ты, Шалч, погоди, — сказал Сысоев, — вот чудило... Маш, ты глянь-ка... Чудило ты, ей-богу... Да ты накопи, и я подкину...

— Не нужна мне ваша коровка, — сказал я, — что я, пастух, что ли? Я ведь все-таки в университете...

— А у нас-то в просвещении знаешь как? Ага... Приноровиться нужно...

— Легко вам говорить, — сказал я, — у вас во-о-он хозяйство какое: и огурчики, и шуба, и трактор...

— Ух ты, — рассердился он, — ну, Шалч, тебя не переговоришь, все тебе не так... Да я тебе трактор дам, ну... Куда ты на нем?

— Да ладно тебе, Семен, — сказала Марья, — чего привязался? Вон человек себе пальто из одних отрубей купил, а ты сливки, сливки...

Тут наступила пауза. Потом он сказал, рассмеявшись:

— А чего?.. Мы можем и кожаное пошить, в два счета...

— Ка-ко-е?

— Эх ты, университет, — всхлипнул он, — какое... А вот такое, слушай, чего я скажу...

Кстати, это мое новое непробиваемое пальто можно поставить посреди комнаты, и оно так и останется стоять, не переломится и не оползет, а будет стоять, словно несгораемый шкаф. А кожаное?..

Что мыслит себе этот деревенский волшебник? Это что, кожа старой свиньи, грубо выделанная, та самая, из которой шили железные сапоги, что так мне на фронте и не достались? Какую кожу представляет он себе, разглядывая меня с грустью?

— Ну-ка, ну-ка, — посмеиваюсь я, — расскажи, Семен Алексеич, что это за кожа? Буйволиная? Свиная?..

— Зачем буйволиная? — обиделся он. — Кожа как кожа, из которой пальто шьют.

— Ну что это? — спросил я. — Старый кабан?

— Ух ты, — и он погрозил пальцем. — Маш, а, Маш, ты только глянь на него... Старый кабан, старый кабан...

— А из чего же? — не сдавался я. — Из хрома?

— Зачем же из хрома? — сказал он едко. — Из хрома сапожки шьют, а мы и из шевра можем.

— Из шевро? — не поверил я.

— Из шевра, — подтвердил он.

Походило на правду. Он сердился.

Я решил ему потрафить и слукавил, бог меня простит. Я спросил, тараша наивные глаза:

— Да разве из шевро пальто бывает? Его же мало, ну, перчатки там...

Он залился, обрадовался, что вот есть же дурачок, которого приятно и просветить. Мы выпили еще по одной.

— Значит, так, — наставительно сказал он, — из шевра пальто шьют. Я ведь уже для себя самого прицелился, а теперь, может, и вместе.

— Да не верю я! — крикнул я, холодея. — Да разве это здесь возможно?

— А вот возможно! — крикнул он с наслаждением. — Возьмем и пошьем!

— Да кожу-то где же взять? — крикнул я, догадываясь, что это не треп.

— А ты слушай, слушай! — крикнул он и хитро прищурился. — Аль не веришь?

— Да вы слушайте, Булат Шалвович, — сказала Марья строго, — уж если Семен Алексеич чего говорит, значит, так и будет.

— Ага, — залился он.

— И что? У нас будет в руках шевро, и мы пошьем...

— Ну?

Я разволновался, и мне было приятно морочить ему голову, подогреть его и притворяться идиотом. Я видел, как ему радостно открывать мне неведомое, верховодить, подтрунивать над моим невежеством, опекать...

Я растрогался и сказал, чтобы его посмешить, потешить:

— Между прочим, если мое пальто новое поставить посредине комнаты...

Но он шулки не понял, а сказал с осуждением:

— Зачем же его на пол ставить? Пальто полагается на плечики и в гардероб...

Шуток он не понимал. Как-то я встретил его на улице и сказал по городской привычке: «А вот идет молодой многообещающий бригадир». Он поглядел на меня мрачно и сказал: «А мы вам ничего не обещали».

— Ладно, — махнул я рукой. — А с кожей-то как?

И тут он посвятил меня в поразительный по своей доступности проект. Все складывалось одно к другому: в марте почему-то, оказывается, на деревне режут телят, словно спешат принести их в жертву таким, как я, жаждущим облечься в кожаные покровы. Шкуры, естественно, обдирают и продают по самым доступным ценам. Мы покупаем и везем их в Калугу к знакомому скорняку. Через месяц нам вручают выделанное шевро, и нам остается только найти мастера по пошиву. Максимум через три месяца, а то и раньше — на нас великолепные обновы.

Так фантастично завершилась наша очередная трапеза. Едва все это свалилось на меня, как во мне началась привычная вибрация от нетерпения. Меня залихорадило. Я уже видел в своих руках эти немислимые шкурки. Я даже верил, что могу и сам, не дожидаясь скорняцких милостей, которые то ли есть они, а то ли нет, выделывать этот телячий дар с помощью соли и этого... Что там еще нужно? Спирт? Уксус? Выскоблю ножом лишнее, выщиплю по волоску в нерабочее время, после уроков, по ночам, до самого рассвета, черт подери! И вот наконец мягкое, лоснящееся, переливающееся, ароматное, черное, тускловатое развешу по комнате в преддверье ножниц и иглы.

В нынешние времена, когда на каждом третьем — кожаное пальто, или пиджак, или брюки, трудно вообразить размеры богатства, которое свалилось в мои руки. А тогда, только обладая изощренным воображением, можно было попытаться пофантазировать о кожаной одежде, а уж иметь ее — нечего было и мечтать. Мне выпадала удача изредка видеть это на одиноких счастливицах. Я даже до этого дотрагивался. Тонкий аромат, смесь духов и светлого будущего, достигал моего обоняния прежде, чем я это видел. Эти таинственные возбуждающие волны предвещали появление чего-то прекрасного, и наконец возникало оно. Оно напоминало шелк на вид и на ощупь. Оно переливалось, было послушным, облегло тело, придавая ему изысканность и элегантность; оно сияло в толпе, подобно драгоценному камню среди булыжников, и несло на себе печать заграничного благополучия и признаки причастности к особому клану отмеченных капризной фортуной. Кроме всех этих внешних благородных достоинств, существовал целый ряд достоинств чисто практических, о которых нельзя умолчать. Это было прочно. Смазанное касторовым маслом, приобретало большую эластичность и не боялось воды. Грязь с него исчезала мгновенно, стоило прикоснуться влажной ваткой, а если же оно мялось, то вскоре само же восстанавливало былые формы и не нуждалось в утюге. Чего же боле?

Все ждали марта с нетерпением, но никто не ждал так, как я. С приходом же его лихорадка моя достигла предела. Я замучил Сысоева вопросами и сомнениями. Он терпеливо отшучивался.

В один прекрасный мартовский день, уже на исходе месяца, в день, озаренный солнцем, украшенный звоном капли и журчанием ручьев, в дверь моей одинокой отсыревшей кельи сильно постучали. На пороге стоял незнакомый мужичок.

— Шкурки телячьи вы заказывали? — спросил он.

— Ах! ах! — закричал я. — Заказывал! Заказывал!

— Ну, стало быть, получайте. Все шесть.

Шесть! Шесть моих шкурок! Еще не выделанных, но уже моих!..

— Как договаривались, — сказал мужичок, — по семьдесят ры.

Я быстро помножил: шестью семь—сорок семь? Или нет. Это шестью шесть тридцать шесть, а шестью семь...

— Четыреста двадцать, — спокойно сказал он, и получил свои деньги, и сбросил тюк с саней, и уехал.

Тюк оказался тяжеленным. Я втащил его в дом и развернул трясущимися руками. Отвратительное зловоние тронутого разложением мяса распространилось по комнате.

Шесть сырых скользких шкур лежали передо мной. Моя мечта начала пропитываться зловонием. Однако вовремя явился Сысоев и спросил, празднично улыбаясь:

— Ага, принесли? Ну, видишь, Шалч?.. Я ему, дурню, полчаса втолковывал, где ты живешь. Ну вот, значит, теперь понеслась... Теперь просолить надо, а не то погниют, — и ушел.

Я провозился целый вечер, раздобывая соль, присаливал, присаливал, упаковывал покомпактней, наконец скатал, обмотал какими-то тряпками, веревкой, подержал на весу — страшная тяжесть — и уволок в кладовку. После долго мыл руки и проветривал комнату. Настроение немного сникло, но надежды все еще бушевали во мне.

Все это происходило именно так, как я описываю. Нет ли у вас ко мне недоверия? Мне и самому иногда все это кажется придуманным, настолько я выгляжу суетным и малосимпатичным. Я что, не умел тогда относиться к лишениям с равнодушием и стойкостью? И благородная гордая отрешенность не покрывала моего розовощекого лица? Неужели я и впрямь был так жаден и завистлив и внешнее убранство играло такую роль в моей жизни? Особенно тяжелы были последние дни перед отправлением к мифическому калужскому скорняку. Теперь я думаю, что несоответствие меж нищенскими обстоятельствами, в которых мы все — и особенно я — находились в том трудном пятидесятом году, и открывшимися вдруг возможностями, их головокружительная близость — все это и вызвало во мне позорную, на нынешний взгляд, лихорадку. Но легко судить себя того из нынешних благополучных времен, это вздорное занятие я оставляю читателю, а сам тороплюсь навстречу Сысоеву, как и договорились, однажды в субботу, после занятий, в самых последних числах марта.

Он подъехал на тракторе, свежий и улыбчивый, а я тем не менее всю ночь не сомкнул глаз и теперь был бледен. Но я лихо вынес из своих тайников драгоценный, непомерно тяжелый сверток. Трактор должен был провезти нас километра два с половиной по чудовищной весенней грязи до большой дороги. И он повез. Мы выгрузились в назначенном месте и устроились в ожидании какого-нибудь попутного грузовика, так как никаких других средств передвижения тогда не существовало. Дорога эта была далеко не из главных, поэтому путешественники могли рассчитывать лишь на чудо.

Часа через три налетели ранние сумерки. Дорога была пустынна. Слава богу, в моем непробиваемом было тепло, а Семену Алексеичу в его добротном становилось неуютно. Он пританцовывал, я стоял, прислонившись к столбу, и оба мы молчали. Не знаю, о чем думал он, я же смаковал в своем воображении уже заученную наизусть картину: вот я привычно и легко облакаюсь в кожаное пальто. На мне кепка светло-серого материала... Представляете? Черное кожаное пальто и светло-серая кепка! Ну, еще какое-нибудь непременно кашне... Я медленно иду по московскому тротуару, распространяя тревожащее толпу благовоние. Да, я иду... Вы спросите: и что же? А ничего. Я просто иду.

Наконец, когда сумерки начали густеть, невероятный попутный грузовик, набитый полугнилой картошкой, повез нас к Перемышлю. Мы сидели на картошке, отворотившись от резкого встречного ветра. До районного центра было более тридцати километров по выбитой горбатой дороге, по бывшему Козельскому тракту, по моим нервам и моим костям.

До Перемышля мы доползли часа за два без приключений. Уже в полных сумерках. Там нам повезло: мы сравнительно быстро договорились со следующим грузовиком, идущим прямо до Калуги. Перетащили свои тюки и тронулись. И еще тридцать километров по такой же унылой дороге. Пусть меня простят калужане: для них эта дорога, наверное, прекрасна. И леса вокруг прекрасны, и поля. Но мне-то что было до всего этого во тьме, на каких-то мешках, в открытом кузове, в тряской машине, под ледяным ветром.

Начало подмораживать. Закаленный крестьянин Сысоев откровенно коченел, а счастливый сибарит в своем непробиваемом пальто благодарил судьбу за удачную покупку. Это у вас там, в городе, что ни говори, а есть возможность в подъезд забежать и погреться возле батареи, а у нас здесь, в открытом кузове под режущим ветром... Вот вы над нами и смеетесь в своих метро и автобусах и так самоутверждаетесь за наш счет, пока мы здесь коченеем и не покладая рук производим молоко, сливки, картошку и прочее, чтоб было чем вам наполнить брюхо...

И вот тогда, когда показались огни Калуги, и снова в воздухе повеяло ароматом выделанной кожи, Сысоев прокричал сквозь стянутые холодом губы:

— А моста-то нет! Придется вплавь, Шалч!

— Как это вплавь?! — крикнул я из глубины шубы.

— Значит, сами в воду, — визгливо захохотал он, — а шкуры в руке, чтоб не замочить!

— Так ведь лед по Оке идет! — крикнул я, и жгучий ветер ворвался ко мне под шубу.

— Это хорошо! — крикнул он. — На льдинах и поплывем!

Мы остановились возле того места, откуда в обычное время начинался понтонный мост. Из-за ледохода мост был убран. Во тьме, озаренные неясным светом звезд и городских фонарей с того берега, с шорохом, скрежетом и скрипом мимо нас шли льдины одна за другой. Грузовик развернулся и ушел. Еще несколько печальных теней смутно вырисовывались у кромки воды.

— Не надо было ехать, — сказал я, — куда же мы теперь?

— А теперь, Шалч, ежели не хочешь в воду лезть, — залился Сысоев, — надо лодочку поискать. Может, кто и перевезет.

Было к полуночи. Мы продрогли. От голода кружилась голова. Наши злополучные заледеневшие тюки покоились во тьме под ногами. Но я еще был жив, и я бы не обменял драгоценного зловонного груза на тарелку горячего борща и подержанные крылья, которые вернули бы меня в мой дом. Калуга посверкивала на том берегу, и ее мозолистая рука держала меня за горло, и, хоть и потускневший, мерцал еще в сознании образ благополучного молодого человека в черном кожаном пальто и светло-серой кепке, и ради этого я был готов на еще большие подвиги, и даже ледяная Ока не казалась мне непреодолимой. Маленький Сысоев не предавался мрачным раздумьям. Он семенил по зловещему берегу, исчезал во тьме, возникал вновь и наконец окликнул меня из смутной плоскодонки: «Давай тюки, Шалч!». Это восклицание прозвучало, как «Дай руку, брат!». И я, подобно Геркулесу, изловчился, напрягся, оба пудовых тюка дотащил до лодки и рухнул вместе с ними на ее мокрое дно. Пожилой хозяин оттолкнулся веслом, и мы закружились меж льдин во мраке.

— Эй, земляк, — крикнул Сысоев, — а почему нынче потонуть?

— Дорого не возьму, — ответил лодочник, — сиди знай!

Уже на середине реки я обнаружил, что лодка медленно, но верно заполняется водой. Мои валенки погрузились по щиколотки. Я поднял промокший тюк и держал его в руках, словно большого ледяного младенца. Ничего, думал я, на фронте и не такое бывало. Берег приближался, но вода подымалась быстрее, и темно-синие льдины ударяли в борта. Как умудрялся лодочник проскальзывать меж ними! Теперь я вспоминаю, что мы все трое кричали, пересиливая грохот и скрежет, выкрикивали самые высокие классические образцы матерщины погоде, Оке, каждой надвигающейся льдине и Калуге, не торопящейся нам навстречу, и веслу, и воде в лодке, и шкурам, и этой жизни, и нашим мечтам... И все-таки я еще был тверд, и силуэт мой, элегантный и значительный, все еще маячил на московском тротуаре. Был ли во мне страх? Безумие было. Хотелось

победить. О, если бы эта энергия и эти силы направлялись на великие дела! Какое количество великих дел возвысило бы человечество! Но в том-то и штука, что не было для меня тогда более великого, чем то, что я выполнял... Да и кто знает, что такое великое, пока оно не совершено?

Мы успели выскочить из почти захлебнувшейся лодки и ступили на калужскую твердь.

— Эх ты, — сказал Сысоев лодочнику, — мог бы дырочки-то залатать. Ведь потопли бы...

— Некогда, — сказал лодочник, — все ехать желают.

— А ты за деньги и утопить готов, — сказал Сысоев.

— А неужто отказываться? — засмеялся лодочник. — Весна-то в году раз бывает...

Мы долго тащились с тюками в гору, выбиваясь из сил. Калуга давно уже спала. И скорняк спал. Ока бушевала далеко внизу. И гостиница называлась «Ока» — старая, мрачная, с облетевшей штукатуркой, но когда мы наконец вползли в нее, пуча по-рыбьи глаза, я задохнулся от густого тепла и мирной тишины.

Да, была тишина. И пожилая администраторша за своей конторкой казалась ангелом-спасителем. Над ее золотистой головой кумир Сысоева с погасшей трубкой в руке удивленно взирал на нас из позолоченной рамы.

Помню, как я протягивал к администраторше деревянные ладони и не мог вымолвить ни слова, и не слышал, о чем, жалко улыбаясь, говорил ей Сысоев. Может быть, он рассказывал ей свою жизнь, не очень легкую и не самую удачную, о том, как он жил на этом свете, через что прошел, и вот теперь ему не хватило кровати во всем этом великолепном разрушающемся старом здании. И она смотрела мимо него отрешенно, с видом человека, привыкшего к тому, что от него зависит и жизнь наша и смерть.

Что уж он ей там говорил! Но он показывал ей то на меня, то на портрет генералиссимуса, и вдруг она оживилась и даже ответила, что-то человеческое промелькнуло в ее божественных чертах, и наконец нам было позволено устроиться в самом конце коридора на крашеном полу, до рассвета — не позже, и, помню, я был сражен ее неучливой добросердечностью, позволившей нам устроиться возле горячей батареи. Мы расстелили мое замечательное пальто, разулись, засунули валенки за батарею и улеглись рядом, приложив ступни к горячим трубам; покрылись пальто Сысоева и начали стремительно уходить из этого мира... От тюков подымался легкий парок, зловоние просачивалось сквозь упаковку, но мы были уже далеко от этих мест.

Утром нас разбудили брезгливые голоса. Мы молча одевались, посапывая, наслаждаясь теплом просохших валенок, беспрестанно твердя про себя благодарения гостиничной дежурной. В конце концов нас могли и не впустить, а впустив, выдворить, но мы остались, и место возле жаркой батареи словно специально было забронировано для нас и наших тюков с будущим шевро. Видимо, она все-таки сумела распознать в этих полных бродягах людей, полезных для общества. И вот она сберегла наши жизни, нарушая внутренний распорядок.

Теперь оставалось самое простое: добраться до скорняка. Мы оба, сильные и молодые, вновь подогреваемые своей мечтой, сгибаясь под тюками, не успевшими просохнуть, отправились по известному адресу. Впрочем, адреса не было. Была замечательная память Сысоева, и едва мы прошли по улице Ленина, пересекли улицу Кирова, как эта замечательная память приступила к действию.

— Значит, так, — сказал Сысоев, — теперь у этой церкви направо, — мы свернули, — теперь во-о-он до того голубого забора, — подсказала она, — два квартала, и будет колонка для воды... — и точно: колонка, покрытая ледяной коркой, возникла перед нами, — от нее налево и прямо до магазина, — миновали и магазин, еще не успевший

открыться, — теперь, значит, так, от магазина направо, так, во-о-он до тех деревьев... — Шли, задыхались, останавливались передохнуть, пытались шутить, делали вид, что веселимся, что все — трин-трава, вздор: эта ночь, Ока, ледоход, гостиница. По утреннему морозцу явственно пахло уже выделанными шкурами. Еще никто не просыпался: не было ради чего. Лишь мы одни бодрствовали в этом мире, непреклонно приближаясь к своей великой цели. И вот она внезапно открылась за каким-то очередным поворотом, открылась, и мы замерли на мгновение.

— Значит, так, Шалч, — сказал Сысоев, отдуваясь, — теперь, значит, все. Эвот он домик стоит, — и залился, — стоит, чего ему сделается? Теперь, Шалч, я схожу поразведаю...

И он удалился, а я, прислонившись к дереву, застыл над тюками, и горячий пот стекал по моему высокому лбу. И я подумал о чуде. Что если оно случится: ну, допустим, у этого скорняка залежались уже готовые шкурки, и он просто обменяет их на наши, и нам не надо будет снова ждать...

Минут через десять вышел Сысоев, широко ухмыляясь.

— В самую точку попали, — сказал он, — ждет. Ну, Шалч, будет тебе шевро.

Он сам оттащил тюки в дом вместе с задатком, и мы были свободны.

— В конце апреля получим шкурки, — захохотал Сысоев, вернувшись, — готовы остальные деньги, Шалч.

— Сошьем пальто и поедем в Москву? — спросил я.

— А чего ж? — залился он. — Пусть смотрят...

...Как я дожил до конца апреля, не передать. Я, конечно, боролся с недугом, честно и настойчиво, но безумие (впрочем, безумием это не назовешь), но жажда, охватившая меня, утолялась едва-едва. Моя пересохшая душа, как пересохшее горло, требовала своего, и все усилия усмирить ее, успокоить, утишить, умиловить ни к чему не приводили. Как я выжил, известно одному богу. Почему это происходило со мной? Как ответить? Времена были трудные для большинства. Помню, что я был стоек. Никто меня в детстве не баловал, и направленность моей души была несколько иной. Почему же мне жаждалось выглядеть с иголки? Не потому ли, что мне... что я... что такие, как я... то есть мы... Не потому ли, что мы... Кем я хотел выглядеть? Казаться, быть? Бог свидетель: я презирал пижонов. Чего же я жаждал?.. Мои родители были там. И, хотя сын за отца... и тому подобное, но горестный отсвет катастрофы лежал и на мне, и мне ли было замирать при одной мысли о возможном превращении в импозантного красавца?

Не понимаю.

Накануне Первого мая (в довершение ко всему) у меня выдалась бурная ночь. Первого мая с утра мы всей школой должны были собраться на праздничный митинг. Вечером накануне я осмотрел свой единственный костюм. Это был старый костюм моего дяди, подаренный мне, когда я вернулся с войны. За годы студенчества он заметно сдал. Теперь брюки внизу порвались и замахрились, и пиджак коробился и блестел на спине и локтях. В отчаянии я намеревался броситься в ножки Марье Петровне, упросить ее, женщину, своими ловкими ручками привести мою единственную одежду в приличествующий празднествам вид, но я спохватился слишком поздно: было за полночь. Наверное, ничего бы особенно не произошло, и мои ученики и коллеги, привычные и не к таким лишениям, не предали бы меня позору. Но ведь оглядывали бы с печалью и сочувствием и, чего доброго, собрались бы в складчину, чтобы поддержать мою репутацию молодого симпатичного учителя грузинского происхождения с городским вкусом, с любовью к прекрасному... И вот я стиснул зубы, напрягся, взял в руки ножницы, иголку с ниткой и принялся за работу. Как я изловчился справиться со старым, расплзающимся материалом, не желающим больше жить, — не знаю. Он мучил меня и

подставлял мне не те места, к которым следовало бы прикоснуться ножницами, и швы терялись в складках и ускользали, и игла вонзалась далеко от намеченного места, но к утру я вышел победителем, и когда я отпарил утюгом ветхую ткань, она благородно затускнела, и почти совсем новенький костюм висел передо мной. Я не спал ни минуты, но удача окрыляла. Много ли нужно? Что еще нужно, если ощущаешь себя человеком? Иди, раскованный и гордый, в свой класс, на свою палубу, на штурм, на гибель...

И вот в самом начале мая, когда празднества уже отшумели, и все зеленело вокруг, и страшный мартовский ледоход выглядел игрушечным, и моя непробиваемая шуба висела на гвозде за ненадобностью, тогда заглянул ко мне Сысоев, с наигранным ужасом, как всегда, оглядел мою комнату и сказал, потирая руки:

— Ну, Шалч, готовься. Завтра, значит, на зорьке и тронемся, помолившись, — и захохотал, счастливый, что принес мне долгожданную добрую весть.

Мы снова ехали в Калугу уже налегке под майским солнышком, и я видел, что дорога и впрямь хороша, то есть не шоссе, а обрамление, этот классический среднерусский пейзаж, эти вполне былинные леса и долины, покрытые легким туманцем. Ехать было радостно, и перспектива ночевки в затхлом гостиничном коридоре уже не удручала, тем более что надежда была окрыляющая. Оказывается, думал я, не так это трудно — переждать, пересилить нетерпение. Стоит иногда помучиться, думал я, подпрыгивая в кузове на ухабах.

Мы переехали мост, вновь наведенный после того ужасающего ледохода, и теперь он гордо поскрипывал под грузовиками, и желтая вода уже опавшей Оки дружелюбно терлась о понтоны, и наступающий вечер был ласков и милостив.

— Теперь, — сказал посмеиваясь Сысоев, — идем, Шалч, по прежнему маршруту.

И мы бодро зашагали по улице Ленина под зеленеющими деревьями, пересекли улицу Кирова, дошли до церкви, свернули направо...

— Надо бы поскорее, — сказал Сысоев, — скоро стемнеет — ищи тогда...

Впереди показался знакомый голубой забор. От него мы прошли, как и полагалось, два квартала, но... колонки для воды не было.

— Погоди, — сказал Сысоев, — я помню, что два квартала...

— Да мы уже все четыре пробежали, — сказал я, сдерживая начавшуюся лихорадку.

— Але, — сказал Сысоев случайному прохожему, — тут, кажись, колоночка должна быть?

— Колоночка? — задумался прохожий. — Здесь ее сроду не было. Вон на той улице, на параллельной, верно, на углу, а здесь ее не было...

— Да мы не по той улице кварталы отсчитывали, — сказал я.

— Ах ты, господи, — изумился Сысоев, — а как же забор голубой?

— Может, и там забор голубой, — сказал я, — пойдём-ка на ту улицу, Семен Кузьмич, если там есть колонка, значит, та самая улица...

Мы побежали. Темнело быстро. Тревоги не было — лихорадило. На параллельной улице обнаружили наконец колонку. Оглянулись для верности, но теперь не видно было голубого забора. Пробежали уже по этой улице обратно два квартала, три, четыре... Вот и крашенный забор, но цвет уже не различить. Вроде бы голубой, а может быть, и зеленый, и коричневый. Толстая женщина стояла у калитки.

— Здрасьте, — сказал Сысоев, — какого цвета у вас забор, что-то не разберу.

— А вам зачем? — спросила она.

— Да тут, значит, спор у нас вышел, какого цвета забор...

— Ну, синий, — сказала она.

— А может, голубой? — обрадовался я.

— Зачем же голубой? — рассердилась она. — Синий и синий.

Мы отошли немного.

— Знаешь, — сказал Сысоев бодро, — придется нам, Шалч, вернуться опять до улицы Ленина и уж тогда еще раз аккуратненько обратно... А то мы с тобой разлимонились, значит: весна, тепло, вот мы сейчас, вот мы уже, как все просто... А оно не просто.

Мы вернулись к гостинице «Ока» и медленно двинулись обратно. Улицу Кирова пересекли уже в темноте. Редкие фонари были слабыми помощниками. Дошли до церкви. От нее свернули направо. Пока все было правильно. Наконец возник голубой забор, тот самый, истинный. Даже в темноте отчетливо просматривалась его голубизна. Медленно, крадучись, миновали два квартала, и... колонка стояла на своем месте! Мы ее потрогали, погладили, из крана капала вода. Теперь уже было проще: налево до магазина. Прошли, но магазина не обнаружили. Вместо магазина простиралась аккуратная площадка. Улица была пустынная. Мы стояли, тяжело дыша.

— Надо было хоть адрес записать, — сказал я раздраженно, — полные идиоты.

— Не тушуйсь, Шалч, — сказал Сысоев мрачно, — найдем.

— Может, в справочное обратиться? — спросил я. — Как его фамилия?

— А черт ее знает, — нервно засмеялся Сысоев. — Степан Егорыч, и все...

Вдруг послышались торопливые шаги, и из-за угла вынырнул мужчина.

— Але, — радостно сказал Сысоев, — погоди, дорогой...

Увидев нас, мужчина отскочил в сторону.

— Да ты не бойся, — взмолился Сысоев. — Где он, магазин, который здесь стоял?

Мужчина отступил на несколько шагов.

— Але, — сказал Сысоев жалобно, — тебя же спрашивают, ну чего ты?..

— В справочном спрашивай! — крикнул мужчина и побежал по улице.

— Вот черт, — сказал Сысоев, — заблудились мы, что ли?

— Давай снова попробуем, — без надежды предложил я, — от самой гостиницы.

Но это уже был чистый вздор, и мы решили отправиться на вокзал и пересидеть там до утра.

На вокзале тускло освещенный ресторан работал круглые сутки. Единственный поезд на Москву отправлялся через час, и веселье было в самом разгаре. Впрочем, веселье — это громко сказано: было шумно, звонко, разухабисто, хмельно. Пахло подгоревшим маслом, прошлогодней капустой. Табачный дым висел над столами... Нет, это вспоминается так, потому что я теперь не люблю вокзальные рестораны, подвыпивших швейцаров и официантов и постоянную суету: от поезда к столу, от стола к поезду. Теперь не люблю. А тогда, видимо, любил. А что было делать? После деревни, сырой холодной комнаты, желтой лампочки под потолком — и вдруг этот зал, и люди, и звонкие подносы, и можно заказать, отменить, развалиться, пошутить, презрительно оглядеть зал, соседей или, наоборот, сладко улыбнуться. Я плачу' — а вы подавайте. Никто обо мне ничего не знает. Все, словно в бане, равны. Были бы деньги. Теперь я не люблю вокзальные рестораны. Теперь уже нет необходимости самоутверждаться, стараться выглядеть и тому подобное. А тогда, хоть и было так же: и вонь, и суета, и подвыпивший швейцар у дверей, — но воспринималось как карнавал. И сквозь раскрытую дверь виден был на стене в клубах табачного дыма привычный портрет в золоченой раме. Кумир Сысоева стоял посреди нескончаемой равнины, ранним утром, и смотрел вдаль поверх наших голов.

Швейцар долго-долго не хотел нас впускать, просто так, нипочему, и мы жалко и без обиды толклись у дверей, и горбились, горбились, и елейно ему улыбались, одуревая под тяжестью собственных горбов. Он долго унижал нас, но чем дальше, тем

вождеденней поглядывали мы на ресторанные столы, за которыми можно было бы и распрямиться. Наконец он смилостивился. И мы вошли в зал. Это теперь можно, как это называется, качать права и призывать к ответу, тогда же шутки такого рода были опасны: мы ведь хорошо видели, как милиционер с малиновым околышем дружески похлопывал швейцара по плечу, когда проходил мимо, словно они свояки, кумовья, а может быть, даже братья...

Мы заказали графинчик водки и по порции котлет с лапшой.

— Ну, Шалч, — проговорил Сысоев, откинувшись, — кто сказал, что жизнь плохая?

И я кивнул ему согласно, потому что мне и впрямь было хорошо.

Мы выпили. Свет стал ярче... Я подошел к ресторанной двери, не сгибаясь. На мне было черное кожаное пальто и светло-серая кепка, и швейцар распахнул дверь передо мной. Я похлопал его по плечу...

Я доел котлеты, и мне захотелось ликера с кофе... Теперь я ликеров терпеть не могу, эта сладкая влага мне отвратительна, но тогда мне казалось, что ликер с кофе — это так высоко, тонко, аристократично, и подите вы со своими котлетами неизвестно из чего и с лапшой, от которой склеиваются внутренности!..

И я заказал ликер и кофе. И мне принесли рюмку ликера и чашечку черного пойла, но все же... Сысоев, хохотнув, придвинул к себе графинчик с водкой. В этот самый момент к нашему столу подошли двое — мужчина и женщина и уселись на свободные места. Они были крепко навеселе, особенно женщина, но тут же заказали пол-литра и по порции кислых щей. Женщина долго всматривалась в меня, потом выговорила с трудом: «усики...» — и показала черные зубы.

— Помалкивай, — сказал ей мужчина и объяснил нам: — В Архангельск везу, на лесозаготовки...

— Ее одну? — удивился я.

— Зачем одну, — усмехнулся мужчина, — я их тут много на вербовал... вот и везу...

А вы кто ж будете?

— Мы местные, — сказал Сысоев и кивнул в мою сторону, — а он грузин...

— Грузин? — удивился мужчина.

— Ага, — сказал Сысоев и снова кивнул, уже на портрет...

Женщина спала, положив голову на скатерть. Мужчина выпил и вдруг заплакал.

— Але, — сказал Сысоев, — чего это ты?

— Письмо ему написать хочу, — сказал мужчина, — разобраться...

— В чем же? — спросил я.

— Эх, ты... — снова заплакал мужчина. — Да у нас там вредители в начальниках... понятно?

— Пиши, пиши, — сказал Сысоев и кивнул на портрет в золоченой раме, — он им даст...

— Конечно, — сказал я.

— Да я не умею, — захныкал мужчина, — как это письмо писать? С чего начинать?.. Не умею... А то еще не так чего-нибудь...

— Давайте я напишу, — вызвался я, — вы мне факты, фактики, а уж я сделаю...

— Он сделает, — сказал Сысоев, — он грузин, он университет закончил...

Как там все это в точности происходило, сейчас уже не помню. Он бормотал что-то, я записывал. Зачем это мне нужно? — думал я, а сам записывал, записывал, пока кто-то не произнес над моей головой:

— Ваши документы, гражданин...

Милиционер в малиновой фуражке тянул ко мне ладонь. Женщина спала. Мужчина смотрел дикими глазами. Сысоев зарумянился и сказал тоненько:

— Ой, мне в туалет надобно, я сейчас...

Я выложил на широкую милицейскую ладонь все, что у меня было. Он подхватил мой блокнот и велел мне следовать за ним.

— Не трожь... — прохрипел мужчина, — не трожь, говорю...

И меня повели.

В дежурной комнате сидел капитан с желтым помятым лицом. Милицонер разложил перед ним мои бумаги и сказал:

— Вот, товарищ капитан, гражданин сидел с пьяным и чего-то у него выспрашивал и записывал... Сам не ел, не пил...

— Ну что? — спросил капитан.

— Как это не ел, не пил, — сказал я, слабея, — я съел котлеты с лапшой и ликер выпил...

— А что записывал? — спросил капитан.

— Видите ли... — сказал я.

— Давай его туда, — сказал капитан и кивнул на боковую дверь.

Я зашел в маленькую грязную комнату с лавкой, и дверь захлопнулась, щелкнул замок.

Шесть квадратных метров. Тусклая лампочка над входом. На окне решетка, за решеткой майская ночь. За дверью — чужой равнодушный офицер... Несколько минут назад мне хотелось выглядеть человеком. Разве это было несправедливо? Да зачем, зачем мне понадобилась эта дурацкая кожа! Я обманывал сам себя, думал я, играя в эту игру с деревенским совратителем, не верил и играл, и вот доигрался... Теперь, когда выяснят, что мои родители... потом усмехнутся понимающе и недобро... Я, конечно, повторю, как магическое заклинание, сказанное им однажды, что, мол, сын за отца не отвечает... да, но ведь и яблоко от яблоньки... и это тоже надо учитывать, ибо это тоже народная мудрость, а народ не ошибается... Теперь в наши времена какой-нибудь молодой человек в подобной ситуации спросил бы с легкой усмешкой ничего не боящегося члена общества: «А почему, собственно, я не могу записывать, что желаю?..» Что ответил бы ему усталый капитан? Действительно, ну достал блокнот, ну записывал. Что дальше?.. Но это теперь... А тогда... Куцый пиджачок, и чертовы усики, и рюмка ликера, и пьяный бред о каких-то вредителях, и все это в то самое время, когда, как мы знали, сотни и тысячи закамуфлированных шпионов шныряли среди нас, записывая, пытая, отравляя, взрывая... И я с ужасом вспомнил, как на лекции о коварстве иностранных разведок лектор сказал: «Западный агент, к примеру, в ресторане выпивает по глоточку и не закусывает. Это бросается в глаза...»

Если бы я сидел в своей деревне, не поддавшись на провокации Сысоева, ничего этого не было бы: ни лихорадки, ни вожделения, ни мучительной дороги в кузове грузовика, ни плавания среди льдин, ни унижения в гостинице, ни этого чудовищного ликера и пьяных рож, ни зарешеченных окон и перспективы насильственного путешествия куда-нибудь подальше, надолго, навсегда... «Где ваши родители?». «Видите ли...» И все. Потому что жалким словам было не в силах перебороть существовавший стереотип. Зачем мне понадобилось это проклятое пальто?..

Наступал рассвет. Кажется, я плакал. Тихо, для самого себя. Я еще надеялся, что произойдет чудо: усталый капитан забудет обо всем, выслушает меня без интереса, махнет рукой, и я ринусь на улицу, сбегу к Оке, на первом же попавшемся грузовике укачу в деревню, домой, сварю суп из молодой крапивы и пшена, засну и проснусь в другом мире.

В этот момент там, в предбаннике, что-то загрохотало, треснуло, и хриплый голос проорал: «Не трожь, тебе говорят!..» Кого-то там вталкивали, втискивали в двери, а он

упирался и орал: «Усы где?.. Куда этого с усами подевали!..» Это был тот архангельский вербовщик, допившийся до горячки. Он искал меня и топил меня окончательно, перемешав в своем помутненном сознании мои тщедушные усики с теми, другими, и он топил меня, топил, приговаривая к дальней дороге, пьяная сволочь...

— Заткнись, сволочь! — крикнул я сквозь слезы, но никто не мог меня услышать, и на чудо уже нечего было рассчитывать.

За окном быстро светало. Вскоре и вовсе наступило майское утро, зазвучали шаги счастливых прохожих... Если бы не это шевро!.. Затем отворилась со скрипом дверь, и меня пригласили в предбанник к дежурному. Я стремительно шагнул вместе с клокочущим в горле криком: «Товарищ капитан, я умоляю вас... это все недоразумение!.. Честное слово, я не виноват!.. Это он виноват, этот пьяный негодяй, болтун... Спросите у наших... Я хотел сшить кожаное пальто... я как дурак пережидал до утра... я думал... Это Сысоев меня надоумил, а сам убежал. Честное слово, честное слово, я умоляю вас!..» Но крикнуть этого я не успел.

За барьером сидел молодой незнакомый лейтенант. Он повертел мои бумаги и спросил бесстрастно:

— Проспались?

— Я не спал, — сказал я, просительно улыбаясь.

— Лавка жесткая? — брезгливо усмехнулся он.

Через окно виделся перрон. Там стояли пассажиры. Цветы распускались на газоне. На вывеске было написано: «Хлеб»...

— Я всю ночь думал, что неправильно поступил, — сказал я.

Он протянул мне мои бумаги!

— А теперь что? — спросил я, не веря.

— Пить надо поменьше, — сказал он, — идите.

...От вокзала до понтонного моста я добежал за каких-нибудь десять минут, ни разу не оглянувшись. На берегу Оки на свежем бревне сидел Сысоев. Я присел рядом, тяжело отдуваясь. Мы молчали. Он рисовал на песке веточкой домик. Доканчивал, стирал и вновь начинал, но уже с бо́льшим совершенством. Я стал рисовать тоже.

Так текло время. Попутных машин не было. Желающих ехать прибавлялось.

— Ты чего, Семен Алексеич, испугался? — спросил я, не поворачиваясь к нему.

— Зачем испугался? — сказал он сквозь зубы. — Вовсе и нет... Вот машину жду.

Мы снова помолчали.

— А чего вам там говорили? — вдруг спросил он, стирая очередной домик.

— Ничего, — сказал я, — вернули бумаги, и все...

— Ух ты, и все, — засмеялся он, — фамилию-то, небось, записали?

— Ну и что? — спросил я шепотом.

— А ничего, — сказал он, — теперь узнаете...

— Да ведь там дежурный сменился, — заспешил я, — лейтенантик какой-то, он и не спрашивал ни о чем. Идите и идите, я и пошел. Я сначала испугался, знаешь, как подумал, что вот о родителях спросят, то да се, ну, думаю, конец...

— Это почему же конец? — спросил он, презирая меня, — что же у нас, разобраться не могут? Больно вы рассуетились, будто виноваты...

— А что это ты на «вы» со мной? Мы ведь не один день знакомы, — удивился я.

— Да уж и не больно-то мы и знакомы, — сказал он, оглядывая дорогу, — я вас и не знаю-то толком...

Я не успел ответить, как подкатил грузовик — спасительный экипаж, который увезет меня от этих мест подальше, будто бы в недостижимые пространства. Все забрались

в кузов, и я уселся на какой-то мешок, и лишь один Сысоев продолжал дорисовывать дом...

— Давай скорее! — крикнул я без надежды.

— Вы едете и ездите, — сказал он, не поднимая головы, — а у нас и в Калуге дел по горло.

И я уехал.

Наша дружба с Семеном Алексеичем оборвалась. Он меня в гости не приглашал, да я и не навязывался. О коже он не вспоминал. Я не спрашивал. Потом мне удалось выяснить у одного знающего человека, что все равно хранили мы шкурки неправильно, и за такой срок без обработки они должны были сгнить непременно. Это известие меня окончательно утешило. О деньгах я не пожалел. А может быть, окажись я тогда на вокзале в черном кожаном пальто, — неизвестно, где бы я сейчас находился. А тут корявый пиджачок, какие были на всех, стоптанные башмаки... Чего с меня взять? Верно ведь?..¹³⁶

Октябрь 1985

С. Чупринин. «Бумажное бытие ежемесячного журнала очень привлекательно»

С некоторой поры журналы, в своём преимуществе без глянца, а порой и вовсе без картинок, нарекли толстяками, — и сквозило это неофициальное наименование для кого — незлой, а для кого — едковатой иронией. И хотя увесист по объёму журнал и тянет он порой по количеству страниц на фолиант, только без твёрдого переплёта, да незадача — жизнь его вовсе не бьёт ключом, как у забавного героя (кто не забыл) телерекламы одноимённой марки пива.

Журнальным «толстякам», несмотря на очень жизнелюбивое название, не до жиру, — порой бы просто выжить. Но так было не всегда. Что было и стало с «толстыми» литературными изданиями в нашей стране; как они противостоят чиновничьей волоките и жадности; огорчаться или радоваться успехам литературных издателей-конкурентов — наша беседа с Сергеем Ивановичем Чуприниным, главным редактором «Знамени», одного из ведущих в России литературных журналов.

В разные годы авторами журнала были Борис Пастернак, Александр Твардовский, Андрей Вознесенский, Константин Паустовский, Юрий Трифонов. Символично — именно в «Знамени» впервые увидела свет повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», давшая название целой эпохе.

Уже в перестройку и в 90-е годы «Знамя» по-настоящему открывало новые имена, определившие целое направление в литературе — Виктора Пелевина, Тимура Кибирова, позднее — ставшего лауреатом множества Международных премий Михаила Шишкина. Наряду с этим журнал возвращал в нашу жизнь Андрея Платонова, Михаила Булгакова, Евгения Замятина, Варлама Шаламова.

В 2010 году ежегодная литературная премия журнала была присуждена Михаилу Ходорковскому.

— Сергей Иванович, насколько формат литературно-художественных журналов позволяет сегодня полно и объективно отражать всё, что появляется в литературе, публицистике, аналитической журналистике?

— Структура литературно-художественных (а я бы обязательно добавил ещё и — общественно-политических) журналов сложилась ещё в первой трети XIX-ого века. Фактически её родоначальником выступил Пушкин, редактировавший, как известно, журнал «Современник», — затем появились «Библиотека для чтения», «Отечественные

записки» и многое другое. Если говорить об особенностях формата, то в нём чётко было закреплено двуединство издания. Журнал состоит из двух частей; первая — это то, что уважительно именовалось «изящной словесностью» (стихи, проза, иногда пьесы). Вторая — это критика, архивы, публицистические статьи, рецензии, реплики, различные обозрения. То есть, всё то, что на языке века девятнадцатого полушутливо называлось смесью.

И, как это ни удивительно, данный формат практически без изменений сохранил себя в течение всего столетия Пушкина, Достоевского, Толстого, затем — через весь век ХХ-ый. Когда грянули новые времена, 90-е годы прошлого века, все мы стали свидетелями кампании по стремительному захоронению «толстых» литературных журналов.

Расхожий аргумент желавших нас поскорее «похоронить» был претенциозен, но при этом не вёл за собой веские доказательства — устарел-де сам формат, который стал не тождественен литературному процессу, не выполняет своих задач, связанных с запросами читателей нового поколения. Появление подобного рода претензий совпало со значительным уменьшением тиражей серьёзной периодики, причём «встык» после невиданного взлёта её популярности в перестроечные годы. В этой связи ваш покорный слуга не раз приводил метафору: электрическая лампочка перед тем, как погаснуть, с необыкновенной яркостью вспыхивает. Эта «лампочка» феерически вспыхнула на рубеже конца 80-х — начала 90-х годов. Так, тираж «Знамени» равнялся 1 миллиону экземпляров, «Дружбы народов» — 2 млн. 600 тыс., «Юности» — 3 млн. Наши критики, «гробовщики и похоронщики», увидев внешне действительно почти катастрофическое падение тиражей, твердили нам и днём и ночью, что всё безнадежно устарело, что проект толстого ежемесячника, совмещавшего в себе разговор о литературе с размышлениями о жизни вообще (а это, как показал опыт, узловое понятие русской литературной и культурной традиции), изжил себя и архаизм его не подлежит исправлению и реформированию. И даже неоднократно называли точную дату, когда всё это закончится и закроется последний в России журнал такого рода.

Но что произошло на самом деле, несмотря на все недобрые, порой злорадные прогнозы? Все, — я подчёркиваю, все, — «толстяки», которые существовали в двадцатом веке, выжили (выходят все, — я не знаю ни одного закрывшегося), сохранили своё лицо. Если же говорить об уже устоявшихся печатных брендах, значимых в литературном мире, то здесь налицо достойное продолжение традиций, заложенных в советский период. «Сибирские огни» выходят с 1921 года, «Молодая гвардия» — с 1924-ого, «Новый мир» — с 1925-ого, наш журнал — с 1931-ого. А в середине века появились еще и «Юность», «Москва», «Наш современник», «Дружба народов», в провинции — «Дон (в Ростове)», «Север» (в Петрозаводске), «Урал» (в Свердловске), «Волга» (в Саратове). Каждый крупный город — региональный центр считал за честь выпускать у себя такой журнал.

Более того, ныне не проходит и полугодя, как на издательско-литературной карте страны не заявляли бы о себе журналы — «новоделы», как я их называю, которые выстроены решительно по той же модели. И это говорит, что именно модель «толстого» журнала активно воспроизводится и в XXI веке. Неважно где, — в Москве ли, Петербурге, в провинции, или среди русского зарубежья.

— Это парадокс? Как вы считаете, если спрос по всем показателям подписки падает, то почему растёт количество наименований журналов?

— Вы знаете, я когда-то сострил, что везде, где оказываются русские люди, — если их больше 3–4-х, — они обязательно придумывают что-то вроде литературного альманаха. А если их соберётся уже 10–15, то они точно начнут выпускать литературный журнал.

И когда мне прислали русский литературный журнал, выходящий в Республике Зимбабве, то для меня это, честно говоря, не было уж совсем неожиданно. Да, а чего тут удивляться – работники посольства, постпредства, кроме них – наши, российские, лётчики, их жёны, дети... Все люди достаточно образованные, любящие чтение. Кто-то из них пишет стихи, кто-то – сказки, вот вам и набирается состав для писателей и читателей. Так что я думаю, мы имеем дело не с парадоксом, а с ещё одним подтверждением того, что формат, предопределённый самой логикой нашего культурного развития, показал свою жизнеспособность и в новых исторических условиях.

Причём любопытно — те же наши молодые критики энергично начинали с сетевых изданий, а потом всё равно, когда у них находилась хоть малая толика средств для издания журнала в привычном, бумажном варианте, сразу же переводили свои творения на бумагу. Иначе говоря, вольно или невольно воспроизводили «ненавистный» ими наш формат. Так что бумажное бытие регулярного журнала очень и очень привлекательно...

Другое дело, когда заходит речь об упавших тиражах. Если бы шла речь только о «Знамени», то, наверное, легко было бы сделать скороспелый вывод, что я как главный редактор и мои коллеги недорабатываем. Но для этого надо знать контекст проблемы. У нас тираж на сегодняшний момент – 4 тыс. экземпляров, то есть в 250 раз меньше, чем он был в 1990-ом году. Но цифра на протяжении последних пяти – семи лет держится приблизительно на одной отметке. У «Нового мира» сейчас – 5,5 тыс., такое же соотношение у всех без исключения наших коллег.

И не в том беда, что упали только тиражи журналов. Дело хуже — соразмерно упали и тиражи книг. И, по всем статистическим замерам, продолжают падать. Я был молодым литературным критиком, отнюдь не романистом-детективщиком, и у меня выходили при Советской власти сборники статей тиражом 10–20–30 тысяч экземпляров. Действовало даже правило – тиражом менее десяти тысяч экземпляров книга просто не могла выйти в свет, — по крайней мере, в Москве. Сейчас, когда книжный тираж — в пределах 10–ти тысяч, то он считается очень хорошим. А 30 тысяч — это и вовсе бестселлер. Тогда как проза выходила в 70-е – первой половине 80-х годов тиражами в 100 тыс. (и это было нормальное явление), а нередко доходила и до миллиона. И не только проза, — тиражи Евтушенко и Вознесенского доходили до 400–500 тыс., о подобном сегодня не может мечтать даже Донцова. То есть, падение тиражей, а с ними и, соответственно, уменьшение воздействия на читающую публику и вообще на общество никак не может свидетельствовать об устарелости формата «толстого» журнала и не о том, что наши редакционные сотрудники не справляются со своими обязанностями. Это — свойство времени.

— Утопия ли это: быть «толстяку» прибыльным? И неужели серьёзная периодика обречена на постоянный трепет перед учредителем или спонсором?

- Отвечая на ваш вопрос, позволю себе небольшой исторический экскурс. Я пришёл в «Знамя» в 1989 году. Меня пригласил на должность своего первого зама главный редактор журнала Григорий Яковлевич Бакланов, наш известный писатель-фронтовик. Обратите внимание – когда меня назначили, у меня на столе уже на следующий день лежала среди других важных бумаг выписка из решения секретариата ЦК КПСС (главные редактора журналов такого рода назначались исключительно решением Политбюро ЦК, а заместители — решением секретариата ЦК). Там было написано – рекомендовать, хотя, если говорить обо мне, ваш покорный слуга был беспартийным.

Тогда 6-ая статья Конституции о превалирующей роли Компартии хоть и трещала по швам, но ещё давала о себе знать. Рядом на столе – постановление секретариата правления Союза писателей СССР, который назначал меня на эту должность. И ещё один

документ, приказ по издательству «Правда», где указывалось: «принять на работу такого-то с такого-то числа». И всё это означало, что контент, как сейчас выражаются, журнала контролировался писательским руководством, а в финансовом и производственном отношении литературные журналы функционировали на правах цехов того или иного крупного издательства. То есть все деньги, которые мы зарабатывали, шли в издательство «Правда», — у нас не было даже собственной бухгалтерии, элементарной хозчасти.

При этом статус и журнала, и главреда, и его замов были очень высокими в обществе. Главный редактор «толстяка» — это «генерал» от литературы; почти все главреды были депутатами, членами или кандидатами в члены ЦК, отдыхали за границей, имели богатые квартиры в Москве, и т.д. Я до прихода в «Знамя» 13 лет трудился обозревателем в «Литературной газете», так что о всех этих благах знал лишь понаслышке... Но стоило войти в номенклатуру, как мне нанесли — как бы сейчас выразились — кучу бонусов. На столе сама собою образовалась правительственная вертушка АТС-1. Мне стал полагаться список книжной экспедиции, по которой можно было покупать книги, иным путем недоступные. Вручили даже книжечку, благодаря которой по брони можно было приобретать билеты на громкие театральные премьеры. Продовольственные пайки в 50–70-е годы они были, кажется, только у самого большого начальства. А вот в 80-е кто их уже только не получал — и ветераны войны, и сотрудники хоть сколько-нибудь солидных учреждений, и, разумеется, члены Союза писателей. Так что дефицитные продукты я приобретал в Москве подвале на улице Алабяна (поскольку жил неподалёку оттуда, в писательской резервации у метро «Аэропорт»), позже — в 40-ом гастрономе на Лубянке. Называлось это дело почему-то «заказами», и, наверное, благодаря им материальное положение литераторов и журналистов в обществе также поддерживалось на вполне сносном уровне. По гонорарам — денежное вознаграждение в журнале «Знамя» равнялось в середине 80-х годов 300 рублей за авторский лист (24 машинописные страницы), и это — в 2 раза больше тогдашней средней зарплаты по стране. При этом гонорар был выше, чем у редактора; воплощалось правило, что первичен все-таки автор текста, а не тот, кто его редактирует, и потому оплата его произведения (из расчёта на авторский лист) двоекратно превышала зарплату штатного редактора.

Для сравнения — сейчас средняя зарплата у сотрудников «Знамени» 15 тысяч рублей в месяц, гонорары за авторский лист — 3 тысячи. Удивительно ли, что подавляющая часть моих коллег — люди пенсионного возраста, которые могут себе позволить трудиться только «из-за любви к искусству»? У нас в отделе прозы работает, например, Ольга Васильевна Трунова, — она в журнале ещё с конца 50-х годов. Это, безусловно, классик редактуры, и не скрою своё мнение — высококлассные редакторы художественных текстов, к которым с честью принадлежит и Ольга Васильевна, остались именно в «толстых» журналах.

— Но давайте вернёмся к отношениям между учредителем, издателем и творческим коллективом.

— Да, и вот здесь у нас, что называется, «три в одном». Ранним утром 1 августа 1990 года, когда вышел Закон о СМИ, декларировавший, что печать в Российской Федерации свободна, мы с Григорием Яковлевичем Баклановым отправились в Госкомпечать с целью зарегистрироваться в качестве независимого издания.

Как сейчас помню, у нас тогда был «порядковый номер» 7 в той благородной очереди. И это, разумеется, очень не понравилось Союзу писателей — почувствовав, что он теряет над «Знаменем» не только идеологический контроль, но уже и возможные доходы, он тут же подал на нас в суд. Занятно, что заявления о независимости понесли и все остальные литературные издания, но судиться Союз затеял именно с нами, и причиной

тому одна – особая, гипер-перестроечная позиция журнала на тот момент, да и упускать из своих рук влиятельное, популярное издание в Союзе писателей не хотели. Начались суды. Районный, потом городской; наконец, всё это увенчалось решением Верховного суда, подтвердившего правомерность всех наших дерзаний. Вердикт бы датирован 7 июня 1991 года, и с тех пор этот день независимости журнала, он и по сегодня – нерабочий в редакции.

В общем, до юридической и фактической независимости журнала, все вопросы экономики издания никто из моих предшественников и в голову даже не брал. Всё шло в автоматическом режиме: издательство несло на себе весь груз производства, журнал приносил прибыль, но наш доход в сущности никакого отношения к нашим окладам и гонорарам не имел.

Теперь же – и это я прошу отметить особо – литературные журналы, может быть, — единственные по-настоящему независимые издания в стране. Потому что мы, по-прежнему, никому, кроме себя, не принадлежим: ни государству, ни собственнику и ни в какие издательские дома тоже не входим. Журналистский коллектив редакции – это и учредитель, и издатель, и единственный собственник журнала.

— И никаких инвесторов? Никаких спонсоров?

— Никаких. Практически все наши средства – то, что дают подписчики. Впрочем, справедливости ради скажу, что в последние годы мы ежегодно выигрываем гранты Роспечати на социально и культурно значимые проекты. Чрезвычайно благодарны фонду «Финансы и Развитие», который вот уже второй год подряд выкупает у нас по 500 экземпляров журнала для библиотек научных и учебных учреждений экономического профиля. А вот стабильные отношения с Министерством культуры у нас пока не складываются, хотя мы в прошлом году и провели по их гранту круглый стол к 200-летию со дня рождения И.А.Гончарова.

— Всегда ли безоблачной на протяжении минувших лет для «Знамени» была эта независимость?

— По сути, журнал должен был погибнуть трижды. В настоящее время, осенью 2013 года, он может погибнуть в 4-ый раз. Уйти в небытие он мог ещё, когда отпустили цены, — в то время, как и сейчас, он распространялся главным образом по подписке. А что такое подписка? Ты получаешь деньги в сентябре, а выпустить свою продукцию на них должен в следующем году. И когда ураганная инфляция начала 90-х годов съедает все полученные средства и к марту уже всё, что ты заработал на подписной кампании, превращается в прах, то планировать на следующий месяц — а не то что на год вперёд — невозможно. Спасение пришло благодаря проекту, который Григорий Бакланов сумел осуществить с помощью Джорджа Сороса. Удалось убедить магната, что без поступления литературных журналов в российские библиотеки читатели сядут на голодный паёк. И это было правдой — книгоиздание в начале 90-х стремительно деградировало, и, если кто забыл, кроме «Ангелики», Чейза и «Приключений космической проститутки», в свет не выходило почти ничего. Современные писатели оказались отрезанными от читающей публики. Так что мы тогда, фигурально выражаясь, «временно исполняли обязанности» отечественного книгоиздания.

Программа Сороса рассчитана была на семь лет, с 1994 по 2001 годы. Список, куда входили мы, насчитывал 17 изданий. Причем – и это очень важно — Фонд Сороса Open Society Fund («Открытое общество») не давал нам деньги в порядке чистой благотворительности, а заказывал нам часть тиража и распространял ее по библиотекам. И это спасало и нас, и наших авторов, и библиотеки, то есть читателей.

Второй раз журнал должен был погибнуть в 1998 году, когда наступил дефолт. Нас на сей раз выручила (как и «Новый мир», «Звезду», «Неву», «Октябрь», — всех кого

поддерживал бизнесмен и филантроп) соросовская предусмотрительность, умение предсказывать обстановку. Дело в том, что деньги нам выплачивались в рублях, но рассчитывались они по долларовому эквиваленту, и обрушение рубля нас, таким образом, не погубило.

И наконец, в третий раз смерть журнала могла наступить в начале 2000-х годов, когда московское правительство объявило, что оно чуть ли не в 10 раз поднимает стоимость арендной платы для всех столичных СМИ. Поднялся скандал, но Лужкову, на наше счастье, нужно было как раз в очередной раз переизбираться, и он под телекамеры накричал на своих министров, что они хотят, мол, поссорить его с интеллигенцией. Арендная атака на этот раз не удалась. Хотя цены всё же были подняты, но — не столь радикально.

И вот сейчас над нами в который раз нависла угроза фактического закрытия. В марте с.г. стало известно, что для «Знамени» аренда помещения, где мы работаем (Москва, ул. Садовая Большая, 2/46) дорожает вдруг... в 8,9 раз. И это означает, что деньги, которые мы в виде грантов получаем от федеральной власти, целиком будут уходить в городской бюджет, причём их все равно не хватит. Поэтому в настоящее время не только «Знамя», — все «толстые» журналы столицы находятся в состоянии затяжной позиционной войны с правительством Собянина.

— Но ведь для СМИ положены определённые льготы...

— В том-то и дело, что «мудрые люди» в правительстве города Москвы исключили все СМИ из числа льготников. Так что вопрос очень серьезен — речь идет не столько о спасении «толстяков», но и по сути всей отрасли.

— Если уж разговор коснулся отрасли в целом, то хотелось бы знать, что, кроме рукописей, читает, за чем из того, что появляется в привычном печатном формате или в Сети, следит главный редактор литературного журнала «Знамя»?

— Я читаю те издания, которые хотя бы в какой-то мере соотносятся с литературой и вообще с культурой. Глянец поэтому — не для меня. Но мне импонирует, скажем, редакционная политика журнала «СНУБ», дважды в год выпускающего литературные номера. И делают они это, надо сказать, очень хорошо, со вкусом выбирая тексты наиболее интересных современных писателей. И платят за них, замечу с завистью, очень достойно — в десятки раз больше, чем мы могли бы себе позволить. Что ж, пусть от денег Михаила Прохорова перепадает немного и на современную литературу... Замечу, между прочим, что гонорар за рассказ мы платим автору в среднем 3 тысячи рублей, а в «СНУБе» за тот же текст — 100 тыс. Как говорят, почувствуйте разницу.

Слушаю «Эхо Москвы», под настроение — «Наше радио», музыка на нём соответствует моему вкусу, смотрю «Дождь». Раньше мы очень дружили с «Радио «Культура» — когда там главным редактором был Анатолий Голубовский, а шеф-редактором литературных программ поэт Тимур Кибиров, современные писатели считали это радио своим собственным. Теперь пришли иные времена, и литературой люди с «Культуры» уже почти не интересуются. Случилось то же, что и с газетой «Московские новости»: я её очень высоко ценил, но очередной ребрендинг меня как читателя отбросил от газеты очень далеко.¹³⁷

Беседу вёл Алексей Голяков

о собеседнике

Сергей Иванович Чупринин родился в 1947 году в городе Вельске Архангельской области. В 1971 году окончил Ростовский государственный университет, филологический

факультет. В 70-е годы работал в районной газете «Свет Октября», ростовской областной газете «Комсомолец». В 1976–1989 годы — обозреватель «Литературной газеты». В 1989–1993 годы — первый заместитель главного редактора, с декабря 1993 — главный редактор журнала «Знамя». Доктор филологических наук, профессор. Награжден советским орденом «Знак Почёта» и российским орденом Почета, удостоен нескольких литературных премий.

Джордж Сорос. Концепция Горбачева

Новое мышление Горбачева и нас должно заставить серьезно поразмыслить.

Наш взгляд на мир определяется существованием двух сверхдержав, которые противостоят друг другу. Эти две сверхдержавы глубоко различны по своей общественной организации и идеологии, но схожи в стремлении добиться победы своей точки зрения. Простые граждане могут так и не думать, но те, кто занимается нашей внешней политикой, думают именно так: если они слишком далеко отойдут от этой линии, им не дадут остаться на своем посту.

Что касается Горбачева, то он отказался от этого взгляда на мир. Если бы у США хватило духу последовать его примеру, наши страны могли бы создать новый мировой порядок, который не был бы основан на противостоянии двух сверхдержав.

Я стал активно сотрудничать с Советским Союзом с начала 1987 года, после того, как Горбачев призвал Сахарова вернуться в Москву и «возобновить работу на благо Родины». В результате многих встреч и переговоров с советскими официальными лицами я образовал фонд со штаб-квартирой в Москве с ближайшей целью помочь Советскому Союзу стать более открытым обществом. Первоначально это было совместное начинание Фонда культуры СССР и моего фонда в Нью-Йорке. Это совместное предприятие воплотилось в новый фонд «Культурная инициатива», действующий в рамках советского законодательства. Им руководит независимое правление, состоящее из советских граждан, за исключением исполнительного директора моего фонда в Нью-Йорке. Список членов правления можно расценивать как справочник «Кто есть кто в гласности»: — Юрий Афанасьев, историк

Джордж Сорос с начала 80-х годов вошел в число крупнейших американских финансистов. Он управляющий и совладелец международного инвестиционного фонда «Квантум», активы которого выросли с 1969 года в 500 раз и составляют примерно 2 миллиарда долларов — это, по-видимому, абсолютный рекорд темпов роста.

По отзывам западной прессы, Джордж Сорос — пример финансиста нового типа. Он крупный экономист, в 1986 году написал книгу «Алхимия финансов», высокообразованный человек: кроме экономики, изучал философию, право, свободно владеет четырьмя языками (английским, венгерским, французским, немецким), а также немного итальянским и эсперанто.

Джордж Сорос родился в Венгрии в 1930 году. Семнадцати лет, после окончания второй мировой войны, покинул Венгрию. Учился в Лондонской школе экономических наук. В 50—60-е годы — специалист по биржевым операциям. В 1956 году переехал на постоянное жительство в США.

Являясь американским гражданином, Джордж Сорос поддерживает постоянные широкие связи с европейским миром бизнеса. У него есть дом в Лондоне, где он проводит значительную часть времени.

Джордж Сорос с глубокой заинтересованностью относится к процессам перестройки и демократизации, происходящим в социалистических странах. В 1987 году он образовал благотворительный «Фонд Сороса — Советский Союз». По соглашению

между этим фондом, Советским фондом культуры и Советским фондом мира был создан Советско-американский фонд «Культурная инициатива» для оказания финансовой поддержки творческим инициативам советских граждан в области науки и культуры. Взнос Джорджа Сороса в его бюджет на 1988—1989 годы — 3 миллиона долларов.

Джордж Сорос представляет те круги американской элиты, которые с пониманием встретили идеи нового политического мышления, ориентированы на незамедлительную практическую поддержку политики перестройки в СССР как отвечающей в конечном счете интересам укрепления экономической и политической стабильности во всем мире.

- Григорий Бакланов, писатель, главный редактор журнала «Знамя»
- Тенгиз Буачидзе, филолог и писатель
- Даниил Гранин, писатель, инициатор движения милосердия
- Валентин Распутин, писатель, деятельно участвующий в охране природы
- Борис Раушенбах, специалист в области систем управления и в вопросах религиозной философии
- Татьяна Заславская, социолог.

На каждый вложенный мною доллар поступает соответствующий вклад в рублях со стороны Фонда мира, советского варианта «Совместного пути», финансировавшего среди прочих такую известную пропагандистскую организацию, как Комитет защиты мира.

Фонд принимает заявки от советских граждан, и первые сорок проектов, отобранных для финансирования, дают представление о его приоритетах. Среди них: проект изучения устной истории сталинского периода, создание исторического архива неправительственных организаций, поддержка независимой группы городского планирования, ассоциации адвокатов-юристов, потребительского общества, кооператива по производству инвалидных колясок, организация в Англии летней школы для советских социологов, программа стажировки для советских юристов в США, новая неправительственная русская энциклопедия, а также ряд проектов, связанных с исследованием исчезающих сибирских языков, цыганского фольклора, экологии озера Байкал, и тому подобных.

Моя связь с фондом дала мне уникальную возможность наблюдать развитие нового мышления Горбачева и впечатляющий процесс изменений, вызванных им в обществе.

Новое мышление Горбачева родилось вследствие глубокого кризиса советской системы. Его политика не основана на тщательном и всестороннем политическом анализе, — она формируется по мере возникновения проблем. Его политика не всегда последовательна и даже не всегда хорошо сформулирована, но она пронизана концепцией, которая цементирует ее и позволяет Горбачеву продвигаться вперед, несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности.

Что же представляет собой концепция Горбачева? Лучше всего рассмотреть ее по трем направлениям: международные отношения, внутренняя политика и экономика. Наиболее ясна и дальновидна концепция Горбачева в международных отношениях — собственно, в СССР термин «новое мышление» обычно применяется к этой области. Кроме того, именно здесь Горбачев может рассчитывать на наиболее компетентную профессиональную поддержку.

Цель Горбачева — преодолеть изоляцию, в которой находится Советский Союз, и включить страну в сообщество наций. Легко понять, что побуждает Горбачева преследовать эту цель. Во-первых, это — признание того факта, что Советский Союз не может дольше существовать в изоляции. Он настолько материально и интеллектуально истощен, что не в состоянии нести бремя сверхдержавы. Другим мотивом является искренний страх перед ядерной катастрофой. Мне представляется, что этот страх сильнее

ощущается советскими ответственными работниками, чем их коллегами на Западе, и по достаточно веской причине: эти люди прекрасно знают, насколько негибка и неэффективна структура власти в Советском Союзе. Они не разделяют почти слепую веру в технику, господствующую на Западе. Но наиболее сильным побудительным мотивом является желание покончить с системой мышления, которая может процветать лишь в условиях изоляции. Я, конечно, имею в виду догматическое мышление, которое было насаждено в Советском Союзе Сталиным с помощью террора и продолжало существовать благодаря системе власти, которую он после себя оставил. Как только уничтожается изоляция, выявляется пропасть между догмой и реальностью, и догма теряет силу убеждения.

Многие в Советском Союзе понятия не имели об этой пропасти и сейчас, когда она обнаружилась, естественно, сбиты с толку; но для тех, кто ее сознавал, первостепенной задачей было ее выявление. Таким образом, новое мышление Горбачева в области международных отношений в такой же мере связано с гласностью, как и с соперничеством между сверхдержавами.

Горбачев не имеет в виду, чтобы СССР отказался от положения сверхдержавы. Статус сверхдержавы настолько важен для советского национального самосознания, что ни один правитель не может отменить его и удержаться у власти. Но Горбачев хочет провести внутренние преобразования, которые несовместимы с состоянием холодной войны. Единственный способ достичь этого — изменить характер деятельности сверхдержав, переключить их с соперничества на сотрудничество. Новое мышление Горбачева проявляется в стремлении разоружаться, декларированном и подкрепленном действительными сокращениями вооружения и контингентов войск; в готовности урегулировать основные конфликты с западными державами; в том, что валюта, которой и так мало в стране, была использована для уплаты просроченных членских взносов в ООН; в новом лозунге «общего европейского дома».

Людям, живущим на Западе и профессионально участвующим в соперничестве двух сверхдержав, трудно с таким мнением согласиться. Они привыкли считать, что интересы государства определяют политику государства. В принципе это может быть справедливо в обычные времена, но сейчас такое время, когда в Советском Союзе происходит внутренний переворот и интересы государства находятся в процессе переосмысления.

Перемена выглядит столь внезапной и столь радикальной, что в нее трудно поверить. Может, за всем этим кроется далеко идущая цель, желание вбить клин между общественным мнением и правительством на Западе, внести раздор в Западный союз? Так думают многие западные официальные лица. Я присутствовал на конференции представителей Запада и Востока по разоружению в Потсдаме в июне 1988 года, где советские участники впервые выдвинули свой план сокращения обычных вооружений. Утренняя серьезная дискуссия при закрытых дверях вылилась во второй половине дня в публичные выступления с официальных позиций перед прессой. Тем не менее на той же встрече только что назначенный глава советского Института Западной Европы Виталий Журкин высказался за то, чтобы американцы не уходили из Европы, а то Европа станет слишком мала для Советского Союза. Разлад между западными союзниками затруднит процесс примирения между Востоком и Западом — понимание этого разительно отличается от прошлых попыток внести раздор в западный блок.

Во внутренней политике «новое мышление» Горбачева более экспериментально. Он наткнулся на два крупных препятствия. Одно — нежелание партийного аппарата отдавать власть; второе — стремление различных национально-стей добиться всевозрастающей автономии, не исключая возможности полной независимости.

Что касается политической структуры, тут, похоже, возникает паллиативное решение. Горбачев пытается уменьшить влияние Центрального Комитета, создав пост президента, выбираемого всеобщим голосованием; одновременно он стремится сохранить связь между партийным аппаратом и всенародно избираемыми Советами, настаивая на том, чтобы партийный руководитель на каждом уровне получал одобрение соответствующего Совета.

Что касается национального вопроса, я подозреваю, что если бы Горбачев высказал свои надежды на будущее, он, возможно, описал бы постепенный переход Советской империи к Содружеству Наций. Но подобные аналогии с Британской империей никогда не проводились советскими официальными лицами, и считается само собой разумеющимся, что нации не отделятся от СССР. С тем чтобы пресечь сепаратистские тенденции, был централизован контроль над органами правопорядка, включая КГБ и местную милицию.

Наиболее слабо «новое мышление» Горбачева проявляется в экономике. В стране — даже на уровне высших эшелонов руководства — существует непонимание принципов экономики. Однажды руководитель высокого ранга признался мне: «Мы боимся задавать вопросы, чтобы не показать своей безграмотности».

Контраст с Китаем весьма заметен. Чжао Цзяян сам превосходный экономист, и при нем существует «мозговой трест» из блистательных молодых ученых. Ничего похожего в Советском Союзе нет.

Все признают, что с экономикой необходимо что-то делать; существует мнение, что надо уменьшить роль центрального планирования и дать производителям, потребителям и местным руководителям большую свободу действий. При этом не осознается, что при действующей системе большая свобода не гарантирует лучшего распределения ресурсов. Потребители и производители, дай им такую возможность, могут, естественно, позаботиться о своих интересах, но никто не заботится о том, чтобы предприятие получало прибыль. В этом виноваты не столько руководители народного хозяйства, сколько система, которая никогда не думала о получении адекватных прибылей с капитала. В результате капитал расточительно растрачивается. К примеру, в среднем нужно десять лет, чтобы построить новый завод. Я был в Музее палеонтологии в Москве, который все еще не открыт для посетителей, хотя он строится уже семнадцать лет. При таких условиях никакие капиталовложения не могут быть экономически выгодны.

Эта проблема характерна не только для Советского Союза — она уже подорвала экономическую реформу в Китае и Венгрии. Но там по крайней мере это начинают понимать. Китай резко сократил свою программу капиталовложений и приостановил реформу цен до тех пор, пока не будут реорганизованы предприятия. В Венгрии же государственные предприятия фактически превращаются в совместные акционерные общества.

В Советском Союзе экономическая реформа буксует. Извлечение прибыли ассоциируется с капитализмом, а Горбачев далек от того, чтобы отбросить основные принципы социализма. Даже если бы он и хотел это сделать, он не мог бы высказать это вслух. Принцип равенства имеет глубокие корни в СССР. Собственно, советская система генетически связана с деревенской коммуной, которая в России называлась общиной. Однако реальность сегодня не имеет ничего общего с принципами. Перестройщики хотят отменить привилегии, но в то же время они хотят сохранить принцип равенства в распределении заработной платы и в политике цен, что несовместимо с экономической перестройкой. Они принимают принцип самоуправления — уже после того, как он показал свою несостоятельность в Югославии, — но не хотят поощрять предпринимательские таланты и способность рисковать.

При проведении экономической реформы в Советском Союзе была допущена серьезная ошибка, когда разрушили вертикальные оси ответственности, не создав предварительно ячеек, которые могли бы действовать в системе горизонтальных связей, то есть в рыночной экономике. В СССР выработалась изоцированная неформальная система командного управления, суть которой сводилась к тому, что каждый внимательно следил за тем, что происходит наверху, и, как флюгер, поворачивался в ту сторону, куда ветер подует. Эта система возникла еще при Сталине, когда не воспринятый вовремя намек был чреват неприятнейшими последствиями. В «период застоя» при Брежневле система сохранилась силой инерции. Горбачев же приложил все усилия к тому, чтобы сломать эту систему, и преуспел, даже слишком: руководители теперь игнорируют указания сверху, и каждый преследует свои собственные цели и интересы. В результате экономика в целом стала менее восприимчива к сигналам сверху, чем раньше.

Предприятия, получив известную автономию внутри экономики, действующей по приказу сверху, пошли по пути использования аномалий системы. Приведу любимый пример Сахарова: дешевое мыло исчезло, так как мыловаренные заводы выпускают сейчас только дорогие сорта. Поскольку у предприятий нет настоящей заинтересованности получать максимум прибыли, они повышают цены и сокращают количество продукции. Встряхните как следует негибкую структуру, и она может рухнуть. Землетрясение в Армении является трагическим прообразом советской экономики.

Перемены, которые произошли в Советском Союзе при Горбачеве, вполне можно назвать волшебными. Когда я приезжал в Москву в марте 1987 года, я не мог обнаружить так называемое гражданское общество, то есть людей, которые думают и действуют независимо от государства. Я не видел этого гражданского общества не только по причине своей неопытности. Представители советской интеллигенции вращались каждый в своем узком кругу и не знали, что происходит и о чем думают за его пределами. Независимая мысль развивалась подпольно. Все это сейчас по-другому. В публичных дискуссиях определились позиции и высветились разногласия. Все эти перемены похожи на сон.

Между мыслью и реальностью всегда существует расхождение, но в СССР оно обрело особый характер. В течение многих лет существовала официальная система, в которой и мысль, и реальность управляются догмой. Но параллельно существовал и реальный мир, который сильно отличается от догмы. Людям приходилось делать вид, что этой разницы не существует, кроме того, предполагалось, что люди должны пользоваться догматическим языком так, как будто бы он годится для выражения их жизненных ситуаций. В этом заключается разрыв, с которым советские люди научились сосуществовать, принимая ли его, отвергая или же находя какой-то компромисс.

И вот появляется Горбачев, вводит гласность и расшатывает официальную систему мышления. Мышление внезапно освобождается от догмы, и людям разрешается выражать свои подлинные взгляды. В результате налицо широкое и официально признаваемое расхождение между мышлением и реальностью. Собственно, оно становится даже шире, чем когда-либо, потому что все перемены происходят на уровне мысли, тогда как реальность с ее очередями за скудной едой и плохими товарами почти не меняется. Между этими двумя уровнями возникает несоответствие, придающее событиям характер чего-то нереального, как во сне. На уровне мысли — волнение и радость обсуждений, публикаций, высказывания свежих идей; на уровне реальности господствует разочарование: поставки сокращаются, и одна беда следует за другой. Единственное, что характерно для обоих уровней, — неразбериха. Никто не уверен, какая часть системы перестраивается и какая все еще действует; бюрократы не смеют сказать ни «да», ни «нет», поэтому почти все возможно и почти ничего не происходит. Можно и так обрисовать сон.

Иллюстрацией положения дел может послужить «Культурная инициатива». Уже один факт, что существует такой фонд, доказывает, какие радикальные переменны произошли в Советском Союзе. Но существует ли в действительности этот фонд? Мы провели ряд заседаний; мы предоставили долларовые и рублевые дотации многим людям и организациям; мы готовы опубликовать наш первый годовой отчет; но мы все еще не получили официального разрешения на операции. Пожалуй, наиболее ощутимым свидетельством нашего существования является самодеятельное кафе, где подают вкусную еду, в подвале дома семнадцатого века, который мы занимаем.

Ситуация с фондом не является уникальной. Я беседовал с главой Института проблем информатики Борисом Наумовым (позже он умер от инфаркта), он описал мне свои грандиозные планы производства миллионов персональных компьютеров для школ и одновременно пожаловался на то, что у него нет долларов, чтобы заплатить за сто компьютеров фирмы ИБМ, на импорт которых у него есть разрешение. Поскольку наш фонд нуждался в рублях, я предложил ему необходимые доллары; мы тут же договорились, но у него ушел целый год на то, чтобы получить разрешение перевести рубли нашему фонду.

Несоответствие между мыслью и реальностью настолько велико, что одна из них должна перестроиться: либо реальность должна измениться, либо надо возвращать мысль на уровень реальности. Пока что движение за демократизацию сводится главным образом к идеям. Сравнительно мало людей активно участвуют в организационной деятельности, высказывают свое мнение или выступают с новыми инициативами, и большая часть их деятельности освещается средствами массовой информации. Люди эти так много работают, они занимают столь важные посты, что их всех ждут инфаркты, особенно если учесть, что они не следят за диетой и привыкли вести сидячий образ жизни. Они надолго уходят в отпуск и время от времени отправляются в санатории, а это отражается на распорядке их работы, который становится все более суматошным. Ничего удивительного, что реальных достижений так мало! Чего-то добиться можно обычно, лишь получив толчок сверху, так как бюрократы низшего уровня либо боятся действовать, либо активно выступают против изменений, и лишь немногие осмеливаются взять дело в свои руки. Те, кто берет на себя роль лидеров, вскоре становятся предметом внимания средств массовой информации.

Люди требуют большего, видя, как мало происходит изменений. Есть тенденция ко все более радикальному мышлению, опасно схожая с «Пражской весной» и периодом «Солидарности» в Польше. Однако нет всеобщего согласия относительно того, в каком направлении должно идти общество. Интеллигенция глубоко разделена. В ней заметны две основные тенденции. Одни смотрят в сторону внешнего мира, другие поворачиваются к прошлому России; иными словами, одни приветствуют модернизацию, другие жаждут сохранения традиционных ценностей, представляющих собой удивительное смешение патернализма и общинное. Но большинство придерживается позиций, сочетающих элементы обеих тенденций в разных вариантах, и не всегда последовательно. В результате мы имеем все увеличивающуюся фрагментацию, дошедшую до того, что многие лидеры общественного мнения уже не разговаривают друг с другом.

К чему все это приведет? Гласность может повернуться своей обратной стороной, если она не будет сопровождаться улучшением материального благосостояния. Разочарование вполне могут использовать в своих интересах те, кому невыгодны реформы Горбачева. Не так уж оторваны от реальности предположения, что первые армянские погромы в Азербайджане были инспирированы местной мафией, управляемой бывшим руководителем КГБ Азербайджана Г. А. Алиевым, с тем чтобы создать безвыигрышную ситуацию для Горбачева.

Самым опасным из всех националистических движений является русский национализм. Советский режим всегда пытался угождать другим национальностям, чтобы смягчить доминирующую роль русского народа. В результате русские как нация чувствуют себя обделенными. Движение, называемое «Память», полуобщественное и полуконспиративное, пытается направить это недовольство против приверженности Горбачева европейским ценностям. Это движение антисемитской и антиинтеллектуальной направленности; оно апеллирует к наиболее примитивным и низменным, а с другой стороны, к наиболее экзальтированным и мистическим инстинктам. И уже сейчас оно выступает как заметный тормоз для прогрессивной политики Горбачева.

Легко впасть в пессимизм, ибо проблемы кажутся неразрешимыми, а опыт русской истории учит нас тому, что за краткими периодами реформ следуют долгие периоды репрессий. Линия наименьшего сопротивления ведет от разочарования к беспорядкам, и когда беспорядки достигают определенного предела, призываются военные для наведения порядка. Так было в Польше, когда Ярузельский взял власть в свои руки. И человеком, который призовет военных, может быть сам Горбачев или его преемник.

Но подобный мрачный прогноз сделан без учета творческой энергии, которую высвободило уничтожение репрессивного режима, и не принимает во внимание способностей, уже проявленных Горбачевым в качестве руководителя. Даже если у него нет детального плана перестройки, у него есть концепция, и, возможно, ему удастся обуздать те силы, которые он выпустил. Одно бесспорно: такое положение дел длиться не может. Разрыв между мыслью и реальностью должен быть так или иначе ликвидирован. И то, как он будет ликвидирован, имеет огромное значение для всего человечества.

12. «Знамя» № 6.

Как должен реагировать мир на перемены в Советском Союзе? На этот вопрос может быть дан очень простой ответ: сам советский народ должен решать судьбу своей страны. Но этот ответ некорректен. Уж если Горбачев решил ввести страну в сообщество наций, он не может это осуществить без участия других стран, в особенности США. Инициатива Горбачева требует ответа, отсутствие ответа есть отрицательный ответ.

Горбачеву нужен положительный ответ по трем направлениям. Наиболее очевидное направление — разрешение международных конфликтов и разоружение. Второе — помощь в проведении экономической реформы в СССР. Предоставление кредитов на недостаточно проработанные проекты вряд ли будет здесь полезно, потому что валюта скорее всего будет потрачена без толку, как это не раз бывало раньше. То, что требуется, — это управленческая помощь и консультирование со стороны западных специалистов и кредиты для оплаты таких услуг. Нужно помочь ориентироваться в условиях рыночной экономики. Приведу лишь один пример: понятие амортизации даже не фигурирует в советской системе бухгалтерского учета. А как же могут предприятия перейти на самофинансирование без учета амортизации фондов? Приобрести необходимые управленческие навыки и знания за короткий срок можно только путем их импорта.

Третье направление — область идей. Политика гласности строится на посылке, что общество может лучше функционировать и полнее удовлетворять потребности своих членов, если оно открыто. Открытое общество должно быть открыто для остального мира — отсюда тесная связь политики гласности и внешней политики СССР. Международное мнение играет гораздо большую роль в СССР, чем в США, именно потому, что СССР так долго был отрезан от мира.

Общественность на Западе встретила новую политику Горбачева с большим энтузиазмом. Гораздо менее определенно отношение правительства США. Более того, оно рассматривает этот энтузиазм общественности по поводу Горбачева как возможную

опасность. Оно также опасается, что разные нации, возглавляемые разными лидерами и движимые разными национальными интересами, отреагируют по-разному, и единство НАТО, которое и так трудно поддерживать перед лицом предполагаемой угрозы, может распасться. Распад НАТО, в свою очередь, может быть воспринят как новая угроза, и это еще больше осложнит ситуацию. Линия наименьшего сопротивления приводит к выжидательной позиции, каковая, как мы видим, равнозначна отрицательному ответу.

В целом Европа более позитивно отвечает на инициативу Горбачева, чем Соединенные Штаты, что явствует из того, как охотно европейские страны дают Советскому Союзу кредит и какую суровую критику это вызвало в Соединенных Штатах. Политически наибольшие обязательства взяла на себя Западная Германия, хотя экономически Италия по крайней мере столь же активна, да и Маргарет Тэтчер демонстрирует большое понимание и поддержку Горбачеву. Сравнительно наиболее сдержанна миттерановская Франция, однако, по существу, ее позиция тоже достаточно конструктивна.

Все это может измениться, если за большее сближение с Советским Союзом придется заплатить разрывом с Соединенными Штатами. В Соединенных Штатах уже слышны влиятельные голоса, которые высказываются в пользу стратегии Тихоокеанского вала. И госсекретарь Джеймс Бейкер, и сенатор-демократ Билл Брэдли говорили об этом. Хотя все это пока еще весьма неопределенно, но прослеживается желание разойтись с Европой и усилить наше влияние в быстро развивающемся Тихоокеанском регионе.

Европейцы могут начать разрываться в разных направлениях. По всей вероятности, наиболее преданной своей «Остполитик» останется Западная Германия, но чем дальше будет отходить от остальных Западная Германия, тем больше, по всей вероятности, это будет вызывать сопротивление со стороны Франции и Великобритании. Как абсолютно точно заметил новый глава советского Института Западной Европы, европейский дом, где не будет Соединенных Штатов, окажется слишком мал для Советского Союза. Следовательно, выбор исключительно за Соединенными Штатами. Одна сверхдержава должна решить, как ответить другой сверхдержаве, которая не хочет больше продолжать прежнюю игру. Решение это затрагивает самую сердцевину нашей национальной сущности. Можем ли мы представить себя не сверхдержавой? Можем ли мы представить себе мир, которому не стремимся навязать свою волю? Готовы ли мы принимать решения международных организаций — будь то Организация Объединенных Наций или Международный валютный фонд, — не находящихся под нашим контролем? Это серьезные вопросы, которые требуют серьезного переосмысления. Как я уже писал, мы, по-моему, к этому не готовы.

Новое мышление Горбачева возникло из глубокого кризиса. Мы тоже переживаем кризис, истоки которого неразрывно связаны с нашей ролью сверхдержавы. Проще говоря, мы тратим больше, чем зарабатываем, — и страна, и правительство. Превышение расходов почти точно совпадает с ростом наших затрат на военные нужды с тех пор, как президент Рейган занял свой пост. В результате наша конкурентоспособность упала, и наше финансовое положение ухудшилось до того, что доллар уже больше не может служить резервной валютой мира. Но наш кризис не острый, и мы лишь смутно его ощущаем, ибо у нас есть такой старательный партнер, как Япония, которая рада и счастлива производить больше, чем она потребляет, и отдавать нам излишки. Такое сотрудничество позволяет нам поддерживать на уровне нашу военную мощь, а Японии — увеличивать свою экономическую и финансовую доминирующую роль. Каждый получает то, что хочет, но перспектива для Соединенных Штатов не очень обнадеживающая. В истории много примеров того, как военная мощь поддерживалась с помощью взимания

дани, но нет такого прецедента, чтобы военная гегемония существовала на деньги, взятые займы.

Наши собственные трудности ничтожны по сравнению с проблемами, с которыми приходится сталкиваться СССР. Но Горбачев разработал концепцию, которая не уступает по грандиозности проблемам, вызвавшим ее к жизни. Мы же практически ничего нового за последнее время не разработали и не выдумали. Президентские выборы — где дебаты шли между людьми, придерживающимися одной линии, и не было высказано ни одной мысли, для выражения которой потребовалось бы сложноподчиненное предложение, — мало помогли в отношении развития политического мышления. В результате мы оказались плохо подготовленными к созданию возможностей, которые предлагает инициатива Горбачева.

Могли бы мы существовать в мире, где не будет соперничества сверхдержав? Смогли бы мы приспособиться к миру, над которым не нависают сверхдержавы? Смогли бы мы стать частью союза, не пытаясь навязать ему свою волю? Могли бы мы соглашаться с решениями, принятыми международными организациями, не находящимися под нашим контролем, — будь то ООН или Международный валютный фонд? Это глубочайшие вопросы, которые затрагивают самую сущность нашего самосознания.

Положение сверхдержавы стало неотъемлемой частью нашего национального самосознания. Мы видим себя в роли защитников свободного мира. НАТО точно так же контролируется США, как Варшавский Договор — СССР. Мы держимся за свои права в Мировом банке и в Международном валютном фонде, даже если осуществление наших прав ограничивается деятельностью этих организаций. Мы приуменьшаем роль ООН, потому что эту организацию мы не контролируем.

Беда в том, что пропасть между тем, какими мы себя видим, и тем, каковы мы на самом деле, расширилась до огромных размеров. Наше количество голосов в Международном валютном фонде не соответствует нашим финансовым возможностям. Если Соединенные Штаты останутся в Европе (но необязательно будут держать там такое количество войск) и с общего согласия произойдет сокращение вооружений, эффект будет куда более далеко идущим. Когда подписан договор о разоружении, включающий соответствующие процедуры проверки, — трудно уже повернуть вспять. Да и наш статус сверхдержавы тоже скорее всего серьезно изменится, потому что сокращение вооружений произойдет с общего согласия. Вот почему так необходимо по-новому мыслить. Наши военные обязательства значительно превышают наши потребности и наши ресурсы. Они могли быть оправданы лишь до тех пор, пока существовал оппонент, играющий в такую же игру. Но сейчас? Горбачев готов отказаться от всех своих обязательств по всему миру, начиная с Анголы и кончая заливом Камрань. Чем же можем мы в таком случае оправдать наше продолжающееся присутствие в Южной Корее и на Филиппинах? Нам все равно пришлось бы пересмотреть свою позицию в мире, но Горбачев заставляет нас поторопиться.

Возьмем Южную Корею. Нам пришлось защищать ее от коммунистического вторжения, и мы положили на это немало жизней американцев. Но ведь это было почти четыре десятилетия тому назад! С тех пор мы продолжаем держать там значительные военные силы и поражаемся тому, что страна буквально кипит, охваченная антиамериканскими настроениями. На американских солдат не распространяется корейское уголовное право, и они ведут себя соответственно. Недавно по телевидению передавали слушание дела о преступлениях низложенного военного диктатора, и в ходе суда выяснилось, что значительное число американцев принимало участие в массовых убийствах в районе Кванджу в 1980 году. В стране под ружьем находится около 500 000 солдат. В Северной Корее большая армия, но население составляет половину населения

Южной Кореи, а ее промышленные мощности — лишь незначительную часть промышленных мощностей Юга, да и поддержка со стороны Китая и Советского Союза значительно сократилась. От какой же угрозы мы защищаем Южную Корею?

Когда наше представление о самих себе так далеко отклоняется от реальности, приходит время пересмотреть это представление. Это болезненный процесс, потому что он означает признание реальности, а именно — что мы не так уж сильны и всегда правы, как мы думаем. Но болезненность процесса нейтрализуется результатом. Многие наши проблемы порождаются нашим искаженным представлением о самих себе. Если мы пересмотрим нашу роль сверхдержавы, они исчезнут сами собой, а именно: наш бюджетный дефицит может быть сокращен до нуля, и мы могли бы поправить наше экономическое и финансовое здоровье. И если претворить концепцию Горбачева в жизнь, то изменится характер мира, в котором мы живем. Советский Союз со своими сателлитами вернется в свободный мир. Это кажется невозможным, но СССР действительно мог бы стать таким же нашим другом и союзником, как наши бывшие враги — Германия и Япония.

К несчастью, есть влиятельные силы, которые выступают против этого переосмысления. Президент Эйзенхауэр в своей прощальной речи предупреждал нас об опасностях, которые таит в себе военно-промышленный комплекс. Природа военно-промышленного комплекса коварна: он пронизывает нашу экономическую и политическую жизнь, руководство бизнесом и связь бизнеса с правительством. Он играет решающую роль в развитии науки и техники. Главная его цель — самосохранение, и он очень в этом преуспел. Президент Картер пришел на президентский пост с идеями о нулевом бюджете, но он даже и не пытался применять это к военным. Президент Рейган хотел сократить участие правительства в экономической жизни, но в результате он достиг противоположного — выделение средств на военные нужды увеличилось. Ко времени последних президентских выборов объем нашего оборонного бюджета был неприкасаем: все, что разрешено обсуждать, — только его распределение. Тем не менее радикальный пересмотр наших глобальных трат на оборону не только возможен, но и необходим.

Однако что же все-таки произойдет с миром, если мы перестанем его охранять? Сейчас практически все локальные конфликты используются, но также и сдерживаются сверхдержавами в своем соперничестве. Если сверхдержавы выведут свои войска, локальные конфликты вырвутся из-под контроля. Даже в пору своего наибольшего влияния сверхдержавы не в состоянии были сдержать разрастание многих конфликтов. Если их власть сократится, могут разгореться местные войны. Миру потребуется какое-то умиротворяющее влияние, чтобы можно было спокойно жить.

На смену соперничеству сверхдержав должно прийти их сотрудничество. Эта схема уже продемонстрировала свою пригодность, положив конец нескольким войнам за рекордно короткий срок. ООН, которая создавалась в расчете на подобное сотрудничество, но так и не имела никогда возможности продемонстрировать свою роль в благоприятной обстановке, может обрести, наконец, оправдание своего существования. Горбачев приветствует эту перспективу. Нам же придется переосмыслить все наше миропонимание, прежде чем мы сможем принять ее.

На наше миропонимание в значительной мере влияет доктрина о том, что выживает сильнейший, и мы применяем ее и в экономике, и в международных отношениях. Мы превозносим достоинства свободного предпринимательства, олигетворяемого капиталистической системой, и мы как огня боимся вмешательства правительства, которое, по нашему мнению, ослабляет силы общества, как это происходит в странах, где господствует экстремальный коммунизм. Эта доктрина выглядит особенно

привлекательно, если ты сильнейший. Поэтому она так неразрывно связана с нашим статусом сверхдержавы.

Как любой доктрине, ей присуща некоторая внутренняя непоследовательность. Наиболее очевидный момент: статус сверхдержавы предполагает самое широкомасштабное вмешательство правительства и в экономику своей собственной страны, и в дела других стран. Один возможный путь разрешения этого противоречия — не участвовать в международной жизни. Изоляционизм всегда считался альтернативой статусу сверхдержавы, но изоляционизм не лучшее решение проблемы. Нам нужно сделать еще один шаг, переосмысливая свой взгляд на мир.

Доктрина о выживании сильнейшего в том виде, в каком она в настоящее время существует в США, неистинна. Эволюция — гораздо более сложный процесс, чем это представляется современному социальному дарвинизму. Последние достижения в разработке теории сложных систем (теория «хаоса») пролили но-вый свет на эволюцию, но пока еще не были восприняты социальным сознанием.

Принцип несдерживаемого соревнования не должен служить основой общественной политики ни в международных делах, ни во внутренних. Цивилизация требует и соревнования, и контроля. СССР на своем опыте познал, что контроль без соревнования не годится. Нам необходимо признать, что соревнование без контроля так же неудовлетворительно. Это справедливо в области экономики — биржевые крахи, скачущие курсы, подрывающие экономику, неконтролируемые слияния, купли-продажи, дестабилизирующие всю структуру,— но еще большее значение это имеет для международных отношений. Короче говоря, выживание сильнейшего не гарантирует выживания системы.

Мы не всегда так истово исповедовали социальный дарвинизм. Не так давно мы представляли себя открытым обществом, где гражданство пересекало нацио-нальные границы и где сострадание было такой же важной составной частью политики, как и соревнование («...дайте мне ваших поверженных, ваших бедня-ков, ваших обездоленных, жаждущих свободы»¹).

Эта позиция достигла своего апогея после второй мировой войны, когда были созданы ООН, система Бреттон-Вудса и план Маршалла. Превращение наших бывших врагов в союзников и предоставление им возможности процветать будет вечным памятником нашему великодушию. К несчастью, Сталин воспользо-вался нашей тогдашней наивностью, и последовала «холодная война» с ее теорией выживания сильнейшего.

Любопытно, как концепция Горбачева напоминает о времени создания ООН. Это не случайно. Идея ООН не увенчалась успехом из-за Сталина, а концепция Горбачева направлена на преодоление сталинизма.

Горбачев черпает вдохновение из ценностей минувшей эпохи. Каким-то непостижимым образом эти ценности лучше сохранились в Советском Союзе, чем на Западе. Запад заразился от Советского Союза в процессе соперничества с ним и перенял некоторые из его методов. А в Советском Союзе западные ценности прошли процесс очищения изоляцией и репрессиями.

Таким образом, концепция Горбачева предоставляет Западу возможность вновь обрести ценности открытого общества. Мы чуть их не потеряли в нашей сверхдержавной борьбе за выживание. И тем не менее эти ценности оказались

1 Надпись на постаменте статуи Свободы.

достаточно значимыми и могущественными, чтобы вдохновить Горбачева и его сторонников. Я должен признаться, что именно это является причиной моего интереса и личного участия.

Но мы не должны слишком увлекаться. Не впервые идеи, исходящие из Советского Союза, оказывают могучее влияние на мышление во всем мире, как не впервые широкая поддержка и интерес всего мира играют решающую роль в истории Советского Союза. В прошлый раз идеалисты были печально обмануты, а создание сталинского государства привело к извращению ценностей западной цивилизации.

Только участь на уроках истории, мы можем не дать ей повториться. Решающим уроком, который необходимо усвоить, является разрыв между идеями и реальностью. Мы можем горячо одобрять концепцию Горбачева, и именно потому, что он сражается в осаде, приходится всемерно поддерживать его. Но мы также должны осознавать советскую реальность: мы должны убедиться, что наша поддержка используется для того, чтобы изменять реальность в направлении концепции, а не наоборот. Это может нам помочь вновь обрести то положение лидера.¹³⁸

Коммунистический интернационал

«Все другие знамена разъединяют народы, лишь красное знамя объединяет рабочих всех стран и народов». («Правда», № 5)

Журнал «Коммунистический Интернационал» - Орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, издавался в 1919 - 1943 годах, первые годы в Петрограде и Москве, а затем в Москве. Первый номер журнала вышел 1 мая 1919 года. Последний номер, точнее совместные 5-6 номера 1943 года, были подписаны к печати 23 июня 1943 года. Коммунистический Интернационал как организация появился в марте 1919 года и формально прекратил существование в июне 1943 года.

В небольшой по историческим меркам «эпохе Коминтерна» так или иначе отражались, отражаются и будут отражаться судьбы мира. Это символ, до сих пор раскрывающийся во многих своих проявлениях, ибо вопросы, которые III Интернационал поставил, проблемы, которые обнажил и пытался решить, актуальны до сих пор. Жизнь, идеи, борьба одной из самых амбициозных организаций – Коммунистического Интернационала – это урок человечеству, который необходимо проходить так или иначе.

С помощью журнала «Коммунистический Интернационал» сторонники и противники Коминтерна имеют уникальную возможность исследовать четверть века всемирной истории, изучить образы и смыслы человеческого развития. В серьезных всемирно-исторических, общественно-политических, социально-экономических исследованиях сложно обойтись без анализа деятельности III Интернационала, его теории и практики. Ключевой этап - знакомство с проблематикой, с библиографией.

В данном сборнике – библиография статей «Коммунистического Интернационала» за все годы его выпуска. В основном публикуются предметные указатели журнала, но за отдельные годы дается перечень статей в хронологическом порядке.

В 1919 год вышло 8 номеров (№№ 1 - 7-8); 1920 год - 8 номеров (№№ 9 - 16); 1921 год - 3 номера (№№ 17 - 19); 1922 год - 5 номеров (№№ 20 - 24); 1923 год - 5 номеров (№№ 25 - 28-29); 1924 год – 8 номеров (№№ 1(30) - 8 (37)); 1925 год – 12 номеров (№№ 1 (38) - 12(49)); 1926 год – 25 номеров (№№ 1(50) – 9 (58)), (№№ 1 (59) – 16 (74)); 1927 год - 52 номера; 1928 год - 52 номера; 1929 год - 52 номера; 1930 год – 36 номеров; 1931 год - 36 номеров; 1932 год - 36 номеров; 1933 год - 36 номеров; 1934 год - 36 номеров; 1935 год - 36 номеров; 1936 год – 18 номеров; 1937 год – 12 номеров; 1938 год – 12 номеров; 1939 год – 12 номеров; 1940 год – 12 номеров; 1941 год – 12 номеров; 1942 год – 12 номеров; 1943 год

– 6 номеров. Выходили также американское, английское, испанское, китайское, латиноамериканское, немецкое, французское издания.

Кроме библиографии даются ряд текстов и иллюстраций, связанных с журналом и деятельностью III Интернационала - Коминтерна.¹³⁹

Л. Троцкий. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира

72 года тому назад Коммунистическая партия предъявила миру свою программу в виде манифеста, написанного величайшими провозвестниками пролетарской революции, Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом*29. Уже в ту пору коммунизм, едва выступивший на арену борьбы, был окружен травлей, ложью, ненавистью и преследованиями имущих классов, которые справедливо предчувствовали в нем своего смертельного врага. За 3/4 столетия развитие коммунизма шло сложными путями, наряду с бурями подъема знало периоды упадка, наряду с успехами - жестокие поражения. Но в основе своей движение шло по пути, предугазанному Манифестом Коммунистической партии. Эпоха последней решительной борьбы наступила позже, чем ожидали и надеялись апостолы социальной революции. Но она наступила. Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возведена 72 года тому назад. Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от предательской примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно-революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире.

Теперь, когда Европа покрыта обломками и кучами дымящихся развалин, величайшие поджигатели заняты розысками виновников войны. За ними тянутся их слуги, профессора, парламентарии, журналисты, социал-патриоты и прочие политические сутенеры буржуазии.

В течение долгого ряда лет социализм предсказывал неизбежность империалистической войны, видел ее виновников в ненасытном собственническом своекорыстии имущих классов обоих главных лагерей и всех вообще капиталистических стран. За два года до взрыва ответственные социалистические вожди всех стран на Базельском конгрессе*30 обличали империализм, как виновника грядущей войны, и угрожали буржуазии обрушить на ее голову социалистическую революцию, как пролетарское возмездие за преступления милитаризма. Теперь, после опыта пяти лет, после того как история, обнаружив хищные аппетиты Германии, раскрывает не менее преступные действия союзников, государственные социалисты стран Согласия вслед за своими правительствами продолжают открывать виновника войны в низвергнутом германском кайзере. Более того, германские социал-патриоты, которые объявляли в августе 1914 года дипломатическую "Белую книгу"*31 Гогенцоллерна*32 священнейшим евангелием народов, ныне вслед за социалистами Согласия с подлой угодливостью обвиняют свергнутую германскую монархию, которой они рабски служили, как главного виновника войны. Таким путем они надеются заставить забыть свою собственную роль и одновременно заслужить благоволение победителей. Но наряду с ролью низвергнутых династий - Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов*33 и капиталистических клик этих стран, роль правящих классов Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов выступает во всей своей неизмеримой преступности в свете развернувшихся событий и дипломатических разоблачений.

Английская дипломатия до самого момента взрыва войны не снимала с себя таинственного забрала. Правительство Сити опасалось, что в случае, если оно категорически заявит о своем участии в войне на стороне стран Согласия, правительство Берлина отступит, - и войны не будет. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство.

Подготовленная ходом развития десятилетий, война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации Великобритании. Правительство последней рассчитывало при этом оказывать поддержку России и Франции лишь настолько, чтобы, истощая их, истощить Германию, своего смертельного врага. Но могущество немецкой военщины оказалось слишком грозным и потребовало не показного, а действительного вмешательства Англии в войну. Роль смеющегося третьего, на которую по старой традиции претендовала Великобритания, выпала на долю Соединенных Штатов.

Правительство Вильсона тем легче примирилось с английской блокадой, которая односторонне урезывала спекуляцию американской биржи на европейской крови, что страны Согласия щедрыми барышами возместили американской буржуазии нарушение "международного права". Огромный военный перевес Германии побудил, однако, и правительство Вашингтона выйти из состояния фиктивного нейтралитета. Соединенные Штаты взяли на себя по отношению к Европе в целом ту задачу, которую в прошлых войнах играла, а в последней пыталась сыграть Англия по отношению к континенту - ослаблять один лагерь при помощи другого, вмешиваясь в военные операции лишь настолько, чтобы обеспечить за собой все выгоды положения. Ставка Вильсона, согласно методам американской лотереи, была невелика, но она была последней и тем обеспечила за ним выигрыш.

Противоречия капиталистического строя предстали в результате войны перед человечеством в виде животных мук голода, холода, эпидемических болезней, нравственного одичания. Этим безапелляционно разрешается академический спор в социализме по поводу теорий обнищания и постепенного перехода от капитализма к социализму. Статистики и педанты теории притупления противоречий выуживали в течение десятилетий изо всех уголков мира действительные и мнимые факты, свидетельствующие о повышении благополучия отдельных групп и категорий рабочего класса. Теория обнищания масс считалась погребенной под презрительный свист евнухов буржуазной кафедры и мандаринов социалистического оппортунизма. Ныне это обнищание, уже не социальное только, а физиологическое, биологическое, стоит перед нами во всей своей потрясающей действительности.

Катастрофа империалистической войны смела начисто все завоевания профессиональной и парламентской борьбы. А между тем, эта война в такой же мере выросла из внутренних тенденций капитализма, как и те экономические сделки и парламентские компромиссы, которые она погребла в крови и в грязи.

Финансовый капитал, ввергший человечество в пучину войны, сам потерпел катастрофическое изменение в этой войне. Зависимость денежных знаков от материальной основы производства оказалась окончательно нарушенной. Все более теряя свое значение средства и регулятора капиталистического товарооборота, бумажные деньги превратились в орудие реквизиции, захвата, вообще военно-экономического насилия.

Перерождение бумажных денег отражает общий смертельный кризис капиталистического товарообмена. Если свободная конкуренция, как регулятор производства и распределения, вытеснена была в главных областях хозяйства системой трестов и монополий еще в десятилетия, предшествовавшие войне, то ходом войны регулирующие-направляющая роль оказалась вырванной из рук экономических объединений и непосредственно переданной в руки военно-государственной власти. Распределение сырых материалов, использование бакинской или румынской нефти, донецкого угля, украинского хлеба, судьба германских паровозов, вагонов, автомобилей,

обеспечение голодающей Европы хлебом и мясом, - все эти основные вопросы экономической жизни мира регулируются не свободной конкуренцией и не комбинациями национальных и международных трестов и консорциумов, а непосредственным применением военного насилия в интересах его дальнейшего сохранения. Если полное подчинение государственной власти финансовому капиталу привело человечество к империалистической бойне, то через эту бойню финансовый капитал до конца милитаризировал не только государство, но и себя самого и уже неспособен выполнять свои основные экономические функции иначе, как посредством железа и крови.

Оппортунисты, которые до войны призывали рабочих к умеренности во имя постепенного перехода к социализму, которые во время войны требовали классового смирения во имя единства в деле национальной обороны, снова требуют от пролетариата самоотречения - на этот раз в целях преодоления ужасающих последствий войны. Если бы эта проповедь могла быть воспринята рабочими массами, капиталистическое развитие восстановилось бы на костях нескольких поколений в новых, еще более концентрированных и чудовищных формах, с новой перспективой неизбежной мировой войны. К счастью для человечества, это невозможно.

Огосударствление экономической жизни, против которого так протестовал капиталистический либерализм, стало совершившимся фактом. От этого факта назад - не только к свободной конкуренции, но и к господству трестов, синдикатов и других экономических спрутов - возврата уже нет. Вопрос состоит только в том, кто дальше будет носителем огосударственного производства: империалистическое государство или государство победоносного пролетариата.

Другими словами: станет ли все трудящееся человечество крепостным данником победоносной мировой клики, которая под фирмой Лиги Народов*34, при помощи "интернациональной" армии и "интернационального" флота будет грабить и душить одних, подкармливать других, везде и всюду налагая оковы на пролетариат - с единственной целью поддержать свое собственное господство? Или же рабочий класс Европы и передовых стран других частей света сам овладеет расстроеным, разрушенным хозяйством, чтобы обеспечить его возрождение на социалистических началах?

Сократить эпоху переживаемого кризиса возможно только мерами пролетарской диктатуры, которая не озирается на прошлое, не считается ни с наследственными привилегиями, ни с правами собственности, исходит из потребностей спасения голодающих масс, мобилизует в этих целях все средства и силы, вводит всеобщую трудовую повинность, устанавливает режим трудовой дисциплины, чтобы таким путем в течение нескольких лет не только залечить зияющие раны, нанесенные войной, но и поднять человечество на новую, еще небывалую высоту.

Национальное государство, давшее могущественный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесно для развития производительных сил. Тем более трудным оказалось положение мелких государств, вкрапленных между большими державами Европы и других частей света. Эти мелкие государства, возникшие в разное время, как обрезки больших, как разменная монета при оплате разных услуг, как стратегические буфера, имеют свои династии, свои правящие клики, свои империалистические притязания, свои дипломатические плутни. Их призрачная независимость держалась до войны на том же, на чем держалось равновесие Европы: на непрерывном антагонизме двух империалистических лагерей. Война это равновесие нарушила. Дав сперва громадный перевес Германии, она заставила мелкие государства искать свое спасение в великодушии германского милитаризма. После того как Германия оказалась разбитой, буржуазия мелких государств, совместно со своими патриотическими "социалистами", повернулась навстречу победоносному империализму союзников и в лицемерных пунктах вильсоновской программы*35 стала искать гарантий своего дальнейшего самостоятельного существования. Вместе с тем, число мелких государств возросло: из состава австро-венгерской монархии, из частей царской империи выделились новые

государства, которые, едва родившись, уже вцепляются друг другу в горло из-за государственных границ. Союзные империалисты тем временем готовят комбинации мелких держав, старых и новых, чтобы связать их круговой порукой взаимной ненависти и общего бессилия.

Подавляя и насилуя мелкие и слабые народы, обрекая их на голод и унижение, союзные империалисты, совершенно так же, как некоторое время тому назад империалисты центральных империй, не перестают говорить о праве наций на самоопределение, которое ныне окончательно растоптано ими в Европе и во всех остальных частях света.

Обеспечить малым народам возможность свободного существования может только пролетарская революция, которая освободит производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана, и даст возможность самому слабому и малочисленному народу свободно и независимо управлять делами своей национальной культуры без всякого ущерба для объединенного и централизованного европейского и мирового хозяйства.

Последняя война, которая явилась в значительной мере войной из-за колоний, была в то же время войной при помощи колоний. В небывалых ранее размерах, население колоний было вовлечено в европейскую войну. Индусы, негры, арабы, малгаши сражались на территории Европы, во имя чего? - во имя своего права и дальше оставаться рабами Англии и Франции. Никогда еще картина бесчестия капиталистического государства в колониях не была так ярка, и проблема колониального рабства не была поставлена с такой остротой, как теперь.

Отсюда ряд открытых восстаний и революционное брожение во всех колониях. В самой Европе Ирландия напомнила в кровавых уличных боях, что она все еще остается и чувствует себя поработенной страной. На Мадагаскаре*36, в Аннаме*37 и в других местах войска буржуазной Республики не раз усмиряли за время войны восстания колониальных рабов. В Индии революционное движение не прекращалось ни на один день и за последнее время привело к могущественнейшим в Азии забастовкам рабочих, на которые великобританское правительство ответило работой блиндированных автомобилей в Бомбее.

Таким образом, колониальный вопрос поставлен во весь рост не только на картах дипломатического конгресса в Париже*38, но и в самих колониях. Программа Вильсона*39 имеет своей задачей в лучшем случае изменить этикетку колониального рабства. Освобождение колоний мыслимо только вместе с освобождением рабочего класса метрополий. Рабочие и крестьяне не только Аннама, Алжира*40, Бенгалии*41, но и Персии*42, Армении*43 получают возможность самостоятельного существования лишь в тот час, когда рабочие Англии, Франции, низвергнув Ллойд-Джорджа*44 и Клемансо, возьмут в свои руки государственную власть. В более развитых колониях борьба уже сейчас идет не только под знаменем национального освобождения, но сразу принимает более или менее ярко выраженный социальный характер. Если капиталистическая Европа насильственно вовлекла самые отсталые части света в водоворот капиталистических отношений, то Европа социалистическая придет освобожденным колониям на помощь своей техникой, своей организацией, своим идейным влиянием, чтобы ускорить их переход к планомерному организованному социалистическому хозяйству.

Колониальные рабы Африки и Азии! Час пролетарской диктатуры в Европе пробьет для вас, как час вашего освобождения.

Весь буржуазный мир обвиняет коммунистов в уничтожении свободы и политической демократии. Это неправда. Приходя к власти, пролетариат только обнаруживает полную невозможность применения методов буржуазной демократии и создает условия и формы новой, более высокой, рабочей демократии. Весь ход капиталистического развития, особенно в последнюю империалистическую эпоху,

подрывал политическую демократию не только тем, что расчленял нации на два непримиримо враждебных класса, но и тем, что обрекал на экономическое прозябание и политическое бессилие многочисленные мелкобуржуазные и пролетарские слои, а также наиболее обездоленные низы самого пролетариата.

Рабочий класс тех стран, где историческое развитие дало ему эту возможность, использовал режим политической демократии для своей организации против капитала. То же самое будет происходить и дальше в тех странах, где не созрели условия для рабочей революции. Но широкие промежуточные массы не только в деревнях, но и в городах, удерживаются капитализмом далеко позади, отставая от исторического развития на целые эпохи.

Баварский и баденский крестьянин, все еще тесно прикрепленный к своей сельской колокольне, французский мелкий винодел, разоряемый крупно-капиталистической фальсификацией вина, мелкий американский фермер, обираемый и обманываемый банкирами и депутатами, - все эти отброшенные капитализмом от большой дороги развития социальные слои призваны на бумаге режимом политической демократии к управлению государством. Но на деле во всех основных вопросах, определяющих судьбу народов, финансовая олигархия выносит свои решения за спиной парламентской демократии. Так было прежде всего в вопросе войны, так теперь происходит в вопросе мира. Поскольку финансовая олигархия еще дает себе труд освящать свои насильнические действия парламентскими голосованиями, в распоряжении буржуазного государства для достижения необходимых результатов оказываются все средства лжи, демагогии, травли, клеветы, подкупа, террора, унаследованные от прошлых веков классового рабства и помноженные на все чудеса капиталистической техники.

Требовать от пролетариата, чтобы он в последней схватке не на жизнь, а на смерть с капиталом благочестиво соблюдал требования политической демократии - то же самое, что требовать от человека, защищающего свою жизнь и существование против разбойников, чтобы он соблюдал искусственные и условные правила французской борьбы, установленные его врагом и этим врагом не соблюдаемые.

В царстве разрушения, где не только средства производства и транспорта, но и учреждения политической демократии представляют собой груды окровавленных обломков, пролетариат вынужден создавать свой собственный аппарат, служащий прежде всего для сохранения внутренней связи самого рабочего класса и обеспечивающий возможность его революционного вмешательства в дальнейшее развитие человечества. Этим аппаратом являются советы.

Старые партии, старые организации профессиональных союзов оказались в лице своих руководящих верхов неспособными не только разрешить, но и понять задачи, которые ставит новая эпоха. Пролетариат создал новый тип организации, широкой, охватывающей рабочие массы независимо от профессии и от достигнутого уровня политического развития, аппарат гибкий, способный непрерывно обновляться, расширяться, вовлекать в свою сферу все новые и новые слои, открывать свои двери для близких пролетариату трудящихся слоев города и деревни. Эта незаменимая организация самоуправления рабочего класса, его борьбы, а в дальнейшем и завоевания им государственной власти испытана на опыте в разных странах и составляет самое могущественное завоевание и орудие пролетариата в нашу эпоху.

Во всех странах, где трудящиеся массы живут сознательной жизнью, строятся ныне и будут строиться советы рабочих и крестьянских депутатов. Укреплять советы, поднимать их авторитет, противопоставлять их государственному аппарату буржуазии - такова сейчас важнейшая задача сознательных и честных рабочих всех стран. Через посредство советов рабочий класс способен спасти себя от разложения, которое вносят в его среду адские муки войны, голода, насилия имущих и предательство бывших вождей. Через посредство советов рабочий класс вернее и легче всего может прийти к власти во всех тех странах, где советы сосредоточат вокруг себя большинство трудящихся. Через

посредство советов завоевавший власть рабочий класс будет управлять всеми областями экономической и культурной жизни страны, как это уже происходит в настоящее время в России.

Крушение империалистического государства, от царистского до самого "демократического", идет одновременно с крушением империалистической военной системы. Многомиллионные армии, мобилизованные империализмом, могли держаться лишь дотоле, доколе пролетариат покорно шел под ярмом буржуазии. Развал национального единства означает неизбежный развал армии. Так произошло сперва в России, затем в Германии и Австрии. Того же следует ожидать и в других империалистических странах. Восстание крестьянина против помещика, рабочего против капиталиста, обоих против монархической или "демократической" бюрократии неизбежно влечет за собой восстание солдат против командиров, а в дальнейшем острый раскол между пролетарскими и буржуазными элементами армии. Империалистическая война, противопоставлявшая нации нацию, перешла и переходит в гражданскую войну, противопоставляющую класс классу.

Вопли буржуазного мира против гражданской войны и красного террора представляют собою самое чудовищное лицемерие, какое знала история политической борьбы. Гражданской войны не было бы, если бы клики эксплуататоров, приведшие человечество на край гибели, не сопротивлялись каждому шагу трудящихся вперед, не организовывали заговоров и убийств и не призывали вооруженной помощи извне для удержания или восстановления своих грабительских привилегий.

Гражданская война навязывается рабочему классу его смертельными врагами. Не отказываясь от себя, от своей будущности, которая есть будущность всего человечества, рабочий класс не может не отвечать на удар ударом.

Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, коммунистические партии стремятся сократить по возможности ее длительность, когда она с железной необходимостью возникает, уменьшить число ее жертв и, прежде всего, обеспечить победу за пролетариатом. Отсюда вытекает необходимость своевременного разоружения буржуазии, вооружения рабочих, создания коммунистической армии, как защитницы власти пролетариата и неприкосновенности его социалистического строительства. Такова Красная Армия Советской России, которая возникла и существует, как оплот завоеваний рабочего класса от всяких нападений изнутри и извне. Советская армия неотделима от советского государства.

Сознавая мировой характер своих задач, передовые рабочие уже с первых шагов организованного социалистического движения стремились к его международному объединению. Начало ему было положено в 1864 г. в Лондоне, в I Интернационале. Франко-прусская война, из которой выросла Германия Гогенцоллернов, подкосила I Интернационал, дав в то же время толчок развитию национальных рабочих партий*45. Уже в 1889 г. эти партии объединяются на съезде в Париже и создают организацию II Интернационала. Но центр тяжести рабочего движения лежал в этот период целиком на национальной почве, в рамках национальных государств, на основе национальной промышленности, в области национального парламентаризма. Десятилетия организационной и реформаторской работы создали целое поколение вождей, которые на словах признавали в большинстве своем программу социальной революции, но на деле отrekliсь от нее, погрязли в реформизме, в покорном приспособлении к буржуазному государству. Оппортунистический характер руководящих партий II Интернационала вскрылся до конца и привел к величайшему в мировой истории краху в момент, когда ход исторических событий потребовал от партий рабочего класса революционных методов борьбы. Если война 1870 г. нанесла удар I Интернационалу, обнаружив, что за его социально революционной программой нет еще сплоченной силы масс, то война 1914 г.

убила II Интернационал, обнаружив, что над могущественными организациями рабочих масс стоят партии, превратившиеся в подчиненные органы буржуазного государства.

Это относится не только к социал-патриотам, ныне явно и открыто перешедшим в лагерь буржуазии, ставшим ее излюбленными уполномоченными и доверенными лицами, наиболее надежными палачами рабочего класса, но и к расплывчатому, неустойчивому течению центра, которое пытается восстановить II Интернационал, т.е. ограниченность, оппортунизм, революционное бессилие его руководящих верхов. Независимая партия Германии, нынешнее большинство социалистической партии Франции, группа меньшевиков России, независимая рабочая партия Англии и другие подобные им группы фактически пытаются заполнить собою то место, какое до войны занимали старые официальные партии II Интернационала, выступая по-прежнему с идеями компромисса и соглашения, парализуя всеми способами энергию пролетариата, затягивая кризис и тем усугубляя бедствия Европы. Борьба с социалистическим центром является необходимым условием успеха борьбы с империализмом.

Отметая прочь половинчатость, ложь и гниль изживших себя официальных социалистических партий, мы, коммунисты, объединенные в III Интернационале, сознаем себя прямыми продолжателями героических усилий и мученичества длинного ряда революционных поколений от Бабефа*46 до Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Если I Интернационал предвосхищал будущее развитие и намечал его пути, если II Интернационал собирал и организовывал миллион пролетариев, то III Интернационал является Интернационалом открытого массового действия, революционного осуществления.

Социалистическая критика достаточно бичевала буржуазный миропорядок. Задача международной коммунистической партии состоит в том, чтобы опрокинуть его и воздвигнуть на его месте здание социалистического строя. Мы призываем рабочих и работниц всех стран к объединению под коммунистическим знаменем, которое уже является знаменем первых великих побед.

Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистического варварства, против монархии, привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всех видов и форм классового или национального гнета - объединяйтесь!

Под знаменем рабочих советов, революционной борьбы за власть и диктатуры пролетариата, под знаменем III Интернационала, пролетарии всех стран соединяйтесь!

"Правда" N 52,
7 марта 1919 г.

*29 "Коммунистический Манифест" - написан Марксом и Энгельсом по поручению "Союза Коммунистов" и представляет собой подробное изложение основных принципов программы коммунизма. "Коммунистический Манифест" появился в печати накануне февральской революции 1848 года. Переведенный на все европейские языки, он лег в основу современного международного рабочего движения, которому он указал его истинные пути и цели. (О "Союзе Коммунистов" см. прим. 2.)

*30 Базельский конгресс II Интернационала - состоялся 24-26 ноября 1912 г. в Базеле (Швейцария) с участием 518 делегатов, и был последним конгрессом II

Интернационала до войны. Повестка дня исчерпывалась одним вопросом: международное положение и борьба социал-демократии против опасности войны. Бесперывный рост вооружений, балканские войны 1912 г. и напряженность отношений Австрии и России указывали на близость военной катастрофы. Конгресс проходит под лозунгом борьбы с империализмом и назревающей войной. Принятый манифест полон революционных фраз, но не намечает вполне определенных линий для революционного действия. Базельский манифест говорит:

"Если угрожает война, то обязанность рабочего класса и его представителей в парламентах всех заинтересованных стран при поддержке Международного Социалистического Бюро все усилия к тому, чтобы предотвратить объявление войны, способами, которые будут ими признаны наиболее подходящими и которые могут быть различны в зависимости от степени обостренности классовой борьбы и общего политического положения". (Курсив наш. Ред.)

Подчеркнутые слова, дающие возможность самого широкого толкования, позволили социал-шовинистам всех стран в решительную минуту отказаться от революционного выступления против войны. Далее в манифесте говорится:

"Но если война все-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего ее прекращения и все силы направить к тому, чтобы использовать вызванные войной экономические и политические кризисы, поднять народ и тем самым ускорить падение классового господства капитала... Если правительства, удушая всякие возможности нормальной эволюции, толкнут пролетариат на путь отчаянных действий, то на них падет и вся ответственность за последствия вызванной ими войны".

Все эти революционные фразы остались пустыми угрозами, и с объявлением войны руководящие партии II Интернационала изменили делу международного пролетариата, открыто перейдя на сторону своих буржуазных правительств.

*31 Речь идет о "Белой книге", представленной германским имперским канцлером Бетманом-Гольвегом 3 августа 1914 г. рейхстагу. В этой книге содержится целый ряд дипломатических документов, доказывающих, что виновницей мировой войны является Россия. "Белая книга" имеется в тенденциозном русском издании под заглавием "Книга лжи". Германская "Белая книга" о возникновении германо-русско-французской войны". Петроград 1915 г.

*32 Гогенцоллерны - династия прусских государей и с 1871 г. германских императоров, низложенная революцией 1918 г.

*33 Габсбурги - династия бывших австро-венгерских императоров.

*34 Лига Наций - организация, созданная по инициативе Вильсона и вызвавшая в мелкобуржуазных массах большие надежды на умиротворение Европы путем правительственных соглашений, третейских судов, гарантийных договоров и т. д. Была организована на мирной конференции в Версале в 1919 г. Объединяет в настоящее время около 50 государств (кроме СССР, Северо-Американских Соединенных Штатов, Германии и некоторых других государств). Статус Лиги Наций определяет ее цель следующими словами: "содействие сотрудничеству народов и достижение всеобщего мира". Кроме того, своими задачами Лига Наций считает охрану труда, покровительство колониальным народам и т. д. Фактически Лига Наций является проводником политики англо-французского капитала. Она ведет политику жесточайшего нажима на Германию, ведет

кампанию против СССР, широко раздает державам-победительницам мандаты на захват колониальных стран и т. д. Призванная умиротворять Европу, Лига Наций за все время своего существования обнаружила только свое полное бессилие в этом отношении. Являясь по существу орудием двух главнейших держав-победительниц, Англии и Франции, она в то же время служит ареной борьбы между этими державами.

*35 14 пунктов Вильсона. - 8 января 1918 г. американский президент Вильсон обратился к конгрессу Соединенных Штатов со своей программой мира, изложенной в 14 пунктах. Впоследствии Вильсон конкретизировал и дополнил свои 14 пунктов в четырех обращениях: к конгрессу - 11 февраля, в Балтиморе - 6 апреля, в Мадит Верноне - 4 июля и в Нью-Йорке - 27 сентября 1918 г. (Подробнее о 14 пунктах Вильсона см. том XII, примечание 221.)

*36 Мадагаскар - остров, расположенный вблизи Восточной Африки; богатая французская колония. В 1918 г. население Мадагаскара составляло более трех с половиной миллионов человек, из них подавляющее большинство туземцев. Управляется Мадагаскар генерал-губернатором, назначаемым Францией; своего представительства во французском парламенте Мадагаскар не имеет. Главнейшие предметы вывоза из Мадагаскара: рис, кофе, хлопок и т. д. Широко развито скотоводство. Остров богат также и минералами.

*37 Аннам - французская колония. Находится на Индо-Китайском полуострове и граничит на севере с Китаем. Население (5 1/2 миллионов человек) на 90% состоит из туземцев. Плодородная почва и естественные богатства этой страны привлекли внимание французов. Завоевание Аннама началось в 1858 г. и сопровождалось многочисленными восстаниями населения и войнами с Китаем, предъявившим свои требования на Аннам. В 1884 г. война закончилась победой Франции и признанием ее протектората над Аннамом. Во главе управления страной стоит туземный король и его чиновники; фактически власть принадлежит французскому генерал-губернатору.

*38 Дипломатический конгресс в Париже. - Автор имеет в виду Версальскую мирную конференцию 1919 г., на которой колониальная карта мира была совершенно перекроена. Германия лишилась всех своих колониальных владений, которые были разделены между державами-победительницами. (Подробнее см. том XII, примечание 44.)

*39 Вильсон, - см. примечание 6.

*40 Алжир - французская колония, расположенная на побережье Северной Африки, граничит с Марокко. Население (5 1/2 милл. человек) занимается главным образом скотоводством и земледелием. 75% всей внешней торговли Алжира приходится на Францию. Алжир обладает большими минеральными богатствами (железо, ртуть, медь, нефть и т. д.). Впервые Алжир был завоеван Францией в 1830 г. В 1848 г. Алжир был провозглашен вечным владением Франции, а в 1907 г. был признан колонией Франции по договору между Францией, Англией и Испанией. Вся история Алжира с 1830 г. до 1881 г. заполнена почти непрерывными восстаниями населения, которые подавлялись со зверской жестокостью. После 1881 г. восстания были гораздо реже. Франция во время войны 1914-1918 гг. мобилизовала на фронты большие отряды алжирских войск и посылала алжирские части в Россию во время интервенции.

*41 Бенгалия - область британской Индии, насчитывает более 50 миллионов жителей. Главное занятие жителей - разведение риса, пшеницы, кофе, чая и т. д. Управляется Бенгалия губернаторами, назначаемыми вице-королем Индии. Главный город Бенгалии - Калькутта (резиденция вице-короля).

*42 Персия - расположена в передней части Азии, на суше граничит, главным образом, с Турцией и СССР. Национальный состав ее 10-миллионного населения смешанный. Благодаря своим естественным богатствам (железо, марганец, медь) и в особенности обильным залежам нефти Персия представляется заманчивой добычей для империалистических государств. До 1906 г. Персия была феодальной монархией. В 1906 г. начались революционные волнения, в результате которых неограниченная монархия уступила место конституционной; однако, вследствие непрекращавшихся беспорядков и вмешательства в жизнь страны империалистических держав, нормальная работа парламента началась не раньше 1921 г. Царская Россия и Англия беззастенчиво грабили Персию под видом концессий, займов и т. д., а то и просто вводя свои войска в различные части страны. После Октябрьской революции политика России в Персии изменяется коренным образом и ставит себе задачей содействие национальному освобождению Персии. Против империалистических стремлений Англии после войны поднялось широкое национальное движение, во главе которого встал Риза-Хан (с 1923 г. председатель совета министров и главнокомандующий). На Риза-Хана, держащего в своих руках армию, пытаются оказать давление реакционные феодальные элементы, за спиной которых большей частью стоит Англия. В 1924 г. они организовали восстание кочующих племен на окраине Персии, но Риза-Хану удалось справиться с восставшими, хотя последних поддерживали англичане. В конце октября 1925 г. постановлением меджлиса (парламента) в Персии была низложена шахская династия каджаров. Временным правителем государства был объявлен Риза-Хан. Созванное затем, для окончательного определения формы правления, Учредительное собрание объявило Риза-Хана шахом.

*43 Армения - Советская Республика, провозглашена 29 ноября 1920 г., входит в состав Закавказской Федеративной ССР. Советская Армения образована из прежней Эриванской губернии и части Елизаветпольской. Население Армении составляет около миллиона человек. Основное занятие жителей советской Армении - сельское хозяйство. Главный город Армянской ССР - Эривань.

*44 Ллойд-Джордж (род. в 1863 г.) - крупнейший английский политический деятель, вождь либералов, до 1922 г. руководивший рядом английских кабинетов. По профессии адвокат. В парламент впервые был избран в 1890 г., где благодаря своим выступлениям вскоре стал во главе либералов. В 1906 г. становится министром торговли и промышленности; в 1909 г. - канцлером казначейства; с 1912 до 1922 г. был последовательно министром снабжения, военным и премьером. До войны Ллойд-Джордж провел ряд либеральных реформ: лишил верхнюю палату права отмены законов, принятых нижней палатой, расширил избирательное право. Он обещал избирательные права женщинам, пытался провести широкий гомруль для Ирландии и т. д. Но с началом войны он фактически объединяется с консерваторами на почве общей империалистической политики, сводит на нет предыдущие реформы, жестоко расправляется с ирландскими повстанцами. Ллойд-Джордж является одним из творцов Версальского мира. В годы гражданской войны в России он поддерживал интервенцию против Советской власти. Убедившись затем в несостоятельности как Версальского мира, так и системы вооруженной борьбы с Советской Россией, он пытался методами компромисса восстановить нарушенное равновесие в Европе. С этой целью он подготовил созыв Генуэзской конференции (1922 г.). Ее неудача означала крах и всей политики Ллойд-Джорджа. На следующих парламентских выборах в октябре 1922 г. либералы терпят поражение, и кабинет Ллойд-Джорджа уступает место консервативному правительству. В настоящее время Ллойд-Джордж является одним из лидеров либеральной партии.

*45 Франко-пруссская война - возникла в 1870 г. и закончилась в следующем году полным поражением Франции. Рост революционного рабочего движения, недовольство крестьянства тяжестью налогов, недовольство буржуазии внешней политикой Наполеона III и вследствие этого усиление буржуазной оппозиции в парламенте - таково было внутреннее положение Франции к концу 60-х годов. В то же время росла и укреплялась по ту сторону Рейна соперница Франции - Германия. Все эти причины толкали Наполеона III на путь внешних авантюр, которыми он надеялся спасти свою династию. С другой стороны, Пруссия, руководимая Бисмарком, также желала войны с Францией, так как надеялась, что перед лицом военной опасности к ней присоединятся Бавария, Баден и др. мелкие германские государства, и ей удастся таким образом объединить под своей гегемонией всю Германию. При таком положении нетрудно было найти повод к объявлению войны, и он действительно вскоре нашелся, когда Франция заявила протест против избрания немецкого принца на испанский престол. Война началась в июле 1870 г. Французская армия была совершенно неподготовлена к военным действиям, плохо снабжена и находилась под командой бездарных генералов, в противоположность прекрасно организованной немецкой армии, во главе которой стояли выдающиеся стратеги. После ряда поражений 120-тысячная французская армия в бою под Седаном (2 сентября 1870 г.) была разбита наголову, и 80 тысяч солдат вместе с императором попали в плен. В октябре Париж был осажден и после нескольких месяцев осады, обречшей столицу на все ужасы голода, был вынужден сдаться. По заключенному 10 мая 1871 г. мирному договору, Франция уступила Германии Эльзас-Лотарингию и должна была уплатить 5 миллиардов франков контрибуции.

С начала войны, как этого и ожидал Бисмарк, Бавария и другие государства присоединились к Пруссии, под военным главенством которой завершилось таким образом национальное объединение Германии. В январе 1871 г. прусский король Вильгельм I короновался императором Германии в Версале. Во Франции разгром императорской армии привел к свержению династии Наполеона III и провозглашению республики (4 сентября 1870 г.), правительство которой пыталось организовать сопротивление победоносно наступавшему врагу. Однако, ввиду полной неспособности буржуазии руководить делом национальной обороны, в столице вспыхивает восстание пролетариата, установившее господство Парижской Коммуны (в марте 1871 г.). Вероломная французская буржуазия не постеснялась воспользоваться услугами прусского милитаризма для разгрома революционного Парижа.

Франко-пруссская война и гибель Коммуны нанесли сильный удар I Интернационалу, главной базой которого была Франция; после 1871 г. начинается развал первого международного объединения рабочих. Франко-прусской войной заканчивается эпоха национальных войн. В Европе создается ряд могучих капиталистических держав. В истории рабочего движения открывается новая глава: вместо прежних пропагандистских секций I Интернационала начинают складываться, на почве национально-объединенных капиталистических государств с быстро развивающейся промышленностью, сильные массовые рабочие партии.

*46 Бабеф, Гракх (1760-1797) - политический деятель эпохи Великой Французской Революции, родоначальник революционного коммунизма. Бабеф с самого начала французской революции принимает непосредственное участие во всех выступлениях ремесленной бедноты и рабочих. Он был решительным противником всех правительств Великой Французской Революции, не исключая и якобинцев, за их недостаточную энергию в деле осуществления действительного экономического и политического равенства. Осенью 1795 г. Бабеф вместе со своими сторонниками организовал тайное общество "Равных", которое поставило себе целью путем насильственного переворота

установить коммунистический строй. Обществом был разработан ряд мер, которые должны были быть немедленно проведены в жизнь в случае захвата власти. Важнейшими из этих мер были: отмена права наследства, конфискация частной собственности, уничтожение денежной системы и т. д. В 1796 г. общество "Равных" насчитывало 17.000 человек. План заговора Бабефа был раскрыт шпионом офицером Гризелем, проникшим в ряды общества "Равных". 10 мая 1796 г. Бабеф и его ближайшие соратники были арестованы и приговорены к смертной казни. 27 мая 1797 г. Бабеф был казнен.

Идея свержения существующего строя путем тайных заговоров и насильственного введения коммунистического строя получила название "бабувизма".¹⁴⁰

Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации – как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи как в центре, так и на местах не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

I. Политическая беспечность

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе дорогу в наши организации.

Судебный процесс “Ленинградского центра”, равно как судебный процесс “Зиновьева-Каменева”, дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс “зиновьевско-троцкистского блока” расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охраны, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

“Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства как единственные средства обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительным”.

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

“Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны, – шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т.д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, – все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован”.

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть, наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть, они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II. Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которые просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что Советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука – капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение – это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение – это значит, что имеется одна страна. Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран – буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и “в случае необходимости” – взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского

лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило Французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония – американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к Советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охраны оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III. Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7–8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7–8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе – это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7–8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому,

что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их как людей чуждых и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подбострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому, что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеить ее как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплуатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья – японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и как средство достижения этих задач – вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей Советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил – такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководителей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30–40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30–40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая “операция” может вызвать раскол.

“Политические деятели”, прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, – такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже назвать политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7–8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей Родине, лишь бы напасть на Советскому государству и Советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому вовремя перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты – это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, – стало быть, люди, формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей технически. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Муратовы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приголовишками с точки зрения технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями Советской власти, они обманывали наших людей политически, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. “Преимущество”, сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же “преимущество”. Этим “преимуществом” и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами и, не заметив этого, не сумели вовремя перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV. Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это – временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т.п., не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения – дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, малоискушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Не удивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и как следствие всего этого появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности – опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, малоискушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов – успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением – порождает настроения

беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почтить на лаврах.

Не удивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами, и т.п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой, – какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там, в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и “просто” заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V. Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия:

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в “текущих вопросах” по линии того или иного ведомства, в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Разъяснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Разъяснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической

работы, но без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснить нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительно-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга – и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг как узловой для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и идти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических

преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад оба лозунга – и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть начеку.

8) Необходимо разбить и отстранить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это – единственное средство сохраниться ему как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит “систематическое выполнение наших хозяйственных планов”?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняют планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о “систематическом выполнении хозяйственных планов” и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о “систематическом выполнении хозяйственных планов”.

Не ясно ли, что теория о “систематическом выполнении хозяйственных планов” есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Товарищ Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и нетроцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот также ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи... Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы, Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплуататорских классов. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шеффо в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта

группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же проидохи, как Шеффо, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа проидох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам, – чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клеветают на рабочий класс СССР, – чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей – лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей – это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напасть и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, – как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры снизу доверху подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы

сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3–4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии.

Далее идут 30–40 тысяч средних руководителей. Это– наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100–150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров – вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям – от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций – подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные “Партийные курсы”. На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место – их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные “Ленинские курсы”. На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место – их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные “Курсы по истории и политике партии”. На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место – наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное “Совещание по вопросам внутренней и международной политики”. Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей, партии. Это необходимо, и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили, таким образом, основные недостатки нашей работы, – как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы обезвредить и ликвидировать диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же не хватает у нас?

Не хватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом.¹⁴¹

Содержание журнала «Коммунистический интернационал» за 1937 год (№№1-12)

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ. 1937, №1

СОДЕРЖАНИЕ

Процесс	антисоветского	троцкистского
центра.....	3	
Новая фаза борьбы за демократическую, независимую		
Испанию.....	11	
М. ГАРЛАНДИ. – За единение итальянского		
народа.....	17	
Е.ВАРГА. – Экономические перспективы		
Англии.....	26	
В.ФОСТЕР. – Съезд Американской федерации		
труда.....	33	
Ю.ЛЕНСКИЙ. – Опыт борьбы за народный фронт в		
Польше.....	38	
Ф.СПИРИДОНОВ. – Борьба с проникновением гитлеровского фашизма на		
Балканы...47		
ГЕНТЕННАР. – Объединение бельгийской		
молодежи.....	55	
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА		
Президиум ИККИ о деятельности компартии		
Испании.....	60	
Воззвание коммунистической партии		
Испании.....	63	
Движение солидарности в помощь испанскому		
народу.....	69	
Из писем польских бойцов Интернациональной		
бригады.....	77	

А.МАССИ. – Международная конференция молодежи в помощь Испании.....	80
Г.ПОЛИТ. – Памяти английских товарищей, погибших в Испании.....	83
М.ЭРКОЛИ. – Памяти Гвидо Пичелли.....	87
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
Р.ПЕЙДЖ АРНОТ. – «Веселые кумушки из Виндзора» - под фашистскую музыку.....	89
САЛИМ АБУД. – Борьба за демократию в Ираке и за всеобщий мир.....	92
АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	
Знамя германского народного фронта.....	97
ФРАНЦ ЛАНГ. – Переписка французских коммунистов с кардиналом Льенар.....	100
ЛЮДИ КОМИНТЕРНА	
Вильям Фостер.....	104
В СЕКЦИЯХ КОМИНТЕРНА	
К.СКАЛКЕР. – Массовый предвыборный съезд компартии Голландии.....	109
МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
Соглашение трех организаций и кампания единства в Англии.....	112
К.РЕДМИЛЛ. – Стачки в США.....	115
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Е.РУБИНШТЕЙН. – Лондонская конференция Первого интернационала.....	120
В.Л. – Испанская выставка в Музее революции.....	126
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №2	
СОДЕРЖАНИЕ	
ПАМЯТИ СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ.....	3
Великий борец за коммунизм.....	5
АНДРЕ МАРТИ. – К лондонской конференции Амстердамского и Социалистического Интернационалов.....	10
МАРСЕЛЬ КАШЕН. – Некоторые наши достижения.....	17
МОРИС ТОРЕЗ.- Как решает партия проблемы народного фронта борьбы против фашизма и войны.....	24
И.ЛУН. – Народное движение в Индо-Китае после победы французского народного фронта.....	34
ДЖ.С.ГАРНЕТТ. – Сессия Индийского Национального конгресса.....	39
ОКАНО. – Народ и фашистская военщина в Японии.....	47
О.КУУСИНЕН. – Поражение фашизма на президентских выборах в Финляндии.....	54
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА	
О некоторых уроках падения Малаги.....	58

	Движение солидарности в помощь испанскому народу.....	
61	Международная конференция помощи женщинам и детям Испании.....	68
	Пленум объединенной социалистической партии Каталонии.....	72
	Конференция объединенной социалистической молодежи	
	Испании.....	76
	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
	Г.ВАЛЕЦКИЙ. – Вандервельде на	
	распутье.....	80
	БОРИС СТЕФАНОВ. – За концентрацию демократических сил против фашизма в	
	Румынии.....	84
	И.ТОМ. – Рекорд пражского «Социал-	
	демократа».....	88
	БОРЬБА С ТРОЦКИСТСКОЙ АГЕНТУРОЙ ФАШИЗМА	
	ЭРНСТ ФИШЕР. - Путь к	
	предательству.....	90
	А.КЕЛЛЕРМАН. – Процесс антисоветского троцкистского центра в освещении	
	печати капиталистических стран.....	95
	ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ. – Троцкизм – синоним	
	двурушничества.....	101
	Совет общественной безопасности Мадрида против троцкистов.....	
103	ЛЮДИ КОМИНТЕРНА	
	Ц.БОБРОВСКАЯ. – Две героини-большевички – Анна Май и Анна	
	Паукер.....	104
	МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
	Г. ОЛЬДНЕР. –Исторический шаг к профсоюзному единству в Чехословакии.....	
107	К.Майер. – Швейцарской «директивное	
	движение».....	112
	К.РЕДМИЛЛ. – Крупная победа рабочего класса в	
	США.....	115
	Р.ПЕЙДЖ АРНОТ. – Кампания за единый фронт в	
	Англии.....	118
	В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ	
	О пособиях троцкизма в рядах	
	компартий.....	122
	Аладар	
	Комьят.....	124
	КРИТИКА И БИЛИОГРАФИЯ	
	В.Л. – Книга о трудящихся женщинах	
	Англии.....	125
	В сотую годовщину смерти Людвига	
	Берне.....	127
	КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №3	
	СОДЕРЖАНИЕ	
	И.СТАЛИН. – О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских	
	и иных двурушников (Доклад на Пленуме ЦК ВКП (б) 3 марта 1937 г.)	
	3	

И.СТАЛИН. – Заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП (б) 5 марта 1937 г.....	21
Исторический Пленум ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)	32
Р.ПЕЙДЖ АРНОТ. – Английское оружие – против кого?.....	40
ВАН МИН. – Ключ к спасению китайского народа.....	48
Я.ДОЛЯ. – «Лагерь национального объединения», или – концентрационный лагерь.....	61
Героическая борьба испанского народа	
Расширенный пленум ЦК КП	
Испании.....	67
ХОСЕ ДИАС. – За организацию борьбы и победы.....	68
РАЙМОН ГЮЙО. – Памяти трех товарищей.....	86
Помощь испанскому народу в Англии.....	89
Английский батальон интернациональной бригады.....	92
Мадрид не станет Аддис-Абебой!.....	95
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
О некоторых резервах троцкистских провокаторов и бандитов в капиталистических странах.....	96
АНДРЕ МАРТИ. – После лондонской конференции Социалистического и Амстердамского интернационалов.....	99
ПЕТЕР ВИДЕН. – Гитлеровский путч в Венгрии.....	102
СВОБОДУ ПРЕСТЕСУ!	
О. БРАНДОН. – Процесс Престеса и других деятелей национально-освободительного альянса в Бразилии.....	105
В СЕКЦИЯХ КОМИНТЕРНА	
Г. ДИМИТРОВ. – К десятилетию «Стато Операйо».....	108
К.ХОРВАТ. – Борьба за народный фронт в Югославии.....	110
Воззвание ЦК компартии Югославии.....	115
МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВЖЕНИЕ	
Р.СМИТ. – Муниципальные выборы в Лондонском графстве.....	120
К.МАЙЕР. – Каторжные законы против компартии в Швейцарии.....	122
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
А.КРАЕВСКИЙ. – «Ди Интернационале» - теоретический орган ЦК КП Германии.....	124
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №4	
СОДЕРЖАНИЕ	
ВОЗЗВАНИЕ ИККИ К	1
МАЯ.....	3

Первое Мая – день единства, день борьбы за мир, свободу, социализм, за победу испанского народа!.....	8
В.УЛЬБРИХТ. – Новые задачи компартии Германии.....	14
Ж.КОНЬО. – Годовой итог и предстоящие задачи.....	27
А.РЕНО. – Мощь Всеобщей конфедерации труда Франции.....	33
ЭРЛ БРАУДЕР. – Борьба за народный фронт в США.....	37
ВИЛЬЯМ З.ФОСТЕР. – Возрождение американского профсоюзного движения.....	44
ДЖЕЙМС В.ФОРД. – Негритянские массы в США.....	50
Р. МАГНУС. – Идеи оборонительного союза против фашистской агрессии назревает в Скандинавии.....	55
ДЖ.С. ГАРНЕТТ. – После выборов в Индии.....	62
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА	
За победу испанского народа в войне с фашистским мятежом и фашистским нашествием (резолуция расширенного пленума ЦК компартии Испании).....	69
ФРАНЧЕСКО ЛЕОНЕ. – интернациональные бригады вчера и сегодня.....	82
Письма бойцов родным и друзьям.....	86
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
ФРАНЦ КРАУС. – Послание папы римского о положении католической церкви в Германии.....	93
ОКАНО. – Японская военщина ищет покорной палаты.....	96
КУРТ ФУНК. – Новая оппозиционная партия в Германии.....	98
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ И АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА	
ЭРЛ БРАУДЕР. –Испания и революционные традиции американского народа.....	100
БОРЬБА ЗА РЕЛИГИОЗНЫЕ МАССЫ	
ФРАНЦ ЛАНГ. – Гитлеровский фашизм против католических масс.....	106
Ф.ДЕНГЕЛЬ. – Наступление Гитлера и Розенберга на протестантское население ..	110
МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
С.МЕЙСОН. – Австралия и борьба за мир.....	113
Р.ВУДВАРД. – Гитлеровский фашизм в Южной Африке и борьба с ним.....	117
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
М.Г. – «Испанский народ победит».....	123
Т.Д. – Две посмертные книги Ральфа Фокса.....	127

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №5

СОДЕРЖАНИЕ

АНТОНИО

ГРАМШИ.....	5
О лозунге овладения большевизмом и об изучении истории секций Коминтерна .8	
Г.ДИМИТРОВ. – Единство международного пролетариата – высшее веление переживаемого момента	15
М.ЭРКОЛИ. – На итальянском полюсе «оси Рим-Берлин».....	24
Ж.КОНЬО. – Народный фронт и единство рабочего класса во Франции.....	34
Е.ВАРГА. – К экономическому положению в США.....	43
Ф.ФЮРНБЕРГ. – Борьба за демократию и за национальную независимость Австрии...49	
В.НИСИКАВА. – Японский народ против фашизма и войны.....	53
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА	
Ж.ЛЕЖЕН. – К событиям в Испании.....	58
ХОСЕ ДИАС. – За победу – против клеветников коммунистической партии	62
Т.АЛЬВАРЕС. – Конференция мадридской организации КП Испании.....	72
Д.ХИРОН. – Борьба с троцкистской агентурой фашизма в Испании.....	75
А. МИХЕ. – Конференция армейских политкомиссаров в Альбасете.....	79
Памяти Альфреда Брюжера.....	82
К 25-ЛЕТИЮ «ПРАВДЫ»	
Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала – «Правде»	85
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
ГЕНТЕНААР. – Как «обидели» Фрица Адлера.....	86
К.МАЙЕР. – В Швейцарии и Люксембурге готовят запрещение компартии.....	89
Р.МАГНУС. - Гельсингфорсская конференция северных государств.....	91
Т.БРАУН. – Бельгия и Швейцария сажают в тюрьму бойцов интернациональных бригад	94
К.ФУНК. – Вожди католической молодежи перед гитлеровским судом.....	96
ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	
Нынешнее состояние международного женского движения.....	98
ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ	
Объединенная испанская молодежь и исполком СИМ.....	108
В.ДЮКРО. – Новые явления в студенческом движении.....	111

А. МАССИ. – Некоторые проблемы комсомола США.....	115
МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
Первомайские выступления	1937
года.....	118
В.ЧЕН. – Стаечная борьба в Китае.....	122

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ. 1937, №6
СОДЕРЖАНИЕ

Большевистский удар по фашистским поджигателям войны.....	3
Г. ДИМИТРОВ. – Уроки Альмерии.....	9
Переписка Исполкома Коминтерна с Социалистическим рабочим Интернационалом о единстве действий.....	13
Испания зовет к единству.....	18
ВИЛЬГЕЛЬМ ПИК. – Гитлеровский фашизм – главный поджигатель новой мировой войны.....	24
М.ЭРКОЛИ. – Грамши и компартия Италии.....	33
А.БЕРР. – К положению во Франции.....	46
К.ХОРВАТ. – Об итало-югославском пакте.....	53
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА	
ХЕСУС ЭРНАНДЕС. – Почему ушло правительство Ларго Кабальеро?.....	61
ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ. – Убийцы говорят о гуманизации войны.....	76
Обращение пленума Национального комитета Объединенного социалистического союза молодежи Испании.....	78
Памяти М.И. Ульяновой.....	80
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
ФРАНЦ ЛАНГ. -«Третий фронт» - опасный самообман католических кругов Германии. 84	
К.МАЙЕР. – Судьба трех антикоммунистических законов.....	87
В СЕКЦИЯХ КОМИНТЕРНА	
Компартия Англии перед XIV съездом.....	89
К 20-ЛЕТИЮ КОМПАРТИИ ШВЕЦИИ.....	95
БОРЬБА С ТРОЦКИСТСКОЙ АГЕНТУРОЙ ФАШИЗМА	
Изгнать троцкистских вредителей из рабочего движения!.....	99
И.СТАНКИ. – Троцкистские резервы в Румынии.....	103

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ						
М.СМИТТ.	–	Подъем	стачечного	движения		в
Англии.....					106	
Н.МОРГАН.	–	Стачечные	бои	рабочее	движение	в
Канаде.....					113	
С.СКАЛКЕР.	–	Итоги	парламентских	выборов		в
Голландии.....					117	
ВОПРОСЫ СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ						
Спортивное		движение		и		единый
фронт.....					120	

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №7						
СОДЕРЖАНИЕ						
Избирательный		закон		социалистической		
демократии.....					3	
Г. ДИМИТРОВ.	–	Год	героической	борьбы	испанского	
народа.....					9	
К.ГОТВАЛЬД.	–	Единство	действий	рабочего	класса	возможно
всюду.....					14	
Ж.КОНЬО.	–	Кабинет	министров	уходит	–	народный фронт
остается.....					20	

Е.ВАРГА. – Куда идет капиталистический мир?	31
ЛОЗОВСКИЙ. – Массовая безработица в капиталистических странах и задачи рабочих организаций	38

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА						
Июньский		пленум		ЦК		КП
Испании.....					49	
ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ. – Наступило время создать единую партию пролетариата						
Испании					52	
Г. ПОЛЛИТ.	–	Испания	и	ее	действительные	
друзья.....					67	
Боевые		газеты		Интернациональных		
бригад.....					75	
Памяти павших бойцов Интернациональной бригады в Испании						
Матэ		Залка				(Лукач)
.....					79	
Благое		Парович				(Шмидт)
.....					82	

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ						
Э.ФИШЕР.	–		Летчики			двух
миров.....					83	
КЛЕМЕНС	ДАТТ.	–	Успехи	марксистской	мысли	в
Англии.....					85	
П.ВИДЕН.	–	Католики-фашисты		подстрекают		к
убийству.....					88	
60-ЛЕТИЕ						
тов.КОЛАРОВА.....					93	
В СЕКЦИЯХ КОМИНТЕРНА						
Р. ПЕЙДЖ	АРНОТ.	–	О	XIV	съезде	компартии
Англии.....					96	

Ф.ГРАНЬЕ.	–	Хроника	деятельности	компартии	
Франции.....					101
К.ХОРВАТ.	–	Учредительный	съезд	компартии	
Словении.....					106
А.ГЕНСОН.- Первые коммунистические депутаты в исландском парламенте					110
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЖЕНСКИЕ ДВИЖЕНИЕ					113
БОРЬБА С ТРОЦКИСТСКОЙ АГЕНТУРОЙ ФАШИЗМА					
ГЕНРИХ БРЮК.	–	Троцкистская	агентура	гитлеровского фашизма	в
Германии.....					116
Ф.ЛАНГ.	–	Троцкизм	на службе	у реакционной католической	верхушки.....
					120
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ					
В.ГРОМОВ.	–	Две	неудачные	книги	о
Балканах.....					123
Л.ФАРКАШ.	–	«Газета трудящихся» - центральный орган компартии Венгрии			
					126
Т.М.	–	Две	брошюры		о
Гернике.....					127
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №8					
СОДЕРЖАНИЕ					
Два	года	борьбы	за	антифашистский	народный
фронт.....					3
Г.ДИМИТРОВ.	–	Фашизм	–	это	
война.....					14
М.ТОРЕЗ. – Вопреки всему восторжествуют народный фронт и единая партия					
рабочего					
класса.....					
					18
В.ПИК.	–	О	народном	фронте	в
Германии.....					28
А. ПОЛЬ.	–	Борьба	против	фашизма	в
Венгрии.....					36
КИТАЙСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ					
ВАН МИН.	–	Новый этап агрессии японского империализма и новый период			
борьбы					китайского
народа.....					42
Декларация		ЦК			компартии
Китая.....					59
На Дальнем Востоке и на Дальнем Западе (письма тт. Мао Цзе-дуна и Чжу Дэ)					
.....					62
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА					
ХУАН КОМОРЕРА.		Год борьбы и задачи Объединенной социалистической партии			
Каталонии					67
Решения		политбюро	ЦК		компартии
Испании.....					76
Памяти павших бойцов Интернациональной бригады в Испании					
Джордж		Броун.	Нино		Нанетти.
.....					81
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ					

П.ВИДЕН.	–	Об	одном	«паническом	
сообщении».....					86
Ф.ЭРНСТ.	–	Хищные	звери	проповедуют	
гуманность.....					89
В СЕКЦИЯХ КОМИНТЕРНА					
С.ГОПНЕР. – Поднять политическое воспитание кадров – овладеть большевизмом					
Пленум ЦК компартии Франции.....					98
ДОКУМЕНТЫ ЕДИНСТВА					
Единая партия будет! 102					
Программа совместных действий социалистической и коммунистической партий					
Испании					103
Новый пакт единства социалистической и коммунистической партий Италии 107					
МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ					
ГИЛ ГРИН. – Международное единство действий молодежи в помощь испанскому					
народу					110
В.ДЮКРО. – Создан Международный студенческий альянс борьбы за социализм					
ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА					
ПОЛЬ.....					119
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ					
В.КОЛАРОВ. – Книга о жизни и борьбе					
Г.Димитрова.....					122
Ф.ДЕНГЕЛЬ. – «Пропаганда как					
оружие».....					125
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №9					
СОДЕРЖАНИЕ					
ПЕРЕДОВАЯ. – Сила войны и силы					
мира.....					3
Г.ПОЛЛИТ. – Перед съездом лейбористской партии					
Англии.....					10
К.ГАСЛЬ. – Нюрнбергский					
балаган.....					15
Г.ДЕННИ. – Проблема народного фронта в					
США.....					21
П.РУДОЛЬФ. – Национальный вопрос в Австрии и позиция					
коммунистов.....					30
Б.СТЕФАНОВ. – Еще раз о концентрации демократических сил в Румынии					
.....					37
К. ХОРВАТ. – Борьба вокруг конкордата в					
Югославии.....					42
С.ФИШЕР. – Четвертая годовщина лейпцигского					
процесса.....					47
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА					
ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ. – Ответ врагам, клеветникам и колеблющимся элементам .					
52					
Б.ЭЛЛЕНО. – Фашистско-троцкистский шпионаж и диверсии против Испанской					
республики					58
Памяти павших боев Интернациональных бригад в Испании					
Томас Гибсон. Доманский-Дюбуа.					
.....					66
КИТАЙСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ					

МАО ЦЗЕ-ДУН. – Задачи общенационального антияпонского единого фронта в Китае на данном этапе	68
ЛО ФУ. – О единой программе действий китайского народа	75
На помощь героическому китайскому народу (воззвание компартии Англии)	79
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
Ф.ЭРНСТ. – Цинизм итальянского «невмешательства»	81
МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
В.АССАГИРИ. – Рост стачечного движения в Японии	84
К.МАЙЕР. – Вредное соглашение в металлургической промышленности в Швейцарии	88
Хроника борьбы за единство рабочего класса	90
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	
Л.МАНУЭЛЬ. – Разрешение аграрного вопроса в Испании	95
РЕНО ЖАН. – Положение крестьян и борьба компартии Франции за крестьянство	102
Л.ГОРЕЦКИЙ. – Политическая забастовка польского крестьянства	107
МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ	
М.ФЕДЕРИКО. – Единство молодежи- могучее оружие в борьбе против фашизма	
Д.ГОЛЛАН. – Девятый съезд комсомола Англии	117
ГИЛ ГРИН. – Достижения и трудности в движении молодежи США	121
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
С.БЛУМФИЛЬД. – «От Брайена к Сталину»	125
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.1937, №10-11	
СОДЕРЖАНИЕ	
Исторические документы Великой Октябрьской социалистической революции	3
Воззвание Исполкома Коммунистического Интернационала	9
Приветствие Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала товарищу СТАЛИНУ	15
Г.ДИМИТРОВ. – Советский союз и рабочий класс капиталистических стран	18
Д.МАНУИЛЬСКИЙ. – Победа социализма в СССР и движение народного фронта	24
А.СТЕЦКИЙ. – Диктатура рабочего класса и построение социализма в СССР	31
Е.ВАРГА. – Два десятилетия капиталистического и социалистического хозяйства	47
Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. – Вожди и массы в Октябрьской социалистической революции	

К.ГОТВАЛЬД. – Мирная политика Советского союза.....	61
В.ПИК. – Роль профсоюзов в Октябрьской революции и в строительстве социализма	
В.КОЛАРОВ. – Великая Октябрьская революция и ее влияние на крестьянство в капиталистических странах	74
Э.ФИШЕР. – Капиталистическое варварство и социалистическая культура	80
Р.ГЮЙО. – Советская молодежь.....	90
ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
Х.ДИАС. – Две годовщины.....	98
ВАН МИН. – Борьба китайского народа против японского агрессора и Великая Социалистическая революция в СССР	102
М.ТОРЕЗ. – Великая Октябрьская революция и Франция.....	111
Г.ПОЛЛИТ. – Страна социализма и капиталистическая Англия.....	116
В.ФЛОРИН.- Советский союз и рабочий класс Германии.....	123
Э.БРАУДЕР. – США и Великая Октябрьская революция.....	127
В.КОПЕЦКИЙ. – Чехословакия и Великая Октябрьская революция в СССР.....	134
В.ГАЛЛАХЕР. – Воспоминания об Октябрьской революции.....	137
ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА О СССР	
Писатели, ученые, политические деятели о СССР.....	142
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
В.ПЕТЕР. – Пакт против демократии и мира.....	156
П.ВИДЕН. – Да, сие от Вас не зависит, господин Бауэр.....	159
А.КЕЛЛЕРМАН. – История одной даты.....	162
Е.ФУНК. – Гестапо против германского народа.....	164
МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
В.ФОСТЕР. – Борьба за единство профдвижения в США.....	167
П.АРНОТ. – Борьба за единство в Англии.....	174
Т.АЛЬВАРЕС. – Съезд бельгийской рабочей партии.....	179
ДОКУМЕНТЫ	
Обращение Политбюро ЦК КП Испании.....	185
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	

Ф.ЭРНСТ. – О книге Фейхтвангера «Москва
1937».....190

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ. 1937, №12

СОДЕРЖАНИЕ

И.СТАЛИН. – Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы.....	3
Г. ДИМИТРОВ. – Речь на предвыборном собрании избирателей г. Костромы.....	8
Триумф советской демократии.....	15
Ц.БОБРОВСКАЯ. – С.М.Киров.....	22
Е.ВАРГА. – О новом мировом экономическом кризисе.	28
Э.ФИШЕР. – Социал-демократизм и единство рабочего класса.....	34
Ф. КРАУС. – Социал-демократизм на практике.....	41
Ф.ЛАСЕРДА, - Фашистский переворот в Бразилии.....	47
ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА ИСПАНСКОГО НАРОДА Ноябрьский пленум ЦК КП Испании.....	54
Х.ДИАС. – Теснее сплотить ряды народного фронта, разгромить мятежников и интервентов	58
Т.АЛЬВАРЕС. – Третий съезд всеобщего рабочего союза Каталонии.....	78
БОРЬБА КИТАЙСКОГО НАРОДА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ	
Т.РАЙЕН. – Международная кампания солидарности с Китаем.....	83
К XX ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ	
Э.СЕРЕНИ. – Великая Октябрьская революция и ее влияние на движение трудящихся масс Италии	93
А.КЕЛЛЕРМАН. – Буржуазия и социал-демократическая пресса о XX годовщине Великой Октябрьской революции.....	97
А.КАРНИН. – Как праздновали трудящиеся капиталистических стран 20-летие советской власти.....	103
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
А.ЛЕГРАН. – Звериная морда французского фашизма.....	106
П.АРНОТ. – Фашистский цербер и английское правительство.....	109
БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРОЦКИЗМОМ	
АНТОН. – Троцкизм – смертельный враг народного фронта.....	112

Смена

советский, а затем — российский иллюстрированный популярный гуманитарный журнал с сильными литературными традициями. Основанный в 1924 году, он был самым массовым молодёжным журналом Советского Союза. К концу 1980-х годов тираж «Смены» достигал более трёх миллионов экземпляров.

«Смена» была основана решением ЦК РКСМ как «двухнедельный журнал рабочей молодёжи». Обложки первых номеров оформлены известным советским художником, основоположником конструктивизма Александром Родченко.

С момента основания в журнале существует литературный раздел, в котором выходили премьерные публикации книг, становившихся позже бестселлерами. Информационно-публицистический раздел в советское время выполнял в основном пропагандистскую роль, однако с середины 1980-х годов, когда главным редактором был Альберт Лиханов, журнал стал поднимать темы, ранее считавшиеся запретными (рок-музыка, молодёжные субкультуры, борьба с бюрократией и т. п.).

С 1990 года из-за того, что в СССР не было типографских мощностей для производства резко выросшего тиража журнала (3 500 000 экз.), «Смена» стала «толстой» и ежемесячной (до этого выходила два раза в месяц). Однако не изменила себе в главном: нравственность и интеллигентность, высокий художественный вкус всегда остаются визитной карточкой издания. В наше время журнал «Смена» для многих и многих своих читателей — любимое семейное издание и как это ни парадоксально звучит, за журналом и сегодня в библиотеках очереди. Острюжетные романы и повести, рассказы и стихи лучших отечественных и зарубежных писателей, актуальная публицистика, очерки и культурологические статьи — всё это характерно для «Смены» как издания с ярко выраженной творческой позицией: быть востребованной, но не работать на потребу.

В двадцатые годы именно в «Смене» появились первые рассказы Михаила Шолохова и Александра Грина, стихи Владимира Маяковского. В тридцатых годах на страницах «Смены» опубликовали свои первые произведения Константин Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев. Были напечатаны отрывок из нового романа Алексея Толстого «Пётр I» и его сказка «Приключения Буратино», один из последних рассказов Николая Островского «Восстание», отрывки из романа Юрия Тынянова «Пушкин», очерк Михаила Зощенко, новые рассказы Максима Горького и Константина Паустовского, очерки и рассказы Андрея Платонова.

В послевоенные годы на страницах «Смены» публиковался отрывок из романа «Молодая гвардия» Александра Фадеева, прошла первая публикация Виктора Астафьева, а также рассказ ещё не известного в СССР Станислава Лема «Проверка лояльности». С началом так называемой «оттепели» дебютировали Юрий Бондарев, Владимир Солоухин, Юрий Нагибин, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский. В 1959 году был опубликован первый роман братьев Аркадия и Георгия Вайнеров — «Двое среди людей». В 1965 году вышли роман Вадима Кожевникова «Щит и меч» и первый рассказ Кира Булычева. В 1975 году на страницах «Смены» появился роман братьев Вайнеров «Эра милосердия». В 80-х годах Валентин Пикуль выступил с рассказом «Железные чётки». В 1990-х опубликованы новые рассказы Виктора Астафьева и Юрия Нагибина, произведения Александра Зиновьева, Льва Аннинского, Игоря Золотусского, Владимира Максимова, Юлиана Семенова, братьев Стругацких, «Сын человеческий» Александра Меня.

В новом тысячелетии «Смена» предоставляла свои страницы Светлане Алексиевич, Александру Аннину, Алексею Атееву, Алексею Варламову, Николаю Дмитриеву, Юрию Дружникову, Андрею Дышеву, Михаилу Еськову, Андрею Ильину, Анатолию Курчаткину, Анне и Сергею Литвиновым, Елене Логуновой, Андрею Молчанову, Юрию Полякову, Михаилу Попову, Ирине Путяевой, Татьяне Смертиной, Олегу Суворову,

Виктории Токаревой, Алексею Борычеву, Владимиру Трапезникову, Николаю Черкашину, Андрею Шацкову и многим, многим другим авторам.

В разные годы авторами журнала были: Белла Ахмадулина, Ираклий Абашидзе, Сергей Абрамов, Чингиз Айтматов, Михаил Андреев, Лев Аннинский, Исаак Бабель, Георгий Баженов, Григорий Бакланов, Василий Белов, Леонид Бежин, Владимир Богомолов, Василь Быков, Константин Ваншенкин, Андрей Вознесенский, Сергей Высоцкий, Расул Гамзатов, Анна Гедымин, Сергей Гончаренко, Юрий Гречко, Лидия Григорьева, Андрей Дементьев, Николай Добронравов, Евгений Долматовский, Михаил Дудин, Тимур Зульфикаров, Анатолий Иванов, Сергей Иванов, Фазиль Искандер, Александр Казанцев, Вениамин Каверин, Владимир Карпов, Пётр Кириченко, Юрий Кобрин, Вячеслав Кондратьев, Владимир Костров, Лев Котюков, Юрий Кузнецов, Марина Кудимова, Альберт Лиханов, Николай Леонов, Виль Липатов, Леонид Лиходеев, Елена Логунова, Игорь Ляпин, Михаил Львов, Михаил Матусовский, Эдуардас Межелайтис, Валерий Митрохин, Владимир Некляев, Лев Озеров, Борис Олейник, Борис Пильняк, Борис Можжаев, Олеся Николаева, Евгений Носов, Лев Ошанин, Валерий Поволяев, Анатолий Приставкин, Виктор Пронин, Пётр Проскурин, Александр Проханов, Анатолий Пишеничный, Валентин Распутин, Эдвард Радзинский, Борис Рябухин, Святослав Рыбас, Михаил Светлов, Константин Симонов, Сергей Смирнов, Валентин Сорокин, Лариса Тараканова, Александр Твардовский, Юрий Трифонов, Николай Тряпкин, Дмитрий Фурманов, Сергей Устинов, Владимир Цыбин, Валерий Хайрюзов, Борис Чичибабин, Феликс Чуев, Олег Шестинский, Виктор Шкловский, Василий Шукшин, Илья Эренбург, Андрей Яхонтов...

А также более молодые Светлана Сёмина, Иван Алексеев, Сергей Тютюнник, Андрей Ильин, Анастасия Гостева, Михаил Занадворнов, Маргарита Мысина, Анна Малышева, Иосиф Гольман, Александр Андрюхин, Александр Экиштейн. Все они сегодня — признанные мастера прозы и поэзии.

На протяжении многих лет авторами замечательных исторических очерков являются Светлана Бестужева-Лада, Евгения Белогорцева, Алла Зубкова, Ирина Опимах, Денис Логинов, Виктор Ом, Сергей Мануков. Сейчас на страницах издания — интервью с деятелями искусства (театра, кино), исторические очерки, анализ событий культурной и общественной жизни, материалы просветительского характера. В литературной секции представлены классические зарубежные и отечественные детективы, малоизвестная проза писателей «серебряного века» русской литературы, рассказы современных авторов.

В. Муралевич. Необычайные отцы

Вот морской еж: его отец - порошки: танин и щелочь. Когда-то Ив-Делаж заставил его развиться из яйца этими порошками. Вот личинка другого морского ежа; ученый - Купель-визер тоже получил ее из яйца, но при помощи семени... ракушки, а не морского ежа. Вот вам еще безродные: головастики лягушки. Их отец - укол булавки в руках Батайона. А вот - шелковичные бабочки - видите целых четыре штуки? У одной отец - искра электрической машины, у другой - капля серной кислоты; у третьей - зубная щетка; а у этой - мамаша вот та крупная бабочка с блестящим крылом, которая принесла мне однажды целых двести пятьдесят штук яичек, ни разу не встретившись с самцом. Ее отец - мороз... Мороз? - И только? Ничего не понимаю.

- И я не понимал... Но слушайте дальше.

- Известно ли вам, что почти каждое животное происходит из яйца? И что из этого яйца у большинства животных может развиваться новое существо только после того, как в яйцо проникнет семенчатка самца? И вот: каким образом семенчатка может заставить яйцо развиваться, - до сих пор было тайной. Такой же тайной, как и вопрос о возникновении всей жизни. А теперь эта тайна раскрыта. Она сведена без остатка к физико-химическим процессам - раз и навсегда. Эта тайна оплодотворения также проста,

как получение вот этого куска медного купороса: капните серной кислоты в щепотку медных опилок и вы завтра же получите в вашем стаканчике чудные кристаллы лучшего медного купороса, синие, как небо Италии.

- Но ведь это же - яйца животных. Ведь это - настоящее чудо?

- Никакого чуда...

- Уже в 1885 году русский зоолог А. А. Тихомиров получал шелковичных бабочек из грены с помощью одного только трения, электрического разряда, зубной щетки, одного примораживания яиц. В свое время другим удалось заставить развиваться неоплодотворенные яйца морского ежа простой подсоленной морской водой. Вы видите - все простые физические воздействия.

Однако, все личинки из таких яиц, начиная развиваться, быстро погибали: никакими усилиями не удавалось довести их до взрослого состояния, как это удавалось Делажу. Но, наконец, - вот рассмотрите этот рисунок.

- Вы решили открыть тайну развития?

- Я решил приступить... к микроскопическому исследованию яйца. Вот видите: это неоплодотворенное яйцо, это оплодотворенное. Они отличаются...

- Тем, что на оплодотворенном яйце появляется тончайшая оболочка, которой нет на неоплодотворенном?

- Совершенно верно. Вся тайна - в природе этой оболочки.

- Но каким же образом? Каким?

- Эту оболочку на яйце делает семенчатка: как только она проникает в яйцо, на нем появляется оболочка. Если этой оболочки не получается, - яйцо гибнет; есть оболочка - и яйцо развивается.

- Теперь скажите - для развития яйца достаточно вызвать образование этой оболочки, и только?

Да, и только. Яйца держали всего одну-две минуты в морской воде, к которой прибавлено немного масляной кислоты и когда потом переносили их в чистую морскую воду, на всех них получалась совершенно такая же оболочка, как если бы в яйцо проникла семенчатка.

И яйца затем развивались до конца, как оплодотворенные.

- Но при чем же тут масляная оболочка?

- Смотрите дальше на эти рисунки. Вы видите, что у неоплодотворенного яйца оболочки нет, но зато вместо нее есть особый корковый слой. Он должен быть разрушен, прежде чем яйцо получит способность развиваться.

- И все открытие состоит в том, что найден способ разрушить этот корковый слой?

- Нет. Открытие состоит в том, что безразлично, каким способом будет разрушен этот корковый слой. Это может сделать и семенчатка, а может - и встряхивание, и укол простой булавкой, и капля чужой крови, и электрический разряд, и простое замораживание. Ну, а какова же тогда роль семенчатки?

Она одна делает то, что морская вода и масляная кислота только вдвоем. Вы понимаете, что для развития яиц нужна была подсоленная морская вода и масляная кислота. Так семенчатка и вносит в яйцо два вещества: одно - действует, как масляная кислота и растворяет корковый слой неоплодотворенного яйца, но зато одевает яйцо оболочкой; другое - действует, как подсоленная вода - и делает возможным его развитие...

- Но каким же образом разрушение коркового слоя может вызвать развитие яйца?

- По-видимому, очень просто: корковый слой мешает яйцу дышать. Ведь через него кислород, кажется, не проникает. Ученые рассчитали, что оплодотворение, которое разрушает корковый слой, увеличивает усвоение кислорода в пять-шесть раз. После этого яйцу, значит, дышится в пять или шесть раз легче и оттого оно и начинает бурно развиваться до самого взрослого состояния...

- И только?

- Только... Никакой тайны развития нет. Таинственное свойство живого существа - «размножаться» - целиком сводится к простой физике и химии. И это не фантазия. Это - опыты самых точных лабораторий Европы и Америки. Нужны для этого «дух», «жизненная сила», «провидение» и «творец»? Творец, мой друг, - это вы, человек, с костями и мясом. А прочее - все мистика и гиль.

Да - странная коллекция... кристаллы, которые растут, как живые и движутся, как черви. Взрослые животные, у которых никогда не было отца... Отец - мороз, зубная щетка, капля кислоты... А где же «дух»? Что-ж он такое?

- Ничего. Его не существует.¹⁴²

Р. Роман. Мода

Руководство для Дэнди комсомольского возраста

Вступление

ОДИН несознательный человек сказал: что такое мода? - Дарвинизм. Она доказывает, что человек происходит от обезьяны.

Уважаемые товарищи, пренебрегите этим несознательным человеком и поверьте, что мода - ключи счастья - она открывает человеческие сердца. В самом деле, разве вам не приходилось наблюдать, как брюки - «доле» делают человека секретарем треста, как роговые очки придают человеку вес и активность или как ботинки «шимми» соединяют любящие сердца?

1. Краткая история моды

Мода существовала еще в незапамятные времена и даже в недавно найденном окаменелом мозгу доисторического человека обнаружена извилина моды.

Мода в те времена была довольно примитивна, но она все - таки существовала, и если какой - нибудь общепризнанный доисторический модник продевал в ноздрю берцовую кость ихтиозавра и завтракал филеом, вырезанным из любимой тетки, то на следующий день все его единоплеменники следовали его примеру громадным рвением и прилежанием.

С течением времени мода усовершенствовалась, ихтиозавры были изведены до конца, любимые тетки стали под защиту закона, мода усложнилась и стала утонченнее.

Однако, мода отнюдь не собиралась умирать. Были даже мученики моды. Так, например, египетская царица Клеопатра ввела обычай завтракать жемчужинами, растворенными в уксусе. Было очень кисло и мало питательно, но зато модно...

В настоящее время мода создается не самой буржуазией, а специальным аппаратом. Буржуазия является в настоящее время даже страдающим лицом. В самом деле, как не пожалеть жену какого - нибудь фабриканта, которой вшивают в веки ресницы из конского хвоста или сдирают заживо кожу, чтобы заменить ее поросычьей.

Моду в настоящее время создают так называемые «жрицы любви» (псевдоним проституток). Париж - вот мировой центр моды, и великосветские парижские проститутки - глашатаи ее.

2. Основные правила модницы

1. Женщина, плюнь на свое телосложение. Если существует мода на короткие юбки, так обнаруживай свои кривые и толстые ноги без страха и сомненья.

2. Плюнь, женщина, на природу - она дура. Крась свои губы в яркие и радостные цвета. Пусть пугаются лошади - скоро они будут заменены автомобилями, и ты будешь, таким образом, двигателем прогресса.

3. Крась свои щеки, женщина, - не является ли их густо штукатуреный вид прообразом нашего строительства.

4. Не обращай внимания на чистоту шеи, на это никакой моды не существует. Но следи за тем, чтобы пудра не сходила с твоего носа.

5. Пусть смеются над твоими худыми обнаженными плечами. Будь горда - сознанием, что твое декольте ни на миллиметр не меньше, чем у подружки из любого западноевропейского публичного дома.

6. Пусть ты не будешь в состоянии двигаться в модной юбке - мода вовсе не должна приспособливаться к таким прозаическим вещам, как удобство или неудобство одежды.

3. Основные правила модника

1. Лучше носить модные брюки, чем чистые носки, так как запах чувствуют лишь ближние, а фасон брюк увидят все.

2. Для того, чтобы быть красивым, следует страдать. Смело надевай на застарелые мозоли модные ботинки и при этом улыбайся так, как - будто ты в этих ботинках родился.

3. Близорукость, как и все в мире - относительна. Никто не интересуется номером твоих роговых очков. Но если лицо твое от природы глупо - роговые очки придадут тебе недостающий ум.

4. Курильщиком ты можешь и не быть, иметь же трубку ты обязан.

5. Изысканность в одежде вовсе не влияет на рост наличности кассы твоего учреждения. Наличность может и уменьшиться. Это твое частное дело.

Заключение

Это краткое руководство намечает лишь основные вехи, оно не претендует на исчерпывающую полноту. Надеюсь, что сами модники сумеют дополнить это руководство. Я буду им только благ дарен.¹⁴³

Л. В. Братья во Христе

Молельни у баптистов мало приметны с виду. В деревнях баптистские общины нороят свои молитвенные дома приютить где-нибудь на выселках, на отшибе; в городах и в рабочих поселках - на окраинах, в одноэтажных хибарках, во флигельках, - словом, подальше от посторонних взоров...

Столь же невзрачно и внутреннее убранство баптистских молитвенных домов. Стол, несколько рядов скамей или стульев, бак с водой у входной двери, шкаф с религиозной литературой и музыкальными инструментами, редко фисгармония или пианино. На стенах висит лишь несколько плакатов, написанных от руки: «Царство божие - внутри нас», «При-идите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас», «Евангелие - наша крепость» и т. д. Иногда в виде плаката вывешен узорчато разрисованный листик со строфой из стихотворения:

«Твердой верой в дни неверья

Божий стан огородим;

Яд сомнений, маловерья

До конца искореним».

Как видим, отличие баптистских молелен от раззолоченных православных и католических храмов разительное. Здесь нет ни размалеванных иконостасов, ни театрализованных подмостков - амвонов и клиросов, ни прочей сверкающей бутафории. Проповедники у баптистов не рядятся в странные одеяния, как попы в церквах, и не возглашают на непонятном языке нелепые заклинания. Театральные службы заменены

упрощенными беседами с верующими. Даже музыка, и та утратила у баптистов специфическое церковное звучание.

В обиход введены популярные душещипательные песенки совершенно светского характера, вроде романсов «У камина», «Кирпичики» и пр. Лишь слова подобраны к этим романсам иные, «божественные». Со свойственной им беззастенчивостью баптисты используют в своей работе даже революционные песни.

Надо признать, что по части тонкого приспособления, змеиной изворотливости баптисты не знают себе равных в христианстве.

За две тысячи лет христианство порядком износилось и покрылось заплатами. Эпохи оставляли свои следы на этом «божественном» учении, как геологические эры - на профиле земли. Господствующие классы перерабатывали христианскую религию в соответствии со своими интересами.

Соответственно видоизменялся и самый облик Христа.

«Царь царей и господь господствующих», небесный монарх-самодержец в короне, порфире и виссоне, восседающий на заоблачном престоле, в окружении «придворных» архангелов, серафимов и херувимов, - вот тип Христа, изображаемый православной церковью или католицизмом.

Совсем иной образ бога пропагандируют протестантские церкви. Их Христос - это, прежде всего «добрый пастырь», порядочный и заботливый отец буржуазной семьи. Богослов Гарвардского университета Пибоди учит, что «Иисус был джентльменом. Он помогает богатым творить выгодный «бизнес», а бедных учит смиряться со своим положением». Христос - шеф «бизнеса», Христос, во фраке и лакированных штиблетах благословляющий биржу, - таков новый облик модернизированного, буржуазного бога. Один японский миссионерский журнал опубликовал весьма любопытную молитву «христиан - владельцев военных заводов». В этой молитве говорится: «Господи, сделай так, чтобы наша военная промышленность развивалась и преуспевала, чтобы прибыль наша росла с каждым днем. Для того чтобы возникла война, мы не пожалеем никаких жертв. В войне - счастье. Аминь».

Но «реконструкция» образа Христа этим не закончилась.

Баптизм, возникший еще в XVII веке как течение в христианстве, но развившийся лишь в прошлом веке, подновил этот образ, подчистил, припомадил.

Баптисты не выдают своего боженьку за «царя царей» или за верховного шефа «бизнеса», наоборот: баптисты подчеркивают, что Христов - де сам был тружеником и пролетарием по происхождению (сын плотника!), что он был вожаком бедноты, и т. д.

Такая новейшая трансформация мифического Христа создала сектантству, в том числе и баптизму, известную популярность в тех слоях верующих людей, которые разочаровались в православии или в католицизме, но не распростились с религией вообще. «Демократичность» баптизма привлекала к нему верующих из числа тружеников, которые справедливо видели в официальных церквях грубую полицейскую агентуру. Тунеядство священников и монахов, откровенная связь казенной церкви с эксплуататорскими классами вызывали протест даже со стороны самих верующих и создавали благоприятную почву для развития сектантства.

Во второй половине XIX века баптизм получил мировое распространение, главным образом среди мелкобуржуазных и отсталых пролетарских слоев в США, Англии, Бельгии, Дании. В Америке в 1880 году было 2,6 миллиона баптистов, а к началу XX века число их превысило 8,5 миллиона. Сейчас баптисты занимают в США по количеству общин первенствующее место. В Европе баптистов насчитывается около 2 миллионов. Кроме того, баптисты ведут миссионерскую работу в колониальных и полуколониальных странах. Баптистские миссии есть на Цейлоне, в Австралии, Вест-Индии, Индии, Конго, на Филиппинах, в Африке (Нигерия) и в других местах. Объединяются баптисты в свой мировой союз, располагающий значительными средствами.

В России в 80-х годах прошлого века возникли баптистские общины в 30 губерниях, причем городские общины состояли из ремесленников, извозчиков, мелких торговцев и частично из рабочих - текстильщиков, железнодорожников, строителей и др. В 1884 году в одном из сел на Украине состоялся съезд баптистов России и был учрежден «Российский баптистский союз». Этот союз существует до сих пор. Распространен баптизм в центральных районах РСФСР, Поволжье, Сибири, на Украине, Северном Кавказе и Дальнем Востоке.

Основой баптизма является евангельское учение. Опираясь на евангелие, баптисты заявляют, что они «приняли Христа как своего господа и осуществляют в жизни его законы любви». Каковы же эти баптистские «законы любви»? Баптисты проповедуют любовь к людям без различия их классовой принадлежности. «Все люди - братья», - утверждают они, а стало быть, и к врагам - обидчикам, насильникам, эксплуататорам - надо относиться любовно, по-братски. Не надо бороться против зла, насилия, эксплуатации, а следует покоряться своей судьбе: «Терпите, за терпение бог дает спасение». Нужда, страдание не являются злом, учит баптизм: они облагораживают человека, соединяют его с богом, в то время как счастье и материальное благополучие отвлекают человека от бога. Чем хуже тебе живется в земном мире, тем лучше тебе будет в мире загробном. «Земные блага - это тлен, - заявляют сектанты, - для духа нет им цен». акая проповедь баптистов как нельзя более на руку буржуазному обществу и его правящим классам. Непротивление злу, отказ от классовой борьбы, примирение с капиталистическими порядками - весь этот христианский «символ веры» крайне выгоден собственникам и эксплуататорам, так как он разлагает сознание труженика, деморализует его классовую волю и революционную энергию.

Не даром баптизм находится под высоким покровительством крупнейших капиталистов мира. Во главе Всемирного союза баптистов стоят нефтяной король США Рокфеллер, известный заводчик Генри Форд и Грин, бывший председатель американской федерации труда - предательской реформистской организации... В Англии баптистов возглавляет Ллойд-Джордж, в недавнем прошлом организатор интервенции против нашей родины. К этим «братьям во христе» относятся и некоторые японские капиталисты, вроде банкиров из Чосен-банка. Капиталисты вкладывают в дело пропаганды баптизма огромные средства. Достаточно вспомнить, что в 1926 году, по данным «The World's Work», на содержание баптистских молелен и других учреждений было израсходовано ни много, ни мало - миллиард триста миллионов рублей. Капиталисты, как известно, - народ практический и на бесполезное для себя дело ломаного гроша не дали бы. Надо думать, что такие щедрые ассигнования «братьям во христе» окупаются преданностью баптистских проповедников, активной их деятельностью.

Баптисты любят говорить, что они так же, как и революционеры, подвергались гонениям при царизме. Но сектанты преследовались царизмом не за их революционную деятельность, которой они никогда не вели, а как конкуренты господствовавшей православной церкви. Политически же баптисты были более чем лояльны к царизму. В октябре 1905 года вожди баптистов, испуганные волной революции, выпустили в Севастополе «политическую платформу союза свободы, правды и миролюбия». Это была откровенно монархическая, контрреволюционная программа. Баптисты ходатайствовали перед царем, чтобы тот принял «решительные меры для искоренения неисправимо злых революционеров». В 1914 году «миролюбивые братья» опубликовали в журнале «Гость» свое заявление о готовности защищать царя и отечество до победного конца. По случаю объявления войны они устроили, на манер черносотенцев, патриотическую манифестацию в Петрограде. Непротивленцы злу - баптисты участвовали с оружием в руках в империалистической войне. Но зато сразу же после установления советской власти русские баптисты «вспомнили» о своем «непротивленчестве» и заявили, что Христос не позволяет им братья за оружие в защиту завоеваний революции, так как, дескать, «поднявший меч от меча и погибнет». Антисоветский характер такого баптистского

лицемерия не нуждается в пояснениях. Надо сказать, что колчаковским бандам и японским интервентам баптисты во все годы гражданской войны помогали самым активным образом.

В 1923 году в Стокгольме состоялся третий всемирный конгресс баптистов. На этом конгрессе участвовали и русские баптисты. Конгресс обратился ко всем христианам мира с «декларацией баптистских принципов и намеченных целей». Эта декларация - откровенная защита буржуазных общественных отношений.

Особенно интересен раздел декларации, носящий название «Христианское отношение к имуществу». Как и подобает матерым притворщикам и лицемерам, баптисты замаскировали настоящий смысл своего отношения к имуществу всякими елейными словами. Написано: «Частная собственность христианина является собственностью божией, и распоряжаться ею христианин должен по воле божьей». Что следует из этой туманной фразы? Во-первых, что частная собственность - не только не зло, но, наоборот, благо, освященное богом, подаренное богом человеку. Каждый фабрикант, купец, кулак пользуется, стало быть, своим именем, фабрикой, товарами как милостью божией. Во-вторых, никто, кроме бога, не смеет посягать на частную собственность. Бог по своей милости даровал капиталисту фабрику, помещику - имение. Кто же посягает на это имение, стремится его отобрать из рук эксплуататора, - тот, дескать, посягает на волю божью, на его промысел и его распоряжение, тот, следовательно, нарушает установленный богом порядок. В Советской стране имения и фабрики отобраны у эксплуататоров, стали достоянием народа, - стало быть, в Советской стране нарушен «божий порядок»!

Вот что получается, если распутать хитроумные сектантские сплетения, если сорвать елейную маску с баптистской физиономии!

Смирные радетели божьего, то бишь, буржуазного, «порядка» за двадцать лет социалистической революции делали и делают все, чтобы ослабить мощь нашей страны, подорвать благополучие народа и похитить его счастье, добытое в жестокой борьбе с врагами трудящихся.

Баптисты использовали все трудности, даже стихийные бедствия для антисоветской агитации. Они выступали как вредители на заводах и фабриках, как противники колхозного строя и расхитители общественного достояния. В годы коллективизации баптизм был оплотом контрреволюционного кулачества.

Особенно большой вред наносят баптисты делу материалистического, коммунистического просвещения молодежи.

Распространители невежества, противники разума и знания, баптисты убеждают свою сектантскую молодежь во вреде материализма как мировоззрения. Их излюбленное утверждение гласит, что «материализм является ложным течением человеческой мысли, ибо из материалистического понимания не может вытекать высоконравственного руководства». Себя они называют светочем среди тьмы, так как им, дескать, единственно доступны высокие, нравственные истины. Своей якобы высокой нравственностью баптисты чрезвычайно гордятся.

Строгие «моральные каноны» - главная приманка баптистов, их главный козырь при вовлечении в секту женщин и молодежи. Нельзя не признать, что эта приманка действует подчас успешно. Малокультурных, отсталых женщин, порой измученных разными бытовыми невзгодами - пьянством мужа и т. д., - сектантские показательные добродетели прельщают: у них-де и вежливое обращение, и внимательный подход, и трезвая, приятная обстановка в общине... В результате община пополняется новой «сестрой во христе». Для упрочения своего влияния на женщин баптистские вожаки организуют в молитвенных домах кружки рукоделия, кройки и шитья, проводят разные благотворительные затеи (помощь вдовам-сектанткам и пр.).

Искусно маневрируя, приспособляются баптисты и к интересам молодежи. Для молодежи они организуют «девичьи библейские кружки», музыкальные кружки, группы любителей хорового пения, спортивные состязания... Молодежь вербуют исподволь, в

особенности рабочую. Внимательно приглядываются к облюбованной жертве. Сразу существо сектантского учения не раскрывают, а стараются соблазнить культурническими приманками, мелкой услугой в тяжелую минуту. Чтобы установить связь, посылают своих молодых проповедников в места, где сосредоточено много молодежи и где в то же время плохо работает комсомольская организация.

Настоящую цену сектантским «добродетелям» можно определить не по их провокационно ловким вербовочным маневрам, а по всему духу их учения и их затхлого сектантского быта. Под лицемерной маской святости и «чистоты души» культивируется беззастенчивая ложь, обман своей же паствы, предательство интересов верующих-трудящихся. Хороша «добродетель», когда сами же проповедники оказываются расхитителями и ворами общественного имущества, убийцами, диверсантами и изменниками родины!

Капиталистическое окружение неизменно использует баптизм (так же, как и другие религиозные объединения) в качестве своей агентуры в Стране советов. В 1929 году в Белоруссии была раскрыта шпионская шайка баптистов. Шпионы-баптисты были завербованы польской контрразведкой из числа слушателей богословского института баптистов в Филадельфии (в США). Из Америки шпионы были доставлены в Англию, а оттуда они пытались проникнуть под видом проповедников («благвестников») в СССР. Когда же советское полпредство в Англии отказало «благвестникам» в визах на вези в СССР, контрразведки заинтересованных государств переправили их по одному в Данциг, а оттуда - в Польшу и нелегальным путем, поодиночке, - в СССР. Поселившись нелегально в СССР, «благвестник» Поляков и его подручные принялись за вредительскую деятельность и шпионаж; сведения иностранным контрразведкам они доставляли через легальных верховодов белорусских баптистов Чеберука, Дрозда, Юржица и Аксючица - махровых контрреволюционеров. Любопытно, что связь иностранной контрразведки с белорусскими баптистами-шпионами держал католический ксендз Жебровский. Перед лицом общих «дружественных» антисоветских задач исконная вражда между католиками и баптистами была, видимо, забыта!

Примерно такого же рода шпионская организация баптистов была раскрыта в 1929 - 1930 годах и на Украине. Во главе ее стоял пресвитер Волинского объединения баптистов Шевчук. Шпионская сеть баптистов была широко раскинута. Шевчук и его помощники были связаны с баптистами-шпионами Шепетовщины, Киевщины, Донбасса. В шпионскую деятельность были втянуты и баптисты, служившие по призыву в Красной армии. Офицеры польской контрразведки передавали Шевчуку антисоветскую литературу, средства на содержание всей его банды и контрабандные товары, а взамен получали рапорты о произведенных диверсионных актах и шпионские сведения для 2-го отдела польского генерального штаба.

Вообще заинтересованные круги буржуазных стран не скупятся на подготовку «доверенных кадров» из числа баптистов СССР. Большую заинтересованность в баптистском движении в СССР обнаруживают, в частности, японские военные разведывательные круги.

Не все рядовые баптисты, в особенности сектантская молодежь, представляют себе действительное лицо этой вредоноснейшей секты, которая, как и любое религиозное течение, прямо враждебна интересам трудового народа. Но как «благвестники», проповедники, пресвитеры баптистов ни стараются сейчас в целях самосохранения облечься в защитные одежды «сторонников социализма», им не прикрыть реакционного существа своего учения и своих антисоветских деяний!¹⁴⁴

Лев Александров. Страна-гарнизон. Культ насилия и жестокости

Капралы сбили рекрута с ног и стали топтать его тяжелыми, коваными башмаками.
– Тут тебе не детский сад! – басил бородатый Микки из Хайфы, стараясь ударить рекрута в живот.

— Мы из тебя всю дурь выьем! – злорадно добавил Йехошуа из Беэр-Шевы. – Армии Израиля нужны закаленные парни, сопляк!

— Фашисты! Фашисты! – хрипел рекрут, теряя сознание.

...С переломами рук и ног и тяжелыми повреждениями внутренних органов 19-летний рекрут Борис Коган, недавно прибывший в Израиль переселенец, поступил в госпиталь Билинсон на излечение.

Благодаря содействию одной из медсестер госпиталя, которая из благоразумной осторожности пожелала остаться неизвестной, Когану удалось передать родным записку.

Обычный метод посылки почтой исключался: вся корреспонденция в Израиле проходит цензуру управления общественной информации при бюро военной разведки АМАН. Однако записка была прочитана отцом Когана, когда Борис уже скончался от полученных побоев...

Командование израильской армии сумело замять это преступление, которое так не вяжется с утверждениями глянцевиных армейских рекламных проспектов, будто Силы обороны Израиля – это армия народа, армия всех граждан страны. И только на страницах израильской газеты «Джерузалем пост» 21 июля 1975 года появилась небольшая заметка, сообщающая, что в «цахал» – так сокращенно именуется израильская армия – имеют место случаи «дурного обращения» с рекрутами...

Это было, очевидно, первое официальное сообщение (ибо «Джерузалем пост» не без оснований считают рупором правительства Израиля) о положении в «цахал», выходящее за рамки обычных славословий относительно «исключительного демократизма», «высоких моральных устоев» и тому подобных хвалебных эпитетов в адрес военщины сионизма.

В Израиле культивируется миф об особо высоких боевых качествах израильской армии. Этот миф усиленно раздувается просионистски настроенными трубадурами тель-авивских агрессоров на Западе. Доброхоты сионизма утверждают, будто «цахал» свойственны особая монолитность и исключительный боевой дух. Французская газета «Орор» (собственность миллионера Буссака, который связан с сионистами), например, поместила статью некоего Гольдштейна, побивающую многие рекорды низкопоклонства перед экспансионистами Тель-Авива. Без тени сомнения Гольдштейн утверждает, будто по своей боевой мощи «цахал» может считаться в первой десятке лучших армий мира!

Однако на деле подобные утверждения далеки от действительности. Они представляют собой лишь составную часть изощренной психологической войны, которую ведут международный сионизм и израильские экспансионисты. Цель этой войны – запугать арабские народы, парализовать их волю к борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Израиль – классовое капиталистическое государство, официальной идеологией которого является сионизм – националистическая расистская система взглядов, во многом схожая с идеологией фашизма. Израиль представляет собой ударную силу мировой реакции на Арабском Востоке, направленную против национально-освободительного движения народов этого района, на захват месторождений нефти в арабских странах, на установление неокOLONIALИСТСКОГО господства в странах Азии и Африки.

Израильское правительство соответствующим образом организует подготовку исполнителей этих предначертаний – рядового и командного состава «цахал». А точнее говоря, всего способного носить оружие населения страны. Ибо усилиями сионистского правительства Тель-Авива Израиль превращен сейчас в сплошной военный лагерь.

...Мэрион Террис, молодая домохозяйка из города Реховот, пришла на обследование в местную больницу. И в ужасе зажала уши: из операционной неслись дикие вопли.

— Оказывается, врачи действовали без анестезии! – пишет Мэрион Террис на страницах израильской газеты «Давар». – Я не представляла себе, что такое может быть в XX веке!

— Да, приходится оперировать без наркоза! – раздраженно ответил через газету шеф клиники профессор Дьюи-Коэн. – Нет средств на анестезиолога!

Не правда ли, это сообщение кажется невероятным! Но так оно и есть на самом деле в Израиле, государстве, которое сионистская пропаганда называет землей обетованной...

Операции без анестезии, по живому телу... Но та же «Давар» в своем воскресном приложении с большим пафосом повествует о широких маневрах израильских войск на оккупированной арабской территории, похваляясь, что артиллерийский парк армии за прошедшие два года увеличился на 80 процентов...

Да, на вооружение в Израиле денег не жалеют: 49 процентов государственного бюджета, 3 миллиарда 700 миллионов долларов запланировано израсходовать на пушки, танки, самолеты правительством И. Рабина в текущем финансовом году! Добавьте к этому заявку, направленную США, на поставки сверхсовременного американского вооружения на сумму в 1,8 миллиарда долларов!

Военный психоз постоянно нагнетается.

лицы городов Израиля заклеены плакатами министерства труда, которые призывают домохозяйек поступать на 100 – 200-часовые курсы для овладения рабочими профессиями на случай войны, чтобы заменить на заводах мужчин-резервистов.

На границах с Сирией и Иорданией по инициативе военного министра Ш. Переса созданы боевые отряды из инвалидов и стариков в возрасте до 70 лет. Есть батареи 105 мм орудий, обслуживаемые исключительно седобородыми воинами.

Начата своего рода психологическая обработка населения с учетом преобладающего влияния в Израиле религии иудаизма. Газеты на видном месте публикуют предсказания астрологов и раввинов, которые уверяют, будто вскоре начнется запрограммированная библией война Гога и Магога. Приводится даже четкое расписание предстоящих военных действий. Газета «Гаарец» от 5 октября 1975 года, основываясь на выкладках неких Шабтаи Шило и Илана Покара, сообщала: боевые операции начнутся на границах с Сирией и Иорданией. Израиль захватит всю Иорданию и большую часть Сирии, включая Дамаск.

Публикуя эти провокационные материалы, «Гаарец» подчеркивает, что Шило и Покар не болтуны, они, дескать, предсказывали в свое время «трудные дни» для Израиля в октябре 1973 года...

Создается впечатление, что за ширмой разговоров о стремлении к миру на Ближнем Востоке правящие круги Израиля идут на поводу у самых правых сил страны, связанных с сионистскими и милитаристскими кругами, с иностранными монополиями, производящими вооружение.

Чуть ли не каждый день с Ближнего Востока поступают известия о новых разбойных провокациях Израиля против сопредельных арабских государств. Израильские боевые корабли блокируют южное побережье Ливана, военщина Тель-Авива содействует разжиганию братоубийственной войны в Стране кедров. Израильская военщина творит террор на оккупированных арабских землях, агрессоры цепляются за захваченные территории. Упоенный безнаказанностью, Тель-Авив, используя поддержку мировой реакции, продолжает игнорировать требования международной общественности и решения ООН.

Израиль обычно называют самым милитаристским государством нашей планеты, «страной-гарнизона»: действительно, военная подготовка израильтянина начинается буквально со школьной скамьи. Еще только при ступая к разбору по слогам значков иврита, первоклашка заучивает наизусть из библии: «Вот ваша земля, сыны Израиля, от реки Египетской (Нила. – Л. А.) до великой реки, реки Евфрат». В течение восьми лет

учебы израильские школьники 1500 часов изучают «священные книги», с помощью которых детям вдалбливаются «исторические» и идеологические обоснования экспансионистских устремлений сионизма, ненависть к арабам и прочим неевреям, расистские бредни о якобы существующей «исключительности» евреев.

Вооруженные подобной «теоретической» подготовкой, израильские подростки с 14 лет попадают на практическую муштру в батальоны полувоенной организации «гадна», которая имеет военно-морскую и военно-воздушную секции. Юношеский корпус «гадна» находится одновременно в ведении и министерства просвещения и военного министерства. Ежегодно в батальонах «гадна» обработке подвергается до 20 тысяч молодых израильтян.

Молодежь постарше вербуются в организацию «нахал», в которой занятия сельским хозяйством сочетаются с военной и пограничной службой.

Культ насилия и жестокости – составная часть программы обработки молодежи и в организациях «гадна» и «нахал», и в армии Израиля. Эта обработка проводится на государственном уровне, в ней принимают участие даже министры. Выступая перед солдатами, М. Бегин, в бытность свою членом кабинета Г. Меир, прямо призывал: «Вы, израильтяне, не должны быть сердобольными, когда убиваете врага. Вы не должны сочувствовать ему до тех пор, пока мы не уничтожим так называемую арабскую культуру, на развалинах которой мы построим свою собственную цивилизацию!»

Известно, что понимает Бегин под «строительством цивилизации»: именно под его руководством сионисты уничтожили в 1948 году арабскую деревню Деир Ясин, вырезав большинство ее населения, включая женщин и детей...

Милитаризм пронизывает собой все поры политической и духовной жизни израильского общества. «Израильтянин – это солдат, имеющий отпуск 11 месяцев в году, – невесело шутят в Израиле», – отмечал французский журнал «Монд дипломатик». Действительно, как писал в своей книге «Сионизм против Израиля» Натан Вейнсток, роль военщины в общественно-политической жизни Израиля беспрестанно растет. «Армейская элита играет ведущую роль в израильской бюрократии и в управлении промышленностью, – отмечает, в свою очередь, сионистский автор А. Перльмуттер в книге «Военные и политика в Израиле». – Многие из них заняли важные посты в гражданской администрации, особенно в министерстве иностранных дел».

Влияние гарнизонной атмосферы в Израиле чувствуется повсюду, начиная с военного жаргона, который прочно вошел в бытовой язык, в репертуар армейских ансамблей, побеждающих на конкурсах, и кончая переодеванием в одежду военнослужащих детей на традиционном еврейском карнавале – празднике «пурим».

Изоощренной сионистской обработке подвергаются и все иммигранты призывного возраста. В Израиле их направляют в лагеря «нахал» или зачисляют на действительную военную службу. «Для новых иммигрантов, – утверждает израильская пропаганда, – служба в армии является решающим этапом в становлении хорошего гражданина». Иммигранты составляют 15 процентов персонала артчастей; еще более высока доля иммигрантов в танковых войсках. Многие танки и самоходки имеют на борту номерной знак, очерченный белым кругом: это означает, что более половины их команд не коренные израильтяне, а молодые иммигранты. Сотни таких сожженных и разбитых машин можно было увидеть на Голанских высотах и в Синайской пустыне в октябре 1973 года...

Сегодня страницы израильских газет заполнены фотографиями молодых парней. Это «свежие кавалеры»: в Израиле завершается награждение участников октябрьской войны 1973 года. Награды вручает начальник штаба армии «цахал» М. Гур. Лицо генерала на снимках скорбно: зачастую ему приходится смотреть в глаза не воинов, а женщин, стариков и детей, вдов и сирот, безутешных отцов и матерей. Ведь по опубликованным израильскими газетами спискам, до 40 процентов воинских наград были присуждены посмертно...

«Мы, израильтяне, становимся нацией, у которой родители хоронят своих сыновей, нацией калек и вдов!» – заявила член делегации антисионистов Израиля, посетившей недавно СССР, госпожа Фелиция Лангер, известный адвокат.

За шестнадцать дней боев в октябре 1973 года, согласно данным, опубликованным в израильской прессе и, следовательно, прошедшим военную цензуру, «цахал» потеряла 2500 человек убитыми и 7500 человек ранеными. Сравните эти цифры с данными о потерях «цахал» в период тройственной агрессии 1956 года и во время «шестидневной войны»: согласно «Энциклопедии сионизма и Израиля», выпущенной в Нью-Йорке, потери «цахал» убитыми в 1956 году составили 108 человек, а в 1967 году – 1046 человек.

Бесспорно, израильские данные о потерях в этих конфликтах занижены. Но дело не в этом, а в изменении пропорционального соотношения между цифрами – даже официальными – потерь израильской армии.

Людские потери, как следствие агрессивной политики Тель-Авива, возрастают с каждым новым вооруженным конфликтом на Ближнем Востоке не только в геометрической прогрессии. Но и в процентном отношении к численности еврейского населения Израиля, которое за время с 1956 года по 1973 год выросло незначительно – с 2700 тысяч человек до 2960 тысяч человек. В итоге если в 1956 году один убитый на войне приходился на 25 тысяч израильтян, то в 1973 году этот «расклад смерти» составлял одного убитого на 1184 человека...

Меир, будучи премьер-министром, была вынуждена признать: в октябрьской войне 1973 года потери израильтян в процентном отношении к численности населения были выше, чем потери американского экспедиционного корпуса во Вьетнаме! В этом признании Меир содержится и косвенная оценка возросшей боевой мощи арабских армий, сумевших нанести израильской военщине, вооруженной тем же оружием, что и американский корпус во Вьетнаме, тяжелое поражение.

Типичным для израильской армии является широкое использование наемников, что, кстати сказать, всегда было свойственно всем армиям, воюющим за неправо дело.

По египетским данным, перед началом нападения Израиля на арабские страны в 1967 году в Израиль прибыло около тысячи «добровольцев» из США – военных летчиков и штурманов, ранее служивших в американских частях в Европе и на других континентах. Наряду с американскими военнотружущими вербовались и западногерманские граждане.

В дни израильской агрессии в июне 1967 года многие десятки летчиков-наемников из США и ФРГ обеспечили преимущество Израиля в воздухе. По свидетельству одного из них, пилота американской армии Б. Ларссона, опубликованному в шведской газете «Афтонбладет», «в израильских самолетах летали мы, американцы. Всего нас было 192 человека. Официально мы прибыли в Израиль как туристы».

Массовая вербовка наймитов велась также во Франции, Англии, Голландии, Аргентине, Бразилии, ЮАР.

На кровавом счету израильской армии немало «подвигов», сравнимых с преступлениями гитлеровской военщины и американской солдатни во Вьетнаме. Пиратские акты агрессии против сопредельных арабских государств, пытки пленных, убийства раненых, уничтожение мирных граждан на оккупированных территориях, грабеж, разбой и насилие, динамит и бульдозеры против лагерей беженцев – так применяют на практике полученные знания по «теории» сионизма израильские солдаты и поселенцы «нахал».

Естественно, что армия расистов и агрессоров, воспитанная на принципах ненависти ко всему человечеству, не может длительное время сохранять высокие боевые качества и начинает гнить, морально разлагаться. Такие признаки уже налицо. В рядах армии Израиля и «нахал» развивается наркомания. «За два года, – сообщала летом 1975 года швейцарская газета «Трибюн де Женев», – число наркоманов в Израиле увеличилось с 50 до 100 тысяч. Наркотики стали проникать даже в армию».

Политика «пушки вместо масла и анестезии» вызывает рост недовольства среди рабочих, служащих, интеллигенции, молодежи, что проявляется в усилении оппозиции милитаристскому курсу правящих кругов Израиля, росте стачечного движения. За последние три года забастовочное движение в стране приобрело весьма внушительный размах.

Недовольство охватило в Израиле даже армию. По примеру призывников США граждане Израиля возвращают повестки о призыве. Молодые израильтяне Р. Лассман, Г. Нейман, И. Якоби заявили: «Мы не желаем служить в захватнической армии, мы не хотим быть угнетателями и причинять другому народу то, что причиняли нашим родителям и предкам».

Гиора Нейман, брошенный в тюрьму за отказ принести военную присягу, сказал, что он намерен провести за решеткой все три года своей военной службы, но не присоединится к «оккупационной армии».

В среде солдат израильской армии растет беспокойство за свое будущее после демобилизации из армии. Как пишет лондонский журнал «Экономист», положение демобилизованных солдат в Израиле крайне тяжелое и «уровень их жизни продолжает падать». Это объясняется тем, что молодые демобилизованные солдаты, устраивающие свою жизнь на «гражданке», с особой остротой ощущают на себе тяжкое бремя военных расходов и налогов. В авангарде этой группы – молодожены. «Молодые мужья в политическом отношении взрывоопасны, как порох, – пишет «Экономист», – поскольку все они – демобилизованные солдаты. Отслужив три года в воинских частях, они хотят сейчас наладить свою жизнь. Во всех крупных городах возникли «группы действия», в которые вошли молодые супружеские пары, и некоторые из них высказываются за самые энергичные меры, такие, как, например, самовольный захват домов, предназначенных для новых иммигрантов».

Не случайно демобилизованные солдаты, признает «Экономист», находятся в рядах антивоенного и антирасистского движения, охватившего ныне Израиль.

Сионистские заправилы Израиля не на шутку опасаются, как бы нынешние выступления трудящихся не стали детонатором серьезных социальных взрывов. Официальный Тель-Авив страшит и то, что социальные конфликты все чаще связываются с требованием покончить с агрессивной внешней политикой Израиля, пойти на мирное урегулирование ближневосточного кризиса, освободить оккупированные арабские территории.

Взросшая способность арабских армий к сопротивлению, опирающаяся на поддержку прогрессивных сил всего мира, показала: не так страшна тель-авивская военная машина, как это пытается представить империалистическая и сионистская пропаганда. Израильским агрессорам и их ландскнехтам неизбежно придется убраться со всех захваченных арабских земель.¹⁴⁵

Трезвость и культура

отечественный журнал. В 1986-1990 году его редактировал Станислав Николаевич Швердин. Под его руководством журнал стал крупнейшим отечественным трезвенническим просветительским проектом XX века.

ТК представлял собой ежемесячный многостраничный полноцветный журнал.

ТК был насыщен традиционными для трезвеннического издания материалами: публикацией программных документов, обсуждением организационных проблем движения, анализом опыта регионов, рекомендациями психологов, обстоятельными историческими экскурсами, характеристиками новых наркотиков и т.д., и т.п.

Антинаркотические плакаты, опубликованные на разворотах ТК, и поныне используют трезвенники России. Журнал знакомил читателей с зарубежным опытом профилактики и лечения алкоголизма. ТК открыла отечественным трезвенникам наиболее крупную трезвенническую организацию мира – ИОГТ.

Личность Шевердина наложила отпечаток на культурологические аспекты журнала. Авторами журнала были выдающиеся представители отечественной интеллигенции: академики Н.Амосов, Д.Лихачев, Т.Мальцев, И.Петрянов-Соколов, Е.Чазов; писатели и поэты: А.Адамович, Ч.Айтматов, С.Алексиевич, С.Гагарин, Р.Ибрагимбеков, С.Михалков, А.Рекемчук, А.Рыбаков, А.Стругацкий, В.Чивилихин, Б.Чичибабин; актеры Д.Банионис, Г.Бурков, Ю.Соломин; музыканты А.Дольский, Д.Кабалевский, Р.Паулс; чемпион мира Г.Каспаров, тренер Т.Тарасова, целители Д.Давиташвилли, В.Дикуль и многие другие. ТК принадлежит честь первой публикации поэмы В.Ерофеева «Москва-Петушки», книги Н.Рериха «Община». В 1987 году из-под фактического запрета была вырвана повесть Джека Лондона «Джон Ячменное Зерно» (в ТК названа «Зеленый Змий»).

Пост главного редактора ТК был единственным из крупных должностей ВДОБТ, который удалось занять трезвеннику с «догорбаческим» стажем. В этом заключалась одна из причин того, что журнал стал единственной развивающейся структурой ВДОБТ. История же ВДОБТ в целом во второй половине 80-х годов – это история прогрессирующего распада.

В течение ряда лет коммерчески состоятельный журнал ТК выступал спонсором ВДОБТ. Из общественного совета редакции и авторского актива журнала сложилось ядро будущей Международной независимой ассоциации трезвости.

От организационных проектов С.Н.Шевердина конца 80-х годов по преобразованию ТК рядом трезвеннических изданий России унаследована двуединая структура: более широкая, популярная газета и специализированное приложение. В период журнально-газетного бума, когда население буквально сметало с прилавков всю печатную продукцию, ТК имело право распространяться только по подписке. Тем не менее, тираж ТК вырос к 1987 году почти до миллиона экземпляров. После отказа КПСС от курса на отрезвление, тираж ТК сократился в 1999 до шестисот с лишним тысяч экземпляров. Затем наступает новый рост и в 1990 журнал насчитывает почти восемьсот тысяч подписчиков, хотя общественное мнение и отвлекают от питейных вопросов такие острейшие проблемы как товарный голод, ликвидация монополии КПСС на власть и прогрессирующий распад Союза ССР.

Журнал находился на подъеме, когда осенью 1990 года совместными усилиями аппарата ВДОБТ и руководства СБНТ С.Н. Шевердин и его сотрудники были отстранены от редактирования ТК. В последующие годы тираж и влияние ТК стремительно упали. (В.Ловчев).

Первая официальная публикация поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» в СССР состоялась в журнале «Трезвость и культура». При выходе поэмы «Москва — Петушки» отдельной книжкой по просьбе автора Венедикта Ерофеева на неё была установлена цена 3 рубля 62 копейки. Именно столько стоила бутылка водки во время написания поэмы.

Ленинский завет

«Они (водка и прочие дурманы) поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму» (Ленин). Мы должны эту ленинскую формулу довести до сознания десятков миллионов рабочих и крестьян.

Мы должны вместе с тем объявить беспощадную борьбу тем, кто игнорирует это ленинское положение и партийную линию.

Партия, допуская продажу алкоголя, была вынуждена сделать это именно потому, что отдавала себе отчет в невозможности бороться с алкоголизмом и с худшими его формами — самогоном, путем только чисто административных мероприятий.

Борьба должна быть объявлена тем кооператорам, которые считают наиболее легким и выгодным для себя занятием увеличивать свои обороты за счет спиртных напитков, и тем финансистам, которые не захотят усвоить, что Советское государство допустило продажу спиртных напитков, как меру временную и доходы от этих напитков считает временными, необычайного свойства, подлежащими замене другими нормальными доходами в возможно кратчайший срок. Борьба нужна и с теми рабочими, которые не считают преступлением перед рабочим классом являться пьяным на производстве, приносить в чайниках спиртные напитки и распивать их на производстве и с некоторыми ответственными руководителями учреждений и предприятий, готовыми всякий торжественный случай использовать, как повод для попойки. Наша борьба будет направлена и против сектантов и «братцев», пользующихся стремлением масс к трезвости для отчуждения трудящихся от советской власти. Церковные ханжи на почве антиалкогольной агитации прививают трудящимся религиозный дурман, а этот дурман по определению Ленина является духовной сивухой для народных масс.

В противовес развивающемуся в нашем Союзе алкоголизму со всеми вытекающими из него отрицательными последствиями, прогулами и понижением производительности труда, ростом преступности и хулиганства на почве пьянства, — выросшим на той же почве гнусным явлениям, вроде Артемовской чубаровщины, Смоленского и Сочинского гнойников и прочими гнусными фактами — начинает подниматься движение наиболее сознательных и культурных слоев рабоче-крестьянских масс, направленное на борьбу с алкоголизмом, как с позорным рабским клеймом старого строя. Начавшись одновременно и в далеком заброшенном Бодайбо (на Лене) и в центре Союза (Москва) движение перебросилось во все районы нашего большого Союза и с каждым месяцем, с каждой неделей все ширится, захватывая новые губернии, уезды, города, фабричные пункты, отдельные фабрики и заводы и, наконец, сельские населенные пункты. Это движение принимает организационное оформление в виде ячеек по борьбе с алкоголизмом, «ячеек трезвости» и обществ по борьбе с алкоголизмом. В одной только Москве за последние месяцы оформилось около 200 ячеек с количеством членов свыше 6.000, главным образом, рабочих крупных фабрик и заводов.

Вместе с тем назревает необходимость иметь не только организованный центр, но и специальный печатный орган, который освещал бы это движение, оформлял бы его и помогал бы руководить им.

Выпускаемый «Обществом борьбы с алкоголизмом» журнал «Трезвость и культура» и должен выполнить эту задачу.

Ставя себе основной задачей борьбу с алкоголизмом, журнал будет увязывать ее и подчинять главной задаче, стоящей перед рабочими и крестьянами нашего союза, — успешному развитию и завершению социалистического строительства, подъему материального и культурного уровня населения нашей страны. Он будет звать в свои ряды воинствующих антиалкоголиков и трезвенников: тех, кто имеет ленинскую закалку (а их не мало и среди беспартийных рабочих и крестьянских масс), кто не боится трудностей, кто хочет довести борьбу с алкоголизмом до конца. А борьба будет длительная и тяжелая. Надо преодолеть силу привычки миллионов людей, являющуюся, по определению Ленина, самой страшной силой. Уничтожить сразу алкоголизм одним только декретом нельзя. Это может сделать лишь многомиллионный отряд рабочих и крестьян; на основе

их усилий советская власть осуществит поставленную ею перед собой цель — полностью уничтожить в СССР потребительское производство и продажу алкогольных напитков.

Широкой агитацией и пропагандой, личным примером, разоблачением (не взирая на лица) вредителей соц. строительства, обретающихся на алкогольном фронте, развитием культурных развлечений и навыков, которые должны выталкивать спиртные напитки из быта, беспощадной борьбой с самогонщиками и шинкарями, заменой пивных и других мест распространения спиртных напитков Советской чайной и др. культурными учреждениями, воспитанием подрастающего поколения и другими аналогичными мероприятиями — мы сумеем победить алкоголизм.

Э. Дейчман. Факты и цифры об алкоголизме в нашей стране

1. Сколько пили и сколько выпиваем

У нас алкоголизм преимущественно водочный. Количество чистого алкоголя, которое потребляется у нас в виде водки в 5—6 раз превосходит количество чистого алкоголя, потребляемого в виде вина и пива. Так было в довоенной России, такое же, примерно, соотношение мы имеем и сейчас.

Было потреблено на душу населения в ведрах	Всего 40° водки в ведр.	На душу	Всего пива	На пива	Всего вина	На вина
В 1913 году в б. Росс. Имп. всего . . .	104	0,66	94	0,55	25	0,16
В 1927/28 г. всего ..	41	0,31	34,0	0,24	5	0,04

Потребление спиртных напитков в СССР в настоящее время значительно ниже довоенного потребления, но последние годы обнаруживают тенденцию к нарастанию. Так, потребление спиртных напитков в СССР за последние годы возросло следующим образом:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Потреблено водки в млн. ведр	0,8	4,1	20,5	31,5	41,0
Потреблено пива в млн. ведр	17,2	20,6	31,0	32,0	34,0

2. Где больше пьют — в городе или на селе?

В 1913 г. по данным, относящимся к территории теперешней СССР, на душу населения приходилось 40° водки 0,69 ведра. При этом, в городах на душу населения приходилось 1,71 ведра (34 бутылки), а в сельских местностях 0,54 ведра (11 бутылок). В 1927/28 году на душу населения в городах потреблено 0,74 ведра (15 бутылок), а в сельских местностях 0,21 ведра (4 бутылки). Если учесть и количество потребляемого на селе самогона, то и тогда душевое потребление в городах будет в 2 раза больше, чем на селе. Вот почему мы должны, прежде всего, начать борьбу с алкоголизмом в городе, который служит плохим примером для села, а затем — бить алкогольного врага и в городе и на селе.

По сравнению с 1913 годом потребление 40° водки в городах достигло в 1927/28 г. 43,2%, а в селах (без учета самогона, о котором речь будет в следующих номерах журнала) 38,8%.

3. Сколько тратили и сколько тратим на спиртные напитки?

В 1913 г. население Российской Империи затратило на приобретение водки 893 миллиона рублей, на приобретение пива (средняя продажная цена 11—12 коп. бут.) 216 млн. руб. и на вино — около 100 млн. руб. Всего на спиртные напитки население затратило в 1913 г. свыше 1.200 млн. в довоенных руб. Доходы государства в 1911 г. от питейных сборов составляли 28% всего бюджета и равнялись 830 млн. рублей.

В 1927/28 г. население СССР затратит на спиртные напитки приблизительно 1.200 млн. руб. (без учета самогона), из них: на водку — 885 млн. руб., на пиво — около 200 млн. руб. и на вино — свыше 100 млн. р.

Доходы Союзного бюджета от акцизов в 1927/28 г. равняются 700 млн. руб., что составляет около 11% бюджета.

Траты населения на спиртные напитки номинально достигли довоенной величины (реально это в 2 раза меньше, так как довоенный рубль равен двум современным рублям) и это объясняется нашей акцизной политикой.

Акциз на ведро водки в довоенные годы равнялся 6 р. 40 к., а сейчас у нас акциз равен 16 р. 40 к. Акциз с пива в довоенное время был равен 24 коп. с ведра, а теперь — 1 р. 20 к. и добавочных 20 коп. на борьбу с детской беспризорностью.

Высокие акцизы на спиртные напитки имеют своей задачей сделать эти напитки трудно доступными для населения. Дальнейшее повышение акциза на спиртные напитки, особенно на водку не может, к сожалению, проводиться в жизнь, так как крестьяне, не желая платить высоких цен за водку, прибегают к самогонкуренению.

4. Куда должны пойти народные средства?

Нам надо строить Днепрострой, а не пропивать сотни миллионов рублей.

Мы живем в очень плохих жилищах. Нам не хватает даже голодной жилищной нормы (16 кв. арш. на человека). В городах у нас приходилось по годам жилой площади на человека: в 1924/25 г. — 12,17 кв. арш., в 1925/26 г. — 11,31 кв. арш.; в 1926/27 г. — 11,07 кв. арш.

На новое жилищное строительство по перспективному плану мы в ближайшие 5 лет сумеем затратить два с лишним миллиарда рублей, на электрификацию страны 1,3 миллиарда, а на спиртные напитки не меньше 6 миллиардов рублей.

Сократив вдвое расходы на спиртные напитки, мы сумеем увеличить вдвое жилищное строительство и строительство электро-гигантов (Волховстрой, Днепрострой и др.).

Право местного запрета

ИСПОЛЬЗОВАНЫ ЛИ В ВАШЕЙ ГУБЕРНИИ, УЕЗДЕ ИЛИ ВОЛОСТИ ПРАВА, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ НАСТОЯЩИМ ДЕКРЕТОМ?

Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР о мерах ограничения продажи спиртных напитков.

(Опубликов. в Известиях ЦИК СССР № 72 от 30 марта 1927 г.).

В целях борьбы с вредными последствиями широкого распространения спиртных напитков Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляет:

1. Воспрещается продажа спиртных напитков малолетним, а также лицам, находящимся в состоянии опьянения.

2. Воспрещается продажа спиртных напитков в буфетах театров, кинематографов, клубов и других культурно-просветительных учреждений и организаций.

3. Советам Народных Комиссаров автономных республик, а также краевым, областным, губернским и окружным исполнительным комитетам предоставляется право

воспрещать как в отдельных городах и сельских местностях, так и на всей территории названных административно-хозяйственных единиц всякую торговлю крепкими напитками в праздничные дни и в нерабочее время, а равно прекращать накануне этих дней торговлю крепкими напитками в отдельных городах, рабочих поселках и в целых рабочих районах, ранее окончания работы фабрик и заводов.

4. Названным в предыдущей статье органам предоставляется право совершенно прекращать, в соответствии с постановлениями общих собраний граждан отдельных сельских поселений или соответствующих организаций, а также общих собраний рабочих отдельных предприятий и рабочих поселков, — торговлю крепкими напитками в пределах отдельных районов.

5. Настоящее постановление распространяется на все виды спиртных напитков, кроме натурального (не спиртованного) вина и пива.

6. Нарушение установленных настоящим постановлением правил продажи указанных в ст. 5 настоящего постановления спиртных напитков влечет за собой: а) в первый раз административное взыскание, согласно обязательным постановлениям местных исполкомов, издаваемым в порядке положения от 28 июня 1926 г. (Собр. Узак. 1926 г., № 39, ст. 304), б) во второй — и в последующие случаи — уголовную ответственность, согласно ст. 105 Уголовного Кодекса.

7. Инструкция по применению настоящего постановления издается Народным Комиссариатом Внутренних Дел РСФСР по соглашению с Наркомфином и Наркомторгом РСФСР.

4 марта 1927 года.

Следите за проведением декрета в жизнь!

Привлекайте к ответственности нарушителей декрета!

И. Страшун. Какой нам нужен противоалкогольный декрет

«Пьянство это — фокус, откуда идут лучи-дорожки и в игорный притон, и к взысканьям, и к растратам, и к нестерпимой половой разнузданности, к насильничанию», писал недавно тов. Ярославский¹. Вот почему борьба с пьянством, борьба суровая — обязательна для каждой организации. Что пьянство содействует разложению и перерождению отдельных клеточек, — этому мы имеем слишком много примеров и доказательств. Партия вновь и вновь призывает к самой суровой борьбе с алкоголизмом. Но как бороться? Вряд ли найдется сейчас много голосов за то, что такой сложный вопрос, как алкоголизм, можно разрешить одними лишь законодательными, административными мероприятиями. Кто вдумывался, кто изучал развитие алкоголизма в нашей стране — знает, что прежде всего необходима огромная, культурная, воспитательная работа, необходимо создание противоалкогольного общественного мнения. Иначе, будут вновь срываться без конца — и решительно дискредитировать себя — все законы о борьбе с алкоголизмом, как бы радикальны и хороши они не были. Наше общество и призвано организовать широкие массы на борьбу с алкоголизмом, объединить сторонников трезвости, пробуждать их активность. Но именно в силу того, что наша противоалкогольная пропаганда будет стремиться претворить слова в дело, давать практический исход пробудившейся низовой инициативе, нам нужен ряд законодательных постановлений, открывающих поле деятельности конкретным противоалкогольным начинаниям. Нельзя сказать, что мы сейчас уже не имеем очень много решений правительства, которые могут дать исходную точку деятельности наших ячеек к ограничению распространения алкоголиков. Но все это рассыпано — одни в виде декретов, другие в виде циркуляров; затем, положения изложены в слишком декларативной форме, не предусматривают детального их проведения. Вряд ли, напр., многие знают о существовании у нас права местного запрета, также, к сожалению, неясно сформулированного. Перед нами и стоит сейчас задача кодифицирования всего существующего у нас противоалкогольного законодательства, издания своеобразного

«Противоалкогольного Кодекса». В нем должна быть решительно оговорена тенденция на ограничение и свертывание продажи алкогольных напитков, в первую очередь в городах и промышленных районах. С этой целью необходимо добиваться наравне с существующим правом запретительных приговоров еще и права разрешительных приговоров на открытие новых мест продажи спиртных напитков. Далее, необходимо установить более ограниченное время продажи спиртных напитков накануне воскресных и праздничных дней и запретить вовсе продажу их в дни выдачи заработной платы, а равно во все праздничные дни и в обеденные перерывы. Естественно, что в наших условиях, эти мероприятия могут вызвать широкое развитие шинкарства: поэтому следует предусмотреть законом суровые кары шинкарям, их пособникам и укрывателям. Решительный поход должен быть объявлен продаже спиртных напитков в местах общественного пользования и в местах отдыха, т.-е. во всех рабочих клубах, в буфетах всех общественных учреждений, кино и театрах, в гостиницах, общежитиях и в столовых общественного питания, в общественных садах и парках. Необходимо провести также недопущение спиртных напитков на станциях железных дорог, паромных пристанях и на пароходах. Сколько катастроф, больших и малых и аварий можно будет предупредить таким образом! В виду нездоровых уклонов низовой потребительской кооперации в отношении продажи спиртных напитков, особенно в рабочих районах (в некоторых местах спиртные напитки занимают 30% всего оборота), необходимо запретить продажу водки и водочных изделий в лавках рабочей кооперации. Недопустимые приемы алкогольной рекламы, применяемые отдельными предприятиями и кооперативами также требует законодательного запрещения ее. Наконец, необходимо предусмотреть законом проговоренное до сих пор в отдельных циркулярах противоалкогольное просвещение в школе и через школу, с директивным планом его постепенного осуществления. Этот обобщающий противоалкогольный декрет, предусматривающий как мероприятия всесоюзного масштаба, так и создание затем постановлений отдельными республиками и должен стать базой всей той противоалкогольной пропаганды и практической работы, которая должна быть развернута ячейками Общества на местах. От их активности, энергии и тщательной подготовки общественного мнения и будет зависеть, чтобы предусмотренное законом ограничение производства и продажи спиртных напитков было не механически проголосованным актом, а результатом твердого и решительного убеждения рабочей массы.¹⁴⁶

Новый мир

Ежемесячный литературно-художественный журнал.

Журнал "Новый мир" выходит в Москве с 1925 года. Конечно, сегодня "Новый мир" уже другой. Меняется Россия, меняются (хотя бы по печальной причине естественной убыли) авторы, сотрудники и читатели. В настоящее время этот ежемесячный журнал художественной литературы и общественной мысли выходит на 256 страницах. Кроме новинок прозы и поэзии, журнал предлагает традиционные рубрики "Из наследия", "Философия. История. Политика", "Далекое близкое", "Времена и нравы", "Дневник писателя", "Мир искусства", "Беседы", "Литературная критика" (с подрубриками "Борьба за стиль" и "По ходу текста"), "Рецензии. Обзоры", "Библиография", "Зарубежная книга о России" и др.

Период републикации запрещенных ранее произведений уже закончился, акцент перенесен на современную литературу. Журнал считает необходимым давать читателям

как можно более адекватную и разнообразную картину того, что на самом деле происходит в российской словесности. Далеко не все происходящее в ней радует сотрудников "Нового мира". И, видимо, не все то, что печатается на его страницах, всегда соответствует личным пристрастиям и эстетическим идеалам всех тех, кто делает журнал. Впрочем, эта терпимость не беспредельна. "Новый мир", стремясь к разнообразию, не считает необходимым предоставлять свои страницы для всех без исключения точек зрения и литературных экспериментов.

Культурный и демократичный, журнал спокойно следует своему, не сегодня избранному направлению, избегая экстремизма любого толка и сочетая художественную новизну с интеллектуальной основательностью и даже своего рода "академизмом". К этому можно прибавить еще два понятия – консерватизм и историзм. Сохранение памяти о прошлом сказывается во внешнем облике журнала, мало изменившимся на протяжении десятилетий, в устойчивом подборе и расположении журнальных рубрик (хотя и тут происходят естественные, подсказываемые самой жизнью, а не надуманные изменения). Обращение к предыстории, к корням каждого злободневного общественного явления и литературного факта составляет, отличительную черту публикуемого и придает ему глубину. В журнале широко представлены квалифицированно подготовленные архивные публикации и неожиданные исторические разыскания. Много места, особенно в связи с предстоящим 200-летним пушкинским юбилеем, уделяется новым исследованиям о творчестве и личности великого поэта. Редакция "Нового мира" совсем не стремится поспеть во чтобы то ни стало за быстротекущим днем с его минутными сенсациями, тут же обреченными на забвение. Журнал предпочитает больше ориентироваться на вопросы общие, чем на частные. "Новый мир", дорожающей своей независимостью, не участвует в ожесточенной "борьбе людей", хотя в то же время, как всякий русский толстый литературный журнал, он не может уклониться от участия в "борьбе идей". Факты проходят, а проблемы остаются.

Эта устойчивость, можно даже сказать – респектабельность, в лучшую сторону отличает "Новый мир" от поверхностной массовой журналистики, захлестывающей многие периодические издания. Так что позитивный образ журнала, сложившийся у читателей, как в России, так и за рубежом, вряд ли претерпит в будущем серьезные изменения.

8 января считается днем рождения журнала "Новый мир" в Этом году изданию исполнилось 85 лет.

18 января считается днем рождения журнала "Новый мир" в Этом году изданию исполнилось 85 лет.

Журнал «Новый мир» является одним из старейших в современной России ежемесячных литературно-художественных и общественно-политических журналов.

Идея создания журнала принадлежала тогдашнему главному редактору «Известий» Юрию Стеклову, который предложил создать на базе издательства «Известия» ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, что и было осуществлено. Журнал начал выходить в 1925 году.

Первый год ежемесячником руководили нарком просвещения Анатолий Луначарский, который оставался членом редколлегии до 1931 года и Юрий Стеклов.

В 1926 году руководство журналом было поручено критику Вячеславу Полонскому, который превратил новое издание в центральный литературный журнал того времени. Полонский руководил журналом до 1931 года и уже в начале 1930-х "Новый мир" был признан общественностью главным, основным журналом тогдашней русской советской литературы.

После войны главным редактором стал известный писатель Константин Симонов, возглавлявший журнал с 1946 по 1950 год, в 1950 году его сменил Александр Твардовский. Это первое пребывание Твардовского на посту главного редактора было недолгим. В 1954 году он был отстранен от руководства, но в 1958 году снова стал

главным редактором и в истории журнала начался период, неразрывно связанный с его именем. Благодаря Твардовскому на страницах журнала смогла появиться небольшая повесть "Один день Ивана Денисовича" рязанского учителя Александра Солженицына, ставшая вехой не только в литературной, но и политической жизни страны. В 1970 году Твардовский был отстранен с поста главного редактора, и вскоре умер.

После смерти Твардовского до 1986 года «Новый мир» возглавляли сначала Виктор Косолапов, затем Сергей Наровчатов и Владимир Карпов. В 1986 году журнал впервые возглавил беспартийный писатель – прозаик Сергей Залыгин, при котором тираж журнала поднялся на рекордную высоту в два миллиона семьсот тысяч экземпляров. Успех журнала был связан с публикацией многих ранее запрещенных в СССР книг, таких как "Доктор Живаго" Бориса Пастернака, "Котлован" Андрея Платонова, но особенно – произведений Александра Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", "В круге первом", "Раковый корпус".

Самыми громкими публикациями журнала за всю его историю были: «Черный человек» Сергея Есенина (1925); «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева (1956); «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына (1962); «Плаха» Чингиза Айтматова (1986); «Авансы и долги» Николая Шмелева (1987); «Котлован» Андрея Платонова (1987); «Доктор Живаго» Бориса Пастернака (1988); «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына (1989); «Сонечка» Людмилы Улицкой (1993); «Кавказский пленный» Владимира Маканина (1995); «Свобода» Михаила Бутова (1999) и многие другие.

В 1947–1990 годах журнал был органом Союза Писателей СССР. Но с 1991 года, благодаря новому законодательству о средствах массовой информации, журнал "Новый мир" стал подлинно независимым изданием, не связанным напрямую ни с каким из творческих союзов или общественных организаций.

С развитием перестройки устав редакции поменялся, и в какой-то момент Залыгин был уже добровольно избран редакцией главным редактором. Но в 1998 году пятилетний срок, на который его избрали, истек и Сергей Павлович баллотироваться отказался.

В 1998 году главным редактором журнала был избран литературный критик Андрей Василевский.¹⁴⁷

Владимир Ошеров. В нравственном тупике

И прежде и посегоднѣ западное общество представлялось и представляется большинству наших свобододолюбцев как альтернативная и возжеленная для России возможность. Независимых, вдумчивых голосов, зовущих взглянуть в затратную потребительскую цивилизацию аналитично и трезво, звучит немного; их носителей сразу заподозривают в изоляционизме.

...Тоталитарная пропаганда делила мир на светлый и темный по принципу исповедания марксистской идеологии. Соответственно, велик был искус поменять знаки и видеть образец — в противоположном навязываемому. С этим и поехали в перестройку на Запад те, кому это прежде не разрешалось. А возвращаясь, кропали по-неофитски восторженные очерки о свободном мире и рынке без берегов; подробный перечень товаров ближайшего тамошнего супермаркета при этом торжественно, бывало, включался в текст, как "список кораблей" в "Илиаде". Та же инерция доминирует и теперь: в цивилизации видят то, что хотят видеть, — не глубину, а поверхность;

приверженность ее принципам почему-то сделалась синонимом демократических убеждений.

Реальность же, как всегда, вне полярных делений. Глобальный кризис в канун XXI века втягивает в свою воронку все человечество; и за глянцевой яркостью западной жизни — общие драматичные проблемы, связанные с ненасытностью рыночных потребительских механизмов, размыванием фундаментальных ценностей, на которых цивилизация строилась, усыханием духовных корней и обмелением высокой культуры.

Самый азартный сегодня спор: должна ли Россия стремиться влиться, так сказать, в общее мировое цивилизованное развитие — или у нее свой особый специфический третий путь. Ошибочная дилемма! “Третий путь” актуален отнюдь не для одной России, в нем действительно нуждается вся цивилизация в целом.

...Эмигрировавший пятнадцать лет назад, В. М. Ошеров знает мир, о котором пишет, изнутри; занимается историей и социологией США, идейными и политическими особенностями западного консерватизма.

Юрий Кублановский.

1

В своем цикле лекций об американском образовании один из крупнейших католических философов XX века, Жак Маритен, говорил: “Не важно, какими недостатками может отличаться семья в определенных конкретных случаях, не важно, какие беды, какой раскол вносят в семейную жизнь экономические и социальные условия наших дней, природа вещей не может быть изменена. И эта природа вещей состоит в том, что сила и благо любви впервые развиваются в семье. Не только пример родителей и правила поведения, которые они внушают, и религиозные привычки и чувства, которые они поощряют, и передаваемые ими семейные предания, короче, непосредственно выполняемая ими воспитательная работа, но и в более общем смысле взаимный опыт и взаимные испытания, усилия, страдания, надежды и повседневные труды семейной жизни и повседневная любовь, вырастающая из них, создают нормальную сферу, где чувства и воля ребенка естественно формируются. Общество, состоящее из его родителей, его братьев и сестер, — это первичное человеческое общество и первичная среда, в которой сознательно и бессознательно он... получает свою нравственную пищу”¹. Такая старомодная, явно не укладывающаяся в культуру 90-х годов нашего века точка зрения на семью подтверждается тем не менее всеми данными современной статистики. Да и удивительно ли, что дети, лишенные нормальной семьи и связанных с ней наглядных уроков любви, послушания, совместной жизни с близкими и дорогими людьми, составляют подавляющий контингент будущих правонарушителей и людей, которым трудно уживаться с законами и правилами человеческого общежития?

Об этом вспоминаешь, когда речь заходит о тревожной и, разумеется, “неразрешимой” проблеме Америки: молодежных бандах в больших городах. В них насчитываются десятки тысяч членов, и самое невинное их развлечение — пачкать стены домов разухабистыми “граффити”. Неуклонно растущее число убийств среди подростков напрямую связано с жестокими разборками в борьбе за территории и сферы влияния в торговле наркотиками. В ежедневных перестрелках с применением самого современного автоматического оружия погибает и много невинных прохожих, в основном — детей. Все дети, живущие в трущобах-гетто, не только мальчики, но и девочки, сталкиваются с постоянным давлением со стороны сверстников, побуждающим их вступать в банды. Пресса и телевидение полны страшных историй и кадров окровавленных жертв и рыдающих матерей; политиканы произносят громовые речи, требуя то запретить огнестрельное оружие, то устраивать в многоэтажках, где живут малоимущие, повальные обыски и облавы; им с не меньшим гневом возражают поборники индивидуальных свобод, освященных Конституцией, — права на ношение оружия и запрета на обыски и аресты без санкции суда... Закон, запрещавший ношение огнестрельного оружия вблизи школ, был недавно объявлен Верховным судом неконституционным. Даже либерал Билл Клинтон

высказал по этому поводу возмущение, и с ним можно согласиться. Юридические игры продолжаются, их участники выглядят необычайно принципиальными, но что делать с молодежью, так никто и не знает.

По данным ФБР, самая быстрорастущая категория преступников — дети от 10 до 17 лет. Если в 1965 году число арестов среди этой возрастной группы составляло 137 на каждые 100 000, то в 1990-м эта цифра выросла до 430. Хотя численность населения в США выросла с 1960 по 1990 год на 41 процент, но общее число насильственных преступлений увеличилось за тот же период более чем на 500 процентов. Источники такого феноменального роста становятся понятны, когда мы посмотрим, например, данные о численности незаконнорожденных детей в США: 1970-й — 6 процентов от общего числа детей; 1992-й — 26 процентов. Среди негритянского населения это число в 1992 году составило 64 процента (!). Что же тут удивляться росту молодежной преступности?

Но важны даже не эти цифры. И не то, что говорят о молодежной преступности социологи, юристы и политические деятели; важно, что члены банд говорят сами о себе. И вот что выясняется. В банду идут не потому, что нужда заставила (в Америке никто не голодает), и не потому, что преступные склонности заложены в некоторых людях с детства (хотя такое возможно), и даже не от страха атомной войны и общего отчуждения конца XX века. Нет, главная причина, и это открытым текстом говорят сами члены банд, — банда заменяет им семью, которой дома у большинства из них нет. Семью, разрушенную десятилетиями безжалостной “культурной” и “научной” борьбы против традиционной морали, против религии, против авторитета родителей; разрушенную безмозглой социальной политикой вэлферизма. Вся культура XX века (да и XIX в значительной мере) занималась воспеванием “бунтаря”, борца с оковами обскурантизма и буржуазности. Жаждали освободиться от бремени всяких обязанностей — вероисповедных, семейных, гражданских. Вот и освободились.

И теперь юные бандиты прямо говорят: нам нужен чей-то авторитет, чье-то руководство. Большинство из них — дети и внуки матерей-одиночек и анонимных отцов. Отцы эти были воспитаны, в свою очередь, такими же “родителями”, жившими в тех же уличных джунглях и окруженными разнузданной, полупорнографической масскультурой. Они, пожалуй, никогда и не задумывались о том, что есть такая вещь, как полноценная семья, что существует родительская любовь и забота, есть родительская ответственность. Детям нужны отцы и любящие семьи, а не “паханы” в банде и в неизбежно следующей за бандой тюрьме. Но именно “паханами” все и кончается.

О чем еще они говорят? О том, что, живя в городском гетто и не имея “верных” друзей, готовых всегда за тебя заступиться, ты просто-напросто рискуешь жизнью. В любой момент к тебе могут подойти на улице, придаться к тому, что ты “не так посмотрел”, и всадить нож или пулю. Оружия, находящегося в свободном обращении, — более 200 миллионов единиц, но дело совсем не в оружии. Дело в том, что уже никто не верит, что полиция и судебные органы способны справиться с преступностью. Дело в культуре беззакония в стране изошренного законничества. Уже не совсем ясен ни смысл наказания, ни сами понятия о дозволенности, о преступлении, о личной ответственности. Система правосудия в США подорвана начавшейся еще в 60-е годы ускоренной либерализацией всего общества. Но главное — разрушена семья, где все эти понятия изначально воспитываются.

Упадок традиционной семьи среди беднейших слоев американского общества — крайнее проявление эффектов сексуальной революции. Менее драматична, но столь же серьезна проблема огромного числа разводов и того, как это отражается на судьбе детей. Но и даже там, где имеется нормальная семья с обоими родителями, делаются неустанные попытки вырвать детей из-под родительского контроля под предлогом защиты “прав детей”. Например, права детей на неприкосновенность личной жизни, privacy. Так, в случае, если тринадцатилетняя девочка собирается сделать аборт, ей должно быть дано

право ничего не говорить родителям. Речь идет даже не о запрете на аборт: девочка так или иначе его сделает. Нет, просто родители лишаются даже права что-либо знать о личной жизни их ребенка. Речь идет о сознательном разрушении семьи, семейных связей. Все отдается на волю государства с его бюрократическим аппаратом. Причем, как и во многих других случаях, наступление на права родителей носит международный характер, и здесь вновь приходится помянуть недобрым словом ООН. Существует Конвенция о правах ребенка, подписанная 176 странами. Недавно специальная комиссия ООН по наблюдению за выполнением этой Конвенции осудила власти Великобритании и Северной Ирландии за то, что там родители имеют возможность решать, будут ли их дети посещать занятия по сексуальному воспитанию в школе или нет. Комиссия решила, что в данном случае “нарушается право ребенка на собственное мнение”. Согласно статье 12 Конвенции, “дети имеют право выражать свое мнение по всем вопросам”. Если точно следовать букве и логике этой статьи, дети не только могут игнорировать мнение родителей по поводу содержания школьных программ и множества других вопросов, но родители не имеют права и нахлопнуть строптивное чашо по мягкому месту!

Понятна тревога общества за судьбу детей, с которыми иные родители могут обойтись жестоко, грубо. Мало кому в наши дни придется по душе и телесные наказания во имя школьной дисциплины. Это все бесспорно. Но ведь для того, чтобы семья существовала как единое целое, как первичный прототип общины, общества, в семье непременно должна быть внутренняя связь и иерархичность (как и в нормальном обществе). В семье это должно основываться на любви, на понимании, на готовности уступить свои права ради общего блага. Мне могут возразить, что в случае с абортom, да и в других подобных случаях речь идет не о любви, а о страхе. Хотим ли мы, чтобы дети боялись своих родителей, боялись наказания? Следует поставить вопрос по-другому: хотим ли мы, чтобы дети боялись огорчать своих родителей? Я отвечу — да, безусловно. Потому что дух семейной любви и привязанности как раз и выражается в нежелании огорчить, причинить боль дорогому тебе человеку. И уж если говорить о страхе — а почему бы детям чуть-чуть и не бояться родителей? Страх Божий всегда почитался одной из великих христианских добродетелей. В страхе самом по себе нет ничего дурного, не следует его путать с трусостью. Важно только, чтобы эта боязнь была тесно сплетена с любовью. Так христианство и понимает отношения между Богом и человеком: это отношения между Отцом и Его детьми.

Интересно, что нынешние неурядицы традиционной семьи на Западе были предсказаны с удивительной точностью отцом современной социологии Питиримом Сорокиным. Еще в 1957 году, во времена непревзойденного с тех пор спокойствия, благополучия и процветания Америки, он писал: “Семья в качестве священного союза мужа и жены, родителей и детей будет продолжать распадаться. Число разводов будет расти, пока не исчезнет какая-либо существенная разница между браком, одобряемым обществом, и незаконной половой связью. Детей будут отрывать от родителей все раньше и раньше. Основные социокультурные функции семьи будут и дальше уменьшаться, пока семья не станет просто случайным сожителем самца и самки, а дом — всего лишь промежуточным пунктом половых отношений”². Такая тенденция логически вытекает из общих идей эмансипации, идей установления новых отношений между мужчиной и женщиной, давно внедрившихся в общественное сознание, особенно после Первой мировой войны.

60-е же годы ознаменовались радикальным и массовым отречением от большинства традиционных запретов в сфере сексуальных отношений. “Секс — единственный мистический опыт, предлагаемый материализмом, и именно к сексу обращаются “устремленные к счастью” с жадностью и самозабвением, едва ли превзойденными доселе, — писал Малькольм Мэггеридж³. — ...Необъятное, маниакальное излияние эротике в любом возможном виде и форме в книгах, фильмах, пьесах и на эстраде, в теле, слове и деле, так что избежать этого невозможно никому. Хромых и увечных, трясущихся

от старости и больных призывают хоть как-нибудь выдавить из своей немощной плоти подходящую реакцию. Плоть животворит, дух не пользует нисколько⁴, *corpulo ergo sum*: “я совокупляюсь — следовательно, существую” — новая версия знаменитой аксиомы Декарта. Все возможные препятствия сметены в сторону; нет никаких моральных табу, нет и юридических. Один оргазм в день, не важно, как достигнутый, сделает вас здоровым”⁵.

Сексуальная революция занимает особое место в истории разрыва западного общества с религией и религиозной этикой — и не только христианской. Заповедь “не прелюбодействуй”, то есть запрет на внебрачное или добрачное сожителство, оказалась единственной, которую не просто нарушали (как это делалось во все времена), а официально объявили “недействительной” — согласно данным науки. Особую роль в этом сыграли работы Зигмунда Фрейда. Свою руку к воспеванию благ свободной любви приложили не только ученые, но и писатели, такие, например, как Д. Г. Лоуренс⁶ и Маргарет Мид⁷. Им с сочувствием внимали и вторили приверженцы таких разных политических течений, как коммунисты, социалисты, феминистки и даже нацисты — вообще все борцы с церковностью и “буржуазностью”. Процесс эрозии традиционной морали шел на протяжении всей первой половины XX века, но особенно резкий слом произошел в 60-х годах.

Успехи науки, в частности медицины, вкупе с влиянием современной культуры отнюдь не пошли на пользу традиционной семье. Вот что пишет католический священник и профессор Фордхемского университета в Нью-Йорке о. Френсис Канаван: “Что люди всегда искали пути отделить половой акт от продолжения рода — правда. Но современные методы контрацепции сделали такое разделение легко и широкодоступным... Контрацепция поставила под вопрос само определение полового акта. Спрашивается: если позволительно стерилизовать половой акт в момент его совершения, то почему его вообще надо совершать с помощью соответствующих органов размножения? А если это необязательно, то почему половая деятельность должна ограничиваться только лицами противоположного пола? Или если они лица противоположного пола, то почему они должны быть обязательно супругами? Это — те вопросы, которые, несомненно, возникли у многих людей в нашем обществе. Совершенно очевидно также, что те из нас, кому эти вопросы не по душе, не имеют на них убедительного ответа — как только мы принимаем, что контрацепция морально допустима”⁸.

В статье под названием “Абортная культура” Канавану вторит известный консервативный публицист Джозеф Собран. “Превратив секс во времяпрепровождение, левая культура делает детей лишними на празднике, от которых надо избавиться. Мы даже слышим лицемерные сожаления по поводу “нежеланных” детей, родить которых было бы жестоко. Защищать безответственность никто не осмелится. Вместо этого левые изображают аборт как признак ответственности, а попытки препятствовать ему — как неуместное вмешательство”⁹.

Вопрос о контрацепции, о контроле над рождаемостью и особенно об абортах — далеко не простой, запутанный целым рядом факторов исторических, социальных, экономических и, не в последнюю очередь, медицинских. Вопрос болезненный. В Америке, как известно, с тех пор, как Верховный суд “открыл” конституционное право на аборт, полемика так и не утихает, хотя многие уже смирились. Одни смирились, а другие буквально берут правосудие в свои руки, как было в нескольких случаях убийств врачей, производящих аборт в США и Канаде. Когда начинаешь говорить на эту тему с друзьями в России, когда пытаешься обратить внимание на то, что аборт есть убийство, — полное непонимание. “Ты что, обалдел?” (или что-то похлеще). Аборты стали настолько общепринятыми, что тут как бы и сомнений не может быть. Особенно сейчас, когда многим стало трудно себя самих прокормить, не то что детей. Но говорить надо, и прежде всего потому, то дело отнюдь не в уровне жизни. Аборты — знак времени, знак духовного упадка. Но даже и в такой атмосфере псевдоконституционное решение суда многих не удовлетворяет.

С тем, что человеческая жизнь священна, вроде никто не спорит. Почему-то особенно напирают на священность жизни тогда, когда это касается жизни убийц и насильников, приговоренных судом к высшей мере наказания. А как быть с еще не родившимся человеком? Тут начинаются всевозможные ухищрения вроде попыток определить, с какого момента человеческий эмбрион становится “жизнеспособным”. Но согласно самой элементарной научной логике, эмбрион жизнеспособен, то есть представляет собой живое существо, с момента зачатия. Именно так считает и католическая церковь, которую никакие досужие попытки как-то научно или социологически оправдать аборты так и не смогли убедить.

Разумеется, всегда бывают исключения. Аборт может быть оправдан, когда речь идет об опасности, грозящей жизни матери, или когда существует полная уверенность в том, что ребенок будет физически или умственно неполноценным. Есть беременности в результате изнасилования или кровосмешения. Во всех подобных случаях необходимо принимать решения, повинаясь голосу разума и совести. Но абсолютно аморально пытаться изображать аборты просто как еще одно противозачаточное средство — а именно этого добиваются борцы за неограниченное право на аборт.

“Аргументация по поводу абортов, — пишет в упомянутой статье Д. Собран, — подверглась подозрительной эволюции. Когда-то это было неизбежным злом, вредные последствия которого надо было свести на нет легализацией. Затем нас убеждали не судить других; это подавалось как “религиозная” проблема, по поводу которой светское государство не должно было издавать законов. А сегодня нас призывают видеть право на аборт в несомненно положительном качестве, как одно из “основных прав”. Мы не только должны терпимо относиться к абортам, но и платить за них из общественных средств. Это стало “правом совести”, а что касается совести тех налогоплательщиков, кто не хочет за это платить, то их можно игнорировать”¹⁰.

Уже ясно, что, не имея под собой твердой этической основы, даваемой нравственно-религиозным миропониманием, вопрос об абортах решить невозможно. Как, впрочем, и все остальные. В частности, вопрос о половом воспитании — “sex education”. Как известно, половому воспитанию, особенно в школе, придавалось на Западе огромное значение. Несмотря на протесты многих родителей, школьникам начиная с весьма раннего возраста давалась биологическая информация о половой жизни — информация весьма откровенного свойства. Считалось, что это — наилучший путь борьбы с растущими проблемами ранних беременностей, матерей-одиночек, венерических заболеваний и т. д. Сейчас общепризнано, что вся школьная программа полового воспитания не справилась ни с одной из поставленных задач, а в иных случаях усугубила ситуацию, доказательством чему служат все те же статистические данные. Почему? Очень показательно, какое объяснение дает наш старый знакомый, д-р Бенджамин Спок, в своей новой книге “A Better World for Our Children” (“Нашим детям — лучший мир”), выпущенной в 1994 году. Он пишет: “Половое воспитание в целом фокусировалось на физиологии секса, контроле над рождаемостью, профилактике болезней и ликвидации чувства страха и вины в нормальном половом поведении. И это имеет свою ценность. Но затруднительность, с которой многие современные американцы способны говорить о своих чувствах вообще, и особенно о своих сексуальных чувствах, об идеалах, *плюс конституционное табу, наложенное на преподавание религии в школах* (курсив мой. — В. О.), означали, что огромная, сложнейшая и богатейшая сфера духовных аспектов сексуальности осталась в стороне, ее игнорировали. Молодежи полезно знать о людях с высокими идеалами, тех, кто... на протяжении истории предпочитал отложить половую близость до времени женитьбы...”¹¹

Спок не зря сетует на “конституционное табу”. Не столь давно один судья в штате Луизиана постановил, что воспитание у школьников понимания важности полового воздержания отражает религиозные предрассудки и противоречит Конституции и Первой поправке. В школе запрещено говорить о психологических и духовных последствиях

половой распущенности. Зато десятилетним детям рассказывают о разнице между вагинальными, оральными и анальными половыми актами. Более того, судья посчитал, что проведение границы между совокуплением животных и людей также невозможно, так как это чисто религиозная концепция. Религиозной догмой было сочтено и признание духовного начала в человеке в качестве отличительного признака. Таким образом, человека приравнивают к животному, а с другой стороны, животных постоянно пытаются поднять до статуса человека, обнаружить и сформулировать “права животных”. Этот абсурд и есть логическое завершение либеральной “озабоченности” недостаточным разделением церкви и государства.

Вот почему так важно, когда в конституции страны ясно говорится о Боге, о высшем авторитете, стоящем над всеми мирскими, человеческими — научными, политическими, социальными, экономическими — и прочими интересами. Не случайно, например, в объединенной Германии аборт был объявлен Конституционным судом фундаментально неконституционным. Причем за такое решение было подано подавляющее большинство голосов — шесть против двух. В своем решении от 28 мая 1993 года суд заявил: “Женщина должна знать, что неродившийся ребенок имеет свое собственное право на жизнь”. И: “К аборту можно прибегать только в исключительных обстоятельствах”. Это не значит, что аборт, сделанный в первые три месяца беременности, будет считаться преступлением. Но на них не будет распространяться государственная медицинская страховка. В итоге каждый действительно поступает согласно велению совести и несет личную ответственность за свои поступки.

Государство не должно никого принуждать, но должно твердо знать, на каких этических основах оно строится. Такое решение представляется куда мудрее и справедливее, чем решение Верховного суда США по делу “Роу против Уэйда” в 1972 году, безоговорочно узаконившее аборт в Америке. Но немецкие судьи смогли принять свое решение только потому, что в преамбуле к Конституции Германии есть такие слова: “Мы, немецкий народ... сознавая свою ответственность перед Богом и людьми...” Ибо расплывчатые понятия о свободе, плюрализме и личных правах в конечном итоге отнюдь не идут на пользу обществу, скорее всего, лишают его прочных моральных ориентиров, поощряя безответственность и эгоизм.

Кстати, интересно отметить, как подействовал недавно принятый в американском штате Миннесота закон о том, что родители несовершеннолетних девушек, прибегающих к аборту, должны заранее уведомляться об этом врачом. За четыре года действия этого закона число абортов снизилось на 27 процентов, а число ранних беременностей — на 21 процент. Учтя интересы и заботы родителей, закон стал действенным элементом полового воспитания, он учит личной ответственности.

Рождаемость в западном мире, как известно, снижается, зато благодаря успехам медицины увеличивается средняя продолжительность жизни и, соответственно, растет процент пожилых людей, которым надо обеспечить достойную старость. Социальное обеспечение уже составляет в США более 40 процентов национального бюджета и продолжает неуклонно расти. Где взять средства? Повышаются налоги, кормильцы приносят все меньше и меньше денег в дом. При этом аппетиты общества потребления все растут и растут, и все большему числу женщин приходится идти работать (а совсем не из-за агитации феминисток). Разве можно отказать себе в еще одном автомобиле или моторной лодке или поездке на Багамские острова? На детей просто нет времени; лучше не рожать. Значит, все меньшему числу работающих приходится тащить на себе все увеличивающееся налоговое бремя. Число разводов почти не снижается, растет число неблагополучных семей, а это отражается на всем обществе, прежде всего на уровне образования. Качество образования отражается на качестве производства, качестве товаров. Конкуренты — Япония, Южная Корея, Тайвань — отвоёвывают у американцев все большую часть мирового рынка. Растет дефицит торгового баланса; Америка тратит все больше денег на импорт.

В обществе, отделенном от религии, но зато с множеством свобод и “правом на счастье”¹², вдобавок к старикам все увеличивается армия профессиональных иждивенцев: наркоманов, алкоголиков, матерей-одиночек и, главное, преступников, содержание которых в тюрьме обходится государству не меньше (а возможно, и больше), чем их пребывание на свободе. Безудержно растут расходы на поддержание правопорядка, профилактику преступлений, на лечение наркоманов и их детей, на выплату компенсаций пострадавшим... А американцы еще удивляются, откуда у них такой дефицит бюджета. Когда-нибудь, возможно скоро, счета придется оплачивать. И никто, по существу, не знает, как.

Может быть, начать потихоньку избавляться от безнадежно больных и немощных, не тратить деньги на попытки продлить им жизнь? И уже появилась на американском горизонте фигура Джека Кеворкяна, отставного патологоанатома по кличке “доктор Смерть”, помогающего, из сострадания, отправиться на тот свет с помощью точно рассчитанной дозы яда. Хотя его уже несколько раз судили, и поделом, но он все разгуливает на свободе и продолжает свое неторопливое дело. И самое удивительное, что для многих Кеворкян стал своего рода героем, борцом за справедливость, за “право на смерть”, и под его “практику” подводится философская база, раздаются призывы узаконить эвтаназию, то есть юридически оформленное самоубийство.

Характерно, что Стивен Рейнгардт, судья в Сан-Франциско, в недавнем решении по делу об эвтаназии фактически уже признал такое право на смерть. При этом он сослался как на прецедент на упомянутое выше дело “Роу против Уэйд”. Согласно его логике, помочь человеку (находящемуся в здравом рассудке) убить себя или умертвить его с его же согласия — вполне допустимо, поскольку он “личность”. Личностью считается и женщина, решившая избавиться от ребенка, пользуясь “правом распоряжаться собственным телом”. Почему же тогда не признается личностью убиваемое в результате аборта живое и растущее человеческое существо? Не потому ли, что эмбрион не умеет писать и не может высказать свое отношение к происходящему?

Но похоже, что сейчас на Западе, в Америке в частности, начинает крепнуть традиционное понимание брака и супружеских обязанностей — несмотря на непрерывное давление со стороны доминирующей либеральной культуры. Своего рода сенсацией стали результаты обследования, проведенного Чикагским университетом в конце 1994 года. Газета “Чикаго трибюн” пишет, что долгое время ученым не давали опубликовать эти данные, опровергающие все предыдущие, иногда заведомо искаженные цифры и факты, позволявшие либералам утверждать, что меняется сознание людей, что имеет место прогресс не только в поведении, но и в психологии. Прежде всего, вопреки многолетней обработке со стороны прессы, телевидения, кино и литературы, сексуальная революция на самом деле выглядит совсем не как царство свободного и счастливого секса. Уже неоднократно отмечалось, что все “блага” этой революции пожинаяются в основном мужчинами; женщины, как правило, остаются в проигрыше. Среди взрослого населения США — от 18 до 59 лет — понятия о том, что такое нормальный брак, остаются теми же, что и прежде. 85 процентов замужних женщин и 75 процентов женатых мужчин заявили, что они блюдут супружескую верность. Вообще, при современном уровне занятости и мужчин и женщин просто-напросто не хватает времени на адюльтер. Кроме одноразовых случайных связей “в командировке”, похвастаться нечем, да и эти “достижения” говорят скорее о распущенности, чем о сознательном выборе.

Даже если принять, что не все участники университетского опроса и не во всех случаях были стопроцентно искренни, тем не менее убеждение, что половая распущенность есть что-то, чего надо стыдиться, разделяется подавляющим большинством американцев. Причем это характерно как для состоящих в браке, так и для холостых. Более полувека борьбы за сексуальную свободу так и не смогли убедить большинство в том, что моногамия, супружеская верность и девственность до замужества

— устаревшие понятия. Собственно говоря, другого было бы трудно ожидать: слишком уж очевидны издержки “сексуальной революции”.

Именно вспоминая о ее идеологических корнях, о том, как моральные запреты, основанные на авторитете религии, были ниспровергнуты именем науки, мы можем сейчас говорить, что неудача сексуальной революции научно подтверждает правоту христианства. То, что развод — всегда травма как для родителей, так и для детей, известно всем. Что продолжительность жизни у состоящих в браке больше, чем у холостых, наверное, можно было наблюдать с давних времен. Сам развод как массовое явление существует не более ста — ста пятидесяти лет. В упомянутой выше книге Бенджамин Спок вспоминает свое детство. Говоря с любовью о родителях, воспитывавших его отнюдь не так, как он потом рекомендовал другим, Спок пишет: “Мы не знали никого, кто состоял бы в разводе, и сама возможность развода в нашей семье даже не приходила нам в голову... Все родители, которых мы знали в те годы, были намного больше, чем сегодняшние родители, уверены в себе и в том, как они должны воспитывать своих детей”¹³.

Характерно, что в политической жизни США в 90-е годы, особенно в ходе президентской кампании 1992 года, тема поддержки семьи, возрождения семьи звучала со все большей силой. Во время выборов в конгресс в ноябре 1994 года в семи штатах в избирательные бюллетени был включен вопрос о внесении в конституции соответствующих штатов следующей поправки: “Право родителей направлять воспитание и образование своих детей нерушимо”. До какого же положения надо было прийти, чтобы понадобилась такая поправка? Последние данные говорят об очень медленном, но стабильном сокращении числа разводов. Соответственно, с 1990 по 1995 год наблюдалось небольшое увеличение числа семей с детьми и обоими родителями. Вообще именно сейчас наметилось все более усиливающееся массовое движение за принятие законодательных мер, поощряющих традиционные семьи с двумя родителями и возможно большим числом детей.

Стоит отметить здесь, насколько разительно упомянутая выше неудача “научных” программ полового воспитания контрастирует с успехом экспериментальных программ по воздержанию, внедряемых в отдельных школах вопреки либеральному давлению, но особенно тех, что проводятся церквями. “Когда программа “Teen Aid” (“Помощь подросткам”) вводилась в одной из средних школ Калифорнии, среди учащихся было 147 беременных, — пишет журнал “Полиси ревью” (“Policy Review”). Два года спустя только 20 девочек были беременны”¹⁴. Далее журнал отмечает поразительный успех программы “Истинная любовь способна ждать” (“True Love Waits”), начатой одним баптистским пастором в штате Теннесси. За один год полмиллиона юношей и девушек взяли на себя обязательство хранить девственность до брака. Эта программа распространилась среди 26 различных христианских конфессий, включая католиков.

На международном уровне также чувствуется растущее неприятие либеральных взглядов на сексуальные проблемы. Недавняя каирская конференция по народонаселению в целом отвергла попытки ослабить семью под предлогом расширения “прав женщин” (против выступили Пакистан, Египет и многие латиноамериканские государства, где сильна католическая церковь). Так же обстояло дело с вопросом контроля над рождаемостью и венерическими заболеваниями среди молодежи. В мусульманских странах внебрачные или добрачные половые связи вообще не могут быть предметом обсуждения. Здесь, в отличие от Запада, никогда и не отказывались от воспитания подрастающего поколения в духе воздержания, и сексуальной революции нет и, скорее всего, не будет. На “женской” конференции в Пекине представители западноевропейских стран так и не смогли добиться, чтобы в резолюциях было отражено либеральное понимание права на “сексуальную ориентацию” (эвфемизм, означающий одобрение лесбиянства и гомосексуализма), а формулировка “safe sex”¹⁵ была заменена на “safe and responsible sex”¹⁶, что в корне меняет весь смысл резолюции. И несмотря на усилия

делегаток из Европы отстаивать “свободу слова”, подавляющим большинством голосов была осуждена порнография.

Традиционное понимание роли семьи отражается и на социальной политике таких стран, как Япония и Сингапур. Они не приемлют западную систему государственной социальной защиты, порождающую изживенческие настроения и в конечном счете разорительную для национальной экономики. Если в Японии функции пенсионного обеспечения выполняются в основном работодателями, то в Сингапуре недавно был принят закон о том, что содержание престарелых родителей — обязанность старших детей в семье. Надо было видеть, какое возмущение этот закон вызвал в западных средствах массовой информации, сколько крокодиловых слез было пролито по поводу несчастных молодых людей, которым не придется на всю катушку воспользоваться прелестями земного существования! Но люди не слепые; они видят последствия ложных идей, догматически принятых на веру Западом, и не желают повторять их у себя. Сингапурский дипломат Билахари Каусикан очень точно суммировал такую точку зрения в американском журнале “Нэшнл интерес” (издаваемом И. Кристолом): “Разве Бог избрал Запад в качестве единственно верной модели?.. Есть основания подозревать, что западные пристрастия отражают не высокомерие, а настолько глубокую деморализованность, что лишь немногие смеют признаться в ее существовании. Многие на Западе еще не приспособились психологически к миру после холодной войны... Вместо того чтобы приспособиться самим, они настаивают, чтобы другие перенимали их же проблемы. У них нет уверенности в том, что их образ жизни достоин существования, пока он не станет обязательным для всего рода человеческого”¹⁷.

В 1993 году в нашумевшей статье “Столкновение цивилизаций?” крупный социолог из Гарварда Сэмюэл Хантингтон писал: “Запад, по существу, использует международные организации, военную силу и экономические ресурсы для того, чтобы руководить миром так, чтобы сохранить западное превосходство, защитить западные интересы и распространять западные политические и экономические ценности... Западные идеи индивидуализма, либерализма, конституционализма, прав человека, равенства, свободы, законопорядка, демократии, свободных рынков, разделения церкви и государства зачастую вызывают только слабый отклик в исламских, конфуцианских... буддийских или православных культурах”¹⁸.

2

Вспоминая Америку 50-х годов, мы имеем право говорить о гигантском культурном сдвиге, происшедшем с той поры. В этом сдвиге главная роль принадлежит интеллектуальной элите Соединенных Штатов — деятелям науки, литературы, искусства, работникам средств массовой информации. И несомненно, что либерально-атеистическая эволюция американского общества была бы невозможна без активного участия всей системы образования, особенно школьного.

Почти сорок лет назад, ранним туманным утром 4 октября 1957 года, Америка проснулась с острой головной болью. Причиной такого состояния послужил запуск в СССР первого искусственного спутника Земли. Разумеется, всем хочется быть первыми, особенно в таком деле, как освоение космоса. Понятно и то, что Америка в те времена была бесспорным мировым лидером в науке, технике и экономическом развитии. Как же удалось большевикам так просто “обставить” Америку? Этот вопрос задавали себе многие. И пришли к выводу, что система образования в США, особенно средняя школа, оставляет желать лучшего. Шума по этому поводу было много, и кое-какие меры по поднятию качества академической успеваемости были приняты. Как известно, к концу 60-х годов Соединенные Штаты явно вышли вперед в космической гонке. Сыграла ли в этом какую-то роль школьная реформа — вопрос спорный. Но Америка успокоилась, и на длительный период американские школы оказались вне фокуса общественного внимания.

Только в 1975 году выяснилось, что уже в течение двенадцати лет вновь наблюдается непрерывное падение показателей успеваемости, причем этот факт

тщательно скрывался от внимания прессы. Удалось это отчасти путем занижения уровня академических требований к учащимся, например, в математике и физике, что крайне невыгодно контрастировало с гораздо более высокими стандартами, принятыми в СССР, Японии, Германии и других странах. Снова было много пересудов в средствах массовой информации и среди политических деятелей, но только в начале 80-х годов, при Рейгане, по инициативе правительства было проведено фундаментальное обследование и опубликован доклад под многозначительным названием “Нация в опасности”. Стали предприниматься реальные шаги к исправлению ситуации.

Как это чаще всего бывает, первым делом посыпались требования о выделении дополнительных денежных средств. Добрый дядя Сэм вынужден был сильно раскошелиться. Начали повышать зарплату учителям, затем потребовались деньги на строительство, благоустройство школьных зданий, на наглядные пособия, компьютеры, спортивный инвентарь и т. д. В 1960 году на каждого учащегося в среднем тратилось 2035 долларов в год (по уровню покупательной способности доллара на 1990 год). В 1990 году эта цифра составляла 5247 долларов. Каковы же были результаты? За тридцать лет средние показатели SAT (Scholastic Aptitude Test), общеамериканских тестов, проводимых среди желающих поступить в высшие учебные заведения, упали еще на 80 пунктов. При этом надо отметить, что сам уровень требований значительно снизился: в 1992 году за одни и те же ответы по одному и тому же тесту учащийся удостоивался оценки от 18 до 30 пунктов выше той, какую выставили бы в 1960 году.

Проведенный Институтом Гэллапа в 1988 году обзор географических знаний среди взрослого населения показал, что каждый седьмой американец не может найти Соединенные Штаты на “слепой” контурной карте без названий. Каждый четвертый не мог указать местоположение Тихого океана. Только 50 процентов всех школьников знали, что Панамский канал сокращает путь от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Заметно понизился уровень грамотности и умения считать без помощи электронных калькуляторов. Молодежь испытывает трудности в области словесной коммуникации — налицо пониженная способность адекватно выразить себя в общении, будь то в сфере личных или деловых отношений.

Широкое недовольство качеством образования в Америке — хорошо известный факт. Недовольны буквально все: родители, учителя, предприниматели, — но у каждой группы есть свои, не всегда совпадающие, причины и поводы недовольства. Снижение уровня образования — не самый главный показатель благополучия общества. По этому поводу пусть беспокоятся бизнесмены, работники государственного аппарата, министерства обороны и т. д. Это у них под началом будут служить тысячи неучей, которых на ходу и ценой собственных нервов и времени придется все равно учить тому, чему не успела научить школа. А вот те, кого беспокоит будущее нации, ее моральный дух, должны обратить главное внимание на другие симптомы.

Во время недавнего опроса американских старшеклассников был задан вопрос: что они ценят больше всего в Соединенных Штатах? Большинство ответило: “Индивидуализм — и тот факт, что у нас демократия и можно делать все, что захочешь”. И: “У нас действительно не существует ограничений”. Что и говорить, индивидуализм — вещь заманчивая. Как приятно чувствовать себя личностью, индивидуальностью, особенно когда не несешь никакой ответственности за свои действия. Как говорится у классиков, “сбылась мечта идиота”. Но вот каково при этом учителям и какая польза обществу от таких индивидуальностей — совсем другое дело.

Говоря об учителях, стоит обратить внимание на то, какую роль в упадке средней школы сыграли учительские профсоюзы, которые, как и следует ожидать от “образованных” профсоюзов, до сих пор живут социалистическими и марксистскими идеями. Главное сопротивление у профсоюзных заправил всегда вызывали требования повысить ответственность учителей за показатели успеваемости учеников. В течение многих лет, если не десятилетий, профсоюзы боролись за то, чтобы качество работы

учителей не бралось в расчет ни при оплате, ни при найме на работу, ни при составлении программ. Они настаивали, что все учителя, имеющие дипломы, обладают совершенно одинаковой квалификацией и должны получать одинаковое материальное вознаграждение — типично социалистическая уравниловка.

Надо сказать, что путем обычной профсоюзной тактики давления — забастовок, бойкотов, демонстраций, пикетов и т. д. — им своего добиться удалось. Учителя сейчас получают гарантированный минимум зарплаты — и это очень неплохой “минимум”. Параллельно с этим было сделано все, чтобы максимально облегчить работу учителя. Сокращено число учеников в каждом классе, программы пересмотрены в сторону все большей их упрощенности (разумеется, не ради учителей, а для “пользы учеников”, в согласии с самыми последними педагогическими теориями), а домашние задания все больше напоминают стандартные анкеты, где ученики ставят галочки и учителю остается только подсчитать “правильные” галочки и выставить оценку. Были сокращены учебные часы в школе и, соответственно, время, потребное для подготовки к урокам — и для учеников, и для учителей. Впереди маячили счастливые времена.

Но случилось непредвиденное. В 1985 году, когда уже ни для кого не было секретом, что американская школа находится в состоянии развала, председатель Американской федерации учителей Альберт Шенкер, бывший в течение более двадцати лет полновластным боссом и лично возглавлявший успешную борьбу за учительские привилегии, наконец вынужден был признать, что все эти “победы” так и не смогли сделать профессию учителя привлекательной. Наоборот, за эти годы наблюдалось неуклонное снижение интереса к учительской профессии. Что предложил Шенкер? Ни много ни мало как повышение ответственности учителей за уровень знаний учащихся! Для профсоюзного деятеля такое было равносильно превращению Савла в Павла.

Надо сказать, что западные профсоюзы вообще демократичностью не отличаются. Дела решаются не в согласии с волей большинства членов, а в соответствии с идеологическими или политическими интересами боссов. Учительские профсоюзы — отнюдь не исключение. Верхушка подчас даже не считает нужным проконсультироваться с рядовыми членами, прежде чем объявить забастовку или принять иное важное решение. С этим все уже смирились. Именно поэтому так ошеломили многих покаянные признания диктатора Шенкера. Но секрет его “обращения” весьма прост. Обстановка во многих государственных школах, особенно в негритянских районах, — критическая. Постоянно учащаются случаи изнасилования, избиения учителей, даже убийств, а уж о наркотиках и алкоголе как-то и говорить неудобно: это само собой разумеется. Учителя не выдерживают в неравной борьбе с распоясавшимися детьми, уходят из школ, меняют профессию. Не помогают даже высокие зарплаты — здоровье дороже.

Учителями все чаще становятся не по призванию, а по необходимости: при общей тенденции к безработице в госшколах всегда много вакансий, туда берут всех, не глядя на опыт или показатели успеваемости в университетах и колледжах, и платят хорошо. “Встречный” процесс происходит и среди родителей, не желающих доверять воспитание своих детей посредственным учителям и разнузданной “вольнице” государственных школ. Итог — все более усиливающийся “отток” учеников из государственных школ в частные. Если в 1976 году только 7,6 процента всех учащихся средних школ учились в частных школах, то уже к 1983-му это число возросло до 12,6 процента. А в частных школах учительские профсоюзы обладают куда меньшим влиянием. Так что воинствующий социалист Шенкер вдруг забыл про уравниловку и стал пропагандистом ответственности, качества преподавания и конкуренции.

Между прочим, во многих частных школах учителя получают более низкие зарплаты, чем в государственных, и эти школы тем не менее находятся в числе лучших по показателям успеваемости и дисциплины. Есть, разумеется, и очень дорогие школы. Но в среднем по Америке обучение одного ученика в государственной школе обходится в два раза дороже, чем в частной. Так что дело совсем не в деньгах. При этом налоги, на

которые содержатся госшколы, платят все граждане, в том числе и те родители, которые вдобавок выкраивают из семейного бюджета деньги на частную школу. Ирвинг Кристол¹⁹ писал: “Учителя — не самый главный фактор в нашем кризисе школьного образования. Достаточно ли им платят или нет — вопрос справедливости. Это — не педагогическая проблема. Считать, что наши учителя учили бы наших детей лучше, если бы им платили больше на несколько тысяч долларов в год, — глупая клевета. Но это та клевета, какую не стесняются распространять в своих узких интересах учительские профсоюзы”²⁰.

Поразительно, что именно там, где деньги могли бы реально помочь в деле налаживания школьных дел, неожиданно, как по мановению волшебной палочки, возникают препятствия. Характерная дискуссия проходила недавно по поводу введения школьной формы в некоторых штатах и школьных округах. Как известно, в целом ряде стран, таких, как Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, многие школы, особенно частные, имеют свою форму, свои гербы, знаки отличия. Доказано на практике, что школьная форма дисциплинирует детей, дает им чувство принадлежности к коллективу, гордости за свою школу, да и просто приучает их к опрятности и чистоте — как раз тем вещам, в которых остро нуждаются госшколы в США. Разумеется, такая мера могла быть принята только с согласия большинства родителей и преподавателей. Но ведь мнение большинства сейчас, в условиях современной западной демократии, уже ничего не стоит, если остается хотя бы два или три голоса против. Тут же начинаются стенания по поводу принуждения, дискриминации, неравенства, финансовых трудностей и т. д.

В связи с этим вспоминается моя старая, 110-я школа в Мерзляковском переулке. У нас тоже было неравенство; но такое, какое Америке и не снилось. У них чаще всего самые богатые ходят в одни школы, а кто беднее — в другие: так спокойнее всем, и совесть никого не мучает, и меньше поводов для зависти. У нас — в одной школе, в одном классе — учились дети членов Политбюро и дети рабочих, алкоголиков, уголовников, дворников, уборщиц. Одних “персональные” шоферы привозили со всей Москвы, зачастую с дач, из Барвих и Горок, на “ЗИС-110”; другие ютились по подвалам, по пять-шесть человек в одной комнате, в окрестных переулках — Столовом, Скатертном, Ножовом. Этим машина была ни к чему; они жили рядом и были приняты в школу “по месту жительства”. Было много из “прослойки”, в том числе — евреев.

Короче говоря, с одной стороны, было кричащее неравенство, с другой — все были равны, всех учили одинаково и, в общем, одинаково наказывали, хотя, как всегда, имелись любимчики. Все, разумеется, ходили в одинаковой форме. Так что любителям шегольнуть одеждой перед другими было трудновато. Много ребят, “сверху” и “подвальных”, дружили между собой. Думаю, все-таки немалую роль в этом играла школьная форма. Вот так разумные внешние ограничения и дисциплина помогают воспитывать терпимость и смирение. При этом нищету не игнорировали, не делали вид, что ее нет, и старались помогать. В школе регулярно устраивались благотворительные вечера, сбор от которых шел на покупку обуви и одежды детям бедняков. Собирали деньги и к праздникам, и так от случая к случаю, и родители побогаче давали, сколько могли.

Удивительно было то, что в тогдашней сталинской России, при тотальном контроле, где все было в руках государства и где конечно же благотворительность была официально запрещена (поскольку бедности просто “не могло быть”), люди находили пути делать добро помимо государства. Может быть, потому, что все поголовно находились в рабстве? Общая беда уравнивала? И воспитывала... Не случайно как раз тогда в школе училось будущее поколение шестидесятников. Для меня это — еще один пример того, насколько реальная жизнь оказывается сложнее любых теорий, любых попыток ее регламентировать, не важно, в каком направлении — в тоталитарном или демократическом. Сейчас о таком и рассказывать неудобно: на смех подымут. Достаточно посмотреть на “новых русских” — и все станет ясно. Боюсь, что их дети вряд ли вырастут достойными гражданами

демократического государства, способными приносить в жертву свои интересы ради блага других.

Что же касается Америки, то хотя школьную форму там пока еще не ввели, но даже Билл Клинтон поддерживает это начинание. Не важно, из каких соображений это делается, но несомненно одно: меры по укреплению дисциплины становятся все более популярными. Еще один признак того, что век “свободы без берегов” близится к закату. Когда нет внутренней дисциплины, нужны внешние ограничения.

Говоря о других причинах кризиса, нельзя не сказать о методах преподавания. Известно, что современная либеральная культура склонна многое сводить к проблеме прав. В сфере образования, где, казалось бы, акцент должен делаться на обязанность учащихся прилежно заниматься и усваивать то, чему их стараются научить, на самом деле внимание сосредоточено на правах. Главное из этих прав, оказывается, — “право на неудачу”. Students have a right to fail — еще одно, почти конституционное, право. Чтобы никого не обидеть, отменяются экзамены, оценки успеваемости или всем ставятся усредненно-приличные оценки, всех хвалят, независимо от их достижений и старания, домашняя работа сводится к минимуму. Главная задача — вытравить всякий намек на “дискриминацию”. По либеральным понятиям, школьные оценки — вообще форма дискриминации, поскольку они выявляют определенные различия между учащимися. Придуманно даже негативное словечко, как часто у либералов, самого замысловатого свойства. Это слово-урод: “ableism” — от корня able, то есть способный, мугущий. Вот этот “эйблеизм” сейчас всячески изгоняется из средней школы как порождение несправедливого капиталистического мира, в котором каждый получал по труду и по способностям, а не поровну, как хотят борцы за справедливость. Разве можно допустить, чтобы ученики старались учиться лучше других, быть первыми в классе?! Дух соревнования, конкуренции — страшнейший пережиток, чума, от которой надо всеми силами избавляться.

Еще один важный фактор — все большее распространение заранее размноженных на ксероксе (о, блага технического прогресса!) всевозможных опросных листов, вопросников, письменных заданий, состоящих в том, что ученику надо лишь вписать пропущенные слова, подобрать к вопросам верные ответы, проставить “да” или “нет” и т. д. Такие листки используются и во время уроков в классе вместо того, чтобы требовать устных ответов или развернутых письменных работ. Так быстрее — “научная организация труда”; да и для многих посредственных учеников легче ставить галочки, чем грамотно излагать свои мысли, если таковые имеются. Не удивительно поэтому и всеобщее падение уровня грамотности и снижение качества так называемого communication skills (умения общаться, вербализировать) среди выпускников госшкол.

Из либеральных нововведений, получивших довольно широкое распространение за последнее время, стоит отметить ОВЕ (Outcome-Based Education — буквальный перевод: обучение, базирующееся на конечном результате). Вот что пишет по этому поводу журналистка и общественный деятель Филлис Шлафли: “Перед лицом совершенно очевидной неудачи государственных школ в деле, которое им было поручено, школьный истеблишмент придумал Outcome-Based Education в качестве способа удержать контроль и скрыть собственные ошибки. ОВЕ подается в качестве “реформы”, но на самом деле это план перестановки шезлонгов на палубе тонущего “Титаника”. ОВЕ основано на теории, что каждый школьник может в итоге достичь одного и того же установленного “результата”; просто одним детям для этого требуется больше времени. И всем учащимся разрешается вновь и вновь сдавать экзамены, пока они не сдадут, и ни один не может двигаться дальше, пока вся группа не сдаст. При ОВЕ у учеников нет никакого стимула учиться, прилежно трудиться и сдать экзамен, потому что все можно повторять до бесконечности. Поскольку главная задача — развить самоуважение и быть частью коллектива, а не выучиться и достичь успеха, то ОВЕ уничтожает дух соревнования, дух отличия и традиционные предметы и оценки”²¹.

Итак, несмотря на громкие слова либералов об индивидуальном подходе, о правах детей и т. д., первое, что бросается в глаза в американской государственной школе, — тенденция к обезличке, к нивелированию. Школьная уравниловка в Америке — только частное проявление идеи всеобщего равенства, которую изо всех сил пытаются воплотить либералы. Цель — приведение всех к общему знаменателю, при этом на практике — к самому низкому, чтобы никого не “обидеть”. Это желание никого не обидеть, эта “чувствительность” либералов, которую довольно успешно прививают вот уже третьему поколению американцев, перерождается в составную часть того морального релятивизма, которым заражено школьное воспитание в США. Все равны, и всё относительно, у каждого индивидуума — своя личная система ценностей.

Но, по существу, уравниловка — это прежде всего неуважение к тем, кому трудно учиться, это оскорбительное высокомерие по отношению к нуждающимся в помощи, в стимуле, а не в поблажке. Вместо того чтобы побуждать их учиться в полную меру способностей, помогая им забыть, что они “трудные дети”, им постоянно об этом напоминают, тычут в нос: “Ты, дескать, несчастный, недоразвитый, но мы тебя не обидим, потребуем только самых простейших знаний. Не беспокойся, школу ты закончишь независимо от успеваемости”. Немалую роль играет и концепция Self-esteem — “самоуважения”. Как заметил в “Нью-Йорк таймс” профессор психологии Гарольд Стивенсон: “Педагоги, старающиеся подбодрить отстающих учеников, разработали опасный миф: что поднятие уровня самоуважения у детей — верное средство улучшить их успеваемость и решить многие социальные недуги страны... В итоге американские учащиеся довольны собой, но показывают плохие результаты на экзаменах. У японских учащихся уровень самоуважения ниже, но зато успеваемость намного выше. Находясь во власти самоуважения, Америка становится страной самодовольных посредственностей”²².

В результате дети постепенно утрачивают способность систематически и прилежно трудиться. Когда им все-таки надо сдавать выпускные тесты, им все труднее заставить себя сесть и позаниматься. Надо заметить, что этот процесс ограничивается в основном средней школой. При поступлении в университеты и колледжи так или иначе существуют средние проходные баллы. Эти баллы основаны на оценках, выставяемых нейтральной госкомиссией выпускникам средних школ, желающим продолжать свое образование в высших учебных заведениях. Оценки выставяются на основании анонимных письменных работ. Требования если и не завышенные, то вполне определенные: ни на какие скидки рассчитывать не приходится²³.

И тут происходит пробуждение от летаргии. На ученика, которого постоянно гладили по головке, уверяя его в том, что он прекрасно успевает, вдруг выливается ушат холодной воды. Высшие учебные заведения гораздо больше, чем средние школы, вовлечены в реальную жизнь. Инженерные, научные, медицинские факультеты должны выпускать квалифицированных, образованных людей, которые составят будущую активную и производительную часть общества. Работодателям, нанимающим выпускников на работу, не до прекраснотушных грез о равенстве. Они платят своим работникам настоящие деньги и хотят видеть результаты. Те, кто не оправдал надежд, быстро пополняют число безработных, а выпустившее их учебное заведение приобретает сомнительную репутацию. Университеты яростно конкурируют между собой, они борются за государственные дотации, за деньги частных благотворительных фондов, за пожертвования со стороны корпораций и большого бизнеса. Тут борьба за престиж идет всерьез, без лишней идеологической пены.

В принципе, попасть в университет или колледж нетрудно, за исключением особо престижных, где нужны или деньги, или подлинно высокая успеваемость, чтобы получить стипендию. Но даже поступив в вуз, тот школьник, которому средняя школа не смогла привить настоящей дисциплинированности и трудолюбия, оказывается в тяжелейшем положении: университетские программы очень интенсивны и требуют больших затрат времени и энергии (я не включаю сюда гуманитарные факультеты, где леволиберальная

идеология превратила высшее образование в продолжение сладкой жизни средней школы). И происходят срывы, происходит отсев, и ведь снова парадокс: “расслабленное” школьное образование, провозглашенное во имя равенства, во имя уважения к правам детей, меньшинств, правам неспособных, то есть из самых благородных побуждений, на деле оказывается прямым предательством этих самых объектов повышенного внимания. Хотя американская Декларация независимости провозгласила, что “all Men are created equal”, то есть “все люди созданы равными”, но, конечно же, дети не равны, они, как и взрослые, являют собой весь бесконечный спектр человеческих характеров и свойств. Есть среди них и такие, что, несмотря на всю разлагающую атмосферу школы, упорно продолжают трудиться с полной отдачей, стараясь взять от школы все, что можно, и отличиться от своих товарищей даже тогда, когда это никак не поощряется учителями.

Здесь-то и проявляются индивидуальные качества, врожденные или воспитанные семьей: трудолюбие, усидчивость, честность, добросовестность и т. д. Обследование 645 тысяч детей из 4000 школ показало недавно, что существует прямая, определяющая связь между успеваемостью ученика и его социально-экономическим положением. Известный социолог Кристофер Дженкс писал: “Характер школьного выпуска в значительной степени зависит от одной исходной характеристики, а именно: *характера детей, поступающих в школу*. Все остальное — школьный бюджет, школьная политика, качество преподавателей, — все это или второстепенно... или вообще не имеет значения”²⁴. Где же формируется этот детский характер до школы? Практика подтверждает, что ни деньги, ни программы не оказывают такого влияния, какое оказывает семья. Особенно отличаются в этом смысле эмигрантские семьи, начинающие новую жизнь на новом месте с нуля. Они восполняют то, что “прогрессивная” педагогика отвергла как пережиток, — требуют от детей дисциплины, высоких оценок, поощряют их на достижение успеха, помогают им всеми силами.

Дети из таких семей, несмотря на все нивелирующие усилия учителей, выходят из школьных стен хорошо подготовленными к дальнейшей жизни. Но другая категория, постоянно растущая, — дети из неблагополучных семей, дети алкоголиков, наркоманов, матерей-одиночек, хронически безработных — низов урбанизированного общества. Эти, можно сказать, обречены. Половина из них просто не оканчивает школы. Девочки беременеют, рожают, садятся на пособие, и — жизнь кончена. Мальчики идут в уличные банды, связываются с наркотиками, оканчивают в тюрьмах или становятся жертвами преступных “разборок”. Цифры детской и молодежной смертности говорят сами за себя. Лишенные морального воспитания в семье, развращенные массовой культурой, а затем преданные либеральной школой, эти загубленные души продолжают пополнять ряды отбросов общества, и надежды для них нет. Только чудо может вывести таких “равных” из заколдованного круга нищеты и отчаяния. И все это — в богатейшей стране мира.

Особенно жаль тех “серединка на половинку”, у которых при более жесткой системе школьного обучения и воспитания было бы гораздо больше шансов найти достойное место в жизни и способствовать не только своему процветанию, но и благополучию всей страны. Представьте себе способного парня или девочку, у которых в доме мало кто интересуется школьными успехами своих детей. Это могут быть вполне обеспеченные, даже богатые родители, по тем или иным причинам считающие, что они уже выполнили свой долг, обувая, одевая, кормя своих отпрысков и давая им деньги на карманные расходы. Дети вроде бы довольны, особых неприятностей родителям не доставляют — и слава Богу. На самом деле дети избалованы, не привыкли трудиться, и школа только поощряет такую жизнь “спустя рукава”. Это может быть и семья, где нет отца, где мать — “современная” женщина, работает, прилично зарабатывает, не забывает развлекаться, но... на детей уже времени просто не хватает. А ведь эта модель эмансипированной женщины — как раз то, что так рьяно проповедует вся западная “враждебная культура”. Делается это, конечно, исходя из предположения, что институт традиционной семьи устарел, что

государство вполне может взять на себя многие функции семьи. В итоге же в проигрыше все — дети, родители, государство.

Еще недавно в США категорически, под угрозой судебной ответственности, запрещалось учить детей дома. Многие семьи, особенно семьи верующих, по вполне понятным причинам не желали отдавать детей в государственные школы. Государство пыталось пресечь это движение драконовскими мерами, в том числе лишением родительских прав. Слава Богу, после многолетних тяжб мужество родителей и поддержка квалифицированных юристов привели к тому, что домашнее обучение стало в Америке не только законным, но все более распространенным. Большими тиражами издаются специальные учебники, программы, методические пособия; домашнее образование после сдачи экзаменов экстерном позволяет получить официальный сертификат, равноценный аттестату любой средней школы. Вообще, можно констатировать, что в самое последнее время в США действительно наметился определенный сдвиг в сторону возвращения к игнорировавшимся многие годы традициям. Это проявляется и в последних решениях Верховного суда, и в результатах выборов, и в высказываниях политических и общественных деятелей. В целом ряде штатов, невзирая на упорнейшее сопротивление учительских профсоюзов, всерьез обсуждается введение системы денежных ваучеров, выдаваемых родителям и позволяющих им выбирать для своих детей любые школы, в том числе частные и религиозные.

Обнаруживается еще одна закономерность в соотношении между средствами, затрачиваемыми на обучение, и академическими показателями. Цифры средних затрат на каждого ученика разнятся от штата к штату. И вот выясняется, что наилучшие показатели — грубо говоря, количество академических баллов на доллар — выше всего в штатах Айова, Северная и Южная Дакота, Юта. Следом за ними идут Висконсин, Миннесота, Небраска, Теннесси. Что это за штаты? Одно объединяющее их всех качество: они наименее урбанизированы, а значит, все язвы урбанизации — разрушенные семьи, преступность, засилье масскультуры — здесь оказали меньше влияния. Там, где еще сохранились консервативные традиции, семейные отношения, в выигрыше оказывается все общество.

“Либеральные” запреты (включая запрет на ознакомление школьников с Десятью заповедями) прямо способствовали росту числа религиозных общеобразовательных школ, составляющих 72 процента всех частных школ в США. Например, если в 1965 году христианских школ насчитывалось около 1000, то к 1985 году их уже было 32 000 ! Именно в это время и наметился небольшой подъем в общенациональных показателях успеваемости. Исследования показали, что в христианских школах успеваемость была намного лучше, чем в государственных, но — что еще важнее — в то время как в госшколах она продолжала падать, в христианских школах показатели успеваемости росли. Хотя в частных школах (включая религиозные) учится всего 12,6 процента всех американских школьников, но число тех, кто добился там наивысших результатов, составило 39,2 процента от общеамериканского числа отличников.

Попытки исключить религиозные элементы из всех сфер общественной жизни США прежде всего отражаются на образовании и воспитании. Какие бы философские взгляды мы ни исповедовали, духовное наследие христианства — неотъемлемая часть европейской культуры. Даже не будучи верующим, ни один уважающий себя современный историк, философ или социолог не может обойтись, например, без знания основ христианского богословия. Отрыв от религии ведет к интеллектуальному оскудению, как это можно ясно видеть на примере советской науки и культуры. Жак Маритен говорил в 1943 году, выступая перед студентами Йельского университета: “...теологические проблемы пронизывали все развитие западной культуры и цивилизации, и они продолжают глубинно действовать и поныне, настолько, что тот, кто игнорирует их, окажется принципиально неспособным проникнуть в смысл нашего времени и его внутренних конфликтов. Такая ограниченность сделает его подобным ребенку-дикарю,

блуждающему среди непостижимых деревьев, фонтанов, статуй, садов, руин и недостроенных зданий старого парка цивилизации. Интеллектуальная и политическая история шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого веков, Реформации, контрреформации... достижений отцов пилигримов... и последующие события мировой истории — все берут свое начало в великих спорах о природе и благодати классических веков (христианского богословия). Ни Данте, ни Сервантес, ни Рабле, ни Шекспир, ни Джон Донн, ни Уильям Блейк, ни даже Оскар Уайльд или Д. Г. Лоуренс, ни Джотто, ни Микеланджело, ни Эль Греко, ни Сурбаран, ни Паскаль, ни Руссо, ни Медисон, ни Джефферсон, ни Эдгар По, ни Бодлер, ни Гёте, ни Ницше, ни даже Карл Маркс, ни Толстой, ни Достоевский не могут быть поняты без серьезного знания теологии”²⁵.

Но в том-то все и дело, что эти великие имена просто-напросто исчезают из школьных, да и университетских программ. И отнюдь не случайно. Моральный релятивизм неизбежно вступает в противоречие со всем великим, что было создано мировой культурой. Даже если это не стопроцентно христианские авторы, даже если это люди, бунтовавшие против церкви, тем не менее все они утверждали вполне определенные моральные ценности. А для современных релятивистов такое совершенно неприемлемо.

В открытую, конечно, это почти никогда не признается. Новая инквизиция, пытающаяся стереть из исторической памяти великие имена, прикрывается довольно примитивной демагогией. Идет спекуляция на оскорбленных чувствах меньшинств — негров, индейцев, феминисток, педерастов и т. д., — требующих компенсации за прошлые лишения. При этом происходит следующее. “Провинившегося” классика обвиняют в каком-то страшном грехе против одной из “обиженных” групп. Чаще всего — в расизме. Под эту категорию можно подвести немало прекрасных писателей прошлых веков. Очень часто труды такого “расиста” изымаются из программы и заменяются каким-нибудь бесцветным и второсортным, но идеологически выдержанным автором. Многие великие художники прошлого обвиняются в “мужском шовинизме”, то есть покровительственном, или предвзятом, или враждебном отношении к женщине. Долой такого “шовиниста” из всех учебников и хрестоматий!

Если учесть, что еще недавно такие требования “политической корректности” были бы сочтены за бред сумасшедшего, что многие вещи, кажущиеся современным блюстителям справедливости недопустимыми, были бесспорны и общеприняты, то понятно, что очень мало великих деятелей мировой культуры способны пройти “отбор”, не пострадав. К примеру, Достоевский и Гоголь, уж не говоря о Лескове, могли бы попасть в “черные списки” у рьяных борцов с антисемитизмом в американских университетах. Речь идет, разумеется, не только о писателях или художниках. Мы знаем, какое воспитательное значение имеют великие исторические личности в качестве примеров для юношества. Но в жизни любого исторического лица всегда можно “отыскать” и такое, что сразу поставит под вопрос уместность подражания. Этим “развенчиванием” как раз и занимаются уже много лет современные западные историки, особенно марксистского направления.

Профессор Аллан Блум²⁶ недавно писал, что студенты уже приходят в университет с твердым убеждением, что истина относительна. Это стало само по себе абсолютной истиной, аксиомой. Когда студентам предлагается подумать, а не ошибаются ли они, их первая реакция: “Вы что, абсолютист?” В течение пятидесяти лет, по словам Блума, единственной добродетелью, которая внушалась американским школьникам и студентам, была “открытость” — *openness* (забавно, что русская “гласность” часто переводилась на английский язык как *openness*).

“Открытость, — иронизирует Блум, — и релятивизм, который превращает ее в единственно возможную позицию перед лицом всевозможных притязаний на обладание истиной и разнообразия образов жизни и людских типов, — великое прозрение наших дней. Главный враг — человек, твердо верящий во что-то. Изучение истории и культуры показывает, что в прошлом весь мир был безумен; люди всегда считали, что они правы, это

приводило к войнам, преследованиям, рабству, ксенофобии, расизму и шовинизму. Задача состоит не в том, чтобы исправить ошибки и поступать правильно ; нет — лучше совсем не считать, что ты прав”²⁷.

“Каково действие доктрины моральной эквивалентности всех идей — кроме религиозных идей — на общество? — спрашивает публицист Пэт Бьюкенен, один из кандидатов на пост президента США. — Это то же самое, что разрешить сбрасывать в реку одновременно всевозможные отбросы и хлорировать воду для ее очистки”. Бьюкенен приводит слова видного американского католического богослова Фултона Щина, написанные в 1931 году в эссе “Мольба о нетерпимости”: “Говорят, что Америка страдает от нетерпимости. Отнюдь нет. Она страдает от терпимости: терпимости правого и неправого, правды и заблуждения, добра и зла”²⁸.

...Как правило, релятивизм весьма избирателен. Например, в Америке ярые поборники абсолютной свободы слова и выражения почему-то оказываются не столь либеральными, когда речь заходит о так называемой “hate speech”²⁹ или “fighting words”³⁰ — выражениях, несущих в себе элементы расизма, антисемитизма, оскорблений в адрес гомосексуалистов, умственно неполноценных и т. д. Можно согласиться: ничего положительного в таких выражениях не было и нет. Но почему тогда оскорбление патриотических чувств, сжигание флага в знак протеста, богохульство, оскорбляющее чувства миллионов верующих, — почему все это считается вполне допустимым? Под прикрытием красивых слов о всеобщей терпимости в современной Америке, по существу, культивируется нетерпимость к религии. Джозеф Собран пишет: “При сегодняшних скользких законах можно легко представить себе, как учитель, произносящий молитву в классе, может быть отдан под суд за нарушение Первой поправки³¹ — в то время как другой может показать классу порнографический фильм, пользуясь *защитой* Первой поправки”³².

Возвращаясь к теме образования в США, можно было бы сказать, что переживаемый кризис есть следствие целого ряда обстоятельств, внешне не связанных между собой. Обстоятельства эти можно свести к следующим основным:

- 1) Происходили перемены в идеологическом подходе к самому делу школьного образования. Особое влияние приобрели модные теории о том, что детям надо дать больше выбора, позволить им самим принимать решения. Это все шло в русле общей либерализации, частью которой были, например, рекомендации доктора Б. Спока. Под влиянием тенденции ко все более и более полному “равенству” стало доминировать негативное отношение к соревновательности в классе, к жестким экзаменационным нормам, оценкам, тестам. Снижались требования как к учащимся, так и к учителям.
- 2) За период с конца 50-х до 90-х годов (именно в это время и происходила борьба учительских профсоюзов за освобождение от всякого контроля) необычайно возросло влияние массовой культуры, особенно телевидения с его пропагандой вседозволенности, релятивизма, пренебрежения к авторитету. Это самым прямым образом отразилось на дисциплине, на моральном состоянии учащихся.
- 3) Полным ходом шло разрушение традиционной семьи, особенно в негритянских гетто больших городов. Выросло число матерей-одиночек, детей без отцов, детей разведенных родителей и т. д. Это, в свою очередь, усугубило разлагающее влияние массовой культуры.
- 4) Принятое в 1954 году решение по делу “Браун против Управления образования” отменило расовую сегрегацию в школе. Проведение данного решения в жизнь по всей стране делалось принудительным путем, что не замедлило повлечь реакцию: вместо того чтобы послушно интегрироваться, множество белых семей предпочло уехать из больших городов в предместья, где поблизости не могло быть никаких негритянских или латиноамериканских районов, а потому школьная сегрегация не просто осталась, но стала еще глубже и осложнилась общим социальным кризисом городских гетто.
- 5) Как будто для того, чтобы еще усилить эти негативные факторы, в 60-е годы в государственных школах запретили ежедневную молитву и чтение Библии.

Совершенно очевидно, что нельзя винить во всем этом учителей или учительские профсоюзы. Даже сейчас, когда проводится гораздо более умеренная политика как в смысле деятельности профсоюзов, так и в смысле внедрения новых педагогических методов, когда повысился родительский контроль и дается больше свободы религии, ситуация продолжает оставаться критической. Нет, дело не только в учителях, в программах, в неудачной расовой политике или в школьной молитве и школьной форме. Давайте посмотрим на каждый из пяти перечисленных выше факторов (их на самом деле больше) с христианских позиций.

Новая педагогика целиком построена на отрицании авторитета родителей, авторитета взрослых, бывшего краеугольным камнем воспитания и образования во все времена, во всех культурах и религиях. Она отдает все на откуп профессионалам-учителям, как правило придерживающимся леволиберальных взглядов, или индивидуальным капризам несформировавшихся детей и подростков. Уравниловка, игнорирование разницы во врожденных способностях и воспитанных семьей различиях в усидчивости и трудолюбии — попытка человеческими силами исправить неравенство, установленное Богом и снимаемое только равенством перед Богом; отрицание того, что все наши врожденные качества, все недостатки — знак принадлежности, усыновленности Богу и часть Его жизненного плана для каждого из нас.

Релятивизм всей современной либеральной культуры, включая массовую, — это отрицание понятий нормы, понятий добра и зла, законов нравственности, установленных Богом.

Распад семьи — одно из самых характерных последствий выхолащивания религиозного содержания института брака, отрицания его богоустановленности и священности, священности человеческой жизни, освященных Библией отношений между мужчинами и женщинами, понятий о родительском долге.

Запрет на школьную молитву — прямое и недвусмысленное проявление враждебности к религии. Но он оказался запретом и на то немногое — при прочих равных, — что еще было в распоряжении учителей для поддержания дисциплины. Сейчас они всё более беспомощны перед лицом школьного “беспредела”.

Попытка искусственной интеграции черных и белых чисто административными, принудительными мерами, вне христианского или иного религиозного контекста, игнорирует духовную сторону межрасового конфликта в США, необходимость многолетней терпеливой внутренней работы по воспитанию взаимной терпимости и прощения.

Вся сфера образования (включая высшее) оказалась под властью секуляризованной культуры. И школа только отражает более общие явления — потребительство, гедонизм, материализм, духовную бедность и аморализм литературы, кино, телевидения и прессы.

* * *

Обо всем этом полезно помнить сейчас, когда в России налицо явный переизбыток реформаторов, главной страстью которых, к сожалению, стала безудержная либерализация ради либерализации. Плачевные результаты их деятельности (прежде всего в области экономики, но и в области культуры тоже) не только фактически затормозили процесс необходимых реформ, но и чреватые серьезными политическими последствиями. Что касается сферы образования, то, слава Богу, до радикальных реформ здесь еще не дошло (возможно, потому, что нет денег), но уже есть признаки все той же разрушительной страсти к эмансипации и новизне. Вера в то, что все новое обязательно должно быть лучше, “прогрессивнее”, — воистину неистребима. Как бы то ни было, автору представляется, что воспитание будущего поколения российских граждан есть самая главная долговременная задача общества — куда важнее всех экономических, политических, юридических и прочих реформ. Если эта задача не будет решена с должной осмотрительностью, без спешки и скороспелого радикализма, России еще долго не видать ни свободы, ни демократии, ни материального достатка. И решить подобную задачу в

России невозможно без теснейшего сотрудничества, теснейшей связи между гражданским обществом, государством и религиозными организациями — Русской Православной Церковью прежде всего, но и всеми другими христианскими конфессиями и приверженцами всех главных религий на территории России.¹⁴⁸

¹ Maritain Jacques. American Education at a Crossroads. New York. Charles Scribner's Sons. 1943, p. 96.

² Цит. по журн.: "News Weekly", 1993, September 11, p. 7.

³ Мэггеридж Малькольм (1903 — 1990) — английский публицист, радиокомментатор, проповедник христианства. Одна из крупнейших фигур в мировой журналистике XX века.

⁴ Перефразировка евангельского "дух животворит, плоть не пользует нимало" (Иоанн. 6: 63).

⁵ Цит. по сб.: "The Portable Conservative Reader". New York. Penguin Books. 1982, стр. 618, 619.

⁶ Лоуренс Дэвид Герберт (1885 — 1930) — один из влиятельнейших английских писателей XX века, автор нашумевшего романа "Любовник леди Чаттерли".

⁷ Мид Маргарет (1901 — 1978) — известная американская писательница, исследовательница примитивных культур, антрополог.

⁸ Цит. по еженедельнику: "Conservative Chronicle", 1994, October 17, p. 26.

⁹ Цит. по сб.: "Keeping the Tablets", New York. Harper & Row. 1988, p. 330.

¹⁰ "Keeping the Tablets", p. 331.

¹¹ Spock Benjamin. A Better World for Our Children. Bethesda, MD. National Press Books. 1994, p. 115.

¹² Составная часть "триады" неотъемлемых прав, провозглашенных в американской Декларации независимости (Жизнь, Свобода и Стремление к Счастью — Life, Liberty and Pursuit of Happiness).

¹³ Spock Benjamin. A Better World for Our Children, p. 65.

¹⁴ "Policy Review", 1995, Summer, p. 56.

¹⁵ Букв.: "безопасный секс", использование противозачаточных средств (англ.).

¹⁶ Букв.: "безопасный и ответственный секс", то есть включающий воздержание (англ.).

¹⁷ "The National Interest", Spring 1994, p. 107, 108.

¹⁸ "Foreign Affairs", 1993, October, p. 40.

¹⁹ Кристол Ирвинг (род. в 1920) — крупнейший американский публицист, социолог, культуролог; ведущий представитель неоконсерватизма.

²⁰ Из статьи "The Tragedy of Multiculturalism". — "The Wall Street Journal", 1991, July 31.

²¹ Еженедельник "Conservative Chronicle", 1993, December 3, p. 18.

²² Цит. по: "Conservative Chronicle", 1994, October 22, p. 9.

²³ Тем не менее, когда речь идет о приеме в вузы представителей меньшинств, многие "прогрессивные" профессора готовы подчас игнорировать результаты тестов во имя "восстановления справедливости".

²⁴ Цит. по: "Conservative Chronicle", 1993, March.

²⁵ Maritain Jacques. "American Education at a Crossroads". New York. Charles Scribner's Sons. 1943, p. 73.

²⁶ Блум Аллан — известный культуролог, профессор Чикагского университета.

²⁷ Bloom Allan. The Closing of the American Mind. New York. Simon & Shuster. 1987, p. 26.

²⁸ Цит. по: "Conservative Chronicle", 1995, April 1, p. 7.

²⁹ "Выражение ненависти" (англ.).

³⁰ "Воинствующие слова" (англ.).

³¹ Первая поправка к Конституции США: "Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений".

³² Цит. по сб.: "Keeping the Tablets", New York. Harper & Row. 1988, p. 330.

Звезда

Литературно-художественный, общественно-политический, независимый журнал. Старейший ежемесячный "толстый" литературный журнал России. Издается в Петрограде - Ленинграде - Санкт-Петербурге с января 1924 года. С 1924 по 2005 год в нем опубликовано более 16000 произведений более 10000 авторов. Никакая отечественная литературная энциклопедия не охватывает столь обширный культурный пласт. Из всех журналов, когда-либо издававшихся в северной столице со дня ее основания, ни один не

выходил, подобно "Звезде", более 80 лет подряд без перерыва. Издание не остановила ни блокада Ленинграда, ни сталинско-ждановский разгром в 1946 г., ни, наконец, инфляция и общее понижение интереса к словесности в последние годы...

К середине XIX века русская культура репродуцировала себя преимущественно в "толстых" журналах. В отсутствие политических партий они оказались интеллектуальными центрами, выразителями и общественного мнения, и художественного самосознания страны. Ежемесячные журналы стали в самом прямом смысле слова русским национальным достоянием, отличительным признаком русской культуры, сохранившим свое назначение и в те времена, когда зарубежные издания такого рода в основном утратили завоеванные ими высоты. Собственно говоря, национальным становится то, что хорошо приживается на данной почве, совсем не обязательно принадлежа ей по праву происхождения. Никто не станет, скажем, отрицать, что картошка - национальный русский продукт. Между тем, культивироваться в нашем отечестве - едва ли не насильно - она стала как раз тогда, когда у нас возникли литературные журналы.

Культура прочнее и долговечнее политической системы, которой она внешним образом подчиняется. Вениамин Каверин, автор "Звезды" и в 1920 - 1930-е, и в 1960 - 1970-е годы, говорил, что перед ним и его друзьями все время маячил "идол просвещения". Соблазн был в том, чтобы поставить его выше морали. Возникла та самая "диалектика просвещения" (ее преимущественно "Звезда" и придерживалась в советские годы), которую позже как глобальную проблему критически исследовали Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер, к сожалению, почти вовсе не опираясь на советский опыт. У коммунистов "диалектики" было никак не меньше, чем в более локальной практике фашизма.

В 1923 - 1924 годы работу "Звезды" организовал вполне представительный деятель Наркомата иностранных дел Иван Михайлович Майский. Организовал замечательно - по всем "диалектическим" законам. В первом же номере он напечатал и Максима Горького, и вернувшегося Алексея Толстого, и уехавшего Владислава Ходасевича, и других ярких авторов. В то же время критика и публицистика журнала были плацдармом популистской идеологии - в отличие от собственно художественного корпуса текстов, на самом деле ориентированного на повышение культурного уровня читателей. "Диалектика просвещения" доходила в "Звезде" до того, что в ее критическом разделе регулярно поругивались авторы, тут же печатавшиеся в отделе поэзии или прозы.

Но это началось уже после Майского. Сделав свое дело, он в том же 1924 году отбыл в Москву, передав полномочия хотя и не кардиналу, но вполне серому Г. Е. Горбачеву.

И все же ту истину, что мосты должны стоять при любом режиме, большевики были вынуждены принять достаточно быстро. Шлагбаумы критики и перила публицистики оставались всецело в их ведении, но проезжую часть хотя бы одного моста в городе приходилось отдавать в частное пользование.

В числе постоянных авторов "Звезды" того времени - Борис Пильняк и Юрий Тынянов, Николай Клюев и Осип Мандельштам, Константин Вагинов и Николай Заболоцкий, Леонид Леонов и Ольга Форш, Борис Пастернак... Имена Ахматовой и Зощенко называть не приходится - благодаря им журнал приобрел известность в общемировом культурном пространстве.

В 1932 году после организации общего Союза писателей термин "попутничество", под который подпадали основные авторы "Звезды", из советского словаря был изъят. В идеологии наступила эра мудрого в своей эстетической отсталости Сталина. Разделив всех на "верных" и "неверных", без собственных карманных "попутчиков" он управление социалистическим "просвещением" не мыслил. А слову он придавал значение - следовательно, и боялся его - ничуть не меньше предшествующих и последующих советских вождей.

Эта боязнь очевидна для всех лет коммунистического правления в России, и стоит привести один документ, подтверждающий наличие у наших правителей мистического трепета перед явлением печатного слова как такового. После самого громкого и самого позорного за всю историю советской культуры "Постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград"" 1946 года, инспирированного Сталиным и "проведенного в жизнь" Ждановым, "вождь народов" испытывал к устоявшейся "Звезде" (журнал "Ленинград" был закрыт) на самом деле сверхъестественный, едва ли не патологический, интерес. Он был настолько озабочен тем, чтобы у руля этого издания стоял свой капитан, что назначил главным редактором московского (в Ленинграде стопроцентной кандидатуры не нашлось) партийного журналиста Еголина. Который и катался еженедельно из Москвы в Ленинград и обратно в течение четырех месяцев! Наконец подходящая кандидатура была найдена и в северной столице - критик В. П. Друзин. Надежды он, похоже, оправдал. И вот по отношению к "Звезде" кнут был сменен на пряник. Кремлевский мудрец издает по этому случаю соответствующий документ:

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
РАСПОРЯЖЕНИЕ
От 12 июня 1951 г. № 9374-р
Москва, Кремль

- 1. Увеличить редакции журнала "Звезда" лимит персональных окладов на один оклад.*
- 2. Установить главному редактору журнала "Звезда" т. Друзину В. П. персональный оклад в размере 3750 рублей в месяц.*
- 3. Обязать Министерство автомобильной и тракторной промышленности поставить в III квартале 1951 г. Главполиграфиздату при Совете Министров СССР для редакции журнала "Звезда" одну легковую машину "Победа" за счет резерва Совета Министров СССР.*
- 4. Установить лимит расхода бензина для одной легковой автомашины редакции журнала "Звезда" в размере 200 литров в месяц за счет фонда Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.*
- 5. Считать утратившим силу действие распоряжения Совета Министров СССР от 3 января 1947 г. № 125 в части установления т. Друзину В. П. персонального оклада.*

Председатель Совета Министров СССР

И. СТАЛИН

Вот с такими бумажками возился глава государства, претендовавшего на мировое господство. Особенно впечатляют эти 200 литров бензина: точь-в-точь начало "Мертвых душ", где два мужика гадают, доедет ли колесо чичиковской брички до Казани или только до Москвы. Так и Сталин со своими референтами вычисляли, куда докатит редакционная машина, а куда она докатить не должна. Самое же пикантное в этой истории то, что никакой "Победы" в результате получено не было. По одному этому ничтожному эпизоду можно судить, что собой представляет "железный порядок" распределительной системы, по которой охочи вздохнуть, увы, не одни лишь коммунисты.

Наследники Сталина продолжали относиться к слову со столь же мистическим чувством: вспомним хотя бы хрущевский шабаш с "Доктором Живаго"... Всего семнадцать лет назад кандидатура на пост главного редактора журнала "Звезда" рассматривалась и утверждалась за кремлевскими стенами в недрах ЦК КПСС... В 1989 г. - впервые в практике советских "толстых" журналов - главным редактором

"Звезды" стал человек, выбранный Ленинградской писательской организацией и поддержанный редакцией журнала, прозаик Г. Ф. Николаев (прежнее руководство в лице Г. К. Холопова и его первого зама П. В. Жура было вынуждено уйти в отставку). В 1992 г. журнал, полностью перешедший в собственность коллектива редакции, возглавили выбранные им соредакторы А. Ю. Арьев и Я. А. Гордин. Таким образом, сегодня "Звезда" не является рупором какой бы то ни было партии или финансовой группы и не транслирует читателю какую бы то ни было моноидеологию.

Девиз издания - **"свобода проявляется в диалоге"**.

В постсоветское время в "Звезде" печатались и печатаются А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын, И. А. Бродский, Д. С. Лихачев, Л. Н. Гумилев, Ю. О. Домбровский, Ю. М. Лотман, В. П. Некрасов, Василь Быков, Фазиль Искандер, Сергей Довлатов, Андрей Битов, Вяч. Вс. Иванов, М. Л. Гаспаров, Александр Кушнер, Георгий Померанц, Валерий Попов, Омри Ронен, Борис Стругацкий, Натан Щаранский...

В то же время почти в каждом номере появляются новые литературные имена.

Раз в год выходит специальный тематический номер, посвященный какому-нибудь культурному явлению. Так выходили номера, целиком посвященные Марине Цветаевой, Владимиру Набокову, Иосифу Бродскому, Сергею Довлатову, русской эмиграции, неподцензурной культуре 1960-х, 1970-х и 1980-х годов, немецкой и американской культуре...

Большое внимание уделяется истории России и русской культуры. Специальные публикации, касающиеся взаимоотношений России и Кавказа (от XIX века до сегодняшнего дня), выделены в рубрику "Россия и Кавказ". Эта рубрика, появившаяся в 1995 г. (на ее основе позже издаются отдельными книгами наиболее значительные исследования), привлекает неизменное и напряженное внимание читателей и общества в целом. В ней публикуются как совершенно выпавшие из поля зрения русского общества архивные материалы о затяжных войнах на Кавказе в XIX веке, так и свидетельства наших дней, лишь в мизерной и часто усеченной форме просачивающиеся на страницы газет и экраны телевидения. В первую очередь публикации, разумеется, касаются событий в Чечне. В редакции "Звезды" была проведена ставшая международной (в ней приняли участие представители ОБСЕ) научно-практическая конференция "Россия - Кавказ: взгляд из 2000 года".

Другие постоянные рубрики "Звезды": "Исторические чтения", "Мемуары XX века", "Дневник писателя", "Наши публикации", "Из литературного наследия", "Философский комментарий", "Мнение", "Люди и судьбы", "Уроки изящной словесности", "Новые переводы"...

"Звезда" вообще не только журнал, но и своего рода клуб, в помещении редакции на Моховой 20 регулярно проводятся международные конференции, посвященные значительным явлениям русской культуры.¹⁴⁹

**Письмо А.В. Луначарского в редакцию журнала «Звезда». 9 сентября 1924 г.
В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»/**

Москва

№ 2858

9 сентября 1924

Ленинград,

Проспект 25 октября, д.20, кв.7

Дорогие товарищи:

Я очень рад сотрудничать в Вашем симпатичном журнале. У меня есть готовая статья,

довольно широко охватывающая некоторые новые западноевропейские тенденции в области искусства под названием «По поводу новой итальянской живописи». Если хотите, я Вам ее вышлю.

Что же касается участия моего в дискуссии, то я всего охотнее воздержался бы от него, так как я многократно и многообразно в ней участвовал, и оскомину она мне набилась ужаснейшую.

НАРКОМ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

А.Луначарский

А. Луначарский. Пути современной литературы.

Из речи на Всесоюзной конференции пролетарских писателей 7 января 1926 года

Какую роль мы можем и должны отвести искусству в наши дни?

Одна очень важная задача стоит перед нами сейчас — страна должна осознать себя. Это делается через Центральное статистическое управление, через наши переписи и анкеты, но материал получается плохой: осознать самого себя внешне, в циркулярах, в рациональных рассуждениях, еще не значит действительно осознать себя. Мы устроены так, что чувственное восприятие для нас важнее, чем умственное. Мы считаем что-либо основательно познанным, когда мы почувствуем его не только головой, но призовем к этому всю нашу нервную систему. Особенно верно это в отношении народных масс, о которых т. Крупская как-то правильно выразилась, что масса мыслит образно, а все остальное ей ничего не говорит¹. Узнать, что такое представляют из себя все разнообразные типы крестьян, что делается в рабочем классе, что такое нынешний обыватель, что такое центр и провинция, какими запросами живет руководитель всего — коммунист, каков облик трудового интеллигента нашего времени и т. д., — всего этого никакими анкетами и статистикой не сделать так, как можно сделать с помощью художественного слова. И в этом его огромное значение.

Но художественное слово было всегда актом самопознания тех классов, которые поднялись на соответственный уровень развития. В политике на классовом сознании пролетариата мы уже стоим обеими ногами. А между тем литературы, которая освещала бы самого рабочего, его класс во всю ширь, мы еще не имеем или, вернее, она только нарождается. Ни один самый сухой политик не может отрицать того, что литературные задачи являются в настоящее время глубочайшими политическими задачами. Но они очень тонки и сложны.

Ибо дело совсем не в том, чтобы по партийной шпаргалке создать такого крестьянина, какого мы желаем. Бывает, что, когда беллетрист дает нам реальный портрет какого-нибудь реального жизненного типа, раздается возглас: нет, это не похоже! На что не похоже? А не похоже на заранее составленную говорящим схему. Такой подход к литературе ничего, кроме вреда, ей не принесет. Художник должен быть колоссально правдив и брать свои образы из подлинной жизни. Всякий писатель, который подменяет жизненный образ надуманным, является лжецом и предателем по отношению к партии. Еще раз повторяю: художник должен быть абсолютно правдив. Его психический механизм делится на две части: с одной стороны, это тончайший воспринимающий аппарат, ловящий и фиксирующий жизненные впечатления, и здесь объективность художника должна быть доведена до высочайшей точки. С другой стороны, это аппарат, воспроизводящий жизненные впечатления в определенных образах и формах, вызывающих определенный психологический эффект. Тут задача художника еще труднее. Конечно, и при воспроизведении художник должен быть максимально объективен, он ни в коем случае не может подменять факты. Но вместе с тем, нисколько не уклоняясь от истины, он может и должен показать добро и зло, в художественной форме высказать свое суждение об изображаемых явлениях. И за это его никто не осудит. Разве в искусстве мы ищем только познания? Разве мы признаем вполне могучим того автора, прочитав которого мы обогатили свой ум некоторыми новыми фактами? Нет, мы всегда испытываем огромное

влияние писателя. Писатель — учитель, он зовет к тому, что должно быть. Он — проповедник. Так всегда до сих пор было в России, и так должно остаться. Но если писатель сделается скучным проповедником, если вместо живых образов он будет давать сухие схемы, — тогда он фатально выпадает из своего искусства, ибо вся сила писателя — в проповеди образами. Мы должны стремиться поэтому к тому, чтобы в чисто художественном образе билось коммунистическое сердце. Только тот настоящий пролетарский писатель, кто может, не насилуя фактов и самого себя, до такой степени чувствовать могучий прилив коммунистической эмоции, коммунистической идеи, что каждая его строчка будет вести нас к правильному пониманию фактов и толкать на правильный путь воздействия на эти факты.

Отсюда ясно, что художественная литература — самое сильное, самое дальнобойное орудие. Она действует на массы могущественнее, чем что бы то ни было другое. Ничем другим нельзя так обработать страну, как литературным словом. То же самое, само собой, относится и к театру и к кинематографу. Величайшая опасность на этом пути — фальшивые жесты и фальшивые слова. Чем меньше в литературе будет подлинного искусства, стихийно захватывающего человека, тем менее она будет действенна. Каждый писатель-коммунист должен петь по-коммунистически, но это должна быть песня яркая, завлекательная, где жизнь кипит, — песнь, использующая все приемы наибольшего воздействия на психику другого человека. Воздействия, конечно, не насильственного. Таким образом, познает ли художник или учит, он в обоих случаях выполняет колоссальную партийную, а стало быть, и общественную культурную задачу.

Теперь о попутчиках. Само собой разумеется, мы не можем их отбрасывать. Больше того, иногда мы не можем отбрасывать даже реакционных писателей, хотя бы они учили только пакостям. Почему? Потому что даже реакционный писатель иногда может дать великолепный художественный материал, может хорошо отразить массы. Тем более это относится к попутчикам. Что же делать? Запрещать? Душить? Ничего подобного! Подобные произведения надо печатать, но одновременно парализовать их вредные тенденции нашей критикой, выдержанной марксистской критикой. Материала для такой критики сколько угодно, так как попутчики, зарисовывая порой очень неплохо жизненные явления, делают из них плохие выводы или совсем не делают никаких выводов.

Совершенно ясно, что только пролетарский писатель сможет нас удовлетворить вполне. Только он сможет художественно проработать то, что нам интересно, и сделать отсюда настоящие выводы. Но тут есть одна опасность, против которой я хотел бы вас предостеречь. Во-первых, пролетарский писатель может сказать примерно так: я — пролетарский писатель и уже по этому одному талантлив. Так бывает далеко не всегда. Во-вторых, пролетарский писатель может думать: я буду говорить только ту правду, которой ждет от меня партия. Если жизнь говорит другое, — тем хуже для жизни. Этого, конечно, ни в коем случае не должно быть. Я уже говорил, что художник должен быть колоссально правдив. Он должен быть также в области своего творчества максимально свободен. Особенно если он является коммунистом. Пусть художник порой даже злоупотребляет свободой, — не беда. Это, во всяком случае, лучше, чем отсутствие свободы. Если пролетарский писатель согрешит, мы его покритикуем, и он будет на этом только расти. В каждом из нас сидит очень много мелкого буржуа, не может не сидеть: такова наша страна. И нам собственными силами выбивать этого мелкого буржуа из своей природы бывает очень трудно, почти невозможно. А коллектив может это сделать, ибо в нашем великом коллективе горит чистейшим пламенем пролетарское сознание. В коллективе мы должны черпать те силы, которые дадут нам возможность растопить себя на пролетарском огне и пролетарское золото очистить от шлака. За недостатки мы пролетарского писателя, конечно, будем бить, а за то, что в нем будет истинно коммунистического, сверкающего искрами таланта, мы его прославим, ибо этим он вносит настоящий дар в сокровищницу пролетарской культуры.

Так должен рассуждать каждый пролетарский писатель, и, исходя отсюда, он должен

спокойнее относиться к похвалам, которые раздаются и по адресу попутчика. Такие похвалы ничуть не должны его задевать. Ибо, если бы пролетарский писатель даже был сейчас маленьким мальчиком по сравнению с попутчиком, он вырастет. За ним будущее. Его нутро куда здоровее нутра попутчика. И если последний еще может написать что-нибудь хорошее и при случае посмотреть косо на мальчика, который пока выводит не совсем удобочитаемые буквы, то мы все прекрасно знаем, что когда-нибудь великое древо пролетарского искусства развернется миллионами цветов над крошечной могилой литературного попутчика.

В последние годы в среде пролетарской писательской семьи возникли и еще не изжиты внутренние разногласия. Эти разногласия естественны, потому что мы живем в переходном периоде и находимся под действием двух сил, одна из которых тянет нас назад, в буржуазное болото, а другая вперед, к поднимающемуся пролетарскому солнцу. Чем скорее мы поймем, что, будучи недовольны друг другом, полемизируя друг с другом, мы все-таки остаемся братьями-строителями пролетарской культуры, тем лучше. Ибо тогда для нас станет ясно, что, даже ударяя своего товарища острием критики, мы делаем это только для того, чтобы, сковав в нем булат, раздробить стекло. Нам нечего друг перед другом расшаркиваться и танцевать менуэт, — пусть этим делом занимаются попутчики. Нет, мы откровенно, по-братски должны сказать самим себе, что наша пролетарская литература — это мастерская, где должны коваться наши груди и наши мозги. От скрещивающихся здесь ударов сыплется все больше и больше искр, нужных для освещения мира. Да здравствуют пролетарские писатели и их служение великому классу-освободителю!

Александр Генис. Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин.¹⁵⁰

Прозаика Виктора Пелевина, чья книга рассказов "Синий фонарь" удостоилась малой Букеровской премии 93-го года, можно назвать наиболее характерным представителем собственно постсоветской словесности. Несмотря на то, что Пелевин появился на литературной арене всего несколько лет назад, его первую же крупную вещь — повесть "Омон Ра" — уже успели перевести на немецкий, французский, голландский, японский. А сейчас он выходит и в Америке, причем в одном из самых престижных издательств, в сопровождении хвалебного отзыва, где Пелевина сравнивают с самим Джозефом Хеллером, автором легендарной "Уловки-22". Такая лестная параллель оправдана не стилем, а размахом сатирических обобщений. В "Омон Ра" Пелевин разрушил фундаментальную антитезу тоталитарного общества: "слабая личность- сильное государство". Он разжаловал режим из могучей "империи зла" в жалкого импотента, который силу не проявляет, а симулирует. В посвященной "героям советского космоса" повести эту симуляцию разоблачают комические детали, вроде пошитого из бушлата скафандра, мотоциклетных очков вместо шлема или "лунохода" на велосипедном ходу. Однако коммунизм, неспособный преобразовать, как грозился, бытие, еще надеется преобразовать сознание. Об этом важном для поэтики и метафизики Пелевина аспекте в повести говорит комиссар космического городка: "Пока есть хоть одна душа, где наше дело живет и побеждает, это дело не погибнет. Ибо будет существовать целая вселенная... Достаточно даже одной чистой и честной души, чтобы наша страна вышла на первое место в мире по освоению космоса".

Чтобы ощутить стратегическую новизну прозы Пелевина, его удобно сравнить с героем предыдущей беседы Владимиром Сорокиным.

Сорокин предлагает читателю объективную картину психической реальности. Это- портрет души, без той радикальной ретуши, без тех корректирующих искажений, которые вносят разум, мораль и обычай.

Пелевин сознательно деформирует изображение, подчиняя его своим дидактическим целям.

Сорокин показывает распад осмысленной, целеустремленной, телеологической вселенной "совка". Его тема- грехопадение советского человека, который, лишившись невинности, низвергся из соцреалистического Эдема в бессвязный хаос мира, не подчиненного общему замыслу. Акт падения происходит в языке. Герои Сорокина, расшибаясь на каждой стилистической ступени, обрушиваются в лингвистический ад. Путешествие из царства необходимости в мир свободы завершается фатальным неврозом-патологией захлебнувшегося в собственной бессвязности языка.

Пелевин не ломает, а строит. Пользуясь теми же обломками советского мифа, что и Сорокин, он возводит из них фабульные и концептуальные конструкции.

Сорокин воссоздает сны "совка", точнее- его кошмары. Проза Пелевина- это вещие сны, сны ясновидца. Если у Сорокина сны непонятны, то у Пелевина- непоняты.

Погружаясь в бессознательное, Сорокин обнаруживает в нем симптомы болезни, являющейся предметом его художественного исследования.

Пелевина интересуют сами симптомы. Для Пелевина сила советского государства выражается вовсе не в могуществе его зловещего военно-промышленного комплекса, а в способности материализовать свои фантомы. Хотя искусством "наводить сны" владеют отнюдь не только тоталитарные режимы, именно они создают мистическое "поле чудес"-зону повышенного мифотворческого напряжения, внутри которой может происходить все, что угодно.

Окружающий мир для Пелевина- это череда искусственных конструкций, где мы обречены вечно блуждать в напрасных поисках "сырой", изначальной действительности. Все эти миры не являются истинными, но и ложными их назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока кто-нибудь в них верит. Ведь каждая версия мира существует лишь в нашей душе, а психическая реальность не знает лжи.

Проза Пелевина строится на неразличении настоящей и придуманной реальности. Тут действуют непривычные правила: раскрывая ложь, мы не приближаемся к правде, но и умножая ложь, мы не удаляемся от истины. Сложение и вычитание на равных участвуют в процессе изготовления вымышленных миров. Рецепт создания таких миражей заключается в том, что автор варьирует размеры и конструкцию "видеоискателя"- раму того окна, из которого его герой смотрит на мир. Все главное здесь происходит на "подоконнике"- на границе разных миров.

Всякая граница подчеркивает, а иногда и создает различия. При этом она не только разделяет, но и соединяет. Чем больше границ, тем больше и пограничных зон, где возникают условия для такого смежного сосуществования, при котором не стираются, а утрируются черты и своей, и чужой культуры. Граница порождает особый тип связи, где различия, даже непримиримый антагонизм, служат скрепляющим материалом. Вражда, что доказывает самый беглый взгляд на политическую карту или свежую газету, объединяет крепче дружбы.

Пелевин - поэт, философ и бытописатель пограничной зоны. Он обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты- одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух. Писатель, живущий на сломе эпох, он населяет свои рассказы героями, обитающими сразу в двух мирах. Так, советские служащие из рассказа "Принц Госплана" одновременно живут в той или иной компьютерной видеоигре. Люмпен из рассказа "День бульдозериста"

оказывается американским шпионом, китайский крестьянин Чжуань- кремлевским вождем, советский студент оборачивается волком.

Изобретательнее всего тема границы обыграна в новелле "Миттельшпиль". Ее героини- валютные проститутки Люся и Нелли- в советской жизни были партийными работниками. Чтобы приспособиться к переменам, они поменяли не только профессию, но и пол. Одна из девушек- Нелли- признается другой, что раньше служила секретарем райкома комсомола и звалась Василием Цырюком. В ответ звучит встречное признание. Оказывается, в прошлой жизни Люся тоже была мужчиной и служила в том же учреждении под началом того же не признавшего ее Цырюка:

"-Усы, значит, были,- сказала Люся, и откинула упавшую на лицо прядь.- А помнишь, может, у тебя зам был по оргработе? Андрон Павлов? Еще Гнидой называли?"

-Помню,- удивленно сказала Нелли.

-За пивом тебе ходил еще? А потом ты ему персональное дело повесила с наглядной агитацией? Когда на агитстенде Ленина в перчатках нарисовали и Дзержинского без тени?"

Эпизод с коммунистами-оборотнями- лишь частный случай более общего мотива превращений. В "Миттельшпиле" важно, не кем были герои и не кем они стали,- важен сам факт перемены. Граница между мирами непреступна, ее нельзя пересечь, потому что сами эти миры есть лишь проекция нашего сознания. Единственный способ перебраться из одной действительности в другую- измениться самому, претерпеть метаморфозу. Способность к ней становится условием выживания в стремительной чехарде фантомных реальностей, сменяющих друг друга.

Собственно, граница- это провокация, вызывающая метаморфозу, которая подталкивает героя в нужном автору направлении. Дело в том, что у Пелевина есть "message", есть символ веры, который он раскрывает в своих сочинениях и к которому хочет привести читателей. Вопреки тому, что принято говорить о бездуховности новой волны, Пелевин склонен к спиритуализму, прозелитизму, а значит, и к дидактике. Считают, что он пишет сатиру, скорее- это проповедь или басня.

В поздних фильмах Феллини самое интересное происходит в глубине кадра- действия на переднем и заднем плане развиваются независимо друг от друга. Так, в фильме "Джинджер и Фред" трогательный сюжет разворачивается на фоне специально придуманных режиссером безумных рекламных плакатов, мимо которых, их не замечая, проходят герои.

К такому же приему, требующему от читателя повышенной alertности, прибегает и Виктор Пелевин. Важная странность его прозы заключается в том, что он упрямо вытесняет на повествовательную периферию центральную "идею", концептуальную квинтэссенцию своих сочинений. Обо всем по-настоящему серьезном здесь говорится вскользь. Глубинный смысл происходящего раскрывается всегда неожиданно, якобы невпопад. Наиболее существенные мысли доносят репродуктор на стене, обрывок армейской газеты, цитата из пропагандистской брошюры, речь парторга на собрании. Так, в рассказе "Вести из Непала" заводской репродуктор бодрым комсомольским языком пересказывает тибетскую "Книгу мертвых": "Современная наука установила, что сущностью греха является забвение Бога, а сущностью воздушных мытарств является бесконечное движение по суживающейся спирали к точке подлинной смерти. Умереть не так просто, как это кажется кое-кому..."

Информационный мир у Пелевина устроен таким образом, что чем меньше доверия вызывает источник сообщения, тем оно глубокомысленнее. Объясняется это тем, что вместо обычных причинно-следственных связей тут царит синхронический, как назвал его Юнг, принцип. Согласно ему явления соединены не последовательно, а параллельно. В таком единовременном мире не объяснимые наукой совпадения не случайны, а закономерны.

Пелевин использует синхронический принцип, чтобы истребить случай как класс. В его тексте не остается ничего постороннего авторской цели. Поэтому все, что встречается на пути героя, заботливо подталкивает его в нужном направлении. Как в хорошем детективе или проповеди, каждая деталь тут- предзнаменование, подсказка, вежа.

В поэтике Пелевина не может быть ничего постороннего замыслу потому, что в его мире случайность- непознанная (до поры, до времени) закономерность. Текст Пелевина не столько повествование, сколько паломничество. Тут все говорит об одном, а значит, и автору, в сущности, безразличен предмет разговора: не материал важен, а его трактовка. Глубинный смысл обнаруживается в любом, в том числе и самом тривиальном сюжете; чем более он избит, тем ярче и неожиданнее оказывается скрытое в нем эзотерическое содержание.

На этом приеме построено много произведений Пелевина, включая и энтомологическую мистерию "Жизнь насекомых", пересказывающую самую, наверное, известную басню Крылова "Стрекоза и муравей". Однако настоящим шедевром такой поэтики представляется мне его новая книга "Чапаев и Пустота". Этот замечательный роман вырос из одной остроумной предпосылки. Пелевин, взяв фольклорные фигуры "чапаевского цикла"- Василия Ивановича, Петьку, пулеметчицу Анку и Котовского, превратил их в персонажей дзен-буддистской притчи.

Так, Чапаев в его романе стал аббатом, хранителем дхармы, мастером дзена, учителем, который в свойственной восточным мудрецам предельно эксцентрической манере ведет к просветлению своего любимого ученика- петербургского поэта Петра со странной фамилией Пустота. Впрочем, нам он больше известен в качестве чапаевского адъютанта Петьки.

Дружба народов

Журнал "Дружба народов" основан в 1939 году.

Журнал, охватывает и поддерживает единое культурное пространство, созданное за многие десятилетия усилиями деятелей искусства и культуры всех стран, входящих в состав бывшего Советского Союза.

Журнал публикует: новые произведения писателей и поэтов России, стран ближнего и дальнего зарубежья; актуальные очерки и эссе, анализирующие острейшие проблемы современности – национальные, общественные, религиозные, культурные и нравственные; литературные обзоры и критические статьи.

1934 год, 17 августа

ИЗ ДОКЛАДА А. М. ГОРЬКОГО НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Москва, Колонный зал Дома союзов:

«...Далее, я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература. Так как литературы братских нам республик, отличаясь от нас только языком, живут и работают при свете и под благотворным влиянием той же идеи, объединяющей весь раздробленный капитализмом мир трудящихся, ясно, что мы не имеем права игнорировать литературное творчество нацменьшинств только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом — гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, зодчества. Не следует забывать, что на всем пространстве Союза Социалистических Республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа «к жизни честной—человеческой», к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры. Мы уже видим, что чем дальше вперед, тем более мощно этот процесс выявляет скрытые в 170-миллионной массе способности и таланты...»

1934 год, 1 сентября

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ А. М. ГОРЬКОГО НА СЪЕЗДЕ:

«...Далее, необходимо издавать на русском языке сборники текущей прозы и поэзии национальных республик и областей, в хороших переводах». (Аплодисменты). (М. Горький, Собр. соч. в 30 томах, т. 27, М, 1953, с. 324—325, 342).

ЛЕТОПИСЬ

АЛЬМАНАХ (1939—1954)

1939 год

Март. Подписана к печати первая книга альманаха «Дружба народов». Объем книги—около 19 авторских листов, тираж—10 тысяч экземпляров. Ответственный редактор выпуска—Г. А. Ржанов.

Издательская аннотация: «Государственное издательство «Художественная литература» при СНК РСФСР в 1939 году приступает к изданию альманаха художественной литературы народов СССР «Дружба народов». Альманах «Дружба народов» ставит своей задачей обмен опытом литературно-художественного творчества и показ роста поэзии и прозы всех народов СССР. Альманах «Дружба народов» будет систематически знакомить широкие читательские круги Советского Союза с лучшими произведениями писателей и поэтов союзных и автономных республик и автономных областей. В альманахе будут печататься также произведения классиков и наиболее яркие образцы народного эпоса и фольклора. Отдел публицистики и критики, помимо разбора отдельных произведений, покажет творческий путь прозаиков и поэтов братских республик».

Передовая статья альманаха открывается словами: «Советский народ поет. Его песни говорят о радости труда и побед, об успехах социалистического строительства. Они не знают рубежей и слышны во всем мире. Они рассказывают о чудесном расцвете великого созвездия одиннадцати союзных республик, из которых каждая стала яркой, сверкающей жемчужиной... Советскому народу есть о чем петь...» Тон соответствует эпохе.

Раздел «Художественная литература» открывается подборкой стихотворений Тараса Шевченко; среди них «Заповіт» в переводе Н. Тихонова. Шевченковская тема связана со 125-летием поэта. В альманахе напечатано стихотворение Абдильды Тажибаева «Разговор с Тарасом», повесть Михаила Зоценко «Тарас Шевченко», новелла Андрея Малышко «Встреча», повесть Алексея Десняка «Полк Тимофея Черняка». Кроме Украины, составившей основную тему первой книги альманаха, здесь представлены и другие республики; среди публикаций — стихи Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Переца Маркиша, Самеда Вургуна; главы из второй книги романа Стефана Зорьяна «История одной жизни». В разделе «Фольклор» — армянские и таджикские сказки,

грузинские и туркменские пословицы и поговорки. В отделе «Критика и публицистика» — статьи о Шевченко и о Шолом-Алейхеме, об устном эпосе Таджикистана.

В конце книги уведомление: «В 1939 году будет выпущено четыре книги альманаха «Дружба народов». (Выпустят три — Сост.).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. В. ЕВГЕНОВА (критик, работник комиссии литератур народов СССР Союза писателей);

«В конце 1938 года в Гослитиздате, которым тогда руководил видный политический деятель, публицист и дипломат С. А. Лозовский, было принято решение об издании альманаха «Дружба народов».

Альманах — не журнал, на такое издание не требовалось специального постановления вышестоящих организаций, достаточно было поддержки со стороны Союза писателей СССР и включения в план издательства. А. А. Фадеев, возглавлявший Президиум Союза писателей СССР, горячо одобрил эту инициативу, и издательство, в котором автор этих воспоминаний заведовал тогда сектором литератур народов СССР, приступило к организации нового издания.

Первая книга альманаха была подписана к печати заместителем главного редактора издательства Г. А. Ржановым, но надо было подобрать постоянного ответственного редактора из числа видных писателей. Нелегкая задача! Тогда еще очень немногие крупные писатели интересовались литературами братских народов, а во главе альманаха должен был стоять писатель, знающий эти литературы, известный в советских республиках. В поисках такого редактора гослитиздатовцы обратились к спискам писательских бригад, выезжавших перед Первым съездом писателей в братские республики, поинтересовались творческими результатами этих поездок.

Первой и, пожалуй, самой значительной, как по составу, так и по опубликованным после поездки произведениям были туркменская бригада 1930 года. В нее входили В. В. Иванов, Л. М. Леонов, В. А. Луговской, П. А. Павленко, Г. А. Санников и Н. С. Тихонов...

Осенью... 1933 года Павленко возглавил бригаду Оргкомитета Союза советских писателей, направленную в Грузию. Его отношение к Грузии отличалось всегда особенной проникновенностью и теплотой. «Каждый русский начинал любить Грузию раньше, чем узнавал ее, — утверждал Павленко. — Она запоминалась сначала как тема поэзии и только потом уже как страна...»

Как никто другой в те времена, Павленко понял значение литератур народов СССР для всего процесса развития единой многонациональной советской литературы. В этом сказалась горьковская школа. Павленко знал братские литературы не понаслышке; он следил за ними внимательно...

Короче говоря, в Гослитиздате и Союзе писателей как-то сразу возникла и прочно утвердилась кандидатура П. А. Павленко. Через несколько дней он сидел в кабинете директора Гослитиздата в Большом Черкасском переулке, и Лозовский уговаривал его взять на себя редактирование «Дружбы народов».

— Ведь вы участвовали в осуществлении многих замыслов Горького, создавали вместе с ним и редактировали альманах «Год ...цатый», журнал «Колхозник»; под этой крышей редактировали журнал «30 дней», — неторопливо и несколько торжественно перечислял Лозовский. — Я думаю, что вы можете нам осуществить еще один важный замысел Горького — выпускать альманах, посвященный творчеству советских народов. Подумайте, какое широкое поле деятельности развернется перед вами, сколько новых национальных писателей выдвинутся на всесоюзную арену! Возьмите на Себя редактирование «Дружбы народов».

«— Так-то оно так, да не очень это просто! — отвечал Павленко, скептически поглядывая сквозь толстые стекла своих очков. — Все правильно; Горький на съезде писателей дважды говорил, что нужно издавать на русском языке сборники прозы и поэзии национальных республик. Но при этом он подчеркнул: в хороших переводах и систематически. Он говорил и о том, что альманахи эти надо выпускать не менее

четырёх книг в год, то есть как раз столько, сколько и вы намерены издавать... Но ведь не случайно именно этой инициативе Горького так не везло! Другие сразу же осуществлялись, а этой вот — не везло...

Петр Андреевич оказался в курсе всей «предыстории вопроса».

— В первый раз Горький выступил с предложением об альманахе вскоре после своего возвращения в Советский Союз и уже в двадцать восьмом году договорился с Халатовым о том, что Госиздат будет выпускать такие альманахи. Понимая всю сложность и новизну этого дела, Алексей Максимович сам разработал его организационную сторону. Он предлагал создать при республиканских госиздатах редакционные группы, которые снабжали бы всесоюзный альманах материалом — всем лучшим, что будет появляться в данной братской литературе. Вступительную статью для нового издания Горький тогда же написал, и статья эта была напечатана в «Правде» и в «Известиях» (А. М. Горький, Литературное творчество народов СССР. «Правда», «Известия» — от 19 сентября 1928 г. — Прим. ред.). А альманах так и не появился! И вот только теперь, через десять лет после первого выступления Горького с предложением об альманахе, мы как будто всерьез приступаем к этому делу.

— Я не буду вам делать комплиментов, но я услышал от вас сейчас так много нового, что просто восхищен вашим сообщением! — воскликнул С. А. Лозовский. — Вы интереснейший доклад на эту тему можете сделать и знаете, как за это дело взяться, — так кому же, как не вам, и карты в руки: осуществляйте завет Горького, берите на себя редактирование «Дружбы народов»!

И Лозовский с улыбкой, застрявшей в пушистых усах, и с добрейшей лукавинкой во взгляде посмотрел на меня: «Вот, мол, какие несокрушимые аргументы мы выдвигаем! Учитесь!»

— Позвольте, Соломон Абрамович, необходимо не только вспомнить, но и запомнить: предложение Горького о создании альманаха литератур народов СССР не осуществлялось только потому, что это оказалось во много раз более трудным, чем издание любого другого журнала или альманаха на русском языке. Что надо сделать? Прежде всего, нужна постоянная «разведка» в братских республиках, чтобы альманах знал о каждой новинке, о каждой удаче, более того — о каждом интересном замысле, появившемся у того или иного национального писателя. Необходимы хорошие, буквально безукоризненные переводы. И еще — необходима строжайшая периодичность издания. Кроме того, приступая к изданию альманаха, мы в перспективе должны видеть журнал...

— Обеими руками готов проголосовать за все, что вы здесь предлагаете! — воскликнул Лозовский. — Так давайте же ударим по рукам, принимайте на себя альманах!

По рукам в конце концов ударили, и П. А. Павленко стал редактором альманаха «Дружба народов» («Павленко в воспоминаниях современников». М, 1963, с. 126—130).

ИЗ СТАТЬИ ПЕТРА ПАВЛЕНКО; «Первая книга нового альманаха возбуждает много приятных надежд. Создание такого печатного органа, в котором отражался бы весь опыт многонациональной советской литературы,—дело трудное, новое, но хочется думать, что редакция альманаха уже нащупала самое основное, что надлежит делать, хотя и не сделала в первой книге всего того, что поставило бы этот том в ряд замечательных или бесспорно ценных новинок.

Альманаху «Дружба народов» предстоит стать основным органом, объединяющим лучшие силы переводчиков с советских языков, и поэтому вопросам переводов и творческой работе самих переводчиков должно быть уделено много места. Пора говорить о переводчиках-художниках» («Литературная газета», 20 апреля 1939 г.).

Май. Подписана к печати вторая книга альманаха. Объем увеличен до 23 с половиной листов. Ответственный редактор — П. Павленко, заместитель — А. Деев. Среди авторов книги; Сулейман Стальский, Ованес Шираз, Аркадий Кулешов, Семен Склярченко, Шалва Дадиани, Георгий Гулиа, Кондрат Крапива, Мкртич Корюн. В отделе «Эпос и фольклор» — главы из «Давида Сасунского», из «Джангара». В «Критике и

публицистике»—статьи о белорусской литературе, о первом коми поэте Иване Куратове, о Низами Гянджеви,

ИЗ СТАТЬИ Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА «ВТОРАЯ КНИГА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»:

«...В прозе альманаха мало произведений о советской жизни, а из тех, что опубликованы, не все удачно... Богаче поэзия альманаха. Она подобрана не случайно, а с определенной целью представить поэзию народов СССР с той стороны, с которой ее меньше всего знают в переводах... Открылись новые имена, например, Овакес Шираз, армянский лирик, или Рахиль Баумволь, еврейская поэтесса...

В альманахе нет критики. Есть информационные сообщения о той или иной литературе (например, «Заметки о белорусской литературе» Климовича), о предстоящих юбилеях. Такие статьи нужны, но они не могут заменить критики — работ, в которых было бы прослежено движение стиля многонациональной советской литературы — сложный и своеобразный переход к новым литературным формам...

Если первая книга альманаха еще попытка того, что должно заполнить его страницы, то во второй уже виден опыт, но еще нет мастерства» («Литературная газета», 26 июля 1939 г.).

Октябрь. Третья книга альманаха. Объем — 25 листов. В центре книги—роман Лео Киачели «Гвади Бигза». В поэтическом разделе: Павло Тычина, Гегам Сарьян, Ата Салих, Чимит Цыдендамбаев, Гамзат Цадаса. В разделе «Классики»: Шолом-Алейхем, Молла Непес, Сеиди, Кемине. Статья Ованеса Туманяна о Лермонтове— «Великий приемный сын Кавказа», написанная в 1914 году.

ИЗ ХРОНИКИ: Роман Лео Киачели «Гвади Бигва» получил Государственную премию; вскоре после публикации его в альманахе он вышел отдельной книжкой, а потом — трехсоттысячным тиражом в «Роман-газете» — первый случай издания произведения современного грузинского писателя «Роман-газетой».

1940 год

Январь. Президиум Союза писателей СССР утверждает Постановление бюро национальных комиссий СП СССР «Об упорядочении дела художественных переводов с языков народов СССР». Постановление это имеет прямое касательство к работе альманаха «Дружба народов» и будет опубликовано в одной из ближайших книг. Поскольку споры о подстрочнике, идущие в нашей критике уже почти полвека, все время возвращаются к сакраментальному вопросу о том, откуда взялся этот феномен, то есть смысл процитировать «практическую часть» постановления: мы находимся как раз у истока проблемы. В постановлении сказано: «Для переводчика необходимо знание языка переводимых им произведений... Так как подготовка кадров, владеющих языками... потребует известного (и немалого) времени, а потребность советского читателя в художественных переводах с языков народов СССР должна удовлетворяться безотлагательно, может допускаться как временная мера практика художественного перевода путем организации предварительного подстрочного перевода с оригинала...»

Март. Четвертая книга альманаха. Главы из поэмы Георгия Леонидзе «Детство вождя». На эту же тему стихи Ованеса Шираза, Григория Абашидзе, Самуила Галкина, Абрама Кацнельсона, Давида Кугультинова, Абульгасема Лахути. В разделе «Классики» — проза Василия Стефаника и Ивана Франко. «Фольклор»: украинские народные думы о вожде в переводах Семена Липкина; на ту же тему, в его же переводе — песня, пропетая акынами-орденоносцами Алымкулом Усенбаевым и Калыком Акиевым при открытии декады киргизского искусства в Москве летом 1939 года. Песни белорусов и эвенков о вожде.

Июль. Пятая книга альманаха. Драматическая поэма Самуила Галкина «Бар-Кохба» о восстании иудеев против Рима в 132—135 годах н. э. Новелла Константина Гамсахурдиа «Хогаис Миндия» о борьбе хевсуров с кистинами сто лет назад. Стихи Максима Рыльского, Аветика Исаакяна, Дмитрия Гулиа; среди переводчиков Борис Пастернак, Николай Ушаков, Вера Звягинцева. Раздел «Классики»: Сабир, Бесики, Ицек-Лейбуш

Перец. О последних двух — статьи в разделе «Критика и библиография»; там же — статьи о Низами, о «Джангаре». В разделе «Фольклор» — коми-пермяцкие сказы, туркменские сказки, песни калмыцкого народа. «Покосим тучную траву по балкам, меж холмами, насытим наши табуны обильными кормами...» (До войны остается менее года. — Сост.).

1941 год

Январь. Шестая книга альманаха; посвящена она творчеству писателей автономных республик и областей. Среди авторов: якут Элляй, ингуш Х.-Б. Муталиев, чеченец А. Мамакаев, татарин А. Файзи, чуваш В. Уели, мордвин А. Мартынов, марийцы А. Бик, М. Казаков, И. Осмин, кумык А. Сулейманов... Ярко представлены польские литераторы, среди них Ванда Василевская, Леон Пастернак. «Классики»: Низами Гянджеви, Важа Пшавела, Акакий Церетели. Среди переводчиков; Владимир Державин, Марина Цветаева, Павел Антокольский...

Февраль. Седьмая книга альманаха. Роман Мир Джа-лала «Манифест молодого человека». Стихи Симона Чиковани, Ми-колы Бажана, Сулеймана Рустама, Кайсына Кулиева, Самуила Ро-сина. Традиционные разделы: «Классика», «Фольклор», «Критика и библиография». Подборка таджикских пословиц. «Не безопасен лес, хоть ласков он на вид — возможно, страшный тигр в его чащобе спит». (До начала войны — семнадцать недель. — Сост.).

Май. Восьмая книга альманаха, В центре внимания — литераторы Прибалтики. Иоханнес Семпер, Янис Плаудис, Андрей Упит, Валдис Луке, Вилис Лацис, Антанас Венцлова, Ян Райнис-Главы из «Калевипоэга». Эстонские и латышские народные песни. «Три девицы похвалялись вплавь Даугаву переплыть. Три поплыли — две доплыли, третью омут затянул. ...Было горя в той девице В кручины сто пудов: был любезный у девицы, да уехал далеко...» (Подписано к печати 24 мая 1941 года. — Сост.).

ИЗ ХРОНИКИ; «В Риге организуется музей латышского народного поэта Яна Райниса. В конце 1941 года в Москве будет проведена декада татарского искусства...»

Июнь. П. А. Павленко в звании бригадного комиссара в А. Д. Деев, рядовой боец народного ополчения, уходят в армию.

«...Второй день войны. И дисциплина, организованность еще строже. Люди как-то раскрылись, стали государственнее, сосредоточеннее, оживленнее.

Теперь у всех одно дело — война. У всех одна цель — победа... Быть трижды сильнее, чем был!..

Ни часу отдыха! Ни часу безделья!..» (Из статьи П. Павленко «Великие дни», «Правда» от 24 июня 1941 г.).

1942 год

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ С. В. ЕВГЕНОВА:

«Как-то раз в конце сорок второго года, приехав в Москву на пару дней, я встретил Павленко в Доме литераторов. Офицерская форма, уже с полковничьими погонами, защитного цвета, ладно сидела на нем, ремни были подтянуты. Я полушутя-полусерьез похвалил его за воинскую выправку.

...Погоревали мы с ним по поводу гибели талантливого А. Дес-няка, порадовались успехам В. Василевской, Н. Рыбака, В. Собко, С. Головановского, С. Складенко и других. Впервые от Павленко я услышал имя Михаила Стельмаха. — Петр Андреевич хвалил его книжку стихов и отдельные очерки и рассказы, появившиеся в периодической печати» («Павленко в воспоминаниях...», с. 137).

1943 год

Октябрь. Альманах «Дружба народов» возобновлен после тридцатимесячного перерыва. Подписана к печати девятая книга. Вид альманаха сильно изменился: он стал вчетверо тоньше, бумажная обложка — на пределе бедности, в выходных данных — Только фамилия издательского редактора Аркадия Деева; ни художника, ни корректоров. Но книга вышла. «Мой край! Невмочь мне видеть свет! Ведь каждую слезою ты выжигашь

страшный след, что в гроб возьму с собою!»—стихи Максима Рыльского, открывающие альманах. Кайсын Кулиев: «Потомки храбрые абреков мы. Они дороги указали нам. Не скроются враги от нас среди тьмы. Да будет наша клятва: «Смерть врагам!» Иоганнес Семпер;

«Достанется ль новая жатва фашистам? Что ждет тебя, многострадальный народ? Бичи упадают с неистовым свистом, Запленного мастера усталость берет...» Далее, в отделе поэзии — Пимен Панчен-ко; «Подбитый танк»; Янис Судрабкалн: «Яблоня и винтовка»; Гафур Гулям: «Жду тебя, сын мой!»; рассказ «Галя» Михаила Стельмаха, рассказ Юрия Яновского «Младший сержант», рассказ Андрея Упита «Трудовая повинность», рассказ Пятраса Цвирки «По дорогам войны»... Статья Виктора Евсеева «Борьба с немецкими захватчиками по карело-финским народным песням». Справка об авторах в конце книги; «Арвидас Григулис... работает во фронтовой газете латышской стрелковой дивизии. Кайсын Кулиев... боец Красной Армии. Пимен Панченко..., с первых дней Великой Отечественной войны находится в рядах армии... Семен Скляренко... в рядах армии...»

1944 год

Август. Десятая книга альманаха. Поэзия: «Киев» Павло Тычины, «Рассказ о знамени» Андрея Малышко, «Беларусь» Максима Танка, «Сибиряки идут» Пимена Панченко, «Слово о грядущем» Самеда Вургуна, «Возвращение» Саломеи Нерис. «Наконец, домой вернулись, только дома нет. Часток кол крестов вдоль улиц застит белый свет...» Проза: «Украина» Василия Гроссмана, «Возвращение в жизнь» Анны Саксе, «Верная кровь» Леонида Первомайского, «Из дневника лейтенанта Байрамова» Расула Рызы... В возобновленных разделах «Классика» и «Фольклор» — «Времена года» К. Донелайтиса и осетинский эпос «Нарты». В разделе критики — «Илья Чавчавадзе о братском союзе русского и грузинского народов», «Тема патриотизма в грузинской поэзии» — статьи Левана Асатиани в Грузии Ломидзе.

1945 год

Февраль. Одиннадцатая книга альманаха. «И стало вдруг просторно на земле! И словно артиллерия гремела и бомбы падали. Река во мгле куда-то вниз стремительно летела и трупы немцев жадно уносила, — они, крутясь, срывались в никуда. Их не держала на себе вода, но бездна их взяла и поглотила...» — из поэмы Павло Тычины «Гроза», открывающей книгу, Среди других авторов — Людас Гира, Дебора Вааранди, Берды Кербабаяев, Миришакар, Ата Каушуттов, Мехти Гусейн, Иззат Султанов. В разделе «Фольклор» — узбекский народный эпос; «Песни непокоренной Украины»: партизанские, солдатские, записанные в госпиталях,,,

1946 год

Февраль. Двенадцатая книга альманаха. Стихи Сай-фи Кудааша, Максима Рыльского, Деборы Вааранди, Веры Звягинцевой, Антанаса Венцловы, Саломеи Нерис, Платона Воронько. Рассказы Арвида Григулиса, Кузьмы Черного... Характерная черта: альманах восстанавливает довоенную обложку, красную, с орнаментом (три книжки военного времени заключены в обложку из простой бумаги, без всяких украшений). И еще существенно: восстановлен довоенный объем альманаха: двадцать листов. Впервые увеличен тираж: с десяти до пятнадцати тысяч экземпляров.

1947 год

Январь. Тринадцатая книга альманаха. Стихи Григола Абашидзе, Ясыра Ширвазы, Геворка Эмина, Зульфийи, Сергея Пюрбю; проза Семена Скляренко, Георгия Гулиа, Ильмара Сике-мяэ, Аалы Токомбаева, Пятраса Цвирки, Эдуарда Вилде. Раздел «Классика»: Навои, Индалиб, Франтишек Богушевич, Юлюс Яно-нис. «Фольклор»: бурят-монгольские исторические песни, якутские олонхо...

Апрель. Четырнадцатая книга альманаха. Альманах обновлен. Появился новый главный редактор — Петр Скосырев. Сформирована редколлегия: В. Гольцев, А. Деев, К. Зелинский, С. Кирьянов, Г. Корабельников, Ю. Либединский, С. Липкин, Н. Тихонов.

Изменена структура издания: введены два «журнальных» публицистических раздела: «По советским республикам» и «Трибуна писателя»; вместо раздела «Статьи» — раздел «Теория и критика» — при сохранении раздела «Библиография». Изменен и полиграфический вид издания; оно приобретает внешний вид ежемесячного толстого журнала, хотя числится по-прежнему альманахом. Тираж прежний— 15 тысяч. Издательство (с 1946 года) «Советский писатель».

Октябрь. Выход двух книг альманаха.

Пятнадцатая книга. В центре — роман Берды Кербабоева «Решающий шаг». Стихи Леонида Мартынова, Петруся Бровки, Александра Чака, Таи-ра Жарокова, Чимита Цыдендамбаева, Калижана Бекхожина, молдавских поэтов. Статья Николая Тихонова «Низами и Навои» и отрывки из обоих классиков — к 800-летию первого и 500-летию второго.

Шестнадцатая книга. Наиболее яркая публикация— подборка «Голоса молодых друзей». «Авторы этих стихов—молодые поэты различных советских народов. Переводчики их — молодые поэты-москвичи,— пишет в предисловии к подборке участница Всесоюзного совещания молодых писателей Галина Шергова.— Публикуемые стихи — результат дружбы, возникшей между нами, когда мы впервые познакомились на Всесоюзном совещании молодых писателей, созванном ЦК ВЛКСМ и Союзом писателей СССР в марте 1947 года... Дружба будет крепнуть. Эти переводы—только первый документ ее». Далее—переводы стихов: Иосиф Ноне-швили — Семен Гудзенко; Реваз Маргиани — Марк Максимов и Вероника Тушнова; Мирмухсин—Владимир Мильчаков, Шукрулло—Галина Шергова; Мустай Карим — Алексей Недогонов; Расул Гамзатов—Михаил Дудин; Платон Воронько—Александр Ойслендер;

Рачик Ованесян — Мария Петровых; Жамсо Тумунов — Василий За-харченко... Имена эти появляются как молодые.

1948 год

Июнь. Семнадцатая книга. Стихи Яна Судрабкална, Андрея Мальшико, Баграта Шинкубы, Николая Заболоцкого, Хоца Намсараева... Роман Тембота Керашева «Дорога к счастью». Из автобиографии Керашева: «В начале 1928 года в зале краснодарского вокзала я увидел висящий на стене плакат с текстом «Интернационала». Суровые и величественные слова ...потрясли меня, Я тут же на вокзале списал слова рабочего гимна и перевел его на адыгейский язык... Своей радостью от того, что я справился с таким трудным делом, я поделился с некоторыми товарищами... Узнал об том и секретарь оргбюро РКП(б) Адыгейской автономной области. Он вызвал меня к себе и стоя прослушал гимн на адыгейском языке. Я навсегда запомнил эту прекрасную минуту. Впервые тогда я подумал, что могу стать поэтом...» (В 1923 году Темботу Керашеву — двадцать один год. В будущем — зачинатель адыгейской прозы. Его перевод «Интернационала» вошел в жизнь адыгов. Роман «Дорога к счастью» Тембота Керашева удостоен Государственной премии.— Сост.).

Декабрь. Восемнадцатая книга. Главы из второй книги Мухтара Ауэзова «Абай»; повесть Ивана Рябокляча «Золототысячник». (Повесть Рябокляча отмечена Государственной премией год спустя; роман Ауэзова—Ленинской премией десять лет спустя.- Сост.). Стихи Расула Гамзатова в переводах Наума Гребнева в Якова Козловского — начало славного содружества.

При всей яркости отдельных публикаций к концу 1948 года становится заметной некоторая застылость форм и рубрик, некоторая «академичность» подачи материала в альманахе. Впервые за все годы тираж падает—с 15 тысяч до 10 тысяч. Назревают перемены.

1949 год

Обновляется редколлегия альманаха: в нее введены Микола Бажан, Сергей Бородин, Люциан Климович. Меняется ответственный редактор: им становится Виктор Гольцев (Петр Скосырев остается в редколлегии). Перестраивается структура издания: объем

каждого выпуска уменьшается (с 30 до 18 листов), но увеличивается количество выпусков в год: издание становится регулярным;

шестьразовым. Это уже явный шаг от альманаха к журналу, и хотя «Дружба народов» по-прежнему числится альманахом, это уже новый альманах: с 1949 года нумерация выпусков начинается заново, с первого, и завершается шестым к концу каждого года, Тираж обновленного издания поднимается до 20 тысяч.

Апрель. Первая книга. Стихи о Ленине:

Александр Жаров, Гурген Борян, Микола Бажан, Максим Танк, Сайфи Кудаш, Мирмухсин, Павел Антокольский... Рассказы Арвида Григулиса и Рудольфа Сирге. Заметки Мариэтты Шагинян о карело-финском народном эпосе «Калевала»...

Май. Вторая книга. Роман Габидена Мустафина «Миллионер» — перевод с казахского Юрия Либединского. Стихи Георгия Леонидзе (переводы Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского). Статья Мухтара Ауэзова «Традиции русского реализма и казахская литература»: «Исторический опыт наглядно показывает, что наши национальные литературы развивались тем быстрее и глубже, чем серьезнее, сознательнее творчески воспринимались виднейшими представителями этих литератур лучшие традиции русского реализма. Передовые писатели развивали эти традиции в применении к своей национальной специфике, обогащая их чертами и красками, почерпнутыми из богатств родного языка, жизни, труда и быта, особенностей характера родного народа и своей национальной культуры».

Июнь. Третья книга. Роман Мехти Гусейна «Апшерон». Пушкинские юбилейные материалы; стихи Гамзата Цадаса, Ахмеда Ерикеева, Сулеймана Рустама, Яниса Плаудиса, Максима Рыльского, Сайфи Кудаша, Жамсо Тумунова, Эди Огнецвет, Максима Танка, Ашота Граши, Хута Берулава. «Трибуна писателя» — статьи о Пушкине: Аветик Исаакян, Самед Вургун, Шалва Дадиани, Аркадий Кулешов, Ян Судрабалн, Антанас Венцлова, Мирзо Турсун-заде, Николай Тихонов. В разделе «Библиография» — обзор пушкинских изданий на языках народов СССР по материалам Всесоюзной книжной палаты.

Сентябрь. Четвертая книга. Стихи: Николай Заболоцкий, Иван Тарба, Баграт Шинкуба, Николай Грибачев, Вера Звягинцева, Сайфи Кудаш, Рашид Нигмати, Акрам Вали, Баязит Бик-бай. Рассказы: Жан Грива, Юрий Яновский, Освальд Тооминг, Александр Баужа... В разделе «Обзор журналов» — статья «Журнал, отстающий от жизни», — ее автор — Георгий Маргвелашвили, молодой грузинский критик, которому суждена яркая судьба. Как водится, критик, рождаясь, выказывает боевой характер, и два номера спустя редакция альманаха печатает самоопровержение, признавая, что в статье Г. Маргвелашвили, «в целом правильной», «допущена формулировка, которая может быть истолкована» как «необоснованная», за что редакция приносит журналу «Мнатоби» свои извинения.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ: «Мое знакомство с Николаем Алексеевичем Заболоцким произошло в том приснопамятном году, когда в журнале «Костер» из номера в номер печатался сделанный им для юношества перевод-переложение «Витязя в тигровой шкуре». ...Познакомил же нас — в прямом смысле этого слова — в начале 1949 года Виктор Викторович Гольцев, одно имя которого олицетворяло в ту пору едва ли не весь комплекс русско-грузинских литературных взаимосвязан. «Грузин московского разлива», как он горделиво-шутливо говорил о себе, или «Витя в тигровой шкуре», как ласково подшучивали его друзья, стал в конце сороковых годов редактором альманаха «Дружба народов». В, Гольцев пригласил меня, начинающего литератора, на должность ответственного секретаря альманаха. В редакции же альманаха — тогда еще на улице Кирова, 18 — я увидел впервые Николая Алексеевича... Он предстал передо мною окруженный дружеской заботой Виктора Гольцева. В этой заботе он тогда нуждался. Уже месяцы сорок седьмого года, проведенные в Тбилиси и Сагурамо, в Доме творчества писателей, помогли Николаю Алексеевичу оправиться после

первого, вслед за возвращением в Москву, года с неустроенным бытом и неналаженными деловыми и общественными связями (Н. Заболоцкий вернулся из лагеря.— Сост.) ...В Москве... благоприятную атмосферу создавали ему Н. Тихонов, Н. Степанов, В. Гольцев... Альманах «Дружба народов» был, как говорится, открыт для стихов и переводов Заболоцкого. А некоторые члены редколлегии альманаха (например, М. Бажан)... были давними друзьями Николая Алексеевича, и они, вместе с Виктором Викторовичем, создавали ту обстановку «наибольшего благоприятствования»... которая так была ему нужна. Виктор Викторович сразу же включил меня в орбиту этих своих общественно-литературных интересов» (Г. Маргвелашвили. Свет памяти).

Октябрь. Пятая книга. Повесть Визбуда Берце «Первые одиннадцать». Стихи тувинских поэтов. Стихи Григория Абашидзе и Геворка Эмина. В возобновленном разделе «Литературное наследство» — материалы о Микаэле Налбандяне и о бакинских эпизодах жизни В. Маяковского.

Декабрь. Шестая книга. «Эстонская поэма» — дебют Юхана Смуула (перевод с эстонского Павла Антокольского и Михаила Зенькевича). Стихи Сулеймана Рустама. Полдюжины рецензий...

В целом, при всей неравноценности книжек альманаха, ему многое удалось в 1949 году, в первом году работы по-новому. Главное достижение — яркий поэтический раздел. Затем — публикация романов Габидена Мустафина, Мехти Гусейна, — это национальная классика. Традиция будет продолжена: крупнейшие произведения национальных литератур выйдут на всесоюзную арену со страниц «Дружбы народов». Альманах, несколько задержавшийся в начале года, затем «нагоняет» график и входит в ритм «двухмесячника». Тираж прочно держится у отметки 20 тысяч экземпляров.

ИЗ СТАТЬИ А. ПЛЕШКОВА «ШЕСТЬ КНИГ АЛЬМАНАХА: «ДРУЖБА НАРОДОВ»:

«...1949 год был годом коренного перелома в работе альманаха. Из нерегулярного издания он был превращен в периодически выходящий двухмесячник. Обновленная редакция добилась заметных успехов в улучшении его качества...

Серьезной оплошностью является пренебрежение редакции к художественному очерку. Очерк — тот «оперативный» жанр, который позволил бы редакции живо и интересно, по следам событий показать читателю в движении богатую, полнокровную жизнь республик, рост их народного хозяйства, культуры...

Отдел поэзии по своему качеству, нам кажется, стоит ниже отдела прозы...

Удачен цикл стихов Г. Абашидзе «На южной границе», радующий политической остротой темы и образностью, впрочем, не всегда тонко переданной в переводах Н. Заболоцкого... С чувством справедливого гнева разоблачает в своих стихах Г. Абашидзе американских поджигателей войны и их турецких прислужников, с глубокой любовью и благодарностью говорит о надежде и счастье вселенной — великом Сталине — первом борце за мир... К сожалению, таких удач в поэтическом отделе альманаха немного.

С четвертой книги редакция начала печатать обзоры республиканских журналов и альманахов. Наиболее обстоятелен обзор журнала «Мнатоби» — органа Союза писателей Грузии, в котором этот журнал справедливо и остро критикуется за отрыв от современности, за низкий идейно-художественный уровень ряда произведений и грубые ошибки, допущенные в постановках некоторых вопросов истории грузинской литературы. (Имеется в виду обзор Г. Маргвелашвили.— Сост.).

Ценность таких обзоров несомненна, это — одна из форм прямой и действенной помощи местным писательским организациям. Но, печатая обзоры, «Дружба народов» должна и сама показывать пример хорошей постановки критики и библиографии. Между тем этот важный отдел появился в альманахе лишь с той же четвертой книги. Вдобавок шесть из семи помещенных там рецензий касались книг, давно вышедших в свет и неоднократно оценивавшихся в периодической печати. В преобладающем большинстве рецензий содержится лишь добросовестный пересказ произведений и почти ничего не

говорится о художественных достоинствах и недостатках, о мастерстве, стиле, языке писателя...

Думается, что назрел вопрос о превращении «Дружбы народов» в большой ежемесячный журнал, который мог бы дать всесоюзному читателю более полное представление о братских литературах» («Литературная газета», 25 февраля 1950 г.).

1950 год

В первой книге—роман Гумера Баширова «Честь», Во второй книге — подборка «Владимир Маяковский и советская многонациональная поэзия»: тут выступают Самед Вургун, Пав-ло Тычина, Георгий Леонидзе, Ахмед Файзи, Костас Корсакас, Мир-сайид Миришакар, Геворк Эмин, Гафур Гулям, Сабит Муканов, Еми-лиан Буков, Янис Плаудис, Аалы Токомбаев, Рашид Нигмати, Расул Гамзатов.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ МЕХТИ ГУСЕЙНА НА XIII ПЛЕНУМЕ СП СССР: «Чувствуется большая необходимость в создании всесоюзного печатного литературного органа — трибуны писателей всех братских союзных республик. Я думаю, что выражу мнение всех товарищей из национальных республик, если скажу, что «Дружба народов» должна стать ежемесячным боевым органом художественно-ой литературы и критики народов Советского Союза».

«Предложение М. Гусейна было горячо поддержано делегатами пленума. Совершенно очевидно, что назрела необходимость в превращении альманаха в ежемесячный литературно-художественный журнал с увеличенным тиражом» («Литературная газета», 4 марта 1950г.).

В третьей книге — повесть Гасана Сеидбейли «У нас в Асторе», поэма Гамзата Цадаса «Сказание о чабане», стихи Миклая Казакова.

В четвертой книге — «Венгерские стихи» Георгия Леонидзе (пе-; ревод Александра Межирова), армянский цикл Павло Тычины (перевод Льва Озерова), цикл Геворка Эмина (переводы Ирины Снеговой, Елены Николаевской, Веры Звягинцевой, Музы Павловой). Рассказы Аркадия Эсхеля, Антанаса Пакальниса, Хачима Теунова, Олеся Донченко, Ивана Волошина... В разделе «Литературное на-| следство»—Эдуард Вильде, «Рассказы об Америке».

В пятой книге — дебют Ионаса Авижюса: повесть «Наследство». Стихи; Симон Чиковани (перевод Александра Межирова), Кара Сейтлиев (перевод Павла Шубина). В разделе «Литературное наследство»—материалы о Габдулле Тукае и о Франтишеке Богушевиче.

В шестой книге—повесть Анны Броделе «Марта»..., Тираж альманаха вырастает до 30 тысяч.

1951 год

В первой книге — поэма Георгия Леонидзе «Портохада» (перевод Николая Заболоцкого), стихи Микоды Нагнибеды (переводы Сергея Васильева, Михаила Светлова и Ярослава Смелякова). Рассказы Николая Тихонова и Ивана Шамякина. Заметки Антанаса Венцловы со Второго Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве. Среди авторов раздела «Библиография» — Павел Антокольский, Геннадий Фии...

Во второй книге — повесть Константинэ Лордкипанидзе «Зеленая пуговица», повесть Исы Гусейнова «Шелковая нить». Стихи Абульгасема Лахути. Среди авторов раздела «Библиография» — Михаил Светлов, Юрий Либединский...

В третьей книге—стихи Юхана Смуула (перевод Александра Межирова).

В четвертой книге—повесть Семена Жураховича, рассказы Рувима Фраермана, Абдуллы Каххара, Гасана Сеидбейли. Стихи Реваза Маргиани, Якко Ругоева, осетинских поэтов. Статья Юрия Смолича «За чистоту, народность языка художественных произв. дений».

В пятой книге — посмертное стихотворение Гамзата Цадаса «О врагах мира». Стихи Леонида Первомайского и Яна Райниса. ^ Статья Андрея Упита «Максим Горький и латышская литература».

В шестой книге — роман Виэбула Берце «Будущее начинается сегодня».

Тираж альманаха вырастает до 32 тысяч экземпляров. Тем не менее, в середине года — статья:

ПЕТРУСЬ БРОВКА, ПИМЕН ПАНЧЕНКО. «АЛЬМАНАХ, ОТСТАЮЩИЙ ОТ ЖИЗНИ».

«Внимательно прочитав шесть книг альманаха за 1950 год и две, выпущенные в 1951 году, убеждаешься, что подбор печатных произведений случаен... Абсолютное большинство произведений, напечатанных в альманахе, посвящено сельской тематике. Другая 'главнейшая тема советской литературы—тема рабочего класса— осталась почти вне поля зрения редакции... Напрасно попытается читатель найти в альманахе очерки или рассказы, посвященные великим стройкам коммунизма. Их в альманахе вообще нет, если не считать отдельных строк стихотворений... Все эти недостатки в работе редколлегии привели к тому, что альманах «Дружба народов» не пользуется популярностью, его мало выписывают, он залеживается на полках книжных киосков».

В «Дружбе народов» помещено немало произведений в удачных переводах квалифицированных переводчиков. Но встречаются и такие переводчики, которые обезличивают автора, подгоняют мысли и образы оригинала под свой шаблон. Очень важно, чтобы переводы обязательно авторизовались и хорошо редактировались...

Редакция альманаха плохо следит за процессами развития национальных литератур. В этом убеждает отсутствие серьезных обзоров, глубоких по мысли и по анализу разбираемых в них литературных явлений, таких обзоров, которые поднимали бы насущные проблемы развития наших литератур...

Альманах «Дружба народов» (редактор В. Гольцев) в его теперешнем состоянии явно не удовлетворяет возросших требований (так.— Сост.) советских читателей и литературной общественности... Читателям нужен такой журнал, боевой и целеустремленный, который будет глубоко и ярко отображать многогранную жизнь всех народов Советского Союза, достижения многонациональной советской литературы, который станет пламенным глашатаем сталинской дружбы народов...» («Правда», 8 августа 1951 г.).

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. «ОБ АЛЬМАНАХЕ «ДРУЖБА НАРОДОВ»

«На днях секретариат СП СССР обсуждал вопрос о работе альманаха «Дружба народов». Редакция «Дружбы народов» учла своевременную и правильную критику недостатков своей работы, о которых писала «Правда» 8 августа прошлого года в статье «Альманах, отстающий от жизни», и несколько улучшила свою работу.

Но, альманах еще не стал тем боевым органом, который обобщал бы опыт развития братских литератур, знакомил советских читателей с лучшими достижениями этих литератур. Малооперативна редакция в борьбе против всякого рода идеологических извращений, против рецидивов буржуазного национализма и космополитизма. В отделах прозы и поэзии бледно отражается важная тема рабочего -класса. Ослаблена требовательность к идейно-художественному качеству публикуемых материалов, вследствие чего на страницах альманаха в 1951 году появились... неудачные и даже порочные произведения...

Слабо связан альманах с жизнью братских республик, с писателями и критиками на местах, мало печатается в нем боевых, принципиальных выступлений, посвященных узловым и наиболее актуальным вопросам развития национальных литератур.

Редакции «Дружбы народов» предложено устранить эти недостатки. Бюро комиссий по литературам народов СССР следует наладить деловую и систематическую помощь альманаху. Выходящие в свет книжки «Дружбы народов» должны регулярно обсуждаться комиссией по теории литературы и критики» («Литературная газета»,? февраля 1952 г.).

1952 год

В первой книге — стихи ненецкого поэта Ивана Истомина и марийского поэта Макса Майна. Заметки Максима Рыльского «О художественном переводе стихов». Очерк

Валентина Овечкина и Геннадия Фиша о колхозном полеводе Терентии Мальцеве. Герой очерка представлен в качестве горячего сторонника академика Т. Д. Лысенко, но будущие замечательные дела, которые ожидают и Т. Мальцева, и В. Овечкина (уже пишущего «Районные будни»), побуждают со вниманием отнестись к этой публикации.

Во второй книге — пьеса Аугуста Якобсона «Шакалы», разоблачающая американский империализм, пять стихотворений (Олекса Новицкий, Маро Маркарян, Гурген Борян, Ашот Граши), пара очерков, три статьи к 100-летию со дня смерти Гоголя, три читательских письма о качестве «художественного перевода стихов». В «Критике и библиографии» — обзор литературно-критического отдела журнала «Витчизна» и шесть рецензий, однообразие которых оживлено разнородным характером одной из них («Путаная книга»). Выпуск можно считать образцом журналистики периода развитого «культы личности»: по бедности предлагаемых текстов и по суровости проработанного стиля; «Скользя по поверхности литературных явлений, отдел критики журнала («Витчизна». — Сост.) зачастую освежает маловажные, так сказать, периферийные вопросы, оставаясь глухим к магистральным, животрепещущим проблемам современности»...

«ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА АЛЬМАНАХА «ДРУЖБА НАРОДОВ»...

«Нельзя не отметить, что книга вышла с опозданием на месяц. Это нетерпимо. Еще одно только по виду мелкое замечание; автор, вздумавший послать в «Дружбу народов» рукопись, читатель, испытавший потребность написать свой отклик, тщетно стали бы искать на обложке адрес редакции» («Литературная газета», 14 июня 1952 г.).

В третьей книге напечатан роман Кирея Мэгэна «На склонах Нарыш-Тау», стихи Теофилиса Тильвитиса, поэма Мамеда Рагима «На Ашиеронской земле».

В четвертой и пятой книгах — роман Габидена Мустафина «Караганда», поэма Хуты Берулавы «Русское сердце», стихи Расула Гамзатова, Геворка Эмина, Реваза Маргиани, Александра Межирова...

В шестой книге — роман Вадима Собко «Белое пламя», рассказы Олеся Донченко, Ионаса Шимкуса, Александра Баужжи, стихи Любови Забашты... Статья Евгения Елисеева «Переводчик или соавтор?» В статье сказано: «Пора навсегда покончить с совершенно ненормальным явлением (когда переводчик выступает в качестве непрошеного «соавтора». — Сост.). Поэт-переводчик обязан бережно обращаться с текстом оригинала, не пытаясь подменить собой автора». Пафос статьи и острота постановки проблемы свидетельствуют о том, что авторы из республик уже не мирятся с практикой «доводки» их текстов до «среднепроходного стандарта». Ситуация накапливает новое качество...

Тираж альманаха в течение 1952 года вырастает до 39 тысяч.

БЕСЕДА С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ АЛЬМАНАХА «ДРУЖБА НАРОДОВ» В. ГОЛЬЦЕВЫМ:

«Альманах «Дружба народов» выходит теперь в значительно увеличенном объеме — восемнадцать печатных листов вместо прежних двенадцати. Это дает нам возможность печатать большие прозаические произведения... Наряду с романами и большими повестями мы будем печатать небольшие по объему повести и рассказы, посвященные тому новому, что ежедневно и ежечасно рождается в нашей советской действительности. Благодаря расширению альманаха мы получили возможность уделять больше места обзорам журналов. Отдел «Литературное наследство» теперь будет вестись более систематично...

В альманахе «Дружба народов» есть свои специфические сложности и трудности редакторской работы, связанные с тем, что подавляющее большинство материалов, публикуемых в альманахе, нуждается в художественно-переводном переводе на русский язык. Каждая большая рукопись обсуждается в редакции при участии автора. Автору даются дружеские советы, для консультаций привлекаются специалисты...

Нас правильно упрекали в печати за недостаточную связь с братскими литературными организациями и с активами писателей в республиках и областях. Теперь с расширением состава редакционных работников альманаха мы получили значительно большие возможности для того, чтобы систематически выезжать на места, и постараемся в полной мере это использовать» («Литературная газета», 7 августа 1952 г.).

1953 год

В первой книге — поэма Педера Хузангая «Дом в Горках» (перевод Веры Потаповой). Поэма Иосифа Нонешвили «Повесть об одной девушке» (перевод Николая Заболоцкого). Комедия Юрия Яновского «Райский лагерь». Рассказ Григория Бакланова «Первый день» — дебют прозаика, до того известного только очерками.

Во второй книге — пьеса Анны Броделе «Новоселы». Стихи:

Сергей Васильев, Георгий Леонидзе, Мамед Рагим, Теофилис Тильвя-тис, Берды Кербабаяев, Петря Крученюк, Якко Ругоев...

В третьей книге — повесть Тугельбая Сыдыкбекова «Дети гор». Рассказы Джалола Икрами и Александраса Баужу, Абуталиба Гафурова и Леонида Попова. Два стихотворения Леонида Попова перевела с якутского Анна Ахматова.

А там, в электростанции колхозной,

Парнишка у рубильника стоит

И твердою рукою мрак морозный

Светящимися брызгами кропит...

В разделе рецензий — два молодых критика, будущее творчество которых побуждает отметить эти ранние опыты: Владимир Турбин. Начало большой работы (о книге Ю. Пиширкова «Якуб Колас»);

Анатолий Бочаров. Теоретическая беспомощность и отсебятина (об «Очерках русского народно-поэтического творчества советской эпохи»),

Четвертая книга: роман Мехти Гусейна «Утро». Стихи Расула Гамзатова о Гамзате Цадаса. Рассказ Эвалда Вилкса.

Пятая книга: стихи Любомира Дмитерко, Геворка Эмина, Ме-таксэ... Рассказ Салчака Тока.

Шестая книга: повесть Беки Сейтакова «Свет Москвы». Стихи Мирзо Турсун-заде, Михаила Квливидзе, Семена Данилова, Богдана Истру. Рассказы Ивана Шемякина, Михася Лынькова...

Тираж альманаха за год снизился до 33 тысяч. Ощущается некоторая «выработанность» старых форм, нехватка острых, проблемных, современных произведений. Есть налет некоторого лака, что, впрочем, свойственно всей литературе того периода, — вот-вот он будет назван периодом «культы личности». Однако эпоха подходит к концу. В альманахе ощутимы попытки найти новые пути и формы. В объявлении о подписке на 1954 год сказано, что альманах будет увеличен в объеме. Действительно, в 1954 году объем выпуска «нарастится» с 25 листов до 30, но ненадолго: к концу года объем упадет до 18 листов, но изменится периодичность. Альманах подходит к концу своей истории. Итак, его последний —

1954 год

Первая книга: повесть Олеся Донченко «Золотая медаль». Стихи Симона Чиковани, Любви Забаиты.

Вторая книга: стихи Максима Рыльского, Леонида Вышеславского, Расула Гамзатова. Повесть Юрия Мушкетика «Семен Палий».

Третья книга: комедия Александра Левады «Мария». Приключенческий роман Вилиса Лациса «Потерянная родина».

Четвертая, пятая и шестая книги: роман Петра Панча «Клокотала Украина». Стихи поэтов Адыгеи: Киримизе Жанэ, Исхака Машибаша, поэтов Башкирии; Сайфи Кудаша, Сибгата Хакима. «Поэт-патриот Муса Джалиль» — первая журнальная подборка

Джалилия (переводы Р. Галимова и С. Липкина, вступительная заметка Ахмета Файзи). Стихи Темиркула Уметалиева, Павло Тычины, Ивана Прончатова...

Статья Константина Федина «Слово к литовским прозаикам».

Несколько важных материалов по теории и критике перевода. Иван Кашкин «О реализме в советском художественном переводе». Максим Рыльский «О советском переводческом стиле».

Приводим начало и конец заметок Максима Рыльского:

«Овидий был несказанно удивлен, когда пришлось ему впервые в жизни наблюдать наступление «сарматской» зимы. Не легко ему было, вероятно, средствами расцветшего под жгуче-синим небом Италии латинского языка передать впечатление от остановившейся, застывшей реки, по которой, как по суше, ходили и ездили люди...

...Настоящий мастер может переводить разных мастеров. На поэтике Бажана видны ясные следы творческой учебы у Маяковского, — но нашел же он, как говорится, на своей палитре и краски для передачи грузинских классиков; тоже, кстати, мало похожих друг на друга!»

Тираж альманаха вновь вырастает до 39 тысяч.

В конце шестой книжки впервые появляется содержание альманаха за год. Факт символический: на этом номере история альманаха «Дружба народов» заканчивается и начинается история журнала «Дружба народов».

Бросим общий взгляд на историю альманаха.

Он просуществовал шестнадцать лет: двенадцать мирных и четыре военных. За это время вышло восемнадцать книг «издательской серии» плюс тридцать шесть книг «двухмесячника» — всего пятьдесят четыре тома.

Альманах опубликовал крупные прозаические произведения, ставшие неотъемлемой частью многонациональной советской литературы, легшие в фундамент культуры социалистических наций. Это романы и повести Лео Киачели, Берды Кербабаяева, Аугуста Якобсона, Мехти Гусейна, Гумера Баширова, Вилиса Лациса, Садриддина Айни, Мухтара Ауэзова, Габидена Мустафина, Исы Гусейнова, Кирея Мэргэна, Тембота Керашева, Беки Сейтакова, Петра Панча...

Альманах широко и щедро печатал крупнейших поэтов республики, с его страниц шагнули во всесоюзную литературу произведения таких мастеров, как Аветик Исаакян, Георгий Леонидзе, Ованес Шираз, Аркадий Кулешов, Павло Тычина, Ата Салих, Гамэат Цадаса, Сулейман Стальский, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев, Максим Рыльский, Симон Чиковани, Микола Бажан, Дебора Вааранди, Саломея Нерис, Платон Воронько, Геворк Эмин, Зульфья, Петру» Бровка, Александр Чак, Чимит Цыдендамбаев, Иосиф Нонешвили, Шукрулло, Мустай Карим, Расул Гамзатов, Сайфи Кудаш, Эди Огнецвет, Максим Танк, Хута Берулава, Самед Вургун, Сулейман Рустам, Миклай Казаков, Кара Сейтлиев, Микола Нагнибеда, Якко Ругоев, Леонид Первомайский, Педер Хузангай, Богдан Истру, Михаил Квли-видзе — разные поколения, разные творческие манеры; настоящий поэтический интернационал.

Альманах сумел собрать сильный корпус переводчиков, к этому важному делу были привлечены такие корифеи русского стиха, как Борис Пастернак, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Леонид Мартынов, Николай Тихонов, такие прирожденные мастера, как Вера Звягинцева, Павел Антокольский, Семен Липкин, Наум Гребнев, Яков Козловский, Александр Межиров, Мария Петровых, Лев Озеров... Можно сказать, что именно в альманахе «Дружба народов» прошли школу те переводчики, которые взвалили на себя основную работу, завещанную А. М. Горьким: чтобы ни одно яркое произведение, созданное в республиках, не прошло мимо русского читателя.

Правда, и проблемы при этом обнажились серьезные; подстрочник, «соавторство», «доводка»... Надо сказать, что альманах сумел вовремя поставить эти вопросы и в теоретическом плане, опубликовав ряд статей ведущих мастеров перевода, — решение

этих проблем актуально по сей день, но сформулированы они в 50-е годы в альманахе «Дружба народов».

Альманах опубликовал ряд важных материалов в рубриках «Классики» и «Фольклор», введя в общий духовный оборот классические богатства разных братских народов.

В публицистических рубриках альманах сумел наметить важные межнациональные темы, освоить новые пласты реальности, малоизвестные широкому русскому читателю.

Обозначились и первые контуры многонационального литературного процесса в разделе критики и библиографии. Правда, материал русский здесь еще отделен от материала «многонационального», альманах еще как бы повернут «в одну сторону», «половинки» еще не «соединились», — центральный жанр критики — обзор, тематический и локальный «срез». Но уже и в этих обзорах, и, в частности, в обзорах республиканских журналов, с большей или меньшей регулярностью появлявшихся в альманахе, осваивается, прорабатывается тот материал, укладывается тот фундамент, без которого всесоюзная критика по существу немислима. Ситуация созревает, уровни разных литератур постепенно «выравниваются», общая проблематика все более реально объединяет многонациональные литературные силы, — и тогда альманах естественно и органично превращается в ежемесячный журнал, сначала по традиции еще обращенный «специально» к литературам республики, а затем соединяющий эту «специальную сторону» процесса с заботами и трудами русской литературы. Но это уже — работа следующих десятилетий.

Что надо отметить особо: с первых дней своего существования альманах «Дружба народов», в духе горьковского замысла и в полном соответствии со своим названием, является знаменосцем интернационализма.

Традиции этой предстоит реализоваться в делах последующих десятилетий. Журналу предстоит продолжить работу, начатую альманахом.

РОЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА (1955—1961)

РАССКАЗЫВАЮТ РЕДАКТОРЫ НОВЫХ ЖУРНАЛОВ. «Альманах «Дружба народов», вышедший на протяжении шести лет, в новом году становится ежемесячным журналом. Связанные редкой периодичностью альманаха, мы не могли печатать крупные произведения с продолжением. Теперь мы будем ежегодно публиковать два-три больших романа. Русские писатели до сих пор выступали у нас главным образом в качестве публицистов и очеркистов. Ныне мы постараемся привлечь их и в качестве авторов оригинальных художественных произведений. Будет реорганизован и значительно расширен отдел критики и библиографии. Много полнее станет отдел публицистики. Мы хотим ввести новый отдел, где будет регулярно даваться информация о новинках литературы братских республик, а также о переводах произведений русских писателей на языки народов СССР. Целиком оправдал себя введенный в последние годы отдел «Литературное наследие». В журнале мы получили возможность печатать не только статьи о выдающихся писателях прошлого, но и знакомить с их произведениями. Тираж будущего журнала — 50 000 экземпляров. Виктор Гольцев» («Литературная газета» от 20 декабря 1954 г.).

1955 год

Поначалу новый журнал неотличим от старого альманаха. Почти та же, довольно бледная обложка. В первом номере — никакого обращения к читателям, никакой «декларации» о принципах издания. На задней обложке — скромное объявление к сведению читателей: альманах «реорганизован» в ежемесячник... Объем номера непривычно мал: менее 18 листов — ощущение такое, что прежний альманах просто «разрубили» на «полуномера». Бросается в глаза бедность рубрик; собственно, их нет, вернее, есть одна;

«Критика и библиография»; но там — всего три статьи: об успехах и задачах казахской прозы, о белорусской критике и о сборнике, посвященном партийной и советской печати. Художественная часть журнала неамного богаче: здесь всего четыре материала;

роман Евы Симонойтите «Буше и ее сестры» (занимающий почти три четверти объема всей книги, что естественно в альманахе, но странно в журнале), стихи Петра Приходько, рассказ Павла Загребельного и очерк Анатолия Медникова. На открытие номера — Обращение ЦК КПСС «Второму Всесоюзному съезду советских писателей». Примечательно, что первый номер журнала подписан главным редактором В. Юльцевым без редколлегии: ее состав еще «утрачивается».

Во втором номере обновленная и расширенная редколлегия объявлена читателям: П. Антокольский, М. Бажан, П. Бровка, С. Вур-гун, Р. Гамзатов, Ф. Гладков, С. Евгенов, Н. Зарьян, А. Зуев, Г. Корабельников (заместитель главного редактора), К. Корсакас, Г. Ломидзе, П. Скосырев и М. Турсун-заде.

Обнаруживается заметный прогресс и в содержании второго номера. Кроме «Критики и библиографии», появляются рубрики:

«В братской семье народов» (очерки), «Трибуна писателя» (публицистика; здесь — статья трех авторов: Павла Антокольского, Муж-тара Ауэзова и Максима Рыльского «Художественные переводы литератур народов СССР»). Открывается номер передовой статьей «К новому расцвету литератур народов Советского Союза». Завершается — обильной информацией о новых книгах. Содержит повесть Амирхана Еникеева «Спасибо, товарищи!», рассказы Ивана Мележа, Никаидра Ильякова, стихи Николая Асеева, Мирмухсина, Кармыса Досанова, удмуртских поэтов... Журнал начинает искать лицо, В третьем номере появляется приобретающая вскоре широкую популярность повесть Адама Шогенукова «Весна София»...

Далее в первый год своего существования журнал публикует ряд крупных произведений переводной прозы, занявших заметное место в своих литературах. Это роман Ахавни «Ширак», повесть Л. Барского «Во Флоренах», рассказ Д. Батожабая «Песня табуница», роман Эрни Крустена «Сердца молодых». Среди авторов журнала — Янка Мавр, Иван Мележ, Юхан Смуул, Аугуст Якобсон, Алексей Талвир, Микола Бажан, Николай Заболоцкий (статья о Давиде Гурамишвили в 10-м номере), Михаил Лозинский (статья «Искусство стихотворного перевода» в 7-м номере), Константин Федин (статья «Об Александре Блоке» в 12-м номере), Сергей Шервин-ский (статья «Хачатур Абовян» в 11-м номере). Восстановлена рубрика «Литературное наследство». В дополнение к «Критике и библиографии» создан раздел «Маленькие рецензии»; в общей сложности оба эти раздела за год оценивают более ста новинок литературы, и отнюдь не все из них — положительно. Учитывая, что каталоги, публикуемые под рубрикой «Новые книги», появляются почти в каждом номере, можно сказать, что журнал обозначает широкий «фронт работ».

Хотя это еще только начало, конечно. Конкурировать с другими толстыми журналами «Дружбе народов», при специальном «уклоне» в национальные литературы, трудно. Тираж, поначалу положенный в 45 тысяч, к осени падает до 26...

В мае 1955 года умирает Виктор Гольцев, редактировавший «Дружбу народов» в течение шести лет, — видный критик и литературовед, автор статей о грузинской литературе, автор книги о Руставели...

Ир. АНДРОНИКОВ. О ВИКТОРЕ ГОЛЬЦЕВЕ

«...Сын редактора журнала «Русская мысль» Виктора Александровича Гольцева, литератора чеховского поколения и круга, — Виктор Викторович Гольцев вырос в среде прогрессивной московской интеллигенции, в 20-х годах стал литератором... Всю жизнь писал стихи, очень хорошие, которых из скромности не печатал. Глубокие и конкретные знания, опыт, обширные связи, авторитет послужили тому, что в 1949 году В. В. Гольцев был назначен главным редактором «Дружбы народов»... Он был ровесником века. Октябрьскую революцию встретил семнадцатилетним, на Отечественную войну ушел сорока одного, умер — в 1955-м...» («ДН», 1971, № 12, с. 264).

До конца 1955 года обязанности главного редактора «Дружбы народов» исполняет Григорий Корабельников.

«БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ НОВОГО ЖУРНАЛА. ПО СТРАНИЦАМ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

«...Найти свое место, свое лицо среди других наших журналов, которые бы определили новое качество журнала по сравнению с альманахом,— задача безусловно трудная, не решаемая в один день.

Как же начал журнал свою работу? Какие мысли возникают при чтении первых четырех книжек «Дружбы народов»?..

Журнал «Дружба народов» в четырех своих первых книжках охватил довольно широкий круг национальных литератур, отобрав в ряде случаев произведения действительно ценные, важные, Интересные. И все-таки нельзя не видеть, что нет еще у журнала ощутимого движения вперед, не приумножил он пока что хорошие традиции альманаха. А кое-какие традиции и потерял.

В чем же причина недостатков журнала? Прежде всего в слабой связи редакции с писательскими организациями республик. Журнал не проявляет достаточно инициативы, чтобы шире опираться на многочисленный актив национальных писателей. В свою очередь республиканские писательские организации все еще не видят в «Дружбе народов» СВОЕГО органа, мало помогают ему. А помогать своему журналу, проявить к нему внимание, чувствовать ответственность за его работу—их долг» («Литературная газета», 19 мая 1955 г).

1956 год

Первый номер подписан новым главным редактором Борисом Лаврениевым.

ИЗ КНИГИ В. КАРДИНА;

«После войны Борис Андреевич Лаврениев поселился в Москве:

В середине пятидесятых годов автор этих строк встречался с ним в редакции «Нового мира»... (О работе Б. Лаврениева в «Дружбе народов» опубликованных воспоминаний нет, но характер редактора хорошо виден и по архивам «Нового мира».— Сост.) Б. Лаврениеву сопутствовала репутация человека, не склонного к праздным разговорам и воспоминаниям, рафинированного интеллигента, однако беспощадно резкого в суждениях. Сотрудники отдела прозы демонстрировали его убийственные пометки на полях рукописей, сделанные безотносительно к тому, кто их прислал — молодой литератор или всеми почитаемый автор; «Печатать можно только в случае землетрясения», «Голосую против всеми четырьмя конечностями» и другие в том же язвительном духе» (В. Кардин. Борис Лаврениев. М., 1981, с. 170).

Январская книжка открывается повестью Фатыха Хусни «Любовь под звездами». Номер разнообразен. Стихи Платона Воронько, Максима Танка, Гафура Гуляма. Очерки и публицистика — по двум разделам: «В семье братских народов» и «Трибуна писателя». «Критика и библиография»; «Маленькие рецензии»; «Новые книги». Подрубрика: «Обсуждаем очерки истории советской литературы».

Тираж журнала вырастает вдвое: 52,2 тысячи экземпляров.

В февральском номере — статья главного редактора Бориса Лаврениева «Образ нашего современника и задачи писателей»:

«Мы еще в долгу перед народом. Мы не полностью оплатили этот долг, не полностью оправдали широко оказанное нам доверие. Дружным, ответственным трудом многонациональной братской семьи советских писателей мы можем дать все, чего требует от нас народ. И оплата этого долга будет лучшим даром, который могут сделать писатели XX съезду Коммунистической партии...»

Год Двадцатого съезда: перемены сказываются на журнале. Активизируются все жанры. Помимо традиционных, появляются новые рубрики: «На темы искусства», «Зарубежные впечатления». В последнем разделе в течение года публикуются путевые очерки Ванды Василевской «Под небом Китая», Ивана Мележа «Поездка в Прагу», В.Беляева «В Румынии». Под рубрикой «Литературное наследство» — статьи Мухтара Ауэзова «Достоевский и Чокан Валиханов», Мариэтты Шагинян «Публицистика Коста

Хетагурова», Александра Белецкого «Величие Ивана Франко». К столетию великого Каменяра журнал публикует в августе также его повесть «Герой поневоле».

Проза года держится романами Анны Броделе «Кровь сердца» в Тины Донжашвили «На Алазани» — оба произведения вошли в современную латышскую и грузинскую классику. Среди повестей заметны «Каменный брод» Василя Земляка и «Трудное счастье» Юрия Нагибина, а также рассказы И. Авижюса, Э. Зедгинидзе, А. Зурабова, В. Илуса, Г. Калиновского, А. Кулаковского, А. Тимо-нена, А. Тухватуллина, С. Ханзадяна, А. Хорунжего.

Поэзия: Аткай, Дебора Вааранди, Гурген Борян, Владимир Бзэк-мая, Таир Жароков, Любовь Забашта, Алим Кешиков, Константин Кондря, Давид Кугультинов, Сайфи Кудаи, Кайсын Кулиев, Пауль Руммо, Амо Сагиян, Михаил Стельмах, Иоганнес Семпер, Иван Тарба, Сибгат Хаким, Ованес Шираз, Геворк Эмин...

Сильно звучат в журнале и русские стихи: Николай Заболоцкий, Семен Кирсанов, Вера Звягинцева, Александр Жаров, Василий Казин, Александр Яшин....

Рядом — Перец Маркиш, Лев Квитко, Тициан Табидзе, Егише Чаренц — имена, возвращенные в литературу эпохой XX съезда...

Луи Арагон — стихи об Армении в майском номере, целиком посвященном этой республике и открывающемся обращением Аве-тика Исаакяна к читателям журнала. В том же номере — рецензия на книги Ованеса Шираза; автор рецензии Марк Щеглов; имя замечательного критика трижды появляется на страницах журнала » 1956 году, последнем году его жизни.

Еще одно новое имя: Гурам Асатиани. Статья «Маяковский и новое поколение грузинских поэтов».

С мая в редколлегию журнала входит Петр Чагин, партийный работник и издатель, известный народу по есенинским стихам. П. Чагин становится, наряду с Г. Корабельниковым, заместителем главного редактора.

Тираж журнала прочно держится у отметки 50 тысяч.

Решается еще один важнейший вопрос: об издании в качестве приложения к журналу собраний сочинений писателей, признанных классиками братских литератур. К изданию намечены Марко Вовчок, Эдуард Вильде, Александр Ширванзаде, Якуб Колас, Ви-лис Лацис, Юрий Яновский и Садриддин Айни. Серия называется «Библиотека классиков литератур народов СССР». Первые книги подготовлены к 1957 году. С этого времени книжное приложение к журналу «Дружба народов» становится неотъемлемой частью издания.

За последующие годы изданы следующие библиотеки:

В 1957—1960 годах — «Библиотека классиков литератур народов СССР» — семь собраний, 31 том.

В 1961—1963 годах — «Библиотека исторических романов народов СССР»: «Десница великого мастера» К. Гамсахурдиа, «Дмитрий Донской» и «Звезды над Самаркандом» С. Бородин, «Клокотала Украина» П. Панча, «На грани веков» А. Упита, «Навои» Айбека, «Повстанцы» В. Миколайтиса-Путинаса, «Вардананк» Д. Демиртяна, «Берег ветров» А. Хинта. Всего 36 томов.

В 1964—1970 годах — стопятидесятитомная серия «Пятьдесят лет советского романа», завершенная к столетию со дня рождения В. И. Ленина выходом книг Мариэтты Шагинян, Валентина Катаева, Эммануила Казакевича, Марии Прилежаевой, Е. Драбкиной, Саввы Дангулова.

С 1971 года — обновленная серия современных произведений под новым грифом: «Библиотека «Дружбы народов». Здесь изданы Г. Абашидзе и П. Куусберг, Анар и М. Слуцкие, К. Симонов и С. Антонов, В. Шукшин и В. Распутин, А. Адамович, Б. Окуджава, Г. Матевосян, А. Нурпеисов, В. Богомоллов, В. Быков... «Прицел» у этой серии новый, широкий: не только проза писателей из республик, но и русская проза, не только то, что было опубликовано на страницах журнала, но все то, что достойно внимания

многонационального советского читателя, не только романы и повести, но сборники рассказов, очерков. С 1976 г. все книги снабжены послесловиями критиков, что существенно меняет их роль в литературном процессе.

В 1978 году, к сорокалетию журнала, выпущен двухтомник «Избранные страницы»: в первом томе — проза: более сорока имен, лучшее, что «Дружба народов» публиковала с 1939 года; во втором томе — поэзия, тут более двухсот имен...

В 80-е годы начинает выходить новая серия книг: «Библиотека советской прозы». Задачей этой серии является переиздание советской классики. За период 1980—1985 годов выпущены произведения А. М. Горького, Л. Леонова, А. Платонова, А. Толстого, А. Бал-тушиса, Б. Кербабаева и других.

Всего за тридцать лет существования книжного приложения к журналу выпущено около 500 томов.

Но вернемся в 1957 год.

1957 год

В январской книжке — роман Аскада Мухтара «Сестры», новеллы Михаила Лакербая, Эвалда Вилкса; стихи Эркемена, Хаджи-Бекира Муталиева, Фазу Алиевой, Нила Гилевича, Николая Старшинова... Под рубрикой «Вести из республик» — обзор республиканских газет: «Кабардинская правда» о подготовке празднования 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России; «Казахстанская правда» о проекте Карагандинского металлургического завода; «Советская Литва» о народных умельцах... — журнал старается передать пульс обновляющейся жизни, подключаясь к газетам... Однако подлинное обновление передается не через эти заимствованные материалы, а через публикации чисто журнальные, новаторски ставящие вопросы литературного развития.

Это «Заметки поэта» Николая Дамдинова в «Трибуне писателя» — провозглашение нового, молодого поколения, которое «скоро само скажет о себе и о своем времени в еще не написанных сегодня стихах и поэмах».

Это — статья Анатолия Бочарова «К вопросу о национальной специфике литературы», при всей подчеркнутой академичности названия ставящая проблему национальной формы по-новому. Форма — не оболочка для содержания и не вместительница национальной специфики в противовес «ненациональному» содержанию; при таком подходе эталоном национального становится в конце концов просто древнее, архаичное. Форма — другое, она — «как влага в почве: когда она есть, ее не увидишь, и лишь когда она исчезает, замечаешь, что почва суха и бесплодна. Как нельзя выделить влагу из почвы, так нельзя разъять национальное содержание и его форму». В сущности А. Бочаров утверждает концепцию, которая со временем, в 60-е и 70-е годы, станет практически общепринятой, но в январе 1957 года, когда он выступает со своей статьей, редакция дает осторожную сноску: «Публикуется в порядке обсуждения» (редакция не ошиблась: в библиотечных подшивках журнала статья А. Бочарова по сей день исчеркивается читателями.— Сост.).

Оценивая журнальный год в целом, надо отметить публикацию романов и повестей, ставших событиями в своих литературах. Помимо «Сестер» Аскада Мухтара, это роман Петруся Бровки «Когда сливаются реки», повесть Василя Земляка «Родная сторона», роман Михаила Стельмаха «Кровь людская — не водица», «Воспоминания» Садриддина Айни, «Лес богов» Бадиса Сруоги, «Старый дом» Геннадия Красильникова: и сами эти произведения, и вызванные некоторыми из них критические дискуссии запомнились читателям.

Среди авторов рассказов: Илья Девин, Амирхан Еникеев, Джалол Икрами, Иван Мележ, Микола Ракитный, Григорий Ходжер...

В поэтическом разделе: Г. Абашидзе, М. Бажан, А. Венцлова, С. Вургун, С. Галкин, Б. Джимбинов, А. Ерикеев, В. Кеулькют, А. Ке-шоков, К. Кулиев, А. Лахути, Г. Леонидзе, И. Лиснянская, М. Львов, А. Малышко, П. Панченко, К. Сейтлиев, Г. Табидзе, И. Тарба, Х.

Туфан, П. Тычина, И. Фефер, Ф. Халваши, А. Шукухи, Элляй, П. Яш-вили... Яркий национальный спектр, восставшие из пепла имена... но ощущается (как, впрочем, и в отделе прозы) «недобор» русских авторов.

По-прежнему богат набор рубрик. Раздел «Публицистика»: это статьи П. Воронько, М. Рыльского, А. Талвира; раздел «В семье братских народов» — это очерки И. Антонова, Г. Ахунова, Л. Гурунца, А. Сидки; «Зарубежные впечатления» — это путевые очерки Л. Дмитренко, Н. Равича, А. Хижняка; «Литературное наследство» — это материалы о Павле Кучияке, Александре Фадееве, Илье Чавчавадзе, Юхане Сютисте, Галимджане Ибрагимове, Кариме Девоне; «Трибуна писателя» — это статьи А. Абсалямова, Г. Баширова, М. Гусейна, Ю. Либединского, Л. Новиченко, П. Пестрака; «Критика и библиография» и «Маленькие рецензии» — это более полутора откликов на книги плюс яростная дискуссия о национальной форме по статье А. Бочарова.

Важная публикация в номере II приурочена к сорокалетию Великого Октября: «Ленин и дружба советских народов», по документам ИМЭЛа: Ленин и Советская Украина, Ленин и Советский Восток, Ленин и Советское Закавказье, Ленин и национальные республики РСФСР; декреты, заметки, письма, телеграммы...

Запоминаются целевой таджикский номер в апреле и подборка стихов балкарских поэтов в июне. В праздничном ноябрьском номере — обширный статистический материал об издании художественной литературы в республиках за сорок советских лет.

Этот ноябрьский номер — последний, подписанный Борисом Лаврениным; в декабре обязанности главного редактора вновь временно принимает на себя Г. Корабельников; двухлетний яркий «лавренинский» период в истории журнала заканчивается. Тираж журнала в 1957 году — 55 тысяч.

1958 год

В журнале перемены: главным редактором становится поэт Алексей Сурков. В первой подписанной им — январской — книжке журнала ощущается тяга к обновлению. Появляется несколько свежих рубрик. «Новые имена»: «здесь будут публиковаться, — уведомляет редакция, — новые произведения писателей братских республик, впервые выступающих перед всесоюзным читателем»; в январском номере в этой рубрике напечатана повесть Хабибулло Назарова «В поисках Карима Девоны»; в дальнейших книжках роман Тахави Ахтанова «Суровые дни», повесть Миервальдиса Бирзе «И подо льдом река течет...», стихи Алдын-Оола Даржаа, рассказы Ивана Науменко, стихи Дондока Улзытуева, Р. Чумака, поэма Бер-дыназара Худайназарова «Горячая степь», повесть Т. Таганова «Правдивая история девушки Кейкер»...

Рубрика «Новые переводы» в первом номере открывается главами из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели в переводе Николая Заболоцкого. В дальнейшем здесь напечатаны старинные украинские песни в переводах Николая Асеева, немецкие песни и баллады в переводах Льва Гинзбурга и абхазские сказания из цикла «Нарты» в переводах Семена Липкина.

"Суущественно расширен раздел «Литературное наследство». В первом номере — материалы о Шарифе Камале и стихи Бердаха, в дальнейших номерах — материалы о Рудаки, Физули, Айни, Горьком, Иване Франко, Маяковском, Шевченко, Валиханове, Ширван-заде...

В разделе «Воспоминания» в течение года журнал помещает военные дневники Всеволода Вишневского, очерк А. Зуева «Сестра Ильича», журналистские записи Ивана Араличева о Садриддине Айни, «Незабываемые встречи» Ш. Ибрагимова, воспоминания генерал-лейтенанта Я. Чанышева о Фрунзе...

В «Трибуне писателя» — выступления в дискуссии навстречу Третьему съезду писателей СССР; в специальном разделе «По страницам журналов» — постоянные обзоры республиканской литературной печати: «Ала-Тоо», «Днипро», «Шарки Сурх», «Карогс», «Литературная Грузия». «Лооминг»... Насыщены материалами традиционные рубрики «Очерк и публицистика», «В семье братских народов», «На темы культуры и искусства»,

«За рубежом», «Критика и библиография», «Маленькие рецензии»... С сентября вводится «Хроника культурной жизни», весь год работает рубрика «Вести из республик»--обзоры республиканских газет. Всячески стремясь приблизиться к повседневным запросам читателей, журнал охотно публикует их письма; в январском номере помещено письмо о работе студенческих научных обществ; среди его авторов — студент филологического факультета МГУ Станислав Рассадин; если это еще не дебют критика, то в июньской книжке студент публикует рецензию на Юрия Шамиурина,— это уже дебют.

На фоне столь оживившихся «малых» разделов успехи основных отделов журнала: прозы и поэзии — кажутся менее яркими и впечатляющими. Здесь романы Мирзы Ибрагимова «Слияние вод» и Вадима Собко «Обыкновенная жизнь»; «Каракалпакская повесть» Аскада Мухтара и рассказ Чингиза Айтматова «Соперники»... Впервые ощущается стремление журнала шире представить русскую прозу: повести Вадима Лукашевича «Твоя подруга» и Александра Борцаговского «Большой футбол», «Фронтовые записи» Александра Бека, «Записки бойца Интернациональной бригады» Л. Василевского. Диапазон расширяется и за пределы советской литературы: Луис Кордоба, Ли Чжунь, Махмуд Ас-Саадани, Нгуен Конг Хоан, Уильям Сароян, Цао Мин, А. Хино, С. Усман... И все-таки журнал не выходит еще по-настоящему на всесоюзную литературную арену: характерно, что Айтматов представлен полузабытым ныне рассказом «Соперники», в то время как всемирно известная «Джамиля» в это же время печатается в «Новом мире».

Отдел поэзии тоже пробует резко расширить «фронт работ»: тут переводы не только с грузинского, татарского, литовского и казахского, но с арабского, китайского, корейского, хинди, французского, испанского, шведского...

Среди поэтов надо отметить новые имена: Евгений Евтушенко и Иван Лыцов, Дмитрий Сухарев и Олег Чухонцев; среди переводчиков также — Андрей Вознесенский, Владимир Соколов...

Одна поэтическая публикация становится событием всесоюзной значимости: в летних номерах журнала опубликована поэма Расула Гамзатова «Горянка».

Обновляется руководство журнала: вместо редакционной коллегии учрежден большой редакционный совет; в него входит около сорока человек: известные писатели, представители разных республик.

Тираж журнала повышается до 75 тысяч.

Для сравнения; тираж «Нового мира» в эту пору — 140 тысяч, тираж «Октября» — 164 тысячи, тираж «Знамени» — 110 тысяч. «Дружба народов» уступает этим лидерам литературной журналистики (а сами они уступают в свою очередь такому «специфическому» журналу, как «Юность», — 300 тысяч, впрочем, дело, конечно, не в специфике, а в интересности журнала), «Дружба народов», однако, обгоняет по тиражу и «Молодую гвардию» и «Москву» (60 и 55 тысяч), сравниваясь с обоими ленинградскими журналами («Звезда» и «Нева» — каждый 75 тысяч), имеющими солидный запас прочности; для «Дружбы народов», ежемесячника, насчитывающего за плечами четыре года, — это явный успех.

1959 год

Крупнейшим событием года, ознаменовавшим включение журнала «Дружба народов» во всесоюзный литературный процесс, и выдающимся достижением эстонской прозы является «Ледовая книга» Юхана Смуула, напечатанная в марте—апреле—мае. Яркими публикациями, оставившими след в сознании читателей, надо признать романы «Хлеб и соль» Михаила Стельмаха и «Небит-Даг» Бер-ды Кербабаева. Из повестей и рассказов отметим «Телефонистку» Гасана Сеидбейли, «Яблоко» Миервальдиса Бирзе, «Две командировки» Миколы Ракитного, новеллы И. Багмута, Ш. Бейшеналиева, М. Калндрувы, Мирмухсина, Я. Стецюка, Р. Тухватуллина.

Заметна в журнале слабость русской прозы, что особенно странно при щедрости на зарубежные публикации (Ж. Дувр, Ма Фын, А. Миллер, Д. Олдридж, Д. Сантис, Т. Гверра, Э. Петри, У. Пирро).

В поэтическом разделе звучат циклы стихов Андрея Лупана («Ион Агаке»), Сильвы Капутикян, Мустая Карима, Эди Огнецвет, французские мотивы Максима Рыльского, японские мотивы Максима Танка, Павла Тычины, стихи Рыгора Бородулина, Алима Кешокова, Давида Кугультинова, Николая Лайне, Евдокии Лось, Тайсто Сумманена, Дондока Улзытуева, Элляя... И все-таки событий нет. Русская поэзия представлена бледно (Николай Ушаков, Михаил Ду-дин, Николай Грибачев, Инна Лиснянская, Лев Ошанин...): достаточно вспомнить, что в это самое время в русской поэзии происходит настоящий творческий взрыв, обсуждаются новые имена, гремят споры,— ясно, что «Дружба народов» остается несколько в стороне от коренных процессов литературного развития, что она играет роль как бы «дополнительную», не столько пионерскую, сколько «обслуживающую».

В первом номере, откликаясь на Тезисы о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на семилетку 1959—1965 годов, подготовленные ЦК КПСС к XXI съезду партии, главный редактор журнала Алексей Сурков -пишет: «Деятели литературы и искусства должны помнить, что семилетка ставит грандиозные задачи дальнейшего роста материального благосостояния трудящихся Советского Союза. А это значит, что у людей, живущих в довольстве, не сменяемых ежеминутными заботами о хлебе насущном, неизмеримо возрастет тяга к разнообразной духовной пище, которую дают человеку литература и искусство... Эту ежедневную, жадную до знания, до впечатлений, прикоснувшуюся к радости культурного роста аудиторию должны обслужить и писатели...» Помимо общего парадного, благодушного тона, здесь знаменательна сама установка на обслуживание человека, избавившегося от забот о хлебе насущном, установка, как бы исключающая заранее поиск нового, драму творчества, трагическую проблематику индивида в современном мире. Эта установка, конечно, сказывается на содержании журнала. При всей чисто журналистской изоциренности (огромное количество рубрик), при заметном обновлении и довольно высоком уровне критического отдела (молодые критики, новые имена,— в журнале активно печатаются авторы, которым суждена в близком будущем яркая литературная судьба: Ю. Барабаш и И. Борисова, И. Виноградов и В. Кардин, Л. Лазарев и В. Огнев, Н. Крымова и И. Соловьева, В. Чалмаев и З. Финицкая),— все-таки эти разделы не могут заменить главного: художественных произведений. В объявлении планов на следующий, 1960 год, редакция дает читателю понять, что она чувствует свою слабость: «В 1960 году значительно расширяется литературно-художественный раздел журнала, в котором будут публиковаться романы, повести, рассказы, поэмы, стихи виднейших писателей Советского Союза, стран народной демократии и прогрессивных писателей Запада и Востока». Характерно, что вектор по-прежнему направлен не на русскую литературу, стоящую в центре многонационального процесса, а на «всемирный-охват».

«Охват всесоюзный» между тем дает свои плоды. В сентябрьской книжке — рецензия Юлии Канэ на рассказы «городненского журналиста Василя Быкова», опубликованные на белорусском в минских газетах и журналах. Это первое упоминание о Василе Быкове в центральной печати.

Тираж «Дружбы народов» по-прежнему стоит на отметке 75 тысяч.

О. МИХАЙЛОВ. ТРИБУНА БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР. «Это в полном смысле слова уникальный журнал... Для «Дружбы народов» трудно подыскать другое, сходное по типу издание. И уж, конечно, ничего похожего невозможно найти в капиталистическом мире. «Дружба народов» — это яркая летопись созидательной, творческой жизни народов страны социализма, освобожденных Октябрем» («Новый мир», 1959, № 11, с. 237).

1960 год

В журнале перемены: с февраля на посту главного редактора Василий Смирнов сменяет Алексея Суркова. На посту первого заместителя с апреля Аюп Салахян сменяет Григория Корабельникова (ушедшие остаются членами редсовета).

Журнал сохраняет курс на быстрое и живое отражение актуальных проблем повседневности. В дополнение к существующим публицистическим рубрикам появляются новые. Из номера в номер идет подборка воспоминаний и документов к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина—«Ленин и народы СССР»; здесь помещены материалы из архивов Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Средней Азии, Казахстана, Закавказья, Прибалтики. Под новой рубрикой «Беседы о семилетке» публикуются диалоги писателей с руководителями и видными деятелями республик; «Молдавия — будущий сад Страны Советов», «Встречи под счастливыми звездами», «Вся Эстония — стройка», «Плоды борьбы и труда», «Люди и хлопок», «Украина трудится, творит и поет»... При некоторой фанфарности тона здесь содержится много интересного: в рубрике — беседы с секретарями Центральных Комитетов Компартий республик, с председателями Советов Министров, с героями труда, учеными. Беседы ведут писатели П. Вершигора, А. Саар, А. Бе-ляускас, В. Берце...

Широк мирохват и в других разделах; «В семье братских народов», «На темы литературы и искусства», «По страницам журналов», «Мир глазами писателя». На достаточно высоком уровне держится критика и библиография; здесь надо отметить и активность постоянных авторов журнала, и яркие дебюты: И. Роднянская, Р. Мустафин...

Однако основные разделы журнала бедноваты. При всей солидности имен, представляющих многонациональную советскую поэзию (М. Бажан, А. Малышко, П. Тычина, М. Рыльский, Ем. Буков, И. Маши-баи, М. Кёте, Ю. Марцинкявичюс, Э. Межелайтис, Р. Рза), — поэтических событий мало. Но есть интересные дебюты. Напечатаны Яан Кросс, Григоре Виеру, Ояр Вацетис и Николай Дамдинов. По традиции охватывать «весь мир» в журнале представлены Л. Арагон, Ш. Бодлер, П. Верлен, Р. Деспстр, из нефранцузов — У. Роберте и Незвал, а также народные песни Индонезии и африканского народа фульбе.

В прозе — два новых имени: Алесь Адамович (роман «Война под крышами») и Дагния Зигмонте (повесть «Будь стойкой, Юта!»). Известных имен много: А. Бикчентаев, Я. Брыль, М. Гусейн, П. Загребельный, Э. Кипиани, М. Лакербай, Л. Промет, Р. Сирге, Х. Теунов, И. Чендей, И. Чобану... Бсть две пьесы: «Зарницы» М. Ауэзова и «Каса-маре» И. Друцэ. Последней суждена яркая сценическая жизнь, но к прозе она имеет косвенное отношение. Проза года держится на двух романах; во-первых, это «Проданные годы» Юозаса Балтушиса и, во-вторых, «Степь да степь кругом» Николая Вирты. По той же «всемирной» традиции три осенних номера щедро отданы Карло Марзани для романа «Уцелевший» — о «разгуле ФБР и ему подобных реакционных организаций в США».

"Призывая читателей подписываться на 1961 год, редакция опять обещает «значительно расширить литературно-художественный отдел».

Тираж застыл на 75 тысячах.

1961 год

У главного редактора журнала появляется второй заместитель; с января эти обязанности исполняет член редсовета критик Юрий Суровцев.

В 1961 году журнал продолжает изобретательно множить публицистические рубрики. Помимо «Публицистики», где активно обсуждаются актуальные проблемы момента (одна из них — повсеместное введение кукурузы), помимо «Бесед о семилетке», где. Продолжаются диалоги писателей с руководителями республик, введены еще и подрубрики: «В канун великого съезда» (идет подготовка к XXII съезду КПСС), «Коммунизм — дело наших рук», «Рассказывают руководители писательских организаций республик». Нередко номер, открывающийся передовой статьей общественно-

политического характера, весь пронизан «рубриками», идущими пунктиром, с продолжением, через всю книжку.

Некоторая «заорганизованность» ощущается и в отделе поэзии: стихи публикуются массивными национальными подборками, иногда по две в номере. В мартовской книжке «Стихи еврейских поэтов» соседствуют со «стихами поэтов Кипра»; в апрельском — подборка «Солнце над Грузией» идет вместе с подборкой «поэтов Африки», в майском — подборка из Туркмении и подборка из Алжира, и далее — стихи поэтов Казахстана, Молдавии, Латвии... Некоторая дробность (характерно отсутствие поэм и крупных индивидуальных циклов) дает перевес принципу ведомственно-географическому перед принципом личностным. Исключение — яркий дебют Фоусат Балкаровой в мартовском выпуске: «Стихи горянки» в прекрасных переводах Марии Петровых, Веры Звягинцевой...

Однако «коллективные подборки» вызывают воодушевление критики.

ВЛ. ОГНЕВ. ВСТРЕЧА ТАЛАНТОВ. «То феноменальное в истории мировой культуры явление, какое представляет собою многоязычная советская поэзия, требует для осмысления общих ее процессов глубочайшего знания предмета. Вот почему мы радуемся каждой капле таланта в переводах с языков братских литератур на русский. Вот почему нужно обратить внимание на добрый почин журнала «Дружба народов».

Почти в каждом номере за этот год читатель находит подборку стихов, переведенных с какого-либо языка народов, населяющих нашу страну. Подборке предпослана статья переводчика, обычно хорошего русского поэта. Это не случайный и пестрый расхват подстрочников. Это чаще всего дело, «заражающее» русского поэта, заставляющее его полюбить край, куда он едет загодя. Часто это перерастает в начало глубокой и плодотворной дружбы...

Хорошо, что журнал держит курс на радостную работу, а не на унылую кампанейщину. Перевод — это встреча и дружба талантов» («Литературная газета», 14 сентября 1961 г.).

В разделе прозы надо отметить появление нового имени: Зигмунт Скуинь, роман которого «Молодые» пронизан проблематикой «оттепельного» молодого времени, в прозе 1961 года среди россыпи рассказов (Анвер Бикчентаев, Миервальдис Бирзе, Янка Брыль, Мирза Ибрагимов, Отия Иоселиани, Иван Истомин, Валерий Пырерка, Юрий Рытхэу, Арчил Су-лакаури, Иван Шамякин) выделяются три повести: «Тополек мой в красной косынке» Чингиза Айтматова, «Выстрел на перевале» Мух-тара Ауэзова и «Остаюсь с тобой» Геннадия Красильникова, а также три обширных романа: «Чудесное мгновение» Алима Кешокова, «Рождение» Аскада Мухтара и «Правда и кривда» Михаила Стельмаха. Русская проза представлена В. Лидиным, Дм. Осиним, А. Зуевым, Ю. Полухиным, Ю. Сбитневым и В. Берестовым.

В отделе критики весьма заметны установочные статьи и обзоры «По страницам журналов». Среди новых авторов: Феликс Кузнецов (разбор романов Ааду Хинта) и Юлиан Семенов («Радостное изумление» — отклик на книгу «Якутия глазами зарубежных друзей»),

Тираж журнала, несмотря на всю эту «радостную работу», впервые за всю историю издания — падает. Вдвое. Это падение, на первый взгляд неожиданное, произошедшее в 1961 году (то есть в самый разгар общественного интереса к журнальному делу и, в частности, к состязанию двух «флагманов» тогдашней журналистики: «Нового мира» и «Октября»), свидетельствует несомненно о некоторой выработанности внутренних ресурсов молодого журнала и, следовательно, о конце определенного этапа в его истории. Оглядываясь на первые семь лет его существования, мы можем отметить, что рождение журнала произошло как бы «рывком». Журнал сразу включился в литературную жизнь, он сумел быстро создать все основные рубрики, приличествующие ежемесячнику, он обнародовал интереснейшие архивные материалы, он провел острые литературные дискуссии, он обозначил (преимущественно при А. Суркове, в «год

Ташкента») многочисленные связи с прогрессивными зарубежными литературными силами, не говоря уже о том, что он достойно представил читателю литературы советских республик. С. Айни, М. Стельмах, Ч. Айтматов, Ю. Смуул, Р. Гамзатов, А. Лупан — заметные достижения прозы и поэзии в первое журнальное семилетие. Вокруг журнала сплотился сильный авторский коллектив, близкий по профессиональному уровню к лучшему в этом смысле тогдашнему журналу — «Новому миру» (при Б. Лаврентеве эта переключка особенно очевидна). Иными словами, журнал родился. Но судьба его еще только началась. Была создана трибуна. Но речь с нее еще должна была зазвучать. Обозначились возможности, которые еще должны были реализоваться. Кризис оказался неизбежен.

Разумеется, в журнальном деле персональные качества редактора и его ближайших коллег играют большую роль. Но истинные причины кризисов и поворотов всегда глубже: они коренятся в самой ситуации. Литературные ресурсы были не подготовлены к столь резкому броску от альманаха к журналу. Отсутствие сильной русской прозы и поэзии разительно на его страницах, а повернуться к русской литературе как к главному двигателю журнала — рискованно: во-первых, профиль молодого издания еще сильнее, чем лицо, а во-вторых, при таком преждевременном повороте мог бы обозначиться контраст качеств литератур «национальных» (как бы «этнографически окрашенных») и литературы русской (как бы «всеобщей» и «универсальной»), что грозило бы исказить интернациональный замысел издания.

Путь был один; изжить контраст качеств в ходе самого литературного развития. Литературы братских республик должны были выйти на один уровень с русской. Не в смысле талантливости авторов или разработанности стилей — талантов везде хватало, традиции же в иных литературах были еще и подревней, чем в русской, — а в том смысле, что национальный аспект должен был стать выражением общечеловеческого, а не дополнением к нему. Этот процесс уже интенсивно шел во всех крупных братских литературах, но требовалось время, чтобы результаты его сказались. Для журнала это означало впереди — годы долгой, терпеливой Кропотливой работы. «Рывок становления» закончился. Второе дыхание не открылось. Наступил кризис. В 1961 году тираж журнала упал до 33—34 тысяч. До уровня альманаха 1952 года. Надо было подтягивать тылы.

ЖУРНАЛ, ПОХОЖИЙ НА АЛЬМАНАХ (1962—1965)

1962 год

Внешне — никаких перемен. Динамика — только в перетасовке рубрик. Некоторые рубрики продолжают: «Коммунизм — дело наших рук», «Мир глазами писателя». Некоторые появляются: «Люди, время, события», «Проблемы жизни». Некоторые возобновляются: «Литературное наследство», «Новые переводы». Обновляется рубрика «На темы культуры и искусства»: впервые в журнале (в июльском номере) читатель находит цветную вклейку — репродукции картин «Белорусские припевки» Р. Кудревича и «Балхаш» Н. Тансыкбаева; в сентябре на вклейке — живописцы Молдавии (рядом — статья З. Куторги об их творчестве), в октябре — молодые живописцы и графики Эстонии (статья Л. Соонпя), в ноябре — «Залп «Авроры» Кукрыниксов, в декабре — «Армения» М. Сарьяна, «Сбор чая» А. Кутателадзе, «Высота» И. Зариня — вклейка становится традицией.

В поэзии — продолжение национально-тематических подборок: киргизская, эстонская, армянская, азербайджанская, адыгейская, молдавская, хакасская, «Стихи поэтов Азии», «Из зарубежных дневников советских поэтов», «Стихи о Ленине». Переводы — с испанского, турецкого, греческого, английского, французского, японского, урду, болгарского, китайского... Несколько поэм: «День жизни» Ем. Букова, «Последняя кочевка» М. Кенин-Лопсана, «Моя любовь» А. Кюрчайлы, «Лебединое озеро» О. Сарывелли. Русская поэзия: С. Кирсанов, А. Прокофьев, М. Светлов, Я. Смеляков...

Среди дебютантов рубрики «Новые имена» — Танзиля Зумакулова (с напутствием Кайсына Кулиева), три молодых украинца, напутствуемые Леонидом Новиченко: Иван Драч, Виталий Коротич и Микола Винграновский. Среди дебютантов-прозаиков: Ахмед Абу-Бакар (повесть «Даргинские девушки»), Нариман Джумаев (повесть «Тихая невестка»), Анатолий Клышко и Янка Сипаков (очерк «Поэма дорог»).

Проза года держится на четырех романах, это «Верность» Анны Броделе, «Люди на болоте» Ивана Мележа, «Пути-дороги» Анаит Саинян и «В долине Маленьких Зайчиков» Юрия Рытхэу. Однако не меньший, а, наверное, даже больший резонанс получают повести: «Сосна, которая смеялась» Юстинаса Марцинкявичю-са и «Третья ракета» Василя Быкова. Среди рассказчиков — Нодар Думбадзе, Реваз Инанишвили, Евгений Гуцало, Арво Валтон, Анар — имена, выдвигаемые новым десятилетием...

Тираж журнала начинает медленно **ползти вверх и добирается до 37 тысяч.**

1963 год

К традиционным рубрикам журнала добавлены новые: «Высоко нести знамя социалистического реализма!» (отклики писателей на решения партии по вопросам литературы); «Курс—коммунизм» (отклики на эти решения читателей, знатных людей страны); «Большевизм — великое знамение времени» (к 60-летию II съезда РСДРП). Под рубрикой «О литературе и жизни» публикуются суждения о литературе Героя Социалистического Труда Валентины Гагановой, таллинского рабочего Рихарда Эрлиха, партийного работника из Дагестана Патимат Кайтбековой, ростовского слесаря А. Гриценко. Вводится рубрика «Навстречу съездам писателей».

В поэзии — Фазу Алиева и Рыгор Бородулин, Петрусь Бровка и Антанас Венцлова, Арон Вергелис и Матвей Грубиан, Нафи Джусойты и Альфонсас Малдонис, Карло Каладзе и Георгий Леонидзе, Максим Рыльский и Симон Чиковани, Давид Кугультинов и Юхан Смуул... Евгений Долматовский, Яков Козловский, Александр Прокофьев, Михаил Светлов, Владимир Солоухин, Илья фоняков... Среди «новых имен» — Халимат Байрамукова, Мушни Ласурин, Борис Укачин.

В прозе — романы Алеся Адамовича «Сыновья уходят в бой», Олеся Гончара «Тронка», Иона Друцэ «Степные баллады», Василия Козаченко «Молния», Вилиса Лациса «После ненастья»; повести Исы Гусейнова «Телеграмма», Нодара Думбадзе «Я вижу солнце», Фазилдина Мухаммадиева «Домик на окраине», Юхана Смуула «Японское море, декабрь», Бердыназара Худайназарова «Сормово-27», Юрия Рытхэу «Голубые песцы». Русская проза представлена повестью Сергея Крутилина «Липяги», «Дашей» Юрия Лаптева, рассказами Вд. Солоухина, Саввы Дангулова, Владимира Лидина...

Тираж с трудом поднимается до 40 тысяч, а затем вновь ползет вниз. Отстраненность журнала от острых проблем всесоюзной, и прежде всего русской, литературы, вряд ли скомпенсированная быстротой публицистических откликов на «запросы времени» и широтой республиканского представительства, сказывается на репутации журнала среди читателей.

1964 год

Главный редактор «Дружбы народов» Василий Смирнов предпринимает шаги к повышению популярности журнала: интервью с ним о планах редакции появляются в республиканских газетах.

Реорганизуется структура редакционного совета: с сентября большой редсовет (46 человек) ликвидируется; вместо него создается компактная рабочая редколлегия. В нее входят, помимо первого заместителя главного редактора Акопа Салахяна, 14 членов: С. Баруздин, М. Ибрагимов, И. Левченко, Г. Ломидзе, В. Лукашевич, Ю. Марцинкявичюс, А. Мухтар, А. Николаев, Л. Новиченко, А. Прокофьев, Я. Смеляков, В. Чалмаев, И. Шамякин и заместитель главного редактора В. Гришаев, Создан также общественный совет журнала (35 человек). В него вошли писатели Ч. Айтматов, Г. Баширов, Р. Гамзатов, Н. Джумаев, М. Каратаев, М. Карим, А. Кешоков, Г. Корабельников, А. Лупан, А. Овчаренко, Р. Сирге, З. Скуинь, М. Стельмах, М. Танк, Уйгун, С. Улуг-заде и С. Чиковани. Кроме

писателей, в общественный совет введены художник Мартирос Сарьян, артистка Верико Анджапаридзе, Герои Социалистического Труда А. Ажафаров и Я. Куций, бригадир колхоза им. Ленина в Таджикистане Ш. Расулов и вице-президент АН УССР Н. Семе-ненко.

На стиле журнала реорганизация пока не сказывается. Множатся рубрики, появляются и исчезают в ответ на спрос («Родине— большую химию», «Вместе с народом, для народа», «Любовь всенародная» (к 150-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко). Возникает рубрика «Сатира и юмор». Прежние публицистические рубрики продолжают; активно ведется раздел «Литература и жизнь» (письма, отклики, интервью, заметки). Однако основные тексты, публикуемые в журнале, не соответствуют организационным усилиям и информационной энергии журнала.

Три дебюта следует отметить в рубрике «Новые имена»; **три** прозаика; Юсуфджон Акобиров, Леннарт Мери и Гурам Рчеулишвили-ли, каждого из которых ожидает яркая литературная судьба.

Поэзия по-прежнему идет национальными подборками (якутская, белорусская, молдавская, юго-осетинская, кабардинская). Однако есть тенденция к укрупнению индивидуальных циклов (сказывается присутствие в редколлегии Ярослава Смелякова). Актив года составляют три поэмы: «Живая вода» Давида Кугультинова, «Вишневый ветер» Ивана Драча, «Кровь и пепел» Юстинаса Марцинкя-вичюса. Последняя, переведенная Александром Межировым, справедливо подана как крупнейшее событие года и сопровождается гравюрами Стасиса Красаускаса.

В прозе—два романа: «Форнарина» Зигмунта Скуиня и «Сердце на ладони» Ивана Шамякина. Повести Х. Ашинова, В. Бабанлы, А. Гилязова, П. Козланюка, М. Стельмаха, А. Якубова. Русская проза представлена С. Дангуловым, В. Лидиным, В. Берестовым, Н. Чертовой, А. Зуевым.

С. БАРУЗДИН. ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЗУЕВЕ И ЕГО КНИГАХ

«В нашем журнале Александр Никанорович Зуев был членом редколлегии и заведующим отделом прозы, здесь он опубликовал свой отличный рассказ «В лесу, у моря» и тонкую, умную, полную лиризма и душевной чистоты повесть «Зеленая ящерица». И, наверное, дружба с «Дружбой...» привела писателя Зуева к переводам из братских литератур: он успешно представлял русским читателям Севунца и Амира. Аладжаджяна и многих других писателей... Сын священника и учительницы. Родился в 1886 году. С 1921 года—сотрудник «Правды». С 1928 года—член партии. Делегат Первого всесоюзного съезда писателей... Шестнадцать лет выпали из творческой биографии писателя не по его вине. В 1962 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Умер на семидесятом году жизни, в мае 1965 года... А мы помним его. И читатели, любящие литературу нашу, помнят. И будут помнить» («ДН», 1970, № 7, с. 260).

1965 год

Традиционные рубрики; «Проблемы жизни», «Люди, события, время», «Литература и жизнь», «Публицистика», «На темы культуры и искусства», «Литературное наследство», «Сатира и юмор», «Мир нашими глазами» (ранее было; «Мир глазами писателя»). Цветные вклейки, посвященные художникам Армении, Украины, Азербайджана, Казахстана...

Национальные подборки поэзии; белорусская, грузинская, якутская... «У нас в гостях немецкие писатели»...

Яркое событие года; книга стихов Ираклия Абашидзе «Палестина, Палестина!», целиком опубликованная в июльском номере в переводе Александра Межирова.

Проза. Последний роман Мухтара Ауэзова «Племя младое». Первый роман Абдижамила Нурпеисова, открывающий трилогию, впоследствии названную «Кровь и пот», —«Сумерки». Романы «День для грядущего» Павла Загребельного, «Происшествие с Андресом Лапетусом» Пауля Куусберга, «Вечный шах» Ицхокаса Мераса, «Бо-роветер» Миколы Рудя. Повести Миервальдиса Бирзе, Норпола Очирова, Ивана Пташникова,

Хачима Теунова. Рассказы Халимат Бай-рамуковой, Арво Валтона, Ширы Горшман, Евгена Гуцало, Георгия Леонидзе, Ионаса Микелинскаса, Степана Олейника, **Витаутаса** Петкявичюса, Миколы Ракитного, Миколаса Слуцкиса...

Дебюты; Акрам Айлисли и Александр Гижя, Ливиу Дамиан и Ильяс Кашафутдинов, Туманбай Молдагалиев и Владимир Петонов.

Русская проза: Сергей Крутилин (продолжающиеся «Липяги»), В. Журавлев-Печорский, В. Лидин, Е. Марысаев, И. Падерин.

Из года в год русская проза все более «отстает» в журнале **от** прозы республик, вернее, проза республик, все более набирающая силу, постепенно начинает обгонять русскую прозу, дозируемую по старым и скудным меркам альманаха. То же и с поэзией. Проблема постепенно обостряется, решение ее назревает. Выравнивание уровней становится актуальной задачей.

Тираж журнала вновь начинает падать и застревает между 35 и 36 тысячами. Дальше отступить некуда.

ЖУРНАЛ, ПОХОЖИЙ НА ЖУРНАЛ (1966—1973)

1966 год

С января Василий Смирнов передает обязанности главного редактора Акопу Салахяну.

С февраля главным редактором журнала «Дружба народов» становится Сергей Баруздин.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ С. А. БАРУЗДИНА НА «КРУГЛОМ СТОЛЕ» В БУДАПЕШТЕ В АВГУСТЕ 1985 г.

«В свое время нам пришлось решать в «Дружбе народов» нелегкую проблему. Было два пути. Первый: если в той или иной нашей республике появлялся, скажем, роман, лучший для той республики, мы его представляли. Но лучшее для той или иной литературы не всегда выдерживало всесоюзную «конкуренцию». Мы избрали другой путь — печатать только то, что такую «конкуренцию» выдерживает, только то, что интересно всесоюзному читателю. И произошло чудо: на нас не только не «обиделись» в республиках (чего мы поначалу опасались), но наоборот: там явились новые литературные силы, которые встали в первый ряд всесоюзной литературы. Вместо «соседства заглавий» получился диалог...» («ДН», 1985, № 12, с. 263—264).

Работа, о которой двадцать лет спустя вспоминает С. А. Баруздин, начинается зимой 1966 года.

В журнале ощущается желание перемен.

Меняется оформление: вместо обложки привычного песочного цвета с черно-белой гравюрой, «покоящейся» в центре листа (картинки, вынесенные на обложку, утвердились одновременно с наклейками еще в 1962 году), журнал одевается в менее яркую, но более современную «рубашку»: на белом фоне красная марка «ДН» и четкий, черный, иногда плотно-серый штрих очередной «картинки», не затиснутой в рамку, но динамично организующей страницу. На титуле, около знаменитого «древа в ладонях» Стасиса Красаускаса, ставшего эмблемой журнала, — высказывание А. М. Горького о «разноплеменной, разноязычной литературе всех наших республик, выступающей как единое целое...». На обороте титула появляются портреты авторов. И сам «портрет -журнала» обновлен.

Несколько упрощается сетка рубрик. Хроника и информация уходят в конец книжки (со временем там рождается «Дневник «ДН»). Но основные публицистические рубрики продолжают: «Проблемы жизни» (отметим здесь очерк В. Петкявичюса «Без чудес!»), «Люди, события, время» (здесь отметим алтайские записи Иманта Зиедониса — предвестье «Курземите»), «По дорогам планеты» (канадские записи Виталия Коротича, лапландские — Геннадия Фиша), «Литература и жизнь» (не перечисляя многого, отметим письма Андрея Белого из Грузии 1927—1929 годов и заметки о «Витязе в

тигровой шкуре» Шота Руставели первого его русского переводчика Константина Бальмонта).

Среди «новых имен», вошедших в соответствующую рубрику,— кабардинец Зубер Тхагазитов и эвен Василий Лебедев, однако и вне рубрики представлены имена, новизна которых для всесоюзного читателя несомненна, а значимость несомненна для теперешнего дсторика литературы: это Энн Ветемаа с повестью «Монумент», Тимур Пулатов с повестью «Окликни меня в лесу», Акрам Айлис-ли с повестью «Сказки тетушки Медины»—«новые литературные •силы», явившиеся в национальных литературах, выходят на страни' цы журнала.

Рядом — «Снежные люди» Ахмеда Абу-Бакара, «Утро вечера мудренее» Василя Быкова, «В поисках потерянной улыбки» Лен-нарта Мери, «Мост» Ивана Шамякина, рассказы М. Ауэзова, Б. Влэ-стару, С. Жураховича, Г. Менюка, И. Науменко, И. Рабина, М. Блакитного, Ю. Смуула, А. Сулакаури...

Три романа: «Сестры Рачинские» Ирины Видьде (главы), «Дипломаты» Саввы Дангулова и «Зеленый полумесяц» Алима Кешокова.

Бедность русской прозы становится все очевиднее по контрасту с новыми силами из республик.

А вот в поэзии положение все более меняется к лучшему. Журнал по-прежнему публикует национальные и тематические подборки: узбекскую (точнее, это «М о л о д а я поэзия Узбекистана»), что характерно), татарскую (точнее, это «Основоположники советской татарской поэзии»— в переклик с аналогичными подборками прошлых лет), «Москва—Прага—Братислава» (стихи чешских, словацких и советских поэтов). Рядом—поэма Наби Хазри, подборки Раисы Ахматовой, Давида Кугультинова, Кайсына Кулиева, Эдуардаса Межелайтиса, Хасана Туфана, Андрея Лупана.

Найденная новая форма; книга стихов (начатая год назад палестинской книгой Ираклия Абашидзе) подкреплена яркой книгой Ярослава Смелякова «День России», опубликованной в майском номере. Точнее, это «книга стихов и переводов»; Мумин Каноат, Яков Ухсай и Матвей Грубиан входят в структуру смеляковской книги, охватывающей мир.

...Рассказали мне, Лия,
неохотно, с трудом,
что тебя застрелили
немцы в сорок втором.
Нахожусь и теряю —
нет, опять не узнал...—
где той ночью тебя я
у ворот целовал.
И кладу я впервые
в этот памятный год
васильки полевые
возле каждых ворот...

1967 год

Год 50-летия Великого Октября журнал открывает несколькими новыми рубриками. «Подумаем, поспорим...»— здесь напечатано письмо библиотекаря В. Нечаева из Калининской области; «Библиотека; вчера, сегодня, завтра...» В февральском номере В. Нечаеву отвечает библиотекарь из Баку А. Касумов. В мартовском выступает инспектор по библиотекам из Львова С. Бернацкая... Дискуссия идет в течение всего года. Вопросы поставлены следующие: как добиться, чтобы лучшие книги были в каждой библиотеке? Надо ли для этого давать книгам гарантированные библиотечные тиражи? Нужны ли специальные библиотечные издательства? Интерес журнала к библиотечному делу неслучаен; в конце концов он увенчается созданием уникальной Библиотеки автографов в Нуреке; дискуссия 1967 года знаменательна еще и в том отношении, что юбилейный год редакция отмечает не фанфарами, а по-ленински,

концентрируя внимание на нерешенных проблемах. О том же свидетельствует и другая новая рубрика 1967 года; «Письма с комментариями». В январском номере редакция комментирует письмо читателя Р. Саркисяна, который, работая следователем, столкнулся с беззаконием и обратился в журнал за помощью... Рубрика становится постоянной.

Еще одна новая рубрика открывается в юбилейном году: «Отвага» — постоянный раздел, «где будут публиковаться материалы о славных подвигах советских людей — бойцов, командиров и политработников Советских Вооруженных Сил»... Так сказано в приветствии Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна к открытию рубрики. В апрельском номере здесь напечатаны воспоминания Ильи Вергасова «Ялта, 41—42». В последующих номерах — воспоминания Маршала Баграмяна, очерки С. С. Смирнова, Аззама Сидки, воспоминания Героя Советского Союза генерал-полковника И. Людников-ва... Впоследствии «Отвага» делается одной из заметнейших рубрик журнала; здесь выйдут в свет воспоминания Бориса Полевого, маршала бронетанковых войск А. Бабаджаняна, генерал-полковника И. Чистякова, Маршала Советского Союза В. Чуйкова...

В дополнение к «Критике» и «Библиографии» вводится раздел «Книжная панорама». Маленькие рецензии: за год их напечатано около двадцати.

В отдельный раздел выделены «Юбилейные даты». Возрожден раздел «Литературное наследство»; здесь напечатаны отрывки из книги Алишера Навои «Вал Искандара» и четверостишия Гамзата Цадаса. В разделе «Поиски, находки, публикации» — записки А. Морова «Трагедия Михаила Чехова».

В разделе «По дорогам планеты» — очерки Р. Бершадского об Австралии, Г. Кублицкого о Югославии, А. Овчаренко о Китае...

Оживляется отдел критики. В первом номере — дискуссия: «Национальное и интернациональное»; слово получают; Л. Теракопян, М. Пархоменко, А. Петросян, Вл. Мачавариани, Н. Джусойты, В. Оскоцкий, Р. Бикмухаметов, Л. Новиченко, Р. Пакальнишкис, Э. Елигулашвили, Г. Корабельников, К. Бязарти, А. Салахян. В ноябрьском номере писателям предложена анкета о четырех пунктах: на какие традиции родной литературы, как революционной, так и советской, вы опираетесь? Какое значение для прозы и поэзии вашей республики имеет знакомство с опытом других братских литератур? Какие произведения родной вам литературы могут быть вкладом в общий литературный процесс? Какова роль всесоюзной критики в развитии литературы вашей республики? Отвечают двадцать пять писателей: люди разных поколений и языков, авторы, некоторые из которых еще вчера были представлены читателям журнала под рубрикой «Новые имена»: Энн Ветемаа и Евгений Гуцало, Николай Дамдинов и Марис Чаклайс, Геворк Эмин и Суюнбай Эралиев...

Под рубрикой же «Новые имена» журнал публикует рассказы из первой книги Григора Тютюнника. Вне этой рубрики идет «Август» Гранта Матевосяна — цикл рассказов «неизвестного широкому читателю» армянского прозаика, опубликованный (в переводе Анаит Баяндур) в январском номере: с этой публикации и начинается всесоюзно известный, затем всемирно известный Грант Мате восян.

Среди рассказчиков 1967 года: Янка Брыль, Эвалд Вилке, Сергей Воронин, Шира Горшман, Евгений Гуцало, Константинэ Лордкипа нидзе, Эйнар Маазик, Самсон Шляху...

Повести: «Приключения черного кота Лапченко» Ивана Багм^та, «Путешествие на тот свет» Фазлиддина Мухаммадиева, «Три недели покоя» Мариш Прилежаевой, «Пауль, Петер, Йрган...» Александра Сизоненко.

Романы: «Комок земли ветер не унесет» Фазу Алиевой, «Каунасский роман» А. Беляускаса, «Сын Сарбая» Ш. Бейшеналиева, «Самолеты падают в океан» А. Имерманиса, «Третьи петухи» Анн Лупан, «Дыхание грозы» И. Мележа, «Ленинградский рассвет-Ю. Рытхэу, «Мытарства» — второй роман трилогии А. Нурпеисоваа.

Поэмы: «Звезда моего детства» Я. Ухсая, «Песня о скал Б. Шинкубы, «Чегемская поэма» К. Кулиева. Книга стихов Алексея Воробьева «Свет зари» в переводе с чувашского Владыра Кострова.

Стихи Д. Бичель-Загнетовой, П. Боцу, Д. Вааранди, В. ВерЕ Г. Виеру, С. Данилова, О. Дриза, М. Каноата, М. Кемпе, Е. Ло М. Мревлишвили, Д. Павлычко, Р. Парве, Т. Сумманена, И. Тарбы, М. Тейфа, Х. Туфана, Ф. Халваши, Ш. Цвижбы, Ю. Шесталова, Н. Эркая... Две подборки М. Дудина. Подборка «Русские молодые поэты»: О. Дмитриев, В. Крещик, Д. Сухарев...

Тираж журнала впервые после 1961 года начинает расти и поднимается до 50 тысяч. Меняется состав редколлегии. Вот как она выглядит в первом номере: Сергей Баруздин (главный редактор), Аюп Салахян (первый заместитель главного редактора), Василий Гришаев (заместитель главного редактора), Александр Николаев (ответственный секретарь). Члены редакционной коллегии: С. Агабабян, Ч. Айтматов, Т. Ахтанов, В. Бушин, Э. Ветемаа, К. Воронков, Л. Грачев, Н. Джумаев, М. Дудин, И. Зиедонис, М. Ибрагимов, М. Карим, И. Кашежева, А. Кешоков, Г. Корабельников, Г. Ломидзе, В. Лукашевич, А. Лупан, Ю. Марцинкявичюс, В. Мачавариани, Р. Мустафин, Ф. Мухаммадиев, А. Мухтар, Л. Новиченко, А. Овчаренко, Г. Радов, Я. Смеляков, В. Смирнов, М. Стельмах, Л. Теракопян, Ю. Цишевский, И. Шамякин, Л. Шиловцева.

1968 год

Это год укрепления основных разделов журнала — прозы и поэзии.

Повести «Сказка о гранатовом дереве» Акрама Айлисли, «На 9-й Хребтовой» Рустама Ибрагимбекова, «Прочие населенные пункты» Тимура Пулатова, «Один лапоть, один чунь» Михася Стрельцова, «Назову твоим именем» Адама Шогенцуква, «Сказка про белого бычка» Василие Василасе — яркие события в литературе второй половины шестидесятых годов. Роман Иона Друцэ «Время нашей доброты» — событие. Юхан Смуул, Иван Чендей, Константинэ Лорд-кипанидзе, Василий Ажаев (рассказ «Аптека», завершённый автором незадолго до смерти), Алберт Бэл, Иса Гусейнов, Эгон Лив (роман «Чертов кряж»), Муса Магомедов («Аварская повесть»), Сергей Сергеевич Смирнов («Город под липами»), Григор Тютюнник, Григол Чиковани, Тамаз Чиладзе, Мариэтта Шагинян — таков багаж журнала в прозе. Особо отметим «Рассказ о непокое» Юрия Смолича — «страницы воспоминаний об украинской литературной жизни 20—30-х годов» (несколько глав: «Блакитный», «Кулиш», «Вишня», «Га-лан», «Задка»...).

В отделе поэзии укрепляется жанр книги стихов (или «из книги стихов»): «Волны» Мумина Каноата, «Возраст» Альфонсаса Малдовиса, «Мост» Ивана Тарба, «Декабрь» Ярослава Смелякова (между тем «День России» Я. Смелякова удостоен Государственной премии).

Прибавим сюда поэмы и крупные поэтические циклы Миколы Бажана («Повести и надежды»), Дануте Бичель-Загнетовой, Виктора Бокова, Григория Буравкина, Ояра Вацетиса, Андрея Вознесенского («Истина»), Давида Кугультинова («Повелитель Время»), Георгия Леонидзе («Самгори»), Михаила Луконина («Песня по кругу»), Юстинаса Марцинкявичюса, Бориса Слуцкого... В рубрике «Новые имена» — Бронтой Бедюров, Роман Лубкинский, Марис Чаклайс... Уровень поэтических публикаций журнала «выравнивается» по «всесоюзным меркам».

Очерки и публицистика представлены острыми материалами Жана Гривы, Георгия Кублицкого, Юозаса Пожеры, Яакко Ругоева, Виталия Моева («Такси. Прокат. Собственность» — начало большой работы публициста).

Под рубрикой «Подумаем, поспорим» начинается дискуссия на тему «Традиции старые и новые»; под рубрикой «Литература и жизнь» публикуются воспоминания М. Брагинского, А. Бромберга, Н. Рыленкова...

Оживляется «Критика»; интересна подборка воспоминаний «Наши Горький» (авторы: В. Кирпотин, Иван Ле, Гумер Баширов, Юозас Балтушис, Мир Джалал, Василь Быков, Костан Зарян, Мус-тай Карим, Александр Кутатели, Рудольф Сирге). Авторский состав

критического раздела широк и разнообразен; Г. Асатиани, И. Аузинь, К. Васин, В. Гейдеко, В. Кубилиус, Л. Лавлинский, Р. Мустафин, Г. Сивоконь, К. Султанов, Л. Теракопьян, З. Финицкая, М. Чимпой, Л. Якименко... В разделах «Библиография» и «Книжная панорама» — более ста рецензий; среди авторов — С. Баруздин, И. Волгин, И. Дзюба, Э. Елигулашвили, Ст. Куняев, Ф. Левин, Г. Маари, Э. Маллене, Ф. Мелоян, О. Михайлов, Л. Озеров, В. Оскоцкий, В. Рагойша, А. Руденко-Десняк, М. Слуцкие, А. Яскевич...

В декабре 1968 года журналу «Дружба народов» исполняется 30 лет. Отмечая свой юбилей, журнал впервые публикует «Летопись».

ИЗ ЛЕТОПИСИ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»:

«Десять писателей лауреатов Ленинской премии — постоянные авторы журнала.

Поэты Р. Гамзатов, П. Бровка, М. Рыльский, М. Турсун-заде, Э. Межелайтис помещали на страницах журнала свои стихи, позднее вошедшие в книги, высоко оцененные советским народом.

Вторая часть «Абая» М. Ауэзова была напечатана в «ДН» в 1948 году. В 1959 году роман отметили Ленинской премией.

1959 год был годом публикации в журнале сразу двух выдающихся произведений; романа «Хлеб и соль» М. Стельмаха и «Ледовой книги» Ю. Смуула. Начав печататься в «ДН» в 1949 году, Ю. Смуул десять раз выступил на ее страницах, восемь раз — М. Стельмах, автор журнала с 1943 года.

Ч. Айтматов впервые выступил в «ДН» в 1958 году о рассказом «Соперники» в переводе с киргизского, в 1961 году журнал напечатал его повесть «Топлек мой в красной косынке», вошедшую в удостоенную Ленинской премии книгу «Повести гор и степей».

«Тронка» О. Гончара вышла в «ДН» в 1963 году. Редакция журнала выдвинула роман на соискание Ленинской премии, и он получил ее в 1964 году.

Первая публикация стихов из «Моабитской тетради» Мусы Джалиля принадлежит «Дружбе народов»..

Первое произведение, удостоенное Государственной премии, из напечатанных в «ДН» — «Гвади Бигва», роман Лео Киачели (1939 г.).

Затем «Решающий шаг» Бердыт Кербабаева, «Апишерон» Мехти Гусейна, «Честь» Гумера Баширова. Многие авторы журнала — лауреаты Государственной премии: П. Тычина и М. Бажан, Г. Леонидзе и С. Чиковани, П. Бровка и А. Исаакян, С. Нерис и Г. Цадаса, Г. Эмин и П. Воронько, В. Лацис и А. Каххар, И. Шамякини С. Тока...

У «Дружбы народов» есть и свои собственные лауреаты. С 1959 г. журнал ежегодно отмечает премиями лучшие повести и рассказы, стихи, поэмы, очерки, критические статьи. Лауреаты премии «Дружбы народов»; прозаики — Ю. Смуул за «Ледовую книгу», Ю. Марцинкявичюс за повесть «Сосна, которая смеялась», А. Абу-Бакар за повести «Чегери» и «Даргинские девушки», Е. Гу-пало, Г. Матевосян, Я. Брыль, Г. Тютюнник, поэты А. Мальшико, М. Танк, И. Зиедонис, Б. Сейтаков, Г. Виеру.

Очерки Л. Лиходеева, Д. Икрами, В. Рушкиса, Р. Хакимова, Т. Эмина, И. Винниченко, В. Солоухина, Г. Ходжера, Е. Карпова "были отмечены как самые интересные и современные. Критикам А. Овчаренко, Р. Пакальнишкису, М. Чаклайсу, А. Туркову, О. Йыга, С. Агабабяну были присуждены премии журнала за актуальные и талантливо написанные статьи...

Каждый год получает премию лучший перевод «Дружбы народов». А. Межиров был отмечен премией за перевод поэмы Ю. Марцинкявичюса «Кровь и пепел», А. Штейнберг — за «Волжскую тетрадь», стихи поэтов Татарии и Чувашии; Я. Смеляков — за стихи Таджикских поэтов, Е. Босняцкий — за перевод повести А. Абу-Ба-кара «Чегери», Леон Тоом — за книгу очерков Ю. Смуула «Японское море. Декабрь», А. Пантиелев — за роман М. Ауэзова «Племя младое», А. Баяндур — за перевод рассказов Гранта Матевосяна... («Дружба народов». 1968, № 12, с. 277).

1969 год

«Уроки Армении» Андрея Битова, «Землетрясение» Лазаря Карелина, «В разгар лета» Пауля Куусберга, «Бедный Авросимов» Будата Окуджавы, «Жажда» Миколаса Слущкиса — таков вклад журнала в большую прозу 1969 года. «Исповедь на рассвете» А. Абу-Бакара, «Последний отпуск» А. Адамовича, «Вано и Нико» Э. Ахвледиани, «Двенадцать месяцев» В. Гусева, «Спор» Т. Джумагельдиева, «Опасная переправа» И. Есенберлина, «Баллада забытых лет» А. Ке-кильбаева, «Полнолуние» И. Мераса, «Черный Брод» Л. Первомайского, «Кто распространяет анекдоты» Л. Промет, «Второе путешествие Каипа» Т. Пулатова, рассказы В. Адамчика, М. Барзе, А. Бела, Э. Вилкса, А. Генатулина, Г. Глазова, Е. Гуцало, В. Дрозда, С. Жураховича, Р. Инанишвили, С. Клдиашвили, А. Кудравца, А. Сулакаури, Г. Тютюнника, А. Упита, Т. Чиладзе, А. Якубана — ровная, сильная, многообразная картина многонациональной советской прозы, в составе которой русская проза начинает занимать наконец видное и яркое место.

Стихи. «Родословная» Виктора Бокова, «Из лирики» Константина Ваншенкина, «Песни о матери» Григоре Виеру, «Лабиринт эпохи» Андрея Вознесенского, «На красных листьях осени» Хута Гагуа, «Четки лет» Расула Гамзатова, «Вновь весна» Фикрета Годжи, «Учитель мой — Ленин» Николая Дамдинова, «Отдаю тебя, слово, в люди» Евгения Евтушенко, «Мы — жители земли» Станислава Куняева (книга стихов и переводов), «Прометей» и «Литовская сюита» Эдуардаса Межелайтиса, «Вкус соли» Джубана Мулдагалиева, «Чернотроп» Василя Мысыка, «Песни с берегов последнего моря» Дондока Улзытуева, «Радуга над Сильбийским лугом» Якова Ухсая, «Ясное эхо тайги» Геннадия Юшкова — основной формой поэтической публикации журнала становится крупная подборка из книги стихов поэта, а если это русский поэт, то это его стихи и переводы. В сочетании с «микроантологиями» поэзии («Латышские мелодии», «Голоса Дагестана», «Вступление к степям» — стихи поэтов Казахстана) эта форма дает не просто картину поэзии, но ощущение индивидуальности.

В публицистическом разделе крупными публикациями являются очерки Саввы Дангулова «В дороге, в поиске», открывшие в весенних номерах «Дружбы народов» рубрику «Лениниана», очерки врача Юрия Сенкевича, который «триста дней пробыл в Антарктиде на ледяном куполе в качестве специального корреспондента нашего журнала» (не эту ли публикацию запомнил Тур Хейердал и наметил Сенкевича себе в спутники?), «Письма из ГДР» Мариэтты Шагинян, очерки Я. Сипакова, Г. Цирулиса, К. Ильинича, В. Моева, материалы из архива К. Паустовского, «Письма друзьям-самоучкам» Юстаса Палецкиса...

В «Критике» — статьи С. Агабабяна, А. Бучиса, И. Золотусского, Л. Лавлинского, Р. Покальнишкиса...

Тираж журнала поднимается до 60 тысяч.

В сентябрьском номере — некролог; «В первый день сентября, когда этот номер «Дружбы народов» должен был уже лечь в печатные машины, чтобы как можно скорее попасть к читателям, не стало Акопа Нишановича Салахяна... Акоп Салахян умер в тот день, когда ему исполнилось сорок семь лет. Те, кто был рядом с ним в эти трудные последние месяцы, знают, что и тяжело больной, почти ослепший, он продолжал с какой-то необыкновенной жадностью интересоваться новинками литературы, следить за критическими дискуссиями... Одиннадцать лет, до самой своей кончины, Акоп Салахян оставался на посту первого заместителя главного редактора журнала «Дружба народов». Его эрудиция, критический опыт и художественная взыскательность помогали ему со знанием дела судить о важнейших и сложнейших процессах, происходящих в литературах нашей страны... Слова бессильны передать обаяние личности Салахяна. Нам всегда будет не хватать его улыбки, его шутки, его иронии, той атмосферы творческого горения, которую он умел создавать вокруг себя. Горько сознавать, что без Акопа будут совершаться задуманные им дела...»

Лишь через полгода у Салахяна появился преемник. К весне 1970 года руководство журнала выглядит следующим образом: главный редактор Сергей Баруздин, первый

заместитель Леонард Лавлинский, заместитель Александр Николаев. Ответственный секретарь Людмила Шиловцева. Члены редколлегии: Сурен Агабабян, Ануар Алимжанов, Константин Воронков, Леонид Грачев, Имант Зиедонис, Мирза Ибрагимов, Алим Кешоков, Григорий Корабельников, Георгий Ломидзе, Андрей Лупан, Юстинас Марцинкявичюс, Рафаэль Мустафин, Леонид Новиченко, Александр Овчаренко, Валентин Оскоцкий, Ярослав Смеляков, Василий Смирнов, Леонид Теракопян, Юрий Цишевский, Иван Шамякин.

1970 год

Год столетия В. И. Ленина журнал открывает стихами Александра Прокофьева о Ленинграде. В февральской книжке — статья Сергея Даронина «Поэтическая Лениниана Чаренца». На вклейке — живописная Лениниана Ильдара Ханова. Очерк Ю. Дашкова «Самым северным путем» — о том, как шла в Россию ленинская «Искра». Под рубрикой «Лениниана» — последняя часть повести Саввы Дангулова «В дороге, в поиске». Ответы Саввы Головановского и Владимира Канивца на вопрос о ленинской теме в их творчестве. В апрельском номере — воспоминания о Ленине Анастаса Ивановича Микояна. Роман Валерия Осипова «Апрель» (об Александре Ульянове). Статья С. Червонной «Образ В. И. Ленина в советском изобразительном искусстве». На вопрос о ленинской теме отвечают Николай Ушаков, Иван Шамякин, Юрий Збанацкий, Михаил Шатирян. Статья Леонида Новиченко «К теме: ленинизм и художественное познание»...

Журнал публикует ряд ярких современных повестей: «Круг» Анара, «Стежки, дороги, простор» Янки Брыля, «Реквием для губной гармоники» Энна Ветемаа, «Сказание о Нюрке — городской жительнице» Николая Евдокимова, «Студент университета» Владими-| ра Канивца, «Сказки о былом» Абдуллы Каххара, «Катится арба навстречу дню» Ахсара Кодзати, «Горные тропинки» Мусы Магоме-дова, «Двенадцать дней» Николая Мординова, «Бунин в Ялте» Михаила Роцина... Романы: «Циклон» Олеся Гончара, «Чинара» Аска-да Мухтара, «Солнце встает у нас» Ивана Тарбы... Рассказы Д. Ахубы, В. Берце, С. Воронина, Ю. Герша, Ч. Гусейнова, К. Лордкипанидзе, Ф. Мухаммадиева, А. Назарова, Ю. Полухина, А. Рекемчука, Я. Ругоева, Я. Судрабална, Ф. Уяра, А. Харчука, И. Чигринова, Л. Яцинявичюса...

Отдел поэзии продолжает представлять читателям крупные индивидуальные циклы, подборки, поэмы; в 1970 году опубликованы Григол Абашидзе, Яков Аким («Твой город»), Абдулла Алиш («Из последней тетради»), Абдулла Арипов («Крылья»), Визма Белше-виц, Владимир Бээкман, Аурелиу Бусуйок, Флор Васильев («Кемские рассветы»), Григоре Виеру («Живая вода»), Евгений Винокуров, Андрей Вознесенский, Кабсын Кулиев («Книга земли»), Юстинас Марцинкявичюс («Движение»), Эдуардас Межелайтис («Философские тетради»), Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Паруйр Севак («Узел»), Мате Траат («Светотень»), Яков Ухсай («На вершине Гусли-горы»), Аминджон Шукухи...

В «Критике» весьма заметна новая форма; «круглый стол». В мартовской книжке — на тему «Рабочий класс и литература», в сентябрьской — «Земля. Люди. Литература», в декабрьском — «Современная грузинская проза».

В конце года в разделе «Смесь» журнал публикует данные о возросших тиражах «сопредельных» журналов: «Дальний Восток» поднялся с 9 до 18 тысяч, «Север» — с 5 до 13 тысяч, «Урал» — с 20 до 42 тысяч...

Тираж «Дружбы народов», опубликовавший эти данные, весьма солиден: 80 тысяч. Таким образом, к началу 70-х годов журнал вновь достиг тиража, который имел к концу 50-х.

Ярчайшие события года — «Потерянный кров», роман Йонаса Авижюса; «Четыре монолога святого Георгия», повесть Яана Кросса; «Похождения Шипона», повесть Булата Окуджавы; «Седьмое небо», роман Гурама Панджикидзе; «На Ельнинской земле» — автобиографическая повесть Михаила Исаковского; «Бетховенский фестиваль» — западногерманский дневник Мариэтты Шагинян — вещи, быстро замеченные читателями и критикой. Романы и повести Д. Ахубы, А. Бальбурова, Г. Багандова, С. Георгиевской, Д. Гранина, И. Драча, Ф. Кнорре, В. Киселева, В. Козаченко, В.

Солоухина, В. Спаре, Я. Стецюка, У. Умарбекова, А. Шастина, рассказы Н. Бичуя, Евг. Гуцало, Р. Ибрагимбекова, Г. Коновалова, В. Лидина, В. Лукашевича, Б. Рахманина, С. Саки, А. Ткаченко, А. Хинта, Эльчина довершают картину года, разнообразную и динамичную, где русские прозаики занимают достойное место в общем многонациональном ряду, а проза республик составляет им достойную «конкуренцию».

В поэзии год определяется крупными подборками Ф. Алиевой («Книга моей любви»), П. Бровки, Е. Винокурова, А. Вознесенского («Повесть под парусами»), Р. Гамзатова («Третий час»), Л. Григорья-на, И. Зиедониса («Тревоги ремесла»), К. Каладзе, И. Кашежевой, С. Кирсанова («Дельфиниада»), К. Кулиева, М. Ласурия, М. Луконина («Вздых облегчения»), Р. Рождественского («Антенны»), Б. Слуцкого («Годовая стрелка»), О. Сулейменова, М. Турсун-заде, Я. Ух-сая («После жизни»), Ф. Халваши («Вкус жизни»), А. Шогенцукова («Высокий свет»), Г. Эмина...

Новые имена: Дибаш Каинчин, Анна Пайтык, Янис Петере, Рыгор Семашкевич.

Заметнейшие работы в публицистике: очерк И. Зиедониса «Не считай шаги, путник!», зарубежные письма А. Вергелиса, военные дневники Б. Полевого, диалог В. Глушкова и В. Моева «Бразды управления».

В разделе «Культура и искусство» рядом со статьями о живописи и графике (к вклейке) все более заметны материалы о кинематографе и театре советских республик.

В «Критике» — исследования А. Бучиса, Л. Лавлинского, Г. Маргвелашвили, Г. Митина, Л. Новиченко, В. Огнева, В. Оскоцкого, Ю. Суровцева, Л. Теракопяна, Л. Якименко, отмеченные стремлением к охвату и фундаментальности. Наряду с этим — интерес к новым, вызывающим споры явлениям: статьи о поэзии Е. Евтушенко, Д. Самойлова, А. Кушнера, Г. Виеру, о прозе В. Тендрякова, В. Распутина (статья И. Дедкова в 3-м номере), Н. Думбадзе, С. Залыгина, Ч. Айтматова, А. Платонова...

1972 год

Первая книжка юбилейного для нашего государства года открывается статьей А. И. Микояна «Советскому Союзу пятьдесят лет». В дальнейшем под рубрикой «50 лет СССР» журнал в течение всего года публикует беседы с руководителями Союзов писателей в республиках. В декабре эта линия завершается специальной анкетой «ДН»: «Что дает вам, вашему творчеству знакомство с литературами народов СССР?» — отвечают писатели,

События года: «Хатынская повесть» Алеся Адамовича, «Молниеносный Баязет» Сергея Бородин, «Крушение» Абдижамила Нурпеисова — завершающий роман трилогии «Кровь и пот». Назовей также «Плач перепелки» Ивана Чигринова, повести Акрама Айлис-ли, Гумера Баширова, Иона Друцэ, Бориса Зубавина, Пиримкула Кадырова, Юрия Пиляра, Лилли Промет, Серо Ханзадяна, роман Саввы Дангулова «Кузнецкий мост». Среди рассказчиков — Янка Брыль, Ирина Вильде, Микола Винграновский, Жан Грива, Пауль Куусберг, Грант Матевосян, Виталий Семин, Григорий Тютюнник, Геннадий Юшков, Владимир Яворивский.

Поэтические публикации, крупные циклы, поэмы: «Боги Эллады» Миколы Бажана, «Самед» Ем. Букова, «Лето Ленина» П. Вегина, стихи из последней книги А. Венцловы, «Из июньской тетради» Евг. Винокурова, «Книга сонетов» Р. Гамзатова, «Солнце в ромашках» Гл. Горбовского, «Над Вилюем» Сем. Данилова, «Вернитесь!» А. Каландадзе, «Весна на вершинах» С. Капутикян, «Осенние стихи» М. Карима, «Волжские рассветы» Вл. Кострова, «Свет надежды» К. Кулиева, «Сентябрь...» А. Лупана, «Миндаугас» Юст. Мар-цинкявичюса, «Апрельский ветер» С. Мауленова, «Времена» А. Ме-жирова, «Лирика этого года» Э. Нийт, «Озаренность» З. Нури, «Балканские песни» Д. Самойлова, «Мгновенья» Я. Сипакова, «Материнская ладонь» М. Танка, «Сабантуй» Р. Хариса, «Мое дерево» Б. Шинкубы, «Костры на снегу» Инн. Эртюкова, а также крупные подборки Этибор Ахуновой, К. Ваншенкина, А. Вознесенского, Т. Зумакуловой, К. Ковальджи, М. Хонинова.

Заметнейшие публикации по отделу публицистики: очерк Анатолия Стреляного «Макар Анисимович», автобиографические записки Ю. Рытхэу, очерк И. Зиедониса и Вит. Коротича «Перпендикулярная ложка», сопровождаемый вклейкой с фотографиями Гунара Янайтиса, на которых запечатлены шедевры таджикского прикладного искусства и люди, строящие культуру Таджикистана.

ИЗ ОЧЕРКА: «...Мы стоим возле бокового штрека Вахшского канала и слышим, как вздрагивает земля под ногами. Скалы дрожат, этого не было с ними со времен творения мира. Подземный туннель канала протянется больше, чем на тридцать километров,— длина хорошей линии метро, только километры эти приходится выгрызать в камне... Дангаринская долина оросится водой будущего Нурекского моря...»

С этих слов начинается нурекская эпопея «Дружбы народов»— история шефства журнала над строительством Нурекской ГЭС.

Среди публикаций раздела «Культура и искусство»— очерки Василя Быкова о гродненских художниках, Василе Василаке—о Михе Бенцияну и Юрия Казакова—о Тыко Вылко.

В критике— материалы большого совещания молодых критиков, рассматривающих проблемы молодой литературы; среди участников: Р. Семашкевич, Ст. Липскис, А. Ээльмяэ, И. Дедков, С. Сигуа, П. Ширмухамедов, М. Мартинайтис, Х. Хириц, Мурат Ауэзов, В. Ковский.

В декабре умирает член редколлегии Я. Смеляков.

ПАМЯТИ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА. «В ячале января 1973 года мы праздновали бы его 60-летний юбилей... Пятнадцать лет работы Ярослава Смелякова в «Дружбе народов»— это как бы целая эпоха в жизни редакции и его личной жизни. Он пришел в журнал в конце 50-х годов, когда журнал набирал силы, становясь из альманаха оперативным боевым органом, выводящим братские литературы на всесоюзную орбиту... Его поэтический авторитет, обаяние личности, незаурядность человеческой и творческой биографии привлекли самых разных людей. Он всегда был как бы центром различных притяжений, интересов, страстей. К нему тянулись поэты разных поколений, многих наций; иногда недолгое деловое общение перерастало в долготленную дружбу с журналом, иногда в беседах у редакционного стола рождались замыслы больших поэтических полотен или подборок стихов целых республик; эти публикации он любил называть «карманными энциклопедиями» братских поэзии. Скольких молодых русских поэтов он приобщил к нелегкому, но благодарному труду переводчиков! И как нетерпим был к ремесленным, халтурным поделкам, сделанным холодной рукой версификатора. Зато с какой радостью и душевным волнением он открывал нового поэта, новое явление в национальной поэзии— яет малых народов, нет малых талантов...»

1973 год

Тираж журнала впервые превышает сотысячную отметку. Проза года. «Силуэты» Бориса Полевого и «Записки 1945 года» Константина Симонова («Незадолго до тишины») — мысленный возврат к войне ради лучшего понимания современности. «Имматрикуляция Михельсона» Яана Кросса — мысленный возврат в XVIII век ради осознания сегодняшних ценностей. Резкая и ясная, граничащая с производственной публицистикой повесть А. Борина «Авария» — рядом с поэтичными рассказами Анатолия Кима, которого журнал впервые представляет своим читателям (напутствует молодого автора Владимир Лидии). Разнообразие тем, стилей, манер-черта прозы года. Роман Турцииша Джумагельдыева «Земля помнит все» соседствует с романом Гурама Панджикидзе «Камень чистой воды», «Примавера» Лилли Промет—с «Березовыми венниками» Виктора Карамазова, «Кукла и комедианты» Висвалда Лама — с «Пустошью» Сергея Крутилина, старого автора «ДН». Пожалуй, заметнее романов повести: «Белый сайгак» А. Абу-Бакара, «Школьный хлеб» Евг. Гуцало, «Оська — смешной мальчик» С. Залыгина, «Обработно — время свадеб» В. Личутина, «Мать едет женить сына» Г. Матевосяна, «Аноним» И. Микелинската, «Река» М. Роци-на... Среди

рассказчиков — Федор Абрамов, Ромуальдас Гранаускас, Юозас Пожера, Миколас Слущкие, Ааду Хинт и—новое имя— Людмила Петрушевская.

Яркие поэтические циклы (в редколлегии Ярослава Смеляковв сменил Анатолий Жигулин): «Зов Алазани» Ир. Абашидзе, «Уманс-кие воспоминания» М. Бажана, «Времена жизни» Фл. Васильева, «Ветла» Ал. Воробьева, «Якутская тетрадь» Н. Глазкова, «Глаза людей» Г. Горбовского, «Салават» — поэма М. Карима, «Лик степи» Д. Кугультинова, «Дзукийские зарницы» А. Малдониса, «Белое озеро» С. Орлова, «Журавлиное небо» П. Панченко, «Сентябрьские раздумья» Вл. Соколова, «Плоды ивы» О. Сулейменова, «Свет из земли» Т. Сумманена, «Пора медосбора» Л. Татьянической, «Злаки моих долин» Н. Тряпкина, «Воробьиная ночь» О. Чухонцева, «Кабардинские сонеты» А. Шогеницукова...

Неопубликованные стихи А. Твардовского (январский номер) перекликаются с подборкой его писем (майский номер).

Подкрепляя традицию широкого международного общения, «Дружба народов» предоставляет свои страницы журналам «Словенске погляды» (Братислава) и «Зинн унд форм» (Берлин), а также поэтам стран Азии и Африки.

Подкрепляя традицию широкого обсуждения актуальных проблем в критике, журнал публикует в двух осенних номерах материалы «круглого стола» на тему: «Литература и НТР».

Публицистика представлена многими материалами, среди которых стоит отметить размышления Кима Ильинича «Дедушкин лен», очерк Марка Галлая о А. Н. Туполеве и большую работу Е. Черняка «Пророки и мифы», направленную против реакционного национализма.

Еще одна серия публицистических материалов достойна особого внимания: это статья секретаря ЦК КП Таджикистана С. Б. Эр-гашева и выступления очеркистов Ю. Полухина и Бронислава Холопова под общей шапкой «Нурек. Год 1973». Редакционное вступление гласит; «Нурекские встречи на страницах «ДН» будут отныне регулярными...»

Начинается шефство «Дружбы народов» над строящейся Нурекской ГЭС, а точнее, дружба журнала с коллективом стройки, причем в сферу взаимодействия включается весь Южно-Таджикский территориально-производственный комплекс. Пять лет спустя материалы, опубликованные в журнале, выходят отдельной книгой: «От Нурека — к Рогуну»; этот том собирает под своей обложкой стиха Мирзо Турсун-заде, Мирсаида Миришакара, Мумина Каноата, Саидали Мамура, Павло Моочана, Бозора Сабира, Владимира Кострова, Хабибулло Файзулло, Лоика Шерали, Гафара Мир-зоева, Галины Морозовой, Файзудло Ансрри, Гулназара Келдыева, статьи', " б'черки и эссе К. Симонова, С. Дангулова, В. Жалакявичю-. са, В. Тендрякова, Ю. Рыхтхэу, А. Кушнера, Б. Холопова, Ю. Полухина, Евг. Богданова, А. Майсюка, М. Муллоджанова, В. Коротича, И. Захорошко, секретаря Нурекского горкома партии П. И. Горбачева...

Из книги «ПОМОЩЬ В ДЕЛЕ»: «Вникая во все, что связано с Южно-Таджикским комплексом, встречаясь с десятками людей, от которых зависит его облик, сотрудники журнала видели, что взаимодействия, взаимопонимания им явно недостает. И тогда возникла идея провести в редакции «круглый стол» на тему — «Южно-Таджикский комплекс. Проблемы строительства. Перспективы развития». Решено было пригласить на него и ученых из Совета по изучению производительных сил СССР... и работников Госплана СССР и Таджикской ССР, которые определяют его сегодняшний день, энергетиков, металлургов, химиков, партийных работников, писателей. Первая встреча состоялась в мае 1974 года в Москве. На ней выступило двенадцать человек... Работникам Госплана СССР... пришлось ответить на многие вопросы... В декабре 1975 года состоялся второй «круглый стол», уже в Нуреке. На нем присутствовало свыше тридцати специалистов. Он был посвящен более узкой теме — тому, как Южно-Таджикский комплекс завершил девятую пятилетку и что даст ему пятилетка десятая... Оба «круглых стола» вызвали многочисленные отклики». («От Нурека — к

Розуну. Журнал «Дружба народов» на стройках Южного Таджикистана». М., 1978, с. 205—207).

ПРЕМИИ СТРОИТЕЛЕЙ — ПРЕМИИ СТРОИТЕЛЯМ. Заключая договор о сотрудничестве, строители Нурекской ГЭС и редакция «ДН» решили, что на стройке будет организовано соревнование за награды журнала, а в свою очередь строители станут ежегодно награждать «рабочей премией» лучшее произведение на современную тему, опубликованное в журнале... В Нуреке сложился актив читателей «ДН»... Из актива составляется жюри по присуждению ежегодной «рабочей премии» Нурека. Первым лауреатом ее стал К. М. Симонов за документальную книгу «Разные дни войны»... Вслед за ним нурекчане отдали свои награды Савве Дангулову за роман «Кузнецкий мост», Витаутасу Жалаквичюсу за киноповесть «Кентавры», Владимиру Тендрякову—за повесть «Затмение» (с. 35—36).

УНИКАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КНИГ С АВТОГРАФАМИ В НУРЕКЕ. В начале 1974 года группа сотрудников и авторов журнала «ДН» привезла в Нурек подарок — собрание книг, вышедших как приложение к журналу, с автографами их авторов. Среди них были Г. Марков, В. Катаев Н. Тихонов, В. Смирнов, С. Дангулов, С. Крутилин, М. Алексеев, Ю. Рытхэу, В. Осипов, С. Баруздин.

Этим скромным подарком было положено начало уникальному собранию книг с автографами писателей и общественных деятелей, которое хранится сейчас в Нурекской городской библиотеке и продолжает пополняться... Вся советская многонациональная литература и многие книги наших зарубежных друзей представлены сегодня в Нуреке (с. 334—337).

Из последующих событий: ЦК Компартии Таджикистана и Совет Министров Таджикской ССР приняли постановление о присуждении Государственной премии Таджикской ССР имени Абу Абдулло Рудаки 1987 года за создание Нурекской библиотеки журнала «Дружба народов» архитектору В. И. Пашкову, конструктору Ф. С. Маргулис и писателю С. А. Баруздину.

К 1988 году 12 142 автора подарили библиотеке 23324 книги с автографами.

1974 год

События года: «Разные дни войны» Константина Симонова; романы «Проданные годы» Юозаса Балтушиса, «Лебединая стая» Ва-силя Земляка, «Год огненной змеи» Цыденжапа Жимбиева, «Одна ночь» Пауля Куусберга, «Атланты и кариатиды» Ивана Шамякина. Повести: «Донька-Даниэль» Петруся Бровки, «Возвращение» В. Кардина, «Высокая кровь» Ильяса Кашафутдинова, «Когда погас фейерверк» Юрия Нагибина, «Отдых» Миколаса Слуцкиса, «Тридцать непрожитых лет» Анатолия Ткаченко... Рассказы Акрама Айлисли, Гурама Гегешидзе, Владимира Кайяка, Думитру Матковски, Александра Рекемчука, Михася Стрельцова, Матса Траата, Григора Тютюнника...

Ровный, добротный состав; русские, прозаики рядом с равными по силе собратьями из республик: картина, в принципе, уже привычная в «ДН». Но вот публикация, вряд ли для журнала привычная: роман Юлиана Семенова «Альтернатива», это прицел более широкий, это расчет уже на «миллионного» читателя.

События в поэзии: «Дождевой прилюд» М. Бажана, «Сигналы сердца» А. Балтакиса, «Баллада Брестской крепости» Р. Бородули-на, «Солнце отчего края» Д. Вааранди, «Я думал, что война во мне...» О. Вацетиса, «Достиг я до звезд» Г. Горбовского, «Обещание любви» А. Жигулина, «Друг мой, солнце!» Зульфийи, «Песня тысячи окон» К. Каладзе, «Вечером...» Я. Каплинского, «На крыльях времени» С. Кудаша, «Скорость» А. Кулешова, «Белый остров Чюрлениса» Э. Межелайтиса, «Волна и камень» Д. Самойлова, «Гимн полувека» П. Севака, «Черный месяц» А. Сийга, «Самое начало войны» Б. Слуцкого, «Рябиновый хмель» Я. Судрабална, «Отношение к жизни» М. Траата, «Тропинка к колодцу» Б. Худайназарова...

События в публицистике; «Курземите» И. Зиедониса, «Уроки трудной жатвы» А. Стреляного, «Эта земля, этот хлеб» Я. Останова...

А. Битов и И. Друцэ, П. Мовчан и А. Пистунова — авторы статей по проблемам искусства. В том же разделе — книга воспоминаний Л. Утесова «Спасибо, сердце!»—и эта публикация тоже вряд ли обычна для прежней «Дружбы народов»: и она рассчитана на миллионы читателей.

«Нурекскую тему» продолжает «круглый стол», за которым встречаются ответственные работники Госплана, крупные специалисты «Таджикгидроэнергостроя» и других объединений и предприятий, первый секретарь Нурекского горкома партии П. И. Горбачев.

В отделе критики, по традиции обильном и многообразном, отметим обсуждение проблем эстонской прозы: «круглый стол», собравший эстонских критиков Олева Йыги, Виллема Гросса, Калле Курга, Эллена Маллене и русских критиков Андрея Туркова, Анатолия Бочарова, Наталью Крымову...

Чувствуется, что журнал, верный своим традициям, накопил силы для нового рывка. В психологическую связь с этим ощущением надо поставить такой вроде бы формальный момент, как замена обложки.

Обложка упрощается: отныне с нее убраны иллюстрации. Они остаются на вклейке, на внутренних сторонах обложки, но — не на «одежде». Одежда теперь проще и строже: цветная вертикальная плашка на сероватом фоне: марка, эмблема, номер. Чем это объяснить? Какая интуиция подсказала художнику журнала, что иллюстрации на обложке,— при всей их — временами — динамичности и при всей — как правило — информативности, все-таки несут в себе «что-то от альманаха», от «профильной специфики»? Только один «толстый» журнал в ту пору (кроме «ДН») выносит иллюстрации на обложку: «Иностранная литература», то есть издание отчасти специфическое; ни один из ведущих журналов: ни «Новый мир», ни «Октябрь», ни «Знамя» — этого себе не позволяют: их серьезность и весомость не нуждаются в «картинках»...

Перемена обложки — как бы знак того, что и «Дружба народов» наконец почувствовала силы встать в первый, главный ряд литературных журналов. Отсюда — и тексты, явно рассчитанные на массового читателя.

Малозаметная цифра в выходных данных свидетельствует о том же: в 1974 году тираж «Дружбы народов» переваливает двухсоттысячный рубеж.

Это принципиально новая позиция, новое качество и новый этап.

В ПЕРВОМ РЯДУ (1975—1984)

Состав редакционной коллегии, сложившийся к середине 70-х годов: главный редактор С. Баруздин, первый заместитель главного редактора Л. Лавлинский, заместитель главного редактора Л. Тераке-пян. Члены редколлегии: С. Агабабян, А. Алимжанов, Л. Аннинский (теория и критика художественного перевода), А. Бучис, К. Воронков, Н. Гейдеко (поэзия), Л. Грачев, И. Захорошко (культура и искусство), И. Зиедонис, М. Ибрагимов, А. Кешоков, Г. Корабельников, Г. Ломидзе, А. Лупан, Ю. Маринкявичюс, Р. Мустафин, Л. Новиченко, А. Овчаренко. А. Руденко-Десняк (кригика и библиография), И. Сергеева (проза), Б. Холопов (очерк и публицистика), И. Шамякин, Л. Шиловецова (ответственный секретарь), К. Яшен.

1975 год

Открывается год подборкой из новой книги стихов Леовида Мартынова «Даты».

Меня томят великие заботы,

Я к Александру Невскому пойду:

Зачем ты ездил, черт возьми, в Орду?

Не по душе мне эти извороты!

И Грозного с престола низведу:

Почто гневился больно горячо ты?

И, между прочим, с Кромвелем я счета

За крайности кровавые сведу.

*В Истории я наведу порядок!
Кто как себе затылка ни чеши,
А не уйдете от моих нападок!
И, негодюя ото всей души,
Коль слушать не хотите вы добром,
Вас всех зараз я вычеркну пером...*

«Порядок в Истории»—тема, уловленная поэтом в воздухе времени, и литературы. Об этом — и «Небесный камень» Яана Кросса, и «Сокровища Улугбека» Адыла Якубова — старина, откликающаяся не зов современности, но это и современность, взятая в острых социальных ракурсах: у Чингиза Гусейнова в «Магомеде, Мамеде, Мамише», у Туркиша Джумагельдыева в «Калыме», у Висвалда Ла-иа в «Итоге всей жизни»; это дипломаты военной поры в романе Саввы Дангулова «Кузнецкий мост», это политруки, солдаты и солдатки в повести Елены Ржевской «Февраль — кривые дороги»; это «Кузнецы и чеканицики» Нины Бичуя, «Ночные летчики» Владимира Бээкмана, «Горнило» Мушега Галишояна, «Неблагодарный» Нода-ра Думбадзе, «Хатынгольская баллада» Абиша Кекильбаева, «Невеста моря» Анатолия Кима, «Твой род» Гранта Матевосяна, «Огненный протопон» Юрия Нагибина, «Владения» Тимура Пулатова, «Женитьба Кевонгов» Владимира Санги... Скрещение реальности и мифологии, древности и злободневности, вечной поэзии и живых проблем.

Бетти Алвер и Хута Берулава, Лариса Васильева и Петр Вегин, Евгений Винокуров и Андрей Вознесенский, Иван Драч и Евгений Евтушенко, Танзиля Зумакулова и Мирдза Кемпе, Алим Кешоков и Валентин Колумб, Виталий Коротич и Владимир Костров, Колау Надирадзе и Шота Нишнианидзе, Булат Окуджава и Борис Олей-ник, Сергей Орлов и Янис Петере, Расул Рза и Максим Танк, Гул-рухсор Сафиева и Марис Чаклайс, Степан Шавлы и Игорь Шкляревский —таков диапазон поэзии года.

«Хлеб соседа» Юрия Черниченко, «Из декабристских архивов» Натана Эйдельмана, «КамАЗ перед пуском» Рафаэля Мустафина— диапазон публицистики.

Письма с фронта М. Луконина, С. Наровчатова, А. Яшина, Б. Лебского, Б. Слуцкого, А. Туркова, С. С. Смирнова, П. Воронько, Ю. Друниной...— еще одна очная ставка человека с Историей.

В разделе «Литературное наследство»— Исаакян, Эминеску, Твардовский: новые переводы, ранее не публиковавшиеся стихи.

В «Критике»— статьи Г. Асатиани, М. Асимова, А. Бочарова, П. Браженаса, диалог Ар. Григоряна и В. Кожипова, «Заметки о поэтической критике» Л. Лавлинского, статьи И. Дедкова, М. Тычины, М. Чимпоя... Обсуждение только что завершённой шеститомной «Истории советской многонациональной литературы».

Пражский «Литерарни месячник» в гостях у «Дружбы народов».

Можно назвать этот год литературно-добротным, а можно литературно-ломовым. Репутация журнала, стоящего в первом ряду и отвечающего за ситуацию в литературе, требует постоянного подкрепления.

Двухсоттысячный тираж держится.

1976 год

Никак не умаляя важности разнообразных и ярких произведений этого года (повести Я. Брыдя, В. Жалакявичюса, В. Личутина, В. Мартинкуса, М. Траата, рассказы Г. Бакланова, В. Белова, А. Би-това, П. Бровки, И. Вильде, В. Гейдеко, В. Дрозда, А. Ткаченко, ф. Уяра, С. Ханзадяна, А. Якубана — уже вошло в традицию «ДН» раз в год выпускать номер рассказа), отдавая должное весомости и доброте романов М. Иценко «Течение», Ю. Мушкетика «Белая тень», Б. Шинкубы «Последний из ушедших», А. Эбаноидзе «Брак по-имеретински», — следует отметить в 1976 году публикацию четырех произведений, читательский и критический резонанс которых оказался в практике журнала беспрецедентным. Это роман Чабуа Амирэджиби «Дата Тутаихиа», роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов», роман Виталия Семина «Нагрудный

знак «ОСТ» и повесть Юрия Трифонова «Дом на набережной». С этими четырьмя публикациями журнал окончательно утверждается на одном из флагманских мест в советской литературной журналистике.

Надо также отметить крупные поэтические циклы и стихи П. Антокольского, К. Ваншенкина, И. Драча, М. Дудина, Жале, Л. Забашты, В. Казанцева, С. Капутикяи, А. Кадру, Ю. Кузнецова, Ст. Куняева, Вяч. Куприянова, Р. Лубкивского, С. Мауленоза, А. Межирова, П. Мовчана, М. Нагнибеды, З. Нури, П. Панченко, Л. Первомайского, А. Сийга, Вл. Соколова, З. Тхагазитова, Б. Укачина, Н. Хазри, О. Чиладзе, Л. Шерали, А. Шогенцукова...

В разделе «Новые имена» отметим Атамурада Атабаева, Тимура Зульфикарова, Ольгу Ипатову, Петра Кошеля, Сабита Мада-лиева, Рамиза Ровшана.

В разделе очерка и публицистики — «Мартовские всходы» Г. Лисичкина, «Трое в степи» А. Стреляного, «Заботы Неворотова» П. Ребрина...

В «Литературном наследстве» — письма А. Твардовского и М. Исаковского 1932—1970 годов.

В «Критике» — статьи И. Дедкова, В. Кардина, В. Ковского, Л. Новиченко, Г. Петриаишвили, Ю. Суровцева, Л. Теракопяна. Два «круглых стола»: первый — на тему «Взаимодействие и взаимообогащение литератур народов СССР на современном этапе»; второй — «Проблемы качества художественного перевода». Этот последний (за которым собрались поэты, прозаики, практики и теоретики перевода:

А. Арипов, Г. Бельгер, Фл. Васильев, В. Ганиев, Л. Гинзбург, Эд. Ели-гулашвили, А. Еники, Н. Капиева, М. Карим, А. Кекильбаев, Р. Мус-тафин, О. Нодия, Ю. Покальчук, М. Рудов и С. Семененко) фактически начинает в «ДН» новую рубрику, которая впоследствии делается постоянной и называется: «Художественный перевод: проблемы и суждения».

В течение десятилетия под этой рубрикой публикуются статьи советских и зарубежных переводоведов, дискуссии по острым вопросам перевода, «Форумы», на которых несколько мастеров состязаются в переводе одного стихотворения (оригинал и подстрочник которого печатаются здесь же), а затем дается критический разбор всех предложенных версий. Избранные статьи, напечатанные под новой рубрикой за десять лет ее существования, в 1986 году выходят отдельным томом. Тому предпослано следующее вступление:

«ОТ СОСТАВИТЕЛЯ. Эта книга составлена из статей и материалов, опубликованных в журнале «Дружба народов» под рубрикой «Художественный перевод: проблемы и суждения». Когда эта рубрика открывалась в 1976 году, вряд ли можно было и мечтать, чтобы со временем она встала на обложке книги; даже и насчет журнальных публикаций были опасения: проблематика художественного перевода выглядела в ту пору слишком специальной и узкой, чтобы претендовать на особое внимание литературной общественности, не говоря уже о широком читателе; чаще всего дело ограничивалось привычным сличением перевода и оригинала «по строкам» и рассуждениями о том, что надо бы изжить подстрочник,

Действительность, однако, оказалась богаче самых смелых предположений: проблематика художественного перевода быстро вышла за пределы привычных схем и отразила живые и актуальные вопросы сегодняшнего многонационального литературного процесса. Тот факт, что аналогичные разделы вскоре появились и в других периодических изданиях («Литературная газета», журналы «Вопросы литературы», «Литературное обозрение»), показателен... При гигантском развитии переводческого дела в современном мире художественный перевод становится коррелятом таких жизненно важных процессов, как взаимодействие и взаимообогащение национальных культур в рамках социалистического общества... Этим жизненным тоном объясняется сегодняшний интерес писателей и читателей к таким традиционно «специальным» проблемам, как переводимость и непереводимость, уровни соответствия перевода оригиналу, соотношение вольности и буквальности и т. д.— при

всей теоретической (то есть умозрительной) «неразрешимости» некоторых из этих вопросов они сейчас непрерывно решаются практически...» («Художественный перевод: проблемы и суждения». Сборник статей. Изд-во «Известия», М., 1986, с. 3—4).

1977 год

Год повести. «Страна Бумба» А. Балакаева, «Отзовись, мой жеребенок» О. Бокеева, «Знахарь» А. Борина, «Долгое, долгое детство» М. Карима, «Соловьиное эхо» А. Кима, «Судный день» В. Козько, «Прощальный ужин» С. Крутилина, «Две жизни» М. Муратали-ева, «Затмение» Вл. Тендрякова — заметные вехи в развитии многонациональной советской прозы 70-х годов.

Вот необычный роман Вл. Орлова «Гамаюн» — «страницы жизни Александра Блока». Вот три романа, исследующие человека в контексте движущейся истории: «Капли дождя» П. Куусберга, «На исходе дня» М. Слуцкна, «Оправдание крови» И. Чигринова.

Вот несколько новелл, продолжающих цикл Ю. Смолича «Мои друзья»: «Корнейчук... Головка... Белецкий... Сенченко... Малышко». Вот рассказы Г. Беса, Е. Гупало, Ф. Искандера, В. Конецкого, Дж. Менюка, Ю. Нагибина, Е. Попова, В. Семина, А. Скалона, А. Сулакаури, Р. Эзеры, А. Якубана...

Главные события года в поэзии: поэмы «Ночные раздумья старого мастера» М. Бажана, «Песнь моей любви» К. Кулиева, «Поэма Прометей» Ю. Марцинкявичюса, поэтические циклы М. Айтхожиной, К. Ваншенкина, Фл. Васильева, О. Вацетиса, Х. Гагуа, Ф. Давояна, М. Исмаила, Н. Лайне, Л. Мартынова, Н. Матвеевой, Г. По-женяна, А. Сагияна, Д. Самойлова, Б. Слуцкого, М. Стрельцова, С. Хакима, Г. Эмина, И. Шкляревского; под названием «От Руставели до верлибров» — маленькая антология грузинской лирики в переводах Е. Евтушенко.

Скорбный строй башкирских поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны: Х. Мухамадьяров, Х. Хайри, Б. Мука-май, Х. Кунакбай, М. Харис, Т. Мурат, С. Киньякай... — их стихи предваряет вступлением Мустай Карим.

События в публицистике: «Портрет и время» Е. Яковлева — Ленин на «фоне времени», работа О. Лациса о Дзержинском, очерк М. Галлая «С человеком на борту», «Из записок воспитателя» А. Дрипе. Цикл очерков о культурном лице современного города:

Н. Аитов и Н. Харитонов, О. Кучкина, М. Мураталиев. «Лента времени» — воспоминания актера Камиля Ярматова.

В «Критике» и «Проблемах перевода» — материалы совещания в редакции «Современность историко-революционной темы»: А. Тимонен, А. Нурпеисов, Д. Икрами, Л. Новиченко. Заметки В. Леоновича «Переводчик, сломай карандаш!». Статья Льва Гумилева «С точки зрения Клио». Беседа Л. Лебедевой с Ч. Айтматовым. Отвечая на вопрос о чертах и качествах современной литературы, Ч. Айтматов, в частности, говорит:

«Раньше я получал сотни писем, которые мне ничего не давали. Это были хорошие, доброжелательные письма, но они (авторы. — Сост.) лишь констатировали факт своего отношения, не больше. А сейчас, казалось бы, благополучное, мирное время, но оно порождает свои и такие сложные проблемы, которые во много раз превосходят трудности военного времени, как это ни парадоксально. Возникают такие жизненные проблемы, о которых мы и не подозревали, с которыми просто не сталкивались в жизни тогда, когда боролись за сохранение самой жизни. В связи с этими новыми сложностями литература должна перестроиться, найти новые ресурсы» (это напечатано в 1977 году. — Сост.).

С апреля первым заместителем главного редактора становится Л. Теракопян, заместителем — В. Гейдеко.

1978 год

Самая драматичная публикация года — роман Ивана Мележа «Метели, декабрь» — продолжение «Полесской хроники», оказавшееся окончанием, вернее, обрывом ее; предварять эту публикацию пришлось траурным сообщением, а завершать — монтажом

набросков, планов и записей, найденных в бумагах писателя; драматична и история перевода романа с белорусского на русский язык: Дмитрий Ковалев умер, не завершив работы, и «Метели, декабрь» перевела до конца, то есть до обрыва текста, Тамара Золотухина. ;

Еще несколько романов, обретших долгий и заслуженный читательский успех: «Закон вечности» Нодара Думбадзе, «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы и «Старик» Юрия Трифонова,— определяют облик года.

Необычна повесть Леннарта Мери «Мост в белое безмолвие»— путевой дневник эстонского писателя, где он, кроме собственных впечатлений («Северный полюс... Маточкин Шар... Большие Оранские острова...»), использует «подлинные материалы Толля, Кука, Форстера, Врангеля, Матюшкина, Даля...».

Несколько «обычных» повестей, получивших резонанс у читателей и критиков: «Контакт» Анара, «Старый колокольчик» Б. Близнеца. «Воспоминания Каолевиюэга» Э. Ветемаа, «Возвращение Уруз-мага» Н. Джусойты, «В редкие месяцы на берегу» С. Есина, «Флюгер для семейного праздника» В. Мартинкуса, «Тесна пустыня» А. Мухтара, «Маленькая семья» А. Поцюса, «Байга» А. Хакимова, «Смоковница» Эльчина... Впрочем, усилившееся в прозе конца 70-х годов философское, символическое, мифологическое поветрие, не миновавшее и авторов «Дружбы народов», делает большинство этих повестей не совсем обычными, что можно почувствовать по названию повести А. Алимжанова: «Возвращение Учителя, или Повесть о скитаниях Абу Насра Мухаммеда ибн Мухаммеда ибн Тархана ибн Узлаг аль-Фараби ат-Турки».

Поэзия года: «Можжевеловый дым» Б. Бедюрова, «Вспаханное поле» П. Боцу, «Вечное мясо» А. Вознесенского, «Детство» В. Дав-тяна, «Половинки» И. Зиедониса, «Добрый дождь» Зульфийи, «Времена» М. Карима, «Светотени» А. Кушнера, «Камни на взморье» Я. Петерса, «Начало начал» С. Рустама, «Миг равенства» О. Сулей-менова, а также подборки стихов Ф. Алиевой, А. Вергелиса, Л. Ду-ряна, А. Кешокова, К. Ковальджи, Ю. Кузнецова, Ст. Куняева, С. Попова, М. Танка, Ф. Унгарсыновой, Шукрулло...

Из новых работ переводчиков надо выделить переводы Юнны Мориц из Р. Гамзатова, переводы В. Леоновича из Г. Табидзе и переводы Аллы Тер-Акопян из армянской лирики.

По разделу публицистики (или все-таки прозы?) отметим воспоминания К. Симонова «История одного киноинтервью», которому суждено войти во все позднейшие жизнеописания маршала Г. К. Жукова

Отметим также очерк Ю. Калещука «Харасавэй», очерк К. Ляс-ко о культурном облике Полтавы (продолжение урбанистической галереи «ДН»—«культура города — культура народа») и очерк Вл. Турбина о диалоге Тенгиза Абуладзе («Мольба»—«Древо желания»).

В разделе критики заметно прозвучали статьи А. Адамовича, М. Бажана, Т. Буачидзе, О. Гончара, И. Друцэ, Л. Промет, Т. Пу-латова и других писателей к 150-летию Льва Толстого. В разделе «Художественный перевод...»—диспут Л. Миля и Л. Мкртчяна «Как переводить классику на современный язык?», диалог М. Карима и А. Сийга «Взаимоузнавание» и первый форум переводчиков «ДН»: сонет М. Рыльского в переводах шести мастеров, а следом—статья П. Мовчана «Хвала канону»— с разбором их версий.

Сотня рецензий в разделе «Библиография»...

Тираж журнала вырастает до 210 тысяч. Если 10 тысяч прибавки покажутся читателю этой хроники малосущественными, он может заглянуть в ее начало и вспомнить, что именно с этого количества экземпляров начиналась когда-то история альманаха.

1979 год

«Дружбе народов»— сорок лет! Год открывается серией приветствий; журнал поздравляют Г. Марков, Н. Тихонов, М. Шаги-нян, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, руководители Нурика и Нурекгэстроя...

МАРИЭТТА ШАГИНЯН. ПОЧЕТНОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

«Пишу «почетное», хотя для советского журнала сорок лет— совсем не такая уж большая дата. Но дело не в возрасте «Дружбы народов». Дело в том, что этот журнал за короткий сравнительно срок — на наших глазах — сумел вырасти из своего скромного целевого назначения (публикации в русском переводе вещей писателей советских национальных республик и автономных областей) в один из лучших наших толстых журналов вообще.

Он заслужил любовь у читателей и уважение крупнейших советских писателей, печатающих в нем свои произведения. Из года в год шло углубление его содержания, возрастала требовательность к публикуемому материалу, вкус при его отборе.

«Дружба народов» открыла немало новых имен, ставших из «республиканских» всесоюзными. Она помогла многим молодым талантам найти себя.

За все эти качества, за действенное сближение многонациональных наших литератур — в единый по духу, широчайший многоязыковый фронт великой советской литературы и за высокий темп его качественного развития — мне кажется молодой юбилей журнала «Дружба народов» юбилеем почетным» («ДН», 1979, № 1).

Характеристику года лучше всего начать с «новых имен». Их, как всегда, немало: Важа Гигашвили, Эльда Грин, Мурад Мухаммед Дост, Алексей Дударев, Ольга Ипатовна, Саулюс Томас Кондротас, Владимир Некляев, Давид Ованес... Одно имя выделяется: пронзительной силой правды и таланта, стремительным взлетом признания, начатым с февральской книжки «ДН», где Константин Симонов напутствует: «Доброго пути, Сашка!»—и следом идет повесть «Сашка» Вячеслава Кондратьева.

Основные публикации года: романы Юсуфа Акобирова «Нурек» (можно сказать в шутку: художественные плоды шефства.—Сост.), «Кузнецкий мост» С. Дангулова (третья книга), «Потерянный» Т. Джумагельдиева, «Евпраксия» П. Загре больного, «Дорога в Россию» Т. Каипбергенова, «Трасса» В. Лама.

Среди авторов повестей по читательской популярности лидирует Юлиан Семенов («ТАСС уполномочен заявить...»), однако спектр художественных манер достаточно широк: Я. Брыль («Рассвет, увиденный издалека»), Т. Зульфикаров («Возвращение Ходжи Насред-дина»), В. Козько («Цветет на Полесье груша»), Т. Пулатов («Завсегда»), Я. Стецюк («Супруны»).

Рассказчики: В. Афонин, О. Гончар, В. Дрозд, С. Залыгин, Р. Климас, Г. Ковалевич, Р. Кутуй, П. Куусберг, П. Нилин, Б. Окуджава. М. Слуцкие, В. Токарева, К. Тоноян, С. Турсун... Последний рассказ Виля Липатова (и первый, который он решился предложить «Дружбе народов», а до публикации не дождался) предварен прощальным словом С. Баруздина.

К. Симонов и Ю. Трифонов в своих новеллах рассказывают о К. Федине, так что в прозе журнала зримо присутствует и этот знаменитый писатель.

Среди поэтов: И. Абашидзе, М. Бажан, Х. Бекхожин, В. Белшевиц, Р. Бородулин, К. Ваншенкин, О. Вацетис, Г. Виеру, А. Вознесенский, Ю. Кузнецов, К. Кулиев, Л. Лавлинский, Лоик, М. Львов, А. Малдонис, Ю. Марцинкявичюс, Э. Межелайтис, А. Межиров, П. Мовчан, Д. Мулдагалиев, И. Нонешвили, Р. Рза, А. Сагиян, Д. Самойлов, Г. Сафиева, В. Соколов, М. Танк, Уйгун, Н. Хазри, И. Шкляревский...

В публицистике — «круглые столы»: «Нечерноземье, пять лет спустя» (разговор происходит в Ядринском районе Чувашии с участием председателей колхозов, руководителей района и республики, а также чувашских и русских писателей); «круглый стол» по проблемам развития Южно-Таджикского территориально производственного комплекса.

Во углубление народнохозяйственной проблематики—статьи академика В. Глушкова «Этажи науки», Б. Холопова «Влечение к высоте», О. Лациса «После испытания», очерки А. Стреляного «В селе, у матери».

Ленинская тема: «Карта ГОЭЛРО» и «Апрельские эскизы» Егора Яковлева.

В сильном и разнообразном отделе «Культура и искусство» заметнейшие публикации на вкладышах — работы Тогрула Нариманбекова, космические акварели А. А. Леонова; выделяются также очерк Д. Данина «Улетабль» — о Татлине — и воспоминания И. Смоктуновского «Время надежд».

В «Критике» имеют резонанс полемические статьи Н. Крымовой и Е. Книпович о прозе Валентина Катаева («Алмазный мой венец»), воспоминания М. Карима об А. Твардовском, заметки В. Ковского о деревенской теме в литературе, статьи М. Мартинайтиса, А. Марченко, Б. Панкина, И. Янской и В. Кардина...

В течение года — три некролога.

В сентябре — памяти Валерия Гейдеко, прозаика и критика, заместителя главного редактора «Дружбы народов». В октябре — памяти Константина Симонова, постоянного автора журнала, чья книга «Разные дни войны» выходит приложением к журналу уже после смерти автора.

В декабре — памяти Василия Смирнова, прозаика, главного редактора «Дружбы народов» в 1960—1965 годах.

К началу восьмидесятых годов редакторат формируется следующим образом: главный редактор — С. Баруздин, первый заместитель — Л. Теракопяи, заместитель — А. Руденко-Десняк, ответственный секретарь — Б. Холопов (передавший заведование отделом очерка и публицистики Ю. Калешуку).

Тираж журнала вырастает еще на 13 тысяч.

В 1979 году во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» редакция «Дружбы народов» и общественные организации Коми АССР подписали «Договор о творческом содружестве» между журналом и тружениками Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса. Учреждена «Рабочая премия Тимана», которую решено ежегодно присуждать автору лучшего произведения документально-публицистического жанра. Лауреатами «Рабочей премии Тимана» в последующие годы стали: Юрий Калешук, за очерк «Прошедшие времена» (1982); Лина Тархова, за очерк «Трудно быть исключением» (1983); Эдуард Белтов, за очерк «Цена» (1984); Евгений Будинас, за подготовку и проведение «круглого стола» в Пярну"попроблемам агропрома (1986).

1980 год

Циклы поэтов: М. Алигер, А. Атабаев, И. Аузинь, А. Балтакис, К. Ванишенкин, Г. Виеру, Х. Гагуа, И. Драч, Д. Кугультинов, Р. Ку-туй, А. Куияяер, Я. Ругоев, А. Сийг, Г. Эмин... Известные имена. И все-таки перечень циклов, где трудно выделить события, которые стали бы наново определять ситуацию,— показатель некоторого «пробуксовывания» лирики. Две поэмы, каждая из которых имеет свою силу и прелесть: «Колыбель Авиценны» Мумина Каноата в «Талисман Авиценны» Льва Ошанина (впрочем, здесь жанр обозначен; «роман в балладах») не отменяют, а даже усиливают ощущение некоторой тематической монотонности. Поэзия—наиболее чуткий род литературы — уловила, конечно, тот застой, который к концу 70-х годов обнаружился в общественном сознании; поэзия «Дружбы народов» его тоже «уловила»...

В прозе этого еще не чувствуется; год—яркий; семь романов, среди них замечательные; перечислим все семь: «Чужая вотчина» А. Адамчика, «Твоя заря» О. Гончара, «И всякий, кто встретится со мной...» О. Чиладзе, «Возьму твою боль» И. Шамякина, «Совесть» А. Якубова, «Чай в пять утра» Л. Яцинявичюса и, наконец, «После бури» С. Залыгина, начавшийся (первой книгой) с апрельского номера...

Пять ярких повестей, которые, можно сказать, все стали всесоюзными событиями: «Каратели» А. Адамовича, «Бархан» О. Бокеева, «О, суббота!» Д. Калиновской, «Лотос» А. Кима, «Шестьдесят свечей» В. Тендрякова,— острота, разнообразие, мастерство.

Главное событие в публицистике — перемена в шефских горизонтах, и перемена отрадная. Завершено строительство Нурекской ГЭС — завершено многолетнее

шефство; в статье «Скращения Ваши-ского треугольника» Бронислав Холопов итожит эту работу. Два месяца спустя опубликованы материалы «Экспедиции «ДН» в Ти-мано-Печорский территориально-производственный комплекс; статья первого секретаря Коми обкома КПСС И. П. Морозова и очерки Юрия Калещука и Лидии Тархановой; Тимано-Печорский комплекс — новый объект особого внимания журнала.

Надо отметить также очерки Г. Лисичкина «Вклад и отдача», Н. Смелякова «Роза ветров», А. Илларионова «Оседлое кочевье»...

В отделе «Культура и искусство», помимо статей о художниках (выделим «Соотнесенность буквы и линии» П. Мовчана — об украинском графике Василе Лопате), опубликованы воспоминания артиста Мариса Лиены «Вчера и сегодня в балете», рассчитанные на самый широкий круг читателей.

В критике — некоторый перевес «круглых столов» над индивидуальными статьями; главные темы: «История и современность в литературах республик Поволжья, Коми АССР и Калмыцкой АССР», «Современная проза: стилевые поиски», «Обсуждение прозы республик Прибалтики»...

Событием в отделе критики перевода является публикация работы Юрия Абызова «Окаменевшие атлеты». Проведено также несколько анкет и дискуссий: «Что такое «перевод автора»?», «Поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (говорят переводчики)». На втором форуме переводчиков «ДН» — стихотворение Хасана Туфана; переводы этого стихотворения комментирует Р. Мустафин.

Тираж журнала поднимается до 240 тысяч. И застывает.

1981 год

Год прощания с Юрием Трифоновым. Он успел снять последние редакционные вопросы, готовя к печати роман «Время и место», но прочесть уже не успел; роман стал его завещанием.

Такой же посмертной и такой же пронзительной по звучанию вышла публикация Виталия Семина: роман «Плотина». Книги писателей продолжают работать и после смерти писателей...

Два романа старых авторов «ДН»: «Сребропяхи» Энна Ветемаа, «Сабля для эмира» Алима Кешокова. Два романа новых для «ДН» авторов: «Одинокая орешина» Вардгеса Петросяна, «Фальшивый Фауст» Маргера Зариня.

Череда ярких повестей: «Меньший среди братьев» Г. Бакланова, «Сказание о Юозасе» Ю. Балтушиса, «Алба, отчина моя» В. Ва-силаке, «Кукарача» Н. Думбадзе, «Производственный конфликт» С. Есина, «Черная тропа» И. Кашафутдинова, «По причине души» П. Краснова, «Дождь в июле» М. Магомедова, «Со стороны» Ю. Скопа, «Второе возвращение» С. Турсуна, «Ивановы журавли» И. Чен-дея, «Небесная душа» Ю. Щеглова, «Танго» А. Якубана.

Урожай рассказов поскромнее: «Мгновенья» Ю. Бондарева, К. Ваншенкин, Г. Гулиа, Г. Коновалов, Г. Матевосян...

Две поэмы в очередной раз организуют «пространство» лирики: «Донелайтис» Ю. Марцинкявичюса и «Черная гать» И. Шкляревского. Среди публикаций поэтов (В. Белшевиц, Р. Гамзатов, С. Евсеева, П. Зирнитис, Т. Зумакулова, К. Каладзе, Ю. Кузнецов, М. Мартинайтис, Э. Межелайтис, М. Нагнибеда, Ш. Нишнианидзе, А. Сагиян, М. Траат) отнюдь не потерялись «Три песни» Вл. Высоцкого, предваренные вступлением Марины Влади.

В публицистике заметное место занимают материалы Всесоюзной творческой конференции писателей «Дружба народов • — дружба литератур», прошедшей в Баку.

Ширятся границы шефства: «Экспедиция» «ДН» в Тимано-Печорский ТПК (статья секретаря Коми обкома КПСС А. Ф. Сютки-на, очерки Ю. Калещука, В. Кунина) дополнена материалами из Яд-ринского района Чувашии (статья секретаря Чувашского обкома КПСС А. П. Петрова); не слабеет и таджикская тема (статьи первого секретаря Горно-Бадахшанского обкома КП Таджикистана А. И. Бабаева и Б. Холопова).

Заметнейшие материалы года; «Поле без плуга», очерки Федора Моргуна, первого секретаря Полтавского обкома КП Украины; «Дорога на Север» Э. Белтова, «Новое дело» А. Радова и, наконец,— имевшая сильнейший резонанс в читательских и хозяйственных кругах работа В. Селюнина «Нерв экономики» (о железных дорогах: «По каждому километру пути мы перевозим в шесть с лишним раз больше грузов, чем американцы... Насколько оправданны астрономические цифры перевозок?» —Сост.) Натакого рода материалах подготавливалась Перестройка...

В критике отметим «круглый стол» «Казахская проза сегодня», статьи И. Дедкова, М. Стрельбицкого, Л. Теракопяна; в разделе «Художественный перевод: проблемы и суждения»—две полемики: В. Леонович — П. Мовчан на тему «Надо ли переводить с древнерусского?» и Т. Сумманен — Р. Винонен на тему «Древний эпос в новом переводе» (на примере русских переводов «Калевалы»).

Еще около сотни рецензий в отделе «Библиографии»...

Тираж замер на 240 тысячах.

1982 год

Год шестидесятилетия Советского государства отмечен в журнале рядом целенаправленных публикаций, причем в разных жанрах. Это и «Хроника» Егора Яковлева «Зимой, шестьдесят лет назад. Рассказ в документах», и подборка стихов «В семье великой», где выступает много поэтов разных республик, и всесоюзная анкета критиков «Единая, многонациональная — опыт, задачи, критерии»... Однако даже с учетом юбилея в журнале ощущается некоторый перевес «рубрик» над материалом и текстов «организованных» над текстами «индивидуальными». В критике это анкеты и «круглые столы»: белорусские писатели А. Адамович, В. Быков, А. Жук, В. Козько и И. Шемякин отвечают на анкету «Что дает нам сегодня память о войне?»; в двух летних номерах журнал печатает материалы грандиозного «круглого стола» на тему «Литература и духовный мир современника», состоявшегося в Ереване; в Ташкенте проходит «круглый стол» на тему «Гражданственность сегодняшней лирики»...

В отделе публицистики—тоже «круглый стол», в Полтаве: «Хлеб хлебу брат»—Продовольственная программа в действии. На ту же тему—беседа В. Можина и А. Стреляного. Еще из актуальных диалогов надо отметить беседу двух председателей Советов Министров, Белоруссии и Литвы: А. Аксенова и Р. Сонгайлы «Задача дня: комплексный подход».

Остротой в постановке народнохозяйственных проблем отличаются очерки Марка Кострова «Ратча», Эд. Белтова «Цена», Т. Смирновой «Запас прочности».

На широкого читателя рассчитана повесть Рены Шейко «Елена Образцова», напечатанная в разделе «Культура и искусство».

Богат в 1982 году раздел «Литературное наследство»: здесь опубликованы новые переводы из Нарекаци, из Якуба Коласа в Янки Купалы, главы из «Золотой розы» К. Паустовского.

Беспрецедентно «многолюден» раздел «Новые имена»; имен двенадцать; Ш. Аджинджал, Н. Александрова, С. Будаглы, С. Гырылова, В. Исраэлян, А. Круглов, Р. Мишвеладзе, В. Сирадехян, О. Тихомиров, И. Ярьсько, Ф. Яруллин...— впрочем, имен тринадцать, «чертова дюжина», потому что список венчают авторы романа «Шалфейная гора и братья Повилас и Пятрас Диргела».

В поэзии уменьшается количество ярких индивидуальных циклов и увеличивается вес тематических подборок («Из югославской поэзии», «Стихи казахских поэтов»), а также дробно-сборных «Поэтических тетрадей». Надо отметить прощальные стихи Александра Орлова (сотрудника «Дружбы народов», умершего год назад) и Владимира Высоцкого, подборку песен которого еще раз представляет читателям Марина Влади, на сей раз вкупе с Андреем Вознесенским,

Особенностью прозаического раздела можно считать перевес рассказа над крупными жанрами. Дважды в 1982 году «Дружба народов» выпускает «номера рассказов» (в

январе и в октябре); имена рассказчиков достаточно известны: А. Айвазян, Г. Бакланов, Я. Брыль, Г. Гулиа, Н. Думбадзе, О. Ипатова, Д. Каинчин, Р. Кутуй, В. Поволяев, Т. Пулатов, Г. Тютюнник, Г. Юшков; отметим также выступающих в этом жанре поэтов Ф. Алиеву, В. Белиевну и драматурга Л. Петрушевскую, однако такой перевес малого жанра вряд ли говорит о его расцвете, а скорее об отсутствии таких крупных событий в прозе, которые сделали бы «жанровый вопрос» несущественным и не оставляли бы редакции соблазна для «жанрового щегольства» книгами рассказов два раза в год.

Крупная проза: романы «Колесом дорога» Виктора Козько; «...Где отчий дом» Александра Эбаноидзе, «Даширабат — крепость моя» Туркиша Джумагельдиева. Еще три романа: «Императорский безумец» Яана Кросса, «Две связки писем» Юрия Давыдова и продолжавшийся роман Сергея Залыгина «После бури», пожалуй, самые яркие в контексте года, — погружают нас в историю...

Современная же тема трактуется в повестях. Опубликовано: «Станция переливания крови» С. Ахмедова, «И тут мы расстанемся с ними...» Р. Киреева, «Ташкент» Г. Матевосяна, «Полтора квадратных метра» Б. Можсаева, «Хваткий мой» М. Мураталиева, «Ключ от райских ворот» А. Тагана... При всем мастерстве авторов (и переводчиков, среди которых блистают Анаит Баяндур, Зураб Ахвеледиани, Ольга Самма), все-таки в общем потенциале прозы ощущается некоторый спад, и этот спад, видимо, связан с состоянием литературы в целом.

Тираж по-прежнему застыл на отметке около четверти миллиона.

1983 год

По обилию рубрик и подрубрик «Дружба народов» 1983 года напоминает «Дружбу народов» 1963-го. Стихи, помимо традиционных «Поэтических тетрадей», собраны в «перекликающуюся» шеренгу под названием «И песня общая звучит». Среди авторских подборок, пестроватых по уровню (Б. Окуджава, О. Шестинский, Ш. Нишинианидзе, А. Алдан-Семенов, С. Мамур, А. Сийг, Ю. Гордиенко, Ф. Мехти, М. Тимофеев, Н. Тряпкин, Д. Самойлов, К. Ван-шенкин, И. Драч, И. Абашидзе, В. Костров, В. Леонович), можно заметить три поэмы: «Большой театр» А. Ковалева, «Поэма о молоке» И. Зиедониса и фрагменты из поэмы А. Арипова «Авиценна и смерть», однако это последнее, третье за короткий срок, появление великого Ибн-Сины в качестве героя поэм говорит, с одной стороны, о том, что журнал идет как бы «на поводу» у авторов, а с другой, что сама поэзия несколько пробуксовывает и уходит от живых проблем современности.

Подрубрики и рубрики отдела очерка и публицистики; «Время и люди», «Актуальные диалоги», «Упрочение мира—путеводная звезда в завтрашний день», «Борьба за мир — призвание и долг писателя», «Взаимопонимание культур — веление времени», «Во имя мира»... Под этими лозунгами печатаются материалы нескольких «круглых столов», среди которых видное место занимают и встречи международные (здесь выступают гости из НРБ и ПНР, с Кубы и Кипра, ГДР, СРР, ЧССР, ВНР, ДРА, Франции, Греции, Финляндии...). В отделе критики это также встреча в редакции, посвященная «вопросу вопросов литературы» — проблеме положительного героя, обсуждаемой в связи с постановлением ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства».

Практике посвящены актуальные материалы А. Стреляного и Г. Лисичкина, А. Пумпянского и Э. Генри, актуальный диалог голландского журналиста У. Олтманса и академика Г. А. Арбатова «Разрядка: трудности и перспективы». В сфере «Культуры и искусства» надо отметить очерк Б. Свежевой «Это в Нукусе» — о культурном облике города. Впервые журнал обращается к такому виду искусства, как художественная фотография (очерк Л. Аннинского «Да ведь это литовская школа!»). В «Литературном наследстве» — стихи Максима Богдановича, стихи Николая Глазкова... Интересны письма Максимилиана Волошина к В. В. Вересаеву... Под рубрикой «Художественный перевод: проблемы и суждения» опубликована полемика Е. Шатохиной и Л. Беринского о новых переводах из Эминеску, а также третий форум переводчиков «ДН»:

стихи Расула Гамзатова и статья Казбека Султанова с анализом десятка переводческих версий.

Рубрики живут, подрубрики множатся. **И** опять ощущается «недовес» новых, новаторских материалов.

: Какова картина в прозе? Рассказы Г. Бакланова, С. Воронина, Р. Кутуя, Ф. Мухаммадиева, Л. Уваровой, Г. Чохели. Повести В. Дрозда («Шапка Сластиона»), О. Ждана («Зинаида Неглядо-ва»), М. Ибрагимбекова («История с благополучным концом»), В. Кондратьева («Встречи на Сретенке»)… Романы Саввы Дангулова («Государева почта»), Пиримкула Кадырова («Алмазный пояс»), Булата Окуджавы («Свидание с Бонапартом»), Юрия Покальчука («Сейчас и всегда»), Миколаса Слуцкиса («Поездка в горы и обратно»)…

Очень своеобразна повесть доктора Бориса Шубина «Скорбный лист» — история болезни и смерти А. С. Пушкина с точки зрения медицины… Чтение на все вкусы, в том числе и рассчитанное на самого массового читателя. А тираж начинает падать. Он падает до 190 тысяч, потом до 160 тысяч и на этой цифре задерживается.

Этой перемене можно дать вполне технологическое объяснение: впервые подписка на журнал и подписка на книжное приложение к журналу, ранее неразрывные, стали автономными. Можно предположить, что 80 тысяч подписчиков, оставившие журнал, сохранились в качестве читателей книг, издаваемых теми же сотрудниками редакции на базе печатавшихся в журнале текстов. Можно также утешиться тем, что 160 тысяч тиража (отметка, пройденная журналом в середине 70-х годов, но вкуче с приложением) теперь составляет чистую читательскую базу собственно журнала, и это не так мало. Это вполне прилично даже в ряду первых журналов: «ДН» идет почти вровень с «Октябрем» и «Знаменем» (175 и 170 тысяч), отставая несущественно от «Нашего современника» (220 тысяч) и некатастрофически от «Нового мира» (360 тысяч).

И все-таки ощущение застоя и «привычности», накопленное в разных «отделах и жанрах», заставляет признать это тиражное торможение—по большому счету—закономерным. Этот кризис непохож на кризис начала 60-х годов, когда журнал упал до уровня альманаха. Тогда это было следствием недостатка сил: нужно было силы накопить, нужно было опереться на опытные литературы и как бы выравнять по ним остальные, нужно было и в русской литературе найти соответствующие ресурсы. Теперь ситуация принципиально иная. Литературные силы во всех республиках огромны, тонус высокий, напор материала непрерывен.

Показательно, что именно в 1983 году, весной, печатается в «ДН» повесть Василя Быкова «Знак беды»: вещь, пронзившая всю литературу, новая по уровню мысли и чувства, вещь, в которой военная тема переkreщивается с темой крестьянской, а несчастья военной поры сопрягаются с проблемами и бедами 30-х годов, 20-х… Эта огромной силы повесть свидетельствует о том, что литература наша, многонациональная и зрелая, полна сил **и имеет** смелость думать дальше, глубже…

1984 год

Под рубрикой «Звено особого назначения»—очерк Евг. Будинаса «Путешествие с Оппонентом»: «…И снова разговор заходит о предприимчивости. Об инициативе и самостоятельности. Об умении найти выход там, где его, казалось бы, нет. Только теперь говорим мы уже на другом, на новом, не на председательском или директорском, а на районном уровне…»

Под рубрикой «Актуальные диалоги» — беседа председателя правления Союза писателей Чувашии А. В. Емельянова с секретарем Чувашского обкома партии А. М. Леонтьевым, тема; «Кадры».

Под рубрикой «В Ядринском районе Чувашской АССР» — очерк А. Никитина «Хмель».

Под рубрикой «От Нурека к Рогуно» — очерк В. Грудского «Байпазинская ступень. Рабочая хроника одной стройплощадки».

Под рубрикой «Экспедиция «ДН»: Тимано-Печорский ТПК»:

Очерк Эд. Белтова «Форпост».

Под рубрикой «Глобус «ДН» — статьи Эрнста Генри, Тимура Гайдара, А. Пумпянского, Мэлоора Стуруа: контрпропаганда и международные проблемы.

Встречи, анкеты, «круглые столы» критиков: встреча с вьетнамскими писателями, встреча с писателями ГДР, анкета «Орбиты единения»: критики из разных республик рассказывают о наиболее интересном и значительном, что, на их взгляд, есть в литературах социалистического лагеря.

Под рубрикой «Новые имена» — четыре дебюта (А. Еременко, Т. Малик, А. Парциков, Р. Тагиев) и еще один дебют — под рубрикой «Представляем поэта» (В. Викторов).

Под рубрикой «Когда я на мир смотрю» — стихи поэтов из стран социалистического лагеря. Подборка «Из новой болгарской поэзии». Д. Кугультинов, поэма «Град и Венеции»; Ю. Марцинкявичюс, поэма «Мажвидас»; А. Имерманис, «Парижский монолог Рильке»; В. Боков, «Даль прекрасная манит дорога!»; 3. Палванова, «Пульс Вселенной осязали тут...»

Под рубрикой «Художественный перевод: проблемы и суждения» — анкета болгарского критика Л. Любенова среди поэтов-переводчиков социалистических стран: «Взаимоузнавание, взаимодействие, взаимосближение».

Проза. Рассказы Л. Арабей, А. Димарова, Я. Кросса, Р. Кутуя, Ю. Нагибина, Я. Сипакова... Повести А. Айлисли, И. Бодренкова, О. Бокеева, А. Борина, А. Жукова, Д. Каинчина, Д. Кешели, Д. Кон-стантиновского, С. Пайчадзе, В. Петросяна, А. Рогова, В. Шевчука.

Романы: «Пристань» Джумы Ахубы; «Как ты ко мне добра» Аллы Калининой; «Без всяких полномочий» Бориса Мегрели;

«Пресс-центр» Юлиана Семенова; «Мемуары молодого человека» Зигмунда Скуиня; «Железный театр» Отара Чиладзе.

Легко увидеть, что наиболее весомым литературным явлением года является роман Отара Чиладзе, вряд ли, однако, легкий для массового чтения, между тем как русская проза (Ю. Семенов, А. Калинина, Б. Мегрели: политический детектив, роман нравов, уголовный детектив) нацелена как раз на самого широкого, массового читателя. При упавшем тираже журнала (а тираж по-прежнему не поднимается) этот прицел кажется лишенным должного упреждения, если иметь в виду не баллистику, конечно, а глубинные процессы, назревающие в обществе, и ценности, создаваемые в литературе.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ С. А. БАРУЗДИНА НА «КРУГЛОМ СТОЛЕ» В БУДАПЕШТЕ В АВГУСТЕ 1985 г. (окончание);

«...получился диалог. Белорусская военная проза, эстонский аналитический роман, литовское психологическое письмо, грузинский роман-миф... При этом русская литература остается центром нашего многонационального целого». («ДН», 1985, № 12, с. 264).

Оглядываясь на прошедшее десятилетие, можно, конечно, и дальше перечислять голоса, ведущие диалог. Это и казахский эпический роман, и молдавская философская повесть-притча, и украинская романтическая повесть (включая и ее коррелят: повесть юмористическую), и «новая проза» Азербайджана, сочетающая «европейскую четкость» с восточной сказочностью и эмоциональностью, я армянская повесть с ее уникальным взаимодействием двух чувств: чувства древности земли, на которой живут люди, и чувства динамики и перемен современного человечества,— все эти и многие другие литературные ценности, возникшие в разных концах советской литературы и существенно обогатившие за десятилетие нашу духовную жизнь, так или иначе прошли через страницы журнала «Дружба народов». История журнала только потому оказалась богатой и полной драматизма, что она вместила богатство и драматизм шагнувших вперед литератур. Включая, конечно, и литературу русскую; достаточно назвать три имени: К. Симонов, С. Залыгин, Ю. Трифонов, чтобы почувствовать пульс большой русской, литературы на страницах многонационального журнала.

За это десятилетие высказались в журнале а все яркие национальные школы советской поэзии.

Отдел очерка и публицистики работал на главных, направлениях, здесь продумывались фундаментальные и животрепещущие проблемы жизни; нурекская эпопея дала журналу бесценный опыт, опыт, нужный для новых дел, для решения новых проблем, закономерно вставших и в самой жизни, и в литературе.

ЭПОХА ПЕРЕСТРОЙКИ (1985, 1986, 1987, 1988...)

Журнал меняет внешний вид. Сохраняя на обложке традиционную эмблему работы Ст. Красаускаса (дерево в ладонях), «Дружба народов» принимает более динамичную графику, близкую к международным «стандартам»: марки разделов, идущие «лейтмотивами», компактность верстки.

Состав редакционной коллегии, вынесенный по новому макету на титул, к середине десятилетия такой; главный редактор С. Баруздин, первый заместитель Л. Теракопян, заместитель А. Руденко-Десняк, ответственный секретарь И. Захорошко. Редколлегия; А. Алимжанов, Л. Аннинский (художественный перевод), А. Бучис, В. Быков, Нат. Иванова (поэзия), Н. Игрунова (критика и библиография), Ю. Калещук (очерк и публицистика), Н. Карцев (проза), А. Кешоков, Ю. Кишин, Г. Корабельников, Г. Ломидзе, Е. Мовчан (приложения), Р. Мустафин, Л. Новиченко, А. Овчаренко, Б. Панкин, В. Петросян, Ю. Суровцев, К. Щербаков (культура и искусство, с 1986 года этот раздел ведет Б. Холопов), К. Яшен.

1985 год

Сорокалетие Великой Победы окрашивает публикации журнала в торжественные и скорбные тона. «Сорок писем с войны», от людей, которых уже нет в живых... «Песни узников фашизма» — людей, сгинувших в гетто, в лагерях уничтожения... Документы о капитуляции гитлеровского рейха в 1945 году... Форум переводчиков:

«Ласточки» Максима Танка... Выступления советских писателей по радио сорок лет назад: Константин Федин и Никола Бажан, Константин Паустовский и Анна Караваяева, Лев Кассиль, Федор Гладков, Мариэтта Шагинян, Максим Рыльский, Ольга Берггольц...

Повесть Владимира Тендрякова «День, вытеснивший жизнь», Писатель, солдатом прошедший всю войну, никогда не опубликовал о войне ни строчки; между тем до самой смерти он работал над повестью о войне, это знали только самые близкие люди; теперь эта повесть пришла на страницы журнала из архива писателя.

Из архива же поднята повесть Константина Симонова «Софья Леонидовна». И «Рабочие записи» Юрия Трифонова.

Однако тексты, словно воскрешающие ушедших, воспринимаются не только как дань памяти, связанной с войной, но шире: как необходимость вообще оглянуться на прошлое, чтобы лучше донять настоящее: сказать о прошлом то, что еще недавно невозможно было сказать, вспомнить тех, кого не вспоминали, или договорить о тех, о ком недоговорено. Это и очерк Н. Крымовой о В. Высоцком. И диалоги А. Руденко-Десняка с Нодаром Думбадзе, записанные незадолго до смерти писателя. Это цикл эссе Гурама Асатиани, оставшийся в его бумагах. Это работа Б. Панкина «Ушедшие и живые». Это воспоминания А. Андриевского «Мои ночные беседы с Хлебниковым»: о том, как когда-то, в 1919 году, в Харькове, молоденький инструктор политотдела 14-й армии встречался с поэтом, укryвшимся в сумасшедшем доме от денкинской мобилизации... История вдруг ощутилась как близкая, необходимая, дающая ответы.

Некоторые материалы в прозе можно было бы назвать традиционными для «ДН»: повести П. Краснова, Н. Лугинова, Ф. Мухаммадиева, Е. Ржевской, романы С. Залыгина (продолжающиеся части романа «После бури»), «Автопортрет по воображению» В. Яворивского, «Свои и чужие» Ивана Шамякина, «Враг твоих врагов» Аль-гимантаса Бучиса, «Осоковая низина» Хария Гулбиса и даже «Аукцион» Юлиана Семенова, идущий как бы в продолжение уже опубликованных политических романов этого писателя. Но нетрадиционным для «ДН» представляется роман Игоря Волгина «Последний год Достоевского», построенный на архивных и малоизвестных материалах: роман, в котором ощущается желание понять историю целостно, без «белых пятен», без

умолчаний, не обходя драматизма и не спрямляя ее задним числом. Переключаясь с романами Ю. Давыдова, художественное исследование И. Волгина становится как бы знаком нового подхода к истории; история воспринимается как точка опоры для начинающих в современности перемен.

Перемены эти «висят в воздухе»; о том свидетельствуют, как это и должно быть, очерки; крупнейшие из них: «Удар кирки» И. Зайонца, «...И все-таки» И. Зиедониса, «Бумажное дело» А. Нежного.

В апреле журнал публикует материалы большого «круглого стола», проведенного «Дружбой народов» в Бресте; участвуют председатели колхозов и партийные работники разных республик, сотрудники госпланов и агропромов, ученые, работающие над проблемами земледелия, два очеркиста: Юрий Черниченко и Анатолий Стреляный, Материал называется «Время действовать». Он идет под новой рубрикой: «Навстречу XXVII съезду КПСС». Рубрика делается постоянной; в течение года здесь высказываются партийные работники; первый секретарь Клайпедского райкома КП Литвы Ч. Шлижюс, первый секретарь Полтавского обкома КП Украины ф. Моргун, первый секретарь Краснопресненского райкома Москвы Ф. Козырев-Даль, первый секретарь Томского обкома КПСС А. Мельников, секретарь Коми обкома КПСС Ю. Спиридонов.

Но, как и должно быть в литературе, остро и ярко тонус наступающего времени почувствовала поэзия. Стихи появились в октябре, но именно они выразили то общее настроение, которое связано с «Весной 1985 года». Отар Чиладзе, из цикла «Времена года» (перевод Н. Соколовской).

Но вот и солнце улыбнулось нам.

И что-то стало с воздухом и с нами.

Вдох облегченья пролетел, как сани,
по улицам, проселкам и мостам.

Оттаивали души и умы,

и снежная оттаивала глыба.

И город тихо всплыл со дна зимы,

Как солнцем растревоженная рыба.

1986 год

«...Умная машина, сбереженная пядь пашни, добрый и яркий человек — разве это не стоит самой дальней поездки?..» — так кончается очерк Юрия Черниченко «Работающий американец», ярчайший публицистический материал года. Публицистика начинает лидировать.

А. Абшилава посвящает свое исследование «Потийскому эксперименту». Продолжается «Экспедиция «ДН» в Тимано-Печорский территориально-промышленный комплекс: журнал публикует статью первого секретаря Воркутинского горкома КПСС В. Г. Курских; в Пярну проходит «круглый стол», посвященный проблемам руководства народным хозяйством; участвуют председатели колхозов, ученые, публицисты; материалы дискуссии, опубликованные под заголовком «Ответственность», продолжают линию, начатую «круглым столом» «ДН» в Полтаве в 1982 году и продолженную в Бресте в 1985-м; разным аспектам и путям перестройки посвящены также статьи В. Бараева, Э. Белтова, Е. Богданова, В. Выжutowича, А. Григо, С. Калласа, С. Кашаускаса, В. Князюка, О. Лациса, И. Прокопьева, А. Стреляного, В. Христофорова, Э. Черепаховой, Ю. Черниченко.

Усиливается интерес журнала к проблемам театра и особенно кинематографа, где происходят наиболее драматичные события перестройки; в отделе «Культура и искусство» опубликованы статьи Ч. Амирэджиби «Внимание: человеческий фактор!»; В. Демина «Изменения на карте звезд»; М. Захарова «Контакты на разных уровнях»; А. Платова «Несколько послесловий к дождю»; Е. Стишовой «Правда или легенда?»; М.

Швыдкого «Злоба дня и вдохновение поэта»; беседа К. Щербакова и О. Табакова «Рубежи и надежды»...

Под знаком новых тенденций отделы критики и художественного перевода проводят анкеты к съезду писателей СССР. Критики А. Бучис, Ч. Айтматов, М. Стрельцов объединяют свои ответы под «шапкой»; «Тоска по гармонии, или Бунт во имя справедливости». Переводоведы Г. Бельгер, Г. Маргвелашвили, М. Новикова, Н. Гончар, А. Хузангай, Г. Саямов, К. Шерман отвечают на три вопроса; » «Новые проблемы. Новые работы. Новые имена».

В связи с общей перестройкой все усиливается стремление вернуть культуре недооцененные имена, полузабытые ценности, осветить темы, вчера еще едва ли не запретные. В этом ряду стоит, например, посвященный вроде бы частному вопросу материал Е. Друца и А. Гесслера «Цыганские хоры в России»: он читается не просто как глава из истории российской культуры, но как глава, возвращенная теперь в ее историю.

В таком контексте закономерен усилившийся интерес к «Литературному наследству»; в 1986 году «ДН» публикует под этой рубрикой вещи ярчайшие: поэму Миколы Бажана «Дебора», стихи Николая Гумилева, стихи Константина Левина (впервые ставящие в ряд читаемых авторов сильного, но неизвестного. доселе поэта Великой Отечественной войны). Эти публикации, в сущности, и составляют главные события в отделе поэзии,— притом, что и по Новым публикациям год не назовешь слабым; Б. Ахмадулина, П. Бо. цу, М. Винграновский, В. Высоцкий, Р. Давоян, А. Каландадзе, К. Ковальджи, Ю. Кузнецов, А. Кушнер, Ю. Марцинкявичюс, П. Мовчан; Э. Нийт, Ш. Нишанидзе, Г. Поженян, Л. Промет, Д. Самойлов, Б. Харанаули, М. Чайлайс, О. Чухонцев, Ю. Шесталов, И. Шклярский, Т. Щербина, Г. Юшков,..

Одной из заметных публикаций прозы надо признать опять-таки извлеченную из архива повесть Владимира Тендрякова «Чистые воды Китежа». И его же рассказ «День седьмой»,

Главные же события года — повести «Карьер» Василя Быкова. и «Помилование» Мустая Карима... Вообще год далеко не бедный; здесь романы: «Каменный ключ» Сулеймана Велиева, «Побег» Туркиша Джумагельдиева, «Четвертое измерение» Р. Иванычука, «Охота в заповеднике» В. Мартинкуса, «Рубеж» Ю. Мушкетика, «Древо света» М. Слуцкиса, повести М. Бахти, Т. Зульфикарова, М. Мухтара... Но заметно, что русская проза как бы несколько «отстает» в соревновании: повести А. и Г. Вайнеров, В. Лакишина, Юл. Семенова, романы С. Сартакова «Вечная песнь — колыбельная» и С. Дангулова «Братина» и даже искусный роман Ю. Давыдова «Каржавин Федор, волонтер свободы», посвященный колоритнейшей .фигуре русской истории... но истории,—так или иначе все это проза уже привычная: на фоне оживившейся, обострившейся, схватившей воздуха гласности литературной жизни все более оцущи мым становится ожидание событий действительно новой, большой прозы.

1987 год

И событие происходит: с апреля начинается публикация романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Из авторской аннотации:

«Время действия романа—1934 год. Год сложный, как сложны были тридцатые годы, годы великих свершений и щемящих сердце потерь, невиданного энтузиазма и больших трагедий, годы, подготовившие нашу победу в Великой Отечественной войне и многие ее непоправимые жертвы. Стремление отразить время во всем его многообразии раздвинуло рамки романа от арбатских переулков до Кавказа, Урала и Сибири ....от рабочих и студентов до высших руководителей государства... Я писал этот роман много лет,—итожит А. Рыбаков.— Первая его часть была анонсирована в 1966 году. Я уходил к другим вещам, но возвращался к «Детям Арбата»... Это моя главная книга...»

Вместе с напечатанными в других журналах «Белыми одеждами» Вл. Дудинцева, «Новым назначением» А. Бека, «Зубром» Д. Гранина, «Тучкой золотой» ан. Приставкина — произведениями, которые смогли появиться только в эпоху перестройки, роман А.

Рыбакова определяет новую ситуацию в литературе. И, естественно, создает как бы новую точку отсчета и в опубликованном его журнале.

Проза 1987 года в журнале «Дружба народов» — это проза эпохи гласности. Ключевые публикации года — роман Виктора Козько «Хроника детдомовского сада», роман Юрия Трифонова «Исчезновение», роман Владимира Яворивского «Мария с полынью в конце столетия»: тяжкие будни послевоенного сиротства, трагические расставания 1937 года, горькое отрезвление Чернобыля... Рядом—повести Акрама Айлисли, Оралхана Бокеева, Ромуальдаса Гранаускаса, Рустама Ибрагимбекова, Василя Быкова, Гранта Матевосяна, Мориса Симашко, Натана Эйдельмана. Рядом — роман «Трижды Величайший...» Николая Евдокимова, главы из романа Леонида Лиходеева «Сначала было слово», роман Владимира Бээкмана «Нарвский водопад», «Из записных книжек» Юрия Нагибина, «Местами— кратковременные дожди» Аурелиу Бусуйока.

Легко заметить, что актуальные проблемы современности сочетаются в прозе года с интересом к ключевым драмам давнего и недавнего исторического прошлого. Для всей советской литературы 1987 год явился годом памяти,—когда из «запасников» литературы извлекались ценности, забытые туда по страху или неведению, а теперь прочитываемые жадными и свежими глазами. «Дружба народов» не исключение: раздел публикаций в 1987 году—один из самых ярких. Здесь вторая книга романа Василия Шукшина «Любовины», пьеса Михаила Булгакова «Багровый остров», поэма Семена Гудзенко «Землепроходцы», стихи Вячеслава Иванова, Николая Клюева, Осина Мандельштама, Владимира Набокова, Владислава Ходасевича, Константина Симонова, «Записные книжки» Анатолия Аграновского, переписка Райнера — Марии Рильке, Марины Цветаевой и Бориса Пастернака в 1926 году.

Поэзия представлена именами Беллы Ахмадулиной, Рыгора Бо-родулина, Константина Ваншенкина, Эркина Вахидова, Расула Гамзатова, Ивана Драча, Юлии Друниной, Николае Есиненку, Владимира Корнилова, Александра Кушнера, Семена Липкина, Маро Мар-карян, Александра Межирова, Давида Самойлова, Олега Чухонцева, Варлама Шаламова, Мишии Юхмы... И опять — подборки живых поэтов соседствуют с публикациями поэтов ушедших, рядом с Та-риэлом Чантурия стоят Лахути и Даниил Хармс, а стихи Бориса Слуцкого, извлеченные из его бумаг, воспринимаются как только что написанные, подожженные памятью недавних драм:

Строго было,

но с нами иначе нельзя.

Был порядок,

но с нами нельзя без порядка.

Потому что такая уж наша стезя,

Не играть же нам с горькою правдою в прятки.

С вами тоже иначе нельзя. И когда

счет двойной бухгалтерии господа бога

переменит значения: счастье — беда,—

будет так же и с вами поступлено строго.

Строгий расчет с ошибками прошлого, жесткий самоанализ, отрезвление гласностью — вот лейтмотив лучших публикаций и по отделу очерка и публицистики: здесь «Остывающая зола» Юрия Калещука, беседа Сергея Баруздина с Федором Моргуном «Хлеб, Земля. Судьба», «круглый стол» в Тбилиси: «Что в агропроме?» .. Отметим также острые и нестандартные публикации в рубрике «Культура и искусство»: беседу Павла Сиркеса с кинорежиссером Вадимом Абдрашитовым, статью В. Божовича «Исцеление» — о фильме Т. Абуладзе «Покаяние», беседу Бронислава Холопова с Вазгеном Первым, Католикосом всех армян. Под тем же знаком дискуссионности, свободного обмена мнениями — публикации отдела критики. Здесь наиболее заметны: анкета «ДН» «Проблемы жанра и проблемы жизни» (Ч. Амирэджиби, Т. Джумагельдыев, И. Зодотусский, Р. Мустафин, В. Курбатов, В. Санги, К. Султанов, М. Траат, А. Хузангай...).

Беседа А. Анастасьева с Чингизом Айтматовым, статьи Натальи Ивановой, Кнута Скуениекса, Екатерины Стариковой...

К концу года становятся известны результаты первой безлимитной подписки. «Дружба народов» собирает на 1988 год 780 тысяч подписчиков, что означает рост более чем в пять раз (в 1987 году тираж журнала — 150 тысяч). Для сравнения — три «сопредельных» издания. «Новый мир» переходит миллионный рубеж (1092 тысячи подписчиков — сравнительно с 495 тысячами тиража в 1987 году). «Знамя», соответственно, — 500 тысяч вместо 250 тысяч — удвоение; «Октябрь» — рост со 150 до 215 тысяч. «Москва» — рост с 500 тыс. до 600 тыс. Цифры тиражей на 1988 год надо еще несколько увеличить за счет разницы, что, впрочем, сильно не изменит общей картины. Впечатляющий рост тиражей ведущих журналов в эпоху гласности — черта времени. Но и результат конкретных усилий. «Дружба народов» по-прежнему в первом ряду. По-прежнему — и по-новому; с увеличением читательского интереса возрастает не только популярность издания, но и ответственность издателей. Можно считать, что пятикратный рост подписки — не только подарок читателей к пятидесятилетию журнала, но и предъявление новых требований ему. 1988 год

Один к одному идут тексты, появление которых было немыслимо до эпохи перестройки. Они не просто включаются в число прочих, но определяют лицо журнала. Количество перешло в качество... Вот только те публикации, которые либо не могли бы, либо реально не смогли быть напечатанными в прежние времена.

«Дублер» — глава о Сталине из романа Алеся Адамовича «Каратели», не прошедшая в печать при первой публикации в «ДН». «Вагон» — роман из архива Василия Ажаева. Повесть Сергея Антонова «Овраги». Начало повести Леонида Лиходеева о Николае Букарине — «Поле брани, на котором не было раненых». Роман Владимира Набокова «Другие берега». Роман Анатолия Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы» — продолжение «Детей Арбата». Роман «Чевенгур» Андрея Платонова. «Повесть о санаторной зоне» Миколы Хвелевого. «Маленькие портреты» Виктора Некрасова (об Анне Ахматовой, Александре Твардовском, Максимилиане Волошине),

Поэзия; Геннадий Айги, Иосиф Бродский, Юлий Даниэль, Инна Лиснянская, Серго Ломинадзе, Булат Окуджава, Борис Чичибабин... Стихи из архива Максимилиана Волошина, из архива Бориса Слуцкого, Кайсына Кулиева, Константина Левина, Михаила Семенко, Ярослава Смелякова, Чулпана...

Переписка Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг. Письма и документы Михаила Зощенко времен его изгнания из литературы тексты, немыслимые в печати до 1985 года...

Как немыслимы ранее «Письмо «исторического оптимиста» Эрнста Генри, очерк Г. Иссерсона «Судьба полководца» — о маршале Тухачевском, воспоминания Якова Рапорта «О «деле врачей», Бчерк Анатолия Стреляного о Н. С. Хрущеве «Последний романтик», «Люди и вещи» Геннадия Лисичкина, а также напечатанный в новой рубрике «Культура и личность» диалог Александра Нежного и Митрополита Ленинградского и Коломенского Алексия о роли христианства в русской культуре.

Отметим также подготовленный отделом критики «круглый стол» с участием С. Аверинцева, В. Быкова, И. Дедкова, Вяч. Иванова, А. Хузангая на тему «Нация. Язык. Литература», дискуссионные статьи О. Трубачева, В. Михайлова, М. Хинта и М. Рябчука, подготовившие этот спор.

Наконец, еще одна новая рубрика, продиктованная новыми проблемами: «Нация и мир». Она открывается статьей академика Д. Лихачева «Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало...» и продолжена статьями Л. Н. Гумилева «Этнос: мифы и реальность», А. Халима «Язык мой — Друг мой...», А. Прусаускаса «Зачем мятутся народы?..» Венчается год по этой новой рубрике материалами большого совещания в редакции «ДН» на тему: «Национальный вопрос сегодня» и подборкой писем «Болевые точки», где впервые ставятся некоторые острые этнические проблемы, в частности о положении живущих

в Казахстане так называемых «этнических немцев» — раньше пресса об этом тоже не писала.

1989 год

В марте исполняется пятьдесят лет «Дружбе народов». С выходом третьего номера на полку становится четыреста одиннадцатая книжка журнала. Плюс пятьдесят четыре книги альманаха. Итого — 465.

Две цифры. Одна круглая—50. Другая некруглая—465. Смысл «некруглости» в том, что история продолжается. И потому эпилога нет.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вместо эпилога пусть наши преемники 50 лет спустя продолжат эту хронику.

Приводим список сотрудников редакции на момент юбилея:

Сергей Баруздин (главный редактор), Леонид Теракопян (первый заместитель главного редактора), Александр Руденко-Десняк (заместитель главного редактора), Игорь Захорошко (ответственный секретарь), Нина Жильцова, Татьяна Матвеева (секретариат), Николай Карцев (заведующий отделом прозы), Наталья Воробьева, Татьяна Смолянская, Валерий Лысенко (сотрудники отдела прозы), Наталья Иванова (заведующая отделом поэзии), Владислав Залещук, Татьяна Бек (сотрудники отдела поэзии), Юрий Калещук (заведующий отделом очерка и публицистики), Эдуард Белтов. Татьяна Блинова, Тамара Смирнова (сотрудники отдела очерка и публицистики), Наталья Игрунова (заведующая отделом критики и библиографии), Александр Архангельский, Игорь Писарев, Елена Сеславина (сотрудники отдела критики и библиографии), Бронислав Холопов (заведующий отделом культуры и искусства), Лев Аннинский (редактор рубрики «Нация и мир»), Елена Мовчан (заведующая отделом приложений), Светлана Цыганова (заведующая корректорской), Николай Арсеньев, Ольга Барканова, Татьяна Сдвижкова (старшие корректоры), Серафима Ремених (заведующая бюро проверки), Николай Пшепенкий (художественный редактор), Анна Селиверстова (технический редактор), Елена Медведева и Эмилия Сергеева (машибюро), Лидия Алексеева (младший редактор), Наталья Таратун (заведующая редакцией).

Л.Аннинский

ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ РАСТРЯСЛИ МИР "Дружба народов" 1989 - 1999.

1989. "Голуби слепы"

Напомню читателям то, что они могли забыть в свисте и грохоте обвальской эпохи: десять лет назад, как раз тогда, когда эта эпоха начиналась, журнал "Дружба народов" праздновал свое пятидесятилетие. В этой связи мне было дано редакционное поручение: составить "Хронику полувека", каковая и появилась в юбилейных номерах журнала.

Я хочу эту хронику продолжить. Нам 60. Есть повод поразмыслить. "Остановиться, оглянуться..." Представить себе, что с нами произошло за эти десять лет. И даже, шукинскими словами говоря, понять, "что с нами происходит". Сегодня.

Но оглянемся.

Когда открываешь сегодня первый номер "Дружбы народов" за 1989 год, поражают уже не тексты, шагнувшие с журнальных страниц в золотой и прочие фонды родной словесности, — поражаешься цифирке, скромно задвинутой в уголок титульного листа. Тираж! 1100000 экземпляров. Даю сумму прописью: миллион сто тысяч. Перед этой цифрой сегодня столбенеешь как перед неразрешимой загадкой. И это был не сон, не чудесный всплеск везения. От номера к номеру цифра продолжает расти, добираясь к декабрю до 1135000. Прописью: миллион сто тридцать пять тысяч. Один прирост уложит в себя нынешнюю тиражную пачку три с половиной раза.

Конечно, миллион экземпляров - результат изрядной работы в определенной ситуации: дивиденд от тех литературных сенсаций, что сотрясали общество, начиная с 1986 года. Общее обновление хлынуло тогда в пролом, проделанный романами, которыми "выстрелили" все ведущие журналы. В "ДН" это были рыбаковские "Дети Арбата" (а в

“Новом мире” - Пастернак с “Доктором Живаго”, “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, а в “Октябре” – “Жизнь и судьба” Гроссмана, а в “Знамени” – владимовский “Верный Руслан”). Тиражи тогда баснословно подскочили у всех изданий. И тем не менее: одно дело, когда наращивают тираж такие традиционные левиафаны всесоюзной печати, как “Новый мир” (более, чем вдвое) или “Знамя” (почти вдвое), и другое дело, когда на миллионный уровень взлетает “Дружба народов” с традиционной узкой грядки, где пестуется многонациональное древо, называемое иногда в узких кругах “братской могилой”: тут-то рост тиража более, чем вчетверо!

Это добыто – в общей работе (обвал будет у каждого – свой). Доводя до читателя проклятым заклеенные тексты, журнал в строю других флагманов “Перестройки” делал то же, что и другие: с помощью впервые осуществляющейся “Гласности” возвращал читателю воображаемую идеальную реальность, лечил душу, свихнувшуюся на ухабах конкретно-исторического пути.

Марк Алданов, “Ключ”. Борис Пильняк, “Красное дерево”. Александр Бек, “На другой день”. Нина Берберова, “Железная женщина”. Семен Липкин, “Декада”. Владимир Войнович, “Иванькиада”. Все невозможное вчера! Романы и повести звучат в одном регистре с мемуарами и документами: с лагерной исповедью Ольги Адамовой-Слиозберг, с дневниками Исаака Бабеля, с письмом Ивана Винниченко Сталину. Извлечены из архивов и письменных столов тексты Шаламова, Трифонова, Гендрякова, Булгакова, Луначарского, Гургена Маари... Праздник Гласности, воскрешение Павших, возвешение Правды.

Поэзия тоже стягивает времена, подтягивает пропущенное к сегодняшнему. “Из тех лет”... “Из разных лет”... Виктор Боков, Михаил Дудин, Имант Зиедонис, Фазиль Искандер, Анна Каландадзе, Владимир Корнилов, Виталий Коротич, Юрий Кублановский, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Нонна Слепакова, Геннадий Русаков, Николай Тряпкин, Борис Чичибабин, Олег Чухонцев... Последний озаглавливает подборку: “Общие стены”. На общий пир званы люди, в этих стенах неслыханные. Всеволод Некрасов, например... Молоденькая Инна Кабыш, как бы подыгрывая празднику единения, сигналил единомышленникам, что “налицо беспрецедентный пир, и мертвецов живые ублажают”. Алексей Дидуров подхватывает: “Нас было мало в той стране... на пир смотревших в стороне”. Теперь нас много. И пир общий.

Однако самые пронзительные участники этой либерально-объединительной презентации сляться рассмотреть на стене роковые письма. Иосиф Бродский перелагает с литовского на русский Томаса Венцлову:

Не воскресить гармонии и дара,
Поленьев треска, теплого угара
В том очаге, что время разжигало.
Но есть очаг вневременный, и та
Есть оптика, что преломляет судьбы
До совпадения слова или сути,
До вечных форм, повторенных в сосуде,
На общие рассчитанном уста...
Оставь же землю. Время плыть без курса.
Крошится камень, ложь бормочет тускло.
Но, как свидетель выживший, искусство
Буравит взглядом снега круговерть.
Бредут в моря на ощупь устья снова.
Взрывает знак мощь ледяного крова.
И легкое, бессмысленное слово
Звучит вдали отчетливей, чем смерть...

Но и смерть звучит отчетливо, и так неожиданно близко, что слово не успевает очнуться. А стены уже валятся. Грохот павшей Берлинской стены отдается ревом

толпы под стенами президентского дворца в Бухаресте. Либеральная печать не может найти тона, от замешательства впадает в глум: “Супруги Чаушеску жили счастливо и умерли в один день” (напечатано, слава богу, не в “ДН”). Войны гаснут – войны разгораются. Генерал Громов последним покидает афганский берег. В Тбилиси Кровавое воскресение...

Кровь на тбилисском асфальте уже прямо относится к компетенции многонационального интернационального органа. Но, кажется, легче депутату Собчаку расследовать действия генерала Родионова, чем журналу, полвека лелеющего дружбу народов, понять, как об этом писать. Ясно, что Грузия откалывается от России. и. Умом можно и понять происходящее, и представить себе, какая лавина грозит пойти с таких камешков. Но сердцем... Скорбные женщины в черном так прекрасны в контраст с солдатами, размахивающими лопатками, и Звяйд Гамсахурдиа так романтичен в контраст с партработниками...

“Дружба народов” – единственный из журналов, который ходит в ту пору по краю минного поля, уже обозначенного воронками: Карабах, Сумгаит, Фергана. Как с этим справиться? Кто ведет людей стенка на стенку? Интеллигенция? Она ЭТОГО хотела? Как писать об ЭТОМ?

Мы не находили тона. Честно сказать, мы не находили себе места. Мы печатали тексты, которыми обменивались враждовавшие стороны (раздел “Болевые точки”; о, если бы эти сгустки ярости были только “текстами”). Мы учредили и расширили раздел “Нация и мир”. Мы собирали “Круглые столы”, за которые пытались посадить людей, вчера еще сидевших рядом на “пирах духа”...

“Роль интеллигенции в межнациональных конфликтах” – тема самого представительного в 1988 году форума. Это называлось: “Первая сессия Совета по межнациональным отношениям”. Будет ли Вторая? И сколько просуществует этот спешно созданный Совет? Но состав – состав мы обеспечили! Лев Гумилев, Туркиш Джумазельдыев, Кнут Скуениекс, Олаф Утть, Диас Валеев, Роберт Вебер, Ибрагим Сафаров, Фуад Пепинов, Светлана Алиева, Вера Латышева, Айдер Куркчи, Гасан Гусейнов, Левон Мкртчян, Максуд Ибрагимбеков... В тот момент казалось, что главное – втянуть в диалог армянина и азербайджанца... Господи! Да они-то и сами бы рады. Но у каждого за спиной – бушующая родина. Попробуй в этом положении поговори.

А за сотрясающимися контурами Союза – затаившая свою боль Россия. То есть Российская Федерация. И вот вторым эшелонем за спинами первого выстраивает “Дружба народов” еще одну линию обороны, то есть еще один “Круглый стол” (это называлось: “Совещание”). Совещание на тему: “Что такое сегодня автономия?” Рафаэль Мустафин, Алексей Гозуа, Ахияр Хакимов, Аркадий Айдак, Алексей Ермолаев, Фатима Урусбиева, Нальбий Куек, Нафи Джусойты... Север, Поволжье, Кавказ... (Интересно, где тем летом проводит отпуск генерал Советской армии Джохар Дудаев? Отдыхает в родной Чечне? Или продолжает служить? Где? Под Москвой? В Вильнюсе?).

...Жизнь восстает из устной скорлупы,

И в свалке туч над мачтою ковчега

Ширяет голубь в поисках ночлега,

Не отличая обжитого берега

От Арарата. Голуби слепы...

1990. “Нету обломков, и не на чем имя писать”

Тираж журнала в начале года – 800 тысяч. Попржнему неслышанно высокий, если сравнивать с низинными временами “застоя”. Но если оглянуться на недавний миллион, – есть о чем задуматься. Журналы все еще нарасхват, и литература все еще в центре всеобщего внимания. Но стрелка роста уже остановилась. Застыла. Потом дрогнула и тихо поползла вниз. Очень тихо: к концу года тираж – семьсот сорок тысяч (739 – для скрупулезного счета). Потеряно в процентах вроде бы немного. Но все-таки треть

миллиона, а потом полмиллиона читателей отошло – если принять тираж адекватным числу подписчиков. И это падение, вернее, пока что сползание – продолжается.

У других журналов – то же самое?

Не у всех. “Новый мир” подлетает еще выше. Наталья Иванова в недавней “Хронике остановленного времени” объясняет это так: “год Солженицына”, запретные тексты его возвращаются через “Новый мир”. Положим, это так. Хоть и стоят уже в проходах метро книгоноши с трехтомниками вермонтского изгнанника, и не обязательно читать его в “Новом мире”, но, допустим, действует инерция. Но то, что “Наши современник” тираж удвоил, это что, тоже “год Солженицына”? “Звезда” ленинградская – тоже удвоила, а “Нева” рядом с нею – упала, это как объяснить?

Я бы объяснил так: общее разрушение литературного града начинается с изоляции его бастионов. Начинает слабеть то, что раньше называлось валом интереса: отныне каждый журнал должен адресоваться к своей “страте” в читательской массе. Кто нашел, кто нет. “Новый мир” держится по колоссальной инерции, а вот усиление “Нашего современника” – фактор знаменательный, и он связан, я думаю, как раз с ослаблением того поля, в котором работает “Дружба народов”. Россия перестает “смотреть по сторонам” и начинает, как сказал бы канцлер Горчаков, “сосредотачиваться” на себе самой.

“Дружбу народов” всегда читали в столицах и республиканских городах. И вот здесь начинается ощущаться отток интереса. А за “Нашим современником” – средние и малые города России. И здесь ощущается усиление интереса: люди подсознательно чувствуют подступающий кризис многонационального Союза. Прежде, чем раздастся первый громкий призыв спасти Россию, тысячи людей тихо переносят ожидающий взгляд на российское слово.

“Дружба народов” этой тревоги как бы не замечает. Не должна замечать. Журнал продолжает нестись вперед на парусах гласности и возвращать читателю недоданное запретное. Год Солженицына? Вот вам четыре его рассказа. Читанные-перечитанные в самиздате и других журналах, но – его! Вот вам главы из “Марта Семнадцатого”. Всего только главы, вырванные из целого. Но – его.

Вот вам новый Марк Алданов: роман “Истоки”. Вот “Мнимые величины” Н.Нарокова – парафразис из В.Набокова. Вот проза поэта Вл.Корнилова – повесть “Девочки и мальчики”. Все – из вчерашнего самиздата, из-под вчерашнего запрета. И оттуда же, из запасников спецхрана – “Вальдишны” М.Хвылевого и “Убиенная душа” Г.Робакидзе – национальные части возвращаемого всесоюзного наследия. Роман Аркадия Аверченко “Шутка мецената” работает на той же волне. И дневники Пришвина тоже. Кесонный эффект рукописей, извлекаемых со дна сундуков.

И все-таки некоторая притерпелость к сенсациям антисталинского толка начинает ощущаться. Главная публикация года – роман Анатолия Рыбакова “Страх” – несомненно, достойно завершает трилогию, начатую “Детьми Арбата”, но это уже именно завершение, не открытие.

Две прозаические вещи, опубликованные “Дружбой народов” в 1990 году, достойны были бы стать событиями литературного процесса... если бы таковой продолжался. “Жизнь Александра Зильбера” – острое еврейское жизнеописание, исполненное Юрием Карабчиевским, – проходит тенью его громогласно-разоблачительной работы о Маяковском. И – “Цинковые мальчики”, пронзительная исповедь Светланы Алексиевич о смертниках афганской войны – воспринята скорее как книга свидетельств, примыкающая к таким же исповедям женщин и детей войны Отечественной, чем как сопряженное с XX веком жанрообразующее открытие огромной важности, что станет ясно позже, после “Очарованных смертью” и “Чернобыльской молитвы”. Да, впрочем, и позже не будет уже того “литпроцесса”, в рамках которого это событие может и должно быть оценено.

Пока же “Дружба народов” продолжает собирать камни с привычного поля. Джума Ахуба. Йонас Микелинскас. Тимур Пулатов...

Из литературного наследия извлекаются славные имена, старые и новые. Марие Ундер. Василь Стус...

Ситуация учуяна поэтом:

...И в тайном архиве, его раскрывая тетрадь,
Вослед за стихами другу другу мы скажем негромко,
Что имя его мы должны написать на обломках,
Но нету обломков, и не на чем имя писать.

- Александр Городницкий (о Чаадаеве).

Рядом –Юрий Айхенвальд, Юлий Ким, Виктор Кривулин. Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Ирина Ратушинская, Евгений Рейн, Нонна Слепакова. Москвичи, питерцы... Шестидесятники, уже подпираемые буйной сменой.

Две сенсационные поэтические публикации: Геннадий Айги и Дмитрий Пригов. Айги – истинный трепет души перед небытием: “И нет чего для ничего!.. и так горит себе- “прощай”, что даже мысли нет”. Пригов – глумление души над бытием, в котором может навести порядок только “Милицанер” - “Грудю нас заслонит”.

Увы. Не заслонит. “Потому что конкретные лица мы по сравненью с идеей Милиции”.

В этом сотрясающемся мире журнал “Дружба народов” все еще силится свести вместе народы через контакты конкретных лиц. Какое обилие диалогов! Таджикско-узбекский: М.Шукуров и Х.Измаилов. Диалог русско-украинский, вернее, московско-киевский: Александр Руденко-Десняк и Иван Драч. “Рух – обретение пути”. - “Естественно, парламентским путем? - спрашивает заместитель главного редактора журнала “Дружба народов”. - Естественно, - отвечает глава “Руха”. - С каким настроением руководители “Руха” идут на выборы? - Думаю, избиратели будут голосовать не столько за “Рух”, сколько против аппарата, у которого так много слов о перестройке и так много неосталинизма на практике...” - На прощанье киевлянин рассказывает московскому гостю притчу. Поэт приплыл на затерянный в океане остров и спросил у туземцев: “Есть у вас вождь?” - “Да”. - “Тогда я против”.

На том простились.

Что еще характерно для журнала в 1990 году – обилие переписки. Читательская почта – чуть не в каждом номере. С комментариями членов редколлегии. Хочется удержать читателей...

И по какому-то запредельному чутью – хочется удержать Россию в центре внимания, хотя никто вроде бы ей еще не угрожает. Очередная Сессия Совета по межнациональным отношениям: “Русская культура на перекрестке мнений”. Высказываются: Л.Тараконян, М.Гаспаров, Д.Валеев, Т.Джумагельдыев, Г.Сафиева, М.Дудин, И.Дедкеов, Д.Балашов, Л.Гумилев, В.Гусев, М.Новикова, И.Виноградов, Л.Аннинский, Дм. Урнов, Р.Рзаев, А.Баяндур, К.Скуениекс, Г.Гусейнов, Б.Холопов, М.Рябчук, Н.Иванова, Ю.Калешук, Л.Мкртчян, С.Баруздин.

Последний в роли главного редактора должен подвести итог, но не находит сил. Вместо “итога” - исповедь:

- Интеллигенты забыли о своем предназначении... Иные озлобились... Озлобился, к сожалению, и русский человек, что не было свойственно его натуре...

Тем временем Виктор Ерофеев в “Литературной газете” объявляет “Поминки по советской литературе”. Начинается пляс на похоронах.

Многотысячный митинг бушует в центре Москвы, в ста шагах от Кремля, на Манежной площади, - там, где позже выкопают торговый центр и пруд для зверушек, вылепленных Зурабом Церетели.

Цензура отменена.

Горбачев становится Президентом СССР, Ельцин – Председателем парламента России. “У вас есть вождь, - Два!”

Убит священник и философ Александр Мень.

В декабре – Съезд народных депутатов СССР. Шеварднадзе подает в отставку. У Рыжкова инфаркт. До штурма телецентра в Вильнюсе считанные дни. Это будет уже в 1991.

1991. “Единая братская яма”

Ниже я открою, из чьей поэтической груди вырвалось это определение, а пока расскажу, насколько все это было неожиданно.

Как у Чехова: люди пьют чай, а в это время неслышно рушатся миры.

Впрочем, пили мы не чай, а пьянящее вино словесности, со складов, разбитых в недавнем бунте.

1991 год – если судить по публикуемым текстам,- совершенное продолжение 1990-го. Символично, что роман Марка Алданова “Истоки”, начатый в 1990-м, продолжается в 1991-м. Ширится фронт “возвращаемой литературы”: истоки, предтечи; множатся последователи, сближаются континенты. Берберова, Горенштейн, Милославский (не романы – рассказы: романы уже усвоены). Алешковский-старший с “Синеньким скромным платочком” – не самое вызывающее произведение Юза, но все-таки сенсация. А рядом – младший Алешковский, Петр: новое поколение, новая проза. “Дикий лес” А.Бородыни. “Таласс-Таласс” О.Клинга. “Стаканчики граненые” и другие рассказы скандального русского американца Льва Наврозова. “Двор” – роман другого русского американца А.Львова. “Желтый князь” – роман украинского американца Василя Барки (“Тут впервые, вопреки всем панегирикам о сталинском народолюбии, сказано о чудовищном голоде 1932-33 годов...” – из предисловия Леся Танюка).

Характерно: каждая вторая крупная прозаическая вещь идет или с предисловием, или с послесловием: авторы подняты из подполья, из тени, из запрета: читателя с ними надо специально знакомить. Характерна музыка названий. “Сожженный роман” Э.Голосовкера (первоначальное название – “Запись неистребимая”) истреблен в 1936 году, восстановлен упрямым философом, имя которого до того помнили одни специалисты, а теперь должны узнать читатели массового журнала. “Белый саван” Антанаса Шкемы – исповедь литовца, бежавшего в 1944 году на Запад (“Распад личности, крушение идеалов, ностальгия...” – гибель в автокатастрофе при возвращении с конгресса литовских писателей-эмигрантов в Чикаго в 1961 году). Ольга Трифонова-Мирошниченко – о Юри Трифонове: “Попытка прощания”. Звуки тризны меж звуками победных маршей демократии.

Еще два крупных прозаических полотна, меченых тем же “кровавым подбоем”: роман нашего израильтянина Давида Маркиша “Полюшко-поле” - о батшке Махно, и роман Эдварда Радзинского о судьбе Николая II, озаглавленный цитатой, в которой увековечен “ляп”: “Господи... спаси и умири Россию” (Надо: “умири”).

Журнал продолжает работать на отвоеванных Гласностью направлениях: вводит силы в прорыв. Целый раздел: “Из литературного наследия” - посвящен реабилитируемым ценностям. Винниченко, Мандельштам, Мережковский. Дневники академика Вернадского – подобная же публикация, но уже в разделе “Очерки и публицистика”. В разделе “Нация и мир” – недавно еще глухо-запретное фундаментальное сочинение А.Авторханова “Империя Кремля”. Печатается с последующим обсуждением – то ли адаптирующим, то ли усугубляющим действие текста. Статьи Милована Джиласа и Томаса Венцловы. И наконец – написанная недавно в тюрьме “Лента Мёбиуса” М.Казачкова. Воистину, ни одно словечко из всех этих публикаций не могло бы появиться за пару лет до того. Но за год до того могли бы появиться все.

Впрочем, налицо и новые литературные имена, порожденные уже самоновейшей эпохой – временем “гнева на шестидесятников” (Курицын и Немзер – самые крутые, хотя и до такой степени, как Галковский).

Открываются новые рубрики, свидетельствующие о поисках опоры в меняющейся ситуации. Путевые очерки А.Руденко-Десняка идут под рубрикой “Несентиментальное

путешествие” (рубрика не удержалась). Не скрою моей гордости: придуманная мной персональная рубрика “Эхо”, начатая в июльской книжке, удерживается до сего времени; за восемь лет с той поры я не пропустил ни одного номера; не знаю, удачлив ли я в непривычной роли “колумниста” (жанр перенесен в нашу печать из печати западной), но надеюсь, трудолюбив.

Внешние события, на фоне которых работает в 1991 году журнал “Дружба народов”, можно подробно не описывать: они слишком известны. Январь – “бойня в Прибалтике”, август – “путч”, декабрь – “ликвидация” Советского Союза в Беловежской Пуще, где нашему новому президенту ассистируют руководители двух братских славянских народов.

“Белоруссия родная, Украина золотая, наше счастье дорогое...”

Вот показания очевидца о том, как сказались эти события на нашей редакционной жизни. “...Засомневались в правильности названия. Ходил даже местный редакционный анекдот: переименуем “Дружбу народов” во “Вражду народов” (Наталья Иванова. Хроника остановленного времени).

Как очевидец и участник тех же анекдотических обсуждений подтверждаю: подобные предложения вносились. Под видом хохмы. Юмором пытались унять тревогу. Название – сохранили. Но переменили обложку: написали название журнала такими авангардистскими кляксообразными буквами, что прочесть слово “дружба” стало почти невозможно.

С весны журнал подписывает новый главный редактор: Александр Руденко-Десняк. Мартковский номер – последний, на котором стоит имя Сергея Баруздина. Уже в черной рамке.

Человек, за двадцать пять лет сделавший из “братской могилы” (он любил эту шутку) широко читаемый современный журнал, Сергей Алексеевич последние месяцы мучительно боролся с болезнью: материалы мы возили ему в госпиталь. Выписавшись, он устроил у себя дома что-то вроде встречи, или заседания: позвал несколько человек, не редколлегию, нет, а просто пять или шесть сотрудников, по личной склонности... помню, рядом со мной сидел за накрытым столом молоденький Саша Архангельский, работавший тогда в отделе критики. Мы угощались, а хозяин полулежал, улыбаясь нашим тостам за его здоровье: ему самому уже нельзя было ни есть, ни пить с нами. Разговор шел пунктирно: мы обходили вопросы, которые считали неразрешимыми. Сергей же Алексеевич именно эти вопросы ставил. Например, о том, как бы вернуть журналу миллионный тираж. Слушал нас, кивал, смотрел, как мы пьем, и улыбался. Когда через считанные дни он умер, я понял смысл той прощальной трапезы.

Мне показалось, что он умер не от болезни. Он умер, потому что почувствовал, как рушится то, чему он посвятил жизнь.

Журнал стал искать пути выживания. На титуле появились слова: “Учредитель – коллектив редакции”. Исчезли слова: “Орган Союза писателей...” Возник Редакционный Совет, в который вывели большинство членов широкой представительной редколлегии, сама же редколлегия сжалась до узкого круга. Так на борту воздушного корабля, теряющего высоту, оставляют только самое необходимое.

Наконец, о тираже. Зацепились за 200 000. До лета удерживали эту цифру. С июня пошло вниз: 170 000. В июле – судорожный скачок: 177 000. Далее – опять вниз... самое интересное – последние три цифры: август – 178 600, сентябрь – 178 900, октябрь – 178 200, декабрь – 178 100...

Не за миллион хватается – за сотню.

В заключение процитирую стихи, давшие строчку для заглавия этого этюда. Написала их Инна Кабыш, из того самого свежепришедшего поколения, которое вроде бы “выбрало пепси” и должно было плясать от радости на развалинах рухнувшей советской империи.

Это мы, дураки, полунисице и полукровки,
недобитые в прОклятом отчете дому,

атеисты, алканы, сапожники, божьи коровки,
больше неба, где хлеб, возлюбившие тьму...
Это памятник старым и малым – гора Нарайяма,
Это памятник левым и правым – Спитак,
А земля под ногами – единая братская яма:
Некто местные души скупил за пятак.
Это мы – уж такие, какие мы есть, не другие,
Все святое семейство, где каждый урод.
Отче наш! Помоги нам докаяться до литургии
И вернуть себе старое имя: народ.

Комментирую. Гора Нарайяма – символ из известного японского фильма: место, куда “малые” оттааскивают “старых” и бросают, чтобы не кормить. Спитак – армянский город, имя которого после землетрясения 1988 года в объяснениях не нуждается.

1992. “Сверхзвуковая могила”

Почему сверхзвуковая?

Так никто ж еще не отменил вечной советской горячки: выше всех - дальше всех - быстрее всех! Антисоветский обвал идет с той же лихорадочной скоростью. Чтобы самим не иметь времени опомниться? Чтобы укачивало воображенное ощущение скорости? “Будем считать, что мы едем”. Ведь и “перестройка” первоначально называлась “ускорением”...

Самая обширная публикация года начинается с суматохи и беготни: в Грузии рождается герой романа Михаила Джавахишвили “Похождения авантюриста Квачи Квачантрадзе” (автор уничтожен в ходе сталинских чисток, роман извлечен из архива). - Осторожнее, это тот еще квачи! – предупреждает в предисловии к роману Александр Эбанодзе. - На картину предреволюционной смуты ложится шутовской отсвет. Но энергия освобождается – бешенная.

“Какая-то общественная вольность чувствуется в свете у продовольственных магазинов, - прозревает из Западного Берлина нашу реальность Фридрих Горенштейн и в повести “Яков Каша” фиксирует анамнез: “нетрезвые выкрики и песни лихого романтизма”.

Уравновешивая выкрики, редакция советует читателям повести Андрея Дмитриева “Воскобоев и Елизавета” освежить в памяти карамзинскую “Бедную Лизу”. Все смешивается в доме Облонских: шутовство и сентиментальность, лихой романтизм и пофигизм вседозволенности. Евгений Попов публикует рассказы, которые он “нашел, когда лежал на полу”; цикл называется “Удаки”. “В подобной горячке” вполне можно “расстрелять и собственного сына”, - полагает герой повести Александра Бородыни “Парадный мундир кисти Малевича”. “Им, конечно, следовало бы меня убить”, - начинает роман “Укрепленные города” Юрий Милославский.

Утопия оседлана антиутопией. Эмигранты соревнуются с диссидентами: выясняют, кто успешнее подрывал “империю зла”. Амнистированные фигуры одна за другой выныривают из зоны. Марек Хласко. Валериан Пидмогильный. Тадеуш Конвицкий... Подобно всем журналам переменчивого, смутного времени, “Дружба народов” спешит выплеснуть на свои страницы всё внезапно ожившее, жгуче злободневное: завтра может оказаться поздно.

Черным подбоем в этом калейдоскопе – “Ночь” Эли Визеля – дневник, написанный в нацистской преисподней. Рядом – “Война с черного хода” – волховская тетрадь Юрия Нагибина: 1942 год. Это не антиутопия, это реальность уходящего века.

К перечисленным добавлю для полноты картины имена, составляющие, как сказали бы в советскую эпоху, актив журнала: Агаси Айвазян, Юзас Апутис, Яков Гордин, Иси Меликзаде, Вячеслав Пьецух, Асар Эппель... Небедно! Но, оглядываясь на тот спешащий год из года нынешнего (1999), признаюсь не без горечи, хотя и без тени злорадства: ни

одной литературной вехи, заметной с исторической дистанции, не видно... Сверхзвуковая суэта.

Впрочем, вот и вежа: “Линия судьбы, или Сундучок Милашевича”, опубликованный именно в том качающемся году. Марк Харитонов, первый в России букеровский лауреат, вышагивает на авансцену литературы со страниц “Дружбы народов” – другие толстые журналы довольствуются тем, что их кандидаты украшают “шорт лист”. Правду сказать, в ту пору никто еще не предполагает, что Букер с его бройлерами скоро сделается (к удивлению самих англичан) главной национальной премией России. И на “Сундучок” никто, честно говоря, не ставит: роман безусловно утонченный, даже изысканный, рассчитанный на интеллигента, но... все-таки “рассчитанный”, все-таки на “среднего интеллигента”, и именно на “среднестатистического” интеллигента, обкатанного мировыми (переводными) текстами такого стиля. “Линия судьбы”, однако, ложится так, как хочет судьба, а не так, как ожидают литературные критики.

Яркие имена, выдвинутые стремительной Перестройкой, собраны и в публицистических разделах журнала. Юрий Апенченко и Отто Лацис, Денис Драгунский и Юрий Каграманов, Анатолий Стреляный и Лев Наврозов. На первую линию выдвигается рубрика “Нация и мир”. Очередная конференция Совета по межнациональным отношениям (переименованного в Институт) посвящена теме: “Путь к независимости и права личности”. Среди участников: М.Гаспаров, Вл.Малинкович, М.Михайлов, Д.Мотто, А.Салмин, Л.Плющ... Эксперты из Еревана и Алматы рядом с экспертами из Мюнхена, Парижа и Лос-Анджелеса.

Лихорадочный поиск нетривиальных рубрик, обращенных к новым чувствам читателей, ощущается и в отделе критики. “Библиография” упразднена, вернее, переименована в “Спасательный круг чтения”: здесь, помимо традиционных рецензий, можно отныне найти рождественскую проповедь митрополита Сурожского Антония, пересказ избранных сур Корана, а также опыт исследования мистики цыган. И тут же – роман одного из самых знаменитых христианских нравоучителей XX века Клайва Ст.Льюиса “За пределы безмолвной планеты”:

- Мужайтесь!.. Ныне князь мира сего изгнан будет вон.

- Все-таки у нас милиция исключительно хорошо работает.

Вторая реплика – из опубликованных Юрием Абызовым в том же “Спасательном круге” записок Давида Самойлова.

Как очертить одной фразой эту веселую пестроту, эту перебегающую рябь, эти бури в литературной акватории? “Ситуация неясная, - признается в своей “Хронике” Наталья Иванова. – Брожение... Раздражение... Разочарование... Обман... – И находит, наконец, такое определение: передел литературного пространства.

О, да. “Другая” литература хоронит “ту еще” литературу, постмодернисты топчут шестидесятников, среди пост-модернистов своя драка: соц-артисты, концептуалисты и критические сентименталисты врознь бьют друг друга и все вместе – новых традиционалистов и прочих завоевателей “литературного пространства”, имена же коих ты, господи, веси.

Меж тем, пока они так пластаются, в самом пространстве происходят грозные перемены.

По обыкновению, обратим внимание читателей на то, каковы в 1992 году в журнале титульные листы и обложки.

Сначала о титуле: прямо под орнаментом из клякс, стыдливо маскирующим слова “Дружба народов”, появляется гордая строчка с номером редакционного факса: империи себе рушатся, а техника идет вперед.

Тираж однако соскакивает до ста тысяч, но на этой отметке держится весь год, словно боясь ее стронуть.

Самое же интересное – то, что происходит с последней страницей обложки: здесь главная драма. Первые три месяца обложка девственно чиста, то есть пуста. В апреле

появляется текст: “ННБ-Нижневартовская Нефтяная Биржа – наше надежное будущее... Это биржа солидных людей... Каждый четверг вы имеете реальный шанс разбогатеть. Ждем вас, господа предприниматели!”

И опять пусто.

В августе на обложке сияет таблица тарифов на размещение рекламы. Форматы. Суммы. Скидки.

До конца года – опять пусто.

На такой паузе – трагическая ария первого заместителя главного редактора “Дружбы народов” Юрия Калешука в сдвоенном майско-июньском номере. Впервые за всю историю журнала номер пришлось сдвоить, а почему - становится ясно из текста Калешука, помещенном на отвороте титула:

“Говорить об этом тяжело, хотя мы знаем что вы поймете нас... Став с июля прошлого года независимым изданием, мы... включились в спешном порядке в книгоиздательскую деятельность, сумели... заработать деньги, которыми расплатились с издательством за четвертый и за этот вот сдвоенный пятый-шестой номера. Больше денег у нас нет...”

Вот так: господа литераторы делят пространство, а оно схлопывается у них над головами.

О том, как решились финансовые проблемы, - как-нибудь в другой раз и в другом жанре. А пока о цене решения. Ю.Калешук с решимостью отчаяния объявляет подписчикам, что продавать журнал за тришку, - “это сегодня такой же анахронизм, как масло за 3-60 или метро за пятак. Производство и распространение одного номера зашкаливает уже за червонец... Вы не оставите нас?” - после этого вопрос первый зам главного редактора сообщает, зажмурившись от неловкости, что отныне цена номера определяется... двузначной цифрой.

Нынешние читатели могут оценить этот пифагорейский шок, а я закончу - поэзией. Поэзия чем хороша: она вроде облака, витающего над бранным. На земле Павлов аннулирует старые купюры, Гайдар отпускает цены, старики мрут от инфаркта перед окошечками сберкасс. А там, в поэтических облаках – Тимур Кибиров, Семен Липкин, Александр Межиров, Владимир Леонович, Алексей Парциков, Нонна Слепакова...

А ведь чуёт поэзия - ту же реальность.

Елена Крюкова:

И неподвижно Спаситель глядит
В небо святое,
В небо, где коршуном Солнце летит
Над пустотою.

Ольга Седакова:

И сладостно меж образов своих,
шаров, шатров и коридоров их
существовать. Но сладостней всего -
уйти от них, не помня ничего.

Виктор Кривулин:

...в конце концов
и нам обещано было
то ли бессмертье в стане отцов,
то ли словесная смерть
и сверхзвуковая могила.

1993. “Исторически чистый осадок”

Два месяца журнал живет без главного редактора: в январе этот пост покидает А.Руденко-Десняк; на мостике остается первый зам Ю.Калешук; лишь в апреле команда находит очередного капитана. Это Вячеслав Пьецух. Яркий прозаик, он сразу окрашивает журнал своим участием, так что наблюдатели из “патриотического лагеря” пускают версию о “пьецухизации” “Дружбы народов”. Смысл термина они не

уточняют, но чувствуется злорадство, скорее всего – над финансовыми трудностями, которые при новом редакторе обрушиваются на журнал (объективно они неизбежны и возникли бы при любом редакторе).

В течение года Пьецух выступает в журнале и как прозаик – с повестью “Четвертый Рим”, и как публицист – с несколькими передовыми статьями: о “русской теме”, о том, “в чем наша вера”, и о том, что же “это было”.

“Это” – революция и Советская власть.

“Так что же, собственно, это было – ребяческий бунт против Создателя, за который мы получили заслуженный нагоняй?.. Ради чего мы страдали эти семьдесят с лишним лет? Дабы исполнить пророчество Чаадаева: Россия выдумана для того, чтобы уведомить человечество, как не годится жить?”

Такого жанра авторские “предисловия к номеру” становятся на некоторое время обязательными. Среди авторов – отборные авторитеты: Вячеслав Кондратьев, Борис Чичибабин, Виктор Козько... Пафос: понять, что с нами было, и, пока не поздно, покаяться. В чем каяться, не вполне ясно, потому что не вполне ясно, что с нами было. Передовая статья первого номера начинается словами: “Я не знаю...”

Некоторые авторы, тем не менее, знают, что делать. Надо решительно покончить с прошлым, искоренить “совка” и выкорчевать до конца советское мироощущение. Поворот к “русской теме”, вполне логичный, если учесть приверженность к ней главного редактора, и вполне актуальный, если учесть, что после распада СССР “русская тема” встала на повестку дня, - поворот этот неизбежно сцеплен с вопросом: как искоренить “советское”, не ранив при этом “русское”?

“Отовсюду слышно – Россию надо спасать. Но что такое Россия? Российское государство или просто люди?.. Спасать государство – значит военной силой стягивать расплывающиеся части, не щадя своих и чужих людей”, – пишет Денис Драгунский. Как спасать людей, не щадя государства, он не уточняет.

Андрей Новиков подводит под искореняемый большевистский экстремизм уже не государственную, а прямо-таки космическую базу: это – “неокультуренная, неочеловеченная энергия”, сгусток которой сам собой не рассосется, ибо это, научно выражаясь, “не акциденция, но субстанция”.

“Конечно, это ужасно”, - итожат публицисты. Между тем, на смену старому, большевистскому ужасу, от которого хочется скорее отделаться, подступает новый ужас, постбольшевистский, смутный, неопределенный и тем более неотступный. Это даже в музыке названия чувствуется. Леонид Гордон озаглавливает свой очерк: “Безумная утопия против сумасшедшей реальности”. Михаил Глобачев: “В кошачьем концерте наций”. Игорь Дедков: “Объявление вины и назначение казни”. Даниэль Салленав: “Конец коммунизма: холод в сердце”.

Французская публицистка уже чувствует холод – отечественные эксперты все еще в горячечном бреду.

Вообще любопытно на страницах журнала в 1993 году соседство западного острого диагноза болеющей России и нашей чисто русской лихорадки. Виктор Ворошильский, Чеслав Милош... Но рядом – уже и первые попытки осознать новейшую историю России не как всплеск безумия на страх остальному миру, а как этап самопостижения, в котором скрыт общечеловеческий смысл. Назову наиболее яркие и ценные работы. Александр Ахизер: “Россия – кризисная точка мировой истории” (отсюда берет начало знаменитая сегодня “школа Ахизера”). Юрий Болдырев: “Русский век” (прогремевший буквально накануне смерти автора).

Такого же уровня исследования посвящены нашим соседям: Дмитрий Фурман - “Эстонская революция”; Юрий Каграманов - “Украинский вопрос”; А.Малашенко – “Ислам в нашем доме”... Буквы “ДН” на обложке по-прежнему разобрать почти невозможно, но журнал “Дружба народов” понемногу принимается за свое “старинное дело”: строит мосты между отпавшими друг от друга народами.

На переднем крае работает публицистика – проза потеснена. В прозе все еще заметен крен в сторону архивных текстов, чаще извлекаемых, впрочем, уже не из спецхрана, а из письменных столов умерших писателей: главы из незавершенной книги Алеся Адамовича “Vixi”, роман Дмитрия Голубкова “Восторги”, повесть Юрия Карабчиевского “Каждый раз весной”. Надо признать, что эти тексты, сами по себе значительные, должного резонанса в литературной среде так и не получают, может быть, по причине исчезновения и резонанса, и среды.

К сожалению, не звучит и “Интеллектуал” Георгия Демидова, чьи потрясающие лагерные тексты в 60-е годы ходили в самиздате, - в 1993-м, возможно, уже поздно.

Так что не чувствуется в прозаическом корпусе “ДН” настоящего стержня. Нина Берберова и Гайто Газданов, Зиновий Зиник и Бернард Маламуд – тут и многообразие, и диапазон, и мировой охват, и... ощущение удара растопыренными пальцами. Очень сильные рассказы Мирчи Элиаде проходят “фоном” – ни намек на то, что их автор вот-вот станет знаменем философов “архаического отката”. Но это объяснят другие, и не в “ДН” (Александр Дугин, например, в патриотической прессе). В “ДН” же чувствуется скорее желание угодить читателю, удержать его, чем докопаться до истины. Вот вам сенсационный “Ледокол” Виктора Суворова. Вот сверкающий каскад исторических анекдотов, собранных А.М.Песковым (он и выставлен не как автор, а как “собираатель”, что-то вроде Рудого Панька) и издевательски озаглавленных: “7 ноября” (насолить все тем же “совкам”).

Афганская проза Олега Блоцкого несколько теряется в этой пестроте: для нее нет контекста.

Контекст вообще дробен: журнал явно шарит в поисках опор. “Почтовый роман” композитора Исаака Дунаевского и студентки-химички Людмилы Головиной – это интересно? А воспоминания Галины Джугашвили “Дед, папа, Ма и другие”? А история фирмы “Фаберже”? А “Переландра” – второй роман “Космической трилогии Клайва Льюиса?.. – Первый успели дать год назад, а третий уже не успеть: его перехватил журнал “Согласие”...

Кажется, есть всё. Нет главного: романа о современнике. Нет истории его жизни.

Есть – история его смерти. Тут главное, может быть, единственное попадание журнала в “десятку”: лучшая публикация года и центральное событие в том ареале, который еще недавно звался “советской литературой”. Я имею в виду повесть минчанки Светланы Алексиевич “Зачарованные смертью”. Помимо того, что это замечательное произведение в жанре “выслушанной исповеди”, который Светлана Алексиевич практически открыла, - самоубийцы из ее повести врубаются в самый нерв дискуссий о “преступной идее” (коммунистической). Шеренга партийцев, умирающих оттого, что их идея поругана, это - самый безысходный, самый горький, самый пронзительный мотив повести. И дело не в них и не в их идее. В Кремле или на Старой Площади могут сидеть мечтатели и прожектеры любого окраса, от радужно-красного до беспросветно-черного, но есть законы войны и казармы, по которым живет воюющий народ. И сколько бы вывесок ни сменили доктринеры, какие бы радужные ворота ни намалевали на пути в коммунистическое или антикоммунистическое будущее, какую бы выгоду ни посулили – материальную или душевную, - судьба будет начертана на других скрижалях.

Моя душевная выгода

В том, что могу узреть

Арку незримого выхода

В ярко-слепящую смерть.

Нет, это не из “Зачарованных...” Светланы Алексиевич. Это – из поэтического цикла Инны Лиснянской. Поэзия постигает напрямую то, к чему проза движется сквозь непроломную толщу материала, а публицистика – через головоломные лабиринты проблем.

...ишьками в спину
подгоняет нас эпоха
то ли к стенке
то ль к утру...

Это – Глеб Арсеньев, в недавнем прошлом “русский битник”, смогист, самиздатчик, оттаявший в эпоху Гласности.

Моя бедная родина – тонут ее корабли,
Ее гибельный код мы, увы, набираем исправно.
Чтобы ангелы душу твою для меня сберегли,
Без тебя не хочу. А с тобой не хочу и подавно.

Это – Галина Нерпина. К возлюбленному стихи или к бедной родине? – А состояние – то самое: с тобой невозможно, и без тебя невозможно.

Не нам судить, - лишь боль разбередим, -
Кто виноватей в роздуре базара –
Он перед нами, мы ли перед ним, -
Но есть судья, и по заслугам кара.

Борис Чичибабин. Кому вопросы? Ответственному “генсеку”? Безответному Богу? Безъязыкой природе? Вина неясна, но кару, разумеется, примем.

И сочтется улада аорт
сквозь глухие словарные своды,
и становишься счастлив и горд
быть всего только частью природы...

Анатолий Найман. Ниже я его доцитирую, а сейчас – загляну, по традиции, на последнюю страницу номера, где это опубликовано: в выходные данные. Тираж – как сполз до полста тысяч, так и держится, будто зачарованный. Ага, вот то, что я ищу. Девятый номер, подписан к печати 2 сентября 1993 года.

Значит, пока улада аорт сочтется сквозь словарные своды, Президент России уже подтягивает танки к Парламенту России, и считанные часы остаются до расстрела.

Наконец, свершается.

Залп!

Интеллигенты бегут. Бегут по Новому Арбату, прячась от шальных пуль. Куда бегут? Не знают. Насколько легче было в августе 1991-го! Конечно, абсурд бил в глаза и там, но хоть ясно было, куда бежать и зачем. Бежали к Белому Дому, потому что там была – Демократия, там была - Гласность, там была – их, интеллигентов, Власть. Теперь же, в “ясный денек ранней осени” 1993 года, спасенная тогда Власть сидит в том же Белом Доме, а Президент, ту Власть олицетворявший, целится по ней из танковых пушек. Что делать? “Давить гадину”? Взывать к “гуманным ценностям”? Плохо интеллигентам: именно в этот “ясный денек” становится ясно, что Власть, которую они благословили два года назад, оказалась им не по силам, что так будет всегда, и что их, интеллигентов, не столько “позвали”, сколько “поманили”, а если говорить попросту, то их попросту “использовали”.

Пытливый читатель понял, конечно, чью исповедь я цитирую: замечательно всё это описано в “Хронике...” Натальи Ивановой: состояние двусмысленности, выброшенности, обойденности, обманутости. Как с того самого сентябрьского “денька” интеллигенты почувствовали, что они выпадают в “исторический осадок”, и как все-таки потрусил они по Новому Арбату, прячась от случайных пуль и глядя, как пречистый Белый Дом становится грязно-черным.

То, чем мил ты другим и чем гадок,

То, что – ты, выпадает оно

В исторически чистый осадок

У природы на вечное дно.

1994. “Столь сладко – аж тошно”

Главный редактор Вячеслав Пьецух крепко держит руль: помимо его прозы (а также драматургии – я имею в виду русскую вариацию на французскую тему: римейк “Красивой жизни” Ануя с целью показать, что Запад не избежит социалистического опыта, если будет легкомысленно зубоскалить на наш счет) – в журнале продолжают появляться передовые статьи Пьецуха. “Мы и XX век” (“Можно не опасаться за будущее России, равно как и за Господень эксперимент”); “Гадание на бобах” (“Что до России, то, по правде говоря, провидеть ее дальнейшее будущее невозможно”); “Свобода как наказание” (“Есть основания полагать, что песенка России еще далеко не спета”). Сугубо русская проблематика, с которой в свое время и вошел в литературу этот дерзкий прозаик, лишена у Пьецуха всякого намека на квасной патриотизм или почвенное самодовольство. Судьба России окрашена тревогой, которую приходится прикрывать юмором; мучительно неопределенно место России в новой геополитической ситуации, – постепенно эта интонация начинает окрашивать весь журнал, – не потому, что таков главный редактор, а потому, что такова жизнь. Праздник обретения Россией свободы и независимости от всех и всего, опьянивший интеллигенцию со времен Гласности, сменяется охлаждающей трезвостью: подходит пора платить за разбитые горшки.

Применительно к делу журнальному: пора демонстрировать те достижения в литературе, которые должны бы воспоследовать по обретению свободы и независимости... Но что-то маловато. То есть: маловато нового. Да и старое, кажется, ловится на излете. Роман Анатолия Рыбакова “Прах и пепел” (центральная публикация года) воспринимается как продолжение “Детей Арбата”. “Радиостанция “Тамара” – повесть, вернее, “маленькая любовная история” Анатолия Приставкина – как тень давно переночевавшей на груди утеса-великана золотой его “Тучки”. Повесть Фридриха Гореништейна, вернее, не повесть, а “Притча о богатом юноше”, – как вариация его же “Псалма”, составленного в свое время из подобных притч. Имена славные, но свет – отраженный.

Много “фрагментов”, “отрывков”, “глав”: из мемуарного романа Леонида Зорина “Авансцена”, из мемуарных “Неувядаемых цветов” Николая Любимова, из мемуарной повести Лазаря Лазарева “Шестой этаж”... Ощущение такое, что полные тексты то ли неподъемны, то есть недостаточно интересны журналу, то ли вообще не воспринимаются как полные, а только – как фрагменты. Реальность распадается на части, теряет стержень. Она или опирается на испытанное прошлое (военные “были” Василия Кожанова, военные записки Елены Ржевской), или начинают отдавать книжной экзотикой (“Клеарх и Гераклея” Юлии Латыниной – “греческий роман”, написанный “в духе повествований, отстоящих от нас более, чем на две тысячи лет”). Вячеслав Вс.Иванов усматривает в этом попытку “восстановить преемственность, прерванную трагедиями первой половины нашего века”: видимо, концы порванных нитей надо искать не ближе, чем в Древней Греции, без чего нам и Византию, давно проглоченную, не переварить. А почему бы и нет? “Неисповедимы пути Господни!” Можно опереться и на Питера Брейгеля, как делает это в повести “Безумная Грета” Николай Шмелев. А можно пощупать и Христофора Колумба, который оставил на полях книг из своей библиотеки более двух тысяч пометок (особенно интересных в истолковании А.Гелескула). А рядом – автобиографические заметки Борхеса, журналистские опыты Сальватора Дали, жизнеописание Агаты Кристи, сделанное ею самой, и в этом мировом калейдоскопе – кое-что русское: “Заветные мысли” Менделеева.

Общее ощущение: получив, наконец, во владение “весь мир” и “всю историю”, мы в поисках опор шарим по мировому пространству и проваливаемся в тысячелетние дали. Вместо опор – фантомы какие-то... сенсационный роман Софии Григоровой-Алиевой, переведенный с болгарского Фаиной Гримберг (“полноценная Европа, открывающая нам Азию”), – оказывается грандиозной подделкой, и – самое поразительное! – никто этому не удивляется и не возмущается: распадающийся мир по самой своей природе должен быть мистифицирован.

Литература как “наше всё” вообще кончается, и именно 1994 год – рубежный. Наталья Иванова в “Хронике остановленного времени” дает впечатляющую картину этого распада. Понятия “широкий читатель” и “большой стиль” исчезают, отныне нужны “раскрутка автора” и “сезонный спрос”, то есть спрос на чтиво. Понятие “текста” отступает перед понятием “литературного поведения”; ведущим жанром делается скандал. Литература (в старом смысле слова) тонет в болоте равнодушия; на оставшихся среди болота кочках начинается драка за выживание; “авангардисты” хоронят “шестидесятников”, имитируя столкновение принципов; на самом деле идет война “всех против всех”. Значение подобных журнальных “подвижек” в масштабах жизни страны ничтожно, и, слава богу, эта борьба мышей и лягушек (в древне-греческом духе выражаясь) идет в основном за пределами “ДН”; у меня нет необходимости описывать ее подробно (да, честно говоря, нет к этому и интереса), но как литературный фон это надо учитывать.

Что же до “ДН”, то самые крепкие публикации обеспечены здесь не литературной модой, а “чистой мыслью”, они идут по публицистическим разделам. В 1994 году напечатаны замечательные тексты: азербайджанская часть из аналитического эпоса Дмитрия Фурмана, посвященного национальным революциям, которые смели СССР; “Россия в кольце идеологий” Андрея Фадына; “Свобода и произвол” Владимира Кантора; “Если завтра война” Юрия Каграманова; “Национализм и демократия” Гия Нодия; “Европейская свобода и русская идея” Григория Померанца.

Еще одна знаменательная публикация: перевод книги немца Дитера Гро “Россия глазами Европы”: что про нас думали за последние триста лет Бауэр, Лейбниц, Акстельмайер, Кайзерлинк, Вебер, Гердер, Шпитлер... Очень полезное чтение с ситуации, когда мы сами не очень знаем, что мы о себе думаем.

А почва под ногами, меж тем, качается. В апреле пятидесятитысячный тираж тихонько уменьшается до 49 тысяч. Казалось бы, легкий толчок: в мае положение восстановлено. В июне – держимся. В июле...

В июле – надлом. Дело даже не тираже, который вдруг мгновенно падает вдвое, чтобы никогда уже не восстановиться. Дело куда серьезнее и опаснее: журнал садится на финансовую мель. Происходит нечто, в прежние годы немыслимое, скандальное, катастрофическое: на пятьдесят шестом году своей истории журнал “Дружба народов” исчезает, перестает выходить, впадает в паралич! Но немыслимое в прежние годы кажется обыкновенным в новой реальности. Раньше могли запретить, теперь говорят: ищите деньги. Уменьшайте расходы. Протягивайте ножки по одежке.

Объем журнальной книжки урезается с 240 страниц до 192. Ноябрьский номер решено соединить с декабрьским, а пока - изыскивать средства на сентябрьский и октябрьский. Неотпечатанные летние номера - оставить лежать без движения до лучших времен; они лежат месяц, другой; к печати их удастся подписать в конце осени и дослать вдогон зимним чуть не с полугодовым опозданием. “Дорогой читатель! В связи с исключительно тяжелым финансовым положением мы вынуждены...” Рядом - персональные благодарности спонсорам, оказавшим журналу услуги: правовые, транспортные...

Так мы въезжаем в новую жизнь – не виртуально, а реально.

Поэты, которым, как всегда, нечего терять, веселятся:

Я живу в консервной банке, как в кино или в аптеке,
но немного припекает, и откуда-то дымок.

Все - живые, что приятно, и почти никто не умер,

Но и жизни вроде нету – и кино не назовешь.

(Александр Левин)

Поэты перекликаются, и именно из их переклички узнаешь, как им дышится в бывших советских республиках, ныне суверенных государствах. На Украине шумит группа Бу-ба-бу. Расшифровка: бурлеск-балаган-буффонада. Истолкование: “это еще одно доказательство возрождения свободной украинской поэтической культуры”:

Там не стоял роскошный храм
поэтов тень и тень карет
была закусовая там
а чуть подальше туалет
(Витор Неборак, перевод Игоря Кручика).

А из России отвечают:

Над улиткою слуха то звонко то глухо
Непрерывно жужжит толстожопая муха.
Я ее уничтожил бы собственноручно.
Скучно.

(Герман Гецевич)

Голос из Латвии:

Они валяют дурака.

Ты думаешь, их жизнь легка?

(Мара Залите. Перевод Сергея Морейно)

А из России:

Только не сойди с ума,

Чувствуя и зная:

Позади – ночная тьма,

Впереди – дневная...

(Валерий Краско)

Голос из Армении:

Перед глазами моими снега, словно саван, белеют:

Что-то невозместимое гибнет и не возродится...

Мир уснувший безмолвен... Быть может, он тоже болеет?

Мне не спится...

(Сильва Капутикян. Перевод Елены Николаевской)

А из России:

Причины ясные, но следствия туманные,

И мы не ведаем, что завтра сотворим.

Все швы разъехались – и вскрыты раны рваные,

Каких не видывал и августейший Рим.

(Инна Лиснянская)

И еще из России:

Снег за снегом – вот наша манна,

ад за адом – вот русский путь.

Близь кошмарна, а даль туманна,

Нужно ноги в металл обуть...

(Инна Кабыш)

И еще:

Такою вот пошлостью вешней,

и мусорной талой водой,

и дуростью клейкой и нежной

наполнен мой мозг головной!

Спинной же сигналил о том, что

Кирзовый ботинок протек,

Что сладко, столь сладко – аж тошно,

Аж страшно за этот денек.

(Тимур Кибиров)

1995. "Ума не лишиться!"

Лесоповал. Судьбы круговращенье,

Расчистка тел и корчеванье душ...

*А может, лучше попросить прощения
И встать со всеми под холодный душ?
(Анатолий Горюшкин)*

Съезживаемся. Буквально: теперь каждый месяц вместо привычного толстого журнального “кирпича” в 240 страниц выходит “тетрадочка”, похудевшая на пятую часть: 190 вместо 240 – это менее 80 процентов прежнего объема. Конечно, такого рода усеченные выпуски практиковались и в прежние годы (под “прежними годами” я имею ввиду годы Перестройки, до нее такие ЧП были просто немыслимы). Однако впервые новый объем издания признан нормой: похудевшими выпущены все номера 1995 года. Кроме одного, который вышел в прежнем объеме. Но это номер сдвоенный, майско-июньский. Так что в сумме недочет даже усугубляется: годовой объем “ДН” – 2140 страниц – на 740 меньше “заданного”. 740! – это же более, чем три “доперестроечных” номера! Три из двенадцати недодано! На четверть усыхает издание при расчистке тел и корчеванье душ... то есть при свободных ценах и вольных платежах. Действительно, холодный душ.

Падают тиражи. До лета держится между 22 и 23 тысячами, а с августа ухает вниз почти на треть: до 16 тысяч.

По иронии судьбы именно с августа журнал обретает нового главного редактора – Александра Эбаноидзе. Говорю: “по иронии”, потому что усложнение ситуации никак не связано с приходом этого авторитетного прозаика и старого автора “ДН”; напротив, он приходит спасать дело, которое находится в критическом положении вовсе не из-за частных упущений того или иного руководителя, а по общей ситуации, в которой садятся на голодный паек все толстые журналы.

И литература съезживается. В прозе роман сворачивается до цикла рассказов, до монтажа фрагментов. Уступая давлению времени, “ДН” вдвигает в центр внимания именно рассказ. Дважды: в майско-июньском и в декабрьском номерах появляются специальные подборки “современного рассказа”. Илья Крупник, Борис Рахманин, Сергей Антонов, Александр Хургин, Анатолий Азольский, Юрий Дружников...

Романы, обтекаемые потоками рассказов, кажутся и сами пропущенными через этот поток. Реальность в них зияет паузами.

“Прошлое оболгали. Пигмеи. Я еще напишу о Сталине. Мы жили в великой стране, великую и трагическую эпоху. Но великие эпохи не бывают счастливыми”... “Немыслимый фэндесьекль: вавилоны, шляпки, муфты... А лицо простое, скуластое... В деревне...звали Мордовкой”... “Тело старика лежало на ложе его и продолжало собой подоконник”... Беру мотивы из Якова Кумока, Андрея Сергеева и Асара Эппеля – центральных авторов “ДН” 1995 года (Сергеев – будущий Букеровский лауреат). Можно почувствовать... нет, не общую мелодию, а общие паузы сквозь мелодию. Жизнь – фрагментарий. Ты в нее вклеен, как марка в альбом. Как тело в подоконник. “Тело – прокрустово ложе строки...” Не вписался – вылетаешь в другую реальность. Но и там не удержишься. “Фары разрывали несущуюся темень...” Нет, это не герой Кумока, рвущий из России, это герой Петра Алешковского Чигринцев, рвущий из Нерехты “в сторону московской трассы...”

Среди скольжения звуков, навевающих тщетную мечту о тишине, “маленький роман” Татьяны Любецкой “Наполовину о любви” воспринимается как реквием душе, привыкающей к небытию и готовой длить это состояние как нормальное. “Я слишком плохо себя чувствую, чтобы умирать” – эпитафия из Набокова.

Рядом – как утес незыблемости – роман поляка Ежи Журека “Казанова”, развернутый из дневниковой записи знаменитого самца, сделавшего когда-то остановку в Польше на пути из России в Западную Европу (до этого польский филолог уже успел написать римейк по “Гамлету”).

Рядом – воспоминания “русского немца” Бориса Кузина, биолога, спасенного от лагерей Папаниным и от забвенья Мандельштамом.

Рядом – “Вариации на тему Апокалипсиса”, дополняющие мир Антанаса Шкемы (“Белый саван” его опубликован в “ДН” четыре года назад).

Рядом – роман... нет, опять-таки главы, фрагменты Владимира Бута “Орел – решка”, дополняющие картину Великой Отечественной войны рассказом о советском десанте, разгромленном в Крыму осенью 1943 года. Новое: “роль смершевцев и заградотрядников в операциях подобного рода” (из предисловия Василя Быкова).

Поневоле думаешь: эхо прошлого – как заградотряд за спиной настоящего, которое того и гляди куда-нибудь дернет под шумок.

У каждого звука своя тишина,

Но можно поймать отголосок и эхо,

И эта инстанция освящена

И призраком краха, и блажью успеха...

Марина Кудимова. Поэзия пытается прорваться к общей картине сквозь призраки краха – тут ее главная “блажь”.

Владимир Липневич:

На заливных лугах гласности

Благоухают

Вчерашние компосты

И сегодняшние фекалии...

Борис Евсеев:

У, бляхи-мухи!

У, мордovorоты!

У, трупоеды! Дошуршитесь скоро!

Анатолий Горюшкин:

...Таков закон. Наш бог – одеколон.

Лежим в блевотине у мусорного бака.

И дождь, и снег, и ночь со всех сторон.

А в середине – рваная рубаха.

Стелла Моротская:

Давайте-ка что-нибудь ближе к поп,

Клюет уже носом случайный сноб.

О боже, заткните мне уши, чтоб

Совсем не свихнуться от гула!!! Стоп.

Таков габитус.

Ситуация очерчена в “Хронике” Натальи Ивановой: год открыт “Трепанацией черепа” Сергея Гандлевского, а “Трепанация” открывается “сортиром”. Правда, не в “ДН” – речь об общей характеристике года. Традиционные жанры распадаются, нормального романа не найдешь; всё вокруг такое живое и нервное; все ищут себя в абсурде литературного лесоповала; раньше абсурд выводили из советского тоталитаризма, теперь его впору принимать как вечное и неискоренимое свойство повседневности, а принимать не хочется. Может, возродить старое?.. ну, хотя бы “роман воспитания”? В этот разряд зачисляют нашего Петра Алешковского – почему нет? “Элитарная литература продолжает вписываться в абсурд, ничем не помогая барахтающемуся в абсурде читателю” (“Хроника остановленного времени”). Эка, о читателе вспомнили! Тут уже и случайный сноб носом клюет, а нормальный читатель давно тихо отошел к романам в мягких обложках и подступает с “проклятыми вопросами” к Александре Марининой. А “толстые” журналы? А журналы, по диагнозу Нат.Ивановой, остаются “площадкой для прогона новых авторов”, подпитываясь не столько интересом публики, сколько “премиальными структурами” и благотворительностью спонсоров.

“Прогон новых авторов”? Верно сказано. “Сколько их? Куда их гонят? Что так жалобно поют?..” И насчет спонсоров верно: 11 тысяч подписок “ДН” для библиотек стран СНГ уже оплачивает г-н Сорос. И насчет “премиальных структур” надо согласиться: по

части Букера, например, “ДН” не то, что в “шестерке”, но и тройке наградной нередко мелькает. Однако возражу вот на что: старых авторов в “ДН” не меньше, чем новых; тут мы традиционны. Св.Алексиевич, Г.Бакланов, А.Генатулин, Б.Окуджава, Л.Лазарев, А.Ананьев, В.Астафьев, Л.Копелев, Е.Кацева, Д.Затонский, И.Дедков, М.Галлай, Е.Ржевская, А.Турков, И.Шамякин, А.Терц... Большая часть этих имен собрана ради анкет к 50-летию Победы; среди участников также американец Л.Лайел, немцы В.Казак и К.Майер, поляки В.Жукровский и Я.Щепаньский, британец Д.Олдридж... Так что пока чистая литература прокатывает свои амбиции в ложе абсурда, публицистика месит грязь повседневных проблем, наука пытается нацунуть в этой хляби точки опоры, критика ищет связей, стоя под холодным душем...

В 1995 году в “ДН” опубликованы такие важные работы ученых и публицистов, как “Грандиозность “малых дел” и “Есть ли будущее у России” Геннадия Лисичкина, русско-еврейское исследование Анатолия Якобсона “Расходятся ли параллели?”, русско-украинское исследование Дмитрия Фурмана “Украина и мы”, “Австрийский вариант” Дмитрия Затонского, “Уроки Югославии” Михайлы Михайлова, работа Александра Ахизера “Где искать самобытность?” – о специфике исторического пути России.

Отмечу также статью Владимира Коваленко “Сосед с камнем за пазухой” – о том, что русская диаспора на Украине может стать пятой колонной. Статья открыто антирусская. Вопрос: зачем печатать в “Дружбе народов” такого рода статьи? Ответ: если такого рода статьи неизбежны и выражают мнение реальной части читателей, то лучше печатать их в “Дружбе народов”, чем отпускать в неуправляемый “лесоповал”.

Это первое дело – ума не лишиться! –

Утопая в дерьме и в крови.

Воспаленному бремени дай разрешиться

Непорочным столетьем любви.

Этими строчками Николая Панченко закончу обзор года, а насчет непорочного столетия – отложим.

1996. “Мы живы”

Впервые за все время “портрет года” хочется начать не с романов и повестей, не со стихов и “чистой” публицистики, а – со статьи литературно-критической и, точнее, литературоведческой: в январском номере опубликовано обширное исследование “к 150-й годовщине со дня написания поэмы Тараса Шевченко “Кавказ””. Означен и “день написания”: 18 ноября 1845 года, – чтобы читатели не усомнились в неподдельности предлога. Академическое оформление (включая и скрупулезные “Примечания”) воспринимается при чтении как ирония; подзаголовок: “”Кавказ” Тараса Шевченко на фоне неискоренимого прошлого” – сигнализирует читателю, что речь заведена о неискоренимом настоящем; цитаты из свежих российских газет, оставленные “без комментариев”, рассказывают о том, как “колонна российской бронетехники обстреляла беженцев из Чечни”. В общем, ясно, что ненависть великого украинского поэта к царской России – только “обтекатель”, из-под которого пышет в статье ненависть нынешняя, и не просто к царской России, но ко всей той “цивилизации”, которая “присвоила себе название христианской, не став таковой”, то есть к цивилизации российской. Автор статьи – авторитетнейший украинский литературный критик и ученый, недавний диссидент-сиделец Иван Дзюба – выстраивает материал так, что он звучит “бурлением проклятий и надежд”; в таком эмоциональном контексте строки Кобзаря обжигают, как только что написанные:

Ми християне: храми, школи,

Усе добро, сам Бог у нас!

Нам тільки сакля очі коле:

Чого вона стоїть у вас...

Статья так и называется, по строке: “Сакля очі колет”.

Естественно, что такая статья не только при Советской власти не могла бы появиться в печати, но и теперь скорее сгодилась бы для какого-нибудь радикально-самостийного органа, чем для интернациональной “Дружбы народов”... однако статья появляется именно здесь. Причем, “ДН” не только печатает её на своих страницах, но и организует на нее отклики. Вовсе не с целью опровергать автора по фактам истории или выявлять его позицию (факты верны, позиция заявлена открыто), а с целью дать выход ответным чувствам русских литераторов.

Вот спектр чувств. Владимир Леонович солидаризируется со своим украинским коллегой в ненависти к “глухоте людского множества, именуемого народом” (подразумеваются русские). Лев Гудков мягко предлагает “не отождествлять колониальные войны царской и постсоветской России”. Юрий Давыдов признается, что его покорила прикрытая “генеральской шинелью” ненависть к великороссам как к неумным захватчикам. Яков Гордин напоминает, что в царской России не один Шевченко протестовал против кошмарного варварства властей. Андрей Фадин жалеет, что “страстное эссе” Ивана Дзюбы родилось не в России: “здесь оно было бы уместнее и нужнее”. Наконец, Станислав Рассадин потрясен тем, какая за академическим исследованием встает “крыга” – ледяное отчуждение, идущее поверх доводов и вызывающее “глухую тоску”. Таков расклад чувств русских литераторов, среди коих рассадинская реакция мне ближе всех, но дело не в этом. Дело в том, что дискуссия, начиненная таким динамитом, опубликована в московском журнале, что русские критики не взвинтили ответных страстей, что взрыва не вышло, а все по-человечески выговорились.

Может быть, это знак усталости и безразличия?

Эпоха продолжает увядать.

Суха ее шагреновая кожа,

А боль, пожалуй, с равнодушьем схожа –

В пустых глазницах слез не увидеть.

Это пишет Глан Онанян, но я думаю, что дело не в этом. Я думаю, что факт опубликования такой дискуссии - признак начинающегося нашего выздоровления. Уже хватает сил спорить на темы, к которым раньше страшно было бы прикоснуться. Уже крепнет убеждение, что взрывчатые статьи, дающие выход самым резким антирусским настроениям, разумнее всего печатать в русских же изданиях. Лучший спор за общим столом, чем разрыв, когда все разлетается вдребезги.

Дискуссия на предельно “опасную” тему, введенная в “парламентские рамки”, - характерный журнальный жанр, до которого “ДН” окончательно созревает в 1996 году. Вторая такая дискуссия – обсуждение весьма “обидной” для русских статьи Геннадия Лисичкина “Царь Борис и упадок советской Золотой Орды”; оппоненты: Константин Барановский и Александр Янов – каждый со своей позиции – восстают против “гумилевского” отождествления Руси и Орды, особенно в феномене Руси Советской, но дело опять-таки не в том, чтобы немедленно решить те или иные исторические вопросы (которые не удалось решить за тысячелетие), а в том, чтобы найти общие подходы. И – если говорить о состоянии умов и душ, которое отражается на состоянии журнала, - доказать, что умы и души способны участвовать в конструктивном обсуждении “страшных” вопросов. Что можно нащупать для умов и душ такие устои, которые не колебались бы от толщины стен, возведенных пращурами.

Хотя бы через поэтическое преображение. Как у Владимира Бурича:

Цвет моих глаз

И форма носа

Зависели

От толщины стен Тульского кремля

И глубины Оки

Татарские семена

*азиатских трав
рассыпаны по ее берегам*

Просматривая список авторов, чьи романы и повести составляют прозаический корпус журнала за 1996 год, чувствуешь, как “по ее берегам” осторожно всходят семена, разнесенные бурей и рассыпанные за пределами “стен”. Василь Быков, Рустам Ибрагимбеков, Анар, Юри Туулик, Грант Матевосян... Нет, это не возвращение утраченного и не реконструкция разбитого; скорее, это попытка, подняв голову после бури, различить знакомые лица: ну, как вы там, за кордоном? Вы живы?

Ответ Виктора Козько в повести “Прохожий”:

- В смутные времена надо обязательно что-нибудь строить. Есть ли пристанище, нет ли – совершенно не в этом дело. А дело в том, что когда смута, когда страшное, неопределенное время, - то строиться надо, просто чтобы не свихнуться.

“Хатотерапия”. Впервые долетают из “ближнего зарубежья” звуки стройки, сменившие “дикие крики озлобления”, с которыми еще недавно хоронили эпоху социализма. это черта времени: люди по обе стороны кровотокающих границ начинают понемногу привыкать к новой реальности.

Из Инны Лиснянской:

*А главное, за что благодарю,
Что в одиночестве душа окрепла,
За то, что знаю: в день, когда сгорю,
Я за собою не оставлю пепла.*

В числе душ, очищающихся от пепла, оказывается гонимая душа Агасфера; дуновение ветра, оглаживающего раны, доносится из Израиля. Там русская алия окрашивает литературу в цвета ностальгии. Интересно, что на берегах Иордана не ощущаешь той ледящей “крыги”-стужи по отношению к России, которой веет от берегов Днепра, хотя шрамов не меньше. Но на то и еврейский юмор, чтобы сладить с болью. Центральное, лучшее произведение года в “ДН” - роман русской израильтянки Дины Рубиной “Вот идет Мессия...”

Подкрепим это чувство стихами, написанными Ларисой Миллер на берегах Москвы-реки:

*И все же надо жить и петь,
Коль петь однажды подрядился,
И надо верить, что родился,
Чтобы от счастья умереть.*

В публикациях года – сильный культурно-просветельский пласт. Во всех отделах журнала. В прозе - “Рассуждение об Александре Первом” Александра Архангельского: “Блуждающий огонь” - “философское сочинение”, которое, сохраняя “верность факту”, в то же время относительно свободно в истолковании фактов; истолкование же это побуждает автора заранее “смирненно просить читателя”, чтоб тот не искал грубых параллелей с современностью, а вникал бы в “реальную переключку времен”.

Отнесем сюда же: статьи Ивана Бунина, извлеченные из зарубежной прессы 20-х годов; дневники Михаила Пришвина; письма Бориса Пастернака Нине Табидзе; письма Виктора Шкловского Юрию Тынянову и Борису Эйхенбауму.

Еще: воспоминания Анри Труайя; радиопередачи Гойто Газданова; главы из фундаментальной работы Генри Киссинджера “Дипломатия” (в четырех номерах, с сентября по декабрь – заметнейшая публикация).

Еще: блестящие рассуждения Хосе Ортеги-и-Гассета об испанской душе в переводе и при комментариях Анатолия Гелескула.

Так “Черта горизонта” проясняется перед трезвеющими взорами.

Из Александра Беякова:

Жизнь прошла, как божья милость.

Ничего не изменилось

*На просторе ареала,
Где история плутала.*

История продолжает плутать, разгадывание ее петель продолжается.

Борис Диденко в работе “Цивилизация каннибалов” пытается нащупать неотменимые природные корни явления, которое именуется “историческим злом”. Другие авторы раздела публицистики раскапывают корни социальные, то есть поддающиеся воздействию культуры. Это Леонид Китаев-Смык, в очерке “Болезнь войны” исследующий психологию жителей Горной Чечни. Это Дмитрий Фурман и Олег Буховец, в статье “Парадоксы белорусского самосознания” прослеживающие “привыкание к независимости”: “еще лет пять... придут к власти более “спокойные люди”, страна станет “правильным” элементом европейской политической жизни” (все та же хатотерапия? – Л.А.). Это Сергей Филатов и Александр Щипков, в серии очерков описывающие “Урал оккультный... Урал православный”... “Религию и власть” в Башкортостане...

Наконец – обширный раздел “Нация и мир”: Имант Аузинь, Дмитрий Затонский, Марис Чаклайс, Михаил Юхма... - попытки осознать национальную жизнь в новых условиях. Реальность меняющаяся на глазах, тяготеет к жанру диалога: стараниями Ирины Дорониной, Елены Сеславиной, Натальи Игруновой в круг собеседников “ДН” входят Думитру Балан, Чабуа Амирэджели, Луи Дж. Лайел. Прибавим сюда “Заметки” Иманта Аузиня, “Армению без России” Георгия Кубатьяна, “Крымских татар” В.Полякова, “Уроки датского” Ст.Рассадина, “Каталунью музыки” Валентины Чемберджи - вот культурно-исторические горизонты журнала в год, когда “проклятья” смутному времени начинают сменяться попытками в этом времени – жить.

Владимир Корнилов:

Нет времени лучше и хуже!..

С надеждой отчаянья стужа

Срослась – и поди разведи!..

Мы в небе, и мы в преисподней,

Мы в рабстве, но стали свободней,

И что там у нас впереди?

Что касается поэзии, то из приведенных цитат читатель сам может уловить лейтмотив (или то, что я предлагаю ему уловить как лейтмотив): “Незачем себя дурить...Пора за жизнь благодарить”. Поэзия взлетает над пеплом. Она не хочет знать ярлыков, этикеток, вывесок и клейм:

Жить, не зная своего названья,

Жить и ничего не называть,

Разумея смысл существованья

Только в радости существовать.

Семен Липкин. В его музыке - аккорды, которым отвечает Инна Кабыш. Молодая душа, осознавшая себя в нынешней смуте, откликается на боль патриарха. Диалог – на ту же тему, что задел и Корнилов: где рай? Где ад? Где бесы?

Семен Липкин:

...Теперь никакую беду

И счастье нигде я не встречу,

Согласья с собой не найду,

Но большие себе не перечу,

Мне дьявол не страшен теперь,

А ангела я не замечу.

Инна Кабыш:

...был рай.

И стоя в центре рая,

Я знала: ад – он тоже тут:

Ад – пребывать в Эдеме, зная,

Что за тобою не придут.

Навечно - детсадовскими воспоминаниями, но тема звучит шире: волнение девочки, ждущей, придут или не придут за ней родители, заставляет задуматься о том, когда и как “придет” за человеком то, что можно назвать высшей силой, или как-нибудь иначе – существенно не имя. Существенно, как почувствовал Липкин, - жизнеощущение.

Или, как обобщил в своем обращении к читателям в первом номере “ДН” на пороге 1996 года главный редактор журнала Александр Эбаноидзе:

“Прошедший, 1995-й год оказался трудным для журнала. Впрочем, для кого он был легким, особенно в нашем литературном цехе?..”

Тираж в июле сожмется с 15 тысяч до 11, но отожмется осенью до 11 тысяч 200, а к зиме – до 11 тысяч 250 экземпляров. Главный редактор этого еще не знает. Но верит: перезимует:

“И - довольно о трудностях, о стоимости бумаги, типографских работ, почтовых услуг и пр.! Жаловаться на них так же нелепо, как сетовать на... крещенские морозы. К ним надо притерпеться, по возможности утеплиться – и ждать весны...”

Это напечатано в январе 1996-го.

В ноябре – стихи Ольги Кучкиной:

*...зазубрины расколотых скорлуп,
фольги серебряной трескучие разрывы,
еловый запах пухлых детских губ,
мы живы, ну поплачь, душа, мы живы.*

1997. “Погаси мой вселенский огонь”

- Мы живы! – констатирует главный редактор “Дружбы народов” Александр Эбаноидзе, обращаясь к читателям в первом номере. – Похоже, что мы вместе со всей страной возвращаемся в семью цивилизованных народов и обживаемся в демократии. Как-никак, из шести финалистов только что закончившегося Букеровского цикла трое – наши, и победитель – тоже наш.

Но не британская премия более всего волнует сердце главного редактора, а то, что “постепенно приносят плоды наши усилия по восстановлению творческих связей журнала с писателями стран Содружества и Балтии”.

Брежжит нормальная литературная жизнь. Портфель полон. Тираж, заботами Сороса закрепившийся около 6 тысяч, держится. Периодичность выхода номеров восстановлена. “В маленьких редакционных комнатах все оживленнее...”

А на страницах?

Василь Быков, Мустай Карим, Анатолий Ким, пусть с небольшими рассказами, - напоминают о временах многонационального древа. Рядом – сенсационные фигуры времен перестроечных: Анатолий Азольский с двумя повестями, пусть не увенчанными Букеровскими лаврами, но принадлежащими автору, который все-таки лавров достоин; Сергей Чилингарян с “Повестью о собаке”, пятнадцать лет ждавшей публикации; Михаил Веллер с повестью “Самовар”: “Что вы...будете делать? А я почем знаю. Крутитесь сами...”

А вот сенсация, долетевшая из Балтии: Эмиль Тоде, романист, появившийся в Эстонии и завоевавший всеевропейское признание уже в постсоветскую эпоху. В первой фразе романа - вопрос: “Ведь вы француз?” В последней – ответ: “Я всегда желал только, чтобы мир стал больше, чтобы стало больше свободы, слиянья границ в одном большом мире...” Роман называется “Пограничье”.

Желание собрать мир заново, переступив рассекавшие его новые границы, в принципе совпадает с позицией журнала, вопрос только в том, насколько мир готов к этому. И еще – насколько эту тенденцию выявляют ключевые публикации.

Ключевая публикация - роман “Сталин”: имя стоит в качестве авторского; название романа – “Учитель”; литературная мистификация предпринята живущим за границей

эмигрантским философом и писателем Нодаром Джином. Журналу выигранно выпустить на литературную арену самого молодого – в недавнем прошлом – доктора философии в СССР, ныне соразмеряющего свои литературные амбиции с именами Гарсиа Маркеса и Башевиса-Зингера. И все-таки представить Сталина учеником Христа и приверженцем “идеальной идеи”, которую “испоганила жизнь”, журналу рискованно, о чем редакция предусмотрительно заявляет в беседе с автором вслед за публикацией: а вдруг читатели воспримут роман как “написанный едва ли не в защиту Сталина?”

Вскоре выясняется, что страхи необоснованны: народ на провокацию не клюет. Может, инстинкт читательский срабатывает: пепел еще слишком стучит в сердце, чтобы строить на этой фигуре философские модели в подражание “Легенде о Великом Инквизиторе”. А может, люди вообще устали от Сталина во всех вариантах.

Не вписывается воздъ в картину оживающей реальности.

Ключевая публикация – обширный мемуарный текст Анатолия Рыбакова, названный “Роман-воспоминание”. Исповедь писателя, литературно замыкающая “Детей Арбата”. Роман, оказавшийся завещанием. Сказать, что он мог бы консолидировать силы, расстрявшие страну в 90-е годы? Нет, скорее он расстривает язвы памяти. Не буду ссылаться на взаимоотношения Рыбакова с радикалами национал-патриотического лагеря; сошлюсь на острейший эпизод с Иосифом Бродским: никаким примирением здесь не пахнет; зло изживается тяжелой работой духа, и без всякой гарантии.

Встык рыбаковскому “Роману-воспоминанию” - еще две важные публикации того же жанра: “Портреты и пейзажи” Натальи Семпер (Соколовой) и “Частные воспоминания о XX веке” (это рубрика), предъявившие читателю мемуары знаменитого режиссера Адольфа Шапиро, изгнанного из Риги в ходе латышского национального возрождения. В этой драме особенно интересны конкретные исполнители. Когда будете слушать музыку Раймонда Паулса, вспомните, как он закрывал театр Адольфа Шапиро.

Главная публикация 1997 года – “Чернобыльская молитва” Светланы Алексиевич. Подзаголовок – “Хроника будущего”. Переключка с Соколовой, записки которой предназначены “для возможного читателя XXIII века”. Потому что произошедшее в XX веке все еще невозможно вынести.

Светлана Алексиевич – в своем жанре: перед нами записанные ею исповеди расплатившихся за Чернобыль смертников. Эпизоды апокалипсиса. Сполохи Вселенского огня. Конец света в репортажах.

Дежурный оператор за несколько минут до взрыва что-то почувствовал, нажал кнопку аварийного отключения реактора. Кнопка не сработала. Оператора схоронили. Старик-отец плачет на его могиле. Люди обходят его стороной: “Твой сын взорвал”. Ученые осмысляют “технологическую версию светопрествления”. Бабки крестятся и надевают чистое. Смирение перед самоуничтожением - от ужаса человека при мысли о себе самом. Если винить некого, это действительно край. Конец. Полное очищение человека от всего, чем он мог бы прикрыться от правды о себе.

- Ты, Светочка, не записывай то, что я тебе рассказываю, и людям не передавай. Это людям нельзя передавать. А я тебе это рассказываю - просто чтобы мы с тобой вместе поплакали. И чтобы, уходя, ты оглянулась на мою хату не один раз, а два...

Один раз оглянулась на свой горящий город жена Лота. И окаменела. Второй раз Светлана Алексиевич оставляет нам.

Разум человеческий пытается совладать с этой реальностью. Публицисты ищут объяснений, предлагают выходы. Василий Липицкий, продолжая дискуссию о “Советской Орде”, начатую в 1996 году Г.Лисичкиным, живописует аллергию регионов на московский диктат и упоает на Сибирь. Денис Драгунский в работе “Красное вино геополитики” осмысляет “цивилизационное одиночество, в котором оказалась Россия”, вынужденная выбирать между американизмом и исламом. Григорий Померанц в “Диалоге пророческих монологов” преддрекает Западу конец “спокойной жизни” и укрепляет дух мыслью о религиях откровения, чей опыт попирается Западом, - шанс России в том, чтобы

“видеть то, что есть” и учиться на чужом опыте, пока свой не накрыл. Юрий Каграманов в работе “Европа и мировой Юг” вдумывается в “меридиональное” напряжение, перед которым отступает традиционное противостояние Запада и Востока; России в этой новой ситуации предстоит “заново определить” свое место. Сергей Королев в работе “Поглощение пространства” пробует на прочность геополитические утопии: трансафриканскую магистраль, демаркацию Молотова-Риббентропа, Статую Свободы, Великую Китайскую и Берлинскую стены – и констатирует, что “мир рушится”; России лучше больше не играть в “поглощение пространств”, ибо “возвратить” – еще не значит “овладеть”.

А рядом Василий Голованов виртуально возвращает читателям остров Колгуев, Борис Василевский – Чукотку, а Нонна Юченко – бабу Глашу и Кузякинские страшилки.

Особо важно – восстановление связей с Украиной. В двух номерах – “Диалог культур”: стенограмма русско-украинского Круглого стола, состоявшегося в московском интеллектуальном клубе Свободное слово”. Пришедшие из Украины острые отклики на эту публикацию подтверждают, сколь ухабисты пути единения.

Самый яркий, самый горький из очерковых маршрутов журнала в 1997 году – “Путешествие учительницы на Кавказ” Эльвиры Горюхиной: Абхазия, Карабах, Чечня.

Остается отметить еще несколько принципиально важных публикаций, характерных для желанного “собрать мир заново”. Это “Вехи судьбы” – анкета А.Николаева, в которой с нестандартной стороны высвечены судьбы таких писателей, как Юрий Давыдов, Николай Климонтович, Юрий Буртин, Михаил Гаспаров, Юрий Поляков, Семен Липкин – академики и классики на одной скамье с возмутителями спокойствия. Это рубрика “Литсобытие-96”, объединившая мнения таких экспертов, как Игорь Клев, Владимир Корнилов, Олег Павлов, Станислав Рассадин, Андрей Сергеев... Это – фрагменты из книги Владимира Познера “Прощание с иллюзиями”: автор родился во Франции, вырос в Америке, перебравшись в Россию, стал популярным телеведущим... Резонанс публикации таков, что Познер начинает отвечать через журнал. По ходу ответов рождается его персональная рубрика “Мысли вслух”, отличающаяся живостью общения с читателем. Познер спрашивает сограждан: “Разве так ведут себя свободные люди?” и отвечает: “Не надо разводить руками... За что боролся, на то и напоролся”.

Поэзия реагирует на попытки новой консолидации со свойственной ей непостижимой пронизательностью.

Тимур Кибиров, осеняя себя Пушкиным (Александром Пушкиным, хотя мне всегда казалось, что в Кибирове есть что-то и от другого Пушкина, Василия), следующим образом подхватывает начатую Александром Эбаноидзе песнь единения:

Так люби же то-то, то-то,
избегай, дружок, того-то,
как советовал один
петербургский мещанин,
с кем болтал и кот ученый.
и Чадаев просвещенный,
даже Палкин Николай.

Ты с ним тоже поболтай.

Новелла Матвеева присовокупляет:

В сердцах студеных и в умах горячих

Сегодня вся История, поди,

Слагается из нежностей телячьих.

Дабы ни зги не видеть впереди!

Чтоб положить конец сему процессу,

Пора воздвигнуть памятник Дантесу!

Расул Гамзатов откликается:

Тебя, Россия, на планете,

Нет удивительней страны,
Умеешь видеть в разном цвете
Ты даже собственные сны...
Владимир Корнилов напоминает о тоталитарных временах:
Всякий раз опять, сначала, сызнова,
Под подслушек заунывный свист
Утверждали наше разномыслие,
Что надежней было всех единств...
Семен Липкин поднимает глаза к небу:
День в потемках не заблудится,
Приближается метА,
Все, о чем мечтали, сбудется,
Но разумна ли мечта?
Не окажется ль блаженнее
Жизнь в размахе, на износ,
В неприкаянном кружении
Жалких пиршеств, тайных слез?
Завершает дискуссию Вениамин Блаженный:
Вот я, Господи, - там я и тут,
Где издохли собака и конь...
Пожалей же мою простоту,
Погаси мой вселенский огонь.
1998. "Куда река спешит меж берегов?"

Портфель журнала полон: под напором материала перекашивается традиционная система прозаических жанров.

Романы отступают. Их всего три. Предсмертный роман Фридриха Дюренматта "Ущелье Ввертормашки" (перевод Е.Кацевой), "Однокрылый рояль" Елены Скульской и "Полевые исследования украинского секса" Оксаны Забужко. Не вдаваясь в сравнительные достоинства текстов (лучшим редакции показался "украинский секс", и его приберегли для третьего номера), отмечу нечто общее, осязаемое уже по заглавиям: это общее – "интеллектуальная игра", "выверт" зрения, пропускающего все через призму странности. Реальность как таковая не вызывает энтузиазма. Все решает обаяние стилизации.

Повести российских авторов, большей частью молодых, - мечены тою же тенденцией. Анатолий Кудрявицкий предлагает нам "Калейдоскоп историй, услышанных под клиптомерией". Владислав Егоров предлагает "Записки судебного репортера", который произведен на свет явно не без участия известного гоголевского пасичника. Алла Боссарт – "Записки Зайцева", перемигивающиеся с "Повестями Белкина". Вячеслав Пьецух – "Город Глухов в последние десять лет". Александр Хургин – "Комета Лоренца". Везде – имитация игры на интеллектуальное "понижение". Когда автор говорит: "Предлагаемое вам литпроизведение можно не читать вовсе", - не верьте. Когда говорит: "Вот и вся история – смысла в ней немного, так, баловство одно", - не верьте. Когда говорит: "Оправдательные документы? Нету" – не верьте: сам текст – сплошной оправдательный документ авторской манеры.

В такой же игровой стилистике - повесть "Коржик, или Интимная жизнь без начальства" Евгения Некрасова. Похоже, что в нашей литературе утвердился Некрасов-четвертый (после Николая, Виктора и Всеволода).

Характерно дробление жизненного массива на фрагменты. Антиалкогольный эпос Анатолия Приставкина "Синдром пьяного сердца" - сериал из "встреч на винной дороге". Мемуары Владимира Огнева – "Блики памяти" – фрагменты из книги "Амнистия таланту". В контексте дробящегося мира объяснимы и неопубликованные главы из повести Марка Алданова "Бред" (повесть, кажется, не состоялась), и

“Обломки “Черных камней”, добавленные к известному лагерному роману Анатолия Жигулина, и новеллы из цикла “Возвращение на родину” Юрия Петкевича, и новеллы из книги “Тучки небесные” Юлиу Эдлуса (названного почему-то Эйдлисом).

Ярчайшая публикация года вся составлена из фрагментов: это дневники и рабочие тетради Юрия Трифонова, прокомментированные вдовой писателя Ольгой Трифоновой.

На фоне сквозной “интеллектуальной игры” трифоновские записи подкупают истовой серьезностью и текстов, и вообще отношения к жизни. Проза такого тона почти исчезает со страниц журнала. Назову все-таки: “Случай из практики” Веры Чайковской, “На круги Хазра” Афанасия Мамедова, “В садах старости” Юрия Кувалдина...

А есть еще: Агаси Айвазян, Лейла Беришвили, Ромуалдас Гранаускас... но они приберегаются для третьего номера.

Теперь пройдемся по очеркам и публицистическим работам. По маршруту “Челноков” Александра Коркотадзе (Украина – Румыния – Болгария – Турция). По Якутии – вместе с Сергеем Филатовым и Александром Щипковым. По “маргинальным” обводам России – вместе с Михаилом Рожанским. По таджикским трассам (хочется добавить: под трассирующими пулями) вместе с Борисом Руденко. По эстонским рыбообильным водам – вместе с Юри Тууликом. По арабским пескам – вместе с Лоуренсом Аравийским (фантастика: “классические, выдержавшие десятки изданий в Англии и переведенные на множество языков “Семь столпов мудрости” на русском языке не издавались... – до 1998 года – теперь их печатает “Дружба народов”).

Не менее важны маршруты мысли по культурно-историческим палестинам. В “Темные страницы Книги Велесовой” ведет нас С.Шишов. “Путешествие в Шамбалу” мы совершаем с Юргой Иванаускайте. В “Историю поединков” нас увлекает Владислав Петров, автор исследования “Русская дуэль”. Разумеется, состязание двух лагерников Льва Гумилева и Сергея Снегова в чтении стихов многое говорит об особенностях оставленной нами в прошлом реальности, как и предположение, что “насильственно привнесенное в славянские земли” христианство задавило “естественно сложившиеся таинства языческих культов”, но как пустить эти культы в дело сегодня, не всегда ясно. Сегодня дела решаются в идеологических “дуэлях” иного масштаба. “Татарстанское евразийство”, - озаглавливают свою работу Людмила Воронцова и Сергей Филатов и поясняют, какие берега сходятся в перспективе: “евроислам плюс европравославие”.

А есть еще: Абдижамил Нурпеисов с “Мыслями, навеянными деяниями великих предков”, Анар с “Горечью полыни”, Томас Венцлова с “Опыт исторического оптимиста”... но и это приберегается для третьего номера.

По разделу “Нация и мир” хочется отметить новые очерки Эльвиры Горюхиной (Чечня, Грузия), продолжение русско-украинского диалога (А.Толпыго, В.Малахов, А.Боргардт, С.Осыка), беседы с видными политиками (Рамазан Абдулатипов, Петру Лучинский).

Есть еще Леннарт Мери... но он в третьем номере.

По отделу критики выделяется дискуссия о Димитрии Быкове по статье Алексея Дидурова “Рыцарь страха и упрека” и обсужденные так же после публикации “Годовые кольца” Натальи Ивановой: составленная ею хроника литературных событий 90-х годов немало помогла мне при составлении настоящей хроники – пусть даже и в том смысле, что сняла неуверенность. Ибо было с чем спорить.

Ты меня наставила толково,

Чтоб не опасался неудач...

Впрочем, это о другом. Это Владимир Корнилов благодарит вольную русскую поэзию.

Николай Беляев:

Обняться пора нам, ибо

Мы дети одних колен.

Ты по-арабски ибн,

Я по-еврейски - бен.

*Владимир Ильицкий:
Азиопа? Евразия? Гунны? Рим?
У прилива-отлива один ритм.
Мы в загоне одном, лишь в своих углах,
Где – что наш Генеральный,
Что ваш Аллах.*

*Инна Лиснянская:
Меж разборок и тусовок
Зубы поплотнее стисни
Да бочком пройди,
Да стишок в тетрадку тисни.
Ничего помимо жизни
Нету впереди.*

*Леонс Бриедис... но его побережем для третьего номера.
Но что же это за третий номер такой магический, для которого поберегается все
самое дорогое?*

*А это – уникальный шанс, предоставленный журналу “Дружба народов” судьбой в лице
Фонда Сороса: возможность сотворить что-то особенное, с примечательной
сверхзадачей, с запоминающимся обликом.*

В воздухе повеяло словом “грант” и цифрой с нулями.

Мы подумали, подали заявку и... получили “добро”.

*Уникальность, особенность, неповторимость замысла была в том, чтобы выпустить
номер “Дружбы народов” в традициях дружбы народов. Без кавычек. Как если бы не
рухнули стены и не расступились берега. Как если бы не издевались над этим понятием
целое десятилетие радикалы-зубоскалы всех возможных разборок и тусовок. Как если бы
не был за это десятилетие растрясен мир.*

*Разумеется, мы не хотели идиллии, да наши старые авторы и не потерпели бы ее.
Приглашенные (разысканные) литераторы, большей частью из бывших союзных
республик (ныне независимых государств), не стеснялись в эмоциях и выражениях. Иван
Дзюба дал понять: трагедия Украины в том, что Господь-Бог воздвиг Карпаты не с той
стороны. (Впрочем, Крым он прилепил к берегу как раз там, где надо?). Сергей Морейно
переименовал Русь в Тартарию. (Впрочем, после Лисичкина и “Советской Орды” это нас
не убило). Денис Драгунский заметил, что Россия не имеет высшего замысла. (Впрочем,
кто его имеет? Германия? Америка? Израиль? История делается методом проб и
ошибок).*

*И все-таки это был для нас праздник – выход в марте 1998 года третьего номера
“Дружбы народов”, полного ярких имен и яростных голосов. Егор Некляев, Шота
Нишинианидзе, Армен Шекоян, Ромуальдас Гранаускас, Эльчин, Инна Кабыш, Леонид
Дранько-Майсюк...*

*Леонс Бриедис:
Немым придешь, взберешься вверх по тропке,
пока в губах не вспыхнут сотни слов,
но никогда ты не промолвишь громко,
куда река спешит меж берегов.*

*На этом умолкаю и я, завершая Хронику десятилетия, в ходе которого журнал “Дружба
народов” из пятидесятилетнего стал шестидесятилетним.*

*Остается надежда, что еще через десять лет будет кому такую Хронику продолжить.
И для кого*

Иностранная литература

«Иностранная литература» – единственный в России журнал, который знакомит читателя с новинками зарубежной литературы. В журнале публикуются наиболее значительные произведения современной мировой литературы в переводах лучших отечественных переводчиков. Зарубежная проза и поэзия, очерки и эссе, статьи и интервью, лауреаты Нобелевской, Букеровской, Гонкуровской премий и восходящие звезды – все это на русском языке впервые.

Еще в 1891 году в столице Российской империи Санкт-Петербурге был основан «Вестник иностранной литературы», который свой дебютный номер открыл обращением к читающей публике: "Наши журнал поставил себе задачей давать своим читателям, в художественном по возможности переводе, все выдающееся, что появляется в литературе Запада..."

До 1943 года журнал выходил под названиями «Литература мировой революции», «Интернациональная литература», а с 1955 года неизменно выходит под сегодняшним своим именем «Иностранная литература».

На даче или на антресолях – практически в каждой советской читающей семье раньше лежали перевязанные любовно пачки журнала «Иностранная литература», который открыл для надежно спрятавшихся за железным занавесом мечтателей Сэмюэла Беккета, Уильяма Голдинга, Джона Апдайка, Джерома Д. Сэлинджера, Кэндзабуро Оэ, Теннесси Уильямса, Жана-Поля Сартра, Франца Кафку, Ивлина Во, Умберто Эко, Хулио Кортасара, Милорада Павича и многих, многих других. Журнал знакомил советских читателей, не мечтавших никогда увидеть своими глазами Нью-Йорк и Париж, с заграничной жизнью, в которой даже человеческие горести и трагедии казались неизъяснимо притягательными и безумно романтическими. Иосиф Бродский назвал когда-то «Иностранку» «окном в Европу, Америку, Азию, Африку и вообще во все полушария».

В настоящее время, перестав быть единственным источником информации об иностранной литературе, журнал продолжает исполнять роль профессионального экспертного издания, неизменно сохраняя высокое качество переводов и редактуры. Зарубежная проза и поэзия, очерки и эссе, документальная проза, письма и мемуары, статьи и интервью, лауреаты Нобелевской, Букеровской, Гонкуровской премий и восходящие звезды - все это на русском языке впервые, в переводах лучших отечественных переводчиков. Девизом журнала по-прежнему остается «Узнай завтрашних классиков!»

Литературная газета

В XX веке издание "Литературной газеты" при поддержке М. Горького было возобновлено 22 апреля 1929 года, сначала как органа Федерации объединений советских

писателей, а после I-го Всесоюзного съезда советских писателей (1934) как органа правления СП СССР.

Советская "Литературная газета" ставила своей задачей "...проводить в области художественной литературы принцип свободного соревнования различных группировок и течений".

В 1947 году "ЛГ" из чисто литературной была преобразована в литературную и общественно-политическую газету. С 1 января 1967 года по инициативе А.Б. Чаковского она выходит на 16 страницах - первая в стране "толстая" газета. "ЛГ" не только приобрела новый облик, но и стала значительным явлением общественной жизни, одним из самых авторитетных и влиятельных изданий. Тогда это был новый для отечественной журналистики тип газеты, охватывающей широкий диапазон тем от литературы и искусства до внутренней и международной политики. На её страницах публиковались все самые крупные писатели России и других республик СССР, многие выдающиеся зарубежные писатели. Она демонстрировала беспрецедентные для советской прессы смелость, свободу, раскованность, либерализм. "ЛГ" стала одним из немногих печатных органов, которые проложили дорогу радикальным преобразованиям, произошедшим в стране, подготовили к ним общественное мнение и наметили пути развития новой российской журналистики. В условиях цензуры и отсутствия свободы слова "Литературная газета" была "глотком свежего воздуха" для читателей, которые находили на её страницах острую постановку проблем, дискуссионность, представление различных, подчас противоположных, точек зрения. Всё это (включая знаменитые рубрики "ЛГ" от "Судебного очерка" до "Если бы директором был я...") обеспечило "Литературной газете" колоссальную популярность в течение двух десятилетий, сделало её властителем дум нескольких поколений. Успех газеты в этот период лучше всего характеризует рост её тиража: накануне 1990 года он превысил 6 млн. экземпляров. При этом заметная часть тиража распространялась и распространяется сейчас среди зарубежных читателей. "ЛГ" читают по всей России, в странах СНГ, в дальнем зарубежье на всех континентах земного шара. Тысячи людей, живущих вдалеке от России, но стремящихся сохранить с ней духовную и культурную связь, выписывают или покупают в розницу "Литературную газету".

13 января (1 января по старому стилю) 1830 года в свет вышел первый номер старейшего российского периодического издания "Литературная газета".

13 января (1 января по старому стилю) 1830 года в свет вышел первый номер старейшего российского периодического издания "Литературная газета" ("ЛГ").

Газета была основана поэтом Антоном Дельвигом при участии Александра Пушкина и Петра Вяземского. Газета выходила один раз в пять дней, ее первым редактором был Антон Дельвиг. Как утверждают специалисты, первые двенадцать номеров, в связи с отсутствием Дельвига, редактировал Александр Пушкин.

Разрешение на издание газеты было получено при условии отказа от публикации политических статей. Однако в критических статьях, рецензиях и полемических заметках газета затрагивала вопросы политики. Она вела полемику с газетами "Северная пчела" и "Московский телеграф", снискав себе репутацию оппозиционного издания. В газете печатались произведения Пушкина, Баратынского, Кольцова, Кюхельбекера.

В августе 1830 года Дельвиг получил два выговора за публикацию материалов, связанных с французской революцией, ему было запрещено редактировать газету. Новым редактором стал Орест Сомов.

В "Литературной газете" Александр Сергеевич Пушкин опубликовал главу из "Путешествия в Арзрум" и "Арапа Петра Великого", отрывок из восьмой главы "Евгения Онегина" и некоторые свои стихотворения. В отделе прозы впервые выступил в печати

Николай Гоголь, опубликовав два отрывка из повести "Страшный кабан". В газете печатались Баратынский, Белинский, Кольцов, Некрасов.

Газета выходила до 30 июня 1831 года. В 1840 году выпуск газеты был возобновлен и продолжался до 1849 года.

Новая "Литературная газета" была образована из "Литературных прибавлений к "Русскому инвалиду" (1831–1839) и не имела с пушкинским изданием ничего общего. Издание представляло собой серенькие тетрадки, состоящие главным образом из переводных материалов. Газета имела подзаголовок "Вестник науки, искусств, литературы, новостей, театров и мод", выходила сначала 2-3 раза в неделю, а затем еженедельно. Большую часть времени газету редактировал известный издатель Андрей Краевский.

Издание "Литературной газеты" было возобновлено только в XX веке.

22 апреля 1929 года, при активном участии писателя Ивана Катаева и при поддержке Максима Горького вышел первый номер новой

"Литературной газеты" и с этой даты ведется отсчет регулярного выпуска газеты.

В 1929–1932 годах она издавалась как орган Федерации объединений советских писателей, в 1932–1934 годах газета стала органом Оргкомитетов Союза советских писателей СССР и РСФСР, после 1-го Всесоюзного съезда советских писателей (1934) – органом Правления СП СССР.

С января 1942 года в результате объединения с газетой "Советское искусство" "ЛГ" издавалась под названием "Литература и искусство", ее редактором с 1942 по 1944 год был Александр Фадеев.

С ноября 1944 года газете было возвращено прежнее название.

С 1944 по 1946 год главным редактором газеты был Александр Сурков, с 1946 по 1950 год – Владимир Ермилов. В 1947 году "ЛГ" была преобразована в литературную и общественно-политическую газету. Периодичность и объем ее менялись. Менялись и главные редактора газеты: Константин Симонов (1950–1953), Борис Рюриков (1953–1955), Всеволод Кочетов (1955–1959), Сергей Смирнов (1959–1960), Валерий Косолапов (1960–1962).

С 1 января 1967 года по инициативе главного редактора "Литературной газеты" Александра Чаковского (возглавлял издание с 1962 по 1988 год) газета приобрела новый облик и стала выходить один раз в неделю (по средам) на 16 страницах, став первой в стране "толстой" газетой. В ее логотипе появились профили Пушкина и Горького.

Газета не только приобрела новый облик, но и стала значительным явлением общественной жизни, одним из самых авторитетных и влиятельных изданий. На ее страницах публиковались все самые крупные писатели России и других республик бывшего СССР, многие выдающиеся зарубежные писатели.

Особую популярность приобрел отдел юмора "Клуб 12 стульев", которым руководили Виктор Веселовский и Илья Суслов. В 1971 году газета была награждена высшей советской правительственной наградой – орденом Ленина, а в 1979 году – орденом Дружбы народов.

В 1989–1990 годах главным редактором газеты был Юрий Воронов.

В 1990 году "Литературная газета" в числе первых стала независимым изданием, учрежденным коллективом газеты в соответствии с новым законом "О печати". С логотипа газеты исчез профиль Горького, и редакция стала считать годом основания газеты 1830 год.

В 1990 году газету на год возглавил Федор Бурлацкий, его в 1991 году сменил Аркадий Удальцов (1991–1998).

В 1997 году редакция "ЛГ" была преобразована в ЗАО "Издательский дом "Литературная газета". В настоящее время учредителем и издателем "ЛГ" является открытое акционерное общество (ОАО) "Издательский дом "Литературная газета".

С 1998 по 1999 год главным редактором газеты был Николай. Боднарук, с 1999 по 2001 год – Лев Гуцин.

19 апреля 2001 года главным редактором был назначен писатель Юрий Поляков.

В 2004 году на логотип газеты был возвращен профиль Максима Горького.

Борис ДАНИЛОВ. БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

Как это ни смешно, но Российский Императорский Дом всё ещё существует. Правда, он совсем обветшал, царевичи и царевны давно разбрелись по свету, имена великих князей украшают вывески модных ресторанов, кое-кто из августейших особ перешёл даже в пролетарии, сменив гордого российского орла на скромную бляху парижского таксиста - но Дом есть!

Во главе августейшего Двора стоит Великий князь Владимир Кириллович Романов. Прямой отпрыск никогда не царствовавшего царя Кирилла. Седьмая вода на киселе бывшему российскому монарху. А также кум бывшему прусскому королю и сват его первому министру.

Его Высочество Седьмая Вода никогда не видал России, по-русски говорит на французский лад и постоянно проживает в Мадриде, на улице Веласкес, девяносто два, в глухом, угрюмом особняке с домашней церковью и... походной канцелярией. Много лет назад, когда сей отпрыск династии впервые ступил на испанскую землю, каудильо встретил его с распростёртыми объятиями. В знак особой благосклонности он даже разрешил украсить фасад угрюмого особняка российским императорским флагом и повелел своим гвардейцам церемониально вышагивать у парадного подъезда. В обоснование своих державных притязаний Владимир выставил у себя в красном углу под образами для всеобщего обозрения пузатый самовар и повесил на видном месте звонкую русскую балалайку.

- Не было никогда России без царя-отца, - провозгласил при этом он, - и быть не может!

Его Высочество даже дал по этому поводу августейшее интервью.

- Неужели, - не скрывая издёвки, спросил его корреспондент одной английской газеты, - вы всё ещё надеетесь возвратиться на престол?

- Я не исключаю такой возможности, - ответил Владимир. Основав самоварно-балалаечное царство, Его Высочество Седьмая Вода не стал сидеть сложа августейшие руки. Он привёл в боевую готовность свою походную канцелярию и принялся строчить всемилостивейшие рескрипты и высочайшие повеления. Однако ни рескрипты, ни повеления не помогли. Дела в самоварно-балалаечном царстве шли из рук вон плохо. А императорские Армия и Флот, которые в составе дюжины траченных молью генералов стояли походным бивуаком на разных континентах, таяли прямо на глазах.

- Гусары из американского военного округа с прискорбием извещают Ваше Высочество, - докладывал Владимиру начальник походной канцелярии, - о кончине верного слуги Царя и Отечества полковника Седьмого Альвеопольского полка, последовавшей 23 апреля сего года в городе Ири, Пенсильвания. И это означало, что у Его Императорского Высочества нет больше сухопутных войск... - Округ императорских Армии и Флота в Австралии, - с тем же скорбным видом докладывал в следующий раз начальник походной канцелярии, - извещает о том, что почил в бозе георгиевский кавалер, капитан 2-го ранга и верный слуга Вашего Высочества.

И это означало, что у Его Высочества нет больше военно-морских сил... Дела шли всё хуже. Украшавший фасад угрюмого особняка императорский флаг пришлось незаметно снять. Вслед за флагом исчезли и бравые испанские гвардейцы.

Так с тех пор глухой, угрюмый особняк и стоит в центре Мадрида, как огромный саркофаг, в котором покоятся живые мощи самодержавия.

И вот недавно в саркофаге вдруг наступило оживление. Он был ярко освещен изнутри и иллиuminирован снаружи. Поводом для этого послужил всеподданнейший доклад всепреданнейшего начальника походной канцелярии ротмистра Вуича. Он явился в этот день в августейшие покои в парадном, николаевских времён мундире, распространяя вокруг запах нафталина.

Привыкший к тому, что начальник канцелярии всегда приносит лишь печальные известия, Владимир придал своему лицу выражение скорби. Судя по парадному облику ротмистра, речь шла, по меньшей мере, о ком-нибудь из членов императорской фамилии.

- Ну, кто там ещё? - спросил Владимир.

- Господин Солженицын... Ваше Высочество... - ответил начальник канцелярии.

- Кто-кто?! - вскинул брови Владимир.

- Ваше Императорское Высочество, - продолжал Вуич, - на Запад прибыл господин Солженицын.

- Ну и что?

- Господин Солженицын, - со значением сказал начальник канцелярии, - знаменитый писатель и полный нобелевский кавалер! Он убежденный сторонник авторитарной власти и воинствующий подвижник православия на Руси! Владимира это известие приятно взволновало. Его Высочество даже усомнился. Как? Солженицын - ревнитель православия и убежденный монархист? Значит - слуга престола?! Значит - поборник самовластия?!

И новый верноподданный не замедлил это подтвердить. Едва прибыв на Запад, он не стал церемониться и первым делом заявил, что "свободный мир" зажил и не может противостоять коммунизму.

- О, да ведь Солженицын - правее самого Барри Голдуотера! - воскликнул президент Соединенных Штатов, в то время Ричард Никсон.
- Нет, господин президент, - возразил государственный секретарь Генри Киссинджер, - он правее самих царей!

Однако Александр Исаевич с присущей ему непринужденностью показал и президенту, и государственному секретарю язык, нравоучительно заявив:

- Большой писатель в стране - это то же самое, что правительство. Вслед за тем Александр Исаевич занялся судьбами России.

- Тысячу лет Россия жила с авторитарным строем и к началу двадцатого века ещё весьма сохраняла и физическое, и духовное здоровье народа... - заявил он. - Так, может быть, признать, что для России иной путь или ложен, или преждевременен? Может быть, на обозримое будущее, хотим мы этого или не хотим, России всё равно суждён авторитарный строй? Может быть, только к нему она и созрела... Да, Александр Исаевич трубно, на весь мир провозглашает здравицы августейшему самовластию. Охваченный верноподданическим рвением, он уже блаженно живописует облик городов будущей монархической России.

А где же городской? С начищенными пуговицами, в хромовых сапогах и белой фуражке, с шашкой... Зимой в тёплой шинели, весной и летом в белой рубахе и всегда со свистком на шее - приятнейший звук для человеческого уха! Городской будет! Само собой.

И при этом Александр Исаевич - ни больше, ни меньше, - выступает от имени всех народов, живущих на одной шестой части земли!

И тут сам собой возникает вопрос: а на кой она нам, эта монархия? Да, но, может быть, у Александра Исаевича свой резон? Ну что ж, давайте на мгновение представим себе. Итак:

...Сорок сороков церквей, в воздухе плывет малиновый перезвон, иереи в золотых ризах машут кадилами - и вот верхом на белом коне въезжает царь! На голове у него

корона, в одной руке скипетр, в другой - держава. За Их Величеством - Их Высочества, Их Сиятельства, Их Превосходительства. Генералы, адмиралы и генерал-губернаторы. Курские, орловские и тамбовские помещики. Тайные и статские советники. А за ними - прочий чиновный люд.

И вот все занимают свои прежние места и начинается восстановление верноподданных в их имущественных правах.

Кто-то из чиновников выходит вперед и зычно вызывает:

- Русский землевладелец, граф Шереметьев! Или его наследники!..
- Русский землевладелец, господин Родзянко! Или его наследники!..
- Русский помещик, господин Солженицын Семён Ефимович! Или...

- Я, - попешно откликается Александр Исаевич и выходит вперед. Да, самого землевладельца, родного деда наследника, Семёна Ефимовича Солженицына, который вёл крупную торговлю, имел две тысячи гектаров земли, около двадцати тысяч голов овец, многотысячные стада крупного рогатого скота, собственные мельницы и зернохранилища и прочее движимое и недвижимое имущество, давно нет. Известный своей жестокостью и бессердечием, Семён Солженицын, недобрая память о котором жива по сей день, бежал из родных мест сразу же после революции и с тех пор канул в небытие.

Нет и Исаия Солженицына, отца наследника. Преуспевающий царский офицер, он не перенёс крушения монархии, не примирился с потерей состояния и сам в 1918 году свёл счёты с жизнью. И выходит, что Александр Исаевич - единственный. ...И вот он подходит к столу, ставит свою размашистую подпись и получает скреплённую двуглавым орлом высочайшую бумагу на всё дедовское имущество.

- Крупный землевладелец юга России! - вызывает чиновник следующего. - Помещик Карпушин! Или...

- Я, - отзывается Александр Исаевич и опять выходит вперед.

- А какое вы имеете отношение, - вопрошает чиновник, - к господину Карпушину?

- К господину Карпушину, - говорит Александр Исаевич, - никакого. А вот что касается его достопочтенной супруги, Марии Захаровны, то она доводится мне тётей по матушке.

Помещик Карпушин, которому когда-то принадлежали пятнадцать тысяч гектаров земли в Ставрополе, тоже бежал в 1917 году и тоже навсегда канул. И поскольку у помещика Карпушина других наследников нет, то Александр Исаевич вновь подходит к столу и получает ещё одну высочайшую бумагу.

А чиновник тем временем вызывает следующего.

- Помещик Захар Фёдорович Щербак! Или...

- А это, - вновь выступает вперед Александр Исаевич, - тоже мой дедушка. Только уже не со стороны отца, а со стороны матери. Он имел большое поместье в районе станицы Кубанской.

- Правильно, - говорит чиновник, - получите!

Итак, две тысячи гектаров от деда Семёна, большое поместье от деда Захара, пятнадцать тысяч гектаров от тётки Марии да ещё мельницы, зернохранилища, маслобойня, собственная торговля, скот, банковские счета.

А пока Александр Исаевич сверяет документы, чиновник выкладывает на стол какие-то сомнительные предметы... Тонкую верёвку-удавку, тяжёлый кистень и крепкий, не однажды бывший в употреблении кляп... Александр Исаевич багровеет, тяжело сопит и отводит в сторону глаза. Но наследство есть наследство. От него не отвертеться. Нехитрые предметы разбойного обихода принадлежали родному брату отца Александра Исаевича. Дядя был "тружеником больших дорог". Тёмной ночью выходил он на промысел, поджидал запоздалых путников и принуждал с помощью кистеня и удавки раскошелиться... И тут уж, как говорится, из песни слова не выкинешь. Что было, то было!

...Горячность, с которой внук помещика, сын царского офицера и племянник "труженика больших дорог" отстаивает самовластие, вызвала среди обитателей мадридского саркофага радостный шумок. Но радость была недолгой. Дело в том, что, хотя верный слуга престола и выступает как поборник самовластия, на первую роль он прочит отнюдь не самоварное Высочество, а совсем иное лицо. - Большой писатель в стране, - снова и снова намекает он, - то же самое, что правительство!

Но, кроме славы земной, правительство в лице одной особы претендует ещё и на славу небесную.

- То и веселит меня, то и утверждает, что не я всё задумываю и провожу, - вещает новоявленный мессия, - что я только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить её и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!

Вот он, оказывается, кто - Александр Исаевич!

Взбравшись на вселенскую паперть, весельчак и утвердитель без устали кликушествует.

Он везде выставляет напоказ своё христианское благочестие: бьёт земные поклоны, истово крестится перед трапезой и на сон грядущий, шлёт великопостные письма владыкам и, принадлежа душой черносотенному союзу Михаила Архангела, заигрывает с сионистами.

...то, что российским императорский дом всё ещё существует, - это смешно. Но даже Его Высочество, наверное, уже не помышляет о шапке Мономаха. Собрав кое-какую наличность, он, как утверждают, открыл императорскую таксомоторную контору. Августейшее такси пользуется будто бы спросом. Ещё бы! Кому не интересно прокатиться в экипаже, где на козлах вместо кучера восседает чуть ли не сам царь! И вдруг, на тебе, появляется ещё одна суматошная и комичная фигурка самовластца! На Запад Александр Исаевич прибыл в сияющем нимбе героя и в терновом венце великомученика. Гордое чело героя украшал глубокий шрам, полученный когда-то в школьной драке: теперь сей шрам фигурирует как печать перенесённых страданий. Путь великомученика был озарён вспышками блицев и сопровождался грохотом репортёрских барабанов. Не успев даже как следует оглядеться, он уже полез на вселенскую паперть и устроил скандальный стриптиз.

Солженицын вблизи оказался куда менее привлекательным, чем Солженицын издалека. Король был гол!

И вот уже гаснут блицы, репортёрские барабаны бьют отбой. Как пишет один американский еженедельник, "Запад смущён и разочарован тем, что один из его ведущих идеологических героев на деле оказался дураком-святошей".

Другое американское издание высказалось лаконичней: "Умственно не стабилен!" В русской же речи существует на этот счёт более простое и ёмкое определение:

- Да ведь без царя в голове человек!.."¹⁵¹

Виктория Пешкова Без царя в голове. Первая полоса. АРТОБСТРЕЛ

«Я пришёл»... «Авария»... и сорок четыре «Волшебных ореха»

«ЛГ» начинает цикл статей, в которых планирует подвергнуть анализу сегодняшнее состояние тех столичных театров, где относительно недавно сменилось творческое руководство. Первым под наш «артобстрел» попал Драматический театр им. К.С. Станиславского

Александр Галибин, популярный киноартист – из его сравнительно недавних экранных работ по понятным причинам обратили на себя внимание император Николай II в фильме Г. Панфилова и телесериальный булгаковский Мастер, – некогда занявшийся параллельно театральной режиссурой и даже возглавлявший одно время Александринку и именитый новосибирский «Глобус», перед началом нынешнего сезона был приглашён из Санкт-Петербурга на пост худрука столичного Драматического театра им. К.С. Станиславского. Почти сразу последовали заявления: не то чтобы громкие, но вместе с тем не оставляющие сомнений в том, что специалист, подписавший двухлетний контракт с Комитетом по культуре Москвы, настроен весьма решительно, бодро и возрождение – не за горами.

А положение вещей, сложившееся здесь – в почтенном, овеянном былой славой и великим именем сценическом здании, – нужно сказать, и впрямь настоятельно требовало оперативного вмешательства, причём дающего максимальный эффект. В последние 20 лет театр на Тверской улице, называя вещи своими именами, загибался неуклонно и по нарастающей. Процесс проистекал, невзирая ни на какие попытки административно-творческих реформ, – режиссёрские фамилии на афишах сменяли одна другую, порой самым радикальным образом, а художественная жизнь всё более и более истончалась, покрывалась болотной ряской, впадала в анабиоз. И Галибин отважно не стал брать тайм-аут для рекогносцировки на местности, как это в аналогичной ситуации принято у большинства его коллег, волею судеб оказывающихся у кормила иных столичных трупп, а сразу же пошёл в лихую безоглядную атаку. И полугодом не минуло с момента его назначения, а в Театре Станиславского вышли уже три премьеры, причём появлялись они начиная с конца ноября с завидной регулярностью, в буквальном смысле слова одна за другой. По нынешним временам для Москвы сценической – не просто рекорд, а прямо-таки сверхдостижение.

Вероятно, не простой спортивный азарт заставил нового худрука ввязаться в дело, руководствуясь знаменитым наполеоновским принципом: главное – начать, а там видно будет. Понять такую тактику, конечно, можно, но вот была ли она оправдана при имеющихся внутренних резервах театра – вопрос существенный. Всё же на театре быстрота и натиск отнюдь не являются главенствующими факторами успеха. Сравнимыми, скажем, со снайперской точностью выбора пьесы. Или со стратегическими задачами в области постановочной кадровой политики.

Постановщиком первой премьеры сезона на установочном сборе труппы был заявлен Григорий Катаев (выбранный, видимо, вследствие известной родственности их с худруком творческой судьбы – здесь тоже человек и режиссёром, и артистом успел потрудиться, и в театре, и в кино, и на телевидении свой след оставил). Но что-то не сложилось, в результате чего Александр Галибин сам доводил работу до выпуска и официально закрепил это обстоятельство своей фамилией на афише. Благодаря чему название спектакля «Я пришёл», в первоначальном «раскладе» выступавшее своего рода элегантно намёком, не лишённого некоей спасительной самоиронии, после режиссёрской рокировки обрело все признаки тяжеловесного и слишком ко многому обязывающего «символа».

Но главная беда спектакля не в этом. В пресс-релизе целый абзац был посвящён наградам, которые «загробная» пьеса белорусского драматурга Николая Халезина получила на всевозможных фестивалях и конкурсах, причём один из призов был вручён ей как... «самой жизнеутверждающей». Но, хоть убейте, не пойму я, чем она так привлекла Александра Галибина, человека с немалым творческим опытом. Что он такого исключительного нашёл в банальной до сведения скул, отчаянно вялой истории о человеке, который, придя в мир, постарался по максимуму испортить жизнь своим близким, несмотря на все прописные истины, преподанные ему перед рождением терпеливым Ангелом? Правда, одно соображение на сей счёт возникает. Халезин известен у себя на родине не только как театральный деятель, но в качестве убеждённого

оппозиционера и рьяного антилукашенковца. Но если худрук в своём хочешь не хочешь «программном» шаге руководствовался именно этими внеэстетическими соображениями, то он, несомненно, несколько ошибся дверью. С таким р-р-революционным запалом ему нужно было идти не в Театр Станиславского, а в расположенные чуть неподалёку от него «рассерженные молодые» Театр. Дос и театр «Практика». Хотя, впрочем, с ней, возможно, и там бы не приняли, поскольку в пьесе нет не только ничего оппозиционного, но и вообще по большому счёту мало что есть.

Ироническая притча (какая ж притча да без ангела) разбита на семь «фантазий». Некий Александр (Константин Богданов), капризничая, как юный инфант, с упоением предъявляет претензии окружающим. Матери – за недоданную любовь, которую та якобы растратила на другого мужчину, хотя из семьи и не ушла. Жене – за нечуткость к страданиям его ранимой души. Отцу, Дочери, Другу... Фантазии же, первая и последняя соответственно до рождения и после смерти, отданы нравоучительным беседам с Ангелом (Светлана Зельбет).

Все сюжеты – без начала и конца. Никаких выводов. Только констатация. Из-за этого, возможно, актёры и тянут одеяло каждый на себя, стараясь оправдать своих персонажей в глазах зрителя. А что одеяло получается лоскутным (как хаотично сменяющие друг друга «примитивистские» картинки на экране, занимающем весь задник, сценография Аси Давыдовой), вроде уже и не так важно.

О том, чего герой сам окружающим недодал (тепла, любви, ласки, уважения – нужное подчеркнуть), – ни слова. И что самое забавное, он там, в загробном мире пребываячи, весело сообщает зрителям, что ему жить очень даже понравилось. В общем, пришёл человек на землю, потоптался-потоптался по чужим жизням и ушёл. А зачем приходил, так, похоже, и не понял. Равно как и все, по-моему, присутствующие в зрительном зале.

Первому блину извинительно выйти комом. Но второй выстрел в этом случае просто обязан быть «в яблочко». Тем более что многие «составляющие» его на то вроде бы намекали. Во-первых, с самого начала ставил спектакль сам Галибин. Во-вторых, пьеса ни много ни мало Фридриха Дюрренматта (правда, название у неё в данном контексте, стоит признать, тоже весьма неоднозначное – «Авария»). Наконец, в-третьих, этой работой театр осваивал новое для себя камерное сценическое пространство.

Малая, она же экспериментальная, сцена на 80 мест была переоборудована из бывшего декорационного цеха во флигеле, затаившемся в глубине двора. На покосившихся дверях вполне различима надпись – «Посторонним вход воспрещён», а замызганная лестница, кажется, может вести куда угодно, но только не в свежепокрашенно-побелённый театральный зал, в котором ещё не выветрился запах краски. Когда-то здесь размещалась студия при театре. Дипломов там не выдавали, но играть учили на совесть. И кого – Чурикову, Леонова, Буркова, Урбанского... Где как не здесь утверждать верность традициям и доказывать высокую степень профессиональных притязаний сегодняшних поколений станиславцев.

...Добропорядочный преуспевающий коммерсант герр Трапс (колоритный артист Лера Горин) терпит аварию и, сдав машину в ремонт, ищет ночлега. И находит. Вот только приютившая его вилла какая-то «нехорошая»: тёплая и обаятельная компания бывших судейских – Адвокат, Прокурор и Судья (здесь нам явлен «золотой запас» театра, его «старая гвардия» в лице Владимира Коренева, Марка Гейхмана, Юрия Дуванова), – чем-то смахивающая на свиту мессира Воланда, коротает вечера за невинной игрой в... судебный процесс. Такой себе частный суд для каждого желающего: был бы подсудимый, а вина найдётся.

На материале этой посткафкианской интеллектуальной драмы вполне можно было бы выстроить действие одновременно психологически глубокое и интригующее, по-настоящему остроумное и страшноватое не на шутку. Однако, видимо, не в том случае, когда для публики всё начинается как игра. Милая игра в... кукольный театр: над ширмой,

сшитой из цветастых простыней, разыгрывается пролог – злополучная авария (ровно так же в конце разыграют и фальш-финал – отъезд счастливого коммивояжера на отремонтированном авто). Но в таком игрушечном обрамлении не вполне понятным становится, чего нам, собственно, переживать по поводу бедного без вины виноватого Трапса, осуждённого за убийство. И с какой это стати нам, зрителям, нужно ассоциировать себя с молчаливо согласным большинством публики в зале суда, к которой за счёт не самого оригинального из режиссёрских приёмов будут обращать свои виртуозно составленные речи Адвокат и Прокурор. И гильотина в подвале виллы, и палач – это всё, выходит, раёк, петрушкин балаган, истекание клюквенным соком?.. Галибин пугает, а мне не страшно. Тем более что он не очень-то и пугает.

Фантазмагорическая сценография и лохмотьеобразные костюмы молодой художницы Елизаветы Дзуцевой, ученицы Дмитрия Крымова, прекрасно поддерживают эдакую пряную кабаретность актёрской игры. И вообще вполне себе добротный, симпатично сделанный спектакль. Без особого смысла, но зато коротко и не уныло. Другое дело, что к таким вот мило необязательным тыловым маневрам разумным представляется прибегать, когда на основном фронте всё в порядке и под контролем. На генеральное сражение «Авария» никак не тянет. Разве что на разведку боем, тем более что задумывался спектакль в качестве первой части дилогии «Играем Дюрренматта». Часть вторая – пьеса «Метеор» на основной сцене и в постановке Михаила Козакова – должна была увидеть свет рампы уже в конце января, но тут карты театру спутал кризис. Может, и к счастью: театру, взявшему с места в карьер слишком резвый старт, кажется, самое время слегка «остановиться, оглянуться», а его худруку нелишне, наверное, будет вспомнить о другой известной афористической формуле – «лучше меньше, да лучше», хотя и играл он в кино не её автора, а напротив, его главного политического оппонента...

Ну а появления «Метеора» в любом случае придётся подождать.

Довольствуюсь пока созерцанием светил расчисленных – третья и последняя премьера 2008-го стала, как и следовало ожидать, новогодней. Истории более благодатной, чем «Щелкунчик», для этого, пожалуй, и не сыскать. И всё бы хорошо, но создателей «Волшебного ореха» (авторы инсценировки В. Игнатюк и Т. Ибрагимов, режиссёр Рамис Ибрагимов), по всей вероятности, подвело стремление угодить, что называется, сколь можно более широкой потенциальной аудитории. А в театре драматическом универсальный продукт, особенно для юного зрителя, создать, как правило, не удаётся: слишком существенны психологические барьеры между детьми разных возрастов.

Для малышей в этом спектакле мало волшебства, но зато в переизбытке света и звука, да и вокальные партии героев положены на музыку отнюдь не для пятилетних слушателей. Вот исполнитель роли папы Фрица и Мари поёт (не имея при этом ни слуха, ни голоса) своим деткам рождественскую песенку-поздравление под рондо Фигаро из оперы Моцарта, вот Мышильда вещает что-то о смерти и тьме под знаменитую музыку танца из «Ромео и Джульетты» Прокофьева, а Мари напевает Щелкунчику колыбельную на популярный мотив из «Порги и Бесс» Гершвина. Плюс к этому маловразумительный рэп невесты откуда взявшейся парочки паучков. Для тех, кто постарше, лет этак 11–13, а такие в зале тоже были в немалом количестве – напротив – рэп, свет и звук были явно по кайфу, а вот зато герой с героиней оказались слишком уж бесполоыми, что в самых патетических моментах вызывало соответствующие, достаточно циничные реплики.

Взрослых же (на время действия зачем-то разлучаемых со своими отпрысками, что привносило в зрительный зал немалую ноту драматизма, так недостающего подмосткам) больше всего огорчает чехарда с сюжетом. Для чего нужно было уродовать знаменитую сказку? Зачем вводить посторонних персонажей вроде Кота в сапогах или Феи крёстной из «Золушки», если они равным счётом ничего существенного в развитие сюжета не вносят? Зачем прятать саблю Щелкунчика у пауков и добывать его ценой разгадывания примитивных загадок, которые не поставят в тупик и пятилетнего ребёнка?

Единственным достоинством спектакля является весьма приличная и по задумке, и по исполнению хореография Владимира Игнатюка. Но её, правда, с успехом «компенсирует» убогая сценография, не способная произвести впечатление даже на совсем неизбалованного зрителя. Таковых в общем объёме уже прошедшей через «Волшебный орех» публики, видимо, немало: в дни школьных каникул сказку играли по три раза на день, почти ежедневно. Руководство театра понять можно: нужно зарабатывать, изыскивать внутренние резервы для новых шумных проектов. Но не за счёт же праздника для детей! И не за счёт профессиональной профанации. Скажите на милость, как актёры это могут выдержать и не скатиться в штамп и чистую механику даже при том, что на многие роли предусмотрено два состава исполнителей, и вся история втиснута в час с минутами? Так что ещё один абсолютный столичный рекорд театра п/р Александра Галибина – 44 заглоченных публикой «Ореха» за время зимних школьных каникул – слишком явственно отдаёт малоаппетитным термином «халтура».

На «галибинском» этапе в истории Театра им. Станиславского, разумеется, ещё рано ставить крест. Но промежуточные итоги выглядят уж больно неутешительными, особенно в свете той радужной атмосферы больших ожиданий, которая охватила кое-какие круги – как в самих стенах театра, так и вне его – минувшим летом при известии об этом назначении. Худрук, конечно, – кто бы спорил, – и лавры былые снискал не зря, и говорить умеет красиво – о «боли и внутренней не востребованности», чувствуемой им по отношению к театру как таковому, о необходимости «сильной личности» во главе угла, «своего слова» и «своего взгляда на то, что происходит за окнами театра». Покамест вместо всего этого мы наблюдаем лишь не вполне внятное бормотание, не совсем чёткие очертания, да суетливые, не вполне осмысленные телодвижения...

Да, профессия творческого руководителя театра – именно профессия, а не должность согласно штатному расписанию – сегодня в громадном дефиците. Да, не совсем понятно, где и как их сегодня искать на всё множество наших не вполне благополучных коллективов. Но всё же хотелось бы, чтобы люди, в данном случае принимающие решение (а проще говоря, чиновники из Московского культурного департамента), делали свой выбор не за красивые глаза, не за прошлые, пускай царственные, заслуги, а звали на театральное княжение тех, у кого действительно имеется за душой внятная и цельная программа и воля для её воплощения.

Тем более что кормление таких вот иногородних, а то и чужеземных «варягов» обходится московской казне ох как недёшево.¹⁵²

Виктория ПЕШКОВА

Крокодил

Журнал "Крокодил" был основан в 1922 г. и выходил три раза в месяц. Со временем он стал крупнейшим сатирическим изданием в СССР. Его тираж достигал 6,5 млн экз. Об истории этого замечательного издания с 1922 по 1963 г. рассказано в книге С. Стыкалина и И. Кременской "Советская сатирическая печать 1917-1963".

Обращаем ваше внимание, что год издания книги (1963-й) обуславливает использование советского официального пропагандистского лексикона.

Старейший советский сатирический журнал. Выходит в Москве с 1922 г. в издательстве «Рабочая газета», с 1932 г.— в издательстве «Правда».

Возникновение связано с «Рабочей газетой» (ранее «Рабочий») — органом ЦК ВКП(б), начавшим издаваться в Москве в 1922 г. под редакцией К. С. Еремеева. Талантливый коллектив сотрудников создал новый тип массовой газеты, рассчитанной на рабочего читателя. Тесная связь с народом, большой приток критических писем с мест, наличие в числе сотрудников опытных сатириков во главе с Демьяном Бедным — все это обусловило видное место сатирических произведений в газете. Из номера в номер печатались здесь сатиры Д. Бедного, Н. Иванова-Грамена, В. Князева, А. Неверова. Хорошо зарекомендовали себя в качестве сатириков А. Архангельский и В. Лебедев-Кумач. На страницах газеты прочно утверждаются сатирические отделы и рубрики «Под стеклянным колпаком «Рабочего»», «Красный раек», «Дела поповские» и др., карикатуры, критические сигналы читателей с сатирическими комментариями редакции.

С 4 июня 1922 г. в целях расширения подписки редакция начинает выпускать еженедельное иллюстрированное и сатирическое приложение, которое бесплатно рассылалось подписчикам вместе с воскресными номерами.

В выпусках приложения осмеивались столпы международного оппортунизма, белоэмигранты, уповающие на засуху и голод в России, нэпмановская буржуазия, буржуазные интеллигенты, саботирующие мероприятия Советской власти, церковники, дурманящие народ, а также жулики, спекулянты, самогонщики и другие носители пороков, связанных с нэпом. Сатира этих номеров пока еще довольно абстрактна. Авторам недостает оперативности в освещении отрицательных явлений жизни. Они не нащупали еще главных тем, на которые направляла острие сатиры жизнь и борьба советского народа с отживающим прошлым. В отличие от газеты, сатира которой строилась главным образом на критических письмах читателей, страницы приложения заполнялись произведениями профессиональных литераторов, более приверженных к традиционным формам и методам отбора и подачи сатирических материалов. Читатель — друг и советчик, читатель — корреспондент и активный автор не утвердился еще на страницах формирующегося журнала, не сказал своего решающего слова о его лице и характере. Не были пока осознаны и четко сформулированы задачи сатирического издания в условиях мирного развития Советского государства. Однако усиленные поиски форм связи с рабочим читателем, новых тем, новых принципов и методов сатирической типизации дали положительные результаты. Трехмесячный опыт издания иллюстрированного сатирического приложения позволил редакции найти правильный путь к созданию сатирического журнала нового типа.

27 августа 1922 г. вместо очередного выпуска приложения (№ 13) подписчики «Рабочей газеты» получили первый номер «Крокодила».

Новый журнал отличался от своего предшественника не только названием. В первом номере в программном стихотворении Демьяна Бедного «Красный Крокодил — смелый из смелых! — против крокодилов черных и белых» четко формулируется задача издания:

*Добираться до всякой гнилости
И ворошить гниль без всякой милости,
Чтоб нэповская муть не цвела*

*И не гнила
Вот какова задача Красного Крокодила!*

Нэпмановская буржуазия, всевозможная гниль, порождаемая ею «в пору нэповского половодья», хищное «крокодилье племя», орудующее там, «где наиболее мутно», — вот главная мишень для сатириков, которые, по словам поэта, пишут «не для «господ», а для «простонародья»».

Внимание сатириков «Крокодила» устремляется прежде всего на недостатки хозяйственной жизни страны, которые определяли в конечном итоге исход борьбы советского народа с разрухой, голодом, за новую, социалистическую Россию. Вороша нэповскую гниль, слякоть быта, показывая обреченность всего того, что мутной волной выплеснуло на поверхность жизни временное оживление частной инициативы и предпринимательства, крокодилыцы объявили подлинно революционную войну дезорганизаторам народного хозяйства. Они ловили, избличали и пригвозждали к позорному столбу тех, кто сохранил капиталистические привычки, беспощадно клеймили недочеты хозяйственной жизни страны. Руководствуясь советами В. И. Ленина, требовавшего от советской печати деловой и беспощадной войны с конкретными носителями зла, систематической травли негодного, они выносят на черную доску отстающие фабрики и заводы, разоблачают конкретных виновников этого отставания.

Непримиримостью к недостаткам, беспощадной критикой конкретных их виновников, дышат стихотворные отчеты «краснокрокодилского селькора» Демьяна Бедного о его поездках по стране, отчеты специальных корреспондентов журнала А. Архангельского, Л. Митницкого и др. Остротой отличались фельетоны и заметки, подписывавшиеся коллективным псевдонимом «Демьян Бедный и теплая компания краснокрокодилского звания». Они строились на материалах рейдов сотрудников журнала и рабочих корреспондентов-крокодеров по заводам, фабрикам, стройкам и учреждениям.

На суд масс выносились недостойные поступки отсталой части рабочих. Клеймились позором рвачи и бракоделы, лодыри и прогульщики, болтуны и подхалимы, пьяницы, хулиганы, тунеядцы, жулики. Вместе с тем «Крокодил» постоянно стоит на страже интересов трудящихся, защищает их от произвола зарвавшихся администраторов, от эксплуатации хозяйчиками нэпманами, от жуликов, спекулянтов и т. п. Беспощадно осмеивались чванство, барские замашки, равнодушие к запросам и нуждам трудящихся, имевшие место у отдельных руководителей.

Журнал показывал и многообразную жизнь деревни, разоблачал кулака, осмеивал болтунов и лежебок. С жизнью деревни связана, как правило, антирелигиозная тема: враждебные махинации и плутни церковников, религиозные предрассудки и суеверия, стародедовские обычаи и нравы, мешающие советскому крестьянству трудиться и строить жизнь по-новому. Журнал ратовал за смычку города и деревни, за расширение культурных и экономических связей, просвещение и агрономическое воспитание крестьян.

Уделялось внимание вопросам культурной жизни. В постоянном отделе «Театр Крокодила» осмеивались халтуришки от литературы и искусства, разоблачались идейные враги советского народа, орудующие внутри страны и за границей, саботажники-интеллигенты, нытики, паникеры и т. п. Материалы на аналогичные темы печатались и в других отделах, под разнообразными рубриками.

Зло высмеивались недобитые враги республики — белоэмигранты и их покровители из

лагеря международной реакции, их надежды на реставрацию старых порядков, на перерождение Советской власти.

«Крокодил» быстро приобретает огромную популярность в рабочей среде. Стремительно растет тираж. К началу 1923 г. он достигает 150 тыс. экз.— невиданной по тем временам цифры для изданий подобного рода.

С февраля 1923 г. начала регулярно издаваться «Библиотечка «Крокодила»», в которой массовыми тиражами печатались произведения лучших сатириков журнала, альбомы карикатур его ведущих художников. В мае того же года был организован выпуск «Живого «Крокодила»» — репертуарных сборников сатирических пьес, фельетонов, миниатюр, предназначенных для театров, рабочих и красноармейских клубов и т. п. Они составлялись крокодильцами, которые нередко выступали и в роли исполнителей.

Активное участие в «Живом «Крокодиле»» принимал В. Маяковский. Устные выпуски еще больше расширяли сферу влияния «Крокодила» на массы, увеличивали его популярность. Журнал становится другом трудящихся, их советником и защитником. На общих собраниях, митингах символический Крокодил избирается почетным директором, лесничим, пожарным и т. п. На местах появляется многочисленная армия его последователей — крокодилят.

В конце 1923 г. редакция вместе с читателями тепло прощается со своим идейным руководителем и организатором К. С. Еремеевым (Дядей Костей), назначенным членом Реввоенсовета Балтфлота. Коллектив «Крокодила» избирает его почетным редактором, обещает свято хранить традиции крокодильской сатиры. Главным редактором становится Н. И. Смирнов. «Крокодил» оказал большое влияние на процесс формирования советской сатирической периодики 20-х годов. По его типу начинают строиться сатирические приложения центральных и местных газет. В создании ряда таких журналов принимают самое активное участие сатирики-крокодильцы. Д. Моор целиком отдается работе в «Безбожнике» («Безбожник у станка»). М. Черемных становится одним из организаторов «Безбожного крокодила». В силу подобных причин эти, а также и другие ведущие сотрудники отходят от повседневной работы в «Крокодиле». Все большую роль в журнале начинают играть беспартийные сатирики старшего поколения, которые далеко не всегда понимали новаторскую роль «Крокодила» в разработке и утверждении новых принципов и методов сатирической журналистики, не освободились еще от традиций буржуазной юмористики.

Страницы «Крокодила» начинают заполняться произведениями профессиональных литераторов и художников. Злободневные заметки и письма крокодеров публикуются все реже и реже. С середины 1924 г. исчезает самый боевой отдел — «Вилами в бок». Вслед за этим рабкоровские заметки перестают печататься и в других отделах и рубриках. Некоторое время они концентрируются, правда, в «Кипятке» — специально созданной для обслуживания рабочего читателя сатирико-юмористической газете «Крокодила», однако произведения штатных сотрудников вскоре вытесняются и оттуда.

Политическая острота, злободневность, масштабность сатиры «Крокодила» заметно снижаются. Журнал начинает ориентироваться на интеллигентные слои читателей, на служащих, городское мещанство. Темы труда и быта рабочих отходят на второй план. Изменилась тематика журнала, появились другие отделы и рубрики. «Страничка читателя» заменилась «Страничкой читателя — художника — писателя» и «Бытовой страничкой». Возникли рубрики «Партделишки на булавочке», «Скромные официальные документы», «От великого до смешного», «Наши паноптикум», «Литературная лоханка», «Мелочи» и т. п.

В апреле 1927 г. «Крокодил» наряду с некоторыми другими сатирико-юмористическими журналами подвергся суровой и справедливой партийной критике. Центральный Комитет партии обязал редакцию в корне перестроить журнал, повысить идейно-художественный уровень печатаемых материалов и превратить его в орган, обслуживающий политически зрелые слои рабочих.

Партийная критика недостатков сатирико-юмористических журналов, большой разговор о путях развития сатирической периодики, о ее задачах, состоявшийся в Центральном Комитете партии, оказали благотворное влияние на процесс перестройки «Крокодила». Он вновь берет ориентацию на рабочего читателя, постепенно восстанавливает связи с массами, привлекает к сотрудничеству видных советских сатириков. Вновь создаются отделы «Вилами в бок» и «Страничка читателя». К концу 20-х годов «Крокодил» восстанавливает свою славу лучшего массового органа советской сатиры. Неуклонно растет тираж издания. К 1932 г. он уже составляет 500 тыс. экз. Редакторами в эти годы являются: с апреля 1927 г.— К. Мальцев, с сентября 1928 г.— Н. К. Иванов-Грамен и Феликс Кон, с мая 1930 г.— М. З. Мануильский.

В конце 20 — начале 30-х годов «Крокодил» взял курс на расширение связи с крупнейшими заводами и новостройками страны.

В августе 1930 г. «Крокодил» берет шефство над Магнитостроем. Выездная бригада регулярно публикует в журнале отчеты о ходе строительства, выпускает сатирическую газету ««Крокодил» на Магнитке». Другие выездные бригады крокодилцев активно вторгаются в жизнь многочисленных коллективов крупнейших строек страны.

У «Крокодила» хватает дел,

У «Крокодила» большая программа:

В следующем номере берем на прицел

Неполадки на заводе АМО,—

писала редакция в № 1 за 1931 г. В 1931 г. редакция сообщает читателям, что она берет под свой контроль работу 36 ударных социалистических строек.

Выездные бригады опирались на рабкоров. Собранный и обработанный материал публиковался в стенных газетах, местных многотиражках, специальных сатирических бюллетенях и листках. В 1931 — 1932 гг. «Крокодил» выходил одновременно несколькими изданиями, отличавшимися друг от друга двумя страничками, предназначенными для читателей различных областей (основное, московское, ленинградское, украинское, уралосибирское и др.).

Многочисленный и содержательный материал читателей и рабкоров редакция использовала на страницах журнала далеко не полностью.

Часть его публиковалась в листках, которые рассылались в местные фабрично-заводские и стенные газеты. Ежемесячно рассылалось до 100—150 листов «Крокодил у нас». Листки заполнялись карикатурами и острыми заметками с использованием фактического материала. Они являлись как бы продолжением постоянных отделов «Особый отдел», «Дорогой Крокодил», «На суше и на море» и др. Над выпуском листов «Крокодил у нас» работали наиболее квалифицированные сотрудники журнала, работники фабрично-заводской печати, рабкору.

Эмблема журнала — крокодил с вилами — становится известной в самых широких кругах читателей. «Крокодил» превращается в одно из популярнейших советских изданий, привлекает внимание прогрессивных кругов зарубежных стран.

Его сатирические выступления нередко служили сигналом к формированию широкого общественного мнения вокруг тех или иных недостатков и отрицательных явлений в производственной и общественной жизни. Неизменным успехом пользовались отделы «Вилы в бок», «Беглый огонь», «Прокатный цех», «Волосы дыбом», «Крокодилу на закуску», «По градам и весям», «Архив «Крокодила»» и др. Популярность снискали так

называемые «Рескрипты Крокодила», выдававшего специальные «ордена» головотяпам и бюрократам.

Растет влияние «Крокодила» на местную печать. Сатирические отделы и рубрики появляются в фабрично-заводских, районных и областных газетах, выпускаются тысячи сатирических стенновок. На некоторых крупнейших заводах создаются с помощью крокодилыцев рабочие сатирические журналы и газеты, печатавшиеся типографским способом. Много сделал для популяризации журнала и еще большей связи с трудящимися построенный на средства сотрудников и читателей журнала специальный агитсамолет «Крокодил», проникавший в самые отдаленные уголки страны.

«Крокодил» начала 30-х годов в значительной мере избавился от тех ошибок, которые появились у него в середине 20-х годов.

Большую помощь в устранении этих недостатков оказал советским сатирикам 30-х годов А. М. Горький. Он советовал чаще и шире использовать такой художественный прием, как противопоставление, подчеркивание контрастов между миром капитализма и миром социализма. Этот прием помогал читателю, в особенности молодому, ярче увидеть то новое, что появлялось в жизни страны, глубже понять значимость происходящих перемен. Установка сатириков на преимущественный показ внутренних неполадок, сосредоточение внимания на отдельных, зачастую мелких, явлениях приводила к потере перспективы. Горький настаивал на необходимости освещать в журнале не только внутреннюю, но и международную тему, разоблачать зарубежный мир с его гнусной и страшной действительностью, используя для этого как крупные, так и мелкие факты.

Горький требовал отказаться от натуралистического воспроизведения жизни, учил подвергать факты сатирическому обобщению.

В 1931 г. Горький встретился с сотрудниками «Крокодила» и в беседе с ними высказал критические замечания по поводу работы журнала. Это вмешательство Горького повлекло за собой значительную перестройку «Крокодила».

Еще большие изменения происходят в «Крокодиле» в связи с приходом в него в 1934 г. в качестве редактора М. Кольцова, который близко был связан с А. М. Горьким по совместной работе в ряде журналов, хорошо видел недостатки молодой советской сатиры и разделял взгляды Горького на ее характер и значение в условиях социалистической действительности.

М. Кольцов привлекает к активной работе в «Крокодиле» талантливых советских сатириков. Среди них Д. Бедный, А. Безыменский, В. Ермилов, Д. Заславский, Е. Зозуля, И. Ильф, В. Катаев, Е. Петров, М. Светлов, И. Эренбург и др. В середине 30-х годов в журнале сотрудничают И. Абрамский, Н. Адуев, М. Андриевская, В. Ардов, А. Архангельский, Н. Асеев, А. Бухов, Н. Вержбицкий, В. Воинов, В. Гранов, А. д'Актиль (А. Френкель), Н. Иванов-Грамен, В. Инбер, С. Кирсанов, Н. Кружков, В. Лебедев-Кумач, Л. Митницкий, И. Молчанов, Л. Никулин, И. Прутков (В. Жиркович), М. Пустынин, П. Романов, Г. Рыклин, Л. Саянский, В. Соловьев, А. Стоврацкий, А. Толстой, Ю. Фидлер, В. Шишков и др. В эту пору на страницах журнала появились имена А. Аграновского, Братьев Тур (П. Рыжсей и Л. Тубельский), С. Васильева, Е. Весенина, Ю. Германа, Б. Горбатова, В. Гусева, С. Диковского, В. Карбовской, А. Колосова, Л. Лагина, Б. Ласкина, Л. Ленча, М. Матусовского, С. Михалкова, А. Раскина, М. Розенфельда, К. Симонова, М. Слободского, С. Смирнова, А. Твардовского, С. Швецова и др. Значительно расширяется круг художников, как за счет старых карикатуристов, отошедших ранее от сотрудничества в журнале, так и за счет новой талантливой молодежи.

Наряду со старыми крокодилыцами (Л. Бродаты, Ю. Ганф, Н. Денисовский, М. Добро-ковский, К. Елисеев, Б. Ефимов, В. Козлинский, Н. Куприянов, Д. Моор, А. Юнгер и др.) активно выступают Б. Антоновский, В. Гальба, Л. Генч, В. Горяев, Е. Евган, И. Каликин, А. Каневский, Кукрыниксы, А. Маленинов, Б. Пророков, Ф. Решетников; И. Семенов, Л. Сойфертис, В. Сутеев, А. Топиков, Ю. Узбяков и др.

В «Крокодиле» этой поры опять собираются лучшие силы советской сатиры. Это позволило редколлегии журнала (с апреля 1934 г.— Л. Гинзбург, В. Ермилов, Б. Левин, М. Кольцов, М. Мануильский, Л. Ровинский, в 1938 г.— В. Катаев, М. Кольцов, Л. Лагин, А. Назаров, Е. Петров, Л. Ровинский, Г. Рыклин) расширить тематику, сделать ее социально острой, высокохудожественной. Почти каждый номер открывался злободневным фельетоном М. Кольцова, определявшим главный удар сатиры журнала. Совершенствуются и разнообразятся формы подачи материалов, методы массовой работы.

Вторая мировая война налагает своеобразный отпечаток на облик «Крокодила». Из номера в номер печатаются на его страницах памфлеты, фельетоны, карикатуры, разоблачающие фашистских поджигателей войны и их пособников из лагеря так называемых умиротворителей. Замечательным достижением является его политическая карикатура на международные темы, представленная именами Л. Бродаты, Кукрыниксов, К. Елисеева, Б. Ефимова, Ю. Ганфа и др.

Сатирики журнала разоблачали фашизм и его идеологов, срывали маски миротворцев с англо-французских и американских империалистов, потворствующих фашистам. Надолго приковывает к себе внимание поэтов и сатириков журнала героическая борьба испанского народа против фашизма. «Крокодил» этих лет сыграл немалую роль в воспитании советского народа в духе непримиримой ненависти к фашизму. Он призывал к бдительности, к боевой готовности, укреплял в массах чувства пролетарского интернационализма, советского патриотизма.

К концу тридцатых годов особенно заметно дает знать о себе культ личности Сталина. Свой отпечаток наложил он и на сатиру. Она постепенно теряет свою конкретность, перестает касаться актуальных тем внутренней жизни страны, мельчает. На смену острому фельетону, критическому сигналу с места приходит юмористический рассказ, осторожная аллегория, легковесная шутка. Сатира на конкретных носителей зла подменяется обличением отвлеченных и, как правило, несущественных недостатков.

Многие видные сатирики в эти годы отходят от активной работы в «Крокодиле», уходят в так называемую «большую» литературу.

На страницах журнала широкое поле деятельности находят для себя лишь юмористы, всячески поощряемые «теоретиками» так называемых положительных фельетонов.

С декабря 1938 г. с последней страницы «Крокодила» исчезла подпись ответственного редактора М. Е. Кольцова, подвергнувшегося необоснованной репрессии. Во главе журнала стала безымянная «Редколлегия». Печатается «Крокодил» по-прежнему большим тиражом (275 тыс. экз.), продолжает оставаться одним из наиболее любимых массовых изданий, однако лицо его претерпевает существенные изменения.

Сатирическая программа журнала этой поры формулируется редакцией в заметке «Несколько слов о схеме», которая открывала 8-й, специальный номер «Крокодила», являвшийся откликом на отчетный доклад Сталина XVIII съезду партии. Сатирики призывались учиться мастерству у Сталина, находить в его выступлениях темы для своих обличений. Рекомендовалось прежде всего «зло издеваться» над внешним врагом

(здесь же давался целый ряд тем) и как бы между прочим «смеяться» над некоторыми недостатками, имевшими еще место в жизни советского народа. Стыдливое перечисление этих недостатков (бюрократы, лежебоки, не желающие пошевелить мозгами, «узкие спецы», люди, продолжающие «дудеть в старую дуду») сопровождалось заверениями в том, что «журнал вместе со всей страной будет радоваться и весело смеяться, глядя на цветение нашей Родины».

Злая, острая политическая сатира на международные темы и «радостный», «веселый» смех при обращении к темам внутренней жизни страны — вот основные принципы и установки, определявшие облик «Крокодила» предвоенной поры. Сатира, таким образом, целиком переключалась на международную тематику, юмор утверждал свое монопольное право на внутренние темы. Такая установка отразилась и на названии постоянных сатирических отделов и рубрик. Ликвидируется отдел «Вилы в бок» и многие другие отделы и рубрики. Их заменяют «Цитаты кстати», «Особый отдел», «Доска приказов», «Бумаги на подпись». Преобладающее место заняли острый политический фельетон, памфлет, карикатура, газетнодокументальные факты международной жизни, дававшиеся с остроумными комментариями. Большую роль стал играть сатирический фотомонтаж на международные темы, представленный мастером этого жанра Б. Клинчем. Малыми жанрами на те же темы заполняются отделы и рубрики «Нам пишут из-за границы», «Музей глупости», «Дневник Крокодила», «Зарубежный юмор» и др.

Заметно повышается в эти годы интерес журнала к вопросам литературы и искусства. Часто выходят тематические номера, приуроченные к юбилейным датам писателей (Маяковский, Салтыков-Щедрин, Чехов и др.). Появляются рубрики «Книжки на отзыв», «Взираю на лица», заполнявшиеся литературными портретами, пародиями и эпиграммами С. Васильева и других сатириков.

Преобладающую роль начинают вновь играть профессиональные литераторы. Журнал часто печатает стихотворения, прославляющие трудовые подвиги советского народа, его патриотизм, героизм. В стихах такого рода особенно часто звучит тема бдительности, боевой готовности, роста обороноспособности страны и т. п. Героическая тематика является едва ли не ведущей начиная с сентября 1939 г., когда советский народ протянул братскую руку помощи народам Западной Украины и Западной Белоруссии. Выездные бригады «Крокодила», находившиеся в частях Красной Армии, постоянно информируют читателей о событиях, активно включаются в агитационную работу, участвуют во фронтовой печати, в выпуске агитплакатов и т. п. Так, например, бригада «Крокодила» в составе В. И. Лебедева-Кумача, М. Эделя и др. налаживает в это время регулярный выпуск журнала «Крокодил на Западной Украине», печатавшегося на двух языках. Военная тематика становится главной в журнале в период советско-финской войны.

С первых дней Великой Отечественной войны все содержание «Крокодила» подчинено одной задаче — борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Журнал изобличает планы фашистской армии, призывает к беспощадной борьбе с врагами, выражает твердую уверенность в окончательной победе над фашистскими захватчиками. Сатира «Крокодила» мобилизовала трудящихся и воинов Советской Армии на подвиги в тылу и на фронте. Наряду с политическими плакатами, «Окнами» ТАСС сатира «Крокодила» в эти годы становится большой агитационной силой.

Многие сатирики «Крокодила» в годы Великой Отечественной войны сражаются в рядах Советской Армии. Из действующей армии, с передовой линии огня шлют они в свой журнал острые гневные произведения.

За перо и карандаш берутся в эти годы и сатирики старшего поколения, остававшиеся в тылу и взявшие на себя хлопоты по бесперебойному выпуску журнала (Д. Заславский, В. Лебедев-Кумач, Д. Бедный, Н. Иванов-Грамен, Н. Кружков, Л. Никулин, С. Маршак, Л. Митницкий, М. Пустынин, В. Тоболяков и др., художники Л. Бродаты, Ю.

Ганф, К. Елисеев, Б. Ефимов, А. Каневский, М. Черемных и др.). Трудности военного времени заметно сказываются на полиграфическом оформлении «Крокодила», его объеме, тираже, периодичности. Журнал часто печатался на обычной газетной бумаге, иногда с одноцветными иллюстрациями. Объем его сократился до 8 стр., тираж — до 135—100 тыс. экз. Редакция (с апреля 1943 г. имена редактора и членов редколлегии вновь появляются на обложке журнала: ответственный редактор — Г. Рыклин, члены редколлегии — Д. Заславский, В. Катаев, Кукрыниксы) прилагает немало усилий к тому, чтобы своевременно готовить номера к печати и выпускать в свет. Существенным, хотя вполне объяснимым и оправданным недостатком работы редакции в это время являлась слабая связь с военкоровским и рабселькоровским активом. Журнал делался силами узкого коллектива сотрудников, опирался на немногочисленные кадры сатириков, работающих в тылу. Но и эта опора была не всегда прочной, так как многие из профессиональных сатириков целиком отдавали себя работе над агитплакатами, «Окнами» ТАСС, шефской помощи воинским частям, госпиталям и т. п. Аналогичные причины не позволяли редакции установить постоянные связи со старыми крокодилъцами, находившимися на фронтах Отечественной войны и работавшими в фронтовой и армейской прессе. Ведущий отдел журнала «Метким ударом» строился преимущественно на материалах фронтовых и армейских газет. Документальный материал лежал в основе таких отделов и рубрик, как «Короткая очередь», «Есть о чем поговорить» и др. Рубрика «С подлинным скверно» заполнялась выдержками из писем и показаний пленных немецких солдат и офицеров. Под рубрикой «От собственного корреспондента» печатались сатирические произведения собственных корреспондентов журнала из действующей армии (В. Катаев, М. Эдель и др.)- остроумно строилась и пользовалась большой популярностью читателей пародийная газета «Вралише Брехобахтер», регулярно печатавшаяся на страницах журнала. Жизнь тыла страны находила отражение в отделах «Дорогой Крокодил» (письма читателей), «Таланты и поклонники», «Однажды...» и др. Интересной была рубрика «Из цикла портретов не героев нашего времени», под которой выступал со стихотворными фельетонами В. И. Лебедев-Кумач.

В военные годы в журнале сотрудничали Н. Адуев, С. Алымов, Ю. Арбат, Арго, В. Ардаматский, В. Ардов, Н. Асеев, А. Безыменский, Е. Вермонт, С. Васильев, О. Вишня, Л. Галкин, В. Гранов, Е. Долматовский, В. Дыховичный, А. Жаров, М. Зоценко, Вл. Иванов, А. Исбах, В. Карбовская, Б. Кежун, С. Кирсанов, Б. Ковынев, А. Колосов, О. Кольчев, Е. Копылов, Б. Котляров, Э. Кроткий, Н. Лабковский, Л. Лагин, Б. Ласкин, Л. Ленч, В. Масс, С. Михалков, И. Молчанов, С. Нариньяни, А. Недогонов, А. Прокофьев, А. Раскин, А. Резапкин, И. Рябов, Л. Славин, М. Слонимский, С. Смирнов, Ц. Солодарь, А. Твардовский, Б. Тимофеев, А. Толстой, И. Уткин, Ю. Фидлер, А. Флит, Ю. Чаплыгин, М. Червинский, С. Швецов, А. Эриванский, А. Эрлих, А. Яшин и др.

Закончилась Великая Отечественная война. Переход к тематике мирного времени потребовал от редакции «Крокодила» коренной перестройки всей своей работы. Но ее не произошло. Журнал сохранял свой прежний «фронтовой» вид, делался руками все того же узкого круга сотрудников, ничего не предпринимал для привлечения на свои страницы опытных литераторов и сатириков, не беспокоился о расширении связей с массами. Редакция (сохранялся ее прежний состав) не принимала серьезных мер для поднятия идейного и художественного уровня публикуемых произведений.

В постановлении ЦК партии, опубликованном в сентябре 1948 г., журнал подвергся справедливой критике. Отмечался отрыв редакции от жизни, отсутствие необходимой требовательности к идейному и художественному уровню произведений, указывалось на непривлекательный внешний вид. ««Крокодил»,— говорилось в решении,— ведется совершенно неудовлетворительно и не является боевым органом советской сатиры и юмора». Причины такого состояния дел в журнале усматривались в отсутствии коллегиальности, бесплановости в работе, в том, что делался он руками узкого круга

штатных работников, что видные советские писатели и поэты, работники центральной и местной печати к участию не привлекались и т. п.

ЦК ВКП(б) утвердил новую редколлегию «Крокодила» в составе Д. Г. Беляева (ответственный редактор), С. А. Швецова, С. А. Васильева, А. Н. Васильева, Д. И. Заславского, В. П. Катаева, Кукрыниксов (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов), С. Д. Нариньяни, В. И. Пророкова, Г. Е. Рыклина, И. А. Рябова.

Центральный Комитет поставил конкретные задачи перед «Крокодилом». «Журнал,— говорилось в постановлении,— должен оружием сатиры обличать расхитителей общественной собственности, рвачей, бюрократов, проявления чванства, угодничества, пошлости; своевременно откликаться на злободневные международные события, подвергать критике буржуазную культуру Запада, показывать ее идейное ничтожество и вырождение».

Центральный Комитет обязал редколлегию шире использовать различные жанры сатиры и юмора, знакомить читателей с лучшими материалами, напечатанными в местных юмористических журналах и журналах стран народной демократии, сатирическими произведениями прогрессивных зарубежных писателей, публиковать документальные фотоснимки из иностранных газет и журналов, снабжая их политически острыми комментариями. Редколлегии было предложено привлечь широкий круг писателей, поэтов, художников, работников центральной и местной печати, практиковать обсуждение с авторским активом тематических планов журнала и содержания вышедших номеров, регулярно проводить читательские конференции на предприятиях, в колхозах, учебных заведениях, в воинских частях. Для привлечения к работе в журнале новых кадров сатириков редколлегии «Крокодила» совместно с Союзом советских писателей СССР было решено провести в Москве в ноябре 1948 г. совещание писателей — сатириков и фельетонистов. Редакции «Крокодила» поручалось также провести в декабре 1948 г. конкурс на лучший юмористический рассказ, фельетон и карикатуру. Редакция обязывалась сократить сроки прохождения журнала в производстве, улучшить художественное и полиграфическое оформление, увеличить объем, создать условия, обеспечивающие регулярный выпуск журнала 10, 20, 30-го числа каждого месяца.

После постановления журнал заметно улучшился. Он стал печататься на 16 стр., с красочными иллюстрациями, на хорошей бумаге. Резко улучшилось и его содержание. Вновь появляются «Вилы в бок», расширяется отдел «Дорогой Крокодил», возникает рубрика «Крокодил помог». Критическим сигналом читателей отводятся отделы и рубрики «Сообщаем адреса», «С подлинным скверно», «Как ни странно, но...», «Фотовитрина Крокодила», «Из напечатанного» и др.

Расширение связей с массами позволило редакции сделать свои критические выступления конкретными и действенными.

Положительную роль в улучшении работы журнала сыграло совещание писателей — сатириков и фельетонистов, проведенное по указанию Центрального Комитета партии редколлегией «Крокодила» и Союзом писателей. После этого совещания в «Крокодил» вновь приходят старые сатирики, ранее отошедшие от журнала. Новые силы привлек конкурс на лучший юмористический рассказ, фельетон и карикатуру.

В журнале начинают активно сотрудничать В. Аленин, С. Ананьин, В. Бахнов, Ю. Благов, А. Вихрев, С. Вишневецкий, В. Драгунский, Б. Егоров, С. Званцев, И. Костюков, Я. Костюковский, В. Котов, В. Куканов, Б. Леонтьев, А. Малин, С. Маршак, А. Николаев, С. Олейник, Я. Полищук, В. Поляков, Б. Привалов, Г. Радов, И. Рябов, Р. Сарцевич, Н. Черепанова, С. Шатров, З. Юрьев, Ю. Яковлев и др. Наряду со старыми художниками-крокодильцами в журнале активно выступают карикатуристы А. Баженов, Г. Вальк, М.

Вайсборд, В. Васильев, Е. Ведерников, Е. Гуров, В. Коновалов, С. Кузьмин, Б. Лео, Н. Лисогорский и др.

Постановление Центрального Комитета открывало большие перспективы перед советскими сатириками. За сатирой не только признавалось право на существование — на нее возлагались большие обязанности. Однако всякая сколько-нибудь смелая критика тех пороков, которые сопутствовали культу личности Сталина, сразу же встречалась в иштыки, всякая попытка сатирической типизации отрицательных явлений жизни рассматривалась как стремление очернить, опорочить советскую действительность. В условиях культа личности советская сатира фактически была обречена на прозябание, она отстранялась от активного воздействия на жизнь, лишалась своих основных качеств — смелости, принципиальности и остроты в постановке важнейших вопросов общественного развития страны, злободневности и боевой непримиримости к конкретным носителям зла, лишалась права на художественные обобщения, типизацию.

21 сентября 1951 г. принимается новое постановление — «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения». В этом постановлении вновь отмечалось, что «Крокодил» является малоинтересным журналом, ведется на недостаточно высоком идейном и художественном уровне.

«На страницах журнала «Крокодил», — говорилось в нем, — печатается много надуманных, бессодержательных рассказов и стихов, слабых рисунков и карикатур, не имеющих серьезного общественного значения, допускаются ошибки в освещении внутренней жизни страны и международных событий. Нередко в «Крокодиле» единичные отрицательные факты выдаются за общие недостатки работы государственных, профсоюзных и других организаций, что создает у читателей неправильное представление о работе этих организаций».

Центральный Комитет обратил внимание редакционной коллегии на то, что она публикует преимущественно рисунки и карикатуры узкого круга художников, произведения которых примитивны и однообразны по теме, шаблонны по исполнению. «Журнал, — констатируется в постановлении, — слабо выполняет задачу борьбы с пережитками капитализма в сознании советских людей». Центральный Комитет партии обязал редколлегию устранить недостатки и в кратчайший срок добиться повышения идейного и художественного уровня журнала.

Резкий перелом в советской сатире вообще, в «Крокодиле» в частности происходит после исторических решений XX съезда КПСС. Решительное осуждение культа личности Сталина и всех его отрицательных порождений расчистило почву для всестороннего развития критики и самокритики.

Уже в первые годы после XX съезда «Крокодил» становится острее, боевее, теснее связанным с читателем. Ведущая роль в расширении и упрочении связей с читателями вновь отводится отделам «Вилы в бок» и «Дорогой Крокодил». Возникают новые и расцветают старые рубрики, строившиеся исключительно на критических материалах читателей («Разрешите побеспокоить», «С подлинным скверно» и др.)- Появляется постоянная рубрика «Пестрая летопись», отражающая впечатления Крокодила от его участвовавших поездок по стране для разбора жалоб читателей. Большой и серьезный разговор ведется в «открытых письмах» к работникам союзного и республиканского масштаба, повинным в тех или иных недостатках. Появляются забытые было рубрики — «Рейд Крокодила», «Крокодилская смесь», «Отрывки из ненаписанного», «Из напечатанного» и др. Расширяются связи журнала с сатириками братских республик, стран народной демократии, прогрессивными сатириками зарубежных стран. Много интересного появилось на страницах журнала за последние

годы. Редколлегия (редактором с конца 1958 г. стал М. Г. Семенов) возрождает лучшие традиции «Крокодила» 20—30-х годов. Неизмеримо возрастает доля участия читателей в подготовке номеров. Критические сигналы и заметки десятками печатаются в отделах и рубриках «Дорогому Крокодилу!», «Слово читателя», «Нарочно не придумаешь», «Отклики и реплики», «Просим сообщить», «Из ненапечатанного», «По прямому проводу», «Нам сообщают», «Непотребный ширпотреб», «Крокодил помог, но...», «Телеграф Крокодила» и др. Тысячи читателей приняли участие в конкурсах «Крокодила» «Самый смешной случай», на короткий рассказ, на лучшую тему для карикатуры. Возрождаются традиционные формы связи с массами. Выездные бригады журнала проникают во все области страны. Они регулярно информируют читателей о своей борьбе со вскрытыми недостатками. На ударных стройках, заводах, фабриках, в совхозах и колхозах организуются посты «Крокодила», журнал берет шефство над ними, появляются специальные рубрики «Рейд Крокодила», «Пост Крокодила», «У моих подшефных» и др.

«Крокодил» ведет борьбу за экономию государственных средств. Был выпущен специальный тематический номер «О копейке», заведены постоянные рубрики «Моя копилка», «Выставка расточительства» и др.

Много внимания уделяется вопросам быта и морали советских людей (отдел «Быт или не быт?»). Тем же проблемам подчинены и некоторые другие рубрики. Регулярно отражается культурная жизнь (отделы «Таланты и поклонники», «Листая страницы», «Среди муз и граций», рубрика «Литературные пародии» и др.). Под рубрикой «Мои интервью» и «Мой вернисаж» читатель знакомится с творчеством тех или иных замечательных деятелей литературы и искусства современности. Часто выступают в «Крокодиле» сатирики из стран социалистического лагеря, прогрессивные сатирики капиталистических стран.

Богата и многогранна международная тематика. Разоблачаются поджигатели войны, по-крокодилски остро осмеивается атомный психоз, раскрывается подлинное лицо буржуазной идеологии, политики, дипломатии. Сатирики используют разнообразные жанры, начиная с памфлета и кончая анекдотом. Большой международный резонанс получают карикатуры. Общей любовью пользуются сатирические миниатюры, печатающиеся под рубриками «Наш телетайп», «Мелкой дробью», «На шутливой волне», «Крокодилское обозрение» и т. п. Политически остро пародируется буржуазная реакционная пресса в специальных сатирических выпусках «Мейли Емейл», «Вокруг света и тьмы» и т. п.¹⁵³

«Крокодил» по праву занимает почетное место ведущего журнала в большой многонациональной семье сатирических изданий нашей страны. Прочными дружескими узами связан он со своими зарубежными товарищами по оружию, делится с ними своим опытом, регулярно знакомит читателей с образцами мировой сатиры и юмора. Постоянная рубрика «Что нового в сатирическом цехе» информирует о новинках сатирической литературы и графики. Массовыми тиражами издаются книжки сатиры и юмора из «Библиотечки «Крокодила»», альбомы, посвященные творчеству крупнейших советских карикатуристов, серии сатирических плакатов на разные темы и т. п.

ЗАПИСКА КГБ ПРИ СМ СССР. 17 февраля 1976 г. Секретно
ЦК КПСС
О публикации в журнале «Крокодил» фельетона
«Без царя в голове» о СОЛЖЕНИЦЫНЕ

По имеющимся данным, СОЛЖЕНИЦЫН намерен публикацию III части пасквиля «Архипелаг Гулаг» приурочить к периоду работы XXV съезда КПСС. В связи с этим считаем целесообразным опубликовать в журнале «Крокодил» фельетон под названием «Без царя в голове», в котором на основе подлинных фактов раскрываются монархические взгляды СОЛЖЕНИЦЫНА и их социальные корни.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности Андропов

Резолюция: Согласиться. Целесообразно снять абзац на стр.4 и строку на стр. 10. Лучшее было бы опубликовать в «Литературной газете». Б.Пономарев.

Помета: Справка

Фельетон «Без царя в голове» опубликован в «Литературной газете» 17 марта 1976 года.

Зам.зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС М.Громов

Зав.сектором Отдела

И.Зубов

19 марта 1976 года.

ЦХСД. Ф.5. Оп.69. Д.2897. Л. 1-2. Подлинник

Илья Ильф. Я, В ОБЩЕМ, НЕ ПИСАТЕЛЬ

Позвольте омрачить праздник.

Позвольте явиться на чудные именины советской сатиры не в парадной толстовке, ниспадающей на визиточные брюки, и не с благополучным приветствием, выведенным пером "рондо" на куске рисовальной бумаги. Разрешите прибыть в деловых тапочках, выцветшей голубой майке и замечательных полутеннисных брюках, переделанных из кальсон.

Конечно, легче всего было бы ограничиться шумными аплодисментами, переходящими в овацию, но все же разрешите в гром похвал внести любимую сатирическую ноту.

Дело в следующем. Не очень давно в редакцию явился довольно обыкновенный человек и предложил свое сотрудничество.

-- Я, -- сказал он, -- в общем, не писатель. В общем, я интеллигент умственного труда, бывший гимназист, ныне служащий. Но я, видите, женился, и теперь, вы сами понимаете, мне нужна квартира. А чтобы купить квартиру, мне нужно укрепить свою материальную базу. Вот я и решил взять на себя литературную нагрузку: сочинять что-нибудь.

-- Это бывает, -- заметил редактор, -- как раз Гете так и начинал свою литературную деятельность. Ему нужно было внести пай в РЖСКТ "Веймарский квартирник-жилищник", а денег не было. Пришлось ему написать "Фауста". Посетитель не понял горечи этой реплики. Он даже обрадовался.

-- Тем лучше, -- сказал он. -- Вот и я сочинил несколько юморесок, афоризмов и анекдотов для укрепления своей материальной базы.

Редактор прочел сочинения бывшего гимназиста и сказал, что все это очень плохо. Но бедовый гимназист и тут не смутился.

-- Я и сам знаю, что плохо.

-- Зачем же вы принесли свой товар?

-- А почему же не принести? Ведь у вас в журнале известный процент плохих вещей есть?

-- Есть.

-- Так вот я решил поставлять вам этот процент.

После такого откровенного заявления отставного гимназиста прогнали. А случай с процентами забылся, и о нем никто не упоминал.

Между тем хорошо было бы о нем вспомнить сейчас, в юбилейную декаду, потому что это не маленький, видно, процент плохих произведений, если человек собирался построить на него квартиру.

Неизвестно, как это произошло, но в сатирико-юмористическом хозяйстве слишком рано появились традиции. Лучше бы их вовсе не было. Кто-то уже слишком проворно разложил по полочкам все явления жизни и выработал краткие стандарты, при помощи коих эти явления нужно бичевать.

Как-то незаметно проник в веселую сатирико-юмористическую семью злодей-халтуртрегер. Он все знает и все умеет. Он может написать что угодно. У него есть полный набор литературных отмычек.

Когда-то на железных дорогах существовал трогательный обычай. На вокзалах вывешивались портреты (анфас и в профиль) особо знаменитых поездных воров. Таким образом, пассажир вперед знал, с кем ему придется столкнуться на тернистом железнодорожном пути. И всю дорогу пассажир не выпускал из рук чемодана, тревожно изучал профили и фасы своих соседей. Он был предупрежден. О читателе нужно заботиться не меньше, чем о пассажире. Его нужно предостеречь. Именно с этой целью здесь дается литературная фотография (анфас и в профиль) поставщика юмористической трухи и сатирического мусора. Работа у него несложная. У него есть верный станок-автомат, который бесперебойно выбрасывает фельетоны, стихи и мелочишки, все одной формы и одного качества.

А. СТИХОТВОРНЫЙ ФЕЛЬЕТОН НА ВНУТРЕННЮЮ ТЕМУ

Басенка о коопголовотяпах и метрической системе

Сплошь и рядом наблюдается, что в единичных случаях отдельные заведующие кооплавками, невзирая на указания районных планирующих организаций и неоднократные выступления общественности и лавочных комиссий, частенько делают попытки плохого обращения с отдельными потребителями, что выражается в невывешивании прейскурантов розничных цен на видном месте и нанесении ряда ударов метрическими гирями по голове единичных членов-пайщиков, внесших полностью до срока новый дифпай. Пора ударить по таким настроениям, имеющим место среди отдельных коопголовотяпов.

ИЗ ГАЗЕТ

Нет места в кооперативном мире
Головотяпским сим делам.
Не для того создали гири,
Чтоб ими бить по головам.

Б. МЕЛОЧИ (ШУТКИ)

-- Солнце село.
-- На сколько лет?
-- Вечер наступил.
-- На кого?
-- Отчего у тебя пиджак порван? За гвоздь зацепился?
-- Нет. В кооперативе купил.

В. АФОРИЗМЫ И МЫСЛИ

Если римский папа сказал "а", то Лига Наций говорит "б".
Не всякий заведующий имеет казенный автомобиль.
Жить с личной секретаршей -- это еще не значит жить в мире с подчиненными.

Какая разница между казенной лошастью и казенным автомобилем? Никакой. И та и другой частенько в единичных случаях привозят отдельных заведующих на скамью подсудимых.

Вот все, что есть у владельца литературных отмычек. Вот все его мысли, его шутки, его сатира на кооперативные дела, его представление о международных проблемах. Больше почти ничего у него и нет. Разве только так называемые юмористические фамилии. Их штук шесть. Дудочкин (совслужащий), Обиралкин (подкулачник), Добывалкин (плохой кооператор), Помадочкина (несчастливая, затравленная машинистка), Канцеляркин (бюрократ и головотяп), Никишин (положительный тип, появляется в конце фельетона).

Кажется, профиль обозначился полностью. Да и фас виден довольно отчетливо. Читатель предупрежден.

А теперь, когда в гром похвал внесена родимая сатирическая нота, можно уже надеть визиточные брюки, нарядиться в парадную толстовку и бархатным голосом зачитать теплое приветствие, написанное пером "рондо" на куске рисовальной бумаги.¹⁵⁴

1932

Я, в общем, не писатель. -- Впервые опубликован в журнале "Крокодил", 1932, No 15-16, под заглавием "Литературная отмычка". Подпись: Ф. Толстоевский. Это был юбилейный номер журнала, посвященный десятилетию "Крокодила". Под названием: "Я, в общем, не писатель" впервые вошел в сборник "Как создавался Робинзон", "Молодая гвардия", М.

1933

Илья Ильф. ХОТЕЛОСЬ БОЛТАТЬ

Внезапно заговорили о пробке. Пробка!

На время это обыкновенное и, так сказать, второстепенное слово стало главным. Его склоняли во всех шести падежах, произносили всюду, где только возможно, и весьма часто ни к селу ни к городу.

Как же такое в общем мизерное слово выскочило вперед и сделало головокружительную карьеру?

О, это началось просто. Появилась в газете заметка:

МИЛЛИОНЫ НА СМЕТНИКЕ

Заголовок серьезный, но не самый свежий. В газетах часто можно найти такие заголовки: "Миллионы ржавеют", "Миллионы под ногами", "Миллионы на ветер". Заметка "Миллионы на сметнике" без журналистской нарядности и щегольства ставила простенький вопрос -- использованная пробка не должна пропадать, ее снова можно пустить в дело, и таким образом миллионы избегают печальной необходимости валяться где-то в мусорных ящиках.

Предложение имело успех. Один видный хозяйственник высказался в том смысле, что пробку действительно не худо бы собирать. С этим согласились все. Тут-то и надо было начать сбор пробки, сухо, по-деловому, не сопровождая свои действия вызывающими возгласами, извлечь миллионы из сметника и вернуть их на производство. Но произошло совсем не то.

Первой откликнулась киноорганизация. Там зорко следят за прессой и торопятся все что ни на есть немедленно отобразить в художественных произведениях. Вскоре было обнаружено сообщение, что сценарист Мурузи приступил к работе над сценарием

154

Я, в общем, не писатель. -- Впервые опубликован в журнале "Крокодил", 1932, No 15-16, под заглавием "Литературная отмычка". Подпись: Ф. Толстоевский. Это был юбилейный номер журнала, посвященный десятилетию "Крокодила".

(название еще не установлено), в котором ставятся вопросы сбора пробки в свете перерождения психики отсталого старьевщика-единоличника. Через два дня последовало новое сообщение. Оказывается, Мурузи сценарий уже окончил (условное название -- "На последней меже"), создана крепкая съемочная группа и составлена смета на девяносто четыре тысячи ориентировочных рублей.

И все закипело.

В отделе "Над чем работает писатель" можно было прочесть, что писатель Валерьян Молокович заканчивает повесть, трактующую вопросы сбора пробки, однако уже не в свете перерождения психики какого-то жалкого старьевщика, а гораздо шире и глубже -- в свете преодоления индивидуалистических навыков мелкого кустаря, подсознательно тянущегося в артель.

Главы из своей новой повести Молокович уже читал на районном слете управдомов. Управдомы нашли, что повесть заслуживает пристального внимания, но что автору не мешает еще больше углубить свое мировоззрение. Автор обещал слету мировоззрение подвинтить в декадный срок. Решительно пробка захватывала все большие участки жизни. Странные колебания эфира показали, что радиообщественность тоже не дремлет. Были отменены утренние концерты. Вместо них исполнялась оратория. Дружно гремели хор и оркестр:

Мы были пробкой не богаты,

Богаты пробкой станем мы.

Смелей, дружной вперед, ребята,

Штурмуйте сметников холмы!

На всякий случай отменили и дневные концерты, чтобы размагничивающей музыкой Шопена не портить впечатления от оратории.

Жару поддала газетная статья, напечатанная, как потом выяснилось, по недосмотру редакции.

Статья была смелая. В ней горизонт необыкновенно расширялся. Уже и речи не было о простом использовании старой пробки. Заварена была совершенно новая каша. Автор статьи утверждал, что обыкновенная пробка есть не только затычка для закупоривания бутылей, банок и бочек, не только материал, идущий на спасательные пояса, изоляционные плиты и тропические головные уборы, но нечто гораздо более важное и значительное. Ставился вопрос не голо практически, но принципиально, а именно -- о применении в сборе пробки диалектико-материалистического метода. Автор всячески клеймил работников, не применявших до сих пор этого метода в борьбе за пробку. В качестве примера недialeктического подхода к пробке приводился киносценарий, сочиненный торопливым Мурузи.

Мурузи ужаснулся, и картину стали переделывать на ходу. Заодно увеличили смету (сто шестьдесят три тысячи ориентировочных рублей).

Юмористы пустили в ход старый каламбур насчет пробки бутылочной и пробки трамвайной.

Вообще трескотня шла необыкновенная. Взору уже рисовались большие прохладные склады, наполненные пахучими пробками, как вдруг произошел ужасный случай.

Жил на свете мальчик, чудесный мальчик с синими глазами. Его звали Котя. Котя прочел самую первую заметку "Миллионы на сметнике", и пока в эфире бушевала оратория, пока Молокович подвинчивал мировоззрение и кто-то вел титаническую борьбу за внедрение диалектического метода в пробочное дело, -- умный мальчик собирал пробки. Он собрал четыреста шестьдесят восемь пробок больших и триста шестьдесят пять пробок малого калибра.

Но сдать этот товар было некуда. Вопрос о пробках успели поднять на такую принципиальную высоту, что забыли открыть склады.

Такой чепухой никто не хотел заниматься. Хотелось болтать, рассуждать о высоких материях, искать метода, закапываться в глубь вопроса.

Некоторое отрезвление внесла лишь новая заметка. Правда, называлась она так же, как и старая, -- "Миллионы на сметнике", но содержание ее было другое. Имелись в виду ориентировочные рубли, потраченные на художественный фильм о переломе в душе старьевщика-единоличника, на многократное колебание эфира музыкальной фразой: "Богаты пробкой станем мы", печатанье боевой повести Валерьяна Молоковича, -- на что угодно, кроме пробки.

И на тему этой заметки почему-то не было сотворено ни одного художественного произведения.¹⁵⁵

1932

Михаил Кольцов. К вопросу о тупоумии

В небольших комнатах правления Еланского потребительского общества бурлила деловая суэта. Входная дверь оглушительно хлопала, впуская и выпуская посетителей с брезентовыми портфелями. В прихожей четвертый раз разогревали чайник для руководящего персонала.

Ответственный кооператор товарищ Воробьев высунулся из кабинета в канцелярию.

— Как же с телеграфной директивой? Уже который день собираемся спустить ее в низовую сеть. Дайте текст на подпись.

Ему принесли листочек с текстом. В-конце директивы бодро синели мужественные слова: «...усильте заготовку».

— А номер? Директиву без номера спускать не приходится.

Листок порхнул в регистратуру и вернулся с мощным солидным номером.

«...усильте заготовку 13 530».

Воробьев обмакнул перышко, строго посмотрел на лишнюю каплю чернил и, презрительно стряхнув ее, поставил подпись вслед за номером.

Директиву спустили. Она скользнула по телеграфным проводам, потом ее повезли со станции нарочные по селам.

Нарочные мерзли, они кутали сизые носы в пахучие овчины, директиве было тепло, она лежала глубоко за пазухой у нарочных.

Уполномоченный районного потребительского общества в Ионово-Ежовке расправил телеграфный бланк и звонко до конца прочел уполномоченному райисполкома приказание высшего кооперативного центра.

— «...усильте заготовку 13 530 воробьев». Понял?

— Понял. Только в конце не расслышал. Чего там усилить заготовку?

— Сказано — воробьев.

— Так-так-так-так-так... Ясно. И много их, воробьев, надо заготовить?

— Сказано — тринадцать тысяч пятьсот тридцать штук. Понял?

— Так-так-так-так-так! Ясно, ясно. А подпись чья?

— Подписи нет. Да и к чему подпись? Дело простое: усилить заготовку тринадцати с половиной тысяч воробьев. Придется, дорогой товарищ, это дельце спешно провернуть. Вызывай председателя.

Ионово-ежовский председатель, осведомившись о полученной директиве, нахмурился, но не сплеховал. Он сказал прямо и открыто, что заготовка воробьев для ионово-ежовцев дело новое. Всякое заготовляли, но чего не заготовляли, того не

заготавливали. Воробьев не заготавливали. Однако заготовить можно, ионово-ежовцы не подкачают. Дело проверить можно, надо только поднять дух, воодушевить массу.

Председатель совета, совместно с двумя районными уполномоченными — исполкомским и кооперативным — устроил заседание актива. Перед активом были сделаны доклады о последних директивах по заготовке воробьев.

Далее последовало общегражданское собрание всей Ионово-Ежовки. Часть единоличников, вначале сильно встревоженная, узнав, что дело идет только о воробьях, пришла в приподнятое и даже веселое настроение. Один из граждан выразил это даже в виде краткой речи, под легкий смех в зале:

— Чего, чего, а воробьев заготовим. Воробьев нам не жалко.

Смех показался президиуму подозрительным. Председатель собрания наставительно и сурово сказал:

— То-то же!

Дальше работа шла как по маслу. Население подошло к заготовке воробьев поистине как к важнейшей ударной и срочной кампании. Распоряжением местных властей были привлечены к работе не только взрослые, но и школьники и дети.

В целях успешного выполнения контрольного задания заготовка проходила не только днем, но и ночью. При фонарях.

В самый разгар воробьиных заготовок в Ионово-Ежовку приехали по другим делам районный прокурор Карлов, народный судья Семеркин, представитель районной милиции Дзюбин, бригада райисполкома по обследованию местной работы. Ежовцев они нашли в больших заботах.

— Немножко невпопад вы приехали. У нас сейчас воробзаготовки.

— Чего?

— Заготовки воробьев. Ну и цифру вы там в районе нам вкатили. Тринадцать с половиной тысяч! Не знаем, как и вылезем. Хорошо еще, население проявляет активность.

Районные вожди ничего не слышали насчет воробьев. Но каждый из них в отдельности не считал нужным показывать свою оторванность от текущих политико-хозяйственных задач. Каждый смолчал. А кое-кто даже проявил отзывчивость:

— Вы себе заготавливайте, а мы пока будем тут сидеть, тоже поможем, чем сможем.

Присутствие гостей из района внесло особый подъем в заготовительную работу. Кто-то приехал из соседнего села, из Александровки. Там тоже получили директиву из Елани, тоже приступили к заготовкам, но обратились в центр с ходатайством снизить контрольную цифру. Ежовцы торжествовали:

— Забили мы Александровку! В бутылку загнали! Отстали александровцы к чертям собачьим. А мы, еще того гляди, перевыполним задание!

Потом произошло бедствие. В амбар, где содержались две тысячи живых заготовленных воробьев, проникли кошки и съели двести штук.

По этому поводу был созван особый митинг протеста. На митинге уполномоченный райисполкома, зловеще поблескивая очками, сказал:

— Тот факт, что кошки съели двести воробьев, мы рассматриваем как вредительство, как срыв боевого задания государства. За это мы будем кого следует судить. Но при этом мы должны на действия кошек ответить усиленной заготовкой воробьев.

Возник еще ряд острых проблем. Для выяснения их инструктор потребительского общества товарищ Енакиева срочно выехала в Елань.

Она, Енакиева, явившись в район, в правление, заявила :

— По линии заготовки воробьев я приняла на себя личное руководство. Заготовка проходит в общем и целом удовлетворительно. Но имеются неразрешенные вопросы, по каковым я сюда специально и приехала. Во-первых, крестьяне интересуются, какие заготовительные цены, а нам, кооператорам, цены неизвестны. Во-вторых, узким местом является отсутствие тары. Кстати, важно выяснить и такой вопрос: в каком виде

заготавливать воробьев. Живых или битых? Надо бы поделиться опытом других организаций. Мы, например, производим в настоящее время заготовку живьем. Для чего разбрасываем просо, как приманку, а также в качестве приманки разбрасываем кучками хворост на гумнах... По получении нами заготовительных цен, равно тары, заготовка безусловно пойдет более интенсивным порядком. Необходимо также выяснить...

Докладом товарища Енакиевой и последовавшим затем скандалом заканчивается история о воробьиных заготовках. Ей, этой районной истории об идиотски понятой и головотяпски выполненной телеграфной директиве, не следовало бы придавать серьезного значения. Ведь в ней ничего нет, кроме безобидного тупоумия.

Но пора же, наконец, вступить всерьез в борьбу и с этим милым качеством! Можно ли вообще говорить о тупоумии как о безобидном, природном, «объективном» качестве?

Партия очень ценит, очень дорожит дисциплиной при выполнении ее заданий. И именно поэтому надо рубить на части тех, кто, спекулируя, злоупотребляя этой дисциплиной, переводит выполнение в издевательство, беспрекословность — в солдафонство.

При воробьиных заготовках на селе присутствовали работники из района — прокурор, судья, начальник милиции. Кто поверит, что эти уважаемые лица, нет, не лица, а рожи, сочли заготовку воробьев нормальным делом?.. Нет! Каждый из них мысленно изумлялся балагану с воробьями. Но каждый молчал.

Мы сейчас перебираем сверху донизу советскую и кооперативную систему. Выбрасываем гнилое, чужое, вредное. Не надо делать исключений для людей, изображающих из себя дурачков. Таких «наивных», как те, что заготавливали воробьев, можно воспитывать только в одном месте. В тюрьме.

1931

Огонек

русский советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. Издаётся с 1923 в Москве. Первый редактор — М. Е. Кольцов (до 1938); затем в разное время — Е. П. Петров, А. А. Сурков, с 1953 — А. В. Софронов. "О." публикует хронику современной жизни, рассказы, очерки, стихи, фоторепортажи. Как приложение с 1925 выходит библиотечка "О.", с 1928 — собрание сочинений русских и зарубежных писателей. Тираж "О." (1974) свыше 2 млн. экземпляров. Награжден орденом Ленина (1973).

Журнал о современной жизни для современного человека, которому интересно жить в XXI веке в нашем изменяющемся обществе. Наш читатель имеет собственный взгляд на жизнь. Для него важна карьера и профессиональная самореализация, но также важно жить полной жизнью: иметь семью, друзей, интересный досуг и увлечения. Читатель «Огонька» — активный потребитель, он хорошо ориентируется в море информации и имеет собственные приоритеты выбора.

«Огонек» для такого читателя — умный и доверительный собеседник, с которым можно говорить практически обо всем. Журнал ориентирован на качественный infotainment, насыщен мнениями людей, авторитетных для аудитории, щедро иллюстрирован фотографиями, рисунками, схемами и элементами инфографики. Содержит много

прикладной, потребительской информации. Стиль подачи — говорить просто о сложном.

На страницах «Огонька» появлялись развернутые статьи российских писателей, ученых, деятелей культуры — словом, тех, кого приятно считать интеллектуальной элитой общества. Свежие подходы к известным проблемам, парадоксальные выводы, оригинальные версии, дискуссии профессионалов, — все то, за что ценят «Огонек».

Среди постоянных авторов «Огонька» — историк Эдвард Радзинский, писатели Михаил Жванецкий, Виктор Ерофеев, Дмитрий Быков, Сергей Лукьяненко, лауреат Букеровской премии Денис Гуцко, журналисты Андрей Колесников, Дмитрий Воскобойников, Дмитрий Губин, Александр Сосновский, телеакадемик Сергей Муратов.

В журнале публиковались: Генрих Боровик, Михаил Швыдкой, Михаил Козырев, Мария Бутырская, Эдуард Лимонов, Ольга Свиблова, Станислав Лем, Борис Стругацкий, Полина Дашикова, Олег Скрипка, Леонид Володарский, Оксана Фандера, Амалия, и многие другие.

«Мне строго наказали — делать его хорошо и интересно»

Алексей Сурков — Иосифу Сталину о журнале «Огонек». 1946 г.

Леонид МАКСИМЕНКОВ

Пятитысячный номер «Огонька» — повод вспомнить некоторые тайные страницы истории отечественной журналистики XX века вообще и ее сталинского 30-летия в частности. Сегодня с помощью ранее скрытых архивных документов можно четче уяснить то, с каким наследством отечественная журналистика пришла в новый век.

Все, что вы прочтете об «Огоньке», собрано из сотен архивных дел в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). До 1991 года это был Центральный партийный архив

1922 год

Журнал, которому суждено будет стать старейшим брендом отечественной журналистики, возродился в первый полный календарный год новой экономической политики. Нэп был первой отечественной перестройкой после Октябрьского большевистского переворота.

Летом 1922 года возникла реальная альтернатива, что вместо «Огонька» был бы возобновлен журнал «Нива».

Заправлял всем Л. Д. Троцкий. Идея возобновления «Нивы» ему понравилась, и он писал: «Я думаю, следовало бы использовать для литературно-художественной пропаганды в нашем духе будущую «Ниву». Полагаю, что наилучшим редактором литературно-художественного отдела был бы Брюсов. Большое имя, большая школа, и в то же время Брюсов совершенно искренно предан делу рабочего класса» (25 июня).

Но за кулисами «Министерства правды» передумали. Вместо возобновленной «Нивы» родился «Огонек».

5 августа 1922 года в политотдел Госиздата поступает ходатайство о разрешении на издание журнала «Огонек». Если Госиздат был тогдашним Министерством по делам полиграфии и издательств, то его политотдел чем-то вроде сегодняшней Росохранкультуры — большим начальником по части выдачи разрешений на новые издания.

«Копия

В политотдел Госиздата

От Управляющего Центральной Экспедицией Советской и Партийной печати Голомба Э. Г.

Заявление

Прошу о выдаче разрешения на издание еженедельного иллюстрированного литературного журнала «Огонек».

Содержание журнала: рассказы, очерки, стихи, фотографии, зарисовки и карикатуры

текущей жизни и объявления. Размер — 16 — 32 стр.

Редактором журнала будет т. М. Е. Кольцов. Постоянными сотрудниками намечены тт. А. Гай (А. Меньшой), Еф. Зозуля, Б. Малкин, С. Городецкий, М. Пустынин, П. Ашевский, Б. Пильняк, М. Герасимов, С. Обрадович, Александровский, Казин, С. Родов и др.

Издание журнала будет вестись издательством «Огонек», временно в моем лице (адрес: Б. Дмитровка, 17, кв. 57).

Э. Голомб

Москва 5/VIII — 22 г.».

С первого дня журнал находился под бдительным кураторским оком главного штаба власти в Советской республике — Политбюро ЦК Российской (позднее Всесоюзной) коммунистической партии большевиков. В журнале печатались эксклюзивные материалы первостепенной государственной важности. Например, фоторепортаж «Ленин на отдыхе».

Единства в подходе к требованиям к новому массовому журналу у товарищей не было. Троцкого интересовали сугубо полиграфические вопросы. Даже судя по этому письму ясно, что Троцкий не понял, что после смерти Ленина он проснулся в другой стране. Из Сухуми он обрушивается с едкой критикой на полиграфическое оформление «Огонька»:

«В редакцию «Огонька»

Уважаемые товарищи!

Вы просите сказать несколько строк в ваш юбилейный номер. Позвольте мне воспользоваться этим любезным приглашением для того, чтобы выразить свое чрезвычайное огорчение (ограничимся этим словом) по поводу совершенно недопустимой типографской и литографской техники «Огонька». Когда я беру номер английской газеты «Таймс», ежедневной газеты, с ее ежедневным иллюстрированным приложением, и сравниваю технику «Таймса» и технику «Огонька», я вижу в иллюстрациях «Огонька» прежде всего иллюстрацию нашего технического варварства. Разумеется, нельзя требовать, чтобы Мосполиграф держал еженедельное издание на уровне английского ежедневного издания. Но нужно все-таки печатать так, чтобы это не походило на издевательство над читателем. Может быть, эти строки не отличаются необходимым юбилейным тоном. Прошу вас, во всяком случае, верить, что они продиктованы искренним желанием успеха вашему изданию. 11 марта 1924 года. Сухум-Кале».

Трудно сказать, было ли это сублимацией гнева за проигранное ленинское наследство или нет. Почему раздражение вызвал «Огонек» и именно за типографские недочеты? Или у других советских изданий их было меньше? Верный сын большевистской партии, Троцкий был ортодоксальным коммунистом еще и потому, что не называл вещи своими именами. Может быть, ему не понравилось недостаточное внимание к собственной персоне или, наоборот, преувеличенное почтение к руководящей тройке Сталин — Зиновьев — Каменев, которая «раком, гусем и щукой» вползла на кремлевский трон после смерти Ленина — первым в нашей истории и, увы, недолговечным коллективным руководством.

Вероятно, что корреспонденция Троцкого перлюстрировалась и докладывалась Сталину или его «Секретному отделу» (будущему «Особому сектору»). Если так, то критика Троцкого пошла журналу на пользу. Все, что не нравилось Льву Давыдовичу, автоматически поддерживалось Иосифом Виссарионовичем.

Журнал создавался для нового класса. Класс и лучшие его представители в лице партийной и советской номенклатуры должны были прежде всего знать в лицо самих себя

и своих начальников. От портретов, даже если они и не были высокого полиграфического качества, требовалось, чтобы они без труда могли быть вырезанными и обрамленными в рамку на стене избы-читальни в деревне, красного уголка на заводе или помещенными в стенгазету рабочего факультета университета. В век отсутствия кинохроники и тем более телевидения они должны были постоянно напоминать, кто в советском доме Хозяин. Но и при этом отретушированные иконописные образы начальников всесоюзного ранга публиковались по строго определенной схеме и по установленным канонам. Не на обложках, подобно сегодняшним официозам. Цветная вкладка полагалась только на крупный юбилей — 50-летие и далее через каждые 10 лет. Начальство, за исключением первого лица, на обложки номеров и не рвалось. Это считалось непартийным проявлением нескромности и зазнайства, не достойных большевиков ленинско-сталинской школы.

15 февраля 1925 года советский полпред в гоминдановском Китае Лев Михайлович Карахан пишет из Пекина Сталину: «Видел твой портрет в «Огоньке», по-видимому, последний. Немного постарел, дорогой Сталин. Трудные полтора года были! Но теперь, надеюсь, будет немного легче. Я поражаюсь, как спокойно партия приняла решение о Тр. [оцком]». «Последний» портрет Сталина сигнализировал партии о том, кто становился единоличным Хозяином в Кремле. Карахан из его пекинского далека все же совершил тактическую ошибку. Написал Сталину, которому было 45 лет: «Немного постарел».

Так же «спокойно» партия воспримет не только «решение о Троцком», но и другие решения о миллионах своих бойцов и соотечественников. В том числе о Карахане. В 1937 году вождь затащит советского посла при дворе Кемалья Атаюрка назад домой заманчивым предложением посольской синекуры в Вашингтоне. Место якобы готово и ждет Карахана. Заезжайте в Москву — и в Америку! Карахан приедет, будет немедленно арестован и казнен.

Михаил Кольцов

Не менее трагично сложится судьба основателя журнала Михаила Ефимовича Кольцова — непревзойденного гения советской журналистики. Кольцов руководил «Огоньком» в 1923 — 1938 годах. Вторая половина 20-х и 30-е годы была временем исключительного карьерного роста этого первого редактора журнала. Кольцов был молодым и воистину еще одним «нашим советским всем».

Кольцов — незаменимый Фигаро советской журналистики. Закрывались и открывались журналы, но «Огонек» был непотопляем. При Кольцове советская «Нива» стала таким же незаменимым атрибутом новой власти, что и газеты «Правда» и «Известия».

Кольцов — член редколлегии «Истории Гражданской войны» — первого освященного Сталиным катехизиса истории Советской России.

Он — докладчик на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК.

Протокол № 54 заседания Секретариата ЦК от 3 августа 1928 года. Пункт четвертый повестки дня. О сатирических журналах докладывает Кольцов. Постановили: «г) журналы «Бегемот» и «Бич» закрыть. д) Вопрос о закрытии «Лаптя» отложить на 2 месяца и поставить его в том случае, если редакция за это время не добьется радикального улучшения ведения журнала. е) Вопрос о целесообразности изъятия журнала «Смехач» из издательства газеты «Гудок» передать на предварительное рассмотрение АППО ЦК».

Тучи над головой Кольцова постоянно сгущались, и с таким же закономерным постоянством наступало просветление. Иначе и быть не могло. Он был азартным игроком, менеджером и политехнологом мирового класса. Такие в Америке становились медиамагнатами-миллиардерами. У нас — наполнителями из крематорского пепла в массовых захоронениях на кладбище Донского монастыря или на подмосковных полях Бутовского полигона и совхоза НКВД «Коммунарка». Кольцов был смелым человеком. Разумеется, в строгих рамках партийности и советской лояльности. Он нередко

протестовал и добивался (неслыханное в советской практике) отмены неправильных с его точки зрения решений.

7 декабря 1929 года. Михаил Кольцов — Лазарю Кагановичу:

«Дорогой Лазарь Моисеевич!

Нелепая случайность (ошибка секретаря) помешала мне быть у Вас 2 декабря. Сейчас никак не могу попасть к Вам. Вопрос о «Чудаке» был решен на секретариате без вызова меня, на что я, казалось бы, мог рассчитывать как основатель журнала. Единственная оставшаяся у меня надежда — пересмотр вопроса на оргбюро 10 декабря. Очень прошу Вас — ПОСТАВИТЬ ВОПРОС ЕЩЕ РАЗ и до этого вызвать меня хоть на 10 минут поговорить — КАК ВЫ ОБЕЩАЛИ! Я в ужасном состоянии. С приветом, Мих. Кольцов».

18 декабря Оргбюро ЦК ВКП(б) отменяет решение Секретариата от 6 декабря (№ 169/ п. 13) и постановляет: «Оставить журнал «Чудак» самостоятельным, не сливая его с журналом «Крокодил».

Молотов отдыхает на юге в Гаграх и не знает, что Кольцов добился невозможного — пересмотра и отмены решения ЦК. Он недоуменно спрашивает Кагановича: «Как случилось, что Кольцов опять редактор «Чудака»? Узнал по «Правде» № 302. Молотов» Каганович отвечает Молотову: «Так надо».

В 30-е годы Кольцов — самый незаменимый журналист Советского Союза.

23 июля 1932 года. Постановление Политбюро «О т. Кольцове»: «Разрешить т. Кольцову заграничную поездку в Париж для освещения процесса Горгулова». Русский белоэмигрант Горгулов убил президента Франции Думера. Западноевропейская пресса и некоторые политики увидели в этом «руку Москвы». Чтобы запутать ход следствия, в Париж отправляется Кольцов.

19 сентября 1933 года. Новое решение Политбюро со старым названием «О т. Кольцове»: «Не возражать против поездки т. Кольцова в Париж для освещения в печати процесса о поджоге Рейхстага».

«Правде» на поездку Кольцова выдается тысяча золотых рублей — примерно 50 тысяч долларов в сегодняшних масштабах цен. Сумма по тем временам фантастическая. Все потому, что Сталин определил дело о поджоге Рейхстага емкой формулировкой: «Новая горгуловщина». Поскольку гитлеровцы не пустили Кольцова на Лейпцигский процесс в Германию, следует новое постановление Политбюро:

«Поручить [полпреду СССР] т. Хинчуку заявить Германскому правительству немедленно протест против того, что, несмотря на то что на процесс о поджоге Рейхстага допущены корреспонденты всех стран, только наши корреспонденты не допущены и, кроме того, еще подвергались аресту и обыску, и предупредить, что мы со своей стороны не останемся в долгу и вышлем немецких корреспондентов и отзовем своих».

В 1933-м Кольцов — член редколлегии «Литературной газеты». 20 февраля 1934-го он включен в состав редколлегии «Правды». По личной просьбе сталинского куратора советской печати, бывшего секретаря Сталина, редактора «Правды» и будущего начальника Главного политуправления армии и флота Льва Мехлиса:

«Тов. Сталину.

Просьба включить тов. Кольцова М. в состав редакции «Правды». Это даст возможность подтянуть его ближе к газете, разгрузив от мелкой работы по различным издательствам.

Л. Мехлис».

«Товарищам Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову.

Редакция просит разрешить посылку в Испанию в качестве специального

корреспондента «Правды» тов. Михаила КОЛЬЦОВА.

Согласие товарища Сталина имеется.

Просьба отпустить на расходы 1200 долларов.

Редактор «Правды» Л. Мехлис».

Формально Кольцов был корреспондентом «Правды». Фактически — эмиссаром Сталина в Мадриде. Имел право и технические средства для непосредственного обращения к вождю и к наркому обороны маршалу К. Е. Ворошилову. Минюта полпреда и начальника военной миссии. Испанская политика Кремля во многом формулировалась благодаря спецсообщениям Дона Мигеля.

Что-то из несекретных материалов Кольцова, разрешенных цензурой к печати, будет опубликовано на страницах «Огонька» и «Правды», а потом составит классическую книгу «Испанский дневник». Выйдет только первый том. Небольшого роста белостокский вундеркинд, которого в детстве звали Мойше Фридлянд, настолько запомнится Эрнсту Хемингуэю, что на страницах его классического романа о гражданской войне в Испании «По ком звонит колокол» Кольцов навсегда останется в незабываемом образе журналиста Котова. Когда роман выйдет в свет, Мойше Фридлянд — Дон Мигель — Михаил Кольцов уже будет расстрелян. Он будет проходить по одному делу с Вс. Мейерхольдом, И. Бабелем, директором МХАТа Я. Боярским, наркомом в ежовых рукавицах — Н. Ежовым и еще парой сотен пущенных в расход лояльных слуг сталинского режима. Но это будет потом, а пока на его депеши из героического Мадрида ссылаются наркомы для обоснования своих просьб.

16 октября 1936 года нарком внешней торговли Аркадий Розенгольц (потом к его фамилии также добавят «оказался врагом народа») обращается к Кагановичу и Молотову: «В связи с невозможностью быстрого получения рефрижераторного парохода из Ленинграда и учитывая сообщение тов. Кольцова о первоочередных нуждах астурийских горняков, прошу разрешить снять из намеченного к отправке за счет средств, собранных трудящимися Советского Союза [...]». Далее идет список: заменить 500 тонн масла на 1500 тонн муки и 500 тонн сахара. Дополнительно послать: 5 тысяч мужских ботинок, 5 тысяч телогреек-безрукавок, 200 тысяч коробок папирос, 50 тысяч пачек спичек (это испанским папам и мамам), 25 тонн конфет и 25 тонн печенья (а это — испанским детишкам). Решение Политбюро принято в тот же день. Если просит Кольцов, то, значит, это действительно необходимо.

Сложности с развитием войны на Иберийском полуострове, связанные с догматическим классовым подходом Кремля к военной стратегии и к европейской дипломатии, отразились и на безукоризненной репутации «Огонька». Целиком посвященный Испании № 33 журнала за 1936 год был конфискован цензурой и пущен под нож.

19 декабря 1936 года начальник Главлита С. В. Ингулов (окажется неразоблаченным белогвардейским шпионом и будет расстрелян через два года) сообщает об этом серьезном инциденте Сталину, Кагановичу, Андрееву и Молотову. Например, на 3-й странице напечатаны фотографии эскадрильи советских самолетов Р-5 с советскими опознавательными знаками — красная звезда на крыльях. Журнал появился в тот же день, что и сообщение ТАСС, в котором говорилось о том, что «никаких советских войск в Испании нет» (тассовское сообщение — очередная советская дезинформация, о которой редакция «Огонька» просто не могла знать заранее).

В лучшем случае виновных выгнали с работы и арестовали, в худшем — расстреляли. Ведь дело было передано в НКВД. А на дворе роковой 1937 год. Тучи сгущались и над кремлевским политтехнологом всемирного масштаба Кольцовым. Он был главным лоббистом проекта создания международной солидарности писателей и деятелей искусств, своеобразного интернационала левой и просоветской интеллигенции. Едва ли не самой ударной была его идея с приглашением в СССР Нобелевского лауреата Андре

Жида. А. Жид ехал в Москву, чтобы встретиться с Максимом Горьким, но по какой-то причине с организацией визита тянули. Вместо горьковской дачи лауреат попал на похороны патриарха социалистического реализма. Его речь на похоронах с трибуны Мавзолея молча слушал Сталин. Кольцов переводил. Речь Сталину в переводе Кольцова не понравилась. Тонкий эстет говорил об Элладе и Древнем Риме. Какая Эллада? Какой Рим? Уж не намек ли это на Муссолини? Сохранилась фотография, на которой Кольцов рядом с Алексеем Толстым на трибуне, когда выступает французский гость. Невстреча с Горьким стала дурным предзнаменованием. Проект «Андре Жид в СССР» провалился. Жид, вернувшись во Францию, выпустит антисоветскую книгу — отчет о поездке, на которую Сталин поручит ответить товарищу Кольцову. Поручение Кольцов не выполнит. Война в Испании шла к неминуемому краху из-за советской стратегии и тактики. Да и советский тип вооружений оказался хуже немецкого. Над Европой сгустились тучи мировой войны. Но накануне мюнхенского сговора в сентябре 1938 года Политбюро все же посылает Кольцова в его последнюю международную командировку, в преданную Западом и обреченную Прагу.

Трудно сказать наверняка, какие конкретные эпизоды сыграли роль в составлении у вождя «особого мнения» о Кольцове. По воспоминаниям родного брата Кольцова, выдающегося карикатуриста Бориса Ефимова, на последней встрече с Кольцовым Сталин спросил у него: «Дон Мигель, у вас револьвер есть?». Кольцов намека не захотел понять. Последовал арест. Попытки. Выдуманные обвинения. Расстрел. Прах в безымянной могиле.

После ареста немедленно были составлены грязные доносы и записки, объяснявшие закономерную необходимость и неизбежность политического краха Дона Мигеля.

6 декабря 1938 года. Секретарь Кольцова по газете «Правда» В. Ионов, комсомолка с 1926 года, член партии с 1932 года, подписывает пасквиль на своего арестованного начальника: «До сих пор моя партийная жизнь была честной и незапятнанной, если не считать комка грязи, отлетевшего в мою сторону от врага народа Кольцова, т.к. моя работа с ним (хотя я и не была его личным секретарем) все-таки наложила тень на мою честную работу и в партии, и в комсомоле, и в «Правде».

По словам Ионовой, всё и вся в арестованном Кольцове приобретало зловещий, вредительский и террористический оттенок. К чему бы он ни прикасался. Например, в 1938 году Кольцов получал до 180 писем в день. Однажды за 5 дней скопилось 500 писем. В кабинете постоянно был наплыв посетителей. По существовавшей практике, не попавшие на прием оставляли заявления. Бесперывно звонил телефон. При этом Кольцов читал лишь треть поступавшей почты. Вредительство! О том, что он читал по 60 писем в день и лишь в редакции «Правды», никто не задумывался.

Гражданская жена Кольцова — немецкая журналистка Мария Остен, — узнав об аресте Кольцова, добровольно вернулась в Москву. На свою погибель. Но по-иному поступить она не могла. Ведь Кольцов сделал из дочери германских бюргеров профессиональную журналистку.

23 февраля 1935 года Мария Остен обратилась к Сталину:

«Дорогой товарищ Сталин!

Год назад я взяла при содействии московских товарищей немецкого мальчика — пионера из рабочей семьи в Саарской области и перевезла его в СССР. Мальчик, который рос в атмосфере голода и фашистского террора, попал в царство детского счастья. Он побывал в городе и деревне, посмотрел много советских детских учреждений и учится в советской немецкой школе. Все это описано мною в большой иллюстрированной книге «Путешествие Губерта в страну чудес», выходящей в «Огоньке», с предисловием тов. Димитрова, под редакцией тов. Кольцова. Затем книга выйдет на ряде иностранных языков.

И вот у меня громадная просьба к Вам, товарищ Сталин. Я прошу разрешить

напечатать в этой книге портрет Ваш с дочкой. Какую радость это доставит всем маленьким и взрослым читателям моей книги в СССР и во всем мире: какой подъем вызовет у них... Я надеюсь, что Вы, дорогой товарищ Сталин, не лишите их этой радости и удовлетворите мою просьбу.

С коммунистическим приветом, Ваша Maria Osten. Мария Osten.
23 февраля 1935 г.

**М. Остен. Журнально-газетное объединение «Огонек».
Страстной бульвар, 11».**

Марию Остен расстреляют после начала Великой Отечественной войны.

В доносе секретарши Кольцова остались такие характерные детали о стиле его редакторской работы: «З. Кольцов в редакции ничего не делал. Он появлялся почти всегда ночью часа на 2 — 3 и просиживал это время в кабинете у дежурного редактора. Часами сидел в кабинете ответственного редактора Ровинского. (Мы знаем, что так сидела ночами на своих рабочих местах вся номенклатура. Или ждала стука в дверь, или сигнала от главного ночного сидельника.) Они всегда ездили вместе на все приемы, в Кремль, на совещание и т.д. [...] У т. Ровинского часто бывала Ежова Е.С. (бывала она и у Кольцова). Однажды он и Ровинский (не помню, был ли тогда Ушеренко) ездили к ней на дачу».

1936 — 1938 годы. Ежова руководила журналом «СССР на стройке». Журнал оказался логовищем фотографов-конструктивистов, формалистов и футуристов во главе с А. Родченко. К моменту ареста Кольцова супруга наркома в ежовых рукавицах уже умерла отравленной в санатории в Барвихе, но после из ее мужа все-таки выбьют признания, что еще в 1926 году покойная была завербована «разведкой МИД Англии» и освещала положение в СССР, в том числе «политические настроения русской интеллигенции». Связана по работе была с Михаилом КОЛЬЦОВЫМ (который руководил Журнально-газетным объединением, где издавался «СССР на стройке»). Такая получалась цепочка. Жена наркома внутренних дел мадам Ежова и сталинский эмиссар в Испании в фактическом ранге министра Кольцов со страниц своих журналов поочередно подавали фотосигналы английской разведке, и не нужно было никаких закладок в подмосковных пеньках делать.

Поучительная судьба основателя «Огонька», исключительно талантливого менеджера, не могла не отразиться на престиже и котировках издания на «кремлевской бирже». Однако, перефразируя известный апокриф Сталина о советских писателях, можно сказать: другого «Огонька» у Сталина не было.

Но кольцовские корешки еще долго будут вычищать из редакции «Огонька». 30 декабря 1938 года старший инструктор Отдела руководящих партийных органов Политуправления Красной Армии полковой комиссар А. Магид (в «Правде» публиковался под фамилией А. Самойлов) пишет покаянное письмо Жданову, Маленкову и Шкирятову. Он только сейчас понял, что Кольцов шпион: «Взять хотя бы с бытовой стороны. Он имел трех жен, и все иностранки. Сначала немку привез из Берлина в качестве жены, затем испанку, затем еще кого-то».

По заданию ЦК Магид обследовал «Огонек» и признал эту кольцовскую вотчину «дворянским гнездом». Магид: «Кольцов узнал о записках в ЦК и спросил: «Что ты там опять нагубошлепил?»

Под раздачу едва не попал Исаак Ерухимович. Он, как и сотни других журналистов, по негласному совету Сталина подписывался другой, благозвучной фамилией — Ермашев (что ему припомнят в годы борьбы с космополитизмом: «Скрывал истинное лицо!»). В 1942 — 1943 годах он будет руководить «Огоньком», исполняя обязанности погибшего на фронте Евгения Петрова.

За месяц до начала Великой Отечественной войны выходит постановление ЦК ВКП(б) «О рецензии на кинокартину «Сердца четырех», опубликованную в журнале

«Огонек». Окрик слышали от Кронштадта до Владивостока: «Запретить газетам и журналам публикование рецензий на кинокартины до разрешения к выпуску их на экран». Вместе с этим запретили и картину. В последний мирный месяц у кремлевских цензоров не было более первостепенных задач, чем чтение рецензий на кинофильмы. Все оказалось просто: фильм не понравился Сталину («Чересчур много затяжных поцелуев», — сказал он при просмотре «Волги-Волги», и эту глубочайшую мысль применили к «Сердцам четырех»).

«Огонек» в военные годы

Как только немецко-фашистские агрессоры были отброшены от Москвы и поцелуи на экране были реабилитированы ради поднятия боевого духа армии и тыла (то есть «Огонек» оказался прав), Агитпроп вновь направил цензорскую лупу на журнал — один из немногих, издание которых не было прекращено или упорядочено. 6 марта 1942 года Секретариат ЦК принимает постановление «Об ошибке издательства «Искусство» и редакции журнала «Огонек». В нем говорится:

«ЦК ВКП(б) считает, что издательство «Искусство» и редакция журнала «Огонек» допустили грубую политическую ошибку, напечатав плакат художника А. Волошина, искажающий образ В.И. Ленина.

За опубликование искаженного портрета В.И. Ленина объявить выговор редактору издательства «Искусство» т. Пискунову П.В. и замредактора журнала «Огонек» т. Ерухимовичу И.И.

Плакат художника Волошина изъять из распространения.

Секретарь ЦК.

Старый подпольщик и экспроприатор Иосиф Джугашвили был великим мистификатором и шифровальщиком. Поэтому цеховские постановления, в том числе и о журнале «Огонек», не следует понимать буквально. Их нужно постоянно перешифровывать. Скорее всего, рядовому читателю Иосифу Джугашвили попался на глаза номер едва ли не единственного из разрешенных к печатанию во время войны иллюстрированного журнала. Полистал он его и увидел портрет Владимира Ильича Ленина. А портрета и плаката «товарища Сталина» — «парохода и человека» в роли Верховного главнокомандующего он не увидел ни в этом номере журнала «Огонек», ни в предыдущем. Читатель Джугашвили задумался. Но большевистская гордость и скромность не позволила ему поставить вопрос ребром: «Где портрет товарища Сталина? Я спрашиваю: где портрет Сталина?»

Не было в советской политической культуре большего преступления, чем растиражировать порочное изображение первого руководителя, который в данный момент волею партии и судьбы оказывался у кормила власти. Еще большим преступлением было забыть этот образ опубликовать в нужное время и в нужном месте. Вспомним негодование Троцкого из абхазского далека или верноподданническое благоговение Карахана из далека пекинского. Похоже, что новое руководство журнала во главе с и. о. Ерухимовичем плохо вняло этому требованию сурового военного времени.

Великая Победа

Великая Победа поставила перед «Огоньком» не менее великие задачи. Не было в стране второго иллюстрированного журнала с таким тиражом и с подобной привлекательностью. Своеобразная национальная идея в образе слова и изображения, в диалектическом единстве формы и содержания. А народ прежде всего хотел видеть художественный образ вождя и читать о вожде в поэзии и прозе, поскольку годами не слышал его голоса и не видел его в кинохронике.

Накануне первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР новый главный редактор журнала поэт А. А. Сурков («Бьется в тесной печурке огонь») обращается напрямую к Верховному главнокомандующему и Генералиссимусу Советского Союза (титулы сталинских должностей — министр Вооруженных сил, председатель Совета народных комиссаров СССР и секретарь Центрального комитета — остаются за кадром):

**Издательство «Правда»
«Огонек»
Редакция журнала
Москва, 40, ул. «Правды», 24
26 февраля 1946 г.**

Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Союза ССР
Генералиссимусу Советского Союза И. В. Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Редакция «Огонька» запланировала выпуск к годовщине капитуляции фашистской Германии специального сдвоенного номера, посвященного Дню Победы.

Цель этого номера — сжато, ярко, убедительно показать те главные слагаемые, из которых вырос величественный итог — наша победа.

В центре этого номера намечены материалы, к организации которых редакция не отваживается приступить без Вашей санкции.

1. Номер к «Дню Победы» немислим без заглавной темы — Верховное руководство. Поэтому мы просим Вас:

а) разрешить одному из наших лучших мастеров советской цветной фотографии (В. Микоше или Д. Дебабову) снять и сделать для журнала Ваш цветной фотографический портрет;

б) ввиду того, что ни у кого из профессиональных фотографов фотоматериалов о Вас, относящихся к уже ставшему историей времени войны, нет, мы просим Вас разрешить товарищу Власику, если у него есть снимки, показывающие Вас в штабной работе, работе ГКО и фронтовых поездках, предоставить их для напечатания в «Огоньке», чем журнал сделал бы несравненное, дорогое для народа дело;

в) разрешить одному из ближайших Ваших помощников по работе в Ставке (маршалу А. М. Василевскому или кому другому) рассказать не статьей, а живыми воспоминаниями о стиле Вашей военной работы, что, естественно, хочет знать каждый советский человек.

2. Разрешить редакции собрать у основных военачальников Великой Отечественной войны (командующих фронтами, командующих авиацией и артиллерией Красной Армии и некоторых особо выдающихся командиров) воспоминания о самых важных исторических сражениях, с тем, чтобы эти частные воспоминания в совокупности своей дали живой, динамический образ развития военных событий от контрнаступления под Москвой в 1941 году до последнего броска через Одер на Берлин в апреле — мае 1945 г.

Если Вы найдете полезным и целесообразным помещение в журнале такого материала, мы поручим организацию самым опытным и квалифицированным журналистам и писателям — участникам войны, чтобы он был сделан сжато, умно и ярко.

И, наконец, уже не относящаяся к номеру «Дня Победы» просьба редакции.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Разрешите кому-нибудь из постоянно снимающих Вас фотографов сделать для «Огонька» фотоочерк на тему «Рабочий день товарища Сталина», в котором бы был запечатлен один рядовой день Вашей жизни и государственной работы. Ведь каждый советский человек очень хочет (хотя бы через фото) увидеть глазами, как Вы живете и как Вы работаете.

Простите, что я докучаю Вам этим письмом. Но оно продиктовано живыми интересами читателей того журнала, поручая работу в котором мне строго наказали — делать его хорошо и интересно.

**Редактор журнала «Огонек» (подпись)
(Ал. Сурков)».**

В этой коленопреклоненной челобитной на имя генералиссимуса, пожалуй, было все, кроме решающей просьбы: напечатать в юбилейном номере обращение к читателям самого вождя.

Николай Сидорович Власик был начальником охраны Сталина и главным придворным фотографом. В свое время он также будет арестован, и конфискованные при аресте фотографии будут переданы в то отделение Особого сектора ЦК ВКП(б), которое занималось государственным строительством огромного национального проекта, названного «культура личности Сталина и его последствиями».

Инициатива Суркова повысила акции журнала на агитпроповской бирже и номенклатурный рейтинг самого Суркова, ставшего заместителем генерального секретаря Союза советских писателей СССР. Если в стране были генеральный комиссар государственной безопасности и генеральный секретарь центрального комитета ВКП(б) (хотя Сталин, а за ним и все, от Хрущева до Горбачева, скромно подписывались «секретарь»), то у Союза советских писателей СССР был даже заместитель генсека. Он же главный редактор «Огонька». Чем не демократия! Да и Союз советских писателей СССР подразумевал, что кое-где в СССР есть и антисоветские писатели, только организованные не в Союз, а в другие контингенты. С помощью генеральных комиссаров государственной безопасности.

20 марта 1947 года. Ал. Сурков от имени редакции «Огонька» просит Поскребышева просмотреть отрывки из киносценария «Сталинградская битва» махрового сталинского драматурга Николая Вирты и дать разрешение напечатать их в № 17 журнала.

Суркову не нужно было позже объяснять, кто именно «просмотрел и исправил» «оригинал сценария», который находился в сейфе в кабинете министра кинематографии Большакова в голубом (по цвету) особняке в Гнездиновском переулке. В сценарии Вирты были выпады против Черчилля, которые Сталин лишь усилил. Этими нюансами и следовало руководствоваться.

Для того чтобы у нас, потомков — историков и архивистов, не оставалось сомнения в том, что к этому решению приложил руку Сталин, на письме Суркова осталась многозначительная помета: «№ С — 462/21.3.-47». «С» — это ссылка на альбом устных резолюций и распоряжений Сталина. № 462 — порядковый номер. 21 марта 1947 года — дата очередного гениального решения.

Великое (и последнее) семидесятилетие

В 1949 году страна отпраздновала великое 70-летие вождя. На журнально-иллюстративном фронте не обошлось без скандала, который едва не привел к смерти «Огонька». Сталина возмутило оформление юбилейного номера журнала «СССР на стройке». Детище Горького, этот ежемесячный подарочный и экспортный журнал специализировался на артистических, больших размеров, нередко в целую полосу, фотографиях. Но текстов было мало, а Сталин считал, что любое советское искусство должно быть прежде всего вербальным. Покойный Жданов даже от советских композиторов требовал текстовой музыки. Иначе цензуре нечего было делать.

Сталину попал на глаза юбилейный номер «СССР на стройке». Вождь на обложке оставил убийственную резолюцию: «Позор! Расточительство!» Что-то ему не понравилось. «СССР на стройке» оказался обреченным.

Товарищи первоначально задумали не просто ликвидировать горьковское детище «СССР на стройке», а одновременно ликвидировать журнал «Огонек», преобразовав его в «Советский Союз». Такая гениальная рокировка.

Политбюро делало планы: поднять тираж «Огонька» — «Советского Союза» до 450 тысяч экземпляров в год. Периодичность снизить до 36 номеров в год. Объем — пять печатных листов. Главным редактором оставить Суркова. Редактором отдела публицистики и очерка назначить В. Овечкина (будущего автора «Районных будней»), отдела науки и техники — М. Ильина (брата С. Я. Маршака), отдела литературы — Б. Полевого («Повесть о настоящем человеке»). Гонорар за номер — 90 тысяч старыми неденоминированными рублями.

Опять-таки трудно сказать, почему «Огонек» не стал «Советским Союзом». Был бы другой журнал — и главный рупор перестройки назывался бы именем страны, в которой так не хватало демократизации и гласности, а об ускорении научно-технической революции и говорить не приходится. Потому что гласности и демократии никогда много не бывает.

От редакции. По другим версиям, Сталин задал вопрос: «Что же я в субботу не получу «Огонек»?» И вопрос был решен.

Борьба с космополитами

Следующим незабываемым этапом в истории Советской страны и ее главного иллюстрированного журнала стала борьба с безродными космополитами.

12 мая 1951 года сотрудники Агитпропа В. Степанов и А. Соловьев докладывают Маленкову об очередных недочетах, вскрытых в работе «Огонька»:

«В 1950 г. ЦК дважды указывал на плохие по исполнению, искажающие советскую действительность рисунки на обложках № 41 и № 45 журнала. Редколлегия не сделала из этих указаний серьезных выводов и продолжала малосодержательные и невыразительные обложки».

Что напечатано на обложке первого номера за 1951 год? Степанов-Соловьев: «Под разукрашенной елкой в кроватке лежит ребенок, и над ним склонилась молодая мать. Такая обложка может умилить читателя рождественского номера буржуазного журнала, но мало подходит для советского массового журнала».

Мы подозреваем, что не в изображенных на тех обложках младенцах и в непривлекательных девушках-строительницах причина. На дворе 1951 год. А редакция «Огонька» не сделала выводов из программной статьи «Правды» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». А ведь прошло два года. Стоит только посмотреть на фамилии авторов журнала «Огонек». Неужели «беспорочные бродяги» и «безродные космополиты», свив гнездо в главном журнале страны, продолжают жалить своим антипатриотическим ядом сотни тысяч читателей-патриотов?

Есть в журнале ошибки и политические, на грани уголовных. Н. С. Хрущев, работая партийным руководителем на Украине, пропагандировал идею агрогородов. Сосредоточить всех колхозников в поселках городского типа. На Украине! На Западной! Бандеровское подполье легализовать! С этой заветной мыслью наш дорогой Никита Сергеевич приехал в Москву, где заработал постановление Секретариата ЦК и стал героем закрытого письма ЦК ВКП(б). У композитора Германа Жуковского, который эту сказку об агрогородах перенес на сцену Большого театра (!) в опере «От всего сердца», заберут едва присужденную ему Сталинскую премию, и он от «всей души» ее отдаст. Осчастливленный до гроба тем, что не арестовали ни его, ни автора либретто поэта Александра Коваленкова. Журнал «Огонек», наученный горьким опытом публикации рецензии на фильм «Сердца четырех», от оценки оперы Жуковского воздержался (слава богу!), а вот идею агрогородов поддержал. Опять плохо.

Из фамилий в доносе не всегда ясно, космополиты ли авторы «Огонька» или просто подпевают. Это годы спустя, когда титаническими стараниями А. Н. Яковлева и его фонда

«Демократия» будут опубликованы тысячи сталинских документов, из которых составит исчерпывающий ответ на вопрос о том, что в действительности занимало Сталина в подобных доносах, сигналах, агентурных справках, спецсообщениях, склейках и прослушках. Резолюция Сталина на донесении Берии от 7 июня 1939 года четко спрашивает: «Т-щу Берия. Муругова, видимо, нерусская (поганка!), почему не выясняют национальность Муруговой? Нужно немедленно арестовать Муругову, Белову и Бельского и потом через них раскрыть шпионское гнездо в Чите. И. Сталин».

Агитпроп в отличие от одурманенных современников знал, куда надо обращать внимание при чтении фельетонов: «Фельетоны на внутренние темы поверхностно и примитивно отображают нашу действительность, в отдельных случаях они грубо искажают ее». Например, в № 6 «Огонька» опубликован клеветнический фельетон Р. Бершадского «Как я переставлял мебель»: «Положив в основу фельетона незначительный факт, автор изобразил дело так, будто в нашей торговле все делается не в интересах населения». Какая клевета!

Товарищи из Агитпропа предлагают принять новое, очередное постановление ЦК о работе журнала «Огонек». До боли знакомое и вечное. Принять в основном. Суслову и Суркову с учетом обмена мнениями на заседании Секретариата подготовить. Суслову в оперативном порядке принять. Необходимые меры, поставленные редакцией. И так далее до бесконечности.

Великое прощание

«Огонек» медленно подошел к возрасту зрелости. Лишь вчера ленинское Политбюро его крестило, а Троцкий советовал поучиться у лондонского «Таймса». А вот уже на дворе 53-й год, и очередной советский юбилей журнала совпал с последним годом жизни Сталина. По итогам этих трех десятков лет можно сказать об «Огоньке», что общими усилиями он стал классическим сталинским журналом.

31 января 1953 года сотрудники Агитпропа В. Кружков и А. Киселев пишут новому секретарю ЦК, бывшему комсомольскому вождю и будущему министру культуры Михайлову о предстоящем 70-летию со дня смерти Карла Маркса. Михайлов закончит карьеру председателем Комитета по делам печати при Совете министров СССР. А пока Михайлов — главный куратор идеологического обеспечения «дела врачей». В круг его кураторства входит и «Огонек».

«Редакция журнала «Огонек» (т. Климашин) просит разрешить опубликовать в журнале рисунок художника Жукова «Карл Маркс», — пишут Кружков и Киселев. — Работа художника Жукова была просмотрена работниками ИМЭЛ (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС. — Л. М.) и директором Государственной Третьяковской галереи, которые считают, что рисунок выполнен неудачно, автор не сумел передать образ Карла Маркса, нарушено портретное сходство, рисунок выполнен эскизно и требует доработки [...]».

Мы уже научились за такими сугубо профессиональными заключениями Агитпропа рассматривать контуры реальной политики. Ошибся замглавного редактора товарищ А. С. Климашин и автор неудачного рисунка народный художник, член КПСС и дважды лауреат Сталинской премии Николай Николаевич Жуков не в «неудачной» «передаче образа» и не в нарушении «портретного сходства». Не Карла Маркса нужно было рисовать Жукову, а Сталина с «Капиталом» в руках или, в крайнем случае, с контурным ненавязчивым портретом бородатого классика на стене своего кремлевского кабинета.

Никто из сотрудников журнала не подозревал, что не к 70-летию со дня смерти Маркса нужно готовиться, а к великому прощанию. Со стен кабинетов, фасадов домов, в сельских клубах и в коммуналках вскоре начнут снимать портреты вождя народов. Это потом от дочери генералиссимуса Светланы Сталиной станет известно, что в последние годы жизни стареющий диктатор вырезал красочные иллюстрации «Огонька» и расклеивал их по стенам своей «Ближней дачи» в Кунцево. На диване в гостиной на этой

даче, в полном одиночестве, в окружении этих иллюстраций вождь и умрет. Эти глянцевые цветные картинки на стенах поразили Светлану, чью фотографию в 1935 году страна впервые увидела в «Огоньке». Поразили настолько, что она и через 10 лет дважды в первом из «Двадцати писем к другу» вспомнит об этой реалистической детали.

Сохранились архивы, которые позволяют делать более или менее научные выводы. Например, тот, что по количеству решений ЦК и ведомственных справок, посвященных журналу «Огонек», он лидирует в номинации «иллюстрированный журнал» сталинской эпохи. Скорее всего все фотографии на стенах кунцевской дачи вырезались именно из «Огонька». Иначе бы кольцовский журнал просто закрыли и редакцию давно разогнали. Подобно горьковскому «СССР на стройке» или иллюстрированному «Ленинграду». Или «Смехачу», «Избачу», «Ежу», «Чудаку» и сотням других жертв большого цензурного террора, развязанного издательством «Кремль». Поводов было много, но другого «Огонька» у Сталина не было.

Читашвили Д.И. Мои друзья — волшебники **Записки иллюзиониста¹⁵⁶**

«Огонек» № 34, август 1960, стр. 27–30

1. Мой друг Кинг-Король

Мое знакомство с Хорасом Кингом, известным английским иллюзионистом, секретарем самого большого в мире Магического клуба, произошло несколько необычно. На Лондонском аэродроме он молча показал на группу фоторепортеров и положил мне в карман английский флаг, шепнув, чтобы я первым достал из-под его пиджака советский флаг, а он вытащит этот, английский. Инсценировка была неожиданной для корреспондентов, и на другой день в газетах появились заметки и фотографии об иллюзионном «чуде» в аэропорту.

На аэродроме английский и советский иллюзионисты достали друг у друга из карманов флаги.

Журналисты ловили каждое слово, следили за жестами, мимикой, не отставали ни на шаг. Не удивительно поэтому, что когда на другой день я остановился посмотреть на уличных артистов, то моментально попал в газету с заметкой под русским заголовком «Страшно интересно».

На площади выступали два человека. Один из них завязывал напарника с головой в черный мешок, туго скручивал его стальными цепями и потом продевал под цепи острые мечи. При этом он кричал и энергично жестикулировал, зазывая народ. Образовалось плотное кольцо любопытных. Когда человек был «упакован», начался сбор средств. В шапке зазывалы, одетого в заплатанные штаны и выгоревшую майку, позвякивали мелкие монеты. Не хватало еще нескольких шиллингов, представление задерживалось. Но вот кто-то бросил недостающие деньги, и человек в мешке начал судорожно кататься по земле, пытаясь освободиться от мечей и цепей.

Через несколько минут он встал — вспотевший, с взъерошенными волосами, худой и грязный, но свободный. Толпа начала расходиться. Вот тут-то я и сказал: «Страшно интересно».

...Хорас Кинг с таинственным и многообещающим видом как-то раз привел меня к своим друзьям. «Вот и пришли!» — радостно восклицает Кинг, и мы поднимаемся в самый большой лондонский магазин фокусов. Его хозяин — мистер Стенли. Здесь все любопытно. Нет прилавков, не видно и товара. В салоне для покупателей стоят кресла. Садимся. Мистер Стенли интересуется жизнью советской эстрады и наконец зовет

продавца, молодого итальянца с живыми, блестящими глазами. Началась «продажа» — и продавец превратился в артиста. Прекрасно манипулируя, он живо комментировал фокусы.

Магазин мистера Стенли в Лондоне называют «уникальной магической студией». Кроме того, Стенли — издатель многочисленной литературы о фокусах и ежемесячного специального журнала, в котором он не только знакомит с новинками своей студии, но и рассказывает об истории магии, видных ее представителях. Другой крупный магазин фокусов принадлежит мистеру Девенпоту. У Девенпота продаются «магическая» аппаратура, легкие ручные трюки, головоломки, домашние шутки и загадки.

Кинг приготовил нам еще один приятный сюрприз: поездку в Лондонский Магический клуб. Клуб существует более пятидесяти лет. Имена создателей высечены золотыми буквами на доске. Оформлено помещение в современном и вместе с тем загадочном и таинственном стиле. В клубе есть миниатюрный театр, интересным музей, где можно увидеть сценический реквизит знаменитых фокусников прошлого начиная с XVII века, большая специальная библиотека, в которой собраны все издания о мире загадок. В богатейшей коллекции более 17 тысяч статей, самые старинные издания датированы 1710, 1651 и даже 1634 годом.

Магический клуб издает свой ежемесячный журнал, устраивает конкурсы, вечера, фестивали. Около двух тысяч человек являются его членами. Большинство их не профессионалы, в любители. Собираясь здесь вечерами после работы, они показывают друг другу небольшие фокусы, выступают с новыми трюками и в клубной сцене. При нас один из членов клуба показывал товарищам обыкновенный карандаш, заточенный с одного конца. На другом конце была резинка. Карандаш фокусник медленно просовывал в зажатый кулак, а вытаскивал его отточенным с двух концов.

Президент клуба мистер Херберт Коллингз и вице-президент Фрэнкис Вайт, побывав на концертах нашей группы, предложили устроить небольшой иллюзионный вечер для советских гостей. Выступали девять лучших фокусников Англии. Мне особенно запомнился номер Роберта Харбина. Он давал зрителям разрезать пополам толстую веревку и тут же показывал, что она снова целая. Делал он это очень, чисто, ловко и красиво. С веревкой у фокусника было множество превращений: он завязывал двойной увел и, встряхнув, моментально распрямлял веревку; зажигал ее с двух сторон и, помяв в руках, бесследно уничтожал следы огня; делал веревку упругой и балансировал ею, как палкой.

Затем Харбин уселся на спинку стула, встав ногами на сиденье, вынул газету и показал, как он ездил в Лондоне во время войны в автобусе. Сначала он спокойно читает, развернув всю газету. Но вот на остановке сели пассажиры, стало тесно, пришлось разорвать газету пополам и сложить. Через некоторое время набилось еще больше народу, он опять рвет газету пополам и продолжает читать. Тесно! Вздохнув, он рвет газету снова. И так, пока Харбин доехал до места работы, в руках у него были одни клочки. Но вот он выходит на улицу, распрямляет плечи, сжимает в кулаке эти клочки и, улыбнувшись, раскрывает совершенно целую газету. Трюк не новый, но согласитесь, что оформлен и преподнесен он занимательно.

Выступали и артисты в различных «масках»: то это джентльмен, показывающий салонные шутки, то клоун-неудачник, забавляющий публику неожиданными трюками, то пьяница во фраке и сдвинутом на затылок цилиндре, для которого весь мир — сплошной фокус. На вечере члены Магического клуба показали высокое мастерство, блестящую технику, артистизм.

Перед отъездом мой новый друг Хорас Кинг просил прислать ему русскую вышитую рубашку. И вот недавно я получил фотографию и письмо, в котором Кинг пишет, что сделал «русский иллюзионный номер» и выступает в сапогах, шароварах и косоворотке и

под фамилией не Кинг (что значит «король»), а Королев. Ассистирует по-прежнему его жена Бетти в украинском костюме и сапожках.

2. Веселый Магини

Фокусы — очень древнее искусство. Древним фокусникам верили, преклонялись перед ними, считали их носителями чего-то сверхъестественного, почти божественного. В средние века положение резко изменилось. Церковь утверждала, что фокусники состоят в союзе с дьяволом, а все их трюки — адское колдовство. Нередки были случаи, когда ни в чем не повинные люди попадали на костер.

Мы не считаем современного фокусника связанным с богом или дьяволом, хотя и не всегда можем объяснить проделываемые им трюки. И надо признаться, что сейчас, когда так быстро развиваются наука и техника, удивить зрителя становится все труднее.

Современные фокусники, получив возможность использовать некоторые известные научные достижения, вынуждены делать акцент в своих выступлениях на высокий артистизм, искусную манеру подачи и оригинальное оформление номера.

Это прекрасно понял молодой финский манипулятор Рейо Салминен, с которым я познакомился во время гастролей по Скандинавии. Про Салминена говорят, что он репетирует, развивая технику пальцев, по 16 часов в сутки. Я привожу серию фотографий, где он одной рукой ловко тасует колоду карт. Три-четыре движения пальцев — и колода перетасована. Хорошо известно публике многих стран имя и финна Солму Мякеля, автора «Большой книги чудес».

В Дании я познакомился с иллюзионистом Эделингом. Его выступления называют «замкнутым кругом», сквозь который не может проникнуть человеческая мысль. Эделинг, например, выпускает из рук трех бабочек, заставляя летать их по сцене. Затем они садятся на букет цветов, из которого появляются сотни им подобных разноцветных мотыльков.

Норвежский фокусник Эгело, несколько лет назад выступавший в московском Эрмитаже, получил два больших золотых приза на международных фестивалях магии. (Такие фестивали, конкурсы устраиваются ежегодно в различных городах мира.) Я опишу вам один из любимых номеров Эгело.

На подносе устанавливается пять пустых кружек различного размера. Самая маленькая из них наполнена молоком. Эгело берет маленькую кружку и ее содержимым наполняет все пустые кружки, причем молоко в ней не убывает. Настоящая «чаша изобилия»!

Я должен сказать, что на Западе очень многие иллюзионисты-манипуляторы увлекаются главным образом мелкими трюками. Эти трюки можно показывать только на близком расстоянии: в ресторанах, в кабаре перед столиками публики. Наши же артисты, манипулируя часто с мелкими предметами, все же рассчитывают на большие аудитории. Именно такие трюки дали мне возможность выступать перед большой аудиторией в народных парках Швеции. И, как правило, здесь в любом городке после концерта приходил ко мне местный «кудесник». Так было и в Стокгольме. Не успел я собрать свой реквизит после выступления, как неожиданно отворилась дверь, и в комнату вошел мужчина небольшого роста, очень подвижный, с хитрыми глазами. Его шумный приход отнюдь не соответствовал традиционному таинственному появлению фокусника. Тем не менее, когда я прочел на визитной карточке его фамилию «Магини», я понял, что передо мной коллега. Мы познакомились и быстро нашли множество вопросов, интересующих нас обоих. Самым главным, что волновало Магини, были его предстоящие гастролы в Москве. Мы шли по улицам, и я с удовольствием рассказывал моему новому знакомому о вкусах и требованиях советского зрителя, о парке ЦПКиО, а котором ему предстояло выступить.

Мы остановились у ворот парка, в который буквально валил народ. «Это наш Тиволи, — сказал Магини, хитро сощурился. — В нем собраны десятки аттракционов, занимательных игр, развлечений, шуток, лотерей».

С визгом прокатившись на так называемых американских горках, мы пересаживаемся не «доджи» — крошечные двухместные автомобильчики, размещенные на большом треке. Включается ток — и машины приходят в движение. К автомобильчикам толстым кольцом прикреплена резина. Когда два таких автомобиля сталкиваются, удары благодаря резине почти не ощущаются, хотя стрех от того, что на тебя мчит машина, не исчезает. А тут еще обязательно кто-нибудь озорничает: едет только против движения и норовит ударить каждую встречную машину. После «доджа» мы пересели на головокружительную карусель. Вокруг своей оси по часовой стрелке быстро вращалась и качалась снизу вверх огромная платформа. А на ней уже против часовой стрелки зигзагами двигались небольшие вагонетки, вращавшиеся то в одну, то в другую сторону. «Ну как? — с интересом спросил Магини. — Закружилась голова?» Не успел я ответить, как он потащил меня в лабиринт, из которого мы не могли выбраться больше получаса. Всех развлечений, находящихся в парке Тиволи, даже невозможно запомнить, но большинство из них интересные и довольно разнообразные. Любопытно, например, побывать на корабельной палубе во время сильного шторма. Темно, временами сверкает молния, палуба качается и уходит из-под ног, слышатся шум морских волн и раскаты грома. Хорошо, конечно, что это длится недолго, а то не мудрено получить и «морскую болезнь». Забавной была поездка в «подземелье» — несколько вагонеток въезжают как бы в «ад». Поезд движется медленно, вокруг темно. Вдруг сбоку на мгновение вспыхивает свет, и вы видите, что из гроба встает мертвец, потом появляется скелет, татем — привидение. В общем, полное знакомство с загробной жизнью.

Мы привыкли к аттракционам спортивного характера, в которых можно показать свою ловкость, силу, смелость, и поэтому решили разыскать тир, чтобы посоревноваться в стрельбе. На стенде тира изображен густой лес, по которому, прячась между деревьями, движутся картонные звери. Место, где у них находится сердце, обозначено красным пятном. Беру винтовку, прицеливаюсь, нажимаю курок, но выстрела не слышно. Между тем лев перевернулся вверх ногами: убит. Что это, ошибка? Но вот уже несут мне приз: ружье стреляет световым лучом!

Где-то в стороне зазвонил колокол, и народ устремился к большой площади. Там начиналось уличное представление. Выступает Тау-Ру, эквилибрист, объездивший всю Европу и Америку. На высоком пьедестале, изображающем часовую башню, стоит большая пустая бутылка, в горлышко которой артист просовывает указательный палец, а затем медленно выжимает на пальце стойку. «Феноменальный Тау-Ру!» — кричал карлик, ударяя в колокол.

Смеркалось, аттракционы заканчивали свою работу. Мы направились к выходу и мимоходом взглянули на артиста, который с трудом освобождал связанные сзади локти рук.

— Это, конечно, не Эрих Вайс, — сказал мой спутник.

— Вы имеете в виду Вайса, который взял псевдонимом имя великого французского фокусника Гарри Гудини? — спросил я.

— Да, да! — живо отозвался Магини. Вайс мог освободиться из веревок, которыми был туго опутан. Более того, он освобождался от наручников, кандалов, железных цепей. Вайс предлагал 25 долларов тому, кто сможет его связать так, чтобы он не смог освободиться. Но такого человека за многие годы жизни фокусника не нашлось.

— А сколько шуму наделал случай, когда Вайс освобождался от пут в воде! — продолжил я. — Гудини дал надеть на себя смирительную рубашку, после чего его перевязали железной цепью и бросили в воду. Через три минуты он появился на поверхности без пут. Но верхом искусства Гудини было то, что он вышел из камеры смертников в Вашингтонской тюрьме в 1906 году.

Мы рассказывали друг другу не анекдоты. Гарри Гудини действительно был величайшим фокусником современности. Все, что он делал, было возможным благодаря

необыкновенному знанию фокусником техники, чрезвычайной сообразительности, сильной мускулатуре, смелости и большому самообладанию.

Магнии приехал в Советский Союз с группой артистов шведского варьете и выступал в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Те, кто был на этих концертах, вероятно, помнят смешного эксцентричного артиста в клоунском костюме.

3. Дерево растет на глазах

Первого января этого года, когда москвичи поевживались от холода, пришел я на раскаленный солнцем пляж Индийского океана. Это было на Цейлоне. Здесь я и увидел первого цейлонского фокусника. Смуглый, босой, с длинной черной бородой, он был одет в желтую клетчатую юбку, на голове красная чалма. Собрав нескольких туристов, фокусник уселся на корточки и тихо заиграл на национальном духовом инструменте пунги какую-то удивительную мелодию. И тогда из небольшой корзиночки, стоявшей перед ним, медленно выползла кобра. Острый, тонкий язычок ее зловеще торчал из открытого рта, страшно поблескивали желтые глаза. Все невольно отодвинулись подальше. Кончив играть, фокусник взял змею голыми руками, потом обвил ее вокруг тела, положил себе на плечи и поцеловал.

Зрители бросили артисту несколько рупий и отвернулись. А он, собрав свой реквизит, побрел дальше.

Мне хочется рассказать еще об одном артисте, выходеце из народа, концерт которого я увидел там же. Это был настоящий профессионал. В костюме чародея он показывал фокусы и искусно манипулировал с необычайными предметами и вещами: это были морские звезды и причудливые кораллы, бананы, бамбуковые палочки, орехи, черепахи, тростник.

Наконец, цейлонец показал зрителям зернышко лимона, закопал его в землю и прикрыл на мгновение платком. За это мгновение из земли под платком вырос небольшой зеленый отросточек. Фокусник прикрыл его вторично — отросточек превратился в тонкий кустик. Когда в третий раз под платком исчез и кустик, фокусник лег на живот и приложил ухо к земле, как бы прислушиваясь. Шелковая поверхность платка колыхалась, точно под ним кто-то шевелился. Вдруг фокусник пронзительно крикнул. Платок, как по волшебству, взлетел в воздух — и на месте кустика все увидели деревце. Да! Настоящее лимонное деревце, с веточками, листочками, зеленое и свежее. Я подошел к фокуснику, поблагодарил его за мастерство и сказал, что он почти повторил непревзойденный трюк известного Робера Гудона. Только у Гудона дерево росло на глазах у публики и на ветвях появлялись сочные желтые лимоны, из которых фокусник извлекал красочные шелковые платки. Гудон умер, так и не открыв секрета этого изумительного фокуса.

лоны в зоопарке

Смертельный номер

Объездив все крупные города Цейлона, мы возвратились в Коломбо, где нам предстояло дать два бесплатных концерта на Народном поле. Один местный дрессировщик пригласил нас осмотреть зоопарк. Цейлонский зоопарк — одна из богатейших коллекций мира, в которой собраны редкие экземпляры хищников, обезьян, птиц и рыб.

Всего не перечислишь, но о цирковом выступлении слонов в зоопарке мне хочется рассказать. Специального помещения для представления здесь нет. Зрители сидят просто на склоне холма. Внизу на гладкую площадку выходят, звеня бубенчиками, семь слонов: сначала большой, потом поменьше, еще меньше и последний — совсем «крошка». Сначала слоны проделывали почти все то, что обычно делают слоны и в нашем цирке: танцевали, забавно кланялись. Потом начались «смертельные номера». Дрессировщик лег на землю, и самый большой слон стал переступать через него. Вдруг слон поставил ногу

на живот человека и медленно обвел взглядом всех присутствующих, сидящих буквально не дыша. Потом, встряхнув головой, как бы давая понять, что он переменял свое решение, слон снял ногу и медленно перешагнул. Но вот на площадку выбежал второй слон, поменьше. Он сразу же схватил ртом поперек туловища полуголого служителя. Так, во рту, пронес он служителя перед зрителями. Затем вышел знакомый нам дрессировщик, погладил первого, самого большого, слона, Ранси, и вложил ему в рот свою голову. Наступила полная тишина. Мягко сжав губы, Ранси поднял человека в воздух за голову, а потом бережно поставил его на землю.

Окончились наши гастроли на Цейлоне, а настоящих факиров я там так и не увидел. Сколько слышал я о чудесах, которые они творят! Помню, читал я о записанном со слов одного англичанина-путешественника фокусе: факир показывал толстую веревку, укладывал ее в глиняный горшок и, произнеся какие-то заклинания, заставлял ее подняться в воздух. Веревка застывала, как столб, и по ней быстро взбирался мальчик. Ошеломленный англичанин сфотографировал этот трюк, но когда проявил дома пленку, то именно эти кадры оказались совершенно пустыми. «Что же это было? Гипноз?» — спрашивал англичанин читателей.

Факир на Цейлоне не просто фокусник, как часто мы называем его. Факир — это бродячий монах, который обычно придерживается учения йогов. Целая система дисциплины выделила из среды йогов людей, которые, дабы «соединиться с божеством», шли на удивительные самопожертвования. Так, известны случаи, когда йоги всю жизнь держали сжатыми кулаки, пока ногти пальцев не прорастали сквозь ладонь и не показывались с другой стороны, простаивали свой век на одной ноге и т.п. Вот тогда появились первые шпагоглотатели, люди, засовывающие в рот горящие факелы, прокалывающие гвоздями свое тело, странники, дающие себя закопать в землю на несколько минут, факиры, которые стали затем выступать, чтобы заработать и прокормиться ремеслом фокусников, дрессировщиков, заклинателей болезней, толкователей снов.

Вот такого факира я и увидел в Индии. Было это минувшей зимой в Дели. Группа советских артистов выступала на международной сельскохозяйственной выставке. Однажды после концерта за кулисами появился молодой человек с женой. Он отрекомендовался факиром Белджибубом и пригласил посмотреть его выступление.

Небольшой балаган Белджибуба находился на территории выставки и охотно посещался. В начале представления факир зажигал косы же мы, загоравшиеся большим и ярким пламенем, затем, прикрыв ее голову платком и потушив огонь, давал всем убедиться, что косы целы. Белджибуб брал стекло, откусывал кусок и начинал тщательно его жевать, а затем проглатывал. Все слышали, как хрустели под крепкими зубами острые стеклянные кусочки. Факир ложился животом на доску с торчащими ржавыми гвоздями, и жена несколько раз пробегала по его спине. На теле Белджибуба не оставалось ни одной царапины. В заключение жену Белджибуба завязали в мешок, а самого его туго скрутили веревками. Их поставили рядом друг с другом, накрыли плащом, и в следующий момент в завязанном мешке оказался уже сам факир, а его жена, скрученная веревками, стояла рядом...

Я рассказал вам немного об истории фокусов, описал Английский Магический клуб, познакомил с некоторыми представителями мира волшебства и чудес. И если вас после этого хоть немного заинтересовали фокусы, я могу объяснить некоторые, простейшие из них.

Вот, например, вы берете чистый носовой платок, кладете его на руки и делаете в нем углубление. Затем насыпаете туда пепел от горящей папиросы, тушите в нем всю папиросу. И тут же показываете, что платок снова чист, не прожжен, а остатки папиросы бесследно исчезли. Делается это просто. Вместе с платком вынимаете глубокий большой наперсток, покрашенный под цвет кожи, и незаметно надеваете его на указательный палец. Такой наперсток легко можно сделать из папье-маше или выдавить из тонкой жести. Сначала вы показываете, что в руках у вас ничего нет, платок чист. После этого кладете

платок на левую руку и делаете в нем указательным пальцем правой руки углубление, в котором и оставляете незаметно свой наперсток. В наперстке, словно в пепельнице, вы тушите папиросу. Затем вы снова надеваете наперсток на указательный палец правой руки и показываете чистый, невредимый платок. Главное здесь — хорошо покрасить наперсток. Или вот почти факирский трюк. Протертую одеколоном кожу большого пальца левой руки надо незаметно предварительно проколоть иголочкой между ногтем и суставом. Затем взять носовой платок, показав, что на нем ничего нет, и наложить его, как жгут, на палец. Теперь надо согнуть в суставе палец, отвести руку в сторону и попросить острый столовый нож. Поднеся нож к отведенной руке, вы незаметно поворачиваете его тупой стороной и делаете вид, что надрезаете палец. На самом деле вы проводите тупой стороной по месту укола, где уже выступила капля крови. Размазав эту каплю и сняв платок, показываете всем свой палец, который производит полное впечатление разрезанного. Стерев кровь, вы тут же даете осмотреть палец — на нем не видно никаких следов пореза. Это можно повторить несколько раз. Это будут ваши первые попытки стать любителем-фокусником

Юность

ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал, орган СП СССР. Издаётся с 1955 в Москве. Первый редактор В. Катаев, с февраля 1962 — Б. Полевой. Журнал адресован главным образом молодёжи, что определяет в значительной мере его тематику. Среди авторов "Ю." — А. Твардовский, К. Симонов, О. Берггольц, Ю. Нагибин, И. Друцэ, Б. Ахмадулина, В. Быков, Б. Васильев, В. Титов, Б. Слуцкий, В. Аksenов, А. Битов, А. Вознесенский, А. Рекемчук, Е. Евтушенко, С. Антонов, Р. Рождественский, А. Рыбаков, Ф. Искандер и другие. Тираж (1977) 2650 тыс. экз.

Журнал был основан по инициативе Валентина Катаева, который стал первым главным редактором и был снят с этой должности за публикацию повести «Звёздный билет» Василия Аксёнова.

«Юность» отличалась от остальных литературных журналов большим интересом к общественной жизни и окружающему миру. Существовали постоянные разделы «Наука и техника», «Спорт», «Факты и поиски». Одним из первых журнал осветил явление бардовской песни (статья А. Гербер «О бардах и менестрелях»), а в восьмидесятые годы — «митьков». В «Юности» присутствовали также цветные вкладки, посвящённые живописи, где среди прочих выступали такие художники, как Алексей Леонов, Илья Глазунов, Михаил Шемякин, Вагрич Бахчанян и другие. В 1960—1970-х годах как журнал в целом, так и отдельные авторы подвергались партийной критике. В 1987 году был открыт постоянный публицистический молодёжный дискуссионный раздел «20-я комната», который быстро приобрёл большую популярность у читателей.

дной из наиболее характерных особенностей «Юности» был юмористический раздел, который в 1956—1972 годах носил название «Пылесос», позже — «Зелёный портфель». Редакторами раздела в разное время были Марк Розовский, Аркадий Арканов и Григорий Горин, Виктор Славкин, Михаил Задорнов. Помимо рассказов, иронических стихотворений, литературных пародий в «Зелёном портфеле» приблизительно до 1980 года существовала рубрика под названием «Каков вопрос — таков ответ», в которой вымышленная ведущая Галка Галкина (персонаж, придуманный Б. Полевым) отвечала в юмористической форме на письма читателей. «Зелёный портфель» пользовался успехом у читающей публики наряду с «Клубом „12 стульев“» «Литературной газеты» за отсутствие официальной пропаганды и неформальную атмосферу. Значительное число авторов «Зелёного портфеля» были выпускниками Московского медицинского института.

Немалое значение имел «Испытательный стенд» студии Кирилла Ковальджи, где впервые опубликовались И. Жданов, Н. Искренко, А. Парицков, Е. Бунимович, Ю. Арабов, М. Шатуновский и другие поэты «новой волны» 1980-х годов.

Эмблема «Юности» — одноимённая линогравюра литовского художника-графика Стасиса Красаускаса (1962).

В «Юности» печатались Роберт Рождественский, Анна Ахматова, Белла Ахмадулина, Николай Рубцов, Владимир Амлинский, Евгений Евтушенко, Андрей Молчанов, Андрей Вознесенский, Олжас Сулейменов, Борис Васильев, Римма Казакова, Павел Багряк, Булат Окуджава, Михаил Задорнов, Фазиль Искандер, Василий Аксёнов, Елена Сазанович, Анатолий Гладилин, Анатолий Кузнецов, Аркадий Арканов, Григорий Горин, Кирилл Ковальджи, Юнна Мориц, Кир Булычёв, Николай Леонов, Анатолий Тоболяк, Александр Иванов, Юрий Рыбчинский, Елена Съянова, Геннадий Машкин и другие известные авторы.

Даниил Каплан. Валентин Катаев и Журнал Юность

"Ночью поезд идет вдоль болот. Сделай себе щелку между шторами и смотри на залитые лунным светом кочки и лужицы. Ты лежишь в длинном пенале, набитом людьми, как перышками. Пахнет одеколоном и сыром «Рокфор». Рядом с тобой, за стенкой толщиной в сантиметр, лежит человек с железными челюстями и железными принципами. Все им ясно, железным. Плюс и минус. Анод и катод. Но все-таки это здорово лежать в теплом пенале, а не блуждать где-то там, в мертвом болоте."

Василий Аксенов «Звездный билет»

1955 год – формально окончилась Великая Отечественная Война. Образована организация Варшавского Договора. Создан Байконур. Советский Союз официально взял курс на орбиту, в смысле начал будущий запуск искусственного спутника Земли. И следующий год войдет в историю развенчанием культа личности... Как Иосиф Виссарионович в учебники истории. Войдет и сядет клином, расщепив на «За» и «Против», что же останется пытливому читателю в сухом остатке? Новый мир!

Новый мир, как совершенно иная модель (тирания «Вождя» трансформируется в тиранию «Партии») и как иной образ мысли подарит следующий год, и его румяные словеса, из-под (всё того же) железного занавеса.

1955 год - с поста Председателя Совета Министров смещен Маленков. С марта (то есть третий шаг Хрущева: после восхождения к Власти и смещения ключевого оппонента) начата сельскохозяйственная реформа, а именно – планирование сельхозпроизводства. Надо ли говорить, что значило и значит на текущий момент (55ого года) сельское хозяйство для русского, а ныне – советского человека? На этой высокой ноте некогда, уже в давно забытую эпоху народовластия, слетел с поста Министра-Аграрника г-н Чернов, под звонкую критику Троцкого в неумении организовать работу, под обвинение в создании «Министерства сельскохозяйственной статистики». Вспоминаете? Но Хрущеву такая реформа не выходит боком, напротив, провоцирует

общенародный подъем: реформа предусматривала не только пересмотр давно заезженных планов, она была призвана подстегнуть и закрепить «инициативу на местах». И это-то после двух десятилетий до сверхъестественности абсолютной, во всех местах тотальной, централизации всех управленческих решений. Воистину Рождение Нового Мира...

Дышать стало свободнее? Да. Но жизненное пространство оставалось прежним. Почему? Ответ кроется в психолого-поведенческих особенностях Человека. Вспомним великую французскую, русскую, или какую еще любую другую революцию, что мы найдем в них общего? Если не брать во внимание высокопарность советских идеологов, а так же общую канцелярщину политико-экономико-социально-исторических причин, увидим то, о чем писали непосредственные участники и летописцы тех «героико-революционных» событий, скажем Камиль Демюлен, Джон Рид и уже с ними. Люди жаждали печатного слова... (!) И вот - народу вновь дарована она, свобода «печатного» слова... Того слова, что дойдет до печатного станка, пропечатается редакторской правкой и выправиться журнальной передовицей по стойке смирно... Пусть так, но пустяк ли? Пусть и относительная, пусть еще не осознанная, пусть со слезами на глазах (после потери Отца народов). И все же возможность питаться не только сухим пайком и завтрашим деньком, что в сухом остатке еще вчера представляло собою простую, быстротекущую, мало что стоящую H₂O... Сколько таких H₂O процедила и впитала колхозная земля за прошедшие года, а? А все – она... читательская аудитория, на пути к «развитому социализму» - мыслящему, пусть и слащаво, главное суть. И то, что она есть: уступительное допущение, возможное условие, побуждение, поступок. (!). Выраженные емким, истинно социалистическим, союзом - «Пусть», отныне не имеющим ничего общего с казенным попустительством в Центре и на Местах.

И Нового Мира мало! Вот мы и подошли легким прологом к весьма весомой теме нашего повествование (даю ориентировку: почти 4 пуда живого веса, если за килограммы брать года).

Тема наша – Журнал «Юность». «Юность» – как Юность Нового Мира, Мира без Великого Вождя, как Юность журнала «Новый Мир», а именно его постепенное восхождение к самостоятельной мысли (28 лет – пора бы), ну и конечно «Юность» - как душа Читателя (Аудитории). Для всех началась «Газетно-журнальная» жизнь, не высокоинтеллектуальная, а простая, рабоче-крестьянская, ежедневная жизнь со своими горестями и радостями и запахами жжённного сахара комсомольско активной юности... и статьями, не уголовными, «без права переписки» (58 пункт – «Широка родная»), а литературными, живыми... С правом писать и переписываться. И получать ответ (!) Что стоит одно только обращение к читателям Ивана Кожедуба, легендарного летчика-асса времен Великой Войны, которая, напомним, формально (!) только что кончилась.

Что значит только что? Пять месяцев назад! 25 января – Президиумом ВС СССР издан указ «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией». 18 июня – того же 1955 года издан первый номер журнала «Юность».

Итак. 18 июня 1955г. – рождение журнала «Юность», нового журнала для молодежи. Ну вот, название оказывается так просто объяснимо, а мы-то раздули дыма из ничего: и то и это, все так. Надо же было придать важности – спишем те на юношеский максимализм и точка.

С позволения сказать, с первой точки, то есть с выхода первого номера, на журнал и обрушивается критика, причем, как следовало того ожидать, сразу со всех сторон, что, конечно же, делает её несколько неожиданной, желчной, и недалекой... от партийного брюзжания:

«Мало выдумки и интересных решений»; «отсутствие репродукций картин»; «малая забота о развитии художественного вкуса читателей»; «слабое освещение спортивной жизни»; «бледный отдел сатиры и юмора»; «отсутствие критико-библиографического

отдела!»; «недостаточная эстетическая требовательность к публикуемой прозе и поэзии!»; «инфантильная лирика» ... И так, на закуску – ремарка из, говоря по Аксеновски, «Ха-Ха» Первого века: «Все эти замечания были уместны и справедливы» .

Увы. Сии ужасы, лениво исходили лживым ядом своим, да чужим, все полосы нашего журнала и, как мы видим, живы до сих пор. Укус их, не Укус, опасности не представляет, но запах, резкий запах – на время отбивает аппетит. Возьмем же всех этих, мелких ужасиков и потрясем о края литературной критики за их «желтое ушко» комсомольских передовиц.

И в шелесте страниц целого ряда Изданий мы слышим размашистое шипение Литературной газеты. Оно слетает, скажем, так, с двух змеиных клыков редактора Литературной газеты - Кочетова, наиболее остро реагирующего на любые проявления «оттепели». Юность он с одной стороны критикует, как общественно-политическое, а не чисто Литературное явление, что в определенном смысле, лишь придает журналу общественно-политический вес, изначально издателями не предусмотренный. С другой – гонит волну широкой пропартийной критики, жующей именно литературную, художественную основу журнала.

Что особенно ценно для понимания контекста времени, в котором родился журнал, так это конфликт редакторов Литературной газеты и Журнала «Юность», а точнее его отсутствие. Критика в адрес журнала шла, как вешалка под долгополую военную шинель со стоячим воротником, для поддержания фактуры.

Что до сочетания личностей двух редакторов, показателен, например, такой комментарий редактора «Юности» Катаева в адрес романа «Журбины» Кочетова: «Всеволод Кочетов великолепно изобразил большой судостроительный завод. Но, оставаясь верным методу социалистического реализма, он изобразил этот завод не статично, а в движении, в росте. «...» Семейное неотделимо здесь от производственного. Одновременно человек является и строителем завода, и строителем своего личного счастья» Цекашный цинизм присущ им обоим и в равной степени. Ни тени иронии – прямолинейный комплимент. Хотите искренней оценки труда Кочетова – читайте Зяму Поперного. И их синхронная критика Пастернака и Солженицына только усиливает общее сходство двух персоналий.

Катаев – Кочетов. 1955 год. Мы обратили внимание на «Литературную газету» и ее критику, но наш взгляд был бы не полным, остановись мы лишь на нем. Шагаем дальше: «Московский комсомолец» - издание еще более зрелое, чем «Литературная газета» (от 1929) и «Новый Мир» (от 1925). И в сущности та же критика...

Что нам здесь важно – «Московский комсомолец» имя для данной газетенки не совсем родное, скажем больше, со временем приобретенное и именно в 1929г. В том году, что преподнес нам «Литературную газету». Но до этой даты, целое десятилетие, газета «МК» носила звучные имена «Юный коммунар», «Юношеская правда», «Молодой Ленинец», то есть упорно навязывало себя молодому читателю, и лишь с 1929 года расширила аудиторию до зрелого партактива.

Как тетива – связующая нить тянется от журнала «Юность» к оппонентам «Литературной», «МК» и прочим. Кстати, о прочих 55-56 года подарили нашему миру много больше макулатуры, чем может показаться при беглом рассмотрении:

«Москва», «Молодая гвардия», «Дружба народов», «Урал», «Волга» и еще широко и долго, можно перечислять вышедшие в этот период журналы... В чем соль? В хлебе, в мякоти, в калориях печатного слова. К слову - на волне общенародного, эмоционального всплеска красным маяком, наравне с прочими коммунистическими праздниками, с 1955 года замаячил «День Поэзии». Красной нитью проходит она в судьбе нашего журнала. Ложась в середине XX века под суровую деревенскую, военную и социально значимую прозу, она сохранила свой изящный стан вплоть до XXI века и красна им по сей день. Вмести с тем «Юности», отчасти, обязана своим появлением бардовская песня,

рванувшая советскую забетонированную обыденность пышной КСП-еиной самодеятельностью.

В строю, в ногу, в тон времени журнал шагал четко, но каким-то чудом он скинул с себя эту долгополую военную порчу, не становясь вешалкой партийной пропаганды, сомкнув ряды, роились вокруг него все возможные Издательства, а он стоял на позиции молодых авторов и живого слова до Самиздаговских альтернатив и дольше....

Валентин Катаев. 1955 – 1962г.

«Какие же интересные были наши заседания редколлегии!

Свежие, бурные — время-то было замечательное,

хрущевская «оттепель»

Виктор Розов «Феномен Катаева»

Первый редактор журнала «Юность» - Валентин Катаев во истину Феномен. Циник не только по самой временной сути, циник – по определению Бунина, его великого учителя, восхищавшегося (не так, как Катаев Кочетовым), неподдельно восхищавшегося творчеством Катаева, в частности «Парусом» от 1936 года. Феномен Катаева писателя лежит где-то между Иваном Алексеевичем Буниным и Владимиром Владимировичем Маяковским. Не броско, заретушировано, изолировано от прочих профессиональных качеств Катаева, но тем не менее глубоко сидит в нем любовь к истокам советской поэзии и прозы, корнями уходящим в досоветское, дореволюционное прошлое...

Катаев создавал журнал для молодежи, молодых авторов, творцов и тем вырыл глубокий ров между рабоче-крестьянским цехом советских писателей, запертым на засов партийной принадлежностью, и творческой мастерской открытой журнала «Юность», открытой для художников и их аудитории.

Выходу первого номера «Юности» предшествовала долгая кропотливая стадия подготовки, отбора материала, выработки интонации, поиска авторов и тем. Скажем, «Молодежная проза», творчество молодых и неизвестных прозаиков и поэтов печатал практически один журнал «Юность». Исповедальная интонация, молодежный слэнг, искренний приподнятый, осенне-весенний настрой привлекал внимание к журналу, создавая вокруг него эмоциональный фон, столь недостающий советскому читателю тех лет.

Будто легкое дыхание Оленьки Мещерской с Бунинский страниц перенеслось на передовые полосы журнала «Юность». А литературное щегольство «циника» Катаева в кулуарах партийных съездов делало свое дело, приводило в действие тонкие механизмы над цензурных соображений и журнал оживал. Умение Катаева идти на компромисс стимулировало полярные силы сойтись хоть в чем-то, в одной точке, в новом номере журнала «Юность».

Николай Старшинов, коллега Катаева по журналу вспоминал такой эпизод:

«- Послушайте, - сказал он мне как-то в коридоре. - Вот вам стихи Александра Жарова, пошлите их в набор. Сразу! Там стихотворений пять - отправьте все!

Я прочитал стихи и пришел к нему:

- Валентин Петрович, а стихи-то у Жарова очень слабые...

- Послушайте, конечно, слабые, - согласился он. - Что же вы от него хотите - хороших он не писал никогда, откуда же они у него вдруг возьмутся?

- А зачем же тогда нам их печатать?

- Послушайте, он встретил меня на лестнице - мы живем в одном подъезде - и сунул мне свои стихи... Куда же их теперь девать?

- Вернуть ему, Валентин Петрович,

- Послушайте, но ведь он после этого будет нас поливать грязью на каждом углу...

- Ну и пусть поливает!

Он недоволен и брезгливо поморщился, а потом согласился: - Ну ладно, я верну ему рукопись... Но, послушайте, вы еще совсем молодой человек и ничего не понимаете в литературных делах... Литература - это цепь компромиссов!»

Упомянутая нами связка Катаев – Кочетов, так же примечательна Катаевским умением идти на компромисс. Чем, кстати, не мог похвастаться такой мастодонт советской литературы, как Твардовский, главный редактор журнала «Новый Мир».

«Однако отдать лавры первенства одному Катаеву было бы не верно и исторически не справедливо. Редакционная коллегия проводила читательские конференции, вела переписки, внимательно относилась к тому, что писали о журнале в прессе (в редакционном архиве «Юности» хранится большое количество материалов из различных изданий). Сотрудники журнала внимательно подходили к верстке номеров (архивы черновых полос номеров «Юности» с многочисленными поправками хранятся в РГАЛИ), добросовестно работали с авторами прозаических, поэтических и публицистических произведений (вели переписку, писали внутренние рецензии), привлекали для работы с авторами внешних рецензентов. Каждый номер журнала неоднократно проходил обсуждение на редакционных собраниях. Атмосфера в редакции была либеральная, обсуждения часто переходили в бурные споры».

С такой оценкой трудно не согласиться. За один только 1955 год редколлегия журнала провела пять встреч с читателями. И примечательно, что отдача от этих встреч вопреки популярной советской практике была, влияла на содержание номера, корректировала темы будущих открытых обсуждений, оформление журнала, отдельные произведения и их героев, публикуемые в журнале письма и их проблематику. Звездный старт, связанный с легендарным именем Кожедуба был только началом Звездного пути... Первая встреча с читателями, прошла в библиотеке Дзержинского района г. Москвы. По словам сотрудника редакции журнала «Юность» Ю.М. Овсянникова, целью обсуждения стала необходимость «узнать, что бы хотели прочесть читатели, чем журнал плох и чем мало помогает».

Особенно выделялись на общем фоне рубрики «Разговор по душам» и «Почта Юности». Например, в первом номере журнала было опубликовано письмо юного читателя – ученика 9 класса. Письмо имеет следующее содержание:

«Разговор по душам» хотим видеть чаще. А самым живым, увлекательным разделом я считаю «Почту «Юности». В нем, по-моему, больше правды жизни, реализма. В «Почте «Юности» затрагиваются самые болезненные, волнующие вопросы».

Конечно, такие формулировки, как «правда жизни», «реализм» и «самые болезненные, волнующие вопросы», наводят нас на мысль, что без родительского подхода на воспитательных началах не обошлось, но такое положение вещей у нас – практика, значит опустим все сослагательное и закрепим данное суждение за мальцом. Тем более, что опыт его показателен – если не сам школьник, то его родители сочли журнал стоящим, как в образовательных, так и в воспитательных целях. Отчасти это снимает все всполохи и слухи о его не этичности и откровенной аморальности, коими в излишке были полны конкурирующие издания.

За 1955-1956 годы в журнале было опубликовано 25 материалов (статьи, фельетоны, корреспонденции, стихотворения), отвечающих официальному заказу по воспитанию молодежи. Среди них «Комсомольский патруль» С. Ланского (о борьбе с хулиганством), «Прошу принять меня в Сибирь» А. Левиной (о выборе профессии после окончания школы), «Перевоспитайте меня» Р. Зерновой (об антиобщественных и паразитических настроениях) и т.д. В рубрике «Рассказывают редакторы газет и журналов» «Литературной газеты» Валентин Катаев неоднократно выступал со «Словом о «Юности».

В конце 1955 года Валентин Петрович резюмировал итоги работы журнала: «Сейчас, когда вышло шесть номеров «Юности», можно, пожалуй, говорить о том, что лицо

журнала определилось». В сущности, таким был решительный ответ Валентина Катаева критикам и оппонентам журнала: Кочетову и команде.

При составлении плана на следующий год редакция, по словам Катаева, учла пожелания читателей, проанализировала замечания. В 1956 году в «Юности» появятся новые рубрики («Рассказывают старые коммунисты», материалы к XX съезду КПСС, сатирический отдел «Пылесос», «Трибуна «Юности»»). В журнале расширится научно-художественный отдел, будет публиковаться фантастика, улучшится освещение спорта. Члены редколлегии займутся организацией литературного объединения молодых авторов».

В 1956 году в аналогичной статье Валентин Катаев писал о том, что журнал продолжает искать новые формы работы и новые пути сближения с жизнью. «Особое место в разделе публицистики займут материалы на морально-этические темы, статьи и очерки, помогающие формированию коммунистического мировоззрения у юношества. Своей первоочередной задачей журнал ставит борьбу с буржуазными веяниями, проникающими в среду нашей молодежи». Следом, на журнал обрушивается критика: «много пишете о стилягах, но ничего о паразитическом корне «стиляжничества», но обо всем этом потом.

«Феномен популярности журнала «Юность» заключается в том, что сотрудники* во главе с Валентином Катаевым сумели найти нужную интонацию, искреннюю, близкую широкому кругу читателей. Журнал обрел свое лицо: сложился круг постоянных авторов, произошло открытие новых имен в литературе, сформировался свой стиль, у журнала появились постоянные и многочисленные читатели (о чем свидетельствует большое количество приходивших в редакцию писем)». Верно подмечено, Черт Возьми! В самую точку.

Фигура Валентина Петровича Катаева в литературе и культуре того времени не однозначно, прозрачно одно – его тяга к хорошему, качественному творчеству, к «живому слову». Отказ печатать Пастернаковского «Доктора Живаго» и «сервильные речи на всякого рода совписовских радениях» и прочие элементы Катаевского компромисса пусть теперь тонут в обывательской критике современников, не понять им, привышим все договаривать и проговаривать по 100 раз, высокого искусства компромисса и техники чтения между строк.

«Одно из очевидных достоинств Катаева — бескорыстная любовь ко всему хорошо написанному». Народная молва бывает справедлива. Однако, почти семилетний срок на редакторском посту, кончился для Катаева трагически. Как именно? Версий несколько, приведем две основные:

1) снят за публикацию «Звездного билета» Аксенова, дескать долетался, звезданулся и в Звездный путь! 2) ушел по собственной инициативе, обидевшись на отказ утвердить его главным редактором «Литературной газеты». Второе, маловероятная блажь, свойственная скорее Кочетову, чем Катаеву. Целый ряд достоверных источников, таких как, например «Википедия» (v) говорит в пользу первой.

Катаев был характерен и оригинален – его мовизм далек от «плохизма», равно, как и от соц.реализма. Иван Алексеевич Бунин – «его единственный учитель», все прочее, есть суть времени и пространства:

«В нём есть настоящий бандитский шик», — говорил о Катаеве Мандельштам, по свидетельству Надежды Мандельштам. «Мы впервые познакомились с Катаевым в Харькове в 22-м году. Это был оборванец с умными живыми глазами, уже успевший «влипнуть» и выкрутиться из очень серьезных неприятностей... Мальчиком он вырвался из смертельного страха и голода и поэтому пожелал прочности и покоя: денег, девочек, доверия начальства. Я долго не понимала, где кончается шутка и где начинается харя. «Они все такие, — сказал О.М., — только этот умён».

И ещё известное свидетельство Бунина в «Окаянных днях»: «24 апреля 1919 года... Был В. Катаев. Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За 100 тысяч

рублей убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки».

Это характер и судьба многих подкидышей России и по сей день – их время...

Лариса Латынина¹⁵⁷

На Олимпийских играх мы выступили впервые в 1952 году в Хельсинки, и с «золотым итогом». В Мельбурне — тоже. И на первенствах мира в 1954 и в 1958 годах.

Весь мир заговорил о советской школе гимнастики. Ее анализировали, сравнивали, даже копировали. Помнится, на первенстве мира в 1958 году зарубежные тренеры были во всеоружии — с неременной записной книжкой и фотоаппаратом с набором объективов. А частенько и с кинокамерой. Особенно «тяжеловооруженными» выглядели японцы. Их можно было увидеть на любой нашей тренировке.

Но надо сказать, что тогда, на чемпионате, японцы уже мало в чем уступали нашим гимнастам. Если в Хельсинки они оказались пятыми, то в Мельбурне уже перебрались на второе место и прочно на нем закрепились. И все-таки продолжали учиться. Все лучшие советские выступления проходили под непрерывное жужжание их кинокамер. Представьте, как там, на далеких островах, дотошно разбирался каждый привезенный кадр.

Уже на Олимпийских играх 1960 года в Риме японские мужчины гимнасты выиграли в командном зачете. На Пражском первенстве мира 1962 года — тоже.

В целом в Праге наши достижения таковы: абсолютными чемпионами - стали советские спортсмены Лариса Латынина и Юрий Титов. Выигранных медалей у нас куда больше, чем у японцев. Однако в гимнастике мы перестали быть недосягаемыми.

Впереди — Олимпиада на земле наших соперников, в Токио. Совсем недавно японцы совершили турне по Европе. Это была разведка перед встречей в Токио. Олимпиада 1964 года может преподнести нам такие же неожиданности, какими наши гимнасты сами некогда удивили мировой спорт. Чтобы быть готовыми к ним, предстоит решить задачи со многими неизвестными. Этим и заняты сегодня наши тренеры, физиологи, спортсмены.

СУДЬИ СРАВНИВАЮТ

Отвлечемся теперь от распределения мест и медалей — полученных и недополученных. Выясним сначала, что же все-таки произошло за последние годы в гимнастике.

Призовите на помощь воображение (иногда достаточно детали, чтобы дорисовать целое). Вот он, пражский помост, на котором состязались сильнейшие. Так вот, представьте себе глаза судей вровень с краями этого помоста. Гимнаст, куда ни оглянется, видит эти глаза — ¡ внимательные, спокойные, думающие. Судьи похожи на литературных критиков. В конечном счете им тоже «нравится» или «не нравится», и в зависимости от этого они оценивают движения спортсмена. Но в отличие от своих литературных собратьев эти спортивные «критики» присутствуют непосредственно при создании «произведения» и оценивают его тут же, на ходу. Здесь не существует черного варианта. В редких случаях гимнаст поднимает руку, беря вторую попытку.

Творя, спортсмен должен забыть о следящих за ним глазах, должен чувствовать себя непринужденно, свободно, легко. Может быть, улыбаться. Судьи частенько повышают оценку «за улыбку». Легкоатлет во время состязания не задумывается над тем, красив ли

его бег. Метая диск, он не заботится о грациозности сильного и резкого поворота тела. Важнее ведь другое: судьи смотрят на поле, где упадет брошенный снаряд, а потом замерят результат рулеткой. Задача гимнастики другая — наглядно продемонстрировать ловкость, силу, красоту человеческого тела.

Так отдыхали японские спортсмены в перерыве между выступлениями.

Однако вернемся к судьям, следящим за выступлениями на помосте. Только что они видели советского спортсмена — четкие, отработанные, может быть, несколько сухие движения, строго оттянуты носки, высоко поднята голова, развернуты плечи. Ничего не скажешь, отличная, проверенная школа! Даже с оттенком академизма. Разумно составленная комбинация, не придерешься: есть необходимые сложные элементы, есть и полегче. Некоторые плавные движения руками и стандартные выпады вроде бы и ни к чему, но выполнено чисто —! балла не сбросишь. Может, комбинация слишком «безаварийная»? Но и состязания ответственные, международные. Не всякий рискнет блеснуть каверзным трю-кром: недолго и сорваться. Есть в выступлении и элемент акробатики. Правда, в умеренных дозах. Впрочем, для советского гимнаста акробатика — соседний, пусть даже близкий вид спорта, но другой.

Судьи смотрят, оценивают. Зрители хлопают.

Но вот на помост поднимается следующий гимнаст, иной школы. Он и держится как-то мягче, расслабленней. И плечи чуть сближены, спина немного сутулится, словно от избытка мышц, — так естественнее. Руки свободно опущены, не напряжены. Гимнаст и в движении такой — скорее ловкий, чем сильный. Но смотрите: этот маленький смуглый спортсмен не зря держится с такой кошачьей мягкостью: так удобнее. В одно мгновение в точно выбранной точке маха он подбирается, как пружина, словно выстреливает собой высоко над снарядом. Высокий взлет — эффектный, красивый! — дает возможность завертеть не простое сальто, а двойное. Гимнастика? Да. Но подготовка спортсмена акробатическая.

Гимнаст «классической» школы привык к снаряду. Он все время ощущает эту жесткую опору и рассчитывает на нее. Акробат, как и прыгун в воду, управляет своим телом в беспорном пространстве. Гимнаст с акробатической подготовкой и на снаряде использует прежде всего не силу мышц (хотя и без силы, конечно, не обойтись), а мах, темп, инерцию движения.

Однако продолжим наши наблюдения за судьями, оценивающими работу «акробата». Да, они заметили чуть согнутые в коленях ноги, недостаточно, быть может, оттянутые носки. И некоторую (возьмем это слово в кавычки) «разболтанность» тоже видели. Но в целом комбинация была столь рискованной, трюковой... И артистично показанной. Вот за эту оригинальность, за блеск судьи (а тем более зрители) прощают незначительные промахи. • Да, недостаточно выполнять упражнения только чисто. В гимнастике нет абсолютно объективных результатов в секундах, метрах или килограммах. Можно, пожалуй, сказать, что в гимнастике важно «понравиться» судьям. Когда в гимнастике говорят «смотрится», значит, красиво, эффектно, значит, публика в зале ахнет в какой-то момент и приподыметесь с мест.

Чаще всего пражская публика «ахала» во время выступлений японцев.

Они предложили прежде всего свой ритм. Сложнейшие движения подавались неожиданно, быстро, за счет коротких — взрывных — 1 усилий мышц. Затем пауза, отдых. И — не всегда уследишь — новый «взрыв», допустим, сальто прогнувшись. Причем падение, как в затяжном прыжке парашютиста, продолжается до последнего момента —

вот-вот гимнаст падет на голову. Но почти неуловимое, кошачье движение — и он уже переводит дыхание, распластавшись на ковре в поперечном шпагате.

Короче, вольные упражнения японцев были набором внезапных акробатических трюков. Именно в этих движениях наши соперники и создали тот запас баллов, который позволил им прийти к финишу первыми.

Перекладина и брусья волнуют зрителей внезапными «страшными» моментами. Началось выступление. Один элемент логично вытекает из другого. Но вот гимнаст отпускает обе руки... Сорвется! Нет, все рассчитано. По затаенному дыханию зала чувствуешь, что упражнение рискованное. И, конечно, прощаешь гимнасту, если ноги его не так уж «привязаны» одна к другой.

Даже в кольца, исконно будто бы силовой снаряд, японцы внесли мягкость, маховые движения. Считалось: накрутил на этом снаряде «кучу крестов» — и хорошо. Теперь такая работа кажется грубой.

Еще после Мельбурна поговаривали, что опорные прыжки — отживающий вид. Обязательные прыжки одинаковы — так уж положено. Но и в произвольных — ничего нозого, одно и то же из года в год. Харухиро Ямасита — автор оригинального прыжка, по существу, сальто вперед с толчком руками. Опять акробатика? Да, пожалуй. И что-то от прыжков в воду. Изобретение принесло автору серебряную медаль в Праге. Теперь так и называют — «прыжок Ямасита». Вылет высоко над конем. Точное приземление.

Вообще наши соперники непревзойдены в искусстве приземления. Они останавливаются как вкопанные, точно врастают в пол. Это помогает им «зарабатывать» высокие баллы даже в труднейших для них махах на коне с ручками. Ведь именно конец венчает дело.

СПОР У ПОМОСТА

Споры, разгоревшиеся у Ломову ста, перешли на газетные страницы. Отзвуки теоретического боя проникли, разумеется, и в тренировочные залы в аудитории физкультурных институтов. Кто «прав»? Мы или японцы? Кто победит там, на близких уже Олимпийских играх, — «чистый» гимнаст или «акробат»?

В нашей стране акробатика, художественная и спортивная гимнастика — эти три вида спорта существуют на равных правах. Разыгрываются первенства, есть чемпионы в каждом из этих видов. Но, по сути, эта троица «воистину едина». Без акробатических прыжков нет вольных гимнастических упражнений. Грациозность, экспрессия, выразительность художественной гимнастики необходимы и в спортивной. Специальные занятия с женщинами-спортсменками проводят тренеры-«художественницы».

Существовать ли по-прежнему этим трем столь тесно переплетенным видам или бросить все на алтарь олимпийской спортивной гимнастики?

В женской гимнастике наши позиции тверже. Но тоже далеко не абсолютны. Киевлянка Лариса Латынина четвертый раз подряд выиграла золотую медаль сильнейшей гимнастки мира. Факт в спорте необыкновенный. Большие надежды возлагали мы также на Ирину Первушину, но «серебро» досталось не ей, а чешке Вере Чаславска.

Две медали — два стиля. Латынина грациозна, с широкими, свободными движениями. Она может и помедлить кое-где, «показать себя» — знает секрет изящества. Чехословацкая гимнастка — вся бурный ритм, неутомимость, атлетизм. Помню одно ее выступление. Зал был озадачен. «Простите, она по мужской программе выступает?» — спросил меня кто-то.

Неужели плавность движений, подчеркнутая женственность и мягкость отходят у гимнасток на второй план? Нет. Чаславска подобрала комбинации индивидуально, выигрышно именно для себя, ни для кого больше. Она «предъявила» личные, только ей

присущие козыри: резкость, выносливость, юный задор. Ей ведь только двадцать... И все же... Я листаю ее спортивную биографию: «...занималась балетом, фигурным катанием на коньках ..» Вот оно: «...несколько лет увлекалась акробатикой...»

Лично я верю в Первушину. В ней все неожиданность, начиная с манеры держаться. Вот она в алюминиевом креслице у помоста — ожидает своей очереди. Бесстрастное, неподвижное лицо, глаза полужакрыты. Почти с тем же скучающим выражением она начинает комбинацию на брусьях. Сорвалась в самом начале. От внезапности случившегося даже схватилась руками за голову. Но, спохватившись, тут же начала новый элемент, не менее сложный, чем тот, на котором споткнулась. Она с подъемом заканчивает упражнение и, спускаясь по лесенке к своему креслицу, поправляет на голове сложную прическу. Даже потеряв балл при падении, Ирина стала тогда лидером соревнований. «Сфинкс», — говорят о ней. Да, она может преподнести сюрприз.

Полина Астахова ожидает своего выхода.

Я отдаю предпочтение этой гимнастке из Воронежа еще и потому, что верю в ее тренера Ю. Э. Штукмана. Тренеры по гимнастике вообще немногословны, а этот — один из самых молчаливых. Он предпочитает смотреть. И делать свои выводы. А когда вдруг узнаешь стороной, что тренер неожиданно заинтересовался достижениями артистов цирка, подумываешь, не Чаславска ли тому причиной? Или итальянец Франко Меничелли?

Японцы — главные наши конкуренты. Но ведь есть и другие, не менее опасные в упражнениях на отдельных снарядах. Мы очень немного знаем о гимнастах США. Известно, что в отличие от своих европейских коллег многие из них специализируются в одном виде гимнастического многоборья. Такие «узкие специалисты» выполняют фантастические по сложности упражнения, превосходящие иной раз комбинации чемпионов мира. Что мешает им появиться на олимпийском помосте?

Так вот, Франко Меничелли тоже предпочитает один вид — вольные упражнения. И здесь известная французская спортивная газета «Экип» считает его непревзойденным, а бронзовую медаль, которую он получил, объясняет лишь консерватизмом судей.

О Меничелли специалисты пишут в превосходной степени, окружая его имя восклицательными знаками. Во время выступления этот гимнаст больше был в воздухе, чем на ковре. Он не знал пауз. Вместо суставов, — казалось, у него вставлены шарниры. «Что это, гимнастика будущего?» — спрашивали себя специалисты.

Нет, это тоже акробатика.

О СИНТЕЗЕ И НЕМНОГО... О ПРОШЛОМ

Прежде чем делать какие-либо выводы, послушаем, что говорит внимательно следивший за мировым чемпионатом 1962 года президент Международной федерации гимнастики г-н Ш. Тони: «Советские гимнасты продемонстрировали детально продуманные комбинации, мысленно доведенные спортсменами до конца, что в гимнастике особенно важно. Упражнения гимнастов СССР безупречны, выполняются с идеальной точностью и изяществом. Японцы более склонны к риску, их комбинации включают по пять-шесть элементов наивысшей трудности, что очень эффектно, но стихийно, и я считаю, что советская школа представляет большую ценность в спортивном отношении».

Но и теперь не следует торопиться с выводами. Дослушаем мнение президента: «Хочу добавить, что лишь один гимнаст в Праге идеально сочетал черты обеих этих школ — исключительную трудность комбинаций с очень уверенным, продуманным до конца их

выполнением. Это Мирослав Церар, которого я считаю лучшим гимнастом Пражского турнира».

Теперь вывод ясен: нам нельзя отказываться от того, что уже достигнуто советской гимнастикой. Но мировая гимнастика шагнула на следующую ступень, и этот шаг нашим мастерам надо сделать тоже.

Однако не будем ли мы открывать уже открытое, искать уже некогда пройденную дорогу? наших старых мастеров гимнастики вспоминаешь, как читанную книгу,— по стилю, по содержанию выступлений. Давно забыто, кто когда был чемпионом, а выступления помнятся. Я шел в гимнастический зал «смотреть Аджата Ибаду-лаева», «смотреть Олега Бормотки-на или Гранта Шагиняна». Я всегда ожидал чего-то нового и действительно перелистывал следующую страницу гимнастики. Я видел, как «рекордные» элементы, сочиненные этими гимнастами, пытались повторить молодые. Иногда это удавалось. Иногда рождалось новое.

Мне не забыть гимнастический зал в позднее, послетренировочное время, небрежно сидящих на ковре киевских «корифеев».

— А это вы видели? — говорил один из них, поднимался с ковра и в полутемном зале преподносил сюрприз — какой-нибудь трюковый соскок.

Затем спорили, обсуждали.

Были шуточные комбинации, рассчитанные на улыбку зрителя, были тематические, подобные описанной в начале очерка.

Все это прививало огромную культуру движения. О своем виде спорта гимнасты говорили с нежностью. Это было уже не только упражнением для развития мускулатуры, но и школой вкуса, эстетической подготовкой.

И, конечно, пресловутое количество баллов, необходимое для присвоения звания мастера спорта, не было самоцелью. Сейчас у нас мастеров, конечно, куда больше, чем было раньше, но как они похожи друг на друга!

Одно время таблица трудности поощряла сложные комбинации. Теперь рискует лишь тот, кто не надеется попасть в число лидеров, кому терять нечего. А остальные делают ставку на судью — «бухгалтера», который «за сложность не прибавит, а за ошибку сбавит». И строят свои произвольные выступления по принципу «не хватить бы лишнего». Где нет смелости, нет и творчества, а без творчества и вдохновения нет. И награждает зритель выступление вежливой дозой аплодисментов. И пустуют трибуны: старое видено, нового нет.

Были раньше и смотры — конкурсы на лучшую произвольную комбинацию, где гимнаст должен был удивить прежде всего оригинальностью замысла. Где они теперь? Гимнаст ездит с соревнований на соревнования, «работает за команду» — и только.

Говорят, Резерфорд, известный физик, увидев поздно вечером в лаборатории студента, недовольно спросил:

— Работаете?

— Работаю, — ожидая похвалы, ответил студент.

— И рано утром работаете?

— Да...

— И ночью тоже? А когда же вы думаете?

В календаре гимнаста должно быть время обдумать и творчески, интересно построить свои выступления.

У советской гимнастики есть еще одна очень важная задача — вернуть себе былую популярность. Зайдите в любую школу — там господствует только мяч. Круглый веселый мяч — баскетбольный, волейбольный, футбольный. А я все-таки люблю гимнастику. Я вошел однажды в высокий зал с бликами солнца на паркете, увидел гимнастов в

спортивных костюмах, которые всегда кажутся праздничными, и подумал: «Как красив может быть человек!»

И очень хочется, чтобы это увидели все.

Леонид Лхоеев. Возвращение д'АРТАНЬЯНА (в рубрике «Наш фельетон»)

О романтике не писали еще только фельетонисты. Во всех прочих жанрах она описана настолько подробно, что можно уже систематизировать ее как особую дисциплину для преподавания на специальных курсах.

Библиография этой дисциплины безбрежна. Бригантина поднимает паруса. Зовут пути-дороги. Мы с тобой два берега у одной реки. Давай, геолог, валяй, геолог. Только смелым покоряются моря. Вперед—и нет пути назад...

И тысячи других примеров, без которых жить уже просто невозможно.

А жить все-таки надо. Тем более, в библиографии сказано: «и нет пути назад».

Впрочем, так ли уж нету этого самого пути? Давайте проверим.

Когда гасконский парнишка по фамилии д'Артаньян достиг восемнадцати лет, папа сказал ему, что пора начинать самостоятельную жизнь.

Папа взял лист хорошей бумаги и написал письмо своему влиятельному земляку, который работал капитаном мушкетеров в городе Париже. Папа просил этого ответственного работника не оставить мальчишку милостями и пристроить его в столице.

Д'Артаньян взял письмо, сказал папе: «Приветик!» — и поехал в Париж. Но не успел он немного отъехать от родительского дома, как письмо у него стащили. А надо сказать, что устроиться в столице без блата было трудно уже и в те времена.

Что должен был делать умный парень ввиду такой нехорошей перспективы? Он должен был немедленно повернуть назад и честно заявить: «Папа! Не волнуйся. Документ увели. Заготовливай новый!»

Это решение вопроса подсказал мне другой парнишка, также достигший восемнадцати лет и прочитавший к тому же все романтические книги, наличествующие в его новенькой библиотеке.

Я удивился:

— Как же так? Ведь если бы д'Артаньян поступил по-твоему, не о чем было бы просто рассказывать!

— Ну и что? — ответил он.— Зато было бы новое письмо, и д'Артаньяну не пришлось бы рисковать жизнью.

И я представил себе, как бы встретил сыночка папа д'Артаньян. Папа д'Артаньян был солдат и применительно к своему времени человек строгих правил. Скорее всего он отрекся бы от своего трусливого сына. Скорее всего он поседел бы от позора, поскольку его здоровый байбак не может и шагу ступить без протекции, а тоже болтает о романтике.

Но как бы ни реагировал папа, можно быть твердо уверенным, что веселой романтической книги Александра Дюма «Три мушкетера» не получилось бы. Потому что парень, который сдрейфил перед обстоятельствами, не годится в мушкетеры, и писать о

нем просто глупо. Он не годится не только в мушкетеры. Он не годится в геологи, в шахтеры, в шоферы, в инженеры, в космонавты, во врачи — он вообще никуда не годится.

Итак, из этого древнейшего примера можно сделать вывод, что если в молодом парно нет бесстрашной уверенности в своих силах, настойчивости и духовной самостоятельности, ему не помогут никакие папины письма. И наоборот...

Мой начитанный парнишка вовсе не трус. В нем, вероятно, есть задатки хороших качеств. Но он слишком трезв, слишком рассудителен в свои восемнадцать лет. Его интересы слишком практичны, а взгляды слишком утилитарны.

В самом деле, если у папы есть связи, почему бы ими не воспользоваться? Почему бы, скажем, не достичь чего-нибудь распрекрасного без дополнительных усилий?

Это логическое положение таит в себе не менее заманчивую перспективу. Я не склонен утверждать, что именно так вырастают дармоеды. Отнюдь. Все гораздо хуже. Так вырастают бескрылые.

Мы постоянно говорим о романтике, о зовущих даях, о подвигах, о славе и даже о почестях, которые нас ожидают, если мы совершим общественно полезный подвиг. Конечно, в наше кибернетическое время, когда ординарной мечтой становится, как минимум, космический полет, смешно говорить о каких-нибудь менее значительных вещах.

Но романтика — увы! — не обязательно подвиг. Это — совсем другое. Это — просто веселое чувство приподнятости над ординарным потребительским рефлексом. Мне всегда казалось, что это — обычное стремление к необычному.

И начинается это чувство с простого умения — с умения шагнуть через порог. Все равно, через какой — через родительский порог, через порог собственных знаний, через предел своего любопытства, через забор ограниченности или через частокол догмы и канона. И, преодолевая эту преграду, просто нужно никогда не думать о том, «что я буду с этого иметь».

Когда-то один великий летчик пролетел под фермой моста, на котором его ждала любимая женщина. Нашлись люди, которые совершенно справедливо посадили его за это на «губу». Это были хорошие, веселые люди, потому что, сажая его, они все-таки гордились, что у них есть такой необыкновенный мастер.

Конечно, он должен был приехать на трамвае, не рискуя ничем. Но ему не было жалко тратить себя, и он был влюблен. А это — чрезвычайно решительное сочетание.

— Что он выиграл? — удивятся сверхрассудительные люди.

А что он должен был выиграть? И почему это каждый поступок человека нужно рассматривать с точки зрения того, что он «выиграл»?

Что выигрывает парень, который приносит своей девушке первый подснежник? Первые подснежники растут в холодном лесу, где можно простудиться. Да и зачем вообще носить подснежники? Разве без этого нельзя, скажем, жениться? Женятся же люди!

Ну и пускай себе женятся...

Один великий актер спрашивал у своих учеников:

— С чего начинается полет птицы?

— Как с чего? С того, что она расправляет крылья...

— Нет. Полет птицы начинается с того, что она хочет лететь.

Сокол не мог расправить крылья потому, что был ранен. Но он хотел лететь и поэтому полетел.

— А что он выиграл? — удивятся свехрассудительные люди.— Он же все равно разбился!

Совершенно верно. Ему никто не постелил соломки. Но он хотел лететь и поэтому полетел.

Как у вас насчет крыльев, дорогой читатель? Как у вас насчет обычного стремления к необычному?

Недавно я видел картину. На леопардовой шкуре стоит необыкновенно стройная девушка, прикрытая легким, заманчивым флером, и флер этот развеивается в виде крыльев, и девушка смотрит задумчиво вдаль. Все необычно, не правда ли? И вдаль смотрит, и шкура под ней леопардовая, не собачья все-таки; и обычное стремление она вызывает у зрителя.

Это тоже романтика, дорогой читатель. И ядовитые лебеди, рисуемые на фоне ресторанных пальм, и белые голубки с письмом в клюве,— тоже романтика. И семь слонов — тоже романтика.

Но семь слонов охраняют счастье. Заметьте: охраняют, а не добывают. Они охраняют леопардовую шкуру, которая лежит у порога и не дает его переступить. Жалко уходить от такой красивой шкуры в неизвестную даль. Жалко жить на свете, не зная точно, что ты с этого будешь иметь...

Говорят, что бывают сугубо романтические профессии. Многие промыслы, связанные с отъездом, зачисляются в этот разряд. Особенно геология, мореходство, дорожное дело. Конечно, эти профессии связаны с глазным романтическим условием — шагом через порог. Но только это внешняя форма романтики, ее мундир.

Но сугубо романтических профессий просто не бывает. А бывают люди с веселой душой — и человеки, знающие, «что они будут иметь». И ушлый дока в самом распронаиромантическом месте все равно будет лакать водку и копить деньги.

Гнетущая романтика мещанина убивает людей, вдавливая их в землю, лишает желанья приподняться над нудным, сэмоцельным рефлексом жратвы и барахла. И можно при этом петь романтические песни, и читать романтические книги, и даже писать романтические стихи. Семь слонов — надежная охрана.

И регламентированная романтика с приманкой — это те же семь слонов. Потому что в приманке точно указан прейскуртант, что и за что причитается...

Конечно, д'Артаньян д'Артаньяном. Он фигура литературная, так сказать, символическая. Вообще-то, глядя на него, можно подумать, что время выглядит романтическим лучше всего в отдалении. Капитаны, обветренные, как скалы, уже пооткрывали свои архипелаги. Уже были пронзены шпагами черные сердца злодеев. Уже были сброшены в пропасть заслужившие возмездия враги. Но разве парень, который в пургу бросается крепить болтающуюся между небом и землей ферму, думает, «что он будет с этого иметь»? Разве парень, пробирающийся по тундре на лыжах делать операцию, думает о чем-нибудь, кроме того, как добраться поскорее?

Романтика обостряет чувства. Благородный герой ее бесконечно честен, смел, мужествен, предан и всегда готов пронзить так называемого романтического негодяя

шпагой, кинуть в пропасть или обсудить на комсомольском собрании. И, 'несмотря на то, что романтический негодяй попадает редко,— его все равно много, и хочется с ним покончить поскорее.

Но для того, чтобы чувства обострились, нужно, чтобы они были, эти чувства. И это уже абсолютно современный, абсолютно конкретный разговор о большом деле, о большой пользе, об острой необходимости быть полезным своему обществу. Вот почему романтика умирает, когда умирает уверенное чувство приподнятости над потребительским рефлексом. И недобитые романтические негодяи начинают плодиться, прикидываться, подлаживаться. Они уже выходят из книг и толкутся в подворотнях, уменьшив своей челочкой и без того не великие лбы. Они втихаря подставляют ножку и шумно разевают свою поганую пасть, чтобы обляять слабого, чтобы дать ему под дых, чтобы навалиться впятером на одного и двинуть сильного в спину. Они режутся, если нет на них д'Артаньянов, если последние вернулись за новой рекомендацией в отчий дом...

Но о «романтике» негодяев — в другой раз...

...С некоторых пор физика стала считаться прикладной наукой. Бешеные мамы стараются сунуть в эту физику своих недорослей, полагая, что век романтики кончился и наступил век так называемых «земных благ». Конечно, физика вбирает в себя, кроме всего прочего, также и процессы кипения супа. Но в размышлениях Эйнштейна и Курчатова не меньше приподнятости, чем в великих стихах. Увлеченность всегда сопутствовала и будет сопутствовать всякому делу. Люди задыхаются без идеалов. Без идеалов они начинают хрюкать. Вы это, вероятно, замечали.

И трижды счастлив тот, кто порывом сердца бросается крепить ферму, спасать человека, открывать землю, строить города, отстаивать правду и рвать цветы для любимой женщины. Вот это и есть наша романтика, дорогой читатель.

Это романтика Овода, Левинсона и Павла Корчагина, Раймонды Дьен и Зои Космодемьянской, это романтика баррикад и революционного подполья — великое самоутверждение чести, совести и принципов, романтика Октября.

Этого никогда не понимали нудные доки, специалисты «что-нибудь с чего-нибудь иметь». Они предлагают своим д'артаньянчикам протекции, обещают им безвозмездные золотые горы и надевают на неокрепшую грудку демагогическую кольчугу. Д'артаньянчики хватают «тепленькие местечки», им никогда не приходится обнажать шпагу, они примериваются только в спину.

А жизнь двигают совсем другие д'Артаньяны. Поэты, для которых суп — еда, а не цель жизни. Они обнажают шпаги и подставляют свою грудь. Потому что ими владеет великое чувство приподнятости над обыденным.

И если отказаться от этого чувства, полетят в тартарары и великая музыка, и великие полотна, и великие книги. Потому что вместо обеденного меню они могут предложить только ощущение прекрасного.

И вместо них, заслоня солнце и звезды, высунется равнодушная морда, довольная своим умом и недовольная своим обедом.

А д'Артаньяны не возвращаются.

Они скачут вперед, навстречу неизвестному, не боясь его, атакуя его, весело приподнимаясь над ним и видя его широкими веселыми глазами.

И грудь у них без кольчуги. Она открыта и другу и врагу. Потому что им не жаль себя, не жаль шагнуть через порог и, самое главное, не жалко жить на этом свете...

Нева

Журнал "Нева" основан в 1955 году в качестве официального органа Ленинградской писательской организации.

За минувшие годы на страницах журнала увидели свет произведения таких писателей как Владимир Дудинцев, Лидия Чуковская, Александр Солженицын, Вениамин Каверин, Юрий Нагибин, Дмитрий Лихачев, Федор Абрамов, Виктор Конецкий, Даниил Гранин, Борис и Аркадий Стругацкие...

Именно "Нева" познакомила читателей с "Большим террором" Роберта Конквеста и романом Артура Кестлера "Слепящая тьма". Сегодня журнал стремится оставаться верным традициям петербургской литературной периодики.

На страницах "Невы" читатель найдет современную прозу и философскую лирику как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Разные характеры, разные герои в разных жизненных ситуациях пройдут перед читателем. Однако главным персонажем публикаций журнала, главным его героем является сам Петербург: его культура, история, его обитатели и подвижники.

"Физиология Петербурга", "Домашние архивы петербуржцев", "Быль и миф Петербурга", "Петербургские сновидения", "Загадки российской музыки", "Петербург под микроскопом" – вот лишь некоторые названия рубрик, под которыми публикуются как художественные произведения, так и строго документальные свидетельства ярких и драматических судеб, значительных исторических событий, уникальные архивные находки.

История журнала - это история становления творческой свободы слова и мысли, большого и тяжелого творческого пути советских литераторов к завоеванию права творить что хочется и как хочется.

«НЕВА» — советский (российский) ежемесячный литературный журнал, издается в Ленинграде — Санкт-Петербурге) с апреля 1955 г. Основан на базе выходившего до этого «Ленинградского альманаха» в качестве официального органа Ленинградской писательской организации. Структура журнала: секретариат, редакционная коллегия, отделы: прозы, поэзии, критики и искусства, очерка и публицистики, "из почты "Невы", "сатиры и юмора"; с 1965 г. - отдел "Нева - детям", 1966 г. - музыкальный, 1981 г. - "Седьмая тетрадь", объединившая небольшие рубрики.

12 мая 1991 г. журнал был преобразован в ТОО "Журнал "Нева", а 24 февраля 1998 г. реорганизован в ЗАО "Журнал "Нева".

Помимо поэзии, прозы, публицистики и литературной критики журнал печатал переводы из литературы социалистических стран, а также (с 1981) под рубрикой «Седьмая тетрадь» — много коротких очерков по истории Ленинграда (Петербурга, Петрограда).

Главные редакторы журнала: Александр Черненко (1955—1957), Сергей Воронин (1957—1964), Александр Попов (1964—1978), Дмитрий Хренков (1979-1984), Борис Никольский (1985—2006), Наталья Гранцева (с 2007)

Авторы журнала: Михаил Зощенко, Михаил Шолохов, Вениамин Каверин, Лидия Чуковская, Лев Гумилев, Дмитрий Лихачев, Александр Солженицын, Даниил Гранин, Фёдор Абрамов, Виктор Конецкий, братья Стругацкие, Владимир Дудинцев, Василь Быков и другие. Авторы В. Дудинцев и В. Быков были отмечены Государственными премиями СССР в области литературы, искусства и архитектуры.

Именно "Нева" познакомила читателей с "Большим террором" Роберта Конквеста и романом Артура Кестлера "Слепящая тьма". Сегодня журнал стремится оставаться верным традициям петербургской литературной периодики.

Ряд произведений, опубликованных в "Неве", был отмечен Государственными премиями (В. Дудинцев, В. Быков).

Литературный журнал «Нева» традиционно насыщен революционно новыми произведениями молодых писателей, поэтому часто на себе испытывал политическую цензуру. Сегодня журнал "Нева" стремится оставаться верным традициям петербургской литературной периодики и наряду с произведениями молодых авторов, публикует произведения о блокадном Ленинграде, письма из эмиграции, воспоминания о годах репрессий.

На страницах "Невы" читатель найдет современную прозу и философскую лирику как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журналу «Нева» 55 лет. Интервью с гл. редактором Натальей Гранцевой

Наталья Анатольевна, 16 апреля 2010 года возглавляемому вами питерскому журналу Нева исполняется 55 лет. Цифра 55 есть и в дате его основания — 1955 год. Как вы рассматриваете эти две пятерки? как намек на "пенсионный возраст"? как две отличные оценки, поставленные Журналу самой историей? Или как-то еще?

— Это просто очень красивое число. Смысловое "эхо" рождения издания. Будущее покажет, есть ли в этой дате и нумерологическое содержание. Шучу.

— Если отбросить юмор... Журнал "Нева" — один из сравнительно небольшого числа солидных "толстых" журналов, заслуживших высокую репутацию у российского читателя. Между тем, основан он был как орган Ленинградской писательской организации. Сохраняете ли вы приверженность к питерским авторам и питерской тематике? Может ли автор из других регионов страны, а также из ближнего и дальнего Зарубежья рассчитывать на равное внимание к его опусам?

— Сейчас ни один из журналов не является чьим-либо органом. Да и сами писательские организации утратили то значение, которое имели в советское время. В наши дни каждая редакция журнала — самостоятельный хозяйствующий субъект, как говорят юристы. Конечно, питерским авторам мы всегда рады, но журнал не позиционирует себя областным (или региональным) изданием. Поэтому прописка автора нас интересует меньше всего. Мы отбираем тексты для публикации, принимая во внимание, в первую очередь, литературный уровень, заданный журналом. Второе требование — актуальность проблематики, связанность ее с российской культурой. Поэтому на страницах "Невы" можно встретить писателей, живущих в Москве, Краснодаре, Рязани, Новгороде, Новосибирске и других городах и весях. Нередко нашими

авторами становятся литераторы, живущие на территориях "бывших республик" — в Латвии, Украине, Грузии, Эстонии. Русскоязычная литература Германии, США, Израиля, Франции тоже приходит к читателю со страниц "Невы".

— В Питере мирно сосуществуют два толстых журнала — "Звезда" и "Нева". "Звезда", насколько я знаю, основана в 1924 году, вы в сравнении с ней еще очень молодой журнал. Есть ли у вас какое-то размежевание с "коллегой-соперником"? В 19-м веке два журнала прогрессивного направления "Современник" и "Отечественные записки" переманивали друг у друга авторов, старались перецеголять один другого едкостью критических статей. А как обстоит дело у вас?

— Начнем с едкости критических статей. И хотелось бы кого-нибудь "перецеголять", но сама журнальная литературная критика не позволяет это сделать. Критические статьи вообще, по моим наблюдениям, жанр выдохшийся. Впрочем, так и должно быть — новых идей нет, поэтому нет и идейной борьбы. Слова "прогрессивный" и "реакционный", если и встречаются, то режут ухо своей "совковостью". А новое литературное поколение, если вы заметили, вообще холодно относится к этой терминологии. Думаю, некоторое "затишье" на фронте литературной критики вызвано и тем, что не выработан новый (соответствующий новым реалиям) понятийный аппарат. Как только удастся его создать, может быть ситуация изменится. Как говорили древние, правильно назвать явление — значит, уже наполовину его понять. В вашем вопросе содержится верное утверждение о "мирном сосуществовании" двух питерских журналов. Я не вижу, чтобы между "Невой" и "Звездой" существовали какие-то идейные разногласия. Мы не переманиваем авторов, но внимательный наблюдатель заметит, что некоторые литературные имена встречаются в обоих журналах. Кроме того, лично я трепетно отношусь не только к людям, работающим в "Звезде", с которыми давно знакома, но и к понятию "корпоративная этика". Конечно, между нами существует некоторое "размежевание", но оно скорее — содержательное, сложившееся исторически. Оно — не результат чьего-то умысла. Например, наши коллеги из "Звезды" уже много лет исследуют историю кавказских войн, и я не вижу смысла придумывать какую-то конкуренцию на этом поле. Лучшие по достоинству оценят их важную работу.

— Говоря о "Неве", нельзя не упомянуть ее многолетнего главного редактора Бориса Николаевича Никольского. Именно при нем журнал вырос и окреп, получил общероссийское признание. Вы переняли этот пост у Бориса Николаевича, причем, в весьма суровое время, когда журналы были поставлены на грань выживания. Как вам эта ноша? не слишком неподъемна? Спрашиваю и как редактора, и как женщину...

— Борис Николаевич Никольский руководил журналом более 20 лет. Это были очень трудные годы. Мы все это помним. В 2001 году Борис Николаевич пригласил меня работать в "Неву", предложив стать его заместителем. Я была крайне удивлена, поскольку никаких планов в этом направлении не строила. Придя в журнал, я столкнулась с тем, что существует множество "системных" проблем. Их и нужно было решать "системно". Но не всегда это получалось. Всю тяжесть груза, лежавшего на плечах, Никольского, я по-настоящему прочувствовала только тогда, когда пришлось принимать решения, в том числе, и непопулярные. Но ситуация в начале 2007 года была критической — журнал мог вообще не дожить до 55-летия. Сейчас положение стабилизировалось. И то, что когда-то выглядело "неподъемным", оказалось вполне терпимым. К тому же бог наградил меня философским отношением к проблемам — я прекрасно понимаю, что вместо одних решенных проблем возникают другие нерешенные. Грезить о беспрепятственности — это смешно.

— Не могу не задать вопрос об "эмигрантской литературе". На страницах "Невы" публиковались многие писатели-эмигранты, помещались большие обзорные статьи о прозе и поэзии дальнего Зарубежья. Здесь эти публикации вызывают повсеместный отклик, благодаря им, поэты и прозаики эмиграции наяву ощущают процесс слияния

"двух потоков" русскоязычной литературы. А как в России? Есть ли там интерес к публикациям писателей-эмигрантов и к статьям об их творчестве?

— Время меняется быстрее, чем нам кажется. Был период, когда журнал "Нева" большую часть своей площади отдавал "эмигрантской литературе". Авторы, оказавшиеся за пределами России, еще болезненно ощущали свое единство с историей и литературой страны, оставшейся в прошлом. Они ярко и темпераментно высказывали суждения, полемизировали, старались внести свою словесную лепту в процессы, происходящие в постсоветском обществе. Эта волна прошла. Потом была волна текстов, в которых рассказывалось о новой жизни эмигрантов без России, о попытках вписаться в новый культурный ландшафт. Сейчас и эта волна идет на спад. Литераторы старшего поколения, проведшие в эмиграции уже не один десяток лет, ныне более всего склоняются к мемуаристике. Но, к сожалению не всякий личный мемуар оказывается литературным произведением. Поэтому и эта волна по естественным причинам ослабевает. Те же авторы, которые обладают "чувством времени" независимо от места обитания, и понимают вызовы актуальности, активно взаимодействуют с журналом "Нева". Да вы и сами это видите, поскольку являетесь нашим постоянным автором.

— Несколько слов о вас. Вы — поэт, встречала ваши весьма любопытные шекспироведческие статьи. Как удастся совмещать собственное творчество с работой главного редактора? Остается время на "личную жизнь"?

— В прошлом году у меня вышла книга стихов "Мой Невский, ты — империи букварь". Это книга лирики. А лирика — это всего лишь набор мгновенных лирических переживаний. Их ценность определяется точностью, внятностью и остранением. Каждый день, проходя по Невскому, я думаю о тех людях, кто мечтает хотя бы раз пройти по этому прекрасному проспекту. А мы забываем, что это само по себе — великое счастье. Таким же великим счастьем я ощущаю возможность остраненно взглянуть и на Шекспира. Великий Бард — уравнение со множеством неизвестных. И для меня интересно: при каких значениях этих иксов и игреков уравнение становится решаемым? Мои эссе — не филологические штудии, а свободные опыты. В апрельском номере — текст о "Гамлете". И почему это все может мешать личной жизни? Ей ничто помешать не может! Это знает любая женщина.

— Журнал любит привлекать к сотрудничеству молодежь. Помню, как однажды, прочитав у вас какой-то, весьма рискованный "молодежный" опус, позвонила к вам в редакцию. Вы мне тогда ответили, что ориентируетесь на разные группы читателей. Вопрос мой двойной: ведете ли вы работу с молодыми авторами? И второе: существует ли в журнале цензура — политическая или морально-этическая?

— Каждый первый (январский) номер журнала мы отдаем творчеству молодых авторов. Поскольку мы это делаем уже не первый год, то юные дарования посылают нам свои опусы в огромном количестве. Работать с иногородними авторами тщательно невозможно, но мы понимаем, что людям, живущим вдали от литературных центров, нужна поддержка. Молодые должны знать, что их талант замечен. Это большой стимул для развития. А огрехи и шероховатости — дело преходящее. Гораздо грустнее дело обстоит с питерской молодежью. Она тоже лишена того, что можно назвать "школой". Каждый юный автор уверен, что до него ничего путного не было создано, поэтому можно врубить комп и начинать стучать по "клаве". Это и будет шедевр. Для меня было очень огорчительно отклонять рукописи, в которых есть "искра божья", но полно изобретенных давным-давно "велосипедов" и жутких языковых ошибок. Поэтому в 2008 году мы организовали при редакции Школу-студию "Невы". Занятия проходят в "интенсиве" и преследуют две цели: дать основы профессиональной литературной работы и развеять стереотипные иллюзии. Кстати, одна из таких иллюзий — это страшилка о цензуре. Как вы знаете, цензура запрещена Конституцией. Ее нет. Но есть ограничения, налагаемые законом. Например, тексты, грешащие экстремистскими

суждениями, или ведущие к разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни, "Нева" публиковать не будет. Я как главный редактор журнала не могу приветствовать и употребление ненормативной лексики. Спекуляции на эту тему производят впечатление лишь на слабонервных.

— Последний вопрос — вполне традиционный: что у вас в планах? С кем из известных и новых писателей познакомится ваш читатель? Какие сюрпризы вы для него готовите?

— В последние годы большой читательский интерес вызывают материалы, посвященные переосмыслению классического наследия. Видимо, назрела потребность извлечь из него новый ресурс развития — поэтому и писатели, и читатели дают высокие оценки нашим усилиям, приводящим к актуализации, например, Гоголя и Чехова. В нынешнем году мы продолжим гуманитарные проекты, привязанные к юбилейным датам А.Блока, Н.Гумилева, М.Лермонтова. К слову говоря, одно из первых поздравлений с 55-летием журнал получил именно из Ассоциации "Лермонтовское наследие", а вместе с поздравлением и грамоту международной Лермонтовской премии в номинации "За красоту творчества и высокие принципы гражданской ответственности". Эти самые принципы и красота, надеюсь, и в дальнейшем будут определять отбор текстов в "Неве". В ближайших номерах читатели познакомятся с новыми произведениями Леонида Жуховицкого, Виталия Аксенова, Александра Ласкина, Евгения Белодубровского, Татьяны Янковской, Ирины Чайковской, Натальи Галкиной, Андрея Столярова. А что касается сюрприза, то он ждет всех читателей — начиная с апрельского, четвертого номера, журнал будет выходить в обновленном дизайне, он вернется и к исторически сложившемуся формату толстого журнала.¹⁵⁸

Моисей Лесман. Тайна трех архивов

Вступительная заметка И. Фонякова

Кто хоть раз побывал в квартире известного ленинградского коллекционера Моисея Семеновича Лесмана — несомненно запомнил это посещение на всю жизнь. Узкая крутая лестница на самый верх старого дома на улице Лизы Чайкиной, медная табличка на дверях: «Квартира охраняется государством»... Увы, состояние самого жилища собирателя едва ли подтверждало эти прекрасные слова: вошедшему сразу бросались в глаза следы многочисленных протечек, постоянно угрожавших собранным здесь раритетам. А раритеты здесь были собраны первоклассные: автографы писателей, книги с их надписями, изобразительные материалы... Ныне издательством «Книга» подготовлено подробное научное описание этого собрания, представляющего огромную культурную ценность.

Но сверх того Моисей Семенович был удивительным рассказчиком. Друзья не раз уговаривали его закрепить на бумаге хотя бы некоторые из его устных новелл. Но, кажется, лишь однажды он внял этим уговорам. Результатом явились несколько увлекательных машинописных страниц. Существует и магнитофонная запись этого рассказа. Знакомясь с нынешней публикацией, читатель наверняка пожалеет, что осталось так мало. Тем более, что при всей своей новеллистической завершенности это история с «открытым» концом: собиратель предполагал продолжить свой поиск.

Может быть, здесь есть подсказка для новых поколений исследователей?

Илья Фоняков

Друзья мои, люди между собой несхожие, в шутках своих, когда дело касалось моих собирательских увлечений, были стандартно однообразны; если речь шла о

собрании рукописей, каждый из них непременно спрашивал меня: «А не хочешь ли (не хотите ли) купить мой автограф? Я бы с тебя (с вас) недорого взял...». Очень остроумным казалось им также предложить мне книги или письма, якобы оставшиеся от прадеда и только что найденные на чердаке дома (дачи), идущего на слом. Сообщалось мне это письменно или по телефону неизвестным лицом. Адрес указывался обычно загородный: Шувалово (в те времена добираться туда было трудно), Озерки или даже Тихвин. Приехав на место, я убеждался, что такой улицы или номера дома не существует, а если адрес правилен, то на мой звонок выходила веселая компания, в восторге от удавшегося розыгрыша, и тащила меня к столу с уже наполовину опорожненными бутылками (не могли меня дождаться).

Поэтому телефонный звонок и последовавший затем разговор не вызвал во мне особого интереса: «Очередная дружеская шутка», – решил я. Незнакомый женский голос спросил, интересуют ли меня рукописи. «Интересуют», – ответил я. «Стихи Мандельштама?» – «Конечно». – «Письма Гумилева?» – «Разумеется». – «Ахматова?» – «Да, да, да», – я уже не скрывал своего раздражения примитивностью шутки и бедностью фантазии ее авторов.

«Я могла бы к вам сейчас приехать...». – «А по чьей рекомендации вы звоните, кто дал вам мой телефон?» – спросил я. «Леонид Иванович Рокк», – ответила незнакомка. Это имя было мне известно; он именовался писателем, хотя членом Союза не был, занимался в основном литературными поделками.

Рекомендация мне не показалась солидной. Весьма сухо я предложил моей собеседнице приехать через неделю, в четверг, к 13 часам – срок, как я полагал, достаточно продолжительный, чтобы охладить пыл организаторов розыгрыша и заставить их забежать ко мне до истечения назначенного срока с повинной и, конечно, с бутылкой.

Но, положив трубку, довольный своей выдержкой, я все же ощутил некоторое беспокойство... А вдруг? А вдруг и в самом деле у моей собеседницы в трех ящиках бюро лежат эти самые клады? «Мандельштам, Гумилев, Ахматова; Мандельштам, Гумилев, Ахматова...». «Тройка, семерка, туз... Тройка, семерка, туз...».

Три карты, которые привели бедного инженерного офицера к печальному концу, возможно, не так жгли сознание Германна, как терзали меня эти три имени: «Мандельштам, Гумилев, Ахматова».

Я не буду подробно описывать муки собирателя, выпустившего из рук уже пойманную им синюю птицу, каждый из вас поймет мое состояние...

День шел за днем, а три карты, то есть три имени, все той же чередой, следуя одно за другим, звучали у меня в ушах или бежали перед моим взором, подобно электрической рекламе; в кресле у парикмахера, в очереди за обедом в столовой, аккомпанируя певице за роялем, я не забывал три имени: «Мандельштам, Гумилев, Ахматова» – они были со мной.

Но время, назначенное мною для встречи, все таки приближалось. И в четверг, ровно в 13 часов, у входных дверей раздался звонок.

Я открыл дверь незнакомой мне женщине среднего роста, лет 35–37. Следуя моему приглашению, она прошла в комнату, где находилась бо льшая часть моей библиотеки, и, не глядя по сторонам, сразу подошла к стеллажам, на которых стояли русские книги XVIII–XIX вв.

«Ну, это все у нас есть», – как бы про себя сказала она. «Простите?» – переспросил я. Не отвечая, она продолжала рассеянным, но, как мне показалось, все видящим взглядом скользить по книжным полкам. Эти первые минуты нашей встречи убедили меня, что ни о каком «розыгрыше» не может быть и речи, а туго набитый портфель, который гостя не выпускала из рук, неодолимо притягивал мои взгляды.

«Ваше имя отчество?» – спросил я. «Это неважно», – ответила она.

Ответ мне не понравился и невольно заставлял думать о том, что не все чисто благополучно в делах этой дамы.

Тем временем она села в кресло. «Вы хотите посмотреть чтонибудь из рукописей?» – «Разумеется», – ответил я.

Приоткрыв портфель, но так, чтобы я не мог разглядеть его содержимое, «Хозяйка Медной горы» (так я мысленно назвал ее) долго рылась в бумагах и наконец вынула небольшой листок почтового формата, исписанный хорошо знакомым мне почерком.

«Гумилев?» – полуутвердительно спросил я. – «Да».

«Напечатано?» – «Нет», – твердо ответила дама, передавая мне листок в руки. Я взглянул на строки и, ничего не говоря, подошел к шкафу, из которого вынул книгу Гумилева и открыл ее на странице с «напечатанным» стихотворением. Раскрытую книгу и рукописный листок я положил на стол перед моей гостьей. «Напечатано», – сказал я жестко.

«Возможно», – спокойно ответила моя гостья. «Один – ноль в мою пользу», – злорадно подумал я.

Меж тем «Хозяйка Медной горы» уже снова рылась в своем портфеле и наконец вытащила общую тетрадь в черной клеенчатой обложке и дала ее мне. Я с нарочитой небрежностью открыл тетрадь и тотчас понял, что поединок мной проигран со счетом 100: 0 в ее пользу.

На одной из страниц был набросок неизвестного мне стихотворения, рядом план дороги к Большой пирамиде, дальше меню обеда и т. д.

Не надо было быть большим специалистом, чтобы понять: в моих руках никогда никем не виденный дневник путешествия Гумилева по Египту.

Я был потрясен и, вероятно, не смог скрыть этого, а моя гостья, ничем не проявляя своего торжества, ледяным голосом спросила: «А это тоже напечатано?».

Прошли минута две, прежде чем я, несколько овладев собой, задал ей вопрос: «Как вы цените листок с напечатанным (подчеркнул я) стихотворением?». – «Четыреста рублей», – не раздумывая, ответила владелица портфеля.

Здесь я должен сделать маленькое отступление. Все, о чем я здесь рассказываю, происходило после войны, году в 1948–1949, в период, когда ленинградский книжный рынок был завален ценнейшими книгами и рукописями. За несколько дней до описываемой мной встречи в одном из книжных магазинов продавалась письмо открытка А. Блока, адресованная В. Зоргенфрею. Цена ее была сорок рублей. Я вынужден был отказаться от покупки – дорого.

Сейчас, в наши дни, дни «книжного бума», мы не можем представить себе, что письмо А. Блока оценивалось в 40 р. (а ведь в переводе на сегодняшние деньги эти 40 р. равны примерно четырем (!) рублям). Но тогда и по этим низким ценам собиратели далеко не всегда могли купить ценную книгу или рукопись, приходилось выбирать: потратить ли на письмо Блока 40 р. или на картину Петрова Водкина 100 р. (небольшие его работы стоили от 10 до 25 р.). Поэтому оценка стихотворения Гумилева (400 р.) казалась, разумеется, дикой.

Я понял, что путь к этим кладам мне закрыт, о чем я откровенно сообщил моей гостье, объяснив причины моего отказа. То, что я не торгуюсь и откровенно признаюсь в своей неплатежеспособности, по видимому, ей понравилось.

«Как вы посоветуете мне действовать?» – спросила она.

И дальше привожу наш диалог, важность которого станет вам ясной из моего рассказа позже.

«Почему бы вам не обратиться в библиотеки или архивы?»

Моя собеседница вздрогнула как бы от испуга: «Исключается...».

«Тогда предложите ваши материалы книжным магазинам, частные лица ничего не купят, а букинисты – это последнее, о чем я могу вам напомнить».

«Куда бы вы меня направили?» – «Попробуйте обратиться в магазины Москвы». – «Там цены ниже ленинградских», – решительно заявила моя гостья. «Ну что же, из

ленинградских в первую очередь назову вам Книжную лавку писателей». – «Нет, нет! Туда я не пойду».

И после паузы: «А к кому из опытных букинистов вы посоветуете мне обратиться?» – «Выше других обычно оценивает книги Павел Федорович Пашнов, зайдите к нему...». Я дал ей адрес магазина.

Одевшись, она сдержанно поблагодарила меня и ушла. Я же вернулся в комнату и, уже сбросив с себя маску равнодушия, стал бегать по комнате, пытаюсь проанализировать все происшедшее за последние сорок минут.

Я не буду утомлять вас ходом своих рассуждений, а сообщу вам, к каким выводам я пришел.

Нежелание назвать свое имя не только неприлично, но и явно свидетельствует о боязни разоблачения.

Ее испуг при одном упоминании Книжной лавки писателей – не боязнь ли быть разоблаченной кем либо из писателей?

К обладанию рукописями нынешняя их владелица пришла темными путями. Возможно, материалы эти похищены из какого либо госхранилища. Не потому ли она отказывается иметь с ними дело?

Разумеется, я не отойду в сторону и по мере сил постараюсь разобраться в этой странной истории.

Первым делом обращусь к человеку, который послал ко мне эту таинственную особу.

Звоню к нему. Леонид Иванович дома. Рассказываю о моей гостье, о невозможности приобрести рукописи и наконец прямо задаю ему вопрос: «Кто она? Имя, фамилия?».

И неожиданный ответ: Рокк, направляя свою знакомую ко мне, дал слово не раскрывать ее имени. Все мои попытки переубедить его ни к чему не привели, – он своего слова не нарушит.

Звоню к Пашнову: «Павел Федорович! Не заходила ли к вам некая особа с рукописями Гумилева?» – «Как же, как же, только что ушла...» – «Вы чтонибудь купили у нее?» – «Что вы, она сумасшедшая! Такие заломила цены! Я взял у нее один рукописный листок на комиссию, но предупредил ее, что 400 р., которые она за него хочет получить, никто не даст». – «Как ее фамилия?» – «Понятия не имею». – «Но вы же ей выдали сохранную расписку, а копия осталась у вас?» – «Нет, себе копии я не оставил. Но когда она через неделю придет за рукописью и возвратит сохранную, я оставлю ее для вас, и вы узнаете фамилию владелицы».

Делать было нечего, оставалось ждать.

Забегая вперед, скажу, что владелица пришла за своим листком через неделю в назначенный день и, узнав, что он не продан, возвратила сохранную расписку, а получив рукопись, благополучно ушла. Пашнова в это время в магазине не было, а его заместительница, возвратив рукопись, со спокойной совестью уничтожила уже ненужную теперь сохранную.

Прямые пути для того, чтобы раскрыть имя владелицы рукописей, были наглухо закрыты, надо было искать другие. И прежде всего – ответить на вопрос, который встал передо мною сразу при встрече с гостьей: каково происхождение рукописей?

Пользуясь моими обширными знакомствами в библиотеках и госархивах, я попытался выяснить, не было ли в последние годы хищений творческих рукописей, писем и т. п., принадлежавших перу интересующих меня поэтов – Мандельштаму, Гумилеву, Ахматовой.

Ленинградские госхранилища ответили категорически: «Нет, не было!».

Получить ответ на мой вопрос в московских учреждениях оказалось труднее, но в конце концов ответ был тот же: нет, ничего подобного похищено не было.

Оставались еще частные собрания; но все они были мне известны, и ни одного собрания, которое включало бы одновременно три имени: «Мандельштам, Гумилев, Ахматова», – не было. Были собиратели Гумилева, Ахматовой (еще, кажется, никто не собирал Мандельштама), но три имени: «Мандельштам, Гумилев, Ахматова» – три имени вместе, как тема собрания мне известны не были.

Оставалось выяснить, почему моя гостыя боялась Книжной лавки писателей. Прямого ответа на мой вопрос мне получить не удалось. Оставалось предположение, что сама она была как то связана с писателями, – дочь? жена?..

Итак, первый раунд моих поисков кончился полным фиаско: я ничего не узнал и не видел возможности узнать что либо в ближайшем будущем.

Оставалось надеяться на случай, следить, не будет ли предложен этот материал в госархивы или частным лицам, и, наконец, ни в коем случае не напоминать Рокку, ни в коем случае не обращаться к Рокку по поводу этих рукописей; я хранил тайную надежду, что Рокк, единственный человек, который знал владелицу рукописей, когданибудь, почемунибудь сам откроет мне сезам и, взяв за ручку, подведет к кладам.

есяцы, годы. Время от времени я проверял расставленные мною посты в хранилищах, в магазинах... Нет! В Ленинграде на поверхности книжного моря ничего не всплывало. Встречая москвичей и бывая сам в Москве, я пытался выяснить, не слышно ли там чегонибудь о появлении «моих имен».

Да, была авторская надпись Гумилева на книге, да, предлагалась записка Ахматовой, но все это и отдаленно не напоминало те драгоценные пласты, к которым однажды я прикоснулся.

Нередко я встречал на Литейном Леонида Ивановича Рокка, но никогда ни словом не напоминал ему о его знакомой, которую он однажды, лет пять тому назад, направил ко мне.

И все же...

И все же, однажды, на Литейном встретив Рокка, я предложил ему посидеть на скамеечке, стоявшей в округлом углублении ограды Куйбышевской больницы. О чем говорят собиратели книг в теплый весенний день, встретившись на проспекте ленинградских букинистов?..

Кто бы мог подумать, глядя на одного из двух мирно сидящих, внимательно слушающего своего собеседника, какая сейчас буря в его душе!

«Аустерлиц или Ватерлоо?» Пять лет ожидания, готовность кошки, сидящей у мышиной норы... Победа или поражение?..

В рассказе Рокка о его сегодняшней покупке пауза и равнодушным голосом заданный мною вопрос: «А как поживает ваша знакомая?» – «Какая знакомая?» – «Ну, та, что была у меня с рукописями?» – «А, Нина Семеновна? Все так же. Кажется, так ничего и не продала».

Так!!! Мышь в когтях у кота! Вот он, Аустерлиц! Имя, имя у меня! И ты, Яго, мне больше не нужен!

Как золотоискатель на найденном им участке ставит знак, обозначающий, что все золото здесь принадлежит ему, так я на переплете книги, что лежит у меня в портфеле, прыгающим почерком незаметно записываю: «Нина Семеновна».

Неожиданно вспомнив о каком то неотложном деле, стремглав убегаю, бросив недоумевающего Рокка.

«Нина Семеновна!» – стократно повторяю про себя и, только оказавшись в Шереметевском садике, что расположен за «Академкнигой», несколько прихожу в себя. «Нина Семеновна! Нина Семеновна!» – повторяю я снова и снова. И постепенно, капля за каплей просачивается мне в сознание одна скверная мыслишка: «Да, ты знаешь ее имя... Ты знаешь имя владелицы клада... А что это тебе дает? Где клад? Клад то где ?!!»

Понемногу возбуждение, охватившее меня, проходит. Как бы в дремоте я вспоминаю Нину Семеновну, первую встречу с Леонидом Ивановичем, его отказ назвать

мне имя, принятое мною решение ждать ! Ждать, пока Рокк все позабудет и, быть может, проговорится...

И вот я дождался, Рокк назвал мне имя.

о ли меня блестящее выполнение много лет назад рассчитанного мною плана к достижению цели? Нет! И еще раз нет!

Снова ждать! И снова неустанно следить так, как я следил все предыдущие годы, – где и как проявится Нина Семеновна (я теперь знал ее имя) со своими богатствами.

И снова пошли годы ожидания.

Во второй половине 50 х годов я стал бывать у Анны Андреевны Ахматовой. Может быть, когданибудь мне удастся рассказать вам о встречах с нею; сегодня я расскажу только о тех встречах и беседах с Анной Андреевной, которые связаны с историей моих поисков материалов трех архивов.

В мемуарной литературе, в воспоминаниях об А. А. Ахматовой нам часто приходится читать о том, что у нее не было библиотеки в том смысле, как мы это понимаем. Шкаф, стеллажи или полки с книгами не закрывали стен ее комнаты – книги, в небольшом количестве, лежали на столике, на стульях, в старинном небольшом железном сундучке. Она не проявляла активно своего иронического отношения к моей деятельности коллекционера, но я легко угадывал это отношение. Только однажды она позволила себе откровенно посмеяться надо мной.

Как то в разговоре с ней я заметил, что у меня есть все издания книг Гумилева. «Одной у вас нет», – сказала Анна Андреевна. «Вряд ли», – скептически отозвался я. Анна Андреевна бросила на меня мимолетный взгляд – впрочем, достаточно выразительный, чтобы я понял, что если она чтонибудь утверждает, то сомневаться, а тем более вслух выражать свое сомнение в ее словах – не следует.

Тяжело поднявшись со своего стула и отойдя на два шага в сторону, она с трудом наклонилась над своим старинным железным сундучком и медленно стала извлекать из груды каких то книг и бумаг небольшую книгу в сиреневой обложке. Книга еще и наполовину не появилась на свет, как я быстро проговорил: «„Романтические цветы“, Париж, 1908 год. У меня есть!». Ничего не говоря, Анна Андреевна положила книгу передо мной, повернув обложку. На шмуцтитуле было написано: «Невесте моей Анне Андреевне Горенко» и подпись автора книги. «Да, этого у меня нет», – растерянный, признался я.

Далеко не ко всем книгам так бережно относилась Анна Андреевна, как к этой, с надписью, ей посвященной.

У меня на полке стоит томик Блока с автографом знаменитого его стихотворения, посвященного Ахматовой, «Красота страшна...» и т. д. Я получил ее в магазине после того, как книга была предложена Анне Андреевне и та отказалась купить ее.

Однажды Анна Андреевна получила книгу, присланную ей одним известным писателем, с удивительно почтительным и, я бы сказал, восторженным посвящением. Я выразил свое восхищение надписью на книге. «Вам нравится?» – спросила Анна Андреевна. Я снова рассыпался фейерверком в похвалах автору. «Возьмите себе», – прервала меня Анна Андреевна. «То есть как?..» – ошеломленный, спросил я. «Книга не нужна мне», – сказала Анна Андреевна.

Я рассказываю эти книжные эпизоды, чтобы показать, как чужды были Ахматовой мои коллекционерские увлечения, и как все же книга, хотя и в другом аспекте, составляла главную тему ее интересов, ее жизни.

Что являлось основной темой наших бесед с Анной Андреевной? Разумеется, литература. С чего бы мы ни начинали разговор, удержаться на мелких вопросах быта, сиюминутных интересах и даже на наших болезнях (тема увлекательная для пожилых людей) мы не могли, – все равно очень скоро мы приходили к основному: к литературе, к творчеству тех или других писателей, к ее книгам, к истории их возникновения и т. д.

Однажды Анна Андреевна рассказала мне историю гибели своего архива. Перед войной 41 го года она отдала его, добавив материалы архивов Гумилева и Мандельштама, одному человеку на хранение. Вскоре началась война, человек этот был мобилизован и вскоре погиб на фронте. Вдова его сообщила Анне Андреевне, что все бумаги погибли. Ахматова ни на минуту не поверила этому и в своем рассказе весьма энергичными эпитетами награждала «воровку» (это определение было не самым резким...).

Разумеется, я тотчас подумал, что фамилия и адрес «Нины Семеновны» пришли, наконец, ко мне в руки.

Не упуская подробностей, я изложил Анне Андреевне всю историю, только что вам рассказанную. Она чрезвычайно внимательно меня слушала. Я закончил. После небольшой паузы, глядя мне в глаза, Анна Андреевна тихо и очень твердо мне сказала: «Назовите ее имя». Немного подумав, также тихо я ответил: «Нет, Анна Андреевна, имени ее я вам не назову» – и добавил: «Но если вы его назовете, я скажу вам, то ли это имя». Некоторое время мы спорили, кто первый должен назвать имя, но к соглашению не пришли, пока мне не пришла мысль разыграть сцену из «Анны Карениной» в несколько упрощенном варианте. Анна Андреевна согласилась, и мы начали. Каждый из нас на клочке бумаги написал первую букву имени знакомой нам особы, по счету «раз, два, три» листки были показаны друг другу, и... о, разочарование! – инициалы имени на наших листках не совпали: четкое «М», начертанное Ахматовой, никак не походило на крупное «Н», написанное мною.

Анна Андреевна не скрыла своего разочарования: «Странно, очень странно...».

Дальше беседа наша не клеилась.

Но, кажется, судьбе надоело играть со мной в кошки мышки. Очень скоро, может быть, через несколько дней, мне позвонили из одного магазина и сообщили, что завтра поступит в продажу большое количество книг русских поэтов XX в.; мне предлагалось прийти в 9 ч., то есть за час до открытия магазина. Разумеется, я пришел вовремя. К сожалению, я был не первым, но все же результатами своей охоты я был чрезвычайно доволен несмотря на очень высокую расценку книг. Как я понял из владельческих надписей на книгах, продавалась библиотека Судакова, моего знакомого и соперника по собирательству в 30 х годах, молодого человека, причастного к литературе, хорошо знавшего и любившего поэзию XX в.

Почти все книги были очень быстро распроданы, и на другой день, когда я пришел снова в магазин, из вчерашней партии оставалось вряд ли больше 10–15 книг.

Я поблагодарил директора за предоставленную мне возможность хорошей покупки и спросил его, предполагает ли он купить что либо еще по этому адресу. Он сказал мне, что куплена вся библиотека и книг, нужных магазину, больше в этом доме не осталось. Напомнив ему, что за многие годы наших дружеских отношений я никогда не спрашивал его, где куплены те или иные книги, на этот раз я нарушаю неписаный закон покупательской этики и прошу его указать мне, где куплены книги. Я объяснил, что был знаком с владельцем библиотеки до войны и хотел бы узнать что либо о его судьбе.

Директор дал мне телефон вдовы владельца, у которой он купил все собрание.

Я позвонил по указанному мне телефону и был приглашен ею на один из ближайших дней.

В назначенное время я звонил в квартиру дома по указанной мне улице. Вероятно, кто нибудь из слушающих меня сейчас (читающих эти страницы) догадывается, кто открыл мне дверь. На миг я потерял дар речи, но, быстро придя в себя, я пристально всматривался в ее лицо, ища выражение тех же чувств, что обуревали меня. Напрасно! Оно было спокойно и бесстрастно. Ни тогда, ни позднее я так и не выяснил, узнала ли она человека, которого много лет назад посетила, предлагая ему рукописи великих русских поэтов. Впрочем, не имея тому доказательств, я не сомневаюсь, что не узнать меня она не могла. Она спросила меня, что я купил в магазине из ее собрания, я рассказал ей, упомянув некоторые названия, и в свою очередь спросил, что у нее осталось из книг,

предназначенных для продажи. Нина Семеновна указала на стеллажи, заполненные (судя по переплетам) книгами XVIII–XIX вв. «Ну, это у нас все есть», – вспомнил я слова, сказанные ею много лет назад, когда она, придя ко мне, увидела мои стеллажи.

Я отобрал много книг (они были уже кем то расценены) и договорился, что приду еще по ее вызову. Спустя некоторое время она позвонила мне и пригласила посмотреть приготовленные для меня книги. Таким образом я был у нее несколько раз и купил почти все, что она предлагала. В последний раз я заметил, что на одной из освободившихся полок появились стихи в знакомых печатных обложках издательств «Алконост», «Гиперборей» и т. п. Я спросил Нину Семеновну, собирается ли она продавать эти книги, и получил ответ, что книги эти она оставляет себе.

Итак, наши деловые отношения были закончены, а дружеские не установились. Купленные мною книги были связаны и перенесены в коридор, когда я задал вопрос, тот самый вопрос, ответ на который можно было бы назвать решением «сверхзадачи» для актеров, исполняющих трагедию «Мандельштам, Гумилев, Ахматова»: «Скажите, Нина Семеновна, а нет ли у вас какихнибудь рукописных материалов?» – «Что то должно быть, но где это – понятия не имею. Если найдется – позвоню вам».

Мы простились, и я... что «я»? Вы, конечно, угадали: я стал ждать. Слушатель (читатель) уже привык, что при каждом повороте сюжета автор этого рассказа сообщает, что он «ждет».

Итак, я снова стал ждать .

Ждал я на этот раз не зря. Спустя несколько месяцев Нина Семеновна позвонила мне и пригласила прийти. С сердечным трепетом я входил в квартиру; хозяйка, как всегда, сдержанно вежливо встретила меня и после нескольких слов, не теряя времени, положила на стол предо мною листок со стихотворением Гумилева. Прочтя его, я также, не тратя лишних слов, спросил, сколько я должен уплатить. Нина Семеновна назвала цену. Я поежился – цена была высокой, очень высокой, но, разумеется, не в тех масштабах, что при первой нашей встрече. Я уплатил, поблагодарил хозяйку и напомнил, что весьма заинтересован в дальнейших приобретениях. «Если что либо найду – позвоню вам сама. Прошу вас также запомнить, меня зовут не Нина, а Мина Семеновна. До свидания». Так! Вот оно, ахматовское «М»! Названное Рокком имя легко было спутать. Мина !

Я вышел на улицу. Усталый и счастливый, но какой то опустошенный, – многолетние поиски клада удачно доведены до конца. В плотине, столько времени не поддававшейся моим усилиям, образовалась трещина, просочились первые капли, которые в дальнейшем превратятся в поток. А сейчас оставалось... Ну, вы знаете, что оставалось: ждать, снова ждать. Впрочем, нет – сейчас надо ехать к Ахматовой, поделиться с ней своей радостью, рассказать о букве «М» и, может быть, наметить с нею более активный план действий.

И здесь я должен снова задержать ход моей повести и сделать небольшое отступление, необходимое для описания дальнейших событий.

Знакомясь с мемуарной литературой XX века, я неоднократно встречал имена сестер Герцык – поэтессы Аделаиды Казимировны и переводчицы Евгении Казимировны. Их дружеские отношения с крупнейшими деятелями современной им литературы позволяли думать, что в их архивах могли сохраниться ценнейшие материалы – письма и рукописи Вяч. Иванова, Максимилиана Волошина и др.

Я начал поиски сестер Герцык. Довольно скоро я узнал о том, что Аделаиды Казимировны уже нет в живых, а следы местопребывания Евгении Казимировны, давно отошедшей от литературы, затерялись.

После долгих усилий мне удалось установить, что она живет в Курской области, и, узнав ее адрес, я написал ей. Она ответила, и у нас завязалась переписка. Оказалось, что она пишет воспоминания.

Главы этих воспоминаний она стала присылать мне, чтобы я, опечатав их на пишущей машинке, оставлял себе один экземпляр, а ей возвращал оригинал и три копии.

Как мне показалось, воспоминания эти были написаны ярко и талантливо.

Как то я рассказал Анне Андреевне о своих поисках сестер Герцык и о «Воспоминаниях» Евгении Казимировны. Анна Андреевна сказала, что была знакома с сестрами, и попросила меня принести ей «Воспоминания». Передавая ей тетради «Воспоминаний», я еще раз напомнил Анне Андреевне, каких трудов мне стоило найти накрепко забытую в литературе Евгению Казимировну Герцык, как дороги мне ее работы, и убедительно просил Ахматову до поры до времени никого с ними не знакомить и, тем более, не выпускать из рук. Анна Андреевна, как мне показалось, даже слегка обиделась на мою просьбу и довольно сухо заметила, что, разумеется, «Воспоминания» никому показаны не будут. Через 2–3 дня она возвратила мне тетради и очень высоко отозвалась о литературных достоинствах работы Е. К. Герцык.

Очень скоро мне позвонил один молодой человек и сообщил, что недавно познакомился с замечательными воспоминаниями «какой то Герцык». На другой день мне звонили уже два или три человека, предлагая (добрые друзья!) познакомить меня с «мемуарами» Герцык.

В следующие дни количество звонков все увеличивалось, и я понял, что Анне Андреевне действительно понравились принадлежавшие мне «Воспоминания» Евгении Казимировны Герцык.

Возвращаясь к моему рассказу и вспомнив некоторые странности характера Анны Андреевны, с которыми мне пришлось встретиться, я решил пока воздержаться от включения Ахматовой в «дело»: мне было ясно, что разглашение тайны исчезновения трех архивов может повести к их гибели. Увы! Дальнейшее показало, что я был прав. И в тот момент я к Анне Андреевне не поехал и скрыл от нее ход «дела».

Но однажды Мина Семеновна вручила мне письмо Николая Степановича к Анне Андреевне. И если до сих пор я мог в какой то степени верить Мине Семеновне, что рукописные материалы, мною приобретаемые, покупались в 30 х годах ее мужем, молодым ученым и страстным коллекционером, то сейчас стало ясно, что письмо это попало к Судаковым, увы! нехорошим путем.

Я тотчас поехал к Ахматовой, рассказал ей весь ход дел и объяснил, что чувствую себя в роли скупщика краденого весьма неуютно. Я предложил все мною купленное у Судаковой сейчас же отдать ей, Анне Андреевне, и в дальнейшем, покупая материалы архива, также тотчас передавать их ей.

Ахматова заявила, что рукописи она у меня ни в коем случае не возьмет, что я должен и дальше пытаться получать их от Мины Семеновны и что ее, Ахматову, вполне устраивает пребывание рукописей у меня, так как она де не в силах обеспечить их сохранность.

Мои попытки разубедить ее ни к чему не привели, а в дальнейшем события пошли с такой быстротой, что я фактически не мог повлиять на их ход.

Через несколько дней после этой беседы Анна Андреевна как то мимоходом заметила, что из Москвы приезжает ее большой друг, литературовед Н., который «зайдет» к Судаковой.

Я пришел в ужас, стал умолять ее не допускать этого визита, напоминал ей, что она обещала сохранить мой рассказ в тайне, что дело не только в том, что Судакова меня больше не пустит к себе и что доступ к рукописям будет накрепко закрыт, но, зная Мину Семеновну, можно представить себе самое страшное: что она сожжет рукописи. Не помогло ничего. Я узнал, что Н. приезжал и посетил Судакову, но мне Анна Андреевна больше ничего не говорила.

Я пошел на последнее средство в надежде, что удастся что нибудь узнать: я позвонил Мине Семеновне. И услышал то, что предполагал услышать: узнав, с кем она говорит, Судакова спокойно сказала: «Больше мне не звоните». И повесила трубку.

Таков конец моей истории.

Но конец ли?

За двадцать лет, прошедшие с той поры, я, потративший столько сил на поиски «Мандельштама, Гумилева, Ахматовой», не переставал следить за тем, как будут развиваться события дальше. С полной убежденностью я могу сказать, что из рукописей, предположительно хранившихся у Судаковой, ничего в архивы не поступило (или, по непонятным причинам, поступление их строго засекречено), на рынке ничего не появлялось и до коллекционеров ничего не дошло.

За эти двадцать лет ушли из жизни два самых важных участника этого дела: А. А. Ахматова и, два года назад, М. С. Судакова. Смерть Мины Семеновны должна была, казалось, что то разъяснить в этой запутанной истории, рукописи, хранившиеся у нее, должны были выйти на свет, если они оставались у нее до конца. Если...

И только несколько дней назад у меня появились кое какие догадки, которые еще ничем подтвердить не могу. Хочу думать, что я на правильном пути. Так ли? Покажет будущее. А пока (вы ведь не удивитесь знакомым словам)...¹⁵⁹
Надо ждать!

От публикатора

Воспоминания М. С. Лесмана были написаны в конце 70 х – начале 80 х годов и прочитаны им на одном из собраний ленинградских книголюбов.

Все герои воспоминаний – реальные лица и выступают под своими настоящими именами, кроме трех: ленинградского литературоведа и библиофила Сергея Борисовича Рудакова (в повествовании – Судаков), его жены Лины Самойловны Финкельштейн Рудаковой (Нина – Мина – Семеновна) и Николая Ивановича Харджиева (московский литературовед Н.). Чем было продиктовано нежелание автора назвать их подлинные имена – простой деликатностью, надеждой собирателя самому довести до конца начатый им поиск или тем и другим вместе – мы уже не можем узнать. Но после публикации воспоминаний Э. Г. Герштейн «Мандельштам в Воронеже» («Подъем», 1988, № 6–10), эти имена легко идентифицируются.

Н. Г. Князева

Биография В.В. Ерофеева в литературном журнале "Нева"

В 1938 году 24 октября появился на свет замечательный писатель В.В.Ерофеев. Причем произошло все это за Полярным кругом. Впервые покинул он родные края в 17 лет, после окончания школы. Его всегда звала столица, уж очень хотелось Ерофееву поступить в Московский университет.

Мечта Венедикта сбылась, но буквально через полтора года снова испарилась. А все почему? Дело в том, что писателя отчислили, а все из-за того, что он систематически пропускал занятия на военной кафедре. С того времени он начал работать, причем, кем он только не был. Но самой лучшей работой, о которой он вспоминает с улыбкой на лице, являлась "лаборант паразитологической экспедиции".

Годы летели. Уже в 1966 году Ерофеев стал отцом, а спустя 22 года дедом. Писать он начал еще с пяти лет. Но серьезно занялся этим только лишь в 17 лет. Самым объемным произведением, при этом еще очень нелепым, было "Благая весть". В 60-х годах появились статьи, которые повествовали о земляках-норвежцах.

В 1969 году Ерофеев решил пересмотреть манеру своего написания. И отталкиваясь от своих новых предпочтений и убеждений, он написал "Москва-Петушки". В последующие годы все, что не писалось Венедиктом, было исключительно в черновом варианте и дальше собственного стола никуда не шло, но кроме одного эссе, которое

писателю пришлось написать под давлением журнала "Вече". Данное эссе было о Василии Розанове.

Весной 1985 года вышла в свет трагедия, которая состояла из пяти актов. В этом же году Ерофеев серьезно заболел, поэтому запланированные ранее две трагедии немного затянулись в написании. Самую большую популярность получила книга "Москва-Петушки". Причем даже сам автор не ожидал, что она способна так заинтересовать читателя, да еще и понравится ему же. В общем, сомнения терзали до последнего, после чего просто развеялись.

Илья Утехин. Мелочи жизни

Илья Владимирович Утехин родился в 1968 году в Ленинграде. Закончил филологический факультет ЛГУ. Кандидат исторических наук. Автор ряда научных работ, среди которых монография "Очерки коммунального быта" (М.: ОГИ, 2001). Печатался в журнале "Неприкосновенный запас", в газете "Петербургский час пик" в 2001—2002 годах вел рубрику "Антропология повседневности". Живет в Санкт-Петербурге.

Принцип принципа

Люди принципиальные всегда следуют какому-нибудь принципу (хотя бы: "никогда не изменять своим принципам") и всегда готовы это продемонстрировать. Как они там следуют и что демонстрируют на самом деле — еще вопрос, ведь на всякое правило они же найдут и исключение. Сказать, что человека принципиального узнаешь за версту по походке, было бы преувеличением. Про субъекта малознакомого сразу не поймешь, просто так он живет, спокойно, или же все время держит в голове принцип и с ним сверяет свою жизнь. Но вот при ближайшем знакомстве, в повседневном общении — в семье или в другом коллективе — принципиальность иного ближнего, когда тот не в духе, оборачивается стремлением всех призвать к порядку и воспитать-таки, наконец. Локоть товарища и брата норовит тебя задеть, притом намеренно и большей частью по самым незначительным вопросам. Мелочи жизни вообще составляют континуум, членимый до бесконечности, было бы желание — найдется еще что-нибудь. Чем мельче мелочи, тем больше их число. Где ты опять оставляешь свои носки, ты никогда не выключаешь свет на кухне, почему за тобой всегда надо убирать, никогда не кладешь вещи на место, крошки на скатерти и не вынесен мусор, сколько раз тебе можно напоминать об этом, и еще: когда, наконец, ты отнесешь зонтик в мастерскую? Что-нибудь в этом роде, впрочем, на любую тему. Отметим характерные "опять", "всегда", "никогда" и т. п. "доколе?", намекающие на неединичность случая.

Хотелось бы противопоставить такой принципиальности не беспринципность (под ней понимают неразборчивость в средствах достижения цели, а это тут ни при чем), но некое более спокойное отношение к действительности, не связанное рабским следованием условностям и переживаниям по их поводу. Назовем это "прагматичностью". Достижение практической цели такой позицией облегчается. Ведь столкнувшись с проблемой и найдя виноватого, "принципиальный" партнер начнет высказывать претензии, вспоминать все былые прегрешения: "я же говорил" или даже "когда еще тебе это было сказано". Он воспользуется случаем научить тебя уму-разуму даже в ущерб непосредственному решению вопроса. Жертва импровизированного воспитания, движимая отчасти внушенным ей чувством вины, а отчасти желанием прекратить эту безобразную сцену, хочет прежде всего решить проблему подручными средствами, здесь и сейчас, не обращаясь к моральным аспектам и долгой предыстории, которая, кстати, сторонами трактуется по-разному.

Воспитательные ситуации неизбежно возникают при общении с молодым поколением, и тут только особо талантливый родитель умеет обойтись без обидной риторики. Как бы ей, жертве, ласкало слух благородное "убери, пожалуйста, крошки со

скатерти” — ан нет, она слышит риторический вопрос с “доколе?”. Вопрошающего можно понять, ибо у жертвы наготове политика бытового саботажа, способная вывести из себя кого угодно: саботер не отказывается делать, но и не делает, перекладывая работу на другого. В ответ на просьбы о помощи он отвечает “сейчас” и “ага”, но исполнения приходится ждать — и не дожидаться. Проще уж самому помыть посуду, поскольку загроможденный стол и отсутствие чистой сковороды ставит палки в колеса плавному движению жизни.

Даже самому спокойному родителю временами хочется быть принципиальным. Есть такая корейская сказка про любовь матери, где мать встречает сына, вернувшегося с учебы, но, прежде чем допускать его в родной дом, испытывает достигнутое отпрыском мастерство: при погашенном свете просит его писать иероглифы, пока сама печет пирожки. Пирожки получаются хорошие, а иероглифы кривые. Таким образом мать дважды отправляет сына учиться дальше, отказывая в ночлеге под родным кровом, — на третий раз иероглифы получаются не хуже пирожков. Короче, жалея младенца — губишь его. Поучительно, нечего сказать: вот такая бывает любовь и забота. То есть я тебя, конечно, люблю, но проявлений любви в виде ласки ты от меня не получишь, потому что не такой хороший, как должен, а ты помучайся, потерпи, атаманом станешь, а послушаться меня не смей. Так измываться — из самых благих побуждений! — можно только над дитем, которое в высшей степени от тебя зависит и никогда не пошлет тебя на фиг со всей твоей педагогикой.

Принципиальность как своеобразное проявление заботы встречается как в отношениях родителей и детей (возраст детей тут роли не играет), так и в отношениях супругов. Что неудивительно, поскольку этот “ген принципиальности” передается от поколения к поколению даже и внегенетическим путем: человек проецирует на новые отношения — с супругом, со своими детьми — былые отношения со своими принципиальными воспитателями. Громом и молниями по поводу неубранных игрушек родители программируют схемы отношений своих отпрысков в их будущей семье. Впрочем, ребенок с природной склонностью к спокойному прагматизму рано научается делать поправку на обстоятельства, списывая свои беды на усталость, плохое самочувствие или настроение воспитателя. Проще признать, что ты действительно плохой, и почувствовать себя виноватым, чем воспринять принципиальность воспитательных потуг буквально — в том прозрачно читаемом смысле, что тебя лишают любви. По крайней мере, сейчас.

Азбука благонадежности

Казалось бы, чего бояться честному и трезвому человеку? Вот, положим, заходит он в метро или на вокзал. Или, там, движется в людском потоке по тротуару. И когда его вежливо просят предъявить, например, документы, он теоретически должен быть уверен, что ему не сломают нос, не отобьют почки, не заставят безвинно переночевать в вытрезвителе, не отберут всю наличность и карточку — а просто посмотрят на родную питерскую прописку, возьмут под козырек и пожелают счастливого пути к месту назначения. Так что этот гражданин, опять же теоретически, должен испытывать чувство гордости за бдительность стражей порядка: раз уж у меня, благонадежного и законопослушного, проверяют, то жуликов и хулиганов и подавно всех когда-нибудь выловят — у них-то документов, наверное, нет, или они не в порядке. У честного человека, конечно, тоже может не быть с собою документов. Но честного теоретически не обидят.

И жизнь в этом отношении все время улучшается. Тут писали даже про особый приказ, отданный столичной милиции: пьяных в новогоднюю ночь не обижать, а если они хотя и обессилели, но еще в состоянии назвать свой адрес, то доставлять их по указанному адресу. Демократия! Правда, не совсем понятно, касается ли этот приказ другой, нестоличной милиции, а также распространяется ли такая благодать на лиц, у которых

имеются признаки иной — не обязательно даже кавказской — национальности. Да мало ли чего такого, что в иные — неновогодние — ночи может запросто и не сойти с рук! Вот, положим, особенности капилляров, придающие личности пунцовость цвета. Или у которых походка неуверенная — от стоптанности ботинок и общей усталости тела. А вот есть еще такие, у кого дикция от природы не вышла четкостью.

Практически получается, что и самый расчестный гражданин еще подумает. Имея в кармане хотя бы и пустячную по нашим временам, но крупную сумму денег в размере только что полученной зарплаты, он выходит на улицу с опаской, как бы между двух огней. Его подстерегают в темных подъездах и на шумных площадях — наркоманы, грабители, лохотронщики. Но неожиданностей можно ждать и еще от одного разряда уличных персонажей — от трансвеститов. Это жулики и вымогатели, переодетые в милицейскую форму. От них уж решительно нет спасения, потому что нет надежного способа отличить их от настоящих стражей порядка. Лучше уж держаться на всякий случай подальше — и от настоящих, и от фальшивых.

Важно не давать повода и являть собой образец, излучать благонамеренность. Главное тут — не выдать себя какой деталью, предательской неуверенностью. Принять решительный вид, следить за четкостью походки. Можно читать на ходу — или просто держать в руках — газету: террорист в этих краях чужой и едва ли будет пялиться на ходу в печатное издание, поскольку не знает дороги и озирается, подходит к карте, ищет глазами сообщников и милиционеров. Миролюбиво выглядит человек, поедающий что-то невинное — скажем, откусывающий яблоко. Такого сложно заподозрить в дурном. Хорошо бы вести за руку маленького ребенка.

Пары подобных нехитрых трюков честному человеку, которому нечего бояться, должно хватить. Вот если бы он имел, например, примотанный скотчем к бицепсу, скажем, пакет с анашой или же нес в кармане (сдавать в милицию) найденный случайно на улице чей-то пистолет... тогда бы действительно были причины для волнений, ситуация бы складывалась неоднозначно.

Но что более всего удивительно, так это всем известная легкость, с которой общаются с представителями власти представители, как теперь выражаются, криминала. Им, конечно, и привычнее. Привычнее настолько, что несведущему обывателю порою кажется, что если кого и не забирают в милицию, кому по ошибке не ломают нос, не отбивают случайно почки, не заставляют по недоразумению безвинно переночевать в вытрезвителе, если у кого не отбирают всю наличность и карточку, так это у каких-нибудь алкашей, рецидивистов и всяких обладателей всесильных, хотя бы и поддельных удостоверений. Так вот, несведущий обыватель ошибается: перечисленным категориям граждан все указанное тоже грозит. Только они всего этого не боятся.

Трансвестита же от настоящего милиционера отличить возможно, но, увы, постфактум. Настоящий строг, но справедлив — и всегда действует в рамках закона. Один мой приятель всем не без гордости рассказывает, что недавно его, проверив документы, обыскали, но ничего не взяли, отпустили и извинились.

Тотемизм сегодня

Язык много чего любопытного может рассказать нам о нас самих — нужно только прислушаться к тому, что он нам позволяет. И присмотреться к буквальному смыслу слов, которые мы используем не по прямому назначению. Называя тещу змеей, приятеля свиньей, а кого-то в сердцах именуя коровой или бегемотом, мы вовсе не имеем в виду, что место всем им в зоопарке. Да и как одновременно можно быть “сухой” и “козлом” — такого животного в зверинец не возьмут, сославшись на отсутствие данной помеси в зоологической номенклатуре.

Обзывательно-выразительные возможности слов — это еще не все. Прозрачная эмблематика анималистичных изображений следует за нами повсюду: олень или ягуар на капоте авто, осовелый лось с клюшкой, простуженный жираф с шарфом, завязанным на

длинной шее; беременная женщина — непременно кенгуру. Источник таких образов — вся мифологическая совокупность идей о внешности и характере живых существ. Говоря про людей, мы пользуемся словами про животных. Тут и названия их характерных действий (отсюда метафоры полета и плавания, не говоря уже о тьяканье и пресмыкании), их сообществ (стадо баранов, муравейник, волчья стая) и анатомических подробностей (лапы, когти, пасть, хвост, шкура, ласты). Страстный любовник выглядит ястребом, терзающим уточку.

Сегодня всякого младенца в нашей культуре с рождения окружают, словесно и визуально, двое грызунов (зайчик и мышка), а также домашние котик (кошечка) и собачка (в частности, далматинские доги). На особом счету стоит крупное млекопитающее “мишка”. Все это следует иметь в виду, задумываясь об антропологическом смысле дистанции между официальным товарищем Бендером и нежным “Сусликом”. Взрослые участники интимных конвенций ревниво относятся к семейным прозвищам и стесняются посторонних. Несомненно, г-н Воробьянинов претерпел некоторую неловкость, когда его в зрелом уже возрасте назвали Кисой, столь бесцеремонно заглянув в детский уголок души.

В сравнении с интимными прозвищами, отношение к своему знаку Зодиака, тоже мифическому существу, отличается сугубой гласностью. Знак Зодиака не скрывают, а, наоборот, заявляют, что я, дескать, козерог или, там, рак, и добавляют еще: “по году — тигр” или что-нибудь в этом роде. Раки тяготят к ракам, а тигры — к тиграм, будто однокорытники. Представившись, люди, случается, сразу чувствуют принадлежность к чему-то общему и готовы прийти на помощь даже и малознакомому собрату. Более того, они, бывает, разбираются в тонкостях взаимоотношений между, к примеру, раками и скорпионами — и говорят что-нибудь вроде того, что тельцы им не компания. Все это напоминает тотемизм не в меньшей степени, чем наш сегодняшний предмет — анимализм интимный, более ласковый и чувствительный.

Вообще всякая ласка — по отношению к детям в особенности — трактует свой предмет как беззащитное существо, нуждающееся в протекции. Послушать взрослого, так дети для него сплошные кошечки или собачки, зайчата или гусята. Или поросята, что тоже довольно нежно. Ведь, согласитесь, ругать ребенка за то, что он ведет себя “как поросенок”, все-таки не то же самое, что называть его свиньей. Через языковую игру дети сами себя начинают мыслить соответствующим образом. Они ведут себя так, как принято себя вести, будучи котенком, зависимым от взрослых животных, необязательно при этом мяукать. Взрослый поправляет, если что не так: “Нет, хорошие котята так себя не ведут”. Когда ребенок вырастает из этой игры — а он вырастает из нее быстрее родителя, — игра остается частью его личности. Ребенок вырастает из нее не как вырастают из рубашки, которая затем идет на тряпки, а как взрослые черты лица вырастают из лица ребенка — детское лицо при этом никуда не девается. Поэтому взрослые люди, которые курят и вообще занимаются тем, что свойственно взрослым (некоторым взрослым свойственно рассуждать о высоких материях), наследуют из своего детства среди прочих игр и эту, только осваивают в ней другую роль, роль ласкового взрослого. Ее разыгрывают сначала по отношению к близкому человеку того же поколения, но другого пола, а потом и перед своими детьми.

Репетиция взрослости начинается уже в игре с мягкими игрушками. Мягкие игрушки изображают не людей, а зверей. Взрослые непонятны, а знакомые звери — свои. Приключениям взрослых в детских книжках, комиксах и мультфильмах нет места — они были бы чужими, не то что приключения животных, мир которых построен по модели человеческого. В теперешней мультмифологии есть рестораны, лотереи, банки и бандиты. Животная сущность персонажей как бы затмевается, от нее остается только характерная внешность и привычки. При примерке таких героев на себя мяукать противопоказано. Смена детских героев на взрослых в дальнейшем не составит проблемы: детские и взрослые сказки имеют разные акценты и детали, но одну схему. Да и чтение детских комиксов вполне совместимо с полноценной взрослой жизнью по мотивам телесериалов.

У животного кода в общении близких людей есть биологическая подоплека. Так, например, пропорции головы младенца — животного и человеческого — и вообще “детское” поведение вызывают у взрослой особи запрограммированное природой эмоциональное воздействие: тормозят агрессию. Но есть и собственно культурный компонент. Противопоставляя два вида поведения — “как человек” и “как животное”, — мы считаем человечность безусловно лучшей, чем порицаемая скотская животность. И тут же мы проводим еще одно различие — например, между “козликом” и “козлом”: мы прощаем козлику — за то, что он еще маленький, — его животность и принимаем его в круг семьи. Маленький еще не вполне человек, а потому и не вполне животное, он не способен на скотство.

Мы ведем себя “по-человечески” прежде всего для других, обернувшись к ним нашей публичной, общественно-человеческой стороной. Обернись мы к публике стороной приватной — например, нашими физиологическими актами, которым культура скромно отводит специальное место в сторонке, — публика станет активно порицать нас за скотство. Близкие люди разделяют с нами нашу домашнюю повседневность, где волеиневолей проявляется и животное-физиологическая ипостась. Отсюда не следует, что скотство по отношению к близким не скотство. Это лишь значит, что сама идея близкого человека как животного воспринимается не в рамках противопоставления человеческого и скотского, а через призму знакомых с детства ласковых ролевых игр, где и у тебя самого есть животная роль в звериной семье. Только у взрослых эта роль имеет отчетливую эротическую окраску, тогда как детей наша культура стремится видеть асексуальными.

Анимализм — прежде всего способ осмыслить освоение собственного тела: дети неуклюжи. Сказочные животные тоже: вот, скажем, Винни-Пух никак не вылезет из кроличьей норы, поддавшись порочной страсти к обжорству. Тело выходит из-под контроля, случайно бьет тарелки, писает в штаны и засовывает ножницы в розетку, побуждаемое любопытством. Проще всего объяснить это на примере симпатичного зверя-недоумка, у которого некая телесная особенность вроде длинного слоновьего носа гипертрофирована от природы — ему с ней не справиться. Но бог с нею; какой бы птицей ты ни оказался, важно ведь не кто ты, а какой.

Животные (вместе с маленькими детьми, иностранцами и игрушками) входят в особый класс непонятливых существ — с ними общаются на особом языке. За них проговаривают то, что они не могут сказать, на место их мыслей подставляют свои слова. Кроме того, животные не работают — их жизнь происходит как бы на чудо-острове, где ешь кокосы и жуй бананы. Это называется счастливым детством — и весьма актуально для постиндустриальной цивилизации, где досуг — перманентное детство — выходит на первый план.

В любом крупном европейском городе есть если не отдельный “медвежий” магазин, то хотя бы отдел “медвежьих” подарков — тут будут одежда, посуда, собственно, целый дом можно обставить так, чтобы повсюду были изображены медведи. Знакомые нам отечественные календарики с кошечками или собачками, разные там котятки с бантиком, пушистое очарование — все это жалкая пародия на культ медведя. Не религиозный, а сугубо светский и бытовой — оттого ничуть не менее дорогой сердцу приверженцев разной степени оголтелости. Для культа не нужен медведь, живой или мертвый, достаточно его икон и идолов. На ощупь идола мягкие и шерстяные, что выдает связь с глубинным младенческим побуждением вцепиться во что-нибудь мягкое и шерстяное. Надо полагать, что вскоре этот культ в полном объеме докатится и до нас — чем не символ национальной идеи? Слабо нам, что ли, поменять на косолапого невразумительную двухголовую птицу?

Собачьи законы счастья

Скорей, скорей — такой холод, что клейкая лента перестает клеить. Собака, про которую объявления (“найдена...” и т. д.), рыскает неподалеку — ей теплее. Она-то небось не мечтает о чашке чая или чего-нибудь покрепче. Входя наконец в подъезд, я отцепил

поводок — как перед тем делал уже не раз. И тут произошло неожиданное: пес стрелой пустился в соседний двор, оттуда — в следующий и далее исчез из виду в метели на пустынной василеостровской линии... Достойный финал, нечего сказать. Я вернулся домой, повесил поводок на спинку стула, но продолжал топтаться в прихожей, не решаясь выбрать между высоким побуждением спуститься во двор еще раз, для очистки совести, и низменным желанием погрузиться наконец в горячую ванну. Было далеко за полночь. Но что, скажите, можно почувствовать, погрузившись в горячую воду, когда животное болтается где-то там, на морозе, проголодалось, наверное... Да и зря, что ли, два дня назад с таким тщанием его мыли в этой же самой ванне? И вообще, Хармс какой-то получается: что ж теперь, идти снимать объявления? А как отменишь те, что уже посланы в газеты? Писать вслед новые: “Найденная собака, о которой вы читали там-то, опять убежала”?

Убежала она не куда-нибудь, а на свободу. Там, на свободе, кое-что такое бывает, чего дома нет. Гуляют пустующие сучки. Бродят бездомные стаи, беспрерывно и привольно предающиеся занятию, называемому в народе “собачьей свадьбой”: их участники, ничуть не стыдясь публики, вступают между собой в беспорядочные половые связи. Всем хорош оказался пес, да только основной инстинкт сильнее всякой культурной хорошеи. Этаким маленький гигант большого секса, Джонатан Ливингстон свободной эротике. Пропущу некоторые подробности... во всяком случае, понятно, как и почему он убежал от своего хозяина — того, первого, настоящего, которого он своим темпераментом обрекал на роль тюремщика. Из лучших побуждений тот должен был силой удерживать существо, которое, сколько ни корми, все смотрит куда-нибудь на сторону. Знакомая ситуация, вполне человеческая. Проявляя насилие над ближним даже и человеческой породы, мы убеждены, что несчастный просто не понимает своей пользы. Это мы, умудренные опытом, заботимся о нем: он стремится самому себе причинить вред, а мы его спасаем — посредством, например, порки ремнем (ибо “жалей, губишь”).

Вред — известное дело! — чертовски привлекателен. К нему так и тянет — хотя бы из чувства противоречия. Вы скажете: привить разумные идеи о собственной пользе и о вреде — в том и состоит суть воспитания. Но пользу-то иной раз можно трактовать по-разному, и с вредом не все так уж ясно. Беспольное, к примеру, не всегда вредно. А иногда и вовсе речь идет скорее о вопросах вкуса.

Скажем, ваш ребенок сообщает вам, что по пути из гимназии задержался, потому что делал пирсинг. Дырки в теле любимого чада, вырвавшегося в этот момент из-под родительской власти, назад не заштопаешь. Что бы вы теперь ни сказали ребенку об этом богомерзком изуверстве, в сущности, ваш праведный родительский гнев касается не вреда собственно пирсинга (тут ведь еще можно поспорить), а длины поводка — то есть радиуса действия вашего авторитета. Теперь вы даже гипотетически не сможете говорить, что “обязательно проткнем тебе уши и пупок в придачу, только получи в четверти пятерку по химии”. Да ведь и пирсинг-то на самом деле нужен был только потому, что вы сами этого никогда бы не сделали ни себе, ни чаду.

Успокойте себя тем хотя бы, что бесполезный укол иглы в косметическом салоне всяко лучше, чем явно вредный укол грязным шприцем в загаженном подъезде.

Как у любого из нас, у меня есть знакомый алкоголик. Он воображает себя человеком искусства и одно время повадился было занимать у меня деньги — разумеется, и не думал отдавать. Иногда мне случалось, однако, вместо того чтобы дать ему денег, звонить его жене и сообщать про очередной запой. Она тут же приезжала, и совместно мы пытались “принимать меры” — отнюдь не находя понимания у предмета нашей заботы. Он глядел на нас с ненавистью и цедил сквозь зубы: “Чип и Дейл спешат на помощь”. Имея в виду, что, дескать, вы вот все обо мне якобы печетесь, а меня-то не слушаете, лучше бы о душе моей подумали, ей, может, не нужны сейчас ни ваше фальшивое сострадание, ни ваши паршивые врачи, а всего-то стаканом поправиться для полного счастья.

Вот и получается, что нищему на улице или соседу-пьянице “на хлеб” мы дадим не раздумывая, а “на опохмел” — откажем. А на каком, собственно, основании? Может, опохмел ему нужнее. Кто дал нам право решать, что для него лучше? Как часто, помогая кому-то, этой своей помощью мы хотим купить у него согласие с нашими принципами. Нам кажется, что мы знаем законы счастья, и выходит, что знание законов счастья выше счастья. Это убеждение даже самых благонамеренных сторонников нравственных истин превращает в надсмотрщиков концлагеря, где они добровольно, по искреннему порыву, берутся осчастливить всех заблудших. Или хотя бы тех, кого приручили, — тех, за кого в ответе. Эх, хорошо бы научиться быть милосердным безо всяких условий, благодетельствовать бескорыстно, любить и ничего не просить взамен.

Но одно дело — человек, а другое — собака. От собаки мы не станем ждать понимания ее собственной пользы, мы возьмем решение на себя. У нас не бродячая какая-нибудь, а культурная собака. Мы заведомо знаем, что гарантированная сосиска в желудке ей нужнее неупорядоченного счастья случайных драк и совокуплений. Если задуматься, довольно эгоистическая позиция. Зато ясное руководство к действию.

Я не стал снимать ботинки. Надел вместо перчаток варежки потеплее и все-таки отправился на улицу еще раз. Чип и Дейл не теряют надежды. И точно: в соседней подворотне стоял беглец. Увидев меня, он завилял хвостом и бросился мне навстречу.

Календарь закроет этот лист...

Недавно в одной газете удобного формата, охотно консультирующей читателей по животрепещущим вопросам жизненных обстоятельств, были приведены телефоны Минобразования РФ в ответ на запрос буквально следующий: “Учитель назвал меня дебилом и идиотом. Могу ли я куда-нибудь пожаловаться?” О, жалоба, этот прелестный жанр народной словесности, “наивной литературы”, как теперь выражаются. И не умеющий писать школьные сочинения и тот порой напишет жалобу — да какую! Трепещите, тираны! По телефону скажут, куда написать, там разберутся. Да ведь несдержанность учителя и впрямь достойна порицания: из его уст столь прямолинейная характеристика учащегося выглядит непедagogично, даже если это, увы, чистая правда. Обозванный это прекрасно понимает. И чувствует свое право отомстить: уже найдется на него управа, попридержит свой язык! Так и представляешь себе юнца, обводящего ручкой заветный номер на долгожданной газетной странице и протягивающего недрогнувшую руку к телефонной трубке. Однако пытливый ум обывателя не может не волновать, чем же это стервец так довел педагога. Интересно, задал ли этот вопрос мстительному юноше его министерский собеседник? И учитывала ли высокая комиссия обстоятельства, приведшие к столь постыдному инциденту, когда лишала преподавателя премии и устраивала ему выговор с занесением? Самое же пикантное — заставят ли педагога извиняться, устроят ли этот сладкий миг торжества чувствительному сердцу юноши.

В нашу эпоху всеобщей учтивости и изящного друг с другом обхождения вспыльчивое юношество все менее склонно терпеть притеснения своей личности от кого бы то ни было — того и гляди, посыплется в Европейский суд по правам человека жалобы на папу, применившего физическое насилие с использованием поясного ремня, и на маму, имевшую неосторожность в излишне резкой форме напомнить отпрыску о необходимости выполнить в срок домашнее задание. Причем оскорбленный зачастую готов признать правоту оскорбителя в части содержания — но форма, форма! Что там ремень — ведь даже одни и те же слова можно сказать по-разному, с разной интонацией; вот на интонацию-то вся и обиде.

Обида ослепляет и побуждает сказать в ответ что-нибудь такое, чтобы обидчик оторопел. Родители склонны относить говоримое им в таких случаях на счет переходного возраста, а все прочие — на счет недостатков домашней педагогики: не научили, дескать, ребенка держать свое хамство за зубами. Но проблема еще и в том, по отношению к какому обидчику употреблено это самое хамство. Ведь еще от родителя бы он стерпел,

подумал бы и сдержался, а обида от постороннего — вы права не имеете оскорблять меня как личность! Получайте! В такой момент от собственной наглости кружится голова.

Вот тут-то, как можно предположить, он и получил дебила и идиота — и был выставлен из класса. Вряд ли какой-нибудь предосудительный поступок — разбитое окно, переговоры во время урока, кнопка на стуле — мог исторгнуть столь истеричный аккорд из струн учительских нервов; причиной был не просто поступок — это был жест. Скорее всего, словесный. Конечно, встречаются несдержанные, предвзятые и просто неумные учителя, которые сыплют ругательствами по любому поводу. Но для большинства случаев наша гипотеза, кажется, все-таки верна. И задумайтесь, сколько учеников ежедневно оказываются обзываемы кто дебилами, кто идиотами — так не все же на пустом месте, многие из них если не заслужили, то уж сами нарывались.

Здесь нам придется обратиться — ибо нельзя не обратиться — к предмету самому острому и неоднозначному, к последствиям, к самому, как Достоевский непременно бы заметил, развращающему душу — к извинениям. Чтобы вернуться к нормальной жизни, рано или поздно обидчикам приходится прибегнуть к извинениям. Не переходить же каждый раз в другую школу, чтобы избавиться от притеснителя — а учителю, как и родителям от детей, и вовсе некуда деться, не может же учитель отказаться учить этого нахамившего. Альтернатива извинению людям нервным и принципиальным видится как проглатывание обиды, вещь мало того что неприятная, так и еще менее педагогичная, нежели ругань. Так что выбрать не приходится.

Младший по званию, то есть ученик, может быть, начинающий завзятый кляузник. А может быть, и нет. Но если, будучи доведен до крайности, он вынужден искать правды в министерстве или в Страсбурге, то старшему, то есть, например, учителю, чтобы добиться извинений, ничего искать не приходится: на его стороне авторитет его положения. Поэтому младший обязан извиниться (а в обоюдоострой ситуации — извиниться первым), как бы недемократично это ни выглядело. Старший считается вправе требовать извинений, но возможно ли это вообще — “требовать извинений”, вынуждать просить прощения? Ведь пружина всех недоразумений — гордость. Признав свою неправоту лишь отчасти, затаив в сердце обиду, принуждаемый к извинению не желает идти наперекор себе и “целовать злодею ручку”. Неискренние же извинения — а именно их в итоге чаще всего и получают — имеют не только тот недостаток, что преступник остается нераскаянным, — главное, что его лукавство становится для него средством самоограждения от любых педагогических потуг. Кроме того, он в ответ сам научается тешить свою гордыню и требовать извинений при первой возможности — хотя бы через министерство.

Герой нашего времени

Исподволь вошел в нашу жизнь новый образцовый персонаж культуры. Это человек массы, ничем от нас с вами не отличающийся: ни способностями, ни характером, ни устремлениями. У него нет ни могучего интеллекта игроков в “Что? Где? Когда”, ни фотомодельной внешности. Он одет невзрачно и, вероятно, поначалу смутится перед телекамерой. Но все-таки в нужный момент не оплошает. И поэтому ему везет. Вот он, например, угадывает букву, которая есть в этом слове, или делает иное несложное действие, предусмотренное сценарием. И на тебе: трибуны рукоплещут, всякий желал бы быть на его месте, когда вручают денежный приз или какую-нибудь кофеварку. Издевательский намек, сокрытый в самом названии мероприятия — будь то “Поле чудес” (и как эти счастливицы туда попадают?) или “Золотой ключ”, — пускай вас больше не тревожит, как не тревожит он нашего героя.

Или вот в одной из колыбелей отечественного рока, в городе Уфе, проживает баловница судьбы, абсолютная ее победительница, местная гордость и знаменитость, примечательная лишь тем — а бог любит непримечательных, — что выиграла в лотерею заветный миллион. Пишу прописью, как это уже сделали все газеты: один миллион долларов. От лица пытливой публики, мысленно примеряющей на себя неслыханное

чужое счастье, журналисты на специально устроенной в Москве пресс-конференции спрашивают, что же она, безработная, будет теперь с миллионом делать. Она отвечает: для начала раздам долги, которых понаделал муж-забулдон. Тут, согласитесь, есть и благородство, и шарм.

В глазах публики такой миллион отличается от любого другого в лучшую сторону. О нем и мечтать не стыдно: он, для начала, более честный, чем у олигарха, который “прихватил” народного добра, или чем у ударника рэкетирского труда, который добывал миллион в холодном поту лица своего. Миллион этот ниспослан свыше. Он дан просто так, ни за что. Точнее, за все хорошее: за все тяготы и лишения, за унижения, которым судьба подвергала до сих пор — не только ее, победительницу, а и всех тех праведных тружеников, что ежедневно по пути на работу и домой под мокрым снегом внимают мегафонным голосам у метро и порой не проходят-таки мимо, выбирают себе счастливый билет. Им обещан в этот раз очередной самый лучший, юбилейный, праздничный тираж. На страже их удачи стоит, таким образом, даже магия круглых цифр (надо бы и на билеты потратить круглую сумму), мистическое притяжение совпадений, чудотворный ореол праздника — ведь это в праздник хотя и редко, но все же случаются еще чудеса и сбываются мечты. Мечты о том, как выигрыш разделит жизнь на до и после, даст хотя бы чуть-чуть поплакать теми слезами, которыми плачут богатые.

Среди всех мечтательных средств одномоментного исправления социальной несправедливости в масштабах одного, отдельно взятого индивида (находка клада или толстого бумажника, получение нежданного наследства, строительство финансовой пирамиды и т. п. вплоть до ограбления инкассатора) крупный выигрыш в лотерею привлекателен прежде всего своей простотой, а не только отмеченной выше безупречной моральностью: “выпавшее” счастье ни у кого не взято и не отобрано, оно предназначено именно тебе, как если бы это была законная награда за твои одной фортуны ведомые заслуги. Выигрыш за карточным столом или в рулетку куда сомнительнее уже потому, что казино — место подозрительное по определению и ходят туда либо попавшие на крючок азарта (а заодно и бесплатной выпивки) разорители семейного бюджета, либо умыкатели и эксплуататоры. Не связанные же с игрой легальные способы обогащения дают, конечно, больше уверенности в результате — но и требуют за это более не плошать самому, нежели надеяться на бога, а это всегда непросто.

Некогда принято было считать, что везение в чем-то одном (например, в любви) непременно сочетается с невезением в чем-то другом (например, в картах). Выдвигались теории и о том, что везет дуракам, новичкам, после долгого невезения (или, напротив, серийно) и т. д. Достоверно известно одно: никогда и никому не везет там, где вместо того, чтобы по объявленным заранее правилам вступить в диалог с судьбой, ты оказываешься жертвой обмана со стороны других, играющих по иным, до поры ему неизвестным правилам. Даже и во вполне невинной ситуации, складывая в почтовый конверт вырезанные фрагменты суповых пакетиков или каких-нибудь этикеток, участник розыгрыша движим более надеждой, чем уверенностью в том, что его конверт сослужит свою службу, а не сторит в какой-нибудь яме с тысячами своих собратьев. Недаром слово “розыгрыш” употребляется в двух разных значениях.

Герой нашего времени не хитер, да удачлив. Он знает, что, вообще-то, получает от жизни меньше, чем она ему должна, и оттого искушает судьбу систематически: покупает билетки каждый раз, собирает и отправляет этикетки. Мало-помалу набирается критическая масса, необходимая для прямого контакта с богом, — и контакт случается, как, например, в Уфе. Нужно только выучиться ждать.

Любовь у стенки

Давно замечено, что на родных и близких — а то и на коллег — порой падает тяжелая обязанность сносить по разным поводам наш гнев, по масштабу своему достойный иного применения: им, случается, “попадает” не меньше, чем какому-нибудь распоясавшемуся хулигану (“что, тебе попало?” — спрашивают жертву сочувствующие).

Причем достается, возможно, и за дело, но за дело, по здравом рассуждении *post factum* стоящее немногим больше выеденного яйца. Тяжелая артиллерия скандала и аргументы, апеллирующие к моральному облику, контрастируют с мелким масштабом повода. Когда такие случаи повторяются регулярно, это указывает на очевидный, в общем-то, факт, что систематические ссоры вовсе не направлены на достижение практической цели, а коренятся в отношениях между партнерами и эти самые отношения испытывают на прочность. Прочность им отчасти обеспечивают родные стены: ведь супругам друг от друга и детям от родителей никуда не деться — не уходить же, действительно, из дому. Так что к родной стене-то как раз и удобно прижать ближнего, не опасаясь последствий. И там, поставив к стенке, его воспитывать.

Интересно, что в целях воспитания, помимо громкого скандала, нередко прибегают к установлению тишины — к демонстративному разрыву отношений: я с тобой “не разговариваю” (интересно, а что ты делаешь, сообщая мне об этом?). Государства тоже, случается, временно отзывают своих послов, точь-в-точь как коммунальный сосед “не общается” с соседом (в смысле — не здороваются, встречаясь на кухне). Тишина получается зловещей, потому что на самом деле несчастные вынуждены, хотя бы и без слов, общаться уже своим одновременным присутствием в замкнутом пространстве, а то и молча хлебать суп за общим семейным столом. Их позы и взгляды красноречивы. Но неразговаривающий все-таки гладит неразговариваемому рубашку и оставляет ему деньги на школьный завтрак.

Инициатор и скандала, и зловещей тишины убежден в том, что он прибегает к этим мерам не по своей воле и не просто так, а отвечая на неблагоприятное поведение воспитуемого. Поведение это может заключаться в чем угодно, в том числе и в словах — дерзких или обидных. Но спросите воспитуемого, и он скажет, что не он первый начал, а если что и сказал, так его спровоцировали. Установить, кто же первый начал “на самом деле”, нельзя уже потому, что этого “самого дела”, истины в последней инстанции, в долгой истории вопроса систематических ссор попросту нет. А есть своя правда на этот счет у каждой стороны.

Кроме того, в семье все осложняется еще целым рядом обстоятельств. Во-первых, партнеры оказываются изначально неравноправны. Разве может тот, кто имеет право устраивать — из самых благих побуждений — громы и тишину, быть зачинщиком? Это он диктует здесь правила игры. Во-вторых, право сильного возникает не на пустом месте, а основано на его обязанностях. Он так проявляет свою заботу и даже любовь, стремится сделать жизнь лучше и справедливее. Он бушует, если можно так выразиться, по обязанности — ради установления порядка. В довершение всего узы родственных чувств, связывающие партнеров, заставляют воспитуемого парадоксальным образом признавать и громы, и безмолвие проявлениями помянутых заботы и любви, а самого себя чувствовать виноватым.

Парадокс всех этих знакомых гримас домашней педагогики заключается в противоречии формы и декларируемого содержания. Люди вообще редко пользуются своим языком, чтобы высказываться прямо и недвусмысленно, но тут противоречие заключается не в словах, а в том, как слова соотносятся со всем остальным в поведении говорящего. Очевидно ведь, что невозможно, например, всерьез просить прощения, показывая кулак. Кулак, выражение лица, интонация — да все “сопутствующие” проявления — призваны не передавать информацию, а выразить отношение. Предполагается, что они спонтанны и идут от чистого сердца, так что, в отличие от слов, ими труднее солгать, они выдают всю правду. И когда воспитуемый читает эту агрессивную правду в поведении сильного партнера, он оказывается в сложной ситуации: и не верить не может, и поверить никак нельзя. Ведь вроде бы это забота, пропади она пропадом.

Примечательно, что только один из участников такого общения имеет право обращать внимание на форму разговора (“Как ты со мной разговариваешь?”): жертве

обсуждать это запрещено. Ей вообще мало что разрешено в ходе этой более чем предсказуемой беседы (“Я думал...” — “Меня не интересует, что ты там думал!”). Сказав честно (“Ну, что ты молчишь, язык проглотил?”) то, что он думает, воспитуемый совершает дерзость и рискует “схлопотать”. Полная противоположность конструктивному диалогу. Что бы там ни думала сильная сторона (а ей, кстати говоря, может быть и взрослеющий ребенок по отношению к родителю), воспитательный скандал и в громкой, и в тихой его разновидности не годится для установления истины и взаимопонимания. Он имеет целью взрывообразное пробуждение в воспитуемом вины и стыда. Выделяющаяся же при этом энергия накапливается и однажды способна своротить любые стены.

Без единого гвоздя

Подобно женщинам, которые, как известно, бывают домовитыми или, напротив, лишенными каких бы то ни было хозяйственных устремлений, мужчины делятся на рукодельных и тех, у кого руки растут “не из того места”. Рукодельные ценятся, хотя многие из них — пьющие. Они, иногда даже и без напоминаний от хозяйственной подруги жизни, по собственной инициативе берутся починить кран, повесить полку, подвинтить мебельную дверцу; они точно знают, что делать, когда требуется прочистить сток в раковине или, не дай бог, врезать замок. Они умеют циклевать, покрывать лаком, аккуратно поклеить обои. У них наготове набор отверток, дрель и шурупы в баночках. Когда они сверлят кафель, тот не трескается; из основания повешенной ими люстры не свисают лишние провода и концы изолянты. Гвоздям они предпочитают шурупы как более цивилизованное и надежное средство крепежа. Между тем их антиподов — тех, у кого руки не оттуда (эти тоже, случается, выпивают, но чаще как-то неумело, не по-людски), — почему-то попрекают как раз неумением забить гвоздь. Вот уж абсурдное обвинение! Будучи загнан в угол, даже самый “безрукий” именно гвоздь-то и забьет (возможно, криво) — там, где мужик положительный и хозяйственный безо всякого вреда для собственных пальцев и интерьера вставил бы дюбель для гипрока и ввинтил бы шуруп.

Безрукому — одно спасение в семейной жизни, пусть и выглядит оно издевательски-утопично: заработать денег и нанять специалиста для производства манипуляций, по поводу которых он давно и безуспешно допекаем. Впрочем, мужчины с руками не оттуда и женщины без хозяйственных устремлений порой удачно находят друг друга и живут душа в душу, обходя стороной магазины стройматериалов и металлоизделий. Их жилище тяготеет к артистическому беспорядку, если не к романтической руине.

Отсутствие элементарных бытовых умений и навыков, необходимых, как принято думать, “настоящему” мужчине, нередко составляет плодородную почву для семейных конфликтов, в ходе которых атакующая сторона обвиняет обороняющуюся в манкировании супружеским долгом (в расширенном его толковании). Скандал, конечно, не предполагает рациональности аргументов, но стоит задуматься, о чем свидетельствуют сами эти феномены “рукастости” и “безрукости”.

Само собой разумеется — и поэтому говорить об этом прямо довольно странно, — что всякий нормальный человек владеет определенным набором “техник тела”: умеет, например, держать вилку в левой руке, а нож — в правой, сидеть на стуле и т. п. Усадите этого человека на циновку и дайте ему в руки палочки — он, вполне вероятно, с ног до головы обляпается экзотическим блюдом, по крайней мере в первый раз. Все дело в привычке. В каждой культуре набор техник тела, предназначенных для всеобщего распространения, свой, особенный. Отчасти потому, что свой и набор вещей, которые используются в данном обществе, — вещи, заметим, несут в себе способ их употребления, требующий определенных навыков. Что бы мы ни делали по службе или в кругу семьи, мы вынуждены так или иначе пользоваться собственным телом (кроме, конечно, движений мысли). За исключением произвольных телесных отправлений, всякое действие не дано нам от природы, а выучено в соответствии с нашим культурным стандартом. Это касается

не только таких сложных навыков, как игра на фортепьяно или рисование пейзажей акварелью, но и самых простых повседневных дел и делишек.

Так, например, Гаргантюа, размышлявший о сравнительных достоинствах подтирок и склонявшийся к использованию для этой цели пушистых гусят, обращался именно к проблематике техник тела. Кстати сказать, распространенные в некоторых известных российскому туристу странах техники вроде постдефекационного подмывания, по всей видимости, были Гаргантюа неизвестны. Тем более не подозревал он и о различиях унитазов “с полочкой” (обычных советских) и “без полочки” (новомодных) — в последних из санитарно-гигиенических соображений постоянно стоит вода, но насколько противны отечественному телу разлетающиеся в процессе пользования брызги этой воды!

Тут нас, однако, интересуют не столько сама сантехника и связанные с ней телесные практики, сколько способность или неспособность рядового гражданина починить эту сантехнику в домашних условиях, не прибегая к услугам специалиста. Так вот, патологическая неспособность чинить сантехнику и электроприборы отчасти, конечно, плод соответствующего воспитания. Но не зря мы начали говорить о техниках тела. Психофизиологический склад индивида может в большей или меньшей степени благоприятствовать тем или иным занятиям — решающее значение тут имеют координация и точность движений, быстрота реакции и т. д. У кого-то от природы одарены одни органы, у кого-то — другие.

Стоит ли ругать человека за то, что он не умеет плавать или водить автомобиль? И нужно ли пытаться научить его всему этому в зрелые годы? Лучше бы ему поискать другие пути, развивая свои сильные стороны. Поручать же такому человеку покраску двери или побелку потолка — себе дороже. И, ради бога, пусть только не лезет в электричество.

Любите ли вы Брамса?

Мы порой и не замечаем, сколько звезд окружают нас: актеры, писатели, музыканты. Все они ходят по улицам, посещают магазины, от нас с вами ничем таким, как люди, не отличаются. Да и как люди-то они, может быть, как раз совсем и неинтересны — люди как люди: едят, пьют, в туалет, простите, захаживают. Все это для желтой прессы, а так — ничего особенного. Конечно, они посостоятельнее многих, бывают в ресторанах и на презентациях — правда, чаще все-таки не за свой счет. Иногда где-нибудь во вполне общедоступном месте столкнешься со звездой нос к носу от неожиданности, потом всем рассказываешь... Есть даже такой разряд рассказов — про то, как ехали со звездой в одном купе. Обычно это на юг или в Москву, и обязательно в приличном поезде, хотя и не СВ.

В одном купе, никуда не денешься, бывают, конечно, неожиданности. Вот тут как-то сижу в купе и готовлюсь ехать. Заходит попутчик, одет скромненько. Но тут, пристроив свой плащ на вешалку, этот молодой человек раскрывает папочку, довольно тонкую. И вскоре вслед за этим звучит из папочки знакомый аккорд. Неожиданно, надо сказать, в купе поезда — значит, “Виндоуз” загрузились. Стоит такой агрегат, сразу видно, почти как автомобиль, батарейки “до Москвы хватает”, как скромно заметил владелец, “если фильмы не смотреть”. Это всем бы в ноутбук такую батарейку и DVD. Поднимает он глаза на девушку напротив и говорит по-простецки: “В шашки играть будете?” Она недолго колебалась, пересела к нему поближе, мышшь положила себе на колено. И обыграла кавалера — раз и еще раз. Кавалер ответные ходы обдумывал подолгу, и чай к тому времени выпили, так что все сразу легли спать и продолжения не последовало. Это все к тому, какой контингент едет в Москву в фирменном поезде после повышения тарифов.

Но к дальнейшему повествованию это не имеет никакого отношения. Наш герой — имя его тут особой роли не играет, поэтому мы не будем в дальнейшем упоминать его по имени — человек интеллигентной специальности, хорош собою. Правда, едет поездом в Москву, по делам. Героиня же, как можно было уже догадаться, тоже, как говорится, не лыком шита и даже более — так что ее имени не будем упоминать еще и потому, что оно

пользуется известностью, звучит с экранов и по радио. Фабула нашего рассказа уместилась бы в одном недлинном предложении, где речь, собственно, велась бы о встрече и знакомстве героя и героини, ничего больше такого особенного. Но что делает эту историю, если ее можно назвать историей, достойной сюжета, так это детали и вытекающая мораль, которую мы, из соображений ненавязчивости, предоставим читателю вывести самостоятельно.

Итак, герой почти сразу узнал героиню, как только она вошла. Спутники героини сначала втолкнули в купе огромный чемоданище, затем поместили на багажной полке, где уже имелась скромная сумка героя, большой пакет, с которым героиня просила осторожнее. Шутка сказать, концертное платье. Спутники ушли, она села и сидит. В лице, знаете, такая одухотворенность. Потом встала и пошла курить. Тут-то герой и догадался, что в сегодняшней газете уже видел это лицо, лицо известной пианистки. Вот как поворачивается судьба!

Поезд тем временем трогается, все рассаживаются, заходит проводник. Героиня достает книжку, герой тоже. Так и сидят рядышком, читают, ничего не происходит. Вот, думает он, сейчас будет чай пить — и сам себе у проводника заказывает чай. Но она чай пить вроде бы не собирается, а ему запросто говорит: подвигайтесь, пожалуйста, к столику, там удобнее. Он благодарит, придав голосу чувствительность тона, и, перемещаясь со стаканом, думает, как бы это проявить особенную осторожность: чаем, к примеру, не облить по неосторожности саму даму или ее чемодан. Ведь близость всего высокого способствует некоторой неуклюжести приближающегося, потому что дух у него отчасти захвачен и беспокоится, отторгая всякую вульгарность, — тут-то и опрокинешь что-нибудь ненароком. Конечно, кому рассказать: облил, к примеру, чаем ту или иную знаменитость.

Надо бы, думает, пойти в тамбур, покурить с ней за компанию. Только вот как признаться в узнавании ее личности и, вообще, о чем с нею говорить? Об искренней своей любви к музыке, эрудицию проявить? Вот так, с места в карьер, что-нибудь вроде: “А есть одна пьеса, которую в концерте и я сыграл бы не хуже вашего. Композитора Кейджа, „Четыре — тридцать три” называется”. Она, конечно, ответит: “Кейджа это любой, извиняюсь, дурак может, вот и вы, пожалуй, справитесь. А попробуйте какого-нибудь Глюка или, положим, того же Калинникова, это вам не сонатина Клементи”. Боже мой, какая пошлятина выходит! Так нельзя. И ведь не поверит в искренность, подумает, что вот, дескать, подмазывается. Надоело ей, наверное, все про музыку да про музыку, это как если бы нашему герою говорили что-нибудь по его интеллигентной специальности, в которой он сам — дока. Так, выслушал бы — из вежливости приличия. Газету же вот так предъявить — тоже банально, сразу все испортишь. На концерте-то ее ведь и не был ни разу, а то хоть был бы повод. Можно попытаться, правда, найти общих знакомых, что не совсем лишено смысла при его, героя, общей интеллигентности и отдельных приятельствах в различных сферах. Мир в целом тесен — если задуматься, то окажется, что через одного-двух человек ты знаком с уймой всякого народа, хоть даже с президентом Путиным.

Напротив между тем уже легли спать. Внизу неприметная какая-то дамочка, наверху мужик — он, войдя, расстегнул при всех ширинку и снял брюки, явив взору попутчиков спортивные штаны с лампасом. Вроде бы и чувствуется забота о брюках, а в первый момент выглядит неэлегантно. Надо заметить, что пианистка тогда еще не появилась, она вскочила вместе с провожающими в последний момент. Но хоть бы там десять звезд классической музыки разом ввалились в купе, соседи напротив ни за что не узнали бы их, сразу видно. Будь это звезды спорта или телесериала, тогда бы узнали. Ну, разве дирижера Гергиева по характерной небритости, и то потому, что на всех автобусных остановках висел.

Тут и чай подходит к концу. Долго сидеть у столика, злоупотребляя гостеприимством, неудобно, пора идти курить. А она не идет, уже покурила до чая. Так ничего и не происходит. Вроде симпатичная такая, все французский роман читает — впрочем, в переводе. Поглядывает же на нее наш герой искоса, держась за свой подстаканник. Однако, глядя, скажем, на пальцы, ничего и не увидишь особенного, пальцы как пальцы. Здоровая такая клешня, конечно, — только представить, как она взлетает, растопыренная, над клавишами. А вот ноги, вот и в джинсы затянутый, в обычные такие джинсы, простите, зад: зад как зад, без изъянов, привлекательный даже — хотя и не более привлекательный, чем какой-нибудь другой аналогичный в отношении размеров и общего очертания. Представить только, как касается он табурета — уже не в джинсах, конечно, — а вокруг концерт, пальцы над клавишами порхают, публика не то что кашлянуть — выдохнуть боится. Прикосновение к прекрасному! Боже, и все на нее все время плятятся — привыкла уже, наверно.

Тут герой не выдерживает всего этого и направляется курить. И что вы думаете? Пока он там курит, размышляет о стечениях обстоятельств, пианистическом искусстве, дамских прелестях и пересечениях судеб, героиня делает то же, что и все. А все ложатся спать — и продолжение отсюда никак не следует. Потому что, кроме всего прочего, не надо в таких случаях спать по привычке до самого московского перрона, а там уже явились ее спутники за чемоданом.

Конечно, если кому рассказать — интереснее бы вышло, если бы знакомство состоялось. Но, с другой, стороны, и так неплохо — проявить такт и деликатность, войти в положение, позаботиться о чувствах. Сколько вокруг нее мужиков увивается — а тут благородное такое поклонение, как бы издалека. Ведь надоели ей эти поклонники, все с цветами и прочее, надо и инкогнито поездить однажды из Петербурга в Москву. Быть знаменитым некрасиво, и все такое. Так отчего же не поспособствовать в меру сил? Есть, правда, и еще одно соображение, удерживавшее нашего героя, в целом чуждого интеллигентной робости перед дамами, от раскрытия героининого инкогнито. Вдруг бы оказалась не она — в том смысле, что сходство с газетным изображением отнести за счет распаленной фантазии, а концертное платье она везла, положим, какой-нибудь подруге? Или все-таки она? Кто их разберет!¹⁶⁰

Знамя

«Знамя» – толстый литературный журнал, издающийся с 1931 года, в котором печатались корифеи советской литературы, а после 1985 г. произведения, во многом определившие лицо горбачёвской перестройки и гласности.

Сегодня журнал стремится играть роль выставки достижений литературного хозяйства, публикуя не только признанных мастеров, но прозу и поэзию молодых писателей, которых критика называет будущим русской литературы.

"Знамя" - один из наиболее читаемых сегодня представителей "классики жанра" - "толстых" литературных журналов с 50-70-летней историей существования.

Отличительной чертой "толстяков" вообще, и "Знамени" в частности, всегда были: открытие для читателя новых авторов, первые публикации новых произведений признанных мастеров слова, тщательный отбор материала, кропотливая и тонкая работа высокопрофессионального редакторского коллектива с каждым автором и произведением.

Журнал "Знамя" и сегодня верен своим лучшим традициям. Впервые читатели узнали таких известных сегодня писателей и поэтов, как Виктор Пелевин, Олег Ермаков, Роман Сенчин, Борис Рыжий, Светлана Кекова и других, именно благодаря журналу. Читатели журнала "Знамя" первыми познакомились со многими произведениями, которые получили признание на самых высоких уровнях. Список таких произведений

только за несколько последних лет включает в себя: роман "Взятие Измаила" Михаила Шишкина (премия "Букер", 2000), роман "Монументальная пропаганда" Владимира Войновича (Государственная премия России, 2000), стихотворения Бориса Рыжего (премия "Незнакомка" ("Антибукер"), 2000), роман Владимира Маканина "Андеграунд" (Государственная премия России, 1999), стихотворения Светланы Кековой (премия им. Аполлона Григорьева, 1999), стихотворения Геннадия Русакова (премия им. Аполлона Григорьева, 1999), и т.д.

Читатели журнала знают, что одна из существенных ветвей многообразного современного литературного процесса - серьезная, интеллектуальная литература, критика, публицистика, представленная очень разными авторами, проживающими как в России, так и за рубежом, - находит свое отражение на страницах "Знамени".

И. Бабель. Из писем к друзьям

А. Г. СЛОНИМ[1]

Петроград. 7. XII. 1918

За время моего исчезновения *La vie*[2] мотала меня на многие лады, я приезжал, уезжал, был болен, призывался[3]. Я очутился в положении, когда стыдно было появляться на глаза, потом стыдно стало того, что не являлся. Это обычно. Несмотря на тяжкие условия, я вывернулся из бед. Сегодня уезжаю в Ямбург открывать крестьянский университет, вернусь в будущую среду. Приду. Такую повинную голову всякий меч сечет.

В характере моем есть нестерпимая черта одержимости и нереального отношения к действительности. Это несмотря на некоторую житейскую приспособляемость. Отсюда мои вольные и невольные прегрешения. Это надо искоренить; со стороны «одержимость» имеет вид неуважения к людям. Господи, помилуй нас. Анна Григорьевна, простите бродячую и задумчивую душу. Вот – все.

Я бос и неприкрыт. В записке, данной Сторицыну[4], перечислены некоторые вещи. Пожалуйста, дайте ему их. Он перевезет их к себе на квартиру.

- Я кланяюсь Льву Ильичу и Илюше[5]. Защитите меня перед ними, Анна Григорьевна. Приду – не посмотрят. Грустно. До свиданья. Скажем так: простить – это значит понять.

Любящий вас И. Бабель.

*Публикуемые, а также цитируемые в комментарии письма к И. Л. Лившицу А. Г. Слоним, В. Б. Сосинскому. Т. Н. Тэсс хранятся в личных архивах адресатов; письмо к М. Е. Кольцову – у С. А. Бондарина; письма к Е. Д. Зозуле и В. П. Полонскому – в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, письма к Л. В. Никулину и Д. А. Фурманову – в отделе рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького. Исползованные в комментарии письма к родным цитируются по изданию: Isaak Babel. *Racconti proibite lettere intime*. ed. g. Feltrinelli, Milano, 1961.

В некоторых письмах опущены места, не представляющие общественно-литературного интереса.

[1] В 1916 г. Бабель жил на квартире у Анны Григорьевны Слоним (1887 –1954) и ее мужа инженера Льва Ильича Слонима (1883 –1945) (см. воспоминания Бабея о Горьком «Начало» в сборнике «Избранное», ГИХЛ, М., 1957). С той поры началась их многолетняя дружба. В 1927 г. на московской квартире Слонимов Бабель написал сценарий кинокомедии «Китайская мельница» (режиссер А. Левшин, вышла на экран 13. 7. 1928 г.), позже – работал над повестью «Еврейка». Повесть осталась незавершенной, рукопись сохранилась в семье Слонимов.

[2] Жизнь (ф р а н ц.).

[3] Летом 1918 г. Бабель был участником продовольственных экспедиций в Поволжье (см. рассказ «Иван-да-Марья»), затем служил в Наркомпросе, в Северной Армии против Юденича.

[4] Петр Ильич Сторицын (точные даты рождения и смерти неизвестны) – по образованию химик, бывший толстовец, литератор и журналист, погибший во время блокады Ленинграда. Жил вместе с Бабелем зимой 1918/1919 г. в Петрограде. Он дал Бабелю «зерно» сюжета оставшегося неопубликованным рассказа «Мой первый гонорар». как сообщила автору настоящего комментария вдова писателя А. Н. Пирожкова.

[5] Сын Слонимов – Илья Львович (р. 1906), скульптор.

М. КОЛЬЦОВУ[1]

Одесса. 17.IV.23

От пропавшего без вести Бабеля, заточившего себя добровольно, – Кольцову, прославлену древле от всех.

Вот Гехт и Бондарин[2]. Их актив: юношеская продерзость и талант, который некоторыми оспаривается. В пассиве у них то же, что и в активе. Им, как и пролетариату, нечего терять. Завоевать же они могут прожиточный минимум. Отдаю их под вашу высокую руку. От сего дня в непродолжительном времени я напишу вам о себе письмо.

Ваш И. Бабель

[1] Михаил Ефимович Кольцов (1898 – 1942) – советский журналист, писатель. Как сообщил автору комментария И. Д. Лившиц, накануне революции Бабель некоторое время учился в Петроградском психо-неврологическом институте, известном как средоточие революционной студенческой молодежи, студентом которого был и Кольцов В 1919 – 1920 гг. Бабель работал в Одессе заведующим редакционно-издательского отдела Госиздата Украины. По свидетельству И. Л. Лившица, там он встретился как со старым и добрым знакомым с Кольцовым, приехавшим в Одессу организовывать Юг-РОСТА. Как корреспондент Юг-РОСТА Бабель в 1920 г. попал в 1-ю Конную армию.

[2] Сергей Александрович Бондарин (р. 1903) и Семен Григорьевич Гехт (1903 – 1963) – тогда начинающие писатели – переезжали из Одессы в Москву. Данное письмо они не передали Кольцову, решив действовать без «протекций», как вспоминает С. А. Бондарин в книге «Гроздь винограда», и таким образом оно у него сохранилось.

В. П. ПОЛОНСКОМУ[1]

Дорогой мой Вячеслав Павлович! Никому никаких рассказов я не посылал. Никому, кроме вас, я никаких рассказов не пошлю. Сообщение о «Перевале» привело меня в полное недоумение. Как говорится, ничего подобного[2]. Рассказы, которые я Вам буду посылать, являются частью большого целого. Я работаю над ними вперевивку, по душевному влечению. Растреклятое это душевное влечение является причиной моих бедствий и моей неаккуратности. Удавиться впору, но ничего поделывать с собой не могу. Я знаю, что очередь «рассказов для напечатания» придет очень скоро, и жду – и Вас прошу ждать. Право, у меня уже и слов больше для этих просьб нету. Напечатать «Закат» до постановки – значит[3]... Вы знаете, что это значит... «В руки твои предаю дух мой...»

Я в Марселе. Nohst interessant[4]. Получили ли Вы письмо, в котором я сообщал Вам об отъезде моем в Марсель?

Дорогой мой, замученный мною редактор! Я не мечтаю больше о любви. Я мечтаю о том времени, когда бестрепетно смогу я «поднять очи на кредиторов моей совести...» Когтистый зверь, скребущий душу, – совесть!..

Письмо Ваше переслано мне из Парижа. Я написал сегодня, чтобы зашли в Hotel De Valence за Бакуниным. Я, дурак, вообразил почему-то, что вы оставили для меня эту книгу в Торгпредстве, и спрашивал ее там[5].

В Марселе постараюсь посидеть подольше. Не сердитесь. Мы помиримся, уверяю Вас, мы помиримся.

Любящий Вас И. Бабель

29.X.27

[1] Вячеслав Павлович Полонский (Гусев) (1886–1932) – литературный критик, редактор «Нового мира». К сотрудничеству в «Новом мире» Бабеля привлек Ф. В. Гладков: «Я сговорился с Бабелем и Вс. Ивановым: они в начале января дадут рукописи», – писал он Полонскому 25. 12. 25 г. (ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 88). Однако первую рукопись, «Закат», Бабель прислал Полонскому лишь 22.6.27 г.

[2] В кн. 6 «Перевала» (1928) были вторично опубликованы «Ходя», «В щелочку» и впервые – рассказ «Старательная женщина».

[3] «Закат» был напечатан в «Новом мире», 1928, № 2.

вычайно интересно (н е м е ц к.).

[5] Возможно, книга Полонского (совместно с Л. П. Гроссманом) «Спор о Бакунине и Достоевском», М. 1926, или 3-е изд. очерка Полонского «Жизнь Михаила Бакунина», Л., 1926. Бабель интересовался историей революционных движений. «Я стал читать замечательные старые книги по истории французской революции – и по совести – не могу оторваться, как в юности, читаю ночи напролет. Никто, кроме нас, эти книги понять не может» (письмо А. Г. Слоним 26. 12. 27).

Е. Д. ЗОЗУЛЕ [1]

Париж. 23.XII.27

Зозулечка. Я недавно получил письмо от Анны Григорьевны[2]. Она просит выслать ей новейшие французские книги и указать, к кому бы обратиться по вопросу о переводах. Первую часть ее просьбы я исполнил – книги выслал, относительно же переводов попрошу ее позвонить Вам по телефону. Прежние боги, вроде Воронского, повержены, и не думаю, чтобы они могли ей быть полезны[3]. Так как она женщина гордая, то телефонный ее звонок не будет обозначать бесконечной доуки. Поэтому мне кажется, что я действую в данном случае, как говорится, лояльно.

(...) Каким воздухом дышит Москва?

Я работаю, хоть немного, но работаю, но все это с таким расчетом, чтобы публиковать после смерти. Я бы хотел заразиться литературной горячкой, но не могу.

Привет жене, привет Кольцовым (...)

[1] Ефим Давидович Зозуля (1891 –1941) – писатель и журналист. Один из руководителей журнала «Огонек». Еще в мае 1918 г., собираясь выпустить литературную «листовку» в Петрограде, он писал Полонскому: «Будет несколько крупных имен, из молодых – Герман, Бабель» (ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 152).

[2] А. Г. Слоним.

[3] Александр Константинович Воронский (1884-1943) – литературный критик и публицист, в 1927 г. за принадлежность к оппозиции был исключен из партии и отстранен от редактирования журналов «Красная новь» и «Прожектор».

И. Л. ЛИВШИЦУ

10 января 1928. Париж

(...) Первые месяцы пребывания моего в Париже, месяцы устройства, не способствовали, конечно, «вдохновению». Но понемногу я втянулся в работу. Снова, как в дни моей юности, я задумываю *сюр д`etat*[1] в моей литературе. Посмотрим – удастся ли. Маленечко я устал да, *сюр* потруднее, чем первый. Может быть, к лету закончу. До окончания работы я в Россию не двинусь. Я и сам знаю, что «лечение временем», предпринятое мною, должно быть доведено до конца. О сплетниках же, количество и качество коих мне известны, не беспокоюсь – я огражден от них непобедимым равнодушием, это у меня счастливая черта – равнодушие к *opinion publique*[2].

О жизни в Париже – что же Вам рассказать? Несмотря на тоску мою по России, в Париже хорошо бы жить, если бы чуточку больше денег. Я не привык к такому скудному существованию и развернуться никак не могу. Очень мало денег – но тут до поры до времени ничего не поделаешь. А страна – как это ни странно – ужасно отсталая и очень провинциальная. Жить здесь в смысле индивидуальной свободы превосходно, но мы – из России – тоскуем по ветру больших мыслей и больших страстей.

(,,) Обо всем, что в моей жизни достойно внимания, я буду писать вам – не забывайте и меня. Если ты считаешь, что мне полезно знать что-нибудь сверх моего «знатя», – напиши.

Целую вас всех

Ваш И. Бабель

Париж. 10.1.28

[1] Переворот (ф р а н ц.).

[2] Общественное мнение (ф р а н ц.): здесь – в смысле пересудов о личной жизни Бабея.

Е. Д. ЗОЗУЛЕ

Париж. 10.1.28

Дорогой мой Zozulia! Я очень рад тому, что живописное Ваше «безумие»[1] продолжается. После Вашего отъезда я подумал, что скептицизм мой был очень мелкотравчатый и что ваша «мания» – превосходная мания, полная жизни и огня. Мне бы такую... И теперь я почему-то верю в нее всем сердцем. Не бросайте, теперь уж и я чувствую, что бросать не надо... Теперь о моей растреклятой работе. По моим планам – я до весны пошлю в «Прожектор» рассказ, относительно книжки поговорим летом в Москве, я думаю, раньше лета мне не удастся всем негодующим моим кредиторам заткнуть хайла. Вы-то, надеюсь, не подозреваете меня, подобно растерзанному редакционным романтикам, в дьявольской хитрости – вот, мол, пишет, строчит, не печатает, ждет своего часа... Никакого часа я не жду, очень долго мне не писалось, сделаться профессионалом, к великому моему неудобству, мне никак не удастся: как только допишу – сейчас же пошлю печатать, как и все прочие люди... О сплетнях, сообщаемых Вами, пишут мне со всех концов. Сижу я здесь потому, что лечу временем семейные мои неурядицы, а во-вторых, не хочется приезжать в Москву с пустыми руками. Причины эти просты, как проста истина, Вы-то знаете...

Собирается ли сюда Сима с девочкой? Как поживает Ваш фотографический аппарат? Много ли работаете? (Помните о душе!!!). Неуклонно трудитесь над тем, чтобы выслать Лебедевой деньги. Как известно, они здесь пригодятся. Я написал Воронскому, но не получил от него ответа. Что с ним? Редактирует ли он хотя бы «Прожектор»? Цифры «Огонька» действительно астрономичны. В Англии Вы были бы лордом Норт-клифом (?) Ну, до свидания. Привет Вашим – и особо Кольцовым. Евг. Бор.[2] – поклонница и обожательница Ваша – кланяется от всего сердца.

Ваш И. Бабель

[1] Альфред Чарльз Хамсуорт Нортклиф (1865 – 1922) – основатель крупнейшего английского газетного концерна, повлиявшего на прессу Европы и США.

[2] Евгения Борисовна Гронфейн – первая жена Бабея.

И. Л. ЛИВШИЦУ

26 января 1928. Париж

(...) Книги ты, я надеюсь, получил. Книжный магазин сообщил мне, что задержка вышла из-за того, что никак нельзя было достать книгу Valery[1]. Из снобизма – книги Valery печатаются – можешь себе это представить – в пятидесяти или ста экземплярах – делают они это для того, чтобы «чернь» не читала. Но поэт, все говорят, изумительный.

О моей работе... Контуры ее, успех ее или неуспех (для меня) обнаружатся, я думаю, месяца через три. Тогда я тебе подробно о ней напишу. А сейчас что можно сказать – тружусь трудно, медленно, с мучительными припадками недовольства[2].

Здоровье удовлетворительно. Получил письмо от Горького, приглашает к себе в Италию. Если будут деньги – весной поеду. Конармия вышла в Испании в превосходном издании и, говорят, имеет там успех. Это открывает мне дорогу в Испанию. До сих пор ни одному русскому – ни белому, ни красному – визы не давали. Но для поездки нужно много денег...

Если можешь, пришли мне два-три экземпляра Конармии.

(...) Где ты читал «Закат»? Разве он уже напечатан? Положительного твоего мнения об этой вещи, прости меня, я не разделяю (...)

Твой И.

P. 26.I.28

[1] Поль Валери (1871 –1945) – французский поэт; стоимость его книг, издававшихся мизерными тиражами, взвинчивалась библиофилами до фантастических сумм.

[2] «Единственное тщеславие, которое у меня есть, – это написать как можно меньше ненужных слов», – писал Бабель И. Л. Лившицу. «Можно бы делать больше, чем я делаю, но все же мне кажется, что медленная моя работа подчинена законам искусства, а не халтуры, не тщеславия, не жадности» (письмо А. Г. Слоним 27. 12. 27).

А. Г. СЛОНИМ

Милая Анна Григорьевна. Послал Вам: Линдберга – *Mon avion et moi*[1] и Воронова *Conquet de la vie*[2]. Первая – как мне кажется, – если ее сократить, чрезвычайно подойдет для Огонька, книга же Воронова представляет выдающийся интерес, и, по-моему, Госиздат или любое другое издательство должны ухватиться за нее. Есть ли у Вас связи в Зифе – они, кажется, легче на подъем. Я думаю, что Вы можете просто обратиться к Нарбуту от моего имени.

Выискать стоящую книгу рассказов или просто стоящую книгу здесь очень трудно. По-нашему, французы пишут о пустяках с нашей точки зрения (и как будто это правильная точка зрения), – все это очень скучно. Я не теряю надежды выслать Вам в конце этой недели еще несколько книг, на этот раз более подходящих. О деньгах – нечего толковать. Все это гроши. «Свои люди – сочтемся».

Отзыв Ваш о Бронепоезде меня удивил[3]. Из Москвы все время доносятся стоны восторга. На Закат я никаких надежд не возлагаю – и даже наоборот[4].

Что касается меня – тружусь. Телу жить здесь хорошо – душа же тоскует по «планетарным» российским масштабам.

(...) Ждите от меня через несколько дней очередное послание и новых книг.

Любящий Вас всем сердцем

И. Бабель

Париж. 26.1.28

[1] «Мой самолет и я» – книга американца Ч. Линдберга (р. 1902), который первым совершил в 1927 г. беспосадочный перелет Нью-Йорк – Париж через Атлантику.

[2] «Завоевание жизни» – книга выдающегося французского ученого-хирурга Сергея Александровича Воронова (1866 – 1951), занимавшегося проблемами старости и омоложения.

[3] Премьера пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» состоялась во МХАТе 8 ноября 1927 года. Луначарский в своей рецензии на этот спектакль, опубликованной 26 ноября 1927 г. в «Вечерней Москве», назвал его триумфальным.

[4] В это время пьесу Бабеля «Закат» репетировал МХАТ 2-й.

А. Г. СЛОНИМ

Милая Анна Григорьевна. Высылаю Вам книгу Чармиан Лондон (жены Джека) – о нем[1]. По-моему, очень подходит для России. Получили ли Вы книги Линдберга и Воронова?

(...) Каждая сотня рублей может приблизить меня к цели – к написанию второй книги, а я их в моей жизни напишу немного. До свидания, милые друзья. Льву Ильичу и Илье Львовичу кланяюсь с остервенением.

Ваш И. Бабель

Париж. 3.11.28

[1] Имеется в виду биографическая книга Чармиан Лондон «Джек Лондон».

А. Г. СЛОНИМ

Милая Анна Григорьевна.

(...) Вчера послал Вам свой экземпляр скандальной книги Бруссона (продолжение воспоминаний об Анатоле Франсе[1]) и биографию Диккенса, написанную Честертоном[2]. Здесь большая мода на биографии-романы. Я Вам пошлю еще блистательную биографию Бальзака. Думаю, что ее стоит перевести на русский яз., она найдет много читателей, да и форма необычная. С книжкой Лондон все было бы хорошо – если бы не последние главы, где говорится об отношении Лондона к войне, увы, оно было положительное. Оувтаге[3] Бруссона, по-моему, легко пристроить – книга пахнет дурно, но написана хлестко.

«Закат» провалится с небывалым позором. Я написал Берсеневу[4], чтобы он Вам прислал места на генеральную репетицию. Я знаю, что Вы будете опечалены этим спектаклем. Если захотите – напишите мне Ваши впечатления.

(...) Жму рабочие руки Ваших мужчин и бью им тысячу поклонов.

Любящий Вас И. Бабель

Париж. 18.11.28

[1] Книга Ж.-Ж. Бруссона, бывшего секретаря Анатоля Франса. «Маршрут из Парижа в Буэнос-Айрес».

[2] Книга английского писателя и критика Г. Честертона «Диккенс» (1-е изд. 1903 г.).

[3] Произведение (ф р а н ц.).

[4] Иван Николаевич Берсенев (1889 –1951) – народный артист СССР, в то время артист, режиссер и помощник директора МХАТа 2-го.

А. В. НИКУЛИНУ[1]

Париж. 24.11.28

Дорогой Лев Вениаминович! Сделайте милость, пойдите на представление Зката и потом не поленитесь описать мне этот позор. Получил я пьесу в издании Круга[2]. Это чудовищно. Опечатки совершенно искажают смысл. Несчастное творение!..

(...) До февраля работал порядочно, потом затеял писать одну совершенно удивительную вещь, вчера же в 11? часов вечера обнаружил, что это совершенное дерьмо и выпрেনнее к тому же. Полтора месяца жизни истрачены впустую. Сегодня еще горюю, а завтра буду уже думать, что ошибки учат (...)

[1] Лев Вениаминович Никулин – писатель, учился вместе с Бабелем в Одесском коммерческом училище: в 1927 г. они одновременно были в Париже.

[2] И. Бабель, Закат. М.-Л., «Круг», 1928.

А. Г. СЛОНИМ

Милая Анна Григорьевна. Как и следовало ожидать, Закат провалился[1]. «Событие» это произвело на меня, как бы это сказать, благоприятное впечатление, во-первых, потому, что я был к нему подготовлен, и оно чрезвычайно утвердило меня в мысли, что я разумный и трезвый человек, и во-вторых, я думаю, что плоды этого провала будут для меня в высокой степени полезны и послужат мне на пользу. Вы, я думаю, были на спектакле. Жду от Вас рецензии. Надо думать, что и играли плохо. Единственное, чего я не ожидал, что спектакль выйдет скучным. А скука, оказывается, была томительная. Послал Вам несколько дней т. н. биографию Бальзака «Une biographie romanesque»[2], которая здесь в большой моде. Книжка интересная, ее бы, по-моему, можно перевести.

(...) Я хворал гриппом, но теперь оправился и чувствую себя хорошо. У нас упоительная, нежная, неправдоподобно прекрасная весна. Я переполнен поэзией (и прозой) и рвусь к небесам... Привет Вашим хлебодавцам, которые плюют на меня с высокого дерева, ибо молчат, не пишут.

До свидания

Ваш И. Бабель

Париж. 7. III. 28

[1] Премьера «Заката» во МХАТе 2-м состоялась 28. 2. 28 г. (Постановка Б. М. Сушкевича, режиссер И. Н. Берсенев.) Спектакль получился неудачным и после 16 представлений сошел с репертуара.

[2] 2 Романизированная биография (франц.).

А. Г. СЛОНИМ

Париж. 15. III. 28

Милая Анна Григорьевна.

(...) Я хотел бы поехать в апреле к Горькому в Сорренто. От него каждую неделю – настойчивые и очень душевные приглашения. Чувствую, что надо ехать. Он обещает, что денег эта поездка будет мне стоить очень мало. Поживу у него до мая, т. е. до отъезда его в Россию. Получил от него также очень лестное письмо о «Закате»[1], ну да я, грешным делом, вкусу его не всегда доверяю, хотя и мне, признаться, пьеса до сих пор не понравилась. В другой раз буду умнее. Если напишу пьесу, буду торчать на всех репетициях.

(...) У нас была упоительная весна, а теперь снова зима, холодно, я вожусь с печкой, греюсь, допускаю к себе в общежитие только приятные мысли и счастлив. Город же, как Вы имели случай убедиться, ничего себе. У меня было что-то вроде гриппа, но теперь я совсем оправился и чувствую прилив бодрости и опасного даже какого-то восторга. Вдруг, откуда ни возмись, этакое самозабвение...

Итак, в ожидании утешительных (эх, кабы телеграфных!) известий – преданный до смертного часа.

Привет тиранам.

И. Б.

[1] «Театр не сумел передать зрителю тонкости комедии, с виду грубоватой, – писал Бабель родным 2. 4. 28 г., – и если они продолжают вывешивать афишу, это, ясное дело, обусловлено тем, что там есть моего, а не тем, что идет от театра: могу сказать это без тщеславия».

И. Л. ЛИВШИЦУ
Париж. 20.III.1928

Дорогой мой. Давно не писал тебе. Прости. Писать – по совести – надо было жаловаться (бесполезное занятие), а не по совести – не хотелось. Переход на новые рельсы дается мне трудно. Профессиональное занятие литературой (а я впервые здесь занялся ею профессионально) дается мне трудно. Сомнения борют мя мнози, такой снисходительности к самому себе – писать и жить, как пишут и живут почти все другие, 99% пишущих – не могу найти в своей душе.

Целый месяц хворал душевно и физически (очевидно, мозговое переутомление) и только теперь ощущаю вновь в себе или, вернее, вновь сочинил в себе какую-то силу для борьбы и «размышления», выражаясь высокопарно.

(...) В сентябре я очень бы хотел выехать в Россию, не в Москву, а в Россию. Во всяком случае, я на отлете. (...) Как обстоят дела у тебя, что девочка[1] живете ли вы на даче? У тебя тоже было невеселое время, я знаю, и никто не мог это почувствовать лучше меня, тягостно отбивающегося от болезни. Надо назвать то, что я испытываю, настоящим словом, – т. е. болезнью, неврастенией, как в дни юности (...)

Твой И.

[1] Дочь И. Л. Лившица – Таня.

А. В. НИКУЛИНУ
Париж. 20.III.28

(...) Окружен упоительной весной – живем великолепно. Недавно был Мi сагеме[1], ну и дела пришлось увидеть. Нет, грех хулить, город хороший, беда только, что очень стабилизированный... В апреле уеду, наверное, в Италию к Горькому, патриарх зовет настойчиво, отказываться не полагается. Поживу там до отъезда Горького в Россию. (...) Кстати, о Закате. Горжусь тем, что провал его предвидел до мельчайших подробностей. Если еще раз в своей жизни напишу пьесу (а кажется – напишу), буду сидеть на всех репетициях[2], сойду с женой директора, загодя начну сотрудничать в Веч. Москве или в Веч. Красной – и пьеса эта будет называться «На переломе» (может, и «На стыке») или, скажем, «Какой простор!..». Сочиняю я хоть туго, но сочиняю. Печататься они будут сначала в Новом Мире, у которого я на откупу и на содержании. (...) Я хворал гриппом, но теперь поправился, и испытываю бодрость духа несколько даже опасную – боюсь лопну!

(...)
[1] Четверг на третьей неделе поста у католиков, когда происходят празднества, балы (ф р а н ц.).

[2] Как сообщил Л. О. Утесов автору настоящего комментария, Бабель мечтал собрать труппу специально для постановки «Заката» с участием Б. С. Борисова, М. М. Блюменталь-Тамариной, Е. М. Грановской, С. Б. Межинского, Л. О. Утесова, Ст. Надеждина.

Д. В. НИКУЛИНУ
Париж. 2.IV.28

Дорогой Лев Вениаминович! С наслаждением прочитал в Новом Мире Ваш прелестный, действительно, прелестный очерк и, грешный человек, позавидовал Вам – вот ведь никакого глубокомыслия, с прозрачной ясностью, простотой и умом[1]. Я как-то никак не могу слезть с котурн. Очерк этот – лучшее, что я читал в наших журналах «о заграничных впечатлениях». Вот вправду взял умный и умудренный человек читателя за руку и повел – и показал – без философии на века, без рискованных и часто дурацких противопоставлений, без назойливого учительства – и показал так, что и сказать ничего

нельзя – чистая правда и очень тонкая, очень честная – и написано так же. Мне очень понравилось и другим читателям тоже.

Я жду итальянской визы[2]. Если дадут, поеду на месяц в Сорренто и если ограниченные средства позволят – еще куда-нибудь. Об отъезде сообщу Вам.

(...) Приезжайте в августе. До этого времени я еще буду в Париже – вряд ли до августа кончу мой «Сизифов труд». Теперь здесь очень интересно, можно сказать – потрясающе интересно – избирательная кампания, и я о людях и о Франции узнал за последнюю неделю больше, чем за все месяцы, проведенные здесь. Вообще мне теперь виднее, и я надеюсь, что к тому времени, когда надо будет уезжать – я в сердце и в уме что-нибудь да увезу. Будьте веселы и трудолюбивы!! Будьте веселы и благополучны! (...)

[1] Лев Никулин. Воображаемые прогулки. «Новый мир», 1928, № 3.

[2] Из-за задержки итальянской визы Бабель не успел посетить в Сорренто Горького, который выехал 20 мая в СССР. Первая их встреча со времени революции состоялась в мае 1931 г. «Мы встретились с прежним чувством, – писал Бабель родным 24. 5. 31 г. – Впечатления сложные, не во всем я их сам еще уяснил. Но, конечно, другого такого старика нет в мире».

А. Г. СЛОНИМ

(...) Завтра второй тур французских выборов. Вот дела делаются. Дожить бы увидаться с Львом Ильичем и рассказать ему, что я знаю о французской демократии, а знаю я уже порядочно[1]. Тартарены из Тараскона[2] переживают полосу расцвета – впрочем, как и во всяком строе, есть «холодное и горячее»...

(...) После двухмесячного перерыва выглянуло солнце, чего и Вам желаю. Шовинистические французы говорят, что такое живительное солнце бывает только во Франции и из всей Франции только в Париже. Ладно... (...)

Ваш И. Б.

Париж. 28.IV.28

И. Б.

[1] «Демократия представляет собою часто зрелище шумное, суетливое и омерзительное» (письмо Слонимам от 19. 4. 28.).

[2] Тартарен из Тараскона – герой одноименного произведения французского писателя Альфонса Додэ (1840 – 1897).

А. Г. СЛОНИМ

Париж. 26.VI.28

Милая Анна Григорьевна. Переводы для Красной Нивы начнут поступать к Вам с начала будущего месяца. Очередной номер Candide[1] я выслал. Ищу теперь только что вышедшую (или, может, она выйдет через день-два) книжку о знаменитом загадочном мультимиллионере Базиле Захарове (акционере величайших оружейных заводов мира)[2]. Книжка эта для Сов. России, для разоблачений махинаций финансовых кругов и пушечных королей в деле подготовки войны – представляет чрезвычайный интерес.

(...) Тружусь. Конца трудам не видно. Еще годов на пять работы есть, а потом начну свиней разводить. Скучаю по России. Как только выполню намеченную мною программу – полечу в Россию с во сторженным кудахтаньем.

Всем Вам, как пишут мужики – поклон с сер дечной любовью.

И. Б.

[1] «Кандид» – французский журнал.

[2] Базиль Захаров (1849 – 1936) был также одним из главарей «Роял датч шелл»; финансировал антисоветскую печать и белогвардейцев.

А. Г. СЛОНИМ

Париж. 7.VII.28

(...) Я много работал и разъезжал (правда, победнее, чем американские миллионеры) в последний месяц – работал, потому что надо, а разъезжал, п. ч. здоровье мое оставляет (проп. «желать») лучшего. Я затеял Сизифов труд, почти для меня непосильный, и мозги часто мне изменяют, переутомляются, мне нужно призвать на помощь всю силу воли для того, чтобы выйти победителем из борьбы (а это борьба), которую я теперь веду, – войны с собственными нервами, с мозгами, с утомляемостью, с собственной бездарностью, с припадками слабости, с условиями чужбины. Жаловаться тут, конечно, не на что. Жизнь только и похожа на что-нибудь стоящее, когда борешься.

(...) В Россию я рвусь всей душой – и думаю, что до конца этого года смогу выехать. Все зависит от того, как пойдет моя работа. А ее столько, размахнулся я так широко, что поневоле все идет медленно, а кроме того, «поспешишь – людей насмешишь» (...)

И. Б.

А. Г. СЛОНИМ

St. Idelsbad (par Coxyde)

Villa Guastave, Belgique

Милая Анна Григорьевна (...) Я здесь кое-как работаю, без Вас я не мог бы этого делать. И если из моей работы выйдет толк, – право, немалая заслуга будет принадлежать Вам. Я постоянно сокращаю фронт моих метаний, дел, отношений, и несмотря на все мелкие и гнусные неприятности – не теряю куражу ни на минуту и линию свою буду гнуть до тех пор, пока не согну ее. (...)

Получили ли Вы книгу Лоуренса[1]? Трудно найти лучшую книгу для перевода. Будет совершенно бессмысленно, если издательства откажутся от нее. Жалко упустить такой случай. Напишите мне, что Вам ответят в Зифе (...)

Новому Миру я отправлю сегодня ясное и искреннее послание. Я скажу им, что, несмотря ни на что, я не изменю ни на йоту систему своей работы, не ускорю ее насильно ни на один час и никаких точных сроков не назначу. Все, что я напишу, я отдам им, а к прекращению «пенсiona» я готов. Всем подведомственным мне лицам я объявил, что с радостью вхожу в период денежной нужды, что жизнь свою я перестрою так, чтобы не зависеть от литературных заработков – и что только при соблюдена этого условия – из моих дел выйдет толк. (...)

И. Бабель

31.VII.28

[1] Томас Эдуард Лоуренс (1888 – 1935) – британский разведчик-агент на Ближнем и Среднем Востоке; его книга «Семь столпов мудрости» вышла в 1926 г. (сокращенный вариант под названием «Восстание в пустыне» – 1927 г.).

В. П. ПОЛОНСКОМУ

31.VI.28

Дорогой Вячеслав Павлович! Мне переслали из Парижа письмо Вашего секретариата, формально правильное и чудовищно несправедливое и мучительное по существу. Я отвечу на него как можно искреннее, скажу, что думаю. А думаю я, что, несмотря на запутанные мои личные дела, я ни на йоту не изменю принятую мною систему работы, ни на один час искусственно и насильно не ускорю ее. Не для того стараюсь я переиначить душу мою и мысли, не для того сижу я на отшибе, молчу, тружусь, пытаюсь очиститься духовно и литературно – не для того затеял я все это, чтобы предать себя во имя временных и не бог весть каких важных интересов[1]. Месяца два тому назад я попытался поднатужиться, смазать, поспешить и поплатился за это страшным мозговым переутомлением, неработоспособностью, выбытием из строя на полтора месяца.

Больше это не повторится. По-прежнему стою я на том, чтобы всю сделанную работу сдать «Новому миру», по-прежнему я полагаю, что несколько вещей я успею сдать до 1 января. Если редакция прекратит мне выплату денег, я ни в чем не изменю своего отношения к «Новому миру» и никуда, кроме как Вам, рукописей не пошлю. Возможно, что денежная нищета послужит мне только на пользу, и я смогу на пять месяцев раньше привести в исполнение задуманный мной план. План этот заключается в том, чтобы на ближайшие годы перестроить душевный и материальный мой бюджет таким образом, чтобы литературный заработок входил в него случайной и непредвиденной частью. Тряхну-ка я стариной, нырну в «массы», поступлю на обыкновеннейшую службу – от этого лучше будет и мне и моей литературе[2].

В России я буду в начале октября. Пишу Вам с побережья Северного моря, гощу у сестры. В конце августа вернусь в Париж. Я затеял там собирание материалов на очень интересную тему. Поиски эти возьмут у меня месяц, а потом домой.

Горестное письмо «Н. М.» смягчено известием о возвращении Вашем в редакцию. В последние месяцы русская литература не балует нас добрыми вестями, поэтому нынешний день для меня, для любителя российской словесности, – радостный, а не грустный. Признание это тем более имеет цену, что оба Ваши предшественника были давнишние мои личные друзья.

До свидания, Вячеслав Павлович.

Любящий Вас И. Бабель

[1] Ср. в письме к А. Г. Слоним; 6. 8. 28 г.: «Я вернусь assagi (остепенившимся), присмирившим, свернувшимся, но упрямым в тысячу раз больше, чем раньше. Я думаю, что если нет мудрости – то ее можно заменить упрямством. И не есть ли это настоящая мудрость – быть упрямым?»

[2] Бабель осуществил этот план в 1930 г., когда поселился в Молоденове, под Москвой, и длительное время работал секретарем сельсовета.

Л. В. НИКУЛИНУ

Остенде. 7.VIII.28

Дорогой Лев Вениаминович. По доходящим до меня слухам, театр МГСПС отлично и до конца справляется с парижской буржуазией, но пусть он возьмется за Остенде[1]! Даже его фантазии не хватит! Повидал я всякой всячины на моем веку – но такого блестящего, умопомрачительного Содома и во сне себе представить не мог[2]. Пишу я Вам с террасы казино, но здесь я только пишу, а кушать пойду в чудеснейшую рыбацью гавань, где фламандцы тянут сети и рыба вялится на улице. Выпью за Ваше здоровье шотландского пива и съем (нрзб). Будьте благополучны.

Ваш И. Бабель

[1] Остенде – знаменитый буржуазный курорт (Бельгия).

[2] «Перед моими глазами расстилаются самые богатые, бездельные люди мира и самые красивые и голые женщины – какие есть только на нашей планете. Ни во сне, ни наяву не мог я себе этого представить» (письмо А. Г. Слоним 7. 8. 28 г.).

Л. В. НИКУЛИНУ

Париж. 30.VIII.28

Дорогой Лев Вениаминович. Я до сих пор не привел свою литературу в вид, годный для напечатания. И нескоро еще это будет. Трудновато мне приходится с этой литературой. Для такого темпа, для таких методов работы нужна бы, как вы справедливо изволили заметить, Ясная Поляна, а ее нет, и вообще ни шиша нет, я, впрочем, этих шишей добиваться не буду и совершенно сознательно обрек себя на «отрезок времени» в несколько годов на нищее и веселое существование. Вследствие всех этих возвышенных обстоятельств – я с истинным огорчением (правив, мне это было очень грустно) отправил Вам телеграмму о том, что не могу дать материала для газеты. В Россию приеду в октябре. Где буду жить, не знаю, выберу место поглубже и подешевле. Знаю только, что в Москве жить не буду. Мне там (в Москве) совершенно делать нечего. (...) Я сейчас доживаю здесь последние дни и целый день шатаюсь по Парижу – только теперь я в этом городе что-то раскусил. Видел Исаака Рабиновича[1] тут (...) Прочитал сегодня о смерти Лашевича[2], и очень грущу. Человек все-таки был такой – каких бы побольше!

Ну, до свидания, милый товарищ, с восторгом пишу, до скорого свидания.

Ваш И. Бабель

[1] Исаак Моисеевич Рабинович (1894–1961)–театральный художник, заслуженный деятель искусств РСФСР.

[2] Михаил Михайлович Лашевич (1884–1928) – старый большевик, в дни Октября – член Петроградского военно-революционного комитета, затем член Реввоенсовета 3, Южной, 7 и 15 армий, председатель Сибревкома, в 1926–1928 гг. – товарищ председателя правления КВЖД.

И. Л. ЛИВШИЦУ

Париж. 31.VIII.28

(...) Я собираюсь выехать в Россию в конце сентября или в начале октября. Лева уезжает в Америку 26 сентября. Так как он не может взять мать с собой, то бедная Женя должна будет остаться со старухой в Париже еще на неопределенное время. Вот крест!.. Где я буду жить в России, еще не знаю. Не думаю, чтобы в Москве. О работе моей я сам не могу сказать – двигается ли она или нет. *A force de travailler*[1] – настанет такой день, когда тайное для самого меня сделается явным. Работать мне много трудней, чем раньше – другие у меня требования, другие приемы, – и хочется перейти в другой «класс» (как говорят о лошадях и боксерах) – в класс спокойного, ясного, тонкого и не пустякового письма[2]. Нечего говорить, трудно. Да и вообще я такой писатель – мне надо несколько лет молчать, для того чтобы потом разразиться. Раньше были перерывы в 8 лет, теперь будут меньше. И на том спасибо. (...)

Твой И. Бабель

[1] Благодаря труду (ф р а н ц.).

[2] «Я по-прежнему много работаю, яростно, уединенно, с далеким прицелом» (письмо Слонимам 7. 9. 28 г.). Возможно, это был роман о чекистах, о котором Бабель говорил с Фурмановым еще в 1925 г.

В. П. ПОЛОНСКОМУ

Киев. 16.X.28

Дорогой Вячеслав Павлович!

Приехал только вчера и уже сегодня молодой здешний писатель Дмитрий Урин прочитал мне свои рассказы. Мне кажется, что это настоящий писатель, и я просил его, когда он

приедет в Москву (а приедет он через три-четыре дня), обратиться к Вам, похоже на то, что надо запомнить эту фамилию. Она может засиять хорошим блеском.

Родина – проехал я через станцию Шепетовку – встретила меня осенью, дождем, бедностью и тем, что для меня только в ней и есть – поэзией. Я совсем смущен теперь, гнусь под напором впечатлений и новых мыслей – грустных и веселых мыслей. Когда осяду и опомнюсь, напишу Вам подробно и о делах, а пока здравствуйте.

Любящий Вас

И. Бабель

А. Г. СЛОНИМ

Киев. 9.XI.28

(...) Я сижу за городом, в рабочем поселке. (...) Живу я хорошо – в тишине, среди настоящих, не липовых рабочих, плачу 8 рубл. в месяц за комнату, ложусь спать в 9 ч. вечера, встаю в 6, ночью, можно сказать, когда совсем еще темно, – и думаю, что благодаря героическим этим усилиям скоро приведу себя в «норму», годную для работы[1] (...)

И. Б.

[1] «Здесь душа моя расправляется. Ничего не поделаешь – здесь я на месте» (письмо из Киева А. Г. Слоним 23. 10. 28 г.).

А. Г. СЛОНИМ

Киев.17.XI.28

(...) В Москву мне приезжать незачем – п. ч. я работаю, не хочу перебивать рабочую мою полосу новыми и, боюсь, тягостными впечатлениями. Живу я, можно сказать, на задворках, в рабочей слободе (...) и живу очень хорошо. Потружусь здесь – от добра добра не ищут, а потом подумаю, куда мне ехать.

И. Б.

В. П. ПОЛОНСКОМУ

Ростов н/Д. 8.IV.29

Дорогой Вячеслав Павлович! Отправил Вам открытку из Кисловодска[1]. Не знаю, получили Вы ее и действителен ли еще адрес – Остоженка, 41? Моя база теперь – Сев. Кавказ, постоянный адрес – Ростов н/Д, главный почтамт, до востребования. Летом буду работать и бродяжить, собираюсь поехать в Ставрополь, Краснодар, на несколько дней в Воронежскую губернию, потом в Дагестан и Кабарду. Ездить буду, конечно, не в международных вагонах, а собственным, нищенским и, по-моему, поучительным способом. Не соберетесь ли в «наши» края? Встретились бы и пожили вместе...

Дни мои (ночи сплю, если не страдаю бессонницей) проходят интересно, но трудно. В смысле работы я нажал на себя с излишним усердием, и снова стала побаливать голова. Все же появляются контуры возводимого здания. Да вот беда: раньше я все размахивался на романы, а выходили рассказы короче воробьиного хвостика, а теперь какая с божьей помощью перемена. Хочу отделать штучку страниц на восемь (п. ч. ты ведь умрешь с голоду, сукин сын – говорю я себе), а из нее, из штучки, прет роман страниц на триста. Вот главная перемена в многострадальной жизни, дорогой мой редактор, – жажду писать длинно! Тут мне, видно, и голову сложить... И так как я по-прежнему сочиняю не страницами, а одно слово к другому, то можете Вы вообразить» как, собственно, выглядит моя жизнь?.. В августе пришлю Вам первое рукописание. Это верно и честно. У меня есть основания так говорить. Помешать мне может только смерть, гл. обр. голодная смерть, п. ч. все мыслимые и немыслимые деньги кончаются. Нельзя ли возобновить до августа старинный наш договор? Вот можете смеяться сколько хотите – а у Вас не будет более верного сотрудника, если Вы вызволите меня в последний раз. Я с ужасом думаю о том, что придется согласиться на предложение... одной организации и состряпать сценарий. Неохота смертная, не могу Вам сказать, какая неохота. Я настроился возвышенно, преступно тратить силы и время на ненужную дребедень, а сил и времени уйдет уйма, п. ч. я не умею халтурить, уйдут драгоценнейшие месяцы. Впрочем, я не уговариваю. Надо думать, Вы мне не верите. А я вот чувствую, что не верить мне – это ошибка.

Сделайте милость, пришлите ответ на это письмо обратной почтой. Пробудясь от сладкого сна, я сосчитал сегодня утром свои ресурсы – их четырнадцать рублей. Как говорится – надо решаться. И потом еще просьба. До меня давно уже доходят слухи, что очередные издания «Конармии» и «Одесских рассказов» – исчерпаны. Надо признать, что Госиздат в отношении меня никогда не торопился с переизданием; то, что проделывается с «Конармией», отвратительно. Я запросил Сандомирского, после Вас – второго моего кредитора (кстати, кто это Сандомирский?), он очень любезно и дружественно ответил по всем пунктам и обошел молчанием вопрос о переиздании. А тыщонка эта спасла бы меня и рикошетом все мои обязательства. Будьте другом, позвоните Сандомирскому. Вам-то он, я думаю, ответит с полной определенностью.

Вот и все дела. Пойду сейчас на Дон смотреть ледоход. Здесь сегодня первый весенний день, а еще вчера была зима. Я много бы хотел Вам написать, но от весны ли, от чего ли другого болит голова. Отложим до следующего раза. Дайте руку. Будьте веселы и философичны. Ваш, искренне Вам преданный

И. Бабель

[1] Бабель был в Кисловодске с 20 по 29 марта для встречи с «бойцовским ребятам» – друзьями по I Конной.

А. Г. СЛОНИМ

Ростов н/Д. 20.VI.29

(...)В июле я собираюсь путешествовать. «Занятия» мои требуют изучения многих вещей и мест. Мне нужно и на Украине побывать, и в Воронежской губернии, и на Волге. Часть этих путешествий я и хочу предпринять в июле. Обо всех моих вояжах Вы будете предупреждены в первую очередь. В конце июля, во всяком случае, буду в Ростове для того, чтобы увидаться с Л. И. (и с Вами, п. ч. Вы поедете на Кавказ, почему бы Вам не поехать на Кавказ??). Вот и все дело. Дурацкие и гадательные труды мои продолжаются. «Что с этого будет» – сам черт не разберет(...)

И. Б.

А. Г. СЛОНИМ

Киев. 10.VII.29

Милая Анна Григорьевна. Получил письмо ГИЗа, ответил им позавчера спешной почтой. Я не читал анонса ЗИФа, но он, несомненно, основан на недоразумении. Для

периодических изданий ЗИФа мною обещаны несколько рассказов – и это все. Право на издание книг принадлежит только ГИЗу.

(...) Есть у меня «думка» проехать на Днепрострой. Оттуда в Ростов. Маршрут мой и даты будут Вам известны...

(...) Как видите – сжигаемый беспокойством и любопытством я все бегаю по белу свету. Пребывание в Харькове было очень приятно и интересно[1]. Город расцвел необыкновенно. Дом промышленности и вновь отстроенная рабочая поликлиника – превосходные учреждения, радостно смотреть...

(...) До свидания. Я думаю о Вас с такой благодарностью и нежностью, что и выразить невозможно.

И. Б.

[1] Бабель выезжал в Харьков для «розысков в тамошнем архиве гражданской войны» (письмо родным 29. 6. 29 г.).

В. П. ПОЛОНСКОМУ

Ростов-на-Дону. 8.X.29

Дорогой Вячеслав Павлович. Черт меня знает, какие только места я за последние 2 месяца не облазил. Договор мотался за мной по десяти почтовым отделениям. В Ростове я уже недели две, все мусолил договор, но подписать не решился. Посылаю его Вам, с всеподданнейшими замечаниями. Составлял эту бумагу король юрисконсультов, не человек, а дьявол. В п. I я прошу вычеркнуть слово «всех», п. ч. два рассказа мне придется дать в альманахи (не в журналы, а альманахи). Но событие это произойдет через несколько месяцев после того, как я начну и буду продолжать печататься в Н. М.– так что ущерба его приоритету не выйдет. Вместо десяти печ. лист, я написал шесть для пущей верности, хотя, надо надеяться, будет больше, иначе мне пропасть. Срок я поставил более просторный, потому что, потому что... Вячеслав Павлович, дело обстоит просто. Я хочу стать профессиональным литератором, каковым я до сих пор не был. Для этого мне нужно взять разгон. Темп этого разгона определяется мучительными (для меня более, чем для Издательства) моими особенностями, побороть которые я не могу. Вы можете посадить меня в узилище, как злостного должника (взять, как известно, нечего – нету ни квартиры,

ни угла, ни движимого имущества, ни недвижимого – чем я, впрочем, горд и чему рад). Вы можете сечь меня розгами в 4 ч. дня на Мясницкой улице – я не сдам рукописи ранее того дня, когда сочту, что она готова. При таких барских замашках, скажете вы, не бери, сукин сын, авансов, не мучай, подлец, бедных сирот юристконсультов... Верно. Но, право, я сам не знал размеров постигшего меня бедствия, не знал всех каверзных «особенностей», будь они трижды прокляты, матери их сто чертей!!! Теперь, как только вылезу из этих договоров, заведу себе побочный заработок, чтобы не зависеть от дьявола, жаждущего моей души. Я бы и сейчас это сделал – завел бы побочный заработок, – да нету времени, надо писать. К чему веду я эту речь? К тому, что пройдет немного времени, и я стану у Вас аккуратным работником. Всей силой души я хочу (и делаю для этого все, что могу) предупредить сроки, превысить количество. Если Вы верите в это мое стремление (а по логике вещей в него нельзя не верить), то поймете, что в нашем договоре я не ищу лазеек (на какого они мне беса?), а минимальных, твердо выполнимых условий для спокойной работы. Потом – на четыреста рублей никак не могу согласиться – тогда мне лучше в водовозы идти, тогда жрать будет нечего.

Издав вышеизложенные вопли, перехожу к веселым материям. Если отвлечься от дел да от плохого здоровья – все обстоит благополучно и выпадают такие дни, что на душе бывает весело. Погода у нас на ять, сады на нашей улице одеты в багрец и золото, рыбу мы в изобилии ловим в гирлах Дона и благословляем небо, что проживаем в конуре, а не в столице. Вас же о самочувствии спрашивать не решаюсь – так, пожалуй, можете ответить, что закачаешься. До свидания, Вячеслав Павлович. Не поддавайтесь нашептываниям дурного духа и не верьте, что я сволочь. Я не сволочь, напротив, погибаю от честности. Но это как будто и есть та гибель с музыкой, против которой иногда не возражают.

Ваш И. Бабель

И. Л. ЛИВШИЦУ

Борисполь. 20.11.30

Я ночую в Бориспольском районе сплошной коллективизации[1]. Нohst interessant[2]. Завтра собираюсь опуститься на жительство в одном из самых глухих сел. В Москву, если ничто не задержит, приеду в начале марта. О приезде пошлю отдельное уведомление.

И. Б.

[1] Выезжая из Киева в Борисполь 16. 2. 30 г., Бабель писал родным: «...Сейчас идет в сущности полное преобразование села и сельской жизни... событие, которое по интересу и важности превосходит все, что мы видели в наше время».

[2] Чрезвычайно интересно (н е м е ц к.).

В. П. ПОЛОНСКОМУ

Молоденово. 10.XII.30

Дорогой В. П. Проваливаясь в сугробах, я пробрался сегодня на станцию и позвонил домой, в Москву. Мне сказали, что от «Известий» есть письмо «под обратную расписку». Угадываю содержание этого письма. Так вот: вещи, предназначенные для Н. М., несколько дней т. н. (буквально несколько дней) закончены. Надо переписать их начисто. Я не могу этого сделать. Вы не сочтете капризом или бессмысленной фанатичностью, если я скажу, что мне надо опомниться, отойти, забыть – и потом со свежей головой дать Le derniere soir[1]. В последние месяцы у вас не было «контрагента» более мучительно добросовестного. Я обрек себя на «заточение» и тюремное одиночество – чего больше?.. Так вышло, что только несколько месяцев т. н. умение писать, простое умение, вернулось ко мне – и видят все бухгалтерии мира, – я не пренебрег этим возвращением. Очень прошу Вас приехать ко мне в гости – и я не постыжусь предъявить Вам «вещественные доказательства». Печататься я начну в 1931 году, и для того, чтобы больше не было мучительных этих перерывов, надо подготовиться. Материал я предполагаю сдать весной и в дальнейшем буду аккуратен и «периодичен», как любой фельетонист... Есть литераторы с гладкой судьбой, есть литераторы с трудной судьбой (правда, есть еще третьи – безо всякой судьбы). Я принадлежу ко вторым – и оттого, что эти ухабы не поддаются бухгалтерскому учету, неужели надо в них кидаться вниз головой?..

Я прошу у трудной моей судьбы последнюю отсрочку. Помогите мне получить ее.

Ваш И. Бабель

[1] Последний удар (ф р а н ц.).

В. П. ПОЛОНСКОМУ

Молоденово. 13.XII.30

Дорогой В. П. Мне переслали «цидулку» конторы. И смех и грех... Привлечь меня к суду – это значит подарить мне деньги. Я вызываю всех писателей СССР на «конкурс бедности» со мной, у которого не только что квартиры нет, но даже и самого паршивенького стола. Я сочиняю на верстаке (в самом буквальном смысле слова) моего хозяина Ивана Карповича, деревенского сапожника. Носильное же платье мое и белье, даже по сухаревской оценке, не превышает ста, может, двухсот рублей. Не судиться надо со мной, а дать мне последнюю отсрочку, о чем я отсылаю официальную просьбу.

Через несколько дней приеду в Москву. Я рассчитываю увезти Вас хоть на день в мое логово.

Преданный Вам И. Бабель

В. П. ПОЛОНСКОМУ

Молоденово. 10.IX. 31

Дорогой В. П.

Только что дописал рассказ для «дебюта» в Н. М. По прежним правилам я отложил бы его на год, но теперь обстоятельства (а в соответствии с ними и правила) из-

11. «Знамя» № 8.

менялись. В ближайшие две недели отделаю и в конце сентября сдам m`acordant cette grace[1] Вы дадите мне возможность печататься в Н. М. без перебоев из номера в номер[2]. Право, надо помочь мне окончить мучительное мое нестроение по всем правилам акушерства, т. е. без выкидышей, без преждевременных родов. Нормальные сроки сами собой подошли.

Ваш И. Бабель

[1] Даровав мне такую милость (ф р а н ц.).

[2] В «Новом мире», 1932, № 10 были опубликованы «Гапа Гужва (Первая глава из книги «Великая Криница»)» и «В подвале (Из книги «История моей голубятни»)», в № 3 за 1932 г. – «Аргмак».

В.П. ПОЛОНСКОМУ

Молоденово. 2.XII.31

Дорогой В. П. Посылаю корректуры. Рассказы, которые я теперь печатаю, написаны несколько лет т. н. и в последние месяцы отделаны (относительно). Я стал не тот, мысли не те, жизнь ушла вперед. Жалко прожитых годов (внутреннего моего настроения), не хочется их оставить без следа, вот хвосты и тянутся. В интересах моих и журнала печатать эти рассказы в комбинации с новыми; новые поспевают, полоса у меня рабочая[1].

Если бы начать печататься на несколько месяцев позже, вышло бы много веселее и значительней. Я бы хотел оттянуть и декабрьские, но вы, верно, не согласитесь, бейте в мою голову.

Попытаюсь вызвать Вас по телефону из бывшего горьковского дома, а не то в начале будущей недели приеду на день в Москву.

Ваш И. Б.

[1] Сообщая родным 8. 11. 31 г. о публикации в «Новом мире» «В подвале» и «Гапы Гужвы», Бабель писал: «Все то, что сейчас печатается, не что иное, как сущие пустяки по сравнению с тем, что сделано: я держу в резерве тяжелую артиллерию».

Т. Н. ТЭСС[1]

24.IV.32. Молоденово

(...)Третий день болит голова. Дьявольский климат. При таком климате надо бы каждому гражданину, ни в чем особенном не замеченному, раздавать по карточкам, по крупице радия, чтобы он лучеиспускал. Неумолчно ревет корова. Она требует трех вещей – травы, солнца и супружества. Ревет она упрямо, забирая все вещи, вытягивает морду из стойла и таращит глаза. С таким откровенным характером, конечно, ей легко живется на свете...

Вернусь я в Москву 1 или 2 мая. Желаю Вам от господ бога хорошего расположения духа, хороших мыслей и адекватного их выражения.

И. Бабель

[1] Татьяна Николаевна Тэсс (Сосюра) – писательница, журналистка.

Л. В. НИКУЛИНУ

Париж. 22.II.33

(...) Хорош город Париж – еще лучше стал... Американцы и англичане с шальными деньгами исчезли. Париж стал французским городом – и от этого поэтичнее, выразительнее, таинственнее. (...) В начале лета я буду в Москве, в марте – хочу поехать в Италию[1]. Не прихватить ли мне Турцию и вернуться через Константинополь? (...) Напишите о делах российских (...) Оренбург богат – американцы в который раз купили у него Жанну Ней для фильма.– Я же, напротив, очень беден. (...)

[1] Бабель по приглашению Горького приехал в Италию в десятых числах апреля и пробыл там до 27 мая.

А. Г. СЛОНИМ

Париж. 29.V.33

(...) Вчера вернулся в Париж после полуторамесячного пребывания в Италии. Не успел побывать в Венеции – не хватило денег. Все затмила Флоренция. Впечатление неизгладимое на всю жизнь. Ал. Макс, поручил мне одну работу, которую надо исполнить здесь, потому я не мог приехать вместе с ним[1]. Тоска по России все сильнее. Вернусь во второй половине июня.

В работе неудачи. Пьесу написал – не вышло. Не могу пока определить – окончательная это неудача или еще поправимо[2]. Сдал А. М. несколько рассказов[3] для второго номера альманаха «Шестнадцатый год», один рассказ как будто ничего, остальные, по-моему, серы.(...)

И. Б.

[1] «Горький попросил меня написать какой-нибудь очерк о Неаполе, мне это по душе, попытаюсь» (письмо родным 11. 5. 33 г.).

[2] В Сорренто Бабель закончил пьесу «Мария» и прочел ее Горькому, а после отъезда Горького в СССР (8. 5. 33 г.) послал ему рукопись. Горький ответил большим письмом, в котором резко отрицательно отозвался о пьесе и рекомендовал не ставить ее в таком виде. После этого Бабель полтора года перерабатывал драму и опубликовал ее только в марте 1935 г.

[3] «Мой первый гонорар», «Фроим Грач», «Нефть», «Улица Данте».

Л. В. НИКУЛИНУ

Париж. 30.VII.33

(...)Послали бы мне, друзья мои, денег на дорогу или хотя б ж-д билет. Пять месяцев т. н. я написал об этом, никто не ответил. Что это значит? Это значит, что я предоставлен самому себе в чужой и враждебной обстановке, где честному сов. гражданину заработать невозможно. Едучи сюда, я рассчитывал, что у Евг(ении) Бор(исовны) будут деньги на обратный путь, но американский дядюшка кончился, наступила *misère noire*[1], долги и проч. Унижение и бессмыслица состоят в том, что человек лично ни в чем не нуждающийся, приспособленный к тому, чтобы обходиться без всяких просьб, принужден прибегать к ним, и так как он делает это против своего чувства, против своей гордости, то и выходит это у него плохо. Жизнь у этого человека ломается надвое, ему надо принять мучительные решения. Сочувствия не нужно, но понимание товарищей – хорошо бы...

Это о «мире», теперь о себе. Живу отвратительно, каждый день отсрочки мучителен; кое-как состряпал кратчайшее *exposé*[2]. Если понравится и заплатят – выеду на этой неделе, если не понравится (изложено отнюдь не в духе Патэ[3]), тогда... тогда не знаю, что делать, объявить себя разве банкротом, попросить в полпредстве ж.-д. билет и тайком бежать кредиторов...

Voilà[4], невесело. Мне до последней степени нужно быть в Москве 10/VIII, иначе рухнут давнишние заветные планы. (...)

И. Б.

[1] Черная нужда (ф р а н ц.).

[2] Изложение (ф р а н ц.).– либретто сценария. По предложению французской кинофирмы Бабель работал над сценарием фильма; судя по письму к родным 18. 6. 33 г., это вряд ли был сценарий на конармейскую тему; «Я погрузился в сценарий, оказавшийся труднее, чем я предполагал. Нужно прочесть обширнейший материал»,– разумеется, никакого «обширнейшего материала» во Франции о Конармии Бабелю не нужно было читать. Пришлось «работать с режиссером вульгарным и догматичным, из-за которого я нахожусь в состоянии постоянного ужаса» (родным 2. 7. 33 г.), и Бабель не завершил сценарий.

[3] Известная французская кинофирма.

[4] Вот (ф р а н ц.).

А. Г. СЛОНИМ

Нальчик. 28.XI.33

(...) Живу месяца полтора в Кабардино-Балкарской области и житьем этим наслаждаюсь. Дела и люди удивительно интересные[1]. Сегодня уезжаю в Балкарские ущелья, потом брошу якорь в колхозе и там сяду за письменный (или какой-нибудь вообще) стол. (...) Теперь признаюсь, что многое за последние годы просмотрел и за многим не уследил – надо наверстывать (...) В ближайшие дни предстоит сделать несколько сот километров на лошади по местам головокружительной красоты. (...)

И. Б.

[1] «Передо мною открылась страна чудес (Кабардино-Балкарская область)» (письмо И. Л. Лившицу 1. 12. 33 г.). Как сообщил автору комментария С. А. Бондарин. Бабель говорил ему в начале 1934 г.: «Если ты хочешь видеть страну, которая первой дойдет до коммунизма, то поезжай в Кабардино-Балкарию».

И. А. ЛИВШИЦУ

7. XII.33

Mon vieux[1]. Удивлен отсутствием ответа на мою телеграмму: не случилось ли у тебя чего?

Получил от Партиздата предложение написать брошюру срочно об МТС или колхозе. Я этим занимаюсь сейчас и сижу здесь для этого. Постараюсь сделать, но срок мне нужен – не несколько дней, как телеграфирует Шеломович, а несколько месяцев. Только что в этом смысле отправил ему спешное письмо (адреса не зная, написал просто: Партиздат).

Завтра переезжаю на более или менее продолжительное жительство в колхоз, в километрах 50 отсюда[2], адрес остается прежний. Из деревни напишу. Привет фамилии.
И. Б.

[1] Старина (ф р а н ц.).

[2] Бабель поселился в станице Пришибской. Оттуда он писал родным 13.12.33 г.: «Движение за коллективизацию достигло в этом году решающего прогресса, и сейчас открываются перспективы поистине безграничные: земля преобразается. Не знаю, сколько здесь пробуду. Страшно интересно быть свидетелем роста этих новых форм человеческих и экономических отношений.

И. Л. ЛИВШИЦУ

Нальчик. 9.XII.33

На телеграмму ты не отвечаешь. Христос с тобой, хотя, конечно, хамство.

Есть дело: получил сегодня из обкома материалы по Кабардино-Балкарской области, материал выдающегося интереса (...) Здесь даны непревзойденные образцы колхозного строительства. Можно бы к лёту приготовить ряд очерков полубеллетристического, полустатейного характера. Я бы взялся – если бы Партиздат выдал на пропитание тысячи полторы-две (очень нужно).

Если считаешь уместным, достойным и небезнадежным – предложи. Ответ телеграфируй срочно: Нальчик, обком ВКП, Родионову, мне.

В ответ на телеграмму Шеломовича я писал ему, что собираюсь работать над такими очерками – не знаю, дошло ли письмо, улицы не мог указать.

Завтра переезжаю в колхоз, километрах в 50 отсюда[1] адрес остается прежний – Нальчик.

Работаю много. Похоже, что ко мне вернулась «форма», какой не было несколько лет. Может, что и выйдет.

Привет Люсе, Вере и Танюше[2].

И. Б.

[1] См. комментарий к письму от 7. 12. 33 г.

[2] Члены семьи И. Л. Лившица.

Т. Н. ТЭСС

Париж. 1.VII.35

(...) Хочу сделать баланс моим знаниям и мыслям об этом городе. Он так же прекрасен, как и раньше. Путешествие мое с Пастернаком достойно комической поэмы. Конгресс оказался действительно более серьезным, чем я предполагал[1]. Чаше других вижу с Тихоновым, Толстым, Кольцовым. Вчера открывали в Villejuif[2] проспект имени Горького – необыкновенно трогательно. В Москву приеду в конце июня. (...)

И. Б.

[1] Антифашистский конгресс защиты культуры происходил в Париже 21–25 июня 1935 г. Бабель и Пастернак приехали туда позже других советских делегатов.

[2] Вилльжюиф – рабочее предместье Парижа; делегаты конгресса были на церемонии присвоения имени Горького одной из улиц.

Т. Н. ТЭСС

Одесса. 17.XI.36

Умное Ваше письмо получил. То, что Вы пишете о моих «сочинениях» – важно и удивительно верно, можно сказать – потрясающе верно[1]. К чести моей – у меня уже несколько лет такое чувство. Попытаюсь доказать делом*. То, что я делаю теперь – еще не есть писание начисто, но во всяком случае похоже уже на сочинительство, на профессию... – Живу, несмотря ни на что, – хорошо. Только здоровье оставляет желать лучшего – не очень. Обошел и объехал весь город – лучше Мельниц[2] нет; решил там обосноваться и предпринимаю «официальные» шаги. (...) Мне в декабре по неотложным делам надо ехать в Москву[3]. Беда, великая беда! Вот когда надо будет показать себя «человеком» и продолжать трудиться и жить, как в Одессе. Впрочем, надеюсь, поездка не на долгий срок. (...) Может, я еще в Киев поеду или – в колхоз – потом в Москву. (...)

* Возможно, конечно, что как пишут в газетах – вместе с водой – я выплесну и ребенка... (Сноска в письме.– Л. Л.)

[1] Как сообщила Т. Н. Тэсс автору комментария, она писала Бабелю, что ему уже нельзя больше прибегать к самой высокой ноте в метафорах, нужна более строгая форма изображения.

[2] Ближние Мельницы – район Одессы.

[3] Бабеля вызывали в Москву для консультаций по сценарию фильма, Г. Александрова.

А. Г. СЛОНИМ

Переделкино.

Милая Анна Григорьевна. Entre nous soit dit[1] – очень плохо живется и душевно и физически, не с чем показаться к хорошим людям. Рассудок пока не затемнен – понимаю, что все причины в себе самом и что главная победа – над самим собой... Главная и самая трудная.

В Москве я захватан, истерзан, мелко озабочен; здесь маленько расправляюсь душой, что-то накапливаю; собираюсь немного посвежить, приехать 5-го в Москву, поплетусь к Вам на основную мою квартиру...

30.XI.38

И. Б.

[1] Между нами говоря (ф р а н ц.).

Периодические издания русского зарубежья

Колокол

«Колокол» — первый российский революционный журнал (он же - газета), издававшийся в Лондоне в 1857-1867 гг. А. Герценом и Н. Огаревым. Периодичность выхода колебалась от еженедельной до ежемесячной. Тираж - несколько тысяч экземпляров.

Издание «Колокола» было вызвано невозможностью публиковать в ежегодной «Полярной звезде» все актуальные материалы по причине их большого количества. К тому же при ежегодном издании терялась актуальность. Выходом из ситуации стало издание приложения к «Полярной звезде».

Тематика «Колокола» - современная политическая и экономическая жизнь России.

Освобождение крепостного сословия, анализ распоряжений правительства, обсуждение новостей, статьи посвященные министерствам и их чиновникам, предложения по улучшению государственного устройства - главные темы публикаций.

В журнале публиковался экономический анализ правительственных решений. Среди них: винно-откупная система, тарифы для железных дорог, таможенные пошлины и т. д.

Большую часть материалов «Колокола» составляли статьи Герцена и Огарева. Некоторые статьи были присланы корреспондентами из России, которые по понятным причинам часто публиковались без указания авторства.

Когда говорят об оппозиционной российской журналистике 19го века, обычно вспоминают Герцена, Огарева и их свободную типографию, в которой печатались запрещенные стихи и статьи журналистов без цензуры. Первые успехи типографии отразились в «Полярной звезде», но она выходила достаточно редко и не могла отражать всех реалий Российской действительности.

Тогда Огарев, который прибыл в Англию в 56 году, активно включился в издательское дело и предложил Герцену поработать над созданием такого печатного органа, который выходил бы намного чаще альманаха и соответствовал бурным изменениям, происходящим в обществе. К тому же это издание должно было распространяться с большей скоростью, чем его предшественник, а, следовательно, и попадать к большему числу людей, что означало и распространение свободных мыслей и настроений в обществе.

Открытие «Колокола» в 1857 году, а именно так назвали эту газету, по замыслу авторов, должно было произвести эффект набата, тревожно возвещающего о грядущих переменах в обществе и даже постегивая их. Это издание не должно было быть большим достаточно двух трех листков и периодичность не реже одного выпуска газеты в месяц. Этого должно было хватить для успешности нового проекта.

Начиная с первого июля 1857-го года и по первое июля 1867-го года всего было выпущено 245 номеров газеты «Колокол». «Колокол» очень быстро обзавелся собственными приложениями, будучи сам приложением к «Полярной звезде».

Обличительное приложение, которое имело название «Под суд!», выходило с первого октября 1859-го года и по двадцать второе апреля 1862-го года. Всего было выпущено тринадцать выпусков этого приложения.

Начиная с пятнадцатого июля 1862-го года и по пятнадцатое июля 1864-го года выпускалось приложение под названием «Общее вече» (газета для народа). Всего было выпущено двадцать девять номеров этого приложения.

Так же были нерегулярные приложения, которые издавались вместе с такими номерами «Колокола»: 21, 29, 44, 49, 61, 84, 102, 119, 120, 122 и 123. Были и приложения, которые не указывались, к какому номеру они относятся. Первого августа 1867-го года в свет вышел лист, который завершил издание. Он назывался «Прибавочный лист к первому десятилетию».

В 1868-м Герценым была принята попытка возродить газету «Колокол». Он начал издавать газету «Kолокол», которая была уже на французском языке с некоторыми небольшими русскими вложениями. С начала года и по первое декабря вышло ровно пятнадцать номеров «Kолоkola» и семь номеров «Русского прибавления».

Интересным фактом является то, что на пике популярности, некоторые номера, из-за большого спроса, издавались Вольной русской типографией повторно. Около 52-х номеров газеты «Колокол» были набраны и печатались заново. Но вторые издания

немного отличались от первых некоторыми деталями оформления. Начиная с 1862-го года популярность и интерес к «Колоколу» начинает потихоньку падать. В это время в России появляются уже более радикальные движения, которые воспринимают «Колокол» более «конституционным». Их мнение то, что эта газета должна «звонить в набат, а не благовестить к молебну», а также «звать всю Русь к топору». Также в это время публика начала связывать все движения с Герценом и приписывать любые бедствия его влиянию. Но большая часть либеральных читателей отвернулась от газеты тогда, когда редакторы приняли решение поддержать в 1863 году польское восстание. И к концу уже этого же года тираж «Колокола» упал до пятисот экземпляров. Пытаясь хоть как-то сохранить или же расширить круг читателей, издатели еще в 1862-м году выпускают приложение к «Колоколу». Это была газета «для простого народа», которая называлась «Общее вече». Но уже в 1864-м году прекращают и ее издание.

В свои оды существования первой Вольной русской типографии Александру Ивановичу Герцену особо не удавалось привлечь других авторов из России к сотрудничеству. Поэтому большинство материалов, которые издавались в типографии, принадлежали его перу. Но положение коренным образом изменилось, когда Герцен летом 1885 года запустил в станок первое и регулярное издание. Это был альманах «Полярная звезда». Уже к 1887-м году объем этой корреспонденции настолько вырос, что возможностей этого толстого журнала, который издавался только с периодичностью ежегодника, просто напросто перестало хватать для публикации всех материалов, вызвавших большой интерес. И чтобы иметь возможность откликаться оперативно на все важные текущие события – начали выпускать газету, после третьей книжки альманаха. Это была идея Огарева.

«Колокол» получил подзаголовок «Прибавочные листы к Полярной звезде», а также получает статус приложения к «Полярной звезде» и печатается до 117-го номера на первой странице – это до 1861-го года. Для того, чтобы подчеркнуть генетическую связь «Колокола» и «Полярной звезды», на первой странице первого номера Александр Герцен печатает повторно программу «звезды», которая звучала так: «Освобождение крестьян от помещиков! Освобождение слова от цензуры! Освобождение податного состояния от побоев!»

Именно эта программа привлекла огромное внимание либерально-оппозиционных кругов. Их активность все возрастала и объединяла разнообразные и широкие силы для создания фронта против крепостничества. Так основывался и укреплялся «Колокол».

Чтобы быть как можно ближе к своему читателю, Герцен и Огарев весной 1865-го года переносят Вольную русскую типографию в страну Швейцарию. Но и эти усилия не приводят к большому успеху. В 1867-м году издание доходит до того, что выпускается один номер в месяц, а уже первого июля 1867-го Огарев в своем стихотворении «До свиданья!» сообщает, что «Колокол» на время смолкает.

Последняя попытка возродить «Колокол» и еще раз расширить аудиторию читателей была принята Огаревым и Герценом в 1868-м году. Но они уже обращались к европейскому читателю. Газета была полностью на французском языке с небольшими русскими прибавлениями. И называлась газета уже «Kolokol». Но и это не помогло возродить настоящий «Колокол». Издание Колокола, оказалось знаковым для России в первые пять лет после выпуска первого издания. Его влияние было по истине огромным. Это не удивительно, ведь речь идет о времени, когда крестьянское движение переживало подъем, а победа в Крымской войне и приход на престол нового императора вызывали надежды и революционные думы у большого количества населения страны.

Это было время кризиса и любая информация и сведения, подкрепляющие народное движение были особенно ценными. Именно Колокол ответил потребностям общества в создании такого печатного органа, который прямо и без цензуры отвечал на наиболее болезненные и назревшие вопросы, которые витали в обществе России.

Направления анти крепостничества и демократии оказались востребованы как никогда. Но, конечно, без таланта Герцена, как выдающегося публициста, умеющего пером пробуждать в человеке лучшие чувства и направлять его в нужное русло. Без помощи Огарева, который активно сотрудничал с Колоколом и писал в нем большую часть выступлений, эта работа не могла быть произведена так тщательно и не возымела бы такого эффекта, какой получила в России. Колокол стал органом, в котором обличалась Российская действительность, печатались письма из России, обзоры, научные статьи.

Популярность Колокола не могла быть вечной, и Герцен прекрасно понимал, что после 1861 года, когда событие, о котором он так долго ратовал, а именно освобождение крестьянства произошло, пришло время измениться и изданию. Колокол потерял свои революционные и изобличительные нотки, стал выпускать большие статьи, которые уже являлись простым описанием жизни и предположения о будущем в России. И хотя Герцен предпринимал все действия для того, что бы подогревать интерес к его детищу, молодежь и революционно настроенная интеллигенция не оказывала ему широкой поддержки.

В 64-65 году в Женеве Герцен организовывал встречи с эмигрантами из России, но это не принесло особенного результата и даже перенос издательства обратно в Лондон не увеличило интереса к «Колоколу». В последствии до июля 67 года именно там выпускали это издание, хотя его влияние на Российскую аудиторию падало и после полугодового закрытия «Колокол» решили издавать на французском языке.

Но 15 номеров, которые были изданы с января 68го года на французском языке, не изменили положения дел. И в последнем номере было решено прекратить его существование. Для молодежи лучше избрать свой путь, так решил Герцен и ушел непобежденным.¹⁶¹

Что сделано для освобождения крепостных людей?¹⁶²

Правительство учредило комитет, под председательством графа Блудова, для рассмотрения вопроса об освобождении крепостных людей. Несколько проектов было представлено, на которые комитет не дал никакого ответа, и наконец сам комитет закрылся, ничего не сделав. Результатом его бесплодных заседаний были только кое-какие цензурные преследования.

Вот слухи, еще требующие подтверждения. Но что выше вероятия, что не подвержено никакому сомнению, - это то, что с вступления на престол Александра II, не смотря на все ожидания и надежды, правительство ничего не сделало для освобождения крепостного сословия и не подвинуло ни на шаг решение этого вопроса.

Что же оно делает? Некогда ему, что ли? Или важно занятие формой военных и штатских мундиров до такой степени поглотило государственную мысль, что ни на какое дело не хватает времени? Или правительство довольствуется собственными слезами умиления, чувствуя себя не таким, как правительство 'Незабвенного', и далее ничего не хочет делать? Или сквозь шум праздников и охотничьих труб псарей, оно не умеет расслушать клик народный?

Приходится звонить в колокол и сказать этому правительству: Стыдно! Пора проснуться! Теперь еще время. Ты можешь мирным путем решить вопрос освобождения крепостных.

161

<http://gerzen.ru/kolokol/stat38.php>

162

«Колокол». 1857 год, 1 июля, №1 - <http://thebell.ru/node/9>

Vivos voco! Или правительство уже такое мертвое, что никакая государственная нужда его не разбудит? Если оно не живое, - за чем же оно бралось за управление государством? Отречься - было бы благороднее, чем подавать надежды, на исполнение которых сил не хватает. Стало оно хвастало своею любовью к России? Стало оно нас обманывало? Или оно думало, что Россию можно спасти без государственной мысли, а только маленьким добродушием, доходящим до потачки государственным ворам? В таком случае оно только позорится перед светом.

Пора проснуться! Скоро будет поздно решать вопрос освобождения крепостных мирным путем; мужики решат его по своему. Реки крови прольются, - и кто будет виноват в этом? Правительство!

Россия настрадается, а на правительство история положит клеймо злонамеренности, или бездарности, в обоих случаях позорное.

Проснись! Работай - не над мертвячиной формалистики, а над живым государственным вопросом. Работай, пока время не ушло.

Vivos voco!

Августейшие путешественники.

Вдовствующая императрица¹⁶³

Со смерти Николая, уничтожилось постыдное стеснение в праве русским путешествовать за границей. Добрые дела редко проходят даром: едва Александр II отрезал веревку, на которой держал нас его отец, как собственная семья его, воспользовалась больше всех, дарованным правом удободвижимости. Снова на всех дорогах в Европе (кроме английских!) показались великие князья, охотящиеся по немецким невестам и бывшие немецкие невесты в русском переводе с патронимическими именами. Снова вдовствующая императрица дала Европе зрелище истинно азиатского бросанья денег, истинно варварской роскоши. С гордостью могли видеть верноподданные что каждый переезд августейшей больной и каждый отдых ее - равняется для России неурожаю, разливу рек и двум-трем пожарам. Снова всякие немецкие князья потащились mit Weib und Kind, начитавшись в Либиге и Молешоте о непитательности картофеля, ? на русские хлеба в Ниццу.

Александра Феодоровна воспитанная в благочестивых правилах евангелически-потсдамского абсолютизма и расцветшая в догматах православно-петербургского самовластия, не могла тотчас придти в себя и найдется после высочайшей потери. Ей было больно видеть либеральное направление нового императора, ее смущал злой умысел амнистии, возмутительная мысль об освобождении крестьян. Она с ужасом увидела как эти величавые сваи, на которых держалась николаевская плотина, (эти немецкие и русские Клейнмихели) покачнулись. Призрак, мучивший ее тридцать лет, снова восставал из рвов Петропавловской крепости и из снегов Сибири, и грозил пальцем во фригийской шапке. В самом деле, как было ей не трепетать, когда террористы и люди баррикад в роде Лансага и Сухозанета, принимались за кормило судна, так ловко поставленного на мель ее покойником, что без англо-французской помощи его никто бы и не стащил. Предвидя 10 августа и 21 января, оплакивая николаевскую форму мундиров и великих сподвижников «незабвенного», императрица оставила революционный дворец и изволила последовать в Берлин.

Там ее ждал новый удар, шедший от близкой руки. Королевственный брат ее, плохо различающий призвание полов и сверх того человек зашибающий хмелем, вдруг пожаловал императрицу, отгадайте чем? - чином драгунского полковника; и вот ей

пришлось, на старости лет «снимать одежду черну» и нарядиться в костюм о котором прусская газета говорит: «в половину фантастический, в половину драгунский». Таким августейшим андрогином и вдовствующим драгуном, предстала она перед корпус офицеров, который был тронут до слез, что и ожидать следовало от их звания немцев.

Что если бы императрице с своей стороны назначить его самого, любезного королевственного брата, августейшей директриссой в Смольный монастырь. Посмотрели бы мы, как бы он явился на акт декольте с голыми руками и в рейтузах, или в мундире бывшего кейзер-Николаус регимента-полка с крахмаленой юбкой с кринолинами и ... бранденбурами! Пусть бы он на себе примерил, что значить путать полы.

Это раскрыло глаза императрице, она с каждым шагом в Европе больше и больше переходит на нашу сторону и из императрицы-полковника, становится гражданин-императрица. Простота завелась удивительная, никаких этикетов. Одним добрым утром является старый служивой; постучал в дверь, выходит кухарка. - Кого вам? — Императрицу. Дома, что ли? - Как же, как же, пожалуйста в столовую, они укладывают драгунский мундир в чемодан. — Служивый идет. «Помните ли, Императрица, как я вас в Потсдаме маленькую вытащил из воды в саду?» — «Ах Боже мой! точно, точно, истинно? гора с горой не сойдется, а человек с человеком все же иногда встретится.» И она стала вспоминать, как Дон Карлос о счастливых днях «Аранхуэца» в Потсдаме. Что ей теперь Ланской и Сухозанет, что ей освобождение крестьян, она соболезнует о польских судьбах Ломбардии, дайте нам Кавура и освобождения Италии.

Ну разумеется, с такими мыслями в голове нечего было и думать проезжать Австрию. В ее лета подвергаться австрийскому преследованию, аресту, тюрьме, Шпильбергу, *Cárcere duro* - хуже всякаго Мандта. Да и что такое Австрия? гнездилище рабства и абсолютизма, — то ли дело Швейцария!

Швейцария? Эта страна без царя, это — страна, в которой самые горы напоминают *la montagne de 93 г.*, время геологического террора, страна, в которой государственные преступники, в роде Теля, этого Пестеля, с большой удачей, считаются великими людьми; в которой говорятя открыто такие страшные и возмутительные вещи, что русское правительство сочло необходимым послать туда глухого Криднера посланником, чтобы он не набрался зажигательных теорий.

Все это старые предрассудки. *Die Burgerin Kaiserin* в Женеве окружена толпами девушек с букетами, они делают ей книксен и поют *Standchen "fur unsere Alexandrine"*, музыка и слова нарочно сочинены *ad hoc* каким-то германским поэтом, потерявшимся на Альпах (*).

Но в Пьемонте она уже окружена не невинными девушками, а виновными возмутителями общественного порядка -- Борромеи, Литта (почти то же, что Чарторижские и Потоцкие, находящиеся в эмиграции). Она берет на руки маленького Борромео и со слезами на глазах желает, чтобы он увидел скорее свою родину; что в переводе значит, чтоб скорее прогнали из Ломбардии законного императора и его австрийцев.

Давно ли у Карла Альберта был отнят русский полк, или, лучше, у полка было отнято имя Карла Альберта за то, что он, проведя целую жизнь в преступлениях и в своей запачканной трокадерской шинели, почувствовал недостойное помазанника Божия угрызение совести и дал своему народу человеческие права? Покойник шутить не любил и слабостей не прощал. Но забыт "незабвенный", и его неутешная вдова весело пенит бокал и на шумном пиру сама провозглашает тост за конституционного короля Сардинии.

Скоро ли тост Маццини? Да не выпить ли и за Кошута? Насолила же им Австрия!

Такова обаятельная сила русского самодержавия, что, я думаю, эти господа сделают со мной чудо, которое не в состоянии был бы совершить самый к. к св. Непомук,-- примирят меня с Австрией, которую я ненавижу как человек, как славянин, как друг Италии.

Но какой бы ни был либерализм сардинского двора все же он не идет до уничтожения личной собственности и коммунизма; все же Ницца не Икария Кабэ. Опыт распространения *communa bonorum* решительно не удался императрице. Какая-то англичанка наняла дом с садом; понравился сад императрице, она в него -- гулять; но англичанка говорит: "Позвольте, не торопитесь, сад я наняла не для высочайшего, а для собственного своего удовольствия, *bag pardon Mame!*" -- да и дверь на ключ. Какова смелость! Она, верно, не знает, что в России ее послали бы солдатом на Кавказ или в каторжную работу лет на тридцать.

Не за то ли обошли одного Ратацци, министра внутренних дел, русской кавалерией, что он не умел отомстить такой афронт и не поручил солдатам, возвратившимся из Крыма, взять приступом сад англичанки!

Демократически проводя время с разными пизмонтскими губернскими секретарями и советниками губернского ниццкого правления, наша православная протестантка поехала к папе римскому. Пий IX вспомнил молодость, как он сам служил офицером в *Guardia Nobile*, надел лучший подрясник и, как вежливый кавалер, приосанившись, сам отправился с визитом. Об их святом *tete-a-tet'e* никто ничего не знает; быть может, он просил императрицу перекрестить Русь в католическую, а может быть, объяснял пользу и выгоду своего открытия immacулатного зачатия.

Особенно приятно нас поражает, что в Риме, в этом старом городе из всех старых городов, августейшая больная порхает, как бабочка. Мы, право, начинаем думать, что преданность и слепая любовь выдумали беспокойным и заботливым сердцем опасность, в которой находится здоровье императорствующей вдовицы,-- где же доказательства? В Петербурге лет до пятидесяти она танцевала, одевалась, шнуровалась, завивалась. В Ницце -- пикники, *dejeunes flottants* на море, музыка, *parties fines* -- не знаю, что. В Риме -- туда, сюда, суета суетствий: старую ли штуку освещения св. Петра выдумают или вечный жирандоль зажгут -- наша Александра Феодоровна тут как тут. Какую надо иметь приятную пустоту душевную и атлетические силы телесные, какую свежесть впечатлений, чтоб так метаться на всякую всячину, чтоб находить *zu himlisch* то захождение солнца, то восхождение ракет; чтоб находить удовольствие во всех этих приемах, *grands leves, petits leves*, представлениях, площадках, парадах, полковой музыке, церемонных обедах и обедах запросто на сорок человек, в этом неприличном количестве свиты, в этих табунах лошадей, фрейлин, экипажей, штатс-дам, камергеров, камердинеров, лакеев, генералов, наших послов, идущих с Востока и Запада на поклонение, и не наших принцев с своими *durchlauchtige Gemahlinen!* Чье здоровье вынесет эдакую барщину!

Когда Николай был в Риме, ехавши от товарища по службе и друга своего короля Неаполитанского, он делал смотр храму св. Петра, все нашел в порядке и написал на куполе: "Здесь я был такого-то числа и молился об матушке России". Хоть оно и не совсем уместно и вовсе не по форме было для главы восточной церкви беспокоить бога с чужой квартиры, но, видно, он молился усердно, да и не об одной матушке России, а и об матушке своих детей, и бог услышал высочайшую молитву!

А вы, мужички, платите, вам не привыкать стать.

(*) Аугсбургская газета рассказывает, что вдовствующая императрица, бывши в Женеве, платила ежедневно 7000 фр. за квартиру и 25000 за харчи. Если это не правда, пусть оправдываются в этом преступлении.

Правда ли?¹⁶⁴

Правда ли, что князь Вяземский, так гнусно управляющий министерством народного просвещения, что его близкие друзья объясняют одним приливом желчи к мозгу его ценсурные бешенства, получил по почте свое собственное стихотворение «Русский бог» — стихотворение, не только непочтительное к богу, но и непочтительное к немцам, с прибавлением следующего куплета:

Бог карьеры слишком быстрой,
Бог, кем русский демагог
Стал товарищем министра,
Вот он, вот он — русский бог?

Правда ли, что подозрительные люди, враждебные правительству, собираются всякую неделю у бывшего петербургского попечителя Мусина-Пушкина с целью порицания всех действий государя в пользу прогресса и развития? На этих вечерах, говорят, являются экс-цензор Елагин, Липранди, доносящий по особым поручениям, Иван Ив. Давыдов, недавно получивший отороческое наказание, но не исправившийся?

Правда ли, что дело о грабежах по комиссариатской части, открытых во время Крымской кампании, — замяли, потому что между ворами нашлись сильные армии сей? Правда ли, что министр финансов, Брок, сделался яростным противником освобождения крестьян, с тех пор как он с споспешествующей помощью откупщиков благоприобрел больше тысячи живых душ?

Правда ли, что в Тверской губернии архиерей да человека два подученных им лавочников подали от имени всех раскольников города Ржева всеподданнейшее прошение о присоединении всех старообрядцев к православной церкви а когда дело дошло до миропомазания заблудших овец, то нужно было убеждать их с помощью батальона солдат под руководством флигель-адъютанта? Впрочем, наш тверской корреспондент прибавляет, что присланный на следствие сатрап не взял поднесенных ему купечеством на блюде с пряниками ассигнаций. Правда ли это?

Правда ли, что генерал Шейдеман, когда еще был адъютантом Сухозанета, раз после парада в виду всей VI дивизии хотел сесть к Сухозанету в дрожки, а Сухозанет оттолкнул его, закричав: «Ну! куда ты лезешь?»... Правда ли, что в последнюю войну тот же генерал Шейдеман дал своему клевету фельдфебелю Максимову крест, следовавший фейерверкеру Семенову? И правда ли, что этот генерал Шейдеман теперь идет в гору под милостивым покровительством военного министра? Когда же храброе русское войско будет избавлено от бездарных, наглых, низкопоклонных и ворующих генералов?

Правда ли, что сигнал на народном празднике во время коронации был с намерением дан преждевременно для того, чтоб скрыть от государя, что припасы были гнилые, старые и негодные?

Правда ли, что Закревский остается в Москве генерал-губернатором, — несмотря на то, что все сословия им недовольны, и несмотря на то, что государь льстит Москве?

Когда же сдадут его, Брока, циркулярного министра Ланского окончательно в странноприимный и правительствующий сенат???

Продается

В книжной лавке у Трюбнера&Co., 60, Paternoster Row, и у Тхоржевского, 39, Rupert Street, Naumarket, London.

Полярная звезда на 1857, издаваемая Искандером, его-же

Письма из Франции и Италии (1847-1852).

С того берега 1854.

Народный сход в Лондоне в память переворота 1848 года, (Речи Е. Джонса, А. Герцена, А. Саффи, А. Таландые).

Голоса из России, книжка I, II и III.

Разбора манифеста 26 августа 1856 (из Полярной звезды).

У них же находятся:

Du developement des idees revolutionnaires en Russie, seconde edition, Londres 1853.

Le vieux monde et la Russie, Jersey 1854.

Le peuple russe et le socialisme, Lettre a M. J. Michelet, Jersey 1855, 2 edit.

Briepe aus Italien, Hamburg 1850, Hoffman & Campe.

Vom andern Ufer, Hoffman & Campe, Hamburg 1850.

My Exile by A. Herzen, Hurst and Blacket, London 1855.

Aus den Memoiren eines Russen v. A. Herzen, Hoffman & Campe, Hamburg 1856.

L'etoile Polaire sur la mort de Stanislas Worcell. 1857.

Печатаются:

Голоса из России. Книжка IV. В ней будут помещены Современные отголоски (стихотворения).

Прерванные рассказы. Второе издание, с новым предисловием автора.

Полярная звезда

«Полярная звезда» — литературный и общественно-политический альманах, издававшийся А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым в Вольной русской типографии в 1855—1868 гг.

22 июня 1853 года впервые заработала Вольная русская типография, основанная в Лондоне Александром Герценом и последовало его обращение ко «всем свободолюбивым русским», чьи мысли не могут быть опубликованы в России: «Присылайте что хотите, все писанное в духе свободы будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений. Мы готовы даже печатать безденежно. Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.» Однако в течение первых двух лет работы издательства Герцену не удавалось установить связь с Россией, материалы не приходили. Основным автором типографии был сам Александр Иванович. Значительную часть изданий представляли листовки и брошюры. Распространялись эти издания слабо.

В начале 1855 года Герцен решает попробовать издавать регулярный журнал. «На другой или третий день после смерти Николая мне пришло в голову, что периодическое обозрение, может, будет иметь больше средств притяжения, нежели одна „типографская возможность“». Отдавая дань уважения декабристам, он называет журнал в честь литературного альманаха «Полярная звезда», издававшегося А. А. Бестужевым-Марлинским и К. Ф. Рылеевым в 1823—1825 годах.

По просьбе Герцена для обложки и титульного листа нового издания английский рабочий-гравер и литератор, участник движения чартистов Вильям Линтон создал изображение профилей пяти казненных декабристов — Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола, Пестеля и Каховского. Портреты решены в условной манере и стилизованы под античные медальоны. Подчёркивая связь с поколением декабристов, Герцен пишет: «„Полярная звезда“ скрылась за тучами николаевского царствования. Николай прошел — „Полярная звезда“ является вновь». Герцен планировал выпустить первый номер 13 (25) июля, «в день нашей Великой Пятницы, в тот день, в который пять

виселиц сделались для нас пятью распятиями», однако не успел к назначенной дате, и первый альманах появился в августе 1855 года.

В качестве эпиграфа к изданию были выбраны слова из «Вакхической песни» Пушкина: «Да здравствует разум!». В открытом письме Александру II, опубликованном в первом выпуске, Герцен обозначает первоочередные цели издания: освобождение крестьян от крепостного состояния, освобождение слова от цензуры. Не имея возможности угадать успех «Полярной звезды», Герцен не открывает подписку на журнал, не дает обязательств насчет его периодичности, хотя надеется выпускать три-четыре номера в год. Уже на втором номере ожидаемая периодичность снизилась до двух книжек в год, а фактически «Звезда» выходила в режиме ежегодного альманаха.¹⁶⁵

Первая книжка полностью укомплектована материалами, присланными европейцами и русскими эмигрантами:

А. Герцен. Введение.

А. Герцен. Письмо к императору Александру II

В. Энгельсон. Что такое государство?

Переписка Н. Гоголя с В. Белинским

А. Герцен. Былое и думы

А. Герцен. «Возрождение» Мишле

Письмо Ж. Мишле

А. Герцен. Новгород и Владимир

Анонимное письмо и ответ А. Герцена

А. Таландые. Нет социализма без республики

А. Герцен. К нашим

Письма Д. Маццини, В. Гюго и П. Прудона

А. Герцен

Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа).

Государь,

Вы приказали напечатать и издать записку, составленную г. Корфом, о восшествии на престол императора Николая. Мы уверены, что и в этом случае ваше намерение было хорошо, но и в этом случае оно вам не удалось. Прежде чем мы займемся безграмотным текстом, отталкивающим по своему тяжелому, татарскому раболепию, по своему канцелярскому подобию, по своей уничиженной лести не достойной ни нашего времени, ни вашего царствования, мы решаемся обратиться к вам лично, для того чтоб сказать несколько слов о заговоре, который окончился 14 декабря 1825 года.

Ведь и для него настала история! Неужели слишком через тридцать лет – об этом событии, о людях, участвовавших в нем, можно еще отзываться с теми же пошлыми ругательствами, с которыми выражались жалкие старики, поседелые в низкопоклонстве и интригах, созванные в какой-то импровизированный суд для осуждения их?

Вместо брани не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной мыслию и постараться понять их смысл? Не благороднее ли, не великодушнее ли отдать справедливость несчастным противникам, которые вынесли свое поражение и все мрачные его последствия с таким величавым самоотвержением? Месть была страшна, она продолжалась тридцать лет — начав пятью виселицами. Что же теперь вашим статс-секретарям идти за тогдашними палачами и сквернить гробы людей, если и заблуждавшихся, то чистых и пламенно любивших Россию?

Деликатно ли это относительно тех пяти-шести старцев, которых ваша рука возвратила из Сибири? Или вы, может, им предоставили право отвечать? Мы не слышали этого.

Свобода мысли и гласность еще не много выиграют, если вы одни будете печатать без цензуры. Пора приучаться и вам и России к совершеннолетней, мужественной речи свободных людей.

Вам, государь, известны, больше нас, все подробности заговора 14 декабря, следствия, казни и ссылки. Где же, при каком обстоятельстве показали себя эти люди, как их представляют официальные органы, «гнусными развратниками, буйными безумцами, негодяями, в числе которых одни напились пьяными, для того чтобы идти на площадь, другие имели замечательно отвратительные лица» (и это говорят о раненном на Кавказе Якубовиче!). Неужели вы верите, что эти люди взяли за оружие из буйства, из желанья грабежа, богатства, знатности? Последнее им было не нужно, вы знаете, кто они. Для чего же все эти ругательства и клеветы? Не вы их сделали – зачем же вы их распространяете? Неужели вы думаете, что история поверит какому-нибудь Корфу – со всеми поправками ваших дядюшек, виртембергского герцога, который во все время опасности сам забился «в голубую гостиную Зимнего дворца» и чадолюбиво взял с собой двух сыновей своих, «хотя в то время взрослых и офицеров» (1) Бенкендорфа, присутствовавшего утром при одевании Николая Павловича, а вечером при поимке спасавшихся (2), Орлова, несколько раз отступавшего от геройского каре? (3) Нет! И еще больше, наше скептическое время не только им не поверит, но даже и гоффурьерскому журналу, на который ссылается ученый статс-секретарь и который непременно надо запретить, потому что неприлично вести журнал о том, кто как ел и в котором часу.

Потомство не будет смотреть на людей 14 декабря ни глазами гоф- и камерфурьеров, ни глазами того — вероятно, портного, который только заметил костюм инсургентов и назвал эту кучку людей, стоявших под пулями и картечью, как настоящий сапожник, — «маскарадом распутства, замысляющим преступление» (4). Придворные риторы не подумали об одном: если это была толпа развратных и буйных шалунов, воспользовавшихся нелепостью импровизированного междуцарствования для того, чтобы пошуметь на площади и через несколько часов рассеяться, — то как же объяснить страх Николая перед 14 декабря, эту *idée fixe* его царствования, которую он не забыл на смертном одре?

Он понимал смысл этого события лучше Корфа. Я удивляюсь, как он мог читать да еще делать поправки в этой брошюре. Ошибки ее не в каком-нибудь выражении, не в какой-нибудь подробности, — ошибка в жалком, ложном, рабском воззрении на события. Мы постараемся в нескольких словах восстановить их смысл.

Царствование Александра I и 14 декабря 1825 заключают петровский период русской истории. Это его крайние последствия со стороны императорской диктатуры и со стороны образованной России. Распущенную, рыхлую Русь Петр I суровой рукой стянул в сильное европейское государство; косневшему в своем отчуждении народу он привил брожение западной гражданственности. Непочатые, дремавшие силы народа, возбужденные им, перешли, так сказать, его мечту; государство сложилось мощное и, встретившись в борьбе с целой Европой, вышло из нее победоносно.

Императорская власть сделала свое! «Свершилось», — говорит поэт-отрок, лицейский ученик, в 1815, возвратившемуся из Парижа Александру I:
Русский царь, достиг ты славной цели!

Общество, развившееся на европейских основаниях, должно было сделать свое, иначе дело Петра I было бы вполовину успешно и привело бы к страшной нелепости. Каждая степень образования, развития, даже силы государственной, требует соответственный себе цикл государственных учреждений. С каждым шагом вперед ему нужно больше простора больше воли, больше определенности в своих отношениях к власти; словом, больше независимой, самобытной и разумной жизни. Или государство ее

достигает (с боя ли, по любовному ли согласию – все равно), и тогда оно идет далее в истории; или – нет, и тогда оно останавливается, разлагается, распадается и обмирает таким образом до какого-нибудь решительного события (например, Крымской войны), которое снова раскрывает ему путь развития или окончательно убивает его как деятельное, развивающееся государство. Вступив в западное образование, Россия должна была идти тем же путем. Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода; рабства и насилия, поддерживаемого всем, что нашла наука. Это было бы нечто вроде Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами, с Карно и Монжем в штабе, с ружьями Минье и с конгревовыми ракетами под начальством Батая.

Каждый, кто сколько-нибудь следил за историей русского развития с начала XVIII столетия, видит даже в самые уродливые эпохи ее, что в обществе поднимаются, бродят живые силы, требующие больше чем одного повиновения. Всеобщее отвращение, всеобщее негодование против наглого самовластья Павла, окончившееся таким энергическим протестом, не довольно оценено.

Но где же у нас та среда, которая, стучаясь постоянно в царскую власть оскорбленная ее неуважением к достоинству лиц, ее всегдашними притязаниями считать Россию за свое поместье и нас за крепостных людей, – могла бы дать действительность оппозиционной мысли? Без сомнения, та среда, которая была всего последовательнее перевороту Петра I, которая одна и приняла западное образование, – дворянство. Оно представляет у нас то меньшинство, которое делает заодно с императорской властью русскую историю, увлекая за собою в продолжение полутора столетий немой и страдательный народ час еще не настал. В нем-то и созрела революционная вышедшая 14 декабря на площадь.

Когда наши войска возвратились из чужих краев после всех торжеств и упоений, молодым офицерам и вообще образованной молодежи было что-то не по себе. Они переросли колодки плохих государственных учреждений наших. В жизни чувствовалась пустота, тяжесть, чего-то необходимого недоставало. Сам император Александр I чувствовал это больше других; с 1815 года он носил печаль победы на лице, а не ликование ее. Он понял зло и недаром толковал с Карамзиным и Сперанским об уложении, дал Польше конституцию и всенародно говорил что «желал бы распространить свободные учреждения и на другие народы, вверенные ему богом». Мысль освобождения крестьян бродила в его голове; он сделал опыт в остзейских провинциях, но, окруженный людьми невежественными, закоснелыми в грубых предрассудках, нисколько не лучше тех, о которых он так резко писал в 1796 году к Кочубею (5), – без твердой воли, слабый, усталый, он, как бы сознавая свое бессилие, впал в мистицизм и оставил все свои земные проекты.

Но оттого, что император Александр I, понимая многое, ничего не умел сделать, неужели можно называть преступлением, что другие понимали то же, но, совсем наоборот ему, считали себя способными сделать многое. Люди эти были прямым ответом на тоску, мучившую новое поколение. «Ну вот мы сильны, победили Европу, сажаем царей, чертим границы, – что же от этого лучше? Узкие рамы жизни, вымеренные по военному артикулу, теснят... Мы освободили мир, а сами остались рабами, управляемыми какой-то кордегардией в Грановитой палате, какой-то немецкой канцелярией с татарским кнутом в руках! Внизу, сверху – все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, бесправие, ни суда, ни голоса, – одна надежда и была – на милость царскую».

Но чтоб кто-нибудь не слишком увлекся мягкими формами и добротой императора, с каждым годом после войны растет черное *memento servitudinem* – Аракчеев, гадкий, желтый, оскорбительный, на ворохе розог, окруженный трупами засеченных поселенцев. Глядя на него, вспоминался весь ужас положения — подобострастие, военный деспотизм, безмолвие сверху, розги везде... дворовых секут в полиции, крестьян сечет управляющий,

сечет староста, — люди-вещи, люди-заклады, крепостные серали, продажные семьи, изнасилованные женщины, палками забитые солдаты!..

Государь, у вас человеческое сердце, скажите, положивши руку на грудь, — можно ли это вынести на той степени образования, на которой стояли Пестели, Бестужевы, Мурвьевы? Ну как же их осуждать за то, что они хотели лучше погибнуть, нежели быть страдательными свидетелями этого повсюдного, ежечасного злодейства? Ведь это святейшее чувство любви, круговой поруки с слабыми, заставляет человека предпочесть виселицу — отрицательному сообщничеству — молчанием!

«Но зачем же переделывать насильем, делать заговоры, тайные общества, бунтовать на площади?» Лучше собираться явно и действовать убеждением; об этом и сомнения быть не может. Но беда в том, что в нашем отеческом управлении человек не имеет ни права созвать без карт и вина других людей, ни права вольной речи, цензура убивает слово перед его рождением, а если оно иной раз прорвется, — секретное предписание, жандарм, курьерская тройка и поминай как звали.

Представьте себе самого Иисуса Христа, который бы стал проповедовать где-нибудь на Адмиралтейской площади или в Летнем саду, — тут и до Иуды не дошло бы дело, первый квартальный свел бы его в III отделение, а оттуда отдали бы его в солдаты или еще хуже — послали бы его в Соловецкий монастырь.

Стало быть, о слове, о явном совещании и толковать нечего.

Остается гражданская деятельность. В самодержавном государстве она очень важна, но, благодаря чинам, она также невозможна. Табель о рангах положила такие бревны под ноги, что ни один журавль не перешагнет их. Свежего, живого ничего никогда не может взойти в правительство. Сенат, совет министерства у нас похожи на богадельни для стариков, лет пятьдесят терших лямку или сидевших в канцелярии, — стариков пустых, легкомысленных, баснословного невежества, без малейшего понятия о государственном деле — вроде тех, которые вам достались от покойного родителя...

Есть страны, например Англия, где старики не так глупы, где они представляют преемственную и вековую мудрость государственную, это маститые защитники прав; народ и правительство привыкли слышать их голос при каждом возможном вопросе, при каждой общественной невзгоде. Таков, например, лорд Линдгорст из живых; это великие легисты, ораторы, а у нас они не умеют двух слов связать, не умеют написать собственного мнения. Книга Корфа, этого юнейшего из старцев доказывает это очень хорошо. Корфа, вероятно, избрали для составления записки, как бойкое перо... несколько горячее... но бойкое! Неумение выражаться — дело очень важное, оно свидетельствует о неясном понимании, о непривычке к мысли, о том низшем состоянии умственного развития, в котором бывает человек, вышедший из естественной непосредственности и не дошедший до образования.

Мы до того привыкли видеть судьбу России в руках неспособных стариков, получивших места вроде премии от общества застрахования жизни, за продолжительную крепость пищеварения, что нам кажется каким-нибудь чудачком, иностранцем, «чужим между своих» — лицо вроде Мордвинова; да разве он и, еще больше, Сперанский не затерялись бесполезно между седыми детьми, игравшими в звезды и в ленты? Оставалось одно — в тиши соединить рассеянные силы, дать им организацию, единство с определенной целью обсуживания средств, чем помочь страшному злу, губящему Россию, которое, повторяем с намерением, император Александр I так же понимал, как Бестужевы и Муравьевы.

Общество это, сказано в самом донесении Следственной комиссии и потом повторено в книге Н. Тургенева, сначала имело целью раскрывать злоупотребления, противодействовать им, преследовать кражу и лихоимство, защищать слабых от чиновников, крепостных от помещичьего варварства, солдат от варварства их начальников. Словом, эти страшные люди хотели все то, чего вы желаете теперь и чего вы, государь, точно так же не достигнете при всем вашем самодержавии, как они не достигли при их

горячей воле, потому что этого рода зло уступает только звону и свету гласности, только ряду гражданских учреждений, несовместных ни с военным деспотизмом, ни с помещичьим управлением государства.

Побившись бесполезно с юношеской идеей облагородить ваши суды, основанные на взятках, нашу полицию, основанную на кулаке, при удушливой цензуре, при невежестве первых трех классов, при безответственности власти, этим людям приходилось сложить руки с отчаянием или, благословясь, начать самим красть и сечь? Но как ни утаивали от нас, мы знаем сильный и энергический характер этих людей, он просвечивает даже в донесении Следственной комиссии, сквозь всю злонамеренность и подобострастие языка. Такие люди не складывают рук, не крадут народ; такие люди делают заговоры и идут прямо или на вершину человеческого величия, или в каторжную работу, в обоих случаях резко отмечая свое имя на листах истории.

Тут нет ничего особенного — это судьба воплощения всех практически-социальных идей, принадлежавших сперва развитому меньшинству и переходящих потом в общее сознание народа.

Был ли этот заговор своевременен — доказывает не только единство мнений Александра I, ваше и их о невыносимо дурном управлении нашем, но и невероятное распространение заговора по всему государству — в какие-нибудь семь лет. В нем участвовали представители всего талантливого, образованного, знатного, благородного, блестящего в России. После ссылки этих людей температура образования видимо у нас понизилась, меньше ума сделалось в обороте, общество стало пошлее, потеряло возникающее чувство достоинства; с тех пор язык подьячих и манеры кантонистов получили право гражданства в гостиных, в литературе; с тех пор беспорядок и разврат управления дошли до крымского комиссариата, до наглого воровства под глазами двух полиций, в пяти шагах от Зимнего дворца.

День возмущения, 14 декабря, не входил в план петербургского союза, но он был необходим. Преданные какими-то мерзавцами во второй армии, преданные «двадцатилетним юношей, горевшим любовью к отечеству» — Иаковом Ростовцевым, заговорщикам оставалось ждать у себя в комнате «юношу» Иакова, который «в порыве молодого и неопытного энтузиазма» сделал донос, или Бенкендорфа, — и быть ими задушенными, или сделать отчаянный опыт и воспользоваться анархией, царившей тогда во всей правительственной России.

Это было время белой горячки, правительственного бреда; оно подробно описано Корфом и чрезвычайно характеристично. Обыкновенным не верноподданническим, а человеческим умом ничего понять нельзя... Зачем Александр I, сделав акт такой важности, как замена меньшим братом старшего в престолонаследии, держал это под студом? зачем скрыл от совета, от министров, от людей, окружавших его смерный одр в Таганроге? Зачем потом эта длинная история семейных учтивостей: «Сделайте одолжение, вы вперед!» — «Нет-с, помилуйте, за вами!» Марья Федоровна в отчаянии проливает слезы, Михаил Павлович скачет на курьерских в Варшаву, скачет на курьерских из Варшавы; Николай Павлович присягает Константину Павловичу, Константин Павлович присягает Николаю Павловичу. Все зовут цесаревича в Петербург, а тот руками и ногами уперся в Лазенках и ни с места. Первый пришедший в себя был Михаил Павлович, тот сел себе на станции между Петербургом и Варшавой и пробыл, пока старшие доиграли свою игру.

В этом капризном, сделанном втихомолку распоряжении короной так ясно и видно полнейшее презрение к народу; судьба его считается домашним делом одной семьи, и привычка не ставить подданных ни в грош так велика, что сам либеральный Александр I наивно воображал, что Россия его собственность: после смерти раскроют завещание и узнают, чья Россия.

Как же было заговорщикам, уже преданным на Юге и в Петербурге, не воспользоваться этой сумятицей отречений, этой тревогой, брошенной в совесть каждого присягающего и неприсягающего, этим междуцарствием с двумя императорами. Не одни

бедные солдаты потеряли голову, московский генерал-губернатор ведет сенаторов присягать Константину Павловичу по записке Милорадовича, а московский митрополит не хочет принимать присяги, говорит, что все это вздор, что у него есть в Успенском соборе свой секрет.

К тому же попытка 14 декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют; книга Корфа это доказывает лучше всего. Им не удалось, вот все, что можно сказать, но успех не был безусловно невозможен. Что было бы, если б заговорщики вывели солдат не утром 14, а в полночь, и обложили бы Зимний дворец, где ничего не было готового? Что было бы, если б не строясь в каре, они утром всеми силами напали бы на дворцовый караул, еще шаткий и неуверенный тогда?

Много ли сил надо было иметь Елизавете I при воцарении, Екатерине II для того, чтоб свергнуть Петра III?

Нет правительства, в котором бы легче сменялось лицо главы, как в военном деспотизме, запрещающем народу мешаться в общественные дела, запрещающем всякую гласность. Кто первый овладеет местом, тому и повинуются безмолвная машина с тою же силой и с тем же верноподданническим усердием.

Но заговорщикам 14 декабря хотелось больше нежели замены одного лица другим, серальный переворот был для них противен, весьма может быть, что они потому-то и не бросились в дворец, а открыто построились на площади, как бы испытывая с ними ли общественное мнение, с ними ли массы. Они не были с ними, и судьба их была решена!

Верные мысли, которую они представляли, они хотели ограничения самодержавия писаным уложением, хранимым выборными людьми, они хотели разделения властей, признание личных прав; словом, представительное правительство в западном смысле. И вот почему мы считаем царствование Александра I и 14 декабря строгими, прямыми последствиями, крайними звеньями петровского периода, того периода, в котором Россия развивалась под влиянием западной государственной идеи.

С того часа, когда император Николай вечером 14 декабря взошел на лестницу Зимнего дворца и Александра Федоровна, не знаю почему, «приняла его за нового человека», как говорит Корф, — Россия попятилась и вошла в холодный, неприветный коридор, в длинный, мрачный туннель, в котором едва начинает мерещиться свет, — с дня вашего воцарения, государь!

Император Николай увидел, что с образованием больше идти нельзя, не утратив долю деспотического произвола, и отрекся от него, т. е. не от деспотизма, а от образования. Общество увидело, что конституционными бечевками не свяжет царскую власть, пока огромное множество народа, безгласно раздавленное, не принимает никакого участия в общественном деле.

Настала пауза — долгая, мучительная, потратившая все наше поколение и еще одно. Эта задержка, это остановленное дыхание, нравственное недоумение мало-помалу стало разрешаться в мысль: что стихии развития надобно искать в самом народе, а не в перенесении чужих форм.

Пока мы достигали до этого понимания, в Европе произошли две революции, одна в 1830, другая в 1848 г., все общественные вопросы, все решения еще раз изменились, и нам еще раз достаются даром истины и результаты, до которых западные народы доработались, снова тяжелым путем крови, длинной борьбой и утратой почти всего приобретенного трудами веков...

На своей больничной койке Европа, как бы исповедуясь или завещая последнюю тайну, скорбно и поздно приобретенную, указывает как единый путь спасения именно на те элементы, которые сильно и глубоко лежат в народном характере, и притом не одной петровской России, а всей русской России.

Поэтому мы думаем, что у нас развитие пойдет иным путем.

...Но неужели оттого, что мы иначе понимаем задачу общественного развития и долею видим причину, почему 14 декабря трудно было уdatься, — мы не можем (с какой

бы стороны мы ни были) спокойно и с уважением говорить об этих людях, сильных и самоотверженных, вышедших на неровный бой, чтоб заявить начало совершеннолетия России?

Амнистии вашей мало, она пришла слишком поздно, не прощение нужно теперь их памяти, а примирение и понимание!

Два года с половиной тому назад, когда вы сели на престол, мы говорили вам: «От вас ждут кротости, от вас ждут человеческого сердца... Вы необыкновенно счастливы!» (6)

И до сих пор еще ждут, вера в вас сохранилась.

Зачем же, опираясь на вас, бездушные льстецы, вроде византийских риториков-отпущенников, льстивших по должности, воспевают напыщенным гоффурьерским языком, неприличным в наше время, царствование, которого вы не продолжаете, бросая оскорбление людям, так беспощадно побитым грозой за то, что слишком верили в Россию, за то, что слишком рано вышли на поле... и запечатлели мученичеством свой подвиг?

Говорят, будто граф Панин ударил в порыве верноподданнического усердия Пугачева, приведенного к нему в цепях. Говорят, что в 1826 году в Следственной комиссии и в государевом кабинете подсудимые заговорщики были оскорблены ругательными словами, которых позор долго не сотрется... Неужели тридцать лет спустя в ваше царствование еще раз потревожатся заученной клеветой великие тени... уже восставшие в памяти рода человеческого отрешенными и от тупой клеветы преследователей, и от собственных ошибок... печальными, но сильными и чистыми прорицателями великих судеб России?..

Мир им, государь, и почтительное благочестие перед былым!

Искандер.¹⁶⁶

Голоса из России

"Голоса из России", сборники статей главным образом на общественно-политические темы, изданные А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне в 1856—60. Выпущено 9 книжек. Появление "Г. из Р." связано с подъёмом общественного движения в России после Крымской войны 1853—56. В сборниках ставились вопросы о ликвидации крепостного права, свободе личности, ослаблении цензуры, разоблачались казнокрадство, взяточничество, произвол чиновничества и офицерства.

Издание комплектовалось из писем, поступавших в лондонскую редакцию «Полярной звезды» и «Колокола». Часть корреспонденции не соответствовала революционной линии этих изданий. Рукописи из России в значимых количествах стали поступать Герцену только в 1856 году, и в открытом письме К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, сопровождающем один из первых пакетов рукописей, содержалась просьба издателю напечатать рукописи не в «Полярной звезде», а отдельным изданием. Это отвечало планам Герцена. Чтобы материалы из оппозиционного либерального лагеря не были потеряны, Герцен и Огарёв начинают выпуск «Голосов из России». В заметке «От издателя», открывающей первый выпуск,

Герцен делает оговорку: «Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами, нам уже случилось печатать вещи прямо противоположные нашему убеждению, но сходные в цели. Роль цензора нам противна еще со времен русской жизни». Однако со временем направленность издания меняется и вполне сливается с линией «Колокола».

Сборники издавались «ливрезами», без особой периодичности, по мере поступления материала. Томики были небольшого формата, 14х11 см, около 900 знаков на страницу и стоили по два шиллинга. Основные темы издания — крестьянская реформа, отмена цензуры, свобода личности. Большинство статей опубликовано без указания авторства или, по крайней мере, под псевдонимами. С 1856 по 1860 годы вышло девять сборников. Планировался выпуск десятого, со статьей К. С. Аксакова о докладах отделений Редакционных комиссий, однако, по-видимому, события, связанные со свершившейся крестьянской реформой, сделали его издание неактуальным.

Также Герценом было осуществлено второе издание сборников.

В 1974—1976 годах «Группой по изучению революционной ситуации в России конца 1850-х — начала 1860-х годов» подготовлено комментированное факсимильное издание памятника.

Л. Мей ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?
Нет! Уныло гудит-поет колокол...
...Поет тризну свободе печальную,
Поет песню с отчизной прощальную:
«Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на бога? Кто на Новгород?
Вы простите, храмы божию,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края мне медные,
Чтоб не петь в Москве, далекой мне,
Про мое ли горе горькое,
Про мою ли участь слезную,

Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме.

Ты прости, мой брат названный, буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты праздной радостью, без меня ты и грусти.
Пролетело это время... не вернуть его уж нам,
Как и радость да и горе мы делили пополам!
Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал.
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву я волнам твоим гудел!
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою: «Смерть вам, суздальцы, иль плен!»
Помню я: ты на Ижору Александра провожал:
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел, бывало, звучный, — собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Немцы рижские бледнели, и, заслышавши меня,
Погонял литовец дикий быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на немцев, то на шведов, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бед!
Если б мог, я б растопился в реки медных слез, да нет! —
Я не ты, мой буйный Волхов! Я не плачу, — я пою!
Променяет ли кто слезы и на песню — на мою?
Слушай... нынче, старый друг мой, по тебе я поплыву,
Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву.
Собери скорей все волны, все валуны, все струи —
Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть, из вод глубоких, вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за вече встанет город наш родной».

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол;
Волхов плещет, и бьется, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в поднебесьи,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слезками светятся.¹⁶⁷
1840

Смена вех

Название сборника статей, написанных русскими публицистами-эмигрантами, который вышел (июль, 1921) в Праге. Предполагается, что само название сборника «Смена вех» принадлежит Ю. В. Ключникову, одному из его авторов. Таким образом он хотел напомнить об аналогичном сборнике «Вехи» (1909), который его авторы (Бердяев, Булгаков, Гершензон и др.) выпустили в порядке анализа причин и следствий первой русской-революции 1905—1907 гг. После выхода в свет сборника «Смена вех» его авторы стали издавать в Париже журнал с тем же названием (1921-1922).

В связи с введением в Советской России «новой экономической политики» (нэп) среди эмигрантов возникли новые настроения, основным выразителем которых был Н. В. Устрялов, юрист, бывший приват-доцент Московского университета, активно боровшийся с большевиками. Он и его сторонники рассматривали нэп как либерализацию политики компартии, как ее шаг назад «от коммунизма к капитализму». В надежде, что нэп приведет к отказу от крайностей коммунистической политики, «сменовеховцы» заявили о своем «примирении» с советской властью.

В СССР такие настроения были названы иронически «сменовеховством» и раскритикованы В. И. Лениным, как необоснованные надежды на перерождение советского строя.

Иносказательно: смена идеологии, взглядов, принципов/приоритетов.

"Третий путь" сменовеховства

(обзор парижского еженедельника "Смена Вех" за 1921-22гг.)

Из 181.432 эмигрантов, вернувшихся в РСФСР и другие республики СССР с 1921 по 1931гг., только в 1921г. возвратилось 121.843 человека¹. Кажется немного фантастичным, но Советской России, столь остро нуждавшейся в начале 20-х гг. в лояльных интеллигентах и специалистах, серьезно помогло возвратить необходимый в построении коммунизма "человеческий материал" достаточно скромное по величине и даже не сформировавшееся в политическую партию движение национал-большевиков, принявшее свое название от вышедшего в июле 1921г. в Праге сборника "Смена Вех".

Продолжением идей знаменитого своей трагичностью сборника, по сути явившегося могильным камнем на идеях либерального консерватизма П.Б.Струве и всей социально-христианской концепции сборника "Вехи" ("De profundis"), в свою очередь явился ежесубботный журнал "Смена Вех". Издававшийся в Париже² под редакцией Ю.В.Ключникова 24-страничный журнал печатался в основанной в 1908г. типографии Л.Березняка. Его стоимость варьировалась от 2 франков (№№1-10) до 1 фр. 50 с. (№ №11-19)³. Всего с 29 октября 1921 г. по 4 марта 1922г. вышло 19 номеров этого примечательного еженедельника.

По словам редактора журнала "Новая Россия" ("Россия") и левого сменовеховца И.Г.Лежнева, "физиономия группы выявилась в гораздо большей мере в еженедельнике "Смена вех", чем в сборнике:"⁴ В дальнейшем, как отмечал доктор исторических наук А.В.Квакин, приводя слова сменовеховца А.В.Бобрищева-Пушкина, "деятельность нововеховцев натолкнулась на враждебность со стороны белоэмигрантской контрреволюции и местных властей Французской республики, что привело к необходимости перевода редакции в Берлин, где проживала основная масса рядовой интеллигенции"⁵. В конце марта 1922г. на смену еженедельника "Смена Вех" приходит берлинско-московская ежедневная просоветская газета "Накануне", выпускавшаяся по указке Политбюро вплоть до 1924г. (одним из редакторов газеты был Г.Л.Кирдецов (Фиц-Патрик), всего вышел 651 номер). Параллельно с завершением еженедельника "Смена Вех" в Петрограде также начинает издаваться сменовеховский журнал "Новая

Россия" (выходил и в Москве под названием "Россия" до 1926г., всего вышло 17 номеров)⁶. Однако такой тесной связи с большевистским руководством, какую обнаружила "Накануне", финансируемая напрямую из Москвы (ее курировали И.В.Сталин и Н.Н.Крестинский)⁷, журнал "Смена Вех" до сих пор не обозначил, хотя политика журнала несомненно вырабатывалась именно в Кремле.

* * *

1. Идеология

В передовой статье № 1 журнала "Смена Вех" редактор Ю.В.Ключников писал: "давно пора задуматься над тем, почему русская революция приняла свой страшный размах, почему она преодолела все попытки остановить или сорвать ее, почему она провозгласила одни идеалы и отвергла другие, почему она шла такими жуткими путями и где для нее выходы на новые пути." Далее русской эмигрантской интеллигенции, "цвету русской мысли" и "мозгу нашей страны" предлагается принять сам факт случившейся в России революции, признать ее национальный, русский характер, отказаться от трактовки всего произошедшего в России как крупной неприятности, прекратить мешать "родине и русскому народу в их борьбе за лучшее будущее". "Если это не безумие, не болезнь, - провозглашает Ключников, - то это преступление, которому нет прощения."

В рамках вышеизложенного взгляда главного редактора и строится основа идеологии журнала, проповедующая наравне с активным возвращенчеством (а это главная подспудная цель журнала) безусловное "приятие" русской революции несознательными массами русских эмигрантов. Главная задача еженедельника, вещающего "от имени русской интеллигенции": примирить заграничную русскую интеллигенцию "с Россией и русской революцией. Вместе с тем, он ставит себе и еще одну важную цель: быть мостом между русской интеллигенцией за границей и русской интеллигенцией в России:" Сердцевиной же, побудительным импульсом к такой, с примерным пафосом поданной позиции служит нескрываемая боязнь вновь наступления эры еще большей анархии, вполне осязаемой и столь близкой авторам журнала по гражданской войне. Краеугольным камнем, на который опирается подобный страх, в свою очередь является необходимость освятить революционные страдания, падения и искания родины - титаническая задача искупления в конечном итоге всех революционных жертв. Замечу, что на подобное могли решиться лишь немногие русские патриоты, много лет борющиеся с большевизмом и ни на миг не мыслящие себя вне своей родины - великой и в падении своем, России.

Вместе с тем Ключников призывает поверить в новую Россию и все прогрессивное человечество, произвольно, а может и умышленно, обнаруживая элементы советской интернациональной риторики: "Новую Россию нельзя мыслить враждебной остальным народам. Дело русского прогресса есть дело прогресса мирового. Поэтому мы горды сознанием, что, стремясь внести мир в истерзанную душу нашей прекрасной: родины, - мы вместе с тем, по мере наших слабых сил, служим делу мира во всем мире." Так соединяются вчерашний русский империализм с будущей советской экспансией, симбиоз которых добросовестно служил советскому государству долгие годы вплоть до афганского поражения.

Передовая № 2 журнала подчеркивает, "что во всем мире не найти сил, способных сломить революционную волю воскресшего русского народа". Вместе с тем отмечается, что уже происходит "понижение революционной волны", которая вместе с тем означает чисто тактическое отступление, фактически, выигрывая времени: "отложить немедленное осуществление своих идеалов не значит вовсе отказаться от них". Чуть ниже обнажается внутреннее противоречие подобной посылки посредством постулирования "Сменой Вех" концепции перехода революции в эволюционную фазу. Тактика советской власти подменяется ее стратегией, после чего неизбежно

обнаруживается необходимость помощи большевикам со стороны недавних их врагов - внешних и внутренних эмигрантов.

Эмиграции предлагается в очередной раз смириться с фактом победы в России революции, принять революцию "как неизбежное, как расплату за недоброе в прошлом, как обязательную жертву: ", потому что "Русская революция не могла не быть ужасной". В итоге революция возвращается из зоны несчастий, расколов и становится самодостаточной, творчески разумной ценностью, конденсатором патриотического единения и своеобразной "добычей" русского народа, доставшейся ему "столь дорогой ценой".

Интересные своей диалектикой мысли об относительности ошибок и преступлений революции причудливо сочетаются в сменовеховской идеологии с осанной разрушению старой России (видимому ими диалектически как процесс созидания России новой), а также с глубоко наивными мечтаниями о грандиозном перевоспитании "всего русского народа", о снятии с повестки дня национального вопроса, о тотальном социальном прогрессе вплоть до пресловутого "мира во всем мире".

В международной политике еженедельник строго придерживается старого утопического постулата - осуществить счастье человечества (передовая в № 3 журнала). "Давно уже в самом деле пора государствам перестать только требовать друг от друга и попытаться начать уступать друг другу", - торжественно заключает редакция, предвосхищая появление Ллойд-Джорджа на Вашингтонской конференции. Здесь же дружественно настроенной к России Америке ставится в вину чрезмерная осторожность в благожелательности к Советам, не позволяющая полноценному представительству и деловому паритетному сотрудничеству официальных советских представителей на конференции. Дело доходит до прямого обращения к народу Соединенных Штатов: необходимо "внимательно и беспристрастно взглянуть в новую Россию", ощутить определенную общность идеалов с ней.

В передовой № 10 журнала приветствуется фактическое признание Италией Советской России (обыгрывается подписание Воровским и делла Торретта итало-советского торгового соглашения 26 декабря 1921г.). "Смена Вех" констатирует реальность политики советского правительства, его готовность идти на уступки. Все это, по мнению журнала, прямо способствует прочным и последовательным дипломатическим победам Советов. "Хотя бы того иностранцы или нет, но время работает на Советскую Россию и: против всех тех, кто мешает ей в ее борьбе за существование и за прогресс."

Еще одной важной задачей журнал считает для себя освещение борьбы с голодом в России. Передовая 7-го номера частично посвящена оксфордской лекции советского полпреда в Англии Л.Б.Красина о голодном бедствии, постигшем измученную войнами страну. В заключении своего доклада Красин связывает проблему голода с международным признанием советской России и заключением соответствующего международного займа. Выступление Красина объявляется еженедельником важной вехой в процессе признания Великобританией Советов, что также подтверждается вполне "сменовеховскими" статьями в английской прессе ("Daily Herald", "Times") и высказываниями просоветски настроенных Уэллса, Б.Шоу, А.Дункан, Сноуден. В подкрепление такой позиции параллельно дается краткий обзор лояльных большевикам статей Пауля Шеффера в "Berliner Tageblatt", французских статей Луизы Вейсс, а также книги бывшего итальянского премьер-министра Нитти, называющего Версальский мир "варварским" и тем самым объективно солидаризирующимся с проигравшими войну странами, включая и Россию.

В области экономической авторы журнала стремятся попасть в унисон советским реформам, которые последовали за переоценкой теоретиками коммунизма русской действительности после непрекращающихся крестьянских восстаний, саботажа интеллигенции и Кронштадтского мятежа. Такая переоценка, по мнению

"Смены Вех", вызвана субъективным (состояние психики народа) и объективным (осознание пределов производственных возможностей и богатства) неприятием идеи коммуны в России.

Уже в первом номере еженедельника Михаил Григорьев констатирует: "В результате проверки на опыте оказалось, что коммуна сейчас в России неосуществима" (статья "Русская экономическая проблема"). Однако отказ от коммунистического опыта вовсе не связывается сменовеховцем с возвратом к частно-капиталистическому хозяйству. Наоборот, доказываемая постепенность, многоступенчатость и неопределенная растянутость во времени этого процесса. Для иллюстрации многоукладности приводятся многочисленные примеры элементов коммунистической системы в его государственно-коллективном виде в военной и послевоенной Европе.

Выходя из области сменовеховской идеологии в область ее практического применения, необходимо отметить, что в целом экономическая концепция "Смены Вех" служит оправданию и обоснованию своего рода системы "тормозов", не дающих возможности безусловно трансформировать советскую власть в некие дореволюционные формы. Сменовеховство ставит крепкий заслон на пути к буржуазной реставрации: "Разумно учесть запросы страны в хозяйственном отношении и только до этих пределов довести экономическую реорганизацию - такова, несомненно, задача момента." То же, что завоевано крестьянскими и рабочими массами, считают сменовеховцы, большевикам "придется в тех или иных формах сохранить".

2. Авторы

2.1. Среди многочисленных авторов журнала "Смена Вех" первенство по количеству публикаций держит, разумеется, его редактор, профессор Юрий Вениаминович Ключников (Ю.К., Ред., более **12 публикаций**). Писатель, кадет, друг Н.В.Устрялова и министр иностранных дел у Колчака, один из авторов сборника "Смена вех". Автор книги "На великом историческом перепутьи" (Берлин, 1922), объединяющей 5 лекций по социологии международных отношений. После прекращения журнала "Смена Вех" он вместе с Ю.Н.Потехиным основал в Берлине ежедневную газету "Накануне". В 1922г. по предложению В.И.Ленина Ключников был приглашен в качестве эксперта советской делегации по вопросам международного права на Генуэзскую конференцию, а 2 его статьи были приняты к печатанию в "Правде"⁸. В июне того же года уже в качестве спецкора "Накануне" Ключников вместе с Потехиным приехали в Москву и затем прочли несколько лекций в Петрограде, Москве, Харькове, Полтаве, Киеве. В 1923г., по возвращению в СССР из эмиграции, он находился на научно-педагогической работе (получил должность зав. кабинетом международной политики Коммунистической Академии), печатался в журнале "Международная жизнь". 10 марта 1925г. Ключников принимал участие в известном диспуте "О судьбах русской интеллигенции".

Среди публикаций Ключникова в журнале "Смена Вех" представлены такие как: "Международное значение России" (№1), "Вашингтон и Москва" (№2), "Наш ответ" (№4), "Из переписки" (№5), "Сила и Право" (№7), "Признание Советского Правительства" (№9), "Историческая неделя II." (№12), "Генуэзская Конференция" и "В Петрограде" (№13), "Из блок-нота" (№14), "Добровольный флот и Союз Моряков" (№16), "Упразднение В.Ч.К." (№18), "В.М.Дорошевич" (№19), а также передовые статьи (№№1, 2, 3, 7, 10).

2.2. Вторым по количеству публикаций в журнале выступает некто Ф.Кудрявцев (псевдоним ***, **12 публикаций**). Информация об этом авторе журнала крайне ограничена, известно лишь, что он опубликовал следующие статьи: "К годовщине Крыма" (№4), "О "красном империализме" (№6), "Россия и Франция" (№7), "Оздоровление от окраин" (№8), "После Термидора" (№9), "От окружения к соглашению" (№10), "Гарантии" (№11), "Историческая неделя I." (№12), "После Канн" (№14), обзоры "За неделю" (№№15, 17), "Пойдем за ним!" (№18).

2.3. На третьем месте по количеству публикаций в журнале стоит "левый" сменовеховец А.В.Бобрищев-Пушкин (**11 публикаций**). Известный адвокат - убежденный противник смертной казни и публицист (печатался в "Голосе Москвы", журналистский псевдоним Громобой⁹), бывший товарищ председателя партии октябристов, член ее ЦК, в начале 1918г. защищавший Пуришкевича, а позднее занимавший важные посты в правительстве Деникина, участник сборника "Смена вех". Одно время Бобрищев-Пушкин исполнял обязанности юрисконсульта при русском отделе Лионской ярмарки. В августе 1923г. он вернулся в Россию, после чего возглавил группу сменовеховцев, с августа 1923г. по январь 1924г. читавших лекции и устраивавших диспуты в Москве, Харькове, Полтаве, Киеве, Ростове, Краснодаре, Минске, Гомеле, Орле, Тифлисе¹⁰. Уже после возвращения в СССР Бобрищев-Пушкин продолжал печататься, в том числе и за рубежом¹¹.

Перу Бобрищева-Пушкина принадлежат следующие статьи: "Драматический театр в России" (№2), "Мистика на службе" (№3), "Свобода, равенство и братство" (№4), "Об амнистии" (№7), "Кошунство" (№8), "Кошмар Ивана Ивановича" (№11), "Бывшие торговопромышленники" (№13), "Юридическое положение эмиграции" (№15), "Перед Генуэзской конференцией" (№17), "Китайские тени" и "Письма в редакцию" (№19).

2.4. Активным участником журнала (**8 публикаций**) является и известный "правый" сменовеховец, один из основных участников сборника "Смена Вех", публицист и политический деятель, знаменитый диалектик этатизма Николай Васильевич Устрялов (1890-1937). До революции приват-доцент Московского университета, идейный ученик и последователь П.Б.Струве; кадет (председатель калужского "обкома" партии к.д.), во время гражданской войны возглавлял Восточное бюро партии, один из руководителей Бюро печати при правительстве Колчака, редактор омской газеты "Русское дело". После эмиграции Устрялов работал профессором Юридического факультета Высшей школы Харбина, активно сотрудничал в сменовеховской харбинской газете "Новости жизни". В 1935г. он вернулся в СССР, где работал профессором экономической географии МИИТ-а. В 1937г. Устрялов был репрессирован и уничтожен, в 1989 году реабилитирован.

Устрялов напечатал в журнале следующие свои статьи, многие из которых позднее вошли в его нашумевший сборник "Под знаком революции" (1925, 1927): "Фрагменты" (№1), "Национал-большевизм" (№3), "Две реакции" (№4), "Духовные предпосылки революции" (№9), "Проблема "возвращения" (№11), "Эволюция и тактика" (№13), "Три борьбы" (№16), "Пророческий бред" (№18).

2.5. Одним из ярких авторов "Смены Вех" является левый национал-большевик Исай Григорьевич Лежнев (1891-1955) (Альциулер, псевдоним - Михаил Григорьев). Ему принадлежат **7 публикаций**. Уроженец г.Николаева, в 1906-09гг. за участие в большевистском подполье (он был членом РСДРП(б) и участвовал в стачке) он был сослан царским судом в Киевскую губернию, затем отошел от партии. В качестве вольнослушателя Лежнев учился в Цюрихском университете, работал журналистом в Царицыне, Николаеве, позже в Москве. Следует отметить, что до Октябрьской революции он сотрудничал в газете "Русская воля" (ред. Л.Н.Андреев) и Петроградском телеграфном агентстве, в годы гражданской войны служил в РККА, побывал и заведующим отделом информации в "Известиях ЦИК". Известный публицист и литературовед (шолоховед), он активно сотрудничал в советской печати, главным образом в военных журналах. В 1922-26гг. Лежнев редактор сменовеховского журнала "Россия" ("Новая Россия")¹²; в 1926г. он был выслан в административном порядке за границу на 3 года, где продолжал находиться на советской службе в Берлине. С 1933г. Лежнев вновь член ВКП(б), в 1935-1939гг. заведовал отделом литературы и искусства газеты "Правда". Автор "Записок современника" (т.1, Истоки, Москва, 1935). Умер Лежнев в Москве.

Публикации Лежнева следующие: "Русская экономическая проблема" (№1), "Денационализация промышленности" (№3), "Пути русской внешней торговли" (№6),

"Кредит России и старые государственные долги" (№8), "О денационализации банков" (№11), "Об оздоровлении русского денежного обращения" (№13), "Государственные тресты" (№16), Библиография (№18).

2.6. Еще одним соратником по сборнику "Смена Вех" и одноименному журналу выступает Юрий Н.Потехин (7 публикаций). В прошлом - ближайший сотрудник монархической газеты, деятель кадетской партии, в годы гражданской войны он сотрудничал с Колчаком и Деникиным. Вместе с Устряловым и Ключниковым Потехин издавал в начале 1918г. в Москве еженедельник "Накануне". Как уже упоминалось выше, после прекращения журнала "Смена Вех" Потехин вместе с Ю.В.Ключниковым основал в Берлине ежедневную газету с тем же названием, что и у московского еженедельника - "Накануне". В июне 1922г. в качестве спецкора "Накануне" он вместе с Ключниковым приехал в Москву и затем прочел несколько лекций в Петрограде, Москве, Харькове, Полтаве, Киеве. В том же 1922г. Потехину был предложен пост руководителя отдела ВСНХ¹³. 6 апреля 1924г. он выступал на известном диспуте "Будущее интеллигенции" в Политехническом музее, в том же году в Москве вышла его книга "Павлины без перьев".

Список статей Потехина состоит из: "Фатальный тупик" (№2), "Перед катастрофой" (№5), "Две правды" (№6), "Борьба за личность" (№10), "Россия и Австрия" (№14), "Мировой кризис" (№№ 18, 19).

2.7. 6 публикаций журнала "Смена Вех" принадлежат С.С.Лукьянову (С.Л.). Профессор, издатель материалов и поклонник Вл.Соловьева, директор института экспериментальной медицины, обер-прокурор Св. Инода в 1909-11гг., в свое время он был также близок к Столыпину. Лукьянов являлся одним из организаторов антисоветского мятежа в Ярославле. Участник сборника "Смена Вех" и лежневского журнала "Новая Россия", он позднее вернулся в советскую Россию. Известный исследователь национал-большевизма М.С.Агурский высказывал предположение о мистичности политических взглядов Лукьянова.

Публикации Лукьянова в журнале "Смена Вех": "Голод и эмиграция" (№1), "Революционное творчество культуры" (№2), "Эволюция" (№5), "Из Фукидида" (№9), "Русско-Английские торговые переговоры" (№14), "Голод и политика" (№16), обзор "Восточная политика Советской России" (№7), обзор "Прибалтийская Экономическая Конференция" (№8), обзор "Борьба с голодом в России" (№11) и "Беседа с проф. Ипатьевым" (№17).

2.8. Среди остальных авторов еженедельника следует отметить фельетониста Скифа (5 публикаций), искусствоведа и поэта Э.Ф.Голлербаха (Э.Г., 4 публикации), русского писателя Виктора Васильевича Муйжеля (1880-1924), на счету которого также 4 публикации. В своих рассказах и повестях Муйжель изображал жизнь крестьянства ("Мужичья смерть", 1905; "Аренда", 1906). Он также известен как автор пьесы "Вешний ветер" (1923) и повести "Кухаркины дети" (1924). Достойны внимания статьи юриста и экономиста С.Б.Членова (4 публикации) о судьбах интеллигенции, подборки писем, осуществленные неким Н.С. (3 публикации). Серьезны размышления на международные темы Н.Насветевича¹⁴ (3 публикации), военная аналитика генерала Генерального Штаба А.А. Носкова¹⁵ (3 публикации), зарисовки из жизни студенчества в эмиграции пражского Студента (3 публикации). По 2 публикации на счету у обозревателя Н., историка Ник. П. Ашешова, поэта-символиста Александра Александровича Блока (1880-1921), русского писателя, композитора и музыкального критика Михаила Алексеевича Кузмина (1875-1936)¹⁶, музейного работника Георгия Лукомского¹⁷, религиоведа Владимира Н. Львова¹⁸, специалиста по флоту Николая Михайловича Рыгалова¹⁹, респондента-москвича М. С-а, журналиста П. Садыкера.

Отдельно хочется упомянуть 2 публикации ("Психология примирения" (№15) и "Чумазый" или "хам"? (№17)) участника сборника "Смена Вех" профессора Сергея С.Чахотина, физиолога, ученика Павлова, сотрудничавшего во время гражданской

войны с Колчаком. По предложению Л.Б.Красина он некоторое время возглавлял отдел советского торгпредства в Берлине. Известно, что определенный период времени он прожил в Италии и Германии (где опубликовал популярную книгу по теории управления), а во время войны был в немецком концлагере. В конце 40-х гг. Чахотин вернулся в СССР, где работал в подмосковном институте биофизики (по состоянию на начало 1970-х гг.).

Наконец, авторами по крайней мере 1 публикации (вероятно, не всегда с их согласия) выступили С.Багоцкий²⁰ (письмо в редакцию), Вадим Белов (Ревель, Эстония), С.Борисов, Д.Варварин, профессор А.М.Горовцев, Сергей Митрофанович Городецкий²¹, Николай Андреевич Гредескул²², Роман Борисович Гуль²³, Влас Михайлович Дорошевич²⁴, И.Л., А.Кислицын²⁵, профессор П.С.Коган, Вл.Лаврецкий, А.Львович, Николай Леонидович Мещеряков²⁶, Фритъоф Хансен²⁷, Александр Александрович Попов²⁸, Я.Светляков, Е.Северская, Юрий Михайлович Стеклов (Нахамкис)²⁹, С.Стелецкий, П.Стрегулин, А.Султанов, Н.А.Тан (Т., В.Г.) - Богораз Владимир Германович³⁰, К.Треплев, Лев Давидович Троцкий (Бронштейн)³¹, Х, доктор П.Яковлев.

3. Отклики

В журнале "Смена Вех" широко представлены отклики на появление летом 1921г. одноименного сборника, взбудоражившего всю русскую интеллигенцию.

В первом же номере журнала помещена статья Н. "О критике "Смены Вех", в которой критикуются статьи гг. Пасманика, Рысса, эсера Слонима. "Исторические факты - не случайность. Факт, что русский народ преклонился перед советской властью" признает Пасманик. Довольно. Все остальное от лукавого."

В четвертом номере Ю.Ключников в развернутой передовой статье "Наши ответ" дает трактовку отзывам русских эмигрантских СМИ: "Голоса России", "Общего Дела" (Пасманик, В.Л.Бурцев, Александр Александрович Яблоновский), "Последних Новостей" (П.Н.Милюков, П.Рысс, З.Г.Ашкенази), "Общего Дела", "Воли России" (статья Марка Слонима "От октябризма к большевизму"). Кроме того отмечается позиция выступивших во время доклада Ключникова и Потехина в октябре 1921г. в Праге гг. Архангельского, Григорьева, В.Я.Гуревича, Гуровича, Попова, Уланова и Шаповала. При этом авторы журнала кажутся невозмутимыми. "Мы не устали, мы не испуганы, мы не отчаялись. Мы и не собирались отречься от всего старого, так как наша задача вовсе не перескочить от старого к новому, а преемственно сохранить для русского будущего все лучшее, что - по нашему - хранилось в русском прошлом."

В пятом номере еженедельника Ю.В.Ключников вместо передовой статьи приводит выдержки из своей переписки с одним из наиболее видных представителей антибольшевистского эмигрантского лагеря - человеком "обширного общественного и государственного опыта". Два письма, присланные редактору, вполне могли принадлежать лидеру эмиграции типа П.Н.Милюкова или П.Б.Струве. "С редкой добросовестностью мысли продумав точку зрения своих противников, автор этих писем в сжатой и яркой форме высказал все наиболее серьезное, что можно возразить нам по существу", - пишет Ключников.

В номере шестом под заголовком "С другого берега" дается широкий обзор советской и просоветской печати о сборнике "Смена Вех". Приводятся перепечатки статей "Психологический перелом" Ю.Стеклова ("Известия" В. Ц. И. К., № 229, 13 октября 1921 года), "Знамение времени" Н.Мещерякова ("Правда", № 231, 14 октября 1921 года), "На новом пути" С.Борисова ("Новый мир" (Берлин), № 218, 16-Х-1921), "Смена вех" Д.Варварина ("Новый путь" (Рига), № 217, 21 октября 1921 г.), "Идеология второго дня" ("Путь" (Гельсингфорс), № 206, 25 октября 1921 года), "Смена вех" проф. Н.Гредескула ("Известия" Ц. И. К., 11 ноября 1921 г.), "Победит пролетарий" ("Гудок", №428, 15 октября 1921 г.) и отрывок из речи Троцкого на II Всероссийском съезде политпросветов (октябрь 1921 г.). Во вступительном слове к этим статьям отмечается, что "белая" пресса или "намеренно" не хочет понять, что происходит, или "в самом деле" не в состоянии этого постичь и поэтому только бранится. "Красная" же

пресса выступает несравненно серьезнее. Ее представители "постарались добросовестно вдуматься в смысл нового явления (т.е. сменовеховства - О.В.) и: поняли его совершенно правильно. :этот факт: служит лишним подтверждением тех надежд, с которыми мы (сменовеховцы - О.В.) приступали к изданию сначала нашей книги, а позже нашего журнала. А именно: Россией руководит сейчас не узкая и нетерпимая партийность, но широкий государственный разум и ясное понимание международной обстановки."

В двенадцатом номере журнала помещено письмо в редакцию "Смены Вех" профессора А.Горовцева от 7 января 1922г., в котором он указывает на некоторые неточности в рецензии, помещенной на его лекцию "Вехи Смен" в предыдущем номере еженедельника.

Пятнадцатый номер журнала повествует об отстранении живущего в Праге деятеля Земского Союза и "Земгора" А.А.Попова (редакционный материал "В пражском "Земгоре") от членства в Объединении Земских и Городских Деятелей в Чехословакии и от должности Заведующего Трудовым Отделом в "Земгоре" за проповедь на 1-м пражском диспуте о "Русской интеллигенции" 14 января 1922г. граничащих со сменовеховством взглядов.

В шестнадцатом номере в материале под названием "Петроградские письма" Вл.Лаврецкий дает емкий обзор собеседований, устроенных Петроградским Домом Литераторов на Бассейной по поводу "Смены Вех". "Первые два собеседования, - пишет Лаврецкий, - :были посвящены докладам С.А.Адрианова и В.Г.Тана о "Смене Вех". Последнее собеседование, состоявшееся 5 января, было посвящено докладу А.С.Изгоева на тему: "Новые и старые Вехи". Доклад это был тоже характерным симптомом:" Далее сообщается, что хоть Изгоев и стоит все еще на позиции "Вех", но в "Смене Вех", которую он исследует сквозь призму веховства, он находит много ценного и значительного. Позиция Изгоева кажется петроградскому сменовеховцу симпатичной прежде всего попыткой объективно разобраться в "нео-вехизме", признать патриотизм участников движения, обозначить Россию как самоцель для них, а не предавать "Смену Вех" сходу анафеме и призывать к интервенции, чем грешило большинство оппонентов нововеховцев типа Д.С.Мережковского. Кратко обрисованы позиции участвующих в прениях по докладу Н.Д.Соколова, Н.А.Гредескула, П.К.Губер-Арзубьева, бывшего сотрудника "Речи" И.А.Клеймана и Як.Б.Лившица.

* * *

Участники журнала "Смена Вех" предлагают считать самоцелью попытки большевиков спасти "расползающийся во все стороны государственный организм". Одним из средств такого "спасения" обнаруживается тактика совмещения военно-государственного и социального коллективизмов (т.н. военный коммунизм). Вслед за тем, тактическим затишьем перед наступлением следующего бурного этапа "спасения" империи очевидно становится период нэпа, на начало которого и приходятся осмысленные "Сменой Вех" лозунги возвращенчества и сотрудничества с советской властью, которая опосредованно объявляется наследницей русской монархии (недаром в движении участвуют многие известные монархисты, которых язык не поворачивается назвать бывшими). В свою очередь прямой наследницей православия становится идея коммуны, временно кладущаяся под сукно на период адаптации (этому неплохо способствуют идеи Вл.Соловьева, нашедшие свое отражение в еженедельнике³²).

Возводя воссоединение большевиками России в ранг сверхзадачи, защитники советской власти в лице сменовеховцев неизбежно утверждают такие шаги большевиков по сплочению государства и народа в виде долгосрочной интеграционной стратегии, в перспективе исключаящую коммунистическую составляющую (т.н. госкапитализм). Они не воспринимают ленинский нэп всерьез и тщательно продумывают свои действия в создавшейся ситуации. Промежуточное экономическое средство, на определенном этапе послужившее русским коммунистам в деле достижения конечных социальных задач

советской утопии, сменовеховцы уверенно превращают в средство для собирания сил по восстановлению Российского государства как империи. Дальнейшая история деградации и дискредитации коммунистической идеологии, большей частью успевшей выродиться за последующие десять лет (наиболее одиозные представители которой были физически уничтожены в 1930-е гг.), если и не доказывает правоту выбранного сторонниками "Смены Вех" пути, то по крайней мере обнаруживает у сменовеховцев незаурядное политическое чутье и целеустремленность, воплотившуюся позднее в устряловско-сталинской идее построения социализма в одной, отдельно взятой, стране. Сила и мощь идеалов молодых русских патриотов легла в фундамент просуществовавшего почти 70 лет советского государства, распад которого удивительно совпал по времени с угасанием национал-большевистского импульса 1921-22 годов.¹⁶⁸

О.А.Воробьев

Советник Российской Федерации I класса
25 апреля 1999г., 9 февраля 2000г.

¹ Алехин М. Эмиграция белая // Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1963. Т.64. С.162.

² Париж (Се), рю Лагранж, 12.

³ Ср. со стоимостью сборника "Смена Вех", составляющая 8 франков.

⁴ Новая Россия. 1922. №1. С.61.

⁵ Бобрищев-Пушкин А.В. Патриоты без отечества. Л., 1925. С.117-118.

⁶ См. анонс этого издания в №13 журнала "Смена Вех" за 1922г. ("В Петрограде. (Из письма)."),

С.24.

⁷ РЦХИДНИ. - Ф.17. Оп.3. Д.261. Л.3, Оп.60. Д.141. Л.18 и Оп.84. Д.399.

⁸ Ленин В.И. ПСС. Т.44. С.380, 628.

⁹ Ленин В.И. ПСС. Т.20. С.147-156.

¹⁰ Накануне. 28 февраля 1924. №49.

¹¹ Бобрищев-Пушкин А.В. Война без перчаток. Пр., 1925.

¹² Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

¹³ Известия ВЦИК. 18 июля 1922.

¹⁴ Лейтенант флота. Бывший комендант гор. Мариехейн и офицер связи между морскими и сухопутными силами на Аландских островах.

¹⁵ Генерал Генерального Штаба, печатался в "Le Monde Nouveau".

¹⁶ Примыкал к символизму, затем к акмеизму. Выпустил сборники стихов "Александрийские песни" (1921), "Форель разбивает лед" (1929). Из прозы: повесть "Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро", 1919; роман "Тихий страж", 1916, и др. Выполнял переводы зарубежных классиков (Апулей). Сочинял вокальные произведения (многие на собственные тексты), музыку для драматического театра.

¹⁷ Бывший член Всероссийской Коллегии по делам музеев и охраны старины и Всеукраинской коллегии по охране памятников искусства.

¹⁸ Левый сменовеховец. В начале политической деятельности октябрист, затем правый националист, в 1911г. один из организаторов партии центра. Председатель комиссии по делам РПЦ 4-й Государственной Думы. В 1-м составе Временного правительства обер-прокурор Св. Синода. Участник Корниловского мятежа. В 1921г. выпустил национал-большевистскую брошюру. 22 ноября 1921г. демонстративно вышел из журнала "Смена Вех" за недостаточную его левизну, затем вернулся в советскую Россию.

¹⁹ Представитель Добровольного Флота - по последней службе - для Цейлона и Индии.

²⁰ Делегат Росс. Общ. Кр. Кр. при Междунар. К-те Кр. Креста.

²¹ (1884-1967) - русский поэт. Один из организаторов "Цеха поэтов". В сборнике "Ярь" (1907) - темы и образы русского фольклора. Поэмы (в т.ч. "Красный Питер", 1922).

²² (1864 - 1930) - профессор. Окончил юридический факультет Харьковского университета, юрист, автор ряда исследований в области права и философии. Профессор Харьковского университета, декан юридического факультета. Член "Союза Освобождения" с 1904 г., член ЦК партии к.-д. с 1906 года. В 1905 г. сослан в Архангельск, но вскоре освобожден. Товарищ председателя 1-й Государственной Думы. Подписал Выборгское воззвание, за что отбыл 3-месячное тюремное заключение. После освобождения был профессором Петербургского политехнического института, сотрудничал с рядом либеральных изданий. В 1916 году из-за разногласий с руководством ЦК, вышел из его состава. После октябрьского переворота

остался в России. В 20-х годах выступил с безоговорочным признанием советской власти. Преподавал в ленинградских вузах.

²³ (1896-1986) - русский писатель. С 1919 за границей (Германия, Франция, США). В автобиографических книгах "Ледяной поход" (1921), "Жизнь на фукса" (1927), "Конь рыжий" (1952) - трагические события Октябрьской революции и Гражданской войны, сатирические картины жизни русской эмиграции. Романы "Генерал Бо" (1929) о Б.В.Савинкове, "Скиф" (1931) о М.А.Бакунине. Портреты М.Н.Тухачевского, К.Е.Ворошилова, В.К.Блюхера, Г.И.Котовского в книге "Красные маршалы" (1933). Мемуары.

²⁴ (1864-24.2.1922) - российский журналист, публицист, театральный критик. Признанный "король фельетона", обличавший пороки современной общественной жизни. Запечатлел картину царской каторги в книге очерков "Сахалин (Каторга)" (1903).

²⁵ Полировщик по металлу.

²⁶ (1865-1942) - публицист, член-корреспондент АН СССР (1939). С 1918 член редколлегии "Правды", заведующий Госиздатом. В 1924-32 заместитель главного редактора БСЭ, в 1927-38 главный редактор МСЭ. В 1924-27 секретарь Крестинтерна. Труды по истории литературы, революционного движения.

²⁷ (1862-1930) - доктор, полярный исследователь, гуманист.

²⁸ Уполномоченный Главного Комитета Всероссийского Земского Союза всех составов, Член Объединения Российских Земских и Городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгора), бывший заведующий Трудовым Отделом Земгора.

²⁹ (1873-1941) - политический и государственный деятель, историк, публицист. В 1917 член Исполкома Петроградского совета. С 1917 редактор "Известий" и других изданий. Труды по истории марксизма, революционного движения. Репрессирован; реабилитирован посмертно.

³⁰ (1865-1936) - профессор, этнограф малых народов Севера, писатель, публицист. В начале 1880-х гг. революционный народник, участник студенческого кружка под руководством Желябова, неоднократно подвергался арестам. Один из организаторов Южнорусской организации "Народной воли", в 1889-98 в сибирской ссылке на Колыме. Один из авторов первых сборников революционных песен и стихотворений, изданных в Женеве ("Песни борьбы" (1902), "Перед рассветом" (1905) - под псевдонимом Вас.Чужой), большевистских листовок 1905-06 гг., газеты военной организации РСДРП "Казарма". После публичной лекции в 1905г. был причислен к либералам-народникам. С 1921 профессор ряда ленинградских вузов. Член редколлегии журнала "Новая Россия" ("Россия"). Один из зачинателей изучения народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, создатель письменности для них. Романы и повести из жизни первобытных людей и др.

³¹ (1879-1940) - политический и государственный деятель. В с.-д. движении с 1896, с 1904 выступал за объединение фракций большевиков и меньшевиков. В 1905 в основном разработал теорию "перманентной" (непрерывной) революции: по мнению Троцкого, пролетариат России, осуществив буржуазный, начнет социалистический этап революции, которая победит лишь при помощи мирового пролетариата. В ходе Революции 1905-07 проявил себя незаурядным организатором, оратором, публицистом; фактический лидер Петербургского совета рабочих депутатов, редактор его "Известий". Принадлежал к наиболее радикальному крылу в РСДРП. В 1908-12 редактор газеты "Правда". В 1917 председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. В 1917-18 нарком по иностранным делам; в 1918-25 нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики; один из создателей Красной Армии, лично руководил ее действиями на многих фронтах Гражданской войны, широко использовал репрессии. Член ЦК в 1917-27, член Политбюро ЦК в октябре 1917 и в 1919-26. Острая борьба Троцкого с И.В.Сталиным за лидерство закончилась поражением Троцкого - в 1924 взгляды Троцкого (т.н. троцкизм) объявлены "мелкобуржуазным уклоном" в РКП(б). В 1927 исключен из партии, выслан в Алма-Ату, в 1929 - за границу. Подверг резкой критике сталинский режим как бюрократическое перерождение пролетарской власти. Инициатор создания 4-го Интернационала (1938). Убит в Мексике агентом НКВД испанцем Р.Меркадером. Автор работ по истории революционного движения в России, литературно-критических статей, воспоминаний "Моя жизнь" (Берлин, 1930).

³² См., например, статью "Владимир Соловьев и наши дни" А.Блока в №1 "Смена Вех", 1921, с.22-24.

А. Луначарский. СМЕНА ВЕХ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

О полевении интеллигенции и о примирении ее с Советским строем говорят очень много, преувеличенно много.

Нет никакого сомнения, что интеллигенция за эти 4 года постепенно примирилась с очевидно неотвратимой бедой, какой являлась для большинства ее столь "неудобная" революция. В целом, в массе, у интеллигенции не хватало подъема для ее правильной оценки. Этого исторического факта не могут скрыть от нас никакие последующие явления и грех интеллигентского Содома, не искупят отдельные праведники. Конечно, было бы до

крайности несправедливо говорить все это об интеллигенции огулом. Прежде всего русская интеллигенция, если бы она пришла в себя, могла бы с гордостью указать на тех интеллигентов, которые отдали все свои силы коммунистической партии, а следовательно, и Великой Российской и Мировой Революции. Во-вторых, мы с благодарностью можем назвать десятки больших имен и указать на сотни, может быть на тысячи, скромных тружеников, которые сразу, или более или менее скоро, но совершенно искренно пошли на работу обороны и созидания нового социалистического отечества. Что же касается интеллигентской обывательщины, то, по моим наблюдениям, она, как была болотом, так и осталась. Было, пожалуй, несколько больше активной злобы, - теперь больше пассивной резиньяции, но также живет среди нее тысячеголовая шипучая сплетня, то же политическое и социологическое невежество, то же стремление бесконечно скулить над неудобствами жизни и подмачивать трусливым саботажем почти всякую продаваемую ею пролетарскому государству работу.

Повторяю, если тут, в этом мертвом море, есть какое нибудь движение воды влево, то разве только в смысле почти окончательного понижения в сердце интеллигента надежды на скорый конец ненавистного периода.

Другим элементом интеллигенции являются ее политически и социалистически сознательные единицы, т. е. меньшевики, эсеры, кадеты и то, что к ним примыкает. Есть ли тут какой нибудь сдвиг? Опять только разве в том смысле, что Мартовы и Черновы, а стало быть, и мелкота, за ними идущая, разуверились в скорой победе и задумались, ожидая у моря погоды, над тем, какой же тактики придерживаться им в такое постигшее их безвременье. Чем разрешатся эти думы - для нас почти совершенно безразлично, ибо псевдо-социалистическая интеллигенция лишена сейчас всякой силы и авторитета. Лучшее, что мы могли бы еще получить от нее, это, пожалуй, несколько десятков работников на второстепенных местах, в случае полного покаяния. Но повторяю, никакого настоящего полевения, т.е. действительно глубокого проникновения в смысл совершающейся и совершившейся революции мы не видим. Не считать же симптомом этого то обстоятельство, что Мартов задним умом начинает понимать, что Октябрьская революция была не авантюрой, а гигантским общественным явлением.

Молодежь. Мы имеем превосходную молодежь, выдвигаемую крестьянством и пролетариатом через военные школы, Свердловский университет, Партшколы, в качестве интеллигенции завтрашнего дня. Уже и за границей, в передовых журналах эмиграции, появились восторженные сведения об этой новой интеллигенции. На нее мы, действительно, можем вполне опираться. Эти люди революцией рожденные и революции безусловно и энтузиастически верные.

Но та интеллигентная молодежь, которая составляла студенческие кадры в прежнее время и молодежь, которая шла против этого прежнего студенчества? Как с ними обстоит дело? Я ни в коем случае не скажу, что здесь не заметно никакого полевения, но оно, по моему, произошло значительно раньше и происходило органически. Оно вовсе не представляет собою характера какого то крупного сдвига влево. В самом деле, количество коммунистов в университетах частью благодаря подниманию снизу демократических и трудовых элементов, частью благодаря процессу прояснения душ наиболее чуткой и отважной части интеллигенции - ее юношества, - неуклонно росло и растет. Общее настроение студенчества, как мне кажется, из резко враждебного, контр-революционного под разными соусами - превратилось частью в пассивное, частью в деловое, которое можно формулировать приблизительно так: "хоть мы вас не любим, но работать с вами приходится, и мы попробуем". На моих лекциях в университете, которые насквозь проникнуты марксистским мирозерцанием, бывает много студентов. Слушают внимательно, и из записок, которые подаются, видно, что большинство относится к разбираемым проблемам деловым образом, но бывают и записки, полные самой тупой обывательской злобы, вульгарно-эсеровского, вульгарно-православного типа. Есть, значит и такие слушатели, и при том в аудитории лектора-марксиста.

Словом - некоторый молекулярный процесс, длительный и органический.

Несколько иное впечатление выношу я из вольной аудитории, т. е. от бесплатных и платных лекций, которые мне приходится читать. На такие лекции обыкновенно собирается очень много народа. Надо отдать справедливость этой аудитории, - она с огромным вниманием вслушивается в то, что ей говорят. Подаваемые записки также распадаются на большую часть делового, вдумчивого характера и на значительно меньшую часть демонстрационно-враждебного характера. При всякого рода дискуссиях выясняется, что аудитории бесплатные и платные, которые несколько отличаются друг от друга по составу (но как это ни странно, не особенно, - там и здесь люди обоего пола, всех возрастов и всех социальных положений, всегда довольно много красноармейцев, всегда есть явным образом рабочие, всегда очень много молодежи), делятся определенным образом на лагеря, при чем лагерь сочувствующих коммунистам значительно превышает лагерь нейтральных и лагерь противников. Характерно также, что из всякого рода оппонентов, выступавших против меня на разные темы, по моему, наибольший успех имеют толстовцы. Характерно, что толстовцы обыкновенно выступают как революционеры духа, твердо и определенно осуждают все стороны старого порядка, официальную церковь и т.д., говорят с большой симпатией о коммунизме, но только отвергают насильственные методы революции. Вот этим-то они, очевидно, и вызывают симпатии некоторой части интеллигенции. Если бы судить по настроениям этой аудитории, которая собирается, так сказать, с улицы, но которая представляет собою, очевидно, наиболее подвижную часть интеллигенции, ту, которая готова бежать издалека в нетопленное помещение и сидеть два - два с половиной часа не шелохнувшись, чтобы чему-нибудь научиться, то можно сказать, что мы имеем какую-то базу симпатии, или, по крайней мере, симпатизирующего внимания московской интеллигенции. При этом надо непременно принять во внимание, что значительная часть этой аудитории состоит из той новой интеллигенции, о которой я говорил выше. Однако этот процесс тоже не нов и подобную аудиторию я имел уже в ноябре 1917 года в Петрограде на первом митинге, собранном поэтом Ивневым "для объяснения между новой властью и интеллигенцией". Еще более разителен был собранный тов. Зиновьевым митинг осенью 1918 года, когда в Таврическом дворце собралось видимо-невидимо интеллигенции (толпа запрудила весь Таврический дворец, включая Екатерининский зал, прилегающий двор и прилегающие улицы), было не менее 15 тысяч человек.

Значит ли это, что никакого нового серьезного движения налево среди интеллигенции не произошло? Нет, я вовсе не хочу это утверждать. Произошел действительно, в своем роде катастрофически внезапный, так сказать, больше революционный, чем эволюционный сдвиг в определенных кругах, в кругах некоторой части наших врагов. Самым ярким симптомом этого сдвига явился, как вы знаете, сборник "Смена вех". Конечно, авторы "Смены вех" более или менее длительным процессом подготавливались к своему обращению, но самое обращение явилось как бы бурей, явилось как событие. Оно то и вызвало довольно большое движение среди эмиграции, перекинулось в Россию, дало интересный лозунг о том, что называется национал-большевизмом и, может быть, будет иметь кое какое будущее. Повторяю, что здесь очень важно сознать, что самое ядро этих наших новых союзников состоит из наших недавних врагов, открытых, активных, беспощадных. Мы узнаем из статьи Снесарева, что он с винтовкой в руках боролся против нас во время ярославского заговора. Мы знаем, что самый глубокий и интересный из веховцев - Устрялов был министром у Колчака. Мы знаем, что Бобрищев-Пушкин был одной из интеллектуальных сил врангелевщины.

Что же это за люди? Это - патриоты. Да, это активные патриоты. Это люди, которые, может быть, с несколько разной стороны, но одинаково горячо интересуются русской государственностью и судьбами культуры русского народа. Это люди общественные, это люди как нельзя более далекие от общественного болота. Это люди из более или менее правого лагеря, т.е. отнюдь не зараженные нелепыми демократическими

предрассудками и никакой псевдо-социалистической требухой. Казалось бы, правый патриот, активный контр-революционер, - кто может быть дальше от какого бы то ни было союза с нами, и если он объявляет себя нашим союзником - не хитрит ли он, не продается ли он нам, как намекает Милуков? Вовсе нет. Все дело заключается в том, что эти люди, представляя собою в сущности одну из самых сознательных групп русской буржуазной интеллигенции, додумались, поднялись даже в эпоху своей контр-революционной работы, до настоящей широкой общественной и государственной мысли. Они потому хватали винтовки против нас, что принимали нас за губителей России, как великой державы. Надо помнить, что классы далеко не всегда защищают свои интересы в виде голого экономического интереса. Ничего подобного. Если класс мало-мальски жизненен, если у него есть что впереди, то он неизбежно одевает свои интересы в одежды того или другого идеализма. И вот эти буржуазные группы, представлявшие собою не столько наши купеческие круги, сколько известные круги интеллигенции средних слоев - также облекли свою веру в великодержавность, свой до мистики доходящий государственный патриотизм в различные психологические и философские краски.

Стало быть, мы здесь имеем дело с идейным врагом, с выразителями некоторой части России, которые имели перед собой будущее, рисовавшееся им в виде демократизации (правда, умеренной) русской самодержавной власти, строя, который сумеет утилизировать все силы народа и на почве утилизации этих массовых сил создаст необыкновенно блестящее международное положение для России. Идя по стопам славянофилов и Достоевского, эти люди не прочь помечтать и о том, что эта великая Россия, нечто вроде *Russland Russland uber alles*, будет вместе с тем служить человечеству, внесет в него новую струю, пойдет впереди народов к дальнейшему прогрессу. Мы узнаем эту великодержавность. Разве не имела она места в той же империалистической Германии? Русская буржуазия всех видов, хотя и была, так сказать, забита, но, тем не менее, не вся же целиком. Могла же и она развивать свою прогрессивную идеологию. Итак, это национал-либералы, порою почти национал-консерваторы на славянофильской подкладке, выразители наиболее жизненных интересов, наиболее сильных групп средних и только отчасти, может быть, господствующих классов (может быть, наиболее передовых промышленников).

Перемена фронта у этих людей является вполне обоснованной и совершенно естественной. Первое, чего они жаждут - прочной государственности. Они пришли в ужас уже при керенщине. Присмотревшись к лику наших эсеров и наших меньшевиков, они убедились, что эти партии - болтушки в состоянии только совершенно растасовать все силы народов бывшей Российской империи. Они убедились, что попытки контр-революции (типа колчаковщины, врангелевщины и т.д.) представляют собою продажу России иностранцам и кроме того являются свидетелями полной бедности, и духовной государственной нищеты правящих классов. Они должны были бы притти в отчаяние, но тут они заметили, что, пока они боролись с большевиками, большевики создали государственность, создали прочный политический строй, создали большую и прекрасную вдохновенную Красную армию, что они не только не растранижили Россию, но за совершенно ничтожными исключениями объединили территорию бывшей империи в виде свободного союза народов, союза, отнюдь не противоречащего величайшей концентрации сил, законченной централизации. Они убедились, что советская конституция не противоречит великодержавности. Присмотревшись к тактике Коминтерна, они (правда, криво, ошибочно, убедились, что эта тактика идет на пользу великодержавности России, создавая ей на Западе и Востоке друзей среди миллионов угнетенных. Ошибочность их оценки заключается только в том, что они неясно понимают глубокий интернационализм и доминирующую над всем коммунистичность нашей тактики, но что на нашем интернационалистском пути мы, вместе с тем, совершаем работу и по воссозданию России, и что одна задача отнюдь не противоречит другой - это, конечно, верно.

И вот эти патриоты естественно задумались над этим явлением и поняли, что сейчас именно и произошла глубокая демократизация России, правда, гораздо более яркая, чем та, которой они хотели бы. Но, ведь, они боялись полной демократизации, чтобы власть не расплылась, теперь же из этой демократизации до тла выросла новая крепкая власть, вполне способная утилизировать все народные силы.

Единственно, что могло оттолкнуть их как группу, которой присущ определенный классовый инстинкт - это наш немедленный коммунизм. Немедленный коммунизм исторически явился у нас спутником гражданской войны, но, так сказать, социологически, он есть выражение интересов только одного класса - пролетариата и, пожалуй, еще самых бедных элементов крестьянства. Это, во-первых, должно было внушать известные сомнения: Россия - страна крестьянская. Политика немедленного коммунизма - анти-крестьянская политика, - как бы тут шею не сломила новая власть. Во-вторых, это было противно той группе, о которой мы говорим. Ей прогресс России рисуется в чертах всякой индивидуальной инициативы, широкой и свободной общественности на основе индивидуализма. В этом сказывается их буржуазность.

Вот почему душа их переполнилась восторгом, когда они увидели, что мы отказываемся от политики немедленного коммунизма; лозунг прочного союза с крестьянством, как первая политическая задача, успокоил их опасения, показал им, что власть остается глубочайшим образом народной. Лозунг развязывания частной инициативы в области промышленности не только дал базу для дорогого их сердцу индивидуализма "надолго и всерьез", но и служит для них залогом постепенного развертывания и вольных форм культурной жизни.

Конечно, они сознают, что коммунисты, делая этот обход, неуклонно движутся к намеченной цели - всемирной революции и установлению окончательного социалистического порядка в России и других странах; но это их не пугает. Если это планомерный процесс, если это не авантюра, если это не прание против рожна, то чего же им тут пугаться? Они с уверенностью говорят о том, что буде революция действительно разразится в Европе, им приятно будет сознавать, что открыла ей двери наша родина, и прибавляют: а буде такая революция не придет скоро, Россия все же будет необычайно демократической, необычайно народной, необычайно могучей страной, которая займет видное место среди держав мира и перед которой, во всяком случае, открываются дни бесконечно более блестящие, чем тусклые дни заката самодержавия.

Много ли таких элементов у нас? Не знаем.

В ней есть элементы средне-монархические, конечно безыдейные в этом смысле, монархисты-дрянце. Из монархистов только один Струве болезненно переживает противопоставление Устряловских идей его идеям. Я даже не удивлюсь, если Петр Бернадович сам со временем переживет некий подобный же внутренний процесс. Но Струве не в счет, - это вполне индивидуализированная фигура. Есть в России обывательское интеллигентское болото. Тому все нипочем. Оно киснет и служит только тестом для других. Есть в России кадетско-меньшевистски-эсеровская оппозиция, болтливая, политически бездарная, выдохшаяся. Есть в России великий коммунизм, железный, вдохновенный, зоркий, мудрый. Может быть, кроме коммунизма в России есть еще настоящий, подлинный буржуазный патриотизм, остаток жизненной силы индивидуалистических групп и классов. Если он есть, то он сгруппируется вокруг своеобразного знамени, выброшенного рыцарями "Смены вех".

Мы хотим опираться на живые силы страны. Кто же жив в нашей стране? Во-первых, огромное море вне пределов коммунистической партии, рабоче-крестьянской беспартийщины. Эта трудовая беспартийщина, примкнет ли она к коммунистической партии, сложится ли она в другую партию, пребудет ли в качестве своеобразной атмосферы вокруг коммунистического ядра, во всяком случае она главный наш контрагент и главный наш союзник. Если кроме нее в России окажутся еще глубоко патриотические элементы, которые с другого конца подходят к нашей задаче, которые говорят о спасении

отечества, о его консолидации, о его промышленном и культурном прогрессе и полагают, что все это должно быть построено на фундаментах революционных приобретений Октябрьской революции, то с такими группами мы также могли бы оказаться надолго спутниками, с большой надеждой, что и они постепенно ассоциируются с нашей партией в самых лучших своих элементах.

Вот, что означает появление "Смены вех". Вот какой сдвиг, вот какой исторический факт имеем мы перед собой - очень медленный молекулярный процесс, медленный химизм нашей интеллигентской обывательщины, гораздо более медленный, чем мы желали бы.

Юрий Ключников. На великом историческом перепутье

Общий исторический процесс складывается из бесконечного количества частных процессов и обусловлен бесконечным количеством причин. Если бы даже оказалось возможным проследить действие каждой из этих причин в отдельности, то нет такого человеческого разума, который был бы в состоянии исчислить действие всех их вместе.

Однако, дело не только в ограниченности наших познавательных способностей. Значительно важнее то обстоятельство, что люди призваны одновременно и осознавать исторические события, и участвовать в них, создавать их. Между тем, с их логикой и привычками, с их удивительным даром поступать вопреки всякой логике и всяким привычкам, люди представляют собой историческую силу в высшей степени непостоянную и неопределенную.

Им не удастся воздействовать планомерно на ход истории даже тогда, когда они сознательно стремятся к этому. Воля одного народа наталкивается на волю другого. Отдельные лица и группы лиц строят планы, разбиваемые затем действиями других лиц и групп. В результате же получается какая-то загадочная равнодействующая сил и действий, совершенно независимая ни от какой человеческой воли. И, как бы это ни показалось странно, приходится утверждать, что общий исторический процесс противоречив, — иррационален, главным образом, благодаря человеку.

Но он не только иррационален, этот исторический процесс. Он еще и глубоко трагичен. Трагичен в меру своей иррациональности. Следовательно, и это также, главным образом, благодаря человеку.

Если надежды на светлое будущее человечества не напрасны, если вера в прогресс не есть простое суеверие, нужно, чтобы история стала как можно более планомерной, рациональной. А для этого в свою очередь совершенно необходимо, чтобы вмешательство человеческой воли в ход исторических событий сделалось насколько возможно организованным. Такова проблема.

В более или менее нормальных условиях политической жизни немногие, пожалуй, захотели бы спешить с разрешением этой проблемы. Но мы живем в условиях исключительных, — печальное наследие недавней мировой войны.

Война эта уничтожила миллионы людей, исчерпала накопленные веками запасы, разрушила весь привычный уклад жизни. У людей создалась совершенно новая психология. То, что принято было считать несокрушимым, вдруг рассыпалось в прах. Те,

кого вчера еще все принимали за кучку беспочвенных фантазеров, сегодня держат в ужасе одну часть человечества и внушают симпатию, а то и восхищение, другой его части. Никогда еще правительства не действовали так ощупью или под влиянием причин преходящих и ничтожных, как они действуют теперь. Никогда еще плоды их хитросплетений не были так убоги. Все солидные международные связи порвались. Страшный хаос охватил мир и грозит усиливаться еще больше, если тотчас же не будут найдены героические средства против него.

Однако, не будем с самого начала запугивать себя. Нет ничего самого ужасного, что не имело бы своих положительных сторон. Есть свои положительные стороны и у современного хаоса. Уничтожив или ослабив все социальные и политические силы, он сделал так, что даже наиболее ничтожные из сил могут, при случае, играть крупную историческую роль. Поэтому и человеческий разум, как бы беспомощен ни был он до сих пор, может превратиться, чрез современный хаос, в главнейшую из движущих сил исторического прогресса. Да, наконец, если всякий хаос рождается из недостатка разума, кому же и преодолеть его, если не разуму?

Так или иначе, но немедленное вмешательство наше в ход событий, организованное и покоящееся на твердо выработанном плане, есть условие, вне которого невозможно преодолеть жуткий современный хаос. С другой стороны, таков — единственный путь для оправдания недавней мировой войны, стоившей человечеству неисчислимых жертв и не давшей ему в замен ни одной бесспорной выгоды. Ценою этих жертв человечество получило впервые за все свое существование не только возможность, но и обязанность сознательно и властно управлять своими судьбами. Ныне, легче, чем когда либо, общий исторический процесс может стать ясным, логичным и творческим. Именно теперь, в итоге мировой войны, мы можем из слуг исторического хаоса превратиться в носителей исторического разума.

Все теперь зависит от нас самих и, быть может, только от нас самих.

Разумеется, сразу сделать историю рациональной — задача отнюдь не простая.

Во-первых, нужно, чтобы существовали определенные законы социальной жизни, которые обеспечивали бы самую возможность разумной истории. Во-вторых, законы эти должны быть таковы, чтобы люди оказались в состоянии не только постичь их, но и приспособить к их требованиям все свое дальнейшее поведение.

Таким образом, пред нами возникают два вопроса:

Существует ли социальная закономерность?

— И затем:

Можем ли мы достаточно радикально изменить нашу манеру вмешиваться в ход событий?

На оба эти вопроса следует ответить в положительном смысле. Социальные законы, несомненно, существуют, — с некоторыми из них нам все время придется иметь дело в дальнейшем изложении. Вместе с тем, есть полная надежда, что знание этих законов значительно поможет людям в области их взаимных отношений делать в будущем лишь то, что им надлежит делать.

Изучая социальные законы, следует с самым серьезным вниманием отнестись к социальной динамике и к тем силам, что имеются в ее распоряжении. Нас лично эти силы будут интересовать в первую очередь и, быть может, исключительно.

Что это за силы?

В виду важности причин Экономического порядка для установления и направления социальных отношений, чрезвычайно соблазнительно принимать их за единственную первооснову всех изменений в общественной жизни людей и всего общественного прогресса. Однако, такой социологический монизм наталкивается на весьма серьезные возражения. Экономические факторы не действуют непосредственно. Чтобы начать определять поведение людей, они предварительно должны пройти через их сознание и претвориться в идеи и правила, в цели и программы. С этого момента открывается область социальных причин и следствий — совершенно новая и автономная. Это — область сил «духовных» или «психических»; тех самых, что непременно должны проявляться всякий раз, когда творчески преодолевается механичность общественных явлений и на смену привычному появляется нечто новое. Всякий общественный прогресс — их монополия. Динамика общественной жизни всецело обязана своим существованием динамике человеческого духа.

В качестве процессов нашего сознания и нашей воли духовные причины общественных явлений заполняют собой широкую область побуждений, целей и действий этических. Назовем ее поэтому просто этической областью или этической сферой, пользуясь термином, ставшим уже привычным.

Этическая сфера в свою очередь распадается на три главнейших более узких сферы; на мораль, на право и на политику.

С этой точки зрения всякое общественное явление, способное внести изменение в формы и существо наличных общественных отношений, непременно представляет собой либо явление морального порядка, либо явление правовое, либо политическое. Чаще же всего оно является и тем, и другим, и третьим одновременно, но только в разных пропорциях. Говоря другими словами, Мораль, Право и Политика образуют одновременно и те три основные формы, в которых выражается всякий социальный прогресс и ту троицу основных сил, которыми он пользуется для всех целей и во всех своих достижениях.

Обычно внимание обращается только на Мораль и на Право. Многочисленные руководства по теории права и трактаты по этике подробно излагают все, что их касается порознь и обоих вместе. Иначе обстоит дело с Политикой. Есть, правда, немало теоретических исследований по политике, и в большинстве из них главы об отношении политики к морали и праву занимают почетное место. Однако, даже в наиболее глубоких из этих исследований тщетно было бы искать удовлетворительного описания или обоснования своеобразной социальной природы Политики и ее своеобразных социальных функций! А между тем, полное неумение понять и оценить социальное значение политики составляет такой пробел в современной общественной науке и в современном общественном сознании, благодаря которому в совершенно искаженном

свете выступают не только сама Политика, но и вся Мораль, и все Право. Дебри исторически-иррационального оказываются гораздо гуще, чем могли бы быть...

Напротив, достаточно поставить Политику в один этический ряд с Моралью и Правом и придать ей одинаковое с ними по важности этическое значение, как сразу многое в социальной жизни людей становится несравнимо яснее.

Мысль социолога должна идти по следующему пути:

— Человеческое общество требует во всякое время своего существования норм троякого порядка. Назначение одних из них заключается в том, чтобы закреплять и отражать наиболее постоянное и наименее изменяемое в данной общественной организации. Это — те нормы, что наименее зависят от времени и от обстоятельств и что почти всегда имеют претензию вовсе не зависеть от них. Это — нормы «абсолютные», выдержавшие испытание веков, — «вечные» наиболее общие и принимаемые за наиболее возвышенные и священные. К сожалению, эти абсолютные и вечные нормы, только разве в вечной жизни и могут удовлетворять одни всем социальным требованиям; — одни, без всякой посторонней помощи. Напротив, в жизни земной людям на каждом шагу требуются такие нормы, которые позволяли бы создавшемуся положению сохраняться лишь в течении того или иного периода. Пусть это создавшееся положение отнюдь, не безусловно; пусть справедливость, на которой оно покоится, весьма и весьма относительна. Если только при данных обстоятельствах положение это — при всех своих недостатках — есть лучшее из всех Возможных, то несомненно справедливо, чтобы оно продолжало поддерживаться некоторое время и впредь. А так как с помощью чисто абсолютных норм нельзя осуществлять относительную, условную и временную справедливость, то потребность социальной жизни в нормах иного порядка, чем абсолютные, становится очевидною.

Что же это за нормы?

Раз их задача заключается в том, чтобы закреплять и отражать справедливость относительную, то должно быть ясно с самого начала, что нормы этого второго порядка не могут быть ни настолько «святыми», ни настолько прочными и независимыми от эпохи, что предыдущие. Нет; это — как раз нормы, пригодные лишь в известный исторический период и требующие замены или отмены, как только историческая обстановка существенно изменилась.

Но изменения исторической (и социальной) обстановки происходят не только из эпохи в эпоху и из периода в период. Они происходят изо дня в день, каждую минуту, большею частью с трудом замечаемые. Эти постоянные и мгновенные изменения подчиняются, в свою очередь, известной справедливости и управляются своим особым этическим началом. Разумеется, проявляющаяся здесь справедливость не является ни вечной, ни даже рассчитанной на известный срок или на некоторые общие случаи. Это — справедливость отдельного неповторяемого случая, справедливость момента.

Что касается предписаний или норм этого последнего, третьего типа, то их очень трудно устанавливать, так как они изменчивы и капризны точь-в-точь в той же степени, что и явления, этический смысл которых они выявляют. Несмотря на это, они не менее необходимы в общественной жизни людей, чем все остальные.

Взятые в качестве трех особых порядков этических норм, все только что описанные нормы суть не что иное, как Мораль, Право и Политика в их наиболее резком отличии друг от друга.

Таким образом, дело Морали — удовлетворять потребностям социальной жизни в нормах абсолютных или кажущихся абсолютными. Право удовлетворяет ее потребности в нормах поведения, применимых в течение некоторого периода, определенного или неопределенного. Наконец, Политика стремится отразить то, что есть справедливого в каждом совершенно индивидуальном стечении обстоятельств и что с трудом может быть представлено в форме определенного правила.

Пожалуй, с наибольшей отчетливостью можно усвоить себе социальное назначение Морали, Права и Политики в том случае, если проследить его применительно к двум основным социологическим категориям; категории справедливости и категории времени.

Действительно, всякое социальное явление выступает с одной стороны, как некая (положительная или отрицательная) эманация справедливости, а с другой стороны, как известная функция длительности времени.

Иначе говоря, социальные явления стремятся одновременно и реализовать то или иное благо, и отметить очередной этап в историческом процессе, развивающемся во времени и чрез посредство времени.

В свете чисто философского анализа между Справедливостью и Временем выступает глубоко знаменательное соотношение. Находясь в двух различных метафизических планах — первая в плане «долженствования», вторая в плане «бытия», — и Справедливость и Время живут одной общей жизнью и выполняют одно общее конечное назначение. Только взятые вместе они вполне понятны. Только друг в друге они вполне раскрывают свою сущность. — Время в широком смысле охватывает: вечность, время в узком смысле (т. е. в смысле длящихся периодов) и момент. Справедливость, в свою очередь, выступает то как справедливость вечная или вневременная, то как относительная справедливость на известный промежуток времени и в известных условиях, то, наконец, как справедливость отдельного индивидуального случая, отдельного конкретного момента, который не повторяется и не допускает обобщения.

Так вот: Мораль есть область такого справедливого или должного, которое воспринимается как вечное, вневременное или абсолютное; — Право есть справедливое и должное на известный период времени и в известных конкретных условиях; — Политика же это этически совершенно необходимая область справедливого и должного в момент и для момента.

Это то, что я писал в 1918 г. в своей книге «Интернационализм» ("Основные вопросы теории международных отношений"): "Если этические начала связаны с историей мироздания и входят в нее, то можно, наверное, установить, что трем основным выражениям бытия — вечности, времени и моменту — в этическом ряду соответствуют нравственность, право и политика" (с. 81).

Все различно в Морали, в Праве и в Политике: их цели, функции, характер их норм, их санкция, психологические источники, из которых они вытекают и, в особенности, их отношение к историческому разуму.

Мораль скорее излишне рациональна, чем иррациональна. Следовательно, это не она делает человеческую историю такой хаотичной. Что касается Права, то оно достаточно рационально. Во всяком случае, превращение в правовые отношения, лишённые прежде правового характера, всегда знаменует собой важный шаг вперед на пути к исторической ясности.

Остается Политика.

Подчиненная одновременно противоположным влияниям, состоящая из бесчисленного количества элементов, вечно устремленная в разные стороны, вечно в изменениях — это она, Политика, является главным источником иррационального в истории, поскольку это последнее обуславливается действиями людей.

Если все только что сказанное верно, то поставленная нами проблема преодоления исторической иррациональности целиком сводится к проблеме рационализации политики.

"Политика должна стать рациональной" — таково главнейшее требование нашей эпохи.

"Давно пора создать новый политический разум".

II

Не правда ли, странно? — Даже для того только, чтобы стать простым сапожником или плотником нужно пройти довольно долгую и систематическую выучку, нужно определенное количество точных познаний. Ничего подобного не требуется, чтобы стать политиком. В политике каждый пользуется своими собственными приемами работы и мышления. Лишь очень немногие оказываются в состоянии подчинить в своих мыслях явления второстепенные явления действительной важности. Обычно, из всего совершающегося выдергивается наудачу несколько отдельных моментов и на них сосредоточивается все внимание.

Как много людей, позволяющих потоку событий увлечь себя без сопротивления и принимающих за окончательное и решающее все, что сообщает им последний номер их газеты. Даже наиболее опытные среди политических деятелей сплошь и рядом грешат этим. Немало профессиональных политиков считает своим долгом иметь детальную и тщательно разработанную политическую программу. Но кто среди них задавался целью построить эту свою программу на твердом и широком теоретическом основании?

На теоретическом основании...

Но теория политики — политическая наука — еще со времен Аристотеля топчется все на одном и том же месте и не удовлетворяет даже наиболее скромным требованиям. И никто не находил это ненормальным. Никто не видел опасности пренебрежения точным политическим знанием.

Пусть, по крайней мере, это будет найдено ненормальным теперь.

Пусть к созданию новой политической науки будет приступлено немедленно, потому что без новой политической науки бесполезно ждать созревания нового политического разума.

Само собой разумеется, что если бы все здесь приходилось создавать из ничего, здание научной политики не удалось бы построить с достаточной быстротой. По счастью, однако, положение не столь удручающе безнадежно. Специальная политическая наука отсутствовала до сих пор не потому, чтобы вовсе не было никаких точных познаний в области политических дел — таких познаний уже накоплено довольно. Только прежде все они неизменно оставались разрозненными, противоречивыми, не инструментальными, так как никем не был указан ни основной теоретический принцип, объединяющий все их вокруг себя, ни те теоретические центры, вокруг которых они располагались бы в отчетливом и правильном порядке. Напротив, — едва только этот основной, высший принцип и эти центры или фокусы окажутся установленными и проверенными, как тотчас же желанная Политическая Наука создастся сразу и сама собой, вооруженная всем необходимым ей опытом и оформленная правильными методами.

На мой личный взгляд, искомый высший принцип политической науки заключается как раз в той — знакомой уже нам — мысли, что Политика наряду с Моралью и Правом выполняет специфическую социальную функцию и обладает своей особой социальной природой.

Что же касается главнейших из подчиненных центров научно-политических изысканий, то остановимся лишь на некоторых из них, имеющих для нас наибольший интерес.

Вот — первый:

— Политические явления и процессы имеют совершенно тот же характер, обнаруживаются ли они в очень большом или же в очень малом масштабе. — Все они подчиняются одним и тем же социологическим законам, вытекают из одинаковых причин и приводят к одинаковым следствиям. Так, в принципе, политика какой-нибудь миниатюрной сельской общины ничем не отличается от политики величайшей из мировых держав. "Политическая психология" отдельной личности прекрасно выражает порой политическую психологию целого народа; и обратно.

Далее, второй очень существенный пункт:

— Он, по-видимому, в одинаковой мере относится и к социальной жизни людей, и к физической жизни мироздания. Физики утверждают, что все точки макрокосма неразрывно связаны взаимно, так что движение одной единственной молекулы производит в пространстве и во времени движение всех их вместе. Точь-в-точь тоже самое — в области отношений социальных и, в особенности, политических.

Всякий политический процесс неукоснительно подготавливается длинными рядами предшествующих политических процессов и в свою очередь подготавливает ряды последующих. Взятые все вместе, они представляют собой одну общую иерархию политических сил, действий и откликов, в которой каждый из них одновременно выступает и как вполне самостоятельное явление и как часть процессов более сложных и более общих. Иначе говоря, все политические процессы вплетаются всегда в одну общую политическую ткань. Наименее значительные моменты постепенно синтезируются во все более и более крупные и так вплоть до того, пока все человечество не начинает выступать в качестве единого и общего их носителя.

Здесь мы — пред третьим чрезвычайно важным пунктом:

— Необходимо как можно яснее усвоить себе, что над жизнью индивидуума, семьи, города, государства и временных сочетаний отдельных государств бьется особая международная жизнь всего человечества. По отношению к этой последней все остальные проявления социальной жизни имеют значение лишь частей, сторон, ветвей. Если в известной степени они определяют собой мировую политическую жизнь, то в не меньшей степени они сами определяются ею. И во всяком случае, все они не понятны до конца, если рассматриваются совершенно вне ее, вне этой мировой политической жизни. Отсюда — следствие: надлежит приучиться все политические явления, каковы бы они ни были, рассматривать под истинно международным углом зрения; — надлежит сделать так, чтобы самая широкая международная точка зрения брала в политике верх над точками зрения более узкими; — надлежит сознательно добиваться того, чтобы как можно скорее и как можно полнее начала проявлять себя эта истинно международная политика, политика мировая.

Надеюсь, уже и сейчас ясно, что следует понимать под мировой политикой в отличие от общепринятого понятия политики международной. Мировая политика это та, которая выражает собой не искусственную равнодействующую из противоположных и враждебных стремлений народов, но — наоборот сознательный результат их общей воли, направленной к одним и тем же целям и лелеющей [один] и тот же идеал.

Идя далее по прямому пути нашего социологического анализа, обратим внимание на следующее:

— Всякая политика относится к какой-нибудь определенной политической ситуации. Всякая такая ситуация по самой своей природе временна и появляется в результате напряженной борьбы многочисленных и разнообразных политических сил. Никакой политический режим не доживает спокойно до того момента, когда его недостатки резко бросаются в глаза всем и каждому. Обычно он изменяется или вовсе отменяется еще тогда, когда в нем достаточно жизни, когда достаточно причин для его поддержания. В силу его изменения или падения непременно исчезает нечто ценное, что должно было бы оставаться, а вместе с тем продолжает жить немало людей, которые понимают это, жалеют об этом и для которых прежнее положение вещей было единственно допустимым, дорогим, выгодным. Что же удивительного в таком случае, что во всякую эпоху и при всяком политическом режиме неизменно находятся люди, страстно мечтающие о восстановлении "старого режима" и напряженно работающие в целях его восстановления? Еще менее удивительно то обстоятельство, что каждый существующий политический режим непременно имеет своих пламенных приверженцев, которых он вполне удовлетворяет: иначе он не сумел бы утвердиться; а, утвердившись, не знал бы, на кого опереться, кем и чем держаться. — Наконец, следует ли добавлять, что никакой новый политический режим, каким бы совершенным он ни представлялся вначале, не способен удовлетворять всем решительно требованиям политического прогресса в течение долгого промежутка времени. Всегда и при всех условиях значительное количество неотложных и неоспоримых политических нужд остается неудовлетворенным. Поэтому-то всегда и при всех политических режимах имеется известное количество

политиков, борющихся лояльно или с помощью революционных приемов за новые этапы политического развития.

Таким образом, при всяком политическом режиме имеются на лицо более или менее благоприятные условия:

- а) для возвращения к отмененному социально-политическому укладу,
- б) для поддержания существующего в данный момент порядка вещей,
- в) для изменения его, хотя и существенного, но постепенного и безболезненного,
- г) для революционного низвержения существующего строя в угоду строю новому, далеко забегающему вперед по мыслимому историческому пути и мало считающемуся с привычными требованиями современности.

А благодаря этому, всегда и повсюду можно проследить проявления четырех основных типов политики: — ретроградной или реакционной, консервативной, прогрессивной или либеральной, и революционной.

В согласии с только что отмеченным объективным условием социальной жизни неизменно складывалась на протяжении веков политическая психология людей.

Каковы бы ни были в зависимости от времени и места конкретные основания политических группировок, в их взаимной борьбе всегда обнаруживается действие четырех основных политических темпераментов: — ретроградного, консервативного, прогрессивного и революционного.

Различные авторы неоднократно пытались установить тесное внутреннее взаимоотношение между возрастом людей — с одной стороны, и между перечисленными политическими темпераментами — с другой. Они подметили, что молодые люди по преимуществу настроены революционно, что старики обычно ретрограды, что умеренные консерваторы и либералы большею частью оказываются людьми среднего возраста. — Другие исследователи пытались установить соотношение и параллелизм между темпераментами, о которых речь, и между возрастными политическими режимами. С их точки зрения, всякий режим переживает несколько периодов, в течение которых он последовательно обнаруживает все характерные черты юности, зрелости и дряхлости. — Третьи становятся на еще более широкую исходную плоскость и относят преобладание того или другого из главнейших политических темпераментов за счет разницы в историческом возрасте наций.

На наш взгляд, все подобные сопоставления в одинаковой степени правильны и допустимы, так как во всех планах и на всех ступенях политической жизни проявляет себя (в согласии с отмеченным выше социальным законом) одна и та же игра четырех политических темпераментов, из которых берут свое начало четыре соответственных типа политических программ.

Да, это так: — во всех планах и на всех ступенях политической жизни. Мы это констатируем и подчеркиваем, чтобы вывести отсюда то исключительное по своей важности следствие, что и вся международная жизнь в ее целом есть не что иное, как громадное поле для игры и борьбы тех же политических темпераментов и тех же политических программ.

В самом деле:

— В каком бы виде ни представлялось данное мировое политическое положение, оно прежде всего — политическое положение. Это означает, что оно удовлетворяет, в общем, одну часть народов и вызывает неудовольствие в другой. Конечно, всякий народ доволен и недоволен по-своему. Однако, в качестве единого политического целого все они представляют собой не что иное, как мировые политические партии. Причем одни выполняют функции народов консерваторов, другие — роль прогрессистов, третьи оказываются народами революционерами, а четвертые по старости, из-за паралича или по иной какой-либо причине вяло тянут мир в сторону политического декаданса.

Каковы эти функции и роли в каждом индивидуальном случае?

Чего требует их исполнение от соответствующих народов?

Каковы условия их возможного исторического успеха и мыслимые причины их неуспеха?

Далеко не просто уяснить себе все это. Но вместе с тем, пока это остается не уясненным, все усилия укротить иррациональное и трагическое в истории человеческого рода будут сделаны совершенно напрасно, — не приведут решительно ни к чему.

Скажу еще точнее:

— Человеческая история не перестанет быть иррациональной и ужасающе трагичной до тех пор, пока международные отношения не начнут складываться в согласии с определенной программой, выработанной всеми народами вместе и осуществляемой всеми ими сообща. — Для того, чтобы это случилось, нужно, чтобы предварительно несколько основных программ были выработаны, провозглашены и энергично защищались в их взаимной борьбе. Говоря другими словами — настоятельно необходимо, чтобы современные народы сделались в гораздо большей степени членами мировых политических партий, чем это было до сих пор, и чтобы даже внутренняя политическая борьба в каждом из них была по преимуществу борьбой между представителями различных международных, мировых партий.

Оставим в стороне ретроградную политику и программы реакционные, как неспособные служить целям политического прогресса. Будем думать только о тех, которым принадлежит или историческое настоящее или историческое будущее.

В таком случае, идеалом было бы то, если бы соответствующие программы отражали одновременно требования и Морали, и Права, и Политики в их гармоническом согласовании и соединении.

Увы, подобный идеал осуществим лишь в заключительный период истории. Поэтому напрасно было бы теперь уже ломать голову над выработкой единой и безусловно совершенной мировой политической программы: все равно ничего не выйдет. Для начала же вполне достаточно было бы усвоить себе, что во многих случаях современная жизнь народов разворачивается под знаком отчетливо выраженного преобладания то факторов моральных, то факторов правовых, то чисто политических факторов.

Более углубленный анализ непременно показал бы при этом, что весь стиль социальной жизни совершенно отличен у народов, подчиненных моральному началу, по сравнению с теми, над которыми витает дух права или где властвует эфемерная богиня политики. — Тот же анализ с несомненностью установил бы далее, что имеются

совершенно специфические условия для того, чтобы одна из этих трех этических сил могла восторжествовать над двумя остальными и чтобы она принялась властно управлять социальной жизнью той или иной страны.

В частности, во всех трех случаях совершенно различными должны оказаться: — исторические судьбы данных народов, — их государственное устройство, — их внутреннее и внешнее положение, — их национальная психология, — общий характер их культуры.

В виду всех этих причин, громадной ошибкой явилась бы выработка мировых программ без учета конкретных состояний основных групп народов и без того, чтобы теоретически базировать эти программы одни на Морали, другие на Праве и третьи на чистой Политике.

Этим я хочу сказать, что приходится выбирать между тремя типами программ реорганизации мира.

На чем же в конечном итоге должен покоиться этот выбор? — От чего он должен зависеть?

Очевидно, что в первую очередь он должен зависеть от объективных условий, более благоприятных для одной из программ по сравнению с остальными; а затем — от качеств программ и от нашей субъективной оценки их, т. е. от того стиля общечеловеческой социальной жизни, который каждая из них обещает установить.

Не сводятся ли после этого все отдельные частные проблемы, интересующие нас здесь, к одной общей: — к выяснению логических условий, путей и соотносительной ценности мыслимых в будущем общеисторических международных процессов, из которых один опирался бы по преимуществу на Мораль, другой на Право, третий на Политику?

И не становимся ли мы тем самым лицом к лицу с великим историческим императивом:

— Стремиться к тому, чтобы вся последующая международная борьба стала борьбой за неведомую еще пока международную мораль, за подлинные — а не мнимые только — всемирные, на этот раз вполне оправдывающие себя формы мировой политики?

III

Есть все основания полагать, что в настоящий момент историческая почва достаточно подготовлена как для формулирования вышеуказанных программ, так и для удовлетворения только что формулированного императива.

Тесная междузависимость всех стран есть один из наиболее очевидных и неоспоримых фактов современной действительности. Быстро укрепляющийся «интернационализм» есть одна из наиболее характерных черт нашей исторической эпохи. Яркие проявления единства новейшей международной жизни бросаются в глаза положительно на каждом шагу. — "Мир стал удивительно маленьким", не без основания жалуются некоторые. И, как будто бы, день ото дня он становится все меньше и меньше. Поразительные открытия и изобретения последних лет в области усовершенствования путей сообщения и средств сношения чудодейственным образом сократили пространство и частично вовсе отменили время. То, что происходит в одном конце мира, в то же

мгновение становится известным во всех остальных его концах. Невозможно представить себе событие, сколько-нибудь значительное для одного народа, которое не нашло бы живого отклика в большинстве других народов. Это в одинаковой мере относится и к экономическим явлениям, и к политическим, и к чисто культурным.

В настоящее время ни одно государство не в состоянии удовлетворять все свои экономические потребности с помощью одних только собственных средств. С давних пор поэтому в общем сознании начала укрепляться мысль, что с экономической точки зрения земной шар представляет собой единое целое.

Не многим иначе обстоит дело и в чисто политической области. Легко ли, в самом деле, отыскать теперь такие политические явления, которые представляли бы интерес только лишь для одного какого-нибудь народа? Много ли можно насчитывать теперь серьезных политических шагов, которые одно правительство предпринимало бы без предварительного оповещения или даже без прямого согласия на них целого ряда других правительств? Каждая отдельная политическая нить сама собой вплетается в ту сплошную политическую ткань, которая простирается над всеми землями и над всеми народами.

Что же касается общей культуры современных народов, как таковой, то она интернациональна по преимуществу.

Газета, которая не помещала бы телеграмм из всех уголков мира, просто не была бы газетой в наши дни. Шедевры изящной литературы переводятся на все языки. Научные открытия мгновенно становятся всеобщим достоянием. В аудитории знаменитых университетских профессоров крупнейших из культурных центров собираются для обучения представители чуть ли не всех стран. Знаменитые артисты, — музыканты и певцы, — одинаково у себя дома в Берлине и в Лондоне, в Нью-Йорке и в Париже, в Петрограде и в Риме. Уметь читать и изъясняться на нескольких иностранных языках сделалось почти обязательным для всякого образованного человека. Общий уклад жизни и одежда людей, физиономия городов, организация и распорядок отелей, тип населения столиц все это с каждым днем становится более и более интернациональным, даже и в итоге войны и в итоге великой русской революции.

Прямым следствием уплотнения международных связей является специфическое "международное сознание" современной нам эпохи.

Все эти мысли об единстве народов, о необходимости братской солидарности между всеми частями человечества, об абсурдности и преступности войн незаметно перешли из царства отвлеченных теорий в конкретные и практические политические программы. — Организуются международные конгрессы парламентских деятелей. — Превращаются в периодические Мирные Гаагские Конференции⁶. — Создается официальная Лига Наций⁷. — Повсюду развивается широкое пацифистское движение. — Все отрасли жизни двигаются вперед с помощью соответствующих международных съездов и обществ. Наконец, — и это становится все более и более существенным, — на почве марксистского догмата борьбы классов образовался интернационал рабочего пролетариата и во всех странах дает себя знать координированное рабочее движение с яркими заданиями.

Казалось бы, очень немногого недостает для того, чтобы вся наша психология, наш интеллект, наше этическое сознание стали в первую очередь интернациональными, и

чтобы в душе ближайших же поколений, которые придут нам на смену, навсегда укоренился культ интернационализма, последовательного и широкого?

Нужно ли указывать, насколько выгодным оказался бы для всех триумф подобного интернационализма и какие радужные перспективы открывал бы он на будущее?

Однако...

Однако, раньше, чем пропеть гимн своего окончательного самоутверждения, интернационализму предстоит еще преодолеть одно весьма серьезное препятствие.

Препятствие это можно называть различно:

— Национализм, — Патриотизм, — Культ государственности.

— В их противоположении интернационализму все указанные понятия обозначают почти одно и то же. Если угодно, это — государство в его стремлении отстоять свой престиж, свою индивидуальность, свою независимость, не допуская ничего превыше себя и оставаясь вечно таким. каково оно сейчас.

Всем хорошо известно всемогущество современного государства, — по крайней мере в принципе. Никто не станет отрицать, что вопреки всему современному интернационализму психология людей XX-го века представляется по преимуществу националистической и патриотической. Быть может, более националистической и патриотической, чем когда-либо прежде.

Означает ли это печальную отсталость нашей психики? Или это есть проявление своеобразного духовного атавизма?

Ни то, ни другое. Тот, кому пришлось бы выступать в защиту государства, легко нашел бы для своей речи десятки и сотни необходимых аргументов.

В самом деле:

— Не является ли государство надежнейшим покровителем личности? — Не есть ли оно вернейший защитник национальных интересов? Не оно ли должно быть признано лучшим из средств для достижения наиболее совершенной социальной организации? — Чем более государство могуче, богато и обширно, тем больше шансов для его граждан достичь предельных высот цивилизации. Стало быть, государство есть превосходный двигатель прогресса. — Ни одно государство не может процветать, если оно не удовлетворяет наиболее насущные потребности всех слоев населения. С другой стороны, только с помощью государства потребности эти и могут быть удовлетворены в достаточной мере. Стало быть, государство есть верный страж социальной справедливости.

— К тому же, современное государство чрезвычайно гибко и легко приспосабливается к быстро меняющимся требованиям социальной жизни. Это его свойство позволяет ему с успехом действовать на пользу чисто политическому прогрессу.

— Обычно политический прогресс совершается в атмосфере соперничества и борьбы. Внутри государства борьба происходит обычно между индивидуумами, группами и классами; здесь задача государства умерять эту борьбу и придавать ей безопасные формы. В международной области политический прогресс проистекает из борьбы между самими государствами, членами международного общения. Следовательно, существование (независимых) государств необходимо для внутригосударственного и

мирового политического прогресса. Без них этот быстрый и неустанный прогресс не замедлил бы выродиться в мертвый застой.

Пусть приведенная аргументация в пользу государства способна вызывать весьма и весьма серьезные возражения. Одно для многих всегда останется вне спора: идеал национализма и идеал интернационализма суть два диаметрально противоположных идеала, непримиримых в их напряженной взаимной борьбе и несогласимых ни при каких условиях. Необходимо делать выбор между тем и другим. Задачей последующей международной истории должно стать обеспечение решительной победы одному за счет другого.

Положение может показаться совершенно безвыходным, социальная апория неразрешимой. Все мечты о мирном, разумном и прекрасном будущем народов вот-вот рассеются, как дым; раз и навсегда.

Так здесь-то именно и должен впервые авторитетно проявить себя тот новый политический разум, о котором говорилось несколько выше. Его прямая обязанность — установить с непререкаемой очевидностью, что национализм и интернационализм несовместимы лишь до тех пор, пока все в современной социально-политической жизни остается без заметных изменений. Напротив, стоит только людям решиться на переустройство основ их публичной жизни, как пути взаимопримирения соперничающих принципов — националистического и интернационалистического найдутся без труда. И далее:

— Указанные принципы непримиримы, главным образом, постольку, поскольку оба они претендуют на звание единоличного верховного управителя международной жизни. Напротив, едва только будет признано: — что ни один из них не в состоянии планомерно управлять международной жизнью вне самого тесного сотрудничества с другим; — что оба они одинаково должны оставаться «верховными», но только в разных смыслах; — что оба они призваны в одно и то же время и подчиняться друг другу, и подчинять себе друг друга; — что не "государству вообще" предстоит сойти с исторической сцены, а лишь каждому из отдельных государств отказаться от идеала полной независимости; — едва только все это будет признано, как самая проблема взаимопримирения национального принципа с интернациональным отпадет сама собой.

И, наконец, — что еще более важно:

— Прошли уже те времена, когда можно было свободно выбирать между программой последовательного национализма или программой подчинения законам интернационализма. Бесповоротное и окончательное решение уже принято. Принято не нами, людьми, а самой историей.

Да, все это должен и может установить новый политический разум.

— "Посмотрим внимательно" — так аргументировал бы он: — "То самое государство, которое столь ревниво оберегает свою независимость и свой суверенитет, которое ведет такую ожесточенную борьбу против всякого международного прогресса, даже и оно в последнем счете оказывается на службе у интернационализма. И Вот каким образом: — всякое стремление отдельных государств, направленное к их самоусилению, вольно или невольно содействует разрешению международной проблемы. Всякое государство,

ставшее большим и благодаря этому утвердившее один общий правовой порядок на значительном пространстве земли, уже одной своей обширностью представляет собой ценное завоевание интернационализма. Повсюду и во все эпохи малые государства стремились стать великими, а великие тяготели к империализму. Но что же представляет собой подлинно империалистическое государство, если не государство, способное направлять ход всей международной жизни и стремящееся разрешать по своему единоличному усмотрению все международные вопросы?"

Говоря другими словами, национально-государственный эгоизм, достигший предельных своих вершин, в такой же мере служит делу объединения народов в одно общее политическое целое, что и самый бескорыстный интернационализм, отправляющийся от идеи солидарности и безусловного взаимного равенства всех государств. Различны в национализме и интернационализме не предельные устремления, а пути и средства. Не окончательные результаты, а методы их достижения. Поэтому-то, наверное, и бывает временами так трудно различить с точностью, где заканчивается национальный эгоизм и где начинается международная солидарность.

IV

Яркое подтверждение изложенной точки зрения дает исследование международно-политического смысла недавней великой войны⁹. Когда я утверждал, что история уже приняла окончательное решение в споре между интернационализмом и национализмом, я прежде всего опирался именно на опыт показательного 1914 года.

Еще совсем недавно выяснение исторического смысла мировой войны составляло излюбленную тему политических писателей всех стран. — Для одних эта война представлялась грандиозным поединком между двумя господствующими империализмами: германским и английским. Другие усматривали в ней всеобщую борьбу против одного единственного — германского — империализма, слишком притязательного и потому слишком опасного. Для третьих, всеобщая борьба служила выражением стремления современных народов к установлению немедленного вечного мира. Как бы то ни было, все сходились на том, что война 1914 года есть борьба одних государств против других, и никто не пытался взглянуть на нее как на единый мировой процесс, в котором каждое государство играло определенную роль совершенно помимо своей воли и часто вопреки прямым своим интересам.

Между тем, первое условие для правильного понимания недавней великой войны заключается именно в том, чтобы отрешиться от каждого из государств в отдельности, каково бы ни было его реальное значение, и все свое внимание сосредоточит на едином мировом политическом процессе со всеми его условиями, путями и противоречиями, как на совершенно особом социальном процессе, вбирающем в себя и завершающем в себе все остальные социальные процессы. Только тогда с полной отчетливостью выступит наружу логика великой войны и станут одинаково ясными и достигнутые ею прямые политические результаты, и внутренний механизм, двигавший ею, и поставленные ею проблемы. В особенности же станет ясным тогда то, что это была война за осуществление мировых политических программ и что подлинный международный мир наступит лишь в

том случае, если одна из этих мировых программ будет осуществлена, чего бы это ни стоило.

Ход рассуждений здесь должен быть приблизительно таков:

— Прежде всего великая война с чрезвычайной наглядностью подтвердила самую тесную взаимозависимость народов. Достаточно было острого столкновения интересов трех или четырех стран, чтобы тотчас же все страны почувствовали себя непосредственно затронутыми новым положением вещей и чтобы сразу изменилось соотношение всех международных сил. Параллельно великая война показала, что общность международных интересов отнюдь не исключает решительного отстаивания государствами своих эгоистических национальных интересов. Иначе, каждое государство охотно пожертвовало бы в критическую минуту своими национальными интересами в угоду общим интересам всех стран и мировой войны вовсе не было бы. Таким образом, приходится сказать, что глубокая взаимозависимость между национальными интересами всех стран, и вместе с тем самые резкие противоречия между ними, — являются двумя изначальными предпосылками великой катастрофы 1914 года.

Вначале все воюющие выступали с одними и теми же лозунгами. Одинаково убежденные в правоте своего дела, все они одинаково полагали, что при помощи оружия выполняют высший нравственный долг. Конкретно этот высший нравственный долг заключался для каждой страны в том, чтобы не допускать нападений противников, — не позволять никому усиливаться за ее счет, вернуть то, что когда-то было утрачено и добиться тех или иных новых выгод. Это значит, что чисто национальная точка зрения играла тогда повсюду решающую роль; национальные интересы служили отправным пунктом для всех наций и для всей аргументации их правительств. "Мое собственное государство превыше всего."

Однако, что, собственно, высказывалось этим лозунгом — "мое государство превыше всего"? В разных странах его понимали по-разному и по-разному выводили из него заключения. С наибольшей энергией и последовательностью с давних пор держалась за него Германия. Эта могучая держава не успела еще занять того места под солнцем, на которое претендовала. Она прекрасно сознавала, что полностью осуществить свои национальные вождедения ей не удастся иначе, как с помощью оружия. Наконец, для нее совершенно не было тайною, что в решительный момент она может рассчитывать только на себя. В виду всего этого она напрягала все свои силы, чтобы оказаться непобедимой в любой из ожидаемых войн, каковы бы ни были ее условия и кто бы не выступил в ней ее противником.

Как и следовало ожидать, Германия с самого начала натолкнулась на суше и на воде на четыре крупнейших мировых державы: на Англию, Францию, Японию и Россию.

И не смотря на это, в течение очень долгого времени успех и выгоды военного положения упрямо склонялись на ее сторону. Почему? Не потому ли, что один яркий национализм, опирающийся только на самого себя, всегда более силен любого числа других национализмов, опирающихся друг на друга и мешающих друг другу? И не дается ли тем самым своеобразного исторического оправдания той мировой политической программе, попытка осуществления которой выпала на долю Германии?

Программа, которая здесь имеется в виду, опирается на определенного рода представление о развитии международного процесса, допускающее два схематических варианта.

Первый вариант: — Сто малых государств постепенно превращаются в пятьдесят более крупных. Пятьдесят в свою очередь превращаются в двадцать пять еще значительно более крупных и — так, пока не останется всего на всего три государства, потом два, потом одно единственное мировое государство.

Второй вариант: — Наиболее могущественное из ста существующих государств постепенно поглощает сначала наиболее мелкие, потом средние, потом и самые крупные, чтобы в конечном итоге сделаться единственным всемирным государством.

В приведенных схемах нас должен интересовать, однако, не столько порядок постепенного сокращения числа государств, сколько те методы и средства, с помощью которых одно какое-либо государство втянуло бы в себя всех своих соперников.

Вот — эти методы и средства:

Чрезвычайное развитое национальное чувство.

Исключительно активная национальная воля.

Высокая цивилизация и материальное богатство, недостижимые для других стран.

Принудительное предписывание своей воли и своей цивилизации остальным нациям.

Подчинение многих наций с помощью прямого насилия.

Религия силы и апология неравенства.

Самый крайний милитаризм.

И войны, войны, войны...

Да, таковы в глубочайшей основе своей предпосылки всей внешней политики былой Германской империи. — Германия чувствовала себя неизмеримо выше и сильнее всех остальных стран, взятых вместе, и упорно стремилась стать еще и еще сильнее, чтобы подняться еще и еще выше. Трудно предугадать, что случилось бы, если бы подобная жажда принудительного мирового владычества мучила не только императорскую Германию, но и несколько других великих держав. И при том в одинаковой с нею степени. Лично я полагаю, что историческая логика не может допустить, чтобы в одну и ту же эпоху план принудительного политического объединения всех народов в достаточной степени увлекал более, чем одну нацию. Это — удел нации, чувствующей совершенно особое историческое предназначение или «избрание». И не потому ли, в последнем счете, подобная «избранная» нация и берется за задачу всемирного завоевания, что видит себя единственной, ставящей себе столь широкую и смелую цель?...

По мере того, как военные успехи Германии в войну 1914 года стали угрожать все большему и большему числу народов, автоматически стало расти число ее противников. Вот уже их приходится считать десятками. И все же месяцы проходили, миллионы людей гибли, а победа по-прежнему не знала, на какую сторону склониться окончательно. Как известно, целых четыре года понадобилось на то, чтобы она склонилась, наконец, на сторону противогерманской коалиции.

Что же, однако, означала эта победа? Что случилось в ноябре 1918 года?

Случилось то, что за время долгого военного сотрудничества и в целях достижения общей военной и политической цели "Союзные и Дружественные Державы"¹⁰ сумели приглушить свой национальный эгоизм и подчинить его требованиям взаимной солидарности. Уже многократно указывалось, что Германия была побеждена знаменитыми "четырнадцатью пунктами" Вильсона¹¹, т. е. мировой политической программой, по смыслу своему диаметрально противоположной германской программе.

Вильсон известен в качестве апостола братского сближения народов на основе их взаимного уважения и искреннего признания ими всякой чужой цивилизации.

Его политическая программа есть программа добровольных соглашений между государствами и дружеского согласования свободной воли различных наций, одинаково выгодного для каждой стороны.

Самое полное юридическое равенство всех государств без малейшего отношения к размерам их национальных ресурсов должно было быть основным принципом и этих соглашений, и этого согласования.

Культ права царит.

Не существует никакого милитаризма.

Ангелы мира не покидают ни одной страны и не знают больше ни забот, ни трудов.

Если бы исторический процесс захотел следовать лишь путями президента Вильсона, то схема его — в параллель к предыдущей схеме — представилась бы приблизительно в следующем виде:

— Сто существующих государств так вечно и остаются сто.

— Были они раньше суверенными, суверенными они останутся и до самого конца истории. Только раньше все они очень мало были связаны друг с другом посредством международных договоров и договоры эти сравнительно мало затрагивали их внутреннюю жизнь. Теперь, напротив, все важнейшие политические вопросы разрешаются не столько правительствами и парламентами каждой из стран порознь, сколько специальными международными конференциями и особыми постоянными международными органами. — Войны прекратятся, как недопустимые юридически и бесполезные практически. — Международная экономическая борьба будет постепенно отменена за явной невыгодностью. Междугосударственные недоразумения и национальная вражда навсегда исчезнут из исторического обихода, благодаря действию международного суда.

— Собственно, все осталось бы без изменения только по видимости. На самом же деле, образовалась бы всемирная конференция государств, — быть может, весьма похожая на единое всемирное федеративное государство.

В ноябре 1918 года Союзные и Дружественные Державы победили Германию. Тем не менее, совершенно нельзя было сказать, что их великолепная мировая программа, отредактированная Вильсоном, одержала в этот момент победу над мировой программой их противницы.

Нет; в итоге великой войны обе мировые политические программы оказались совершенно одинаково скомпрометированными и разбитыми.

Одна из них рухнула оттого, что Германия не оказалась неизмеримо выше и сильнее всех остальных стран, взятых вместе.

Другая — оттого, что солидарность известного числа наций, вспыхнувшая в момент общей опасности, оказалась весьма хрупкой, искусственной и полностью разрядилась в военной победе над временным врагом.

Крушение обеих указанных мировых программ не вернуло мир в какое-то прежнее состояние. Нет, оно имело иные последствия совершенно первостепенной исторической важности. Благодаря ему, на первую очередь международного политического дня настойчиво выдвинулась новая мировая политическая программа — третья и последняя.

Самая радикальная, самая решительная из всех трех. Она начинается с того, что предписывает самую полную переоценку всех существующих политических и социальных ценностей.

Зачем думать, что вне форм современного государства невозможна хорошо организованная социальная жизнь? Истина как раз в обратном. Нельзя существенно улучшить условия человеческого общежития, не отказавшись предварительно от всех его традиционных форм. Независимое государство вовсе не пригодно для того, чтобы утвердить среди людей полное благополучие и вечный мир; больше — оно главнейшее препятствие на пути к ним.

Следовательно, необходимо разрушить все перегородки, воздвигнутые государством в пределах наций, и устранить все барьеры, которые отделяют нации одну от другой.

Все народы должны объединиться в единое мировое братство.

Это вполне осуществимо при условии, что это будет братство людей труда.

Весь мир представит тогда единую республику рабочих республик.

Какая разница между тем, что было, и тем, что будет! В прошлом человечество, искавшее объединить свои части, то с помощью принуждения, насилия и войн и на основе принципа неравноценности и неравенства наций; то с помощью договоров, согласовавших несогласимое на почве равенства искусственного и лицемерного. Это — в прошлом. В будущем же — ни равенства, ни неравенства. Ни войн и, быть может даже, ни договоров и соглашений. Но вместо всего этого полная солидарность социальных интересов и самое совершенное единство между всеми людьми, где бы они ни жили и каковы бы они ни были.

Пока рабочий — пролетарский — интернационализм мог представляться лишь отвлеченным выводом из социалистической доктрины и пока он сравнительно мало проявлял себя в качестве активной международно-политической силы, каждый оставался волен считаться или не считаться с приведенной программой.

Иное дело — теперь. Положение резко изменилось. В итоге мировой войны трудящиеся массы большинства стран приобрели несравненно большее чем прежде влияние на ход международных отношений. Теперь они стали международной силой первостепенного значения. Быть может, это единственная сейчас подлинно международная сила и, во всяком случае, никакая другая из международных сил не обещает так усиливаться и расти с каждым годом, как она. И тем не менее, как бы она ни была велика и какие бы заманчивые перспективы ее ни ожидали в ближайшем же

будущем, она никогда не достигнет таких размеров, чтобы социалисты могли осуществить важнейшие из своих задач одними только мирными и невинными средствами. Чтобы не оказаться раздавленным, социализм должен защищаться и нападать. Он не может не быть революционным и он никогда не перестанет быть революционным. Он менее революционен в более или менее «нормальных» условиях политической и экономической жизни. Его революционность автоматически увеличивается по мере ухудшения общих политических и экономических условий в каждой данной стране.

В результате недавней грандиозной войны жизнь повсюду сделалась небывало трудной. В некоторых странах она стала буквально невыносимой. Вот почему в целом ряде стран рабочие массы проявляют себя такими революционными, какими они еще не были никогда. Они мечтают о мировой революции. Пусть не в полном своем составе и даже не в своем большинстве. Однако, даже те их части, что враждебно относятся к мысли о немедленном устройстве мировой революции, даже и они стоят за Советскую Россию, сознательно стремящуюся к мировым революционным потрясениям и вполне способную их вызвать. И кто знает? Быть может, вовсе не так далек тот день, когда мировая революция вдруг вспухнет с такой же неожиданностью, с какой несколько лет тому назад вспыхнула мировая война. Да она, быть может, уже и вспыхнула и только мы еще не замечаем, что она уже мировая. Ведь, и мировая война не сразу охватила все страны и не сразу стала мировой в строго географическом смысле слова.

Впрочем, оставим в стороне всякие сравнения, предчувствия и предсказания.

Одно всегда останется несомненным:

— С тою же самой социологической законосообразностью, с какой германская мировая программа выработалась до войны 1914 года, а американская (Вильсо-новская) во время этой войны, — третья мировая программа, революционная, должна была выступить на передний исторический план тотчас же после нее, как раз обе первые обнаружили полное свое бессилие обеспечить установление прочного международного мира.

До тех пор, пока эта последняя программа будет иметь своих горячих сторонников, возможность мировой революции не должна считаться исключенной. Потому что, с другой стороны: — до тех пор, пока еще не устранены целиком всякие вообще поводы к мировой революции, революционная мировая программа неизменно останется угрожающей для одних и соблазнительной для других.

Таким образом, если первая (консервативная) мировая программа необходимо предполагала мировую войну; если вторая (либеральная) могла утвердиться лишь при посредстве всеобщего мирного договора на равных для всех началах, то третья (революционная) мировая программа предполагает пришествие мировой революции, которая во внезапном и бурном прорыве в будущее сразу должна осуществить все то, что были бессильны осуществить века напряженной работы и напряженной борьбы.

Но так как здесь нужна именно мировая революция, т. е. новая ужасная катастрофа, новая борьба и новые бесчисленные жертвы, то и она может не привести ни к чему, точь-в-точь так же, как и мировая война, а за войной всеобщий мирный конгресс, предшествовавший ей. О, да! Этого следует опасаться: при неблагоприятных условиях

даже и в итоге всемирной революции ничто не будет разрешено и никакая мировая программа не будет осуществлена. Напротив, последние ресурсы человечества, материальные и моральные, оказались бы исчерпанными и последняя юная кровь современного человечества была бы понапрасну пролита на бесчисленных военных фронтах «внешних» и «внутренних».

В этом и только в этом, главнейшая опасность мировой революции.

Иначе ее надлежит приветствовать в несравнимо большей степени, чем в 1914 г. многие приветствовали мировую войну, усматривая в ней единственный способ навсегда выйти из создавшегося безвыходного международного положения и установить какую-то "новую международную справедливость".

Из рук народных диктаторов в стиле Ленина и при посредстве таких стран, как современная Россия, голодных и нищих, мир вдруг получит то, чего не могли дать ему ни Германия с императором Вильгельмом¹², ни Америка с президентом Вильсоном.

И в связи со сказанным выше о современном международном хаосе и о рационализации истории, да будет мне позволено прибавить:

— Чем меньше мы вдумываемся в истинный исторический смысл деяний и намерений Вильгельма II, Вильсона и Ленина, тем больше мы работаем невольно в пользу Ленина. С другой стороны, чем, меньше мы стремимся сделать сознательный выбор между программами Вильгельма, Вильсона и Ленина, тем большие ужасы безысходного мирового хаоса ждут нас и грозят всему будущему человечества.

Итак, настоятельно необходимо проанализировать с возможной тщательностью политические цели и методы вышеуказанных императора, президента и диктатора.

Практическое значение подобного анализа огромно. Не менее значителен и его чисто теоретический интерес. Вот почему именно этому анализу будет посвящено все наше последующее изложение.

Пред нами развернутся тогда три великие политические системы. Мы проследим замечательное сцепление соотношений между Моралью, Правом и Политикой с одной стороны и между духом консерватизма, либерализма и революционного экстремизма с другой; между режимами монархическим, республиканским и советским и (соответственно) между империализмом, федерализмом и рабочим интернационализмом; — между социологическими принципами неравенства, равенства и единства и между идеалами аристократов, демократов и социалистов. Благодаря всему этому мы, в свою очередь, получим возможность более ясно представить себе, что по самому существу своему являет собой Политика и чем — конкретно — она должна быть для каждой страны в будущем.

Хочется верить, что тем самым мы приподыдем завесу исторически иррационального и осветим его первым лучом истины. И пусть за первым лучом как можно скорее следуют другие.

История не ждет.

Сатирикон

«Сатирикон» — русский еженедельный сатирический журнал. Возник в недрах старого русского юмористического журнала «Стрекоза» (1875—1918), утратившего популярность, и вскоре заменил его. Издавался в Петербурге с 1908 по 1913 год. Название — в честь античного романа.

В 1913—1918 годах выходил журнал «Новый Сатирикон», издававшийся частью авторов старой редакции. После революции журнал был закрыт, большинство авторов оказались в эмиграции.

Журнал сочетал как политическую сатиру (направленную, например, против внешней политики Германии до и во время Первой мировой войны, против черносотенцев, а после октября 1917 года — против большевиков), так и безобидную юмористику.

Деятели русской культуры Серебряного века, принимавшие участие в издании журнала, обобщенно называются «сатириконовцами».

В 30-е годы русские эмигранты попытались возродить Сатирикон. В 1931 года М. Корнфельд в Париже собрал группу сатириконцев и снова начал издавать журнал. Первый номер возрожденного «Сатирикона» вышел в апреле 1931 года. В нем приняли участие И. Бунин, А. Куприн, Саша Чёрный и др. Вышло всего около 20 номеров возрожденного «Сатирикона». Самым примечательным событием стала перепечатка романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

Карикатуры «Сатирикона»¹⁶⁹

Надпись под карикатурой:

- Странно, у тебя на сердце и король, и валет в одно и то же время...
- Что ж ты удивляешься, это ж минимум!

Тексты на карикатуре: Когда человеку не везет, то...

- Встает он в суеверном предчувствии и с левой ноги

- Мэнэ... Тэкэл... Фарес... Вода... Газ... Электричество
- Потеряв равновесие, он бредет до последней капли крови и чувствуя сердцебиение...
- Влетает в аптеку, но оказывается, что и магистры фармации могут ошибаться и спутать валерьян с касторкой...
- Из искры возгорится пламя! Еще мгновение и...
- Его переезжает детская колясочка, и возмущенный младенец кроет его крылатым словом!

Текст под карикатурой:

Прошлое принадлежало нервам,
Будущее принадлежит мускулам.

Тексты на карикатуре:

1. Посмотри, какая дивная луна! Ты сама похожа на луну, на грезу, да! На Принцессу Грезу в переводе Щепкиной-Куперник!
2. Мне все равно, что они подумают! Я готов целовать тебя в метро, в театре, на улице, пусть все знают, как мы счастливы!
3. Маня, принеси мне папиросы!
4. Плевать я хотел на эту луну! Затяни занавеску, мне спать хочется...
5. Удивительная вещь, эта женская психология! Ей бы Молохова читать, - а она все Щепкиной-Куперник бредит!
6. Посмотри на этих двух кретинов, не нашли другого места, чтобы целоваться, как в метрополитене!

Текст под карикатурой:

- Благодарю Бога, что я тебя еще на куски не разрезал...

Переоценка ценностей

"Когда легковерен и молод я был",
Я тоже с утра по музеям ходил,
И мерил паркеты торжественных зал,
И в каждую нишу, как в душу влезал,
И, верный обычаю, тоже не раз
Весьма добросовестно щурил свой глаз,
И пялил бинокли на тусклых Венер,
На всех Аполлонов из всех Бельведер.
И в бурном восторге и с пеной у рта
Увы! не щадил я тогда живота,
Считая, что в мире нетленных красот
Позорно иметь человеку живот,
И даже последний на свете дурак
Обязан глядеть на Венер натошак!
"Когда легковерен и молод я был",
Я тоже по всем катакомбам бродил,
И чуть-ли не падал от ужаса ниц
Пред бронзой и мрамором старых гробниц,
Где тлел, заслужив уважения дань,
Какой-то худой и чужой Шарлемань,
Который по слухам, иди - проверяй,
Попал в голубой католический рай,
И носится облачком, в золоте риз,
И смотрит весьма иронически вниз...
"Когда легковерен и молод я был",
Я тоже музейные вещи любил,
И тоже, бывало, ни свет, ни заря,
Какой-то болезненной страстью горя,
Шатаясь под сводами всех галлерей,
Взирал на портреты былых королей!

И, чувствуя в сердце невольную грусть,
Зубрил биографии их наизусть,
И бомбой врывался в угрюмый Шильон,
И робко со всех оглядевшись сторон,
Свою монограмму на стенке чертил...
"Когда легковерен и молод я был".
Довольно! Закончен наш ветренный стаж!
Сдадим свою молодость тоже в багаж,
И помня, как ноют и пятки и кость,
Пойдем, опираясь на прочную трость,
Почуя законный вполне аппетит,
В кафе, что напротив музея стоит,
И, отдав безумству прошедшего дань,
Закажем котлеты, а-ля-Шарлемань,
КОторый, должно быть, их тоже любил
"Когда легковерен и молод я был"...¹⁷⁰
Д.А.

К. Страшноватенко. Колониальный манифест

(Советская аллея через Венсенский лес)

"Негры и негритянки!

Вот уже несколько тысяч лет подряд, как мировая буржуазия продолжает держать вас в черном теле.

Огляните вашу историю и на вашу географию и скажите, что вы видите?

- Ваша история темна, как ваша подмышка.

- А от вашей географии даже на самые близорукие глаза невольно навертываются слезы.

"То слезы бедных матерей, им не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве..."

Так сказал наш родной поэт Некрасов в своем известном произведении за негритянскую независимость.

Что же касается вышеупомянутой нивы, так это только по цензурным соображениям.

А на самом деле это вовсе не нива, а недюжинная табачная плантация. На которой грубая рука плантатора беспощадно била вас белым по черному! И в то время, как вся остальная Лига Наций преспокойно набивала свои трубки табаком ваших рук и продуктами ваших ног, вы сами гибли, как мухи или, говоря точнее, как дикие экземпляры хищных зверей.

Из вашей кожи делались портсигары, и, смешно скрывать, дамские сумочки, а из ваших бедных костей выработывались изделия из слоновой кости! В конце концов эта бесстыдная мировая торговля вашими интимными чувствами вывела вас из себя.

И выйдя из себя, вы пошли навстречу солнцу и социализму. Но по дороге вы встретили Авраама Линкольна, который пустился на хитрость и сейчас же сказал своим спутникам:

- Если мы их не освободим сверху, то они сами освободят себя снизу! Само собой разумеется, мелкая буржуазия немедленно освободила вас от крепостного

права, на даже без намека на уничтожение чересполосицы, которые оставили колониальные бичи на вашем измученном теле.

С этого момента и начинается ваша непосильная борьба за лучезарные подпольные идеалы.

После крепостного права вы делаете шаг вперед и в виде протеста, начинаете танцевать кэк-уок, пропагандируя на европейских сценах идею самоопределения. Но в то время, как вы в поте ног своих зарабатываете хлеб свой, мировые деспоты роскошно пируют в своих дворцах и, развалившись в ложах еще смеют кричать бис! Но положительное и отрицательное электричество уже чувствуется в воздухе, отравленном удушливыми газами шипучего шампанского. Наступает второй этап насилия над личностью.

Как грозные буревестники, появляетесь вы на коробочках черной ваксы и сапожного гуталина и, сверкая своими вылезавшими из орбит белками, вы беззастенчиво используетесь для уличной рекламы, оскалив зубы и размахивая сапожной щеткой. Выхода нет...

Перед вами тупик и пробивание стены лобным местом!¹⁷¹

Собравшись на митинг, вы выделяете из своей среды боевой центр, так называемый жаз-банд!

Не будучи в силах разбудить сердца, вы переносите свой удар на барабанную перепонку...

Рев ваших саксофонов потрясает мир, и в предчувствии страшной расплаты, еще больше надуваются ваши и без того надутые от природы губы!

«Над седым от пены морем
Жозефина Беккер реет,
То бедром своим взмывая,
То полдюжиной бананов!...»

И вот в эту историческую минуту на помощь к вам приходим мы, старые мулаты и ученики Ленина, и говорим вам:

- Негры всех стран объединяйтесь с негритянками!...

Разве не все мы произошли от обезьяны, дабы сомкнув ряды, идти дальше?!

Не мы ли произнесли Ганнибалову клятву над гробом Ильича, вписав таким образом имя Ильича в метрику Ганнибала?

Мир хижинам дяди Тома и война дворцам!

Требуйте восьмичасового рабочего дня для людоедов центральной Африки!

Жертвуйте на воспаление коммунистической ячейки негритянской фракции!

Отречемся от старого мира и отряхнем его ваксу с наших ног!

Добивайтесь уничтожения негритянской чрезполосицы и помните, что негр умер, но негритосы его живы!... Ура!

Саша Черный. Кому в эмиграции жить хорошо

I

171

Там же.

Однажды в мглу осеннюю,
Когда в Париже вывески
Грохочут на ветру,
Когда жаровни круглые
На перекрестках сумрачных
Чадят-дымят каштанами,
Алея сквозь глазки, -

В кавказском ресторанчике
"Царь-Пушка" по прозвищу
Сошлись за круглым столиком
Чернильные закройщики -
Три журналиста старые -
Козлов, Попов и Львов...
И после пятой рюмочки
Рассейско-рижской водочки
Вдруг выплыл из угла, -
Из-за карниза хмурого,
Из-под корявой вешалки,
Из сумеречной мглы -
На новый лад построенный
Взьерошенный, непрошенный
Некрасовский вопрос:

Кому-де в эмиграции
В цыганской пестрой нации
Живется хорошо?
Козлов сказал: "Наборщику",
Попов решил; "Конторщику",
А Львов, икнувши в бороду,
Отрезал: "Ни-ко-му".
Опять прошлись по рюмочке
И осадили килькою,
Эстонской острой рыбкою,
Пшеничный полугар.
Козлов, катая шарики
Из мякиша парижского,
Вздыхнул и проронил:

"А все-таки, друзья мои,
Ужели в эмиграции
Не сможем мы найти
Не то чтобы счастливого,
Но бодрого и цепкого
Живого земляка?
На то мы и газетчики, -
Давайте-ка прощупаем
Все пульсы, так сказать...
Пойдем в часы свободные
По шпалам по некрасовским,
По внепартийной линии,

По рельсам бытовым..."
Попов, без темперамента,
Как вобла хладнокровная,
Взглянул на потолок:

"Ну, что ж, давай прощупаем.
С анкетами-расспросами
Мы ходим к знаменитостям
Всех цехов и сортов;

К махровым кино-барыням,
К ученым и растратчикам,
К писателям, издателям,
К боксерам и раджам.
Пожалуй, дело ладное,
По кругу эмигрантскому
Пройтись с карандашом..."

А Львов пессимистически
Потыкал в кильку спичкою,
Очки прочистил замшею
И наконец изрек:

"Искать Жар-Птицу в погребе
Занятие бесплодное, -
Но что же, за компанию
Пойду и я на лов..."
Козлов мигнул хозяину -
Сейчас, мол, кончим, батенька.
Уж полоса железная
До половины с грохотом
Спустилася на дверь...
"С кого начнем, приятели?" -
Спросил Козлов задумчиво. -
"С наборщика, с конторщика,
Пожалуй, не модель?"
"Давайте, други милые,
Начнем хоть с маляров.
Профессия свободная,
Веселая, доходная..." -
Промолвил Львов с усмешкою,
И зонтик свои встряхнул.
Пошли ночью улицей,
Сутулые и хмурые,
И молча распрощались
У бара на углу...

III

К почтенной русской пифии
Варваре Теософченко,
Как ситцем на прилавочке,

Торгующей судьбой, -
Ввалились ранним утречком
Три пациента странные:

Какой они профессии,
Какого рода-звания,
Сам бес не разберет...
Как тыква перезрелая,
К ним подкатила радостно
Орловской корпуленции
Сырая госпожа.
"Прошу. Озябли, голуби?
Кто первый - в ту каморочку,
А вы вот здесь покудова
Приткнитесь на диванчике, -
Газетки на столе..."

Но Львов сказал решительно:
"Мы все втроем, сударыня, -
А за сеанс мы вскладчину
По таксе вам внесем". -
"Втроем? Да как же, батюшка,
Судьба у исех, чай, разная?
Как сразу трем гадать?"
Но даму успокоили:
"Мы, милая, писатели,
Мы сами предсказатели,
Поди, не хуже вас...
А вы уж нам по совести
Свою судьбу счастливую
Раскройте поскорей...
Ведь вы, кик доктор, матушка,
Ведь к вам псе ущемленные
Приходят за рецептами,
А сим-то доктор. думцем,
Ведь должен быть здоров?.."

* * *

Насупилась красавица,
С досадой прочь отбросила
Колоду карт набухшую
И тихо говорит:
"Глумитесь, что ли, соколы?
Да нет, глаза-то добрые,
Участливые, русские
У всех у трех глаза...
Не с радости гадаю я,
А сами понимаете,
И заяц станет знахарем,
Коль нечего жевать..."

Не жалуясь, голубчики,
Клевала я по зернышку
И утешала каждого
Широкою рукой.
Кабы судьба треклятая
Хоть хвостик бы оставила
От всей моей от щедрости, -
Ни одного несчастного
Средь нас бы не нашлось...
Эх, сколько горя горького,
Бескрайнего, бездонного
В каморку эту тесную
Текло, лилось рекой!
Ведь я же тоже, милые,
Не истукан бесчувственный,
Не янычар с кинжалищем,
А русский человек.
Да вот теперь и тюкнуло:

Клиенты все посхлынули...
Поди, не верят более
Ни картам, ни судьбе.
Да и с деньгами, яхонты,
Все нынче подтянулись:

Уж лучше съесть две порции
Монмартрского борща,
Чем зря с судьбой заигрывать-
Доить ежа в мешке...
Вот и сижу счастливая, -
Вяжу жилеты теплые
Да по домам окраинным
Знакомым разношу-
Коли у вас в редакции

Кому-нибудь понадобится, -
Свяжу в кредит, родимые,
Хоть тридцать лет носи!.."

Приятели почтительно
Гадалке поклонились,
Сверх таксы расплатились,
Вздохнули и ушли,

IV

Час от Парижа - много ли?
По тишь в полях безмерная,
Вокруг усадьбы крохотном
Крутым кольцом стена.
Каштаны оголенные
Мотаются-качаются,

Луна, бельмо печальное,
Над кровлей ворожит...
А из окна вдоль дворика

Желтеет свет полоскою.
Тепло и столовой низенькой...
Хрипят-стучат часы.
Приятеля-анкетчики
Пьют чай с вареньем яблочным
У круглого стола
И слушают задумчиво,
Как голосит комариком
Пузатый самовар.
Их добрая знакомая,
Дородная хозяйюшка
Агафья Тимофеевна,
Шестое выдув блюдечко,
Ладонью губки вытерла
И начала доклад:

"Что вам сказать, затейщики?
Живу-дышу, не жалуясь,
Мои испанки-курочки,
Могу сказать, не хвастаясь,
Известны нсем вокруг.
Пером, как уголь, черные,
Дородны, кик боярыни,
Штаны на ножках - с муфтою, -
Не куры, а орлы...
И яйца, что гусиные, -
Чуть наберу лукошечко -
Не донесешь до станции,
С руками оторвут.
Но, как раба последняя,
Весь день-деньской я в хлопотах, -
С зари помет выскребывай,
Курятник подметаю,
Да тачку при из лавочки
С пшеном иль с кукурузою, -
Едят мои испаночки,
Как батальон солдат...

Все, почитай, что выручу,
Они же сами слопают,
А я с моей племянницей
Остаточки жую.
Ни именин, ни праздников,
Среда ли, воскресение,
Одним лишь руки заняты,
Одним башка затуркана:

Корми, лечи и чисть.

А летом... сверх пропорции
Другие удовольствия, -
То вдруг подроют сеточку,
Здоровые ведь, бестии! -
И шасть к соседу в сад...
Летишь, скликаешь, мечешься.
За вес, что смято-склевано,
Свои яички кровные
Неси соседу в дань...

А ястребы? А коршуны?
А крысы с ближней мельницы?
Повадились, проклятые,
Прорыли ход под сеткою
И задушили, аспиды,
Четырнадцать цыплят..."

* * *

Агафья Тимофеевна
Седьмое блюдце налила,
Подула и отставила
И кротко говорит:

"В усадьбе этой, милые,
Конечно, есть счастливые,
Да только уж не я..." -
"А кто?" - привстав над креслицем.
Спросил Козлов стремительно,
"Да, куры, куры, батюшка!
Живут в тепле и в сытости,
Без горя и забот...
Не я ль при них поденщица?
Не я ль за них уборщица?
А им, вальяжным барыням,
Всего лишь и хлопот -
Знай с петухом амурничай,
Да яйца от безделия
По всем углам носи..."

* * *

Три друга рассмеялся,
И в старом самоварчике
Три рожи добродушные
Широко расплылись.

V

Козлов сидел с коллегами
У милой Веры Павловны,
У тетушки своей,

И слушал, как расписывал
Приехавший из Африки
Российский эскулап
Житье свое гвинейское,
Похожее на взмыленный,
Бенгальско-экзотический,
Благополучный фильм.
Да-с... Земство наше черное,
Дремучее, просторное,
Не то что здешний быт.
Я тачку эмигрантскую
В Европе бросил к лешему, -
В просторах вольной Африки
Врач - первый человек...
Как шаха, на носилочках,
Внесут в село гвинейское,
Навстречу население
Гремит в жестянки ржавые,
Трясет задами в ракушках -
Приветствует врача...
Вождь лучшую мне хижину
Отводит средь селения,
Подносит в дар мне идола
С огромнейшим пупком,
"Бой" тащит фрукты, курочку
И столик раскладной...
Поешь, покуришь вволюшку,
Страж в очередь покорную
Для оспопрививания
Сгоняет весь народ.
Мой фельдшер - вакса черная,
Как колдуну заправскому,
Подносит мне почтительно
Всю огненную снасть...
Объедешь всю епархию,
В поселок свой воротишься, -
Ложись в гамак под пальмою
И виски дуй со льдом.
То в шахматы с учителем
Под баобабом срежешься,
То в теннис перекинешься
От скуки сам с собой...
Иль на охоту с неграми
В ночную пору тронешься, -
Осветят глушь прожектором,
Пали в любые встречные
Горящие глаза.
Домой придешь с трофеями:

Пантера, рысь ушастая...
И камушком завалишься
Под полог на кровать.

А утром, после душа,
Закажешь завтрак повару,
Для аппетита сделаешь
Турнэ велосипедное, -
Удав-подлец с тропиночки

Прочь в заросли ползет,
В ветвях маргышки щелкают,
Да бабочки гигантские
Трепещут над рулем...
Вернешься свежий, встрепанный,
Пойдешь в амбулаторию:
Волчанки, грыжи, зобики,
Слоновая болезнь..."

* * *

"Не служба, а варение.
Так, стало быть, вы счастливы?" -
Спросила Вера Павловна,
Козлову подмигнув.
Врач ухнул рому в чашечку
И стрелку перевел:
"Как вам сказать, сударыня...
В подводном царстве сказочном
Был счастлив ли Садко?
Без русского без берега
Какое, к черту, счастье!
Все дальше он, все мглистое, -
О чем тут говорить..."

Как сыч в лесу таинственном,
Один я там торчу, -
При всем благополучии,
За два-три года в Африке
Лишь раз от попугая я
Добился русских слов..."
Врач посмотрел на чашечку
И, морщась, выдул ром.

VIII

Портной Арон Давыдович
Сидел за голой стойкою
И мял в руках задумчиво
Потертые штаны...
То вскинет их скептически,
На свет посмотрит, сморщится,
То с миной безнадежности
Двумя худыми пальцами
Откинёт вверх очки...
Вдруг колокольчик бронзовый
Визгливо-истерически
Над дверью зазвенел.
Со сверточком под мышкою
В салончик тускло-кремовый

Приплелся из редакции
Клиент знакомый Львов.
Принес пальто в починочку, -
Подкладка сбоку лопнула;

Она ведь не двужильная,
Не век ей шов держать...
"Ну, как вы поживаете?" -
Спросил усталым голосом,
Усевшись, журналист.

* * *

"Такое поживание, -
Сказал Арон Давыдович,
Встряхнув пальтишко старое, -
Что лучше и не жить...
Где эти сумасшедшие,
Что из моей материи
По мерке платье повое
Заказывали мне?
За месяц хоть бы кто-нибудь
Хоть самые паршивые
Дешевые-триковые
Мне брюки б заказал!
Шью двадцать лет как каторжный,
Имею вкус и линию
И вдруг теперь починщиком
Из первых скрипок стал...
Как до войны в Житомире,
В Париже, - понимаете! -
Одними переделками
Оправдываю хлеб...
Двух мастеров, - подумайте,
Не мастера, а золото, -
Пришлось с сердечным скрежетом
Во вторник рассчитать...
Что ж это за история?
Где франты? Где псе модники?
Куда девать материю?
Портной я или нет?
Вы там в газетах пишете
Про кризисы, про мизисы, -
Читал и перечитывал,
Аж вспухла голова!
Америка в истерике,
Германия и Англия
Донашивают старое
И штопают бюджет...
Где главные закройщики?
И в чем подкладка кризиса?
Кпк по фасону новому
Перекроить все старое?

Весь мир трещит по швам!"

* * *

"Вот вам для иллюстрации:
Студент мне брюки старые
Принес перевернуть, -
Какой-то добрый родственник
С попутчиком из Латвии
Прислал ему в презент.
Материя английская, -
Пускай доносит юноша,
Студент ведь не маркиз...
Ушел. Я брюки вывернул,
Взглянул на свет внимательно:
Уже перелиновано!
Хорошенькая жизнь..."

* * *

Скрестил Арон Давидович
Худые пальцы медленно
И вкось на Львова хмурого
Взглянул из-под очков.

X

В редакцию за справками
Пришла душа потеряя:
Субъект с глазами горлинки,
С бородкой русым штопором,
С продрогшим красным носиком -
Смесь институтки с Гаршиным,
На каблуках расплюснутых,
В брезентовом пальто...
Стал в очередь в простеночке
И на пустую вешалку
Лирически-стоически
Уставился, как карп.

* * *

"Вот кандидат в счастливые, -
Шепнул Попов приятелям. -
Давайте побеседуем
С ним где-нибудь в чуланчике -
Ведь все-таки - улов..." -
"А чем он занимается?" -
Спросил Козлов скептически.
"Изобретатель, душечка, -
А проще - птица Божия,
Попавшая в силки..."

* * *

Под кипами газетными,
Торчащими вдоль полочек
От пят до потолка,
Присела личность кроткая,

Потерла руки потные
И начала доклад:

"Второй уж год слоняюсь я
По разным учреждениям,
А толку ни на грош...
Идея очень ясная:

Все люди злятся, бесятся,
Волнуются, кипят...
Мужья и жены ссорятся,
Юристы и политики,
Поэты и любовники
Бурлят чрезмерным пафосом, -
И так до бесконечности
Везде - в любой стране...
Пять лет вертел мозгами я,
Как для людей использовать

Избыток сей энергии?
И, наконец - нашел!
Прибор мой магнетический
В любой квартире, комнате,
Любой избыток страстности,
Любви ли, споров, ревности,
Вмиг переводит полностью
В полезную энергию,
В комплекс рабочих сил...
Мой аппарат поставивши,
Теперь семейство каждое
Себя своими силами
Вполне экономически
Сумеет вентилировать,
Согреть и отопить..."

* * *

"Идея гениальная!" -
Сказал Козлов опасливо,
Свой табурет расшатанный
Отдвигая вбок.

"А сколько ж средств вам надобно,
Чтоб ваше изобретенье
Пустить скорее в ход?"

Изобретатель встрепанный
Взглянул глазами горлинки
На мутное окно:
"С рекламой и конторою -
Три миллиона с четвертью,
Уж все пути намечены, -

Ведь пустяки же, в сущности, -
Да кризис помешал..."
И, гордо носик вскинувши,
Он вышел в коридор.

* * *

К Попову наклонившись,
Львов проронил медлительно:
"Ваш кандидат в счастливые,
Пожалуй, не того-с...
Его бы в санаторию
На девять-десять месяцев,
А после подучить.
Тогда б, пожалуй, выдумал
Сей Эдисон стремительный
Какой-нибудь практический
Полезный аппарат, -
Машинку для доения
Мышей иль комаров..."

XI

Во сне какая ж логика:
В ночной рубашке вздувшейся
Стоит Козлов и ежится
На крыше за трубой
И слушает звенящие
Ночные голоса...
Блокнот н ладони треплется,
В другой руке качается
Холодное стило.

* * *

"Я, никому не ведомый
Иван Петрович Кругляков,
В глуши Прованса Верхнего
На шахтах алюминьевых,
Пять лет тружусь, как вол...
Пиши меня в счастливые:

Весь день грузу в вагончики
Руду я темно-рыжую,
Как черт, я весь коричневый
От пят до головы...
А вечерами хмурыми
Я борщ в бараке стряпаю
И на леса угрюмые,
Закатом окаймленные,
Смотрю в окно, как сыч.
Пиши-пиши, записывай,
Газетная душа"...

* * *

"Алло! А я под Ниццею
Ночным слоняюсь сторожем...
Днем сплю в своей каморочке:
Как каменный, - без снов.

Ночами охраняю я
Пустые виллы мертвые...
Присяду под террасою, -
Мимозы вьются-треплются,
Грохочут волны дальние...
Ботинками пудовыми
От холода стучу.
Ох, думы, думы темные,
Как море, неумные,
С заката до зари...
Пиши-пиши, записывай,
Чернильный человек!"

* * *

"А я в Гренобле мыкаюсь, -
Я на цементной фабрике
Заборчики цементные
Прессую третий год...
Я в прошлом был учителем
ОРЛОВСКОЙ Прогимназии, -
Кто я теперь, не ведаю, -
Не стоит ворошить...
Душа моя цементная
Оцепенела, съежилась,
Посплю, поем, - на фабрику
И больше ничего.

Пиши меня в счастливые,
Парижский землячок!"

* * *

"Эй, господин над крышею! -
Чуть слышный плът надтреснутый
По ветру долетел.
У берегов Австралии
Уж третьи сутки треплется
Наш старый пароход...
Компания голландская,
Матросы африканские,
А я, псаломщик пензенский,
Здесь поваром служу...
Ох, надоело, миленький!
Хоть сыт, хоть койка мягкая, -
Но стражду, как Иона, я
Во чреве у кита...
Нет ли в Париже, батюшка,
Какой-нибудь .работишки?
Я в русской типографии
Готов хоть пол мести,
Лишь бы из брюха тесного,
Железно-иноземного,
К своим опять попасть..."

* * *

Со всех сторон доносятся

Звонящие, скрипящие
Ночные голоса...

Козлов, как лось затравленный,
Метнулся вбок, попятился...
Влез на трубу стремительно,
Вниз головой просунулся,
Скользнул в нутро мохнатое,
И вот, как полагается
В подобных сонных случаях,
Проснулся весь в испарине,
В своей знакомой комнате
На пятом этаже.

XIII

Для полноты коллекции,
На имя трех приятелей
Пришло в конверте сереньком
Из Рима письмецо...
Чернила водянистые,
Расплывчатые, сизые,
Корявый почерк старческий
Сползал зигзагом вкось, -
Зато по содержанию
Настой полыни беженской
Стоградусною горечью
Дымился над письмом...

* * *

"Привет вам, люди добрые,
Из города счастливого,
Из Рима горделивого -
Со всех семи холмов!..
Лишь в эту зиму темную
Беда-нужда всесветная
Волною отраженною
Пришла - плеснулась - грохнула
В парижское окно...
Нам это не в диковинку:

Мы в Риме, горсть осевшая,
Ломоть, от всех отрезанный,
Хронические пасынки
Средь эмигрантской братии, -
Давно привыкли к кризису,
Как к старому бельму.
Средь райской декорации,
Средь величавых форумов,
Среди фонтанов плещущих,
Средь пинии мирно дремлющих,
Под солнцем золотым, -
Как домовые тихие,
Мы жмемся, незаметные,
В углах-подвалах пасмурных,

В продрогших чердаках.
На площадях сияющих -
Теплее, чем у нас...
Порою сам не ведаешь,
Как год за годом держишься?
Бюджет - фантазмагория,
Работы - ни на грош.
Ни в гиды, ни в извозчики,
Ни в маляры, ни в плотники,
Лишь воробьев на форуме
Бесплатно разрешается
Под аркою считать...
Считаешь и завидуешь:

Счастливы, воробьи!
А ведь недавно, милые,
Чуть-чуть в тарелку капало, -
Для аргентинок пламенных
Я, харьковский нотариус,
Платки великолепные
Билибинскими павами
Цветисто расшивал...
Швейцары при гостиницах, -
Министры по обличию, -
Процент взимали божеский,
Впускали в вестибюль...
Увы, все нынче схлынуло, -
Туристов нет и звания...
В библиотеке Гоголя
Сидишь часами долгими
И смотришь в потолок...
Газетою прикроешься,

Уснешь, как новорожденный, -
Теплынь и тишина.
Во сне ведь я не пасынок:
С друзьями стародавними,
Давно глаза закрывшими,
Беседуешь во сне,
По старому по Харькову
С клиентами знакомыми
Пройдешься при луне.
Не осудите, милые,
Бального старика..."

* * *

Постскриптум: "Драгоценные!
Не нужен ли кому-нибудь
В Париже из писателей
Комплект, - тисненый золотом, -
Романов Боборыкина?
Я дешево продам".

XV

Под Новый год в час утренний
Вонзился в дверь стремительно
Веселый почтальон.
Порылся в сумке кожаной
И Львову полусонному
Поднес с парижской грацией
Письмо "рекомандэ"...

* * *

Перед окном сереющим
Львов сел на кресло дряблкое,
Халат свой подобрал
И с полным безразличием -
С иллюзиями детскими
Давно уже покончено! -
Вскрыл мундштуком конверт.
И вдруг оттуда - милые! -
Крутятся, как птичка Божия,
Слетел на коврик стоптанный
Жемчужно-белый чек...
Львов, поднял, охнул, - батюшки!
Берлинское издательство,
Давно уж захиревшее,
Как ландыш без дождя, -
Должно быть, в знак раскаянья
В счет долга застарелого
Прислало чек, - подумайте, -
На тысячу франчков...
С душевным изумлением,
Как пепел, с сердца хмурого
Стряхнувши скептицизм,
Подумал Львов оттаявший:

"О, Дон-Кихот пленительный,
Издатель дорогой!
Пред новогодним праздником
Анахронизмом благостным
Тургеневскую девушку
В себе ты возродил...
Не слыхано! Не видано!"
Поддай сию историю,
Хоть под гарниром святочным,
Читатель, разумеется,
Подумает: брехня...
Но чек - не привидение, -
И вера в человечество
Проснулась в Львове вновь,
И над камином вспыхнуло
В бенгальском озарении
Волшебное видение:

Коричневое, новое,
Чудесное пальто...

* * *

Но в виде дополнения
Львов из конверта выудил
Такое письмецо:

"Сердечноуважасмый!

Проездом из Швейцарии
Через Париж в Голландию
Жена, как с ней списался я,
На днях вас посетит...

Она в Париже, думаю,
Дня два лишь проболтается, -
Для родственников надобно
Подарки ей купить, -
У вас ведь цены снизились...

Так вот, мой драгоценнейший,
Прошу ей передать..."
Какое продолжение -
Всем ясно и без слов...

Львов, чек свернувши в трубочку,
Промолвил тихо; "Тэк-с".

* * *

Видали вы когда-нибудь,
Любезные читатели,
Как рыболов под ивою
Сидит с постылой удочкой
И час, и два, и три?
Вдруг пилавии нирдл-нивший
Качнется, вздрогнет, скроется...

Удилище натянется,
Струной дрожит бечевочка,
Душа звенит, поет...

Видали вы, друзья мои,
Как он добычу к берегу
Рукой подтянет трепетной -
И сильным взмахом вытянет
Из лона светло-синего
Заместо карпа жирного
Размокнувший... башмак?

1931-1932

Русская мысль газета

«Русская мысль» была основана в 1947 г. в Париже журналистом дореволюционной газеты «Киевлянин» Владимиром Александровичем Лазаревским (1897-1953) и была названа в честь одноименного журнала П.Б. Струве, издававшегося до революции в Москве, а затем в Берлине, Праге и Париже. В состав редколлегии вошли: В.Ф. Зеелер (1874-1954) – министр внутренних дел в правительстве А.И. Деникина, Василий Васильевич Полянский (1890-1955) – генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов и Сергей Акимович Водов (1898-1968) – с 1954 по 1968 главный редактор газеты. Средний тираж газеты составлял 3,5 тыс. экз.

В газете публиковались практически все пишущие представители всех трех «волн» русской эмиграции. Среди сотрудников и авторов «Русской мысли» нужно выделить Г.В. Адамовича, Б.К. Зайцева, А.М. Ремизова, И.С. Шмелева, Ю.К. Терапиано, Г.Л. Струве, Н.Н. Берберову, Н.А. Оцуна, И.В. Одоевцеву, П.Е. Ковалевского, Ю.П. Анненкова, С.М. Лифаря, Н.О. Лосского, М.В. Вишняка, С.К. Маковского, А. Седых, В.С. Яновского, К.Д. Померанцева, Ю.П. Иваска, А.В. Бахраха и др. Газета воплотила в себе лучшие черты эмигрантской печати первой «волны»: «Возрождение», «Последние новости» (Париж), «Новое время» (Белград), «Сегодня» (Рига), «Накануне» (Берлин), «Меч» (Варшава), «Русский голос» (США), «Харбинское время» (Харбин). Печатались и выступления авторов из России. В одном из последних номеров размещено интервью А. Севастьянова.

Пост главного редактора с 1968 по 1978 гг. занимала Зинаида Алексеевна Шаховская – поэтесса, литературный критик. В годы её редакторства издание поменяло ориентацию с правой на центристскую. С 1979 года газету возглавила Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти (1924-2000) – журналистка, славистка, в 1970-е гг. была секретарем А.И. Солженицына. С ее приходом на страницах газеты в основном стали активно печататься представители третьей «волны», правозащитники, диссиденты, западные слависты и советологи.: В.Е. Максимов, Н.Е. Горбаневская, М.Я. Геллер, А.М. Некрич, В.А. Суворов, А. Безансон.

«Русскую мысль» долгие годы выпускало издательство «Press Libre» («Свободная пресса»), эпизодически выпущившее заметные книги, например: «Воспоминания» Г.П. Вишневской, «По памяти, по записям» А.В. Бахрах, «В поисках Набокова» З.А. Шаховской. В 1982-1984 гг. издательство возглавлял В.Е. Аллой. За это время в издательстве вышли книги: «Воспоминания о Рудольфе Штейнере» А. Белого, «Философские сочинения» А.А. Мейера, «Учитель музыки» А.М. Ремизова, «Жизнь Льва Шестова» Н.Л. Барановой-Шестовой, «Собрание стихов» В. Ходасевича, очень известные воспоминания Е.Л. Шварца «Мемуары», И.В. Одоевцевой «На берегах Сены», а также сборники стихов В. Нарбута, Ю. Кублановского, В. Делоне и другие издания. При газете имеются приложения: аналитический журнал «Обозрение», литературное приложение к «Русской мысли», «Гласность: информационный бюллетень», «Референдум: журнал независимой мысли», «Исторические чтения» и др. Сегодня «Русская мысль» является самой большой эмигрантской газетой в Европе.

В фондах отдела литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки первые годы издания газеты «Русская мысль» отсутствуют полностью, остальные годы имеются с большими пробелами. Поэтому полученный дар представляет особую ценность и интерес для современных исследователей: по сути, перед нами один из главных архивов русской эмиграции, отразивший ее политические и художественные искания.

Передавая этот бесценный дар Российскому Государству в присутствии многих официальных лиц, Виктор Николаевич Лупан подчеркнул: сегодня перевернута последняя страница в истории противостояния русской эмиграции и ее исторической Родины.¹⁷²

"ЭТА ЧАСТЬ МИРА ПРЕВРАТИЛАСЬ В СУЩИЙ АД"

Интервью с Каролиной Кокс

С 12 по 15 марта этого года международная делегация, возглавляемая заместителем спикера Палаты лордов Соединенного Королевства баронессой Кокс, посетила Нагорный Карабах. В состав делегации входили члены Сахаровского комитета и «Международной христианской солидарности». Это была шестая поездка такого рода — но в то же время надо сказать, что только эта гуманитарная и правозащитная группа побывала на месте сражений и большой человеческой беды, порожденной конфликтом между Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Благодаря необычайному мужеству, находчивости и настоящей преданности защите прав и достоинства человека, эта маленькая группа сумела пробиться туда, куда других не пропускают, и постепенно (преодолевая большие затруднения) обратить внимание мировой общественности на трагедию Нагорного Карабаха.

22 марта баронесса Кокс посетила редакцию «Русской мысли» в Париже и дала главному редактору газеты М.А.Иловайской-Альберти следующее интервью.

— Как получилось, что вы так пристально интересуетесь проблемой Нагорного Карабаха, вплоть до того, чтобы рисковать жизнью, пытаясь лично убедиться в том, что там происходит?

— Мой интерес к Нагорному Карабаху зародился приблизительно год тому назад, когда я участвовала в международном конгрессе, посвященном памяти Андрея Сахарова. Я была во главе одной из групп экспертов, работавших в рамках конгресса; наша группа занималась нарушениями прав человека и прав народов, несправедливостями в массовых масштабах. Делегация от конгресса отправилась в Армению и Нагорный Карабах именно для того, чтобы выяснить, что же там происходит и что можно сделать, чтобы прекратить конфликт. Меня попросили возглавить делегацию. Тогда шли массовые депортации из Нагорного Карабаха. Мы поехали сначала в Армению — по очень простой причине: с армянской стороны была не только готовность, но и желание нас принять и всячески облегчить нам нашу задачу. Азербайджанцы, к сожалению, вели себя совершенно иначе.

Я хочу сразу подчеркнуть, что у меня тогда не было никакого мнения об этом конфликте, потому что, — каюсь смиренно, — я ничего о нем не знала, как и большинство людей на Западе, я полагаю. Все члены делегации твердо намеревались узнать правду, подойти к ситуации абсолютно объективно и познакомиться с точкой зрения обеих сторон. Из Армении мы хотели поехать в Баку; к сожалению, это оказалось невозможным. Для того, чтобы поговорить с азербайджанцами, узнать, как они расценивают ситуацию, нам пришлось идти пешком до азербайджанской границы, что было довольно опасно и нелегко; но все же какие-то разговоры у нас были, мы встречались с азербайджанцами. Встречались мы и с армянами, которые незадолго до этого были депортированы из своих родных сел в Нагорном Карабахе.

То, что в первую очередь бросилось нам в глаза, — это асимметричность ситуаций с одной и с другой стороны. И не было никакого сомнения в том, что тут очень серьезно нарушаются права человека. Мы разговаривали с людьми, которые побывали в азербайджанских тюрьмах. Мы видели — тогда — почти беззащитных и совершенно небооруженных армян; с другой стороны - хорошо оснащенные вооруженные отряды, пользовавшиеся поддержкой советской армии. Тогда же мы приняли решение вернуться сюда как можно скорее.

В июле 1991 года мы вновь отправились в этот регион; на этот раз мы начали с Баку и старались как можно более подробно ознакомиться с ситуацией с азербайджанской стороны и с азербайджанской точки зрения. К сожалению, мы опять столкнулись с той асимметричностью, о которой я уже говорила. С армянской стороны была максимальная открытость и желание пойти нам навстречу во всем. С азербайджанской стороны было совсем иное, очень недоверчивое отношение; нам не давали возможности встречаться с людьми, проверить, что же происходит...

— **Вернувшись на Запад, вы обратились к правительствам, парламентам, а также к неправительственным организациям западных стран, стараясь привлечь их внимание к расширяющемуся конфликту и убедить их в необходимости что-то предпринять. Удалось ли вам добиться каких-то результатов?**

— На наши призывы немедленно откликнулись, и очень широко, многочисленные неправительственные правозащитные группы, которые отдают себе отчет в серьезности ситуации. Как я вижу, большая часть мировой общественности понимает теперь, что речь идет об опасности геноцида - массового истребления армян на территории Нагорного Карабаха. Очень живо отозвались христианские организации — и не только потому, что речь идет о населении, сохранившем христианскую веру своих предков и древнюю высокую культуру армянского народа, а просто исходя из принципа солидарности с жертвами. Но я должна сказать, что я сама далеко не вполне понимала раньше, до этих моих поездок, что речь идет о замечательной, древней и ценнейшей христианской культуре, которой удалось выдержать натиск безбожного коммунизма и остаться в живых. Мне представляется, что об этом должны знать и помнить христиане всего мира. Конфликт, который здесь разыгрался, отнюдь не является мусульманско-христианской войной, корни его — не религиозные. Но надо знать, кому грозит опасность духовного и культурного геноцида, вытекающая из этого конфликта.

Особенно живо откликнулись на наши призывы «Международная амнистия» и «Международная христианская солидарность». Об этой последней организации я хочу сказать несколько слов, так как они оказали нам очень большую конкретную поддержку и наша третья поездка в Нагорный Карабах, в октябре прошлого года, была организована под эгидой Сахаровского комитета и «Международной христианской солидарности». Это не конфессиональная или межконфессиональная христианская организация, в работе которой участвуют протестанты всех ветвей и деноминаций, православные, католики. Вообще они делают очень много, но всегда очень рассудительны: сначала они должны твердо знать, что у них есть необходимые деньги на тот или иной проект, а потом уже они берут его исполнение на себя. Но тут они поступили по другому принципу, который тоже издавна присутствует в христианском мире: если что-то надо сделать, то возьмемся за дело, а деньги Бог пошлет. Это показывает, как сильно они озабочены тем, что происходит в Нагорном Карабахе.

Наша октябрьская поездка, по сути дела, вызвала у нас некоторую надежду. Дело в том, что это было после августовского неудавшегося переворота и, очевидно, в ситуации произошли какие-то глубокие изменения. Советские войска были на месте; но если до августа они были совершенно откровенно на стороне Азербайджана и участвовали в депортациях армянского населения, то тут они неожиданно превратились в нейтральную силу, которая играла сдерживающую роль...

Они были стабилизирующим фактором, и поэтому, несмотря на то, что блокада продолжалась, и случаи нарушения прав человека были еще очень многочисленны, мы понадеялись тогда, что конфликт не будет расширяться, а, наоборот, пойдет на убыль — и, во всяком случае, не перерастет в настоящую войну. Это все еще была ситуация кровопролитная, но мы думали, что удастся избежать эскалации. Тогда мы с большим интересом восприняли предложение епископа Нагорного Карабаха Мартиросяна, которое затем полностью поддержал Католикос: чтобы христиане со всего мира приезжали в Армению и в Нагорный Карабах, по-дружески, по-братски пожить

вместе с людьми, ознакомиться с их проблемами, горестями, надеждами, показать им на деле, что они не забыты. Нам это показалось очень хорошей идеей, тем более, что христиане Запада, слишком привыкшие к благополучию и спокойствию, извлекли бы из этого ценные уроки. По возвращении на Запад мы обратились с этим предложением к руководителям всех христианских Церквей. Мы получили несколько положительных ответов, о которых я хочу здесь сказать и выразить благодарность и глубокое почтение к тем, кто согласился принять наше предложение. Это были: пастор Павел Негрут, глава румынской баптистской общины, долгие годы мужественно и самоотверженно боровшийся с коммунизмом, один из выдающихся лидеров румынского духовного сопротивления; латвийский лютеранский архиепископ Гайлитис, который сразу выразил готовность ехать; венгерский пастор Токеш из румынской Трансильвании...

— **Тот, которого столько преследовали в свое время, поскольку он не соглашался на компромисс христиан с коммунистическим строем, на так называемую «политику мелких шажков», которую в Венгрии многие считали правильной, ибо были убеждены в том, что коммунизм - это навеки?**

— Да, тот самый. Были и отрицательные ответы, которые тоже очень показательны. Глава Англиканской Церкви архиепископ Кентерберийский и примас Католической Церкви Англии сочли инициативу «неуместной». Отказался и известный американский пастор Билли Грэм. Московская Патриархия, к которой мы тоже обратились, просто не ответила нам по сей день. Все это очень печально. Епископ Мартиросян лично обращался в Московскую Патриархию с просьбой о духовной поддержке и солидарности - и тоже не получил ответа. Ваша газета писала о нем, о том, как он чудом спасся от смерти, встав на молитву во время обстрела, - а снаряд попал прямо в его постель... Все мы отдавали себе отчет в том, что Нагорный Карабах будет и дальше нуждаться в помощи, что блокада продолжается, людям голодно и холодно и трагически не хватает лекарств. В январе 1992 года мы организовали еще одну поездку, под эгидой опять-таки Сахаровского комитета и «Международной христианской солидарности». В этот раз мы везли с собой большое количество лекарств, особенно обезболивающих средств, необходимых для анестезии.

Мы хорошо знали, сколько в Нагорном Карабахе раненых, иногда - тяжело раненных, которым приходится даже ампутировать ноги или руки вообще без анестезии. Мы знали также, что больница в Степанакерте полуразрушена, что люди живут в очень тяжелых условиях; но того, что мы застали, мы все-таки не ожидали. Оказалось, что российские воинские части, которые очень эффективно играли сдерживающую и нейтрализующую роль, были отозваны с мест президентом Ельциным, а место их заняли отряды азербайджанского ОМОНа, в результате чего произошла сильнейшая эскалация конфликта - в то время как мы, как я уже говорила, надеялись, что ее удастся избежать. Блокада стала тотальной; в Нагорный Карабах не подается электроэнергия, нет отопления, нет воды - приходится рыть колодцы, люди стоят в очереди часами, чтобы добыть два ведра воды, а до этого надо еще дойти до колодца, иногда - пройти очень большое расстояние. Разумеется, ни о какой гигиене не может быть и речи, когда нет воды, а это неизбежно приводит к вспышкам всевозможных эпидемий. Люди проводят большую часть жизни в сырых не отапливаемых подвалах, потому что идет постоянный обстрел; в этих подвалах нет, естественно, никаких санитарных установок, тяжелый, спертый воздух, очень холодно.

Я вернулась в Англию — и не могла спать по ночам, вспоминая все увиденное, рассказы людей. Я думала о людях, которым делают тяжелые операции, глазные, например, без анестезии. Мне стало ясно, что надо как можно скорее вновь поехать в Нагорный Карабах и отвезти туда как можно больше лекарств. Я не собиралась возвращаться так скоро, но тут я поняла, что иначе поступить невозможно. Я хотела, чтобы мировая общественность открыла глаза на то, что там происходит, поэтому я договорилась с журналисткой, работающей на британском телевидении, чтобы она с нами поехала. «Международная

христианская солидарность» полностью финансировала покупку очень большого количества обезболивающих средств. Я не стану описывать всю процедуру упаковки этих лекарств и доставания всяких официальных разрешений на их экспорт, а также сложные пути, какими удалось их доставить сначала в Ереван, а затем в Степанакерт. По приезде мы убедились в том, что ситуация еще более ухудшилась. Азербайджанцы теперь привели в исполнение угрозу использовать минометные установки типа «Град» против гражданского населения Нагорного Карабаха; шел постоянный обстрел, в частности, Степанакерта, но также и многих сел. Это абсолютно варварское оружие, и используется оно с крайней жестокостью. Было совершенно ясно, что тут уже идет война, в которую рано или поздно будет втянута и Армения и которая является серьезнейшей опасностью для всего Закавказья.

После нашей (второй в январе этого года, а в общей сложности пятой) поездки мы обратились с призывами ко всей мировой общественности, убеждая, что необходимо остановить этот конфликт, причиняющий людям неисчислимые страдания... Британское правительство немедленно откликнулось на наш призыв и пригласило руководство СБСЕ в Праге послать миссию для проверки ситуации в регионе. В марте мы вновь поехали в Нагорный Карабах и убедились в том, что не только нет улучшения в ситуации, но, наоборот, она катастрофически ухудшилась. Мне кажется, что в наши дни вряд ли есть в мире другое место, где люди находятся в таких поистине адских условиях. Наибольшее число жертв - среди гражданского населения. Несколько раз объявляли, что договорились о прекращении огня, — и каждый раз азербайджанская сторона нарушала договор и начинала обстрел из установок «Град». Обстрелы эти в большинстве случаев не преследуют никаких стратегических целей; это просто уничтожение жизни. Умирают люди, и их родные даже не могут их похоронить, как следует, по своим традициям; убивают животных, или они умирают от ран или от голода; города и села сравниваются с землей.

Я придаю очень большое значение объективности и беспристрастности суждения; мне известно, что азербайджанцы обвинили нашу делегацию — и в частности меня — в пристрастности, в проармянских настроениях. Это не так. Все то, что мы видели своими глазами, все неоспоримые факты указывают на то, что армянское гражданское население — первые жертвы этого конфликта. С самого начала мы были свидетелями насильственной депортации армянского населения сел и поселков, которую проводили отряды азербайджанского ОМОНа при поддержке советской армии; мы имели возможность убедиться своими глазами в том, какому страшно жестокому обращению подвергались жители армянских селений.

Мы ведь посещали и азербайджанцев, которые находятся в армянском плену; конечно, они живут в тяжелых условиях - но не хуже, чем само население Карабаха. Был один случай, когда пленный азербайджанец не получал нужной медицинской помощи, и мы немедленно выразили по этому поводу протест; впоследствии нам было сказано, что к нему вызвали врача из французской организации «Врачи без границ» и что с ним все в порядке. Конечно, я не могу гарантировать, что это так; это то, что нам сказали. Но своими глазами мы видели следы побоев и увечий на телах армян, побывавших в азербайджанском плену. Так что надо сказать по поводу «асимметрии», о которой шла речь вначале: армяне защищаются, и война, естественно, идет с обеих сторон; война всегда затрагивает гражданское население, и, конечно, есть жертвы и с азербайджанской стороны, — это вызывает глубокое сожаление у всякого правозащитника и усиливает желание добиться конца конфликта. Но асимметрия все же есть, так как азербайджанцам досталась большая часть советских вооружений, находившихся в регионе, они захватили большие советские арсеналы, и в результате у них огромный перевес над армянами; кроме того, азербайджанцев гораздо больше, чем армян вообще — не будем даже говорить о Карабахе с его 160 тысячами жителей. Дальнейшая характерная черта этой асимметрии — разница в степени агрессивности сторон; в этом тоже мы смогли убедиться лично.

При каждом посещении Нагорного Карабаха я испытывала изумление, убеждаясь, что у армян отсутствует ненависть, отсутствует желание мстить. Они просто хотят, чтобы их оставили в покое, дали им возможность работать, вновь отстроить свою страну и остаться у себя на родине. Вначале армяне просто не были вооружены, они защищались охотничьими ружьями. Затем они постепенно захватили некоторое количество оружия у азербайджанцев. Они защищаются отчаянно, потому что они сражаются за свою страну, за право в ней жить, за свои семьи, да просто - за жизнь. Тем не менее, не может быть сравнения между уровнем агрессивности воюющих сторон.

— **Что вы думаете о различии в позициях - до недавнего времени - правительства Армении и правительства Нагорного Карабаха? Армянское правительство пыталось утверждать, что карабахские дела его не касаются, что это конфликт между Карабахом и Азербайджаном, в который они не собираются вмешиваться.**

— Эта позиция представляется странной, если учесть, что первые и главные страдальцы в этом конфликте - армяне. Я полагаю, что армянское правительство вынуждено считаться со своими собственными трудностями: ведь Армения сама в блокаде; к тому же она пытается восстановить свою сильно разрушенную экономику, и это, вероятно, первая забота правительства. Поэтому можно понять, что главное желание это го правительства - избежать расширения конфликта и вообще оставаться вне его; вероятно, оно считает, что вмешательство Армении только ухудшило бы ситуацию.

— **Но если Азербайджан поглотит Нагорный Карабах, то следующей мишенью, по всей вероятности, станет сама Армения?**

— Нет сомнения в том, что прекращение конфликта и безопасность Нагорного Карабаха - необходимые условия для безопасности самой Армении. Когда мы были там, уже шла сильная перестрелка с обеих сторон азербайджано-армянской границы. Нагорный Карабах - это буфер; он должен быть сохранен, ему надо обеспечить безопасность — это так и с точки зрения защиты прав человека, и по стратегическим соображениям.

— **Совершенно ясно, что ваша глубокая озабоченность тем, что происходит в Нагорном Карабахе, вызвана прежде всего соображениями гуманитарного характера. Но мне кажется, что тут есть и другие факторы, природа которых, может быть, политическая или даже стратегическая. Так ли это?**

— Конечно, в первую очередь нас волнует то, что эта часть мира превратилась в ад. Блокада и непрерывные обстрелы — все вместе делает жизнь просто невозможной. Но есть, конечно, и другие соображения. Если этот конфликт будет продолжаться, если никто не положит ему конец, то во много раз увеличится опасность разгорания аналогичных конфликтов в разных концах СНГ. Потенциальных очагов много. Если международная общественность сумеет сказать «нет» этому конфликту и добиться его прекращения, то вероятность возникновения других военных столкновений уменьшится, - и, наоборот, она значительно возрастет, если все мы будем сидеть сложа руки, глядя, как люди убивают друг друга.

Мы смогли убедиться в том, что большие гуманитарные организации Международный Красный Крест и Красный Полумесяц, ЮНИСЕФ, «Международная амнистия» не смогли сюда добраться, хотя они должны здесь быть и помогать людям; но азербайджанские власти не дали им до сих пор возможности попасть в Нагорный Карабах. У этих организаций есть огромный опыт, профессиональная подготовка и средства; они очень нужны в этом регионе, где с точки зрения гуманитарной образовался просто полный вакуум. Именно поэтому наша маленькая группа испытывала все время острое чувство необходимости ездить в Нагорный Карабах как можно чаще, оказывать людям там столько помощи, сколько нам удастся. Я как христианка и как сестра милосердия все принимаю это как свой прямой долг. Ведь это — разрушенная, разоренная войной земля, не получающая ни от кого помощи! Думаю, что именно поэтому Сахаровский комитет и «Международная христианская солидарность» так остро чувствуют это моральное обязательство ездить туда, помогать.

К этому я еще хочу добавить, что все мы в итоге наших поездок - на сегодняшний день их было шесть - испытываем необыкновенное уважение к армянам Нагорного Карабаха за их мужество, достоинство и великодушие.

Хочу рассказать такой эпизод. В последнюю нашу поездку мы приехали в селение, из которого сначала были депортированы жители, а затем те, кто еще оставался, бежали, когда селение заняли азербайджанцы. Потом, они тоже ушли; селение было почти полностью разрушено. И никого там не было, кроме старика, сидевшего на деревянной скамейке, в абсолютном одиночестве. Мы стали с ним разговаривать. Прошлым летом азербайджанцы напали на поселок и убили его сына. Он похоронил его. Затем азербайджанцы вернулись, увидели свежевырытую могилу около дома и раскопали ее. По армянскому обычаю, сына похоронили в лучшей его одежде; эту одежду они содрали с мертвого, а затем вырвали у него изо рта золотые зубы. Старик рыдал, рассказывая нам это; тем не менее, он пригласил нас войти в его дом, полуразрушенный, в котором ничего не было - все унесли, украли. Я никогда не забуду страшную пустоту этого дома. Единственное, что у него было, - это куча яблок; это было все пропитание, на которое он мог рассчитывать, чтобы не умереть с голоду. Так вот, он во что бы то ни стало хотел поделиться с нами этими яблоками единственным и последним своим имуществом; и мы взяли несколько яблок, потому что поняли, что для него это очень важно. В памяти и в сердце у меня остался образ этого старика, дарящего нам яблоки в разоренном доме, в опустошенном селе, после убийства сына и надругательства над его останками. Это для меня как бы символ Нагорного Карабаха.

— **Политические деятели и дипломаты, которые часто боятся что-либо делать, придерживаясь принципа: только не вмешиваться, как-нибудь само образуется, - должны были бы понять, что нельзя продолжать пассивно присутствовать при этой трагедии.**

— Да, ситуация становится очень опасной, и если будут продолжаться дипломатические игры, на которые обычно уходят месяцы и даже годы, если и дальше будет идти эскалация этого страшного конфликта, он превратится в угрозу всему миру.

— **Так что в конце концов можно сказать, что, как очень часто бывает, люди, действующие согласно велениям совести и ставящие их выше так называемой «реальной политики», оказываются правы и с точки зрения политической, если рассматривать события в долгосрочной перспективе.**

Я хотела бы задать вам еще один вопрос. Вы - человек, пользующийся широкой известностью, вы - член Палаты лордов, очень видный общественный и политический деятель; можно сказать, что вы принадлежите к верхушке британского общества. Все это вы получили не по наследству, а путем неустанного труда. Только что, говоря о себе, вы сказали: «Я как сестра милосердия». Вы действительно профессиональная сестра милосердия? Каков был ваш жизненный путь?

— Я никогда не думала, что мой жизненный путь приведет меня в Палату лордов, и была в шоке, когда это произошло. Да, конечно, я — сестра милосердия с многолетним, стажем, я очень люблю эту профессию и с радостью вернусь к ней, если жизнь сложится так, что будет возможно это сделать. О своей жизни я могу сказать, что я старалась быть верной определенной мировоззренческой позиции; эта позиция глубоко укоренена в христианстве. Помимо профессии сестры милосердия, я еще специализировалась в социологии. Я работала в отделе общественных наук одного из самых крупных высших учебных заведений Лондона, и тут я столкнулась с тем, что большинство моих коллег были марксистами. Это налагало очень серьезный отпечаток на всю систему высшего образования; постепенно я убедилась в том, что такое положение вещей существует в подавляющем большинстве колледжей в Великобритании. Я была (и остаюсь) глубоко убеждена в том, что смысл и цель высшего образования - это поиск истины. Взгляд моих коллег-марксистов на образование был совершенно иным; это был абсолютно

идеологизированный, предвзятый подход, ни о какой свободе мысли и исследований тут не могло быть речи. Я начала бороться с этим положением вещей, так как видела в нем страшную опасность для будущего нации. Тогда я написала книгу, которая вышла под названием «Насилие над разумом». В ней я изложила свои мысли об академической свободе, о свободе образования. Так случилось, что на эту книгу обратила внимание будущий премьер-министр Маргарет Тэтчер; а когда она стала искать, кого назначить в Палату лордов для эффективной и конкретной защиты академической свободы, то ее выбор пал на меня. Это происходило в то время, когда марксисты все больше и больше забирали в свои руки в нашей стране преподавание в высших учебных заведениях и, главное, подготовку учителей. Я была призвана заниматься политикой не в партийном смысле этого слова, не в рамках борьбы за власть (чем очень часто является политика), а в гораздо более широком, общем масштабе; это, может быть, даже уже и не политика по своей сути. Мое глубокое, конкретное знание организации медицинской помощи в нашей стране тоже содействовало моему назначению в Палату лордов. Периодически я возвращалась к своей первоначальной профессии сестры милосердия. С годами я выработала для себя критерий оценки деятельности политического и общественного деятеля: надо иметь открытые глаза, открытые уши и открытый разум прежде, чем открывать рот. Этот критерий не позволяет уходить в абстрактную политику; надо оставаться в контакте с реальной жизнью. Пять лет тому назад один из моих сыновей, работавший врачом в Судане, сказал мне: «Мама, у нас острая нехватка сестер милосердия». Я взяла долгосрочный отпуск и поехала работать в Судан, где тогда шла гражданская война...

— А теперь - Нагорный Карабах? Когда вы намереваетесь вновь туда поехать?

— В апреле, если удастся.

*Эта беседа состоялась в марте, через неделю после возвращения баронессы Ионе из Нагорного Карабаха. 8 апреля она вновь вылетела туда вместе с членами Сахаровского комитета и «Международной христианской солидарности». То, о чем она не говорила в интервью, но что очевидно, - это что каждая такая поездка связана не только со всяческими трудностями и лишениями, но и с опасностью для жизни.*¹⁷³

Ирина Кривова. «Русская мысль» живет в Париже

Заглянув в один из парижских киосков, напичканный газетами, толстыми глянцевыми журналами, одноразовыми фотоаппаратами и прочей канцелярской мелочевкой, увидела свежий номер "Русской мысли" с пришпиленным ценником - 2 евро. Пройти мимо не смогла. Это та самая газета, которую во времена СССР называли белогвардейской, диссидентской.

Какая она сейчас?

Заказав чашечку кофе, присела за свободный столик, примостившийся под гигантским платаном.

Понятно, никакого диссидентства не обнаружила - пришли другие времена. Но разброс тем показался интересным...

Клод Ширак, дочь президента Франции, - "самая загадочная женщина" страны. Скандал вокруг "Самаритен", старейшего и крупнейшего универмага Франции, дневники вдовствующей императрицы Марии Федоровны, интервью с Владимиром Спиваковым, известным скрипачом и дирижером, "Причалит ли Крым к Европе?"... Захотелось побывать в редакции, сегодня это единственная русская газета во Франции. Набрала указанный на последней странице номер телефона, честно говоря, без всякой надежды на успех: во-первых, редакторы - люди занятые, во-

вторых, меня никто не отрекомендовал.

На Западе без этого никуда.

Мне повезло, Ирина Кривова, именно она сейчас redactrice en chef, как говорят французы, оказалась на месте, а когда услышала, что я из Владивостока, сразу же согласилась дать интервью.

На следующий день ровно в 10.30 я была на rue du Pont Neuf. Газета "Русская мысль" сейчас живет в первом, одном из самых престижных и дорогих кварталов Парижа.

Она занимает несколько довольно презентабельных комнат в солидном старинном здании, но, как выяснилось, жизнь при этом ведет самую что ни на есть трудовую. Позиционировать себя нужно дорого. Вместо 40 "договорных" минут наше интервью затянулось почти на полтора часа.

- Ирина, скажите, вы, сегодняшний редактор, историк по образованию, чувствуете "прессинг" имени и особой судьбы, выпавшей на долю "Русской мысли" за почти 60 лет ее существования? И наконец, масштаба самих фигур, которые занимались изданием "Русской мысли": Петра Струве, Зинаиды Шаховской, Ирины Иловайской?

- Предвижу ваше недоумение, если скажу, что на самом деле "Русская мысль" почти вдвое старше, в этом году мы отмечаем ее 125-летие.

- Но на первой странице газеты черным по белому написано, что она издается в Париже с 1947 года.

- Это действительно так. Но если говорить о родословной "Русской мысли", она ведет ее от одноименного ежемесячного журнала, основанного в начале 1880 года в Москве Вуколом Михайловичем Лавровым, известным журналистом, издателем и переводчиком. Мне посчастливилось делать цикл публикаций с его правнучкой - Анной Лавровой, она живет в России, недалеко от Байкала. У нее, как это ни удивительно, сохранился великолепный архив, где есть и фотографии прадеда.

Новый альманах не уступал в популярности "Отечественным запискам". Первые рассказы А. Чехова, а также его знаменитый "Остров Сахалин" впервые были опубликованы именно в "Русской мысли".

В. Лавров не жалел денег на любимый журнал, к тому же любил жить на широкую ногу, всегда приходил на помощь друзьям, поэтому к 1905 году оказался на грани разорения и вынужден был продать свое детище. За несколько лет до Октябрьской революции его главным редактором стал Петр Струве, крупный ученый, экономист, историк и политический деятель. Он не питал иллюзий относительно будущего "Русской мысли" в советской России, тем не менее держался до конца. Объявляя подписку на 1918 год, Струве писал: "В дни величайшего унижения России мы будем отстаивать идеалы, создавшие ее мощь и величие, и вести борьбу с идолами, ввергающими ее в бедствия и неслыханный позор". Подобное программное заявление не могло остаться незамеченным. Журнал закрыли. Спустя три года, в 1921 году Струве возобновил издание журнала сначала в Софии, затем в Праге, а в 1927 году - в Париже, объединив вокруг себя лучшие литературные силы: в журнале публиковались И. Бунин, З. Гиппиус, М. Ростовцев. Правда, вскоре издание "Русской мысли" прекратилось. Второе, а если быть точным, третье рождение "Русской мысли" - уже как еженедельной газеты - относится к 1947 году.

Первый номер вышел 19 апреля, на православную Пасху, открывала его замечательная статья Ивана Шмелева. Примечательный факт: газета до 1956 года издавалась с "ятами", здесь очень много печатался Борис Зайцев. Но это, как говорится, уже другая история.

Теперь вы можете понять, что я чувствую: К тому же судьба меня свела с не менее яркими фигурами. С Зинаидой Шаховской, которая 10 лет была редактором газеты, мы, правда, виделись всего несколько раз, но те, кто с ней работал прежде, говорили, что по характеру Шаховская была довольно вспыльчивым, но при этом удивительно отзывчивым человеком. Газете служила преданно, оставив для этого писательскую стезю, на которой она к тому

времени немало преуспела. Зинаида Шаховская дожила до глубокой старости, она умерла в 91 год в Русском доме в Сент-Женевьев де Буа.

В 1978 году главным редактором "Русской мысли" стала Ирина Алексеевна Иловайская, бывший личный секретарь Солженицына, человек высокой культуры - она знала семь языков. Она 20 лет возглавляла газету, бесценно находилась здесь и умерла в тот день, когда решался вопрос о дальнейшем финансировании "Русской мысли", - сердце не выдержало.

- *Извините, если вопрос покажется неприятным: одно время говорили, что газета "Русская мысль" существует на деньги ЦРУ...*

- Это неверная формулировка. Просто американский конгресс, при котором есть фонд "В поддержку развития демократии", в 70-е годы решил поддержать газету "Русская мысль" как единственное в период холодной войны оппозиционное по отношению к СССР издание. Причем финансирование было отнюдь не стопроцентным. В то время в Париже имелось немало людей, которые вкладывали свои личные деньги в газету исключительно за идею - помочь борьбе с коммунизмом и добиться свободы слова. Тогда действительно газета переехала в роскошное здание.

- *А что скажете насчет "подрывной" литературы?*

- До 1991 года газета была рупором диссидентства. Всем, что касалось политзаключенных, их судеб, помощи им, независимого слова, - всем занималась газета "Русская мысль". Здесь действительно работал целый издательский отдел, который выпускал в свет запрещенные в СССР книги в формате записной книжки, а потом их "подпольно" переправляли в Советский Союз. У меня, к примеру, есть издание Солженицына "Архипелаг Гулаг" размером со спичечный коробок.

- *Какова политика современной "Русской мысли"?*

- Главный наш постулат - как можно меньше политики. Газета работает на читательский интерес и, с другой стороны, пытается зарабатывать, в том числе и с помощью новых проектов. В ближайшее время мы выпускаем толстый гляцевый журнал с самыми интересными публикациями "Русской мысли" за последние три года на французском языке. В приложение к нему - музыкальный диск "Русский рок в Париже".

- *Ирина, у вас есть своя тема в газете?*

- Редакторская работа съедает почти все время, но не писать нельзя. Сейчас в штате газеты всего три человека - секретарь, корректор и редактор. Несколько постоянных авторов, которые пишут о политике, экономике, в том числе из России, работают за гонорар. Моя "епархия" сейчас - религиозные темы. Когда начинала работать - вела раздел политики, делала еженедельные обзоры по Европе, а прежде занималась социальной проблематикой - под рубрикой "Жизнь в современном мире".

Наш тираж сейчас пять тысяч экземпляров, подписчики есть почти в 50 странах мира. У нас существует хорошая обратная связь. Многих мы знаем даже "поименно". Так, в Индии есть два подписчика, причем один из них читает нас уже более 10 лет.

В России их появилось множество начиная с 1992 года, когда в Москве день в день стал выходить в свет идентичный тираж "Русской мысли". При поддержке Фонда Сороса газета распространялась по всей стране, поступала в три тысячи российских библиотек. Больше того, обсуждался даже вопрос о переезде редакции "Русской мысли" в Москву, как это сделали "Континент" и "Посев".

Но потом сложилась парадоксальная ситуация: газета как бы оказалась между двух стульев - она уже не была эмигрантской по содержанию, но при этом не могла стать российской. В конце концов, мы стали терять читателей в Париже и подписчиков в Москве. Проект пришлось свернуть... Но в редакции "Русской мысли" по-прежнему есть льготный тариф для тех, кто хотел бы сделать подписку для своих знакомых и родных, живущих в России, - годовой комплект стоит 70 евро. Для французов это, поверьте, не очень дорого.

- Как-то в начале 2000 года в российских СМИ прошло сообщение, что "Русскую мысль" в Париже готовятся закрыть. Это была газетная утка?

- Отнюдь. Так сложились обстоятельства. К 2001 году мы оказались полными банкротами, и газету действительно хотели закрыть.

Деньги, которые нам выплатили как увольнительные пособия, мы, несколько журналистов газеты, сложили "в кучку" и выкупили газету у нашего французского издателя по цене уставного капитала. Нельзя было допустить, чтобы "Русская мысль" исчезла бесследно. В течение двух лет мы, оставшиеся пять-шесть человек, работали бесплатно. Писали и редактировали на дому. Распрощались с нашим историческим помещением, где прожили почти 30 лет, сохранили только книжные шкафы, которые были еще при Зинаиде Шаховской. Жили, можно сказать, на чердаке, но ни одного номера газеты не пропустили. Спасибо авторам, которые поддерживали нас совершенно бескорыстно. За два года я буквально сбилась с ног в поисках средств. Обошла все парижские издания, многие издательства, объясняя, что "Русская мысль" стала уже историческим достоянием Франции, - взаимопонимания так и не нашла. В конце концов, люди, которые проявили интерес к нашему изданию, оказались русскими бизнесменами.

- Круг ваших читателей сейчас сильно изменился?

- Разумеется. Если верить официальным цифрам, за пределами России, только в Европе, живет сегодня шесть миллионов человек. Конечно, Франция в этом смысле выпадает из общего ряда. С одной стороны, она имеет богатую историю русской блестяще образованной аристократической эмиграции, с другой - сегодня просто плетется где-то в хвосте по сравнению даже с Германией. Вся молодая бизнес-элита перебралась в Англию. Что касается Франции - сюда приезжают жители Украины, Молдавии, как правило, на заработки. Девушки - замуж. Хорошо, что сейчас в Париже стала появляться более активная молодежь. Еще пять лет назад казалось, что русская жизнь в Париже окончательно замерла. А сейчас одна соотечественница организовала французскую лигу КВН, которая собирает на игру полные залы, едут команды из Бельгии, Германии, Греции. Есть реальные планы создать в Париже свой русский театр. Тем не менее с каждым годом русских во Франции становится все меньше.

- С чем это связано?

- Очень сложно "прописаться". У меня есть знакомые - русская семья, они живут здесь почти шесть лет, имеют двоих детей, один из которых родился уже во Франции. Можете себе представить, они только недавно получили право на жительство, причем пока на год: и без права на работу. В Англии все это делается практически сразу и без проблем. Поэтому и наших соотечественников, и русских газет там больше. Для сравнения: в Лондоне их три.

- Из тех эпох, которые довелось пережить, какая больше пришлась по душе?

- Трудно ответить однозначно. Начать с того, что считать рубежом. Знаете, когда спустя 11 лет после отъезда из СССР впервые приехала в Россию и увиделась со своими родителями - для меня это была эпоха. Потому что, честно сказать, я уже не надеялась с ними встретиться.

- И последний вопрос: ваши дочери русский не забыли?

- Конечно, нет, но менталитет у них уже французский. Хорошо это или плохо - трудно сказать. Так сложилась жизнь. Младшая, Настя, учится в Сорбонне, изучает языки. Старшая, Катя, занимается психологией. Я, признаться, никогда не думала, что, как бывшая диссидентка, смогу получить российский диплом "За вклад в развитие средств массовой информации за рубежом". Понимаю, что это где-то условность. Но все-таки трогает:

Владивосток - Париж - Владивосток

Грани

С 1946 – русский журнал литературы, искусства и общественной мысли, с 1949 – журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли, с 1955 – журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, периодичность до 4 номеров в год.

Журнал основан Евгением Романовичем Романовым (настоящая фамилия Островский) (1914–2001). Советский гражданин, он в 1943 покинул страну вместе с отступающей немецкой армией. С 1944, уже в Германии, был членом руководства НТС (Народно-трудового союза). Впоследствии – руководитель НТС (международная политическая организация Народно-трудовой союз). Первые три номера журнала вышли в Менхегофе – лагере для перемещенных лиц под редакцией Е.Р.Романова, С.С.Максимова (наст. фамилия Пашин), Б.В.Серафимова (наст. фамилия Прянишников). Все – члены НТС. Впоследствии Е.Романов вспоминал: «Ручной набор в еле освещенном бараке, нехватка бумаги, истощенные войной люди – его (журнала – Л.П.) первые авторы и редакторы. А вокруг лагеря бродят чекисты». Продавался журнал за сигареты и кофе, служившие в послевоенной Германии своеобразной валютой, которой «перемещенных лиц» снабжали американцы.

Название журнала придумано его основателем – Е.Романовым. В своеобразном манифесте, открывающем первый номер, говорилось: «Легко и радостно жить тому, кто ищет в другом хорошее, ищет и находит. Исканиями своими он помогает тем, в ком ищет раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он прежде всего в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию». Официально «Грани» никогда не были органом НТС, но справедливо говорилось в одном из писем, напечатанных журналом: «Как в общественном сознании, так и практически „Грани“ неизбежно останутся журналом НТС. Делать „Грани“ возможно только совместно с НТС и в опоре на него».

«Грани» так же, как выходивший с 1945 журнал «Посев», издавались издательством «Посев» (начинавшим свою деятельность в лагере Менхегоф.) После третьего номера журнал был запрещен оккупационными властями, а в начале 1947 практически ликвидирован лагерь Менхегоф. Однако в том же 1947 журнал был возобновлен в г. Лимбурге. До 1951 редактором был Е.Р.Романов. «В двух маленьких комнатках при типографии было тогда все наше издательство («Посев» – Л.П.) и оба журнала... В это время журнал выходил нерегулярно из-за материальных трудностей» (Е.Романов).

Среди первых авторов «Граней» почти не было профессиональных писателей. Пожалуй, единственное исключение – поэт и переводчик Д.И.Кленовский, печатавшийся с 1914. Но и он все наиболее значительное написал уже в эмиграции. Из тех, чьи имена впоследствии вошли в историю литературы – поэт И.Елагин, прозаик и литературовед Л.Ржевский (опубликованная в журнале в 1950 его повесть "Девушка из бункера" была высоко оценена И.Буниным; с момента переезда журнала во Франкфурт на Майне, в 1952, Л.Ржевский стал главным редактором «Граней»), а один из первых соредакторов – С.С.Максимов. Его роман Денис Бушуев, действие которого разворачивается в сталинской России, появился в журнале в 1949 и не только привлек к себе внимание русской эмиграции, но и был переведен на немецкий, английский и испанский языки.

«Грани» печатали много публицистики (отделом ведал Б.Прянишников) и мемуарной литературы. Но художественные достоинства произведений, публикуемых в

литературных отделах, как правило, оставляли желать лучшего. Понимая это, руководство журнала сделало все для привлечения в «Грани» писателей «первой волны» эмиграции. В 1950-е стараниями Е.Романова и нового главного редактора Л.Ржевского на страницах «Граней» появились имена И.Бунина, Б.Зайцева, Тэффи, поэтов Ю.Терапиано, С.Рафальского и др. Составленный Ю.Терапиано сборник Муза диаспоры – избранные стихотворения 70-ти поэтов русской эмиграции с 1920 по 1960 был полностью опубликован в № 44, после чего вышел отдельной книгой. «Грани» сыграли неоценимую роль в деле слияния очень высокой культуры первой волны эмиграции и культуры послереволюционного поколения, из которого и состояла «вторая волна». Однако деятели первой эмиграции в послевоенные годы один за другим уходили в небытие. Нужно было искать и новых писателей, и новых читателей – и те и другие находились в России.

С 1955 главным редактором вновь становится Е.Романов. В 1956, в № 32 было опубликовано Обращение издательства «Посев» к деятелям литературы, искусства и науки России, в котором предлагалось присылать для публикации труды, выходящие за рамки советской цензуры, определялись условия и давались гарантии сохранения тайны авторства, указывались пути пересылки.

«Первыми ласточками» стали стихи А.Есенина-Вольпина, повесть М.Нарицы "Неспетая песня" (под псевдонимом М.Нарымов) и Сказание о синей мухе В.Тарсиса (без указания имени автора). Но постепенно все большие и большие авторов решались печататься под своими фамилиями. В 60-е–70-е на страницах «Граней» впервые вышли к читателю такие произведения, как первая часть Чонкина В.Войновича, "Все течет" В.Гроссмана, "Семь дней творенья" В.Максимова (не полностью), "Крохотки" и глава из "Ракового корпуса" А.Солженицына, "Гадкие лебеди" А. и Б.Стругацких, рассказы В.Шаламова, стихи И.Бродского, Н.Коржавина, Н.Горбаневской, Б.Окуджавы, А.Галича и др. Публиковались и произведения умерших писателей. Именно «Грани» впервые напечатали "Собачье сердце" М.Булгакова, были опубликованы "Четвертая проза" О.Мандельштама, "Котлован" А.Платонова, "Наводнение" Е.Замятина, "Елка" у Ивановых В.Введенского, стихи Д.Хармса и др. Как заметил один из сотрудников журнала, список авторов звучит как энциклопедия советской литературы. Перепечатывались и «самиздатские» журналы: «Синтаксис» (редактор-составитель А.Гинзбург), «Феникс» и «Феникс–66» (редактор-составитель Галансков), «Сфинксы» – журнал СМОГа.

Переводились произведения иностранных авторов, например "1984" год Д.Оруэлла. Отдел критики и литературоведения регулярно освещал все наиболее значительное как в современной советской литературе, так и литературе прошлых лет. Стоит назвать хотя бы статьи Ю.Карачиевского о песнях Б.Окуджавы, Н.Оцуна о сб. «Литературная Москва», Л.Ржевского о "Докторе Живаго" Б.Пастернака. В постоянных рубриках «Очерки современности», «Дневники. Воспоминания», «Документы», «Философия и богословие», «История» в разные годы были опубликованы: воспоминания В.Ардова о встрече А.Ахматовой и М.Цветаевой, И.Шейна о последних днях С. Михоэлса, Л.Ржевского о Тэффи, главы из книг А.Авторханова "Происхождение партократии" и "Загадка смерти Сталина", "Письмо Советскому правительству" М.Булгакова, письма О.Мандельштама к К.Чуковскому, Письмо А.Солженицына IV всесоюзному съезду советских писателей, Открытое письмо священников Н.Эшлимана и Г.Якунина Патриарху Алексию, статьи Г.Померанца и многие другие тексты Самиздата. Журнал подробно освещал процесс А.Синявского и Ю.Даниэля, провел пресс-конференцию в Париже по "Белой Книге" (материалы процесса, собранные Ю.Галансковым и А.Гинзбургом). Журнал начал издавать «Письма „Граней“», которые посылались советским писателям. И многие отзывались. Появилась даже рубрика «Отклики из Советского Союза». Две трети тиража (примерно 2000 экз.) нелегально переправлялось в Россию. Б.Окуджава

вспоминал: «В 50-ые г.г. попал мне в руки этот маленький запретный плод, и жизнь моя перевернулась. Я стал учиться по-новому мыслить, я начал с горечью понимать, что я раб, а надо быть Человеком. Этот маленький журнал постепенно стал средством борьбы. Да, это была борьба, но не только с советской властью, а за излечение наших душ и нашего сознания...».

Начиная с 60-х сотрудники НТС (их называли «курьерами») все чаще и чаще, рискуя свободой, а то и жизнью, приезжали в страну – связь журнала с оппозиционно настроенными советскими литераторами все больше и больше принимала форму личных контактов. А инициатива пересылки в «Грани» рукописей все больше и больше исходила из России. Всего из страны было вывезено около полутора тысяч рукописей и документов. Они возвращались в Россию печатными текстами – «тамиздатом». Журнал помогал преследуемым в СССР писателям не только словом. Так, именно «Грани» часто добивались приема того или иного опального литератора в члены ПЕН-клуба, посылали приглашения на различные конференции и т.д. Успехам журнала много способствовала Н.Б.Тарасова, которая 20 лет (с 1962 по 1982) была главным редактором журнала. С середины 70-х, с момента массовой высылки из страны крупных литераторов и появлением журнала «**Континент**», «Грани» перестают быть практически единственным свободным массовым литературным журналом на русском языке. Для поддержания высокого авторитета издания принимается решение: искать главного редактора среди советских писателей. (Выбор падает на автора «Граней», пользующегося большой популярностью в России – **Г.Владимова**. В 1984 –1986 (10 номеров) журнал редактируется автором "**Верного Руслана**". Он покидает свой пост, «хлопнув дверью»: объявив, что цензура НТС ничем не лучше цензуры ЦК КПСС и КГБ. В ответном материале («Необходимое объяснение») руководство издательства «Посев» отвергает все обвинения Г.Владимова в свой адрес, как и вообще какую-либо политическую подоплеку конфликта, объясняя его исключительно личными качествами Г.Владимова, неподходящими для руководителя коллектива.

Значительная часть русской эмиграции приняла сторону Г.Владимова, и авторитет журнала несколько пошатнулся, хотя и оставался достаточно высоким. Пост главного редактора заняла Е.А.Самсонова-Брейтбарт (1986–1995). В 1991 редакция «Граней» переезжает в Москву. Сбылось то, о чем мечтали (и не смели мечтать) зачинатели журнала. В редакционной статье говорилось: «И в новых условиях, уже в самой России журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь способствуя публикации произведений, помогающих освобождению от остатков тоталитаризма в душах людей и восстановлению прерванных традиций русской культуры». В 1992 тираж журнала достигает немыслимой ранее цифры – 10 000. «Грани» по-прежнему печатают как известных писателей (живых и умерших, живущих в России и за ее пределами), так и литературную молодежь: М.Амелина, И.Кузнецову и др. Однако конкурировать с «толстыми» российскими журналами удастся недолго. В 1996 издательство «Посев» прекращает выпуск «Граней». Но журнал не прекратил свое существование. С 1996 он издается Т.А.Жилкиной. Выпускница филологического факультета Иркутского университета, ныне проживающая в Америке, она совмещает обязанности издателя и редактора. Журнал, в прежнем формате, с прежней периодичностью – 4 раза в год – верный принципам «старых» «Граней», выходит в Москве, но распространяется только по подписке (примерно 750 экз.).

Людмила Поликовская¹⁷⁴

Письмо Советскому Правительству Михаила Афанасьевича Булгакова

(Москва, Пироговская, 35-а, кв. 6)

Я обращаюсь к Правительству СССР со следующим письмом. После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет.

Сочинить "коммунистическую пьесу" (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

II

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных - было 3, враждебно-ругательных - 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы "Дни Турбиных" Алексея Турбина печатно в стихах называли "сукиным сыном", а автора пьесы рекомендовали как "одержимого собачьей старостью". Обо мне писали как о "литературном уборщике", подбирающем объедки после того, как "наблевала дюжина гостей".

Писали так:

"...Мишка Булгаков, кум мой, тоже, извините за выражение, писатель, в залежалом мусоре шарит... Что это, спрашиваю, братишечка, мурло у тебя... Я человек деликатный, возьми да и хрястни его тазом по затылку... Обывателю мы без Турбиных, вроде как бюстгалтер собаке без нужды... Нашелся, сукин сын. Нашелся Турбин, чтоб ему ни сборов, ни успеха..." ("Жизнь искусства", N44-1927г.).

Писали "о Булгакове, который чем был, тем и останется, новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы" ("Комс. правда", 14/X-1926г.).

Сообщали, что мне нравится "атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля" (А. Луначарский, "Известия", 8/X-1926г.) и что от моей пьесы "Дни Турбиных" идет "вонь" (стенограмма совещания при Агитпропе в мае 1927г.), и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я не с тем, чтобы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель - гораздо серьезнее.

Я не доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР совершенно права.

III

Отправной точкой этого письма для меня послужит мой памфлет "Багровый остров".

Вся критика СССР, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она "бездарна, беззуба, убога" и что она представляет "пасквиль на революцию".

Единодушие было полное, но нарушено оно было внезапно и совершенно удивительно.

В №22 "Реперт. Бюл. " (1928г.) появилась рецензия П. Новицкого, в которой было сообщено, что "Багровый остров" - "интересная и остроумная пародия", в которой "встает зловещая тень Великого Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские подхалимски-нелепые драматургические штампы, стирающего личность актера и писателя", что в "Багровом острове" идет речь о "зловещей мрачной силе, воспитывающей илотов, подхалимов и панегиристов... ". Сказано было, что "если такая мрачная сила существует, негодование и злое остроумие прославленного драматурга оправдано".

Позволительно спросить - где истина?

Что же такое, в конце концов, "Багровый остров" - "убокая, бездарная пьеса" или это "остроумный памфлет"?

Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных "услугающих". Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что "Багровый остров" - пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать невозможно. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком - не революция.

Но когда германская печать пишет, что "Багровый остров" - это "первый в СССР призыв к свободе печати" ("Молодая гвардия" №1 - 1929 г., - она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она нисуществовала, - мой писательский долг, так же, как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

IV

Вот одна из черт моего творчества и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я - мистический писатель), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное - изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это, занятая малоубедительными сообщениями о том, что в сатире М. Булгакова - "клевета".

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления:

"М.Булгаков хочет стать сатириком нашей эпохи" ("Книгоша", №6-1925г.). Увы, глагол "хотеть" напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в

плюскамперфектум: М. Булгаков стал сатириком как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немислима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершенной ясностью в статье В. Блюма (№6 "Лит. газ."), и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу: всякий сатирик в СССР посягает на советский строй.

Мыслим ли я в СССР?

V

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах - "Дни Турбиных", "Бег" и в романе "Белая гвардия": упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях "Войны и мира". Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает - несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми - аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР.

VI

Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за пределами его не искать ничего. Он исполнен совершенно добросовестно.

VII

Ныне я уничтожен.

Уничтожение это было встречено советской общественностью с полной радостью и названо "достижением".

Р. Пикель, отмечая мое уничтожение ("Изв.", 15/IX-1929г.), высказал либеральную мысль:

"Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов".

И обнадежил зарезанного писателя словами, что "речь идет о его прошлых драматургических произведениях".

Однако жизнь, в лице Главреперткома, доказала, что либерализм Р. Пикеля ни на чем не основан.

18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, лаконически сообщающую, что не прошлая, а новая моя пьеса "Кабала святош" ("Мольер") К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ НЕ РАЗРЕШЕНА.

Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены - работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы - блестящая пьеса.

Р. Пикель заблуждается. Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие, и все будущие. И лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа "Театр".

Все мои вещи безнадежны.

VIII

Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене.

Я прошу обратить внимание на следующие два отзыва обо мне в советской прессе.

Оба они исходят от непримиримых врагов моих произведений и поэтому они очень ценны.

В 1925 году было написано: "Появляется писатель, не рядящийся даже в попутнические цвета" (Л. Авербах, "Изв.", 20/IX-1925г.).

А в 1929 году:

"Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества" (Р. Пикель, "Изв.", 15/IX-1929г.).

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать для меня равносильна погребению заживо.

IX

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ.

X

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

XI

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу о категорическом приказе окомандировании, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили испуг, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и автора, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр - в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя - я прошусь на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, в данный момент, - нищета, улица и гибель.

28. III. 1930

М. Булгаков

Григорий Померанц. Человек ниоткуда

*...И потому туман вдали
роднее нам, чем род и племя.
И внятней голосов земли.*

З.Миркина

Недавно одна девушка-фольклористка выходила замуж. Невеста и ее подружки исполняли вологодский свадебный обряд. Гости старались вжиться в свои архаические роли, тысяцкий (он, кстати сказать, был евреем) делал это довольно артистично. Но все было игрой. Старая вологодская деревня, в которой иначе справить свадьбу просто невозможно было подумать, где этот обряд, завещанный бабками, сберегли через тысячу лет, стала такой же экзотикой, как Таити. Девушки-африканистки могли бы исполнять танцы с тамтамом, а студенты-индологи - танцы Радхи и Кришны. Все это одинаково легко входит в стены московской квартиры.

То, что было когда-то единственным, жизненно необходимым занятием, становится игрой, одной из многих игр, которую можно полюбить или отбросить. Австралийцы, бушмены, пигмеи живут тем, что собрали за день в лесу или в пустыне; мы ходим по грибы. Крестьяне вкладывают в землю всю свою жизнь, мы окапываем яблони на десяти или тридцати сотках. Это хорошая игра. *Вней* часто больше творческого, чем в будничной умственной работе. Но можно ничего не собирать в лесу, кроме солнечных зайчиков, и это даже лучше. А грибы или яблоки продаются на базаре. Всерьез мы работаем головой за своим письменным столом. Всерьез мы живем в Вавилоне, а в Аркадию только играем.

Мы едим хлеб, сжатый и обмолоченный людьми, которых по привычке называем крестьянами, но мы не живем в крестьянском обществе, мы не окружены народом. Крестьянства в развитых странах становится слишком мало, чтобы окружать нас. В Соединенных Штатах сельским хозяйством занимается 7 процентов населения. Больше не нужно, чтобы обеспечить остальные 93 процента хлебом, маслом и молоком (в США - 300 литров на человека в год. В Индии - 6 литров. Сколько у нас - Бог весть). Даже остаются излишки, чтобы подкармливать крестьянскую Индию, где хлебопашествует 80 процентов населения .

Фермеров в США меньше, чем студентов и профессоров университетов. Но главное то, что фермер - уже совсем не крестьянин. Это работник сельского хозяйства в научно-промышленном обществе. Он гораздо дальше от крестьянина, чем традиционный ремесленник (труженик города в обществе, костяком которого было крестьянство). Возьмем еще более крайний, еще более парадоксальный случай: в Израиле кибуцники, образцовые сельские хозяева, у которых учатся агрономы Африки и Юго-Восточной Азии, создали Лигу борьбы с религиозным принуждением. Это носители "городского" мировоззрения. А ремесленники, вывезенные в 1948 году на самолетах из Йемена, бросают камни в автомобили, нарушающие день субботний.

Крестьяне и ремесленники вместе берегли как зеницу ока веру отцов, обряды отцов и составляли народ - с народными песнями, с народной вышивкой и народными предрассудками. А что поют колхозники? Да то же, что пролетарии. Какие-то остатки крестьянского наследства, какие-то мелодии, вбитые в школе, в армии, по радио. Крестьянство исчезает. Оно оставило глубокий след в нравственном и эстетическом сознании человечества, оно было мостом между племенем и чем-то еще, что еще только складывается. Но оно исчезает.

Кажется, что этого не может быть. Что народ и общество - неотделимые понятия, что народ с историей - близнецы-братья, и там, где есть общество, история, непременно должен быть народ. Но где он, этот народ? Настоящий, народный, пляшущий народные пляски, сказывающий народные сказки, плетущий народные кружева? В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной, островки снега в глухих углах леса. Есть еще углы, где можно записать вологодский свадебный обряд, где доживают свой век старуха Матрена и реабилитированный Иван Денисович. Но народа как великой исторической силы, станового хребта культуры, как источника вдохновения для Пушкина и Гоголя - больше нет.

Пролетариат городской и сельский заменил народ в политической жизни, но не в духовной жизни общества. После всех попыток Пролеткульта, пролетарского искусства и великой пролетарской культурной революции в Китае от рабочего ничего уже и не ждут в этой области. К нему обращаются только тогда, когда надо посечь очередного интеллигента. И тогда газеты печатают интервью: "Я не читал Пастернака, но..." Или бригады двоечников, срезавшихся на экзаменах, вводят в университет, чтобы бить студентов, как в Варшаве в 1968 г. (С тех пор в Польше многое переменялось и возникла солидарность рабочих и интеллигентов. Но это особая тема.)

Класс, вызванный к жизни первым промышленным переворотом, выросший, как на дрожжах, до 50 процентов населения, создал профсоюзы, советы, забастовки и т.п., без чего нельзя представить себе XX век, создал некоторый дух солидарности в борьбе с

притеснением, но ничего положительного, ничего такого, что способно оставить прочный, долговечный, вековечный след. Нет никакого особого пролетарского нутра. То, что было названо пролетариатом, в духовном отношении ничем не отличается от остальной урбанизированной массы. Это просто нижний слой ее, без всяких провиденциальных перспектив.

Я помню, на лекции по фольклору профессор Соколов каялся, что в бытность свою буржуазным ученым занимался только крестьянским фольклором и недооценивал пролетарский. После этого перекованный Юрий Матвеевич посвятил целую лекцию, а может быть, даже две фабричной частушке. Запомнилась одна, в которой он нашел богатые созвучия и главное - ярко выраженное пролетарское классовое сознание:

*Инженеру Покатило
Рожу паром обварило,
Жалко, жалко нам, ребята,
Что всего не окатило!*

В первые годы после революции пелись революционные песни, сложенные интеллигентами - народниками и марксистами. Потом пошла в ход блатная лагерная песня, песня вычеркнутых из списков "пролетарской" общественности. А сейчас началось время интеллигентского фольклора. Открылся "животворный родник", из которого хлынули песни, стихи, проза, философские эссе, абстрактная и конкретная живопись. Герою Синявского мерещится, что весь Союз пишет, что в каждом окошке графоман. Родник бьет снизу - мимо официальных писательских организаций. Ко это совсем не народные низы. Скорее это верхи в смысле образованности. Пишет очень широкий слой - от шофера такси Алешковского до профессора математики И. Грековой-Венцель, но явно преобладают верхи.

Появилась потребность осознать себя духовно, оставаясь ученым, интеллектуалом, не бросая своего НИИ. Это какой-то Ренессанс наизнанку. *Тогда* художники (оставаясь художниками) становились математиками. *Сейчас* математики (оставаясь математиками) становятся художниками и поэтами. Если правда, что нет народа без песни, то именно здесь складывается хребет нового народа - или, быть может, нового слоя, несущего в себе занародную правду и занародную песню. И так же как не прав бушмен, для которого переход к крестьянскому труду - святотатство, не прав и крестьянин, для которого уход от власти земли, крови, родства, "веры отцов" - святотатство. Культура, как змея, просто сбрасывает кожу, и старая кожа - народ - лежит, потеряв свою жизнь, в пыли. Это парадоксально только по-русски. По-английски folk (архаический народ, но-ситель фольклора) давно исчез, и нетрудно представить себе, что reople тоже исчезает. Любопытно, что наши менестрели - какой-то сброд космополитов: полугрузин-полуармянин, еврей, полукореец. Есть, конечно, и чистокровные русские, но решительно без почвенной основы: не дети, а внуки и правнуки крестьянского народа, стоптанного прогрессом в безликую слесарно-бухгалтерскую массу, в которой Сталин брал своих абакумовых и РЮМИНЫХ... Можно, конечно, называть народом любую массу трудящихся: язык без костей. Тогда слесари и бухгалтеры, ткачихи и следователи суть народ. Песни, передаваемые по радио, суть народные песни. А Окуджава, Галич, Ким, Высоцкий - гнилые интеллигенты, подвергшиеся растленному влиянию Запада (так это, кажется, звучит на языке супруга товарища Парамоновой). Но где парамоновские обряды и плачи, песни и пляски? Где парамоновская нравственность? Мое замечание об исчезающем крестьянстве, высказанное впервые в полемике с М.А.Лифшицем, шокировало почвенников.

Но что делать! Не я придумал (это сделала история), что крестьянские нации СУТЬ голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло, - это нации, в которых исчез голод. Я не виноват, что сейчас обществу выгоднее большую часть сил тратить на умственную работу, а совсем малую - на обработку земли. Впрочем, численно второстепенная группа не означает группы, без которой можно

обойтись, от которой можно отвлечься. Мои оппоненты, видимо, стихийно исходят из архаической модели народа, в котором крестьянские общины, живущие натуральным хозяйством, могут веками обходиться без города, а город без них и году не проживет. Сейчас такое общество сохранилось только в джунглях. Сейчас все группы зависят друг от друга, и в этом едином обществе ни одна группа не в праве считать себя коренной. Вопрос можно поставить только так: какая группа, добившись того, чего она хочет, способна изменить к лучшему все общество? Крестьянство или интеллигенция? На этот вопрос ответил опыт Польши и Чехословакии.

В 1956 г. Гомулка распустил большинство колхозов и дал крестьянам окрепнуть. В результате было восстановлено консервативное село, и на него сегодня опираются самые реакционные в Восточной Европе "кадры". Напротив, в Чехословакии в январе 1968 г. победила интеллигенция, добившаяся прежде всего свободы слова. Казалось бы, какое дело до этого рабочим и крестьянам? Но интеллигенция немедленно растолкала все общество, и вся страна пришла в движение. Там, где интеллигенция свободна, всем открыт доступ к свободе. Там, где интеллигенция в рабстве, все рабы. Поэтому и *только* поэтому я против чрезмерного акцента на важности деревенских проблем, на трагедии крестьянина. Трагедия бесспорна. Деревенские проблемы надо решать. Но если не решена проблема интеллигенции, страна в целом останется во тьме. Интеллигенция может быть средоточием всех земных пороков. Но только в ее среде возникает требование свободы слова. Только в ее среде живет Самиздат. Ни рабочий класс, ни крестьянство, ни бюрократия не нуждаются в свободе слова так, как ученый и писатель. Поэтому люди творческого умственного труда становятся избранным народом XX века.

Группа, второстепенная с точки зрения социолога, может быть, однако, первостепенной для писателя (например, бедные белые Юга США для Фолкнера), и писатель может раскрыть в жизни этой группы величайшие духовные ценности. Я горячий поклонник "Матрениного двора". Но я против переноса в современность комплекса неполноценности, с которым русский кающийся дворянин прошлого века подходил к мужику (или птичнице):

*Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Заниматься искусством, наукой...*

Нельзя подходить к современному учителю или врачу с мерками Некрасова и корить его легкой работой. Работа интеллигента (если говорить о миллионах, не имеющих ученых степеней) совсем не легкая, совершенно необходимая для общества (успешного с XIX века сильно измениться) и оплачивается в нашей стране из рук вон плохо. Я не могу согласиться с противопоставлением ученого птичнице в "Письме физику" (ходившем одно время по рукам). Я не думаю, что ученый непременно должен испытывать угрызения совести перед птичницей - так мало он работает сравнительно с птичницей, и так мало действительной пользы людям приносит его труд. Я не хочу сказать, что ученых не подкупают, не проституируют. Это делается, и достаточно часто (так же как в деревне, где подкупают и проституируют "знатных доярок", героев социалистического труда и т.п.). Я не хочу сказать, что ученые всегда заняты полезным делом. Достаточно часто они занимаются делами, ничуть не более полезными, чем сверххранний сев и другие начальственные затеи.

Я глубоко сочувствую попытке вызывать у проститулируемых ученых угрызения совести. Но почему только перед птичницей? Почему не перед учительницей, слепнувшей над тетрадками, не перед загнанным амбулаторным врачом? В подчеркивании ответственности перед птичницей (по некрасовскому образу) есть своя опасность (отсутствующая в некрасовские времена). Эта опасность в том, что поддерживается народный предрассудок, по-старому смешивающий всякий умственный труд с барством, и сталинская политическая традиция, основанная на этом предрассудке: 1) всякий человек с

авторучкой называется интеллигентом; 2) народная ненависть, вызванная некоторыми людьми с авторучкой, поровну раскладывается на всех; 3) в критические минуты некоторые люди с авторучкой тактично забывают, что сами себя называли интеллигентами, и в качестве слуг народа науськивают массы на действительную интеллигенцию, ищущую чего-то лучшего.

Совершенно необходимо улучшить положение птичницы, скотницы, тракториста, но не их одних! Проблема птичницы имеет нравственную первоочередность, если птичница голодает, а работники умственного труда получают несправедливо много. Но такое положение существует только в слаборазвитых странах и исчезает вместе с развитием. Вот соответствующая таблица:

Недельный заработок в долларах

Город	Профессия		
	Строитель	Бухгалтер	Секретарша
Нью-Дели	3,33	40,00	18,50
Бейрут	20,00	180,00	53,00
Мадрид	28,00	42,00	53,00
Белград	25,00	40,00	30,00
Токио	44,00	40,20	50,00
Стокгольм	122,64	94,64	88,02
Нью-Йорк	248,00	127,50	125,00

Отвлекаясь от местных различий в оплате мужского и женского труда и от особенностей Ливана (в котором буржуазия получает гигантские сверхприбыли на блокаде Израиля и делится этими прибылями с ближайшими служащими, но не с рабочими), можно заметить, что в развитых странах умственный труд перестает быть привилегией барства, становится рядовой профессией и оплачивается хуже, чем квалифицированный ручной труд. Чувство вины перед народом, естественное в Нью-Дели, теряет смысл в Токио, становится нелепым в Стокгольме. Какое положение занимает в таблице Россия, трудно сказать. Во всяком случае, от Индии мы давно оторвались. Остальное - дело времени и технико-экономического прогресса. Именно технико-экономического: структура зарплаты в Югославии и в Испании, политически несходных, почти совпадает (в Испании, пожалуй, больше уважают женщин). Поглядывая на таблицу, хочется сказать, что есть много тяжелых и неприятных форм умственного труда. Развитие науки, освободив мышцы, так перегрузило голову, нервы, что миллионы людей приходится брать на учет к психиатру. Я не думаю, что труд инженера-экономиста веселее косьбы. Не надо считать человека благополучным просто потому, что он работает под крышей и страдает от головной боли, а не от мышечной усталости. Если городскому человеку нельзя есть яичницу без угрызений совести, то ведь, пожалуй, нельзя и на стульчак сесть без угрызений совести (перед ассенизатором, например. Страшно подумать, во что превратился бы современный город без ассенизаторов. Легче было бы обойтись без многого другого). Птичник, который волнует сейчас многих, отвратителен. Но ведь это ад не только для людей, но и для кур. Это очень плохой птичник. Наша страна импортирует битую птицу и яйца - своих не хватает. Как, впрочем, и хлеба в иные годы. Никакой всемирно-исторической необходимости в этом нет, просто порядок, заведенный в сельском хозяйстве, очень плох, и надо ввести какие-то другие порядки, проверенные опытом других стран.

Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей. Но по крайней мере известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем, пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа одновременно с Европой и Америкой, которые по крайней мере о птичнице могут не думать. Потому что мы не только страна плохих, неэффективных колхозов, но и страна эффективных ракет. И наряду с провинциальными задачами, общими для слаборазвитых стран, мы вынуждены решать и задачи

современные, "модернистские". И мне бы хотелось, чтобы мы не забыли об этой стороне дела, требующей больших усилий мозга (потому что это как раз сторона неразведанная). Что бы ни творилось в деревне, как бы ее ни калечили, большинство сельских работ по природе своей здоровее и веселее, чем работа в горячем цеху или поиски ошибки в платежной ведомости. Толстой косил, ходил за плугом, но я не видел человека, который по своей охоте шел бы делать из вонючей резины галоши или редактировать библиографический указатель. Примитивные формы труда основаны на живом внутреннем ритме или на прислушивании к ритму окружающей человека природы. Они сохраняют свою ценность и тогда, когда теряют экономический смысл. Мы не жалеем потратить целый день, чтобы поймать несколько рыбешек, выращиваем в комнате лимоны, печем в духовке пироги (хотя кондитерская за углом) и прочее. К сожалению, основная наша работа совсем другая - механическая, опустошающая. Только очень небольшое меньшинство способно получать деньги за творческий труд. Я к этим счастливым не отношусь и то, что давало смысл моей жизни, делал бесплатно, я работал грузчиком умственного труда, почтовой лошадей. Уверю вас, господа почвенники, это не синекура.

Что же делать? Один мой знакомый сказал, что из искусственного положения приходится искать искусственный выход. Такой выход - сервис, т.е. компенсация за потерянные нервы. Мышечную силу можно было нахлестывать кнутом, силу ума - только пряником. Начиная с парикмахерской, в которой три мастера ждут одного клиента, кончая музыкой, поэзией, живописью. Спешу оговориться: речь идет не об одной ученой элите. Это общий уровень человеческих отношений, на который вышли все северные страны (кроме нас) и к которому быстро приближаются страны, расположенные южнее (Италия, Япония, Израиль).

К сожалению, и этот уровень недостаточен. И на нем главная проблема остается нерешенной: проблема духовного вакуума.

Теплый хлев с холодильником, автоматической подачей корма и зелеными лугами по телевизору был бы совершенно достаточен для скотины, но человек, попавший в этот рай, не чувствует себя счастливым. Он работает, хорошо работает, он много производит и много потребляет, но ему потихоньку становится тошно. И тогда он норовит поддаться пинка роскошным автоматическим устройствам, на которые с такой завистью смотрят народы Азии, Африки и Латинской Америки. Народы, узнавшие из голливудских картин про сладкую жизнь, но не научившиеся еще организовывать жизнь по-американски и обвиняющие в своей бедности империалистов, сионистов и советских ревизионистов². Северные страны решили экономическую проблему, создали пролетариям в синих и белых воротничках буржуазную жизнь, лечат пролетариев в хороших лечебницах, дают возможность провести отпуск на взморье - словом, сделали все, на что способна хорошо развитая наука. Но наука не может научить пролетария чувствовать ритм облаков на заре и повторять его на свирели, как делал пастух в холщовых портах, никогда не видевший синего моря.

Наука знает очень много вещей и может узнать еще больше, но смысл жизни - это не вещь. Его нельзя ясно очертить, его нельзя "формализовать". Он дается, может быть, мудрости, но мы совсем забыли, что такое мудрость. Мы умеем готовить хороших ученых, но у нас нет даже посредственных мудрецов. Мы точно, научно, изящно решаем точно очерченные проблемы - и стоим в тупике перед целым: голову вытащим - хвост увязнет. Хвост вытащим - голова увязнет.

<...>

Пицунда, сентябрь 1967 Москва, март 1969

Послесловие

Осенью 1967 года я написал первую редакцию своего эссе "Человек воздуха". Почти год я выслушивал возражения друзей, вычеркивал, вписывал, исправлял. Происходили события - и входили в построенную модель вставными эпизодами. Но вдруг

случилось нечто, не влезавшее в текст. Не договорив монолога, Гамлет упал в оркестр. Эссе, которое никак не удавалось окончить, оказалось написанным в прошлую эпоху, а мы - в новой.

В том, что у меня написалось, есть одна условность: все строится по оси спора с почвенниками. Запах кваса и погрома заставил меня определить себя как человека диаспоры. Я встал на точку зрения диаспоры и развил ее насколько мог. Я встал на точку зрения "вонючего интеллигентского гуманизма", от которого бегут поклонники Розанова, и постарался показать, чем может и должна стать интеллигенция. Но диаспора и даже интеллигенция - это не клетки, в которые я посадил себя на всю жизнь. В самом глубоком слое я чувствую себя человеком без всяких прилагательных: определить и ограничить себя я согласен только по отношению к тому, что находится над всеми частными решениями. Можете назвать это Богом, Абсолютом, Пустотой, Единым, Ничто: я не привязан ни к одному из этих слов больше, чем к другим. Но этому что-то, насколько я его понимаю и угадываю, я служу. А все то, что можно высказать, сформулировать, не связывает меня безусловно, и я всегда готов сказать вместе с Достоевским: "Если бы как-нибудь оказалось (предполагая невозможное возможным), что Христос вне истины и истина вне Христа, то я предпочел бы остаться с Христом вне истины, чем с истиной вне Христа". Иначе говоря: с тем, что я люблю, а не с отвлеченным принципом. Принципы для меня все условны, в том числе принцип диаспоры (а не земли), интеллигенции (а не простецов) и пр. Иногда я буду с простецами против снобов, с народами и племенами - против космополитов и т.п.

Мой спор с внутренне честными почвенниками только об одном: где искать нравственную опору. Я утверждаю, что почва сползает и корни, пущенные а нее, легко могут оказаться в пустоте.

Я утверждаю, что надо искать опору в первичных впечатлениях бытия, т.е. в тех слоях подсознания, которые воспринимают какую-то подсказку, какие-то сигналы от бытия как целого, неразложимого на атомарные факты и потому таинственного, непостижимого. Если какой народ эту способность сохранил, то разве только бушменский; этой способности нельзя научиться у нынешних масс.

Один из моих собеседников заметил, что подлинная почва - это религиозная традиция, что народ еврейский сохранился, потому что почвой его была вера, и такой же почвой для современной Европы, впавшей в духовное рассеяние, может стать христианство. Я согласен с этим, если подчеркивать в христианстве некий дух (который есть и в других вероисповеданиях). Я не согласен с этим, если подчеркивать исключительность христианства и противопоставлять его всем духовным традициям мира, в том числе самым высоким. В таком обособлении я вижу попытку спрятать голову в песок, уйти от трудного вопроса о едином языке и едином образе духа для всех континентов и даже во многих случаях попытку поставить китайцев, например, вне круговой поруки добра. Впрочем, какой-то первой точкой опоры, каким-то бревном в водовороте может быть и самая исключительная христианская вера. "Человек ниоткуда" был попыткой поднять против прянично-погромного почвенничества чистое, не захваченное сейчас никакими подонками знамя космополитизма. Но я вовсе не говорю, что космополитизм (интернационализм) всегда благо, а почвенничество - всегда зло. Смотря какое почвенничество, смотря как оно повернуто, смотря в чем искать "почву". В почвенничестве мелькают несколько идей, с которыми я совершенно согласен. Я вполне понимаю Лену Огородникову, сказавшую, что Колыма ее тревожит гораздо больше Освенцима, и не отказываюсь от своей доли стыда, от своей доли национального позора. Я вполне понимаю и принимаю боль за свои национальные язвы, повышенное чувство ответственности за родные грехи. То, что я отвергаю, - это только поиски вредителя в другом, в инородческом и иноверческом микробе. Я убежден, что с этого начинаются авторитарное мышление, черная сотня, фашизм.

Мы расходимся с внутренне честными почвенниками в понимании многих вещей, но мы сходимся в неприятии морали, которую массы спокойно приняли: закон - тайга,

мишка - прокурор. До каких-то пор я готов идти вместе с Леной Огородниковой и всей неглазуновской частью почвеннической интеллигенции, потому что все мы не можем дышать в присутствии дьявола, а это сейчас главное. Потому что то, что произошло, трудно описать иначе: мы внезапно ощутили живое присутствие дьявола. Темные слои подсознания, которые казались дремлющими, внезапно оживились и стали подсказывать ходы игрокам в крупной международной игре. Мир покачнулся - и сделал еще один шаг к концу. Потом остановился, как Пизанская башня, наклонившись над бездной. И мы вернулись пить свой кофе и размышлять над положением пучков в многомерном пространстве.

Политика и мораль разные вещи. Это, может быть, верно сегодня, завтра, послезавтра, и вдруг целая цивилизация, подорванная упадком нравов, идет под откос. Где-то есть предел, а за ним пропасть, в которую обрушивались древние царства. Его нельзя переходить. Но сейчас все человечество подошло к этой грани, и все мы рухнем, как обры, о которых писал летописец: "Были телом велики и духом горды, и погубил их Бог, и осталась поговорка на Руси: погибоша аки обре, их же нет ни племени, ни наследка".

Есть предел политической безнравственности, оправданной государственными соображениями, за которыми гибнут Гоморра и Содом, гибнет царство Ассурбанипала, Цинь Ши-хуанди, Гитлера, Муссолини. Потому что человеческое общество не может существовать без какого-то минимума солидарности - естественной, не предписанной законом.

Мне возражали, что фашистские государства вовсе не были безнравственными. Что нравственность как система общественных норм была там строже, чем в государствах демократических. Да, но нравственность лишь *попутно* работает как система общественных норм. В своей основе нравственность - это заповеди, необходимые лишь для того, чтобы человек в своем поведении не затапывал те слои подсознания, которые способны работать как приемник и улавливать то, что Моисей назвал голосом Яхве, Будда - дхармой, а Лаоцзы - Дао. Назовите это как хотите. Но никакой другой, лучшей нравственности рационализм не смог придумать. Когда прекращается шепот неба, начинает вдохновлять бес, и дьявольщина разрастается в обществе, пока не пожрет его. Это объективный исторический закон, который впервые сформулировал Сыма Цянь (если Н.И.Конрад правильно интерпретировал соответствующий иероглиф), и никакие нормы, установленные государствами и диктаторами, не помогли против этой болезни. Все они держатся на инерции религиозной нормы и падают вместе с ней.

Существует объективный минимум солидарности, без которой общество разваливается, и от эпохи к эпохе этот минимум не падает, а растет. Бушмену достаточно любить 40-50 людей, с которыми он вместе кочует по пустыне. Это ему легко удастся, и средний бушмен - хороший бушмен. В большом племени, при тесных связях маленьких родовых групп, поселений, деревень труднее быть хорошим. Поэтому увеличивается роль внешней регуляции, всяких норм, законов, правил. Не надо думать, что законничество было только у древних евреев. Племя гого в Танзании регулирует такие вещи, которые ни Моисею, ни даже Эзре не пришло бы в голову узаконить: например, муж непременно должен укладываться на правый бок и ласкать жену левой рукой, хозяйки выливают помой непременно на запад (как и наши журналы) и т.д.

В ранних империях, смешавших и рассыпавших племена, племенные законы также рассыпались. Римские императоры попытались выйти из нравственного хаоса, дав народам себя как бога, а свои эдикты - как заповеди. Но императоры (даже очень хорошие, как Марк Аврелий) были слишком заняты государственными делами. Они едва успевали войти в роль нравственного образца, как опять надо было кого-то распинать, пытать, раскрывать заговор. А эдикты, составленные на бивуаке, слишком отдавали государственной необходимостью и совсем мало - человеческим сердцем. Тогда пришел Иисус, сын плотника из Назарета, и сделал то, чего не сумел цезарь. Он

вернулся к нравственной интуиции, оставленной законниками, и прислушался к ней до того, что стал "одно с Отцом" - и в этой форме, подсказанной традицией, понял, что чувствует любовь к каждому человеку, каждому созданию на земле как к своему ребенку. Нового закона еще не было, но Иисус сам стал законом ("написанным в сердце"); он знал, когда выполнять старые законы, а когда не нужно. Ему подсказывала та же нравственная интуиция, которая помогает бушменам жить на стоянке без ссор, только интуиция более развитая, способная обнять всю землю.

Так была решена задача времени. Так родился "Сын Божий", гений человечности, способный любить все 10, или 20, или 30 миллионов подданных Римской империи, и варваров, угрожавших ее границам, и друзей, и врагов, как самого себя. И был найден ключ к превращению массы, покорившейся римскому закону, в народ, связанный не только общим страхом, но и любовью. То есть к солидарности без кровной мести между родами, без племенной вражды. Ключ этот был найден в человеке, ставшем совершенным, "как совершенен Отец наш Небесный", то есть открывшем в себе все те качества, которые пророки увидели на небесах.

Иисус нес себя миру, но для мира это было слишком просто: обновиться, преобразиться полностью он не мог. Миру нужен был компромисс Ветхого и Нового Адама - и он получил этот компромисс как смесь "монастыря" с "исламом".

Иисус не устраивал монастырей. Это сознательно делал только Будда, может быть, потому, что общество, с которым он столкнулся, еще меньше подготовлено было к реформам. Но сыновья Нового Адама нетвердо стояли на ногах: чтобы не затеряться, чтобы уцелеть, они уходили в пустыню, собирали своих за монастырской стеной. Оттуда они потихоньку светили миру (как Сергей Радонежский Дмитрию Донскому), там они хранили душевный огонь для того дня, когда мир созреет, чтобы принять его. А для мирян, потерявших племенной завет, был создан ислам. Я называю "исламом" то, что яснее и проще других дал Мохаммед: систему заповедей, основанных на покорности одному для всех Богу. Закон такой же твердый, ясный, обязательный, как племенные, но приспособленный к неплеменному, детрибализованному миру.

К этому пришли все мировые религии, с чего бы они ни начали. Буддизм сперва был только монастырем, - но очень скоро появился "ислам" для мирян. Ислам был только "исламом", но суфийские братства, странствующие дервиши - своего рода монахи. Средневековая комбинация "монастыря" с "исламом" была реалистическим выходом из положения. Она дала возможность подняться на новый уровень солидарности (буддийского мира, христианского мира, мира ислама), позволила создать стройную систему культуры, охватившую своим влиянием все слои общества, и консолидироваться после духовной разрухи античных империй. Но потом история свернула. Старый путь оказался тупиком.

"Ислам" сковывал развитие личности. "Монастырь" давал ей только одну дорогу - вверх, а требовалось шире, свободнее развернуться и на плоскости. Это движение разрушило готическую постройку.

Когда говорят о кризисе религии, практически имеется в виду, что средневековая структура (сочетательство "монастыря" с "исламом") не годится для Нового времени. Это верно. И дело не только в том, что "монастырь" или "ислам" испортились. Нам не стало бы легче, если бы вдруг в первоначальной чистоте возродился ислам первых четырех праведных халифов. Праведные халифы с удвоенным рвением возобновили бы войну с неверными, и ко многим антихристам, обещающим спасти мир, истребив своих врагов, прибавился бы еще один. А у нас, как известно, достаточно спасителей, готовых уничтожить вселенную, лишь бы восторжествовали их принципы, и так как современный интеллект создает множество принципов (а следовательно, и проектов спасения человечества), мир и без нового Омара или Петра Пустынника достаточно близок к гибели. Что же касается монастырей, то какая-то форма самосохранения тонких и хрупких организмов, возможно, опять возникнет; но какой она должна быть? Этого мы не знаем, и

простое сохранение или возрождение старых форм вряд ли достаточно. Снова, как в древности, возникло сожительство людей, вышедшее за рамки старых духовных единств, национальных и религиозных. Снова до зарезу нужна нравственная интуиция, всеми заброшенное Царство Божие внутри человека. Снова не хватает солидарности для решения самых элементарных вопросов. Академик Сахаров посчитал, что для того, чтобы не допустить массового голода и катастрофических общественных судорог в третьем мире, надо обложить развитые страны огромным налогом, но даже налог в 1%, предложенный Горовицем несколько лет тому назад, серьезно не рассматривался. Разумность этого проекта никто, конечно, не оспаривал, но, чтобы принять его, надо опять поставить человека выше субботы (коммунистической, капиталистической, расовой - любой), нужно возлюбить не только союзников - ибо "так поступают и язычники" - но и врагов. Без выхода на новый уровень солидарности современные проблемы неразрешимы. Наука может описать современные болезни, вылечить их она не в силах.

И вот оказывается, что мы переросли только популярное средневековое понимание христианства и буддизма, а до того духовного и нравственного уровня, на котором свободно парили Иисус и Будда, нам еще очень-очень далеко. Если бы мы доросли чуть повыше, хотя бы до колен, - самые неотложные вопросы были бы решены. Не будем спорить, какая вершина выше и как они друг к другу относятся. Но если христианский мир станет хоть немного более христианским, а буддийский мир - буддийским, воспрянет надежда на выход из тупика.

Вся запутанность, абсурдность нашего времени в том, что мы пытаемся решать проблемы двадцатого века так, как они решались в девятнадцатом (и раньше: с эпохи Возрождения): опираясь на достигнутый нравственный уровень, принимая его как данность. Мы пытаемся действовать как Фауст, не замечая, что фаустовская эпоха кончилась, что для развитых стран она исчерпана, что Новое время стало старым. И нужно, как в кошмарном сне, проснуться и освободиться от представлений, потерявших связь с реальностью. Если нет выхода на плоскости интеллекта, это просто значит, что надо подняться на новый духовный уровень, посмотреть на горы, которые кажутся неприступными, сверху.

В этой работе есть свои интеллектуальные задачи. Одна из них, над которой, как мне кажется, стоит подумать, - задача скрытого имама. По шиитской легенде, мессия (скрытый имам), объявившись, не принесет нового закона (это противоречило бы исламу), но даст новое толкование всех прежних пророчеств, прояснит их духовное единство - и вражда между "народами книги" исчезнет. Если хорошо выполнить эту задачу, отпадет много недоразумений. Станет ясно, что сегодня нет внутреннего спора между иудаизмом Мартина Бубера, католицизмом Генриха Бёлля и индуизмом Рабиндраната Тагора: между ними может быть установлен духовный, ценностный контакт, - но есть очень существенная разница между христианством св. Франциска и св. Доминика: разница духовного уровня. Очень важно понять, что различия духовного уровня важнее различий языка, а к единой вершине, к единому свету пусть каждый двигается своим путем. Только так можно внести единство в современное, почти бесконечное разнообразие индивидуальностей (национальных и личных). Одного вероисповедания на современный мир не хватит, слишком этот мир пестр. Но главное не то. Главное не во внешней интеллектуальной возможности диалога, а во внутреннем духовном сдвиге. Главное - зашевелится ли хоть слегка тот самый слой под-или надсознания, который откликается на подсказку "сверху" и дает силы бороться с шепотом преисподней.

* * *

Это задача не для ученых, не для мыслителей, не для святых, а для каждого. Наша повседневная жизнь создает нравственный климат, в котором рождается Событие. Я не думаю, что от дьявола можно отсидеться, размышляя о положении пучков в многомерном

пространстве. Это ему нипочем. Существует простой механизм, описанный в старину как первородный грех. Среднему человеку, захваченному делами, заботами, болезнями, бегством от скуки и пр., болотные огоньки ближе, чем заря, звезда, Бог. Почва, предоставленная самой себе, родит скорее сорняки, чем пшеницу. Маленький принц каждое утро обходил планету и выдергивал баобабы. Он говорил, что баобабы, разросшись, могут разорвать планету на части.

Если мы не будем рассчитывать, что все само собой образуется, без нас некому будет помочь Богу.

Октябрь 1968 - март 1969

Посев

Общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года. Журнал участвовал во внутрироссийской борьбе за право, свободу и справедливость. "Посев" поддерживал российское освободительное движение во всех его проявлениях, участвовал в обсуждении проблем российского государства, поддерживал конструктивные силы, готовые к активному участию в проведении оздоровительных перемен в стране.

Журнал выходил в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в СССР и распространения среди советских граждан за рубежом. С 1990 года журнал выходит каждый 2-ой месяц.

Свободное русское издательство "Посев" возникло сразу по окончании второй мировой войны, в 1945 году. В лагере политических беженцев из России, близ города Касселя в Западной Германии.

«Посев». 11 ноября 1945. № 1.

Обложка журнала.

Началось с издания восковочно-ротаторным способом, в первую очередь, учебных и справочных пособий. Так и родилось лагерное издательство, для которого выбрали имя "Посев". К осени стала остро ощущаться необходимость в периодическом печатном органе широкого распространения. Решено было выпускать многотиражный еженедельник под тем же названием, что и у издательства, - "Посев". Первый номер еженедельника вышел в воскресенье 11 ноября 1945 года.

Помимо "Посева", в Менхегофе начал выходить кварталный журнал литературы, искусства и общественной мысли - "Грани". После массовой эмиграции в заокеанские страны, издательский коллектив "Посева" остался в Германии в городе Лимбург-на-Лане. В лимбургский период возникла важная традиция в жизни и деятельности издательства - проводить ежегодные конференции сотрудников и читателей, русских и иностранных друзей, посвященные обсуждению положения в России и социально-политических проблем современности. Эти конференции издательства "Посев" собирали от 150 до 300 участников, материалы их публиковались на страницах журнала "Посев", иногда издавались в виде брошюр. С января 1952 года "Посев" обосновывается во Франкфурте-на-Майне.

Еженедельник "Посев" все больше приобретал характер как бы внутрироссийского печатного органа: его наполняли материалы, содержащие информацию, анализы, прогнозы, суждения касательно жизни народа, поведения и настроений общественности, действий и намерений существующей власти. С другой стороны, печатались актуальные произведения отечественного происхождения, которые либо брались из советской прессы, либо поступали окольными путями из России.

В ночь на 18 июня 1961 года советская агентура бросила бомбу во двор "Посева", повредив окна здания и исполошив немецких соседей. Хозяин здания отказался продлить договор на аренду и пришлось искать нового пристанища. Пожертвования читателей,

выпуск облигаций, распроданных среди эмигрантов, и банковский заем помогли купить земельный участок на окраине города и в блочно-барачных постройках разместить необходимые службы.

С января 1968 года журнал "Посев" был преобразован в ежемесячное издание. Продолжала поступать информация о жизни и общественных процессах в России, и поток материалов "Самиздата" принял такие размеры, что в 1969-71 годах выходили "Специальные выпуски" журнала "Посев", а потом издавался особый, карманного размера, журнал "Вольное слово" - сборники самиздатских материалов... Советская пресса стала изобиловать выпадами против "Посева".

Издательство "Посев" получает широкое признание в России в качестве важного фактора оппозиционного движения и подполья освободительной борьбы, а также в качестве их представителя и защитника в свободном мире.

В 1992 - 94 годах из Франкфурта-на-Майне в Москву были переведены управительные органы НТС, редакции журналов, создан филиал издательства. К 1996 году, когда в Перми состоялся первый в России и четвертый в истории организации Съезд Союза, примерно в 50 городах России были местные группы НТС. В них состояло более 500 человек, плюс около 200 в ближнем и дальнем зарубежье. Сегодня группы НТС на местах заняты как политической, так и общественно-культурной деятельностью. Члены НТС участвуют в местных выборах, помогают отстаивать общественные движения (например, Честь и Родина), или стремятся создать коалиции на демократической и патриотической основе. Несколько групп сосредоточено на работе в свободных профсоюзах, ные заняты защитой прав потребителей и юридической помощью, участием в экологическом движении. Важную роль играет работа в молодежных организациях, преподавательская деятельность, религиозно-философские семинары, **россиеведение**, журналистика, распространение наших изданий. Основная задача - расширять круг людей, свободных от остатков и последствий коммунистической диктатуры (Устав НТС) с тем, чтобы люди **нового сознания**, не рваческого и не рабского, могли наращивать политическое влияние в обществе.

Первый номер журнала вышел тиражом 200 экземпляров в лагере для «перемещенных лиц» у селения Менхегоф близ города Касселя в Западной Германии. Вначале он печатался на пишущей машинке. Номера 4—7 1946 года были напечатаны на оборотной стороне бланков одной немецкой компании. С 10 февраля 1946 года журнал издаётся типографским способом. К концу марта тираж вырос до 500 экземпляров и продолжал расти.

Антисоветское направление журнала и его выступления против насильственной репатриации беженцев не соответствовали тогдашним отношениям между державами-победительницами, и под давлением Советского Союза журнал был закрыт. 31 октября 1946 года вышел последний номер журнала 42.

4 мая 1947 года издание журнала возобновилось. В городе Лимбурге-на-Лане вышел 1 номер журнала за 1947 год. Вначале журнал был вынужден прибегать к некоторым уловкам: например, критикуя авторитарного правителя далёкой Доминиканской Республики генералиссимуса Трухильо, авторы целились в генералиссимуса Сталина. В том же номере был напечатан фельетон об Эзопе и эзоповом языке. Но постепенно политический климат менялся, и журнал стал открыто критиковать Советское правительство.

В январе 1952 года журнал переехал во Франкфурт-на-Майне.

Антисоветская позиция НТС и журнала «Посев», попытки создания партии по ленинскому образцу, сочетающую легальную и подпольную деятельность, цель которой — насильственное свержение Советской власти, сделали НТС и «Посев» одной из главных целей КГБ. Широко известна история о направлении агента КГБ Н. Е. Хохлова с задачей убить одного из руководителей НТС и «Посева» Г. С. Околовича.

В 1972 году за сотрудничество с «Посевом» в СССР был осуждён историк Б. Евдокимов. На других процессах «диссидентов» советские власти вменяли подсудимым в вину контакты с «Посевом». Советская пресса изобиловала выпадами против журнала.

Будучи органом НТС, журнал, тем не менее, печатал статьи не только сторонников «солидаризма», но и всего спектра оппозиции Советской власти.

В журнале печатались и анализировались текущие новости, информация и комментарии о жизни в СССР, Германии и других странах. Освещались продовольственные волнения в Кемеровской области, бунт в Темиртау Карагандинской области в 1959 году, рабочие беспорядки в Донбассе, волнения в Новочеркасске в 1962 году, события 1980 года в Польше и война в Афганистане. Печатались материалы о демонстрациях молодежи в Москве, сообщения о психиатрической медицине, о неофициальных выставках художников, о становлении политических течений, о Хельсинкских соглашениях и их нарушениях, о репрессиях и голодовках, о высылках оппозиционных элементов из страны, перепечатывались различные подпольные издания.

Михаил Назаров. Русский колокол. Журнал волевой идеи

"Русский Колокол" просуществовал недолго, с 1927 по 1930 годы. Вышло девять тонких его тетрадок, небольшим тиражом, и далеко не каждый даже страстный библиофил имеет их сегодня в своей библиотеке. Тем не менее, этот журнал по праву должен быть отнесен на почетное место в ряду той политической публицистики российского зарубежья, к которой также, как и к "Русскому Колоколу", может быть применено определение – "журнал волевой идеи".

Этот особый жанр публицистики, конечно, не имеет своей рубрики в библиографических каталогах, так как встречается он нечасто. Он возникает исключительно в эмиграции, но живет только проблемами своей покинутой страны. Страны, переживающей страшное бедствие, ужас и причины которого совершенно непонятны окружающему ее миру. Страны, в которой подвергается истребительному террору духовное ее наследие, на котором она до сих пор стояла. Эта страна должна быть великой державой. Возможно, она должна быть именно Россией и ничем иным, ибо явлений, подобных российской политической эмиграции, мир не знает.

И главная особенность таких журналов – они способны объединять вокруг себя не просто читателей, но деятельных людей.

"Русский Колокол" не был органом политической организации. Он создавался людьми, которые стремились внести в среду политической эмиграции ролевой импульс. Этот импульс вызвал кристаллизацию и в РОВСовской* молодежи, объединившейся в 1930 г. в Национальный союз русской молодежи – будущий НТС. "Идеализм, национализм, активизм" – эта триада хорошо передает суть развивавшейся организации. Сегодня эти столпы политической деятельности (служение высшим ценностям, любовь к своей стране, необходимость организационных форм борьбы) в некоторых кругах стали предметом жарких дискуссий; пятьдесят же лет назад для большей части русской эмиграции они, по крайней мере, два первых, – видимо, казались само собой разумеющимися.

* Русский общевоинский союз (РОВС) основан ген. Врангелем в 1924 г. для сохранения кадров белых бойцов. Читатели в СССР, которым недоступны другие источники, кое-что могут узнать о РОВСе из БСЭ, т. 30, с. 163.

Наряду со статьями известнейших в эмиграции политиков, военных и ученых – в областях истории, армии, политики, идеологии, религии, – значительная часть материалов журнала была посвящена конкретным вопросам борьбы: как соблюдать конспирацию, хранить тайну, как вести себя на допросе и в тюрьме. В отличие от современных подобных "памяток" (Есенина-Вольпина, Буковского), рекомендации которых часто ограничиваются шаткой правовой стороной советских законов, в "Русском Колоколе" противостояние аппарату насилия рассматривалось в плане чисто психологического, духовного

единоборства, как и солженицынское "не верь, не бойся, не проси". И характерно, что почти все статьи этого никак не кажущегося возвышенным раздела написал под псевдонимом "Старый политик" сам редактор, один из выдающихся русских религиозных философов – Иван Александрович Ильин.

Глубокая религиозность, философский ум, чувство долга политика, – качества, чаще встречающиеся в людях по отдельности, – соединялись у Ильина в один сплав, каждый компонент которого не просто дополнял остальные, а осмыслялся с их помощью, становился неотъемлемой частью целого. Ильин считал, что право, политику, государство нельзя ни отвергать как нечто "приземленное" или "насильническое" по отношению к индивидуальной свободе, ни принимать как нечто самодовлеющее. Они должны получить религиозное осмысление:

«Это необходимо не потому, что "религия нужна государству"; и не потому, что "религиозность полезна народу в моральном отношении". Но потому, что религиозно не осмысленное и не освященное вообще не нужно человеку в высшем смысле этого слова; и то, что религиозно не обосновано, то есть не укоренено в Боговосприятии, – то мертво, бессильно и бесплодно в духовной жизни» (№ 3, с. 36).

С религиозного осмысления происшедшей в России катастрофы Ильин предлагал начинать и поиск путей ее преодоления. А одну из главных причин российской трагедии он видел в разложении русского национального самосознания:

«Так случилось, что русская интеллигенция инстинктом и разумением своим отделилась от русского простого народа и сознательно противопоставила себя ему... Она перестала ощущать свое единое с ним национальное "мы"; она разучилась видеть в себе национально-волевой орган единого русского народа, призванный воспитывать и обязанный вести» (№ 2, с. 10).

«Я утверждаю, что русское государство рухнуло потому, что временно поколебалось и разложилось русское национальное правосознание... И на нас лежит священный долг помочь нашему народу выйти из этой смуты и восстановить правосознание. Иначе он не восстановит Россию» (№ 1, с. 33).

Очевидно, И. А. Ильин не согласился бы с мнением докладчика на прошлогодней Посевской конференции Е. Терновского, что

«... есть опасность часто не усмотреть, что борьба за веру Христову, за свободу России и ее духовное восстановление имеет вне- или наднациональную сущность», а также «рискованно слияние сакрального элемента с вполне конкретным и исторически объективированным, т. е. религиозного с национальным в лоне общественности и политики. При этом как-то незаметно сакрализуется и соседнее, национальное понятие...», что национальное «непрерывно» должно «соединиться с демократическим и либеральным элементом» ("Посев" № 12, 1979).

Редактор "Русского Колокола" мог бы возразить, что опасная "сакрализация национального" происходит именно тогда, когда оно отделяется от устремленности к Божьему и служения ему и становится само высшей ценностью. В предотвращении этого отделения и в преображении национального – одна из задач Церкви. Русское национальное самосознание родилось с принятием Русью христианства, сыгравшего роль катализатора в образовании нации и ставшего ее скрепляющим стержнем. Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что "не православный – не русский", так как эти понятия все же относятся к разным иерархическим уровням и отражают разные ценности. Но можно сказать, что русское национальное самосознание и православие "неслиянны и нераздельны", то есть применить здесь эту полную глубочайшего смысла формулу соединения несоединимого, явленную нам в Боговоплощении. Она же – образец и для взаимоотношения духовного и материального на всех иерархических уровнях человеческого общества, в том числе и для политики, государства, нации. Опасность возникает тогда, когда это взаимоотношение нарушается в ту или иную сторону.

Е. Терновский правильно видит опасность одной возможной крайности – самообожествления нации, но вместо того, чтобы устранить эту опасность, поставив над нацией высшую ценность – Бога, он, фактически предлагает крайность другую: качественное снижение понятия нации, удаление из нее мистического зерна, сведение ее к уровню таких чисто механических объединенных коллективов, как производственные, административно-территориальные и т. п. – ведь именно таково понимание нации сегодняшним либерализмом.

А вот еще одна цитата из "Русского Колокола", столь современная и сегодня:

«...Для того, чтобы воспитывать других, интеллигенция должна сначала воспитать себя: воспитать в себе чувство государственной ответственности... Иначе она, поистине, как соль, потерявшая свою силу...» (№ 1, с. 38-39).

О роли и задачах национальной интеллигенции в "Русском Колоколе" написано столько, что в названии журнала мог бы стоять еще один подзаголовок: журнал русской национальной интеллигенции.

Оценка "Русским Колоколом" причин большевистской революции настолько характерна для тогдашних настроений "нацмальчиков" из НСРМ, что стоит немного сказать и об этом. Ильин не возлагал вину за революцию на какое-то одно направление в среде интеллигенции: одна ее часть вела к этому «сознательною волею, агитацией и пропагандой, покушениями и экспроприациями», другая – «проповедью непротивленчества, опрощения, сентиментальности и равенства», третьи – «безыдейною и мертвящею реакционностью, умением интриговать и давить, неумением воспитывать».

Судя по этим словам, у редактора "Русского Колокола" – убежденного монархиста – могли бы быть и сегодня противники не только слева, но и справа. Однако поиски виновников не были для него главным. Не было для него главным и столь актуальное в те годы разделение эмиграции на монархистов и республиканцев – идею надпартийного объединения национальных сил для служения России он ставил выше политических разделений. «Современная, трагедия России так велика и глубока, что борьба должна вестись не за политическую форму, а за само бытие народа, за возможность дышать и трудиться...», – говорил он в одной из своих речей.

"Русский Колокол" отличался устремленностью в будущее, к новой России, которую предстояло создать:

«Из нашей среды выделились величайшие в мире предатели для того, чтобы мы сами укрепили свою верность. Мы переживаем неслыханное безправие и порабощение для того, чтобы научиться ценить справедливое право и верную меру свободы. У нас отняли всякое имущество и ввели коммунизм для того, чтобы мы поняли необходимость собственности, ее смысл и предназначение. У нас погасили семью и родину, у нас извратили естество солдата и армии для того, чтобы мы постигли святость очага и Кремля, и священный смысл воина. В нищете и черной работе, в уплотнении, в ссылке или изгнании, окруженные соблазнами и опасностями – выстрадаваем мы новое восприятие Бога, новое национальное самосознание, новый уклад характера, новое правосознание, новое отношение к армии и к собственности. В этом великий смысл нашего испытания и закаления» (№ 3, с. 4).

В атмосфере эмигрантских распрей, поисков виновников революции, реставрационных настроений, частых как раз в окружении Ильина, в правом лагере, – эти слова могли быть написаны лишь человеком, способным к ощущению мистического смысла истории, на основе чего только и возможно политическое предвидение. Недаром многие места в статьях Ильина так и просятся в цитаты по поводу сегодняшних наших размышлений о судьбах России, миссии русской эмиграции, путях российского освобождения, которому надо служить «как делу Божьему: не кривя, не торгуясь и не исчисляя Божиих сроков».

Эта устремленность в будущее стала одной из главных движущих сил молодого НТС. И новая Россия понималась им не как какая-то модернизация национального духа,

сведение его к либерально-прагматическому пониманию, но как расчистка пути для осуществления неизменной в тысячелетии нашей истории глубинной сути России, называемой Святой Русью, замысла Божьего о ней. (От этих "неконкретных" слов, я заметил, некоторых людей берет конвульсия, но других слов об этом нет.)

Даже после прекращения издания "Русский Колокол", по свидетельству старших членов НТС, еще долгое время был для них чем-то вроде учебного пособия; считалось, что его должен прочесть каждый. Продолжалось и влияние Ильина на молодежь: он ездил с докладами в Прагу и Белград, а в самом Берлине с 1934 по 1938 годы вел философский семинар (такие его ученики, как Р.Н. Редлих или В.А. Нерсисян могли бы об этом рассказать больше). Гитлеровские власти запретили Ильину публичные выступления, тогда же был запрещен НТС и другие политические организации, поэтому семинар собирался скромно, на частных квартирах.

И. А. Ильин укрепил НТС в обосновании морального права на борьбу против коммунизма (в "Русском Колоколе" приведено известное изречение св. Феодосия Печерского: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами, однако, только со своими врагами, а не с врагами Божиими»). Ильин во многом повлиял и на принятие Национально-трудовым союзом идей ответственной свободы, взаимосвязи прав и обязанностей, и особенно – идеи служения.

При консультативном участии Ильина в 1938 г. НТС вел переговоры с представителями германского военного министерства. (Инициатива исходила от немцев, НТС воспользовался ею, чтобы побудить Германию отказаться от разрабатывавшейся тогда расистской политики на Востоке. В результате этой неудачной попытки, всем известным членам НТС, во избежание ареста, пришлось вскоре покинуть Германию.)

Мне думается, что интерес сегодняшнего пополнения НТС к этим далеким годам – не праздный. Литературы об этом периоде истории НТС практически нет – это следствие типичной для НТС неприязни к самоописаниям: «Наша задача – делать историю, а писать ее будут другие» (и этот девиз, конечно, тоже еще от "нацмальчиков"). А ведь традиция в организации не менее важна, чем в духовной жизни народа. Она – тот необходимый вес, который придает кораблю устойчивость и верность курсу в любую непогоду.

За прошедшие 50 лет что-то из того наследия на время терялось: так, был период 1950-х годов, когда знак НТС – трезубец Св. Владимира, Крестителя Руси, – превращался в пропагандную формулу «вилы гнева – символ единения рабочих, интеллигенции и крестьян» (!). Что-то неизбежно принимало новые формы: например, язык "Русского Колокола", политический язык первой эмиграции, нам сегодня кажется чересчур возвышенным, – мы теперь пишем суше, сдержаннее. Однако нельзя, конечно, судить о действиях и словах предшественников сегодняшними мерками, нужно учитывать дух того времени. Тогда можно будет понять и принять даже и "вилы гнева".

Если мы сможем посмотреть на публицистические статьи политика-философа Ильина "не по одежке, а по уму", то в них отчетливо видны те глубоко продуманные, национальные источники политической мудрости, из которых, задолго до НТС и Солженицына, Ильин предвосхитил и обращение к "конструктивным силам" в правящем слое, и "Письмо к вождям", и "веру в наш народ на всех уровнях". Все это естественно вытекает из стремления к оздоровлению, а не разложению России, из позиции национально-государственных интересов страны, – и это главное наследие "Русского Колокола", которое НТС всегда сохранял на всех поворотах истории.

Эта позиция отражена и на титульном листе нашего "Посева", где, в сущности, дано сжатое определение "журнала волевой идеи" в нашем сегодняшнем понимании[1]. И в этом смысле мы можем и должны считать себя преемниками "Русского Колокола".

М. Назаров¹⁷⁵

А. Ермолаев. "Ложь и правда" социалистического самиздата¹⁷⁶

В апреле 1982 г. в Москве и других городах КГБ провел обыски и аресты, в том числе по делу группы социалистического направления (см. "Посев" № 6, 1982 г.). Арестованным социалистам предъявлены обвинения по ст. 70 ("антисоветская агитация и пропаганда") и 72 ("организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации") УК РСФСР. Один из следователей заявил, что речь идет об "организации на высоко конспирированном уровне".

В мае-июне в самиздате появился ряд сообщений по этому делу, авторы которых были связаны с арестованными, но, благодаря мерам конспирации, остались неизвестными КГБ. Один из них, А. Коропкин (псевдоним), пишет:

“Любопытно будет посмотреть, как они "сошьют" искомую организацию, когда половина арестованных наверняка даже не знакома с другой половиной – безусловные успехи конспиративного дела в современной России, несмотря на все досадные провалы, разгромы, аресты, запугивания, помыкания гебистских башибузуков”.

Ускользнувшие от ареста социалисты пишут, что печатными органами их направления были самиздатские журналы "Левый поворот" ("в последнее время выходящий под названием "Социализм и будущее"; КГБ обвиняет в редактировании этого журнала Бориса Кагарлицкого) и "Варианты" (в принадлежности к его редакции обвиняется Андрей Фадин, специалист по Латинской Америке, сын покойного референта ЦК КПСС по Норвегии). Вот характеристика обоих журналов словами одного из людей этого круга:

“Вышеупомянутые журналы "Левый поворот" и "Варианты" в последнее время активно распространяли недавние документы итальянской компартии, заклеенные в советской официальной печати как "ревизионистские", а также переводные материалы о положении в Польше, взятые главным образом из западных левых изданий. Журналы эти издаются людьми, стоящими на социалистических позициях, сторонниками демократических "реформ сверху под организованным давлением снизу". ЛП близок к еврокоммунизму, большинство членов редакции "Вариантов" тоже считают себя коммунистами. ЛП преимущественно специализируется на критике конкретных социальных и экономических мероприятий современного советского партийного руководства, некоторых внешнеполитических акций (агрессии в Афганистане, политики в Восточной Европе и т. п.), ориентируясь при этом на возможно более широкую аудиторию (рабочую и студенческую). "Варианты", предоставляющие свои страницы как коммунистам, так и сторонникам социал-демократического и христианского направлений, занимаются прежде всего разработкой теоретических проблем свободного профсоюзного, социалистического и демократического движения в СССР. Коммунисты и социалисты, сотрудничающие в этих изданиях, отказывают бюрократическому режиму в СССР в праве называться социалистическим”.

Основные тезисы в материалах этого направления не новы, они существуют ровно столько же, сколько существует коммунистическая власть в нашей стране. Их начали усиленно популяризировать еще меньшевики, а сегодня взяли на вооружение "еврокоммунисты": что “в СССР не социализм”; что “практика реального социализма не

вытекает из его теории”, что “против социалистических идей экономического коллективизма, справедливости и политического равенства, так же как и против теории классово́й борьбы (разумеется, не в убогой трактовке школьного научного коммунизма), возражать трудно”; что “действительный марксизм” представляет собой “систему позитивных, достойных обсуждения политических и экономических воззрений”; что “марксистский коллективизм не противоречит ни демократии, ни экономической эффективности”. И т.д. и т.п. Это все цитаты из сегодняшнего социалистического самиздата.

Западные коммунистические (“еврокоммунистические”) партии жонглируют этими тезисами в конкретных и вполне понятных целях; из-за возросшего на Западе в последние десятилетия отрицательного отношения к советской внешней и внутренней политике, “еврокоммунисты” пытаются отмежеванием от СССР завоевать голоса избирателей. Но то, что подобные взгляды нет-нет да и встречаются сегодня в нашей стране, имеющей самый богатый в мире опыт коммунизма, всегда удивляет. Ведь искренне верящих в социалистические идеалы сегодня в нашей стране ничтожное меньшинство – об этом свидетельствуют, в частности, и результаты опроса, проведенного в СССР французским левым журналом “Альтернативы” (этот материал тоже распространяется самиздатом). И все же хочется уделить внимание этому социалистическому направлению (и конкретно данной раскрытой группе) по следующим причинам.

Во-первых, позиции этого круга людей не ограничиваются только вышеприведенными лозунгами. В различных документах авторы этого направления высказывают, с нашей точки зрения, правильные мысли, в основном в области организационно-тактической. Так, например, редакция “Вариантов” (см. “Посев” № 7, 1982 г.) считает, что “выход из кризиса диссидентства – в создании нелегальных политических организаций”, что актуальнейшая задача сегодня – создание подпольной материально-технической базы для издательской и распространительной деятельности, что “сейчас необходима ориентация на низы в повседневной работе – разоблачении конкретных социальных зол (воровство начальства, экологические и экономические преступления, вопиющая безхозяйственность и неэффективность) с выдвиганием конкретных альтернатив”. В другом документе, самиздатской рецензии на журнал “Левый поворот”, говорится, что его позиция – “создание организационной базы движения (независимые профсоюзы, журнал, подпольная библиотека)” и что “методы борьбы правозащитников вряд ли подходят движению, стремящемуся стать массовым”. Все это, по нашему мнению, правильная ориентация практической деятельности, которая все больше прослеживается во всех идейных направлениях оппозиции. Кроме того, рассматриваемая нами группа не только теоретизировала, но и действовала, что уже заслуживает всяческого уважения.

Во-вторых, думается, что в отношении к нашим “отечественным” социалистам следует проявлять больше терпимости, ибо, в отличие от “еврокоммунистов”, живущих на Западе и имеющих возможность получить любую информацию, ознакомиться с любыми идеями и со всем богатством человеческой мысли, подобные социалисты в СССР формируются “самоучками”, практически не имея доступа к ценной литературе по вопросу социализма (прежде всего к литературе критической и альтернативной), и поэтому невольно подпадают под влияние категорий общественно-политического мышления, внедряемых системой официального образования.

А ведь если в приводимом ими “наборе простейших истин”, необходимом для “прозрения общества”, отбросить исходную посылку, что

“а) социализм советского образца не есть социализм”; то остальные пункты звучат вполне правильно:

“б) при бездействии демократических институтов государственная собственность превращается в коллективную собственность правящей олигархии, аналог кап. собственности;

в) партбюрократия (номенклатура) – эксплуататорский класс, который сегодня не вопиюще жесток, но тверд и такого же отношения заслуживает;

г) достижение экономической эффективности немислимо без ограничения всевластия бюрократии”.

Люди этого склада видят вопиющие недостатки существующей в СССР системы, но будучи не в силах вырваться из ее рамок и категорий, они устремляют свой пафос, энергию, протест против несправедливости – подобно узкому лучу прожектора, в котором находится место для анализа далеких от России зарубежных авторов "еврокоммунистов" и нет места для многих фактов иного опыта (особенно исторического, национального, духовного), которые лежат совсем рядом, но за пределами этого узкого луча. Бывает, эти "идеологические шторы" в других условиях, при наличии другой информации, спадают, как это, например, не раз случалось, по многочисленным свидетельствам, в политических лагерях (в частности, такой путь проделал Владимир Осипов, попавший в лагерь впервые "истинным социалистом" и вышедший из него верующим человеком и русским патриотом).

И в-третьих, затронуть тему неосоциалистических увлечений в нашей стране хотелось бы еще в одном аспекте – в аспекте того зерна истины, которое содержится во взглядах представителей этого направления. Это – то же нравственное требование социальной справедливости, которое было питающим источником многих социалистических движений в прошлом веке, когда очень остро чувствовалась необходимость перестройки общественных отношений первоначального капитализма с его вопиющими социальными язвами. Отчасти этот нравственный протест против несправедливости имел в виду Н. Бердяев, говоря не только о "лжи" но и о "правде" коммунизма, на что ссылается один из самиздатовских авторов. Однако, по нашему мнению, эта бердяевская частичная "правда" коммунизма (то же относится и к социализму) – имеет лишь отрицательный характер. То есть эта "правда" заключается не в положительной программе социализма, а лишь в его видении неправды капитализма. "Правда" социализма не самостоятельна, она есть лишь отражение чужой неправды. Вне этого взаимоотношения правды в социализме нет, ибо и социалистический анализ капиталистических пороков (которые частично, но в гораздо меньшей степени, присутствуют сегодня даже в свободных, достигших наибольшего уровня общественной справедливости государствах), и особенно социалистические методы преодоления неправды капитализма – ошибочны.

Социализм предлагает поверхностные решения, с упрощенным (материалистическим) представлением о человеке и смысле бытия, без глубокого знания сложной духовной природы мира и человека. Именно поэтому – из-за своего упрощенчества и утопичности – социализм в его "хорошей", теоретической форме неосуществим. Он требует для своего осуществления коммунистического решения – применения насилия над человеком и обществом и пытается оправдать это насилие и жертвы "светлым будущим коммунизма". Это единственно возможная форма практического осуществления социализма, и именно поэтому все страны "реального социализма" так схожи между собой. И тем более не может быть "коммунизма" в значении общественного строя "светлого будущего" – коммунизм есть именно то и только то, что мы имеем сейчас. Таким образом, коммунизм можно определить как единственно возможную на практике форму осуществления социализма.

Социализм скомпрометировал себя не только в законченной, коммунистической форме, явив собой невиданное в истории "расчеловечение" человека. Даже в тех, не до конца социалистических странах, где из-за противодействия оппозиции социалистические правительства могут проводить свои реформы лишь в малых дозах, – и там социализм действует разлагающе на духовное здоровье общества, порождает безответственность, упадок морали, снижение сопротивляемости нации враждебным силам.

Советская пропаганда не без оснований называет XX век – веком социализма. Но этот же век вплотную приблизил человечество к изживанию своего трагического социалистического увлечения, к нахождению иного пути преодоления все еще имеющейся даже в развитых странах общественной "неправды".

Это путь, сторонники которого

– исходят из непреходящей ценности человеческой личности и рассматривают человека как существо одновременно и общественное и неповторимо индивидуальное, несущее в себе образ Божий и способное в силу своего несовершенства (греховности) уклоняться от него, поддаваться под силы зла, но и способное побеждать зло в себе;

– считают в соответствии с этим главной задачей государственной структуры – создание таких условий, которые бы служили победе добра над злом в человеке и в обществе;

– считают, что этого нельзя достичь насильем и противопоставлением одного класса другому ("классовой борьбой"), что нужно строить общество на сотрудничестве классов и социальных групп, на гармонии их интересов, на как можно большем проявлении того, что лежит в основе любого общества, удерживая его от саморазрушения – на солидарности.

Может быть, это не противоречит и взглядам кое-кого из тех, кто считает себя социалистом? Может быть, именно в эту сторону и направлены поиски кого-то из них (особенно тех, кто говорит о "христианском социализме")? Но тогда не надо это называть социализмом – это слово уже даже чисто лексически не поддается всем попыткам его обеливания и вошло в язык идеологии прежде всего в том значении, в котором социализм реально существует.

Для иного пути, общие контуры которого мы попробовали обозначить выше, есть другое название, в СССР, правда, не столь известное: христианское социальное учение, или солидаризм (см. БСЭ). Можно, конечно, обойтись и вообще без названия, если кого-то "измы" пугают, дело не в названии, а в создании духовно здорового общества (материальный достаток тогда "сам приложится"), соответствующего глубинной сути человека и поощряющего лучшее в нем.

Эта статья, может быть, уже чересчур большая, написана именно для тех оппозиционеров, называющих себя социалистами, для которых, однако, важно не название, а содержание. Ведь написал же кто-то из них в рецензии на журнал "Левый поворот" следующие строки:

“...Нет необходимости видеть в социализме пуп земли (так ли уж плох, скажем, шведский или финский капитализм?).

Миттеран – Миттераном, Берлингуэр – Берлингуэром, но нельзя забывать, что у западных "левых" – своя свадьба, а у нас своя. У них есть свои проблемы и свои враги, против которых они не прочь иногда сблокироваться с нашей бюрократией. Дураки бы они были, как бы так не делали. Именно поэтому на их серьезную помощь нам рассчитывать нечего. И чрезмерные восторги на страницах журнала по поводу их перспектив едва ли уместны...

Хорошо бы поменьше сектантской фразеологии: "мы, левые", "все прогрессивные силы" и т. п. Естественные на ближайшие 30 лет союзники (тот же "Континент", в свою очередь злоупотребляющий антикоммунистическими штампами и нападающий даже на либералов, не говоря про социалистов) выпадают за борт, а Бабрак становится "прогрессивной силой", с которой "левым" партизанам рекомендует Кирилл Александровский объединиться (рекомендация за февраль 1981 г.)...”

Заключая, можно сказать, что если искать в освободительном движении "не то, что нас разъединяет, а то, что объединяет", то, кажется, какая-то платформа для обмена мнениями с "демократическими социалистами" есть.

Новый американец

еженедельная газета, выпускавшаяся в Нью-Йорке в начале 1980-ых годов. Её создателями были эмигранты из России: Довлатов Сергей Донатович (главный редактор), Петр Вайль (ответственный редактор), Борис Меттер (директор газеты) и другие. «Новый Американец» впервые появился в 1980 году. Для выпуска газеты ее создатели взяли кредит в несколько тысяч долларов, который в последствии не смогли выплатить. Банк возбудил судебное дело, газета вскоре была закрыта. Просуществовав всего два года, газета «Новый Американец» была довольно популярна среди русских жителей Нью-Йорка, её тираж достигал 11 тысяч экземпляров. Она составила серьёзную конкуренцию уже выпускавшейся в Нью-Йорке газете «Новое Русское Слово». Состав редакции был достаточно широк: работали постоянные журналисты, верстальщики, художник, две наборщицы, даже секретарша. Несмотря на популярность, она не приносила значительной прибыли её создателем: зачастую они работали, оставаясь без зарплаты. В марте 1982 года вышел последний, 111-й номер газеты.

Александр Генис. "Новый американец"¹⁷⁷

Иван Толстой:

В начале 80-х годов в Нью-Йорке группа недавних эмигрантов затеяла выпуск собственной газеты. Тогда нью-йоркское "Новое Русское Слово" конкурентов не знало и ее главный редактор Андрей Седых пришел в некоторый ужас. Газету "Новый американец" решено было замолчать. Довлатов-редактор - не слишком известная тема. Сегодня о "Новом Американце" расскажут те, кто газету делал. Насколько справедливо называть "Новый Американец" довлатовским изданием? - спросил я у бывшего ответственного редактора газеты Петра Вайля.

Петр Вайль:

Конечно, "Новый Американец" был довлатовской газетой. Он имел опыт газетной работы и в многотиражке в Ленинграде, и потом в Эстонии. Но в принципе он не был журналистом. Он и ощущал себя писателем в газете. И никогда этого чувства не терял. Да и мы все понимали, что к чему. Мы понимали, с каким явлением сотрудничаем, хотя отношения в газете были самыми приятельскими. Это вообще была газета друзей - почему она, собственно говоря, и развалилась. Потому что все такие начинания - ура, ура, вперед, давайте выпьем, обмоем первый номер, обмоем второй номер, и пошло поехало. В результате, никто не знает, как добывать рекламу, как организовать рассылку, как сделать правильно подписку, и все кончается. Потому что еще сочинить газету можно, напечатать газету можно, но уж продать ее - этого не умел никто из нас.

Так вот, при том, что это была газета приятелей, мы все понимали, кто такой Довлатов. Поэтому если он и не участвовал в полной мере в создании лица газеты, в сути ее - этим занимались мы, Саша Генис, я - о тем не менее, конечно, это была довлатовская газета - и в первую очередь из-за его редакторских колонок.

Начинали читать "Новый Американец" с редакторских колонок Довлатова. И это были, конечно, временами маленькие эссеистические шедевры. Они опубликованы. Но это не самая известная часть творчества Довлатова, но и мало кто знает, что Довлатов позволял себе забавные такие вещи: однажды он назвал колонку редактора "Колонной редактора" и вместо того, чтобы что-нибудь написать, выставил все наши фотографии вертикально в столбик. В другой раз под стандартной рубрикой "Колонка редактора" нарисовал водоразборную колонку, из которой что-то такое капало, с какими-то облупившимися кирпичами, ржавым железом - Довлатов ведь замечательно рисовал. Он человек был одаренный многообразно. У меня дома есть с десяток его рисунков и портретов. Это все высокая техника, но впрочем, многие литераторы хорошо рисовали - вспомним Пушкина или Бродского, например.

Иван Толстой:

Изобразительный ряд в газете - это то же, что музыка в радиопередаче. Нина Аловерт работала в "Новом Американце" фотографом. Каким ей запомнился Довлатов?

Нина Аловерт:

Помню, что мы гуляли где-то в Гринвич виллидж и сказал Сережа Довлатов, что ты знаешь, мы собираемся организовать газету. Я тебя приглашаю и клянусь тебе, что ты будешь там работать до конца ее дней. Потом я ему часто вспоминала эту мерзкую фразу. А потом Меттер делал мне официальное предложение. На самом деле Меттеру я была нужна, они думали что через меня они получают Барышникову. То, что я делала, Сережа начисто не уважал, потом даже моей подруге говорил: ну, думали, снимает там что-то. И вот тогда он мне сказал: Нина, мы делаем газету, мы тебя приглашаем. Я была очень довольна. И первое место, куда я пришла, это была крошечная комната без окна, на Таймс Сквер. Прелесть этой газеты была в том, что она развивалась вместе с нами. Она совершенно соответствовала уровню постепенного развития нашей волны эмиграции. Люди бежали утром, ненавидя, проклиная или любя, но бежали в киоск в шлепанцах покупать эту газету. Вот у меня есть фотография, когда мы приезжали куда-нибудь в Филадельфию или еще куда-то - то набивался зал, висели на люстрах. Праздновался год работы газеты - ресторан не вмещал желающих. Газета была очень популярная. Почему так бесилось "Новое Русское Слово". Она сразу стала писать не на том языке первой эмиграции, на котором писало "Новое Русское Слово", она стала говорить на темы, которые на самом деле были ежедневными темами для нас. Конечно, эта дискуссия о Солженицыне, она разрывала сердце каждому, потому что кто был в восторге, кто был против, но все были в экстазе. Скандалов по этому поводу было много. Люди кричали друг на друга, как сумашедшие.

Иван Толстой:

А когда вы снимаете, вы мыслите портретно?

Нина Аловерт:

Я не портретист совсем, и даже таких идей портретных у меня не так много. То, что я сделала много портретов, - это журналистская фотография. То есть когда я пришла в Америку, это было очень интересное время. Столько было компаний, всяких начинаний, выставок, тогда еще домашних. И туда приходила наиболее интересная часть русской эмиграции. То есть художники, писатели, поэты, просто интеллигенция. И я всех снимала, потому что считала, что когда-нибудь эта уникальная эпоха русской эмиграции должна вернуться в русскую культуру. Это звучит торжественно, но на самом деле я очень прозаически так и считала. Я считала, что это русская культура и она должна воссоединиться, вернуться и не должна быть забыта. И я снимала просто так, чтобы оставить на память. Это не значит, что я снимала портреты. Если получился портрет - то хорошо. Потом, когда приехал журнал французский "Эхо" и Довлатов впервые выступал не в галерее, а на частной квартире прелестной Татьяны Ретивовой (она нас пригласила в свою огромную студию, пришло много народу), и вот перед нами выступал

Довлатов, очень такой напористый и тревожный и читал свои записки, которые потом назывались "Соло на Ундервуде".

Иван Толстой:

А потом, когда газета закончилась, он по-прежнему считал себя правым?

Нина Аловерт:

Вот тут он начал каяться. Он мне несколько раз произнес речь на эту тему. Ты меня должна извинить, я был ужасно груб с тобой в "Новом Американце", я страшно виноват, и не только перед тобой, но и перед Лялей и перед Наташей. Я был груб с женщинами, я жил как не в себе.

Иван Толстой:

Директором газеты, автором ее названия, был Борис Мэттер.

Борис Мэттер:

Серезжа - это вообще, я его, во-первых, очень люблю, я продолжаю к нему очень хорошо относиться. Он замечательный рассказчик. Я не понимаю, когда его называют великим писателем. Я читал все, что он написал, но я не читал ни одной интересной повести или романа или еще чего-то. Это был набор каких-то анекдотов и гораздо слабее написано, чем все то, что он написал в России. Как рассказчик, он был блестящий и в устном, и в письменном творчестве. Это все было так. При этом он любил конфликты, сталкивать людей. Например, он, как только Седых отказался и ничего у нас не получилось с рекламой, и мы вышли, он сразу же стал очень критиковать "Новое Русское Слово", Седых за его вещи. Интриган - вот слово. Но талантливый. Интриган, которого любили обе стороны. Вот я иногда был пострадавшей стороной. Но он все равно это делал очень артистично, увлекательно.

Вы видели его живого? - огромный, такой красивый армянин, обаятельный. Я ему говорю: "Серезжа, Седых, неудобно, это русская литература в изгнании". Он говорит: "Читатели это любят. Когда есть ругань, свара, конфликт - это интересно читать". И правда, газету расхватывали. У нас не было проблемы с продажей газеты. Были проблемы с доставкой, рекламой. Я даже помню, у меня потом появился один очень могучий знакомый из России, когда-то давно он выехал. Мы сели в такси, и первое, что мы увидели на сиденьи впереди, была газета "Новый Американец". Даже не "Новое Русское Слово", а "Новый Американец".

Это вовсе не значит, что он так к этому относился. Он считал, что это на потребу, что это то, что скушает читатель. Он ведь талантливый, но он махинатор. И я его знал очень хорошо, потому что сначала мы просто дружили, пока еще и газеты не было. И я видел, как он разговаривал с разными людьми по-разному, и все. То есть я говорю, что он вызывал самые теплые чувства в том плане, что форма нравилась мне, например, гораздо больше, чем содержание. Потому что он всегда знал, чего он хочет, и шел к этому. Например, он меня учил, что вот иногда ты хочешь что-то узнать, ты не говори: сколько ты зарабатываешь, что все плохо. А ты скажи: о, старик, у тебя такие хорошие дела, ты, наверное, зарабатываешь здорово, и человек говорит: да нет, это плохо, это плохо. То есть у него система была как расколоть человека, не опуская и не стараясь посочувствовать, а наоборот. Он так раскалывал, то есть не раскалывал, он не следователь. А он вот это использовал. Поэтому никто не знал до конца, как глубоко это идет.

Иван Толстой:

А в некоторых персонажах довлатовских вы себя узнаете?

Борис Мэттер:

Ну, это все утрировано. В тот момент, когда он писал, у нас уже далеко не были хорошие отношения из-за увольнения Лены. Что я могу понять, с одной стороны, а с другой стороны, у меня не было выхода. И потом эти метания, когда они просто украли выпуск газеты. Серезжа при том, что он с одной стороны гуманист с прекрасным языком и со всеми делами, при этом он очень хорошо занимался арифметикой, он очень

хорош был, чтобы подсчитывать. А у меня такое рас.издйство было. Было какое-то собрание. Он спрашивает: а сколько мы чего-то там сделали? Я не могу ответить на этот вопрос - надо искать книги, еще что-то. Он очень огорчился. И справедливо. Нет никаких слов. Если бы у нас было получше с базой, может быть, в помощь я мог бы взять кого-то, у кого было бы меньше эмоций и больше арифметики.

Иван Толстой:

Вопрос Петру Вайлю. Петр, вы сказали, что вы уже тогда понимали масштаб Довлатова как фигуры. Как-то странно. К тому времени, когда начиналась газета "Новый Американец", Довлатов был автором двух не самых своих блестящих книг - "Невидимой книги", она вышла еще до его приезда в эмиграцию, точнее, до его появления в Америке, и "Соло на Ундервуде". Откуда был уже виден этот масштаб?

Петр Вайль:

Прежде всего, если я не ошибаюсь, вышел или готовился к выходу "Компромисс", его книга едва ли не лучшая. Может быть, "Компромисс" и "Заповедник" для меня, по крайней мере, это лучшие книжки Довлатова. Кроме того, я читал очень много в рукописях - Сергей просто мне давал. Видите ли, в чем дело: масштаба Довлатова в полной мере, может быть, мы и не осознавали, как всегда это не осознаешь с близким пиятелем, но то, что мы были тогда журналисты, а он был писатель, вот это разделение было. А как вы хорошо знаете, в русской литературной иерархии это разница существует, ощущается и, может быть, в этом главная беда русской журналистики и есть, что каждый журналист - это не состоявшийся писатель. А как только он состоится, он перестает быть журналистом и опять-таки все идет во вред журналистике.

Иван Толстой:

Петр, а как организатор газетного дела Довлатов - главный редактор "Нового Американца", он что, проводит планерки, стучит кулаком, сердится на своих подчиненных? Как Довлатов организует процесс? Ведь судя по его облику, который вырастает из его же собственных автоописаний, он не такая сильная личность, которой подчиняются обстоятельства.

Петр Вайль:

Совершенно правильно. Он и не был организатором. Он был, поймите, я в это вкладываю только положительное, - он был зицпредседатель, что ли. Но мы знали, что он стоит за нами. Мы могли газету делать и без него. И в практическом смысле это так и делалось. Это можно было сравнить с мастерской большого художника. Веласкес - на него работала целая бригада подмастерьев. Или Беллини или Тициан. А он так забежал в мастерскую и два-три штриха большого мастера наносил и подписывал картину. Так и Довлатов таким фигуральным образом подписывал газету. А в общем даже и не фигуральным, а прямым.

Иван Толстой:

Вы можете сказать, что вы, работая рядом с Довлатовым, чему-то научились, как автор?

Петр Вайль:

Конечно, я стал очень стесняться неряшливости языка. Для меня лично, грех так говорить об умершем человеке, смерть Довлатова была для меня личным литературным несчастьем. Потому что присутствие Довлатова - лично, телефонное ли - была всегда высочайшая дисциплина языка. При нем нельзя было распускаться. Он не давал тебе спуску. Он тебя "донимал попреком", как он сам выражался. Он тебе мог сутками занудно толдычить: ну, зачем ты так сказал? Если ты себе позволял либо пошлое, либо какое-то неуклюжее выражение, либо вульгарное выражение, он этого не прощал. И при нем ты стилистически подтягивался. И сейчас, стилистически распускаясь, я каждый раз вспоминаю Довлатова.

Иван Толстой:

Скажите, что-то переживет газету "НовыйАмериканец", какие-то тексты? Я не имею в виду только довлаговские и не только колонки главного редактора. Что из подшивки "Нового Американца" заслуживает быть переизданным?

Петр Вайль:

Вы знаете, скорее это было такое стилистическое явление. Дело в том, что "Новый Американец", возникший в 1980 году как первый реальный печатный орган третьей эмиграции, расшатал то единомыслие, которое существовало в русской эмиграции в Соединенных Штатах. А в то время это единомыслие было несколько похожим на единомыслие советское - как зеркальное отображение. И мы попробовали вот этот монолит как-то пошатнуть. И, надо сказать, нам это удалось. Вот, я думаю, та заслуга, которая есть у "Нового Американца". А вот конкретные какие-то тексты - да нет, пожалуй, не думаю. Я думаю, что этого стилистического завоевания нам всем вполне достаточно.

Иван Толстой:

И в завершение, выступление Сергея Довлатова у нашего микрофона 12-летней давности. Из нашего архива. Тему Сергей Довлатов обозначил так: "О хамстве".

Сергей Довлатов:

"Рассказывают, что писатель Владимир Набоков, годами читая лекции в Корнельском университете юным американским словистам, бился в попытках объяснить им своими словами суть непереводимых русских понятий - интеллигенция, пошлость, мещанство и хамство. Говорят, с интеллигенцией, пошлостью и мещанством он, в конце концов, справился, а вот растолковать, что означает слово хамство так и не смог. Обращение к синонимам ему не помогло, потому что синонимы - это слова с одинаковым значением. А наглость и грубость, которыми пытался воспользоваться Набоков, решительным образом от хамства по своему значению отличаются. Хамство есть не что иное, как грубость, наглость и нахальство вместе взятые, но при этом умноженные на безнаказанность. Именно в безнаказанности все дело. В заведомом ощущении ненаказуемости, неподсудности ваших деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает вашу жертву. Именно безнаказанностью своею хамство и убивает вас наповал. Вам нечего ему противопоставить кроме собственного унижения. Потому что хамство это всегда сверху вниз, это всегда от сильного слабому. Потому что хамство - это беспомощность одного и безнаказанность другого. Потому что хамство - это неравенство.

Десять лет я живу в Америке, причем не просто в Америке, а в безумном, дивном и ужасающем Нью-Йорке, и все поражаюсь отсутствию хамства. Все что угодно может произойти здесь, как и в любом другом современном городе, - а хамства все-таки нет. И тогда стал я думать, при каких обстоятельствах мне хамили дома? Как это получалось, как выходило, что вот иду я по улице, крупный, взрослый и даже временами в свою очередь нахальный мужчина, во всяком случае, явно не из робких, бывший, между прочим, военнотруженик охраны в лагерях особого режима, закончивший срочную службу в советской армии с чем-то вроде медали за отвагу, проявленную в конвойных войсках. И вот иду я по мирной и родной своей улице Рубинштейна в Ленинграде и захожу в гастроном, дожидаясь своей очереди, и тут со мной происходит что-то странное. Я начинаю как-то жалобно закатывать глаза, изгибать поясницу, и в голосе моем появляется что-то родственное малолетнему попрошайке из кинофильма "Путевка в жизнь". И я говорю продавщице, женщине лет 60-ти: "Девушка, миленькая, будьте добреньки, свесьте мне маслица граммчиков сто, колбаски такой, знаете не жирненькой, граммчиков 200". Я произношу все эти уменьшительные суффиксы, изо всех сил стараюсь понравиться этой тетке, которая только что, между прочим, прикрепила к огромному бидону записку для своей сменщицы: "Зина, сметану не разбавляй, я уже разбавила". И вот я изгибаюсь перед ней в ожидании хамства, потому что у нее есть колбаса, а у меня нет. Потому что меня много, а ее одна, потому что я, в общем-то, интеллигент, а она

торгует разбавленной сметаной. И также угодливо я всю жизнь разговаривал с официантами, продавцами, швейцарами, водителями такси, канцелярскими служащими, инспекторами домоуправления, со всеми, кого мы называем сферой обслуживания. И вот я так прожил 36 лет и переехал в Америку, и 11-й год живу в Нью-Йорке, и сфера обслуживания здесь - это не то пажеский корпус, не то институт благородных девиц, и все вам улыбаются, и даже настолько, что первые два года в Америке один мой знакомый писатель из Ленинграда был совершенно уверен, что все местные продавицы с первого взгляда в него влюбляются и даже склонны с ним уединиться, и все было бы замечательно, если бы какие-то виды обслуживания, почта, например, или часть общественного транспорта, не находились здесь в руках государства, что приближает их по типу к социалистическим предприятиям. И хотя до настоящего хамства здешняя почта еще не дошла, но именно здесь я видел молодую женщину за конторкой с наушниками и с магнитофоном на поясе, которая, глядя на вас, как на целофановый мешок, слушала одновременно рок песенки и даже как-то слегка подергивалась в такт. И с тех пор я пользуюсь услугами частной почтовой компании UPS - Юнайтед Парсел Сервис - то есть Объединенная Служба Пересылок, и здесь мне девушки улыбаются так, что поневоле ждешь, что вот она назначит тебе в конце концов свидание. Но даже после того, как этого, увы, не происходит, ты все равно оказываешься на улице более ли менее довольный собой.

Сергей Довлатов. Блеск и нищета русской литературы¹⁷⁸

Уважаемые господа!

Прежде всего я должен извиниться перед вами за то, что не могу прочитать эту лекцию по-английски. Вот уже три года я живу в Америке и все еще плохо владею английским языком. С первых дней в Нью-Йорке я был связан с русскими эмигрантскими кругами, занимался исключительно русскими проблемами, был одним из создателей русского еженедельника "Новый американец", и английским языком мне приходилось пользоваться лишь в супермаркете и в сабвее. Вообще, русские эмигранты владеют английским языком на самых разных уровнях, которые можно обозначить следующим образом: сабвей инглиш, супермаркет инглиш, а на более высоких ступенях-тиви инглиш, дейлиньюз инглиш, и наконец, вершина знаний это - чайна таун инглиш, потому что труднее всего нам понимать английский язык, которым пользуются владельцы китайских ресторанов, прачечных и канцелярских магазинов.

Мои более разумные друзья часто корят меня за то, что я плохо владею английским. Как правило, они выдвигают два главных довода:

1. Овладев английским языком в совершенстве, ты сможешь читать в подлинниках произведения американских и английских писателей, и тогда перед тобой откроется новый ослепительный мир.

2. Усовершенствовав свой язык, ты сможешь больше общаться с американцами, лучше понять эту замечательную страну и быстрее почувствовать себя полноценным человеком.

Отвечая на эти доводы, я, в порядке оправдания, выдвигаю следующие контрображения.

При самых упорных занятиях английским языком я в лучшем случае смогу следить за развитием сюжета в книгах американских и английских писателей, а также понимать высказываемые ими мысли и идеи.

Но мысли, идеи и тем более сюжет - это как раз то, что меня интересует в литературе меньше всего. Более всего мне дорога в литературе ее внеаналитическая сторона, ее звуковая гамма, ее аромат, ее градус, ее цветовая и фонетическая структура, в общем, то, что мы обычно называем необъяснимой привлекательностью.

Кроме того, у меня на родине очень хорошо, как это ни странно, поставлено переводческое дело. Многие выдающиеся русские писатели и поэты, не имея возможности писать и публиковать по цензурным соображениям собственные книги, начинали, в поисках средств к существованию, заниматься переводами. Тут можно назвать массу замечательных имен, начиная с Пастернака и Ахматовой и кончая Бродским и Ахмадулиной. В результате уровень переводов явно повысился за счет уровня литературы в целом. Так или иначе в великолепных русских переводах существует Джойс, Оруэлл, Киплинг, Хемингуэй, Фолкнер, Колдуэлл, Томас Вулф, Стейнбек, Воннегут, Апдайк, Сэлинджер и многие, многие другие выдающиеся англоязычные писатели.

Что же касается личных контактов, то я не располагаю большим досугом, и если вижу с людьми, то, как правило, эти встречи связаны с делом, с литературой, а в этом смысле наибольший интерес для меня представляют американские слависты и переводчики, да и я в первую очередь очень могу быть интересен переводчикам и славистам, то есть людям, говорящим по-русски, таким, например, как мои ближайшие среди американцев друзья - профессор русской филологии Карл Проффер и переводчица Анн Фридман, чей русский язык не хуже моего.

Разумеется, все это лишь отговорки и попытки оправдать свое легкомыслие, и потому я еще раз прошу вас извинить меня зато, что эта лекция звучит по-русски.

Вернемся к теме нашей лекции.

В названии я использовал заглавие одного из романов Оноре де Бальзака - "Блеск и нищета куртизанок". В сопоставлении литературы с дамой полусвета я не вижу ничего кощунственного, во всяком случае роль светской львицы более пристала литературе, нежели роль домохозяйки, воспитательницы подрастающего поколения или добросовестной служащей. С дамой полусвета литературу роднит еще и то, что ценность ее заключена в ней самой, а не в исповедуемых ею принципах. Это название кажется мне уместным еще и потому, что в русской литературе на нынешнем этапе можно обнаружить одновременно черты бесспорного величия и несомненного убожества.

Начнем с того, что русская литература, в отличие от европейской и американской литературы, с западной точки зрения литературой не является.

Этот парадокс требует некоторой расшифровки. Русская православная церковь (господствующая церковь в России), в отличие от западных церквей, католической и протестантской, никогда не пользовалась в народе большим авторитетом. В право славной церкви не было той грозной силы, которая заставляла бы ее уважать и бояться. В русских народных сказках полно издевок и насмешек над священнослужителями - попами и попадьями, которые изображаются, как правило, алчными, глупыми и хитрыми людьми. В истории русской церкви было немало мучеников и подвижников, но очень мало религиозных деятелей с позитивной программой. Авторитет русской церкви укрепляется именно сейчас, в последние десятилетия, в эпоху диссидентства, когда несколько русских священников выказали огромную силу духа в борьбе с тоталитарными порядками, снискав, таким образом, любовь и уважение народа.

Что же касается русской философии, то она гораздо моложе западной и развиваться начала лишь в девятнадцатом веке, дав миру несколько очень ярких имен - Булгакова, Соловьева, Леонтьева, Бердяева и других. Исторически же философов в России заменяли всякого рода антисоциальные личности - юродивые, кликуши, спившиеся резонеры и попросту - балаганные шуты. В отношении к ним русское общество проявляло любопытство, смешанное с некоторым чувством брезгливости.

А вот литература в России всегда была очень популярна и пользовалась огромным уважением. Писателя в России всегда воспринимали как пророка, приписывали ему

титанические воз можности и ждали от него общественных деяний самого крупного, государственного масштаба. Роль и поприще писателя всегда считались в России очень почетными и потому сказать о себе: "Я - писатель " всегда считалось в России крайне неприличным, все равно, как сказать о себе: "Я - красавец", "Я - сексуальный гигант" или "Я - хороший человек". Отношение к писателям в России напоминает отношение американцев к кинозвездам или спортивным чемпионам, так что, если бы в Советском Союзе существовала телевизионная реклама, то в перерывах между фильмами появлялись бы на экране не Фара Фосет и не Мухаммед Али, а Курт Воннегут, Апдайк и Айзек Башевис Зингер. Хотя Фара Фосет выглядит гораздо лучше Зингера и даже Воннегута.

В силу всего этого литература постепенно присваивала себе функции, вовсе для нее не характерные. Подобно религии, она несла в себе огромный нравственный заряд, и подобно философии брала на себя интеллектуальную трактовку окружающего мира. Из явления чисто эстетического, сугубо художественного литература превращалась в учебник жизни, или, если говорить образно, литература из сокровища превращалась в инструкцию по добыче золота.

Этому немало способствовала русская литературная критика, основы которой закладывали такие выдающиеся общественные деятели, как Белинский, Чернышевский и Добролюбов. Критика предъявляла к литературе требования, менее всего связанные с ее эстетическими качествами и касающиеся, главным образом, ее общественно-политических тенденций. От русской литературы ожидали заботы о народном благе, призывов к просвещению и не в последнюю очередь - захватывающей и убедительной нравственной проповеди.

Таким образом, история подлинной русской литературы была историей борьбы за сохранение ее эстетических прав, за свободное развитие ее в рамках собственных эстетических законов, ею самой установленных.

В этом смысле чрезвычайно показательна фигура Александра Сергеевича Пушкина, величайшего русского поэта и прозаика, олицетворяющего собой все лучшее и наиболее полноценное в русской литературе. Сейчас в Советском Союзе личность и творчество Пушкина канонизированы абсолютно, его именем названы сотни гуманитарных учреждений, его сочинения тщательнейшим образом изучаются в школах и университетах, его портреты встречаются почти так же часто, как портреты Ленина и Брежнева, его изображения, порой безнадежно далекие от оригинала, попадают в общественных банях, на стадионах, в детских садах и в зубоучебных клиниках. Творчество Пушкина объявлено священным, как, впрочем, и творчество Ленина с Брежневым, но так было далеко не всегда. Современники обвиняли Пушкина в легкомыслии и пустословии, сочиняли на него язвительные пародии, требовали и ждали от него произведений более четкого общественнополитического звучания. Я хочу в этой связи привести здесь одну выразительную цитату из переписки Пушкина с его близким другом князем Вяземским. Вяземский в своем письме к Пушкину говорит:

"Задача каждого писателя есть согреть любовью к добродетели и возбуждать ненавистью к пороку..."

На что Пушкин уверенно и резко отвечает:

"Вовсе нет. Поэзия выше нравственности. Или во всяком случае - совсем иное дело".

В этом заявлении Пушкина особенно важна последняя часть. Судить о том, что выше, поэзия или нравственность, так же трудно, как выяснить - кто сильнее, слон или кит, и трудно именно потому, что это совершенно разные вещи.

Предъявлять Пушкину нравственные, идеологические претензии было так же глупо, как упрекать в аморализме ястреба или волка, как подвергать моральному осуждению вьюгу, ливень или жар пустыни, потому что Пушкин творил, если можно так выразиться, в режиме природы, сочувствовал ходу жизни в целом, был способен выразить любую точку зрения, и его личные общественнополитические взгляды в данном случае совершенно несущественны. Герои Пушкина редко предаются абстрактным рассуждениям, и если

даже это происходит, то предметом рассуждения чаще всего оказывается художественное творчество, чему примером может служить "маленькая трагедия" Пушкина - "Моцарт и Сальери".

Пушкин был не художником по преимуществу, и тем более, не художником по роду занятий, а исключительно и только художником по своему физиологическому строению, если можно так выразиться, его сознание было органом художественного творчества, и все, к чему он прикасался, становилось литературой, начиная с его частной жизни, совершившейся в рамках блистательного литературного сюжета, украшенного многочисленными деталями и подробностями, с острым трагическим эпизодом в финале.

Можно сказать, что творчество Пушкина было победой чистого эстетизма над общественно-политическими тенденциями проповедничества и морализаторства в литературе.

Таким образом, если считать, что русская литература началась с Пушкина, то это начало было чрезвычайно многообещающим и удачным.

Коснемся теперь творчества четырех гигантов русской прозы, явившихся на смену Пушкину. Я имею в виду - Толстого, Достоевского, Тургенева и Гоголя.

Вес эти четыре писателя были обладателями громадного пластического дарования, и все они в той или иной степени стали жертвами своих неудержимых попыток выразить себя в общественнополитических и духовно-религиозных сферах деятельности.

Лев Толстой, написав десяток гениальных книг, создал затем бесплодное нравственное учение, отрекся от своих произведений, исписал тысячи страниц необычайно скучными баснями для народа и почти дегенеративными трактатами об искусстве, о балете и шекспировской драме, и умер в страшных нравственных мучениях на заброшенной железнодорожной станции, покинув семью и не разрешив ни одну из мучивших его проблем.

Показательна также судьба его яснополянской школы. Лев Толстой создал в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, сам преподавал в этой школе, восхищался живым умом и непо средственностью своих учеников, внушал им благородные нрав ственные принципы, в результате многие из них стали "народниками", спились, прожили жизнь надломленными людьми и очень редко поминали своего благодетеля добрым словом.

В памяти народа Толстой остался великим художником, а его побочная деятельность, которую он считал главным делом жизни, забыта и вызывает интерес лишь в академических кругах.

Достоевский написал четыре гениальных романа, но в своей журнально-общественной деятельности, как публицист славяно фильского толка, выказал себя реакционером, а главное - страшным занудой. Его необычайно многословный "Дневник писателя" не идет ни в какое сравнение с художественными текстами того же автора.

Все лучшее в жизни Достоевского было связано с художественной литературой, а все худшее - каторга, ссылка, солдатчина, финансовые и общественно-политические неурядицы - с попытками утвердить себя во внехудожественных сферах.

Тургенев начал с гениальных "Записок охотника", затем писал романы "с идеями" и уже при жизни утратил свою былую славу. Защищая Тургенева, его поклонники любят говорить о выдающихся описаниях природы у Тургенева, мне же эти описания кажутся плоскими и натуралистичными, они, я думаю, могли бы заинтересовать лишь ботаника или краеведа. Герои Тургенев схематичны, а знаменитые тургеневские женщины вызывают любые чувства, кроме желания с ними познакомиться. В наши дни мне трудно представить себе интеллигента, перечитывающего романы Тургенева без какой-либо практической или академической цели вроде написания ученой диссертации на тему: "Тургенев и русская общественная мысль 60-х годов девятнадцатого столетия".

Гоголь обладал феноменальным художественным дарованием сатирической направленности, обладал не совсем обычным для русского писателя тотальным чувством юмора, написал лучший роман на русском языке - "Мертвые души ", затем углубился в

поиски нравственных идеалов, издал опозорившую его книгу "Выбранные места из переписки с друзьями", в которой пришел к оправданию рабства, загубил в себе художника и умер сравнительно не старым и абсолютно сумасшедшим человеком.

На смену этим четырем титанам пришел Антон Павлович Чехов - первый истинный европеец в русской литературе, занимавшийся исключительно художественным творчеством и не запятнавший себя никакими общественно-политическими выходками и фокусами. Чехов первым добился широкого признания на Западе, лучшие американские писатели охотно говорили о том влиянии, которое оказало на них творчество Чехова, и остается лишь добавить, что у себя на родине Чехов был при жизни объектом самой разнузданной и оскорбительной травли со стороны литературных критиков школы Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Его упрекали в цинизме, бессердечии и равнодушии к страданиям народа, а критик Михайловский даже предрекал ему голодную смерть под забором.

Однако Чехов выказал силу духа, не опустил до общественнополитических телодвижений, сохранил в себе художника и обессмертил свое имя. Его творчество исполнено достоинства и покоя, оно НОРМАЛЬНО в самом благородном значении этого Елова, как может быть нормально явление живой природы.

Тут уместно было бы припомнить одну цитату из Шекспира. В одном из своих монологов Гамлет произносит слова, которые, к сожалению, могу воспроизвести лишь приблизительно, но за смысл их почти ручаюсь. Гамлет восклицает:

"Что же это я, как шлюха, душу свою выражаю в словах..."

Гамлет хочет сказать, что слова есть продукт бесплодной рефлексии, что настоящий мужчина должен выражать себя в активной созидательной деятельности, что именно деятели нужны современному обществу, и так далее...

Все это, может быть, звучит вполне резонно в устах госу дарственного мужа, каковым являлся Гамлет, но совершенно неприемлемо для художника, потому что СЛОВО для художника как раз и является его ДЕЛОМ. Тем не менее, лучшие русские писатели, достигнув высочайшего уровня в своем творчестве, начинали испытывать безудержную тягу к общественно-политической деятельности, и все без исключения потерпели неудачу.

Примером такой глобальной неудачи можно считать публицистическую деятельность Солженицына, который начал с по трясущих романов, но, оказавшись на Западе, выступил в роли обличителя и пророка, возглавив чрезвычайно опасную, национальнохристианскую, и в конечном счете - авторитарную тенденцию в русской общественной мысли, изрядно скомпрометировав себя в глазах тех читателей, кто хотел бы видеть будущую Россию - европейским демократическим государством.

Литературным антиподом Солженицына можно считать великого русского поэта Иосифа Бродского, моего давнего знакомого и кумира, который не соблазнился никакой общественно-политической ролью, остается поэтом, художником, творцом, и, кстати сказать, подвергается за это довольно резкой критике в русской эмигрантской печати, где доживают свой век последователи Белинского и Добролюбова, не обладающие их бескорыстием и страстью, но преумножившие их заблуждения.

И к Бродскому, и к Солженицыну я еще вернусь, когда речь пойдет о русской литературе на современном этапе.

Означает ли все вышесказанное, что литература лишена возможности оказывать благотворное нравственное воздействие на читателя? Ни в коем случае. Подлинная литература такое воздействие оказывает и в очень значительной степени, но не прямо, как, допустим, плакат или средство массовой информации, а сложным косвенным образом. Проанализировать механизм этого воздействия трудно, гораздо проще обратить ваше внимание на простое и ясное чувство, которое испытывали чаще или реже все без исключения грамотные, полноценные читатели, как в России, так и на Западе. Когда вы читаете замечательную книгу, слушаете прекрасную музыку, разглядываете талантливую живопись, вы вдруг отрываетесь на мгновение и беззвучно произносите такие слова:

"Боже, как глупо, пошло и лживо я живу! Как я беспечен, жесток и некрасив! Сегодня же, сейчас же начну жить иначе - достойно, благородно и умно..."

Вот это чувство, религиозное в своей основе, и есть момент нравственного торжества литературы, оно, это чувство - и есть плод ее морального воздействия на сознание читателя, причем, воздействия, оказываемого чисто эстетическими средствами...

Итак, до революции русская литература сравнительно успешно развивалась в попытках отстоять свои художественные права, в борьбе между требованиями долга перед обществом и желанием служить исключительно собственному предназначению.

В России существовала клерикальная и гражданская цензура, иногда довольно мягкая, порой сравнительно жестокая, в России существовала требовательная и бесцеремонная литературная критика, проникнутая интересами общественного блага, но в России до 17-го года отсутствовала карательная система, направленная против художников, в России не существовало аппарата физического подавления художественного творчества, а значит, лучшие из писателей смогли осуществить свои задачи, и если терпели поражение, то в борьбе с собой, а не в безнадежном поединке с государством.

После 17-го года все изменилось. Ленин официально и не двусмысленно сформулировал роль искусства, как одного из многих подручных средств переустройства мира, и этот период можно считать началом планомерного истребления русской литературы, которая существовала в невыносимых условиях, теряя лучших своих представителей и унижаясь до полного отождествления себя с государством. По официальным данным около восьмиста русских литераторов, причем наиболее заметных, было физически уничтожено в сталинских концентрационных лагерях, но даже это не самое страшное. Гораздо страшнее то, что литература в целом стала постепенно утрачивать самое драгоценное и жизненно необходимое качество - способность к открытому и безбоязненному самовыражению

И если в двадцатые, и даже в тридцатые годы, русская литература еще давала какие-то яркие, достойные плоды, то это нельзя считать фактом ее нормального естественного развития, это был, выражаясь несколько пышно, свет погасшей звезды, или, говоря языком Сопженицына, это была пена от ушедшего под землю озера.

Истинная литература продолжала существовать еще некоторое время вследствие того, что карательный механизм проводился в действие постепенно, да и в дальнейшем работал с некоторыми переборами.

К началу войны 41-го года литература была почти полностью истреблена, и в этой сфере на долгие годы воцарилось тягостное убожество.

В конце 50-х годов недолгая хрущевская оттепель вызвала к жизни приток литературных сил, и на страницах журналов запестрели имена талантливой молодежи писателей - Аксенова, Гладиллина, Войновича, Окуджавы, Ефимова, Ахмадулиной, Шукшина, Искандера, Балтера и многих других.

Это было время великих иллюзий, огромных надежд. Многим казалось, что литературный процесс может быть восстановлен, что могут быть наведены мосты от классической русской литературы к здоровым художественным тенденциям начала шестидесятых годов.

Увы, этим иллюзиям не суждено было осуществиться. Официальный процесс демократизации общества быстро зашел в тупик, и то, что пришло ему на смену, поразило еще большим убожеством, бесплодием и скукой.

Если при Сталине талантливых писателей сначала издавали, затем обливали грязью в печати и, наконец, расстреливали или уничтожали в лагерях (Бабель, Пильняк, Мандельштам), то теперь никого не расстреливали, почти никого не сажали в тюрьму, но и никого не печатали. Лучшие писатели, уподобляясь заговорщикам, писали, как говорится, "в стол", а менее честные и стойкие верой и правдой служили государству, получая за это доступ к очень заманчивым материальным благам.

Далеко не все мои друзья разделяют эту крайне пессимистическую ючку зрения.

Некоторые стараются меня переубедить. Они говорят мне: "Но ведь существуют же талантливые книги. Удастся же некоторым писателям обходить цензурные преграды. Существует же какая-то лазейка между совестью и подлостью. И так далее"

В ответ на это я рассказываю им одну и ту же притчу. Эта притча банальна, но при этом она довольно точно выражает суть происходящего.

Представьте себе, что у вас есть мать. Что она живет, допустим, в Милуоки вместе с вашим братом. И вдруг вы узнаете, что ваша мать тяжело заболела и попала в госпиталь. Вы посылаете брату телеграмму с вопросом:

"Что с матерью? Отвечай немедленно!"

Брат немедленно отвечает примерно следующее:

"У нас в Милуоки скверная погода".

Дальше идет талантливое и яркое описание климата в Милуоки. Но о матери - ни слова.

Вы начинаете еще больше волноваться. Вы посылаете еще одну телеграмму с тем же вопросом:

"Что с матерью?"

Брат отвечает:

"Транспорт у нас в Милуоки работает плохо".

Дальше идет подробное, талантливое описание работы транспорта в Милуоки. Но о матери - ни слова.

И так - без конца. О том, что нас по настоящему волнует - ни слова. О главном - ни слова.

Под матерью здесь можно понимать нашу родину и ее судьбу, или, что сложнее и точнее, - то самое ценное, что делает литературу литературой, а именно открытое, свободное и безбоязненное самовыражение.

Когда я жил в Советском Союзе и мои рассказы нигде не печатали, моя восьмилетняя дочка, которая очень из-за этого переживала, как то раз дала мне совет. Она сказала:

"Папа, что ты все пишешь о плохом? Ты напиши о чем-нибудь хорошем. Напиши о собаке. Может быть, если ты напишешь о собаке, твой рассказ напечатают".

В ответ на это я придумал короткую сказку. Она тоже довольно банальна, и тоже, как мне представляется, выражает суть вещей.

В некотором государстве жил был художник. Однажды его припасил к себе король и говорит:

- Нарисуй мне картину. А я тебя щедро вознагражу.

- Что же я должен нарисовать? - спросил художник.

- Все, что угодно, ответил король, - все, что угодно, кроме маленькой зеленой гусеницы.

- Значит, я могу нарисовать все, что я захочу? - еще раз спросил художник.

- Разумеется, ответил король, - за исключением маленькой зеленой гусеницы.

Художник отправился домой, чтобы взяться за работу. Прошел месяц, второй, третий, королю надоело ждать и он снова вызвал к себе художника.

- Где же картина? - спросил он.

Художник вздохнул и ответил:

- Я не могу написать эту картину. Потому что я с утра до ночи думаю о маленькой зеленой гусенице.

Итак, картина современной русской литературы представляется мне очень безрадостной. Почему же я назвал свое выступление "Блеск и нищета"? С нищетой, казалось бы, все ясно, а вот блеска что-то не видно

Это не совсем так

Томас Манн однажды высказался следующим образом:

"Немецкая литература там, где нахожусь я"

Это заявление может показаться нескромным даже со стороны такого гиганта, как Томас Манн, но лишь на первый взгляд. Томас Манн хотел сказать простую вещь, и упоминание собственного имени было в этом высказывании - условным и случайным. Он хотел сказать, что пока живет и работает хотя бы один настоящий писатель - литература продолжается. Пока живет и работает хотя бы один гениальный русский писатель - русская литература продолжает оставаться гениальной

Зерно литературы может нести в себе один человек, более того, оно может десятилетиями храниться под слоем пошлости и гнили, а затем, в первую же благоприятную минуту - дать ярчайшие всходы.

Надежду на возрождение русской словесности дает мне то, что в литературе продолжает трудиться один гениальный русский писатель. Это Иосиф Бродский. Кроме него в литературе работают несколько мастеров очень высокого класса. Аксенов, Воинович, Искандер, Синявский, Зиновьев, Ерофеев.

Помимо этого существует и критика. Мои друзья и коллеги Ваиль и Генис пытаются создавать на Западе образцы чисто художественной, сугубо эстетической критики, и делают это успешно, о чем свидетельствует хотя бы ненависть к ним со стороны почти всех эмигрантских беллетристов, которые полагают, что убожество с дальнего расстояния может сойти за благородство, а постоянная неизбывная мрачность заменит в их произведениях глубину. С бесконечным нетерпением мы ждем новых художественных книг Солженицына.

Я бы хотел дожить до тех дней, когда возродится наше опозоренное отечество, ставшее пугалом мира, и это будут дни возрождения нашей многострадальной литературы. Оба эти процесса неизбежны, и я даже не знаю, какого из них я жду с большим волнением...

Сергей Довлатов. Эмигрантская пресса

Я бы хотел заинтересовать вас одним из удивительных парадоксов нашей культурной жизни. Самая большая по объему газета в мире на русском языке выходит не в Москве, не в Ленинграде, не в волжских степях, а на углу 3 5-й стрит и 8-й авеню в Нью-Йорке. Эта газета — «Новый американец», вот она. В ней 48 страниц так называемого таблоидного размера, она выходит каждый вторник, существует четырнадцать месяцев.

Три года назад в Америку прилетел ленинградский журналист Борис Меттер, быстро и трезво оценил свои незавидные перспективы. Несколько месяцев он вяло топтался у подножия социальной лестницы, в буквальном и переносном смысле, а именно — был лифтером. Работа его не удовлетворяла, и он назойливо заговаривал с пассажирами в лифте, делился планами создания новой еженедельной газеты. Кому-то идея нравилась, кому-то представлялась нерентабельной, и даже вздорной, но важно другое. Собеседники Бориса Меттера не удивлялись, всем казалось нормальным, что лифтер собирается издавать газету. Вот что такое Америка! У Меттера появились единомышленники, такие же беспросветные неудачники, как и он. Мы получили банковскую ссуду, двенадцать тысяч долларов, что явилось предметом немыслимых слухов и домыслов. Говорили даже, что нас субсидирует Комитет Государственной Безопасности. Узнав об этом, я позвонил Меттеру. Меттер страшно обрадовался. Он сказал: «Это замечательно, что нас считают агентами КГБ. Это укрепляет нашу финансовую репутацию. Пусть думают, что мы богачи»...

Газета стала реальностью. Ощущение чуда сменилось повседневными заботами. Мы не имели делового опыта, ломались в открытые двери, изобретали бесчисленные велосипеды, безбожно коверкали английский язык. Президент корпорации Меттер начинал деловые телефонные разговоры следующим образом: «This is speak I — Борис Меттер». Мы углубились в джунгли американского бизнеса, одновременно вырабатывалась нравственная позиция газеты. Мы провозгласили: «Новый американец» является демократической свободной трибуной. Он выражает различные, иногда диаметрально противоположные, точки зрения. Выводы читатель делает сам».

Честно говоря, мы испытывали неудовлетворенность русской прессой в Америке. Казалось бы, свобода мнений, великое завоевание демократии. Да здравствует свобода мнений! С легкой оговоркой: для тех, чье мнение я разделяю." А как быть с теми, чье мнение я не разделяю? Как это непривычно — уважать чужое мнение! Как это глупо — дать высказаться оппоненту. Как это соблазнительно — быть единственным конфидентом истины. Оказалось, выбрать демократию недостаточно, как недостаточно выбрать хорошую творческую профессию. Демократии нужно учиться. Дома нам внушали единственно правильное учение. Дома был Обком, который все знал, а тут? Читатель — не малолетний ребенок, он достоин самой разносторонней информации, он достаточно умен, чтобы принимать самостоятельные решения. Мы уехали, чтобы реализовать свои человеческие права: право на творчество, право на собственное мнение, право на материальный достаток, и в том числе священное право быть неправым, т. е. право на заблуждение, на ошибку. Так давайте жить, как принято в цивилизованном обществе...

Порой нас спрашивают, какого направления придерживается наша газета, с кем она борется, кого ненавидит, против кого выступает. Так вот, мы не против, мы — за. Мы за правду, за свободу, за человеческое достоинство, за мир и культуру, за духовные и нравственные поиски, за нашу многострадальную Родину, за приютившую нас Америку, за мужество и за талант.

Мы называем себя еврейской газетой. Честно говоря, я был против такой формулировки, она мне кажется лишней. Я считаю газету еврейской лишь настолько, насколько можно считать еврейской третью эмиграцию. Мы говорим и пишем на русском языке, наше духовное отечество — великая русская культура, и потому мы — русская газета. Мы живем в Америке, благодарны этой стране, чтим ее законы, и, если понадобится, будем воевать за американскую демократию, и потому мы — американская газета. Мы — третья эмиграция, и читает нас третья эмиграция, нам близки ее проблемы, понятны ее настроения, доступны ее интересы, и потому мы — еврейская газета.

Мы освещали израильские события, публиковали материалы на темы еврейской истории, отдавали должное таланту Башевица Зингера и Маламуда. Началось брожение в общественных кругах. Нас обвиняли в пренебрежении к России, в еврейском шовинизме, в корыстных попытках добиться расположения богатых еврейских Организаций. Старый друг позвонил мне из Франции. Он сказал: «Говорят, ты записался в правоверные евреи и даже сделал обрезание». Я ответил: «Володя, я не стал правоверным евреем и вовсе не делал обрезания. Я могу это доказать. Я не могу протянуть тебе свое доказательство через океан, но я готов предъявить его в Нью-Йорке твоему доверенному лицу»...

Параллельно с еврейским шовинизмом нас обвиняли в юдофобии, называли антисемитами, погромщиками, черносотенцами, упоминая при этом Геббельса и Риббентропа.

Дома нас учили: советское — значит отличное, наши луга самые заливные, наши морозы самые трескучие, наша колбаса самая отдельная. Сейчас мы в Америке, так давайте же чуточку расслабимся, давайте при слове «еврей» не размахивать кулаками, чтобы не получилось: еврейское — значит отличное!..

В нашей газете были помещены дискуссионные материалы о Солженицыне. Боже, какой начался шум! Нас обвиняли в пособничестве КГБ, в прокоммунистических настроениях, чуть ли не в терроризме... Исключительный художественный талант писателя неоспорим, но идеи Солженицына, его духовные, нравственные и политические установки вызывают разноречивую критику. Голос Солженицына звучит на весь мир, а значит, голоса его оппонентов тоже должны быть услышаны. Этому принципу следует наша газета. Всякое большое явление обрастает суетной и мелочной накипью. Великого человека зачастую окружает невероятно посредственная клика. То и дело раздаются грозные вопли бездумных и угодливых клеветников Солженицына: кто осмелится замахнуться на пророка, его особа священна, его идеи вне критики!.. Десятилетиями "они молились Ленину, а теперь готовы крушить его монументы, ими самими воздвигнутые.

Мы устроены по-другому. Мы восхищаемся Солженицыным и поэтому будем критически осмысливать его работы. Слишком ответственна функция политического реформатора, слишком дорого нам будущее России...

Больше года выходит наша газета, и больше года я слышу: чего вы смеетесь, над чем потешаетесь? В Афганистане трагедия, академик Сахаров томится в Горьком, и вообще мир на грани катастрофы. Да, мир на грани катастрофы, и привели его к этой грани именно угрюмые люди. Угрюмые люди бесчинствуют в Афганистане, угрюмые люди хватают заложников, и гордость России, академика Сахарова, мучают тоже угрюмые люди. И потому мы будем смеяться над русофобами и антисемитами, над воинствующими атеистами и религиозными кликушами, над мягкотелыми голубями и твердолобыми ястребами, а главное, заметьте, над собой. И хочется думать, пока мы способны шутить, мы останемся великим народом. Я говорю как о русских, так и о евреях.

Говорят, в эмиграции происходят бесконечные ссоры. Все согласны, что это безумие. Все хотят мира и дружбы. Но одни понимают мир, как торжество единственного самого верного учения, а другие, как сосуществование и противоборство множества идей. «Новый американец», повторяю, является трибуной для их свободного, корректного, доброжелательного выражения.

А теперь я хотел бы раскрыть один маленький секрет. Все, что я сейчас говорил, опубликовано. Опубликовано в газете «Новый американец», все до единого слова. Мое выступление составлено из 26 цитат с использованием восемнадцати номеров газеты, что свидетельствует о нашем довольно-таки последовательном отношении к затронутым вопросам. Спасибо за внимание.¹⁷⁹

Сергей Довлатов. Колонка редактора¹⁸⁰

С детства нам твердили...¹⁸¹

С детства нам твердили:

— Бога нет... Материя первична... Человек произошел от гориллы...

Атеистическая пропаганда достигала своей цели. Ее доктрины воспринимались как нечто бесспорное.

Да и сама жизнь отчасти к этому подталкивала. Взглянешь на иного соотечественника — действительно, от гориллы. Причем недавно...

Атеистическая пропаганда достигала также и обратной цели. Значительная часть интеллектуалов пришла к религии. И в этом не только оппозиция государственному материализму. В этом — тоска по утраченной духовности, жажда непосредственных чувств...

И вот мы здесь, на свободе. Утихла борьба за коммунистические идеалы. Спали оковы материалистических доктрин. Отринуты насильственные догмы. Забыты принудительные верования.

Мы сыты, одеты, здоровы. Мы почти так же элегантны, как наши автомобили. Почти так же содержательны, как наши холодильники.

179

http://www.sergeidovlatov.com/books/emigr_pr.html

180

По материалам сайта: <http://www.sergeidovlatov.com/litera.htm>

181

"Новый американец", № 19, 17-22 июня 1980

Может, обойдемся вообще без идеалов? Заменяем государственный материализм — бытовым, ежесекундным, обыденным? Разрушим ложные идеи, и да здравствует безыдейность?!

Трудна дорога от правды к истине. Альтернатива правды — ложь. Альтернатива истины — другая истина, более глубокая, более жизнеспособная.

Философский материализм принадлежит к числу глубочайших истин.

Веками противостоит ему истина религии, истина Бога.

Мы, я думаю, находимся где-то посередине...

Среди моих друзей немало обращенных христиан. Есть также обращенные иудаисты. Увы, я не заметил, чтобы они были милосерднее, сострадательнее, а главное — терпимее других людей.

Видимо, такое приходит не сразу.

При этом, я знаю, в лагерях так называемые «религиозники» держались с исключительным мужеством. В тягчайшие минуты они проявляли бодрость духа и готовность к самопожертвованию. Было заметно, что вера дает им силу противостоять невыносимому гнету.

Заключенные, да и надзиратели относились к верующим с большим уважением.

Помню, в бараке разоблачили одного стукача. Некто Бусыгин, потомственный скокарь, человек, далекий от религии, воскликнул:

— Может, Бога и нет! Но Иуда — перед вами!..

Сам я, увы, человек нерелигиозный. И даже — неверующий. Разве что суеверный, как все неврастеники.

И все-таки часто задумываюсь. Я ведь уже далеко не юноша. Придет когда-то смерть и вычеркнет меня.

И что же в результате — лопух на могиле? Неужели это — все, предел, итог?!

Или наши души бессмертны? Но тогда мы обязаны дорожить каждой минутой! Каждой минутой...

.

Сравнительно молодое издание...¹⁸²

«Новый американец» — сравнительно молодое издание. У нас еще масса проблем: финансовых, творческих, организационных...

Что нас поддерживает? Уверенность в правоте начатого дела. Любовь к газетной работе. Доверие и энтузиазм читателей. И разумеется — благородная помощь коллег-журналистов.

Нас поддержали — «Континент», «Эхо», «Третья волна», «Русская мысль». Я бы мог назвать десятки славных имен...

В этой связи несколько обескураживает позиция, занятая руководством «НРС»¹. Казалось бы, уважаемый печатный орган с многолетней высокой репутацией. Самая популярная русская газета в Америке. Процветающее коммерческое учреждение с миллионными оборотами...

Так логично и естественно было бы поддержать молодое издание. Или, как минимум, не препятствовать его свободному развитию.

Ведь читательские души — не картошка. А газета — не овощная лавка. Рассуждения вроде: «Это мои покупатели! Уходи из моего квартала!» — здесь неуместны...

Сначала руководство «НРС» отказалось дать условия нашей подписки. (Что, кстати сказать, незаконно.) После этого всем авторам «НРС» было объявлено:

«Тем, кто содействует новой газете, печататься в «НРС» запрещается!»...

В общем: либо — либо! Кто не с нами, тот против нас! Долой инакомыслящих, к стенке, на рею!..

Тут хочется вспомнить момент из прошлого. В 76 году меня напечатал «Континент». Затем — «Время и мы». Радио «Свобода» неделю транслировало мою повесть... Я тогда жил в Ленинграде. Исполнял мелкую безымянную халтуру для крупнейшего партийного журнала «Звезда». Редактор Холопов (негодяй высшей марки) знал, что я печатаюсь в «Континенте». Он сказал:

— Пока нет указания из Смольного — работай!

И я еще в течение года продолжал халтурить. Печатался одновременно в СССР и на Западе. Будучи выгнан из Союза журналистов. Будучи лишен всех иных заработков...

Вспоминается еще один эпизод. Когда-то я работал в партийной газете. Каждую неделю в редакцию приходил человек из обкома. Вынимал из портфеля список. Это был список тех, кого нельзя печатать. И кого нежелательно упоминать. «Булгаков, Ахматова, Мандельштам, Гумилев...»

Я не знаю фамилии этого человека из обкома. А имя Мандельштам будет жить, пока жив русский язык!..

И последнее. Когда-то я писал заявку на документальный фильм о Бунине. В числе других материалов упоминались записки Андрея Седых². Сценарий был запрещен. Редактор «Леннаучфильма» заявил:

— Вы бы еще Милюкова упомянули!..

По-моему, тут есть над чем задуматься. Не правда ли?

Жаль, Бунина нет. Вот бы ему пожаловаться...

¹ «НРС» — «Новое русское слово», ежедневная русскоязычная газета в Нью-Йорке.

² Андрей Седых (Яков Моисеевич Цвибак) — журналист, прозаик. С 1973 г. по 1993 г. владделец нью-йоркской газеты «Новое русское слово».

В редакцию зашел журналист...¹⁸³

В редакцию зашел журналист. Предложил свои услуги:

— Хочу осветить серьезное мероприятие — выставку цветов. И разумеется — с антикоммунистических позиций.

Мы немного растерялись. Цветы и политика — как-то не вяжется... Мне представился заголовок:

«Георгин — великое завоевание демократии!»

И еще я вспомнил один разговор. Уважаемый человек из первых эмигрантов настаивал:

— Скажите прямо, вы антикоммунисты или нет?

И снова мы растерялись. Кто же мы, в самом-то деле? То, что не коммунисты, — это ясно. Но — анти?..

О научном коммунизме представления имеем самые расплывчатые. Даже что такое «базис» — нетвердо помним. (Похоже на фамилию завмага.) Бороться с научным коммунизмом должны ученые, философы, экономисты...

О реальном коммунизме знаем еще меньше. Ведь то, что происходит на родине, — от коммунизма чрезвычайно далеко. Это свинство даже вожди перестали коммунизмом называть.

В общем, нет коммунизма. И не предвидится...

Антикоммунисты ли мы? Можно ли быть против того, чего не существует?..

Как-то раз я беседовал с атеистом.

— Я атеист, — сказал атеист, — мой долг противостоять религии. И противостоять Богу!

— Так ведь Бога нет, — говорю. — Как можно противостоять тому, чего нет? Тому, что сам же и отрицаешь?..

Удивительно похоже рассуждают фанатики. Будь то рассуждения за или анти...

— Ладно, — сказал уважаемый человек из первых эмигрантов. — А если произойдет интервенция? Если появится возможность захватить Москву? Вы примете участие?

— Это значит — стрелять?

— Разумеется.

— В кого? В девятнадцатилетних одурченных мальчишек? В наших братьев и сыновей?..

Как ужасна сама мысль об этом! И как благородно на этом фоне звучит мирный призыв Солженицына: «Живите не по лжи!»

Это значит — человек должен победить себя. Преодолеть в себе раба и циника, ханжу и карьериста...

Иначе — новое море крови. И, может быть, — реальный конец вселенной...

Мы сказали журналисту:

— Напишите о выставке цветов. Напишите без всяких позиций.

— Без всяких позиций? — удивился журналист. Затем подумал и говорит:

— Надо попробовать...

Когда-то я работал на заводе...¹⁸⁴

Когда-то я работал на заводе. Точнее — в заводской многотиражке.

На этом заводе произошел удивительный случай. Один мой знакомый инженер хотел поехать в Англию. Купил себе туристскую путевку. Начал оформлять документы. Все шло хорошо. И вдруг — отказ. Партком отказался выдать моему знакомому необходимые рекомендации.

Я спросил парторга:

— В чем дело? Ведь мой знакомый — не еврей?

— Еще бы! — сказал парторг.

— Кроме того, он член партии.

— Естественно! — сказал парторг.

— Так в чем же дело? Чего вы его не отпускаете?

Парторг нахмурился и говорит;

— Ваш знакомый слишком часто улыбается. И даже смеется. В том числе и на партийных собраниях. Есть свидетели...

— А, — говорю, — тогда понятно...

Улыбающийся человек не угоден тоталитаризму. Смеющийся — опасен. Хохочущий — опасен втройне.

Дома нас окружала тотальная безвыходная серьезность. Вспомните лица парторгов, милиционеров и заведующих отделами. Вспомните лица домоуправов, торговых работников и служащих почты. Вспомните лица членов Политбюро ЦК. Вспомните, например, лицо Косыгина. Беременным женщинам нельзя показывать такие вещи...

Сейчас мы в Америке. Строим новую жизнь. Реализуем изначальные демократические права. Право на собственное мнение. Право на материальный достаток. Право на творчество... И так далее.

И еще. Мы осуществляем великое человеческое право на смех и улыбку. Смеемся над велеречивой тупостью и змеиным ханжеством. Над лжепророками и псевдомучениками. Над президентами и рыцарями велфейра...
Шесть месяцев выходит наша газета. Шесть месяцев я то и дело слышу...
— И чего вы смеетесь? Над чем потешаетесь? Такие несерьезные... А в Камбодже — террор. В Афганистане — трагедия. Академик Сахаров томится в Горьком... И вообще, мир на грани катастрофы!..
Да, мир на грани катастрофы. И привели его к этой грани — угрюмые люди. Угрюмые люди бесчинствуют в Камбодже. Угрюмые люди держат в плену заложников. И гордость России, академика Сахарова, мучают тоже угрюмые люди.
И потому — мы будем смеяться. Над русофобами и антисемитами. Над воинствующими атеистами и религиозными кликушами. Над мягкотелыми «голубями» и твердолобыми «ястребами»...
И главное — тут я прошу вас быть абсолютно внимательными — над собой!
Друзья мои! Научитесь смеяться и вы научитесь побеждать!

Есть в советской пропаганде...¹⁸⁵

Есть в советской пропаганде замечательная черта. Напористая, громогласная, вездесущая и непрерывная — советская пропаганда вызывает обратную реакцию. Критикуют фильм — значит, надо его посмотреть. Ругают книгу — значит, стоит ее прочитать. На кого-то персонально обрушились — значит, достойный человек...
Один знакомый лектор (из прогрессивных) жаловался мне:
«На тысячу вопросов готов ответить. Есть два, которые меня смущают. Хоть с работы увольняйся!.. Первый вопрос. Отчего в дружественном Египте нет коммунистической партии? А во вражеском Израиле есть? И притом целых две... И второй. Насчет Сахарова. Правда ли, что он — Герой Социалистического Труда? Да еще трижды?..»
Десятки раз я слышал:
«Вот напишу академику Сахарову! Поеду в Москву к академику Сахарову!»
И адреса-то человек не знает. Да, может, и знал бы — не поехал. Русский человек и в жалобную-то книгу не пишет. Душу отведет, востребует книгу, а писать не станет...
Тут важно другое. Появилось ощущение новой инстанции. Раньше было что? Партком? Где сидят знакомые лодыри и демагоги? Местком? Где те же лодыри и демагоги бегают шестерками перед начальством? Милиция, прокуратура? Да разве они защитят? От них самих защита требуется...
Вот и раздается повсюду:
«Напишу академику Сахарову!»
Тут мне хочется вспомнить один случай. Был я в командировке. Рано утром оказался на псковском автовокзале. В прибежище местных алкашей. Разговорился с одним. Лицо сизое, опухшее, руки трясутся. Сунул я ему два рубля. Алкаш выпил портвейна, немного отошел. Каким-то чудом распознал во мне интеллигента. Видимо, захотел мне угодить. И рассказал такую историю:
«Был я, понимаешь, на кабельных работах. Естественно, каждый вечер поддача. Белое, красное, одеколон... Рано утром встаю — колотун меня бьет. И похмелиться нечем. Еле иду. Мотор на ходу вырубается. Вдруг навстречу — мужик. С тебя ростом, но шире в плечах. Останавливает меня и говорит:
— Худо тебе?»

— Худо, — отвечаю.

— На, — говорит, — червонец. Похмелися. И запомни — я академик Сахаров...»

...Я понимаю, что это — наивная выдумка опустившегося человека. И все-таки... Если оставить в стороне убогую фантазию этого забулдыги... Да это же сказка о благородном волшебнике! Ведь именно так создается фольклор! В наши дни. Вокруг конкретного живого человека...

Пусть наивно, смешно. Но ведь это прямая трансформация мечты о справедливости...

Сахаров выслан. Живет в Горьком. Вокруг него — люди. Инстанция существует!

На родине государством управляли...¹⁸⁶

На родине государством управляли мистические существа. Ну, что мы знали о Сталине? Что он курил трубку и был лучше всех. Что мы знали о Ленине? Что он носил кепку и тоже был лучше всех. О Брежневе мы даже этого не знаем. Известно только, что у него есть брови...

Вспоминается, как я был изумлен, узнав, что Ленину нравилось холодное пиво. В этом заурядном факте проглядывало нечто человеческое...

И еще одна важная деталь. У Ленина был незначительный дефект речи. У Сталина — рыночный акцент торговца гладиолусами. У Брежнева во рту происходит что-то загадочное. Советские лингвисты особый термин придумали для этого безобразия — «фрикативное Г». Все это не случайно: и «Г», и «Р», и цветочно-фруктовый акцент. Ведь у инопланетян должны быть какие-то этнические особенности. Иначе на людей будут похожи. А это — нельзя.

Вспомните день 1-го Мая. На трибуне Мавзолея вереница серых глиняных изваяний. Брежнева и Косыгина еще можно узнать. Пельше и Суслов однотипны и взаимозаменяемы. Остальные неотличимы, как солдатское белье.

Здесь государством управляют живые люди. Мы знаем, что Картер набожен, честен и благороден. Мы знаем, что Рейган тверд, принципиален и бережлив.

Дома мне было абсолютно все равно, за кого голосовать. Я раза четыре вообще не голосовал. Причем не из диссидентских соображений. А из ненависти к бессмысленным действиям.

Здесь, повторяю, все иначе. Здесь мы гораздо ближе к политике. Пусть мы еще не американские граждане. Пускай голосовать будут другие — неважно. Результаты президентских выборов близко касаются и нас. Ведь за ними стоит реальный жизненный и государственный курс.

Я убежден в том, что личность государственного деятеля есть продукт эпохи. Что время, исторический момент, определяет тип главы правительства. Сталин, Гитлер и Трумен были очень разные люди. Но было в этих фигурах и что-то общее. Может быть, жесткость... Такая эпоха...

Хрущев, де Голль и Кеннеди тоже отнюдь не близнецы. Но что-то общее сквозило и в этих деятелях. Может быть, артистизм... Дань времени...

Затем наступила довольно серая и безликая эпоха разрядки. Она же породила довольно серых и безликих вождей. Мир был в относительном покое.

Сейчас этому затишью приходит конец. Афганская трагедия знаменует новый исторический этап. Увы, американскому народу приходится выбирать между твердостью и катастрофой.

Я не политический обозреватель. И не буду взвешивать шансы кандидатов. Но я уверен, что президентом будет Рейган. Мне кажется, именно такого президента требует эпоха.

Возможно, я ошибаюсь. На то и колонка редактора, чтобы пометчать.

Как-то беседовал я с приятелем...¹⁸⁷

Как-то беседовал я с приятелем. Приятель выпил, закусил и говорит:

«С американцами дружить невозможно. Это холодные, черствые, меркантильные люди. Главное для них — практический расчет...

Помнишь, как было в Союзе? Звонит тебе друг среди ночи:

"Толик! У меня — депрессия! С Алкой полаялся!"

Ты хватаешь пузырь — и к нему. И потом до утра керосините... Он для тебя последнюю рубашку снимет... И ты для него... Вот это дружба! Навзрыд! До упора!..»

Все это мой приятель говорил абсолютно серьезно. И я задумался...

Есть в Ленинграде писатель Воскобойников. Общительный, способный, добродушный человек. Как выяснилось — давний осведомитель ГБ. Взял и посадил своего друга Михаила Хейфеца. А ведь дружили. И до утра беседовали. И последними рубашками торжественно обменивались...

Есть в Союзе такой романист — Пикуль... Размашистый, широкий человек. И водку пить мастак, и драться лезет, если что... Взял и посадил своего (и моего) друга Кирилла Успенского...

И так далее.

Есть в российском надрыве опасное свойство. Униженные, пуганные, глухонемые — ищем мы забвения в случайной дружбе. Выпьем, закусим, и начинается:

«Вася! Друг любезный! Режь последний огурец!..»

Дружба — это, конечно, хорошо. Да и в пьянстве я большого греха не вижу. Меня интересует другое. Я хочу спросить:

— А кто в Союзе за 60 лет написал 15 миллионов доносов? Пятнадцать миллионов?! Друзья или враги?

Да, американцы сдержаннее нас.

В душу не лезут. Здесь это не принято.

Если разводятся с женой, идут к юристу. (А не к Толику — водку жрать.)

О болезнях рассказывают врачу.

Сновидения излагают психоаналитику.

Идейного противника стараются убедить. А не бегут жаловаться в первый отдел...

Да и так ли уж они практичны?

Часть моих рукописей вывез из Ленинграда американец Данкер. Кстати, интеллигентный негр. Совершенно бескорыстно. Более того, с риском для карьеры. Поскольку работает в американско-советской торговле.

Издal мою книгу американец Проффер. И тоже — совершенно бескорыстно.

Более того, претерпевая убытки на многих русских изданиях.

Переводят мои сочинения две американки. И обе работают бесплатно. В сомнительном расчете на грядущие пулитцеровские барыши.

В одном мой друг прав. Последней рубашкой здесь со мной не делились. И слава Богу! Зачем мне последняя рубашка? У меня своих хватает.

Я уж не говорю про огурцы...

В детстве я был...¹⁸⁸

В детстве я был невероятным оптимистом. В дневнике и на обложках школьных тетрадей я рисовал портреты Сталина. И других вождей мирового пролетариата. Особенно хорошо получался Карл Маркс. Обыкновенную кляксу размазал — уже похоже...

Маршируя в пионерских рядах, я не щадил голосовых связок.

Я рос оптимистом. Мне говорили:

«Жить стало лучше, жить стало веселее!»

Я верил.

Вспоминается такой задорный марш:

Мы будем петь и смеяться, как дети,

Среди всеобщей борьбы и труда...

Эти слова я выкрикивал десятки раз. Выкрикивал, выкрикивал, а потом задумался. Что же это получается? Все кругом работают, а мы поем и хохочем, как слабоумные...

В общем, стал мой оптимизм таять. Все шло — одно к одному. Деда расстреляли. Отца выгнали с работы. Потом меня — из комсомола. Потом — из университета. Потом — из Союза журналистов. И так далее. Потом оказалось, что далее — некуда... И пессимизм мой все крепчал.

Окружение мое тоже состояло из людей печальных. Весельчаков я что-то не припомню.

Весельчаков мои друзья остерегались — не стукач ли?..

Наконец мы эмигрировали. Живем в Америке. Присматриваемся к окружающей действительности. Спросишь у любого американца:

— Как дела?

— Файн! — отвечает.

Вроде бы — не дурак. И уж, как минимум, — не стукач.

Может, у него и в самом деле — файн? Почему бы и нет? Говорит, что думает. Живет, как считает нужным. Молится, кому хочет. Сыт, одет, обут... Каждому, что называется, по труду...

Так наметился у меня поворот к оптимизму. Теперь уже на мрачных людей смотрю подозрительно. Чего это они такие мрачные? Как бы галоши не украли? А может, КГБ их сюда засылает для увеличения напряженности?..

И коллеги у меня подобрались соответствующие. То и дело — улыбаются. Порой смеются.

Изредка даже хохочут.

И газету делают — принципиально оптимистическую!

Конечно, бывают и у нас огорчения. То анонимное письмецо от какого-нибудь уязвленного дурака. То из Союза придут дурные вести. Или дочь презрением обдаст за то, что не умеешь водить автомобиль...

Но главная проблема решена. Будущее наших детей — прекрасно. То есть — наше будущее.

Поэтому наша газета взывает к мужеству и оптимизму.

А истинное мужество в том, чтобы любить жизнь, зная о ней всю правду!

Писать о космосе трудно...¹⁸⁹

188

"Новый американец", № 31, 9-14 сентября 1980

189

"Новый американец", № 63, 26 апреля — 2 мая 1981

Писать о космосе трудно. Вообразить его себе — невозможно. Поскольку космос есть — отсутствие, ничто...

Я хорошо помню день гагаринского триумфа.

Мы, студенты Ленинградского университета, шагаем по Невскому. Размахиваем самодельными транспарантами. Что-то возбужденно кричим.

И только мой друг, знаменитый фарцовщик Белуга, язвительно повторяет:

— Ликуйте, жлобы! Динамо в космосе!..

«Динамо» по-блатному означает — жульническая махинация. Причем с оттенком дешевого шика.

Видимо, Белуга раньше других ощутил наступление грандиозной пропагандистской кампании. Увидел первые гримасы советского космического блефа...

У Гагарина было на редкость симпатичное лицо. Его наградили, увенчали и возвеличили.

Превратили в одушевленный символ. В улыбающуюся политическую идею.

Временами Гагарин становился человеком. И тогда он сильно запивал. Видно, ему не хотелось быть идеей. И он пил все больше.

Сначала разбился в машине. На лице его, которое продолжало быть общественным достоянием, возник глубокий шрам.

Затем Гагарин угнал самолет и разбился окончательно...

Космическая эра продолжалась. Летающих идей становилось все больше. Для их бесчисленных портретов уже не хватало Кремлевской стены.

Число космонавтов росло и росло. У них возникла своя футбольная команда.

Затем произошла трагедия. Несколько космонавтов погибло. (Не помню — трое или четверо.) Это был печальный, траурный день. Моя дочка спросила:

— Отчего ты не плачешь?

Я ответил:

— Плачут те, кто их знал. Для меня они были летающими идеями. Я не могу рыдать о погибших идеях.

Прошло много лет. В космос по очереди слетали народные демократы. Вьетнамец, болгарин, поляк...

Честно говоря, я перестал интересоваться этими делами. Я давно уже не интересуюсь пропагандой. Давно уже пытаюсь руководствоваться не чужими, а собственными идеями...

И вот мы узнали про космический челнок. (Можно назвать его космическим автобусом. Космическим маршрутным такси.)

Машина вернулась на Землю. Вернулись затраченные миллионы. Вернулись потрясающие механизмы. Вернулись люди.

Читая газетные сообщения, мы думаем не об идеях, летающих в космосе. Мы думаем о космических заводах. О космическом туризме. То есть — о космической перспективе.

Мы убеждаемся — человечеству есть куда идти, куда лететь, куда стремиться. Более того: Если Запад полностью уступит Советам, будет куда эмигрировать дальше...

С каждым годом...¹⁹⁰

С каждым годом она все больше похожа на человека. (Не в пример большинству знакомых журналистов.)

Принес я ее домой на ладони. Было это двенадцать лет назад. Месячный щенок-фокстерьер по имени Глаша. Морда кирпичиком. Хвост морковкой. Короче, Глаша была неотразима...

Воспитывали мы ее довольно невнимательно. Кормили чем попало. Зато подолгу с ней беседовали. И я, и мама, и жена. А потом и дочка, когда сама научилась разговаривать... Глаша росла толковой и мужественной. К трем годам она совершила несколько подвигов. Во-первых, спасла щенка, который тонул. Вытащила его за хвост из лужи. Кроме того, побывала с моим братом на охоте. Первая отыскала след медведя-шатуна. Очередной подвиг Глаша совершила в Таллине. Я уехал в командировку. Отдал Глашу знакомой машинистке из ЦК. Машинистка затопила печь. Раньше времени закрыла трубу. И уснула.

В квартире запахло угарным газом. Все спали. Но проснулась Глаша и действовала разумно. Подошла к хозяйскому ложу и стащила одеяло. А потом громко залаяла...

Днем ей принесли из буфета ЦК четыреста граммов шейной вырезки. Случай уникальный. Может быть, впервые партийные льготы коснулись достойного объекта.

Глаша не интересовалась политикой. Однако лаяла на милиционеров, когда они являлись без приглашения.

Консервы «Завтрак туриста» вызывали у нее аллергию. Как и у меня...

Наконец мы собрались уезжать. За Глашу пришлось уплатить небольшой выкуп. По три рубля за килограмм. Глашу оценили чуть дешевле нототении. И чуть дороже постной свинины...

В Америке Глаше нравится. Она помолодела и готова выйти замуж. (Скоро дадим объявление в «НРС»...)

Говорят, все эмигранты перессорились. Это не так. Глаша одинаково симпатизирует Вагину и Янову, Бернштаму и Эткинду, Рафальскому и Парамонову...

Глаша часто спит у моих ног. Иногда тихонько стонет. Возможно, ей снится родина. Например, мелкий частик в томате. Или сквер в Щербаковском переулке...

Не печалься, Глаша, все будет хорошо.

И прости, что у меня нет хвоста. (В Союзе был, и не один.)

Прости, что у меня есть ботинки и сигареты. И еще — работа по специальности.

В остальном мы похожи. И судьба наша — общая.

Был у меня в Ленинграде...¹⁹¹

Был у меня в Ленинграде знакомый фарцовщик. Громадными партиями скупал у иностранцев всяческое барахло. Занимался также валютой и антиквариатом...

Позавчера встречаю его на Квинс-бульваре. Обнялись, разговорились.

— Ну как, — спрашиваю, — чем занимаешься?

— Кручу баранку, — отвечает, — вкалываю с утра до ночи.

Я удивился:

— Ты же был деловой, предприимчивый?!

Мой друг усмехнулся:

— Америка показала, кто деловой, а кто не очень...

Действительно, Америка многое заставила пересмотреть в себе и в жизни. Здесь все по-другому. Здесь понятия «бизнесмен» и «мошенник» не совпадают. Говоря проще, здесь надо работать.

Вот мой знакомый и превратился в честного труженика...

Мне возразят:

«Ну, хорошо — ремесленники, инженеры, ученые. А как быть с музыкантами, литераторами?»

Хорошие музыканты играют. Я не говорю о Ростроповиче. Пономарев играет. Сермакашев играет. Батицкий играет. (Причем речь идет только о моих личных знакомых.)

Литераторов поддерживает государство. У Поповского — стипендия. У Парамонова — стипендия. У Соловьева, Клепиковой — такая же история. Даже Алешковский грант получил...

Мне возразят:

«А как же быть с писателями на велфейре? С музыкантами за баранкой? С кинорежиссерами, переквалифицировавшимися в управдомы?»

А вы присмотритесь. Может, они большего и не стоили. Может, это их настоящее призвание?!

Короче, либо это временно, либо справедливо...

Америка — не рай. И не распределитель ЦК. Америка не только вознаграждает одаренных и работающих. Америка жестоко отрезвляет самонадеянных и заблуждающихся.

Причем выигрывают и те и другие. Одаренным и работающим воздается по заслугам. Самонадеянные и заблуждающиеся утрачивают вредные иллюзии. И то и другое — благо.

Мои товарищи Вайль и Генис сменили десятки профессий. Насколько я знаю, вершина их советской биографии — пожарная команда. А теперь — уважаемые люди. Критики. Попробуй тронь!

Меттер заведовал поломанной радиостанцией и сочинял телепередачи о животноводах. А теперь, что ни говори, — президент корпорации.

И так далее.

Лично я стал тем, кем был, наверное, и раньше. (Просто окружающие этого не знали.) То есть — литератором и журналистом. Увы, далеко не первым. И, к счастью, далеко не последним.

Я часто слышу...¹⁹²

Я часто слышу:

— Ну, хорошо, ты дал высказаться Соловьеву и Шрагину. Опубликовал статьи Ефимова, Федосеева, Бирмана и многих других. А что ты сам думаешь о будущем России? Об исторической роли диссидентства? Каковы твои религиозные, философские и политические убеждения?

Колонка редактора занимает полторы машинописных страницы. И этого вполне достаточно, чтобы высказаться на такие глобальные темы.

Что я и делаю от имени моих друзей, сотрудников нашей газеты.

Мы хотели бы видеть Россию правовым демократическим государством западного типа. Хотя сознаем, что желаемое будущее и реальное будущее в одинаковой мере непредсказуемы.

Настоящее России — трагично. В экономике, промышленности, сельском хозяйстве заметны черты агонии. Идеология скомпрометирована полностью.

Но, увы, тоталитарная система поразительно жизнестойка. Наделена беспримерным инстинктом самосохранения. Такой могучий организм способен агонизировать десятилетиями.

Мы восхищаемся стойкостью инакомыслящих, правозащитников, участников религиозного движения. Ибо величие человеческого духа представляет собой абсолютную

ценность. Материальные результаты этой деятельности не поддаются вычислению. Поскольку лежат исключительно в сфере духа.
К сожалению, мы не религиозны. К сожалению — потому что вера облегчает жизнь. Наполняет ее светом истины. Примиряет с тягостной действительностью.
При этом мы вовсе не атеисты. Атеисты убеждены, что Бога нет. Они противостоят тому, что, по их же мнению, не существует. Что может быть нелепее?!
Мы не знаем, есть ли Бог. Мы, повторяю, не верующие и не атеисты.
Таких людей называют агностиками.
В политике нам близки либерально-демократические установки.
В эстетике — широта и многоголосие Ренессанса.
В философии — стихийный гуманизм.
И последнее. Мы считаем альтернативой любви — не вражду. И даже — не равнодушие. А ложь. Соответственно, альтернативой ненависти — правду.
Мне давно хотелось заявить об этом без повода.

Это произошло в лагере...¹⁹³

Это произошло в лагере особого режима. Зека Чичеванов, грабитель и убийца, досиживал последние сутки. Наутро его должны были освободить. За плечами оставалось двадцать лет срока.

Ночью Чичеванов бежал. Шесть часов спустя его задержали в поселке Иоссер. Чичеванов успел взломать продуктовый ларь и дико напиться. За побег и кражу ему добавили четыре года...

Эта история буквально потрясла меня. Случившееся казалось невероятным, противоестественным. Но капитан УВД Прищепа мне все объяснил. Он сказал:

— Чичеванов отсидел двадцать лет. Он привык. На воле он задохнется, как рыба. Вот и рванул, чтобы срок намотали...

Нечто подобное испытываем мы, эмигранты. Десять, тридцать, пятьдесят лет неволи, и вдруг — свобода. Рыбы не рыбы — а дыхание захватывает...

Восемь эмигрантов из десяти мотивируют свой отъезд нравственными причинами. Мы выбрали — свободу.

А получили — свободу выбора.

Как это непривычно — уважать чужое мнение! Как это странно — дать высказаться оппоненту! Как это соблазнительно — быть единственным конфидентом истины!

Казалось бы, свобода мнений — великое завоевание демократии. Да здравствует свобода мнений! С легкой оговоркой — для тех, чье мнение я разделяю.

А как быть с теми, чье мнение я не разделяю? Их-то куда? В тюрьму? На сто первый километр? Может, просто заткнуть им глотку? Не печатать, не издавать, не экспонировать?..

Появляется в газете спорный материал. На следующий день звонки:

— Вы посягнули на авторитеты! Вы осквернили святыни! Нарушили, затронули, коснулись...

Еще раз говорю — нет святых при жизни! Нет объектов вне критики!

Нет партийных указаний! Нет методических разработок! Нет обкомовских директив!

Читатель делает выводы — сам. И другого пути — нет. Вернее — есть. Через советское посольство и кассы «Аэрофлота».

Дальнейшее прошу напечатать покрупнее:

ГАЗЕТА ЯВЛЯЕТСЯ НЕЗАВИСИМОЙ И СВОБОДНОЙ ТРИБУНОЙ.
ЭТА ТРИБУНА ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЯМ РАЗНЫХ, А ЗАЧАСТУЮ И ДИАМЕТРАЛЬНЫХ МНЕНИЙ.
РЕДАКЦИЯ НЕ ВСЕГДА РАЗДЕЛЯЕТ МНЕНИЯ АВТОРОВ И НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИШЬ ЗА УРОВЕНЬ ДИСКУССИИ...

В остальном — дело за читателем!..

Нелегкое это благо — свобода выбора. Помню, зашел я с матерью в кондитерскую лавку на Бродвее. Что-то ей не понравилось. Она и говорит:

— Хорошо бы в жалобную книгу написать. Или позвонить куда-нибудь...

— А может, — говорю, — просто зайти в другую лавку?..

В Нью-Йорке этим летом¹⁹⁴

В Нью-Йорке этим летом стало модно нам предрекать финансовый конец. Один дурак (а может быть — подлец) дней шесть назад трепался всенародно:

— Вы прогорите! Где уж вам до нас! Удел ваш — нищета или галеры! Мы вас раздавим...

Срочно примем меры... Короче говоря — сплошной атас! Как лай собак звучит дурная весть... Нам эта ситуация знакома. Здесь нет политбюро, и нет обкома. Но дураки — они повсюду есть!

Один кричит про нас: "Рука Москвы!" Другой пророчит каторжную гибель. Не спит дурак. Шипит как рваный ниппель. И балалайка — вместо головы.

Весы удачи — точные весы. Прошли зима, весна. Пройдет и лето... Вас ожидает свежая газета. Всегда по средам. Точно, как часы. Не долларами выстлан этот путь. Работаем с восхода до заката. Высокий стимул. Низкая зарплата. Но людям мы нужны — и в этом суть! Собачий лай разносится вдали. Идет работа. Шелестят страницы.

Нас — сорок тысяч. Против — единицы. А если разобраться — то нули. Безмерно сострадаю и любя, вам жить и жить в прекрасном новом доме...

Перед тобой, читатель, свежий номер. Он сделан был тобой. И для тебя!

Слово – Word

Независимый литературно-художественный журнал «Слово/Word» Журнал издается в Нью-Йорке более четверти века. Начинаясь он под эгидой Сергея Довлатова, при дружеской поддержке Иосифа Бродского. Когда-то замечательный поэт Николай Гумилёв сказал: "Но забыли мы, что осиянно / Только Слово среди земных тревог..."

“Слово” – это своеобразный срез литературы, созданной в разных странах мира. География наших авторов – от Лос-Анджелеса до Красноярска – позволяет воссоздать достаточно полную картину современной словесности поверх барьеров, стран и континентов. Нас одушевляют высокие нравственные идеалы русской классической литературы в органическом единстве с демократическими ценностями современного мира.

В журнале публикуются стихи, художественная проза, публицистика, мемуары, статьи по вопросам литературы, культуры, искусства, философии, архивные документы, материалы о сохранении культурного наследия, в том числе в живописи, музыке, кино и театре; рецензируются книжные новинки, как выходящие в Америке, так и в Европе.

Мы привечаем таланты и горды тем, что в числе наших авторов такие известные писатели, как Андрей Битов, Александр Межиров, Фридрих Горенштейн, Андрей Синявский, Наум Коржавин, Дина Рубина, Михаил Эпштейн, Борис Хазанов и другие. И отрадно то, что со всех концов света в редакцию приходят всё новые и новые рукописи. Литературный профессионализм и творческое мышление автора – вот наш приоритет и критерий отбора текстов для публикации. Мы особенно рады молодым литераторам, чутко улавливающим пульс современности.

Мы видим свою главную задачу в сохранении живого русского слова в эмиграции, объединении писателей диаспоры, творческом диалоге деятелей культуры разных эмигрантских общин. В этой связи нас глубоко волнует тема “отцов и детей”, которая в условиях рассеяния приобретает особую актуальность, ибо мы не хотим, чтобы молодое поколение теряло русский язык, а с ним и великую многовековую культуру: мысли и чувства родителей должны быть понятны нашим детям и внукам. Некоторые материалы печатаются одновременно на русском и английском языках.

Давняя традиция “Слова” – презентации каждого номера журнала с участием членов редколлегии и авторов. Нередки также творческие встречи с читателями писателей и поэтов, живущих в Америке и других странах. Мы осознаём важность и ответственность названия журнала – СЛОВО – ибо библейское “вначале было Слово” определяет наш подход к явлениям жизни и литературы.

Материалы принимаются по электронной почте. Размер – не более полтора авторского листа.

Мнение авторов публикаций не всегда совпадает с мнением редакции.

Журнал «Слово-Word» издается в Нью-Йорке более двадцати лет. Начинаясь он под эгидой Сергея Довлатова, при дружеской поддержке Иосифа Бродского. Главной целью основателей было помочь художественным словом взаимопониманию между людьми. Когда-то замечательный русский поэт Николай Гумилев сказал: “Но забыли мы, что осиянно только слово средь земных тревог...” И еще: “Солнце останавливали словом, словом разрушали города”.

Чтобы попытаться помочь разрешить столь сложную и часто трагическую проблему, как отсутствие взаимопонимания между разными группами людей, необходима литература высокого класса. Мы стараемся держать эстетический уровень как рубрик, так и всего журнала в целом как можно выше. Назовем таких выдающихся авторов журнала как Сергей Довлатов и Иосиф Бродский, Андрей Битов и Александр Межиров, Фридрих Горенштейн и Андрей Синявский, Наум Коржавин и Марат Гринберг, Дина Рубина и Александра Свиридова, Михаил Эпштейн, Владимир Гандельсман и Борис Хазанов.

Однако не менее важно для нас публиковать произведения еще не известных, порою совсем молодых авторов (рубрика “Новые имена”), чутко улавливающих пульс современности.

Создателей «Слова» волнует тема “отцов и детей”, которая в условиях эмиграции приобретает особую актуальность. Мы не желаем, чтобы наши дети теряли русский язык, а с ним и многовековую культуру. Мы не желаем, чтобы мысли и чувства родителей стали чужды нашим детям и внукам. Поэтому литература о детях и их воспитании занимает в «Слове» значительное место. Мы учитываем, что воспитание следующего поколения – проблема, которая напрямую связана с борьбой за искоренение межнациональной и межрелигиозной вражды и, как ее следствие, терроризма. Художественные произведения на эту тему часто публикуются на наших страницах.

Мы устанавливаем связи литераторов с читателями, устраиваем презентации каждого нового номера журнала с участием членов редколлегии, авторов и читательской аудитории. Нередки также индивидуальные творческие встречи писателей и поэтов, живущих в Америке и других странах, с читателями. Особенно мы рады встречаем с литераторами – гостями из России.

Сергей Довлатов. Писатель в эмиграции¹⁹⁵

Интервью, данное журналу "Слово".

— Как вы думаете, существует ли разница в стимулах писательского труда в СССР и на Западе?

С.Д. — Стимулы писательского творчества — очень внутреннее дело, почти неформулируемое, но если все-таки попытаться ответить на этот вопрос, то литературная деятельность — это скорее всего попытка преодолеть собственные комплексы, изжить или ослабить трагизм существования. Я, конечно, не говорю о тех, кто пишет из самых простых и здоровых побуждений — заработать деньги, прославиться или удивить своих родных. Я говорю лишь о тех писателях, которые не выбирали эту профессию, она сама их выбрала.

— Тогда, вроде бы, и разницы нет в писательских стимулах здесь, на Западе, и в тоталитарной стране?

— В стимулах нет, в противопоказаниях — есть. На родине еще сравнительно недавно вас могли покарать за ваше творчество, да и сейчас еще писать все, что думаешь, там далеко не каждый решится. Но вообще-то и там есть свои преимущества.

— Какие же, например?

— В России была аудитория, которая проявляла к своим писателям интерес. В России писатель — это общественная фигура, это целое учреждение, на которое люди смотрят с благоговением и надеждой. Россия традиционно литературная, если можно так выразиться — литературоцентрическая страна, где литература, подобно философии, берет на себя задачи интеллектуальной трактовки окружающего мира и, подобно религии, взваливает на себя бремя нравственного воспитания народа.

— Это вы о России или о Советском Союзе?

— Да безразлично. Я говорю о национальной традиции, с которой большевики ничего не смогли поделать.

— Однако сегодня между писателями, носителями этой традиции, и народом встала советская цензура, так что общение стало почти невозможно.

— Нет, возможно. В Союзе на выступления Окуджавы приходят десять-пятнадцать тысяч человек, а в Америке на выступление Аллена Гинзберга — тридцать, да и то половина зала

— это русская поэтесса Марина Темкина с друзьями.

Интерес к писателям в СССР тысячекратно выше, чем в Америке, его можно сравнить со

здешним отношением к кинозвездам или деятелям спорта. Популярность Окуджавы соизмерима с популярностью Мохаммеда Али.

Испокон века в России не техника и не торговля стояли в центре народного сознания и даже не религия, а литература.

Таковы преимущества. Противопоказаний — миллион. Достаточно одной цензуры. Зато в СССР если ты уж печатаешься, то можно без труда зарабатывать себе на пропитание. Здесь это сложнее.

— *Кстати о материальной стороне. Ведь здесь даже популярные писатели бедствуют.*

— Это не совсем так. Такие писатели, как Алдайк, Норман Мейлер, Стайрон — очень состоятельные люди. Так что «популярные» писатели живут неплохо, беда лишь в том, что «популярных» писателей в Америке не слишком много.

Разумеется, поставщики всяческой макулатуры — Лудлум, Кинг, Джудит Кранц — зарабатывают большие деньги, но это не литература. С другой стороны, самый известный американский поэт Аллен Гинзберг зарабатывает, как я слышал, четыре тысячи в год.

— *Как же все-таки удастся быть писателем при таких условиях?*

— Да вот так. Эту профессию, как уже говорилось, не выбирают. Она сама выбирает человека. Это либо происходит, либо нет.

С другой стороны, Америка — богатая страна. Людям удастся писать и параллельно время от времени зарабатывать деньги каким-то другим способом — шоферской работой, преподаванием и т.д. Некоторые становятся люмпенами, живут в сараях вместе с такими же неприкаянными и одержимыми друзьями.

Существует также разветвленная система так называемых «грантов», творческих субсидий. Некоторым писателям удастся их получать.

В разное время здесь вставал вопрос о том, чтобы государство частично или полностью субсидировало культуру, как это делается, например, в Голландии (не говоря об СССР). Но выяснилось, что американские писатели категорически этого не хотят, это, по их мнению, поставило бы их в зависимость от государства, а этого они не любят. Считается, и с этим можно согласиться, что вознаграждение за писательский труд заложено в нем самом, в возможности следовать своему призванию. И мы, кстати, видим, что при этом ни один литератор не оставил добровольно своих творческих занятий. Среди технической интеллигенции дезертиров сколько угодно, но среди писателей их почти нет. То есть были такие случаи, в свое время Рембо, а затем наш Ходасевич прекратили писать стихи чуть ли не в результате сознательного решения. Но на весь мир таких случаев наберется, может быть, с десяток.

— *Каковы механизмы писательского успеха на Западе?*

— Не могу сказать, что я окончательно разобрался в этом вопросе. Просто наиболее явные из моих заблуждений рассеялись. Я уже не жду от редакторов, издателей, литературных агентов и переводчиков интимной дружбы, ежедневных встреч, полночных душевных разговоров. Люди делают свое дело (я говорю об американцах) холодно и сдержанно, но зато добросовестно и пунктуально, без русских нежностей, но и без русского надувательства.

Я понял, что не стану ни богатым, ни знаменитым в Америке и даже вряд ли заработаю чистой литературой себе на пропитание — все восемь лет в США мне приходится заниматься еще и журналистикой. Я понял, что никогда не буду писать об Америке, никогда не перейду на английский язык.

У меня не осталось иллюзий, которые были на первых порах, а ведь многие из русских писателей до сих пор во власти иллюзий. Им кажется, что к ним, если не сегодня, то завтра, ворвутся издатели и агенты с бланками договоров в руках и будут выхватывать друг у друга рукописи этих писателей. Ничего подобного никогда не происходило и не произойдет.

Из русских писателей добился несомненного успеха один Иосиф Бродский. Остальные, как правило, врут.

— *В чем же причина неуспеха рукописей?*

— Ну, во-первых, далеко не все они так уж гениальны, хотя в эмиграции написаны очень талантливые вещи: «Брайтон Бич» Марка Гиршина, проза Милославского, странные по жанру вещи Бахчаняна и так далее. Во-вторых, американцы, как мы знаем, в отличие от русских читателей, предпочитают собственную (а не импортную) литературу и проблематику. У них настолько динамичная страна, здесь столько всего происходит, что просто нет сил заниматься еще и заморскими проблемами. Здесь даже существует отчасти почтительное, но в большей степени ироническое выражение — «европейский стиль». Так говорят о глубоких, изящных, но явно некоммерческих книгах, мол, это замечательно, но нам это не подойдет.

Когда я жалуясь, что три мои книги в переводе на английский язык продаются в среднем по две тысячи экземпляров, то есть в количестве в сто раз меньшем, чем средняя книга в СССР, то в ответ мне говорят: «А ты посмотри, в каком количестве здесь Генрих Бель продается».

Вообще если книга не коммерческая, да еще и не об Америке, то ее судьба предрешена.

— *Но ведь вы уже написали книгу об Америке — «Иностранка».*

— Мало того, я еще один роман закончил — «Филиал» называется. Но эти книги не об Америке. События в них происходят на американском континенте, но эти книги не об Америке: центральными персонажами в них остаются русские эмигранты. Русские писатели за границей вообще очень редко переходили на иностранную тематику. Бунин написал шедевр «Господин из Сан-Франциско», но иностранец у него условный, все проблемы разрешаются на метафизическом уровне, нет живого лица, тем более, что герой — мертвец. Так что даже Бунин не решился изобразить (а, может, и не сумел изобразить) живой туземный характер. Даже у Набокова, заметьте, русские персонажи — живые, а иностранцы — условно-декоративные. Единственная живая иностранка у него — Лолита, но и она по характеру — типично русская барышня.

— *Стоило ли писателю эмигрировать?*

— Стоило хотя бы потому, что для меня и для многих других оставаться в Союзе было небезопасно. Кроме того, меня и моих друзей не печатали, во всяком случае не печатали то, что было написано искренне и всерьез. Я уехал, чтобы стать писателем, и стал им, осуществив несложный выбор между тюрьмой и Нью-Йорком. Единственной целью моей эмиграции была творческая свобода. Никаких других идей у меня не было, у меня даже не было особых претензий к властям: был одет, обут, и до тех пор, пока в советских магазинах продаются макаронные изделия, я мог не думать о пропитании. Если бы меня печатали в России, я бы не уехал.

— *Вы получили на Западе возможность свободно и искренне обращаться к читательской аудитории, даже сразу к двум — к русско- и англоязычной. В то время как в России невозможно издать ни одной искренней, правдивой книги.*

— Я могу перечислить сто (ну, не сто, так пятьдесят во всяком случае, или сорок) правдивых книг, изданных за последние десять лет в России. Разумеется, там существует идеологическая конъюнктура, система внетворческих обстоятельств, влияющих на творческий процесс, но тем не менее многим хорошим писателям удалось сквозь нее прорваться — Шукшину, Искандеру, Окуджаве.

Здесь, в Америке, тоже существует конъюнктура — рыночная. Она гораздо меньшее зло, чем идеология, хотя бы потому, что талантливое произведение оказаться рыночным может, а идеологически выдержанным — никогда. Талант и рынок иногда совпадают, а идеология и талант не совпадают никогда и ни при каких обстоятельствах. И все же рыночная конъюнктура тоже зло. На нее приходится оглядываться, что-то менять в своей работе. В тысяча девятьсот восемьдесят втором году я написал «Заповедник», и

многие считают, что это наиболее сносная из всех моих книг, так вот сейчас я «Заповедник» писать не стал бы, — это типично российская история, шансов удачно издать ее по-английски маловато.

— *Есть писатели, которые, живя здесь, обращаются только к русской аудитории.*
— Жаль. У писателя-эмигранта есть огромное преимущество — двойная аудитория. Всегда есть запасная аудитория. И всегда есть запасной издатель. Если ты поругался с русским издателем, что несложно, поскольку большинство из них бедны, амбициозны, жуликоваты и непрофессиональны, то утешаешь себя мыслью о том, что книга скоро выйдет по-английски. И наоборот, если тебе плюнул в душу американский издатель, ты говоришь: «Ну и ладно, буду издаваться по-русски, с русским издателем я хоть поругаюсь на знакомом мне языке...»

Из всех писателей-эмигрантов один Милан Кундера, чех, сказал, что он пишет для западной аудитории. Повторить это вслед за ним я не решусь. Я не знаю, для кого я пишу. Спросите петуха, для кого он кукарекает, или какую-нибудь осину, для кого она машет ветками?.. Существует множество определений того, что такое литература, в том числе и парадоксальных. Это и сведение личных счетов, и преодоление горестей, и желание скрыть правду о себе, и что-то, связанное с полом, если верить несчастному Фрейду... Это еще и способ убить время, это почетное хобби, рычаг достижения власти и так далее. Определений множество, и ни одного вразумительного.

Что такое литература и для кого мы пишем?

Я лично пишу для своих детей, чтобы они после моей смерти все это прочитали и поняли, какой у них был золотой папаша, и вот тогда, наконец, запоздалые слезы раскаяния хлынут из их бесстыжих американских глаз!

Сергей Батоврин. Император печатного слова¹⁹⁶

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

Хотя время летит быстрее мысли, мало кому покажется примечательным, что прошло 200 лет с тех пор, как император Франции, покоритель Египта, король Италии, протектор Рейнского союза и медиатор Швейцарской Конфедерации, Наполеон Бонапарт, отправил императрице Марии-Луизе Австрийской короткое сообщение. "Мой друг, я перешел через Неман 24 числа в 2 часа утра. Вечером я перешел через Вилью. Я овладел городом Ковно. Никакого серьезного дела не завязалось. Мое здоровье хорошо, но жара стоит ужасная."

Едва ли можно было сообщить больше знаменательного о том, как с ночи 24 июня и до утра 27 числа 1812 года французская армия лилась непрерывным потоком по четырем мостам, возведенным наспех накануне у Ковно, Олитто, Меречи, Юрбурга, и выстраивалась полками на русском берегу, не встречая среди пространств песка и леса никаких признаков человеческого обитания. Император вряд ли предполагал, что так непримечательно можно пересечь в своей судьбе последний отрезок удачи.

Когда Наполеон Бонапарт внезапно перешел Неман и выставил 28 дивизий против шести Петра Ивановича Багратиона и 12-ти Михаила Богдановича Барклая де Толли, началась неудачная русская кампания, подробности которой всем настолько известны, что лишний раз упоминать их было бы дурным тоном. Но даже солдаты Франции недоумевали, какие цели ставит новая военная кампания, потому что мало кому даже из приближенных командующего было известно, что он спешит в Индию лишать англичан основы их меркантильного благосостояния.

Тем кто уверен, что Наполеоновская эпоха закончилась вместе с исчерпанным запасом блистательных удач императора, пока остается предложить запастись терпением. Нововведения Наполеона все еще не исчерпаны. Однако в конце исторического туннеля уже виден дневной свет. Национальное государство еще не преобразовалось в иное

державное объединение, но принципы его тают на глазах. Власть все еще тождественна механике бюрократии и легиону чиновников, но почва уходит из-под их ног. Общество все еще утилитарно и неотлично от торговых рядов, но абсолютизм казначейских билетов уже себя исчерпал. Если устройство человеческой среды обитания было другим до Наполеона, то вполне возможно представить, что укладу жизни, который нам по инерции кажется вечным, осталось стоять недолго.

История вряд ли приписывает кому-либо больше достоинств и талантов, чем Наполеону Бонапарту. Превыше его заслуг военного стратега история распада феодального уклада Европы почитает его роль преобразователя. Разве не ему принадлежит заслуга монументального соединения государственных интересов с финансовыми? Разве не он поставил государство в зависимость от банковской системы? Разве кто-либо сомневается в том, что диктатор, восстановивший монархию во Франции, рабство в колониях и пустословие в конституции, сделавший Европу данником банков, а ее население – холопами бюрократии, принес европейскому обывателю на знамени Французской революции принципы свободы потребления? Ведь изобретательно созданный им Государственный Банк Франции до сих пор не только считается государственным, но по-прежнему принадлежит частным акционерам, которым народ Франции должен проценты за их усердное издание бумажных денег, подкрепленных лишь хрестоматийным воздухом или, иначе говоря, за "национальный долг". Не зря же в нашей жизни все еще присутствуют в некоторой мере принципы Кодекса Наполеона? Не случайно еще повсюду виднеются следы административных, финансовых и налоговых реформ диктатора?

Ведь помимо того, что он установил премию в миллион франков изобретателю технологии получения сахара из свеклы, он нашел удобным раздавать гуманные конституции и заведомо лишать их всякого содержания местными указами и правилами. Разве не он самим числом своих гуманных законов регламентировал бесправие свободному человеку в Европе? И пускай не он нашел принципы, по которым покатило законодательное колесо современности, но он доверил этим запасам демагогии своего времени власть, и они подчинили его воле население на подвластных его армиям территориях. То, что произошло на таких территориях, с тех пор для пущей важности именуется образованием национальных государств.

Наполеоновская Франция стала первой страной, где государство отождествило себя с условной национальностью, а гражданство – с безусловными племенными чувствами. С тех пор мобилизовывать ложные племенные чувства людей ради собственной власти над ними только ленивый не пытался. Фальшивые знамена национализма все еще подчиняют людей не столько добрым чувствам к общим истокам, сколько преданности бюрократии, которая правит людьми как крепостными и распоряжается их судьбой по своему усмотрению. Но кто помнит, что национальности, именами которых Наполеоновская эпоха устанавливала политические границы, выдуманы, условны и вошли в обиход речи без оглядки на историю?

Со времен Первой Республики стараниями будущего императора во Франции называют себя французами потомки местных бриттов, пришлых галлов, гуннов, франков и берберов. Ведь этнической общности на территории Франции никогда не было. Впрочем, какую этническую единицу представляют на Британских островах англичане? Может, англичанами были местные пикты, коританы, силуры, белги или дуротриги, которых еще святой Патрик обвинял в каннибализме? Может быть, это были карновии, ицены или тринованты, которых вырезали англы из Ютланда и морские пираты саксы, недаром прозванные "тесаками" ("seax") еще на балтийских берегах?

Может быть, англичанином был Король Артур (Луций Арторий Кастус), римский наемник со склонов Кавказа, подчинивший армиям из Скифии и Колхиды народы Британских островов? Или англичанами были норманны, которые захватили британские острова во времена, когда правили племенами на Волге? Кто помнит, что в ту пору

индоиранские кочевники на юге и тюркские булгары на севере охватывали каганатами пространство между Балтийским и Черным морями, пока не пришли норманы и не назвали кагана "князем". В этом проходном дворе гунны, алары, авары и мадьяры оседали на пути в Европу среди народов имена которых давно не на слуху (дреговичей, радимовичей, вятичей, кривичей, ильменских словен, полян, древлян, волынчан, бужан, северян и уличей). Народы, названия которых не помнят их потомки, населяли эти земли и со временем изъяснялись на эсперанто восточно-славянского языка (веспы, меря, чудь, весь, мещера, аланы, печенеги, половцы, кимаки, карлуки, роксаланы, дулебы, росомоны). Кто из них был русским? Может быть арабский победитель хазар Марван ибн Мухамед, обосновавшийся на Дону?

До Наполеона общего национализма не могло возникнуть там, где не было никакой этнической общности. До Наполеона граждане Российской Империи называли себя православными холопами русского царя. После Наполеона все приобрели уверенность, что "русский" - это такая национальность.

В общественном сознании образ Наполеона по сей день отождествляется не столько с его живым наследием, не столько с изобретением законодательного колеса современного демагогического либерализма, сколько со сказочными талантами военного стратега. И действительно: стратег, не раз без сожаления бросавший своих раненых солдат при отступлении, командующий, начавший свое восхождение к власти с поражения в Египте и с бегства от своих войск, с потери флота в дельте Нила и с приказа отравлять больных солдат в лазаретах, нуждался в популярном изложении своих достоинств и заложил основы современной прессы. Он и в самом деле не имел в истории равных в таланте манипуляции общественным мнением. Разве не он первым создал тотальную цензуру?

Уже из своего первого похода по княжествам северной Италии молодой генерал вернулся издателем двух газет: для просвещения армии и для светского чтения. Скоро существование любых газет во Франции напрямую зависело от их преданности Наполеону. Только в Париже он закрыл 60 газет из 71. В дальнейшем деле обуздания печати ему головой отвечали министры полиции Фуше и Савари, директора управления по делам печати Порталис и Поммерель. Император внимательно следил за недостатками вкуса верноподданнического стиля и оставлял свои редакторские распоряжения на полях бюллетеня с вырезками, который готовил ежедневно министр полиции. Некоторые из его пожеланий по-прежнему не устарели: "Это жалко! Все это так пишется, как если бы автор сам думал, что его слова – неправда... Лучше враждебный писатель, чем глупый друг".

Под ответственность его министров текущим задачам формирования взглядов, вкусов и политики подчинялись не только живые авторы, но и произведения минувших веков. Наполеон контролировал не только содержание газет. Вкусы императора определяли, какие книги хранятся в границах империи. К слову сказать, он не любил философскую мысль и умственную литературу XVIII столетия. По причине такого предубеждения диктатор зорко следил за тем, чтобы подобные сочинения не только не попадали в печать, но изымались из частных собраний. Чтобы никто не сомневался в его личном трудолюбии, в Национальном Архиве Франции под номером F7 3461 хранится автограф освободителя Европы, из даты которого очевидно, что даже накануне вторжения в Россию он не жалел времени на просмотр каталога распродажи домашнего собрания библиофила и на полях распоряжался изъять восемнадцать литературных наименований. Еще чувствительней император был к вопросам исторических наук. Разве не ради утверждения в истории будущей славы командующего 167 тщательно отобранных савантов экспедиции французской Академии Наук сопровождали его войска в Египте? Хотя ключ к древнеегипетской письменности все же досталось найти лейтенанту Бушару, в исторических науках Наполеона волновало не только свое будущее место. Он лично следил за тем, как история прошлого отвечает его помыслам. Много ли стоит приводить примеров такой заботы, если уже в 1809 г., в только что разгромленной Австрии, Наполеон

первым делом спешил заказать два "исторических" труда, которые бы подготовили оправдание его дальнейших замыслов и предрешили бы долгое пленение римского папы? По разумению императора труды заведомо должны были называться: "История конкордата Льва X" и "История войн, которые папы вели против держав, имевших преобладание в Италии, и особенно против Франции". По той же причине, вернувшись из Тильзита, Наполеон приказал арестовать журналиста Герара. Ведь тот с точки зрения папского преобладания написал в газете "Le Mercure" статью с нападками на галликанскую церковь. Заказанные императором освещения любой темы должны были оставаться единственным голосом общественного мнения.

Основа государственной политики Наполеона заключалась не столько в том, что он царствовал, сколько в том, что его воля всеобъемлюще управляла печатным словом на подвластных ему просторах Европы. Единственная серьезная попытка изучения этого вопроса была предпринята лишь в 1882 году Генри Уэлшингером (Henri Welschinger) в книге "Цензура первой империи" ("La censure sous le Premier Empire"). Таких попыток было немного. Но не потому ли, что принципы управления общественным мнением времен Наполеона по сей день исправно служат фундаментом любой власти? Впрочем, кому еще контроль над печатным словом послужил так сполна?

Даже среди сочиненных позднее исторических воспоминаний о Наполеоне приводится немало изящных и остроумных выдумок. Но вряд ли можно заподозрить в недостоверности объяснение Дениса Давыдова, почему генерал Чичагов, имея преимущество над остатками войск Наполеона при переправе через Березину, ограничился уничтожением 10 тысяч душ преимущественно безоружных женщин и детей в обозе императорских войск. "Если Чаплиц, не будучи в состоянии развернуть всех своих сил, не мог извлечь пользы из своей артиллерии, то, тем более, армия Чичагова не могла, при этих местных условиях, помышлять о серьезном сопротивлении Наполеону, одно имя которого, производившее обаятельное на всех его современников действие, стоило целой армии".

Как бы там ни было, русская кампания 1812 закончилась для Наполеона Бонапарта его известной просьбой к русскому императору 30 марта 1814 года, донесенной через маршала Мармона. Александр I ответил парламентарю Мармона: "Я прикажу остановить сражение, если Париж будет сдан: иначе к вечеру не узнают места, где была столица".

Олег Сидор-Гибелинда. Утро Андерграунда¹⁹⁷

В программе "Музей современного искусства" киевская галерея "Совиарт" представила работы одессита Валентина Хруща.

На открытии выставки автор не появился, что свидетельствует: человек он серьезный, каковы бы ни были "причины неявки". Не верится что-то нарядным шаркунам, велеречиво вещающим на вернисажах. Художника представляешь "священным затворником" (или "неприкайнным странником") вроде Селинджера. Где он, ау?

Но, слава Богу, есть работы, и этого вполне достаточно.

Многие картины Валентина Хруща не имеют четкой датировки, охватывая чохом целые десятилетия: 60-е, 70-е, 80-е годы...

А первая выставка автора – совместно со Станиславом Сычевым – состоялась осенью 1967 года, когда друзья (их называли Хрущик и Сычик) развесили свои полотна на

оградительных барьерах вокруг ремонтируемой Одесской оперы. Очевидцы рассказывают, что стражи правопорядка настолько обалдели от выходки художников, что прореагировали на нее не сразу и достаточно вяло. А может, разморило их южное солнце?

Интереснее, однако, сопоставить эту неформальную акцию одесситов с состоявшейся через 10 лет знаменитой "бульдозерной выставкой" в Москве – когда на перестроечных дрожжах, звеня фальшивыми литаврами, взошла "Молодость (советской) страны".

Но молодость альтернативы – вот она. Есть основания утверждать, что родилась она в Одессе. Картины Хруща – утро андерграунда. Энергичного, свежего. Еще не тронутого молью, не усыпанного сребрениками, не изъязвленного желчью соцарта. Наивного, точно студент-приголовишка, чуть заикающегося, словно булгаковский Лариосик. А потому – чистого в каждом своем арт-жесте, как это модно называть сегодня. Но Хрущ-то писал, как птица поет... Захотелось – и сотворил "Святого", изысканнейший коллаж, свободный от всякого показного благолепия. Захотелось – и переплавил живопись в скульптурный объект: в "Обнаженной" 1978 года напластования белой краской на местах коленных чашечек и груди создают живое подобие рельефа. Отверз, как Магритт, окно в соседний мир – и на свет Божий выкатилось яблоко, а в открывшемся за ним проеме зеленой стены – кусочек морского пейзажа с пароходом... Наваял, на полотне и дереве, невесть сколько абстракций, то сводя их к барочной композиции, то нелукаво дополняя фабричной этикеткой. Но чаще всего Хрущ пишет курительные трубки (так и видишь воочию: нанес удар кистью, отошел на два шага от мольберта, смачно затянулся...). И цветы – вечная любовь всех художников всех времен и народов: сирень, каллы, хризантемы. И еще рыб. Правда, автор предпочитает изображать их в полуподсушенном состоянии – треплемых ветром, развешанных на веревочке (как там у Катаева: "Мадам с Привоза: бычки-и-и!"). Или на тарелке, блюдце. По пять, по шесть штук. Заманчиво было бы отыскать здесь христологическую подоплеку (тема для Хруща не чуждая, судя по "Распятию", написанному во фрагментарно-экспрессионистическом стиле). Тем более что наши современники время от времени испытывают потребность в символах – хотя бы и доморощенных: вот парни из Станислава даже в энциклопедическом справочнике "Плерома" сподобились на статью "Рыбная тематика", подверстав к ней его рисунки.

Уместно привести один "мемуарий" об уже упоминавшемся Катаеве: "В годы, когда никакой рыбы, кроме протипомы и бельдюги, нельзя было купить, Валик появлялся, как всегда неожиданно, с двумя "качалками" свежайшей кефали и, закатав рукава белоснежной рубахи, подпоясанный белым полотенцем, лично готовил ее".

Владимир Соловьев. О первых журналах нашей эмиграции¹⁹⁸

Виктор Перельман был журналистом, мемуаристом, прозаиком, спецкором "Литгазеты" еще при Чаковском, но в историю русской литературы он войдет в ином, основном своем качестве – как основатель и главный редактор сначала израильского, потом нью-йоркского и под конец, когда действие перенеслось обратно на нашу географическую родину, московского журнала "Время и мы".

Главное качество этого журнала отмечу сразу. Что греха таить, терпимость – вовсе не отличительная совковая черта. Совсем наоборот. Даже если "совок" покинул родину и обосновался в одном из центров русскоязычной диаспоры в демократической стране. Общеизвестно: горбатого могила исправит. Тем более поразительно, что в период резкой

поляризации русской журнальной жизни за рубежом, когда в одном только Париже, например, выходили, постоянно наезжая друг на друга, "Континент" Владимира Максимова и "Синтаксис" Андрея Синявского-Абрама Терца, журнал "Время и мы" являл редкий в нашей среде образчик политической толерантности, предоставляя свои страницы Владимиру Войновичу и Василию Аксенову, Юзу Алешковскому и Виктору Некрасову, Саше Соколову и Сергею Довлатову, Геннадии Хазанову и Нине Воронель, Александру Галичу и Фридриху Горенштейну. Я называю только несколько имен, чтобы не превратить статью в доску почета русской литературы и журналистики. Сколотить вокруг журнала такой авторитетный коллектив авторов Виктору Перельману удалось именно благодаря демократизму, терпимости, если угодно – всеядности (убрав у последнего слова уничижительный оттенок).

Столь редкие, столь удивительные в нашей – как там, так и здесь – русскоязычной среде качества, что даже не очень понятно, откуда они взялись у человека, кончившего два московских вуза – Юридический и Полиграфический (отделение журналистики), работавшего корреспондентом московского радио, газеты "Труд" и "Литгазеты". Свою советскую журналистскую карьеру Виктор Перельман описал в книге "Покинутая Россия" – правдивый документ хрущевско-брежневской эпохи. Эта вполне удачливая карьера была прервана Виктором самолично – в 1973-ом он эмигрировал в Израиль, а уже в следующем году стал выпускать журнал "Время и мы". На двадцать втором номере в редакции произошел раскол – диссиденты во главе с Нудельманом так и назвали свое отпочкование "22", а вовсе не по числу букв в еврейском алфавите (позднейший апокриф). Хороший, кстати, журнал, интеллектуальный и талантливый, но так и оставшийся по преимуществу израильским. Тогда как Виктор Перельман искал и добился более широкого охвата тем, сюжетов и аудитории. Я думаю, именно этот раскол и толкнул Виктора превратить свой журнал в международный. Он хотел охватить всю русскую диаспору, независимо от географической прописки и идеологической ориентации читателей. Переезд в 1981 году в Нью-Йорк, этот современный Вавилон, и означал окончательную космополитизацию "Время и мы", местом издания которого указывались теперь две столицы мира, пока к ним не присоединилась третья: Москва.

Я и Лена Клепикова начали сотрудничать с "Время и мы" в конце 70-х, сразу после моего приезда в Америку, когда Виктор был еще в Израиле. На русскую аудиторию мы не очень и рассчитывали после того, как в самом начале нашей американской журналистской карьеры напечатали в "Новом русском слове" русской вариант американской статьи, днем раньше опубликованной в "Нью-Йорк Таймс" – это был наш американский дебют. Но если в "Нью-Йорк Таймс" он прошел успешно, то публикация в "Новом русском слове" оказалась как кость в горле нашей политэмиграции. Дискуссия вокруг этой статьи продолжалась месяца два, в чем только нас не обвиняли – вплоть до того, что мы писали нашу статью под диктовку Москвы!

Мы зареклись публиковать наши политические комментарии в русскоязычной прессе. Через пару лет к нам обратились два главреда: Сережа Довлатов для издаваемого им еженедельника "Новый американец" и Виктор Перельман предложили печатать наши политкомментарии. Так мы пробились обратно к русскому читателю-эмигранту.

С Виктором мы теперь регулярно созванивались – как раньше переписывались. Я перебрасывал ему иногда самиздатные материалы, которые получал по тайным каналам из Москвы. Журнал Виктора Перельмана стал доступен и, пусть в узких кругах, но популярен в Москве: он печатал то, на что пока что не решались столичные либеральные издания. Если проза "Время и мы" была от случая к случаю, то постоянно сильным был отдел публицистики – именно этим и привлекал журнал российского читателя. Плюс, конечно, публикация самиздата: к примеру, первая публикация Тимура Кибирова состоялась именно в журнале "Время и мы". Знакомил журнал также с переводной прозой, которая была пока что запрещена или полузапрещена в России – Джойс, Кундера, Сол Беллоу. Там журнал прочитывался от корки до корки: как говорится, всё волновало

нежный ум. А общественный ум пробудившейся от летаргического сна страны и в самом деле походил на нежный росток.

В то время открыл свое книжное издательство Илья Левков – друг и конкурент Перельмана. Это он дал приют в Манхэттене редакции “Время и мы”. Он же сообщил мне в 2003 году о смерти Виктора.

К Виктору Перельману, как редактору, издателю и автору, можно применить известную формулу: его журнал пал жертвой собственного успеха. С наступлением горбачевской гласности, а тем более ельцинской демократии, пусть и управляемой из Кремля, нужда в зарубежном литературно-общественном периодическом издании отпала, а вскоре и в самой России толстые журналы утратили свой авторитет, упали их тиражи, одно время они существовали на подачи Джорджа Сороса. Жаль, конечно, но что делать? Умер Владимир Максимов, умер Андрей Синявский, умер Сергей Довлатов, умер Виктор Перельман. В русской истории они останутся, как предвестники новых времен, которые наступили на их родине.

В том числе – благодаря их личным усилиям

Владимир Соловьев,

Нью-Йорк, 2008

Довлатов выступает на встрече редакции "Нового американца" с читателями в Филадельфии. Слева направо сидят: А. Орлов, А. Генис, П. Вайль, Б. Меттер, Л. Штерн (1981 г.) Фото Нины Аловерт.

Континент

Борис Колымагин. Журнал "Континент" уходит в историю

В 2011 году литературно-публицистический журнал «Континент» изменил свой формат. Теперь здесь уже не будут публиковаться обзоры литературной, философской и религиозной жизни, аналитика Андрея Илларионова, Андрея Пионтковского, Владимира Можегова, язвительные комментарии на злобу дня Виктора Шендеровича, текущая поэзия, проза и эссеистика. Главный редактор журнала Игорь Виноградов планирует выпуск «Избранного». Сначала в четырех номерах (раз в квартал) будет собрано все лучшее, что печаталось в российском «Континенте», а затем, уже в 2012 году — во французском.

Напомним, что «Континент» был основан в Париже в 1974 году как орган свободной русской мысли. Его возглавил писатель Владимир Максимов, который за 17 лет бессменного редакторства сумел собрать вокруг себя цвет русской культуры. Среди постоянных авторов журнала были Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Виктор Некрасов, Наум Коржавин... Трудными путями, в основном с помощью иностранных туристов, журнал попадал в СССР. Его передавали из рук в руки, и в этом был определенный риск: за распространение крамольной литературы в Уголовном кодексе существовала статья.

С падением железного занавеса «Континент» стал выходить в Москве. Максимов передал редакторские права критику и литературоведу Игорю Виноградову (на фото). Тому самому, который входил в редколлегию легендарного «Нового мира» Твардовского.

Поначалу журнал имел успех и немалые тиражи. Не случайно в энциклопедии «Кто есть кто в России» (М., 1998) его назвали «одним из лучших периодических литературных изданий». Он поступал во все крупные библиотеки и университеты и по-праву пользовался авторитетом как журнал независимой экспертизы. На своих знаменах виноградовский «Континент» начертил слова приверженности христианско-гуманистическому вектору творческого поиска. В разное время на его страницах выступали Сергей Аверинцев, Александр Битов, Рената Гальцева, отцы Александр Мень и Георгий Кочетков, Григорий Померанц, Ольга Седакова...

Виноградова критиковали и за христианство (единственный толстый журнал с такой направленностью), и за «почвеннический тренд». Ведь кроме приверженности традициям русской литературы он говорил о русском патриотизме с западным вектором. Может быть, правильнее, в случае с «Континентом», говорить о либеральном национализме, не приемлющем ксенофобию, шовинизм и нацеленном на вхождение России в единое духовное пространство с Европой. Не случайно восьмидесятилетний Игорь Виноградов выступил на декабрьском митинге «Москва для всех», хотя до этого лет двадцать не ходил ни на какие собрания.

И не вина главного редактора, что в нулевые годы тираж «Континента» стал таять: семь тысяч, пять, три... Последний номер, 145-й (в старом формате выйдет еще № 146), — 1350 экземпляров.

Такова общая «толстожурнальная судьба. Многие толстые журналы в последние годы прекратили свое существование. Другие с трудом выживают путем сдачи в аренду площадей, выпуска спецпроектов. Например, «Иностранная литература» делает на спонсорские деньги специальные выпуски, посвященные литературе какой-нибудь страны. И тем не менее тиражи падают, становятся просто смешными.

Можно, конечно, сказать, что многие достойные авторы не находят своего места в «толстожурнальной» тусовке. Так было, и так есть. «Эксперты» в свое время не заметили целые пласты советской литературы. Скажем, прошли мимо творчества «лианозовцев». Безусловно, их промахи влияют на тиражи, но не в такой же мере.

О толстых либеральных журналах можно сказать много суровых слов, обвинить их в литературном консерватизме и сектантской замкнутости. Но все же не будем забывать и об их заслугах. О том, что они не одно десятилетие работали на создание пласта культуры, влияли на мировоззрение тех нормальных «москвичей-ленинградцев», кто вел страну к демократическим реформам, кто отстаивает свободу сегодня. Поэтому исчезновение подобных изданий, как и ликвидация полос «Культура» в СМИ, это очевидный минус нашей жизни.

В сильно изменившемся информационном поле толстые журналы идут ко дну. Одно время казалось, что путем реформирования некоторых изданий можно продлить срок их существования. Выпускать, например, толстожурнальный глянец: поменьше текста, больше графики, дизайнерской работы. Но, похоже, время, отпущенное на его создание, ушло. Издательские проекты все чаще осуществляются в виртуальной реальности, связаны с интернетом, с информационными технологиями.

Толстым журналам в виртуальном пространстве вряд ли выжить. Хотя вот, существует «Журнальный зал» — множество посетителей. Но каков их возраст? И будут ли читать «толстожурнальную» литературу в интернете лет через десять?

На эти вопросы главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин только пожал плечами и доверительно прошептал: «Надеюсь, на мой век хватит».

«Континент» уходит из литературного сегодня мягко. Еще несколько лет он повисит в «Журнальном зале». Еще несколько лет подписчики будут получать аккуратные, добротные сверстанные книжки и вспоминать о «бронзовом», советско-постсоветском веке отечественной литературы и перечитывать качественную прозу, поэзию, эссеистику. А дальше — тишина.

Александр Солженицын. Слово к журналу "Континент"

Появление нового журнала «Континент» вызывает и новые надежды. С тех пор как в СССР были в зародыше подавлены попытки выпускать самиздатские журналы, никак не подчинённые и не согласованные с официальной идеологией, и был разгромлен единственный честный и глубокий журнал «Новый мир», — русская интеллигенция в первый раз пытается объединить свои мысли и произведения, пренебрегая и волею официальных лиц и своей разделённостью государственными границами. Не лучшая

форма и не лучшая территория для появления сво-бодного русского журнала, куда б на сердце было светлей, если бы и все авторы и само изда-тельство располагались на коренной русской территории. Но по нынешним условиям, очевид-но, это невозможно. Однако проспект журнала открывает нам и новую сторону его задачи: для начала он будет выходить на русском и немецком языках, очевидно можно ожидать прибавления и других ев-ропейских. Так наша стеснённость и разбросанность оборачиваются новой надеждой: журнал хотел бы стать международным, объединить усилия писателей не только русских и внимание читателей не только русских. Сегодня, когда все общественные опасности и задачи не умеча-ются в национальных границах, такое направление естественно и плодотворно.

Вчитываясь же в проспект ещё внимательнее, мы видим там весьма почтенные и широко из-вестные имена из Восточной Европы, так что по составу почётных членов или редакционного совета можно ожидать перевеса голосов и мнений из Восточной Европы. Это открывает нам ещё более интересную перспективу журнала: он, может быть, станет истинным голосом Вос-точной Европы, обращённым к тем ушам Западной, которые не заткнуты от правды и хотят воспринять её. Ещё 40 лет назад было бы невозможно представить, что русские, польские, венгерские, чешские, румынские, немецкие, литовские писатели имеют сходный жизненный опыт, сходные горькие выводы из него и почти единые желания о будущем. Сегодня это чудо, столь дорого нам обошедшееся, свершилось. Интеллигенция Восточной Европы говорит слитным го-лосом страдания и знания. Почёт «Континенту», если он сумеет этот голос внушительно выра-зить. Горе (и близкое) Западной Европе, если слух её останется равнодушен. Пожелания нередко превосходят то, что сбывается потом на самом деле. Пусть в этом слу-чае произойдёт иначе.¹⁹⁹

Июнь 1974

Н. Дюжева. Свободным от лжи языком²⁰⁰

О "Памяти" уже много и хорошо писали, и все-таки хочется еще раз подчеркнуть, как важно ее появление для нас, воспитанных на воспоминаниях "старых большевиков". Не говоря уже о необходимости помнить: ведь "если не помнить, то история повторится, приговаривая к повторению и нас самих". Память нужна и тем, кому пришлось оторваться от реальности родной земли, - чтобы не усомниться в пережитом, не поддаться ностальгии, - и тем, кто в отрезанном от своего прошлого мире ищет связь между вчера и там, сегодня и здесь. Прошлое в тоталитарных странах становится зеркальным отражением настоящего, отдаленного и потому смутного: детали расплывчаты и общий - красный - цвет заполняет собой все подвластное взгляду плоское пространство. "Борьба за прошлое, - говорит Милован Джилас, - это борьба за сознание". Государственная собственность на историю - это присваивание человеческого сознания, отчуждение его от исторического опыта, с тем, чтобы сделать из него пустой сосуд, готовый к приятию "новой морали". Сегодня в борьбу за сознание вступила "Память".

Очередной выпуск исторического сборника является событием значительным уже тем, что он - очередной, не первый и не последний, и даже если обилие трагических материалов наводит на грустные мысли, "Память" - словно струя свежего воздуха в затхлости советской исторической науки.

199

Слово к журналу (июнь 1974). — Написано в Цюрихе для первого номера журнала «Континент», по просьбе главного редактора В. Е. Максимова. Напечатано впервые по-русски — «Континент» (Париж), 1974, № 1; затем при иноязычных изданиях «Континента», в переводах на соответствующие языки.

200

Континент. № 25. С. 349-351. // <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/dugeva.htm>

Нынешний, 3-й, выпуск так же богат, как и предыдущие, так же строг и научен в подходе к публикуемым материалам, и нельзя не восхищаться работой составителей, разыскавших и давших такое количество информации в примечаниях, биографических справках и дополнениях.

В открывающем сборник разделе "Воспоминания", помимо окончания воспоминаний Р. И. Пименова "Один политический процесс" (окончания вынужденного, "из-за ограниченности журнального пространства"), опубликован очень интересный текст Я. Мейерова о Пречистенских рабочих курсах и Пречистенском практическом институте в начале 20-х годов. Всепроникающая советская "историология" давно уже покрыла водопадами фраз Китеж правды об этом периоде истории, подточив и самый интерес к нему. Но горячности и живости повествования Мейерова удается пробиться через толщу вод. Рассказ его наталкивает на мысль о том, что для пересмотра концепций и штампованных мировоззрений необходимо осознать их присутствие в собственном уме, в его структуре. Для этого нужно столкновение, но не с иными концепциями и мировоззрениями, а с иным физическим восприятием, с иным - моральным - подходом. Этим-то и замечателен не такой уж литературный рассказ Мейерова, особенно когда речь идет о Потресове. Здесь вместо нарицательного, для кого положительного, для кого отрицательного, имени - человек, которым рассказчик восхищается сам по себе. В том и ценность "Памяти" и воспоминания: они показывают, что главное - не в "за" и не в "против", главное в не всегда произносимом, но всегда подразумеваемом "быть" Такой подход совершенно чужд советской морали, а поскольку она этого не пропагандирует, но просто основывает всю пропаганду на неоспоримости своей правоты ("кто не с нами, тот против нас"), борясь с пропагандой, не всегда замечаешь, что споришь с формой выражения, а не с ним самим. В этом отношении перекликающаяся с воспоминаниями Мейерова статья Т. И. Тиля о социал-демократическом движении молодежи 20-х годов, несмотря на ее очевидный документальный и исторический интерес, издает звук попривычнее из-за изначальной определенности авторской позиции: защищая и защищаясь, он практически признает за системой право судить, а сведение счетов само по себе неубедительно.

Большое впечатление производят воспоминания Шварца и Пантелеева о Чуковском. Чуковский - это еще один собирательный образ советского лубка, но ему еще и повезло - благодаря своей дочери, Лидии Корнеевне, он как бы приобрел новый кредит посмертного морального доверия, и личность, казалось бы, насовсем спряталась за двойным экраном. Но вот пишут о нем два разных человека - и проступает, становится выпуклым искореженный человек. Очень хотелось бы, чтобы такого рода рассказы о "замечательных людях" постоянно печатались "Памятью".

У "Памяти" есть еще одно достоинство - она доступна и интересна всем, даже и самым несведущим людям. Наверное, настоящая история пишется просто, и там, где лжи нужны испещренные терминами страницы, правде достаточно нескольких фраз. Личная история всегда освещает общую, поэтому и история летчика Щ., вступившего, подобно сказочному герою, в борьбу с драконом, точнее, с одной из его голов, Берией, и судьба русского общественного деятеля А. Д. Самарина, с любовью описанного его дочерью, и 60 дней в камере смертника М. Велицкого не менее красноречивы, чем исторические обобщения и цифры.

Во многих отношениях интересны и полезны материалы, опубликованные в разделе "Рецензии". Приятен факт, что, говоря о вполне официально опубликованном "Биобиблиографическом словаре советских востоковедов", И. Вознесенский не делает скидки на существующие запреты и ограничения. Он рассматривает "Словарь" как вклад в мировое здание культуры, и чувство достоинства - личного и национального - не позволяет ему идти на компромиссы с историей по-советски. Было бы неплохо, если бы возможные будущие иностранные издательства использовали, в качестве необходимого дополнения, собранные И. Вознесенским материалы. В этом же разделе опубликованы

неожиданные и любопытные документы: отзывы на книгу Анатолия Марченко "Мои показания", справившую недавно свое десятилетие. Печатавая такой материал, "Память" не только отдает должное книге, но и становится еще одним печатным органом свободной от страха и самоцензуры литературной критики.

Трудно было бы перечислить все, что принесло с собой очередное дитя неподцензурной истории. Пусть читатель сам открывает богатства "Мелочей" и "Varia". Разочарован он не будет, в Этом можно не сомневаться.

Сборник заканчивается поздравлениями "Хронике текущих событий". Редакция "Памяти" говорит о существующей между "Хроникой" и "Памятью" духовной связи. И если первая живет в сегодня, то вторая вызывает к жизни вчера. Будем надеяться, что где-то в будущем они встретятся и сольются, а настоящее заговорит их свободным ото лжи языком.

Лидия Чуковская. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"²⁰¹

Уважаемая редакция!

В номере 25-ом вашего журнала напечатана рецензия Н. Дюжевой на третий выпуск исторического сборника "Память". В рецензии между прочим говорится:

"...Большое впечатление производят воспоминания Шварца и Пантелеева о Чуковском. Чуковский - это еще один собирательный образ советского лубка, но ему еще и повезло - благодаря своей дочери, Лидии Корнеевне, он как бы приобрел новый кредит посмертного морального доверия, и личность, казалось бы, насовсем спряталась за двойным экраном. Но вот пишут о нем два разных человека - и проступает, становится выпуклым искореженный человек. Очень хотелось бы, чтобы такого рода рассказы о "замечательных людях" постоянно печатались "Памятью"

Мне, дочери Корнея Чуковского, поддерживающей, по словам рецензентки, "посмертное моральное доверие" к моему отцу, хотелось бы ответить на этот абзац. Слова "замечательный человек" взяты рецензенткой в двусмысленные кавычки. Пожалуйста. Вольно каждому относиться к каждому, как ему угодно, и, говоря по правде, меня мало заинтересовали бы мнения Н. Дюжевой, если бы в этом абзаце, в качестве светлой личности, не фигурировала я. Молчать в ответ на такое противопоставление я не вправе. Но тут возникает новая трудность. Ответить можно только на то, что выражено с ясностью, абзац же, умышленно или неумышленно, написан в затрудненных для понимания выражениях. Что значит, например, "собирательный образ советского лубка", да еще спрятавшийся за двойным экраном? Сам ли Корней Чуковский во всем своем внешнем и духовном облике видится Н. Дюжевой как "образ лубка"? Произведения ли его лубочны - "Рассказы о Некрасове", "Книга об Александре Блоке", книга "О Чехове", "Живой как жизнь", "Высокое искусство"? Дореволюционные ли критические статьи, собранные в книгах "От Чехова до наших дней" и "Лица и Маски"? Примечания ли к Некрасову? Переводы ли из Уитмена, О. Генри, Марка Твена, Кипплинга, Оскара Уайльда? Само слово "лубок" ничуть не оскорбляет мой слух, но я хотела бы понять, что под ним в данном случае подразумевается. Отнесено ли оно к сказкам Корнея Чуковского, действительно выросшим из фольклора, - сказкам, по которым миллионы русских детей получают первое представление о доброте человеческой, о войне между добротой и злобой, учатся постигать дух родного языка, обучаются его складу и ладу? Н. Дюжева

сообщает читателям, будто благодаря мне Корней Чуковский "получил кредит посмертного морального доверия". При жизни одаривали его своим доверием Репин, Блок, Пастернак, Ахматова - почему после смерти понадобилась еще и я? По-видимому, Н. Дюжева желала фразой этой сделать мне комплимент. Между тем, слова эти оскорбительны и не соответствуют истине. Моральный авторитет писателя создается его книгами; интерес к произведениям Чуковского и к его личности не падает, а растет, и не ради меня приходят в его дом и на его могилу тысячи благодарных людей. Когда, в 74 году, меня исключали из Союза Писателей, мне объяснили - и продолжают весьма настойчиво объяснять по сию пору - что я, своими выступлениями, бросаю тень на светлую память Корнея Чуковского. Это ложь. Теперь журнал "Континент" устами Н. Дюжевой объяснил мне, что я, напротив, отбрасываю на Корнея Чуковского не тень, а луч света. Второе ничуть не ближе к истине, чем первое. Не мне, конечно, оценивать вклад, внесенный Корнеем Чуковским в русскую культуру. Совершить это нелегкое дело предстоит кому-нибудь более компетентному и менее пристрастному, чем я.

Но раз уж Н. Дюжева привлекает к делу меня, то я обретаю право сказать от себя о себе: отец мой не властен был передать мне в наследство свой талант и свое искусство, но если я люблю русскую литературу и почитаю создателей ее (а в этой любви вся моя жизнь), то свидетельствую: с детства внушал и внушил мне эту любовь он, мой отец. Не мне обязан Корней Чуковский, а я обязана Корнею Чуковскому.

Что же касается той высокой оценки, какую дает Н. Дюжева публикации "рассказов о Чуковском", - то и тут я не согласна с рецензенткой. Публикация эта - промах со стороны редакции замечательного (без кавычек!) сборника - промах редакции, объясняемый, по-видимому, теми мучительно трудными и опасными условиями, в которых она вынуждена вести свою работу. И журнал "Континент" и сборник "Память" отстаивают, каждый по-своему, права человека. Мне представляется, что нету у литератора права более неотъемлемого, чем авторское: право автора распоряжаться своим именем и своей рукописью. Между тем, то, что Н. Дюжева называет "рассказами о Чуковском", напечатано "Памятью" без разрешения автора, Л. Пантелеева. Это во-первых. А во-вторых: я располагаю документальными подтверждениями того, известного мне, обстоятельства, что "Белый Волк" был, по прошествии лет, забракован самим автором, Евгением Шварцем. Храню в архиве и дружески-нежное, любящее письмо Евгения Львовича к Корнею Ивановичу, - письмо позднейшего времени. Опубликованием "Белого Волка" авторская воля оказывается не только нарушенной, но прямо попорченной. Отношения между двумя писателями - Е. Шварцем и К. Чуковским - оказались представлены в искаженном или, если воспользоваться выражением Н. Дюжевой, "искореженном" виде.

Характеристика, которую дает Чуковскому в своем вступлении редакция сборника "Память" - "карнавальная обличья", "оптимальный наряд" - ничуть не более внятна и ясна, чем "лубок" и "двойной экран" в устах рецензентки. Умысел есть, мысли - нету. Н. Дюжева на страницах "Континента" выражает пожелание, чтобы "такого рода рассказы постоянно печатались "Памятью"". Я же от всей души желаю историческому сборнику гоняться не за тем, что плохо лежит и случайно, из-за чужой недобросовестности, плывет в руки, а за трудно постигаемой, постоянно ускользающей, исторической точностью. Голос проснувшейся памяти должен, по моему глубокому убеждению, быть также и голосом чести.

25/I-81

Лидия Чуковская

Глубокоуважаемая Лидия Корнеевна!

Я хочу ответить Вам не только как ответственный секретарь редакции "Континента", но и как представитель редакции сборника "Память" за рубежом. "Континент" - я думаю, как всякий журнал, - дает рецензентам свободу высказывать их

мнения о разбираемых ими книгах и не обязан ни соглашаться с рецензентами, ни отмежевываться от них. Мне лично, однако, и рецензия Н. Дюжевой на 3-й выпуск "Памяти" в целом, и инкриминируемое Вами место о воспоминаниях Шварца и Пантелеева кажутся глубоко верными. Так же точно я разделяю позицию сборника "Память" (возможно, они допустили небрежное обращение с авторскими правами Л. Пантелеева, но мне об этом ничего не известно, и Л. Пантелеев, насколько я знаю, не протестовал против этой публикации). В своем интервью "Русской мысли" в связи с выходом 3-го выпуска "Памяти" я также высоко оценила публикацию воспоминаний о К. Чуковском. Я не буду приводить дополнительных аргументов в пользу оценки К. Чуковского рецензенткой и редакцией сборника "Память": эти аргументы легко найти во втором томе Ваших "Записок об Анне Ахматовой", где, сквозь всю Вашу дочернюю любовь и все приводимые Вами оправдания, то и дело из подтекста в текст прорывается образ, невероятно похожий на Чуковского из "Белого волка", - хотя чаще мы видим столь же подлинного, непридуманного "пантелеевского" Чуковского. То есть эту двойственность, "искореженность" (другое дело - каковы причины этой искореженности) обнаруживаешь, пользуясь одним-единственным источником - Вашим дневником. С моим неизменным к Вам глубочайшим почтением

Н. Горбаневская

Российская диаспора в США **По материалам Пятых Международных Максимовских Чтений²⁰²**

5 мая 2001 г. в Нью-Йорке, в рамках масштабного Русского Форума, прошли очередные (пятые) Международные Максимовские Чтения — ежегодная конференция, проводимая журналом "Континент". Традиционная тема конференции — "ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ РОССИИ" — на этот раз была конкретизирована применительно к проблемам жизни и деятельности российской диаспоры в Америке.

Такой поворот традиционной темы был, конечно, не случаен. Пал "железный занавес", наглухо закрывавший перед русскими эмигрантами Россию, а от россиян — жизнь их бывших соотечественников за рубежом. Сегодняшняя Россия открыта для внешнего мира, те, кто был захвачен мощными волнами нескольких русских эмиграций, распространившимися по всей планете, обрели возможность духовного и культурного слияния с исторической родиной, и прежняя тема России естественно и органично стала вбирать в себя частный сюжет: "русская эмиграция".

И сюжет этот — богатый и интригующий. Ведь диаспора — это тот осколок зеркала, что хранит в миниатюре память о целом. Она вобрала в себя многие лучшие, отборные интеллектуальные и духовные силы прошлой России. За долгую и трудную свою историю она накопила колоссальный опыт по сохранению и развитию национальной культуры и ее традиций в условиях "чужбины". Прошедший апробацию целым столетием, опыт этот тем более уникален, что современная мировая цивилизация переживает сегодня самый сложный период своего развития — период глобализации, когда все национальные культуры вынуждены вариться в общем котле, грозящем им опасностью нивелировки. Поучительна и плодотворна в этом отношении и судьба российской диаспоры Северной Америки. Долгие годы вдали от родины, отторженная и поруганная ею, она тоже превратилась в хранилище огромного культурного богатства, которое может и должно быть востребовано сегодня возрождающейся Россией.

Но жизнь самой российской диаспоры в США складывалась все эти годы непросто. Сложная, кровавая российская история Нового времени не могла не отразиться на ее внутренних проблемах, конфликтах и противоречиях. Признаемся себе: русская диаспора Америки не сложилась — да и не могла сложиться в силу вынесенных из России духовных и политических различий — в единую общность. В ней, в сущности, сосуществуют сегодня и ведут свой нескончаемый спор несколько отдельных диаспор, жизнь каждой из которых подчиняется собственным правилам и устоям. И, пожалуй, единственное, что позволяет выходцам из России, до сих пор очень разным, а нередко и прямо враждебным друг другу, сесть за единый Круглый стол — это сама Россия, столь же раздираемая вечными противоречиями и столь же единая в этом раздоре.

Немалый комплекс накопленных российской эмиграцией в Америке противоречий, с одной стороны, и столь же внушительное богатство достигнутых ею бесспорных завоеваний, с другой, и определили собою характер прошедшей в Нью-Йорке конференции “Континента”. Никогда прежде российская диаспора Северо-американского материка не была представлена за общим Круглым столом так полно и объективно. Здесь собрались представители всех крупных исторических волн эмиграции — монархисты и социалисты, верующие и атеисты, бизнесмены и гуманитарии, — собрались для общего разговора о роли российской диаспоры в жизни многонационального государства США, о значении российской эмиграции для сегодняшней России. Председательствовали члены редколлегии журнала “Континент” Наум Коржавин, Эрнст Неизвестный, Эдуард Лозанский и Марина Адамович, которая вела Круглый стол.

Перед началом конференции участники ее были ознакомлены с письмом главного редактора журнала “Континент” **Игоря Виноградова**, высказавшего свое понимание нынешней ситуации в России и тех главных исторических задач, перед которыми оказалась после ельцинского правления страна. Он кратко проанализировал с этой точки зрения также и деятельность путинской администрации за первый год нового президентства, подвергнув ее той критике, о характере которой читатель может судить по выступлению И. Виноградова в РГУ, напечатанном в 108-м номере “Континента”. Итоговый же вывод письма звучал так: “России опять придется ждать, когда, наконец, ее власть обретет тот государственный разум, который будет адекватен ее проблемам и ее исторической судьбе. Можно ли надеяться, что это когда-либо произойдет? Я все-таки надеюсь. Но мой прогноз на ближайшее будущее — пессимистичен”.

Затем с приветственным словом выступил член редколлегии журнала “Континент”, организатор Русского Форума **Эдуард Лозанский**. Он кратко рассказал о целях и задачах собравшегося в Нью-Йорке форума.

Первым на конференции выступил **Петр Колтыпин-Валловской**. Судьба его типична для эмигрантов первой волны: бегство из красной России в Югославию (оба родителя — участники Белой Армии Юга России), образование — в Югославии, Германии, потом — в США; он первым из русской эмиграции был номинирован в Конгресс США и участвовал в выборах; основатель Объединения за Свободу России, 25 лет был начальником Российского Имперского Союза, председатель Российской Зарубежной Экспертной Комиссии по останкам Императорской Фамилии; известный публицист, антикоммунист. В своей речи Петр Колтыпин-Валловской говорил о необходимости решительного отмежевания от советского прошлого России.

На эту же тему выступил и профессор **Евгений Магеровский** — вице-председатель Русской Академической Группы, соредактор “Записок РАГ” (см. информацию об этом альманахе в 102-м номере “Континента”), вице-председатель Российской Зарубежной Экспертной Комиссии по останкам Императорской Фамилии, полковник генерального штаба Армии США в отставке, в прошлом — преподаватель многих американских университетов, политолог. “Я и мои сверстники — это последний отзвук старой, императорской России”, — так начал свое выступление Е. Магеровский, отстаивая свое право действительного “наследника славного русского прошлого” на

“недоуменные вопросы”. С падением советской власти у людей его биографии затеплились было надежды на возрождение России. Но вместо государственного переустройства началась “вакханалия”, с какими-то “олигархами”, “киллерами”, “бизнесменами”, необычайно разросшимся преступным миром и, самое главное, со старым коммунистическим аппаратом во главе страны. “Неужели русская интеллигенция исчезла в России?.. Неужели у вас никого нельзя найти более подходящего, кроме четырехразрядных бывших чекистов?” Далее выступавший заметил: “..поражает то, с какой легкостью они (т.е. интеллигенция, — *М.А.*) приспособляются к воле тех, кто у власти. Над российской армией развеваются... красное знамя, знамя революции; пятиконечная звезда, символ коммунизма, — на кокардах военноморского флота; мотивы советского гимна “Союз нерушимый...” — национальный “русский” гимн, все военные знамена — красные тряпки отжившего коммунизма. И это все принимается в порядке вещей, без какого-либо протеста. Происходит одно из двух: либо у всех русских совсем отшибло память, или они ходят как какие-то неменяемые, “Иваны не помнящие родства”, которым все равно... Не знаю, сколько сейчас миллионов составляет собой Россия, ...неужели ...не найдется ни одного действительно заслуживающего внимания, способного управлять государством человека?”

О фантомной сверхдержавности, свойственной русскому человеку, о его наполеоновском комплексе говорил в своем коротком выступлении профессор **Александр Янов**, давший сжатую характеристику исторического развития Российской империи, наследницей которой, по его мнению, была и остается и нынешняя Россия при всех ее политических режимах.

Одной из самых болезненных тем для русской эмиграции всегда была тема взаимоотношений США и России. С падением коммунистического режима естественно было ожидать и поворота в “русском вопросе” со стороны американской администрации. Именно об этом — о формировании внешнеполитической стратегии и тактики по отношению к России у американского правительства — прошлого и нынешнего, о сегодняшних тенденциях в развитии американо-русских государственных отношений — и о частных проблемах русского эмигранта в контексте больших политических игр, — говорил политолог, директор Международного Центра (Вашингтон), главный редактор “Вашингтон-он-лайн”, соредактор журнала “Демократизация” (США) проф. **Николай Злобин**.

Выступление проф. Злобина было поддержано известным музыковедом, публицистом **Соломоном Волковым**. Он посвятил свое короткое выступление анализу роли России на современном мировом культурном рынке. По мнению С. Волкова, перед Россией сегодня стоит парадоксальная задача — принципиальное изменение традиционного подхода к мировому рынку культуры.

Россия — традиционно литературно-центристская страна. В основе ее культурного дискурса всегда была, есть и будет литература. В то время как на мировом культурном рынке наиболее востребованный русский “товар” — музыка и балет. С. Волков заметил, что в западном сознании музыка и балет России занимают больше места, чем литература; имена Стравинского и Баланчина говорят западному человеку неизмеримо больше, чем имена Ахматовой и Платонова. Об этой странной ситуации можно долго размышлять, анализировать причины, но, по мнению Волкова, это установленный факт, с которым нельзя не считаться. Скажем, Валерий Гергиев, дирижер из Санкт-Петербурга, российский гражданин, является главным приглашенным дирижером Метрополитен-опера, Юрий Темирканов, также петербургский дирижер и тоже российский гражданин, возглавляет симфонический оркестр в Балтиморе, — вряд ли можно найти в других областях культуры подобные примеры, когда российские творческие деятели были бы приняты на руководящие должности в той же Америке. Именно здесь, в музыке и балете, по мнению С. Волкова, должны начать сходитьсь позиции России и Запада в осуществляемом ими культурном диалоге. Однако, с горечью заметил выступавший, Россия выказывает

странную незаинтересованность в пропаганде русской культуры за рубежом. Так, во всех странах мира существуют специальные знаки отличия, которыми награждаются творческие люди, внесшие особый вклад в дело пропаганды своей национальной культуры — во всех, кроме России. Вот и получается, что тот же Баланчин был награжден орденом Почетного Легиона Франции (за организацию фестиваля Равеля), но за распространение по всему миру славы русского балета он не получил ничего. Стоило бы подумать, считает С.Волков, о том, чтобы создать, наконец, некую структурированную иерархическую систему поощрения и вознаграждения тех людей, которые занимаются пропагандой русской культуры за рубежом и утверждают славу России как высокодуховной и культурной державы.

О реальном вкладе русской эмиграции в дело сохранения и умножения отечественной культуры говорил **Никита Моравский**, представитель американского Комитета “Книги для России”. Говорил он и о реальной помощи, которую оказывает русская диаспора в Америке переживающей сложный кризисный период России. Эмигрант с более чем пятидесятилетним стажем, попавший в США с волной русских беженцев из Китая, Моравский теплыми словами помянул страну, приютившую таких, как он: Америка открыла невероятные возможности для обездоленных, бежавших от “красного террора” русских. Сам Моравский в прошлом был заместителем директора американской художественной выставки для Советского Союза “Американская графика”, работал атташе по культуре в посольстве США в Москве в период холодной войны. Благотворительный Комитет “Книги для России” был основан в Вашингтоне в 1997 г. по инициативе Никиты Струве (председателя парижского общества ИМКА-Пресс), при поддержке Фонда Солженицына и правительства Москвы. Цель Комитета — создание в России так называемой Библиотеки-фонда “Русское зарубежье”, состоящей из книг русской эмиграции, — для того, чтобы заполнить ту культурную брешь, которая образовалась при советской власти. На призывы Комитета активно откликаются русские американцы — они жертвуют книги, журналы, архивы. В Москве все это собирается и предоставляется российским читателям. Библиотека призвана знакомить российских ученых и общественность с духовным достоянием всех волн русской эмиграции. С другой стороны, мобилизуя людей жертвовать книги, Комитет нацеливается и на задачу пропаганды русской культуры среди американской общественности: собирая средства для Фонда, он устраивает различные культурные мероприятия, концерты и т.п. Такого рода деятельность, по убеждению Н. Моравского, пусть и дело малого масштаба, но вполне способно послужить культурному диалогу США и России.

Вслед за Н. Моравским выступила директор Толстовского Фонда в Америке **Ксения Воеводская**, рассказавшая о многолетней деятельности Фонда, основанного еще дочерью Л.Н.Толстого Александрой Львовной, о последних Программах Фонда по поддержанию российских детских домов, помощи русским сиротам. Выступление Воеводской было дополнено **Владимиром Толстым**, директором Дома-музея “Ясная Поляна”, председателем Центрального Совета Ассоциации Музеев России (АМР).

Следует заметить, что выступления столь разных по политическим пристрастиям, профессиональным интересам и историческому опыту участников конференции концентрировались именно на тех проблемах, которые казались первостепенными прежде всего самим выступающим. Попытку свести все сказанное в некое единое тематическое поле, обобщить все частные выводы и наблюдения предпринял член редколлегии журнала “Континент” поэт **Наум Коржавин**. В своем очень эмоциональном выступлении он заметил, что не может согласиться с высказанным Е. Магеровским упреком в том, что интеллигенция медлила и ничего не сделала, чтобы взять власть в свои руки. По мнению Коржавина, она не медлила, а действовала ошибочно. Именно она призвала Гайдара с его программой приватизации, и “Гайдар весь народ толкнул к пропасти”. Столь же безрассудным представляется Коржавину и тогдашнее поведение США, поставивших

перед собой странную задачу продвижения НАТО на Восток. “Зачем? Кому это нужно было?” — на эти риторические вопросы Коржавин дал свой ответ: “я думаю, что — советологам, у которых были *проекты*, да им не удавалось их раньше пробить, а тут — удалось, хотя для этого не было уже никаких причин”. Несправедливым посчитал выступавший и упрек в сохранении верности коммунистам. “Могу Вас заверить,— сказал Коржавин, — что коммунистов в России нет ни одного. Коммунистическая партия кончила свое бесславное и кровавое существование еще в 1935 году. Потом началась КПСС — ее так и надо называть, ибо это партия безыдейности. Безыдейность — это вовсе не отсутствие идей. Это отсутствие идей при декретированной идейности. Это — насаждение *пустоты*. Именно в ней воспитывались миллионы. Зюганов, вождь коммунистов, является сегодня председателем *патриотического* фронта. Коммунисты выступают как главные патриоты — и в России никого это не удивляет, хотя здесь налицо смешение понятий. Коммунисты всегда стояли на позиции интернационализма, они по определению не могут быть патриотами. Само же понятие “патриот” — понятие хорошее, правильное, если его не мешать с шовинизмом. Русские люди в своей массе — хорошие люди. “Но я ощущаю их бессилие, — сказал Коржавин. — Свежий пример тому — история с НТВ, история еще одной капитуляции”. Тем не менее, убежден он, “Россия сумела сохранить ум, она еще может справиться с теми глобальными проблемами, которые встали перед нею после крушения советской сталинской диктатуры. Но это нелегко и это надо делать направленно и сознательно”.

Жизни Русской Православной Церкви Зарубежом, ее прошлому и настоящему, посвятил свое выступление священник **о. Михаил Меерсон-Аксенов**, настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке. “Мы с вами сегодня являемся свидетелями и отчасти — участниками довольно беспрецедентного явления, — заметил о. Михаил, — а именно: появления православия, православной Церкви на мировой арене как *общественно-инициативной силы*, которой православие не было в течение уже многих веков. В Византии церковь была в фарватере имперской политики, в России только в средние века церковь была инициативной силой. Она потеряла эту инициативу уже в московский период, и конечно, была совершенно спеленута в советское время. На наших глазах церковь в традиционно православных странах Восточной Европы выходит на арену современной жизни буквально из средних веков. Последние десять лет мы видим, что православие довольно успешно разрастается и осваивает язык современной культуры”. Что же касается российской диаспоры и церковной ситуации в Америке и на Западе, то тут, заметил о. Михаил, тоже все завязано на исторической традиции православия с ее слабыми и сильными сторонами. Культурные особенности Православной Церкви сохраняются и в России, и здесь, в США, они помогают, но, отчасти, и — мешают организационной деятельности Церкви в эмиграции. Главная проблема, по мнению выступающего, заключается в том, что “Православная Церковь всегда была лишена творческого активного культурного языка. Славянский язык был всегда языком богослужения; церковь не имела языка, на котором она могла бы говорить или писать”. Это значит, что “у нее не было культурного самосознания. Она не могла посмотреть сама на себя со стороны”. Эта проблема была усугублена в имперский петровский период, когда “образованные классы стали силой, как бы *оставленной* от Церкви”, а на сегодняшнем Западе осложнена еще и тем разделением Русской православной зарубежной церкви на несколько юрисдикций, которое до сих пор очень сильно в Америке”. В результате здесь, в Америке, русская церковь еще больше, чем в России, лишена собственного *культурного* языка. Исторически таким языком был язык церковной журналистики и интеллигенции, которая касалась церковных проблем. И те немногие деятели русской культуры, которые обращались в своем творчестве к православию, не случайно оказывались исключительно влиятельными (скажем, Лесков, Достоевский). О. Михаил напомнил в этой связи и о том, как небольшая группа интеллигенции, прикоснувшаяся к Церкви в период русского религиозного Ренессанса и очутившаяся

после революции на Западе, где создала Свято-Сергиевский Православный институт в Париже и Христианское Студенческое Движение, “оказалась настолько влиятельной, что выплеснула это влияние за пределы собственно богословно-церковного влияния в общекультурное влияние и не только в Европе, но и в Америке. Их воспитанники оказались деятелями уже в американском православии, в частности, основателями Свято-Владимирской Духовной Академии, которая является сегодня наиболее влиятельным и известным центром богословского образования и научной работы”. Что же до нынешней ситуации, то о. Михаил привел лишь один пример такого влияния, назвав имя участника конференции известного публициста Марка Поповского — его “книга об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком. — М.А.) превратилась в некую хрестоматию для самих церковнослужителей. Она повлияла, думаю, и на решение канонизировать архиепископа Луку”. Во всяком случае, напомнил о. Михаил, Марк Поповский получил письмо от Патриарха с благодарностью за эту работу.

Естественно, слово было предоставлено и **Марку Поповскому**. Он посвятил свое небольшое эмоциональное выступление судьбам русских писателей за рубежом. Он сказал, в частности: “Сегодня я чувствую себя отцом, дождавшимся поры, когда его дети — книги — зажили своей независимой жизнью. Когда я вхожу в свой кабинет, глаз незаметно задерживается на полках, заставленных книгами моих коллег. У меня их более 200 томов. Значит, каждый из нас по-своему осуществил свою мечту. То, что прежде скрывалось, стало доступно читателю. И за это мы все должны быть благодарны Америке”.

О жизни российской диаспоры в Канаде рассказали радиожурналисты русской редакции “Радио Канады” **Евгений Соколов** и **Юрий Боголепов**. Они подчеркнули необходимость сотрудничества русских диаспор в деле, начатом еще первой русской эмиграцией: развенчание ложных мифов о России — старых и новых. “Нам и самим следует взглянуть на Россию и увидеть ее такой, какой дал нам ее Господь Бог” — со всеми ее недостатками и неоспоримыми достоинствами, — заметил Евгений Соколов.

В своем выступлении писатель **Валерий Попов** заметил: тема русской диаспоры — совсем неожиданная для него (гость Нью-Йорка только накануне прилетел из Петербурга и был приглашен нами на конференцию. — М.А.), но она, несомненно, задевает его. “Действительно, русская нация как-то менее всего преуспела на международном пространстве. Уже есть китайцы конгрессмены, а русских все не видно. Одна из причин — создание усиленного антирусского мифа”. “Конечно, ангелов у нас в стране нет, но боюсь, что в результате некоторых выступлений мы склоним американцев и вовсе не иметь с нами дело. Что я могу сказать? — Не надо иметь иллюзий — тогда не будет горьких разочарований. Скажем, один из наших замечательных писателей как-то признался: в Америке птицы не поют. И в первую же ночь в Нью-Джерси (один из центральных штатов США. — *Ред.*) я проснулся от оглушительного пения птиц. Соловьи меня просто замучили. И то же — о российском мифе: у нас, мол, птицы не поют. Поют, не будем преувеличивать. А миф о резком ухудшении жизни в России в сравнении с 1914 годом? — Это тоже иллюзия... А обвинять интеллигенцию, что Путина не поправляет? Да интеллигенции нигде никогда не было у власти. И никто не любит путинского ледяного взгляда, да и тусклого взгляда Брежнева мы не любили. Правит чекист — это так, это неприятно, но и Буш-старший, помнится, тоже не институт благородных девиц кончал”. “Мы, люди искусства, делаем жизнь прекраснее, — заключил прозаик, — а потому задача что-то изменить — неправильно поставлена”.

О русскоязычной прессе в США, об интеллектуальной жизни русских эмигрантов, об их контактах с американской культурой рассказали главные редакторы журналов **Валентина Синкевич** (“Встречи”), **Игорь Михалевич-Каплан** (“Побережье”), **Лариса Шенкер** (“Слово/Word”) (об этих изданиях см. “Континент”, № 102).

О литературной ситуации в русском зарубежье и во всей русской диаспоре говорил писатель и критик **Александр Генис**. “Эмиграция и метрополия — два сообщающиеся

сосуда: чем больше давления в одном, тем выше уровень жидкости в другом. И когда ситуация в России становится тяжелой, эмигрантская литература переживает свой рассвет”. В эти дни в России ситуация становится все более напряженной, заметил выступавший, а “это значит, что у эмигрантской литературы появляется свой шанс сыграть важную роль на русской литературной арене. Готова ли русская зарубежная литературная общественность к этому? — Конечно же, нет. В 70-х здесь была группа литераторов, журналистов, писателей, которые весьма эффективно повлияли на литературную ситуацию в России. Сегодня происходит все прямо наоборот. Те, кто действительно есть в эмиграции, печатаются в России. Там читатели, там, кроме прочего, еще и деньги”. Ситуация в эмиграции, — продолжил Генис, — “мне кажется чрезвычайно убогой”. Поэтому выступавший предложил проект создания единой русской газеты, которая могла бы сыграть роль объединяющей силы для всей русскоязычной империи за рубежом. Несколько миллионов русскоязычных людей разбросаны по всему миру, “русскоязычная империя без границ простирается от Берлина до Австралии, от Вашингтона до Южной Африки. Кажется естественным и назревшим создание всемирной русской газеты, которая могла бы консолидировать литературные силы всей русскоязычной общины, где бы она ни жила. До тех пор, пока нет такого объединяющего органа, наша русскоязычная литература будет искать себя в России” — закончил свое выступление А. Генис.

Философ проф. **Михаил Эпштейн** поддержал высказанное Генисом предложение. Темой его выступления стала проблема жизни эмиграции в период глобализации. “Если представить сложенный вдвое лист бумаги, на одной стороне которого написано “Америка”, а на другой — “Россия”, то эмиграция — это линия сгиба, место точек, крайне удаленных от центров обеих культур, — сказал он. — Этот сгиб не виден в плоскости ни одной из культур. Но если разогнуть лист, то место сгиба окажется в центре листа. Именно это и происходит в век глобализации, когда, выражаясь языком древних пророчеств, “книги разогнутся”. И тогда места сгибов окажутся в середине разогнутых книг. Появляются люди — “глобалы”, которые могут видеть обе стороны листа — и их все больше. Они разгибают сложенный вдвое лист и воспринимают его трехмерно. В этом третьем измерении, которое открывается глобализацией, сгиб оказывается посередине. Глобализация перемещает эмиграцию с краев в центр культурных процессов. До сих пор мы существовали как цитаты в тексте чужой культуры, мы носили на себе невидимые кавычки. Мы — русские цитаты в тексте американской культуры, и американские — в тексте русской. И вот сейчас мы раскавычиваемся, потому что весь язык глобального сообщества становится сплошь переводным и цитатным. Эмигранты — это протоглобалы эпохи разделенных национальных государств. Диаспора — это споры будущей глобальной культуры”.

Выступление члена редколлегии журнала “Континент” скульптора **Эрнста Неизвестного** было посвящено “**Континенту**” — журналу, роль которого в жизни русской эмиграции, считает он, трудно переоценить и вклад которого в развитие и упрочение независимого слова русской культуры трудно не признать. “Я буду говорить о “Континенте”, поскольку эта тема не только прошлого, она спроецирована в сегодняшний день, и о том движении, которое недостаточно удачно названо диссидентским, — так начал свое выступление знаменитый скульптор. — Во-первых, сказал он, соединить диссидентство в некую партию или общность — практически невозможно, это то же самое, что называть различных деятелей искусства и литературы — шестидесятниками. В нормальных условиях эти люди были бы очень часто враждебны друг другу, никакой единой школы “шестидесятников” не существовало. И когда тоталитарный пресс вдруг ослабевал, в один и тот же день могли проявить себя эстетически самые противоположные направления — скажем, театр маски Любимова и театр реализма Ефремова. Нас объединяло то, что все неординарное становилось враждебным государству. Мы как бы представляли один лагерь. Поэтому, когда говорят — диссидент, практически это ничего не значит”. “В действительности, диссидентское

движение, в основном, отраженное и в “Континенте”, — это не цельное и плотное движение, обладавшее ясной четкой политической платформой... У оппозиции, которую представляло это движение, не было ни политической, ни экономической — *никакой* программы. Но было недовольство тиранией. Диссидентское движение было благороднейшим движением — эдакое *гуманитарное движение*. Это были гуманные люди — такие, как христианин Максимов, защитники прав человека, но по сути — не политические мыслители. Вот почему, кстати, ни State Department, ни Конгресс США не могли отнестись к нашему движению как к полноценному политическому. Но в этом есть — *высокое достижение*. Потому что политические предложения о реорганизации армии и хозяйства — не дело интеллектуалов-гуманитариев. А вот совесть — это наше дело. И Максимов, и Сахаров, и все им подобные — были такой *совестью*. Все движение было подернуто неким флером благородства и трагизма. В чем состоял трагизм моих друзей Максимова, Зиновьева и других? Трагизм был в том, что вольно или невольно, но мы все были учениками марксистской диалектики. Мы впитывали ее — желая того или не желая... Маркс был велик тем, что он — гениальный критик капиталистической системы и талантливый памфлетист. Критический метод он преподавал нам здорово, мы его всосали, сами того не замечая. Это время марксистского мышления я так и назвал: *время Не*. У моих друзей оказался в руках ключ: они умели критиковать. Но как только начиналось позитивное строительство — предложить было нечего. Маркс был никчемный футуролог, абсолютно поразительно, как он был в этом глуп. И потому когда всей нашей когорте не стало, что критиковать, когда свершилось все то, чего мы хотели, движение вдруг превратилось в чистом виде в движение гуманитарных защитников прав человека. И оно продолжало критиковать Российское правительство именно с этих позиций. Потому как других позиций у движения не было. Не было разработано позитивное мышление. Это — недостаток. Но вместе с тем это и огромное достоинство. Именно сегодня, например, журнал “Континент”, который продолжает свою эстафету, выходит, по-моему, даже на большие высоты, чем это было в годы его эмигрантского существования. Вспоминаю, что основным конфликтом моим с Максимовым было то, что журнал чрезмерно политизирован, что главным средством влиять на умы являются не столько политические факты, которые каждый день меняются, сколько *глубинное* исследование в области духовной жизни, в области гуманитарного строительства, в области строительства интеллекта. Кстати, я замечал, что советское правительство не так уж боялось всяких экономических замечаний (они и сами любили поддиссидентствовать в этом направлении); они боялись главного — подлинной религии и подлинной свободы духа. Это и в самом деле наиболее мощная сила. И я очень рад, что сегодня журнал “Континент” не ввязывается в думские дискуссии, а занимается *духовными* проблемами”.

Здесь, как было уже сказано, по техническим причинам запись конференции была неожиданно прервана. Поэтому редакция “Континента” не может, к сожалению, представить читателям полный отчет о выступлениях на конференции. Сообщаем, что среди выступивших на Круглом столе были также издатель **Эдвиг Арзунян**, искусствовед **Наталья Колодзей**, академик **Петр Короткевич**, художник **Леонид Пинчевский**, философ **Ушанги Рижинашвили**, представитель Конгресса Русских Американцев **Сергей Рогозин**, писатель **Гарри Табачник**, писатель **Владимир Торчилин**, педагог **Леонид Школьник** и др.

Обзор подготовила Марина Адамович

Новое русское слово

Первый выпуск газеты вышел 15 апреля 1910 года. До 1920 года издавалась под названием «Русское слово». Таким образом, «Новое русское слово» является старейшей в мире непрерывно издававшейся газетой на русском языке. До 10 апреля 2009 года

выходила в ежедневном формате, с 17 апреля 2009 года — в еженедельном. Одновременно в газете появилось специальное приложение с переводами статей из газеты «Нью-Йорк Таймс» на русский язык. В ноябре 2010 года объявлено о приостановке выпуска газеты. По версии издателя Валерия Вайнберга — в связи с реорганизацией издания в ежедневник. По другой версии — в связи с финансовым крахом.

“Новое Русское Слово” - конец легенды.

Иван Толстой: В Нью-Йорке прекратился выпуск ежедневной газеты на русском языке, единственной ежедневной газеты в эмиграции, к тому же просуществовавшей 99 лет. “Новое Русское Слово” всегда гордо заявляло, что оно старше большевистской “Правды”. 10 апреля вышел последний ежедневный номер. А 17 апреля газета появилась в новом качестве. Теперь это еженедельник, выпускаемый совместно с газетой “Нью-Йорк Таймс” по пятницам. С нью-йоркскими читателями, бывшими сотрудниками и издателями газеты беседовал Ян Рунов.

Ян Рунов: Агония длилась довольно долго: читатели замечали, что и рекламы в газете становилось всё меньше, и печатных материалов. Газета “худела”. Её покидали грамотные, популярные журналисты. Она становилась всё более убыточной. Хотя фактическим владельцем “Нового Русского Слова” последние годы является киевский бизнесмен Вадим Рабинович, издателем и редактором много лет остаётся Валерий Вайнберг. Он рассказывает:

Валерий Вайнберг: Всему приходит конец, и для меня это как в той песне: “не сыпь мне соль на рану, не говори навзрыд”, для меня это личная трагедия, поскольку я в газете провел 45 лет. Я видел и взлеты, и падения, но сегодняшний экономический кризис очень отразился на существовании ежедневной газеты, которая, как и все остальные газеты сегодня в США, я думаю, и во всем мире, субсидируются. Нет газеты, которая существует на сегодняшний день на заработанные деньги, включая “Нью-Йорк Таймс”. Недавно мексиканский бизнесмен влил свою долю - 250 миллионов долларов - для того, чтобы продолжать хорошие традиции такой газеты как “Нью-Йорк Таймс”. В США закрылось 129 газет. Мы, как этническая газета, в которой не рекламируется национальный продукт, мы как бы не авиалинии, не банки, и так далее, естественно, субсидии значительно превышали наши заработки. Поэтому пришлось сейчас перейти на формат еженедельника.

Иван Толстой: “Новое Русское Слово” возникло в пору, когда русских читателей в Америке было еще мало. Некоторые историки берут за год основания газеты даже не 1910, а ноябрь 1907 года, когда русский эмигрант Иван Окунцов и военный инженер Федор Постников, собрав 500 долларов, стали издавать газету “Русский голос”. И хотя этот “Русский голос” был листком коммунистическим, а “Новое Русское Слово” — наоборот, тем не менее, единство у них было хотя бы в том, что издавал их один и тот же человек — Иван Кузьмич Окунцов. По принципу: и нашим, и вашим. Ласковое теля двух маток сосет. Как вспоминал Окунцов, он при издании был един во многих лицах — и редактор, и наборщик, и разносчик, и уборщица. Иван Кузьмич вообще был большим затейником. Он, например, помещал заголовки в перевернутом виде: а так, мол, читатель больше внимания обращает. Вообще, на “Русском Слове”, как тогда называлось “Новое Русское Слово”, эмигранты учили читать своих детей, и сами учились.

В годы Первой мировой войны в газету пришел работать Марк Вейнбаум, который на пару с Виктором Шимкиным стал ее издателем. В 21-м году из России вернулся съездивший туда посмотреть на революцию Окунцов. Иван Кузьмич вернул себе бразды правления газетой, получившей к тому времени расширенный заголовок — “Новое Русское Слово”.

В 20-е годы газета заметно оживает, у нее новые авторы, бежавшие из России, профессиональные перья — Камышиников, Ветлугин, Фовицкий, Гребеничиков, из Европы регулярно присылают свои статьи, очерки, рассказы Бунин, Аверченко, Зайцев,

Куприн, Адамович, Дон Аминадо, Дионео, Пильский, Айхенвальд и другие видные парижские и берлинские авторы. Перепечатывались советские писатели, делались литературные, театральные и кинематографические обзоры. Словом, всё как в большой, уважающей себя газете. Но провинциальность собственных тем вытравить было нельзя. Такое впечатление, что яркой жизни русская заокеанская колония была лишена. Хотя, конечно, же, яркая жизнь была. Но не хватало местных талантов, чтобы это отразить.

Развитие русской эмиграции до Второй мировой войны сдерживалось, по существу, одним главным фактором: Соединенные Штаты крайне ограничивали квоты на въездные визы. Попасть на постоянное место жительства в Америку было очень трудно. И даже когда Гитлер захватил половину Европы, русские (и не только русские) эмигранты спасались в немногочисленных еще свободных уголках на юге Франции, но отплыть за океан не могли. И речь не шла о безымянных изгнанниках, нет, даже признанные фигуры, например, Владимир Набоков смог получить необходимые бумаги в самый последний момент и успел со своей семьей на последний пароход. Война преобразила “Новое Русское Слово”. Газета ожила, стала актуальной, вдумчивой, талантливой. Ее расцвет продолжался все сороковые и пятидесятые годы. Не было такого литературного имени, чтобы оно не появилось на четырех ежедневных страничках газеты. Пошли не только статьи, эссе и рассказы со стихами, полились мемуары и старопарижская, староберлинская, старобелградская полемика. Началась эпоха предварительного подведения итогов. Эмиграция стала вспоминать саму себя – и для нас, сегодняшних читателей и историков это, конечно, самые интересные публикации.

Но прошла и эта пора. Авторы старели, старел и читатель. А новых не прибавлялось. Дети неизбежно превращались в американцев. В 70-е годы в Соединенные Штаты поехали новые эмигранты, еврейская волна или, как ее называли, Третья. Здесь было много ярких литераторов. В Америке осели Иосиф Бродский, Саша Соколов, Алексей Цветков, Константин Кузьминский, Лев Лосев, Эдуард Лимонов, Петр Вайль и Александр Генис, Сергей Довлатов. Свой рассказ продолжает Ян Рунов.

Ян Рунов: О роли, которую сыграла ежедневная газета “Новое Русское Слово”, рассказал писатель и владелец издательства “Эрмитаж” Игорь Ефимов.

Игорь Ефимов: Впервые “Новое Русское Слово” попало в нашу семью в те месяцы, когда мы ждали американской визы в Вене, летом 1978 года. И с нами была бабушка моей жены Марины, ей тогда уже было 90 лет, и она в России привыкла читать русскую газету каждый день и, прочитав, задумчиво откладывала ее и говорила: “Что-нибудь из этого должно быть правдой”. В Вене она тоже потребовала себе русскую газету, и мы пошли и в киоске купили несколько русских газет, в том числе “Новое Русское Слово”, и принесли ее бабушке. Она развернула, начала читать и, естественно, когда в газете русскими буквами, русскими словами вдруг она натыкалась на заголовки “Страшное преступление большевиков”, “Расстрел царской семьи”, “Новая ложь Кремля”, она впала в такой страх и ужас, пошла красными пятнами, отложила, разволновалась, но на следующий день она уже говорила: “А где это “Новое Русское Слово”? Так что у нее ушло на адаптацию к этой газете всего день-два. После этого мы приехали в Америку и быстро завязались у меня дружеские отношения с газетой, еще с Андреем Седых, и потом с новыми редакторами, и с Вайнбергом, и с другими сотрудниками газеты. Я сейчас посмотрел папку своих статей, за 30 лет, я думаю, я напечатал в этой газете столько статей, что если когда-нибудь выйдет полное собрание сочинений Ефимова, то эти статьи составят целый том. Так что, конечно, это было для нас центральное место общения, выражения чувств, мыслей, надежд. Огромную роль сыграла газета в жизни Третьей волны русской эмиграции. Она, конечно, и раньше существовала, но она очень живо откликнулась на наше появление, и Андрей Седых проявил замечательную

гибкость. Он, принимая новых молодых журналистов и сотрудников, учитывал интересы новых читателей, хотя можно себе представить, какие трудности были при контакте его прежних читателей - Первой и Второй волны эмиграции, - они не всегда доброжелательно принимали Третью волну, то есть, пребывающую в 70-е годы, и он справлялся, по-моему, замечательно с этими противоречиями.

Ян Рунов: Когда-то сотрудничала с газетой Людмила Кафанова. Некоторые эпизоды своей работы она описала в двухтомных воспоминаниях, вышедших в Америке под названием "Любовь и мистика".

Людмила Кафанова: Первый визит в Нью-Йорке я нанесла редакции газеты "Новое Русское Слово". Помещалась она тогда на 256 улице, в старом, полуразвалившемся домике, пережившем свою молодость, скорее всего, в годы Войны за Независимость. На первом этаже располагалась типография, точная копия филиала Музея Ленина в Москве, около Бутырской тюрьмы, где, якобы, в первые годы XX века печаталась большевистская "Искра". Сама редакция, редакторы и переводчики новостей, корректоры, отдел подписки, отдел рекламы и бухгалтерия ютились в большой комнате на втором этаже, где был выгорожен закуток для главного редактора и владельца газеты Андрея Седых, он же Яков Моисеевич Цвибак. Мне, после ультрасовременных редакционных кабинетов и типографий комбината "Правда", где помещался и печатался "Огонек", было странно видеть в Нью-Йорке редакцию и типографию старейшей в мире за рубежами СССР ежедневной антисоветской газеты на русском языке в столь допотопном состоянии. Но, что есть - то есть, другого не дано.

Вошла в закуток главного редактора, представилась, Яков Моисеевич встретил меня весело и любезно, взял принесенную статью, убей бог, не помню, о чем, посмотрел и сказал: "Нам подходит, будем печатать". После чего завел со мной очень милый разговор о том, о сем, а когда я посчитала, что Андрей Седых и так провел со мной много времени, я встала, чтобы уходить. Главный редактор подошел ко мне, обнял меня за плечи, и я почувствовала, как рука его медленно, но верно движется по моей спине вниз. "Дорогой Яков Моисеевич, - проговорила я сладким, сдобренным большой долей иронии голосом, - я не возражаю против ваших манипуляций вокруг моей спины и ниже, но предупреждаю, это вам обойдется в норковое манто". Седых тут же обернул руку и захохотал: "А еще совсем недавно было достаточно ланча в дорогом ресторане". "Забудьте о такой дешевке, - смеялась я, - все страшно подорожало". Яков Моисеевич никогда больше не позволял себе со мной подобных, скажем так, эскапад. Но история с норковым манто имела продолжение. С кем бы из своих друзей Седых меня ни знакомил, он обязательно сообщал: "Как вам нравится - Людмила требует у меня норковое манто". Его друзья смеялись и отпускали по этому поводу шутки своего производства. Андрей Седых был на десятом небе от удовольствия. Одна только прелестная Надя Райзенберг, знаменитая пианистка и выдающийся музыкальный педагог, отнеслась к его рассказу всерьез. "Мила, как вам не стыдно?" - спросила она. - У меня нет норкового манто, у жены Яши - тоже, почему он должен одевать вас так дорого?". Это развлечение продолжалось несколько лет, я у них печаталась, потом у них работала переводчиком около трех лет, потом я от них ушла.

Ян Рунов: Когда вы начали с ними сотрудничать, и когда это закончилось?

Людмила Кафанова: В 1975 году, прямо через несколько недель после того, как мы приехали. Я с ними сотрудничала, наверное, до 80-го года или до 82-го. Потом я гуляла в "Новом Американце", потом меня Седых пригласил работать, несмотря на мой виток в "Новый Американец". Я с "Новым Американцем" порвала, мне они не нравились, и он меня пригласил поработать переводчиком новостей, что я делала около трех лет. Потом я с ними опять разошлась, я ушла в другую газету, в "Новости", а когда все это погорело, я к ним вернулась и несколько лет делала еженедельный материал "Криминальный

бульвар”. Потом опять я от них ушла, мне просто было немножечко не с руки продолжать все это.

Ян Рунов: 25 лет назад ответственным секретарем газеты “Новое Русское Слово” был журналист Евгений Рубин. Он вспоминает.

Евгений Рубин: Когда я сюда приехал, я даже уже начал сотрудничать на Радио Свобода. Там я, по-моему, впервые увидел эту газету, но мне кто-то сказал раньше, что она существует. Я, когда взял ее в руки, мне показалось, что она лишена интереса. В ней было четыре страницы, никаких актуальных, злободневных, острых материалов там не было. Две рекламы двух похоронных бюро - вот и все, что в ней было.

Ян Рунов: Это какой год был?

Евгений Рубин: Это был 1978 год. Как-то со временем познакомился с людьми, которые возглавили эту газету. Прежде всего, с Валерием Вайнбергом, он был ее менеджер. Я основал свою собственную газету, сейчас уже об этом смешно вспоминать, и тайно мне набор делали в “Новом Русском Слове” по ночам. Я туда отвозил материалы, там были ночные машинистки и наборщицы, и Вайнберг разрешил мне это делать и расплачиваться лично с машинистками. И вот так я познакомился с “Новым Русским Словом”, с его внутренней жизнью.

Ян Рунов: Вы издавали еженедельную газету, а “Новое Русское Слово” было ежедневной газетой?

Евгений Рубин: Естественно. Я начал издавать сначала газету “Новый Американец”, потом рассорился со своими партнерами и ушел, и возникла новая газета, в которой я уже был один ее издатель.

Ян Рунов: А кто вас пригласил в “Новое Русское Слово”?

Евгений Рубин: Меня пригласили Вайнберг и Седых. У них был какой-то человек, заместитель главного редактора, и он ушел от них, как это ни смешно, в священники в Нью-Джерси. Тоже не миролюбиво ушел, а поссорившись с ними. И Седых пригласил к Вайнбергу поговорить со мной. Предложили мне условия по тем временам не такие уж плохие, правда, сказали, что отныне должности заместителя редактора не будет, она упраздняется, а будет ответственный секретарь. Я туда пошел и 11 месяцев пробыл на этом посту. Это год был где-то 84-й.

Ян Рунов: Что вы можете сказать о внутренней обстановке, о том, кто руководил тогда?

Евгений Рубин: Валерий Вайнберг не мог ею руководить, потому что он человек, который не может написать трех фраз грамотно. Руководил ею Седых, во всяком случае, ее творческой частью, а Вайнберг был финансовым ее директором практически, потому что Седых финансами совсем не занимался. Газета вообще процветала, потому что эмиграция выросла значительно, количественно выросла, появились целые районы, заселенные российскими эмигрантами, а ежедневной газеты не было другой, было “Новое Русское Слово” и “Новый Американец”, который бедствовал. Позже значительно появились еще, и со временем, уже после меня, после того, как я оттуда ушел, еженедельников расплодилось в одном Нью-Йорке, наверное, десятка полтора, может, и больше - и “Вечерний Нью-Йорк”, и “Курьер”, и еще бог знает сколько газет. А “Новое Русское Слово” продолжало твердо стоять на ногах, потому что люди нуждаются в ежедневной информации, а такая информация как-то там постепенно появилась, они связались с агентствами международными, получали от их телетайпов новости, публиковали их, и газета как-то существовала, хотя, с точки зрения журналиста, и при мне, и после меня она была чрезвычайно слабая, они практически платили авторам гроши, да и своим сотрудникам тоже почти ничего. И хотя были такие люди как Сергей Довлатов, как Борис Парамонов, как Юз Алешковский, как Лев Наврозов, и еще целый ряд умелых мастеров своего дела, к ним практически не обращались, и они не печатались. Ну, 10-15 долларов платили за статью. Они, в основном своими силами управлялись, а силы у

них были очень слабые и очень не профессиональные. И это время я застал как раз, я там в это время был ответственным секретарем этой газеты.

Ян Рунов: А какое у вас впечатление об Андрее Седых осталось?

Евгений Рубин: Он довольно симпатичный человек, причем сам очень умелый журналист. Он раз в неделю или два раза в неделю печатал свой большой материал в “Заметки редактора”.

Ян Рунов: Раз в неделю, по вторникам.

Евгений Рубин: Да, на актуальные темы, и это были хорошие заметки, которые читались, и которые были одной, я думаю, из привлекательных черт этой газеты. Остальное же было чрезвычайно слабое, если это не касалось просто сухих новостей. Я помню, такой разговор у меня был с Седых. Он вообще был человек уже старый, ему было далеко за 80, и ему было трудно все читать, а там присылал материалы такой академик Александров (это академик болгарский, он бежал оттуда) - история царских семей, русских царских семей. Это были катастрофические по своему качеству материалы, просто катастрофические. И когда я приходил к Седыху с выправленными уже, я ему показывал просто, сколько мне пришлось возиться и править эти материалы, говорил: “Ну, зачем нам это нужно?”. Он отвечал: “Мы - провинциальная, в сущности, периферийная газета, нам надо заполнять место, достаточно, если у нас есть один приличный материал в номере, остальные нам надо как-то так...”. Вот так вот было при нем. А теперь вот я считаю, что “Новое Русское Слово” на грани кончины, потому что еженедельников в одном Нью-Йорке полтора десятка, а, может и больше есть на том берегу, на западном еженедельники, есть масса печатных изданий на русском языке. И еще одно слабое, очень слабое, оно никому не нужно. Его тогда купил олигарх украинский по фамилии Рабинович, часть людей уволил и стал делать в Киеве пол-газеты.

Ян Рунов: Насколько высока у нее была репутация, когда вы возглавляли эту газету фактически, то есть вы ее делали?

Евгений Рубин: Я ее делал не сам, во-первых, а во-вторых, недолго, всего 11 месяцев. У нее репутации высокой никогда не было, у нее была просто репутация, как у газеты очень старой, это была как бы историческая репутация. Редакторы у нее были другие, и возглавляли ее другие люди, а потом появился Яков Моисеевич Седых, он в свое время работал в Париже в русскоязычной газете, а потом приехал сюда и возглавил эту. Где бы там не возникал разговор, говорили: “Ну, это старейшая, она старше “Правды”. Я бы сказал, что это ее главная заслуга. Других выдающихся заслуг у этой газеты не было.

Иван Толстой: В первой части нашей программа не раз уже упоминался “Новый Американец” - конкурирующая русская газета, начавшая выходить в 80-м году в Нью-Йорке под редакцией Евгения Рубина. Отношения у Рубина с другими сотрудниками не сложились, они расстались, и главным редактором еженедельника стал Сергей Довлатов.

Поначалу создатели “Нового Американца” рассчитывали на поддержку со стороны старейшей русской газеты и самого Андрея Седых – как никак, человека легендарного, бывшего секретарем самого Бунина в его нобелевские дни. Но вместо поддержки они встретили тяжелую ревность, испуг, а в качестве средств борьбы – замалчивание и клевету. В одном из номеров “Нового Американца” Довлатов писал:

“Открытое письмо главному редактору “Нового Русского Слова”.

Уважаемый господин Седых,

Я прочитал Вашу статью “Кому это нужно” (“Новое Русское Слово”, 28 апреля). Мне кажется, она знаменует новый этап Вашей публицистической деятельности и потому заслуживает самого активного внимания. Статья написана абсолютно чуждым Вам языком, она напориста и агрессивна, более того, в ней попадаются словечки из

уголовно-милицейского жаргона, например, “вертухай”, как Вы соизволили дружески меня поименовать. Я искренне радуюсь этому, как сторонник живого, не закрепощенного литературного языка. Я оставляю без внимания попытки унижить меня, моих друзей и наш еженедельник, отказываюсь реагировать на грубые передержки, фантастические домыслы и цитируемые Вами сплетни. Не хочу разбираться, почему Вы извратили тему доклада Андрея Синявского, зачем приписали Сагаловскому высказывания его героев, за что обидели доктора Проффера, чем заслужил ваше неуважение профессор Данлоп. Я оставляю без последствий нанесенные мне оскорбления. Я к этому привык. К этому меня приучили в стране, где хамство является нормой, где за вежливым обращением чудится подвох, где душевная мягкость воспринимается как слабоумие. Кем только я не был в жизни: “стилягой” и “жидовской мордой”, “агентом сионизма” и “фашиствующем молодчиком”, “моральным разложенцем” и “политическим диверсантом”. Мало того, я - сын армянки и еврея - был размашисто заклеямен в печати как “эстонский националист”. В результате я закалился и давно уже не требую церемонного отношения к себе. Что-то подобное я могу сказать и о нашей газете. Редактируемый мной еженедельник не хризантема, его можно изредка вытаскивать с корнем, чтобы убедиться, правильно ли он растет. Мне кажется, ему это даже полезно. Короче, быть резким - Ваше право старшего или, если хотите, право мэтра. Таким образом, меня не унижает форма ваших словоизъявлений. Меня интересует не форма, а суть. Что так неожиданно вывело из равновесия умного, интеллигентного пожилого господина, что заставило его нарушить обет молчания, что побудило его ругаться и топтать ногами, опускаясь до лагерной фени? Чем мы так досадили Вам, господин Седых? Я могу ответить на этот вопрос. Мы досадили Вам фактом нашего существования. До 70-го года в эмиграции царил относительный порядок, отиумели прения и споры, распределились должности и звания, лавровые венки повисли на заслуженных шеях. Затем накатила Третья волна. Как и всякая человеческая общность мы разнородны, среди нас есть грешники и праведники, светила математики и герои черного рынка, скрипачи и наркоманы, диссиденты и работники партаппарата, бывшие заключенные и бывшие прокуроры, евреи, православные, мусульмане и дзэн-буддисты. При этом в нас много общего - наш тоталитарный опыт, болезненная чувствительность к демагогии, идиосинкразия к пропаганде, неверие в риторику. И пороки у нас общие: нравственная и политическая дезориентация, жизнестойкость, переходящая в агрессию, то и дело проявляющаяся неразборчивость в средствах. В нас густо замешано хорошее и плохое, как и в любой человеческой общности. Мы не хуже и не лучше старых эмигрантов, мы решаем те же проблемы, нам присущи те же слабости, те же комплексы чужестранцев и неофитов. Мы так же бодем душой за нашу ужасную родину, ненавидим и проклинаем ее тиранов, вспоминаем друзей, с которыми разлучены. Мы не хуже и не лучше старых эмигрантов. Просто мы другие. Мы приехали в 70-е годы, нас радушно встретили, помогли нам адаптироваться и выстоять, приобщиться к ценностям замечательной страны. Нам удалось избежать многого, что пережили старые эмигранты, и мы благодарны всем, кто способствовал этому. Мы вывезли из Советского Союза не только палехские шкатулки, не только кораллы и янтарные брошки, не только пиджаки из кожзаменителя. Мы вывезли свои дипломы и научные работы, рукописи и партитуры, картины и математические формулы. А главное - мы вывезли неистребимый и здоровый дух русского еврейства. Наши бизнесмены уверенно прокладывают себе дорогу в капиталистических лабиринтах, наши художники экспонируются в лучших музеях Америки, наши интеллектуалы заняли кафедры в лучших университетах страны. Мы начали создавать газеты и журналы, телевизионные студии и финские бани, рестораны и симфонические оркестры. Мы ненавидим бесплодное идеологическое столоверчение, нас смешат инфантильные проекты реорганизации тоталитарного общества. Мы поняли одну чрезвычайно существенную вещь – советская власть - не форма правления, советская власть есть образ жизни многомиллионного государства а, следовательно, она

живет в каждом из нас, в наших привычках и склонностях, в наших симпатиях и антипатиях, в нашем сознании и в нашей душе. А значит, главное для нас - победить себя, победить в себе раба и циника, труса и невежу, ханжу и карьериста. Вы пишете: "Есть только один враг – коммунизм". Это неправда. Коммунизм - не единственный враг. Есть у нас враги и помимо обветшалой коммунистической доктрины. Это наша глупость и наше безбожие, наше себялюбие и фарисейство, нетерпимость и ложь, своекорыстие и продажность. Когда Бродского спросили "Над чем вы работаете?", поэт ответил: "Над собой". В Лос-Анджелесе должна состояться представительная научная конференция, тема ее - "Русская литература в эмиграции. Третья волна". Организаторы конференции проделали нелегкую работу, изыскали значительные средства, обеспечили высокий уровень дискуссий. Короче, все шло нормально. Что же Вас так обидело и рассердило? Приглашение запоздало? Такие недоразумения случаются. Не забронировали места в особой ложе? В демократической стране это не принято. Какие могут быть обиды? Умные родители не посещают школьных вечеринок, умные школьники тоскуют на родительских юбилеях. Это нормально. Вам ненавистен Лимонов с его шокирующей прозой? Я Вас отлично понимаю, проза Лимонова заслуживает самой резкой критики. Так критикуйте, напишите хорошую аргументированную статью, развенчайте его эстетическую и нравственную программу, вооружитесь пером, а не директивой. Вы же писатель, а не генерал. Вы пишете: "Максимов отказывается ехать на конференцию". Очень жаль. Владимир Максимов – талантливый, сильный, искренний человек, при этом чудовищно нетерпимый и деспотичный. Открытая дискуссия с Александром Зиновьевым не предвещает ему триумфа. Полемика с Абрамом Терцем - и вовсе гиблое дело. Максимов, как и Вы, предпочитает либо не замечать своих оппонентов, либо унижать их. Тем не менее, конференция состоится и пройдет на самом высоком уровне. Ловко устраивает свои делишки Третья эмиграция. Вы пишете: "Газета "Новое Русское Слово" стремилась к объединению всех эмигрантов без деления их на пронумерованные волны". А кто же написал знаменитые статьи, три штуки, по числу эмигрантских волн, с упоминанием всех блистательных имен Первой эмиграции, некоторых блистательных имен Второй эмиграции и с полным забвением некрасивых еврейских фамилий Третьей эмиграции? Эти статьи написали Вы, и правильно сделали, что написали. Как написали - это уже другой вопрос. Люди делятся по самым различным признакам, что не мешает им оставаться людьми. Неделимо только стадо баранов. Вы обрушиваетесь на дерзкий, самостоятельный, формирующийся еженедельник, обвиняете его в смертных грехах. Что произошло? Чем мы Вас травмировали? И вновь я отвечу: фактом нашего существования. Была одна газета "Новое Русское Слово", властительница дум, законодательница мод и вкусов, единственная трибуна, единственный рупор общественного мнения. В этой газете можно было прочесть любопытные вещи: что Солженицын не знает русского языка, что Россия твердо стоит на пути христианского возрождения, что Леонид Ржевский выше Набокова. И все кивали. Затем появился еженедельник "Новый Американец" заговорил своим языком, правда, с легким еврейским акцентом, на свои темы, в своей оптимистической манере. И началась паника в старейшей русской газете. Да как они смеют, да кто им позволил, да на что они рассчитывают? А мы-то грешным делом рассчитывали именно на Вас. Вы утверждали, господин Седых – прогорите, лопнете, наделаете долгов. Вы многого не учли. Не учли жизнестойкости Третьей эмигрантской волны, меры нашего энтузиазма, готовности к самопожертвованию, преимуществ демократического устройства. Не учли даже обстановки собственной редакции - трое ведущих сотрудников "Нового Русского Слова" решили уволиться, лишиться теплых мест, лишиться стабильных зарплат и ринуться в новое опасное плавание. Знаете, что они мне сказали? "Мы готовы перейти в "Новый Американец", мы хотим работать с тобой". Поверьте, это был самый волнующий день моей эмигрантской жизни. Появился еженедельник, монополия была нарушена, возникли новые точки зрения, новые оценки, новые кумиры, и Вы, господин Седых, забили тревогу.

Вы отказались поместить нашу рекламу, запретили своим авторам печататься у нас, стали обрабатывать наших партнеров и заказчиков. Теперь Вы хитроумно объявляете себя жертвой политической критики, а нас - советскими патриотами и функционерами КГБ. Это уловка. Политическая репутация “Нового Русского Слова” безупречна, мы не подвергали Вашу газету идейной критике, мы вообще не критиковали общую позицию “Нового Русского Слова”, мы критиковали недостатки газеты, ее неуклюжий и претенциозный язык, консервативность в оформлении, ее прекрасноту и бесконфликтность, тусклую атмосферу исторических публикаций. Мы признаем заслуги Вашей газеты, мы также признаем Ваши личные заслуги, господин Седых, однако мы сохраняем право критиковать недостатки газеты и требовать от администрации честного делового поведения в рамках федеральных законов. Вы озаглавили статью “Кому это нужно?”. По всей статье рассыпаны таинственные намеки, упоминаются какие-то загадочные инстанции, какие-то зловещие силы, какие-то непонятные органы и учреждения. Дома бытовало всеобъемлющее ругательство “еврей”. Что не так - евреи виноваты. Здесь - агенты КГБ. Все плохое - дело рук госбезопасности, происки товарища Андропова. Пожар случился - КГБ тому виной, издательство рукопись вернуло - под нажимом КГБ, жена сбежала - не иначе как Андропов ее охмурил, холода наступили - знаем, откуда ветер дует. Слов нет, КГБ - зловещая организация, но и мы порой бываем хороши, и если мы ленивы, глупы, бездарны - Андропов не при чем, у него своих грехов хватает. А у нас – своих. Так зачем же нагнетать мистику, зачем же объяснять свои глупости и неудачи происками доблестных чекистов, зачем в благодатной Америке корчить из себя узников Лубянки. Это неприлично и смешно. КГБ здесь поставлено вне закона. Пособничество КГБ есть судебно наказуемое деяние. Голословные обвинения в пособничестве КГБ также являются наказуемым деянием, а именно клеветой. Надеюсь, с этим покончено.

Вы пытались удушить “Новый Американец” самыми разными методами. Так, например, вы запугивали авторов, требовали от них безоговорочного послушания. К чему это привело? Наиболее одаренных литераторов и журналистов возмутило такое давление, они публикуются в “Новом Американце”, хотя мы еще не платим гонораров. Кстати, в сентябре начнем платить. Вы отказывались публиковать нашу рекламу, мы были чрезвычайно заинтересованы в ней, однако трагедии не произошло, нас знают, нас читают по всей русскоязычной Америке, наши подписчики живут в Израиле, Европе, на Гавайях, о нас писали три крупнейшие американские газеты, десятки наших материалов транслировались радиостанцией Голос Америки, многочисленные кафедры славистики используют наш еженедельник в учебных целях. Значит, и эта карательная мера провалилась. Мы сумели обойтись без вас. Вы использовали еще одно удушающее средство – заговор молчания. Вы чванливо игнорировали “Новый Американец”, притворялись, что его не существует, симулировали полную амнезию. Вы пошли дальше этого. Вами был объявлен сбор в пользу Игоря Шахниса, мы решили принять участие в этом благородном деле, послали вам чек. И что же? Вы отказались упомянуть нас даже в этом печальном списке. В трагической ситуации Вы оставались хладнокровным и расчетливым бизнесменом. Простите, что называю вещи своими именами, правда не всегда доставляет радость тем, кто старается ее избежать. Заговор молчания продолжался больше года. Сейчас он нарушен. Великий немой заговорил, правда, он заговорил крикливым, истерическим голосом с неясными, витиеватыми формулировками. “Так называемый “еженедельник”, “некий обиженный господин”, “двое с бутылкой”, и так далее. И все-таки заговор нарушен. Я считаю, что это победа американской демократии. Авторитарная позиция здесь не жизнеспособна, рано или поздно демократические формы торжествуют. Я надеюсь, разговор будет продолжен. Честный и доброжелательный разговор о наших эмигрантских проблемах. Мы готовы к этому разговору. Готовы ли Вы к нему, Андрей Седых? Докажите на практике, что Вы за объединение трех эмиграций, засвидетельствуйте это не словами, а делом. К этому

обязывает Ваша репутация. Самое интересное, что мы действительно Вас уважаем, перечитываем Ваши рассказы, очерки, не забываем о том, что именно Вы помогли Бунину в трудной для него ситуации. Нам досадно, что большой писатель и журналист оказался во власти унижающих его эмоций. К сожалению, наша жизнь пишется без черновиков, ее нельзя редактировать, вычеркивая отдельные строки. Исправить опечатки невозможно.

Неизменно готовый к сотрудничеству, уважающий Вас Сергей Довлатов.

Постскриптум.

Когда газета была уже сверстана, я раскрыл “Новое Русское Слово” от 2 мая. Среди других материалов обнаружил комплект читательских писем главному редактору. Это были отклики на статью “Кому это нужно?”. Если не ошибаюсь, пять штук. Четыре - в поддержку Андрея Седых и одно - в нашу защиту. Я не поверил собственным глазам. Свершилось нечто беспрецедентное. “Новое Русское Слово” поместило критику в собственный адрес. О торжестве демократических принципов говорить рановато, однако первая ласточка взмахнула неокрепшими крыльями. Вот они, результаты честной и свободной конкуренции. Мы благодарим Андрея Седых за объективность в пропорции один к четырем. Мы надеемся, что эта тенденция будет развиваться. Жаль только, что и здесь сказались деловые коммерческие принципы “Нового Русского Слова” - из читательских писем было аккуратно вычеркнуто название злополучного еженедельника. Лишь бы не упоминать “Новый Американец”, лишь бы не давать ему косвенной рекламы. Вместо “Новый Американец” - “одна еврейская газета”, вместо еврей - “лицо еврейской национальности”. А читатели пусть голову ломают, интересы читателя на втором месте. Что ж, второе место это тоже почетно, это уже неплохо”.

“Новый Американец”, номер 65, 10-16 мая 1981 года.

Иван Толстой: Как бы ни представлял Сергей Довлатов главного редактора “Нового Русского Слова” Андрея Седых, газета, которую он делал в 70-80-е годы, очень много значила для читателей тех лет. Не будем забывать, что не только интернета не существовало, но и телевизор не показывал прямых советских программ. А на территории Соединенных Штатов по закону не могли транслироваться радиопередачи “Голоса Америки” и Радио Свобода, поскольку они оплачивались Госдепартаментом и Конгрессом страны. Так что читатель узнавал о положении в СССР, прежде всего, из ежесдневного “Нового Русского Слова”. Любопытно, кстати, что эта газета регулярно печатала тексты некоторых радиопередач, что звучали по Свободе. Георгий Адамович, Виктор Франк, Михаил Коряков, Владимир Юрасов и другие передавали в “Новое Русское Слово” копии своих скриптов. Да и позволяли себе авторы “Нового Русского Слова” на газетных страницах быть гораздо более политизированными, нежели у микрофона радио. Свобода была куда менее антисоветской, чем “Новое Русское Слово”, как это ни кажется сейчас странным.

По нашей просьбе наш нью-йоркский автор Ян Рунов взял серию интервью.

Ян Рунов: Как сами читатели восприняли новость о том, что у них теперь нет ежесдневной русской газеты? Вот что говорят жители нью-йоркского района Брайтон-Бич.

Читатель: Буду другие газеты покупать.

Ян Рунов: Они тоже еженедельные.

Читатель: Ну что ж, и телевизор есть у меня, и радио есть русское. А что делать? Ну что делать, если один раз в неделю выпускают. Конечно, каждый день идешь на работу, и тут же я покупал газету. Что сделали с этой газетой? Надо было добавить еще пару копеек, и она бы была.

Читательница: Я обратила внимание, что ее нет, потому что я сейчас брала “Комсомолку”. Я “Новое Русское Слово” не брала, потому что я вам скажу честно, что там мало есть что сейчас читать.

Читатель: По-моему, это абсолютно правильное решение, потому что большинство народа, особенно в Нью-Йорке, все-таки не каждый день покупали ее.

Ян Рунов: Мужчина жалуется, что теперь в газете очень мелкий шрифт.

Читатель: Ее половина людей просто не смогут читать, эту газету. Это нужно хорошее зрение. Она для стариков. Старики вообще не смогут ее читать.

Ян Рунов: Молодежь будет ее читать?

Читатель: Я не думаю. Сейчас миллион таких газет.

Читатель: Эта газета нужна, потому что ежедневно, когда ее покупаешь, всегда и новости, и что в мире творится, и каждый день что-то новое и больше информации. Я лично доволен этой газетой был. Когда читаешь русские газеты, живя в Америке, так это просто жизнь счастливая, я считаю.

Читательница: Я не знаю, я считаю, что постоянно только и спрашивают “Новое Русское Слово”. Я работаю с клиентами, и меня очень часто отправляют покупать эту газету. Поэтому я тоже очень жалею об этом.

Читатель: Я слышал, как мне говорили, что будут давать копии тех больших газет, я имею в виду “Нью-Йорк Таймс” и все остальные. Конечно, это будет очень хорошо.

Ян Рунов: Как показал наш опрос, людям жаль, что не будет теперь единственной ежедневной газеты “Новое Русское Слово”, а будет еще одна еженедельная. Глава одного из нью-йоркских рекламных агентств вспоминает, как складывались денежно-деловые отношения с газетой.

Глава агентства: В последние годы они вообще никак не складывались, их просто не было. Реклама не работала и стоила она непропорционально дорого. Насколько я помню, четверть страницы, а у них четверть страницы довольно большая, стоила 400 с чем-то долларов. Практически не было ни одного звонка. У меня есть квартиры, которые я сдаю в рент, и я всегда отдаю в обычные газеты еженедельные, и я получаю очень большой ответ, тогда как в “Новом Русском Слове” мне надо было платить за это. Если это 15 долларов, все равно не хотелось платить, если можно отдать бесплатно.

Иван Толстой: И в завершение – последний вопрос Яна Рунова руководителю газеты Валерию Вайнбергу.

Ян Рунов: Из газеты достаточно бесцеремонно, без предупреждения, были уволены многие журналисты.

Валерий Вайнберг: Для нас всех это было неожиданностью, и это никакого отношения не имеет к приложению “Нью-Йорк Таймс”. Переход на еженедельное издание рассматривался несколько месяцев, были предложения печатать газету три раза в неделю и таким образом сократить расходы. Но последнее решение за теми, кто заказывает музыку. За ними последнее слово. И они решили перейти на еженедельник. Что касается журналистов, мне всех очень жалко, это действительно большая потеря для газеты и для меня лично, поскольку я имею к газете отношение на протяжении последних 45 лет, и знал лично основателя газеты Виктора Шимкина, и Марка Ефимовича Вейнбаума, который работал 50 лет, и Андрея Седых, моего учителя и ментора, с которым я проработал более 25 лет. Поэтому мне накануне празднования столетия, естественно, очень грустно и обидно. Но, к сожалению, так устроен мир, что мы должны делать тот продукт, который будет интересен нашему читателю.

Ян Рунов: Сколько будет стоить продукт?

Валерий Вайнберг: 75 центов.

Ян Рунов: Новый еженедельный выпуск вы называете то приложением “Нью-Йорк Таймс”, то дайджестом.

Валерий Вайнберг: Весь этот дайджест, все полосы будут цветными. Приложение “Нью-Йорк Таймс” - 12 полос. Материал готовит “Нью-Йорк Таймс”. Это программа, которая охватывает 29 газет во всем мире. “Новое Русское Слово” - единственная газета в США, которая вошла в эту программу. Я должен сказать, что мы

очень рады этому сотрудничеству. В этом приложении появятся имена лучших журналистов в “Нью-Йорк Таймс”. Кроме того, мы еще входим в общую обойму всех газет, которые будут представлены рекламным агентством. По сведениям “Нью-Йорк Таймс”, все газеты, где они участвуют, их общий тираж составит шесть миллионов. Я думаю, что легче будет продавать рекламу.

Ян Рунов: В будущем году ежедневная газета “Новое Русское Слово” должна была отметить свое столетие. Отметит ли юбилей еженедельник с тем же названием?

Новый Журнал

«Новый Журнал» — ежеквартальное независимое периодическое издание, основанное в 1942 г. в Нью-Йорке поэтом, прозаиком и критиком Михаилом Цетлиным и прозаиком Марком Алдановым. В первых номерах имелся подзаголовок «Russian Quarterly» («Русский ежеквартальник»).

Замысел эмигрантского «толстого» журнала возник у основателей еще во Франции в 1940 г. вскоре после закрытия знаменитых парижских «Современных записок» (1920 — 1940 гг.). М. Алданов с 1921 г. был одним из наиболее активных авторов «Современных записок» за все время их существования, а М. Цетлин вел отдел поэзии. Понятно, что для основателей «Нового Журнала» парижское издание, которому они отдали много сил, послужило образцом для начинания в Новом Свете. Замысел создания журнала связан также с именем И. Бунина, с которым М. Цетлин и М. Алданов обсуждали планы по изданию в США русского ежеквартальника.

Вышедший в январе 1942 г. № 1 «Нового Журнала» открывался написанным в ноябре 1940 г. рассказом И. Бунина «Руся». Сам факт такой публикации показал, что И. Бунин стоял у истоков этого единственного в ту пору (как и теперь) «толстого» эмигрантского журнала.

Предполагалось, что соредактором будет А.Ф. Керенский, также переехавший из Франции в США. Но он поставил условие: либо будет единоличным редактором, либо вообще не войдет в редакционную группу. Для основателей журнала такое условие было неприемлемо, и они стали его первыми главными редакторами.

У М. Алданова было несколько вариантов названия: «Русский журнал», «Свобода» и другие. Остановились на варианте, звучавшем наиболее нейтрально и все же указывающем на преемственность, на связь нового начинания со старыми «Современными записками». Часть редакционного портфеля парижского журнала оказалась в распоряжении М. Цетлина. У «Современных записок» было пять редакторов. Двое — М.В. Вишняк и Н.Д. Авксентьев — опубликовали свои статьи уже в № 1 «Нового Журнала». Большинство авторов этого номера — прозаики, поэты, публицисты, печатавшиеся в «Современных записках». Среди них — дочь Льва Толстого Александра Толстая, В. Набоков-Сирин, М. Осоргин, поэтессы С. Прегель и Т. Остроумова, историк Б. Николаевский, культуролог и историк Г. Федотов, прозаик и журналист С. Поляков-Литовцев, публицист С. Иванович, общественные деятели В. Зензинов и А. Керенский. Как видно из этого перечня, «Новый Журнал» не стремился стать изданием чисто литературным. Кроме прозаиков, поэтов, критиков и историков литературы, в нем сотрудничали философы, богословы, социологи, политологи, юристы, искусствоведы, композиторы, художники. Однако литература всегда оставалась композиционным центром каждого номера. На начальном этапе печаталось немало статей политического характера. В дальнейшем политики становилось меньше, литературы — больше.

В № 1 в предуведомлении под заголовком «От редакционной группы» был очерчен характер журнала. Он определяется тремя ключевыми словами: Россия — свобода — эмиграция. «Наше издание, начинающееся в небывалое, катастрофическое время — писали редакторы, — единственный русский «толстый» журнал во всем мире вне

пределов советской России... Это увеличивает нашу ответственность и возлагает на нас обязанность, которой не имели прежние журналы». Обязанность эта, по мысли основателей, состоит в том, чтобы предоставить страницы «Нового Журнала» писателям самых разных взглядов. Исключения из этого плюралистического подхода составляют лишь те, кто сочувствует национал-социализму или большевизму.

Далее определялось отношение эмигрантского журнала к России: «Все наши мысли — с ней». «Мы всей душой желаем России полной победы. Каждое ее поражение, каждую ее неудачу мы воспринимаем как большое несчастье, каждую победу как великую радость». Но преступления советской власти даже в тяжелейший для страны военный период замалчивать не следует. Литераторы-эмигранты призваны высказывать правду о России. В этом обязанность свободного человека и патриота. «Мы считаем своим печальным долгом говорить о том, о чем не могут сказать... оставшиеся в России». Иначе «нам было бы впоследствии стыдно смотреть в глаза миллионам русских людей, находящихся в советских тюрьмах и концентрационных лагерях». Что касается эмиграции, то наша цель, — писали редакторы, — ее единение ради помощи России.

Алданов и Цетлин сплотили вокруг своего начинания не только бывших сотрудников «Современных записок», но и литераторов из числа русских американцев. Русская Америка никогда прежде подобного журнала не имела. Алданов, вложивший в организацию ежеквартальника колоссальную энергию, от редакторских обязанностей вскоре отошел. Душою дела оставался Цетлин, выполнявший по журналу все необходимое, включая чтение корректур. В одиннадцати цетлинских номерах напечатаны произведения лучших писателей Российского зарубежья: рассказы И. Бунина, впоследствии вошедшие в его сборник «Темные аллеи», повесть Б. Зайцева «Царь Давид», последнее произведение М. Осоргина «Времена». Более молодое, так называемое «незамеченное поколение», представлено прозой В. Яновского.

После выхода Алданова из редакции в 1943 г. в качестве соредактора Цетлиным был приглашен профессор Гарвардского университета историк Михаил Михайлович Карпович. Вместе им довелось поработать всего два года: в ноябре 1945 г. Цетлин умер. Начиная с № 12 (1946) единоличным редактором стал Карпович.

Как и Цетлин, он вел журнал до конца своих дней. Им было подготовлено и издано 47 номеров. Особенность этого периода в истории ежеквартальника состояла в значительном расширении круга авторов. Прежде всего это произошло в связи с переездом из послевоенной Европы в Америку многих литераторов первой волны эмиграции. Одновременно с ними прибывали в США и литераторы второй волны. Их публикации, как тогда говорили, «новых эмигрантов», появляются с № 15 (1947).

При Карповиче «Новый Журнал» из русско-американского превратился в международное эмигрантское издание, имевшее подписчиков и авторов во многих странах. Издававшийся с мыслью о России, журнал, естественно, был изначально открыт для авторов из СССР: первым был некто Б. Иванов (псевдоним), передавший из-за железного занавеса статью «Советский строй и мы» (1946).

При Карповиче расширился отдел «Библиография», в котором стали участвовать философы С. Франк, Н. Лосский, А. Арсеньев, В. Зеньковский, Ф. Степун. В отделе «Воспоминания и документы» печатались мемуары Н. Валентинова «Встречи с Андреем Белым», М. Вишняка «Современные записки», Е. Брежневской «1917-й год», философа Б. Вышеславцева, публициста И. Гессена, художников М. Добужинского и Ю. Анненкова, композитора А. Гречанинова, скульптора Г. Дерюжинского, театрального деятеля Н. Евреинова, писателя Е. Замятина, поэта Д. Кленовского.

Значительный исторический интерес представляют опубликованные в период редакторства Карповича воспоминания Е. Кусковой, П. Милюкова, В. Зензинова, В. Маклакова, П. Струве, И. Церетели, В. Чернова. Другие интересные материалы в этом же разделе: «Воспоминания о Ключеве» итальянского слависта Этторе Ло Гатто, «Совет министров в 1915 - 16 гг.» графа П.Н. Игнатьева, мемуарные странички о В.

Короленко, В. Брюсове, Л. Гумилеве, о поездке С. Есенина в Нью-Йорк, беседы с Л. Шестовым.

В разделе «Политика и культура» в период редакторства Карповича сотрудничали бывший редактор «Современных записок» М. Вишняк, философ Б. Вышеславцев, публицисты Д. Далин, Е. Денике, Н. Ульянов, видный американский советолог Д. Кеннан, бывший глава Временного правительства Керенский, юрист В. Маклаков, историк Б. Николаевский, культурологи Д. Чижевский и Г. Федотов. В числе прозаиков и поэтов в журнале в эти годы сотрудничали Г. Адамович, М. Алданов, Н. Берберова, И. Бунин, В. Вейдле, И. Елагин, Б. Зайцев, Ю. Иваск, Г. Иванов, К. Маковский, В. Набоков, И. Одоевцева, А. Ремизов, Л. Ржевский. В 1958 г. в «Новом Журнале» впервые на русском языке были опубликованы главы из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

В выборе материала, в интеллектуальном и художественном характере каждой книжки сказалась личность редактора. «Я никогда не встречал человека, — вспоминал Н. Тимашев, — равного Карповичу по сочетанию мудрости, благожелательности, отзывчивости, жертвенности и справедливости по отношению к людям и их делам» (Новый Журнал. 1960. № 59. С. 195).

После смерти Карповича в 1959 г. образовалась редколлегия в составе писателя Р. Гуля, историка и публициста Ю. Денике и международно известного социолога Н. Тимашева. Редколлегия просуществовала до конца 1964 г. В начале 1965 г. умер Денике. Еще два года журнал выходил под редакцией Гуля и Тимашева, но все это семилетие (1959 — 1966 гг.) ежедневная практическая работа по делам журнала осуществлялась Гулем.

Своим обликом, качеством материалов, профессионализмом ежеквартальник был обязан прежде всего ему. С № 85 (декабрь 1966 г.) Гуль становится единоличным редактором. Так продолжалось до конца 1974 г., а в следующем году опять составила редколлегию. В нее вошли Гуль и писатели-прозаики второй волны эмиграции Геннадий Андреев (настоящая фамилия - Хомяков) и Леонид Ржевский. Под этим редакторским триумvirатом было выпущено семь номеров, после чего Ржевский вышел из редколлегии. Еще два номера Гуль редактировал совместно с Г. Андреевым, а с сентябрьского номера 1977 г. и до конца своей жизни Гуль оставался единственным редактором.

«Цель журнала, — писал он, — была и остается неизменной: свободное творчество, свободная мысль» (Гуль Р. Сотая книга // Новый Журнал. 1970. № 100. С. 5). Журнал приходилось вести при постоянной нехватке средств и штатных работников, «вести для того, чтобы как-то духовно перекликаться со всеми теми русскими людьми, кто, живя под игом однопартийной диктатуры, остаются все-таки духовно свободны» (там же. С. 6). Дважды, в 1959 и в 1979 гг., редакция обращалась с призывом к друзьям и читателям помочь продолжить издание старейшего в Зарубежье журнала. Многие понимали, что без него в культурной жизни эмиграции образовался бы невосполнимый пробел.

Гуль умел находить авторов, считая «Новый Журнал» «всероссийским делом». При нем было опубликовано множество произведений из наследия Серебряного века и первой волны эмиграции. Он охотно печатал произведения, проникавшие сквозь железный занавес. Редактор видел достоинство своего ежеквартальника в том, что на его страницах впервые появились многие рассказы Бунина, «Река времен» Б. Зайцева, «Св. Иоанн Креста» Мережковского, пьеса «Африканский гость» Е. Замятина, «Равенна» и «Бессмертная ошибка» В. Вейдле, повесть «Пробуждение» Г. Газданова. В отделе поэзии печатался «Посмертный дневник» Г. Иванова, стихи из архива З. Гиппиус, поэма Волошина «Святой Серафим», поэма И. Северянина «Утопическая эпопея».

Публиковались стихи, полученные «с оказией» из СССР (Даниил Андреев, О. Бергольц, Д. Дудко, И. Бродский, Ю. Айхенвальд).

В 1973 г. пришли в журнал поэты третьей волны эмиграции (В. Бетаки, Н. Коржавин, Л. Владимиров). И начиная с этого года под одной обложкой встретились все три

эмиграции. В журнале нашли отражение дореволюционная Россия и современность, диаспора и метрополия, классика XX в. и писатели второго ряда.

В других отделах журнала печатались эссе и статьи Вяч. Иванова, Г. Адамовича, С. Маковского, В. Вейдле, Ю. Иваска, Н. Берберовой, М. Слонима, богословов В. Зеньковского и А. Шмемана, композитора А. Лурье, историка Г. Вернадского, публицистов Н. Валентинова и Н. Ульянова, философов Н. Лосского и С. Левицкого. Тематика статей обширна, многие из них сохраняют свое значение и сегодня.

Исключительным богатством отличался отдел «Воспоминания и документы», в котором встречаются материалы, имеющие подлинную историческую и историко-литературную ценность. Среди них — дневники П. Милюкова и З. Гиппиус, мемуары А. Керенского, А. Гучкова, В. Бурцева, «Грасский дневник» Г. Кузнецовой, «Беседы с памятью» В. Муромцевой-Буниной, «По памяти, по записям» А. Бахраха. Публиковалось эпистолярное наследие знаменитых русских художников, актеров, композиторов, философов, прозаиков, поэтов, критиков — Г. Адамовича, А. Белого, Н. Бердяева, А. Бенуа, М. Булгакова, И. Бунина, М. Гершензона, З. Гиппиус, М. Горького, М. Добужинского, С. Есенина, Б. Зайцева, Вяч. Иванова, Г. Иванова, А. Куприна, К. Мочульского, В. Муромцевой-Буниной, С. Рахманинова, В. Розанова, З. Серебряковой, Н. Телешова, А. Толстого, К. Федина, М. Цветаевой, М. Чехова, К. Чуковского, И. Шмелева.

Гуль понимал задачу журнала «как продолжение идейного наследия, которое внесла Россия в мировую культуру». «Я верю, — писал он, — что когда-нибудь «Новый Журнал» сыграет роль той магнитофонной ленты, на которой останутся записанными для истории свободные голоса русских поэтов, прозаиков, публицистов, ученых» (Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 330). В книге «Русская литература в изгнании» Глеб Струве писал, что «Новый Журнал» «оставался главным журналом Зарубежья, напоминая и своим положением, и своим характером «Современные записки». Редактор нью-йоркского «Нового русского слова» Андрей Седых говорил, что лучшее из созданного в эмиграции появилось именно в «Новом Журнале».

В июне 1986 г. Гуль умер. Он заранее подготовил себе смену — эмигранта третьей волны прозаика Юрия Кашкарова (1940 — 1994), работавшего при Гуле секретарем редакции. Весной 1987 г. была сформирована редколлегия. В нее вошли вместе с главным редактором Ю. Кашкаровым поэт И. Чиннов, профессор Гарвардского университета литературовед В. Сечкарев, профессор Нью-Йоркского университета филолог З. Юрьева, профессор Колумбийского университета историк М. Раев, профессор Айовского университета поэт и историк литературы В. Крейд. Сам состав редколлегии, его профессиональные данные, преобладание эмигрантов первой волны — все это указывало на ориентацию журнала.

Под редакцией Кашкарова вышло 32 номера. Новый редактор придерживался традиций, сложившихся за десятилетия существования «Нового Журнала», однако на всплеске перестройки и гласности в СССР стал особенно много публиковать российских авторов. Но и тогда прижизненные или посмертные произведения первой волны эмиграции и ранее не печатавшиеся произведения Серебряного века определяли тональность и характер ежеквартальника. В целом таких публикаций в кашкаровских номерах не менее ста, считая также и статьи, тематически относящиеся к первой эмиграции. Были напечатаны воспоминания В. Вейдле, художника-парижанина О. Цингера, харбинской поэтессы Н. Резниковой, неизвестные стихи К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, А. Перфильева, повесть А. Кондратьева «Сны», рассказы Н. Тэффи, И. Лукаша, Г. Пескова, «Парижский альбом» В. Ходасевича, романы Б. Поплавского, В. Яновского, Ильязда, новые материалы из архивов Е. Замятина и З. Гиппиус, статьи Г. Иванова, В. Ходасевича, Н. Берберовой, эссе о Лукаше, М. Осоргине и В. Набокове.

По своему характеру «Новый Журнал» по-прежнему оставался общекультурным изданием. Были напечатаны статьи из наследия философов П. Флоренского и А. Лосева, религиозное по замыслу и духу эссе Е. Герцык «О путях», статьи о тысячелетии

крещения Руси, о графе М. Сперанском, об историке М. Карповиче. Характер печатавшихся мемуаров также указывал на широкие интересы за пределами художественной литературы. При редакторе Кашкарове журнал познакомил читателей с семейными записками Оболенских, записками графини Бобринской, с воспоминаниями бывшего городского секретаря А. Маркова «Русские города до революции», с мемуарами видного земского деятеля В. Челищева.

С № 197 (1995) главным редактором «Нового Журнала» стал Вадим Крейд, продолжительное время связанный с ежеквартальником как автор и как член редколлегии. В течение этих лет журнал продолжал влиять на литературно-культурный процесс в Российском зарубежье. Позиция журнала как независимого от групповых интересов общекультурного издания, предоставляющего свои страницы авторам различных эстетических взглядов и идейных убеждений, не претерпела изменений.

Были, однако, введены некоторые структурные изменения при сохранении тех же традиционных разделов («Воспоминания и документы», «Политика и культура», «Сообщения и заметки», «Библиография»). Литературный раздел, открывающий журнал и обычно не имевший заглавия, был поделен на разделы «Проза» и «Поэтическая тетрадь». Название раздела «Политика и культура», составлявшегося из эссе и статей, стало варьироваться в зависимости от наличного материала: «История. Литература. Культура», или «Литература. Искусство. История», или «Политика. Литература. История», хотя, собственно, политика тематически никогда не доминировала. Она представлена статьями более проблемного, нежели злободневного характера, или порой просматривается в рецензиях, не обязательно выражающих взгляды редколлегии, которая, к слову сказать, никогда на своих встречах не обнаруживала ни разномыслия, ни единодушия в политических вопросах. Был основательно расширен раздел «Библиография» и в него включена новая рубрика - «Книги, присланные в редакцию», которую из номера в номер ведет А.С. Либерман.

В некоторых номерах стало печататься до двадцати и более рецензий. Рецензировались книги широкого тематического спектра (философия, культурология, история, политология, право, искусствоведение, справочные издания, книговедение, литературоведение, художественная литература). Были введены разделы «Книги, присланные в редакцию» и «Об авторах». В последнем сообщаются биографические сведения об участниках каждого очередного номера.

В № 200, 210 и 220 включены библиографические указатели опубликованных материалов.

Сохраняется международный характер «Нового Журнала», расходящегося более чем в 30 странах и в последние годы имеющего авторов в России, Украине, Беларуси, Латвии, Чехии, Сербии, Румынии, Болгарии, Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Финляндии, Израиле, Китае, Японии, Австралии, Канаде, США.

«Новый Журнал» остается верным традициям, заложенным первой эмиграцией, но публикует авторов из всех четырех эмигрантских волн. Он существует не только своим последним номером, но и комплектом, оставаясь первоисточником изучения эмигрантского наследия. Кроме того, обилие опубликованных в нем неизвестных произведений Серебряного века делают журнал источником для изучения русского культурного ренессанса начала XX в.

Как и прежде, при редакторах Карповиче, Гуле и Кашкарове, в последние семь лет существования «Новый Журнал» (№ 197 — 226) публикует неизвестные произведения Серебряного века, первой и второй волн эмиграции и русских писателей советского периода. Примеры многочисленны: записки В. Розанова «Мимолетное», статья А. Скалдина «Идея нации», черновой вариант романа Е. Замятина «Бич Божий», неизвестный роман В. Яновского «Ересь нашего времени», черновики Ю. Олеси, высокого художественного уровня рассказы эмигрантов первой волны — «Парижские фотографии» Г. Иванова, «Яблоки Кальвадоса» В. Яновского, «Статуя по заказу

Береники» А. Кондратьева, «На острове» Г. Газданова, рассказы В. Набокова, написанные им по-английски и впервые появившиеся в «Новом Журнале» в переводе на русский.

Поэтическое наследие представлено неизвестными стихами К. Бальмонта, В. Нарбута, А. Скалдина, А. Несмелова, Н. Воробьева, И. Акимова, Дм. Кленовского.

Раздел «Воспоминания и документы» обогатился мемуарами А. Даманской «На экране моей памяти», А. Бахраха «По памяти, по записям», дневниками В. Яновского, воспоминаниями о русском Берлине В. Лурье, воспоминаниями М. Волина о русском Харбине, «Записями о секретных заседаниях Совета Министров» А. Яхонтова. В этом же разделе печатались недавно найденные письма А. Герцена, Л. Шестова, о. С. Булгакова, П. Флоренского, П. Милюкова, Б. Зайцева, И. Бунина, З. Гиппиус, К. Бальмонта, В. Брюсова, В. Ходасевича, Георгия Иванова, художника К. Сомова, В. Муромцевой-Буниной, Г. Адамовича, Р. Гуля, С. Прегель, Л. Алексеевой, Д. Кленовского, Б. Пастернака, М. Горького, А. Скалдина.

В каждом номере печаталось по несколько статей и эссе по историко-культурного характера — о сохранении памятников культуры, о монастырях и храмах русского севера, о довоенной эмиграции во Францию, Болгарию, Китае, о старых зарубежных периодических изданиях (берлинская газета «Руль», дальневосточные журналы «Понедельник» и «Феникс»), о «втором российском Октябре» (о событиях осени 1991 г.), о художниках М. Добужинском, К. Малевиче, В. Кандинском, Г. Мусатове, С. Голлербахе, Б. Григорьеве, о двухсотлетию Боратынского, о христианских мотивах в творчестве А. Пушкина, о поэтах И. Анненском, В. Брюсове, А. Блоке, М. Цветаевой, И. Чиннове, Н. Моршине, О. Анстей, о писателях И. Бунине, М. Алданове, В. Набокове, Б. Поплавском, В. Яновском, В. Вейдле, М. Булгакове, М. Приивине, Ю. Олеше.

Со времени своего основания и до настоящего времени «Новый Журнал» является внепартийным, независимым изданием с широким диапазоном взглядов, без преобладания той или иной групповой заинтересованности.²⁰³

Вадим Крейд

Марк Алданов. Уинстон Черчилль **Очерк²⁰⁴**

В романе Марка Алданова "Начало конца" есть иронический автопортрет: маститый французский писатель приобрел известность историческими романами, но на хлеб насущный зарабатывает газетными очерками о современных политиках, в частности, об английском дипломате Антони Идене.

Самому Алданову выпало четыре раза писать о друге и покровителе Идена Уинстоне Черчилле. Почти ни к кому из политиков писатель не испытывал симпатии, но о Черчилле отзывался так: "необыкновенный ум", "разносторонние дарования, порой граничащие с гениальностью". Эти слова читатель найдет в публикуемом ниже очерке, написанном в США в 1941 г., до нападения Германии на Россию. Англия в одиночку ведет борьбу с мощной германской военной машиной, Черчилль -- премьер-министр и олицетворяет для оккупированной Европы волю к сопротивлению. В первый раз к личности Черчилля Алданов обратился в 1927 г., задолго до того, как тот стал одной из ключевых фигур истории XX века. Писатель задумал тогда цикл о "героях завтрашнего дня"

203

<http://ricolor.org/rz/amerika/ar/rys/10/>

204

"Новый Журнал" 2006, N 244, публ. А. Чернышева// <http://imwerden.de>

-- политических деятелях европейских стран, находящихся на пути к Олимпу, но еще не достигших его. Героями избрал Сталина (до начала коллективизации) и Гитлера (перед его приходом к власти). У Алданова выбор персонажей оказался снайперски точен: и Черчилль, и Сталин, и Гитлер оказались лидерами своих государств. Все трое, повторял Алданов, -- люди выдающихся дарований, и очень жаль, что выдающийся этот дар присущ Сталину и Гитлеру. Черчилль предстал у него как единственный крупный современный политик, который с самого начала осознал опасность гитлеризма. Второй очерк под тем же названием "Уинстон Черчилль" отражает реалии другой эпохи, и тональность его иная: это очерк-дифирамб, очерк-панегирик. Но сквозь условности жанра прорывается обычный для Алданова аналитический подход, обсуждаются сложные, актуальные и в наши дни проблемы: какой тон брать демократическим политикам в переговорах с диктаторами, в какой степени можно полагаться на договоры с ними и т. п. Алданов и1089 считает, что предъявлять Гитлеру ультиматум надо было сразу же, как только он пришел к власти, что совершенно прав был Черчилль, когда не дал себя убаюкать рассуждениями о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Что он еще раз оказался прав, когда, ненавидя коммунизм, стал, тем не менее, втягивать Москву в антигитлеровскую коалицию. Но в 1933 г. Черчилль не был у власти, а потом было уже поздно.

Внутренний мир "большого человека" Алданов раскрывает в рассказе "Микрофон" (впервые опубликован в 1942 г.) и в появившемся после войны рассказе "Истребитель". В центре рассказов -- простые люди военных лет, Черчилль на обочине авторского внимания, но ему отведена важная роль. В первом рассказе англичанин-радиоинженер обеспечивает трансляцию выступления Черчилля и поддается обаянию и патриотическому одушевлению премьер-министра. Пожилого жителя Крыма, персонажа второго рассказа, выселяют из дома на период Ялтинской конференции -- и Алданов пользуется возможностью изобразить конференцию, в частности, Черчилля, для которого братство по оружию, верность союзникам -- не пустые слова, но тем не менее, глядя на советский почетный караул, британский лидер чувствует, что для его страны лучше, если бы этих людей было меньше. Надеюсь, читатель оценит по достоинству старый очерк основателя "Нового Журнала", найдет в нем мысли, не утратившие свежести с годами. Готовя эту публикацию, я вспоминал крылатую фразу Алданова: "Не знаю чтения более актуального, чем притчи библейских пророков". Машинописный текст очерка с авторской рукописной правкой хранится в фонде Алданова в Бахметевском архиве в Нью-Йорке. Печатается впервые, с разрешения руководства архива.

Андрей Чернышев

I

В самом центре Лондона, у Уайтхолла, расположена небольшая, довольно невзрачная на вид улица, название которой, Даунинг-стрит, известно всему миру. Улица эта названа так по имени английского дипломата, жившего в XVII веке и оставившего по себе печальную славу. Под номером 10 на улице стоит знаменитый дом, построенный в 1671 году. В нем уже два столетия подряд творится история мира: здесь живут и работают первые министры Англии.

Ровно в семь часов утра ежедневно к этому, на вид тоже довольно невзрачному дому, теперь окруженному колючей проволокой и мешками с песком, подъезжает в открытом автомобиле невысокий, грузный рыжебровый человек с необыкновенно выразительным лицом, с глубоко засевшими блестящими умом глазами, с резко обозначенными скулами и морщинами. Это Уинстон Черчилль. Я видел его несколько раз в жизни. Если взглянуть в его лицо, особенно в глаза, то забыть их невозможно. В Англии тщательно скрывают, где он проводит ночи: это военная тайна. Интеллидженс сервис имел сведения, что немцы чрезвычайно ею интересуются. В пору дневных налетов на Лондон германские летчики специально метили в дом на Даунинг-стрит. Это естественно: жизнь этого человека по ценности для его страны равна многим дивизиям.

Выйдя из автомобиля, первый министр тотчас спускается в подземное помещение. Там в подвале исторического дома для него устроена комната -- не то кабинет, не то спальня -- с письменным столом, с телефонами, с пишущими машинами и с кроватью. Он раздевается и ложится в кровать, где принимается за работу: читает полученные за ночь телеграммы, выдержки из газет, затем диктует разные предписания, ответы на запросы, резолюции по докладам. В кровати же он завтракает -- "an enormous breakfast" -- говорит близкий к нему человек. В 11 часов утра он снова одевается и поднимается наверх в ту комнату, которая в нормальное время служит рабочим кабинетом для первых министров.

Ему предписано врачами оставаться возможно больше в лежачем положении. Этот человек, который может считаться чудом энергии и силы воли, физически слаб и непрочен. У него пошаливает сердце и не в слишком хорошем состоянии легкие. В детстве он много болел; врачи предполагали, что он не выживет. Пятнадцати лет отроду он на уроке фехтования вывихнул руку и до сих пор владеет ею не совсем свободно. Еще тремя годами позднее с ним произошел другой несчастный случай, очень отразившийся у него на почках. Предки Черчилля, как большая часть английских аристократов, учились в Итонской школе. Его туда нельзя было отдать, так как климат Виндзора, где находится эта старинная школа, был признан недостаточно благоприятным для мальчика со столь слабым здоровьем. Все это не мешает ему в 66 лет есть за троих, пить за двоих и работать от четырнадцати до семнадцати часов в сутки. В 11.30 утра начинается заседание кабинета министров, происходящее в большой продолговатой комнате, занятой в длину столом красного дерева. По стенам висят портреты министров. В простенках книжные шкапы -- по традиции каждый новый министр обязан подарить книгу или книги в это собрание. Для обыкновенных министров у стола стоят стулья, для премьера кресло. Заседания продолжаются от часа до нескольких часов, в зависимости от важности предмета обсуждения и от того, любит ли долгие споры премьер. Словоохотливых министров на Даунинг-стрит недолюбливают. Наименее словоохотливым, как говорят, был покойный лорд Китченер. В 1914 году, будучи военным министром, он принципиально не делился военными секретами с кабинетом. Он будто бы даже объяснил это премьеру Асквиту довольно бесцеремонно: "Все ваши министры сообщают о прениях в кабинете своим женам. Исключение составляет Х., который сообщает об этих прениях своей любовнице!"

После завтрака премьер спит около часа, затем возвращается в кабинет и принимает посетителей. Затем, если необходимо, отправляется в парламент или к королю. Обедает он в своей частной квартире во втором этаже. Я видел дом на Даунинг-стрит только снаружи, но мне попадались фотографии главных салонов дома (в нем всего 68 комнат). Они убраны превосходно: портреты работы Рейнолдса и Гейнсборо, старая дорогая мебель, гобелены. Впрочем, парадные комнаты французских министерств, особенно министерства иностранных дел, где мне случалось бывать, еще лучше. Вечером, после обеда, в связи с наступлением часа ночных воздушных налетов, Черчилль опять спускается в подвальную комнату и там работает всегда до полуночи, а иногда до трех часов ночи. На письменном столе у него стоят три телефона разных цветов. За работой он напевает единственную песенку, которую знает: "Run, rabbit, run!" -- это если Черчилль в хорошем настроении духа.

В хорошем настроении духа он бывает гораздо чаще, чем в дурном. Все знающие его люди говорят об его веселом оптимистическом характере. Говорит об этом и он сам. Вдобавок он считает себя счастливым человеком. Однажды, лет двадцать тому назад, Черчилль сказал одному своему другу: "Моя жизнь, в общем, очень счастливая и становится все счастливее. Я многому научился в жизни и продолжаю учиться каждый день".

Слова во многих отношениях замечательные. Конечно, нынешний премьер родился очень "счастливым": он сын министра и внук герцога Мальборо. В Англии внукам герцогов, если они не больные и не идиоты, можно, по общему правилу, считать почти обеспеченными хорошую карьеру и успехи в жизни. Но карьера и успехи, как известно,

счастья не составляют. Можно было бы сослаться на знаменитых, гениальных людей, которые прожили, в общем, на первый взгляд, весьма счастливую жизнь и которые слов Черчилля никак о себе не произнесли бы. Гете утверждал, что он всегда был несчастен. Лев Толстой как-то сказал: "Халиф Абдурахман говорил, что у него в жизни было четырнадцать счастливых дней. У меня не было и четырнадцати..." Но если даже оставаться только в области внешних признаков счастья, то и тогда едва ли можно признать Черчилля баловнем судьбы, по крайней мере в полном и совершенном смысле слова. Как уже было сказано, здоровьем он не мог похвастать никогда. Не был он и богатым человеком. Принадлежа к одной из знатнейших семей Англии, он никакого состояния от отца не унаследовал и до сорока семи лет жил исключительно литературным трудом. Правда, зарабатывал он много. Газетный магнат лорд Риддель в своих воспоминаниях не без досады сообщает, что Черчиллю платят по полкроны (около 60 центов) за слово. За написанную нынешним английским премьером биографию его отца он получил от издателя 8 тысяч фунтов. Но состоятельным человеком Черчилль стал лишь в 1921 году, когда скончавшийся кузен его, лорд Герберт Ван-Темпест завещал ему имущество, приносящее 5 тысяч фунтов годового дохода. Это почти не изменило его образа жизни: и до наследства, и после него он работал -- даже в ту пору, когда не находился у власти -- очень много, как работают во Франции, в Америке и как почти никто не работал в старой счастливой Англии. Что сказать о степени "удачности" его политической жизни? Я буду подробнее говорить о ней дальше. Конечно, он рано стал членом парламента, очень рано стал министром -- Эдуард VII ко дню его свадьбы подарил ему палку с надписью: "Самому молодому из моих министров". Но премьером Черчилль стал лишь на склоне дней и популярностью начал пользоваться, как в парламенте, так и в печати, лишь с начала нынешней войны. Он сам сказал лорду Фишеру: "Я никогда ни в каких интригах не участвовал. За все, чего я в жизни добился, мне пришлось бороться. И тем не менее нет человека, которого у нас ненавидели бы так, как меня".

Быть может, это чуть преувеличено. Я не знаю, "ненавидели" ли Черчилля по-настоящему: в Англии все-таки политическая жизнь протекает без острых личных страстей. Верно, однако, то, что "хоронили" нынешнего главу правительства очень часто. В прошлую войну после неудачи Дарданелльской экспедиции, как известно, на него была возложена вся ответственность. Он должен был уйти в отставку. "Его жизнь разбита... Он совершенно потерял общественное доверие... Он пал как Люцифер, и надеяться ему больше не на что. Большая трагедия!" -- сказал в 1916 году один из его ближайших сотрудников. "Конченный человек!" -- писали газеты. Ах, эти "конченные люди"! Я склонен думать, что в политике нет конченных людей. Помнят ли читатели, что около 1860 года Улисс Грант тоже считался разбитым и навсегда конченным человеком? Это не помешало ему позднее оказаться победителем в войне и национальным героем, не помешало проделать одну из самых блестящих карьер в истории. Политические похороны равно ничего не доказывают и ничего не стоят. Недорого стоит и политический апофеоз.

Здесь я касаюсь вопроса щекотливого и деликатного. Скажу с самого начала читателю, что я считаю Черчилля большим, очень большим человеком, человеком не-обыкновенного ума и необыкновенных разносторонних дарований, пожалуй, граничащих с гениальностью. При этом мнении я должно быть и останусь, как бы дальше ни развивалась война и как бы она ни кончилась. Однако я от себя не скрываю: историческая репутация Черчилля почти всецело зависит от дальнейшего хода войны. Если, избави Бог, Англия войну проиграет, то на нынешнего главу правительства возложат ответственность решительно все и обвинять его будут решительно во всем. В этом случае он снова будет объявлен "неудачником", как был им объявлен в 1916 году. Это, впрочем, относится не только к нему. В несколько меньшей мере в той же чертовой лотерее разыгрывается историческая репутация многих государственных людей, в том числе другого очень большого, по-моему, человека: президента Рузвельта. Если Гитлер будет уничтожен, Рузвельт и 1087 перейдет в историю как один из величайших, как величайший, быть может,

из всех президентов Соединенных Штатов. Но если Гитлер войну выиграет, то историки, вероятно, будут расценивать фигуру президента иначе. Что же делать, "ничто не имеет такого успеха, как успех". Какие выводы отсюда следуют? Теоретически говоря, отсюда ничего не следует, кроме того правила великого итальянца, которое любил повторять Карл Маркс: "Следуй своим путем, и пусть люди говорят, что им угодно". Но как жаль, как жаль, что этому правилу так трудно следовать в жизни, особенно государственным деятелям и, в частности, государственным деятелям демократических стран.

Черчилль на этот счет, вероятно, не заблуждается. В ранней молодости будучи офицером в Африке, он писал после кавалерийской атаки, в которой участвовал: "In one respect a cavalry charge is very like ordinary life. So long as you are all right, firm in the saddle, your horse in hand, and well armed, lots of enemies will give you a wide berth. But you have lost a stirrup, have a rein cut, have dropped a weapon, are wounded, or your horse is wounded; then is the moment when from all quarters enemies rush upon you". [*"С некоторой точки зрения кавалерийская атака очень похожа на обычную жизнь. Пока вы в порядке, твердо держитесь в седле и хорошо вооружены, враги далеко вас обходят. Но стоит вам потерять стремя, лишиться узды, выронить оружие или получить ранение -- самому или лошади, -- и тут же со всех сторон на вас ринутся враги"*- англ..]

Подкапываются под него разные люди и теперь. Сейчас это еще не страшно. Как ни подтачивает война людей и их репутации, в настоящее время Уинстон Черчилль еще чрезвычайно популярен -- вне всякого сравнения с другими государственными людьми Англии. По данным Британского института общественного мнения, за нынешнего премьера стоит 89 проц. англичан. Один видный американский журналист, который не может быть, по-видимому, причислен к безоговорочным поклонникам Черчилля, пишет, что в Лондоне ему от всех беспрестанно приходилось слышать:

"Мы просто не знаем, что Англия делала бы без него". По словам того же журналиста, Черчиллю вменяют в вину только одно: он будто бы слишком привязан к своим друзьям и не удаляет с видных постов тех из них, кого уволить не мешало бы. В 1914 году Черчилля обвиняли в обратном -- в том, что он увольняет людей слишком часто и слишком смело. Действительно, будучи тогда морским министром, он произвел коренную чистку среди адмиралов, не щадя людей знаменитых и чрезвычайно популярных.

Противоположные упреки взаимно исключаются. Забавно то, что нападали и нападают на Черчилля те самые люди, которые решительно ничего не предвидели и в свое время издевались над его мрачными предсказаниями. Я буду дальше говорить о том, каковы были эти предсказания и как к ним относились в Англии самые "ответственные" (хороша их "ответственность"!) люди самых разных партий, от Болдуина до социалистов, от Ллойд-Джорджа до Невилла Чемберлена.

Уход Черчилля в настоящее время, по-моему, был бы национальной или даже мировой катастрофой. Заменить его решительно нечем.

Говорят, что незаменимых людей нет. Это отчасти верно. Уж на что считался "незаменимым" человеком у большевиков Ленин, однако дела СССР идут теперь не хуже и не лучше, чем при нем. Все же из общего правила есть исключения. Теперь достаточно ясно, например, что в 1917 году Клемансо был незаменим: он был последней ставкой Франции на полную победу. Он сам так думал -- и носил при себе яд на случай, если бы оказалось, что победа невозможна и при нем. В Париже тогда все знали, что в случае ухода Клемансо остается только кабинет Кайо, считавшегося сторонником соглашения с Германией без победы той или другой стороны: кабинет Кайо для немедленного начала переговоров о компромиссном мире. Теперь в Англии положение еще сложнее, так как то, что можно было бы по внешности с натяжкой назвать компромиссным миром, сейчас было бы по существу полной победой Гитлера.

Во всякой другой стране люди для такого мира нашлись бы. Они могут, пожалуй, найтись и в Англии, причем на разных полюсах политического мира. Но в Англии у них шансы неизмеримо слабее, чем в какой бы то ни было стране, вследствие национальных

особенностей британского характера и вследствие принципов политического устройства страны. Кроме того, к великому счастью и1095 человечества, соотношение сил пока еще не вызывает нужды ни в кабинете какого-либо лорда Лондондерри, ни в практическом подходе к тому, что в России в 1917 году называлось "похабным миром". Клемансо носил при себе яд. Черчиллю носить при себе яда не надо даже в фигуральном, метафорическом смысле этого выражения. Оно не везде теперь метафорично: ведь покончили же с собой венгерский и греческий премьеры. Англия, однако, не Греция и не Венгрия. У нее есть огромное военно-политическое могущество и есть вековая уверенность в себе старого беспрюгрышного игрока, почти никогда не знавшего поражений. Черчилль -- последняя и наиболее надежная ставка Англии на полную победу.

II

Новый и самый блестящий период в политической жизни Черчилля начался в 1933 году с приходом к власти Гитлера.

Англией правили Болдуины и Чемберлены. Их имена просто неловко вспоминать в сочетании с именем нынешнего первого министра -- настолько он крупнее их, умнее и талантливее! Человек, который по уму и талантливости считался его соперником, Ллойд-Джордж, был в оппозиции. Он расходился с Болдуином и Чемберленом почти во всем, но по вопросу об отношении к национал-социалистической Германии Ллойд-Джордж был к ним близок. Они думали, что никакой опасности для мира, для Европы, для Англии нет. Он тоже так думал. Он даже ездил на поклон к Гитлеру и вынес из беседы с ним самые успокоительные сведения: разумеется, нет ни малейшей опасности, фюрер в мыслях не имеет войны, да если бы он и хотел воевать, то у него нет для этого возможности: нет офицеров, нет кадров, нет нефти и т. д. Это высказывалось в речах, в статьях, в интервью. Бумага все терпит. Уши членов парламента тоже.

Без всякого преувеличения можно сказать, что в Англии всю опасность положения понимал один человек -- Уинстон Черчилль. Надо признать истинной катастрофой то, что к власти его не звали. Он не раз давал понять, что не дорожит своим пребыванием в оппозиции -- вдобавок в какой-то странной, неофициальной оппозиции (он ведь оставался членом правительственной партии). Некоторые газеты -- впрочем, не часто и без большой энергии -- напоминали правительству, что консервативная партия, да и Англия, не могут позволить себе такой роскоши: отстранения от власти столь выдающегося и талантливого человека. Ничто не помогало: Черчилля к власти не звали. По слухам, главной причиной была личная антипатия к нему Чемберлена. Невилл Чемберлен, тоже по слухам, теперь в Англии пользуется кличкой "Devil Chamberlain". Нехорошо бранить мертвецов (включая сюда и мертвецов политических), да и ничего "дьявольского" в личности покойного премьера, разумеется, не было. Но этот грех перед родиной ему англичане вправе не прощать.

То же самое происходило во Франции -- тут я могу говорить отчасти как свидетель и очевидец. Было несколько энергичных и проницательных людей. Одни из них умерли -- именно тогда, когда больше всего были нужны. Другие не пользовались влиянием. Правил Даладье, Сарро, Поль-Бонкуры; под разными именами на Сене пошел сплошной Поль-Бонкур. Эти люди довольно прочно завладели "властью" как раз в ту пору, когда Гитлер стал канцлером.

Поистине невозможно без душевной боли оглядываться на столь недавнее и столь далекое теперь прошлое. Нужны были чудовищные ошибки, целое море глупости, слабости, бесхарактерности для того, чтобы сделать возможным случившееся. В свое время ведь не было ничего легче, чем предотвратить катастрофу. В 1933 году одного окрика из Парижа и Лондона, одной угрозы мобилизацией, захватом Рурской области было бы вполне достаточно, чтобы Гинденбург убрал Гитлера: Германия тогда не имела ни воздушного флота, ни артиллерии -- она о сопротивлении не могла и думать.

Указывалось, что для вмешательства Франции и Англии не было "ни предлога, ни причины". О "предлоге" можно не говорить: предлогов было сколько угодно. К войне Германия готова не была, но она вооружалась уже до Гитлера. Генерал фон-Шлейхер в бытность свою канцлером приступил даже к постройке подводных лодок. Французский генеральный штаб имел секретное досье о вооружении Германии, о тайных складах оружия, запрещенного Версальским договором. Много раз и французская печать, и французские делегаты в Лиге Наций грозили предъявить это досье. Если бы оно было предъявлено с ультиматумом в 1933 году, то либо Гитлеру пришлось бы положить конец вооружению и выдать все склады -- тогда от его престижа ничего не осталось бы, -- либо Гинденбургу пришлось бы заменить Гитлера другим лицом, более подходящим для союзников да и для всего человечества.

Что же касается "причин", то тут, конечно, роковую роль сыграл (как и в 1918-- 1920 годах) "принцип невмешательства во внутренние дела другого государства". Сколько раз я эти идиотские слова слышал и во французской палате депутатов, и на сессии Лиги Наций: "Чужие внутренние дела, внутренний режим чужого государства нас не касаются!" С каким самодовольством, с какой гордостью эта фраза произносилась! Впоследствии оказалось, что чужие "внутренние дела" все-таки немного "нас касаются". Настолько касаются, что из-за этих чужих внутренних дел Франция и погибла.

В Париже главную ответственность возлагали на англичан: "Мы не могли действовать решительно, потому что Англия этого не хотела и этого не допустила бы". Это верно лишь отчасти. Британский кабинет "допустил" в 1918 свое время занятие Рурской области, произведенное Пуанкаре по гораздо более низменным причинам: не для того, чтобы спасти мир от надвигающейся катастрофы, а для того, чтобы заставить германскую демократию платить деньги, причитавшиеся союзникам по Версальскому договору. В 1933 году дело шло уже не в отношении демократической Германии, а в отношении Германии национал-социалистической. После первых "эксцессов" Гитлера британское общественное мнение было так возбуждено против национал-социалистов, что в Лондоне никто не пошевелил бы пальцем для воспрепятствования энергичной политике Парижа. Но те люди, что во Франции стояли тогда у власти, ссылались на Англию в оправдание своей собственной "нерешительности". Однако доля правды в этом утверждении все-таки была: если бы Англия повела энергичную политику, то Франция ее всецело поддержала бы, тем более, что в 1933 году риска войны не было никакого. Гитлер и Геббельс сами впоследствии издевались над беспомощностью, проявленной в ту пору бывшими союзниками. Для энергичной политики во Франции нужен был бы Клемансо, который, конечно, никого не спрашивая, не спрашивая и Англию, двинул бы войска на Рейн через день после прихода Гитлера к власти. В Англии такую политику мог повести один Уинстон Черчилль.

Надо, впрочем, оговориться. Клемансо верил в силу и только в силу. Он одинаково ненавидел немцев, как демократов, так и реакционеров. О Черчилле этого никак сказать нельзя. В своих воспоминаниях он пишет о Германии без всякой ненависти, отдавая должное мужеству, энергии и качествам немецкого народа. Пока в Германии у власти были демократы, Черчилль решительно стоял за миролюбивое соглашение с ними, за такое соглашение, которое, быть может -- не говорю "наверное", -- сделало бы приход Гитлера к власти невозможным. Об опасности, о необходимости энергичной политики он заговорил лишь после того, как от демократии в Германии больше ничего не оставалось.

В одной из самых замечательных своих речей, произнесенных после назначения Гитлера канцлером, Черчилль говорил о 1918 надвигающейся на Англию опасности: война с расистской Германией становится все более вероятной с каждым днем. Кто может сказать, как кончится эта война? Авиация стала мощным орудием истребления. Вполне возможны налеты немецких летчиков на Лондон, на Бирмингем, на Шеффилд. "Опасность, которая грозит нам, -- сказал Черчилль, -- сулит не только тяжкие страдания, но и гибель: я

разумею завоевание, покорение (Англии. -- М. А.) в настоящем смысле слова. Надо считаться с этим фактом, пока еще есть время для мер по его предупреждению".

Я не знаю, как принимали недоверчивые слушатели эту речь. Вполне возможно, что эти странные предсказания были встречены смехом: никто не верил мрачным пророчествам Черчилля даже гораздо позднее. Невилл Чемберлен, разумеется, пренебрежительно опроверг все его заключения. Факт трагикомический: Ллойд-Джордж, который был в оппозиции правительству и вдобавок терпеть не мог Чемберлена, на этот раз горячо поздравил его с тем, что он так хорошо разгромил "экстравагантные и алармистские суждения", высказанные Уинстоном Черчиллем. -- Теперь тот же Ллойд-Джордж порицает нынешнего главу правительства за все грехи, включая недостаток предусмотрительности!

Так же относились к предсказаниям Черчилля почти вся печать, громадное большинство членов парламента, консерваторы, либералы, социалисты. Он приводил цифры, они немедленно опровергались "из самого осведомленного источника". В ноябре 1936 года он сообщил палате общин, что у Германии есть 1500 аэропланов и что германский воздушный флот уже сильнее английского. Последовало тотчас авторитетное опровержение Болдуина: германский воздушный флот вдвое слабее английского и такое соотношение между ними останется и впредь. Весь парламент и вся Англия были в восторге: Болдуин вполне успокоил страну.

Британское правительство бездействовало. По яркому выражению Черчилля, члены кабинета "decided only to be undecided, resolved to be irresolute, adamant for drift, all powerful for impotence" ["решились только на нерешительность, постановили ничего не постановлять, а плыть по течению со всей мощью импотенции". - англ.], предпочитали ничего не делать. Он предостерегал и французов. Андре Моруа в своей последней книге сообщает, что Черчилль тщетно убеждал его повести в парижских газетах кампанию с требованием усиления французского воздушного флота. То же самое и с таким же успехом он говорил разным французским политическим деятелям. Они его не слушали. Как и англичане, они подписывали одну бумажку за другой. Все бумажки заключали в себе "гарантии". Гарантий у мира было -- и есть по сей день -- сколько угодно. Вера в бумажки останется одной из немногих комических сторон нынешней мировой трагедии.

Практический смысл советов и требований Черчилля сводился к двум положениям: с одной стороны, надо вооружаться, надо вооружаться возможно скорее и решительнее, не останавливаясь ни перед какими жертвами и затратами; с другой стороны, необходимо объединить вокруг Франции и Англии все страны, которые не согласны идти в рабство к немцам. Черчилль был убежден, что если Лондон и Париж поведут энергичную политику самозащиты и защиты мира, то с ними объединятся -- не только посредством бумажек, а по-настоящему -- три четверти европейских государств. Он отстаивал Лигу Наций, отстаивал ее даже после аннексии Австрии! В этом опять коренное различие между ним и Клемансо, который со дня основания Лиги и вплоть до своего последнего дня считал ее глупой выдумкой, решительно ни для чего не нужной.

Предвидя войну с Германией, Черчилль пошел на жертву, которая ему была, вероятно, особенно тяжела: он стал постепенно и осторожно высказываться за соглашение с советской Россией. Едва ли во всей Европе есть государственный деятель, который так ненавидел бы большевиков, как он. Черчилль был главным их врагом в 1918--20 годах, тут снова сходясь с Ллойд-Джорджем. Уйдя от власти, он громил их в своих книгах и статьях так, как из западноевропейских политических деятелей их не громил, кажется, никто другой. Это, правда, ему не мешало очень высоко ставить дарования Ленина. В пятом томе своих воспоминаний он пишет: "Ленин был в отношении Карла Маркса тем, чем Омар был в отношении Магомета... Ум у него был мощный и в некоторых фазах необыкновенный. Ему было доступно понимание всего (It was capable of universal comprehension -- ?!) в степени, редко достигаемой людьми". Однако в Москве отлично знали, что в демократических странах советский строй не имел и не имеет более ожесточенного врага, чем Черчилль. Попытка сближения с большевиками стоила ему,

конечно, недешево. Он надеялся, что можно будет, ценой принципиальных и непринципиальных жертв, ввести СССР в антигерманскую коалицию. "Все отходит на второй план по сравнению с германской опасностью", -- так приблизительно можно передать основной принцип политики Черчилля начиная с 1933 года. В этом у него единомышленников в Англии не было совершенно. Во Франции более или менее (только более или менее) близок был к его взглядам Поль Рейно, который высказывал эти взгляды неизмеримо осторожнее. До некоторой степени к его единомышленникам может быть причислен еще Мандель, но он в последние годы большим влиянием не пользовался. Манделя в Париже очень не любили, что он без основания приписывал своему еврейскому происхождению. [В июне 1940 года, в пору французской катастрофы, Мандель сказал: "И ведь я мог бы спасти Францию, если бы я только назывался Дюбуа!". Мандель хотел сказать, что ему помешали спасти Францию его еврейское имя и происхождение. Едва ли это верно: во Франции это тогда имело мало значения. (*Примечание М. Алданова*)]

Мандель, ученик и ставленник Клемансо, выражал традиции своего учителя. Если проницательность Черчилля вызывает справедливое удивление, то еще в большей степени приходится удивляться проницательности Клемансо, который, как известно, не дожидаясь прихода Гитлера к власти и который тем не менее был совершенно убежден в неминуемости катастрофы. За несколько месяцев до своей кончины, в 1929 году, он сказал, что новая война начнется через десять лет и что Франция в ней будет разбита. Это сбылось с совершенной точностью: война началась ровно через десять лет после того, как эти слова были сказаны. Я не стал бы ссылаться на столь замечательное предсказание, если бы оно было кем-либо опубликовано теперь: сам Клемансо говорил, что нет ничего легче, чем предсказывать то, что было. Эти его слова были опубликованы вскоре после его смерти. Разумеется, никто на них внимания не обратил. В отличие от Клемансо, Черчилль не был ни пессимистом, ни мизантропом: он верил если не в ум и проницательность, то в мощь и в моральные силы своего народа. В одной своей статье, напечатанной в 1936 году, он пишет: "Хотя я ясно вижу темную сторону вещей, все же в явном противоречии с этим я каждое утро просыпаюсь с новыми надеждами, с возрожденной энергией. Я твердо верю, что английский народ пока остается хозяином своей судьбы. Думаю, что у нас еще будет время для исправления прошлых ошибок. Верю также, что дух нашего народа здоров, что его миссия не кончена. Я намерен выполнить и свою долю работы, пока мне еще дана жизнь и пока у меня остаются силы". Свою долю работы он, как мы все знаем, выполняет, выполняет даже с некоторым избытком. Боюсь, что здоровье его надорвано; это чувствуется и в радиопередачах его голоса, и в его снимках на экране. Заменить его некем. В случае его ухода в отставку (не по болезни) возможен только кабинет Ллойд-Джорджа или какого-нибудь лорда Лондондерри для заключения мира. В этом случае полностью сбылись бы слова, сказанные Черчиллем в речи 24 марта 1938 года: "Я был свидетелем того, как этот знаменитый остров (Англия -- М. А.) безостановочно спускался по лестнице, ведущей к мрачной пропасти. В начале лестница широка и прекрасна, но вскоре ковер кончается. Еще немного дальше -- отдельные ступеньки, а затем и они обрываются под ногами..."

1941, Нью-Йорк

Марк Алданов. Астролог

Рассказ

Автор осенью прошлого года посещал в Европе французских и немецких астрологов. Их сообщения и сеансы частью послужили материалом для настоящего рассказа.

I

"Сударыня, я получил Ваше письмо и благодарю Вас за доверие. Я тотчас приступил к сложным вычислениям, которых требует составление гороскопа. Эта работа еще далеко не

закончена, но я уже мог убедиться в том, что судьба складывается для Вас как будто весьма благоприятно.

Могу уже сделать и некоторые выводы относительно Вашей личности. Ваш характер весьма симпатичен. Вы очень умны, хотя Ваши недоброжелатели это отрицают. Вы сотканы из противоречий. Иногда Вы тверды и мужественны, но иногда легко поддаетесь чужим, не всегда благотворным влияниям, теряете мужество и бодрость. Вы страстно жаждете жизни, однако порою чувствуете большую душевную усталость. Некоторых противоречий Вашей сложной натуры Вы еще не знаете сами. Не все люди видят Ваши редкие и прекрасные качества.

Счастливы ли Вы? Не думаю. Между тем в Вашей судьбе заложены возможности великого счастья. Некоторые из них уже были Вами упущены, о чем Вы, вероятно, и не догадываетесь. Опытный руководитель мог бы сделать Вас счастливейшей женщиной. Предлагаю Вам свое испытанное руководство.

По Вашим словам, Вас еще больше, чем Ваша судьба, интересует отношение к Вам человека, которого Вы любите. Но разве одно не связано теснейшим образом с другим? Думаю, что Вы созданы для этого человека и могли бы сделать его счастье. К сожалению, указаний, которые Вы о нем даете, совершенно недостаточно. Для бесспорного ответа на волнующие Вас вопросы я должен составить и гороскоп этого лица. Поэтому мне необходимо знать дату его рождения. Кроме того, многое может быть выяснено и не астрологическим путем. Вам известно, что я не только астролог. Не считайте меня нескромным, если я скажу, что своей мировой славой я обязан в такой же мере своим познаниям в хиромантии, онейромантии, офиомантии, рабдомантии, экономантии, -- великих и древних науках, изучению которых посвятили долгую жизнь и я, и все мои предки.

Всё это требует личного свидания и беседы. Вы спрашиваете о моих условиях. Как Вам, конечно, известно, я не корыстолюбив и охотно работал бы на пользу людей совершенно безвозмездно, если бы в этом не было элемента, оскорбительного для моих клиентов. Ваша личность так привлекательна и судьба Ваша так меня заинтересовала, что я готов предоставить Вам льготные условия, которых я не предоставляю даже самым знаменитым писателям, врачам, адвокатам, устаивающим меня издавна своего доверия. Предлагаю Вам следующее:

1) За сообщенное в настоящем письме я не беру с Вас *ничего*.

2) Ваш полный гороскоп обойдется Вам в двести (200) марок. С рядовых клиентов я обычно беру вдвое больше. До войны мне случалось составлять гороскопы представителей англо-американской плутократии, как Франклин Рузвельт, Рокфеллер, Вандербильт, герцоги Вестминстерский и Норфолькский, сэр Вальтер Скотт. Они платили мне тысячи долларов, которые я почти целиком отдавал на благотворительные дела.

3) Если Вы пожелаете иметь также гороскоп человека, о котором Вы говорите в письме, то я по совокупности возьму с Вас за оба гороскопа триста пятьдесят (350) марок.

4) Если Вы сделаете мне честь посетить меня в среду, в 10 часов утра, то консультация, с раскладкой карт, обойдется Вам лишь в пятьдесят (50) марок.

В ожидании Вашего скорого ответа прошу Вас принять уверение в моей совершенной преданности. Neil Hitler!"

За подписью следовала дата: "13 апреля 1945 года. Сидеральный час 10.30". Наверху листа были выгравированы имя и адрес Профессора, номер его телефона и слова: "Просят прилагать почтовую марку для ответа". Имя у него было длинное и странное. Прежде он считался индусом, но с начала войны говорил, что он индонезиец.

Профессор перечел копию своего письма и вздохнул. Не любил обманывать людей, однако надо было жить. "Ах, Боже мой, очень многое в жизни построено на человеческом легковерии, и какое это было бы несчастье, если бы люди не были легковерны!" -- подумал он и на этот раз. Пожалуй, в письме не следовало упоминать об англо-американской плутократии, особенно теперь, когда дела Германии шли так плохо. Но Гестапо нередко

вскрывало его корреспонденцию. Кроме того, в день, когда он писал письмо, положение стало лучше: русские больше не наступали, радиокомментаторы говорили, что между большевиками и демократиями произошел разрыв. Умер президент Рузвельт, и это событие тоже толковалось радиокомментаторами, как огромная удача национал-социалистов. Быть может, лучше было бы и не упоминать о Вальтере Скотте; впрочем, Профессор по долгому опыту знал, что его клиенты в громадном большинстве люди необразованные. "Письмо написано хорошо. Нет такой женщины, которая не думала бы, что она очень умна, что у нее редкие, прекрасные качества и сложная, противоречивая натура, что она создана для любимого человека и что ее не ценят недоброжелатели".

В письме, полученном им от этой дамы, не было ничего интересного. Большая часть клиентов не называла вначале своего имени и просила посылать письма "до востребования". Позднее же многие, особенно дамы, не только называли имена, но и сообщали о себе все, вплоть до самых интимных дел. Профессор первые свои выводы делал по слогу письма, по бумаге и почерку. Перед свиданием он всегда перечитывал запрос и копию своего ответа. Годы на нем сказались: память ослабела, он стал в последнее время болтлив и повторял одно и то же еще много чаще, чем это делают все люди.

В этот день у него с утра было знакомое неприятное ощущение под ложечкой, обычно, хотя и не всегда, предвещавшее припадок. Он плохо спал, проснулся очень рано, первым делом отворил окно, застегнув халат, чтобы не простудиться, и прислушался. В Берлине говорили, будто по ночам слышится отдаленный грохот пушек. "Нет, кажется, ничего не слышно... Ночью налета не было... Ох, пора уезжать"...

Это был маленький старичок с желтыми волосами вокруг желтой лысины, с хитрыми желтыми глазками, с желтой бородой, с желтым утомленным лицом. Профессор страдал болезнью печени и по возможности это скрывал, чтобы не повредить своей торговле: хотя клиенты не могли требовать, чтобы астролог был бессмертен, болеть ему не полагалось. Он был чистокровный немец, но с годами в его внешнем облике появилось что-то восточное, -- это было даже не совсем безопасно: могли принять за еврея. Говорил он с неопределенным иностранным акцентом, справедливо рассчитывая, что в Берлине никто не может знать, с каким именно акцентом говорят по-немецки индонезийцы. Разумеется, полиция прекрасно знала, кто он. Однако астрология запрещена в Германии не была. У Фюрера были свои астрологи. Первого из них, Гануссена, давно убили, -- это могло объясняться его еврейским происхождением. Новый астролог Гитлера, Дитерле, по слухам, и теперь постоянно у него бывал, в рейхсканцлерском дворце, на фронтах, в "Орлином Гнезде", в нынешнем подземном убежище на Вильгельмштрассе. В последнее время астролог Вульф стал посещать Гиммлера. Профессор был знаком и с Гануссеном, и с Дитерле, и с Вульфом; отзывался о них всегда сдержанно-корректно, как порядочный врач отзывается о других врачах, но в душе их терпеть не мог и считал шарлатанами.

Он прошел в ванную комнату -- горячей воды давно не было, -- и минут сорок занимался туалетом. Чистота была слабостью Профессора; он говорил приятельницам, что у порядочного человека может быть в общественной жизни только один идеал: дожить до того времени, когда купаться каждый день будет так же обязательно, как есть каждый день. Надушившись крепкими *восточными* духами, расчесав золотым гребешком бороду, срезав торчавшие из ушей и ноздрей желтые волосы, он надел черный костюм, сшитый у лучшего портного, с двумя внутренними карманами, с отворотами на брюках, правда, сшитый уже довольно давно, в ту пору, когда из Бельгии и Голландии привезли в Берлин прекрасное английское сукно. Профессор не был богат. Его состояние, скопленное годами труда, растаяло в пору инфляции, -- знакомые скептики, к крайней его досаде, издевались: "Как же вам звезды не сообщили, что марка полетит к чёрту?" Правда, заработки его увеличились при Гитлере. Все случившееся в Германии было так странно и неправдоподобно, что, по-видимому, люди стали больше верить в колдовство. Попадались клиенты и среди новых господ. Профессор их боялся, но и они боялись астрологов;

впрочем, платили скупое, торговались и порою намекали на свои связи. Он с достоинством отвечал, что кое-какие связи найдутся и у него, однако тотчас соглашался на скидку. По своей доброте и жизнерадостности, Профессор недолго любил национал-социалистов и до 1933 года называл Гитлера "Маляром". Веймарскую республику Профессор тоже недолго любил -- всего больше за инфляцию -- и называл Эберта "Шорником". Настоящая жизнь была до первой войны. Профессор ненавидел войну и приходил в уныние, когда в газетах начинали появляться географические карты.

Его небольшая квартира была обставлена частью в готическом стиле, частью в восточном: не то индийском, не то турецком. Профессор был женат два раза. Обе жены от него ушли: первая признала, что он для нее слишком глуп, вторая, -- что он слишком глубок: они не интересовались астрологией, и им было с ним скучно. "Чаще всего люди разводятся оттого, что им не о чем говорить друг с другом", -- грустно думал он. Впрочем, он не очень горевал и находил, что в одиночестве есть известные преимущества: например, очень приятно спать одному -- зажигаешь лампу, когда хочешь, тушишь, когда хочешь, тянешь к себе одеяло, как хочешь. Его приятельницы жаловались, что он всегда рассказывает одни и те же истории, все больше астрологические. Он недоумевал: неужели это не интересно? Однако иногда сам удивлялся, что ему не о чем рассказывать: так мало событий случилось с ним за семьдесят лет, в самую бурную эпоху истории. Изредка он приглашал бывших приятельниц на обед, всегда в очень хороший ресторан, и заказывал дорогие вина. Скуп никогда не был, хотя, случалось, с легким огорчением вспоминал об истраченной без необходимости сотне марок. Любезен он был чрезвычайно и всем знакомым, дамам и мужчинам, говорил в глаза только приятное, зная, как мало этим люди избалованы и как это ценят. В пору своих поездок на курорт он в вагоне, надев шапочку и мягкие туфли, угощал соседей конфетами и хвалил удобства железных дорог. Профессор даже о погоде старался отзываться лестно, точно допускал, что и она любит комплименты. О политике же он старался не говорить, особенно с июля прошлого года: заговор поразил его еще больше, чем война -- войны бывали всегда, но уж если вешают германских фельдмаршалов, значит, в мире возможно решительно все.

В столовой был приготовлен утренний завтрак. Профессор не держал ни горничной, ни кухарки. Он всегда чувствовал неопределенное беспокойство, когда в доме находился посторонний человек. Утренний завтрак готовила уборщица Минна, угрюмая, неболтливая женщина, приходившая только на два часа в день. Она была совершенно равнодушна к личности своего работодателя и к его занятиям, убирала же квартиру хорошо. Прежде по утрам Минна готовила ему яичницу с салом, овсянку, компот. Теперь все было трудно доставать. Яичница запрещалась при камнях в печени. Профессор выпивал утром только две чашки кофе с поджаренным хлебом. Однако утренний завтрак по-прежнему составлял одну из лучших радостей его жизни. Кофе был сносный. Но он помнил настоящий кофе, тот, что был при императоре Вильгельме, тот, что он пил у Кранцлера, у Бауера и в Café Victoria.

За завтраком Профессор развернул газету и изменился в лице. Русские начали наступление на фронте шириной в триста километров. Наступали одновременно десять советских армий. На первой странице был помещен приказ Фюрера по войскам восточного фронта. "Наш враг No 1, иудо-большевики, бросили свои азиатские орды против нашего отечества с тем, чтобы положить конец германской цивилизации. Мы предвидели это наступление и с 11 января установили прочный фронт", -- читал Профессор с проклятиями. "Знаю, как Маляр все предвидел! Красил бы лучше заборы!" -- думал он. "...Большевиков на этот раз ждет участь всех азиатских завоевателей. Они погибнут под стенами нашей столицы..." "Вот оно что! Уже дошло до "стен нашей столицы", -- мрачно думал Профессор. "...В момент, когда судьба убрала из мира величайшего военного преступника всех времен, решается судьба войны..." Профессор не сразу понял, что величайший военный преступник всех времен был президент Рузвельт. "Кажется, Маляр совершенно выжил из ума..." На западном фронте дела были не лучше,

чем на восточном. Третья американская армия генерала Паттона перешла чешскую границу. Первая армия генерала Ходжеса тоже стремительно продвигалась вперед. "Хоть бы они сюда пришли первыми, а не русские", -- подумал Профессор. "Конечно, надо бежать, но как? Давным-давно надо было уехать в Швейцарию..."

Он вздохнул и перешел в свой рабочий кабинет. В этой большой роскошной комнате на одной стене висела огромная картина, изображавшая процессию факиров на Ганге, а на другой -- знаки Зодиака. На полках стояли прекрасно переплетенные Эфемериды. На небольшом узком столе, крытом желтой бархатной скатертью с вышитыми на ней восточными письменами, лежали магический шар и старинный футляр с картами. По сторонам узкого стола стояли два высоких готических стула. Все было в совершенном порядке. В комнате приятно и странно пахло. Профессор отворил готический шкаф, надел желтую мантию и белый тюрбан. Несмотря на многолетнюю привычку, ему всегда было немного совестно надевать этот наряд.

До времени, назначенного клиентке, еще оставалось минут десять. Он плотно затворил дверь и пустил в ход радиоаппарат. В этот час обычно говорила тайная германская радиостанция. Профессор относился к ней подозрительно: не очень верил в существование тайной радиостанции в Германии. Кроме того, три четверти ее сообщений казались ему враньем. Сердитый голос внезапно с середины фразы закричал, что теперь дело Гитлера, конечно, совсем кончено. Никак не приходится ему надеяться и на распря между большевиками и демократиями: президент Трумэн твердо решил не включать в свой кабинет Бернса, который высказывается против уступок России, а назначение Молотова главой советской делегации в Сан-Франциско свидетельствует об искренней дружеской симпатии Сталина к новому президенту Соединенных Штатов.

В передней прозвучал очень короткий, какой-то робкий и жалостный звонок. Профессор поспешно закрыл радиоаппарат и перевел стрелку на другую, далекую волну. Затем усилил огонек под медной чашкой с восточными ароматами и вышел в переднюю. Он отворил дверь, приложил правую руку к тюрбану и впустил даму в кабинет.

II.

-- Прошу вас садиться, -- с индонезийским акцентом сказал он, пододвигая даме готический стул и внимательно в нее вглядываясь. Личные наблюдения над клиентами были главным источником его предсказаний. Он был наблюдателен, знал (особенно прежде) толк в людях и отлично понимал клиентов. "Помесь Фрейда с жуликом", -- сказал о нем посетивший его из любопытства иностранный писатель.

На даме была густая вуаль. В этом для Профессора тоже ничего необычного не было: многие клиентки вначале скрывали наружность, хотя он никак не мог их знать, и поднимали вуаль лишь минут через десять. "Одета хорошо. Молода и, кажется, красива", -- подумал Профессор. Женщины теперь волновали его меньше, чем прежде, но волновали (в прошлом году он по-настоящему расстроился, когда в первый раз в его жизни дама уступила ему место в автобусе). "Очень нервна... Деньги требовать вперед незачем: эта заплатит"... Клиенты иногда его обманывали: отказывались платить за гороскоп да еще ругались. Это обычно бывало в тех редких случаях, когда гороскоп оказывался неблагоприятным. Профессор отлично знал, что неблагоприятные гороскопы невыгодны, и по возможности их избегал. Однако, когда клиент требовал уж слишком большой порции счастья, когда уродливая дама желала пламенной любви, глубокий старик -- еще полстолетия жизни, биржевик -- удвоения стоимости акций Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft. Профессор им в этом отказывал: нельзя было портить себе репутацию однообразием благоприятных предсказаний. Если же клиент повышал голос или начинал скандалить, Профессор кротко говорил, что не несет ответственности за показания небесных светил и денег насильно не требует. В таких случаях не прикладывал руки к тюрбану, но полицией никогда не грозил. Недолго любил полицию даже во времена императора Вильгельма.

-- Вы пришли в ранний час: в час Сатурна, -- сказал он медленно глубоким низким голосом. Говорил обычно одно и то же: больше для того, чтобы дать клиентке время справиться с волнением. Вдобавок любил себя слушать. -- Чем раньше беседовать с Рокком, тем лучше. Я всегда встаю до зари, и каждое утро люблюсь великим чудом мира. Темная ночь бежит от восходящего Солнца. Пышно и величественно появление величайшего из небесных светил. На Востоке появляются первые пурпурные полосы. Но еще темен небосклон на Западе. Солнце всходит. Солнце взошло. Его приветствует вся тварь земная. Поют птички. Все радуются начинающемуся дню. Только слабый безумный человек не радуется каждодневному чуду. Отчего?

-- Я... Не знаю, -- тихо сказала дама. Профессор, впрочем, и не ожидал ответа: знал, что даже очень находчивому человеку трудно ответить на его вопрос. Он по-прежнему изучал даму. Она ни на что не смотрела: ни на его мантию, ни на знаки Зодиака, ни на картину. "Женщина легкого поведения? Конечно, нет. Артистка? Тоже нет..."

-- Солнце, -- продолжал Профессор, -- исполнено разума. Это знал еще Кеплер, величайший из всех астрономов и астрологов мира. Помните ли вы его трактат о Марсе? В нем он мудро говорит: "Планеты должны обладать разумом: иначе они не могли бы так правильно следовать по эллиптическим путям в полном соответствии с законами движения".

Дама, очевидно, не помнила кеплеровского трактата о Марсе. Она сидела молча, неподвижно глядя перед собой.

-- Ваш приход сюда, сударыня, -- сказал Профессор, -- показывает, что вы приняли мое предложение и мои условия. Перед тем, как перейти к картам, я должен задать вам несколько вопросов. Вы страстно любите одного человека. Судьба обычно снисходительна к нашим страстям, если они чисты, не губительны для души и не вредят другим людям. Вы писали, что сомневаетесь в любви этого человека к вам. Он не женат, обещал вам на вас жениться и не выполняет своего обещания. Так, сударыня? -- спросил Профессор. Он называл своих клиенток по-разному, то "сестра моя", то "госпожа моя", то "радость моей души", то просто "сударыня".

Дама молча наклонила голову.

-- От астролога не должно быть секретов, да и не может быть: звезды скажут мне то, что вы утаили бы от меня... Вы находитесь в греховной связи с этим человеком?

-- Нет... Да, -- поколебавшись немного, прошептала дама.

-- Думаете ли вы, что он любит другую?

-- Нет.

-- Быть может, ему нужны деньги, а их у вас нет?.. Я это говорю не в плохом для него смысле. Очень порядочные люди иногда не женятся потому, что не могут содержать семью...

-- Деньги тут ни при чем, -- перебила его дама.

-- Чем же вы объясняете его отказ исполнить свое обязательство?

-- Я... Я именно это хотела узнать у вас.

-- Я это вам и сообщу, -- сказал Профессор и пододвинул к даме магический сосуд. -- В этом шаре находится вода Ганга. Положите на него левую руку. Но сначала, конечно, снимите перчатку. И если вам все равно, поднимите вуаль. Зачем она? Зачем скрывать лицо, когда я вхожу в соприкосновение с вашей душой? Дама подняла вуаль. Она в самом деле была хороша собой. "Что-то есть в ней простонародное. Кажется, здорова как бык, но глаза маньячки, очень странное сочетание"... По привычке он хотел было определить, представляет ли эта женщина доброе или злое начало жизни, но затруднялся. "Нет, доброты ее лицо не выражает. Страстность -- да. Неразделенная страсть".

-- Левую. Я сказал левую, -- поправил он ее. Когда дама положила руку на шар с водой. Профессор немного помолчал и подлил жидкости в медную чашку. Приятный, чуть пьянящий запах усилился.

-- Сусабо! Мизрам! Табтибик! -- глухим голосом сказал Профессор и положил свою руку на руку дамы. Ее рука была холодна. Лицо ее все бледнело. "Очень нервна", -- подумал он, не сводя с нее глаз. Затем он закрыл глаза. Он и сам был немного взволнован. "Жаль, что написал о Вальтере Скотте... Неглупа... Бедная женщина... Кажется, она плохо кончит", -- думал он, подготавливая свой ответ.

-- Я не могу... Я больше не могу! -- шепотом сказала дама. Профессор открыл глаза и сказал строго:

-- Вы должны были молчать. Ваши слова нарушили цепь душ. Теперь ее надо восстановить. -- Он встал, вспрыснул руку жидкостью из хрустального флакона, вытер ее белоснежным платком, снова положил ее на руку даме и снова закрыл глаза. Его лицо тоже стало бледнеть. Через минуту он поднял руку и приложил её к тюрбану.

-- Вы будете счастливы. Вы будете жить очень долго: еще сорок девять лет, семь месяцев и шестнадцать дней.

-- А он? -- спросила дама, безжизненно на него глядя. По-видимому, его слова не произвели на нее впечатления. Это немного задело Профессора.

-- Позвольте перейти к картам, -- сказал он, точно не слыша ее вопроса, и взял со стола футляр, -- Как вы знаете, карты колоды соответствуют разным человеческим характерам. Вы трефовая дама. Трефовая дама означает доброту, благородство и ум, при некоторой неустойчивости характера. -- Он принялся метать, -- Правая карта указывает на характер человека. Левая говорит о том, что его ждёт. Вы видите, я не ошибся: трефовая дама лежит справа.

Он положил карты и поднял руку.

-- Сусабо! Мизрам! Табтибик! -- повторил он еще внушительнее, чем в первый раз, и, по-прежнему не сводя глаз с дамы, снова взял колоду. -- Девятка бубен... Сударыня, вы находитесь накануне важных решений. Очень, очень важных. Девятка бубен выпала аргонавтам, когда они решили сесть на корабль Арго. Шестерка червей... Благородный, самоотверженный поступок, -- сказал Профессор, качая головой, точно с сомнением. -- Восьмерка червей... Свершится то, чего вы давно и страстно желаете... Думаю, что вы будете счастливы.

-- Значит, вы не уверены?

Профессор немного помолчал.

-- Сударыня, в жизни есть два начала: доброе и злое. Какое из них сильнее, этого не дано знать людям. На первый взгляд ненависть более могущественное начало, чем любовь. Но прочно в жизни только доброе начало. Вечное начало любви, то единственное, что дает счастье в жизни. Ненависть приносит удачу, счастья же она не дает, -- сказал он и задумался, с сокрушением глядя на даму. Профессор точно вдруг спохватился. -- Вот то, что я пока могу вам сказать. Но, как вы знаете, ваш гороскоп еще не вполне составлен. Показания небесных светил обычно не расходятся с показаниями карт. Однако бывали и исключения. Великий Валленштейн был исключением... Еще был ли он, впрочем, велик? У великих людей этого рода, в сущности, необыкновенна была только энергия. Всем их идеям была грош цена. Может быть, и как людям им была грош цена... Не всем, конечно, -- вставил Профессор, опять спохватившись.- Это, конечно, не относится к такому необыкновенному человеку, как Фюрер... Вы спрашиваете, женится ли на вас человек, которого вы любите. Я должен вернуться к тому, что сказал в письме. Для полной уверенности я должен составить и его гороскоп. Если вы небогаты, я сделаю для вас скидку. Второй гороскоп обойдется вам всего в сто марок. Деньги совершенно меня не интересуют.

-- Дело не в деньгах!.. Но... Я не могу вам назвать его имя... Это было бы с моей стороны нескромно.

-- Его фамилия мне не нужна. Я ведь не спрашивал о фамилии и вас. Для удобства я желал бы знать ваше имя?.. Впрочем, и это необязательно. Прародительница женщин была Ева, -- с улыбкой сказал Профессор то, что он говорил всем клиенткам, не желавшим себя

назвать. -- Так вас и будем называть в гороскопе. Мне нужно знать число и год его рождения или число и год его зачатия. Больше ничего.

-- Как?.. Как вы?.. Как можно знать число зачатия человека?

-- Разумеется, в громадном большинстве случаев дату зачатия можно знать только приблизительно. Но небесные светила не меняют своего положения в домах Зодиака в одно мгновение. Ошибка в несколько дней не имеет большого значения. Ведь даты рождения людей в Древности не были известны с совершенной точностью. Между тем их гороскопы были составлены и сбылись... Разве вам не известна дата рождения человека, которого вы любите?

-- Нет... Да, она мне известна... Он родился 22 апреля 1889 года.

"Не очень же он молод, ее голубчик!" -- подумал Профессор с некоторым удивлением. Он взял стилограф, наполненный красными чернилами, и написал на блокноте красивым, четким почерком с завитушками: "Рожд. 22 апреля 1889 г."

-- Оба гороскопа будут готовы через неделю. Зайдите ко мне в среду, опять в сидеральный час Сатурна... В десять часов утра, -- пояснил Профессор и вспомнил, что через неделю он, быть может, уже уедет. -- Или, если хотите, заплатите мне сейчас, а я pošлю вам гороскоп по почте... До востребования, до востребования,

-- Ради Бога... ради Бога, сообщите мне все раньше!

-- Хорошо, во вторник.

-- Еще раньше, умоляю вас. Неужели нельзя получить гороскоп завтра? Ну, хоть послезавтра.

-- Тогда мне придется работать всю ночь. Я готов для вас и на это, но я должен буду прибегнуть к помощи одного молодого сиама, которого я посвятил в простейшие тайны нашей науки. Он помогает мне в вычислениях. Вы поймете, однако, что я не могу эксплуатировать его труд. Это будет вам стоить еще пятьдесят марок.

-- Я охотно заплачу что надо. Нельзя ли завтра?..

-- Нет, завтра нельзя, -- строго сказал Профессор. -- Он спорил только для престижа: ему было совершенно все равно, когда сдать гороскоп. -- Знаю, с каким трепетом люди ждут моих предсказаний. Поверьте, вам нечего волноваться: мне уже почти ясно, что гороскоп будет благоприятен. Он женится на вас.

-- Вы думаете? Вы уверены?

-- Я почти уверен: почти, -- внушительно сказал Профессор.

III.

Четыреста марок были деньги. Однако настроение духа у Профессора улучшилось лишь на несколько минут. Неприятное ощущение под ложечкой не проходило. "Настоящее счастье в мире одно: никогда не чувствовать ни одной точки своего тела. И именно это счастье мы начинаем ценить только тогда, когда оно исчезает", -- подумал Профессор. Он любил философию и в молодости одолел половину "Критики чистого разума"; только дочитав до 300-й страницы, решил, что незачем истязать себя: "Я не приват-доцент и не факир". Книг же вообще прочел довольно много.

Профессор спрятал деньги в потайной ящик письменного стола. Минна воровала только натурой: таскала сахар, кофе, реже простыни, но денег не брала. Лучше было, однако, не вводить людей в искушение. В ящике лежало пять тысяч марок, триста пятьдесят швейцарских франков, десять золотых монет императорского времени, золотой портсигар, два кольца. Больше у Профессора ничего не было. Страхового полиса он не имел, так как не верил в прочность валюты, в банке денег не держал, так как не верил банкам. При виде военного с пышными усами, с гордо закинутой головой. Профессор, вздохнув, подумал, что в то счастливое время человека, не верившего банкам, сочли бы психопатом, а о падении валюты никто и не слышал. "Да, плохо. Все стало гадко. Пожалуй, еще можно улететь".

Один сановник-клиент, хорошо к нему относившийся и гораздо более благодушный, чем другие, мог достать ему место на аэроплане. Виза в Швейцарию у Профессора была готовая: он давно чувствовал, что их дело идет к концу, -- так вошел с годами в роль восточного волшебника, что теперь на немцев смотрел как бы со стороны, и даже мысленно говорил "они". "Везде в мире очень многое зависит от успеха, но у них от успеха зависит решительно все. Они циники и нигилисты, сами того не замечая", -- думал Профессор. Тем не менее, уезжать было тяжело. Он любил Германию, любил Берлин, когда-то такой уютный, любил свою квартиру, мебель, вещи. "Минна растащит все... И как же это: уехать навсегда? В политике будто бы ничего не бывает "навсегда". Но когда человеку под семьдесят лет, то "навсегда" не очень много и значит"... С некоторых пор стал читать медицинские статьи в газетах. "Однако гороскоп дал прекрасные результаты"...

Профессор не верил ни в хиромантию, ни в офиомантию, ни в рабдомантию. В сны не верил совершенно: они обычно бывали слишком глупы даже для самых глупых клиентов. Но в астрологию, в настоящую астрологию, он верил твердо. Помнил, что Теаген с точностью предсказал Октавию его судьбу, что Скрибоний составил изумительный гороскоп Тиберию, что Нострадамус предсказал мировые события за четыре столетия вперед. Для своих клиентов он особенно не старался: нельзя было тратить месяц на каждого клиента. Над собственным же своим гороскопом работал очень, долго и лишь недавно его закончил. Он вынул тетрадь в прекрасном кожаном переплете.

В тетради были отлично вычерченные карты, страницы расчетов, текст заключений. Все было написано разноцветными чернилами, старинным письмом. В день рождения Профессора Солнце и Сатурн шли параллельно в 9-м и 10-м домах Зодиака. Так было в день рождения Людовика XIV, и этот король жил 77 лет. Сатурн находился в сфере влияния Марса. Это обычно ничего хорошего не обещало. Влияние Марса сказалось на судьбе Сади Карно, который, правда, стал президентом Французской республики, но был заколот анархистом. "Правда, при некоторых обстоятельствах влияние Марса парализуется влиянием Венеры, и у меня дело обстоит именно так. Гороскоп отличный... Но уезжать все-таки надо. Денег года на два, при скромной жизни, хватит и в Швейцарии. Правда, очень противна скромная жизнь", -- рассеянно думал он сразу о нескольких предметах.

В передней вдруг прозвучал звонок, совершенно не похожий на первый: властный, долгий, непрерывный. Так часто звонили люди из Гестапо. Профессор поспешно встал и направился к двери. "Что это такое? С ума он сошел, что ли..." Посетитель не отнимал пальца от пуговки. В переднюю не вошел, а скорее ворвался высокий, очень широкоплечий человек в черном штатском пальто. "Грабитель!"

-- Что такое?... Что вам угодно?..

-- Я к вам... По делу, -- сказал незнакомый человек неприятным сиплым голосом. Очевидно, он грабителем не был, да грабитель и не стал бы так звонить. Тем не менее, Профессор продолжал смотреть на него растерянно. Лицо у незнакомца было рассечено шрамом от уха до рта. "Где я его видел?... Кто это? Чего ему нужно?" Незнакомый человек, не снимая пальто, вошел в кабинет, бросил быстрый взгляд по сторонам, впился тяжелыми глазами в хозяина и, не дожидаясь приглашения, сел на высокий готический стул, который чуть хрустнул под его тяжестью.

-- Прошу покорно садиться, -- сказал Профессор, забыв об индонезийском акценте. Сердце у него билось. Он и сам не мог понять причины своего волнения. Никакого злого умысла у этого человека все-таки быть не могло. "Кто такой? Какая зверская морда!.. Шрам не от мензуры и скорее недавний... Выправка военная, но у кого же из них нет военной выправки? Одет плохо, хотя все новенькое и дорогое. Не умеет носить, не привык..."

-- Вы этот... Колдун? -- спросил человек с шрамом.

"Может быть, он пьян? -- подумал Профессор. -- Если бы он был подослан Гестапо, он был бы вежлив и любезен".

-- Я не колдун, а астролог, -- мягко сказал он. -- Я предсказываю людям их участь главным образом на основании научной астрологии. Иногда я пользуюсь также методами хиромантии, онейромантии, офииомантии, рабдомантии и экономантии, -- добавил он. Профессор вначале говорил всем одно и то же, но о восходе солнца, о птичках и о Кеплере этому посетителю не сказал. Человек со шрамом тотчас перебил его.

-- Я ничего ни в каких таких мантиях не понимаю! Мне сказали, что вы гадаете по картам, по звездам и по руке.

-- Смею ли спросить, кто вас ко мне направил?

-- Это все равно.

-- Мне это действительно все равно. Моя наука, в которой нет ничего недозволенного, открыта всем. Кроме спекулянтов. Ко мне изредка приходят люди, желающие знать, когда кончится война. Им это верно нужно для их биржевых операций. Но небесные светила не интересуются денежными вопросами, и положение планет на небе не может быть использовано для наживы, которая противоречила бы воле Фюрера, -- сказал с самым невинным видом Профессор, слышавший, что Гестапо в последнее время подсылало к предсказателям провокаторов, справлявшихся о будущем курсе военных займов. "Вот сейчас увидим, спросит ли он, кто у меня бывал по этим делам". У Профессора был готов ответ, что он никогда не спрашивает фамилию клиентов. Однако человек со шрамом такого вопроса не задал.

-- А что показывают эти... небесные светила? -- спросил он.

"Нет, не провокатор", -- подумал Профессор. "Может быть, клиент из Гестапо, таких много. А может быть, и не из Гестапо". Ему было хорошо известно, что у многих деятелей Гестапо вид очень мирный и добродушный.

-- Наша наука, -- сказал он уже спокойнее и с индонезийским акцентом, -- основана на одном факте, проверенном мудростью столетий. Этот факт заключается в следующем. В жизни каждого человека бывают два момента, когда его судьба пишется на небе и определяется на всю жизнь. Это день его рождения и день его зачатия. Впрочем, древние мудрецы определяли положение небесных светил еще и в третий момент: в день смерти человека.

-- Зачем в день смерти человека?

-- Для определения благоприятного момента для погребения: для того, чтобы обеспечить человеку радушный прием в лучшем мире, -- сказал Профессор и увидел, что радушный прием в лучшем мире не интересует этого клиента. "Конечно, грубый материалист, как они все", -- подумал он с презрением: терпеть не мог материалистов. "По всей видимости, наци... Это мы тоже сейчас проверим". -- Показания небесных светил, -- продолжал он, -- желательно пополнять показаниями волшебных карт. Есть разные системы гадания по картам. Я, например, никогда не пользуюсь древней системой египетского тарока, потому что в нем все основано на сопоставлении судьбы человека и букв еврейского алфавита. Это было бы несогласно с предначертаниями Фюрера. Каждая буква еврейского алфавита, как мне известно из обличительной литературы, что-то означает. Так, буква "шин" означает близкое сумасшествие, а буква "ламед" -- виселицу.

-- Ламед? -- повторил, вздрогнув, незнакомец.

-- Да. Как ариец, я не желаю пользоваться этой системой, хотя Аристотель именно по ней предсказал будущее Александру Македонскому.

-- Ламед! К черту ламед! -- сердито сказал незнакомец. "Так и есть, наци. Едва ли офицер. Скорее из Гестапо или дружинник", -- подумал Профессор.

-- Я и говорю. Но есть другие, чисто арийские, системы. Вам угодно ограничиться картами?

-- Сколько всё это стоит?

-- С вас я взял бы всего двадцать марок за гадание по картам и столько же за гадание по линиям руки. Гороскоп должен стоить дороже: пятьдесят марок, -- сказал Профессор. Он

назначил ничтожный гонорар, лишь бы не спорить с этим человеком и поскорее от него освободиться.

-- Я вам дам за все пятьдесят марок. Этого больше чем достаточно.

-- Деньги меня совершенно не интересуют. Я согласен, -- сказал Профессор. -- Благоволите показать мне руку. -- "Ну и рука! Ему бы быть палачом!" Рука у человека со шрамом была толстая, громадная, с волосатыми короткими пальцами. "Пальцы короче кисти -- бестиальность. Линия жизни, к сожалению, длиннейшая. А вот на линии головы островок: быть может, он сойдет с ума. Если он уже не полусумасшедший. Давно я не видел столь противной фигуры!"

-- Ваша линия жизни очень длинна. Это почти обеспечивает вам долгую жизнь. Правда, она красна и широка.

-- А это что значит? -- быстро спросил человек со шрамом.

-- Это свидетельствует о сильных страстях. Извините меня, у вас тяжелый характер, -- сказал Профессор. Он, собственно, больше и не смотрел на руку клиента: смотрел, скрывая отвращение, на его лицо. -- У вас сеть враги. Опасные враги, но и вы им опасный враг.

-- Что с ними будет? -- спросил незнакомец, слушавший очень внимательно.

-- По вашей руке я могу предсказывать только *вашу* судьбу. Если вы хотите знать судьбу ваших врагов, вы должны прибегнуть к картам и к гороскопу... Я продолжаю. В мире есть два начала: начало любви и начало ненависти. Вы начала любви не выражаете, Линия головы...

-- О чем говорит линия головы? -- перебил его человек со шрамом.

-- Об умственных и моральных особенностях человека...

-- Это меня не интересует, -- сказал незнакомец, отдернув руку так резко, что Профессор вздрогнул. -- Перейдем к картам. Но так как предсказанье по руке не закончено, то я за него заплачу вам меньше. Сколько всего есть линий?

-- Пять, -- сухо ответил Профессор, хотя линий было девять.

-- Вы хотели за предсказанье по руке двадцать марок. Значит, я вычту шестнадцать.

-- Очень хорошо... Вы хотите знать вашу судьбу или судьбу вашего врага? Главного врага? Отлично, -- сказал он и взял в руки колоду. По правилам здесь надо было бы произнести: "Сусабо! Мизрах! Табтибик!", -- но Профессор смутно чувствовал, что этого теперь говорить не надо. "Каков может быть его враг?" Он принялся метать.

-- Червонный король, -- неопределенно заметил он. -- Но на эту карту нельзя гадать вашему врагу. Червонный король означает мирную натуру, целиком отданную религии, богоугодным и благотворительным делам.

Человек со шрамом грубо рассмеялся.

-- Да, ему на эту карту гадать нельзя!

-- Я так вам и сказал... Его карта будет первой слева... Шестерка пик. Я так и думал.

-- Что означает шестерка пик?

-- Шестерка пик означает страшный обман, замеченный слишком поздно. Троянцам выпала шестерка пик, когда они впустили в свои стены греческого коня. "Кажется, подействовало. Больше не гогочет", -- подумал Профессор. -- Тройка пик, еще хуже: танец смерти, его танцуют Парки... Я не хотел бы быть на месте вашего врага. Быть может, вы не настаиваете на составлении его гороскопа?

-- Когда может быть готов его гороскоп?

-- Обычно это берет три дня...

-- Я должен иметь все завтра.

"Странно, странно", -- подумал Профессор. Его безотчетная тревога росла. Этому клиенту он не сказал о молодом сиамце и не потребовал прибавки.

-- Хорошо, я вам пошлю завтра. Благоволите сообщить мне день рождения или день зачатия вашего... знакомого, -- сказал он, снова вынимая из кармана самопишущее перо.

-- Как же, к черту, можно знать день зачатия человека?

-- Ошибка в несколько дней не имеет большого значения. Небесные светила не меняют в одно мгновение своего положения в домах Зодиака. Надо просто вычесть 270 дней из даты рождения.

-- Его день зачатия 17 июля 1888 года, -- сказал, подумав, человек со шрамом.

-- 17 июля 1888 года, -- повторил Профессор и записал на том же листе блокнота: "Зач. 17 июля 1888 г.". Неприятное ощущение под ложечкой у него вдруг усилилось.- Это всё. Завтра я пошлю вам гороскоп, куда вы укажете.

-- Я сам зайду за ним завтра, в 11 утра, -- сказал незнакомец. Профессор хотел было сказать, что завтра не будет дома, но вместо этого поспешно ответил:

-- Я мог бы послать до востребования. Разумеется, как вам угодно.

-- Послушайте, -- вдруг нерешительным, почти просящим тоном сказал незнакомец.- Я вижу, вы дельный человек... Вы только предсказываете события? Я хочу сказать: быть может, вы умеете... Вы умеете на них и влиять?

"Вот оно что!" -- подумал Профессор.

-- Нет, я влиять на них не могу, -- ответил он холодно. Его самоуверенность увеличилась, как только уменьшилась самоуверенность клиента. -- Я могу сказать, что будет с этим человеком, но его участь от меня не зависит... Вероятно, вы, узнав его карты, хотите ему помочь? Нет, я тут ничего не могу сделать. Карты показали, что ему грозит тяжелая участь. Если гороскоп это подтвердит, то никакие силы спасти вашего знакомого не могут.

-- Вы угадали, я именно хотел помочь ему, -- сказал, вставая, человек со шрамом.

Проводив его, Профессор вернулся в самом мрачном настроении духа. Он испытывал такое чувство, будто после ухода этого клиента надо отворить в кабинете окна и впрыснуть карболкой готический стул. "Конечно, он хочет кому-то сделать большую пакость. Но тогда, значит, он не из Гестапо? Люди из Гестапо могут сделать кому угодно пакость и без астрологов..." Профессор хотел было вернуться к своему гороскопу, но почувствовал, что больше не в состоянии сосредоточиться. "Разве выпить?" -- подумал он. Профессор вышел в столовую и, хотя это было строго запрещено врачом, выпил залпом три рюмки коньяку. Стало легче. Он вернулся в кабинет, сел за стол, рассеянно взглянул на блокнот -- и помертвел.

На листке, одна под другой, были написаны две даты: 22 апреля 1889 года и 17 июля 1888 года. Профессор мысленно добавил 270 дней. Кровь отливала у него от сердца. "Что же это?.. Господи, что же это такое!.. Быть не может!.. Да, конечно, это он!.. Ведь я им сам сказал, что ошибка в два-три дня не имеет значения, они изменили дату, каждый по-своему. Но кто же они? Чего они хотели? Что я им сказал?.. Господи!.." Ему было теперь ясно, совершенно ясно, что женщина и человек со шрамом, незаметно, замечая следы, говорили с ним об одном и том же человеке: 20 апреля 1889 года родился Гитлер.

"Но если так, то надо бежать! Бежать сейчас же, сию минуту", -- сказал себе Профессор. Он понимал, что запутался в страшную историю. "Правда, ей я ничего не сказал! Сказал только, что она выйдет за него замуж... Ему и это может очень не понравиться. Но тот! Что я наговорил тому!.." В памяти Профессора замелькали обман, троянский конь, танец смерти, тяжелая участь, никакие силы. "Кто же это был? Заговорщик? Провокатор? Одно хуже другого. По тому заговору погибли десятки ни в чем не повинных людей!" Он ясно понимал, что для людей, запутавшихся хоть как-нибудь, хоть очень отдаленно, в дело о заговоре, есть только одно спасенье: бежать, бежать без оглядки, бежать, не теряя ни минуты.

Тяжело дыша, Профессор прошелся по кабинету и столовой, выпил еще большую рюмку коньяку, затем отворил потайной ящик, рассовал по карманам всё, что там было, взял с собой кожаную тетрадь. Паспорт всегда находился при нём. "Неужели так навсегда все бросить?.." Опустил шторы и снова их поднял. "Если он места не даст, я все равно сюда не вернусь. Оставить записку Минне? Нет, не надо... Теперь она, конечно, все разворует... Да может быть, мне все приснилось?.. Может быть, я сошел с ума?.. Ведь мой гороскоп благоприятен!.. А если он именно потому и благоприятен, что я сейчас уйду отсюда и

вечером улечу в Швейцарию? Нет, нет, оставаться здесь нельзя!.. Взять с собой вещи? А вдруг они уже следят? Уж лучше вернуться за вещами в сумерки... Первым делом надо узнать об аэроплане..." Он надел пальто, запер за собой дверь и вышел на улицу, оглядываясь по сторонам.

IV.

В этом глубоком двухэтажном подземелье были телефоны, радиоприемники, телеграфные аппараты, трещали пишущие машины, снизу доносился слитный, ставший почти незаметным шум моторов, а сверху отдаленный, с каждым днем усиливавшийся гул канонады. Мимо кухни, через общую столовую, стараясь не оглядываться по сторонам, точно им было стыдно, подчеркнуто-бодрой решительной походкой проходили фельдмаршалы и генералы. В сопровождении сыщиков и телохранителей, тоже очень быстро, но теперь с менее решительным видом, спускались по лесенке в нижний этаж убежища люди, значившие в последние годы больше фельдмаршалов. Днем и ночью по коридорам, лестнице, столовой, небольшой проходной комнате, названной "конференц-залой", растерянно пробегали секретари, слуги, шоферы, рассыльные и, случалось, толкали сановников, сами тому на бегу изумляясь.

Лица у всех были зелёные, с воспаленными глазами, измученные от бессонницы, от вечного электрического света, от вечного шума, от спешки, от страха, от желания казаться спокойными, от тесноты и всего больше от духоты. Несмотря на искусственную вентиляцию, на семисаженной глубине под землей не хватало воздуха. Порядок еще кое-как соблюдался, но прежней дисциплины, почтительности, подобострастия уже быть не могло. В столовой иногда *закусывали* (не полагалось говорить: обедали, завтракали), телефонистки или стражники из *Begleitkommando* (*Сопроводительная команда -- нем.*) почти рядом (всё же не совсем рядом) с людьми, имена которых в последние двенадцать лет беспрестанно упоминались в газетах всего мира. И хотя люди эти делали вид, будто им очень приятна товарищеская близость с младшими сослуживцами, и ласково улыбались, -- от их престижа, после смущения первых дней, уже оставалось немного. Из левой комнаты нижнего этажа, служившей кабинетом самому главному вождю, иногда и в верхний этаж доносились истерические крики. В этот кабинет и теперь еще на цыпочках входили секретари и как бы на цыпочках сановники. Около дверей стояли зверского вида часовые из *Reichssicherheitsdienst* (Охрана общественного порядка -- нем.) и быстро поглядывали на проходивших сыщики из *Kriminal Polizei*; однако все понимали: то да не то, -- если вражеская армия подходит к Берлину, то значит Фюрер не совсем Фюрер. Смелчаки же, особенно из военных, случалось, пожимали плечами, слыша доносившийся из кабинета или конференц-залы дикий гортанный крик, еще недавно наводивший по радио страх на весь мир.

За столом в кантине некоторые служащие с жаром говорили, какое было бы счастье умереть за Фюрера. Сановники одобрительно кивали головой. Думали же об этом всерьез лишь очень немногие: эти понимали, что их все равно найдут и не пощадят. Они наскоро вспоминали то, что знали о Валгалле, о Нибелунгах, о последней картине "*Götterdämmerung*" ("*Сумерки богов*" -- нем), о прыжке Брунгильды в костер Зигфрида. Больше всего, задыхаясь от отчаянья, ненависти, бешенства -- была в руках полная победа! -- думал об этом самый умный из находившихся в убежище людей, -- человек, который был талантливее Гитлера, говорил лучше, чем он, и не стал самым главным вождем преимущественно из-за неподходящей наружности.

Были в подземелье и люди, собиравшиеся ценой Гитлеровой головы спасти свою собственную. Теперь это мысленно называлось: освободить Германию от безумца. Один же из главных сановников, чуть ли не лучший друг Фюрера, превосходный архитектор и техник, проходя с любезной улыбкой по подземелью, ласково раскланиваясь с младшими товарищами, обмениваясь крепкими, много без слов говорившими рукопожатиями с другими сановниками, заглянул в вентиляционный отдел и принял давно задуманное

решение: ввести в трубу ядовитый газ, лучше всего Tabun или Sarin, изготовленные на случай химической войны, -- тогда через несколько минут погибнут -- что ж, легкой, безболезненной смертью -- и сам Фюрер, и все важнейшие вожди. "Да, это будет нетрудно", -- подумал сановник, обсуждая про себя технические подробности. Выйдя из убежища, он принялся за осуществление плана, -- позднее был очень огорчен, узнав, что в подземелье есть отводная труба, благодаря которой Фюрер может и не погибнуть.

Однако и этот сановник, и генералы, теперь снова считавшие Гитлера невежественным безумцем, и люди, спустившиеся в подземелье для того, чтобы помочь Гитлеру совершить самоубийство, иногда не могли отделаться от сомнения: что, если он найдет выход из безвыходного положения? что, если он вывернется и на этот раз? Десять лет его сопровождала невиданная в истории удача. По законам логики, по теории вероятности, он давно должен был находиться в могиле: в новой Валгалле или в яме повешенных. Но не все в мире идет по законам логики или хотя бы по теории вероятности.

Громадное же большинство собравшихся в убежище людей сами не знали, для чего их тут держат, чего ждет начальство, на что оно надеется. Думали же почти исключительно о том, как бы спасти шкуру от "казаков". Проще всего было бы незаметно ускользнуть из подземелья. Но это строго запрещалось, инерция дисциплины еще кое-как действовала, да и выйти из подземелья при все усиливавшейся бомбардировке было чрезвычайно опасно. В трезвом виде люди скрывали друг от друга все: мысли, чувства, содержимое бумажников, чемоданов, сумок, поясов. Однако пили почти все, даже женщины, гораздо больше обычного, и иногда языки развязывались. Люди шепотом говорили, что не остается больше ничего, кроме капитуляции: "Если бы дело шло об американцах или англичанах, это был бы, конечно, лучший исход. Но русские! Казаки!.." -- "А чем же будет лучше, если казаки нас возьмут без капитуляции?" -- "Это, конечно, так, но..." -- "Кто знает, быть может, именно с русскими будет легче всего договориться. Сталин очень умный человек, я всегда это говорил!" -- "Да разве он согласится на капитуляцию!" -- "Всё-таки не можем же мы погибать с жёнами и детьми оттого, что он не согласится!"

Случалось же, по подземелью проносился слух, будто в другом подземелье в глубокой тайне устроен аэродром, что на нем держатся про запас десятки самых лучших новейших аэропланов, что их всех скоро вывезут с семьями и имуществом. Тотчас приходили и более точные сведения: аэродром находится под развалинами гостиницы "Адлон", 62 аэроплана вывезут всех сегодня ночью, ровно в 12 часов. Женщины бросались складывать чемоданы, рассовывали драгоценности и валюту по еще более потаенным местам ("в суматохе особенно легко украсть!"), жалостно спрашивали мужей: нельзя ли все-таки перед отъездом как-нибудь пробраться к себе на Motzstrassen захватить оставшееся там серебро, -- бедная фрау Коген, ведь все равно ее вещи тогда пропали бы, -- просто нельзя себе простить, что так много добра оставили дома, когда уходили в это проклятое подземелье, -- но ты мне ни слова не сказал, -- разве ты со мной говоришь о важных вещах, -- разве я могла знать, -- разве это женское дело, -- Господи, кто только мог думать?..

V

В помещении, оставшемся от нового канцлерского дворца, принимал немолодой чиновник с растерянным, измученным лицом. "Хорошо, что старик", -- подумал Профессор, знавший по двенадцатилетнему опыту, что в Германии кое-как ещё можно иметь дело лишь с пожилыми людьми. Чиновник изумленно на него взглянул, так же изумленно пробежал пропуск и, вместо того, чтобы заполнить формуляр о посетителе, предложил поискать сановника в убежище. "Его здесь нет, теперь все в убежищах, спросите там". -- "В каком же именно убежище и пропустят ли меня?" -- мягко начал Профессор. "Поищите во всех! Скорее всего, у Геббельса", -- раздраженно сказал чиновник и, схватив карточку, на которой было напечатано: "Führerbunker", что-то на ней написал. "Искренно вас благодарю, но если?.." "Идите ко всем... Ради Бога, идите!" --

вскрикнул чиновник и схватился за голову. "Извините меня. Теперь прежних формальностей нет". Профессор не обиделся, но был озадачен, в особенности тем, что чиновник назвал министра пропаганды просто по фамилии. "Да, видно, их дела очень плохи", -- подумал он не без удовольствия, хоть с тревогой: к несчастью, с *их* делами были связаны и его дела.

Он бродил более часа по убежищам Wilhelmstrasse и все не мог добиться толку. Сановника нигде не было. В какой-то Dienststelle (контора -- нем.) сказали, что он уехал на фронт и ожидается с минуты на минуту в "Föhrensunker". "Так я там его -- подожду?" -- робко спросил Профессор и, не получив ответа, отправился в это убежище. Как только он оказался в главном подземелье, находившемся под старым канцлерским дворцом, началась сильная бомбардировка. Люди сбегали вниз, пропусков больше не спрашивали.

Профессор немного осмотрелся: как будто ничего страшного не было. Только дышать было тяжело. Он прошелся по коридору. Какая-то девица отдыхала у пишущей машинки, обмахивая себя вместо веера листом бумаги. Она с любопытством взглянула на Профессора, вынула из сумочки зеркальце и подвела брови карандашом. В конце коридора у лесенки стоял часовой. "Там, верно, *покои* Фюрера?" -- спросил без индонезийского акцента Профессор. В девице тоже не было ничего страшного, и женщин он боялся меньше. Она засмеялась и подкрасила палочкой губы. "Сначала ее *покои*, *покои* Эбе, -- сказала она, -- с собственной ванной, не так как мы живем! Но горячей воды все-таки нет, и трубы утром испортились, -- радостно добавила девица. -- Его *покои* дальше, слева от конференц-зала". Профессор был поражён. "Какая Эбе? И уж если Гитлера называют *он!*.."

Походив по коридорам, он устало сел на табурет в углу комнаты, которая служила столовой. Ему очень хотелось есть и пить, но он не решился обратиться к угрюмому человеку за стойкой, сердито отпускавшему пиво и сэндвичи. Проходившие люди иногда поглядывали на него с удивлением, но никто его ни о чем не спрашивал. Говорили о бомбардировке, она усиливалась с каждой минутой. "Надо вести себя здесь очень, очень дипломатично", -- думал Профессор. Осмелев, он подошел к одной группе, подошел с неопределенно-любезной улыбкой: каждый мог думать, что его знают другие. Профессор, ласково улыбаясь, послушал разговор. Говорили об ужине, будет яичница с колбасой. "Я полжизни дал бы за то, чтобы закурить", -- сказал кто-то. "Полжизни -- это, может быть, теперь не очень много", -- ответил другой, Все преувеличенно радостно засмеялись. "Кажется, они не очень здесь заняты? Странно... Может быть, всё делается в нижнем этаже?"

К вечеру сановник не вернулся. Люди говорили, что такой бомбардировки ещё никогда не было. От волнения ли или от выпитого коньяку у Профессора вдруг начались боли. Он еле добрался до чиновника, ведавшего хозяйством в подземелье, объяснил ему дело, назвав сановника своим близким другом, и попросил разрешения провести ночь здесь. "Говорят, выйти -- верная смерть!" Чиновник что-то сердито пробормотал, -- по-видимому, здесь каждый новый человек считался врагом, -- однако велел отвести койку. Поместили Профессора в очень тесную каморку с тремя голыми койками, находившуюся рядом с уборной. Два бывших там молодых человека даже не кивнули головой в ответ на его учтивое приветствие и тотчас, с ругательствами, вышли в коридор.

Воздух в камере был ужасный. В первую минуту Профессор подумал, что не высидит здесь и четверти часа. Он спрятал под матрац кожаную тетрадь и бессильно опустился на койку. Знал, что при болях лучше всего сидеть, не прикасаясь ни к чему спиной. "Ах, если б он приехал утром, если б он дал мне место!.. Господи, что же делать?.." Он не взял с собой ни пижамы, ни мыла, ни зубной щетки. Из лекарств был только белладональ: накануне купил в аптеке и забыл вынуть дома из пиджака. Профессор с усилием, без глотка воды, проглотил пилюлю.

Через полчаса он почувствовал себя лучше. Снял пиджак, сложил его так, чтобы ничто не могло выпасть из карманов, и прилег, положив его себе под голову. Думал, что в убежище должны быть блохи, мыши, даже крысы. Думал, что не сомкнет глаз. Однако

скоро мысли его стали мешаться. "Всё-таки гороскоп благоприятен, очень благоприятен", -- говорил он себе. Иногда пользовался системой Куэ, но она давала хорошие результаты только тогда, когда и обстоятельства жизни складывались с каждым днем лучше, всё лучше.

Молодые люди вернулись поздно и, по-видимому, были навеселе. Он заметил, что на них белые чулки. "Значит, принадлежат к *его* молодежи, к фанатикам. Вероятно, они служат на кухне или в кантине..." Они тоже легли на свои койки, не раздеваясь. Засыпая, он смутно слышал их разговор. "Ну, что, кажется, ты еще не улетел?" -- саркастически спросил старший. "Нет, я ещё не улетел", -- ответил, подумав, другой, видимо, понимавший шутки не сразу. "62 аэроплана еще стоят под гостиницей "Адлон"?" -- "Да, они еще там стоят". -- "Куда же нас увозят? В Москву?" -- "Нет, совсем не в Москву. Зачем в Москву? В Москве русские. Нас увезут в Берхтесгаден". -- "А что же мы будем делать в Берхтесгадене?" -- "Как что делать? Защищать Фюрера и Германию. Там приготовлены неприступные укрепления". -- "Такие же неприступные, как линия Зигфрида, или еще лучше?" -- "Говорят, еще лучшие". -- "Говорят также, что там в холодильниках приготовлено сорок миллионов гусей с яблоками и столько же бутылок рейнвейна. Впрочем, ты всегда был дураком". -- "Нет, я никогда не был дураком", -- ответил, подумав, второй.

Под утро Профессор проснулся и опять услышал доносившийся сверху глухой слитный гул. Он взглянул на часы и ахнул: двенадцатый час. Молодых людей в камере не было. Ему очень хотелось пить. Рога для надевания туфель не было. Пришлось подсовывать под пятку указательный палец, это было неудобно и больно. Он сразу устал. Бумажник был цел, кожаная тетрадь по-прежнему лежала под тюфяком. "Что будет, если он еще не приехал! -- подумал Профессор, оправляя воротник, галстук, бороду. -- Всё-таки где-нибудь же здесь да моются?.." Он вышел, чувствуя, что голова у него работает плохо. "Верно, от белладоналя..."

Вдруг дверь позади его с шумом распахнулась. Профессор оглянулся и остолбенел. Из уборной выходил Фюрер. По привычке Профессор вытянулся, поднял руку и сорвавшимся голосом закричал: "Heil Hitler!" Впрочем, тут же почувствовал, что лучше было бы не кричать. Фюрер бросил на него быстрый, подозрительный взгляд, -- в глазах его проскользнул ужас. При свете фонаря лицо у Гитлера было землисто-желтое, измятое и больное. Он был сгорблен, одна рука у него отвисла, пальцы тряслись. "Просто узнать нельзя!" -- с удовольствием подумал Профессор, не раз видевший его и вблизи, и издали. Гитлер немного разогнул спину, тоже поднял руку и, должно быть, хотел придать себе величественный вид. "Правда, очень трудно принять величественный вид человеку, выходящему из уборной... Верно, его уборная испортилась?.. Или это для общения с массами: у Фюрера одна уборная с обыкновенными людьми!.. Затравленный зверь! Что ж, не все же травить других", -- думал Профессор, с изумленьем глядя вслед Гитлеру. Впереди люди отшатывались к стене, вытягивались и поднимали руки, но никто приветствия не выкрикивал.

Перед стойкой кантины выстроилась очередь. Кофе не было. Профессору сунули в руку бутерброд и кружку пива. Он отошел с ними в угол и прислонился к стене, чтобы не упасть. "Холодное пиво при камнях строго запрещено. Это гораздо вреднее, чем коньяк", -- подумал он. Но ему мучительно хотелось пить. Он с наслаждением залпом выпил всю кружку и откусил кусочек хлеба. Вдруг шагах в двадцати от себя он увидел человека со шрамом! Он пил что-то прямо из бутылки, запрокинув назад голову. Профессор уронил бутерброд, вскрикнул и на цыпочках побежал по коридору.

В камере он повалился на свою койку. Боли у него тотчас усилились. Через полчаса они стали невыносимы. Он подумал, что у него камень проходит через канал: врачи говорили, что это может случиться. Стоны его понемногу перешли в крики. Таких болей он никогда в жизни не испытывал. Хотел было достать белладональ, но и это было выше его сил.

Старший из молодых людей, зайдя в камеру, изумленно на него взглянул и спросил, что с ним. Спросил грубо, впрочем, больше потому, что не умел говорить иначе. "Доктора..."

Ради Бога, доктора", -- прошептал Профессор. Молодой человек пожал плечами и вышел. В подземном убежище были врачи Фюрера, беспрестанно дававшие ему какие-то особые, нарочно для него придуманные снадобья, и почти целый день проводил врач для простых людей.

Минут через двадцать врач для простых людей пришел с молодым человеком, осмотрел Профессора, и что-то ему впрыснул. "Его бы отсюда убрать. Куда-нибудь в больницу, что ли? Что ему здесь валяться? Только будет мешать спать людям, которые целый день работают", -- сердито сказал молодой человек. "Может быть, и автомобиль за ним прислать?" -- спросил врач. В убежище теперь очень многие говорили только в саркастическом тоне. "Лежите здесь, я буду заходить", -- добавил он.

Боль у Профессора стала слабеть, затем совершенно исчезла. В бреду он горячо благодарил молодого человека, с жаром говорил, как он любит Фюрера, говорил, что президент Рузвельт был прекрасный человек, что, наверное, очень хороший человек и президент Трумэн, что скоро сюда придут американцы. Они арестуют того злодея, уберут эту уборную, очистят воздух и дадут очень много денег на восстановление Германии, как они всегда делали. Говорил, что он получит от американцев большое вознаграждение, если Минна разворует его квартиру, что он немедленно уедет в Швейцарию, где не гуляют на свободе такие страшные люди. Говорил также, что очень хотел бы принять ванну и что у порядочного человека есть только один идеал, купаться должно быть так же обязательно, как... Молодые люди, теперь совсем пьяные, вели свой разговор. "Дурак, я тебе повторяю, он женится на Эбе. Она сама рассказывает, что скоро будет фрау Гитлер", -- говорил старший. "Я не дурак, а ты все врешь", -- ответил другой. "Я никогда в жизни не врал! Что угодно могут обо мне сказать, но никто не скажет, что я вру!" -- "А вот я скажу". -- "Ее зовут Ева Браун, и она колдунья!" -- продолжал первый молодой человек. "Фюрер не может жениться на колдунье", -- возражал другой. Старший заплетающимся языком что-то сказал о молодоженах, о свадебном путешествии, об Амуре и Венере. Профессор не слушал их разговора, как они не слушали его бреда. Но слово "Венера" дошло до его сознания. На глазах у него выступили слезы. В день его рождения Солнце и Сатурн шли параллельно в 9-м и 10-м домах Зодиака. Марс же тут ничего поделывать не мог, так как его по рукам и по ногам скрутила добрая и могущественная богиня Венера.

VI

Сколько он пролежал в своей камере. Профессор потом не мог выяснить: потерял счет времени. Врач к нему заходил каждый день, давал питье, делал впрыскивания. Как-то спросил его имя и записал. Это ничего хорошего не предвещало, хотя Профессор теперь чувствовал себя много лучше.

-- Доктор, моё положение опасно? Скажите правду, -- прошептал он.

-- Было опасно. Теперь, думаю, опасность миновала, -- ответил врач. -- Я хочу сказать: опасность от *болезни*. Русские в трёх километрах отсюда, -- уходя, добавил он с усмешкой.

"Русские? Как русские? Как в трех километрах? -- с недоумением подумал Профессор. -- В трех километрах, это значит, что они в Берлине? Вероятно, я ослышался..." Он, впрочем, не чувствовал тревоги. Какое ему было дело до русских! "Точно они могут преодолеть волю Венеры!" -- подумал он и опять задремал. Когда он проснулся, в камере было странно тихо. Профессор прислушался: слышен ли сверху слитный гул. "Кажется, слышен... Нет, не слышен... Ах, как я устал, как я слаб!" Он надел туфли, отдохнул после этого усилия, почистил как мог пиджак и вышел, слегка пошатываясь.

В коридоре никого не было. Подземелье как будто опустело. Исчез и стоявший у лесенки часовой. В конференц-зале сидели двое военных и та самая девица. Перед ними на столе стояла бутылка. На одного из этих военных, немолодого подполковника. Профессор обратил внимание еще в первый день: лицо его было изрезано шрамами от мензур. "Но он тогда был без монокля..." Все трое курили, что прежде было строго запрещено. Вид у них

был оживленный, почти веселый и вместе несколько растерянный. Девушка улыбнулась Профессору, как старому знакомому.

-- Где же вы были? На свадьбе? -- спросила она. Язык у нее немного заплетался. Подполковник выпустил из глаза монокль и снова вдел его. Второй офицер, артиллерийский капитан, как будто остался недоволен словами девушки.

-- Какие события, какие события! -- сказал он. -- Человеческий ум теряется! В чем был смысл?..

-- Смысл очень ясен, -- сказал подполковник, не обращая никакого внимания на незнакомого человека. -- Смысл в том, что шикельгуберы не должны были командовать германской армией. -- Он опять выпустил монокль, что, по-видимому, доставляло ему удовольствие, и хотел было подлить себе коньяку, но бутылка оказалась пустой. -- К несчастью, он был музыкален. Его погубил Вагнер. И та дура тоже была из "Нибелунгов..." "WalkЭге bist Du gewesen!" ("*Была ли ты, Валькирия!*" -- нем.) -- с напевом продекламировал он. Артиллерийский капитан вздохнул. -- Посмотрим, что сделает Дениц... Нет, ум человеческий теряется, просто теряется. Увидите, придет новый Кант или Гегель и объяснит, и все сразу осветится как от света молнии!

-- Свадьба была в комнате карт. Подали шампанское. Для Эбе, конечно, нашлось шампанское, -- сказала девушка, подмазывая палочкой губы.

-- Тогда он всем и объявил о своем намерении покончить с собой, -- заметил, вздыхая снова, капитан. -- Впрочем, не объявил, а только дал понять. Если б объявил, то даже они не устроили бы бала.

-- Было очень весело. Я танцевала с Борманом, он чудно танцует, -- сказала девушка.

-- Отчего же не с Геббельсом? Этот красавчик создан для танцев. Говорят, он сегодня тоже покончит с собой. Жаль, что все они не сделали этого раньше, особенно Шикельгубер, -- сказал подполковник. Он имя "Шикельгубер" выговаривал как-то особенно, ласково-саркастически, растягивая первую букву, точно в ней было всё дело.

-- Геббельс хочет отравить детей, -- сказала девушка. -- Ему все равно, потому что это не его дети. Она изменяла ему на каждом шагу. Он женился на ней в пьяном виде... Бедный этот, актер, как его?.. Вашего несчастного фельдмаршала я тоже раз видела, -- сказала она, обращаясь к подполковнику, лицо которого дернулось.

-- Всё-таки как же это было? Одни говорят, пустил пулю в рот, другие -- пулю в сердце.

-- Эбе отравилась, -- сказала девушка. -- Мне говорил Кемпка, он выносил её в сад.

-- Там будто бы вчера расстреляли Геринга, -- сказал капитан.

-- Вздор! Господин рейхсфельдмаршал давно ускакал в Каринголл.

-- Верно, чтобы еще раз нацепить на Эмми все бриллианты, -- вставила девушка. -- И что он в ней нашел! Она не только не красавица, но даже не хорошенькая... Мне, однако, говорили, будто он уехал в Баварию, чтобы устроить новую линию защиты.

Подполковник засмеялся.

-- Хороша будет защита и хорош защитник! "Ни один снаряд не упадет на территорию Германии..." Что, тот еще горит?

-- Час тому назад ещё горел, -- сказал капитан. -- Я издали видел. Они были завернуты в белое, но его черные брюки торчали. Ужасный запах, я убежал.

-- Простите, кто горит? Я не понимаю, -- робко спросил барышню Профессор. Голова его совершенно не работала. Подполковник повернулся к нему, точно лишь теперь его заметив.

-- Ш-шикльгубер, -- с удовольствием сказал он. -- Ш-шикельгубер с супругой. Monsieur et Madame Adolphe Schickelgruber.

-- Какие события, ах, какие события! -- грустно повторил капитан. -- Но увидите, придет новый Кант, и все станет ясно как день.

В кантине, где было много людей, находился покровительствовавший Профессору сановник. Он с жадностью что-то ел. Увидев Профессора, он приветливо помахал ему рукой. Хотя о бегстве в Швейцарию больше не приходилось думать. Сановник крепко

пожал ему руку -- совершенно как равный -- и даже не спросил его, как он оказался в этом убежище. Теперь в самом деле удивляться ничему не приходилось. Он был как тот итальянский фашист, который говорил, что его мог бы удивить только беременный мужчина: "все остальное я видел".

-- Каковы дела, а? -- сказал он и сгоряча объяснил, почему опоздал и не простился с Гитлером. Впрочем, тотчас пожалел о своих словах, перевел разговор, сообщил, что сейчас уезжает опять на фронт. -- А вы, оказывается, были во всем правы, -- смеясь, сказал он.

-- В чем я был прав?

-- Не вы лично, а вы, астрологи. Гитлер как раз на днях послал за своим гороскопом, и оказалось, что звезды все предсказали: его приход к власти, войну в 1939 году, два года блестящих побед, а затем тяжелые поражения.

-- Небесные светила никогда не ошибаются. Наша наука основана на фактах, проверенных мудростью столетий, -- сказал Профессор.

-- Правда, в гороскопе еще говорилось, что в апреле 1945 года Гитлер одержит полную победу над всеми, -- продолжал сановник. -- Сделайте одолжение, дайте мне еще бокал пива, -- ласково обратился он к проходившему буфетчику. По-видимому, он начинал новую главу жизни, как простой, рядовой, самый обыкновенный человек. Буфетчик презрительно взглянул на него и прошел дальше, ничего не ответив. Лицо сановника дернулось, но он тотчас снисходительно улыбнулся с видом Наполеона, терпящего оскорбления по пути на Святую Елену.

-- Значит, аэропланы еще летают? -- спросил после некоторого молчания Профессор.

-- Какие аэропланы?.. Помилуйте, фронт сейчас у Ангальтского вокзала. Но подземная дорога еще действует, мы по ней возим солдат, продовольствие и даже артиллерию... Вы живете в западной части города? Я тоже. Хотите, поедem вместе? Мы сядем в вагон с солдатами и вернемся назад с ранеными в район Курфюрстендам... Скажите, у вас должны быть знакомые евреи, а? Вы ведь знаете, я никогда не был антисемитом и даже как-то говорил Гитлеру, что нам вредит его антисемитская политика... Между нами говоря, он был не совсем в своем уме, -- доверительно сказал, по привычке понизив голос, сановник. -- Если бы вы знали, что он выделял в последние дни! Мне рассказывал генерал Штейнер. В своих приказах он нес совершенный вздор, грозил казнью всем и каждому, хотя больше никто не считался с его приказами и угрозами... У вас, наверное, найдутся знакомые евреи? Или хоть социал-демократы? Не все же погибли.

-- Но как пробраться к подземной дороге?

-- Я не знаю как. Десять минут могу вас здесь подождать, больше не могу.

Профессор, все пошатываясь, побежал по коридору. Из боковых комнат поспешно выходили люди с чемоданчиками, несессерами, узелками. В своей камерке Профессор схватил кожаную тетрадь, подобрал упавший носовой платок и выбежал. Дверь уборной была отворена настежь. Там в башмаках, надетых на босу ногу, стоял старший из его соседей по камерке. Он бросал в раковину белые чулки.²⁰⁵

Генрих Иоффе. Царица Евдокия Лопухина²⁰⁶

Известная картина русского художника Г. Седова «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем» изображает стоящих перед Государем девушек; одна из них должна стать царицей. Все предварительные этапы поиска и отбора из множества кандидаток подошли к концу. Последнее слово за женихом.

205

Новый журнал. 1947. No 16.

206

Новый журнал, 2013. № 271.

В 1648 г. царь Алексей Михайлович, выбирая невесту, остановил свой взгляд на Марии Ильиничне – дочери стольника (5-е место в росписи чинов XVII в.) Ильи Даниловича Милославского, хотя она и была старше царя на 5 лет. Влияние рода Милославских, естественно, стало расти. Главная их забота состояла в дальнейшем укреплении своего положения у царского трона.

Лекари, участвовавшие в выборе невесты для Алексея Михайловича, предсказали Марии Милославской высокую способность деторождения. Они не ошиблись. Она родила 13 детей, правда, пятеро умерло в младенческом возрасте. Все рождавшиеся девочки отличались хорошим, крепким здоровьем, мальчики же, напротив, рождались слабыми, хворыми. В марте 1669 г. при очередных родах Мария Ильинична скончалась. Алексею Михайловичу исполнилось тогда 42 года. Предстоял выбор новой царской супруги. В январе 1671 года ею стала 19-летняя красавица Наталья Кирилловна из рода Нарышкиных. По свидетельству одного из современников, Наталья Кирилловна была женщиной «добротою темперамента», доброжелательна, но не отличалась прилежанием и не была искусна в делах и «ума легкого».

Продвигаться к трону Нарышкины стали сразу после женитьбы Алексея Михайловича на Наталье. Поначалу они уступали Милославским в политических делах и интригах. Царь Алексей Михайлович своей властью сдерживал противостоящие, ненавидевшие друг друга кланы. Но вступившему на престол после его смерти (1676 г.) старшему сыну (от Марии Милославской), 14-летнему Федору Алексеевичу, такая задача была явно не под силу. Федор удалил от царского двора и подвергнул гонениям многих влиятельных Нарышкиных.

Смерть царя Федора Алексеевича (1682 г.) привела к новой вспышке в длительной схватке Милославских и Нарышкиных. Повод нашелся и весьма существенный. Царь Федор не оставил после себя наследника. Преемниками могли стать двое сыновей Алексея Михайловича – Иван Алексеевич (сын Марии Милославской) и Петр Алексеевич (сын Натальи Нарышкиной).

Душой и главой антинарышкинской группировки стала 25-летняя Софья, одна из дочерей Милославской. Современники утверждали, что Софья была красива, умна, талантлива, сочиняла стихи, хорошо писала и говорила. Историк С. М. Соловьев называет ее «богатырь-царевна». Широкими обещаниями и посулами Софья сумела привлечь на свою сторону стрельцов, недовольных лишением некоторых льгот. Стрельцы взбунтовались. 15 мая они бросились к Кремлю, увлекая за собой городскую гольтьбу. К бушевавшей толпе на крыльцо вышла Наталья Кирилловна Нарышкина, держа за руки обоих царских детей – Петра и Ивана. Но это не утихомирило разъяренную толпу. Стрельцы потребовали объявить царями обоих мальчиков. Поскольку Иван V и Петр I еще «не вошли в лета», правительницей стала Софья. Ее замыслы, возможно, шли дальше – воссесть на трон и венчаться на царство.

Тем временем входил в возраст Иван, быстро подрастал Петр. Страдавший многими болезнями, Иван почти не занимался государственными делами и, рано женившись на Прасковье Салтыковой, он большую часть времени посвящал семье. Салтыкова родила пять дочерей, из которых одной, Анне Иоанновне, доведется позднее стать российской императрицей (1730–1740 гг.). Остальных дочерей Ивана после его ранней смерти (1696 г.) Петр выдавал замуж с хорошим приданным за небогатых немецких графов, курфюрстов, герцогов.

По тем временам мужчина считался взрослым и самостоятельным, лишь женившись. Наталья Кирилловна рассчитала, что если 17-летний Петр женится, это поможет содействовать его освобождению от опеки сводной сестры. Невесту для Петра выбирала лично Наталья Кирилловна. Выбор пал на 19-летнюю Прасковью – дочь Иллариона Абрамовича Лопухина, бывшего стрелецкого головы, затем стольника и окольного (второй после боярина думный чин) царя Алексея Михайловича. И не только из-за ее особой стати и красоты. Род Лопухиных, хотя и не был захудалым, но большим влиянием

не пользовался. Лопухиных многие не любили, считали скупыми, «ябедными». Но породнившись с царем, Лопухины стали бы верной опорой Нарышкиных.

По обычаю, чтобы порча не коснулась новой царской родни, Иллариона переименовали в Федора, а невеста из Прасковьи стала Евдокией, Дуней, Дуняшей. Это имя казалось благозвучней для царицы. Венчание состоялось 27 января 1689 г. Жениху было 17 лет, невесте – на 2 года больше. Сохранившиеся отрывочные воспоминания о молодой царице разнятся. Есть сведения, согласно которым она была замкнута, малоразвита, молчалива, но в то же время честолюбива. По другим данным, Евдокия была не только очень хороша собой, но неглупа, вполне самостоятельна. В этих характеристиках, конечно, отражаются политические пристрастия их авторов.

Как свидетельствуют современники, приблизительно около года любовь между царем Петром и супругою его была изрядная, но потом пресеклась. К тому же и царица Наталья Кирилловна невестку свою невлюбила. Чем это объяснить, сказать трудно. Возможно, Наталью Кирилловну постигло разочарование. Она надеялась, что молодая жена сумеет накрепко привязать мужа к дому. Но вскоре стало известно, что часто посещавший Немецкую слободу (Кукуй) молодой Петр через своего приятеля Ф. Лефорта познакомился с местной красавицей Анной Монс, и та стала его любовницей. Венчание Петра и Евдокии состоялось в январе, а уже в апреле Петр находился на «большой воде», на Переяславском озере.

Напрасно Евдокия взывала к Петру, находившемуся уже в Архангельске: «Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просим милости, пожалуй государь, буди к нам, не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет...» И в другом письме, уже после смерти Натальи Кирилловны: «Здравствуй, свет мой, на многие лета. Пожалуйста, мой батюшка, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой свет, чтоб мне, слыша о тво-ем здоровье, радоваться. А сестра твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здравии. А про нас, изволишь милости своей памятовать, и я с Алешенькой жива. Женка твоя Дунька». Письма Петра к жене не сохранились...

Конец 1680-х годов можно, пожалуй, считать развязкой борьбы Мстиславских и Нарышкиных. Это время стало совершеннолетием Петра и Ивана. Царский тандем больше не нуждался в Софье как правительнице. Петр, поверив, что стрельцы вновь, как в 1682, восстанут, жестоко расправился с ними. Софью отправили в Новодевичий монастырь.

25 августа 1698 года Петр вернулся в Москву из европейского путешествия. Сразу же он направился к фаворитке Анне Монс.

Лишь 28 августа встретился государь с Евдокией. Между ним состоялся долгий разговор. Убедить жену постричься в монахини по доброй воле Петру, видимо, не удалось. Тем не менее, через три недели простая карета увозила бывшую русскую царицу Евдокию Федоровну из Москвы. Путь лежал в Суздальский монастырь. Там, в келье монастыря, она отныне должна была жить под именем инокини Елены. Первые годы заточения Петр редко вспоминал о ней. Напомнила о Евдокии жизнь, причем с самой неожиданной стороны.

Когда подрос сын Алексей, Петр стал, было, приобщать его к делам своим. Но уже скоро выяснилось: сын мало что унаследовал из отцовских качеств и отцовских реформаторских идей. С горечью Петр писал Алексею: «Всем известно есть, паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья, делаю. И конечно по мне, разорителем оных будешь». Он предлагал сыну либо «отменить свой нрав», либо уйти в монахи. Алексей выбрал монашество, но по советам своего окружения, особенно бывшего адмиралтейского интенданта А. Кикина, осенью 1716 года тайно бежал в Вену. Там он рассчитывал найти защиту и поддержку австрийского императора Карла VI, на свояченице которого, Шарлотте, женился еще в 1711 (вскоре та умерла при рождении сына, и царевич сошелся с крепостной девицей Ефросиньей). В Вене он пробыл недолго. Оттуда его секретно переправили в Неаполь. Не исключено, что Запад рассматривал Алексея как фигуру, противостоящую мощной петровской модернизации России.

Петр потребовал у австрийцев выдачи сына, царевич решил вернуться «на милость батюшки». На последовавших по возвращении допросах Алексей подтверждал, что он жаждал смерти отца, когда тот тяжело болел, замыслил в России всеобщее восстание, намеревался двинуться в Россию с австрийскими войсками, а также устанавливал связи со шведским королем Карлом XII и т. п. Конечно, признания царевича Алексея были следствием дикого страха и пыток. Суд, составленный из высших светских и духовных чинов, приговорил Алексея к смертной казни. Но казнь не состоялась. 26 июня 1718 года царевича нашли мертвым в Петропавловской крепости. Еще одна историческая загадка. Время шло. Началась Северная война со Швецией. В 1702 г. Петр сблизился с некой Мартой Скавронской, которая в 1706 году приняла православие под именем Екатерины, а еще через 6 лет Петр официально бракосочетался с ней (в 1724 г. она была коронована как императрица Екатерина).

Казалось, о бывшей «женишке Дуньке» забыто навсегда. Но в 1717, в ходе допросов царевича Алексея, выяснились некие факты, которые к делу царевича Алексея добавили так называемое «Суздальское дело». В центре его и оказалась мать Алексея, бывшая царица Евдокия, инокиня Елена.

В Суздаль был направлен доверенный Петру офицер, капитан-поручик Г. Скорняков-Писарев с предписанием произвести обыски, дознания, аресты и доставить Елену в Петербург. Выяснилось, что по прибытии в монастырь Евдокия недолго носила монашескую одежду, затем сняла ее и жила как мирянка. В монастыре, да и за его стенами, нашлось немало людей, жалевших бывшую царицу, так же, как она, отвергавших нововведения Петра, безжалостно ломавшие вековой уклад русской жизни. Некоторые из этих людей – духовных и мирян – поддерживали с Еленой письменную связь, уверяя, что все еще может перемениться. Так ростовский епископ Досифей предсказывал, будто царь откажется от своих антихристовых действий, вернется к прежнему и снова призовет бывшую жену в царицы. Брат Евдокии, Абрам Лопухин, даже пророчил сестре или ее сыну царскую корону. Многие верили в это и старались держаться к инокине Елене поближе. Некоторые подобные письма попали в руки Скорнякова-Писарева. Среди них – переписка Елены и некоего майора Степана Глебова, свидетельствующая о том, что еще в 1709 или 1710 они «жили в блуде».

По имеющимся данным, родительские дворы Степана Глебова и Прасковьи Лопухиной находились рядом (на Солянке) и не исключено, что молодые люди знали друг друга. В 1709 г. Степан Глебов был уже в офицерском чине и прибыл в Суздаль по делам рекрутского набора. Ему исполнилось 37 лет, он был женат (жена тяжело болела) и имел детей. Евдокия перешагнула за сороколетие. Ввел Глебова к Евдокии ее духовник Ф. Пустынный. Скорее всего по ее просьбе, что могло подтвердить их давнее знакомство.

В письмах, написанных Евдокией Глебову, не содержалось и намек на какой-то заговор против Петра. Все, что в них имелось – это страстные любовные признания бывшей царицы петровскому офицеру. «Уж нет тебя милее, ей-Богу! – писала она в одном из писем, – Ох, любезный друг мой! За что ты таков для меня мил?.. Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя...»

Как знать, может быть, читая такие слова своей бывшей супруги, сказанные другому мужчине, Петр приходил в особый гнев... Однако и от нее, и прежде всего от Глебова, те, кто вел розыск в Тайной канцелярии, требовали признаний политических – что они «изливали безчестные укоризны» царю и возмущали против Его величества народ. Отводя от Евдокии возможные обвинения, Глебов признавал только факт их любовной связи. Нечеловеческие муки принял этот человек.

В Преображенском приказе говорили: «кнут – он не Бог, а правду скажет». Правду, уже в полубессознательном состоянии, обычно говорили после 20-го удара кнутом. Больше не били – пытаемые не выдерживали. Глебов получил 34 удара, но не отступил от своих показаний. Он умер, почти 15 часов пробыв на колу, – пытка, которая не применялась даже в те жестокие времена... Существует предание, будто, умирая, Глебов плюнул в лицо

Петру. Так это или нет, но факт остается фактом: через три года царь приказал Синоду предать Глебова анафеме как «злолютого закона Божьего преступника».

Казнили и других, «угождавших и утешавших» Евдокию, пророчивших ее возвращение к Петру или на царство. Епископ Досифей был колесован; Абраму Лопухину и Федору Пустынному отрубили головы. Многих сослали. Евдокия написала бывшему супругу письмо с мольбой о прощении. «Припадая к ногам вашим, – писала она, – прошу милосердия того моего преступления, чтобы мне безгодною смертью не умереть. А я обещаю по-прежнему быть инокою и пребыть в иночестве до своей смерти и буду Бога молить за тебя, Государь». Приказав выпороть ее кнутом, «за некоторые ее противности и подозрения», Петр все же пощадил бывшую царицу.

Она была переведена в Ладожско-Успенский монастырь, где под охраной прожила 7 лет. После смерти Петра, при Екатерине I, ее заточили в Шлиссельбургскую крепость как преступницу, официально называвшуюся «известной особой». Екатерина понимала, что эта «особа» имела несравненно больше прав на престол, чем она. С вступлением на престол (в 1727 г.) сына Алексея и внука Петра I – юного Петра II, страдания Евдокии Лопухиной кончились. Царствующий внук поселил свою бабушку в Новодевичий монастырь, а затем в Воскресенский монастырь, положив ей содержание «в 60 тыс. рублей». При сменившей Петра II Анне Ивановне положение Евдокии Лопухиной не изменилось.

Она скончалась в 1731 г., пережив мужа – императора Петра I, и его вторую супругу – императрицу Екатерину I, а также сына, царевича Алексея, и внука, императора Петра II. Она – последняя из заточенных в монастырь русских цариц – была похоронена на Новодевичьем кладбище. Россией правила тогда императрица Анна Иоановна, дочь теперь уже почти забытого царя Ивана V.

Что такое была слабая «женишка Дуняшка» против могучего колосса, царя Всея Руси, Петра Великого? Как писал знаменитый русский историк С. М. Соловьев, «следя за деятельностью Петра, мы не можем ни на минуту забывать, что имеем дело не с государем только, а с начальником нового государства, с вождем дружины, основывающей новое государство, с человеком, проникнутым исключительно одной мыслью, служащим одному началу». (Т. 14. С. 445) Евдокия Лопухина, да и многие подобные ей, неизбежно должны были пасть перед Петром жертвами, безвинными или виновными...

Монреаль

Иерусалимский журнал

Крупнейшее литературное издание на русском языке, которое выходит в дальнем зарубежье, - «Иерусалимский журнал» - с ноября начнет издаваться в России,

презентация его первого тиража пройдет вечером в воскресенье, 1 ноября, в Большой хоральной синагоге в Москве, сообщил руководитель пресс-службы Российского еврейского конгресса Михаил Савин РИА Новости.

Вести торжественный вечер будет член редакционного совета журнала, писатель и поэт Игорь Губерман. Еще в годы советской власти он стал известен как диссидент, провел несколько лет в лагере, в конце 1980-х годов эмигрировал и живет в Израиле, но часто приезжает и выступает в России. Его сатирические произведения, особенно четверостишья, называемые «Гариками», пользуются неизменной популярностью.

В презентации «Иерусалимского журнала» в Москве примут участие и другие известные деятели культуры: писатель Михаил Веллер, бард Юлий Ким, актер Михаил Козаков, композитор Александр Журбин, поэт Владимир Вишневский, драматург Александр Гельман. На вечере ожидаются также крупные бизнесмены и общественные деятели. Представители деловой и творческой элиты России войдут в учреждаемый Российский клуб друзей «Иерусалимского журнала».

Журнал издается в Израиле с 1999 года и за это время стал одним из самых читаемых в мире литературных изданий на русском языке. «Иерусалимский журнал» публикует, в частности, современную израильскую литературу, переводы израильских классиков 20 века и новые переложения библейских текстов. Среди постоянных авторов - Губерман, Ким, Дина Рубина, Феликс Кандель, Александр Городницкий, Асар Эппель.

В названии журнала его основатели хотели не только сообщить месторасположение редакции, но и обозначить уровень публикаций в издании, имя которого связано со столицей возрожденного государства и одновременно с одним из важнейших символов человеческой цивилизации в целом.

Большую часть журнала занимают произведения израильских литераторов, однако практически в каждом номере публикуются и зарубежные авторы.

В "Иерусалимском журнале" печатались Елена Аксельрод, Эли Бар-Яалом, Наум Басовский, Ефрем Баух, Геннадий Беззубов, Илья Бокиштейн, Семен Гринберг, Игорь Губерман, Лорина Дымова, Марк Зайчик, Михаил Зив, Елена Игнатова, Феликс Кандель, Григорий Канович, Арнольд Кашианов, Юлий Ким, Игорь Коган, Зоя Копельман, Феликс Кривин, Леонид Левинзон, Эли Люксембург, Елена Макарова, Давид Маркиш, Петр Межурицкий, Марина Меламед, Ицхокас Мерас, Евгений Минин, Рената Муха, Дина Рубина, Зинаида Палванова, Морис Симашко, Алекс Тарн, Роман Тименчик, Владимир Фромер, Владимир Хазан, Светлана Шенбрунн, Яков Шехтер и другие израильские русскоязычные литераторы, завоевавших признание в стране и за рубежом, а также известные прозаики, поэты, литературоведы и публицисты из России и США, Германии и Канады, Великобритании и Швейцарии, Венгрии и других стран. Это Степан Балакин, Татьяна Бек, Владимир Болотин, Александр Городницкий, Андрей Грицман, Владимир Друк, Виктор Коркия, Владимир Корнилов, Александр Лайко, Вадим Левин, Шимон Маркиш, Александр Ревич, Дмитрий Сухарев, Александр Файнберг, Олег Чухонцев, Михаил Щербаков, Асар Эппель...

Большое внимание «ИЖ» уделяет переводам с языка иврит. Это новые переложения и литературоведческие исследования текстов ТАНАХа и произведения израильских классиков XX века — Шай Агнон, Иеуда Амихай, Ханох Левин, Биньямин Таммуз... В журнале, в переводе на русский язык, публикуется также проза и поэзия наших современников — Иегудит Кацир, Эдгар Керет, Эйнат Якир...

Во многих номерах журнала представлены графические работы бывших российских, а ныне — израильских художников. В 2001 году вышел специальный выпуск «Иерусалимского журнала», в котором представлена не только графика, но и живопись 27 современных израильских художников-репатриантов.

Презентации новых номеров «ИЖ», проходившие в первые годы выпуска журнала в столичном муниципалитете, в настоящее время проводятся в Доме наследия Ури Цви

Гринберга. Праздничные вечера "Иерусалимского журнала" при участии его авторов и членов редколлегии проходят регулярно не только в Израиле, но и в России; бессменные ведущие этих вечеров — Игорь Губерман, Юлий Ким, Дина Рубина, Дмитрий Сухарев.

«Иерусалимский журнал»: теперь и в России

В Москве, в здании Большой хоральной синагоги прошла презентация «Иерусалимского журнала», который теперь выходит и в России при поддержке Российского еврейского конгресса (РЕК). Более шестисот человек — представители московской интеллигенции и деловых кругов — собрались, чтобы послушать постоянных авторов «ИЖ».

Презентацию вели главный редактор журнала Игорь Бяльский и члены редакционного совета поэт Игорь Губерман и бард Юлий Ким. Помимо них на вечере выступили Михаил Веллер, Андрей Амфилов, Марина Бородницкая, Анна Наль, Велвл Чернин (ныне занимающий должность исполнительного вице-президента РЕК) и другие авторы «ИЖ».

Среди гостей также было немало узнаваемых лиц: композитор Александр Журбин, поэт Владимир Вишневский, народные артисты России Алла Йошпе и Стахан Рахимов, президент Российского еврейского конгресса Юрий Каннер, немало других известных деятелей культуры и бизнеса.

Выход «Иерусалимского журнала» в России — это не только явление в мире российской литературной периодики, это еще и новый шаг в укреплении духовных и культурных связей между Россией и русскоговорящей частью израильского общества, заметно усилившей свои позиции в последнее время.

По окончании презентации президент РЕК Юрий Каннер отметил, что Российский еврейский конгресс, поддерживая «ИЖ», будет стремиться к тому, чтобы такие вечера сопровождали выход каждого номера журнала.

Как сообщила пресс-служба РЕК, презентация продолжилась приемом для участников российского клуба друзей «ИЖ», в ходе которого Игорь Губерман признался: «Аудитория была просто замечательная. Я очень рад, что пришло столько народу. И часть из них получила удовольствие, спасибо конгрессу. И атмосфера была замечательная, это благодаря публике и выступающим — очень талантливым людям».

Первый тираж «ИЖ» в России совпал с 10-летием журнала, который выходит в Израиле с 1999 года. Это солидный срок для толстого литературного издания, печатающего некоммерческую литературу и не имеющего постоянного спонсора.

Игорь Бяльский, главный редактор «ИЖ», в специальном интервью для сайта РЕК напомнил, что на первый номер журнала члены редколлегии сбрасывались по 200 шекелей: «Сумасшедшее желание издавать в Израиле литературный журнал на русском языке было сильнее обстоятельств». Позже журнал поддерживало и государство, и частные лица, и фонд «Русский мир».

Журналисты и литераторы знают, что работа в периодическом издании — это наркотик, на который легко подсесть и от которого практически невозможно отказаться. «ИЖ» выходит четыре раза в год и дает авторам и читателям ощущение участия в живом литературном процессе. В журнале можно прочитать замечательные стихи и прозу, написанные сегодня и вызванные впечатлениями от мира, в котором мы живем.

Как правило, если автор еще не стал известен и издатели не выстраиваются к нему в очередь, только литературный журнал может позволить себе риск его напечатать. Он дает молодым писателям шанс быть услышанными, а читателям — узнать новые имена. Так случилось с Алексом Тарном. «ИЖ» первым напечатал его некоторое время назад, теперь у него выходят книги в престижных московских издательствах. Игорь Бяльский считает, что это и есть нормальное течение литературного процесса, который впоследствии станет историей литературы и частью культурного наследия нашего времени.

Игорь Губерман, характеризуя журнал, сказал: «У Игоря Бяльского, составителя журнала и главного редактора, просто изумительный, безупречный вкус, которому я все время поражаюсь. Он чувствует литературу и в стихах молодых, и в прозе. Фамилии смешно называть, но там хорошие авторы печатаются».

Читать журнал интересно, его делают увлеченные люди. Увлеченные настолько, что когда они выступали, их слушали два с половиной часа. И читать этот журнал не менее интересно, чем слушать Игоря Губермана, который предупредил собравшихся, что в этом помещении он несколько ограничен в чтении стихов, поскольку его попросили не употреблять слово «жопо» и он не будет этого делать. Живой литературный процесс, который и отображает «ИЖ» – это смех и слезы: и ужас Холокоста, и проблемы современной жизни в Израиле, и семейные воспоминания, и рецензии, и споры в стихах и прозе.

«Журнал нуждается в поддержке, чрезвычайно нуждается, радикально. – сказал И. Губерман: Если он пойдет в России, я буду очень рад, я очень болею за этот журнал».

Аудитория в России у «Иерусалимского журнала» есть, и свидетельство этому – огромное число людей, которые пришли в воскресенье вечером в Большую хоральную синагогу.

«Иерусалимский журнал» издается в Израиле с 1999 года, за это время он стал одним из самых читаемых во всем мире литературных изданий на русском языке. Среди постоянных авторов журнала - Игорь Губерман и Юлий Ким, Дина Рубина и Феликс Кандель, Александр Городницкий и Асар Эппель и многие другие. Помимо произведений современной израильской литературы на русском языке журнал публикует новые переложения библейских текстов и переводы из израильских классиков XX века.

Российский еврейский конгресс – ведущая светская организация российских евреев и крупнейший в России еврейский благотворительный фонд. Создан в 1996 году. Играет ключевую роль в развитии еврейской культуры и образования, благотворительности и борьбе с антисемитизмом. В руководство РЕК входят представители науки и культуры, политического истеблишмента и СМИ. В их числе лауреат Нобелевской премии академик Виталий Гинзбург и глава адвокатской палаты Москвы Генри Резник, артисты Михаил Жванецкий и Геннадий Хазанов, режиссеры Юлий Гусман и Марк Розовский, журналисты Владимир Соловьев и Михаил Бергер, главный раввин России Адольф Шаевич и главный раввин Москвы Пинхас Гольдшмидт.

Леонид Кацис. Начало Пути²⁰⁷

История часто распоряжается так, что наиболее значимые фигуры своей эпохи оказываются не слишком видны из-за шеренг их не столь ярких современников. Да и современники эти прилагают к тому немало усилий, особенно если они впоследствии приходят к реальной политической власти.

Так произошло с Владимиром Жаботинским, который умер в 1940 году в Америке. Он завещал перезахоронить себя в будущем еврейском государстве, однако произошло это лишь спустя шестнадцать лет после провозглашения независимости Израиля, в 1964-м, когда завершилась политическая деятельность Бен-Гуриона, одного из самых непримиримых противников Жаботинского.

Политическая борьба вокруг имени и деятельности Жаботинского продолжается и сегодня. Действительно, если вспомнить название его статьи «О железной стене» и сегодняшнюю стену, отделяющую Израиль от его «миролюбивых» соседей, то ситуацию эту даже близкой аналогией не назовешь. Это уже актуальная политика.

Вряд ли труды Бен-Гуриона или Берла Кацнельсона могут быть сегодня столь же злободневны... А работа над изучением и даже собиранием наследия автора концепции «железной стены» все еще находится в самом зачаточном состоянии.

Казалось, что уже никто и никогда не обратится к старым подшивкам русских газет и эмигрантских журналов начала XX века. Но история сделала очередной разворот, и сегодня, сменяя симулякр постсионизма, вновь нарастает интерес к творчеству лидера ревизионистского сионизма. За последнее время только роман Жаботинского «Пятеро» переиздан не менее пяти раз в России и на Украине, переиздаются «Фельетоны» и даже снимается блокбастер «Самсон Назорей». Те же «Пятеро» недавно вышли на английском и французском, публикуются новые биографии Жаботинского на итальянском и японском языках.

Однако корпус текстов Жаботинского, доступных читателям и даже специалистам, остается еще очень и очень ограниченным.

На этом фоне начало публикации Полного собрания сочинений Владимира (Зеева) Жаботинского на русском языке представляет собой событие неординарное. Ведь даже те немногие, кто держал в руках библиографию его трудов, не могли не видеть, что количество отмеченных там статей Жаботинского в десятки раз превышает то, что входит в доступные сборники на любых языках.

Разумеется, можно сказать, что плоды поденной работы журналиста провинциальной прессы, даже ставшего впоследствии крупным политиком и писателем, совершенно не обязательно должны быть собраны и напечатаны. Более того, среди специалистов всегда найдутся те, кто скажет: «А выдержит ли ваш автор испытание Полным собранием сочинений? Не лучше ли ограничиться разного рода сборниками и хрестоматиями?».

Нет, не лучше, и причин тому много. Посмотрите, какой серьезной фигурой выступает Жаботинский в воспоминаниях К. Чуковского, М. Горького, А. Амфитеатрова, В. Розанова, П. Струве, М. Осоргина и др.

Чем вызвано это повышенное внимание? Почему никакие другие российские сионисты не вызывали подобного интереса у деятелей русской культуры? Возможно, потому, что никто из этих «других» не сумел так перевести Х.-Н. Бялика на русский язык, что и еврейство было потрясено, и сам Бялик стал актуален для русской культуры?

А в каких газетах печатался Жаботинский? В «Одесских новостях», «Руси», «Нашей жизни», «Речи», «Русских ведомостях», в журналах «Южные записки», «Русская мысль», «Освобождение»...

Ясно, что *русская* составляющая творчества Жаботинского (которая еще до эмиграции сопровождала его *еврейскую* деятельность в «Рассвете», «Еврейской жизни», «Хронике еврейской жизни» и прочих еврейских журналах на разных языках) оказывается достаточно серьезной для того, чтобы счесть Жаботинского фигурой поистине уникальной. Тем более печально, что до сих пор выявлены далеко не все тексты Жаботинского, а многих газет и журналов, где он печатался, в библиографиях нет вообще.

Существует и еще одна важная и сложная проблема: различное восприятие Жаботинского в русском, русско-еврейском и еврейском нерусскоязычном мире.

Например, ивритскому читателю, как правило, неинтересны тексты, написанные в России и о России, если они не касаются собственно еврейских проблем. Или, еще не так давно даже самый просвещенный русский и русско-еврейский читатель, поклонявшийся О. Мандельштаму, Б. Пастернаку или М. Булгакову, был абсолютно уверен в том, что в русско-еврейском мире нет ничего важного и интересного, если вообще подозревал о существовании такового. А если что из наследия Жаботинского и было известно такому читателю, то лишь сборник «Фельетоны», ярчайший, но очень ограниченный по набору тем и текстов. Наконец, ивритский читатель не хотел замечать, что даже в годы самой активной сионистской деятельности Жаботинского в России 1900-х–1910-х годов

количество его текстов на российские темы превышало или было соизмеримо с текстами на темы еврейские во всех их возможных видах.

Есть и другая проблема: Жаботинский российских лет был довольно последовательным марксистом, начавшим свою деятельность еще в Италии, в газете «Avanti!», а затем в русских «Жизни» или «Освобождении». Для будущего лидера брутального и милитаристского, на первый взгляд, ревизионистского сионизма, такой контекст выглядел, по меньшей мере, неуместным. В «Повести моих дней» Жаботинский все это довольно откровенно объяснил, однако «Повесть» вышла в свет только на иврите (1936), а на русский была переведена лишь в 1985. С другой стороны, на русском языке еще с 1920-х годов существует «Слово о полку», т. е. история еврейского легиона, которая совершенно не связана с марксизмом.

Так, по воле то ли автора, то ли неуправляемых исторических обстоятельств, идейная биография «русского» Жаботинского оказалась разорвана. Понятно, что у ивритского читателя не может возникнуть ассоциаций с другим «Словом» – о другом, древнерусском «полку» (на иврите книга называлась «*сипур ямай*» – дословно: «повесть моих дней»), а, следовательно, терялись и многие идейные и стилистические обертоны этого текста. В свою очередь, без предыстории в виде «Повести моих дней», пропадали втуне и многие сюжеты «Слова».

Однако до этих лет наше собрание, выходящее под редакцией Феликса Дектора, дойдет еще не скоро. Слишком много нового обнаружилось уже при подготовке первых томов, которые на сегодняшний день охватывают 1897-1902 годы. На подходе и тома 1903 и 1904 годов.

Разумеется, уже здесь можно было бы рассказать о том, как еще в 1901 году юный Altalena (наиболее известный псевдоним раннего Жаботинского) создал едва ли не первый литературный портрет своего будущего постоянного антагониста В. В. Розанова, что само по себе значимо и интересно. Когда в середине 1990-х годов мы пытались показать, что позорная книга В. В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (куда вошли и статьи о Павла Флоренского), посвященная «богословскому» доказательству употребления евреями христианской крови, была во многом ответом на знаменитые статьи Жаботинского о деле Бейлиса (в частности, на статью «Вместо апологии»), то эти умозаключения в лучшем случае встречались коллегами с улыбкой. Но позже нашлась статья Розанова 1908 года о молодом Жаботинском, где Розанов рассказывал об их знакомстве в Риме в 1901 году (познакомил их Манасевич-Мануйлов, печально известный шпион и провокатор). Затем нашлась еще одна статья, из газеты «Речь», и не напечатанный текст Розанова 1911 года, обращенный к Жаботинскому. Можно обнаружить очевидные следы Розанова и в романе Жаботинского «Пятеро». И вот результат: наша статья «Владимир Жаботинский» уже входит в недавно изданную «Розановскую энциклопедию».

И это всего лишь один сюжет, раскрывшийся за последние годы и охвативший тридцать пять лет жизни Жаботинского. Вообще говоря, линии его жизни и литературного творчества почти всегда тянутся от первых лет до последних. И это тоже затрудняет понимание Жаботинского, ибо приходится держать в уме слишком много разных контекстов (литературных, исторических и политических), соединять имена и события, кажущиеся не связанными друг с другом. Внимательный читатель не может не заметить, что главная проза Жаботинского посвящена России и Одессе, даже если автор уже давным-давно интересуется строительством электростанций в Палестине или доставкой оружия своим сторонникам. Вообще говоря, есть смысл прочесть романы Жаботинского (и «Пятеро», и «Самсон Назорей») на фоне тех статей в «Рассвете», которые их сопровождали. Тогда само собой проявится и актуальное политическое содержание этой прозы.

Теперь несколько слов о текстах, которые предлагаются вниманию читателей «Иерусалимского журнала». Казалось бы, среди них не может быть чего-то, о чем не подозревали исследователи. Но оказалось не так.

Известно высказывание Жаботинского в «Повести» о том, что он во многом случайно произнес свою первую сионистскую речь еще в Берне на некоей неожиданной для него самой сходке. Однако в дальнейшем он подчеркивал, что именно кишиневский погром 1903 года сделал его сионистом. Между тем, из библиографии, а теперь и из тома с текстами 1902 года, мы можем без труда узнать, что статья «О сионизме» была опубликована за год до кишиневского погрома. Следующая знаменитая статья – «Кадима», вошедшая в сборник «Недругам Сиона» (1904), была известна до сих пор лишь в немецком варианте, опубликованном в Вене перед Сионистским конгрессом (1903), который, как известно, отказался принять предложенный Теодором Герцлем «Угандийский» проект. Однако впервые эта статья была опубликована, пусть и в несколько иной редакции, по-русски – в журнале «Южные записки», почти за полгода до вышеописанных событий.

Этот факт свидетельствует, что рассказ Жаботинского о будто бы случайном его появлении на Конгрессе, мягко говоря, не соответствует действительности. Его статья уже и в первой публикации выглядела как программа русской делегации на Конгрессе. А уж в немецком варианте, после Кишинева, и вовсе ею являлась.

Однако между двумя публикациями «Кадимы» был еще один текст, который стал нам известен только во время работы над Собранием. Пример, который мы сейчас приведем, показывает, какие находки и догадки могут быть сделаны при работе с максимально полным собранием текстов Жаботинского на всех языках.

В одной из статей упоминавшейся уже газеты «Avanti!» Vladimiro Giabotinski писал о том, с каким нетерпением русские революционно настроенные студенты ждут каждый новый номер марксистского журнала «Жизнь». Отчего бы не предположить, что и сам Жаботинский участвовал в этом журнале? Тем более, что «Жизнь» упоминалась и в переписке Жаботинского, например, с В. Короленко.

И вот, при просмотре журнала выяснилось, что в самых последних номерах перед его закрытием в 1901 году там появились примерно десять рецензий, подписанных «А.». Одна из них, посвященная творчеству поэта К. Фофанова, оказалась практически параллельной тексту Altalen'ы из «Одесских новостей» – на сей раз о поэтессе Мирре Лохвицкой. Сомнений не оставалось: «А.» из «Жизни» – это Жаботинский!

Из истории русской журналистики мы знаем, что после закрытия в России журнал «Жизнь» стал издаваться в эмиграции. Часть редакции, впоследствии связавшая свою судьбу с большевиками, во главе с В. Поссе и В. Бонч-Бруевичем выпускала новую «Жизнь» в Женеве.

Зато другая часть, которая ассоциировалась с конституционалистами-демократами, примкнула к журналу «Освобождение», издаваемом в Штутгарте Петром Струве, создателем РСДРП. А Жаботинский, как известно из материалов Особого отдела Департамента полиции, был главой кружка РСДРП Дальницкого района города Одессы. Поэтому связи Струве с Жаботинским не должны нас удивлять, тем более, что были они далеко не только сугубо марксистскими.

Так, Жаботинский являлся активным членом Одесского литературно-художественного общества, которое очень быстро откликалось на события в культурной жизни страны. Именно в Одессе – ранее, чем где-либо в России – состоялось обсуждение знаменитого сборника «Проблемы идеализма», в котором участвовали Петр Струве и другие авторы журнала «Освобождение». Кстати, псевдонимы авторов «Освобождения» до сих пор еще расшифровываются историками. Называются имена П. Милюкова, С. Франка, В. Короленко... Зато авторство многих статей провинциальных корреспондентов журнала, охватывавших пространство от Одессы до Приморья, не установлено и по сей день. Нет там и имени В. Жаботинского.

Наше внимание привлек ряд пока еще не атрибутированных текстов – в частности, таких, где речь идет о событиях, связанных с Одессой и подписанных «Аноним», либо не подписанных вовсе. Здесь не место обсуждать технические проблемы атрибуции, заметим лишь, что многие эпизоды этих корреспонденций являются предшественниками знаменитых статей из будущих «Фельетонов».

Но в связи с данной публикацией в «ИЖ» мы скажем лишь несколько слов о тексте, подписанном «Г.» и представляющем собой реакцию на неожиданное и резкое выступление Петра Струве (главного редактора «Освобождения») по поводу кишиневского погрома.

Для того чтобы стала понятна резкость статьи Струве, необходимо подчеркнуть, что информация о погроме была в русской печати минимальна, а уж дискуссии на эту тему и вовсе невозможны за пределами некоторых еврейских органов типа «Восхода» или специального журнала «Право». И вдруг Струве буквально сразу после погрома заявил, что одной из его причин явилась рабская покорность евреев, их готовность терпеть издевательства, и что особо всем этим грешит еврейская интеллигенция. Более того, отрицая в целом вооруженные методы борьбы, в данном случае П. Струве провозгласил необходимость организации еврейской самообороны.

Эта статья вызвала на страницах эмигрантского «Освобождения» бурную дискуссию, невозможную в российских условиях. Отклики были разные: от возмущенных до сочувствующих. А в заключение дискуссии выступил некий «патриот своего народа» сионист «Г.». Его выступление резко отличается от всего тона дискуссии. Этот текст напоминает полемические статьи, вошедшие в брошюру «Недругам Сиона», где Жаботинский полемизирует с тогдашними критиками сионизма (Бикерманом, Каутским, Изгоевым и др.). Текст, с которым «Г.» (сравним с «G» – первой буквой итальянской подписи Жаботинского) обрушивается на Струве, можно прочитать теперь на страницах «ИЖ».

И здесь необходимо вспомнить, что рассуждения о «еврейской трусости» нередко встречали острую реакцию Жаботинского, причем, именно в связи с кишиневскими событиями. Напомним, что в 1906 году впервые вышел в свет его перевод поэмы Х.-Н. Бялика «Сказание о погроме». Некоторые его фрагменты печатались и ранее, однако именно полный текст с предисловиями Жаботинского (стихотворным и прозаическими) буквально взорвал русско-еврейское культурное сообщество.

Есть смысл задуматься и над тем, почему в своих предисловиях уже к книге стихов и поэм Бялика 1911 и последующих годов Жаботинский с таким жаром доказывает, что презрение к «еврейской трусости» было выражено Бяликом еще в стихах 1897 года:

*Так погиб мой народ... Срама жаждет он сам.
Нет опоры стопе, нет мерила делам.
Сбились люди с дороги, устали бродить,
И пропала в веках путеводная нить.
Рождены под бичом и бичом вскормлены,
Что им стыд, что им боль, кроме боли спины?
В черной яме чужбин копошатся на дне,
Воспарит ли душа над заботой о дне,
Возвестит ли рассвет, возведет ли престол,
Завещает ли веку великий глагол?
Раб уснул, и отвык пробуждаться на клич,
Подымают его только палка да бич.
Мох на камне руин, лист увядший в лесу –
Не расцветь им вовек, не зови к ним росу.
Даже в утро Борьбы, под раскатами труб,
Не проснется мертвец, и не двинется труп...*

Это было написано Бяликом в год Первого Сионистского конгресса. Слово «чужбина» звучит здесь наряду со словом «рабство». Вообще, толика переводов Жаботинским Бялика еще ждет своего максимально подробного анализа. Ведь бяликовское «Сказание о Немирове», перевод которого был начат в 1904 году, лишь по прошествии лет стало знаменитым «Сказанием о погроме». Вольное, даже декларативно вольное обращение Жаботинского с текстом Бялика заставляет задуматься о его роли в идейном развитии поэта от их первой встречи сразу после кишиневского погрома до последующих десятилетий общения и совместной работы.

Но вернемся к Струве. Он сопроводил письмо «Г.» осуждающим послесловием, обращенным к сионистам-нейтралистам, которые полагали, что евреям не следует участвовать в русской революции и даже агитации. Именно к ним и принадлежал Жаботинский, хотя в революционные годы 1903-1907 он еще и сам пока толком не определил, каких он станов боец: двух, т.е. русского и еврейского, или только одного, еврейского. Рубежом здесь стала, безусловно, известная дискуссия о евреях в русской литературе, с одной стороны, и статья «Еврейская крамола» (1906), в которой автор выступал против участия евреев в российской революционной агитации, с другой. Ведь в 1904 году, уезжая в Петербург, он еще размышлял о выборе своего (русского или еврейского) пути. Русский путь мог быть для Жаботинского только путем «еврея в русской литературе». Все это можно рассматривать как продолжение полемики со Струве, начатой на страницах «Освобождения» в статье сиониста «Г.» о еврейской трусости и продолженной там же в заметках «Анонима» об одесской забастовке 1903 года и о «потемкинских днях» 1905-го. Poleмика эта получила еще более известное развитие во время дискуссии «о евреях и русской литературе» и в «Четырех статьях о “чириковском инциденте”», ставших впоследствии центральным сюжетом в «Фельетонах».

Спровоцированная статьей К. Чуковского в «Свободных мыслях» дискуссия «о евреях и русской литературе» приобрела особо резкий характер именно после выступления Жаботинского, который тогда подписывался «Господин Ж.». Именно ему жестко отвечали и П. Струве, и П. Милюков. Именно ответы им составили раздел о «чириковском инциденте» в знаменитых «Фельетонах». А специальный сборник, выпущенный по следам этой дискуссии, далеко не случайно назывался «По вехам», словно в ответ на знаменитый сборник статей о русской интеллигенции «Вехи» (1909), развивавший идеи вышеупомянутого сборника «Проблемы идеализма» (1902).

Таким образом, частный спор о том, должен ли еврейский писатель Шолом Аш читать свою идишскую пьесу перед русскими (а не еврейскими) писателями в доме артиста Н. Ходотова в присутствии Е. Чирикова (кстати, автора популярной пьесы «Евреи») далеко не случайно перерос из спора о «евреях в русской литературе» в широкую всероссийскую дискуссию «о национальном лице русского народа». Тогда же Жаботинский писал о «национальной сытости великороссов», а его коллега-литератор В. Ульянов – об их же «национальной гордости».

Но это уже следующий этап жизни и работы Жаботинского, хотя и прямо вытекающий из ранних одесских лет. А в 1903 году он публикует в «Одесских новостях» еще один важнейший цикл статей, который ускользнул от многих исследователей его творчества. Это очерки о евреях в стране, где практически не существовало антисемитизма, где и еврея уже невозможно было отличить от итальянца. И называет он этот газетный цикл «Гетто». Этот же корпус статей, собранный в отдельной брошюре того же года, Жаботинский публикует под названием «Гетто. Чужие. Очерки одного «счастливого» гетто. Посвящено всем недругам Сиона». Сравните последнее посвящение с названием брошюры «Недругам Сиона» того же 1903 года, вышедшей в издательстве с недвусмысленным названием «Eretz Israel»*.

По ранним статьям Жаботинского можно отчетливо проследить его путь от юного газетного репортера к невероятно быстрому формированию национальной идеологии,

которая теперь навсегда связана с его именем. От 19 до 23 лет – всего лишь. Впереди почти две трети жизни, в том числе и полтора десятка российских лет, которые позднее, в 1930-х, найдут свое отражение в «Пятеро» и «Повести моих дней» параллельно с борьбой Жаботинского за эвакуацию европейских евреев в преддверии неизбежной катастрофы. Тогда его никто не хотел слушать. Не очень-то хотят и сейчас. Но, быть может, времена изменятся. Этому и должно послужить первое Полное собрание сочинений Жаботинского, которое выходит сейчас на русском языке, и, будем надеяться, новое многотомное собрание его текстов на иврите, подготовка которого еще только начинается.

*Интересно сравнить эти очерки и с заметками Жаботинского «Римское гетто», опубликованными 3. 04. 1899 г. в газете «Одесский листок» и вошедшими в первую книгу второго тома Полного собрания сочинений. В заметках тех – взгляд постороннего, туриста, который никак не соотносит себя с обитателями гетто и их судьбой. И какой контраст в 1903-м!

Григорий Канович. ДЫМОК
"НОБЛЕСА"²⁰⁸

Мне и в голову не могло прийти, что буду писать воспоминания о человеке, который годился мне в сыновья, и который, хоть и не производил впечатления богатыря, совсем не был похож на завсегдатая врачебных кабинетов. Все в нем указывало на духовное и физическое здоровье: и постоянная боевая готовность защищать свои убеждения; и жажда борьбы; и стремление к тому, что называют истиной; и жизнерадостность, свойственная каждому южанину (он приехал на Святую землю с зараженной "антисемитской кондратенковщиной" Кубани); и немыслимое для среднестатистического еврея трудолюбие; и припорошенная насмешкой, не лишенная язвительной начинки доброжелательность.

Не скажу, что знал Аркадия близко или входил в круг его многочисленных друзей, тянувшихся к нему по всякому поводу; очень ценивших его демократический нрав, его удивительную начитанность, его нетерпимость к литературному и житейскому криводушию и фальши, но не всегда отдававших себе отчет, с каким чутким и ранимым человеком имеют дело. Меня с Аркадием, как это и бывает между людьми, которых друг от друга отделяют почти три десятилетия, темперамент, привычки, даже эстетические пристрастия, - свела литературная критика. В газете "Время" появилась рецензия Хаенко на мой роман "Слезы и молитвы дураков". Не стал бы вспоминать об этой статье, если бы не одна неожиданная для меня фраза (цитирую по памяти) "...роман "достал" меня, несмотря на то, что я приверженец совершенно другой, далекой от еврейской тематики и проблематики, литературы". Мне захотелось познакомиться с неизвестным автором, поспорить с ним о еврействе и нееврействе и, главное, поблагодарить за откровенное, без прикрас высказанное мнение. Не помню, сколько "Ноблеса" (на более дорогие сигареты у нас в ту - рабинскую - пору средств не было) мы выкурили с ним у входа в редакцию газеты на Дерех Петах-Тиква. Может быть, дымок "Ноблеса" и сблизил нас, и умножил коэффициент взаимного доверия.

- Я думал, что вы глубокий старик, - сказал Аркадий. - А вы, оказывается, еще и курите... И ваши "Слезы", оказывается, написали в тридцать девять лет. Мне сейчас примерно столько... И мне, пожалуй, пора взяться за ум и что-то такое написать. А то день-деньской строчу всякую дребедень.

Его самобичевание удивило меня.

- Я тут написал одну вещицу... Детектив... Может, прочтете... Надеюсь, не соскучитесь...

Я согласился. То был роман "Комната смеха".

Через некоторое время в дыму дешевого "Ноблеса" на накаленном добела асфальте у того же "парадного" входа в редакцию "Времени", которому Хаенко отдал все свои силы, у нас и состоялся разговор. Детали разговора, я, к сожалению, уже не помню, но из памяти до сих пор не изгладился его поучительный лейтмотив. Я пытался убедить Аркадия, что ему - талантливому, своеобразно мыслящему литератору - по плечу решение не только детективных головоломок, но и по-настоящему серьезных тем; что его перо грешно употреблять только для развлечения читателя, только для фабульного серпантина, щекочущего, как дорога на Ай-Петри, нервы, только для вымученного, бог весть кого веселящего "Шмуля". Я и впрямь был убежден, и ныне - после неожиданной смерти автора "Комнаты смеха" и "Третьего крика ирокеза" - остаюсь при своем убеждении, что Аркадию Хаенко от природы было отпущено больше, чем многим другим (он и много сделал, правда, скорее, в литературной критике и в журналистике, чем в "чистой" литературе), но полностью реализовать свой редкостный потенциал ему, к великому сожалению, не удалось. Как говорил он сам, "житуха заела".

Никогда не забуду его справедливые и в то же самое время горькие и демобилизующие слова:

- Григорий Семенович! Сейчас можно заработать только на дерьме.

Я не мог не признать, что в его "манифесте о дерьме", которого во все времена в избытке и на которое исстари существует неизменный спрос, слышались не только молодецкая, пользующаяся успехом на различных тусовках бравада, но и глубокое, искреннее сожаление, может, даже мука... Казалось, он соболезнует самому себе, не успевшему написать то, чего хотел, к чему влекла его наболевшая душа. Что и говорить, это большое и непоправимое несчастье, когда уходит человек, который по всем своим параметрам был несравненно более талантлив, чем оставленное им наследие. И чаще всего это не вина ушедшего, а в большей или меньшей степени вина равнодушных к судьбе таланта наследников. Переиграть судьбу невозможно. Как ни печально, но уже "засчитанный результат" на табло не изменишь.

Аркадий Хаенко написал и напечатал много - и под собственным именем, и под псевдонимами. На всем его газетном и не газетном творчестве лежит печать незаурядности, недюжинности, не состоявшегося, но вполне очевидного высокого Божьего дара.

Аркадий Хаенко прожил короткую, горькую, как дымок "Ноблеса", жизнь. По правде говоря, он был один из тех, кто ею как следует не успел затянуться и до конца ощутить не то что ее осенний - даже летний вкус. Поздно на это сетовать, но не поздно склонить перед его светлой памятью наши забывчивые, забытые тем, на чем, по мнению ушедшего, можно неплохо заработать, головы.

Григорий Канович, Бат-Ям

Иллюстрированная Россия

двухнедельный литературно-иллюстрированный журнал. Издавался в Париже на русском языке с 1924 по 1939 год. С 1 сентября 1924 года по 15 декабря 1925 года журнал выходил один раз в две недели, с 1 января 1926 года и до прекращения издания журнал выходил один раз в неделю. С 1929 года журнал был организатором конкурсов красоты "Мисс Россия" в Париже.

Основан в 1924 году Мироном Петровичем Мироновым в Париже, по типу столь привычных русским эмигрантам, дореволюционных, еженедельных, иллюстрированных, литературно-художественных журналов.

Первым редактором журнала был его основатель М. П. Миронов, который пробыв на этом посту до июля 1931 года, после чего главным редактором журнала стал крупнейший русский писатель Александр Иванович Куприн до июня 1932 года. После ухода Куприна из-за болезни, журнал возглавила редколлегия, в состав которой в 1936, 1937 гг. входили: И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцев, Д. С. Мережковский и И. С. Шмелев.

Издание осуществлялось на отличной мелованой бумаге, изящно оформленные обложки, целый ряд обложек работы художников и знаменитых русских мастеров — Малявина, К. Коровина, Д. Стеллецкого, А. Яковлева, Б. Зворыкина, Ф. Рожанковского, И. Билибина, Александра Бенуа, С. Лисима, Г. Шилтяна и многих других.

Все 748 номеров журнала вышедших за 15 лет существования представляют монументальную летопись, свидетельствующую обо всех сторонах жизни русской эмиграции в широких географических пределах (Европа, Дальний Восток, Америка, Австралия, Африка, Филиппины, Южная Америка, Индия, Цейлон, Япония, Абиссиния, Парагвай). На своих страницах журнал открывает, отражает, рисует, фотографирует, свидетельствует, повествует в беллетристике, поэзии, воспоминаниях, исторических очерках, репортажах об общественно-политической, обыденно-бытовой, культурно-просветительной, исторической и злободневной жизни всего русского зарубежья. Общее направление журнала можно охарактеризовать, как либеральное.

С первых же дней основания журнала на его страницах печатаются крупнейшие писатели и поэты эмиграции. Привести их полный список невозможно, так как участвовали, практически, все пишущие за рубежом: Куприн, Бунин, С. Черный, Н. Тэффи, Ремизов, Зайцев, Шмелев, Чириков, Гиппиус, Мережковский, Осоргин, Б. Савинков, И. Савин, И. Одоевцева, Г. Иванов, В. Ходасевич, Г. Евангулов, Л. Зуров, С. Юшкевич, Н. Н. Брешко-Брешковский, А. Толстой, М. Алданов, И. Лукаш и многие-многие другие. Особое внимание редакторы обращали на русскую литературу, выходящую в СССР. Благодаря «Иллюстрированной России» читатели смогли познакомиться с творчеством Зощенко, Катаева, Бабея, Шишкова, С. Есенина, Пильняка, К. Чуковского, В. Инбер, Ю. Олеши, М. Булгакова, К. Федина и многих других.

Материалы о жизни русских классиков — А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, А. П. Чехова, Л. Андреева и других. Не был забыт ни один юбилей, причем очень часто печатались автографы и рукописные материалы, найденные за границей и не известные в России.

Исторические очерки, воспоминания и материалы по военной истории, истории русского права, истории государства Российского (воспоминания крупнейших государственных деятелей), русский скаутизм, русское старообрядчество, русская наука, философия и богословие, русский спорт. Среди авторов можно назвать широко известные имена: М. Карабчевский (Союз Адвокатов), граф Коковцев, генерал Деникин, Чебышев, Г. Б. Слиозберг, В. Л. Бурцев, П. Милюков, А. Киззеветтер, граф Игнатъев, А. Ф. Керенский и многих-многих других.

Богатейшие материалы о русских художниках и художественной жизни зарубежья. Репортажи из мастерских Бенуа, Б. Григорьева, Н. Д. Миллиоти, в гостях у И. Билибина, Ретина в «Пенатах». Материалы о творческих и персональных выставках А. Яковлева, А. Дюшена, А. Арапова, С. Сорина, А. Архипенко, К. Сомова, Б. Гликмана, Пожедаева, Н. Гончаровой и М. Ларионова, К. Коровина, З. Серебряковой, К. Терешкевича, Ивана Пуни, Сергея Маковского, Г. Лукомского... Материалы о юбилейной выставке Н. П. Богданова-Бельского, на вернисаже «Мира Искусства». Об участии русских художников в Салонах «Осеннем» и «Независимых», о выставке передвижников в Праге и о русских художниках в США.

В журнале освещалась жизнь русских землячеств в столицах и в глубокой провинции зарубежья, жизнь русских студентов, врачей, шоферов, рабочих, деятельность русских Ассоциаций и Союзов, забота о русских инвалидах, сиротах и стариках, деятельность Союза русских зарубежных писателей и журналистов и пр.

Русские рестораны, конторы, аптеки, гимназии и поликлиники, русская реклама, сиротские и старческие дома, русские высшие учебные заведения и курсы, жизнь различных меньшинств и объединений (казаки, калмыки, терцы, украинцы, белорусы) в столицах и глубоких провинциях, в диких условиях джунглей и высокой цивилизации, русские кинотеатры, артисты, русские музыкальные сезоны (опера и балет), морские объединения (кают-кампании), русские фермеры и сельское хозяйство.

«Иллюстрированная Россия» вступила в четвертый год своего существования. Со времени своего появления в свете, повсюду где звучит свободная русская речь, *«Иллюстрированная Россия»* является желанной гостьей. Все постоянные читатели и подписчики *«Иллюстрированной России»* — ее верные друзья. Не к ним, старым друзьям и знакомым, обращается на этот раз она, а к случайным читателям, в руки которых попадает впервые.

«Иллюстрированная Россия» — самый большой и самый распространенный еженедельный литературно-иллюстрированный русский журнал за рубежом. В литературной части журнала принимают участие наиболее выдающиеся современные русские писатели. В 1924, 1925 и 1926 г. г. в *«Иллюстрированной России»* были помещены произведения: М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, З. Н. Гиппиус, Н. Городецкой, Вл. Горянского, А. Ф. Даманской, Дон Аминадо, Бор. Зайцева, Вл. Зеелера, Н. П. Карабчевскаго, А. И. Куприна, Д. С. Мережковскаго, П. Н. Милюкова, М. А. Осоргина, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Евг. Тарусскаго, Н. А. Тэффи, А. Чернаго, Сем. Юшкевича, Б. Ф. Шлецера, И. Шмелева, Евг. Чирикова, А. Яблонивскаго и др. В художественной части журнала ближайшее участие принимают художники: Билибин, Гриффон, Белкин, Мад, Пэм, Рожанковский и др. В целях широкого ознакомления русских читателей с новинками иностранной литературы *«Иллюстрированная Россия»* уделяет значительное место и переводным произведениям.

Различныя отрасли недавняго русскаго прошлого находят в *«Иллюстрированной России»* отражение в серии воспоминаний, помещаемых на страницах журнала.

В 1924, 1925 и 1926 г. г. в *«Иллюстрированной России»* печатались: *«Воспоминания адвоката»* — Н. П. Карабчевскаго, *«Воспоминания русскаго Шерлока Хольмса — записки б. начальника московской сыскной полиции А. Ф. Кошко»*, *«Шпионаж во время войны»* — воспоминания б. начальника русской разведки въ Париже, полковн. ген. штаба П. Истомина.

Иллюстрационная часть журнала посвящена русской жизни за рубежом и в России. Собственные корреспонденты-фотографы во всех крупных центрах скопления русской эмиграции и в сов. России. Для своих маленьких читателей *«Иллюстрированная Россия»* имеет специальный отдел — *«Детскую страничку»* с рассказами, шутками и шарадами для детей. Отдел юмора — *«Бумеранг»*. Театр и искусство. Парижская моды. *Mots croises*. Спорт.

З. Н. Гиппиус. Поэт и Тарпейская скала²⁰⁹

Очень приятно иногда, забыв газеты и наше «детективное» время, поговорить о чем-нибудь мирно-спокойном и красивом. Или рассказать о спокойно-счастливой жизни «мудреца на Тарпейской скале», старого нашего знакомого, известного поэта, ученого и философа, Вячеслава Ив. Иванова.

Этим летом и мы жили в спокойном мире и в красоте: горное местечко, городок на скале, окруженный густыми каштановыми лесами, над озером и римской Кампаньей, имел вид райский. Мы его называли «почти-рай» (для точности, потому что не подлинный же, все-таки, рай).

Но вот октябрь, и мы опять в Риме. Ненадолго, увы: через несколько дней — Париж, низкое небо, дождь...

Сегодня последнее воскресенье. Пойдем в гости к Вяч. Иванову.

В Риме, по сравнению с Парижем, все «рукой подать». Далеко ли от нас, от виллы Боргезе, до Тарпейской скалы? Мы идем пешком.

Вот и волшебная лестница Капитолия. Волчицы не видно. Она спит. Да ее, кажется, из левого густого садика перевели в правый. Там тоже пещера. Марк Аврелий на предвечернем небе. Какое величие в его спокойствии! В одном этом жесте руки — Рах, мир...

Обогнув М. Аврелия, мы идем по узкой улочке, меж старых зданий. Мы уже на знаменитой скале, сейчас, направо, дверь В. Ив-ва, но на маленькой открытой площадке не можем не остановиться: под нами Форум, далее — Колизей, и все это в оранжевом пылании заката. Голос вечернего колокола — Ave Maria...

С крутой улочки в дом, где живет В. И., нет ни одной ступени. Но старые дома на Тарпейской скале — с неожиданностями. Если, через переднюю и крошечную столовую, пройти в стеклянную дверь на балкончик, там — провал; и длиннейшая, по наружной стене, лестница: шаткая, коленчатая, со сквозными ступенями, похожая на пожарную. Она ведет в темный густой садик. Но пусть об этом садике скажет сам его хозяин — поэт, в стихотворении, только что написанном и посвященном постоянной своей сотруднице, помощнице в научных работах. (Она же, эта изумительная женщина, и «гений семьи»: с В. И. живет его милая, тихоликая дочь, музыкантша, профессор римской консерватории, и сын, студент). Вот эти стихи:

Журчливый садик, и за ним
Твои нагие мощи, Рим!
В нем лавр, смоковница и розы
И в гроздиях тяжелых лозы.

Над ним, меж книг, единый сон
Двух, сливших за рекой времен,
Две памяти молитв созвучных,
Двух спутников, двух неразлучных.

Сквозь сон эфирный лицезрим
Твои нагие мощи, Рим.
А струйки, в зарослях играя,
Журчат свой сон земного рая.

Много ль в Париже людей, хорошо помнящих знаменитую петербургскую «башню» на Таврической и ее хозяина. Теперь все изменилось. Вместо «башни» — Тарпейская скала и «нагие мощи» Рима. Вместо шумной толпы новейших поэтов — за круглым чайным столом сидит какой-нибудь молодой семинарист в черной ряске, или итальянский ученый. Иные удостаиваются «а партэ» в узком, заставленном книгами, кабинете хозяина... Все изменилось вокруг, — а он сам? Так ли уж изменился? Правда, он теперь католик; но эта перемена в нем мало чувствуется. Правда, золотых кудрей уже нет; но, седовласый, он стал больше походить на греческого мудреца (или на старого немецкого философа). У него те же мягкие, чрезвычайно мягкие, любезные манеры, такие же внимательные, живые глаза. И — обстоятельный отклик на все.

Мы как-то отвыкли от встреч с людьми настоящей старой культуры. А это большое отдохновение. Вяч. Иванов, конечно, и «кладезь учености», но не в том дело, а в том, что заранее знаешь: всякий вопрос, в любой области, он поймет, с ним можно говорить решительно обо всем, что кажется значительным. Как сам он на данный вопрос отвечает — уже не важно: мы часто не соглашаемся, спорим, но спора не длим: взгляд В. И. сам по себе всегда интересен, любопытен, споры же самая бесполезная вещь на свете.

Но особенно воскресала «башня», когда речь заходила о поэзии, о стихах. Мы привезли в Тарпейское уединенье несколько томиков современных парижских поэтов. Утонченнейший их разбор, давший повод к длинным разговорам о стихах, о стихосложении вообще, — как это было похоже на В. И. тридцать лет тому назад!

Скажем правду: в этом человеке высокой и всесторонней культуры, в этом ученом и философе до сих пор живет «эстет» начала века. И он особенно любит в себе «эстета».

Завидно ли мне? Может быть. Что такое новейшее наше разочарование в эстетизме, в литературе, в силе слова? Ведь это, пожалуй, только дань сумасшедшим «темпам» нашего времени, погоне за всяческой «актуальностью». Искусство требует мира и тишины, нам некогда слушать голос муз, мы слушаем радио...

Так или иначе, живущие на Тарпейской скале счастливее многих из нас. У них и садик, «земной рай», и музыка, и книги, и научный труд, и стихи, и Аве Мариа из римского Форума.

Порадуемся за них.

Рим.

Русскоязычный литературный журнал, выходящий ежеквартально в Тель-Авиве. На титульном листе значится: «Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СНГ в Израиле». Основан в 1978 году. Основала «22» группа бывших сотрудников журнала «Сион», покинувших его из-за несогласия с редакционной политикой. В основном это были недавние репатрианты, выпускавшие самиздатский журнал «Евреи в СССР». Они ушли из «Сиона» на 22-м номере и поэтому выбрали такое название.

Александр Якимович. Школа щадящего самобичевания О некоторых тайнах Востока в связи с Западом

Каждый раз, как только возникает ситуация пресловутого самоанализа перед лицом Запада (а иного самоанализа Россия и ее бывшие младшие братья как будто вообще не знают), прежде всего мы слышим с трибун, экранов и печатных страниц голоса самобичующихся. Они и лупят, и плачут одновременно – и то и другое выполняется с подчеркнутой эмоциональностью. Объектом усилий флагеллантов является собственная грешная плоть, далекая от идеала развитости и совершенства.

Слеза и розга адресованы тем обделенным судьбой, которые не могли сызмала сжиться с современным искусством. Им не было дано развитых институтов и инфраструктур, а университеты и газеты до сих пор не научились правильно употреблять слова из соответствующего лексикона. Продвинутых мало, среднего класса практически не существует, а миллионеры с их антиквариатными запросами вряд ли намного более полезны для актуального искусства, нежели океан ожесточенной и узколобой или во всяком случае до-современной (pre-modern) бедноты. Радикальным актуалам деваться некуда. Жалок их жребий, но велика и вина. Здесь мы переходим к мотивам нравственного порядка.

Самобичующиеся полны сарказма по отношению к коррупции, двуличию, рабским комплексам и прочим неприятным последствиям того кризиса общественной морали, который, по Фрейдю, должен быть соотнесен с давнишним страхом кастрации. Отцова тирания напугала детей угрозой отсечения пениса, а дальше все пошло под уклон. Трусоватый протеизм и патологическая бесчестность бывших узников большого лагеря говорят о том, что тюрьма не может быть школой человечности, как о том справедливо написали знавшие вопрос диссиденты. Как прикажете создавать что-то путное, полноценное, современное и актуальное с кадрами бедолаг-проходимцев?

Восточноевропейские "cantes hondos" – песни горечи и жалобы – могут быть умными и тонкими, и они таковыми бывают, и нельзя не оценить, например, ироничных наблюдений о современных Протеях, принадлежащих нашему варшавскому коллеге Петру Рипсону. И все же они в любом случае и в любом варианте (как в вульгарном, так и в изысканном) связаны с элементарной идеологией, которая прямо и непосредственно вырастает из экономического базиса посткоммунистических стран. Имеется в виду несмелый, опоздавший и извиняющийся за свои манеры и свою физиономию новый капитализм, прорастающий сквозь отравленную почву и завалы.

Сами по себе элементарные самобичевания не имеют самостоятельного смысла. Они составляют фундамент более монументального сооружения (разумеется, воображаемого). Над уровнем неприглядного подвала, в котором раздаются нередко преувеличенные стенания исторического неудачничества, возвышаются более импозантные теоретические этажи. Они делают вид, будто они из другого материала и совсем иначе построены, чем их нижние собратья. Трудно себе представить (и до крайности неприлично вслух предположить), будто элита московской, петербургской, варшавской, люблянской или пражской мысли об искусстве имеет какое-либо родственное отношение к хитроватому посткоммунистическому самоунижению вроде выклянчивания гуманитарной помощи или получения кредитов посредством демонстрации воспаленных язв.

Если же приглядеться внимательнее, то станет заметно, как бурно пошли в рост своеобразные саркастические построения, которые как бы демонстрируют интеллектуальную независимость и новую силу восточных европейцев, а с другой

стороны, заставляют смутно подозревать, что там совсем о другом идет речь. Например, складывается почти уже готовая концепция, которая гласит, что современное искусство России не может реализовать себя иначе, как только будучи ответвлением западных стереотипов и имиджей; и в то же время Запад, ответственный именно за такое положение дел, требует или ожидает от художника из России, чтобы он был именно представителем и выразителем русского духа как такового. Эту точку зрения превосходно излагает, например, Екатерина Деготь – одна из наиболее заметных, активных и талантливых фигур среди московских критиков.

Такая фигура не позволит себе опуститься до жалобных, просительных интонаций, ее интонации скорее поднимаются до градуса саркастической наступательности. Суть дела сводится к тому, что западные институции предъявляют сегодня русскому искусству два рода исключаящих друг друга ожиданий (а когда центры власти и господства предъявляют ожидания, то это равносильно авторитетному требованию и даже понуждению). Запад в таком описании ведет себя как персонаж комедии нравов – не знающий узды баловень судьбы, которому подай совершенно несовместимые друг с другом вещи, притом сразу и одновременно. Подай им русскую душу, но в актуальном виде – в западной рамке и в свете новейших тенденций. Критик имеет более чем достаточно оснований, чтобы указать пальцем на эти фокусы и воскликнуть: что же это у вас получается, господа?

Но и эта критическая интонация не возникла бы (или не была бы замечена), если бы не основополагающее, фатальное обстоятельство. Оно нам может сильно не нравиться, но отрицать его наличие никому не дано. За сотни лет Европа привыкла к тому, что русские умы либо кидаются лицом в грязь, либо дерзят беспримерно и беспардонно забегают вперед в тех рискованных предприятиях мысли, искусства или социального строительства, которые следовало бы осуществлять осмотрительно. Это относится не только к царям и генсекам, но и к мыслителям, художникам и критикам.

Дело в контексте. Если б можно было представить себе что-нибудь вне контекста, то могло бы показаться, будто критика абсурдности и нелепости взаимоотношений нового русского искусства с суверенной мощью западных иерархий является просто-напросто констатацией объективного положения дел. Но контекст не пускает. Произрастая на одной ниве с покаянными и жалобными знаками, даже породистая теоретическая флора приобретает эмоциональную окраску беднородственнического излияния: смотрите же, как нам трудно, поймите же, что и вы сами к нашим тяготам отношение имеете. А в глубоком, потаенном подтексте, который самим авторам не внятен, обозначается: да подайте же, в конце концов, кто сколько может.

Не хотелось бы вычитывать в словах уважаемых коллег то, чего там нет. Но не следовало бы забывать о том, что самые корневые смыслы любого высказывания находятся не на уровне осознанных сигнификатов, а располагаются в полутемных измерениях непредумышленности и потаенности. Их, быть может, и не хотели выговаривать, да они сами сказываются. Они выползают из аморфной "ризомы" восточноевропейской реальности и посткоммунистических умонастроений. И потому даже острые и холодные орудия анализа и демистификации, втянутые в фатальную орбиту этой "черной дыры" – проблемы самоидентификации Другого перед лицом Подлинного, – начинают сбиваться на плач лукавых рабов, которым хочется и душу излить, а заодно и хозяев разжалобить. Я не вкладываю в эти слова никакого моралистического содержания и даже нахожу в спонтанных плаксивостях, пробивающихся сквозь гордые жесты новых аристократов духа, своего рода пикантную остроту непредумышленного цинизма самой истории.

Тем и интересны интеллектуальные перипетии современности, что они многомерны, как психика вольноотпущенников, как политика полицейского либерализма, как институционально организованное деловитое бунтарство, сделавшееся, если верить

наблюдениям европейских и американских критиков, элементом истеблишмента. Их не нужно обличать, они восхитительны, как восхитительны брачные практики птиц и рыб, как восхитительны магические ритуалы и гуманистические философии. Они нам умело внушают, что ведут к торжеству истины (силы, духа, божества, разума и так далее), а на самом деле они столь же успешно работают на пьянящие энергии иной стороны – энтропии, хаоса, безумия, насилия и смерти. Вокруг нас множество двойных агентов. Просто оглянитесь.

С этим предисловием и хотелось бы под конец обратиться к особо красивым и интеллектуально полноценным идеям Игоря Забела – замечательного куратора из Любляны и интересного теоретика современного искусства. Он умеет тонко и элегантно обрисовать прерастранную ситуацию: не-западный мир сам конструирует свой собственный образ в сравнении и контрасте с таким же воображаемым (и весьма деформированным) образом западного Иного. Система искажающих зеркал, отражающих друг друга? И кто-то пытается, вглядываясь в них, узнать что-то о своем или не своем истинном лице?

Окрашенная сарказмом известное парадокса Рембо – Лакана (*Je est un autre*), эта теоретическая конструкция переживает ту самую судьбу, которая уготована новенькому шикарному ботинку в полутемном подвале, где полно всякой гадости. Рано или поздно вляпается. Он этого очень не хочет, ему противно скулить (о себе), не нравится поносить (свое достоинство) и неприятно предьявлять счета победителям. Возрождающийся теоретический менталитет Восточной Европы хочет быть независимым и сильным, а не склочником, не мазохистом, не попрошайкой. И он того достоин по всем параметрам. Но куда он денется?

Один из самых блестящих (и немногих, признанных на Западе) умов Восточной Европы, Славой Жижек, дает критикам искусства заманчивый инструмент: новое истолкование пресловутого мультикультурализма. Забел не зря так дорожит этим драгоценным режущим острием, которое, как представляется, способно не только начисто срезать липкие наросты жалобных и покаянных мифов о себе, но и врезаться в жизненные центры самой западной культуры. Мультикультурализм как культурная стратегия глобального капитализма, центр которого не находится нигде, а присутствие ощущается везде (во всех ландшафтах, национальных традициях и общественных структурах), дает неопределимую возможность ощутить власть над ситуацией.

Западоцентризм, растворенный и рассеянный по не-западным культурам и склоняющий их к всемирному промискуитету всех со всеми в постели мультикультурализма (именно это нужно для тотального всепроникновения капитала во все национальные, социальные, религиозные "локусы" планеты и эйфорического почитания истин фондовой биржи под всеми вообразимыми кепками, ермолками и тюрбанами мироздания), получает как будто бы беспристрастный, точно направленный свет в лицо. Он узан, захвачен врасплох, и взяла его с поличным не мстители угнетенного Востока, не посланники жалобных страдальцев бывшего советского блока. Вполне современный опыт деконструктивного, жесткого неопросветительского мышления и генеалогического демистифицирования скрытых мотивов находится в наших руках.

Ризоматическое плетение бедственных судеб и здесь, однако же, ставит свои печати. Ведь и Забел, и даже сам Жижек толкуют о бедственной участи мультикультурно заблудшего человечества. Если снять блеск металлического холода, постгуманной coolness, то и в данном случае движущей силой является подспудное помышление о том, что бедные западновосточные и северноюжные двуногие попали в ловушку, сами не знают, что именно с ними происходит, и должны помочь друг другу: Запад – Востоку, Север – Югу и наоборот. Все барахтаемся в одной сети, которая сплетена таким образом, что дает иллюзию небывалой свободы от принуждений Центра. В этой сети и действительно нет Центра, а сама сеть имеется. Чтоб не пропасть поодиночке, надо послушаться Жижека и помогать терпящим бедствие, то есть всем нам, без различия Наших и Других. Вполне понятно, что такими идеями могут увлекаться умы Запада, но

вполне логично и то, что сама идея родилась на западной периферии бывшего Восточного блока.

Легко и недостойно было бы опуститься до педагогических пошлостей и объявить, что избежать заразы легче всего, отказавшись от общения с больными, и тот не угодит в дерьмо, кто не пойдет туда, где густо наложено. Как не общаться, как не ходить, если это неизбежно? Так что единственный тезис, который я мог бы с полной решительностью противопоставить постулатам, наблюдениям, принародным и тайным стремлениям восточного европейца, – это тезис о том, что следовало бы думать не только о дихотомиях, которые представляются здесь и сейчас острыми и горячими. Может быть, Восток в глазах себя самого, Восток в глазах Запада и Запад как референтная точка (и точка приложения разных иных сил) – это все своего рода оболочки и прикрытия каких-то иных устремлений, хитрости матери-Истории и бабушки-Природы, которые дают нам вволю набаловаться игрушками сегодняшнего дня, чтобы мы сами пришли туда, где нам и положено быть, и занялись бы мыслями, которые заданы всерьез и надолго? Как говаривал юродствующий Розанов – нагулялась душенька, пора душеньке домой.²¹⁰

Владимир Мироненко. РЕ: Кусать или лизать

Дорогие художники "Востока"!

Помните о том, что вы уже не девушки! Да, тот самый Запад лишил вас девственности, однажды порвав обветшавшую плоть "железного занавеса" своим крепким валютным членом. Да, он довел до оргазма старую деву неофициального искусства, он катал ее на своих дилижансах и давал деньги на булавки. Но большой любви все же не получилось, и жениться Дон-Жуан не стал. С тех пор у него случились другие увлечения, а бедной старушке буднично указали на место в общей очереди. И велели стоять почестному.

Ее разочарованию не было предела: на Западе современное искусство хоть и есть, а денег на него практически нет. Вернее, их настолько мало и в них нужно так упорно вгрызаться, что до дверей бухгалтерии, стерев зубы, доползают лишь единицы. Заодно оказалось, что нет и самого Запада, по крайней мере в том монолитном смысле, какой вкладывают в это слово жители Востока.

Запад есть продукт творческих усилий импрессионистов и сделан специально для того, чтобы смотреть на него с некоторой дистанции. Издалека картина проста и прекрасна, и только при ближайшем рассмотрении все распадается, превращаясь в пестрый бардак, недоступный пониманию непосвященных.

Запад – это наше все, это солнце, сражающее косыми лучами и бородатых славянофилов, и бритых западников. Десяти лет свободы оказалось недостаточно, чтобы понять, что за нее ничего не платят, нигде, ни с той стороны, ни с другой.

Платят только за отказ от свободы при приеме на работу. Большинство получают от этого удовольствие, прямо пропорциональное сумме вознаграждения.

То, что Восток не нужен Западу, – не проблема. Проблематично лишь сознание, этим озабоченное. Таково сознание перезрелого ребенка, никак не желающего становиться взрослым. Он не может без мамы. Но Запад – не мама.

Хоровой восточноевропейский плач о том, что денег нет и институций нет, слышен от Уральских гор до Доломитовых Альп. И никто им ничего не даст, пока они сами не возьмут. Причем у себя дома. А взять есть что. Те лихие возможности "взять", которые уже несколько лет существуют в Восточной Европе, и не снились ее зажиточной западной соседке. Короче – бери кувалду и куй. И, в отличие от времен не столь отдаленных, в результате получишь не "хуй", а гораздо больше.

То, что далеко не худшая и самая неленивая половина московских художников из современного искусства почти или полностью отвалила в смежные сферы деятельности, свидетельствует как раз об их личном успехе, о буме частных инициатив и широте выбора. Кто мешает оставшимся ветеранам и новобранцам своим трудом до седьмого пота создать недостающие институции? И доказать сбежавшим "крысам", что корабль вовсе не тонет.

Кому-то покажется некорректным сравнение сугубо некоммерческой институции и "чистого" бизнеса, но при разнице целей я сопоставляю лишь меру затраченных сил. Деньги любят только сильных и сами к ним липнут, невзирая на лица.

Что же касается пресловутого "понимания" искусства Востока на Западе, то об этом беспокоиться преждевременно. Его не будет до тех пор, пока Восточная Европа сама не заставит себя уважать, став серьезным конкурентом. Пока на Востоке Европы не удастся создать свой собственный вариант интернационального искусства, ориентированного на свой рынок и своего зрителя. Пока не станет ясно, что кусаться и лизаться с Западом – занятие менее перспективное, нежели любые активные действия у себя дома. При том уровне взаимопонимания, который существует в художественном пространстве Восточной Европы, можно сказать, что процесс уже пошел.

Тогда те же французы и немцы, встав в очередь, сами будут твякать, мяукать и облизывать модные ботинки жителей Сызрани. По их собственному желанию, учитывая их огромный интерес, но строго в рамках Конституции Российской Федерации.

Вот это будет любовь!²¹¹

Евгений Беркович. Смятение умов

(Из новой книги "Сага о Прингсхаймах. Интеллигенция в эпоху диктатуры")

Так называемый, "образованный антисемитизм" существовал и в кайзеровской Германии, и во времена Веймарской республики, причем к началу тридцатых годов он еще больше набрал силу. Историк Михаил Катер пишет: "Число профессоров, которые склонились к национал-социализму, к 1932 году существенно возросло, причем часто из-за антисемитизма, и даже если большинство про себя и решило держаться вне партии, есть много доказательств того, что в глубине души они уже перебежали на сторону Гитлера". Именно этот постоянно тлеющий антисемитизм в научной и культурной среде объясняет легкость, с которой немецкие интеллектуалы приняли все антиеврейские действия нацистской власти с первых дней Третьего рейха.

Известие о назначении Адольфа Гитлера рейхсканцлером евреи Германии тоже встретили достаточно буднично. Мало кто предчувствовал беду.

В день назначения - 30 января 1933 года - в берлинском кафе "Леон" состоялось собрание представителей различных еврейских организаций и политиков. В повестке дня стоял вопрос о проблемах еврейских ремесленников. Незадолго до начала собрания пришло сообщение, к которому многие уже были готовы: президент Гинденбург поручил сформировать новое правительство лидеру НСДАП Гитлеру.

Из всех присутствующих только раввин Ганс Трамер, представлявший сионистов, посвятил свое выступление этому событию и предсказал большие неприятности, которые ожидают евреев. Однако большинство присутствующих сочло эти предостережения "сгущением красок" и паникерством. Повестка дня не изменилась, собрание продолжало обсуждать насущные проблемы ремесленников, тема Гитлера больше не поднималась.

Руководство "Центрального общества немецких граждан иудейской веры", ведущей еврейской организации страны, выступило в тот же день с заявлением, смысл которого заключался в одной фразе: "В целом сегодня действует один лозунг: сохранять спокойствие!" Более подробно позиция руководства Общества была изложена в статье

председателя правления Людвиг Холендера: "И в это время немецкие евреи не потеряют спокойствия, которое дает им сознание их неразрывной связи со всем истинно немецким. И никакие внешние нападки, которые воспринимаются как несправедливые, не повлияют на их внутреннее отношение к Германии".

Чтобы сосредоточить в своих руках всю власть в стране, Гитлеру нужно было получить большинство мест в парламенте. Новые выборы состоялись 5 марта 1933 года, после поджога рейхстага и исключения коммунистов из предвыборной борьбы. Для достижения главной цели выборов Гитлер пошел на союз с крайне правой Немецкой национальной народной партией Альфреда Гугенберга.

За три дня до выборов в рейхстаг в гамбургской еврейской газете "Израелитишес фамилиенблат" появилась примечательная статья под заголовком "Как мы будем голосовать 5 марта?" В ней говорилось: "Есть много евреев, которые одобряют экономическую программу сегодняшних правых, но никак не могут к ним присоединиться, так как эти партии совершенно нелогичным образом увязывают свои экономические и политические цели с борьбой против еврейства".

Несмотря на яростную кампанию в прессе, направленную против оппозиционных демократических партий, национал-социалистам не удалось получить абсолютного большинства. Только благодаря временному союзу с партией Гугенберга они смогли контролировать 340 из 647 мест в рейхстаге. Теперь путь к диктатуре Гитлера был открыт.

Некоторые еврейские организации, такие, как "Союз национал-немецких евреев", руководимый Максом Науманом, и "Имперский союз еврейских фронтовиков", возглавляемый Лео Лёвенштайном, сделали все же попытку присоединиться к новому порядку. Лёвенштайн даже подготовил специальное заявление на имя Гитлера, к которому приложил свои предложения, составленные в национал-социалистическом духе, в отношении евреев Германии, а также экземпляр памятной книги с именами двенадцати тысяч немецких солдат-евреев, павших на фронтах первой мировой войны.

Министерский советник Винштайн ответил Лёвенштайну 14 апреля 1933 года, что рейхсканцлер поручил ему подтвердить получение письма и книги. Ответ был составлен еще в довольно вежливой форме, "с почтением", что скоро станет невыносимым в отношениях властей с евреями. Через две недели руководитель рейхсканцелярии Генрих Ламмерс даже принял делегацию евреев-фронтовиков, но после этого все подобные контакты были прекращены. Власти взяли за правило не отвечать на письма еврейских организаций и игнорировать любые их обращения.

И хотя нападки властей на евреев с каждой неделей усиливались, еврейские лидеры по-прежнему призывали к спокойствию и терпению. Даже после бойкота еврейских предприятий, организованного властями первого апреля 1933 года, известный раввин Йоахим Принц считал неразумным любые выступления против "нового порядка", который имеет целью дать людям "хлеб и работу".

Спектр отношений немецких евреев к новой власти простирался от категорического неприятия и немедленного бегства из страны до восторженного восхищения решительностью и целеустремленностью фюрера. Летом 1933 года профессор истории Кильского университета Феликс Якоби читал студентам лекцию о римском поэте Горации. В начале лекции профессор заявил: "Как еврей я нахожусь в трудном положении. Но как историк я знаю, что историческое событие нельзя рассматривать только с позиций личной перспективы. Я голосовал за Адольфа Гитлера с 1927 года и счастлив теперь, что в год подъема национального духа могу читать лекцию о поэте императора Августа. Ибо Август - единственный образ в мировой истории, с которым я могу сравнить Гитлера".

Такие эксцентричные случаи были, конечно, не частыми. Но и тех, кто сразу понял, что ждет немецких евреев, и решился на эмиграцию, было тоже немного. Один из них - знаменитый писатель Лион Фейхтвангер, уехавший в поисках безопасного места в Швейцарию и писавший оттуда своему другу и коллеге-писателю Арнольду Цвейгу: "Для меня уже слишком поздно пытаться хоть что-то в Германии спасти. Для меня там все

пропало". 10 мая 1934 года, через год после того, как на площадях Германии горели книги, Лион Фейхтвангер вместе с Генрихом Манном и рядом других литераторов основал в Париже "Немецкую библиотеку свободы", задуманную как центр запрещенной нацистами литературы.

Зато находились те, кто был готов присягнуть в верности нацистам. В то время как из Прусской академии искусств исключали Томаса Манна и других неугодных деятелей культуры, писатель Франц Верфель, еврей, живший в Вене, решил воспользоваться моментом и пролезть в Академию. Он был готов подписать любые заверения в лояльности и телеграфировал 19 марта 1933 года в Берлин с просьбой выслать ему необходимые формуляры. Президент Академии фон Шиллингс ответил ему 8 мая категорическим отказом. Через два дня книги Верфеля горели среди других неугодных нацистам книг на кострах новой инквизиции. Но неугомонный писатель не успокоился. Когда летом того же года был образован "Имперский союз немецких писателей", Верфель предпринял вторую попытку. На этот раз он не получил никакого ответа на свое заявление, а его новый роман о турецкой резне армян в 1915 году был вскоре запрещен в Германии.

Для многих евреев в начале 1933 года источником надежды было то, что формально главой государства оставался президент - престарелый маршал Пауль фон Гинденбург. Доведенные до отчаяния люди писали ему жалобы и петиции против бесчинств нацистов. Показательно письмо президенту столичной жительницы Фриды Фридман от 23 февраля: "Мой возлюбленный пал на поле боя в 1914 году. Два моих брата - Макс и Юлиус Кон, пали в 1916 и 1918 годах. Мой третий брат Вилли вернулся с войны слепым. Все они награждены Железными крестами за заслуги перед отечеством. Однако сейчас же в нашем отечестве происходит то, что на улицах открыто продаются брошюры с требованиями: "Евреи, вон!", с призывами к погромам и насилию против евреев. Храбрость ли это или трусость, если в стране с 60 миллионами жителей проживает только один процент евреев?"

Бюро Гинденбурга немедленно подтвердило получение письма, и президент заверил Фриду Фридман, что он решительно против всяческих эксцессов, направленных против евреев. Письмо Фриды было направлено Гитлеру, который на полях написал: "Утверждения этой дамы - сплошное надувательство. Само собой разумеется, что никаких призывов к погромам не требуется".

В 1934 году президент фон Гинденбург скончался, и Гитлер был провозглашен вождем нации - в его руках сконцентрировалась вся исполнительная и законодательная власть. Жаловаться на фюрера стало некому.

В первой половине 1933 года у некоторых (не только евреев, но и немцев) еще оставалась иллюзия, что нацистский режим продержится недолго. Кое-кто предполагал, что консервативные силы в армии не потерпят узурпации власти в руках авантюристов, военный путч тогда был еще возможен. Кто-то, как бывший канцлер Франц фон Папен, возлагал надежды на консерваторов в правительстве: "Окруженный консервативными политиками, Гитлер не сможет реализовать свои экстремистские устремления. Через два месяца мы зажмем его в угол".

Гитлер не дал себя "окружить". Напротив, он сам "окружил" своих политических противников колючей проволокой концлагерей. Но на это потребовалось время. А тогда даже такие выдающиеся мыслители, как Мартин Бубер, оставались в плену иллюзий. В письме философу и педагогу Эрнсту Симону от 14 февраля 1933 года: "Пока сегодняшняя коалиция существует, ни о какой законодательной травле евреев думать не приходится, можно говорить только об административном давлении. Антиеврейское законодательство могло бы стать реальностью только при перераспределении власти в пользу национал-социалистов. Но этого вряд ли можно ожидать".

Действительность очень скоро не оставила от этих иллюзий и следа. Но смятение умов, в котором пребывала интеллигенция в условиях наступающей диктатуры, весьма показательны.

* * *

Насколько превратно понимали еврейские лидеры намерения и планы нацистов, красноречиво говорит следующий факт. Леопольд Ульштайн, младший представитель известной семьи книжных издателей, приступил к изданию обширного сборника, отражающего достижения евреев и их вклад в общегерманскую культуру. Идею горячо поддержали раввин Лео Бек и известный банкир и общественный деятель Макс Варбург. Издатель и составители наивно надеялись, что нацисты будут приятно удивлены, как много хорошего сделали для Германии люди, которых они ненавидят.

Работа закипела, и через год на столе издателя лежала верстка толстого тома. Однако в декабре 1934 года издание сборника было запрещено. Решение гестапо обосновывалось так: "Беспристрастный читатель получит из книги превратное представление, что вся немецкая культура до национал-социалистической революции творилась одними евреями. Читатель получит совершенно неверное представление об их истинной деятельности, о тлетворной деятельности в немецкой культуре. К тому же пресловутые еврейские спекулянты и жулики представляются читателю в качестве жертв времени, а их грязная деятельность оправдывается и обеляется... Кроме того, евреи, которые известны как враги государства, представлены в качестве носителей немецкой культуры".

Совсем иначе смотрели нацисты на еврейскую культуру для евреев. Пока Ульштайн носился со своей идеей поразить нацистов еврейскими достижениями, другой берлинский еврей Курт Зингер выступил с инициативой создать "Культурный союз немецких евреев". Курт Зингер не был новичком в общественной жизни - до прихода Гитлера к власти он работал заместителем директора государственной Берлинской оперы - и хорошо понял желания новой власти. Идея Зингера пришлась нацистам по душе: план автономной культурной деятельности евреев исключительно для евреев был сразу одобрен новыми прусскими властями и утвержден Герингом. "Культурный союз" должен был решить проблемы занятости более чем восьми тысяч еврейских писателей, художников, музыкантов, а также их помощников и агентов, изгнанных из культурной жизни Германии.

Внешне "Культурный союз немецких евреев" выглядел пристойно и служил благородным целям: он создавал у части еврейского общества иллюзию безопасности, выполняя чисто психологическую функцию успокоения. Для тех немцев, кому не были по душе насильственные действия нацистов в отношении евреев, новый Союз тоже был защитой от возможного чувства вины и возмущения: он служил наглядным доказательством, что изгнанным евреям позволялось заниматься той самой деятельностью, которой они были лишены в немецком обществе.

Руководитель театральной секции "Культурного союза" области Рейн-Рур писал в издававшейся Союзом газете в конце 1933 года: "Цель нашей сцены - принести всем радость и помочь преодолеть трудности жизни, дать прикоснуться к вечным ценностям поэзии или обсудить проблемы нашего времени, но одновременно и показать зрителям легкие пьесы, мы и их не отбрасываем. Мы намерены сохранить связи с немецкой родиной и одновременно образовать связующее звено между нашим великим еврейским прошлым и нашим полным жизни будущим".

Менее заметной была другая роль "Культурного союза" - это была первая еврейская организация, находившаяся под прямым контролем нацистских властей. В каком-то смысле, Союз выступал как предшественник многочисленных еврейских гетто на оккупированных немцами территориях: формально под автономным управлением юденратов, фактически - в условиях абсолютного диктата со стороны нацистов.

Общая растерянность и потеря ориентировки даже у лучших умов того времени ярко проявилась и в отношении к "Культурному союзу немецких евреев". Большинство интеллектуалов не увидели в нем инструмента нацистов, а напротив, радостно приветствовали его создание, наивно думая, что это выход из "осадного положения", в

котором оказалось еврейство Германии. Литературный критик Юлиус Баб откровенно сформулировал мнение многих: "Остается все же одна горькая вещь - предприятие типа гетто, которое мы добровольно взялись вести так хорошо, чтобы немцам было стыдно". Это высказывание можно было понять и так, что немцам должно быть стыдно, что они так варварски обращаются с носителями столь высокой культуры.

Культурная деятельность евреев в рамках Союза стала полностью управляться ведомством Ганса Хинкеля. Именно он определял теперь, какие спектакли можно, а какие нельзя ставить евреям для еврейских же зрителей. В частности, были полностью запрещены постановки пьес немецких романтиков, а также спектаклей по мотивам древних саг и средневекового немецкого эпоса. Какое-то время можно было ставить пьесы немецкой классики, но в 1934 году был запрещен Шиллер, а через два года - Гете. Из иностранных авторов был разрешен, например, Шекспир, однако монолог Гамлета "Быть или не быть" исполнять было запрещено: слишком двусмысленно звучали бы на еврейской сцене в Третьем рейхе слова датского принца: "бичи и глум времен, презренье гордых, притеснение сильных, любви напрасной боль, закона леность, и спесь властителей, и все, что терпит достойный человек от недостойных".

Само собой разумеется, работы Рихарда Вагнера и Рихарда Штрауса исполнять евреям было нельзя, несмотря на привязанность многих еврейских музыкантов. Логику цензуры не всегда легко понять: Бетховена запретили в 1937 году, а австрийца Моцарта разрешали исполнять вплоть до присоединения Австрии в 1938.

Несмотря на эти ограничения, результативность "Культурного союза" в Берлине, а затем и в других городах Германии была впечатляющей. Активными членами союза были свыше 180 тысяч евреев. В первый же год своего существования Союз поставил 69 оперных спектаклей и 117 концертов, а с середины 1934 по середину 1935 годов - 57 опер и 358 концертов. К оперному репертуару принадлежали, среди других, работы Моцарта, Оффенбаха, Верди, Йоханна Штрауса, Доницетти, Россини, Чайковского и Сен-Санса.

В принципе постановки еврейских авторов на еврейских сценах не должны были бы встречать возражений властей. Но не такова логика нацистов. В октябре 1933 года Райнер Шлессер, эксперт-драматург министерства пропаганды, направил Гансу Хинкелю предложение запретить постановку пьесы Эмиля Бернхарда (Кона) "Охота Бога". Аргументация министерского эксперта могла бы обрадовать автора, если бы не была убийственной для постановки: пьеса является "утешением еврейства", "укреплением еврейских сердец". Вдобавок к этому в пьесе шла речь о надругательстве казаков над евреями, что создавало у зрителей вполне определенные аналогии с тем, что происходило за стенами театра.

Большинство постановок в рамках "Культурного союза" были повторением уже известных спектаклей, ибо на премьеры не хватало денег. Но были и запоминающиеся оригинальные действия, например, организованный франкфуртским отделением "Культурного союза" концерт в честь шестидесятилетия композитора Арнольда Шёнберга или поставленная в Кельне детская опера Поля Хиндемита "Мы строим город".

Для многих зрителей спектакли еврейского театра на берлинской улице Шарлоттенштрассе стали настоящим якорем спасения в полной опасности и неопределенности жизни. Водители городских трамваев хорошо знали эту публику. Объявляя остановку, они напоминали: "Шарлоттенштрассе. Еврейская культура - все выходят!"

Все же перед лицом угроз, исходящих от "нового порядка", лидеры еврейских организаций Германии решили сплотиться и основали в январе 1933 года "Имперское представительство немецких евреев", во главе которого стоял всеми уважаемый берлинский раввин Лео Бек, признанный ученый и председатель "Общего союза раввинов Германии". Другим лидером нового объединения стал Отто Хирш, пользовавшийся авторитетом у религиозных и нерелигиозных евреев. Несмотря на постоянное противостояние с ультраортодоксальными группировками, а также и с сионистским

движением в Германии, "Представительство" играло важную роль в делах немецкого еврейства, пока оно в 1938-1939 годах не было заменено на контролируемое гестапо "Имперское объединение евреев Германии".

В первые годы своего существования "Имперское представительство немецких евреев" явно недооценивало нарастающей опасности. Еще в начале 1934 года, когда намерения нацистов были уже многим ясны, Отто Хирш выступал против "поспешной эмиграции", ибо верил, что в "новой Германии" евреи смогут найти себе достойное место.

Отношения "Представительства" и "Центрального общества немецких граждан еврейской веры" с сионистским движением были всегда напряженными. Сионисты призывали евреев переселяться в Палестину, не дожидаясь, пока условия жизни там станут вполне цивилизованными. Их противники называли такую эмиграцию "преждевременной" и даже "преступлением против сионизма", как эмоционально выразился однажды Альфред Хиршберг, один из видных деятелей "Центрального общества".

Создается впечатление, что до еврейских мудрецов не доходила суть идеологии нацистов. Авторитеты иудаизма не до конца понимали, что в Германии Гитлера для них нет места. Это отчетливо видно по меморандуму, посланному рейхсканцлеру представителями ортодоксального иудаизма 4 октября 1933 года.

Авторы меморандума объясняли, что иудаизм не следует приравнивать к марксистскому материализму, что нечестно ошибки отдельных членов общины приписывать всему народу и что древний еврейский народ далек от некоторых безответственных ультрарационалистических еврейских писателей и журналистов. Еврей-ортодоксы выступили против "отвратительной антинемецкой пропаганды" и напомнили рейхсканцлеру о евреях, павших за Германию на полях Первой мировой войны.

Раввины, подписавшие меморандум, подчеркивали, что они не думают, будто целью новых властей является истребление еврейского населения страны. Более того, авторы меморандума уверены, что внутри жизненного пространства для немцев всегда можно найти и жизненное пространство для евреев, где те смогли бы беспрепятственно исполнять предписания своей веры и жить, не опасаясь за себя и судьбу своих близких. Если же они ошибаются и целью властей является именно уничтожение всех евреев, то раввины просят рейхсканцлера прямо им об этом сообщить.

Пожалуй, только сионисты пользовались вниманием и поддержкой нацистов. Эта поддержка не ограничивалась только словами, но выражалась вполне материально. В то время, как для обычной эмиграции, действовал установленный еще во времена Веймарской республики налог на вывоз капитала за границу, увеличенный Гитлером до немыслимых размеров, нацистские власти облегчали выезд евреев в Палестину и всячески содействовали деятельности сионистов в Германии.

Согласно так называемому соглашению "Хавара" (от ивритского слова haavarah - "перенос"), заключенному 27 августа 1933 года между министерством экономики Третьего Рейха и сионистскими представителями Германии и Палестины, еврейским эмигрантам разрешался прямой трансфер части их имущества. В общей сложности с 1933 по 1939 годы по этому соглашению в Палестину было переведено около ста миллионов рейхсмарок, что помогло шестидесяти тысячам немецких евреев, переселившихся в эти годы в Святую Землю, поддержать существование в первое время эмиграции.

Понятно, что соглашение "Хавара", как и другие договоренности между нацистами и сионистами, носили чисто технический характер и не отменяли того факта, что сионисты для Гитлера и его приспешников оставались евреями, которых они ненавидели и боялись. Сионисты были для них частью системы "мировой закулисы", а создаваемое ими государство в Палестине было своеобразным "еврейским Ватиканом", штабом, где зрели детали всемирного заговора. В то же время сионизм помогал решить важнейшую для нацистов на тот период задачу - освободить Германию от евреев, что делало сионистов, пусть на время, "полезными врагами".

Для нацистской Германии соглашение "Хавара" имело еще то преимущество, что создавало брешь в бойкоте немецких товаров, к которому призывали евреи зарубежных стран. Сионистские организации и руководство ишува демонстративно не участвовали ни в каких формах протеста против немцев, так как опасались, что это создаст препятствие новым соглашениям.

Отношения сионистов и нацистов и до заключения соглашения "Хавара" носили довольно экзотический характер. В начале 1933 года барон Леопольд Иц Эдлер фон Мильденштайн был приглашен вместе с женой совершить путешествие по Палестине и написать серию путевых заметок в издаваемый Геббельсом журнал "Ангриф" ("Наступление"). Барон фон Мильденштайн был именно тем человеком, который через несколько лет станет начальником еврейского реферата (отдела) службы безопасности - руководимой Райнхардом Гейдрихом ветви разведывательного подразделения СС. Одним из подчиненных барона станет печально известный Адольф Эйхман.

Барон фон Мильденштайн, сопровождаемый одним из руководителей берлинских сионистов Куртом Тухлером и его женой, посетил во время своего шестимесячного путешествия по Святой Земле несколько еврейских поселений, о чем написал в весьма доброжелательном тоне в серии статей в "Ангрифе" под общим названием "Путешествие национал-социалиста в Палестину". Он высоко оценил достижения сионистов и увидел в их деятельности возможное решение "еврейского вопроса" для Германии.

Барон писал: "Еврей, который сам возделывает свою почву, становится совсем новым евреем". Геббельс настолько высоко оценил писания барона, что распорядился отчеканить памятную медаль с изображением звезды Давида на одной стороне и свастики на другой. Столь же необычно выглядит меморандум, отправленный 22 июня 1933 года лидерами сионистских организаций Германии непосредственно Гитлеру. Немецкие сионисты признаются в симпатии к новому режиму, установленному в стране нацистами, и утверждают, что сионизм в своих исходных положениях весьма близок (по выражению авторов меморандума, "звучит в унисон") национал-социализму. Это смелое утверждение далее разъясняется: "Сионизм верит, что возрождение национальной жизни народа, как это происходит в настоящее время в Германии на христианском и национальном фундаменте, произойдет и для еврейского народа. И для еврейского народа решающими факторами для существования должны стать происхождение, религия, общая судьба и чувство уникальности. Это требует исключения эгоистического индивидуализма либерального времени и замены его общей и коллективной ответственностью".

Летом 1933 года один из самых известных сионистских лидеров Палестины Артур Руппин, сам родом из Германии, нанес визит нацистскому теоретику расового учения Гансу Гюнтеру. Встреча состоялась в университете Йены. Руппин оставил записи их бесед, много говорящие о настроении сионистов того времени. Несмотря на откровенно выраженную ненависть нацистов к евреям, проявленную с первых дней Третьего рейха, сионисты готовы были отнестись к действиям властей с пониманием. Руппин удовлетворенно записывает в дневнике: "Профессор выглядит вполне дружелюбно. Он говорит, что евреи - не низшая раса по отношению к арийцам, а просто другая. Отсюда следует, что для еврейского вопроса нужно найти новое, честное решение".

Какое "честное" решение нашли нацисты для окончательного решения еврейского вопроса, мы теперь знаем. Но тогда у многих сионистов была надежда, что усилия гитлеровской власти "выдавить" евреев из страны, предлагают для ишува невиданный шанс пополнить свои ряды. В Германию потянулся поток визитеров из Палестины, желающих оценить перспективы еврейской эмиграции.

Таким визитером был в 1933 году Хаим Арлозоров, ответственный за внешнюю политику Еврейского агентства, один из основателей социалистической партии МАПАЙ (сегодня - "Авода"). Хаим попытался воспользоваться связями в высших нацистских кругах своей первой возлюбленной Магды Фридендер, ставшей к тому времени женой всесильного министра пропаганды Йозефа Геббельса. Попытка оказалась безуспешной,

Арлозоров вернулся в Тель-Авив и через несколько дней был застрелен на глазах у своей жены неизвестными людьми. Убийц так и не нашли.

Не все визиты заканчивались так трагически. У многих визитеров голова шла кругом от открывающихся перспектив: приток немецких евреев на Святую Землю кардинально изменил бы там политическую обстановку и ускорил создание государства. Руководитель левых сионистов Моше Белинсон писал Берлу Кацнельсону, издателю газеты "Давар": "Здесь есть предпосылки для такого блестящего успеха, которого мы никогда не имели и иметь не будем".

Палестинские сионисты боялись даже, что поток евреев из Германии будет слишком велик. На состоявшемся в Праге летом 1933 года Сионистском конгрессе Артур Руппин докладывал: "Чтобы поток эмигрантов не захлестнул, как лава, существующие поселения в Палестине, число приезжающих должно быть в разумном процентном отношении к числу уже живущих".

Эта задача мыслилась на значительную перспективу: уже после принятия откровенно расистских Нюрнбергских законов в 1935 году как немецкие сионисты, так и деятели ишува исходили из 15-20 тысяч эмигрантов в год, а сам период эмиграции евреев из Германии растягивался в их представлении на 20-30 лет.

Как далеки эти иллюзии от реальности Катастрофы, разразившейся в Европе всего через пять лет!

Какие бы планы ни строили сионисты, они рассматривали Палестину, как единственное возможное место для эмиграции евреев из Германии. Но для самих евреев это было далеко не так очевидно...²¹²

Алеф

Лариса Токарь о журнале «Алеф»

Исполнилось пять лет московской редакции журнала "Алеф". Корреспондент АЕН побеседовал с главным редактором журнала Ларисой Токарь. — Лариса, поздравляю Ваш журнал с юбилеем! Но объясните — почему журнал стал издаваться только в России, ведь раньше он выходил в Израиле... — Действительно, причем следующим летом у журнала будет еще один юбилей — 25-летие. В Израиле он начал издаваться в 1981 году по инициативе благотворительной организации "ХАМА". И по сей день этот, в общем-то обычный хесед с огромным трудом изыскивает возможности для того, чтобы журнал существовал. Вплоть до начала перестройки "Алеф" привозили в СССР полуподпольно, были случаи преследования распространителей журнала органами КГБ за "распространение сионистского дурмана". В начале 90-х, когда "железный занавес" рухнул, его сюда уже могли привозить открыто, но этого было недостаточно. И тогда руководители "ХАМА" посчитали, что евреям СССР, которые за долгие 70 лет советской власти были отлучены от своих корней, просто необходима возможность получать информацию об истории и традиции своего народа. Когда "Алеф" начал выходить в Москве, ему уже исполнилось двадцать лет. Первые номера были чисто российскими. Московский "Алеф" очень понравился руководству "ХАМА". Вскоре было принято решение закрыть израильскую редакцию и издавать в Москве международный еврейский журнал на русском языке. Он распространяется — причем совершенно бесплатно — не только в России, но и в Америке, в Израиле и в странах Западной Европы. Сейчас тираж "Алефа" достиг 20-ти тысяч экземпляров. Цель его остается прежней — соединить евреев диаспоры, протянуть между ними "мост" и, конечно же, рассказать как можно больше о том, что нас объединяет — о Государстве Израиль. Ведь все, что связано с Землей Обетованной, интересно и свято для всех евреев мира. — Как вы отметили пятилетие московской редакции? — Мы отметили его в Доме Журналиста. Вечер получился очень

приятный и теплый. Было много гостей — журналистов, наших авторов, друзей и героев журнала, прозвучало множество поздравлений и пожеланий успеха. Вел вечер журналист и писатель Леонид Гомберг. Среди гостей присутствовал Александр Левенбук, художественный руководитель театра "Шалом" и всеми любимая "радионяня", который представлял вместе с литредактором своего театра Ефимом Захаровым юмористическую рубрику "Абзац". Пришел Леонид Млечин, журналист, телеведущий, историк и писатель, Евгений Гик — бессменный "шахматный король" "Московского комсомольца" — и его коллеги по цеху Дмитрий Мельман и Оксана Химич, Юрий Безелянский, писатель, ведущий ряда телепередач, журналист. От имени Международной культурно-просветительской благотворительной организации "ХАМА" нас поздравила Грета Елинсон, глава московского представительства "ХАМА". Мои первые опыты в журналистике начинались в газете "Заполярная правда" на Крайнем Севере в городе Норильске, поэтому большой радостью было встретить на нашем юбилее председателя совета директоров "Норильского никеля" Юрия Котляра — свидетеля моих первых шагов... — Вы начинали в Норильске? Каким же образом Вы перешли от работы в "Заполярной правде" к еврейскому журналу в Москве? — Моя еврейская жизнь была полностью закрыта до самого начала перестройки. Я работала металлургом драгоценных металлов, написала по специальности несколько книг, — наверное, тяга к писательской работе досталась мне от отца, который был журналистом. Родилась и училась я в Москве. В Норильск отправилась как молодой специалист. То был романтический период — хотелось начать работу в каком-нибудь необычном месте, и появилась такая возможность, кстати, в Норильск при распределении очень трудно было попасть... Мои первые публикации в "Заполярной правде" — это было еще в середине семидесятых годов, — сопровождалось скандалами. Я написала статью о моей наставнице — Мириам Ферберг, у которой был юбилей. После публикации разразился скандал — как я посмела написать о еврейке без согласования с парткомом?! Меня вызвал начальник "первого отдела", стал угрожать. Но я подумала и решила, что дальше Норильска меня все равно не сошлют. И держалась очень бодро. В начале 90-х годов, когда дети стали относительно самостоятельными, захотелось исполнить давнюю мечту. Я ринулась в журналистику. Сначала лет пять работала в Международной еврейской газете, потом мне предложили стать ответственным секретарем "Вестника Еврейского агентства в России", а в 2000 году — главным редактором журнала "Алеф". — Как изменился журнал за прошедшие пять лет? — Журнал — это живой организм, он меняется постоянно. Какие-то темы и рубрики устаревают, появляется что-то новое. В самом начале, когда мы начали делать журнал не только для России, но и для евреев диаспоры, пришлось основательно потрудиться, ведь о проблемах российского еврейства мы, конечно же, имели представление, но о жизни и интересах евреев США и Европы знали очень немного. — Существует ли у журнала "Алеф" "обратная связь" с читателем? — Конечно, нам пишут и звонят наши читатели из всех стран. Интересен следующий факт — не так давно — два года назад — мы создали электронную версию журнала "Алеф" (www.alefmagazine.com). Нам стали присылать по электронной почте статьи и рассказы из США, Израиля, Германии и других стран. Сайт посещают более 100 тысяч человек в год, и для нас это большой успех. Причем интернетом пользуется преимущественно молодежь. Не все знают русский язык, — многие только изучают его, и журнал "Алеф" им в этом помогает. Нам очень часто звонят и благодарят, произносят теплые слова. К примеру, доктор исторических наук, профессор, узник гетто и ГУЛАГа Яков Этингер подарил нам свою книгу "От Холокоста до Беслана" с такой надписью: "Журналу "Алеф" — одному из лучших русскоязычных еврейских журналов в мире с наилучшими пожеланиями от автора". К слову, об этой интересной книге мы написали в нашей постоянной рубрике "Книжная лавка". У нас были случаи, когда благодаря журналу находили друг друга родственники и друзья, — те, кого судьба разметала по разным странам. — Какие

рубрики особенно интересны читателю? — Многие интересуются еврейской традицией. Мужчины предпочитают статьи о спецслужбах, политике, истории, женщины читают прозу, интересуются жизнью знаменитостей. Женщины больше, чем мужчины, любят юмористические рубрики и статьи на темы культуры и искусства. Большим успехом у наших читателей — в том числе у молодых, — пользуется рубрика "Дорога к Храму", которую ведет раввин Довид Карпов. Через интернет ему задают очень интересные вопросы, порой такие необычные и нестандартные, что раввин им отвечает только лично и конфиденциально. Если вопрос носит общий характер, то по согласованию с автором вопроса мы публикуем его в журнале в рубрике "Вопрос — ответ". Рав умеет в простой и увлекательной форме соединить святыи тексты Торы с событиями сегодняшнего дня, поэтому его материалы читают с интересом во многих странах мира. Эта рубрика помещена в центре "Алефа" и как бы делит журнал на две половины. Первая посвящена политическим и социальным проблемам Израиля, США и России. Вторая часть журнала отдана событиям культуры — это рубрики "На вернисаже", "Наедине со всеми", "Столик на двоих", "Атланты". Последняя — для любителей авторской песни. Существует у нас и отдел брачных объявлений для тех, кто ищет свою "половинку". В журнале всего 60 полос вместе с обложками, в которые хочется вместить очень многое, поэтому на первый взгляд журнал может показаться несколько эклектичным. Но таковы "правила игры". Нам хочется удовлетворить самые разнообразные вкусы и интересы наших читателей из США, Канады, стран Западной Европы, Израиля, России и стран бывшего Союза. И, насколько мне известно, другого международного еврейского журнала не существует. — Есть ли у "Алефа" конкуренты в России? — У нас существует негласная и очень добрая конкуренция с журналом "Лехаим", к главному редактору которого Боруху Горину я отношусь с большим уважением. Мы всегда посылаем друг другу свежие номера. Я читаю каждый номер "Лехаима" от корки до корки и с радостью вижу огромный прогресс и в уровне статей, и в подаче материала, и в оформлении. Я рада, что нас по крайней мере двое — конкуренция заставляет нас двигаться вперед и становиться совершеннее. — Расскажите, пожалуйста, об авторах журнала "Алеф". — Их очень много, расскажу лишь о некоторых (надеюсь, другие авторы на меня не обидятся). Достаточно сказать, что все бывшие в разное время главные редакторы израильского "Алефа" не покинули свое детище и стали ведущими рубрик, посвященных политике, экономике и другим аспектам жизни Израиля. С журналом постоянно сотрудничают израильтяне Давид Шехтер — писатель, журналист, пресс-секретарь Натана Щаранского, Песах Амнуэль — писатель-фантаст, Александр Шульман — военный историк, Владимир Ханелис — писатель, журналист, специальный корреспондент "Известий" в Израиле, Лев Авенайс. Статьи Леонида Млечина (Россия) пользуются неизменным успехом у читателей всех стран. Вызывают огромный интерес публикуемые в журнале фрагменты из новых произведений израильских писателей, например, Якова Шехтера и Дины Рубиной. Великолепные статьи о культуре пишет глубоко религиозный человек и прекрасный художник Гавриил Заполянский. — И последний вопрос. Делать журнал — занятие, которое поглощает человека целиком и полностью... — Я бы сказала, что делать журнал — это не просто работа, это образ жизни, а порой и "диагноз". Куда бы я ни шла, что бы ни смотрела — всегда размышляю о том, что найти для журнала. Каждый раз, когда мы готовим новый номер, я думаю о том, что бы еще придумать новое, свежее, все время кажется, что где-то еще недоделала, недотянула, поставила не тот заголовок или не самую лучшую иллюстрацию. Иногда просыпаюсь среди ночи и записываю свежие идеи. Каждый выход журнала и для меня, и для всего нашего коллектива — и праздник, и экзамен. Ведь создавать журнал — это так здорово!²¹³

Владимир Нузов. На коленях у Молотова

Дети и даже внуки государственных деятелей (слово “выдающийся” в данном случае я употреблять поостерегусь, поскольку речь идет о Вячеславе Молотове, правой руке кровавого тирана Сталина) вызывают у нас вполне естественный интерес.

Дети и даже внуки государственных деятелей (слово “выдающийся” в данном случае я употреблять поостерегусь, поскольку речь идет о Вячеславе Молотове, правой руке кровавого тирана Сталина) вызывают у нас вполне естественный интерес. Он и привел меня к беседе с президентом российского фонда “Политика” Вячеславом Никоновым, побывавшим в командировке в Соединенных Штатах. - Вячеслав Алексеевич, несколько слов о себе, об образовании, карьере. - Я окончил исторический факультет МГУ, доктор исторических наук. Входил в команду Горбачева, был депутатом Госдумы. Теперь - президент фонда “Политика”. - Не могу не затронуть вашего родства с Молотовым. Вы его внук, то есть сын... - Светланы Вячеславовны Молотовой. Она была единственной дочерью Молотовых. - Ваша матушка унаследовала долголетие отца? - К сожалению, нет. Дед дожил до 96 лет, а мама умерла уже в перестроечное время, в 1986 году, 60 лет от роду. У нее был сердечный приступ, случившийся после того, как она прочитала в одной из наших газет, что отреклась от арестованной Сталиным матери, Полины Жемчужиной. Это было подлое вранье. - Полину Семеновну называли самой элегантной дамой в СССР... - Она оставалась такой до последних дней. Волевая, принципиальная, но для меня - прежде всего бабушка, хозяйка дома. Бабушка в молодости достаточно активно занималась государственной деятельностью. Была членом ВКП(б) с 1918 года, политработником в Красной армии. В 1921 году, приехав из Киева в Москву на международное женское совещание, познакомилась с моим дедом - Вячеславом Михайловичем Молотовым. Они всю жизнь любили друг друга. В тридцатые-сороковые годы возглавляла «Главпарфюмер», была замнаркома пищевой, а позже и наркомом рыбной промышленности СССР. В 1949 году ее арестовали, обвинив в измене Родине и связи с сионизмом. Моя бабушка была осуждена как "лидер еврейской контрреволюционной организации", "глава еврейского подполья в СССР" и провела в ссылке в Казахстане 4 года. После ссылки бабушка отошла от политической жизни. Мне было всего четырнадцать, когда она умерла. Мы общались ежедневно, так как наши квартиры находились на одной лестничной площадке. Арест и ссылка бабушки в семье никогда не обсуждались. Это была болезненная для деда тема. Он переживал, что не смог ей помочь. Когда она лежала в больнице, у нее был рак, дед каждый день навещал ее. Он тогда жил в Жуковке. Садился на электричку, от Филей на метро до Молодежной, а потом на автобус. И так каждый день. Возвращался затемно, хотя ему уже было 80... - Как вы относитесь к Молотову? Он ведь около 50 лет был членом Политбюро - высшего органа преступной власти? - Для меня он был не членом Политбюро, а просто дедом. Когда он умер, мне было 30 лет, так что я не только успел посидеть у него на коленях, но и поносить его на руках (смеется). Это был живой человек, который ко мне очень хорошо относился. - Я читал книгу Серго Берии “Мой отец Лаврентий Берия”. В ней он полностью обеляет отца. - Это очень смешная книга именно с этой точки зрения. Должен сказать, что я тоже пишу книгу о деде. Написал уже 800 страниц, застрял на 1921-м годе, конца и края не видно. Доведу события до 1930 года и издам первый том. Я стараюсь идти не от эмоций, а от документов. В личном архиве Молотова, открытом в настоящее время в Российском государственном архиве, - около 1600 единиц хранения. Я бы хотел заниматься книгой больше, но времени, к сожалению, нет. Первый том постараюсь все-таки в этом году закончить. - Спрошу вас о том, что вы, на мой взгляд, в своей книге не имеете права опустить: о пакте Риббентропа - Молотова. - Это был абсолютно вынужденный шаг. Если бы Советский Союз не подписал его в 1939 году, война с Гитлером началась бы тогда же, в 39-м. Оккупация Польши была предreshена, вопрос

стоял только о том, где германская армия остановится: восточнее Варшавы или пойдет дальше на Москву. Вот и весь выбор, который СССР имел в тот момент. Пакт, повторяю, - это договоренность о том, где немцы остановятся, то есть он был достаточно разумным. Ко многому в деятельности деда можно придаться, но не к подписанию этого пакта. - Но пакт был секретным, правильно? - В те времена не было такого понятия, как публичная дипломатия. Многие страны имели секретные договоры. А пакт, кстати говоря, не был подписан секретно, он был ратифицирован Верховным Советом, хотя сам этот орган не играл в то время никакой роли. Другое дело, что к пакту были приложены секретные протоколы, которые разграничивали сферы влияния "подписантов". Через месяц после пакта с Германией был подписан второй договор, к которому прилагалась карта, и там проводилась граница интересов Германии и СССР. Эта карта была опубликована в газете "Правда" в конце сентября 1939 года. - Я учился в МЭИ, который до 1957 или 1958 года носил имя Молотова. На моих глазах с фронтона здания срубали слова "им. Молотова". На факультете автоматики и телемеханики учился Феликс Чуев, ставший потом довольно известным поэтом и написавший книгу "Беседы с Молотовым". Вы ее читали? - Конечно. Я отношусь к ней двояко. Чуев действительно приезжал к деду и, гуляя, беседовал с ним. Но при этом держал - в тайне от собеседника! - в кармане диктофон. Не очень этично, согласны? Одно дело - вы беседуете приватно, за обедом или на прогулке, другое - берете официальное интервью. Даже незавизированное интервью лучше, чем такая, исподтишка записанная "беседа". Дед текста, естественно, не видел, не правил, даже не подозревал о его существовании. Поэтому в этой книге дед предстает недалеким человеком. Чуевская манера подачи материала опускает человека. Этого я Чуеву не простил. С другой стороны, в своих беседах с дедом Чуев зафиксировал некоторые моменты, которые не удержала моя память... Печатается в сокращении Подробности Полина Семеновна Жемчужина в 30-е годы поддерживала тесные контакты с Михоэлсом. Пользуясь близостью к Молотову, содействовала Еврейскому антифашистскому комитету, передавала жалобы пострадавших от антисемитизма, летом 44-го вручила Молотову известное письмо об ужасающем положении украинских евреев, освобожденных из гетто. Терпение Сталина переполнили три поступка Жемчужиной: посещение в 1945 году хоральной синагоги в траурный день памяти жертв Катастрофы; присутствие на траурной панихиде по Михоэлсу, где она неосторожно поделилась с писателем Фефером своими сомнениями в истинности официальной версии гибели артиста; встречи с Голдой Меир, первым послом Государства Израиль в СССР, с которой Полина Семеновна беседовала на идише.²¹⁴

Лев Авенайс. Время по Екклесиасту и по существу

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Так говорил Екклесиаст, или Коэлет на иврите. Говорить-то он говорил, но кто его слушать будет, хотя Екклесиаст — это и есть «проповедник» в переводе с какого-то из языков.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Так говорил Екклесиаст, или Коэлет на иврите. Говорить-то он говорил, но кто его слушать будет, хотя Екклесиаст — это и есть «проповедник» в переводе с какого-то из языков. Время в Израиле — вообще понятие абстрактное. Те, кто бывал в Израиле, возможно, обратили внимание — на улицах израильских городов практически нет часов, тогда как, скажем, в Лондоне или Праге они висят на каждом углу. А даже там, где часы есть, они не считают нужным идти и служат в основном декоративным элементом. Например, на здании Большой синагоги в Тель-Авиве, где часы остановились еще до моего приезда в Израиль пятнадцать лет назад. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что на перронах тель-авивского центрального железнодорожного вокзала часы висят. Но это абсолютно бессмысленная вещь, потому что

поезда в Израиле, во всяком случае в последние месяцы, ходят без всякой связи с отпечатанным расписанием. Отклонение от расписания — плюс-минус, точнее, всегда плюс, от 5 до 20 минут. Я всегда вспоминаю читанный мной в детстве японский детектив, где прикованный к постели сыщик определил время преступления по расписанию поездов. Он вычислил, что было только 30 секунд, когда с одного перрона можно было через три пути видеть, что происходит на другом перроне. Но это в Японии, где поезда ходят с точностью до 30 секунд. В Израиле этому сыщику нечего было бы делать... Во всем мире люди назначают друг другу свидание под часами, в Израиле такого просто не может быть. Во-первых, как я уже отметил, в городе нет уличных часов, а во-вторых, кто же хочет, чтобы часы служили немым укором опаздывающему. К тому же в Израиле любая встреча в каком-то нейтральном месте превращается в своеобразное соревнование — кто из встречающихся опоздает больше. Если точность — это вежливость королей, то Израиль — несомненная республика. Израильское отношение ко времени — типично восточное, во всяком случае такое представление о Востоке сложилось у меня по фильмам и книгам. Девиз «время — деньги» — это явно не про нас, у нас времени до фи́га, чего нельзя сказать о деньгах. А даже если у кого-то деньги есть, то это, похоже, никак не связано со временем. Восток к категории времени всегда относился философски. Именно здесь, на Востоке, родилась мудрость, однажды потрясшая меня: «Это неправда, что проходит время. Проходим мы». Есть много изобретений, которые человечеству подарил Восток. Но часы скорее всего к ним не относятся. Здесь время — субстанция очень аморфная. Жара, сиеста, даже время плавится от этой жары. Куда тут спешить? Вспомните «Белое солнце пустыни» и стариков в чалмах, сидящих на солнцепеке. «Давно сидим». Это отношение ко времени удивительным образом проникло в Израиль. Пунктуальность, мягко говоря, не является национальной чертой израильтян. Впервые я узнал об этом из книги Эфраима Севелы, которая попала мне в руки еще в Советском Союзе (разумеется, подпольным образом). Я не большой поклонник этого писателя и не помню, как эта книга называлась. Из всего томика мне запомнился только один эпизод. Отказник, который каждый вечер ловил по радио «Голос Израиля», однажды пришел в ужас: наступило точное время, когда должна передаваться сводка новостей из Иерусалима, а «Голос Израиля» молчит. Как водится у евреев, бедняга подумал самое худшее. Он стал лихорадочно крутить ручку настройки, но ничего особенного не передавала ни одна из станций. Он снова вернулся на волну Иерусалима. И спустя две с половиной минуты, как ни в чем не бывало, началась передача сводки новостей на русском языке. Тогда этот герой Севелы сказал: «Я в Израиль не еду. Нельзя ехать в страну, которая опаздывает со сводкой новостей почти на три минуты и даже не извиняется». Прочитав это, я, честно говоря, рассмеялся. Герой повествования Севелы поехал в пунктуальную Америку. А я волею судьбы и репатриации оказался здесь. И только приехав сюда, понял, что в этой шутке была большая, даже очень большая доля правды. Да что там доля! Просто правда! Пару лет назад израильские телезрители, включившие свои телевизоры ровно в восемь часов, чтобы посмотреть обязательную программу новостей по Второму каналу, с удивлением обнаружили, что на экране вовсе не популярные ведущие, а реклама прокладок с крылышками и без крылышек и средств борьбы с кариесом. И лишь спустя минуты три после назначенного срока началась программа новостей. Так что если Севела и выдумал свою байку, то он просто напророчил. Если вы на улице спросите «Который час?», вам не ответят «Семь минут шестого», нет. Вам скажут либо «шесть часов», либо «шесть с четвертью» — все временные процессы округляются с точностью до четверти часа. Спектакль или церемония в Израиле никогда не начинается вовремя. Причем не имеет значения, кто в зале — коренные израильтяне или новые репатрианты. Если есть сфера, в которой абсорбция произошла полная и репатрианты ничем не отличаются от сабр в шестом поколении, так это именно в отношении ко времени. Недавно я был на церемонии приведения к армейской присяге моего сына. Она началась, естественно, с опозданием на сорок минут. И все эти сорок минут многочисленные домочадцы героев-воинов, имевшие

глупость прибыть точно (все-таки была вера, что армия — это зона, свободная от национальной расхлябанности), ожидали под палящим солнцем (38 в тени, а на солнце никто температуру не измерял). Я в этом смысле представляю собой некий рудимент, вроде хвостатого мальчика из учебника дарвинизма: у меня есть, простите за игру слов, «пунктик пунктуальности». Поэтому от здешних нравов страдаю ужасно. Например, я абсолютно точно являюсь на спектакль — в 20.00. Ровно в восемь часов вечера зал заполнен примерно на четверть. Начинаю искренне жалеть знакомого продюсера и подсчитывать его убытки от провала гастролей. Хотя на лице этого продюсера непонятное выражение полного счастья. Заезжие гастролеры волнуются: пора выходить на сцену, а их успокаивают — выкурите сигаретку, выпейте чашечку кофе... Не волнуйтесь. В любом российском зале в две минуты девятого уже начались бы нетерпеливые хлопки, переходящие в нервную овацию, — мол, сапожники, начинайте. Здесь народ повосточному терпелив. Минут в двадцать девятого зал уже полон на две трети и спектакль начинается. В течение всего первого акта в зал входят опоздавшие, которые шумно протискиваются по рядам и выгоняют занявших их места «зрителей с задних рядов». Когда в перерыве зажигается свет, в зале уже полный аншлаг. Фима Шифрин как-то после спектакля в Израиле с ужасом говорил мне: «Все первое действие я думал не о роли, а только о том, кончат ли люди когда-нибудь ходить по залу или так будет до конца спектакля». Для непунктуальности в Израиле есть уйма дежурных оправданий, каждое из которых в отдельности абсолютно реально. Например: «попал в дорожную пробку» (любой в Израиле может только посочувствовать такому человеку) или: «обнаружили подозрительный предмет» (и опять все знают, что неосторожно забытый кем-то пакет может на час парализовать движение), или: «искал, где бы припарковать автомобиль» (тут уж впору выражать искреннее соболезнование). Самое смешное, что все эти же оправдания опоздавший приведет, даже если идет пешком из соседнего дома. Разумеется, опоздавшие не испытывают никаких угрызений совести, ибо все это входит в правила своеобразной игры. Если вас приглашают на бар-мицву в 19 часов, то в это время уже заложено предполагаемое ваше опоздание и само мероприятие начнется в 20 часов. Но беда в том, что все это уже знают, начинают вести отсчет своего опоздания от реальных 20.00 и являются в половине девятого. Спустя несколько месяцев после приезда в Израиль я был приглашен в гости к коренным израильтянам и имел неосторожность придти точно к назначенному часу. Хозяйка была в ужасе: я застал ее неглиже, она еще даже не начинала собираться к приему. Откуда ей было знать про нравы диких олим являться вовремя! Беньямин Нетаниягу в бытность свою премьером, находясь в Нидерландах, опоздал на прием к самой королеве аж на целый час, чем привел в шок голландскую протокольную службу. Если вы связываетесь с опаздывающим на встречу партнером по сотовому телефону и слышите в ответ классическую ивритскую фразу «Ани бадерех» («Я уже в пути»), не обольщайтесь, что он появится в ближайшие минуты. Это еще одна ритуальная отговорка. Он может явиться часа через четыре, как будто он спешил к вам на встречу не из своего офиса, расположенного через три квартала, а самолетом из Москвы. Еврей Эйнштейн доказал связь пространства и времени. Евреи Израиля доказали, что наша страна — это пространство, которое никак не связано со временем.²¹⁵

Мария Обельченко. Роман «Анна Каренина» — как удар по голове

...Идея режиссера Джо Райта снимать «Анну Каренину» в студии, в декорациях специально выстроенного театра, показала Кире Найтли безумием. Но бюджет не позволял провести натурные съемки в России. И пришлось Кире выйти на сцену — в буквальном смысле слова, чтобы сыграть роль, о которой мечтают многие актрисы...

«Анна Каренина» — фильм английского кинорежиссера Джо Райта по мотивам одноименного романа Льва Толстого. Минувшей осенью в Лондоне состоялась мировая премьера драмы «Анна Каренина», где главную женскую роль сыграла Кира Найтли. Кроме Киры, роли в 130-минутном фильме исполняют Джуд Лоу (Каренин), Аарон Джонсон (Вронский), Мэтью Макфэдьен, Келли Макдональд, Оливия Уильямс, Эмили Уотсон и другие.

Идея режиссера Джо Райта снимать «Анну Каренину» в студии, в декорациях специально выстроенного театра, показалась Кире Найтли безумием. Но бюджет не позволял провести натурные съемки в России. И пришлось Кире выйти на сцену — в буквальном смысле слова, чтобы сыграть роль, о которой мечтают многие актрисы.

— Я впервые прочитала «Анну Каренину» лет в восемнадцать, — говорит британская актриса. — И конечно, меня тогда увлекла любовная история, романтика. А перед съемками я перечитала роман заново. И сложилось совсем другое впечатление. Это очень мрачная история. И любви как таковой в ней не так много. Дружба, умение быть партнером, компаньоном своему возлюбленному, ревность, одиночество, невроз, безумие — до Анны Карениной так полно в литературе не создавался ни один женский образ. И все-таки мне почему-то кажется, Толстой ее не любил больше, чем любил. Вообще этот роман — как удар по голове. И наш фильм выставляет Анну в довольно-таки неприглядном свете. Я сначала испугалась. Сказала Джо, что его план безумный. А потом подумала-подумала и пришла к выводу: проект получится либо невероятно успешным, великим, либо чудовищным...

Что получилось на самом деле — россияне смогут узнать в начале января 2013 года, когда фильм «Анна Каренина» выйдет на российские экраны.²¹⁶

Синтаксис

общественный и литературный журнал, издается с 1978 в Париже. Основан А.Д.Синявским и М.В.Розановой, его бессменным редактором. Название напоминает о нелегальном журнале «Синтаксис», несколько номеров которого появились на ротопринте в Москве в 1959–1960-х и были конфискованы. А.Гинзбургу, издателю первого «Синтаксиса», посвящены четыре первых номера нового журнала.

Выходящий в СССР с подзаголовком «Публицистика. Критика. Полемика», парижский «Синтаксис» одновременно публикует и художественные тексты (раздел «В садах изящной словесности»). До начала перестройки «Синтаксис» предоставлял возможность публикации как литературных, так и в особенности публицистических произведений. В журнале печатались документы и мемуарные свидетельства, критически освещающие как советскую историю, так и процессы, протекающие в современном советском обществе.

В числе основных авторов «Синтаксиса» были преимущественно участники правозащитного движения в СССР, политические эмигранты, а также писатели и публицисты, не публиковавшиеся в легальной советской печати: А.Синявский, З.Зинник, Е.Эткинд, А.Есенин-Вольпин, А.Жолковский, Т.Венцлова, И.Ефимов, И.Голомиток.

«Синтаксис» воспринимал свою деятельность как развитие либерально-демократических традиций общественной мысли и как попытку возрождения художественных исканий русского авангарда 1910–1920-х. Эта ориентация предопределила неизбежную полемику «Синтаксиса» с журналом «Континент», который считался главным периодическим изданием русской эмиграции 1970–1980-х.

После распада СССР положение и роль «Синтаксиса» изменились. После смерти Синявского в 1997 «Синтаксис» журнал практически прекратил свое существование.²¹⁷

Прототипом издания был самиздатский журнал, выходивший в Москве.

«Синтаксис», Москва, 1959-1960

Самиздатский машинописный альманах, выпускавшийся в 1959–1960 молодым московским журналистом Александром Гинзбургом. Вышло три номера, тираж которых достигал 300 экз. Состоял исключительно из стихов московских (№1, 2) и ленинградских (№3) поэтов, публикации которых встречали препятствия со стороны цензуры (Булат Окуджава, Иосиф Бродский, Николай Глазков, Генрих Сапгир, Наталья Горбаневская и др.). Иллюстрировал выпуски альманаха московский художник и поэт, неформальный лидер «Лианозовской группы» Евгений Кропивницкий [По неподтвержденным данным (Иван Ахметьев), иллюстрации делал его сын Лев].

Большинство исследователей полагает, что именно «Синтаксис» следует считать первенцем самиздатской периодики. Принципиально новым стало то, что альманах издавался открыто: на его обложке были проставлены фамилия и адрес издателя. По свидетельствам современников, это обстоятельство производило большое впечатление на читателей. Во время работы над №4 «Синтаксиса» (июль 1960) Гинзбург был арестован, органы госбезопасности конфисковали весь архив «Синтаксиса», и издание альманаха было остановлено. (Самому редактору, вместо планировавшегося сначала политического обвинения, было предъявлено сфальсифицированное обвинение по уголовной статье, а дело о «Синтаксисе» было прекращено 11.01.1961). Альманах распространялся в основном среди любителей поэзии, «Синтаксис», пропагандировали видные московские ученые, бывшие узники сталинских лагерей Л.Е. Пинский и Г.С. Померанц. Данных об инкриминировании альманаха на политических процессах не обнаружено (есть упоминание о внесудебных преследованиях, которым подвергся автор «Синтаксиса», сценарист и поэт Александр Тимофеевский – его вызывали в КГБ, после чего студии расторгли с ним договоры).

Через пять лет все три номера «Синтаксиса» были перепечатаны в эмигрантском журнале «Грани» (1965, №58). А еще через тридцать лет, в октябре 1995, Федеральная служба безопасности РФ (преемник КГБ) вернула Гинзбургу архив «Синтаксиса», который был передан редактором в общество «Мемориал». Текст 3-х номеров (по публикации в «Гранях») размещен на сайте Русской виртуальной библиотеки.

Михаил Эпштейн. Синявский как мыслитель. (Отрывки)

Андрей Синявский был прежде всего мыслителем, и уже по дальнейшим разветвлениям этого сложного призвания – прозаиком, литературоведом, культурологом. "Мыслительство" – особая склонность российского ума, которая не совпадает с традиционным делением культурных областей на "литературу", "эстетику", "политику", "философию" и т.д. По этой причине облики российских мыслителей расплываются в восприятии Запада и чаще всего не попадают ни в какую категорию, то есть попросту игнорируются, как недостаточно артикулированные деятели неизвестно чего.

Как верно замечает автор одной из первых американских книг о Синявском, "Синявский философичен, хотя и не философ: он не строит системы, не изобретает нового словаря. Этим он вписывается в господствующую российскую традицию, в которой литература и философия, как правило, не разделяются полностью"¹. По определению самого Синявского, мысли настигают его "врасплох", не вписываются ни в какой план и распорядок. И, возможно, по этой же самой причине главные свои мысли Синявский высказывает от чужого лица, приписывая их своему сомысленнику" или "иномысленнику"

Абраму Терцу. Мысль приходит неизвестно откуда и высказывается от имени кого-то другого. Вот эта заведомая цитатность мысли, ее чуждость своему автору и делает Синявского созвучным той эпохе, которая устами Ролана Барта и Мишеля Фуко провозгласила "смерть автора", точнее, рассеяние авторства, которое свободно перетекает через границы индивида как суверенного государства, образуя множественные диаспоры.

3. Пушкин – наше ничто. Творчество из пустоты

Пустота, жаждущая наполнения, но никогда не утоляющая своей жажды, – один из главных метафизических мотивов, который проводится Синявским в его размышлениях о Пушкине и русском национальном характере вообще. Книга Синявского "Прогулки с Пушкиным" оказалась его вторым, после трактата о соцреализме, постмодернистским манифестом и произвела двойной скандал, поскольку на этот раз к ряду незначущих знаков сводилось уже не официальное искусство советской эпохи, а святая святых национального мифа, то, чему предназначалось быть и оставаться первой любовью и вечным спутником народа в годину самых тяжелых испытаний. В восприятии и по поручению своих благодарных потомков Пушкин легко входил в любую роль: певца русского государства и провозвестника русской свободы, друга царя и друга бунтовщиков, мятежного вольнолюбца и смиренного христианина, народного пророка и сторонника чистого искусства, пылкого любовника и заботливого семьянина, мечтательного романтика и трезвого реалиста. "Пушкин – наше все", – произнес Аполлон Григорьев крылатую фразу. "Пушкин – наше ничто", – переиначил ее Синявский.

"Прогулки с Пушкиным", пересланные письмами жене из Дубровлага в 1966-1968 гг., стали первым и лучшим российским образцом "деконструкции" художественного мира, "подструктуралистским" прочтением классики, свободным от любой методологической натужности, как структуралистского, так и антиструктуралистского толка. Собственно, нет никакой нужды применять к "Прогулкам" поглупевшее от злоупотреблений, тяжеловесное понятие "деконструкция". Напротив, можно расширительно обозначить жанр и метод истолкования, предложений Синявским, "прогулкой" и понять весь постструктурализм как множество разнонаправленных прогулок – с Платоном и Руссо, с Шекспиром и Малларме, со всей классикой и мировой культурой. То, что Деррида впоследствии назвал "расеянием и осеменением" смыслов в языке (dissemination), а Делез и Гватари – "детерриторизацией" (перемещением), у Синявского раньше того выразилось простой формулой (искусство гуляет" (ПСП, 436). И критику ничего не остается, как гулять вместе с художником, т.е. постоянно уклоняться от однонаправленного понимания путей искусства. Только нам показалось, что вот оно куда-то ведет, чему-то служит, к чему-то призывает... "Оно все это делает – до первого столба, поворачивает и –

Ищи ветра в поле" (ПСП, 436).

Отсюда "подвижность, неуловимость искусства, склонного к перемещениям..." Искусство Пушкина "настолько бесцельно, что лезет во все дырки, встречающиеся на пути, ландшафт меняется, дорога петляет" (ПСП, 435, 436).

"Прогулки с Пушкиным" оказались одной из самых скандальных книг на русском языке и подверглись остракизму и в кругах русской эмиграции (1975), и после перепечатки на родине (1989). Если до того России был известен Пушкин – золотой классик, "дитя гармонии" (А. Блок), "обличитель тирании, великий патриот и провозвестник светлого будущего" (А. Твардовский) и, в 1970-е – 80-е гг. "христианин, познавший мудрость смирения" (В. Непомнящий)², то в истолковании Синявского Пушкин – пустейший малый, циник и ветрогон, который с самим Хлестаковым на дружеской ноге. Если роман "Евгений Онегин" и есть "энциклопедия русской жизни", то лишь в том смысле, что энциклопедия, как правило, состоит из общепринятых мнений, сокращенных выжимок и знакомых цитат – ничего оригинального, своего, "лексикон прописных истин" и "салонное пустословие". Весь роман – попытка уклониться от написания романа, система уверток и "отступлений", где автор, по его собственному признанию (в письме к А. Бестужеву), "забалтывается

донельзя". Как образно доказывает Синявский, "роман утекает у нас сквозь пальцы... он неуловим, как воздух, грозя истаять в сплошной подмалевок и, расплывшись, сойти на нет – в ясную чистопись бумаги" (ПСП, 383).

И – совсем уже грозное обобщение, где национальная святыня и "наше все" приравнивается к упырю: "Пустота – содержимое Пушкина. Без нее он был бы не полон, его бы не было... Любя всех, он никого не любил, и "никого" давало свободу кивать налево и направо... В столь повышенной восприимчивости таилось что-то вампирическое. Потому-то пушкинский образ так лоснится вечной молодостью, свежей кровью, крепким румянцем... вся полнота бытия вместила в момент переливания крови встречных жертв в порожнюю тару того, кто в сущности никем не является, ничего не помнит, не любит..." (ПСП, 372, 373). Очень жутко и ново – хотя и вспоминается, что Достоевского восторгала именно "всемирная отзывчивость" Пушкина, который, как никто из мировых поэтов – несравнимо с Шекспиром и Шиллером, – умеет перевоплощаться в характеры и атмосферу других народов. "Ведь мог же он вместить чужие гении в своей душе, как родные"³, – призрак вампира уже витает над этой благоговейной фразой. То, что у Достоевского звучит беспримерной хвалой, у Синявского – разоблачение гения российской переимчивости, который ухитрился обчистить все закрома европейской словесности, до отвала насытиться чужой кровью. Это ли не творческий вампиризм? – и если Пушкин есть откровение о всемирном призвании и отзывчивости русской души, то вывод Синявского отдает еще большим кощунством: как разоблачение кровососной, "подражательной" сущности целой культуры-упыря, разметнувшейся на шестую часть света.

Но если внимательно перечитать "Прогулки с Пушкиным" (1966-1968) рядом с "Голосом из хора" (1966-1971), который одновременно отсылался письмами из Дубровлага, то видно, что "пустота" и даже "вороватость" в понимании Синявского – это не оскорбительное, а, скорее, лестное качество, необходимое художнику. И если Пушкин – пустейший малый, то и сам автор, уже в отношении собственных опытов, ловит себя на том же состоянии пустоты. "...Я повторяюсь и переливаю из пустого в порожнее" (ГИХ, 479). "Чтобы написать что-нибудь стоящее, нужно быть абсолютно пустым. <...> Не устаю удивляться тому, как писатель ничего не знает, не помнит, не умеет, не может и этой немощностью своей – всем бессилием высказать что-либо путное – обращен ко всему свету, и только тогда он что-то может и знает" (ГИХ, 603). Для Синявского сам язык есть пустота, точнее, сетка слов, сквозящая пустотой и молчанием. "Абсолютно пустой. Силки, сети. Сетка речи, брошенная в море молчания с надеждой вытащить какую-нибудь золотую рыбку. <...> Писатель – немножко рыбак. Сидит и удит. Ничего не понимая, не думая – положите мне чистый лист, я из него непременно что-нибудь выужу" (ГИХ, 643, 668). Здесь почти дословно повторяются мотивы книги о Пушкине: писатель, как фокусник, из чистого листа, ни о чем не думая, выуживает золотые слова, которые никому не подчиняются и не исполняют никаких поручений, – но, вильнув хвостом по воде, уплывают в море, сходя на нет в ясной чистописы бумаги.

Да, каждый из нас, пользуясь языком, может высказать на нем что-то свое, но ведь язык, как целое, ничего не говорит, он великий немой, и писатель, приближаясь к этому молчанию всего языка, сам немеет, точнее, немymi становятся сами его слова, говоря все обо всем – и ничего в особенности. "Хуже нет, когда из-под слов торчит содержание. Слова не должны вопить. Слова должны молчать" (ГИХ, 493). Писательство, по Синявскому, – искусство молчания, а также искусство многозначительной и малозначащей болтовни, как бы взбалтывающей мыльные пузыри, оболочка которых сияет радугой, а содержимое – "ищи ветра в поле".

То, что впоследствии стало штампом постмодернистской теории – стирание следов письма, стирание и отсрочка значений в игре знаков, – у мордовского политзека Синявского высказалось метафорически свежо и ясно в то самое время (1966-1971), когда деконструкция была еще новостью в Париже. Напомним, что книга Жака Деррида "О

грамматологии" появилась в 1967-м, "Рассеменение" в 1972-м. Синявский, конечно, не создал категориального аппарата нового метода, но удивительно чуток к его метафорическим возможностям – а ведь деконструкция и предполагает обреченность теоретического мышления вращаться в кругу метафор. Перечитайте хотя бы фрагмент из книги "Голос из хора", который начинается так: "...Я повторяюсь и переливаю из пустого в порожнее. В оправдание замечу, что текст как пространственная задача не может быть ни статичной площадкой, ни движущейся в одном направлении лентой. Он ближе к кругам по воде. Антиномии – типа "зимы", "солнца", "острова", "женщины", "книги" и т.д. – заставляют слова разбегаться по радиусам, повторяя и исключая друг друга, производя вращение речи..." (ТИХ, 479). Это вращение знаков вокруг пустой воронки центра-значения – одна из самых устойчивых, "коллективных" метафор всего корпуса текстов западного постструктурализма.

7. Стилистика "еврейского вопроса"

Эстетическое оправдание России как "почвы для опыта и фантазий художника" позволяет понять и особое отношение Синявского к "еврейскому вопросу". Среди русских мыслителей второй половины XX века Синявский, пожалуй, самый известный и последовательный филосемит, не упускавший случая дать отповедь столь частым в эту эпоху проявлениям идейной юдофобии. В этом его можно сравнить, пожалуй, только с Владимиром Соловьевым и Максимом Горьким – самыми стойкими защитниками еврейского народа в два предыдущие полувека. Но если сравнить филосемитизм этих трех авторов, обнаружится громадная разница в самом характере и источнике их симпатий к еврейству.

Для Владимира Соловьева, как и для других религиозных русских мыслителей – Бердяева, Мережковского, Вяч. Иванова, еврейский народ – это прежде всего первый носитель христианского откровения, отеческая среда религии Сына. Глубокая религиозность и преданность Богу до самопожертвования: высокое развитие национального и индивидуального "я", самосознания и самодеятельности; крайний житейский материализм и практическая устремленность – таковы, по Вл. Соловьеву, три основные черты еврейского национального характера, которые привели к воссоединению божественного и плотски-человеческого в новозаветном откровении Иисуса Христа. Христианство – это в какой-то мере иудизация языческих народов эллино-римского круга, привитие дикой лозы к благородному монотеистическому корню. Потому "еврейский вопрос" для русских религиозных мыслителей – это прежде всего "христианский вопрос", вопрос отношения к евреям в соответствии с заповедями о любви к ближнему и о почитании родителей, ведь иудеи – не только "ближние" христиан, но и их "родители" по вере.

Другой тип филосемитизма представлен у Горького и многих других деятелей социал-демократического круга, к которому можно причислить и Ленина. Горького восхищает в евреях их неутомимое трудолюбие и жизнелюбие, практическая сметка, их здравомыслие, склонность к научному мышлению и активное участие в делах социального и технического прогресса – в этом смысле он противопоставляет еврейство русской обломовщине, мистицизму, культуре страдания и самоотречения.

Синявский же находит какое-то третье измерение еврейства, чисто художественное, через которое он с ним и породнился, не кровно, но творчески, выбрав себе пожизненным псевдонимом имя персонажа блатной одесской песни Абрама Терца. Кто такой Терц? Не еврейский праведник и не носитель социального и научного прогресса, а "карманник всем известный" – т.е. тот самый щипач-виртуоз, который оправдывает буквальный смысл выражения "власть в руках искусства". Именно блатная, бандитская, не талмудически-ученая и не хасидски-мечтательная, но одесски-жовиальная, бабелевская ипостась еврейства вызывает у Синявского наибольшую симпатию, сливаясь с его собственным представлением о художнике-фокуснике, ловкаче, обманщике, скоморохе. Если еврей Терц и вносит какую-то дополнительную ноту в репертуар русской фольклорной уголовщины,

то именно тем, что он, как человек южный и темпераментный, имеет и более беглую инструментовку в пальцах, и ножичком может острее полоснуть, и ловче выследить фраера, и хитрее ускользнуть от милиционера – т.е. он "художественнее". Синявский сообщает о Терце: "Он гораздо моложе меня. Высок. Худ. Усики, кепочка. Ходит руки в брюки, качающейся походкой. В любой момент готов полоснуть – не ножичком, а резким словом, перевернутым общим местом, сравнением... <...> Терц – мой овеществленный стиль, так выглядел бы его носитель"⁴.

И действительно, если сравнить стили Синявского и Терца, то легко обнаружить, как выразился бы прототип Терца, "две большие разницы". Стиль книг, подписанных именем "Синявский", учено велеречив, плавен, замедлен, риторически слегка избыточен, отягощен правилами хорошего академического тона. "Розанову свойственна разносторонность интересов и материалов, которые он подымает, вопросов, которые он ставит в той или иной области жизни, науки, культуры". Так пишет Синявский – и о ком? – о Розанове!⁵ Материал самый скандальный, а манера, словно по контрасту, самая академическая. "Подымать интересы", "ставить вопросы" – будто перед нами заговорил словарь словосочетаний русского языка.

"На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в русскую поэзию и произвел переполох" (ПСП, 346). Так пишет Терц – и о ком? – о Пушкине! Материал самый академический, а манера, опять же по контрасту, самая скандальная. Стиль Терца, в самых выразительных и динамичных образцах, – это именно полосование пером-ножичком, уголовный почерк, весь состоящий из углов, лихих поворотов, острых прочерков и завитушек.

Вообще удивительно, насколько Синявский в трех своих монографических исследованиях о писателях сумел дистанцироваться от Пушкина, меньше – от Гоголя, и совсем не сумел или не захотел – от Розанова, отчасти, может быть, потому, то в данном случае ему приходится бороться с общественной инерцией "благородного негодования и презрения перед первым русским поэтом". Синявский, как современный критик, вообще склонен противодействовать своему материалу, искать интриги в расхождении с ним и установке на "дополнительность". Пушкин, по Синявскому, – поэт общих мест, прописных истин, поэтому в книге о нем автор сыплет блестящими парадоксами. И наоборот, книга о Розанове, главном российском парадоксалисте, грешит общими местами. "Я думаю, в основе розановской парадоксальности лежит его вера в абсолютную ценность человеческой души и человеческой личности, вера, которая не вмещается ни в какие строгие границы..."⁶ Автор книги о Пушкине, пожалуй, не преминул бы отпустить остроту по поводу столь округлой и полновесно-риторической фразы. Книга о Розанове полна таких вот "гуманных мест", представляющих попытку оправдать скандального мыслителя перед лицом "гармонических пошляков" на их собственном "правильном" языке.

Не забудем, однако, что книга о Пушкине подписана "Терц", а книга о Розанове – Синявский. Вот так и получается, что Розанов, любивший показывать кукиш человечеству, в изображении академически благожелательного Синявского выступает как гуманист из гуманистов, а Пушкин, у которого всегда находили "лелеющую душу гуманность" (Белинский), в изображении хулиганствующего инородца Терца оказывается упившимся кровью вурдалаком⁷.

Конечно, это крайние примеры, между которыми есть и переходы: и у Синявского можно найти немало терцизмов, и Терц порой начинает сбиваться на лекторские и менторские интонации, но в целом два "подельника" не изменяют раз распределенным ролям. Еврей-уголовник нужен политическому преступнику Синявскому, чтобы взорвать стилевое благообразие и вялое "интеллигентское" добронравие русской мысли, внести в нее резкие и нервные жесты, ускоренные интонации и промельки удаленных понятий, ловкость пальцев, мгновенно опоражнивающих чужие карманы, атмосферу скандала и толкучки: "бей жида!", "держи вора!". Естественно, что "жидом" и "вором", и вообще

врагом всех и всего в этой ситуации выступает сам Синявский-Терц, ради художества пошедший на ряд самых неблагоприятных подлогов – имени, нации, культурных традиций. "В эмиграции я начал понимать, что я не только враг советской власти, но я вообще – враг. Враг как таковой. Метафизически, изначально"⁸.

Действительно, с какой стороны ни приближайся к Синявскому, он грозит полоснуть по-терцевски заостренным бандитским ножичком. Вот и честь быть "первым мыслителем российского постмодерна" Синявский вряд ли принял бы без резких возражений. Постмодернист по определению не может иметь врагов ли быть чьим-то врагом, поскольку он ничему не противостоит и ни с чем не отождествляется, он легко присваивает себе любой стиль и легко отчуждает свою собственную речь в виде цитаты. Синявскому же выпала куда большая честь быть "всеобщим врагом": и советской власти, и русского народа, и классики, и гуманизма, и священных традиций, и прогрессивного, и реакционного человечества...

Вместо заключения. Кто такой мыслитель?

Пожалуй, самое опасное и рискованное в работе Синявского – не то, что он "клеветал" на Пушкина и Россию, присвоил себе бандитские замашки и "жидовскую" кличку, а в том, что он был мыслителем, т.е. неизвестно кем и неизвестно для чего. И сюжетные его вещи – рассказы, повести, роман – как-то не проходят вполне по ведомству изящной словесности и вызывают у критиков подозрение в умышленности, надуманности, – как якобы чересчур "головная" проза, упражнения начитанного литературоведа. И афористические его книги не проходят по разряду настоящей философии, которая предполагает строгую определенность каждого термина и точно оговоренную их связь в системе развивающихся понятий.

"Мыслитель" – это вообще загадочный род деятельности, который отсутствует в любом перечне социально признанных профессий. Ни в одной самой причудливой и богатой культуре нет таких штатных единиц – "мыслителей". Есть профессии писателя, критика, литературоведа, философа, преподавателя, но можно принадлежать к любой из них и при этом не быть мыслителем. Синявский был участником и открывателем во всех этих видах деятельности, но то, что соединяло их и в них не умещалось, было главным в нем – труд мыслителя.

Почему "писатель" – это профессия, а "мыслитель" – нет? Быть может, по той простой причине, что все люди считаются мыслящими существами, но только немногие из них принадлежат к разряду пишущих, специально занятых производством письмен. Писатель может предъявить наглядный продукт своей деятельности, тогда как мыслитель, если он к тому же не писатель, лишен такого продукта.

Мыслителя нельзя также отождествлять с мудрецом. Мудрец пребывает в духовном покое, его мысль обрела точку опоры, он знает истину и согласует с ней свою жизнь, тогда как мыслитель находится в постоянном движении, он ищет и не находит. "Лисица знает много вещей, но еж знает одну большую вещь", – говорит Архилох (фрагмент 201)⁹. Если мудрец – еж, то мыслитель – это лиса, которая непрерывно вынюхивает возможность поживы, выискивает многообразие смыслов, на которые откликается мысль, не сводя их к одной большой концепции, к одной всеобъемлющей истине. Мыслитель устраивает круговорот понятий – и сам втягивается в него, отталкивая от себя всякую устойчивую точку опоры. Мудрец ценит ясность головы, мыслитель любит головокружение, он опьяняется мыслью скорее, чем отрезвляется ею. В какой-то момент ему кажется, что в области мысли "все позволено", и лишь чудом инстинкт самосохранения удерживает его на краю бездны, которая называется "релятивизм". Но он знает упоение на краю этой мрачной бездны.

Наконец, мыслителя нельзя отождествлять и с философом как представителем определенной академической дисциплины. Если философ создает законченные системы или систематически доказывает невозможность таковых, то мыслитель действует по принципу "бриколажа": "все годится", "что ни лежит под рукой, все пойдет в дело".

Мыслитель использует любую систему как средство движения мысли за пределы системы. Мыслительство – это по сути своей инакомыслие, не политического, а наддисциплинарного уровня, которое не столько критикует концепции, сложившиеся внутри отдельных дисциплин (это дело внутринаучной дискуссии), сколько предлагает альтернативные сочетания понятий, альтернативные способы постановки и решения проблем, которые не могут быть поставлены или решены внутридисциплинарным порядком. Мыслитель ищет и создает проблемы там, где обыденное мышление не видит проблем, а дисциплинарное мышление считает их решенными или неразрешимыми.

Если философия есть приближение к мудрости, то мыслительство есть приближение к философии как бы вечной ее подогрев, не доходящий, однако, до точки кипения и превращения в пар отвлеченной мысли. Если философия есть любовь к мудрости, то мыслительство – любовь к самой философии, любовь к любви, желание быть влюбленным и длить это состояние влюбленности даже без всякой взаимности и награды. Мыслитель бескорыстен, поскольку ничего не требует от своей влюбленности в мысль, но часто и бесплоден, поскольку ничего не дает возрастанию и накоплению мысли, а только волнует ее и сам волнуется ею. Дело мыслителя – волновать поле мысли, пускать по нему волны, которые неизвестно пристанут ли к какому-нибудь берегу, понесут ли на себе корабль какой-то концепции. Мыслитель не чеканит понятия, не определяет их и не отделяет от других понятий, а пользуется их волновыми свойствами, их зыбкостью, размытостью, способностью незаметно переходить в другие понятия. Поле мысли в этом случае предстает континуальным, а не дискретным.

Здесь можно использовать налимовское различие жестких и мягких языков¹⁰. Философия – это жесткий язык мысли, а мыслительство – мягкий. Философия пользуется терминами, достаточно определенными в своем значении; шкала распределения их значений тяготеет к высокой частотности и вероятности. Мыслитель, напротив, пользуется достаточно аморфными терминами или употребляет их в малоопределенном значении, как мыслеобразы, как полутермины-полуметафоры, значение которых гораздо менее вероятно и определимо, тяготеет к метафорическому полюсу размытости, хотя и более дискретно, чем в собственно образном, художественном творчестве. Мыслительство – это широкая зона, лежащая между философией и литературой, между научностью и писательством, поэтому и писатели, тяготеющие к более свободному языку притчей, мифов и образов, оказываются мыслителями. Достоевский – мыслитель от литературы, Соловьев – мыслитель от философии, и хотя они движутся от разных полюсов, оба встречаются в промежуточной зоне мыслительства.

Если в западном академическом мире стандарты мышления определяются его принадлежностью определенной дисциплине, прежде всего философии, то русская духовная культура – культура мыслителей по преимуществу. Мыслительство – это странный, исторически реликтовый и вместе с тем проективно-жизнестроительный род деятельности, который одновременно и отстает от философии как дисциплины, и забегает вперед нее. Мыслитель еще не расчленяет понятия, принадлежащие разным дисциплинам, и уже соединяет их, он находится в предфилософском и постфилософском состоянии ума. Если здравый смысл – это успокоенность ума на преддисциплинарном уровне, а мудрость – успокоенность ума на постдисциплинарном уровне, то мыслительство – это беспокойство ума, которое побуждает его метаться, перебегать с уровня на уровень, нарушать правила одного уровня вторжением понятий другого уровня. Синявский назвал это приближение мыслей, неожиданных для самого мыслителя, "мыслями врасплох". И наоборот, как только мысли приводятся в порядок, становятся логически предсказуемыми, выводимыми по правилам системы, иссякает сила мыслительства. "Мысли кончаются и больше не приходят, как только начинаешь их собирать и обдумывать..." (МВ, 338).

Такова традиция русского мышления – мыслить порывами и урывками, охватывать все области сразу, соединяя образное мышление с концептуальным, философское с политическим. Отсюда взаимное непонимание и критика русского мыслительства и

западной философии. Для западной философии русская мысль синкретична, лишена дисциплины, еще-не-дисциплинарна. Для русских мыслителей западная философия чересчур специальна, аналитична, еще-не-синтетична. Следовало бы установить для каждой из этих традиций зоны притяжения и "опережающего роста" друг для друга. Русская философия, одновременно и синкретичная и синтетичная, должна благоговеть перед дисциплинарностью, которой она еще не достигла, а не третировать ее, как уже превзойденную. С другой стороны, и западная философия, критикуя синкретизм русского мышительства, не может не чувствовать в нем и те начала синтеза, к которым она сама устремляется.

Постмодернистская культура Запада пытается преодолеть узкую специализацию и замкнутость своих академических традиций, заново соединить философию с литературой, термин с метафорой, мышление с игрой – и потому могла бы многое усвоить из российского опыта "мышительства", если бы само мышительство приняло более трезвый и остранный взгляд на самого себя и не упивалось иллюзией своих бескрайних возможностей, которые той дело оборачиваются отсутствием результатов.

"Возможность противоречить самому себе, а не излагать какую-то стройную концепцию" – то, что Свияжский столь ценит у Розанова, – действительно, позволяет воссоздать "какой-то очень естественный и живой процесс, процесс роста и развития мысли"¹¹. Но эта же "процессуальность" мешает мыслителю предъявить результат мышления, который постоянно откладывается на потом. Мышительство – это игра с концептами, которая отсрочивает на неопределенное время построение законченной концепции, так что за каждым мыслителем тянется расходящийся веер каких-то туманных грез, недоказанных обобщений и неисполненных обещаний. И это не вопреки, а благодаря тому, что мыслитель "по кратчайшей прямой" устремляется к предмету своих размышлений, как правило, не ведая методологических сомнений и колебаний.

В русском языке есть два основных глагола для обозначения мышления: "думать" и "мыслить". При том, что они считаются синонимами, очевидна разница в их сочетаемости. "Мыслить" – переходный глагол: можно "мыслить будущее страны", "мыслить бесконечность вселенной", "мыслить движение без материи" – тогда как "думать" можно лишь "о" и "над". Отсюда возможность страдательного причастия от "мыслить" (мыслимый), но не от "думать". "Думать" косвенно относится к своему предмету (который потому и ставится в косвенном падеже), остается на дальних подступах к нему, тогда как "мыслить" содержит в себе свой предмет, объемлет его, владеет им. То, что мыслится, составляет внутреннее содержание мысли, тогда как то, о чем думается, находится за пределом самого думания. Поэтому думать – еще не значит мыслить, это только подступаться к предмету мысли, склоняться над ним, обходить вокруг него (думать "над" и "о"), оставаясь внешним ему, тогда как мыслить – значит заключать предмет в самом мышлении, двигаться вместе с предметом¹². Сама прямота этого действия, выраженная в переходности глагола, предполагает, что мысль и предмет прозрачны друг для друга, переходят один в другой.

Разумеется, особенности национального языка и мышления, грамматики и философии не могут всецело предопределять, но могут в какой-то степени провоцировать и "символизировать" друг друга. Русский мыслитель потому и мыслитель, что он "мыслит вещи" как непосредственно данные его мысли и даже положенные внутрь мысли. К этому, в сущности, сводится философский интуитивизм Николая Лосского, пожалуй, единственная эпистемиологическая теория, систематически разработанная на русской почве. "Теория знания, разрабатываемая мною, по существу сходна к наивным реализмом детей и примитивных народов. Согласно этой теории, когда я направляю акты сознания, внимания и различения на предмет внешнего мира, в моем сознании находится сам этот предмет; я непосредственно созерцаю его"¹³. По Лосскому, "такой предмет, как наблюдаемое дерево, имманентен сознанию субъекта, но остается трансцендентным субъекту сознания"¹⁴. По-русски мир мыслим и сознаваем, то есть прямо переходит в

содержание мысли и сознания. Русское мыслительство есть такое распоряжение миром как мыслимым, блаженство мыслимости всего, непосредственной доступности его не только для познавательных, но и властных, жизнестроительных актов мысли.

Между тем англо-американский философ думает о мире, который остается всего лишь интенциональным объектом мышления, запредельным самому мышлению, косвенно связанным с ним через предлог "о" (сама интенциональность определяется как "о-ность" мышления, т.е. его свойство быть мышлением "о"). Через это "о" и "над" ("about" и "over") рождается англо-американская аналитическая традиция, вообще эпистемиология, как теория непреодолимой преграды между познанием и его объектом, неустранимой иноположности одного другому¹⁵. Мышление спотыкается об этот косвенный падеж – и вырастает в сложную философскую стратегию его обхождения, выпрямления (рационализм) – или признания его неодолимым препятствием и тупиком для знания (скептицизм, релятивизм). Западная академическая философия, особенно в XX веке, возводит "о", интенциональность, т.е. косвенную связь мышления с его предметом, в одну из своих основных проблем – и строится на основе эпистемиологии, теории обходных путей приближения к предмету, который в конечном счете все-таки оказывается недостижимым, "вещью-в-себе" или "отсутствующим означаемым". Между тем русская философия просто "мыслит" свой предмет – и нежится в нем, вторгается в него, сливается с ним, так что мыслительство – это еще и особое сибаритство мысли, охватывающей мир как целое, в его открытости и доступности мышлению, универсальная "машина желаний", предмет которого – не отдельное тело, а тело всего мироздания в совокупности его мыслимых свойств и отношений¹⁶.

Но именно потому, что мыслительство лишено познавательных преград, оно особенно остро нуждается в иных способах самоограничения и самоорганизации. Мыслить – значит пребывать в мышлении, которое само пребывает в мыслимом. Поэтому то, что я мыслю, характеризует не только меня, но и мыслимое. Мыслящий в ответе перед мыслимым, и мысль сама есть форма ответственности, опытного и волевого соответствия мыслящего мыслимому. Мыслительство не означает познавательного произвола, хотя на практике часто проявляет большую раскрепощенность и даже разнузданность в отношении мыслимого, чем философия, которая осторожнее подходит к своему предмету, ставя границу непознаваемости между ним и собой. Мыслительство снимает эту познавательную границу, взамен ограничивая себя нравственной ответственностью за мыслимое – т.е. имея прямой доступ к его бытию, прямо "переходя" на предмет, несет его в себе, готовясь разделить его судьбу. Взамен познавательной разделенности – нравственная участность: так решается судьба "вещей-в-себе", которые берется мыслитель, делая из "вещами-для-себя" и тем самым беря на себя и ответственность за них. Это значит: мыслить отзывчиво, ища смыслового основания каждому явлению не в общем принципе, а в самом этом явлении, в его особости и несводимости к принципам. Мыслитель сочувственно ищет раскрытия каждого явления на такой глубине, где оно могло бы являться сущностью и целью себя самого. На область мышления переносится та заповедь, которую Кант считал основополагающей для этики: всегда относиться к человеку как к цели и никогда не относиться к нему как к средству.

Синявский – едва ли не самый чистый образец русского мыслительства конца нашего столетия, со всеми опасностями и соблазнами этого далеко не чистого, всегда взвихренного и замутненного жанра. Но в одном трудно усомниться: Синявский всегда шел вперед за предметом своей мысли и сам пребывал в мыслимом, вместе с ним говорил и молчал, лукавил и опрощался. Он говорил о том, что требует высказывания, и молчал о том, что требует действия, – может быть, поэтому он не сказал о "нравственности" и "ответственности" и сотой доли того, что сказал о "художестве". И если он писал о дурачестве, о босячестве, о ветре, гуляющем в поле, то потому, что и сам жил "дурак

дураком" (первая запись "Мыслей врасплох"), и сам был среди тех, которые "идут, идут сейчас... и будут идти и идти..." (последняя запись "Голоса из хора").²¹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Richard Lourie. Letters to the Future. An Approach to Sinyavsky-Tertz. Ithaca and London: Cornell University Press, 1975, p. 122.

2 О меняющихся образах Пушкина в 1960-1980-е гг. см.: М.Н. Эпштейн. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М., 1988, с. 96-110.

3 Ф.М. Достоевский. Пушкин (Очерк). Полное собрание сочинений в 30 тт., т. 26, Л., 1984, с. 148.

4 Собр. соч. в 2-х тт., т. 2, с. 4 (цитируется по предисловию Владимира Новикова).

5 "Опавшие листья" В.В. Розанова", с. 17.

6 Там же, с. 254-255.

7 В целом Синявский сильнее, когда пишет "не от себя", и в этом – черта его авторской щедрости и жертвенности. В каталогах библиотек под именем Синявского числятся три-четыре академические книги – зато десятки разножанровых книг приняты перу неутомимого и искрометного Терца. Победенный автор дарит свои книги персонажу-победителю – и даже не своему персонажу, поскольку в таком качестве Терц нигде не выступает у Синявского, а персонажу чужому, промелькнувшему в какой-то блаженной песенке. Пример Синявского доказывает, что вообще говорить о "смерти автора" в безликой тональности "свершившегося факта", как это делают французские постструктуралисты, – некоторое теоретическое лицемерие. Есть жертва, приносимая автором. – или такой жертвы нет, и тогда тексты, возвещающие смерть автора, исполнены несравненной авторской самоуверенности и самолюбования, решимости запечатлеть на самой идее "новой анонимности" знак своего авторства.

8 Диссидентство как личный опыт (1982). "Новое русское слово", Нью-Йорк, 7 марта 1997, с. 25.

9 Archilochus frag. 201 in M.L. West (ed.) Iambi et Elegi Graeci. vol. 1 (Oxford, 1971).

10 В.В. Налимов. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979, с. 105-108 (глава "Семантическая шкала языков"). Разделение языков по принципу жесткости-мягкости связано со статистической вероятностью распределения значений у соответствующих языковых знаков – максимальной заданностью и предсказуемостью значений у жестких языков, таких, как математика, логика* компьютерные программы, и минимальной – у мягких языков, таких, как абстрактная живопись или древняя индийская философия.

11 "Опавшие листья" В.В. Розанова", с. 187. Вообще это еще вопрос – бывают ли абсолютно живые и естественные мысли, без малейшего системного окостенения? У Розанова много таких мыслительных вздохов, но... «Вообще драть за волосы писателей очень подходящая вещь» (В.В. Розанов. "Опавшие листья". Сочинения, т. 2. М., 1990, с. 319). Это – мысль?

12 "Думать" – это в большей степени психологическое состояние-личности думающего, психический акт, подобно волнению, страху, тревоге, ожиданию, тогда как "мыслить" – это метафизическое отношение мысли к мыслимому, их соединение.

13 Н.О. Лосский. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995, с. 332.

14 Там же.

15 В немецком и французском языках глаголы, обозначающие процесс мышления, также по преимуществу употребляются в непереходном значении и требуют постановки объекта в косвенном падеже: "denken uber", "penser a".

16 Собственно, такое совпадение желаемого и мыслимого – задолго до современных мыслителей Багая. Фуко, Делеза и Гваттари – находит обоснование еще у Аристотеля: "высшие предметы желания и мысли тождественны друг другу" («Метафизика», 1072 а. Аристотель, Соч. в 4 тт., М., 1975, с. 309).

Сейчас для большинства думающих людей реальная картина советского общества более или менее известна. Известны факты массовых репрессий в сталинские времена. Известно, что в Советском Союзе отсутствуют гражданские свободы. Не нарушаются, а именно отсутствуют. Известно, что чрезвычайно низок жизненный уровень большинства населения, что огромных размеров достигает разница в жизненном уровне высших и низших слоев населения, что процветает карьеризм, взяточничество, халтура, очковтирательство. Известно, что население прикреплено так или иначе к местам жительства и работы, что пошлость, тупость и насилие пронизывают все клеточки и ткани общества. Все это хорошо описано в критической литературе, которая производится сейчас в изобилии и играет весьма существенную роль. И даже западные коммунисты уже

не отрицают того, что сложившийся в Советском Союзе строй жизни похож не столько на рай земной, сколько на перманентный кошмар. И теперь возникает вопрос куда более существенный: а откуда все это появилось? Неправильно истолковали Маркса и построили общество, которое не соответствует его прекрасному идеалу? Так ведь больше ста лет истолковывали, десятки тысяч людей этим занимались. Неужели все ошибались? В Советском Союзе десятки тысяч дипломированных специалистов занимаются истолкованием марксизма, да к тому же делают они это, само собой разумеется, творчески. И что же, все ошибаются? Или наоборот, может быть все это получилось именно потому, что правильно истолковали Маркса и сделали именно то, чего он и хотел? Может быть, такая мерзость получилась именно потому, что послушались Маркса, а вот если бы не послушались, так получилось бы лучше? Или группа заговорщиков захватила власть, изнасиловала несчастный, добрый народ и навязала ему такой нелепый образ жизни? Ведь есть же люди, которые думают, что советский народ немедленно сбросит свою власть, если ему дать свободу избрания или неизбрания этой власти. Или нехорошие люди пробрались в руководство и исказили прекрасные ленинские принципы?

Подлинный социализм построен в Советском Союзе или неправильный, подлинный коммунизм или нет, достроенный или недостроенный, коммунизм или социализм, марксовский или ленинский, ленинский или сталинский - все это спор о словах. Я лично считаю, что построили именно то, что хотели построить. Все лучшие чаяния лучших умов и сердец прошлого воплотили в жизнь сполна. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. В общем и целом построили правильно. Конечно, кое-что не предусмотрели. Частью - потому что не могли предусмотреть, частью - потому что не хотели, хотя и догадывались. Зачем, в частности, было предусматривать кровавый террор после революции?! Народные массы тогда могли и не воплощать в жизнь свои чаяния. В общем-то, народные массы все равно сделали бы то, что они сделали. На то они и массы. А чаяния стоили того, чтобы несколько десятков миллионов врагов и друзей (главным образом - последних) передуть. Но тут, надо полагать, был теоретический недосмотр. Повторяю, построили то, что хотели. Построили по плану, в полном соответствии с мудрыми указаниями вождей и чаяниями масс. Более того, ничего другого и не могло построиться. Построиться могло только это, ибо огромные общества строятся по определенным социальным законам, о которых, между прочим, основатели марксизма и их нынешние последователи даже не подозревали и не подозревают. Строилось на самом деле все естественно-историческим путем, а вожди и руководители действовали по традиционному принципу: "А что я вам говорил?!" И ничего другого построиться не может. И если нечто подобное будет строиться здесь, на Западе, построится все равно нечто советско-образное. Будет, конечно, какая-то непринципиальная разница. Известно, что феодализм во Франции был мягче российского. И коммунизм здесь будет, возможно, мягче. Ну, хотя бы потому, что здесь нет своей Сибири. Когда основатели марксизма выдвигали идею коммунистического общества и обещали построить земной рай, они не думали о том, что именно воплощение в жизнь самых лучших чаяний человечества, самых светлых идеалов, породит те страшные мерзости, которые уже стали очевидным фактом и относительно которых уже есть полная уверенность, что они неслучайны. Наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Те недостатки, которые обнаружили в жизни коммунистических стран, столь же естественны и натуральны, как и ее достоинства. Возьмем такой факт, как массовые репрессии после революции и при сталинизме. Что это такое? На мой взгляд, это и есть народовластие в реальном его исполнении. Это и есть подлинная свобода, доведенная до предела. Это - власть народа. Общественная жизнь - очень сложное явление. И такого рода парадоксы можно в ней наблюдать на каждом шагу. Самое предельное насилие над личностью в рамках этого общества вырастает именно из заботы о личности. Социальное неравенство в коммунистическом мире не уничтожается, а только меняет форму и становится более

острым, чем в странах западной демократии. Социальное неравенство вырастает именно из того, что реализуются принципы равенства. Это можно доказать, произведя соответствующий анализ общества. Словом, для того чтобы разобраться в том, что происходит, чтобы выяснить - случайно это или не случайно, будет это повторяться или нет, надо исходить не из мечтаний прекраснородушных людей столетней давности, не из обещаний демагогов, не из партийных программ, не из заклинаний пророков, а надо исходить из реальности, которую мы имеем.

Мне часто возражают: "Маркс говорил", "Маркс обещал"... Ну скажите, кому я должен больше верить - Марксу, который жил сто лет назад и не имел представления, что такое коммунистическое общество в реальности, или самому себе, который вырос в коммунистическом обществе и прожил в нем 56 лет? Кому я должен верить - шестидесятилетнему опыту коммунистической страны, опыту многих уже коммунистических стран, или партийным программам, которые, кстати, можно менять в зависимости от ситуации. Уверю вас, когда речь идет о власти, эти партии могут наобещать все, что угодно. Они могут даже не только от диктатуры пролетариата, но и от первичности материи отказаться. Разумеется, я предпочитаю верить самому себе, своим собственным глазам. И призываю к этому других. Но исходить из реальности - этого еще мало, потому что по-разному можно подходить к самой реальности. Вот несколько примеров такого рода. Приезжают иностранцы в Советский Союз, заходят в церковь, видят - молодежь молится, венчаются пары, ребенка крестят, а там и тридцатилетний бородатый интеллигент окрестился... Факты? Факты. И вывод кажется очевидным: в России происходит религиозное обновление, русский народ возвращается в лоно православной церкви. Или - в Советском Союзе сейчас невозможно найти человека, который не поносил бы советский образ жизни. Все критикуют. И как критикуют! Многие партийные чиновники критикуют советский образ жизни похлеще, чем диссиденты. Это тоже факты. Какой вывод порой делают из этих фактов? Пора свергнуть советскую власть! Ее же все критикуют! Или еще один факт: в марксизм в СССР никто не верит. Действительно, мало кто верит. Хотя все сдают экзамены на пятерки, а между собой говорят: это же примитив. Так вот: если в марксизм никто не верит, идеология рухнула, значит, общество должно распасться. А общество стоит, крепнет из года в год, процветает (со своей точки зрения). Так в чем же дело? Значит, одних фактов мало. Факты нужно определенным образом понять. И существует определенная техника понимания фактов. Все-таки мы живем в конце XX века, века науки. И просто глупо не использовать разработанные наукой средства понимания происходящего. В наше время заклинаниями и призывами не отделаешься. Нужно серьезное, кропотливое исследование реальности. Иначе просто запутаешься. Иначе можно выдвигать всякого рода программы, которые будут вспыхивать, вызывать сенсацию и вскоре исчезать.

Говорят: чтобы понять коммунистическое общество, надо выяснить, как оно формировалось исторически, рассмотреть историю его становления. Но существует тривиальный методологический принцип: если мы не знаем, что появилось, то бессмысленно выяснять, как оно появилось. Надо знать, что именно появилось. И лишь после этого и на основе этого выяснять, как же оно появлялось. Без этого всякий исторический подход лишен смысла. И я могу сформулировать такое, на первый взгляд, еретическое утверждение: именно исторический подход к такому обществу, как советское, закрывает всякую возможность его понимания. Почему?.. Шла история. Люди влезали на броневики, произносили речи, захватывали оружейные склады, телефонные станции, ставили к стенке, стреляли, носились с шашкой наголо на коне с криками "ура" - это неслась история. А в это время незримо, незаметно, где-то в обществе зрело то, что я называю социологией. Ведь чтобы Чапаев мчался с шашкой и в развевающейся бурке, должна быть канцелярия в дивизии, а в канцелярии надо столы расставить, а за эти столы

посадить людей. Нужно было бумажки выписывать, печати ставить, штампы какие-то... И когда драматическая история пронеслась и дым развеялся, выяснилось, что именно из этого получилось, что именно осталось от истории. Контора осталась. История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковтирательством и прочими прелестями осталась. Надо, повторяю и подчеркиваю, брать общество в том виде, как оно сложилось и существует на наших глазах. И тогда будет понятно, зачем носился Чапаев с шашкой наголо: отнюдь не для того, чтобы спасти страждущее человечество, а для того, в частности, чтобы чиновники из аппарата всех сортов власти (ЦК, КГБ, Академии наук, Союза писателей и т.п.) могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами, которых нет в обычных магазинах, приобретать шикарные квартиры и дачи, пользоваться лучшими курортами и достижениями медицины...

Считается, что советское общество еще в пути к светлым идеалам, еще не дошло. Вот дойдет (а осталось совсем немного - мы уже в развитом социализме!), тогда и будет все то, о чем мечтали, и не будет ничего того, о чем не мечтали. Эта позиция по меньшей мере наивна. Есть законы формирования типов цивилизаций ("кристаллизации" общества), неподвластные даже ЦК КПСС и КГБ. С точки зрения исторического времени цивилизации складываются почти мгновенно. Порой бывает достаточно нескольких десятков лет. Причем цивилизация складывается сразу в том виде, в каком она будет существовать века. Конечно, мелкие перемены и усовершенствования будут происходить. Но существо ее останется неизменным. Причем сама по себе она не содержит внутри себя причин, разрушающих ее. В Советском Союзе коммунистический тип общества уже сложился и достиг зрелости. И подлинная натура его определилась полностью. Будущее вряд ли прибавит к этому нечто принципиально новое. Можно показать, что даже принцип "каждому - по потребности" тут реализовался. Правда, в несколько парадоксальной форме: "каждому - по его социальному положению". Но это нормально, ибо "разумные" потребности каждого определены его социальным положением.

Есть, повторяю, определенная научная техника понимания таких сложных явлений, как многомиллионные общества. В частности, чтобы понять общество такого типа, как советское, надо начать с выделения элементарной клеточки этого общества и исследования ее. Клеточка общества - самая малая его часть, обладающая наиболее существенными чертами целого, можно сказать - общество в миниатюре. Возьмите любой институт, фабрику, завод, совхоз, магазин, школу, больницу и т.п., и вы там обнаружите все то, что определяет картину общества в целом: насилие коллектива над индивидом, распределение по принципу социального положения, карьеризм, лицемерие, двоемыслие, халтура. Карательные органы страны, которые кажутся стоящими над "народом" (что это такое?!) и чуждыми ему, представляют собою на самом деле органы насилия коллектива над индивидом, обобщающие в масштабах страны реальное положение индивида в обществе. Не будь этих специальных организаций, при каждом учреждении страны завели бы свои карательные группы и тюрьмы. Я по своему личному опыту знаю, что такое карательная мощь сослуживцев, коллег, друзей. В этом обществе на самом деле они - высшая власть. Уверяю вас, если бы расправу надо мною поручили бывшим моим коллегам, друзьям, сослуживцам, я давно висел бы на веревке в Москве на Волхонке, 14. Там есть удобный для этого дворик, в середине которого есть клумба. В либеральные хрущевские времена в центре этой клумбы росла чахлая кукуруза, так и не достигшая стадии молочно-восковой зрелости.

Советское общество есть скопление сотен миллионов людей (а с учетом смены поколений - миллиардов), совершающих миллиарды поступков. Допустим на минуту такую абстракцию. Пусть в обществе достигнуто полное изобилие продуктов потребления, пусть откуда-то льется поток их в общество. Все, что угодно: дорогие меха, кольца, бриллианты, вареная колбаса, негнилая картошка, коньяки, баранина, куры,

джинсы, колготки, квартиры... Но ведь народ разбросан на большом пространстве. Надо наладить как-то распределение, охрану и хранение. А это предполагает специальных людей и специальные органы. И, значит, вы все равно получите сложную, иерархизированную первичную организацию. И у французов, и у русских, и у китайцев, и у камбоджийцев. И эта организация будет подчиняться общим социальным законам. Других законов не существует. В этой связи вспоминается курьезный случай. Как-то в Москве вели спор на эти темы интеллигенты, и они сформулировали проблему в такой, несколько риторической, форме. Если уж ты такой умный, сказал один интеллигент другому, то представь себе, что тебя поставили во главе правительства и дали тебе всю полноту власти. Что ты сделаешь, чтобы ничего подобного в Советском Союзе больше не было и вся жизнь выглядела бы так хорошо, как хотелось бы тебе? И другой интеллигент ответил: первым же декретом своим я бы передал всю полноту власти тебе. Я этого человека понимаю. Короче говоря, тот общественный строй, который имеет место в Советском Союзе, сложился вполне естественно, в полном соответствии с социальными законами. Это не есть нечто вымученное или выдуманное злыми и глупыми людьми. Если бы дело обстояло так, что это продукт насилия какой-то кучки людей, продукт обмана, это было бы хорошо. Но, увы, это не так. Когда я говорю, что это - естественное состояние, это не значит, что я считаю это состояние хорошим. Лично мне оно не нравится. Но оно естественно в том смысле, в каком естественной является вода в качестве среды существования рыб или пустыня для змей. Это - социальная пустыня. Но тут из года в год, из поколения в поколение происходил и происходит отбор индивидов, которые могут жить в этой социальной среде. То есть здесь человек приспосабливается к среде, а потом сам начинает эту среду воспроизводить. Получается замкнутый круг. Поймите, птицы могут сказать рыбам: "Как прекрасно в воздухе, полетим с нами!" Но ведь рыбы не могут летать, они плавают... Что же в конце концов остается в этом, казалось бы, безвыходном положении? Я намеренно так остро формулирую свою позицию не с целью запугать людей или сказать, что сопротивление бесполезно. Наоборот, я считаю, что я выражаю в некотором роде мужскую позицию, а именно такую, когда говорят: "Ребята, отступить некуда, мы окружены, будем сражаться до последнего!" И вообще, в общественном развитии рассчитывать на какие-то партии, на каких-то вождей, на пророков, на чье-то прекраснодушие - абсолютно бессмысленно. Человек должен рассчитывать только на самого себя, на свою способность к сопротивлению. Причем для того, чтобы произошла хотя бы маленькая эволюция в условиях этого общества, нужны годы и годы, десятилетия и десятилетия, нужны жертвы, нужна борьба. Без этого ничего не получится. И к счастью, дело обстоит таким образом, что это общество, естественно, порождает недовольных и людей, способных к сопротивлению. И эта борьба уже началась. Сейчас она приняла формы диссидентского движения. На мой взгляд, это самое значительное явление в социальной истории Советского Союза со времени революции. Явление более серьезное и значительное, чем космические полеты, чем атомные бомбы. И уж тем более гораздо более значительное, чем выход в свет очередного эпохального труда Брежнева о том, как он осваивал целинные земли.²¹⁹

М. Розанова. В Кривом зеркале

Оглянем себя со стороны — глазами чужеземца, иностранца. Ведь интересно узнать о себе что-то новое. Что про тебя люди думают. Другие люди, не похожие на тебя — европейцы, американцы .. Что мы о них думаем, это мы сами знаем. Но побывав за границей, либо чувствуя заморского гостя у себя дома, в России, любопытно и полезно

услышать, как они, иностранцы, о нас, о русских, отзываются, как нас воспринимают и не понимают, пытаются и не могут оценить. Пускай СУДЯТ ошибочно и заведомо необъективно, но интересно же : кто мы для них ? Это может пригодиться.

Если не в виде урока, обучения хорошим манерам, то в порядке самопознания. Кто я такой — я сам знаю, но любопытно послушать, что вы обо мне скажете.

На эту тему существует большая литература Начиная с Олеария, с его путешествия в Московию, в Персию и обратно в 30-40-х годах XVII века, и кончая Лионом Фейхтвангером. Да что там Олеарий ? Каким Фейхтвангером?" — каждый день кто-нибудь ездит под видом туриста, 32 а потом делится с соплеменниками своими переживаниями. Мы его там икрой и водкой потчуем, водим в Большой театр и на завод Лихачева, а он вернется на свой буржуазный Запад и что-то опять ни с чем несообразное про нас рассказывает.

Да еще пропечатает во всех газетах и журналах. А люди верят, читают. Пожалуйста... Адам Олеарий : « Никто из них (из русских) не упустит случая, чтобы выпить или хорошепько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это не было; пьют при этом чаще всего водку. Поэтому и при приходе в гости и при свиданиях первым знаком почета, который кому-либо оказывается, является то, что ему подносят одну или несколько « чарок вина », т. е. водки; при этом простой народ, рабы и крестьяне до того твердо соблюдают обычай, что если такой человек получит из рук знатного чарку и в третий, в четвертый раз и еще чаще, он продолжает выпивать их в твердой уверенности, что он не смеет отказаться, — пока не упадет на землю и — в иных случаях не испустит душу... Не только простонародье, говорю я, но и знатные вельможи, даже царские великие послы, которые должны бы были соблюдать высокую честь своего Государя в чужих странах, не знают меры, когда перед ними ставятся крепкие напитки... Подобного рода случай произошел в 1608 году с великим послом, который отправлен был к его величеству королю шведскому Карлу IX. Он так напился самой крепкой водки, — несмотря на то, что его предупреждали о ее огненной силе, — что в тот день, когда его нужно было вести к аудиенции, оказался мертвым в постели... » 33 Так уж сразу и « мертвым » ! Так уж сразу после пяти-десяти-двадцати чарок « испустит душу » ! Ах, Адам Олеарий, Адам Олеарий, вечно вы всё преувеличиваете !.. И нам, русским людям, не трудно поймать западного соглядатая на очередной неточности, на тенденциозном подборе фактов или просто на элементарном незнании материала. Допустим, маркиз де Кюстин, французский выкорыш, проникший в прошлом столетии в Россию, в 39-ом году, в царствование достопамятного императора Николая Павловича, реакционер и роялист, бледнеет, как кисейная барышня, при виде Московского Кремля. Он вдруг сразу начинает вести себя поганым либералом, сторонником « свободной » Европы, от которой сам же бежал, в ужасе французской революции, недорезанный аристократ, маркиз, приехавший в Россию в период, прямо скажем, относительной передышки. Правда, недавно убили Пушкина, но еще не убили Лермонтова, жил Белинский, росли « Мертвые Души » и на театре с успехом шел «Ревизор»...*) Хлопотали славянофилы, копошились западники. Нам бы сейчас такую оттепель, господин маркиз ! Но ничего этого он не замечает, столбенея, в содрогании, перед кремлевской стеной, которая тоже ничего особенного — уже или еще — за собою не скрывала.

Кюстин : « Знаете ли вы, что такое кремлевские стены ?.. Стены Кремля, это — горная цепь. Это цитадель, построенная на рубеже Европы и

*) А кто помнит эпиграф к « Ревизору »

**) Нет, мы не знаем !. А ведь, поди, не читал еще: Знаете ли вы украинскую ночь ? . »

Али, в сравнении с обыкновенными укреплениями то же, что Альпы в сравнении с нашими холмами : Кремль — Монблан крепостей. Если бы гигант, зовущийся русскою империей, имел сердце, я сказал бы, что Кремль — сердце этого чудовища : он голова его... Слава в рабстве — вот алгегория, изображаемая этим сатанинским монументом... »

Ага, испугался ! И забыл с перепугу, что Кремль построен не нами, а итальянцами. Да-да, заезжими итальянскими мастерами. И что в Кремле, в его стенах и башнях, играет вольный, веселый дух итальянского Ренессанса. Маркиз, понятно, по тогдашней безграмотности, по глупой французской привычке, воспитанной на классицизмах Версаля, спутал Красную площадь с Китайской стеной, и отсюда, из этой стилистической неразберихи, родились его афоризмы, его вздорные тирады на тему Российской Империи, которая, право же, тогда никого особенно не завоевывала, разве что Кавказ или, с годами, Среднюю Азию. Ну, еще Польшу... А он вопит !

Кюстин : « Эта нация, по существу завоевательная, жадная вследствие лишений, заранее искушает унижительным подчинением на родине надежду на тираническое господство над чужими; слава, богатство, ожидаемые ею, отвлекают ее внимание от позора, который она терпит, и чтоб смыть с себя нечестивое отречение от всякой свободы общественной и личной, коленопреклоненный раб мечтает о всемирном владычестве ».

Коленопреклоненный раб, мечтающий о всемирном владычестве ! — разве это похоже на нас?!... И какое к нам, к Советскому Союзу, касательство имеют слова другого, немецкого вояжера Шлейссингера, залетевшего в Московию в 1684-ом году ?'

Его так называемое « Полное описание России » построено на диалоге, на вопросах и ответах. Речь в данном случае идет о свободе выезда из страны, о праве граждан на путешествия.

Шлейссингер : « Если бы ныне в России нашелся кто-то, имеющий охоту посетить чужие страны, то ему бы этого не позволили, а пожалуй, еще и пригрозили бы кнутом, если бы он настаивал на выезде, желая немного осмотреть мир. Есть даже примеры, что получили кнута и были сосланы в Сибирь те люди, которые настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения.

Вопрос : Занятная, видимо нация ! Но почему они так поступают ?

Ответ : Они полагают, что того человека совратили, и он стал предателем или хочет отойти от их религии... А тех, кто не принадлежат к их церкви, они и не считают истинными христианами... »

Каково нам слышать эту несправедливую критику со стороны Запада, который сам не очень давно закатывал у себя Варфоломеевские ночи ! Ну, положим, действительно, не любим почему-то выпускать за границу наших товарищей. Подозреваем в предательстве. В шпионаже. Так на дворе-то ведь семнадцатый век ! Петру Первому о ту пору едва пятнадцать годочков исполнилось, и всё еще впереди. Нельзя же мыслить — неисторически !

Но теперь, в конце XX века, когда вопрос национального самоопределения коснулся многих народов и все больше задевает и нас, русских, возбуждая горячие споры, — почему бы и нам не поспорить с западными знатоками ? И попытаться понять, отчего они наши достоинства принимают порой за наши недостатки. Например, преданность Родине — за косность нравов.

Мнения иностранцев о России раскидываются перед нами, как колода карт. Их можно тасовать и так и эдак, раскладывая пасьянсы русской истории, российской самобытности. Недавно в парижском кафе, у стойки, к нам привязался клошар, бродяга, босяк по-нашему. Он был под градусом. Узнав, что мы иностранцы, к тому же русские, он ударился в лирические воспоминания о России. Что же он знал о нас ? Всего несколько слов. И, с трудом вспомнив очередное слово, ликовал и приходил в экстаз. « Водка », « самовар » — скандировал он — к общему веселью зрителей. Он запнулся, подумал и прибавил : « козак ». В раздражении, желая ему помочь, мы подсказали : « Ленин ». Но Ленина он не знал. Зато, вдруг, просветлев, выпалил « КЖБ ! » Мы догадались : КГБ. Это было несправедливо, оскорбительно : о России, о русских людях человек знал четыре слова : КГБ, козак, водка и самовар. Все равно, как мы о Голландии — голландский сыр и голландский шкипер. Но даже о Голландии помним — каналы, плотины, серебряные коньки... Вместо серебряных коньков за нами, как клеймо, сияло КГБ...

Конечно, — это самый низкий уровень понимания России на Западе. Есть и другой — о России сейчас много говорят писатели, журналисты, профессора, всю жизнь посвятившие изучению русского языка и русской культуры. Люди, не только знающие, но и любящие Россию. Недавно мы спросили нескольких иностранцев (хотя на самом-то деле это мы здесь иностранцы) : что такое на ваш просвещенный, европейский взгляд русский человек и как вы к нему относитесь ? Заранее оговоримся : в этих рассуждениях — о природе русской души — не может быть однозначных и окончательных ответов : оставим вопрос открытым и попробуем выслушать разные точки зрения *).

Вот что сказал норвежский журналист Пер Эгил Хегге, несколько лет проживший в Москве.

Хегге : Ну, иногда получается впечатление, это было и в Советском Союзе, когда я там работал, и здесь, что русская душа иногда отличается сильнейшей и неприятнейшей нетерпимостью. И это для нас, в Западной Европе, и неожиданно, и, я должен сказать, неприятно. Потому что нетерпимость никогда не вела к добрым венцам. Этой реплике вторит профессор Сорбонны Мишель Окутюрье, знаток и переводчик Солженицына, Пастернака, Мандельштама, больше двадцати лет отдавший русской литературе, живущий любовью и интересом к России.

Окутюрье : Нас часто отталкивает и пугает в русских какое-то неумение ввести свои страсти в определенные правила, которые помогают жить. Это можно назвать условно фанатизмом и нетерпимостью : у вас все вопросы превращаются сразу из вопросов чисто, скажем, или практических, или политических — устройства быта, устройства наших собеседников, социальных отношений — все это превращается в вопросы метафизические, по которым начинаются какие-то непримиримые разногласия, и по любому поводу, мне кажется иногда, русские готовы затеять уже религиозную войну. А когда я спросила Мишеля Окутюрье — не значит ли это, что наше российское сознание более средневековое, что ли, он горестно подтвердил :

Окутюрье : Более религиозное, конечно, более религиозное, более нетерпимое...

И вдруг кончил формулой :

Окутюрье : русский от англичанина отличается страстностью, а от француза фанатичностью, нетерпимостью !

Да что они сговорились что ли ? Нетерпимость и нетерпимость ! Но ведь они даже не знакомы друг с другом — норвежец Хегге и француз Окутюрье. Почему же все об одном : о российской нетерпимости, о русском фанатизме. На самом-то деле мы — добрые, мы — кроткие, и может быть в кажущейся этой нетерпимости не мы, русские, виноваты, а взрастившее нас Советское государство, готовое из любого пустяка сделать подобие военной затеи, военной потехи. Откройте любую советскую газету : ведь у нас даже уборка картошки приравнивается к вооруженной борьбе. Сражение с картошкой, борьба с инакомыслием. Штурм твердынь международного капитала, штурм посева озимых и снятия яровых. Штурм Зимнего. Все на защиту Родины — за выполнение производственной нормы. За повышение военного и художественного мастерства. « Летать дальше всех, выше всех и быстрее всех ».

Ну, мы и летаем. Страну трясет от всех этих мобилизаций. «Идеологический фронт». «Культурный фронт ». Мы всегда жили и живем на фронтовом положении. И не мудрено, что, выехав оттуда, из СССР, мы на Западе, к удивлению иностранцев, продолжаем эту воинственную, агрессивную политику, нет, даже не политику — тональность, стиль жизни.

Окутюрье : Отличается ли русский человек дома от русского человека за границей ? Я думаю, что за границей ярче выступает то, что в русском человеке привлекает иностранца и одновременно, может быть, отталкивает иностранца. На фоне западной жизни ярче выступает контраст между русским характером, русским взглядом на мир и — нами. И мы чувствуем к русским людям одновременно и какое-то притяжение, потому что в вас есть некоторые вещи, про которые мы осознаем, что они нам нехватает, — более

непосредственное отношение к основным вопросам бытия, меньше всяких условностей, но есть и то, что нас немножко пугает — и в русском человеке, и в России, в ее политическом строе. Я бы сказал, что, с одной стороны, у русских больше духовности, а с другой — больше стихийности. И еще я думаю, что тот строй, который сейчас существует в России, он чем-то соответствует русскому стремлению к каким-то абсолютным ценностям, а такая тяга имеет не только привлекательные стороны, но и чревата страшными опасностями.

« Русское правление — это дисциплина военного стана, заменившая порядок гражданской общины, это — осадное положение, ставшее нормальным состоянием общества » Может быть, это моя европейская самонадеянность, но мне кажется, что русские моложе европейцев. Вы думаете, может быть, что вы старше, я часто слышал, что русские испытали на себе то, что нас, людей Запада, еще ждет, но когда я говорю о стихийности русских и об их большей непосредственности, то я думаю, что это признак молодости русской культуры.

По сути, о том же самом — только в более лштафизическом плане, в плане идеалов, к которым стремится Россия, — говорит Майкл Скэммел, английский литератор.

Скэммел : Очень трудно в немногих словах охарактеризовать русских. Я знаю, что то, о чем я буду говорить, не всегда касается отдельных людей — отдельный человек всегда исключение. Но с точки зрения англичан, русские очень часто похожи на детей : отличительная черта русских — это то, что у них нет чувства меры. Они очень любят крайности.

У каждой нации есть свой комплекс, или больше, чем один комплекс. У русских это комплекс Христа : они все время воображают себе совершенный мир, где нет грех, где нет ошибок, где нет фальши. И они сравнивают наш действительный, наш настоящий мир с таким совершенным миром, который у них в голове или лежит на душе, — можно сказать, что это комплекс утопии. А когда мы, иностранцы, читаем Толстого, Достоевского, даже символистов, мы всегда видим у них такое понятие — начать новую жизнь, какую-то новую, чистую, совершенную, безупречную жизнь. И это, по-моему, чисто русская жажда совершенства, и это очень пленяет нас всем...

Но в результате то, что сейчас в Советском Союзе, — это злая пародия на утопию, это изнанка, так сказать, вашей утопии. Вот эта обратимость русской души с хорошего на дурное и удивляет, и ужасает иностранцев. Стремление к раю на земле, обратившееся адом — здесь же, на земле. И тут очень трудно понять и решить, где кончаются наши достоинства и начинаются недостатки.

Сейчас мы уезжаем за границу — за государственную границу Советского Союза. И за рубеж, за рамки наших старых представлений о мире, о человечестве, о себе. Это довольно тяжело дается — выйти за пределы себя. Это надо сделать, и это, одновременно, — невозможно переступить. И те же европейцы опять-таки над нами смеются — ах ! эти русские... Но где-то, я уверена, они втайне восхищаются нами, хотя нам самим не нужно собою слишком восхищаться. Мы должны помнить, мы должны изучать этот снисходительно одобрительный взгляд на себе — иностранца.

Смесь жалости, отвращения, боязни и любви. Голландский профессор русской литературы Карел ван хет Реве рассказывает, что больше всего его удивляло и удивляет в русских. Заранее предупреждаем, что наш главный грех, о котором он говорит, содержит где-то, в зерне, и нашу добрую волю, нашу основу основ. За которую мы держимся. Которой живем. Только не следует забывать, что здесь же, поблизости, нас подстерегает опасность : как были дикари — так и останетесь дикарями, даже если уедете за границу...

Ван хет Реве : Большой разницы между русскими дома и за границей по-моему нет. Странность, быть может, как раз в том, что они не изменяются : они там только о своем и здесь тоже все время о своем говорят. Я думаю, что русские за границей более изолированы от западного мира, чем все другие эмигранты, чем в свое время немцы, которые уехали из Германии при Гитлере. Иногда у меня создается впечатление, что вы

приехали из странной и дикой страны, но что вы этого сами не замечаете. Здесь у меня сравнение : если человек из Центральной Африки или из Новой Гвинеи приезжает на Европу, то он обязан, чтобы жить здесь, хотя бы немного перестраивать себя, потому что здесь совсем другая жизнь, чем там, в лесах дремучих, и это сразу видно. А русский приезжает сюда, а на вид все нормально— трамваи ходят, как говорит Манделштам, университеты, дома, книги, магазины, газеты, — их, конечно, больше, но все-таки все приблизительно то же самое, и он не замечает, что он все-таки остается человеком другого общества. Тем более, что вы вообще мало интересуетесь западным миром : нас, иностранцев, поражает, что с русскими можно говорить почти исключительно о российских делах, ни о чем другом. Был у меня только один человек, с которым я мог вести общеевропейский разговор, скажем, об американских выборах — это был Андрей Амалрик, а все другие всегда о России, о России, о России... И это отличает, помоему, русскую эмиграцию от других. А еще, конечно, то, что вы между собою все время воюете. Какие-то споры есть во всех эмиграциях, но я думаю, что в этом смысле русская эмиграция — самая худшая в мире. В мировой истории, может быть...

Вы слышали ? Русская эмиграция самая худшая из эмиграций — в мировой истории. Мы — хуже всех ! Почему ? Не потому ли, что за последние 60 лет Россия периодически извергает из себя всё новые и новые толпы ? Либо истребляет людей, показавшихся ей неудобными, либо — выбрасывает. Такого, действительно, еще не бывало в истории. Страна, вернее сказать — государство, периодически освобождается от собственной культуры. И, может быть, поэтому мы так нетерпимы, фанатичны и неумеренны? Но наверное в жизни всякой нации, как и в личности, в судьбе индивидуального человека, нельзя отделить наши достоинства от наших недостатков. Недостатки, говорят, продолжение наших достоинств, и наоборот. Мы не можем, мы не в силах пользоваться одними достоинствами, забыв или отбросив все недостатки. Тогда бы мы жили на небе, а не на земле. Тогда бы история кончилась в ее земной протяженности. Если мы — мысленно — зачеркнем недостатки и попытаемся из одних добродетелей соткать образ нации, образ народа, эпохи или образ человека (это не имеет существенного различия), мы неизбежно потеряем лицо нации, лицо человека, лицо истории. Русский максимализм, русский изоляционизм, русская нетерпимость — при всех страшных последствиях, к которым они ведут, вплоть до мировой революции и тотальных лагерей, — имеют то достоинство, что на этом выходе из себя и в дохождении до крайностей, с другой, противоположной, духовной стороны, и держится, в виде стержня или огня, религиозный и художественный пыл русской национальности и русской культуры.

Именно в этом и состоит наш многолетний спор с Западом. Они хотели бы всё уравновесить, всему придать приятную и полезную форму. Так вот, заранее скажем : не выйдет ! Не пройдет, господа ! Вы не получите от нас умеренного Достоевского, умеренного Маяковского, умеренного протопопа Аввакума. И то же самое — с другой, государственной стороны, — вы не дождетесь от нас коммунизма с человеческим лицом. Или доброго Ивана Грозного. Но, может быть, как раз за это соединение крайностей, за эту неумеренность, — Запад нас, русских, и любит, и опасается. Мы одновременно и отталкиваем его, и притягиваем. Даже когда — в виде выходцев — мы приезжаем на Запад... И что нам делать ? Пусть об этом скажет иностранец, французский профессор Мишель Окутюрье.

Окутюрье : Вы остаетесь русскими ! Если сравнивать... Я много думал о других выходцах из стран Восточной Европы — о поляках, чехах — так те гораздо быстрее и ассимилируются, и входят во французскую жизнь. А русские — они остаются русскими.

К нашему ужасу, к нашему счастью — мы остаемся русскими...²²⁰

Время и мы

русский литературный и общественно-политический журнал. Выходил с 1975 по 2001 год, сначала ежемесячно в Тель-Авиве, с 1981 6 раз в год в Нью-Йорке. Всего вышло 152 номера. Учредитель и единственный сотрудник редакции — Виктор Перельман.

Хотя Перельман всегда оставался единственным штатным сотрудником, с 1981 ему помогали на общественных началах Дора Штурман в Израиле и Ефим Эткинд во Франции. Перельман был вынужден прекратить издание журнала в связи с тяжелым заболеванием после инсульта.

В журнале впервые опубликованы роман Александра Галича «Блошинный рынок», «Поэма существования» Наума Коржавина, «Персональное дело коммуниста Юфы» Виктора Некрасова, «Соло на ундервуде» Сергея Довлатова.

Наум Коржавин. Поэма существования

Бабий Яр. Это было... Я помню... Сентябрь... Сорок первый.
Я там был и остался. Я только забыл про это.
То есть что-то мне помнилось, но я думал: подводят нервы.
А теперь оказалось: все правда. Я сжит со света.
Вдруг я стал задыхаться и вспомнил внезапно с дрожью:
Тяжесть тел... Я в крови... Я лежу... И мне встать едва ли...
Это частная тема. Но общего много в ней тоже.
Что касается всех, хоть не всех в этот день убивали.
Все касается всех! Ведь душа не живет отдельно
С этим вздыбленным миром, где люди — в раздоре с Богом.
Да, я жил среди вас. Вам об этом забыть — смертельно.
Как и я не имею права забыть о многом.
*Из книги "Времена", выходящей в издательстве "Посев".
Да, о многом, что было и жгло: о слепящей цели,
О забвении горя людского, причин и следствий...
Только что с меня взять?— мне пятнадцать, и я расстрелян.
Здесь — еще и не зная названия этого места.
Пусть тут город, где жил я, где верил, как в Бога, в разум.
Знать хотел все, что было, угадывал все, что будет,—
Я на этой окраине не был. Совсем. Ни разу.
И не ведал о том, как к тут в домиках жили люди.
Я сегодня узнал это, я их в толпе увидел,
В их глазах безучастье молчало, как смерть, пугая...
Где мне знать, что когда-то здесь кто-то их также обидел,—
Примирил их с неправдой и с мыслью, что жизнь — такая.
Я шепчу: "обыватели!" — с ненавистью и с болью.
Все мы часто так делаем гордо и беззаботно.
Ах, я умер намного раньше, чем стал собою.
Чем я что-то увидел, что понял я в жизни что-то.
Мне пятнадцать всего, у меня еще мысли чужие.
Все, чем стану богат, еще скрыто, а я — у края.
Светом жизни моей, смыслом жизни ты стала, Россия.
Но пока я и слово "Россия" нетвердо знаю.
Я таким и погибну. Намного беднее и меньше.
Чем я стану потом... Стыдно помнятся мысли эти...

Здесь впервые я видел беспомощность взрослых женщин.
Понял, как беззащитны на свете они и дети.
...До сих пор лишь дорогой я жил,— верил только в сроки.
Что обычные чувства? — Дорога — моя стихия.
А теперь я прошел до конца по другой дороге.
По недалней другой,— той, что выбрали мне другие.
Я в газетах читал о них раньше, как все читали.
Верил: в рабстве живут они. Мучась, не видя света.
Я мечтал им помочь, и они обо мне мечтали,—
Что когда-нибудь так я пройду по дороге этой.

Я сегодня их видел. Смотрели светло и честно.
Видно, Верой была им мечта, что я скоро сгину.
И я шел через город, где только что кончилось детство,—
Он глаза отводил. Притворялся, что он — чужбина.
Шел я в сборной толпе. В ней различные люди были.
Я не всех тут любил, хоть одно составлял со всеми.
Я не мог бы так жить. И я рад, что меня убили.
Что ушел я в себя: непосильно мне это бремя.
Нет, не гибель страшна! Все мы знали, что можем погибнуть,
В наступающих битвах, которых предвиделось много.
Но не так, а со смыслом, с друзьями и даже — с гимном!..
Нет, не гибель страшна, а такая страшна дорога.
Нет, не гибель страшна, а дорога сквозь эти взгляды.
Сквозь припрятанный страх, любопытство или злорадство...
— Так и надо вам, сволочи! Так вам, собаки, надо!—
Злобно баба кричала в толпе, не могла накричаться.
Изнывала она от тоски, заходясь гнусаво.
Словно тысячу лет эта боль разрывала душу.
Все таилась в душе... А теперь получила право
На свое торжество, на свободу,— рвалась наружу.
Торопилась излиться. На всех. На меня хотя бы.
Чтоб воспрянуть, взлететь, чтоб за все получить с кого-то...
И она ликовала, она наслаждалась, баба,—
И несчастной была, и противной была — до рвоты.
Сто веков темноты, ощетинясь, за ней стояли.
И к тому же — обман и безжалостность этого века.
Что мне крылья давал, что давал мне провидеть дали.
Что давал мне возможность считать себя человеком.
Может, это за счет ее счастья? Что ж, я в ответе.
Впрочем, так я не думаю, мал еще думать это.
Да и здесь неуместно... Ну я, а причем тут — эти?
Да и что я про бабу? В ней правды сермяжной нету.
Ведь не все, кто страдал, так тут жаждут сегодня крови.
И не все, кто страдал, потеряли лицо и меру.
И с кого получать? Здесь, в толпе, только я виновен.
Я один. Я парил над страданьем на крыльях веры.
И был счастлив один. Остальные ж — причастны мало.
Просто жили и жили, как все,— среди нужды и бедствий.
Только баба не счеты сводила, а так орала.
Не от правды — от зла, оттого, что пропало сердце.
Было мало его — вот и город с ним сладил скоро.

Ничего не оставил. Лишь зависть, лишь взор нечистый.
Да. Но кто ее вытащил голодом в этот город.
Оторвал от земли, от себя, от понятных истин?
Чужд мне этот вопрос... Я его лишь предчувствую слабо.
Отходя, вижу бабу опять сквозь туман событий
И вдруг сызнова это — стоит и глядит на бабу
Тонколицый ээсовец — "воин-освободитель".
Он теперь победитель. Вся жизнь за его плечами.
В страшной вере его меч судьбы для толпы обреченной.
Он тут все подготовил, а нынче страну изучает
С высоты своей расы... В нем жив интерес ученый.
Я уж видел таких — вдохновеньем глаза блистали.
Претенденты не только на власть — на величье духа,
— Господами вселенной вы были, а вшами стали, —
Мне такой вот сказал, когда дворник избил старуху.
О каком он господстве? Не важно. Все тонет в гуде.
А ээсовец смотрит в пенсне на толпу, на хаос.
Вдруг столкнулся глазами со мной, только скрипнул: Jude !
...Я теряюсь, когда ненавидят меня, теряюсь.
Я тогда и взаправду внезапно вину ощущаю.
Словно знал да скрывал от себя в гуще дел и быта.
Что гармонии мира всей сутью один мешаю.
Сам не ведая как; а теперь это все — открыто.
Впрочем, все мы мешаем. Естественней так, признаться,
Виноватить сначала себя, хоть и мало толку.
Просто я неиспорчен пока — мне ж всего пятнадцать!
Может, впрямь я господствовал, да не заметил только.
Может, вправду все правильно? Может, мы впрямь — все иные?
Все, кто в этой толпе, всей толпой: слесаря... студенты...
Счетоводы... завмаги... раввины... врачи... портные...
Талмудисты... партийцы... российские интеллигенты...
Может, вправду? Неправда! Мы розны — мечтами и болью.
Впрочем, что возражать? Люди в каждой толпе — похожи.
Здесь не видно меня — я еврейской накрыт судьбою.
...Хоть об этой судьбе стал я думать намного позже.

* * *

Есть такая судьба! — я теперь это в точности знаю.
Все в ней — глупость и разум, нахальство и робость — вместе.
Отразилась на ней темнота — и своя, и чужая.
И бесчестье — бесчестье других и свое бесчестье.
Есть такая судьба — самый центр неустройства земного.
И ответчик за все — древний выход тоски утробной.
Забывают о ней, но чуть что — вспоминают снова.
И в застой, и в движенье для злобы она удобна.
Есть такая судьба! И теперь, и во время иное.
Я живу на земле и как все, и как третий лишний.
И доселе бывает заманчиво жертвовать мною, —
Все валить на меня, если что-то у всех не вышло.
Этим выходом ложь манит вновь, как не раз издревле.
И подводит опять — это тоже не раз бывало.
Потому что мы люди, и жертвовать мной не дешевле,
Чем любым — надо душу свою загубить сначала.

Я теперь это знаю,— земля, как и прежде,— Божья.
Все мы связаны кровно. — И я. Это всем известно.
И нельзя обойтись без меня, — даже если можно,
Даже если обидно, что я занимаю место.
Подлый грех — рассужденья, кто нужен, а кто — не очень.
Мы — одна суета, и одно нас сжигает пламя.
И нельзя обо мне говорить, что во мне вся порча.
Даже если бы так, — стал таким я от вас и с вами.
Наши души — клубок. А без душ — ни любви, ни муки.
Лишь одна пустота и мечты о кимвальной славе.
Только скука одна и жестокость от этой скуки,—
Сам не жажду я жить на земле, где я жить не вправе.
Есть такая судьба! И во всякой судьбе есть такое.
Только эта — меж всеми, со всеми в дурном соседстве.
А в соседях — известно — нагляднее зло мирское:
Вечно хватит причин, чтоб в соседа острее взглядеться.
Есть такая судьба! — часть обычная общего ада.
Я на ней не стою, хоть ее обижали много.
Чтобы жить по-людски, из нее вырываться надо.
Как из всякой судьбы, — к одному вырываться Богу.

* * *

А пока я лежу. Я понятия пока не имею
Ни об этой кровавой судьбе, ни о Божьем троне.
Все стараюсь поверить, что гибну в борьбе за идею,
И стыжусь, что не верю... А рядом девчонка стонет.
Я ведь помню ее: ни тачанки за ней, ни кожанки.
Танцы, книжки и парни, и смех победительный, звонкий.
Благочестье храня, презирал я ее, как мещанку.
А она не мещанкой была, а была девчонкой, —
Знавшей временность жизни и радости всякой ценность.
От рожденья — так просто, как я и теперь не знаю.
Но лежит она здесь, как и я. Никуда не денусь
Я от этой судьбы. Пусть мне ближе судьба другая.
Пусть об этой другой я тоскую, качаясь, как в бурю...
Но эсэсовца взгляд все насмешливей, мой — все строже.
Он меня — я в крови — презирает, как учит фюрер.
Пусть. Я понял уже, что его презираю тоже.

Вера? Верил и я. И я знаю, как верят чисто.
Был хоть с ним поделиться я правдой готов своею.
У него для меня только смерть — ни судьбы, ни истин.
Только смерть. Даже странно, что это и есть идея .
Видно, знать мне дано, что идей без всеобщности — нету
И что правда всегда, — даже если, как я, неправ ты, —
Это правда для всех. Или вовсе не правда это.
Просто страстная ложь, вдохновенный отказ от правды.
Просто страстная ложь, где победа — обгон без правил,
Вера в то, что сойдет (как приятно, что Вера все же).
Недостигнувших Бога в пути подбирает дьявол.
Души адской огонь согревает почти, как Божий,
Это знать мне дано. Хоть я мыслью об этом не знаю.
Бога нет! А я верен своим представлениям и взглядам.

Просто в сердце моем ноет правда, как рана сквозная.
И по-прежнему девушка стонет беспомощно рядом.
Просто девушка эта — раздета — как всех раздели.
Просто очень нежна — а в крови у нее рубаха.
А эсэсовец смотрит — все так же он верен Цели.
Я не скоро пойму, что все так же он верен Страху.
На груди его — крест. А в глазах — ощущение силы.
Сталь. Стандартная сталь — и по мужеству и по цвету.
Но все чаще мне кажется: что-то еще в них было.
Что-то было, чего я не помню, хоть видел это.
Я лишь ненависть помню одну — мне ж всего пятнадцать.
Я не знал до сих пор, а теперь уж и знать не буду.
Что и в ней, и за ней подлый страх без нее остаться.
Что не столько она, сколько он в этом крике: "Jude !"
Что лишь ненависть схлынет, и ляжет на сердце глыбой
"Все, что мамой навеяно мальчику в курточке куцой.
Все, что помнится всем, что теперь ему помнить — гибель.
Как лунатику гибель у края стены очнуться. 122 НАУМ КОРЖАВИН
...И не скоро поймет он — что сам он прижат, как муха.
Что тут ненависть — верность, заметят бесстрашие — исторгнут
Правят страсти кухарочки, вырядясь творчеством Духа,
И гордятся собой... И спасенье одно — в восторге.
Ах, восторженный страх, подлый страх! Простота святая!
Это искренне сердце подвластно гремучим фразам.
Эту веру в нелепость с восторгом душа подтверждает.
Это чувство, а чувство — известно! — точнее, чем разум.
И возвышенной тоже... Ах, чувство! Ничто с ним не стыдно.
Разве стыден восторг неумный в любви к отчизне?
Нынче в моде восторг. Быть восторженным стало солидно.
Чувство знает, что лучше лишать, чем лишаться жизни.
Знает также оно, что приятней терзать, чем терзаться,
И поэтому проще, когда в твоих мыслях — пусто.
Чувством помнить легко про опасность любви и братства.
Чувством просто забыть, что бывают другие чувства.
И беречь свой восторг, и гордиться, служа ему верно.
И по трупам шагать, выполняя свой долг солдата...
Ах, Германская Армия! Храбрость твоя безмерна!
Но трусливые люди твои составляли штаты.
Шли они по земле, как рабы, увлеченные властью.
И учились гордиться уменьем на гордость плюнуть.
С каждой новой победой все больше в них было рабства.
С каждой новой победой все меньше желанья думать.
Их метель заметала, и вьюги им в лица дули.
Но несли они с гордостью рабство свое туземцам.
Ничего не боялись — ни бомб, ни штыка, ни пули.
Оглянуться боялись — за ними дымил Освенцим.
Пели песни, гордясь, когда влек их в пучину "Бисмарк",
И Берлин защищали, как ад защищают черти.
Оглянуться ж — боялись. Боялись случайной мысли.
Отщепенства боялись — что было им хуже смерти.

Это значило лечь здесь, со мной, безвозвратно в яму.

Или в лагерь попасть — прямо в печь из гремящей славы.
И несли они зло, сохраняя восторг упрямо,
И свой собственный дом защищать потеряли право.
Но его защищали, хоть были обложены плотно,
И послушно, как раньше, о вере в победу кричали.
А потом проиграли войну и вздохнули свободно —
Видно, было в них что-то, о чем даже в мыслях молчали.
Видно, даже сойдясь с громыхающей подлостью века,
В тяжком рабском восторге собою себя подминая.
Все равно среди лжи бесприютна душа человека.
Даже если он верит... Что-что, а уж это — я знаю...
Нет, не знаю — узнаю. Не нынче. И даже не скоро.
Мне пятнадцать всего — это разве моя забота?
Я лежу среди трупов, пройдя через вздыбленный город,
Я весь день ощущал, что меня ненавидит кто-то.
Ненавидеть в ответ? Это надо. Но столько всплыло
В прошлом режущей подлости — я уж оглох от шума.
Привирают? Наверно. Но что-то и вправду было.
Если баба орет, если люди молчат угрюмо.
Что-то помнят они... (Голод!.. Это, как бред, огромно:
Грузовик за окном, а на нем — словно бревна — трупы)
Что-то помнят они. Да и я это тоже помню.
Я "списал" это только, поверил, что помнить — глупо.
И зачем было мне через детство тащить такое —
Этих серых и сирых с их скучной тупой печалью.
Волновало — движенье! Хотелось, — как всем! — в герои...
Я простил их судьбу, а сегодня — мою прощают.
Я простил их судьбу и отбросил деталью лишней.
Потому что вся жизнь — все слова — на нее не похожи.
Словно впрямь из таких бы герои вовек не вышли.
Словно впрямь они все родились, чтоб трястись под рогожей.

Ну а если б и им кабинет и ковер на диване,
Где забвение бед под защитой идеи и флага?
Неужели закон — сумасшедшее соревнованье,
Кто кем раньше пожертвует ради всеобщего блага?..
...Только где мне об этом подумать в свои пятнадцать?
Я лишь танцы кляню — в них мещанство и запах гнили.
Об огне революций мечтаю — гореть и драться.
И мне жаль, что давно кулаков без меня разбили.
И, конечно, чекисты в кожанках мне снятся часто.
В их жестокости вижу я подвиг, в их лицах — лики.
Как же! — В битве за счастье их участь — нести несчастье.
Ради правды — грешить. Мне тот грех — как святых вериги.
Как само бескорыстье, чей подвиг почетней риска.
Как причастье к сиянью, к тому, что от прочих скрыто.
Где мне знать, что смешно честно верить в свое бескорыстье.
Если сам на коне, а кому-то в лицо — копыта.
Голубая романтика! Подлость! О, сколько крови,
Сколько грязи прикрыть ты умеешь от глаз собою...
А эсэсовец смотрит. Он знает, что я виновен,
И он знает, как надо теперь поступить со мною.

Над его головою каштанов красные листья.
За спиною его ловят солнце, как прежде, окна.
Рад, что именно он этот мир от меня очистит.
Вся земля расцветет, потому что он здесь не дрогнул.
Судия он теперь... Ложь! Убийца приказа ради.
Сам себя я сужу, хоть покамест того не знаю.
Рядом девочка с рук потянулась к фуражке: "Дядя!"
Вздрыгнул все же. Прошла над скулою волна стальная.
Враг мой, жалости враг, все ж он вздрогнул. На миг, а все же...
Но себя обуздал. Вновь стоит, как ряды считая.
И я вдруг понимаю, что все ж мы немного похожи, —
Потому что о трудном участке работы и я мечтаю.

Потому что, конечно, он тоже живет идеей.
У нее ж справедливость своя. — К ней причастье — лестно.
Хоть причастье к обычной дается куда труднее.
А она бы сегодня была мне куда уместней.
Я бы мог возмутиться, а так и не пикну даже.
Ведь права, что попрали враги, сам ценил я мало.
Что сказать! Справедливость бывает своя и вражья.
Жаль, что их справедливость сегодня мою подмяла.
Вот и все. И лежу среди всех, кого тут скосило.
И меня уже нет — даже нету мечты подняться.
Да, своя справедливость ничто без поддержки силы...
Только это мне не узнать. Мне навек пятнадцать.

* *

*

Как и всем, как и вам, долго душу мучил этот хмель мне.
Как и мне, вам понятна гордыня раздора с Богом.
Знаю: мне, как и вам, забывать про нее смертельно.
Но и вам, как и мне, надо память хранить о многом.
О совместном грехе и особой позорной каре.
Мы грешили равно — в каждом бродит душа живая.
Только вы на земле. Я ж за это лежу в Бабьем Яре...
Впрочем, это я сам — так бывает — легко забываю.
И живу на земле. Злюсь, творю, устремляюсь к выси.
И, живой, как и все, поступаю не так порою.
И всегда поражаюсь желанью меня унижить, —
Вновь столкнуть меня лбом с пресловутой моей судьбою.
Поражаюсь опять этой логике злой бесстыдства.
И открытости: ты жить, как я, не имеешь права.
Это буйствует век, не успевший стыду научиться:
Как добыча, нахрапом, берутся призванья и славы.
Словно что-то не вышло и вновь моя участь — чужая.
Обвиненье? Все то ж: "Для него все святое — не свято".
И я снова мешаю — всеобщему братству мешаю, —
Как по той же причине немецкому братству когда-то.
Ну, а может быть, хватит? Тупик — за такое хвататься:
Все мешают. Все люди. А ложь для души — отравка.
И зачем? Все равно без меня не достигнуть вам братства:
Что поделаться! — на братство я тоже имею право. —
Раз тянусь я к нему, раз я жажду принять участие,

Раз и свет и любовь до сих пор в моем сердце живы...
Нет, меня обделит "благородно" никак не удастся.
Лишь прямым грабежом! — только подло и только лживо.
Только злобе и лжи до конца отдавая души.
Только чьим-то ножам и свои подставляя груди.
Кто поверит в Закон, если нагло он так нарушен?
А не веря в Закон, свирепеют от страха люди.
Но убить меня — просто. Сказать: "Не твоя Россия..."
Ведь она — моя жизнь, путь к вселенной, и к Богу, и к песне
Но бывает, что скажут... И, все потеряв, обессилев,
Я тогда ощущаю опять под ногами бездну.
И лечу в эту жуть, в этот гуд, в этот запах гари.
И опять понимаю, что только затмение это.
Что никем я не стал. И не стану — лежу в Бабьем Яре.
И в пятнадцать умру. И все правда: я сжит со света

Борис Орлов. Не те вы учили алфавиты

Можно жаловаться на судьбу, предъявлять претензии к своему или молодому поколению, вздыхать о несовершенстве мира и грустить о прошлом. Но на Историю не жалуются. Она не любит обидчивых и не терпит морализирующего к себе отношения. Произошло то, что должно было произойти. Еврейство России проделало беспрецедентный опыт слияния с русским народом и русской культурой, вмешалось в судьбу и историю России и, внезапно оттолкнувшись, как отталкиваются от одинаково заряженного тела, ушло. Самое поразительное в этом Уходе — его добровольность в момент наивысшей ассимиляции, свободное принятие решения в стране тотальной несвободы. Патетический характер российской алии 70-х годов несколько затуманен обстоятельствами конкретного отъезда и приезда, когда национальная и человеческая судьба решалась и решается на уровне уголовного кодекса и ОВИР"а, а страницы истории перелистывают закапанные чернилами руки оработников профкома и домоуправления, Мисрад Клита и Амидара. Простой факт, что мы не были изгнаны из страны королевским указом или решениями партии и правительства мне спасались бегством от захлестывающей ярости народного погрома, будь он русский или украинский, немецкий или польский, этот факт не сразу доходит до сознания участников исторических событий. Непрерывные попытки сравнить последнюю русскую алию с немецкой, румынской или марокканской показывают, насколько игнорируется указанный выше факт. Однако именно эта независимость свободного решения своей судьбы определяет в конечном счете нашу позицию и наше будущее в этой стране. Навязчивые в своей злободневности проблемы клиты направляют не только житейскую энергию, но и интеллектуальные усилия большинства приехавших из России евреев на решение в общем-то чисто эмигрантских вопросов, имеющих, оазумеется, специфическую израильскую окраску. Однако мы стоим перед решениями несравненно более серьезного плана. Сохранится ли наше поколение, чья заслуга в прорыве железного занавеса уже достаточна для уважения потомков, в качестве русско-говорящей и сносно-понимающей иврит прослойки с заманчивой перспективой читать через десятки лет орусский вариант "Viata Noastra", или "Israel Nachrichten" , или оно волеется в Израиль, в его общественную и культурную жизнь как интегральная, не отчуждаемая ни в каком плане часть народа. Я говорю именно об интеграции, а не об абсорбции на уровне иврита " и знании имен деятелей сионистского движения, которые запоминаются в основном по денежным купюрам и однообразным до изумления названиям улиц израильских городов.

Не стоит напоминать, что речь идет только об определенном поколении, ибо уже наши дети поражают больше успехами в забвении русской речи и русской культуры, чем в

познаниях еврейской истории и литературы. Их сведения не выходят пока за рамки имен Бялика и Черниховского, дат разрушения Второго Храма и Первого сионистского конгресса. Абсорбция значит — всасывание, поглощение. Растворение разрушает старые связи, но и передает среде новые свойства. Этот двойственный процесс "разрушения — созидания" не легок и оставляет болезненные следы как в личном, так и в национальном сознании. Распад культурных, языковых, семейных и в известной мере нравственных связей невероятно стремителен и ведет к конфликтам. Первая и естественная реакция — укрыться в этнической общности. Она устойчива даже после разрушения языковых барьеров. И долго еще многие сабры рождения 70-х годов будут тяготеть к русскоязычной родительской общине. Однако нас интересует другая проблема: судьба той значительной части российской алии, которую можно назвать русско-еврейской интеллигенцией. Столкнувшись в Израиле с плюралистическими основами культуры и общества, с труднодостижимой монолитностью даже по отношению к жизненно важным проблемам народа и государства, с разноязыкой прессой и литературой, она склонна замкнуться, и самоустраниться, и уйти в спасительную тень русского языка и культуры. Внешняя беспрепятственность такого существования скрывает его внутреннюю бесперспективность. Защитная реакция в сложной обстановке перемены общественного и психологического климата рискует перерасти в комплекс "русскости". Для этого есть все основания, ибо усилия, затраченные за последние 100 лет еврейской интеллигенцией для перевоплощения в русскую национальную форму, были поистине титаническими. Впрочем, это не принесло душевного равновесия; наоборот, заставило острее почувствовать горечь двунационального бытия. "Наша величайшая трагедия в том, что мы считаем себя русскими" — сказал видный еврейский интеллигент югославскому публицисту Михайло Михайлову, посетившему Москву в 1964 году.

В России эта трагедия безысходна, но и в Исходе обнаружилась трагедийные ноты этой двойственности, которая вполне разрешима на достаточно твердой израильской почве. Стоит, однако, вернуться к истокам этой попытки еврейства к национальному перевоплощению в России. Нас влечет не праздное любопытство, а стремление понять путь русско-еврейской интеллигенции 70-х годов здесь, в Израиле. Там, в столетней дали, неожиданно открывается начало "разлада с корнем нации, с племенем русским", как интуитивно почувствовал еще Ф.М.Достоевский. Итак, немного прошлого, для понимания настоящего и попытки заглянуть в будущее. "Однажды Гегель ненароком И, вероятно, наугад Назвал историка пророком. Предсказывающим назад..." // Борис ПАСТЕРНАК

ПРЕДСКАЗАНИЕ НАЗАД

Говорить за людей другой эпохи трудно, почти невозможно. Не будем заблуждаться и уверять себя в том, что эта эпоха отстоит от нас всего лишь на 100 лет. Сто лет — гигантский скачок во времени не только из-за стоящих между нами событий, но прежде всего потому, что каждое поколение мыслит иначе и в иных категориях, чем прешествующее. Послушаем их самих, русских евреев 70-х годов прошлого века. Их центральная проблема — растворение, слияние — наша проблема, но у нас она звучит в обратном переводе с русского языка и русского ощущения на иврит и мироощущение Израиля и израильтян.

Русские веяния ворвались в еврейскую среду в 60-х годах XIX века. До этого евреи не жили, а проживали в России. Тяготы еврейства в эпоху николаевской России воспринимались вне всякой связи с "больными вопросами" российской действительности. "Шма Исраэль!" на Севастопольских куртинах не делало Крымскую войну событием национальной истории еврейского народа. Еврейская молодежь заговорила по-русски всего лишь сто лет назад. Но еще долго у нее сохранялся кому смешной, а кому ненавистный еврейский акцент. Единственная дошедшая до нас фраза, написанная собственноручно участницей покушения на Александра II Гесей Гельфман, звучит дословно так: "Геся Гельфман поповду настоящего предьявления прашу записовать мои

показани". Вставляя подобную лексику в свои стихи, прославленный русский поэт "музы мести и печали" не удержался от реплики: "Так говорили жида — Слог я исправил для ясности". Впрочем, были уже и другие, слог которых в исправлении не нуждался. Ури Ковнер — "еврейский Писарев", выучивший русский язык в 18—19 лет, — представил на конкурс оригинальной комедии свою пьесу. Конкурс Проводило Русское общество драматических писателей, во главе которого стоял А.Н.Островский. Почтенное жюри в составе И.А.Гончарова, А.Н.Майкова и А.Н.Пыпина, несомненных знатоков и ревнителей русского языка, из 86 пьес, присланных на конкурс, только три признало "заслуживающими особого внимания" по своим литературным достоинствам. Комедия Ури Ковнера значилась второй. Не только русский язык, но и внутреннее содержание русских проблем становилось доступным перу еврейских публицистов, вчерашних ешиботников и учеников раввинских училищ, знатоков Талмуда и Мишны. Серия статей в защиту раскольников, написанная Ильей Оршанским, обратила на себя всеобщее внимание, между прочим, и самих раскольников, которые "были крайне изумлены тем, что эти статьи написаны евреем". А ведь раскол — тема почвенная, глубинная, интимная. Изумляются раскольники; удивляются жандармы III отделения, открывшие неожиданно для себя в 1877 году среди лиц, привлеченных за пропаганду в Империи, "...еврейскую молодежь, поддавшуюся вообще весьма сильно революционному брожению..."

Это изумление двух полярных лагерей русского общества — преследуемых /раскольников/ и преследователей (жандармов), — обнаруживших еврейское прикосновение к телу и духу русского народа, таило в себе невысказанный упрек, а может быть, уже и угрозу. Молодая еврейская интеллигенция не замечала этого и настойчиво рвалась в русские объятия. "Помню, как цитировали и напевали стихи из "Колокола": "Бог ухабов, вот он, Бог морозов, вот он русский Бог!" — вспоминает один из учеников Житомирского раввинского училища.

"В ту минуту, когда Россия нас спросит: где вы, сыны мои? — мы ей дружно ответим: — мы здесь, матушка! В нас много ненависти, но и много любви; мы цельны как в первой, так и во второй", — пишет Лев Леванда. Эти старомодно выраженные, но вполне искренние чувства Леванда снабжает комментарием, что высказывается "только в качестве космополита, а не русского патриота", каковым пока не имеет права быть.

"Я им стану только тогда, когда еврейский вопрос будет разрешен окончательно и удовлетворительно", — заключает Леванда и не замечает, что Матери-Родине условий не ставят. Ее любят безоговорочно, без кондиций и предварительных условий, любят потому, что она Мать. Эта программа — Любовь при условии! — выдерживается русско-еврейской интеллигенцией на редкость последовательно на протяжении 100 лет при самой безупречной во всех остальных отношениях "русскости". В этом двойственность психологии, трещина в поведении, в этом, в конце концов, причина нашего ухода из России. Но в этом же и залог нашего вхождения в Израиль и слияния с его народом. Израиль снимает вековой внутренний разлад. Все остальные проблемы становятся достоянием времени и нашей способности их разрешить. Примечателен факт, что на трагический блоковский вопрос:

"Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?" — вопрос, который для русского человека имеет, как правило, однозначный ответ, — на этот вопрос русско-еврейская интеллигенция отвечала, иногда после некоторого раздумья — "Нет, не вместе. Рядом, до поры до времени, но не вместе!". И эту готовность сняться и уйти на другой берег семидесятники XIX века высказывали часто с такой же прямоотой, с какой осуществило ее поколение семидесятников XX столетия.

"Я бы ни одного дня не оставался в России, даже в легальном состоянии, — признавался в письме из тюрьмы крупнейший деятель "Народной воли" Арон Зунделевич. — В тюрьме я успел влюбиться в Америку, и она для меня теперь то, чем была раньше Германия. К России, как вы знаете, у меня никогда нежных симпатий не было. Оставался я здесь только из чувства обязанности к пострадавшим товарищам".

Обязанность — Родину не заменяет. Еврейские чувства в русской оболочке были связаны с такими категориями, как общечеловеческие идеалы добра и справедливости, свободы и равноправия, которые и до сего дня понимаются на русской почве весьма своеобразно. Во всяком случае, безусловно по-русски. Обидчивость русских евреев на Ф.М.Достоевского имела свои основания. Однако нельзя не согласиться с точностью основной посылки его отчужденно-враждебного отношения к еврейству, вытекающего из определенной религиозно-философской концепции. Достоевский видел даже в руссифицированном еврействе напряженное ожидание Исхода, именно "в старый дом в Палестину", которое могло ослабевать иногда и тускнеть под влиянием социально-революционных иллюзий, но не исчезало никогда. Во всяком случае, ощущение выбора в вопросах Родины и судьбы, несвойственное русскому сознанию ("Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне"), оставляло еврейству руки развязанными на всех крутых поворотах российской истории.

Доктор Хаим Вейцман вспоминал слова своей матери в те времена: "Что бы ни случилось, а мне будет хорошо: Шмуэль (сын-революционер) окажется прав — мы будем счастливы в России; Хаим (сионист) будет прав — я поеду жить в Палестину". Двух прав не бывает. Истина может быть только одна. Поэтому мы здесь, в Израиле.

"Крикну я, но разве кто поможет,

Чтоб моя душа не умерла.

Только змеи сбрасывают кожу.

Мы меняем души, не тела".

Николай ГУМИЛЕВ

РОЖДЕНИЕ ДУШИ

Душа не платье, ее не меняют по прихотям моды и сезона. Обстоятельства повседневности могут ее омрачить, но не заставят радикально измениться. Наш приезд не похож на сезонную миграцию. Для большинства это всерьез и надолго, на всю жизнь. Наивно рассчитывать на помощь в рождении души, но мы — люди, и призывы о помощи время от времени сотрясают воздух. Не будем путать государственные организации и общественное сознание. Их функции различны, как различна и реакция на наше прибытие и наши переживания. И если могут быть обоснованы претензии к органам абсорбции, хотя воинствующий бюрократизм отнюдь не является продуктом еврейского гения, то обида на отчужденность от нашей алии израильского общества, высказываемая довольно часто, начисто лишена всякого морального основания. Несмотря на сотни встреченных нами добрых и чутких людей, бескорыстно и добровольно помогающих вжиться в страну, в целом общество Израиля равнодушно к русским евреям, а где-то в какой-то части и недружелюбно к ним не в силу своей черствости, а по причинам совсем иного порядка. Оно просто живет своей напряженной внутренней жизнью, на которую резкой тенью ложатся внешние обстоятельства войны. Общественный организм Израиля сложился за четвертьвековой период и созрел для глубоких изменений. Он явно перерос данные ему отцами — основателями государства одежды подмандатного Ишува и идеологические концепции полувековой давности. Носители этих идей далеко не все разводят розы, наслаждаясь заслуженным пенсионным отдыхом. Их влияние слишком ощутимо, а созданные традиции рожают иллюзию незыблемости. Российские порядки казались еще более незыблемыми, и извне, пожалуй, больше, чем изнутри. Возможность массовой алии признавалась в Израиле еще пять лет назад событием малореальным, а громкий стук из-за наглухо закрытой двери не вызывал ассоциаций с "евреями молчания". Последствия этой болезни слуха ощущаются до сих пор. Однако в лечении нуждается не один болящий орган, а весь организм. Сейчас это ясно многим. В отсутствии традиций есть свои положительные стороны. Легенды Ишува и эпохи "Маабарот" не сковывают интеллигентного российского оле. Его впечатления самостоятельны, а суждения независимы, несмотря на некоторый информационный шок и отсутствие навыков в чтении свободной прессы. В этом его преимущество, хотя на первых порах оно почти сведено на

нет языковой немоты. Не формальное родство, а пережитое совместно формирует человеческую общность. Мы с интересом и уважением смотрим на памятники времен Войны за Освобождение. Израильтяне вежливо выслушивают рассказы о Сталинградской битве. При общем понимании, что от этих событий, от каждого по-своему, зависела судьба еврейского народа, наиболее остро ощущается то, что пережито лично или людьми, кровно с тобой связанными. Мой отец был участником 900-дневной блокады Ленинграда и не был защитником осажденного Иерусалима. Последнее мне известно из литературных источников, бомбежки Москвы в 1941 году я помню сам. Констатация этих фактов предмета для дискуссии не создает, но помогает определить точку отсчета наших сопереживаний. Они начались с трапа самолета в аэропорту Лод и продолжаются нарастающей лавиной, переходя из сферы внешних ощущений в область глубоких внутренних переживаний. Здесь все: другой вкус хлеба и цвет неба, смена запахов и красок, замена шрифта и содержания понятий. Вытесняемое не исчезает, а заставляет сравнивать и делать анализ. Бесцеремонное отрицание накопленного жизненного опыта, а рождаться заново в иную по-сути нацию не так легко, вызывает резкий отпор и ведет к неоправданным и поспешным суждениям. Дискуссии на тему, насколько высока профессиональная квалификация прибывших из Советского Союза евреев и есть ли в их среде шпионы, являются ярким тому доказательством. Лично во мне они не вызывают никаких эмоций, равно как и желания хлопнуть дверью и уйти в соседнее королевство. Ясно одно — ввязаться в спор можно лишь на языке собеседника и с набором аргументов, который должен быть ему понятен.

Для этого есть только один путь: войти в образ жизни и строй мыслей живущего в Израиле народа. Помнить при этом, что единственное преимущество наших оппонентов — лучшее знание иврита и условий израильской действительности — с каждым днем нашей жизни в Израиле сходит на нет. Известно и другое: аргументация делом всегда сильнее словесной бури, хотя и на этом пути мы еще долго будем сталкиваться наряду с дружеским участием и бескорыстной помощью с несхожестью навыков, профессиональной завистью и самой обычной подозрительностью в отношении конкурента.

Но все это не создает столь привычной душе русско-еврейского интеллигента раздвоенности, если ее не культивировать искусственно. Тогда возникают сомнительной ценности афоризмы: "Там мы были евреями, здесь мы навсегда останемся русскими". Появляется не слишком тонкая подмена современного государства и общества Израилем в качестве объекта критики Израилем вообще как единственной в мире страны Еврейского народа. Принадлежность последнему безусловна, а любовь не может строиться на компромиссах. Разлада с корнем нации нет, так как корни-то в их материальном воплощении лежат на поверхности и никакими археологическими раскопками не покрываются. Можно сказать, не напрягая воображения, что корни — это мы сами, а заодно и ствол, и листья, и ветви народного тела. Отношения с Израилем на этой естественной основе складываются без ложного пиетета и помогают сбросить груз различных комплексов. Помню прекрасно газетный лай советской прессы по поводу стихов Бориса Слуцкого:

"Я говорил от имени России,
Ее уполномочен правотой..."

— "А кто, собственно, ему, Слуцкому, давал на это полномочия?" — вопрошали газеты. В этой издевке была смущающая правда. Действительно, кто? Дело, конечно, не в формальном равенстве прав, а во внутренней ответственности за национальную судьбу и за свою собственную, связанную с национальной неразрывно. Удивительнее всего то, что восстановление понятий Родина и Патриотизм требуется не только для отягощенного советским грузом сознания русско-еврейской интеллигенции, но и для значительной части израильтян.

— Это для тебя "моледет", историческая Родина, сионизм,— втолковывал мне сабра, вернувшийся с женой из Америки и столкнувшийся с трудностями устройства.— Если не устроюсь, уеду обратно в Штаты. Не следует делать обобщений, несомненно есть и иные. Однако газеты серьезно обсуждают проблему молодежи, оставляющей страну и не проявляющей никакого халуцианского духа своих отцов и дедов. Причины этого явления сложны и многообразны: трудности израильской жизни, притягательная сила могучей еврейской общины за океаном, извечное стремление к перемещению и поискам лучшей жизни и, наконец, наивно и по-советски звучащее: недостатки в патриотическом воспитании молодежи. Оказывается, еще мало родиться в Израиле и знать, кто такой д-р Герцль. Надо своей кожей почувствовать ту непереходимую грань и непереносимую тяжесть отчужденности и неслиянности среди другого народа. Даже если ты запасешься слоновей шкурой, а народ неожиданно окажется просвещенным и гуманным, терпеливым и благородным, придет день, когда ты бросишь все и вернешься домой. Может быть, это будет через день, а может, через две тысячи лет. Наш опыт в этом вопросе безмерен. Не только бывшим землякам, но и новым соотечественникам стоит откровенно сказать: Вам не нравятся порядки? Стремитесь изменить их. Не подходит правительство? Гоните его. Голосуйте за Ликуд или Черных пантер, рабби Меира Кахана или Вильнера (уж он-то точно имеет универсальные рецепты от всех бедствий). Идите к реакционерам или троцкистам, в правые и левые, в белоголубые и розовые, с пейсами или без оных. Соблюдайте кошер или ешьте "стейк лаван"... Одно непреложно: нет другого дома, даже если в нем не все соответствует нашим привычкам и представлениям о справедливости.

А как же быть с русским культурным наследием? Оно впитано всеми порами и стыдиться его нечего. Это предмет нашей гордости и самоутверждения, ибо достигнутое там — может быть достигнуто здесь. Правда, нам вслед звучат сочувственные и немного снисходительные стихи Андрея Вознесенского:

"Не те Вы учили алфавиты.

Не те Вас кимвалы манили".

И далее:

"В любое мгновенье не поздно —

Начните сначала!"

Сначала начинают обычно проигравшие и те, у кого за душой ничего нет. Мы выиграли и будем не начинать, а продолжать свою жизнь.

И снова совет, на этот раз по вопросу глубоко личному: как поступить с русской культурой на другой земле.

"Вы прошлой любви не гоните,

вы с ней поступите гуманно —

как лошадь ее пристрелите.

Не выжить. Не надо обмана".

Спасибо на добром слове, но советом не воспользуемся. Сто лет назад, не спросив совета и разрешения, вошло еврейство России в русскую жизнь. И здесь, у себя дома, в трудном деле слияния с собственным народом, мы поступим с русским наследием по своему усмотрению.²²¹

АМИ

ИЕРУСАЛИМ – «МОСКВА-ПЕТУШКИ»²²²

В маленькой – спальней – комнате генделевской мансарды, где-то под тропической бабочкой в раме – висела фотография В. Ерофеева с дарственной надписью на обороте (они познакомились во время одного из первых «наездов» М. Генделева в Москву). Мало кто помнит, что великая поэма Ерофеева «Москва-Петушки» была впервые опубликована в 1973 г. в Израиле, в журнале «Ами», да и сам журнал мало кто видел. О В. Ерофееве, публикации его поэмы и истории «Ами» – фактически первого литературно-публицистического журнала «русского» Израиля – рассказывает писатель и журналист В. Фромер, автор книг «Хроники Израиля» и «Чаша полыни».

Михаилу Левину

Книга Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки» – явление в российской словесности уникальное. Не менее уникальна ее судьба. Написанная на кабельных работах в Шереметьево в 1969 году, она мгновенно разошлась в самиздатских копиях и вскоре попала на Запад, где ни одно русское издательство не решилось опубликовать «яростную инвективу в адрес великого народа» (так охарактеризовал шедевр Ерофеева редактор одного из старейших русскоязычных изданий на Западе). В конце концов проза, или, если хотите, поэма Ерофеева была издана в Израиле, что тоже свидетельствует о необычности ее судьбы.

«Москва-Петушки» увидели свет летом 1973-го года, в третьем и последнем номере журнала «Ами» – нашем с Михаилом Левиным детище, которое мы около трех лет тащили на своих плечах. В ту пору мы рыскали по всему Израилю в поисках материалов, ошивались в различных учреждениях и министерствах, выбивая деньги, как ландскнехты, предлагая свои услуги кому угодно, готовые отдаться любой партии в качестве полномочных представителей полумифической молодежно-студенческой ассоциации выходцев из СССР.

Первый номер «Ами», похожий на сброшюрованные материалы самиздата, мы издали в декабре 1970 года на средства этой самой ассоциации, которая тут же тихо скончалась, не выдержав бремени такого расхода.

Второй номер был издан только через полгода на средства Гистадрута, и сам генсек израильских профсоюзов хавер (товарищ) Бен-Аарон выписал нам на это «святое дело» чек. Мы даже хотели сохранить его как реликвию, но чувство долга перед журналом победило.

И наконец, третий, Веничкин, номер появился благодаря щедрости Независимой либеральной партии. Вот кому обязан Ерофеев своей всемирной славой! Увы, и эта партия вскоре угасла, подорвав изданием Венички свои финансовые возможности.

Вышло так: «Два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти». С присущей мне скромностью отмечу, что два первых номера «Ами» тоже были ничего. В особенности второй, с форматом журнала «Огонек», с двумя черно-белыми пятнами на обложке, похожими на устремившихся в полет жареных гусей. Именно во втором номере впервые были опубликованы тексты песен Высоцкого, Галича и Кима. Мы, в сущности, застолбили новую жилу во владениях поэзии. Ибо это теперь ясно, что хорошие

миннезингеры – в первую очередь поэты, тексты которых могут и должны жить самостоятельной жизнью. Четверть века назад очевидность эта была ясна далеко не всем.

Кстати, со вторым номером вышла накладка-неразбериха, затянувшаяся по сегодняшний день. Корректур пять держали мы с Левиным, каждое слово выверили, а про обложку забыли... Получив в типографии готовый тираж, мы с ужасом увидели на обложке журнала, рядом с названием, цифру два и слово «май». И все... А год-то какой? Лишь по одному из объявлений на последней журнальной странице можно сегодня вычислить, что год был 1971-й. В результате совсем недавно ко мне обратились из музея Высоцкого в Москве с просьбой уточнить дату первой публикации его текстов.

И все же лишь третий номер, говоря словами одного из его авторов, польского сатирика Станислава Ежи Леца, растворившегося в веничкиной тени, стал «эпохальным событием, имеющим переломное значение». Мы с Левиным сразу же оказались на описанной Зиновьевым «зияющей высоте».

«Ребята, – спрашивал я друзей и знакомых, – как третий номер?»

«Еще бы, – отвечали мне, – Веничка».

«Ну а профессор Тальман, палиндромоны Гершуни, Лец?» – интересовался я. Друзья смотрели на меня округлившимися от изумления глазами: «Москва-Петушки», – отвечали они с осторожной снисходительностью.

Один из моих приятелей, – человек ядовитый, сухой и обаятельный, – даже поинтересовался: «Что пришлет вам Ерофеев в следующий номер?» Все читали Веничку. Кто обращал внимание на Тальмана, Леца, Гершуни? На великолепный венок сонетов Радыгина? Все сразу хваталось за гениальную прозу, игнорируя не только проникновенные речи раскошелившихся либералов, предваряющие журнал, но и все остальное. Как писал Ерофеев: «Даже не прочитав фразы: “И немедленно выпил”...»

***

Мы прекратили издавать журнал не только потому, что по причинам, о которых будет рассказано ниже, общественные организации и государственные учреждения перестали «доиться». Деньги в конце концов не функция. Их всегда можно достать. В особенности после такого успеха. Под залог Веничкиного имени. Но в том-то и дело, что Веничка поднял журнал на недостижимую высоту и тем самым погубил его. Ошеломляющий успех связал нам руки. И очень скоро истина забрезжила перед нами. Мы поняли, что завоеванную высоту можно удержать лишь в том случае, если четвертого номера никогда не будет...

«Веничка больше ничего не напишет», – сказал мой друг и соредактор.

«Почему?» – удивился я.

«Он ему не позволит».

«Кто?»

«Автор поэмы “Москва-Петушки”».

Левин ошибся. Ерофеев, правда, не опубликовал больше ни одной страницы прозы. Мифический роман «Шостакович» (не о композиторе), который не видел никто и никогда – не в счет. Но Веничка остался верен себе, и его разбойничьи набег на литературные бастионы завершились созданием еще двух произведений: эссе «Розанов глазами эксцентрика» и трагедии «Вальпургиева ночь, или шаги командора».

После выхода третьего номера известный эмигрантский публицист сказал раздраженно: «Ерофеев – это железная маска. Бред. Мистификация какого-нибудь маститого прозаика».

Мне осталось лишь пожать плечами. В природе не существовало прозаика, способного на столь гениальную мистификацию.

Вскоре выяснилось, что Ерофеев существует в земной своей ипостаси. Появились люди, его знавшие. Но удивительное дело, – никто не мог описать словами его расплывчатый ускользающий облик.

«Какой он, Веничка?» – спрашивали мы.

«Ну, – мялись те, кому выпала честь пообщаться с автором гениальной прозы, – голубоглазый блондин. Похож на Есенина. Глушит все без разбору. Но мы лишь потом узнали, что он писатель. Это так странно: Ерофеев и...»

***

Уже через год после того, как Ерофеев заявил о себе со страниц «Ами» как власть имеющий, его книга была переведена на добрый десяток языков. Его печатали, переводили и грабили все, кто могли.

А мы ловили смутные отголоски его похождения. Ерофеев гулял по Москве, как киплингский кот по крышам. Всех шокируя, всем импонируя. То там, то здесь возникая на один миг, чтобы исчезнуть навеки. Казалось, что его, как Агасфера, влечет куда-то непреодолимая сила. Прочь от семьи, прочь от людей, прочь от литературы.

Гойя как-то обронил с восхитительной дерзостью, что даже самая благополучнейшая из жизней «это такая тоска». Жизнь Ерофеева – добровольного изгоя, бродяги – не укладывается ни в какие рамки. Кажется, что человек этот – вне времени и пространства. Да так оно, впрочем, и есть.

Герой поэмы «Москва-Петушки» не существует в реалиях нашего измерения. Окружающие нас реалии превращаются в форму его самосознания и трансформируются в ней. Но ведь «Москва-Петушки» это тот классический случай, когда герой и автор слиты воедино. Я почти уверен, что творение Ерофеева сложилось в его душе не как сочетание идей и образов, а как единое целое. Ему оставалось только выплеснуть наружу свой шедевр.

Сразу оговоримся, что термин этот уместен, лишь когда творцу удается создать в искусстве новую – неожиданную и небывалую – форму существования.

Ерофееву удалось, и это стало его проклятием. Автор «Москва – Петушки» превратился в его злейшего врага – в этом смысле Левин был прав. Венедикт Ерофеев разработал одну-единственную идею – но она вместила в себя все остальные. Написанная им вещь оказалась настолько совершенной, что в дальнейшем обрекала его только на подражание самому себе. Венедикт еще пробовал бороться с этим наваждением – менял жанры, и даже не без успеха, но пора уже признать, что в литературе он останется только как автор гениальной поэмы.

***

Слава Ерофеева все растет – хотя, казалось бы, куда уж больше. «Москва-Петушки», превращенные в пьесу, не сходят со сцены. Критики с похвальным усердием трудятся в «ерофеевских копиях».

Хуже обстоит дело с мемуарным жанром. Лучшие воспоминания о Венедикте принадлежат Лене Игнатовой. А ведь не так уж много лет отделяют нас от Ерофеева живого. Живы еще люди, его знавшие, – ерофеевские друзья-собутельники. Казалось, им бы и карты в руки, и большое плавание. Но вряд ли мы дождемся от них чего-то существенного.

Рассказать о Веничке... Кому вообще такая задача по плечу? К тому же, Санчо Пансы не пишут воспоминаний о Дон-Кихотах... Кстати, в отличие от героя великой книги Сервантеса, у Венедикта Ерофеева было двое оруженосцев, сопровождавших его на своих прагматичных осликах.

Вадим Тихонов и Игорь Авдиев. Обоих обессмертил Веничка, сделав персонажами своего шедевра. Оба были его закадычными друзьями. Вадим Тихонов – тот самый «первенец», которому Венедикт посвятил свою поэму. И было за что. Вот как сам Веничка описал свое знакомство с Вадей:

«Во Владимире мне сказали: “Ерофеев, больше вы не жилец в общежитии”. И приходит абсолютно незнакомый человек и говорит: “Ерофейчик. Ты Ерофейчик?” Я говорю: “Как то есть Ерофейчик?” – “Нет, я спрашиваю: ты Ерофейчик?” Я говорю: “Ну, допустим, Ерофейчик”. – “Значит, ты Ерофейчик?” Я говорю: “Ну, в конце концов, Ерофейчик”. – “Прошу покорно в мою квартиру. Она без вас пустует. Я предоставляю вам политическое убежище”».

Последнее место вадиной службы – смотритель на сельском кладбище.

Игорь Авдиев – личность не менее колоритная.

Оба еще живы, но вряд ли возьмутся за перо из-за подорванного по известной причине здоровья. Но их устные рассказы, записанные корреспондентом «Комсомольской правды», свидетельства настолько ценные, что забвения не заслуживают. Привожу несколько отрывков для полноты картины.

Рассказывает Вадим Тихонов:

«Как-то то я Веничку от смерти спас. Это была удивительная история. Он любил одну женщину в Орехово-Зуево – совершенно до безумия. Но это не мешало ему ходить к другой – он ее туда аж из Владимира привез. Веничка разрывался надвое: то к ореховской, то к владимирской. Первой говорил: “Не сердчай, дурочка. Ну раз она ко мне приехала, я же должен с ней повидаться”. А той объяснял совсем по-другому: “Я же не к ней приехал, а к тебе, но мне и с ней тоже посидеть надо”. Это Юлия Р. Была такая. Строгая и неприступная комсомольская богиня. Однажды в пылу ревности она схватила ружье и пальнула в Ерофеева. Слава Богу, заряд оказался холостым, а то бы нашему Веничке тяжело пришлось. Ружье я выхватил. Смотрю, мой Ерофейч лежит на земле белый, как снег. “Ничего, – говорю, – успокойся. Сейчас пойдем ворон стрелять”.

Веничка не мыслил своего существования без женщин. Они его безумно любили и всегда стояли перед ним на коленях. Ну, как у Пушкина...

Ерофеев умер, и я остался “вторым алкоголиком на Руси”. Первым был Веничка...»

Игорь Авдиев и Венедикт Ерофеев (справа)

А вот из рассказов Игоря Авдиева, он же Черноусый. Веничка сделал его министром обороны Петушинской республики:

«Выпивка была для него работой. Он так говорил: “Человек отличается от животного тем, что пьет водку. От выпивки человеческое тело становится дряблым, а душа твердой”. Когда выпить было нечего, мы изобретали коктейли. О них Веничка в поэме написал. Все составляющие компоненты перепробовали. Однажды даже какое-то германское средство на синтетической основе пили. У Венички начались такие страшные почечные колики, что он, бедняга, по полу катался. Я его спрашиваю: “Тебе действительно совсем плохо?” А он говорит: “В месяце чудесном мае распустились почки. Помнишь, как у Гейне?”

Сохранить остроумие, когда испытываешь такие муки, мог только Ерофеев...

Он угас ранним утром 11 мая 1990-го года в пустой больнице (праздники были). Я собрал его вещи, взял ботинки и отправился в морг – переодеть Веничку. Он похоронен на Новокунцевском кладбище. Каждый год мы ходим на его скромную могилку. Вспоминаем, пьем портвейн. А над кладбищем в это время тихо и незримо пролетают Веничкины Ангелы...»

***

В том же «чудесном мае» 90-го года пришла в больницу к умирающему Венедикту Ира Якир. Он уже не реагировал на исчезающий этот мир. У изголовья стояла его сестра, монотонно повторявшая:

«Веня, Веня, нашего папу реабилитировали. Ты слышишь, Веня?»

Но Веня не слышал. И не мог оценить трагический комизм чисто ерофеевской ситуации. Умирающему сыну сообщают о посмертной реабилитации отца, сгинувшего в сталинском застенке много лет назад...

Венина сестра показала Ире только что полученную справку о реабилитации главы «клана» Ерофеевых. Корни этой добротной русской семьи на Кольском полуострове. Три брата еще были у Венедикта, похожие на него обаянием и статью. Нет больше этой семьи. Никого в живых не осталось...

Иру поразило удивительное совпадение. Венин отец сидел в мурманской тюрьме в одно время с ее матерью Валентиной Савинковой.

«Причудливо тасуется колода!» – ничего не скажешь...

***

А мы долгие годы собирали о Веничке апокрифы, которые тем уж хороши, что подстегают воображение. Может, все так и было. А, может, не было никогда, хоть и могло быть...

***

Рассказывали, что вскоре после выхода третьего номера «Ами» Ерофеев сказал одному из своих собутыльников: «Меня издали в Израиле с предисловием Голды Меир».

***

Рассказывали, что однажды, находясь в «ерофеевском» состоянии, он ехал, как всегда, в Петушки, прижимая к груди чемоданчик с двумя бутылками кубанской и с готовой рукописью нового романа «Шостакович», существовавшего в одном экземпляре. И, конечно же, чемоданчик был забыт в вагоне. И, конечно же, Ерофеев убивался по бутылкам, даже не вспомнив в тот день о пропаже рукописи.

Но это – апокриф, а вот о пропаже полного текста второй Вениной трагедии «Диссиденты, или Фанни Каплан» мы располагаем подлинным свидетельством ерофеевского приятеля Ивана Рудакова.

Закончив трагедию, Веня всюду таскал ее с собой в «авоське». Ему казалось, так оно надежней. Летом 1977 года решили они с Ваней прощвырнуться на велосипедах в Абрамцево, – подмосковное дачное место. Взял Веня драгоценную «авоську», взял фотоаппарат и поехали. Привезенные запасы быстро иссякли. Члены у Вени ослабели, а Ваня – мастер спорта, между прочим, – как огурчик.

– Я, – говорит, – мигом слетаю в соседнее село, в магазинчик. Сказано – сделано. Только ехать Ване как-то несподручно. Глянул, а на руле велосипедном с одной стороны – «авоська» болтается, а с другой – фотоаппарат. Снял Ваня эти вещи и под кустик положил. Потом, думает, подберу.

Никакого потом не было...

Привез Ваня бутылки. Добавили.

– А рукопись-то где? – спохватился Веня. Бросились искать...

Рукописи, может, и не горят. Но теряются...

***

И, говорят, ему снился сон.

Сидит Ерофеев за столом, уставленным батареей бутылок и всякой закусью (во сне чего не бывает). А напротив него Смерть. Тянется к нему, зажав стакан в костлявой ладони.

«Смерть, а Смерть!»

«Что, Веничка?»

«А ты все можешь?»

«Все, Веничка».

«Ну так сделай меня бессмертным».

«А вот этого не могу. Ты, Веня, тогда Богом станешь. Ну взгляни на свою рожу в зеркало. Сам посуди – какой из тебя Бог?»

Из этой же серии:

«Вень, а Вень, – говорит Смерть, – а ведь у тебя в Петушках ребеночек есть. Давай его навестим. Гостинцев свезем».

С Ерофеева мигом хмель соскочил. Холодная испарина на лбу выступила: «Что ты, что ты», – забормотал.

А Смерть – ласково так: «Не бойся, Веня, я его тоже люблю».

***

Рассказывали, что однажды к Ерофееву пришли ребята из ультрапатриотического самиздатского журнала.

«Веня, – сказали, – ты великий русский писатель. Ты первым персты вложил в отверстую нашу язву. Дай нам что-нибудь в журнал».

«Вам нужно что-нибудь идейное?» – спросил Ерофеев.

«Напиши, Веня, как русский патриот, о жидках, испаскудивших родимую нашу словесность».

«Хорошо», – согласился Ерофеев. «Только не бесплатно. Мне интересно, какое это чувство, когда тебе платят».

«Тебе, Веня, заплатим».

И Ерофеев тут же содрал с них пятьсот рублей.

Прошло полгода. О Вене ни слуху, ни духу. Пришли к нему опять.

«Ты, Веня, деньги взял. Где же статья?»

«Я в вашем журнале не только печататься не буду, – я с вами под одним кустиком не присяду».

«Ах сука! Тогда верни деньги!»

«Только судом».

***

И Ерофеев умер. Не от цирроза печени, а от рака горла. Я видел его за год до смерти в литературной передаче московского телевидения. Чугунное лицо и потухшие глаза. Трубка в горле, и голос из потустороннего мира. Он уже был ТАМ, а не здесь.

Ерофеева приглашали во Францию, где перевод его книги встретил благосклонный прием у самых изысканных критиков. Предлагали операцию. Почти гарантировали успех. Не пустили...

Чего они боялись в период «гласности и перестройки»? Сам Ерофеев никуда не ходил и ничего не требовал. Государство назначило ему пенсию в 28 рублей – и сочло, что выполнило свой долг перед писателем. Друзьям его сказали: «Чего Ерофеев хочет? Его ведь уже печатают на родине. И лечить будут на родине».

Обидно, что он до самого конца остро нуждался. И это при книге, изданной большими тиражами в тридцати странах. Ирине Белогородской, жене Вадима Делоне, получившей от Ерофеева доверенность на ведение в Западной Европе его издательских дел, секретарь престижного французского издательства, хорошо «нагревшего руки» на Веничке, заявил: «Ерофееву? Не заплатим ни франка. Все права принадлежат журналу “Ами”».

Я послал просимый ею документ, но не знаю, помог ли он. Знаю только, что в последующие годы «чужие люди за него зверей и птиц ловили в сети». Многие собирали Ерофееву деньги, переправляли лекарства. В Америке этим занимался обосновавшийся там Левин.

Что знал обо всем этом сам Ерофеев? Кое-что знал. Но факты, трансформировавшись в его сознании, превращаются в трудно уловимое мерцание. Пусть лучше скажет сам Веничка. Вот отрывки из его интервью, насколько мне известно, последнего в жизни, опубликованного в 1991 году в четвертом выпуске альманаха «Апрель»:

– Веня, «Москва-Петушки» впервые были опубликованы в израильском издательстве...

– «Ами».

– А ты знал, что готовится эта публикация?

– Мне как-то сказал Муравьев году в 74-м: «А ты знаешь, Ерофеев, что тебя издали в Израиле?» Я решил, что это очередная его шуточка, и ничего в ответ не сказал. А потом действительно узнал спустя еще несколько месяцев, что действительно в Израиле издали, мать твою, жидяры, мать их!

– В 72-м издали?

– В 73-м.

– А как складывались материальные отношения с издателями за границей – ведь потом издавали еще во многих странах?

– Это действительно очень больной вопрос. А Британия купила у Парижа... То есть никто никому не должен, а я всем немножко должен. Но не должен никто, это уж точно. Я так понял по их действиям.

***

С чего все началось?

С 28 по 30 мая 1970 года на берегу озера Кинерет, в Огало, проходил съезд молодежи и студентов, недавних репатриантов. Не упомяну уж сколько нас там было, но много. Все с интересом разглядывали друг друга. Так вот мы какие. Многие еще не успели отряхнуть с сандалий галутную пыль. Многие еще не завершили процесс «реинкарнации», и душой продолжали оставаться в навсегда покинутом мире. И многие из нас не понимали тогда простейшей истины, к которой пришли потом, каждый своим нелегким путем. Чтобы не быть чужим на этой древней земле, нужно воспринять все ее легендарные были, как часть собственной биографии. Нужно научиться смотреть на мир так, словно тебе три тысячи лет. Тогда все вспомнишь, все почувствуешь, и все поймешь...

Приехали мы в Огало днем. Быстро перезнакомились и табором спустились на берег озера. Пески огненным ковром развернулись на солнце. Обувь жгла ноги. А вдали пылала голубая пустыня. Кинерет...

Вечером меня пригласили на «форум» уже избранной инициативной группы. Я вышел из флигеля для семейных и побрел сквозь апельсиновый сад, под густой россыпью подернутых изморозью звезд, прямо на звон гитары.

Инициативная группа успела уже основательно нагрузиться. За столом, уставленным пустыми бутылками, сидели человек шесть. Бородатый парень с библейским профилем пел, аккомпанируя себе на гитаре. Рядом с ним пристроился Боря Геккер – его я уже знал немного. Счастливый человек, не ведавший сомнений, Боря отличался умением все устраивать и решать любые проблемы, – если только они не носили интеллектуального характера. «Он заземлен, как громоотвод, – сказал о нем кто-то, – молния в него не ударит». Это правда, но деловая хватка его была изумительной. Боря шел к цели, как гончий пес. Он, инженер, не зная языков, сумел закончить спецкурсы в хайфском Технионе. Преподавателей штурмовал, как вражеский редут, добывал измором. И своего достиг. Но труд инженера в Израиле высоко оплачивается лишь в частных фирмах. Поэтому Боря, потрудившись на государственной ниве, перебрался в Нью-Йорк, где переквалифицировался в водителя такси.

«Тебе полагается штрафняк, – сказал Боря, наливая полный стакан. И сразу перешел к делу. – Завтра будет создана молодежно-студенческая ассоциация выходцев из СССР. Я стану ее председателем. Так решили ребята. Мы хотим издавать свой журнал. Делать его будете вы. Ты, Фромер, и вот он, – Боря кивнул в сторону библейского персонажа, перебиравшего гитарные струны, – Миша Левин».

Все было, как сказал Боря. На следующий день состоялось учредительное собрание. Боря стал председателем, а мы с Левиным редакторами еще не существующего журнала.

Сразу приступили к самому трудному.

«Как назовем? – спросил Левин. – Название журнала должно звучать, как боевой клич».

«Иерусалим», – предложил я.

«Мой народ», – выскочил Боря Геккер.

Левин усмехнулся: «Тогда уж лучшие “Ами”».

***

Вообще-то, вышестоящие товарищи придавали съезду в Огало большое значение. Находившаяся тогда у власти Рабочая партия видела в нас, выходцах из страны «реального социализма», будущее пополнение редееющих партийных кадров. Тех, кто помогут дряхлеющей «старой гвардии» высоко держать партийное знамя. Как же глубоко мы все их разочаровали...

Прошло всего несколько месяцев, и лидеры рабочего движения поняли, что из России приезжают враги тех идеалов, которым они преданно служили всю свою жизнь. И тогда на самых верхах интерес к репатриации из СССР резко снизился. «Зачем нам нужны избиратели Ликуда?» – стали поговаривать в партийных кулуарах. И хотя открыто против репатриации не посмел выступить никто, ее стали притормаживать.

Но все это было потом. У нас же на съезде выступили министр абсорбции Натан Пелед и Шимон Перес, занимавший в то время, как мне помнится, пост министра жилищного строительства. Пересу тогда не было и пятидесяти. Еще молодой, полный энергии, он произвел неплохое впечатление. Тем более, что речь его была посвящена хроническому неврозу в израильско-арабских отношениях. Кое-что из его выступления врезалось в память.

«По долгу службы, – говорил Перес, – мне пришлось неоднократно беседовать с палестинскими общественными деятелями. Одному из них я долго пытался доказать, что евреи имеют право на эту землю. Я говорил об исходе из Египта, о том, что две тысячи лет назад здесь жили и создали великую цивилизацию мои предки. Мой собеседник молча слушал. Потом спросил: “Ну, а когда твои предки пришли сюда из Египта, здесь

жили люди?” “Да, – ответил я, – ханаанские племена”. “Ну так вот, – усмехнулся он, – это были мои предки”. Я понял, что спорить бесполезно».

Закончив выступление, Перес сошел с трибуны, и отрывисто пожимал руки тем, в ком видел своих потенциальных избирателей. Мы попросили популярного министра дать интервью для первого номера «Ами». «Позвоните в мою канцелярию, и вам назначат время», – любезно ответил Перес. Мы звонили, но он то был очень занят, то находился за границей. Выступлением в Огало, по-видимому, и закончилась его роль в абсорбции.

***

Надо было издавать первый номер. Деньги, естественно, достал Боря. Мы даже получили комнатку для редколлегии в университетском комплексе в Гиват-Рам. Шансы нашей «фирмы» тогда еще котировались. Репатриант шел плотным косяком. Университетская библиотека даже выделила средства для пополнения своего русского фонда. Левин, забредя однажды в читальный зал, с удивлением увидел сваленные кучей в углу тома со знаменитым золотым обрезом. Брокгауз. Энциклопедия, ставшая похоронной мелодией раздавленной революцией культуры.

«Мы, – разъяснил библиотекарь, – получили новую советскую энциклопедию и списали старую». «И можно это забрать?», – дрогнувшим голосом спросил Левин. «Сделайте одолжение», – сказал библиотекарь. Левин подарил мне выброшенного Брокгауза. Он и сегодня стоит на моих полках.

Первый номер мы сварганили на обычной пишущей машинке. Распространением его занимался Мирон Гордон, впоследствии дипломат, посол Израиля в Польше, а тогда – студент, усердно штудирующий политические науки, и воспитатель умственно-отсталых детей. Неплохая школа для работы в нашем МИДе. Позже, в бытность свою в Москве, Мирон встречался с Ерофеевым, и подарил ему третий номер «Ами», который у Венички тут же бессовестно позаимствовали.

***

Ассоциация наша тем временем фактически прекратила существование. Все разбрелось кто куда и занялись своими делами. Остался один Боря. Но он не унывал. Это он свел нас с членом исполкома Всеобщей федерации трудящихся хавером Сеней Каценельсоном. В Сене не было ни одного острого угла. Весь он состоял из приятных глазу овальных линий. Небольшой животик – признак довольства. Простая расстегнутая рубашка, подчеркивавшая пролетарское происхождение. Добродушное круглое лицо, внушающее доверие. Сносный русский, сохраненный из уважения к стране победившего социализма. Он долго отечески беседовал с нами, все время подчеркивая, какие большие надежды связывает с русской алией Гистадрут и лично хавер Бен-Аарон.

Как я уже говорил, кончилось все это тем, что вождь профсоюзов выписал нам чек. Сеня, желая произвести хорошее впечатление, даже не потребовал на предварительную цензуру публикуемые в журнале материалы. Очень скоро ему пришлось горько пожалеть об этом. Он позвонил нам вскоре после выхода второго номера. Его голос дрожал от обиды: «Забудьте к нам дорогу. Ваш журнал не только антисоветский, но и антисоциалистический. Вы популяризируете Жаботинского и этого реакционера Марголина. И вы даже не сочли нужным поблагодарить хавера Бен-Аарона». Мы удрученно молчали. Да и что можно было сказать?

***

Вскоре после выхода второго номера нас вызвали в русский отдел МИДа.

«Нехемия», – представился пожилой, крепкий еще человек с военной выправкой, энергично пожимая нам руки. «Яка», – произнес второй, мужчина лет пятидесяти с живыми глазами, поднимаясь навстречу. Состоялся откровенный разговор. Нехемия говорил о том, какое огромное значение имеет для Израиля репатриация из СССР – плод закулисных контактов, тайных переговоров и усилий русского отдела МИДа. Мы, дескать, даже не представляем, какие влиятельные факторы были задействованы с целью убедить кремлевские власти, что репатриация евреев не является процессом политическим и не вызвана отрицательным отношением к советскому строю. Пробитая в железном занавесе брешь может ведь и затянуться. Поэтому МИД против того, чтобы прибывшие на историческую родину евреи афишировали свой антисоветизм. Вот почему издание в Израиле такого журнала, да еще в качестве органа студенческой ассоциации выходцев из СССР, крайне нежелательно. Тут Нехемия положил руку на лежащий на столе второй номер.

Наш ответ свелся к тому, что если в Израиле есть закон, запрещающий издание русскоязычного журнала без разрешения русского отдела МИДа, то мы, разумеется, уголовными преступниками не станем. Ну, а если такого закона нет, то уж не обессудьте. «Такого закона нет», – сказал Яка и усмехнулся. В глазах же у обоих читалось: «Слишком уж вы прытки, голубчики».

И после второго номера наступил длительный антракт.

***

Прошло больше года. Боря Геккер исчез из нашей жизни – кажется, уже водил такси в Нью-Йорке. Организация «Рога и копыта» давно прекратила свое существование. Два первых номера «Ами» стали библиографической редкостью. Мы, сделав несколько безуспешных попыток раздобыть средства для продолжения дела, которое нам, в общем-то, нравилось, разбрелись в стороны. Левин делал докторат. У меня были свои заботы.

Однажды Левин привел ко мне незнакомого парня с огненно-рыжей шевелюрой. Ни высокий, ни низкий, ни худой, ни полный, он произвел впечатление честолюбца, чувствующего себя выше занимаемого положения, но сомневающегося, признают ли это другие. «Фима Цал», – сказал он, протянув вялую руку.

«Ставь бутылку», – сказал Левин. – Фима издаст третий номер».

Оказывается, Фима, решившийся на политическую карьеру, вступил в Независимую либеральную партию, к тому времени агонизировавшую. Дело в том, что независимые либералы представляли собой осколок когда-то влиятельного политического движения. В движении произошел раскол. Большая часть партийного руководства вступила в коалиционный блок с Херутом, признав Бегина своим вождем, и забрав с собой партийную кассу. «Меньшевики», не подчинившиеся воле большинства, отказались свернуть независимое партийное знамя. Но они потеряли и избирателей, и источники финансирования. Дни независимых либералов были сочтены, и в массовом исходе евреев из СССР они видели чуть ли не единственную свою надежду. Фима обещал им голоса «русских» избирателей и даже целый журнал. Забегая вперед, отмечу, что ни Фима, ни третий номер, ни даже сам Веничка их не спасли.

Но деньги они дали, и мы стали готовить третий номер. Вскоре он, в принципе, был готов. Не хватало лишь ударного материала.

«Обратитесь к Цукерману», – посоветовал нам Юлиус Телесие, написавший для третьего номера статью «Владимир Гершуни – мастер палиндромона». Юлиус, как орден почетного легиона носивший в Москве титул «принца самиздатского», был ментором журнала.

Мы знали, что Борис Исаакович Цукерман считался видной фигурой в правозащитном движении. Свою задачу он видел в том, чтобы заставлять советские власти выполнять

собственные законы. Помню, как поразил нас его памфлет, распространявшийся в самиздате после вторжения в Чехословакию. Борис Исаакович, с издевательским добродушием изложив все советские аргументы – «братская помощь», «интернациональный долг», «нерушимое единство соцлагеря» и т.д., – задал вопрос: в чем же повинен Советский Союз с точки зрения международных правовых норм? И пришел к выводу: в массовом нелегальном переходе чуждой границы.

***

И вот мы у Бориса Исааковича. Хозяин, сгорбившись, восседает в кресле, немногословен и неразговорчив. Мы сбивчиво объясняем цель нашего визита, но даже не ведаем, прорываются ли наши слова сквозь вакуум, надежно ограждающий его от внешнего мира. Лицо грустное, непроницаемое и словно навсегда обиженное. Становится ясно, что он, понимая все несовершенство человеческой природы, давно не ждет от общения с людьми ничего хорошего.

Мы кончили. Борис Исаакович долго молчит. Потом тихо спрашивает: «Какова программа вашего журнала?» Мы забормотали что-то о взаимодействии культур.

«Да», – сказал Борис Исаакович и надолго умолк. Минут через пять хозяин нарушил гнетущую уже тишину: «Знаете, я вот приобрел проигрыватель с особым адаптером. Сам кое-что сконструировал. Чистота звука изумительная». Он подходит к полкам и медленно, словно священнодействуя, ставит пластинку. Звучит музыка, вздымаясь и нарастая, как в исполнении соборного органа.

Действительно здорово. И мы даже не замечаем исчезновения хозяина. А он уже возвращается с пачкой глянцевой бумаги. Сфотографированные страницы уменьшенного объема. Строчки сбились в кучу, как овцы. «Ну и будет же работка у машинистки», – мелькает мысль.

Это он, Веничка.

Сказочная удача, как миллионный выигрыш в лотерею.

А музыка продолжает звучать...

Дальнейшее – дело техники. Две машинистки перепечатали Веничку. Перед самым выходом третьего номера меня забрали на сборы, а Левин сдавал экзамен. Наши тогдашние жены Илана и Наташа заклеили последние ошибки и отнесли готовый макет журнала в типографию.

***

Мой товарищ Владимир Гершович, друг всех известных правозащитников, в дни далекой молодости и сам игравший в опасные те игры, сказал мне много лет спустя:

«А ты знаешь, старичок, что вы издали единственный уцелевший экземпляр Венички? Я сверял потом. Все последующие публикации “Москва-Петушки” – и на Западе, и в России – базируются на вашем тексте. Даже опечатки – и те ваши... К тому же все самиздатские копии имели предваряющую текст страницу с эпиграфом из “корифея всех наук”: “Эта штука посильнее, чем “Фауст” Гете”. В вашем экземпляре эта страница была, к сожалению, утрачена. Поэтому веничкино творение так и осталось без эпиграфа».

«А куда же подевался весь самиздатский Веничка?» – поинтересовался я.

«Сгорел, – удивился такой наивности Гершович. – Тогда за самиздат уже сажали. Правозащитники сжигали весь криминал...»

Меня самого грязно-бурое пятно на паркете уличало в простительной, впрочем, человеческой слабости. Гебисты расхохотались, придя ко мне с обыском. Уж они-то в миг поняли генезис этого пятна... И вообще год был тяжелый. 1969-й. Шли обыски, аресты. Много изымалось на шмонах. Самиздат, существовавший, в основном, на

папиросной бумаге, сберець было непросто. Да и кто думал тогда о сохранении культурных ценностей? В догутенберговский период погибли манускрипты величайших историков и мыслителей древности по той же причине. Не умели хранить...»

В 1977-м году Гершович даже послал Венедикту Ерофееву вызов в Израиль. После того, как получил он из Москвы письмо от своего приятеля Владимира Гусарова – одного из первых публицистов самиздата, личности тоже легендарной, автора нашумевшей книги «Мой папа убил Михоэlsa». Письмо с приложенной фотографией Венедикта кончалось адресом местожительства Венички.

Правила игры не оставляли сомнений. Ерофееву нужен был вызов, и Гершович это устроил. Но Веничка как раз женился. Ну и – ребенок, тот самый, который в Петушках... Короче, Ерофеев никуда не поехал...

Вот, впрочем, представляющий для нас интерес фрагмент из этого письма:

«P. S. 1/3/77. Вчера весь день у меня был Веня, высокий, красивый, даже элегантный мужчина 38 лет. Мальчик, которого он упоминает (в своей поэме. – В. Ф.), учится в четвертом классе, круглый отличник, каким, вероятно, был и сам, пока все не забросил, но я не расспросил его, потому что сам тараторил, а он немногословен. Когда приведший его, увидев третью бутылку на столе, спросил, не делает ли он преступление перед литературой, Веня заметил: “Сегодня необходимо выпить – понедельник”. И – ко мне: “Покажите вашу любимую книгу”.

Я ответил, что здесь только то, что не принимает ни один букинистический магазин, а Веня сказал, что Тютчева никогда не продаст, даже если останется без брюк. И брюки, и пиджак на нем весьма свежие и элегантные. Я ожидал увидеть деклассированного типа со странностями, но ничего подобного, если не считать, что он все время пил и курил, и, как мне казалось, оставался трезвым. Часов в 10-11 он уехал в троллейбусе на Флотскую 17, кв. 78, на свой 13-й этаж...»

***

Ну а мы сразу ощутили пустоту. Что-то невозвратное ушло из нашей жизни. Но Ерофеева с тех пор из виду не теряли. Он был рад, что его книга вышла в Израиле. Известному нашему поэту, посетившему его, уже неизлечимо больного, подарил Ерофеев свою фотографию с надписью: «Михаилу Генделеву, гражданину благороднейшего государства».

И вот, перед смертью, сотворил Ерофеев статью, настолько жидоедскую, что у получившего ее редактора «Континента» руки опустились. Тем более, что предсмертная воля автора обязывала всенепременно печатать.

Мне думается, что метаморфоза эта вызвана далеко неоднозначным отношением Ерофеева к роли евреев в русской культуре. Ерофеев видел в евреях неотторжимую часть российской интеллигенции, готовую разделить ее судьбу, – пусть даже самую трагическую. Потому и воспринял он с таким болезненным надрывом еврейский исход из России. Известно ведь, кто бежит с тонущего корабля. Впрочем, юдофобский срыв Ерофеева произошел, когда смертельная болезнь уже не позволяла ему контролировать темные силы, заключенные в подспудных глубинах каждого из нас, и проявляющиеся вдруг самым неожиданным образом.

В «Вальпургиевой ночи» Россия – это сумасшедший дом, обитатели которого гибнут, отравленные, – без злого, впрочем, умысла, – главным героем, евреем Гуревичем, погибающим вслед за хором под сапогами остервенелого надзирателя.

Гуревич настолько по-человечески привлекателен, что Ерофеева никто и не помыслил обвинять в антисемитизме. Как в эсхиловом «Эдипе», в основе ерофеевской трагедии – вечная идея о неотвратимости судьбы и неизбежности возмездия.

«Вальпургиева ночь» с большим успехом шла в Израиле.

Поэма же Веничкина, переведенная на иврит Нили Мирской, долго возглавляла у нас список бестселлеров. Ставить «Москва – Петушки» собрался израильский Камерный театр. Так что в Израиле никакого невроза относительно Венички не существует. Говоря словами известного анекдота, вопрос об его антисемитизме «не стоит и стоять никогда не будет».

***

Я же, когда беру в руки ерофеевскую поэму, вижу кромешную ночь, разрываемую звуками одиноко бредущего куда-то пьяного саксофона, и «полную печали высокую-высокую луну».

**Лицо журнала – лицо эпохи:
Обложки журналов конца XIX – первой четверти XX века**

Полезные ссылки ...

1. <http://starieknigi.info> – архивный сайт, представляет собой богатое собрание отсканированных изданий: книг, журналов и пр. Библиотека охватывает период до конца XVIII века. Из XIX века выкладываются преимущественно книги по военной и морской тематике, некоторые по статистике, и описания неевропейских стран. Впрочем, эти ограничения достаточно условны, хотя бы потому, что даже исторические исследования зачастую захватывают разные эпохи, а этнография и филология к временным рамкам привязываются довольно условно. Приводится список журналов 18-19 века с возможностью ознакомиться с их содержанием.
2. <http://magazines.russ.ru/>-"Журнальный зал" (ЖЗ) является некоммерческим литературным интернет-проектом, представляющим деятельность русских толстых литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом. ЖЗ создавался в 1995-96 годах, как своеобразная интернет-федерация нескольких толстых литературных журналов, договорившихся выставляться в Сети вместе. В процессе работы ЖЗ определилась концепция сайта - представление феномена русской толсто-журнальной литературы в сегодняшнем ее состоянии как явления, прежде всего, эстетического. На практике это означало, что ЖЗ, пополняя свой состав, не может включать в свой состав журналов узкоспециальных, общественно-

политических и собственно, политических, а также избегает журналов с откровенно низким художественным уровнем, журналов только образовавшихся, а также же журналов, политика которых строится исключительно на идеологической остроте. Ну и, разумеется, ЖЗ не имеет дела с изданиями, материалы которых могут содержать пропаганду войны, насилия, религиозной, расовой и национальной нетерпимости.

3. <http://library.sgu.ru/> - сайт, посвященный журналам серебряного века. На этом ресурсе размещены великолепные иллюстрации из журналов того времени, сопровождающиеся содержательными комментариями.
4. <http://imwerden.de/> - электронная библиотека, в ней вы сможете найти полные архивы отдельных журналов 18-нач.20 века. Кроме того, пройдясь по ее каталогу вы найдете множество интересных и полезных материалов.
5. <http://oldgazette.ru/> - на этом ресурсе собраны архивы большинства ведущих газет и журналов советского периода.
6. <http://sites.google.com> - сайт посвящается периодическим изданиям СССР и всему интересному, что мы читали в нашем детстве.
7. <http://www.emigrantica.ru> – свободный каталог периодики русского зарубежья
8. <http://www.svoboda.org> - Проекты Ивана Толстого по русскому зарубежью на радио «Свобода»
9. www.librarium.fr - Сайт-архив эмигрантской прессы «Librarium»
10. <http://yumorzhurnal.ucoz.org> - Здесь найдете множество интересных фактов из жизни писателей XIX века 80-х гг., познакомитесь с историей создания главных юмористических журналов того времени, а также сможете просмотреть онлайн журналы.
11. <http://sobralio.net/humor> - Коллекция старых юмористических журналов
12. <http://injournal.ru> – «найди свой журнал в мире прессы» - таков девиз этого сайта. Но кроме своего журнала вы можете найти здесь массу справочной информации о периодических изданиях, выходящих и выходивших как в России, так и зарубежом.
13. <http://medien.ru/zhurnaly> - каталоги и подборки ссылок, журналы и периодика, газеты и журналы онлайн - ссылки на официальные сайты, бизнес-журналы, иностранные журналы, компьютерные журналы, лингвистические журналы - на портале Filologia.su, литературные журналы, медицинские газеты и журналы - на портале Nauki-Online.ru, научные журналы, журналы по науковедению, педагогические газеты и журналы, развлекательные журналы, журналы по филологии и лингвистике - на портале Filologia.su, экологические журналы, экономические журналы, юридические журналы, журналистика - подписка на газеты и журналы
14. <http://journalist-virt.ru> – журнал о журналистике

...и нужные книги

Библиография по периодике России до Октябрьской революции

1. Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России 1901-1916 (Том 1-4). – Л., 1958
2. Грабельников А. А., Минаева О. Д., История русской периодической печати (1703-2003). Т.1 Библиографический справочник (Серия "Практическая журналистика")
3. Корнилова К. Рекламно-справочные издания в истории российской журналистики
- 4.

Библиография по российской периодике советского и современного периода

1. Грабельников А.А. Система средств массовой информации: Библиографический справочник. – М., 2009
2. Грабельников А. А., Минаева О. Д., История русской периодической печати (1703-2003). Т.1 Библиографический справочник (Серия "Практическая журналистика"). – М., 2010
3. Корнилова К. Рекламно-справочные издания в истории российской журналистики. – М., 2010
4. Журналисты России. XX-XXI. Энциклопедия. – М, 2013
5. Волкова В.В. Теория и практика массовой информации, 2006
6. Сизова Л.В. В печати
7. Зверева Е.А. Современные российские журналы: тенденции и стратегии развития
8. Лисеев Р.П. Теория и практика сми
9. СТРОЕНИЕ 3. Аппарат ориентирования читателя в периодическом издании: строение, задачи, уровни функционирования, 2009
10. Вырковский А.В. Сравнительный анализ моделей деловых журналов США и России
11. ТУЛУПОВ В.В. Рецензенты: доктор филологических наук, проф. Стернин И.А., канд. филол. наук, доцент Гордеев Ю.А.
12. Абаева Ж.С. Секция XVI. Проблемы анализа языка сми
13. Казак В. Лексикон русской литературы XX века. — М.: РИК «Культура», 1996.

Библиография по периодике русского зарубежья

1. Скарлыгина Е. Ю. журналистика русской эмиграции: 1960-1980-е годы. – М, 2010
2. Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции. Т.3. Россия в Америке. М., 2001
3. Чупринин С. Зарубежье: русская литература сегодня. – М., 2008
4. Чупринин С. Малая литературная энциклопедия. – М., 2009
5. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. – Париж – М., 1996
6. Ермичев А.А. Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.). – СПб, Изд-во РХГА, 2012.
7. Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире: 1918–1939 гг.: Справочник. – СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1998.
8. Кудрявцев В. Б. Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья, 1918-1941 : опыт расширенного справочника : в 2 ч. / В. Б. Кудрявцев ; Российская акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). - Москва : Русский путь, 2011. - Ч. 1: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать. - 2011.
9. Летопись русских зарубежных периодических изданий / Сост. Р. Полчанинов. – New York: New Hyde Park, 1981.
10. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае) : Библиография (Список кн. и публ. в период. изд.) / Сост. Дiao Шаохуа. - Харбин : Бейфан Вен-и, 2001.
11. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). / Гл. ред. А.Н. Николюкин; Редкол.: Н.А. Богомоллов и др. Т. 2. Периодика и литературные центры. Ч. I–III. – М.: ИНИОН, 1996–1998
12. Магеровский Л.Ф. Библиография газетного собрания Русского Заграничного Исторического Архива за годы 1917–1921 / Под ред. Я. Прокеша. – Прага: Министерство внутренних дел, 1939. – 128 с.; – то же: New York: Norman Ross Publishers, 1994. – VIII, 127 с.

13. Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий Российского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1990) / ГПИБ, ГБЛ. Сост. И.Е. Березовская и др.; Ред.-сост. М.А. Овсянникова. – М.: ГПИБ, 1991. – 87 с.
14. Мельникова Н.А. Библиография русских периодических изданий и книг в Австралии. – Сидней: Австралиада, 1997. – 40 с.
15. Периодические издания анархистов в России и в эмиграции. 1900–1916 / Составил А.В. Дубовик // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. http://socialist.memo.ru/books/biblio/periodika_do_1917.htm
16. Периодические издания русской эмиграции в Белграде // Русский Белград / Сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 257–272. [список изданий 1920–1940 гг.]
17. Печатные издания харбинской россики: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году / Автор-составитель Н.А. Соловьева. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 128 с.
18. По страницам изданий русского зарубежья: Библиография библиографий / Публ. подгот. Иванова И.И. // Из глубины времен. СПб., 1993. Вып. 2. С. 188–192.
19. Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета / Пер. с англ., предисл. и науч. ред. А.А. Хисамутдинова. – М.: Пашков дом, 2002. – 204 с., ил.
20. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции, 1918–1945. Библиография: Из каталога библиотеки Русского Заграничного Исторического Архива в Праге: В 2 т. / Сост. С.П. Постников; Под ред. С.Г. Блинова; Introduction by E. Kasinec, R.H. Davis, Jr. – New York: Norman Ross Publishing Inc., 1993.
21. Т. 1: Книги и брошюры русской эмиграции, 1918–1945. – XIX, 1–256 с. Т. 2: Периодика русской эмиграции, 1918–1945. – 257–526 с.
22. Полотовская И.Л. Материалы для библиографии информационных ресурсов русского зарубежья / ИКЦ «Русская эмиграция». – СПб.: Нестор, 2002. – 60 с.
23. Русская католическая периодическая печать XX века: Каталог ВГБИЛ / Сост. А.В. Юдин. – М.: Рудомино; Брюссель: Жизнь с Богом, 1992. – 48 с.
24. Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1920–1980: Сводный указатель статей = L'emigration russe: revues et recueils: 1920–1980: Index general des articles / Под ред. Т.Л. Гладковой и Т.А. Осоргиной. Пред. М. Раева. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1988. – 661 с. – (Bibliotheque russe de L'Institut d'etudes slaves. Т. LXXXI).
25. Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1981–1995: Сводный указатель статей = L'emigration russe: revues et recueils: 1981–1995: Index general des articles / Под ред. Т.Л. Гладковой и Т.А. Осоргиной. Пред. М. Раева. – М.: РОССПЭН, 2005. – XII, 348 с. – (Bibliotheque russe de L'Institut d'etudes slaves. Т. LXXX/2).
26. Русское зарубежье, 1917–1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива. [Вып. 1] / Сост. Г.А. Толстых. Российский международный фонд культуры; Дом-музей Марины Цветаевой. – М., 1992. – 206 с.
27. Русское зарубежье. 1917–1994. Каталог изданий из фондов Архива Русского Зарубежья. Вып. 2 / Сост. Г.А. Толстых. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. – 240 с.

28. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / По общ. ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1996. – 742 с.
29. Русское зарубежье: Каталог изданий, поступивших в Российскую национальную библиотеку в 1931–1993 гг. / Сост. Т.И. Адрианова и др. – СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1997. – Вып. 1. – 240 с.
30. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / Сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 464 с.
31. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1992 гг.) / Сост. Э. Алексеева и др. – СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1993; – 142 с.; – 2-е изд., испр. и доп.: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995 гг.) / Сост. Г.В. Михеева и др. – СПб. Издательство Российской национальной библиотеки, 1996. – 200 с.
32. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995 гг.). Дополнения и новые поступления за 1996–1999 гг. / Науч. ред. Г.В. Михеева. – СПб. Издательство Российской национальной библиотеки, 2001. – 96 с.
33. Тюнин М. С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках: В 2 вып. – Харбин, 1927–1936.
34. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. / Институт по изучению истории и культуры СССР. – Мюнхен, 1953. – 165 с. – (Исследования и материалы. 6).
35. Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с., ил.
36. Шатов М. Библиографический указатель русской печати за рубежом // Мосты. 1959. № 3; 1961. № 6; 1962. № 8.
37. Шатов М. Библиография Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). – Нью-Йорк, 1961. – XV, 208 с. – (Труды архива РОА, хранящиеся в Колумбийском университете; Т. 1).
38. Штейн Э. Журналы и газеты лагерей «Ди-Пи», находящиеся в собрании Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) // Штейн Э. Русская печать лагерей «Ди-Пи». Orange: Antiquary, 1993. С. 118–131.
39. Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры, периодика, взаимосвязи (1918–1940). – М.: Совпадение, 2005. – 235 с., ил.
40. Азаров Ю.А. Русская литературная эмиграция в США 1920–1930-х гг.: (По материалам периодических изданий) // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2000. № 3. С. 83–97.
41. Азаров Ю.А. Русская периодическая печать в Финляндии // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. / Под ред. М.В. Михайловой, Т.П. Буслаковой, Е.А. Ивановой. М., 2000. Вып. 1. С. 236–257.
42. Алексеенко М.И. Русская молодежная печать в Маньчжурии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. С. 228–232.

43. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб.: СПбГУКИ, 2004. – 430 с.; – 2 изд., испр. и дополн.: СПб.: СПбГУКИ, 2008. – 468 с.
URL : <http://elibrary.spbguki.ru/593035> (30.10.2014)
44. Базанов, П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.) / П.Н. Базанов ; СПбГУКИ ; ред. И.А. Шомракова. - 2-е изд., испр. и доп. - Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2008. - 467 с.
URL : <http://elibrary.spbguki.ru/1344>
45. Базанов П.Н. Издательства и периодика «Ди-Пи» // Книга. Культура. Читатель. – СПб., 1998. С. 135–143.
46. Базанов П. Н. Русское национальное книгоиздательство “Медный всадник” // Золотая палитра. – М., 2013. - №1 (8). - С. 54-57.
URL : <http://www.zolotayapalitra.ru/Article/139> (30.10.2014)
47. Байбатырова Н.М. Модели развития изданий русского зарубежья в Европе во второй половине XX века // Журналистский ежегодник. – Томск, 2013. - №2.
URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/modeli-razvitiya-izdaniy-russkogo-zarubezhya-v-evrope-vo-vtoroy-polovine-xx-veka> (дата обращения: 24.09.2014).
48. Блюм Арлен. Зарубежная русско-еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры (по материалам «Секретного бюллетеня Главлита» за 1923 г.) // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. II: 1919–1939 гг. / Составитель и издатель Михаил Пархомовский. Иерусалим, 1993. С. 240–246.
49. Блюм Арлен. Печать Русского Зарубежья глазами Главлита и ГПУ // Новый журнал. 1991. № 183. С. 264–282.
50. Вишнякова Н.В. Русская эмигрантская печать в США (1868–1917) // Страницы истории книжной культуры. – Новосибирск, 1999. С. 179–206.
51. Васильев В.В. Казачьи журналы // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918-1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 188–203.
52. Вацек Йиржи, Бабка Лукаш. Голоса изгнанников. Периодическая печать эмиграции из советской России (1918–1945) / Пер. с чешского И. Золотарев, А. Хлебина. – Прага: Русская традиция, 2009. – 125 с.
53. Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. – М.: Пашков дом, 2008. – 552 с.
54. «Гармония кисти и слова: художественная династия Арнштамов в книжной графике русского зарубежья» - выставка в Доме русского зарубежья имени А.Солженицына // Золотая палитра. – М., 2013. - №1 (8). - С.66-67.
URL : <http://www.zolotayapalitra.ru/Article/139> (30.10.2014)
55. Горбунова А.И. Литературно-критическая деятельность Н.М. Бахтина в периодических изданиях «русского Парижа» 1920-х гг. // Гуманитарные исследования: теория и реальность. Саранск, 2005. С. 148–150.
56. Гурко-Кряжина Е.В. Источниковая база изучения культурной и общественной жизни русского зарубежья: Русскоязычная периодика Словакии и Подкарпатской Руси 1919–1944 гг. Вопросы библиографирования // Вестник архивиста. 2006. № 6. С. 285–295.
57. Динерштейн Е.А. Советская власть и эмигрантская печать (20-е годы) // Книга: Исследования и материалы. М., 2001. Сб. 79. С. 197–228.

58. Домнин И.В. Военная периодика Русского Зарубежья как часть его культурного наследия // Роль Русского Зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Сб. ст. М., 1993. С. 61–65.
59. Домнин И.В. Источниковая база изучения жизни и творчества воинства Русского Зарубежья: военная периодика // Проблемы зарубежной архивной России. М., 1997. С. 142–149.
60. Досталь М.Ю. Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья: (Чехословацкий славистский центр) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 38–52.
61. Дьяков В.А. «Русская идея» в эмигрантских изданиях 1920–1968 годов // Славяноведение. 1995. № 4. С. 3–16.
62. Дымова М. Г. Издательская деятельность Русской Православной миссии в Канаде и на Аляске: исторические этапы развития // Вестник СПбГУКИ . 2012. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izdatelskaya-deyatelnost-russkoy-pravoslavnoy-missii-v-kanade-i-na-alyaske-istoricheskie-etapy-razvitiya> (дата обращения: 26.09.2014).
63. Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – 494 с. – (Страницы российской истории).
64. Ермичев А.А. Русская философия и общественная мысль на страницах эмигрантских журналов // Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб., 1997. Вып. 9. С. 229–237.
65. Ермичев А.А. Философская и общественная жизнь в журналах русского зарубежья // Вестник Русского христианского гуманитарного института. СПб., 1999. № 3. С. 325–343.
66. Жирков Г.В. Культура и журналистика Русского зарубежья 20–40-х гг. // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сборник статей / Ответ. ред. В.Ю. Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin, Европейский Дом, 2000. С. 246–249.
67. Жирков Г.В. Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920–1940 годы): Учебное пособие. – СПб.: ИГУП, 1998. – 208 с. – (Библиотека гуманитарного университета)
68. Жирков Г.В. Проблемы исследования истории журналистики русского зарубежья // Журналистика на пороге XXI века: исторический опыт, современное развитие. – Владикавказ, 1997. Вып. 2. С. 43–67.
69. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: Учебное пособие / А.Ф. Бережной, Н.Л. Волковский, Л.П. Громова и др. Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 320 с.
70. Зимина В.Д. Эмигрантская казачья пресса 20–30-х годов как исторический источник // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. – Тверь, 1992. С. 70–80.
71. Иванов А.С. Однодневные газеты (1918–1940) // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 288–294.
72. Ивоницкая Л.А. Периодическая печать эмиграции как источник по истории российского зарубежья // Из истории российской эмиграции: Сб. науч. ст. – СПб.: Третья Россия, 1992. – С. 58–62.

73. Карасик В. Русско-еврейская периодика Великобритании // Русские евреи в Великобритании / Русское еврейство в зарубежье. Том II (VII). / Редакторы-составители М. Пархомовский, А. Рогачевский. – Иерусалим, 2000. С. 273–290.
74. Карасик В. Русско-еврейская периодика Франции: 1904-1947 // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Книга 2 / Русское еврейство в зарубежье. Том 4 (9). / Составитель, редактор и издатель М. Пархомовский; Научный редактор и сосоставитель Д. Гузевич. – Иерусалим, 2002. С. 111–128.
75. Карпов С.В. Послевоенная печать российской эмиграции в «холодной войне» // Книга. Культура. Общество: Сборник научных трудов по материалам 12-х Смирдинских чтений / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусства; Науч. ред. И.А. Шомракова. Т. 154. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. С. 220–227.
76. Карпов С.В. Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза // Зарубежная Россия 1917–1939 гг.: Сборник статей / Ответ. ред. В.Ю. Черняев. – СПб.: Suomin Pietarin, Европейский Дом, 2000. С. 108–113.
77. Кашеваров, А. Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: очерки истории / С.-Петерб. гос. ун-т, Фак. журналистики, Каф. истории журналистики. – СПб. : Роза мира, 2004. - 162 с.
78. Кисилева Г.Б. Критико-библиографическая информация на страницах русскоязычных периодических изданий Чехословакии (1920–1939 гг.) // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. М., 1999. С. 161–169.
79. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: Печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–10.
80. Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / Харьковский государственный педагогический университет им. Г.С. Сковороды. – Харьков: Книжное рекламное агентство «РА», 1998. – 476 с.
81. Краснова Т.И. Структура эмигрантского газетного текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 2. 1999. С. 93–100.
82. Краснова Т.И. Типы эмигрантских газет 1918 года по содержательно-идеологическим признакам: Опыт изучения содержания и формы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 1995. Вып. 2. С. 110–113.
83. Краснова Т.И. Эмигрантский газетный дискурс эпохи революционного кризиса: типы источников известий (1917–1919) // Медиаскоп. 2010. 29 декабря. Вып. 4. URL : <http://www.mediascope.ru/node/697>(26.09.2014)
84. Кублицкая М.А. Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке // Кадетская перекличка. 2007. № 78. С. 136–180.
85. Кустова Л.С. Эмигрантские издания 20–40-х гг. XX в.: образ России // Медиаскоп. 2007. 13 декабря. Вып. 2. URL : <http://www.mediascope.ru/node/74> (26.09.2014)
86. Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я. Новый проект: электронная энциклопедия «Изобразительное искусство и архитектура русского зарубежья» : [содержит статьи о периодических изданиях по искусству] // Золотая палитра. – М., 2011. - №2 (6) URL : <http://www.zolotayapalitra.ru/Article/106> (30.10.2014)
87. Леонидов В.В. Альманахи // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 9–20.

88. Лукшич Ирена. Белградская периодика русской эмиграции: взгляд из Загреба // Новый журнал. 2010. № 260.
89. Лысенко А.В. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. – М.: Русская книга, 2000. – 368 с.
90. Лысенко А.В. Зарождение берлинской русскоязычной прессы в первые послереволюционные годы // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. М., 1999. № 1. С. 6–16.
91. Лысенко А.В. Трансформация образа России в русскоязычной прессе Берлина 20-х годов (Период введения нэпа в России) // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 1999. № 5. С. 22–34.
92. Магеровский Л.Ф. Русские газеты революции, гражданской войны и эмиграции // Славянская книга (Прага). 1925. № 9. С. 147–151.
93. Маглова М.Б. Эмигрантская либеральная печать о новой экономической политике 1921–1928 годов: (По материалам Пражской колонии). Автореферат диссертации... канд. ист. наук / Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова. – М., 1995. – 22 с.
94. Мелихов Г.В. Русская эмигрантская печать как источник по истории адаптации эмигрантов в Китае // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997. С. 96–105.
95. Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.
96. Михалев Н.М. Русская эмигрантская периодика как инструмент формирования мирового общественного мнения // Медиаскоп. 2009. 10 июля. Вып. 3. <http://www.mediascope.ru/node/442>
97. Михалев Н.М. Советская Россия в публицистике эмигрантских изданий в 1920 гг. // Медиаскоп. 2009. 28 сентября. Вып. 3. <http://www.mediascope.ru/node/445>
98. Михалев Н.М. Фашистская идеология в печати русского зарубежья // Медиаскоп. 2009. 1 сентября. Вып. 3. <http://www.mediascope.ru/node/444>
99. Михеева Г.В. «Белая» печать: (Белогвардейские периодические издания как объект библиографирования в 1918–1922 гг.) // Библиография. 1992. № 3/4. С. 109–115.
100. Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России. – М., 2001. – 160 с.
101. Николаев Д.Д. Н.А. Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. – М., 1999. С. 111–147.
102. Окунцов И.К. История русской эмиграции в Северной и Южной Америках. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. – 486 с.
103. Олевская В.В. Зарубежные периодические издания как источник поиска российских документов // Проблемы зарубежной архивной России. М., 1996. С. 67–75.
104. Олегина И.Н. Историческая периодика «Русского Берлина» // Русские в Германии (1914–1933). – 2 е изд., доп. – СПб: Третья Россия, 1996. – С. 51–56.
105. Орлицкий Ю.Б. «Что им Самара?..» [Русская эмигрантская печать начала 20-х годов о Поволжье] // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 94–101.
106. Паламарчук П. Под монаршим стягом: Обзор эмигрантской монархической прессы // Родина. 1993. №1. С. 116–118.
107. Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000: Сборник статей / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М.: ИРИ РАН, 2009. – 346 с.

108. Пименов И.В. Периодическая печать русского зарубежья // Ученые записки / Моск. гос. социал. ун-т М-ва труда и социал. развития РФ. – М., 2000. № 2. С. 164–172.
109. Полчанинов Р.В. Издания «ди-пи» в Нью-Йоркской Публичной библиотеке // Полчанинов Р.В. Заметки коллекционера. London, 1988. С. 232–240.
110. Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья. Воспоминания 1941–1951. – М.: Посев, 2009. – 416 с. – (Серия «Материалы к истории НТС». Вып. 2)
111. Публицистика русского зарубежья (1920–1945): Сб. статей / Сост. И.В. Кузнецов, Е.В. Зеленина. – М.: Союзполиграфпром; Факультет журналистики МГУ, 1999. – 352 с.
112. Пудовкина Ю.Н. Сменовеховские журналы: к истории возникновения // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 1992. № 5. С. 44–52.
113. Путеводитель по русской и русскоязычной периодике в Европе // Зарубин В.В. Из записной книжки. – Мюнхен, 1988. С. 70–100; – то же: Москва. 1991. № 1. С. 198–207.
114. Раев М. Галактика Гутенберга: Издательское дело на чужбине // Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 96–123.
115. Раев М. Периодическая печать эмиграции // Новый журнал. 2003. № 232. С. 205–219.
116. Рожков С., Минкова М. Печатные издания Русского Зарубежья в Болгарии. 1990–2010 // Новый журнал. 2010. № 260.
117. Розенберг В.А. Русская зарубежная периодическая печать // Русская книга за рубежом. – Прага, 1924. С. 133–140.
118. Русев Р.Д. Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943 годы) // Славяноведение (М.). 2001. № 4. С. 83–90.
119. Русская литература в эмиграции: Сборник статей под редакцией Н.П. Полторацкого. – Питтсбург, 1972. – 409 с.
120. Рыжак Н.В. Периодическая печать русского Харбина в крупнейших библиотеках Москвы // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. С. 223–226.
121. Савченко А.И. Пресса российской политической эмиграции в конце XIX–начале XX в.: Дис. ...д-ра ист. наук. – М., 1998.
122. Селезнева Т.В. Д.Д. Бурлюк – редактор-издатель (Период эмиграции: 1920–1967) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. – М.: Наследие, 1994. Кн. 2. С. 441–445.
123. Серков А.И. Русские масонские библиотеки и печатные издания XX века // Тезисы докладов и сообщений конференции по итогам научной работы Российской государственной библиотеки за 1992 г. М., 1993. С. 89–91.
124. Скарлыгина Е.Ю. Журналистика русской эмиграции: 1960–1980-е годы. Учебное пособие. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. – 102 с.
125. Скарлыгина Е.Ю. Русская эмиграция XX века и традиция русского «толстого» литературно-художественного журнала // Медиаскоп. 2008. 13 мая. Вып. 1. <http://www.mediascope.ru/node/72>
126. Скарлыгина Е.Ю. Структура периодики третьей русской эмиграции // Медиаскоп. 2009. 14 января. Вып. 1. <http://www.mediascope.ru/node/264>

127. Соловьева Н.А. Периодические издания русской эмиграции в Харбине // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. – Хабаровск, 1998. С. 226–228.
128. Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: В 2-х кн. – М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2002.
129. Суяров А.В. Печать русского зарубежья (1920–1940): Учебное пособие для студентов факультета журналистики / МГУ. – М., 2005. – 46 с.
130. Толстой И. Курсив эпохи: Литературные заметки. – Спб.: Пушкинский фонд, 1993. – 202 с.
131. Федоров М.В. Эсеровские газеты Ревеля в 1920–1921 гг. // История журналистики русского зарубежья XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 46–49.
132. Флейшман Л. Из истории журналистики Русского зарубежья. Т. 1: В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 357 с.
133. Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. – Paris: YMCA-Press, 1983. – 422 с.
134. Харина Н.А. Эмигрантская журналистика в формировании политического и социального пространства русского Зарубежья: Берлин, 1921–1923 гг.: Диссертация... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 201 с.
135. Хисамутдинов А.А. Детская русская эмигрантская литература в Китае // Библиография. 1999. № 3. С. 145–150.
136. Хисамутдинов А.А. Русская морская зарубежная библиотека // Мир библиографии. 1998. № 6. С. 46–49.
137. Хисамутдинов А.А. Русская печать в Китае: Описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета // Россияне в Азии. 1994. № 1. С. 254–282.
138. Хисамутдинов, А.А. Русское слово в стране иероглифов : к истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов. - Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2006. - 302 с., [28] л. факс.; 24 см. - (Дальневосточное книжное дело).
139. Хотимский К. Русская печать в Австралии // Хотимский К. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957. С. 17–19.
140. Чжао Юнхуа. Русская эмигрантская пресса в Китае в первой половине XX в. // Вопросы истории. 2011. - № 1. - С. 145-149.
141. Шаохуа Диао (Diao Shaohua). Краткий обзор истории русской печати в Харбине. In: Revue des études slaves, Tome 73, fascicule 2-3, 2001. pp. 403-445. url : http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_2001_num_73_2_6723
142. Шинкарук И.С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000.
143. Шинкарук И.С., Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция и ее печать. 1920–1939 гг. – М.: Ипполитов, 2000. – 100 с. – (Серия «Русские без отечества»).
144. Штейн Э. Журналы русского Китая // Знамя. 1990. № 5. С. 231–236.
145. Яковлева Т.А. Далеко ли ушел поезд истории? Евразийская идеология в эмигрантской печати П.Н. Милюкова и П.Б. Струве в 1920-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008. С. 480–484.

146. Яковлева Т.А. Политико-экономическая печать российской эмиграции: к истории создания // Историко-экономический научный журнал (Иркутск–Чита). 1998. № 3. С. 32–36.
147. Яковлева Т.А. Политическая история газет П. Б. Струве, П. Н. Милюкова и А. Ф. Керенского в 20–30-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1995.
148. Яковлева Т.А. Пути возрождения: Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского. – Иркутск: Издательство Иркутской экономической академии, 1996. – 216 с.
149. Казак В. Лексикон русской литературы XX века. — М.: РИК «Культура», 1996.
150. «Зачем нам чужая земля...» Русское литературное зарубежье. Хрестоматия-учебник. Материалы. Идея и предисловие: А.С. Кацев. Сост.: А.С. Кацев, Я.А. Моше, при участии Е.Д. Куприяновой. – Бишкек, 2011. – в книге содержатся подробные справочные материалы о периодических изданиях, выходивших за рубежом.